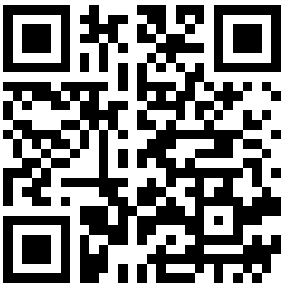
This is a reproduction of a library book that was digitized by Google as part of an ongoing effort to preserve the information in books and make it universally accessible.

Google™ books

https://books.google.com



Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

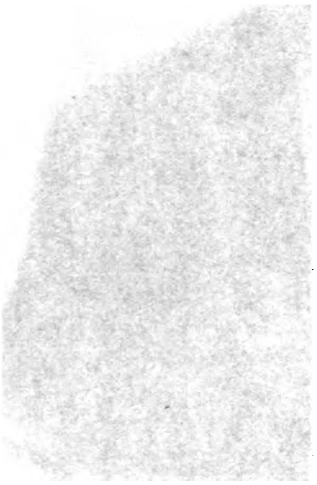
THE PENNSYLVANIA
STATE UNIVERSITY
LIBRARIES

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google

Potanin
=
Tangutsko-Tibetskaia okraina Kitaia i
Tsentralnaia Mongoliia /

ТАНГУТСКО-ТИБЕТСКАЯ

ОКРАИНА КИТАЯ

и

ЦЕНТРАЛЬНАЯ МОНГОЛІЯ

ПУТЕШЕСТВІЕ Г. Н. ПОТАНИНА

1884—1886

Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

съ 3 картами и 42 таблицами фототипій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1893

Digitized by Google

Печатается по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Вице-предсѣдатель *П. Семеновъ.*

25 сентября 1893 г.

Издано подъ наблюденіемъ *Г. Н. Потанина.*

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, П. П. Семенова IX

Часть I. Сѣверная окраина Китая. 1884.

I. Чжи-ли и Шань-си 1

Составъ и задачи экспедиціи. Прибытіе въ Пекинъ. Пекинская равнина. Бао-динъ-фу. Фоу-пинъ. У-тайскіе монастыри. Гора Пей-тай. Долина Ху-то-хэ. Долина Санъ-гань-хэ. Шо-пинъ-фу. Выходъ на гуй-хуа-ченскую равнину.

II. Гуй-хуа-ченская равнина 36

Гуй-хуа-ченъ. Монастыри. Торговое значеніе. Европейскіе путешественники, посѣщавшіе Гуй-хуа-ченъ. Католическая миссія. Могила жены Чингисъ-хана. Снаряженіе въ дальнѣйшій путь. Переходъ къ Желтой рѣкѣ. Городокъ Хэ-коу. Переправа черезъ Желтую рѣку.

III. Восточный Ордосъ 63

Ставка Джунгарскаго князя. Стоянка на озерѣ Чаганъ-норъ. Князь ванъ. Усыпальница Чингисъ-хана. Хошунъ-джасыка. Хошунъ Ушинъ. Развалины Боро-балгасунъ. Озеро Багачикыръ. Флора Ордоса. О сыпучихъ пескахъ въ Ордосѣ.

IV. Ордосскіе монголы 102

Историческія извѣстія объ ордосскихъ поколѣніяхъ. Жилища, одежда, пища. Земледѣліе. Охота. Обряды семейные и общественные. Поминки по Чингисъ-ханѣ.

V. Сѣверная часть Гань-су 137

Отъ Хуа-ма-чена до Линъ-чжоу. Городъ Линъ-чжоу и его оазисъ. Цзинъ-цзи-пу, мѣстный центръ мусульманскаго возстанія. Горная страна по правому берегу Желтой рѣки. Городъ Цзинь-юань. Страна, прилегающая къ лѣвому берегу Желтой рѣки. Городъ Ланъ-чжоу. Отправленіе на зимовку и разставаніе съ товарищами по путешествію. Городъ Хэ-чжоу. Салары. Дондонская тѣснина. Сань-чуань и широнголы.

Часть II. Восточная окраина Тибета. 1885.

I. Долина Си-нинъ-гола 185

Сань-чуань. Климатъ зимой. Весна въ Сань-чуани. Снаряженіе каравана. Выступленіе. Города Гу-ша-и и Чуань-коу. Тѣснина Лау-ва-ся. Лау-ва-ченское расширеніе. Си-нинъ. Представленіе синиискому амбаню. Гумбумъ. Хребетъ, отдѣляющій Си-нинъ-голъ отъ Желтой рѣки. Городъ Гуй-дуй.

Digitized by Google

стран.

II. Амдосское нагорье 220

Долина р. Лончжа-лунвы. Дер. Ртыгри. Плато Рчандза-танъ. Ночлегъ на р. Нурынъджанба. Городъ Боу-нань. Долина р. Ланчжа-лунвы. Плато Ганчжа-танъ. Монастырь Лабранъ. Монастырь Рунвырь. Монастырь Кадигерь. Долина р. Анкуръ. Монастырь Джони. Тангутскій князь Янъ-ту-сы. Долина Тао-хэ. Флора пройденнаго нагорья и окрестностей Джони.

III. Восточный склонъ Тибета 248

Городъ Минъ-чжоу. Я-ли-сань, водораздѣлъ Желтой и Голубой рѣкъ. Долина рѣки Пейшуй. Городъ Си-гу. Перевалъ Чагола. Долина рѣки По-и-хо. Гора Иджушань. Долина рѣки Хэй-хо. Перевалъ Кунгала. Городъ Сунъ-панъ. Долина Ксерцо.

IV. Сы-чуань и южная Гань-су 299

Долина рѣки Пу-цзяна (Хонтона). Родина поэта Ли-тай-пе, городъ Лунъ-аньфу. Мелкогорье между Лунъ-аньфу и рѣчной пристанью Пи-коу. Долина рѣки Бо-шуй. Горы къ сѣверу отъ города Вэнь-сяня. Рѣка Хэй-шуй-цзянъ до города Цзѣ-чжоу. Плоскогорье въ вершинахъ р. Чу-ню-цзяна. Долина верхней Вей-хо. Возвращеніе въ Лань-чжоу. Долина Желтой рѣки между Лань-чжоу и монастыремъ Шя-чунъ. Зимовка въ монастырѣ Гумбумъ.

V. Широнголъ-монголы 342

Районъ и численность племени. Языкъ. Историческія извѣстія и народныя преданія. Жилища. Одежда. Пища. Сухія дрожжи. Земледѣліе. Ткаческій промыселъ. Религіи широнголовъ. Буддизмъ. Шаманство. Обрядъ освященія иконы бога Цзу-ши. Обряды во время грозы и засухи.

Часть III. Центральная Монголія. 1886.

I. Гумбумъ 385

Наше водвореніе въ Гумбумѣ. Сѣверная группа амдосскихъ монастырей. Монашеская братія въ Гумбумѣ. Гумбумскіе праздники. О тангутахъ. Снаряженіе къ походу.

II. Нань-шань 400

Городъ Донкыръ. Нагорье озера Хухунора. Перевалъ Бере-хада. Долина рѣки Да-тунъгола. Перевалъ Бага-рдонсукъ. Долина восточной вершины Едзина (Ѣ-ма-чуань). Уединенный монастырь Па-бао-та-сы. Долина рѣки Бардуна. Крушеніе нашего каравана. Перевалъ Галдзинъ-дабанъ. Долина рѣки Хсана. Шира-ёгуры. Выходъ на монгольскую плоскость.

III. Долина Нижняго Едзина 445

Выходъ на монгольскую плоскость. Большая китайская дорога. Продолжительная стоянка близъ города Гао-тай. Городокъ Чжинъ-та-сы. Долина Едзина или Хэй-хо. Едзинъ-гольскіе торгоуты. Озеро Гашіунъ-норъ. Пустыня. Урочище Кобдо у входа въ Гобійскій Алтай.

IV. Гобійскій Алтай 481

Хребетъ Тосту. Хребетъ Нэмэгэту. Холаи, или продольныя долины гобійскаго Алтая, и уюры. Хабцылъ въ Баинъ-цаганѣ. Долина р. Легъ. Бѣлокъ Ихи-богдо и его базальты. Перевалъ Убтенъ-дабанъ. Берега озера Орокъ-нора. Ботанико-географическое значеніе хань-хая.

V. Хангай 498

Долина рѣки Туй. Хитъ Ламэнъ-гэгэна. Долина р. Урту-Тамира. Озеро Угэй. Хошунъ Барунъ-гуна. Орхонъ; базальты на Орхонѣ. Ставка Дачинъ-вана. Монастырь Амуръ-байсахылынъ. Выходъ на Селенгу. Нижняя переправа черезъ Орхонъ. Кяхта.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Списокъ стоянокъ экспедиціи 1884—1886 годовъ 545

II. Астрономическіе пункты, опредѣленные А. И. Скасси въ Китаѣ, Тибетѣ и Монголіи въ 1884, 1885 и 1886 годахъ 552

Digitized by Google

стран.

III. Барометрическія высоты мѣстъ надъ уровнемъ моря. Вычислены Г. Р. Розенталемъ 554
IV. Списокъ статей, появившихся въ разныхъ изданіяхъ и содержащихъ въ себѣ или обработку собранныхъ путешествіемъ матеріаловъ, или описаніе отдѣльныхъ его эпизодовъ 559
V. Дополненія 562
VI. Примѣчанія А. О. Ивановскаго 564
VII. Замѣтка о приложенныхъ картахъ 568
Указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ I-мъ томѣ I
Предметный указатель къ I-му тому XVI

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

Портреты.

Григорія Николаевича Потанина; фронтисписъ.
Августа Ивановича Скасси; къ стр. XII.
Михаила Михаиловича Березовскаго; къ стр. XIV.
В. П. Сукачева; къ стр. XVI.

Рисунки.

(Съ фотографій А. И. Скасси).

1. Великая стѣна у города Лунь-цюань-гуань; къ стр. 13.
— Общій видъ на У-тай съ юга; къ стр. 15.
На заднемъ планѣ гора Пей-тай; въ центрѣ холмъ съ монастыремъ По-фу-дянь на вершинѣ; на переднемъ склонѣ холма бѣлая башня (Пай-тха); отъ подошвы холма влѣво видна старая заброшенная мостовая.
2. Башня Пай-тха въ У-таѣ; къ стр. 16.
Видъ съ юга.
3. Кумирня Шинъ-тунъ-сы въ У-таѣ; къ стр. 18.
Изъ трехъ видимыхъ кумиренъ средняя мѣдная; на вершинѣ холма видны зданія монастыря По-фу-дянь.
— Кумирня Юнъ-чжао-сы въ У-таѣ; къ стр. 18.
4. Ворота Янъ-мынь-гуань въ Великой стѣнѣ; къ стр. 28.
— Постоялый дворъ въ деревнѣ Нань-инъ-цза; къ стр. 29.
5. Кумирня Сы-танъ въ Гуй-хуа-ченѣ; монументъ, построенный въ честь подвига Пай-чжянъ-чжюня; къ стр. 37.
— Монастырь Та-чжао въ Гуй-хуа-ченѣ; къ стр. 37.
6. Монастырь У-та-сы въ Гуй-хуа-ченѣ; къ стр. 41.
Видъ съ юга.
— Пятиглавая кумирня въ монастырѣ У-та-сы въ Гуй-хуа-ченѣ; къ стр. 41.
Видъ съ сѣвера.
7. Кумирня въ монастырѣ Пхынъ-сунъ въ Гуй-хуа-ченѣ; къ стр. 41.
— Нью-цяо, «Коровій мостъ» въ Гуй-хуа-ченѣ; къ стр. 48.
Видъ съ сѣвера.

Digitized by Google

8. Насыпь Чао-джюнъ-фынъ, могила жены Чингисъ-хана близъ Гуй-хуа-чена; къ стр. 50.

На переднемъ планѣ пашня съ ячменемъ и макомъ; у праваго склона холма, при подошвѣ, современный могильный памятникъ (каменная таблица) около сажени высотой.

— Перевозъ Хотунъ-хошу на Желтой рѣкѣ; къ стр. 56.

Станъ экспедиціи на южномъ берегу рѣки. Два войлочныхъ обахая и двѣ дабовыя палатки. Изъ-за правой рамки картины надвигаются на рѣку песчаные барханы.

9. Князь Джунгоръ; къ стр. 65.
— Монастырь Джунгоръ въ Ордосѣ; къ стр. 71.
10. Ордосскій монголъ Сэрэнъ-мэрэнъ; къ стр. 72.
— Ихи-Эджень-хоро, усыпальница Чингисъ-хана; къ стр. 72.
11. Монголъ изъ мѣстности Боро-балгасунъ въ Ордосѣ; къ стр. 73.
— Дорджи, монголъ изъ Ордоса, хошуна Ушинъ; къ стр. 73.
12. Сантанъ-Джимба; къ стр. 82.
13. Монголка замужняя изъ Ордоса; къ стр. 109.
— Бампу, замужняя женщина, монголка, изъ окрестностей монастыря Шине-суме въ Ордосѣ; къ стр. 109.
14. Пещерная гостинница въ деревнѣ Тао-тунъ-цзы въ Ордосѣ; къ стр. 150.
— Ма-ченъ-линъ, хозяинъ гостинницы въ дер. Тао-тунъ-цза; къ стр. 150.
15. Городъ Цзинь-юань въ современномъ состояніи, не оправившійся послѣ мусульманскаго погрома; къ стр. 157.
— Кумирня въ честь героя Гуань-лао-ѣ въ деревнѣ Ни-чжа; къ стр. 180.
16. Лама Сэрэнъ, широнголъ изъ Сань-чуани; къ стр. 190.
— Пуринъ, ордосскій монголъ изъ Боро-балгасуна; къ стр. 82.
17. Монастырь Каданъ-сюме; къ стр. 193.
— Водопадъ у монастыря Каданъ-сюмэ; къ стр. 193.
18. Марцзанъ, монастырь въ горѣ на сѣверномъ берегу р. Си-нинъ-гола; къ стр. 203.
— Домъ ордосскаго монгола въ Боро-балгасунѣ; къ стр. 108.
19. Синиискій амбань Линъ; къ стр. 206.
20. Хонь изъ деревни Рчили; къ стр. 217.
— Широнголка изъ города Боу-нань; къ стр. 224.
21. Дѣвица широнголка изъ города Боу-нань; къ стр. 224.
— Тангутка; къ стр. 224.
— Сэдэнъ-гэгэнъ, тангутъ изъ монастыря Сэдэнъ-гонпа въ Сань-чуани; къ стр. 230.
22. Деревня Шонпынъ, окруженная хлѣбными сушилами; къ стр. 225.
— Монастырь Лабранъ, видъ съ юга; къ стр. 229.
23. Гэгэнъ монастыря Лабранъ, Чжаянъ-чжаппа-сэнъ; къ стр. 230.
— Тронная зала въ монастырѣ Лабранъ; къ стр. 233.

Въ глубинѣ залы на канѣ, или возвышеніи, сидитъ гэгэнъ Чжаянъ-чжаппа; подлѣ кана стоятъ его приближенные.

24. Гендунъ, тангутъ изъ окрестностей монастыря Лабрана; къ стр. 237.
— Лагу, тангутъ изъ подъ монастыря Лабрана; къ стр. 237.
25. Долина р. Тао-хэ у города Джони; къ стр. 244.
— Тангутскій князь Янъ-ту-сы съ дочерьми; къ стр. 244.
26. Главная улица въ городѣ Си-гу; къ стр. 255.
— Водопадъ у деревни Моръ-пинъ; къ стр. 260.

Digitized by Google

27. Долина Ксернцо; къ стр. 288.

Видъ вверхъ по долинѣ; образуемые рѣкою бассейны видны снизу; на заднемъ планѣ бѣлокъ.

— Долина Ксернцо; видъ на бассейны съ боку; къ стр. 288.

28. Верхній водопадъ въ долинѣ Ксернцо; къ 290.

— Нижній водопадъ въ долинѣ Ксернцо; къ стр. 290.

29. Пикетъ Та-ма; къ стр. 273.

— Статуя бога Шянба въ монастырѣ Пи-линъ-сы, изсѣченная въ скалѣ; къ стр. 336.

30. Широнголка замужняя изъ Сань-чуани; къ стр. 342.

— Герильту, широнголъ изъ Сань-чуани; къ стр. 398.

31. Сельскій домъ широнгола въ Сань-чуани; къ стр. 352.

— Широнгольскій ткачъ; къ стр. 358.

32. Монастырь Гумбумъ; къ стр. 385.

Видъ съ сѣвера; снятъ зимой. У лѣваго края картины видна часть оврага, вершина котораго тянется внутрь монастыря; на правомъ берегу оврага (на картинѣ влѣво отъ него) стогъ соломы, собранной съ крестьянъ, арендаторовъ монастырскихъ земель, въ видѣ натуральной повинности; соломой этой отопляются монастырскія зданія. Отъ вершины оврага къ правой рамкѣ картины тянется линія большихъ зданій; это главная линія въ монастырѣ; тутъ собраны главные храмы. Оврагъ, главная линія и монастырская ограда на переднемъ планѣ образуютъ треугольную площадку, на которой находятся семь бѣлыхъ субургановъ, или башенокъ, большой храмъ, имя котораго осталось не записаннымъ, и кварталъ, состоящій изъ трехъ дворовъ; на дальнемъ концѣ этого квартала видно зданіе съ китайской крышей; это тотъ храмъ, на дворикѣ котораго растетъ знаменитое гумбумское дерево; оно по ту сторону храма; его не видно. Противъ стога соломы на противуположной сторонѣ оврага видно зданіе со многими окнами въ верхнемъ этажѣ; это монастырское управленіе (ручжива); за нимъ выше по оврагу соборный храмъ (цзокчинъ); его плоская крыша въ правомъ концѣ зданія, подъ самымъ лёссовымъ обрывомъ, кончается надстройкой съ китайской крышей; эта крыша позолочена, почему и весь храмъ монголы зовутъ «Золотымъ храмомъ» (алтынъ-суме). Въ самой вершинѣ оврага виденъ храмъ (5 оконъ). Въ правомъ нижнемъ углу картины виденъ большой субурганъ; мимо его идетъ дорога изъ монастыря въ торговую слободку (ло-сэвъ).

33. Тангутка изъ окрестностей монастыря Марцзанъ; къ стр. 394.

— Тангутъ изъ мѣстности Гоми; къ стр. 394.

— Тангутская дѣвица за ткацкимъ станкомъ; къ стр. 394.

34. Тангутъ изъ долины Да-тунъ-гола, вожакъ экспедиціи; къ стр. 413.

— Тангутка замужняя изъ мѣстности Гоми; къ стр. 326.

35. Талантэръ, тангутъ изъ мѣстности Сань-чуань; къ стр. 398.

— Итарчи, тангутъ изъ Сань-чуани; къ стр. 398.

36. Заросль дэрисуна; къ стр. 405.

— Стоянка въ долинѣ Бага-рдонсукъ; къ стр. 414.

37. Хухунорскій олётъ изъ хошуна Чинъ-хай-вана; къ стр. 442.

— Лобсанъ, хара-ёгуръ; къ стр. 442.

38. Хитъ Ламэнъ-гэгэна въ Хангаѣ, въ верховьяхъ р. Туй; къ стр. 508.

Карты.

1. Отчетная карта въ масштабѣ 100 верстъ въ дюймѣ съ показаніемъ маршрута экспедиціи (въ концѣ книги).
2. Карта пути экспедиціи, составленная въ масштабѣ 40 верстъ дюймѣ по маршрутной съемкѣ А. И. Скасси (въ концѣ книги).
3. Базальтовая гряда; къ стр. 504.

Digitized by Google

Digitized by Google

Императорское Русское Географическое Общество, съ конца перваго десятилѣтія своего существованія, поставило изслѣдованіе внутренней Азіи въ первомъ ряду предстоящихъ ему задачъ. Уже въ 1856—58 годахъ, благодаря поддержкѣ Общества, первымъ піонерамъ русской науки на этомъ пути удалось проникнуть не только въ долины, но и на ледники и вѣчные снѣга столь загадочнаго въ то время, самаго континентальнаго изъ азіатскихъ горныхъ хребтовъ, Тянъ-шаня. Въ послѣднее же 30-лѣтіе экспедиціи Русскаго Географическаго Общества покрыли сѣтью своихъ маршрутовъ всю среднюю нагорную Азію, не только между издавна уже извѣстною сѣверною ея Алтайско-Саянскою окраиною и открытымъ для науки русскими экспедиціями Тянъ-шанемъ, но и между Тянъ-шанемъ и Куэнъ-лунемъ—сѣверною гранью почти недоступнаго для европейцевъ Тибета.

Экспедиціи Русскаго Географическаго Общества не ограничивались геодезическими съемками и орографическими опредѣленіями, могущими служить только канвою научному изслѣдованію страны. Состоя подъ руководствомъ такихъ людей, какимъ былъ Н. М. Пржевальскій, онѣ обращали особое вниманіе на изслѣдованіе природы страны, ея растительнаго покрова и интереснаго міра обитающихъ на ея поверхности животныхъ, а наконецъ на распространеніе на этой поверхности и отношеніе къ землѣ, подчинившаго себѣ силы природы, ея властителя—человѣка.

Обширныя коллекціи, собранныя экспедиціями Географическаго Общества, не только обогатили и украсили превосходные музеи Академіи Наукъ и Ботаническаго Сада, которыми въ правѣ гордиться вся Россія, но и пролили достаточный свѣтъ на характеръ флоры и фауны Средней Азіи. Оказалось, что весь органическій ея покровъ, не смотря на южное положеніе южной, Гималайской ея окраины, носитъ, благодаря значительной вообще абсолютной высотѣ Средней Азіи, характеръ пале-арктическій, т. е. характеръ флоры и фауны сѣверной зоны Стараго Свѣта, къ которой принадлежитъ и вся Европа, что, собственно говоря, не въ изрѣзанной морскими заливами и находящейся въ многообразномъ соприкосновеніи съ согрѣтымъ теплымъ теченіемъ Гольфстрема Западной Европѣ, а въ Среднеазіатскомъ нагорьѣ, также какъ и въ Сибирской и Туранской низменностяхъ,

Digitized by Google

должно искать типическихъ представителей пале-арктической флоры и фауны и что характеръ этой флоры и фауны постепенно измѣняется и разнообразится по мѣрѣ приближенія къ морямъ арктической и умѣренной зоны Стараго Свѣта, а именно къ Атлантическому океану на западѣ и Тихому на востокѣ и ихъ средиземнымъ морямъ—Бѣлому, Балтійскому, Нѣмецкому, Средиземному, Черному и Каспійскому—съ одной стороны, Берингову, Охотскому, Японскому и Желтому—съ другой.

Постепенный переходъ органическаго міра отъ типовъ Центральной нагорной Азіи на сѣверѣ къ Сибирской низменности и на западѣ къ Арало-Каспійскимъ пустынямъ и степямъ уже достаточно выяснился, благодаря цѣлому ряду изслѣдованій русскихъ путешественниковъ и естествоиспытателей, но имѣющій живой научный интересъ переходъ отъ типовъ восточной Тибетско-Тангутской окраины Азіатскаго нагорья къ экзотическимъ типамъ теплыхъ равнинъ Срединной Имперіи еще далеко не былъ выясненъ въ 1883 году.

На это-то и обратило особое вниманіе Русское Географическое Общество, снаряжая въ 1883 году экспедицію Г. Н. Потанина именно на китайское подгорье хорошо изслѣдованнаго первою экспедиціею Пржевальскаго Амдосскаго нагорья, черезъ которое незадолго передъ тѣмъ проникла въ глубь Азіи снаряженная Обществомъ третья его экспедиція.

Само собою разумѣется, что какъ задачи, такъ и способы исполненія обѣихъ снаряженныхъ въ началѣ 1880-хъ годовъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ экспедицій были весьма различны. Третья экспедиція Н. М. Пржевальскаго, по примѣру двухъ предшедшихъ его экспедицій, должна была захватить въ своемъ смѣломъ поступательномъ движеніи въ глубь Азіи линейными маршрутами возможно наибольшее пространство Центральной нагорной Азіи между Тянъ-шанемъ и сѣверною окраиною Тибета—Куэнъ-луньскимъ хребтомъ.

Предстоявшей же экспедиціи, описанію которой посвящено это сочиненіе, было поручено изслѣдовать восточную окраину нагорной Азіи со стороны подгорныхъ провинцій Срединной Имперіи Китая,—Гансуйской и отчасти Сычуаньской. Экспедиція эта должна была подвигаться вдоль окраины станціями, т. е. избирать себѣ пункты временнаго пребыванія въ осѣдло обитаемой полосѣ подгорья и оттуда дѣлать экскурсіи съ одной стороны на высокое и холодное азіатское нагорье, съ другой—въ теплыя долины Ганьсу и Сычуани, изслѣдуя по возможности переходы отъ пале-арктической природы нагорной Азіи къ суб-тропической природѣ китайской низменности.

Но не одни эти переходы привлекли вниманіе Русскаго Географическаго Общества къ Амдосско-Ганьсуйской окраинѣ нагорной Азіи. Ея природа съ незапамятныхъ временъ способствовала къ установленію какъ въ этомъ углу, такъ и вдоль всей монгольской окраины, обозначенной знаменитою китайскою стѣною, грани между осѣдлою жизнью столь древне-культурной земледѣльческой китайской націи и кочевою жизнью разноплеменныхъ номадовъ Средней Азіи. И этотъ-то уголъ упомянутой грани имѣлъ особое историческое значеніе въ жизни Китайскаго государства, потому что здѣсь именно находился самый удобный естественный спускъ

Digitized by Google

съ нагорной Азіи на китайскую низменность, большія ворота для вторженій кочевниковъ въ богато одаренныя природою культурныя равнины Срединной Имперіи, стратегическій ключъ къ обладанію Китаемъ. И отъ того обстоятельства, кто именно владѣлъ этимъ ключемъ, зависѣло то, что надъ Срединною Китайскою Имперіею и застѣннымъ Китаемъ властвовали то туземная китайская, то инородческая династія кочевниковъ, періодически завладѣвавшихъ Китаемъ и осѣдавшихъ на Пекинскомъ престолѣ. Понятно, что долины Амдосскаго нагорья и сосѣдняго съ нимъ Нань-шаня привлекали къ себѣ цѣлыя племена кочевниковъ не столько своимъ природнымъ богатствомъ, сколько близостью этого главнаго и самаго легкаго входа въ Срединную Имперію, откуда легко было и грабить и завоевывать ея богатыя земледѣльческія подгорья и равнины. Вотъ эти-то племена, то наводнявшіе Срединную Имперію переростомъ своего населенія, то тѣснимыя и сбиваемыя китайцами съ своихъ кочевій и вынуждаемыя къ переселеніямъ на дальній западъ, или загоняемыя ими въ самыя неприступныя долины Амдосскаго нагорья, весьма естественно должны были оставить здѣсь какіе либо слѣды своего болѣе или менѣе долговременнаго пребыванія или въ видѣ безжизненныхъ памятниковъ, или въ видѣ живыхъ еще своихъ остатковъ—горныхъ племенъ непосредственныхъ своихъ потомковъ. Эти-то уцѣлѣвшіе здѣсь разноплеменные остатки и памятники народовъ, сюда проникавшихъ и, подобно Гуннамъ, Усунямъ, Киданямъ, Сянбійцамъ, Уйгурамъ, Тукюэсцамъ (Туркамъ) и Монголамъ, игравшимъ роль во всемірной исторіи или подобно индѣйскимъ буддистамъ, евреямъ и несторіанскимъ христіанамъ, искавшимъ себѣ здѣсь мирнаго убѣжища, усиливаютъ и безъ того высокій научный интересъ изслѣдованія этого такъ долго забытаго и мало извѣстнаго уголка Стараго Свѣта.

Имѣя въ виду, что основою или канвою предстоящаго изслѣдованія должна была служить опирающаяся на достаточное число хорошо опредѣленныхъ астрономическихъ пунктовъ и высотъ маршрутная съемка, а что самое изслѣдованіе должно было состоять въ разностороннемъ изученіи природы страны и этнографическихъ особенностей ея обитателей, Совѣтъ Общества долженъ былъ подобрать такой составъ экспедиціи, который, съ одной стороны, былъ бы достаточно научно подготовленъ для выполненія возлагаемыхъ на него задачъ, а съ другой стороны обладалъ бы знаніемъ внутренней Азіи, опытностью въ путешествіяхъ и умѣньемъ ладить не только съ китайскими властями, но и съ администраціями буддійскихъ монастырей, могущихъ еще лучше китайскихъ городовъ служить удобными станціями для обстоятельнаго изслѣдованія окрестныхъ мѣстностей.

Въ полномъ сознаніи, что совокупность разнообразныхъ качествъ, обусловливающихъ успѣхъ дѣятельности преслѣдующаго разностороннія научныя цѣли путешественника весьма рѣдко встрѣчается въ одномъ человѣкѣ, Совѣтъ Общества возложилъ выполненіе упомянутыхъ выше задачъ, а именно руководство экспедиціею, а также ботаническія и этнографическія изслѣдованія на Г. Н. Потанина, но ввелъ сверхъ того въ составъ экспедиціи опытнаго въ путешествіяхъ геодезиста-астронома и также уже испытаннаго въ путешествіяхъ натуралиста-зоолога. Гео-

Digitized by Google

дезистомъ экспедиціи Совѣтъ избралъ надворнаго совѣтника А. И. Скасси, а натуралистомъ-зоологомъ кандидата Спб. университета М. М. Березовскаго.

Читатель конечно пожелаетъ прежде всего ознакомиться съ личностью того, кому Общество главнымъ образомъ поручило выполненіе своихъ предначертаній.

Григорій Николаевичъ Потанинъ родился въ Ямышевской станицѣ, на прежней сибирской пограничной линіи, 21 сентября 1835 года.

Дѣтство свое Г. Н. Потанинъ провелъ въ Прѣсновской и Семіярской станицахъ—въ виду разстилающейся за Иртышомъ безпредѣльной Киргизской степи; воспитаніе получилъ въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1852 году.

Въ 1853 и 1854 гг. молодой хорунжій принялъ участіе въ первомъ русскомъ походѣ въ Заилійскій край въ отрядѣ полковника Перемышльскаго и участвовалъ въ закладкѣ города Вѣрнаго. Когда военная экспедиція переходила впервые рѣку Или, передъ воспріимчивымъ юношей поднялась внезапно изъ тумана величественная цѣпь Заилійскаго Алатау, съ ея сѣдыми снѣжными вершинами: никому еще неизвѣстная, никѣмъ невиданная, она возбудила въ талантливомъ юношѣ жажду познаній и стремленіе къ изслѣдованію странъ невѣдомыхъ.

Въ 1855 г. Потанинъ увидѣлъ впервые и цвѣтущія долины Алтая, гдѣ онъ былъ со ввѣренною ему сотней казаковъ. Это была та страна, въ которой долго жили его предки—въ казачьихъ станицахъ Бійской линіи. Послѣ такихъ интересныхъ поѣздокъ, какъ не сдѣлаться было талантливому юношѣ географомъ! Интересовала его и исторія постепеннаго заселенія и подчиненія русскимъ человѣкомъ этихъ красивыхъ обѣтованныхъ земель. Съ юношескимъ пыломъ принялся Потанинъ въ 1856 г. въ Омскѣ за разборъ пыльныхъ сибирскихъ архивовъ, въ которыхъ, со свойственнымъ ему трудолюбіемъ, онъ успѣлъ открыть не мало интересныхъ для исторіи Сибири данныхъ. За этими работами засталъ его въ томъ же году пишущій эти строки дѣйствительный членъ (нынѣ почетный членъ и вице-предсѣдатель) Императорскаго Русскаго Географическаго Общества П. П. Семеновъ на пути своемъ въ до тѣхъ поръ недоступную для научныхъ изслѣдованій горную страну Тянъ-шаня. Юный талантливый труженикъ существовалъ въ то время однимъ своимъ скуднымъ жалованьемъ (рублей 90 [sic!] въ годъ), не считая себя въ правѣ пользоваться какими бы то ни было посторонними доходами, въ которыхъ у жившихъ на линіи казачьихъ офицеровъ, при близости отъ нихъ кочевого населенія, въ то время недостатка не было. Тяготила честнаго труженика не одна бѣдность, но и сознаніе своей недостаточной подготовки, особливо въ области естественныхъ наукъ, для какихъ бы то ни было научныхъ изслѣдованій въ странахъ невѣдомыхъ. Единственною мечтою Потанина было добраться до университетскаго города.

Этой завѣтной мечтѣ черезъ два года суждено было осуществиться. Въ 1858 г. Потанинъ, согласно своему желанію, былъ уволенъ отъ обязательной службы въ казачьихъ войскахъ. Оставалось только добраться до Петербурга, на что, впрочемъ, юноша не имѣлъ ни малѣйшихъ средствъ. Въ Томскѣ его приняли въ караванъ, ежегодно доставляющій золото изъ Сибири въ Петербургъ. Безъ этого благодѣтель-

Digitized by Google

А. Скассиъ

Фототипія В. Классенъ. С. Петербургъ Кадетская лин. № 7.

Digitized by Google

Digitized by Google

наго каравана Потанину пришлось бы добираться изъ Томска до Петербурга тѣми же средствами, какими добрался Ломоносовъ изъ Холмогоръ въ Москву.

По прибытіи въ Петербургъ, въ 1858 г., Потанинъ встрѣтилъ первое теплое участіе въ знакомомъ уже ему П. П. Семеновѣ и К. Д. Кавелинѣ, которые доставили талантливому труженику заработки, обезпечившіе его существованіе. 1859, 1860 и 1861 годы Потанинъ всецѣло посвятилъ слушанію лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, но во время лѣтнихъ вакацій на свои возраставшія средства отправлялся на ботаническія и геологическія экскурсіи, которыя въ 1859 г. довели его по Волхову до Ильменя, а въ 1860 г. по Уралу до города Гурьева.

Въ 1861 году С.-Петербургскій университетъ былъ закрытъ, а въ 1862 г. Потанинъ вернулся на родину, гдѣ знанія его нашли себѣ полное примѣненіе. Въ 1863 — 64 годахъ Потанинъ былъ приглашенъ къ участію въ состоявшей подъ начальствомъ астронома К. В. Струве (нынѣ россійскаго посланника въ Нидерландахъ) разграничительной экспедиціи съ Китайскою имперіею въ области озера Зайсана. Географическія изслѣдованія малоизвѣстныхъ долинъ Тарбагатая, почти совершенно неизвѣстнаго горнаго озера Марка-куль, части теченія Чернаго Иртыша, обстоятельное изслѣдованіе зайсанскаго рыболовства и превосходныя ботаническіи коллекціи были результатами самостоятельныхъ трудовъ Г. Н. Потанина.

Въ 1865 г. Потанинъ былъ опредѣленъ секретаремъ губернскаго статистическаго комитета въ Томскѣ. Здѣсь, можно сказать—впервые, онъ вошелъ въ близкое соприкосновеніе съ дѣйствительною жизнью, представлявшею въ то время, какъ извѣстно всѣмъ знакомымъ съ Западною Сибирью, въ тамошнихъ низшихъ административныхъ сферахъ неприглядную картину цѣлаго ряда злоупотребленій и полнаго нерадѣнія о пользахъ и нуждахъ мѣстнаго населенія. Подъ вліяніемъ непосредственныхъ столкновеній съ такими жизненными явленіями, Потанинъ сдѣлался центромъ группы недовольныхъ сибиряковъ, съ одной стороны, ставшихъ самыми рѣзкими обличителями злоупотребленій, а съ другой—вовлекшихся въ пропаганду сибирскаго сепаратизма.

Привлеченный вмѣстѣ съ тѣми изъ своихъ единомышленниковъ, которые своими дѣйствіями вышли изъ предѣловъ законности, къ слѣдствію въ 1866 году и военному суду въ Омскѣ, Потанинъ, послѣ двухлѣтняго предварительнаго заключенія, былъ приговоренъ къ лишенію правъ состоянія и крѣпостнымъ работамъ.

Не избалованный жизнью, Потанинъ, со свойственною ему выносливостью и кротостью, съ 1869 по 1872 г. искупалъ увлеченія своей молодости, усердно отбывая крѣпостныя работы въ Свеаборгѣ, а по отбытіи срока крѣпостныхъ работъ онъ былъ препровожденъ для водворенія ссыльно-поселенцемъ въ городъ Никольскъ, Вологодской губерніи.

Къ счастію, въ 1874 году, по ходатайству Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, послѣдовало Всемилостивѣйшее полное помилованіе Потанина, съ возвращеніемъ ему всѣхъ правъ состоянія. Въ томъ же году онъ вступилъ въ бракъ, найдя въ женѣ своей неразлучную и достойную подругу всѣхъ

Digitized by Google

своихъ тяжелыхъ трудовъ и лишеній, въ особенности во время своихъ далекихъ путешествій, поставившихъ его имя такъ высоко въ ряду дѣятелей русской науки.

Но прежде чѣмъ приступить къ этимъ путешествіямъ, Потанину необходимо было привести свои научныя свѣдѣнія въ достаточное соотвѣтствіе съ современнымъ состояніемъ географическихъ наукъ.

Съ этою цѣлью, возвратясь въ Петербургъ въ 1874 году, Потанинъ, по приглашенію вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, принялъ, совмѣстно съ нимъ, участіе въ обширной работѣ составленія цѣлаго тома дополненій къ III тому перевода Риттеровой Азіи (относящагося до Алтая), а лѣтомъ 1875 г. Потанинъ совершилъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Иностранцевымъ, геологическую поѣздку въ Крымъ.

Подготовясь такимъ образомъ, Г. Н. Потанинъ, въ январѣ 1876 года, подалъ въ Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества предложеніе заняться изслѣдованіемъ сѣверо-западной Монголіи, въ теченіе двухъ лѣтъ подъ-рядъ. Въ виду того, что эта часть Монголіи была еще весьма мало извѣстна и почти совершенно не изслѣдована во всѣхъ отношеніяхъ, Совѣтъ Общества, горячо принявъ предложеніе Г. Н. Потанина, употребилъ всѣ усилія къ осуществленію этого путешествія. Въ маѣ 1876 г. экспедиція, въ составѣ Г. Н. Потанина, члена-сотрудника Общества А. М. Позднѣева, натуралиста М. М. Березовскаго и топографа подпоручика Рафаилова, двинулась въ путь изъ Петербурга.

Маршрутъ экспедиціи охватилъ сѣверо-западную Монголію какъ бы кольцомъ. Выйдя изъ Зайсанскаго поста въ концѣ іюля 1876 г., Г. Н. Потанинъ посѣтилъ города: Кобдо, Хами, Улясутай, озеро Косоголъ, монастырь Уланкомъ, откуда экспедиція снова прошла въ Кобдо и далѣе въ предѣлы Россіи на Кошъ-агачъ, куда и прибыла 17 декабря 1877 г. На всемъ этомъ пути Потанинъ неутомимо собиралъ всякія свѣдѣнія и, между прочимъ, дѣлалъ барометрическія наблюденія. Экспедиція собрала богатыя коллекціи по зоологіи, ботаникѣ и геологіи. Кромѣ того, Г. Н. Потанинъ вывезъ изъ края драгоцѣнныя этнографическія свѣдѣнія, а также весьма обстоятельныя замѣтки о русской торговлѣ въ сѣверо-западной Монголіи.

Только-что закончивъ это богатое по своимъ результатамъ путешествіе, неутомимый труженикъ на полѣ географическихъ изслѣдованій — задумалъ уже новую экспедицію въ ту же страну, для посѣщенія и изученія тѣхъ мѣстностей центральной части сѣверо-западной Монголіи, которыхъ ему не удалось увидать во время предшествовавшаго путешествія 1876—1877 годовъ. Въ составъ экспедиціи, кромѣ самого путешественника, вошли на этотъ разъ членъ-сотрудникъ Общества натуралистъ А. В. Адріановъ и топографъ Орловъ.

Выступивъ изъ Кошъ-агача 9 іюня 1879 г., экспедиція направилась въ монастырь Уланкомъ, далѣе къ озеру Киргизъ-норъ посѣтила городъ Кобдо, откуда вернулась въ Уланкомъ, а затѣмъ направилась на востокъ къ озеру Теръ-норъ и далѣе черезъ Дархатскій курень, къ озеру Косоголъ и мѣстности Монъ въ долинѣ

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

р. Иркута; 1 декабря 1879 г. экспедиція прибыла въ Иркутскъ со всѣми богатыми матеріалами, собранными въ путешествіи.

Въ 1880 году Г. Н. Потанинъ, возвратясь въ Петербургъ, употребилъ на обработку этихъ матеріаловъ все время до половины 1883 г. Результаты трудовъ Потанина были обнародованы подъ скромнымъ заглавіемъ «Очерки Сѣверо-западной Монголіи», послѣдній томъ которыхъ вышелъ въ 1883 году.

Ближайшею сотрудницею Г. Н. Потанина въ двухъ монгольскихъ экспедиціяхъ была достойная подруга его жизни, оказывавшая мужу дѣятельную помощь въ метеорологическихъ наблюденіяхъ, веденіи дневниковъ, сборѣ и сохраненіи коллекцій. Она же сопровождала его и въ экспедицію 1883 г.

Высочайшему Покровителю Императорскаго Русскаго Географическаго Общестда, Государю Императору благоугодно было не только соизволить на доставленіе Г. Н. Потанина, его жены и спутниковъ на китайское прибрежье на военномъ фрегатѣ «Мининъ», но и повелѣть назначить Потанину и женѣ его офицерскій паекъ во все продолженіе ихъ плаванія, начавшагося 15 августа 1883 года, а по возвращеніи Потанина—пожизненную пенсію въ размѣрѣ 800 руб. въ годъ.

Геодезистъ А. И. Скасси сдѣлался извѣстнымъ въ географической наукѣ съ начала 1870-хъ годовъ. Въ 1870 г. онъ изслѣдовалъ въ топографическомъ отношеніи долину Зеравшана, въ 1872 г. производилъ топографическія работы въ Кульджинской провинціи въ долинѣ р. Боротала и въ окрестностяхъ озеръ Сайрама и Эби-нора. Въ 1877—78 гг. А. И. Скасси принялъ участіе въ экспедиціи дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Н. А. Сѣверцова на Памиръ, гдѣ и произвелъ 8 астрономическихъ опредѣленій и маршрутную съемку въ 300 верстъ. Осенью того же года А. И. Скасси, изслѣдуя пространство между рѣками Сусамыромъ и Нарыномъ въ предѣлахъ Ферганской области, сдѣлалъ съемку въ 800 верстъ и опредѣлилъ еще 5 астрономическихъ пунктовъ. Само собою разумѣется, что включеніе такого опытнаго геодезиста, уже обнаружившаго свои превосходныя качества какъ путешественника, придало большое значеніе экспедиціи Общества на Ганьсуйскую окраину. Во время этой экспедиціи неутомимому геодезисту удалось снять 7000 верстъ пути, опредѣлить 69 астрономическихъ пунктовъ и большое количество высотъ, снять достаточное количество фотографическихъ видовъ и, наконецъ, показать большую сообразительность и распорядительность при возвращеніи экспедиціи черезъ безводныя пространства Гоби съ тощими и плохими верблюдами.

Наконецъ, зоологъ экспедиціи М. М. Березовскій сдѣлался извѣстенъ Обществу съ лучшей стороны въ 1876 г., т. е. со времени своего участія въ первой экспедиціи Г. Н. Потанина. Страстный охотникъ, отличный наблюдатель и хорошо подготовленный для изслѣдованія фауны позвоночныхъ животныхъ зоологъ М. М. Березовскій проявилъ и качества неутомимаго и осмотрительнаго путешественника. На долю его во время Ганьсуйской экспедиціи Г. Н. Потанина выпала весьма видная роль. Отдѣляясь отъ экспедиціи вездѣ, гдѣ того требовали интересы принятыхъ имъ на себя зоологическихъ изслѣдованій, М. М. Березовскій, въ 1886 году, остался еще

Digitized by Google

на одинъ годъ, послѣ возвращенiи экспедицiи Г. Н. Потанина, въ южной части Ганьсуйской провинцiи, что̀ представилось для него вполнѣ возможнымъ, благодаря не только пріобрѣтенной имъ опытности въ путешествiяхъ по Китаю и въ пребыванiи въ этой странѣ, но и пріобрѣтенному имъ знакомству съ китайскимъ языкомъ.

При такомъ счастливомъ составѣ экспедицiи и при беззавѣтной и самоотверженной преданности ея членовъ исполненiю тѣхъ задачъ, которыя они на себя приняли, весь успѣхъ экспедицiи зависѣлъ какъ отъ степени содѣйствiя и покровительства, оказываемаго имъ нашею миссiею въ Пекинѣ, такъ и въ особенности отъ средствъ, которыми она располагала.

Что касается до покровительства, то всѣ экспедицiи, снаряжаемыя Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ китайскiе предѣлы, съ того времени, когда во главѣ нашего посольства въ Китаѣ стоялъ пользующiйся всеобщимъ уваженiемъ въ средѣ Русскаго Географическаго Общества почетный членъ его А. Г. Вламгали, пользовались всегда и гостепрiимствомъ нашей миссiи въ Пекинѣ и широкимъ ея покровительствомъ, постоянно устранявшимъ всѣ могущiя вредно отзываться на успѣхахъ экспедицiй столкновенiя съ мѣстными китайскими властями. Относительно же средствъ, то, такъ какъ Русское Географическое Общество не могло израсходовать на всю экспедицiю свыше 12.500 р., то скромныя средства эти не дали бы Обществу даже возможности снарядить и обезпечить экспедицiю Г. Н. Потанина, еслибы на помощь ему не пришло великодушное пожертвованiе одного изъ крупныхъ сибирскихъ меценатовъ географической науки, нынѣ предсѣдательствующаго Сибирскимъ Отдѣломъ Географическаго Общества Владимiра Платоновича Сукачева, пожертвовавшаго на экспедицiю Г. Н. Потанина при ея снаряженiи 15.000 рублей, а впослѣдствiи на продленiе пребыванiя въ Китаѣ М. М. Березовскаго еще 2.000 рублей.

Экспедицiя Г. Н. Потанина окончилась возвращенiемъ М. М. Березовскаго въ 1887 году, доставивъ обширный матерiалъ для географической науки. Предлежащее сочиненiе заключаетъ въ себѣ разработку чисто географическаго, картографическаго и этнографическаго матерiала, доставленнаго экспедицiей. Первый томъ посвященъ описанiю путешествiя. Въ пяти главахъ первой ея части заключается весь ходъ экспедицiи, начиная отъ высадки ея, въ апрѣлѣ 1884 г., въ Тянъ-цзинѣ, во время слѣдованiя черезъ двѣ сѣверныя провинцiи Срединной Имперiи, Чжи-ли и Шань-си, и далѣе въ застѣнномъ Китаѣ черезъ Гуй-хуа-ченъ и Ордосское княжество и, наконецъ, черезъ сѣверную часть Ганьсу—сѣверо-западной провинцiи Срединной Имперiи до Санъ-чуани, мѣстности, избранной Г. Н. Потанинымъ для зимовья, куда экспедицiя добралась только въ концѣ ноября 1884 г. Пять главъ второй части заключаютъ въ себѣ пребываніе экспедицiи на Восточной окраинѣ Тибета, и изслѣдованiе этой окраины станцiями и экскурсiями съ одной стороны на Амдосское нагорье, а съ другой—въ долины южной Ганьсу и сѣверной Сы-чуани, что и заняло весь 1885 годъ. Наконецъ, пять главъ третьей части посвящены возвратному пути экспедицiи въ 1886 году отъ послѣдней станцiи экспедицiи, знаменитаго буддiйскаго монастыря Гумбума, черезъ Нань-шань, всю Центральную Монголiю, по никѣмъ

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

не пройденному пути, сначала по долинѣ нижняго Эдзина, затѣмъ черезъ Гобійскіе отроги восточнаго Алтая и черезъ Хангай до русской границы, которой экспедиція достигла послѣ труднаго перехода черезъ самыя пустынныя и малоизвѣстныя части Монголіи, 22 октября 1886 года. Къ первому тому приложена, кромѣ общей обзорной карты, вся маршрутная съемка А. И. Скасси, въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ. Второй томъ посвященъ разработкѣ собраннаго экспедиціей этнографическаго матеріала.

Но независимо отъ матеріаловъ, уже вполнѣ разработанныхъ въ предлежащемъ изданіи, экспедиція Г. Н. Потанина доставила истинныя сокровища для ботанической и зоологической географіи собранными ею съ полнымъ знаніемъ дѣла и необыкновеннымъ прилежаніемъ естественно-историческими коллекціями. Изъ этихъ коллекцій, собранныя трудами самого Г. Н. Потанина и его жены, ботаническія коллекціи сдѣлались достояніемъ Императорскаго С.-Петербургскаго Ботаническаго Сада и отчасти, вмѣстѣ съ ботаническими коллекціями двухъ первыхъ путешествій Потанина и всѣхъ путешествій Пржевальскаго, уже разработаны превосходнымъ и, къ сожалѣнію, такъ рано умершимъ членомъ-сотрудникомъ Общества академикомъ К. И. Максимовичемъ въ первыхъ частяхъ его капитальныхъ, изданныхъ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, сочиненій Flora tangutica и Flora mongolica и цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ мемуаровъ. Собранныя Г. Н. Потанинымъ коллекціи безпозвоночныхъ животныхъ (насѣкомыхъ) разработаны русскими и иностранными энтомологами въ цѣломъ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ трудахъ Русскаго Энтомологическаго Общества, а также въ превосходномъ изданіи Августѣйшаго Предсѣдателя Общества о чешуекрылыхъ. Наконецъ, собранныя по преимуществу М. М. Березовскимъ и сдѣлавшіяся, согласно съ желаніемъ великодушнаго жертвователя Сукачева, достояніемъ Восточно-сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества превосходныя коллекціи позвоночныхъ животныхъ разработаны Штраухомъ (гады), Бюхнеромъ (млекопитающія), самимъ Березовскимъ и Біанки (птицы) и Герценштейномъ (рыбы). Почти всѣ статьи этихъ ученыхъ помѣщены въ изданіяхъ Академіи Наукъ, и только довольно обширная орнитологическая работа «Птицы Ганьсуйскаго путешествія Г. Н. Потанина» напечатана въ отдѣльномъ изданіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, вышедшемъ въ 1891 г. Въ прекрасномъ предисловіи къ этому изданію М. М. Березовскій представилъ очеркъ своихъ путешествій, тамъ, гдѣ онъ отдѣлялся отъ экспедиціи Г. Н. Потанина, а также своего пребыванія на Тибетской окраинѣ въ 1886 и 1887 годахъ, т. е. послѣ отбытія экспедиціи на ея возвратный путь.

Обиліе и богатство результатовъ экспедиціи Г. Н. Потанина и его спутниковъ вовлекли Императорское Русское Географическое Общество въ снаряженіе, начиная съ 1892 года, новой экспедиціи для изученія южнаго продолженія той же окраины Тибетскаго нагорья къ Срединной Имперіи, на этотъ разъ въ длинной полосѣ соприкосновенія съ Тибетскимъ нагорьемъ обширной китайской провинціи Сы-чуани до границы самой юго-западной провинціи Срединной Имперіи Юнъ-нани. Способъ изслѣдованія, давшій такіе превосходные результаты, тотъ же,—изслѣдованіе стан-

Digitized by Google

ціями съ экскурсіями какъ на высокое холодное нагорье, такъ и въ теплыя долины Китая. Въ составъ экспедиціи вошли, по прежнему, Г. Н. Потанинъ, съ достойною и неразлучною съ нимъ спутницею его жизни и трудовъ и М. М. Березовскій, значительно расширившій свои познанія и свой кругозоръ своими столь успѣшными занятіями въ Академіи Наукъ по разработкѣ собранныхъ имъ въ экспедиціи 1884—87 годовъ коллекцій. Къ средствамъ, дарованнымъ Обществу Государемъ Императоромъ какъ на эту, такъ и на другую предпринятую во внутреннюю Азію экспедиціи (Роборовскаго и Козлова) присоединилось еще и крупное частное пожертвованіе одного изъ меценатовъ географической науки—Иннокентія Михаиловича Сибирякова. Благодаря этому пожертвованію, новая экспедиція Г. Н. Потанина могла быть обставлена хотя и скромно, но достаточно для достиженія предначертанныхъ цѣлей. Общество нашло даже возможность ввести въ составъ экспедиціи талантливаго геолога В. А. Обручева, труды котораго, безъ сомнѣнія, пополнятъ тотъ пробѣлъ относительно геологическихъ изслѣдованій, который встрѣчается въ трудахъ экспедицій Пржевальскаго и Потанина, именно въ восточной части Центральной Азіи, тогда какъ въ западной части этотъ пробѣлъ уже въ значительной мѣрѣ пополненъ экспедиціею М. В. Пѣвцова, въ составѣ которой находился также талантливый геологъ.

Привѣтствуя выходъ въ свѣтъ предлежащаго изданія, Совѣтъ Общества надѣется, что результаты трехъ послѣднихъ экспедицій Общества, а именно М. В. Пѣвцова, братьевъ Грумъ-Гржимайло и Б. Л. Громбчевскаго будутъ разработаны также тщательно, какъ и результаты экспедицій Н. М. Пржевальскаго и Г. Н. Потанина, а что двѣ нынѣ дѣйствующія въ Центральной Азіи экспедиціи завершатъ ко вступленію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества во второе пятидесятилѣтіе дѣятельности блестящій многолѣтній циклъ его трудовъ по изслѣдованію внутренности азіатскаго материка.

П. Семеновъ.

Digitized by Google

ЧАСТЬ I.

СѢВЕРНАЯ ОКРАИНА КИТАЯ.

1884.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Чжи-ли и Шань-си.

Составъ и задачи экспедиціи. Прибытіе въ Пекинъ. Пекинская равнина. Бао-динъ-фу. Фоу-пинъ. У-тайскіе монастыри. Гора Пей-тай. Долина Ху-то-хэ. Долина Санъ-гань-хэ. Шо-пинъ-фу. Выходъ на гуй-хуа-ченскую равнину.

Амдо и прилегающая къ нему часть Китая представляетъ несомнѣнно большой географическій интересъ; здѣсь окраина высокаго тибетскаго нагорья и переходъ къ болѣе низкому и теплому Китаю. Значительныя разности высотъ этой страны обусловливаютъ большое разнообразіе въ фаунѣ и флорѣ и обѣщаютъ много новостей и ботанику и зоологу. Съ семидесятыхъ годовъ этотъ край становится цѣлью европейскихъ путешественниковъ; еще ранѣе, въ 60-хъ годахъ, неутомимый изслѣдователь китайской фауны Арманъ Давидъ мечталъ подняться съ востока на нагорье озера Хуху-нора, но это ему не довелось сдѣлать; онъ только два раза приблизился къ восточной окраинѣ Тибета, одинъ разъ въ 1869 г., когда онъ довелъ свои изслѣдованія до мѣстности Му-пинъ (въ Сы-чуани) и до г. Лунъ-ань-фу, въ другой въ 1872 г., когда онъ дошелъ до города Хань-чжунъ-фу. Послѣ того Пржевальскій направляетъ нѣсколько своихъ экспедицій въ страну Амдо. Въ 1872 г. ему удалось, первому изъ европейцевъ, посѣтить берега оз. Хуху-норъ, но отсюда онъ идетъ къ верхнему теченію Голубой рѣки, оставляя Амдо въ сторонѣ. Въ 1879 г. онъ во второй разъ посѣщаетъ Хуху-норъ и изслѣдуетъ верхнее теченіе Желтой рѣки, но не доходитъ до ея вершины. Въ 1884 г. онъ въ третій разъ направляется въ Амдо съ запада и на этотъ разъ описываетъ страну озеръ, изъ которыхъ беретъ начало Желтая рѣка. Въ 1877 г. англичанинъ Gill приближается къ восточной окраинѣ Тибета съ юв. и доходитъ до города Сунъ-пана. Русская экспедиція полковника Сосновскаго въ 1875 г. и австрійская графа Сэчэни въ 1880 г. пересѣкаютъ страну въ сѣверной части съ в. на з., но не углубляются въ Амдо южнѣе Лань-чжоу. Такимъ образомъ та часть Амдо, которая лежитъ между городами Лань-чжоу, Хань-чжунъ-фу и Сунъ-паномъ на востокѣ и озеромъ Хуху-норъ и вершиною Желтой рѣки на западѣ не была тронута европейскимъ изслѣдованіемъ.

Digitized by Google

Вотъ пополненіе свѣдѣній объ этомъ неизслѣдованномъ еще пространствѣ и составляло задачу нашей экспедиціи. Было предположено, что экспедиція пройдетъ изъ Лань-чжоу съ сѣвера на югъ столь далеко, сколько ей позволятъ средства. Срокъ для экспедиціи былъ предположенъ трехлѣтній; въ первое лѣто она должна была начать свое движеніе отъ Пекина и пройдти до Лань-чжоу черезъ Ордосъ по одной изъ непройденныхъ еще европейцами дорогъ; второе лѣто предполагалось употребить на путешествіе по Амдо; въ третье — экспедиція должна была выйдти изъ Амдо на Иркутскъ черезъ центральную Монголію, т. е. по меридіану р. Едзинъ-голъ.

Исполненіе этого предпріятія Географическаго Общества было возложено на меня; вмѣстѣ съ тѣмъ было сдѣлано предположеніе объ усиленіи состава экспедиціи присоединеніемъ къ нему топографскаго офицера, а также и орнитолога, такъ какъ я не могъ взять на себя коллектированіе птицъ. Присоединеніе топографскаго офицера было особенно необходимо, такъ какъ путь нашей экспедиціи предполагалось направить главнымъ образомъ по непройденнымъ пространствамъ и было бы жаль, еслибъ экспедиція съ такимъ длиннымъ маршрутомъ оказалась безплодною для картографіи Азіи. Обязанности орнитолога экспедиціи принялъ на себя Михаилъ Михайловичъ Березовскій, уже разъ сопутствовавшій мнѣ въ одной изъ поѣздокъ къ сѣверо-западной Монголіи, именно въ 1876 и 1877 г. [1]) Для топографическихъ работъ къ экспедиціи присоединился Августъ Ивановичъ Скасси, опытный топографъ, принимавшій участіе въ трудной экспедиціи Сѣверцова на Памиръ [2]).

Средства на экспедицію были даны частью Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, частью его членомъ-соревнователемъ Владиміромъ Платоновичемъ Сукачевымъ; всего затрачено было на экспедицію 29.500 руб.; изъ нихъ г. Сукачевымъ было дано 17.000 руб. [3])

Бывшій управляющій Морскимъ Министерствомъ, нынѣ уже умершій, адмиралъ Шестаковъ исходатайствовалъ Высочайшее разрѣшеніе на провозъ экспедиціи отъ Петербурга до береговъ Китая на военномъ фрегатѣ «Мининъ», который, подъ командой покойнаго Гренквиста, 23-го августа 1883 г. вышелъ изъ Кронштадта. На «Мининѣ» экспедиція была доставлена въ Батавію на Явѣ; здѣсь «Мининъ» долженъ былъ остаться на мѣсяцъ для починки; прибывшій въ Батавію изъ Японіи, адмиралъ Копытовъ пересадилъ насъ на корветъ «Скобелевъ», на которомъ самъ прибылъ и приказалъ командиру его, Благодареву, доставить насъ въ Чи-фу, китайскій городъ, стоящій при входѣ въ Печелійскій заливъ. Въ Чи-фу мы при-

---

[1]) Птицъ, вывезенныхъ изъ экспедиціи въ сз. Монголію въ 1876—1877 гг., М. М. Березовскій обработалъ самъ, подъ руководствомъ покойнаго М. Н. Богданова; составленный имъ списокъ напечатанъ въ Очеркахъ сз. Монгол., I, 336.

[2]) А. И. Скасси началъ свою географическую дѣятельность изслѣдованіемъ долины Заравшана въ 1870 г.; въ 1872 г. онъ производилъ топографическія работы въ долинѣ Бороталы и въ окрестностяхъ озеръ Сайрама и Эбиноръ; въ 1877—1878 г. онъ входилъ въ составъ ферганской ученой экспедиціи Сѣверцова на Памиры.

[3]) Въ это число входятъ 2000 р., пожертвованныя на продолженіе пребыванія г. Березовскаго въ Китаѣ еще на одинъ годъ (четвертый) сверхъ трехъ лѣтъ.

Digitized by Google

были 1 апрѣля. Здѣсь насъ высадили на берегъ, потому что военныя суда большой осадки не могутъ входить въ Печелійскій заливъ.

Въ Чи-фу мы дождались прихода пассажирскаго парохода одной китайской компаніи, который дѣлаетъ рейсы между Шанхаемъ и Тянь-цзиномъ. На этомъ пароходѣ мы были доставлены въ Тянь-цзинъ. Всего въ морѣ мы пробыли семь мѣсяцевъ.

Въ Тянь-цзинѣ насъ пріютило въ своемъ домѣ семейство А. А. Бѣлоголоваго; мы имѣли къ нему письмо отъ его сына, который служилъ тогда мичманомъ на «Мининѣ» и съ которымъ мы познакомились во время семимѣсячнаго плаванія.

Тянь-цзинъ служитъ приморскимъ портомъ для Пекина; здѣсь главнымъ образомъ происходитъ торговля европейскими товарами; въ Пекинѣ же въ 1884 г. было всего только двѣ европейскихъ лавки, а потому намъ было всего удобнѣе снаряженіемъ своимъ въ дальнѣйшій путь заняться въ Тянь-цзинѣ. Нужно было накупить европейскихъ вещей, необходимыхъ въ дорогѣ, сдѣлать нѣкоторые запасы, какъ напримѣръ чаю, спичекъ и проч., получить китайское серебро, а также найдти слугъ. Пріисканіе годныхъ для насъ слугъ, т. е. пріисканіе такихъ китайцевъ, которые умѣли бы говорить по-русски, оказалось въ Тянь-цзинѣ дѣломъ очень мудренымъ. Одного, впрочемъ, такого А. А. Бѣлоголовый нашелъ для насъ; это былъ Цуйсанъ, молодой женатый китаецъ, который служилъ прежде у какого-то русскаго купца и около него научился говорить по-русски. Мы наняли его за 10 ланъ въ мѣсяцъ. Другихъ слугъ намъ посовѣтовали поискать въ Пекинѣ, гдѣ можно найдти китайцевъ-католиковъ, говорящихъ по-французски.

Въ Тянь-цзинѣ мы познакомились съ русскимъ консуломъ К. И. Веберомъ; отъ него мы узнали, что вице-король Чжилійской провинціи, Ли-хунъ-чжанъ, получилъ отъ г. Крейтнера въ подарокъ атласъ его топографическихъ картъ. Мы попросили г. Вебера добыть для насъ этотъ атласъ и Ли-хунъ-чжанъ очень любезно предоставилъ намъ его для того, чтобъ мы могли снять копіи съ тѣхъ листовъ, которые насъ интересовали. Фотографированіе снимковъ съ этихъ картъ на нѣсколько дней отдалило нашъ выѣздъ изъ Тянь-цзина.

Всѣ эти хлопоты задержали насъ въ Тянь-цзинѣ на цѣлый мѣсяцъ.

Изъ Тянь-цзина въ Пекинъ ѣдутъ или въ телегахъ сухимъ путемъ, или въ лодкахъ по р. Пей-хо. Послѣдній путь длиннѣе, но дешевле и не пыльный, и потому не рѣдко предпочитается первому. Намъ также посовѣтовали поѣхать рѣкой и мы наняли двѣ лодки до города Тунъ-чжоу, у котораго водяной путь кончается. 23 апрѣля мы прибыли въ Тунъ-чжоу, откуда остается до Пекина только 50 ли. Здѣсь мы наняли подъ свой багажъ нѣсколько китайскихъ повозокъ и 24 апрѣля 1884 г. мы въѣхали въ Пекинъ.

Еще живя въ Тянь-цзинѣ, мы получили приглашеніе отъ нашего посланника, С. И. Попова, остановиться въ русскомъ посольствѣ.

Въ Пекинѣ намъ предстояло докончить наши сборы въ дальнѣйшій путь. Здѣсь нужно было нанять еще двухъ слугъ, а также или купить своихъ вьючныхъ животныхъ или подрядить китайскихъ возчиковъ. Относительно слугъ, намъ посо-

Digitized by Google

вѣтовали обратиться къ католическому миссіонеру г. Фавье, давно живущему въ Пекинѣ, что мы и сдѣлали. Г. Фавье прислалъ намъ двухъ китайцевъ; при этомъ онъ откровенно предупредилъ, что мы не должны ожидать отъ нихъ великихъ доблестей; все, что онъ могъ сказать объ нихъ хорошаго, заключалось только въ томъ. что они были сноснѣе другихъ слугъ изъ китайцевъ, имѣвшихся у него въ виду, Одинъ изъ нихъ назывался Ли, другой Дэнъ. Такъ какъ Ли былъ самый старый по возрасту изъ всѣхъ трехъ нанятыхъ слугъ, то мы сдѣлали его нашимъ компрадоромъ.

Собравъ свѣдѣнія о пекинскихъ цѣнахъ на вьючныхъ животныхъ и во что обойдется ихъ содержаніе въ дорогѣ, мы отказались отъ покупки животныхъ и наняли 17 муловъ и 5 лошадей съ условіемъ, чтобы возчики доставили насъ въ Гуй-хуа-ченъ въ 40 дней. Всего за 40 дней пришлось заплатить 1900 кредитными рублями. Цѣна очень высокая, какъ мы убѣдились впослѣдствіи. Это была первая дань нашему незнанію Китая.

Вообще все наше снаряженіе вначалѣ было обильно ошибками; много вещей мы набрали съ собой лишнихъ, безъ которыхъ, какъ мы убѣдились потомъ, легко могли обойдтись. Такъ, мы захватили съ собой цѣлый ящикъ зажигательныхъ спичекъ, между тѣмъ оказалось, что ихъ можно найдти во всѣхъ глухихъ городкахъ Сы-чуани и Гань-су. Слуги наши оказались плохими; Дэнъ былъ такой отчаянный куритель опіума, что его пришлось прогнать въ Гуй-хуа-ченѣ; Ли получилъ отставку немного позднѣе. Только Цуйсанъ оказался дѣйствительно хорошимъ слугой.

При наемкѣ возчиковъ, кромѣ того, что мы передали лишнее, ошибка наша состояла еще въ томъ, что мы наняли муловъ; слѣдовало бы до Утая нанять телеги, это вышло бы дешевле.

Дешевому снаряженію въ дорогу намъ отчасти помѣшало то обстоятельство, что мы жили въ посольствѣ. Всѣ, кто живетъ въ европейскихъ посольствахъ, должны платить на рынкѣ за вещи втридорога противъ обыкновенныхъ обитателей Пекина. Ни одна купля-продажа для лица, живущаго въ посольствѣ, не происходитъ безъ того, чтобы не было на цѣну товара накинуто нѣсколько процентовъ въ пользу слугъ-китайцевъ, состоящихъ при посольствѣ. Такой установился уже обычай. Всѣ постоянные поставщики для посольства платятъ мѣсячныя деньги слугамъ посольства за пропускъ въ посольскій домъ; съ случайныхъ продавцевъ слуги берутъ деньги при входѣ во дворъ посольства. Если дама, живущая въ посольствѣ, сама поѣдетъ въ китайскіе магазины и купитъ тамъ что-нибудь, то все таки съ нея возьмутъ, какъ съ посольской дамы, дороже; потому что каждый торговецъ знаетъ, что черезъ нѣсколько часовъ къ нему явится уполномоченный отъ слугъ посольства и потребуетъ установленной въ пользу слугъ доли. Вѣроятно, отъ этого обычая терпятъ не одни европейскія посольства; вѣроятно и китайскіе мандарины находятся на такомъ же откупу у своихъ слугъ, и посольства только должны были подчиниться общему правилу. Условіе, которое покровительствуетъ этому обычаю, заключается конечно въ затворнической жизни мандариновъ. Домъ мандарина—крѣпость; всякій

Digitized by Google

важный мандаринъ отдѣленъ отъ остального населенія тройной кирпичной стѣной и стражей изъ слугъ и привратниковъ, и конечно всѣ сношенія его съ внѣшнимъ міромъ должны послужить почвой, эксплуатируемой слугами въ свою пользу.

Въ Пекинѣ мы незамѣтно прожили цѣлый мѣсяцъ; всѣ члены экспедиціи нашли помѣщеніе въ посольствѣ; во все время пребыванія въ столицѣ, мы пользовались самымъ широкимъ гостепріимствомъ нашего посланника Сергѣя Ивановича Попова. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы отъ лица всѣхъ членовъ нашей экспедиціи принести нашу общую благодарность Сергѣю Ивановичу за его гостепріимство.

Считаемъ долгомъ также поблагодарить бывшаго консула въ Тянь-цзинѣ К. И. Вебера за услуги, оказанныя экспедиціи, особенно за его ходатайство передъ Ли-хунъ-чжаномъ о покровительствѣ экспедиціи со стороны властей въ западномъ Китаѣ. По просьбѣ г. Вебера, Чжилійскій вице-король (цзунъ-ду) написалъ письма къ цзунъ-ду Ганьсу и Шеньси объ оказаніи содѣйствія русскимъ путешественникамъ и мы въ значительной степени этимъ письмамъ приписываемъ то довѣріе и мирныя отношенія, съ которыми вездѣ въ западномъ Китаѣ власти встрѣчали нашу экспедицію.

Къ западу отъ Печелійскаго залива до городовъ Пекина и Бао-динъ-фу простирается такъ называемая Пекинская равнина; Пекинъ стоитъ въ самомъ сѣверномъ концѣ этой равнины, въ 126 верстахъ къ югу отъ подошвы горъ, въ которыя она упирается. Баронъ Рихтгофенъ мѣтко опредѣлилъ причины, почему столица Китая возникла на этомъ мѣстѣ.

Къ югу отъ Пекина равнина простирается на восемь градусовъ; на ней умѣщается 9 провинцій изъ общаго числа 18; на этой равнинѣ совершилось объединеніе китайской національности и здѣсь центръ государственной тяжести. Девять, какъ ихъ называетъ Рихтгофенъ, внѣшнихъ провинцій, въ отличіе отъ 9 внутреннихъ, соединены болѣе или менѣе удобными путями только съ провинціями равнины, между собой же не имѣютъ удобныхъ сообщеній и представляютъ изолированныя другъ отъ друга области. Если бы у Китая не было внѣшнихъ враговъ, самое приличное мѣсто для столицы было бы въ центрѣ равнины, но такъ какъ къ сѣверной границѣ государства прилегали кочевья дикарей, постоянно угрожавшихъ государству, то китайскіе императоры должны были для своихъ резиденцій выбирать между городами, лежащими ближе къ границѣ этихъ кочевьевъ. Такими пунктами баронъ Рихтгофенъ считаетъ три города: Пекинъ, Да-тунъ-фу и Ланьчжоу-фу. Выборъ остановился на Пекинѣ; столица лежитъ у сѣверной окраины равнины, гдѣ она обрамляется, какъ вѣнцомъ, хребтомъ высокихъ горъ съ труднопроходимыми дорогами. Черезъ этотъ хребетъ ведутъ только три сносныхъ горныхъ прохода—это Нань-коу, Губей-коу и Си-фынь-коу; всѣ они, однако, проходимы только для вьючныхъ животныхъ, тележнаго пути здѣсь нѣтъ. Остальныя дороги еще менѣе проходимы, что изъ Пекина дѣлаетъ естественную крѣпость, построенную противъ кочевниковъ.

Пекинская равнина есть обсохшее продолженіе Печелійскаго залива. Ближе къ заливу почва состоитъ изъ позднѣйшихъ отложеній морского дна; подлѣ горъ

Digitized by Google

она состоитъ изъ лёсса, по мнѣнію Рихтгофена, намытаго водами. Этотъ лёссъ тянется полосой параллельно подошвѣ горъ и примыкая къ ней. Пекинъ и Тунъчжоу стоятъ въ полосѣ лёсса; дорога отъ Пекина до Бао-динъ-фу и далѣе до Фоупинъ-сяня идетъ вдоль этой полосы, по ея серединѣ; только тамъ, гдѣ дорога пересѣкаетъ значительную рѣку, лёссъ смѣняется рѣчными песчаными отложеніями, какъ напр. подлѣ р. Лю-ли-хэ, близь городка того же имени, и по рѣкѣ Бей-хо (И-шуй) близь города Динъ-синъ-сяня. Лёссъ тянется отъ Пекина до города Ань-сусяня; здѣсь онъ смѣняется другими отложеніями, которыя напоминаютъ своимъ составомъ и сѣрымъ цвѣтомъ почву окрестностей Тянь-цзина. Эти новыя отложенія залегаютъ отъ Ань-су до города Танъ-сяня и еще нѣсколько западнѣе его на протяженіи около 80—90 верстъ. Затѣмъ опять начинаются отложенія лёсса.

Если мы взглянемъ на карту Чжилійской провинціи, составленную г. Веберомъ, то мы увидимъ, что въ 20 верстахъ отъ города Ань-су къ востоку лежитъ городъ Ань, у котораго начинается рядъ озеръ или болотъ, протянувшихся отсюда на востокъ вплоть до Тянь-цзина узкой полосой вдоль р. Чжунъ-тинъ-хэ; на западѣ эти озера называются Си-дянь, на востокѣ Дунъ-дянь. Вѣроятно отложенія, встрѣченныя нами между Ань-су и Танъ-сянемъ, посреди которыхъ стоитъ древняя столица Чжилійской провинціи Бао-динъ-фу, есть не что иное, какъ обсохшее дно западнаго конца озера Си-дянь, которое нѣкогда протягивалось на западъ до самой подошвы горъ. Около Бао-дина приходится самое низкое мѣсто дороги; городъ стоитъ на высотѣ только 17 метр. надъ уровнемъ моря; отсюда къ Пекину мѣстность повышается и у Пекина, по показанію нашего барометра, имѣетъ 89 метр. высоты. Къ югу отъ Бао-дина наша дорога направилась въ горы, поэтому высоты быстро возрастаютъ; городъ Танъ-сянь лежитъ уже на высотѣ 80 метровъ.

Въ сѣверной части этой дороги, т. е. между Пекиномъ и Ань-су, лёссъ лежитъ не толстымъ пластомъ и разрѣзы въ лёссѣ не достигаютъ свыше 2 саж. высоты; западнѣе же Танъ-сяня отложенія лёсса становятся гораздо мощнѣе. Горныя возвышенности видны во всю дорогу отъ Пекина до Бао-динъ-фу вправо отъ нея, въ болѣе или менѣе значительномъ отдаленіи; противъ города Динъ-сина онѣ удаляются отъ дороги, а западнѣе Танъ-сяня подходятъ къ ней. Первыя обнаженія гнейса замѣчаются къ востоку отъ деревни Да-янъ, а около этой деревни встрѣчаются известняки.

Пекинъ мы оставили 25 мая н. ст. въ 6 ч. вечера, выступивъ по дорогѣ въ Бао-динъ-фу, столицу провинціи Чжили. За городскими воротами тянется предмѣстье около ли длиной; затѣмъ начались поля, перемежающіяся съ деревенскими усадьбами. Весь путь до деревни, въ которой мы ночевали, вымощенъ большими плитами въ метръ длиной; эта мостовая сильно пострадала отъ времени; однѣ плиты вдавились въ землю, другія покосились, а по краямъ дороги отвалились прочь. Это было скорѣе загражденіе пути, чѣмъ приспособленіе его. Въ такомъ же состояніи, разсказываютъ, и дорога изъ Пекина въ Калганъ. И въ другихъ мѣстахъ Китая впослѣдствіи мы встрѣчали мостовыя всегда въ такомъ же заброшен-

Digitized by Google

номъ состояніи. Но тамъ по крайней мѣрѣ было захолустье, а здѣсь подобная убійственная мостовая находилась у самыхъ воротъ столицы государства.

Въ первый день мы сдѣлали только 15 ли и остановились въ деревнѣ Та-цзинъ, куда прибыли около половины 9-го. На постояломъ дворѣ намъ отвели фанзу, или вѣрнѣе пустой сарай. Внутри въ обоихъ концахъ фанзы были устроены каны [1]); полъ былъ земляной и пыльный. На каны намъ положили свѣжія циновки, а по срединѣ сарая поставили простой столъ грубой работы, какъ плотничій верстакъ, и возлѣ него двѣ скамьи такого же грубаго вида. За это помѣщеніе съ насъ взяли 2 рубля. Сначала мы думали, что такое дурное состояніе гостинницы нужно объяснять ничтожностью той деревни, въ которой намъ пришлось въ первый разъ ночевать, и что въ большихъ деревняхъ и особенно городахъ есть гостинницы вполнѣ удобныя, но впослѣдствіи должны были убѣдиться, что и въ самыхъ большихъ городахъ гостинницы не многимъ лучше гостинницы дер. Та-цзинъ.

На другой день мы перешли черезъ знаменитый каменный мостъ Лу-гоу-цяо, ведущій черезъ р. Хунь-хэ; мостъ имѣетъ около 50—60 саж. длины и до 20 саж. ширины; столбики перилъ украшены каждый небольшимъ каменнымъ львовъ. Рѣка бѣдна водой; говорятъ, иногда совсѣмъ пересыхаетъ. За 10—15 ли до города Лянъ-сянъ-сяня (въ 30 верстахъ отъ Пекина) равнина стала не ровною; то въ лѣвой, то въ правой рукѣ виднѣлись низкія длинныя гряды. Пыль была невыносимая; лошадь тонула въ лёссовой пыли, лежащей на дорогѣ, по щетку ноги. По дорогѣ часто встрѣчались нищіе, просившіе милостыню. Они сидѣли подлѣ дороги съ чашками въ колѣняхъ; иногда шаговъ за двадцать не допустивъ караванъ, бѣдныя старухи выходили на самую середину дороги, становились на колѣни въ лёссовую пыль, дѣлали земной поклонъ и молили о подаяніи. Западныя горы были видны только утромъ, при ясной погодѣ; съ полудня поднялась пыль въ воздухѣ и горизонтъ завалился мглой. Городъ Лянъ-сянъ мы обошли съ сѣверо-востока и, миновавъ еще деревню подъ названіемъ «тринадцать ли» (Ши-сань-ли), остановились въ деревнѣ Тао-дянь. Наши слуги перевели это имя «персиковая гостинница»; на картѣ г. Вебера она названа Доу-дянь («гороховая гостинница»?). Здѣшняя гостинница была приличнѣе, чѣмъ въ дер. Та-цзинъ. Окна большія, во всю стѣну; каны покрыты чистыми циновками; полъ не пыльный; стѣны гладко оштукатурены и окрашены въ бѣлый цвѣтъ, потолокъ высокій.

Съ этого дня мы стали правильнѣе распредѣлять свое время; вставали обыкновенно въ 5, иногда въ 4 ч. утра; на вьючку сначала уходило два часа, такъ что выходили въ 7 или въ $6^1/_2$ час. Въ дорогѣ проводили около семи часовъ, дѣлая по 24 версты въ день. На ночлеги наши возчики предпочитали останавливаться въ деревняхъ, минуя города. Такимъ образомъ 27 мая мы, пройдя черезъ городъ Чжо-чжоу по главной его улицѣ, остановились на ночлегъ въ деревнѣ Сунъ-линъ, 28 прошли мимо города Динъ-синъ и ночевали въ деревнѣ Гу-ченъ; 29 мая,

[1]) Каномъ называется въ Китаѣ лежанка, которая нагрѣвается тѣмъ, что подъ нею разводится огонь или, если верхняя площадь лежанки не кирпичная, а изъ деревянныхъ досокъ, ставится жаровня съ углями.

Digitized by Google

миновавъ городъ Ань-су, вошли въ предмѣстье города Бао-динъ-фу и здѣсь провели цѣлый день. Между городами Лянъ-сянъ и Чжо-чжоу дорога пересѣкаетъ рѣку Лю-ли-хэ, черезъ которую построенъ каменный мостъ. Городъ Чжо лежитъ на южномъ берегу рѣки Цзюй-ма-хэ, черезъ которую тоже переходятъ по каменному мосту до 200 саж. длиной при ширинѣ не болѣе 10 саж. Наконецъ около Динъсина, дорога пересѣкаетъ третью рѣку Бэй-хэ (на картѣ Вебера И-шуй); рѣка около 20 саж. шириной, мостъ на деревянныхъ стойкахъ; настилка изъ камыша, прикрытая сверху глиной.

Большая дорога была бы однообразна, еслибъ пекинская равнина не была густо населена. Дорога то и дѣло проходитъ черезъ деревни; другія деревни видны вдали вправо и влѣво отъ дороги; по дорогѣ постоянное движеніе, идутъ обозы изъ навьюченныхъ муловъ, изрѣдка колоссальныя телеги, загроможденныя товарами, и всадники, нарядныя женщины съ дѣтьми на рукахъ и верхомъ на мулахъ, которыхъ обыкновенно ведутъ подъ уздцы мужья и т. п. Деревни обсажены деревьями; самое обыкновенное тутъ дерево вязъ (юй-шу), изъ котораго не рѣдко составлены аллеи вдоль главныхъ улицъ деревень, выбѣгающія иногда и за околицу вдоль дороги, а также высокая ива (леу-шу); кромѣ того часто встрѣчаются также деревья чунъ-шу (Cedrala sinensis) и хуай-шу (Sophora japonica L.); послѣднія иногда со стволомъ въ нѣсколько обхватовъ толщиной. За околицей деревень обыкновенно тянутся рощицы жужубниковъ (Zizyphus vulgaris Lam.), колючаго деревца, которое доставляетъ любимый китайцами плодъ цзаоръ. Каждая деревня представляетъ массу зелени, которая въ видѣ оазиса поднимается среди вспаханныхъ полей. Какъ только выйдешь изъ деревни, лѣсъ прекращается, но впереди во 100—200 саженяхъ виднѣется уже другая деревня, и кромѣ того на различныхъ разстояніяхъ видны деревни и по сторонамъ. Всѣ эти оазисы или деревенскія рощи въ перспективѣ сливаются въ одну общую зеленую стѣну, которая заслоняетъ горизонтъ во всѣ стороны, и путнику кажется, что онъ проходитъ по лѣсистой странѣ. Въ дѣйствительности здѣсь весь лѣсъ искусственнаго насажденія; въ естественномъ состояніи страна была облѣснена вѣроятно только ивами вдоль рѣчныхъ береговъ, но теперь берега эти обнажены, а между ивняками, подлѣ оросительныхъ канавъ, прудовъ и рѣчныхъ затоновъ, едва ли найдутся деревья, не посаженныя рукой человѣка.

Промежуточное пространство между деревнями сплошь занято пашнями. Поля покрыты преимущественно пшеницей, по краямъ пашень на крутыхъ скатахъ валовъ, которыми пашни огорожены и на ихъ гребняхъ разсажена клещевина, по китайски та-май-цза или кунъ-дао; послѣднее названіе намъ переводили словомъ «справедливость». Кунъ-дао растетъ прямо, образуетъ кусты съ густой листвой и получило такое названіе будто бы за то, что съ успѣхомъ устраняетъ поземельные споры.

Естественная растительность вдоль дороги крайне бѣдная; дикія растенія встрѣчаются только по межамъ да по крутымъ скатамъ террасъ. Пашни тщательно выпалываются, трава уносится въ деревни и высушивается на дрова.

Digitized by Google

Городъ Ань-су лежитъ на южномъ берегу рѣки Бао-хэ, ширина которой въ эту пору года была не болѣе 5 саж. Мы обошли городъ съ запада, такъ что видѣли только его стѣны съ внѣшней стороны. 29 мая, когда мы шли изъ Ань-су въ Бао-динъ-фу, былъ день, въ который китайцы празднуютъ какое-то историческое событіе; во всѣхъ деревняхъ около дверей были вывѣшены зеленыя древесныя вѣтви [1]).

Городъ Бао-динъ мы обошли съ запада и остановились въ его южномъ предмѣстьѣ, въ гостинницѣ Хуай-шу-дянь, т. е. въ «гостинницѣ софоры». Дворъ былъ узкій и темный, кромѣ того его наполняла огромная толпа китайцевъ, такъ какъ по случаю какого-то праздника, населеніе было свободно отъ работъ. Поэтому, произвести опредѣленіе астрономическаго пункта въ нашей гостинницѣ оказалось совершенно невозможнымъ и А. И. Скасси долженъ былъ со своими инструментами отправиться въ домъ католической миссіи, въ надеждѣ встрѣтить тамъ любезный пріемъ и удобное мѣсто. Онъ нашелъ въ миссіи двухъ миссіонеровъ, Delamasure и Fioretti, которые очень радушно его встрѣтили и угостили виномъ, приготовленнымъ ими самими изъ мѣстнаго винограда. Въ г. Fioretti А. И. Скасси нашелъ товарища себѣ по профессіи; онъ интересуется астрономіей и ищетъ въ ней доказательствъ того, что китайскія лѣтописи не такъ древни, какъ обыкновенно полагаютъ; главное основаніе къ такому мнѣнію заключается въ томъ, что лунныя затменія, указанныя въ лѣтописяхъ, не совпадаютъ во времени съ дѣйствительными.

31 мая мы оставили Бао-динъ и, миновавъ большую деревню Синъ-янъ-и съ живописной, украшенной большими деревьями, улицей, къ вечеру достигли деревни Фань-шунь-цяо. Это былъ послѣдній пунктъ на большой дорогѣ въ Тай-юань, до котораго намъ слѣдовало дойти; отсюда намъ нужно было свернуть вправо, въ горы. Черезъ рѣку здѣсь построенъ каменный мостъ съ 12 львами на каждой сторонѣ; въ рѣкѣ, рытвина которой была до 10 саж. ширины, воды не было; она была отведена въ оросительный каналъ, который тоже приходится пересѣкать по другому каменному мосту.

Въ деревнѣ Фань-шунь нашу гостинницу посѣтили пѣвицы. Сначала на дворѣ гостинницы появилась дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, хорошо одѣтая; она пропѣла пѣсню, акомпанируя на гитарѣ. Когда мы приласкали ее, появились еще двѣ пѣвицы, уже взрослыя. Это были такъ называемыя хуа-ньянъ, «барышни—цвѣты». Намъ разсказывали, что существуютъ особые антрепренеры, которые покупаютъ у бѣдныхъ родителей ихъ дочерей еще въ дѣтскомъ возрастѣ и воспитываютъ ихъ для этого ремесла, обучая музыкѣ и искусству нравиться мужчинамъ. Китайская музыка, а особенно женское пѣніе, были для насъ новостью; и мы слушали ихъ

[1]) Этотъ день называется у-ѣ-танъ-ву. Этотъ праздникъ справляется всегда въ пятый день пятой луны. Въ Гань-су также исполняется этотъ обычай. Въ Шаньси намъ говорили, что онъ установленъ въ память избавленія отъ избіенія. Царь осадилъ городъ, но, чтобы предупредить избіеніе тѣхъ жителей его, которые были приверженцами царя, имъ было приказано выставить у дверей ихъ домовъ зеленыя вѣтви. Эти дома были пощажены, остальное же населеніе города избито.

Digitized by Google

до вечернихъ огней. Въ другихъ мѣстахъ Китая мы болѣе уже не встрѣчали подобныхъ пѣвицъ; особенность ли это окрестностей Бао-дина, не знаемъ. Арманъ Давидъ въ своемъ дневникѣ (Journal de mon troisiéme voyage dans l'empire chinois. Paris, 1875, p. 50) помѣстилъ разсказъ о хуа-ньянахъ также близь Бао-дина, въ 70 ли къ сѣверу отъ него, въ мѣстечкѣ Пей-хо. Онъ говоритъ, что это мѣстечко пользуется дурной славой, что здѣсь даже замужнія женщины, съ согласія своихъ мужей, занимаются этимъ ремесломъ. Повидимому, область съ такой дурной репутаціей шире, чѣмъ думалъ Давидъ.

Здѣсь, ближе къ горамъ, деревни стали встрѣчаться не такъ часто, какъ прежде. Отъ деревни Фанъ-чжуанъ пошла песчаная почва до города Танъ-сяня. Въ городѣ въ этотъ день была ярмарка; множество народа собралось изъ окрестностей смотрѣть театральныя представленія. Большая толпа городскихъ жителей высыпала намъ на встрѣчу и встрѣтила за городскими воротами, такъ что намъ въ теченіи 6—7 минутъ пришлось ѣхать между двумя шпалерами изъ человѣческихъ фигуръ. Въ толпѣ раздавались смѣхъ и иногда крики: гуй-цза (чортъ).

Отъ Тана до Фоу-пина мы прошли въ три дня, имѣя ночлегъ въ первый день въ деревнѣ Чу-дза-ю, во второй—въ деревнѣ Ванъ-гуай-чжень.

По выходѣ изъ города Тань-сяня, мы прошли одну за другой шесть деревень и около седьмой, Си-бао-де, подошли къ мелкимъ возвышенностямъ, образующимъ растворе́ніе долины р. Да-янъ-хэ. Слѣдующая деревня Да-янъ, гдѣ мы остановились, чтобы пообѣдать, лежитъ уже внутри долины, на лѣвомъ берегу рѣки. Отъ деревни Да-янъ, мы шли вверхъ по долинѣ р. Хэнъ-хэ, впадающей въ Да-янъ-хэ справа, до деревни Чу-дза-ю, которая лежитъ на правомъ берегу Хэнъ-хэ, противъ деревни Хо-чжа-тунъ, лежащей на лѣвомъ берегу. Жители послѣдней занимаются горшечнымъ промысломъ и выдѣлываютъ посуду разныхъ величинъ отъ плошки до корчагъ въ $1^1/_2$ арш. высоты. Деревня расположена въ полугорѣ и весь скатъ горы былъ уставленъ ярусами изъ горшковъ, глазурь которыхъ сверкала на солнцѣ. Это была оригинальная картина, превращавшая небольшую деревеньку въ грандіозные подмостки для выставки продуктовъ горшечнаго искусства.

У деревни Чу-дза-ю дорога бросаетъ долину р. Хэнъ-хэ и переваливаетъ черезъ хребетъ, отдѣляющій эту долину отъ болѣе южной долины р. Тай-вань-шань-коу. И вправо и влѣво отъ дороги, при переходѣ черезъ перевалъ, видны скалистыя горы, но самый перевалъ плоскій и покрытъ лёссомъ; дорога въ долину Тай-вань-шань-коу спускается при деревнѣ Си-ю, лежащей въ трехъ верстахъ отъ рѣки и идетъ по ней до селенія Чжя-чжя-коу, лежащей при впаденіи р. Та-ша-хэ въ Тай-вань-коу. Отсюда дорога идетъ вплоть до Фоу-пина по берегу Та-ша-хэ, сначала по правому, а нѣсколько ниже впаденія справа р. Пань-ю-хо въ виду дер. Ванъ-цо-коу, по лѣвому. Передъ городомъ Фоу-пинъ съ лѣвой по теченію стороны къ Та-ша-хэ примыкаетъ побочная широкая сухая долина; какъ только, пройдя послѣдній приторъ къ рѣкѣ сосѣднихъ горъ, мы вышли на эту побочную долину, какъ сейчасъ же и открылся намъ видъ на городъ, находящійся на ея противуположной окраинѣ. Городъ расположенъ на мысѣ между р. Ша-хэ и сухой по-

Digitized by Google

бочной долиной; конецъ мыса постепенно понижается, такъ что городскія зданія стоятъ здѣсь на уровнѣ дна долины, но разрѣзы вдоль сухой долины и вдоль Ша-хэ отъ мыса возростаютъ, съ чѣмъ вмѣстѣ и городскія постройки поднимаются надъ уровнемъ рѣки. Въ лѣвомъ концѣ города мы замѣтили ворота, къ которымъ и направился нашъ караванъ; ворота были такія небольшія и такой простой постройки, что мы приняли ихъ за ворота, ведущія во дворъ гостинницы, но это оказались городскія въѣздныя ворота и, войдя въ нихъ, мы очутились на главной улицѣ города.

Фоу-пинъ лежитъ на высотѣ 307 метровъ надъ уровнемъ моря.

Въ обѣихъ долинахъ Хэнъ-хэ и Ша-хэ господствующая горная порода гнейсъ, мѣстами сильно вывѣтрившійся. Выходы его начинаютъ встрѣчаться еще до входа въ долину Да-янъ-хэ (или Коу-хэ) около деревень Си-бао-де и еще дальше отъ горъ у дер. Бао-шинъ-де. Въ двухъ мѣстахъ, около дер. Да-янъ въ долинѣ Да-янъ-хэ и близь дер. Вань-гуай-и, въ долинѣ Ша-хэ есть выходы известняка; въ послѣднемъ случаѣ они тянутся на всемъ протяженіи отъ дер. Вань-гуай, внизъ до дер. Чжя-чжя-коу, т. е. на протяженіи 45 верстъ. Простираніе гнейса въ долинѣ Ша-хэ у дер. Чжя-чжя-коу (немного ниже д. Вань-гуай) N 340°, у дер. Янъ-фуа SE 140 съ паденіемъ въ 18° и между дер. Фанъ-де-коу и Чи-нья-ли NE 80 съ паденіемъ на юго-западъ въ 35°. Въ долинахъ Да-янъ-хэ и Хэнъ-хэ коренныя породы прикрыты лёссомъ, который въ долинѣ Ша-хэ, выше дер. Вань-гуай, смѣняется горнымъ наносомъ, состоящимъ изъ сцементированной дресвы. Этотъ наносъ не слоистъ и надъ обнаженіями коренныхъ породъ (кварцевый діоритъ) иногда образуетъ разрѣзы до 1 саж. высоты; иногда вмѣсто него на діоритѣ лежитъ плотная брекчія, цементированная известкой. Наносъ смягчаетъ угловатыя формы діоритовыхъ холмовъ, такъ что всѣ горы, стѣсняющія долину р. Ша-хэ, имѣютъ мягкія закругленныя очертанія.

Лёссъ въ долинѣ Хэнъ-хэ сплошь покрываетъ страну, но въ долинѣ Ша-хэ онъ встрѣчается только мѣстами. Чѣмъ глубже въ горы, тѣмъ слой лёсса становится толще. На равнинѣ между городомъ Танъ и дер. Да-янъ разрѣзы лёсса имѣютъ отъ $2^1/_2$ до 3 саж. высоты, но на перевалѣ между долинами Хэнъ-хэ и Ша-хэ толщина его достигаетъ до 5 саж., а въ долинѣ Ша-хэ около д. Чжя-чжя-коу до 10 саж. Выше этой деревни отъ Вань-гуай до Фоу-пина лёсса нѣтъ; онъ замѣненъ выше описаннымъ наносомъ, но около Фоу-пина, гдѣ долина Ша-хэ расширяется, опять виденъ лёссъ. Самый городъ стоитъ на лёссѣ, который покрываетъ мысъ между долиной р. Ша-хэ и сухой долиной, присоединяющейся къ ней слѣва. Вверхъ по этой сухой долинѣ лёссъ образуетъ обрывы въ 2 — 3 саж. высоты, въ долинѣ же Ша-хэ выше города видны обрывы въ 10 саж. Лёссъ по большей части неслоистый; известковые скипки встрѣчены только въ одномъ мѣстѣ на перевалѣ между Хэнъ-хэ и Ша-хэ. Здѣсь же въ немъ встрѣчаются раковины Helix. Деревня Вань-гуай лежитъ на террасѣ, образованной слоистымъ лёссомъ съ прослойками гальки, и имѣющей менѣе сажени высоты; надъ этой террасой возвышаются обрывы неслоистаго лёсса.

Digitized by Google

Дно рѣки Да-янъ-хе, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы ее пересѣкли, устлано валунами, рѣка же Хэнъ-хэ, а также и Ша-хэ около деревни Вань-гуай имѣютъ песчаное дно; только отъ впаденія р. Пань-ю-хо около дер. Вань-лю-коу въ Ша-хэ начинаютъ на днѣ рѣки встрѣчаться разсѣянные камни. Песчаное дно долинъ, т. е. обсохшую часть рѣчного дна, здѣшніе крестьяне разбиваютъ на квадратные участки, огораживаютъ валиками, унаваживаютъ, снабжаютъ искусственнымъ орошеніемъ и превращаютъ въ поля. Такимъ образомъ китайцы завоевываютъ подъ культуру совершенно безплодныя сухія русла рѣкъ. Тамъ, гдѣ лёссъ, пашни расположены на склонахъ горъ террасами одна выше другой.

Кромѣ пшеницы, на здѣшнихъ поляхъ мы замѣтили ячмень, чечевицу, коноплю и клещевину; выше дер. Ванъ-лю-коу появляется овесъ.

Деревья встрѣчались только подлѣ деревень, повидимому только саженыя. Разъ только, идя по долинѣ Ша-хэ, ниже Фоу-пина, мы увидѣли тополевый лѣсъ въ одной побочной долинѣ вправо отъ дороги, т. е. въ лѣвомъ боку долины Ша-хэ.

Фанзы въ деревняхъ здѣсь чаще сложены изъ дикаго камня; построекъ изъ кирпича мало, дворы же сплошь огорожены стѣнами изъ камня. Въ каждой деревнѣ нашъ проѣздъ вызывалъ все населеніе на улицу. Женщины въ горахъ казались миловиднѣе, чѣмъ на равнинѣ; въ лицахъ мужчинъ есть какъ будто тюркскія черты.

Отъ Фоу-пина до мѣстности У-тай мы прошли въ три дня. Дорога идетъ сначала вверхъ по долинѣ р. Ша-хэ до ея вершины; здѣсь она переваливаетъ черезъ гору и спускается по долинѣ какой-то рѣчки, вплоть до ея впаденія въ р. У-пинъ-хо, затѣмъ идетъ вверхъ по У-пинъ-хо до ея вершины, спускается въ долину одного изъ притоковъ рѣки Хуто-хэ и опять поднимается вверхъ по этому притоку до мѣстности У-тай. Первый ночлегъ по выходѣ изъ Фоу-пина мы имѣли въ д. Ліянъ-пу или Ванъ-юнъ-пу, въ долинѣ У-пинъ-хо. Сначала мы шли по правому берегу Ша-хэ, потомъ, оставивъ эту рѣку въ лѣвой рукѣ, мы поднялись по долинѣ, которую намъ назвали Синъ-са-ли. Въ верхней части эта долина съуживается и превращается въ тѣсное ущелье. По дну ущелья течетъ рѣчка не болѣе 1 саж. ширины съ свѣтлой водой и съ каменистымъ дномъ. Не смотря на узость долины, на ней встрѣчались деревни, хотя и небольшія, дворовъ по 5 или по 6, иногда менѣе. Такихъ деревенекъ мы насчитали 8. Около фанзъ, кромѣ ивъ, тополей и хуайшу, мы увидѣли здѣсь еще грецкій орѣхъ и черный жужубъ, хэ-цзаоръ (Diospyros Lothus); послѣдній имѣетъ высокіе, вѣтвистые и толстые стволы и развѣсистую крону. Обнаженія по всему ущелью состояли изъ гнейса, и только на самой вершинѣ перевала гнейсъ смѣнила какая-то зеленая кремнистая порода; горы и здѣсь имѣютъ мягкіе контуры; скалы, которыми обставлено ущелье, имѣютъ не болѣе 10 саж. высоты. На самомъ перевалѣ находится крестьянскій дворъ, который называется Ньянъ-де-лиръ. Съ перевала дорога спускается по р. По-лоу-шу, которая течетъ въ такомъ же тѣсномъ ущельѣ, какъ и предъидущее, но только новое ущелье короче. Это ущелье выводитъ дорогу

Digitized by Google

въ долину р. У-пинъ-хо, которая здѣсь течетъ въ широкихъ голешникахъ. Здѣсь вновь стали попадаться большія деревни. Миновавъ четыре порядочныхъ деревни, мы остановились на ночлегъ въ с. Ліянъ-пу (Ванъ-юнъ-пу), гдѣ всего было 3—4 двора (636 м. высоты надъ у. м.).

Постоялый дворъ, въ которомъ мы остановились, представлялъ рѣдкую на нашемъ пути картину опрятности и исправности. Тутъ не было осыпавшихся стѣнъ, вывалившихся дверей, разсыпавшихся оконницъ, разъѣхавшейся черепицы на крышѣ, превратившейся въ лохмотья оконной бумаги, валяющихся по двору кирпичей и проч., какъ это повсюду мы встрѣчали на постоялыхъ дворахъ на большой дорогѣ. Хозяинъ былъ, повидимому, не торгашъ большедорожный, а домовитый крестьянинъ. Вездѣ у него было чисто и цѣло; земледѣльческія орудія были собраны въ одномъ мѣстѣ, какъ на выставкѣ; для скотскаго водопоя былъ сбитъ изъ глины большой бассейнъ, содержавшійся въ исправности, бумага въ окнахъ была цѣлая и новая. Къ занятію земледѣліемъ хозяинъ присоединялъ подспорье, онъ занимался приготовленіемъ уксуса; одна изъ комнатъ была сплошь уставлена корчагами съ этой жидкостью; запахъ изъ нея отравлялъ наше пребываніе въ этой деревнѣ и порядочно мѣшалъ наслаждаться картиной сельскаго благосостоянія.

На другой день мы продолжали подниматься по долинѣ У-пинъ-хо. До дер. Нань-чжуанъ шли лѣвымъ берегомъ, затѣмъ, противъ развалинъ стариннаго города Чяу-ченъ, перешли на правый и къ полудню достигли до города Лунь-цюань-гуань. Городокъ расположенъ на неровной террасѣ на правомъ берегу У-пинъ-хо. Около этого города мы впервые увидѣли Великую стѣну, но пройдти ее намъ пришлось не здѣсь, а нѣсколько далѣе, на вершинѣ перевала въ самой вершинѣ р. У-пинъ-хо.

Пообѣдавъ въ городѣ, мы выступили далѣе по дорогѣ, идущей по террасѣ вдоль Великой стѣны, которая тянется вдоль подошвы горы. Гора эта выдвигалась изъ-за зубцовъ на двойную высоту противъ высоты стѣны и съ дороги былъ виденъ ея склонъ, сплошь заросшій густымъ и разнообразнымъ лѣсомъ; это былъ какъ будто какой-то паркъ; рѣдко еще встрѣчалось намъ видѣть такую большую и красивую площадь лѣса въ Китаѣ. Вскорѣ Великая стѣна загибается подъ прямымъ угломъ, поднимается прямо въ гору и уходитъ за ея гребень, за которымъ опять дѣлается загибъ по направленію къ вершинѣ горы; куда уходитъ продолженіе стѣны, съ дороги было невидно. Оставивъ стѣну въ лѣвой рукѣ, въ 2½ часа мы дошли до деревни Инъ-чао-чжуанъ съ кумирней Пинъ-шань-сы, чрезвычайно живописной, расположенной въ полугорѣ, и окруженной тѣнистыми рощами. Выше этой деревни долина У-пинъ-хо раздѣляется на три; дорога идетъ по средней; она становится все круче и круче, и наконецъ, оставивъ дно долины въ правой рукѣ, поднимается на крутизну и выходитъ къ одинокой фанзѣ, стоящей на вершинѣ перевала. Шагахъ въ 30—40 далѣе этой фанзы опять проходитъ Великая стѣна; здѣсь мы должны были пересѣчь ее. Ворота, черезъ которыя идетъ дорога, находятся въ полуразрушенномъ состояніи; потолокъ въ серединѣ арки упалъ и наполняющій внутренность стѣны бутъ валится на мостовую подъ аркой съ обѣихъ сторонъ, и справа и слѣва, а вверху надъ головой, когда проходишь подъ аркой, виденъ люкъ.

Digitized by Google

Верхняя часть долины У-пинъ-хо гораздо живописнѣе той долины, въ которой лежитъ городъ Фоу-пинъ. Растительности здѣсь болѣе, чѣмъ тамъ; горные скаты покрыты сплошной зеленью травъ и кустарниковъ. Около деревень встрѣчается хуайшу, который поднимается по долинѣ У-пинъ-хо до кумирни Пинъ-шань-сы; а около перевала появляются отдѣльныя хвойныя деревья и Anemone chinensis.

Горы, какъ и въ нижней части долины, покрыты горнымъ наносомъ, состоящимъ изъ дресвы съ примѣсью угловатыхъ камней; обломки эти въ верхней части долины становятся крупнѣе и около кумирни Пинъ-шань-сы достигаютъ размѣровъ въ $1^1/_2$ четв. арш. Ниже дер. Па-ли-чжуанъ, на правомъ берегу У-пинъ-хо есть выходъ крупно зернистаго гранита; въ остальныхъ частяхъ долины обнаженія состоитъ изъ сланцевъ. Между деревней Па-ли-чжуанъ и кумирней, лежащей на той же сторонѣ долины, нѣсколько ниже деревни, ясно различается двѣ террасы на лѣвомъ берегу рѣки; нижняя терраса возвышается надъ дномъ долины менѣе чѣмъ на сажень; ширина ея до нѣсколькихъ сотъ саженъ; надъ ней возвышается другая сажени на четыре; она образуетъ узкую полосу, прилегающую къ горамъ. Такая же узкая терраса есть и на правомъ берегу; она поднимается надъ дномъ долины саженъ на 5, т. е. до одного уровня съ верхней террасой лѣваго берега. Обѣ состоятъ изъ валуновъ и камней.

По выходѣ изъ воротъ Великой стѣны сейчасъ же начинается спускъ въ долину, которая выводитъ въ другую, болѣе значительную, долину; въ этой послѣдней течетъ одинъ изъ притоковъ р. Ху-то-хэ, въ вершинѣ котораго лежитъ мѣстность У-тай. Особаго имени притоку у мѣстныхъ жителей нѣтъ; у Рихтгофена China, t. II, табл. IV, онъ названъ Цинъ-шуй; мы воспользуемся этимъ именемъ для нашего текста. На стрѣлкѣ, гдѣ обѣ долины соединяются, лежитъ дер. Ши-цуй-цза (1297 метровъ надъ у. м.), въ которой мы, спустившись съ перевала, ночевали. На другой день мы шли вверхъ по р. Цинъ-шуй и 7 іюня вошли въ Утай (1708 метровъ).

Растительность по другую сторону перевала хуже, чѣмъ въ долинѣ У-пинъ-хо. Отчасти это, вѣроятно, надо приписать высокому положенію мѣста, вслѣдствіе чего здѣсь растительность еще не могла вполнѣ развернуться. Около деревень и около кумирень здѣсь часто встрѣчались густыя рощи, обыкновенно запущенныя по горному скату надъ селеніемъ. Такъ въ долинѣ, по которой мы спускались съ перевала, лѣсъ былъ виденъ на скатѣ, возвышающемся надъ кумирней Тай-лу-сы, а другая кумирня Гуань-инъ-мяо сама стоитъ въ густомъ лѣсу на днѣ долины. Въ долинѣ, по которой мы поднимались до У-тая, начиная отъ дер. Ши-цуй-цза, лѣсъ встрѣчается въ слѣдующихъ мѣстахъ: у дер. Чинъ-ганъ-пу по горѣ растетъ хвойный лѣсъ и кустарники; у кумирни Пай-у-сы на горѣ же лѣсъ, въ которомъ много сосенъ; около кумирни Пу-гань-сы на восточномъ боку долины сосновый лѣсъ, а на правомъ боку горный скатъ одѣтъ березовымъ лѣсомъ съ примѣсью сосны. Выше Пу-гань-сы еще есть кумирня, очень богатая и живописная, расположенная въ ущельи съ густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Хуай-шу и грецкихъ орѣховъ здѣсь мы не видѣли, но въ деревнѣ Кенъ-ха-ли (выше дер. Чинъ-ганъ-пу) замѣтили абрикосовыя деревья.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

латѣ; оказалось, что это былъ экономъ (нюрба) монастыря. Предложивъ намъ оставить лошадей подъ присмотромъ монастырскихъ слугъ, онъ приказалъ вынуть наши вещи изъ мѣшковъ, привѣшанныхъ къ сѣдламъ, и внести ихъ въ комнату; онъ не ручался за ихъ сохранность, если онѣ останутся на дворѣ. Затѣмъ онъ пригласилъ насъ въ келью подъ предлогомъ отдыха, въ дѣйствительности же съ цѣлью распросить, кто мы и откуда. Напоивъ насъ чаемъ, онъ повелъ насъ на южный дворъ, въ которомъ расположены кумирни. Изъ двора, въ которомъ стояли наши лошади, въ южный намъ пришлось подниматься по пологой лѣстницѣ, идущей между зданіями. Южный дворъ монастыря значительно меньше; онъ квадратный, каждый бокъ его занятъ кумирней; посреди дворика бронзовая большая жаровня и надъ нею сосна (Pinus bungeana Endlich.), которая считается священною. Я пожелалъ получить на память вѣтку этого дерева, но экономъ извинился и сказалъ, что онъ не можетъ исполнить моего желанія. Потомъ однако одинъ лама, за небольшія деньги принесъ мнѣ вѣтку этой сосны; онъ объяснилъ мнѣ, что богамъ не нравится открытое нарушеніе святыни; но боги простятъ, если это дѣлается тайкомъ, и при томъ съ цѣлью пріобрѣсть масла для сожженія въ лампѣ передъ богами. Сѣверная и южная кумирни обѣ обращены дверями на югъ, такъ что южная обращена внутрь двора задней глухой стѣной. Западная и восточная кумирни выходятъ дверями внутрь двора.

Зданіе сѣверной кумирни имѣетъ около 6 саж. длины; это старое уже зданіе; двери отошли отъ петель, полиняли и покрыты накопившейся грязью. Внутри кумирни у задней стѣны изображеніе Пу-сы въ ростъ человѣка; матеріалъ, изъ котораго сдѣлана фигура, скрытъ подъ позолотой. Въ ногахъ этой фигуры меньшихъ размѣровъ изображеніе Фо-ѣ или О-ми-то-фо. Обѣ фигуры въ сидячемъ положеніи. Вправо отъ Пу-сы изображеніе Фу-цзинь-пусы на слонѣ, влѣво Гуань-инъ-пусы на львѣ. Впереди главныхъ фигуръ, противъ дверей, въ небольшомъ кіотѣ, фигура Цзонкавы въ 1 ф. выс.

Восточная кумирня посвящена восемнадцати фо-ѣ; здѣсь подлѣ боковыхъ стѣнъ 18 крупныхъ позолоченыхъ фигуръ.

Въ южной кумирнѣ у задней стѣны три фигуры болѣе человѣческаго роста, деревянныя, покрытыя позолотой; вправо отъ жертвеннаго стола Вый-туо, стоящая фигура съ бѣлымъ женственнымъ китайскаго типа лицомъ; влѣво отъ стола фигура съ чернымъ звѣрскимъ лицомъ, тоже Вый-туо. Эта кумирня служитъ для ламъ мѣстомъ для богослуженія; здѣсь разставлены скамьи для ламъ, о томъ же свидѣтельствовали бубны, звонки и друг. принадлежности.

Западная кумирня посвящена Нго-фоѣ, «злому богу». По серединѣ кумирни открыто помѣщается деревянная сидящая фигура съ горбатымъ, заостреннымъ на концѣ, носомъ; сзади ея въ трехъ кіотахъ три безобразныя фигуры; лѣвая изъ нихъ имѣетъ множество глазъ и множество рукъ. Кромѣ этихъ кумирень въ большомъ дворѣ есть еще пятая, въ которой, у задней стѣны стоятъ три мѣдныя въ ростъ человѣка фигуры, изображающія Пу-сы; передъ ними въ большомъ числѣ поставлены маленькія статуетки, изображающія Фо.

Digitized by Google

Пу-са-сы есть единственная обитель въ У-таѣ, которая принадлежитъ монгольскимъ монахамъ, остальныя всѣ принадлежатъ китайцамъ. Въ Пу-са-сы считается до 500 монаховъ. Изъ Пу-са-сы устроенъ спускъ въ обитель Шинъ-тунъ-сы, лежащую на южномъ склонѣ холма какъ разъ подъ Пу-са-сы, но такъ какъ этотъ спускъ имѣетъ видъ крутой лѣстницы и доступенъ только пѣшеходамъ, а мы имѣли при себѣ лошадей, то мы отправились туда кружной дорогой. Выйдя изъ воротъ обители Пу-са-сы и ведя лошадей въ поводу, мы стали спускаться по восточному склону холма по крутой тропинкѣ, превращающейся иногда въ лѣстницу, вырубленную въ скалѣ; тропинка привела насъ въ обитель Юнъ-чжао-сы; бѣлый субурганъ, стоящій на дворѣ этой обители, мы замѣтили еще изъ деревни, когда любовались общимъ видомъ святого холма съ крыши нашей гостинницы. Онъ меньше того субургана, который стоитъ на южной сторонѣ холма въ обители Тха-юнъ-сы. Кумирня Юнъ-чжао-сы, во время нашего посѣщенія У-тая, подновлялась; передній фасадъ кумирни былъ поправленъ и перекрашенъ; особенно была красива капитель, украшенная мелкой лѣпной работой и раскрашенная по голубому фону красными и желтыми разводами. Внутри кумирни тоже шла передѣлка; только самыя крупныя фигуры остались на мѣстѣ; второстепенныя божества были отодвинуты къ стѣнамъ; тысячерукая Гуань-инъ стояла лицомъ къ стѣнѣ, такъ что мнѣ пришлось познакомиться только съ ея спиной и ея многочисленными локтями. Золотыя руки и ноги боговъ, отдѣленныя отъ статуй, были сложены на жертвенникѣ, и представляли картину, напоминающую анатомическій театръ. На расчищенномъ передъ входомъ въ кумирню мѣстѣ художникъ возводилъ новую группу боговъ: Вынь-шу-пу-су на львѣ съ двумя тунъ-цзы.

Изъ Юнъ-чжао-сы въ обитель Шинъ-тунъ-сы мы проѣхали по узкой и кривой улицѣ, мостовая которой была въ видѣ крутой лѣстницы. Улица сплошь состояла изъ торговыхъ лавокъ, въ которыхъ идетъ продажа вещей на ламскую руку; на наружныхъ стѣнахъ этихъ лавокъ были вывѣшаны ламскія круглыя желтыя шляпы. Кумирня Шинъ-тунъ-сы, какъ сказано выше, расположена на террасѣ подъ Пу-са-сы. Это, кажется, самая старая кумирня въ У-таѣ. Главныя зданія обители находятся въ самомъ заднемъ, т. е. сѣверномъ концѣ двора ея и плотно примкнуты къ отвѣсной скалѣ, на вершинѣ которой видна Пу-са-сы. Они стоятъ на значительной высотѣ надъ уровнемъ двора на небольшой площадкѣ, представляющей верхнюю террасу; подъ нею находится другая, нижняя, терраса; со двора обители на нижнюю террасу ведутъ двѣ каменныя лѣстницы съ каменными перилами, украшенными каменными изваяніями львовъ и обезьянъ. Посрединѣ этой нижней террасы стоитъ мѣдный субурганъ, а по угламъ террасы четыре мѣдныя многоэтажныя башенки въ китайскомъ стилѣ. На верхней террасѣ на первомъ планѣ стоятъ въ рядъ три зданія; по сторонамъ каменныя, а между ними въ серединѣ мѣдное; эта мѣдная кумирня считается чудомъ У-тая; она вся составлена изъ мѣдныхъ плитъ; каждая плита имѣетъ около 1 арш. высоты; на сторонахъ плитъ, обращенныхъ внутрь кумирни, находятся рельефныя изображенія пу-сы, расположенныя въ 18 горизонтальныхъ рядовъ; въ каждомъ горизонтальномъ ряду по 7

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

фигуръ; слѣдовательно на всѣхъ трехъ стѣнахъ кумирни всего 384 изображенія. Каждая фигурка имѣетъ около 1/4 арш. высоты. Внутри мѣдной кумирни стоитъ мѣдное изображеніе Манджушри (Вынь-шу-пу-са) въ сидячемъ положеніи. Передъ нимъ жертвенникъ, вылитый также изъ мѣди, въ видѣ лѣсенки, какія дѣлаются у насъ для цвѣтовъ. На ней поставлены тахилы, семь серебряныхъ вазъ съ водой и четыре мѣдныя башенки. Вообще все въ этой кумирнѣ мѣдное или по крайней мѣрѣ металлическое; отсюда и названіе обители; тунъ по китайски «мѣдь».

Четвертая обитель на томъ же холмѣ называется Ло-хуа-сы; она находится на западномъ склонѣ холма. Въ ней три кумирни, построенныя одна впереди другой. Въ первой со входа центральное мѣсто занимаетъ Вынь-шу-пу-са (Манджушри); самъ онъ мѣдный; левъ, на которомъ онъ ѣдетъ, изъ глины. На жертвенникѣ передъ нимъ 14 серебряныхъ вазъ съ масломъ. Влѣво отъ этой главной фигуры помѣщается Гуань-инъ въ сидячемъ положеніи; она держитъ корень въ лѣвой рукѣ, а надъ нимъ держитъ ладонь правой. Съ правой стороны также Гуань-инъ, но не милосердая, а карающая; сама она изображена, какъ и лѣвая фигура, въ той же позѣ и съ тѣмъ же спокойнымъ выраженіемъ лица, но въ числѣ статуетокъ, поставленныхъ впереди ея, есть одна съ звѣрскимъ лицомъ. По боковымъ стѣнамъ фигуры 18-ти лохановъ. Колонны внутри этого храма одѣты коврами.

Въ самой задней кумирнѣ центральное мѣсто занимаетъ цвѣтокъ въ родѣ тюльпана съ красными саженными лепестками; онъ вырѣзанъ изъ дерева. Внутри цвѣтка пестикъ съ четырехгранною завязью; въ каждой грани углубленіе и въ каждомъ углубленіи посажена фигура пу-сы. Цвѣтокъ китайцы назвали мнѣ хэ-хуа. Справа и слѣва отъ цвѣтка столы съ статуетками, изображающими божества въ сидячемъ положеніи. У боковыхъ стѣнъ нѣтъ фигуръ; вмѣсто того полки, на которыхъ помѣщается библіотека въ видѣ тюковъ, завернутыхъ въ бумажныя ткани. Средняя кумирня посвящена Сань-бао-пу-сѣ; въ ней производится богослуженіе, и потому полъ уставленъ скамьями для хэшановъ. У задней стѣны три позолоченныя изображенія человѣческихъ фигуръ въ ореолахъ, очертаніемъ напоминающихъ форму листа грецкаго орѣха. На дворѣ передъ передней кумирней рядомъ съ бронзовой кумирней стоятъ каменные солнечные часы.

Пятая обитель Тха-юнъ-сы находится на южной сторонѣ холма, ниже Шинъ-тунъ-сы. Я въ ней не былъ. Середи ея двора возвышается самый высокій въ У-таѣ субурганъ, или башня, имѣющая около 30 сажень высоты. Она состоитъ изъ трехъ равныхъ по высотѣ частей; нижняя часть восьмигранная; изъ восьми граней четыре промежуточныя сложены въ видѣ округлыхъ контрфорсовъ, по три контрфорса въ каждой. Средняя часть каждаго субургана обыкновенно съуживается къ основанію и имѣетъ видъ конуса, обращеннаго вершиной внизъ; въ У-тайской башнѣ это съуженіе очень незначительно; эта часть имѣетъ гладкую поверхность. Наконецъ верхняя часть представляетъ усѣченный конусъ, поставленный на основаніи. Она украшена горизонтальными дорожками. На вершинѣ башни горизонтальный кругъ, увѣшанный по окружности колокольчиками, издающими звонъ при легкомъ движеніи въ воздухѣ. Надъ центромъ этого круга утверждена маковка, представ-

Digitized by Google

ляющая собою субурганъ въ уменьшенномъ размѣрѣ, также составленный изъ трехъ частей.

На южномъ же склонѣ святого холма, почти у его подошвы, стоялъ нѣкогда, говоритъ утайское преданіе, императорскій дворецъ; сюда пріѣзжали иногда императоры на лѣто. Четыреста лѣтъ прошло, какъ они перестали посѣщать У-тай и отъ дворца не осталось слѣдовъ; только груды наваленныхъ камней указываютъ мѣсто, гдѣ былъ дворецъ, да сохранился широкій въѣздъ, вымощенный камнями, который велъ отъ подошвы холма къ ступенямъ дворца.

Кромѣ описанной центральной группы обителей, въ той же долинѣ много другихъ разсѣяно по окрестностямъ; нѣкоторыя изъ нихъ расположены на днѣ долины, другія видны въ полугорѣ, третьи вѣнчаютъ собою вершины отдѣльныхъ горъ. Со дна долины разомъ видно около 5—6 обителей, но многія прячутся за горами, особенно тѣ, которыя гнѣздятся въ верхнихъ концахъ ущелій.

На западной сторонѣ долины, ниже описаннаго холма, находятся обители Шунянъ-сы, Ю-хао-сы, Санъ-чанъ-сы и Су-сянъ-сы; на лѣвой сторонѣ въ горѣ, на значительной высотѣ надъ діомъ рѣки, обитель Тей-ло-дянь, прямо на востокъ отъ святого холма; другая обитель Вынь-шу-сы лежитъ на днѣ долины между холмомъ и китайскимъ посадомъ. Тамъ, гдѣ двѣ высокія горы запираютъ входъ въ котловину съ юга и какъ бы образуютъ входныя ворота, на самой вершинѣ западной горы стоитъ обитель Фань-ча-сы. Ниже этихъ воротъ вдоль по долинѣ слѣдуютъ одна за другой обители Ху-гуа-сы, Пай-у-сы, Пу-гань-сы, Пу-ди-сы и др. Выше святого холма на западной сторонѣ долинѣ: Чанъ-фа-сы, Хунъ-чу-сы, Пи-са-сы и У-ланъ-сы.

Кромѣ существующихъ обителей есть нѣкоторыя въ развалинахъ; дно долины у святого холма усѣяно остатками стѣнъ и облупившимися субурганами; въ окрестностяхъ встрѣчаются какъ заброшенные субурганы и многоэтажныя башни въ китайскомъ стилѣ, такъ и надгробные старые памятники въ видѣ плитъ съ черепахой въ основаніи. Синологу археологу здѣсь довольно нашлось бы работы, можетъ быть и интересной.

Отсутствіе, при осмотрѣ буддійскихъ храмовъ, какой-нибудь руководящей книги очень затрудняло для насъ записываніе впечатлѣній; я не имѣлъ ни такой книги, ни самимъ мною выработанныхъ руководящихъ идей; поэтому трудно было ориентироваться и выдѣлить важное и особенное въ этой быстрой смѣнѣ пестрыхъ впечатлѣній, получаемыхъ глазомъ наблюдателя отъ множества предметовъ, которыми переполнены кумирни, отъ серебряныхъ вазъ для воды и масла, сладкихъ печеній, сложенныхъ на жертвенникахъ въ видѣ клѣтчатыхъ башенокъ, въ родѣ того, какъ складывается торфъ для просушки, отъ расписанныхъ красками бубновъ, или лежащихъ на деревянныхъ козлахъ или прикрѣпленныхъ къ ручкѣ, какъ подсолнухъ, отъ фонарей четыреугольныхъ, яйцевидныхъ и т. д., серебряныхъ шандаловъ, самыхъ разнообразныхъ хоругвей въ видѣ знаменъ, въ видѣ зонтовъ, или подвѣшенныхъ въ родѣ того, какъ подвѣшиваются наши ландкарты и пр. Жаль было также, что я не имѣлъ подъ рукою перевода описанія утайскихъ святынь, которое есть на мон-

Digitized by Google

гольскомъ и вѣроятно на китайскомъ языкѣ. О существованіи описанія на монгольскомъ языкѣ упоминаетъ г. Позднѣевъ въ своей книгѣ «Монгольская лѣтопись», Спб., 1883, стр. 302. Въ У-таѣ я не могъ достать описанія этого священнаго мѣста сѣверныхъ буддистовъ. Здѣсь мнѣ охотно продали только нарисованный на холстинѣ видъ У-тай-шаня съ птичьяго полета; это скорѣе планъ святого мѣста, чѣмъ видъ. Это картина болѣе двухъ аршинъ длиной. Продавъ полотно съ черным рисункомъ, ламы обыкновенно берутся за особую плату иллюминовать его.

О нѣкоторыхъ достопримѣчательностяхъ У-тая я узналъ только впослѣдствіи, когда находился уже въ Гань-су, встрѣчаясь съ монголами, бывавшими въ У-таѣ. Такъ паломники разсказываютъ о пещерѣ, въ которой находится нерукотворная статуя бога Арья-бало, особенно много привлекающая поклонниковъ, о деревѣ сулю-шу, вѣтви котораго такъ густо будто бы сплелись, что монета, брошенная на верхушку дерева, падая, не достигаетъ земли, а застрѣваетъ въ вѣтвяхъ.

У-тай самое священное мѣсто для буддистовъ сѣвернаго Китая; онъ считается мѣстопребываніемъ Манджушри или Вэнь-шу-пу-сы [1]). Главныхъ пу-са въ Китаѣ почитается восемь; изъ нихъ три пользуются наибольшей славой, именно въ сѣверномъ Китаѣ Вэнь-шу, въ восточномъ Гуань-инъ и въ западномъ Пу-сянь; резиденція Вэнь-шу гора У-тай, резиденція Гуань-инъ—островъ Путо противъ приморскаго города Нинъ-по, резиденція Пу-сяня—гора О-ми въ Сы-чуанѣ (она была посѣщена недавно покойнымъ англичаниномъ Бебером и описана имъ; см. E. Colborne Baber, Travels and researches in western China, Lond., 1882, p. 31).

Монголы также очень чтутъ У-тай и мнѣ доводилось имя этой мѣстности слышать въ средѣ дурбютовъ, около оз. Убса-норъ и видѣть картину, изображающую У-тай, въ урянхайскомъ монастырѣ на Косоголѣ. Утайскіе хэшаны имѣютъ обыкновеніе странствовать по сосѣднимъ провинціямъ и по Ордосу, чтобы разсказами о славныхъ святыняхъ У-тая подбивать къ паломничеству въ его обители и главнымъ образомъ, конечно, къ пожертвованіямъ. Какой благодати, какой святости нѣтъ въ этихъ обителяхъ? говорятъ они простодушнымъ вѣрующимъ. Вы тамъ увидите и Манджушрія съ стрѣлой въ плечѣ, и нерукотворнаго Арьябало и проч. По разсказамъ монаховъ, прежде утайскія обители были богаче; много пожертвованій дѣлалось отъ императорскаго двора; теперь отъ двора У-тай ничего не получаетъ; нынѣ казна еджень-хана опустѣла, какъ выразился мнѣ экономъ монгольской обители Пу-са-сы.

Меня увѣряли, что вся земля между пятью поклонными горами принадлежитъ монахамъ, которые сдаютъ ее въ аренду крестьянамъ; крестьяне платятъ монахамъ по 3 шена [2]) за му [3]). Земля была пожертвована монастырямъ императоромъ Хунъ-ву-ѣ; этотъ императоръ былъ прежде въ Нанкинѣ, потомъ переѣхалъ въ Пекинъ; пекинскіе хэшаны не взлюбили его; тогда онъ переѣхалъ въ У-тай. Одинъ хэ-

[1]) Вэнь-шу есть сокращеніе Wen-shu-shi-li, въ старомъ китайскомъ Men-ju-si-li; повидимому искаженіе монгольскаго Манджушири.

[2]) Китайская мѣра емкости.

[3]) Му—поземельная мѣра.

Digitized by Google

шанъ забрался на дерево и сталъ жить тамъ; императоръ спросилъ его, зачѣмъ онъ проводитъ свое время на деревѣ. Хэшанъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ земли, на которой онъ могъ бы поселиться, что на земной поверхности онъ не имѣетъ даже такого клочка, котораго хватило бы разостлать платокъ вмѣсто ковра для молитвы. Тогда императоръ подарилъ ему участокъ земли величиной съ платокъ. Хэшанъ спустился съ дерева и разостлалъ свой небольшой платокъ на землѣ. Совершилось чудо. Платокъ покрылъ все пространство, которое заключается между пятью поклонными горами. Императоръ, убѣдившись въ чудотворной силѣ хэшана, оставилъ за нимъ всю эту землю [1]).

На поляхъ здѣсь воздѣлываются только три растенія: овесъ, картофель и горохъ (хэ-доу). Пашни расположены по скатамъ горъ, которыя иногда такъ круты, что по пашнямъ трудно ходить. Почва мѣстный наносъ, состоящій изъ мелкой дресвы съ примѣсью перетертой пыли; къ этимъ составнымъ частямъ присоединяется удобреніе. Лёссъ залегаетъ только на правой сторонѣ долины, покрывая собою низкіе мысы западныхъ горъ отъ обители Пи-са-сы до Су-сянъ-сы; въ узкомъ мѣстѣ, служащемъ входомъ въ утайскую котловину, лёсса нѣтъ, но ниже, на половинѣ разстоянія къ Пай-у-сы, противъ кумирни Ю-хуа-мяо, еще есть два мыса, прикрытые лёссомъ. Лѣвый бокъ долины обставленъ такими крутыми горными скатами, что лёссъ, лежавшій при ихъ подошвѣ, не удержался и смытъ. Господствующій въ долинѣ наносъ болѣе темнаго цвѣта, чѣмъ лёссъ и болѣе грубъ на ощупь.

Окружающія долину горы безлѣсны. Замѣчательно, что въ розсыпяхъ по горамъ, въ непосредственной близости къ жилымъ мѣстамъ, водятся бурундуки, по видимому одного вида съ нашимъ [2]). Китайцы часто добываютъ ихъ семьями и держатъ въ домахъ. По китайски звѣрекъ называется ки-линъ. Мы купили одинъ молодой экземпляръ и провезли потомъ черезъ весь Ордосъ. Въ селѣ Пинъ-янъ-ся его задушила кошка [3]).

10 іюня утромъ А. И. Скасси ѣздилъ въ монастырь снимать фотографическіе виды, а послѣ обѣда я и Березовскій отправились къ горѣ Пей-тай съ разсчетомъ, переночевавъ при ея подошвѣ, на другой день утромъ подняться на ея вершину. Мы взяли съ собой нашего слугу Ли, ѣхавшаго съ нами изъ Пекина, и еще проводника изъ мѣстныхъ крестьянъ. Дорога наша шла сначала мимо Пу-са-дяна; выше

---

[1]) Къ У-таю, повидимому, слѣдуетъ отнести одно мѣсто въ индѣйской книгѣ, указанное покойнымъ И. П. Минаевымъ: «На сѣверѣ», говорится въ Grayambhû purâna, «въ срединѣ есть страна по имени Чина, моремъ окруженная (?). Тамъ есть мѣсто Mahâchina, прекрасное, семью рѣками и семью стѣнами окруженное, въ ширину семь кросъ и въ длину семь кросъ (кроса = 6000 ф.), жилище богатыхъ людей, снабженное разными вещами. Въ срединѣ находится пятиглавая гора, Манджушри по имени, въ ширину, длину, высоту одинаковая... Въ срединѣ срединной вершины находится великое озеро. Тамъ родился учитель Манжушри, всевѣдущій наставникъ» (Журн. Мин. Нар. Пр., 1874, ноябрь, статья Минаева: «Индѣйскія сказки», стр. 79).

[2]) Tamias Pallasi Baird. См. Eug. Büchner, Die Säugethiere der Ganssuexpedition (1884—1886), S. Pb. 1890, стр. 157.

[3]) Объ образѣ жизни этого звѣрька въ неволѣ см. статью А. Потаниной «Китайскій звѣрекъ», напечатанную въ дѣтскомъ журналѣ «Родникъ». 1890. Декабрь.

Digitized by Google

его долина развѣтвляется; одна вѣтвь идетъ на западъ, другая на сѣверъ. Оставивъ Пу-са-дянъ въ лѣвой рукѣ, нашъ проводникъ повелъ насъ вверхъ по сѣверной долинѣ и привелъ къ обители У-ланъ-сы, которая находится въ 2-хъ верстахъ выше Пу-сы-дяна, и лежитъ въ самомъ заднемъ концѣ глубокаго, тѣснаго и тѣнистаго ущелья, между крутыми скалами, которыя со всѣхъ сторонъ поднимаются прямо надъ крышами келій и кумирень. Обитель эта очень живописна. Она названа въ честь У-лана, героя одного китайскаго преданія; преданіе это разсказываетъ, что нѣкогда было восемь братьевъ, которые назывались: Янъ-эрръ-ланъ, Янъ-сань-ланъ, Янъ-сы-ланъ, Янъ-у-ланъ и т. д.; послѣдній братъ назывался Янъ-па-ланъ. Слово ланъ мнѣ переводили китайцы «волкъ», но іероглифъ ланъ, посредствомъ котораго эти имена передаются въ книгахъ, означаетъ «молодецъ»; эрръ значитъ «два», сань «три», сы «четыре», у «пять», па «восемь». О нѣкоторыхъ изъ этихъ братьевъ сохранились длинныя исторіи, которыя передѣланы даже въ театральныя пьесы. У-ланъ, послѣ своихъ свѣтскихъ похожденій, сдѣлался монахомъ и уединился въ томъ ущельѣ, гдѣ теперь кумирня У-ланъ-мяо. Въ кумирнѣ хранится желѣзный посохъ въ 80 джиновъ вѣсомъ, принадлежавшій нѣкогда Янъ-у-лану.

Нашъ слуга Ли началъ настаивать остаться въ У-ланъ-мяо на ночь, чтобы завтра утромъ пѣшкомъ подняться на Пей-тай. Настоящій путь на Пей-тай лежалъ по западной вершинѣ, но Ли и проводникъ завели насъ въ У-ланъ-мяо, кажется, просто потому, что имъ было скучно дѣлать болѣе длинную дорогу; потомъ по западной дорогѣ ночевать пришлось бы въ бѣдной китайской деревнѣ, а тутъ можно было найдти хорошее помѣщеніе и пріятную компанію среди монаховъ. Увлекаемый преданіями, связанными съ кумирней У-ланъ-мяо, и разсчитывая узнать что-нибудь болѣе подробное о Янъ-у-ланѣ отъ монаховъ, я было сдался на увѣщанія Ли, но мой товарищъ Березовскій въ конецъ возмутился нахальствомъ лѣниваго и плутоватаго китайца и отказался сдѣлать компанію съ монахами, которые вышли изъ воротъ своей обители и приглашали насъ зайдти. Мы сѣли на лошадей и отправились назадъ по старой дорогѣ до Пу-сы-дяна, а потомъ повернули въ западную долину.

Верхняя часть этой долины сильно завалена камнями; въ тѣсныхъ частяхъ ея растетъ тополевый лѣсъ; горные скаты совершенно безлѣсны. По дорогѣ встрѣчалось много пѣшеходовъ, несшихъ вязанки или хворосту, или сосновыхъ жердей; эти длинныя вязанки были у всѣхъ привязаны вдоль спины, такъ что подобный пѣшеходъ издали казался несущимъ на спинѣ колокольню. Всѣ они шли съ сѣверной лѣсистой стороны Пей-тая. Въ вершинѣ долина развѣтвляется на три вѣтви; при развѣтвленіи стоитъ деревня Мяо-динъ-ня, въ которой считается 20 дворовъ и 60 душъ жителей. Съ трудомъ мы нашли себѣ помѣщеніе въ этой деревнѣ; всѣ фанзы были такъ сильно натоплены, что ни въ одной нельзя было расположиться на ночлегъ; насъ повели было въ кумирню, но свободная при кумирнѣ фанза была занята школой и учителю не понравилось наше намѣреніе вытѣснить его изъ его жилища. Пришлось помѣститься въ фанзѣ одного крестьянина, служившей у него амбаромъ; она была завалена земледѣльческими орудіями, мотыгами, граблями и

Digitized by Google

проч., покрытыми большой пылью, но, какъ въ не жилой, въ ней не было жарко. Жители этой деревни имѣли очень красивый типъ, но не только миловидныя личики дѣтей, а и лица взрослыхъ были покрыты грязью, какъ штукатуркой; у нѣкоторыхъ лица были пёгія, потому что грязь мѣстами отслоилась и отпала.

Переночевавъ въ деревнѣ, 11 іюня, вдвоемъ съ Березовскимъ, я отправился пѣшкомъ на гору. Мои сао-ма-цзы [1]) и анероидъ понесъ молодой красивый крестьянинъ Ванъ. Тропинка въ гору идетъ по гребешку гривы, которая отдѣляетъ самую лѣвую изъ трехъ вершинъ отъ четвертой долины, присоединяющейся къ общей долинѣ ниже деревни. Эта-то четвертая долина и упирается въ Пей-тай, тогда какъ три другія, кажущіяся главными, идутъ отъ хребта, соединяющаго Пей-тай съ Цзунъ-тасмъ. Тропинка не камениста, только мѣстами крута; всадники, ѣхавшіе съ противуположной сѣверной стороны горы, встрѣтились намъ почти подъ подошвой главной вершины Пей-тая. Скаты горы до вершины покрыты мягкимъ наносомъ. Поля крестьянъ, засѣянныя овсомъ, поднимаются до высоты 2322 м., на которой появляется Primula Maximowitzii Regel. Вершина горы (3130 м.) тупая; площадка на вершинѣ имѣетъ до 150 саж. ширины; въ сѣверномъ краю ея находится разрушенная фанза, сложенная изъ дикихъ камней; по срединѣ вершины построенъ небольшой буддійскій субурганъ, а въ восточномъ концѣ небольшая въ $^1/_2$ саж. высоты кумиренка. Подлѣ нея находится колодезь; глубину его мнѣ не чѣмъ было измѣрять, кромѣ палки въ аршинъ длиной, но конецъ ея не доставалъ до дна. Кругомъ колодезя были намётаны валы и бугры камней, вынутыхъ изъ него. Другой ключъ находится съ южной стороны субургана, но онъ не расчищенъ. Эти два ключа даютъ начало рѣчкѣ, текущей въ четвертой долинѣ. Коренная порода гнейсъ имѣетъ небольшой выходъ только въ западномъ склонѣ вершины горы; въ остальныхъ частяхъ гнейсъ является только въ видѣ розсыпей, сложенныхъ изъ крупныхъ обломковъ. На вершинѣ горы появляется черная почва; граница ея рѣзко отличается отъ наноса, который покрываетъ гору ниже и имѣетъ другой, болѣе свѣтлый, цвѣтъ. Въ полосѣ черной почвы лежали небольшія пятна снѣга въ видѣ полосъ аршина 2—3 ширины и саженъ 5—10 длиной. Снѣгъ сверху былъ рыхлый, но сдерживающій человѣка. Ни какихъ растеній въ цвѣту на верху горы еще не было; но въ нижнихъ частяхъ горы уже цвѣли многія растенія. Поднимаясь изъ деревни въ гору, мы послѣдовательно встрѣчали слѣдующія растенія: Potentilla discolor Bge, Potentilla fruticosa L. въ зацвѣтающемъ состояніи, Gentiana Thunbergii Griseb., Sedum Rhodiola Dec., Primula Maximowitzii Regel, сначала рѣдко, а въ верхней части горы очень изобильно, изрѣдка Taraxacum officinalis L., Astragalus съ колючками, безъ цвѣтовъ, Dracocephalum безъ цвѣтовъ; Astragalus, другой видъ, который чѣмъ выше, тѣмъ встрѣчался изобильнѣе вплоть до полосы Caragana jubata, а потомъ снова началъ уменьшаться въ числѣ и къ вершинѣ горы совсѣмъ исчезъ. Ботаническій сборъ на южномъ склонѣ Пей-тая оказался въ эту пору года скуднымъ. Нижняя часть горы сплошь распахана; выше полей до полосы Caragana jubata

[1]) Сао-ма-цзы — холщевые мѣшки, привязываемые къ сѣдлу.

Digitized by Google

почва вытоптана скотомъ, и только, кажется, на вершинѣ горы растительность сохраняется въ естественномъ неповрежденномъ состояніи, но она еще не пробудилась къ жизни. Луки не выгнали еще своихъ перьевъ и только сухія стрѣлки съ большими головками торчали изъ пазовъ камней безъ зелени при основаніи. Альпійскій макъ имѣлъ уже густую листву, но изъ нея торчали только старые стебельки съ сухими коробками. Аренаріи зазеленѣлись, но цвѣтовъ не было видно. Изрѣдка гдѣ встрѣтится Astragalus, который цвѣтетъ въ изобиліи внизу. Въ одномъ только мѣстѣ началъ цвѣсть Chryzosplenium alternifolium L.

13 іюня мы оставили У-тай. Въ тотъ же день намъ предстояло перевалить черезъ У-тай-шань. Мы пошли по той дорогѣ, которая проходитъ мимо обители У-ланъ-сы, т. е. по сѣверной вершинѣ р. Цинъ-шуй; противъ входа въ ущелье, въ которомъ расположена эта обитель, на днѣ главной долины находится обширная кумирня, передъ которой цѣлая группа монументовъ; тутъ насчитывается до семи отдѣльно построенныхъ башенъ (по китайски тха) и около шести субургановъ, .т. е. башенъ съ средней частью, съуживающейся книзу. Выше этой кумирни долина развѣтвляется; наша дорога направлялась въ правую, т. е. восточную вершину. На стрѣлкѣ у соединенія долинъ есть деревня, выстроившаяся на лёссѣ. Это самый верхній участокъ лёсса въ долинѣ У-тай (1880 м.). Выше этой деревни еще есть одинъ небольшой поселокъ, состоящій всего изъ 15 дворовъ; это послѣднее человѣческое жилье. Далѣе дорога становится круче; долина еще разъ развѣтвляется на двѣ вѣтви; дорога опять идетъ по болѣе восточной. Подъ переваломъ на высотѣ 2187 метровъ надъ у. м. мы встрѣтили остатки нерастаявшаго снѣга; тутъ же была и послѣдняя пашня. Въ 1 ч. поп. мы достигли вершины перевала. Высота его 2680 метровъ. Обнаженія на перевалѣ состоятъ изъ хлоритоваго сланца. На перевалѣ обильно растутъ Cerastium alpinum L., Iris ensata, Potentilla gelida C. A. Mey., Rheum Raponticum L. (въ то время съ одними листьями), Fragaria elatior Ehrh., Gentiana Thunbergii Griseb, Primula Maximowitzii Regel, Sedum Rhodiola Dec., Anemone obtusiloba Don., Ranunculus Pseudohirculus Schrenk и R. acris L. Первые анемоны стали попадаться на высотѣ 1322 метровъ, а отдѣльныя хвойныя деревья на высотѣ 1508 м.

Отъ перевала до д. Нань-коу (20 вер.) дорога идетъ въ узкой горной долинѣ, за этой же деревней она выходитъ на просторную долину р. Ху-то-хэ. Отъ перевала до д. Сы-цзы-пинъ (около 8 вер.) спускъ крутой; дорога сразу падаетъ отъ перевала съ высоты 2680 м. на высоту 1646 м. (т. е. на 1034 м.); далѣе паденіе дна долины незамѣтное. Спустившись съ перевала, мы остановились на ночь въ деревнѣ Сы-цзы-пинъ, и только на слѣдующій день 14 іюня вышли на широкую долину Ху-то-хэ. Какъ называется рѣчка, которая течетъ съ перевала, въ моемъ дневникѣ не записано; судя по названіямъ двухъ деревень, Нань-и-хо и Нань-и-коу, близко одна отъ другой расположенныхъ у выхода рѣки изъ горъ, рѣка должно быть носитъ имя Нань-и-хо.

Вскорѣ по спускѣ съ перевала хлоритовые сланцы уже уступаютъ мѣсто гнейсу; немного ниже Сы-цзы-пина появляется лёссъ участками; отъ деревни же

Digitized by Google

Санъ-янъ-фу онъ залегаетъ на обѣихъ сторонахъ долины, закрывая выходы коренныхъ породъ. Ниже деревни Ча-фанъ (Ца-фаръ) долина съуживается и превращается въ щеки, образованныя известняковыми скалами; линія паденія известняковъ NW 36°, уголъ паденія 23°. Ниже этихъ щекъ долина вдругъ расширяется болѣе прежняго; здѣсь слѣва къ ней присоединяется широкая побочная долина, на обоихъ бокахъ которой при подошвѣ отложенъ лёссъ [1]). На правой же сторонѣ главной долины въ этомъ мѣстѣ лёссу нѣтъ. По выходѣ на долину Ху-то-хэ, бросивъ взглядъ назадъ, замѣчаешь, что лёссъ отложенъ вдоль всей подошвы У-тай-шаня, но до извѣстнаго горизонта; на западѣ эти отложенія начинаются непосредственно отъ Нань-и-хо, къ в. же отъ этой рѣки сначала подошва У-тай-шаня оказывается обнаженною и только верстахъ въ двухъ отъ Нань-и-хо начинаются лёссовыя отложенія.

Сѣверный склонъ У-тай-шаня кажется менѣе пустыннымъ, чѣмъ южный. Только отъ Сы-цзы-пина ниже горы становятся безлѣсны, выше же Сы-цзы-пина на склонѣ горъ мѣстами видны естественныя рощи, въ которыхъ господствуетъ то хвойный лѣсъ (Larix sibirica Led. и Picea Schrenkiana Fisch. et Mey.), то береза (Betula alba L.). Березовый лѣсъ смѣшанъ съ ивой (Salix fragilis L.?) и кустарниками Afelia biflora Turcz., Cotoneaster acutifolia Lindl. (который распространенъ по горамъ и западнѣе до дер. Си-коу-мынь, т. е. до восточной окраины гуй-хуа-ченской равнины), Spiraea media Schmidt, Rosa sp., Lonicera hispida Pall., Ortyopsis Davidiana Decaisne, Viburnum davuricum Pall.; гнѣздящійся на скалахъ Ribes Meyeri Maxim. достигаетъ высоты 3 ф.; подъ скалами въ тѣни прячутся папоротники Polypodium Dryopteris L. и Cheilanthes argentea Kunze. Изъ однолѣтнихъ въ это время были въ цвѣту: Atragene alpina, Ranunculus Pseudohirculus Schrenk, Viola biflora L., Sisymbrium humile C. A. Mey., Cardamine macrophylla Willd., Fragaria elatior Ehrh., Cerastium alpinum L., Lactuca versicolor Bentam, Cortusa Matthioli L., Myosotis caespitosa Scgultz.

Цзаоръ (Zizyphus vulgaris Lam., var. inermis) на сѣверномъ склонѣ У-тай-шаня появляется у дер. Іё-цзѣ-чяо, немного ниже Сы-цзы-пина.

Выйдя изъ горъ, мы еще шли нѣсколько верстъ по плоской долинѣ, прежде чѣмъ остановиться на ночлегъ въ дер. Ша-хэ. Нигдѣ еще толпа не надоѣдала намъ такъ, какъ въ этой деревнѣ. Она заняла весь дворъ, протѣснилась къ окнамъ нашей фанзы и, сгарая желаніемъ поскорѣе увидѣть европейца и наскучивъ ожиданіемъ, когда кто-либо изъ насъ выйдетъ изъ фанзы, крестьяне начали дѣлать дыры въ бумагѣ, которою оклеены оконныя рамы; потомъ они начали сдирать бумагу и наконецъ совсѣмъ выставили рамы. Съ трудомъ мы возстановили порядокъ, вытѣснили толпу со двора и во входахъ въ него устроили баррикады изъ бревенъ, къ которымъ приставили караульщиковъ изъ нашихъ слугъ.

Переходъ отсюда до города Дай-чжоу мы совершили въ два дня, сдѣлавъ ночлегъ на пути въ д. Тунъ-леу-шу. Между Ша-хэ и Тунъ-леу-шу дорога про-

[1]) Не это ли долина Нань-и-хо?

Digitized by Google

ходитъ чрезъ городъ Фань-чи-сянь. Въ Дай-чжоу мы прибыли 16 іюня. Почти подъ стѣнами города намъ пришлось вынести сильную бурю. Съ 11½ ч. утра задулъ сильный западный вѣтеръ; онъ дулъ вдоль по долинѣ и приходился намъ на встрѣчу. Сначала западный горизонтъ потемнѣлъ отъ пыли; потомъ впереди насъ появились вихри не въ родѣ тѣхъ, которые бываютъ на солончакахъ Монголіи, въ видѣ тонкихъ и высокихъ колоннъ, а широкіе съ поперечникомъ въ десятокъ сажень въ основаніи и при высотѣ не болѣе, какъ только вдвое превосходящей поперечникъ. Одновременно ихъ бѣгало два или три; одинъ вихорь пропадалъ, вмѣсто его появлялся другой. Потомъ вокругъ насъ пыль поднялась разомъ на большомъ пространствѣ и мы сами начали на себѣ испытывать силу вѣтра. Онъ то ослабѣвалъ, то принимался дуть съ большой силой; вѣтеръ былъ горячій; онъ грѣлъ лицо и сушилъ губы; въ то же время слышно было, какъ мелкій песокъ билъ въ лицо. Къ 5 ч. поп. вѣтеръ успокоился, но послѣ пяти опять принимался дуть, однако не болѣе, какъ въ продолженіи десяти минутъ. Температура воздуха была сильно повышена за это время; въ тѣни въ 3 ч. поп. термометръ Цельзія показывалъ болѣе 30°, а въ 9 ч. вечера ртуть опустилась только до 27°.

Мы остановились въ самомъ городѣ; къ востоку отъ него находится предмѣстье, которое называется Тунъ-гуань (восточная застава). Это предмѣстье лежитъ въ 100 саж. отъ города и обнесено высокой стѣной съ воротами. У въѣзда въ Тунъ-гуань съ наружной стороны мы проѣхали мимо кумирни, которая недавно была подновлена. Мы упоминаемъ объ ней потому, что замѣтили въ ней особенность, которой нигдѣ потомъ не видѣли; вмѣсто капителей надъ колонками были изображены человѣческія головы съ оленьими рогами. Противъ кумирни находилась веранда, внутри которой былъ написанъ левъ, покрытый голубой чешуей.

Долина р. Ху-то-хэ имѣетъ по съемкѣ А. И. Скасси 11 верстъ ширины; высота долины у города Дай-чжеу 963 м., у деревни Тунгъ-леу-шу 905 м. Отложенія лёсса образуютъ по обѣимъ сторонамъ рѣки террасы съ волнистою поверхностью. Аллювіальная долина рѣки имѣетъ 1—1½ версты ширины; она занята новѣйшими отложеніями, въ которыхъ галька и песокъ иногда съ примѣсью слюды переслоиваются съ известковистымъ лёссомъ. Рѣка съ обѣихъ сторонъ обставлена отвѣсными ярами отъ двухъ до 5 саж. высоты; ширина рѣки до 50 сажень. Иногда въ разрѣзахъ замѣтны каналы отъ корней растеній; я наблюдалъ ихъ въ одномъ мѣстѣ на глубинѣ сажени отъ горизонтальной поверхности наноса. Въ этой низкой части долины встрѣчаются солончаки. У подошвы горъ, какъ У-тай-шаня, такъ и того хребта, который ограничиваетъ долину Ху-то-хэ съ сѣвера и у барона Рихтгофена носитъ названіе Man-tou, а на русской картѣ г. Большева [1]) Ши-хушань, лежатъ отложенія неслоистаго лёсса толщиной до 2 саж. Изъ этого послѣдняго хребта на долину Ху-то-хэ выходитъ много овраговъ и долинъ, прорытыхъ въ лёссѣ; намъ пришлось пересѣкать ихъ на пути изъ д. Ша-хэ въ д. Тунъ-леу-шу,

[1]) Стоверстная карта, изд. Военно-топограф. Отдѣла.

Digitized by Google

такъ какъ дорога тутъ проходитъ подлѣ южныхъ предгорій этого хребта. Эти долины большею частью сухи и очень скучны; всѣ они однообразны; сухой галешникъ сажень въ 10 шириной обыкновенно залегаетъ между обрывами лёсса отъ 1 саж. до 2 высоты. Тамъ, гдѣ эти сухіе галешники выходятъ на плоское дно долины, трудно бываетъ опредѣлить направленіе паденія ихъ, за отсутствіемъ текучей воды, если наблюдателю приходится не слѣдовать вдоль ихъ, а только пересѣкать. При томъ въ этихъ частяхъ долины крестьяне убираютъ гальку, обнаженную почву распахиваютъ, а изъ гальки строютъ изгороди вокругъ полей, такъ что о направленіяхъ валунныхъ отложеній трудно становится судить. Въ оврагахъ между Ша-хэ и Тунъ-лему-шу составъ гальки однообразный; она повсюду состоитъ изъ базальта, черной породы съ ядрами бѣлыхъ включеній; отъ вывѣтриванія этихъ ядеръ галька на поверхности получаетъ углубленія, что дѣлаетъ ее похожею на гальку изъ пористой лавы [1]). Въ 5—6 ли отъ Ша-хэ близь береговъ Ху-то-хэ на плоскости долины добывается каменный уголь.

Дно долины Ху-то-хэ безлѣсно; рощицы видны, но это деревья, посаженныя около деревень и крестьянскихъ усадьбъ. Деревни здѣсь встрѣчаются значительно рѣже, чѣмъ на Пекинской равнинѣ и потому лѣсной зелени передъ глазами меньше.

Растительность начинаетъ напоминать южную Монголію. На тощей почвѣ дна долины встрѣчаются Ephedra vulgaris Richard., Convolvulus Ammani Desr., Nonnea sp., Tournefortia Argusia R. et Sch., Cymbaria davurica L., Peucedanum rigidum Bge, Lactuca denticulata Max., L. versicolor Benth., Marrubium incisum Benth. подлѣ дорогъ обильно, какъ и на Пекинской равнинѣ, Clematis intricata Bge. и Vincetoxicum mongolicum; послѣдніе два часто растутъ на бокахъ овраговъ въ лёссѣ и обыкновенно висятъ вершиной куста внизъ. На солончакахъ, встрѣчающихся на срединѣ долины, Ranunculus plantaginifolius Murr.

На перевалъ черезъ хребетъ Манъ-ту (Ши-ху-шань), который отдѣляетъ долину р. Ху-то-хэ отъ долины р. Санъ-гань-хэ, мы употребили два дня. Здѣсь еще разъ нашъ путь совпалъ съ дорогой барона Рихтгофена, который пересѣкъ хребетъ съ сѣвера на югъ, на пути изъ города Дай-тупъ-фу въ Дай-чжоу. Вотъ отзывъ Рихтгофена о этомъ хребтѣ: «Длинный, не широкій хребетъ, съ ровнымъ гребнемъ, надъ которымъ выдаются отдѣльныя причудливыхъ формъ вершины» (China, t. II, S. 362). Хребетъ состоитъ изъ гнейса, который при южной и сѣверной подошвахъ прикрытъ лёссомъ. Въ верхнихъ частяхъ долинъ лёссъ встрѣчается только участками, прикрывающими концы мысовъ (какъ наприм. близь дер. Эрръ-ли-панъ въ долинѣ, по которой мы поднимались съ юга).

На вершинѣ перевала (1742 м. надъ у. м.) въ сѣдловинѣ, черезъ которую проходитъ дорога, построена застава въ видѣ перегораживающей сѣдловину стѣны съ проѣздными воротами по серединѣ. Эта застава называется Янъ-мынь-гуань.

---

[1]) Эти базальты описаны г. Вениковымъ въ ст. „Базальты Монголіи“, помѣщ. въ Зап. Имп. Мин. Общ., ч. XXV, стр. 47.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

За первыми воротами находятся вторыя; отъ этихъ послѣднихъ по горѣ въ сѣверо-западномъ направленіи тянется на половину разрушенная каменная стѣна. Дорога на перевалъ удобная и только подъ самыми воротами есть небольшой крутикъ; каждое утро она оживляется множествомъ проходящихъ каравановъ на мулахъ и ослахъ и большими телегами, нагруженными пожитками или товарами. Встрѣчается также скотъ, который гонятъ изъ Монголіи.

Хвойнаго лѣса на Манъ-ту мы не замѣтили, но въ горловинахъ долинъ есть небольшія рощи тополей, къ которымъ иногда примѣшиваются деревья (Prunus humilis Bunge?), имѣющіе стволы въ 6 вершк. въ поперечникѣ, нѣжные сердцевидные листья и на старыхъ вѣтвяхъ колючки; въ этихъ перелѣскахъ кустарники состоятъ изъ лещины Corylus heterophylla Fisch., боярышника Crataegus, кустарнаго дуба Quercus aliena Blume, таволги Spiraea и нѣк. друг. Около самой заставы Янъ-мынь-гуань много цвѣло альпійскаго мака (Papaver alpinum L.).

Въ первый день по выходѣ изъ Дай-чжоу мы остановились въ дер. Фу-дьянинъ, которая лежитъ въ 2 вер. отъ Янъ-мынь-гуаня южнѣе. Здѣсь мы прожили цѣлый день, 19 іюня спустились съ перевала и вышли на широкую долину р. Санъ-гань-хэ. При выходѣ изъ горъ на эту долину при деревнѣ Гуань-у-коу дорога пересѣкаетъ среднюю вѣтвь Великой стѣны. Отъ Гуань-у-коу нашъ путь расходится съ Рихтгофеновскимъ; онъ пріѣхалъ въ Гуань-у-коу изъ Дай-тунъ-фу, мы же должны были идти на Шо-пинъ-фу. Баронъ Рихтгофенъ на стр. 360 своего труда даетъ вѣрную картину степной долины Санъ-гань-хэ. Онъ говоритъ, что она простирается съ ю.-з. на с.-в. приблизительно на 70 г. миль, при ширинѣ въ 14 г. м.; средняя высота ея надъ моремъ около 4,000 ф. (по показанію нашего барометра около 1,050 метровъ). По срединѣ ея протекаетъ р. Санъ-гань-хэ, которая въ сѣверномъ концѣ равнины уходитъ въ щеки, чтобы, прорвавъ хребетъ, выдти на пекинскую равнину. На Санъ-гань-хэской равнинѣ насчитываютъ пять городовъ, но всѣ они незначительны, кромѣ Дай-тунъ-фу, который есть главный городъ въ сѣв. части провинціи Шань-си. Почва этой равнины очень тощая, деревни рѣдки и жители бѣдны. Деревья встрѣчаются только подлѣ деревень. Мѣстами встрѣчаются солончаки, изъ которыхъ жители добываютъ соль.

20 іюня мы пришли въ дер. Нань-инъ-цза (Нгань-инжъ на картѣ Большева), лежащую на р. Санъ-гань-хэ, которая тутъ течетъ по песчаному дну. Здѣсь мы оставались до 29 іюня, вынужденные къ тому болѣзнью, которую я схватилъ, простудившись во время экскурсіи въ горы въ окрестностяхъ Янъ-мынь-гуаня. Хозяинъ дома въ Нань-инъ-цзѣ былъ человѣкъ суевѣрный и чуть было не согналъ насъ съ квартиры. Наше поведеніе казалось ему подозрительнымъ: смотрятъ на луну ночью, собираютъ растенія. Онъ боялся, не приключилось бы ему какого несчастія отъ такихъ жильцовъ.

29 іюня мы двинулись далѣе по дорогѣ въ Шо-пинъ-фу.

Долина Санъ-гань-хэ на ея сѣверной окраинѣ, къ с. отъ деревни Хуанъ-хуа-льянъ получаетъ болѣе оживленный характеръ; песчаные солончаки смѣняются лессомъ, преимущественно слоистымъ съ прослойками гальки и песку

Digitized by Google

иногда въ ½ саж. толщины. Поля покрыты хорошими хлѣбами, около деревень появляется вязъ (Ulmus campestris), котораго въ южной части долины не было замѣтно. Могильные памятники въ видѣ стоячихъ каменныхъ плитъ, совершенно исчезнувшіе на Санъ-гань-хэ и замѣнившіеся простыми буграми, здѣсь вновь появились. Растительность становится разнообразнѣе; Tournefortia Arguzia, которая почти исключительно господствовала на песчаныхъ пространствахъ въ южной части долины, здѣсь исчезаетъ. Опять появляются тѣ же представители растительности, какіе встрѣчались въ долинѣ Ху-то-хэ: Convolvulus Ammani Desr. Cynanchum pubescens Bge, Clematis intricata Bge, Scutellaria macrantha Fisch., Peucedanum rigidum Bunge (?), и очень обильно Thymus Serpyllum. L., а ближе къ горамъ Caragana въ цвѣту и плодахъ. Деревня Хуанъ-хуа-льянъ получила названіе отъ ряда холмовъ того же названія, около которыхъ она расположена. Этотъ рядъ холмовъ тянется отъ деревни на востокъ и упирается въ теченіе р. Санъ-гань-хэ.

Обѣ долины Ху-то-хэ и Санъ-гань-хэ хотя и орошаются водами, принадлежащими къ системѣ водъ Пекинской равнины, по характеру своему относятся къ сосѣдящему съ ними на западѣ монгольскому нагорью, въ особенности высокая и солончаковая долина Санъ-гань-хэ. Хребетъ У-тай-шань служитъ границей между пекинской и южно-монгольской флорами. Къ западу отъ У-тай-шаня уже не встрѣчаются многія формы пекинской флоры, которыя доходятъ до самой восточной подошвы этого хребта, какъ напримѣръ Rhemania glutinosa, Indigofera Bungeana Stend., Gleditschia heterophylla Bunge, Vitex incisa Lam.; въ свою очередь на Санъ-гань-хэ появляется Astragalus melilotoides Pall., растеніе, распространенное въ Ордосѣ.

30 іюня мы пришли въ дер. У-яо-цза (пять пещеръ), которая лежитъ уже въ горахъ, отдѣляющихъ долину Санъ-гань-хэ отъ Хуху-хотинской равнины. Въ томъ же ущельѣ при выходѣ въ равнину Санъ-гань-хэ стоитъ дер. Дай-ю-коу. Ущелье, въ которомъ лежатъ обѣ деревни, имѣетъ до 100 саж. ширины; дно его во всю ширину занято сухимъ песчанымъ рѣчнымъ русломъ, по которому течетъ ничтожный ручеекъ съ перерывами. Такой характеръ долинъ съ скудно орошеннымъ дномъ обыкновенное явленіе въ сѣверо-восточномъ углу Ордоса; подобныя долины, которыя мы видѣли, когда проходили черезъ ордосскій хошунъ Джунгоръ, будутъ описаны ниже. По физико-географическому характеру всю страну отъ У-тай-шаня на западъ можно отнести къ Ордосу.

Бока долины, въ которой стоитъ дер. У-яо-цза, состоятъ изъ известняковъ, по большей части напластованныхъ горизонтально; мѣстами замѣчается паденіе даже подъ угломъ въ 48°, но направленіе паденія не одинаковое и иногда обратное. А. И. Скасси замѣтилъ въ долинѣ присутствіе также и песчаниковъ. Между дер. Дай-ю-коу и У-яо-цза въ одномъ мѣстѣ дорога проведена на высотѣ нѣсколькихъ саженъ надъ дномъ долины; черезъ овраги, пересѣкающіе дорогу, устроены каменные мосты, а на приторахъ каменная порода высѣчена; полотно дороги въ этихъ высѣченыхъ мѣстахъ имѣетъ до 2 саж. ширины. Эти большія строительныя работы

Digitized by Google

показываютъ, что въ нѣкоторые сезоны года дно долины бываетъ недоступно для проѣзда.

Деревня Яо-цза растянулась на версту по обѣимъ сторонамъ долины. Жители ея занимаются горшечнымъ производствомъ и добываніемъ каменнаго угля. Здѣсь выдѣлываются корчаги въ ½ саж. выс., горшки различныхъ величинъ и формъ, плошки, чайники, глиняные подсвѣчники; нѣкоторыя вещи глазурованы и покрыты зеленой или черной краской. Деревня усѣяна обжигательными печами. Залежи хорошаго каменнаго угля находятся въ 1 ли отъ деревни вверхъ по долинѣ, въ ея лѣвомъ боку. Въ этой деревнѣ, какъ и въ Ша-хэ, упомянутой ранѣе, толпа цѣлый день наполняла дворъ нашего дяна; это обыкновенное явленіе въ городахъ и промышленныхъ селеніяхъ, гдѣ много бываетъ праздношатающихся; напрасно нашъ компрадоръ Ли препирался съ толпой; даже китайскаго терпѣнія не хватило и онъ пустился въ драку, изъ которой однако не вышелъ побѣдителемъ; А. И. Скасси пришлось своимъ вмѣшательствомъ возстановлять порядокъ.

Рядъ возвышенностей, отдѣляющихъ равнину Санъ-гань-хэ отъ Хуху-хотинской, въ противуположность узкому хребту Манъ-ту-шань, не составляетъ рѣзко оформленнаго хребта, а представляетъ плоскогорье съ широкимъ основаніемъ въ 100 вер. шириной, считая отъ д. Дай-ю-коу до д. Си-коу-мынь, лежащей при выходѣ изъ горъ на Хуху-хотинскую равнину.

Выше дер. Па-ли-чжуанъ долина, по которой идетъ дорога изъ У-яо-цзы, съуживается и обращается въ глубокій оврагъ, по дну котораго можетъ проѣхать только одна телега; въ нижнихъ горизонтахъ бока долины состоятъ изъ тѣхъ же известняковъ, а сверху твердыя породы прикрыты наносомъ, состоящимъ изъ гальки, смѣшанной съ пескомъ и глиной; этотъ наносъ дѣлаетъ вершины возвышенностей округленными, холмообразными. При вершинѣ оврага стоитъ дер. Ма-та-ту. Къ сѣверу отъ нея начинаются плоскія возвышенности, образующія вершину этой горной системы. Самая значительная наблюденная высота 1572 м. находится у деревни Ма-та-ту. Рѣзкихъ контуровъ здѣсь не видно; горы мягки и плоски и отдѣлены пологими и широкими лощинами, которыя образуютъ горловины долинъ; обнаженій не встрѣчается; въ оврагахъ видны разрѣзы слоевъ красной и зеленой глины, лежащіе горизонтально; на нихъ лежитъ лёссъ, пластъ котораго утоняется иногда до ½ арш. толщины; въ другихъ мѣстахъ лёссъ представляетъ толщину до 2 саж. выс. Только съ наиболѣе возвышенныхъ точекъ видны на востокѣ синѣющіяся рѣзкія зубчатыя вершины хребта, который образованъ известняками деревни У-яо-цза и служитъ восточной окраиной системы.

Деревня Синъ-чжа-шань (Чинъ-чжа-сань), въ которой мы ночевали въ ночь съ 1 по 2 іюля, находится на водораздѣлѣ между рѣками, текущими на востокъ въ Санъ-гань-хэ и рѣками, текущими на западъ въ Желтую рѣку. Всѣ рѣки, которыя дорога пересѣкаетъ западнѣе этой деревни, имѣютъ паденіе на западъ и только городъ Цоу-вей-сянь, который остался отъ нашей дороги въ правой рукѣ, стоитъ въ долинѣ, по которой ручей протекаетъ на сѣверъ. Дер. Синъ-чжа-шань не была впрочемъ высшею точкой на нашемъ пути черезъ этотъ плоскій и ши-

Digitized by Google

рокій хребетъ; городъ Шо-пинъ-фу, въ который мы прибыли на слѣдующій день 2 іюля, лежитъ выше этой деревни. Городъ Шо-пинъ-фу расположенъ въ вершинѣ долины, которая представляетъ наиболѣе углубленное мѣсто въ этой горной странѣ (ограничивающей Гуй-хуа-ченскую равнину съ юга); Шо-пинъ-фу стоитъ на высотѣ 1333 метра надъ у. м. Долина направляется съ юга на сѣверъ. По восточной сторонѣ долины тянется горная гряда съ плоскими вершинами. Долина имѣетъ ширины около 1 версты; боковые скаты ея пологи; изрѣдка по долинѣ видны тополи. Рѣка имѣетъ около 10 саж. ширины и течетъ по песчаному дну. Вообще окрестности Шо-пинъ-фу не живописны и пустынны. Въ окружающей его странѣ деревни рѣдки и незначительны; распаханныхъ мѣстъ меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; встрѣчаются поля, не занятыя подъ пашни.

Отъ Шо-пинъ-фу дорога въ Гуй-хуа-ченъ идетъ внизъ по рѣкѣ, на которой стоитъ городъ. Долина сохраняетъ свой характеръ до большого торговаго селенія Ша-ху-коу; черезъ это селеніе проходитъ третья, самая внѣшняя линія Великой стѣны; ворота, ведущія черезъ стѣну, находятся внутри самаго селенія. Ша-ху-коу такъ же знаменито въ китайскихъ географіяхъ и исторіяхъ, какъ проходы Нань-коу, Гу-бей-коу и др., лежащіе къ сѣверу отъ Пекинской равнины. Черезъ Ша-ху-коу доставлялись въ Китай подати съ тумутовъ и другихъ монгольскихъ племенъ; черезъ него же иногда степныя орды дѣлали набѣги на внутренній Китай.

Ниже Ша-ху-коу долина рѣки начинаетъ съуживаться. Въ этомъ мѣстѣ дорога, оставивъ рѣку въ лѣвой рукѣ, поднимается на горы праваго бока долины; переваливъ черезъ плоскую возвышенность, она спускается въ другую долину, въ которой течетъ рѣка съ востока на западъ. Въ этой послѣдней лежитъ деревня Гао-фань-яо-цза (гао-фань «высокая фанза», яо-цза «пещера»).

По всей этой дорогѣ обнаженій мало; большая часть земной поверхности прикрыта лёссомъ; только около Ша-ху-коу, тамъ гдѣ рѣка, на которой стоитъ эта деревня, входитъ въ скалистыя болѣе тѣсныя щеки, встрѣчаются выходы гнейса и та же порода обнажается въ слѣдующей долинѣ около дер. Хуанъ-ча-яо-цза. Въ другихъ мѣстахъ, какъ наприм. около кумирни Мяо-лю-те, есть выходы какой-то разрушенной породы, можетъ быть также гнейса. Въ узкой части долины ниже Ша-ху-коу попадаются между рѣчными валунами валуны изъ лавы, вѣроятно снесенные въ долину правыми притоками рѣки. Въ дер. Чинъ-чжа-сань А. И. Скасси замѣтилъ корыто для водопоя, сдѣланное изъ лавы [1]).

Изъ д. Гао-фань-яо-цза дорога идетъ прямо на сѣверъ въ боковое ущелье, внутри котораго находится дер. Инъ-чинъ. Ущелье тянется на 5 верстъ и потомъ превращается въ котловину, гдѣ соединяются вмѣстѣ три долины; дорога направляется вверхъ по самой западной изъ нихъ. При входѣ въ эту долину расположена значительная деревня Нинъ-юань съ торговыми лавками. Рѣку, текущую въ этой долинѣ, назвали намъ Тао-сынъ (Си-хо); она течетъ между отвѣсными ярами, имѣющими до 6 саж. высоты. Дорога идетъ вверхъ по этой долинѣ до самой вер-

[1]) Базальты Ша-ху-коу описаны въ вышеупомянутой статьѣ г. Венюкова, стр. 37.

Digitized by Google

шины и здѣсь переваливаетъ въ вершину другой долины, по которой и слѣдуетъ до ея нижняго конца, гдѣ она открывается въ Хуху-хотинскую равнину. У самаго выхода изъ долины стоитъ дер. Си-коу-мынь (1232,8 метр. надъ у. м.).

Си-коу-мыньскую долину можно раздѣлить на три части; верхняя и нижняя части болѣе или менѣе просторны, средняя—узкая въ родѣ тѣснины, обставленная скалами, состоящими изъ крупнозернистаго гранита, богатаго кварцемъ и бѣднаго черной слюдой [1]); эта узкая часть долины имѣетъ длины около 5 верстъ и называется Ши-ся-коу; у верхняго конца ея находится буддійская кумирня; или можетъ быть это небольшая обитель. Дорога въ тѣснинѣ проходитъ не по дну долины, а въ полугорѣ и мѣстами высѣчена въ скалѣ. Ниже тѣснины долина расширяется и горные скаты покрываются такими толщами лёсса, что двѣ деревни Янъ-коу-яо-цза и Ку-ли-чанъ-бянъ, которыя одна за другой появляются на правой сторонѣ долины, состоятъ изъ пещеръ, выкопанныхъ въ лёссѣ. Ниже дер. Ку-ли-чанъ-бянъ въ долинѣ появляются обнаженія лавы; они тянутся внизъ по долинѣ по обѣимъ сторонамъ ея до дер. Си-коу-мынь, т. е. на протяженіи 10 ли. Часто встрѣчается столбчатая отдѣльность. Обнаженія лавы видны какъ у самой подошвы горъ, такъ и на вершинахъ ихъ, которыя надъ дномъ долины поднимаются на 1000 футовъ [2]).

Еще ни разу въ этомъ году сборъ растеній не былъ такъ обиленъ, какъ въ этотъ день. Особенно была богата разнообразными растеніями верхняя часть долины выше тѣснины Ши-ся-коу. Тутъ цвѣли въ это время между прочимъ Eritrichium rupestre Bung., Erysimum aurantiacum Maxim. и Anemone rivularis Ham.; кромѣ того тутъ много было и другихъ видовъ. Но тѣмъ рѣзче былъ переходъ къ тѣснинѣ, которая представляла совершенно лишенныя растительности, голыя скалы и голое дно между ними.

Въ нижнемъ концѣ описываемой долины лежитъ дер. Си-коу-мынь. Она расположена на лѣвомъ боку долины, на мысѣ, который загрождаетъ входъ въ долину. Еслибъне деревенскія зданія, то вѣроятно мы увидѣли бы Хуху-хотинскую равнину еще въ тотъ день, когда мы подходили къ Си-коу-мынь. Но деревенскія зданія закрываютъ видъ на равнину для человѣка, подъѣзжающаго къ деревнѣ по дну долины. На другой день, 6 іюля, только мы вышли изъ воротъ гостинницы и вытянулись вдоль главной улицы деревни, какъ тотчасъ же, не выходя еще изъ деревни, увидѣли впереди себя равнину и за нею на горизонтѣ загуйхуаченскія горы, т. е. Инь-шань. Равнина между Си-коу-мынемъ и подошвой Инь-шаня имѣетъ ширины около 45 вер. (90 ли); до Гуй-хуа-чена, который отстоитъ отъ горъ на 10—15 ли южнѣе, считается нѣсколько менѣе.

Китайскія деревни на равнинѣ къ сѣверу отъ Си-коу-мынь встрѣчались не особенно часто; нѣкоторыя были съ насаженнымъ лѣсомъ (ива, тополь и вязъ),

[1]) Гранитъ съ черной слюдой началъ встрѣчаться еще ранѣе, именно въ ущельи, въ которомъ стоитъ дер. Инъ-чинъ; тутъ онъ переходитъ въ гнейсъ.

[2]) Си-коу-мынскіе базальты описаны въ ст. П. Н. Венюкова «Базальты Монголіи» въ Зап. Импер. Минер. Общ., ч. XXV, стр. 24.

Digitized by Google

другія состояли изъ однѣхъ обнаженныхъ фанзъ. Почва глинистая, черноватая, мѣстами съ примѣсью соли, которая иногда образуетъ налетъ (солончаки), иногда указывается появленіемъ растеній Ranunculus plantaginifolius Murr. и Glaux maritima L. въ обильномъ количествѣ. До деревни Харачень, возлѣ которой построена небольшая крѣпостца, дорога была грязная, потому что на нее были спущены воды съ пашенъ, которыя сплошной полосой тянутся вдоль дороги. Но далѣе равнина сдѣлалась суше; появилась Tournefortia Arguzia R. et Sch., ближе же къ Гуй-хуа-чену, особенно къ сѣверу отъ р. Чербо-хэ опять дорога была залита лужами воды, а окрестная степь казалась лугомъ, покрытымъ на всемъ видимомъ пространствѣ зеленью, которая, къ сожалѣнію, состояла изъ одной Sphaerophyza Salsula Dec. На равнинѣ дорога пересѣкаетъ три рѣки; всѣ онѣ текутъ на западъ и вѣроятно впадаютъ въ р. Тургенъ-муренъ, которая значится на нѣкоторыхъ картахъ берущею начало въ горахъ выше Гуй-хуа-чена и впадающею въ Желтую рѣку при Хэ-коу. На самой южной рѣкѣ стоитъ деревня Янъ-коу-ванъ; средняя называется Пей-хо, сѣверная Чербо-хэ. Всѣ имѣютъ одинаковый характеръ: песчаное дно, мутную мелкую воду, поемное песчаное прибрежье до 100 саж. ширины и не высокіе, менѣе 1 саж. высоты, яры, состоящіе изъ песка съ глиной. Вообще равнина покрыта озерными отложеніями. На востокъ во все время перехода были видны невысокіе отдѣльные хребты, которыхъ я насчиталъ около семи. Они, какъ казалось, тянутся съ сѣверо-востока на юго-западъ, повидимому скалисты, разобщены промежутками, но въ перспективѣ сливаются въ одну общую массу. Ни одинъ изъ нихъ не представлялся господствующимъ надъ другими. Это тѣ горы, среди которыхъ находится озеро Тайга-норъ (по китайск. произношенію Тай-хай). Это западный предѣлъ чахарской земли, которая отсюда тянется на востокъ до г. Долонъ-нора; дорога же изъ Си-коу-мынь до Гуй-хуа-чена проходитъ по землѣ такъ называемыхъ хухухотинскихъ тумутовъ. Окрестности озера Тайганоръ лежатъ въ западной части вулканической области, восточный конецъ которой лежитъ около озера Ангулинор и города Калгана. Си-коу-мыньскія лавы представляютъ самую западную оконечность вулканической области.

По сѣверному горизонту Хуху-хотинской равнины протянулся Инь-шань въ видѣ непрерывнаго хребта, который казался ниже У-тай-шаня. Гребень его ровный, безъ выдающихся вершинъ, менѣе зубчатый, чѣмъ гребень У-тай-шаня, или гребень Манъ-ту-шаня.

Вправо отъ пункта, гдѣ надо было предполагать Гуй-хуа-ченъ, было видно вдающуюся въ горы долину. Другая такая же вырѣзка была видна и въ западномъ концѣ хребта.

Южныя, т. е. Си-коу-мыньскія горы тянутся къ западу на далекое пространство по направленію къ Желтой рѣкѣ, постепенно понижаясь. Западный горизонтъ съ нашей дороги представлялся совершенно гладкой равниной.

Въ Гуй-хуа-ченъ [1]) мы въѣхали 5 іюля поздно вечеромъ, когда надъ горо-

[1]) Высота города надъ ур. м. 1079 м.

Digitized by Google

домъ стояли уже густыя сумерки. Первоначальный планъ у насъ былъ остановиться въ деревнѣ, не доѣзжая города и оттуда послать человѣка или кому нибудь изъ нашей среды съѣздить въ резиденцію католической миссіи за совѣтомъ, но не помню, почему-то мы такъ не сдѣлали. За это мы сильно поплатились. Болѣе приличные дяны отказывались насъ принимать, отговариваясь неимѣніемъ мѣста, а тѣ дяны, которые не отказывали намъ, были одинъ другого хуже. Всѣ они были наполнены гостями, и свободными оставались только самыя дурныя комнаты. Долго мы въ полной темнотѣ двигались по тѣснымъ и грязнымъ улицамъ цѣлымъ караваномъ, отыскивая подходящій дянъ, по нѣскольку разъ осматривали одни и тѣ же помѣщенія, не зная, на которомъ остановить свой выборъ, и наконецъ выбрали тотъ, у воротъ котораго кончилось наше терпѣніе. Мнѣ съ женой пришлось занять уголъ въ общей залѣ, въ которой находилась и контора дяна и которая была постоянно наполнена извозчиками и приказчиками, приходившими сводить свои счеты съ дяномъ; для А. И. Скасси и М. М. Березовскаго отвели двѣ особыя комнаты, гдѣ-то въ углу двора, рядомъ съ выгребною ямой. Только впослѣдствіи мы узнали, что мы попали въ дянъ съ дурной репутаціей; въ этомъ мы убѣдились на другое утро и собственнымъ опытомъ; оказалось, что у насъ ночью воры украли нѣсколько сѣделъ.

На слѣдующій день по пріѣздѣ, А. И. Скасси поѣхалъ въ католическую миссію, чтобы узнать, какимъ образомъ намъ улучшить свое положеніе. M. Cheula, завѣдывавшій тогда миссіонерской станціей въ Гуй-хуа-ченѣ, предложилъ намъ переселиться къ нему, что мы въ тотъ же день и сдѣлали.

Католическое подворье въ Гуй-хуа-ченѣ занимаетъ обширное пространство на сѣверной окраинѣ города. Оно состоитъ изъ 4 или 5 дворовъ, изъ которыхъ три были окружены фанзами; самъ миссіонеръ занималъ всего одинъ дворъ, на которомъ одна фанза служила помѣщеніемъ для него самого, въ другой была кухня; на томъ же дворѣ помѣщается и католическая церковь. Г. Кейла отвелъ для меня и М. М. Березовскаго цѣлый флигель на особомъ дворѣ, гдѣ мы имѣли въ своемъ распоряженіи болѣе шести комнатъ. Кромѣ того въ распоряженіе А. И. Скасси былъ отданъ другой флигель на особомъ дворѣ, для фотографическихъ работъ — темный подвальный этажъ.

Ворота подворья г. Кейла держалъ постоянно на запорѣ и потому на нашемъ дворѣ была постоянная тишина и безлюдье. Послѣ грязныхъ деревенскихъ дяновъ, въ которыхъ обыкновенно не было отбою отъ китайской толпы, дни, проведенные подъ кровлей г. Кейла, были для насъ пріятнымъ отдыхомъ.

Digitized by Google

II.

Гуй-хуа-ченская равнина.

Гуй-хуа-ченъ. Монастыри. Торговое значеніе. Европейскіе путешественники, посѣщавшіе Гуй-хуа-ченъ. Католическая миссія. Могила жены Чингисъ-хана. Снаряженіе въ дальнѣйшій путь Переходъ къ Желтой рѣкѣ. Городокъ Хэ-коу. Переправа черезъ Желтую рѣку.

Гуй-хуа-ченъ (по монгольски Хуху-хото) состоитъ изъ двухъ городовъ, стараго и новаго. Въ старомъ городѣ живутъ купцы; новый есть резиденція цзянь-цзюня и квартира для мѣстныхъ войскъ. Послѣдній лежитъ на востокъ отъ стараго и, по разсказамъ, имѣетъ широкія улицы и содержится чисто. Въ центрѣ стараго города также есть небольшая часть, обнесенная зубчатыми стѣнами, съ башнями по угламъ и надъ воротами, но городъ далеко выросъ изъ этихъ стѣнъ. Обыкновенно всѣ китайскіе города, не только военные, но и торговые, бываютъ обнесены стѣнами, при чемъ принимается въ разсчетъ будущій приростъ населенія; поэтому часто внутреннее пространство города не все заполняется зданіями, а подлѣ стѣнъ остаются большіе промежутки. Но города съ большимъ торговымъ значеніемъ иногда такъ выростаютъ, что не вмѣщаются въ стѣнахъ, и внѣ городскихъ стѣнъ тогда образуются предмѣстья. Въ Гуй-хуа-ченѣ предмѣстья разрослись въ семь разъ противъ центральнаго города, и такъ какъ они плотно примыкаютъ къ стѣнамъ послѣдняго, то новый человѣкъ и принимаетъ предмѣстья за городъ. Вся главная торговля, лучшіе магазины и оптовые склады все это находится въ предмѣстьяхъ или во внѣшнемъ городѣ.

Г. Пѣвцовъ, бывшій въ Гуй-хуа-ченѣ въ 1878 году, въ своей книгѣ «Очеркъ путешествія по Монголіи», Омскъ, 1883, стр. 120, даетъ этому городу длину въ $9^1/_2$ верстъ и ширину $7^1/_2$; цифры эти ему сообщилъ г. Сплингартъ (Splingaert); жителей въ Гуй-хуа-ченѣ, говоритъ далѣе г. Пѣвцовъ, считается не менѣе 200.000, не включая въ то число солдатъ. Всѣ эти цифры кажутся намъ сильно преувеличенными; мнѣ болѣе 10 разъ пришлось проѣхать черезъ весь городъ съ часами въ рукахъ, сидя въ городской повозочкѣ. Задавшись цѣлью составить планъ города, я записывалъ показанія часовъ и на поворотахъ улицъ отмѣчалъ направленія стрѣлки компаса; эта работа дала длину города съ сѣвера на югъ только $2^1/_2$ версты; при

Digitized by Google

этихъ размѣрахъ, принимая въ разсчетъ, что, за рѣдкими исключеніями, городъ состоитъ только изъ одноэтажныхъ зданій, населеніе его едва ли превосходитъ 40.000.

Въ городѣ нѣсколько рынковъ, до 200 чайныхъ фирмъ, около 16 кумирень. Молодой китайскій купецъ Чо-чжинъ-хоу, который бывалъ въ Кульджѣ и умѣлъ говорить по русски и котораго мы здѣсь встрѣтили, сообщилъ намъ слѣдующія свѣдѣнія о гуй-хуа-ченскихъ кумирняхъ: кумирня Ши-вань-мяо находится на улицѣ Ши-ванъ-мяо-чжяй; въ ней 10 статуй: Яо-вана (бога врачей), Инъ-вана (царя мертвыхъ), Гуань-вана (бога войны), Ма-вана (бога лошадей), Люнъ-вана (бога дождя) и др.; на улицѣ Сё-тунъ-чжяй кумирни Куанъ-фу-цзы и Санъ-гуанъ-мяо; въ послѣдней три статуи: богини Гуань-инъ, плотника и каменьщика; Юй-хуанъ-го, двухъэтажная кумирня, въ честь солнца и луны; кумирня Лоу-ланъ-мяо, въ честь бога актеровъ и проституціонныхъ домовъ; Цяй-шинъ-мяо, въ честь бога торговли; сюда приходятъ купцы молиться о барышахъ; кумирня Гуань-инъ-мяо на улицѣ Ку-хунъ-танъ въ честь богини Гуань-инъ; кумирня Люй-цу-мяо на улицѣ Ма-лэнъ-танъ; люй-цу «ворожея»; сюда приходятъ совѣтоваться о болѣзняхъ, о потеряхъ, о войнѣ, о слухахъ по торговымъ дѣламъ и пр.; въ кумирнѣ хранятся деревянныя пластинки съ знаками; желающій получить предсказаніе кладетъ ихъ въ урну, молится и, потрясая, роняетъ одну изъ нихъ; затѣмъ смотрятъ на знакъ на дощечкѣ и ищутъ отвѣта въ книгѣ. Кромѣ того три кумирни въ честь Конфуція и кумирня сы-танъ, въ которой небольшая статуя Пай-цзянь-цзюня. Народное преданіе считаетъ этого цзянь-цзюня за современника императора Кань-си и приписываетъ ему геройскую смерть. Преданіе объ немъ впервые сообщено Гюкомъ; мы тоже записали его, но полнѣе (см. IV часть этого изданія). Кумирня имѣетъ узкій дворикъ, сажень 20 длиной; въѣздныя ворота обращены на югъ; кумирня небольшая и занимаетъ глубину двора; внутри ея передъ дверями въ небольшой будкѣ сидящая фигура мандарина, покрытая позолотой; мандаринъ изображенъ одѣтымъ въ длинное платье; фигура имѣетъ высоты немного болѣе фута. У задней стѣны и по потолку болѣе 20 скрижалей съ золотыми іероглифами по голубому или зеленому полю или съ голубыми іероглифами по золотому полю. Боковыя стѣны убраны алебардами, копьями и другими родами оружія.

11 іюля я ѣздилъ изъ католическаго подворья въ монгольскіе монастыри, которые находятся въ городѣ. Всѣхъ монгольскихъ монастырей въ Гуй-хуа-ченѣ насчитывается около шести; я узналъ имена только пяти: Та-чжао, Ширету-чжао, У-та-сы, Пунъ-сынъ-чжао (Барунъ-суме) и Дорчжи-чжао.

Нанятый нами извощикъ привезъ насъ въ одинъ изъ монастырей, въ который изъ поименованныхъ, не могу сказать. Вошедши во дворъ, мы спросили, гдѣ живетъ ключарь; навстрѣчу намъ вышелъ очень смуглый монголъ и, продолжая натягивать на себя коричневый халатъ, молча и безпрекословно пошелъ отворять какой-то боковой входъ въ храмъ. Мы вошли въ него. Внутренность его, какъ въ большей части ламайскихъ храмовъ, была слабо освѣщена, такъ что я видѣлъ только передніе предметы. Ключарь говорилъ съ нами неохотно; сначала онъ даже отперся отъ знанія монгольскаго языка, увѣряя насъ, что монголы, которые живутъ

Digitized by Google

во внутреннемъ Китаѣ, отвыкаютъ отъ родного языка. Своему монастырю онъ далъ имя Чжиги-чжао, имя, которое я потомъ болѣе не слышалъ, а главному изображенію въ немъ—Ши-чжа-фо. Повидимому, я показался ему празднолюбопытствующимъ посѣтителемъ, отъ котораго можно было ожидать неуваженія или даже оскорбленія божества. Вѣроятно, онъ разсчитывалъ, что я при входѣ сдѣлаю обычный земной поклонъ, но ни я, ни мой слуга Цуй-санъ, бывшій со мною, этого не сдѣлали. Чѣмъ дольше я оставался въ храмѣ, тѣмъ расположеніе духа ключаря становилось угрюмѣе и обратилось наконецъ въ нетерпѣливое желаніе видѣть скорѣе конецъ нашего визита. Сначала онъ мнѣ сдѣлалъ замѣчаніе, что неприлично въ храмѣ стоять съ заложенными назадъ руками. «Здѣсь боги!» сказалъ онъ. Потомъ онъ замѣтилъ, что существуетъ обычай при входѣ въ храмъ возжигать масляную лампочку передъ богами. Цуй-санъ вынулъ изъ своего кармана 300 чоховъ и положилъ ихъ на жертвенникъ. Мы вышли изъ храма, но мнѣ не хотѣлось уйдти изъ монастыря, не сдѣлавъ знакомства между монгольскими монахами. Я сталъ просить ключаря, чтобы онъ провелъ меня къ нюрбѣ (эконому). Ключарь сказалъ на это, что нюрбы теперь въ монастырѣ нѣтъ; что всѣ монахи разъѣхались на лѣто по улусамъ и что въ монастырѣ живетъ только нѣсколько человѣкъ для того, чтобы стеречь храмъ; то же самое, будто бы, ожидаетъ насъ и въ другихъ монастыряхъ Гуй-хуа-чена, если мы намѣрены посѣтить ихъ. Однако, не обращая вниманія на его непривѣтливость, я просилъ его провести меня въ его собственную келью. Я разсчитывалъ, что очутившись въ монашеской кельѣ, я увижу другихъ болѣе словоохотливыхъ монаховъ; кромѣ желанія осмотрѣть ламайскіе храмы въ городѣ, у меня была еще и другая цѣль въ виду — найдти монголовъ, которые подрядились бы свезти насъ на своихъ верблюдахъ въ Лань-чжоу, а также нанять рабочихъ изъ монголовъ. Но и вторженіе въ бѣдную, тѣсную и грязную келью неразговорчиваго монаха не привело наши дѣла въ лучшее положеніе; оказалось, что онъ живетъ одиноко; на мой вопросъ, не могу ли я черезъ него найдти монгола, имѣющаго лошадей, съ которымъ бы можно было съѣздить въ горы, ключарь отвѣчалъ, что онъ монахъ и такихъ людей вовсе не знаетъ. Однимъ словомъ ото всего онъ отпирался и только томился моимъ присутствіемъ тѣмъ болѣе, что въ окно, которое, вмѣсто бумаги, какою обыкновенно заклеиваются рамы, было завѣшено рядинкой изъ дэрису, смотрѣло паръ двадцать глазъ прегрязныхъ, оборванныхъ и полунагихъ китайцевъ и лама иногда терялъ спокойствіе духа, схватывалъ уполовникъ и, поднявъ рядинку, плескалъ въ народъ водой, чтобы разогнать его. Длинные переговоры о покупкѣ иконы Цаганъ-дара-экэ также ни къ чему не привели; одно только мы узнали, что въ городѣ есть мѣдная лавка, въ которой дѣлаютъ изображенія боговъ изъ мѣди и рисуютъ ихъ на холстѣ и бумагѣ.

Это первое знакомство съ монголами въ Гуй-хуа-ченѣ отбивало охоту искать новыхъ; однако я все-таки рѣшился еще сдѣлать одну пробу; извощикъ повезъ меня въ другой храмъ, находившійся недалеко отъ перваго. Этотъ другой храмъ оказался лучше и обширнѣе; онъ называется Ширету-чжао. На улицу храмовыя или монастырскія постройки выходятъ деревянной рѣшоткой, за которой на пло-

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

щадкѣ, передъ фасадомъ передняго зданія, стоятъ два льва. Ворота, ведущія внутрь монастырскаго двора, находятся рядомъ съ переднимъ зданіемъ. На дворѣ кумирни мы встрѣтили молодого китайца, который очень любезно началъ указывать намъ дорогу. Онъ направилъ насъ прежде всего въ кухню; такой выборъ давалъ, вѣроятно, возможность обойдти іерархическій вопросъ, такъ какъ кухня, служа монахамъ вмѣсто клуба, есть мѣсто, куда сходятся и большіе и маленькіе чины. Молодой лама встрѣтилъ насъ на порогѣ, привѣтливо поздоровался съ нами и пригласилъ пройдти внутрь. Внутри это была обширная зала съ вмазанными въ печи котлами и съ потолкомъ и стѣнами, покрытыми густой копотью отъ дыма. Вскорѣ собралась вокругъ насъ группа ламъ; на нашу просьбу отворить двери одной изъ кумирень они сказали намъ, что теперь послѣобѣденное время, что одни ламы спятъ, другіе ушли въ городъ, что ключарей нѣтъ и что если хочется видѣть внутренность кумирень, то нужно пріѣхать въ монастырь утромъ. Не настаивая на своемъ, я началъ распрашивать монголовъ о гэгэнѣ и другихъ монастыряхъ. Мое небольшое знаніе монгольскаго языка расположило ламъ въ мою пользу; вскорѣ изъ ихъ среды выдѣлился старикъ съ больными слезящимися глазами и съ очень живыми тѣлодвиженіями и спросилъ меня: «Ты хочешь поклониться богамъ»? Я сказалъ: да. Тогда меня тотчасъ же повели на второй дворъ сзади главнаго храма и отворили дверь въ задней кумиринѣ. Я вошелъ въ храмъ въ сопровожденіи небольшой толпы ламъ и китайцевъ и сложилъ ладони на лбу, какъ это дѣлаютъ на востокѣ въ честь боговъ, а Цуй-санъ сдѣлалъ земные поклоны. Ламы оказались разговорчивыми, на перебой сообщали мнѣ названія изображеній и когда я вынулъ карандашъ, то они не только не смутились, но подсказывали имена боговъ, когда я ихъ записывалъ. У задней стѣны здѣсь помѣщается 5 большихъ изображеній; въ серединѣ Шигчжимуни; по правую его руку Дебенгара и Аюши, по лѣвую Майдыръ (Майтари) и Отучи. Когда Цуй-санъ положилъ связку чоховъ на жертвенникъ, старикъ лама поставилъ на него цокцо (лампочку) съ коровьимъ масломъ и свѣтильней и подалъ мнѣ зажженную куджи [1]). Я долженъ былъ собственноручно отъ этой куджи зажечь свѣтильню въ масляной лампадкѣ. Оставивъ храмъ, я хотѣлъ идти въ фанзу къ старику ламѣ, но сопровождавшіе меня ламы повели меня къ главному храму, стоящему впереди осмотрѣннаго. Главный храмъ построенъ въ тибетскомъ стилѣ; спереди онъ имѣетъ эстраду, которая вдается въ передній фасадъ зданія въ видѣ ниши; спереди эстрада имѣетъ рядъ колоннъ числомъ шесть, съ дорожчатой поверхностью. Выступовъ крыши надъ тибетскими храмами не видно и потому передній фасадъ имѣетъ видъ простого четвереугольника. Въ глубинѣ эстрады видна большая дверь, ведущая внутрь храма; она была заперта двумя или тремя замками, подвѣшенными у порога; по сторонамъ дверей стѣна храма покрыта фресками, а пустыя мѣста какъ подъ фресками, такъ и на другихъ частяхъ зданія, украшены симметрически расположенными желѣзными фигурами въ четверть аршина длиной креста свастика и обыкновеннаго креста. Послѣдній какъ будто

[1]) Куджи—курительная свѣчка въ видѣ длинной спицы.

Digitized by Google

состоитъ изъ двухъ перекрещенныхъ очировъ; на точку перекрещенія наложенъ крестъ той формы, который встрѣчается въ пермскихъ древностяхъ (Aspelin, Antiquités du Nord finno-ougrien, Helsingfors, 1877 p. 230, рисунокъ № 1121) и изображеніе котораго можно находить на шаманскихъ плащахъ и на бубенныхъ колотушкахъ шамановъ.

Открытія дверей храма мы такъ и не дождались; китайцы, окружавшіе насъ, съ виду ремесленники, пригласили насъ въ лѣвый уголъ двора, гдѣ виднѣлась какая-то размалеванная постройка. Цуйсанъ когда-то учился живописи и началъ порываться туда. Постройка оказалась фанзой, состоящей изъ двухъ комнатъ, разъединенныхъ сквознымъ проходомъ въ слѣдующій дворикъ. Пройдя черезъ этотъ проходъ, входишь въ небольшой дворикъ, въ заднемъ концѣ котораго опять такая же фанза также съ проходомъ по серединѣ; за нею другой такой же крошечный дворикъ, и опять фанза, на этотъ разъ послѣдняя. Всѣ эти комнатки или кельицы были пусты; онѣ только что реставрировались; стройка еще продолжалась; нѣкоторыя двери еще не были повѣшены, оконныя рамы не всѣ вставлены. Тутъ все: простѣнки, двери, потолки, карнизы, все было раскрашено и размалевано; цѣлые пейзажи и сцены изъ китайской жизни были представлены на стѣнахъ и дверяхъ. Краски были еще свѣжи, нѣкоторыя картины еще были не дописаны. Сцены на картинахъ были все свѣтскія. Я сначала сдѣлалъ предположеніе, что это отдѣлываются номера для почетныхъ гостей, но мнѣ объяснили, что это готовится квартира для гэгэна, пріѣзда котораго изъ Си-цзана [1]) ждутъ въ Гуй-хуа-ченѣ. Восемь лѣтъ прошло, какъ послѣдній гэгэнъ умеръ, и только теперь возродился въ Си-цзанѣ. Впослѣдствіи мнѣ довелось не мало видѣть расписанныхъ красками монашескихъ келій въ Амдо и въ южной Монголіи и вездѣ я видѣлъ, что всѣ онѣ были расписаны свѣтскими картинами по китайскимъ образцамъ. Даже если художниками являются монголы и тангуты, то они не берутъ матеріалъ изъ своей національной жизни; а въ Гумбумѣ раскрашенные барельефы изъ масла, выставляемые на показъ богомольцамъ въ праздникъ новаго года, также заимствуютъ свое содержаніе изъ китайской, а не изъ тангутской жизни. День возрожденія національнаго искусства и у монголовъ и у тангутовъ еще впереди.

Изъ этихъ болѣе яркихъ, чѣмъ изящныхъ аппартаментовъ ожидаемаго гэгэна монахи позвали насъ въ одну изъ келій, чтобы угостить чаемъ. Здѣсь одинъ молодой лама показалъ мнѣ листы, вырванные изъ какого-то литературнаго нѣмецкаго журнала; тутъ была статья о происхожденіи Фауста Гёте.

Изъ Ширету-чжао мы поѣхали въ мѣдную лавку, гдѣ дѣйствительно нашли китайскихъ мастеровъ, занимавшихся сколачиваніемъ отдѣльныхъ частей статуй, которыя повидимому дѣлаются въ какомъ-то другомъ городѣ. На полкахъ этой лавки было наставлено много обыденной мѣдной утвари и другихъ мѣдныхъ вещей, казавшихся болѣе старьевщиной. Тутъ же былъ и фронтъ небольшихъ статуетокъ, среди которыхъ однако не нашлось изображенія Тунъ-дза-гуань-женъ-инъ, т. е.

[1]) Изъ Тибета.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

богини милосердія съ ребенкомъ, которую я тогда старался найдти. Въ той же лавкѣ продавались рисованныя раскрашенныя изображенія боговъ, но оказалось, что они не дѣлаются здѣсь, а привозятся изъ города И-чжоу. Это была единственная лавка въ Гуй-хуа-ченѣ, въ которой продавались изображенія боговъ.

26 іюля я ѣздилъ въ два другіе чжао: У-та-сы-чжао и Пхынъ-сунъ-чжао. Оба они въ заброшенномъ состояніи и на половину представляютъ развалины; мостовыя дворовъ заросли высокой сорной травой, которая теперь отлично цвѣла; черепица на крышахъ погнулась и прямыя линіи сдѣлались кривыми; деревянныя двери, колонны и рѣзныя вещи выцвѣли.

У-та-сы, по монгольски Табынъ-субурганъ, лежитъ въ восточномъ концѣ города на самой городской окраинѣ. И китайское и монгольское названіе одинаково значатъ: «пять башенъ». Съ южной стороны въ оградѣ двое воротъ, между которыми лежатъ два мраморныхъ льва; внутри двора нѣсколько кумирень или храмовъ, стоящихъ одинъ сзади другого. Позади всѣхъ ихъ въ отдѣльномъ дворѣ возвышается пятиглавая кумирня, по которой монастырь и получилъ свое имя. Всѣ переднія зданія китайской архитектуры. На самомъ переднемъ дворѣ передъ воротами два мраморныхъ субургана обыкновенной тибетской формы.

Пятибашенный храмъ представляетъ смѣсь тибетской архитектуры съ легкимъ оттѣнкомъ китайской; на цоколѣ изъ сѣраго камня возвышается четырехстороннее зданіе, съуживающееся къ верху; оно имѣетъ квадратное основаніе. Горизонтальными выступами въ родѣ карнизовъ оно раздѣлено на семь этажей. Въ южной стѣнѣ находится большая арка, ведущая внутрь зданія. Стѣны снаружи украшены изображеніями боговъ, не знаю, лѣпными или высѣченными изъ камня и вставленными между карнизами. Въ каждомъ этажѣ насчитывается 140 такихъ барельефовъ, а на всѣхъ четырехъ стѣнахъ ихъ болѣе 1000. Вершина этого храма увѣнчана пятью башнями, одной большой въ серединѣ и четырьмя по угламъ, меньшей величины. Средняя башня семиэтажная, угловыя пятиэтажныя; нижніе этажи у всѣхъ пяти башень самые большіе и украшены арками, въ которыя вставлены крупные барельефы. Верхніе этажи покрыты многими мелкими барельефами. Всѣхъ барельефовъ на храмѣ вмѣстѣ съ его башнями свыше 1600.

Пхынъ-сунъ-чжао лежитъ въ югозападномъ концѣ города, на западномъ берегу протекающей тутъ рѣки. Здѣсь городъ распадается на отдѣльные кварталы, разъединенные огородами. Монголы монахи, которыхъ мы нашли въ монастырѣ, сказали намъ, что по монгольски этотъ монастырь называется Ольджи-эркинъ, но обыкновенно монголы зовутъ его Барунъ-сумэ, т. е. «Западный монастырь». Передъ воротами монастыря съ наружной стороны стоитъ обшитый мраморомъ субурганъ; на его пьедесталѣ барельефныя изображенія львовъ, покрытыя зеленой глазурью. Субурганъ сильно разрушается. На дворѣ среди другихъ зданій центральное мѣсто занимаетъ храмъ (тугумъ) тибетской архитектуры; передній фасадъ его похожъ на главный храмъ въ Ширету-чжао; такая же эстрада съ колоннами; основаніе храма шире вершины, такъ что стѣны его не вертикальны, а расходятся внизу. Этотъ монастырь, какъ насъ увѣряли китайцы, былъ резиденціей того гэгэна, который

Digitized by Google

не хотѣлъ оказать подобающей почести императору Каньси, и не всталъ передъ нимъ со своего престола, за что и былъ зарубленъ Пай-цзянь-цзюнемъ [1]). Монахи этого монастыря, когда мы ихъ распрашивали объ этомъ событіи, увѣряли, что они ничего подобнаго не знаютъ, но они все-таки разсказали мнѣ, что здѣсь прежде дѣйствительно жилъ Илгысенъ-гэгэнъ, перерожденцы котораго теперь обыкновенно живутъ въ Хангаѣ около Уляссутая. Китайцы же не только увѣряютъ, что кровавый случай совершился въ стѣнахъ Пхынъ-сунъ-чжао, но что въ память этого событія въ этомъ монастырѣ бываетъ нѣчто въ родѣ публичнаго представленія; ламы одѣваются въ старинное платье; одинъ изъ нихъ изображаетъ императора Кань-си, другой Пай-цзянь-цзюня.

Гуй-хуа-ченъ важенъ, какъ торговый пунктъ для Монголіи и западнаго края (Си-юй). Отсюда выходятъ караваны въ города Уляссутай, Хобдо и даже въ Ургу, а также въ Хами и Гученъ; они развозятъ по Монголіи дабу и кирпичный чай, такъ называемый дзудзанъ-чай, «толстый чай», который только и употребляется монголами; отсюда также идутъ другіе сорта чаевъ въ Кульджу, Чугучакъ и Вѣрный. Кромѣ чая и бумажныхъ матерій изъ Гуй-хуа-чена ведется торговля шелковыми товарами въ Монголіи, а также всякой мелочью. Здѣсь находятся главныя отдѣленія торговыхъ компаній Та-шинъ-ху и На-сунъ-тай, вѣтви которыхъ есть и въ Уляссутаѣ и въ Хобдо. Изъ Монголіи въ Гуй-хуа-ченъ идутъ бараны, а также изъ сѣверныхъ рынковъ доставляются сюда маральи рога. Въ Гуй-хуа-ченѣ въ октябрѣ бываетъ ярмарка маральими рогами; въ сентябрѣ пріѣзжаютъ сюда купцы изъ Кантона, а въ октябрѣ покупка кончается. Сюда свозятся рога изъ сѣверной Монголіи, изъ Сибири, изъ западнаго края и изъ Калгана (можетъ быть, доставляемые туда изъ Манчжуріи) [2]). Полученные рога подвергаются у китайцевъ нѣкоторой обработкѣ; сначала ихъ опаливаютъ на огнѣ, чтобъ оголить отъ шерсти, потомъ вымачиваютъ въ хуанъ-цзю (водка изъ проса); когда рогъ размякнетъ, его рѣжутъ на куски, которые кладутъ въ истопленную печь; жаръ изъ печи долженъ быть предварительно выгребенъ. Тогда рогъ высыхаетъ; для употребленія его толкутъ въ порошокъ. Въ Гуй-хуа-ченѣ разсказываютъ, что рогъ употребляется преимущественно въ Кантонской провинціи, гдѣ будто бы вслѣдствіе сырости климата женщины страдаютъ безплодіемъ, если не принимаютъ роговаго порошка. Порошокъ употребляется и въ другихъ провинціяхъ, какъ примѣсь къ другимъ лѣкарствамъ, но это далеко не главное его употребленіе. Большая доза роговаго порошка дѣйствуетъ вредно; между прочимъ увѣряютъ, будто мужчины отъ такихъ пріемовъ лишаются волосъ на головѣ, губахъ и бородѣ. Стада барановъ пригоняются сюда изъ сѣверо-западной Монголіи. Такъ какъ число головъ, выгоняемыхъ изъ сѣверной Монголіи, простирается свыше милліона, то надо бы полагать, что города на

[1]) См. легенду о Пай-цзянь-цзюнѣ въ IV части.

[2]) О торговомъ значеніи Гуй-хуа-чена и о ярмаркѣ изюбревыхъ или маральихъ роговъ подробныя свѣдѣнія сообщены въ статьяхъ г. Волосатова: «Нѣкоторыя свѣдѣнія о Гуй-хуа-ченѣ» и «О торговлѣ изюбревыми рогами», помѣщенныхъ въ Запискахъ Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О. по общ. геогр., т. I, в. 1 (Иркутскъ, 1890), стр. 127 и 137. См. также въ «Вѣстникѣ Финансовъ» статью о Гуй-хуа-ченѣ.

Digitized by Google

сѣверной границѣ провинцій Шань-си и Чжи-ли представляютъ такую же колоссальную бойню скота, какъ наши города по линіи между Самарой и Петропавловскомъ, и что Гуй-хуа-ченъ въ средѣ ихъ занимаетъ первенствующее мѣсто. Я наводилъ справки въ Гуй-хуа-ченѣ о существующихъ въ немъ бойняхъ, но получилъ въ отвѣтъ, что въ Гуй-хуа-ченѣ бойни вовсе не велики, что въ нихъ убивается скотъ только для мѣстнаго потребленія, главная же масса монгольскаго скота прогоняется далѣе до Пекина.

Въ Гуй-хуа-ченѣ мы познакомились, какъ я сказалъ уже выше, съ однимъ молодымъ китайскимъ купцомъ Чо-чжинъ-хоу, который былъ прикащикомъ и компаньономъ одной чайной компаніи Чинъ-хинъ-тай, въ качествѣ ея прикащика долго жилъ въ Кульджѣ и тамъ выучился по русски. Чо-чжинъ-хоу жилъ вмѣстѣ съ купцомъ Чэнъ, главнымъ представителемъ этой компаніи, въ дянѣ Хой-чжень, гдѣ я у него былъ нѣсколько разъ. Компанія Чинъ-хинъ-тай прежде считала въ своей средѣ 100 человѣкъ компаньоновъ; нынѣ въ ней осталось только 20, но главный представитель ея питаетъ надежду на новое развитіе чайнаго дѣла въ западномъ краѣ, потому что казенная монополія чайной торговли въ Гу-ченѣ правительственнымъ актомъ уничтожена; дѣло задерживается тѣмъ, что съ паденіемъ монополіи и допущеніемъ частной торговли наложена слишкомъ большая таможенная пошлина на чай, именно 4 лана серебра со 100 джиновъ чая. Купцы просятъ правительство сбавить пошлину на 2 лана со 100 джиновъ. Если эта просьба купцовъ будетъ удовлетворена, чаю въ западный край пойдетъ много и тогда компанія Чинъ-хинъ-тай снова заведетъ своихъ агентовъ въ западномъ краѣ. Цѣны на чай въ Гуй-хуа-ченѣ въ 1884 г. были такія: ящикъ изъ 39 кирпичей стоилъ 13 ланъ серебра; въ 1883 году такой ящикъ 10 ланъ. Байховаго чернаго чая ящикъ въ 60 джиновъ вѣсомъ въ 1884 г. продавался за 15 ланъ серебра; зеленаго чая во время нашего пребыванія въ Гуй-хуа-ченѣ не было въ привозѣ, въ 1883 же году 100 джиновъ зеленаго чая продавались за 30 ланъ серебра. Кирпичный чай идетъ въ Гуй-хуа-ченъ черезъ Бао-динъ-фу и Да-тунъ-фу [1]).

Русскіе товары, которые можно найдти въ Гуй-хуа-ченѣ: мѣдные тазы, плисъ, сукно, зеркало, юфть или болгары, сафьянъ, привозятся сюда изъ Калгана.

Въ послѣднее время изъ окрестностей Гуй-хуа-чена начали отправлять шерсть въ Тянь-цзинъ. Сначала скупкой шерсти занимались бельгіецъ Сплингартъ и нѣмецъ Грезель (Graesel); въ настоящее время Сплингартъ вступилъ на китайскую службу и живетъ въ Сучжоу, Грезель же продолжаетъ заниматься торговлей шерстью; онъ живетъ обыкновенно въ городѣ Бао-тоу (Бату), гдѣ имѣетъ собственный домъ [2]).

---

[1]) Вотъ еще нѣсколько гуй-хуа-ченскихъ цѣнъ: одинъ ланъ шелковой матеріи (че-су-ча) 1 ценъ серебра; обыкновенный русскій мѣдный тазъ 24 рубля; ланъ опіума 2 цена серебра, а послѣ сбора осенью ожидалась цѣна ланъ опіума 1 ценъ сер.; джинъ печенаго хлѣба 7 ценъ серебра (5 коп. фунтъ); фунтъ коровьяго мяса 10 коп., бараньяго 8 коп.; джинъ свинины 11 коп.; пельмень одинъ чохъ; связка свѣжаго сѣна въ 30 слишкомъ джиновъ 70—80 чоховъ (или 1 джинъ по 5 чоховъ); верблюдъ отъ 30 до 40 ланъ. Гуй-хуа-ченскій чы (футъ) равняется $7^{9}/_{7}$ русск. вершк.

[2]) Въ позднѣйшее время (въ 1887 г.) Грезель жилъ уже въ сел. Ши-цзуй-цза, лежащемъ на правомъ берегу Хуанъ-хэ ниже Нинъ-ся.

Digitized by Google

Для закупки шерсти г. Грезель разъѣзжаетъ по монгольскимъ кочевьямъ на ю.-з. до ставки алашаньскаго князя (Дынъ-юань-инъ) и на с. до ставки Мергенъ-вана, а также по сѣвернымъ частямъ Ордоса. Однажды онъ проѣхалъ на сѣверъ до ставки Сайнъ-ноина и до монастыря Ламэнъ-гэгэна, но убѣдился, что изъ этихъ отдаленныхъ мѣстъ шерсть не выдерживаетъ расходовъ на провозъ. Очистку шерсти г. Грезель производитъ въ Бао-тоу, въ собственномъ заведеніи. Онъ жаловался на неровность этой торговли; вывозъ шерсти изъ Тянь-цзина колеблется отъ 5000 до 15,000 пикулей въ годъ; вслѣдствіе такой значительной разницы въ цифрѣ вывоза, занятія этой торговлей сопряжены для торговца съ большимъ рискомъ.

Исторія города Гуй-хуа-чена должна быть интересна, но на китайскомъ языкѣ, кажется, ея нѣтъ. Городъ этотъ очень древній. Плодородная почва окрестностей Гуй-хуа-чена должна была очень рано вызвать здѣсь осѣдлость; такихъ плодородныхъ оазисовъ на юговосточной окраинѣ Монголіи можно указать только три: Гуй-хуа-ченскій округъ, округъ городовъ Нинъ-ся и Линъ-чжоу и округъ городовъ Лянь-чжоу и Гань-чжоу. Стоя на самой границѣ между китайской имперіей и кочевьями монголовъ или другихъ ордъ, занимавшихъ южную Монголію, Гуй-хуа-ченъ несомнѣнно былъ свидѣтелемъ большихъ историческихъ событій. Мимо него проходили арміи завоевателей и самъ онъ нерѣдко, можетъ быть, становился резиденціей какого-нибудь счастливца, выдвинутаго исторіей изъ скромной пастушеской среды въ вершители народныхъ судебъ.

Намъ не удалось встрѣтиться съ учеными китайцами, купцы же, которыхъ мы здѣсь видѣли, мало интересуются прошлымъ своей родины. Намъ сообщили только, что прежде городъ назывался Фынъ-чжоу. Нашъ синологъ о. Палладій, въ одномъ изъ примѣчаній къ путешествію китайца Чанъ-чуня, совершенному въ XIII столѣтіи, имя города Фынъ-чжоу, упоминаемое этимъ путешественникомъ, пріурочиваетъ также къ Гуй-хуа-чену.

Одинъ китаецъ передавалъ намъ преданіе, по которому городъ обязанъ своимъ нынѣшнимъ именемъ тому обстоятельству, что здѣсь въ древности жила огромная черепаха. Гуй значитъ по китайски «черепаха». Монголы желали убить эту черепаху, но не имѣли къ тому средствъ; они узнали, что для того, чтобы убить ее, нужно на этомъ мѣстѣ построить городъ, который ее и раздавитъ своею тяжестью, но чтобы построить городъ, монголы не имѣли ни денегъ, ни мастеровъ. Поэтому они подарили эту землю императору Канъ-си съ условіемъ, чтобъ онъ построилъ тутъ городъ. Императоръ благосклонно принялъ подарокъ, приказалъ построить нынѣшній Гуй-хуа-ченъ и установилъ, чтобъ всѣ доходы съ земли поступали въ пользу первоначальныхъ жителей мѣстности, монголовъ племени Тумутъ. Такъ какъ земля обратилась назадъ къ прежнимъ владѣльцамъ, поэтому будто бы въ названіе города введенъ звукъ хуа. И теперь еще, говорятъ, черепаха живетъ подъ городомъ, но не можетъ выйдти. Разсказчикъ этого преданія нарисовалъ эту черепаху въ видѣ двухъ квадратовъ, наложенныхъ одинъ на другой такъ, что они образуютъ осьмиконечную звѣзду. Около Гуй-хуа-чена, по народному повѣрью, переданному тѣмъ же разсказчикомъ, живетъ два сорта черепахъ; одна водится

Digitized by Google

на землѣ; эту ловятъ люди, но она небольшая; другая же колоссальная, но ея не видятъ люди; эта послѣдняя не пьетъ воды и не выдѣляетъ изъ себя жидкости.

Если Чань-чуневскій Фынъ-чжоу дѣйствительно Гуй-хуа-ченъ, что очень вѣроятнымъ представляется при соображеніи текста Чань-чуня съ картой, то значитъ Гуй-хуа-ченъ уже существовалъ во времена Чингисъ-хана (за четыреста лѣтъ до Кань-си). Чань-чунь не описываетъ города; это, кажется, значитъ, что это былъ китайскій городъ, въ которомъ онъ нашелъ привычныя картины, не заслуживающія описанія въ глазахъ китайца. Въ 50 ли къ западу отъ Фынъ-чжоу находилась тогда застава Юй-янъ-гуань, черезъ которую и пришлось Чань-чуню въѣхать въ предѣлы своего государства. Ранѣе же этого, когда путешественникъ только что пересѣкъ песчаную пустыню и приближался къ Юй-янъ-гуаню, въ его дневникѣ сказано: «Земля прилегаетъ къ сѣверной границѣ Ся», т. е. тангутскаго государства. Въ Фынъ-чжоу Чань-чунь въѣхалъ 22-го числа 6 луны; 1 числа 7 луны, т. е. пробывъ въ городѣ около 12 дней, онъ двинулся далѣе мимо озера Ся-шуй и черезъ городъ Юнъ-чжунъ (Да-тунъ, по мнѣнію о. Палладія) [1]).

Къ тому же вѣку, но немного позже, именно ко времени Хубилай-хана, относится путешествіе Марко Поло. Если пріуроченіе дороги знаменитаго венеціанца, сдѣланное англійскимъ полковникомъ Юлемъ [2]), вѣрно, то Марко Поло долженъ былъ проѣхать если не чрезъ самый Гуй-хуа-ченъ, то по крайней мѣрѣ близко отъ него. По мнѣнію Юля, подъ Марко-Половскимъ Sukjur, Campichu, Erquoil и Egrigaia въ той же послѣдовательности слѣдуетъ подразумѣвать нынѣшніе Су-чжоу, Ганьчжоу, Лянь-чжоу и Нинъ-ся. За Егригайа у Марко-Поло слѣдуетъ городъ Tenduch. Сличеніе дальнѣйшаго маршрута Марко-Поло отъ Тендука до Камбалыка, т. е. до Пекина склоняетъ полковника Юля къ предположенію, что Тендукъ былъ гдѣ-нибудь около нынѣшняго Гуй-хуа-чена, если только не онъ самъ. Тендукъ, по словамъ Марко-Поло, былъ столицей киреитскаго царства, которымъ правилъ Ванъ-ханъ, современникъ Чингисъ-хана и злополучный его соперникъ. Чань-чунь, говоря о Фынъ-чжоу, ни словомъ, однако, не обмолвился о кирейскомъ царствѣ и его царѣ Ванъ-ханѣ.

Но если Тендукъ непремѣнно слѣдуетъ пріурочивать къ Гуй-хуа-ченской равнинѣ, то по нашему мнѣнію не въ другомъ мѣстѣ его нужно ставить, какъ тамъ же, гдѣ стоитъ нынѣ городъ Гуй-хуа-ченъ, такъ какъ это самое плодородное мѣсто на этой равнинѣ. Старинныя поселенія неизбѣжно должны локализировать къ себѣ религіозныя легенды; храмы съ изображеніями боговъ въ особенности должны способствовать къ тому; поэтому тамъ, гдѣ находился Тендукъ, нужно ожидать встрѣчи съ локализированными легендами. И дѣйствительно съ гуй-хуа-ченскими кумирнями связаны нѣкоторыя преданія, повидимому очень древняго происхожденія, какъ напримѣръ преданіе о Пай-цзянь-цзюнѣ и зарубленномъ имъ гэгэнѣ. Это преданіе

[1]) См. Труды Пекинск. духовн. миссіи, IV.
[2]) См. Marco Polo, by colonel Youl. Vol. I. p. 276.

Digitized by Google

мѣстные жители относятъ ко временамъ императора Канъ-си, но это конечно лишено всякаго основанія. Императору Канъ-си, во время его посѣщенія Гуй-хуачена, сопутствовалъ Жербильонъ, въ отчетахъ котораго о путешествіи императора ни малѣйшаго намека нѣтъ на какое-либо похожее событіе. Преданіе очевидно перенесено на знаменитую въ китайской исторіи эпоху изъ болѣе отдаленнаго времени; самое преданіе начинается сообщеніемъ, что это было тогда, когда города еще не было и краемъ правилъ гэгэнъ, жившій въ одиноко стоявшей обители. Подъ этимъ гэгэномъ легенда разумѣетъ какого-то злого правителя или даже злое миѳическое существо, потому что когда гэгэнъ былъ убитъ, подъ его престоломъ оказалась большая черная лягушка. Послѣ того, какъ гэгэнъ былъ убитъ, монголы возстали; императоръ, переодѣтый въ платье ламы, бѣжалъ и спрятался въ лѣсу. Ламы окружили лѣсъ, но такъ какъ птицы, сидѣвшія на деревьяхъ, молчали, то они заключили изъ этого, что въ лѣсу никого нѣтъ и прекратили поиски. Это напоминаетъ преданіе о Темучинѣ, которое, мнѣ неизвѣстно откуда заимствованное, сообщаетъ Бержеронъ [1]). Такимъ образомъ гуй-хуа-ченская легенда связана если не съ легендой самого Вана кирейскаго, то по крайней мѣрѣ съ легендой о его противникѣ.

Первый, кто изъ европейцевъ посѣтилъ этотъ городъ и назвалъ его современнымъ именемъ, это былъ русскій посолъ въ Китаѣ Ѳедоръ Ивановичъ Байковъ, ѣздившій въ Пекинъ въ 1654—1658 году. Онъ назвалъ Гуй-хуа-ченъ городомъ Кококотаномъ, т. е. его нынѣшнимъ монгольскимъ именемъ (Хухухото). Онъ прибылъ въ него по дорогѣ, идущей чрезъ Гурбанъ-сайханъ. Помѣщаемъ выписку изъ сказки Байкова, которая представляетъ древнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ городѣ.

«А городъ Кокотанъ земляной; башни кирпичныя, кирпичъ жженой; проѣзжіе башни велики, по двои воротъ въ башнѣ; въ проѣздѣ въ тѣхъ башняхъ по 16 сажень ручныхъ; а въ башнѣ по двои ворота: а ворота дубовые, окованы желѣзомъ; а проѣзжихъ 6 башенъ, а огненнаго бою, пушекъ и пищалей нѣтъ, а кумирницъ въ городѣ и за городомъ много: кумирницы кирпичные, а верхи у нихъ дѣланы по русски, а крыты черепицею муравленою.

«А рядъ у нихъ великъ: лавки каменные, а позади подѣланы дворы; а лавки дѣланы по русски съ заметы; а торгуютъ серебромъ ланами. А ланъ у нихъ вѣсомъ въ ихъ вѣсѣ 10 золотниковъ; а нашего вѣсу 9 золотниковъ; а мелочь всякую купятъ на чай, а чай купятъ по 14 бакчи на ланъ. А въ лавкахъ у нихъ товары камки и баази всякіе цвѣты ихъ китайскіе; и шелку много всякихъ цвѣтовъ. Желѣза и мѣди у нихъ много; а сѣна и дрова привозятъ у нихъ на телѣгахъ, а пашни у нихъ по русски, а хлѣбъ родится у нихъ просо и пшеница, и ячмень, и овесъ, и ленъ, и конопли; а овощи и чеснокъ и морковь и орѣхи грецкіе и масла сѣмяннова много, а лѣсъ всякій: дубнякъ и березнякъ и соснякъ, и кедровникъ, и липнякъ и ельникъ; а снѣгу нѣтъ. Стоитъ тотъ городъ въ низкомъ мѣстѣ въ долу; долъ великой, а около его кругомъ горы каменные; а рѣка подъ тѣмъ

[1]) Relation des voyages en Tartarie, Paris, 1634; статья Sommaire du traité des Tartares, p. 34.

Digitized by Google

городомъ не велика, течетъ на западъ; а около того города все пашни». (Сибирскій Вѣстникъ, изд. Спасскаго, XIII, стр. 130—131).

Послѣ Байкова въ Гуй-хуа-ченѣ были Жербильонъ два раза въ 1688 и 1696 гг.[1]), Гюкъ въ 1844 году [2]), Арманъ Давидъ въ апрѣлѣ 1866 г. [3]), Иляйасъ въ 1872 г. [4]), и Пѣвцовъ въ декабрѣ 1878 г. [5]). Изъ китайскихъ дорожниковъ о Гуй-хуа-ченѣ упоминается о дорожникѣ Фань-шао-куйа, который совершилъ путь отъ Гуй-хуа-чена на Дзабхынъ въ 1721 г. [6]).

Жербильонъ былъ въ Гуй-хуа-ченѣ два раза; въ первый разъ въ 1688 году въ іюнѣ мѣсяцѣ, сопровождая китайскаго посла въ Халху; при этомъ случаѣ онъ описываетъ городъ. Это, говоритъ онъ, небольшой городъ, который нѣкогда былъ очень торговый, но отъ большого города, какимъ онъ былъ, когда монголы были господами Китая, въ настоящее время осталось очень мало; въ городѣ ничего нѣтъ замѣчательнаго, кромѣ пагодъ и ламъ. Многія изъ нихъ хорошо построены, и красивѣе и богаче украшеніями, чѣмъ большая часть тѣхъ, которыя Жербильонъ видѣлъ въ Китаѣ. Почти всѣ остальные дома только земляныя хижины. Дома предмѣстій немного лучше построены, чѣмъ городскіе. Въ этой части города смѣшаны и китайцы и монголы [7]). Во второй разъ Жербильонъ явился въ Гуй-хуа-ченъ въ 1696 году въ свитѣ императора Кань-си. Въ городъ императоръ въѣхалъ 7 ноября. За 20 ли отъ Гуй-хуа-чена императора встрѣтили монгольскіе солдаты, поставленные въ рядъ на колѣна; потомъ ближе къ городу стояли линіями всѣ люди трибунала съ трубами, барабанами и знаками императорскаго достоинства. Они шли такъ до города; по дорогѣ же и при входѣ въ городъ собранъ былъ весь народъ и стоялъ на колѣнахъ; женщины также стояли на колѣнахъ и были расположены рядами. Передъ главной пагодой, гдѣ была назначена квартира императора, его встрѣтили 200 ламъ, одни съ огромными инструментами, другіе съ знаменами. Въ пагодѣ императора встрѣтилъ хутукта. Закусивши въ аппартаментѣ, приготовленномъ для него, императоръ отправился посѣщать другія пагоды. Въ Гуй-хуа-ченѣ было тогда три важныхъ пагоды; въ каждой есть свой хутухта. 8 числа императоръ посѣщалъ крѣпость и нѣкоторыя другія пагоды и потомъ выселился за городъ; здѣсь онъ принялъ посла отъ Далай-ламы. 18 числа императоръ оставилъ Гуй-хуа-ченъ и направился къ Желтой рѣкѣ, къ переправѣ Хотунъ-хошу (Houtan hojo [8]).

---

[1]) Description de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise par le p. I. B. Du Halde à la Hare, 1737, t. IV: Voyages en Tartarie du pere Gerbillon.

[2]) Souvenirs d'un voyage dans la Tartaire, le Thibet et la Chine pendant les années 1844, 1845 et 1846 par M. Huc, Paris, 1850, t. I, p. 164—186.

[3]) Nouvelles archives du Muséum (Paris, 1867), t. III, p. 84--86.

[4]) Journey through western Mongolie въ Journal of the geogr. society, vol. XLIII, 1873, p. 132—138

[5]) М. В. Пѣвцовъ, Очеркъ путешествія по Монголіи, Омскъ, 1883, стр. 120—126.

[6]) Дневникъ Фань-шао-куйа, перев. съ китайск. П. Попова въ Запискахъ И. Р. Г. О. по общей географіи, т. V, стр. 143—211.

[7]) Description de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise par le p. I. B. Halde, à la Hare, 1737, t. IV: Voyage en Tartarie du père Gerbillon; p. 122.

[8]) l. c., p. 424, 431 et 432.

Digitized by Google

Описаніе Гуй-хуа-чена, сдѣланное Жербильономъ, новому путешественнику, которому представился случай видѣть этотъ городъ, внушаетъ мысль, что Гуй-хуа-ченъ двѣсти лѣтъ назадъ былъ такимъ же невзрачнымъ и полуобветшалымъ городомъ, какъ и нынѣ.

Дунганское повстанье не коснулось Гуй-хуа-чена, хотя онъ и представлялъ легкую добычу для мятежниковъ, такъ какъ предмѣстья его не обнесены стѣной. Вѣроятно, гуй-хуа-ченскіе мусульмане сами не пожелали пригласить мятежниковъ въ свой городъ. Большая часть городовъ въ области мятежа была взята инсургентами благодаря тому, что мусульмане, живущіе въ городахъ, сами отворяли ворота осаждающимъ. Этимъ вѣроятно и вызвано постановленіе китайскаго правительства, запрещающее мусульманамъ жить въ нѣкоторыхъ городахъ.

Въ годъ нашего прибытія въ Гуй-хуа-ченѣ была одна только католическая миссія, которою завѣдывалъ г. Cheula, родомъ голландецъ. Домъ, въ которомъ помѣщается миссія, былъ построенъ упомянутымъ выше г. Сплингартомъ. Онъ находится, какъ уже сказано ранѣе, въ сѣверной части города, почти на самой окраинѣ; въ сосѣдствѣ съ подворьемъ миссіи находятся казенные рисовые магазины и оффиціальный храмъ Чэнъ-гуань-мяо, въ который въ извѣстные дни обязаны пріѣзжать для поклоненія городскіе мандарины, а на западномъ берегу протекающей тутъ рѣки большая китайская кумирня Лао-мяо. Немного ниже подворья черезъ рѣку перекинутъ мостъ, который мы могли видѣть съ крышъ нашего дома. Онъ называется Цинъ-ка-цяо; это имя дано ему будто бы императоромъ Канъ-си послѣ прекращенія войны съ халхаскими монголами въ ознаменованіе того, что отнынѣ въ странѣ будетъ вѣчное спокойствіе. Въ простомъ народѣ мостъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ Нью-цяо, т. е. «коровьяго моста», потому что подлѣ него находится коровій рынокъ, нью-чоу.

Резиденція католической миссіи въ Гуй-хуа-ченѣ основана въ 1874 году; г. Cheula считался уже седьмымъ по времени миссіонеромъ въ Гуй-хуа-ченѣ. Вся южная Монголія папой предоставлена въ распоряженіе бельгійской миссіи (Congregation sacrée coeur de la Sainte Vierge pour la Mongolie). Члены ея не полные монахи; они священники, давшіе нѣкоторые монашескіе обѣты. Они ѣдутъ въ Монголію съ мыслью никогда не вернуться на родину и считаютъ себя не вправѣ хлопотать о возвращеніи, хотя монашескіе обѣты даютъ они не вѣчные; во время служенія миссіи они обязаны довольствоваться только тѣмъ содержаніемъ, которое будетъ давать имъ миссія; хотя многіе изъ нихъ изъ богатыхъ домовъ (напримѣръ m. Cheula былъ сынъ богатаго виноторговца), но они не имѣютъ права получать изъ своихъ домовъ какія бы то ни было денежныя пособія. Это постановлено затѣмъ, чтобъ выгоды торговыхъ и промышленныхъ предпріятій не увлекали бы ихъ съ поля миссіонерской дѣятельности.

Дѣла миссіи повидимому въ блестящемъ положеніи. Она въ короткій срокъ уже развила свою дѣятельность такъ, что въ южной Монголіи считается четыре викаріатства: Си-ванъ-цзе, Куанъ-тонъ, Ордосъ и Гань-су. Г. Кейла сообщилъ намъ списокъ епископовъ и священниковъ этихъ четырехъ эпархій:

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

1. Си-ванъ-цзе, резиденція въ селеніи Си-ванъ-цзе, въ 100 ли отъ Калгана на востокъ, епископъ монсиньоръ Jaque Bax; священники: 1) Mart. Quicet въ Синъ-цза; 2) Wiltyckxs въ У-чао (Vou-chao); 3) Ed. Cuiscaert въ Ло-коу (Loe-kou); 4) Danie Bern. van Koot въ Ху-ба (Hou-ba), 5) Joch. Zylmans въ Си-ванъ-цзе (Si-van-tse); 6) Jeron. van Aertzelaer въ Си-ванъ-цзе, профессоръ въ семинаріи; 7) J. B. Cheula въ Гуй-хуа-ченѣ (Kwei-hwa-tchen); 8) Hub. Otto въ Тай-ха-норѣ (Tai-che); 9) P. de Boeck въ Си-ванъ-цзе; 10) Alex. Cherbeau въ Ельчи-санъ-хао (Elchi-san-hao); 11) François въ Си-ванъ-цзе; 12) Poul. Vaviginaive въ Ху-ба; китайцы священники: 13) Petrus въ Коу-тянъ-инъ-цза; 14) Ignatus въ Си-инъ-цза; 15) Bovcovos въ Яо-цзе-коу.

2. Куанъ-тонъ (Quan-tong), резиденція въ сел. Хэ-суй (He-swei), близь границы Монголіи съ Манджуріей; епископъ монсиньоръ Рёгесъ (Theodor Rutges); священники: 1) Geull. Meyer въ Сунъ-ше-су-и-цза; 2) C. Abels въ сел. Хэ-суй; 3) Bruynands въ Ло-хэ-коу; 4) De Boeck; священники китайцы: 5) Линъ въ Той-коу; 6) Тія въ Сенъ-тія-цза; 7) Хе въ Хэ-суй; 8) Іонъ въ Вей-ченѣ и 9) Бу въ Лохэ-коу.

3. Ордосъ, резиденція въ мѣстн. Сапъ-та-ху (Шачжинъ-тохой), на сѣверо-западн. заворотѣ изгиба Желтой рѣки; епископъ монсиньоръ Девоссъ (Al. Devoss); священники: 1) Jan B. Steenackers въ Сяо-цяо; 2) Helias Devoss, братъ епископа въ Санъ-та-ху; 3) Charles v. Sante въ Пинъ-ло; 4) Alf. Bermyn; 5) Alf. Livens въ Санъ-та-ху; 6) Luis Roofthooft въ Боро-балгасунѣ; 7) Caesar de Brobonder въ Боро-балгасунѣ; 8) Charles Vevvellen въ Ельши-су-ценъ-ти; священникъ китаецъ 9) Jaque Лу (Loe) въ Ельши-су-ценъ-ти.

IV. Ганьсу; резиденція въ городѣ Лянь-чжоу; епископъ монсиньеръ Гамеръ (Ferd. Gamer); 1) Van Ostade; 2) Kiessels; 3) Van Damme въ Хой-сянѣ; 4) Adolf v. Hecke въ Гань-чжоу; 5) Van Reeth въ Лань-чжоу; 6) De Maester въ Лань-чжоу; 7) De Peuter въ Хой-сянѣ; 8) Civiles von Belle; 9) Andr. Jansen въ Кульджѣ съ 1883 г.; 10) Jon Steenemon въ Кульджѣ и 11) De Deken въ Кульджѣ.

Главный суперинтендантъ конгрегацій François Franckt живетъ въ Брюсселѣ.

Мы привели имена миссіонеровъ и ихъ резиденцій потому, что это друзья европейскихъ путешественниковъ въ Китаѣ; ѣдущимъ въ эту страну не мѣшаетъ знать ихъ, такъ какъ у нихъ приходится путешественникамъ получать первые уроки, гдѣ что найдти и какъ поступать на своеобразной китайской почвѣ.

Самое насиженное у бельгійскихъ миссіонеровъ мѣсто, это Си-ванъ-цзе; это самая старинная, повидимому, ихъ колонія; здѣсь они устроили семинарію, въ которой учится до 50 мальчиковъ.

Резиденція ордосскаго епископа монсиньора Девосса, какъ сказано выше, находится на лѣвомъ берегу Желтой рѣки, ниже города Дынъ-коу и выше Бао-тоу, тамъ гдѣ рѣка перемѣняетъ свое теченіе изъ сѣвернаго на восточное; мѣстность эта называется Санъ-та-ху по-китайски и Шачжинъ-тохой по-монгольски. Она, по разсказамъ монголовъ, представляетъ полосу песчаныхъ бархановъ, въ впадинахъ между которыми густыя заросли гребеньщика и ивъ. Здѣсь возможно хлѣбопаше-

Digitized by Google

ство и китайцы охотно селятся тутъ, въ особенности при денежномъ пособіи отъ епископа, которое, конечно, выдается подъ условіемъ обращенія въ христіанство. Даровая раздача земель, купленныхъ епископомъ у князей алашаньскаго и уратскаго, а также эта легкая раздача пособій привлекаетъ сюда много дармоѣдовъ и даже мошенниковъ изъ среды китайцевъ. Епископъ, по отзывамъ знающихъ его лично, очень добрый человѣкъ и мало разборчивъ при этой раздачѣ. Лица, которымъ приводилось жить въ Санъ-та-ху нѣсколько лѣтъ, разсказываютъ, что жизнь тамъ небезопасна вслѣдствіе стеченія множества воровъ и обманщиковъ.

Въ самомъ Гуй-хуа-ченѣ христіанъ немного; во время воскресныхъ мессъ въ церкви у г. Кейла собиралось на молитву не болѣе десятка прихожанъ; но есть христіане по деревнямъ въ окрестностяхъ города, а около дер. Си-гоу-мынь въ деревнѣ Кунъ-ку-кенъ, гдѣ живетъ бельгійскій миссіонеръ Губертъ Отто, есть дѣтскій миссіонерскій пріютъ (Sainte enfance), которымъ этотъ миссіонеръ и завѣдуетъ; 50 дѣвочекъ содержится внутри заведенія и 80 дѣвочекъ воспитывается на средства миссіи внѣ заведенія.

Въ настоящее время, кромѣ бельгійской католической миссіи, въ Гуй-хуа-ченѣ основана и протестантская; въ Гуй-хуа-ченѣ живутъ два миссіонера англичанина, изъ которыхъ одинъ мистеръ Кларкъ, переведенный сюда изъ Юнъ-нана; онъ извѣстенъ своей большой и дѣльной книгой объ этой южной провинціи.

Какъ ни тянуло подняться изъ Гуй-хуа-чена на сосѣднія горы, но, приберегая деньги для будущаго, пришлось отказаться отъ продолжительныхъ экскурсій въ окрестностяхъ Гуй-хуа-чена и я сдѣлалъ всего только двѣ небольшія однодневныя поѣздки за городъ, одну къ древней могилѣ Чо-чжинъ-фынъ или Чао-джюнъ-фынъ, другую въ ламайскій монастырь Си-усту-чжао, лежащій къ сѣверу отъ города у подошвы горы.

Могильный холмъ Чао-джюнъ-фынъ виденъ отъ города на югъ верстахъ въ 12. Онъ лежитъ по дорогѣ изъ Гуй-хуа-чена не въ Си-гоу-мынь, а въ Эрръ, къ с. отъ р. Та-хе-хэ, т. е. «большой черной рѣки», по другому произношенію Та-хе-коу, между двумя деревнями; къ з. отъ насыпи лежитъ деревня Си-дяръ, къ в. Ча-чжи-инъ-цза. Холмъ возвышается среди равнины и виденъ издалека; онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ пашнями, засѣянными ячменемъ, пшеницей, макомъ и картофелемъ. По всей дорогѣ отъ города до холма пашни тянутся непрерывной полосой; бока оросительныхъ канавъ и валики, отгораживающіе пашни разныхъ владѣльцевъ, покрыты густой сорной травой, ростомъ своимъ и богатой листвой свидѣтельствующей о плодородіи почвы.

Холмъ имѣетъ 370 метровъ въ окружности; высота холма около шести саженъ. Никакой старой постройки около него не сохранилось; на южной сторонѣ у подошвы холма стоятъ рядомъ три памятника обыкновенной формы могильныхъ плитъ, но они вѣроятно поставлены въ позднѣйшее время надъ могилами китайцевъ изъ сосѣдней деревни. Львовъ, тигровъ, жертвеннаго зданія, зданія бывшаго на верху, что видѣлъ еще Фаньшаокуйа въ началѣ прошлаго столѣтія, и слѣдовъ нѣтъ. Вокругъ подошвы холма валяются обломки кирпичей, свидѣтельствующіе

Digitized by Google

Чао-джюнъ-фынъ,

могила жены Чингисъ-хана близъ Гуй-хуа-чена. стр. 50.

Желтая рѣка у Хотунъ-хошу. стр. 56.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Digitized by Google

Digitized by Google

о правдивости китайскаго путешественника; но ихъ уже очень немного. По всей вѣроятности, кирпичи растасканы крестьянами сосѣднихъ деревень на свои постройки. Къ историческимъ древностямъ китайскіе крестьяне относятся такъ же равнодушно, какъ и крестьяне другихъ странъ. Плугъ угрожаетъ даже сравнять этотъ холмъ съ окружающей равниной; съ сѣверной стороны холмъ подрѣзанъ пашней, засѣянной картофелемъ.

Холмъ насыпанъ изъ мѣстной сѣроватой глины; бока его очень круты, такъ что всходить на холмъ очень трудно. На верху площадка, совершенно горизонтальная, даже пожалуй углубленная, въ поперечникѣ 16 метровъ; она совершенно голая, какъ солончакъ, а по краямъ ея растетъ хармыкъ (Hippophaë rhamnoides L.). Тропинка на сѣверномъ склонѣ ведетъ на вершину холма; рядомъ съ нею сбѣгаетъ отъ вершины до подошвы овражекъ, по которому съ верхней площадки стекаетъ дождевая вода. Бока холма покрыты степной растительностью, а при подошвѣ его растутъ Lycium sp. и Hippophae rhamnoides L. Голая поверхность верхней площадки, вѣроятно, происходитъ оттого, что послѣ обильныхъ дождей на ней застаивается вода, и это обстоятельство препятствуетъ посѣву и вырастанію на ней степныхъ растеній; это зарождающійся солончакъ.

По народному преданію, подъ этой насыпью погребена какая-то царица или царевна. Фынъ значитъ могильная насыпь. Чао-джюнъ собственное имя царицы. По разсказу одного китайца, здѣсь погребена одна утонувшая царевна; когда она утонула, платье ея поплыло по рѣкѣ. Когда пойманное платье показали царю, онъ сказалъ, что это платье не простой женщины, а божественнаго существа и приказалъ отыскать трупъ, похоронить его около Гуй-хуа-чена и насыпать надъ нимъ холмъ. По разсказу другого, Чао-джюнъ была императрица династіи Хань, выданная по договору послѣ войны въ Монголію замужъ. Царица умерла на чужбинѣ и похоронена около Гуй-хуа-чена. Монголы называютъ гуй-хуа-ченскую могилу Джуджинъ-фынъ, и разсказываютъ, что въ ней похоронена жена Чингисъ-хана, которая оскопила мужа и бросилась въ волны Желтой рѣки. Жители сосѣднихъ деревень увѣряютъ, будто насыпь въ разную пору времени принимаетъ различныя очертанія. Утромъ она кажется, какъ чаша, въ полдень, какъ юрта, вечеромъ нижняя часть исчезаетъ, а верхняя какъ будто виситъ въ воздухѣ. Это повидимому миражъ.

Нахожденіе этой могильной насыпи свидѣтельствуетъ, что здѣсь была ставка какого-нибудь значительнаго хана. Подобные холмы мы потомъ иногда встрѣчали около развалинъ древнихъ городовъ, какъ напр. въ Саньчуани на Желтой рѣкѣ близъ дер. Чи-чжа, гдѣ они называются по мѣстному томулукъ и находятся около пустыхъ стѣнъ древняго города, извѣстнаго теперь народу подъ именемъ Карабадзыръ; около развалинъ другого тоже древняго города къ с. отъ города Гунъ-чанъ-фу; и около Лань-чжоу-фу.

Монастырь Си-усту-чжао лежитъ при подошвѣ сѣверныхъ горъ, въ 20 ли къ с. отъ Гуй-хуа-чена. Въ немъ три храма; одинъ изъ нихъ называется по монгольски Саджинъ-байсыхылынъ. Си-усту-чжао принадлежитъ Чахаръ-гэгэну; гдѣ

Digitized by Google

резиденція этого гэгэна, не знаю. Си, «западнымъ», монастырь называется потому, что есть еще другой монастырь, «восточный Устучжао», Тунъ-усту-чжао. Усту старое монгольское имя мѣстности. Монастырь лежитъ на невысокой террасѣ надъ равниной, прилегающей къ подошвѣ горъ; воды нѣтъ у монастыря; её привозятъ. Монаховъ всего 20; всѣ монахи тумуты. 12 числа 5 луны въ Си-устучжао бываетъ большой съѣздъ и театръ; множество купцовъ съѣзжается; телегъ бываетъ до тысячи; устраивается бѣгъ—пускаютъ въ бѣгъ лошадей, запряженныхъ въ телеги.

Около Си-усту-чжао съ восточной стороны есть оврагъ, съ обнаженіями песчаника; линія паденія пластовъ его NO 336, ∟ 28°. Песчаникъ прикрытъ наносомъ, состоящимъ изъ перемежающихся слоевъ гальки и песку, кажется, съ лёссомъ.

Въ Гуй-хуа-ченѣ намъ предстояло разрѣшить три задачи: 1) нанять новыхъ возчиковъ; 2) построить палатки, такъ какъ изъ Гуй-хуа-чена мы должны были направиться въ Ордосъ, гдѣ ожидали найдти только кочевое населеніе и 3) найдти рабочихъ изъ монголовъ. Надо сказать, что дальнѣйшій маршрутъ мы выбрали такой: изъ Гуй-хуа-чена мы хотѣли идти на югъ черезъ восточный Ордосъ до мѣстности Боро-балгасунъ, гдѣ, какъ мы узнали отъ г. Кейла, находится католическая миссія; тутъ мы могли получить новыя наставленія и идти далѣе на городъ Лань-чжоу. Въ окрестностяхъ послѣдняго мы разсчитывали зимовать, поэтому намъ было невыгодно покупать животныхъ и мы предпочли нанять верблюдовъ до Лань-чжоу. Мы наняли 16 верблюдовъ при двухъ проводникахъ; содержатели верблюдовъ, отдаваемыхъ подъ свозъ товаровъ, въ Гуй-хуа-ченѣ только китайцы; два погоньщика, которые должны были ухаживать за верблюдами дорогой, оказались китайскими мусульманами, уроженцами Гуй-хуа-чена. Подъ себя и подъ слугъ, китайцевъ, мы купили 11 лошадей; для пастьбы ихъ былъ нанятъ ма-фу, пастухъ или кучеръ, тоже китаецъ. Такимъ образомъ обстоятельства сами обставили насъ вновь китайцами, вмѣсто желанныхъ монголовъ. Было нѣсколько поводовъ желать замѣнить китайцевъ монголами. Во-первыхъ китайцы, взятые нами изъ Пекина, оказались плохими слугами; это были люди, избалованные столичной жизнью и неохотно отправлявшіеся въ степное путешествіе; Дэнъ оказался курителемъ опіума и мы разсчитали его въ Гуй-хуа-ченѣ. У Ли, чѣмъ далѣе мы подвигались внутрь страны, тѣмъ болѣе развивалось желаніе важничать и играть роль не слуги, а распорядителя нашими суммами, причемъ онъ конечно очень и очень не забывалъ свой карманъ. Важничанье его часто выводило изъ терпѣнья А. И. Скасси. Бывали, напримѣръ, такія сцены. А. И. Скасси вечеромъ отдаетъ ему приказаніе приготовить трубу для астрономическаго наблюденія; Ли, не выходя изъ своей палатки, отвѣчаетъ: «Я уже лежу въ постели!» Лучше всѣхъ оказался, нанятый для насъ А. А. Бѣлоголовымъ въ Тянь-цзинѣ, Цуй-санъ; онъ вполнѣ оправдывалъ утвержденіе европейцевъ, жившихъ въ Китаѣ, что китайцы отличные слуги; онъ былъ предупредителенъ, исполнителенъ и не нахаленъ. Но онъ былъ хорошій городской лакей; для путешествія по большой дорогѣ, гдѣ

Digitized by Google

есть дяны, онъ годился, но для степного путешествія нѣтъ. Онъ не только не ухаживалъ за моей лошадью, но самъ нуждался въ ма-фу, который долженъ былъ сѣдлать для него лошадь. На пути отъ Пекина до Лань-чжоу онъ считался моимъ слугой и во время переходовъ я держалъ его возлѣ себя, но я никакъ не могъ заставить его помогать мнѣ рыть растенія или ловить насѣкомыхъ. Поэтому мнѣ хотѣлось хоть одного монгола нанять для нашего каравана. Кромѣ всего этого монголы рабочіе для меня лично были бы тѣмъ интереснѣе, что отъ рабочихъ, черезъ разспросы, я могъ бы собирать этнографическія и географическія свѣдѣнія.

Съ палатками также вышла неудача. Въ сѣверной Монголіи я обыкновенно устраивалъ для себя и своихъ спутниковъ такъ называемые по монгольски обахаи или хатгуры. Для обахая берутся изъ деревянныхъ частей обыкновенной юрты только верхній кругъ (тонъ) и стрѣлы (унины), нижняя же рѣшетка (кереге) не требуется; этотъ остовъ покрывается войлоками и шалашъ получаетъ видъ конуса съ закругленной вершиной; нижняго цилиндра, какъ у юрты, нѣтъ. Такая палатка тяжеле полотняной, но она просторнѣе; она такъ же помѣстительна, какъ полная юрта, непромокаема, въ жаркіе ясные дни не такъ пропекается солнцемъ, на горныхъ высотахъ или въ зимнее время можетъ отопливаться, меньше требуетъ времени и ловкости для установки и не требуетъ предосторожностей отъ поломки. Скроить войлока, выстругать унины или палки, которыя должны составить конусъ палатки, все это было дѣло пустое; единственное затрудненіе состояло въ пріисканіи «тона», т. е. верхняго круга. Въ сѣверной Монголіи легко было купить у жителей старый тонъ; тамъ это легкій обручъ, согнутый изъ тонкаго ивоваго прута. Въ южной Монголіи употребляется другой тонъ, сложнаго устройства и очень тяжеловѣсный. Хотя мы заказали для себя новые тоны небольшого діаметра, что, конечно, уменьшало размѣры шалаша, но и при скромныхъ размѣрахъ они оказались тяжелыми. Для обахая, какъ мы потомъ убѣдились, такіе тоны совсѣмъ неудобны. Необходимо при постановкѣ обахая строго слѣдить, чтобы тонъ равномѣрно давилъ на унины; если обахай поставленъ не вполнѣ симметрично, если только одна изъ унинъ начнетъ уступать давленію, какъ тонъ приходитъ во вращательное движеніе, приводитъ унины въ кривое положеніе, весь обахай спирально скручивается и дѣло кончается тѣмъ, что тонъ садится на голову занимающагося внутри обахая путешественника. Такіе комическіе случаи не разъ случались съ нами потомъ въ Ордосѣ.

31 іюля въ 11 часовъ утра мы выступили изъ Гуй-хуа-чена. Мы прошли по западной окраинѣ города, по берегу протекающей тутъ рѣки, и направились на югъ, по направленію къ Желтой рѣкѣ, до которой и достигли черезъ четыре дня по дорогѣ, пройденной въ 1696 г. іезуитомъ Жербильономъ.

Все это пространство представляетъ настоящую равнину, которую, по характеру почвы и растительности, можно раздѣлить на двѣ части. Въ сѣверной половинѣ отъ Гуй-хуа-чена до дер. Сарту, гдѣ мы провели вторую ночь по выходѣ изъ Гуй-хуа-чена, непрерывно тянутся пашни и луговыя тѣста, такъ что все видимое пространство покрыто разнообразной зеленью. Почва здѣсь глина, очень липкая, когда бываетъ дождливо. Растительность на этихъ лугахъ та же, что въ

Digitized by Google

ближайшихъ окрестностяхъ Гуй-хуа-чена. Здѣсь попадались обильно Statice aurea L., Phlomis sp., Incarwillea sinense Lam.; Sphaerophyza salsula Dec. образуетъ сплошныя заросли. Среди этихъ луговъ изрѣдка только встрѣчаются сухія мѣста съ лысинами, лишенными растительности, и съ почвой, содержащей въ себѣ соль, судя по появленію на этихъ мѣстахъ растенія Glaux maritima L.

Къ югу отъ деревни Сарту, возлѣ которой видны слѣды какого-то древняго города, характеръ измѣняется; почва становится песчаною, но песчаныхъ бугровъ еще нѣтъ, растительность становится короткою и начинаетъ оскудѣвать, такъ что старый городъ нѣкогда стоялъ на грани гуй-хуа-ченскихъ луговъ со степями Желтой рѣки. На переходѣ отъ Сарту къ Желтой рѣкѣ господствующимъ растеніемъ былъ Peganum Nigellastrum Bge.

Въ сѣверной части равнины прѣсныя воды встрѣчаются чаще. Выйдя изъ города, дорога пересѣкаетъ рѣку Сяо-хэ-хэ («малую черную рѣчку»), потомъ Та-хэ-хэ («большую черную рѣчку»). Послѣдняя по монгольски называется Бага-турукъ (Малый Турукъ); такъ, по крайней мѣрѣ, назвали ее намъ въ деревнѣ Хонжимъ, населенной тумутами; по ихъ словамъ, она впадаетъ въ р. Ики-турукъ (большой Турукъ); послѣдняя притекаетъ съ востока. Соединенныя воды, по показанію тумутовъ, не доходятъ до Желтой рѣки. Въ южной половинѣ дороги воды становятся нлохи съ примѣсью солей; въ особенности была дурная вода въ деревнѣ Сарту. Впрочемъ и здѣсь, на послѣднемъ переходѣ къ Желтой рѣкѣ, мы встрѣтили рѣку Чіѣ-шуй-хо, черезъ которую перешли по мосту у деревни Куа-сы-яо-за.

Населеніе Гуй-хуа-ченской равнины смѣшанное, состоитъ изъ китайцевъ и тумутовъ; первыхъ значительно болѣе, чѣмъ вторыхъ. И тѣ и другіе занимаются земледѣліемъ; на поляхъ здѣсь сѣютъ пшеницу, ку-цзу, ми-цзу, гао-лянъ, макъ, ленъ и очень много мы видѣли конопляниковъ. Густота населенія менѣе, чѣмъ въ провинціи Шань-си, но и здѣсь мы ежедневно въ промежуткѣ между двумя ночлегами проѣзжали черезъ двѣ деревни, да двѣ, три оставались въ сторонѣ отъ дороги.

Тумутовъ мы встрѣтили изъ 11 пройденныхъ нами деревень всего только въ двухъ. Въ деревнѣ Убашинъ-наръ или Убанъ-наръ всего только пять тумутскихъ домовъ, деревня Хонжимъ вся тумутская. Послѣдняя деревня, лежащая на правомъ берегу р. Бага-турукъ, называется по кумирнѣ Хонъ-жимъ-чжао, которая находится подлѣ деревни. Эта кумирня имѣетъ видъ обыкновенной бѣдной китайской фанзы съ дверью и двумя окнами; въ окна сквозь разорванную бумагу можно было разсмотрѣть внутренность кумирни и три небольшія статуи у задней стѣны; средняя изображала Арья-бало съ 5 головами, насаженными одна на другую, и 6-ю руками; по его правую руку Цаганъ-дара-экэ, по лѣвую Ногонъ-дара-экэ.

Тумуты сильно окитаились; они не забыли еще свой родной языкъ, но всѣ сплошь говорятъ по китайски. Они живутъ въ такихъ же фанзахъ, какъ китайцы, и отличать ихъ жилища отъ китайскихъ можно только по флагамъ, исписаннымъ буддійскими молитвами и выставленнымъ на крышахъ. Изъ сохранившихся чертъ монгольскаго быта можно еще указать на то, что тумутскія женщины все еще

Digitized by Google

удерживаютъ монгольскій головной уборъ и носятъ монгольскія, а не китайскія серьги, да въ пищѣ тумутовъ сохранилось употребленіе молока; въ ихъ домахъ можно встрѣтить кислое молоко (арикъ) и сливки (урюмъ); но кумысу (чигенъ) кажется, уже не дѣлается.

Вся страна вокругъ Гуй-хуа-чена на югъ до Ша-ху-коу и Желтой рѣки считается землей тумутовъ и поземельная подать съ крестьянъ поступаетъ въ пользу управленія тумутовъ. Даже самъ Гуй-хуа-ченъ стоитъ на тумутской землѣ и жители его обложены въ пользу тумутскаго управленія. Своего князя тумуты, однако, давно уже не имѣютъ и управляются китайскимъ чиновникомъ, имѣющимъ пребываніе въ Гуй-хуа-ченѣ, при посредствѣ низшихъ чиновниковъ, называемыхъ галдаями.

Заселеніе края китайскими крестьянами началось давно; уже Жербильонъ, 200 лѣтъ назадъ, выѣхавъ изъ Гуй-хуа-чена по южной дорогѣ, въ своемъ дневникѣ сообщаетъ, что и направо и налѣво было видно много деревень, несомнѣнно, надо думать, китайскихъ.

Около деревни Сарту мы видѣли слѣды валовъ какого-то стараго города. Китайцы зовутъ его Ту-ченъ, «земляной городъ», Гу-ченъ «старый городъ», или Чынъ-ченъ; какъ зовутъ его монголы, мнѣ не удалось узнать. Какого-нибудь преданія объ немъ отъ жителей ближайшихъ окрестностей, которые всѣ китайцы, я также не слыхалъ. Валы эти находятся въ полуверстѣ отъ дер. Сарту на востокъ. Городъ былъ продолговатый, четвероугольный, растянутый съ сѣвера на югъ; южный и сѣверный бока города по крайней мѣрѣ вдвое короче западнаго и восточнаго боковъ; длина города была около 3 верстъ. Ширина вала 25 шаговъ; высота до 2 саж.; рва подлѣ вала нѣтъ. Внутри города и въ городскихъ валахъ попадаются кости и черепки глиняной посуды. Валы мѣстами прорѣзаны амбразурами для проѣзда; издали они кажутся плоскими длинными буграми съ сѣдловинами. Въ сѣверо-восточномъ углу виденъ самый значительный бугоръ, будто на мѣстѣ сторожевой угловой башни. Въ серединѣ западнаго бока также виденъ выдающійся высокій бугоръ. Южная часть города, примѣрно треть цѣлаго города, была повидимому отъ сѣверной отгорожена стѣной, въ которой были ворота, соединявшія обѣ части. Вся внутренность города обращена теперь въ сплошную пашню; въ сѣверо-западномъ углу города лежитъ китайская деревня Ла-ма-инъ-цза, вдоль восточнаго бока три деревеньки Пей-ченъ, Цунъ-ченъ и Нань-ченъ, а къ югу отъ города Пей-тоулинъ-гань. Къ сѣверо-западу отъ Ту-чена лежатъ еще 3 или 4 отдѣльныхъ насыпныхъ холма.

Объ этихъ развалинахъ упоминаютъ въ своихъ дневникахъ китаецъ Фань-шаокуйа въ 1721 г. (Дневникъ въ Зап. И. Р. Г. Общ. по общ. геогр., V, 155) и Жербильонъ въ 1696. Фань-шао-куйа ничего не разсказываетъ объ этихъ развалинахъ; онъ ограничивается голымъ сообщеніемъ, что между остановками въ селеніяхъ (или гостинницахъ) Эрши-цзя и Салкинъ, въ 20 ли отъ той и въ 20 ли отъ другой, онъ миновалъ Ту-ченъ (земляной городъ). Жербильонъ говоритъ, что онъ оставилъ Хухухото 18-го ноября, въ первый день перешелъ черезъ двѣ рѣки, изъ которыхъ болѣе глубокая называется Tourghen, вѣроятно то же самое, что

Digitized by Google

наша Турукъ, и остановился въ деревнѣ Ontiin cajan, въ 50 ли отъ города; 20-го онъ сдѣлалъ 40 ли; немного не доходя до ночлега у деревни Tarhan cajan онъ встрѣтилъ небольшія возвышенности земли. Это остатки города, который былъ въ этой части равнины во времена, когда царствовали монголы Юань. Къ этому Жербильонъ дѣлаетъ примѣчаніе: есть, говорятъ, много городовъ въ этой странѣ, которая дѣйствительно добрая страна и способная къ культурѣ. Близь деревни Tarhan Жербильонъ видѣлъ еще башню или пирамиду. Намъ называли китайцы одну деревню по племени Та-ло-хэ къ сѣверу отъ этого города; это можетъ быть и есть жербильоновскій Tarhan.

Отъ деревни Ханъ-джи-лянъ, не доходя 10 верстъ до Желтой рѣки, начинаются неровности; возвышенность въ видѣ плоскаго вала пересѣкаетъ дорогу; когда мы съ нея спустились, мы увидѣли себя на террасѣ рѣки; впереди былъ виденъ конецъ террасы, за нимъ мелькнула рѣка, а за рѣкой бѣлѣлись пески, которые были видны еще раньше, чѣмъ мы пересѣкли валъ. Когда мы подошли къ краю террасы, мы увидѣли почти на самомъ ея краю стѣны стараго города Тохто-хото. Городъ былъ растянутъ съ запада на востокъ и имѣлъ видъ прямоугольника; восточный и западный, т. е. короткіе бока параллельны съ берегомъ рѣки, которая здѣсь течетъ съ юга на сѣверъ. Стѣны этого города сохранились лучше, чѣмъ въ Ла-ма-инъ-цзѣ; тамъ валы, поросшіе травой; здѣсь стѣны сохранили еще крутые, почти отвѣсные бока, совершенно голые; подобно Ту-чену, Тохто-хото также былъ земляной городъ, и ни кирпичей, ни камней около стѣнъ не видно. Отъ восточнаго бока тянется вѣтвь стѣны въ направленіи на западъ, но вдругъ обрывается, не достигнувъ и до четверти длины города. Ширина стѣнъ та же, что и въ Ла-ма-инъ-цзѣ, но высота больше 2 саженъ. Монголы называютъ этотъ городъ Тохто-хото и говорятъ, что здѣсь ихъ три: Ики-хото, Бага-хото и Барунъ-хото; что въ Тохто-хото жилъ Тохто-тайчжи-ханъ. Китайцы называютъ этотъ городъ Тото-ченъ.

Возлѣ Тохто-хото дорога спускается съ террасы въ низменность Желтой рѣки и вскорѣ пересѣкаетъ китайскій городъ Тху-хуа-ченъ, длиной съ версту, протянувшійся узкой полосой между крутымъ яромъ, состоящимъ изъ отвердѣлаго песка, и берегомъ рѣки, или, вѣрнѣе, берегомъ одного изъ ея рукавовъ. Въ этомъ городѣ много лавокъ и мастерскихъ. Селеніе Хэ-коу лежитъ въ 5 ли ниже города. Это также людное селеніе, около версты длиной, также съ торговыми лавками и постоялыми дворами. Въ 10 ли ниже Хэ-коу есть монгольскій ламайскій монастырь, принадлежащій Чжанчжя-гэгэну, живущему въ Пекинѣ; по монгольски монастырь называется Тогонъ-суме (по мѣстности, на которой стоитъ), по тибетски Чжорчжинъ-чжао.

По причинѣ большой воды перевозъ былъ перенесенъ изъ Хэ-коу на 15 ли ниже мѣстности Хотунъ-хошу. Противъ Хэ-коу вода разлилась на 20 ли. Переночевавъ въ Хэ-коу, 4 августа мы перешли къ Хотунъ-хошу; шли подлѣ берега рѣки; яры у перевоза такъ близко подходятъ къ рѣкѣ, что дорога взбирается на террасу, и только у самаго перевоза опять спускается къ рѣкѣ. Перевозъ совер-

Digitized by Google

шается на двухъ лодкахъ; на одной, большой, помѣстили половину нашего скота (въ первый рейсъ 16 верблюдовъ, во второй 10 лошадей); на другой, меньшаго размѣра, лодкѣ за два раза перевезли весь нашъ багажъ. Въ тотъ же день (4 августа) мы были уже на южномъ берегу Хуанъ-хэ, въ предѣлахъ Ордоса. Рѣка противъ Хэ-коу имѣетъ ширины около ½ версты. Вода въ рѣкѣ густо окрашена. Во взятой пробѣ воды въ 100 куб. миллиметрахъ оказалось осадку 3 куб. миллиметра; высушенный осадокъ былъ взвѣшенъ; вѣсъ его равнялся 7 граммамъ.

Гуй-хуа-ченская равнина, которую мы только что оставили, заключается между южной подошвой Инь-шаня и сѣвернымъ берегомъ Хуанъ-хэ; на востокѣ она ограничена мелкими горами, представляющими связь Инь-шаня съ Сяо-у-тай-шанемъ, на западѣ—загибомъ Инь-шаня на югъ по направленію къ Ала-шаню. Длина этой равнины съ запада на востокъ около 400 верстъ, ширина съ сѣвера на югъ около 75 верстъ; высота надъ уровнемъ моря около 1000 метровъ. По именамъ кочевыхъ племенъ, которымъ принадлежатъ земли этой равнины, ее можно раздѣлить на двѣ части: восточную, землю тумутовъ и западную — землю уротовъ. Благодаря европейскимъ путешественникамъ, объ этой части южной Монголіи накопилось географическихъ знаній болѣе, чѣмъ о какой-нибудь другой части той же страны. Гуй-хуа-ченскую равнину прорѣзали маршруты Жербильона, Гюка, Армана Давида, Пржевальскаго и Пѣвцова; кромѣ того, нѣкоторыя топографическія свѣдѣнія можно извлечь и изъ дневника китайца Фань-шао-куйа. За исключеніемъ послѣдняго, въ европейской литературѣ нѣтъ, кажется, никакихъ переводовъ съ китайскаго, которые бы относились къ Гуй-хуа-ченской равнинѣ.

Жербильонъ посѣтилъ Гуй-хуа-ченскую равнину два раза, въ 1688 и 1696 годахъ. Въ первый разъ онъ долженъ былъ сопровождать императорское посольство, отправленное къ халхасскимъ князьямъ. Жербильонъ пріѣхалъ въ Гуй-хуа-ченъ съ востока изъ Сюань-хуа-фу; онъ ѣхалъ черезъ мѣстности Ся-пу (Hia-pou), На-линъ-коу (Nalin-keou), Сань-нѣ-шань (Sannechan), Lotoheye, Имату (Imatu) и Хорхо-голъ (Horhohol). Изъ Гуй-хуа-чена Жербильонъ вмѣстѣ съ посольствомъ, 18 іюня, двинулся въ Халху; въ теченіи цѣлаго мѣсяца онъ углубляется въ эту страну, но не упоминаетъ въ своемъ дневникѣ ни одного названія урочища, за исключеніемъ долины Кундуленъ (Kouendoulen), въ 60 ли къ ссз. отъ Гуй-хуа-чена, гдѣ посольство имѣло первый ночлегъ по выходѣ изъ этого города.

Въ 1696 г. Жербильонъ пріѣхалъ въ Гуй-хуа-ченъ изъ Цзянъ-цзя-коу (Калгана). Онъ ѣхалъ черезъ урочища Chanhun-tolohai (т. е. бѣлая голова, цаганъ-тологой), Hincan-dabahan, Cara-palassou, Pou-rastai, Orvi-poulae, Hoohou-erghi, Tchnoha или Chnoho, Paroncol, Houloustou, Mohaitou, Chara-oussou, Tchahan-poulac, Hara-hojo и Chahan-subarghan. 7 ноября онъ въѣхалъ въ Гуй-хуа-ченъ, 18 оставилъ его и отправился по дорогѣ въ Ордосъ. Первый ночлегъ онъ имѣлъ у дер. Ontün-cajan; 20-го ноября въ дер. Tarhan-cajan, 21 въ дер. Lysou, 22 въ мѣстности Houtan-hojo на берегу Хуанъ-хэ. Императорскій лагерь былъ разбитъ въ 10 ли отъ остатковъ довольно большого города Toto; рѣка у Хутанъ-хошо, по Жербильону, имѣетъ 120 туазовъ ширины. Императоръ оставался здѣсь до 29-го

Digitized by Google

ноября; здѣсь ему представлялся ванъ (le regulo) Ордоса вмѣстѣ съ другими принцами и тайджи. Хотя тутъ было приготовлено для переправы 20 барокъ, но императоръ отправился вверхъ по Желтой рѣкѣ, чтобы найдти мѣсто, покрывшееся льдомъ, и перейти рѣку по льду; въ 15—20 ли отъ лагеря перешли рѣку Тургэнъ, которая течетъ у города Тото и перешли черезъ Желтую рѣку въ 30 ли выше Хутанъ-хошо. О городѣ Тото Жербильонъ пишетъ, что онъ былъ четыреугольный, какъ всѣ города Китая; его стѣны были земляныя, но земля была такъ плотно сбита, что онѣ нисколько не разрушились, хотя прошло уже 300 — 400 лѣтъ со времени, какъ построенъ городъ. О китайскомъ городѣ Тху-хуа-ченѣ и селеніи Хэ-коу Жербильонъ ни слова не говоритъ; вѣроятно ихъ въ его время совсѣмъ не было, или по крайней мѣрѣ это были тогда ничтожныя селенія.

Гюкъ въ 1844 году проѣхалъ черезъ Гуй-хуа-ченскую равнину по пути изъ Манчжуріи въ Тибетъ. Онъ вступилъ въ землю тумутовъ черезъ монастырь Чжорджи (Tchortchi). Послѣ трехдневнаго путешествія по землѣ тумутовъ, Гюкъ вступилъ въ Гуй-хуа-ченъ. Изъ Гуй-хуа-чена Гюкъ отправился на западъ въ Tchagan-kouren, который описываетъ какъ большой, красивый и чистоплотный городъ; тутъ онъ переправился черезъ Желтую рѣку и ушелъ въ Ордосъ.

Настоящія научныя открытія въ этой странѣ начинаются съ путешествія Армана Давида въ 1866 г. Арманъ Давидъ пріѣхалъ въ Гуй-хуа-ченъ 23 апрѣля и отсюда прошелъ по всей гуй-хуа-ченской равнинѣ съ востока на западъ до монастыря Бару-таба-чжао (Barou-taba-djao) [1]). Вотъ мѣстности, въ которыхъ онъ останавливался на пути: Пинъ-чжу-хай (Pindjou-haé), Ку-енъ (Kou-yen), Майдаръ-чяо (Maétar-tchiao), Гома-панъ-шань (Homa-pan-chan), Сарчи (Sartchi); сдѣлавъ изъ этой деревни экскурсію на сѣверъ, въ горы въ окрестности монастыря Утанъ-чжао, Давидъ 3 іюня изъ Сарчи ѣдетъ далѣе на западъ, минуетъ ущелье Кунделенъ (Kuentilien) и 4-го іюня располагается передъ ущельемъ Хадамылъ (Hatamel); отсюда, еще разъ вернувшись въ Сарчи, онъ продолжаетъ путешествіе по странѣ уротовъ, 2 іюля достигаетъ рѣки Мергенъ-голъ (Merghen-gol), 10 іюля мѣстности Хайлясту (Khailasté) и 11 іюля монастыря Барутаба (по китайски Си-ба, Si-pa). 16 іюля Давидъ вернулся въ Бао-тоу.

По моимъ распросамъ въ Гуй-хуа-ченѣ ,отъ этого города до Бао-тоу считается 320 ли. Именно отъ Гуй-хуа-чена до дер. Тай-го-му 30 ли, отъ Тай-го-му до Пенъ-и 40 ли; Ча-су-чи 20 ли; Дорчжи 40 ли; Тосу-хо 30 ли; Майдаръ-чо (тутъ есть мостъ) 30 ли; Сарачи 50 ли; Сарачинь 50 ли; Бао-то 30 ли.

Это та же дорога, по которой проѣхалъ и Арманъ Давидъ; Тай-го-му вѣроятно та же деревня, которая на картѣ Давида значится подъ именемъ Thaé-keun-pou, какъ первая къ западу отъ Гуй-хуа-чена; Пенъ-и то же, что Pin-djou-haè; два сходныхъ имени, Сарачи и Сарачинь, не слѣдуетъ принимать за ошибочную редупликацію; подъ Сарачинь нашихъ распросовъ разумѣется дер. Сарчи, послѣдняя

[1]) Nouvelles archives du Muséum, t. III (Paris, 1867), p. 84 — 94 и t. IV (1868), p. 3 — 74. Къ статьѣ г. Давида приложена карта.

Digitized by Google

деревня передъ Бао-тоу; названіе же Сарачи относится къ селенію, которое у Гюка значится подъ именемъ Чаганъ-курень, у Арманъ Давида подъ именемъ Tchang-kou-ren; оно, говоритъ Давидъ, у китайцевъ называется Khou-lieul-chang du Salatchy. Арманъ Давидъ не былъ въ этомъ селеніи; онъ оставилъ его въ лѣвой рукѣ, когда шелъ къ дер. Гома-панъ-шань.

На картѣ Ордоса, начерченной католическимъ епископомъ Девосомъ, между Гуй-хуа-ченомъ и Бао-тоу назначены деревни Pitjatje (Арманъ Давидъ упоминаетъ дер. Pitchitchy, которую онъ проѣхалъ на второй день по выѣздѣ изъ Гуй-хуа-чена), Schertzie, Thoshou, Tsjahankhoren, Ssartsi.

По той же дорогѣ проѣхалъ и китаецъ Фань-шао-куйа въ 1721 г. [1]). Онъ называетъ слѣдующія деревни: Тай-хань-му, Бици-цинь (Фань-шао-куйа поясняетъ, что это имя по монгольски значитъ писарь, слѣдовательно нужно писать бичечи), Часу, Тоси-хэ, кумирня Майдари, Байшенци, Оргэсунь и Сарцинь.

По собраннымъ мною въ Гуй-хуа-ченѣ свѣдѣніямъ, къ западу отъ города Бао-тоу въ Инь-шанѣ лежатъ три отдѣльныя ущелья, которыя открываются на гуй-хуа-ченскую равнину тремя отдѣльными устьями; они называются, начиная съ востока, Кундулюнъ, Хадамылъ и Мергенъ.

На картѣ Армана Давида (Nouvelles archives du Muséum, Paris, 1868, t. IV) эти ущелья также изображены, какъ отдѣльныя и въ той же послѣдовательности. Китаецъ Фань-шао-куйя изъ города Бао-тоу (который онъ называетъ Ботоу) дѣлаетъ первый переходъ до мѣстности Кундулунь, второй до мѣстности Хадамаръ (Хадамылъ?). Отсюда онъ поднимается на хребетъ по горному ущелью и затѣмъ несомнѣнно выходитъ на монгольское нагорье.

Съ перевала Фань-шао-куйа, по волѣ своего начальника, долженъ былъ вернуться въ Гуй-хуа-ченъ, откуда опять отправился на западъ и на этотъ разъ, кажется, поднялся на монгольское нагорье не по Хадамылу, а по Кундулюну. Слѣдующій къ сѣверу отъ Кундулюна переходъ привелъ его въ мѣстность Тай-инь-була (Тай-булакъ?). Отсюда путь его совпадаетъ съ караванной дорогой изъ Гуй-хуа-чена въ Баркуль и Хами, станціи которой были мною напечатаны въ Очеркахъ сѣв.-зап. Монг., I, 196. Изъ этихъ сопоставленій ясно, что Бота этой караванной дороги есть не что иное, какъ городъ Бао-тоу, что станціи Гоби-хо и Янь-чжа-тай-цзы лежатъ на гуй-хуа-ченской равнинѣ, что Хадымылынъ-ама, т. е. «устье Хадымыла», есть нижнее отверстіе ущелья Хадымылъ, которое упоминаетъ Арманъ Давидъ, и что станція Тай-булакъ есть то же, что Тай-инь-була у Фань-шао-куйя. Поэтому записанный нами въ Баркулѣ маршрутъ Хами—гуй-хуа-ченскихъ каравановъ слѣдуетъ его восточнымъ концомъ упереть въ мѣстность Хадымылъ, нѣсколько западнѣе города Бао-тоу.

Пржевальскій пересѣкъ Гуй-хуа-ченскую равнину два раза; во первыхъ въ 1871 г., съ сѣвера на югъ противъ Бао-тоу; онъ спустился съ монгольскаго нагорья по долинѣ р. Мэргенъ, прибылъ въ г. Бао-тоу и вблизи города переправился черезъ

[1]) Записки И. Р. Г. О. по общ. геогр., т. V, стр. 143.

Digitized by Google

Желтую рѣку. Потомъ въ концѣ того же года, возвращаясь на сѣверъ изъ Ала-шаня, онъ прошелъ по сѣверо-западной окраинѣ Гуй-хуа-ченской равнины отъ озера Джаратай-дабасу до меридіана города Бао-тоу.

Пѣвцовъ въ 1878 г. коснулся только сѣверо-восточнаго угла равнины; онъ спустился съ монгольскаго нагорья противъ Гуй-хуа-чена, черезъ перевалъ Он-гіинъ-дабанъ и затѣмъ ушелъ въ Калганъ.

Для юго-восточной части, къ маршрутамъ нашей экспедиціи и Жербильона, присоединяется еще дневникъ китайца Фань-шао-куйя. Онъ вступилъ въ землю тумутовъ при Ша-ху-коу, но отсюда въ Гуй-хуа-ченъ проѣхалъ по дорогѣ болѣе западной, чѣмъ наша, именно черезъ мѣста Фо-ѣ-гоу, Синь-дянь, Усунъ-тулу, Ту-чэнь (тотъ самый, вѣроятно, который мы видѣли у Ла-ма-инъ-цза), Са-ли-цинь и Шэлэ-усунь. Вернувшись отъ Хадамыла въ Гуй-хуа-ченъ, Фань-шао-куйа ѣхалъ не той дорогой, по которой прошелъ впередъ, а другой, вѣроятно болѣе южной; онъ называетъ на ней, начиная съ востока, мѣста: Мо-хэ-ань, Чжо-бали, Кунь-бу-линь-ци на р. Хэй-хэ, Шань-дай, Мао-дай-дохунь, Хара-усу; въ мѣстности Оргэсунь онъ выѣхалъ на старую дорогу. Вернувшись изъ Халхи, Фань-шао-куйа проѣхалъ на родину, не заѣзжая въ Гуй-хуа-ченъ, а прямо изъ Бао-тоу въ Ша-ху-коу. На этомъ пути онъ до Мао-дай ѣдетъ по знакомой дорогѣ, потомъ упоминаетъ новыя мѣста Сангай, Мѣйлеке, Дэ-гургэ, Эрци-гету, Эрши-цзя, Цунъ-дянь; съ Синь-дянѣ онъ опять выѣхалъ на старую дорогу, по которой шелъ впередъ въ Гуй-хуа-ченъ.

У Хотунъ-хошу (987,5 м. надъ у. м.) правый берегъ Хуанъ-хэ низменный; лѣвый высокій, возвышающійся надъ уровнемъ рѣки саженъ на 19. Мѣстами обрывы приступаютъ вплоть къ рѣкѣ, мѣстами между ними и берегомъ есть небольшія площади, на которыхъ встрѣчаются пашни. Около перевоза разрѣзы состоятъ изъ слѣдующихъ отложеній:

А. Верхній слой буро-сѣраго цвѣта, въ родѣ лёсса, не слоистъ; растирается въ рукѣ какъ лёссъ; есть блестки слюды; пористости и известковыхъ скипковъ не замѣчено. Сильно вскипаетъ съ кислотой. Толщина слоя около 3 сажень.

Рис. 1.

Б. Слой рыхлаго песку и песчаника, цементированнаго известью; слои горизонтальные; толщина пласта около 9 сажень.

В. Красная темнослоистая глина, которая въ штуфѣ разсыпается. Въ уровнѣ верхней поверхности этого пласта текутъ подземныя воды, которыя образуютъ ручьи, размывающіе отложенія, вслѣдствіе чего въ террасѣ явились овраги. Толщина обнаруженной части слоя около 40 футовъ; нижній горизонтъ его находится ниже уровня рѣки.

Въ среднемъ этажѣ Б, въ обнаженіи, которое я разсматривалъ, проходитъ слой песка (г), окисью желѣза окрашенный въ буро-желтый цвѣтъ; этотъ слой имѣетъ толщины до 10 ст. и въ свою очередь состоитъ изъ тонкихъ слоевъ, различаемыхъ большей или меньшей силой окраски; онъ изогнутъ волнообразно; песокъ сцѣпленъ

Digitized by Google

непрочно и въ рукахъ растирается; на вѣсъ легокъ. Подъ нимъ слой песка (д) мало цементированнаго и содержащаго въ себѣ раковины Limneus, Planorbis и Bythinia, вѣроятно еще и нынѣ живущихъ въ болотцахъ и озеринахъ по берегамъ Хуанъ-хэ, а также Helix. Эти отложенія подтверждаютъ мнѣніе, высказанное Пржевальскимъ (Монголія и страна тангутовъ, I, 133; Richthofen, China, II, 665), что Гуйхуаченская котловина Желтой рѣки выполнена рѣчными отложеніями. Слой съ Lymneus и Planorbis находится на высотѣ 15 сажень надъ уровнемъ рѣки и сверху прикрытъ 3-хъ саженнымъ отложеніемъ лёсса.

На правомъ, низменномъ, берегу Желтой рѣки тянутся барханные пески. У перевоза они такъ стѣсняютъ рѣку, что прибрежный лугъ прерывается выдвинувшимися впередъ барханами. Пески засыпаютъ зеленый рѣчной лугъ, заваливаютъ болота и озера, надвигаются на самый берегъ, сыпятся въ рѣку и можетъ быть оттѣсняютъ ее къ сѣверу, заставляя ее смывать лѣвый берегъ. Постелью бархановъ служитъ перегнойный слой, состоящій изъ смѣси песку съ черной землей; это отложеніе образуетъ надъ мокрымъ лугомъ рѣки террассу въ $1^1/_2$ арш. высоты; мѣстами слой этотъ превращается въ торфъ, въ которомъ видны еще растительныя волокна. У перевоза обрывчикъ этой террасы замаскированъ песками, которые уже перелѣзли съ нея на мокрый лугъ, и я нашелъ участокъ его только въ одномъ мѣстѣ, въ углубленіи, которымъ рѣчная низменность вдается въ промежутокъ между двумя передовыми барханами. Но участки поверхности съ перегнойнымъ слоемъ встрѣчаются и внутри площади, захваченной барханами, именно на днѣ котловинъ между ними. Всегда почти, если только дно котловины выметено вѣтрами, и черная земля обнажена, можно встрѣтить черепки глиняныхъ горшковъ и кости. Черепки съ рисункомъ, какъ будто отпечатавшимся отъ плетеной корзины, служившей формой при лѣпкѣ горшковъ; тотъ же рисунокъ былъ замѣченъ нами и на обломкахъ глиняной посуды, найденной въ валахъ города Ту-чена близь дер. Ла-ма-инъ-цза. Песокъ съ перегноемъ дольше держитъ сырость послѣ дождя, чѣмъ песокъ бархановъ, лежащій на немъ (т. е. песокъ верхняго слоя бархана).

На барханахъ мы здѣсь впервые встрѣтили Pugionium cornutum Gärtn., который мѣстные жители называютъ елисэнъ лабай «рѣдька песковъ»; въ южномъ Ордосѣ намъ назвали его сагай. Впрочемъ здѣсь экземпляры этого растенія встрѣчались изрѣдка. Гораздо болѣе распространенъ на здѣшнихъ барханахъ кустарникъ Hedysarum fruticosum L., v. mongolicum. О флорѣ бархановъ вообще я скажу ниже; здѣсь я только перечислю растенія луговой флоры. На залитыхъ водой лугахъ здѣсь были собраны мною въ это время: Menyanthes trifoliata L., Limnathemum nymphoides Link., Lythrum Salicaria L., Lysimachia sp., Cicuta virosa L., Sium cicutaefolium J. F. Gmel., Alisma Plantago L., Sagittaria sagittaefolia L., Juncus articulatus L., Cyperus fuscus L., Scirpus glomeratus. На сухихъ луговинахъ Spiranthes australis Lindl.; на мокрой песчаной почвѣ Myricaria germanica Desv. и M. platyphylla Maxim. На лугахъ, которые встрѣчаются на югъ отсюда и залегаютъ между барханами или по берегамъ озеръ, флора эта повторяется, но не вполнѣ.

Digitized by Google

Здѣсь мы вступаемъ въ Ордосъ. Отъ переправы Хотунъ-хошу до города Хуа-ма-чена, лежащаго на сѣверной границѣ провинціи Гань-су, на протяженіи 600 верстъ слишкомъ, мы идемъ по восточной окраинѣ Ордоса, которая здѣсь представляетъ плоскую возвышенность отъ 1220—1400 метровъ высоты надъ уровнемъ моря. Нашъ путь пересѣкаетъ вершины многихъ мелкихъ степныхъ рѣчекъ, которыя берутъ начало въ Ордосѣ и текутъ на востокъ, по направленію къ Желтой рѣкѣ, какъ напримѣръ, Уланъ-муренъ, Халютенъ-голъ, Бага-голъ и другъ.

Городъ Хуа-ма-ченъ, лежащій на высотѣ 1416 метровъ, находится на южной окраинѣ Ордоса; къ югу отъ него начинается болѣе высокое поднятіе, отдѣляющее Ордосъ отъ провинціи Шень-си. На пройденномъ нами пространствѣ между Хотунъ-хошу и Хуа-ма-ченомъ находится только одинъ пунктъ, высота котораго такая же, какъ и Хуа-ма-чена, или даже немного выше его; это урочище Шарьбурдю, находящееся въ серединѣ пройденнаго пространства; оно лежитъ на высотѣ 1441 м. надъ у. м.; гдѣ плоскую возвышенность пересѣкаютъ рѣчныя долины, абсолютная высота падаетъ. Самыя низкія мѣста на нашемъ пути по Ордосу были: долина Уланъ-муреня 1219 м., долина притоковъ озера Хата-теменъ-нора (стоянка на уроч. Джасыгенъ-чайдамъ) 1292 м., р. Халютенъ-голъ 1236, р. Наринъ-голъ 1239, но самую глубокую впадину конечно образуетъ Желтая рѣка; у переправы Хотунъ-хошу высота надъ уровнемъ моря только 966 м. Земная поверхность отъ Желтой рѣки къ югу поднимается быстрѣе; мѣстность Терминъ-башинъ, нашъ второй ночлегъ къ юз. отъ переправы, отстоящая всего въ 20 верстахъ отъ Желтой рѣки, лежитъ уже на высотѣ 1154 м., тогда какъ высота Гуй-хуа-чена, лежащаго въ 60 верстахъ къ сѣверу отъ переправы, почти у подошвы Инь-шаня, достигаетъ только 1079 м. То есть, еслибы воды Желтой рѣки поднялись на сто метровъ надъ современнымъ уровнемъ ихъ, они залили бы Гуй-хуа-ченскую равнину до самыхъ горъ Инь-шань, но на югѣ не дошли бы до урочища Терминъ-башинъ, лежащаго всего въ 20 верстахъ отъ Желтой рѣки.

Digitized by Google

III.

Восточный Ордосъ.

Ставка Джунгорскаго князя. Стоянка на озерѣ Чаганъ-норъ. Князь ванъ. Усыпальница Чингисъ-хана. Хошунъ джасыка. Хошунъ Ушинъ. Развалины Боро-балгасунъ. Озеро Бага-чикыръ. Флора Ордоса. О сыпучихъ пескахъ въ Ордосѣ.

Начавшіеся дожди заставили насъ простоять на правомъ берегу Желтой рѣки цѣлыхъ три дня.

Только 8 августа мы оставили берегъ Желтой рѣки и двинулись по дорогѣ въ ставку князя Джунгоръ (Джунгаръ).

До этой ставки отъ рѣки около 55 верстъ. Въ первый день мы прошли около 40 ли и остановились у ламайскаго монастыря Цайдеминъ-чжао, который лежитъ прямо на западъ отъ Хотунъ-хошу, всего въ 11 ли отъ южнаго берега Желтой рѣки. Въ монастырѣ считается около 100 ламъ; монастырскій храмъ построенъ въ тибетскомъ стилѣ. На слѣдующій день мы остановились въ мѣстности Терминъ-башинъ (Ньень-фа), 30 ли недошедши до ставки джунгорскаго князя. Такъ какъ тутъ было много птицы, мы сдѣлали въ этой мѣстности дневку, чтобъ дать нашему спутнику М. М. Березовскому случай поохотиться. 11 августа мы перешли къ ставкѣ джунгорскаго князя (одного изъ семи князей Ордоса).

На всемъ пространствѣ отъ Желтой рѣки до ставки джунгорскаго князя залегаютъ песчаные бугры, но между Хаунъ-хэ и монастыремъ Цайдеминъ-чжао большая часть пути проходитъ по чистой степи, покрытой травой и только вправо и влѣво отъ дороги видны ряды песчаныхъ бугровъ. Эта степь, чѣмъ дальше отъ Хуанъ-хэ, тѣмъ становится суше, и на ней вдали отъ рѣки появляются дэрису (Lasiagrostis splendens Kunth) и Salsolaceae. Пространство между Цайдеминъ-чжао и ставкой джунгорскаго князя сплошь покрыто буграми песка и каравану приходится пересѣкать ихъ. Большая часть этихъ бугровъ покрыта травяной растительностью и полукустарниками, и только ближе къ ставкѣ джунгорскаго князя появились барханы съ свѣжими небольшими осыпями. Напротивъ барханы у перевоза черезъ Хуанъ-хэ голые и имѣютъ большія осыпи. Свѣженасыпанные бугры песку монголы называютъ манханами или балырами; бугры же, покрытые расти-

Digitized by Google

тельностью и пріобрѣвшіе устойчивость очертаній, они зовутъ «пестрыми песками», ирень-елисынъ.

Тѣ «пестрые пески», которые мы проходили къ югу отъ Цайдеминъ-чжао, были покрыты кустарниками караганы и Artemisia campestris L.; мѣстами встрѣчается Prunus; въ нижнихъ мѣстахъ между буграми трава еще гуще. Тутъ часто встрѣчались пашни, засѣянныя особенно часто гречихой. Есть также конопляники, а около домовъ огороды, въ которыхъ встрѣчаются тыквы. Встрѣчались отдѣльные дома, а разъ мы увидѣли даже маленькую китайскую деревеньку, которую намъ назвали Цхай-лоу-чи.

Мѣстность Терминъ-башинъ состоитъ изъ песчаныхъ бугровъ, между которыми на днѣ впадинъ много воды въ видѣ мелкихъ озеръ и даже есть рѣчка; сырыя мѣста урочища покрыты зарослями ивы и облѣпихи. Тутъ водится много птицы, утокъ, куликовъ, фазановъ и разныхъ мелкихъ пташекъ. Ночью кричалъ выпь. Много также зайцевъ.

Около нашей стоянки не было человѣческихъ жилищъ, но, по словамъ монголовъ, ѣхавшихъ вмѣстѣ съ нами отъ перевоза Хотунъ-хошу, въ песчаныхъ бугрохъ Терминъ-башина есть два или три дома, въ которыхъ живутъ китайцы.

Къ ю. отъ Терминъ-башина барханы становятся мельче и опять открывается видъ на степное пространство. Пересѣкши р. Орихо, дорога поднимается на увалъ; съ этого увала открывается видъ на широкую долину, по срединѣ которой расположена ставка князя. Ставка состоитъ изъ небольшого глинянаго городка и отдѣльно стоящей усадьбы, съ купой деревьевъ. Къ югу отъ ставки въ глубокой рытвинѣ съ отвѣсными боками протекаетъ съ востока на западъ р. Гуни-эрикъ Гунь-эрьге), вершина которой находится къ в. отъ ставки, въ 30 ли въ мѣстности Дэристу-обо.

Окрестности ставки чрезвычайно унылыя; невысокіе холмы и увалы ограничиваютъ пейзажъ только ближайшими скучными окрестностями; почва почти голая; только на песчаныхъ возвышенностяхъ растительность поинтереснѣе; здѣсь попадается Incarvillea sinense Lam. и кусты Leonurus lanatus Pers; послѣднее растеніе, по росту и по величинѣ листа, роскошнѣе экземпляровъ, растущихъ въ сѣверозападной Монголіи (въ Дзабхынской котловинѣ).

Воды въ рѣчкѣ Гуни-эрикъ очень мало; жители ставки берутъ воду изъ колодезя, выкопаннаго къ в. отъ ставки; вода въ этомъ колодезѣ находится на глубинѣ 9 метровъ отъ земной поверхности.

Въ рытвинѣ, въ которой не течетъ, а правильнѣе сказать сочится Гуни-эрикъ, разрѣзы нѣсколько сходны съ тѣми, которые мы видѣли на лѣвомъ берегу Желтой рѣки у перевоза. Вотъ составъ здѣшнихъ отложеній сверху внизъ: верхній горизонтъ занимаетъ песчанистый лёссъ, не слоистый, иногда пористый; онъ образуетъ отвѣсные обрывы; толщина слоя около сажени. Подъ нимъ, въ различной послѣдовательности, слѣдуютъ слои песка, перемежающіеся съ глиной; песокъ двухъ сортовъ: желтый и сѣрый; первый занимаетъ преимущественно верхніе горизонты, второй обнажается у подножія разрѣза. Лёссъ, образующій крышу раз-

Digitized by Google

рѣза, лежитъ или на желтомъ рыхломъ пескѣ, или на рядѣ перемежающихся слоевъ отвердѣлой глины съ известковистымъ песчаникомъ; эти слои имѣютъ толщины отъ 10 mm до 20 cm. Въ залегающемъ съ самомъ низу сѣромъ пескѣ также проходятъ прослойки глины разной толщины отъ 1/4 вершка до 2 четвертей аршина; сѣрый песокъ близъ верхней поверхности пласта мѣстами окрашивается перегноемъ въ болѣе темный цвѣтъ и содержитъ въ себѣ раковины Planorbis и друг., которыя и теперь еще, кажется, живутъ въ озерахъ и лужахъ Терминъ-башина. Красная глина, которая подслаивается подъ отложеніями на Хуанъ-хэ, здѣсь нигдѣ не обнажена.

Лёссъ, покрывающій гуни-ерикскія отложенія, въ разрѣзѣ имѣетъ свѣтло-коричневый цвѣтъ, а въ изломѣ онъ желтаго цвѣта; изъ него здѣсь дѣлаютъ кирпичи, которые при обжиганіи получаютъ синій цвѣтъ. Мѣстами этотъ песчанистый лёссъ переслаивается съ пескомъ.

Мы поставили свои палатки саженяхъ въ ста отъ земляного городка и тотчасъ же по приходѣ послали князю свои визитныя карточки. Князь прислалъ намъ сказать, что онъ приметъ насъ въ 4 часа вечера. Въ назначенное время мы отправились къ нему не въ земляной городокъ, а въ отдѣльно стоящую за нимъ усадьбу, которая была обнесена каменнымъ заборомъ. Передъ воротами усадьбы стоятъ двѣ высокія мачты, какія обыкновенно можно видѣть передъ квартирами важныхъ мандариновъ. Передняя часть двора обращена въ садъ; тутъ были цвѣтники и нѣсколько деревьевъ; есть вязъ, сосна, ива и мелкоплодная яблонь; есть также и виноградная лоза. Въ задней части двора построены три параллельныхъ флигеля, стоящихъ поперегъ двора. Два передніе флигеля въ серединѣ прорѣзаны воротами, черезъ которыя изъ сада идетъ парадный ходъ къ самому заднему флигелю. Князь принималъ насъ въ заднемъ флигелѣ.

Это высокій, сухощавый мужчина съ продолговатымъ и истощеннымъ лицомъ; ему не болѣе 50 лѣтъ, но на видъ онъ кажется на десять лѣтъ старѣе. Намъ говорили, что онъ образованный человѣкъ и читаетъ на трехъ языкахъ, монгольскомъ, манчжурскомъ и китайскомъ. Судить объ этомъ мы не можемъ, но несомнѣнно, что онъ человѣкъ умный и бывалый. Во время мусульманскаго мятежа ему пришлось съ отрядомъ войскъ дѣйствовать въ сѣверозападномъ углу Ордоса; при этомъ онъ обнаружилъ свои военныя и административныя способности. Пекинское правительство замѣтило его способности и сдѣлало его главнымъ княземъ въ Ордосѣ, хотя по старшинству линіи это главенство должно бы принадлежать вану, а не Джунгорскому князю. Это обстоятельство породило нѣкоторую рознь между ордосскими князьями.

Въ усадьбѣ, гдѣ насъ принималъ князь, онъ не живетъ. Это собственно пріемный домъ. Всѣ комнаты его уставлены хорошей мебелью, стѣны увѣшаны картинами, дворы и садъ содержатся въ чистотѣ, но все это только для пріема гостей. Князь и его семья живутъ въ земляномъ городкѣ. Семья князя состоитъ изъ жены и двухъ сыновей. Это уже вторая жена у князя; молодые князья родились отъ другой умершей жены, которая была родомъ тархатка изъ хошуна вана.

Digitized by Google

Нынѣшняя жена манчжурка; кромѣ нея у князя есть еще молоденькая наложница, пекинская китаянка.

Мы прожили въ ставкѣ Джунгорскаго князя четыре дня и часто видѣлись съ семействомъ князя. А. И. Скасси былъ часто приглашаемъ къ князю снимать фотографіи; иногда сыновья князя, а также и самъ князь заходили въ наши палатки, но самымъ частымъ нашимъ гостемъ была молоденькая жена князя; она нерѣдко являлась къ намъ со слугою, который приносилъ ведро тарыка или простокваши, посланное княземъ для нашего обѣда.

О Джунгорскомъ князѣ намъ еще въ Гуй-хуа-ченѣ говорили, какъ о человѣкѣ, интересующемся европейцами, и потому наше сближеніе съ его семействомъ надо отнести къ его личному настроенію; не таковы оказались другіе ордосскіе князья, которые старались сторониться отъ насъ. Особенно князь любитъ европейскіе часы; у него ихъ цѣлая коллекція изъ 200 штукъ; онъ любитъ заниматься ихъ разборкой и собираньемъ вновь. Кромѣ того часть времени князь проводитъ за столярнымъ станкомъ. Всѣ эти привычки, вѣроятно, князь усвоилъ во время своихъ посѣщеній Пекина, но тамъ же, вѣроятно, пристрастился къ неумѣренному куренію опіума, которое сильно подрываетъ его здоровье.

Князь уже получилъ изъ Пекина предписаніе на счетъ содѣйствія нашей экспедиціи; онъ назначилъ для сопутствованія намъ до сосѣдняго князя пять монголовъ подъ командою цзанги и отдалъ приказаніе по всѣмъ хошунамъ, которые намъ предстояло пересѣчь по пути до Боро-балгасуна, чтобы каждый князь давалъ намъ такой же конвой на время прохода черезъ его хошунъ. На переправѣ черезъ Желтую рѣку мы наняли одного монгола на смѣну китайца пастуха, который съ удовольствіемъ возвратился въ Гуй-хуа-ченъ; такимъ образомъ теперь намъ предстояло путешествовать въ компаніи шести монголовъ. Пользуясь расположеніемъ князя, мы хотѣли здѣсь нанять еще нѣсколько постоянныхъ слугъ изъ монголовъ; но князь убѣждалъ насъ, что назначенные имъ конвойные будутъ дѣлать все, что мы ни прикажемъ, все равно, какъ будто они были нанятые слуги. Впрочемъ онъ объявилъ, что онъ не препятствуетъ своимъ подчиненнымъ наниматься къ намъ, если мы пожелаемъ имѣть слугъ, сверхъ оффиціально назначенныхъ. Несмотря на это торжественное заявленіе князя, намъ все-таки не удалось прибавить къ нашему каравану постояннаго рабочаго изъ монголовъ [1]).

Такъ какъ во время нашей стоянки въ Джунгоръ-хоро обстоятельства не благопріятствовали наблюденіямъ Авг. И. Скасси, а ему хотѣлось сдѣлать здѣсь астрономическое наблюденіе, то онъ остался въ ставкѣ гостепріимнаго князя еще на день, а мы 17 августа двинулись изъ ставки джунгорскаго князя на юго-западъ. А. И. Скасси догналъ на слѣдующемъ переходѣ, на стоянкѣ у мѣстности Бага-эдженъ-хоро.

---

[1]) Дни, проведенные нами въ ставкѣ Джунгорскаго князя, были описаны моей женой въ статьѣ «Встрѣча съ двумя монгольскими ванами. Изъ путешествія въ Китай и Монголію» (въ журналѣ «Русское Богатство», 1890 г., январь, стр. 19—31).

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Черезъ шесть переходовъ, именно 25 августа, мы были уже въ ставкѣ вана, другого ордосскаго князя. Отъ ставки Джунгоръ до ставки вана характеръ мѣстности измѣняется; пространство между ставкой Джунгоръ и Хотунъ-хошу, переправой на Желтой рѣкѣ, представляетъ покатость къ сѣверу; по этой покатости въ Желтую рѣку текутъ двѣ рѣки Шоръ-голъ и Кустей [1]). Край, лежащій къ югу отъ ставки Джунгоръ, представляетъ покатость на востокъ къ той части Желтой рѣки, которая направляется отъ переправы Хотунъ-хошу на югъ къ городу Бао-де-чжоу. По этой покатости текутъ рѣки Дурюмба, Чичиргана, Тешинъ-голъ, Харджитай, Дэристенъ-голъ съ притокомъ Уланъ-хада, Шухенъ-голъ (Шо-ху-коу), Куйтунъ-голъ, Гунъ-эрге и Уланъ-муренъ съ притоками Саксагыръ и Чжамхакъ. Такъ какъ городъ Бао-де-чжоу лежитъ значительно ниже, чѣмъ устья рѣкъ Кустея и Шоръ-гола, то рѣки, текущія по направленію къ нему, принимая начало на одномъ плоскогорьѣ съ Кустеемъ и Шоръ-голомъ, прокладываютъ свой путь въ болѣе глубокихъ долинахъ, и на значительную глубину прорѣзываютъ залегающіе здѣсь песчаники и конгломераты. Песчаники эти, вслѣдствіе ихъ рыхлой консистенціи, легко размываются и потому вся страна между ставками джунгорскаго бэйли и ордосскаго вана представляетъ сѣть безчисленныхъ овраговъ. Отъ каждой рѣчной долины и вправо и влѣво отвѣтвляется множество сухихъ рытвинъ, которыя въ верхнихъ частяхъ вѣтвятся на множество другихъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ; вслѣдствіе этого вся поверхность земли, заключенная между двумя долинами, не представляется цѣлою, какъ около ставки джунгорскаго князя, а изрѣзана въ клочки; овраги эти имѣютъ совершенно отвѣсные бока, глубиной до 20 саж. и болѣе; дно ихъ иногда такъ узко, что мѣстами два человѣка не въ состояніи пройдти рядомъ. Дорога изъ одной долины въ другую не можетъ пересѣчь промежуточное пространство по прямой линіи; она должна извиваться между вершинами овраговъ, которые подходятъ къ дорогѣ и справа и слѣва; иногда вершины овраговъ, развивающихся другъ другу на встрѣчу, сходятся такъ близко, что между ними остается разстояніе всего только саженъ въ двадцать; мѣстами мѣстному населенію пришлось укрѣпить такіе промежутки и одѣть вершины овраговъ обшивкой изъ камней. Такой характеръ страна выдерживаетъ почти на всемъ пространствѣ между двумя упомянутыми княжескими ставками; только въ сѣверномъ концѣ дороги отъ ставки Джунгоръ верстъ съ десять къ югу, т. е. до водораздѣла между р. Туинъ-голъ, текущей на сѣверъ и р. Дурюмба, текущей на востокъ, приходится ѣхать по мѣстности, не пересѣченной оврагами; въ южномъ концѣ отъ Гунъ-эрге къ югу овраги тоже исчезаютъ; здѣсь, около Гунъ-эргэ, появляются вновь песчаные барханы, которыхъ нѣтъ на всемъ пространствѣ отъ Гунъ-эргэ на сѣверъ до ставки Джунгоръ.

---

[1]) Шаръ-голъ, по разсказамъ мѣстныхъ монголовъ, впадаетъ въ Желтую рѣку между монастырями Джанджинъ-чжао и Шинэ-сумэ, расположенными на правомъ берегу Желтой и между селеніемъ Цаганъ-курень и монастыремъ Убугунъ-Майдаръ, расположенными на лѣвомъ; р. Кустей составляется изъ трехъ рѣкъ: Орикхо, Гуни-эрикъ и Туинъ-гола, которыя текутъ съ в. на з.; общій потокъ по соединеніи поворачиваетъ на сѣверъ и впадаетъ въ Желтую рѣку между ур. Долонъ-модо и монастыремъ Голынъ-чжао, отстоящимъ отъ Желтой въ 2 ли.

Digitized by Google

Намъ не удалось узнать, перечисленныя отъ Дурюмбы до Уланъ-мурена рѣки, въ числѣ десяти, составляютъ ли одну систему или нѣсколько; монголы, въ соприкосновеніе съ которыми мы имѣли случай входить, на первыхъ порахъ относились къ намъ недовѣрчиво и старались избѣгать длинныхъ и подробныхъ разсказовъ.

Всѣ эти долины имѣютъ одинаковый характеръ; онѣ обставлены крутыми боками отъ 300 до 500 фут. высоты надъ дномъ долины; дно обыкновенно широкое, до 150 сажень шириной, совершенно ровное, отъ одного бока до другого покрытое пескомъ; по этому дну обыкновенно течетъ небольшой мелкій ручей; самый значительный ручей въ долинѣ Уланъ-мурина, который имѣетъ 1 сажень ширины и 1 вершокъ глубины. Но за то песчаное дно долины во всю ширину его смачивается подпочвенной водой. Наружное теченіе вялое, едва замѣтно; въ исторіи Ордоса разсказывается о чудѣ, совершенномъ однимъ великимъ святымъ, по желанію котораго Уланъ-муренъ принялъ обратное теченіе вверхъ по долинѣ [1]); если эти слова относятся къ той части Уланъ-мурена, которую мы пересѣкли, то святому отцу вѣроятно не особенно много пришлось израсходовать чудотворной силы на это чудо.

Песчаники и конгломераты распространены по всему пространству отъ Дурюмбы до Уланъ-мурена; въ долинѣ послѣдняго обнаженія ихъ засыпаны песками, но все-таки выступаютъ въ береговыхъ обрывахъ; еще южнѣе, на послѣднемъ переходѣ къ ставкѣ вана, именно въ тѣхъ невысокихъ холмахъ, которые служатъ сѣверной окраиной котловины озера Чаганъ-норъ, опять обнажаются пласты песчаниковъ.

Окрашены песчаники въ красный и бѣлый цвѣтъ; напластованіе на всемъ пространствѣ горизонтальное; только на самой южной окраинѣ къ сѣверу отъ оз. Чаганъ-норъ, замѣчено паденіе пластовъ на западъ.

Въ долинѣ Дэристенъ-гола рыхлые или мягкіе бѣлые песчаники прикрыты пластомъ крѣпко сцементированнаго сѣраго песчаника, въ которомъ встрѣчаются отдѣльныя глыбы съ скорлуповатымъ строеніемъ; на дневную поверхность выходятъ плиты съ круглымъ очертаніемъ, наложенныя одна на другую; верхнія плиты размѣрами меньше нижнихъ; края плитъ закруглены. Такія формы найдены были и на сѣверной сторонѣ долины (Рис. 2) и на южной (Рис. 3). Самая верхняя центральная плитка въ серединѣ вогнута; вѣроятно эта вогнутость повторяется и въ подстилающихъ плитахъ. Въ долинѣ же Уланъ-хада встрѣчались хорошо образованные шары изъ того же песчаника, вросшіе до половины въ землю, или цѣлые или расколовшіеся, какъ изображено на рисункѣ (Рис. 4). Глыба, изображенная на рисункѣ 3-мъ и найденная на южной сторонѣ долины Дэристенъ-гола, имѣла горизонтальный поперечникъ въ 3,30 метра, высота всей глыбы надъ поверхностью окружающей земли 40 сантим., толщина отдѣльной скорлупы 25 сантим. Всѣ эти формы, наслоенныя плиты и шары, вѣроятно, относятся къ одному и тому же образованію; шары вѣроятно есть не что иное, какъ ядра скорлуповатыхъ сфери-

[1]) Schmidt, Geschichte d. Ost-Mongolen. S. Pb., 1829, S. 227.

Digitized by Google

ческихъ образованій, а плиты—уцѣлѣвшія нижнія части концентрическихъ оболочекъ ядра.

Рис. 2.

Рис. 3.

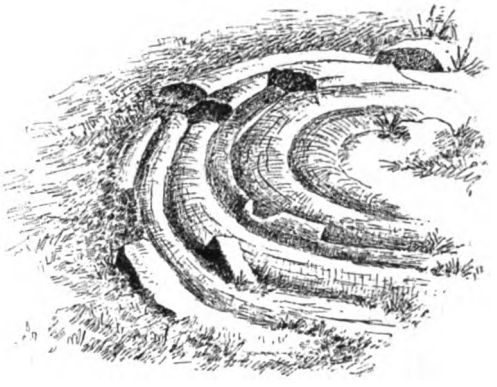


Рис. 4.

Песчаники прикрыты сверху наносомъ, похожимъ на лёссъ; мѣстами въ немъ замѣчается пористость; въ этомъ наносѣ встрѣчается довольно камней, которые иногда располагаются въ видѣ прослоекъ; иногда это хорошо окатанная галька. Съ разрушеніемъ пластовъ камни освобождаются и заваливаютъ узкое дно овраговъ; встрѣчаются между ними камни величиной до 1 ф. въ поперечникѣ и болѣе.

Наносъ этотъ имѣетъ толщины отъ 1 до 2 сажень; между долинами р. Чичиргана и Тешинъ-голъ горизонтальныя площади между оврагами прикрыты наносомъ всего только въ $^1/_4$ арш. толщиной, но на мыскахъ между оврагами толщина наноса увеличивается до 1 саж. и болѣе.

Въ долинѣ р. Нюрюсенъ-голъ (Угольной рѣки), впадающей въ Шухэнъ-голъ, добывается каменный уголь; выходы его лежатъ почти у уровня дна долины; добываютъ уголь, дѣлая яму въ основаніи обрыва. Уголь прикрытъ пластомъ искрошившагося сланца съ отпечатками растеній Sphenopteris baicalensis Hr., Thyrsopteris Maakiana Hr., Podosamites lanceolatus Lindl., Phoenicopsis speciosa Hr., Chekanowskia rigida Hr., Aspl̇enium Whitbyense Brgt. sp. и Dicksonia concinna Hr. Отпечатки эти опредѣлены И. Ѳ. Шмальгаузеномъ; образцы переданы въ геологическій кабинетъ Спб. университета. Пласты угля встрѣчаются и въ долинѣ Уланъхада; одинъ изъ нихъ въ 1 арш. толщины у самаго уровня рѣчного дна, другой въ $^1/_4$ арш. на высотѣ 2 арш. надъ дномъ долины.

Пространство между двумя княжескими ставками производитъ впечатлѣніе, какъ будто въ этомъ мѣстѣ пересѣкаешь горную возвышенность; въ дѣйствительности же точки этого пространства поднимаются, приблизительно, не болѣе, какъ на 390 метровъ надъ уровнемъ Желтой рѣки и переправы Хотунъхошу, и это пространство, какъ замѣчено выше, есть только продолженіе ордос-

Digitized by Google

ской плоскости, лежащей отсюда къ западу, размытое въ этой части рѣками, образовавшими въ рыхлыхъ песчаникахъ глубокія долины. Двѣ самыя высокія наши стоянки на этомъ пространствѣ, по показанію анероида, были на рр. Харджитаѣ (19 авг.) 1378 метровъ и Саксагыръ (24 авг.) 1327 метровъ; самою глубокою изъ пересѣченныхъ долинъ оказалась долина р. Дэристенъ-гола, дно которой находится на одномъ уровнѣ съ ставкой Джунгорскаго князя (1178 метровъ). Видъ на даль съ высокихъ точекъ этой страны открывался намъ только въ двухъ мѣстахъ, и если не съ тѣхъ точекъ, которыя упомянуты выше, то съ точекъ, находящихся вблизи отъ нихъ; это во-первыхъ перевалъ между рр. Тешинъ-голъ и Харджитай, занятый плоской возвышенностью Обонъ-шили (т. е. обонный хребетъ, хребетъ увѣнчанный обономъ), и во-вторыхъ Бортай-обо между Уланъ-муреномъ и Саксагыромъ. Съ Обонъ-шили мы еще разъ—и это въ послѣдній—увидѣли на сѣверѣ Муни-олу и долину Желтой рѣки; на сѣверовостокѣ было видно синѣвшееся гористое пространство, вѣроятно съ тѣмъ же характеромъ страна, какъ и та, которую мы пересѣкали; на югъ и западъ не было видно ничего, кромѣ ближайшихъ возвышенностей. Съ Бортай-обо открывается видъ на сѣверовостокъ, на нижнюю часть долины Уланъ-мурена; она казалась холмистой площадью, на которой почти не выдавалось ни одной значительной высоты; вся страна была покрыта холмами приблизительно равной высоты. Съ дороги же къ югу отъ Бортай-обо открывается видъ и на югозападъ, гдѣ разстилается равнина; дорога какъ будто проходитъ по терасѣ, возвышающейся надъ этой равниной. Бортай-обо названо такъ по монастырю Бортай-суме, который находится близъ дороги. Обо состоитъ изъ одной большой кучи хвороста и тринадцати малыхъ; изъ этихъ послѣднихъ три поставлены рядомъ, съ южной стороны большой кучи; девять же образуютъ линію, протянутую отъ обона на югъ.

Пройденное пространство между ставками двухъ ордосскихъ князей не произвело на насъ впечатлѣнія угрюмой, безжизненной пустыни; темныя краски, которыми Гюкъ рисуетъ пройденную имъ часть Ордоса (т. е. въ окрестностяхъ озера Манглай-дабусунъ) было бы невѣрно распространять на восточную часть Ордоса. Ордосъ, который мы видѣли, не имѣетъ характера степи, годной только для жалкаго существованія кочевниковъ; здѣсь возможны осѣдлая жизнь и земледѣліе; кромѣ монголовъ, здѣсь много встрѣчалось и китайцевъ, которые живутъ здѣсь отдѣльными усадьбами, а иногда и небольшими деревнями; одну такую деревню Юй-шу-хао мы нашли въ долинѣ р. Харджитай, другую Тоусту (на картѣ Кишинъ-бату?) въ долинѣ Уланъ-хада; третья находится въ долинѣ р. Нюрюсенъ-гола. Китайцы частью живутъ въ фанзахъ, частью въ пещерахъ, вырытыхъ въ слоѣ наноса, покрывающемъ сверху пласты песчаниковъ; иногда отдѣльная фанза помѣщается въ самой вершинѣ оврага, такъ что стѣны ея, служа для человѣческаго жилища, въ то же время укрѣпляютъ бока оврага и останавливаютъ его роющую дѣятельность. Здѣшніе монголы также живутъ или въ фанзахъ или мазанкахъ, сдѣланныхъ изъ плетня; войлочныя юрты встрѣчаются рѣдко. По всей дорогѣ встрѣчались пашни, хотя и отдѣльными, небольшими участками, засѣянныя ячме-

Digitized by Google

немъ, хунькомъ (Setaria italica), гречихой, льномъ и коноплей; встрѣчались также поля, засѣянныя макомъ; особенно бросалось въ глаза обиліе гречихи, которая часто встрѣчалась падалкой отдѣльными экземплярами и вдали отъ пашенъ. Около китайскихъ усадебъ въ огородахъ мы видѣли тыквы, кукурузу и клещевину. Пашни встрѣчаются какъ на высокихъ мѣстахъ, между вершинами овраговъ, такъ и на днѣ нѣкоторыхъ долинъ. Впрочемъ тѣ главныя долины, дно которыхъ состоитъ изъ мокраго песка, остаются безжизненными.

Самое значительное осѣдлое мѣсто, встрѣченное нами, былъ монгольскій монастырь Джунгоръ-чжао; это самый большой монастырь въ хошунѣ Джунгоръ. Въ немъ насчитывается до 700 ламъ; ламы увѣряютъ, что монастырь получаетъ отъ императора содержаніе на 1000 ламъ. Онъ расположенъ на правомъ берегу р. Гунъ-эрге; къ з. отъ монастыря, не вдалекѣ отъ него, проходитъ другая рѣка Хуху-тохой, которая соединяется съ первой ниже монастыря; окрестности монастыря состоятъ изъ песчаныхъ бугровъ; наружность его опрятная; кумирни, недавно отстроенныя, смотрятъ щеголевато.

Другое интересное мѣсто, пройденное нами, называется Бага-едженъ-хоро; это войлочныя юрты, въ которыхъ, по преданію, хранятся останки жены Чингисъ-хана. Юрты эти находятся на вершинѣ перевала между рр. Дурюмба и Чичиргана, въ мѣстности, изрѣзанной многочисленными оврагами. Мы пришли сюда 17 авг. вечеромъ и на другой день дневали, чтобы дать возможность А. И. Скасси догнать насъ. Около юртъ съ останками было раскидано до десятка мазанокъ, въ которыхъ живутъ монголы. Священныя юрты огорожены грубо сдѣланнымъ полисадникомъ; ихъ двѣ; онѣ поставлены плотно одна къ другой; входъ устроенъ только въ южную, которая служитъ какъ бы передней для другой задней юрты; ордосская святыня, вѣроятно, находится въ задней. Эти юрты отъ обыкновенныхъ монгольскихъ отличаются тѣмъ, что имѣютъ пріостренную верхушку, вслѣдствіе чего сводъ ихъ напоминаетъ византійскій куполъ; кромѣ того край того войлока, который покрываетъ верхнюю сводчатую половину юрты, вырѣзанъ фестонами.

Прежде, чѣмъ закончить описаніе этой части Ордоса, нужно еще упомянуть о слѣдахъ древняго поселенія близъ китайской деревни Юй-шу-хао. Возлѣ самой деревни къ западу отъ нея замѣтно старое городище; стѣны бывшаго города превратились въ плоскіе валы до $1^1/_2$ сажени высоты. Съ с. на ю. городъ имѣлъ 600 шаговъ длины, съ з. на в. 300. На пашняхъ внутри городища и внѣ его попадается множество горшечныхъ черепковъ. Около нашей стоянки, которая находилась на правомъ берегу Харджитая, въ верстѣ отъ деревни, въ береговомъ обрывѣ, на глубинѣ 1 аршина отъ земной поверхности, мы также находили горшечные черепки.

25 авг., послѣ небольшого перехода, мы поставили свои палатки на берегу небольшого озера Чаганъ-норъ (или Чжайсанъ-галчи-норъ, какъ его еще называютъ), въ 6—7 верстахъ отъ ванъ-хоро, т. е. отъ ставки вана, которая была видна изъ нашего стана на западѣ. Озеро мелкое, берега имѣетъ плоскіе, дно иловатое; вода въ немъ соленая; пить её можетъ только скотъ. Люди берутъ воду изъ колодезей, но и въ тѣхъ вода худая. На озерѣ было множество утокъ, ангировъ,

Digitized by Google

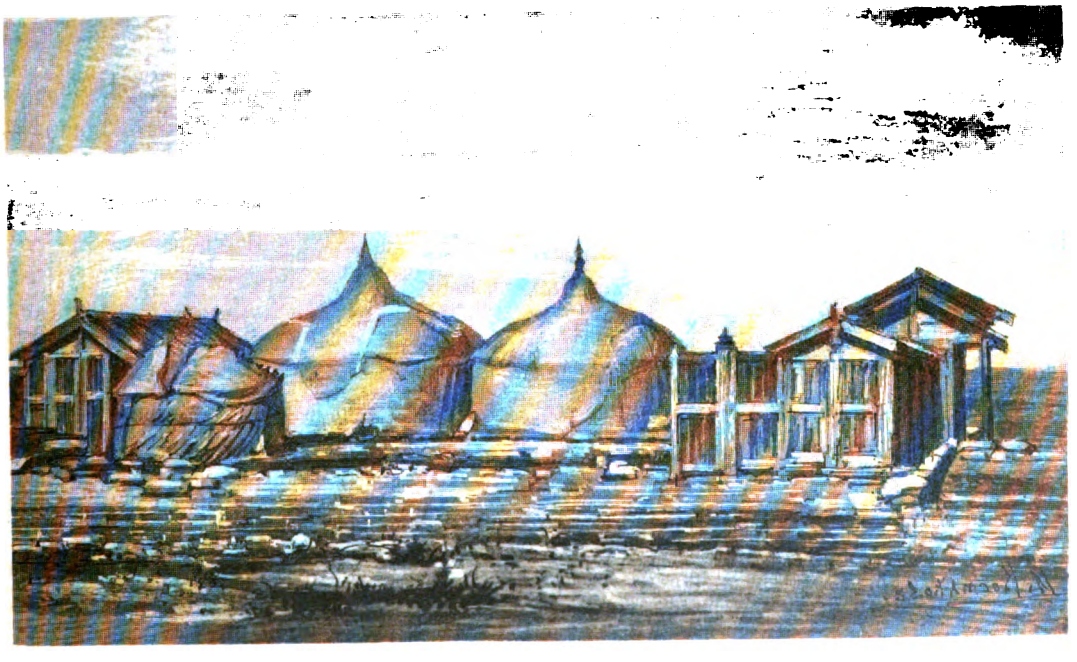
гусей, чаекъ и куликовъ. И ночью до 12 часовъ, и утромъ въ 4 часа былъ слышенъ неумолкаемый крикъ птицы.

Ванъ прикомандировалъ къ нашему каравану на время нашей стоянки на Чаганъ-норѣ мэрэна Сэрэна. Монгольское слово мэрэнъ монголисты переводятъ русскимъ полковникъ; хотя приравнивать наши чины къ монгольскимъ очень трудно, но если-бъ кому-нибудь пришло въ голову назвать Джунгорскаго князя генераломъ, это намъ не показалось бы очень страннымъ; но «полковникъ Сэрэнъ» это было что-то курьезное. По своимъ знаніямъ, своей манерѣ держаться, по костюму онъ очень мало отличался отъ тѣхъ монголовъ изъ простонародья, которые Джунгорскимъ княземъ даны были намъ въ конвойные. Впрочемъ, если чины въ Ордосѣ раздаются за добродушіе и преданность своему князю, полковникъ Сэрэнъ вполнѣ заслуживалъ свое высокое положеніе. Онъ встрѣтилъ насъ за пять или за шесть верстъ къ с. отъ Чаганъ-нора. Это можно было бы почесть за особую вѣжливость со стороны вана и желаніе пойдти въ гостепріимствѣ далѣе Джунгорскаго князя, но потомъ, именно когда мы выразили Сэрэну свое желаніе сдѣлать визитъ вану, такое распоряженіе вана объяснилось иначе. Тутъ мы узнали, что ванъ не можетъ насъ принять. Онъ боленъ, принимаетъ лекарства и врачи боятся, какъ-бы близость европейца не оказала неблагопріятнаго вліянія на теченіе болѣзни. Это, кажется, не была отговорка, а искренняя вѣра приближенныхъ къ вану и его самого. Ванъ, какъ намъ говорили, старовѣръ и держится всѣхъ старинныхъ предразсудковъ. Мэрэнъ Сэрэнъ не только старался всѣми мѣрами отговорить насъ отъ визита вану, но даже старался отклонить поѣздку А. И. Снасси къ княжеской ставкѣ для астрономическаго наблюденія. Остановились мы на берегу озера Чаганъ-нора по указанію Сэрэна и это, очевидно, было устроено по распоряженію вана; ванъ думалъ, что только на семиверстномъ разстояніи навожденіе европейца становится безсильнымъ. Сэрэнъ всякій разъ становился на дыбы, если кто-нибудь изъ насъ показывалъ намѣреніе отправиться въ сторону, гдѣ была видна ставка князя; даже если мы начинали упорно смотрѣть туда, Мэрэнъ чувствовалъ себя, какъ на иголкахъ. Ясно стало, что онъ былъ приставленъ къ намъ не столько для того, чтобъ облегчить наши сношенія съ населеніемъ, сколько для того, чтобъ оберечь князя отъ сверхъестественной силы, исходящей изъ европейца.

Верстахъ въ 10 къ ю. отъ озера Чаганъ-норъ находится святыня цѣлаго Ордоса, такъ называемый Ихи-Едженъ-хоро, т. е. юрта съ останками Чингисъ-хана. Хоро значитъ «ставка», резиденція; Едженъ — титулъ, который придается Чингисъ-хану (Едженъ-богдо); ихи—«большій». Большимъ это хоро называется въ отличіе отъ другого, который былъ уже описанъ выше на стр. 71. Поѣздка къ этой святынѣ не встрѣтила никакихъ препятствій со стороны властей; Сэрэнъ далъ мнѣ проводника монгола и мы отправились вдвоемъ. Ихи-Едженъ-хоро находится на восточномъ берегу рѣки Чжамхакъ, которая течетъ на сѣверъ въ Уланъ-муренъ; переваливъ черезъ нѣсколько мелкихъ возвышенностей, мы увидѣли широкій болотистый лугъ рѣки Чжамхакъ, который намъ пришлось затѣмъ пересѣчь. На противуположной сторонѣ луга между барханами мы увидѣли двѣ группы юртъ—

Digitized by Google

Ордосскій Монголъ Сэрэнъ-мэрэнъ. стр. 72.



Ихи-Едженъ-хоро, усыпальница Чингисъ-хана. стр. 72.

Фототипія В. Клистъ. С.-Петербургъ Кадетская лин. № 7-2

Digitized by Google

Digitized by Google

одна вправо, другая влѣво. Вправо юрты были закоптѣлыя, очевидно жилыя; влѣво всего двѣ юрты съ чистыми, не закоптѣлыми верхами. Эти послѣднія и были хранилищемъ останковъ знаменитаго хана, а жилыя юрты принадлежали тархатамъ; подъ этимъ послѣднимъ именемъ извѣстно особое немногочисленное сословіе, обязанное охранять ордосскую святыню.

Мы подъѣхали сначала къ тархатскому аулу. Мнѣ отвели особую юрту, которая была уставлена мебелью, но повидимому не имѣла жильца; это была пріемная юрта. Тотчасъ же ко мнѣ вошли два пожилыхъ монгола; по ихъ костюму и бритымъ головамъ я заключилъ, что это были ламы. Одинъ изъ нихъ назвалъ себя Сампиломъ, другой Дорчжи; это были родные братья и родственники Джунгорскаго князя; его умершая жена была ихъ сестра и двухъ молодыхъ князей, съ которыми мы познакомились на Гуни-эрикѣ, они называли своими племянниками. Тархатскія старшины не только согласились проводить меня къ Едженъ-хоро, но даже не нашли никакихъ препятствій снять фотографію съ этихъ юртъ. Получивъ разрѣшеніе, я попросилъ моихъ хозяевъ оставить меня одного, чтобы переодѣться, и когда вышелъ изъ юрты къ ожидавшимъ меня тархатскимъ старшинамъ въ китайскомъ парадномъ платьѣ, они были очень польщены и выразили большую похвалу моему приличному поведенію. Мы пошли къ Едженъ-хоро пѣшкомъ.

Хоро состоитъ изъ двухъ войлочныхъ юртъ, поставленныхъ въ сѣверномъ концѣ невысокой четыреугольной насыпи, облицованной кирпичами. По краямъ насыпи или террасы была поставлена деревянная ограда, но она упала отъ вѣтра. Сохранилась только часть ея. Двѣ юрты поставлены одна сзади другой; онѣ плотно примыкаютъ другъ къ другу; вѣроятно въ мѣстѣ соприкосновенія ихъ изъ южной юрты устроенъ входъ въ сѣверную. На юртахъ золотыя маковки; верхніе войлока, покрывающіе своды юртъ, вырѣзаны по нижней кромкѣ фестонами въ видѣ языковъ, висящихъ внизъ. Входъ въ южную юрту съ юга; когда цѣла была ограда, на террасу входили тоже съ юга, черезъ ворота, которыя цѣлы еще и теперь; но мы поднялись на террасу, безъ околичностей, съ боку.

Сампилъ и Дорчжи подошли къ дверямъ юрты; тутъ былъ уже разостланъ войлокъ. Они вошли на него и стали на колѣни передъ дверями такъ, что въ серединѣ прямо противъ дверей мѣсто осталось не занятымъ; это мѣсто назначалось для меня. Послѣ того, какъ мы втроемъ совершили троекратное поклоненіе, въ отворенныя двери изъ темной юрты высунулась рука съ краснымъ деревяннымъ блюдомъ, на которомъ стояла мѣдная вазочка съ горѣвшимъ масломъ. Тархаты, сидѣвшіе рядомъ со мною, сказали, что я долженъ взять блюдо и подержать его. Затѣмъ мы снова совершили три поклона.

Такъ какъ внутренность юрты освѣщалась только изъ той, отворенной, двери, передъ которою мы сидѣли, то разглядѣть, что въ юртѣ находится, было очень трудно; особенно, когда приходилось смотрѣть въ темную внутренность изъ свѣтлаго пространства, сидя снаружи юрты. Все, что я разглядѣлъ, заключается въ слѣдующемъ. Подъ сводомъ юрты находится четырехъугольное деревянное зданіе; въ дверь видна внутренность комнаты, ограниченной четырьмя остальными

Digitized by Google

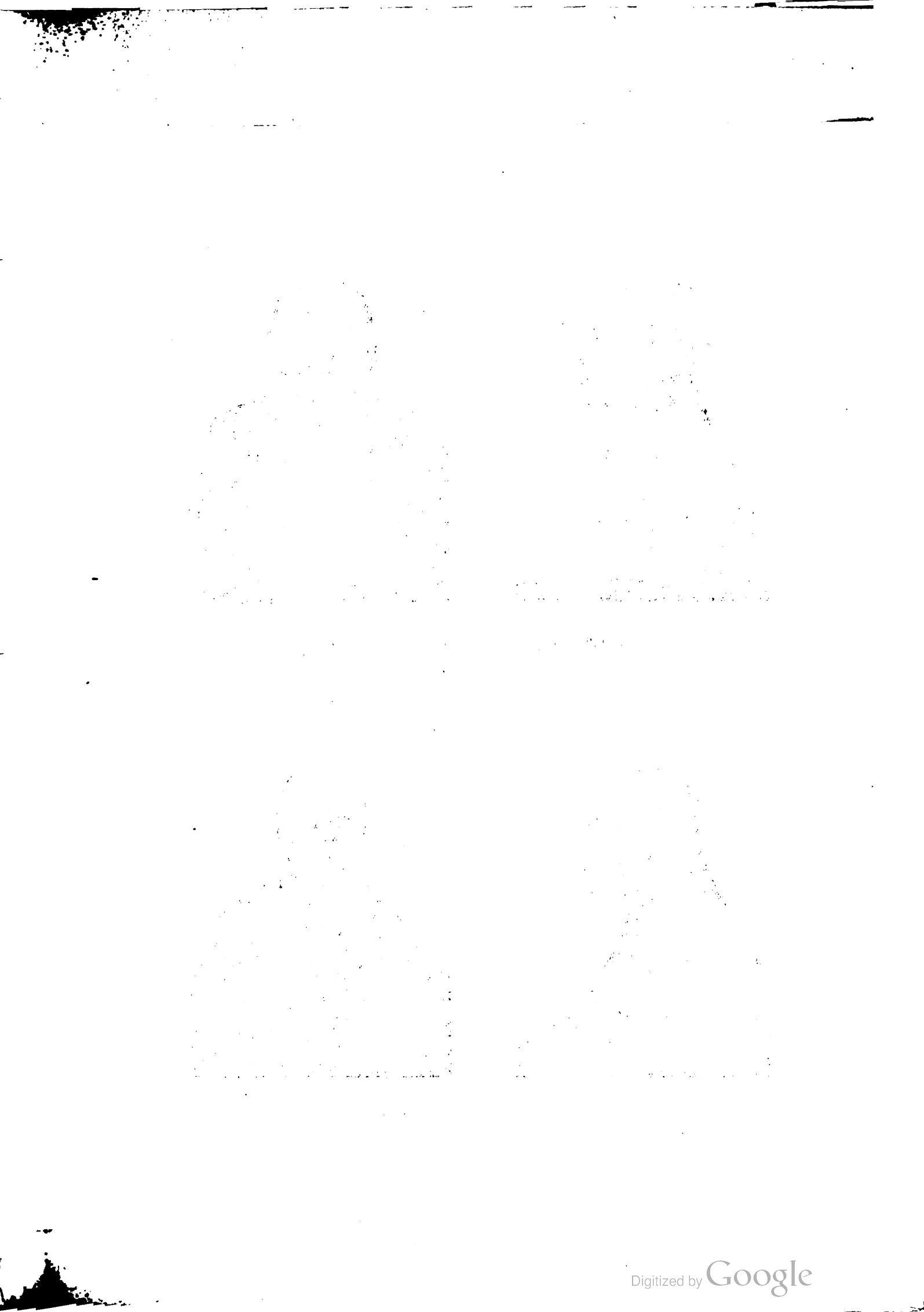
деревянными стѣнами; у задней, т. е. сѣверной стѣны виденъ столъ, на которомъ стояли пять мѣдныхъ вазочекъ; въ нихъ горѣло масло. Сзади каждой вазочки стоялъ жестяной щитокъ, узоры котораго трудно было разглядѣть. Надъ свѣтильниками на стѣнѣ привѣшано зеркало. Тутъ вѣроятно дверь, ведущая въ сѣверную юрту, но она заставлена столомъ. Что содержится въ задней сѣверной юртѣ, ни увидѣть, ни услышать разсказа о томъ отъ тархатскихъ старшинъ мнѣ не удалось.

Снявъ фотографію съ Еджень-хоро, я возвратился въ селеніе тархатовъ. Здѣсь, пока Сампилъ и Дорчжи угощали меня чаемъ, въ юрту, въ которой мы сидѣли, приходили другіе тархаты посмотрѣть на меня. Сампилъ и Дорчжи подробно разспрашивали меня, хорошо ли я познакомился съ семействомъ Джунгорскаго князя, видѣлъ ли его сыновей, былъ ли во всѣхъ комнатахъ князя, видѣлъ ли его женъ. Затѣмъ они разспрашивали, кто мы такіе, си-янъ или особый народъ. Я постарался разграничить понятіе о русскомъ народѣ отъ понятія о западныхъ европейцахъ, и Сампилъ и Дорчжи вновь приходящимъ посѣтителямъ рекомендовали меня не какъ си-яна, а какъ человѣка изъ особаго народа, кажется лучшаго качества; для разъясненія они припомнили монгольское сказаніе о дочери Чингисъ-хана, которая увезла будто бы на западъ девятиножное знамя своего отца и стала Чаганъ-ханомъ, при чемъ они путали и отожествляли имена Чаганъ-ханъ и Чагатай. Съ другой стороны отрицаніемъ своей принадлежности къ народу си-янъ я умалилъ интересъ къ своей личности въ глазахъ Сампила и Дорчжи; ихъ занималъ вопросъ о народѣ нохой-иритъ (нохой иритей?), то есть о народѣ, мужчины котораго имѣютъ видъ собакъ, и только женщины имѣютъ человѣческую фигуру. Эти монгольскія представленія соотвѣтствуютъ нашимъ о песиглавцахъ. Нохой-ириты живутъ гдѣ-то на крайнемъ западѣ, западнѣе еще народа си-янъ. Я высказалъ свое невѣдѣніе о подобныхъ чудныхъ людяхъ и это показалось моимъ собесѣдникамъ совершенно понятнымъ; человѣкъ изъ народа, не живущаго на крайнемъ западѣ и не имѣющаго съ нимъ сношеній, не можетъ имѣть точныхъ свѣдѣній о нохой-иритахъ; вотъ си-яны—тѣ лучше знаютъ, потому что они смежны.

До ставки слѣдующаго князя Ушинъ мы достигли въ пять переходовъ, именно 2-го сентября. Эта часть пути представляетъ холмистую равнину, на которой мѣстами расположены озера, какъ мелкія, такъ и крупныя; промежуточныя пространства покрыты барханами; только на третьемъ переходѣ характеръ мѣстности намъ напомнилъ тѣ черты, съ которыми мы имѣли дѣло къ сѣверу отъ Уланъ-мурена.

Первый ночлегъ послѣ Чаганъ-нора мы имѣли въ мѣстности Тайтухай (Тохтатогай), гдѣ находится группа мелкихъ озеръ съ текучей водой, соединяющихся между собою протоками и выпускающихъ изъ себя ручей, который впрочемъ вблизи озеръ изсякаетъ и можетъ быть вновь появляется гдѣ нибудь дальше, ближе къ озеру Чаганъ нору. Тайтухайскіе пески были первые къ югу отъ озера Чаганънора, отъ котораго они отдѣляются плоской равниной, окруженной на дальнемъ разстояніи отъ дороги плоскими возвышенностями. Слѣдующій переходъ до ур. Чжасыгенъ-чайдамъ въ южной его половинѣ былъ совершенъ между барханами, въ промежуткахъ между которыми встрѣчались мелкія озера. Названіе этого урочища, въ переводѣ, значитъ

Digitized by Google


Digitized by Google

Digitized by Google

«лугъ чжасыка», т. е. лугъ, находящійся въ землѣ чжасыка. Дѣйствительно здѣсь уже кончается земля вана и начинается хошунъ чжасыка; можетъ быть проводники наши сами придумали названіе этому урочищу. Оно очень напоминало своимъ характеромъ нашу стоянку на Тайтухаѣ; тутъ такія же мелкія озера, иногда соединенныя между собою протоками и окруженныя барханами. Берега нѣкоторыхъ озеръ заросли кустарной ивой. Къ югу отъ этой мѣстности лежитъ широкая, протянувшаяся съ запада на востокъ, долина, по которой проходятъ три рѣчныхъ русла, соединяющіяся на востокѣ; это рѣки Елисту (или Елистенъ-голъ), Гунъ-голъ и Уланъ-джаба; Елисту, самая сѣверная изъ нихъ, беретъ начало въ возвышенностяхъ, ограничивающихъ долину съ сѣвера; на этихъ возвышенностяхъ у выхода изъ нихъ рѣки, виденъ монастырь Келтенъ суме [1]). Самая южная рѣка Уланъ-джаба беретъ начало въ южныхъ высотахъ, черезъ которыя дорога проходитъ у монастыря Бандитенъ-суме. Въ двухъ сѣверныхъ руслахъ воды не было; дно Гунъ-гола было, однако, покрыто мокрымъ пескомъ; въ Уланъ-джаба была вода, но въ очень маломъ количествѣ, хотя долина размыта широко. Такъ какъ двѣ сѣверныя рѣчки мы пересѣкли тамъ, гдѣ онѣ текутъ въ общей широкой долинѣ, то береговыхъ обрывовъ значительной высоты на нихъ мы не встрѣтили; достигши до Уланъ-джаба, мы стали подниматься вверхъ по ней и здѣсь мы нашли обрывы, достигающіе высоты нѣсколькихъ саженъ; въ этихъ обрывахъ обнаруживаются песчаники краснаго цвѣта съ горизонтальнымъ напластованіемъ. Бандитенъ-суме остался отъ нашей дороги влѣво; на вершинѣ подъема изъ долины Уланъ-джаба на южныя возвышенности сложено высокое обо изъ камней и хвороста съ 13 малыми такими же кучами; эти малыя кучи расположены всѣ тринадцать въ одну линію направляющуюся отъ главной кучи съ юга на сѣверъ.

Къ з. отъ Бандитенъ-суме опять начинается равнина, покрытая песками. Переночевавъ въ сѣверной окраинѣ этихъ песковъ у группы мелкихъ озеръ, которыя намъ назвали Шарь-бурдо, мы въ теченіи всего слѣдующаго дня 1 сентября шли по площади, покрытой большими барханами, и только къ концу перехода, когда мы стали приближаться къ озеру Баинъ-норъ, барханы разрѣдились и песчаныя гряды понизились. 1 сентября мы поставили свои палатки въ виду оз. Баинъ-норъ, верстахъ въ двухъ отъ его восточнаго берега, на межѣ между оконечностями передвижныхъ песковъ и широкимъ луговымъ прибрежьемъ озера. Баинъ-норъ самое большое озеро, какое мы встрѣтили въ Ордосѣ; оно имѣетъ до трехъ вер. длины.

На слѣдующій день 2 сентября, пройдя вдоль озера до его южнаго конца по его лугу, мы снова вступили въ песчаные бугры и шли непрерывно между ними вплоть до Ушинъ-хоро, т. е. до ставки Ушинскаго князя.

Три вышеупомянутыя рѣки Элисту, Гунъ и Уланъ-джаба соединяются на востокѣ и своимъ разливомъ образуютъ оз. Теменъ-хатанъ-норъ. Съ нашей дороги не было видно этого озера; съ возвышенностей же, лежащихъ къ ю. отъ Баинъ-нора, мы видѣли на в. большое озеро Чаганъ-норъ, лежащее къ ю. отъ Теменъ-

[1]) На равнинѣ озера Чаганъ норъ мы также видѣли вправо отъ нашей дороги монастырь Ганьчжуръ-суме.

Digitized by Google

хатанъ-нора [1]). Озеро Теменъ-хатанъ-норъ отсутствовало на прежнихъ картахъ; его нѣтъ и на картѣ Ордоса, составленной католическимъ епископомъ монсиньоромъ Девосомъ. Но объ немъ упоминаетъ Арманъ Давидъ во время своего путешествія по странѣ Уротовъ (см. Nouv. Archives du Museum, t. IV, p. 73). «Въ двадцати льё къ ю. отъ Сарчи (селеніе на Желтой рѣкѣ), говоритъ Арманъ Давидъ, находится большое прѣсное озеро Thémé-hata-noor (chameau-roche-lac), а еще далѣе къ ю.-в. видно другое соленое, изъ котораго добывается соль, потребляемая въ странѣ; соль эта дурного качества и содержитъ постороннія примѣси».

Этимъ замкнутымъ бассейномъ озера Теменъ-хатанъ-нора и ограничивается территорія седьмого ордоскаго князя чжасыка, ставка котораго находится къ в. отъ дороги на днѣ той же долины, по которой мы прошли. Позднѣе, въ католической миссіонерской станціи, находящейся въ мѣстности Боро-балгасунъ, мы наняли себѣ въ рабочіе монгола Очира, который оказался уроженцемъ этого хошуна. Отъ него мы путемъ распросовъ получили слѣдующія свѣдѣнія о хошунѣ чжасыка и прилегающихъ мѣстахъ.

Главный притокъ озера Теменъ-хатанъ-нора образуется изъ нѣсколькихъ рѣчекъ, берущихъ начало въ возвышенностяхъ, лежащихъ къ западу отъ озера; нѣкоторыя изъ этихъ рѣчекъ Очиръ называлъ иначе, чѣмъ намъ передавали проводники, которыхъ мы имѣли въ Ордосѣ. По словамъ Очира, онѣ называются: Елистенъ-голъ, Гуйлитенъ-голъ и Тогонай-булыкъ. Соединившись, онѣ образуютъ общій потокъ, или, покрайней мѣрѣ, общее русло, направляющееся на востокъ; въ нижней части русла воды не бываетъ. Но здѣсь съ сѣвера подходитъ ручей Холэнъ-булыкъ, вода котораго вступаетъ въ сухое русло и достигаетъ по нему до озера. Къ югу отъ озера находятся скалистые холмы Теменъ-хата (верблюдъ-скала), во внѣшнемъ очертаніи которыхъ монголы находятъ сходство съ фигурой верблюда. По этимъ скаламъ и озеро получило названіе «озеро верблюжьей скалы». Къ ю.-з. отъ Теменъ-хатанъ-нора лежитъ болѣе значительное озеро Чаганъ-норъ, которое, подобно первому, принадлежитъ къ землѣ хошуна чжасыка. На сѣверномъ его берегу залегаетъ большое луговое пространство Ики-чайдамъ. На берегахъ озера садится гуджирная соль, которую будто бы запрещено брать подъ страхомъ смертной казни. Это, говорятъ, «эрдени (драгоцѣнность) Ордоса». На картѣ Девоса, вѣроятно, оно же значится подъ именемъ Tsjakannoi (Чаганъ-норъ?).

По положенію Чаганъ-нора слѣдовало бы въ немъ признать то соленое озеро, о которомъ упоминаетъ Арманъ Давидъ, но не смѣшалъ ли послѣдній озеро Чаганъ-норъ съ другимъ соленымъ озеромъ Хара-мангнай-норъ, которое лежитъ къ з. отъ хошуна чжасыка?

Сопоставивъ то, что мы сами видѣли, проходя по землямъ хошуна, съ разсказами Очира, намъ кажется, что мы въ вершинахъ рѣчки, названной намъ именемъ Уланъ-джаба, прошли по самой границѣ хошуна чжасыка съ хошуномъ Хангинъ,

---

[1]) Этотъ Чаганъ-норъ не слѣдуетъ смѣшивать съ Чаганъ-норомъ, на которомъ мы стояли противъ ставки вана.

Digitized by Google

лежащимъ къ з. отсюда. Не вдалекѣ отъ обо, которое лежитъ къ з. отъ Бандитенъ-суме, и мимо котораго мы вплоть прошли, по словамъ Очира, начинается покатость на сѣверо-западъ, которую мы не могли замѣтить, какъ закрытую ближайшею возвышенностью. Это покатость къ озеру Хара-мангнай-норъ, до котораго отъ ставки чжасыка считается 5 дней ѣзды. Озеро находится въ хошунѣ Хангинъ. Изъ ставки чжасыка ѣдутъ туда черезъ вершины р. Гуйлитенъ-гола, оставляя обо, сложенное у монастыря Бандитенъ-тогонъ (или Бандитенъ-суме) въ лѣвой рукѣ. Переваливъ хребетъ въ вершинахъ Гуйлитенъ-гола, спускаются въ долину р. Арякшанъ-гола, которую и пересѣкаютъ. Отсюда ровная дорога до самаго озера. Площадь, на которой лежитъ озеро, окружена возвышенностями съ з., с. и в.; къ югу отъ нея лежатъ большіе песчаные барханы Онгонъ-манхынъ, внутри которыхъ, по повѣрью жителей, скрытъ серебряный кладъ. Озеро лежитъ въ сѣверо-западной части этой площади; по восточной половинѣ той же котловины протекаетъ рѣка Арякшанъ-голъ, составляющаяся изъ двухъ вѣтвей; восточная беретъ начало изъ одного пункта съ Гуйлитенъ-голомъ; западная составляется изъ ключей, которые пробиваются изъ подошвы небольшой гряды или яра (эрьге), проходящаго у юго-восточнаго берега озера Хара-мангнай; эти ключи минеральные; въ серединѣ лѣта тутъ много лѣчится больныхъ; пріѣзжаютъ сюда и торговые китайцы съ товарами. Изъ озера добывается соль; у сѣвернаго конца озера находится фанза (шю-байшинъ), въ которой собирается пошлина за соль. Рѣка Арякшанъ уходитъ на сѣверо-востокъ, гдѣ протекаетъ по сѣверную сторону горъ Чаганъ-чилоту.

Озеро Хара-мангнай-норъ встрѣчается на европейскихъ картахъ Ордоса; оно есть и на картѣ Девоса. Мимо него прошелъ Гюкъ. Старикъ Сантанъ-джимба, который сопутствовалъ въ то время Гюку и который потомъ былъ нашимъ постояннымъ спутникомъ [1]), разсказывалъ мнѣ, что Гюкъ, пересѣкая Ордосъ по дорогѣ изъ Бао-тоу въ Нинъ-ся, прошелъ по юго-восточному берегу Мангная. Соль въ Мангнаѣ, по словамъ Сантанъ-джимбы, бѣлая, но уступаетъ алашаньской, хухунорской и бага-чикырской [2]). По всей вѣроятности, объ этой соли сдѣлалъ свой отзывъ Арманъ Давидъ, такъ какъ дѣйствительно сѣверный Ордосъ снабжается солью изъ этого озера, а не изъ Чаганъ-нора.

На востокѣ граница хошуна также не далеко отъ княжеской ставки; именно по дорогѣ изъ ставки въ китайскій городъ Юй-линъ (называемый монголами Темету) на второй день уже пріѣзжаютъ въ мѣстность Тоготу, гдѣ живутъ китайцы и гдѣ земля считается уже принадлежащею хошуну Ушинъ. По дорогѣ въ городъ Шенъ-мо (по монгол. Сайнъ-туру) также китайскія селенія начинаются на второмъ переѣздѣ.

Ставка князя Ушинъ [3]), состоящая не болѣе какъ изъ четырехъ или пяти

---

[1]) Онъ присоединился къ нашему каравану позднѣе, въ Боро-балгасунѣ, католической станціи, находящейся на южной окраинѣ Ордоса.

[2]) Оз. Бага-чикыръ въ южномъ Ордосѣ; о немъ см. ниже.

[3]) На картѣ епископа Девоса Wousjen. У Саванъ-сэцэна это имя встрѣчается подъ формой Uischin и Üüschin (Schmidt, Geschichte der Ost-Mongolen, 1829, S. 251 и друг.).

Digitized by Google

построекъ, расположена въ печальной мѣстности, окруженной плоскими песчаными буграми, сравнительно съ другими барханами бѣднѣе прикрытыми растительностью изъ кустарниковъ и полыни. Князя, по словамъ ушинскихъ монголовъ, въ ставкѣ не оказалось; онъ куда-то уѣхалъ. По всей вѣроятности, князь просто уклонился отъ свиданія съ европейцами, подобно вану. Князь Ушинъ, какъ передавали боробалгасунскіе миссіонеры, изъ ордоскихъ князей враждебнѣе всѣхъ относится къ европейцамъ, въ противуположность князю Джунгору и особенно князю Отокъ. Можетъ быть мы лишились свиданія съ ваномъ и Ушиномъ и потому еще, что путешествовали какъ будто подъ благосклоннымъ вниманіемъ князя Джунгора; другіе ордоскіе князья недружелюбно относятся къ первенству Джунгора, которое по праву должно бы принадлежать вану; конечно болѣе всего былъ недоволенъ высокимъ положеніемъ Джунгора ванъ.

Отъ ставки князя Ушинъ почти до Боро-балгасуна, въ теченіи одиннадцати дней, мы шли все по территоріи хошуна Ушинъ, которая начинается еще сѣвернѣе, такъ какъ озеро Баинъ-норъ, на которомъ мы ночевали 1—2 сентября, находится уже въ предѣлахъ этого хошуна. Только за одинъ переходъ передъ Боро-балгасуномъ мы вступили въ хошунъ Отокъ. Пройденное въ эти дни пространство имѣетъ одинаковый характеръ; это равнина съ солонцевато-глинистою почвою; подпочвенная вода въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, выступая наружу, образуетъ мелкія озера или лужи прѣсной воды, иногда же ея присутствіе обозначается только особенной растительностью, не терпящей большой сухости. Такія мѣста называются по здѣшнему чайдамъ и служатъ пастбищами для скота. Болѣе возвышенныя мѣста имѣютъ видъ сухихъ степей. По всей этой равнинѣ насыпаны безчисленные барханы и песчаные валы, которые заваливаютъ своимъ пескомъ, одинаково, какъ сухія степи, такъ и мокрые чайдамы. Отъ озера Баинъ-норъ до Хоруха-обо песокъ образуетъ сыпучіе и обнаженные барханы, къ югу же отъ Хоруха-обо песчаные бугры окрѣпли и покрыты растительностью, полынью и Juniperus chinensis. Остановки на ночлегъ мы дѣлали или у береговъ прѣсноводныхъ лужъ, или у колодезей, которые на чайдамахъ встрѣчаются готовые. Впрочемъ, на чайдамахъ легко сдѣлать и новый колодезь, потому что для этого иногда достаточно сдѣлать яму въ $^1/_2$ аршина глубины. Въ первый день по выходѣ изъ ставки Ушинъ мы остановились въ мѣстности Хоруха-обо, среди песковъ, которые здѣсь засыпаютъ свѣжими буграми луговую поверхность, усѣянную лужами воды. Слѣдующіе ночлеги: Шибиръ-чайдамъ, Гунь-джагатай (Гунча-тогой) и Цзохуль-чайдамъ были въ томъ же родѣ. 8 сентября мы достигли береговъ большой рѣчки Халютенъ-голъ. На сѣверномъ берегу этой рѣчки построенъ ламайскій монастырь Халютенъ-суме. Этотъ монастырь значительно меньше монастыря Джунгоръ-чжао, находящагося въ хошунѣ Джунгоръ. Впрочемъ, самымъ большимъ монастыремъ въ хошунѣ Ушинъ считается не Халютенъ-суме, а Ушинъ-суме, который лежитъ къ сз. отъ ставки князя Ушинъ. Рѣдко мы видѣли такое обиліе субургановъ около другихъ монастырей, какъ около Халютенъ-суме; здѣсь болѣе десятка бѣлыхъ башенъ различной величины окружаютъ монастырь со всѣхъ сторонъ. Монастырь расположенъ на вершинѣ про-

Digitized by Google

долговатаго бугра, протянувшагося съ св. на юв.; скаты бугра со всѣхъ сторонъ обсажены вязами; нѣкоторые изъ нихъ въ обхватъ толщиной. Рѣка Халютенъ-голъ течетъ въ плоской долинѣ между мелкими песчаными возвышенностями; воды въ ней довольно, дно солонцевато-иловатое, но не вязкое; теченіе быстрое, вода свѣтлая, но на вкусъ пахнетъ, потому что по берегамъ растетъ множество водорослей. Рѣка течетъ на востокъ. Вокругъ есть пашни съ просомъ и коноплей.

9 сентября мы сдѣлали всего только 20 ли до монастыря Шине-суме, который еще меньше Халютенъ-суме, но также, какъ и этотъ, хорошо обстроенъ. 10 сентября мы достигли до долины другой рѣчки, которая также течетъ на в. Намъ назвали её Наринъ-голъ. На ночлегъ остановились у копаней, не дойдя до рѣки. Рѣчку Наринъ-голъ перешли на слѣдующій день; воды въ ней болѣе, чѣмъ въ Халютенъ-голѣ, но теченіе менѣе быстрое; характеръ рѣки тотъ же, вода свѣтлая, по берегамъ много водорослей и другихъ растеній, дно солонцевато-глинистое. Обѣ эти рѣчки южнаго Ордоса какъ сравнительнымъ обиліемъ воды, такъ и тѣмъ, что онѣ текутъ въ неглубокихъ долинахъ, рѣзко отличаются отъ рѣкъ, которыя мы пересѣкали въ предѣлахъ сѣверовосточныхъ ордосскихъ хошуновъ Джунгорскаго бэйли, вана и чжасыка. 11 сентября мы ночевали въ мѣстности Джодорту-чайдамъ; здѣсь вода оказалась съ сѣрнымъ запахомъ; на другой день всѣ наши люди заболѣли поносомъ. 12 сентября съ половины перехода мы увидѣли на юговостокѣ горы, которыя намъ назвали Баинъ-ола. Это тѣ возвышенности, которыя отдѣляютъ Ордосъ отъ провинціи Шенъ-си. Онѣ не составляютъ водораздѣла; рѣки, текущія въ нижнюю часть Желтой рѣки, берутъ начало на ордосскомъ плоскогорьѣ и прорѣзываютъ эти горы. Въ этотъ день мы остановились на берегу сухого русла рѣки Бага-голъ. Оно лежитъ между высокими, саженъ до трехъ высотой, обрывами; только мѣстами на днѣ этой рытвины выступаетъ вода и образуетъ небольшой ручей, который течетъ въ болотистыхъ берегахъ на протяженіи саженъ 100 или болѣе и изсякаетъ. Иногда, вмѣсто ручья, на днѣ рытвины появляется только лужа стоячей воды. На слѣдующемъ переходѣ шли между барханами и остановились на ихъ южной окраинѣ, откуда было уже видно степь, на которой находится Боро-балгасунъ. Эта степь со всѣхъ сторонъ окружена барханами; на ней было видно два небольшихъ озера. Съ бархановъ, среди которыхъ мы остановились, можно было уже разглядѣть городскую стѣну Боро-балгасуна, протянувшуюся среди степи. Мы многаго ожидали отъ Боро-балгасуна. Имя его мы услыхали еще въ Хуху-хото; и потомъ во всю дорогу намъ объ немъ разсказывали, что мы тутъ найдемъ гостепріимный пріемъ, что здѣсь мы найдемъ и монголовъ, которые наймутся къ намъ въ рабочіе, и что здѣсь мы можемъ запастись всякой провизіей. Однако унылая картина, которую мы увидѣли съ сосѣднихъ бархановъ, мало оправдывала эти предвѣщанія. Еще наканунѣ дня нашего вступленія въ городъ наши проводники, съѣздившіе въ Боро-балгасунъ, увѣряли насъ, что въ городѣ ярмарка. Между тѣмъ въ бинокль была видна крыша всего только одного дома. Мы все еще, однако, надѣялись найдти въ Боро-балгасунѣ большое селеніе; дома могли скрываться за городской стѣной.

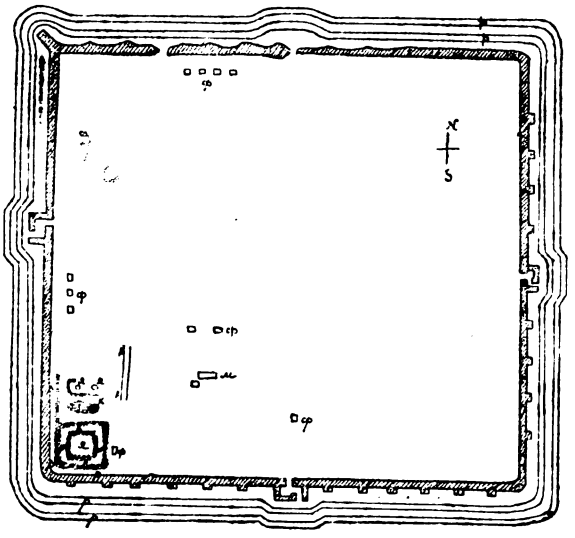
Digitized by Google

14 сентября нашъ караванъ вступилъ въ Боро-балгасунъ. Это оказались развалины стѣнъ стариннаго города, внутренность котораго была пуста, за исключеніемъ двухъ или трехъ группъ изъ глиняныхъ мазанокъ, въ которыхъ живутъ монголы христіане; въ серединѣ между ними находится одно большое зданіе—это домъ католическаго миссіонера съ церковью. Его-то крышу мы и видѣли съ бархановъ.

Балгасунъ по монгольски значитъ городъ; теперь монголы балгасунами называютъ развалины древнихъ городовъ, опустѣлые города; населенные же города зовутъ хото. Боро значитъ «сѣрый». Къ какому вѣку относится постройка этого города, мѣстные жители не знаютъ, а разрушеніе его, какъ и другихъ ордосскихъ городовъ, приписываютъ Чингисъ-хану. По мѣстному преданію, городъ этотъ принадлежалъ ергинамъ (такъ въ Ордосѣ монголы зовутъ китайцевъ); именно въ немъ жилъ Ельджигенъ-чикту-ханъ (царь съ ослиными ушами) или Ельджигенъ-тологойту-ханъ (царь съ ослиной головой). Онъ былъ убитъ Чингисъ-ханомъ, пришедшимъ въ Ордосъ изъ мѣстностей Алыкъ-ола и Алтынъ-тепши, послѣ чего городъ былъ разрушенъ.

Городъ имѣлъ форму прямоугольника и съ четырехъ сторонъ огражденъ стѣнами. Сѣверная и южная стѣны имѣли до 1100 шаговъ длины; западная и восточная до 800 шаговъ. Въ каждой стѣнѣ были ворота; сѣверная стѣна наиболѣе повреждена временемъ; лучше всего сохранилась восточная; восточныя ворота стоятъ еще цѣлыя (разумѣя каменныя ихъ части); кровля воротъ не сохранилась. Стѣны имѣли до 10 шаговъ ширины; снаружи онѣ были одѣты кирпичемъ и имѣли контрфорсы, промежутки между которыми были въ 70 шаговъ. Пространство внутри стѣнъ было почти ровное; неровности замѣчались только въ югозападномъ углу площади гдѣ, по преданію, находился ханскій дворецъ; тутъ замѣчается четвероугольное неровное пространство, имѣющее съ с. на ю. до 100 слишкомъ шаговъ длины и съ з. на в. до 70 шаговъ ширины. Теперь эти остатки имѣютъ такой видъ: въ центрѣ большое углубленіе, вѣроятно соотвѣтствующее внутренности центральнаго зданія; это углубленіе окружено валомъ, образующимъ квадратъ; на углахъ этого квадрата помѣщаются самыя возвышенныя точки вала. Бокъ этого квадрата имѣетъ 50 шаговъ длины. Эта центральная часть окружена двумя рвами, между которыми идетъ другой валъ, меньшей высоты. Это вѣроятно была каменная ограда двора. Входныя ворота были повидимому въ восточной стѣнѣ; на ихъ мѣстѣ въ настоящее

Рис. 5.



Digitized by Google

время одинъ монголъ построилъ фанзу. Валъ, ограждающій дворецъ съ з., продолжается немного къ сѣверу. Къ сѣверу отъ дворца виденъ холмъ, въ которомъ есть свѣже разрытая яма; изъ нея, говорятъ монголы, иногда раскопками добываются мѣдныя деньги; обыкновенно будто бы находятъ ихъ въ горшкахъ, опрокинутыхъ кверху дномъ. Еще сѣвернѣе, а также и къ в. видны старыя углубленія, какъ будто слѣды бывшихъ тутъ жилищъ. Кромѣ этихъ неровностей, въ сѣверозападномъ углу замѣтны два высокихъ бугра, одинъ плоскій и продолговатый, другой совершенно круглый [1]).

Земля около Боро-балгасуна принадлежитъ хошуну Отокъ; она куплена у отокскаго князя бельгійской миссіей и здѣсь основана станція; внутри стѣнъ древняго города живутъ только монголы христіане. Во дворѣ миссіи построено два флигеля; въ одномъ была церковь и квартира миссіонера; въ другомъ временно помѣщался дѣвичій пансіонъ, переведенный сюда изъ города Нинъ-тяо-льяна; зданіе, въ которомъ пансіонъ обыкновенно помѣщается, было недавно попорчено наводненіемъ и теперь его поправляли, дѣвицъ же на это время вмѣстѣ съ ихъ надзирательницей перевели въ Боро-балгасунъ. Мѣсто миссіонера въ Боро-балгасунѣ занималъ г. Ротгофтъ. Онъ пригласилъ насъ поставить свои палатки на тѣсномъ дворикѣ миссіи и тотчасъ же послалъ гонца въ Нинъ-тяо-льянъ съ письмомъ къ г. Стейнакерсу, въ увѣренности, что тотъ непремѣнно пріѣдетъ. Г. Стейнакерсъ, за отъѣздомъ Девоса въ Европу, управлялъ тогда всей ордосской эпархіей; мѣстопребываніе свое онъ имѣлъ въ городѣ Нинъ-тяо-льянѣ. Дѣйствительно, онъ пріѣхалъ въ Боро-балгасунъ вмѣстѣ съ другимъ миссіонеромъ г. Дебрабандеромъ, а также выѣхалъ въ Боро-балгасунъ и одинъ китайскій мандаринъ, начальникъ мѣстныхъ войскъ, находившійся въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ г. Стейнакерсомъ. Г. Кейла, нашъ гуй-хуа-ченскій другъ и благодѣтель, не обманулъ насъ; въ Боро-балгасунѣ мы дѣйствительно нашли друзей, которые и встрѣтили насъ очень тепло, и оказали намъ услуги, въ которыхъ мы сильно нуждались. Г. Стейнакерсъ принялъ всякія мѣры, чтобъ не дать намъ повода торопиться оставить Боро-балгасунъ. Такъ какъ намъ трудно было бы въ небогатой христіанской общинѣ доставать мясо на прокормленіе людей нашего каравана, то г. Стейнакерсъ приказалъ зарѣзать одну корову изъ стада, принадлежащаго миссіи.

Здѣсь намъ нужно было сдѣлать два дѣла; во-первыхъ сдѣлать новые запасы провизіи, такъ какъ все то, что было взято изъ Гуй-хуа-чена, давно уже вышло, а въ княжескихъ ставкахъ и монастыряхъ, которые мы проходили дорогой, торговыхъ лавокъ нигдѣ не было. Не оказалось ихъ и въ Боро-балгасунѣ, но отсюда можно было послать за покупками въ Нинъ-тяо-льянъ, что мы и сдѣлали.

Другая забота состояла въ наемкѣ рабочихъ изъ монголовъ, о чемъ мы мечтали отъ самаго Хуху-хото. На пути отъ переправы черезъ Желтую рѣку до Боро-балгасуна мы пересѣкли четыре хошуна: Джунгоръ, вана, джасыка и Ушинъ; въ

[1]) Объясненіе знаковъ на рис. 5: *м*—домъ миссіи, *р*—ровъ, *я*—яма, *ф*—фанзы, въ которыхъ живутъ монголы-христіане.

Digitized by Google

каждомъ намъ давали конвой, который въ слѣдующей княжеской ставкѣ смѣнялся. Это очень дурно отразилось на нашемъ имуществѣ; Ли и Цуй-санъ не хотѣли заботиться о цѣлости нашихъ сѣдельныхъ приборовъ, а заботиться о лошадяхъ они и не умѣли. Кончилось тѣмъ, что когда мы подошли къ Боро-балгасуну, половина сѣдельнаго прибора у насъ оказалась разворованною; сѣдла очутились безъ стремянъ и тороковъ, или съ деревянными стременами, вмѣсто желѣзныхъ, узды безъ удилъ и поводьевъ, или даже ихъ вовсе не доставало. Кромѣ того изъ прежнихъ слугъ у насъ оставался теперь одинъ Цуй-санъ; Ли, не доходя до Боро-балгасуна, разсчитался съ нами; онъ вѣроятно боялся показаться боро-балгасунскимъ миссіонерамъ.

За организацію новаго состава рабочихъ взялся самъ г. Стейнакерсъ; согласно нашему заявленію, онъ нашелъ намъ трехъ честныхъ рабочихъ изъ среды боро-балгасунскихъ монголовъ; это были монголы Пуринъ, Омолонъ и Очиръ; Пуринъ оказался охотникомъ и потому былъ прикомандированъ къ М. М. Березовскому; двое другихъ, Омолонъ и Очиръ, получили назначеніе поочередно сопутствовать А. И. Скасси во время съемки. Кромѣ того намъ удалось въ Боро-балгасунѣ присоединить къ своему каравану старика Сантанъ-джимбу. Однажды м. Стейнакерсъ зашелъ въ мой обахай въ то время, когда онъ былъ наполненъ сидѣвшими монголками и монголами; сзади всѣхъ у входныхъ дверей скромно сидѣлъ бѣдно одѣтый старикъ монголъ, съ непокрытой головой. Увидавъ его, г. Стейнакерсъ объяснилъ намъ, что это знаменитый Сантанъ-джимба, спутникъ Гюка и Габе въ ихъ путешествіи въ Лассу и при этомъ прибавилъ, что еслибъ онъ согласился съ нами отправиться въ Лань-чжоу, то это для насъ была бы большая находка.

Сантанъ-джимба родомъ былъ широнголъ-монголъ (или далда); онъ родился въ деревнѣ Чи-чжа, въ мѣстности Сань-чуань, на Желтой рѣкѣ, выше Лань-чжоу. Родители предназначали его въ ламы и отдали въ монастырь Чэйбсэнъ для обученія грамотѣ, но способности у Сантанъ-джимбы оказались не велики, учитель очень билъ своего ученика, мальчикъ бѣжалъ изъ монастыря и сталъ странствовать; попалъ къ католическимъ миссіонерамъ и крестился. Его христіанское имя было Жанъ-баптистъ, которое онъ произносилъ на свой ладъ: Чжанъ-батисата; его широнгольское имя, данное при рожденіи, было Чїу-лянъ, т. е. «семьдесятъ два». Это имя дано было въ память того, что въ день рожденія мальчика бабушкѣ его было 72 года. Во время своихъ странствованій онъ исходилъ всю юго-восточную Монголію, живалъ въ Пекинѣ, въ миссіонерскихъ колоніяхъ Сиванъ-цзе и Шачжинъ-тохой, доходилъ на востокѣ до города Мукденя и до Шибе-монголовъ. Съ Гюкомъ онъ былъ въ Лассѣ, которую впрочемъ почти не видалъ, потому что какъ только Гюкъ пришелъ въ Лассу, какъ Сантанъ-джимбу начальство посадило въ тюрьму и выпустило его только передъ отправленіемъ изъ Лассы въ Сы-чуань. Потомъ въ 1886 г. Сантанъ-джимба сопутствовалъ Арману Давиду въ его путешествіи по землямъ хухухотинскихъ тумутовъ и уратовъ. Кромѣ того Сантанъ-джимба два раза былъ въ Кяхтѣ; одинъ разъ онъ провожалъ французскаго посланника, вѣроятно де-Бурблёна; во второй разъ какого-то итальянскаго купца. Особенно трудна пришлась Сантанъ-джимбѣ поѣздка съ французскимъ посланникомъ;

Digitized by Google

Сантанъ-джиниба. стр. 82.

Digitized by Google

Digitized by Google

онъ долженъ былъ двадцать дней безостановочно скакать за повозкой и по пріѣздѣ въ Кяхту заболѣлъ и слегъ въ постель. Впослѣдствіи вмѣстѣ съ нами старикъ въ третій разъ посѣтилъ Кяхту.

Когда мы были въ Боро-балгасунѣ, старику было уже 68 лѣтъ. Мы пригласили его сопутствовать намъ въ дальнѣйшемъ путешествіи за ту же цѣну, какъ и другіе рабочіе, не обязывая его никакой работой. Старикъ согласился пойдти съ нами въ Лань-чжоу и зимовать тамъ наравнѣ съ другими тремя боро-балгасунцами. Заходить въ эту даль онъ боялся менѣе, чѣмъ его товарищи, такъ какъ онъ шелъ на свою родину, которая была не вдалекѣ отъ Лань-чжоу. М. Стейнакерсъ былъ правъ, когда говорилъ, что Сантанъ-джимба будетъ очень полезенъ экспедиціи. Никакой работы онъ у насъ не несъ; мы употребляли его только при сношеніяхъ съ важными мандаринами, да иногда онъ служилъ намъ вмѣсто компрадора. За всѣ эти порученія онъ брался охотно.

Съ перемѣной состава нашихъ рабочихъ измѣнился къ лучшему и порядокъ въ нашемъ хозяйствѣ. Въ дянахъ мы перестали переплачивать лишнія деньги, какъ это было при Ли, и провизію стали покупать дешевле. Нанятые въ Боро-балгасунѣ монголы оказались честными людьми и мы долго говорили спасибо г. Стейнакерсу за его выборъ. Вообще Боро-балгасунъ былъ поворотной точкой въ дѣлахъ благоустройства нашей экспедиціи. Если-бъ дѣла пошли и дальше такъ, какъ шли у насъ до Боро-балгасуна, они могли бы кончиться очень плохо. До Боро-балгасуна мы изображали изъ себя обкрадываемыхъ чужеземцевъ, игрушку въ рукахъ нашихъ собственныхъ слугъ и вѣроятно посмѣшище для постороннихъ наблюдателей. Теперь совсѣмъ другое дѣло. Благодаря искреннему расположенію къ намъ боро-балгасунской миссіи, мы были окружены людьми, которые могли привязаться къ намъ, за что мы имъ платили въ свою очередь симпатіями. Это конечно отражалось и на нашихъ сношеніяхъ съ средой, съ которой мы сталкивались только временно. Мы продолжали теперь наше путешествіе въ другомъ духовномъ ореолѣ.

Пробывъ въ Боро-балгасунѣ пять дней, мы выступили изъ него 21 сентября. Намѣреніе наше было идти въ Лань-чжоу, столицу провинціи Гань-су, по возможности прямымъ путемъ. Въ Боро-балгасунѣ мы не могли получить свѣдѣній о дорогахъ въ Лань-чжоу; боро-балгасунскіе монголы были народъ не бывалый; они знали пути въ сѣверные хошуны Ордоса, въ города Нинъ-тяо-льянъ, Хуа-ма-ченъ, Линъ-чжоу и Нинъ-ся, но никто не могъ сообщить о прямой дорогѣ въ Лань-чжоу. Были здѣсь и такіе, которые бывали въ Лань-чжоу, но по дорогѣ, идущей по лѣвому берегу Желтой рѣки. По этой дорогѣ идутъ сначала на западъ до города Хунъ-ченъ, стоящаго на берегу Желтой рѣки (выше Нинъ-ся), тутъ переправляются на лѣвый берегъ рѣки и идутъ далѣе по южной части Алашаньскаго хошуна. Но намъ не хотѣлось забираться такъ далеко на западъ; при томъ мы боялись, что вторая половина этой дороги не будетъ имѣть новизны, такъ какъ путь долженъ-бы совпасть съ одной какой-нибудь изъ дорогъ, пройденныхъ Пржевальскимъ. Для насъ заманчивѣе было пересѣчь поперегъ тѣ горы, которыя отдѣляютъ Ордосъ отъ провинціи Шень-си. Но прежде, чѣмъ прямо пойдти на югъ изъ Боро-балгасуна, намъ

Digitized by Google

хотѣлось зайдти на соленое озеро Бага-чикыръ, чтобы собрать образцы ордоскихъ галофитовъ; поэтому пунктомъ, изъ котораго мы рѣшили повернуть на югъ, былъ избранъ городъ Хуа-ма-ченъ, лежащій южнѣе упомянутаго озера.

Мѣстность между Боро-балгасуномъ и оз. Бага-чикыръ носитъ уже новый характеръ. Дорога здѣсь идетъ параллельно съ линіей возвышенностей, виднѣющихся влѣво отъ нея. Вмѣсто прежней ровной поверхности хошуна Ушинъ, здѣсь проходятъ увалы или болѣе или менѣе плоскіе хребты; песчаныя гряды встрѣчаются по всей дорогѣ, но барханы не достигаютъ уже прежней высоты. Въ первый день мы сдѣлали только 11 верстъ и остановились между барханами въ мѣстности Булакъ; на другой день, 23 сент., отошли 12 вер. и достигли до сѣверо-восточнаго конца урочища Баинъ-тохумъ; слѣдующій день весь шли по этому урочищу и остановились на другомъ его концѣ, въ мѣстности Ботоинъ-шили; на всѣхъ этихъ ночлегахъ воду брали изъ колодезей; на послѣднемъ вода была съ соленымъ вкусомъ. Тохумъ значитъ круглая впадина въ земной поверхности. Урочище Баинъ-тохумъ также покрыто песками, но барханы не высокіе и большею частью старые, рѣдко съ свѣжими боками. Почва, на которой насыпаны пески, становится здѣсь болѣе твердою. На первомъ переходѣ отъ Боро-балгасуна къ уроч. Булакъ между барханами встрѣчались заросли облѣпихи и ивы, но на слѣдующихъ мы ихъ болѣе уже не встрѣчали. Обильно встрѣчались заросли дэрису; во впадинѣ Баинъ-тохумъ это растеніе достигаетъ роскошнаго роста.

Влѣво отъ дороги виднѣлись горы и Великая стѣна (керимъ по монгольски), протянувшаяся вдоль ихъ подошвы. Во время перехода 22 сент. между Булакомъ и Баинъ-тохумомъ видѣли возлѣ горъ расположенный китайскій городъ Цей-сы. Вообще подлѣ горъ, повидимому, тянется въ сторонѣ отъ дороги густое китайское населеніе. Къ югу отъ Ботоинъ-шили, какъ намъ разсказывали, находится уроч. Чолмынъ-чайдамъ, гдѣ будто бы есть фанзы, въ которыхъ живутъ монголы хошуна Отокъ. По дорогѣ также встрѣчались мѣстами плетеныя изъ ивы фанзы, обмазанныя глиной, въ которыхъ живутъ монголы; въ двухъ мѣстахъ встрѣтились дворы богатыхъ людей. Кромѣ того встрѣчалось не мало фанзъ, сложенныхъ изъ кирпича и разрушенныхъ во время мусульманскаго возстанія. Въ двухъ мѣстахъ мы миновали большія буддійскія кумирни, также въ разрушенномъ состояніи.

На первомъ переходѣ отъ Боро-балгасуна много было фазановъ; по словамъ монголовъ, въ сосѣднихъ горахъ зимой антилопы (джере) собираются стадами по тысячѣ головъ; тогда ордоскіе монголы отправляются въ горы охотиться за ними.

Подходя къ Ботоинъ-шили, мы миновали озеро Тоотоинъ-торумъ (Потуланъ-тоорим), которое осталось вправо отъ дороги. Оно имѣетъ 20 ли въ окружности; вода соленая, гуджиру на берегахъ много, но поваренная соль чисто не садится.

25 сентября мы миновали еще два озера, Чаганъ-торумъ и Обонъ-торумъ, и наконецъ достигли до третьяго, которое называется Бага-чикыръ; всѣ они лежатъ во впадинахъ между плоскими увалами, которые, чѣмъ ближе къ Бага-чикыру, тѣмъ становятся значительнѣе. Кромѣ Бага-чикыра есть еще третье соленое озеро, самое большое, Ихи-чикыръ; оно лежитъ къ с.-з. отъ Бага-чикыра. Озеро Бага-

Digitized by Google

чикыръ имѣетъ около 3½ вер. длины, лежитъ въ плоскихъ берегахъ на высотѣ 1375 метр. надъ ур. м.; окрестная степь имѣетъ частью рыхлопесчаную почву, частью глинистый солонецъ. Къ ю. отъ озера видны горы. Въ верстѣ отъ берега на сѣверѣ проходитъ разрушенная стѣна, которая вѣроятно, предназначалась для охраненія солепромышленниковъ отъ набѣговъ.

Растительность вокругъ озера на песчаной почвѣ состоитъ изъ Vincetoxicum mongolicum, Thermopsis lanceolata R. Br., Peganum Nigellastrum Bge, Glycyrrhiza glandulifera Waldst. et. Kit., Cuscuta chinensis, Atriplex sibirica L., Salicornia herbacea L., Sophora alopecuroides L., Calimeris sp. Сравнительно съ солеными озерами сѣверо-западной Монголіи, ордосскія озера въ отношеніи галофитовъ отличаются крайнимъ однообразіемъ.

Разсолъ оз. Бага-чикыръ былъ мною доставленъ въ Иркутскъ и здѣсь анализированъ въ лабораторіи при золотоплавильнѣ г. Тихомировымъ. Онъ оказался крѣпостью въ 21,5° по солемѣру Бомѣ при температурѣ 22,5° С. Въ 100 частяхъ онъ содержитъ:

Хлора (Cl)	9,92
Сѣрнаго ангидрита (SO_3)	4,79
Извести (CaO)	0,09
Магнезіи (MgO)	1,15
Натра (Ha_2O)	1,83
Натрія (Na)	6,42
	24,20

На основаніи этихъ простыхъ элементовъ г. Тихомировъ допускаетъ нижеслѣдующую комбинацію въ химическомъ составѣ этого разсола:

Гипса ($CaSO_4$)	0,22
Сѣрнокислой магнезіи ($MgSO_4$)	3,45
Глауберовой соли (Na_2 SO_4)	4,19
Хлористаго натрія (NaCl)	16,34
	24,20

Соль въ озерѣ добывается только монголами; оно считается принадлежащимъ монголамъ. Китайцы покупаютъ соль у монголовъ по 240 чоховъ за мѣшокъ (въ который входитъ до 150 джиновъ), т. е. по 8 коп. за пудъ. Они приходятъ сюда изъ сосѣднихъ городовъ, и также изъ Юй-лина и Шенъ-мо. Проходя по хошуну Ушинъ по дорогѣ въ Боро-балгасунъ, мы часто встрѣчали караваны китайцевъ, которые подводахъ на 20 и на 40 тянулись на озеро Бага-чикыръ за солью, везя съ собой грузъ изъ яблоковъ. Для добычи соли прибрежныя части озера разбиваются посредствомъ дамбъ на квадратныя площади, каждая въ 100 шаговъ въ поперечникѣ; такія площади или садки, огороженныя стѣнками со всѣхъ сторонъ, называются по монгольски хаирчаками, т. е. «сундуками». Стѣнки эти дѣлаются

Digitized by Google

изъ шявыка (или полыни, Artemisia). Уровень воды въ хаирчакахъ на 1 ф. выше, чѣмъ въ озерѣ. Когда соль сядетъ на дно хаирчака, воду изъ него спускаютъ, соль сгребаютъ гребкомъ, по монг. лампа и въ корзинахъ, сплетенныхъ изъ дэрису, относятъ на берегъ, гдѣ складываютъ въ круглые бугры до 1 саж. высоты. Кромѣ поваренной соли, здѣсь осаждается по ночамъ соль шю (вѣроятно глауборова), которая въ полдень растворяется. Пошлина за соль собирается въ пользу отокскаго князя. Кругомъ озера разсѣяно много фанзъ, въ которыхъ живутъ монголы солепромышленники; они держатъ здѣсь только козъ и немного коровъ. Пашни подходятъ къ берегамъ озера на разстояніи 10 ли.

По китайски озеро называется Хуа-ма-чи; это имя вѣроятно одного происхожденія съ именемъ сосѣдняго китайскаго города Хуа-ма-ченъ. Монгольское имя чикыръ значитъ «сахаръ». Чи по китайски «озеро»; хуа-ма—«саврасая лошадь».

Стоянка на Бага-чикырѣ была послѣднею нашею стоянкою въ Ордосѣ; далѣе мы должны были войти въ провинцію Шеньси, т. е. въ область, усѣянную китайскими деревнями; потому здѣсь будетъ умѣстно оглянуться на пройденное пространство и дать коротенькій общій очеркъ растительности Ордоса. До настоящаго времени мы имѣемъ двѣ характеристики Ордоса; одну далъ намъ Гюкъ, другую Пржевальскій; Гюкъ прошелъ по самой серединѣ Ордоса по діагонали отъ Сарчи до Нинъ-ся, Пржевальскій по западной окраинѣ Ордоса вдоль долины Желтой рѣки отъ гор. Бао-тоу до гор. Дынъ-ху; наша экспедиція даетъ свѣдѣнія о восточномъ Ордосѣ. Гюкъ описываетъ средній Ордосъ, какъ безотрадную пустыню. Можетъ быть, тутъ есть нѣкоторое преувеличеніе, но разсказы туземцевъ объ этой части Ордоса, которые мы слышали, отчасти подтверждаютъ характеристику Гюка; монголы говорятъ, что по срединѣ Ордоса проходятъ высокіе увалы, шили, съ сухою почвою (слѣдовательно покрытые скудною растительностью). Не такую картину представляютъ западная и восточная окраины Ордоса. Для кочевой жизни это области, достаточно одаренныя природой. Обѣ онѣ сходны въ томъ, что одинаково завалены передвижными песками, но эти пески не походятъ на тѣ, которые лежатъ къ западу отъ Алашаня, безжизненный характеръ которыхъ не разъ описывалъ Пржевальскій и о которыхъ еще бо́льшіе ужасы разсказываютъ туземцы, считающіе путешествіе въ нихъ очень опаснымъ и безъ вожака совершенно рискованнымъ. Ордосскіе пески не такъ мертвы; они орошены водами. Которая изъ окраинъ, восточная или западная, представляется болѣе оживленною, не знаю; большая рѣка, Хуанъ-хэ, протекающая по западной окраинѣ, должна бы доставить ей болѣе преимущества передъ восточною, но и восточная не бѣдна водами. Здѣсь есть нѣсколько небольшихъ рѣкъ, текущихъ на востокъ въ Желтую рѣку, есть нѣсколько значительной величины озеръ и кромѣ того повсюду находится подпочвенная вода, которая нерѣдко выступаетъ наружу въ видѣ небольшихъ лужъ прѣсной воды. Это обиліе воды вызываетъ достаточную растительность не только на низкихъ мѣстахъ между песчаными буграми, но даже и на сухой поверхности этихъ самыхъ бугровъ. Восточный Ордосъ, въ отличіе отъ другихъ барханныхъ площадей, можно бы назвать «областью орошенныхъ барханов».

Digitized by Google

Между барханами находятся различной величины открытыя пространства; это или участки земной поверхности, еще не захваченные надвигающимися барханами и сохранившіе свой прежній видъ, или это впадины въ барханной массѣ, образовавшіяся вслѣдствіе выдуванія вѣтрами, которые обнажили подстилающую барханы земную поверхность. Растительный покровъ этихъ площадей различается въ зависимости оттого, орошена ли площадь подпочвенной водой или нѣтъ. Самые сухіе участки покрываются степными травами; нѣкоторыя изъ этихъ травъ растутъ сплошными зарослями. Иногда цѣлую четверть часа или болѣе приходится ѣхать по пространству, въ которомъ господствующимъ растеніемъ является Calimeris altaica Nees, наводящая тоску своими блѣдновато-синими, точно полинялыми цвѣтами. За обожженными солнцемъ, растрепанными и угнетенными кустами Calimeris altaica слѣдуетъ столь же невеселая заросль покрытыхъ сѣдымъ пухомъ кустиковъ Kochia (mollis?), которую въ свою очередь смѣняетъ заросль Echinops (Gmelini Led.); въ этомъ послѣднемъ случаѣ поле представляется густо усѣяннымъ голубыми колючими шарами, неожиданно наполняющими воздухъ пріятнымъ благовоніемъ. Среди этихъ сѣрыхъ растеній въ родѣ Kochia и разныхъ полыней, только Chenopodium acuminatum Willd., вмѣстѣ съ нѣкоторыми злаками образуетъ иногда зеленый фонъ, напоминающій тѣ цвѣта, къ которымъ пріучаетъ лѣсная флора. Это въ Ордосѣ самыя безкормныя мѣста для скота; тутъ пожива найдется только для верблюда. На этихъ же сухихъ степяхъ встрѣчаются Caryopteris mongolica, Dracocephalum Moldavica L., Leonurus lanatus Pers. (послѣднее растеніе распространено отъ ставки Джунгорскаго князя до ур. Гунь-чжатагай, гдѣ достигаетъ до 1½ ф. высоты, т. е. роскошнѣе экземпляровъ изъ сѣверо-западной Монголіи), Ephedra vulgaris Richard., Incarvillea sinense Lam. и Astragalus melilothoides Pall.; послѣдніе также образуютъ родъ зарослей, особенно Astr. melilothoides; Incarvillea sinense, самое красивое растеніе этихъ степей, достигаетъ здѣсь высоты 1,30 m.

Въ болѣе глубокихъ и тѣсныхъ впадинахъ между барханами, гдѣ побольше влаги и гдѣ въ почвѣ есть примѣсь перегноя, образуются густыя заросли кустарниковъ ивы, облѣпихи (Hippophaë rhamnoides L.) и яшиля (Rhamnus erytroxylon Pall.). Хотя эти заросли представляютъ вооруженную колючками трущобу, внутрь которой трудно продраться, все-таки зелень этихъ кустарниковъ и разнообразная травяная растительность, сопутствующая кустарникамъ, пріятно дѣйствуетъ на путешественника. Это были бы самыя красивыя стоянки для каравана, еслибъ не отсутствіе воды въ этихъ кустарныхъ зарослях. Въ другихъ впадинахъ съ перегнойной почвой расположены пашни жителей, засѣянныя преимущественно гречихой, сетаріей и коноплей. Гречихѣ, повидимому, мѣстныя условія благопріятны и она встрѣчается въ видѣ падалки и на промежуточныхъ между пашнями пространствах.

Во впадинахъ, имѣющихъ мокрую почву, увлажаемую подпочвенной водой, появляется луговая растительность съ примѣсью галофитовъ; часто такія луговыя пространства бываютъ усѣяны лужами или небольшими озерами. Эти межбарханные луга мѣстные монголы называютъ чайдамами. На этихъ чайдамахъ растутъ Ranunculus cuneifolius Maxim., Sanguisorba officinalis L., Sphaerophyza salsula

Digitized by Google

Dec., Ptarmica vulgaris Clus., Artemisia macrobotrys Led., Leontopodium sibiricum Cass., Cnicus japonicus, Youngia Stenoma Led., Adenophora verticillata Fisch., Aster Tripolium L., Inula Britannica L., Ophelia diluta Led., Pleurogyne rotata Gries., Bractiatis sp., Polygonum sibiricum, L., Salsola soda L., и др., а на мокрыхъ солончакахъ Ranunculus plantaginifolius Murr.

Въ стоячихъ водахъ восточнаго Ордоса встрѣчаются Bidens cernua Willd. et tripartita L., Limnathemum nimphoides Link., Polygonum Persicaria L. et amphibium L., Thypha Laxmanni Lep., Myriophyllum spicatum L., Utricularia sp., до пяти видовъ Potamogeton'a, лемны и хары.

Мы проходили по Ордосу въ такое время, когда только что кончились дожди. Страна была въ наводненіи; лужи и озера вышли изъ своихъ береговъ и залили дно впадинъ между барханами, такъ что подошвы барханов ушли подъ уровень воды. Выступающая подъ барханомъ влага, вслѣдствіе волосности, поднимается вверхъ по тѣлу бархана и стоитъ вѣроятно значительно выше уровня воды въ лужѣ, находящейся во впадинѣ. Объ этомъ можно было судить по тому, что въ мѣстахъ, гдѣ вода лужъ не подходила вплоть къ барханамъ, нижнія части барханов были все таки влажныя на нѣкоторой высотѣ отъ подошвы бархана. Дождевая вода, падающая на поверхность бархана, испаряется только съ верхняго слоя; часть ея уходитъ внутрь бархана и тамъ долго держится. Снаружи барханъ покрытъ совершенно сухимъ пескомъ, но этотъ сухой песокъ образуетъ только поверхностный слой; стоитъ только рукой немного раскопать его, какъ далѣе обнаруживается мокрый песокъ. Барханы дѣйствуютъ охранительнымъ образомъ на увлажненную дождями поверхность и замедляютъ ея просыханіе. Такое смачиваніе внутреннихъ слоевъ барханов составляетъ благопріятное условіе для заселенія барханов растеніями и дѣйствительно абсолютно обнаженными являются только дѣятельные барханы, т. е. такіе, поверхностный слой которыхъ состоитъ изъ сыпучаго песка, передвигающагося при каждомъ порывѣ вѣтра. Первыми піонерами растительнаго міра на барханахъ является солянковое сульхиръ, Agriophyllum, крестоцвѣтное Pugionium cornutum Gärtn., и злакъ Arundo; по крайней мѣрѣ эти растенія мы встрѣчали заселяющимися на сыпучихъ еще барханныхъ поверхностяхъ. Всѣ они трое растутъ зарослями; часто барханъ покрытъ только однимъ изъ этихъ растеній. Pugionium cornutum, родина котораго ограничена Ордосомъ и Алашанемъ и впервые открыта Пржевальскимъ, образуетъ жидкія рощицы; растеніе имѣетъ видъ деревца; толстый стволъ поднимается изъ песка отвѣсно, и несетъ развѣтвленіе, которое имѣетъ овальное или яйцевидное очертаніе. Agriophyllum образуетъ небольшіе кустики въ $^1/_2$—2 ф. высоты, высота которыхъ часто значительно меньше ширины. Arungo образуетъ заросли изъ стеблей, разставленныхъ на далекое разстояніе другъ отъ друга. Подземные стебли этого растенія лежатъ горизонтально подъ поверхностнымъ слоемъ бархана; изъ междуузлій этихъ стеблей выходятъ наземные стебли, которые на поверхности бархана образуютъ линіи или ряды. Нѣкоторая правильность въ расположеніи экземпляровъ и въ разстояніяхъ между ними придаетъ насажденію мнимую искусственность. Иногда подземный стебель бываетъ обнаженъ вѣтрами; тогда

Digitized by Google

только концы его еще укрѣплены въ барханѣ, надземные стебли гибнутъ и уничтожаются и стебель лежитъ на поверхности бархана, иногда на протяженіи 15 шаговъ (до 4 саженъ) въ видѣ натянутой струны; такіе стебли обыкновенно сплюснуты, но отъ ссыханія или другой причины, не умѣю сказать. Эти подземные стебли перепоясываютъ барханъ, подъ поверхностнымъ слоемъ песка, какъ драницы подъ штукатуркой.

Шявыкъ, Artemisia (campestris L.?) указываетъ уже на другую стадію въ жизни бархана; гдѣ заселился шявыкъ, тамъ песокъ бархана уже не пересыпается отъ дѣйствія вѣтровъ; такіе успокоившіеся барханы, завоеванные шявыкомъ, а вслѣдъ за нимъ и другою растительностью, носятъ у монголовъ названіе «пестрыхъ песковъ», ирень-елису́нъ, тогда какъ сыпучіе барханы называются у ордосскихъ монголовъ манхан'ами. «Пестрые пески» образуютъ сплошную площадь между Хоруха-обо и Боро-балгасуномъ; здѣсь барханы достигаютъ значительной высоты и покрываются, кромѣ шявыка, можжевельникомъ (Juniperus chinensis), ползучіе стебли котораго образуютъ древесный войлокъ.

Во флору бархановъ кромѣ того входятъ еще слѣдующія растенія: Clematis fruticosa Turcz., Carduus leucophyllus Turcz., Echinops Turczaninowii Led., Lactuca versicolor Benth., Inula ammophylla Bge, Saussurea japonica (болѣе метра выс.) Dec., Cynanchum (pubescens?), Vincetoxicum sibiricum Decaisn., V. mongolicum Maxim., Periploca sepium Bge, Veronica paniculata L., Chenopodium aristatum L., Tragopyrum lanceolatum M. a Bieb., Cynosurus sp., Cotyledon fimbriata Turcz. Послѣднее растеніе растетъ въ зарослях шявыка между вѣтвями этой полыни; оно такъ непрочно укрѣпляется въ пескѣ, что легко вынимается рукой; можно взять его за вершинку и вытянуть, какъ будто воткнутую въ песокъ спичку. Оно только и можетъ преуспѣвать подъ защитой вѣтвей шявыка. Украшеніемъ песковъ слѣдуетъ назвать кустарникъ Hedysarum fruticosum L., v. mongolicum Turcz., который въ концѣ іюля и началѣ августа обильно покрывается красивыми лиловыми цвѣтами. Характерны также для барханов и кусты Vincetoxicum mongolicum, темнозеленые глянцевитые листья котораго производятъ контрастъ на желтомъ фонѣ барханов.

Изъ стелящихся растеній прежде всего заслуживаетъ указанія Lespedeza trichocarpa Pers., которая связываетъ своими плетями поверхность старыхъ барханов. По манерѣ расположенія вѣтвей, это растеніе напоминаетъ Tribulus terrestris L.; плети, перекрещиваясь, образуютъ на земной поверхности сѣтку, которая особенно бросается въ глаза путешественнику, когда растеніе поселилось на безплодной почвѣ, избѣгаемой другими растеніями. Lespedeza triclocarpa Pers., какъ и Tribulus terrestris L., растетъ зарослью и охватываетъ своими сѣтками большія площади. Къ числу стелящихся растеній, встрѣчающихся на пескахъ барханов, принадлежитъ также Euphorbia humifusa W., крошечное растеніе, самый крупный экземпляръ котораго занимаетъ пространство не болѣе ладони. Нѣкоторыя астрагаловыя, если не выпускаютъ стелящихся плетей, то прижимаютъ къ почвѣ свои листья или цвѣтоножки. Нѣкоторые растутъ, съ самаго начала прижавшись къ

Digitized by Google

почвѣ; другіе сначала поднимаютъ листья и цвѣтоножки кверху, а когда появятся стручья, кладутъ ихъ на земную поверхность. Одно изъ астрагаловыхъ въ Ордосѣ занимало насъ своимъ красивымъ рисункомъ; оно состоитъ изъ розетки листьевъ и изъ 10—15 цвѣтоножекъ, которыя немного длиннѣе листьевъ и кончаются головками величиной, какъ у клевера, но круглыми и съ пріятно розовыми цвѣтами. И листья и цвѣты лежатъ прижатые къ земной поверхности. Растеніе имѣетъ такой видъ: въ серединѣ зеленая розетка, вокругъ правильный вѣнчикъ или кольцо изъ розовыхъ цвѣтовъ; очень похоже на вязанные изъ шерсти коврики подъ лампы.

Чередованіе безплодныхъ песковъ съ зелеными площадями чайдамовъ дѣлаетъ восточную часть Ордоса самой удобной для обитанія частью этой страны; тоскливое чувство, производимое голыми песками, здѣсь безпрестанно смѣняется картинами, въ которыхъ соединеніе воды и зелени тѣмъ болѣе возстановляетъ энергію глазъ, утомленныхъ однообразнымъ цвѣтомъ и прозаическими очертаніями бархановъ, что чайдамы бываютъ всегда оживлены пасущимися на поляхъ стадами и ихъ пастухами. Въ сосѣдствѣ съ чайдамами случается видѣть человѣческія жилища, мазанки полуосѣдлыхъ ордосскихъ монголовъ, а около нихъ хлѣбные посѣвы и иногда садики.

Эти общія черты, которыми отмѣчена природа Ордоса отъ Хотунъ-хошу на сѣверѣ до Боро-балгасуна на югѣ, прервана въ промежуткѣ между рѣками Гуньэрге и Уланъ-муреномъ. Тутъ проходитъ возвышенность, свободная отъ сыпучихъ песковъ. Эта возвышенность, впрочемъ весьма мало поднимающаяся надъ остальной площадью Ордоса, на западѣ, можетъ быть, соединена съ горами Арбусъ. На этой возвышенности появляется другая, собственно горная флора, представители которой не встрѣчаются на ордосской плоскости, а встрѣтить ихъ можно или только къ востоку отъ дер. Си-коу-мынь или на югѣ, въ горахъ за предѣлами Ордоса. Таково, напримѣръ, растеніе Stellera Chamaejasme L., которое ордосскіе монголы называютъ чаганъ-таланъ-турю («бѣлый таланъ-турю», въ отличіе отъ «чернаго таланъ-турю», хара-таланъ-турю, Vincetoxicum mongolicum); а также одно астрагаловое, которое также мы встрѣчали только къ западу отъ Си-коу-мынь. Поверхность этой области очень безплодна; растительность прячется тутъ въ глубинѣ овраговъ, которыми изрѣзана вся страна. Въ этихъ оврагахъ встрѣчаются Picris hieracioides L., Sonchus maritimus L., Patrinia sp., Scutellaria macrantha Fisch., Erodium Stephanianum Willd., и въ видѣ кустарниковъ Ulmus campestris L.

По южной окраинѣ этой возвышенности протекаетъ р. Уланъ-муренъ, гдѣ начинаются барханы. Здѣсь мы нашли очень разнообразную растительность. На барханахъ здѣсь, кромѣ Juniperus chinensis и Rhamnus erytroxylon Pall., мы встрѣтили Ulmus campestris L. и Berberis sinensis. Въ этихъ древесныхъ зарослях вьются Humulus lupulus L. и Thladiantha dubia Bge. Здѣсь же мы встрѣтили Eurotia ceratoides C. A. Mey, въ видѣ деревца въ сажень высоты.

Кромѣ упомянутыхъ въ этомъ описаніи Ордосской флоры кустарниковъ, въ Ордосѣ мы нашли еще: Ziziphus vulgaris Lam. var. spinosum Bge, плоды кото-

Digitized by Google

раго монголы называютъ чибыгы, Prunus sp. и Ribes pulchellum Turcz. въ видѣ кустарниковъ до $1^1/_2$ сажени высоты.

Восточный Ордосъ, какъ видно уже изъ предъидущихъ страницъ, представляетъ обширную площадь барханов, которая въ длину отъ урочища Хотунъ-хошу на Хуанъ-хэ до Боро-балгасуна простирается на 400 верстъ. Въ этой площади мѣстами есть перерывы; самый большой изъ нихъ заключается между рр. Гуньерге и Уланъ-муреномъ и представляетъ возвышенность, мѣстами достигающую высоты въ 1378 метровъ надъ уровнемъ моря, тогда какъ въ остальныхъ частяхъ Ордоса наши стоянки нигдѣ не достигали такой высоты; эта возвышенность служитъ водораздѣломъ между сѣвернымъ и восточнымъ колѣнами Хуанъ-хэ.

Ширина залеганія песковъ осталась намъ неизвѣстна; во время прохода по Ордосу монголы, сопутствовавшіе намъ, были все смѣнные, не привыкавшіе къ намъ и потому недовѣрчивые. Впослѣдствіи о странѣ, лежащей къ востоку отъ нашей дороги, мы узнали, что въ меридіанѣ городовъ Шенъ-мо и Юй-линъ, въ пространствѣ между этими городами, барханы встрѣчаются рѣдко, но что одна изъ стѣнъ города Юй-линъ (какая, осталось мнѣ неизвѣстно) засыпана пескомъ. Еще южнѣе, къ в. отъ Боро-балгасуна намъ упоминали большіе барханы около китайскихъ деревень Чи-лютанъ и Кэ-джинъ-вай, лежащихъ уже въ предѣлахъ провинціи Шенъ-си (см. Изв. И. Р. Г. Общ., т. XXIII, стр. 37 и 38). На западной границѣ пройденнаго пространства самый сѣверный участокъ песковъ, прилегающій къ Хотунъ-хошу, можетъ быть, находится въ связи съ песками Кузупчи, лежащими противъ города Бао-тоу и описанными Пржевальскимъ; распросами отъ туземцевъ эта связь однако осталась не установленною. Южнѣе намъ называли пески Шира-джони-манха, лежащіе къ сѣверу отъ соленаго озера Мангнай-дабасучъ; къ ю. отъ этого озера лежатъ барханы Онгонъ-манхынъ, которые находятся въ связи съ песками, окружающими съ сѣвера озеро Баинъ-норъ, въ виду котораго мы прошли. Пески, лежащіе къ сѣверу отъ Боро-балгасуна, по словамъ туземцевъ, простираются къ западу до меридіана города Линъ-чжоу.

Площадь, лежащая между Хоруха-обо и Боро-балгасуномъ занята старыми, успокоившимися барханами, поросшими растительностью, главнымъ образомъ шявыкомъ (Artemisia campestris L.?) и можжевельникомъ (Juniperus chinensis). На остальномъ пространствѣ песчаные бугры частью съ растительнымъ покровомъ, частью представляютъ барханы въ полной дѣятельности. Типическихъ молодыхъ барховановъ, отдѣльно стоящихъ двурогихъ формъ, мы въ Ордосѣ не встрѣтили; всѣ такія формы давно уже болѣе или менѣе слились въ валы, которые преимущественно протянулись поперегъ господствующему направленію вѣтровъ съ юго-запада; нѣкоторые валы идутъ также вдоль этого направленія. Но и этотъ видъ песчаныхъ наносовъ встрѣчается рѣдко, чаще же песчаныя площади представляютъ волнующуюся поверхность, покрытую буграми, расположенными безъ всякаго порядка, такъ что картина напоминаетъ неправильно волнующуюся морскую поверхность.

Дѣятельные барханы имѣютъ, какъ уже замѣчено другими наблюдателями, не одинаковые скаты: навѣтренный пологій и подвѣтренный крутой. На всемъ про-

Digitized by Google

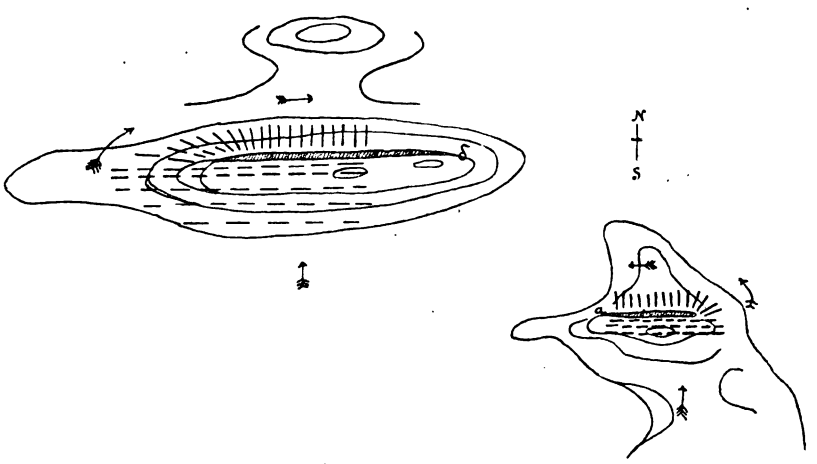
тяженіи пройденнаго нами Ордоса отъ Хотунъ-хошу до Боро-балгасуна мы замѣтили, что эти подвѣтренные крутые склоны обращены на сѣверъ или сѣверовостокъ, что указываетъ на господствующіе юго-западные вѣтры.

Типичная, правильно образованная дюна, по словамъ г. Соколова, спеціально занимавшагося изученіемъ механическихъ условій образованія дюнъ, представляетъ въ профиль пологій, слегка вогнутый навѣтренный склонъ, плоско выпуклую вершину и крутой подвѣтренный склонъ осыпанія песка. Кромѣ этой формы, принимаемой г. Соколовымъ за типическую, въ Ордосѣ мы часто встрѣчали еще другую, у которой подвѣтренная осыпь не бываетъ во весь ростъ бархана, а значительно меньше его высоты, и основаніе ея упирается въ наклонную плоскость съ небольшимъ паденіемъ на сѣверъ или сѣверо-востокъ, такъ что линія профиля дѣлаетъ не одинъ переломъ, а два: одинъ на вершинѣ, образующій исходящій уголъ, и другой на подвѣтренной сторонѣ бархана, въ видѣ входящаго угла. У такого бархана профиль будетъ состоять изъ четырехъ частей, а именно: навѣтренный склонъ, выпуклая вершина, крутая осыпь песка на подвѣтренной сторонѣ и пологая часть подвѣтреннаго склона.

Эти осыпи, если барханъ имѣетъ видъ вала, протянувшагося поперегъ главнаго направленія вѣтровъ, образуются вдоль гребня бархана съ подвѣтренной стороны, но до концовъ такого вала не простираются; гдѣ фланги бархана понижаются на столько, что гребни ихъ не поднимаются выше подошвы осыпи, тамъ осыпей не видно. Высота осыпей бываетъ различна, отъ метра до 2 метровъ и болѣе; уклонъ осыпи въ 45°.

Рубцы такъ называемой ряби на навѣтренной сторонѣ идутъ параллельно гребню барханнаго вала, иначе сказать, параллельно верхней линіи осыпи; на

Рис. 6.

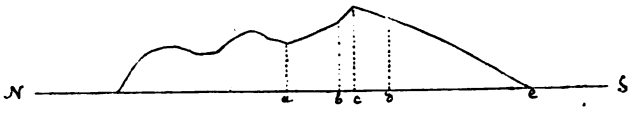


осыпи этой ряби, само собою разумѣется, не можетъ быть; на подвѣтренномъ склонѣ, лежащемъ при подошвѣ осыпи, рубцы направляются подъ прямымъ угломъ къ нижней линіи осыпи. Для образца, здѣсь приложены профиль и планъ такого

Digitized by Google

бархана, который мы видѣли на южномъ берегу Хуанъ-хэ у Хотунъ-хошу. (Рис. 6 и 7). Барханъ протянулся съ з. на в.; длина его 270 шаговъ. Южный склонъ его пологій; на сѣверной сторонѣ невысокая осыпь съ паденіемъ въ 45°. Рубцы ряби къ югу отъ гребня бархана идутъ параллельно гребню, т. е. поперегъ направленія вѣтра; къ сѣверу отъ осыпи они идутъ перпендикулярно къ рубцамъ навѣт-

Рис. 7.



ренной стороны. Въ западномъ концѣ бархана, лѣвѣе конца осыпи, замѣчается вѣерообразное расположеніе рубцовъ, которое служитъ переходомъ отъ навѣтреннаго направленія рубцовъ къ подвѣтренному направленію. Въ восточномъ концѣ бархана рубцовъ ряби не было. Тутъ къ бархану подходитъ конецъ другого бархана, который имѣетъ видъ вала, направляющагося съ юго-востока на сѣверо-западъ; на тѣлѣ этого вала, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сѣверо-западнаго конца его, навѣянъ короткій барханъ, протянувшійся съ з. на в. На немъ такое же расположеніе рубцовъ ряби, только вѣерообразное расположеніе помѣщалось на восточномъ концѣ; лѣвый же или западный конецъ, начавшій удлиняться къ западу, былъ безъ ряби.

Расположеніе рубцовъ на барханахъ навело нашего спутника М. М. Березовскаго на объясненіе образованія осыпей, которое я здѣсь и изложу. Направленіе рубцовъ идетъ, конечно, подъ прямымъ угломъ къ направленію вѣтра; слѣдовательно барханъ, планъ котораго мы дали, обдувался, судя по рубцамъ, двумя теченіями; одно шло по навѣтренному склону поперегъ простиранія бархана, другое съ подвѣтренной стороны вдоль простиранія. Общее теченіе воздуха, встрѣтивъ барханъ, отдѣляетъ струю въ обходъ фланга бархана; тамъ, гдѣ рубцы расположены вѣерообразно, такое ихъ расположеніе показываетъ, что теченіе струи заворачивается, направляется вдоль бархана по подвѣтренной сторонѣ, срѣзываетъ съ подвѣтреннаго склона верхній слой песка и отлагаетъ его на противоположномъ концѣ бархана. Это въ особенности можно допустить, когда вѣтеръ дуетъ не прямо поперегъ простиранія бархана, а немного во флангъ ему. На нашемъ рисункѣ видно, что правый барханъ обдувался вѣтромъ съ восточнаго фланга, и что подвѣтренное теченіе воздуха наметало къ бархану западный мысокъ. Отъ сниманія верхняго слоя съ подвѣтреннаго склона происходитъ образованіе осыпи; это теченіе воздуха вдоль бархана подкапывается подъ вершину бархана, отчего песокъ сыпется съ навѣтренной стороны на подвѣтренную. Концы этихъ осыпей или пескопадовъ начинаются тамъ, гдѣ рубцы изъ вѣерообразнаго переходятъ въ направленіе, поперечное къ простиранію бархана. Теченіе воздуха по подвѣтренной сторонѣ бархана, вѣроятно, слабѣе, чѣмъ теченіе на подвѣтренной; поэтому количество песка, уносимаго съ подвѣтреннаго склона боковымъ теченіемъ, меньше,

Digitized by Google

чѣмъ количество песка, наносимаго въ то же время на навѣтренную площадь бархана; при такихъ условіяхъ попятнаго движенія бархана не образуется, барханъ движется впередъ по направленію главнаго теченія воздуха, и въ окончательномъ результатѣ этой борьбы двухъ теченій, изъ которыхъ одно разрушаетъ, другое надстраиваетъ, получается только пескопадъ или осыпь во весь ростъ бархана [1]).

Рис. 8.

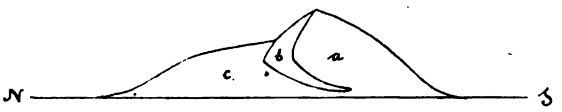


Рис. 9.

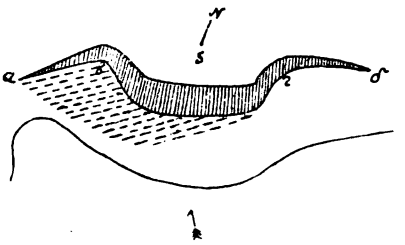


Рис. 10.

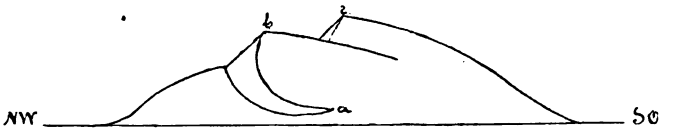


Рис. 11.

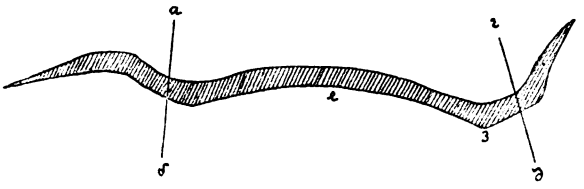


Рис. 12.

Рис. 13.

Эти осыпи, при высотѣ въ 1—3 метра, имѣютъ иногда длины до 150 метровъ; онѣ обращены или на сѣверъ или на сѣверо-востокъ и, будучи въ полдень

[1]) Объясненіе рисунковъ. Рис. 6. Рельефъ бархана изображенъ горизонталями. Заштрихованное пространство—осыпь песка. Прерванными линіями обозначено направленіе рубцовъ ряби, стрѣлками направленіе вѣтра. Рис. 7. Профиль того же бархана; *д—е* навѣтренный южный склонъ бархана; *с—д* вершина бархана, покрытая рубцами, параллельными оси бархана; *в—с* осыпь или пескопадъ; *в—с* подвѣтренный склонъ съ рубцами, идущими поперегъ оси бархана. Рис. 8. Барханъ у оз. Баинъ-норъ: *а*, южный навѣтренный склонъ; *в*, осыпь; *с*, подвѣтренный склонъ. Рис. 9. Барханъ у ставки князя Ушинъ въ планѣ: заштрихованное пространство—осыпь; прерванныя параллельныя черты означаютъ направленіе рубцовъ на навѣтренной части бархана. Рис. 10. Профиль того же бархана: *а* соотвѣтствуетъ западному концу осыпи; *в* и *г* высшія точки бархана, лежащія въ выдающихся на сѣверъ углахъ гребня бархана. Рис. 11. Планъ осыпи бархана у стоянки экспедиціи въ уроч. Хоруха-обо; *е—з*, гребень бархана; заштрихованное пространство—осыпь, обращенная лицомъ на сѣверъ. Рис. 12. Разрѣзъ того же бархана по линіи *а—б*; *б*—южный склонъ, *а*—сѣверный. Рис. 13. Разрѣзъ того же бархана по линіи *г—д*; *д*—южный склонъ, *г*—сѣверный.

Digitized by Google

сильнѣе покрыты тѣнью, чѣмъ другія части бархана, даютъ путешественнику, ѣдущему съ сѣвера, хорошее указаніе о направленіи, въ какомъ движутся пески. Наблюденіе надъ осыпями наводитъ его на мысль, что каждая песчинка бархана, лежащаго у переправы черезъ Желтую рѣку въ сѣверо-восточномъ углу Ордоса, нѣкогда находилась въ отдаленномъ юго-западномъ углу этой страны, верстахъ въ 500 и болѣе отъ ея нынѣшняго положенія. Одинъ старинный китайскій путешественникъ говоритъ, что его современники давали подобнымъ песчанымъ пространствамъ названіе Ша-го, «песочная рѣка» или «рѣка песку». Такое названіе находитъ оправданіе въ наблюдаемыхъ фактахъ; ордосскіе барханы дѣйствительно представляютъ песочное теченіе, движущееся изъ юго-западнаго угла страны къ сѣверо-восточному. Сколько тутъ песочныхъ потоковъ, одинъ или два, можно будетъ сказать только впослѣдствіи; возможно, что ихъ два, одинъ юго-восточный, вдоль котораго прошла экспедиція, и который начало беретъ около г. Линъ-чжоу; другой сѣверо-западный, по которому прошелъ Пржевальскій; эта послѣдняя площадь песковъ получаетъ начало къ сѣверу отъ Алашаня и тянется вдоль сѣвернаго колѣна Желтой рѣки, по обоимъ ея берегамъ. Большая рѣка не прекращаетъ песочнаго потока; она только временно прерываетъ его; пески, достигшіе береговъ рѣки, и падающіе въ рѣку, могутъ вновь выгружаться на противуположномъ ея берегу, гдѣ вновь могутъ образоваться барханы. Такой выгрузки не можетъ быть, если на противуположной сторонѣ берегъ не плоскій, а крутой. Вотъ поэтому-то, можетъ быть, равнина къ югу отъ Гуй-хуа-чена и не имѣетъ барханов, хотя на правомъ берегу Хуанъ-хэ барханы подходятъ къ самой переправѣ Хотунъ-хошу. Песокъ, доставленный сюда вѣтрами изъ южнаго Ордоса, сыплется въ рѣку, но не можетъ найдти мѣста для выгрузки, потому что на противуположной сторонѣ рѣку сопровождаютъ высокіе отвѣсные обрывы. Начало барханов восточнаго Ордоса на томъ же основаніи можно искать не у Линъ-чжоу, а западнѣе, напримѣръ, около Чжунъ-вэя, гдѣ обширные пески Тэнгэри примыкаютъ къ лѣвому берегу Хуанъ-хэ. Эти пески могутъ тутъ сыпаться въ рѣку; рѣка можетъ проносить ихъ черезъ тѣснину, образованную хребтомъ Нью-тоушань, и высаживать къ сѣверу отъ тѣснины на правый берегъ.

Данныя метеорологическаго дневника, веденнаго нами лѣтомъ 1884 года, не противорѣчатъ выставленному нами предположенію передвиженія песковъ по Ордосу съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Мы провели въ Ордосѣ два мѣсяца: августъ и сентябрь. Въ теченіе августа была сдѣлана 21 запись направленія вѣтра; изъ нихъ западныхъ было 7, юго-зап. 6, южн. 2, юго-вост. 2, сѣверо-зап. 4. Въ теченіе сентября наблюдалось 35 вѣтровъ; изъ нихъ ю-з. 3, ю. 9, ю-в. 5, в. 5, с-в. 6, с. 1, с-в. 3, з. 4. За два мѣсяца вѣтры распредѣляются такъ: ю-з. 9, ю. 11, ю-в. 7, в. 5, с-в. 6, с. 1, с-з. 7, з. 11. Господствующими вѣтрами за эти два мѣсяца въ Ордосѣ, слѣдовательно, оказываются западные (11), южные (11) и юго-западные (9). Данныя Пржевальскаго нѣсколько иныя; для весеннихъ мѣсяцевъ, апрѣля и мая, которые онъ, въ 1871 году, провелъ на сѣверномъ изгибѣ Желтой рѣчки, его данныя еще не очень отклоняются отъ нашихъ; изъ 140 отмѣ-

Digitized by Google

ченныхъ вѣтровъ юго-западныхъ было имъ наблюдаемо 62 и сѣверо-западныхъ 53, то есть, чуть не четыре пятыхъ отмѣтокъ падаетъ на эти направленія. Но лѣтнія наблюденія въ Ордосѣ у Пржевальскаго даютъ другое направленіе для господствующихъ вѣтровъ. Въ теченіе іюля и августа 1871 года, Пржевальскій называетъ юго-восточныхъ вѣтровъ 76, тогда какъ всѣхъ остальныхъ было замѣчено только 36.

Направленіе, въ которомъ передвигаются пески въ Ордосѣ, замѣчается и внѣ его предѣловъ; о городѣ Нинъ-тяо-льянѣ, къ юго-востоку отъ Боро-балгасуна, католическіе миссіонеры разсказывали намъ, что онъ зысыпается песками съ запада [1]). Къ югу отъ Ордоса, близъ деревни Тао-тунъ-цза, мы видѣли песокъ, сыпавшійся въ рытвину съ праваго его бока, т. е., съ той стороны его, въ которой находится Желтая рѣка. Объ этой мѣстности будетъ разсказано подробнѣе въ своемъ мѣстѣ ниже. Великая стѣна около города Хуа-ма-чена, какъ у меня записано было въ рукописномъ дневникѣ, засыпана пескомъ съ запада. Къ сѣверо-востоку отъ Ордоса есть указаніе Армана Давида о городѣ Сюань-хуа-фу: господствующіе мѣстные вѣтры въ такомъ изобиліи приносятъ песокъ къ Сюань-хуа-фу, что западная стѣна совершенно засыпана имъ, и благодаря этому люди, а таже волки и лисицы легко проникаютъ внутрь города (Nouvelles archives du Muséum, t. III, Paris, 1867, p. 60).

Г. Гарнакъ, недавно совершившій переѣздъ изъ Пекина въ Манчжурію, говоритъ только, что къ юго-восточномъ углу Монголіи, т. е. къ востоку отъ южнаго Хингана, онъ встрѣтилъ пески, которые,— по его словамъ, перемѣщаются съ запада на востокъ [2]). Пржевальскій также не даетъ свѣдѣній этого рода ни о пескахъ, залегающихъ вдоль сѣвернаго колѣна Хуанъ-хэ, ни о пескахъ Тэнгэри. Крейтнеръ встрѣтилъ барханы къ западу отъ Су-чжоу, именно около города Дунъ-хуанъ, но также въ своей книгѣ (Im fernen Osten, 1881, стр. 672) ничего не сообщилъ о направленіи ихъ движенія; онъ нашелъ ихъ засыпающими сѣверный склонъ хребта Тарап sап, откуда можно заключать, что они наносятся сѣверными или по крайней мѣрѣ сѣверо-западными вѣтрами. На то же сѣверо-западное направленіе въ этой части Монголіи указываютъ факты, которые мы наблюдали въ мѣстностяхъ къ западу отъ города Гао-тай, о чемъ будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ. Кстати замѣтимъ, что въ сѣверо-западной Монголіи, гдѣ намъ не довелось собственно пересѣкать настоящія барханныя площади, передвиженіе песковъ съ запада однако рѣзко выразилось въ ущельи Гашіунъ-цзухэ тѣмъ, что весь западный бокъ его засыпанъ пескомъ, который сваливается въ ущелье съ запада [3]).

Надъ тѣмъ, какъ образуется зачатокъ бархана, путешественнику, не всегда

---

[1]) Названіе города намъ объяснили такъ: льянъ «холмы»; нинъ-тяо какой-то кустарникъ, которымъ покрыты барханы около города. Монголы называютъ этотъ городъ: Сухай-байшинъ. Если сухай есть переводъ китайскаго нинъ-тяо, то кустарникъ этотъ есть не что иное, какъ Tamarix.

[2]) Гарнакъ, Описаніе пути отъ Старо-Цурухайтуевскаго караула до Пекина, стр. 6—7.

[3]) См. мои Очерки Сѣв. Зап. Монг., Спб. 1881, в. 1, стр. 183. Въ Ферганской долинѣ, по изслѣдованіямъ г. Наливкина, пески барханной площади, залегающей вдоль теченія Сыръ-Дарьи выше Ходжента на протяженіи 160 верстъ, передвигаются съ юго-запада на сѣверо-востокъ, какъ и въ Ордосѣ.

Digitized by Google

имѣющему возможность въ интересныхъ мѣстахъ останавливаться на время болѣе сутокъ, наблюденій сдѣлать невозможно. Для этого надо долго жить въ краѣ, гдѣ образуются барханы. Послѣ сдѣланныхъ спеціалистами работъ о барханахъ, теперь уже нельзя удовлетвориться простою догадкою, что достаточно вѣтру, гонящему песокъ, встрѣтить на пути какую-нибудь ничтожную преграду въ родѣ куста или лежащаго камня, чтобы на этомъ мѣстѣ постепенно выросъ барханъ. Вопросъ однако до сихъ поръ недостаточно выясненъ. Г. Соколовъ въ своей книгѣ: «О дюнахъ» (Труды Спб. Общества Естествоиспытателей, XVI, в. 1) высказывается въ пользу мнѣнія, что началомъ къ образованію дюны могутъ служить кусты растеній даже травянистыхъ, какъ напримѣръ, Elymus arenarius; онъ даетъ исторію бархана, получившаго начало отъ такого куста, но эта исторія есть только наведеніе, а не наблюденіе надъ дѣйствительной исторіей бархана, которая прошла передъ глазами наблюдателя. Она построена на «существованіи цѣлаго ряда переходныхъ формъ отъ типичныхъ холмовъ-косъ (т. е. косъ, образовавшихся около кустовъ) къ типичнымъ дюнамъ» (стр. 76—77). Въ 1886 г., на монгольской плоскости, прилегающей съ сѣвера къ Нань-шаню, между дер. Хэ-ченъ и Шинъ-гоу (къ западу отъ города Гао-тай на р. Хэй-хо) я видѣлъ ровное пространство, покрытое сотнями кустовъ хармыка, Nitraria Schoberi; у каждаго изъ нихъ съ подвѣтренной стороны, т. е. съ юго-востока, былъ наметенъ небольшой суметикъ песку, или, какъ называетъ эти образованія г. Соколовъ, холмъ-коса; съ навѣтренной, т. е. западной стороны, кусты были чисты и у нѣкоторыхъ даже были тутъ углубленія. Всѣ эти холмы-косы были одной нормы и никакихъ переходовъ къ насыпи съ крутымъ подвѣтреннымъ склономъ я не замѣтилъ. Эта картина внушила мнѣ тогда мысль, что кусты, насажденные съ промежутками, не могутъ дать поводъ къ образованію барханов; передо мной очевидно была мѣстность, по которой, вслѣдствіе какихъ-то условій, песокъ проносился, но не могъ осѣдать; онъ отлагался только на подвѣтренной сторонѣ кустовъ, гдѣ образовались небольшія мертвыя пространства. Едва ли эти насыпи могли подняться выше кустовъ; метущій вѣтеръ съ силой, вѣроятно еще большей долженъ сносить песокъ съ верхушекъ этихъ насыпей, чѣмъ съ ихъ боковъ, гдѣ воздухъ встрѣчаетъ болѣе сильное треніе.

Въ Монголіи мнѣ много разъ случалось видѣть нѣкоторые виды растеній, какъ напримѣръ хармыкъ (Nitraria Schoberi) и кустики колючихъ видовъ Astragalus или Oxytropis (такъ называемый по монгольски ортытъ), которые заносятся пескомъ. Песокъ набивается между вѣтвями растенія и подъ защитою ихъ противустоитъ метущему дѣйствію вѣтровъ; кучи этого песка образуютъ полусферическіе бугры, одѣтые снаружи зеленью концовъ вѣтвей, которые торчатъ изъ плотно набитаго между ними песка. Бугры, образованные хармыкомъ, въ южной Монголіи, гдѣ это растеніе достигаетъ высшихъ размѣровъ, бываютъ до 1 саж. высоты. Такіе значительные бугры плотно сбитаго песка могли бы, казалось, послужить поводомъ къ образованію барханов; но я никакихъ переходовъ къ насыпямъ въ родѣ барханов не замѣтилъ. Иногда подобные бугры покрываютъ цѣлую площадь; каждый бугоръ стоитъ совершенно отдѣльно и со всѣхъ сторонъ прикрытъ зеленью кон-

Digitized by Google

цовъ вѣтвей; ни подлѣ такихъ бугровъ, ни въ промежуткахъ между ними не замѣтно чисто песчаныхъ насыпей. Вѣтеръ выметаетъ песокъ не только съ земной поверхности между буграми, но отчасти и съ поверхности бугровъ; по крайней мѣрѣ зелень вѣтвей одѣваетъ бугоръ со всѣхъ сторонъ, какъ будто бугоръ со всѣхъ сторонъ обдувается вѣтромъ. Конечно я могъ проглядѣть переходныя формы, но даже если и допустить возможность образованія барханов изъ тѣхъ насыпей, которыя образуются около кустовъ, это не препятствуетъ допустить существованіе и другихъ способовъ образованія, что другими изслѣдователями барханов, кажется, и дѣлается. Г. Коншинъ наблюдалъ однажды сырую песчаную площадь, постепенно на его глазахъ превратившуюся, вслѣдствіе осыханія, въ барханную площадь; на этой площади, на которой, казалось, не существовало препятствій для движенія вѣтра, появились пятна, болѣе свѣтлыя, чѣмъ окружающая почва; подъ вліяніемъ сильныхъ сухихъ вѣтровъ эти пятна превратились въ зачаточные барханчики вышиною до одного фута, обращеннные своими болѣе крупными (конечно опечатка: крутыми?) склонами въ подвѣтренную сторону. Къ осени слѣдующаго года эти барханы имѣли уже около $^1/_2$ саж. высоты (Извѣстія И. Р. Г. Общ., т. XXII, в. IV, стр. 411). Г. Наливкинъ, наблюдавшій барханныя образованія въ Ферганской области, говоритъ, что отложеніе первоначальнаго песчанаго наноса «не всегда обусловливается существованіемъ какой-нубудь преграды въ родѣ куста и т. п.; очень часты случаи, когда возникновеніе такого наноса происходитъ на поверхности совершенно ровной и сухой глины. Причиною подобныхъ явленій служитъ обыкновенно то, что нѣкоторое количество песка, двигающееся по такой поверхности, застигается во время его движенія внезапнымъ ослабленіемъ», или даже и прекращеніемъ двигающаго вѣтра (В. Наливкинъ, Опытъ изслѣдованія песковъ Ферганской области. Новый Маргаланъ. 1887, стр. 105).

Разрушеніе успокоившихся барханов производится дѣйствіемъ вѣтра, но не дождя, какъ въ одномъ мѣстѣ замѣчено Пржевальскимъ (Монголія, I, 134). Дѣйствіе дождя до того слабо, что, какъ мы замѣтили, такъ называемая рябь на барханахъ послѣ сильныхъ ливней остается совершенно неприкосновенною.

Гдѣ площадь, откуда первоначально вѣтеръ беретъ матеріалъ для образованія барханов? Для барханов восточнаго Ордоса, если не считать ихъ продолженіемъ песковъ Тэнгэри, источникъ матеріала можно видѣть въ красныхъ песчаникахъ провинцій Шень-си и Гань-су. Пески аллювіальной долины Желтой рѣки выше Лань-чжоу сѣраго цвѣта, а не желтаго, поэтому если они и участвуютъ въ составѣ барханов Ордоса, то только какъ примѣсь къ другимъ пескамъ. Для песковъ Кузупчи и вообще для барханов, сопровождающихъ сѣверное колѣно Хуанъ-хэ, а также для барханов Тэнгэри источникъ лежитъ вѣроятно въ сѣверномъ склонѣ Нань-шаня, если господствующими вѣтрами въ странѣ принять юго-западные. Предварительное добываніе этого матеріала изъ древнихъ отложеній нужно здѣсь приписать мелкимъ рѣчкамъ, а также дождевымъ ручьямъ. Къ сѣверу отъ песковъ Тэнгэри лежитъ Гоби, представляющая дно древняго озера; почва этой Гоби состоитъ изъ смѣси песка, пыли и гальки; этотъ полурыхлый наносъ при-

Digitized by Google

крытъ сверху отсортированной галькой. Здѣсь вѣтеръ безъ посредства водяныхъ дѣятелей можетъ брать матеріалъ для бархановъ прямо изъ отложеній; онъ выноситъ изъ нихъ песокъ и пыль, а галька остается на мѣстѣ и образуетъ внѣшній покровъ отложеній. Пески, происшедшіе изъ этой области, нужно искать гдѣ-нибудь сѣвернѣе Инь-шаня.

Съ взвѣшенными въ воздушномъ теченіи матеріалами должно происходить то же, что происходитъ съ взвѣшеннымъ матеріаломъ въ водѣ; болѣе тяжелое должно осѣдать прежде, а легкое проноситься въ даль. Галька и дресва должны оставаться на мѣстѣ, песокъ воздушное теченіе имѣетъ возможность проносить далѣе и образовать изъ него барханные потоки; пыль, частью полученная изъ отложеній, частью происшедшая отъ перетиранія песка на барханахъ отъ дѣйствія вѣтровъ, должна разноситься еще далѣе. Ширина потока этой взвѣшенной въ воздухѣ пыли должна быть значительно шире «рѣки песка»; чѣмъ эта пыль тоньше, тѣмъ дольше она можетъ оставаться въ взвѣшенномъ состояніи. Она можетъ осадиться изъ воздуха только или послѣ продолжительнаго спокойствія его, или если ее прибьетъ къ землѣ дождь.

Если наше наблюденіе о существованіи господствующихъ юго-западныхъ вѣтровъ въ Ордосѣ подтвердится наблюденіями другихъ путешественниковъ и распространится на другія времена года, то можно представить себѣ въ параллель имъ существованіе песочнаго и пылеваго потока въ томъ же направленіи. Такое теченіе пыли будетъ имѣть начало у подошвы Нань-шаня и простираться вдоль Хингана до Керулена. Лѣвое крыло этого потока, несущееся надъ засушливой монгольской степью, въ теченіи многихъ дней не подвергается осаждающему дѣйствію дождей, распространяется все болѣе и болѣе въ ширь, и если позднѣе гдѣ нибудь застигается дождями, осаждается въ значительномъ отдаленіи отъ главнаго рукава теченія. На правомъ восточномъ крылѣ дѣло должно стоять иначе; здѣсь пыль несется надъ провинціями Ганъ-су, Шень-си, Шань-си и Чжи-ли, и должна подчиниться дѣйствію дождевыхъ ливней, приносимыхъ муссонами.

Въ распредѣленіи песковъ по поверхности центральной Азіи есть какая-то правильность. Карта этой части Азіи, спеціально посвященная распредѣленію песковъ, была бы поучительна. Съ перваго же взгляда на эту карту мы замѣтили бы, что на распредѣленіи песковъ отражаются какія-то два (собственно для насъ не ясныя) условія, изъ которыхъ одно господствуетъ на сѣверо-западѣ, другое на юго-востокѣ, такъ что вся центральная Азія можетъ быть раздѣлена на двѣ области; границей между ними служитъ линія, проведенная съ сѣверо-востока на юго-западъ, отъ Урги чрезъ восточную оконечность Тянь-шаня до города Кашгара.

На сѣверо-западъ отъ этой линіи пески располагаются отдѣльными площадями, спорадически и почти безъ исключенія насыпаны около озеръ, слѣдовательно въ мѣстахъ самыхъ низкихъ относительно ближайшихъ окрестностей; кромѣ того замѣчается, что эти песчаныя площади располагаются всегда у западныхъ или юго-западныхъ береговъ озеръ. Это замѣчаніе оправдывается берегами озеръ Балхаша,

Digitized by Google

Ала-куля, Эби-нора, Аяръ-нора, Орху-нора, Зайсана, Улюнгура, Убса-нора, Дурга-нора и Хара-нора, лежащаго къ в. отъ Киргизъ-нора.

Другую картину намъ даетъ распредѣленіе песковъ на юго-востокъ отъ проведенной нами линіи. Эта часть Азіи представляетъ три обширныя замкнутыя впадины; одна, самая восточная, заключается между отрогами Гентея и Хангая съ одной стороны и Инь-шанемъ съ другой; другая, средняя, заключена между гобійскимъ Алтаемъ и Нань-шанемъ; и наконецъ третья, западная, между Тянь-шанемъ и окраинныхъ хребтомъ западнаго Тибета; восточная впадина отъ средней отдѣлена кряжемъ горъ, который составляетъ продолженіе гобійскаго Алтая и соединяетъ Тянь-шань съ Нань-шанемъ.

Во всѣхъ трехъ впадинахъ наибольшее углубленіе наблюдается въ ихъ сѣверныхъ окраинахъ; къ югу поверхность каждой впадины повышается. Такъ въ самой восточной впадинѣ наименьшая высота надъ уровнемъ моря находится у станціи Эцзенъ-хошу къ ю. отъ монастыря Удэ, именно 607 метровъ; а мѣстность Цаганъ-балгасу на южной окраинѣ впадины лежитъ уже на высотѣ 1437 метровъ. Въ средней впадинѣ колод. Баинъ-худукъ (на дорогѣ Пржевальскаго) находится на высотѣ 3200 фут., городъ Дынь-юань, лежащій въ томъ же меридіанѣ въ 300 верстахъ южнѣе, уже на высотѣ 4800 ф., а у подошвы Нань-шаня страна поднимается до 5000 ф. Въ болѣе западномъ меридіанѣ, на пути, пройденномъ нами, самую глубокую впадину представляетъ озеро Гашіунъ-норъ, лежащее на сѣверной окраинѣ впадины; высота его надъ у. м. 1000 метровъ; окрестности же города Гао-тая въ Принаньшаньи лежатъ на высотѣ 1400 метровъ. Тѣ же отношенія и въ самой западной впадинѣ. Города, лежащіе у сѣверной окраины впадины: Куча, Курла и Хами лежатъ на высотѣ 2900, 2700 и 2800 фут. надъ ур. моря; города же на южной окраинѣ значительно выше: Хотанъ 4400 ф., Кэрія 4700 ф., Черченъ 4100 ф. и Са-чжоу 3700 ф.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что во всѣхъ трехъ впадинахъ наибольшая углубленность наблюдается на сѣверѣ; между тѣмъ пески располагаются не въ этихъ низкихъ мѣстахъ, а на высокихъ пространствахъ, прилегающихъ къ южнымъ горамъ Инь-шаню и Нань-шаню. Въ западной впадинѣ на нашихъ картахъ наносится обширная площадь песковъ къ югу отъ Тарима; она начинается на западѣ у города Яркенда и тянется мимо городовъ Хотанъ, Кэрія, Черченъ и Са-чжоу [1]). Въ средней впадинѣ самая обширная площадь песковъ занимаетъ пространство между р. Эдзинъ-голомъ и Ала-шаньскимъ хребтомъ; на югъ она почти примыкаетъ къ линіи принаньшаньскихъ городовъ: Лянь-чжоу, Гань-чжоу и Гао-тай, но на сѣверѣ область распространенія песковъ далеко не доходитъ до параллели озера Гашіунъ-норъ. Еще восточнѣе лежитъ площадь ордосскихъ песковъ, которые на юго-востокѣ прилегаютъ къ хребту, отдѣляющему Ордосъ отъ провинцій Шань-

[1]) Въ этой полосѣ есть одна мѣстность, представляющая исключеніе изъ выдвинутаго нами правила. Это окрестности озера Лобъ-норъ; онѣ лежатъ на высотѣ 2600 ф., т. е. ниже города Курла, хотя и находятся на южной окраинѣ впадины.

Digitized by Google

си и Шень-си. Въ восточной впадинѣ сыпучіе пески встрѣчаются между мѣстностью Удэ на сѣверѣ и подошвой Инь-шаня на югѣ.

Само собою разумѣется, что при современномъ недостаточномъ нашемъ знаніи средней Азіи наши карты не вѣрны, и нанесеніе песковъ по всей вѣроятности страдаетъ излишними обобщеніями; при детальной разработкѣ топографіи центральной Азіи площади сыпучихъ песковъ, показываемыя теперь большими, значительно сократятся или распадутся на отдѣльные участки, но въ общемъ картина удержитъ все таки ту выставленную черту, что сѣверныя низкіе пункты трехъ впадинъ Монголіи болѣе свободны отъ песчаныхъ заносовъ, чѣмъ болѣе высокія пространства, прилегающія къ южнымъ горамъ.

Digitized by Google

IV.

Ордосскіе монголы.

Историческія извѣстія объ ордосскихъ поколѣніяхъ. — Жилища, одежда, пища. — Земледѣліе. — Охота.—Обряды семейные и общественные.—Поминки по Чингисъ-ханѣ.

Ордосъ раздѣляется на семь хошуновъ: Джунгоръ [1]) или Джунгаръ, Хангинъ, Далатъ (Талатъ, у Пржевальскаго: Далды; Монголія, Спб., 1875, стр. 128), Ушинъ [2]), Отокъ, и хошуны вана и дзасыка. Хошунъ Джунгоръ занимаетъ сѣверо-восточный уголъ изгиба Желтой рѣки; ставка (хоро) князя на р. Гуни-Эрикъ. Къ западу отъ него лежитъ хошунъ Далатъ или Талатъ; на картѣ епископа Девосса ставки князя этого хошуна не назначено. Намъ сказали, что она находится въ мѣстности Хантай; такъ называется одна небольшая глинистая гора. Хошунъ Хангинъ расположенъ къ югу отъ Талатъ и къ западу отъ хошуна вана; ставка князя на картѣ Девосса назначена къ юго-востоку отъ озера Хара-мангнай. Отокъ занимаетъ юго-западную часть Ордоса; ставка князя на юго-востокъ отъ горъ Арбусъ. Хошунъ вана лежитъ къ югу отъ Джунгора; еще южнѣе лежитъ хошунъ чжасыка, а Ушинъ занимаетъ юго-восточный уголъ Ордоса. Ставки всѣхъ восточныхъ князей названы въ нашемъ дневникѣ [3]).

Хошунъ чжасыка и по народнымъ преданіямъ и по письменнымъ свидѣтельствамъ учрежденъ въ позднѣйшее время (по послѣднимъ въ 1731 г.); первоначально же ордосскихъ хошуновъ было только шесть; по письменнымъ памятникамъ такое раздѣленіе на шесть частей установлено въ 1649 году. Изъ семи ордосскихъ князей

---

[1]) У Сананъ-Сэцэна это имя является, кажется, въ формѣ Schingchor (Gesch. d. Ost — Mong., 1829, стр. 187); тутъ упоминается нѣкто Ахатай изъ Шингоровъ, рядомъ съ другими лицами изъ родовъ: Ордусъ, Угешинъ, Далатъ, Урадъ, Бухасъ и Монгольчинъ; всего семь родовъ. Всѣ эти семь человѣкъ, за услуги во время дѣтства Гунъ-билика, пожалованы были званіемъ дай-дарханъ. Событіе это относится къ половинѣ XVI в.

[2]) На стр. 77 мы указали, что имя Ушинъ встрѣчается повидимому у Сананъ-Сэцэна подъ формами Уйшинъ и Угушинъ. Г. Березинъ думаетъ, что это же племя разумѣлъ Рашидъ-эддинъ подъ именемъ Уйшинъ (Труды Вост. Отд. И. Археол. Общ., ч. V, 1858, стр. 288). Слѣдовательно это племя существовало уже съ XIII в.

[3]) См. выше стр. 64, 71, 76 и 77—88.

Digitized by Google

по происхожденію считается самымъ старшимъ ванъ; въ его хошунѣ находится Едженъ-хоро, «ставка Чингисъ-хана» и во время ордосскаго таилгана (поминокъ Чингисъ-хана) вану первое мѣсто и почетъ. Но китайское правительство для управленія Ордосомъ избираетъ одного изъ ордосскихъ князей, не стѣсняясь народнымъ преданіемъ; такъ, во время нашего прохода черезъ Ордосъ, всѣмъ Ордосомъ правилъ Джунгорскій князь. Кромѣ этого мѣстнаго или туземнаго начальства, надъ Ордосомъ учрежденъ еще высшій надзоръ, ввѣренный двумъ китайскимъ чиновникамъ, которые называются пу-юань; одинъ изъ нихъ живетъ въ городѣ Шенъ-мо (по монгол. Сайнъ-туру), и вѣдаетъ восточную половину Ордоса, т. е. хошуны Джунгоръ, чжасыка, вана и Ушинъ; другой имѣетъ резиденцію въ городѣ Нинъ-ся и вѣдаетъ западную половину Ордоса, т. е. хошуны Хангинъ, Далатъ и Отокъ.

Ордосскій сеймъ собирается въ мѣстности Цаганъ-субурганъ (бѣлая башня), находящейся въ западномъ концѣ хошуна вана, гдѣ, какъ насъ увѣряли ордосскіе монголы, дѣйствительно есть бѣлая башня.

Имя Ордосъ, по словамъ монголистовъ, сами монголы производятъ отъ слова «урду», главная ставка начальника, дворецъ. Ковалевскій (Монгол. хрестоматія, т. I, стр. 501) говоритъ: «Полагаю, что сіе племя (Ордосъ), какъ важнѣйшее въ древности, было приписано ко двору Чингисъ-хана и составляло отличнѣйшихъ воиновъ, прославившихся во время походовъ».

Ордосскіе монголы сохранили память объ именахъ своихъ родовъ или, какъ они зовутъ, «омоковъ» [1]). Въ хошунѣ Ушинъ мнѣ были названы омоки: Уйгурчинъ, Ихи-хиреитъ, Бага-хиреитъ, Хархатанъ (Гархатанъ), Хаджирутъ, Тангудутъ, Харачинъ, Тубутутъ, Харліутъ, Актышинъ, Солонгосъ, Урутъ, Онусъ, Чжахаръ, Нюкутенъ, Хатачинъ, Хатычинеръ, Бухасъ. Уруты дѣлятся на четыре под-омока: Шилтынъ-урутъ, Чингинъ-урутъ, Хангинъ-урутъ и Теменъ-гуйтенъ-урутъ. Въ хошунѣ вана мнѣ были названы омоки: Хоничутъ, Харанутъ, Тангутъ, Хереитъ (Херетъ), Илгысъ, Ойрдутъ, Оймутъ, Эмельчутъ, Номочутъ, Ёстынъ, Таладутъ, Тоодынъ-Талатъ, Хатагурутъ, Уйгутъ (Вуйгутъ), Сарутъ. Въ хошунѣ Талатъ: Халіучинъ, будто бы отъ слова галъ, «огонь»; они, по преданію, разводили огонь для Чингисъ-хана; Кереучинъ, отъ кере, «ворона»; они показывали дороги Чингисъ-хану, которыя они знали не хуже воронъ; Табыкъ, «тарелка»; Янгыкъ. Въ хошунѣ чжасыка: Хереитъ, Хатыгинэръ, Солонгосъ, Хонутъ [2]).

---

[1]) Омокъ то же, что сеокъ (кость) у алтайцевъ.

[2]) Халхасцы не помнятъ именъ своихъ родовъ, что составляетъ странное исключеніе среди другихъ племенъ, каковы киргизы, алтайцы, сойоты, буряты, якуты, и другіе, которые всѣ сохранили имена родовъ. Впрочемъ отъ одного халхасца изъ хошуна Далай-Чокуръ-вана я записалъ слѣдующій списокъ будто бы существующихъ въ этомъ хошунѣ костей: Хаткэй, Уранхытъ, Тангытутъ, Олютутъ, Барынутъ, Солонутъ, Олгнутъ, Атучинъ (два Атучина: Аръ-Сару-Атучинъ и Убуръ-Сару-Атучинъ), Харятъ, Бурятъ, Чаганъ-герютъ, Хар'герютъ, Кольавачинъ и Шодануръ. Относительно другихъ южныхъ монголовъ мы не можемъ сообщить, сохранили ли они свои роды; отъ людей хошуна Кэшиктэнъ намъ удалось, однако, записать, что въ этомъ хошунѣ есть поколѣнія: Чаганъ-тэтэрь, Табынъ-галха, Харнутъ, Торгоутъ, Талытъ, Кашингутъ, Курчютъ. Отъ монгола хошуна Корчинъ я записалъ кости: Ельдутъ, Болокчутъ. Отъ одного солона, встрѣченнаго нами въ одномъ амдосскомъ монастырѣ, я записалъ слѣдующія кости у Баргу-солоновъ: 1) Ирейгынъ, 2) Кара-нюдугъ, 3) Хурладыгъ и 4) Шара-нюдугъ.

Digitized by Google

О Хатыгытахъ (Хатычинеръ) разсказываютъ, что во время грозы они, обращаясь къ небу, кричатъ: «Здѣсь есть Хатыгытъ. Уходи!» (Хатыгытъ байна, ябу!)

Въ хошунѣ Ушинъ, какъ меня увѣрялъ ордосскій монголъ Пунсукъ, подъ начальствомъ каждаго чжалына состоятъ пять чжанги; при чжалынѣ, завѣдующемъ хиреитами, всѣ пять чжанги хиреиты; у Чахаръ-чжалына всѣ пять чжанги чахары, у Хатачинъ-чжалына всѣ пять хатачины и т. д. Хиреитъ-чжалынъ завѣдуетъ всѣми хиреитами въ хошунѣ Ушинъ, хатачинъ-чжалынъ всѣми хатачинами. Тайджинары расписаны по сумынамъ. Если тайджи провинится, его лишаютъ джинсы и онъ становится албытомъ въ томъ сумынѣ, къ которому приписанъ, т. е. переименовывается изъ Борджигита въ хереита или хатачина и т. п.

Поколѣніе Хиреитъ, по словамъ самихъ ордосцевъ, самое многочисленное; да и намъ чаще встрѣчались лица, которыя называли себя хиреитами, чѣмъ лица другихъ поколѣній; многочисленность этого рода видна также и изъ того, что онъ раздѣлился на два подпоколѣнія. Часто также встрѣчаются лица поколѣнія Тангутъ. Имя Хиреитъ (или Хереитъ) произносится иногда съ опущеніемъ гласныхъ, напр. Хиритъ или даже Хритъ.

Интересно, что между именами монгольскихъ омоковъ встрѣчается имя Солонгосъ; обыкновенно монголисты подъ этимъ именемъ разумѣютъ корейцевъ, но тѣ Солонгосы, которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ Сананъ-сэцэнъ, уроженецъ Ордоса и которые встрѣчаются въ монгольской лѣтописи Алтанъ-тобчи, вѣроятно скорѣе стоятъ въ связи съ ордосскимъ омокомъ, чѣмъ съ корейцами. Предполагать, что омокъ Солонгосъ есть потомки корейцевъ включенныхъ въ монгольскій народъ, было бы неосторожно; это имя могло относиться къ какой-нибудь другой враждебной расѣ, вошедшей въ монгольскую народность, но будучи терминомъ для обозначенія чуждаго, враждебнаго, въ родѣ нынѣшняго «оронгынъ», оно могло только впослѣдствіи перейдти на корейцевъ.

Присказокъ объ ордосскихъ омокахъ слышать мнѣ не удалось. Записалъ же я только присказки о му-минганахъ и дюрбютахъ. О первыхъ говорятъ: Му-минганъ мухоръ джолга, «Му-минганъ глухой оврагъ». О дюрбютахъ говорятъ: чаджи угэй дурбунъ кукутъ чаглашъ угей гурбанъ богдо [1]), «безвѣрные четыре сына, несравненные трое святыхъ». О кости Борджигитъ говорятъ, что ихъ коренное начало (анхани окъ): «тысяча дѣтей и десять тысячъ внуковъ Чингиса-богдо», Чингисъ-богдоинъ минганъ ури тюменъ чичи.

Китайцевъ ордосскіе монголы зовутъ: китанъ, иргинъ и харитынъ [2]).

Подробнаго преданія о занятіи Ордоса ордосскими племенами намъ не удалось услышать въ Ордосѣ, но въ народѣ, кажется, живетъ общее представленіе, что монголы

---

[1]) Ср. у Галстунскаго, «Ойратск. Законы», стр. 94, будто бы монгольское имя бога Абиды: цаглаши угей гэрэлту.

[2]) Какъ зовутъ помѣсь монголовъ съ китайцами въ Ордосѣ, не записано мной. Въ Ургѣ такая помѣсь называется эрръ-ли-цзы, «двуутробникъ». Въ Алашанѣ есть монголы мусульмане; ихъ зовутъ Котонъ; они ни чѣмъ не отличаются отъ олётовъ, ни языкомъ, ни образомъ жизни.

Digitized by Google

пришли сюда съ сѣвера. Это представленіе поддерживается нѣкоторыми ордосскими пѣснями въ родѣ наприм. той, которая начинается:

Алтай хангай хоиръ шиле
Мини нотукъ холо байна.

«Моя родина, два хребта Алтай и Хангай, далеко».

Или сохранившимися въ народной памяти у ордосцевъ старинными выраженіями и обрывками преданій въ родѣ преданія о томъ, что родина Чингисъ-хана, которому сказаніе приписываетъ заселеніе Ордоса монголами, находится въ странѣ Алтай-хангай-алтынъ-тебши. Эти смутныя преданія не обязываютъ, однако, заселеніе Ордоса монгольскимъ племенемъ относить непремѣнно ко времени Чингисъ-хана, а не ранѣе. Имена нѣкоторыхъ ордосскихъ хошуновъ и поколѣній встрѣчаются въ перечисленіяхъ поколѣній до Чингисъ-хана. Приводимъ здѣсь эти перечисленія, заимствуя ихъ изъ тѣхъ источниковъ, которые доступны намъ въ переводѣ на европейскіе языки.

Ближайшее по времени перечисленіе племенъ, въ которомъ можно узнать нѣкоторыя ордосскія имена, относится къ 1542 г.; Сананъ-Сэцэнъ въ своей лѣтописи (Schmidt, Geschichte d. Ost.-Mongolen, 1829, S. 207), разсказываетъ о раздѣлѣ племенъ между девятью сыновьями Гунъ-билика, умершаго въ 1542 г.; старшій сынъ Нояндара, ставшій джинонгомъ, получилъ въ удѣлъ четыре поколѣнія Хорія; второй, Бай-сангоръ, получилъ Кейкедъ-Шибагочинъ и Урадъ-Тангутъ; третій, Ойдарма: Даладъ-Хангинъ и Мергедъ-Баханъ; четвертый, Номъ-тарни: Бассонъ-Уйшинъ; пятый, Буянъ-голай: Бетекинъ-Халигочинъ; шестой, Бандзара: Рочидъ-Гери; седьмой Бадма-самбава: Цагадъ, Мингадъ, Хорчинъ-Хоинъ и Гучинъ; восьмой, Ами-дара четыре поколѣнія Уйгурчиновъ и девятый, Уклеканъ, три поколѣнія Амахай [1]). Въ этомъ перечнѣ мы находимъ имена: Даладъ, Хангинъ, Тангутъ, Уйшинъ, Уйчурчинъ, которыя встрѣчаются или между названіями ордосскихъ хошуновъ, или между именами ордосскихъ потомковъ; Гери можетъ быть хиреитъ.

Къ болѣе раннему времени относится слѣдующее извѣстіе: родъ Мань-гуань-чень дѣлился на шесть лагерей: Доло-тумэнь [2]), Вэйуръ, Ушэнъ, Баяо, Улу и Туцзила (Успенскій, «Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай» въ Зап. И. Р. Геогр. Общ. по Отд. Этногр., т. VI, Спб., 1880 г., стр. 155). Далѣе къ западу, сказано тутъ же, кочевалъ родъ Вала, подъ которыми г. Успенскій узнаетъ нынѣшнихъ Уратовъ. Ураты ли это, или Алашаньскіе олеты, и чрезъ тѣхъ и черезъ другихъ все равно шесть лагерей рода Мань-гуань-ченя пріурочиваются къ Ордосу или къ сосѣдней съ нимъ мѣстности. Среди этихъ лагерей находятся имена Ушэнъ, Вэйуръ и Доло-тумэнь; въ первомъ можно видѣть имя ордосскаго хошуна Ушинъ, именемъ Вэйуръ китайцы обозначали иногда народъ Уйгуръ, поэтому его можно сближать съ

[1]) Кейкедъ-Шибагочинъ, Урадъ-Тангутъ, Даладъ-Хангинъ, Мергедъ-Баханъ, Басодъ-Уйшинъ, Бете кинъ-Халигочинъ составляли правое крыло, барагунъ-гаръ; Рочидъ-Гери, Цагадъ, Мингадъ, Хорчинъ хоинъ, Гучинъ, Уйгурчинъ и Амахай—лѣвое, зегонъ-гаръ.

[2]) Ср. у Березина, переводъ Исторіи монголовъ Рашидъ-Эддина, I, 301: Дилэ-Менгу (Далатъ-Мингатъ?

Digitized by Google

ордосскимъ омокомъ Уйгурчинъ; Доло-тумэнь, можетъ быть, есть соединеніе двухъ поколѣній, Далатъ и Тумэтъ.

Во времена киданьской исторіи упоминаются какія-то шесть поколѣній, входившихъ въ вѣдомство такъ называемой «Западной башни»; подъ этимъ именемъ разумѣлась, кажется, западная окраина киданьскаго царства, которою, до распространенія владычества Киданей на дальнѣйшій западъ, могъ быть первоначально Ордосъ. Имена этихъ шести поколѣній были: Дѣла (Дилѣди), Укури (Угулунь), Укунь-шэнлу, Тангу, Чжули и Цзилу (Васильевъ, «Исторія и древности вост. части Средн. Азіи, въ Трудахъ Вост. Отд. И. Археол. Общ., ч. IV, Спб., 1859 г., стр. 110). Въ послѣднемъ имени, т. е. въ Цзилу, Васильевъ видитъ родъ Кирей.

Ни въ одномъ изъ этихъ трехъ перечней нѣтъ яснаго указанія на Ордосъ, но указаніе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ на западное положеніе перечисляемыхъ поколѣній, число шесть и сходство нѣкоторыхъ названій съ ордоскими именами хошуновъ или омоковъ даютъ основаніе полагать, что тутъ позволительно подразумѣвать населеніе Ордоса. Впрочемъ эти названія не могутъ еще свидѣтельствовать, что носившія ихъ поколѣнія принадлежатъ къ монгольскому племени. Они могутъ оказаться тюрками или другимъ племенемъ, вошедшимъ въ составъ монгольской націи, удержавъ свои родовыя имена.

Въ этихъ старинныхъ спискахъ племенъ мы уже, какъ видно, встрѣчаемся съ позднѣйшими ордосскими омоками. Поэтому слова Шмидта, а вслѣдъ за нимъ и Говорса, что въ Ордосъ первымъ переселился Барсу-Болотъ, отецъ Гунъ-Билика, не нужно понимать такъ, что только съ нимъ вмѣстѣ впервые пришли въ Ордосъ и племена Далатъ, Хангинъ, Уйшинъ и друг. Впрочемъ у Сананъ-сэцэна не говорится объ Ордосѣ; у него сказано, что Барсу-Болоїъ переселился въ Ghotun tori, что значитъ «ограниченное рѣкой»; Шмидтъ думаетъ, что тутъ нужно подразумѣвать Ордосъ.

Ордосскія названія хошуновъ и омоковъ, какъ намъ кажется, доставляютъ новый матеріалъ для пріуроченія царства Ванъ-хана кирейскаго. Рашидъ-эддинъ разсказываетъ, что послѣ пораженія Мергитовъ, Чингисъ-хану подчиняется разсѣянный народъ родовъ: Керѣи, Тумянь-тубѣгань, Олуань и Дунъ-ха (Истор. Монгол., перев. Березина, т. I, стр. 273). Такимъ образомъ, говоритъ г. Березинъ, мы находимъ здѣсь Рашидъ-эддиновы подраздѣленія Кераитовъ: Кераитъ, Дебоутъ или Тумоутъ (Тумянь-тубѣгань), Оліятъ или Албатъ (Олуань) и Тонкгоитъ (Дунъ-ха); изъ Рашидъ-эддиновскихъ Кераитовъ не упоминаются только Джиркынъ и Сахыятъ. Въ перечисленныхъ четырехъ поколѣніяхъ нельзя не узнать ордосцевъ и ихъ сосѣдей: хошуны Тумутовъ и Уратовъ, и омоки Тангытъ и Хиреитъ. Потье въ своихъ комментаріяхъ къ Марко-Поло (Le tivre Marco Polo par Pauthier, t. I, p. 219) говоритъ, что Ураты, Туметы и Чахары занимаютъ мѣстность, гдѣ приходится Марко-половскій Тендукъ (столица Вана кирейскаго) и что эти племена происходятъ отъ древнихъ поколѣній племени Кераитъ. Къ этому онъ присоединяетъ показаніе Рашидъ-эддина по Д'Оссону, который говоритъ, что поколѣній было 5 и переименовываетъ только четыре: Тункаитъ, Сакіятъ, Туметъ и Елятъ (Уратъ,

Digitized by Google

китайск. Улятъ). Отсюда слѣдуетъ, что Потье принимаетъ Сакіятовъ древними Чахарами.

Рашидъ-эддинъ прямо утверждаетъ, что перечисленныя поколѣнія Киреитовъ и составляли народъ Ванъ-хана киреитскаго. По Марко-Поло столица потомковъ Ванъ-хана была въ мѣстности Тендукъ, на западъ отъ резиденціи монгольскаго императора Кубилай-сэцэна. Потье пріурочиваетъ эту мѣстность къ городу Дай-тунъ-фу въ провинціи Шаньси [1]); полковникъ Юль пріурочиваетъ ее къ городу Хуху-хото. Обѣ эти мѣстности находятся очень близко отъ Ордоса и потому подобное пріуроченіе не стоитъ въ противорѣчіи съ предположеніемъ, что въ царство Вана кирейскаго входили вмѣстѣ съ другими племенами и тѣ, которыя населяли Ордосъ.

Одинъ историческій памятникъ къ Ордосу относитъ основаніе монгольской имперіи. Въ документѣ, переведенномъ Потье съ китайскаго и помѣщенномъ въ Journ. asiatique de Paris, janvier, 1862, p. 768 et suiv., Хубилай выражается: «Наше государство, въ эпоху его основанія въ странѣ So» (Sso-fan)... Потье говоритъ, что Со у китайцевъ значитъ «сѣверная страна», но что слово Шо-фанъ означаетъ также опредѣленную страну на сѣверѣ, именно Ордосъ и прибавляетъ: «Это мѣсто (документа) важно для опредѣленія страны сѣверной Азіи, гдѣ, по самому Хубилаю, народилось монгольское государство».

Несмотря на то, что Ордосъ находился такъ близко отъ центровъ исторической жизни въ Азіи, на его степяхъ, занятыхъ кочевниками, не было повидимому крупныхъ осѣдлыхъ мѣстностей. Развалины городовъ встрѣчаются только по окраинамъ Ордоса. Внутри ордосскихъ степей не указывается никакихъ древнихъ памятниковъ. Да и въ другихъ частяхъ Ордоса пока извѣстно только три мѣстности съ слѣдами древнихъ городовъ: Олаинъ-балгасунъ въ хошунѣ Далатъ, упоминаемый безъ названія Пржевальскимъ [2]), Боро-балгасунъ [3]) въ хошунѣ Отокъ, посѣщенный нами въ 1884 г. и Чаганъ-балгасунъ (близь города Юй-линъ).

По счету ордосцевъ, едва ли основательному, въ Ордосѣ находится тридцать три балгасуна и тридцать три хоруха; подъ именемъ хоруха, какъ мнѣ толковали въ Ордосѣ, разумѣется холмъ, который дѣлалъ непріятель въ виду города, чтобы обстрѣливать городъ.

О Чаганъ-балгасунѣ ордосецъ Пунсукъ сообщилъ мнѣ, что владѣлецъ его назывался Жуань-жуань-лю-ванъ. Это указаніе на Жуань-жуань очень интересно, но Пунсукъ могъ услышать это имя отъ китайца, знакомаго съ исторической литературой, а не изъ народныхъ преданій. Лю-ванъ вѣроятно люй-ванъ, т. е. «оселъ-царь».

Разрушеніе ордосскихъ городовъ народное преданіе приписываетъ Чингисъ-

---

[1]) Дай-тунъ-фу былъ посѣщенъ барономъ Рихтгофеномъ въ 1875 году (China, II, 356).

[2]) Пржевальскій, Монголія, т. I, стр. 147. Мы слышали въ Ордосѣ, что внутри этого города ничего не находятъ, кромѣ обломковъ глиняной посуды. Олаинъ-балгасунъ назначенъ на картѣ еп. Девосса.

[3]) Боро-балгасунъ по китайски назыв. Чень-чуань, «Кирпичный городъ», и Ханъ-ту-ченъ, «Ханскій земляной городъ».

Digitized by Google

хану. О немъ говорится, что онъ разрушилъ семьдесятъ три города, по другому преданію тридцать три города, по третьему тринадцать.

Кэрэксуровъ (древнихъ могилъ въ видѣ каменныхъ насыпей) и каменныхъ бабъ (хöшö-чило), встрѣчаемыхъ въ такомъ изобиліи въ сѣверной Монголіи, въ Ордосѣ не встрѣчается. Насыпныхъ холмовъ изъ глины, томулуковъ, какъ ихъ называютъ широнголы въ Амдо, внутри Ордоса мы также не видѣли. Одинъ намъ встрѣтился только около Гуй-хуа-чена и въ своемъ мѣстѣ описанъ (на стр. 51); другой около города Бао-тоу былъ замѣченъ Пржевальскимъ (Монголія, I, 139); о третьемъ близь города Чжунъ-вэй (Дэристу-хото), мы слышали отъ Сантанъ-джимбы: На картѣ еписк. Девосса у сѣверной оконечности хребта Арбусъ назначена мѣстность Чилонъ-пайзе (Tsjolong peise), т. е. каменная таблица съ надписью.

Китайскіе города, а также нѣкоторыя китайскія деревни извѣстны ордоскимъ монголамъ подъ особыми монгольскими именами. Приводимъ списокъ ихъ: Шенъ-мо—Сайнъ-туру, Ха-ла-зе—Хартай, Юй-линъ—Темету, «верблюжій» (встрѣчается у Сананъ-сэцэна, Gesch. d. Ost-Mong., SPtb., 1829, стр. 243, 259, 267 и 416 подъ формою Temegetu), Ченъ-тинъ—Таръ, Нинъ-тяо-льянъ—Сухай-байсинъ (сухай, гребенщикъ, Tamarix; байсинъ—кирпичный домъ) [1]); Тинъ-піянъ—Ихимасинъ, Гянъ-піянъ—Бага-масинъ, Хунъ-ченъ—Юлтургай [2]), Хуа-ма-ченъ—Терге, «телега», Нинъ-ся—Ирге (такъ произносили наши разсказчики; у Пржевальскаго, Монг., I, 162: Иргай; это можетъ быть имя кустарника Cotoneaster); Пинъ-ло-ся—Кугыръ, Ши-цуй-цза—Хара-хото, «черный городъ», Ву-ту-вей-цза—Тира-байсинъ, Хэ-коу—Тохто-хото, Ченъ-чуань—Боро-балгасунъ, Сяо-чяо—Бага-кургöнъ, «малый мостъ», Са-тинъ-цза—Манхынъ-хутукъ, «барханный колодезь», Сынъ-ди-танъ—Тугэ-торумъ, Синъ-чинъ-ся—Боро-хото, «сѣрый городъ».

Кочевой бытъ въ Ордосѣ сдѣлалъ значительныя уступки осѣдлости, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ у хуху-хотинскихъ тумутовъ.

Въ восточной половинѣ Ордоса, по которой мы прошли, мы видѣли войлочныя юрты всего только въ одномъ мѣстѣ; всѣ монголы живутъ въ мазанкахъ, сдѣланныхъ изъ плетня и обмазанныхъ глиной. Большая часть этихъ мазанокъ имѣютъ видъ продолговатыхъ сараевъ; сѣверная и южная стѣны длинныя, восточная и западная короткія; въ южной стѣнѣ дверь для входа; сверху зданіе покрыто коробовымъ сводомъ изъ такого-же плетня, какъ и стѣны; этотъ сводъ, сверху также обмазанный глиной, служитъ въ одно и то же время и кровлей и потолкомъ. Вну-

---

[1]) Нинъ-тяо, какъ намъ передавали, есть китайское названіе какого-то кустарника, около котораго скопляется песокъ (сухай?). Льянъ-хребетъ. Городъ лежитъ при началѣ покатости, идущей отъ горъ на сѣверъ; отъ города до горъ 2 ли. Рѣка, текущая около города и уходящая на югъ въ горы, имѣетъ свойство внезапно наполняться водой и дѣлать наводненія, производящія опустошенія среди городскихъ зданій.

[2]) Въ распросныхъ свѣдѣніяхъ, помѣщенныхъ мною въ Изв. И. Р. Геогр. Об., т. XXIII, это монгольское имя отнесено къ городу Дынъ-ху; но это было вѣроятно не вѣрное показаніе; вѣрнѣе, что именемъ Юлтурхай называется Хунъ-ченъ, потому что у Пржевальскаго (Монг., I, 128) Дынъ-ху по монгольски называется Чаганъ-субурганъ, «бѣлая башня».

Digitized by Google

Монголка замужняя изъ Ордоса.

Бампу замужняя женщина монголка

изъ окрестностей монастыря Шине суме въ Ордосѣ.

Фототипія В. Клячко С.-Петербургъ. Кав. [illegible] № 7 2

Digitized by Google

Digitized by Google

три устройство и убранство такое же, какъ въ китайскихъ фанзахъ: тѣ же каны, окна, оклеенныя бумагой, жаровни для огня. Утварь китайская.

Передъ входомъ въ жилище, т. е. къ югу отъ него, часто сбивается изъ глины тумба для куреній. У богатыхъ, кромѣ этой курильницы, тутъ же вкапывается мачта или три мачты, кончающіяся вверху желѣзными трезубцами. Къ перекладинамъ ниже трезубцевъ навѣшиваются ленты или тряпки. Народъ говоритъ, что послѣдній монгольскій ханъ завѣщалъ монголамъ вывѣшивать у своихъ домовъ ленты пяти цвѣтовъ радуги, для того, чтобы въ день своего пришествія онъ могъ отличить монгольскіе дома отъ чужеземныхъ и избавить ихъ отъ избіенія.

Въ юго-восточномъ углу Ордоса, т. е. въ восточной окраинѣ хошуна Ушинъ, гдѣ монгольскія владѣнія захватываютъ часть площади лёсса, монголы живутъ въ пещерахъ, вырытыхъ въ лёссѣ, подобно своимъ сосѣдямъ китайцамъ.

Одежда ордосскихъ монголовъ, которыхъ мы видѣли, представляла смѣсь монгольскаго съ китайскимъ; монгольской шапки мы здѣсь ни разу не видали, да и вообще лѣтомъ шапка на головѣ была рѣдкостью. Всѣ ходятъ безъ шапокъ, повязывая голову цвѣтнымъ платкомъ или просто бѣлой тряпкой. Очень немногіе приходили къ намъ въ китайскихъ шапкахъ котелкомъ. Чиновные люди, являвшіеся къ намъ для оффиціальныхъ сношеній, имѣли на головахъ китайскія соломенныя шляпы конической формы съ красной шелковой кистью.

Женщины убираютъ свои волосы въ двѣ косы, которыя опускаютъ на грудь. Серьги состоятъ изъ серебрянаго кольца, къ которому прикрѣплена подвѣска, состоящая изъ камней огъю кубической формы; такъ называли камень сами монголки; огъю значитъ бирюза; но это были привѣски изъ изумруда или малахита.

Главные промыслы ордосскихъ монголовъ скотоводство и земледѣліе. Скотъ ордосцевъ состоитъ изъ лошадей, коровъ, ословъ и овецъ; верблюдовъ мало. Мы всего только разъ во все время перехода черезъ Ордосъ видѣли въ одномъ мѣстѣ пять или шесть верблюдовъ, пасшихся на чайдамѣ [1]). По разсказамъ, въ хошунѣ Отокъ, который отличается болѣе характеромъ пустыни, верблюдовъ держатъ болѣе, чѣмъ въ другихъ хошунахъ. Молоко обработывается такимъ же способомъ, какъ и въ остальной Монголіи; изъ него приготовляются тѣ же тарыкъ (простокваша), хурутъ (высушенный на солнцѣ сыръ), пислыхъ (молодой сыръ), урюмъ (сливки или каймакъ) и чигенъ (кумысъ). Молоко коровъ доятъ въ деревянные подойники, а молоко лошадей и верблюдовъ въ кожанные, сдѣланные изъ коровьей шкуры; послѣдніе называются чинык̈ъ.

Земледѣліе укоренилось въ восточной половинѣ Ордоса въ такой же степени, какъ у тумутовъ, уратовъ, и чахаровъ. Мы очень часто пересѣкали впадины между бархан-

---

[1]) Верблюжьи сѣдла (по киргизски чомъ) въ Ордосѣ называются бамбай или хомъ. Поводъ—бурундукъ, отъ тюркскаго бурунъ «носъ»; не значитъ ли это, что монголы получили ручного верблюда отъ тюрковъ? палочка, продѣваемая въ ноздри буйль; она продѣвается впереди ноздрей, т. е. ниже, тогда какъ у киргизъ сзади ноздрей. Деревянный переплетъ на бамбаѣ назыв. шату, «лѣстница»; войлочная стеженка, подкладываемая подъ бамбай, назыв. ширдэкъ. Бамбай набивается травой чигисъ (ситникъ), буйли дѣлаются изъ дерева яшиль или харгиль, растущаго на барханахъ.

Digitized by Google

нами, занятыя пашнями. Къ несчастью для монголовъ, надъ Ордосомъ тяготѣетъ то же зло, какъ и надъ другими частями южной Монголіи; князья сдаютъ хошунныя земли въ аренду китайскимъ крестьянамъ и арендныя деньги берутъ въ свою пользу; этимъ они стѣсняютъ пастбища и пашни своихъ подданныхъ монголовъ; проѣзжая по восточному Ордосу, мы не мало видѣли отдѣльныхъ хуторовъ, устроенныхъ китайцами, а мѣстахъ въ двухъ видѣли даже и цѣлыя китайскія деревни. Монголы, конечно, недовольны своими князьями; они говорятъ: «князья наши промѣняли насъ на китайцевъ»; разсказываютъ и о протестахъ, сопровождаемыхъ насиліемъ. Намъ указывали на домъ одного богатаго монгола, мимо котораго прошла наша дорога на границѣ между хошунами вана и чжасыка; народные разсказы выставляютъ этого монгола, какъ заступника за интересы народа противъ княжескихъ злоупотребленій землевладѣніемъ. Особенно сильны народныя жалобы противъ одного изъ уратскихъ князей, который запродалъ въ аренду китайскимъ крестьянамъ чуть не половину пахотныхъ земель своего княжества. Если бъ эта китайская «ирландія» представляла округленную территорію, она вѣроятно доставила бы не мало хлопотъ китайскому правительству; но, къ счастью для Китая, она растянулась узкой полосой на протяженіи 800 верстъ, шириною не болѣе 100—200 верстъ. Общее дѣло на такомъ огромномъ протяженіи, конечно, возникнуть не можетъ; да и національное пробужденіе не предчувствуется въ средѣ монголовъ, поэтому едва ли ордосскую массу не ждетъ судьба полнаго окитаенія, въ родѣ того, какъ оно совершилось въ средѣ хухутинскихъ тумутовъ, которые уже не имѣютъ своего князя и управляются китайскимъ чиновникомъ; ордосскіе князья уже теперь окитаились; лѣтъ черезъ пятьдесятъ и въ Ордосѣ, можетъ быть, княжеское достоинство будетъ уничтожено.

Ордосскіе монголы больше всего сѣютъ: просо и коноплю; потомъ въ меньшемъ количествѣ сѣютъ гречиху и хоныкъ, Setaria italica (?); еще менѣе сѣютъ тоʻшу (по кит. гаолянъ, т. е. сорго) и овса. Картофель въ хошунѣ Ушинъ монголы стали садить только 17—18 лѣтъ назадъ. На новую землю сначала сѣютъ просо и уже послѣ на второе лѣто коноплю или гречиху; снимаютъ только разъ въ году. Коноплю сѣютъ только для добыванія масла; часть сѣмени давятъ сами, но немного; масло употребляется въ пищу, но главнымъ образомъ оно идетъ на освѣщеніе. Большее количество сѣмени продается китайцамъ, которые давятъ изъ него масло и частью сбываютъ его обратно тѣмъ же монголамъ. Въ восточной окраинѣ хошуна Ушинъ, гдѣ монголы живутъ смежно съ китайцами, монголы сѣютъ для масла и клещевину. Пшеницу и ячмень ордосскіе монголы не сѣютъ; пшеничную муку покупаютъ у китайцевъ. Гречихи два сорта въ Ордосѣ, какъ и въ чахарской землѣ; одинъ сортъ называется просто сагатъ, другой кучю [1]). Послѣдній сѣютъ на кормъ лошадей; люди не ѣдятъ, потому что мука изъ него горькая. Изъ гречихи монголы пекутъ блины, урменъ-бурсакъ, которые ѣдятъ или съ масломъ или съ сахаромъ; дѣлаютъ кисель, джотай, давятъ вермишель хулу, дѣ-

[1]) По китайски ку-чёо.

Digitized by Google

лаютъ лапшу кедà и галушки, кетуръ. Крахмальный же «лянъ-фынъ» дѣлаютъ изъ гречневой муки только китайцы.

Есть предположеніе у нашихъ ученыхъ, что гречиху принесли въ Европу монголы, такъ какъ до ихъ нашествія она не была извѣстна Европѣ; по крайней мѣрѣ это было высказано относительно одной изъ породъ гречихи. Если предположеніе, что гречиха занесена въ Европу изъ Монголіи, вѣрно, то это хлѣбное растеніе могло отправиться въ Европу только изъ Ордоса и чахарской земли, такъ какъ халхаскіе монголы между Керуленомъ и Орхономъ ея не сѣютъ. Въ сѣверной Монголіи мнѣ извѣстно всего одно только мѣсто, гдѣ засѣвается гречиха; это долина незначительной рѣчки, впадающей въ Селенгу подъ 50 градусомъ с. ш.; незначительная величина этой площади заставляетъ думать, что культура гречихи занесена сюда въ самое позднѣйшее время. Упомянутое предположеніе не находитъ подтвержденія въ мѣстныхъ названіяхъ гречихи, которая по китайски называется чёо, по монгольски сагатъ (произносится въ Ордосѣ иногда сагдъ), у осѣдлыхъ монголовъ провинціи Амдо ска, сха, у саларовъ сыгды. Но это обстоятельство конечно не опровергаетъ предположенія; ордоское «сагатъ» [1]), при своемъ переселеніи на западъ, могло уступить мѣсто какому-нибудь другому имени въ Туркестанѣ или Персіи, черезъ которые, можетъ, быть совершилась передача растенія.

Кромѣ культурныхъ растеній, ордосцы употребляютъ въ пищу и дикорастущія. Между ними главное мѣсто занимаетъ Agriophyllum gobicum, который по ордосски называется чульгыръ; его различаютъ два сорта; крупный сортъ носитъ другое имя бюргутъ. Чульгыру много собираютъ въ хошунѣ Отокъ; въ восточной половинѣ Ордоса его значительно меньше и мы такъ мало его видѣли, что сомнительно, чтобъ сборъ его составилъ хорошее подспорье къ хлѣбнымъ растеніямъ. Впрочемъ въ тотъ годъ, говорили, на него въ Ордосѣ былъ неурожай. Изъ луковъ ордосскіе монголы ѣдятъ тотъ, который называется тàна, но до его цвѣтенія. Другой лукъ помонгольски когдòтъ, покитайски чжу-цхай, монголы даже воздѣлываютъ. Кичигине, гусиную лапку (Potentilla Anserina) ордосцы знаютъ, но не ѣдятъ. Балуясь, ѣдятъ также млечносочные стручья теменъ-кöкö «верблюжьи сосцы», т. е. плоды какого-то Vincetoxicum.

Ордосскимъ монголамъ также извѣстна мышь, которая дѣлаетъ запасы; они называютъ ее просто «сѣрой мышью», боро-хулугуна. Она сборъ свой дѣлаетъ исключительно съ пашенъ; именно беретъ просо и конопляное сѣмя; сѣмя беретъ самое отборное. По народному повѣрью, мыши дѣлаютъ сборъ компаніей; онѣ взбираются на вершины растеній и выщипываютъ лучшія зерна; потомъ одна будто-бы ложится на спину, другія накладываютъ зерна ей на грудь и брюхо и тащатъ за хвостъ къ норѣ. Бѣдные люди,—по мнѣнію болѣе богатыхъ, потерявшіе стыдъ,—грабятъ мышей зимой. Въ восьмой лунѣ находятъ мышиные ямы-магазины,

---

[1]) Въ Туркестанѣ именемъ чыгытъ называется чечевица; Будаговъ, Словарь. 447, 506. Въ Алтаѣ сагатъ трава, которою выстилаютъ подошву сапога; англичанинъ Шау сообщаетъ, что въ Кашгарѣ сугатъ, ива (Zeitschrift d. Gesell. für Erdkunde zu Berlin, 1882, B. XVII, H. VI, S. 446).

Digitized by Google

помонгольски ургàй или ургà, наполненными коноплянымъ сѣменемъ въ кожурѣ; въ девятой лунѣ все сѣмя выщелучено и чисто. Увѣряютъ, что мышь дѣлаетъ двѣ урги; сначала складываетъ сѣмя въ одну, потомъ чиститъ и очищенныя зерна переноситъ въ другую яму.

Въ Ордосѣ монголы занимаются также и охотой именно на дзереновъ, лисицъ, зайцевъ и фазановъ. За дзеренами охотятся съ ружьями; на лисицъ и фазановъ настороживаютъ ловушку ураха; на лисицъ также и капканы; зайцевъ ловятъ сѣтью, ошю. Ураха [1]) состоитъ изъ деревяннаго лука, деревянной двузубой вилки и желѣзной цѣпи. Деревянный лукъ кладется на землю; на него кладется вилка, которая состоитъ изъ двухъ зубовъ: каждый зубъ состоитъ изъ отдѣльной палочки, которая на одномъ концѣ заострена и недалеко отъ конца имѣетъ зарубку; другой конецъ тупой; тупые концы связаны вмѣстѣ, въ серединѣ зубья расперты поперечиной, концы съ зарубками разставлены, какъ у циркуля; эта вилка имѣетъ сходство съ прописной буквой А. Она кладется поверхъ лука, какъ кладется стрѣла, т. е. такъ, что связанные концы ея приходятся въ центрѣ дуги лука, а растворенные концы лежатъ на дугѣ лука зарубками кверху. Между головкой циркуля и его распоркой помѣщается насторожка, помонгольски онису, или онисъ «замокъ». Это деревяшка, одинъ конецъ которой заостренъ въ видѣ пирамидки. Въ настороженномъ состояніи «онисъ» долженъ имѣть вертикальное положеніе острой вершиной кверху; въ нижней части ониса просверленъ горизонтальный каналъ, въ который продѣвается тетива лука. Затѣмъ лѣвый конецъ тетивы пропускается въ отверзстіе, сдѣланное въ лѣвой ножкѣ циркуля; отсюда онъ идетъ къ концу дуги лука, облегаетъ его, потомъ идетъ вдоль дуги съ наружной стороны и на небольшомъ разстояніи отъ конца дуги проходитъ черезъ отверзстіе, просверленное въ дугѣ, и наконецъ привязывается къ головкѣ циркуля. Точно также и правый конецъ тетивы пропущенъ сначала черезъ отверзстіе въ правой ножкѣ циркуля, обложенъ вокругъ праваго конца лука, пропущенъ черезъ отверстіе въ дугѣ лука снаружи внутрь ловушки и также привязанъ къ головкѣ циркуля. Такимъ образомъ концы лука соединены тетивой, сложенной вдвойнѣ. Если онисъ двигать впередъ къ растворенным концамъ циркуля, то концы лука будутъ сближаться; при натянутомъ или настороженномъ состояніи ловушки дуга лука получаетъ фигуру подковы; при этомъ головку циркуля тянетъ немного кверху, а концы циркуля плотно налегаютъ на дугу лука. Длина тетивы такъ соразмѣрена однако, что если онису дать свободу, то тетива, выпрямляясь отъ расхожденія концовъ лука, поставитъ циркуль вертикально растворенными концами кверху. Чтобы удержать лукъ въ натянутомъ состояніи и циркуль въ лежачемъ положеніи, въ зарубку, которая имѣется въ боку ониса, вкладывается конецъ деревяннаго язычка, другой конецъ котораго привязанъ посредствомъ опредѣленной длины

[1]) Ср. черги, ловушка на звѣрей у алтайцевъ (Будаговъ, Словарь), усвоенная русскими въ Томской губ. подъ именемъ «черканъ». См. также Вербицкій, Словарь алтайск. и аладаг. нарѣчій, Казань стр. 427.

Digitized by Google

веревочки къ передней части дуги лука между концами циркуля. Когда ловушка насторожена, на одномъ концѣ цѣпи дѣлаютъ петлю и эту петлю кладутъ на ловушку, расправляя её такъ, чтобъ передняя часть цѣпи лежала на зарубкахъ, сдѣланныхъ на концѣ циркуля, а остальная часть облегала ловушку снаружи, параллельно ея очертанію; свободный конецъ цѣпи привязываютъ къ какой-нибудь тяжести, къ желѣзной гирькѣ или камню, которую животное не могло бы сдвинуть. Когда все готово, ловушка засыпается землей такъ, чтобъ изъ земли торчалъ только конецъ ониса; на этотъ конецъ налѣпляется или насаживается приманка для птицъ, напримѣръ, комокъ тѣста изъ конопляпаго сѣмени. Какъ только животное тронетъ онисъ, язычокъ или упорка выскочитъ изъ зарубки, концы лука разойдутся и поставятъ циркуль вертикально; этимъ быстрымъ движеніемъ циркуля петля изъ цѣпи, лежащая на его концахъ, набрасывается на шею животнаго.

Ошю—сѣть, которая растягивается на протяженіи 40—50 саженъ; концы ея прикрѣпляются къ небольшимъ колышкамъ, вбитымъ въ землю; она ставится вертикально, такъ что одинъ край ея лежитъ на землѣ, другой держится въ воздухѣ вслѣдствіе того, что шнуръ, проходящій по этому краю, лежитъ на головкахъ вертикально поставленныхъ кляпиковъ, равномѣрно разставленныхъ вдоль сѣти; у каждаго кляпика на головкѣ сдѣлана выемка для принятія шнура. Противъ каждяго кляпика къ верхнему краю сѣти привязана веревочка, другой конецъ которой привязанъ къ вбитому въ землю колышку; отъ натягиванія этихъ веревочекъ, которыя назыв. хантырга, шнуръ сѣти гнететъ кляпики, по монгольски пӧде и не даетъ имъ падать. Звѣрка гонятъ на сѣть; онъ натыкаетя на неё, роняетъ на себя и запутывается. Такими сѣтями, какъ сказано, ловятъ зайцевъ, а также и лисицъ

Въ числѣ рукодѣлій, которыя свойственны кочевому быту въ другихъ частяхъ азіатскихъ степей, считаются выдѣлка войлоковъ и тканье армячины. Въ Ордосѣ процедура выдѣлки войлоковъ такая: смоченную горячей водой шерсть раскладываютъ по готовому войлоку, свертываютъ послѣдній въ трубку, обвязываютъ трубку веревкой и потомъ, приподнимая трубку на воздухъ, бросаютъ её на землю; повторивъ это много разъ, вновь развертываютъ трубку, спрыскиваютъ слежавшуюся шерсть горячей водой и катаютъ её, какъ бы стирая [1]).

Армячину изъ овечьей шерсти ткутъ монголы только въ одномъ хошунѣ Отокъ, но плохо; изъ нея шьютъ штаны.

Желѣзныя вещи монголы въ Ордосѣ получаютъ большею частью готовыя отъ китайцевъ. Ихъ дѣлаютъ по вкусу монголовъ главнымъ образомъ въ городахъ Таринъ-хото, Сухай-байшинъ (Нинъ-тяо-льянъ) и Гутенъ-хото [2]).

---

[1]) Когда женщины дѣлаютъ войлокъ, подходящіе привѣтствуютъ (орёна) ихъ словами: хонинъ-ничинъ ахаръ хуру джуджанъ болтогай тулгунъ-ничинъ ахаръ тӧ джуджанъ болтогай ясунасъ кату часунасъ чаганъ болтогай! т. е. «овечья шерсть да будетъ толщиной въ палецъ, ягнячья шерсть да будетъ толщиной въ четверть; да будетъ (войлокъ) крѣпче кости, бѣлѣе снѣга». Когда же предварительно передъ катаньемъ войлока шерсть бьютъ палками, женщинамъ говорятъ: сабачинъ ирчимтей болтогой! Саба—палка, которою бьютъ шерсть; сабаху—«бить шерсть».

[2]) Сырое желѣзо въ эти города привозятъ изъ внутренняго Китая на мулахъ и верблюдахъ; на

Digitized by Google

Изъ бытовыхъ обрядовъ ордоскихъ монголовъ намъ удалось записать слѣдующіе.

У новорожденныхъ дѣтей отрѣзаютъ пуповину, подложивъ подъ нее траву цаганъ-убюсу («бѣлая трава», какой-то злакъ, по расказамъ въ родѣ дэрису, Lasiagrostis splendens); при этомъ произносятъ: «не тебя рѣжу, цаганъ-убюсу рѣжу». Потомъ наматываютъ нитки на пальцы и, приложивъ къ нимъ цаганъ-убюсу, опять говорятъ: «не тебя рѣжу, цаганъ-убюсу рѣжу». Отрѣзанную пуповину зарываютъ въ золу въ сторонѣ отъ дома, противуположной той сторонѣ, въ которой въ этотъ день находится Дайсуй (иначе Хара-нохой, Тэнгріинъ нохой); о положеніи Дайсуя вычитывается въ книгахъ. То лицо, которое отрѣзываетъ пуповину—мужчину или женщину—по прошествіи нѣсколькихъ дней угощаютъ чаемъ и дарятъ кускомъ дабы или кирпичемъ чая. По одному показанію, прежде зарыванія пуповину сжигаютъ вмѣстѣ съ пучкомъ волосъ матери и пепломъ присыпаютъ пупокъ ребенку; по другому—отрѣзанную пуповину привѣшиваютъ къ спинкѣ люльки; когда ребенокъ выростетъ, ее бросаютъ.

Если дѣти не держатся въ домѣ (тохтох'уга), мрутъ, тогда берутъ одну овцу изъ стада, и навязываютъ на неё полоски матеріи, такъ называемые сэтэры; эту овцу потомъ нельзя уже убивать, а также нельзя съ нея брать шерсть, отчего шерсть отростаетъ и волочится по землѣ.

Безплодныя женщины молятся о дарованіи дѣтей преимущественно двумъ богинямъ, Бѣлой и Зеленой Дарихэ. Если женщина не имѣетъ дѣтей и узнаетъ, что кто-нибудь идетъ на поклоненіе въ Утай, она шьетъ маленькій, какъ бы игрушечный, башмачекъ и проситъ того пилигрима отнести башмачекъ одной изъ Дарихэ; пилигримъ, положивъ башмачекъ (шякà) за пазуху, не долженъ развязывать своего пояса, пока не вернется въ домъ женщины, давшей ему порученіе. Придя въ Утай, онъ отъискиваетъ статую богини; въ пьедесталѣ подъ статуей, въ угоду безплоднымъ женщинамъ, устроена полость съ отверстіемъ наружу; пилигримъ долженъ принесенный башмачекъ положить въ это отверстіе и взамѣнъ его взять другой изъ тѣхъ, которые уже лежатъ подъ статуей. Все это онъ долженъ сдѣлать украдкой отъ монаховъ, чтобъ дѣло походило на воровство. По возвращеніи домой, пилигримъ передаетъ похищенный у богини башмачекъ женщинѣ, дававшей ему порученіе. Если потомъ у этой женщины родится дитя и устоитъ отъ смерти, она шьетъ по образцу принесеннаго точь въ точь такой же новый башмачекъ, и съ новой оказіей эту пару, старый и новый башмачекъ, опять отсылаетъ въ Утай богинѣ. Такія статуи Дарихэ, дающія дѣтей, имѣются и въ другихъ мѣстахъ Монголіи; такъ наприм. есть и въ Алашани въ монастырѣ Алашань-китъ. Конечно женщина и сама можетъ совершить похищеніе башмачка, если имѣетъ время идти на поклоненіе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣти родятся и мрутъ, молятся какому-то

одного верблюда вьючатъ 4—6 брусковъ (т. е. 200 джиновъ); въ одномъ брускѣ 6—8 джиновъ. Одинъ брусокъ (помонгольски дурбельджинъ) стоитъ 200 чоховъ. Большею частью впрочемъ сошники дѣлаются изъ ломи.

Digitized by Google

божеству, которое называется Тэнгріинъ-нохой, «Небесная Собака», которая также называется Хара-нохой, «Черная Собака». У чахаровъ въ подобномъ случаѣ кто-нибудь изъ родственниковъ или знакомыхъ воруетъ вновь родившагося ребенка и прячетъ его въ котелъ; мать ищетъ ребенка и когда, услышавъ его плачъ, найдетъ его, ей отдаютъ ребенка; тогда ему даютъ имя Тогочи, т. е. «сынъ котла» (тогони ху). Или украденнаго ребенка протаскиваютъ нѣсколько разъ подъ стоящей собакой и тогда даютъ ему имя, смотря по цвѣту той собаки: Хара-нохой «Черная Собака», или Шира-нохой «Желтая собака». Тѣ же обычаи красть дѣтей и класть ихъ въ котелъ или протаскивать подъ собакой существуютъ и у солоновъ.

При моленьи о дѣтяхъ Дайсую въ Ордосѣ устраиваютъ козлы изъ трехъ шестовъ, подъ ними кладутъ лошадиную голову, поверхъ ихъ доску, а на доску собачью голову.

Миссіонеры въ Боро-балгасунѣ замѣтили, что монгольское племя бѣдно дѣтьми, тогда какъ въ китайскихъ деревняхъ обыкновенно поражаешься множествомъ дѣтей. Это наблюденіе навело миссіонеровъ на печальное предположеніе, что монгольское племя вымираетъ, по крайней мѣрѣ въ Ордосѣ, гдѣ оно такъ близко столкнулось съ земледѣльческой націей китайцевъ.

Въ Ордосѣ существуетъ обычай отдавать дѣтей въ чужой домъ на воспитаніе. Когда одинъ сынъ или одна дочь, не отдаютъ, но когда двое, отдаютъ младшаго. Воспитомецъ называется чедесынъ-ху, чедесынъ-кукунъ, или урчесынъ-ху; воспитатель назыв. чедеберъ.

Предварительные переговоры о свадьбѣ совершаются посредствомъ чочи; это мужчины-сваты. Когда вопросъ о величинѣ калыма рѣшенъ, женихъ въ сопровожденіи лица, которое при этомъ получаетъ названіе хончжинъ, отправляется къ невѣстѣ. Ихъ садятъ на полу противъ кана; на канѣ у лѣвой стѣны садятся невѣста и шесть бергенъ, шесть женщинъ свахъ; на правой сторонѣ противъ бергенъ садятся старики, а въ серединѣ у задней стѣны какой-нибудь родственникъ жениха, жалованный шарикомъ на шапку. Хончжинъ ставитъ передъ бергенъ столикъ на короткихъ ножкахъ, на которомъ положены чжолома шюсы, шесть кусковъ бараньяго мяса: по угламъ четыре ноги, посерединѣ уча (спинная часть), поверхъ учи голова барана. Хончжинъ говоритъ рѣчь, въ которой разсказываетъ, откуда это мясо, какого барана. За тѣмъ хончжинъ подноситъ бергенамъ водки и при этомъ говоритъ чжорыкъ. Иной умѣетъ сказать три чжорыка, иной говоритъ девять. Послѣ каждой чарки (хундыкъ) слѣдуетъ чжорыкъ. Проговоривши чжорыки и угостивъ бергенъ, хончжинъ садится на свое мѣсто на полу. Тогда одна изъ бергенъ, которая называется старшей (аха-бергенъ), задаетъ ему вопросы; остальные молчатъ. Остроумный хончжинъ самъ выдумываетъ отвѣты (хончжинъ-угъ); другой ограничивается заученными фразами. У искуснаго хончжина эта церемонія, уснащенная многочисленными чжорыками и хончжинъ-угами, затягивается съ полудня до полуночи.

Бергенъ спрашиваетъ: Доставилъ ли ты лошадь, догоняющую волка и мечъ, разрубающій камень (чино гучху мори чилу чапчиху ульду абчирбу)?

Digitized by Google

— Доставилъ (абчирисэнъ билэ)! отвѣчаетъ хончжинъ. Мечъ, который сдѣланъ кузнецомъ по имени Балгунъ въ неприступной землѣ Балбуй, и лошадь, родившуюся подъ растущимъ деревомъ зандынъ отъ бѣлой кобылы эрмекчинъ [1]). Этотъ твой мечъ скованъ изъ восьмидесяти джиновъ желѣза и прокованъ до того, что осталось въ немъ только восемь ланъ вѣсу. Въ Нанкинѣ пировали, до Сеньчина вѣсть (о мечѣ) прошла. Восемьдесятъ дней въ водѣ закалявшійся мечь я принесъ! (Я доставилъ лошадь, которая) догоняетъ птицу, летающую въ той моей сторонѣ и обгоняетъ сѣрую собаку, (бѣгающую) въ здѣшней твоей землѣ! (Балбенъ нэртей газырту Балгунъ нэртей тѣ-чжянъ яссынъ ульду ургумылъ зандынъ модо иджорто эрмекчинъ чаганъ гунесъ унагаласынъ мори танай тэрэ ульду наинъ джинъ тэмыръ чжоточжи найманъ ланъ тэмыръ болгочжи Нань-чжинъ кичиту найрылма Сеньчинъ кичиту сеирӯлма наинъ хонокъ соймо абчирысынъ ульду маны тэрэ газарту нэсынъ шивогыгъ кучимэ танай эндэ тэрэ боро нохойгыгъ даринъ гарна).

Бергенъ опять спрашиваетъ: Доставилъ ли ты желтобѣлую флягу, заткнутую пробкой цвѣта желтокраснаго коралла [2]) (хувынъ чаганъ лонху хобу шурюнъ бӧктей абчирбу)?

Хончжинъ отвѣчаетъ: Доставилъ (абчирла)!

Бергенъ спрашиваетъ: Эта твоя бѣлая фляга (изъ такихъ ли, какія) бываютъ въ городахъ Саинъ-туру и Шинъ-ширъ (танай тэрэ лонхо Сайнъ-туру Шиншури чаганъ лонхо байна)?

Хончжинъ отвѣчаетъ: Эта моя бѣлая фляга сдѣлана на океанѣ изъ океанской соломы! безхитростнымъ мальчикамъ въ подарокъ принесъ (я) эту драгоцѣнную бѣлую флягу (манай тэрэ лонхо катага далаинъ хӧрсу кэчэръ яссынъ чаганъ лонхо аргы угей ху хухутэнъ беликдеръ абчиршынъ эрденинъ чаганъ лонхо)!

— Привелъ ли драгоцѣннаго бѣлаго верблюда (эрденинъ чаганъ тэмэнъ абчирбу)?

— Привелъ! Съ жемчужнымъ поводомъ, съ сѣдломъ, покрытымъ мангныкомъ [3]), привелъ! Въ подарокъ безхитростымъ мальчикамъ этого бѣлаго драгоцѣннаго верблюда я привелъ (абчирисынъ билэ! Субутъ бурундуктай мангныкъ бамбатай абчирисынъ билэ! аргы угей ху хухутенъ тэрь беликдеръ эрденинъ чаганъ тэмэгигъ абчирисынъ билэ)!

— Принесъ ли славныя пять эрдени (халхалыкчи табунъ эрдени [4]) кичигъ абчирбу)?

— Принесъ! Клыкъ большой свиньи, черепъ черепахи, рогъ звѣря орон го, иглу ежа. . . . . [5]) (абчирисынъ билэ! ю, ю, ботонъ гахай соё, сокъ джаранъ ургёсу, лакъ-мелехеинъ чара, оронгоинъ ӯбӯръ. . . . . абчирисынъ билэ)!

---

[1]) По разъясненію сообщавшаго объ этомъ обрядѣ, эрмекчинъ такая кобыла, которая рѣдко приноситъ жеребятъ, въ нѣсколько лѣтъ одного.

[2]) Часто въ Ордосѣ и въ прилегающей странѣ для затыканія бутылокъ употребляютъ желтокрасные плоды жужубы.

[3]) Шелковая матерія съ изображеніями драконовъ.

[4]) Вмѣсто эрдени можно сказать: этъ.

[5]) Пятую эрдени разсказчикъ забылъ.

Digitized by Google

— Принесъ ли крѣпкій мангныкъ о семидесяти двухъ пуговицахъ (дартагай мангныкъ даланъ хоиръ тобчитай абчирбу)?

— Принесъ!

— Тѣ семьдесятъ пуговицъ, гдѣ прикрѣплены (тэрэ даланъ хоиръ тобчи хàнахàнà хатадыкъ тобчи ими)?

— Сорокъ пуговицъ сзади, сорокъ пуговицъ спереди. Двѣ пуговицы пришивали и онѣ отпали; прикрѣпляли и онѣ отвалились! болѣе не пришиваются. У васъ здѣсь нѣтъ ли мастерицы-швеи? Ей мы этотъ мангныкъ принесли (арынъ талата дöчи, убуръ талата дöчи! Хоиръ тобчи хатабучи хагджирадъ ӱтобучи оглеродъ иртенъ болсынъ угей. Танай эндэ нигэ урунъ сайбынъ гевчиту абчирисынъ билэ)!

— Моя дѣвушка, говоритъ бергенъ, сѣвъ на сивую лошадь, покрытую собольими потниками, уѣхала узнать имя и годъ рожденія у Бурхана-бакши (манай хухенъ буурылъ мори унадъ булгынъ тохумъ тоходъ Бурханъ-бакшасъ нэрэ джилъ гуйхоръ ябусанъ)!

Хончжинъ на это говоритъ: Э! мой юноша (её) видѣлъ! Сѣвъ на буланую лошадь, взявъ садакъ и стрѣлы (онъ) взъѣхалъ на Ястребиную гору, увидѣлъ твою дѣвицу и вотъ теперь пріѣхалъ сюда (э! манай ху удзесынъ. Сарылъ моринъ унадъ сатыкъ сумунъ чжуугедъ сарапчинъ уландаръ гарадъ харасынъ такой хухенъ ото хунь герлю ороло)!

Послѣ этого обряда невѣсту доставляютъ въ домъ жениха. На пути туда невѣстѣ дѣлаютъ три встрѣчи; сначала её встрѣчаетъ женихъ, ближе къ дому её встрѣчаетъ отецъ жениха; наконецъ, послѣднюю встрѣчу дѣлаютъ ей женщины. Передъ домомъ жениха раскладываютъ два костра; это называется сюрюкъ. Женихъ ждетъ невѣсту сзади огней; невѣста приближается къ огнямъ и останавливается; женихъ, не переходя за линію огней, подаетъ ей плеть; невѣста берется за плеть рукой и женихъ перетягиваетъ её къ себѣ посредствомъ плети, какъ-бы перетаскиваетъ черезъ порогъ.

Тайджинары и Хатыгыты не женятся на женщинахъ своего омока, а также Таджинары не женятся на Хатыгыткахъ и Хатыгыты на Таджинаркахъ. Тайджинары считаютъ Хатыгытовъ своими племянниками (дже).

Въ Ордосѣ нѣтъ обычая, чтобъ нагачи (дядя со стороны матери) давалъ подарокъ племяннику (дже), но существуетъ такая поговорка: если дже у нагачинаровъ ѣстъ, пьетъ, беретъ у нихъ деньги, онъ обѣднѣетъ; если онъ у абаганаровъ (дядей со стороны отца) ѣстъ, пьетъ и беретъ деньги, онъ разбогатѣетъ [1]).

Послѣ смерти да-ноина или та-женя (т. е. важнаго лица, сановника) весь Ордосъ, и мужчины и женщины, носятъ трауръ по-китайски; одѣваются въ бѣлое платье, шапки и косу обертываютъ въ бѣлое; цѣлый годъ не дѣлаютъ хорин'овъ, т. е. свадебъ, не поютъ пѣсенъ. Во всемъ Ордосѣ снимаютъ хіймори [2]) и прячутъ.

Въ Ордосѣ распространенъ китайскій обычай заключать союзъ побратимства

---

[1]) Абаганаръ—это всѣ родственники по отцу, нагачинаръ—всѣ родственники по матери.

[2]) Хіймори—флаги съ молитвами, выставленные на мачтахъ или передъ домомъ или сзади его.

Digitized by Google

(андалаху). Обыкновенно братство заключаютъ три человѣка, пять, семь, девять и т. д., но никогда четное число. Обрядъ заключается въ томъ, что колятъ овцу, варятъ мясо, ѣдятъ его и пьютъ водку, а передъ тѣмъ, въ присутствіи стариковъ, заявляютъ желаніе заключить побратимство, на что старики отвѣчаютъ одобреніемъ; потомъ зажигаютъ кучжи [1]) передъ бурханами и дѣлаютъ урсанъ, а затѣмъ покланяются богамъ, а также матерямъ всѣхъ вступившихъ въ побратимство лицъ. Общество побратимовъ называется андаласынъ улусъ; старшій въ этомъ улусѣ лѣтами называется аха, младшій дю. Иногда обрядъ состоитъ въ томъ, что умываютъ лицо и руки изъ одной посуды, въ которую кладутъ серебро. Послѣднимъ моется дю, выплескиваетъ воду и серебро получаетъ въ свою пользу. Во время обряда произносятся китайскія слова: ю ма тунгъ чи ю чянъ тунгъ сы хуа, что будто-бы значитъ: «если будетъ лошадь, вмѣстѣ на ней поѣдемъ; если будутъ деньги, всѣ пополамъ раздѣлимъ». Можно одновременно состоять въ нѣсколькихъ группахъ побратимовъ; поэтому у одного человѣка накопляется по нѣскольку десятковъ побратимовъ; у нашего слуги Очира, взятаго въ Боробалгасунѣ, насчитывалось, по его словамъ, до 14 анда; у другихъ бываетъ до 100 анда. Этотъ обычай заключаетъ въ себѣ большую культивирующую нравы силу. Онъ запрещаетъ сердиться на анда и ссориться съ нимъ; если анда обидѣлъ, нужно стерпѣть; выругаться уже есть нарушеніе завѣта. Всѣ, что человѣкъ имѣетъ, онъ долженъ дѣлить со своимъ анда, если тотъ будетъ нуждаться; для анда ни въ чемъ не можетъ быть отказа. Анда должны дѣлить всякое горе вмѣстѣ; на войнѣ должны умирать другъ за друга. За исполненіемъ правилъ слѣдитъ аха. Обрядъ этотъ совершается и между женщинами, но никогда между женщинами и мужчинами. Когда двѣ снохи вздорятъ и ссорятся между собою, старые люди присовѣтываютъ имъ заключить союзъ посестерства, сдѣлаться анда. Двѣ неуживающіяся женщины сестрятся и послѣ того стараются сдерживать себя и между ними постепенно устраиваются миръ и согласіе. Особенно много было заключено союзовъ побратимства въ Ордосѣ во время мусульманскаго возстанія. Обрядъ этотъ также называется тонгуракъ.

Среднее положеніе Ордоса между Тибетомъ и сѣверной Монголіей и Пекинской равниной должно бы дать ему важное значеніе въ исторіи распространенія буддизма. Но тотъ треугольникъ, заключающійся между сѣвернымъ и западнымъ колѣнами Желтой рѣки и Великой стѣной, который собственно называется Ордосомъ, вѣроятно былъ всегда населенъ небогатымъ кочевымъ племенемъ и потому здѣсь не встрѣчается ни памятниковъ буддійскаго искусства, ни явленій природы, возведенныхъ въ буддійскія святыни. Монастырей, такъ называемыхъ по здѣшнему чжу или чжао, въ Ордосѣ не мало, но всѣ они средней величины и не пользуются особенной славой. Въ хошунѣ Джунгоръ самый главный монастырь Джунгоръ-чжао; онъ находится въ южной части хошуна и упоминается въ нашемъ дневникѣ; мы проѣхали мимо него 21 августа 1884 г. (см. выше стр. 71). Самый главный монастырь хошуна Ушинъ Ушинъ-чжу остался отъ нашей дороги вправо, т. е.

[1]) Кучжи—курительныя свѣчи, употребляемыя въ кумирняхъ.

Digitized by Google

къ западу. До мусульманскаго возстанія въ немъ, говорятъ, было до 2000 ламъ; теперь только тысяча. Въ монастырѣ четыре тугана [1]): Сокчинъ-туганъ, Расынъ-туганъ, Мамба-туганъ и Донкыръ-туганъ; кромѣ того есть Хорлонъ-сумэ съ огромной молитвенной мельницей внутри и Санканъ-сумэ со статуями пяти докшиновъ.

Окружающія Ордосъ земли богаче святынями, чѣмъ самъ Ордосъ. Къ сѣверу отъ Ордоса лежитъ городъ Хуху-хото со своими старыми чжу, среди которыхъ такъ называемый У-тха-сы, «Пятибашенный монастырь» представляетъ самую интересную буддійскую древность здѣшней области. Въ западномъ концѣ хребта Инъшань, на его южномъ склонѣ есть мѣстность Лумбунъ-чимбо; подъ этимъ именемъ разумѣютъ ту часть сухой долины Харганай, гдѣ находится три пещеры, внутри которыхъ есть изображенія боговъ. Въ пещерахъ указываютъ статую бога Лумбунъ-чимбо, поразившаго чудовище, которое свирѣпствовало на землѣ; глубокое провалище, въ которое свалилось это чудовище; цѣлебный источникъ, и наконецъ слѣды Чингисъ-хана.

Къ в. отъ Ордоса, близь города Чжя-чжоу находится монастырь Пей-юнъ-сай съ уважаемымъ народомъ изображеніемъ бурхана Чаганъ-абита. О буддійскихъ святыняхъ города Нинъ-ся, а также Алашаня намъ ничего неизвѣстно.

Южнѣе Нинъ-ся на Желтой рѣкѣ, на ея правомъ берегу лежитъ гора Ньютоушань, «Гора Коровья Голова»; монголы зовутъ её Ухыръ-ола, «Корова—гора». Здѣсь былъ когда-то большой монастырь, но былъ разрушенъ, судя по характеру народнаго разсказа, какою-то физической катастрофой, землетрясеніемъ или осѣданіемъ горы. Теперь отъ монастыря остались небольшіе остатки; разсказываютъ о существованіи внутри монастыря чудесной башни, основаніе которой виситъ на воздухѣ. Всѣ эти перечисленныя святыни, со всѣхъ сторонъ окружающія Ордосъ [2]), привлекаютъ къ себѣ многочисленныхъ поклонниковъ (батырчи), ходящихъ, подобно нашимъ древнимъ каликамъ перехожимъ, пѣшкомъ, съ посохами (таяга) въ рукахъ и котомками за плечами.

Кромѣ монастырей, которые намъ встрѣтились на дорогѣ: Цайдеминъ-суме, Джунгоръ-чжао, Шине-суме и Халютенъ-суме, мы слышали еще о монастыряхъ: Голынъ-чжао въ хошунѣ Джунгоръ на берегу Желтой рѣки, къ з. отъ города Тото-чена, Джанджинъ-чжао, Хойту-тологой-чжао и Шине-суме, также въ сѣверо-восточномъ Ордосѣ, Ушинъ-чжао въ хошунѣ Ушинъ. Пржевальскій упоминаетъ Шара-дзу и Дайчинъ-чжу на прав. берегу Желтой рѣки; оба были въ развалинахъ. На картѣ епископа Девоса назначены внутри Ордоса: Чжаргынъ-суме къ с. отъ Ушинъ-чжао, Шине-чжао къ с. отъ ставки князя Отокъ, Харгантаинъ-суме между этой ставкой и развалинами города Боро-балгасунъ; Боро-тологой-суме и Ширатеме-суме, оба между оз. Мангнай-дабасунъ и сѣверозападнымъ загибомъ Желтой рѣки.

Буддійскіе памятники свидѣтельствуютъ, что въ приордосскихъ мѣстностяхъ

---

[1]) Туганъ—храмъ.

[2]) Подробности см. въ IV части этого изданія.

Digitized by Google

давно кипѣла религіозная жизнь и нѣкоторыя нынѣшнія святыни, можетъ быть, сдѣлались предметами почитанія еще въ добуддійское время. Во времена Чингисъ-хана, можетъ быть, былъ расцвѣтъ этой духовной дѣятельности Пріордосья. На западной окраинѣ его лежала Нинъ-ся, столица Сяскаго (тангутскаго) государства [1]); на сѣверной Хуху-хото былъ столицей Ванъ-хана, царя киреитскаго государства. Къ удивленію, отъ этого повидимому блестящаго вѣка не осталось никакого литературнаго памятника; это, можетъ быть, потому, что памятники эти были на тангутскомъ и уйгурскомъ языкахъ и погибли вмѣстѣ съ этими народностями, не будучи унаслѣдованы пришедшею въ Ордосъ монгольскою ордою. Лѣтопись ордосскаго князя Сананъ-Сэцэна ничего не знаетъ изъ предшествующей исторіи Ордоса и начинается монгольскими преданіями о предкахъ Чингисъ-хана, которыя принесены въ Ордосъ съ сѣвера. Самое введеніе буддизма эта лѣтопись относитъ къ очень позднему времени, къ 1577 г. и приписываетъ его какому-то Алтынъ-хану Туметскому, подобно тому какъ и халхаскія преданія введеніе буддизма въ сѣверную Халху относятъ только къ 1587 году (см. Schmidt. Gesch. d. Ost-Mong., S. 225 und. 253). И то и другое преданіе по всей вѣроятности не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и перенесены на эти эпохи изъ временъ гораздо древнѣйшихъ. Рубруквисъ описываетъ ламскіе монастыри въ сѣверной Монголіи; тѣмъ болѣе они процвѣтали вѣроятно въ южной и въ прилегающихъ къ Ордосу странахъ. Оріенталисты, чтобъ примирить монгольскія легенды съ подобными историческими достовѣрными свидѣтельствами, говорятъ о паденіи буддизма передъ Алтынъ-ханомъ и Абатаемъ; но прочныхъ свидѣтельствъ этого упадка не приводится, и по всей вѣроятности упадокъ этотъ есть выдумка монгольскихъ грамотниковъ, не рѣшающихся усомниться въ показаніяхъ лѣтописей относительно времени, въ которое жили Алтынъ-ханъ и Абатай и не умѣя иначе примирить разсказа о столь позднемъ введеніи буддизма съ свидѣтельствами о болѣе древнемъ его существованіи въ Средней Азіи.

По всей вѣроятности, ордосскіе монголы уже на своей родинѣ, въ сѣверной Монголіи, были тронуты буддизмомъ; въ Ордосѣ они подверглись еще болѣе сильному духовному преобразованію, но тѣмъ не менѣе они еще сохранили и до сихъ поръ нѣкоторые остатки своихъ прежнихъ національныхъ вѣрованій. Самый интересный остатокъ подобной старины это лѣтній таилганъ, т. е. кровавое жертвоприношеніе въ честь Богдо-еджена или Чингиса-богдо. Замѣчательно, что во всей Монголіи подъ мягкимъ вліяніемъ буддизма вездѣ кровавыя жертвоприношенія исчезли; мы встрѣчаемъ еще кровавые таилганы въ средѣ монгольскаго племени только у сѣверныхъ бурятъ, придерживающихся шаманской вѣры. Въ остальной Монголіи ихъ нигдѣ нѣтъ и они сохранились только въ одномъ Ордосѣ, въ странѣ, гдѣ буддизмъ, вѣроятно древнѣе, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Монголіи.

Въ народной памяти хранятся также и древніе гимны въ честь національ-

---

[1]) Странно, что Марко-Поло, отмѣчая, что Тендухъ былъ резиденціей Ванъ-хана, не говоритъ, что Егригайа, въ которой комментаторы видятъ нынѣшній Нинъ-ся, былъ столицей тангутскаго царства.

Digitized by Google

ныхъ божествъ, въ честь Чингиса-богдо, Оротъ-бурхана, Чаганъ-убугуна и Сультэ-бурхана [1]).

Ордосъ имѣетъ три свои мѣстныя святыни, которыя называются Ихи-едженъ-хоро, Донду-едженъ-хоро и Бага-едженъ-хоро, т. е. великое, среднее и малое едженъ-хоро. По наружному виду это войлочныя юрты; въ великомъ едженъ-хоро, по словамъ монголовъ, хранятся кости Чингисъ-хана; въ среднемъ—кости его жены, которая была родомъ монголка изъ поколѣнія Далатъ, и въ маломъ—платье той жены Чингисъ-хана, которую онъ отнялъ у какого-то другого хана. Плѣненная женщина отвергла любовь Чингисъ-хана, бросилась въ Желтую рѣку и утонула; трупъ ея не могли найдти, нашли только ея платье; оно-то и хранится въ маломъ едженъ-хоро. По содержанію эта легенда та же самая, что̀ разсказывается о женѣ тангутскаго хана Шидургу у Сананъ-Сэцэна и въ Алтанъ-тобчи о Елбекъ-ханѣ.

Великое едженъ-хоро находится въ хошунѣ ордосскаго вана, на правомъ берегу р. Чжамхакъ, къ востоку отъ ставки вана; малое—въ хошунѣ Джунгоръ, въ 40 или болѣе ли къ югу отъ ставки джунгорскаго бэйли. Эти два едженъ-хоро мы видѣли проѣздомъ черезъ Ордосъ и сняли съ нихъ фотографію. Среднее хоро находится гдѣ-то неподалеку отъ великаго, но я его не видалъ и разспросить хорошенько о мѣстѣ его нахожденія не успѣлъ.

Описаніе этихъ усыпальницъ помѣщено выше (см. стр. 71 и 73).

Всѣ эти три едженъ-хоро находятся подъ присмотромъ особаго сословія или племени, которое называется Дархатъ или Тархатъ. Ихъ считается до 50 дворовъ; сословіе это уважается въ Ордосѣ; дархаты избавлены отъ всякихъ налоговъ и повинностей; о нихъ говорятъ, что они живутъ на вольной волѣ, «дураръ ябна». При встрѣчѣ съ ними имъ отдается почетъ, какъ дворянскому сословію, хотя они и не имѣютъ на шапкахъ шариковъ; даже князья иногда уступаютъ имъ дорогу. Увѣряютъ, будто въ обычаѣ ни въ чемъ не отказывать дархату; если онъ у встрѣчнаго потребуетъ лошадь подъ съѣздъ, нужно дать. Дархаты смотрятъ за сохранностью едженъ-хоро и собираютъ подаянія на него. Съ этою цѣлью они разъѣзжаютъ не только по всѣмъ семи улусамъ Ордоса, но заѣзжаютъ и къ чахарамъ, олётамъ и халхасцамъ. Въ эти поѣздки они берутъ съ собою мечъ и токъ (знамя) Чингисъ-хана. Пріѣхавъ въ домъ человѣка, они требуютъ, а не просятъ пожертвованій. Они водружаютъ передъ домомъ знамя, втыкаютъ въ землю мечъ остріемъ внизъ, рукояткой, обвѣшанной хатаками [2]) вверхъ, ставятъ серебряную чашу, читаютъ урсанъ [3]) Чингису-Богдо, потомъ спрашиваютъ: «Ты что даешь Богдо: корову или лошадь или серебро? Джа! веди корову! или лошадь!» Вообще ордосцы разсказываютъ, что дархаты ведутъ себя среди народа съ претензіями и повелительно.

Никакой легенды о происхожденіи дархатовъ мнѣ не удалось записать. Гово-

---

[1]) Ордосцы ничего не знаютъ о Этугенъ, т. е. о женскомъ божествѣ, подъ которымъ халхасцы представляли духа земли; но въ ордосскомъ гимнѣ въ честь Сультэ упоминается Ундугенъ-экэ; имя это разсказчикъ перевелъ Зампутипъ, т. е. Джамбудвипа.

[2]) Хатакъ—шелковый платокъ.

[3]) Молитву.

Digitized by Google

рятъ только, что дархаты были слуги самого Чингисъ-хана, что ихъ уважаютъ, какъ дѣтей Чингисъ-хана за то, что они стерегутъ мечъ Чингисъ-хана. За то, что они вольные люди, ихъ зовутъ Дай-дархатъ.

Дархаты управляются особымъ чиномъ, избираемымъ изъ ихъ же среды; это лицо называется таргу или джайсанъ. Кромѣ того у нихъ есть и другіе чины; такъ мнѣ перечислили слѣдующіе: тайши, тайбу, тайбучинъ, чирби, кёкё, хонджинъ, галчи, бокточинъ [1]) и шильбечинъ [2]). Что касается до профессій этихъ чиновъ, то мнѣ удалось узнать только объ одномъ галчи; этимъ именемъ называется тотъ дархатъ, который разводитъ огонь подъ котломъ съ жертвеннымъ мясомъ въ праздникъ 21 числа 6 луны, ежегодно совершаемый на р. Чжамхакѣ [3]). Еще сказали о хонджинѣ, что его обязанность состоитъ въ произнесеніи ёрёля (гимна) въ честь Едженъ-Богдо. О шишкитскихъ дархатахъ ордосскіе дархаты ничего не знаютъ. Когда я спрашивалъ ихъ, не будутъ ли шишкитскіе дархаты имъ родственники, они отвѣчали: «Не слыхали о тѣхъ дархатахъ; вѣроятно то хара-дархаты», т. е. черные дархаты. Дархаты очень много собираютъ скота и серебра, но у нихъ, какъ это говорятъ и объ алтайскихъ шаманахъ, богатство не держится. Богатыхъ между ними нѣтъ.

Ежегодно въ честь едженъ-хоро ордосцы совершаютъ большое празднество, такилга или таилгà (собственно жертвоприношеніе). Оно бываетъ на 21 число 6 луны. Въ честь Чингиса-Богдо убиваютъ лошадь. Праздникъ этотъ называется Чаганъ-сюрюкъ.

Таилга совершается на особомъ мѣстѣ, лежащемъ на лѣвомъ берегу р. Чжамхака въ 10—15 ли отъ постояннаго мѣстопребыванія великаго едженъ-хоро; три года сряду таилга устраивается на сѣверо-востокѣ отъ постояннаго мѣстопребыванія, три года на востокѣ и три года на юго-востокѣ. Сюда къ этому дню свозятъ всѣ три едженъ-хоро. Для этого, стоящія постоянно на одномъ мѣстѣ юрты разбираютъ до послѣдней доски и складываютъ на телеги, снизу доски, сверху войлока и наконецъ шелковые покровы юртъ. Каждое хоро укладывается на одну телегу, въ которую запрягается три бѣлыхъ верблюда; такимъ родомъ всѣхъ верблюдовъ въ упряжи находится девять (юсунъ чаганъ теме). На новомъ мѣстѣ хоро вновь ставятся въ рядъ, дверями на югъ. Въ серединѣ стоитъ великое хоро, содержащее кости Чингиса-Богдо; оно носитъ спеціальное имя Чомчокъ или Цомцокъ. На право отъ него, т. е. съ запада, стоитъ хоро съ останками жены Талатки, налѣво, т. е. съ востока—хоро съ платьемъ второй жены Чингисъ-хана. Уставивъ деревянные остовы хоро, ихъ покрываютъ войлоками, т. е. приводятъ въ тотъ видъ, въ какомъ мы ихъ видѣли;

---

[1]) Бокто—пятки.

[2]) Шильбе—голень. Вѣроятно чины имѣютъ какое нибудь назначеніе при закланіи лошади.

[3]) Чирби вѣроятно то же, что черби у Рашидъ-Эддина и въ Юнь-чао-ми-ши. Рашидъ-Эддинъ говоритъ, что это слово значитъ: «чистый сердцемъ и правый внутренностью». Оріенталисты, кажется, думаютъ, что такъ назывался церемоніймейстеръ. Въ якутской сказкѣ (Зап. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О. по этн., т. I, в. 3, стр. 104). Юряйбя-Сарайба раздаватель мяса на пиру. Толкованіе Рашидъ-Эддина можетъ быть находится въ связи съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣетъ въ степномъ обычаѣ раздаватель мяса, который долженъ сообразоваться при исполненіи своей должности съ степенями родства гостей.

Digitized by Google

кромѣ того, по случаю торжества, сверху ихъ покрываютъ еще желтыми шелковыми покровами. Передъ хоро разстилаютъ войлокъ; на него садятся ламы и читаютъ урсанъ въ честь Едженъ-Богдо (или Чингисъ-Богдо). Около него ставится столъ, на которомъ ставится серебряная посуда и чаргунъ; что такое чаргунъ, будетъ сказано ниже. На другомъ столикѣ выкладываются вещи, которыя будто бы принадлежали Чингису-Богдо: хабтырга (т. е. кисетъ для табаку) въ 1 футъ длиной, кета (огниво) длиной въ четверть, трубка, лукъ, сайдакъ, мечъ, все это преувеличенныхъ размѣровъ.

Южнѣе ламъ, сидящихъ на войлокѣ, на другомъ бѣломъ войлокѣ стоитъ бѣлый конь, который называется Ондюго-чаганъ-мори (т. е. конь яичной бѣлизны). Ордосцы вѣрятъ, что этотъ конь къ 21 числу 6 луны самъ, безъ пастуха, прибѣгаетъ къ мѣсту таилги. Передъ Ондюго-мори стоитъ корыто, въ которое поклоняющіеся кидаютъ деньги. Къ востоку отъ Ондюго другой конь, Найманъ-шаргы-мори, т. е. соловой конь Найманъ [1]). Это конь, на которомъ ѣздилъ Чингисъ-Богдо; на немъ надѣты узда и сѣдло тѣ самые, которые надѣвались при жизни Богдо. Ондюго-мори стоитъ безъ сѣдла; это былъ не выѣздной конь Богдо, а его сэтэръ, т. е. конь, посвященный богамъ.

Къ сѣверу отъ Найманъ-шаргы-морина стоитъ человѣкъ, котораго называютъ Алтынъ-хатасунъ; онъ опирается на рогъ антилопы оронго; ноги его зарыты въ землю; рядомъ съ нимъ стоитъ тарелка для жертвоприношеній и лежатъ четыре сѣдла, а впереди его въ землю воткнутъ рядъ изъ девяти стеблей растенія дэрису; къ верхушкѣ каждаго стебля привязанъ пучекъ овечьей шерсти; эти девять стеблей дэрису называются юсунъ сульдэ.

Алтынъ-хатасунъ значитъ золотой колъ; у калмыковъ на Волгѣ и у баргу-солоновъ близъ города Хайлара именемъ «Золотой колъ» называется Полярная звѣзда. По поводу Алтынъ-хатасуна разсказывается такая легенда. Во время дней Едженъ-Богдо съ неба спустилась бѣлая, какъ яйцо, лошадь Ондюго-чаганъ-мори; Едженъ-Богдо приказалъ сковать золотой колъ для привязыванія этой небесной лошади. Золотой колъ былъ скованъ и вбитъ въ землю. Какой-то воръ укралъ этотъ золотой приколъ; объ имени этого вора ордосцы отзываются по большей части невѣдѣніемъ; только одинъ ордосецъ назвалъ мнѣ его именемъ Тогусъ-Чокту. Воръ былъ пойманъ и приведенъ къ Едженъ-Богдо. Едженъ-Богдо сказалъ: «Ты унесъ у меня колъ, къ которому я привязалъ своего коня. Будь же, если такъ, ты самъ вмѣсто кола»! И послѣ того Едженъ-Богдо повелѣлъ закопать вора въ землю по горло и привязать къ нему Ондюго-морина, а также повелѣлъ, чтобъ и впредь ежегодно въ 21 число 6-й луны закапывали въ землю одного изъ потомковъ этого вора. Такимъ образомъ и возникъ обрядъ 21 числа. Сначала завѣтъ Едженъ-Богдо исполнялся въ точности; одного изъ потомковъ вора закапывали по горло и онъ уми-

[1]) Найманъ по монгольски «восемь». По другимъ показаніямъ какъ будто тутъ и надо разумѣть восемь лошадей; одинъ ордосецъ говорилъ мнѣ, что при Едженъ-хоро содержится девять бѣлыхъ верблюдовъ и восемь соловыхъ лошадей. Въ одной ордосской пѣснѣ упоминается: нарихан сайханъ найманъ шаргылъ, «восемь статныхъ прекрасныхъ соловыхъ».

Digitized by Google

ралъ. Впослѣдствіи, съ смягченіемъ нравовъ, этотъ суровый обрядъ видоизмѣнился; нынѣ Алтынъ-хатасуну зарываютъ пескомъ только ступни. Въ теченіе всего этого дня Алтынъ-хатасуну не даютъ ни ѣсть, ни пить и онъ долженъ стоять, не шелохнувшись; на пескѣ, покрывающемъ его ступни, пишутъ нѣсколько буквъ, и если въ концѣ обряда найдутъ ихъ испорченными, бьютъ Алтынъ-хатасуна; также бьютъ пастуховъ въ томъ случаѣ, если насорятъ священныя лошади, участвующія въ обрядѣ. Къ этому подвигу Алтынъ-хатасунъ приготовляется постомъ и въ теченіе трехъ дней не ѣстъ ничего, кромѣ жужубовъ (по кит. цзаоръ, по монгол. шибыги). Изъ году въ годъ до послѣдняго времени роль Алтынъ-хатасуна исполняетъ, говорятъ, человѣкъ изъ одной и той же фамиліи, которую народъ считаетъ происходящей отъ похитителя золотого кола. Нынѣшній Алтынъ-хатасунъ живетъ въ урочищѣ Хараганту въ 100 ли отъ развалинъ города Боро-балгасуна въ южномъ Ордосѣ; говорятъ, онъ богатый человѣкъ.

На западъ отъ ламъ, читающихъ, сидя на войлокѣ, урсамъ Едженъ-Богдо, стоитъ большое ведро съ молокомъ. Оно называется боро-ундуръ или дзандынъ-модо-суулга; послѣднее имя можетъ быть переведено: «бадья изъ сандальнаго дерева»; значеніе же перваго понять трудно, хотя отдѣльныя слова въ немъ и понятны: боро значитъ «сѣрый», «дождь»; ундуръ—«высокій». Подлѣ этой бадьи стоитъ телега, на которой она возится, съ футляромъ для нея. Бадья окована тремя серебряными обручами.

Телеги, на которыхъ привезены Едженъ-хоро, ставятся позади хоро параллельнымъ рядомъ, оглоблями на югъ. Въ сторонѣ отъ нихъ лежатъ девять бѣлыхъ верблюдовъ (юсунъ чаганъ теме), на которыхъ привезены хоро. Тутъ же около устраивается очагъ, дзюху, т. е. вырывается ровикъ, въ которомъ утверждается большой котелъ. Въ этомъ котлѣ варятъ мясо лошади, убиваемой въ этотъ день въ честь Едженъ-Богдо.

Окружающая хоро степь уставляется множествомъ монгольскихъ юртъ и телегъ. Впереди другихъ стоятъ юрты нойоновъ. Много также бываетъ палатокъ, въ которыхъ торгуютъ китайцы.

Поклоненіе прибывающаго на праздникъ народа—на праздникѣ участвуютъ только мужчины, женщины смотрятъ издали—совершается въ такомъ порядкѣ. Сначала идутъ къ Едженъ-хоро и прежде всего поклоняются (т. е. дѣлаютъ земные поклоны съ приложеніемъ рукъ къ лбу) Чомчоку, потомъ двумъ другимъ Едженъ-хоро. Затѣмъ идутъ къ Ондюго-морину; поклонившись ему и положивъ деньги, идутъ къ Алтынъ-хатасуну; ему также поклоняются и кладутъ дары; иные дарятъ ему даже лошадь. Въ этотъ день онъ важный человѣкъ, говорятъ ордосцы—богденъ-хунь, «божій человѣкъ». Отъ Алтынъ-хатасуна идутъ къ Найманъ-шаргы-морину и стараются лбомъ прикоснуться къ ея поводу или къ стремени. Отъ Найманъ-шаргы-морина толпа поклонниковъ направляется къ девяти бѣлымъ верблюдамъ, при чемъ обходитъ съ сѣвера три телеги (хасыкъ), на которыхъ привезены едженъ-хоро. На задкахъ телегъ, которые торчатъ кверху вслѣдствіе того, что передки ихъ опущены на землю, а также подъ телегами сидятъ дѣти

Digitized by Google

дархатовъ; большіе сидятъ на телегахъ, маленькіе подъ телегами. Проходя мимо дѣтей, поклонники произносятъ:

Ей, хунь-джилеръ турюнъ хухутей болъ!
Хартъ чеху хаму угей болъ!
Тортъ чеху тому угей болъ!
Джиль ирихиту джирги нэмэ!
Онъ прихиту оргиджи ябу!

т. е. да будетъ одѣяло полно дѣтей! да не будетъ у васъ ни чесотки, ни насморку! а въ возрастъ придете, да будете вы счастливы и сановиты!

Проговоривъ эти слова, поклонники бросаютъ въ воздухъ деньги; дѣти, сидящія на телегахъ, не слѣзая съ нихъ, ловятъ деньги въ воздухѣ; что, не попавъ въ ихъ руки, упадетъ на землю, подбираютъ маленькія дѣти, сидящія подъ телегами. Отсюда поклонники приходятъ къ верблюдамъ и украдкой теребятъ шерсть съ ихъ гривъ. Эту шерсть потомъ зашиваютъ въ бѣлую дабу и носятъ на груди. Этимъ поклоненіе кончается; поклонники присоединяются къ остальной толпѣ.

Въ то время, какъ поклонники переходятъ отъ одной святыни къ другой, дархаты торопятъ ихъ. Самому ванъ-джинону, который въ этотъ день самое важное лицо въ Ордосѣ, они кричатъ: Хуртунъ, хуртунъ, нойонъ! ябу, ябу! «Скорѣе, скорѣе, князь! иди, иди!» Иной нойонъ старъ или толстъ, едва ползетъ, но и ему не даютъ покою дархаты и кричатъ: «иди, иди»! Ордосцы говорятъ: «одинъ день въ году дархаты бываютъ выше князей»! Съ простой толпой дархаты еще менѣе церемонятся; они гонятъ ее ивовымъ прутомъ. Также бьютъ они прутьями тѣхъ тайджи [1]), которые явились на таилгу безъ шарика (джинса); тайджи не должны являться на этотъ праздникъ безъ шарика на шапкѣ.

Съ утра народъ кишитъ около бадьи боро ундуръ, но кропленіе молокомъ можетъ начаться не раньше, какъ первое кропленіе совершитъ джинонъ. Въ этотъ день джинонъ занимаетъ самое выдающееся мѣсто въ ряду другихъ князей. Джиномъ всегда бываетъ ванъ, т. е. званіе это наслѣдственно въ фамиліи ордосскихъ вановъ. Въ политическомъ отношеніи ванъ не выше другихъ ордосскихъ князей и званіе джинона ничего не прибавляетъ къ его власти, кромѣ того только, что джинонъ считается главой дархатовъ; даже, когда званіе да-нойона, т. е. управителя всѣмъ Ордосомъ, по волѣ пекинскаго начальства, получаетъ какой-нибудь другой изъ семи ордосскихъ князей, ванъ-джинонъ становится подчиненнымъ своего собрата-князя. По крайней мѣрѣ ордосскіе монголы ничего не могли сообщить мнѣ такого, что бы давало поводъ думать о какомъ нибудь политическомъ значеніи слова джинонъ. Кромѣ почетнаго значенія на общественномъ ордосскомъ жертвоприношеніи, никакого другого, повидимому, оно не имѣетъ. Только отъ одного молодого монгола мнѣ случилось услышать, что въ древности родоначальникъ джиноновъ былъ такъ сановитъ, что ему отдавали почетъ во дворцѣ Едженъ-хана (т. е. китайскаго императора). Или, какъ онъ самъ выразился: «Джинонъ

[1]) Тайджи, множ. ч. тайджинаръ—сословіе дворянъ, которые считаютъ себя потомками Чингисъ-хана.

Digitized by Google

былъ близокъ къ Еджень-хану» и въ поясненіе прибавилъ: «когда онъ пріѣзжалъ въ Пекинъ, его садили подлѣ императора». Онъ же сказалъ, будто этотъ древній джинонъ назывался болѣе почетнымъ образомъ Люнъ-джинонъ [1]).

Кропленіе молокомъ совершается посредствомъ серебряныхъ блюдечекъ, которыя передъ началомъ обряда пускаютъ въ бадью плавать по поверхности молока. Эти блюдечки называются хундыкъ или тахилъ. Они находятся тутъ въ числѣ восьми, найманъ-хундыкъ; по другимъ показаніямъ ихъ девять, юсунъ-хундыкъ. Первымъ, какъ уже сказано, кропитъ джинонъ. Онъ беретъ хундыкъ, черпаетъ имъ молоко до трехъ разъ и выплескиваетъ его въ воздухъ. Въ этомъ заключается, по словамъ монголовъ, долгъ (алба) джинона въ этотъ день. Только послѣ того, какъ джинонъ совершитъ окропленіе, начинаютъ то же дѣлать и всѣ другіе, князья, тайджи и простой народъ.

По другимъ показаніямъ, бадей двѣ, одна ставится восточнѣе, другая западнѣе. Джинонъ сначала подходитъ къ одной бадьѣ, черпаетъ молоко, идетъ къ другой и только здѣсь выплескиваетъ молоко на землю; черпаетъ здѣсь и идетъ опять къ первому ведру; такимъ образомъ онъ совершаетъ три кропленія. У восточнаго ведра онъ плещетъ на востокъ, у западнаго на западъ. То же дѣлаетъ и остальная толпа, такъ что между ведрами образуется два встрѣчныхъ теченія.

Во время поклоненія Богдо-Еджену люди входятъ внутрь юрты Чомчокъ и становятся на колѣни передъ металлическимъ ящикомъ, въ которомъ будто бы хранятся кости Чингисъ-хана. Тарханъ беретъ въ руки серебряный тахилъ, подаетъ его въ руки ближайшему колѣнопреклоненному изъ толпы; тотъ держитъ тахилъ на ладони протянутой лѣвой руки, правую прилагаетъ къ головѣ, которую преклоняетъ; тогда сзади и рядомъ съ нимъ стоящіе на колѣняхъ прислоняютъ свои головы къ тому, который держитъ тахилъ, а къ нимъ въ свою очередь прислоняются головами далѣе ихъ стоящіе и т. д., пока не составится непрерывная цѣпь, какъ будто для принятія электрическаго тока. Въ это время одинъ изъ дархатовъ произноситъ орёль [2]). Затѣмъ онъ беретъ хатакъ [3]), разрываетъ его на узкія полоски, царкаетъ ими по металлической крышкѣ Чингисъ-хановой раки и раздаетъ эти полоски или тесемки народу. Когда хатакъ наполнится предполагаемой силой отъ тренія, объ немъ говорится: атисла, наполнился счастіемъ. Эти обрывки хатаковъ носятъ повязанными на шею и называютъ джангà.

Когда джинонъ идетъ поклоняться Еджену, за нимъ внутрь Чомчока вносятъ маленькій столикъ величиной съ небольшой подносъ; на столикѣ три хундыка или тахила, наполненные водкой; за человѣкомъ, несущимъ подносъ съ тахилами, идетъ одинъ или два человѣка съ музыкальными инструментами, которые на-

---

[1]) О прежнемъ политическомъ значеніи джинона см. у Шмидта въ примѣчаніяхъ къ Сананъ-Сэцэну (Gesch. d. Ost-Mong., S. 406). Это было званіе въ родѣ вице-короля; имъ облекался или братъ хана или второй сынъ; джинону обыкновенно ввѣрялось управленіе западной половиной ханства.

[2]) Орёль—благословеніе.

[3]) Хатакъ—шелковый платокъ.

Digitized by Google

зываются, по однимъ показаніямъ, чаргунъ, по другимъ, юсунъ-кисыкъ. Если этихъ музыкантовъ двое, они идутъ рядомъ, сзади человѣка, несущаго подносъ съ тахилами. Когда джинонъ начнетъ творить земные поклоны передъ прахомъ Еджена, чаргуны потрясаютъ въ воздухѣ и они производятъ трескъ; дархаты, наполняющіе Чомчокъ, также оглашаютъ воздухъ криками; словъ при этомъ никакихъ не произносится, издаются одни гласные звуки. Звуки чаргуновъ, а можетъ быть и весь этотъ гулъ, называется тенгріинъ-келинъ, т. е. «языкъ неба» или «голосъ неба». Принесенную водку дархаты выпиваютъ, торопливо раздѣляя ее между собой и крича: «Дай, я выпью! дай, я выпью»! До трехъ разъ вносятъ въ Чомчокъ этотъ подносъ съ тремя тахилами, сопровождаемый чаргунами.

Чаргунъ не что иное, какъ трещетка. Онъ состоитъ изъ девяти пластинокъ краснаго дерева, положенныхъ въ рядъ на ребро и соединенныхъ въ одномъ концѣ пронизывающей ихъ палочкой. Въ этомъ же концѣ прикрѣплена къ нимъ ручка, расписанная цвѣтами и украшенная рѣзьбой. На концѣ ручки изображена голова дракона (лу).

Жертвенную лошадь не рѣжутъ, а убиваютъ небольшимъ серебрянымъ молоткомъ, ударомъ въ лобъ, предварительно завязавъ чолку на темени; лошадь передъ тѣмъ ставятъ передъ дверями Чомчока. Когда мясо убитой въ жертву лошади сварится, дархаты дѣлятъ его между всѣми присутствующими; достаетъ на долю каждаго кусокъ величиной не болѣе какъ въ наперстокъ. Эти куски мяса называются Чингисенъ-атисъ или Чингисенъ-кэшикъ, т. е. «счастье Чингиса».

Кромѣ лошади въ тотъ же день колятъ еще овцу, которая получаетъ особое названіе шибшильгенъ-хони. Прежде всего у овцы разрѣзываютъ грудь и одинъ изъ дархатовъ вырываетъ у живого животнаго сердце (дзюрку), легкое (обчи), можетъ быть и горло (холо), если оно подается на усилія рвущаго. Эти внутренности въ совокупности называются тюльку; говорятъ: «взять тюльку». Ихъ кладутъ передъ Чингисъ-Богдо, т. е. передъ его ракой, и читаютъ надъ ними какія-то слова. На трепещущемся сердцѣ, по словамъ дархатовъ, выступаютъ «знаки» (темдыкъ). По нимъ угадываютъ современное и будущее, въ какой сторонѣ благополучно (сайнъ-чакъ), въ какой неблагополучно (му-чакъ). Это называется «смотрѣть тюльку». Потомъ тюльку показываютъ ванъ-джинону и другимъ князьямъ и нойонамъ, вслѣдъ затѣмъ возвѣщаютъ народу, что на востокѣ будетъ такое-то состояніе дѣлъ, на западѣ такое-то и пр.

Когда день поклоненія Еджену кончится, дархаты, приставленные къ Бага-едженъ-хоро, т. е. къ джунгорскому едженъ-хоро, въ которомъ хранится платье второй Чингисовой жены, украдкой запрягаютъ телегу, разбираютъ свое хоро, укладываютъ его въ телегу и украдкой уѣзжаютъ. Дархаты Ихи-Еджена, хватившись, ѣдутъ въ погоню за ними и съ фонаремъ въ рукахъ ищутъ слѣдъ бѣжавшихъ. Если Бага-едженъ-хоро успѣло переѣхать черезъ рѣку, лежащую на пути къ ея постоянному мѣстопребыванію, прежде, чѣмъ его догонятъ Ихи-едженовцы—Ихи-едженовцы считаются посрамленными на цѣлый годъ (ялатай); если Ихи-едженовцы догнали, Бага-едженовцы—посрамлены.

Digitized by Google

Ордосскіе монголы говорятъ, что Чингисъ-Богдо былъ докшинъ бурханъ (т. е. темное божество). Птица, пролетавшая надъ еджень-хоро, падала мертвою; у человѣка, близко проѣхавшаго мимо, и у его лошади, начинала идти кровь изъ носу и рта и онъ умиралъ. Прежде ему приносили человѣческія жертвы; вмѣсто овцы шибшильгенъ ставили человѣка, т. е. смотрѣли человѣческую тюльку. Его укротилъ Банченъ-Эрдени, буддійскій святитель, жившій въ монастырѣ Таши-Хлунбо въ южномъ Тибетѣ. Банченъ-Эрдени проѣзжалъ черезъ Ордосъ на обратномъ пути изъ Пекина въ Тибетъ и дархаты обратились къ нему съ просьбой смягчить бурхана. Банченъ-Эрдени отослалъ дархатовъ и остался наединѣ съ бурханомъ: онъ отворилъ раку, перепоясалъ мумію (говорятъ, что кости Чингисъ-хана покрыты присохшимъ къ нимъ мясомъ) краснымъ мачакомъ [1]) и сказалъ: «Отнынѣ ты долженъ быть милосердымъ! Не убивай болѣе живой твари. Такъ какъ человѣческія жертвы противны природѣ, то въ жертву тебѣ отнынѣ будутъ закалывать лошадей, а не людей». Затѣмъ онъ заперъ ящикъ съ костями Чингиса тремя замками, и донынѣ висящими на трехъ его бокахъ, а ключи увезъ съ собою. Ключи эти теперь находятся въ монастырѣ Таши-Хлунбо и никто изъ дархатовъ не знаетъ, что внутри ящика содержится. Банченъ-Эрдени называется Чингисенъ-бакши. Онъ былъ при Чингисъ-Богдо въ качествѣ тонши, «толкователя воли». Разсказываютъ также, будто въ прежнее время дархаты накладывали въ Чингисову трубку табаку, раскуривали ее и подносили мундштукъ къ серебряному ящику съ костями Чингиса такъ, что дымъ шелъ на ящикъ. Банченъ-Эрдени будто бы прекратилъ и этотъ обрядъ.

Монголы вѣрятъ, что и теперь опасно приближаться къ еджень-хоро съ злымъ намѣреніемъ. У вора, который рѣшится похитить что нибудь изъ еджень-хоро, выпадаютъ глаза. Во время мусульманскаго возстанія шайка мятежниковъ хотѣла разграбить еджень-хоро, однако у перваго человѣка, какъ только онъ прикоснулся къ серебряной ракѣ, сейчасъ же глаза вывалились изъ орбитъ и шайка въ ужасѣ разбѣжалась. По другому однако разсказу, еджень-хоро была разграблена мусульманами и кости раскиданы по степи, но дархаты собрали ихъ всѣ до одной. По третьему, рака была увезена въ Халху или скрылась туда сама невидимо отъ разбойниковъ.

Ордосскіе монголы вѣрятъ, что Чингисъ вновь явится и уведетъ ихъ изъ Ордоса опять на старую ихъ родину. Эту свою старую родину, откуда былъ родомъ также и самъ Чингисъ-богдо, они указываютъ на сѣверо-западѣ и называютъ ее Алтай-Хангай-Алтынъ-Тебши [2]). Разсказываютъ, что въ Ихи-еджень-хоро хранится сѣдло Богдо, убранное серебромъ; оно всегда лежитъ обращенное передней лукой на сѣверо-западъ (барунъ-хойту дзюкту); предполается, что когда Богдо явится, онъ сядетъ на это сѣдло и поѣдетъ на сѣверо-западъ. Говорятъ, что въ Ордосѣ вообще соблюдается обычай класть всякое сѣдло гдѣ бы то ни было пе-

[1]) Большой лоскутъ матеріи, который ламы наматываютъ на себя вмѣсто верхняго платья.

[2]) Алтынъ-тебши «Золотое корыто».

Digitized by Google

редней лукой на сѣверо-западъ, въ той мысли, что рано или поздно ордосскій народъ отправится въ этомъ направленіи. Обычай выставлять флаги надъ домами или передъ домами также объясняется ожиданіемъ пришествія Богдо. Оставляя землю, Богдо сказалъ монголамъ: «Выставляйте у домовъ пятицвѣтные флаги (гэгэръ), чтобы по нимъ я могъ отличить монгольскіе дома и во время избіенія своихъ враговъ пощадить ихъ». По другому переданному объясненію монголы выставляютъ передъ домами пятицвѣтные флаги (табынъ унгетей гэгэръ) по образу небесной радуги (солонго) въ ожиданіи пришествія какого-то существа, болѣе великаго, чѣмъ ханъ, богоподобнаго существа (тенгирасъ очиртай); оно отличитъ монголовъ отъ иныхъ національностей по этимъ радугоподобнымъ флагамъ.

Въ Ихи-едженъ-хоро хранятся сѣдло, серебряное корыто, чашка, трубка Чингиса съ тою цѣлью, чтобъ посредствомъ ихъ могъ быть узнанъ ребенокъ, въ видѣ котораго возродится Богдо. Когда ребенокъ достигнетъ трехлѣтняго возраста, онъ будетъ говорить: «Въ странѣ, гдѣ я прежде жилъ, есть такая-то лошадь, на которой я ѣздилъ, есть такое-то сѣдло, такая-то узда, которыя надѣвали на мою лошадь; такое-то серебряное корыто (тебши), изъ котораго я ѣлъ, такая-то чашка, изъ которой я пилъ, такой-то платокъ, которымъ я повязывался». По этимъ словамъ его узнаютъ дархаты и приведутъ въ Ордосъ. Иные говорятъ, что Богдо уже возродился, что ему теперь три года, и что дархаты ѣздятъ повсюду и ищутъ его. Они возятъ съ собой 10 одинаковыхъ чашекъ и 10 одинаковыхъ ложекъ, въ числѣ которыхъ одна чашка и одна ложка тѣ самыя, которыя Чингисъ-Богдо употреблялъ при жизни. Дархаты показываютъ эти чашки и ложки всѣмъ трехлѣтнимъ мальчикамъ; тотъ мальчикъ, въ которомъ возродился Богдо, схватится не за поддѣльныя, а за настоящія чашку и ложку. Этимъ манеромъ дархаты надѣются найти Богдо, но пока всѣ ихъ поиски остаются еще безъ успѣха: мать возродившагося Богдо, по материнскому чувству, не хочетъ съ нимъ разставаться, и заслышавъ о приближающихся дархатахъ, тщательно прячетъ отъ нихъ ребенка.

Кромѣ Едженъ-хоро, по словамъ нѣкоторыхъ монголовъ, въ Ордосѣ есть еще другая святыня; это Сультэ-бурханъ. Нашъ слуга Очиръ разсказывалъ объ ней слѣдующее: Въ хошунѣ чжасака въ мѣстности Ширдегенъ-чайдамъ живетъ хатыгытъ Чжуму; около его юрты, которая сложена на каменномъ основаніи, воздвигнуто маленькое подобіе монгольской юрты изъ краснаго войлока, въ діаметрѣ около сажени; Очиръ видѣлъ эту красную юрточку, но что внутри, не видалъ; по разсказамъ же, внутри лежатъ лукъ, ножъ и ружье. Внутрь юрты входитъ только одинъ Чжуму; при приближающейся смерти Чжуму указываетъ себѣ преемника. Чжуму сторожитъ и поклоняется этой святынѣ, которая и называется Сультэ-бурханъ. Этому Сультэ могутъ молиться только одни хатыгыты; человѣкъ иного омока не можетъ поклоняться ему; если онъ осмѣлится это сдѣлать, онъ умретъ. Если кто увидитъ внутреннее содержаніе юрточки, у того выпадутъ глаза. До мусульманскаго возстанія число поклонявшихся Сультэ-бурхану хатыгытовъ въ Ордосѣ доходило до 500; теперь, говорятъ, ихъ только 300.

Всѣ хатыгыты собираются 15 числа 1-й луны (Цаганъ-сара) и колятъ овецъ,

Digitized by Google

можетъ быть до сотни и болѣе. Передъ юртой изъ краснаго войлока выставляются лукъ, сайдакъ и проч. Мясо варятъ долго, чтобъ оно совершенно очистилось отъ костей, потомъ кости тщательно очищаютъ, чтобъ стали совершенно бѣлыми и складываютъ всѣ, можетъ быть отъ ста овецъ, на усынъ (насыпной холмикъ), на которомъ наложены дрова; дрова зажигаютъ, переворачиваютъ ихъ и подкладываютъ новыя, чтобы сжечь кости въ совершенствѣ. Свареное мясо на блюдахъ поднимаютъ на рукахъ, потомъ съѣдаютъ. Женщины поклоняются издали съ разстоянія полуверсты. По окончаніи обряда вещи вновь убираются въ юрту. Зола на усынѣ остается не покрытою.

Очиръ слыхалъ еще о поклоненіи хатыгытовъ какому-то Алта-тэнгиру: арбанъ гурбанъ Алта тэнгирту такилта.

Другой ордосецъ Пунсукъ, уроженецъ хошуна Ушинъ, подтвердилъ, что у ордосскихъ хатыгытовъ существуетъ поклоненіе особой святынѣ Сультэ-токъ («хвостатое знамя»). По его словамъ, подъ именемъ Сультэ извѣстна мачта, къ которой ордосскіе хатыгыты собираются разъ въ году на поклоненіе. Она имѣетъ высоты сажени двѣ слишкомъ, толщиной въ $^1/_4$ аршина въ поперечникѣ; на вершинѣ ея утвержденъ желѣзный трезубецъ, сейсанъ; ниже трезубца мачта прободаетъ горизонтальный кружокъ, къ окружности котораго прикрѣплена густая бахрама изъ гривы чернаго жеребца; это чачакъ. Вокругъ этой мачты водружены въ землю четыре тонкихъ мачты или стяга, высотой ниже центральной; каждый стягъ снабженъ на верхушкѣ такимъ же чачакомъ, какъ и центральная мачта, но вмѣсто трезубца они кончаются шариками; эти четыре стяга называются ильчи, «послы». Ниже чачака на каждомъ ильчи привязано еще по пуку волосъ, окрашенныхъ красною краскою; это уланъ-дзала. Изъ подъ чачака центральной мачты къ чачакамъ четырехъ стяговъ протянуты четыре шнура, къ которымъ часто навязаны лоскутки дабы.

Между хатыгытами есть чины или званія: доричинъ, гацзарчинъ, шильбечинъ, ташіурчинъ, галчинъ, т. е. «стременной», «уздечный», «голенный», «нагаечный» и «огневщикъ».

По словамъ того же Пунсука, въ хошунѣ Ушинъ есть хребетъ (шиле), въ которомъ изъ подъ мягкихъ покрововъ мѣстами выходятъ каменныя обнаженія; тутъ есть какое-то сооруженіе, при которомъ четыре изваянные льва; это мѣсто монголы называютъ Онгонъ. Сюда съѣзжаются 7-го числа 4-й луны одни только тайджи и поклоняются, призывая въ своей молитвѣ какого-то Шамболенъ-хубильгана Сэченъ-нойона и его жену Сэченъ-хатунъ. Тутъ же изъ глины сложенъ большой бугоръ, а на сосѣдней скалѣ тангутскія письмена (молитва: омъ-мани), вышедшія, по вѣрованію монголовъ, сами собою. Внутри бугра, по народному преданію, заложены кости Сэченъ-нойона и книга Ганджуръ-Танджуръ.

Въ третій день первой луны ордосскіе тайджинары совершаютъ обрядъ поклоненія бурхану Юсунъ-сульдэ-тэнгиру; простые люди (хара хунь) не обязаны этого дѣлать. Юсунъ-сульдэ-тэнгиръ изображается на бѣломъ конѣ съ садакомъ, мечомъ и пикой; это кажется то же, что Дайсунъ-тэнгиръ. Каждый тайджи при-

Digitized by Google

глашаетъ сначала въ свой домъ ламу, который читаетъ передъ бурханомъ молитву. Потомъ тайджи одѣвается въ хорошее платье, беретъ садакъ и лукъ, выѣзжаетъ въ степь верхомъ на лошади и до трехъ разъ стрѣляетъ въ какой-нибудь кустъ шявыка (полыни); послѣ третьяго раза кустъ тотъ сжигается.

Во время жертвоприношенія огню ордосскіе монголы подносятъ ему только убчу, т. е. вырѣзанную изъ барана грудину (переднюю стѣнку грудной полости); вмѣстѣ съ ней кладутъ жужубы, изюмъ, масло и хадакъ. Огонь считается дочерью Хормузды (Хормустай куухюнъ) по имени Очиръ-сату; она сама на землю спустилась ради блага людей (эртемчи амитани сакихуинъ тола иричжи оросва).

Когда убьютъ быка (убой скота бываетъ только зимой), при первой же варкѣ мяса въ котелъ прежде всего кладутъ часть съ аманъ-куджю (атлантовымъ позвонкомъ?). Объѣвъ и очистивъ позвонокъ начисто, вставляютъ въ него три кучжи (курительныя свѣчи), кладутъ на него масла и сала, садятся передъ огнемъ, держатъ позвонокъ въ рукѣ и читаютъ йорöль: Омъ! Сайнъ амуголынтанъ болтогой! Ару гаджарасъ ириксынъ аманъ-куджю алтанъ менгунъ-іерь чимыксынъ аманъ-куджю! Убуръ гаджарасъ ириксынъ аманъ-куджю ёху тосунъ-іерь миляксынъ аманъ-куджю! катараджи курё-сугэй бельчирчи болтогой! харбаджи курё-сугэй джиличжи болтогой! кулесынъ кадзаръ-таранъ курўнъ тугулъ тугулла! аласынъ кадзаръ-таранъ алыкъ тугулъ тугулла! сюкэрь чжабчиксöни сюрюкъ болтогой! сюнь чаганъ гериничинъ эдженъ мöнко болтогой! улёръ чжабчиксöни чини олонъ болтогой! онъ чаганъ гериничинъ эдженъ мöнко болтогой! сюртъ геху аминъ чини сахиватынъ орондуръ турёху болтогой! Переводъ: «Омъ! Да будешь (ты) благополученъ! Изъ сѣверной стороны пришедшій позвонокъ, золотомъ, серебромъ украшенный позвонокъ! Изъ южной стороны пришедшій позвонокъ, саломъ, масломъ помазанный позвонокъ!.. [1]) На мѣстѣ ожиданія пусть родится бурый теленокъ; на мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ (быкъ), пусть родится пестрый теленокъ! Изрубленное топоромъ пусть станетъ стадомъ! Хозяинъ дома да будетъ бѣлъ, какъ молоко [2])! Изрубленное тесломъ пусть обратится во множество (скота)! Хозяинъ дома да будетъ совершенно бѣлъ! Послѣ (послѣдняго) вздоха твоя душа да возродится въ области Сукавади»!

Когда какому-нибудь божеству посвящаютъ (сэтэрляна) скотину, ставятъ двѣ чашки, одну съ хара-усу (съ чистой водой, буквально «черная вода»), другую съ чаганъ-усу (вода съ примѣсью молока, буквально «бѣлая вода»), къ чашкамъ прилѣпляютъ на четырехъ сторонахъ ихъ по четыре комочка масла; читаютъ посвященіе (урсанъ), за тѣмъ масло прилѣпляютъ скотинѣ на лобъ, на уши и на затылокъ, навязываютъ ей въ гриву пятицвѣтные лоскутья и моютъ водами спину и ноги; если животное при этомъ вздрогнетъ, оно угодно божеству, если нѣтъ, то значитъ божеству оно не нравится и тогда приводятъ другую скотину. Тамджинъ-бурхану всегда посвящаютъ самцовъ; но когда дѣти не держатся въ домѣ, допускается посвященіе и самокъ.

---

[1]) Тутъ мѣсто осталось не переведеннымъ.

[2]) Бѣлый у монголовъ употребляется въ смыслѣ чистый, счастливый.

Digitized by Google

Если громъ сильно гремитъ, тогда всѣ сидятъ въ домѣ, примолкнувъ. Если въ домѣ есть въ это время человѣкъ изъ омока Хатыгытъ, то онъ выходитъ изъ дома и, ставъ лицомъ въ сторону, въ которую удаляется громъ, кричитъ: Эй, хатыгытъ хунь байна! ябу! «Ей, здѣсь есть хатыгытъ! уходи!» Если нѣтъ большого хатыгыта, а есть маленькій ребенокъ омока Хатыгытъ, еще не умѣющій говорить, тогда причиняютъ ему боль и тѣмъ заставляютъ его вскрикнуть. Если же совсѣмъ нѣтъ въ домѣ хатыгыта, тогда слѣдуетъ сидѣть притаившись, молча. Хатыганар'ы поэтому называются тоодочинар'ами. Тэнгри донготсынъ чакта тоодочинаръ хашкурина, «во время небеснаго грома кричатъ тоодочинары». Во время грозы, по повѣрью ордосцевъ, на землю падаетъ стрѣла, которая бываетъ иногда мѣдная; она называется дурбельджинъ сумунъ, «четвероугольная стрѣла». О молніи (по ордосски гельбынъ) не слѣдуетъ говорить просто: тэнгри бууна; это непочтительно; слѣдуетъ говорить: тэнгри хаиръ буджи байна.

Около обоновъ, которые разсѣяны по всему Ордосу, совершаются моленія гадзыренъ-эджитамъ, духамъ мѣстностей, «хозяевамъ земли». При этомъ нарѣзываютъ множество квадратныхъ лоскутовъ бумаги, которые называются хій-мори, и бросаютъ ихъ на воздухъ, чтобъ вѣтеръ разнесъ ихъ.

Мѣстности, гдѣ сложены обо, къ которымъ съѣзжаются на поклоненіе, называются онгонъ-оро; подъ словомъ «онгонъ» въ Ордосѣ разумѣютъ души предковъ. Около такихъ поклонныхъ обо нельзя пахать, нельзя землю копать, нельзя убить дикое животное, т. е. охотиться. Поклоненіе обонамъ совершается въ 13-е число 8-й луны и въ 23-е 9-й луны; народъ съѣзжается отовсюду, колятъ овецъ въ жертву и кропятъ новымъ молокомъ (шине усю). Такихъ поклонныхъ обо бываетъ два, три въ хошунѣ. Жертвы на этихъ онгонъ-оро приносятся въ честь гадзыренъ-эджит'овъ; эджиты бываютъ добрые и злые и потому нужно ихъ умилостивлять и благодарить. У каждой мѣстности есть свой эджитъ.

Праздникъ чаганъ-сара (новый годъ) въ Ордосѣ сопровождается стрѣльбой изъ ружей, сжиганіемъ петардъ, а также сжигаютъ на огнѣ хлѣбъ и мясо и зажигаютъ множество джула (плошекъ); нѣкоторые зажигаютъ до тысячи плошекъ. Наканунѣ новаго года вечеромъ (юсунъ сюни) бросаютъ собакамъ два хлѣба, испеченные одинъ по монгольски, другой по китайски. Если собака схватится впередъ за монгольскій хлѣбъ, въ Ордосѣ будетъ урожай хлѣбовъ; если за китайскій, будетъ неурожай. На частяхъ зданія налѣпляютъ лоскутки красной бумаги съ различными надписями. На дверяхъ пишутъ: нигээмекчи нэмэкъ тухуинъ баяръ, хагамакчи хамыкъ джолюнъ баяръ, «какъ только отворится—радость прибыли, лишь только запрется—.....». На косякахъ (хачабчи): тубъ экэ хачабчи тумэнъ нюльджи батара, бату чаганъ хачабчи барусъ ики кучитей. На матицѣ (алтанъ нуругунъ, «золотой хребетъ»): алтанъ ики нуругу арсылангунъ кучитей, «золотая матица, могучая, какъ левъ». На поперечинахъ потолка (тайлакъ): кунделёнъ ики тайлакъ ану кутульбуръ угэ бату болтогой, «поперегъ (лежащія) великія перекладины да будьте крѣпки, (пребывая) безъ движенія». Около очага пишутъ: Очиръ-сату галунъ бурханни тахи моргумэ, «покланяемся богу огня Очиръ-сату»! Около божницы: сайну эркимъ шаренъ шад-

Digitized by Google

жинъ линхаватуръ негексенъ сайну оюнъ минганъ герель улинджите батара, «распустился линхова (цвѣтокъ) превосходной желтой вѣры, да вспыхнетъ, прекрасный разумъ тысячами лучей слишкомъ»! На верхнемъ косякѣ двери: гегенъ ундюръ шарабчи герель ану тонгулудъ геринъ оронъ тооторо ульджи бату болтогой. На фонарѣ: ургульджиде кійцулукчи джуланъ герель батара, «да вспыхнетъ лучъ непрерывно свѣтящейся лампы».

О поклоненіи огню въ Ордосѣ, кромѣ сказаннаго выше, мнѣ ничего не извѣстно. Случайно записано мною о существованіи этого обряда внѣ Ордоса, именно въ хошунѣ Кэшиктенъ; въ этомъ хошунѣ поклоняются огню и берутъ талыкъ, «талыкъ баридыкъ» т. е. кричатъ огню: хурей! Это дѣлается 23 числа, которой луны—не записано. При этомъ къ четыремъ ножкамъ желѣзнаго очага привязываютъ платки пяти цвѣтовъ, и кладутъ куски мяса, потомъ овечью обчу бросаютъ въ огонь, а также бросаютъ въ него масло и льютъ вино (арихи).

Въ хошунахъ бываютъ сборища для борьбы; въ хошунѣ чжасыка они бываютъ при мон. Шине-чжу, который лежитъ на юв. отъ Бандитенъ-тогона и на сз. отъ чжасыгенъ-хоро (ставки чжасака). Сначала борятся сто на сто, потомъ 50 человѣкъ съ 50-ю, 25 съ 25-ю и когда останется 12, эти называются тэригунъ-бöхö, «борцы головка». Эти опять борятся между собою и если шесть изъ нихъ выйдутъ побѣдителями, а шесть будутъ положены въ борьбѣ на землю, то первые шесть называются тетъ-тэригунъ, а вторые шоронъ-бöхö. Когда борцы приступаютъ къ борьбѣ, произносится рѣчь.

Общее сборище всѣхъ ордосцевъ, какъ сказано выше, бываетъ въ мѣстности Чаганъ-субурга; на сз. отъ Еджень-хоро на хребтѣ Долоденъ-шили есть одинокая высокая башня этого имени; около нея бываетъ въ 10 лунѣ сборъ чириковъ (солдатъ) всѣхъ семи хошуновъ; дѣлается смотръ лошадей, устраивается борьба, съѣзжается множество нойоновъ, выставляется много юртъ, наѣзжаютъ купцы.

О земледѣльческихъ обрядахъ въ Ордосѣ намъ удалось записать слѣдующее. Весной отпахавъ и посѣявъ, что дѣлается одновременно съ бороненьемъ, дѣлаютъ «урсанъ» т. е. зажигаютъ костеръ изъ можжевельника; изъ земли дѣлаютъ маленькое обо, на немъ зажигаютъ можжевельникъ (арча), передъ костромъ зажигаютъ три курительныя свѣчи и поклоняются урсану; затѣмъ съ сохой на быкѣ объѣзжаютъ вокругъ урсана три раза, и потомъ крестъ на крестъ, послѣ чего соху (антасы) прячутъ. Осенью, когда хлѣбъ поднимается большой, дѣлаютъ изъ тальника обо, которое называется шанши; поклоняются ему, но урсана не дѣлаютъ; говорятъ: шанши босхона. Позднѣе осенью опять дѣлаютъ урсанъ, жгутъ можжевельникъ и зажигаютъ курительныя свѣчи, а богатые сжигаютъ петарды и варятъ буту; при этомъ обрядѣ быка съ сохой только обводятъ вокругъ урсана три раза, а крестъ на крестъ уже не водятъ. Поклонившись урсану, берутъ вареной буты, даютъ въ ротъ быку, потомъ мажутъ его кашей по лбу, по лѣвому плечу, на загривкѣ и на спинѣ [1]).

[1]) Для отпугиванія птицъ въ Ордосѣ вѣшаютъ на шестъ завязанный въ дощечки четырехугольный

Digitized by Google

Когда заболѣетъ нойонъ и лекарства не помогаютъ, онъ даетъ какому нибудь человѣку нѣсколько сотъ (до 500) ланъ серебра, хорошую лошадь, самое лучшее одѣяніе, для пропитанія самой отборной, вкусной пищи, рису, сахару, печеній и высылаетъ его вонъ изъ хошуна; этотъ человѣкъ долженъ уѣхать какъ можно дальше и оставаться тамъ, не возвращаясь, пока нойонъ не умретъ. При изгнаніи его изъ хошуна ему намазываютъ лицо сажей; когда онъ уѣзжаетъ, ламы бьютъ въ бубны. Этотъ изгнанникъ называется хунеръ дзоликъ. Бѣдные люди дѣлаютъ куклу изъ глины, похожую на больного, надписываютъ на ней его имя, одѣваютъ её въ сходное платье и выбрасываютъ её въ степь. Это тоже хунеръ дзоликъ. Читкуръ (злой духъ) обманывается, думаетъ, что больной уже умеръ и выброшенъ, и оставляетъ больного. Если заболѣетъ Едженъ-ханъ (китайскій императоръ) и для его выздоровленія будетъ высланъ такой джоличи или гаргасынъ хунь, и если онъ по истеченіи положеннаго срока вернется въ страну, ему все позволяется; онъ живетъ на полной свободѣ (дураръ); ѣстъ, что хочетъ; беретъ спокойно чужое; если убьетъ кого, съ него не взыскивается. Таково повѣрье.

Повѣрій о Ерликовыхъ ельчи, послахъ, отправляемыхъ имъ по души людей, какъ меня увѣряли ордосскіе люди, въ Ордосѣ нѣтъ.

Въ Ордосѣ очень часто съ дѣтьми до шестнадцатилѣтняго возраста бываетъ болѣзнь чиджаза; животъ выпучивается высоко; на ручной ладони чернѣетъ жила, идущая отъ корня большого пальца къ указательному; также чернѣетъ жила за ухомъ. Если не захватятъ болѣзнь во время, спустя не болѣе трехъ, четырехъ дней послѣ начала, на седьмой день больной умираетъ. Лечатъ же такъ: мать держитъ ребенка на рукахъ, если онъ малъ; берутъ связанный пукъ травы дэрису (Lasiagrostis splendens) и зажигаютъ; потомъ лѣвую руку съ горящимъ пукомъ травы протягиваютъ по направленію къ больному, а правой бросаютъ въ больного мукой, замѣшанной на водкѣ. Читкуръ испугается и оставитъ больнаго.

Въ лѣтнее время съ лошадьми въ Ордосѣ часто бываетъ болѣзнь гуинъ; ноги у лошади подкашиваются; животное торопливо дышетъ; хрящъ (мюрсу) въ носу изъ крючкообразнаго положенія приходитъ въ выпрямленное. Животное умретъ, если не отрѣзать конецъ хряща.

Когда у лошади задерживается мочеиспусканіе, на длинной веревкѣ навязываютъ семь узловъ или, правильнѣе сказать, семь спускныхъ петель, налагаютъ веревку узлами на брюхо больной лошади, потомъ веревку обводятъ вокругъ спины, и за концы тянутъ, пока не спустятся всѣ семь петель [1]).

Когда воръ украдетъ, его открываютъ посредствомъ жженія жилъ птицы поденѣ; это можетъ совершить только человѣкъ, знающій извѣстныя молитвы. Когда станутъ жилы подене держать надъ огнемъ, онѣ начнутъ скручиваться; въ то же

или круглый листъ съ написаннымъ на немъ заклинаніемъ, тарни. Это назыв. хараульга. Простые пугалы назыв. багли или маюлъ.

[1]) Въ Ордосѣ извѣстны монголамъ слѣдующіе узлы: тулаинъ-чикы, «заячье ухо»; биту джанга; чахырмыкъ джангила (чахырмыкъ—поордосски ирисъ, Iris); его плетутъ для забавы дѣтей. Наконецъ—узелъ къ лошадиной уздѣ.

Digitized by Google

время жилы у вора сведутъ ноги. Когда воръ признается, то чтобы выправить его ноги, берутъ молоко сивой козлухи (хуху яма) и мажутъ или натираютъ имъ сведенныя ноги; онѣ выпрямляются.

Клятвы лизаніемъ лезвея въ Ордосѣ нѣтъ, хотя ордосцы и знаютъ её изъ поэмы о Гэсэрѣ.

Когда хотятъ узнать что-нибудь неизвѣстное, нашептываютъ свои мысли надъ шелявыромъ (т. е. деревянной кочергой), украдкой подкладываютъ шелявыръ къ какому-нибудь человѣку и по рѣчамъ, которыя онъ станетъ тогда говорить, гадаютъ.

Гадаютъ на лопаткахъ козловъ и барсучьихъ; мнѣ говорили, будто на овечьихъ въ Ордосѣ не гадаютъ.

Гаданье производятъ также по ручной кисти или правильнѣе по суставамъ пальцевъ, за которые берутся въ закрытомъ рукавѣ. Суставы слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ подъ слѣдующими названіями: 1) сумэ, «монастырь», верхній суставъ средняго пальца; 2) ола, «гора», верхній суставъ указательнаго; 3) онгочу, «лодка», средній суставъ указательнаго; 4) арслынъ, «левъ», нижній суставъ указательнаго; 5) чоно, «волкъ», нижній суставъ средняго; 6) нара, «солнце», нижній суставъ безъимяннаго; 7) кире, «ворона», средній суставъ безъимяннаго; 8) сара, «мѣсяцъ», верхній суставъ безъимяннаго; 9) бомба, «урна», средній суставъ средняго. Суставы 4, «левъ» или 5, «волкъ» предсказываютъ поѣздку, «гора» продолжительное сидѣнье на одномъ мѣстѣ и пр.

Суставы пальцевъ соотвѣтствуютъ также и двѣнадцати годамъ цикла; верхній суставъ средняго пальца хулугуна, «мышь»; верхній суставъ указательнаго пальца укыръ, «корова»; средній указательнаго—баръ, «тигръ»; нижній указательнаго толай, «заяцъ; нижній составъ средняго пальца—лу, «драконъ»; нижній безъимяннаго—могой, «змѣя»; средній безъимяннаго—мори, «лошадь»; верхній безъимяннаго—хони, «овца»; средній суставъ средняго пальца—мечи, «обезьяна». Въ обоихъ случаяхъ на шести суставахъ указательнаго, средняго и безъимяннаго пальца девять цифръ распредѣляются такимъ образомъ:

8	1	2
7	9	3
6	5	4

Остальныя три цифры изъ двѣнадцати указываются на указательномъ пальцѣ другой руки; верхній суставъ указательнаго: таха, «курица»; средній нохой, «собака» и нижній гахай, «свинья». Давая такое значеніе суставамъ, также можно гадать: заяцъ, лошадь, обезьяна, курица и собака означаютъ скорый отъѣздъ въ дорогу, свинья, овца, драконъ задержку.

Digitized by Google

На суставахъ же распредѣлены и восемь сутыловъ, найманъ суутылъ: 1) галъ, «огонь», 2) шороӣ, «земля» 3) тюмуръ, «желѣзо», 4) окторгой, «твердь небесная», 5) усу, «вода», 6, ула, «гора», 7) модо, «дерево», 8 кій, «воздухъ». Приведенныя въ этомъ спискѣ числа соотвѣтствуютъ указаннымъ выше; средній суставъ средняго пальца остается въ этомъ распредѣленіи пустымъ.

Наконецъ по суставамъ пальцевъ распредѣлены страны свѣта; верхній суставъ средняго пальца—югъ, оменё; средній суставъ—центръ горизонта, донда; нижній суставъ указательнаго—юго-западъ, барунъ оменё; средній—западъ, барунта; нижній—сѣверо-западъ, барунъ хойно; верхній суставъ безъимяннаго пальца—юго-востокъ, джюнъ оменё, средній—востокъ, джюнта; нижній—сѣверо-востокъ, джюнъ-хойно.

Ордосцы считаютъ въ году двѣнадцать мѣсяцевъ, которые у нихъ называются: чаганъ-сара (бѣлый мѣсяцъ), табунъ-сара (пятый мѣсяцъ), джурганъ сара (шестой), долонъ-сара (седьмой), найманъ-сара (восьмой), юсунъ-сара (девятый), арбанъ-сара (десятый), ики-кӧлюръ-сара, бага-кӧлюръ-сара, хобинъ-сара, хара-ходжиръ, ольджинъ-сара.

Digitized by Google

V.

Сѣверная часть Ганьсу.

Отъ Хуа-ма-чена до Линъ-чжоу.—Городъ Линъ-чжоу и его оазисъ.—Цзинъ-цзи-пу, мѣстный центръ мусульманскаго возстанія.—Горная страна по правому берегу Желтой рѣки.—Городъ Цзинь-юань.—Страна, прилегающая къ лѣвому берегу Желтой рѣки.—Городъ Лань-чжоу.—Отправленіе на зимовку и разставаніе съ товарищами по путешествію.—Городъ Хэ-чжоу. Салары. Дондонская тѣснина.—Сань-чуань и широнголы.

Простоявъ день на озерѣ Бага-чикыръ, 27 сентября мы двинулись въ городъ Хуа-ма-ченъ (1416 м. надъ уров. моря). Дорога отъ озера поднимается на плоскій хребетъ, отчасти засыпанный буграми подвижнаго песка. На вершинѣ хребта нами были встрѣчены первые выходы краснаго песчаника. За этимъ хребтомъ растительность стала улучшаться, корма стали богаче, Calimeris стала встрѣчаться рѣже. Съ $^1/_4$ версты не доходя до города мы прошли черезъ Великую стѣну (Алтынъ-керимъ); она здѣсь находится въ полуразрушенномъ состояніи, такъ что во многихъ мѣстахъ проходима чрезъ широкія бреши, и нѣтъ надобности искать воротъ, чтобъ попасть въ застѣнный Китай. Городскія стѣны Хуа-ма-чена высокія, старыя, но нисколько не повреждены; только башня надъ воротами разрушилась; городскіе зубцы, за малыми исключеніями, всѣ цѣлы. Не смотря, однако, на такія повидимому неприступныя стѣны, городъ былъ взятъ мусульманами и разоренъ; въ одной половинѣ города совершенно пусто и ничего нѣтъ, кромѣ развалинъ; другая половина, отгороженная отъ первой особой стѣной съ воротами, тоже представляетъ груду развалинъ, но середина отстроилась и образуетъ одну небольшую улицу изъ нѣсколькихъ домовъ, между которыми есть одинъ дянъ. Западная стѣна города засыпаетея переносными песками.

Въ Хуа-ма-ченѣ мы въ первый разъ купили персиковъ по 7 чоховъ штука, которые сюда вѣроятно привозятся изъ Линъ-чжоу, гдѣ ихъ разводятъ. Въ городѣ мы видѣли много красноносыхъ галокъ (Fregilus graculus). Въ окрестностяхъ есть антилопы (джере); М. М. Березовскій видѣлъ стадо ихъ изъ ста штукъ на степи къ в. отъ города.

Въ Хуа-ма-ченѣ мы вступили въ провинцію Шенъ-си. Здѣсь уже нѣсколько мѣсяцевъ назадъ было получено распоряженіе пекинскаго начальства о нашей экспедиціи.

Digitized by Google

Отъ насъ потребовали наши паспорты и объявили, что намъ будутъ даны изъ ямына провожатые солдаты. Ни наши монголы, взятые нами въ Боро-балгасунѣ, ни проводники нашихъ верблюдовъ не могли ничего разузнать у Хуа-ма-ченскихъ жителей о кратчайшей дорогѣ въ Лань-чжоу. Ямынскіе солдаты увѣряли насъ, что другой дороги нѣтъ, кромѣ какъ черезъ Линъ-чжоу, но было попятно, почему имъ не хотѣлось идти по другой дорогѣ. До Линъ-чжоу считается только 200 ли и, проводивъ до него, солдаты должны возвратиться въ Хуа-ма-ченъ. По другой же дорогѣ городъ, гдѣ бы ихъ могъ смѣнить другой конвой, по всей вѣроятности находился не на такомъ близкомъ разстояніи отъ Хуа-ма-чена, какъ Линъ-чжоу. Несомнѣнно изъ Хуа-ма-чена есть прямая дорога въ Лань-чжоу и мы сами потомъ, когда разспрашивали о дорогахъ въ деревнѣ Ши-гоу-и (см. ниже), узнали, что оттуда есть путь въ Хуа-ма-ченъ, но хуамаченскіе солдаты скрыли отъ насъ эту дорогу, а верблюжьи проводники, если что и разузнали, тоже, можетъ быть, нашли болѣе сообразнымъ со своими интересами умолчать объ ней. По всей вѣроятности, это дорога малопроѣзжая, бѣдная дянами и можетъ быть трудно проходимая для каравановъ. И такъ мы двинулись по дорогѣ въ Линъ-чжоу, т. е. подлѣ сѣверной подошвы горъ, ограничивающихъ Ордосъ съ юга, не входя въ эти горы и только имѣя впереди надежду свернуть на югъ и войти въ нихъ, дойдя до Линъ-чжоу.

Въ первый день по выходѣ изъ Хуа-ма-чена мы сдѣлали всего только 10 верстъ; во все это время мы медленно поднимались на плоскій хребетъ и остановились на нершинѣ его въ одинокой гостинницѣ, которую намъ назвали Ни-чжя-лянъ; собственно такъ вѣроятно называется хребетъ, на вершинѣ котораго стоитъ гостиница. Во всю дорогу вправо отъ нея, въ разстояніи 50—100 сажень, тянулась Великая стѣна, которая здѣсь сбита изъ глины, а не сложена изъ кирпичей; на ней видны слѣды многихъ башенъ. Стѣна направляется съ сз. на юв. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ ней надуты съ запада пески, которые поднимаются до вершины стѣны (т. е. до высоты 3—4 саж.) и даже мѣстахъ въ пяти, шести песокъ пересыпается черезъ стѣну на восточную сторону и здѣсь образуетъ насыпные полуконусы. Изъ этого слѣдуетъ заключать, что господствующіе вѣтры здѣсь западные или сѣверо-западные. Во время перехода мы миновали небольшую разрушенную крѣпостцу Гао-пинъ-пу, возлѣ которой было небольшое селеніе; все это теперь однѣ развалины, среди которыхъ находится одинъ только жилой домъ. По степи паслось множество стадъ барановъ.

Къ в. отъ гостинницы Ни-чжя-лянъ близь вершины хребта есть выходы краснаго песчаника съ горизонтальнымъ напластованіемъ. Красныя обнаженія видны и подъ Великой стѣной, именно на ордосской ея сторонѣ; начинаясь у самой стѣны, они тянутся далѣе въ степь. На поверхности хребта и подлѣ дороги встрѣчаются глыбы гипса (по монгол. джоншилъ, по кит. янь-шуй-ши).

Гостинница Ни-чжя-лянъ лежитъ на высотѣ 1547 метр. надъ ур. м., т. е. на разстояніи 10 верстъ отъ Хуа-ма-чена мѣстность здѣсь поднялась на 130 метровъ. Это былъ самый высокій пунктъ на нашемъ пути отъ Хуа-ма-чена къ Линъ-чжоу;

Digitized by Google

отъ этой гостинницы на западъ мѣстность понижается и у деревни Гао-са-во опускается до 1370 съ небольшимъ метровъ.

Дорога отъ гостинницы Ни-чжя-лянъ до дер. Гао-са-во проходитъ по слегка холмистой мѣстности; Великая стѣна здѣсь отходитъ отъ дороги далеко вправо. Въ этой сторонѣ было видно много деревень и кумирень въ развалинахъ; налѣво отъ дороги видъ былъ не обширный, только на прилегающіе холмы; мѣстность эта имѣетъ общую покатость на сз. На дорогѣ есть нѣсколько жилыхъ деревень; ближайшая къ гостинницѣ Ни-чжя-лянъ назыв. Нью-мао-чинъ-цза (нью-мао по кит. «коровье сердце»). Въ ней 5 жилыхъ дворовъ и 6—7 въ развалинахъ. Между гостинницей и ею возлѣ дороги течетъ ручей съ соленой водой; длина его около 100 сажень; онъ кончается возлѣ дороги, исчезая въ почвѣ. Слѣдующая деревня въ 40 ли отъ Ни-чжя-ляна назыв. Тянь-ченъ-чинъ-цза; тутъ есть дянъ. Въ 15 ли далѣе одинокая фанза Гао-са-во, гдѣ мы и остановились на ночлегъ. Гао по кит. «высокій», са — «песокъ», во «отверзтіе, дыра». Гао-са-во стоитъ у площади невысокихъ, но голыхъ съ осыпями барханов. Простираніе барханныхъ осыпей *SO* 285—105 NW.

По словамъ здѣшнихъ жителей, охотниковъ вновь заселятъ этотъ раззоренный край мало, потому что мѣстность открытая и для хлѣбопашества неудобная, вѣроятно по бѣдности водъ, необходимыхъ для орошенія; ни пшеница, ни ячмень не родятся хорошо. Поэтому и цѣны за землю стоятъ здѣсь низкія; въ то время, какъ около Тянь-цзина му пріобрѣтается за 20—30 лянъ, здѣсь за му и одинъ лянъ дать охотниковъ не находится. Главное занятіе жителей разведеніе барановъ.

30 сентября мы сдѣлали около 18 верстъ. Дорога проходила по плоскимъ хребтамъ и мѣстами пересыпана небольшими барханами. Встрѣтили на дорогѣ двѣ жилыхъ деревни, изъ которыхъ одна Санъ-ти-линъ только что заводится на развалинахъ большой деревни. Во весь переходъ насъ мочилъ дождь. Почва мѣстами, вмѣсто песчаной, становилась глинистой. Влѣво отъ дороги по временамъ изъ за ближайшихъ холмовъ выглядывали длинные и плоскіе хребты, болѣе высокіе, чѣмъ тѣ, по которымъ мы шли. На ночлегъ остановились въ дер. То-та (То-тха).

Отъ То-та до дер. Хой-хой-фанъ-цза («домъ мусульманина») считается 40 ли. На этомъ переходѣ хребты становятся выше, пади глубже. Съ половины перехода начался постепенный спускъ въ долину, который простирался до самой деревни Хой-хой-фанъ-цза, лежащей на самомъ днѣ ея. Въ самомъ началѣ спуска мы замѣтили разрѣзъ въ 1 саж. высоты, сдѣланный въ наносѣ въ родѣ лёсса; этотъ наносъ сверху прикрытъ рыхлымъ пескомъ, на которомъ растетъ много чаганъ-ортута (Oxytropis aciphylla Ledb.), уже не встрѣчающагося на днѣ долины. Ортутъ образуетъ бугорки до 50 cm. высоты. Упомянутый наносъ прикрываетъ повидимому песчаники, обнаженія которыхъ видны только на днѣ овраговъ.

Деревня Хой-хой-фанъ-цза состоитъ изъ 6 или 7 разбросанныхъ дворовъ; мусульманъ, несмотря на названіе, въ деревнѣ нѣтъ. Долина не имѣетъ текучей воды; русло на днѣ долины сухое. Водой жители пользуются изъ колодезя. Около деревни много ямъ, изъ которыхъ добывается каменный уголь. Мѣстные жители

Digitized by Google

однако употребляютъ на топливо овечій пометъ, потому что копи принадлежатъ частному лицу, не разрабатывающему минъ въ настоящее время, вѣроятно, за неимѣніемъ денегъ.

Отъ Хой-хой-фанъ-цзы до Линъ-чжоу около 22 верстъ. Вторая половина этой дороги проходитъ вдоль долины р. Са-цунъ-го, постепенно спускаясь къ уровню Желтой рѣки; первыя же 10 верстъ отъ Хой-хой-фанъ-цзы она идетъ по возвышенной мѣстности, вѣроятно держась въ одномъ уровнѣ съ Хой-хой-фанъ-цзой. Тутъ въ 3 вер. отъ Хой-хой-фанъ-цзы мы вышли къ вершинѣ долины, по дну которой стелется сухое русло; на немъ мѣстами были лужи прозрачной, но соленой воды. Пройдя вдоль этого русла версты три, мы оставили его въ правой рукѣ. Поверхность окрестной степи имѣетъ рыхлопесчанную почву, на которой растетъ изобильно чаганъ-ортутъ, а также дэрису и Vincetoxycum mongolicum; изрѣдка Iris (по монг. чыкырмыкъ). На террасахъ въ упомянутой долинѣ карагана; въ одной части этой долины мы встрѣтили хармыкъ (Nitraria Schoberi L.), который представилъ намъ оригинальную картину. Когда мы спускались въ долину, чтобы пересѣчь ее, на противуположной сторонѣ ея передъ нами поднимался пологій скатъ, окрашенный въ темнозеленый цвѣтъ зеленью шявыка (Artemisia campestris), дэрису и другихъ травъ. На этомъ фонѣ по всему скату довольно равномѣрно, точно искусственно, были разсѣяны какіе-то бугры сѣраго или синеватозеленаго цвѣта. Издали мы никакъ не могли догадаться, что это за бугры и только переѣхавъ долину и вступивъ въ полосу бугровъ, мы разобрали, что это окучившіеся пескомъ кусты хармыка. Бугры эти имѣли до 1½ саж. высоты. Всѣ они были однообразны, съ круглымъ основаніемъ, имѣли видъ тупыхъ конусовъ. Внѣшнее очертаніе бугра имѣло видъ треугольника, подъ вершиной котораго бока сходились подъ угломъ немного болѣе 45°. Главные стволы растенія съ ихъ узлами развѣтвленія были скрыты внутри бугровъ; на дневную поверхность высовывались только концы отдѣльныхъ вѣтвей до 1½ ф. длиной; но такъ какъ эти свободные концы вѣтвей спускаются внизъ и прижаты къ поверхности бугра, то эта растительная оболочка бугра имѣетъ только ½ ф. толщины.

Оставивъ эту долину позади, мы вышли послѣ трехчасоваго хода отъ д. Хой-хой-фанъ-цза къ вершинѣ долины р. Са-цунъ-го, которая ясно направлялась на западъ къ ближайшей части Желтой рѣки. Долина р. Са-цунъ-го, сначала не болѣе 20 саж. ширины, расширяется до 100 саж.; рѣчка имѣетъ ширины до 2 саж.; вода свѣтлая, дно мѣстами изъ гальки, мѣстами глинистое и тогда берега рѣчки поросли какимъ-то растеніемъ изъ Salsolaceae. Въ верхней части долины находится деревня Хунъ-янъ-тунъ, а ниже ея еще двѣ небольшія. Правый бокъ долины чистъ отъ бархановъ; тутъ повсюду былъ виденъ чаганъ-ортутъ, а мѣстами по скатамъ заросли цзаора (Zizyphus vulgaris Lam. var. spinosus; по монг. чибыгы). На лѣвой же сторонѣ рѣки отъ самой дер. Хунъ-янъ-тунъ тянулись барханы съ свѣжими осыпями. Верстахъ въ 3-хъ ниже этой деревни барханы прекращаются. Тогда на обѣихъ сторонахъ рѣки одинаково потянулись холмы съ песчаной поверхностью, но поросшей травами, шявыкомъ или чаганъ-ортутомъ. Наносъ, обра-

Digitized by Google

зующій террасы на днѣ долины, состоитъ изъ галекъ, образующихъ горизонтальные пласты; въ одномъ мѣстѣ разрѣзъ такого наноса имѣлъ сажени 3 или 4 высоты. Подъ этимъ наносомъ иногда обнаруживается слой конгломерата, лежащаго на другихъ болѣе рыхлыхъ отложеніяхъ. Нижнее отверзстіе долины имѣетъ не болѣе 100 саж. ширины; когда мы приблизились къ нему, то увидѣли равнину, по которой протекаетъ Хуанъ-хэ, а за равниной, ограничивающій её на западѣ, Ала-шаньскій хребетъ. Дорога впрочемъ не выходитъ на эту равнину черезъ отверзстіе долины Са-цунъ-го; она оставляетъ её и поднимается на бугры сыпучаго песка, сопровождающіе рѣку съ лѣвой стороны. Съ этихъ бугровъ открывается болѣе обширный видъ на равнину Хуанъ-хэ и на городъ Линъ-чжоу. Отъ послѣднихъ бугровъ до города остается еще версты двѣ. Городъ окруженъ каменными стѣнами, внѣ которыхъ и направо и налѣво разстилается лѣсъ, состоящій главнымъ образомъ изъ цзаора, а также изъ яблоней, персиковъ и абрикосовыхъ деревьевъ и ивъ. Мѣстами надъ лѣсомъ поднимались пирамидальные тополи. Къ ю. отъ города среди этого лѣса была видна высокая отдѣльно стоящая много-этажная башня. Зелень эта представлялась ласкающимъ взоры путешественника пятномъ, протянувшимся версты на 3 — 4 среди обширной степи, съ пожелтѣвшей уже отъ солнца поверхностью. На сѣверо-западъ отъ города вдали виднѣлась полоса лѣса; это Хуанъ-хэ, которая отстоитъ отъ города въ 20 ли. На сѣверѣ картина эта была ограничена невысокими песчаными холмами, сопрождающими долину Желтой рѣки съ правой стороны. На западѣ и югѣ долину Желтой рѣки замыкаютъ хребты Ала-шань и Нью-тоу-шань; послѣдній есть упирающаяся въ правый берегъ Желтой рѣки оконечность той плоской горной системы, которая отдѣляетъ Ордосъ отъ Шень-си и можетъ быть на дальнемъ востокѣ стоитъ въ связи съ У-тай-шанемъ. Оба хребта, Нью-тоу-шань и Ала-шань, изъ Линъ-чжоу казались высокими синими стѣнами. Перерыва между ними, тамъ, гдѣ между ними проходитъ Хуанъ-хэ, изъ Линъ-чжоу не видно; тотъ и другой какъ бы сливаются въ одинъ хребетъ. Изъ разспросовъ въ краѣ я узналъ, что выше Линъ-чжоу, именно подъ скалами Нью-тоу-шаня, Желтая рѣка течетъ въ тѣснинѣ (по кит. ся); слѣдовательно Ала-шаньскій хребетъ не есть совершенно отдѣльная цѣпь; онъ былъ первоначально связанъ съ цѣпями Ганьсу и Шень-си и только впослѣдствіи разъединенъ дѣятельностью Желтой рѣки.

Р. Са-цунъ-го проходитъ къ с. отъ Линъ-чжоу.

Мы остановились въ дянѣ, выстроенномъ подъ городской стѣной съ наружной стороны у восточныхъ городскихъ воротъ. Отъ Линъ-чжоу до Желтой рѣки считается 20 ли. Линъ-чжоу лежитъ на высотѣ 1117 метровъ надъ у. м. По мѣстнымъ преданіямъ, Линъ-чжоу стоитъ уже на третьемъ мѣстѣ; первоначально онъ находился на берегу Хуанъ-хэ, но теперь трудно указать это мѣсто, такъ какъ оно смыто рѣкой; потомъ онъ былъ перенесенъ туда, гдѣ и теперь еще указываютъ остатки его городскихъ стѣнъ подъ названіемъ гу-ченъ, «старый городъ»; это мѣсто находится къ ю. отъ нынѣшняго Линъ-чжоу, по дорогѣ въ городъ Цзинъ-ци-пу Всѣ три мѣста вмѣстѣ зовутся Сань-и. Китайское преданіе разсказываетъ еще,

Digitized by Google

что прежде здѣсь вся земля была монгольская; китайскій императоръ Ты-чинъ попросилъ у монголовъ позволенія занять участокъ земли не длиннѣе протяженіемъ, насколько достигнетъ полетъ стрѣлы; монголы согласились; императоръ пустилъ стрѣлу; на стрѣлу сѣлъ фый-ху (крылатый человѣкъ) и отнесъ её на 400 ли; монголы должны были уступить все это пространство и императоръ заселилъ его китайцами [1]).

Мы нашли городъ заваленнымъ развалинами; отстроилась немного только центральная часть города. Мусульмане два раза брали Линъ-чжоу во время послѣдняго мятежа. Въ честь убитаго во время военныхъ дѣйствій противъ мятежниковъ военачальника Линъ-гуна сынъ убитаго отдѣлалъ заново одну изъ разрушенныхъ мусульманами въ городѣ кумирень, которая была прежде посвящена богу плотниковъ Лу-баню и называлась Лу-бань-мяо; теперь она переименована въ Линъ-гунъ-сы-танъ. Она состоитъ изъ главнаго зданія или собственно кумирни, двухъ боковыхъ флигелей, двухъ гуло (башенъ, на которыхъ подвѣшены бубны) и театральной сцены. Главное зданіе на югъ обращено эстрадой, стѣны которой покрыты фресками или картинами, писанными красками, и очень тонко сдѣланными изразцами изъ темной глины съ лѣпными изображеніями цвѣтовъ и растеній. Самой старой кумирней въ городѣ была Чи-тха-сы (Семибашенная), но она до основанія разрушена мусульманами.

Въ Линъ-чжоу насъ застигъ осенній періодъ дождей и мы должны были прожить здѣсь 5 сутокъ въ ожиданіи, когда прекратится ненастье. Сношенія съ мѣстнымъ мандариномъ у насъ происходили чрезъ посредство мелкихъ полицейскихъ чиновниковъ. Въ первый же день по прибытіи нашемъ въ Линъ-чжоу, т. е. вечеромъ 2 октября, къ намъ явился ямыньскій чиновникъ и спросилъ нашъ паспортъ; на другой день онъ опять явился съ другимъ чиновникомъ. Эти гости поднесли намъ узелокъ свѣжихъ цзаоровъ, за что мы вознаградили ихъ двумя стеариновыми свѣчами и шестью листами русской писчей бумаги. Они списали нашъ паспортъ и оставили въ гостинницѣ полицейскаго солдата для обереганія насъ отъ толпы. Такой покровитель присылался намъ послѣ этого каждый день. Эти я-и, т. е. полицейскіе солдаты, усердно прогоняли толпу, но били её рѣдко, едва ли только не въ шутку и ограничивались хлопаньемъ бича въ воздухѣ, и не прогоняли толпу далѣе воротъ.

7 октября мы оставили Линъ-чжоу въ сопровожденіи небольшого китайскаго конвоя. Мы выступили по дорогѣ на Цзинъ-цзи-пу, а не на Чжунъ-вэй, т. е. пошли по дорогѣ, проходящей по восточному, а не западному берегу Желтой рѣки. Мы не успѣли въ одинъ день пройдти до Цзинъ-цзи-пу, такъ какъ поздно выступили изъ Линъ-чжоу; поэтому 7 октября мы дошли до селенія У-цзюнъ-пу и только на другой день рано прибыли въ Цзинъ-цзи-пу. Большая дорога въ Цзинъ-цзи-пу была послѣ двухдневнаго ливня залита водой и непроходима для верблюдовъ, по-

[1]) Линъ-чжоу основанъ въ 527 г. по Р. Х.; съ 1005 г. былъ столицей Тангутскаго царства; въ 1384 г. былъ снесенъ водою и на мѣсто его въ 7 ли къ с. былъ построенъ новый городъ; въ 1428 г. снесенъ и этотъ Желтою рѣкою; тогда городъ перенесли на 5 ли къ сѣверовостоку (О. Іакинѳъ, Исторія Тибета и Хухунора, Спб., 1833, ч. II, стр. 206).

Digitized by Google

этому нашъ караванъ былъ направленъ побочной тропой, очень извилистой, проходившей зигзагами между фанзами и пашнями, придерживаясь постоянно лѣваго берега большого ирригаціоннаго канала, проведеннаго изъ Желтой рѣки. Каналъ этотъ одно изъ замѣчательныхъ сооруженій правительства въ этомъ краѣ, исполненныхъ въ видахъ общественной пользы. Онъ выведенъ отъ подошвы горы Ньютоу-шань, лежащей въ 70 ли отъ Линъ-чжоу. Ширина канала до 5 саж. и болѣе. По обѣимъ сторонамъ канала тянутся отвалы вынутой изъ него земли, отдѣляющіе каналъ отъ прилегающихъ полей. По этимъ-то отваламъ главнымъ образомъ и пришлось проходить нашему каравану почти вплоть до У-цзюнъ-пу. Въ одномъ мѣстѣ каналъ пересѣкаетъ долину рѣки Па-лынъ-коу, которая течетъ изъ сосѣднихъ горъ, лежащихъ къ ю. Каналъ поднятъ здѣсь посредствомъ искусственной насыпи на 2 саж. высоты надъ уровнемъ воды въ Па-лынъ-коу и надъ этой послѣдней въ насыпи устроенъ туннель.

Все пространство отъ Линъ-чжоу до Цзинъ-цзи-пу (послѣдній городъ на 44 метра выше перваго) занято непрерывными рисовыми полями и фруктовыми садами, среди которыхъ разсѣяны многочисленныя фанзы, по большей части въ одиночку, фанза отъ фанзы саженяхъ во ста. Около фанзъ всегда фруктовыя деревья, яблони, груши, персики, цзаоръ; вдоль канала насажены цзаоръ, вязъ и ива. Куда ни обратишься, вездѣ видишь зелень, деревья, пашни и дома. Хлѣбъ былъ на половину убранъ. Гаолянъ мѣстами убирался, мѣстами еще стоялъ на корню; рисовыя поля еще стояли не убранныя. Не убранными съ полей также оставались стручковый перецъ, че-цза (Solanum Melongena L.), мальва съ черными цвѣтами (цзы-хуаръ), идущая для приготовленія черной краски и гречиха. Крестьяне готовились къ зимѣ; повсюду былъ виденъ народъ; одни убирали хлѣбъ, другіе толпились около кладей, которыя возвышались теперь вокругъ гуменъ, гдѣ лѣтомъ, обыкновенно, сиротливо лежитъ каменный катокъ. Заборы въ деревняхъ были завалены хворостомъ, приготовленнымъ для зимняго топлива. Скотъ встрѣчался рогатый, овцы, лошади, свиньи и даже верблюды. По тропинкамъ, которыя тянутся по гребню валовъ, сопровождающихъ каналъ, часто попадались намъ небольшіе караваны на ослахъ и мулахъ.

Верстахъ въ 6—7 къ ю. отъ Линъ-чжоу мы прошли мимо городка Ванъ-хунъ-че-цзай-цза. Именемъ цзай-цза называется небольшая крѣпостца или обширный дворъ, обнесенный высокой стѣной, подъ верхнимъ краемъ которой продѣланы бойницы или отверзстія. Въ такихъ цзай-цзахъ мусульмане отбивались отъ императорскихъ войскъ. Здѣсь ихъ настроено было множество; теперь они всѣ заняты китайцами. Ванъ-хунъ былъ предводитель здѣшнихъ мусульманъ; онъ былъ казненъ. Теперь въ стѣнахъ его городка живутъ китайцы; внутри его, какъ намъ передавали, есть торговыя лавки и ямынъ. Въ 3 верстахъ отсюда далѣе опять мы видѣли три цзай-цзы рядомъ, которыя намъ назвали Лэнъ-сань-цзай-цза. Онѣ построены одна отъ другой въ разстояніи 200—300 саженъ.

Около селенія У-цзюнъ-пу, гдѣ мы ночевали, мы перешли на правый берегъ канала. Насъ увѣряли, что послѣ возстанія всѣ мусульмане выселены на правую

Digitized by Google

сторону канала и на лѣвой имъ запрещено жить. И дѣйствительно, перешедши на эту сторону, мы стали встрѣчать много мусульманскихъ жилищъ. Между здѣшними мусульманами много физіономій чисто тюркскихъ; старики особенно типичны; часто встрѣчаются порядочныя черныя или сѣдыя бороды и иногда бакенбарды. Типъ здѣшнихъ мусульманъ болѣе всего напоминаетъ тюрковъ города Хами. Женщины съ маленькими ножками; одѣты совершенно по китайски. Если вѣрно, какъ увѣряютъ китайскіе мусульмане, что они не принадлежатъ къ китайской расѣ, что они народъ пришлый съ запада, изъ Туркестана, то они представляютъ странную особенность среди другихъ племенъ, утратившихъ, какъ и они, свою національность; женщины, которыя повсюду отличаются большимъ консерватизмомъ, чѣмъ мужчины и считаются главными хранительницами старыхъ завѣтовъ, у здѣшнихъ мусульманъ болѣе, чѣмъ мужчины, поддались чужому обычаю.

Небольшой городъ Цзинъ-цзи-пу построенъ среди сплошныхъ и обширныхъ рисовыхъ полей, залитыхъ водою. Мы остановились въ гостинницѣ, содержимой мусульманиномъ; дворъ гостинницы былъ очень грязный; переднія фанзы и кухни были чисты, но заняты купцами, закупавшими здѣсь скотъ, такъ что намъ отвели какой-то не убранный задній покой.

Насъ увѣряли, что Цзинъ-цзи-пу построенъ предводителемъ мусульманскихъ повстанцевъ Ма-хуа-луномъ, ахуномъ, который былъ схваченъ и казненъ въ Пекинѣ; вѣроятно, онъ только обнесъ существовавшій и прежде городъ стѣнами или даже можетъ быть только подновилъ ихъ. Ма-хуа-лунъ стоялъ во время мятежа во главѣ всего здѣшняго края и управлялъ имъ, какъ монархъ. Онъ оставилъ по себѣ добрую память не только среди своихъ единовѣрцевъ, но даже и у китайцевъ язычниковъ. Правленіе его, какъ и синиńскаго ахуна Тинсы, хвалятъ за справедливость. По одному показанію, три его сына, послѣ того какъ отецъ ихъ былъ взятъ, бѣжали въ горы Нью-тоу-шань, но были тамъ схвачены и казнены. По другому, у него остался 26 лѣтній сынъ, который бѣжалъ въ Хами и тамъ скрывается. Ма-хуа-лунъ отстроилъ для себя въ Цзинъ-цзи-пу дворецъ, который состоялъ изъ семи отдѣльныхъ построекъ; по взятіи города четыре зданія были разрушены, три обращены въ сы-танъ въ честь Линъ-гуна, китайскаго генерала, убитаго въ дѣйствіяхъ противъ Цзинъ-цзи-пу, того самаго, которому почетный храмъ устроенъ и въ Линъ-чжоу. У мѣстныхъ жителей сложилась легенда о серебрѣ Ма-хуа-луна. Разсказываютъ, будто онъ зарылъ въ землю деревянный гробъ, въ который сложилъ все свое серебро; семьсотъ человѣкъ, которые зарывали этотъ гробъ, были будто бы потомъ убиты и гдѣ лежитъ Ма-хуа-луново серебро, ни кому неизвѣстно.

Гора Нью-тоу-шань, которую изъ Цзинъ-цзи-пу было еще лучше видно, чѣмъ изъ Линъ-чжоу, въ переводѣ съ китайскаго значитъ: «гора коровья голова». Монголы зовутъ ее Ухыръ-ола, «коровьи горы». Въ этой горѣ есть мѣста, священныя для буддистовъ и они ходятъ сюда на поклоненіе. Во время зимовки въ Сань-чуани на Желтой рѣкѣ мы встрѣтили ордосскаго монгола Пунцука, который ходилъ въ эти горы. По его разсказамъ, прежде здѣсь былъ большой монастырь, но земля, на которой онъ стоялъ, растрескалась и перевернулась (отъ землетрясенія?), и мона-

Digitized by Google

стырь разрушился. Теперь живетъ здѣсь немного монаховъ. Они указываютъ двѣ замѣчательныя скалы; одна лежитъ у берега рѣки и называется Алтанъ-унага, «золотой жеребенокъ», другая на вершинѣ горы около обители, въ которой живутъ монахи; это Алтанъ-тугулъ, «золотой теленокъ». Кромѣ того въ монастырѣ есть еще замѣчательная башня (субурганъ); о ней говорятъ, что она приподнята надъ землей, не упирается въ нее, а виситъ на воздухѣ.

Изъ Цзинъ-цзи-пу мы не могли направиться къ Нью-тоу-шань, потому что между ею и Желтой рѣкой нѣтъ дороги. Намъ предстояло обойдти эту гору съ востока и потому мы выступили изъ Цзинъ-цзи-пу 8 октября по дорогѣ въ городъ Вэй-чжоу, который лежитъ въ сосѣднихъ горахъ. Мы вышли изъ восточныхъ воротъ города, такъ какъ путь нашъ лежалъ на востокъ, но напуганные разсказами, что тутъ много рисовыхъ полей, залитыхъ водою, и что пройдти съ верблюдами тутъ очень трудно, наши подводчики обошли Цзинъ-цзи-пу съ южной стороны и уже отъ западныхъ воротъ повернули прочь отъ города. До ночлега шли все той же равниной, сплошь покрытой полями. Господствующее населеніе мусульмане. Не доходя до ночлега, перешли по мосту черезъ рѣку, которая течетъ съ ю. отъ горъ Лоу-шань, образующихъ восточное продолженіе Нью-тоу-шаня. Мостъ этотъ называется Ляо-чяо (чяо-«мостъ», Ляо—собствен. имя). За рѣкой почва начала измѣняться, стали появляться солонцеватыя прогалины, поросшія растеніями Atriplex sibirica и Kallidium. На ночлегъ остановились въ дер. Ляо-дже-чяо, названной такъ очевидно по имени моста. Къ ю. отъ деревни находится небольшая крѣпостца, въ которой стоялъ отрядъ солдатъ съ офицеромъ. Эта крѣпостца выдержала во время возстанія осаду; гарнизонъ ея находился въ крайности и очень голодалъ; доу рису продавалось по 45 тысячъ чоховъ; люди ѣли башмаки. Нѣсколько сотъ солдатъ погибло отъ голода и болѣзней.

За деревней Ляо-дже-чяо начинается степная мѣстность и подъемъ на плоскія возвышенности. Между растеніями господствуютъ дэрису, будургана и хамхылъ (Atriplex sibirica L.). Такой мѣстностью дорога идетъ до дер. Ши-гоу-и, у которой высота надъ ур. м. уже достигаетъ до 1250 метр. Названіе это значитъ, «рѣка, состоящая изъ десяти рѣкъ». Дѣйствительно, у деревни протекаетъ рѣка: въ которой мы подошли раньше, чѣмъ достигли деревни. Рѣка течетъ въ рытвинѣ до 5 саж. глубины; бока долины круты, мѣстами въ нихъ видны выходы сѣраго песчаника. Эту рѣку намъ назвали Хуанъ-суй-гоу, «желтоводная» или Ку-шуй-хо («горькая вода»); вода въ ней соленая или гуджирная, разливается рукавами по песчаному или галечному дну, которое имѣетъ до 20 саж. ширины. Мѣстами наносъ, покрывающій песчаники, смытъ, верхняя горизонтальная поверхность песчаниковаго пласта обнажается и образуетъ террасу иногда въ 30 саж. шириной. Въ этой долинѣ мы имѣли единственный случай видѣть одинъ всего кустъ «вѣчной караганы», мунко-харагана, какъ это растеніе (Piptantus sp.) называютъ монголы. Оно было уже безъ плодовъ [1]). Въ 5 ли отъ деревни Ши-гоу-и добывается

[1]) Пржевальскій вывезъ вѣтки его съ плодами изъ Ала-шаня; цвѣты его досихъ поръ неизвѣстны.

Digitized by Google

каменный уголь, караваны съ которымъ начали намъ попадаться еще на пути къ этой деревнѣ. Въ деревнѣ Ши-гоу-и жители занимаются между прочимъ изготовленіемъ глиняной посуды; здѣсь мы нашли семью тумутовъ, занимающихся выдѣлкою корчагъ; они бѣжали сюда еще во время дунганскаго возстанія. Кромѣ того здѣсь было нѣсколько алашаньскихъ олётовъ, пріѣхавшихъ охотиться въ здѣшнихъ горахъ за дзеренами.

Отъ Ши-гоу-и, какъ намъ здѣсь сказали, есть прямая дорога въ городъ Хуа-ма-ченъ, по которой въ три дня достигаютъ до этого города. Одинъ изъ ночлеговъ на этой дорогѣ назыв. Ё-ху-линъ.

На слѣдующихъ двухъ переходахъ къ дер. Пай-танъ-суй (10 окт.) и къ дер. Ху-янъ-пу (11 окт.) мѣстность имѣетъ одинаковый характеръ; плоскіе хребты съ мелкими падями или широкими логами между ними; часто встрѣчаются выходы сѣраго песчаника; большею частью песчаникъ прикрытъ рыхлымъ пескомъ; изрѣдка песчаная почва смѣняется глиной. Дэрису здѣсь достигаетъ колоссальнаго роста, всаднику по плечо; очень много Stipa (по монг. хилагана) и агэ (Artemisia maritima Bess); эти два послѣднихъ вида монголы считаютъ лучшими кормовыми травами; наши монголы приходили въ восхищеніе отъ здѣшнихъ кормовъ. На глинистыхъ мѣстахъ растетъ будургана. На степяхъ здѣсь много дзереновъ, а на озерахъ множество ангировъ. Отъ Ши-гоу-и до Пай-танъ-суя и отъ Пай-танъ-суя до Ху-янъ-пу не было ни одной жилой фанзы, но на второмъ переходѣ было много развалинъ — слѣды мусульманскаго погрома. Есть также остатки какого-то древняго города, обратившагося въ развалины, повидимому, задолго до мусульманскаго возстанія.

Въ Пай-танъ-суѣ только одинъ дворъ возлѣ рѣчки съ зеленымъ лугомъ и соленой водой.

Ху-янъ-пу небольшой городокъ, обнесенный кирпичной стѣной. Внѣ городской стѣны предмѣстье съ торговыми лавками. Мы остановились въ верблюжьемъ дянѣ, т. е. гостинницѣ, имѣющей большой дворъ для помѣщенія верблюдовъ.

Возлѣ города два озера, въ которыхъ садится соль; её добываютъ и возятъ на продажу въ городъ Гу-юань-чжоу. Способъ добыванія соли тотъ же, что и на озерѣ Хуа-ма-чи (Бага-чикыръ); т. е. отгораживаютъ лагуны по берегамъ озера и выпариваютъ воду дѣйствіемъ солнца. Мы застали въ городѣ двадцатидневный праздникъ въ честь Янъ-шена, бога соли, сопровождавшійся ежедневнымъ театральнымъ представленіемъ. Около Хунъ-янъ-пу никакого хлѣбопашества, ни огородовъ нѣтъ; все привозится изъ Цзинъ-цзи-пу.

Отъ Хунъ-янъ-пу до города Вэй-чжоу около 20 верстъ. Вэй-чжоу больше Цзинъ-цзи-пу; онъ весь населенъ мусульманами; насъ увѣряли, что въ немъ всего только 10 семей китайцевъ язычниковъ. Говорили также, что въ этомъ городѣ было поднято первое знамя мусульманскаго возстанія. Подъ сѣверной стѣной города протекаетъ въ глубокихъ обрывахъ лёсса рѣка, которую провожавшіе насъ солдаты назвали Вэй-цзи-хэ. Она течетъ на сѣверъ. Караванъ нашъ остановился въ предмѣстьи въ дянѣ, который содержится мусульманиномъ.

Digitized by Google

Характеръ окрестностей Цзинъ-цзи-пу, т. е. ровная поверхность земли, растительный покровъ которой кореннымъ образомъ измѣненъ культурой, простирается только до дер. Ляо-чже-чяо; далѣе характеръ другой; мѣстность постепенно поднимается къ югу и становится холмистою; по ней проходятъ плоскіе хребты. Участки, захваченные культурой, не велики, господствуютъ пространства, сохранившія естественное состояніе почвы. Населеніе рѣдко. Растительность степная; скаты плоскихъ хребтовъ покрыты щеткой степныхъ злаковъ (Stipa?), а солонцевато-песчаныя прибрежья рѣкъ и озеръ усѣяны кустами хармыка, обратившимися въ песчано-глинистые бугры. Такой характеръ страна сохраняетъ до города Пинъ-янъ-ся. Между Хунъ-янъ-пу (1269 метр. надъ у. м.) и Вэй-чжоу (1285 метр.) хребты нѣсколько выше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, но и здѣсь страна еще не получаетъ вполнѣ горнаго характера; глубокихъ долинъ съ обнаженіями и отвѣсными скалами нѣтъ, и виды на окрестности остаются обширными, просторными. Къ ю. отъ Пинъ-янъ-ся характеръ измѣняется; появляются глубокія долины съ видами, ограниченными горами.

Въ мусульманскомъ Вэй-чжоу толпа осаждала нашу квартиру, какъ и въ другихъ городахъ. И здѣсь, какъ около Цзинъ-цзи-пу, насъ поражало присутствіе въ средѣ мусульманскаго населенія особаго тюркскаго типа. Мусульмане, повидимому, смотрѣли на насъ съ особеннымъ интересомъ и нѣкоторымъ расположеніемъ, вѣроятно въ сознаніи нѣкоторыхъ общихъ священныхъ преданій и религіозныхъ догматовъ.

14 окт. мы оставили Вэй-чжоу. При выходѣ изъ города мы вновь пересѣкли рѣку, текущую въ лёссовыхъ ярахъ, которую переходили при входѣ въ городъ. Тутъ мы встрѣтили высокаго старика въ мусульманской шапочкѣ, съ большой бородой, какая на рѣдкость нашему киргизу; онъ мелъ дорогу. Увидѣвъ насъ, онъ прекратилъ свою работу и обратился къ намъ съ какой-то длинной фразой на арабскомъ языкѣ; старикъ повидимому полагалъ, что мы понимаемъ этотъ языкъ. Я принялъ эту рѣчь за привѣтствіе, но могъ на неё отвѣтить только произнесеніемъ «асселямъ-малейкумъ». Насъ было только двое, я и жена; караванъ еще не выбрался изъ городскихъ улицъ. Не зная, по которой дорогѣ идти далѣе, я жестами выразилъ старику свое затрудненіе; онъ не только указалъ намъ нашу дорогу, но, пропустивъ насъ впередъ, слѣдилъ еще за нами потомъ и кричалъ намъ вслѣдъ, когда мы на перекресткахъ выбирали ложное направленіе.

По дорогѣ между Вэй-чжоу и Пинъ-янъ-ся мы не встрѣтили жилыхъ мѣстъ. Только вправо отъ дороги, при подошвѣ горъ, служащихъ южнымъ продолженіемъ хребта Ло-сань (Лоу-сань), была видна большая деревня съ садами. Это была рѣдкость въ этой части страны. Не говоря о такомъ печальномъ мѣстѣ, какъ Хунъ-янъ-пу, и остальные два города, Вэй-чжоу и Пинъ-янъ-ся, не имѣютъ садовъ.

Около Пинъ-янъ-ся течетъ небольшая рѣчка въ 1 арш. шириной въ оврагѣ, имѣющемъ до 20 саж. ширины и до 5 саж. высоты; это вершина той рѣки, на которой стоитъ Вэй-чжоу; оврагъ сильно развѣтвляется въ окрестностяхъ города;

Digitized by Google

разрѣзы состоятъ изъ нечистаго лёсса, окрашеннаго иногда въ красный цвѣтъ и перемежающагося со слоями мелкаго щебня.

По приходѣ нашемъ въ городъ, мѣстный мандаринъ прислалъ намъ подарокъ, состоявшій изъ бараньей ноги и вилка капусты; мы отдарили его коробкой съ ананасомъ въ сиропѣ. Городъ, повидимому, бѣдный; по крайней мѣрѣ все здѣсь трудно доставать. Наши люди не могли найти дровъ; они были доставлены намъ изъ ямына; трава, которую предлагали для нашего скота, была гнилая и прѣлая; съ трудомъ нашли въ городѣ хорошую. Лошадей принуждены были выгнать за городъ на степные кипцы. Пинъ-янъ-ся сильно пострадалъ отъ возстанія; двѣ трети города лежатъ въ развалинахъ и въ окрестностяхъ его было видно много опустошенныхъ деревень. Пинъ-янъ-ся (1603 м. надъ у. м.) лежитъ уже почти на 500 метровъ выше, чѣмъ Линъ-чжоу, но подъемъ продолжается еще далѣе. Между Пинъ-янъ-ся и дер. Че-лу-коу, лежащей далѣе, дорога минуетъ два перевала, между которыми лежитъ дер. Хэ-вань-чже-ца. Второй перевалъ, лежащій между деревнями Хэ-вань-чже-ца и Че-лу-коу, выше перваго; возвышенности, черезъ которыя здѣсь переваливаетъ дорога, составляютъ восточное продолженіе хребта Ло-шань, который на западѣ, подъ именемъ Нью-тоу-шань, упирается въ Желтую рѣку и образуетъ щеки выше города Нинъ-ся. Наблюденій надъ барометромъ на этихъ перевалахъ не было сдѣлано. Деревни, лежащія по сторонамъ второго, болѣе высокаго перевала, Хэ-вань-чже-ца и Че-лу-коу, лежатъ: первая на высотѣ 1675, вторая 1729 метр.

Оставивъ Пинъ-янъ-ся, мы начали подниматься сначала постепенно, а потомъ круто на первый перевалъ, съ котораго открылся обширный видъ на юго-западъ, на пересѣченную мѣстность, куда дорога направляется съ перевала. Внутри этой-то крайне размытой мѣстности и лежитъ деревня Хэ-вань-чже-ца. Все пространство отъ перевала до деревни изрыто глубокими оврагами. Холмы состоятъ изъ лёсса и имѣютъ мягкіе контуры; гряды тянутся въ видѣ валовъ, между которыми лежатъ долины съ горизонтальнымъ дномъ; такое дно иногда по средней линіи прорѣзано глубокимъ и сухимъ оврагомъ, дающимъ въ обѣ стороны развѣтвленія. Эти овраги очень затрудняютъ движеніе каравана по лёссовой террасѣ и каравану часто приходится обходить концы враговъ и дѣлать кружную дорогу. Особенно приходится кружить съ верблюдами; нерѣдко мы должны были бросать дорогу, по которой ходятъ караваны на мулахъ и отыскивать новую, болѣе длинную. Окружающіе дорогу холмы поднимаются надъ террасами на 500—600 ф., а овраги углублены въ террасу еще на 5 сажень, а ближе къ деревнѣ Че-лу-коу и на 7 сажень.

Изъ дер. Хэ-вань-чже-ца дорога поднимается на второй, болѣе высокій перевалъ по широкой долинѣ, имѣющей до 100 саженъ ширины. Деревня Че-лу-коу находится на высотѣ 1729 метр. надъ у. м. Она называется по долинѣ того же имени, въ которой стоитъ (чэ—телѣга, лу—дорога, коу—горная тѣснина). На эту долину мы вышли верстахъ въ 5 выше деревни.

На восточн. склонѣ перевала въ обрывахъ ничего не видно другого, кромѣ лёсса. Въ долинѣ же Чэ-лу-коу на днѣ враговъ выступаютъ пласты песчаника. Ущелье

Digitized by Google

Чэ-лу-коу тянется къ з. до дер. Тао-тунъ-цза, такъ что, переночевавъ въ дер. Чэ-лу-коу, мы весь слѣдующій день до ночлега шли въ глубокомъ оврагѣ. Около дер. Чэ-лу-коу и ниже ея, долина эта узка, около 10—15 саж. ширины. Въ 6—7 вер. ниже дер. Чэ-лу-коу горы обрѣзываются;. между этимъ обрѣзомъ юго-западныхъ предгорій горъ Ло-шань и сѣверо-западными предгоріями горъ Лянъ-хуа-сань, лежащихъ къ юго-западу отсюда, проходитъ продольная долина Тяо-цуи, которая имѣетъ ширины до 20 верстъ и направленіе съ юго-востока на сѣверо-западъ. Къ западнымъ предгорьямъ Ло-шаня примыкаетъ высокая терраса въ 13 вер. шириной, изрѣзанная глубокими оврагами. Рытвина Чэ-лу-коу продолжается въ этой террассѣ и пересѣкаетъ ее; дорога идетъ по дну ея и путешественникъ, выйдя изъ горъ, можетъ долго объ этомъ не догадываться, что со мной и случилось. Только когда мы пришли въ дер. Тао-тунъ-цзу, лежащую на западной окраинѣ этой террасы и когда я вылѣзъ на сосѣдній холмъ, я увидѣлъ, что чэ-лу-коускія горы остались далеко на востокѣ. А. И. Скасси, какъ опытный топографъ, догадался объ этомъ ранѣе; сначала онъ заключилъ объ этомъ по измѣнившимся контурамъ горныхъ вершинъ, а потомъ его въ томъ же окончательно убѣдила песчаная осыпь, которую и я замѣтилъ въ той части рытвины, гдѣ она уже пересѣкаетъ террасу (недалеко уже отъ дер. Тао-тунъ-цзы); осыпь эта спускается, какъ водопадъ, съ крутого праваго бока рытвины; песокъ желтоватаго цвѣта катится съ вершины обрыва до его подошвы; матеріалъ для осыпи вѣроятно даютъ барханы, которые могутъ находиться на террасѣ къ сѣверу отъ Тао-тунъ-цзы.

Ниже деревни Чэ-лу-коу обрывы долины имѣютъ высоты до 8 — 10 саж., а окружающія горы поднимаются еще выше. Обрывы состоятъ изъ лёсса, подъ которымъ залегаютъ горизонтальные пласты краснаго глинистаго песчаника, включающаго мелкія зерна гипса; часто и эта порода образуетъ отвѣсные обрывы въ 8—10 саж. высоты. Изъ подъ этого песчаника выступаетъ въ согласномъ напластованіи другой, болѣе плотный—тоже красный песчаникъ, который иногда образуетъ ложе рѣки. Мѣстами рѣчное ложе прорѣзало этотъ пластъ до слѣдующаго болѣе рыхлаго песчаника, и тогда рыхлый песчаникъ является вымытымъ на обѣихъ сторонахъ долины изъ подъ плотнаго песчаника, такъ что послѣдній образуетъ нависшіе надъ ложемъ выступы. Въ границѣ налеганія глинистаго песчаника на плотный, а также въ вертикальныхъ трещинахъ, которыя проходятъ по толщѣ глинистаго песчаника, отложился гипсъ прослойками въ ладонь толщины. Иногда такой прослоекъ гипса прорѣзываетъ весь разрѣзъ въ 5 саж. высоты отъ дна долины до его вершины; въ одномъ мѣстѣ насчитывается четыре трещины, выполненныя гипсомъ, рядомъ на одномъ разрѣзѣ. Около дер. Чэ-лу-коу въ долинѣ замѣчаются террасы, сложенныя изъ гальки, проложенной лёссомъ; галька состоитъ изъ песчаника и известняка. Лёссъ въ долинѣ Чэ-лу-коу слоистый и пористый; часто на обрывахъ лёсса замѣчаются полосы налета соли, какъ будто соотвѣтствующія какимъ-то прослойкамъ.

Около дер. Чэ-лу-коу дно долины сухо; ниже по нему течетъ небольшой ручей съ соленой водой. Иногда ручей прерывается, но ниже изъ какого-нибудь

Digitized by Google

бокового́ оврага вновь на главное русло вытекаетъ ручей, иногда и съ прѣсной водой.

Растительность въ этихъ лёссовыхъ горахъ бѣдная; земная поверхность скудно прикрыта травами, лѣса нѣтъ ни въ тѣни овраговъ, ни около деревень. Населеніе жидкое, по большей части мусульманское; кромѣ дер. Хэ-вань-чже-ца, Чэ-лу-коу и Тао-тунъ-цзы, въ которыхъ мы имѣли ночлеги, и еще двухъ-трехъ деревень, другихъ мы не видѣли у дороги. Во всѣхъ этихъ деревняхъ жители по большей части или даже исключительно живутъ въ пещерахъ, выкопанныхъ въ лёссѣ. И мы во всѣхъ этихъ мѣстахъ должны были также не только помѣщать свой скотъ, но вмѣстѣ съ нимъ и сами помѣщаться въ пещерахъ.

Эти жилыя пещеры имѣютъ, при длинѣ до 20 аршинъ, до 3—4 арш. ширины и до 10—12 арш. высоты; пещера тянется по большей части вглубь горы, такъ что къ наружному срѣзу горы обращена короткимъ бокомъ. Входомъ служитъ большое отверзстіе въ родѣ дверей; надъ нимъ другое, болѣе или менѣе круглое, служитъ вмѣсто окна. Изъ этихъ отверзстій пещера получаетъ свое освѣщеніе; лучи изъ нихъ падаютъ вдоль пещеры. Стѣны пещеры при помощи воды затираются, чтобы образовать на поверхности ихъ родъ глазури, которая не пропускаетъ воду. Въ переднемъ концѣ пещеры устроиваются каны; если пещера узка, то одинъ, если она широка, то два, одинъ справа, другой слѣва; эти каны отапливаются снаружи; около входа близь основанія горы снаружи можно замѣтить небольшія отверзтія съ закоптѣлыми углубленіями; это топки и дымовыя отверзтія. Между канами, если ихъ два, оставляется проходъ въ заднюю часть пещеры, въ которой и справа и слѣва устроены ясли, т. е. слѣплены изъ того же лёсса. Проѣзжающіе ставятъ своихъ муловъ въ глубь пещеры, а сами помѣщаются въ передней ея части на канахъ. Иногда каны отдѣляются отъ задней части пещеры стѣной, которая однако поднимается надъ каномъ не болѣе, какъ на $1^1/_2$ аршина. Эти пещерныя жилища лѣтомъ очень прохладны, зимой необыкновенно теплы; намъ случалось слышать отъ монголовъ восточнаго Ордоса, живущихъ въ лёссовыхъ пещерахъ, что зимой нѣтъ жилища теплѣе такихъ пещеръ. Здѣшніе жители также не нахвалятся ими, какъ наши крестьяне сѣверныхъ губерній войлочными катанками; но и то, и другое одинаково неизящно. Линіи кривыя, косяки не параллельны, арки не симметричны. Входъ въ такую гостинницу не болѣе показываетъ строительнаго искусства, какъ нора хищнаго животнаго. Вѣроятно жизнь въ такихъ пещерахъ не безопасна и отъ обваловъ; мнѣ однако не удалось собрать объ этомъ показаній.

Дянъ въ Чэ-лу-коу представлялъ самый лучшій видѣнный нами образцикъ жилищъ этаго рода. Хозяинъ его былъ Ма-ченъ-линъ, старикъ, которому насчитывался 71 годъ; онъ былъ мусульманинъ; имѣлъ красивое лицо, очень напоминавшее турецкій типъ. Онъ имѣлъ младшаго брата по имени Ма-ла-ла [1]), кото-

[1]) Ма-ла-ла значитъ по китайски «потерялъ лошадей». Такъ намъ перевели. Но вѣроятно значеніе это случайно; первый звукъ м а есть, по всей вѣроятности, фамильное имя, очень часто встрѣчающееся у здѣшнихъ мусульманъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

рый у Ма-хуа-луна въ Цзинъ-цзи-пу былъ важнымъ чиновникомъ и былъ вмѣстѣ съ нимъ казненъ. И Ма-ченъ-линъ, какъ передавали наши спутники, китайскіе солдаты, скрывавшійся во время возстанія въ Цзинъ-цзи-пу, тоже былъ бы казненъ, если бъ не бѣжалъ заблаговременно.

Въ селеніи Чэ-лу-коу не болѣе 4—5 дворовъ; въ Тао-тунъ-цзѣ болѣе 10 дворовъ. Топливомъ здѣсь служатъ солома гречихи и корни конопли, а также каменный уголь, который добывается въ 40 ли къ в. отъ Тао-тунъ-цзы. На мѣстѣ добычи ослиный вьюкъ (120 джиновъ) покупается за 100 чоховъ; продается въ Тао-тунъ-цзѣ за 200. Всѣ террасы въ долинахъ заняты подъ пашни; деревни же расположены на днѣ овраговъ. Ленъ и конопля были уже убраны, овсы еще стояли на корню.

У дер. Тао-тунъ-цзы рытвина не такъ глубока, какъ выше; обрывъ, въ которомъ помѣщалась пещера, занятая нами, имѣлъ не болѣе 3 саж. высоты. На вершинѣ этого обрыва, т. е. на крышѣ нашей пещеры, было устроено гумно нашего хозяина, которое было уставлено стогами соломы. Поднявшись на это гумно, можно уже было видѣть широкую и ровную долину Тяо-цуя. Долина эта имѣетъ до 15 ли ширины. Она на западѣ примыкаетъ къ Желтой рѣкѣ южнѣе тѣснины, образуемой горою Нью-тоу-шань. По ту сторону долины, т. е. на югѣ и западѣ, были видны горы, по округленнымъ вершинамъ которыхъ надо было догадываться, что онѣ прикрыты толщами лёсса; на востокъ отъ Тао-тун-цзы также была видна равнина, упирающаяся въ гряду невысокихъ возвышенностей; это тѣ горы, внутри которыхъ лежитъ дер. Чэ-лу-коу. Влѣво отъ нихъ были видны горы Ло-шань, которыя собою вѣроятно заслоняли горы Нью-тоу-шань.

Дорога пересѣкаетъ поперегъ долину р. Тяо-цуй. Рѣка протекаетъ по серединѣ долины; степь, разстилающаяся на обѣихъ ея сторонахъ, сильно поката къ рѣкѣ. Рѣка течетъ въ крутыхъ обрывахъ до 3—4 саж. высоты; между обрывами рытвина имѣетъ до 50 саж. ширины; ширина рѣки до 15 саж.; глубина выше колѣна лошади, почти по брюхо. Близъ переправы находится мусульманская деревня; немного далѣе другая, по имени Ши-цзы-лу, населенная язычниками; около нихъ видны вязы и, кажется, цзаоръ. Здѣсь разводятся арбузы, кукуруза, рѣпа, рѣдька и друг. овощи; есть и виноградъ. На песчаныхъ берегахъ р. Тяо-цуй я впервые увидѣлъ растеніе Dysophylla janthina, которое потомъ больше не видалъ.

Высота дна этой долины надъ уровнемъ моря осталась неопредѣленною; деревня Тао-тунъ-цза, лежащая къ востоку, имѣетъ высоту въ 1382 м., а Цаочанъ, лежащая къ западу, 1375 м.

Дер. Цао-чанъ (цао трава, чанъ пастбище; сложное же цао-чанъ значитъ подножный кормъ) лежитъ на западной окраинѣ долины у самыхъ горъ; подлѣ самой деревни въ горахъ была видна вырѣзка, чрезъ которую въ долину Тяо-цуй вытекаетъ притокъ Ши-чжи-коу. Въ деревнѣ Цао-чанъ мы нашли почти однѣ развалины. Ни травы, ни гороху для лошадей не оказалось, такъ что пришлось ограничиться подножнымъ кормомъ, и названіе деревни для насъ оправдалось. Воду пришлось также купить; дрова купили по 60 чоховъ (12 коп.) за вязанку.

Digitized by Google

Къ з. отъ деревни возвышаются стѣны разрушеннаго мусульманами города, который носилъ одно имя съ нынѣшней деревней. Стѣны города цѣлы, но внутри ничего нѣтъ, кромѣ развалинъ; только въ одномъ мѣстѣ кто-то устроилъ себѣ жилье. Мѣстами тутъ были улицы изъ домовъ безъ крышъ; мѣстами отъ домовъ остались только груды кирпичей и мусору; на улицахъ валяются жернова; кусты солянки, гонимые вѣтромъ, прыгаютъ изъ конца въ конецъ города, не встрѣчая препятствій.

Вершина р. Тяо-цуй, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, находится отсюда въ 700 ли. На верхней части этой рѣки находится дер. Шуанъ-ченъ-цза, до которой отъ Пинъ-янъ-ся считается 140 ли; въ 20 ли выше Шуанъ-ченъ-цзы на той же рѣкѣ лежитъ дер. Чинъ-инъ. Городъ Гу-юань-чжоу лежитъ въ 140 ли отъ Шуанъ-ченъ-цзы, не на Тяо-цуѣ, а въ сторонѣ, южнѣе. Отъ Хай-чена до Гу-юань-чжоу считается 200 ли.

На картѣ г. Большева городъ Гу-юань-чжоу назначенъ въ вершинѣ р. Цинъ-шуй-хэ, которая течетъ отъ города прямо на сѣверъ по направленію къ Линъ-чжоу и противъ Нинъ-ся впадаетъ въ Желтую рѣку. По своему направленію Цинъ-шуй-хэ соотвѣтствуетъ той рѣкѣ, на которой стоятъ города Вэй-чжоу и Пинъ-янъ-ся, но вершина этой послѣдней не уходитъ такъ далеко на югъ, какъ показано на картѣ г. Большева. На этой картѣ повидимому двѣ рѣки: Вэй-чжоуская и Тяо-цуй соединены въ одну. Между Нинъ-ся и Цзинь-юанемъ на картѣ г. Большева назначено нѣсколько небольшихъ рѣкъ, текущихъ съ юго-востока въ Желтую рѣку, и одну изъ нихъ можно бы принять за Тяо-цуй (по крайней мѣрѣ за ея нижнее теченіе), но на картѣ онѣ не названы.

Кажется, черезъ вершину Тяо-цуя проѣхалъ г. Руссе, извлеченіе изъ разсказа котораго помѣстилъ въ своей China (T. II, S. 661) баронъ Рихтгофенъ. Руссе ѣхалъ изъ Си-ань-фу въ Лань-чжоу вверхъ по р. Цинь-хо. Въ вершинахъ ея онъ пересѣкаетъ высокое лёссовое плато Ku-shui-tshwan, на которомъ берутъ начало рѣки, текущія въ разныя стороны; на этомъ плато, почти безъ замѣтнаго измѣненія въ уровнѣ, дорога достигаетъ рѣки Tsóu-li-ho, которая течетъ на сѣверо-западъ и изливается въ Хуанъ-хэ собственнымъ устьемъ. Отсюда дорога идетъ на западъ, оставляя долину этой рѣки въ сторонѣ. Эта Цу-ли-хо вѣроятно одна изъ вершинъ нашей рѣки Тяо-цуй.

Такъ какъ провожавшіе насъ изъ Пинъ-янъ-ся ли увѣряли, что они знаютъ о существованіи только двухъ дорогъ въ Лань-чжоу, одна изъ которыхъ идетъ черезъ Гу-юань-чжоу, другая черезъ Цзинь-юань, и такъ какъ мы ничего не могли узнать о средней между ними дорогѣ, дорога же черезъ Гу-юань-чжоу, какъ намъ казалось, могла бы насъ заставить сдѣлать лишній крюкъ на востокъ, то мы выбрали путь на Цзинь-юань, до котораго отъ Цао-чана считаютъ 270 ли.

Путь отъ Цао-чана до Цзинь-юаня можно раздѣлить на три части: отъ Цао-чана до городка Хай-чена идетъ подъемъ къ горамъ Лянъ-хуа-сань; средняя часть дороги, отъ Хай-чена до дер. Янъ-дже-най-вань, проходитъ прямо на западъ приблизительно въ одномъ высокомъ уровнѣ, параллельно грядѣ Лянъ-хуа-сань и ея за-

Digitized by Google

падному продолженію, по сѣверной сторонѣ этихъ горъ. Въ этихъ горахъ лежатъ вершины южныхъ притоковъ р. Тяо-цуй и восточныхъ притоковъ той части Желтой рѣки, которая заключается между Цзинь-юанемъ и устьемъ Тяо-цуя; онѣ возвышаются надъ дорогой не менѣе, какъ на 1000 ф. и видны съ дороги почти на всемъ протяженіи ея отъ отъ Хай-чена до Янъ-чже-най-ваня. Послѣдній, третій, участокъ дороги есть спускъ къ долинѣ Желтой рѣки, который идетъ, не пересѣкая этихъ южныхъ горъ.

Со стоянки у деревни Цао-чанъ караванъ направился на западъ къ ущелью, изъ котораго вытекаетъ на долину Тяо-цуй рѣка Ши-чжи-коу. Опустошенный мусульманами городъ пришелся на дорогѣ и мы его пересѣкли; отъ сѣверныхъ воротъ до южныхъ караванъ шелъ въ продолженіи четверти часа. Выйдя изъ города, караванъ спустился въ долину р. Ши-чжи-коу, которая западнѣе пустого города выходитъ изъ лежащихъ къ юго-западу отсюда горъ. По этой рѣкѣ мы потомъ должны были подниматься въ теченіи двухъ дней чуть не до самаго города Хай-чена; рѣка течетъ въ долинѣ до 100 сажень шириной, но изливается въ широкую долину Тяо-цуй черезъ тѣсное ущелье, пробитое между конгломератовыми скалами. Дорога изъ Цао-чана нейдетъ по ущелью, а не доходя до него, сворачиваетъ влѣво, взбирается на гору и переваливаетъ её черезъ вырѣзку, искусственно высѣченную въ конгломератѣ, изъ котораго состоитъ гора. Конгломератъ образованъ валунами изъ песчаника, известняка и изъ конгломерата же; обнаженія его находятся только въ тѣснинѣ, выше же ея, гдѣ долина становится пошире, залегаетъ сильно глинистый песчаникъ. Тамъ, гдѣ этотъ песчаникъ примыкаетъ къ конгломерату, можно опредѣлить паденіе пластовъ; простираніе ихъ съ сѣвера-запада на юго-востокъ, паденіе на юго-западѣ подъ угломъ 34°. Это паденіе можно наблюдать только на правомъ берегу рѣки; на лѣвомъ же пласты срѣзаны по линіи простиранія и потому кажутся горизонтальными; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ можно было ожидать разрѣзъ по линіи паденія, онъ закрытъ примыкающею къ нему террасой. Въ разрѣзѣ на лѣвомъ берегу песчаникъ переслаивается съ пластами кристалическаго гипса въ 1 арш. толщиной; пустоты между мелкими кристаллами гипса выполнены зеленоватой глиной. На правомъ берегу въ разрѣзѣ съ крутымъ паденіемъ также повидимому есть прослой гипса. Тутъ между прочимъ виденъ одинъ пластъ, внутри котораго проходитъ какой-то прослой, очень изогнутый складками; повидимому этотъ прослой состоитъ изъ болѣе мягкаго минерала, чѣмъ сосѣдніе пласты (изъ гипса?)

Выше по долинѣ паденіе пластовъ уменьшается и вскорѣ не превышаетъ ⌊2°, а еще выше пласты кажутся горизонтальными. Выше деревни Гуань-чяо-пу въ обрывахъ уже не видно краснаго песчаника; они состоятъ только изъ лёсса.

Дно долины, берега рѣчки и иногда поверхность обрывовъ на значительной высотѣ надъ дномъ долины покрыты соляной пылью; очевидно, эту соль даетъ красный глинистый, богатый гипсомъ, песчаникъ. Соляной пыли иногда такъ много, что долина кажется осыпанною мукой. По дну долины растутъ будургана, солянки и кармыкъ. Рѣка имѣетъ до 2 саж. ширины; дно каменистое, вода свѣтлая, но въ

Digitized by Google

нижней части рѣки не вкусная, хотя соли на вкусъ и не слышно, выше же деревни Гуань-чяо-пу становится совершенно прѣсною, не смотря на то, что берега ея по прежнему густо покрыты соляной пылью.

Около этого же мѣста на томъ же лѣвомъ, т. е. западномъ берегу, по разсказамъ туземцевъ, находятся развалины древняго города Тхо-чанъ-пу; въ какое время опустѣлъ этотъ городъ, жители не помнятъ; въ немъ находятся каменныя изваянія лошадей и овецъ, а также выкапывается много мѣдныхъ денегъ. Около развалинъ есть мусульманская деревня, жители которой занимаются раскопками въ развалинахъ и продажей добытой мѣдной монеты. Деревня Гуань-чяо-пу (гуань — смотри, чяо — мостъ, пу — крѣпостца со стѣнами, сбитыми изъ глины) также населена мусульманами; она расположена на стрѣлкѣ между двумя отногами рѣчки Ши-чжи-коу (Хо-дзя-пу-де-хоу). У жителей этой деревни также находится много старинныхъ монетъ, и мы ихъ здѣсь накупили цѣлую связку.

Въ деревнѣ Гуань-чяо-пу нѣтъ дяна; наши яи завели насъ къ одному мусульманину, который когда-то прежде содержалъ дянъ. Въ день нашего прибытья нашъ хозяинъ справлялъ поминки по какомъ-то своемъ родственникѣ, который умеръ десять лѣтъ назадъ. Всѣ помѣщенія были заняты гостями и свободнымъ оставался только лошадиный хлѣвъ, который намъ и пришлось занять.

Верхняя часть долины Ши-чжи-коу (Хо-дзя-пу-де-хо), выше деревни Гуань-чяо-пу, была болѣе оживлена человѣческими жилищами, чѣмъ внизу. По всей долинѣ встрѣчались деревни, на половину состоявшія изъ пещерныхъ жилищъ; около деревень встрѣчались яблонныя деревья, но больше всего было тополей и вязовъ. На половинѣ пути между Гуань-чяо-пу и Хай-ченомъ лежитъ городокъ Лунъ-ши-ва, который состоитъ изъ 5 отдѣльныхъ небольшихъ крѣпостцей; промежутки между ними были усѣяны отдѣльными фанзами. Противъ этого городка вся долина сплошь была застроена, но теперь жилые дома теряются среди развалинъ. Очень живописенъ былъ одинъ мысъ на лѣвомъ берегу рѣки, который отъ подошвы до вершины покрытъ развалинами фанзъ; по средней линіи мыса былъ устроенъ входъ со дна долины на вершину горы въ видѣ широкой лѣстницы, надъ которою въ двухъ мѣстахъ еще и теперь стоятъ сохранившіяся большія разукрашенныя ворота, однѣ въ нижнемъ уровнѣ горы, другія выше въ полугорѣ; на самой вершинѣ лѣстницы была очевидно большая и богатая кумирня, которая теперь лежитъ въ развалинахъ. Тутъ былъ цѣлый городъ, который былъ разграбленъ во время мусульманскаго возстанія.

Южнѣе города Лунъ-ши-ва рѣка разбивается на двѣ отноги; дорога избираетъ изъ нихъ восточную. Наконецъ рѣка превращается въ ручей, долина расширяется, а сосѣднія горы становятся мелкими и превращаются въ невысокіе холмы; обрывы по берегамъ рѣчки не выше 2 саж. Поднимаясь выше, дорога выходитъ на холмистую площадь, лежащую у сѣверной подошвы горы Лянъ-хуа-сань. На этой-то площади и лежитъ городъ Хай-чэнъ; поднятіе здѣсь настолько велико, что городъ Хай-ченъ лежитъ уже на высотѣ 1836 м. надъ уровнемъ моря, то есть на 400 метровъ выше, чѣмъ уровень долины Тяо-цуй. Здѣсь начинается уже другой

Digitized by Google

уклонъ земной поверхности, именно къ западу, параллельно направленію хребта Лянъ-хуа-сань.

Городъ Хай-ченъ, въ который мы вошли 21 октября вечеромъ, почти до тла разрушенъ мусульманскимъ возстаніемъ. Жители его частью язычники, частью мусульмане. На картѣ г. Большева онъ значится подъ именемъ Янъ-ча-тинъ; это древнее имя города, извѣстное только ученымъ и встрѣчающееся только на китайскихъ картахъ; мѣстные жители изъ низшаго класса этого имени не знаютъ. Этимъ разъясненіемъ мы обязаны г. Паркеру, Лань-чжоускому миссіонеру, съ которымъ впослѣдствіи мы познакомились въ Гумбумѣ.

Отъ Хай-чена дорога направляется на западъ. Влѣво отъ дороги видны горы съ округленными мягкими очертаніями; намъ ихъ назвали Лянъ-хуа-сань. Въ полуверстѣ къ западу отъ Хай-чена дорога пересѣкаетъ р. Сяо-шань-хо (притокъ р. Шичжи-коу или Хо-дзя-пу-де-хо); далѣе, на протяженіи 10 верстъ, она идетъ по высокому плато, пересѣкаемому весьма пологими балками. На югѣ это плато примыкаетъ къ высотамъ Лянъ-хуа-сань; къ сѣверу же или вправо отъ дороги видъ или загораживается мелкими возвышенностями, или, когда онѣ разступаются, открывается на систему долинъ и холмовъ, лежащихъ на другомъ, болѣе низкомъ, чѣмъ дорога, уровнѣ; тогда въ этой низменности можно было видѣть много деревень. Къ югу отъ дороги у подошвы горъ виднѣются стѣны опустѣлаго города; проводники наши увѣряли, что этотъ городъ былъ разрушенъ задолго до мусульманскаго возстанія, кѣмъ и когда, мѣстное населеніе не знаетъ; говорятъ только, что это былъ прежде монгольскій городъ. Жители зовутъ его Ліу-чао-ченъ [1]). Отъ развалинъ кумирни Гао-тхань-суй, лежащей въ 10 верстахъ отъ Хай-чена, дорога круто спускается съ этого плато въ долину р. Сяо-хэ, которую и пересѣкаетъ у деревни Сяо-хэ-цза; мутныя воды этой рѣчки текутъ между обрывами лёсса до $2^1/_2$ саж. высоты.

Противъ деревни Сяо-хэ-цза у подошвы горъ намъ указали городъ Си-янъ-чжоу; въ немъ прежде была резиденція тѣхъ властей, которыя нынѣ находятся въ Хай-ченѣ; городъ былъ разоренъ муссульманами и хотя теперь опять довольно населился, но ямына въ немъ нѣтъ.

Населеніе въ долинѣ р. Сяо-хэ живетъ въ фанзахъ, въ лёссовыхъ же долинахъ, въ пещерахъ; въ послѣднихъ и намъ приходилось ночевать въ хлѣвахъ. Деревни очень малолюдны; деревня Са-гу-дянь, напримѣръ, состоитъ всего изъ 3 дворовъ. Прежде же край былъ болѣе заселенъ; встрѣчались деревни изъ 100 дворовъ, совершенно пустыхъ, съ дворами, заросшими дэрису, въ зарослях которыхъ теперь пасутся овцы.

Растительность здѣшнихъ горъ степная; отъ городка Лунъ-ши-ва появилась трава нохой-дэрису, которую жители считаютъ ядовитой; увѣряютъ, будто мѣстный скотъ знаетъ ея вредное свойство и избѣгаетъ её, а чужой скотъ объѣдается. На стоянкѣ у дер. Чхынъ-чже-вань этой травы было много и наши проводники ста-

[1]) Можетъ быть Ляо-чао-ченъ т. е. «городъ временъ династіи Ляо» (т. е. Киданьскаго царства).

Digitized by Google

рались отгонять верблюдовъ на мѣста, гдѣ ея не было, но все таки проглядѣли и четыре верблюда на слѣдующій день оказались больными. Они перестали ѣсть и пить; на ходу у нихъ стали заплетаться ноги. Черезъ сутки они оправились безъ всякаго леченья [1]).

Всѣ горы отъ самаго Цзинъ-цзи-пу безлѣсны. Только около дер. Чхынъ-чже-чэнъ мы видѣли рѣдняком растущую рощу молодыхъ вязовъ, о которой намъ сказали, будто она не сѣянная, а сама выросла. Во всѣхъ здѣшнихъ деревняхъ сѣютъ пшеницу, овесъ, кудзу, просо (мидза) и гречиху (чаомай); господствующій хлѣбъ—гречиха.

Къ з. отъ р. Сяо-хэ дорога проходитъ чрезъ деревни Чхынъ-чже-вань, Са-гудянь и Вань-чже-шуй (Гуань-ди-цуй). Отъ дер. Чхынъ-чже-вань, лежащей на днѣ долины Сяо-хэ, верстъ десять дорога идетъ по ровной мѣстности, имѣющей крутой уклонъ на в. къ р. Сяо-хэ. Вся эта мѣстность заросла кипцами; населеніе вырѣзано; на серединѣ между р. Сяо-хэ и переваломъ, лежащимъ къ з. отъ Чхынъ-чже-вань, видны пустыя развалины значительнаго селенія Лю-дзя-та-чжуанъ, въ которомъ находится нѣсколько громадныхъ цистернъ, служившихъ для орошенія полей; каждая цистерна имѣетъ до 40 саж. въ поперечникѣ; отовсюду съ южныхъ горъ направляются къ цистернамъ канавы для стока дождевой воды.

Поднявшись на перевалъ, дорога по крутому спуску достигаетъ дер. Са-коудянь (1914 м. надъ у. м.). Отсюда она идетъ вверхъ по рытвинѣ въ лёссѣ, имѣющей выходное отверстіе на сѣверъ. Бока этой рытвины состоятъ частью изъ краснаго очень глинистаго песчаника, частью изъ плотно лежащаго галешника, перемѣшаннаго съ пескомъ и лёссомъ; иногда эти пласты галешника имѣютъ до 4 саж. толщины; оба отложенія прикрыты слоемъ лёсса толщиною въ 1 сажень и болѣе; въ верхней же части долины около дер. Вань-чже-шуй (Гуань--ди-цуй) нижніе подстилающіе пласты скрываются и разрѣзы состоятъ изъ одного лёсса, который здѣсь достигаетъ нѣсколькихъ саженъ мощности. То же явленіе, утолщеніе лёсса и исчезновеніе песчаниковъ въ верхней части долины, замѣчалось, какъ мы видѣли, и въ долинѣ р. Ши-чжи-коу (см. стр. 153).

Между деревнями Вань-чже-шуй и Янъ-чжя-най-вань (Манъ-чжя-най) залегаетъ небольшое холмистое плоскогорье съ котловиной по серединѣ, въ сѣверозападномъ углу которой лежитъ соленое озеро съ гуджирными, издали бѣлѣющимися, берегами. Къ востоку отъ озера, на самой дорогѣ лежитъ бѣдный городокъ Кай-янь-чи (Гань-янь-чи-пу), обнесенный земляной стѣной. Высокія горы, сопровождающія дорогу съ юга и скрывающіяся за ближайшими возвышенностями противъ деревень Са-гу-дяна и Кай-янъ-чи, противъ Янъ-чже-най-вань (Манъ-чжя-най) вновь становятся хорошо видны. Около этой деревни къ сѣверу находится другая, которая называется Санъ-пу-цза (Су-инъ-пу-цза); около нея прежде китайцы добывали будто бы золото.

---

[1]) О ядовитой травѣ, встрѣчающейся въ этомъ краѣ (въ окрестностяхъ Су-чжоу), упоминаетъ еще Марко-Поло; см. Marco-Polo by colonel Youl, Vol. I, p. 219. Пржевальскій также говоритъ о ней (Третье Путеш., стр. 348).

Digitized by Google

Къ западу отъ деревни Янъ-чже-най-вань (Манъ-чжя-най) дорога пересѣкаетъ овраги съ сухими руслами, идущими отъ южныхъ горъ; эти русла соединяются на западѣ и образуютъ общее русло и долину, направляющуюся на западъ; по этой долинѣ и идетъ дорога вплоть до деревни Та-ла-чи. Долина имѣетъ ширины отъ сѣверныхъ высокихъ до южныхъ невысокихъ горъ 10 верстъ; сухое русло между ярами до 100 саж. ширины. У деревни Та-ла-чи долина съуживается и получаетъ видъ щекъ; тутъ появляются обнаженія песчаника (или можетъ быть конгломерата) съ паденіемъ пластовъ на западъ. Около деревни Та-ла-чи въ долинѣ появились кусты хармыка въ 1 саж. высоты и кусты Lycium chinense до 3 ф. высоты, а также высокія деревья вяза, двухъ видовъ тополя и урюковыя деревья (покитайски синь-шу).

За деревней Та-ла-чи долина, въ которой она стоитъ, разрѣшается въ холмистую площадь, на восточной окраинѣ которой стоитъ деревня Сяо-суй; къ западу отъ послѣдней дорога спускается въ оврагъ, который служитъ вершиной другой долины и по этой послѣдней она выходитъ на Желтую рѣку. Бока этой долины составлены изъ обнаженій краснаго глинистаго песчаника, прикрытаго пластомъ конгломерата. Сверхъ конгломерата отложенъ лёссъ. Пластъ песчаника или глины имѣетъ до 3—4 саж. толщины; пластъ конгломерата 2 саж.; слой лёсса въ долинѣ рѣчки до 5 саж., а въ долинѣ Хуанъ-хэ до 200 ф. Конгломератъ состоитъ изъ валуновъ кварца, гранита, гнейса и пр.; эти валуны переложены очень толстымъ слоемъ цемента, состоящимъ изъ плотно слѣпленныхъ песчаныхъ зеренъ. При разрушеніи обрывовъ конгломератъ упорствуетъ и образуетъ навѣсы надъ краснымъ песчаникомъ; послѣдній образуетъ отвѣсные обрывы и распадается отъ вертикальныхъ трещинъ на призматическія глыбы. Выйдя на долину Желтой рѣки, дорога идетъ вверхъ по послѣдней до Цзинь-юаня. Рѣзкая темная линія, обозначающая выходъ конгломератовъ, тянется непрерывно почти до города, но ближе къ нему одинаковое строеніе наслоеній сказывается только отдѣльными обнаженіями конгломератовъ въ логахъ. Напластованіе кажется горизонтальнымъ.

Долина, по которой мы спустились, какъ и та, въ которой стоятъ деревни Та-ла-чи и Сяо-суй, вся воздѣлана; на ней много саженыхъ деревьевъ, пирамидальныхъ тополей, старыхъ урюковыхъ деревьевъ и пр. Особенно много садовъ около селенія Янъ-сэръ-пу. Встрѣчались поля съ хлопчатой бумагой. Высота Цзинь-юаня надъ уровнемъ моря 1545 метр. Въ окрестностяхъ Цзинь-юаня зимой снѣгъ хотя и падаетъ, но подолгу не лежитъ, а стаиваетъ; дня три, четыре послѣ того иногда стоитъ грязь, и затѣмъ становится сухо. Рѣка замерзаетъ, смотря по теплотѣ зимы, на 46—80 дней.

Цзинь-юань былъ разрушенъ мусульманами; мы еще не встрѣчали на своемъ пути картины такого сильнаго разрушенія, какъ здѣсь; городъ былъ большой и богатый, окруженный обширными предмѣстьями и большими деревнями, но все это теперь въ развалинахъ. Вся дорога отъ выхода изъ горъ на долину Желтой рѣки до города, на протяженіи 5 верстъ, непрерывная куча обломковъ и мусора. Во всю дорогу ѣдешь между непрерывными рядами фанзъ, въ которыхъ когда-то, еще недавно бойко шла жизнь, работа, торговля, но все это теперь пусто, стоитъ съ раскры-

Digitized by Google

тыми кровлями, съ размытыми дождемъ дверями и окнами. Въ долинѣ, по которой мы спускались къ Желтой рѣкѣ, множество было накопано пещеръ, но тоже большею частью брошенныхъ людьми. У выхода изъ долины на Хуанъ-хэ стоитъ отдѣльная гора, оторванная отъ горъ; около нея находится разрушенная крѣпость; тутъ прежде была застава (гуань).

Точно также и по другую сторону города, т. е. къ ю.-з. отъ него, съ небольшими промежутками тянутся большія деревни, но всѣ разрушенныя; къ югу отъ города возвышается гора Чжынъ-нань-сань; она была застроена многочисленными кумирнями, какъ на вершинѣ ея зубцовъ, такъ и въ полугорѣ; къ нѣкоторымъ изъ нихъ были устроены лѣстницы не менѣе, какъ изъ 200 ступеней. Все это теперь также въ развалинахъ. Внутри города отстроилась заново только одна большая улица, и то только въ западной ея половинѣ. Остальная часть города въ развалинахъ и пустыряхъ. Возстановлена въ городѣ всего одна только кумирня.

Вставляемъ здѣсь небольшой разсказъ М. М. Березовскаго о дорогѣ изъ Лань-чжоу въ Нинъ-ся по лѣвому берегу Хуанъ-хэ, по которой онъ проѣхалъ лѣтомъ 1887 года. Отъ Лань-чжоу до Чжунъ-вэя онъ проѣхалъ въ 8 дней по мѣстности пустынной, маловодной и малонаселенной. Къ берегамъ Хуанъ-хэ онъ выѣхалъ въ 20 верстахъ выше Чжунъ-вэя. Съ этого мѣста версты двѣ-три ѣдущимъ по этой дорогѣ приходится плыть по рѣкѣ на паромѣ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ берегъ рѣки обрывистый и подлѣ рѣки дороги нѣтъ, а уваломъ не ѣздятъ, потому что на немъ лежатъ сыпучіе, самые пустынные пески. Переѣхавъ на паромѣ сказанное пространство, ѣдутъ по долинѣ Хуанъ-хэ. Долина до 6 верстъ шириной, покрыта каналами и прекрасно обработана, особенно около Чжунъ-вэя; городокъ этотъ незначительный. Отъ Чжунъ-вэя до Нинъ-ся дорога идетъ берегомъ рѣки. Верстъ за 60 недоѣзжая Нинъ-ся долина становится менѣе населенною. Въ этомъ мѣстѣ въ степи, а не на долинѣ, находятся остатки какой-то кумирни или мяо, ворота и различныя каменныя фигуры; нѣкоторыя фигуры повалены. Фигуры и ворота сдѣланы изъ краснаго песчаника. На воротахъ надпись стариннаго китайскаго письма; ширина воротъ 15—20 шаговъ. Отъ нихъ къ югу, т. е. къ рѣкѣ Хуанъ-хэ на протяженіи около ста шаговъ расположены въ два ряда каменныя фигуры. Первая (считая отъ Хуанъ-хэ) пара фигуръ представляетъ тигровъ или собакъ, затѣмъ слѣдуютъ два бегемота, двѣ лошади, два барана и двѣ человѣческія фигуры. Собаки на пьедесталахъ, въ сидячемъ положеніи, одной лапой прижимаютъ маленькую собачку, лежащую на спинѣ. Человѣческія фигуры обѣ повалены; одна навзничъ, такъ что видна только спина и шлемъ на головѣ [1]).

[1]) Въ «Извѣстіяхъ» И. Русск. Геогр. Общ., т. XXIII, стр. 39—40, мною были помѣщены нѣкоторыя свѣдѣнія объ окрестностяхъ Нинъ-ся и о дорогѣ изъ Нинъ-ся въ Лань-чжоу, полученныя отъ англійскаго миссіонера м. Паркера, котораго мы встрѣтили въ 1885 г. въ Гумбумѣ. Отъ Нинъ-ся до Чжунъ-вэя, по его словамъ, идетъ большая тележная дорога черезъ селеніе Куанъ-ву. Большихъ горъ тутъ нѣтъ, дорога незамѣтно поднимается и проходитъ между возвышенностями, засыпанными пескомъ. Однако между Куанъ-ву и Нинъ-ся подлѣ Хуанъ-хэ дороги нѣтъ, потому что плоскій хребетъ, отдѣляющійся отъ Алашаня на востокъ, примкнувъ къ Хуанъ-хэ, образуетъ скалистые приторы вдоль рѣки; такія же скалистыя горы упи-

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Дорога изъ Цзинь-юаня въ Лань-чжоу идетъ по лѣвому берегу Желтой рѣки, такъ что верстахъ въ семи отъ города приходится переправляться на другую сторону. По правому берегу вѣроятно былъ бы кругъ, такъ какъ Желтая рѣка ниже Лань-чжоу дѣлаетъ загибъ къ востоку.

Мы оставили Цзинь-юань 29-го октября. Переправа находится противъ деревни Цунъ-чжуань-цза, лежащей на лѣвомъ берегу рѣки. Желтая рѣка выше Цзинь-юаня (между Цзинь-юанемъ и деревней Пай-нань) течетъ въ долинѣ, ограниченной справа высокими горами, слѣва же мелкими возвышенностями. Съ обѣихъ сторонъ рѣку сопровождаютъ высокія террасы; на правомъ берегу обрывы террасы примыкаютъ къ рѣкѣ, на лѣвомъ между рѣкой и террасой залегаетъ низкое прибрежье. Пашни и деревни расположены какъ на верхней террасѣ, такъ и на низкомъ прибрежьѣ, но такъ какъ на верхней террасѣ, вѣроятно, встрѣчается затрудненіе въ снабженіи водой, то разрушенныя мусульманскимъ возстаніемъ, когда-то многочисленныя здѣсь селенія остаются пока въ развалинахъ; нынѣшнее населеніе края пока пріютилось главнымъ образомъ подъ обрывами террасы. Обрывы террасы состоятъ изъ красновато-сѣрыхъ песчаниковъ, не крѣпкаго сложенія, такъ что ботанической лопаткой можно раскапывать скалу и отбитые отъ скалы куски можно ломать рукою. Выходы такого песчаника образуютъ утесы на правомъ берегу у самой рѣки у переправы. Песчаники сверху прикрыты лёссомъ; промежуточнаго конгломератоваго слоя выше Цзинь-юаня не замѣтно. Пласты наклонены подъ угломъ 2° къ вершинѣ рѣки, т. е. SSE 150°. Горы южнаго или праваго берега, не смотря на свою значительную высоту (до 2000 ф. вѣроятно надъ уровнемъ рѣки), предетавляютъ повидимому только обрывъ плоскогорья, обусловленнаго горизонтальнымъ напластованіемъ песчаника и прикрытаго сверху лёссомъ. Объ этомъ заставляютъ догадываться деревни, которыя можно усмотрѣть съ лѣваго берега, тамъ и сямъ разсѣянныя по вершинамъ горъ праваго берега. Вѣроятно окрестности Цзинь-юаня, да и все пространство какъ къ ю. отъ него, такъ и къ с. до города Вэй-чжоу, есть часть того плоскогорья, залегающаго между Лань-чжоу и Си-ань-фу, видъ котораго возстановляетъ баронъ Рихтгофенъ въ своей China по даннымъ французскаго путешественника Rousset [1]).

Перевозъ черезъ рѣку противъ деревни Цунъ-чжуань-цза совершается на лодкѣ, въ которой помѣщается 6 верблюдовъ. Чтобы перевезти наши вещи и скотъ на другой берегъ, лодка должна была пять разъ сходить впередъ и обратно; за перевозъ съ насъ взяли 3000 чоховъ (около 6 рублей). Рѣка здѣсь имѣетъ ширины 50 — 60 саж.; долина ея отъ $1^1/_2$ до 2 верстъ; рѣка течетъ здѣсь съ ююв. на ссз. (SSE 150°). Теченіе быстрое, по берегамъ встрѣчаются опасные приторы, особенно выше дер. Пай-нань, гдѣ рѣка течетъ въ тѣснинѣ. Судоходства по рѣкѣ нѣтъ; только крестьяне иногда изъ Лань-чжоу сплавляются на плотахъ, поддержи-

---

раются и въ противуположный правый берегъ рѣки, такъ что рѣка течетъ между утесистыми берегами. Разсказъ М. М. Березовскаго о дорогѣ изъ Чжунъ-вэя въ Нинъ-ся отвергаетъ мое утвержденіе, высказанное выше на стр. 141, будто бы Желтая рѣка между Нинъ-ся и Чжунъ-вэемъ течетъ въ тѣснинѣ.

[1]) Richthofen, China, II, 661.

Digitized by Google

ваемыхъ тулунами или бурдюками, наполненными воздухомъ. Пространство отъ Лань-чжоу до Цзинь-юаня, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, на такихъ плотахъ проплываютъ въ одинъ день.

Дер. Цунъ-чжуань-цза большею частію разрушена; она расположена на высокой террасѣ; въ ней было прежде до 100 домовъ; теперь едва ли есть 10 жилыхъ домовъ. Обширная кумирня безъ крыши и статуи боговъ сидятъ на открытомъ воздухѣ, безъ шелковыхъ ризъ и безъ золотыхъ коронъ.

На слѣдующій день часть пути проходила по террасѣ, ширина которой къ западу отъ Цунъ-чжуань-цзы увеличивается до 4-хъ верстъ; съ сѣверо-западной стороны она ограничена горами, которыя къ западу становятся выше. Лёссъ, который служитъ верхнимъ слоемъ террасы, изрытъ оврагами. Они идутъ, развѣтвляясь, отъ обрыва террасы, и дорога обходитъ концы этихъ развѣтвленій съ сѣверной стороны.

Образованіе овраговъ происходитъ такимъ образомъ. Подпочвенная вода дѣлаетъ пустоту подъ лёссомъ, толща надъ этой пустотой осѣдаетъ; сначала на верхней поверхности лёсса замѣчается кольцеобразная трещина; цилиндръ, отдѣленный этой трещиной, подмываемый снизу, начинаетъ опускаться и разваливается на обломки, которые потомъ размываются окончательно; образуется глубокій въ нѣсколько саженъ глубиной колодезь; такими колодезями усѣяна бываетъ лёссовая площадь; нерѣдко скотъ сваливается въ такія ямы и людямъ съ трудомъ приходится доставать его оттуда. Если колодезь образовался недалеко отъ оврага, то промежутокъ между ними можетъ провалиться и колодезь соединяется съ оврагомъ, образуя его вѣтвь; на томъ же подпочвенномъ потокѣ, который образовалъ колодезь, но выше его, можетъ образоваться новый колодезь, который, слившись съ первымъ, удлиннитъ вновь образовавшуюся вѣтвь оврага; такимъ образомъ развѣтвленія оврага постепенно разростаются, подаваясь концами внутрь страны. Иногда верхнія части подмытаго слоя, рухнувъ, заваливаютъ дно оврага и закупориваютъ выходъ подпочвеннаго канала, но потомъ подпочвенный потокъ снова продѣлываетъ себѣ туннель въ обрушившейся массѣ; подойдя къ краю такого оврага, мы видимъ, такъ сказать, надсыпанное дно, въ которомъ намъ случалось именно около дер. Цунъ-чжуань-цза видѣть воронкообразныя углубленія; они идутъ по срединѣ дна оврага внизъ одно за другимъ въ разстояніи 1—2 саж. другъ отъ друга; на днѣ каждой воронки начинается вертикальный каналъ или колодезь, верхнее отверзтіе котораго имѣетъ 2—3 ф. въ поперечникѣ. Такими отверзтіями обозначается направленіе подземнаго туннеля, проходящаго подъ дномъ оврага; направленіе это совпадаетъ съ средней линіей оврага. Такія воронки обыкновенно замѣчаются въ верхнихъ концахъ овраговъ. Въ другихъ случаяхъ существованіе подземнаго туннеля подъ дномъ оврага обнаруживалось только верхнимъ его отверзтіемъ, которое обыкновенно находилось у самаго верхняго конца оврага и имѣло видъ свода до 2—3 ф. высоты. Воды въ этихъ туннеляхъ и на днѣ колодезей намъ никогда не случалось видѣть, можетъ быть, потому, что мы проходили по странѣ въ пору бездождія. Вѣроятно разрушеніе и перемѣщеніе лёссовыхъ толщъ совершается во время большихъ дождей.

Digitized by Google

Разъ образованные разрѣзы продолжаютъ разработываться; отъ отвѣсной стѣны отдѣляются глыбы и ложатся подлѣ ея подошвы. Туземцы, зная мѣстныя явленія, предостерегаютъ новаго въ краѣ человѣка и не совѣтуютъ ходить подлѣ отвѣсныхъ разрѣзовъ лёсса. Основаніе разрѣзовъ не рѣдко бываетъ сплошь покрыто свалившимися сверху обломками. Формація повсюду представляетъ слѣды разрушенія — провалы, норы, пещеры, трещины и нагроможденныя внизу обвалившіяся глыбы.

Подпочвенные потоки, работая подъ землей, постепенно перемѣщаютъ лёссовыя массы, спуская ихъ съ высокихъ уровней на дно долинъ. Размытый вверху лёссъ вновь отлагается внизу, но уже не въ видѣ такихъ широкихъ террасъ, какъ Цунъ-чжуаньская въ 3—4 вер. шириной.

Передъ деревней Пай-вань-цза дорога спускается съ высокой террассы на низкое прибрежье Желтой рѣки, которое здѣсь все занято подъ культуру. По всей дорогѣ встрѣчаются фанзы, фруктовые сады съ грушовыми столѣтними деревьями, высокіе вязы, пирамидальные тополи и са-цзаоръ (джигда, Eleagnus angustifolia). Вездѣ видны люди, женщины и дѣти.

Между деревнями Пай-вань-цза и Пей-нань низкое прибрежье рѣки расширяется до 3-хъ верстъ. На это расширеніе Желтая рѣка выходитъ изъ тѣснаго ущелья. Противъ ущелья на лѣвомъ берегу тянутся обрывы, вершины которыхъ состоятъ изъ лёсса, а подъ лёссомъ и выше и ниже деревни Пай-вань-цза видны обнаженія зеленоватаго цвѣта, противъ тѣснины же—обнаженія краснаго песчаника. На самой высокой лёссовой вершинѣ построена кумирня Янь-шенъ-мяо въ честь Янь-шена, бога соли. Зеленая порода, по словамъ туземцевъ, образуетъ солесодержащіе пласты, изъ которыхъ жители добываютъ соль. Крестьяне ломаютъ эту породу, затѣмъ роютъ яму, наполняютъ её водой и бросаютъ въ неё наломанные куски породы; куски эти распадаются и соль растворяется; черезъ 5—6 дней, когда разсолъ отстоится, его вычерпываютъ и вывариваютъ изъ него соль.

У деревни Пей-нань дорога оставляетъ прибрежье Желтой рѣки и входитъ въ узкую побочную долину; отсюда она начинаетъ пересѣкать гористую мѣстность, отдѣляющую Цзинь-юаньскую котловину отъ Лань-чжоу. Эта мѣстность представляетъ плоскогорье, прикрытое толстымъ слоемъ лёсса и сильно размытое; такъ какъ размываніе здѣсь началось въ болѣе раннее время, и поэтому выражается теперь въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, да и самыя отложенія лёсса здѣсь болѣе мощны, то эта часть страны не представляетъ такихъ благопріятныхъ условій для наблюденія за начинающимся размываніемъ, какъ Цунъ-чжуаньская терраса. Около Цунъ-чжуаня отложенія сохранили еще первоначальныя свои очертанія, къ югу же отъ Пей-наня (Чи-лу-гоу) отложенія превратились въ узкія гряды, отдѣляющія овраги и долины, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ до 1 вер. ширины.

Между Пей-нанемъ (Чи-лу-гоу) и лежащей далѣе по дорогѣ Си-гоу лёссъ налегаетъ на красные песчаники, обнаженія которыхъ около деревни Нѣ-чже-яо, вслѣдствіе размыванія, приняли удивительныя формы въ видѣ столбовъ, стѣнъ съ пилястрами, башенъ и даже урнъ. Здѣсь опять появился конгломератъ, прикрывающій песчаники пластомъ иногда до 1 сажени толщиной. Отъ Пей-нань (Чи-лу-гоу) до-

Digitized by Google

рога поднимается по дну ущелья до его вершины, потомъ пересѣкаетъ двѣ долины, идущія поперегъ дороги; въ западной изъ нихъ лежитъ деревня Нѣ-чже-яо (въ 20 ли отъ Си-гоу); дно этой долины состоитъ изъ отдѣльныхъ глубокихъ ямъ, наполненныхъ водой вродѣ озеръ; берега этихъ лужъ покрыты бѣлымъ гуджиромъ. Въ слѣдующей, болѣе западной, долинѣ течетъ небольшая рѣчка съ солоноватой водой. Изъ этой долины мы перевалили въ третью и спустились на дно ея у дер. Хэй-ма-ца (Ше-ма-та); въ 10 ли выше этой деревни въ той же долинѣ находится деревня Си-гоу, въ которую мы пришли 31 окт. Здѣсь всего нѣсколько дворовъ, разбросанныхъ на большомъ разстояніи одинъ отъ другого.

На слѣдующій день мы въ теченіи двухъ часовъ поднимались вверхъ по той долинѣ, на которой стоитъ Си-гоу, до самой ея вершины, отъ которой до деревни Хэй-ма-ца можно считать 15 верстъ. Немного выше деревни Си-гоу встрѣчаются обнаженія черныхъ сланцевъ съ паденіемъ SE 114 ∟23°; выше ихъ начинаются песчаники съ паденіемъ SO 240 ∟9°. Еще выше по долинѣ появляются на днѣ долины конгломераты съ горизонтальнымъ напластованіемъ. Дорога поднимается до вершины этой долины. Выше дер. Си-гоу характеръ растительности, покрывающей лёссовыя горы, измѣняется: вмѣсто прежней жидкой растительности, состоящей изъ Peganum и другихъ степныхъ растеній, здѣсь горы покрываются густымъ покровомъ изъ травъ, между которыми можно было увидѣть Saussurea, Allium и др., которыя приходилось, впрочемъ, собирать, уже въ полуувядшемъ состояніи. Это измѣненіе свидѣтельствовало о значительной высотѣ мѣста, сравнительно съ предъидущими мѣстами. Вслѣдъ за тѣмъ ущелье съуживается и тутъ появляются на обоихъ бокахъ его обнаженія кремнистаго сланца съ паденіемъ E 90 ∟14°—31°. Въ вершинѣ ущелья находится селеніе Лю-гоу-сѣ, состоящее изъ двухъ домовъ; за нимъ начинается подъемъ на крутой перевалъ, покрытый лёссомъ. Это была самая высокая точка между Цзинъ-юанемъ и Лань-чжоу; перевалъ этотъ достигаютъ 1875 метровъ высоты надъ уровнемъ моря. Отъ перевала 2 ли далѣе тянутся лёссовыя отложенія, потомъ опять обнаженія сланца съ паденіемъ E 80∟26°. Въ 15 ли отъ перевала сланцы прекращаются и появляются песчаники, но изрѣдка; преимущественно же горы состоятъ изъ лёсса. Съ перевала-дорога спускается въ широкій распадокъ горъ, по дну котораго достигаетъ дер. Цай-чжа-хо (Цхый-цзя-хо).

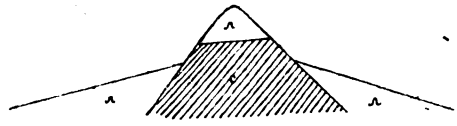
Съ высокихъ мѣстъ, лежащихъ къ югу отъ деревни Цай-чжа-хо, яснѣе стало, что между этой деревней и Си-гоу мы перевалили черезъ какую-то высокую гряду; отсюда южный скатъ этой гряды представился въ видѣ хребта, который отъ дер. Цай-чжа-хо отдѣленъ глубокой междугорной впадиной. Видъ этого хребта былъ тѣмъ интересенъ, что въ немъ можно было различать три яруса: средній темный, очевидно соотвѣтствующій обнаженіямъ кремнистаго сланца, и потомъ два: верхній и нижній болѣе свѣтлой окраски, соотвѣтствующей отложеніямъ лёсса. Лёссъ покрываетъ плоскій гребень гряды и ея подножія, выходы же твердыхъ сланцевъ образуютъ крутой бокъ гряды, обнаженной отъ лёсса (рис. 14) [1]. Можетъ быть и на противоположной сѣвер-

[1]) Объясненіе знаковъ на рисункѣ 14: *с*—сланцы, *лл*—лёссъ.

Digitized by Google

ной сторонѣ гряда эта представляетъ такую же картину съ нѣкоторыхъ счастливо расположенныхъ точекъ. Вообще же ориентироваться въ этой мѣстности крайне трудно; большею частью дорога проходитъ по узкимъ долинамъ, обставленнымъ однообразными возвышенностями съ округленными очертаніями. Перевалы изъ долины въ долину не представляютъ большой разницы въ высотѣ и потому путешественникъ, взобравшись на нихъ, ничего не выигрываетъ въ распознаваніи мѣстности. Наконецъ даже уклонъ дна долины иногда представляется сомнительнымъ, какъ наприм. у дер. Нѣ-чже-яо, гдѣ оно состоитъ изъ отдѣльныхъ ямъ, отдѣленныхъ бугристыми промежутками.

Рис. 14.



Далѣе мы пересѣкли отдѣльную долину, въ которой расположено селеніе Вань-чжа-цай-цза [1]), лежащее въ 20 ли южнѣе Цай-чжа-хо, и которая орошается соленой рѣчкой. Изъ этой долины дорога переваливаетъ въ другую, которая направляется на югъ. По ней дорога и выходитъ въ долину Желтой рѣки. Въ средней части этой долины стоитъ дер. Шао-дянь-танъ. Дорога выше этой деревни очень замѣчательна. Вступивъ въ долину въ самой ея вершинѣ, дорога сначала идетъ по ровному лёссовому дну ея. Потомъ дно долины прерывается глубокимъ до 5—6 саж. проваломъ; остается только съ лѣвой стороны провала узкая закраина въ прежнемъ уровнѣ и караванъ сначала идетъ по этой закраинѣ, имѣя рядомъ отвѣсный обрывъ провала. Потомъ по крутой тропинкѣ караванъ спускается на дно провала и узкимъ корридоромъ, отвѣсныя стѣны котораго возвышаются отъ 5 до 10 саж., идетъ вплоть до самой дер. Вань-джа-пу.

Эти отвѣсныя лёссовыя стѣны иногда такъ близко сходятся, что даютъ мѣсто пройти только одному верблюду; вершины ихъ увѣнчаны острыми зубцами въ видѣ шпицевъ или башень, что придаетъ ущелью живописный видъ, который былъ бы, конечно, утомителенъ, еслибы путь среди такихъ картинъ былъ продолжительнѣе.

Жители деревни Шао-дянь-танъ живутъ въ пещерахъ, выкопанныхъ однѣ надъ другими. Вода добывается изъ колодезя, глубиною до 10 саж., на вкусъ соленая, вѣроятно потому, что протекаетъ по поверхности солесодержащихъ песчаниковъ.

Нижняя часть долины между Шао-дянь-танъ и Желтой рѣкой остается узкою до конца. За 5 ли до Хуанъ-хэ подъ лёссомъ появляются красные песчаники, которые образуютъ обрывы въ 30—40 саженъ высоты. Столько же лежитъ на нихъ лёссу, такъ что въ цѣломъ бока долины имѣютъ до 60—80 саженъ высоты. Поверхность обнаженій песчаниковъ усѣяна чашеобразными углубленіями, которые могутъ быть приняты за слѣды вымыванія, если ихъ нельзя будетъ объяснить ивѣтриваніемъ и выдуваніемъ. Утесы усѣяны этими знаками во всю его высоту.

Въ 12 часовъ пополудни мы вышли къ Желтой рѣкѣ почти неожиданно — вдругъ бока ущелья разошлись и передъ нами заблестѣла большая рѣка, за которой опять возвышались горы, до половины снизу окрашенныя красной окраской,

[1]) Цай-цза—крѣпостца.

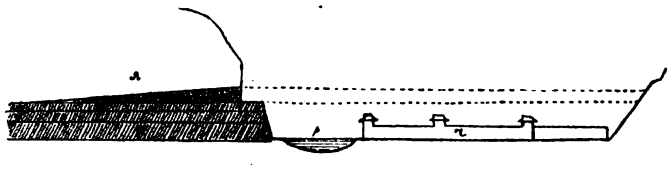
Digitized by Google

а вверху сѣрожелтой; очертанія этихъ горъ мягкія. Очевидно, тѣ же напластованія переходятъ и на южный или правый берегъ Желтой рѣки: снизу красные песчаники, сверху лёссъ.

Сейчасъ же дорога поворачиваетъ направо на гору; на минуту рѣка скрывается, но потомъ вновь видъ открывается и при томъ еще болѣе обширный—видна вся долина Желтой рѣки и городъ, живописно раскинувшійся подъ горами вдоль южнаго берега рѣки въ правомъ концѣ картины.

Дорога идетъ на западъ параллельно съ рѣкой на высотѣ нѣсколькихъ саженъ надъ нею по искуственно проложенному полотну сажени 2 — 3 шириной. Разработка дороги не представляла трудности; былъ только снятъ съ песчаника лёссъ и галешникъ, который лежитъ на песчаникѣ слоемъ въ одну сажень толщиной. Галешникъ этотъ по своему положенію соотвѣтствуетъ конгломератамъ другихъ разрѣзовъ, но онъ здѣсь не сцементированъ и легко выбирается рукой; мѣстами въ этомъ слоѣ вырыты пещеры или ниши; вѣроятно, отсюда берутъ гальку для покрыванія пашенъ (рис. 15) [1]).

Рис. 15.



Высокое положеніе дороги надъ дномъ долины значительно усиливаетъ прелесть впечатлѣнія открывающейся съ нея картины. Долина открылась во всю длину; на первомъ планѣ величественная большая рѣка, за которой разстилается зеленѣющееся ровное пространство вплоть до горъ съ разсѣянными по нему отдѣльно усадьбами. Городъ занимаетъ правый край картины. Городскими зданіями занято всё пространство между рѣкой и горами и даже по горному скату надъ башнями и зубцами городскихъ стѣнъ лѣпятся еще одна надъ другой живописныя кумирни. Городскія предмѣстья утопаютъ въ зелени садовъ. Ни одинъ еще китайскій городъ не производилъ на насъ такого чарующаго впечатлѣнія; другіе города, даже и окруженные садами и предмѣстьями, въ родѣ Линъ-чжоу, теряютъ вслѣдствіе того, что расположены на ровной степи или среди невзрачныхъ возвышенностей и не у большой рѣки; тѣ же, которые не имѣютъ предмѣстій, скорѣе наводятъ скуку казарменнымъ видомъ своихъ высокихъ безжизненныхъ стѣнъ, чѣмъ оживляютъ утомленные глаза путешественника.

Когда караванъ, спустившись съ террасы на аллювіальную долину Хуанъ-хэ, проходилъ мимо города, въ городѣ раздался паровой свистокъ, пріятно изумившій нашу компанію. Мы еще въ Боро-балгасунѣ слышали, что въ Ланъ-чжоу, по распоряженію китайскаго правительства, была устроена французскими инженерами

[1]) Рис. 15 представляетъ разрѣзъ отложеній въ долинѣ Хуанъ-хэ: *к*—пласты конгломерата, обнажающіеся на сѣверномъ берегу рѣки; *л*—лёссъ; *р*—рѣка Хуанъ-хэ; *ч*—городъ Лань-чжоу.

Digitized by Google

суконная фабрика. Европейцы въ этомъ городѣ, значитъ, не новость и можно было бы надѣяться, что насъ здѣсь не будутъ одолѣвать любопытные [1]). Первое знакомство наше съ городомъ было однако омрачено маленькими непріятностями.

Къ лѣвому берегу рѣки, какъ разъ противъ середины города, подходитъ горный мысъ; вершина его увѣнчана кумирней, а при подошвѣ его построено городское предмѣстье; тутъ черезъ рѣку наведенъ мостъ на судахъ. Верблюды заупрямились и не захотѣли идти по мосту; съ трудомъ можно было заставить ихъ вступить на зыбкій помостъ. Мы перешли на другую сторону рѣки съ первыми верблюдами и у южнаго конца моста должны были подождать, когда всѣ наши верблюды переберутся на городскую сторону. Въ это время около насъ собралась большая и плотная толпа праздныхъ зѣвакъ, въ которой не рѣдко стали раздаваться слова: янъ-гуй-цзы, «заморскій чортъ», а также и смѣхъ. Но мы на этотъ разъ мужественно отразили эти китайскія нелюбезности молчаніемъ.

Еще съ дороги мы послали гонца къ католическому миссіонеру Фанъ-Рету, проживающему въ Лань-чжоу, но, къ сожалѣнію, его не было въ это время въ городѣ; онъ уѣзжалъ въ католическую колонію Синъ-ченъ [2]), лежащую къ з. отъ Лань-чжоу. Поэтому когда всѣ верблюды перешли черезъ мостъ, мы отправились въ тотъ дянъ, который выбрали наши возчики. Назначенная для гостей часть дяна представляла узкій и длинный дворъ, по обѣимъ сторонамъ котораго тянулись маленькія кельи. Когда-то это былъ щеголеватый дянъ; на дверяхъ, окнахъ и карнизахъ было много деревянной рѣзьбы, но потомъ дянъ пришелъ въ упадокъ; всѣ украшенія закоптѣли, бумага въ окнахъ была содрана вѣтромъ, каны не отоплялись и мы, пока жили въ этомъ дянѣ, мерзли и днемъ и ночью. Понятно, какъ намъ захотѣлось, чтобъ поскорѣе пріѣхалъ миссіонеръ Фанъ-Ретъ; мы разсчитывали найдти у него такое же гостепріимство, какъ въ Гуй-хуа-ченѣ у миссіонера Кейла, и комнату, лучше приспособленную къ борьбѣ съ холодомъ, чѣмъ китайскіе дома.

Когда г. Фанъ-Ретъ пріѣхалъ изъ Синъ-чена, онъ пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать. Домъ католической миссіи находится въ восточномъ концѣ города; онъ не великъ; четыре небольшихъ флигеля окружаютъ тѣсный дворикъ; въ цвѣтникѣ, расположенномъ середи дворика, не смотря на позднее время года, ноготки еще сохранили послѣднюю свѣжесть лепестковъ, но другія растенія стояли уже съ засохшими цвѣтами.

Холостыхъ членовъ нашей компаніи г. Фанъ-Ретъ пригласилъ переселиться въ миссію, а для меня съ женой приказалъ своему компрадору пріискать подходящій дянъ по близости отъ миссіи. Такой дянъ нашелся всего въ 50—60 саже-

---

[1]) Потомъ оказалось впрочемъ, что кромѣ миссіонеровъ въ Лань-чжоу никакихъ другихъ иностранцевъ не было; французы, устроившіе здѣсь суконную фабрику по приглашенію китайскаго правительства, разошлись съ начальствомъ и возвратились въ отечество; фабрика закрыта, а паровая машина работаетъ надъ водоснабженіемъ города.

[2]) Въ селеніи Синъ-ченъ-цзы миссія имѣетъ свою землю. Позднѣе г. Фанъ-Ретъ перенесъ свою резиденцію въ эту деревню, а въ Лань-чжоу сталъ жить пріѣхавшій позднѣе миссіонеръ Деместръ (Demeister).

Digitized by Google

женяхъ отъ миссіи и мы всѣмъ караваномъ переселились въ восточную часть города.

Прежде всего мы здѣсь должны были разсчитать и отпустить нашихъ гуйхуа-ченскихъ подводчиковъ, которые, въ противуположность нашимъ пекинскимъ слугамъ, оказались честными и чрезвычайно скромными людьми. Потомъ намъ пришлось хлопотать о продажѣ нашихъ лошадей, изъ которыхъ мы удержали на зиму только трехъ, въ подарокъ тѣмъ монголамъ, которые пришли съ нами изъ Боробалгасуна, согласились зимовать съ нами, а весной должны были возвратиться въ Ордосъ. Сантанъ-джимба согласился остаться при экспедиціи и на слѣдующее лѣто. Затѣмъ оставалось заняться распоряженіями къ перезимовкѣ. На этотъ счетъ у каждаго изъ насъ составился особый планъ. А. И. Скасси рѣшилъ воспользоваться любезностью г. Фанъ-Рета, который уступалъ ему двѣ большія комнаты, и остаться на зиму въ Лань-чжоу; одна изъ комнатъ была очень свѣтлая и отоплялась желѣзной печью; здѣсь А. И. Скасси могъ заняться вычерчиваніемъ своихъ маршрутовъ. М. М. Березовскій еще въ Боро-балгасунѣ увлекся разсказами тамошнихъ миссіонеровъ объ окрестностяхъ Хой-сяня, о которыхъ они знали изъ писемъ хой-сянскихъ миссіонеровъ. Онъ составилъ планъ удалиться на зиму въ этотъ городъ, отстоящій отъ Лань-чжоу на 600 верстъ къ югу и тамъ провести зиму, занимаясь охотой. Меня потянуло поскорѣе увидѣть два интересныя племени: саларовъ и широнголовъ (далда у Пржевальскаго), земли которыхъ лежатъ, какъ оказалось, вверхъ по Желтой рѣкѣ въ 200 вер. отъ Лань-чжоу. Еще дорогой, на пути отъ Боробалгасуна въ Лань-чжоу, изъ разговоровъ съ Сантанъ-джимбой я узналъ кое-что о мѣстности, занятой этими племенами и остановился на намѣреніи провести въ ней предстоявшую зиму. Мѣстность оказалась дѣйствительно интересною, такъ какъ тутъ живутъ рядомъ три народности: широнголъ-монголы, салары и тангуты, не считая китайцевъ, живущихъ въ городахъ и торговыхъ селеніяхъ этого уголка.

Слугъ нашихъ мы раздѣлили такъ: Цуйсана оставилъ при себѣ А. И. Скасси; Пуринъ и Омолонъ отправились съ М. М. Березовскимъ въ Хой-сянь; Сантанъ-джимба и Очиръ пошли со мной.

Сань-чуань, самая ближайшая мѣстность, гдѣ живутъ широнголы, лежитъ ближе къ Лань-чжоу, чѣмъ саларская земля, и можно было бы, пріѣдя въ Сань-чуань, устроившись тутъ на зимовку, оттуда съѣздить къ саларамъ. Но я боялся, что потомъ не соберешься къ саларамъ, и потому рѣшилъ, вмѣсто того, чтобъ идти прямо на зимовку въ Сань-чуань, пройдти чрезъ саларскую землицу. Разныя наши хлопоты кончились, лошади проданы, съ боро-балгасунцами заключены условія на перезимовку, коллекціи, собранныя за лѣто,, были поставлены въ китайскій складъ съ платой за сохраненіе, и я сталъ торопиться оставить Лань-чжоу, не ознакомившись съ городомъ болѣе того, сколько это было можно сдѣлать во время двухъ неизбѣжныхъ проѣздовъ по его главной улицѣ, когда мы во первыхъ переселялись изъ дяна въ миссію, во вторыхъ когда, оставляя городъ, намъ пришлось проѣхать его весь съ востока на западъ.

Digitized by Google

Городъ Лань-чжоу большой, торговый и старый; онъ не подвергался мусульманскому грабежу и въ немъ много старинныхъ кумирень, можетъ быть и очень интересныхъ. Послѣ лёссовыхъ конюшень, съ которыми мы такъ близко познакомились, проходя по странѣ на сѣверъ отъ Лань-чжоу, этотъ городъ произвелъ на насъ впечатлѣніе настоящей столицы провинціи. Такого большого города мы не видали во всю дорогу послѣ Бао-динъ-фу, а разставшись съ Гуй-хуа-ченомъ, мы вовсе отвыкли отъ городскихъ видовъ; города на пути, какъ Цзинь-юань, Линъ-чжоу и друг., лежали въ развалинахъ, а сельское населеніе ютилось въ лёссѣ. Въ теченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ мы не видѣли другихъ человѣческихъ сооруженій, кромѣ лишенныхъ всякихъ украшеній пещеръ. Несомнѣнно, оригинальная китайская архитектура выросла не подъ воздѣйствіемъ этой скучной и неэстетической формаціи. Читатель конечно повѣритъ, что переходъ отъ сельской обстановки къ городской здѣсь необыкновенно рѣзокъ.

Остаться въ городѣ для осмотра его, мнѣ казалось, это значило напрасно тратить и деньги и время; едва ли изъ осмотра лань-чжоускихъ кумирень я съумѣлъ бы вынести какіе-нибудь интересные для науки факты при моей неподготовленности; при томъ же у Крейтнера въ его книгѣ «Im fernen Osten» я прочелъ, что графъ Сэчэни посѣщалъ и описывалъ достопримѣчательности города; поэтому, чтобъ не дѣлать во второй разъ дѣла, которое, можетъ быть, сдѣлано гораздо лучше, чѣмъ это сдѣлалъ бы я, я, нисколько не медля, выѣхалъ изъ Лань-чжоу по дорогѣ въ городъ Хэ-чжоу, черезъ который идетъ дорога въ саларскія селенія.

Выступивъ 14 ноября изъ Лань-чжоу, который, по показанію нашего барометра, лежитъ на высотѣ 1495 метровъ, то есть на 40 метровъ выше Цзинь-юаня и на 508 м. выше переправы Хотунъ-хошу въ сѣверномъ Ордосѣ, мы черезъ четыре перехода были въ Хэ-чжоу. Пространство между этими двумя городами представляетъ лёссовое плато, поднятое на 2000 метр. высоты надъ уровнемъ моря и на 500 метровъ надъ дномъ Желтой рѣки, ограниченное на сѣверѣ большой долиной Хуанъ-хэ, на югѣ долиной р. Да-ся-хэ (Дао-чжа-хэ), и прорѣзанное по серединѣ широкой и глубокой долиной р. Таохэ. На всемъ этомъ пространствѣ, какъ внутренній составъ плато, такъ и внѣшній его видъ такъ однообразны и просты, что этотъ уголокъ является классическимъ среди другихъ участковъ этой страны по своей поучительности. Основаніе этого плато состоитъ изъ пластовъ плотнаго и мелкозернистаго песчаника и конгломерата до 1000 ф. видимой мощности; паденіе пластовъ въ моемъ дневникѣ записано только въ одномъ мѣстѣ, въ долинѣ Хэ-инъ, къ с. отъ Таохэ; пласты падаютъ на SE 128 ∟ 35°. Песчаники сверху покрыты слоемъ лёсса мощностью въ нѣсколько сотъ футовъ. Это плато сплошь изрѣзано эрозіонными долинами, которыя тянутся отъ большихъ рѣкъ внутрь плато. Такъ въ сѣверномъ участкѣ плато между Хуанъ-хэ и Тао-хэ, отъ Хуанъ-хэ долины идутъ подъ прямымъ угломъ къ ней на югъ, отъ Тао-хэ такія же долины идутъ имъ на встрѣчу. Отъ каждой такой долины идутъ побочные овраги на встрѣчу оврагамъ сосѣдней долины и почти сходятся съ ними концами. Недоразмытые остатки плато между оврагами такъ узки, что получаютъ видъ хребтовъ съ острымъ гребнемъ. Еслибъ

Digitized by Google

дорога, пересѣкающая плато отъ одной большой рѣки къ другой, проходила по дну долинъ, то трудно было бы догадаться, что страна, по которой она проходитъ, есть не что иное, какъ размытое плато. Но дорога изъ долины Хуанъ-хэ поднимается въ промежуткѣ между устьями двухъ долинъ сразу на высоту плато и идетъ по средней линіи между двумя долинами, обходя концы побочныхъ овраговъ и извиваясь между ними; достигнувъ до средины плато, дорога спускается къ другой большой рѣкѣ по такому же промежутку между долинами. Съ уровня дороги страна представляется состоящею изъ параллельныхъ хребтовъ, но одинаковая высота ихъ гребней даетъ ясное понятіе, что это не хребты, а остатки размытаго плато. Длина долинъ до 25 верстъ; ширина незначительна и на днѣ долины можетъ помѣститься только русло небольшой рѣчки. Въ верхнихъ своихъ частяхъ долины прорѣзаны только въ лёссѣ; въ среднихъ и нижнихъ ихъ частяхъ въ нижнихъ горизонтахъ выступаютъ песчаники; въ долинѣ Тао-хэ окраина плато, прилегающая къ рѣкѣ, размыта сильнѣе и нѣкоторые участки его оторваны и получили видъ отдѣльныхъ холмовъ, широкое основаніе которыхъ состоитъ изъ краснаго песчаника, а острая вершина изъ лёсса; наконецъ такія отдѣльныя вершины, лежащія еще ближе къ рѣкѣ, состоятъ изъ однихъ песчаниковъ; и онѣ конечно менѣе высоки, не превышаютъ верхняго горизонта песчаниковъ. Узкія дны этихъ долинъ обыкновенно безводны и завалены обломками съ боковъ; на днѣ долинъ, кромѣ большихъ, каковы Тао-хэ и Дао-чжа-хэ, деревень нѣтъ, потому что тамъ и тѣсно, и воды нѣтъ, и почва одинъ песчаникъ; всѣ деревни здѣсь расположены въ области верхнихъ концовъ овраговъ, на толщахъ лёсса. Пашни располагаются по скатамъ въ видѣ низбѣгающихъ искусственно сдѣланныхъ террасъ; иногда отъ подошвы ската до его вершины насчитывается 15—20 террасъ, расположенныхъ, какъ ступени. Вода добывается изъ глубокихъ колодезей, или изъ ключей; въ этомъ послѣднемъ случаѣ приходится изъ деревни очень низко спускаться за водой, такъ какъ ключи выступаютъ на горизонтѣ соприкосновенія лёсса съ песчаникомъ. Вѣроятно наиболѣе обильныя воды выступаютъ въ вершинахъ долинъ; въ такихъ мѣстахъ нерѣдко встрѣчаются большія деревни, обрамляющія вершину долины живописнымъ амфитеатромъ, который служитъ какъ-бы закрѣпленіемъ или оправой конца оврага.

Большихъ горизонтальныхъ площадей, на которыхъ помѣстилась бы вся распахиваемая цѣлой деревней земля, здѣсь очень мало и потому здѣсь не такъ удобно наблюдать начало размыванія отложеній, какъ напримѣръ на террасахъ около Цзинь-юаня. Но съ другой стороны, это плато даетъ болѣе ясное представленіе о первоначальномъ видѣ страны, чѣмъ мѣстность къ с. отъ Лань-чжоу (между Лань-чжоу и дер. Пей-нань). Эта послѣдняя, прилегая къ большой рѣкѣ, размыта въ болѣе значительной степени и остатки плато, заключенные между долинами, здѣсь еще менѣе сохранили первоначальный видъ; они разорваны поперечными оврагами; поэтому дорогу приходится здѣсь проводить по дну долинъ, а не по гребню междудолинныхъ остатковъ прежняго плато и вслѣдствіе этого у путешественника остается воспоминаніе о странѣ, какъ о какомъ-то запутанномъ лабиринтѣ. Впрочемъ, можетъ быть и къ с. отъ Лань-чжоу, но нѣсколько западнѣе нашей дороги, т. е. по-

Digitized by Google

дальше отъ Желтой рѣки, характеръ страны представляетъ болѣе сходства съ страной окрестностей Хэ-чжоу.

Р. Тао-хэ течетъ въ долинѣ, имѣющей менѣе версты ширины. Теченіе быстрое; ширина рѣки 20 — 30 саж., вода мутно зеленоватая. Переправа совершается на паромѣ, на канатѣ. На лѣвомъ берегу расположенъ небольшой городокъ Тао-ванъ-ченъ, окруженный пашнями и насажденіями изъ вязовъ.

Деревня Мань-пинъ (1982 м. надъ уровнемъ моря), лежащая къ с. отъ Тао-хэ, въ которой мы ночевали съ 15 на 16 число, населена китайцами ламаистами; мы еще въ первый разъ видѣли такихъ китайцевъ; на многихъ домахъ здѣсь водружены флаги съ надписанными на нихъ молитвами; древко флага украшено двурогой луной, между рогами которой помѣщается кругъ. Жители объяснили намъ, что эти флаги ставятъ тангутскіе ламы, по приглашенію жителей, въ тѣхъ случаяхъ, если кто-нибудь въ домѣ боленъ. Потомъ (въ 1885 г.) такое же ламайско-китайское населеніе мы нашли къ западу отсюда на южномъ берегу Желтой рѣки противъ развалинъ монастыря Пи-линъ-сы.

Деревни Та-вань-тху и Со-ло-ба, лежащія на дорогѣ къ западу отъ р. Тао-хэ, населены широнголами или далда, какъ они названы у Пржевальскаго. Въ Со-ло-ба (2359 м. надъ у. м.) мы ночевали съ 16 на 17 ноября. Страна вокругъ дер. Со-ло-ба носитъ особое названіе Тунъ-сянъ. Въ дер. Та-вань-тху жители мусульмане; на горѣ, возвышающейся надъ деревней, выстроена мечеть, по мѣстному ли-бей-сы. Жители дер. Со-ло-ба ламаисты. Со-ло-ба замѣчательна тѣмъ, что здѣшняя овечья шерсть считается самой нѣжной въ краѣ; здѣсь ткутъ прочные и красивые камлоты.

Рѣку Дао-чжа-хэ мы перешли по мосту у дер. Пу-юань. Рѣка течетъ у сѣвернаго края своей долины; ширина рѣки около 10 саж.; теченіе быстрое, съ кудрявой волной отъ ударовъ объ дно; броды вѣроятно опасны; вода мутная. Мостъ деревянный, крытый крышей, утвержденный только на двухъ устояхъ, сдѣланныхъ на берегахъ. Долина р. Дао-чжа-хэ здѣсь сильно расширяется; городъ Хэ-чжоу стоитъ на днѣ ея въ 5 в. къ. ю. отъ рѣки, на высотѣ 1849 м. надъ у. м.

Хэ-чжоу былъ разрушенъ во время мусульманскаго возстанія; жители вернулись только 10 лѣтъ назадъ; во время погрома жители убѣжали въ Ланьчжоу и Цзинь-юань. Во главѣ здѣшняго мятежа, по словамъ хэ-чжоускихъ жителей, стоялъ Джинса-ахунъ, имѣвшій пребываніе въ Си-нинѣ, родомъ изъ Хэ-чжоу. Всѣ постройки въ городѣ новыя; но онѣ тянутся только по серединѣ города и образуютъ всего одну улицу, иногда прерывающуюся; остальныя части города лежатъ впустѣ. Прежде въ Хэ-чжоу было много мусульманъ, но теперь, какъ намъ увѣряли, ихъ здѣсь вовсе нѣтъ. Въ городѣ есть будто бы однако мечеть, которая называется Хуа-сы-гумбей. Въ нашихъ книгахъ встрѣчалось несправедливое утвержденіе, будто Хэ-чжоу лежитъ въ центрѣ саларскаго населенія; салары живутъ отсюда къ востоку около города Сюнъ-хуа-тинъ, и ихъ территорія отдѣлена отъ хэ-чжоуской котловины высокимъ хребтомъ Хара-ула; возлѣ Хэ-чжоу саларскихъ селеній нѣтъ; но въ городъ салары часто приходятъ для торговли. Въ городѣ

Digitized by Google

восемь китайскихъ кумирень и два буддійскихъ монастыря: Фу-са-ѣ (Шянъ-чжинъ-сы) и Та-сы. Городъ въ развалинахъ, такъ что внутри городскихъ стѣнъ пусто. Населеніе живетъ въ восточномъ предмѣстьи города.

Хэ-чжоу лежитъ на горизонтальномъ днѣ междугорной котловины, имѣющей около 30 вер. въ поперечникѣ. Эта котловина называется Сань-гуань; на ней сливаются три значительныя рѣки: Хуй-шуй-гуань, Ту-мунъ-гуань и Лэу-гуань. Соединившись, онѣ образуютъ рѣку, которую намъ назвали Дао-чжа-хо; на русскихъ же картахъ она надписывается именемъ Да-ся-хэ («рѣка большой тѣснины»).

Со дна котловины самыя высокія горы были видны въ вершинахъ Лэу-гуаня и на правомъ берегу Ту-мунъ-гуаня; послѣднія намъ назвали Тэй-цзы-сань. На тѣхъ и другихъ въ эту пору года (т. е. въ концѣ ноября) лежалъ уже снѣгъ. Изъ трехъ рѣхъ самая большая Ту-мунъ-гуань; въ ея долинѣ въ верхнихъ частяхъ лежитъ большой буддійскій монастырь Лабранъ.

Чтобы попасть изъ котловины Сань-чуань въ саларскую землицу, намъ нужно было перевалить черезъ Хара-улу, т. е. черезъ тѣ высокія горы, которыя были видны въ вершинахъ р. Лэу-гуань. Дорога туда изъ Хэ-чжоу идетъ вверхъ по долинѣ Лэу-гуаня, по лѣвому берегу этой рѣки. Между Хэ-чжоу и дер. Шонъ-чи, на протяженіи 40 ли, Лэу-гуань течетъ въ общей долинѣ съ Ту-мунъ-гуанемъ; выше Шонъ-чи долина Лэу-гуань съуживается; тутъ на вершинѣ горъ праваго берега построенъ буддійскій монастырь Та-мяо-сань, въ которомъ числится по штату 40 хэшановъ; они получаютъ содержаніе отъ императора. Главная кумирня монастыря, говорятъ, построена въ честь божества Эрръ-лана. Окрестныя горы безлѣсны, но на днѣ долины повсюду разсѣяны деревни и усадьбы, окруженныя саженными деревьями. Окрестности Хэ-чжоу славятся, какъ мѣсто, доставляющее много грецкихъ орѣховъ.

У дер. Шонъ-чи долина Лэу-гуань имѣетъ до 1 версты ширины и удерживаетъ эту ширину до буддійскаго монастыря Хо-ту-сы, лежащаго на прав. берегу Лэу-гуаня, при подошвѣ горъ. Выше Хо-ту-сы долина еще болѣе съуживается до ширины въ полверсты, не болѣе. Противъ Хо-ту-сы слѣва въ Лэу-гуань впадаетъ бойкая горная рѣка Пы-лынъ-коу, черезъ которую переброшенъ мостъ. Между д. Шонъ-чи и монастыремъ Хо-ту-сы также встрѣчаются деревни, изъ которыхъ самая значительная, стоящая на дорогѣ, называется Хань-чжа-чжи; въ ней резиденція какого-то мелкаго чиновника (Хань-ту-сы); есть торговыя лавки. До Хо-ту-сы горы состоятъ изъ лёсса.

Выше Хо-ту-сы на днѣ долины появляется много облѣпихи, караганы, шиповника и спирей. Очень много было Clematis, пуховыя головки котораго теперь бѣлѣлись по всей долинѣ во множествѣ. Въ $2^1/_2$ ли выше Хо-ту-сы мы миновали деревню, возлѣ которой построена кумирня Канъ-чжи-мяо; это послѣдняя китайская деревня въ долинѣ Лэу-гуаня. Подлѣ кумирни находятся выходы гранита. Въ 5 ли выше на лѣвомъ берегу Леу-гуаня находится буддійскій монастырь Пали-сы, въ которомъ считается 70 хэшановъ. Выше монастыря въ горѣ китайская кумирня Ма-ванъ-мяо; невдалекѣ отсюда дорога минуетъ заставу, которая отдѣ-

Digitized by Google

ляетъ вѣдомство хэ-чжоусскаго мандарина отъ вѣдомства Сюнъ-хуа-тинскаго. Тутъ долина перегорожена стѣнкой и на дорогѣ устроены ворота. Около воротъ фанза для сторожей, собирающихъ пошлину съ провозимыхъ товаровъ. Отъ Па-ли-сы долина съуживается до 200 саж. ширины; правый бокъ долины густо покрытъ кустарниками; между ними видны посохшія высокія травы; растительность въ теплую пору года, очевидно, богатая. Очертанія горъ мягкія; обрывы встрѣчаются не болѣе 2—3 саж. высоты; встрѣчаются обнаженія кремнистаго сланца. Дорога безпрестанно переходитъ съ одного берега на другой; мы насчитали 5 мостиковъ въ этой части долины. Остановились на ночлегъ въ вершинѣ долины, не дойдя до перевала 10-ти ли, въ мѣстности Па-па-гынъ; высота этого мѣста надъ уровнемъ моря 2929 м.; тутъ всего три, четыре хижины, циклопически сложенныя изъ обломковъ сланца; крыши прижаты камнями, изъ опасенія, чтобъ ихъ не сорвало вѣтромъ. Въ этихъ хижинахъ живутъ почтари, которые обязаны возить мандаринскую почту. Они содержатъ нѣсколько лошадей. Отъ Па-па-гына до Шонъ-чи считается 60 ли, до Хэ-чжоу 100. За неимѣніемъ другого помѣщенія, мы должны были ночевать въ томъ же сараѣ, въ которомъ помѣщались и нѣсколько семействъ почтарей; такъ какъ тутъ былъ всего одинъ канъ, то мы должны были спать на немъ вмѣстѣ съ нашими слугами и подводчиками муловъ. Входъ въ это зданіе былъ устроенъ плохо; было много щелей, въ которыя дулъ вѣтеръ. Ночью на дворѣ холодъ доходилъ до—9,0°С.

На слѣдующій день, 22 ноября, намъ предстояло, поднявшись на перевалъ, спуститься въ долину р. Сэнгыръ (по китайски Чи-тай), которая насъ должна была вывести къ Желтой рѣкѣ, въ котловину города Сюнъ-хуа-тинъ. На проходъ по этой долинѣ мы употребили два дня; въ первый день мы дошли до саларской деревни Пей-чжуань, стоящей на половинѣ длины долины; на второй день 23-го ноября мы пришли въ дер. Ташкулъ (по кит. Ши-хэ), которая стоитъ при соединеніи долины Сэнгыра съ Хуанъ-хэ.

Дорога изъ Па-па-гына не прямо попадаетъ въ долины Сэнгыра; между вершинами Лэу-гуаня и Сэнгыра вставлена вершина третьей рѣки Урунку, которая повидимому есть одна изъ вершинъ вышеупомянутой р. Пы-лынъ-коу (Пылынъ-хэ). Перевалъ между Па-па-гыномъ и Урунку называется Чжи-во-вань. Склонъ перевала къ Па-па-гыну состоитъ изъ выходовъ глинистаго сланца съ паденіемъ SO 254 ∟44°. Пересѣкши долину Урунку, дорога восходитъ на другой перевалъ Та-ли-чжань. Здѣсь сложено обо изъ камней и на немъ водружено нѣсколько древокъ. По долинѣ Урунку были разсѣяны большія глыбы сѣраго гранита и діорита, но выходовъ этихъ породъ я не замѣтилъ. Съ перевала открывается видъ на долину Сэнгыра (Чи-тай-коу); долина вначалѣ просторнѣе и обставлена горами съ мягкими очертаніями, къ нижнему же концу она становится узкою и скалистою. Направленіе долины съ перевала NE 60; она слабо загибается вправо, т. е. къ востоку, такъ что нижній конецъ ея загороженъ, но по крайней мѣрѣ до половины протяженія оба бока долины открыты зрителю, стоящему на перевалѣ. Съ перевала были видны плоскія вершины горъ Тандыкъ-Яндыкъ, которыя лежатъ на сѣ-

Digitized by Google

верномъ берегу Хуанъ-хэ къ в. отъ Сань-чуани. Онѣ были уже осыпаны снѣгомъ. На днѣ долины былъ виденъ китайскій городокъ Чи-тай-пу и другія деревни; Чи-тай-пу находится въ 20 ли отъ вершины перевала. До Чи-тай-пу горы покрыты черноземомъ, отъ Чи-тай-пу начинаются по дну долины отложенія лёсса; бока же долины состоятъ изъ горизонтальныхъ пластовъ краснаго сильноглинистаго песчаника и конгломерата; сверху эти пласты покрыты слоемъ лёсса въ нѣсколько сажень толщиной. Въ нижней части долины лёссовой крыши на горахъ не было видно, онъ былъ уже смытъ, и горы состояли изъ одного краснаго песчаника, а при основаніи горъ были видны выходы темныхъ, болѣе плотныхъ конгломератовъ. Первая деревня, которую мы встрѣтили, спустившись съ перевала, была тангутская (сифаньская); въ ней всего 5 — 6 дворовъ; тутъ мы въ первый разъ увидѣли мѣстныя оригинальныя постройки, съ высокими заборами, возвышающимися на 2 арш. выше кровель фанзъ; хотя съ дороги видны были только однѣ глухія стѣны, но объ уровнѣ, на которомъ находятся кровли, легко было догадываться по длиннымъ концамъ (въ 1 арш. длиной) водосточныхъ трубъ, рядъ которыхъ обыкновенно торчалъ изъ стѣны. Пройдя далѣе бѣдный китайскій городокъ Чи-тай-пу, мы вскорѣ миновали другую тангутскую деревеньку Пи-лунъ-чжуань, въ которой есть нѣсколько дворовъ саларовъ; это самые верхніе въ долинѣ Сэнгыра салары. Ниже по долинѣ лежитъ буддійскій монастырь Ку-ри-сы и тангутская деревня Това; въ горахъ на правой сторонѣ долины виденъ монастырь Анги-гвамба (Анги-гонпа), въ которомъ 50 ламъ. Въ Ку-ри-сы насчитываютъ 120 ламъ и 4 хо-фо (гэгэна). Въ 25 ли ниже Чи-тай-пу расположена саларская деревня Лоджа или, какъ её зовутъ по мечети, Лоджа-сы; 4 ли еще ниже саларская деревня Люлюнъ-сы и тангутская Сама-цхуонъ; ниже ихъ на лѣвой сторонѣ долины большое ущелье, при устьѣ которой залегаетъ терраса въ 10 саж. высоты; на этой террасѣ тангутская дер. Тайма-чуань и около нея четырехгранная пирамида на широкомъ бѣломъ квадратномъ основаніи; она сложена, говорятъ, тангутами; входа внутрь пирамиды нѣтъ; тангуты чтутъ её; китайцы вѣрятъ, что тотъ, кто броситъ въ пирамиду комъ земли, умретъ. Высота пирамиды въ нѣсколько саженъ высоты; по цвѣту можно думать, что она сложена изъ кирпичей.

Противъ этой террасы на правой сторонѣ лежитъ саларская деревня Пей-чжуань, въ которой мы провели ночь съ 22 на 23 ноября; эта деревня отъ перевала въ вершинахъ Сэнгыра находится въ 60 ли.

Въ 7 ли ниже Пей-чжуаня на лѣвомъ берегу Сэнгыра лежитъ саларская деревня Джанга-сы; на вершинѣ горы, возвышающейся надъ деревней, намъ указали водруженное знамя; китайцы увѣряютъ, что знамя это водружено Янъ-ву-ланомъ, героемъ китайской исторіи и китайской драмы. 20 ли ниже находится саларская деревня Ва-чжанъ-тунъ-сы; 5 ли ниже этой деревня Та-сы-гу-сы. Долина Сэнгыра, отъ перевала имѣвшая направленіе на сз., отсюда принимаетъ направленіе прямо на с. Лѣвый бокъ ея состоитъ здѣсь изъ темныхъ конгломератовъ, которые образуютъ отвѣсные разрѣзы въ нѣсколько десятковъ саженъ высоты. Въ 4 ли отъ Та-сы-гу-сы дорога минуетъ дер. Хунь-донъ-сы; за нею дорога переходитъ на лѣ-

Digitized by Google

вую сторону рѣки; рѣка здѣсь имѣетъ 10 саж. ширины; сухое галешниковое дно до 40 саж. ширины. Пѣшеходы переходятъ черезъ рѣку по деревянному крытому горбатому мостику, вьючныя животныя—въ бродъ. У деревни Ташкулъ или Ши-хэ, въ 10 ли ниже Хунь-донъ-сы, дорога выходитъ на долину Желтой рѣки. Деревня Ташкулъ лежитъ у восточной границы Сюнъ-хуа-тинскаго расширенія долины Хуанъ-хэ, которое имѣетъ до 10—15 верстъ длины и до 3—4 верстъ ширины. Высота Ши-хэ надъ ур. м. 1803 метра. Мы остановились въ дянѣ, который содержитъ ташкульскій ахунъ.

Въ этой деревнѣ мы провели двое сутокъ. Въ такой короткій срокъ я въ состояніи былъ только слегка приглядѣться къ внѣшней обстановкѣ саларовъ и почти все время пребыванія провелъ въ записываніи саларскихъ словъ. Это я считалъ необходимымъ сдѣлать въ виду того, что точныхъ свѣдѣній о томъ, какимъ языкомъ говорятъ салары, не было. О существованіи саларовъ было извѣстно давно, было также извѣстно, что они мусульмане, и оріенталисты признавали ихъ за тюрковъ, но не было точно опредѣлено мѣсто ихъ жительства, не было также записано ни одного саларскаго слова. У Пржевальскаго они были даже включены въ число тангутовъ; правда, есть отангутившіеся салары, но едва ли подъ саларами Пржевальскаго слѣдуетъ разумѣть только этихъ, а не всѣхъ саларовъ.

Пока я жилъ въ Ташкулѣ, мандаринъ небольшого городка Сюнъ-хуа-тинъ прислалъ ко мнѣ пословъ, т. е. полицейскихъ солдатъ съ приглашеніемъ пріѣхать въ городъ. Солдаты принесли мнѣ въ подарокъ отъ мандарина водки въ небольшомъ графинчикѣ и живыхъ курицъ и утку. Я долженъ былъ сдѣлать удовольствіе мандарину и вмѣстѣ съ Сантанъ-джимбой съѣздилъ въ Сюнъ-хуа-тинъ. Мандаринъ старался быть со мной какъ можно любезнѣе, и кажется былъ очень доволенъ тѣмъ, что я завернулъ въ его ничтожный городишко. Сюнъ-хуа-тинъ лежитъ на расширеніи долины Желтой рѣки, которая ниже его течетъ въ тѣснинѣ. Городъ лежитъ въ полуверстѣ отъ рѣки и въ полуверстѣ отъ подошвы горъ.

Мы прошли вдоль всей линіи саларскихъ деревень, лежащихъ къ в. отъ Сюнъ-хуа-тина; часть саларовъ живетъ и къ з. отъ Сюнъ-хуа-тина. Вотъ перечень всѣхъ саларскихъ деревень, находящихся въ вѣдѣніи сюнъ-хуа-тинскаго мандарина. Въ долинѣ р. Сэнгыра: Джансы, Люлюнъ, Ноджа, Ахваръ, Козыгыщъ, Кызылъ-донъ, Сэнгыръ, Тапсучуръ и Ташкулъ; въ Дондонской тѣснинѣ: Мында, Юджагылъ, Дондонъ, Агашли и Ачингызъ; къ з. отъ Сюнъ-хуа-тина, который по саларски называется Язы-базыръ: Чага, Алтыауліе, Сучжи, Чагантасы, Юмагыль, Булеръ, Тинзанъ, Ташинахъ, Тупа.

Кромѣ этихъ сюнъ-хуа-тинскихъ саларовъ, живущихъ на правомъ берегу Желтой рѣки, есть еще салары на лѣвомъ берегу около города Баянъ-жунъ. Эти послѣдніе утратили свой родной турецкій языкъ и говорятъ по тангутски, хотя вѣру исповѣдуютъ мусульманскую. Въ отличіе однихъ отъ другихъ салары праваго берега называются Па-гунъ, отангутившіеся салары лѣваго берега — Вэй-ву-гунъ [1]). Имя

[1]) Вэй-ву не Уйгуръ ли?

Digitized by Google

Па-гунъ салары переводятъ на свой языкъ словами: сэкизъ-гунъ, т. е. «восемь гуновъ», но это не значитъ, чтобы саларское населеніе въ дѣйствительности дѣлилось на восемь административныхъ или родовыхъ частей. Прежде, можетъ быть, это имя и имѣло подобное значеніе, теперь же подъ именемъ Па-гунъ разумѣютъ просто территорію саларовъ или ея населеніе во всей ихъ совокупности. Саларская земля къ западу отъ Сюнъ-хуа-тина называется Шансы-гунъ, къ востоку отъ Сюнъ-хуа-тина—Хасы-гунъ.

Салары говорятъ тюркскимъ языкомъ, который они сохранили въ лучшей чистотѣ, чѣмъ широнголы свой монгольскій. Одѣваются мужчины салары по китайски; женщины имѣютъ оригинальный нарядъ: широкіе шаровары на ногахъ (чаще изъ синей дабы съ красной обложкой по нижнему краю), бѣлую кофту съ рукавами, широкій балахонъ тоже съ рукавами, часто надѣваемый въ накидку и удерживаемый на плечахъ только одной пуговицей, застегнутой на горлѣ, и островерхій башлыкъ (кейта), прикрывающій голову и верхнюю часть спины. Несдавленныя ноги обуваются въ большіе башмаки. Живутъ салары въ фанзахъ, сложенныхъ изъ сырцоваго кирпича. Управляются, по общему отзыву сосѣдей, ахунами; но есть у нихъ и тусы, т. е. родовые старѣйшины, какъ и у широнголовъ. Всѣ салары мусульмане; мечети (по саларски миштъ) китайской архитектуры, похожи съ виду на кумирни; крыши украшены драконами, на стѣнахъ барельефы, изображающіе львовъ и тигровъ. Главное зданіе квадратное; въ сторонѣ отъ него отдѣльно минаретъ также съ китайской крышей. Мусульманскія книги получаютъ изъ Шанхая. Для письма салары употребляютъ тюркскую азбуку. Я видѣлъ у саларовъ и рукописи тюркскаго письма. Въ саларской землѣ есть почитаемая мусульманами святыня, останки какого-то Ангури-шейха; они хранятся въ пещерѣ, находящейся въ отвѣсной скалѣ къ з. отъ Сюнъ-хуа-тина; поднимаются ко входу въ пещеру по крутой и опасной лѣстницѣ, подвѣшенной къ скалѣ; мусульмане увѣряютъ, что по этой лѣстницѣ безъ дурныхъ послѣдствій можетъ подняться только человѣкъ съ благочестивой мыслью; въ противномъ случаѣ человѣкъ падаетъ съ значительной высоты и разбивается. Объ этомъ святомъ также разсказываютъ, что онъ въ ночь могъ слетать на богомолье въ Самаркандъ.

Салары сохранили преданіе, что они пришли въ край изъ Самарканда; впрочемъ это преданіе разсказываютъ о себѣ и другіе китайскіе мусульмане, какъ напримѣръ жители городовъ Гуй-хуа-чена и Нинъ-ся. Салары говорятъ, что ихъ предки были за воровство скота изгнаны съ ихъ прежней родины; изгнанные, они шли до тѣхъ поръ, пока шелъ, не останавливаясь, верблюдъ, на которомъ были навьючены ихъ пожитки. Верблюдъ остановился въ нынѣшней саларской землѣ; тутъ предки саларовъ и поселились.

26 ноября мы оставили Ташкулъ, выступивъ по дорогѣ въ Сань-чуань, населенную широнголами. Подъ именемъ Сань-чуань (по широнгольски Гурбанъ-тала) извѣстна такая же котловина на Желтой рѣкѣ, какъ и сюнъ-хуа-тинская, но лежащая ниже по теченію въ двухъ дневныхъ переходахъ. Чтобы изъ сюнъ-хуа-тинской котловины попасть въ Сань-чуань, т. е. изъ территоріи саларовъ попасть къ

Digitized by Google

широнголамъ, нужно пройдти по тѣснинѣ, которая соединяетъ эти двѣ котловины, и которая образуется тѣмъ, что въ этомъ мѣстѣ Желтую рѣку стѣсняютъ съ юга хребетъ Хара-ула, съ сѣвера его сѣверное продолженіе. Въ отличіе отъ другихъ тѣснинъ или щекъ (ся) на Хуанъ-хэ, мы будемъ называть эту тѣснину Дондонской, по имени саларской деревни Дондонъ, лежащей внутри тѣснины.

Дорога отъ Ташкула сначала идетъ по лёссовой террасѣ Желтой рѣки, и миновавъ деревни Тэнгэ и Ахъ-колъ и пересѣкши протекающую тутъ р. Сэнгыръ, она поднимается на горы праваго берега, чтобы по нимъ обойти тѣсное мѣсто, гдѣ по берегу рѣки дорога не можетъ быть проложена. Горы состоятъ изъ конгломерата, обломками котораго завалена дорога. Мѣстами дорога такъ узка, что приходилось снимать вьюки съ муловъ, переносить ихъ на рукахъ, а муловъ проводить порожнихъ. Пласты конгломерата имѣютъ паденіе SE 100 ∟ 35°. Съ перевала городокъ Сюнъ-хуа-тинъ былъ виденъ на сѣверозападѣ. На вершинѣ перевала построена гумбе или мусульманская часовня съ минаретомъ (Ма-чю-мечеть); на стѣнахъ минарета лѣпные барельефы, на которыхъ представленъ между прочимъ левъ, водящійся только на китайскихъ картинахъ.

Отъ гумбе дорога спускается внизъ, но не на самое дно долины, а идетъ далѣе на уровнѣ значительно выше рѣки, которая здѣсь течетъ очень извилисто. Дно котловины занято слоистымъ лёссомъ, переслаивающимся съ пескомъ; этотъ лёссъ образуетъ высокую террасу надъ рѣкой, которая течетъ еще ниже въ глубокой и узкой рытвинѣ и видна съ дороги только съ нѣкоторыхъ немногихъ пунктовъ. Поверхность террасы, какъ казалось намъ съ дороги, сильно пологата къ рѣкѣ; она мѣстами завалена глыбами лёсса, свалившагося съ высшихъ уровней. Обнаженные надъ лёссомъ конгломератовые разрѣзы также завалены розсыпями конгломерата, глыбы котораго въ безпорядкѣ перемѣшаны съ красной глиной. Видъ тѣснины очень дикій и пустынный; лѣсу на горахъ не видно; дорога очень трудная, гористая, и на спускахъ, напримѣръ въ узкую долину Маджугола и на котловину, на которой стоитъ дер. Минъ-та (Мэндыръ), превращается въ рядъ ступеней, вырубленныхъ въ скалѣ, или въ крутую лѣстницу, сдѣланную человѣческими руками. Дер. Минъ-та, иначе Чецза, стоитъ въ котловинѣ, которая имѣетъ около версты длины. Здѣсь есть мечеть и ахунъ. На той же котловинѣ на противуположной сторонѣ рѣки стоитъ другая деревня, населенная тангутами; она также называется Чецза.

Переночевавъ въ Минъ-та, мы 27 ноября выступили изъ нея, чтобы сдѣлать послѣдній переходъ до Сань-чуани. Къ в. отъ деревни дорога проходитъ по мостику горную рѣчку Терменъ-голъ (Мельничная рѣчка); рѣчка течетъ въ тѣсномъ ущельѣ и только при впаденіи выходитъ на нѣкоторый просторъ; направленіе ущелья съ ю. на с.; вода свѣтлая, съ шумомъ переливающаяся по крупнымъ каменнымъ глыбамъ. На другомъ берегу рѣчки расположена саларская деревня Юджагылъ. Отъ Юджагыла дорога и Желтая рѣка идутъ въ направленіи съ запада на востокъ. Къ западу отъ Юджагыла дорогу пересѣкаетъ другая рѣчка Кокся-голъ; противъ ея устья на сѣверномъ берегу намъ указали слѣды древняго города (по саларски

Digitized by Google

исаръ) [1]), а къ западу (въ 5 ли отъ Юджагыла) слѣды сидѣнья богатырей Кусэря и Пукö. Здѣсь дорога проходитъ по берегу рѣки, возвышаясь надъ рѣкой на 2—3 сажени; рѣка имѣетъ ширины саженъ 10; берега ея имѣютъ небольшія террасы на обѣихъ сторонахъ до 4 — 5 саженъ ширины, возвышающіяся надъ рѣкой на одну сажень и менѣе. Эта терраса состоитъ изъ темной каменной породы и мѣстами горизонтальная поверхность ея засыпана сѣрымъ пескомъ, мѣстами завалена обломками камней, мѣстами является обнаженною. Въ одномъ-то изъ такихъ обнаженій и указываютъ два углубленія въ породѣ, находящіяся рядомъ и представляющія отдаленное сходство съ отпечатками отъ сидѣнья двухъ людей. Легенда, которую намъ передалъ саларъ Кейзы, говоритъ, что Кусэрь съ двумя товарищами хотѣлъ здѣсь перейдти съ праваго берега рѣки на лѣвый; вдвоемъ съ Пуко они сѣли на камень; Кусэрь натянулъ лукъ и пустилъ въ рѣку стрѣлу; рѣка обнажила свое дно и Кусэрь съ своими товарищами переѣхалъ по сухому дну; противъ этого мѣста на другомъ берегу такая же каменная терраса и на ней въ одномъ мѣстѣ указываютъ на красную полосу, идущую отъ берега въ гору — это слѣдъ телеги, на которой Кусэрь переѣхалъ рѣку; въ другомъ мѣстѣ указываютъ на трещину въ камнѣ, которая явилась отъ удара Кусэревой стрѣлы. Чуть ли не въ нее уходила вода, пока Кусэрь переѣзжалъ рѣку по сухому дну. Мѣсто это по саларски называется «Кусерь онга», т. е. «Кусерево гнѣздо». Ниже впаденія ручья Эгемыхъ рѣка уходитъ на св. въ глубокія и отвѣсныя щеки, а дорога поднимается на горы. На Эгемыхѣ мы встрѣтили нѣсколько деревьевъ двухъ видовъ тополя, которые салары различаютъ именами карамухь-талъ и пейянъ-талъ; это первыя деревья, которыя мы встрѣтили въ тѣснинѣ Желтой рѣки; до сихъ поръ берега ея, какъ и обступающія горы, представлялись совершенно безлѣсными.

Въ серединѣ длины оврага, по которому мы поднимались, мы миновали деревню Дондонъ [2]) (Хай-сунъ-тунъ-пу), лежащую на лѣвомъ скатѣ оврага. Дома расположены по скату, домъ надъ домомъ; въ верхней части деревни построена мечеть. Такъ какъ дорога прошла подлѣ мечети, по верхнему краю деревни, то намъ деревня показалась состоящею всего изъ 9—10 домовъ, но послѣ съ горы, лежащей по другую сторону деревни, обнаружилось, что внизу подъ мечетью селеніе разростается дворовъ до 50 или можетъ быть и болѣе. Съ юга надъ деревней стоитъ крутая высоковершинная гора, бросающая на деревню свою тѣнь даже и въ полдень; ея крутой скатъ, обращенный на сѣверъ, покрытъ хвойнымъ лѣсомъ (по саларски читъ). Выше деревни бока оврага опушены кустарниками токсунъ и Quercus (по саларски сингаиъ). Въ вершинѣ оврага дорога всходитъ на перевалъ, съ котораго открывается видъ на тѣсную долину р. Агашли-узень, впадающую въ Желтую рѣку. Съ перевала дорога спускается по лѣвому боку оврага косогоромъ [3]).

---

[1]) Исарами салары зовутъ развалины городовъ; населенные же города посаларски—базыръ.

[2]) Тангуты произносятъ Джонтонъ.

[3]) На сѣверномъ берегу Хуанъ-хэ противъ деревни Дондонъ, по разсказу одного тангута изъ сосѣдней мѣстности, есть «котелъ Салуна-дорчжи»; это большая плита, положенная на четыре небольшихъ камня; послѣдніе ниже аршина; эти камни сложилъ, по преданію, Салунъ-Хоръ-дорчжи, убившій тибетскаго царя Ландарму. Судя по описанію, это долменъ.

Digitized by Google

Не смотря на высокое положеніе дороги, рѣки Агашли-узеня не было видно; она течетъ въ тѣсной и повидимому скалистой рытвинѣ глубиною въ 10 саж., изъ которой торчатъ только вершины высокихъ деревьевъ, растущихъ на днѣ рытвины. По обѣимъ сторонамъ этой рытвины расположены террасы, но не съ горизонтальной, а сильно покатой къ рытвинѣ рѣки покатостью. На этой-то террасѣ, на лѣвой сторонѣ рѣки, виднѣлась большая деревня Агашли съ мечетью. Поперечный разрѣзъ долины похожъ на разрѣзъ тѣхъ жестяныхъ воронокъ, которыя имѣютъ надъ раструбомъ цилиндрическую стѣнку. Такое наклонное положеніе поверхности террасъ происходитъ вѣроятно вслѣдствіе сползаній лёсса съ сосѣднихъ горъ на дно долины. Подобныя мѣста встрѣчались въ тѣснинѣ Желтой рѣки и въ другихъ мѣстахъ и на самой Желтой рѣкѣ. Тутъ вездѣ видны свѣжіе обвалы лёсса, который, скатившись съ верхнихъ уровней, иногда совершенно замаскировываетъ собою нижніе горизонты конгломерата; мѣстами лёссъ лежитъ въ видѣ розсыпи, состоящей изъ глыбъ; но вѣроятно подобныя розсыпи дождями со временемъ выглаживаются, щели между глыбами заростаютъ, и образуется ровная покатая, но сильно падающая поверхность. Въ вершинахъ р. Агашли, т. е. прямо на югъ отъ дороги, видны высокія горы; между ними, по разсказамъ жителей, находится поклонное озеро, которое и китайцы и широнголы называютъ Шинъ-ся-норъ; салары зовутъ его просто куль, «озеро». Возлѣ него лежитъ поклонная гора, которую салары называютъ Мамуше-тагъ.

Пройдя деревню Агашли (Су-тунъ-пу), дорога спускается на дно рытвины, въ которой течетъ рѣчка, и пересѣкаетъ ее въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ отъ ея впаденія въ Желтую. На правомъ берегу Агашли-узеня стоитъ деревня Ачиҥгызъ (Му-чанъ); это послѣдняя саларская деревня. За Ачиҥгызомъ дорога опять идетъ по берегу Желтой рѣки; направленіе рѣки здѣсь на юв. Въ 5 ли отъ Ачиҥгыза дорога проходитъ черезъ заставу Гуань-мынь; тутъ долина баррикадирована отъ рѣки до подошвы горъ двумя параллельными стѣнами, въ небольшомъ промежуточномъ пространствѣ между которыми построена фанза для таможенной стражи; въ обѣихъ стѣнахъ ворота такія низкія, что пришлось снимать вьюки съ муловъ, а верблюдъ и простой не прошелъ бы. Здѣсь граница сюнъ-хуа-тинскаго округа съ хэ-чжоусскимъ; съ проѣзжающихъ здѣсь берется пошлина.

За Гуань-мынемъ долина Желтой рѣки расширяется. Расширяется и самая рѣка. По рѣкѣ въ это время шелъ ледъ, но только вдоль быстринъ. Тамъ, гдѣ Желтую рѣку стѣсняютъ отвѣсныя щеки, какъ наприм. ниже дер. Дондонъ или выше дер. Минъ-та, она была уже покрыта сплошнымъ установившимся льдомъ.

Отъ Гуань-мыня уже и начинается мѣстность Сань-чуань (Гурбань-тала). Горы на обоихъ берегахъ начинаютъ отходить отъ рѣки; онѣ окрашены въ яркій красный цвѣтъ, благодаря которому напоминаютъ болѣе горы окрестностей Лань-чжоу, чѣмъ темноцвѣтные конгломераты Сюнъ-хуа-тина и Дондонской тѣснины. Пересѣкши три рѣчки Та-тунъ-пинъ, Коджа и Канъ-хо-танъ (Ханъ-хуа-танъ?), текущія уже съ восточнаго склона хребта Хара-улы и миновавъ большое селеніе Та-ходжа, расположенное на правомъ берегу Канъ-хо-тана и населенное мусульманами, дорога достигаетъ до пере-

Digitized by Google

воза черезъ Желтую рѣку, который устроенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ на лѣвомъ берегу въ рѣку упирается скалистый, состоящій изъ красныхъ конгломератовъ, мысъ, отдѣляющій настоящую Сань-чуань отъ отдѣльной, болѣе западной долины р. Ительгола, въ нижней части которой стоитъ дер. Чомчонъ. Это самая западная деревня, населенная широнголами. Отсюда оба берега Желтой рѣки плоскіе, покрытые отмелями изъ сѣраго песка. Переправа совершается на паромѣ; такъ какъ лодка, на которой устроенъ паромъ, была дыроватая, то паромщики побоялись сразу поставить весь нашъ скотъ и багажъ; переправа была совершена за два раза. За переправу мы заплатили 500 чоховъ.

Съ переправы уже было видно деревню Ничжу; она была видна въ 10 ли на востокъ отъ перевоза на лёссовомъ обрывѣ и обозначалась группой тополевыхъ и орѣховыхъ деревьевъ. Въ 5 часовъ по полудни, когда солнце уже скрылось за вершиной Хара-улы, мы въѣхали въ деревню Ничжу и остановились въ дянѣ, который содержалъ старикъ мусульманинъ.

Ничжа лежитъ на высотѣ 1849 метр. надъ уровнемъ моря, то есть на 46 метровъ выше, чѣмъ саларская деревня Ши-хэ, лежащая по рѣкѣ выше. Эта кажущаяся несообразность происходитъ оттого, что дер. Ничжа лежитъ въ 4 верстахъ отъ рѣки, тогда какъ дер. Ши-хэ лежитъ къ рѣкѣ ближе.

Сантанъ-джимба былъ родомъ изъ Сань-чуани, и въ первый же вечеръ онъ нашелъ своего племянника Шянбу, который имѣлъ свой домъ въ дер. Ни-чжѣ; другой его племянникъ Чихба-дончжу оказался живущимъ въ дер. Чи-чжѣ, лежащей въ семи верстахъ отъ Ни-чжи. Чи-чжа была настоящей родиной Сантанъ-джимбы; тамъ даже указали намъ развалины дома, въ которомъ жили его родители; около этой деревни былъ, кромѣ этой усадьбы, и участокъ пахотной земли, который по праву наслѣдства принадлежитъ Сантанъ-джимбѣ и теперь находится въ пользованіи у его племянника Чихба-дончжу. Сантанъ-джимба сорокъ лѣтъ не былъ на родинѣ; Чихба-дончжу не имѣлъ еще сорока, слѣдовательно онъ еще не родился, а Сантанъ-джимбы уже не было въ Сань-чуани. Шянба былъ еще моложе. Когда мы обжились и перезнакомились съ населеніемъ, въ немъ нашлись сверстники Сантанъ-джимбы, которые еще помнили его мальчикомъ; нашлась даже старушка, которая въ дѣтствѣ часто играла съ нашимъ старикомъ.

Дня черезъ два или три по прибытіи въ Ни-чжу, при помощи Сантанъ-джимбы, мы наняли фанзу у его дальнихъ родственниковъ, въ которой и прожили до весны. На одномъ дворѣ съ нами жило два широнгольскихъ семейства; одно жило въ такой же фанзѣ, какую занимали и мы; другое, уступивши свое прежнее помѣщеніе намъ, выселилось въ конюшню на томъ же дворѣ. Возлѣ нашей фанзы была маленькая пристройка, въ которой была устроена наша кухня; въ ней поселился нашъ слуга Очиръ; Сантанъ-джимба поселился у своего племянника Шянбы.

Мы сдѣлали кое-какія улучшенія въ нашей фанзѣ, но не особенно большія. Оконныя рамы были заново оклеены бумагой; въ переплетъ ихъ былъ вставленъ небольшой квадратикъ стекла (точнѣе сказать, стеклянная пластинка изъ нашей фотографіи), чтобъ было видно, что происходитъ на дворѣ. Подлѣ кана была уста-

Digitized by Google

новлена жаровня, т. е. деревянный ящикъ, въ которомъ была набита глина, а въ середину глины вставлена глиняная корчага съ желѣзной рѣшеткой вмѣсто дна. Жаровня эта наполнялась каменнымъ углемъ, который горѣлъ цѣлый день. Каменный уголь въ Сань-чуань доставляется изъ долины Сининской рѣки. Затѣмъ были заткнуты соломой дыры въ стѣнахъ подъ кровлей, да щели у дверей прикрыты полосами войлока—вотъ и всѣ сдѣланныя нами улучшенія.

Подъ именемъ Сань-чуань туземцы разумѣютъ расширеніе долины Желтой рѣки, на которое она выходитъ изъ дондонской тѣснины; пройдя по южной окраинѣ Сань-чуани, рѣка вновь входитъ въ тѣснину, которую можно назвать Сомбринскою, по мѣстности Сомбра, лежащей у входа въ неё. Долина Сань-чуани имѣетъ длины съ в. на з. 17 вер., наибольшей ширины съ с. на ю. верстъ 5. Широнголъ-монголы называютъ эту часть долины Желтой рѣки Гурбань-тала; оба имени, и китайское (Сань-чуань) и монгольское, въ переводѣ значатъ «три долины», по числу будто бы побочныхъ долинъ. Дѣйствительно, если считать не рѣки, пересѣкающія Сань-чуань, а участки земной поверхности, на которые Сань-чуань разрѣзана теченіемъ главныхъ побочныхъ рѣчекъ, то такихъ участковъ насчитывается три. Всѣхъ рѣкъ, пересѣкающихъ площадь Сань-чуани, четыре: Сомбра, Аралъ, Ничжа-голъ и Боу-чжа-аралъ; кромѣ того слѣдуетъ еще упомянуть ручей Уньчжа-голъ, текущій около дер. Чи-чжа, и сухой оврагъ Гяньго-голъ. Долина Итель-гола, въ нижней части которой находится дер. Чомчонъ, вполнѣ отдѣлена отъ остальной Сань-чуани мысомъ. который упирается въ Желтую рѣку; долина Сомбры также, хотя и не въ такой степени, обособлена. Выдѣливъ эти долины и не принимая въ разсчетъ мелкіе ручьи и овраги, мы будемъ имѣть три участка, первый между Сомброй и Араломъ, второй между Араломъ и Ничжа-голомъ и третій между Ничжа-голомъ и Боу-чжа-араломъ. Но можетъ быть также, что народное названіе «Три долины» содержитъ въ себѣ указаніе только на тѣ долины, по которымъ идутъ осѣдлые пункты внутрь страны, т. е. въ горы; такихъ долинъ въ самомъ дѣлѣ только три, а именно: Сомбра, Аралъ и Боучжа-аралъ. Самая большая, по крайней мѣрѣ самая многоводная рѣка въ Сань-чуани—Аралъ; аралъ, собственно по широнгольски, «рѣка»; для этого понятія широнголы имѣютъ три слова: голъ, аралъ и мурэнъ. Голами повидимому называются небольшія рѣчки; аралъ побольше; имя мурэнъ прилагается только къ Желтой рѣкѣ, которая называется или Шуко-мурэнъ, т. е. «большая рѣка» или просто Мурэнъ, «рѣка». Терминъ аралъ прилагается къ двумъ рѣкамъ, изъ которыхъ одна, западная, въ отличіе отъ другой, восточной, называется Боучжа-аралъ, но восточная называется просто Аралъ, можетъ быть, на томъ же основаніи, какъ Желтая рѣка зовется просто «рѣкой».

На южномъ берегу Желтой рѣки противъ Сань-чуани простирается высокое лёссовое плато, отдѣляющее Сань-чуань отъ мѣстности Сань-гуань, въ которой лежитъ городъ Хэ-чжоу. Когда смотришь изъ Сань-чуани на югъ, на южномъ берегу Хуанъ-хэ виденъ высоко приподнятый надъ рѣкою горизонтъ, представляющій спокойную, только слегка волнующуюся линію; это гора Потъ-ула; на западѣ этотъ горизонтъ упирается въ крутой профиль Хара-улы, изъ-за котораго на сань-чуан-

Digitized by Google

скую котловину выбѣгаетъ русло р. Канъ-хо-тана; на востокѣ онъ переходитъ въ холмистыя возвышенности, тѣснящіяся къ сомбринскому прорыву Желтой рѣки. Вѣроятно, еслибъ смотрѣть съ юга, на сѣверной сторонѣ Желтой рѣки представилась бы картина въ томъ же родѣ; то есть въ серединѣ такой же спокойный горизонтъ, переходящій въ холмистыя высоты на востокѣ и на западѣ, при чемъ и здѣсь западныя высоты (которыя можно принять за сѣверное продолженіе Хараулы) должны показаться значительно выше восточныхъ. На востокѣ высшею точкою, видимою изъ Сань-чуани, считается лежащая на лѣв. берегу р. Сомбры плосковершинная гора Бадо-ула. На западѣ самая значительная высота приходится надъ самой тѣсниной противъ дер. Дондонъ; тангуты называютъ её Аи-гонри; широнголъ-монголы даютъ ей имя: Ньянъ-ньянъ-тологой, составленное изъ китайскаго и монгольскаго словъ; тологой помонгольски «голова», «вершина горы»; ньянъ-ньянъ покитайски «барышня». У сѣверной подошвы горы небольшой тангутскій монастырь Гонгрча.

Вся Сань-чуань заселена широнголъ-монголами; на востокѣ широнгольскія деревни поднимаются почти до вершины горы Бадо-улы; на западѣ широнголы занимаютъ всѣ земли до притора, за которымъ начинается долина р. Итель-голъ; одна деревня Чомчонъ находится даже въ этой послѣдней долинѣ, но остальная часть Итель-гола занята тангутами. Всѣ жители Сань-чуани буддисты, за исключеніемъ одной деревни Ма-чжа на сѣверной сторонѣ и одной деревни Та-хо-чжа на южной, жители которыхъ мусульмане.

Ни-чжа представляетъ торговый центръ мѣстности; тутъ есть торговыя лавки, содержимыя китайцами; есть дянъ и китайская кумирня въ честь Гуань-лао-ѣ; монголы принимаютъ её за кумирню въ честь Гэсэръ-хана, съ которымъ они отожествляютъ китайскаго героя Гуань-лао-ѣ; книга Сань-го-чжи, въ которой описываются подвиги этого героя, популярна между грамотными сань-чуанцами.

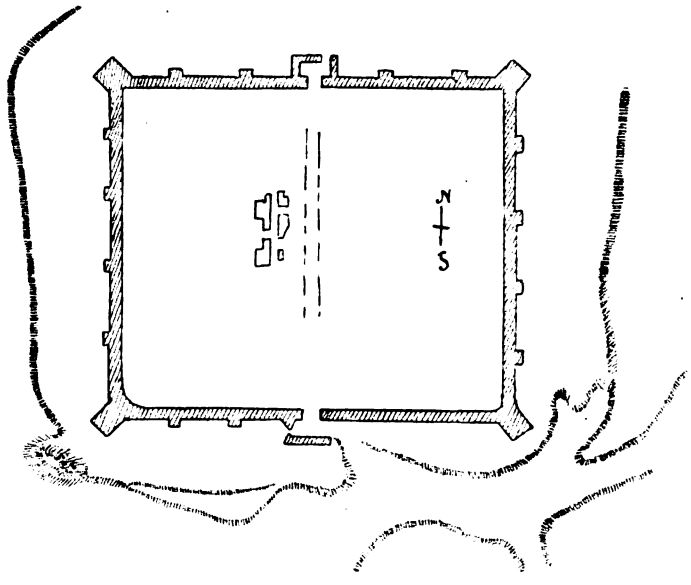
Сань-чуань была сильно опустошена мусульманами-мятежниками; кумирни въ монастырѣ Унь-чжа-сюме до сихъ поръ еще не возобновлены въ прежнемъ видѣ. Во время мусульманскаго нашествія широнголы частью разбѣжались, частью скрылись въ стѣнахъ города, который выстроили на вершинѣ горы надъ р. Уньчжа-голъ; городъ этотъ однако былъ взятъ мятежниками. Стѣны его еще и теперь видны на вершинѣ горы надъ р. Уньчжа. Когда-то, по словамъ нашего Сантанъ-джимбы, Сань-чуань представлялась зеленѣющимъ оазисомъ отъ множества орѣховыхъ деревьевъ; теперь ихъ осталось очень немного; почти всѣ были вырублены мусульманами.

Въ Сань-чуани есть нѣсколько монастырей, интересныхъ для буддистовъ. Въ вершинѣ долины Боучжа-арала лежитъ монастырь Кадикава, въ которомъ, будтобы, хранится портретъ или изображеніе Цзонхавы, сдѣланное еще при жизни святого для его матери и утаенное въ пользу монастыря монастырскимъ экономомъ. Въ той же долинѣ на ея правомъ боку въ ущельи находится другой монастырь Каданъ-сюме; каданъ по широнгольски «скала». Этотъ маленькій монастырь, въ которомъ живетъ менѣе десятка монаховъ, расположенъ въ конгломератовой скалѣ; кельи и храмы очень живописно лѣпятся по узкимъ выступамъ конгломератовыхъ

Digitized by Google

пластовъ; по дну ущелья течетъ горный ручей, образующій подлѣ монастыря живописный водопадъ. Въ скалѣ подлѣ самаго монастыря, на высотѣ 3 сажень отъ подошвы скалы, есть круглое отверзтіе въ видѣ слухового окна, изъ котораго сочится внизъ по поверхности скалы вода, скопляющаяся внизу въ небольшомъ бассейнѣ. Внутри главнаго храма въ основаніи скалы, къ которой онъ примкнутъ, находится лежачая статуя спящаго Будды; буддисты вѣрятъ, что статуя эта явилась сама собою. Въ этомъ же монастырѣ показываютъ конгломератувою глыбу, на которой находится углубленіе въ видѣ слѣда отъ ослинаго копыта. По увѣренію монаховъ, глыба эта доставлена сюда изъ Менгу-чжу (Лассы). Слѣдъ этотъ приписывается тому ослу, на которомъ убѣгала богиня Ламо (по монгольски Оккинь-тэнгри). Къ в. отъ Сань-чуани въ тѣснинѣ находится большой монастырь

Рис. 16.



Пи-линъ-сы; онъ теперь въ развалинахъ. Объ немъ будетъ сказано во 2-ой части нашего сочиненія.

Кромѣ этихъ буддійскихъ достопримѣчательностей, упомяну еще здѣсь о слѣдахъ Лу-бянъ-шена (китайскаго бога плотничнаго искусства), которые указываются внутри сомбринской тѣснины между Сань-чуанью и монастыремъ Пи-линъ-сы

Въ центрѣ Сань-чуани, на половинѣ дороги отъ дер. Ни-чжа къ дер. Чи-чжа находятся развалины стариннаго города; когда онъ опустѣлъ, населеніе не помнитъ; широнголы называютъ эти развалины Кара-бадзыръ, т. е. «черный городъ». Городъ расположенъ на лѣвомъ берегу р. Арала въ ста шагахъ примѣрно отъ нынѣшняго русла рѣки. Между нынѣшнимъ русломъ и городомъ лежитъ терраса, которая у западной стѣны прорыта оврагомъ. Городъ имѣетъ видъ удлиненнаго съ востока на западъ четвероугольника (см. рис. 16); длина южной и сѣверной стѣнъ около 550 шаговъ, длина западной и восточной около 400. Воротъ двое:

Digitized by Google

однѣ въ южной стѣнѣ, другія въ сѣверной. Высота стѣнъ 8 метровъ; толщина у основанія 6 метровъ. У каждой стѣны по четыре контрфорса; на углахъ города стѣна дѣлаетъ выступы. Ширина стѣны вверху до 5 шаговъ, а на угловыхъ выступахъ площадки имѣютъ до 20—30 шаговъ въ поперечникѣ. Стѣны не сложены изъ кирпича, какъ въ Боро-балгасунѣ, а сбиты изъ лёсса, и сохранились лучше боро-балгасунскихъ. Въ Боро-балгасунѣ на стѣнахъ нѣтъ совсѣмъ площадокъ и приходится повсюду ходить по острому гребешку. Площадки въ Кара-бадзырѣ поросли травой и кустарничкомъ ephedra'ой. На выступѣ юго-восточнаго угла посрединѣ площадки указываютъ отверзтіе вертикальной трубы или норы; отверзтіе не болѣе двухъ четвертей аршина въ поперечникѣ. Окрестные крестьяне увѣряютъ, что это былъ ходъ, по которому осажденные жители города доставали воду изъ ключа, текущаго и теперь еще около дер. Шинъ-чжа. На этомъ же выступѣ сохранились остатки башни или тунка, имѣющіе теперь 4 метра высоты. Башня эта представляетъ массу изъ лёсса безъ полости внутри.

Поверхность внутри города сплошь распахана; по срединѣ города видны остатки фанзъ, а около стѣны выкопаны ниши; это слѣды жившихъ здѣсь во время мятежа мятежниковъ мусульманъ. Въ почвѣ попадаются черепки, но рѣдко. Поверхность внутри города ровная; отъ сѣверныхъ воротъ къ южнымъ проведенъ арыкъ. Терраса, на которой стоитъ городъ, на югѣ кончается обрывомъ, подъ которымъ лежитъ покатая къ югу поверхность съ виднѣющимися на ней деревнями Чу-чжа, Вань-чжа и Шинъ-чжа. Внутри города и на террасѣ вокругъ него пашутъ крестьяне дер. Шинъ-чжа. Къ сѣверу отъ Кара-бадзыра находится нѣсколько томулук'овъ, искусственныхъ холмовъ или насыпей изъ лёсса, имѣющихъ до 2—3 саж. высоты. Населеніе увѣряетъ, что внутри ихъ были сложены зерновые запасы осажденныхъ или, по другому показанію, холмы были насыпаны изъ одного лёсса съ цѣлью обмануть осаждающихъ и заставить ихъ подумать, что осажденные имѣютъ большіе запасы и не боятся продолжительной осады. Легенда объ осадѣ Кара-бадзыра помѣщена въ IV части.

Digitized by Google

ЧАСТЬ II.

ВОСТОЧНАЯ ОКРАИНА ТИБЕТА.

1885.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Долина Си-нинъ-гола.

Сань-чуань.—Климатъ зимой.—Весна въ Сань-чуани.—Снаряженіе каравана.—Выступленіе.—Города Гу-ша-и и Чуань-коу. — Тѣснина Лау-ва-ся. — Лау-ва-ченское расширеніе. — Си-нинъ.—Представленіе синискому амбаню.—Гумбумъ.—Хребетъ, отдѣляющій Си-нинъ-голъ отъ Желтой рѣки.—Городъ Гуй-дуй.

Въ деревнѣ Ничжѣ мы прожили четыре мѣсяца съ 27 ноября 1884 г. по 14 апрѣля 1885 г. Эти зимніе мѣсяцы прошли для насъ совершенно тихо и однообразно. Сами мы не придумывали себѣ никакихъ развлеченій, въ родѣ напримѣръ поѣздокъ по интереснымъ окрестностямъ, берегли деньги къ лѣту, къ предстоявшему большому путешествію на югъ въ Сы-чуань, а жизнь мѣстнаго населенія проходила въ теченіи зимы по деревенски, безъ выдающихся событій. Впрочемъ одно такое событіе совершилось и не осталось безъ значенія для нашей жизни. Это было возвращеніе на родину одного офицера милиціи. Намъ онъ былъ потомъ извѣстенъ подъ сокращеннымъ именемъ Хо-лао-ѣ. Ничжа была его родина; здѣсь у него былъ домъ и семья, состоявшая изъ жены и несовершеннолѣтняго, но уже женатаго сына. Гдѣ служилъ ранѣе Хо-лао-ѣ, мы его никогда не разспрашивали; теперь онъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ на родину провести остатокъ жизни въ отдыхѣ и сельскихъ занятіяхъ.

Какъ человѣку, добившемуся на государственной службѣ такого чина, какого никто изъ саньчуаньцевъ не достигалъ, ему предстояло играть вліятельную роль въ общественной жизни Сань-чуани [1]). Поэтому наше сельское населеніе встрѣтило его при въѣздѣ на родину публичными овціями. Жители вышли на дорогу,

[1]) О Хо-лао-ѣ разсказывали, что онъ свою карьеру сдѣлалъ во время мусульманскаго возстанія. Когда мятежники пришли въ Сань-чуань, Хо-лао-ѣ бѣжалъ на правый берегъ Желтой рѣки къ одному изъ вожаковъ мусульманскаго движенія, который и теперь живъ и извѣстенъ подъ именемъ Ма-та-женя. Это былъ старинный другъ его семейства. Тотъ укрылъ его у себя, но подъ условіемъ принятія мусульманской вѣры. Когда счастье отвернулось отъ мусульманъ и китайцы стали тѣснить ихъ, Ма-та-жень былъ одинъ изъ первыхъ, которые поспѣшили измѣнить мусульманскому дѣлу и примириться съ китайцами. Китайцы наградили его шарикомъ такого достоинства, что его теперь зовутъ та-жень, какъ зовутъ обыкновенно важныхъ особъ. По замиреніи края Хо-лао-ѣ возратился къ язычеству.

Digitized by Google

ведущую изъ Сань-чуани въ городъ Нянь-бо и поднесли своему заслуженному земляку фрукты и напитки подъ трескъ лопающихся петардъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ пріѣзда въ Сань-чуань Хо-лао-ѣ удостоился новой овацiи; явилась депутацiя изъ того города, въ которомъ служилъ Хо-лао-ѣ и поднесла ему, тоже въ сопровожденiи трескучихъ петардъ, знаки своей ему благодарности. Эти знаки состояли изъ стѣнныхъ картинъ, которыя замѣняютъ въ китайскихъ домахъ обои. Хо-лао-ѣ приходился близкимъ родственникомъ Шянбѣ и его дядѣ, нашему старику Сантанъ-джимбѣ, поэтому и мы конечно вскорѣ должны были завести знакомство съ отставнымъ милицiонеромъ; домъ его находился не болѣе, какъ въ 50 саженяхъ отъ нашего.

Населенiе Сань-чуани относилось къ намъ очень дружелюбно; крестьяне, приходя въ Ничжу въ базарные дни, не рѣдко заходили къ намъ завести знакомство, приносили всегда какiе-нибудь подарки, состоявшiе главнымъ образомъ изъ фруктовъ и орѣховъ, и приглашали насъ къ себѣ въ гости. Однажды намъ подарили куропатку (Caccabis chukar), въ другой разъ ушастаго фазана (Grossoptilon auritus Pall.) [1]). За эти подарки мы должны были, конечно, отдаривать чохами; для занятiй этнографiей эта навязчивость на знакомство съ нами была бы, разумѣется, кладъ, еслибъ мы не должны были беречь деньги къ лѣту; поэтому мы старались уклоняться отъ этого проявленiя интереса къ русскимъ путешественникамъ.

Кромѣ пріѣзда Хо-лао-ѣ и водворенiя его въ Ничжѣ, тихая сельская жизнь мѣстечка была еще разъ взволнована пріѣздомъ мандарина изъ города Нянь-бо. Онъ останавливался въ домѣ Хо-лао-ѣ и прожилъ двои или трои сутки. Когда онъ пригласилъ меня къ себѣ, я не рѣшился отказаться отъ удовольствiя познако-

---

[1]) Фазанъ былъ принесенъ къ намъ съ больной ногой, былъ пугливъ, ходилъ съ курами, но держался съ людьми осторожно. Стоило подойдти къ нему шаговъ на десять, какъ онъ начиналъ кричать отъ испуга! Крики его были разнообразны; испугъ, подозрѣнiе опасности, гнѣвъ передавались имъ различными звуками; изображенiе его криковъ, сдѣланное Пржевальскимъ, не имѣло ни какого сходства съ криками нашего фазана; вѣроятно это оттого, что мы слышали фазана вблизи, а Пржевальскiй на охотѣ съ дальняго разстоянiя. Китайцы нерѣдко воспитываютъ ушастыхъ фазановъ въ своихъ дворахъ, но, говорятъ, въ теплыхъ долинахъ они черезъ два, три года начинаютъ терять свои перья и плѣшивѣютъ. На ночь нашъ фазанъ садился вмѣстѣ съ домашними курами, на мѣсто съ краю, подлѣ стѣнки, всегда опаздывалъ и находилъ его занятымъ курицей, а потому сейчасъ же начиналъ противъ нея военныя дѣйствiя; онъ постепенно придвигался къ ней и наносилъ удары клювомъ до тѣхъ поръ, пока курица, совсѣмъ прижатая къ стѣнѣ, не перебиралась подъ грудью фазана на другую его сторону. Кормили мы нашего фазана зерномъ, но онъ предпочиталъ зерну джуму, т. е. корешки гусиной лапки (Potentilla Anserina). Съ протянутой руки зерно онъ не ѣлъ, а джуму ѣлъ, не боялся подойдти. Куропатка (Caccabis chukar, по широнгольски хахали) которая жила у насъ, была совсѣмъ ручная; она была взята птенцомъ и выросла между людьми; на ночь она старалась примоститься гдѣ-нибудь ближе къ людямъ, надъ ихъ головами; спокойно давалась въ руки. По утрамъ, когда ее выпускали изъ фанзы на дворъ, она, вскочивъ на порогъ, не прежде спускалась съ него, какъ огласивъ утренній воздухъ своимъ крикомъ: кя, кя, кя! И въ теченiи дня, забравшись иногда на высокое мѣсто, на крышу дома или на заборъ, она также получала позывъ прокричать свое: кя, кя! Мнѣ кажется, она это дѣлала всегда, ставъ лицомъ на югъ (туда была покатость земной поверхности). Кормясь на землѣ вмѣстѣ съ курами, она продѣлывала иногда непонятный для меня маневръ; отпустивъ крылья, присѣвъ къ землѣ, какъ будто стараясь казаться ниже ростомъ, она внезапно, безъ всякаго видимаго повода кидалась въ сторону; сдѣлавъ два, три быстрыхъ, молнiевидныхъ зигзага, она успокоивалась, и продолжала ходить по обыкновенному.

Digitized by Google

миться съ нимъ, такъ какъ во-первыхъ я жилъ въ предѣлахъ его вѣдѣнія и былъ, такъ сказать, его гостемъ, во-вторыхъ слышалъ о немъ, какъ о добромъ, не лицепріятномъ и безкорыстномъ чиновникѣ. Однако мандаринъ не отплатилъ мнѣ мой визитъ подъ тѣмъ предлогомъ, что я будтобы занималъ очень тѣсное помѣщеніе. Такое неделикатное поведеніе по отношенію къ намъ не было впрочемъ общимъ правиломъ китайскихъ мандариновъ; въ другихъ случаяхъ они иногда даже первые являлись къ намъ.

Праздниковъ въ теченіи зимы не было, кромѣ новаго года, который пришелся въ этомъ году съ 14 на 15 февраля н. ст. За тѣмъ уже только въ концѣ зимы начались праздники при монастыряхъ и храмахъ, но это были мѣстные праздники, въ которыхъ все населеніе Сань-чуани принимало участіе. Это были такъ называемые чамы, т. е. религіозныя пляски. Первый чамъ былъ, кажется, въ монастырѣ Уньчжа-сюме, лежащемъ около деревни Чи-чжа. Потомъ начались чамы и въ другихъ окрестныхъ монастыряхъ: Уши-гонпа, Кадигава, Каданъ-сюме и др.

Письма и газеты изъ Россіи мы получали черезъ Лань-чжоу; они высылались изъ Пекина въ ямынь ганьсуйскаго цзунъ-ду, изъ ямыня ихъ передавали А. И. Скасси. За полученіемъ почты мы или посылали своего слугу Очира или заказывали саньчуаньскимъ крестьянамъ, поѣхавшимъ въ Лань-чжоу для продажи сельскихъ произведеній, зайдти къ А. И. Скасси и захватить письма. Газеты мы получали только сибирскія: «Восточное Обозрѣніе», «Сибирь» и «Сибирскую Газету» и изъ нихъ узнавали какъ русскія, такъ и европейскія новости.

Метеорологическія данныя, собранныя мною какъ во время зимы 1884—1885, такъ и за все путешествіе, переданы А. И. Воейкову и Г. Р. Розенталю; по всей вѣроятности они дадутъ характеристику климата участка долины Желтой рѣки, лежащаго выше Лань-чжоу. Я ограничусь только приведеніемъ немногихъ цифръ и указаніемъ на сходство климата зимы этой долины съ долиной Вей-хо, лежащей восточнѣе.

Ходъ температуры въ Сань-чуанѣ за три зимніе мѣсяца виденъ изъ прилагаемой таблицы:

	Средн. мѣсячная.	Въ 7 ч. у.	Въ 1 ч. поп.	Въ 9 ч. веч.
Декабрь	—4,9	—9,4	— 0,3	—5,1
Январь.	—4,4	—8,8	— 0,1	—4,5
Февраль	—3,8	—8,5	+ 0,9	—4,0
Мартъ.	+5,4	—0,3	+11,0	+4,9

Самая низкая температура, какая была наблюдаема по утрамъ (въ 7 часовъ), въ декабрѣ — 14,4° С., въ январѣ — 14,7, въ февралѣ — 14,3 и въ мартѣ — 9,7. Въ полдень въ декабрѣ ртуть поднималась въ термометрѣ въ иные ясные дни не рѣдко до 4° выше нуля и даже однажды до 5,5° С (14 декабря), въ январѣ до 2,7°, въ февралѣ до 6,7 [1]), въ мартѣ до 14°.

[1]) Въ январѣ было 12 дней, когда въ полдень термометръ стоялъ выше нуля. Въ февралѣ такихъ дней было почти столько же—именно 11.

Digitized by Google

Баронъ Рихтгофенъ въ своей книгѣ China, S. 666 — 667 даетъ небольшой отзывъ о климатѣ долины р. Вэй-хо, отчасти на основаніи собственныхъ впечатлѣній, отчасти пользуясь дневникомъ Армана Давида. Рихтгофенъ пересѣкалъ долину въ январѣ мѣсяцѣ; Арманъ Давидъ провелъ въ ней время съ 31 октября по 11 февраля; это тѣ же мѣсяцы, которые и мы провели въ Сань-чуани. Сопоставляя данный барономъ Рихтгофеномъ очеркъ съ нашими наблюденіями, можно распространить то, что онъ говоритъ о долинѣ Вэй-хо, и на долину Хуанъ-хэ, лежащую къ западу отъ Лань-чжоу. Этотъ участокъ долины Хуанъ-хэ въ климатическомъ отношеніи какъ будто продолженіе долины Вэй-хо, подобно тому, какъ она представляется продолженіемъ его и въ геологическомъ отношеніи. Мягкость климата и отсутствіе морозовъ даже по утрамъ, тишина, рѣдко нарушаемая вѣтрами и бѣдность осадковъ— вотъ черты, характеризующія по Рихтгофену зиму въ долинѣ Вэй-хо. Тѣ же черты и мы замѣтили въ Сань-чуани.

Въ декабрѣ изъ 31 дня было 15 совершенно ясныхъ дней, 13 смѣшанныхъ, и только три такихъ, въ которые облака цѣлый день не сходили съ неба. Въ число смѣшанныхъ мы занесли и такіе дни, когда облаками небо покрывалось на самый краткій промежутокъ времени; если бъ мы стали считать не дни, а наблюденія, въ которыя было записано: «ясно» (наблюденія производились три раза въ день), то безоблачность неба, господствующая въ декабрѣ, выразилась бы еще сильнѣе. Снѣгъ выпалъ въ декабрѣ всего одинъ разъ.

Въ январѣ ясныхъ дней отмѣчено девять, смѣшанныхъ 18 и облачныхъ четыре; выпаденій снѣга было три; самый большой снѣгъ выпалъ въ $^1/_4$ дюйма глубиной. Въ февралѣ стало это отношеніе сильно измѣняться; изъ 28 дней ясныхъ было только четыре, смѣшанныхъ 13 и облачныхъ было уже 11. Снѣжныхъ дней было два; одинъ разъ снѣгъ выпалъ небольшой и къ полудню испарился; въ другой разъ, въ ночь съ 11 февраля на 12, выпалъ слой въ 3 линіи и пролежалъ до 15 февраля. Въ мартѣ безупречно ясныхъ дней вовсе не было, смѣшанныхъ было 16, а число сплошь облачныхъ дошло до пятнадцати. Ненастныхъ дней было два; одинъ разъ шелъ незначительный снѣгъ, въ другой разъ дождь; этотъ первый дождь былъ 25 марта. И такъ, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ было ненастныхъ дней только восемь, притомъ количество выпавшей въ видѣ снѣга влаги было ничтожно.

Наибольшее количество тихихъ дней было въ началѣ зимы. Въ декабрѣ было 23 дня такихъ, когда спокойствіе воздуха не было нарушаемо отъ восхода солнца до его заката. Всѣхъ случаевъ, когда дулъ вѣтеръ, въ декабрѣ было только восемь. Въ январѣ тихихъ дней было 18, дней съ вѣтромъ 13; въ февралѣ тихихъ 12, вѣтряныхъ 16, въ мартѣ тихихъ 14, вѣтряныхъ 17. Мы тутъ считаемъ и такіе дни, въ которые дулъ вѣтеръ только въ теченіе краткаго времени, напримѣръ одного часа, или едва былъ замѣтенъ; сильныхъ вѣтровъ въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ было только 13.

Господствующими вѣтрами были западные и сѣверо-западные; въ мартѣ стали умножаться восточные вѣтры. Точно также, какъ и въ долинѣ Вэй-хо, западные и сѣверо-западные вѣтры приносятъ въ Сань-чуань облака и влагу.

Digitized by Google

Наконецъ здѣсь такая же лёссовая мгла стоитъ въ воздухѣ зимой, какую замѣчалъ Рихтгофенъ въ долинѣ Вэй-хо. Въ первую половину декабря мною не было записано мглы; въ первый разъ она отмѣчена 20 декабря. Въ концѣ декабря было только четыре мглистыхъ дня; въ январѣ 12, въ февралѣ 8, въ мартѣ 16. Появлялась эта мгла иногда послѣ совершенно тихой погоды и стояла въ воздухѣ въ теченіи цѣлаго дня, иногда даже нѣсколько сутокъ сряду. Такъ напр., въ январѣ она стояла непрерывно въ теченіи четырехъ сутокъ (26 — 29), въ февралѣ трехъ (26—28), въ мартѣ трехъ (14—16). Разъ только отмѣчено, что мгла была видимо нанесена западнымъ вѣтромъ (18 марта).

Желтая рѣка въ тѣснинѣ у заставы Гуань-минъ стала ранѣе 11 декабря. Когда же она стала у переправы близь Чомчона, осталось въ дневникѣ не записаннымъ, такъ какъ въ Ничжѣ, вдали отъ рѣки, трудно было узнать объ этомъ вскорѣ. Портиться ледъ у переправы началъ около 1 марта. Но еще 3-го марта черезъ рѣку переходили по льду. 3-го марта въ 7 ч. у. надъ Сань-чуанью пролетѣла стая журавлей, двигавшаяся съ юго-запада.

Весна открылась цвѣтеніемъ персиковыхъ деревьевъ въ сань-чуаньскихъ садахъ, которое началось 18 марта. Одновременно подъ камнями впервые замѣчены живые жуки. На другой день, 19 марта, замѣчено было цвѣтеніе Tussilago. Я нашелъ его въ долинѣ Боуджа-аралъ около рѣчекъ, на сырой песчаноглинистой почвѣ; день спустя крестьяне принесли мнѣ цвѣтовъ изъ долины Итель-гола; тутъ были ирисъ, евфорбія, два вида фіалки, два вида астрагаловъ, Potentilla, одуванчикъ и Carex. Одуванчики зацвѣли лѣниво; даже 9 апрѣля ихъ было немного. Позднѣе зацвѣла ива, воздѣлываемая около деревень, а вязъ только 12 апрѣля Около 7—8 апрѣля зацвѣла Caragana. Къ 13 апрѣля въ гербарій было заложено уже 21 растеніе.

Вмѣстѣ съ концомъ зимы приближалась и пора снаряженія въ новый походъ. Еще 24 февраля мы отправили своего Очира въ Лань-чжоу; сюда же должны были выѣхать изъ Хой-сяня его земляки Омолонъ и Пуринъ, чтобы потомъ всѣмъ троимъ вмѣстѣ возвратиться въ Ордосъ. Каждый изъ нихъ получилъ отъ экспедиціи въ подарокъ по лошади. Сдѣлать этотъ подарокъ насъ принуждалъ, конечно, личный разсчетъ; это могло произвести хорошее впечатлѣніе на населеніе Сань-чуани, среди котораго мы хотѣли набирать себѣ новыхъ слугъ; но въ то же время мы сдѣлали его съ большой охотой; мы такъ сильно чувствовали разницу между пекинскими и боробалгасунскими нашими слугами, что была духовная потребность выразить это какимъ-нибудь наружнымъ дѣйствіемъ.

Наши сборы были значительно облегчены тѣмъ, что мы до сборовъ прожили въ Сань-чуани нѣсколько мѣсяцевъ. Это дало населенію приглядѣться и привыкнуть къ намъ; иное дѣло было бы, если бъ намъ пришлось набирать рабочихъ тотчасъ же по приходѣ въ край. Но самое главное было то, что мы имѣли возлѣ себя старика Сантанъ-джимбу. Сань-чуаньское населеніе вѣрило ему во-первыхъ, какъ своему человѣку; во-вторыхъ какъ человѣку почтенныхъ лѣтъ (въ Сань-чуани стариковъ очень уважаютъ, какъ во всемъ Китаѣ); а Сантанъ-джимба, имѣвшій

Digitized by Google

случай уже участвовать въ двухъ экспедиціяхъ европейцевъ и подолгу жившій около нихъ, конечно за зиму не мало разсказалъ своимъ землякамъ благопріятнаго для европейцевъ.

А. И. Скасси пріѣхалъ въ Сань-чуань изъ Лань-чжоу въ первыхъ числахъ апрѣля. Сейчасъ же мы дѣятельно принялись готовиться къ походу; сборы, впрочемъ, начались еще до его пріѣзда. Всѣхъ наемныхъ людей, вошедшихъ въ составъ новаго нашего каравана, было девять человѣкъ; за исключеніемъ китайца Хо, котораго привезъ съ собою изъ Лань-чжоу А. И. Скасси и котораго предполагалось сдѣлать нашимъ поваромъ, остальные всѣ были сань-чуаньцы; изъ нихъ семеро (Сантанъ-джимба, лама Сэрэнъ, Тэндыръ, племянникъ Сантанъ-джимбы — Шянба, Чжинбо, Хо-гуань-ши, Хоянъ) были широнголы и одинъ тангутъ (Самбарча).

О двухъ изъ этихъ новыхъ людей, о ламѣ Сэрэнѣ и о тангутѣ Самбарчѣ, я хочу разсказать подробнѣе.

Въ концѣ зимы, когда по монастырямъ начались чамы, я сдѣлалъ двѣ экскурсіи пѣшкомъ, одну въ деревню Чичжу, чтобы увидѣть чамъ въ монастырѣ Уньчжа-сюме, другую въ долину р. Итель-гола. Въ Уньчжа-сюме я познакомился съ ламой Сэрэномъ, который потомъ игралъ немаловажную роль въ нашемъ дальнѣйшемъ пребываніи въ Амдо. Это былъ человѣкъ сорока лѣтъ, очень благовоспитанный и чрезвычайно набожный. Его отъ природы мягкое сердце нашло въ буддизмѣ среду, въ которой оно билось свободно. Онъ жилъ постоянно въ монастырѣ въ домикѣ своего духовнаго ахи, т. е. духовнаго старшаго брата; профессіей его была живопись; онъ писалъ иконы боговъ, какъ буддійскихъ, такъ и національныхъ. Въ этомъ Сэрэнъ-ламѣ мы пріобрѣли себѣ потомъ прекраснаго и полезнаго спутника и помощника; мы наняли его на службу экспедиціи и Сэрэнъ-лама не только обошелъ съ нами Амдо до Сунъ-пана на югѣ, но даже и въ слѣдующемъ 1886 г. проводилъ насъ до Кяхты.

Во время прогулки въ долину Итель-гола я нашелъ себѣ и другого помощника въ лицѣ тангута Самбарчи. Цѣлью этой прогулки было увидѣть тангутскую жизнь поближе, переночевать въ тангутской деревнѣ и взглянуть, какъ тангуты живутъ около своего домашняго очага, а также увидѣть лѣсъ въ зимнемъ состояніи, но передъ весеннимъ пробужденіемъ. Въ долину Итель-гола мы пошли вдвоемъ съ Сантанъ-джимбой, пришли туда поздно вечеромъ и стали искать ночлега въ тангутской деревнѣ; тангуты, вѣроятно по сусвѣрію, относятся съ предубѣжденіемъ къ незнакомымъ лицамъ и потому мы рисковали заночевать за деревенской околицей, но нашелся одинъ добрый человѣкъ, который рѣшился впустить насъ въ свой пустой домъ; это и былъ Самбарча. Онъ впустилъ насъ не сразу, а сначала сходилъ въ свой домъ, попросивъ насъ обождать на улицѣ. Зачѣмъ онъ такъ поступилъ, я изъ деликатности не разспрашивалъ его. Можетъ быть онъ хотѣлъ предварительно посовѣтоваться съ женой, но скорѣе вѣроятно за тѣмъ, чтобы совершить въ домѣ какіе-нибудь обряды, предохраняющіе жильцовъ дома отъ вреднаго вліянія подозрительнаго гостя. Это была чрезвычайно счастливая случайность; совершенно неожиданно я наткнулся на человѣка, который мнѣ оказалъ

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

потомъ большія услуги. Самбарча былъ большой любитель природы и любилъ всматриваться въ неё; это былъ въ нѣкоторомъ родѣ тургеневскій Калинычъ; ходить по горамъ и въ лѣсахъ было для него такое удовольствіе, что когда ему было объявлено, что мы завтра хотимъ идти въ лѣсъ, Самбарча вызвался идти съ нами, хотя ему для этого пришлось отложить какую-то нужную полевую работу. Онъ зналъ хорошо растенія своей родины, зналъ, подъ какими камнями можно сейчасъ найдти скорпіоновъ, и подъ полузамороженной землей такъ скоро находилъ ростки растеній, которыя искалъ, какъ будто онъ чуялъ ихъ прозябаніе. Самбарча, также какъ и лама Сэрэнъ, нанимался служить экспедиціи въ оба лѣта, и въ 1885 и въ 1886 годахъ, и это былъ для меня золотой человѣкъ; къ сожалѣнію, онъ каждый разъ рано уходилъ домой; въ 1885 г. онъ дошелъ съ нами только до Джони (въ долинѣ Тао-хэ), въ 1886 г. только до Джинъ-та-сы.

Нанятые нами саньчуанцы во время похода 1885 года такъ привыкли къ намъ, что многіе изъ нихъ потомъ не побоялись пойти съ нами и въ 1886 г. до самой Кяхты. Чжинбо впослѣдствіи поступилъ на службу къ М. М. Березовскому и служилъ ему постоянно цѣлыхъ три года. Съ нашей легкой руки Сань-чуань сдѣлалась поставщицей служащихъ людей и другимъ лицамъ. Черезъ годъ послѣ насъ въ Лань-чжоу явился г. Васеневъ, прикащикъ русскаго торговаго каравана, отправленнаго фирмой «Саввы Морозова», и нанялъ на службу служившаго у насъ два года Тэндыра. Тотъ же Тэндыръ потомъ поступилъ на службу и къ французскому путешественнику Мартэну. Кажется, и американецъ Рокгиль, путешествовавшій по восточному Тибету, также имѣлъ намѣреніе воспользоваться услугами нашихъ знакомцевъ; я слышалъ, что онъ приглашалъ съ собой нашего Сэрэнъ-ламу, но они не сошлись цѣной.

Мы купили 17 лошаковъ и одного осла; часть ихъ предназначалась подъ верховое сѣдло, часть подъ вьюки. Пришлось ограничиться лошаками потому, что въ Сань-чуани муловъ не держатъ. Лошаки значительно меньше муловъ, слабѣе силами и потому дешевле,—мы платили по тринадцати ланъ серебра за голову среднимъ числомъ,—но это животное отличается тѣми же прекрасными качествами, какъ и мулъ. Они такъ же понятливы, такъ же легко поддаются выучкѣ и также пріучены къ человѣку. Послѣднее вѣроятно потому, что жеребята воспитываются близко около людей. Привыкнувъ получать пищу отъ людей, они постоянно ждутъ отъ нихъ подачки и можно сказать, постоянно обращаютъ свои взоры на человѣка. Во время стоянокъ въ полѣ, когда они пасутся на подножномъ корму, они никогда далеко не отходятъ отъ лагеря и нѣтъ надобности путать ихъ треногами, а когда каравану нужно вьючиться, нѣтъ надобности ловить ихъ арканами или укрюками; не выходя изъ лагеря, кричатъ имъ и они сами приходятъ; иногда при этомъ держатъ полу такъ, какъ будто въ ней насыпанъ горохъ; но иногда обходятся и безъ этого обмана. Часто они сами приходятъ къ людямъ просить корму. Мулъ, на которомъ потомъ мнѣ пришлось ѣхать, когда я вынималъ булку изъ кармана и начиналъ ѣсть, всякій разъ останавливался и заворачивалъ голову назадъ; проситъ, значитъ, подѣлиться. Смѣлость, съ которою они попро-

Digitized by Google

шайничаютъ, не имѣетъ границъ; они иногда влетаютъ черезъ отворенныя двери въ жилую комнату, чтобы попросить хлѣба.

Въ походѣ они, какъ и мулы, идутъ гусемъ, одинъ за другимъ, (какъ верблюды, хотя и не связанные поводками), а не бѣгутъ толпой, какъ завьюченныя лошади или завьюченныя коровы. Подобно муламъ, они понимаютъ словесную команду. Иногда погоньщикъ идетъ сзади и только издали покрикиваетъ на животное и оно сворачиваетъ направо или налѣво, направляется по командѣ черезъ мостъ и т. д. Однажды я былъ свидѣтелемъ такого случая: въ то время, какъ погоньщикъ отсталъ, лошакъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ тропинка раздѣлилась на три; онъ остановился и сталъ ждать погоньщика, но тотъ началъ крикомъ понукать его идти впередъ; животное стало пробовать направиться то по той, то по другой тропинкѣ; крики погоньщика останавливали его, если оно вступало на ложный путь. Животное пробовало выбирать тропинку до тѣхъ поръ, пока не попало на надлежащую и это случилось прежде, чѣмъ догналъ его не торопившійся погоньщикъ.

Для службы на дорогахъ съ осѣдлымъ населеніемъ мулъ и лошакъ самое лучшее вьючное животное. Для путешествія по восточной окраинѣ Тибета это самое подходящее животное. Внутрь Тибета вѣроятно снаряжать караванъ на мулахъ было бы рискованно; въ серединѣ лѣта еще это, можетъ быть, и возможно, но опасно съ такимъ караваномъ быть застигнутымъ зимой. Не умѣя добывать кормъ изъ подъ снѣга, мулы и лошаки погибнутъ.

Сѣдла для людей и сбруя для нихъ: нагрудники, патфіи, стремена, узды, были куплены А. И. Скасси въ Лань-чжоу и привезены имъ съ собой; также въ Лань-чжоу же была куплена и часть вьючныхъ сѣделъ; другую часть сѣделъ купить мы посылали людей въ мусульманскую деревню Ма-чжа, жители которой занимаются извозомъ. За ремнями и веревками должны были послать человѣка въ городъ Хэ-чжоу, какъ ближайшій къ Сань-чуани рынокъ.

Вьючныя сѣдла для лошаковъ и муловъ имѣютъ такое устройство: деревянная часть имѣетъ видъ опрокинутаго короба или досчатой арки, которая покрываетъ всю спину животнаго между загривкомъ и крупомъ; подъ этой широкой деревянной покрышкой кладется очень толстый потникъ, сложенный изъ нѣсколькихъ рядовъ войлока. Ящики или вьюкъ привязываются къ сѣдлу, пока оно стоитъ на землѣ; собственно вьючка заключается только въ томъ, что сѣдло съ привязаннымъ къ нему вьюкомъ поднимаютъ на воздухъ и кладутъ на спину мула и лошака; къ тѣлу животнаго сѣдло ничѣмъ не привязывается, такъ что мулу стоитъ только тряхнуть задомъ и вьюкъ можетъ слетѣть на землю, но этого мулы никогда не дѣлаютъ, за исключеніемъ случаевъ, когда чего-нибудь испугаются и бросятся въ сторону.

Прежде, чѣмъ оставить Сань-чуань, мы съ А. И. Скасси сдѣлали поѣздку на вершину горы Ньянъ-ньянъ-тологой, лежащую къ западу отъ Сань-чуани.

Съ этой вершины открывается видъ на Дондонскую тѣснину, т. е. на чу часть долины Желтой рѣки, гдѣ она течетъ въ щекахъ между саларской землей и Сань-чуанью; саларскую деревню Дондонъ не видно, но видно было западнѣе ея лежащую саларскую деревню Мендыръ (въ которой я имѣлъ ночлегъ 26 ноября 1884 г.)

Digitized by Google

и лежащую противъ нея на другомъ берегу Желтой рѣки тангутскую деревню Джонтонъ; еще западнѣе виденъ нижній конецъ долины р. Сэнгыръ; это восточный конецъ сюнъ-хуа-тинской котловины; на самомъ дальнемъ планѣ за этой котловиной синѣлся хребетъ съ горизонтальнымъ спокойнымъ гребнемъ; это горы Гарынъ-Пейтанъ, лежащія между Сюнъ-хуа-тиномъ и монастыремъ Шя-чунъ.

Названіе этой высокой горы составлено изъ двухъ словъ, изъ которыхъ одно китайское, другое монгольское. Тологой по монгольски «голова», но также «холмъ» и «вершина горы»; ньянъ-ньянъ по китайски «барышня». По тангутски, намъ сказали, эта гора называется Ай-гонри. Она какъ разъ приходится на меридіанѣ Хара-улы или Ами-Тунгры, лежащей на южномъ берегу Желтой горы. Эти-то двѣ горы и образуютъ дондонскую тѣснину.

Мы отправились на эту гору 9 апрѣля, съ намѣреніемъ по дорогѣ заѣхать въ живописно расположенный храмъ Каданъ-сюме, въ которомъ въ этотъ день былъ назначенъ чамъ. Храмъ находится въ долинѣ р. Боу-чжа-аралъ; поэтому дорога изъ Сань-чуани входитъ въ эту долину и до монастыря идетъ вверхъ по ней. По долинѣ разбросаны широнгольскія деревни Эндуре, Поба, Пило съ фруктовыми и орѣховыми деревьями.

Храмъ находится въ одномъ изъ ущелій на правой сторонѣ долины. Ущелье короткое, но глубоко врѣзанное и имѣетъ очень крутое дно. Южный берегъ ущелья во весь ростъ и длину покрытъ густымъ кустарникомъ, сѣверный, обращенный на солнце, голый и представляетъ отвѣсную скалу, состоящую изъ пластовъ конгломерата, приподнятыхъ со стороны входа въ ущелье. На выступахъ этихъ пластовъ, опоясывающихъ скалу въ видѣ панелей и мѣстами прерывающихся, лѣпятся, какъ ласточкины гнѣзда, храмовыя постройки. Я насчиталъ тутъ всего восемь отдѣльныхъ построекъ. Храмъ Каданъ-сюме принадлежитъ монастырю Кадикава, который лежитъ въ вершинахъ долины Боу-чжа-аралъ; при храмѣ живутъ только три монаха; для чама приходятъ монахи изъ Кадикавы.

Дорога къ храму идетъ по сѣверному боку ущелья; сначала поднимаешься по ней, любуясь на живописно разбросанныя по скалѣ постройки и на водопадъ, низвергающійся подъ ногами храма съ высоты 10 саженъ; только миновавъ и водопадъ и храмъ, дорожка пересѣкаетъ дно долины по мостику, переброшенному черезъ горную рѣчку, и тотчасъ превращается въ рядъ ступеней, высѣченныхъ въ скалѣ. Перилами вдоль опаснаго края дорожки служатъ кусты ргая (Cotoneaster) и таволги, которые, подъ покровительствомъ ламъ, разрослись великолѣпной гущей. Самая нижняя постройка имѣетъ видъ длинной галлереи, построенной на одномъ изъ уступовъ скалы; тутъ рядъ комнатъ для пріема и угощенія почетныхъ гостей, кухня, гдѣ приготовляется чай для толпы богомольцевъ и складъ для масла и печенаго хлѣба; по старому обычаю, ламы угощаютъ посѣтителей, собравшихся къ чаму, чаемъ и хлѣбомъ на счетъ монастыря Кадикава; это угощеніе въ теченіи одного дня стоитъ монастырю около 20 тысячъ чоховъ (около семидесяти рублей). Надъ галлереей высится главное зданіе, такъ называемый хуралъ; онъ кажется верхнимъ этажемъ, надстроеннымъ надъ галлереей, но на самомъ дѣлѣ онъ стоитъ на

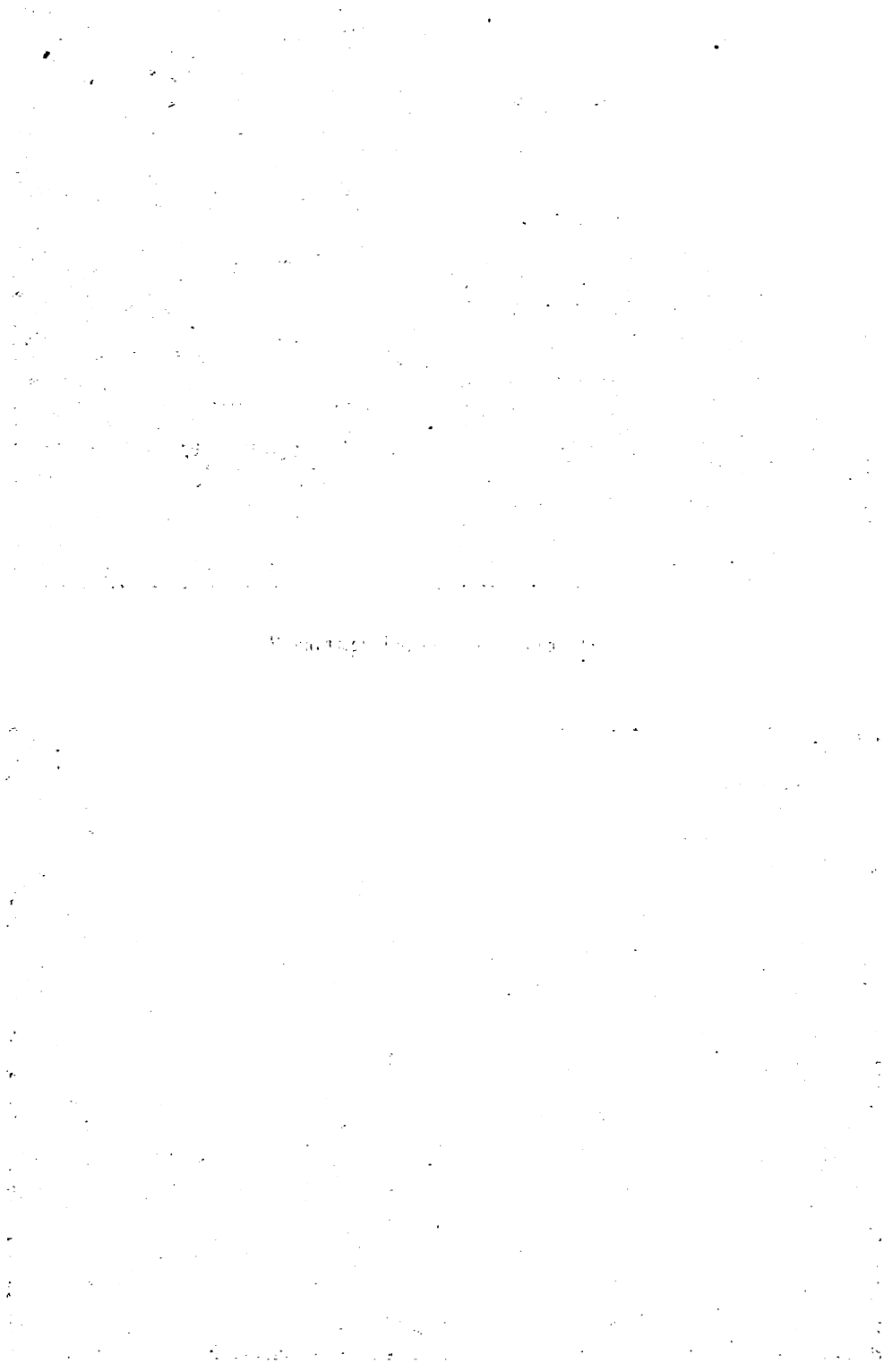
Digitized by Google

другомъ уступѣ скалы, опоясывающемъ скалу выше. Хуралъ имѣетъ около 3 саженъ высоты и весь отдѣланъ заново; на югъ онъ обращенъ верандой или террасой, край которой виситъ надъ пропастью. Косточки жужубовъ, которые выплевываютъ посѣтители, наполняющіе веранду во время чама, летятъ прямо въ струю водопада, который гремитъ на днѣ пропасти. Съ веранды отличный видъ на ущелье и на долину Боу-чжа-арала и даже на долину Сань-чуань, которая видна вся до восточнаго ея конца; видны и Ничжа и Уньчжа-сюме. Внутри хуралъ очень тѣсенъ; задняя стѣна его имѣетъ видъ деревянной перегородки, ярко размалеванной, въ которой три большихъ отверзстія или окна; въ нихъ видно пространство, которое сзади ограничено скалой; поверхность скалы образуетъ за деревянной перегородкой нишу, потолокъ которой круто опускается къ заднему краю ниши. Въ этомъ пространствѣ лежитъ каменное тѣло статуи, высѣченное въ скалѣ и протянувшееся параллельно перегородкѣ; это Шянба-лончжа, «спящій Майдари». Ламы въ Каданъ-сюме говорятъ, что эта статуя нерукотворна; она сама собою вышла изъ скалы. Эта-то статуя и есть главная святыня храма Каданъ-сюме. Въ той же нишѣ наставлены статуи другихъ боговъ; однѣ по сю сторону лежащаго бога, другія за его спиной; ближе къ деревянной перегородкѣ стоятъ крупныя фигуры; три изъ нихъ въ ростъ человѣка, по одной противъ каждаго отверзстія въ перегородкѣ; среднюю статую намъ назвали Ртомба; лѣвую Дже-рембучи; имя третьей я не спросилъ. Промежутки между ними заставлены небольшими статуями; еще меньше онѣ по ту сторону лежащаго бога, потому что тамъ потолокъ ниши виситъ низко и крупныя фигуры подъ нимъ помѣститься не могутъ. Другой храмъ виденъ правѣе хурала; онъ еще меньше. На его верандѣ я нашелъ статую Ногонъ-дара-экэ; въ пьедесталѣ, на которомъ стоитъ статуя, устроена пустота и, чрезъ отверзстіе, ведущее въ эту пустоту, торчалъ носокъ или каблукъ дѣтскаго башмака; бездѣтныя женщины, молящіяся богинѣ о дарованіи дѣтей, украдкой подмѣняютъ эти башмачки другими собственной работы; народъ вѣритъ, что послѣ этого женщина получитъ способность рожать дѣтей. На той же верандѣ на особой скамеечкѣ лежитъ конгломератовая глыба, на которой указываютъ подковообразное углубленіе. Ламы утверждаютъ, что эта глыба принесена изъ Менгу-чжу (т. е. изъ Лассы), хотя конгломератовыхъ глыбъ много и въ здѣшнемъ ущельѣ. Углубленіе же есть слѣдъ осла, на которомъ ѣхала богиня, называемая по монгольски Окинь-тэнгри, по тибетски Лртаму (Лхамо?).

Въ храмѣ мы промедлили, потому что А. И. Скасси снималъ фотографіи съ него. Дѣлалось это при стеченіи большой толпы, собравшейся смотрѣть чамъ, который при насъ же и былъ отправленъ на крошечной площадкѣ около моста.

Изъ Каданъ-сюме мы отправились далѣе и къ вечеру достигли деревни Гонгрча, лежащей на правой сторонѣ долины Итель-гола, на сѣверномъ склонѣ горы Ньянъ-ньянъ тологой, на значительной высотѣ надъ дномъ долины. Невдалекѣ отъ деревни находится монастырь Гонгрча-гонпа, памятный для меня тѣмъ, что въ немъ добыли для меня тибетскую рукопись, содержащую сказаніе о Гэсэрѣ. Въ деревнѣ насъ не пустили въ жилой домъ, а помѣстили въ храмъ, гдѣ жилъ одинъ прислужникъ лама; въ храмѣ была всего одна статуя Арья-Бало и молитвенная мельница въ

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

сажень высоты; ворочали ее, дергая за веревку. Переночевавъ въ храмѣ, 10 апрѣля мы совершили изъ деревни поѣздку на вершину горы. Сѣверный склонъ горы отъ деревни Гонгрча покрытъ лѣсомъ, частью хвойнымъ; есть ель, прямоствольный можжевельникъ и бѣлая береза. Ближе къ вершинѣ поверхность горы покрыта одними кустарниками Potentilla fruticosa и, кажется, альпійской ивой.

По плану, составленному нами еще осенью 1884 года, когда мы, члены нашей компаніи, разставались въ Лань-чжоу, мы, т. е. я и А. И. Скасси, должны были весной 1885 года идти прежде всего въ Минъ-чжоу (на р. Тао-хэ), куда одновременно долженъ былъ выѣхать изъ Хой-сяня М. М. Березовскій. Разыскать его— это была первая наша задача теперь и потому на первое время нашъ маршрутъ былъ рѣшенъ безповоротно — на Минъ-чжоу. Во время зимовки въ Сань-чуани я узналъ о существованіи къ югу отсюда большого и пользующагося извѣстностью монастыря Лабрана, резиденціи очень вліятельнаго гэгэна Чжаянъ-чжанцà; объ этомъ монастырѣ до тѣхъ поръ въ нашей географической литературѣ вовсе даже и не упоминалось, хотя монастырь, по величинѣ и славѣ, не уступалъ Гумбуму. Поэтому было рѣшено у насъ съ А. И. Скасси идти въ Минъ-чжоу черезъ Лабранъ, но зайдти прежде въ Гуй-дуй, чтобъ прочнѣе связать нашу съемку съ съемкой Пржевальскаго; иначе между длинными маршрутами Пржевальскаго и нашими остался бы промежутокъ въ двѣсти верстъ. Въ Си-нинъ у насъ не было предположенія заходить. Но когда къ намъ нанялся лама Сэрэнъ, онъ уговорилъ насъ зайдти въ Си-нинъ, чтобъ видѣться съ синиискимъ амбанемъ и заручиться его рекомендательными письмами. По увѣренію ламы, эти письма намъ много помогутъ, потому что вліяніе си-нинскаго амбаня очень дѣйствительно во всемъ районѣ, по которому былъ намѣченъ нашъ путь. Намъ будетъ оказанъ, увѣрялъ онъ, хорошій пріемъ въ Лабранѣ да и по всей дорогѣ. Мы поступили согласно совѣту мѣстнаго жителя и оказалось, что онъ былъ правъ. Не только въ предѣлахъ Амдо, но даже и въ Сы-чуани было не безъ значенія для мѣстныхъ властей то обстоятельство, что мы путешествуемъ подъ покровительствомъ синиискаго амбаня. И такъ мы нѣсколько измѣнили свой прежній планъ и порѣшили идти сначала въ Си-нинъ, а потомъ уже черезъ Гуй-дуй и Лабранъ въ Минъ-чжоу.

Днемъ нашего выступленія изъ Ни-чжи было назначено 15 апрѣля. Вьючка и приготовленіе къ ней заняли у нашихъ людей болѣе половины дня; нужно было разсортировать ящики, уравновѣсить тяжести и привязать ихъ къ вьючнымъ сѣдламъ; къ сожалѣнію, работа не могла быть сдѣлана наканунѣ назначеннаго дня, потому что внутри двора вязать ящики на сѣдло было нельзя; двери, ведущія съ улицы во дворъ, саньчуанцы по большей части дѣлаютъ такія узкія, что связанные тюки не пролѣзли бы въ нихъ; а оставить вьюки на ночь за внѣшней стѣной двора было не безопасно; поэтому пришлось съ утра вынести ящики изъ дома на улицу и на улицѣ произвесть работу привязыванія ихъ къ сѣдламъ въ теченіи одного дня. Караванъ былъ готовъ къ выступленію не ранѣе двухъ часовъ

Digitized by Google

пополудни. Весь составъ каравана былъ налицо, не доставало одного тангута Самбарчи, который долженъ былъ по уговору пріѣхать еще утромъ изъ своей деревни, т. е. изъ долины Ителъ-гола. Хотя часъ нашего выхода изъ Ни-чжи значительно отодвинулся отъ назначеннаго срока, тангутъ Самбарча все таки не появлялся. Я началъ безпокоиться; нѣкоторые изъ нашихъ новыхъ слугъ начали говорить, что по всей вѣроятности онъ и не пріѣдетъ, потому что вообще трудно ждать отъ тангута, чтобъ онъ согласился оставить домъ и пойдти въ походъ. Непріятно было разочароваться въ человѣкѣ, къ которому мы уже привыкли съ такимъ довѣріемъ относиться, что дали ему мула, чтобъ доставить ему возможность безъ лишняго труда пріѣзжать въ Ни-чжу изъ своей долины. И онъ дѣйствительно пріѣзжалъ на этомъ мулѣ, привозя всякій разъ новыя разцвѣтшія растенія. Вотъ уже вьюки начали класть на муловъ, а Самбарчи все не видать. Наконецъ всѣ вьюки были подняты на животныхъ, и караванъ изъ двухъ дворовъ, изъ того, въ которомъ я жилъ, и изъ двора Хо-лао-ѣ, въ которомъ квартировалъ А. И. Скасси, началъ вытягиваться вдоль улицы. Я уже началъ работать надъ собой, чтобъ изъ состоянія отчаянія перейдти къ примиренію съ печальнымъ фактомъ, какъ въ дальнемъ концѣ улицы показалась фигура Самбарчи верхомъ на мулѣ, съ горизонтально висящимъ за спиной ружьемъ и съ каларомъ (корзинкой) у бедра. Онъ увлекся дорогой собираніемъ растеній и поэтому замѣшкался; дѣйствительно, онъ привезъ корзинку, полную сбора.

Дорога изъ Сань-чуани въ городъ Си-нинъ, который отъ Сань-чуани лежитъ на сѣверо-западѣ, идетъ сначала на сѣверъ, достигаетъ до береговъ р. Сининъ-гола у селенія Чуань-коу и только отсюда поворачиваетъ на западъ и вплоть до Си-нина идетъ долиной Сининской рѣки, — у сань-чуаньцевъ она чаще называется Нянь-боской рѣкой, по городу Нянь-бо, который на ней стоитъ и подъ вѣдомствомъ котораго состоитъ Сань-чуань. Это уклоненіе дороги отъ прямого направленія обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что выше Сань-чуани (т. е. къ западу отъ нея) хребетъ Хара-ула переходитъ на лѣвый (сѣверный) берегъ Желтой рѣки и тянется вплоть до Сининской рѣки въ видѣ ряда скалистыхъ вершинъ.

Переходъ отъ сань-чуаньской котловины до р. Сининъ-гола мы сдѣлали въ четыре дня; выступивъ изъ деревни Ничжи въ 4 часа пополудни, мы къ вечеру достигли до деревни Хуланъ-чиръ (Хуланъ-сы), на слѣдующій день дошли до города Гу-ша-и, на третій день въ деревню Ланъ-ченъ-пу (Лонъ-чанъ-пу), и на четвертый очень рано прошли черезъ Чуань-коу. Такъ какъ въ первый и четвертый переходъ мы прошли по очень незначительному пространству, то если бъ мы изъ Ничжи выступили раннимъ утромъ, мы могли бы до Чуань-коу дойдти всего дня въ два.

Участокъ, который пересѣкается этой дорогой, представляетъ треугольникъ, ограниченный съ юга Желтой рѣкой, съ сѣверо-востока сначала долиной р. Сининъ-гола, потомъ долиной Тай-тонгъ-гола, съ запада скалистымъ хребтомъ, сѣвернымъ продолженіемъ Хара-улы. Треугольникъ этотъ покрытъ повидимому отложеніями краснаго песчаника съ горизонтальнымъ напластованіемъ, прикрытыми лёссомъ; такое внутреннее строеніе придаетъ ему видъ террасы, надъ которою на западѣ

Digitized by Google

значительно возвышается упомянутый скалистый хребетъ. Путешествующему по этой дорогѣ страна кажется гористою, но этотъ гористый характеръ приданъ ей долинами, образованными дѣйствіемъ размытія; тамъ же, гдѣ дорога выбирается со дна долинъ на высокій уровень, иногда встрѣчаются площади съ плоскими возвышенностями и холмами, имѣющими мягкія очертанія.

Изъ сань-чуаньской котловины дорога входитъ въ ущелье или долину, которая открывается въ котловину восточнѣе Ничжи и идетъ по ея дну; минуетъ деревню Ху-ланъ-ти-зы, населенную широнголами и лежащую на днѣ долины и, достигнувъ до развѣтвленія долины на двѣ, поднимается по лѣвой, т. е. восточной вѣтви, называющейся Хонто-голомъ, до ея вершины; отсюда дорога спускается въ долину р. Молто-гола, нижній конецъ которой называется Сомбра и открывается въ долину Желтой рѣки въ восточномъ концѣ саньчуаньской котловины. На днѣ долины Молто-гола дорога проходитъ черезъ деревни Чжанъ-чжа-сы и Ши-луръ; первая лежитъ на правомъ боку долины, вторая нѣсколько выше на лѣвомъ боку. За деревней Ши-луръ дорога снова поднимается на горы или плоскія возвышенности и, пересѣкши нѣсколько овраговъ, достигаетъ до дер. Дженъ-гу (Янгуръ-ченъ). Съ горъ, лежащихъ къ с. отъ этой послѣдней деревни, открывается видъ на новую широкую долину, которая уже принадлежитъ къ системѣ р. Сининъ-гола. На этихъ перевалахъ наблюденій надъ барометромъ не было сдѣлано. Долины Желтой рѣки и Сининъ-гола врѣзаны въ земную поверхность въ меридіанѣ города Гу-ша-й одинаково (до 1830 — 1850 метр.); городъ Гу-ша-й лежитъ на высотѣ 2270 метровъ.

Долина, на которую открывается видъ съ горъ, окружающихъ дер. Дженъ-гу, проходитъ поперегъ дороги; въ вершинахъ ея, которыя лежатъ влѣво отъ дороги, видны скалистыя горы—вершины того хребта, который составляетъ сѣверное продолженіе Хара-улы. Возвышенность, сопровождающая долину съ противуположной стороны, на востокѣ понижается и образуетъ мысъ, за которымъ къ этой долинѣ присоединяется другая, тоже берущая начало въ западныхъ горахъ. У подошвы этой гряды, на днѣ долины, какъ разъ противъ спуска горъ, видна дер. Ши-ли-сы (Чи-ли-сы), растянувшаяся вдоль долины, а правѣе, т. е. восточнѣе, на самомъ гребнѣ мыса видны стѣны города Гу-ша-й. Отъ сѣверныхъ воротъ Гу-ша-й начинается спускъ въ упомянутую другую долину, которая ниже города верстахъ въ пяти соединяется съ первою; нижнюю соединенную часть долины мнѣ назвали Шячунъ-коу и сказали, что она внизу открывается въ долину Сининъ-гола. Переваливъ еще одну гряду, которую мнѣ назвали Най-ва-линъ, дорога спускается въ долину Баджу-гола (Па-чи-коу) и идетъ внизъ по ней вплоть до Чуань-коу, т. е. до Сининъ-гола, минуя деревни Баджу (Пачжу) и Ланъ-ченъ-пу, лежащія на днѣ долины у ея лѣваго бока.

Горы на всемъ этомъ пространствѣ между саньчуанской котловиной и Сининъ-геломъ представляются въ видѣ плоскихъ возвышенностей; все это пространство покрыто лёссомъ, подъ которымъ только въ нижнихъ уровняхъ у дна долинъ обнаруживаются подстилающіе слои красной глины, или можетъ быть отло-

Digitized by Google

женія, образовавшіяся отъ разрушенія красныхъ песчаниковъ, которые такъ сильно распространены по долинѣ Желтой рѣки. Выходовъ твердыхъ породъ возлѣ дороги нигдѣ не видно. Лёссовыя отложенія вездѣ заняты подъ пашни, которыя въ видѣ террасъ расположены на горныхъ скатахъ; деревни большею частью лежатъ на днѣ долинъ, которыя здѣсь довольно широко размыты, особенно же долины Молтогола и Баджугола.

Страна безлѣсна; деревья встрѣчаются только подлѣ деревень, саженыя. Поверхность лёсса представляется совершенно обнаженною; растеній въ цвѣту было чрезвычайно мало; на днѣ долины встрѣчались только Taraxacum, два вида Viola и какой-то Astragalus, да въ полномъ цвѣту была Caragana sp. Въ садахъ абрикосовыя деревья повсюду стояли еще съ нераспустившимися бутонами и только около Чуань-коу они были покрыты распустившимися цвѣтами; тутъ цвѣли также вязы и ивы.

Населеніе на этомъ пространствѣ смѣшанное изъ широнголовъ и китайцевъ; городъ Гу-ша-й и торговыя селенія населены китайцами, чисто же земледѣльческія селенія заняты широнголами, между которыми встрѣчаются мусульмане, какъ, напр. деревня Та-ма-чжа, лежащая на самой дорогѣ къ югу отъ дер. Хуланъ-чиръ, населена исключительно мусульманами.

Городокъ Гу-ша-й, кажется, имѣетъ только административное значеніе; торговля въ немъ незначительная и городъ показался мнѣ пустымъ; мѣсто, на которомъ онъ построенъ, выбрано странно—на гребешкѣ мыса, протянувшагося между двумя долинами; со всѣхъ почти сторонъ къ нему приходится взбираться на высокую гору; такое положеніе какъ будто избрано въ виду военныхъ цѣлей. Чуань-коу, напротивъ, лежитъ при впаденіи Баджу-гола въ большую рѣку Синингголъ, на днѣ теплой долины, въ пунктѣ, откуда расходятся дороги въ три разныя стороны: въ Синингъ, въ Саньчуань и внизъ по Синингъ-голу въ долину Тай-тунъголъ, поэтому Чуань-коу болѣе оживленъ въ торговомъ отношеніи, чѣмъ Гу-ша-й. Оба города имѣютъ стѣны и предмѣстья, но у Гу-ша-й зданія предмѣстья разбросаны и разъединены пустырями, въ Чуань-коу же предмѣстье составляетъ тѣсную кучу зданій, которая облегаетъ ченъ, т. е. огороженную часть города и по величинѣ, кажется, превосходитъ послѣднюю. Этимъ внутреннимъ расположеніемъ онъ напоминаетъ Гуй-хуа-ченъ; также небольшой ченъ внутри и кругомъ большое сравнительно предмѣстье. Это, кажется, подтверждаетъ народное преданіе, которое приписываетъ Чуань-коу большую древность. Объ обоихъ городахъ Гу-ша-й и Чуань-коу есть легенды; о первомъ разсказываютъ, что это былъ городъ какой-то царевны (гунь-чжу) и считаютъ его современнымъ тому городу, развалины котораго, подъ именемъ Кара-бадзыръ, показываютъ въ саньчуаньской котловинѣ. Легенда относитъ существованіе этихъ городовъ къ временамъ Чингисъ-хана, т. е. къ XIII столѣтію; городокъ же Чуань-коу, по народному преданію, древнѣе; онъ построенъ во время Танской династіи, т. е. въ VI столѣтіи, Ли-чжинъ-ваномъ; этотъ князь считается предкомъ всѣхъ широнгольскихъ князей (ту-сы), а по первой линіи отъ него происходятъ широнгольскіе князья Ли (Ли-ту-сы). Ли-

Digitized by Google

чжинъ-ванъ былъ вельможа при дворѣ императора Танской династіи въ Чанъ-ани (въ нынѣшнемъ Си-ань-фу) и за буйное поведеніе на царскомъ пиру былъ высланъ за границу государства; по варіанту, который разсказывается близь Пекина, мѣстомъ ссылки Ли-чжинъ-вана былъ нынѣшній городъ Сюань-хуа-фу къ с. отъ Пекина, широнгольское же преданіе утверждаетъ, что Ли-чжинъ-ванъ былъ сосланъ туда, гдѣ теперь стоитъ Чуань-коу. Старикъ Сантанъ-джимба, которому доводилось переводить мнѣ это преданіе, склонялся въ пользу сѣвернаго варіанта; онъ говорилъ, что, по словамъ преданія, Ли-чжинъ-ванъ былъ сосланъ въ мѣстность, гдѣ была одна песчаная пустыня. Это болѣе походитъ на Сюань-хуа, который дѣйствительно лежитъ среди сыпучихъ песковъ, въ окрестностяхъ же Чуань-коу никакихъ песковъ нѣтъ. Ли-чжинъ-ванъ, продолжаетъ широнгольское преданіе, женился въ ссылкѣ на монголкѣ, призвалъ китайцевъ и построилъ городъ Чуань-коу. Въ древности это, будто-бы, былъ очень большой городъ и центръ торговли, не то, что теперь.

Около широнгольской деревни Шанъ-данъ, которая находится на лѣвомъ берегу Синингъ-гола, верстахъ въ десяти отъ Чуань-коу къ востоку, указываютъ середи обширнаго кладбища могилу Ли-чжинъ-вана.

Дорога отъ Чуань-коу до Си-нина на всемъ этомъ протяженіи идетъ долиной рѣки Си-нинъ-мурена или Синингъ-гола сначала по лѣвому сѣверному берегу рѣки, потомъ по правому, на который она переходитъ 30 ли недоходя до города Си-нина.

Рѣка Си-нинъ-муренъ у Пржевальскаго называется Синингъ-голъ; такъ её зовутъ монголы; сань-чуаньцы же болѣе значительнымъ рѣкамъ даютъ имя муренъ; Синингъ-муренъ сань-чуанцы зовутъ еще и Нянь-бо-муреномъ, какъ сказано выше; вершины Си-нинъ-мурена, какъ мнѣ говорили, имѣютъ еще особое широнгольское названіе: Тэнгріинъ-усу, «небесная вода». На маршрутѣ А. И. Скасси ей дано имя Ши-хо. Паденіе дна долины выражается въ слѣдующихъ данныхъ: городъ Синингъ въ вершинахъ рѣки находится на высотѣ 2300 метр. надъ уровнемъ моря, городъ Нянь-бо 2000 метр., г. Лау-ваченъ 1848 метр. и селеніе Ши-ня, лежащее немного выше Чуань-коу, 1832 метра.

Долина Синингъ-мурена между Чуань-коу и Си-нином въ трехъ мѣстахъ стѣснена береговыми скалами, образующими три ся, что по китайски значитъ «тѣснины» или «рѣчныя щеки». Онѣ называются, начиная отъ Чуань-коу: 1) Лау-ва-ся, «Вороньи щеки»; 2) Да-ся «Большія щеки» и 3) Сяо-ся, «Малыя щеки». Эти три «ся» дѣлятъ долину Си-нинъ-мурена на четыре части: самая восточная, въ которой стоитъ Чуань-коу, отъ Лау-ва-ся до устья рѣки, вторая между Лау-ва-ся и Да-ся; здѣсь долина имѣетъ до 35 вер. длины и отъ 3 до 4 вер. ширины; въ этой части долины стоятъ города Лау-ва-ченъ и Нянь-бо; третья между Да-ся и Сяо-ся; длина этой части 25 вер., ширина долины до 2 верстъ; эту часть долины можно назвать Марцзанской, по знаменитому буддійскому монастырю Марцзану, который въ ней находится; наконецъ, четвертая часть лежитъ къ з. отъ Сяо-ся; на ней расположенъ городъ Си-нинъ. Всѣ эти три «ся» или щеки обра-

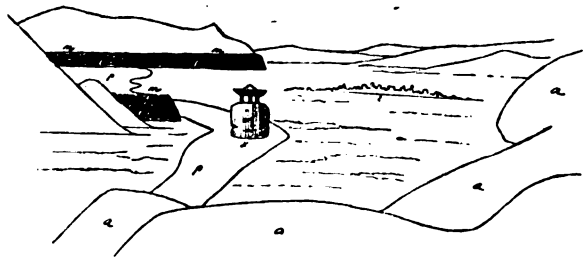
Digitized by Google

зованы выходами гнейса и кристаллическихъ сланцевъ; въ расширеніяхъ же долинъ разрѣзы обнаруживаютъ только позднѣйшія осадочныя отложенія, именно горизонтально напластованные красные конгломераты или песчаники, прикрытые сверху лёссомъ.

Самыя большія щеки, какъ по высотѣ окружающихъ горъ, такъ и по длинѣ тѣснины, это Лау-ва-ся, «вороньи». Онѣ начинаются верстахъ въ 5 выше Чуань-коу, именно отъ впаденія съ юга рѣки Мила-коу (Мира-коу) и тянутся почти до города Лау-ва-чена, до котораго отъ Мила-коу (Мира-коу) цѣлый переходъ, такъ что длина щекъ будетъ вдоль рѣки верстъ 15—18. Съуженная въ этомъ мѣстѣ долина заслуживаетъ названіе тѣснины. Существованіе тѣснины обусловлено тѣмъ, что здѣсь въ долину Си-нинъ-мурена упирается хребетъ Сюкэй, т. е. сѣверное продолженіе Хара-улы, слѣдовательно, она соотвѣтствуетъ той тѣснинѣ на Желтой рѣкѣ, которая начинается выше Саньчуаньской котловины и которой мы усвоили въ своемъ дневникѣ названіе Дондонской тѣснины по лежащей внутри ея салярской деревнѣ Дондонъ. Кажется, и горныя породы, изъ которыхъ слагаются горы въ тѣснинѣ Лау-ва-ся, тѣ же, что и въ Дондонской, именно здѣсь, въ Лау-ва-ся нами замѣчены сланцы и гнейсъ, а на западномъ концѣ тѣснины какая-то полевошпатовая вывѣтрившаяся порода, которую съ перваго взгляда можно принять за мраморъ [1]).

Рѣка около Чуань-коу имѣетъ до 10 саж. ширины; переправа совершается на паромѣ немного ниже города; на сѣверномъ берегу противъ переправы начинаются скалистые обрывы и дорога сейчасъ же поднимается на нихъ, и потомъ, то идетъ по карнизу на высотѣ 5 — 10 саж., то спускается на дно долины; рѣка всегда въ виду и только у западнаго конца тѣснины передъ самымъ выходомъ изъ нея она забираетъ вправо, всходитъ на горы и удаляется отъ рѣки, но за тѣмъ, чтобъ сейчасъ же спуститься на дно обширной котловины, которая разстилается отсюда къ западу. Эта котловина или расширеніе долины тянется на западъ верстъ на 35 до дер. Хань-чуань-цза; долина тутъ имѣетъ ширины отъ 3 до 4 верстъ, на ней находятся два города Лау-ва-ченъ, «Вороній городъ» и Нянь-бо.

Рис. 17.



Съ вершины спуска открывается видъ на долину верстъ на 10 вверхъ по ней. По срединѣ картины, среди совершенно безлѣснаго и плоскаго дна долины, протя-

[1]) Отъ входа въ тѣснину до долины Мила-сань-коу, открывающейся съ юга въ тѣснину, развиты еще конгломераты, и только отъ Мила-сань-коу къ з. начинаются кристаллическія породы.

Digitized by Google

нулся, какъ островокъ, небольшой городокъ Лау-ва-ченъ (1848 метр. н. ур. м.). Рѣка здѣсь течетъ подъ правымъ, т. е. южнымъ бокомъ долины, и въ двухъ мѣстахъ видны отрывки рѣки; подошва горъ этого южнаго берега сопровождается террасой, которая начинается на востокъ у входа рѣки въ тѣснину и тянется по правому берегу рѣки до дер. Хунъ-шуй-тянъ-цза, у которой справа въ Си-нинъ-муренъ впадаетъ р. Ху-ланъ-го; терраса видна и по правому берегу этой послѣдней рѣки. Высота террасы надъ аллювіальнымъ дномъ долины около 20 саженъ; до половины высоты она состоитъ изъ лёсса, нижняя же половина состоитъ изъ слоевъ гальки, перемежающихся вѣроятно съ лёссомъ же (см. рис. 17) [1]).

Въ ближайшемъ отрывкѣ рѣки, который виденъ съ горы и нижній конецъ котораго входитъ въ тѣснину, на самой серединѣ рѣчного ложа изъ воды торчитъ отдѣльный обрывокъ скалы съ совершенно отвѣсными боками, какъ цилиндрическая тумба, до 3 саж. высоты; на горизонтальной площадкѣ, на верхушкѣ этого камня китайцами построена небольшая кумирня. Конечно это остатокъ размытаго порога, который когда-то запиралъ входъ въ тѣснину; когда долина Лау-ва-чена была залита водой и представляла озеро, уровень котораго былъ на 3 сажени выше нынѣшняго уровня рѣки, воды этого озера входили въ тѣснину Лау-ва-ся двумя струями, раздѣленными этой каменной тумбой въ родѣ того, какъ теперь воды озера Байкала вступаютъ въ Ангару двумя струями, раздѣленными знаменитымъ Шаманскимъ камнемъ. Еслибъ Байкалъ осушился, у села Лиственичнаго представилась бы картина, какую теперь, въ менѣе грандіозныхъ размѣрахъ, видимъ въ долинѣ Лау-ва-чена.

Высота террасы, залегающей по правому берегу рѣки на протяженіи 15 ли между входомъ въ тѣснину и устьемъ Ху-ланъ-го, показываетъ, до какой высоты нѣкогда были подняты воды, покрывавшія Лау-ва-ченскую долину; что онѣ стояли выше высоты этой террасы, показываютъ также слѣды полировки, которые можно видѣть на скалахъ при входѣ въ тѣснину. Скала лѣваго берега, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога отходитъ отъ тѣснины, сильно мѣстами оглажена и покрыта чашеобразными и котловидными углубленіями, между которыми находится исполиновъ котелъ (Riesentopf) значительныхъ размѣровъ (см. рис. 18). Онъ находится недалеко отъ дороги на вершинѣ крутого обрыва, у самаго входа въ тѣснину, и въ народѣ слыветъ подъ именемъ гана (корчаги) Лу-бянъ-сянъ-шена. Подъ этимъ послѣднимъ именемъ извѣстенъ богъ, котораго особенно чтутъ китайскіе плотники. Камень, торчащій изъ рѣки въ видѣ тумбы, и описанный выше, по мѣстному преданію, также былъ кинутъ на дно рѣки этимъ же Лу-бянъ-сянъ-шеномъ [2]); вообще этому богу приписываются разные слѣды сидѣнья, замѣчаемые на скалахъ.

Рис. 18.

[1]) Объясненіе знаковъ на рис. 17: *mm* — терраса; *pp* — рѣка; *к*—камень Лу-бянъ-шена; *aa*—скалы перваго плана (на одной изъ которыхъ находится „корчага“ Лу-бянъ-шена); *г*—городъ Лау-ва-чень.

[2]) О шаманскомъ камнѣ на Ангарѣ тоже есть бурятская легенда, что его бросилъ сынъ неба.

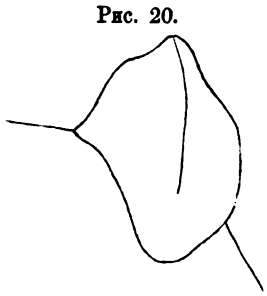
Digitized by Google

Исполиновъ котелъ Лу-бяна 1,60 метра въ діаметрѣ и 3,45 метра глубиной; нижняя часть его наполнена водой; весной 19 апрѣля 1885 г. уровень воды въ ганѣ поднимался только на 85 cm. надъ дномъ гана, въ концѣ ноября того же года на 1,25 метра; нижняя половина выемки въ скалѣ цилиндрическая, въ верхней части выемка расширяется въ видѣ сферической полости; на стѣнкахъ выемки замѣтна источенная горизонтальная жолобчатость. По народному повѣрью, на днѣ этого котла подъ водой прежде люди видѣли ворону, откуда и имя вороньей тѣснины и вороньяго города (Лау-ва-ченъ).

Оглаженныя поверхности встрѣчаются и внутри тѣснины. Въ мѣстности Юн-горцзуй—такъ называется самое узкое мѣсто тѣснины, нѣсколько верстъ ниже западнаго конца ея—на лѣвомъ берегу находится оглаженный камень, который кажется приставленнымъ съ боку къ террасѣ, такъ что со стороны рѣки онъ имѣетъ около 2 саж. высоты, со стороны же террасы не болѣе 2-хъ аршинъ; повидимому, это не обломокъ скалы, скатившійся сверху, а вершина скалы, основаніе которой скрыто подъ наносомъ. Полировка на его поверхности очень ясная; мѣстами видны выточенныя ямочки. Форма этой глыбы слегка сжатая и верхній край ея имѣетъ видъ пріостреннаго гребня; она поставлена такъ, что гребень ея направленъ вдоль по теченію рѣки, а къ рѣкѣ глыба обращена широкимъ бокомъ. На поверхности этой глыбы, обращенной къ террасѣ, выдолблена надпись изъ китайскихъ іероглифовъ (см. рисунки 19 и 20) [1]).

Рис. 19.

Рис. 20.



Въ тѣснинѣ Лау-ва-ся находятъ золото. Проѣзжая по тѣснинѣ, мы видѣли партіи промывальщиковъ золота въ трехъ мѣстахъ. Песокъ берутъ или въ самомъ аллювіальномъ руслѣ, или въ подошвѣ террасъ, которыя имѣютъ здѣсь до 5 саж. высоты (2 саж. лёссу сверху и 3 саж. галешниковаго наноса внизу) или въ подошвахъ сосѣднихъ горъ, а также въ намывныхъ буграхъ при устьяхъ крутыхъ логовъ. Вашгерды устраиваются въ рѣкѣ. Вырабатываетъ одинъ человѣкъ въ день не болѣе, какъ на 50 чоховъ.

Отъ Лау-ва-чена, какъ слышалъ М. М. Березовскій, есть тележная дорога на городъ Пинъ-фань.

Слѣдующія щеки Да-ся, которыя начинаются тотчасъ за дер. Хань-чуань-цза (въ 30 ли западнѣе города Нянь-бо), не заслуживаютъ названія большихъ, такъ какъ онѣ образованы невысокими известняковыми скалами и не тянутся далеко

[1]) Рис. 19—оглаженная глыба съ боку, т. е. съ сѣвера. Рис. 20 — она же съ запада; т. е. со стороны, гдѣ находится вершина Синиской рѣки.

Digitized by Google

вдоль рѣки; только вступишь въ нихъ, какъ сейчасъ же открывается видъ на слѣдующее Марцзанское расширеніе долины. Это расширеніе, какъ сказано выше, имѣетъ до 2 вер. ширины, но такъ какъ ближайшія къ рѣкѣ горы, сопровождающія ее съ юга, незначительны, то отсюда открывается видъ на дальнія горы, особенно на юговостокѣ. Изъ дер. Су-чжа-пу, которая лежитъ западнѣе Марцзана, намъ показали на юго-западѣ хребетъ, который находится въ меридіанѣ Си-нина и подъ которымъ, по словамъ нашихъ вожаковъ, находится монастырь Гумбумъ; это тѣ горы, черезъ которыя мы, двѣ недѣли спустя, перевалили по дорогѣ изъ Синина въ Гуй-дуй. Сквозь густыя облака, покрывавшія ихъ вершины, были видны снѣга, упавшіе въ предъидущую ночь (т. е. съ 23 на 24 апр.) [1]).

Страна между Си-нинъ-голомъ и Желтой рѣкой въ меридіанѣ города Ба-янъ-жунъ представляетъ вѣроятно такую же высокую лёссовую террасу, какъ и та, по которой мы ѣхали изъ Сань-чуани въ Чуань-коу. По срединѣ ея проходитъ хребетъ, отдѣляющій двѣ долины, Желторѣченскую и Си-нинъ-гольскую, и служащій соединеніемъ высотъ Сюкэй (сѣверное продолженіе горъ Хара-ула) съ горами, лежащими между Си-нином и Гуй-дуемъ; высота, однако, этихъ горъ въ меридіанѣ Ба-янъ-жуна значительно менѣе, чѣмъ къ западу и востоку отсюда. Съ юга, отъ Ба-янъ-жуна, склонъ хребта крутой, на сѣверѣ пологій.

На лѣвомъ берегу Си-нинъ-мурена дальнихъ горъ не видно; онѣ заслонены береговыми возвышенностями, въ которыхъ по всей долинѣ видны разрѣзы красныхъ конгломератовъ, прикрытыхъ лёссомъ; эти разрѣзы на западѣ становятся все круче и у Марцзана образуютъ совершенно отвѣсныя скалы. Монастырь Марцзанъ собственно и построенъ на выступѣ такой скалы на высотѣ нѣсколькихъ саженъ надъ ея подошвой и его четырехэтажная кумирня видна верстъ за 10. Издали ярко выдѣляется бѣлое пятно на красномъ фонѣ скалы; поверхность скалы надъ кумирней и по бокамъ ея монахи окрасили бѣлой краской. Марцзанской скалой эта красная конгломератовая стѣна внезапно обрывается, потому что къ з. отъ нея на долину Си-нинъ-мурена выходитъ широкая долина Орголынъ, въ вершинахъ которой, въ 50 ли отъ Марцзана, находится большой буддійскій монастырь того же имени. Западнѣе этой долины конгломератовыя обнаженія снова начинаются.

Монастырь Марцзанъ по китайски называется Пей-ма-сы, т. е. «кумирня бѣлой лошади». Это названіе происходитъ отъ легенды, которая пріурочена къ этому монастырю. Убійца злого царя, гонителя буддійской вѣры, выбѣжалъ сюда на бѣлой лошади и укрылся въ монастырѣ. Онъ спасся отъ погони посредствомъ хитрости, окрасивъ передъ побѣгомъ свою лошадь въ черный цвѣтъ. Погоня догнала его въ то время, когда онъ переѣзжалъ большую рѣку (кажется, Желтую); краска въ водѣ смылась и онъ выѣхалъ на другой берегъ на бѣлой лошади. Гнавшіеся

[1]) Въ долинѣ за это время погода была ненастная—20 апрѣля, во время перехода изъ Лау-ва-чена въ Нянь-бо, въ 1 ч. 45 мин. пополудни, на насъ посыпалась съ неба мягкая крупа, шарообразные комочки снѣга, которые, падая на предметы, сплющивались; въ поперечникѣ эти шарики имѣли 4 mm. Это паденіе осадковъ продолжалось 10 минутъ и кончилось дождемъ; туча пришла съ запада и паденію этого снѣга предшествовалъ западный вѣтеръ.

Digitized by Google

за нимъ, увидѣвъ его, подумали, что это не тотъ, за которымъ они гнались, потому что тотъ былъ на черной лошади, и вернулись. Марцзанъ тангутское названіе и происходитъ вѣроятно отъ тангутскаго слова маръ, «красный» и отъ краснаго цвѣта мѣстныхъ скалъ.

Послѣднія щеки Сяо-ся находятся въ 20 ли къ в. отъ Си-нина. Онѣ образованы гнейсомъ (съ паденіемъ на W ∟ 27°) и кремнистыми и зелеными сланцами; сланцы занимаютъ западный конецъ щекъ и имѣютъ паденіе SO 208. Эти щеки тоже не велики, но длиннѣе Да-ся. Внутри ихъ устроенъ мостъ черезъ рѣку и здѣсь дорога съ лѣваго берега переходитъ на правый. Около моста на правомъ берегу выстроено два или три дяня (постоялыхъ двора). Въ щекахъ есть каменная глыба, покрытая іероглифами; объ ней мѣстные жители также говорятъ, что она сюда принесена и положена Лу-бянъ-сянъ-шеномъ.

Выше щекъ долина вновь расширяется до 2 верстъ въ поперечникѣ. Въ этой части долины между «ся» и городомъ Си-нином справа открывается широкій входъ въ долину Са-тонъ-чуань, въ вершинахъ которой находится городъ У-янъ-бу. Орголынъ и Са-тонъ-чуань самые значительные притоки Си-нинъ-мурена съ сѣвера, но кромѣ того съ этой же стороны течетъ и еще нѣсколько мелкихъ рѣчекъ, которыя намъ приходилось пересѣкать [1]).

Физическій характеръ долины Си-нинъ-мурена тотъ же, что и у Сань-чуани; тѣ же безлѣсныя лёссовыя горы и та же бѣдность растительнаго покрова вообще. Картину оживляютъ только деревья, посаженныя рукой человѣка около деревень. Вѣроятно и климатъ въ пройденной нами части долины похожъ на сань-чуаньскій. Разница въ климатѣ между Чуань-коу и Си-нином сама собою подразумѣвается, потому что Си-нинъ значительно выше Чуань-коу; эта разница должна сказываться на растительности, но мы немногое можемъ сообщить объ ней, потому что хотя и довелось намъ два раза пройдти по долинѣ, но оба раза въ неблагопріятное время—одинъ разъ ранней весной, въ другой очень поздней осенью. Когда мы проходили весной 1885 г. по долинѣ Си-нинъ-мурена, поля, окружающія деревни и сосѣднія лёссовыя горы, были почти совершенно лишены цвѣтущихъ растеній; обильнѣе цвѣтами была тѣснина Лау-ва-ся. Крутые склоны горъ лѣваго берега нагрѣваются прямыми лучами солнца и это вызываетъ раннее появленіе на нихъ цвѣтущихъ растеній; въ то время, какъ мы проходили по тѣснинѣ, 19 апрѣля, на нихъ цвѣли чрезвычайно красивые ирисы, Iris tigridia (?), имѣющіе нѣжно голубые лепестки съ роскошной бахромкой желтаго цвѣта. Въ этой же тѣснинѣ я нашелъ одинъ или нѣсколько, не помню, экземпляровъ растенія Cynomorium coccineum.

По культурнымъ деревьямъ разница въ климатѣ между Чуань-коу и Си-нином обнаруживается изъ того, что грецкій орѣхъ воздѣлывается только около Чуань-коу и выше его нѣтъ. Слѣдовательно долина между Лау-ва-ся и Си-нином

[1]) Одну (Пу-чжа-коу) мы пересѣкли къ з. отъ Лау-ва-чена у дер. Пу-чжа-танъ, другую почти подлѣ города Нянь-бо, къ в. отъ него, третью къ з. отъ Да-ся, не вдалекѣ отъ этихъ щекъ, четвертую немного не доходя до Сяо-ся. Послѣднюю намъ назвали Ху-ла-чи-коу (Коу-чей), а первыя три—всѣ три одинаково Шуй-мо-гоу.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

холоднѣе Сань-чуани. Абрикосовыя деревья встрѣчались по всей долинѣ и были въ дни нашего прохода въ цвѣту, но уже въ окрестностяхъ Нянь-бо ихъ немного и сады болѣе состоятъ изъ деревьевъ, производящихъ мелкіе китайскія яблоки (чу-джа).

Населеніе въ долинѣ значительное, за исключеніемъ тѣснины Лау-ва-ся, которая пустынна. На каждомъ дневномъ переходѣ приходилось миновать съ полдесятка деревень, а между Лау-ва-ченомъ и Нянь-бо только на одной дорогѣ, не считая лежавшихъ въ сторонѣ, мы прошли девять — десять деревень [1]). Въ широкихъ частяхъ долины, т. е. на всемъ пространствѣ отъ Лау-ва-ся до Си-нина, населеніе почти исключительно китайское; только около монастыря Марцзана есть селеніе изъ десяти дворовъ, населенное тангутами, да къ з. отъ Марцзана и западнѣе р. Оргольна небольшая тангутская деревня. Вообще же широнголы и тангуты оттѣснены китайской колонизаціей въ горы. Такъ широнгольскія селенія встрѣчаются по сѣверному берегу Си-нинъ-мурена внизъ отъ Лау-ва-ся, а также въ горахъ къ югу отъ Лау-ва-ся [2]); широнголы и тангуты смѣшанно живутъ также въ верхнихъ частяхъ долинъ Орголынъ и Са-тонъ-чуань, около монастыря Орголына и около города У-янъ-бу. Въ долинѣ Мила-коу живутъ мусульмане, говорящіе широнгольскимъ языкомъ.

Дорога очень оживляется торговыми караванами, которые идутъ на мулахъ. Намъ не рѣдко встрѣчались караваны муловъ по 30, по 40; они везутъ обыкновенно изъ Си-нина въ Лань-чжоу ленное масло, пулу, т. е. тибетское сукно, яица и куръ.

Въ Си-нинъ мы вступили 24 апрѣля черезъ восточныя его ворота. Такъ какъ я-и, сопровождавшіе насъ отъ Нянь-бо, прошли впередъ и задолго до прихода нашего каравана оповѣстили уличную толпу о прибытіи янъ-гуй-цзы, то намъ не удалось въѣхать въ городъ инкогнито. Толпа зѣвакъ окружила караванъ въ первой же улицѣ по вступленіи въ городъ и все болѣе выростала по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ отведенной намъ квартирѣ, которая находилась въ противуположномъ концѣ города. Это былъ длинный и глубокій дворъ, обнесенный вокругъ постройками; чуть ли это не былъ тотъ самый домъ, въ которомъ помѣщалась и австрійская экспедиція графа Сэчэни; г. Крейтнеръ въ своей книгѣ говоритъ, что экспедиція помѣщалась въ такъ называемомъ экзаменаціонномъ залѣ; то же назначеніе присвоивали наши люди и тому помѣщенію, которое занимали мы. Дворъ дѣлился на два или на три отдѣленія; въ переднихъ помѣщались службы и конюшни; задній дворъ былъ самый длинный. Боковые его флигели были разгорожены на мелкія кельи; тутъ было не менѣе двадцати отдѣльныхъ келій; въ нихъ запираются экзаменуемые студенты; задній флигель заключаетъ въ себѣ три комнаты; боковыя изъ нихъ съ канами, это залы, въ которыхъ во время экзамена сидятъ экзаменаторы. Вотъ въ этихъ-то заднихъ комнатахъ мы и помѣстились.

---

[1]) Пу-чжа-танъ, Чанъ-ли-тянъ-цза, Гуа-мяоръ (большое селеніе съ торговыми лавками; здѣсь много кузницъ и проходящіе караваны здѣсь подковываютъ муловъ и запасаются припасами), Ши-цзуйръ, Янъ-горъ-тай-цзы, Шуй-мо-гу и другія.

[2]) Въ самой тѣснинѣ на южномъ берегу рѣки лежитъ широнгольская деревня Сунъ-шу-чжуонъ, а выше ея на сѣверномъ лежатъ развалины буддійскаго монастыря Лянъ-хуа-тай, который до мусульманскаго возстанія славился изготовленіемъ статуетокъ и иконъ.

Digitized by Google

Тотчасъ по прибытіи въ городъ мы послали съ Сантанъ-джимбой свои карточки чинъ-цсаю или синискому амбаню и получили приглашеніе отъ него; пріемъ экспедиціи былъ назначенъ на слѣдующій день въ одной изъ городскихъ кумирень. На другой день я и А. И. Скасси начали собираться сдѣлать визитъ амбаню, но намъ сказали, что прежде нужно дать время китайскимъ чиновникамъ съѣхаться въ назначенную кумирню и что намъ дадутъ знать, когда намъ ѣхать. Раздавшіеся въ городѣ пушечные выстрѣлы возвѣстили намъ, что мандарины начали выѣзжать изъ своихъ ямыней къ сборному пункту. Только послѣ полудня насъ извѣстили, что пора и намъ ѣхать. Мы поѣхали верхомъ на мулахъ въ сопровожденіи Сантанъ-джимбы и другихъ нашихъ слугъ. Улица около кумирни была уже запружена народомъ; у воротъ стояло нѣсколько повозокъ и паланкиновъ, на которыхъ прибыли китайскіе чиновники. При самомъ входѣ въ ворота толпились особеннымъ образомъ костюмированные люди съ сѣкирами въ рукахъ, повидимому тѣлохранители, сопровождавшіе амбаня. Небольшой дворъ кумирни тоже не былъ пустъ; въ него набились посторонніе зрители; это не была отборная публика; толпа по большей части состояла изъ разнощиковъ, нищихъ, ремесленниковъ, между которыми были видны кузнецы съ запачканными сажей руками и лицомъ. Китайскіе мандарины уже сидѣли на своихъ мѣстахъ въ боковой верандѣ, которая отъ остального двора отдѣлялась только балюстрадой по поясъ человѣку высотой. Тутъ былъ весь у-та-я-мынь въ полномъ составѣ, то есть, всѣ пять городскихъ ямыней. На самомъ почетномъ мѣстѣ, на возвышеніи, устланномъ циновками и коврами, сидѣли рядомъ чинъ-цсай и тао-тай, раздѣленные небольшимъ столикомъ. Остальные генералы сидѣли въ креслахъ, поставленныхъ подлѣ стѣнъ. Всѣ они были въ черныхъ шелковыхъ костюмахъ съ длинными ожерельями изъ крупныхъ бусъ, висѣвшими на груди. Когда насъ впустили внутрь веранды и когда мы сдѣлали поклонъ, чинъ-цсай также приподнялся съ своего мѣста, что вслѣдъ за нимъ сдѣлали и другіе мандарины. Намъ предложили занять кресла, поставленныя не вдалекѣ отъ чинъ-цсая. Переводчикомъ въ разговорѣ съ чинъ-цсаемъ служилъ Сантанъ-джимба; при входѣ въ веранду вслѣдъ за нами, онъ сдѣлалъ глубокій книксенъ передъ чинъ-цсаемъ, почти припалъ на одно колѣно, но велъ себя во время разговора съ большимъ достоинствомъ, безъ подобострастія.

Занимавшій тогда постъ чинъ-цсая генералъ Линъ былъ родомъ манджуръ; это былъ почтенный старикъ лѣтъ подъ семьдесятъ — не знаю живъ ли онъ теперь,— нѣсколько сгорбленный, росту выше средняго, фигурой напоминавшій стараго итальянца, какіе встрѣчаются на старинныхъ портретахъ. Рѣчь его была спокойная и плавная. Возлѣ него находился слуга, который то и дѣло подавалъ ему кальянъ, такъ что разговоръ нашъ постоянно велся подъ акомпаниментъ клокотанія воды въ кальянѣ.

Разговоръ шелъ о предстоящей намъ дорогѣ. Край къ югу отъ Гуй-дуя, по словамъ амбаня, былъ не безопасенъ отъ разбойниковъ и потому амбань совѣтовалъ намъ оставить нашъ планъ идти черезъ Гуй-дуй, а избрать другой путь черезъ Сюнъ-хуа-тинъ, потому что этотъ послѣдній идетъ черезъ мѣста населенны

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

и безопасныя; при этомъ онъ напомнилъ намъ, что если Пржевальскій и ходитъ по разбойническимъ мѣстамъ, то не надо забывать, что у него большой конвой и хорошее вооруженіе, у насъ же ничего нѣтъ. Мы сослались на наши инструкціи и сказали, что не можемъ измѣнить своего намѣренія, что мы не требуемъ конвоя и вообще ни о какомъ активномъ содѣйствіи амбаня не ходатайствуемъ, а просимъ только не ставить препятствій нашему намѣренію и дать намъ письма къ гуйдуйскому начальству и къ гэгэну въ монастырѣ Лабранѣ. Кончились наши переговоры тѣмъ, что амбань пообѣщалъ намъ дать письма въ Гуй-дуй и Лабранъ, обѣщалъ также отправить въ Пекинъ наши письма, которыя мы хотѣли написать изъ Си-нина, а рѣшеніе вопроса о томъ, идти ли намъ изъ Гуй-дуя въ Минъчжоу по нагорью, онъ рѣшилъ возложить на гуй-дуйское начальство; если оно найдетъ возможнымъ благополучно доставить насъ чрезъ неспокойныя мѣста, мы получимъ разрѣшеніе идти черезъ нагорье. По окончаніи дѣловыхъ разговоровъ А. И. Скасси сдѣлалъ предложеніе генераламъ снять съ нихъ фотографіи; амбань согласился и пожелалъ, чтобъ этотъ процессъ былъ совершенъ сейчасъ же въ той же кумирнѣ. Послали поскорѣе за камерой и веранда изъ залы ауедіенціи превратилась въ фотографическій павильонъ. Первымъ позировалъ, конечно, амбань, а потомъ и другіе генералы. Во все это время публика не оставляла двора кумирни, а когда появилась камера, она еще сильнѣе стала тѣсниться къ верандѣ, чтобъ ближе разсмотрѣть заморскую выдумку. Позирующіе оставались въ верандѣ, а камеру, по условіямъ свѣта, пришлось поставить внѣ веранды; она очутилась среди толпы зрителей и фотографу пришлось дѣйствовать среди толкотни, такъ какъ толпа, не смотря на присутствіе главнаго начальника края, вела себя непринужденно. Въ то время, какъ амбань позировалъ передъ камерой, какой-нибудь китаецъ высовывался изъ толпы и заглядывалъ въ объективъ. Полицейскіе солдаты съ трудомъ удерживали любопытныхъ и иногда били бичемъ по ихъ спинамъ, при чемъ начальникъ края, хотя молчалъ, но сильно морщился. По окончаніи работы А. И. Скасси, мы простились съ амбанемъ и вернулись домой.

Какъ во время свиданія, такъ и впослѣдствіи амбань былъ очень любезенъ съ нами. Онъ дѣйствительно написалъ письма въ Гуй-дуй и Лабранъ такого содержанія, что и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ намъ оказали самый лучшій пріемъ. Кромѣ того онъ назначилъ намъ одного изъ мелкихъ чиновниковъ, по имени Вана, чтобы онъ проводилъ насъ до монастыря Лабрана. Дня черезъ два послѣ нашего визита амбань прислалъ къ намъ человѣка навѣдаться, почему мы не присылаемъ своихъ писемъ, которыя хотѣли послать въ Пекинъ; изъ словъ посланца мы поняли, что амбань какъ-будто истолковываетъ это обстоятельство нашимъ недовѣріемъ; на самомъ же дѣлѣ просто письма не всѣ еще были написаны. Генералъ Линъ былъ тотъ же самый амбань, который совершенно въ той же обстановкѣ принималъ за годъ передъ нами Пржевальскаго; характеристика, которую сдѣлалъ Пржевальскій, совсѣмъ другая; не знаю, кто изъ насъ ошибся, мы ли были одурачены и не раскусили коварства подъ знаками внѣшней любезности, или Пржевальскій былъ вовлеченъ въ ошибку своей излишней мнительностью и уви-

Digitized by Google

дѣлъ тамъ подозрительность, гдѣ ея вовсе не было. Кажется, вѣрнѣе объяснять эти старанія китайскихъ мѣстныхъ властей отклонять европейскихъ путешественниковъ отъ опасныхъ пустынь боязнью отвѣтственности за нихъ передъ пекинскимъ начальствомъ.

Одинъ случай въ Си-нинѣ, собственно исторія одного пакета, адресованнаго Пржевальскому, показалъ намъ, съ какимъ уваженіемъ си-нинскій ямынь относится къ собственности иностраннаго путешественника. Когда мы зимовали еще въ Сань-чуани, къ намъ явился изъ города Нянь-бо полицейскій я-и и подалъ этотъ пакетъ; это были газеты и, можетъ быть, письма на имя Пржевальскаго. Пакетъ былъ полученъ въ Си-нинѣ; си-нинскій ямынь отправилъ его къ Нянь-боскому мандарину съ порученіемъ разузнать отъ меня, кому принадлежитъ этотъ пакетъ, не мнѣ ли, и если не мнѣ, а другому путешественнику, то не имѣю ли я намѣренія предстоящимъ лѣтомъ идти ему на встрѣчу и не возьмусь ли отвезти ему. Вѣроятно си-нинскій ямынь самъ хорошо изъ китайской надписи на пакетѣ зналъ, кому онъ адресованъ, но онъ зналъ также, что Пржевальскій зимуетъ въ пустынѣ, въ 2000 верстахъ отъ Си-нина и у ямыня нѣтъ возможности спеціально посылать туда курьера съ этимъ письмомъ, а возвратить пакетъ въ Пекинъ съ надписью о невозможности доставить пакетъ по адресу ямынь не рѣшался. Я отправилъ пакетъ назадъ въ Си-нинъ съ разъясненіями. Послѣ визита къ амбаню пакетъ снова принесли ко мнѣ съ запросомъ, какъ его отправить. И послѣ, всякій разъ какъ я пріѣзжалъ въ Си-нинъ, этотъ пакетъ неизбѣжно являлся передъ моими глазами. Такъ онъ и пролежалъ въ си-нинскомъ ямынѣ до нашего отъѣзда въ Россію. Тогда я долженъ былъ взять пакетъ съ собой и отправилъ его Пржевальскому уже изъ Кяхты, такъ что, если онъ его не получилъ, то уже по винѣ русскаго почтоваго вѣдомства, а не си-нинскаго ямыня.

Кромѣ писемъ въ Россію, изъ Си-нина намъ слѣдовало бы написать письмо къ нашему товарищу М. М. Березовскому, зимовавшему въ Хойсянѣ. Объ этомъ мы думали еще въ Сань-чуани, но изъ Сань-чуани писать не стоило; мы знали, что это письмо было бы послано съ конвойными, которые пошли бы провожать насъ до Нянь-бо, слѣдовательно, пришло бы въ Нянь-бо вмѣстѣ съ нами; въ Нянь-бо мы узнали, что письмо наше не можетъ быть отправлено въ Хой-сянь прямо, а тоже предварительно будетъ отправлено въ Си-нинъ, въ си-нинскій ямынь, и разумѣется не иначе, какъ съ нашими же конвойными. Послѣ такихъ разоблаченій порядковъ китайской почты у насъ явилось сомнѣніе въ томъ, что письмо, переданное въ си-нинскій ямынь, дойдетъ до М. М. Березовскаго скорѣе, чѣмъ мы сами съ нимъ встрѣтимся. Такъ мы и оставили М. М. Березовскаго безъ извѣстія о нашемъ выѣздѣ изъ Сань-чуани и сдѣлали ошибку. Онъ оставилъ Хой-сянь согласно письму, посланному еще зимой, въ которомъ только предположительно было назначено время нашего выѣзда, слишкомъ рано и потому, выѣхавъ въ Минъ-чжоу, долженъ былъ тутъ прожить 17 дней въ полной неизвѣстности, не имѣя объ насъ никакихъ извѣстій.

О городѣ Си-нинѣ намъ не удалось собрать свѣдѣній. Въ торговомъ отноше-

Digitized by Google

ніи онъ имѣетъ то же значеніе для сѣвернаго Тибета, какъ Гуй-хуа-ченъ для Монголіи; отсюда товары расходятся по Амдо и Каму,но Си-нинъ значительно меньше Гуй-хуа-чена. При томъ же онъ былъ взятъ мусульманами, вѣроятно, черезъ измѣну, потому что его крѣпкія стѣны сохранились въ цѣлости; внутри города, особенно въ восточной его части, есть большіе пустыри, наполненные развалинами. Въ этой части города, какъ меня увѣрялъ Сантанъ-джимба, есть участокъ земли, принадлежащій широнгольскому Чи-ту-сы, т. е. старѣйшинѣ или князю фамиліи Чи-чжа, къ которой принадлежалъ и нашъ Сантанъ-джимба. Участокъ этотъ представляетъ теперь цѣлую слободу, жители которой платятъ широнгольскому ту-сы поземельныя деньги.

Когда городъ находился въ рукахъ мусульманъ, временнымъ правителемъ города и его окрестностей былъ народомъ поставленъ ахунъ Тинъ-са; объ немъ какъ мусульмане, такъ и китайцы вспоминаютъ, какъ о человѣкѣ безкорыстномъ и честномъ. Обѣ партіи хвалятъ его за безпристрастіе въ судѣ. Народная молва въ гибели этого ахуна обвиняетъ другого яркаго дѣятеля здѣшняго мятежа, извѣстнаго теперь подъ сокращеннымъ именемъ Ма-та-жень. Догадавшись, что дѣло повстанцевъ проиграно, Ма-та-жень перешелъ на сторону правительства и выставилъ ахуна Тинсу, какъ главную опору мятежа. Тинса былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ.

Изготовленіе фотографій заставило насъ прожить въ Си-нинѣ лишнихъ два, три дня. Кромѣ генераловъ, пожелала сняться также и одна генеральша; для этого моя жена должна была съѣздить съ камерой въ ея квартиру. Когда фотографическія работы кончились, мы двинулись далѣе.

Долины Желтой рѣки и Си-нинъ-мурена въ меридіанѣ городовъ Си-нина и Гуй-дуя отдѣлены высокимъ хребтомъ; перевалъ черезъ этотъ хребетъ по дорогѣ изъ Си-нина въ Гуй-дуй, а можетъ быть и весь хребетъ называется Ла-чи-сань; онъ имѣетъ 3907 метровъ высоты надъ ур. моря. На западѣ этотъ хребетъ сопровождаетъ съ юга южный берегъ Сининъ-мурена до его вершинъ и доходитъ до береговъ оз. Хухунора. Въ этой части пересѣкъ его Пржевальскій въ 1880 г.

Дорога въ Гуй-дуй изъ Синина идетъ по долинѣ, нижній конецъ которой лежитъ у самаго города, противъ его западныхъ воротъ, а верхній упирается въ перевалъ черезъ хребетъ. Нижняя половина этой долины, широкая и культурная, носитъ китайское названіе Нань-чуань-коу; верхнюю, съуженную, скалистую и необитаемую, зовутъ по тангутски Джаикъ. Достигши вершины перевала, дорога спускается въ долину, по которой и выходитъ къ дер. Арьку (Аркунъ), въ 30 ли къ в. отъ Гуй-дуя; далѣе дорога идетъ по долинѣ Желтой рѣки.

Въ десяти ли отъ этой дороги лежитъ знаменитый буддійскій монастырь Гумбумъ; проходя такъ близко, было бы странно не зайдти и не посмотрѣть на знаменитый монастырь. Отъ Си-нина до Гумбума считается 50 ли; монастырь лежитъ на горахъ, сопровождающихъ съ запада долину Нань-чуань-коу, въ вершинѣ оврага, нижнее продолженіе котораго открывается въ ту же долину. Дорога изъ Си-нина сначала идетъ по густо застроенной деревнями и распаханной долинѣ Нань-чуань-коу, потомъ верстахъ въ 5 отъ монастыря поднимается на горы, от-

Digitized by Google

дѣляющія вершину Гумбумскаго оврага отъ долины Нань-чуань. Весь этотъ свертокъ есть подъемъ, въ концѣ котораго, за маленькимъ переваломъ, и лежитъ монастырь. Около монастыря саженяхъ во ста расположена китайская слобода, такъ назыв. «ло-сэръ», состоящая изъ лавокъ, дяновъ и домовъ торговцевъ. Мы остановились на ночлегъ въ лосэрѣ, въ дянѣ съ такимъ тѣснымъ дворикомъ, что наши вьюки едва могли въ немъ помѣститься. Такъ какъ мы пришли поздно и до заката солнца оставалось не долго, то осмотръ монастыря мы отложили до слѣдующаго дня, порѣшивъ на другой день, послѣ осмотра, выступить въ дальнѣйшій путь.

Гумбумъ самый знаменитый монастырь въ Амдо. Амдосскіе буддійскіе монастыри образуютъ двѣ группы: сѣверную, состоящую изъ монастырей, лежащихъ къ сѣверу отъ Желтой рѣки, и южную, къ югу отъ этой рѣки. Въ составѣ южной группы самыми большими и славными монастырями считаются Урунву, Джони и Лабранъ; въ сѣверной Чуйзынъ (у Пржевальскаго Чэйбсэнъ; см. Монголія, I, 226), Орголынъ, Серкугъ, Шя-чунъ и Гумбумъ. Послѣдній самый многолюдный; въ немъ теперь насчитываютъ до 3500 ламъ, въ Лабранѣ не менѣе 2000. Китайцамъ Гумбумъ извѣстенъ подъ именемъ Таръ-сы; монголы зовутъ его тангутскимъ именемъ, которое переводятъ словами: «тысяча изображеній». Своей славой монастырь обязанъ историческимъ воспомипаніямъ, связаннымъ съ мѣстностью, въ которой онъ расположенъ; по преданію, здѣсь родился Цзонкава, знаменитый реформаторъ сѣвернаго буддизма, положившій начало ламаизму или такъ называемой «желтой вѣрѣ», шара-шаджинъ. По книжному преданію, родители Цзонкавы жили постоянно гдѣ-то около Гумбума въ долинѣ рѣчки Цзонка и пасли въ ней своихъ яковъ; по этой-то рѣчкѣ будто бы буддійскій святой и получилъ свое имя Цзонкава. Я не могъ ничего разузнать о рѣчкѣ съ такимъ именемъ, но мнѣ удалось услышать показаніе, что къ западу отъ монастыря есть деревня Зунканъ и что будто бы первоначально монастырь находился тамъ, гдѣ стоитъ теперь эта деревня, а на нынѣшнее мѣсто онъ будто бы перенесенъ только впослѣдствіи. Преданіе о томъ, что Гумбумъ построенъ на мѣстѣ родины Цзонкавы, общеизвѣстно въ краѣ и въ самомъ монастырѣ показываютъ дерево, выросшее на томъ мѣстѣ, гдѣ были зарыты волосы матерью Цзонкавы послѣ его постриженія.

Приглядываясь къ буддійскимъ монастырямъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, я замѣтилъ, что они располагаются или въ мѣстностяхъ, отмѣченныхъ какимъ-нибудь необыкновеннымъ явленіемъ природы, или въ вершинахъ горныхъ долинъ, гдѣ кончаются человѣческія жилища и начинается молчаливая пустыня высокихъ горъ. Такъ, напримѣръ, къ мѣстностямъ перваго рода пріурочены монастыри Каданъ-сюмэ, Пи-линъ-сы съ кумирней Шуй-лэнъ-дунъ, Марцзанъ [1]), ко второй группѣ относятся монастыри Лабранъ, Кадигерь и многіе другіе; этихъ послѣднихъ очень много; почти въ каждой долинѣ, слѣдуя по ней снизу вверхъ, можно

[1]) Къ числу такихъ святыхъ мѣстъ относится гора Оми съ ея монастырями въ провинціи Сы-чуань; поводомъ почитанія было повидимому какое-то свѣтовое явленіе, замѣчаемое на горѣ. См. Colborne Baber, Travels and researches in western China, Lond., 1882, p. 28.

Digitized by Google

встрѣтить монастырь, стоящій выше самой верхней деревни. Наконецъ, есть монастыри, основаніе которыхъ нельзя приписать ни той, ни другой причинѣ; они расположены въ теплыхъ долинахъ, среди земледѣльческаго населенія, въ мѣстностяхъ самыхъ обыкновенныхъ, словомъ въ самой будничной и низменной обстановкѣ. Таковъ, напримѣръ, монастырь Уньчжа-сюме въ Сань-чуани; сюда же относится и Гумбумъ. Трудно объяснить, почему извѣстность и богатство этого монастыря переросли славу другихъ монастырей, если не отнести этого обстоятельства на счетъ историческаго значенія мѣстности, на которой онъ стоитъ. Можетъ быть преданіе, связывающее Цзонкаву съ монастыремъ, основано на дѣйствительномъ событіи, можетъ быть оно не болѣе, какъ народная реализація воспоминаній о важной роли монастыря въ исторіи реформы буддизма; во всякомъ случаѣ объясненіе его современнаго значенія нужно искать на почвѣ историческихъ воспоминаній.

Мы не были первыми европейцами, видѣвшими Гумбумъ. Въ тридцатыхъ еще годахъ черезъ Гумбумъ прошли Гюкъ и Габе, сопутствуемые нашимъ знакомцемъ Сантанъ-джимбой. Не задолго передъ нами Гумбумъ посѣтила австрійская экспедиція графа Сэчэни; мы были уже третьи. Послѣ насъ въ Гумбумѣ былъ Рокгиль (см. The Century, американскій журналъ, издаваемый въ Нью-Іоркѣ, въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ 1890 г. и въ январской, февральской и мартовской 1891 года).

Гумбумъ лежитъ на высотѣ 2708 метровъ надъ ур. моря, т. е. на 406 метровъ выше Синина и на 37 м. выше деревни Джаикъ, лежащей на днѣ долины Нань-чуань-коу. Слобода или ло-сэръ расположенъ на плоскомъ днѣ долины, по которому протекаетъ небольшая рѣчка съ запада на востокъ; къ этой долинѣ какъ разъ противъ слободы присоединяется сухой оврагъ, приходящій съ юга. Монастырь расположенъ ближе къ вершинѣ его, на его лѣвой, т. е. западной сторонѣ. Отъ оврага на западъ отдѣляется побочный оврагъ, который разсѣкаетъ монастырь на двѣ части, сѣверную и южную и внутри монастыря еще развѣтвляется, такъ что монастырь этими оврагами раздѣленъ на три части. Овраги въ нижнихъ горизонтахъ имѣютъ крутые, почти отвѣсные, до 3 саженъ высотой, бока; выше этого горизонта скаты менѣе круты и только съ высоты этого горизонта начинаются монастырскія постройки и лѣпятся по скатамъ однѣ надъ другими; крутизна и тутъ значительна, такъ что по большей части для устройства дворовъ гора раскапывается и устраиваются искусственныя террасы. Дно овраговъ сухое, но на немъ вырыты колодези, изъ которыхъ братія снабжается водой. Со дна мѣстами поднимаются стволы тополевыхъ деревьевъ, которые теперь стояли еще голыя; черезъ овраги въ нѣсколькихъ мѣстахъ перекинуты узкіе деревянные мостики.

Самая лучшая часть монастыря сѣверная; всѣ храмы и всѣ большія зданія находятся въ этой части и образуютъ непрерывный рядъ вдоль оврага, обращенный лицомъ на югъ. Между рядомъ зданій и оврагомъ проходитъ набережная. При входѣ на эту набережную со стороны ло-сэра находится площадка, на которой построено восемь субургановъ или чортэновъ, расположенныхъ въ рядъ. Тутъ въ

Digitized by Google

обычные дни бываетъ базаръ; на этой же площадкѣ совершаются иногда религіозныя церемоніи. Если вы прошли отъ этой площадки вдоль набережной до верхняго ея конца, вы видѣли все, что есть лучшаго въ монастырѣ. Ближе къ верхнему концу оврага находится главное богослужебное зданіе, цзокчинъ-дуганъ; оно бросается въ глаза какъ своей величиной, такъ и золотой китайской крышей, покрывающей центральную часть зданія. Этотъ рядъ храмовъ у верхняго конца оврага кончается храмомъ Урджиба, въ которомъ хранится одна изъ святынь монастыря, каблыкъ (т. е. черепъ) матери Цзонкавы; на той же набережной, поближе къ нижнему концу оврага, находится зданіе, въ которомъ помѣщается ручжива, т. е. управленіе монастыря. Другая святыня Гумбума, священное дерево, находится въ самомъ нижнемъ концѣ набережной, но храмъ, во дворѣ котораго оно растетъ, стоитъ не въ ряду другихъ храмовыхъ зданій, а отдѣльно. Когда входишь изъ ло-сэра на набережную, онъ остается въ лѣвой рукѣ. Дворъ, въ которомъ находится дерево, небольшой, не болѣе шести или семи саженъ шириной; дерево стоитъ по серединѣ его; нижняя часть его ствола поднимается изъ клумбы, одѣтой снаружи кирпичной стѣной; по сторонамъ двора есть еще нѣсколько такихъ же клумбъ съ отсадками дерева. Дерево это монголы называютъ занданъ-мондо, т. е. сандальное; г. Крейтнеръ въ своей книгѣ Im fernen Osten говоритъ, что это Seringa japonica. Дѣйствительно добытые мною листья похожи на сиреневые. Монахи увѣряютъ, что листья этого дерева, когда они еще свѣжи и зелены, бываютъ покрыты тибетскими письменами или буквами; и австрійская экспедиціи, и мы, и послѣ насъ г. Рокгиль, всѣ мы попадали въ Гумбумъ въ такое время, когда дерево стояло безъ листьевъ, и можно было достать ихъ только въ сухомъ видѣ. На сухихъ листьяхъ никакихъ фигуръ не было видно. Мнѣ, однако, удалось достать обломокъ молодой вѣтки замѣчательнаго дерева; на немъ дѣйствительно были замѣтны разсѣянныя пятнышки, имѣвшія сходство съ буквами; это особеннымъ цвѣтомъ окрашенные участки корковаго слоя, которые сквозили изъ подъ прозрачной эпидермы въ видѣ литерообразныхъ фигуръ желтаго цвѣта, неправильно разсѣянныхъ по темновишневому фону.

Каблыкъ матери Цзонкавы хранится въ стеклянной витринѣ, стоящей внутри храма Урчжиба. Мнѣ показалось, что это полусферическая чаша, обшитая чѣмъ-то голубымъ или окрашенная въ этотъ цвѣтъ; края этой чаши окованы серебромъ и украшены кораллами; внизу около дна чаши, или, если это не чаша, а шапочка, то около темени прикрѣплена серебряная бляха, украшенная жемчугомъ. Чаша эта лежитъ внутри витрины на столикѣ, покрытомъ салфеткой; отверзтіемъ она обращена кверху. По своей величинѣ она дѣйствительно можетъ быть принята за человѣческій черепъ.

Осмотрѣвъ монастырь, мы вернулись въ свой дянъ въ лосэрѣ, и, пообѣдавъ, двинулись въ дальнѣйшій путь. Спустившись съ Гумбумской горы, мы къ вечеру дошли до китайскаго селенія Джаикъ, лежащаго въ верхней части долины Наньчуань-коу, не болѣе, какъ въ 15 ли отъ Гумбума. Это самое верхнее селеніе въ этой долинѣ. Къ ю. отъ этой деревни широкая, въ нѣсколько верстъ шириной, до-

Digitized by Google

лина вдругъ съуживается до ширины не болѣе ½ версты. Дно этой съуженной части долины сплошь заросло кустарниками, облѣпихой и Rhododendron'омъ; послѣдній, во время нашего прохода, начиналъ зацвѣтать; тутъ много водится фазановъ и зайцевъ.

Въ верхней части долина Джаикъ еще болѣе съуживается и превращается въ тѣсное ущелье, дно котораго завалено крупными валунами и потому затруднительно для прохода каравановъ. Когда мы проходили по ущелью, трудность проѣзда по нему еще усугублялась наледями, пересѣкавшими его во всю ширину. Бока ущелья состоятъ изъ скалъ изъ темнаго плотнаго известняка, съ паденіемъ SE подъ угломъ 60°. Кустарники исчезаютъ и каменное ложе ущелья совершенно голое. Ущелье верхнимъ своимъ концомъ упирается въ крутой подъемъ, заваленный большими каменными глыбами; грязь между этими глыбами, которая постоянно поддерживается стекающей съ верхней части долины водой, крутизна подъема и каменныя глыбы сильно затрудняютъ движеніе каравана къ этомъ мѣстѣ. Во время нашего прохода по ущелью было пасмурно; туча спустилась ниже зубцовъ горъ, и мы шли подъ низко нависшимъ потолкомъ изъ облаковъ, точно въ туннелѣ. Падалъ изрѣдка снѣгъ.

Въ вершинѣ долины дорога выходитъ на небольшую чашеобразную котловину; это начало долины; окружающія горы здѣсь имѣютъ мягкія очертанія и поверхность ихъ покрыта дерномъ. На заднемъ планѣ котловина перегорожена хребтомъ съ спокойнымъ гребнемъ, на который и взбирается дорога. Она выходитъ на него не прямо, а сначала огибаетъ котловину слѣва, т. е. съ востока, потомъ съ юга, при этомъ постепенно взбирается на хребетъ и достигаетъ его вершины гораздо правѣе, т. е. западнѣе оси долины; когда смотришь снизу, изъ котловины, то желтая дорожка кажется перевязью, перекинутою черезъ лѣвое плечо хребта. Это хребетъ и перевалъ Ла-чи-сань; высота перевала, какъ уже сказано выше, 3907 метровъ надъ у. м. Отъ вершины долины Джаикъ отдѣляется дорога влѣво на плоскую сѣдловину, лежащую между подошвой горы Ла-чи-сань и скалистыми горами, сопровождающими восточный бокъ долины Джаика. Это дорога, ведущая въ дер. Чунчжу и потомъ въ дер. Рчили, лежащую на Желтой рѣкѣ, ниже дер. Арьку. По ней ѣздятъ изъ Гумбума въ монастыри Шя-чунъ и Ачу-нандзунъ, и въ городъ Ба-янъ-жунъ.

Гребень хребта состоитъ изъ гранита (гнейса?) съ черной слюдой. Съ перевала дорога круто спускается по дну тѣснаго оврага, и выходитъ въ болѣе просторную долину р. Карынъ, главная вѣтвь которой беретъ начало западнѣе перевала Ла-чи-сань. Дальнѣйшій путь проходитъ по этой долинѣ вплоть до Желтой рѣки, т. е. до деревни Арьку.

Хребетъ Ла-чи-сань есть восточное продолженіе хребта Ама-сурту, который въ 1880 году переходилъ Пржевальскій на пути въ Гуй-дуй. Судя по картѣ Пржевальскаго, хребетъ Ама-сурту съ его восточнымъ продолженіемъ Ла-чи-сань есть продолженіе южно-хухунорскаго хребта, но восточный конецъ послѣдняго отдѣленъ отъ хребта Ама-сурту долиной, въ которой текутъ р. Араголъ по направле-

Digitized by Google

нію въ Хухуноръ и р. Талагынъ въ Желтую; эта долина обставлена съ обѣихъ сторонъ высотами въ 11,000 и 12,000 ф. высоты надъ моремъ, сама же имѣетъ, повидимому, 10,900 ф. высоты; эта цифра стоитъ на картѣ Пржевальскаго, но самый ли это высокій пунктъ на ней, не ясно. Если это высшая точка на днѣ этого углубленія, то оно всего только на 100 ф. превышаетъ уровень Хухунора (10.800 ф.); здѣсь слѣдовательно, если воды озера нѣкогда стояли выше нынѣшняго уровня, онѣ изливались въ русло Желтой рѣки.

Южный склонъ Ла-чи-сани, если судить по долинѣ Карына, представляетъ большое различіе отъ сѣвернаго. На сѣверномъ склонѣ верхнія части долины представляютъ пустынное ущелье съ известняковыми скалами, а нижнія части покрыты лёссомъ и удобны для культуры; здѣсь наоборотъ, верхняя часть долины Карына покрыта лёссовыми отложеніями и служитъ обиталищемъ для земледѣльческаго населенія, пустыню же представляетъ нижняя часть. Выходовъ известняковъ въ долинѣ Карына не видно; въ верхней части подъ лёссомъ залегаетъ красная глина, которая также распахивается подъ нивы, какъ и лёссъ. Въ этой верхней части долины лежатъ деревни: одна китайская Таму (Таша), самая верхняя; ниже ея три тангутскія: Карынъ (Каро), Кажиръ (Каджа) и Нгачжа (Тохча?). Ниже дер. Нгачжа, на протяженіи остающихся до дер. Арьку 20 ли, начинается совершенная пустыня. Лёссъ отсутствуетъ; бока долины состоятъ изъ обрывовъ изъ красной и голубой или зеленой глины. Нѣкоторые изъ обрывовъ состоятъ изъ одного краснаго цвѣта, другіе изъ одного голубого, третьи, пестрые, состоятъ изъ перемежающихся пластовъ того и другого цвѣта до 10 метровъ толщиною. Ясная и жаркая погода, бывшая въ тотъ день, когда мы проходили эту долину, совершенно совпадала съ теплыми тонами этихъ красокъ, конечно въ ущербъ бодрости нашихъ силъ. Глина разбита мелкими криволинейными трещинками, такъ что распадается на куски иногда сферической формы; трещинки выполняются бѣлыми кристаллами какой-то соли, которые образуютъ коническіе или монетообразные аггрегаты. Вѣроятно, большое присутствіе солей и дѣлаетъ эту часть долины пустынною и почти буквально лишаетъ её всякой растительности. Паденіе пластовъ этихъ глинъ на сѣверозападъ подъ угломъ 20°. Не доходя 5 ли до дер. Арьку, глины смѣняются конгломератами, которые налегаютъ на глины и имѣютъ согласное паденіе NE 25° ∟ 16°. Когломераты съуживаютъ долину, такъ что превращаютъ её въ тѣсныя ворота съ совершенно отвѣсными стѣнами; дно долины совершенно голое.

По выходѣ изъ этихъ конгломератовыхъ воротъ открывается видъ на деревеньку Арьку съ ея фруктовыми деревьями. Между стволами деревьевъ блеститъ поверхность Желтой рѣки, за которой подымаются высокія и темныя горы ея праваго берега. Деревенька Арьку со своей зеленью представляетъ сильный контрастъ съ предшествующей ей картиной пустыни, который былъ еще для насъ приподнятъ гостепріимствомъ ея мирныхъ жителей.

Различіе въ климатѣ сѣвернаго и южнаго склона Ла-чи-саня очень сказывалось на состояніи растительности; на сѣверномъ склонѣ въ долинѣ Джаика

Digitized by Google

только что зацвѣталъ Rhododendron, и за тѣмъ, кромѣ Petasites sp. въ цвѣту, никакихъ другихъ цвѣтовъ мы не видали; въ долинѣ же Карына, какъ только спустились въ неё, мы уже въ верхней ея части встрѣтили кусты барбариса (Berberis integerrima?) и ивы цвѣтущими, а абрикосовыя деревья уже отцвѣли, въ деревнѣ же Арьку плоды абрикосовыхъ деревьевъ были уже съ бобъ величиной. Цвѣлъ также Peganum Harmala. Къ ю. отъ дер. Нгачжа на протяженіи $^1/_2$ версты внизъ по долинѣ онъ единственное растеніе, попадающееся на днѣ долины; ниже же вплоть до конгломератовыхъ воротъ и онъ исчезаетъ, и тутъ полное отсутствіе растительности. Да и зелень Арьку чуть не исключительно обязана рукамъ человѣческимъ.

Подходя къ Арьку, А. И. Скасси убилъ нѣсколько экземпляровъ розовыхъ птицъ Carpodacus Stoliczkae.

Деревня Арьку (2259 метр. надъ у. м.) лежитъ въ замкнутомъ горами мѣстѣ; на югѣ Желтая рѣка, а за ней тотчасъ же возвышаются высокія горы, которыя намъ назвали Сатанъ-моюгъ [1]); долина Карынъ у дер. Арьку не расширяется значительно и горы, сопровождающія ее, упираются въ Желтую рѣку и выше и ниже деревни. Культурный участокъ деревни не болѣе версты въ поперечникѣ. Выѣздовъ изъ долины Карынъ имѣется только два, на сѣверъ черезъ Ла-чи-сань въ въ Гумбумъ и на западъ, вверхъ по долинѣ Желтой рѣки, въ Гуй-дуй. Внизъ по рѣкѣ дороги нѣтъ. Ниже Арьку на Желтой рѣкѣ расположена тангутская деревня Рчили. Чтобы попасть въ нее изъ Арьку, нужно ѣхать сначала вверхъ по долинѣ Карына, перевалить на сѣверную сторону хребта Ла-чи-сань, потомъ изъ вершины Джаика перевалить въ вершину р. Чуньчжи и тогда повернуть назадъ и ѣхать по ней внизъ на югъ до ея впаденія въ Желтую. Я ѣздилъ въ деревню Рчили позднѣе, именно въ январѣ мѣсяцѣ 1885 года [2]). Вотъ мой путь туда. Я отправился изъ Гумбума и сначала ѣхалъ по долинѣ Джаика до его вершины, т. е. тѣмъ же путемъ, какимъ и весной 1885 года мы поднимались на хребетъ Ла-чи-сань. Поднявшись на котловину въ вершинѣ Джаика, мы увидѣли ту тропинку, по которой поднимались весной на Ла-чи-сань; она осталась у насъ теперь въ правой рукѣ; мы свернули влѣво къ сѣдловинѣ, отдѣляющей, котловину вершины Джаика отъ вершины р. Чуньчжи, которая сначала течетъ на востокъ, а потомъ поворачиваетъ на югъ и впадаетъ въ Желтую рѣку. Подъемъ изъ вершины Джаика на сѣдловину незначителенъ, и абсолютная высота этой сѣдловины замѣтно ниже высоты перевала черезъ Ла-чи-сань въ Карынъ. Когда отсюда смотришь на гребень этого хребта, то кажется, будто хребетъ Ла-чи-сань продолжается къ востоку отъ сѣдловины и сопровождаетъ правый берегъ р. Чуньчжи, а сѣдловина есть не что иное, какъ пунктъ, гдѣ къ главному хребту примыкаетъ гребень побочнаго, болѣе низкаго хребта. Въ дѣйствительности же это не такъ. Сѣдловина служитъ водораздѣломъ между водами Сининъ-мурена и Желтой рѣки, и продолженіемъ

[1]) По разсказамъ, при ихъ подошвѣ есть монастырь Танъ-фу-сы.

[2]) Я выѣхалъ изъ Гумбума 29 декабря 1884 г., вернулся 4 января 1885.

Digitized by Google

Ла-чи-сани являются горы, сопровождающія лѣвый берегъ Чуньчжи, а не правый [1]). Съ перевала дорога идетъ внизъ по долинѣ Чуньчжи на востокъ по очень удобному спуску; дно долины сначала голое, потомъ покрывается густымъ и высокимъ кустарникомъ. До поворота рѣки на югъ деревень нѣтъ; тамъ, гдѣ рѣка измѣняетъ направленіе, стоитъ тангутская деревня Чуньчжа; отсюда внизъ характеръ долины измѣняется; рѣку сопровождаютъ съ обѣихъ сторонъ отложенія лёсса; кустарники на днѣ долины исчезаютъ; картина оживляется тангутскими деревнями, которыя видны то на той, то на другой сторонѣ долины. Въ $1^1/_2$ верстахъ ниже деревни Чуньчжи отъ дороги, ведущей въ нижнюю часть долины, отдѣляется влѣво дорога, идущая въ монастырь Шячунъ, лежащій на сѣверномъ берегу Желтой рѣки ниже дер. Рчили. Лама Сэрэнъ, бывавшій въ Шячунѣ изъ Гумбума, разсказывалъ мнѣ, что эта тропинка взбирается на гребень хребта и идетъ до монастыря зигзагами, не спускаясь съ гребня. Эта дорожка потангутски называется Рчигтыгъ-кэргынъ, «желѣзная цѣнь». Въ 20 ли ниже Шячуна на томъ же лѣвомъ берегу Желтой рѣки находится мѣстность Дуа-ярнанъ-мырнанъ, населенная тангутами мусульманами, такъ называемыми Вэй-у-гунъ. Такъ какъ монастырь Шячунъ расположенъ на высокой горѣ, то изъ него видно и мѣстность Ярнанъ-мырнанъ, и горы, среди которыхъ расположенъ на правомъ берегу Хуанъ-хэ монастырь Ача-нандзунъ.

Ниже Чуньчжи въ той же долинѣ лежатъ тангутскія деревни Рдица, Меныгъ, Меныгъ-мака, Тукулака, На лѣвомъ боку долины, недалеко отъ Чуньчжи, есть монастырь Рицзагэрь. Не смотря на такое близкое сосѣдство съ долиной Карына, долина Чуньчжа нисколько не напоминаетъ ее; это долина плодородная и густо населенная. Нижнимъ своимъ концомъ она открывается въ долину Желтой рѣки; послѣдняя представляетъ въ этомъ мѣстѣ небольшое расширеніе не болѣе двухъ верстъ въ поперечникѣ, окруженное со всѣхъ сторонъ ярко-красными отвѣсными скалами песчаниковъ и конгломератовъ, напоминающими окрестности Пи-линъ-сы [2]), но безъ причудливыхъ формъ и менѣе грандіозными. Рѣка входитъ на это расширеніе съ сѣверозапада изъ тѣснаго ущелья, обтекаетъ расширеніе по сѣверному его краю, дѣлаетъ крутой загибъ на востокѣ, течетъ на западъ, и наконецъ уходитъ на востокъ. Внутри этой луки на плоскомъ мѣстѣ, тамъ гдѣ въ Желтую рѣку впадаетъ справа р. Цыкэй, расположена тангутская деревня Рчили. Чтобы попасть въ нее съ сѣвера, приходится пересѣчь Желтую рѣку. Она была покрыта льдомъ, что позволило смѣрять ширину рѣки. Я насчиталъ отъ берега до берега 70 [3]) метровъ. Подлѣ обрѣза воды находятся выступы другой породы темнаго цвѣта, точно также, какъ и въ Дондонской тѣснинѣ.

---

[1]) Отсюда хребетъ тянется на востокъ. Въ меридіанѣ города Ба-янъ-жунъ онъ ниже, чѣмъ къ западу и востоку отъ него. Въ этой пониженной его части южный склонъ его со стороны Ба-янъ-жуна крутой, сѣверный со стороны Нянь-бо-сяня—пологій.

[2]) Пи-линъ-сы—мѣстность на сѣверномъ берегу Желтой рѣки, ниже Санъ-чуани; о ней будетъ сказано въ концѣ этой части.

[3]) Это было 30 декабря 1884 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Цѣлью этой моей поѣздки была не деревня Рчили, а Ача-нандзунъ, монастырь, принадлежащій монахамъ одной буддійской секты санаспа и находящійся къ югу отъ этой деревни. Переночевавъ въ Рчили, я отправился далѣе. Дорога у самой деревни пересѣкаетъ рѣчку Цыкэй, впадающую въ Желтую рѣку ниже деревни, и входитъ въ тѣсный и глубокій оврагъ, вырытый въ отложеніяхъ красныхъ песчаниковъ и глинъ. Въ вершинѣ этого оврага дорога переваливаетъ въ другую, болѣе западную долину, въ которой и находится монастырь монаховъ санаспа. Онъ расположенъ на днѣ узкой долины, у праваго ея бока, среди размытыхъ отложеній краснаго песчаника, образующаго отвѣсныя скалы, иногда оригинальныхъ формъ въ видѣ сахарныхъ головъ и т. п.

Монахи санаспа отличаются отъ послѣдователей Цзонкавы многими внѣшними чертами. Они бываютъ женаты и живутъ не въ монастыряхъ, а по деревнямъ, такъ что при ихъ храмахъ находятся только сторожа; безмолвіе храмовъ нарушается только во время праздниковъ, когда санаспа съѣзжаются и совершаютъ въ храмѣ богослуженіе. Во время служенія санаспа одѣваются не въ желтое платье, а красное; и шапка ихъ (шяма), и оркимджи краснаго цвѣта. Волосы не бреютъ, а заплетаютъ въ косу, которую наматываютъ вокругъ головы въ родѣ тюрбана. Въ храмахъ санаспа центральное мѣсто занимаетъ статуя бога Урджянъ-рембучи (Падма самбава?), о которомъ разсказываютъ, что онъ воплотился на землѣ за тѣмъ, чтобъ уничтожить свирѣпствовавшее на ней девятиголовое чудовище Рсомбу. Урджянъ-рембучи имѣлъ на землѣ двухъ женъ, почему подлѣ его статуи всегда ставятся двѣ женскія статуи. Эти жены имѣли небесное происхожденіе. Гелюнговъ у санаспа нѣтъ. Въ Ача-нандзунѣ живетъ гэгэнъ; какъ онъ, такъ и его свита имѣли обритыя головы, какъ у ламъ. Въ богослуженіи у санаспа съ ламами много общаго; во время служенія хурала они также садятся въ два ряда, одинъ рядъ лицомъ къ другому; изготовляютъ балины изъ тѣста, поставляемыя на жертвенники передъ статуями. Самой почитаемой книгой санаспа называютъ Бамакатунъ, въ которой содержится исторія воплощенія Урджянъ-рембучи. Кромѣ монастыря Ача-нандзуна есть еще другой, принадлежащій также этой сектѣ; это монастырь Реконъ, который находится въ одномъ днѣ ѣзды отъ Лабрана [1]).

Именемъ санаспа или сангасва зовутъ монаховъ этой секты монголы и широнголы; тангуты зовутъ ихъ хонь. Въ Монголіи монахи этой секты не встрѣчаются или, по крайней мѣрѣ, они тамъ очень рѣдки; въ Ача-нандзунѣ я нашелъ одного монгола хошуна Гоби-мергенъ-вана, т. е. изъ центральной Монголіи; онъ меня увѣрялъ, что есть и въ Монголіи санаспа и что въ хошунѣ вышеупомянутаго вана у нихъ даже есть свой храмъ; это Хамыренъ-суме [2]).

---

[1]) Сэрэнъ говорилъ, что три мѣстности: Ача-нандзунъ, Чжагыръ-пейцзунъ и Хуланъ-юнцзунъ все равно, что три родные брата. Чжагыръ-пейцзунъ лежитъ въ долинѣ Желтой рѣки гдѣ-то выше Гуй-дуя; въ этой мѣстности нѣтъ монастыря, а живутъ въ пещерахъ въ одиночку отшельники изъ ламъ и изъ санаспа.

[2]) Г. Позднѣевъ въ книгѣ: «Очерки быта буддійскихъ монастырей», Спб., 1887, стр. 161 разсказываетъ объ особомъ классѣ духовныхъ лицъ при монгольскихъ монастыряхъ, которые называются у халхасцевъ сангасакъ. Это вѣроятно, то же, что тангутскіе санаспа или хонь.

Digitized by Google

Возвращаюсь къ прерванному дневнику.

Дорога въ Гуй-дуй изъ Арьку переваливаетъ черезъ южную оконечность горъ, сопровождающихъ долину Карына съ запада, но перевалъ этотъ не труденъ, потому что упомянутыя горы въ этомъ мѣстѣ превращаются въ низкій и узкій мысъ. За этимъ мысомъ начинается широкая долина, которая тянется по сѣверному берегу Желтой рѣки до самаго Гуй-дуя.

Она имѣетъ мѣстами до 7 вер. ширины, противъ Гуй-дуя съуживается до 4 вер., а выше Гуй-дуя переходитъ въ щеки, образованныя хребтомъ, который у Пржевальскаго названъ Балекунъ. Горы, ограничивающія эту часть долины Желтой рѣки съ сѣвера, состоятъ изъ той же формаціи, какъ и горы долины Карынъ; на всемъ протяженіи ихъ видны обнаженія красной и голубой глины, мѣстами видны конгломераты. Лёссъ покрываетъ только подошву горъ и образуетъ узкія террасы вдоль нихъ, иногда возвышающіяся на 10 саж. надъ нижней террасой, по которой проходитъ дорога и которая имѣетъ безплодную гуджирную почву, обязанную вѣроятно, своимъ происхожденіемъ размыванію описанной формаціи солесодержащихъ пластовъ.

Выйдя изъ Арьку въ 9 ч. утра, въ 9 ч. 25 минутъ мы уже были въ дер. Дунигъ, которая лежитъ на Гуй-дуйской долинѣ. Дунигъ, также какъ и Арьку, населена тангутами и также, какъ и та, скрывается въ лѣсу фруктовыхъ деревьевъ. Кромѣ фруктовыхъ, около зданій встрѣчаются и другія деревья, и между прочимъ, тамариксы съ высокими до 5 саж. высоты и толстыми стволами (одинъ стволъ, смѣренный мною, имѣлъ 1 метр. 20 сантиметр. въ окружности при основаніи), Eleagnus и Nitraria Schoberi; послѣдняя въ видѣ кустовъ, роскошно развѣтвляющихся только на высотѣ $1^1/_2$ метровъ надъ земною поверхностью.

Отъ дер. Дунигъ тянется на в. на протяженіи цѣлой версты лѣсъ изъ тамариксовъ; дорога проходитъ внутри лѣса; деревья имѣютъ большею частью до 2 саж. высоты. Никакихъ другихъ растеній, кромѣ тамариксовъ, ни многолѣтнихъ, ни однолѣтнихъ въ этомъ лѣсу не было. Гуджирная почва совершенно голая и только подлѣ древесныхъ стволовъ прикрыта опавшей съ деревъ и побурѣвшей хвоей. Лѣсъ этотъ представляетъ картину рѣдкую для здѣшней Азіи, и по своему своеобразію заслуживаетъ помѣщенія въ альбомѣ видовъ, интересныхъ для ботаника.

На западномъ концѣ рощи ростъ тамариксовъ мельчаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ они отходятъ къ югу отъ дороги на прибрежные галешники Желтой рѣки, и терраса, по которой проходитъ дорога, или является совершенно обнаженною, или, и то только въ рѣдкихъ мѣстахъ, покрывается разсѣянными кустами хармыка, барбариса (Berberis kaschgarica?), ортыта (Astragalus sp.) и Peganum Harmala (потангутски ванга).

Пашенъ на этой террасѣ, вслѣдствіе ея гуджирной почвы, нѣтъ. Пржевальскій назвалъ Гуй-дуй оазисомъ; это названіе дѣйствительно напрашивается, когда приближаешься къ городу со стороны Арьку, пересѣкая голую террасу, окруженную такими же совершенно голыми горами.

Переправа черезъ Желтую рѣку совершается противъ города на довольно

Digitized by Google

помѣстительномъ паромѣ, на которомъ сразу нашли мѣсто всѣ наши 25 муловъ и весь нашъ багажъ.

Городъ Гуй-дуй небольшой въ родѣ Гу-ша-и или Лау-ва-чена и далеко меньше городовъ Си-нина и Нянь-бо. Тангуты зовутъ его Чика — «собака». Онъ лежитъ на высотѣ 2268 метр. надъ ур. м., [1]) на плоскомъ берегу Желтой рѣки, между двумя рѣчками, которыя текутъ въ неё изъ южныхъ горъ. Рѣчки эти раздѣлены горной грядой, которая протянулась съ юга на сѣверъ, и только версты двѣ не доходитъ до самаго города; на ея оконечности построена большая кумирня. Мѣстность вокругъ Гуй-дуя носитъ названіе Сань-коу, «трехрѣчье» или Сань-тунь, «трехградіе» или наконецъ Сы-ши-па-ху, что значитъ «сорокъ восемь селеній». Имена рѣчекъ намъ сказали: для западной Тончжу-лунва (Си-хо-танъ), для восточной Лончжу-лунва [2]) (Дунъ-хо-танъ). Имена эти не тѣ, которыя находятся у Пржевальскаго; западная у него называется Муджикъ-хэ, восточная Дунъ-хэ-цянь. По восточной намъ потомъ пришлось идти чуть не до ея вершинъ и вездѣ намъ её называли Лончжу; дунъ-хэ покитайски значитъ «восточная рѣка»; можетъ быть зовутъ её и этакъ [3]).

Гуй-дуй славится своимъ теплымъ климатомъ и дѣйствительно, за исключеніемъ грецкаго орѣха, въ этомъ городѣ, самомъ послѣднемъ, т. е. самомъ верхнемъ въ долинѣ Желтой рѣки, встрѣчаются всѣ культурныя деревья нижнихъ частей этой долины; въ здѣшнихъ садахъ встрѣчаются абрикосы, персики, груши, цзаоръ, сирень, чао-чой, (дерево, цвѣты котораго идутъ на желтую краску) и др. Въ садахъ воздѣлывается множество разныхъ цвѣтовъ, въ томъ числѣ моу-дань, Paeonia Moutan.

---

[1]) Слѣдовательно, на 465 метровъ выше саларской деревни Ши-хэ и на 773 метра выше Лань-чжоу.

[2]) Лунва потангутски рѣка.

[3]) Трехрѣчьемъ окрестный округъ называютъ потому, что тутъ, кромѣ упомянутыхъ двухъ рѣчекъ, Тончжу и Лончжу, есть еще третья: Кива-лунва; она самая восточная; у первыхъ двухъ долины съ широкимъ растворeніемъ, долина же Кива-лунвы открывается въ долину Желтой рѣки тѣснымъ отверзтіемъ и потому съ лѣваго берега Желтой рѣки ясно видно только присутствіе двухъ первыхъ долинъ.

Digitized by Google

II.

Амдоское нагорье.

Долина р. Лончжа-лунвы.—Дер. Ртыгри.—Плато Рчандза-танъ.—Ночлегъ на р. Нурынъ-джанба.—Городъ Боу-нань.—Долина р. Ланчжа-лунвы.—Плато Ганчжа-танъ.—Монастырь Лабранъ.—Монастырь Руньырь.—Монастырь Кадигерь.—Долина р. Анкуръ.—Монастырь Джони.—Тангутскій князь Янъ-тусы.—Долина Тао-хэ.—Флора пройденнаго нагорья и окрестностей Джони.

Письмо сининскаго амбаня къ гуй-дуйскимъ властямъ имѣло большое для насъ значеніе. Гуй-дуйскій мандаринъ старался выказать готовность служить намъ; намъ были присланы я-и для послугъ; они исполняли всѣ наши просьбы, и все, что мы ни просили добыть въ городѣ, было доставляемо по первому слову. Мандаринъ предложилъ было намъ измѣнить нашъ маршрутъ и направить его по болѣе безопаснымъ мѣстамъ, чѣмъ тѣ, которыя были намѣчены нами; онъ совѣтывалъ намъ идти въ Лабранъ черезъ Сюнъ-хуа-тинъ, но когда мы отказались и объявили, что пойдемъ прямо на Лабранъ, даже если намъ не будетъ дано вожака, мандаринъ уступилъ и сдѣлалъ приготовленія для отправленія насъ въ Лабранъ черезъ плато.

8 мая въ 9 ч. утра мы оставили Гуй-дуй и отправились вверхъ по долинѣ р. Лончжу [1]). Къ вечеру мы пришли въ тангутскую дер. Ртыгри, которая лежитъ на правомъ берегу р. Лончжу въ 55 ли отъ Гуй-дуя. Долина Лончжу, сначала широкая, въ 15 ли выше Гуй-дуя значительно съуживается; на всемъ протяженіи отъ Гуй-дуя до деревни Лончжу она заключена между лёссовыми горами и никакихъ другихъ породъ, кромѣ лёсса, не обнажается. Въ 25 ли отъ Гуй-дуя въ Лончжу съ востока впадаетъ р. Раза, на которой стоитъ монастырь Раза-гонпа; между Гуй-дуемъ и Раза-гонпой встрѣчаются тангутскія деревни, залитыя зеленью фруктовыхъ садовъ; кромѣ фруктовыхъ деревьевъ около нихъ встрѣчаются также и плакучія ивы и толстые и красивые тополи (Populus Przewalskii Max); выше р. Раза лежитъ дер. Лончжу и противъ нея монастырь того же имени; отсюда до дер. Ртыгри долина безлюдна и совершенно безлѣсна, но близь д. Ртыгри [2]) вновь все галешниковое дно долины поросло тополями естественнаго наса-

---

[1]) Пржевальскій пошелъ изъ Гуй-дуя по западной рѣчкѣ, которую намъ назвали Тончжу-лунва.

[2]) Названіе этой деревни намъ перевели: «барсовая гора».

Digitized by Google

жденія; однако эти деревья не достигаютъ той толщины, какая замѣчается внутри деревень; тутъ ни одно дерево не встрѣчается болѣе одного человѣческаго обхвата, тогда какъ въ деревняхъ можно видѣть тополи въ два и три обхвата. Въ монастырѣ Лончжу-гонпа живетъ тангутскій старшина въ родѣ князя (ту-сы) съ синимъ шарикомъ, который передается отцомъ въ наслѣдство сыну. Дер. Лончжу была послѣдняя съ фруктовыми садами; въ Ртыгри фруктовыхъ деревьевъ уже нѣтъ; жители дер. Ртыгри сѣютъ пшеницу, но особенно много ячменю породы «чинъ-ко», изъ котораго дѣлаютъ рцзанпу, и гороху; для масла сѣютъ ленъ и сурѣпицу (по-китайски кэй-зы). Къ в. отъ деревни изъ-за ближайшихъ лёссовыхъ горъ виднѣются верхушки высокаго хребта, которыя были при насъ покрыты сплошнымъ снѣгомъ, выпавшимъ, по всей вѣроятности, въ день 8 мая и въ ночь съ 8 на 9.

До дер. Ртыгри изъ Гуй-дуя намъ было дано четыре я-и въ провожатые; но для большей безопасности мандаринъ послалъ еще десять солдатъ, которые насъ должны были провожать до города Боу-наня. Кромѣ того, онъ прислалъ тангутскому старшинѣ, живущему въ Лончжу-гонпа, приказаніе, чтобы онъ далъ намъ 20 тангутскихъ милиціонеровъ. Эти послѣдніе представляли совершенную противоположность съ китайскими солдатами въ широкихъ курткахъ и съ повязанными на головахъ платками; тангуты были народъ мускулистый; держались они прямо, одѣты были сѣро, въ нагольныя шубы, подпоясанныя поясомъ; по обыкновенію, шубы были сильно выпущены выше пояса и висѣли мѣшками спереди и сзади; цвѣтное было видно только на коническихъ шапкахъ и на сапогахъ; на послѣднихъ были нашиты спереди красные и зеленые лампасы изъ цвѣтной бязи. Тангуты были вооружены длинными винтовками съ сошками; носили они эти винтовки за спиной въ горизонтальномъ положеніи. Тангутская милиція внушала гораздо болѣе довѣрія, чѣмъ гуй-дуйскіе солдаты и мы легко согласились отпустить послѣднихъ домой, когда наши люди посовѣтывали это сдѣлать.

10 мая мы двинулись изъ Ртыгри вмѣстѣ съ толпой милиціонеровъ. Сначала дорога идетъ по той же долинѣ р. Лончжу, какъ и до Ртыгри; налѣво отъ дороги, т. е. на сѣверовостокѣ были видны высокія горы, на которыхъ лежалъ снѣгъ; это Шенри. Послѣ часового хода прошли тангутскую деревню Миджа, гдѣ стоитъ китайскій постоянный пикетъ изъ 10 солдатъ; Миджа послѣднее осѣдлое мѣсто въ долинѣ Лончжу; выше начинается кочевое населеніе; у этой же деревни и послѣдніе тополи; выше берега рѣки голые. Впрочемъ въ сторонѣ отъ дороги на правой сторонѣ долины, говорили намъ, выше дер. Миджи, есть два монастыря, Шямучи и Гвансыръ (послѣдній по теченію выше), но съ дороги ихъ не видно. Верстахъ въ 4-хъ выше д. Мичжи дорога подходитъ къ мѣсту, гдѣ широкая долина рѣки Лончжу вдругъ превращается въ тѣсное ущелье, или щеки; выше щекъ намъ её назвали уже другимъ именемъ: Танмыръ-лунва; щеки тянутся около версты. Оставивъ щеки въ правой рукѣ, мы поднялись на сосѣднія съ ними горы. Съ нихъ мы вновь увидѣли Лончжу или р. Танмыръ, но ту часть ея, которая выше щекъ; выше ущелья Танмыръ течетъ въ расширенной до $^1/_4$ вер. долинѣ; на этой долинѣ мы увидѣли три черныя палатки и около нихъ

Digitized by Google

стада яковъ; это были первыя палатки тангутовъ, которыя намъ встрѣтились. Щеки образованы гнейсомъ, который находится въ очень рыхломъ, вывѣтривающемся состояніи. Покитайски эти щеки называются Ши-луръ-ся. Съ горъ, на которыхъ мы въ это время находились, на югозападѣ были видны бѣлки — это горы Амни-джакыръ, стоянка Пржевальскаго въ 1880 году; на сѣверовостокѣ горы Шенри, покрытыя недавно выпавшимъ снѣгомъ. Впереди тянулись невысокія горы. Чѣмъ выше мы поднимались по долинѣ Танмыра, тѣмъ горы становились площе; горные скаты здѣсь покрыты щеткой, т. е. злаками, и представляютъ прекрасныя пастбища для яковъ, которые начали встрѣчаться отъ щекъ Ши-луръ-ся. Возлѣ рѣки на днѣ долины солонцы. На дальнѣйшемъ пути горы окончательно расплылись и мы продолжали нашъ путь по высокой степи Рчандза-танъ (Дзандза-танъ), разстилавшейся между горами Шенри и Амни-джакыръ и поднятой почти на 3300 метровъ надъ ур. м. Горы Амни-джакыръ были отсюда въ 15 верстахъ. Такія высокія степи, покрытыя пастбищами и злаками, тангуты называютъ тан'ами. Это и есть тѣ «луговыя плато», которыя описываетъ Пржевальскій. Цвѣтовъ никакихъ еще не было, когда мы проходили по Рчандза-тану.

Рѣка Танмыръ выходитъ изъ болотъ этого плато. Миновавъ вершину Танмыра, на дальнѣйшемъ пути мы пересѣкли два другихъ ручья, которые не принадлежатъ уже къ системѣ Танмыра, а соединившись, уходятъ на востокъ, гдѣ видна амбразура, образуемая слѣва оконечностью горъ Шенри, справа горами, которыя можно считать состоящими въ связи съ Амни-джакыромъ. Въ эту амбразуру проходитъ дорога, ведущая въ монастырь Намутечиръ (Ламутеченъ), за которымъ лежитъ Ача-нандзунъ, монастырь хоней (санаспа), а противъ послѣдняго на другомъ, на лѣвомъ берегу Желтой рѣки расположенъ монастырь Шячунъ. На ночлегъ мы остановились въ $4^1/_2$ часа пополудни на третьемъ, считая отъ Танмыра, ручьѣ, который направляется на юговостокъ; этотъ ручей есть вершина р. Чачанъ-лунва. Весь переходъ наши провожатые оцѣнивали въ 70 ли; отсюда до Боу-наня намъ оставалось еще 70 ли; до монастыря Уруньву, который лежитъ въ верхней части той же долины, какъ и Боу-нань, только 40 — 50 ли. Но по этой болѣе прямой дорогѣ наши милиціонеры отказались вести насъ, будто бы, потому, что она неудобна для вьючныхъ животныхъ, а скорѣе можетъ быть потому, что они боялись на этой дорогѣ наткнуться на ночное нападеніе разбойниковъ.

Отсюда дорога идетъ по лѣвому боку широкой долины р. Чачанъ-лунвы, которая впадаетъ въ р. Уруньву. Рѣка течетъ въ оврагѣ, прорытомъ на нѣсколько сотъ футовъ глубины между совершенно отвѣсными ярами; дорога проходитъ по горамъ значительно выше русла ближе къ вершинамъ побочныхъ долинъ и овраговъ лѣвой стороны долины; тутъ вправо и въ особенности влѣво отъ дороги на горахъ видно много лѣсу, состоящаго изъ елей и прямоствольнаго можжевельника. Къ концу перехода дорога сразу спускается къ руслу рѣки Муджюкъ-чю (Нурынъ-джанба, по кит. Ченъ-фи-хо) съ высоты многихъ сотенъ футовъ по весьма крутому и головоломному спуску. Ширина долины между крутыми стѣнами, въ которыхъ течетъ рѣка, до 50 — 70 саженъ. Обнаженія на горахъ въ верхнемъ

Digitized by Google

горизонтѣ состоятъ въ западномъ концѣ долины изъ гнейса, который къ востоку смѣняется глинистыми сланцами; въ нижнихъ горизонтахъ бока долины состоятъ изъ песчаниковъ, конгломератовъ и лёсса. Въ началѣ спуска съ горъ къ рѣкѣ въ вершинѣ одного оврага мы увидѣли тангутскую деревню Чинакъ; отсюда по Нурынъ-джанбѣ начинается хлѣбопашество. На днѣ долины, высота котораго 2375 метровъ, скудная ея растительность уже развернулась; по рѣчному наносу вдоль рѣки были разсѣяны красивые сноповидно раскинувшіеся кусты барбариса, усыпанные кистями желтыхъ готовыхъ распуститься бутоновъ; Myricaria sp. уже цвѣла, Cargyopteris покрылся зеленью; цвѣлъ роскошно обильно здѣсь растущій Iris tigridia. Здѣсь же были нами найдены Philipaea salsa? и Cynomorium coccineum.

Стоянку въ долинѣ Нурынъ-джанбы провожавшіе насъ тангуты считали самою опасною на всемъ нашемъ пути; здѣсь мы приблизились къ мѣстностямъ, съ населеніемъ которыхъ у провожавшихъ насъ тангутовъ были какіе-то счеты. Недавно гуй-дуйскіе тангуты поймали вора изъ здѣшнихъ мѣстъ и убили его, и теперь имѣли поводъ бояться, чтобъ родственники не воспользовались нашимъ проходомъ для того, чтобъ отмстить за эту смерть. Нашъ тангутскій конвой находился подъ управленіемъ хоня (или санаспа), который очень искусно поддерживалъ во всю дорогу дисциплину въ своемъ отрядѣ. Во время пути онъ разбивалъ свой маленькій отрядъ на три части; одна часть шла впереди въ качествѣ авангарда, другая вразсыпную шла по сторонамъ каравана, третья замыкала караванъ въ родѣ арріергарда. Всѣ приказанія, которыя отдавалъ санаспа, безпрекословно исполнялись. Во время ночлега въ долинѣ Нурынъ-джанбы у тангутовъ горѣлъ всю ночь огонь и санаспа самъ его поддерживалъ; онъ разставилъ вокругъ стана часовыхъ, которые всю ночь оглашали воздухъ особеннымъ какимъ-то мудренымъ крикомъ. Этотъ родъ крика мы имѣли случай неоднократно потомъ слышать, но только у тангутовъ, живущихъ въ области между Гумбумомъ и Лабраномъ; у южныхъ тангутовъ (между Минъ-чжоу и Сунъ-паномъ) этого крика мы не слыхали. Если тангутъ, ѣдущій по дну долины, увидитъ на горѣ другихъ тангутовъ или тангутскихъ женщинъ, онъ непремѣнно пуститъ въ воздухъ этотъ крикъ; и съ горъ всегда послѣдуетъ отвѣтъ. Иногда двѣ компаніи перекликаются до тѣхъ поръ, пока не потеряютъ другъ друга изъ виду. Женщины съ такою же силою его производятъ, какъ и мужчины; словъ при этомъ никакихъ не произносится; происходитъ одна вибрація голоса.

Вечеромъ гулъ точно отъ пушечнаго выстрѣла заставилъ насъ встрепенуться. Оказалось, что саженяхъ въ ста отъ нашей стоянки обрушилась скала песчаника или конгломерата, и осыпаніе ея продолжалось всю ночь и даже на другое утро; оно происходило съ перерывами и когда отколовшаяся часть падала, къ небу взлеталъ столбъ пыли въ 20 саженъ высотой, и камни перелетали черезъ рѣку и ложились на другомъ боку долины. За ночь, при подошвѣ обвалившейся скалы, оказался насыпаннымъ огромный бугоръ.

Дальше дорога идетъ по дну долины между отвѣсными ея стѣнами; отложенія песчаниковъ и лёсса сильно размыты, особенно въ нижней части долины, гдѣ

Digitized by Google

они, на лѣвой сторонѣ долины, представляютъ причудливыя фигуры въ видѣ башенъ, зубчатыхъ гребней, столбовъ и острыхъ шпицевъ; такіе шпицы иногда поднимаются въ высоту на 10 саж. при поперечникѣ основанія не болѣе 4—5 саженъ. Дорога то и дѣло переходитъ съ одного берега рѣки на другой, а къ концу долину сжимаютъ известняковыя скалы и образуютъ непроходимую тѣснину; дорога направляется вверхъ по р. Уруньву, но чтобы попасть въ неё изъ долины Нурынъ-джанбы, она должна пересѣчь известняковый мысъ, упирающійся въ устье р. Нурынъ-джанбы. На гребнѣ этого мыса сдѣлана искусственная выемка для прохода вьючныхъ животныхъ, но недостаточно широкая, чтобы по ней могли проходить большіе вьюки; поэтому намъ пришлось со всѣхъ 25 нашихъ муловъ снимать вьюки поочередно и переносить ихъ на рукахъ людей на разстояніи 10 саженъ, а муловъ проводить безъ вьюковъ.

Нурынъ-джанба вливается въ Уруньву подъ прямымъ угломъ и рѣзко отличается отъ послѣдней рѣки своей водой; въ Уруньву вода мутная, желтая, тогда какъ въ Нурынъ-джанбѣ, на всемъ ея теченіи, пройденномъ нами, вода была свѣтлая. Отъ спуска, на протяженіи шести ли, дорога идетъ вверхъ по Уруньву лѣвымъ ея берегомъ до переправы, отъ которой до города Боу-наня остается еще 20 ли. У переправы рѣка разбивается на нѣсколько рукавовъ; самый глубокій былъ южный или восточный; въ немъ вода была выше живота лошади. Благополучной переправой мы были обязаны ловкости и услужливости провожавшихъ насъ тангутскихъ милиціонеровъ. Они сняли съ себя платье и перевели всѣхъ муловъ подъ уздцы, по два человѣка на каждаго мула. При этомъ имъ пришлось по два или даже по три раза перебродить рѣку.

Отъ переправы до города тянутся непрерывныя пашни; дорога перерыта оросительными каналами; встрѣчаются тангутскія деревни.

Городъ Боу-нань лежитъ на высотѣ 2302 метровъ надъ у. м. (на 124 метра выше Гуй-дуя), на востокъ отъ р. Уруньву, по срединѣ большой котловины, которая образуется отъ соединенія съ долиной Уруньву еще другихъ двухъ долинъ: Ланчжа-лунвы и Рчандза-лунвы; изъ этихъ послѣднихъ Ланчжа лунва проходитъ сѣвернѣе города, а Рчандза-лунва южнѣе, подъ самымъ городомъ.

Боу-наньскій мандаринъ хотѣлъ встрѣтить экспедицію со всей помпой, какая только была возможна для него. Всѣ овоціи его достались на долю А. И. Скасси, который отсталъ отъ каравана и пріѣхалъ въ городъ послѣ всѣхъ. Когда я былъ уже въ городѣ, раздался пушечный выстрѣлъ, обозначавшій, что мандаринъ куда-то выѣзжаетъ изъ своей квартиры. Онъ выѣхалъ на встрѣчу А. И. Скасси; передъ нимъ несли почетный зонтъ.

Въ Боу-нани считается до 100 домовъ; жители китайцы, тангуты и монголы, т. е. широнголы. Это самые крайніе широнголы на юговостокѣ. Языкъ у нихъ тотъ же, что и въ Сань-чуани. Въ женскомъ уборѣ мы замѣтили особенности; замужнія женщины носятъ черныя цилиндрическія шапочки въ родѣ клобуковъ; дѣвицы втыкаютъ въ косу на затылкѣ, въ видѣ украшенія, подобіе стрѣлы или кинжала, сдѣланное изъ мѣди.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

14 мая мы оставили городъ Боу-нань. Мѣстный мандаринъ распорядился обставить нашъ выѣздъ изъ города такой же помпой, какъ и прибытіе въ него. Чуть не все городское населеніе высыпало за восточныя ворота города, чтобы присутствовать при церемоніи нашего выѣзда. Когда нашъ караванъ показался изъ городскихъ воротъ, раздались три или четыре выстрѣла изъ ракетокъ.

Дальнѣйшій путь нашъ шелъ по долинѣ р. Ланчжа-лунва, которая течетъ въ Уруньву справа, какъ и Рчандза-лунва, протекающая подлѣ самаго Боу-наня. Мандаринъ проводилъ экспедицію до самой Ланчжа-лунвы; разставшись съ нимъ, мы пошли вверхъ по долинѣ, преимущественно по правому берегу рѣки. Послѣ двухъ-часоваго хода мы достигли до тангутской деревни Ира-шима. Здѣсь одинъ богатый домохозяинъ выставилъ для насъ у дороги столъ, разостлалъ войлока и пригласилъ насъ напиться чаю. Этотъ обычай мы встрѣчали у тангутовъ и въ другихъ частяхъ Амдо; они выносятъ на дорогу проходящимъ караванамъ, а также ѣдущимъ мимо мандаринамъ готовый чай или кислое молоко. Подобное гостепріимство выказало намъ тангутскій народъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ мы ранѣе привыкли представлять его. Мы ожидали увидѣть его дикимъ, угрюмымъ, недружелюбнымъ и недоступнымъ; но онъ такимъ кажется только при маломъ знакомствѣ съ нимъ; въ дѣйствительности же тангуты и гостепріимный, привѣтливый и веселый народъ, только обнаруживаются эти черты народнаго характера не сразу.

Это неожиданное угощеніе такъ задержало насъ, что намъ понадобилось полтора часа для того, чтобъ догнать свой ушедшій впередъ караванъ. Мы догнали его въ то время, какъ онъ проходилъ мимо буддійскаго монастыря Схашеръ (Цсхаша), который расположенъ на лѣвомъ берегу р. Ланчжа, на высокой конгломератовой скалѣ. Въ этомъ мѣстѣ долина р. Ланчжа съуживается въ тѣсное ущелье, тогда какъ ниже этого мѣста она имѣетъ до 1 версты ширины. Монастырь расположенъ очень живописно; скала поднимается на 10 сажень отвѣсно надъ свѣтлой быстро несущейся горной рѣчкой; вершина скалы срѣзана горизонтально и на ней протянулись бѣлыя монастырскія зданія. Кругомъ монастыря тѣсно обступили другія болѣе высокія горы. Къ сожалѣнію, здѣсь нѣтъ лѣсу; два, три тополя видны въ долинѣ, монастырскія же зданія, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя стоятъ у окраины террасы и видны съ дороги, лишены древесной тѣни.

Выше монастыря конгломератовые пласты замѣчаются только на правомъ берегу рѣки, гдѣ образуютъ отвѣсныя скалы, поднимающіяся надъ дномъ долины въ видѣ зубцовъ и башенъ; на лѣвомъ же берегу выше монастыря долину сопровождаютъ горы съ мягкими очертаніями. Конгломератовые пласты имѣютъ паденіе на О подъ угломъ 20°. Дно долины и пологіе скаты горъ у ихъ подошвы покрыты лёссомъ, который тянется узкой полосой по долинѣ и доходитъ до тангутской деревни Шонъ-пынъ.

Шонъ-пынъ стоитъ на правомъ берегу р. Ланчжа, ниже впаденія въ неё р. Нгварси; на томъ же берегу Ланчжа-лунвы, выше устья р. Нгварси, расположена другая тангутская деревня; разстояніе между обѣими не болѣе 100 саженъ. Обѣ расположены на высотѣ 7—10 саж. надъ дномъ долины, на высокой лёссовой

Digitized by Google

террасѣ, проходящей по правому берегу р. Ланчжа и прерванной оврагомъ рѣки Нгварси.

Дома въ обѣихъ деревняхъ были обставлены шохчо, т. е. сушилами для хлѣба. Сушила эти состоятъ изъ жердей до 3 саж. высоты, вертикально врытыхъ въ землю рядами и соединенныхъ между собою поперечинами на трехъ или четырехъ разныхъ уровняхъ. Намъ не довелось видѣть сушила, заложенныя снопами, но, кажется, снопы для сушки укладываются на поперечины не въ горизонтальномъ положеніи, а въ вертикальномъ; снопъ садится на поперечину верхомъ, какъ всадникъ на сѣдло, колосьями внизъ. Въ первый разъ такія сушила мы встрѣтили въ дер. Ртыгри. Деревни съ такими сушилами встрѣчаются рѣдко; кромѣ долины р. Ланчжа мы видѣли ихъ также на восточной окраинѣ Амдо, въ окрестностяхъ города Си-гу. Устройство подобныхъ сушилъ вызывается, повидимому, обиліемъ дождей и недостаткомъ въ свѣтлыхъ дняхъ. Эти сушила придаютъ тангутскимъ деревнямъ оригинальный видъ; точно это лѣса вокругъ начатаго строиться какого-то обширнаго зданія или пристань, уставленная лѣсомъ мачтъ.

Мѣсто, занятое деревней Шонъ-пынъ, не лишено красоты. Изъ нашихъ палатокъ, которыя были поставлены между сушилами на окраинѣ террасы, открывался видъ на веселую долину Ланчжа-лунвы; прямо противъ нашего лагеря поднималась высокая гора, стоящая по другую сторону долины и покрытая хвойнымъ лѣсомъ; подъ горою дно долины съ зеленѣющимися пашнями, съ мельницами и кустарниками вдоль рѣки; въ лѣвомъ краю картины тангутская деревенька Чангилакà, прячущаяся на половину за щетиной своихъ сушилъ, а на мысу впереди ея—субурганъ, окрашенный въ бѣлый цвѣтъ.

Въ окрестностяхъ Шонъ-пына растительность привѣтливѣе, чѣмъ ниже по долинѣ. Тѣневые бока ущелій поросли лѣсомъ изъ елей и сосны, къ которымъ примѣшиваются осина и кустарная береза, а также множество кустарниковъ: Berberis, Cotoneaster, ольха, потангутски пый (листья которой употребляются мѣстными жителями вмѣсто чая), до трехъ видовъ ивы и др. Цвѣтущія растенія находились только на днѣ долины; въ лѣсу цвѣтовъ еще не было. Berberis былъ еще только въ бутонахъ; но Lonicera была уже увѣшана блѣдно-желтыми цвѣтами.

Двѣ эти деревни чуть ли не самыя послѣднія осѣдлыя поселенія по долинѣ Ланчжа-лунвы; есть или нѣтъ деревни выше ихъ, не знаю, потому что мы изъ Шонъ-пына, переночевавши въ немъ, не пошли по долинѣ Ланчжа-лунвы, а свернули по р. Нгварси.

Въ долинѣ р. Нгварси, вмѣсто конгломератовъ, залегаютъ глинистые сланцы, съ паденіемъ на О. Лёссовыя отложенія въ эту долину не простираются. Въ нижней части долины Нгварси лѣсистъ только лѣвый бокъ, въ верхней оба бока лѣсисты; лѣсъ состоитъ изъ двухъ породъ или изъ елей или изъ высокоствольнаго можжевельника; здѣсь растительность еще болѣе запоздала въ своемъ развитіи; Berberis только набиралъ цвѣтъ.

Сдѣлавъ 14—15 верстъ по долинѣ р. Нгварси, дорога оставляетъ её и поднимается по сухому оврагу лѣваго бока долины на перевалъ, съ котораго спускается

Digitized by Google

въ верхнюю часть долины Ланчжа-лунвы; здѣсь эта долина имѣетъ новый характеръ; она плоская и окружена плоскими хребтами. Съ перевала было видно нѣсколько хребтовъ, которые поднимаются на юго-западѣ одинъ изъ-за вершинъ другого. О ближайшемъ въ этомъ направленіи хребтѣ намъ сказали, что онъ сопровождаетъ теченіе р. Джаса; за нимъ былъ виденъ другой, болѣе высокій, хребетъ, покрытый недавно выпавшимъ снѣгомъ [1]); это хребетъ Цани, изъ котораго течетъ р. Цани (на картѣ А. И. Скасси—Цапи); двѣ рѣки Джаса и Цани, соединившись, образуютъ рѣки Чжанджа (Рчжандза)- лунва, на которой стоитъ городъ Боу-нань. Горы Цани были видны отъ перевала на югозападѣ; на западѣ же былъ виденъ высокій и длинный хребетъ, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ; это Амни-Тунглынгъ. Онъ лежитъ въ вершинахъ р. Уруньву выше монастыря Уруньву-гонча, который наши проводники указывали подъ лѣвымъ (т. е. восточнымъ или южнымъ) мысомъ Амни-Тунглынга. Выше монастыря Уруньву-гонча, по разсказамъ нашихъ проводниковъ, залегаютъ на два дня ѣзды высокія степи Самрыгъ-танъ, выше которыхъ нѣтъ ни жилья, ни проѣзда.

Съ перевала дорога спускается къ монастырю Нгварси-гонпа, стоящему на вершинѣ р. Ланчжа, или лучше сказать на одномъ изъ правыхъ притоковъ ея вершины. Домовъ въ монастырѣ до 30; они расположены по скату горы одинъ выше другого; выше всѣхъ домовъ расположены два хуральныхъ храма, одинъ китайской архитектуры, другой тибетской. Миновавъ монастырь, дорога поднимается вверхъ по рѣкѣ, которая подлѣ монастыря течетъ на западъ; дно долины здѣсь болотисто и поросло низкимъ кустарникомъ, кажется, березой; словомъ, мѣстность имѣетъ характеръ высокаго плато. Въ вершинѣ рѣчки дорога достигаетъ до перевала Гунванига, откуда открывается видъ на новыя плоскія долины, въ которыхъ текутъ вершины притоковъ р. Да-ся-хэ или, правильнѣе, той ея вѣтви, на которой стоитъ буддійскій монастырь Лабранъ. Подъ переваломъ на рѣчкѣ лежалъ еще мѣстами снѣгъ толстыми пластами. На перевалѣ намъ впервые встрѣтился палевый макъ Cathcarthia integrifolia Maxim. Мы находимся теперь на восточной окраинѣ покатости къ р. Да-ся-хэ; долины, берущія начало на водораздѣлѣ, направляются на сѣверовостокъ и всѣ имѣютъ широкое раствореніе внизу; раздѣляющіе ихъ хребты кончаются мысами, не углубляясь далеко въ долину Да-ся-хэ. Поэтому ось картины, представившейся намъ съ перевала, была направлена на сѣверо-востокъ, т. е. въ этомъ направленіи намъ открывалась самая большая даль. Она была здѣсь ограничена частью горами противуположнаго праваго берега р. Да-ся-хэ, частью массивной горой съ тупой вершиной, въ которой мы узнали Хара-улу или Амни-тунгри, хорошо знакомую намъ по нашей зимовкѣ въ Сань-чуани. Только тогда мы имѣли случай видѣть ея сѣверный склонъ; теперь передъ нами былъ южный. Общая покатость на сѣверовостокъ была очень замѣтна для глазъ; она особенно обнаруживалась изъ направленія раздѣляющихъ долины хребтовъ и паденія

[1]) Снѣгъ этотъ выпалъ 15-го мая, въ день нашего прохода по долинѣ Нгварси; въ 10 ч. утра началъ падать дождь, который смѣнился сильной снѣжной крупой.

Digitized by Google

ихъ гребней: этихъ хребтовъ было больше вправо отъ дороги, такъ какъ въ этой сторонѣ хребты повидимому повышаются и задніе выступаютъ изъ-за вершинъ переднихъ, тогда какъ влѣво отъ дороги ближайшій болѣе высокій загораживаетъ дальніе менѣе высокіе. Всѣ они имѣли спокойные гребни, покрытые временнымъ снѣгомъ; на самый дальній изъ нихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ на самый высокій намъ указали, какъ на хребетъ, за которымъ скрывается монастырь Лабранъ.

Вторую ночь по выходѣ изъ Бу-наня мы провели подъ переваломъ въ долинѣ Намынъ-гыгъ, немного выше женскаго буддійскаго монастыря Кемпирь-гэрь (Ганчатанъ), въ которомъ находится до 20—30 домовъ. Отъ мѣстности Намынъ-гыгъ дорога направляется на юговостокъ, т. е. вкрестъ направленію побочныхъ долинъ и пересѣкаетъ ихъ по большей части ниже растворенiй, оставляя оконечности раздѣльныхъ хребтовъ въ сторонѣ въ правой рукѣ. Высокая степь, по которой проходитъ дорога, въ сѣверозападной своей части называется Ганьчжа-танъ; юговосточное ея продолженіе называется Сэрчэнъ-танъ. Воды Ганьчжа-тана, сливаясь, образуютъ рѣку Ганьчжа-лунву, воды Сэрчэнъ-тана образуютъ Сэрчэнъ-лунву; обѣ рѣки соединяются и образуютъ р. Рцугӧй. Обѣ степи были покрыты изрѣдка черными палатками кочевыхъ тангутовъ, которые принадлежатъ къ тремъ поколѣніямъ: Тоба, Мапа и Зугей и состоятъ въ вѣдѣніи лабранскаго гэгэна Джаянъджаппа-сэна. Въ сѣверномъ концѣ котловины, въ которую на сѣверъ постепенно переходятъ степи Ганьчжа-танъ и Сэрчэнъ-танъ, можно было въ бинокль разсмотрѣть бѣлѣвшійся подъ самой подошвой Хара-Улы буддійскій монастырь Чакыръ-гонпа; онъ лежитъ къ востоку отъ р. Ачи-лунва, ущелье которой виднѣлось лѣвѣе монастыря. Ачи-лунва и Гонпа-лунва представляютъ два потока южнаго склона Хара-улы; они впадаютъ соединеннымъ устьемъ въ р. Рцугӧй.

Пересѣкши Сэрчэнъ-танъ, дорога входитъ въ оврагъ, въ которомъ течетъ ручей Нагзынъ-лунва; поднимаясь по нему вверхъ, она достигаетъ до сѣдловины Нагзынъ-кика [1]); съ перевала крутой спускъ въ сухую долину; послѣдняя и выводитъ дорогу въ глубокую и узкую долину, въ которой стоитъ монастырь Лабранъ. Какъ называется рѣка, на которой стоитъ Лабранъ, хорошо узнать намъ не удалось; лабранскіе тангуты, для обозначенія ея, въ своихъ разговорахъ обыкновенно употребляли имя Сончу, но собственное ли это ея имя или нарицательное, трудно сказать; тангутскіе монахи, бывавшіе въ Лассѣ, тѣмъ же именемъ Сончу зовутъ и Яруцзампо, текущую мимо Лассы.

Передъ выходомъ изъ сухой долины на долину Сончу въ послѣдней расположена деревня Торва (Това), населенная китайцами мусульманами; улицы этой деревни завалены всякаго рода отбросами изъ человѣческихъ жилищъ, которые скопились цѣлыми буграми; вонь отъ человѣческихъ изверженій и гніющихъ нечистотъ была нестерпимая; мусульмане какъ будто этой мерзостью хотѣли лучше оттѣнить чистоту сосѣдней буддійской святыни.

Монастырь лежитъ выше деревни; его отдѣляетъ отъ деревни пустое про-

[1]) Кика потангутски перевалъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

странство въ 1/4 версты. Видъ его со стороны мусульманскаго селенія не напомнилъ намъ ни одного изъ прежде видѣнныхъ нами буддійскихъ монастырей; это былъ совсѣмъ не азіатскій видъ; точно передъ нами былъ небольшой южноевропейскій городокъ; монастырскія постройки перехватили всю долину отъ рѣки, которая течетъ подъ горами праваго берега, до подошвы горъ лѣваго бока долины; надъ крышами одноэтажныхъ келій поднимаются двухэтажныя и трехэтажныя кумирни и многоэтажные частые дома, стѣны которыхъ, чисто вымазанныя бѣлой краской, придаютъ монастырю видъ чистоплотнаго селенія. Южную Европу напоминаютъ плоскія крыши тангутскихъ кумирень и домовъ. Это пріятное впечатлѣніе отъ наружнаго вида монастыря не исчезаетъ, когда въѣдешь и внутрь его. Монастырь и внутри содержится опрятно. Никакого сравненія съ грязноватымъ Гумбумомъ. Мы проѣхали черезъ весь монастырь и нигдѣ не замѣтили не только скопленій нечистотъ, но даже отдѣльно выброшеннаго ненужнаго предмета. Улицы содержатся чисто, какъ въ Гумбумѣ содержатся только передніе дворы. Въ заворотахъ и углахъ, составляющихъ соблазнъ для пѣшеходовъ, чтобы предупредить отложеніе нечистотъ, монахи нарисовали на земной поверхности бѣлой краской священныя фигуры кумирень съ чжалцанами и ганджирами и толпа не смѣетъ осквернять эти мѣста.

Караванъ былъ проведенъ черезъ весь монастырь, потому что монастырское начальство отвело квартиру экспедиціи въ западномъ концѣ монастырѣ, въ домѣ, стоявшемъ отдѣльно за монастырской околицей. Тотчасъ же, какъ мы только вошли въ свое помѣщеніе, за нами внесли два ведра или баклаги съ кислымъ молокомъ, такъ называемымъ потангутски шю. Мѣстный обычай — привѣтствовать гостя поднесеніемъ даровъ мѣстной природы. Предлагая намъ это угощеніе, монахи говорили намъ: «Это дары природы Лабрана».

Лабранъ лежитъ на высотѣ 2982 метра надъ ур. моря. Здѣсь граница земледѣльческой культуры; выше монастыря уже нѣтъ хлѣбопашества. Мы уже разъ указывали, что буддійскіе монахи любятъ устраивать свои обители или въ мѣстностяхъ, отмѣченныхъ какимъ-нибудь необыкновеннымъ явленіемъ или въ вершинахъ горныхъ долинъ, гдѣ прекращается житейская сутолока и начинается царство пустыни. Но такое большое скопленіе монаховъ и богомольцевъ, какъ въ Лабранѣ, не могло не привлечь сюда также и людей наживы и тишина монастырской жизни нарушена; рядомъ съ монастыремъ образовалось нѣсколько селеній, которыя по всей вѣроятности существуютъ продажей припасовъ для монастыря и услугами для монастырской братіи, не всегда можетъ быть нравственными. Маленькіе монастыри въ этомъ отношеніи счастливѣе; они дѣйствительно живутъ вдали отъ мірскихъ интересовъ. Когда, поднимаясь по долинѣ, оставишь позади себя крестьянскія селенія и увидишь среди дикой невоздѣланной природы буддійскую обитель, невольно припоминаются стихи нашихъ каликъ перехожихъ: «Любимая моя мати, прекрасная пустыня! Ты пріими мене, пустыня, яко мати свое чадо, научи меня, пустыня, волю Божію творити, приведи меня, пустыня, въ небесное царство».

Мнѣ не удалось допытаться, чему Лабранъ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ. Это монастырь не древній, съ нимъ не соединено никакихъ важныхъ историче-

Digitized by Google

скихъ преданій, въ родѣ Гумбумскихъ, въ немъ нѣтъ никакихъ реликвій. Сами лабранскіе монахи говорятъ, что Лабранъ основанъ въ позднее время, когда въ краѣ этомъ уже господствовали олеты, слѣдовательно не ранѣе XVI вѣка. Мѣстное преданіе говоритъ, что земля, на которой теперь стоитъ монастырь, прежде принадлежала олетскому князю Хари-вану, а потомъ Срю-вану; что монастырь былъ основанъ по приглашенію этихъ князей, которые сами кочевали на высокомъ плато къ югу отъ вершинъ Сончу (т. е. рѣки, на которой стоитъ Лабранъ). Они пригласили будто бы изъ Индіи перваго Чжаянъ-чжаппа-сэна поселиться въ ихъ владѣніяхъ на р. Сончу и съ тѣхъ поръ Лабранъ сдѣлался резиденціей гэгэновъ этого имени, то есть послѣдующихъ перерожденій переселенца изъ Индіи. Князья дали матеріалъ на постройку монастыря, снабжали монастырь съѣстными припасами, а ихъ потомки и до сихъ поръ продолжаютъ покровительствовать этой обители. Легенду о первомъ Чжаянъ-чжаппа-сэнѣ и объ основаніи Лабрана, записанную нами отъ тангутовъ, мы помѣстили въ IV части этого изданія.

Гэгэнъ Чжаянъ-чжаппа-сэнъ, резиденціей котораго служитъ Лабранъ, самый знаменитый гэгэнъ во всемъ Амдо. Никакой другой тангутскій гэгэнъ не пользуется такой извѣстностью. Когда мы зимовали въ Сань-чуани, наши знакомые увѣряли насъ, что добиться позволенія увидѣть этого гэгэна и получить отъ него благословеніе очень трудно; что это стоитъ очень дорого, нужно истратить на подарки не менѣе четырехъ сотъ ланъ. Есть тангутскія племена, которыя признаютъ надъ собой его власть, какъ бы считая его своимъ княземъ; гэгэнъ имѣетъ даже небольшое войско, или покрайней мѣрѣ имѣетъ нѣсколько своихъ чириковъ или солдатъ. Вѣроятно какія-нибудь благопріятныя обстоятельства обогатили гэгэна подарками, и это богатство сдѣлало его самымъ важнымъ гэгэномъ въ Амдо, а важность гэгэна способствовала и процвѣтанію монастыря [1]). Въ городѣ Си-нинѣ у Чжаянъ-чжаппа-сэна имѣется свое подворье или страннопріимный дворъ подъ именемъ Хунъ-чжо-сы.

Въ настоящее время Лабранъ одинъ изъ главныхъ разсадниковъ буддійскихъ идей въ Амдо, и по вліянію своему на сѣверный Тибетъ и Монголію не уступитъ Гумбуму. Старикъ тангутъ Ами-Салунъ, котораго мы наняли въ слуги въ Лабранѣ и который совершилъ съ нами весь остальной походъ 1885 года, съ благоговѣйнымъ паѳосомъ говорилъ намъ про благочестивое трудолюбіе лабранскихъ ламъ: «Въ длинныя темныя ночи сидятъ ламы при свѣтѣ лампъ и все пишутъ и пишутъ!» Изъ отдаленныхъ угловъ не только Амдо, но даже и Монголіи стекаются сюда молодые монахи учиться и утверждаться въ вѣрѣ. Говорятъ, много здѣсь есть и бурятъ. Мы однако ни одного изъ нихъ не видали, хотя прожили въ Лабранѣ два дня. По всей вѣроятности благоразуміе, выработанное условіями практической жизни Забайкалья, подсказало имъ за лучшее спрятаться отъ насъ. Не

[1]) Такіе ламы, облеченные административной властью, не рѣдко встрѣчаются въ Амдо. Около Сань-чуани въ долинѣ Ительгола есть монастырь Сэдэнъ-гонпа; въ немъ гэгэнъ Сэдэнъ; онъ считается управителемъ части окружающаго свѣтскаго населенія (изъ тангутовъ) и имѣетъ жалованный отъ китайскаго начальства шарикъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

смотря на такое значеніе, имя этого монастыря было въ нашей литературѣ почти неизвѣстно [1]). Упоминаніе его въ русской книгѣ я встрѣтилъ всего только разъ, именно въ статьѣ Успенскаго: «Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай» (въ Зап. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. VI, 1880, стр. 187), въ которой г. Успенскій упоминаетъ, со словъ китайскаго источника, рядомъ три монастыря Ла-бу-ланъ, Цзунъ-ця и Лунъ-у, т. е. несомнѣнно Лабранъ, Шячунъ и Урунву.

Квартира наша, какъ было сказано выше, находилась въ верхнемъ концѣ монастыря. Нашъ дворъ былъ даже отдѣленъ отъ окраины монастыря нѣкоторымъ промежуткомъ. Это была прежде вилла одного богатаго нюрбы или эконома лабранскаго. Нашимъ домомъ не кончались постройки; по рѣкѣ, еще выше нашего дома, были видны два большихъ многоэтажныхъ дома, окруженныхъ садомъ, и отдѣленныхъ отъ нашего просторной площадью. Это вилла, въ которой живетъ мать нынѣшняго гэгэна Чжаянъ-чжаппа-сэна.

Въ нашемъ распоряженіи было два двора; въ дальнемъ дворѣ возвышался высокій трехъэтажный домъ тибетской архитектуры, съ утолщающимися къ основанію стѣнами, съ окнами, расширяющимися книзу и съ простѣнками между ними, расширяющимися кверху. Окна были только въ среднемъ и верхнемъ этажахъ; нижній этажъ былъ безъ оконъ; его назначеніемъ было служить помѣщеніемъ для скота. Всѣ наши мулы просторно размѣстились въ этой конюшнѣ. Часть средняго этажа заняли наши люди; остальная часть дома осталась пустою. Для меня съ женой и А. И. Скасси былъ отведенъ другой домъ, находившійся ближе къ монастырю. Онъ былъ одноэтажный; въ наше распоряженіе были отданы двѣ большія комнаты. Въ томъ же флигелѣ была еще комната; въ ней жилъ и до нашего пріѣзда лама, который считался надзирателемъ обоихъ дворовъ [2]).

Прежде, какъ намъ разсказали ламы, и на мѣстѣ нашего одноэтажнаго флигеля стоялъ такой же трехъэтажный домъ, какъ и тотъ, въ которомъ квартировали наши мулы, но онъ сгорѣлъ или, правильнѣе, сожженъ, и на мѣстѣ пожарища выстроенъ нынѣшній. У этого дома есть своя легенда, которую намъ передавали въ такомъ видѣ. Оба эти дома принадлежали нюрбѣ, то есть экономy Лабрана. Нюрба былъ человѣкъ очень вліятельный и пользовался большою властью. Онъ былъ родомъ изъ мѣстности Ду-й, лежащей на южномъ склонѣ Хара-улы. Лабранцы завидовали могуществу нюрбы; имъ не нравилось, что нюрбою не ихъ землякъ, не какой-нибудь лабранецъ, а человѣкъ изъ чужой мѣстности. Лабранскіе монахи стали интриговать противъ нюрбы. Они пустили слухъ въ народѣ, что нюрба имѣетъ преступную связь съ матерью гэгэна, что онъ и домъ свой вы-

---

[1]) Конечно наши забайкальскіе буряты давно знаютъ о существованіи этихъ монастырей; отсутствіе извѣстій о такихъ выдающихся мѣстностяхъ Тибета въ нашей литературѣ показываетъ, какъ мало сдѣлано для обобщенія знаній бурятскаго и нашего, для того, чтобы свѣдѣнія, добытыя бурятами, не пропадали для нашего знанія и притекали въ него.

[2]) Это былъ очень добродушный монахъ, родомъ изъ мѣстности Сюрючюнга, лежащей къ югу отъ Лабранской Сончу. Онъ подарилъ мнѣ пучекъ травы гуша, приносимой поклонниками изъ Индіи, павлинье перо и нѣсколько раковинъ Corbicula sp., будто бы находимой на песчаныхъ прибрежьяхъ озера Хухунора.

Digitized by Google

строилъ на западной окраинѣ монастыря для того, чтобъ удобнѣе посѣщать домъ своей любовницы, который находится тамъ же. Народъ возмутился, окружилъ домъ нюрбы, сталъ ломиться въ него, требуя отъ стражи, засѣвшей въ дому, выдачи нюрбы. Опальный вельможа тайно скрылся изъ дома и нашелъ убѣжище въ лабранѣ (дворцѣ) гэгэна.

Началась перестрѣлка между мятежниками и солдатами, защищавшими домъ; мятежники подложили огонь и сожгли домъ. Нюрба былъ тайно выпровоженъ изъ Лабрана, но тутъ вмѣшался въ исторію уже знакомый читателю (см. выше стр. 185) Ма-та-жень, бывшій предводитель мусульманскихъ повстанцевъ, потомъ перешедшій на сторону правительства. Онъ поймалъ нюрбу и сдалъ китайскимъ властямъ Си-нина, гдѣ нюрба почему-то былъ казненъ. Исторія темная и болѣе яснаго изложенія ея добиться мы не могли.

Изъ оконъ верхнихъ этажей большого дома можно было любоваться на живописный видъ монастыря. Буддійскіе монастыри не обносятся стѣнами, какъ наши. Но вмѣсто стѣнъ Лабранъ окружаютъ низенькія галлереи или деревянные навѣсы съ молитвенными цилиндрами. Эти навѣсы, въ видѣ отдѣльныхъ сарайчиковъ, тянутся непрерывнымъ рядомъ по всей западной окраинѣ монастыря, которая была видна изъ нашихъ оконъ. Подъ каждымъ навѣсомъ помѣщается по нѣсколько молитвенныхъ цилиндровъ, или такъ называемыхъ курдэ, обращающихся на вертикальной оси; каждый цилиндръ до 2 аршинъ высотой; всѣхъ цилиндровъ, сооруженныхъ вокругъ Лабрана, по увѣренію монаховъ, насчитывается до 1800; едва ли, впрочемъ, это не преувеличеніе. Цилиндры тщательно окрашены и расписаны, но навѣсы надъ ними самой аляповатой работы. Издали можно подумать, что видишь передъ собой ряды балагановъ, построенные въ деревнѣ для бывающихъ въ ней разъ въ году ярмарокъ. Красу монастыря составляютъ многочисленныя золотыя маковки его восемнадцати храмовъ, горящія на солнцѣ, позолоченные чжалцаны и ганьчжиры, надъ которыми надъ всѣми господствуетъ золотая крыша въ китайскомъ стилѣ резиденціи самого гэгэна или такъ называемаго лабрана, построеннаго у самой горы, на приподнятой поверхности ея подошвы. Надъ монастыремъ возвышается высокая и крутая гора; постройки такъ тѣснятся къ ней, что обрушивающіеся съ горы камни должны падать на монастырскія кровли. Верхи окружающихъ горъ покрыты хвойнымъ лѣсомъ, а въ нижнемъ уровнѣ горные скаты покрыты кустарниками караганы, которая въ это время была залита цвѣтами любимаго буддистами желтаго цвѣта. Солнце, золото и растительность какъ будто сливались въ общемъ согласіи, чтобы символизировать торжество буддизма.

Сопровождавшій насъ чиновникъ сининскаго амбаня Ванъ имѣлъ съ собой письмо амбаня, чтобы вручить лабранскому гэгэну. Послѣдствія этого письма не замедлили обнаружиться и подтвердили увѣренія нашего ламы Сэрэна о сильной власти амбаня въ этомъ краѣ. Гэгэнъ назначилъ намъ ауедіенцію и прислалъ сказать, что онъ очень радъ нашему пріѣзду и что за все время нашего пребыванія онъ принимаетъ на свой счетъ содержаніе нашего скота и нашихъ людей. На слѣдующій день А. И. Скасси и я отправились въ лабранъ гэгэна поблагодарить его

Digitized by Google

за доброе расположеніе къ намъ. Съ нами пошли почти всѣ наши люди, горѣвшіе благочестивымъ желаніемъ получить отъ святителя благословеніе и прикоснуться челомъ къ святынямъ лабрана. Мы шли пѣшкомъ по какому-то кривому переулку, проходившему подлѣ скалистой подошвы горы, можетъ быть по той самой тропинкѣ, по которой убѣгалъ изъ своего дома злополучный нюрба. Этотъ переулокъ уперся наконецъ въ небольшія китайскія ворота. Пройдя черезъ одинъ или два небольшихъ двора, мы очутились въ болѣе просторномъ дворѣ; одинъ бокъ его занятъ флигелемъ, построеннымъ въ китайскомъ стилѣ; съ полдесятка или болѣе ступеней образуютъ крыльцо во всю длину флигеля. Весь флигель внутри былъ занятъ одной залой, въ которую мы и вошли, поднявшись по широкому крыльцу. Зала длинная и узкая; одинъ длинный бокъ, южный, почти сплошь состоялъ изъ оконъ и дверей; двери состояли изъ изящныхъ деревянныхъ рѣшетокъ; въ окнахъ былъ натянутъ крепъ съ вышитыми на немъ шелками цвѣтами и птицами. Противуположный бокъ залы былъ глухой; во всю длину его тянулась витрина, разбитая на мелкія клѣтки; въ каждой клѣткѣ помѣщалось изображеніе какого-нибудь бурхана или изъ бронзы или изъ другого матеріала. Съ потолка висѣли ряды разнообразныхъ китайскихъ фонарей, шарообразныхъ, шестигранныхъ и т. п.

Гэгэнъ уже ожидалъ насъ въ залѣ; онъ сидѣлъ на каѳедрѣ, устроенной въ одномъ концѣ залы (восточномъ). Каѳедра эта была не что иное, какъ нѣсколько четвероугольныхъ подушекъ или тюфяковъ, положенныхъ одинъ на другой. Такихъ тюфяковъ кладется или семь или девять, смотря по важности возсѣдающаго лица. Сзади подушекъ приставляется вертикальная спинка, обитая матеріей съ вышитыми на ней фигурами или буквами. Подушки эти лежали на возвышеніи въ родѣ китайскаго кана, который былъ устроенъ во всю ширину залы. Передъ гэгэномъ стоялъ красный столикъ на коротенькихъ ножкахъ. На плечи гэгэна была накинута желтая шелковая мантія; на головѣ надѣта діадема. Стѣна за спиной гэгэна была сплошь заставлена хоругвями, колесами вѣры и разными церковными принадлежностями, церковной и нецерковной утварью, между которой красовался и простой русскій фаянсовый молочникъ. Передъ гэгэномъ возлѣ хана стояли два монаха, драпировавшіе свои торсы и руки въ лоскуты темнокраснаго тибетскаго сукна; одинъ стоялъ правѣе, другой лѣвѣе. Они служили посредниками при нашемъ разговорѣ съ гэгэномъ и при передачѣ знаковъ привѣтствія.

Всѣ мы, я, А. И. Скасси, лама Сэрэнъ, Сантанъ-джимба и остальные наши слуги заблаговременно запаслись хадаками, т. е. лоскутами шелковой матеріи разнаго достоинства, сообразно съ положеніемъ каждаго. Поочередно одинъ за другимъ мы подходили къ гэгэну и подносили ему хадаки, перекинутые на кисти рукъ; стоявшіе подлѣ кана монахи принимали эти дары. Буддисты изъ нашей компаніи дѣлали земные поклоны и получали отъ гэгэна благословеніе.

Когда церемонія поднесенія хадаковъ и поклоненія кончилась, насъ пригласили сѣсть на мѣста, предназначенныя для гостей. Отъ кана вдоль обѣихъ боковыхъ стѣнъ были настланы тюфячки или плоскія подушки, а передъ ними наставлены столики на коротенькихъ ножкахъ. Насъ усадили за эти столики, подали чай

Digitized by Google

и къ нему разныя лакомства. Когда мы раскланялись и ушли домой, эти лакомства были отнесены на нашу квартиру.

Послѣ первой аудіенціи я былъ въ лабранѣ гэгэна еще одинъ только разъ, А. И. Скасси былъ въ немъ чаще. Онъ занимался въ лабранѣ фотографированіемъ, дѣлалъ снимки съ гэгэна, съ приближенныхъ къ нему ламъ и съ пріемной залы. Гэгэнъ снимался и стоя и сидя въ креслахъ и сидя на своей каѳедрѣ въ парадной залѣ. Ламы въ Лабранѣ отнеслись къ фотографіи безъ всякаго предразсудка [1]). Гэгэнъ держался во время этихъ частныхъ посѣщеній очень просто. Время свое онъ обыкновенно проводитъ въ небольшой кельѣ не болѣе пяти шаговъ въ поперечникѣ; одѣвается совершенно такъ же, какъ и остальные ламы, кутая свое тѣло въ складки темнокраснаго тибетскаго сукна. На видъ гэгэну было лѣтъ подъ сорокъ; такъ можно было дать ему, научившись не обманываться тангутской наружностью, имѣющей свойство скрадывать лѣта. Роста онъ былъ средняго, немного сутуловатъ, безъ признаковъ наклонности къ ожиренію. Объ уровнѣ его умственныхъ способностей намъ трудно было судить; конечно ни затворническая жизнь съ дѣтства, ни тибетская книга не могутъ сильно развивать умъ, но, какъ читатель видѣлъ, гэгэнъ не былъ лишенъ уроковъ, данныхъ самой жизнью. Родина нынѣшняго Чжаянъ-чжаппа-сэна, какъ намъ сказали, окрестности монастыря въ вершинахъ Желтой рѣки. На нашъ вопросъ, былъ ли гэгэнъ въ Лассѣ, онъ отвѣтилъ, что въ нынѣшнемъ перерожденіи не былъ, а въ прежнихъ бывалъ.

Кладовыя гэгэновъ въ Амдо и въ Монголіи бываютъ всегда завалены диковинками европейскаго искусства, которыя имъ дарятъ богомольцы, приходящіе изъ Пекина, или отъ сибирской границы. Такъ и у Лабранскаго гэгэна было не мало часовъ, шарманокъ, самоваровъ и т. д. Все это пока предметы одного удивленія. А. И. Скасси былъ свидѣтелемъ, какъ гэгэнъ, не отрываясь, переводилъ часы и увелъ ихъ на полтора часа впередъ, чтобъ только заставить куковать кукушку.

Какіе мы поднесли гэгэну подарки, кромѣ хадаковъ, я теперь не помню. Остались въ памяти только подарки гэгэна; они состояли изъ двухъ цѣльныхъ трубокъ краснаго тибетскаго сукна и глыбы какого-то особаго сахара, покрытой зеленой штукатуркой.

Мое желаніе осмотрѣть храмы Лабрана не встрѣтило со стороны ламъ ни малѣйшаго препятствія. Намъ дали провожатаго изъ лабрана гэгэна и я, въ сопровожденіи Сантанъ-джимбы и ламы Сэрэна, обошелъ почти всѣ храмы; намъ не показали только того храма, въ которомъ постоянно молится и присутствуетъ при богослуженіи самъ гэгэнъ. Всѣхъ осмотрѣно было нами храмовъ восемнадцать. Они расположены въ два ряда; одинъ рядъ проходитъ ближе къ рѣкѣ; это южный рядъ. Другой рядъ тянется параллельно южному, но дальше отъ рѣки.

---

[1]) Въ Ургѣ ламы менѣе свободны отъ незаслуженныхъ фотографіей подозрѣній. Богдо-гэгэнъ долго не позволялъ снять съ себя фотографію, или по крайней мѣрѣ ламы не позволяли ему сдѣлать это. Въ 1889 году г. Воробьеву удалось снять съ него портретъ, но для этого фотографъ былъ приглашенъ во дворецъ гэгэна, и когда онъ кончилъ свою работу, всѣ оттиски и негативы были оставлены во дворцѣ и не выпущены изъ него.

Digitized by Google

Въ сѣверномъ ряду находятся слѣдующіе храмы:

1) Рчиртунъ-чжасынъ; внутри этого храма мы нашли каѳедру гэгэна, стоящую противъ входныхъ дверей; за каѳедрой рядъ статуй; надъ ними задняя стѣна покрыта изображеніями боговъ; въ серединѣ изображенъ Шянба (Майдари). Между статуями мнѣ бросилось въ глаза стоящее влѣво отъ каѳедры изображеніе Окпыгни, въ 3 фута высоты, отлитое изъ серебра; еще лѣвѣе стоитъ статуя Миляръ-авы; этотъ богъ представленъ съ чернымъ лицомъ; онъ держитъ правую руку растопыренною около уха. Въ храмѣ очень много серебряныхъ предметовъ: серебряный позолоченный субурганъ (или чортэнъ), 15 серебряныхъ тахиловъ, серебряныя музыкальныя трубы.

2) Джолми-ртонку; внутри храма насчитываютъ до тысячи мѣдныхъ статуй дара-экэ [1]); у правой стѣны стоитъ бронзовое дерево; на каждомъ цвѣткѣ его сидитъ ошечное изображеніе дара-экэ; на всемъ деревѣ насчитываютъ до пятисотъ изоеній этой богини. Въ этомъ храмѣ стоялъ паланкинъ гэгэна.

3) Джалва-сенге-нгару; въ серединѣ храма стоитъ мѣдная статуя Ртомбы (Будды) въ двѣ сажени высоты.

4) Мамба-ндоганъ, храмъ врачей. Налѣво отъ центра храма внутри его стоитъ мамба-хчинкуръ, модель хурала; направо мамба-санкусъ, ниша, густо увѣшанная хадаками.

5) Сэртэнъ-чему. Это храмъ съ золотой кровлей въ китайскомъ стилѣ. Передъ эстрадой растутъ двѣ сосны. Внутри очень темное зданіе. Въ немъ статуя Шянбы (Майдари) въ $1^1/_2$ сажени высоты; передъ нею серебряный котелъ, наполненный искусственными цвѣтами. Около стола съ жертвоприношеніями стоятъ металлическіе жировики, бассейны которыхъ, наполненные застывшимъ саломъ, имѣютъ по $1^1/_2$ фута въ поперечникѣ. Статуя эта очень почитается вѣрующими; это одна изъ главныхъ святынь Лабрана.

6) Шяртэнъ-лаганъ. Внутри находится шестнадцать одинаковыхъ фигуръ, сидящихъ въ нишахъ въ стѣнахъ зданія; это изображеніе святого Нюртэнъ-чжичигъ, сидящаго въ пещерѣ. У одной изъ боковыхъ стѣнъ статуя богини Джолкаръ, по монгольски Цаганъ-дара-экэ. Она позолоченная; высота ея 2 фута.

7) Дюнкуръ-ндоганъ. Въ немъ около 50 изображеній святого или бога Ригденъ-нинга.

Прежде чѣмъ войдти въ восьмой храмъ, мы заглянули въ тогонную залу, т. е. въ поварню, гдѣ въ огромныхъ котлахъ (по монгольски того) варится общественный чай для братіи. Въ ней по серединѣ вмазаны четыре котла; въ каждый вливается до ста тибетскихъ ведеръ, а каждое тибетское ведро равняется тремъ-четыремъ русскимъ. По стѣнамъ поварни устроены полки, на которыхъ ставятся домбы или жбаны (по тангутски рчазый) для чая; ихъ тутъ было до полутораста штукъ.

8) Цзокчинъ-ндоганъ. Это самый обширный храмъ въ Лабранѣ. Потолокъ поддерживается 165-ю колоннами, которыя располагаются въ одиннадцать рядовъ,

[1]) Дара-экэ—женское божество; ихъ двѣ: Бѣлая, Цаганъ-дара-экэ и Зеленая, Ногонъ-дара-экэ.

Digitized by Google

считая отъ задней сѣверной стѣны до передней южной; въ каждомъ ряду по пятнадцати колоннъ. У задней стѣны рядъ статуй въ числѣ десяти, а именно: Рчагзучугни, Шянба, Джу-рембучи, Чженризегъ (Арья-Бало) и др. Изъ нихъ самая большая статуя Шянбы. Здѣсь также есть каѳедра для гэгэна. На обоихъ концахъ ряда статуй сложены томы Ганджура.

9) Урджюба-ндоганъ. И здѣсь есть каѳедра гэгэна; въ правомъ углу храма статуя восьми-рукаго Чженризега (Арья-Бало); налѣво статуя Ртомбы (Будды), а рядомъ съ каѳедрой—статуя Цзонкавы.

10) Хуиндзугъ-лаганъ. Очень небольшой храмъ. У задней стѣны противъ дверей статуя Цзонкавы; по обѣ стороны статуи стѣна занята полками, въ которыхъ за желѣзной сѣткой, уложены томы Ганджура.

11) Второй Джолми-ртонку; храмъ только что отстроенъ и внутри былъ еще пустой; для него ожидается тысяча изображеній дара-экэ, заказанныхъ въ Лама-мяо (Долонъ-норъ).

12) Тугчжи-Шянбу-лаганъ. Храмъ небольшой. Снаружи передъ эстрадой пять сосенъ. Центральное мѣсто внутри занимаетъ небольшая статуя Чженризега (Арья-Бало). Это другая важная святыня Лабрана; ламы говорятъ, что она уважается въ Лабранѣ такъ же, какъ въ Гумбумѣ каблыкъ матери Цзонкавы.

Изъ этого храма пошли къ южному ряду, черезъ садъ тунгра.

13) Рцуго-нрденъ лаганъ; это самый юговосточный храмъ въ Лабранѣ и одинъ изъ самыхъ лучшихъ. Въ серединѣ находится изображеніе злого божества Рцуго-нрденъ; на головѣ его серебрянный вѣнецъ. На боковыхъ стѣнахъ тысяча изображеній дара-экэ. Передъ статуей Рцуго-нрденъ стоитъ деревянный субурганъ изъ пяти этажей; въ каждомъ этажѣ по три ряда изображеній, по тринадцати изображеній въ ряду; всего на субурганѣ 195 изображеній. Этотъ субурганъ назвали намъ Санджи-ртонку.

14) Ртончугъ-лаганъ; одинъ изъ богатѣйшихъ храмовъ въ Лабранѣ, замѣчателенъ толстыми и высокими четырехгранными колоннами, окрашенными въ красный цвѣтъ подъ лакомъ; высота колоннъ до 5—6 саж.; колонны толщиной въ четыре четверти. Къ сожалѣнію, внутри храма темновато. Всѣ фигуры боговъ изъ мѣди. Противъ дверей мѣдная статуя Ртонбы въ полторы сажени высоты.

15) Сончжи-ртонку-лаганъ. По всей задней стѣнѣ до потолка наставлено до тысячи мѣдныхъ изображеній; въ серединѣ между ними противъ входа въ храмъ большая статуя бога Джаньянъ-гонзыкъ. Боковыя стѣны голыя. Во время нашего прихода здѣсь шло богослуженіе.

16) Джуконъ. Прекрасно обставленный храмъ, но совершенно темный, такъ что ничего не видно. Противъ дверей мѣдное изображеніе Джу-рембучи въ $1^1/_2$ сажени высоты.

17) Окпугни-чортэнъ. Это субурганъ съ храмомъ внутри. Внутри башни полость, середина которой занята какой-то постройкой. Между этой центральной постройкой и внѣшними стѣнами остается узкій ходъ въ видѣ корридора, по которому насъ и провели, такъ что въ какія двери мы вошли, въ тѣ и вышли. Стѣны

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

внутри этого темнаго корридора заставлены статуями. Только передъ самыми крупными изъ нихъ горѣли лампы, которыя немного освѣщали стѣны и позволяли убѣждаться въ существованіи статуй. Есть ходъ въ верхній этажъ башни, но туда насъ не пустили.

Въ Лабранѣ мы нашли необходимымъ нанять нѣсколько новыхъ слугъ и непремѣнно хотѣлось имѣть ихъ изъ тангутовъ. Это намъ удалось сдѣлать безъ всякихъ затрудненій, чему отчасти способствовало расположеніе къ намъ лабранскихъ властей, отчасти и то, что мы уже были окружены слугами, набранными исключительно изъ населенія сосѣдней мѣстности. Къ намъ нанялись три человѣка: одинъ старикъ Ами-Салунъ, другой среднихъ лѣтъ Гендунъ и третій молодой человѣкъ Лагу. Всѣ они оказались впослѣдствіи отличными людьми.

Доброе расположеніе къ намъ гэгэна продолжалось до конца нашего пребыванія въ Лабранѣ. Когда мы сочли наши дѣла въ Лабранѣ покончеными, гэгэнъ предложилъ намъ идти въ Соко-саджа [1]), то есть въ кочевья олётовъ, которыми управляетъ вдова Срю-вана, покровительница монастыря Лабрана и его гэгэна. Это небольшой отдѣлъ хухунорскихъ олётовъ, заброшенный далеко на востокъ и окруженный со всѣхъ сторонъ тангутами. Отъ Лабрана до этихъ олётскихъ кочевьевъ скорой ѣздой на лошади четыре дня, тихой шесть. Они раскинуты по долинѣ р. Рчцзицзуй, которая впадаетъ въ Желтую рѣку. Ѣхать туда пришлось бы черезъ верхнія части Лабранской Сончу. Гэгэнъ обѣщалъ дать намъ провожатыхъ и рекомендательное письмо къ олётской княгинѣ. Предложеніе это было очень заманчиво. Этотъ новый путь направляется черезъ мѣста, самыя малоизвѣстныя и захватываетъ самый центръ Амдо; можетъ быть рѣка Рчцзицзуй вывела бы насъ къ самому верхнему колѣну Желтой рѣки. Посѣтить затерянный въ тангутскомъ морѣ островокъ монгольскаго племени само по себѣ было интересно; мы могли разсчитывать у княгини на такой же прекрасный пріемъ, какой встрѣтили у гэгэна, и можетъ быть она дала бы намъ рекомендательное письмо къ своему сосѣду, управителю какого нибудь тангутскаго племени, кочующаго южнѣе. Лабранскіе монахи рекомендовали намъ именно такую систему: переходить отъ князя къ князю, заручаясь письмами. Къ сожалѣнію, мы были связаны необходимостью идти въ Минъ-чжоу, гдѣ насъ въ это время уже ожидалъ нашъ товарищъ М. М. Березовскій.

Мы пробыли въ Лабранѣ до 20 мая включительно и выступили изъ него 21-го числа, въ 9½ ч. утра. Въ Джони, лежащій въ долинѣ р. Тао-хэ, мы пришли 29 мая, слѣдовательно на переходъ изъ Лабрана въ Джони употребили, съ стоянками, 9 дней; собственно же переходовъ мы сдѣлали семь. На этомъ пространствѣ дорога пересѣкаетъ высокую страну, отдѣляющую долину р. Лабранъ-сончу отъ долины р. Тао-хэ. Во время первыхъ трехъ переходовъ дорога проходитъ по дну глубокихъ врѣзанныхъ въ земную поверхность до уровня въ 2800 метровъ надъ моремъ долинъ, въ которыхъ текутъ правые притоки Лабранской рѣки; на слѣдующихъ

[1]) Сокъ потангутски „монголъ“; саджа „кочевье“, „пастбище“.

Digitized by Google

двухъ переходахъ она идетъ по высокимъ, поднимающимся на 3200 и болѣе метровъ надъ уровнемъ моря, мѣстностямъ, въ которыхъ залегаютъ начала долинъ болѣе восточныхъ притоковъ той же рѣки; въ концѣ этихъ двухъ переходовъ находится перевалъ, который служитъ водораздѣломъ между Лабранской рѣкой и Тао-хэ. Отъ перевала, въ теченіи двухъ переходовъ, спускъ съ высокихъ уровней на дно долины Тао-хэ.

По выходѣ изъ Лабрана дорога идетъ сначала внизъ по долинѣ рѣки, на которой стоитъ Лабранъ. Для перехода черезъ рѣку на ея правый берегъ устроенъ мостъ въ 10 верстахъ ниже монастыря [1]) Затѣмъ дорога сворачиваетъ въ долину одного изъ правыхъ притоковъ Лабранской рѣки и по ней достигаетъ до небольшой тангутской деревни Ндами, стоящей на рѣкѣ того же имени и состоящей всего изъ 10 домовъ. Въ этой деревнѣ мы ночевали и должны были просидѣть и слѣдующій день, потому что выпалъ снѣгъ въ $^1/_2$ четверти глубиной.

Изъ долины Ндами дорога поднимается на высокій перевалъ Ндами-лярген. На перевалѣ еще лежалъ не стаявшій снѣгъ, выпавшій 22 мая; дорога была очень грязная. Съ перевала спускъ въ долину р. Лонъ-инъ, которую, въ нижней ея части, назвали намъ Рунвыръ-лунва. Дорога идетъ по этой долинѣ до соединенія ея съ болѣе значительной долиной р. Каджа или Кади, а потомъ вверхъ по Кади до монастыря Кади. Р. Кади одинъ изъ правыхъ притоковъ Лабранской рѣки, впадающій въ неё ниже Лабрана.

Горы, которыми обставлены эти долины, состоятъ изъ глинистаго сланца, какъ и около Лабрана. При впаденіи р. Рунвыръ въ Кади сланцы имѣютъ паденіе на ЮЗ 108° подъ угломъ 42°. Отложенія лёсса болѣе мощны въ долинѣ Лабранской рѣки ниже монастыря, въ побочныхъ долинахъ лёссъ встрѣчается только отдѣльными участками. Мы замѣтили небольшія отложенія лёсса около дер. Ндами, затѣмъ въ долинѣ Рунвыръ-лунвы ниже монастыря и въ долинѣ Кади ниже монастыря Кади-герь. Въ этихъ обѣихъ долинахъ лёссъ замѣченъ нами только на ихъ сѣверныхъ бокахъ; въ долинѣ Кади верхній горизонтъ лёсса, очень рѣзко очерченный, проходитъ приблизительно на высотѣ 150 футовъ надъ дномъ долины; лёссовыя отложенія залегаютъ только въ углубленіяхъ между мысами и прерываются обнаженіями сланца; въ той же части долины, южный ея бокъ совершенно лишенъ лёссовыхъ отложеній.

Эта часть дороги отъ Лабрана до Кадигеря не лишена живописныхъ картинъ. Особенно привѣтливо смотритъ долина р. Лонъ-инъ или Рунвыръ. Дно долины покрыто высокими кустарниками: Berberis integerrima Bge, Salix, Ribes; изрѣдка попадаются деревья Populus Przewalskii Maxim. На горныхъ скатахъ зеленѣются пашни; встрѣчаются тангутскія деревеньки, расположенныя обыкновенно на горныхъ скатахъ, уставленныя мачтами сушилъ и пріуроченныя преимущественно къ отложеніямъ лёсса. Много встрѣчалось отдѣльныхъ усадьбъ. Горы мѣстами покрыты

[1]) У самаго монастыря черезъ рѣку также есть мостъ, по которому проходитъ дорога, ведущая въ мѣстность Анчугъ въ вершинахъ р. Лабранъ-сончю.

Digitized by Google

хвойными лѣсами, состоящими изъ елей, иногда смѣшанныхъ съ осиной и изрѣдка съ березой. Въ верхнихъ концахъ ущелій ель смѣняется высокоствольнымъ можжевельникомъ, имѣющимъ до 3—4 саж. высоты и до 20 cm. въ поперечникѣ при основаніи. На перевалѣ Ндами-лярген цвѣла Cathcarthia integrifolia Maxim. Въ долинахъ между Ндами и Кадигерь не сѣютъ никакого другого хлѣба, кромѣ ячменя; полямъ даютъ отдыхать въ теченіи одного года и намъ нерѣдко попадались пары, сплошь обыкновенно заросшіе растеньицемъ Nyrecoum leptocarpum Hook. f. et Th.

Въ долинѣ Лонъ-инъ находится монастырь Рунвыръ-гонпа; онъ построенъ на лѣвомъ боку долины, на горномъ скатѣ, какъ и тангутскія деревни, на высотѣ нѣсколькихъ десятковъ саженъ надъ дномъ долины. Около монастыря нѣсколько частныхъ домовъ, въ числѣ которыхъ есть дянъ, содержимый китайцемъ. Въ этомъ дянѣ мы ночевали съ 23 на 24 мая. Для муловъ у китайца мы нашли горохъ, привозный. Отъ монастыря Рунвыръ-гонпа рѣку Лонъ-инъ намъ уже не называли иначе, какъ Рунвыръ-лунва.

Долина р. Кади болѣе пустынна, чѣмъ Лонъ-инъ. Отъ впаденія въ неё р. Рунвыръ-лунвы до впаденія слѣва же р. Рчанъ-лунвы эта долина имѣетъ направленіе съ с. на ю.; у такихъ долинъ оба бока бываютъ одинаково освѣщены и нагрѣваемы солнцемъ и потому онѣ по большей части и бываютъ безлѣсны и отмѣчены тощей растительностью.

Монастырь Кадигерь стоитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ долина р. Каджа съуживается до 100 саж. Лѣвый бокъ ущелья у монастыря покрытъ хвойнымъ лѣсомъ; монастырскія бѣлыя кельи и красныя кумирни съ золотыми ганджирами и чжалцанами живописно расположены по скату горы ниже хвойнаго лѣса; тополевый лѣсъ, протянувшійся по дну долины вдоль рѣки, еще болѣе оживляетъ картину. Здѣсь нѣтъ частныхъ домовъ и намъ подъ ночлегъ отвели фанзу внутри монастырскаго двора. По словамъ монаховъ, въ Кадигерѣ есть свой гэгэнъ-нойонъ, т. е. владѣтельный гэгэнъ въ родѣ Сэденскаго гэгэна въ Сань-чуани, но только безъ шарика; во время нашего проѣзда гэгэна не было въ монастырѣ; онъ уѣхалъ въ Халху, для сбора милостыни.

Къ ю. отъ Кадигеря дорога, какъ было уже сказано, проходитъ по высокимъ мѣстностямъ, въ которыхъ находятся вершины правыхъ притоковъ р. Каджа, именно рѣкъ Уцзи-кугъ и Гарнанъ. Изъ долины р. Каджа дорога поднимается по р. Шигьша; съ вершинъ ея она спускается по долинѣ р. Уджа, по которой выходитъ въ долину Уцзи-кугъ, пересѣкаетъ её, опять поднимается по р. Ламнунъ, притоку Уцзи-куга, и въ вершинахъ ея достигаетъ другого перевала, у южнаго склона котораго протекаетъ р. Гарнанъ; пересѣкши долину этой рѣки, дорога входитъ въ побочную долину р. Банкынгъ-лунва, поднимаясь по ней, минуетъ монастырь Гарнанъ (Ргарциръ); оставивъ главную вершину этой рѣки съ монастыремъ Ри-тома въ лѣвой рукѣ, дорога поднимается по одной изъ ея лѣвыхъ вѣтвей до вершины, съ которой спускается еще въ одну долину р. Рененъ или Рену-лунвы и слѣдуя вверхъ по ней, наконецъ достигаетъ перевала Рену-кика, откуда начинается покатость къ р. Тао-хэ.

Digitized by Google

Всѣ эти долины: Уцзи-кугъ, Гарнанъ, Банкынгъ-кугъ, Рененъ плоски и окружены плоскими горами съ мягкими очертаніями; Уцзи-кугъ имѣетъ до 2 верстъ ширины; побочныя долины хотя уже, но тоже просторны и по большей части прямы; окрестныя горы совершенно безлѣсны. Перевалы между долинами незначительно подняты надъ днемъ долинъ; подъемы и спуски пологи. Обнаженія преимущественно состоятъ изъ глинистыхъ и кремнистыхъ сланцевъ; въ долинѣ р. Банкынгъ-кугъ на лѣвомъ боку долины есть выходы сѣраго гранита, а на правомъ появляются выходы бѣлаго мраморовиднаго известняка.

Отложенія, составляющія верхніе покровы земли, въ сѣверной части этого пространства отличаются отъ отложеній южной части. Въ сѣверной части между р. Уцзи-кугъ и монастыремъ Гарнанъ встрѣчаются отложенія лёсса, прикрытаго черноземомъ и обнаруживающагося только въ разрѣзахъ; толщина его до 1 саж.; на всемъ этомъ пространствѣ встрѣчаются тангутскія деревеньки, уставленныя сушилами; между монастырями Кадигерь и Гарнанъ, всего на протяженіи 20 верстъ, мы насчитали восемь тангутскихъ селеній [1]). Сѣютъ на этихъ высотахъ одинъ овесъ. Выше монастыря Гарнана характеръ почвы нѣсколько измѣняется; отложеній лёсса не видно; впрочемъ здѣсь рѣчки текутъ въ плоскихъ и болотистыхъ берегахъ, не дѣлая разрѣзовъ; дно долинъ и горные скаты покрыты чернозёмомъ, на которомъ образованъ дернъ, растеніями Potentilla anserina L., Polygonum viviparum L. и злаками; тангутская деревушка, лежащая немного выше монастыря Гарнана, послѣдняя осѣдлость по долинѣ Банкынгъ-кугъ. Далѣе до перевала Ренукика встрѣчаются только баныги, т. е. черныя палатки тангутовъ. Цвѣтущихъ растеній въ высокихъ долинахъ Банкынгъ-кугъ и Рену было еще очень мало; цвѣли только Carex, какая-то высокогорная Euphorbia да Caltha palustris, var. scaposa Hook. f. et Th.

Съ перевала Рену-кика, раздѣляющаго вершины рѣкъ Рену и Анкуръ, открылись обширные виды и назадъ, на сѣверъ и впередъ, на югъ. Видъ на сѣверъ развернулся передъ нами еще ранѣе, съ перевала изъ долины Банкынгъ-кугa въ долину Рену, но съ Рену-кика онъ былъ шире и яснѣе. Къ сѣверу отъ пункта нашего стоянія разстилалась гористая страна, въ которой, по словамъ нашихъ спутниковъ тангутовъ, развѣтвляются притоки р. Дзурге-лунвы, впадающей въ р. Каджа. Рену есть одинъ изъ притоковъ Дзурге-лунвы, тогда какъ Гарнанъ съ Банкынгъ-лунвой и Уцзи-кугъ съ Ламнынomъ принадлежатъ къ системѣ р. Каджа-лунвы. Другой притокъ Дзурге-лунвы, сосѣдній съ Рену и текущій восточнѣе, называется Миджа-зутукъ. Эта гористая страна на сѣверѣ ограждена двумя высокими, крутой стѣной поднимающимися, хребтами; о западномъ, болѣе высокомъ и болѣе длинномъ, нашъ спутникъ и слуга старикъ Салунъ сказалъ, что западная, болѣе высокая, его часть называется Амни-нанджи (Амни-нанчинъ), а восточная Шикча-амни. На картѣ А. И. Скасси эти горы названы Гоуаръ. По южную сто-

[1]) На южной сторонѣ перевала Дерда-кика дер. Кансунъ (Гахца); въ долинѣ Уцзи-кугъ двѣ деревни; въ долинѣ р. Ламнунъ двѣ деревни: Ламнунъ и Рэсэрь; въ долинѣ р. Гарнанъ на лѣв. берегу рѣки деревни Чиру и Тунагыръ; въ долинѣ р. Банкынгъ-лунвы деревня выше монастыря Гарнанъ.

Digitized by Google

рону этого хребта течетъ р. Дзурге-лунва, на сѣверной же сторонѣ его стоитъ городъ Хэ-чжоу; къ ю. отъ хребта живутъ тангуты, къ с. китайцы. Къ в. отъ хребта Шикча-амни былъ виденъ еще хребетъ, какъ бы его восточное продолженіе. Старикъ Салунъ назвалъ его Чабрыгъ; онъ казался ниже предъидущихъ, но онъ болѣе скалистъ и имѣетъ зубчатый гребень; соединяется ли онъ съ прежде упомянутыми, судить съ перевала было нельзя, потому что пунктъ соединенія хребтовъ былъ загороженъ одной изъ ближестоящихъ горъ.

На югъ отъ перевала на первомъ планѣ было видно начало долины р. Анкуръ съ округленными горами по бокамъ; внизу долина вскорѣ заворачивается на лѣво; далѣе за этимъ первымъ планомъ видны спускающіеся хребты съ округленными гребнями, сбѣгающіе къ югу, а за ихъ пониженными концами, замыкая картину, вздымается огромный хребетъ съ пятнами, повидимому, вѣчнаго снѣга. Это страна Тебу, лежащая уже на правомъ, т. е. противуположномъ берегу р. Тао-хэ, т. е. хребетъ, въ которомъ живетъ дикое тангутское племя Тебу. Воздухъ былъ сильно насыщенъ парами, потому формы хребта были очень неясны, а вершина хребта и совсѣмъ скрывалась въ облакахъ.

Первое тангутское селеніе въ долинѣ Анкура называется Гарчикъ; мы остановились на ночлегъ въ слѣдующей тангутской деревнѣ Кайянъ, въ домѣ пріятеля нашего рабочаго Гендуна, очень зажиточнаго тангута, имѣвшаго до 30 яковъ и большой домъ.

Тангуты долины Анкуръ принадлежатъ къ племени Джони. Въ этой долинѣ мы, кажется, въ первый разъ увидѣли настоящихъ тангутскихъ породистыхъ собакъ. Всѣ онѣ были черной масти, съ густыми длинными волосами по бокамъ шеи, висѣвшими, какъ воротъ рубахи. Меня съ женой помѣстили въ передней части усадьбы; А. И. Скасси отвели галлерею въ верхнемъ этажѣ одной задней постройки, такъ что, посѣщая его, приходилось влѣзать по приставленному бревну съ зарубками въ родѣ тѣхъ крылецъ, которыя встрѣчаются и въ нашихъ деревняхъ. Помѣщеніе на такихъ галлереяхъ тѣмъ удобно, что избавляетъ отъ излишней толпы. Впрочемъ тангутскіе зѣваки въ деревнѣ Кайянъ не казались намъ надоѣдливыми, такъ какъ для насъ самихъ было интересно приглядѣться къ нимъ. По большей части къ намъ въ помѣщеніе набирались женщины посмотрѣть на русскую женщину. Почти всѣ онѣ имѣли въ рукахъ молитвенныя мельницы на стержнѣ и постоянно заставляли ихъ вертѣться. Наши хозяйки, жена хозяина и его сестра, также были очень набожны, и въ то время, какъ мы гостили въ ихъ домѣ, исполняли обѣтъ молчанія, который онѣ наложили на себя въ угоду богамъ на нѣсколько дней.

Отъ деревни Анкуръ-кайянъ до Джони остается еще два перехода: одинъ до китайскаго города Джіу-ченъ (потангутски Вади-куарь), другой до Джони. Дорога идетъ внизъ по долинѣ Анкура только до соединенія съ нимъ съ правой стороны долины Самуръ [1]), минуя на этомъ протяженіи четыре тангутскихъ деревни [2]). Ниже устья

[1]) Два эти имени тангуты иногда спариваютъ; говорятъ: Анкуръ-Самуръ.

[2]) Анкуръ-кунса, Вамыръ и двѣ деревни при устѣ Самура.

Digitized by Google

Самура дорога оставляетъ долину Анкура въ правой рукѣ и идетъ черезъ горы, внутри которыхъ пересѣкаетъ двѣ долины; въ нихъ текутъ рѣки Шюга-джанкуръ (въ этой долинѣ влѣво отъ дороги монастырь того же имени) и Сейсынъ, вѣроятно лѣвые притоки Анкура. Въ долинѣ Анкура отъ перевала до устья Самура горы состоятъ изъ известняковъ; изъ той же породы сложена и вершина перевала Ренукика. Лёссъ встрѣчается на днѣ долины обрывками; горные скаты покрыты дерномъ и землей. Къ ю. отъ р. Сейсынъ лёссовыя отложенія становятся значительнѣе и захватываютъ все видимое пространство, причемъ горы здѣсь получаютъ мягкія очертанія. Вмѣстѣ съ лёссомъ появляется также формація красной глины, выдѣляющей соль; послѣдняя, впрочемъ, начинаетъ попадаться уже и въ долинѣ Анкура выше Самура. Городъ Джіу-ченъ стоитъ среди плоскихъ лёссовыхъ горъ, раздѣланныхъ лѣстницеобразно террасами подъ пашни.

По выходѣ изъ Джіу-чена дорога пересѣкаетъ сначала нѣсколько овраговъ или логовъ и наконецъ спускается въ глубокій оврагъ по его лѣвому боку; этотъ-то оврагъ и выводитъ дорогу въ долину Тао-хэ въ 10 ли выше монастыря Джони-гончена (Джони-гонпа).

Горы отъ Кадигеря до Тао-хэ совершенно безлѣсны; тѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе, которое произвела на насъ прелестная долина Тао-хэ. Правда, и въ ней горы лѣваго берега были голы, но горы праваго берега, обращенныя лицомъ на сѣверъ, были покрыты густыми лѣсами. Дно долины, которая у выхода на неё дороги имѣетъ до $^1/_2$ версты ширины, было сплошь занято пашнями и представляло непрерывное море зелени, по которому были разсѣяны рощи тополевыхъ деревъ. Очень часто были слышны крики фазановъ, которые составляютъ обыкновенную принадлежность здѣшнихъ нивъ и почти вплоть подходятъ къ человѣческимъ жилищамъ. Между подошвами горъ и нивами встрѣчались усадьбы или отдѣльно или группами, живописно укрываясь въ тѣни садовъ; одна кумирня чрезвычайно красиво помѣстилась на вершинѣ отдѣльно стоящей скалы, среди растущихъ на ней кустарниковъ и деревъ.

Къ сожалѣнію, этотъ веселый характеръ долина сохраняетъ только на небольшомъ протяженіи внизъ по р. Тао-хэ; по дорогѣ къ Минъ-чжоу онъ сильно ослабѣваетъ, а ниже Минъ-чжоу, кажется, вовсе исчезаетъ; какъ далеко долина сохраняетъ этотъ характеръ вверхъ по рѣкѣ, неизвѣстно; вѣроятно и тамъ онъ скоро уступаетъ мѣсто суровымъ картинамъ амдосскаго нагорья.

Джони состоитъ изъ трехъ частей: небольшого городка, обнесеннаго зубчатой стѣной, лежащаго къ югу отъ него предмѣстья и лежащаго къ сѣверу отъ городка буддійскаго монастыря (Джони-гончень). Это имя встрѣчается въ письмѣ католическаго миссіонера Orazzio della Penna, посѣтившаго Тибетъ въ 1730; мы узнаемъ его въ спискѣ округовъ Амдо, сообщаемомъ Делла Пенной, подъ формой Chenisgungba; всего тутъ перечислено четырнадцать округовъ; кромѣ Джони-гонпа тутъ еще перечисляются Tebo, Ngabe, Chusang, Tongor, Kungbung; въ этихъ именахъ нельзя не узнать Тебу (мѣстность къ югу отъ Джони), Рнгава (мѣстность къ юговостоку отъ истоковъ Желтой рѣки), Чуйцзанъ (монастырь въ сѣверномъ

Digitized by Google

Амдо, Чэйбсэнъ Пржевальскаго), Донкыръ (городъ и монастырь къ з. отъ Синина) и Гумбумъ. Остальныя имена: Jarba, Ara, Margniu, Tzator, Tariong, Sunggiu, Korluug и Samblo ждутъ разоблаченія отъ будущихъ путешествій (см. Markham, Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet, Lond., 1879, p. 313; Ritter, Erdkunde von Asien, B. III, S. 217). Болѣе позднія упоминанія этого мѣста намъ неизвѣстны. Мы однако не были первыми европейцами, которыхъ увидѣло Джони; не задолго до насъ здѣсь побывалъ англійскій миссіонеръ г. Паркеръ, съ которымъ мы потомъ имѣли случай познакомиться.

Ами-Салунъ, старикъ тангутъ, котораго мы наняли въ Лабранѣ, говорилъ намъ, что въ старое время Джони было центромъ царства Амдо, когда оно простиралось на сѣверъ до Утая, то есть охватывало Ордосъ и Алашань. Повидимому въ народѣ сохранились преданія о какихъ-то временахъ, когда Джони имѣло важное политическое значеніе. Находятся ли въ китайскихъ или тибетскихъ лѣтописяхъ подтвержденія этому показанію, мы не знаемъ. Въ настоящее время городокъ Джони, обнесенный стѣной, служитъ резиденціей тангутскаго князя, который по-китайски называется Янъ-ту-сы, а по тангутски Джони-хомбу. Янъ—фамилія князя; ту-сы—родовой старѣйшина, родоначальникъ. Янъ-ту-сы управляетъ двумя родами тангутовъ, обитающими въ долинѣ р. Тао-хэ; одинъ называется Джони, другой, кажется, Чабри; кромѣ того ему номинально подчинено племя Тебу, живущее въ тѣсныхъ горахъ, лежащихъ къ югу отъ Тао-хэ [1]).

Мы остановились въ предмѣстьѣ, въ дянѣ, который содержалъ одинъ тангутъ. Постройки дяна ничѣмъ не отличались отъ другихъ китайскихъ фанзъ; хозяинъ дяна одѣвался совершенно по-китайски; тангутскія особенности мы замѣтили только въ костюмѣ жены хозяина. Она носила постоянно на головѣ покрышку въ родѣ чепчика, которая покрывала темя и спускалась на виски и была сплошь усажена кораллами. Тяжелыхъ подвѣсокъ къ косамъ, которыя мы встрѣчали въ Сань-чуани и въ окрестностяхъ Лабрана, висящихъ почти до земли, здѣсь мы не замѣтили, и кажется, онѣ не въ обычаѣ во всей странѣ къ югу отъ Тао-хэ.

Мы, т. е. я и А. И. Скасси, сдѣлали визитъ князю Янъ. Подходя къ воротамъ въ городской стѣнѣ, мы не могли не замѣтить двѣ клѣтки, подвѣшенныя къ стѣнѣ, одна вправо отъ воротъ, другая влѣво. Въ каждой была заключена отруб-

[1]) Фамилія Янъ встрѣчается въ исторіи Тибета. См. у о. Іоакинѳа, Исторія Тибета и Хухунора, С.-пб. 1833, ч. I, гдѣ, на стр. 99—109, излагается исторія Дискаго государства въ Бу-ду. Въ сѣверныхъ предѣлахъ провинціи Сы-чуань на южной межѣ провинціи Гань-су, т. е. въ провинціяхъ Хань-чжунъ-фу и Лунъ-ань-фу, издревле обитало тангутское племя Ди. Они дѣлились на многіе роды, управляемые собственными князьями или старѣйшинами, которые не зависѣли другъ отъ друга, но всѣ находились подъ властью Китая. Замѣчательнѣйшій изъ сихъ родовъ по его происшествіямъ былъ родъ Янъ, который въ эпоху существованія царства Тогоновъ на Хухунорѣ княжилъ въ Хань-чжунъ-фу съ королевскимъ титуломъ. Онъ существовалъ въ продолженіи 184 лѣтъ. За тѣмъ упоминаются отдѣльныя лица этой фамиліи. Дѣецъ Янъ-цзюй, родомъ изъ Цинъ-шуй, что въ Лё-янѣ, первый поселился въ горѣ Чеу-чи; внукъ его Янъ-цянь-вань первый поддался Китаю и пожалованъ княземъ; внукъ его Янъ-фэй-лунь усилился и перенесъ резиденцію въ Лё-янъ. Янъ-мао-сэу въ 296 г. по Р. Х. возвратился въ Чеу-чи. Въ 334 г. вступилъ на престолъ Янъ-и. Въ 426 вступилъ на престолъ Янъ-сюань. Въ 506 г. королевство Ди было уничтожено китайцами. Есть ли преемственность между этими древними Янами и нынѣшними, китайскій источникъ не говоритъ.

Digitized by Google

ленная человѣческая голова. Это были головы двухъ тангутовъ Тебу, казненныхъ по приговору князя за разбои на большой дорогѣ. Князь Янъ имѣетъ право приговаривать своихъ подданныхъ къ смертной казни. Племя Тебу пользуется репутаціей смѣлыхъ разбойниковъ, которые своими время отъ времени повторяемыми набѣгами держатъ въ страхѣ остальное мужское населеніе края. Высшая мѣстная власть, когда до нея доходитъ извѣстіе о разбояхъ, взыскиваетъ съ Янъ-ту-сы и требуетъ, чтобъ онъ наказалъ Тебу, но Янъ-ту-сы совершенно безсиленъ, чтобы что нибудь серьезное предпринять относительно племени. Передъ нашимъ приходомъ Тебу напали на гэгэна, ѣхавшаго въ какой-то монастырь и ограбили его; выставленныя у воротъ головы были возмездіе за это преступленіе. Намъ говорили впрочемъ, что настоящіе грабители не попали въ руки правосудія; что люди князя поймали первыхъ попавшихся Тебу и несчастные поплатились жизнью за своихъ соплеменниковъ.

Князь оказался молодымъ человѣкомъ лѣтъ 30 — 35, пріятной наружности. Отецъ его еще былъ живъ, но по старости отказался отъ управленія народомъ. Насъ принимали оба князя вмѣстѣ. А. И. Скасси снялъ фотографіи съ обоихъ князей, съ отца и сына, а также и съ дочерей старшаго князя. Старикъ питалъ нѣжное чувство къ своимъ дѣвочкамъ и непремѣнно хотѣлъ сняться съ ними вмѣстѣ. Годъ спустя послѣ свиданія съ нами, мы слышали, онъ умеръ. Взамѣнъ подарковъ, которые мы поднесли князьямъ, молодой князь прислалъ намъ китайское варенье въ деревянныхъ коробкахъ и нѣсколько большихъ картинъ собственной работы.

Рѣка Тао-хэ (потангутски Лурю-чу, какъ мнѣ сообщилъ содержатель нашего дяна) течетъ между известняковыми горами. На сѣверной сторонѣ долины горные скаты покрыты скудною растительностью, на южной же сплошь заросли лѣсомъ, кустарниками и травой и доставили мнѣ очень богатый сборъ, какого еще не было въ это лѣто. Въ трехъ верстахъ ниже Джони рѣка прибивается къ известняковой скалѣ лѣваго берега; тутъ устроенъ черезъ рѣку прочный мостъ, по которому я ходилъ часто на правую сторону долины для собиранія растеній.

Для меня переходъ отъ флоры, которую я встрѣчалъ въ долинахъ пройденнаго нагорья, къ флорѣ долины Тао-хэ, былъ очень рѣзокъ, но это можетъ быть потому, что по нагорью мы шли въ такое время, когда растительность еще не успѣла развернуться. По этой же причинѣ я не могу дать сколько нибудь полный очеркъ ея. Кромѣ того я долженъ ограничиться упоминаніемъ только тѣхъ растеній, опредѣленія которыхъ я нашелъ въ своемъ гербаріѣ, просматривая его послѣ того, какъ его разсортировалъ и снабдилъ опредѣленіями покойный К. И. Максимовичъ [1]).

На сухомъ днѣ долинъ, прорѣзывающихъ амдоское нагорье, ростутъ Thermopsis lanceolata R. Br., Lagotis brachistachya и Iris ensata Tunbg., послѣдній густыми и сплошными зарослями; изъ кустарниковъ здѣсь часто встрѣчается Berberis

[1]) За исключеніемъ тѣхъ видовъ, которые вошли въ «Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго», т. I, в. 1, опредѣленія остальныхъ сдѣланы только поверхностно.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

integerrima Bge; вдоль рѣчного русла тянутся рощи тополя (Populus Przevalskii Max.). Въ самыхъ глубокихъ долинахъ около деревень культивируются Ailanthus glandulosa, Prunus Armeniaca L., Persica vulgaris Mill., Salix babylonica L., Viburnum fragrans Bnge, Ulmus campestris L.

Горные скаты, обращенные лицомъ на югъ, покрываются кустарникомъ Caragana frutescens Dec, достигающимъ 2 метровъ высоты; на каменистыхъ солонцахъ обильно цвѣтутъ Iris Bungei и роскошные Iris Tigridia Bge. Здѣсь же встрѣчается Astragalus sp., корни котораго ѣдятъ тангуты. На сухихъ лёссовыхъ площадяхъ: Astragalus scaberrimus Bge и Cymbalaria davurica L., которую мы въ 1884 г. встрѣчали и на пекинской равнинѣ.

Горные скаты, обращенные на сѣверъ, т. е. на тѣневой сторонѣ долинъ, покрыты въ нижнихъ горизонтахъ высокими кустарниками: Prunus stipulacea Maxim., Sibiraea laevigata Maxim., Sorbus Aucuparia L., Lonicera Syringantha Maxim.; дубъ, Quercus aliena Blume, потангутски цинганъ, здѣсь встрѣчается только въ видѣ кустарника. Въ этихъ кустарникахъ встрѣчались намъ, очень впрочемъ рѣдко, Incarvillea compacta, прошлогодніе экземпляры Anemone japonica Sieb. и Aconitum Anthora L., потангутски бонва; тѣнистыя мѣста подъ скалами бываютъ заняты зарослями растенія Aquilegia athropurpurea Turcz. Болѣе высокіе горизонты на тѣневой сторонѣ долинъ покрываются хвойными лѣсами, состоящими изъ породъ: Pinus leucosperma Maxim. и Picea Schrenkiana Fisch et Mey.; въ этихъ лѣсахъ на мягкой почвѣ я находилъ растенія въ цвѣту Anemone obtusiloba Don. и Thermopsis alpina Led. и кустарникъ Daphne tangutica Maxim. (до 2 фут. высоты), а на кампяхъ Selaginella aff. helvetica. Около монастыря Рунвыръ я нашелъ въ хвойномъ лѣсу новый видъ: Isopyrum vaginatum Maxim. Высокіе горизонты, соотвѣтствующіе полосѣ хвойныхъ лѣсовъ, но обращенные на югъ, покрываются лѣсами высокоствольнаго можжевельника, Juniperus communis L., потангутски чихба; стволы этого дерева достигаютъ до 3—4 саж. высоты при 20 cm. въ поперечникѣ. На высокихъ болотахъ цвѣли во время нашего прохода Caltha scaposa Hook. f. et Thoms. и Ranunculus pulchellus C. A. Mey. На высокомъ перевалѣ Ндами-ларгенъ, къ в. отъ Лабрана, были въ цвѣту Trollius pumilus Don., Cathcartia integrifolia Maxim. и Corydalis curviflora Maxim.

Флора окрестностей Джони, судя по древесной и кустарной растительности, представляетъ продолженіе амдоской флоры; вѣроятно заросли кустарниковъ, которыя я видѣлъ, наприм., въ осеннемъ оцѣпенѣломъ состояніи въ долинѣ р. Лэугуань, къ западу отъ города Хэ-чжоу (см. выше, стр. 170) или только что проснувшимися къ жизни въ окрестностяхъ монастыря Рунвырь (стр. 238), въ пору полнаго развитія жизни представляютъ сходныя черты съ кустарными зарослями Джони. Лѣса, покрывающіе горные скаты на тѣневой сторонѣ долины Тао-хэ, состоятъ здѣсь изъ Picea Schrenkiana Fisch. Mey., нижняя окраина хвойныхъ лѣсовъ обложена зарослями кустарниковъ: Berberis diaphana Maxim. et vulgaris L. (?), Evonimus Przewalskii Maxim. et alata Sieb. (до 2 метровъ высоты), Prunus stipulacea Maxim., tomentosa Thbg. et padus L., Sibiraea laevigata Maxim., Sibiraea mongolica Maxim.

Digitized by Google

et longigemmis Maxim., Cotoneaster acutifolia, Crataegus sp. съ мелкими глубокоразрѣзанными листьями, Sorbus mycrophylla, Rubus Oldhami Miq (до 2—3 ф. высоты), Viburnum fragrans Bnge et davuricum Pall. и друг. Къ этимъ кустарникамъ примѣшиваются деревья Betula alba L. и Populus tremula L., напоминающія отдаленный сѣверъ. Въ зарослях кустарниковъ пріютилась богатая однолѣтняя и многолѣтняя флора: Paeonia anomala L., Aquilegia ecalcarata Maxim., Epimedium brevicornu Maxim., Podophyllum Emodi Wall., Heranium eriostemon Fisch., Codonopsis viridiflora, Primula Maximowitzii Regel, Lancea tibetica Hook. et Thoms., Euphorbia helioscopia L., Polygonatum officinale All. et cirrhifolium Royle, Smilacina n. sp., Paris quadrifola L. var. hexaphylla. Во время нашего пребыванія въ Джони особенную красу зарослямъ кустарника давали обильно засѣвшія по ихъ опушкамъ Primula, видъ, который остался не опредѣленнымъ К. И. Максимовичемъ, имѣющій листья, похожіе на крапивные, и низенькій, кустообразный Pedicularis, сплошь покрытый цвѣтами. Мѣстами къ кустарникамъ примѣшивается бамбукъ Phyllostachys nigra (?), который не образуетъ кустовъ, а растетъ въ разсыпную, отдѣльными стволами и образуетъ на горныхъ, иногда довольно крутыхъ скатахъ, заросли въ родѣ нашихъ камышовыхъ. Бамбукъ едва ли встрѣчается въ болѣе сѣверныхъ долинахъ Амдо; здѣсь проходитъ его сѣверная граница. Замѣчательно, что здѣсь онъ встрѣчается вмѣстѣ съ нашей сѣверной черемухой (Prunus padus L.).

Дно долины близъ Джони своей растительностью совершенно напоминало болѣе сѣверныя долины Амдо. Отъ городка внизъ до моста почва его солонцеватая и покрыта сплошными зарослями Iris ensata съ побѣжало-голубыми некрасивыми цвѣтами.

Въ Джони мы узнали, что въ Минъ-чжоу пріѣхалъ какой-то европеецъ. Мы догадались, что это М. М. Березовскій и послали къ нему человѣка съ приглашеніемъ прибыть въ Джони. Дѣйствительно это былъ онъ. Я уже разсказалъ, какъ мы оплошали и не отправили въ Хойсянь письма изъ города Синина. Получивъ мое письмо, писанное изъ Сань-чуани зимой, когда трудно было точно обозначить время нашего выѣзда изъ Сань-чуани, М. М. Березовскій, занявъ немного серебра у хойсянскихъ миссіонеровъ и нанявши рабочаго изъ хойсянскихъ крестьянъ, выѣхалъ въ Минъ-чжоу, назначенный въ моемъ письмѣ для соединенія съ экспедиціей. Срокъ, въ который мы разсчитывали прибыть въ Минъ-чжоу, потомъ значительно удлинился, потому что первоначально у насъ не входило въ планъ заходить въ Сининъ. Пребываніе въ Сининѣ, потомъ замедленіе въ Гуй-дуѣ и въ Лабранѣ оттянуло ходъ экспедиціи. Выѣхавъ въ Минъ-чжоу, М. М. Березовскій долженъ былъ прожить болѣе полумѣсяца въ самой мучительной неизвѣстности; до него не доходило ни малѣйшаго слуха о томъ, что къ Минъ-чжоу со стороны Лабрана приближается русская экспедиція. Серебро его вышло и онъ уже началъ задумываться надъ тѣмъ, не вернуться ли ему въ Хойсянь, какъ къ нему пріѣхалъ нашъ гонецъ съ извѣстіемъ, что мы въ долинѣ Тао-хэ. Получивъ это извѣстіе, онъ тотчасъ же выѣхалъ къ намъ въ Джони.

Здѣсь же въ Джони мы увидѣли и еще одного нашего соотечественника. Это

Digitized by Google

былъ забайкальскій бурятъ. Въ первый разъ онъ пришелъ къ намъ еще въ городѣ Джіу-ченѣ, и узнавъ, что мы намѣрены въ Джони прожить нѣсколько дней, онъ тоже вышелъ въ Джони; онъ имѣлъ претензіи на мѣстныхъ властей и разсчитывалъ, что мы можемъ ему помочь; онъ жаловался, что у него были украдены какими-то двумя братьями тангутами 150 ланъ серебра и онъ не можетъ выхлопотать возвращеніе ихъ. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 35; онъ свободно объяснялся по тангутски.

Въ Джони мнѣ пришлось разстаться съ моимъ пріятелемъ Самбарчей. Онъ заскучалъ по своей семьѣ и началъ увѣрять, что боится идти въ жаркую Сы-чуань, какъ человѣкъ, привыкшій къ болѣе умѣренному климату. Я долженъ былъ отпустить его.

Digitized by Google

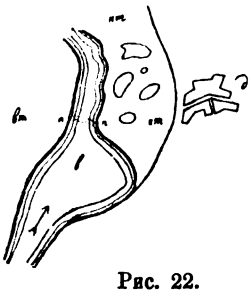
III.

Восточный склонъ Тибета.

Городъ Минъ-чжоу.—Я-ли-сань, водораздѣлъ Желтой и Голубой рѣкъ.—Долина рѣки Пей-шуй.—Городъ Си-гу.—Перевалъ Чагола.—Долина рѣки По-и-хо.—Гора Иджушань.—Долина рѣки Хэй-хо.—Перевалъ Кунгала.—Городъ Сунъ-панъ.—Долина Ксерцо.

Изъ Джони въ Минъ-чжоу двѣ дороги, одна по лѣвому берегу рѣки Тао-хэ, другая по правому. М. М. Березовскій пріѣхалъ изъ Минъ-чжоу въ Джони по лѣвому берегу, нашъ караванъ пошелъ по правобережной дорогѣ. Послѣдняя переходитъ черезъ рѣку по мосту, который находится ниже Джони въ 7 ли. Въ 14—15 ли ниже моста дорога отходитъ отъ рѣки вправо и входитъ въ тѣсную побочную долину; по дну долины течетъ ручей, а въ вершинѣ есть хвойный лѣсъ и живописно расположенный монастырь Ку-ту-сы. Съ перевала дорога спускается въ болѣе просторную долину, по которой течетъ р. Та-ю-коу; ширина рѣки до 10—12 саж.; вода свѣтлая, зеленоватаго цвѣта. Караваны проходятъ черезъ рѣку по мосту. Рѣка не глубока и дно ея ясно видно; по ней сплавляется лѣсъ. Вдоль береговъ видно много китайскихъ мелкихъ деревень. Выше этой рѣки дорога вновь выходитъ на Тао-хэ и слѣдуетъ вдоль ея до Минъ-чжоу.

Рис. 21.



У дер. Ѣ-ху-чяо, въ концѣ второго перехода отъ Джони, рѣка образуетъ порогъ; ложе ея прорыто въ пластахъ темно-сѣраго известняка, который сопровождаетъ Тао-хэ отъ Джони. Пласты идутъ поперегъ рѣчного ложа. Нынѣшнее русло порога уже вторичное; прежде рѣка текла въ болѣе широкомъ руслѣ, которое тоже было вырѣзано въ известняковой скалѣ. Старое дно, разстилающееся по обоимъ берегамъ порога, состоитъ изъ голой скалы, не покрыто наносомъ и изрыто ямами, въ которыхъ стоитъ вода, вѣроятно заливаемая въ половодье. Надъ этимъ голымъ, какъ паркетъ, дномъ, поднимаются отвѣсные старые берега, или известняковые обрывы, служащіе окраиной террасъ, покрытыхъ отложеніями лёсса. На этой-то лёссовой террасѣ и стоитъ деревня Ѣ-ху-чяо.

Рис. 22.

Digitized by Google

Рѣка передъ порогомъ расширяется, а въ самомъ порогѣ вдругъ съуживается и становится втрое менѣе. Отложенія лёсса начали встрѣчаться отъ р. Та-ю-коу; между деревнями Ву-чи и Ла-лунъ встрѣчаются разрѣзы, нижнюю часть которыхъ въ 7—8 саж. высоты составляетъ обнаженіе известняка; на этомъ известнякѣ залегаетъ слой гальки въ 2 саж. толщиной; на слоѣ гальки лежитъ лёссъ (см. рис. 21 и 22) [1]).

Верстахъ въ 4-хъ ниже дер. Ѣ-ху-чяо, около которой черезъ Тао-хэ перекинутъ другой мостъ, долина Тао-хэ становится шире и прямѣе, видъ вдоль долины становится глубже, и вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтливость природы убываетъ. Скаты горъ лѣваго берега во всю дорогу отъ Джони до Минъ-чжоу совершенно лишены лѣсной растительности; на правомъ берегу лѣса встрѣчались только до р. Та-ю-коу; ниже ея горные скаты праваго берега лишены хвойныхъ лѣсовъ, но покрыты кустарниками и лиственнымъ лѣсомъ, среди котораго видны дубъ и заросли бамбука. Впрочемъ не доѣзжая до Минъ-чжоу 20 ли (10 вер.) у дер. Та-гу-дза есть хвойный лѣсъ. У дер. Тунъ-дзе-чуань выше д. Та-гу-дза мы встрѣтили первый пирамидальный тополь.

Городъ Минъ-чжоу лежитъ на правомъ берегу Тао-хэ, на высотѣ 2321 метръ надъ ур. м., т. е. на 210 метровъ ниже Джони.

Передъ нашимъ пріѣздомъ, во время пребыванія въ городѣ М. М. Березовскаго, въ немъ случилось наводненіе. Небольшая рѣчка, у устья которой стоитъ городъ, разлилась; по улицамъ города понесло разную домашнюю рухлядь и даже свиней; жители для укрощенія расходившейся стихіи убили бѣлаго пѣтуха и бѣлую курицу и бросили въ воду.

Намъ пришлось познакомиться съ здѣшнимъ мандариномъ; это былъ человѣкъ лѣтъ 45, невысокаго роста и необыкновенно толстый. Мы къ нему обратились съ цѣлымъ рядомъ просьбъ; во первыхъ, намъ хотѣлось облегчить багажъ экспедиціи и часть его, то есть коллекціи, собранныя на пройденномъ весною пространствѣ, оставить въ Минъ-чжоу, разсчитывая захватить ихъ на обратномъ пути; во вторыхъ, мы просили мандарина отослать въ Пекинъ наши письма, написанныя въ Россію; въ третьихъ—отослать въ Синингъ нѣсколько фотографическихъ карточекъ, которыя были заказаны сининскими мандаринами и которыя А. И. Скасси не имѣлъ времени напечатать въ Синингѣ и могъ это исполнить только въ Минъ-чжоу. Къ удивленію нашему, минъ-чжоускій мандаринъ отказался принять наши письма; онъ увѣрялъ насъ, что онъ не имѣетъ права прямо сноситься съ Пекиномъ (т. е. съ цзунъ-ли-ямынемъ, «управленіемъ иностранныхъ дѣлъ»); и когда мы попросили отослать письма къ ближайшему начальству мандарина, къ сининскому амбаню или къ генералъ-губернатору провинціи Гань-су, мандаринъ все таки отказался принять письма; по его словамъ, онъ можетъ входить въ сношенія со старшими только въ томъ случаѣ, когда они требуютъ

[1]) Объясненіе знаковъ на рисункѣ 21: в—вода, вт—верхняя терраса, нт—нижняя терраса, пп—порогъ, д—деревня Ѣ-ху-чяо; на рисункѣ 22: р—рѣка, из—пласты известняка, лл—лёссъ, д—деревня Ѣ-ху-чяо.

Digitized by Google

отъ него какого-либо отвѣта, но лишенъ права входить въ сношенія съ ними по собственному почину. Это было не вѣрно; мандаринъ слѣдующаго города Си-гу, одного ранга съ Минъ-чжоусскимъ, бралъ наши письма и отсылалъ въ Пекинъ и они дошли до Россіи. Однако мы ничего не могли сдѣлать и должны были подчиниться капризу мандарина.

Карточки онъ взялся отослать въ Си-нинъ, получилъ ихъ отъ насъ, но не доставилъ, куда слѣдуетъ. Мы потомъ были въ Си-нинѣ, наводили справки и узнали, что минъ-чжоускій толстякъ оставилъ свою должность въ Минъ-чжоу послѣ нашего отъѣзда, былъ въ Сининѣ, чтобъ похлопотать о новомъ назначеніи, но ни какихъ карточекъ никому не доставилъ.

Изъ трехъ просьбъ экспедиціи онъ исполнилъ всего одну, принялъ на храненіе наши коллекціи. Онѣ были уложены въ деревянные ящики, купленные въ Минъ-чжоу, оклеены бумагой и обмазаны особеннымъ составомъ изъ свиной крови съ какими-то примѣсями. Подобный способъ предохраненія практикуется здѣсь повсюду; по увѣренію китайцевъ ни дождь, ни сырость не проникаютъ въ ящикъ обмазанный этимъ составомъ.

Вопросъ, какой дорогой направиться на югъ, занималъ насъ еще въ Джони; можно было бы пойдти въ Сунъ-панъ и прямо изъ Джони; мѣстные жители говорили, что есть вьючная дорога черезъ перевалъ Тайла, по которой прежде ходили на мулахъ, но что нѣсколько лѣтъ тому назадъ землетрясеніе испортило ее; именно въ горѣ Тайла образовался обвалъ; говорили также, что по этой дорогѣ теперь трудно будетъ прокормить муловъ. Янъ-ту-сы на отрѣзъ отказался дать намъ вожака до Таилы, а отыскать его помимо князя едва ли бы удалось; во всякомъ случаѣ это задержало бы насъ въ Джони. Поэтому мы рѣшились отказаться отъ Таилы и идти черезъ Минъ-чжоу. Вообще мулы стѣсняли насъ въ выборѣ направленія пути; если бъ мы шли на якахъ, мы смѣлѣе избирали бы болѣе западныя, болѣе нагорныя и болѣе безкормныя дороги.

Изъ Минъ-чжоу намъ не оставалось другого пути, какъ идти на Си-гу. Сначала путь идетъ вверхъ по долинѣ рѣчки, которая впадаетъ въ Тао-хэ у Минъ-чжоу; эту рѣчку намъ назвали въ разныхъ мѣстахъ различно: Лу-са-гу, Нань-гу и Чжунъ-чжянъ, а А. И. Скасси Ту-хо. Дойдя до впаденіи въ неё справа р. Саръ-гу, гдѣ, въ 20 ли отъ Минъ-чжоу, стоитъ китайская деревня того же имени, дорога по долинѣ Саръ-гу поднимается на перевалъ Я-ли-сань, который имѣетъ 2755 метровъ высоты надъ ур. м. Съ перевала дорога спускается въ долину, на днѣ которой стоитъ китайская деревня Ка-та-пу. Отъ дер. Сыръ-гу до Ка-та-пу считается 40 ли. Рѣка, на которой стоитъ Ка-та-пу, есть одинъ изъ притоковъ рѣки, которая въ нижней части своего теченія извѣстна подъ именемъ Цзинъ-цзяна и на которой стоитъ городъ Цзѣ-чжеу; слѣдовательно она принадлежитъ къ системѣ Голубой рѣки и хребетъ Я-ли-сань служитъ водораздѣломъ между бассейнами Желтой и Голубой въ меридіанѣ Минъ-чжоу. Водораздѣлъ этотъ, какъ оказывается, находится всего въ 30 не болѣе ли (т. е. въ 15 верстахъ) отъ Тао-хэ. Южный склонъ хребта Я-ли-сань сложенъ изъ глинистыхъ сланцевъ, которые въ нижнихъ уров-

Digitized by Google

няхъ долинъ прикрыты красными песчаниками, переходящими частью въ конгломератъ, частью въ красную глину.

До Ка-та-пу горы безлѣсны; долина, въ которой находится деревня Сыръ-гу, съ ея сухими горными скатами, нисколько не напоминаетъ влажныхъ и покрытыхъ зеленью окрестностей Джони. На перевалѣ между Сыръ-гу и Ка-та-пу горы покрываются перегноемъ и мягкіе ихъ скаты на нераспаханныхъ мѣстахъ одѣты густой травой, а мѣстами и мелкими кустарниками, но лѣсовъ все таки нѣтъ, за исключеніемъ однаго небольшого еловаго лѣска.

Отъ Ка-та-пу далѣе начинается новый характеръ страны. Отсюда до Сунъ-панъ-тина дорога проходитъ по роскошно одѣтымъ зеленью долинамъ, наполненнымъ влажнымъ воздухомъ. Отсюда описаніе путешествія должно бы составить одинъ непрерывный диѳирамбъ—такъ хороши, разнообразны и восхитительны картины, представляемыя этими долинами.

Изъ Ка-та-пу дорога на протяженіи 16 ли идетъ внизъ по рѣкѣ, на которой стоитъ эта деревня, затѣмъ поднимается на горы лѣваго бока ея по оврагу; рѣка уходитъ отъ дороги вправо; вторая половина дороги къ Танъ-чану есть спускъ по другому крутому оврагу. Горные скаты здѣсь были одѣты густымъ покровомъ изъ кустарниковъ.

Между Ка-та-пу и Танъ-чаномъ, кромѣ деревень, встрѣчались и отдѣльныя усадьбы съ остроконечными соломенными крышами.

Селеніе Танъ-чанъ расположено на днѣ тѣсной долины, на лѣвомъ берегу рѣки; это, можетъ быть, та же рѣка, на которой стоитъ Ка-та-пу, а если другая, то текущая параллельно съ ней. Вдоль рѣки тянется узкая терраса, которая вся и занята селеніемъ, растянувшимся на $^1/_2$ версты вдоль долины въ одинъ рядъ домовъ, такъ что все селеніе состоитъ изъ одной только набережной. Населеніе Танъ-чана состоитъ изъ китайцевъ, но въ. нѣсколькихъ ли отсюда находится резиденція тангутскаго князя, извѣстнаго у китайцевъ подъ именемъ Ма-ту-сы; его тангутскаго имени мы ни какъ не могли узнать [1]). По собраннымъ М. М. Березовскимъ свѣдѣніямъ, всего подданныхъ Ма-ту-сы считается 2000 семей, живущихъ въ 48 деревняхъ, изъ которыхъ 27 около Танъ-чана и 24 по рѣкѣ Сатани и По-и-хо [2]).

Ниже Танъ-чана, почти у самаго селенія дорога выходитъ на болѣе значительную долину, въ которой течетъ съ запада на востокъ порядочная горная рѣка. Намъ её назвали Пей-шуй, но за вѣрность этого названія мы не ручаемся. Здѣшніе китайскіе крестьяне не знаютъ названій своихъ рѣкъ и вопросъ, какъ называется

---

[1]) Эта фамилія такъ же повидимому древняя, какъ и Янъ-ту-сы. У о. Іакинѳа, въ Исторіи Тибета и Хухунора, Спб., 1833, на стр. 109 помѣщено «Прибавленіе о поколѣніи Танъ-чанъ», о которомъ сказано: Цяны Танъ-чанскаго поколѣнія суть потомки народа Сань-міао. Ихъ старѣйшины происходятъ изъ дома князя Ланъ-цзинь. Это поколѣніе жило между Китаемъ и западнымъ краемъ, т. е. въ Амдо. Упоминаются между прочимъ князья Лянъ-ми-ху въ 425 г. по Р. Х. и Лянъ-ми-цзи, умершій въ 485 г.

[2]) Подъ именемъ рѣки Сатани М. М. Березовскій разумѣетъ рѣку, которую мы въ своемъ дневникѣ называемъ Джорни. О рѣкѣ По-и-хо также будетъ рѣчь впереди.

Digitized by Google

текущая возлѣ деревни рѣка, принимаютъ какъ бы за вопросъ, какія болѣе извѣстныя мѣста на этой рѣкѣ есть. Такимъ образомъ на вопросъ о рѣкѣ Пей-шуй намъ отвѣчали, что это Цзѣ-чжоусская рѣка, т. е. хотѣли сказать, что идя по ней внизъ, можно дойти до города Цзѣ-чжоу. При этомъ отсутствіи мѣстныхъ народныхъ именъ для рѣкъ приходится обращаться къ книжнымъ источникамъ и картамъ, но, къ сожалѣнію, намъ не попалось подъ руку подробной карты провинціи Ганьсу, на которой была бы обозначена ясно рѣка Пей-шуй. Въ своемъ разсказѣ мы будемъ называть её этимъ именемъ.

Вдоль рѣки Пей-шуй мы шли три дня, до соединенія ея съ другой такой же величины рѣкой, или немного больше, которая приходитъ къ ней справа и на которой стоитъ городъ Си-гу. Долина, въ которой течетъ Пей-шуй, тѣсная, нерѣдко превращающаяся въ тѣснину, такъ что иногда на днѣ долины не остается мѣста для пашенъ. Дорога проходитъ то по лѣвому, то по правому берегу; отъ дер. Ли-чжа-пу до соединенія съ Сигусянской рѣкой намъ пришлось перейдти семь мостовъ, между которыми есть и висячіе. Встрѣчаются также и такія мѣста, гдѣ дорога проходитъ по деревяннымъ балконамъ, подвѣшаннымъ къ отвѣсной скалѣ надъ бурлящей внизу рѣкой.

Отъ перевала Я-ли-сань до впаденія Сигусяньской рѣки идетъ непрерывный спускъ; деревня Ка-та-пу лежитъ уже на 513 метровъ ниже перевала Я-ли-сань (и на 79 метровъ ниже Минъ-чжоу); Танъ-чанъ на 1020 м., Ли-чжа-пу на 1146, Кванъ-тинъ на 1301 метръ; высота пункта, гдѣ Пей-шуй и Сигусяньская рѣка сливаются, осталась неопредѣленною; дер. Най-юй-цзѣй, которая лежитъ на Сигусяньской рѣкѣ выше ея устья, на 1531 метръ ниже перевала Я-ли-сань; слѣдовательно точка сліянія рѣкъ еще ниже. Самый Си-гу лежитъ на 1391 метръ ниже Я-ли-саня.

Не смотря на тѣсноту долины, она занята китайскимъ населеніемъ; ниже Танъ-чана мы въ ней нашли деревни: Синъ-чинъ (ниже которой въ Пей-шуй справа впадаетъ притокъ Фай-пи-коу), Лоу-шу-чуань, Я-па, Ли-чжа-пу, Сѣ-чжа-па, Тунъ-пей-коу (при впаденіи слѣва рѣки того же имени), Тунъ-чо, Шипъ-чжа-юѣ, Таюнь-ѣ, Па-ма-ся и Ши-на-чжуань.

Вслѣдствіе недостатка въ ровныхъ площадкахъ на днѣ долины, крестьянскія усадьбы лѣпятся по косогорамъ, образуя преживописные виды, особенно, если при усадьбахъ имѣются фруктовые сады или деревья. Особенно тѣсно помѣщена деревня Ли-чжа-пу, въ которую мы пришли 19 іюня и провели весь день 20 числа. Деревня зажата двумя горами, какъ тисками; дома, ради недостатка мѣста, часто строятся здѣсь въ два этажа; дворы покрываются повѣтями, на этихъ повѣтяхъ устраивается новый дворъ съ гладкимъ помостомъ; въ нижнемъ дворѣ помѣщается скотъ, въ верхнемъ складываютъ снопы или другіе продукты, вѣютъ хлѣбъ и пр. Иногда такія повѣти окружаются постройками для жилья. Во время нашей стоянки въ Ли-чжа-пу мы имѣли помѣщеніе именно на такомъ верхнемъ этажѣ (лу-цза); у насъ былъ небольшой квадратный мощеный досками дворикъ, по срединѣ котораго былъ люкъ, ведущій въ нижній дворъ; по сторонамъ дворика находились наши

Digitized by Google

спальни. Съ этаго дворика, поднимавшагося на 3 или болѣе сажени надъ поверхностью земли, было намъ видно и вверхъ и внизъ по долинѣ. Оба вида были геометрически просты. Вверхъ по долинѣ было видно только два крутыхъ профиля, упиравшихся въ небо, между которыми амбразура ни чѣмъ не была заслонена; долина уходила между профилями далеко и какъ будто впадала въ пространство; внизу такая же амбразура, но загороженная поперечной горой; воздушная перспектива давала чувствовать, что подошва этой горы опущена значительно ниже противъ уровня деревни. Вотъ и весь божій міръ, какой видятъ жители Ли-чжа-пу.

Съ каждымъ шагомъ внизъ по долинѣ Пей-шуя она становилась теплѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялась флора; съ каждымъ шагомъ появлялись новыя, болѣе южныя, растенія. Фруктовые сады, абрикосовыя, грушевыя деревья и пр. начались еще съ Танъ-чана; въ деревнѣ Ли-чжа-пу мы въ первый разъ встрѣтили деревья Diospyros Kaki L.; они еще цвѣли въ это время; у дер. Сѣ-чжа-па первое рисовое поле; близь дер. Кванъ-тинъ первое гранатовое дерево, увѣшанное красными цвѣтами; у дер. Ши-на-чжуань первое фиговое дерево (Ficus carica L.).

Рощи кустарниковъ, покрывающія скаты здѣшнихъ горъ, составлены изъ видовъ: Neillia sinensis Oliv. (кустарникъ до 1 саж. выс.), Sibiraea laevigata Maxim, Syringa sp. (до 2 саж. выс.), Jasminum sp., Buddleia sp., Vitex incisa Lam., Satureja hortensis L., Rosa multiflora Benth., Crataegus pinnatifida Bnge (?), Prunus tomêntosa Thbrg, Indigofera Bungeana Walp., Photinia sp., Pourthiaea sp., Wikstroemia sp., Buxus sp., Cephalotaxus Fortunei, Koelreuteria paniculata Laxm., Zelkowa sp., Zanthoxylon Bungeanum Maxim. et chinifolium S.Z. По этимъ кустарникамъ вьются Smilax sp., Deutzia sp., Berchemia racemosa S.Z. (?), Polygonum dumetorum L., покрывающій иной кустъ сплошь бѣлымъ густымъ покрываломъ, Lonicera longiflora, DC. Изъ хвойныхъ здѣсь мною найдены Pinus Cembra L. и Picea sp.

Въ промежуткѣ между деревнями Та-юнь-ѣ и Па-ма-ся долина принимаетъ направленіе съ сѣвера на югъ и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется характеръ ея растительнаго покрова; горы становятся здѣсь обнаженнѣе, каменныя розсыпи чаще; кустарники покрываютъ ихъ скаты рѣже; лѣсовъ на вершинахъ горъ вовсе не видно. Внизу на днѣ долины господствуетъ Berberis diaphana Maxim.

Горы по всей долинѣ Пей-шуя сложены изъ известняковъ. Паденіе и простираніе пластовъ записаны мною въ слѣдующихъ мѣстахъ: ниже деревни Тунъ-пей-коу паденіе SE 172° подъ угломъ 68°; ниже деревни Тунъ-чо (Тунъ-чяо?) простираніе SO 244; паденіе неопредѣлимо; ниже дер. Та-юнь-ѣ простираніе NE 74°; ниже дер. Па-ма-ся паденіе SE 118° подъ угломъ 74°. Тамъ же, гдѣ Пей-шуй сливается съ рѣкой, приходящей отъ Си-гу-сяна, на правомъ берегу Пей-шуя выступаютъ глинистые сланцы.

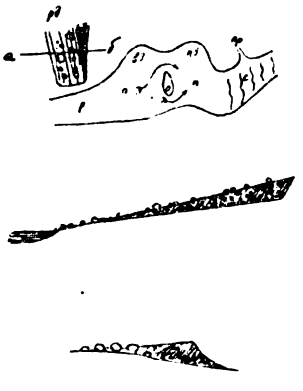
Выше деревни Па-ма-ся недалеко отъ моста, переброшеннаго черезъ Пей-шуй, на лѣвомъ берегу находится интересный ключъ съ свѣтлой и холодной (хотя не очень) водой, который пробивается у самой дороги изъ скалы тремя отверзстіями; каждое отверзстіе въ $^1/_2$ ф. въ поперечникѣ.

Digitized by Google

Сліяніе двухъ рѣкъ, Пей-шуя и Сигусянской, совершается въ обширномъ расширеніи долины; желтовато-мутныя воды Пей-шуя рѣзко отличаются отъ темной воды Сигусянской рѣки, которая течетъ спокойнѣе Пей-шуя и кажется главной. Дойдя до сліянія двухъ рѣкъ, мы остановились на ночлегъ въ деревнѣ Лянъ-чжа-па, лежащей на лѣвомъ берегу Сигусянской рѣки, въ 20 ли отъ Па-ма-ся и въ 30 отъ Си-гу. Какъ всѣ здѣшнія деревни, и Линъ-чжа-па построена очень тѣсно. Здѣшніе дяны строятся въ видѣ двора, окруженнаго со всѣхъ четырехъ сторонъ двухъэтажнымъ флигелемъ; въ нижнемъ этажѣ устраивается помѣщеніе для конюшенъ, въ верхнемъ спальни для проѣзжающихъ и кухня. Извнутри спальни соединены галлереями; во внѣшнихъ стѣнахъ сдѣланы окна. Когда деревенька построена амфитеатромъ по скату горы, что здѣсь встрѣчается очень часто, эти четырехугольныя или круглыя окна верхнихъ этажей, выступающихъ одинъ изъ за другого, придаютъ здѣшнимъ деревнямъ видъ европейскихъ селеній. Здѣсь даже и въ нижнихъ этажахъ встрѣчаются иногда окна на улицу; въ одной деревенькѣ мы увидѣли картину, рѣдкую и здѣсь: отворенное большое окно на улицу и въ немъ дѣтскія лица и дѣвицу, съ любопытствомъ смотрѣвшихъ на насъ.

Послѣднія 30 ли до Си-гу-чена дорога идетъ по лѣвому берегу Сигусянской рѣки. Со вступленіемъ въ эту долину дорога рѣзко измѣняетъ направленіе; до сихъ поръ она шла съ сѣвера на югъ, отсюда идетъ съ востока на западъ. Спокойная при сліяніи съ Пей-шуемъ, Сигусянская рѣка выше деревни Лянъ-чжа-па становится бурною и такою же мутною, какъ Пей-шуй. Она течетъ здѣсь въ такой же тѣсной долинѣ, какъ и Пей-шуй; дорога едва находитъ мѣсто подлѣ берега и мѣстами, когда въ рѣкѣ отъ дождей прибываетъ вода, дорога заливается. По правому берегу рѣки вовсе нѣтъ дороги для вьючныхъ животныхъ; тамъ проходитъ только тропинка для пѣшеходовъ да и для тѣхъ она опасна. Въ 10 ли ниже Си-гу рѣку перегораживаетъ порогъ (см. рис. 23). Передъ порогомъ рѣка расширяется и течетъ въ непараллельныхъ берегахъ; тутъ въ скалахъ лѣваго берега рѣка образуетъ два небольшихъ залива; при входѣ изъ этого расширенія въ узкость среди рѣки стоитъ камень, торчащій изъ воды на 25—30 футовъ. Продолговатое основаніе его протянуто поперегъ рѣки; правый конецъ его крутой, лѣвый пологій. До этого камня вода течетъ совершенно спокойно. Ниже его вода льется съ необыкновенной быстротой, сильно волнуясь; валы доходятъ до $^1/_2$ сажени и болѣе высоты; верхушки волнъ дѣлаютъ всплески и разлетаются брызгами, какъ въ морскомъ прибоѣ. Такое сильное волненіе рѣка имѣетъ на протяженіи 1 ли внизъ отъ выступающаго изъ воды камня.

Рис. 23.



Выше порога поперегъ дна долины (т. е. на террасѣ) на лѣвомъ берегу проходитъ баррикада или валъ изъ камней (см. рис. 23)[1]; эта насыпь къ

[1]) Объясненіе знаковъ на рис. 23 (планъ рѣки): р—рѣка, пп—плесо, с—сливъ съ порога, вз—верх-

Digitized by Google

горѣ выше, къ рѣкѣ понижается; скатъ ея, обращенный внизъ по рѣкѣ, крутой; скатъ, обращенный къ Си-гу-чену, пологій, почти горизонтальный. Форма этой насыпи указываетъ, что это не розсыпь, а валъ, намытый водой, когда она стояла въ рѣкѣ на нѣсколько десятковъ саженъ выше нынѣшняго уровня.

Си-гу расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки, на высотѣ 1364 метр. надъ ур. моря и на нѣсколькихъ десяткахъ метровъ надъ днемъ долины. Это совершенно горный городокъ; другого подобнаго китайскаго города, въ расположеніи и манерѣ построекъ котораго также бы выражалась тѣснота горной долины, намъ ни разу не случилось видѣть. Долина въ этомъ мѣстѣ обставлена высокими коническими, какъ сахарныя головы, вершинами, неба виденъ только клочекъ; на днѣ долины ни пяди плоской земли; городъ расположенъ на обращенномъ на югъ горномъ скатѣ на лѣвомъ берегу рѣки. Южная стѣна проходитъ въ горизонтѣ на десятки саженъ ниже, чѣмъ сѣверная, такъ что съ противоположныхъ высотъ, не смотря на высоту городскихъ стѣнъ, можно видѣть городскія зданія и внутреннее расположеніе города. Дорога входитъ въ городъ черезъ южныя ворота. У южныхъ воротъ съ внѣшней стороны небольшое предмѣстье, состоящее изъ одной улицы; вдоль рядовъ домовъ проведены канавы, по которымъ пущена изъ небольшой горной рѣчки свѣтлая и холодная вода. Двѣ главныя улицы города, пересѣкающія другъ друга на крестъ, сообразно съ общей городской тѣснотой очень узки. Дома построены тѣсно. Каждый домъ состоитъ изъ небольшого дворика въ 3, 4 саж. длины, окруженнаго со всѣхъ сторонъ двухэтажнымъ флигелемъ. Въ нижнемъ этажѣ передняя часть, выходящая на улицу, занята харчевней или торговой лавкой; задняя часть обращена или въ конюшню или въ свинарню. Въ верхнемъ этажѣ чистыя жилыя комнаты. Крутыя лѣстницы ведутъ со дна дворика на галлерею, которая окружаетъ дворикъ на уровнѣ втораго этажа, съ галлереи другая лѣстница ведетъ на плоскую кровлю дома. На этихъ кровляхъ жители складываютъ скирды хлѣба, здѣсь же его и вѣютъ; сюда же выставляютъ горшки съ цвѣтами, сюда выходятъ сидѣть съ шитьемъ или ручной работой женщины, не рѣдко съ дѣтьми, и вообще мѣстные жители здѣсь проводятъ часть своего времени. Иногда и мы поднимались на кровлю своей квартиры и устраивались на ней пить чай.

Постройки въ городѣ деревянныя; и все это очень старенькое, гнилое; колонки у галлерей покосившіяся, черепицы оттопырившіяся, и если бы зданія не были примкнуты одно къ другому, если бъ сосѣди не поддерживали другъ друга своими боками, то все это давно бы упало и разсыпалось. Такъ какъ постройки, примыкая другъ къ другу, образуютъ слитную массу, то жители часто находятъ легче вести сообщенія съ сосѣдями черезъ кровли, чѣмъ по улицѣ, особенно тѣ, которые помѣщаются въ верхнихъ этажахъ. Внутри города довольно зелени; видны большія деревья, между прочимъ Diospyros Kaki, мыльное дерево, (Gleditschia xylocarpa Hance), стручья котораго мѣстными прачками употребляются при мытьѣ бѣлья

ній заливъ, нз—нижній заливъ, пр—притокъ, рз—валъ поперегъ долины; слѣдующій ниже рисунокъ изображаетъ видъ вала, пересѣкающаго долину, съ востока; рисунокъ, помѣщенный еще ниже,—разрѣзъ того же вала по линіи аб; лѣвый бокъ обращенъ къ Си-гу къ вершинѣ рѣки, правый внизъ по рѣкѣ.

Digitized by Google

вмѣсто мыла; мѣстами видна виноградная лоза. Воду городу приноситъ горная рѣчка, которая пробѣгаетъ по восточной окраинѣ города. Чистыя, прозрачныя струи ея текутъ по голышамъ изъ бѣлаго, какъ мраморъ, известняка.

Мы прожили въ Си-гу восемь дней (съ 24 іюня по 1 іюля). Мы сильно страдали отъ духоты въ днѣ, но не отъ жары, потому что во все время нашего пребыванія въ Си-гу небо было покрыто облаками и часто шелъ дождь (изъ восьми дней пять было дождливыхъ). Въ полдень термометръ Цельзія никогда не показывалъ выше 26°; за всѣ шесть дней средняя полуденная температура въ тѣни была 24,8° С. Но если въ полдень не было особеннаго зноя, за то закатъ солнца почти не уменьшалъ его; вечеромъ въ 9 часовъ ртуть опускалась только на одинъ градусъ, рѣже на два; иногда же вечеромъ еще было жарче, какъ наприм. 24 іюня, когда термометръ въ 9 часовъ вечеромъ показалъ 29° С., т. е. на три градуса выше, чѣмъ въ тотъ же день въ полдень (въ 1 часъ пополудни). Утромъ зной начинался чрезвычайно рано; въ 5 часовъ утра не было температуры ниже 21° С., за исключеніемъ одного дня.

О теченіи Си-гусяньской рѣки выше Си-гу я могу сообщить только то, что мнѣ разсказалъ впослѣдствіи М. М. Березовскій, который жилъ нѣкоторое время въ дер. Лотани, лежащей въ 70 ли выше Си-гу. Деревня Лотани расположена на лѣвомъ берегу рѣки на забокѣ, имѣющей версты двѣ длины и полверсты ширины. Мѣсто это орошается арыками, климатъ теплый; растутъ грецкій орѣхъ, груша и другіе плоды, но не въ большомъ количествѣ.

Долина рѣки выше города Си-гу называется Си-коу-цзы, т. е. «Западное ущелье». Рѣка течетъ между скалами, иногда образуетъ забоки, которыя всѣ заселены преимущественно китайцами, но есть между ними и тангуты. Чѣмъ выше по рѣкѣ, тѣмъ горы становятся мягче, скалы меньше; выше дер. Лотани рѣка течетъ въ каменномъ руслѣ, врѣзанномъ въ дно долины саженъ на десять, какъ у рѣки Тао-хэ при деревнѣ Ѣ-ху-чяо. Въ нижнихъ горизонтахъ горы покрыты печальной, кустоватой, степной травой, а на вершинахъ горъ повсюду видны лѣса. Выше Си-гу въ главную рѣку впадаетъ три порядочныхъ побочныхъ рѣки, одна справа по теченію, другая также справа въ 100 ли отъ Си-гу, и третья слѣва въ 120 ли отъ Си-гу; послѣдняя называется Хэй-шуй-гоу и служитъ границей между округами городовъ Минъ-чжоу и Си-гу.

Выше дер. Лотани рѣка заворачивается налѣво. О ея вершинахъ М. М. Березовскій собралъ только слѣдующія извѣстія. Три рѣки: Си-гусяньская, Хэй-хо [1]) (на которой внизу стоитъ гор. Нань-пинъ) и Джорни берутъ начало изъ одной горы, первая съ сѣвернаго склона, двѣ остальныя съ южнаго. Горный узелъ, въ которомъ лежатъ вершины этихъ рѣкъ, и составляетъ обиталище разбойничающаго племени Тебу. Главное мѣсто въ Тебу монастырь Ямбу, лежащій на правомъ берегу Си-гусяньской рѣки.

---

[1]) Ниже въ нашемъ текстѣ эта рѣка названа именемъ Пей-хо. За разъясненіемъ этой путаницы отсылаемъ туда читателя.

Digitized by Google

Вотъ еще одна замѣтка изъ записной книжки М. М. Березовскаго о женской одеждѣ у тангутовъ въ окрестностяхъ дер. Лотани. Она состоитъ изъ двухъ куртокъ и штановъ. Одна куртка надѣвается внизъ, шьется изъ синей матеріи, бу, имѣетъ стоячій воротникъ, узкіе рукава и серебряную пряжку на горлѣ для застегиванія; сверху надѣвается другая такая же короткая куртка, бѣлая, съ рукавами болѣе широкими; сзади къ ней пришитъ лоскутъ матеріи уже полуаршина, который спускается до пятъ. Куртки подпоясываются широкимъ поясомъ краснаго цвѣта. Штаны изъ обыкновенной бу шьются необыкновенной ширины, запускаются въ сапоги и спускаются такъ низко, что изъ подъ нихъ виденъ только конецъ ступни. Волосы женщины-тангутки чешутъ на три косы, двѣ большихъ по краямъ, въ серединѣ одна тонкая. Косы внизу связаны ниткой красныхъ каменныхъ бусъ, или же къ нимъ привязана мѣдная или серебряная, довольно грузная подвѣска въ формѣ молотка, обращеннаго череномъ вверхъ. У богатыхъ она бываетъ серебряная, украшенная кораллами, вѣсомъ до фунта. Иногда одну косу заматываютъ вокругъ головы, покрываютъ голову кускомъ матеріи пу, втыкаютъ въ волосы описанную выше серебрянную подвѣску и вокругъ ея стержня наматываютъ остальные волосы.

Въ этомъ захолустномъ небольшомъ городкѣ я намучился съ бумагой для гербарія. Запасъ ея, сдѣланный въ Сининѣ, оказался недостаточенъ; онъ былъ на исходѣ, а флора становилась все богаче и богаче, потребность въ бумагѣ увеличивалась. Си-гу запасается для своихъ нуждъ ограниченнымъ количествомъ бумаги, и при томъ дурного качества, сѣраго цвѣта и небольшого формата. Нашъ лама Сэрэнъ три раза обходилъ всѣ лавки города и обиралъ въ нихъ всю бумагу, какая есть, и все таки наши потребности не были удовлетворены. Цѣна на бумагу поднялась такая, какой по всей вѣроятности не было въ Си-гу со времени его основанія. Къ концу нашего пребыванія въ Си-гу вся бумага была выкуплена въ городѣ и мы уже ни одного листа не могли найдти въ продажѣ.

Въ Си-гу у насъ умеръ одинъ мулъ отъ неизвѣстной причины. Хотя предсмертная агонія происходила всенародно на улицѣ передъ нашимъ дяномъ, тѣмъ не менѣе мѣстный торговецъ мясомъ попросилъ у насъ позволенія воспользоваться тушей, снялъ шкуру и въ тотъ же день мясо нашего мула было вывѣшено для продажи въ лавкѣ въ нижнемъ этажѣ того же дома, въ верхнемъ этажѣ котораго мы сами жили.

Когда мы во время пребыванія въ Си-гу подвели итоти нашему серебру, мы должны были убѣдиться, что наши средства не въ завидномъ положеніи, что проникнуть южнѣе Сунъ-пана мы ни коимъ образомъ разсчитывать не можемъ да и до Сунъ-пана дойдти намъ возможно только подъ условіемъ сокращенія расходовъ. При такомъ положеніи нашихъ дѣлъ мы рѣшили отпустить часть рабочихъ людей и вообще уменьшить караванъ; отобравъ лишній багажъ, книги, ненужное платье, оставивъ при себѣ только самое необходимое, запаковавъ въ ящики вновь собранныя на пути отъ Минъ-чжоу до Си-гу коллекціи, выбравъ рабочихъ, которые были полѣнивѣе, мы изъ всего этого составили караванъ и подъ начальствомъ

Digitized by Google

старика Сантанъ-джимбы отправили его въ Сань-чуань; старику было наказано, проходя черезъ Минъ-чжоу, захватить съ собой и тѣ ящики, которые были оставлены въ минъ-чжоускомъ ямынѣ. Сантанъ-джимба исполнилъ наше порученіе отлично. Онъ благополучно дошелъ до Сань-чуани и продалъ муловъ, на которыхъ пришелъ, довольно выгодно для экспедиціи. Дорогой было только одно несчастіе; одинъ изъ ящиковъ съ коллекціей растеній упалъ въ воду, но не утонулъ.

Въ Си-гу М. М. Березовскій долженъ былъ отстать отъ экспедиціи и остаться въ этомъ городѣ. Поэтому пришлось сдѣлать визитъ мѣстному мандарину Ту и познакомиться съ нимъ. Это былъ одинъ изъ наиболѣе понравившихся намъ китайскихъ мандариновъ; онъ былъ очень привѣтливъ и М. М. Березовскій, которому въ особенности пришлось часто имѣть съ нимъ дѣло, всегда находилъ въ немъ доброе расположеніе. Мандаринъ счелъ долгомъ предупредить насъ, что прямая дорога въ Сунъ-панъ черезъ Нань-пинъ, по которой мы собираемся идти, очень неудобна и совѣтовалъ направиться черезъ Цзѣ-чжоу. Онъ говорилъ, что мы встрѣтимъ на ней непреодолимыя трудности; если мы не вѣримъ, то можемъ въ его словахъ убѣдиться, съѣздивши налегкѣ безъ каравана посмотрѣть хоть до деревни У-пинъ, лежащей на дорогѣ; мы тогда увидимъ, съ какими трудностями намъ придется бороться, такъ какъ и вся дальнѣйшая дорога до Сунъ-пана такая же. Мы согласились сдѣлать этотъ опытъ, налегкѣ съѣздить до У-пина.

Стараніе мандариновъ отклонить экспедицію съ малопроѣзжихъ дорогъ на торную, трактовую, мы замѣчали повсюду, но не думаемъ приписывать этого какой-то подозрительности китайской администраціи. Мандаринамъ, когда надъ путешествующимъ или проживающимъ въ Китаѣ иностранцемъ случится какая-нибудь бѣда, обокрадутъ его или что-нибудь въ этомъ родѣ, иногда сильно достается отъ пекинскаго начальства и потому понятно, если мандаринъ отклоняетъ путешественника отъ горной, неудобной дороги, гдѣ случаются несчастія съ людьми, или отъ дороги не безопасной отъ разбоевъ, и направляетъ на дороги, проходящія по населеннымъ мѣстностямъ, по которымъ онъ и самъ всегда предпочитаетъ ѣздить. Если бъ подозрительность была, то она проявилась бы и въ другихъ случахъ, но мы ея ни въ чемъ не замѣтили. А. И. Скасси производилъ съемку повсюду открыто, и ни какихъ препятствій не встрѣтилъ; мандарины не только видѣли планшетку А. И. Скасси, но и близко разсматривали его рисунки. Да и какъ имъ подозрительно относиться, когда въ паспортахъ, выданныхъ изъ Цзунъ-ли-ямына, прямо всегда говорится, что путешественнику разрѣшается производить топографическую съемку, составлять естественно историческія коллекціи и описывать страну.

26-го іюля я и А. И. Скасси, чтобъ успокоить мандарина, отправились въ У-пинъ, на другой день вернулись назадъ и конечно нашли дорогу совершенно проходимой для муловъ. Мы замѣтили, что мандаринъ боится, какъ бы не отвѣтить за насъ передъ пекинскимъ начальствомъ, поэтому мы дали ему обѣщаніе, чуть ли даже не на бумагѣ, что если съ нами случится какое несчастіе на дорогѣ въ Нань-пинъ, мы не будемъ жаловаться на сигуеяньскую администрацію. На этомъ обѣ стороны помирились. Мандаринъ Ту болѣе не настаивалъ на измѣненіи маршрута,

Digitized by Google

и приказалъ назначенному для насъ конвою проводить насъ чрезъ У-пйнъ до Нань-пина. Можетъ быть причина, почему мандарины не любятъ путешественниковъ, настаивающихъ на малопроѣзжей дорогѣ, заключается между прочимъ въ томъ, что на такой дорогѣ, гдѣ власть менѣе уважается, китайскій конвой рискуетъ не справиться съ своей задачей. Опять мандарину можетъ достаться, если съ путешественникомъ что-нибудь случится. Снабженіе же конвоемъ во что бы то ни стало, неизбѣжное до такой степени, что нѣтъ ни какой возможности отдѣлаться отъ него, тоже не слѣдуетъ объяснять китайской подозрительностью и намѣреніемъ приставить къ иностранцу соглядатаевъ. Конвойные солдаты, я-и, такіе бѣдняки, что нѣсколько чоховъ, которые мы имъ платили за нхъ службу, совершенно располагали ихъ въ нашу пользу и превращали въ нашихъ раболѣпныхъ слугъ.

Отправивъ Сантанъ-джимбу въ Сань-чуани и простившись съ М. М. Березовскимъ, который остался въ Си-гу съ однимъ изъ нашихъ рабочихъ, Джинбо, мы выступили изъ Си-гу 2 іюля послѣ обѣда и только къ 6 часамъ вечера успѣли подойдти къ перевозу, находящемуся противъ деревни Чжю-цзѣй-цза или На-и-чжю-цза (на картѣ у А. И. Скасси На-инъ-цза), лежащей выше дер. Лянъ-чжапа, въ которой мы ночевали въ передній путь, въ послѣднюю ночь передъ Си-гу. Такъ какъ лодки, на которыхъ здѣсь переѣзжаютъ черезъ рѣку, небольшія, то караванъ нашъ былъ перевезенъ частями; одна лодка сплавала два раза, другая три. Дома въ деревнѣ На-и-чжю-цзѣй имѣютъ плоскія крыши и круглыя или четвероугольныя окна, выходящія на улицу; такъ обыкновенно строятся крестьяне Сигусяньской долины. Цѣлое зданіе имѣетъ видъ двухъ-этажной постройки, окружающей квадратный дворъ со всѣхъ четырехъ сторонъ; въ нижнемъ этажѣ устроены конюшни и сараи для скота, въ верхнемъ этажѣ жилыя комнаты, сообщающіяся между собой посредствомъ галлереи; плоскія крыши здѣсь, какъ и въ Си-гу, служатъ гумнами и сушилами для хлѣба.

У деревни На-и-чжю-цзѣй мы должны были оставить долину Сигусяньской рѣки, подняться на горы, сопровождающія ея правый берегъ и, переваливъ черезъ нихъ, спуститься въ долину рѣки Джорни, также принадлежащей къ системѣ Цзѣ-чжоуской рѣки, какъ и Сигусяньская, но протекающей южнѣе. Сначала до деревни Мöръ-пинъ, дорога идетъ по дну побочной тѣсной горной долины, которая открывается въ долину Сигусяньской долины выше деревни На-и-чжю-цзѣй Внутри этой побочной долины мы нашли еще одну деревеньку, которую намъ назвали тѣмъ же именемъ Чжю-цзѣй-цза, какъ назвали и ту, въ которой мы ночевали.

Немного не доходя до китайской деревни Мöръ-пинъ, почти у самой деревни, долина перегораживается уступомъ, съ котораго рѣка сливается каскадами. Деревня Мöръ-пинъ стоитъ выше водопада, на вершинѣ уступа. Рѣка подлѣ самой деревни начинаетъ волноваться и переходитъ въ каскады; нижняя часть водопада состоитъ изъ отвѣсной струи, падающей съ высоты сажени между двумя отвѣсными скалами; затѣмъ рѣка быстро скользитъ по узкому ложу, выдолбленному у подножія правой скалы. Естественный путь по долинѣ въ этомъ мѣстѣ прерывается; чтобы миновать препятствіе, къ правой отвѣсной скалѣ подвѣшенъ дере-

Digitized by Google

вянный балконъ, который, начинаясь на днѣ долины, постепенно поднимается на высоту до 2 саженъ и выводитъ дорогу на уровень начала водопада.

Изобиліе воды и зелени создаетъ изъ этого мѣста необыкновенно красивую картину. Вода или падаетъ массой, или незамѣтно пробирается мелкими ручейками между корней деревъ, еще незамѣтнѣе сочится по отвѣсной скалѣ или неумолкаемой капелью сливается съ ея верхняго края. Ни одной пяди скалы не остается не покрытой зеленью; горные скаты одѣты густой растительностью изъ кустарниковъ и травы; тамъ, гдѣ мокрая скала становится совершенно отвѣсною, она покрывается сплошнымъ толстымъ покровомъ изъ яркозеленаго мха, въ войлокѣ котораго укрываются крошечныя орхидеи; въ этой же части долины, наполненной влажнымъ воздухомъ, на скалахъ цвѣли въ это время Saxifraga cuscutaeformis Lodd. и Thalictrum Fortunei, а южные папортники покрываютъ скалу густой бахромой изъ своихъ цѣльнокрайныхъ вай.

Въ деревнѣ Мöръ-пинъ мы были въ половинѣ одиннадцатаго утра, употребивъ на переходъ отъ дер. На-и-чжю-цзѣй досюда два съ половиною часа. Во время нашей предварительной поѣздки съ А. И. Скасси (26 — 28 іюня) мы въ этой деревнѣ ночевали, теперь прошли ее мимо. Крестьяне этой деревни, какъ и другихъ деревень въ окрестностяхъ Си-гу-сяня, въ это время были заняты уборкой растенія танъ-гуй. Это ароматическій корень какого-то растенія, родъ и видъ котораго остался безъ опредѣленія; кажется, это какое-то зонтичное. Оно воздѣлывается крестьянами въ окрестностяхъ Си-гу и отправляется на продажу въ низовые города; намъ не мало потомъ встрѣчалось носильщиковъ, спускавшихся съ этимъ товаромъ внизъ по долинамъ. Жители увѣряютъ, что танъ-гуй не только доходитъ до провинцій, расположенныхъ на нижнемъ теченіи Голубой рѣки, но даже вывозится изъ Китая за границу. Передъ отправленіемъ въ продажу, танъ-гуй высушивается, или правильнѣе коптится или задымляется; послѣ этой операціи корни получаютъ коричневый оттѣнокъ.

Пройдя черезъ деревню, дорога пересѣкаетъ рѣку (ту самую, которая ниже деревни образуетъ водопадъ), и поднимается на горы. Вершина рѣки остается влѣво отъ дороги; на бокахъ ея долины, на значительной высотѣ надъ днемъ ея видны еще двѣ деревни. Подъемъ на перевалъ, хотя мѣстами крутой, но мягкій и удобный; онъ проходитъ по косогору, обращенному на югъ и густо заросшему кустарниками. Мѣстами кустарникъ Neillia sinensis Oliv. становится преобладающимъ; густыя кисти длинныхъ розовыхъ цвѣтовъ висятъ надъ дорогой, такъ что иногда цѣлыхъ полчаса идешь по такой розовой аллеѣ. На этомъ же подъемѣ я впервые встрѣтилъ Rodgersia, новый видъ, отличающійся отъ японскаго (R. podohylla A. Gray) цѣльнокрайными листьями; у японскаго листья имѣютъ на вершинѣ два разрѣза, дѣлящихъ ее на три зубца. Если не ошибаюсь, до сей поры R. podophylla былъ единственный видъ этого рода. А. Ѳ. Баталинъ далъ новому виду названіе Rodgersia aesculifolia.

Хотя до перевала мы достигли рано, такъ что въ тотъ же день еще могли бы спуститься съ него въ дер. У-пинъ, въ которой мы уже были съ А. И. Скасси,

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

но я еще въ первый проѣздъ черезъ перевалъ рѣшилъ сдѣлать на немъ дневку исключительно для сбора растеній, такъ какъ это было первое высокое мѣсто, на которомъ въ этомъ году мы встрѣтили растительность въ полномъ разцвѣтѣ. Перевалъ имѣетъ 2698 метровъ надъ ур. м. Онъ не поднимается до верхней предѣльной линіи лѣсовъ, но на немъ уже появляются растенія, близкія къ этой линіи. Вокругъ нашихъ палатокъ цвѣлъ Trollius pumilus Don., а въ рощахъ, окружающихъ небольшую открытую площадку, на которой былъ разбитъ нашъ станъ, встрѣчались Rlododendron sp. и Hyppophaë rhamnoides L. Здѣшній рододендронъ имѣетъ толстые стволы, до полуторыхъ четвертей въ поперечникѣ, вѣтвящіеся на уровнѣ выше человѣческой головы.

На рѣчкѣ, которая сбѣгаетъ съ перевала на югъ, недалеко отъ нашихъ палатокъ, китайцы добывали золото. Отвалы состоятъ изъ глинисто-сланцеваго щебня, а въ болѣе низкомъ уровнѣ (около дер. Харъ-го-ба) рѣчка завалена глыбами конгломерата. Спускаясь съ перевала, мы увидѣли долину р. Джорни, за которой на югѣ поднимаются высокія горы; склоны ихъ покрыты густыми хвойными лѣсами, самыя же вершины хребта поднимаются выше лѣсовъ; самый высокій между этими гольцами носитъ названіе На-сы-гу. Этотъ склонъ, т. е. правый бокъ долины Джорни, крутъ и потому на немъ очень мало деревень; съ дороги, по которой спускался нашъ караванъ, даже ихъ вовсе не было видно. Лѣвый бокъ долины Джорни положе и разбитъ широкими вѣтвистыми логами; пологіе горные скаты почти сплошь распаханы и только отдѣльныя скалистыя вершинки не заняты подъ культуру и одѣты густыми кустарниками, а иногда и хвойными рощами. Въ одной изъ такихъ побочныхъ долинъ стоитъ деревня У-пинъ. Здѣсь намъ отвели помѣщеніе въ томъ же домѣ, въ которомъ мы и ранѣе уже съ А. И. Скасси стояли. Деревня У-пинъ населена тангутами; нашъ хозяинъ былъ также тангутъ. Здѣшнія крестьянскія постройки нѣсколько отличаются отъ сигусянскихъ; нашъ домъ состоялъ изъ длиннаго флигеля, крылья котораго, загибаясь на югъ, окружали небольшой дворикъ; все это было прикрыто навѣсомъ, который былъ такъ высоко поднятъ надъ зданіемъ, что на плоской кровлѣ его былъ какъ бы второй этажъ. Въ нижнемъ этажѣ была жилая кухня, конюшни и амбары; верхній этажъ имѣлъ видъ сарая, окруженнаго стѣной только съ трехъ сторонъ, съ южной же онъ былъ открытъ. Мы помѣстились въ верхнемъ этажѣ, откуда былъ отличный видъ на плоскія горы, покрытыя крестьянскими полями и усѣянныя тангутскими деревеньками, и на гольцы На-сы-гу. Намъ не пришлось однако много любоваться этой картиной, хотя мы въ У-пинѣ прожили два дня; во все это время шелъ непрерывный дождь, который и задержалъ насъ здѣсь такъ долго. 9 іюля мы оставили деревню У-пинъ. Первый нашъ переходъ былъ до деревни Чагонъ; дорога туда идетъ по глубокой долинѣ, въ которой течетъ горная рѣчка. Сопровождавшіе насъ китайскіе солдаты назвали её Джорни-коу, т. е. рѣка, на которой стоитъ дер. Джорни. Можетъ быть у нея есть и настоящее тангутское имя, но такъ какъ мнѣ не удалось открыть его, то я буду называть эту рѣчку, какъ назвали её солдаты. Рѣчка, на которой стоитъ У-пинъ, течетъ въ направленіи

Digitized by Google

противоположномъ съ р. Джорни, и спускаться внизъ по ней на дно долины Джорни было бы кругомъ; поэтому дорога изъ д. У-пинъ идетъ прямо черезъ гребень мыса, раздѣляющаго двѣ долины. Такъ какъ дно долины, гдѣ стоитъ д. У-пинъ, приблизительно футовъ на 300—400 выше дна долины Джорни, то подъемъ изъ У-пина былъ пологій и короткій, спускъ, напротивъ, крутой и длинный, и отъ недавнихъ дождей чрезвычайно грязный.

Противъ спуска на дно долины Джорни, на правой сторонѣ ея, на горномъ скатѣ, построенъ тангутскій монастырь Гарни; сосѣдній съ нимъ горный скатъ, ниже по долинѣ, прорытъ глубокимъ оврагомъ, въ которомъ течетъ рѣчка Карикоу; ниже устья рѣчки черезъ Джорни перекинутъ мостъ, по которому дорога и переходитъ на правую сторону долины и идетъ по ней внизъ до деревни Чагонъ, но не по дну долины, а постепенно удаляясь отъ него и постепенно взбираясь на горный скатъ.

15 ли не доходя до дер. Чагонъ дорога проходитъ черезъ тангутскую дер. Джорни, на значительной высотѣ надъ днемъ долины р. Джорни; за деревней дорога пересѣкаетъ горную рѣку, текущую въ р. Джорни по крытому ступенчатому ложу, заваленному глыбами известняка. Не доходя 3 ли до дер. Чагонъ дорога пересѣкаетъ другой подобный же притокъ рѣки Джорни; деревня Чагонъ стоитъ подлѣ третьяго, который въ глубокомъ оврагѣ протекаетъ по ту сторону деревни. Деревня построена на вѣнцѣ лѣваго бока оврага; бокъ этотъ такъ крутъ, что дна оврага изъ деревни не видно; по ту сторону оврага поднимается такой же крутой правый бокъ его; гребень его противъ деревни былъ покрытъ хвойнымъ лѣсомъ; лѣсорубы, срубивъ дерево на гребнѣ горы, спускаютъ его по крутому боку оврага и оно само достигаетъ до дна оврага. Эту картину летящихъ и скользящихъ по горѣ срубленныхъ стволовъ и намъ удалось видѣть нѣсколько разъ, пока мы жили въ Чагонѣ. Намъ помѣщеніе было отведено въ кумирнѣ, окруженной рощицей изъ дубовъ съ колючими листьями (Quercus spinosa Arm. David).

Тангуты, живущіе въ деревняхъ Чагонъ и Джорни, въ каждой домовъ по тридцати, принадлежатъ къ вѣдомству Ма-ту-сы, резиденція котораго находится въ селеніи Танъ-чанъ (см. выше стр. 251). Тангутское населеніе (вѣдомства тогоже Ма-ту-сы) есть въ долинѣ Джорни и ниже д. Чагона. Эти тангуты называютъ себя Маманъ. Одни говорятъ, что это значитъ «живущіе внизу»; другіе производятъ это имя отъ тангутскаго слова маръ, «красный». М. М. Березовскому говорили, что между Чагономъ и Цзѣ-чжоу есть такія тангутскія деревни, въ которыхъ жители не умѣютъ говорить по китайски.

Округъ города Си-гу не рѣдко подвергается землетрясеніямъ. М. М. Березовскій собралъ о нихъ слѣдующіе разсказы. Жители помнятъ, что землетрясенія были въ 4, 5, 6 и 7 годахъ царствованія Гуань-сюй; самое сильное землетрясеніе было въ 5 годъ этого царствованія (1879 г.) 2-го числа 5-й луны. Въ самомъ Си-гу землетрясеніе чувствовалось слабо; оно было сильнѣе внизъ по Сигусянской рѣкѣ, по Сатани, по р. По-и-хо, въ городахъ Цзѣ-чжоу и Вень-сянь. Послѣ перваго землятрясенія, бывшаго 2 числа, новое случилось 12 числа; потомъ удары стали слабѣе

Digitized by Google

и слабѣе. Самый первый ударъ случился въ концѣ дня; раздался громъ сильнѣе небеснаго и затѣмъ началось землетрясеніе. Самый сильный ударъ (по одному показанію) былъ рано утромъ, когда народъ еще не всталъ съ постели. Ударъ длился столько времени, сколько нужно, чтобъ выкурить двѣ трубки табаку, и направился параллельно Сигусянской рѣкѣ. Внизъ по рѣкѣ Сатани въ нѣкоторыхъ деревняхъ не осталось ни одного дома не разрушеннаго. Погибло много дикихъ животныхъ.

Землетрясеніе вызвало въ мѣстномъ населеніи нервное потрясеніе; заразительная пляска охватила жителей и распространилась по деревнямъ. О началѣ заразы разсказываютъ такъ. 2 числа 4-й луны [1]) 5-го года царствованія Гуань-сюй въ деревнѣ Ква-цза-коу (внизъ по рѣкѣ Сатани между деревней Чаго и городомъ Цзѣ-чжоу) одна женщина родила ребенка и какъ только онъ коснулся земли, земля затряслась. Тогда мать подумала, что это не простой ребенокъ родился, и съ крикомъ выбѣжала изъ дома на улицу. Деревня сбѣжалась на ея крики; собравшіеся почувствовали непреодолимое влеченіе къ пляскѣ и вся деревня заплясала. Увлеченіе быстро передавалось въ другія деревни и вскорѣ заплясала вся долина. Въ деревнѣ Чаго плясало до пятидесяти человѣкъ, по другому показанію 20—30 человѣкъ. Плясали взрослые люди отъ 17 лѣтняго возраста, мужчины и женщины; старики не плясали. Стоило заплясать одному, тотчасъ начинали плясать и всѣ другіе, которые были одержимы заразой. Страдавшіе говорятъ, что не надо смотрѣть, а то и самому приходитъ неодолимая охота плясать. Одинъ изъ плясавшихъ разсказывалъ М. М. Березовскому, что передъ пляской сначала начинаетъ болѣть и биться сердце и ѣда нейдетъ на умъ; а какъ отплясался, сдѣлаешься совершенно здоровъ. Во время пляски больные ею какъ безъ ума, а потомъ, успокоившись, ничего не помнятъ. Во время пляски зараженные ею получали необыкновенную силу; были субъекты, которые плясали съ мельничнымъ жерновомъ въ рукахъ; другіе, схвативъ треножникъ съ очага или желѣзный котелъ, плющили ихъ въ рукахъ. Палку вершка въ два толщиною однимъ ударомъ втыкали въ землю на столько глубоко, что могли влѣзть по ней на ея верхній конецъ. Пляшущіе обладали ясновидѣніемъ; человѣку, пришедшему за сто вертъ, разсказывали, какой у него на родинѣ домъ, сколько въ немъ въ данный моментъ людей и скота и все оказывалось вѣрно. Во время пляски одержимые приговаривали: «Эта земля плоха. Пойдемъ, перебьемъ китайцевъ, а потомъ пойдемъ въ Чхань-нэнъ» (т. е. Чань-ань; такъ и теперь мѣстные тангуты зовутъ Си-ань-фу). Пляской заражались и нѣкоторые китайцы. Плясали тангуты цѣлый годъ и предсказывали, что въ шестомъ году правленія Гуань-сюй они пойдутъ войной на китайцевъ. Но китайскіе солдаты пришли раньше этого срока. Плясавшіе были забраны въ ямынь въ селеніи Гумба, лежащемъ ниже по рѣкѣ, потомъ были препровождены въ селеніе Са-цзы-чяо (ниже Си-гу на одной съ нимъ рѣкѣ), гдѣ ихъ судилъ Лю-дао-тай. Дао-тай опросилъ каждаго подсудимаго: жегъ ли

[1]) Вѣроятно это то же землетрясеніе, которое выше помѣчено 5-й луной.

Digitized by Google

дома? убивалъ ли людей? нашелъ ихъ всѣхъ невинными, отпустилъ на волю, но на дорогу каждому далъ по пятидесяти палочныхъ ударовъ, которые сопровождалъ наставленіемъ: иди, хорошо паши пашню и уважай отца и матерь!

Отъ дер. Чагонъ (или Чаго) нашъ путь лежалъ черезъ горы, отдѣляющія долину Джорни отъ другой, болѣе южной долины. Перевалъ черезъ горы называется Чаго-ла, отъ имени деревни Чагонъ. Чагола есть восточное продолженіе гольцовъ Насыгу, которые были видны изъ дер. У-пинъ. Верхніе горизонты хребта покрыты густыми смѣшанными лѣсами и деревня Чагонъ лежитъ у самой нижней окраины лѣсовъ, на высотѣ 1993 метровъ надъ уровнемъ моря; уровень деревни Чаго не есть уровень дна долины Джорни; деревня стоитъ на значительной высотѣ надъ дномъ. Подниманіе на Чаголу заняло у насъ цѣлый день 10 іюля.

Дорога изъ деревни идетъ вверхъ по окраинѣ оврага, возлѣ котораго она стоитъ, постепенно поднимаясь надъ уровнемъ деревни и приближаясь къ лѣсной окраинѣ. Невдалекѣ отъ деревни она минуетъ ключъ, пробивающійся изъ горы и снабжающій водой деревню. По мѣрѣ приближенія къ лѣсной окраинѣ, поднимается и дно оврага и притомъ быстрѣе, чѣмъ дорога, такъ что, вступивъ въ лѣсную полосу, дно оврага достигаетъ до уровня дороги и дорога тогда вступаетъ на него и вмѣстѣ съ тѣмъ входитъ въ лѣсъ. Первое впечатлѣніе лѣса было очаровательное. Здѣсь мы въ первый разъ очутились въ настоящемъ лѣсу; подъ зелеными сводами здѣшнихъ липъ, дубовъ и кленовъ было такъ же просторно, какъ и въ лѣсахъ средней Россіи; рисунокъ листьевъ нѣкоторыхъ древесныхъ формъ также напоминалъ сѣверные лѣса, но вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ другихъ формъ указывалъ на чуждую, ранѣе еще нами невиданную флору, какъ напримѣръ длинныя отвѣсно висящія кисти плодовъ Pterocarya'и, рѣзко выдѣлявшіяся своимъ свѣтлозеленымъ цвѣтомъ на болѣе темной зелени остального лѣса, или бѣлыя лиліи, стебли которыхъ достигали болѣе метра высоты.

Множество новыхъ растительныхъ формъ, еще не попадавшихся ранѣе, заставило насъ, т. е. меня, жену и нашего постояннаго спутника Ами-салуна, далеко отстать отъ каравана; пока ущелье не вѣтвилось и дорога шла между двумя горными скатами, мы не теряли дороги; но потомъ ущелье раздѣлилось на двѣ отноги; не замѣтивъ этого развѣтвленія изъ-за густоты лѣса, мы, увлеченные какой-то тропинкой, попали не въ то ущелье, по которому ушелъ караванъ. Къ увеличенію нашей непріятности, началась гроза, дождь и градъ и насъ промочило до нитки. Поднимаясь по ущелью, мы наконецъ забрались въ такой колодникъ, что наконецъ поняли свою ошибку. Вернувшись къ пункту развѣтвленія долинъ, мы встрѣтили тутъ ѣхавшаго тангута; онъ указалъ намъ настоящій путь, который трудно было находить въ густой травѣ, покрывающей почву въ лѣсу. Ручей, по которому мы стали подниматься по указанію тангута, въ одномъ мѣстѣ превращается въ рядъ каскадовъ; мулы должны были подниматься, какъ по лѣстницѣ, заливаемой водой. Нѣкоторыя ступени были болѣе полуаршина высоты, такъ что муламъ приходилось прыгать.

Digitized by Google

Утомленные продолжительнымъ крутымъ подъемомъ по разведенной грязи, въ мокромъ платьѣ и въ разорванныхъ махаяхъ [1]) мы догнали свой караванъ только уже тогда, когда онъ остановился на ночлегъ. Караванъ не успѣлъ подняться на вершину перевала; мулы двигались медленно вслѣдствіе густоты лѣса; вьюки часто задѣвали за деревья и мулы роняли ихъ. Караванъ остановился на его сѣверной сторонѣ, не болѣе какъ верстахъ въ двухъ или трехъ отъ вершины. А. И. Скасси, ѣхавшій вмѣстѣ съ передними, приказалъ каравану остановиться, чтобъ дать намъ, измокнувшимъ и усталымъ, возможность поскорѣе найдти пріютъ.

Нашъ маленькій таборъ помѣстился въ рододендроновомъ лѣсу, который обыкновенно представляетъ верхнюю окраину здѣшнихъ лѣсовъ. Этотъ видъ рододендрона (Rhododendron Potanini Batal.) имѣлъ стволы въ кисть руки толщиной и до 2—3 саж. высоты; стволы такъ густо стояли, что съ трудомъ было возможно поставить между ними палатку; для этого должны были предварительно вырубить лѣсъ. Въ 30—40 шагахъ уже ничего не было видно сквозь лѣсную чащу. Лѣсъ росъ на крутой покатости, такъ что подолы нашихъ палатокъ были укрѣплены на весьма различныхъ уровняхъ.

Рододендронъ уже отцвѣлъ и только изрѣдка на немъ висѣли еще увянувшіе и измятые дождемъ бѣлые вѣнчики.

11 числа мы поднялись на вершину Чаголы, на высоту 3497 метр. надъ ур. м. Вершина перевала безлѣсна; лѣса высокоствольныхъ рододендроновъ, образующіе опушку хвойныхъ лѣсовъ, не доходятъ до нея и смѣняются кустарнымъ рододендрономъ (Rhododendron capitatum Maxim.) съ голубыми цвѣтами. Послѣдній окружаетъ чистыя заросли высокоствольнаго рододендрона. На открытыхъ площадяхъ вершины горы мы встрѣтили въ первый разъ въ это лѣто настоящую альпійскую флору въ цвѣту.

Такъ какъ М. М. Березовскій, долго жившій въ долинахъ, окружающихъ Си-гу, успѣлъ лучше моего приглядѣться къ мѣстной флорѣ, то, желая дать читателю очеркъ растительнаго покрова здѣшнихъ горъ, я счелъ за лучшее въ основу его положить тѣ замѣчанія, которыя сдѣланы М. М. Березовскимъ въ его книгѣ: «Птицы ганьсуйскаго путешествія», Спб., 1891, стр. XXII и потомъ только дополнить ихъ подробностями.

Сходно съ даннымъ въ книгѣ М. М. Березовскимъ расчлененіемъ растительнаго покрова и мы дѣлимъ его на четыре пояса. Нижній поясъ, ниже 1300 метровъ, названъ у М. М. Березовскаго поясомъ нѣжныхъ фруктовыхъ деревьевъ, каковы сы-шу (Diospyros Kaki L.), гранатъ, фиговое дерево (Ficus carica L.). Въ садахъ этого пояса, кромѣ того, разводятся: груши, персики, грецкій орѣхъ, Gleditchia xylocarpa Hance. У М. М. Березовскаго упоминается также Govenia dulcis Thunb. Дикая древесная растительность не образуетъ сплошныхъ зарослей; отдѣльными экземплярами встрѣчаются Koelreuteria paniculata Laxm., Zelkowa sp.

---

[1]) Ма-хай—китайскія сандаліи изъ пеньковыхъ нитокъ на пеньковой подошвѣ. Ма—пенька, хай—башмакъ. Цхао-хай —такія же сандаліи, но на подошвѣ, сплетенной изъ соломы.

Digitized by Google

За этимъ поясомъ у М. М. Березовскаго слѣдуетъ поясъ лиственныхъ лѣсовъ, а еще выше поясъ хвойныхъ. «Разграничить по высотѣ пояса лиственныхъ и хвойныхъ лѣсовъ, говоритъ онъ, довольно трудно. Характеръ растительности мѣняется постепенно и зависитъ при томъ не только отъ высоты, но и отъ положенія мѣстностей относительно странъ свѣта. На сѣверныхъ склонахъ хвойные лѣса спускаются ниже, на южныхъ, наоборотъ, лиственные лѣса подымаются выше».

Лиственные лѣса изъ видовъ дуба (Quercus spinosa Arm. David), вяза (Ulmus sp.), липы (Tilia paucicostata Maxim., T. chinensis Maxim.), клена (Acer urophyllum Maxim., A. multiserratum Maxim., A. truncatum Bge), Corylus heterophylla Fisch., Betula alba L., B. Bhojpattra Wall., Populus Przewalskii Maxim., Pterocarya sp. Въ нижней части этого пояса господствуютъ заросли кустарниковъ и древесная растительность образуетъ только отдѣльныя рощи. Хвойные лѣса состоятъ изъ Picea Schrenkiana Fisch. et Mey.; встрѣчается, кажется, Pinus Cembra L. (?) Въ нижней части пояса растутъ кустарники Neillia sinensis Oliv., Spiraea japonica, Rhododendron micranthum Maxim., Dipelta horibunda, Aralia chinensis L., Actinidia tetramera Maxim.

Въ полосѣ лѣсовъ найдены: Cardamine macrophyllum W., Corydalis racemosa Pers., Pedicularis refracta Maxim., Veronica ciliata Fisch., Lilium cordifolium Thunb., Cypripedium macranthum Sck, Aletris japonica Lamb., Clintonia udensis Trautv. et Mey., Arisaema sp., Sanicula elata Ham., Crepis glomerata, Pinguicula vulgaris L., Azarum sp., Paris quadrifolia L., Polypodium Dryopteris L., P. Lingua, Aspidium craspedosorum Maxim.

Хвойные лѣса вверху смѣняются лѣсомъ высокоствольнаго рододендрона (Rhododendron Potanini Batal.); по верхней окраинѣ этого лѣса въ видѣ каймы тянутся заросли низкорослаго кустарнаго рододендрона (Rhododendron capitatum). Выше, на уровнѣ 4500 метровъ надъ моремъ [1]), начинается поясъ альпійскихъ полей. Такъ какъ я въ этой области собиралъ альпійскія растенія только на вершинѣ Чаголы, то мнѣ только ихъ и приходится здѣсь перечислить. Здѣсь были собраны Anemone narcissiflora L., Ranunculus hyperboreus Rottb., R. affinis R. Br. var tangutica Maxim., Trollius pumilus Don., Meconopsis (Cathcartia) integrifolia Franch., Mec. quintuplinervia Rgl., Corydalis curviflora Maxim., C. linarioides Maxim., Saxifraga sp., нѣсколько видовъ орхидейныхъ, Veratrum album L., Luzula campestris Dec., Sedum Aizoon L., Penthorum sedoides L., Senecio pigmea, Morina sp.

Спускъ на южную сторону Чаголы крутой; онъ проходитъ по безлѣсному склону горы, покрытому густой травой, которая ниже становится все болѣе и болѣе высокой. Онъ привелъ насъ на дно веселаго ущелья, заросшаго лѣсомъ изъ липъ и другихъ деревьевъ съ примѣсью кустарниковъ, между которыми намъ тутъ впервые встрѣтилась Hydrangea scandens Maxim. Тутъ были зеленыя лужайки, окру-

[1]) Мы принимаемъ вершину перевала за верхнюю предѣльную линію рододендроноваго лѣса, потому что опушка его почти доходитъ до самой вершины горы и только горизонтальная площадка на этой вершинѣ да южный безлѣсный склонъ ея представляетъ альпійское поле.

Digitized by Google

женныя высокими травами въ цвѣту; при полномъ блескѣ солнца, обдававшаго насъ теплыми лучами, мѣстечко это смотрѣло такъ привѣтливо, что А. И. Скасси распорядился остановить караванъ, снять вьюки, дать отдыхъ муламъ, а для людей сварить чай. Когда мы съ Амисалуномъ, какъ всегда, самые задніе, подъѣхали къ каравану, чай уже былъ готовъ.

На этомъ спускѣ у насъ случилось несчастіе: разбился барометръ. Съ самаго выѣзда изъ Сань-чуани везъ его на спинѣ лама Сэрэнъ; на немъ же онъ былъ надѣтъ и въ этотъ день. При какомъ обстоятельствѣ разбился инструментъ, лама не замѣтилъ; только когда онъ спустился съ горы, я, взявши въ руки барометръ, по легкости его догадался, что ртуть изъ него ушла.

Ущелье, въ которое мы спустились, есть начало долины р. Лумбу, которая впадаетъ слѣва въ р. По-и-хо. Сначала дорога идетъ по дну ущелья р. Лумбу, потомъ она поднимается на косогоръ праваго бока, потому что дно ущелья въ этомъ мѣстѣ сильно падаетъ. Оба бока долины густо покрыты лѣсной растительностью. Тутъ были собраны мною Clematis dasyandra Maxim., Cl. pogonandra Maxim., Thalictrum hamatum Maxim., Clematoclethra actinidioides Maxim., Chrysosplenium nudicaule (?), Astilba chinensis, Hydrangea scandens Maxim., Phlomis umbrosa Turcz., Ribes Maximoviczi Batal. съ колючими шипами на плодахъ. По косогору дорога подходитъ къ задворкамъ тангутской деревни Раза; у этой деревни разница между уровнями дороги и дна долины наивысшей мѣры. Дорога передъ деревней идетъ по карнизу, съ одной стороны котораго скала, съ другой обрывъ въ долину Лумбы. Отсюда открывается видъ на соединеніе долины Лумбы съ долиной По-и-хо и на самоё долину По-и-хо съ раскинутой на ея днѣ большой тангутской деревней Терьга. Не доходя до дер. Раза, дорога начинаетъ спускаться на дно долины По-и-хо зигзагами по косогору. Жители деревни Раза, заслышавъ о нашемъ каравнѣ, вышли толпами на дорогу. Когда мимо нихъ сталъ проѣзжать А. И. Скасси, почему-то фигура его произвела на нихъ такое сильное впечатлѣніе, что толпа сдѣлала ему земное поклоненіе.

Въ деревнѣ Терьга живутъ тангуты, подвѣдомственные князю Янъ-ту-сы (Джони-боньбу); ими завѣдуетъ ченъ-дзунъ (тысяченачальникъ), получающій приказанія изъ Джони.

Въ долинѣ По-и-хо (у дер. Терьга) появляется грецкій орѣхъ; деревья Seringa amurensis достигаютъ высоты 3 саженъ; той же высоты и деревья дуба съ колючими листьями (Quercus n. sp.).

Отъ дер. Терьга дорога идетъ внизъ по р. По-и-хо, то по тому, то по другому берегу; сначала она идетъ по лѣвому, на которомъ стоитъ дер. Терьга, потомъ, не доходя до дер. Ку-ли-ба, переходитъ по мосту на правый; въ 3 или 4 верстахъ ниже Ку-ли-ба долина съуживается и теченіе рѣки усиливается. Ниже дер. Ше-пу, въ которой мы ночевали съ 13 на 14 іюля, у дер. Чао-цзу (Чо-ту) дорога вновь переходитъ на лѣвую сторону; здѣсь долина опять становится шире.

По мѣрѣ удаленія отъ дер. Терьга долина становится все теплѣе и теплѣе, а горы безлѣснѣе. Дно долины, лежащее у дер. Терьга на высотѣ 2300 метровъ

Digitized by Google

надъ ур. м., черезъ два перехода далѣе (близъ дер. Тонъ-шанъ) опускается до уровня 1300 метровъ. Обнаженія въ долинѣ По-и-хо состоятъ изъ известняковъ и сланцевъ. Въ верхней части долины видны на горахъ изрѣдка лѣса и около деревень насажденная древесная растительность разнообразнѣе, но ниже Ше-пу окружающія горы принимаютъ болѣе безотрадный видъ. Горы совершенно голы, лѣса совсѣмъ нѣтъ; горные скаты распаханы до вершинъ; деревни встрѣчаются только на днѣ долинъ; около нихъ изрѣдка насаждены тополевыя деревья; встрѣчается и пирамидальный тополь. Поля засѣяны кукурузой, такъ что и муловъ нашихъ въ Ше-пу пришлось кормить кукурузой, а на слѣдующемъ ночлегѣ, въ деревнѣ Ха-ши-гу, мы и для себя не могли достать другого хлѣба, кромѣ кукурузнаго. Путешествіе въ этихъ глубокихъ и жаркихъ долинахъ по пыльной дорогѣ между безлѣсными горами, съ остановками въ душныхъ китайскихъ деревняхъ представляетъ гораздо менѣе удовольствія, чѣмъ переходы по высокимъ горамъ, одѣтымъ лѣсною и высокогорною растительностью, съ остановками въ палаткахъ подъ открытымъ небомъ.

На днѣ теплой долины между прочимъ найдены слѣдующія растенія: Clematis obscura Maxim., Thalictrum robustum Maxim., Anemone japonica Sieb. var. tomentosa Maxim., Bocconia microcarpa Maxim., Glaucium leptopodum Maxim., Corydalis adunca Maxim., Stellaria inflata Maxim., Myricaria germanica Desv. var. alopecuroides Maxim., Hypericum Ascyron L., Zanthoxylon Danielli Benn., Vitis heterophylla Thunb., Koelreuteria paniculata Laxm., Rhus Potanini Maxim., Coriaria nepalensis Wall., Desmodium sp., Osteomeles sp., Vitex incisa Lam., Thladiantha dubia Bge, Sambucus Ebulus L., Calimeris altaica Nees., Rodgersia aesculifolia Batal., Acer betulifolium Maxim. На обнаженныхъ скалахъ кустарникъ Bauhinia sp. и розетки двухъ видовъ изъ сем. Cyrtandreae.

Ниже деревни У-ши-герь, лежащей на лѣвомъ берегу По-и-хо, и страдающей отъ зоба, въ чемъ мы легко могли убѣдиться по значительному проценту зобатыхъ въ толпѣ деревенскихъ жителей, высыпавшихъ изъ домовъ на улицу смотрѣть на проходящій караванъ [1]), дорога переходитъ на правый берегъ По-и-хо, и идетъ имъ до дер. Тонъ-шанъ (Ха-ши-тунъ). Тутъ еще теплѣе и появляется гранатовое дерево. У Тонъ-шана дорога оставляетъ долину р. По-и-хо и поднимается по побочной долинѣ праваго притока, въ которой, въ 10 ли отъ Тонъ-шана, стоитъ дер. Ха-ши-гу. До Тонъ-шана отъ самаго У-пина дорога шла съ сѣвера на югъ; отъ Тонъ-шана она идетъ на западъ до деревни Вань-ши-дяо (Янъ-танъ). Долина По-и-хо густо населена; ниже деревни Терьга все населеніе китайское.

Хотя дер. Ха-ши-гу находится всего въ 5 верстахъ отъ сильно распаханной теплой долины По-и-хо, но на горахъ около нея стали чаще появляться цѣлины и мѣста, поросшія травами и кустарниками. Выше дер. Ха-ши-гу, на той же рѣчкѣ, стоитъ другая деревня Ха-ши-чжанъ (Іокуншанъ). Выше послѣдней по этой долинѣ деревень нѣтъ. Отсюда начинается подъемъ на гору И-чжу-шань. Посте-

[1]) Такое же множество зобатыхъ мы видѣли еще въ дер. Мöръ-пинъ, около города Си-гу.

Digitized by Google

пенно долина, въ которой стоятъ деревни Ха-ши-чжанъ и Ха-ши-гу, начинаетъ съуживаться и дорога входитъ въ скалистое известняковое ущелье.

На И-чжу-шани встрѣчены растенія: Anemone rivularis Ham., Aquilegia ecalcarata Maxim., A. oxysepala Trautv., Corydalis racemosa Pers., C. linarioides Maxim., Heranium Pylzowianum Maxim., Impatiens platyceras Maxim., Pedicularis refracta Maxim., Asarum sp., Smilacina n. sp. Вершина горы не поднимается выше лѣсной растительности [1]) и одѣта густымъ кустарникомъ изъ видовъ Prunus stipulacea Maxim., Hydrangea scandens Maxim., Lonicera nervosa Maxim., Viburnum fragrans Bge, къ которымъ также примѣшиваются Betula Bhojpattra и Pterocarya sp.

Спустившись съ перевала до первой горизонтальной площадки, мы остановились на ночлегъ въ пустынномъ мѣстѣ, представлявшемъ небольшую прогалину, среди густого лѣса, и разбили свои палатки. Намъ оставалось всего не болѣе десяти верстъ до города Нань-пинъ, стоящаго въ широкой и теплой долинѣ, но такъ какъ было уже поздно, когда мы перевалили черезъ И-чжу-шань, къ тому же цѣлый день шелъ дождь, а ниже мѣста, гдѣ были разбиты палатки, начинается дурная часть спуска, которую въ ночной темнотѣ было бы опасно проходить по размокшей дорогѣ, то сопутствовавшіе намъ китайскіе конвойные солдаты посовѣтовали не спускаться въ этотъ день съ горы. На другое утро мы не могли двинуться рано, потому что два мула убѣжали внизъ по долинѣ, и намъ пришлось дожидаться, пока ихъ отыщутъ и вернутъ. Къ сожалѣнію, стоянка въ этомъ лѣсистомъ мѣстѣ, которое могло бы дать хорошій сборъ, испорчена была ненастной погодой.

Дожди, которые преслѣдовали насъ во всю дорогу отъ Си-гу, очень мѣшали сушкѣ растеній. Я уже говорилъ, что я ошибся въ разсчетѣ, понадѣявшись, что въ городахъ, лежащихъ на дорогѣ, я всюду найду бумагу для гербарія въ достаточномъ количествѣ; недостаточный запасъ ея давалъ себя особенно чувствовать во время переходовъ черезъ высокія и лѣсистыя горы, часто орошаемыя дождями. Растенія туго сохли и бумага подолгу была занята и не освобождалась для укладки новаго сбора. Спасала частая смѣна высокихъ мѣстъ глубокими и жаркими долинами, въ которыхъ растенія сохли замѣчательно скоро.

Послѣ полудня другого дня, т. е. 16 іюля, мулы были найдены и мы начали спускаться. На протяженіи первыхъ трехъ верстъ отъ нашей стоянки спускъ по дну долины былъ необыкновенно неудобный; при крутизнѣ онъ былъ каменистъ и не приспособленъ для прохода вьючныхъ животныхъ; здѣсь товары передвигаются при помощи носильщиковъ, для которыхъ неудобства этого пути не такъ замѣтны, какъ для каравана на мулахъ; иногда муламъ приходилось скользить или, присѣвъ на заднія ноги, сползать внизъ по голой поверхности скалы, въ другихъ мѣстахъ приходилось съ уступа спрыгивать внизъ передними ногами, при чемъ вьюки надали на землю и катились подъ гору. Это былъ самый гадкій спускъ, какой

[1]) По вычисленію г. Розенталя, высота перевала черезъ И-джу-шань 3560 метровъ, слѣдовательно онъ на 73 метра выше Чаголы. Можетъ быть разница въ вертикальномъ распространеніи растеній объясняется широтой мѣста, но нужно также замѣтить, что вычисленіе высоты Чаголы основано на наблюденіяхъ ртутнаго барометра, а И-джу-шани на наблюденіяхъ анероида Гольдсмита.

Digitized by Google

намъ встрѣтился за все время нашего путешествія. Старыя раны, набитыя на спинахъ муловъ прежними перевалами и уже подживавшія, были вновь растревожены; два мула, имѣвшіе еще цѣлыя спины, получили свѣжія ссадины.

Ниже дно долины получаетъ слабое паденіе. Тутъ расположена небольшая китайская деревенька И-чжуанъ; мѣсто еще высокое; хлѣба стояли еще зеленые; засѣваютъ здѣсь кукурузу. Между деревенскимъ скотомъ, который состоитъ изъ коровъ, овецъ и козъ, мы замѣтили здѣсь также и яковъ. Хотя окружающія деревеньку горы и безлѣсны, но видъ ихъ не угрюмый.

Ниже деревни долина съуживается въ ущелье; тутъ, на границѣ между провинціями Гань-су и Сы-чуань, устроена застава (гуань-мынъ). Продолжая ѣхать по этой долинѣ, мы выѣхали на другую, значительно большую, по которой течетъ большая рѣка; это рѣка Хэй-хо.

Здѣсь появились большія китайскія деревни. Выѣхавъ на Хэй-хо, мы пошли вверхъ по ней, по лѣвому берегу рѣки до города Нань-пинъ, лежащаго на правомъ берегу. Рѣку перешли по мосту, наведенному у самаго города.

Городъ Нань-пинъ такой же незначительный, какъ и Си-гу; онъ лежитъ на высотѣ 1650 метровъ надъ ур. м., на плоскомъ правомъ берегу Хэй-хо.

Отъ Нань-пина до Сунъ-пана намъ осталось 140 верстъ. Это разстояніе мы сдѣлали въ девять небольшихъ переходовъ, идя каждый день не болѣе шести часовъ. Тутъ до самаго Сунъ-пана нѣтъ большихъ торговыхъ селеній въ родѣ Нань-пина, и конвойные изъ Нань-пина должны были провожать насъ до Сунъ-пана. Дорога идетъ по долинѣ р. Хэй-хо, на которой стоитъ Нань-пинъ; въ вершинахъ послѣдней она переваливаетъ черезъ гору Кунгала, которая отдѣляетъ систему Хэй-хо отъ притоковъ рѣки, на которой стоитъ Сунъ-панъ и которая на китайскихъ картахъ значится подъ именемъ Минъ-цзяна. Шесть дней изъ девяти мы шли по долинѣ Хэй-хо до перевала, и три дня отъ перевала до Сунъ-пана.

Первый переходъ мы сдѣлали до дер. Янь-дзи-ча. Дорога у самаго Нань-пина переходитъ на лѣвый берегъ по тому же самому мосту, по которому мы вошли въ этотъ городъ и затѣмъ частью идетъ по карнизамъ, частью по дну долины. Выше дер. Тэ-га-пу (Та-гумба) долина съуживается обнаженіями глинистыхъ сланцевъ зеленоватаго оттѣнка. Населеніе въ этой части долины жидкое; встрѣчаются только группы изъ 2—4 домовъ; на пашняхъ засѣваются кукуруза и гаолянъ; гороху здѣсь не сѣютъ. Лѣса видны только на вершинахъ горъ.

На слѣдующемъ переходѣ долина также безлюдна. Верстахъ въ семи выше деревни Янъ-дзи-ча черезъ рѣку перекинутъ деревянный висячій мостъ и по нему дорога переходитъ на правый берегъ рѣки. Тутъ на правомъ берегу нѣсколько китайскихъ фанзъ, кумирня, пашня, маковая плантація и оросительная канава, вдоль которой тѣнистая аллея изъ высокоствольныхъ ивъ; это селеніе Хэй-хо-танъ; оно нѣсколько оживляетъ долину. Выше Хей-хо-тана долина развѣтвляется на двѣ: лѣвая или сѣверная есть долина Пей-хо [1]); по правой, по которой долженъ были идти

[1]) Несомнѣнно эта-то Пей-хо выше, на стр. 256 упоминается у насъ подъ именемъ Хэй-хо, которая

Digitized by Google

нашъ путь, протекаетъ р. Хэй-хо. Не дошедши 15 ли до дер. Саба, лежащей на правомъ берегу Хэй-хо, мы остановились на лѣвомъ берегу рѣки въ безлюдномъ мѣстѣ и разбили палатки.

Приближаясь къ дер. Саба, около которой долина имѣетъ 50—60 саженъ ширины, дорога по деревянному мосту переходитъ на правый берегъ Хэй-хо, на которомъ стоитъ и деревня. Саба состоитъ всего изъ 3 домовъ; не болѣе того домовъ и въ деревнѣ Ме-джи-танъ, лежащей между Хэй-хо-таномъ и дер. Саба. Гораздо людн ѣе деревня Цзюнка, которая лежитъ въ 10 верстахъ выше Саба на правомъ берегу Хэй-хо; въ ней до 40 дворовъ, разсыпанныхъ отдѣльными группами по скату горы на правой сторонѣ рѣки. Дорога входитъ въ деревню въ ея нагорномъ концѣ, спускается до подгорной части и противъ деревни переходитъ на лѣвый берегъ; это шестой мостъ, который приходится переходить, считая отъ Нань-пина. Выше деревни Цзюнка (Лунканъ) рѣка Хэй-хо течетъ спокойнѣе, хотя и быстро, но безъ всплесковъ; ниже же деревни рѣка мѣстами отъ сильнаго паденія превращается въ бѣлую пѣну. На ночлегъ мы снова остановились на безлюдномъ мѣстѣ, въ нѣсколькихъ ли выше деревни Цзюнка, на лѣвомъ берегу рѣки, которая здѣсь разбивается на рукава; тутъ есть много старыхъ руслъ, оставленныхъ рѣкой и образовавшихъ лужи съ полустоячей водой, заросшія харой, Epilobium palustre L., Erigeron и другими любящими воду растеніями. По рѣкѣ растутъ кустарники, главнымъ образомъ Myricaria germanica Desv. var. alopecuroides Maxim., которая въ это время уже отцвѣтала; деревья мирикарій были болѣе 2 саж. высоты ростомъ. Относительная высота горъ здѣсь стала ниже. чѣмъ на предъидущихъ переходахъ отъ Нань-пина; горная порода, изъ которой они сложены—известнякъ.

Долина здѣсь получаетъ другой характеръ; она не имѣетъ вида корридора, какъ ранѣе, гдѣ не видно другихъ горъ, кромѣ ближайшихъ скалъ; здѣсь ближайшія скалы образуютъ предгорія, за которыми въ нѣкоторомъ отдаленіи видны другія, болѣе высокія, горы.

Отъ послѣднеупомянутаго моста, перекинутаго противъ дер. Цзюнка, дорога

по показаніямъ, собраннымъ М. М. Березовскимъ, будто бы беретъ начало изъ одного горнаго узла съ рѣками Джорни и Сигусянской, (т. е. изъ горы Таила). Здѣсь мы должны разъяснить это разногласіе. Двѣ рѣки Пей-хо и Хэй-хо соединяются и образуютъ одну, которая, протекая мимо Нань-пина, удерживаетъ названіе Хэй-хо. Въ настоящемъ мѣстѣ имя Хэй-хо придано, какъ и на картѣ А. И. Скасси, южной вѣтви, текущей съ Кунгалы; сѣверную же вѣтвь мы называемъ Пей-хо. Но въ разспросныхъ свѣдѣніяхъ, помѣщенныхъ мною въ Извѣстіяхъ И. Р. Геогр. Общ. за 1887 годъ (т. XXIII, кн. IV) имя Хэй-хо придано сѣверной вѣтви. Тамъ, на стр. 517, помѣщено два показанія о дорогѣ, ведущей изъ Минъ-чжоу въ Сунъ-панъ черезъ перевалъ Таила. Оба показанія говорятъ, или что съ южнаго склона Таилы стекаетъ притокъ рѣки Хэй-хо, или что сама она протекаетъ вблизи, что по долинѣ этой рѣки выходятъ на другую рѣку, текущую съ горы Кунгалы. Кто знакомъ съ манерой китайцевъ давать показанія о именахъ рѣки, того не удивитъ разногласіе относительно Хэй-хо и Пей-хо. Для тѣхъ китайцевъ, которые поднимаются по рѣкѣ отъ Нань-пина, рѣка, текущая съ горы Кунгала, та же Хэй-хо, которая течетъ и подъ Нань-пиномъ; сѣверному же пригоку, приходящему отъ горы Таилы, они находятъ приличнѣе всего давать имя Пей-хо, т. е. „сѣверной рѣки“. Для китайца же, спускающагося съ Таилы на югъ, сѣверный потокъ будетъ вершиной той рѣки, въ низовьяхъ которой стоитъ Нань-пинъ, т. е. вершиной рѣки Хэй-хо. Можетъ быть правильнѣе было бы различать двѣ Хэй-хо: сѣверную (Пей-хэй-хо) и южную (Нань-хэй-хо); но это было бы нашимъ личнымъ нововведеніемъ; на мѣстѣ мы такихъ названій не слыхали.

Digitized by Google

въ продолженіи двухъ нашихъ переходовъ до деревни Хунъ-нэй-ку шла по лѣвому берегу Хэй-хо, не переходя на правый.

Эта часть долины кажется оживленнѣе, чѣмъ нижнія ея части. Первая деревня, встрѣченная здѣсь нами, была Фей-дже-танъ; въ ней около 15 дворовъ; выше ея лежитъ деревня Цзу-цзунъ-танъ (Чжунъ-чжа); она состоитъ изъ трехъ группъ; въ нижней до 10 дворовъ, въ средней 8, а въ верхней до 20; слѣдующая деревня Юнъ-хуа-танъ (И-хо-чяо), въ которой мы останавливались на ночлегъ, состоитъ дворовъ изъ 10. Всѣ три деревни лежатъ на лѣвомъ берегу рѣки. Выше Юнъ-хуа-тана въ долинѣ Хэй-хо лежатъ деревни Ланъ-дзе (до 10 двор.) и Тинъ-го (до 10 двор.) на правомъ берегу и Ла-ши-чжуонъ (2 двора) на лѣвомъ; на лѣвомъ же лежитъ Таганъ или Тозанъ (5 дворовъ), первая тангутская деревня въ долинѣ Хэй-хо; выше ея Шань-тай-цзы и Хунъ-нэй-ку, въ обѣихъ по нѣсколько дворовъ. Хунъ-нэй-ку, при которой дно долины поднимается уже до уровня 2940 метровъ надъ ур. м., послѣднее селеніе въ долинѣ Хэй-хо; выше ея находятся только солдатскіе пикеты.

Около деревни Фей-дже-танъ (Хой-сунъ-танъ) горы становятся лѣсистѣе; хвойныя деревья спускаются до подошвы горъ, но дно долины остается открыто и возлѣ деревни занято пашнями, на которыхъ растутъ макъ, табакъ и кукуруза; въ деревнѣ есть грецкій орѣхъ. Противъ Фей-дже-тана на протяженіи 3 верстъ Хей-хо течетъ дикимъ и мутнымъ потокомъ съ всплесками; выше деревни, повидимому, рѣку перегораживаетъ порогъ; обнаженій въ берегахъ не видно; они если и обнажены, то, вѣроятно, выступаютъ только ниже уровня рѣки; надъ уровнемъ же воды на обоихъ берегахъ поднимаются высокіе обрывы, представляющіе разрѣзы въ толщѣ наноса, состоящаго изъ глины съ пескомъ и галькой. Дорога въ этомъ мѣстѣ должна была подняться на косогоры; проходъ по ней для нашихъ муловъ былъ очень затруднителенъ, особенно въ мѣстахъ, гдѣ обрывъ промытъ дождевыми потоками; и безъ того крутое паденіе обрыва въ этихъ мѣстахъ было еще болѣе выпрямлено стекавшей водой и мулы скользили и готовы были свалиться въ рѣку. Ниже деревни Фей-дже-танъ справа въ Хэй-хо впадаетъ значительная горная рѣчка, долина которой, соединяясь съ долиной Хэй-хо, образуетъ котловину; паденіе рѣки становится здѣсь меньше, и дикій потокъ, дойдя до этого мѣста, далѣе уже до деревни Цзюнка течетъ спокойнѣе.

Выше порога, какъ и ниже, рѣка течетъ тише. Около деревни Юнъ-хуа-танъ (И-хо-чяо), горы положе и на южныхъ склонахъ распаханы чуть не до вершинъ, на сѣверныхъ же только при подошвѣ. Окрестныя горы состоятъ изъ сланцевъ и известняковъ. По выходѣ изъ дер. Хунъ-нэй-ку дорога идетъ по карнизу на значительной высотѣ надъ дномъ долины, по которому рѣка опять течетъ шумно. У тангутской дер. Тозанъ долина развѣтвляется на двѣ; дорога входитъ въ правую (по теченію) вѣтвь, которая, выше Тозана превращается въ ущелье, густо заросшее лѣсомъ. Отсюда направленіе дороги круто измѣняется; отъ Нань-пина досюда мы шли на западъ, отъ Тозана пошли на югъ. Дорога отъ д. Тозанъ такъ высоко поднимается на горы лѣваго бока долины, что шума бурно текущей внизу

Digitized by Google

рѣки, не стало слышно. Тутъ появляется лѣсная флора: Waleriana sp., Aconitum lycoctonum L., Cimicifuga foetida L., Epilobium angustifolium L., Geranium eriostemon Fisch. Тутъ же я въ первый разъ въ здѣшнихъ мѣстахъ увидѣлъ лиственницу (Larix sp.).

Приближаясь къ деревнѣ Хунъ-нэй-ку, долина расширяется до 2 вер. шириной; дно долины ровное, безлѣсное, покрыто зелеными лугами; рѣка течетъ совершенно тихо, какъ будто это другая рѣка; отъ дождей она разлилась и затопила луга до самой подошвы горъ, караванъ долженъ былъ брести черезъ разливы рѣки въ бродъ, а мы, ѣхавшіе верхомъ на мулахъ, прошли по сухому косогору черезъ пашни и крестьянскіе дворы, къ которымъ вода подступила вплоть. Повидимому, эта часть долины была когда-то озеромъ. Нѣсколько же выше Хунъ-нэй-ку долина опять съуживается.

Верстахъ въ 25 къ югу отъ дер. Хунъ-нэй-ку дорога пересѣкаетъ водораздѣльный хребетъ, отдѣляющій притоки р. Хэй-хо отъ рѣкъ, составляющихъ верховья р. Минъ-цзянъ, на которой стоитъ гор. Сунъ-панъ. Перевалъ этотъ называется Кунгала. Въ промежуткѣ между дер. Хунъ-нэй-ку и китайской деревней Пей-ма-ченъ (Пей-ма-чу), по тангутски Абиру, лежащей уже за переваломъ, деревень нѣтъ; тутъ подлѣ дороги встрѣчались только пикеты, въ которыхъ живутъ китайскіе солдаты. Этихъ пикетовъ между Хунъ-нэй-ку и Пей-ма-ченомъ нѣсколько; изъ нихъ главныхъ четыре: 1) Та-ма, 2) Та-ши-ту, 3) Джинъ-дже-танъ и 4) Чжа-чжа-ку; первые два находятся на сѣверной сторонѣ перевала, остальные два на южной. Пикеты расположены на разстояніи 10 ли одинъ отъ другого. На каждомъ пикетѣ живутъ по 3, 4 и по 6 солдатъ, по положенію же слѣдовало бы быть по 10. Инспекторъ этихъ пикетовъ живетъ въ городѣ Чжанла.

Рѣка между Хунъ-нэй-ку и пикетомъ Та-ма течетъ спокойно; шумныхъ каскадовъ нѣтъ; изрѣдка встрѣчаются пороги. Дорога идетъ то по тому, то по другому берегу рѣки, часто переходя черезъ неё, а также черезъ побочные притоки по деревяннымъ мостамъ; особыхъ затрудненій для проложенія дороги природа здѣсь не поставила; долина отлично разработана самой природой и человѣку осталось только настлать мосты и прорубить просѣки въ лѣсу, которымъ здѣсь густо поросло дно долины; лѣсъ преимущественно состоитъ изъ розовокорой березы (Betula Bhojpattra Wall.) и низкорослаго клена (Acer betulifolium Maxim.); въ видѣ подчиненной примѣси ель. Ближе же къ пикету Та-ма ель начинаетъ преобладать и у пикета сплошь покрываетъ какъ скаты горъ, такъ и дно долины.

Отъ Та-ма до пикета Та-ши-ту дорога идетъ густымъ хвойнымъ лѣсомъ; глубина рѣки уменьшается и караванъ, вмѣсто мостовъ, начинаетъ переходить черезъ неё въ бродъ; дорога становится грязною.

Къ пикету Та-ши-ту дорога постепенно поднимается до такой значительной высоты, что настоящій замѣтный подъемъ на перевалъ, который лежитъ выше Та-ши-ту, тянется всего не болѣе полверсты. Онъ почти прямой въ видѣ широкой просѣки въ хвойномъ лѣсу, покрытъ щебнемъ, сравнительно очень пологій. Онъ выводитъ дорогу на небольшое плато, залегающее между горами съ округленными

Digitized by Google

вершинами и покрытое отличной муравой; на дальныхъ планахъ видны гольцы, въ видѣ незначительно поднимающихся надъ плато возвышенностей; они, судя по цвѣту скалъ, сложены изъ известняковъ. Рѣки, берущія начало на этомъ плато, текутъ сначала въ плоскихъ берегахъ, потомъ образуютъ широкія рытвины, сильно углубленныя въ мощные наносы, покрывающіе плато и состоящіе изъ обломковъ камней и крупнаго песку; мѣстами разрѣзы этого наноса достигаютъ до 10 саж. высоты. Хвойные лѣса на горахъ разсѣяны только отдѣльными лоскутами. Сейчасъ за подъемомъ стоитъ пикетъ Джинъ-дже-танъ. На высокихъ лугахъ кругомъ пикета мы увидѣли стада яковъ и коровъ; они принадлежали сунъпанскимъ купцамъ, ведущимъ торговлю съ лежащими отсюда къ западу частями Тибета. При стадахъ были пастухи, живущіе въ черныхъ палаткахъ. Флора вокругъ пикета Джинъ-дже-танъ указываетъ на его высокое положеніе.

Высота перевала надъ уровнемъ моря осталась безъ опредѣленія. Судя по флорѣ, онъ достигаетъ до уровня 3900 метровъ. На перевалѣ растутъ Meconopsis integrifolia Franch., M. punicea Maxim., встрѣтившійся намъ здѣсь впервые, Scrophella chinensis Maxim., Pedicularis ternata Maxim. (очень обильно по горнымъ скатамъ), P. refracta Maxim, Saxifraga tangutica Maxim., Aster alpinus L., Tanacetum Herderi, Cremanthodium plantagineum Maxim., Silene pterosperma Maxim., Wahlenbergia sp., Anagallidium dichotomum Griseb., Doronicum stenoglossum Maxim., Hippophaë rhamnoides L. Послѣднюю мы встрѣтили въ видѣ чистой рощицы безъ примѣси другихъ кустарныхъ формъ; облѣниха эта имѣла видъ деревца до 2 саж. высоты, вѣтвящагося на уровнѣ выше человѣческаго роста.

Ниже этихъ альпійскихъ полей на сѣверномъ склонѣ Кунгалы въ лѣсу были собраны мною слѣдующія растительныя формы: Ribes stenocarpum Maxim., Sibiraea laevigata Maxim., Lonicera coerulea L., L. tangutica Maxim., Panax sp., Paeonia anomala L., Potentilla fruticosa L., Bupleurum multinerve Dec. (?), B. octoradiatum, Heracleum sp., Clematis Viticella L., Thalictrum Przewalskii Maxim., Aquilegia ecalcarata Maxim., Delphinium cheilanthum Fisch., D. grandiflorum L., Arabis pendula L., Dianthus superbus L., Cerastium alpinum L., Geranium eriostemon Fisch., G. Pylzowianum Maxim., Spiraea mongolica Maxim., Saxifraga hirculoides Engl., Hydrangea vestita var. pubescens Wall., Philadelphus coronarius L., Eleutherococcus senticosusMaxim., Anaphalis sp., Senecio Roborowskii Maxim., S. Przewalskii Maxim., S. n. sp., Myripnois uniflora Maxim., Omphalodes diffusa Maxim., Wikstroemia sp., Spiranthes australis Lindl., Clintonia udensis Trautv. et Fisch, Clematoclethra integrifolia Maxim.

Уже изъ Джинъ-дже-тана видно, что плато, на которомъ онъ стоитъ, далѣе къ югу понижается и постепенно превращается въ широкую долину, которая на дальнемъ планѣ заворачивается налѣво и продолженіе ея загорожено горою. По этой долинѣ течетъ рѣка; вершина ея находится у пикета Джинъ-дже-тана. На ея же правомъ берегу на высокомъ обрывѣ стоитъ и послѣдній пикетъ Чжа-чжа-ку; остальной путь отъ Чжа-чжа-ку до Сунъ-пана также проходитъ вдоль этой рѣки.

Digitized by Google

Ниже Чжа-чжа-ку первое осѣдлое мѣсто по этой рѣкѣ—буддійскій монастырь Юнчунъ-тарджиль, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Амдо. За нимъ первая деревня Пей-ма-ченъ (Пей-ма-чу); далѣе деревни стали чаще; Пей-ма-ченъ населена китайцами; но далѣе деревни населены преимущественно тангутами. Одна изъ тангутскихъ деревень называется Амби (Хампа), другая Сумпѣ (Цампиро). Ниже послѣдней дорога переходитъ на лѣвый берегъ рѣки и по нему доходитъ до городка Чжанла.

Возлѣ Чжанла деревни становятся гуще; особенно ихъ много было видно на правой сторонѣ рѣки; преимущественно расположены онѣ на косогорахъ; пашни распаханы при подошвахъ горныхъ скатовъ и немного выше подошвы ихъ; болѣе высокіе уровни здѣсь, очевидно, не допускаютъ еще культуры хлѣбовъ, вслѣдствіе низкой температуры; всѣ хлѣба (около 26-го іюля) еще были зелены и жатва еще не начиналась.

Городъ Чжанла населенъ преимущественно тангутами; лавки и дяны содержатся китайцами. Здѣсь находится управленіе окрестными тангутами, но ту-сы нѣтъ, а управляетъ ими чиновникъ изъ китайцевъ. Это единственный тангутскій городъ, встрѣченный нами въ Амдо. Стѣны его сложены изъ ноздреватаго известковаго туфа, скрѣпленнаго известковымъ цементомъ и живописно заросли мхами и травой.

Отъ Чжанла до Сунъ-пана дорога идетъ по той же долинѣ; по выходѣ изъ Чжанла долина вскорѣ съуживается; видъ на дальнія горы загораживается ближайшими невысокими и плоскими, совершенно безлѣсными горами, между которыми проходятъ и рѣка и дорога. Этотъ скучный характеръ долина удерживаетъ до самаго Сунъ-пана, который расположенъ между такими же плоскими и голыми возвышенностями на правомъ берегу рѣки. На обоихъ бокахъ долины видны китайскія деревни и дорога проходитъ между непрерывными пашнями.

Въѣздъ въ Сунъ-панъ, неожиданно для насъ, вышелъ чрезвычайно торжественнымъ. Сопутствовавшіе намъ Наньпинскіе я-и, въ день нашего выхода изъ Чжанла, ушли впередъ и задолго до прихода нашего каравана распространили въ Сунъ-панѣ извѣстіе о предстоящемъ пріѣздѣ европейцевъ. Жители города могли за полчаса до нашего въѣзда въ городскія ворота увидѣть нашъ караванъ спускающимся съ горы и безошибочно опредѣлить время нашего прибытія. Поэтому, когда мы въѣхали въ городскія ворота, все праздное населеніе города было на главной улицѣ; толпы народа стояли по обѣимъ сторонамъ; ворота, заборы, крыши домовъ были усажены дѣтьми и женщинами; тамъ, гдѣ на главную улицу выходили побочные переулки, изъ-за головъ густой толпы выглядывали китайскія повозки, наполненныя китайскими барынями въ яркихъ шелковыхъ костюмахъ, съ вѣерами въ рукахъ. Такъ какъ квартира для насъ была подъискана ламой Сэрэномъ, заблаговременно съѣздившимъ въ городъ, въ предмѣстьи на противоположномъ концѣ Сунъ-пана, то намъ пришлось проѣхать въ густой толпѣ отъ однихъ городскихъ воротъ до другихъ. Надо отдать справедливость сунъпанской толпѣ: она, во все время нашего проѣзда, вела себя скромно и сосредоточенно, хотя наши костюмы, въ особенности мой,

*

Digitized by Google

могли бы доставить имъ хорошій поводъ къ остротамъ и каррикатурамъ, такъ какъ, не ожидая такой встрѣчи, я въѣзжалъ въ городъ въ своемъ обыкновенномъ дорожномъ платьѣ, въ крестьянской курмѣ, въ крестьянской широкополой шляпѣ и въ махаяхъ.

Предмѣстье, гдѣ была нанята намъ ламой Сэрэномъ квартира, находилось на другомъ, т. е. на лѣвомъ берегу Минъ-цзяна, такъ что проѣхавъ городъ и выѣхавъ въ другія ворота, мы должны были переѣхать рѣку по мосту. Домъ, въ которомъ мы нашли свое помѣщеніе, былъ мѣстной деревенской постройки; такія постройки начали намъ встрѣчаться только отъ долины р. Хэй-хо. Это деревянные дома съ двухскатной крышей; деревни, составленныя изъ такихъ домовъ, напоминали намъ своимъ внѣшнимъ видомъ русскія деревни. Для А. И. Скасси нашлась приличная комната рядомъ съ аппартаментами, гдѣ помѣщалось хозяйское семейство, мнѣ же съ женой въ распоряженіе былъ отданъ весь чердакъ, который былъ совершенно пустой и не служилъ мѣстомъ склада, какъ въ другихъ домахъ.

На чердакѣ было два окна или, вѣрнѣе, два отверзстія; одно выходило на югъ; съ него были видны волнующіяся мутныя воды Минъ-цзяна, мостъ черезъ него, а за нимъ городъ или вѣрнѣе, какъ большею частію въ Китаѣ, одна зубчатая городская стѣна съ угловыми башенками въ видѣ бельведеровъ; другое отверзстіе выходило на противуположную сторону, т. е. на нашъ небольшой дворъ, который только съ двухъ сторонъ былъ окруженъ заборомъ, съ другихъ же двухъ естественнымъ обрывомъ террасы, на которой былъ разведенъ огородъ нашего хозяина. Для того, чтобы попадать къ намъ со двора, къ этому отверзстію приставлялась высокая лѣстница въ родѣ тѣхъ, какія употребляютъ фонарщики. Помѣщеніе наше нельзя было назвать мандаринскимъ, но мы были очень благодарны нашему Сэрэну за этотъ выборъ; у этой квартиры были хорошія стратегическія выгоды. Мы были избавлены отъ китайской толпы, которая ежедневно собиралась на дворѣ и на террасѣ противъ нашего отверзстія, но не могла вторгаться въ нашу комнату и должна была довольствоваться наблюденіями издали. Только немногіе смѣльчаки рѣшались ставить ногу на лѣстницу въ намѣреніи подняться по ней; тогда кто-нибудь изъ насъ возьмется за верхніе концы лѣстницы и слегка потрясетъ ее, и смѣлый человѣкъ принужденъ ретироваться въ толпу.

Городъ Сунъ-панъ лежитъ на высотѣ 3082 метровъ надъ уровнемъ моря, на правомъ берегу Минъ-цзяна, среди территоріи, густо населенной тангутами и усѣянной буддійскими монастырями. Онъ больше Си-гу, но едва ли и въ немъ число жителей болѣе десяти тысячъ. Тѣмъ не менѣе, Сунъ-панъ важный торговый пунктъ на границѣ съ Тибетомъ. Этимъ значеніемъ онъ обязанъ своему особенному географическому положенію.

Восточная окраина Тибета представляетъ горную страну, черезъ которую пути на тибетское нагорье идутъ вдоль рѣчныхъ долинъ. Рѣки берутъ начало на нагорьѣ и, пересѣкая окраину, текутъ въ глубокихъ тѣснинахъ, дороги по которымъ могли быть проложены только при помощи большого человѣческаго труда;

Digitized by Google

частью тропинки высѣчены въ скалѣ, частью проходятъ по подвѣшаннымъ къ скалѣ деревяннымъ балконамъ; китайское осѣдлое населеніе, занявъ нижнія части этихъ тѣснинъ, обыкновенно на нагорье не поднимается; города стоятъ въ теплыхъ долинахъ уже по выходѣ рѣкъ изъ тѣснинъ. Но не въ этомъ родѣ положеніе Сунъ-пана; въ промежуткѣ между Минъ-чжоу и Да-цзянь-лу это, кажется, единственный китайскій городъ, лежащій на нагорьѣ Амдо, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Минъ-цзянъ только-что оставляетъ нагорье и входитъ въ тѣснину; городъ стоитъ не у нижняго конца тѣснины, а въ ея верхнемъ началѣ. Товары до Сунъ-пана идутъ по раздѣланной человѣческой рукой тѣснинѣ Минъ-цзяна на мулахъ и на носильщикахъ; въ Сунъ-панѣ они вьючатся на яковъ и отправляются въ разныя части сѣверовосточнаго Тибета. Отъ Сунъ-пана по всему нагорью дороги уже не представляютъ тѣхъ препятствій, какъ въ тѣснинахъ окраины. И дѣйствительно караваны идутъ отсюда на якахъ и къ нголыкамъ, и въ Рнгава и въ Лабранъ.

Сунъ-панъ для южнаго Амдо играетъ ту же роль, какъ Донкыръ, лежащій къ з. отъ Си-нина, для сѣвернаго Амдо. Караванное движеніе здѣсь довольно живо; во время нашего пребыванія въ Сунъ-панѣ, при подошвѣ ближайшихъ горъ постоянно виднѣлись разбитыя палатки или вновь пришедшихъ или отходящихъ каравановъ, собственно палатки пастуховъ яковъ.

Иногда жители центральнаго Амдо, нголыки и сами приходятъ въ городъ. Такъ и при насъ въ городъ вошла большая партія нголыковъ изъ Рнгава, что заставило нашихъ слугъ тангутовъ перетрусить. Они боялись, чтобы нголыки, почему-то враждебно относящіеся къ сѣвернымъ тангутамъ, не воспользовались случаемъ нанести имъ какое-нибудь оскорбленіе, и перестали ходить въ городъ на рынокъ, пока нголыкскій караванъ не ушелъ домой.

Не всѣ палатки, впрочемъ, какія мы видѣли раскинутыми вокругъ города, принадлежали караванамъ. Послѣ мы узнали, что у сунъ-панскихъ жителей существуетъ обыкновеніе выѣзжать изъ города съ семействами на окрестныя поля и проводить тамъ время по нѣскольку дней и по цѣлой недѣлѣ, живя въ палаткахъ. Такихъ палатокъ мы много видѣли изъ окна нашего чердака, разсѣянными по подошвѣ окрестныхъ горъ.

Изъ другихъ обыкновеній, о которыхъ мы до Сунъ-пана не слыхали или мало слышали, упомянемъ о томъ, что здѣсь есть школа для дѣвочекъ, а также что здѣсь въ средѣ мандариновъ существуетъ многоженство. Въ другихъ городахъ мы не слыхали о женскихъ школахъ; не знаемъ, мѣстное ли это только явленіе, или можетъ быть повсемѣстно распространенное обыкновеніе, но только въ средѣ мусульманъ. Многоженство встрѣчается у мандариновъ и на сѣверѣ, но мы не слышали тамъ, чтобъ гаремъ мандарина состоялъ изъ девяти женъ, какъ у сунъ-панскаго.

Такъ какъ кругомъ Сунъ-пана много тангутскихъ деревень, то тангуты и тангутки на здѣшнемъ рынкѣ и на здѣшнихъ улицахъ обыкновенное явленіе. Тангутки, какъ и ихъ мужья, являются сюда по утрамъ съ ношей изъ хвороста для топлива, съ сѣномъ, курами, яйцами и другимъ деревенскимъ товаромъ; о своемъ

Digitized by Google

приближеніи они даютъ знать улицѣ какими-то особенными довольно мелодическими звуками, которыхъ намъ болѣе нигдѣ слышать не довелось.

Здѣшнія тангутки красивѣе своихъ сѣверныхъ сестеръ; манера носить косу, намотанную вокругъ головы, дѣлаетъ ихъ лица еще миловиднѣе.

Въ праздники богатыя женщины покрываютъ свои головы круглой шапочкой, сплошь усаженной въ узоръ красными кораллами. Другая особенность въ костюмѣ здѣшнихъ тангутокъ—подолы у юбокъ онѣ всегда обшиваютъ бѣлой полосой.

Караваны изъ Сунъ-пана въ дальнія мѣста идутъ въ 7 и 8 лунѣ, въ ближайшія въ 6-й. Они везутъ на нагорье бумажныя матеріи (янъ-бу, ӧро), нитки, чашки, шелковыя матеріи, чай; вьючнымъ животнымъ служитъ якъ; хорошій якъ стоитъ въ Сунъ-панѣ 15 ланъ серебра, но можно купить и за 12, и за 10. По 8 ланъ продаются плохіе, неспособные къ вьючкѣ. На одного яка кладутъ по 240—230 джиновъ. Хорошіе яки ходятъ подъ вьюкомъ по 30 лѣтъ. Въ день караванъ проходитъ 30—40 ли; болѣе 60 ли не ходятъ.

Торговыя сношенія Сунъ-пана дѣлаютъ его мѣстомъ, въ которомъ всегда живетъ много людей, ходившихъ по Амдо и знающихъ этотъ край. Поэтому это былъ для насъ удобный пунктъ для собранія разспросныхъ свѣдѣній какъ объ южной части Амдо, о вершинахъ Желтой рѣки, такъ и о провинціи Камъ. Кромѣ купцовъ, которые исходили край изъ Сунъ-пана по всѣмъ радіусамъ, здѣсь можно встрѣтить богомольцевъ, ходившихъ въ Лассу. Богомольцы, идущіе въ Лассу изъ Монголіи и Китая, входятъ въ Тибетъ главнымъ образомъ въ трехъ пунктахъ: въ Гумбумѣ, въ Сунъ-панѣ и въ Да-цзянь-лу; черезъ послѣдній идутъ богомольцы изъ Сы-чуани и южныхъ провинцій Китая; черезъ Гумбумъ—богомольцы изъ сѣверной Монголіи; черезъ Сунъ-панъ идутъ жители Гань-су и Шень-си, а также часть богомольцевъ и изъ сѣвернаго Амдо. Такъ въ Джони я встрѣтилъ саньчуаньца (изъ долины Желтой рѣки выше Ланьчжоу), который ходилъ въ Лассу черезъ Сунъ-панъ.

Изъ Сунъ-пана богомольцы частью идутъ черезъ Да-цзянь-лу, частью черезъ землю нголыковъ, черезъ монастырь Рнгава и верховья Желтой рѣки, къ западу отъ которыхъ они выходятъ на дорогу, идущую изъ Гумбума. Наконецъ третья часть богомольцевъ идетъ прямой дорогой черезъ провинцію Камъ, черезъ монастырь Рцза-рцзукчинъ-гонпа и область Дерге.

Изъ разспросовъ, которые мнѣ здѣсь удалось сдѣлать [1]), я узналъ два интересныхъ факта, именно во-первыхъ, что Сунъ-панъ стоитъ не далеко отъ водораздѣльной линіи между притоками Голубой и Желтой рѣкъ; во-вторыхъ, что между Минъ-цзяномъ и Рцза-чю помѣщается цѣлая рѣчная система, которой нѣтъ ни на какихъ картахъ.

На всѣхъ прежнихъ картахъ рисовались три параллельныя рѣки, текущія съ юго-востока на сѣверо-западъ и впадающія во второе (считая отъ вершины) колѣно

[1]) Свѣдѣнія о странѣ къ западу отъ Сунъ-пана, собранныя мною путемъ разспросовъ, опубликованы мною въ Извѣстіяхъ И. Р. Геогр. Общ. за 1887 годъ (т. XXIII, кн. IV, стр. 481) въ статьѣ: «Разспросныя свѣдѣнія о восточномъ Тибетѣ».

Digitized by Google

Желтой рѣки, гдѣ она течетъ съ юга на сѣверъ. Всѣ три называются одинаково: Кунделенъ, что значитъ по-монгольски «Поперечныя» и различаются монгольскими прилагательными: дере, дунда и доро, верхняя, средняя и нижняя. Мы этихъ именъ не слыхали, потому что съ нами не было хухунорскихъ олетовъ, у которыхъ вѣроятно эти названія заимствованы. Вмѣсто того, мы слышали о рѣкахъ Рчи-цзюй, Ри-чю и Рка-чю, которыя впадаютъ въ Желтую рѣку тамъ, гдѣ на прежнихъ картахъ лежатъ устья Кунделеновъ. На прежнихъ картахъ теченіе Кунделеновъ короткое и ихъ вершины не заходятъ далеко на востокъ; длина ихъ около ста верстъ, а отъ ихъ вершинъ до Сунъ-пана чуть не триста верстъ. По нашимъ же разспроснымъ свѣдѣніямъ вершины ихъ находятся близко отъ города Сунъ-пана, особенно вершина рѣки Ри-чю, которая вытекаетъ изъ горы Гарила, лежащей въ 20—30 верстахъ отъ Сунъ-пана. Я вѣрю этому показанію, потому что Минъ-цзянъ около Сунъ-пана производитъ впечатлѣніе рѣки, вершина которой находится отсюда недалеко; она находится, какъ намъ казалось, отъ города Чжанла верстахъ въ 50—60, между тѣмъ на нашихъ картахъ она отстоитъ отъ Сунъ-пана верстъ на двѣсти.

Къ югу отъ истоковъ Желтой рѣки на картѣ, приложенной къ моей статьѣ «Разспросныя свѣдѣнія о восточномъ Тибетѣ» (Изв. И. Р. Геогр. Общ., за 1887 годъ, т. XXIII, кн. IV) изображена система рѣкъ, которая на прежнихъ картахъ отсутствовала или изображалась въ отношеніяхъ къ сосѣднимъ рѣчнымъ системамъ, не совпадающихъ съ дѣйствительностью. Эта система состоитъ изъ трехъ рѣкъ Маръ-чю («Красная рѣка»), Рдо-чю («Каменистая рѣка») и Нгью-чю; Маръ-чю изъ нихъ самая сѣверная и самая большая; она беретъ начало недалеко къ югу отъ вершинъ Желтой рѣки. Всѣ три, соединившись вмѣстѣ, образуютъ рѣку Чжамуну-чю, «Царицыны слезы», которая протекаетъ къ сѣверу отъ Да-цзянь-лу. Долина ея отдѣлена отъ долины, въ которой стоитъ Да-цзянь-лу, высокимъ хребтомъ Чжаму-медо. Дорога изъ Сунъ-пана въ Да-цзянь-лу пересѣкаетъ ее по мосту, который называется Нюгзый, «Бамбуковый мостъ».

Печатая свою карту и текстъ къ ней, я разсчитывалъ, что любители картографіи Средней Азіи можетъ быть найдутъ въ нихъ любопытныя новости. Въ этомъ текстѣ есть конечно большой отбросъ; онъ далеко ниже того матеріала, который я собиралъ въ предъидущія путешествія по Монголіи. Это во первыхъ потому, что приходилось собирать свѣдѣнія черезъ переводчика, а не прямо отъ разсказчиковъ; во вторыхъ, разсказчики были ламы или купцы, люди городскіе, осѣдлые, которые уже лишены той воспріимчивости къ географическимъ впечатлѣніямъ, какою одарены кочевники и не умѣютъ вѣрно оріентироваться въ проходимой странѣ; въ третьихъ, дѣло шло о странѣ съ пересѣченнымъ и запутаннымъ рельефомъ. Просѣять этотъ матеріалъ я не взялся изъ опасенія выбросить что-нибудь полезное. Къ сожалѣнію, я не присоединилъ къ своему тексту предисловія, въ которомъ мнѣ слѣдовало бы оговориться, что моя работа есть не болѣе, какъ сырой матеріалъ, предлагаемый профаномъ въ картографіи, и что онъ можетъ получить цѣнность только пройдя черезъ руки опытнаго картографа.

Digitized by Google

M. Dutreuil de Rhins въ своей книгѣ «L'Asie centrale» (Paris, 1889) удостоилъ разбора мои матеріалы (p. 460—470). Упрекнувъ меня въ неумѣньи согласить новые разспросные матеріалы съ прочноустановленными данными картографіи—что я и самъ сознаю—Дютрейль де Ренъ оцѣнилъ нѣкоторые изъ нихъ и на основаніи ихъ установилъ фактъ, что большая сы-чуанская рѣка Kin tchouen беретъ начало на тибетскомъ нагорьѣ подъ именемъ Маръ-чю или Чжамуну-чю.

Понятно, какое одолѣвало насъ желаніе совершить изъ Сунъ-пана экскурсію въ монастырь Рцза-рцзукчинъ, до котораго обыкновенно считается мѣсяцъ ходу. Такая экскурсія провѣрила бы разсказы о существованіи особой системы рѣкъ Маръ-чю и Рдо-чю. Конечно, мы и сдѣлали бы эту экскурсію, еслибы у насъ были въ то время лишнія деньги, а ихъ у насъ тогда было такъ мало, что мы боялись—и основательно, какъ послѣ оказалось, — что ихъ намъ не хватитъ на обратный путь до Ланъ-чжоу; для того же, чтобы идти изъ Сунъ-пана въ Камъ, нужно было имѣть еще деньги на покупку яковъ. Послѣднимъ средствомъ совершить это предпріятіе оставалось продать муловъ и купить на вырученныя деньги яковъ, но, разумѣется, при исполненіи этого плана насъ прижали бы и покупщики нашихъ муловъ, и продавцы яковъ и мы не въ состояніи были бы пріобрѣсть то количество ихъ, какое намъ было нужно. Мы не винимъ себя, что мы отказались отъ мысли идти въ Камъ, но мы, можетъ быть, сдѣлали ошибку, что не сдѣлали экскурсію въ монастырь Мерге-гонпа. Поѣздка туда не заняла бы много времени, не стоила бы дорого, а между тѣмъ былъ бы провѣренъ интересный фактъ: дѣйствительно ли вершины притоковъ Желтой рѣки такъ близко подходятъ къ Сунъ-пану?

Тангуты окрестностей Сунъ-пана принадлежатъ къ поколѣніямъ Чаграсы и Сарбусы; первые живутъ сѣвернѣе вторыхъ. Между ними есть цѣлыя деревни, придерживающіяся вѣры *бонбо*. Такія деревни наши слуги изъ тангутовъ легко отличали по молитвеннымъ мельницамъ, построеннымъ на горныхъ рѣчкахъ подлѣ деревень и двигаемымъ водою; такія мельницы у бонбо вращаются противъ солнца, а не по солнцу, какъ у желтовѣрцевъ, держащихся ученія Цзонкавы. Бонбоскія мельницы стали намъ встрѣчаться еще въ долинѣ Хэй-хо, на сѣверной сторонѣ перевала Кунгала. Около Сунъ-пана гнѣздо держащихся вѣры бонбо. Здѣсь у нихъ есть свои монастыри и свои гэгэны. Одинъ изъ такихъ гэгэновъ пригласилъ меня въ свою обитель Ной, лежащую противъ города Чжанла, на правомъ берегу Минъцзяна. Я принялъ приглашеніе и вдвоемъ съ ламой Сэрэномъ отправился въ Ной. Бонбо оказали мнѣ такое гостепріимство, на какое только были способны при бѣдныхъ средствахъ ихъ обители. Они устроили мнѣ торжественную встрѣчу; вынесли мнѣ на встрѣчу почетный зонтъ; два трубача трубили въ трубы, когда мы съ Сэрэномъ входили въ ворота обители; садиться на мула мнѣ не позволяли иначе, какъ съ какого-то возвышенія въ родѣ трона, покрытаго ковромъ; не позволили мнѣ купить для моихъ муловъ гороху и во все время нашего пребыванія кормили своимъ. Въ обители живутъ, какъ оказалось, два гэгэна; одинъ очень пожилыхъ лѣтъ, другой молодой. Они охотно показали мнѣ свой храмъ (хуралъ), а также

Digitized by Google

реликвіи, которыми гордится ихъ обитель. Всѣ эти реликвіи состояли изъ мелкихъ обломковъ какой-нибудь кости, черепной, голенной или лопаточной; каждая косточка была вмазана въ массу какой-то красной мастики. Всѣ эти кости, по словамъ гэгэна, принадлежали тѣламъ боговъ или святыхъ. Кусочки черепныхъ костей были съ нерукотворными буквами. Кромѣ костей, тутъ были также какія-то костяные шарики или зерна, которые вынуты изъ сердца. Но самая главная святыня Ноѝ—серебряная статуэтка бога Лачинъ-чжамба; этотъ богъ изъ Менгу-чжу (Лассы) явился въ Амни-мачинъ (хребетъ въ вершинахъ Желтой рѣки) и въ рНгава и поселился въ послѣдней мѣстности въ горѣ. Потомъ онъ явился гэгэну изъ Ноѝ, просилъ его отправиться на ту гору, гдѣ прежде богъ пребывалъ и изготовить его образъ. Гэгэнъ исполнилъ повелѣніе и принесъ въ Ноѝ серебряную статуэтку. Хотя эта святыня была тщательно закутана въ сотни шелковыхъ оболочекъ, ее разоблачили и показали мнѣ. Это разоблаченіе сопровождалось торжественнымъ пѣніемъ молитвъ, которое совершали семь бонбо.

Хуралъ въ обители Ноѝ былъ новый и внутри почти пустой. На стѣнахъ было девятнадцать изображеній различныхъ боговъ. На южной стѣнѣ, въ которой входная дверь, четыре изображенія; на сѣверной пять, на боковыхъ также по пяти. Вотъ ихъ перечень.

На южной стѣнѣ (счетъ начинается отъ входа вправо): 1) Супа-чжаму, богъ съ синимъ лицомъ, верхомъ на мулѣ; 2) Меру; синее лицо, желтое туловище; сидитъ на престолѣ.

На восточной стѣнѣ: 3) Кува; вмѣсто ногъ треугольникъ, обращенный вершиной внизъ; подъ треугольникомъ двѣ человѣческія фигуры въ лежачемъ положеніи, какъ будто пронзенныя остріемъ треугольника. 4) Мачжѝ; синее лицо и синее тѣло; обнимаетъ женщину краснаго цвѣта. 5) Шямыръ; лицо и туловище золотыя. Сидитъ на подушкѣ, скрестивъ ноги по-турецки. Въ лѣвой рукѣ держитъ мелунъ, въ правой бомба (вазу). 6 Малтà; лицо и тѣло золотое. Сидитъ на подушкѣ. 7) Цзапа-чунѝ; въ лѣвой рукѣ держитъ пундзюръ (чашу).

На сѣверной стѣнѣ: 8 и 9) тоже Цзапа-чуни; всѣхъ ихъ считается двѣнадцать. 10) Джава-нами-чамбу; весь образъ сходенъ съ тѣмъ, какъ желтовѣрцы изображаютъ Дже-рембучи (Цзонкаву), только шапка на головѣ другая, а именно она въ родѣ войлочной китайской; коническій верхъ кончается шарикомъ; поля заворочены и край ихъ вырѣзанъ зубчиками. У правой руки изображеніе Сононъ-лочжи, у лѣвой Дава-чанцы. Это изображеніе приходится противъ входныхъ дверей. 11 и 12) Цзапа-чуни.

На западной стѣнѣ: 13) Цзапа-чуни. 14) Чука-чжони; сходно съ предъидущимъ. 15) Намба-чжава; тѣло золотое. 16) Васи-гонба съ женой; самъ синій, жена зеленая. 17) Рцачу-кандзей съ женой; самъ синій, жена красная.

На южной стѣнѣ: 18) Ртала-пучи-мабу; красное тѣло; въ правой рукѣ хорло (колесо вѣры), въ лѣвой девять мечей, которые расположены такъ: четыре меча перекрещиваются концами и образуютъ квадратную фигуру; изъ нихъ два меча имѣютъ горизонтальное положеніе, два вертикальное. На этотъ квадратъ наложенъ другой

Digitized by Google

квадратъ изъ четырехъ же мечей, но такъ, что углы этого квадрата приходятся противъ боковъ другого. Образуется звѣздообразная фигура. Девятый мечъ поставленъ въ серединѣ отвѣсно, рукояткой внизъ; за него-то богъ и держитъ фигуру. 19) Послѣднее къ двери изображеніе: Аса-чжалва; краснолицій, верхомъ на лошади; въ одной рукѣ пика, въ другой сердце человѣка.

Бонбо не только впустили меня въ свой храмъ, но открыли всѣ люки, чтобы было полное освѣщеніе внутренности храма, сами руководили моимъ осмотромъ охотно объясняли изображенія боговъ и даже позволили мнѣ снять фотографію; къ сожалѣнію, не помню почему-то, я не могъ получить снимокъ. Кромѣ этого храма, въ обители есть небольшая кумирня; задняя стѣнка ея занята шкафомъ съ клѣтками, въ которыхъ стоятъ статуетки боговъ. Въ средней клѣткѣ противъ дверей самая крупная статуетка изображаетъ бога Ртама-пучи-мабу, о которомъ бонбо говорили, что это у нихъ самый почитаемый богъ. На головѣ бога вѣнецъ изъ пяти человѣческихъ череповъ; поясъ на богѣ тоже изъ череповъ. Изъ подъ пояса виситъ шкура барса. Въ одной рукѣ у бога хорло, въ другой девять мечей. Ногами богъ попираетъ двѣ человѣческія фигуры. По сторонамъ этой главной фигуры изображены восемнадцать его учениковъ (шаби) въ пляшущихъ позахъ. Кромѣ того въ верхнемъ этажѣ того же дома, въ которомъ помѣщается эта кумирня и въ которомъ живутъ также и сами гэгэны, я видѣлъ еще изображенія: 1) Джава-чжамцу съ одинадцатью головами въ родѣ Чэнрэзи (Арья-Бало); подобно послѣднему, онъ держитъ въ рукѣ лукъ и стрѣлы; 2) Ртомба-ширу; изображенъ сходно съ ламскимъ Ртомба; передъ нимъ восемь субургановъ.

Въ Ной я собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о географическомъ распространеніи монастырей и приверженцевъ вѣры бонбо. Если вѣрить самимъ бонбо, приверженцы ихъ встрѣчаются на востокѣ до долины, на которой стоитъ Чэнъ-ту-фу, на западѣ до долины Яру-цзампо, въ которой стоитъ Ласса; на сѣверѣ граница монастырей бонбо проходитъ черезъ долину Хэй-хо и мѣстность Рнгава; впрочемъ бонбо есть еще сѣвернѣе, именно около города Гуй-дуя. Прилагаю списокъ монастырей бонбо, по показанію монаховъ въ Ной.

Въ мѣстности Чиченъ-когъ [1]) пять монастырей бонбо. Въ мѣстности Гуань-сянъ [2]) семь; въ Гангы (Ганы) одинъ; въ Рнгава—три [3]); въ области князя Чуксэй—одинъ монастырь Мбанконъ; въ области, управляемой княземъ Цаку-чжьярунъ-чӧчé-чжалву — четыре: Цанту-гонба, Тудукъ-гонба, Нашикъ-гонба и Зугу-гонба. Въ области, управляемой княземъ Джатуръ-чжалву два: Тарчжилинъ и Чилунъ-гонба. Въ области князя Гэсэ-чжалву четыре: Валу-гонба, Чичжалинъ, Чжилона-гонба, Бая-чжаку-гонба. Въ области князя Чжала-чжалву (въ окрестностяхъ Тарсандо

[1]) Разспросить подробно, гдѣ находятся упоминаемыя въ спискѣ мѣстности, было очень трудно, а потому имена ихъ и остались безъ опредѣленія мѣстоположенія.

[2]) Гуань-сянъ мѣстность при выходѣ р. Минь-цзяна изъ горъ на равнину Ченъ-ту-фу.

[3]) Рнгава (рНгава) мѣстность къ западу отъ Сунъ-пана въ 8 дняхъ ходу отъ него на якахъ (160 вер.); тутъ кромѣ бонбо, есть монастыри и ламы и сангаспа. Въ этой мѣстности сѣютъ ячмень. Караваны направляются сюда, кажется, потому, что здѣсь можно запасаться провизіей.

Digitized by Google

или Да-цзянь-лу): Юнчжунъ-рему-гонба; всего около десяти; имена остальныхъ разсказчикъ забылъ. Въ области, управляемой Деге-линцан'омъ, четыре: рЦзамечжи-ргёнъ, рЦза-буми-ргёнъ, рЦза-тенчинъ-ргёнъ, рЦза-санджунъ-юнчжунлинъ. Въ области князя Деге-чжалву восемь; именъ не могли сообщить. Въ области Чумбу имѣется три князя: Кары-чжабу, Нары-чжабу и Сеца-чжабу; у нихъ всѣ подданные бонбо, но сколько монастырей, сказать не могли. У князя Хоръ-чичекъчжабу всѣ подданные бонбо. Въ долинѣ, въ которой стоитъ Ласса, въ мѣстности Тарцыричю пять монастырей; въ самой Лассѣ три: Мицанъ-гонба, Тажи-ршицанъгонба и Лхо-чжуму-гонба. Въ мѣстности Сянтанрала: Шюнцогъ-гонба, Рчисонъгонба, Ювень-гонба, Гомбу-гонба, Сырги-гонба, Юнча-ртерка-гонба, Гонба-чжюзюма. Въ области князя Пабу-кагу-чжалву: Личжа-гонба, Цакъ-гонба, Дары-шинчжугенъ, Санленъ-гонба, Яютенъ-гонба. Въ области князя Сомонъ-чжалву одинъ монастырь. Въ области нголыковъ, въ областяхъ Хогъ-чжангу (Хоръ-чжангу) и Хогъ-гандзе (Хоръ-кандзе) бонбо совсѣмъ нѣтъ. Въ области князя Цаку-лонгечжалву семь монастырей: Рянынъ-гонба, Кента-гонба, Мусо-гонба, Джаваръ-гонба, Чоо-гонба, Доли-гонба, Шяпу-гонба. Въ области князя Учжинъ-чжалву одинъ монастырь. Около города Гуй-дуя (на Желтой рѣкѣ) два монастыря: Рцычжигонба и Мерге-гонба.

Между приверженцами бонбо и хоней или санаспа въ восточномъ Тибетѣ идетъ постоянная борьба, которая иногда доходитъ и до насилія. Во время моего пребыванія въ Ноѝ бонбо были встревожены поведеніемъ князя Чуксэй, владѣнія котораго лежатъ, какъ и владѣнія князя Сомонъ, на югозападъ отъ Сунъ-пана. Въ области этого князя, въ мѣстности Цану, находится монастырь Мбанконъ-гонба-юнчжунъ-линъ, находящійся въ вѣдѣніи бонбо. Въ немъ считается двѣсти бонбо и одинъ гэгэнъ, по имени Юнчжунъ-цыпи-чжанцянъ. Въ пятой лунѣ 1885 года въ резиденцію князя Чуксэй-чжалву прибылъ изъ Лассы лама Лартенъ-кенбу; онъ и одинъ важный чиновникъ изъ свиты князя, по имени Нарунъ-чжанъянъ, стали принуждать мбанконскихъ бонбо перейдти къ ученію и ритуалу секты сангаспа, которыхъ держится Нарунъ-чжанъянъ, и такъ какъ бонбо отказались оставить свою древнюю вѣру, то Нарунъ-чжанъянъ приказалъ бросить книги и изображенія боговъ, почитаемыя бонбо, въ воду, а гэгэна съ двумя ближайшими къ нему бонбо посадилъ подъ домашній арестъ. Солдаты подавали ему пищу, никого къ нему не пускали и самому ему не позволяли никуда выйдти. Остальнымъ бонбо также приказано не удаляться далеко отъ монастыря. Нарунъ-чжабу объявилъ гэгэну, что если онъ со своими подчиненными не рѣшится къ седьмой лунѣ перейдти къ ученію сангаспа, то будетъ лишенъ жизни. Гэгэнъ прислалъ письмо къ гэгэну Ноѝ съ просьбой помочь ему совѣтомъ, какъ остановить Нарунъ-чжанъ-яна отъ его насилій; гэгэнъ писалъ, что если гэгэнъ Ноѝцынъ не поспѣшитъ къ нему съ своей помощью къ назначенному сроку, то онъ принужденъ будетъ вмѣстѣ съ остальными бонбо Мбанкона перейдти въ ряды сангаспа. Бонбо, передавая этотъ разсказъ, прибавили, что монастырь Мбанконъ находится на одной рѣкѣ съ резиденціей князя Чуксэй-чжалву, только на другомъ ея берегу, противъ княжеской ставки;

Digitized by Google

что самъ князь умеръ и областью правитъ его жена за малолѣтствомъ дѣтей, а при княгинѣ самое вліятельное лицо выше названный Нарунъ-чжанъ-янъ. Въ то время, какъ я гостилъ въ Ноѝ, у сунъпанскихъ бонбо было сильное движеніе; происходили сборища, совѣщанія и съ разныхъ концевъ страны являлись въ Ноѝ гонцы и послы съ донесеніями и извѣстіями. Бонбо говорили мнѣ, что народъ собирается окониться, вооружиться и идти войной на вдову князя Чуксэя; бонбо грозились, что они и сами оставятъ свое монашеское платье и возьмутъ въ руки сабли.

Визитъ въ Ноѝ былъ для меня важенъ еще тѣмъ, что благодаря ему мнѣ удалось устроить поѣздку къ подошвѣ снѣжной горы Сюѣ-шань, а эта поѣздка привела меня къ интересной мѣстности Ксернцо, находящейся въ системѣ рѣки, на которой стоитъ городъ Лунъ-ань-фу. По этой долинѣ въ 1877 г. проѣхалъ отъ Сунъ-пана до Лунъ-ань-фу англійскій путешественникъ Гилль [1]), но онъ о Ксернцо не упоминаетъ въ своей книгѣ. Повидимому, отъ мѣстныхъ жителей услышать объ этой замѣчательной мѣстности ему не представилось случая, а самъ онъ, проѣзжая по долинѣ, не замѣтилъ особенностей этой мѣстности, такъ какъ онѣ закрыты лѣсомъ. Потомъ намъ также пришлось идти по дорогѣ Гилля, т. е. спускаться по долинѣ р. Хонтона мимо Ксернцо; и мы, по всей вѣроятности, также не замѣтили бы ея, если-бъ случай предварительно не привелъ насъ прямо въ эту мѣстность.

О существованіи бѣлка близъ Сунъ-пана мы узнали еще до прибытія въ этотъ городъ. Когда мы были еще на сѣверной сторонѣ Кунгалы, насъ обгоняло множество тангутовъ и тангутокъ въ праздничныхъ нарядахъ, ѣхавшихъ къ этой горѣ, въ мѣстность Хунъ-лонъ-сы, для поклоненія. Отъ нихъ мы узнали, что въ шестой лунѣ въ теченіи трехъ дней 13-го, 14-го и 15-го числа, въ эту мѣстность съѣзжается на поклоненіе множество тангутовъ и китайцевъ. Узнавъ о существованіи горы, я сталъ добиваться случая съѣздить къ ея снѣговой линіи, но не смотря на всѣ старанія Сэрэна, онъ не могъ найдти въ Супъ-панѣ человѣка, который взялся бы проводить насъ къ горѣ. Я рѣшился воспользоваться неожиданной дружбой бонбоскихъ гэгэновъ и попросилъ дать мнѣ проводника до горы. Гэгэны дали намъ двухъ человѣкъ и мы маленькимъ караваномъ утромъ 5 августа отправились изъ Ноѝ. Оставивъ городъ Чжанла въ лѣвой рукѣ, мы начали подниматься на горы, сопровождающія Минъ-цзянъ слѣва. Молодой бонбоскій гэгэнъ проводилъ насъ за городъ Чжанла и раскланялся съ нами, а мы продолжали подниматься на перевалъ между Минъ-цзяномъ и Хонтономъ.

Гора Сюѣ-шань лежитъ близъ вершины Хонтона на правой или южной сторонѣ рѣки [2]). Чтобы изъ Чжанла попасть къ ней, нужно перевалить черезъ горы, отдѣляющія Минъ-цзянъ отъ Хонтона, потомъ спуститься по Хонтону до устья

---

[1]) Впослѣдствіи убитый въ Африкѣ во время войны съ Магди. Онъ издалъ свое путешествіе подъ названіемъ: The River of golden sand, Lond., 1880.

[2]) Рѣка Хонтонъ (такъ намъ называли ее мѣстные тангуты) на картахъ значится подъ именемъ Пу-цзянъ.

Digitized by Google

р. Ксернцо и затѣмъ подняться по этой послѣдней. Перевалъ на этой дорогѣ называется Гума-кика. Миновавъ Чжанла, дорога идетъ параллельно съ долиной, которая открывается въ Минъ-цзянъ выше города, но на значительной высотѣ надъ ея дномъ; потомъ она начинаетъ отходить отъ этой долины, и по мѣрѣ ея отдаленія съ лѣвой стороны возвышенности все болѣе и болѣе повышаются и совершенно загораживаютъ видъ на эту долину, но за то все болѣе и болѣе открывается видъ вправо отъ дороги на горы, которыя сопровождаютъ Минъ-цзянъ справа противъ Сунъ-пана. Наши проводники, данные намъ изъ Ной, уѣхали впередъ и мы вновь увидѣли ихъ плоскія, какъ тарелки, покрытыя сусальнымъ золотомъ шляпы только уже тогда, когда впереди стало видно перевалъ Гума-кика. Они сидѣли на землѣ возлѣ болотца, украшеннаго яркими оранжевыми цвѣтами педикуляриса (Pedicularis craspedotricha Maxim.), и ждали насъ у потухавшаго огонька съ приготовленнымъ чаемъ. Здѣсь уже начиналась альпійская флора; болотце было покрыто отцвѣтшими экземплярами Primula nivalis (?), а на перевалѣ мы нашли Meconopsis racemosa Maxim., M. quintuplinervia Maxim., Caragana jubata Poir. (?).

Когда мы стали спускаться съ перевала, на горы опустился туманъ; мы могли видѣть только очертанія ближайшихъ горъ. Онѣ состоятъ изъ известняковъ и сначала безлѣсны на обоихъ бокахъ долины, а ниже китайскаго пикета Сань-чуа-ку безлѣсны только на лѣвой сторонѣ Хонтона, на правой же покрываются густымъ хвойнымъ лѣсомъ; главная порода ель; лиственница является подчиненной породой. Ниже долина съуживается, появляются отдѣльныя фанзы и около нихъ небольшія пашни. Какъ разъ противъ долины р. Ксернцо, дорога переходитъ черезъ Хонтонъ на его правый берегъ по мосту и поднимается по побочной долинѣ Ксернцо, пробираясь узкой тропинкой въ лѣсу изъ елей и густого рододендронника. Верстахъ въ 4—5 отъ моста вверхъ по рѣкѣ Ксернцо построена кумирня, въ которой мы и остановились на ночлегъ. Обширный дворъ при кумирнѣ окруженъ деревянными верандами съ деревянными полами, предназначенными для ночлега богомольцевъ. Мы застали здѣсь толпу поклонниковъ тангутовъ человѣкъ около тридцати, между ними были и дѣвицы. Молодежь оказалась веселою и весь вечеръ раздавались громкіе голоса, смѣхъ и пѣсни. Въ кумирнѣ мы нашли сторожа-китайца. Это былъ молодой человѣкъ, повидимому принадлежавшій къ духовному сословію, о чемъ можно было судить по его шевелюрѣ въ видѣ пучка на темени, какъ у даосскихъ монаховъ. Такимъ образомъ собравшееся въ этотъ день общество на Ксернцо состояло изъ самой пестрой смѣси религіозныхъ сектъ; тутъ были и даосы, и лама, и бонбо, и христіанинъ. На другое утро тангутское общество исчезло ранѣе, чѣмъ мы проснулись. Туманъ еще сталъ гуще, такъ что ничего не было видно, кромѣ ближайшихъ деревьевъ и я не могъ оріентироваться, гдѣ лежитъ дорога къ бѣлку и на сколько его подошва кажется доступною, если смотрѣть на него изъ кумирни. Отъ поѣздки къ снѣжной линіи пришлось въ этотъ день отказаться. Мы съ Сэрэномъ сходили только съ полверсты вверхъ по долинѣ до другой кумирни, чтобы посѣтить пещеру, которая находится возлѣ нея.

Digitized by Google

Еще наканунѣ, когда мы въ сумерки поднимались по долинѣ Ксернцо отъ моста до кумирни, наше вниманіе уже было привлечено необыкновеннымъ строеніемъ дна долины. Теперь при дневномъ свѣтѣ мы могли лучше разсмотрѣть работу этой странной рѣки, возводящей естественныя плотины и устраивающей естественныя запруды. Эффектъ картины, даже и при туманной погодѣ, былъ замѣчательный. Здѣсь мы имѣемъ повтореніе того же явленія, которому обязанъ своимъ существованіемъ Yellowstone Park въ Сѣверной Америкѣ, или которое описалъ Гохштетеръ въ долинѣ Waikato у Orakaikorako въ Новой Зеландіи [1]).

По причинѣ этихъ отложеній желтоватаго известковаго туфа и множества запруженныхъ озеръ по тангутски эта мѣстность называется Кселъ-нцо, т. е. Золотое озеро. Китайцы зовутъ эту мѣстность Хуанъ-лао-сы, по имени кумирни; тангуты произносятъ это имя Хунъ-лонъ-сы. Описаніе этой мѣстности я сдѣлаю ниже, когда буду разсказывать о нашемъ переѣздѣ изъ Сунъ-пана въ Лунъ-ань-фу, такъ какъ дорога въ Лунъ-ань-фу проходитъ по Хонтону мимо Ксернцо и намъ еще разъ удалось увидѣть его и осмотрѣть его подробнѣе.

Чудесныя сооруженія рѣки и близость бѣлка дѣлаютъ эту мѣстность священною для религіозныхъ людей, преклоняющихся передъ чудесами природы. Кромѣ того богомольцевъ сюда привлекаютъ статуи боговъ, находящіяся въ пещерѣ у верхней кумирни. О послѣднихъ вѣрующіе думаютъ, что онѣ не рукотворныя и сами собой явились въ этой пещерѣ. Онѣ находятся въ заднемъ темномъ концѣ пещеры и обращены спиной къ выходу изъ пещеры, а лицомъ къ мрачному продолженію ея. Посѣтивъ этихъ бурхановъ, которымъ пришла странная фантазія явиться въ такомъ мѣстѣ, мы съ Сэрэномъ осмотрѣли также и китайскія кумирни. Три центральныя сидячія фигуры находящіяся у задней стѣны въ нижней кумирнѣ сторожъ китаецъ назвалъ намъ по китайски: Сань-бао-фо-ѣ, лама назвалъ ихъ Туйсунъ-сорнчжи, а наши проводники бонбо — Ртоба-наисунъ. Въ верхней кумирнѣ главное мѣсто за алгаремъ занимаетъ женское божество Хуанъ-лао-пуса. Она была одѣта въ очень ветхое шелковое облаченіе. На столѣ передъ нею, кромѣ погасшихъ курительныхъ свѣчъ, между предметами, поднесенными богомольцами, былъ небольшой глиняный кувшинчикъ съ водкой, а также цвѣты алаго альпійскаго мака (Meconopsis punicea Maxim.), самое дешевое приношеніе по здѣшнему, такъ какъ за дверями кумирни этихъ цвѣтовъ можно набрать сколько угодно. Тутъ же лежалъ камень или галька, окатанная въ видѣ крестьянскаго сапога; это башмакъ богини; судя по нему богиня была колоссъ родосскій.

Окончивъ осмотръ мѣстныхъ святынь и давши сторожу китайцу 100 чоховъ за ночлегъ, за что онъ насъ отблагодарилъ поднесеніемъ листьевъ лу-ши-цао (Pyrola) и какого-то Lichen, который называется по китайски шё-ча, т. е. «чаемъ вѣчныхъ снѣговъ», мы оставили Ксернцо съ неодолимымъ желаніемъ вновь сюда пріѣхать и осмотрѣть его подробнѣе. Изъ Ксернцо мы проѣхали прямо въ Сунъ-

[1]) Подобные же водопады съ отложеніями кремнезема есть, кромѣ того, на Азорскихъ островахъ, на Мадейрѣ, Филиппинскихъ островахъ, въ Гренландіи и на Южномъ Люсонѣ (Gümbel. Grundzüge der Geologie, Kassel, 1888, S. 306).

Digitized by Google

панъ. Сначала мы ѣхали вверхъ по Хонтону по той же дорогѣ, какъ впередъ, но выше китайскаго пикета Сань-чуа-ку, оставивъ Гума-кика въ правой рукѣ, поднялись на другой перевалъ, съ котораго спускъ ведетъ въ вершину р. Ату-лунва, впадающей въ Минъ-цзянъ ниже Сунъ-пана. Дорога идетъ большею частью по дну этой долины и только въ концѣ поднимается на горы, сопровождающія правый бокъ долины; поднявшись, она сразу спускается прямо въ городъ. Въ Сунъ-панъ мы съ Сэрэномъ пріѣхали послѣ заката солнца, когда было уже совершенно темно и въ домахъ уже горѣли огни.

Погода за время нашего перехода отъ Си-гу до Сунъ-пана по большей части была дождливая; изъ 25 дней было только пять недождливыхъ дней, но и въ тѣ все небо было покрыто облаками, иногда покрывавшими горы до половины ихъ высоты; только два раза за это время была ясная погода; дожди шли тихіе безъ вѣтра и грома, который былъ слышенъ только однажды, и шли преимущественно по ночамъ. Это были не столько дожди, сколько туманы, осаждавшіеся каплями на земныхъ предметахъ; только капель съ крышъ свидѣтельствуетъ объ обиліи осадковъ. Тишина глубокая; птицы молчатъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней сряду.

9-го августа мы оставили Сунъ-панъ. Городъ Лунъ-ань-фу, куда мы теперь шли, стоитъ на рѣкѣ, которая на китайскихъ картахъ обозначена именемъ Пу-цзянъ; это та самая рѣка, которую близь Сунъ-пана тангуты зовутъ Хонтономъ, и въ системѣ которой находится Ксернцо. Дорога въ Лунъ-ань-фу идетъ изъ Сунъ-пана сначала вверхъ по безлѣсной долинѣ небольшой рѣчки Ату-лунва, въ вершинѣ ея переваливаетъ въ долину Хонтона и по этой послѣдней идетъ вплоть до Лунъ-ань-фу. До Хонтона нашъ перевалъ шелъ тою же дорогой, по которой я нѣсколько дней ранѣе возвратился въ Сунъ-панъ съ Ксернцо. Ату-лунва, какъ уже сказано нами, впадаетъ въ Минъ-цзянъ ниже города; дорога изъ Сунъ-пана не идетъ къ ея устью, а поднимается на горы противъ города, выходитъ въ долину Ату-лунвы при буддійскомъ монастырѣ Рува-гонпа, и идетъ по горѣ праваго бока долины, не спускаясь въ нее, пока дно долины не поднимется до уровня дороги. Караванъ не успѣлъ дойдти до Ксернцо въ первый же день по выходѣ изъ Сунъ-пана и сдѣлалъ остановку подъ переваломъ въ вершинѣ Ату-лунвы, на высотѣ 3897 метровъ надъ уровнемъ моря.

На другой день рано мы поднялись на перевалъ; на перевалѣ выстроена высокая башня; флора тутъ альпійская.

Съ перевала мы въ первый разъ увидѣли величественный Сюѣ-шань, поднимавшійся на правой сторонѣ долины Хонтона. Гора имѣетъ двѣ коническія вершины, соединенныя сѣдловиной. Эти пики находились отъ точки, на которой мы стояли, верстахъ въ 10—12 на юго-востокъ; отъ скалистыхъ возвышенностей, которыя закрывали подошву пиковъ, насъ отдѣляли безлѣсныя ярко-зеленыя альпійскія поля, которыя имѣли общую покатость въ долину Хонтона.

Digitized by Google

Спустившись съ перевала и оставивъ Гумакика въ лѣвой рукѣ, караванъ рано дошелъ до моста противъ Ксернцо и тутъ остановился. Такъ какъ одного вечера не хватило бы на осмотръ мѣстности, мы порѣшили простоять здѣсь весь слѣдующій день, а вечеръ въ день прихода употребили только на предварительный осмотръ Ксернцо. На другой день рѣшено было утро употребить на фотографированіе; за тѣмъ А. И. Скасси долженъ былъ заняться топографической съемкой, а я съ Ами-салуномъ хотѣлъ подняться къ снѣжной линіи бѣлка.

Долина Ксернцо имѣетъ верстъ 10 долины; ширина ея почти вездѣ одинакова до 100 саженъ; начинается она циркомъ у сѣверной подошвы бѣлка Сюѣ-шань, направляется почти безъ кривулинъ прямо на сѣверъ, и открывается въ долину Хонтона отверзстіемъ, которое развѣ только немногимъ шире средней ширины долины. По длинѣ долину можно раздѣлить на двѣ части: верхнюю около 5 верстъ длиной и нижнюю около 5 верстъ. Главное отличіе этихъ частей заключается въ строеніи дна протекающей по долинѣ горной рѣчки. Въ верхней части долины это обыкновенная альпійская рѣка, текущая по руслу, устланному голышами; въ нижней части русло рѣки устилается известковымъ туфомъ. Эти двѣ части долины раздѣлены уступомъ въ 60—70 ф. высоты; выше уступа дно долины и горные скаты открыты, т. е. безлѣсны и покрыты альпійскими лугами; ниже уступа и бока долины и дно покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Самый же уступъ отъ подошвы до гребня покрытъ густымъ лѣсомъ изъ рододендроновъ (Rhododendron Przewalskii Maxim.). Рѣчка, дойдя по верхней долинѣ до уступа, скатывается съ него въ правомъ боку долины бурными каскадами и съ большимъ шумомъ.

Дно долины въ верхней части ея, какъ мнѣ казалось при взглядѣ на него съ сосѣднихъ горъ, имѣетъ болѣе слабое и при томъ равномѣрное паденіе по всей долинѣ, почему и теченіе рѣки тутъ должно быть равномѣрное. Въ нижней же части долины паденіе дна сильнѣе и неравномѣрно; рѣка то течетъ по плоской терасѣ и разливается озерами, то падаетъ съ отвѣсной скалы водопадомъ. Скативши съ уступа, отдѣляющаго верхнее теченіе отъ нижняго, ревущимъ каскадомъ, рѣка встрѣчаетъ плоское дно долины, сразу успокоивается и разливается озеромъ, которое занимаетъ все пространство отъ праваго бока долины до лѣваго. Скорѣе это лужа съ мелкимъ бѣловато-желтымъ дномъ изъ туфа. Она состоитъ изъ двухъ частей, лѣваго и праваго озера, соединенныхъ въ серединѣ; лѣвая половина сильнѣе выдѣляетъ известь и съ вершины уступа вода ея кажется мѣстами бѣлою, мѣстами зеленою; правое очевидно менѣе насыщено известью; его растворъ разжижается притекающей съ уступа рѣкой, которая протекаетъ по правому берегу лужи, сливаясь съ ней. Въ обѣихъ лужахъ уже видны постройки изъ туфа въ видѣ вертикальныхъ стѣнокъ не болѣе $^1/_2$ ф. высоты; въ правой лужѣ онѣ тянутся одна подлѣ другой параллельно съ теченіемъ рѣки; на планѣ онѣ не представляютъ прямыхъ линій, а образуютъ бухточки, дугою обращенныя прочь отъ рѣки, по направленію разлива. Въ лѣвой лужѣ стѣнки образуютъ запутанное сплетеніе изъ дугообразныхъ фестоновъ. Выше этихъ лужъ ближе къ подошвѣ уступа есть ключи, образующіе также лужи, дающія медленные стоки. Эти-то ключи мѣстными жите-

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

лями считаются главной причиной сооруженій изъ туфа, т. е. поставщикомъ известковаго раствора.

Отъ этихъ лужъ рѣка направляется къ лѣвому боку долины и тутъ образуетъ цѣлую систему мелкихъ басейновъ; здѣсь тектоническая сила рѣки достигаетъ высшей мѣры, дно долины представляетъ покатую поверхность, по которой рѣка настроила плотины поперегъ долины; за этими плотинами вода образуетъ бассейны съ стоячей или незамѣтно текущей водой. Каждый бассейнъ огражденъ снизу дугообразной плотиной или стѣной изъ туфа, дугой обращенной внизъ по долинѣ; верхній берегъ бассейна примыкаетъ къ такой же стѣнѣ, ограждающей выше лежащій бассейнъ. Вода изъ выше лежащаго бассейна переливается черезъ стѣнку въ ниже лежащій, наполняетъ его, переливается черезъ другую стѣнку въ еще болѣе ниже лежащій бассейнъ и т. д. Величина бассейновъ различна; самый большой бассейнъ не превышаетъ пяти саженъ въ діаметрѣ, такъ что на поперечникѣ долины помѣщается не одинъ, а три и четыре бассейна рядомъ. Нѣкоторые бассейны не болѣе ванны, только человѣку лечь и протянуть ноги. Глубина бассейновъ не велика; въ самыхъ глубокихъ не болѣе двухъ аршинъ.

Эта часть долины самая живописная. Многочисленные бассейны, наполненные водой цвѣта изумруда и раздѣленные стѣнками изъ бѣловатаго туфа, стоятъ спокойно; бассейны, расположенные у лѣваго края, уходятъ подъ тѣнь хвойнаго лѣса и лѣвое очертаніе ихъ замаскировано деревьями; зеленое зеркало этихъ бассейновъ отъ лѣсной тѣни темнѣетъ и ихъ окраска кажется гуще. Когда смотришь на эти бассейны, ставъ въ верхнемъ концѣ ихъ ряда, видишь рядъ зеленыхъ зеркальныхъ поверхностей, одно зеленое стекло ниже другого; на стѣнкахъ или плотинахъ изрѣдка размѣщены ивы; въ преспективѣ разнопланныя ивы образуютъ наконецъ сплошную ширму, которая скрываетъ отъ взоровъ нижнее продолженіе этой озерной лѣстницы. Нашъ лама Сэрэнъ очень удачно сравнилъ эту картину съ пашнями на лессовыхъ горахъ, расположенными террасами по ихъ скатамъ, особенно когда онѣ покроются нивами; такіе же зеленые участки, такія же стѣнки, отдѣляющія верхнія террасы отъ нижнихъ. Если же стать въ нижнемъ концѣ ряда бассейновъ и смотрѣть вверхъ по долинѣ, картина совершенно мѣняется; тогда зеленыхъ поверхностей воды не видно, за исключеніемъ развѣ бассейна, на краю котораго стоишь; а видишь передъ собой грандіозную лѣстницу въ 10 саженъ шириной изъ 15—20 ступеней; съ каждой ступени на ниже ея лежащую льется вода. Это какъ бы золотопромывальная машина громадныхъ размѣровъ.

Изъ этихъ бассейновъ вода, собравшись въ одно русло, перетекаетъ къ правому боку долины; сначала она течетъ узкой рѣчкой внутри лѣса. У праваго бока она разливается широкимъ потокомъ, текущимъ по гладкому чистому руслу безъ береговыхъ обрѣзовъ. Эта часть теченія производитъ на зрителя впечатлѣніе аномаліи. Обыкновенно каждая рѣка роетъ рытвину, по дну которой и течетъ; Ксернцо не роетъ почву, а напротивъ, настилаетъ на свое русло настилку изъ туфа; отъ этого у ней нѣтъ ни береговыхъ обрывовъ, ни голышами покрытаго русла; течетъ она по гладкому, какъ полъ, ложу желтоватобѣлаго цвѣта; небольшія стѣнки изъ туфа въ

Digitized by Google

нѣсколько сантиметровъ высоты, которыя тянутся по краямъ ложа, мѣшаютъ водѣ еще шире разлиться и залить дорогу, которая часто бываетъ пробита въ мягкой туфовой почвѣ значительно глубже уровня рѣчного ложа. Иногда дорога идетъ рядомъ съ рѣкой на глубинѣ въ ростъ человѣка и идя по дорогѣ человѣкъ имѣетъ свои глаза на одномъ уровнѣ съ волнующеюся поверхностью рѣки. Правѣе рѣки у окраины лѣса здѣсь видны террасовидныя спускающіяся туфовыя стѣнки; вѣроятно это новый рядъ бассейновъ; мы не имѣли времени осмотрѣть ихъ. Еще ниже рядъ бассейновъ виденъ у лѣваго бока рѣки. Еще ниже рѣка, текущая у праваго бока долины, встрѣчаетъ уступъ и сливается съ него водопадомъ. Передъ водопадомъ рѣка течетъ по крутой покатости, совершенно гладкой вслѣдствіе настилки изъ туфа. Верхній край уступа, отъ покрывающаго его туфа, закругленъ въ видѣ лба и скатывающаяся по нему вода постепенно переходитъ въ отвѣсное направленіе. Ширина водопада 14 метровъ; высота отвѣсной скалы, съ которой онъ льется, 6,60 метра. Поверхность отвѣсной стѣны также покрыта слоистой известковой корой; известковая накипь образуетъ бугры при подошвѣ скалы, такъ что водяная струя, свергшись со скалы, разбивается объ эту неровную подошву, каскадами сливается съ нея и только въ нѣсколькихъ саженяхъ ниже течетъ спокойнѣе. Въ серединѣ отвѣсной скалы подъ водянымъ сводомъ водопада видно темное отверзстіе, въ которое можетъ войдти человѣкъ, согнувшись. Оно ведетъ въ пещеру, въ которую нѣкоторые изъ нашихъ рабочихъ входили. Пещера пустая и изъ нея воды не течетъ. Главная масса воды стекаетъ у праваго бока водопада, но въ этомъ мѣстѣ подошва скалы уже покрыта такой толстой накипью, что только часть струи виситъ отвѣсно, другая же половина ея скатывается каскадомъ. Лѣвый конецъ скалы совершенно сухъ; тутъ при основаніи скалы есть отверзстіе въ $^1/_2$ аршина высоты; изъ него вытекаетъ ручей съ температурой+6,6. С.

Ниже этого водопада рѣка опять образуетъ рядъ бассейновъ у праваго бока долины; изъ самаго нижняго бассейна вода изливается водопадомъ, столь же красивымъ, какъ и предъидущій; ширина его повидимому та же, что и у выше лежащаго водопада; вода падаетъ тремя уступами; два верхнихъ уступа вмѣстѣ составляютъ 3,70 метра высоты; третій нижній уступъ 3 метра; всего 6,70 метра. Ниже водопада вода течетъ широкимъ и мелкимъ потокомъ по покатости, покрытой бугроватою накипью. Верхній обрѣзъ этого нижняго водопада совершенно горизонтальный, потому что образованъ верхнимъ краемъ стѣнки бассейна; вода изъ спокойнаго состоянія въ бассейнѣ вдругъ переходитъ въ отвѣсное паденіе. Верхній край этой стѣнки былъ обложенъ древесными сухими стволами, снесенными водой сверху. У другихъ бассейновъ мы не замѣчали такой насады деревъ; на другихъ стѣнкахъ наносятся только небольшія вѣтки, но и это явленіе замѣчается рѣдко, большею же частью стѣнки округлы отъ накипи и совершенно чисты.

Ниже только что описаннаго водопада мы не прослѣдили рѣку; но тутъ кажется и нѣтъ ничего замѣчательнаго; отложеніе же туфа продолжается вплоть до впаденія Ксерицо въ Хонтонъ. Рѣка здѣсь жмется къ правому боку долины и все болѣе и болѣе принимаетъ одно направленіе съ рѣкою Хонтонъ. Въ томъ, что

Digitized by Google

Digitized by Google

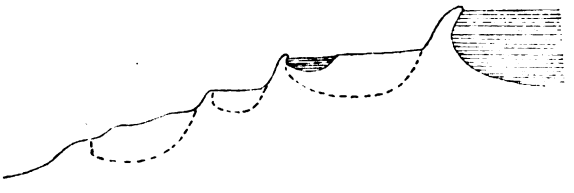
Digitized by Google

отложеніе известки по дну рѣки продолжается до устья Ксернцо, мы могли убѣ диться на другой день, когда нашъ караванъ, оставивъ Ксернцо, отправился по лѣвому берегу Хонтона и когда съ дороги было видно нижній конецъ Ксернцо въ видѣ желтой полосы, спускавшейся съ правой стороны къ Хонтону и сквозившей между стволами деревъ.

Для объясненія этихъ сооруженій изъ известковаго туфа нужно допустить, что ниже уступа, который отдѣляетъ верхнюю часть долины Ксернцо отъ нижней, на днѣ долины выступаетъ подпочвенная вода, сильно насыщенная углекислымъ газомъ. Но какъ объяснить постройку стѣнокъ бассейновъ? Дугообразное направленіе этихъ стѣнокъ и то, что онѣ выгнуты внизъ по долинѣ, свидѣтельствуетъ, что причину этихъ сооруженій надо видѣть въ отложеніи на днѣ потока сносимаго имъ сора. Потокъ, изливаясь по наклонной плоскости, будетъ разносить попадающій на поверхность воды соръ по тѣмъ радіусамъ, по которымъ направляется вода внизъ по покатости. Соръ будетъ отложенъ по двумъ параллельнымъ берегамъ потока и тамъ, гдѣ теченіе потока прекратится, въ концѣ его, соръ отложится въ родѣ того, какъ конечная морена замыкаетъ ледникъ. На бокахъ потока образованіе стѣнокъ очевидно нужно приписать погруженію соринокъ и налипанію ихъ на дно, но что обусловливаетъ отложеніе ихъ въ серединѣ потока, при неизмѣняющемся паденіи ложа, рѣшеніе этого вопроса мнѣ приходится предоставить спеціалистамъ. Если бъ мѣсто отложенія сора опредѣлялось только ослабленіемъ теченія или отяжелѣніемъ соринокъ отъ покрывающей ихъ извести, то потокъ соорудилъ бы однѣ боковыя стѣнки, а конечное загражденіе, замыкающее бассейнъ, могло бы явиться только тамъ, гдѣ окончательно прекратится теченіе потока. Въ дѣйствительности же бассейны со своими загражденіями построены на покатостяхъ съ паденіемъ въ 22°; боковыя стѣнки бассейновъ коротки и бассейны, по очертанію, круглые или даже длиннѣе по поперечнику потока, чѣмъ вдоль его; конечное загражденіе одного бассейна отъ конечнаго загражденія выше лежащаго сосѣдняго отстоитъ всего на пять саженъ, разстояніе слишкомъ ничтожное, чтобъ допустить столь быстрое отяжелѣніе сора отъ налипающей извести или періодическое измѣненіе въ силѣ теченія на такихъ короткихъ промежуткахъ.

Вода въ бассейнахъ свѣтлая; дно отлично видно. Температура воды въ бассейнахъ + 8,6° С при температурѣ воздуха + 20,0° С. Глубина, какъ уже сказано, незначительна; одинъ изъ большихъ бассейновъ, измѣренныхъ нами, имѣетъ 1,30 метра глубины. Дно бассейновъ чашеобразное, глубже у нижняго края бассейна. Высота стѣнокъ противъ середины бассейна, гдѣ онѣ выше, чѣмъ на бокахъ—до 2 метровъ; мы измѣряли ихъ съ наружной стороны, т. е. со стороны нижняго бассейна, съ которой онѣ имѣютъ болѣе отвѣсную поверхность, чѣмъ съ внутренней. У своего основанія стѣнки толще, до 40 сантиметровъ, вверху съуживаются до 10 сан-

Рис. 24.



Digitized by Google

тиметровъ. У глубокихъ озеръ вѣнчикъ стѣнки загибается внутрь бассейна и нависаетъ надъ нимъ, какъ стѣнка горшка или миски (см. рис. 24) [1]). Это указываетъ, что вѣнчикъ наростаетъ на встрѣчу потоку на счетъ того сора, который плыветъ по поверхности бассейна. Дно также постепенно выполняется и бассейнъ мелѣетъ. Выполненіе начинается отъ верхняго края бассейна; выполнившая бассейнъ накипь имѣетъ совершенно горизонтальную поверхность; вмѣсто чашеобразнаго углубленія образуется терраса; когда бывшій бассейнъ не совсѣмъ выполненъ, на террасѣ у нижняго края ея остается яма съ водой. Потокъ продолжаетъ стекать по террасѣ и она въ свою очередь покрывается накипью и тогда, вмѣсто правильной горизонтальной ступени, получается бугристый скатъ въ родѣ почковатой поверхности малахита. Нѣкоторые бассейны, прежде чѣмъ выполниться известью, почему-то (можетъ быть вслѣдствіе измѣненія направленія потока) опорожнились отъ воды и стоятъ сухіе, какъ большіе заводскіе котлы. Бѣлое дно ихъ рѣжетъ глаза на солнцѣ и нарушаетъ цѣльность картины Ксерпцо, которая въ остальномъ такъ исполнена полноты жизни и мягкой гармоніи красокъ.

Кромѣ бассейновъ и водопадовъ, здѣсь есть еще явленіе, которое привлекаетъ любопытство богомольцевъ—это пещера, о которой я уже упоминалъ. Можетъ быть та пещера, въ которую теперь свободно спускаются богомольцы, не единственная пустота въ днѣ долины Ксерпцо. Выше верхняго водопада, въ ста саженяхъ отъ него или около того, указываютъ въ известковомъ ложѣ рѣки круглое отверзтіе въ $^1/_2$ сажени въ поперечникѣ, въ которое уходитъ часть воды, тогда какъ остальная стремится къ водопаду. Монета, брошенная въ отверзтіе, уходитъ въ глубь не отвѣсно, а косвенно, какъ будто по направленію къ основанію водопада. Можетъ быть эта-то вода, уходящая въ отверзтіе, пройдя черезъ пустоту подъ дномъ долины, вновь выходитъ на дневную поверхность при основаніи водопада въ видѣ ручья, о которомъ нами было сказано при описаніи водопада.

Вѣроятно и пещера, въ которую спускаются богомольцы, была нѣкогда наполнена водою, но опорожнилась. Входъ въ пещеру — отвѣсная яма въ $2^1/_2$ саж. глубиной; въ этотъ колодезь спускаются по тремъ бревнамъ съ зарубками вмѣсто ступенекъ; бревна эти вырублены изъ толстыхъ деревьевъ высокоствольнаго можжевельника (шихпа по тангутски). По этимъ бревнамъ богомольцы спускаются на горизонтальное квадратное дно колодезя. Бревна приставлены къ восточной стѣнкѣ колодезя; западная же, такая же отвѣсная стѣна не доходитъ до дна колодезя, а между нижнимъ ея краемъ и днемъ колодезя видна горизонтальная узкая щель; это и есть входъ въ самую пещеру, которая отъ входа тянется на западъ. Края этого отверзтія уже голая скала; зелень видна только по верхнему краю колодезя, да одна вѣтка какого-то кустарника живописно свѣсилась вдоль западной стѣны и ея яркозеленые листья отчетливо вырѣзываются на темномъ фонѣ скалы.

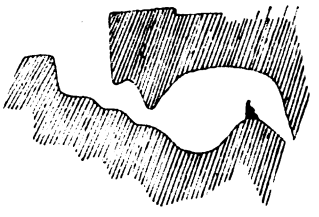
---

[1]) Рисунокъ представляетъ разрѣзъ дна долины, нѣкогда представлявшаго четыре бассейна; изъ нихъ самый верхній еще наполненъ водой, второй, ниже его, почти выполненъ известковымъ отложеніемъ, слѣдующіе два выполнены сполна.

Digitized by Google

Входъ въ пещеру не совсѣмъ удобенъ; сейчасъ же отъ входа приходится спускаться по покатости съ почковатой и скользкой поверхностью. Хотя полъ пещеры, понижаясь, быстро расходится съ потолкомъ, но при входѣ съ потолка виситъ сталактитъ въ видѣ отвѣсной занавѣски во всю ширину пещеры (см. рис. 25); приходится идти согнувшись и беречь голову, чтобы не удариться о потолокъ. Хотя съ внѣшней стороны занавѣска казалась въ 2 саж. высоты, но извнутри пещеры ея какъ будто нѣтъ—отъ ея нижняго края идетъ горизонтальный потолокъ или покрайней мѣрѣ плоскій сводъ. Дно же пещеры продолжаетъ понижаться и образуетъ впадину, по поверхности которой журчитъ вода; за впадиной дно круто поднимается и образуетъ продолговатый бугоръ, протянувшійся поперегъ пещеры; за бугромъ потолокъ пещеры опять опускается и переходитъ въ заднюю стѣну пещеры; между нею и задней стороной бугра образуется щель, которая уходитъ косвенно внизъ и дна ея, за темнотой, не видно. Богомольцы, чтобы попасть къ бугру, отъ входа въ пещеру идутъ подлѣ правой стѣны ея и обходятъ впадину справа. У праваго конца бугра, съ котораго богомольцы входятъ на него, въ боку пещеры человѣческими руками разрыта ниша; этотъ искусственный разрѣзъ обнаруживаетъ, что стѣны пещеры сложены изъ известковаго туфа, въ которомъ прекрасно отпечатались древесные листья, кажется, рододендрона, растущаго въ долинѣ выше пещеры. Эти-то листья и привлекли вниманіе богомольцевъ; они отламываютъ кусочки туфа и уносятъ съ собой на память о Ксернцо. Однако конечная цѣль паломничества въ пещеру еще впереди; это три статуи боговъ, стоящія на срединѣ бугра на его гребнѣ. Всѣ три фигуры въ полроста человѣка, сидящія со сложенными руками на молитву. Лицами онѣ обращены въ темный конецъ пещеры, а къ свѣтлому выходу посажены спинами. Изъ чего онѣ сдѣланы, трудно сказать, потому что онѣ покрыты толстой корой извести. Черты лица уже заплыли и только носы можно еще нащупать. Здѣсь надъ бугромъ идетъ сильная капель съ потолка пещеры и если часъ тутъ пробыть, ни одной нитки не останется сухой въ платьѣ. Богомольцы отковыриваютъ у боговъ кусочки на память; у средней фигуры въ спинѣ отъ этого отколупыванья образовалось углубленіе въ 5 дюймовъ въ поперечникѣ и въ $1^1/_2$ д. глубиной. По мнѣнію тангутовъ, эти боги сами явились въ этомъ темномъ мѣстѣ. Если мы испытывали необыкновенное удовольствіе отъ картинъ, которыя представляетъ сама долина Ксернцо, то наши слуги, тангуты и саньчуаньцы были, кажется, больше всего въ восхищеніи оттого, что сподобились приложиться лбомъ къ этимъ мрачнымъ святынямъ Ксернцо. Но и они, подобно намъ, чувствовали волненіе не отъ того только, что увидѣли капризныхъ боговъ; и на нихъ дѣйствовали чудеса здѣшней природы. Каждому изъ нихъ непремѣнно хотѣлось видѣть Ксернцо и они устроили между собою очередь. Живые характеромъ тангуты выразили свой пафосъ даже дѣйствіемъ; они наломали зеленыхъ вѣтвей можжевельника, сложили ихъ въ кучу на берегу Хонтона и подожгли, словомъ устро-

Рис. 25.



Digitized by Google

или рсанъ, ѳиміамъ въ честь Ксернцо. Когда изъ зеленаго вороха сталъ подниматься бѣлый дымъ, наши тангуты стали обходить его чуть не бѣгомъ, въ припрыжку, читая на распѣвъ какія-то молитвы. Сэрэнъ-лама, изъ подражанія тангутамъ, велѣлъ и своимъ землякамъ, саньчуаньцамъ, устроить рсанъ, только молитвъ и пляски у саньчуаньцевъ не было; ихъ нервы устойчиво отнеслись къ тангутской заразѣ.

Этимъ ѳиміамамъ простодушныхъ почитателей великаго въ природѣ соотвѣтствовало и наше настроеніе. Мы тоже были взволнованы. Тутъ такъ много соединилось эффектовъ, что они дѣйствуютъ чуть не на всѣ пять чувствъ человѣка. Болѣе всего, конечно, очарованъ глазъ. Кромѣ того, что каждая отдѣльная картинка прелестна сама по себѣ, въ какія она великолѣпныя рамы вставлена! Справа и слѣва она обрамлена горными профилями, покрытыми густымъ лѣсомъ, а на заднемъ планѣ заставлена двурогимъ бѣлкомъ, на которомъ блестятъ бѣлыя пятна снѣга. Долина по всей длинѣ оживлена шумомъ воды; тутъ журчитъ рѣка, тамъ изъ-за лѣса слышенъ глухой ревъ водопада, еще далѣе—шумитъ вода, переливающаяся изъ однихъ бассейновъ въ другіе.

Но ни это движеніе, которымъ наполненъ воздухъ, ни краски, которыми окрашены отдѣльныя части картинъ, не утомляютъ зрителя; если глазъ усталъ смотрѣть на мелькающія серебристыя брызги, которыми вода сливается со стѣнокъ бассейновъ, можно или дать ему отдохнуть на спокойной поверхности бассейновъ, зеленый цвѣтъ которыхъ представляетъ переходы отъ блѣднаго берилла до темнаго изумруда, или перенести его на дѣвственные снѣга Сюѣ-шаня, изъ «молчаливаго отдаленія» смотрящаго въ долину. Къ этому нужно прибавить дѣйствіе чистаго горнаго воздуха, дающаго чувствовать близость альпійскихъ высотъ и запахъ лѣса, черная почва котораго насквозь и сплошь пропитана благовоніемъ разныхъ ароматическихъ корней.

А сколько еще эффектовъ намъ, можетъ быть, не довелось видѣть! Напримѣръ, какой видъ имѣетъ Ксернцо весной, когда цвѣтутъ рододендроны, обильно примѣшанные къ здѣшнимъ лѣсамъ, а на уступѣ, отдѣляющемъ верхнюю часть долины отъ нижней, образующіе сплошную заросль? Не дуренъ былъ, напримѣръ, одинъ эффектъ, созданный природой временно и который мы видѣли, но который въ другое время можно было и не видѣть. Въ стѣнкѣ одного бассейна какимъ-то случаемъ пробило отверзстіе въ $^1/_2$ фута въ поперечникѣ и изъ него валила струя, какъ изъ крана бочки. Вода въ отверзстіи освѣщалась со стороны верхняго бассейна и издали казалось, будто въ стѣнку вставленъ бериллъ.

Когда А. И. Скасси кончилъ фотографированіе, я съ Ами-Салуномъ отправился къ подошвѣ Сюѣ-шаня. Изъ долины Ксернцо, бѣлокъ, какъ уже сказано, представляется двухвершиннымъ; правая (западная) вершина значительно выше лѣвой (восточной) и имѣетъ видъ коническаго пика; лѣвая тупая и мало выдается надъ сѣдловиной, соединяющей ихъ обѣ. Снѣгъ лежитъ пятнами только на скатахъ горы, вершины же обѣ кажутся голыми. Самыя большія скопленія снѣга видны въ

Digitized by Google

вершинахъ ущелій, гдѣ они начинаются воронкообразными котловинами; такія полуворонки, обращенныя открытой стороной къ наблюдателю, покрыты сплошнымъ снѣгомъ. Снѣжная масса, наполняющая полуворонку, кажется трехугольнымъ пятномъ, вершина котораго обращена внизъ, а основаніе вверхъ; это основаніе треугольника представляетъ дугу, направленную концами вверхъ; отъ него внизъ къ вершинѣ треугольника идутъ по поверхности снѣга борозды, вѣроятно произведенныя скатывающимися съ вершины горы обломками камней. На главной правой вершинѣ, собственно на ея западномъ склонѣ, видно такихъ треугольныхъ снѣжныхъ пятенъ, лежащихъ въ полуворонкахъ, два или три или можетъ быть и болѣе; склонъ этотъ изъ долины Ксернцо представляется въ раккурсѣ и потому пятна сливаются; при томъ часть ихъ можетъ быть заслонена сосѣдней скалистой возвышенностью, отдѣляющейся отъ вершины. Скатъ подъ сѣдловиной, соединяющей двѣ вершины, совершенно открытъ для наблюдающаго изъ долины Ксернцо; тутъ ясно видно три полуворонки, заполненныхъ снѣгомъ. Самая сѣдловина покрыта снѣговымъ валомъ, какъ-бы сугробомъ, надутымъ изъ-за сѣдловины. Валъ этотъ имѣетъ ровный горизонтальный гребень; подошва его параллельна гребню; къ долинѣ Ксернцо валъ имѣетъ крутой склонъ. Западный конецъ этого вала закрытъ лѣвымъ профилемъ правой вершины; лѣвый конецъ вала, не доходя до лѣвой вершины, оканчивается мыскомъ съ уклономъ въ 30°. Фронтъ вала не представляетъ одной непрерывной плоскости; онъ состоитъ изъ трехъ участковъ, выдвинутыхъ на различные планы; правый участокъ ближе къ наблюдателю, средній отступаетъ нѣсколько назадъ, лѣвый еще болѣе отступаетъ. Завороты фронта, соединяющіе эти участки, видны въ раккурсѣ и даютъ возможность опредѣлить уклонъ, который оказывается тѣмъ же, то есть въ 30°. Поэтому можно думать, что и фронтъ сугроба, обращенный къ долинѣ Ксернцо, также имѣетъ уклонъ въ 30°. Эта форма снѣгового наноса даетъ поводъ думать, что снѣгъ на сѣдловину наносится изъ-за правой вершины, гдѣ его вѣроятно болѣе, и что господствующій вѣтеръ тутъ западный. Кромѣ этихъ скопленій снѣга видно нѣсколько снѣжныхъ полосъ по скату горы подъ лѣвою вершиной; онѣ идутъ параллельно одна къ другой съ уклономъ къ правой сторонѣ горы и, очевидно, соотвѣтствуютъ напластованію сланцевъ и обязаны своимъ происхожденіемъ существованію широкихъ карнизовъ. Наконецъ еще одна снѣговая масса въ видѣ полосы опоясываетъ лѣвый бокъ правой вершины; она появляется на лѣвомъ профилѣ вершины, немного выше сѣдловины и направляется по скату горы вправо, немного опускаясь внизъ; правый конецъ этого скопленія снѣга закрытъ вершиной ближе стоящей горы.

Оставивъ своихъ товарищей въ нижней части долины Ксернцо, я съ Ами-Салуномъ отправились по крутой тропинкѣ, которая ведетъ на гребень уступа, отдѣляющаго нижнюю часть долины отъ верхней. Тутъ приходится продираться чрезъ густую трущобу рододендроновъ. На вѣнцѣ уступа лѣсъ рододендроновъ сразу кончается; выше уступа дно долины открыто; оно покрыто густой травой, среди которой разсѣяны только кусты Potentilla fruticosa L. Тутъ можно сѣсть на камень и любоваться видомъ на нижнюю часть долины. Здѣсь я записалъ показаніе ане-

Digitized by Google

роида; гребень уступа находится на высотѣ 3,762 метра надъ ур. м.; тутъ мы были на 235 метровъ выше кумирни Хуанъ-лао-сы. Далѣе тропинка идетъ сначала по ровному дну долины, потомъ приближается къ лѣвому боку ея и поднимается на горный скатъ, который поросъ густымъ рододендроновымъ лѣсомъ, тогда какъ дно долины и здѣсь остается чистымъ. Тропинка, по которой мы шли,—это путь богомольцевъ, по которой они разъ въ году большой толпой обходятъ гору кругомъ, не поднимаясь, однако, на ея вершину. Она до пункта, до котораго мы прошли по ней, совершенно удобна для прохода вьючнаго мула, за исключеніемъ только одного крутика. Ами-Салунъ шелъ сосредоточенно; онъ и мнѣ-бы хотѣлъ внушить почтеніе къ снѣжной горѣ; онъ сталъ разсказывать, какъ богомольцы совершаютъ свой подвигъ обхода горы и въ заключеніе разсказа изобразилъ паломниковъ въ лицахъ: опустилъ вѣки, наклонилъ голову и пошелъ впереди меня по тропинкѣ медленными шагами. Вѣроятно гора сама установила норму поведенія богомольцевъ тѣми страданіями, которыя они испытываютъ отъ разрѣженности воздуха [1]).

Впереди нашего пути горы лѣваго бока долины образуютъ утесы надъ дномъ долины; тропинка, вмѣсто того чтобъ спуститься на дно долины и обойдти утесы слѣва, поднимается на горы еще выше и обходитъ утесы справа; вершины этихъ утесовъ съ правой стороны пологи и прилегаютъ къ котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами; изъ этой котловины дорожка поднимается по крутому подъему, за которымъ новая впадина, но меньшей глубины; тропинка уходитъ вправо, гдѣ видны скалистыя горы. Обѣ котловины и горные скаты окружающихъ ихъ горъ покрыты сплошнымъ ковромъ изъ густой осоки; онѣ были сухи, но видно было, что временами поверхность ихъ превращается въ болото.

Сборъ для гербарія былъ только, пока тропинка шла бокомъ долины Ксернцо по косогору; въ котловинахъ, кромѣ осокъ, глазъ ничего не открывалъ. Такъ какъ было уже 4 часа и становилось поздно, идти по тропинкѣ впередъ значило вопросъ о достиженіи до снѣжной линіи обречь на неизвѣстность, изъ верхней же котловины открылся свободный проходъ въ циркъ, которымъ начинается долина Ксернцо, а я еще ранѣе замѣтилъ присутствіе тутъ снѣжныхъ пятенъ; поэтому я рѣшился своротить съ тропинки богомольцевъ въ циркъ.

Циркъ окруженъ высокими скалистыми горами, бока которыхъ совершенно голы; никакой растительности на нихъ не видно; нижнія части ихъ совершенно отвѣсны, а подножія скрыты подъ громадными розсыпями. На вершинѣ ихъ снѣжныхъ пятенъ не видно; вершины, которыя окружаютъ циркъ, очевидно второстепенныя и снѣговыя воронки, которыя видны отъ кумирни Хуанъ-лао-сы, находятся выше ихъ. Дно цирка не ровное; правая часть его (по теченію) значительно при-

[1]) Въ долинѣ р. Джорни (у М. М. Березовскаго Сатанинская рѣка), лежащей къ югу отъ города Си-гу, тангуты деревень Гарни (Карэ) и Джорни (Джори) ходятъ на поклоненіе въ мѣстность, лежащую на южной сторонѣ высокихъ гольцовъ На-сы-гу, которая называется покитайски Жень-минъ-цзы, «прудъ человѣческихъ душъ».

Digitized by Google

поднята, у лѣваго бока проходитъ глубокая впадина, какъ бы рытвина, пропаханная въ наносѣ изъ каменныхъ глыбъ лежавшимъ здѣсь нѣкогда ледникомъ. У праваго бока циркъ образуетъ двѣ террасы; нижняя, занимающая болѣе обширную площадь, прилегаетъ къ рытвинѣ; другая, поднимающаяся надъ этой и уступающая въ величинѣ по занимаемой ею площади, прилегаетъ къ утесамъ праваго бока цирка. Въ циркѣ я нашелъ всего три снѣжныхъ пятна; всѣ три на правомъ боку цирка; одно подъ утесомъ въ самомъ началѣ правой отноги рытвины; другое при подошвѣ горы надъ серединой высшей террасы; третье тамъ, гдѣ циркъ переходитъ въ долину. Послѣднее-то пятно, самое большое изъ трехъ, и было мнѣ видно изъ долины. Высота его надъ ур. м. 4,252 метра.

Спустившись сначала въ рытвину, мы пересѣкли её и поднялись на террасы. Обѣ онѣ оказались состоящими изъ огромныхъ каменныхъ глыбъ, наваленныхъ въ безпорядкѣ одна на другую. Нѣкоторые промежутки между ними заполнены дерномъ, на которомъ цвѣли альпійскія растенія. Окружающія циркъ скалы состоятъ изъ глинистаго сланца; въ правомъ боку цирка на вершинахъ видны были ясно пласты; паденіе ихъ, повидимому, SE 148 подъ угломъ 33°. Между пластами сочится вода; у подножія скалъ, гдѣ обнаженія выступаютъ изъ-подъ розсыпей, образуется ледъ. Подъ розсыпями слышно журчаніе воды, но на днѣ рытвины, проходящей по лѣвому боку цирка, воды нѣтъ.

На днѣ цирка, рядомъ съ пятнами нетающаго снѣга, найдены слѣдующія растенія: Anemone gelida Maxim., Ranunculus hyperboreus Rottb., R. affinis R. Br., R. Delavayi Franch., Aconitum rotundifolium Kar. Kir. var. tanguticum Maxim., Meconopsis horridula? Hook. f. et Thoms., Corydalis dasyptera Maxim., C. cristata Maxim., Draba alpina L. var. legitima Rgl., Arenaria kansuensis Maxim., Saxifraga Hirculus L., S. tangutica Engl., Anaphallis sp., Saussurea Przewalskii Maxim., Saussurea obvallata Wallich. съ одѣвающими собраніе цвѣточныхъ головокъ большими блѣдножелтыми прицвѣтниками, Primula sp., Swertia sp., Veronica ciliata Fisch., Pedicularis Przewalskii Maxim., Polygonum Bistorta L.

Этимъ посѣщеніемъ цирка и ограничилось наше знакомство съ Сюѣ-шанемъ. Отъ достиженія линіи сплошныхъ снѣговъ пришлось намъ отказаться. Когда мы съ Ами-Салуномъ спускались въ циркъ, для цирка солнце уже закатилось; всѣ стѣны его были уже въ тѣни. Эта надвигающаяся тѣнь и совершенная пустыня, которую оживляла своимъ крикомъ какая-то единственная птица, вѣроятно, Grandala celicolor, произвели на насъ скорѣе удручающее дѣйствіе, чѣмъ просвѣтлили нашъ духъ, чего обыкновенно ожидаетъ и что очень часто испытываетъ путешественникъ при восхожденіи къ снѣжной линіи.

Въ послѣднее путешествіе намъ не везло по части высокихъ горъ; въ первое лѣто мы ихъ вовсе не видѣли; въ долину Желтой рѣки мы попали, не переваливая черезъ Нань-шань, какъ Пржевальскій въ первое свое путешествіе; во второе лѣто мы перевалили всего одну только высокую гору съ альпійской растительностью — это Чаголу. Иджу-шань обманула наши ожиданія и оказалась не дохо-

Digitized by Google

дящей до верхней предѣльной линіи лѣсовъ. За тѣмъ остались Кунгала, Гумакика, и перевалъ между Ату-лунвой и Хонтономъ. На этихъ перевалахъ мы были на высотѣ альпійскихъ полей, но не знаю почему-то они не произвели на насъ того дѣйствія, которое мы испытывали на высокихъ горахъ въ Алтаѣ и Хангаѣ. Можетъ быть, тутъ не лишено значенія отсутствіе отдаленныхъ горизонтовъ, которыми отмѣчены были знакомые намъ алтайскіе и хангайскіе перевалы.

Digitized by Google

IV.

Сы-чуань и южная Гань-су.

Долина рѣки Пу-цзяна (Хонтона).—Родина поэта Ли-тай-пе, городъ Лунъ-ань-фу.—Мелкогорье между Лунъ-ань-фу и рѣчной пристанью Пи-коу.—Долина рѣки Бо-шуй.—Горы къ сѣверу отъ города Вэнь-сяня.—Рѣка Хэй-шуй-цзянъ до города Цзѣ-чжоу.—Плоскогорье въ вершинахъ р. Чу-ню-цзяна.—Долина верхней Вей-хо.—Возвращеніе въ Лань-чжоу.—Долина Желтой рѣки между Лань-чжоу и монастыремъ Шя-чунъ.—Зимовка въ монастырѣ Гумбумѣ.

11-го августа нашъ караванъ оставилъ Ксернцо и пошелъ внизъ по долинѣ. Этотъ путь уже былъ сдѣланъ англійскимъ путешественникомъ Гиллемъ въ 1877 г. Онъ ѣхалъ изъ Сунъ-пана, повидимому, по той же дорогѣ, какъ и мы. 6-го іюня онъ оставилъ долину Минъ-цзяна [1]) и поднялся на горы; съ нихъ былъ видъ на городъ Сунъ-панъ, который онъ только что оставилъ. Пересѣкши кряжъ, который тянется параллельно рѣкѣ (Минъ-цзяну), онъ пошелъ вверхъ по побочной долинѣ (Ату-лунвы нашего дневника), въ уровнѣ стоящаго тутъ монастыря (Рувагонпа?). Долину Гилль описываетъ лишенною лѣса и деревень, какою и мы нашли долину Ату-лунвы. Въ верхнемъ концѣ ея Гилль нашелъ пріютъ на ночь въ заставѣ Feng-tung-kuan, посѣщаемой только немногими кули; здѣсь его предупредили, что завтра нужно идти молча, безъ шума; въ противномъ случаѣ бываетъ ужасный вѣтеръ, буря, крупный градъ и громъ. 7-го іюня Гилль идетъ на перевалъ; утро было пасмурное, шелъ дождь; вошли,—пишетъ онъ—въ густой туманъ, покрывавшій вершину Сюѣ-шаня (Hsüeh-shan). Плато на вершинѣ горы онъ нашелъ голымъ и печальнымъ; поднявшись на 1,000 футовъ, онъ достигъ до снѣговъ на высотѣ 12,800 ф. надъ моремъ. На тропѣ снѣга не было, но онъ лежалъ небольшими участками между скалами. Еще поднявшись до высоты 13,148 ф.,—говоритъ Гилль,—мы были на вершинѣ Сюѣ-шаня. На самой вершинѣ онъ нашелъ небольшую хижину. Это вѣроятно та башня, около которой мы собирали альпійскую флору, Meconopsis racemosa и друг.

Отсюда, сдѣлавъ $10^3/_4$ мили внизъ по долинѣ, Гилль достигъ деревни Hung-

[1]) На картѣ Гилля Минъ-цзянъ названъ Sung fang ho.

Digitized by Google

ngai-kuan (проходъ красной скалы). Изъ этого описанія ясно, что Гилль прошелъ по нашей дорогѣ и подъ его вершиной Сюѣ-шаня нужно разумѣть не пикъ, стоящій въ вершинѣ долины Ксернцо, а перевалъ изъ долины Ату-лунва въ долину Хонтона. Туманъ и дождь, которые окружали его на вершинѣ перевала, помѣшали ему увидѣть настоящій бѣлокъ. Когда мы переваливали изъ Ату-лунвы въ Хонтонъ, на вершинѣ перевала снѣга не было; это понятно; мы проходили тутъ позднѣе (9-го августа), послѣ лѣтнихъ жаровъ; однако и тогда мѣстами скаты представляли грязныя илощади щебня, которыя потому и остаются непокрытыми растительностью, что съ нихъ снѣгъ сходитъ очень поздно. Гилль же проходилъ здѣсь въ началѣ іюня, въ довольно раннюю пору года. Тотъ же самый туманъ, несомнѣнно, помѣшалъ ему обратить вниманіе на замѣчательную мѣстность Ксернцо.

Долина Хонтона, которая еще не доходя до Ксернцо начинаетъ съуживаться, ниже устья послѣдней еще становится уже. Гилль говоритъ, что онъ никогда не видалъ другой болѣе узкой долины. Дно долины быстро падаетъ, отчего горы, чѣмъ ниже спускаешься по долинѣ, кажутся все выше и выше. Контуры горъ сильно разорваны; горы покрываются смѣшаннымъ лѣсомъ изъ кленовъ двухъ видовъ, липъ и березъ, — что даетъ дну долины болѣе теплый колоритъ, чѣмъ около Ксернцо; хвойные лѣса удаляются на вершины горъ и покрываютъ ихъ до самыхъ острыхъ верхушекъ. На дно долины спускаются только немногіе экземпляры елей[1]). Долина эта самая живописная изъ всѣхъ, какія мы видѣли въ Амдо. Одинъ красивый видъ смѣняется другимъ. Иногда рѣка сжимается скалами и вода льется по двумъ или тремъ, глубоко вырѣзаннымъ въ известнякѣ, жолобамъ между огромными каменными глыбами. Иногда побочные притоки образуютъ водопады. Одинъ водопадъ виденъ на лѣвой сторонѣ долины ниже деревни Цзинь-юань; это настоящій штаубахъ; вода льется съ отвѣсной скалы въ 50 саженъ высоты; скала голая, но вѣнецъ покрытъ лиственнымъ лѣсомъ съ примѣсью елей; въ этомъ вѣнцѣ видна выемка; изъ нея-то вѣроятно и льется вода, но ея не видно, пока она течетъ по дну выемки; она показывается на наружной поверхности скалы только ниже; тутъ она падаетъ съ одного выступа скалы на другой, но ударившись объ послѣдній выступъ, она разсыпается въ сѣрое облачко, весьма чувствительное къ движеніямъ воздуха; при каждомъ легкомъ порывѣ вѣтерка облачко отдѣляется отъ скалы и уносится въ сторону. Выпяченное подножіе скалы смачивается этой водяной пылью, но какъ эта пыль достигаетъ до нижнихъ горизонтовъ, для глазъ незамѣтно. Онъ можетъ разсмотрѣть только, что съ самаго нижняго выступа скалы вода струится и орошаетъ капелью полуконическую розсыпь, которая лежитъ при основаніи скалы и служитъ предостереженіемъ объ опасности становиться подъ душъ этого водопада. Другой водопадъ находится ниже, на правой сторонѣ Хонтона; онъ немного ниже описаннаго, но богаче водой и вода льется съ болѣе отвѣсной скалы. Онъ также совершенно открытъ для зрителя, ѣдущаго по долинѣ Хонтона.

Верхняя часть Хонтона населена жидко; изрѣдка попадаются фанзы по 2, по

[1]) Они здѣсь имѣютъ стволы въ 90 ст. въ поперечникѣ и 2 метра 70 сантим. въ обхватѣ.

Digitized by Google

3 вмѣстѣ; самая большая деревня Сань-шуй (Вай-ву-сьэнъ), состоитъ всего изъ 10 домовъ, а ниже этой деревни населеніе еще рѣже; оно состоитъ исключительно изъ китайцевъ. Крестьяне сѣютъ пшеницу, ячмень, картофель, бобы, но ни муки, ни корму для муловъ, нельзя было достать. Товары по этой дорогѣ исключительно передвигаются на носильщикахъ (кули) и потому она содержится небрежно. Сначала она идетъ по лѣвому берегу до сел. Цзинь-юань (у Гилля Chen yuan), а ниже послѣдней, гдѣ долина болѣе съуживается, начинаетъ переходить съ одного берега на другой по худымъ деревяннымъ мостикамъ и иногда идетъ по подвѣшеннымъ къ скалѣ балкончикамъ. Караванъ нашъ двигался медленно, такъ какъ иногда встрѣчалъ такія испорченныя мѣста по дорогѣ, что приходилось, прежде провода по ней муловъ, исправлять ее, мѣстами срѣзывать гору, мѣстами дѣлать насыпь. На другой день по выходѣ изъ Ксернцо (12 августа), мы пришли по правому берегу Хонтона къ мѣсту Чжанъ-чжя-коу (Чжа-ни-коу), гдѣ черезъ рѣку былъ прежде перекинутъ мостъ; но его не оказалось, остались только береговые устои. Пройдти же подлѣ скалы по правому берегу ниже моста, не возможно; тутъ рѣка упирается въ скалу.

Препятствіе это было устранено при помощи китайскаго чиновника, которому Сунъ-панскій мандаринъ поручилъ сопровождать насъ. Сунъ-панское начальство предвидѣло затрудненія, которыя наша экспедиція должна была встрѣтить въ долинѣ Хонтона (или Пу-цзяна китайскихъ картъ) и потому дало намъ въ провожатые молодого, расторопнаго и услужливаго чиновника и уполномочило его принимать въ случаѣ нужды необходимыя мѣры. Ему былъ данъ конвой, которому и было приказано навести на уцѣлѣвшіе устои новый мостъ. Въ ожиданіи окончанія постройки, мы жили около моста два дня.

Отъ мѣста нашей стоянки до лежащей ниже деревни Ши-чжа-пу, считается всего 20 ли (10 верстъ). На этомъ незначительномъ пространствѣ насчитывается шесть мостовъ, перекинутыхъ черезъ Пу-цзянъ (считая въ томъ числѣ и Чжанъ-чжя-коу). Изъ этихъ шести мостовъ,—какъ говорилъ намъ сопровождавшій насъ молодой человѣкъ,—три были неисправны; одинъ нужно было совершенно заново настлать, другіе два требовали исправленій.

Отъ Ксернцо до Лунъ-ань-фу всего 150 верстъ, но мы это разстояніе могли пройдти только въ десять переходовъ, дѣлая въ день не болѣе 14 верстъ. Какъ сказано выше, по этой дорогѣ всѣ товары переносятъ на своихъ спинахъ носильщики, которые могутъ проходить по такимъ мѣстамъ, гдѣ мулъ идетъ только съ великою опасностью. Когда-то долина Пу-цзяна была приспособлена для движенія муловъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ расширенные человѣческой рукой естественные карнизы, вырубленные въ скалахъ полутоннели и длинные ступенчатые спуски и подъемы, а также мосты иногда на желѣзныхъ цѣпяхъ. Но теперь все это заброшено; говорятъ, по всей Сы-чуани дороги въ такомъ безобразномъ состояніи. Самыя трудныя мѣста для прохода нашего каравана по долинѣ Пу-цзяна были не на приторахъ, а тамъ, гдѣ дорога идетъ въ полугорѣ по мягкому грунту; на приторахъ караванъ проходилъ по вырубленнымъ полутоннелямъ спокойно, какъ по

Digitized by Google

мостовой, а мученье было тамъ, гдѣ мягкіе косогоры размываются дождевыми потоками. На этихъ мѣстахъ нашимъ рабочимъ приходилось самимъ исправлять дороги; впрочемъ имъ помогали люди изъ конвоя нашего провожатаго чиновника; кромѣ лопаты, которая была чиновникомъ взята, вѣроятно, реквизиціоннымъ способомъ у мѣстныхъ крестьянъ, мы должны были пустить въ ходъ всѣ подходящія орудія, какія были въ нашемъ каравапѣ, топоры и даже ботаническія корнекопки. Дѣло не спорилось, хотя молодой китайскій офицеръ изъ кожи лѣзъ, усердствовалъ, управлялъ работою, распоряжался своими солдатами, самъ показывалъ примѣръ, какъ что дѣлать, бралъ въ руки лопату и рылъ гору, проводилъ подъ уздцы муловъ, и пр., стараясь въ то же время не уронить своего офицерскаго достоинства, не снимая съ себя щегольской курмы и шелковыхъ башмаковъ. Какъ бы то ни было, но проѣздъ нашъ по этой неисправной дорогѣ ограничился только двумя случаями паденія муловъ въ воду. Одинъ разъ мулъ упалъ съ высоты нѣсколькихъ саженъ въ бурный Пу-цзянъ; два раза онъ скрывался въ волнахъ рѣки, но, наконецъ, всталъ на ноги, но уже у противуположнаго берега, на который онъ и вышелъ. Пока онъ былъ во власти теченія, его снесло на нѣсколько десятковъ саженъ ниже мѣста паденія; вьюкъ, который былъ на немъ, исчезъ въ Пу-цзянѣ; онъ состоялъ исключительно изъ платья нашихъ рабочихъ и коллекціи нашей экспедиціи на этотъ разъ не пострадали. Мулъ былъ пойманъ крестьянами и доставленъ на нашу сторону рѣки. Въ другой разъ мулъ упалъ съ висячаго моста. Мосты по долинѣ Пу-цзяна всѣ ветхи, но не починяются, потому что носильщики проходятъ и по неисправнымъ мостамъ безъ особыхъ приключеній, а если мостъ совсѣмъ не годится, то протягивается черезъ рѣку канатъ и носильщики перебираются по немъ въ корзинѣ, а крестьяне просто, какъ паукъ, подвѣсившись къ канату снизу, и цѣпляясь за него руками и ногами. Въ долинѣ Пу-цзяна мы въ первый разъ увидѣли подобные канаты, служащіе вмѣсто мостовъ и даже были свидѣтелями переправы этимъ способомъ. Получивъ предостереженіе отъ мѣстныхъ жителей, наши рабочіе переводили муловъ черезъ пу-цзянскіе мосты по одному, потому что гвозди, которыми была прибита настилка моста къ балкамъ, давно повытасканы и доски ходятъ подъ ногами муловъ, какъ клавиши. Нужно было опасаться, чтобъ какой-нибудь упрямый мулъ не вздумалъ пятиться на мосту въ бокъ и не попалъ бы задними ногами на концы досокъ, которые подъ его тяжестью могутъ тогда опуститься и онъ долженъ будетъ полетѣть въ воду. Такая исторія и случилась съ однимъ изъ нашихъ муловъ. Одинъ конецъ неприбитой доски подъ ногами мула опустился внизъ, другой поднялся высоко въ воздухъ и мулъ, и его вьюкъ въ одно мгновеніе очутились подъ мостомъ. Къ счастью, мостъ былъ не черезъ Пу-цзянъ, а черезъ одинъ изъ его побочныхъ притоковъ; небольшая горная рѣчка, въ мѣстѣ пересѣченія ея дорогой, была запружена и обращена въ резервуаръ для орошенія пашенъ; мулъ упалъ въ стоячую воду, имѣвшую достаточно глубины, чтобъ не зашибиться ему о каменистое дно. Вьюкъ, бывшій на немъ, состоялъ изъ моего гербарія; уже высушенныя растенія были подмочены и на ближайшей нашей остановкѣ на ночлегъ пришлось заняться сушкою ихъ.

Digitized by Google

Впрочемъ, медленное движеніе каравана было для меня очень кстати, такъ какъ необыкновенно богатая флора Пу-цзяна давала такой обильный ежедневный сборъ, что придя на ночлегъ, мы едва успѣвали уложить вновь собранное; заносить замѣтки въ дневникъ почти не оставалось времени и потому мой дневникъ за это время оказался бѣднымъ.

Когда китайцы наконецъ навели мостъ у Чжанъ-чжя-коу (Чжа-ни-коу), мы тронулись съ нашей двухдневной стоянки и въ первый день дошли только до дер. Ши-чжа-пу (у Гилля Shih chia p'u), сдѣлавъ всего 20 ли. Долина на этомъ переходѣ имѣла тотъ же характеръ, какъ и на двухъ предъидущихъ, она была также узка и также живописна; рѣка иногда стѣсняется скалами до такой степени, что вмѣсто обычныхъ десяти саженъ, она имѣетъ всего одну сажень ширины и течетъ не по широкому плоскому ложу, а сжатая двумя голыми стѣнами каменнаго канала. Живое сѣченіе рѣки до такой степени тутъ сжато огромными, въ сажень высоты глыбами, что еслибъ вода замерзла и ледъ былъ бы вынутъ, онъ, вѣроятно, имѣлъ бы форму лезвія ножа. По крайней мѣрѣ, такъ кажется, когда соображаешь ширину трещины, по которой мчится струя съ шириной и обиліемъ воды въ другихъ мѣстахъ. Одинъ изъ шести мостовъ, на этомъ переходѣ, перекинутъ черезъ побочный притокъ, впадающій въ Пу-цзянъ слѣва и неуступающій по массѣ воды самому Пу-цзяну; не вдалекѣ отъ моста долина этого притока составляется изъ двухъ вѣтвей. Ниже устья притока на лѣвой сторонѣ Пу-цзяна, съ дороги виденъ водопадъ; высота его меньше описанныхъ выше, но онъ богаче водой.

Въ деревнѣ Ши-чжа-пу всего 20 дворовъ; улицы и дворы содержатся въ чистотѣ; особенно чисты троттуары, сложенные изъ большихъ гладкихъ плитъ; углубленное полотно улицы также вымощено; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уровень измѣняется, улица превращается въ правильную лѣстницу. Дома деревянные, какъ и въ окрестностяхъ Сунъ-пана. Около самой деревни Ши-чжа-пу, которая лежитъ на высотѣ 1,792 метровъ надъ ур. моря, т. е. на 1,500 метровъ ниже устья Ксернцо, горы становятся менѣе скалисты, и покрыты по скатамъ пашнями, на которыхъ исключительно засѣвается маисъ и бобы. На всемъ пути отсюда до Лунъ-ань-фу муловъ мы кормили бобами, а сами питались большею частью маисовымъ хлѣбомъ [1]).

---

[1]) Вотъ какъ Гиль описываетъ дорогу отъ заставы Хунъ-най-гуань до дер. Ченъ-юань. Рѣка на протяженіи 6 миль ниже Ченъ-юаня течетъ въ тѣснинѣ не болѣе 100 ярдовъ ширины, ограниченная крутыми, по большей части отвѣсными скатами и покрытыми густой растительностью. Азалеи (рододендроны?) до 15 и 20 ф. высотой были покрыты массой цвѣтовъ (8 іюня). Миновавъ три хижины, Гилль замѣтилъ сильный притокъ (это вѣроятно Ксернцо), но густая растительность не позволила видѣть далѣе нѣсколькихъ ярдовъ въ глубь трущобы. Однажды Гилль услышалъ ревъ водопада, но не могъ увидать его. Завтракалъ Гилль въ дер. Yaeh erh ngai; тутъ долина немного шире. За деревней опять начинается тѣснина; скаты становятся опять круче, рѣка течетъ между двухъ вертикальныхъ стѣнъ въ 500 футовъ высотой, раздѣленныхъ немногими ярдами. Растительность все еще великолѣпная; въ каждой трещинѣ на скалахъ укрѣпились деревья. Восточный склонъ отрога, протянувшагося между Пу-цзяномъ и Минъ-цзяномъ, по словамъ Гилля, гораздо богаче растительностью, чѣмъ западный, что свидѣтельствуетъ о его большей влажности. Дорога ужасная спуски круты, и мѣстами, кажется, они не возможны для носильщиковъ, поднимающихся вверхъ по рѣкѣ Рѣка сливаясь по неровному дну, образуетъ водопады, иногда стѣсняется каменными глыбами до такой

Digitized by Google

Отъ Ши-чжа-пу ниже долина становится просторнѣе, горы понижаются и контуры ихъ смягчаются, особенно ниже дер. Сяо-пу (Сяо-хо на картѣ А. И. Скасси, Hsiao ho ying у Гилля), лежащей въ 30 ли ниже Ши-чжа-пу. Тѣмъ не менѣе, водопады встрѣчаются и здѣсь.

Противъ дер. Теу-тей-коу (Пень-ге) немного выше Сяо-пу, на правой стороны долины видно ущелье; оно такъ прямо и дно его такъ круто, что все ущелье передъ глазами, какъ на планѣ; дно его сухо, но нижній конецъ дна орошается водопадомъ, падающимъ съ правой (по паденію стороны ущелья). Начало водопада находится на половинѣ высоты скалы; вода изливается черезъ дно амбразуры, которая едва замѣтна вслѣдствіе раккурса. Это, вѣроятно, самый великолѣпный и самый мощный водопадъ изъ видѣнныхъ нами. Вода выходитъ сжатой струей, которая къ подошвѣ скалы сильно расширяется; бѣлая полоса виситъ, точно вуаль невѣсты, висящая съ головы до земли. Вода встрѣчаетъ въ серединѣ высоты водопада выступы скалы, отъ которыхъ отпрядываетъ, но ея такъ много, что главная струя не прерывается. Водяная пыль наполняетъ облакомъ все ущелье. Основаніе водопада скрыто за возвышеніемъ, которое перегораживаетъ входъ въ ущелье. Обойдя это возвышеніе, вода стекаетъ въ Пу-цзянъ мелкими водопадами.

Ниже этого водопада на той же правой сторонѣ Пу-цзяна виденъ длинный ручей, текущій непрерывными каскадами съ значительной высоты. Почти у самой деревни Сяо-пу въ ущельѣ на лѣвой сторонѣ Пуцзяна виденъ третій водопадъ; онъ состоитъ изъ двухъ уступовъ; вѣроятно, вблизи онъ живописенъ, но издали далеко уступаетъ Теу-тей-скому.

Сяо-пу значительная деревенька, обнесенная стѣной, которая вся сплошь заросла ползучими и висячими кустарниками и вьющимися травами, мхами и папортниками. Подъѣзжая къ деревнѣ, мы не могли сразу разобрать, что мы видимъ передъ собою; какъ будто лѣсъ, но съ горизонтальной, прямолинейной верхушкой, какъ у шпалеръ. Только съ ближняго разстоянія мы убѣдились, что это стѣна, убраннная зеленью самой природой. Такъ здѣсь влажно. [1]).

Ниже дер. Сяо-пу, въ которой мы дневали, чтобы А. И. Скасси имѣлъ возможность сдѣлать астрономическое опредѣленіе. Дорога переходитъ на правый берегъ Пу-цзяна и идетъ имъ до цѣпного моста. Долина здѣсь узка; рѣка иногда занимаетъ все дно долины,

---

степени, что кажется легко перескочить черезъ нее. Нѣтъ возможности дать понятіе объ этомъ ущельѣ. Съ трудомъ можно повѣрить, что можетъ существовать такое узкое и такое тѣсное ущелье, при томъ еще такъ мощно заросшее деревьями, папортниками и кустарниками. Выйдя изъ него и обернувшись назадъ, ничего не видать, кромѣ гигантской стѣны изъ скалъ; едва замѣчаешь пучину, по которой прокладываетъ свой путь рѣка и, кажется, что тутъ нѣтъ никакой дороги, которая бы вела черезъ это неприступное заграждеиіе. Въ 14-ти миляхъ ниже Ченъ-юаня тѣснина кончается. Долина становится открытѣе, но горы еще высоки и круты. Деревня Ши-чжа-пу первый пунктъ, который можетъ быть названъ деревней (The River of golden sand, vol. I, p. 386—388).

[1]) 9 числа іюня Гилль сдѣлалъ такой же переходъ, какъ и мы, т. е. отъ Ши-чжа-пу, гдѣ онъ ночевалъ наканунѣ, онъ дошелъ только до Сяо-хо-инъ («лагерь малой рѣки»). Эта часть долины, по его словамъ, не такъ живописна, какъ выше, потому что здѣсь нѣтъ лѣсовъ, но страна обработана и покрыта высокими травами и кустарниками. Въ трехъ миляхъ ниже Ши-чжа-пу встрѣтилось первое рисовое поле (ibid., p. 390).

Digitized by Google

не оставляя мѣста для полосы сухого прибрежнаго галешника. Мѣстами она течетъ спокойно, мѣстами бурно сливается по камнямъ. Мостъ устроенъ на желѣзныхъ цѣпяхъ, висячій. Ниже моста справа въ рѣку вливается сильный притокъ. Гдѣ попросторнѣе, тамъ поселились люди и тамъ пашни иногда покрываютъ горы до вершинъ, которыя здѣсь не особенно высоки и имѣютъ мягкіе склоны на горныхъ скатахъ. Засѣвается исключительно маисъ, а по дну долины разстилаются рисовыя поля. Селеніе И-танъ имѣетъ торговую улицу. Тутъ мы встрѣтили въ первый разъ пальму (Chamaerops) и Comelina communis L.; бамбуки около деревенскихъ фанзъ имѣютъ стволы толщиной въ кулакъ [1]).

Деревню И-танъ мы оставили послѣ полудня 19 августа и въ вечеръ этого же числа дошли только до дер. Шуй-чжинъ-пу, сдѣлавъ только двадцать ли. Деревня Шуй-чжинъ-пу лежитъ на лѣвомъ берегу Пу-цзяна между нимъ и его лѣвымъ притокомъ, имѣющимъ видъ значительной горной рѣчки; у дер. Шуй-чжинъ-пу есть перевозъ черезъ Пу-цзянъ; тутъ паромъ ходитъ на канатѣ; дорога изъ Шуй-чжинъ-пу въ Лунъ-ань-фу идетъ, однако, по лѣвому берегу Пу-цзяна и черезъ притокъ, вливающійся въ него слѣва, переходитъ по мосту [2]). Характеръ долины между дер. Шуй-чжинъ-пу и слѣдующей нашей остановкой въ дер. Шуй-чжинъ-чжа, тотъ же, какъ и на предъидущемъ переходѣ; то-есть мягкіе горные скаты также покрыты маисомъ, а скалистые скаты кустарниками, густой травой, разнообразными папортниками.

Въ дер. Шуй-чжинъ-чжа намъ отвели помѣщеніе въ деревянномъ храмѣ, на театральной сценѣ, устроенной, по обыкновенію, противъ кумирни на другомъ концѣ двора.

21 августа мы оставили Шуй-чжинъ-чжа. Шли все по тому же лѣвому берегу Пу-цзяна. Въ двухъ мѣстахъ переходили черезъ рѣчки, впадающія слѣва; каждая изъ нихъ, при выходѣ изъ глубокой побочной долины, запружена, такъ что у каждой образовались резервуары или питомники для каналовъ, орошающихъ рисовыя поля. Мосты черезъ рѣчки ветхіе; на одномъ изъ нихъ и случилось паденіе мула, о которомъ разсказано выше. Такъ какъ гербарій, упавшій въ воду, подмочился, то пришлось сдѣлать только небольшой переходъ въ 30 ли до дер. Ке-та-пу (Кей-та-пу) и остановиться въ ней, чтобъ имѣть возможность пересушить искупавшіяся растенія.

22 августа нашъ караванъ сдѣлалъ 40 ли и дошелъ до дер. Тхя-лунъ-пу, пройдя по дорогѣ, частью вырубленной въ скалахъ въ видѣ карнизовъ или полу-

---

[1]) Ниже Сяо-хо-ина, по описанію Гилля, долина немного открывается, но вскорѣ горы опять снова становятся круты; опять менѣе культуры и рѣка входитъ въ новую тѣснину, быстро переливаясь съ камня на камень. Въ 5 миляхъ ниже Сяо-хо-ина на высотѣ 5,000 ф. надъ моремъ первый культивируемый бамбукъ. Гилль упоминаетъ здѣсь два вида земляники; одинъ съ ярко-красной ягодой, часто встрѣчается въ равнинѣ Ченъ-ту и извѣстенъ своими ядовитыми свойствами; другой, непривлекательный на взглядъ, имѣетъ тѣ же достоинства, какъ и европейскій видъ. Девять миль ниже Сяо-хо-ина рѣка пересѣкается мостомъ на семи желѣзныхъ цѣпяхъ. Слѣдующій ночлегъ Гилль имѣлъ въ дер. И-танъ (Jeh t'ang), какъ и мы.

[2]) Въ 5 миляхъ ниже Шуй-чжинъ-пу Гилль видѣлъ двухъ человѣкъ, которые мыли въ рѣкѣ золото.

Digitized by Google

тоннелей, а 23 августа, сдѣлавъ 30 ли, мы вошли въ Лунъ-ань-фу [1]). Городъ лежитъ на лѣвомъ берегу Пу-цзяна, на высотѣ 898 метровъ надъ уровн. моря; это была такая высота, до которой мы не спускались съ тѣхъ поръ, какъ оставили провинціи Чжи-ли [2]) и Шань-си. Разница между уровнемъ дна долины Пу-цзяна у Ксернцо и у Лунъ-ань-фу равна 2,462 метрамъ.

До самаго Лунъ-ань-фу долина Пу-цзяна остается узкою; горная порода та же, что и выше, т. е. известнякъ, къ которому иногда присоединяется тальковый сланецъ [3]). Высѣченная въ скалѣ дорога и здѣсь встрѣчается. Около дер. Тхя-лунъ-пу живописный длинный спускъ, вырубленный въ скалѣ въ видѣ колоссальной лѣстницы. Тутъ два художника, природа и человѣкъ, постоянно помогаютъ другъ другу, чтобы создавать калейдоскопическое разнообразіе видовъ, непрерывно мелькающихъ передъ зрителемъ. Нѣтъ ни одной деревни, которая имѣла бы прозаическую обстановку. Даже маисовыя поля не вносятъ въ нее деревенской прозы; горныя кручи (до 30° паденія), на которыхъ они расположены, своими контурами и крутыми профилями препятствуютъ имъ внести прозаическое однообразіе въ картину. Иногда маисъ создаетъ даже эффектную картину; въ памяти у меня осталась одна деревенька или нѣсколько усадебъ, протянувшихся вдоль дороги въ одинъ рядъ; терраса тутъ такъ узка, что усадьбы могли помѣститься только въ одинъ рядъ, задомъ къ рѣкѣ, и лицевымъ фасадомъ къ дорогѣ. По одной сторонѣ дороги протянулись крестьянскія фанзы съ чистенькими каменными тротуарами; въ 5—6 саженяхъ отъ нихъ, по другую сторону дороги, стоялъ сплошной стѣной лѣсъ маиса, ростомъ выше всадника на лошади. Картина была оживлена сидѣвшими на тротуарахъ крестьянскими женщинами и дѣтьми.

Такое расположеніе деревни задомъ къ рѣкѣ и лицомъ къ горѣ можетъ быть было избрано для того, чтобы имѣть постоянно въ виду маисовыя поля, которыя здѣсь часто опустошаютъ обезьяны. Въ долинѣ Пу-цзяна живутъ двѣ обезьяны; одна въ полосѣ хвойныхъ лѣсовъ, такъ назыв. «Золотая», съ капюшономъ на крыльцахъ изъ золотисто-желтыхъ длинныхъ волосъ (Sempopithecus Roxellanae Alph. Milne-

---

[1]) Въ первый разъ тальковый сланецъ встрѣченъ на переходѣ изъ И-тана въ дер. Шуй-чжинъ-пу (отстоящей отъ И-тана въ 20 ли ниже по Пу-цзяну). Затѣмъ сланцы же выступаютъ около деревни Тхя-лунъ-пу, въ 30 ли выше Лунъ-ань-фу.

[2]) Гилль прошелъ разстояніе отъ Сунъ-пана до Лунъ-ань-фу въ пять дней; отъ Сюѣ-шаня до дер. Шуй-чжинъ-чжа наши ночлеги были въ тѣхъ же деревняхъ, какъ у Гилля; въ дер. Шуй-чжинъ-чжа онъ имѣлъ помѣщеніе въ той же самой кумирнѣ, какъ и мы. Отсюда наши остановки не совпадаютъ; онъ отъ Шуй-чжинъ-чжа прошелъ до Лунъ-ань-фу въ два дня, ночлегъ имѣлъ только въ деревнѣ Ti tzu yi, а деревни Ке-та-пу (Ka ta pa) и Тхя-лунъ-пу (Tieh lung kuan) прошелъ мимо. Вотъ какъ онъ описываетъ эту часть дороги. Ниже Шуй чжинъ-чжа (Shui chin chan) рѣка течетъ между горами, отчасти воздѣланными; пики ихъ поднимаются до высоты около 2,000 ф. Ниже дер. T'i tzu yi горы опять круче и дорога плохая. Рѣка извивается самымъ непонятнымъ образомъ и тамъ, гдѣ упирается въ скалу, дорога проходитъ по внемкѣ въ камнѣ или по обыкновенію подвѣшена къ скалѣ. Въ одномъ мѣстѣ, вмѣсто употребительныхъ жердей, длинныя каменныя плиты всунуты горизонтально въ углубленія, пробуравленныя въ скалѣ, а другіе камни положены на нихъ сверху и такимъ образомъ устроена дорога.

[3]) Самая послѣдняя подходящая высота была у переправы черезъ Желтую рѣку въ сѣверномъ Ордосѣ (987 м.).

Digitized by Google

Edwards); другая небольшого роста живетъ въ теплой долинѣ и грабитъ маисовыя поля Крестьяне говорятъ, что эта послѣдняя много губитъ маиса безполезно для себя; сорвавъ маисовый початокъ, она кладетъ его подъ мышку, и часто забываетъ о немъ; она рветъ новый, кладетъ опять подъ мышку, а прежде сорванный падаетъ на землю. Въ другихъ случаяхъ она является болѣе сообразительною; намъ передавали за истину разсказъ о томъ, какъ какъ одна обезьяна спустила съ горы камень и убила проходившаго внизу по тропинкѣ кули.

Въ верхней части долины Пу-цзяна, выше дер. Ши-чжя-пу, растительность состоитъ изъ формъ: Desmodium podocarpum DC., Geranium sibiricum L., Prunus Ssiori F. Schmidt, Spiraea japonica L., Crataegus sp., Hedysarum sibiricum Poir., Impatiens notolopha Maxim., Hydrangea vistila var. pubescens Wall., Evonimus europeus L., Rubus Oldhami Miq., Thladianta dubia Bge, Aralia cordata, Aletris japonica Lamb., Philadelphus coronarius L., Viburnum dilatatum Thunb., V. davuricum Pall., Betula n. sp., Sedum. n. sp., Acanthopanax sp., Aster trinervius Gilib, Antennaria margaritacea R. Br., Carpesium sp., Gentiana purpurata Maxim., Allium victorialis L. (?), Schedonorus remotiflorus Miq., Adiantum pedatum L.

Въ средней части долины между Ши-чжя-пу и И-танъ: Aruncus sylvestris Maxim., Spiraea japonica L., Dumasia sp., Albizzia sp., Hypericum patulum Thunb., H. Przewalskii Maxim., Sedum drymarioides Hance (распространяющійся внизъ до Лунъ-ань-фу и до дер. Гу-ченъ), Fragaria indica Andr., Astilba chinensis, Hedera helix L., Eleutherococcus senticosus Maxim. (кустарникъ до 3 метр. высоты), Helwingia rusciflora Willd., Helw. n. sp. (съ ланцетовидными листьями), Viburnum n. sp. Carpesium abrotanoides L., Bidens pilosa L., Adenocaulon adhaerescens Maxim., Siegesbeckia n. sp., Mimulus nepalensis Benth (?), Polygonum caespitosum, Asarum sp., Buxus sp., Cyrtandrea sp., Humulus japonicus Sieb et Zucc., Boehmeria japonica Miq. var. platanifolia Franch. [1]), Boehmeria spicata Thunb., Commelina communis L., Cyperus Iria L., Tofieldia sp. (во мху покрывающемъ сырыя поверхности скалъ), Gymnothrix japonica Thunb., Selaginella caulescens Spring., S. involvens Spring., Gymnogramme javanica Blume, G. vestita Hook., Pteris cretica L., Pt. longifolia L., Aspidium folcatum Sw., Asp. craspedosorum Maxim., Asp. decursivepinnatum Kunze, Asplenium varians Hook., Woodwardia japonica Sw.

Ниже дер. И-танъ встрѣчены Cinnamomum Camphora (?), Rosa multiflora Benth., Rosa microphylla Rokb. по кит. цзы-ли-за съ плодами, усаженными колючками, Verbena officinalis L., Clerodendron foetidum Bge.

Въ нижней части долины, около Лунъ-ань-фу: Ficus sp., Siegesbeckia orientalis L., Rostellularia procumbens Nees., Fluggea sp., Morus alba L., и множество папортниковъ: Davallia tenuifolia Sw., Osmunda regalis L., Aspidium sophoroides Sw., Asp. Thelipteris Swartz, Lindsaya cultrata Sw. (?), Asplenium pekinense Hance, Woodsia ilvensis R. Br., Adiantum capillus Iunonis Rupr., Ad. capillus Veneris L.;

[1]) Въ Японіи изъ этого растенія дѣлаютъ веревки.

Digitized by Google

по кустарникамъ вьются Apios Fortunei Maxim., съ роскошными кистями лиловыхъ цвѣтовъ, и Poederia sp., съ удушливо пахнущими сѣрыми цвѣтами. Подлѣ водопадовъ и ключей, кромѣ папортника Woodwardia orientalis, непремѣнно встрѣчается также Begonia Evansiana Andr. Вудвардія такъ любитъ сырость, что можно сказать, купается въ горныхъ потокахъ. Иногда мы видѣли, что растительный покровъ горнаго ската, состоящій изъ кустарниковъ и травъ, казался прерваннымъ какой-то лентой однообразнаго свѣтлозеленаго цвѣта, спускающейся съ вершины горы до ея подошвы; оказалось, что свѣтлозеленая лента эта соотвѣтствуетъ мелкому горному ручью, струи котораго скатываются по оголенной скалѣ, но сверху прикрыты вайями папортника Woodwardia orientalis, и совершенно ими замаскированы.

Для человѣка, привыкшаго къ картинамъ сѣверной растительности, необычайно то участіе въ ландшафтѣ, которое принимаютъ здѣсь вьющіяся растенія. Наши вьющіяся, хмѣль или ломоносъ, если замаскировываютъ дѣйствительную картину, то въ очень скромныхъ размѣрахъ. Здѣсь о кустарникахъ нечего и говорить. Polygonum dumetorum до такой степени овладѣваетъ какимъ-нибудь кустомъ, что изъ подъ покрова его бѣлыхъ цвѣтовъ вовсе не видать настоящей опоры этого торжества чужеядности. Но здѣсь и большія деревья иногда получаютъ странный видъ, будучи опутаны вьющимися растеніями. Иногда стоитъ большое высокое дерево и его лиственный шатеръ внизу кончается густой бахрамой изъ концовъ вьющагося растенія, которые повисли въ воздухѣ, какъ застывшая капель изъ зеленыхъ струй.

Городъ Лунъ-ань-фу небольшой городокъ, построенный на лѣвомъ берегу Пу-цзяна. Онъ уступаетъ далеко въ торговомъ значеніи Сунъ-пану, но мелочная торговля идетъ въ немъ повидимому бойко. Улицы сплошь установлены лавками и въ нихъ народъ кишитъ. Не смотря на это движеніе на улицахъ, мостовыя улицъ довольно чистоплотны, по крайней мѣрѣ далеко опрятнѣе, чѣмъ въ городахъ провинцій Шаньси и Чжили. Китайцы говорятъ, что города Сы-чуани вообще отличаются чистоплотностью.

Названіе города, говорили намъ, происходитъ отъ скалы, которая находится противъ города на другомъ берегу Пу-цзяна и называется Лунъ-ань, «гнѣздо дракона» потому будто бы, что походитъ на дракона. На этой скалѣ построена кумирня. Въ Лунъ-ань-фу есть католическій миссіонеръ. Мы застали на этомъ посту о. Гатингэ, который только что передъ нашимъ пріѣздомъ получилъ другое мѣсто въ Сы-чуани и сдавалъ свой постъ своему преемнику о. Фану, китайцу родомъ изъ города Я-чжоу (около Мупина). О. Фанъ говоритъ полатыни, знакомъ съ китайской литературой и считается отличнымъ калиграфомъ. Какъ глубоки были его познанія въ литературѣ, мы судить не могли, но намъ было видно, что онъ большой ея любитель. У него большая библіотека, но она была еще не распакована; книги только пришли и лежали въ ящикахъ. Онъ сообщилъ намъ, что Лунъ-ань-фу есть родина знаменитаго китайскаго поэта Ли-тай-пе.

Лунъ-ань-фу былъ самый крайній южный пунктъ, до котораго дошла наша экспедиція. Здѣсь въ садахъ встрѣчаются уже бананы, достигающіе высоты сажени,

Digitized by Google

разводимые, впрочемъ, только для украшенія; плоды не вызрѣваютъ. Въ 60 ли (30 в.) къ ю. отъ Лунъ-ань-фу въ христіанской деревнѣ Пей-шу-юань воздѣлывается чайный кустъ; кругомъ Лунъ-ань-фу деревенскіе жители заняты культурой лаковаго и воскового деревьевъ.

Старый буддійскій храмъ или монастырь Поу-най-сы можетъ быть единственная достопримѣчательность между постройками города. При немъ состоитъ только десятокъ или два монаховъ. Храмъ имѣетъ три двора, расположенные въ рядъ одинъ сзади другого; два заднихъ находятся на террасѣ, поднимающейся на сажень надъ мостовой передняго двора. Задній бокъ каждаго двора занятъ почти во всю длину кумирней. Самая передняя или южная кумирня имѣетъ широкое крыльцо, по которому и поднимаются съ южнаго двора на террасу. На этомъ же южномъ дворѣ предъ крыльцомъ стоятъ два тха (по монгольски субурганъ) оригинальной формы, не напоминающей обычную, распространенную въ Монголіи и Тибетѣ. Это просто четырехъ-гранныя тонкія колонны около сажени высоты. Второй средній дворъ, расположенный уже на террасѣ, обстроенъ флигелями со всѣхъ сторонъ; сзади у сѣверной стѣны тянется большая кумирня, въ которой находятся три статуи, такъ называемыя Сань-бао («три драгоцѣнности»); лѣвая отъ входа стѣна двора занята небольшой фанзой, въ которой помѣщается огромная молитвенная мельница (хорлогъ по тибетски); у правой стѣны такая же фанза, въ которой крупная статуя божества Гуань-инъ-пусы въ томъ его видоизмѣненіи, которое называется по монгольски Арья-бало, т. е. съ многими руками, съ одинадцатью головами и т. д. На заднемъ дворѣ у задней стѣны кумирня съ стоящей внутри статуей Ртомба. У боковыхъ стѣнъ двора нѣтъ фанзъ; тутъ просто навѣсы, подъ которыми стоятъ ряды небольшихъ, въ аршинъ, статуй, изображающихъ обыкновенныя человѣческія фигуры. Намъ объяснили, что эти статуи изображаютъ бонзъ. Всѣхъ фигуръ около двадцати. Сдѣланы онѣ не дурно. Каждой фигурѣ придано особое настроеніе; у одной—выраженіе веселое, игривое, у другой—вопросительное, у третьей—сосредоточенное надъ какой-то мыслью. Въ одной изъ трехъ главныхъ кумиренъ, не помню въ которой, насъ очень заинтересовалъ потолокъ, который былъ весь составленъ изъ превосходныхъ изразцовъ, въ общемъ составлявшихъ чрезвычайно красивую картину. Храмъ пришелъ въ упадокъ; нѣкоторые изразцы выпали и вмѣсто нихъ только пустыя гнѣзда остались. Монахи не имѣютъ средствъ исправлять разрушающееся.

Отъ Лунъ-ань-фу мы шли по долинѣ Пу-цзяна (по лѣвому его берегу) только до дер. Гу-ченъ; отсюда наша дорога отклонилась отъ этой рѣки влѣво, и перевалила черезъ невысокія горныя возвышенности; далѣе отъ дер. Цинь-чуань (Чинъ чуань) до дер. Сань-го-ши, она шла по системѣ р. Тунъ-хо.

Долина Пу-цзяна ниже Лунъ-ань-фу расширяется и горы значительно ниже; иногда, впрочемъ, рѣчной галешникъ занимаетъ все дно долины; мѣстами онъ заросъ какимъ-то высокимъ красивымъ злакомъ. Горы распаханы до самыхъ верхушекъ и засѣяны маисомъ, какъ и выше Лунъ-ань-фу. На обѣихъ сторонахъ рѣки видны деревни и многочисленныя отдѣльныя фанзы, окруженныя купами деревъ и разбросанныя

Digitized by Google

тамъ и сямъ по всей долинѣ среди рисовыхъ полей; грандіозные виды верхняго теченія Пу-цзяна смѣнены здѣсь картинами болѣе мирными, но не менѣе живописными; много встрѣчается фиговыхъ деревьевъ и высокихъ бамбуковъ. Побочныя долины также широкія.

На пути отъ Лунъ-ань-фу до большого торговаго селенія Цинь-чуанъ дорога пересѣкаетъ два побочныхъ притока Пу-цзяна, одинъ у дер. Гу-ченъ, другой у дер. Као-ценъ (Коу-ченъ); черезъ обѣ рѣки наведены мосты на желѣзныхъ цѣпяхъ, но мостъ у д. Као-ценъ такой ветхій, что муловъ было опасно пустить по нему; рабочіе должны были перенести вьюки на рукахъ, а мулы безъ вьюковъ были перегнаны черезъ рѣку въ бродъ глубиною въ метръ.

До дер. Гу-ченъ (Kucheng) или даже еще далѣе до дер. Као-ценъ (Kuangyi) Гилль шелъ по той же дорогѣ, какъ и мы; но далѣе мы повернули на сѣверъ, а онъ пошелъ на востокъ. О долинѣ Пу-цзяна въ окрестностяхъ Лунъ-ань-фу онъ говоритъ, что эта часть ея была, по его мнѣнію, нѣкогда дномъ небольшого озера, которое, вслѣдствіе катастрофы, опорожнилось, послѣ чего рѣка прорыла себѣ ложе въ отложеніяхъ глины и валуновъ. Яркокрасные разрѣзы глины и мы видѣли съ дороги, разсѣянные въ разныхъ пунктахъ долины Пу-цзяна на всемъ протяженіи отъ Лунъ-ань-фу до дер. Гу-ченъ.

Въ нѣсколькихъ ли до Као-цена дорога проходитъ по каменной мостовой, настланной среди залитыхъ водою рисовыхъ полей и приподнятой надъ уровнемъ послѣднихъ; мѣстами эта мостовая смѣняется ступенями, вытесанными въ каменной породѣ.

Р. Тунъ-хо беретъ начало къ сѣверу отъ дер. Цинь-чуань; деревня стоитъ на правомъ берегу рѣки; черезъ рѣку у деревни построенъ деревянный мостъ. Отъ Цинь-чуаня до дер. Чао-ло-баръ (Ла-лу-па) считается 25 ли. Сначала дорога идетъ по горамъ, оставивъ долину Тунъ-хо въ правой рукѣ и пересѣкая верхнія части мелкихъ долинъ, направляющихся нижними частями въ Тунъ-хо. Миновавъ нѣсколько такихъ долинъ, по одной изъ нихъ дорога спускается къ деревнѣ Чао-ло-баръ, стоящей, какъ и Цинь-чуань, на Тунъ-хо, но только на ея лѣвомъ берегу. Отъ Чао-ло-бара дорога идетъ внизъ по долинѣ р. Тунъ-хо только на протяженіи 4-хъ верстъ; Тунъ-хо течетъ здѣсь уже въ видѣ значительной горной рѣки. Далѣе она круто поворачиваетъ на югъ и уходитъ въ тѣсныя щеки. Дорога идетъ по ея лѣвому притоку Чу-хо, долина котораго имѣетъ до 1 вер. ширины; отъ устья этого притока до деревни Тунъ-янъ направленіе долины съ запада на востокъ на протяженіи 10 верстъ. Вся эта долина покрыта сплошной зеленью; дно ея—сплошное лисовое поле. Невысокія горы съ мягкими очертаніями мѣстами покрыты лѣсомъ; около деревень также деревья, между которыми встрѣчаются туйи въ три обхвата толщиной. Много лаковыхъ деревьевъ (Aleurites), которыя образуютъ рощи по окоирцѣ деревень; лаковое дерево до 2-хъ саженъ высоты, листья сердцевидныя крупныя, больше человѣческой ладони; дерево усѣяно орѣхами или плодами величиной съ яблоко, съ заостреніемъ на мѣстѣ столбика, обтянутыми зеленой кожей; внутри три сѣмени; изъ стѣнокъ, когда плодъ разрѣзанъ пополамъ, выступаетъ смола.

Digitized by Google

Куда впадаетъ рѣка Тунъ-хо, для насъ осталось неизвѣстнымъ; одно только удалось записать отъ мѣстныхъ крестьянъ, что въ низовьяхъ ея есть какое-то важное мѣсто У-ланъ-чжанъ-чжу, вѣроятно, торговое селеніе или городокъ. Широкая долина, отъ Чао-ло-бара до Тунъ-яна, вѣроятно, была нѣкогда дномъ озера; рѣка Чу-хо на серединѣ длины долины составляется изъ двухъ рѣкъ, верхнія части которыхъ текутъ въ тѣсныхъ долинахъ; дорога идетъ по лѣвой вершинѣ, на которой лежатъ деревни Тунъ-янъ и Сань-го-ши.

Сань-го-ши—большая деревня съ торговыми лавками; у деревни дорога пересѣкаетъ рѣку Чу-хо, вершина которой видна въ ущельи на сѣверъ отъ деревни, и переваливаетъ черезъ невысокія горныя возвышенности, за которыми находится другая долина; по этой долинѣ, имѣющей направленіе съ сѣвера на югъ, течетъ рѣка, въ нижнихъ частяхъ которой находится мѣстность или селеніе Лунь-ань-сы. Дорога переходитъ черезъ рѣку по прекрасному каменному мосту, состоящему изъ одной высокой арки. Около моста небольшая деревня, отъ которой считается 8 ли до селенія Хао-чи. Тутъ опять приходится переваливать черезъ горы; подъемъ на нихъ очень крутой, спускъ вдоль оврага, по которому течетъ ручей. Съ перевала открывается видъ на деревню Хао-чи, которая съ горы представляется скопленіемъ черныхъ крышъ, скрывающимся въ рощѣ деревъ и расположеннымъ въ воронкообразной впадинѣ, между тѣсно стоящими горами.

Отъ Хао-чи до большого селенія Пи-коу [1]) считается немного больше 100 ли. Мы прошли это разстояніе въ два дня. Въ первый день мы сдѣлали переходъ немногимъ болѣе 40 ли и дошли до дер. Му-цзѣ-пинъ. Первая половина этой дороги есть подъемъ на перевалъ Хонъ-ту-по (Хуанъ-ту-льянъ); вторая половина—спускъ. Подъемъ идетъ сначала на сѣверъ по долинѣ той рѣки, на которой стоитъ Хао-чи, потомъ на сѣверовостокъ по ея лѣвому притоку. Куда уходитъ рѣка ниже Хао-чи, не знаю. Версты три не доходя до перевала на самой дорогѣ лежитъ деревня Гунь-шань-гуань; она состоитъ всего изъ 3-хъ, 4-хъ домовъ, разставленныхъ по косогорамъ въ узкой долинѣ, заросшей густымъ лѣсомъ. Существованіе человѣческаго жилища открываешь только тогда, когда дорога поравняется съ нимъ; сады, деревни сливаются съ естественнымъ лѣсомъ; не разберешь, что принадлежитъ природѣ, что человѣку.

Перевалъ Хонъ-ту-по (Хуанъ-ту-льянъ) составляетъ границу между провинціями Сы-чуань и Гань-су. Съ перевала спускъ по лѣвому боку долины, которая имѣетъ направленіе на сѣверовостокъ; какъ главная рѣка, текущая въ этой долинѣ, такъ и ея притоки, образуютъ многочисленные каскады или небольшіе водопады въ 3—7 футовъ высоты, выбивающіе въ известнякѣ котлообразныя впадины до 1 саж. и болѣе глубины; на побочныхъ рѣкахъ эти углубленія не болѣе величиной, какъ съ ванну, и рѣчка течетъ отъ одной ванны до другой. Особенно интересно ложе главной рѣки у дер. Чи-мынь-гуань, лежащей въ 15 ли къ югу отъ

[1]) Мнѣ казалось, что жители произносятъ также и Пи-куа. Въ такомъ видѣ это названіе и явилось въ моемъ предварительномъ отчетѣ, напечатанномъ въ Извѣстіяхъ Географическаго Общества въ 1887 году (т. XXIII).

Digitized by Google

Му-цзѣ-пина; вода тихо течетъ въ выглаженномъ въ породѣ корытѣ на протяженіи 20—30 саженъ, а въ это корыто попадаетъ съ уступа въ ½ саж. или болѣе высоты, сливаясь отвѣсной струей, сжатой двумя боками верхняго корыта. Впечатлѣніе этой картины такое, какъ будто рѣка течетъ по искусственному жолобу. Эта рѣка привела насъ въ другой, текущей поперегъ дороги съ сѣвера на югъ; дорога пересѣкаетъ ее, поднимается по другому ея притоку, впадающему съ востока и по нему достигаетъ до деревни Му-цзѣ-пинъ. Деревня состоитъ изъ нѣсколькихъ домовъ, въ которыхъ не нашлось въ продажѣ ни гороху, ни сѣна.

Дорога изъ Му-цзѣ-пина сначала поднимается на перевалъ Лянъ-танъ-цза; потомъ, спустившись съ него по какой-то долинѣ, въ концѣ пути принимающей направленіе съ в. на з., вновь по одной ея вѣтви поднимается на другой болѣе значительный перевалъ Та-дао-линъ, съ котораго открывается обширный видъ на сѣверъ на горную страну, орошаемую притоками Пикоуской рѣки.

Отъ Та-дао-лина до Пи-коу остается 30 ли. Дорога идетъ по долинѣ, въ которой, въ 15 ли отъ Пи-коу, стоитъ деревня Кванъ-тао-льянъ (Хи-мей-коу?). Отъ перевала до этой деревни идетъ очень крутой и каменистый спускъ; мѣстами каменныя плиты сложены на дорогѣ въ видѣ ступеней лѣстницы. Рѣка въ этой долинѣ течетъ въ хлоритовомъ сильно выкрашивающемся сланцѣ и такъ же, какъ у Чи-мынь-гуаньской рѣки, по дну ея многочисленные уступы, съ которыхъ вода падаетъ въ ямы и искуственныя запруды со спокойной водой.

На переходахъ между Му-цзѣ-пинъ и Пи-коу между прочимъ были собраны растенія: Desmodium sp., Kerria japonica DC., Boehmeria spicata Thunb, Ficus sp., Cephalotaxus Fortunei Hook., Lycoris radiata Herb., Albizzia sp., Cunninghamia sinensis Rob. Br., Onychium japonicum Kunze, Phteirospermum chinense Fisch., Caryopteris divaricata Maxim.

Пи-коу большое торговое селеніе. Оно стоитъ на правомъ берегу той же рѣки, на которой вверху расположенъ городъ Цзѣ-чжоу. На картахъ она названа Хэй-шуй-цзянъ. Отъ Пи-коу эта рѣка становится судоходною, товары, доставляемые въ Пи-коу съ верхнихъ частей рѣки, на мулахъ и носильщиками, отсюда отправляются на лодкахъ въ городъ Чунъ-чинъ (Чунъ-цинъ-фу у Матусовскаго въ Геогр. Обозр. Кит. Имп., Спб., 1888, стр. 172). Внизу Хэй-шуй-цзянъ, сливаясь съ р. Пей-шуй-цзяномъ, составляютъ Цзя-линъ-цзянъ. На Пей-шуй-цзянѣ, въ верхней его части, стоитъ городъ Лё-янъ, который считается рынкомъ сычуаньскаго сахара для сѣверныхъ областей Китая; этотъ городъ былъ посѣщенъ русской экспедиціей Сосновскаго въ 1875 г.

Приблизительно въ 15 верстахъ выше Пи-коу, у деревни Чинъ-гыръ (Кайджу-хо) въ Хэй-шуй-цзянъ справа впадаетъ рѣка, накоторой стоитъ городъ Вэнь-сянь, а выше его городъ Нань-пинъ (черезъ который мы прошли 16 іюля этого же лѣта на пути изъ Си-гу въ Сунъ-панъ; см. выше стр. 270). Эта рѣка нашимъ картамъ извѣстна подъ именемъ Бо-шуй. Дорога изъ Пи-коу идетъ вверхъ по Хэй-шуй-цзяну, по правому его берегу до устья Бо-шуя; здѣсь Хэй-шуй-цзянъ течетъ въ узкой долинѣ довольно быстро; мѣстами встрѣчаются переборы. Между устьемъ Бо-шуя

Digitized by Google

и Пи-коу въ Хэй-шуй-цзянъ справа впадаетъ значительная рѣка Лянъ-ши-хо, текущая въ глубокой долинѣ между высокими горами; мы перешли её въ бродъ немного выше ея впаденія; вода была по брюхо мулу.

Долина Хэй-шуй-цзяна выше впаденія Бо-шуя отклоняется отъ прежняго направленія подъ прямымъ угломъ, долина же Бо-шуя составляетъ какъ бы продолженіе нижняго Хэй-шуй-цзяна, такъ что какъ будто главная рѣка Бо-шуй, а не Хэй-шуй-цзянъ. Мы въ своемъ дневникѣ распространяемъ названіе Хэй-шуй-цзяна и на нижнее соединенное теченіе, которое проходитъ мимо Пи-коу, на томъ основаніи, что Хэй-шуй-цзянъ у деревни Чинъ-гыръ многоводнѣе, чѣмъ Бо-шуй и что длина его теченія отъ д. Чинъ-гыръ до вершины болѣе, чѣмъ длина Бо-шуя въ тѣхъ же предѣлахъ.

Отъ дер. Чинъ-гыръ дорога идетъ по правому берегу Бо-шуя до дер. Юй-линъ-гуань, которая находится въ 40 ли отъ Пи-коу. Противъ Юй-линъ-гуаня черезъ Бо-шуй перекинутъ деревянный висячій мостъ, по которому дорога переходитъ на лѣвый берегъ Бо-шуя и идетъ по нему вплоть до самаго Вэнь-сяня. Все пространство отъ Пи-коу до Вэнь-сяня мы прошли въ четыре дня (около 75 верстъ). Направленіе теченія рѣки отъ Вэнь-сяня до Пи-коу съ запада на востокъ, такъ что мы шли все это время съ востока на западъ.

Долина Хэй-шуй-цзяна выше Пи-коу сейчасъ же съуживается въ тѣснину и этотъ характеръ распространяется и на долину Бо-шуя до дер. Ли-чжа-пу (40 ли ниже Вэнь-сяня), выше котораго она расширяется. На всемъ протяженіи отъ Пи-коу до Вэнь-сяня горы состоятъ изъ зеленоватыхъ сланцевъ, которые появились еще къ ю. отъ Пи-коу и дер. Кванъ-тао-лянъ. Только въ одномъ мѣстѣ, между дер. Ю-чженъ (30 ли выше Юй-линъ-гуаня) и Цзао-ли-пинъ (Цзао-ли-тьенъ) (50 ли выше Юй-линъ-гуаня) залегаетъ, кажется, известнякъ. Паденіе сланцевъ на югъ подъ угломъ отъ 48° до 60° [1]). Повидимому сланцы этой долины тѣ же, что и въ долинѣ деревни Кванъ-тинъ-лянъ, судя по ихъ мягкости. На переходѣ между деревнями Цзао-ли-пинъ и Шюнъ-данъ-сянъ (20 ли отъ Вэнь-сяня) мы замѣтили углубленія въ сланцахъ, т. е. такъ называемые исполинскіе котлы; нѣкоторыя изъ нихъ величиною съ тазъ или съ ручной котелокъ; одинъ глубокій котелъ былъ лишенъ бока, такъ, что представлялся въ естественномъ разрѣзѣ. Глубина этого полукотла 1 m. 40 cm.; поперечникъ вверху 73 cm., поперечникъ дна 50 cm. (см. рис. 26). Онъ находится близъ дер. Ла-цзы-па.

Рис. 26.

Между Пи-коу и Юй-линъ-гуанемъ горы совершенно безлѣсны, тогда какъ къ ю. отъ Пи-коу мы вездѣ видѣли ихъ покрытыми лѣсами. Но выше Юй-линъ-гуаня на всемъ протяженіи, пока долина сохраняетъ характеръ тѣснины, т. е. до деревни Ли-чжа-пу, вновь появляются лиственные лѣса и высокіе густые кустарники, или

[1]) Показанія горнаго компаса мною записаны только въ двухъ мѣстахъ: 1) между устьемъ Бо-шуя и д. Юй-линъ гуань: S 194 подъ угломъ 68°; 2) у дер. Ла-цзы-па (20 ли выше Юй-линъ-гуаня) S 188 подъ угломъ 48°.

Digitized by Google

покрывающіе только верхушки горъ, или спускающіеся по горнымъ скатамъ низко въ долину, такъ что только подошвы горъ заняты маисовыми посѣвами.

Дно долины безлѣсно. Здѣсь начинаютъ попадаться растенія, которыя мы встрѣчали уже въ долинѣ около Си-гоу: Convallaria n. sp., Tribulus terrestris L., Glaucium leptopodum Maxim.; на скалахъ Cyrtandrea sp. и Bauhinia sp. Въ деревнѣ Юй-линъ-гуань мы видѣли послѣднія пальмы; выше по долинѣ Бо-шуя онѣ уже не встрѣчались намъ болѣе.

Населеніе въ долинѣ Бо-шуя жидкое; отъ Пи-коу до Шюнъ-данъ-сяня (20 ли отъ Вэнь-сяня) нѣтъ торговыхъ селеній; нигдѣ въ долинѣ мы не могли найдти продажныхъ цаохаевъ (башмаковъ съ соломенной подошвой). Поля засѣяны маисомъ и отчасти рисомъ; муку мы находили у крестьянъ только гречневую. Только выше Ли-чжа-пу, гдѣ долина расширяется, начинаютъ попадаться деревни по 100 домовъ, въ которыхъ есть торговыя лавки и дяны съ продажей чая.

Дорога часто проходитъ по карнизамъ; даже и на послѣднихъ 20 ли передъ Вэнь-сянемъ встрѣчаются карнизы. Товары передвигаются исключительно только носильщиками; къ югу отъ Пи-коу мы ежедневно встрѣчали караваны на мулахъ съ табакомъ; здѣсь не встрѣчалось ни одного вьючнаго мула. Торговое же движеніе большое; носильщиковъ встрѣчалось по всей дорогѣ множество. Они несли сверху, изъ Вэнь-сяня преимущественно ароматическіе корни растенія танъ-гуй; частью несли и табакъ.

Между дер. Ли-чжа-пу и Фунь-дянъ (послѣдняя выше первой) на сланцевой скалѣ мы усмотрѣли рисунки, выбитые алтайскимъ точечнымъ способомъ. Ясно можно узнать только одну фигуру человѣка; подъ нею кругъ; рядомъ какая-то неясная крестообразная фигура, тоже можетъ быть человѣка, а внизу овалъ съ двумя идущими отъ него внизъ линіями, какъ будто туловище и ноги.

8 сентября мы пришли въ Вэнь-сянь и остановились въ сѣверномъ предмѣстьи. Городъ окруженъ стѣной, внутри которой мы не были. Онъ расположенъ на лѣвомъ берегу Бо-шуя. Отъ Вэнь-сяня до Нань-пина, который, какъ уже сказано выше, лежитъ на той же рѣкѣ, только на другомъ берегу, считается 160 ли. Дорога въ Нань-пинъ идетъ по долинѣ Бо-шуя черезъ селенія: Хонъ-ту-по 50 ли; тутъ дорога переходитъ черезъ рѣку на правый берегъ; Ха-ла-чжей 20 ли; Чай-мынъ-гуань 20 ли; Ку-янъ-гу 20 ли, Нань-пинъ 50 ли. При Ха-ла-чжей въ Бо-шуй впадаетъ справа рѣчка Цао-ди-гу, въ вершинахъ которой находится желѣзный рудникъ, дающій матеріалъ для Вэнь-сянскаго желѣзнаго производства [1]).

Хребетъ, проходящій къ сѣверу отъ Вэнь-сяня и отдѣляющій долину Бо-шуя отъ долины Хэй-шуй-цзяна не широкъ, такъ что между городомъ Вэнь-сянемъ, лежащимъ на Бо-шуѣ и дер. Ху-коу, лежащей на Хэй-шуй-цзянѣ, неболѣе 40 верстъ. Переваливъ черезъ этотъ хребетъ и достигнувъ Хэй-шу-цзяна, дорога вплоть до г. Цзѣ-чжоу идетъ вверхъ по долинѣ этой рѣки.

[1]) Ниже Вэнь-сяня, не вдалекѣ отъ города, мы пересѣкли небольшую рѣчку, которая течетъ красной, какъ кровь, водою. Въ верхнихъ частяхъ этой рѣчки китайцы берутъ охру. Намъ много встрѣчалось носильщиковъ, шедшихъ изъ этой долины съ грузомъ красной краски.

Digitized by Google

Изъ Вэнь-сяня дорога поднимается по узкой побочной горной долинѣ, по которой протекаетъ небольшая горная рѣчка (1 аршинъ ширины и уже). Характеръ этой долины дикій; она обильна скалами и розсыпями; горные скаты совершенно безлѣсны и голы; кустарниковъ видно мало; мѣста, покрытыя травяною растительностью, виднѣются по горамъ только въ видѣ отдѣльныхъ пятенъ или полосъ. По дну долины обильнѣе, чѣмъ въ другихъ долинахъ, растутъ три вонючія растенія: Sambucus Ebulus L., Clerodendron foetidum Bge (или trichotomum?) и Phytolacea acinosa, которую я встрѣтилъ въ первый разъ у дереани Чагонъ. Lindernia (?) была въ сильномъ цвѣту. Близь небольшой деревни Чинъ-шуй-ня (Ди-шуй-ней) на лѣвомъ боку долины виденъ красивый водопадъ; вода падаетъ съ высоты 30 саженъ струей, изливающейся изъ вырѣзки въ верху скалы, ударяется о выступъ скалы и сливается двумя струями; на половинѣ высоты водопада вода разлетается пылью или облакомъ.

Дойдя до мѣста, гдѣ долина развѣтвляется на два горныхъ лога съ крутымъ дномъ; дорога поднимается по гривѣ, раздѣляющей лога и достигаетъ вершины перевала, который называется Фынь-шань-линъ. Съ него открывается обширный видъ на горные хребты, сопровождающіе съ обѣихъ сторонъ долину Хэй-шуй-цзяна. Оба склона перевала покрыты густою растительностью изъ кустарниковъ и высокихъ травъ, особенно же на сѣверной сторонѣ; на послѣдней встрѣчаются деревья: сосна, кленъ и др., но не образуютъ рощъ, а растутъ отдѣльными экземплярами. Спускъ съ перевала крутой, зигзагами по горному скату; онъ приводитъ на дно узкой долины одного изъ притоковъ Хэй-шуй-цзяна. Спустившись къ лѣвому берегу этого притока (имѣющаго около 1 саж. ширины) и миновавъ деревню изъ нѣсколькихъ домовъ, расположенную у конца спуска, мы прошли немного внизъ по дну долины и остановились въ палаткахъ противъ дер. Ной-ти-ха (Ней-цза-хо). Узнавъ отъ крестьянъ, что на перевалѣ Фынь-шань-линъ растетъ ревень (та-хуанъ), я нанялъ ихъ сходить за нимъ. Крестьяне принесли мнѣ шесть стволовъ; я долженъ былъ заплатить по 25 чоховъ за корень. Ревень растетъ на южномъ склонѣ перевала; листья его съ болѣе глубокими разрѣзами, чѣмъ у того ревеня, который растетъ въ Амдо въ окрестностяхъ монастыря Лабрана.

На другой день мы пошли внизъ по рѣчкѣ, на которой стояли. Она вывела насъ въ болѣе просторную долину р. Янъ-танъ-хо съ зеленоватой водой; долина эта имѣетъ еще болѣе безотрадный видъ; культурные участки встрѣчаются отдѣльными островами, прерываясь промежутками въ нѣсколько верстъ, на которыхъ нѣтъ ни жилищъ, ни пашенъ. Горы безлѣсны, розсыпей и скалъ много. Дно долины во всю ширину одинъ обнаженный галешникъ, на которомъ попадаются степныя растенія въ родѣ Kochia sp. и Salsola collina Pall., а на болѣе мягкой почвѣ Lespedeza bicolor Turcz. (?) и L. floribunda Bunge. Рѣчка, текущая съ перевала, впадаетъ въ Янъ-танъ-хо у дер. Ло-ѣ-мяо; отъ Ло-ѣ-мяо дорога идетъ по правому берегу Янъ-танъ-хо и приходитъ къ большой рѣкѣ, имѣющей до 10 саж. ширины. Вода мутная и несется быстро; поверхность ея волнующаяся, съ кудрявыми всплесками. Это Хэй-шуй-цзянъ. На его лѣвомъ берегу, при впаденіи Янъ-танъ-хо, расположена де-

Digitized by Google

ревня Хо-коу (Янъ-танъ-хо-коу). Свѣтлыя воды Янъ-танъ-хо вливаются въ мутныя воды Хэй-шуй-цзяна клиномъ и не сразу съ ними смѣшиваются.

Прекрасный зеленоватый цвѣтъ воды въ Янъ-танъ-хо, напоминавшій цвѣтъ верхнихъ альпійскихъ озеръ, представлялъ необыкновенное явленіе среди мутныхъ потоковъ системы Бо-шуя и Хэй-шуй-цзяна. А. И. Скасси тотчасъ догадался, что она течетъ изъ озера. Распросы китайцевъ о вершинѣ рѣки подтвердили его догадку; р. Янъ-танъ-хо беретъ начало изъ озера Янъ-танъ-чи. Это, вѣроятно, тотъ самый притокъ Хэй-шуй-цзяна, который на картѣ г. Большева означенъ подъ именемъ Янъ-чу-хэ. Онъ представленъ вытекающимъ изъ группы озеръ. Если это онъ, то на картѣ двѣ невѣрности; одна—онъ впадаетъ на картѣ въ Хэй-шуй-цзянъ выше города Цзѣ-чжоу; другая—вершина его отнесена такъ далеко на западъ, что будь это вѣрно, мы должны бы были пересѣчь её на пути изъ Минъ-чжоу въ Сунъ-панъ. У р. Янъ-танъ-хо, которую мы видѣли, вершина лежитъ несомнѣнно восточнѣе меридіана Си-гу. По разсказамъ китайцевъ, озеро находится отъ устья Янъ-танъ-хо при Хо-коу въ 140 ли съ небольшимъ. Намъ назвали слѣдующія деревни, расположенныя по этой рѣкѣ: 1) Сунъ-чжа-па, въ 10 ли отъ Хо-коу, ниже д. Ло-ѣ-мяо; 2) Чоу-то-па, 40 ли; 3) Тунъ-цзай, 20 ли; 4) Пей-ма-мяо, 20 ли. Выше Пей-ма-мяо долина становится лѣсистою; населеніе размѣщается не деревнями, а отдѣльными дворами. Въ озеро Янъ-танъ-чи впадаетъ небольшая рѣчка; изъ озера Янъ-танъ-хо вытекаетъ тремя рукавами. По распросамъ А. И. Скасси озеро имѣетъ 40 ли въ окружности; въ его окрестностяхъ разсѣяно до 40 дворовъ, которые въ совокупности составляютъ деревенскую общину Янъ-танъ-цзяй; кругомъ много лѣсу; нѣкоторыя деревья въ обхватъ толщиной. Пшеница въ окрестностяхъ озера вызрѣваетъ хорошо. Когда въ нижнихъ деревняхъ случится засуха, крестьяне ходятъ на озеро просить у духа озера воды, берутъ её и уносятъ въ долины; на озерѣ есть кумирня Янъ-танъ-мяо и въ ней статуя бога Янъ-танъ-ѣ.

Перейдя черезъ Янъ-танъ-хо у Хо-коу дорога идетъ далѣе по правому берегу Хэй-шуй-цзяна, проходитъ черезъ дер. Чюнъ-чжа-вань (Чжанъ-чжа-вань) и у дер. Линъ-чжанъ (20—30 домовъ) по деревянному мосту переходитъ на лѣвый берегъ, которымъ непрерывно слѣдуетъ до города Цзѣ-чжоу. Долина Хэй-шуй-цзяна имѣетъ здѣсь тотъ же безотрадный видъ, какъ и нижняя часть рѣки Янъ-танъ-хо. Горы представляютъ однѣ скалы и розсыпи; лѣсовъ почти нѣтъ; только въ двухъ мѣстахъ мы замѣтили лѣсъ на всемъ протяженіи отъ Хо-коу до Цзѣ-чжоу; это во-первыхъ на горахъ правой стороны долины противъ деревни Вэй-ла, и во-вторыхъ на той же сторонѣ противъ города Цзѣ-чжоу. Внизу на днѣ долины лѣсъ только около деревень; тутъ болѣе всего видно пирамидальныхъ тополей. Въ дер. Вань-чжа-па (5 ли ниже дер. Тао-чи-цза) мы видѣли двѣ пальмы; можетъ быть это самыя сѣверныя пальмы въ этомъ меридіанѣ.

Господствующая порода по всей долинѣ Хэй-шуй-цзяна различные сланцы; въ сѣверной части долины, именно къ с. отъ дер. Вэй-ла, появляются слюдистые сланцы, иногда очень изогнутые и съ прослойками кварца, какъ наприм. у этой деревни. Ниже дер. Чюнъ-чжа-вань, гдѣ горы состоятъ изъ сланцевъ, на днѣ до-

Digitized by Google

лины попадаются глыбы конгломерата. Мѣстами замѣчаются выходы известняковъ, какъ наприм. выше дер. Линъ-чжанъ, гдѣ они имѣютъ простираніе О—Е и вскорѣ смѣняются къ сѣверу глинистыми сланцами между деревнями Тунъ-чжа-па и Цѣй-чжа-вань. Паденіе сланцевъ опредѣлено въ мѣстности немного ниже гор. Цзѣ-чжоу; простираніе пластовъ NO 292 SE 112; паденіе NE 20 подъ угломъ 36.

Маису въ долинѣ Хэй-шуй-цзяна засѣвается не такъ много, какъ въ мѣстахъ, лежащихъ южнѣе; здѣсь, вмѣсто маиса, поля засѣяны болѣе злакомъ Setaria italica.

Выше дер. Ма-чжа-па долина Хэй-шуй-цзяна начинаетъ расширяться; горы становятся все ниже и ниже, чаще встрѣчаются боковые притоки съ широкими долинами, а долина самаго Хэй-шуй-цзяна, по мѣрѣ приближенія къ Цзѣ-чжоу, все болѣе и болѣе выпрямляется. Ниже дер. Ма-чжа-па дорога часто идетъ по карнизамъ, но хорошо приспособлена, въ одномъ мѣстѣ она высѣчена на 1½—2 арш. въ известковой скалѣ. И въ этой долинѣ встрѣчалось много носильщиковъ, несшихъ преимущественно танъ-гуй. Это главный товаръ края. Танъ-гуй воздѣлывается на всемъ треугольникѣ между Вэнь-сяномъ, Цзѣ-чжоу и Си-гу. На мѣстѣ продается по 100 и 200 чоховъ за джинъ, а худой сортъ и гораздо дешевле. Отправляется весь въ Сы-чуань и китайцы увѣряютъ, что онъ идетъ за море. Около Цзѣ-чжоу его не коптятъ, какъ около Си-гу, а просто сушатъ, вѣроятно, потому, что здѣсь климатъ гораздо суше, чѣмъ въ Си-гу.

Изъ Цзѣ-чжоу танъ-гуй носильщики несутъ въ Пи-коу по долинѣ Хэй-шуй-цзяна; до дер. Линъ-чжанъ они идутъ по той дорогѣ, по которой мы шли. Отъ Линъ-чжана есть прямая дорога въ Пи-коу, не заходя въ Вэнь-сянь. Она идетъ черезъ слѣдующія деревни: Кыу-то-ба, 60 ли; Хо-лянъ-шу, 60 ли; Юй-линъ-гуань 60 ли (здѣсь эта дорога опять выходитъ на нашу дорогу); Жанъ-шуй-хо, 20 ли; Пи-коу, 20 ли.

Городъ Цзѣ-чжоу (Кьѣ-чжоу), въ который мы пришли 16 сентября, болѣе Вэнь-сяня; стѣны и башни его цѣлы и содержатся въ исправности. Какъ и въ Вэнь-сянѣ, мы остановились въ предмѣстьи, и городъ видѣли только снаружи. Выше Цзѣ-чжоу по долинѣ Хэй-шуй-цзяна идетъ дорога въ Си-гу и Минъ-чжоу. Она проходитъ черезъ деревни: Ши-мынъ въ 50 ли выше Цзѣ-чжоу, Чинъ-шуй 70 ли и Кванъ-тинъ, 70 ли; это та самая деревня Кванъ-тинъ, черезъ которую мы прошли весной того же года на пути изъ Минъ-чжоу въ Си-гу (см. стр. 252). Между Чинъ-шуемъ и Кванъ-тиномъ на дорогѣ лежитъ деревня Лянъ-хо-коу; она расположена при соединеніи двухъ рѣкъ: Танъ-ченской и Хэй-шуй-цзяна; по одной идетъ дорога на Кванъ-тинъ, по другой въ Си-гу. Дорога отъ Кванъ-тина до Минъ-чжоу пройдена была нами весной 1885 г. и описана выше (стр. 251—253). Отъ Цзѣ-чжоу намъ осталось семнадцать переходовъ до города Гунъ-чанъ-фу, гдѣ нашъ караванъ долженъ выйдти на большую дорогу, идущую въ Ланъ-чжоу изъ южныхъ провинцій. Гунъ-чанъ-фу стоитъ на р. Вэй, т. е. уже въ системѣ Желтой рѣки; но прежде, чѣмъ попасть въ эту систему, намъ предстояло пересѣчь еще одну область, которая принадлежитъ къ системѣ Голубой рѣки; это область, въ кото-

Digitized by Google

рой расположены близко одинъ къ другому стоящіе города Си-хо и Ли-сянь и въ которой развѣтвлены вершины р. Чу-ню-цзяна. Это та же рѣка, которая у г. Лёяна называется Пей-шуемъ, а еще ниже подъ именемъ Цзя-линъ-цзяна принимаетъ въ себя, какъ побочный притокъ, соединенное теченіе Хэй-шуй-цзяна и Бо-шуя.

Хэй-шуй-цзянъ у гор. Цзѣ-чжоу служитъ южной границей распространенія лёсса. На первомъ же переходѣ отъ Цзѣ-чжоу къ сѣверу мы вступаемъ въ новую геологическую область съ красными горизонтально напластованными песчаниками и конгломератами и отложеніями поверхъ нихъ лёсса.

Изъ Цзѣ-чжоу я и А. И. Скасси пошли двумя разными дорогами, онъ западнѣе, я восточнѣе. Мой караванъ дошелъ до береговъ Чу-ню-цзяна на пятый день по выходѣ изъ Цзѣ-чжоу. Изъ города дорога поднимается по долинѣ небольшой рѣчки, въ которой расположены деревни Ма-чжа-кей-цза и Ё-поръ, потомъ переваливаетъ въ долину, въ вершинѣ которой расположена дер. Форъ-ней и спускается по этой долинѣ до дер. Ихинъ-ло; здѣсь долина сильно отклоняется на востокъ, а дорога, удерживая направленіе на сѣверъ, переваливаетъ прямо черезъ горы, выходитъ къ берегамъ р. Чу-ню-цзяна и пересѣкаетъ её подъ прямымъ угломъ. Послѣ этого общаго очерка возвращаюсь къ подробностямъ этой дороги.

Долина, въ которую уходитъ дорога изъ Цзѣ-чжоу, открывается въ долину Хэй-шуй-цзяна выше города. Рѣчка, протекающая по этой долинѣ, имѣетъ до 2 саж. ширины; вода въ ней мутная, красноватая; долина узкая; горы состоятъ сначала изъ сѣрыхъ, потомъ, выше по рѣкѣ, изъ красныхъ песчаниковъ; на нихъ лежитъ лёссъ, который мѣстами свалился на дно рѣки и тутъ образовалъ высокія террасы. Красные песчаники даютъ матеріалъ для красныхъ наносовъ, которые безпорядочно лежатъ на скатахъ, а также и на днѣ долины, перемежаясь съ лёссомъ; на днѣ долины они толще, чѣмъ на горныхъ скатахъ. Жилищъ человѣческихъ въ долинѣ встрѣчается мало, но есть и деревеньки, жители которыхъ занимаются выварокой соли изъ упомянутыхъ красныхъ наносовъ. Для этого въ горномъ скатѣ дѣлается ниша, которая служитъ очагомъ; въ этой нишѣ ставятъ котелъ, подъ которымъ подвѣшивается каменный жолобъ или лотокъ; потолокъ ниши дѣлается изъ краснаго наноса, который снаружи образуетъ насыпь съ круглой горизонтальной площадью на верхушкѣ; на эту площадь льютъ воду; вода, проходя черезъ слой наноса, насыщается и каплетъ въ лотокъ, съ котораго сливается въ котелъ. Подъ котломъ разводится огонь и соль вываривается изъ скопившагося раствора.

Сначала дорога идетъ по дну долины, но тамъ, гдѣ рѣка сжимается щеками, она поднимается по карнизамъ на горы лѣваго бока долины. Въ этой узкой части долины на днѣ ея видны выходы другой породы, повидимому известняковъ. Когда дорога минуетъ эту тѣснину, съ горы, по которой она идетъ, открывается видъ на верхнее продолженіе долины, представляющейся тутъ широкой котловиной; въ дальнемъ ея концѣ виднѣется окруженная пирамидальными тополями деревня Ма-чжа-кей-цза; до нея отъ Цзѣ-чжоу считается 30 ли; у этой деревни

Digitized by Google

въ рѣчку вливается другая съ сѣвера. А. И. Скасси пошелъ по этой послѣдней; мы пошли по восточной болѣе широкой долинѣ, по которой, сдѣлавъ еще 20 ли, остановились на ночлегъ въ дер. Ё-поръ [1]).

Горы и въ этой части долины состоятъ изъ песчаниковъ; повсюду обильно распространенъ лёссъ. Онъ покрываетъ всѣ верхи горъ и лежитъ на днѣ долины; только крутые скаты горъ оголены. Маисъ въ этой долинѣ уже рѣдокъ; на горныхъ скатахъ посѣвы гаоляна и гречихи, а на днѣ долины залитыя поля съ рисомъ, который начинали жать.

Отъ Ё-пора до дер. Форъ-ней дорога идетъ на востокъ съ небольшимъ уклоненіемъ на сѣверъ. Сначала она поднимается по той же долинѣ до раздѣленія ея на три вѣтви; мѣсто этого раздѣленія называется Сань-коу. Между Ё-поромъ и Сань-коу мы прошли три деревни: Та-хуй-ши, Пу-чжа-лу и Ту-чжа-па; послѣдняя стоитъ у самаго развѣтвленія. Дорога направляется по самой лѣвой, т. е. по самой южной вѣтви, но нейдетъ по дну ея, а поднимается на горы ея праваго бока, постепенно удаляясь отъ долины, забирая лѣвѣе и направляясь къ вершинѣ оврага, который нижнимъ концомъ открывается въ ту же долину. На днѣ долины видны круглыя насыпи: это все солеварницы; горы террасированы подъ пашни; повидимому съ нихъ только что снята была хлопчатая бумага и онѣ вновь распаханы. Лёссу на горахъ немного; онъ лежитъ верхними пластами на всѣхъ уступахъ, но толщина ихъ не болѣе 1—1½ сажени.

У вершины оврага дорога достигаетъ высшаго уровня страны; караванъ идетъ по лёссовому плоскогорью, огибая верхніе концы овраговъ, принадлежащихъ еще къ системѣ Сань-коу. У вершины одного оврага мы миновали деревню, скрывающуюся въ зелени пирамидальныхъ тополей. Обогнувъ два такихъ оврага, дорога направляется къ третьему, который уже не принадлежитъ системѣ Сань-коу, а составляетъ вершину новой долины, въ которой стоитъ дер. Форъ-ней. Отсюда мы увидѣли прямо на юговостокѣ какой-то зубчатый скалистый хребетъ; это можетъ быть были горы, въ которыхъ Хэй-шуй-цзянъ прокладываетъ свою дорогу ниже Цзѣ-чжоу.

Отъ этого перевала до береговъ р. Чу-ню-цзяна общее направленіе нашей дороги было на сѣверовостокъ. Съ перевала дорога спускается въ ущелье, которое тянется на протяженіи 17 ли и оканчивается у дер. Кань-чуань. Отъ этой деревни долина начинаетъ расширяться и съ боковъ къ ней присоединяются другія побочныя долины. Горы состоятъ изъ песчаниковъ, которые служатъ дномъ рѣки; у Кань-чуаня линія паденія пластовъ N 10° подъ угломъ 8°. Рѣка течетъ вкрестъ простиранія пластовъ. Между деревнями Шинъ-чжи-хо и Форъ-ней долина съуживается и на небольшомъ протяженіи образуетъ щеки изъ сѣрыхъ сланцевъ; одновременно съ тѣмъ она измѣняетъ свое направленіе на юговосточное, но ниже

[1]) Мы раздѣлили караванъ на двѣ части во избѣжаніе затрудненій при отыскиваніи въ бѣдныхъ деревняхъ просторнаго помѣщенія для нашего скота; предполагалось однако, что задній караванъ пойдетъ по слѣдамъ перваго; но случайная ошибка, незнаніе, по какой дорогѣ направился передній караванъ изъ дер. Ма-чжа-кей-цза, было причиною, что наши караваны пошли двумя разными дорогами.

Digitized by Google

щекъ опять принимаетъ сѣверовосточное. Ниже Форъ-нея между деревнями Ѣ-чжа-па и Ма-туй-ши слои песчаниковъ въ двухъ мѣстахъ выступаютъ на днѣ долины въ видѣ зубчатыхъ гребней, которые баррикадируютъ дно долины; это какъ будто было два порога, когда уровень водъ въ долинѣ стоялъ высоко. Они имѣютъ видъ узкихъ хребтиковъ, протянувшихся поперегъ долины. Въ обоихъ случаяхъ рѣка проложила себѣ путь у праваго бока долины; подойдя къ выступамъ песчаниковъ, она каждый разъ дѣлаетъ излучину по направленію къ юговостоку. Паденіе пластовъ въ этихъ выступахъ или баррикадахъ ясное—NE подъ угломъ 56°. Верхній изъ этихъ песчаниковыхъ хребтиковъ дорога обходитъ по горѣ на уровнѣ съ зубцами гребешка, или даже выше; черезънижній хребтикъ она переваливаетъ по одной изъ амбразуръ между зубцами. Въ этой амбразурѣ построены ворота; около нихъ нѣсколько фанзъ; это застава Ванъ-ти-гуань; тутъ мы нашли цѣлую группу китаянокъ торговокъ, размѣстившихся по скалѣ, какъ на ступеняхъ крыльца, со своимъ товаромъ; онѣ продавали проходящимъ каравanамъ лапшу, кукурузовый хлѣбъ и гранаты.

Ниже этой заставы въ долинѣ той же рѣки лежитъ дер. Ма-туй-ши, которая такъ называется по скалѣ, подъ которой течетъ рѣка; висящая надъ рѣкой часть скалы походитъ на лошадиную голову, по китайски ма-туй; отсюда названіе деревни. Деревня эта была раззорена во время мятежа шестидесятыхъ годовъ мусульманами, пришедшими въ край изъ Хэ-чжоу и Янъ-гуаня.

Отъ Форъ-нея до Ма-туй-ши залегаютъ темные песчаники и конгломераты; послѣдніе состоятъ изъ обломковъ глинистаго сланца и песчаника; песчаникъ слюдистый и иногда мелкозернистый; слои толщиною отъ 1 cm до $^1/_2$ метра. Это кажется породы, которыя налегаютъ съ сѣверо-запада на тотъ хребетъ, который былъ виденъ съ перевала передъ спускомъ въ Форъ-нейскую долину. Вода въ рѣкѣ свѣтлая, потому что красныхъ песчаниковъ въ долинѣ не залегаетъ; паденіе малое; рѣка течетъ тихо, струится только на переборахъ, которые встрѣчаются не рѣдко; дно часто песчаное и вода сильно разливается по нему. Дорога проходитъ по лёссу часто на значительной высотѣ надъ уровнемъ рѣки; дорога хорошая, не каменистая и ровная.

Населеніе въ долинѣ густое; деревни встрѣчаются на каждыхъ 10 ли [1]).

По Форъ-нейской долинѣ дорога идетъ до дер. Е-пу-гоу. Отъ Кань-чуаня, лежащаго въ 17 ли отъ начала долины, до Форъ-нея считается 30 ли, отъ Форъ-нея до Ма-туй-ши 35—40, отъ Ма-туй-ши до дер. Пхинъ-ло 30 и отъ этой послѣдней до Е-пу-гоу 15, слѣдовательно, всего по Форъ-нейской долинѣ дорога идетъ 132 ли.

Къ с. отъ д. Е-пу-гоу долина уходитъ вправо, а дорога поднимается на перевалъ Тхей-ши-шань, отдѣляющій Форъ-нейскую долину отъ долины р. Чу-нюцзяна. Съ перевала открывается видъ на горы, лежащія къ с. отъ этой послѣд-

[1]) Вотъ перечень наиболѣе крупныхъ деревень этой долины: Шань-ку (въ ущельѣ выше Кань-чуаня), Кань-чуань, Чи-ли-цза, Шинъ-чжи-хо, Форъ-ней, Цѣ-хо-цза, Ши-ма-дянъ, Чяо-мяо-цзы, Ѣ-чжа-па, застава Ванъ-ти-гуань, Ма-туй-ши, Тяо-цзы-юань, Шинъ-чжа-вань, Тао-гуй-цзо, Чинъ-цзуй, Пхинъ-ло, И-тя-мынъ, Е-пу-гоу.

Digitized by Google

ней рѣки. Отъ Е-пу-гоу до Чу-ню-цзяна считается всего 30 ли. Ширина рѣки около 30 саженъ; переправа на паромѣ. Направленіе долины Чу-ню-цзяна съ запада на востокъ съ небольшимъ уклоненіемъ на югъ. Переправившись на лѣвый берегъ рѣки, мы остановились на ночлегъ въ дер. Та-чонъ-ба, лежащей въ 100 саженяхъ ниже переправы.

Страна къ сѣверу отъ р. Чу-ню-цзяна представляетъ продолженіе того же лёссоваго плато, которое мы пересѣкали на пути между Цзѣ-чжоу и дер. Та-чонъ-ба. Р. Чу-ню-цзянъ обтекаетъ эту часть плато дугообразно съ сѣвера, запада и юга. Рѣка или по крайней мѣрѣ одна изъ ея вершинъ беретъ начало около дер. Эрръ-ланъ-ба почти въ центрѣ плато, и сначала течетъ на сѣверъ, потомъ поворачиваетъ на западъ, проходитъ мимо города Ли-сяня, за тѣмъ направляется на югъ и наконецъ на востокъ, и проходитъ мимо дер. Та-чонъ-ба. Дальнѣйшая наша дорога пересѣкла это плато съ юга на сѣверъ по серединѣ его.

Изъ дер. Та-чонъ-ба дорога направляется внизъ по долинѣ Чу-ню-цзяна и потомъ поднимается по долинѣ одной небольшой рѣчки на хребетъ, сопровождающій лѣвый берегъ Чу-ню-цзяна. На вершинѣ перевала лежатъ деревни Шо-цзы-па и Пи-янъ-сы. Сѣверо-западный склонъ этого хребта прерывается уступомъ; тутъ какъ будто двѣ долины, проходящія параллельно хребту, одна юговосточная, прилегающая къ подошвѣ хребта, другая сѣверо-западная; уровень дна первой выше, уровень второй ниже; онѣ отдѣлены другъ отъ друга грядой холмовъ, проходящей параллельно хребту. Всѣ овраги, берущіе начало въ хребтѣ, пересѣкаютъ уступъ поперегъ, затѣмъ разсѣкаютъ гряду холмовъ и соединяются со второй болѣе глубокой долиной. На уступѣ при подошвѣ хребта стоитъ дер. Сяо-чуанъ-цза, въ 30 ли отъ Та-чонъ-ба; въ ней мы имѣли первый ночлегъ по выходѣ изъ д. Та-чонъ-ба. Въ деревнѣ до 20 торговыхъ лавокъ; отопляется деревня каменнымъ углемъ, который добывается въ мѣстности Тунъ-коу, въ 20—40 ли отсюда; тутъ на протяженіи 20 ли разсѣяны копи; вьюкъ угля (200 джиновъ) продается за 300 чоховъ.

По дну сѣверо-западной, т. е. болѣе глубокой долины проходитъ рытвина, въ вершинѣ которой находится дер. Чи-чжа-па. Дорога проходитъ черезъ эту деревню, т. е. обходитъ вершину долины съ востока. Отсюда видно на юго-западѣ горы, сопровождающія долину Чу-ню-цзяна. Къ сѣверу отсюда дорога идетъ вплоть до дер. Эрръ-ланъ-ба по высокому лёссовому плато, обходя съ востока вершины овраговъ, направляющихся на юго-западъ, или пересѣкая ихъ не подалеку отъ вершинъ. У дер. По-чжа-ё дорога пересѣкаетъ рѣчку, которая направляется на юго-западъ, также какъ и другая, проходящая сѣвернѣе, на которой расположена дер. Ши-чжя-гуань. Обѣ рѣчки текутъ на юз., ниже этихъ деревень сливаются вмѣстѣ и, вѣроятно, въ нижнемъ теченіи поворачиваютъ на югъ. Мѣста, по которымъ проходитъ дорога, отъ д. Пи-янъ-сы до дер. Эрръ-ланъ-ба, такъ господствуютъ надъ страной, лежащей отсюда на юго-западъ, что для глаза замѣтно пониженіе страны влѣво отъ дороги; въ эту сторону со многихъ пунктовъ открывается обширный видъ, и горы, которыя видны на юго-западномъ горизонтѣ, вѣроятно тѣ, которыя сопровождаютъ берега Чу-ню-цзяна выше дер. Та-чонъ-ба.

Digitized by Google

Горы этой части страны мягкія, прикрытыя лёссомъ; даже на высшихъ точкахъ страны, на перевалахъ черезъ хребты, расположены деревни. Обнаженія видны только на днѣ долинъ; онѣ состоятъ изъ горизонтально напластованныхъ песчаниковъ; почва пашенъ около деревень, лежащихъ на высшихъ горизонтахъ, лёссъ; на пашняхъ ниже лежащихъ черная съ красноватымъ оттѣнкомъ.

Между дер. Ши-чжя-гуань и Эрръ-ланъ-ба дорога проходитъ по дну долины, въ которой стоитъ д. Ши-чжя-гуань; эта долина напомнила намъ ту, въ которой стоитъ дер. Форъ-ней и по которой мы спускались къ Чу-ню-цзяну. Обнаженія въ ней на всемъ ея протяженіи, пока по ней слѣдовала наша дорога, состояли изъ известняковъ. Вода въ рѣчкѣ, текущей по этой долинѣ, а также и въ той, которая течетъ по долинѣ деревни По-чжа-ё, свѣтлая, что свидѣтельствуетъ объ отсутствіи на днѣ долинъ размываемыхъ наносовъ. Впрочемъ пора года была осенняя, а осенью размываніе уменьшается, а потому рѣки, протекающія въ области распространенія лесса, осенью становятся свѣтлѣе.

Дойдя почти до вершины этой рѣчки, гдѣ стоитъ дер. Хонъ-чжа-пу, состоящая всего изъ нѣсколькихъ фанзъ, дорога переваливаетъ черезъ горы, лежащія къ востоку, и спускается въ вершину другого оврага, который нижнимъ концомъ смотритъ на сѣверъ. Съ вершины перевала уже видно деревню Эрръ-ланъ-ба, окруженную ивами и тополями и расположенную между плоскими горами. Ручей, текущій съ перевала къ дер. Эрръ-ланъ-ба, есть одинъ изъ притоковъ Чу-ню цзяна; слѣдуя по нему далѣе на сѣверъ мы прибыли въ городъ Си-хо 28 сентября.

Вся страна отъ Цзѣ-чжоу до Си-хо безлѣсна. Только и лѣсу, что саженый рукою человѣка около деревень. Даже площади, покрытыя сплошнымъ кустарникомъ, встрѣчаются рѣдко; такіе кустарники встрѣчаются только въ глубинѣ долинъ и покрываютъ только нѣкоторые крутые горные скаты. Населеніе довольно густо[1]); когда съ высокой точки открывается обширный видъ, картина представляется усѣянною деревнями, стоящими на разныхъ уровняхъ и окруженными рощами изъ ивъ и пирамидальныхъ тополей, къ которымъ иногда присоединяется темная зелень дерева сунъ-шу. Поля были засѣяны гаоляномъ, хлопкомъ и гречихой. Въ окрестностяхъ Си-хо хлѣба проросли на корню (по-монгольски шянатай) отъ сильныхъ дождей, бывшихъ въ половинѣ лѣта.

Край этотъ во время мусульманскаго возстанія подвергался нападеніямъ мятежниковъ, о чемъ теперь свидѣтельствуютъ многочисленныя крѣпостцы или замки, такъ называемыя цзай-цзы, которыя были выстроены жителями на вершинахъ лёссовыхъ горъ для того, чтобъ укрываться въ нихъ во время нашествія грабительныхъ бандъ. Теперь эти цзай-цзы стоятъ пустыя и постепенно размываются дождями и разваливаются.

Въ долинѣ, въ которой стоитъ деревня Ши-чжя-гуань, ниже дер. Чанъ-ту,

---

[1]) Вотъ названія деревень по дорогѣ отъ Та-чонъ-ба до Си-хо: Цхей-цзы, Шо-цзы-па, Пи-янъ-сы, Сяо-чуанъ-цза, Чи-чжа-па, Ти-фанъ-чжинъ, По-чжа-ё, Ло-гуа мяо, Ши-чжя-гуань, Чанъ-ту-гуань, Шюашуй-хо, Лу-чжа-ку-мынъ-чжа, Хонъ-чжа-пу, Эрръ-ланъ-ба, Ши-ли-пу.

Digitized by Google

на скалахъ мы замѣтили какую-то надпись изъ іероглифовъ и рисунки, сильно вывѣтривающіеся.

А. И. Скасси пришелъ въ Си-хо, кажется, двумя днями ранѣе меня. Какъ сказано, онъ прошелъ изъ Ма-чжа-кей-цзы другой, болѣе западной, дорогой. Вотъ описаніе его пути. Изъ Ма-чжа-кей-цзы дорога пошла по оврагу, въ которомъ течетъ мелкая горная рѣчка, впадающая въ рѣку, по которой пошелъ я (т. е. въ рѣку, на которой стоитъ дер. Ё-поръ). Верстахъ въ 12-ти отъ Ма-чжа-кей-цзы дорога оставляетъ рѣку въ лѣвой сторонѣ и зигзагами поднимается на перевалъ. Горы на перевалѣ мягкія, не скалистыя. Съ перевала дорога сначала довольно полого спускается по горамъ; версты черезъ $1^1/_2$ входитъ въ крутой оврагъ, по которому доходитъ до небольшой деревни Сяо-динъ-чанъ; здѣсь А. И. Скасси ночевалъ съ 17 на 18 сентября.

Ниже Сяо-динъ-чана оврагъ идетъ между очень крутыми скалистыми берегами; поэтому дорога не слѣдуетъ дномъ оврага, а переваливаетъ черезъ множество хребтиковъ влѣво отъ оврага и постепенно приближается къ довольно крутымъ возвышенностямъ. Отъ Сяо-динъ-чана на протяженіи 18 верстъ до вершины р. Чинъ-шуй-цзяна дорога идетъ на сѣверъ, пересѣкая выше указанные хребтики и лежащіе между ними овраги. Всѣ эти овраги направляются отъ дороги прямо на востокъ, гдѣ съ дороги видна значительная долина, проходящая параллельно дорогѣ. Всѣ они нижними концами открываются въ эту меридіанную долину; въ южной половинѣ меридіанной долины течетъ рѣка, берущая начало около Сяо-динъ-чана и текущая на сѣверъ; въ сѣверной же половинѣ течетъ другая рѣка, берущая начало съ одного перевала съ рѣкою Чинъ-шуй-цзяномъ; она течетъ на югъ прямо на встрѣчу южной рѣкѣ. На половинѣ разстоянія между Сяо-динъ-чаномъ и переваломъ въ вершинѣ Чинъ-шуй-цзяна обѣ рѣки сливаются и общій потокъ направляется на востокъ [1]). На пути до перевала на этомъ переходѣ были селенія Та-чинъ-чанъ, Ло-чжа-ней Фанъ-шуй-цзя и Джа-нинъ-пу. Къ перевалу съ запада подходятъ довольно крутыя горы; къ востоку и сѣверу отъ него горы пологія. Спустившись съ перевала по оврагу, въ которомъ проходитъ вершина Чинъ-шуй-цзяна, около 5 верстъ, А. И. Скасси прибылъ въ деревню Си-джа-тей-цза-шань, расположенную на обоихъ берегахъ рѣки.

Въ теченіе слѣдующаго дня А. И. Скасси продолжалъ спускаться по рѣкѣ Чинъ-шуй-цзяну, по сильно заселенной мѣстности; общее направленіе рѣки на сѣверовостокъ. Деревни на пути: Шанъ-па-ли, Ко-джа-ней, Сяо-джа-па, Ту-ченъ, Лю-чжа-хо-ба, Вань-чжа-па и Вань-чжа-тей-цза-сы. Противъ дер. Лу-чжа-па съ рѣкою Чинъ-шуй-цзяномъ соединяется приходящая съ запада рѣка такой же ве-

[1]) Это по всей вѣроятности лѣвый притокъ той рѣки, на которой стоятъ деревни Форъ-ней и Ма туй-ши; онъ впадаетъ въ эту рѣку гдѣ-нибудь около послѣдней. Въ моемъ дневникѣ сказано, что верстахъ въ 4 ниже дер. Ма-туй-ши у д. Тяо-цзы-юань въ Форъ-нейскую рѣку впадаетъ съ запада рѣка, текущая съ с.-з.; другая болѣе значительная съ той же стороны впадаетъ у дер. Тао-гуй-цзо, лежащей отъ Ма-туй-ши верстахъ въ 8. Черезъ эту рѣку перекинутъ мостъ; вѣроятно это и есть тотъ притокъ, по вершинамъ котораго прошелъ А. И. Скасси.

Digitized by Google

личины; соединенный потокъ въ полуверстѣ ниже впадаетъ въ рѣку Та-хо (Чу-ню-цзянъ). У самаго устья этого притока, ниже его, дорога переходитъ на лѣвый берегъ Чу-ню-цзяна; у переправы на правомъ берегу видна деревня Куань-шань. Р. Чу-ню-цзянъ до дер. Куань-шань течетъ съ сѣвера на югъ и противъ дер. Луй-чжа-па, принявъ Чинъ-шуй-цзянъ, подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ прямо на востокъ. По переправѣ дорога идетъ по лѣвому берегу Чу-ню-цзяна на протяженіи около 5 верстъ, затѣмъ поворачиваетъ вправо, т. е. на сѣверо-востокъ и идетъ косогоромъ параллельно оврагу верстъ 5 до дер. Чи-ли-сань; далѣе въ томъ же направленіи по гребню между вершинами овраговъ до перевала еще 5 верстъ. Съ перевала она зигзагами спускается по оврагу къ дер. Ло-и-хо. Около этой деревни соединяется нѣсколько овраговъ, вершины которыхъ находятся къ сз. отъ деревни; ручьи, текущіе въ нихъ, слившись у деревни, образуютъ горную рѣчку, направляющуюся на юго-востокъ. Изъ Ло-и-хо дорога идетъ по одному изъ этихъ овраговъ на сѣверъ. Верстахъ въ 5-ти переваливаетъ черезъ второстепенный перевалъ въ небольшую рѣчку, текущую на св.; болѣе крутыя горы виднѣются на западѣ. Перевалъ пологій. Съ перевала течетъ рѣка, въ низовьяхъ которой стоитъ городъ Си-хо. Течетъ она въ широкой долинѣ, мѣстами болѣе версты шириной, весьма густо населенной. Горы сплошь распаханы. Селенія по этой рѣкѣ, начиная отъ перевала: Чинъ-чи-тай, Хуанъ-чжа-па, Хо-чжа-па, Танъ-чао-цза, Панъ-ча-сы, Ма-ча-тей-цза, Ши-ли-пу и У-ли-пу.

Изъ Си-хо въ Ли-сянь дорога идетъ прямо на сѣверъ по долинѣ рѣки, на которой стоитъ городъ; выше селеній Ма-па-ченъ и Ха-тей-цзы, именно въ разстояніи 8 вер. отъ Си-хо, долина сильно съуживается; отъ Си-хо до этого пункта долина имѣетъ ширины до $1^1/_2$ верстъ, здѣсь же она съуживается до 100 саженъ въ такой тѣсной долинѣ, обставленной конгломератовыми утесами, рѣка течетъ до дер. Ши-бо-ченъ. По широкой части долины дорога идетъ по лѣвому берегу въ узкой же нѣсколько разъ переходитъ съ одного берега на другой. Передъ самой деревней рѣка подходитъ къ самымъ скаламъ лѣваго берега, такъ что тутъ приходится вновь переходить рѣку, такъ какъ деревня расположена на томъ же лѣвомъ берегу. Конгломератовая скала, которая образуетъ приторъ надъ рѣкой, обращена лицомъ на югъ. На ея поверхности находится нѣсколько нишъ, частью естественныхъ, частью искуственныхъ; три ниши содержатъ въ себѣ изсѣченныя въ самой скалѣ человѣческія стоячія фигуры, по одной фигурѣ въ каждой; фигуры эти полустатуи, или горельефы; большія ниши болѣе сажени высоты; другія, тоже искуственныя, меньшихъ размѣровъ, вѣроятно были сдѣланы для постановки глиняныхъ статуй. Въ дальнѣйшемъ продолженіи скалы противъ самой деревни Ши-бо-ченъ тоже есть какъ естественныя, такъ и искусственныя ниши; изъ послѣднихъ одна большая, до 2 саж. высоты; внутри ея изсѣчены три человѣческія фигуры, какъ будто буддійская троица Сань-бао (Шихба-ртомба). Вѣроятно, здѣсь былъ прежде буддійскій монастырь, но нашъ лама Сэрэнъ не открылъ никакихъ преданій о немъ у жителей Ши-бо-чена.

Изъ Ши-бо-чена дорога слѣдуетъ далѣе по рѣкѣ, на которой стоитъ эта де-

Digitized by Google

рѣвня, только версты двѣ, потомъ круто направляется на сѣверо-западъ и переваливаетъ въ узкую долину р. Чжанъ-чжа-хо, которая течетъ съ запада на востокъ и вливается въ главную рѣку верстахъ въ 5-ти ниже дер. Ши-бо-ченъ. Рѣка же, на которой стоитъ Ши-бо-ченъ, уходитъ на сѣверъ и впадаетъ въ рѣку, проходящую подъ Ли-сянемъ (т. е. въ Чу-ню-цзянъ). Р. Чжанъ-чжа-хо течетъ по конгломератамъ. Вершины горъ въ ея долинѣ покрыты лёссомъ, образующимъ обрывы до 5—6 саженъ высоты; въ нижнихъ горизонтахъ почва пашенъ темно-красная, а выходы краснаго песчаника и конгломерата только на днѣ долины. Дорога идетъ по Чжанъ-чжа-хо до ея вершины; тутъ перевалъ Мынъ-чжа-лянъ, на которомъ стоитъ деревня того же имени. Съ перевала спускъ въ вершину другой узкой долины, которая имѣетъ направленіе съ юго-востока на сѣверо-западъ. Обнаженія въ этой долинѣ состоятъ изъ известняковъ. По этой долинѣ нашъ караванъ шелъ почти два часа и вышелъ на широкую долину, по которой протекаетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ р. Чу-ню-цзянъ. Внизъ по рѣкѣ видно, что долина расширяется и рѣка течетъ между широко разступившимися горами; въ горахъ, сопровождающихъ Чу-ню-цзянъ справа, выше города видно ущелье, въ которое изливается въ Чу-ню-цзянъ какой-то притокъ. По этому ущелью идетъ дорога изъ Ли-сяня на сѣверъ въ г. Гунъ-чанъ-фу.

Черезъ рѣку перешли въ бродъ; теченіе тихое, глубина въ колѣно лоша ди дно песчаное; вода не очень мутная, но дна не видно. Вдоль плоскаго берега съ лѣвой стороны тянется яръ въ 1 саж. высоты; правый берегъ совершенно плоскій. Городъ лежитъ на правой сторонѣ рѣки въ 1 ли отъ переправы, и виденъ съ рѣки, но стѣны его скрываются въ рощахъ ивъ и тополей, насаженныхъ въ предмѣстьяхъ, окружающихъ городъ.

Въ Ли-сянѣ мы прожили до 6-го октября. Мы разсчитывали здѣсь найдти ожидающаго насъ М. М. Березовскаго; по нашему разсчету, онъ долженъ былъ выѣхать сюда изъ Си-гу. Однако его здѣсь не оказалось. Чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ не проѣхалъ другой дорогой въ городъ Хой-сянь, гдѣ онъ зимовалъ въ 1884—1885 году, мы послали ламу Сэрэна по дорогѣ въ Минъ-чжоу на развѣдки. Сэрэнъ проѣхалъ до деревни Ма-ву, въ 100 ли отъ Лисяня, и вернулся съ извѣстіемъ, что придорожные жители не слыхали ни о какомъ европейцѣ путешественникѣ.

Окрестности Ли-сяня, какъ и Си-хо, были опустошены во время мукульманскаго возстанія; только самый городъ уцѣлѣлъ, всѣ же окрестныя селенія были разворены и до сихъ поръ мало поправились. И здѣсь также встрѣчаются цзай-цзы на горныхъ вершинахъ, въ которыхъ жители запирались во время нашествія.

Отъ Ли-сяня до Нинъ-юань-сяня, ближайшаго къ нему города на р. Вэй-хо, будетъ около 70 верстъ. Мы прошли ихъ въ три дня, сдѣлавъ въ первый день верстъ 28 до деревни Му-шу-гуань, во второй 25 верстъ до деревни Сы-мынъ-цзей и въ третій верстъ восемнадцать до рѣки Вэй-хо. Деревня Сы-мынъ-цзей лежитъ уже на притокѣ рѣки Вэй-хо; водораздѣлъ между Голубой и Желтой рѣками лежитъ около деревни Му-шу-гуань.

Digitized by Google

Дорога изъ долины Чу-ню-цзяна входитъ въ щеки, которыя видны изъ Ли-сяня къ сѣверу отъ него въ горахъ праваго берега Чу-ню-цзяна, и о которыхъ мы уже сказали выше. Эти щеки оказались входомъ въ долину до $^3/_4$ версты шириной, по дну которой течетъ горная рѣчка до 3—5 саж. шириной; вода въ рѣчкѣ свѣтлая. Горы долины сложены изъ глинистыхъ сланцевъ чернаго и зеленоватаго цвѣтовъ. Верстахъ въ 10 отъ Ли-сяня рѣка принимаетъ справа, т. е. съ запада небольшой притокъ, который намъ назвали Пы-сы-вей. По долинѣ этого притока ѣздилъ лама Сэрэнъ въ деревню Ма-ву. Поднявшись по ней около 20 ли, Сэрэнъ перевалилъ въ долину какой-то рѣки, на которой стоитъ деревня Чжу-тянь-цзы; отъ Ли-сяня до этой деревни считаютъ 70 ли; въ 30 ли ниже на той же рѣкѣ стоитъ деревня Ма-ву. Куда впадаетъ рѣка, Сэрэнъ не распросилъ; вѣроятно это одинъ изъ притоковъ верхняго Вэй-хо. У деревни Ма-ву дорога отклоняется отъ рѣки на западъ и идетъ черезъ деревню Са-чжи-коу (30 ли отъ Ма-ву) и Со-ло-коу (30 ли отъ Са-чжи-коу).

Выше устья рѣки Пы-сы-вей у деревни Най-ченъ (Ней-ченъ; въ 30 ли отъ Ли-сяня) долина, по которой идетъ дорога въ Му-шу-гуань, расширяется до 2 верстъ въ ширину; деревня Най-ченъ растянулась поперегъ ея на версту; выше Най-чена долина опять съуживается. У деревни Фу-цзѣ-пинъ (въ 15 ли отъ Му-шу-гуаня) долина распадается на двѣ вѣтви; дорога идетъ по гривѣ, раздѣляющей эти вѣтви и поднимается на перевалъ, съ котораго открывается видъ назадъ, т. е. на югъ, на страну, покрытую плоскими хребтами. Тутъ видно много участковъ, не захваченныхъ человѣческой культурой; на сѣверныхъ склонахъ горъ есть мелкій лѣсъ. На перевалѣ дорога идетъ по отложеніямъ лёсса; со вступленіемъ на лёссъ стали обильно попадаться мертвые дождевые черви. Это явленіе было замѣчено мною и ранѣе.

За переваломъ дорога пересѣкаетъ вершину долины съ болотистой рѣчкой, которая течетъ на востокъ и поднимается на новый перевалъ, съ котораго спускается въ другую плоскую долину; на днѣ этой долины, въ полуверстѣ отъ перевала, находится деревня Чинъ-чжа-мынъ (Шинъ-чжа-мыръ). Отъ перевала до этой деревни долина пряма, такъ что деревню видно съ перевала. Ниже долина поворачиваетъ направо, т. е. на востокъ. Немного ниже этого поворота дорога оставляетъ эту долину и направляется въ побочную долину, гдѣ, менѣе чѣмъ въ полуверстѣ отъ свертка, находится деревня Му-шу-гуань.

На русской картѣ, которую мы имѣли при себѣ, Му-шу-гуань означена одинаковымъ кружкомъ, какъ города Ли-сянь и Си-хо; поэтому мы разсчитывали встрѣтить здѣсь городъ, обнесенный стѣной, съ торговой улицей внутри. Наши ожиданія не оправдались; въ дѣйствительности Му-шу-гуань небольшая горная деревушка изъ полутора десятка разбросанныхъ въ безпорядкѣ бѣдныхъ крестьянскихъ дворовъ; дяна тутъ нѣтъ; муловъ пришлось разоставить по тремъ дворамъ, а сами мы помѣстились въ крестьянскихъ фанзахъ, вытѣснивъ изъ нихъ хозяевъ. Фанза, которую занялъ А. И. Скасси, отъ нашей была въ 50 саженяхъ. Конечно занятыя нами фанзы были самыя лучшія въ деревнѣ, но обѣ онѣ были убогія; бо-

Digitized by Google

лѣе примитивную обстановку жилья мы развѣ только разъ встрѣтили—это на перевалѣ Па-па-гынъ между г. Хо-чжеу и Саларской землей. Въ той фанзѣ, которая досталась мнѣ съ женой, огромная оконная рама была совершенно ободрана и въ полое окно дулъ холодный вѣтеръ. Входъ въ помѣщеніе всегда въ китайскихъ домахъ бываетъ единственный прямо со двора, а въ Му-шу-гуани онъ былъ даже прямо съ улицы; онъ былъ такъ широкъ, какъ ворота, и въ него могла проѣхать большая телега; запирался онъ двумя створками, сплетенными изъ прутьевъ и для тепла оштукатуренъ былъ коровьимъ навозомъ. Къ нашему счастью, эта штукатурная работа была уже не нова и успѣла уже живописно обкрошиться. Какъ будто для того, чтобъ напомнить намъ о европейскихъ гостинницахъ, къ одной изъ этихъ створокъ былъ подвѣшенъ колокольчикъ, чего въ другихъ мѣстахъ Китая мы нигдѣ не встрѣчали.

Впрочемъ эти картины комфорта китайскихъ крестьянъ въ нашемъ обществѣ подавали поводъ только къ добродушнымъ остротамъ; мы отнюдь не отдаемъ предпочтенія китайскому городу передъ китайской деревней. Отсутствіе комфорта въ городскомъ дянѣ немногимъ развѣ менѣе, чѣмъ въ деревенскомъ, но въ деревнѣ нѣтъ праздно глазѣющей толпы и кромѣ того крестьяне смотрятъ на иностраннаго путешественника съ дѣтскимъ любопытствомъ и смиреніемъ, тогда какъ горожанинъ съ чувствомъ своего превосходства.

Бѣдный Му-шу-гуань важенъ тѣмъ, что около него находится водораздѣлъ между Голубой и Желтой рѣками; именно онъ лежитъ между Фу-цзѣ-пиномъ и Шинъ-чжа-мыномъ. Въ виду такой важности этой мѣстности, мы занесли сюда всѣ подробности объ ней изъ своего чернового дневника.

Изъ Му-шу-гуаня дорога поднимается по той долинѣ, въ которой стоитъ деревня и верстахъ въ четырехъ отъ нея выходитъ на перевалъ, который обставленъ высотами столь одинаковой высоты, что ни въ которую сторону большого вида не открывается. На южной сторонѣ перевала отъ самаго Му-шу-гуаня мы встрѣчали много фазановъ съ выводками. На сѣверной сторонѣ спускъ въ долину, скаты которой густо покрыты травой; на сѣверныхъ склонахъ горъ и здѣсь виденъ мелкій лѣсъ. По долинѣ, въ которую спускается дорога съ перевала, она доходитъ до деревни Сы-мынъ-цзѣй. Мы насчитываемъ по ходу своихъ часовъ отъ Му-шу-гуаня до этой деревни 28 верстъ, китайцы же считаютъ 65 ли (32 версты). Обнаженія въ долинѣ состоятъ изъ известняковъ[1]); рѣчка, текущая въ долинѣ, у Сы-мынъ-цзѣй имѣетъ до 3 саж. ширины и глубиной въ полколѣна лошади; долина около Сы-мынъ-цзѣй расширяется до 1 версты; горы такъ понижаются, что надъ дномъ долины не поднимаются выше 300—400 футовъ; обнаженій здѣсь уже не видно, всюду мягкіе скаты, изрѣзанные пашнями. На правомъ боку долины залегаетъ лёссъ, на лѣвомъ почва съ темнокрасноватымъ оттѣнкомъ.

У дер. Сы-мынъ-цзѣй съ запада въ рѣку, по которой мы спустились, впа-

[1]) М. М. Березовскій видѣлъ выходы гранита на главномъ перевалѣ по дорогѣ изъ Ли-сяня въ дер. Ма-у (куда ѣздилъ изъ Ли-сяня же нашъ лама Сэрэнъ).

Digitized by Google

даетъ значительный притокъ; соединенное теченіе ниже деревни уклоняется на сѣверо-востокъ отъ направленія дороги, а послѣдняя отъ д. Сы-мынъ-цзѣй идетъ на сѣверо-западъ, медленно поднимаясь по горному скату къ возвышенностямъ, около которыхъ берутъ начало три оврага или долины; одинъ изъ враговъ направляется на юго-западъ и служитъ стокомъ водъ въ ту рѣку, которая у дер. Сы-мынъ-цзѣй впадаетъ съ запада, другой идетъ на сѣверо-востокъ, наконецъ третій на сѣверо-западъ. Мы спустились въ этотъ послѣдній и по нему вышли въ долину Вэй-хо, въ 4½ верстахъ ниже города Нинъ-юань-ченъ, который расположенъ при подошвѣ горъ южной окраины долины, имѣющей здѣсь до 2—3 верстъ ширины.

Отъ Нинъ-юань-сяня нашъ путь шелъ по дорогѣ, уже пройденной двуми европейскими экспедиціями: русской подъ начальствомъ г. Сосновскаго въ 1875 г. и австрійской графа Сэчэни въ 1880 году. Такъ какъ А. И. Скасси въ это время страдалъ лихорадкой, то онъ прекратилъ съемку и отъ Нинъ-юань-сяня до Ланьчжоу на его маршрутной картѣ пробѣлъ, но это пространство было уже снято двумя сейчасъ названными экспедиціями. Въ Нинъ-юань-сянѣ однако былъ имъ опредѣленъ астрономическій пунктъ.

Слѣдующій городъ въ долинѣ Вэйхо на нашей дорогѣ былъ Гунъ-чанъ-фу. Прежде это былъ многолюдный городъ; нашъ караванъ шелъ мимо одного бока его стѣны въ продолженіи ¼ часа, что даетъ ему около версты протяженія. Теперь, однако, въ немъ и половины нѣтъ населенія противъ прежняго; городъ былъ раззоренъ во время возстанія и до сей поры не поправился.

Въ городѣ, какъ намъ передавали, есть одна достопримѣчательность. Это кумирня Ванъ-шіу-сы. Былъ въ Гунъ-чанъ-фу нѣкто Чи-янъ-чжа; у него былъ быкъ съ двумя хвостами, на которомъ онъ могъ въ одинъ часъ изъ Гунъ-чанъ-фу прибыть въ Пекинъ. Онъ возъимѣлъ намѣреніе сѣсть на пекинскій престолъ и началъ строить чжунъ-линъ (дворецъ); на балку потолка сѣла бѣлая собака. Чи-янъ-чжа выстрѣлилъ въ нее; собака оказалась бѣлымъ облакомъ, а стрѣла угодила въ хвосты быка и отстрѣлила ихъ. Съ этой потерей быкъ утратилъ свою способность быстро бѣгать; а вмѣстѣ и хозяинъ его потерялъ надежду восторжествовать надъ китайскимъ императоромъ. Пришли въ Гунъ-чанъ-фу императорскія войска и когда императоръ спросилъ у Чи-янъ-чжа, что за зданіе онъ строитъ, тотъ отвѣчалъ: Ванъ-шіу-сы, «царю священную кумирню», въ которой онъ будто-бы хочетъ поставить глиняную статую изъ глины. Вотъ происхожденіе кумирни Ванъ-шіу-сы.

Отъ Гунъ-чанъ-фу до гор. Вэй-сяня считается 90 ли. Вэй-сянь стоитъ не на Вэй-хо, а на его притокѣ; дорога идетъ все время по дну долины Вэй-хо. Отъ Гунъ-чанъ-фу горы становятся плоше, верхушки ихъ какъ бы срѣзаны, что указываетъ, что здѣшнія долины не болѣе какъ рытвины, прорытыя въ плато. Побочныя долины становятся широкими. Около дер. Шуй-янъ-ченъ главная долина расширяется до 5 верстъ. На правой сторонѣ долины мѣстами выступаютъ горизонтально напластованные песчаники: на лѣвой лёссовая терраса, шириной въ 2

Digitized by Google

или болѣе версты; къ рѣкѣ она обрѣзана обрывомъ въ 5—6 саж. высоты; она прорыта поперечными оврагами, въ которыхъ текутъ свѣтлыя рѣчки. Терраса на западѣ примыкаетъ къ тупозаостреннымъ горамъ изъ сплошнаго лёсса.

Горные скаты покрыты пашнями, расположенными террасами; на днѣ долины пашенъ мало, потому что тутъ почва солонцеватая. Встрѣчаются галофиты (Serratula sp.); много Peganum Harmala (?). Жители между прочимъ занимаются добываніемъ соли. Мѣстность по характеру напоминаетъ верхнюю часть долины Хуто-хэ къ з. отъ У-тай-шаня (см. выше стр. 26). И населеніе здѣсь, также какъ и тамъ, не богатое. Фанзы такія низенькія, что стоя на улицѣ, достаешь рукой крышу. Топятъ полынью и соломой; топливо такъ берегутъ, что полынь не кладутъ подъ котломъ ворохомъ, а держатъ пучекъ ея въ рукѣ, пока другой конецъ его сгораетъ. Крестьяне здѣшніе одѣваются въ льняное платье; ткань ткутъ сами крестьянки. Фруктовыхъ деревьевъ около Вэй-сяня нѣтъ; въ деревняхъ сѣютъ: рѣдьку, морковь, рѣпу, картофель, макъ, гаолянъ и голый овесъ. Особенно хорошъ и крупенъ здѣшній картофель.

Около дер. Шуй-янъ-ченъ находятся развалины какого-то древняго города; уже до мусульманскаго возстанія стоявшаго пустымъ. Стѣны его хорошо сохранились величиной онъ будетъ съ тотъ городъ Боро-балгасунъ, развалины котораго находятся въ южномъ Ордосѣ (см. выше стр. 80). По этимъ развалинамъ и деревня получила свое названіе; никакихъ преданій мѣстные крестьяне не могли намъ сообщить, кромѣ того, что китайскій императоръ построилъ его такъ скоро, что не успѣла баранина свариться въ котлѣ, какъ городъ былъ готовъ. Къ сѣверу отъ развалинъ Шуй-янъ-чена къ з. отъ дороги, среди пахотныхъ полей, находятся четыре древнихъ насыпи изъ лёсса; подошва ихъ сильно срѣзана сохой, такъ что бока у всѣхъ нихъ отвѣсные. Объ этихъ насыпяхъ, которыя по-китайски назыв. хунъ-лянъ, передается такое же преданіе, какое существуетъ въ Сань-чуани о подобныхъ же курганахъ (тому-лукахъ) близь развалинъ Кара-бадзыръ. Жители Шуй-янъ-чена, ожидая осады, насыпали эти холмы изъ глины, чтобы непріятель принялъ ихъ за хлѣбные зароды и подумавъ, что у осажденныхъ много запасовъ и осада можетъ затянуться, отказался бы отъ намѣренія осаждать городъ.

Другой старый городъ Ванъ-чо-пу находится къ западу отъ Вэй-сяня. Городская стѣна тянется по обрыву террасы, которая въ верхнемъ горизонтѣ состоитъ изъ лёсса, въ нижнемъ изъ красныхъ пластовъ. Около Ванъ-чо-пу также есть нѣсколько хунъ-ляновъ. Наконецъ еще западнѣе, близь деревни Чинъ-пинъ (въ 30—40 ли отъ Вэй-сяня, за переваломъ черезъ хребетъ Лу-гу-сянь) находятся пустыя стѣны третьяго стараго города.

Отъ Вэй-сяня до Ди-дао считается 110 ли. На этомъ пространствѣ дорога пересѣкаетъ хребетъ Лу-гу-сань; подъемъ на перевалъ начинается отъ деревни Шу-юань-хо, лежащей не вдалекѣ на западъ отъ Вэй-сяня. Перевалъ удобный, дорога черезъ него колесная; горы мягкія. На перевалѣ много кустарнику, особенно облѣпихи, но лѣсъ состоитъ изъ одной осины; тутъ еще цвѣли Scabiosa Fischeri Dec., Thymus Serpillum L., Serratula sp., но это уже были послѣдніе

Digitized by Google

цвѣты; остальное все отцвѣло. Подъ сѣвернымъ склономъ перевала лежитъ дер. Чинъ-пинъ; ниже ея мы замѣтили пласты сѣраго песчанника съ паденіемъ на NE 50 подъ угломъ 8°.

Ди-дао лежитъ въ долинѣ рѣки Тао-хэ. На картѣ г. Большева поставлено два отдѣльныхъ пункта: городъ Дидао и деревня Лингъ-тао; это, кажется, ошибка. Это одинъ и тотъ же городъ. Жители верхняго Тао-хэ, которые живутъ около города Минъ-чжоу, зовутъ городъ именемъ Ди-дао; жителямъ низовьевъ Тао-хэ онъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ Лингъ-тао. Въ древности же, какъ мнѣ передавалъ одинъ мѣстный житель, Ди-дао назывался Та-янъ-ху.

Ни одинъ городъ не произвелъ на насъ такого тоскливаго впечатлѣнія, какъ Ди-дао. Окрестности его пустынны; долина совершенно безлѣсна и не оживлена рощами деревень; городъ не имѣетъ внѣстѣнныхъ предмѣстій; прежде было около него большое предмѣстье, но городъ такъ старъ, что и предмѣстье его успѣли обнести высокой стѣной, такъ что съ дороги ничего не видно, кромѣ длинной зубчатой стѣны. Пока мы подъѣзжали къ городу, въ теченіи получаса не появилось ни одной живой души между нами и городской стѣной. Городъ былъ раззоренъ во время возстанія и теперь въ немъ только отстроились двѣ улицы; одна, идущая отъ западныхъ воротъ къ восточнымъ, другая отъ южныхъ къ сѣвернымъ. Эти двѣ улицы дѣлятъ площадь города на четыре квадрата, которые состоятъ изъ сплошныхъ развалинъ и пустырей. Предмѣстья города также одни пустыри.

Крестьяне окрестностей Ди-дао ходятъ вверхъ по Желтой рѣкѣ на заработки; они нанимаются ткать у тамошнихъ жителей и съ этой цѣлью заходятъ даже къ кочевымъ тангутамъ въ окрестности озера Хуху-нора. Они носятъ при этомъ съ собой разобранные ткацкіе станки, а также распродаютъ колобы сухихъ дрожжей (смѣсь муки съ чѣмъ-то), употребляемые для закваски при печеніи хлѣба и винокуреніи.

Дорога изъ Ди-дао въ Ланъ-чжоу-фу до деревни Са-ли-дянь идетъ по долинѣ Тао-хэ, которая здѣсь имѣетъ до 5 верстъ ширины и залегаетъ между горами, въ нижнихъ горизонтахъ сложенныхъ изъ конгломератовъ, а въ верхнихъ изъ лёсса образующаго толщи въ нѣсколько десятковъ саженъ толщиной. Конгломераты не окрашены окисью желѣза; цементъ сѣрый и облегаетъ гальку толстымъ слоемъ. Дно долины состоитъ изъ двухъ террасъ, верхней въ $3^1/_2$ версты и нижней въ $1^1/_2$ версты шириной. Обѣ террасы состоятъ изъ намывнаго лёсса, и только у верхней террасы при основаніи обнаруживаются подстилающіе слои наноса сѣраго цвѣта, вѣроятно состоящаго изъ смѣси гальки и лёсса.

У деревни Са-ли-дянь долина становится еще шире; тутъ дорога оставляетъ её и идетъ черезъ деревни Ванъ-хунъ-чжа, Шенъ-на-бе и Янъ-го-сянь, и переваливъ черезъ лёссовыя горы, достигаетъ Ланъ-чжоу-фу.

Около Ди-дао начинаютъ попадаться кусты дэрису (Lasiagrostis splendens Kunth.), но мало; къ сѣверу этотъ злакъ становится обильнѣе, особенно на лёссовыхъ горахъ къ сѣверу отъ деревни Са-ли-дянь. Тутъ также обильно попадается Peganum Harmala L. (?) и хармыкъ (Nitraria Schoberi L.); послѣдній, какъ и La-

Digitized by Google

siagrostis splendens, началъ попадаться еще въ долинѣ Тао-хэ (около деревни Ванъ-хунъ-чжа). Одинъ кустъ дэрисуна намъ встрѣтился и еще южнѣе, именно на южномъ склонѣ хребта Лу-гу-сань (между Ди-дао и Вэй-сянемъ). По словамъ нашего старика тангута Ами-салуна дэрисуна довольно много на плоскогорьѣ Ганьчжа-танъ къ сѣверу отъ монастыря Лабрана. Хребетъ Лу-гу-сань можно принять за экваторіальную границу этого характернаго для степей злака въ меридіанѣ Ланъ-чжоу-фу.

20-го октября мы вошли въ Лань-чжоу. Дорога вплоть до города идетъ между горами, спускаясь по дну оврага; изъ оврага караванъ прямо вступилъ въ городъ или, правильнѣе, въ предмѣстье, которое облегаетъ городъ со всѣхъ сторонъ сплошной каймой. Оставивъ зубчатыя стѣны центральнаго города въ лѣвой рукѣ, мы частью по улицамъ предмѣстья, частью по тропинкамъ между огородами, прошли изъ южнаго предмѣстья въ восточное, въ которомъ находится католическая миссія. А. И. Скасси по прежнему нашелъ пріютъ въ католической миссіи, гдѣ въ это время хозяиномъ былъ г. Деместръ (г. Фанъ-Ретъ перенесъ свою резиденцію въ селеніе Синъ-ченъ, къ западу отъ Лань-чжоу), я съ женой помѣстился въ томъ же домѣ, въ которомъ мы жили осенью 1884 г. М. М. Березовскій уже около мѣсяца ждалъ насъ въ Лань-чжоу. Ждало насъ также и распоряженіе, присланное мѣстнымъ властямъ изъ Пекина, выдать намъ серебро изъ мѣстнаго казначейства. Послѣднее было большой радостью для насъ, потому что мы пришли въ Лань-чжоу, имѣя въ карманѣ не болѣе десяти ланъ, а намъ нужно было сейчасъ же разсчитаться съ тангутами, давно уже не получавшими жалованья, и отпустить ихъ домой; потомъ сами мы не хотѣли оставаться въ Лань-чжоу, а намѣрены были идти зимовать въ Гумбумъ; наконецъ М. М. Березовскій выѣхалъ сюда за тѣмъ только, чтобъ получить свою долю и уѣхать назадъ въ Си-гу.

Прежде чѣмъ оставить Ланъ-чжоу, мы рѣшили сдѣлать визитъ тзунъ-ду (намѣстнику), чтобы поблагодарить его за услуги, какими экспедиція въ пути по управляемой имъ провинціи Гань-су пользовалась со стороны мелкихъ административныхъ властей; мы думали, что отчасти мы обязаны были этимъ намѣстнику, который долженъ былъ получить объ насъ рекомендательныя письма отъ генерала Ли-хунъ-чжана. Попытка наша не увѣнчалась успѣхомъ.

Мы послали сначала нашего ламу Сэрэна узнать, когда намѣстникъ можетъ принять насъ. Сэрэнъ ужасно трусилъ, старался отклонить отъ себя это порученіе; дѣйствительно монаху было это не совсѣмъ удобно; ему приходилось преклоняться передъ чиновникомъ, который можетъ быть обойдется безъ уваженія къ его монашескому званію. Однако Сэрэнъ съѣздилъ и привезъ извѣстіе изъ дворца намѣстника, что мы можемъ отправиться во дворецъ на слѣдующій день въ 11 часовъ утра. Въ назначенный часъ трое насъ, А. И. Скасси, М. М. Березовскій и я, были у воротъ дворца. Насъ провели въ пріемную и сказали, что доложатъ. Потомъ пришли и сказали, что зала, въ которой будетъ происходить ауедіенція при полномъ составѣ ямына, не убрана, что ее приводятъ въ порядокъ и просятъ подождать; еще спустя нѣкоторое время становившуюся уже для насъ томительною проволочку окружавшіе

Digitized by Google

насъ чиновники объясняли тѣмъ, что еще не съѣхались мандарины. Дѣйствительно вскорѣ послышались въ городѣ въ разныхъ мѣстахъ пушечные выстрѣлы и трескъ петардъ, возвѣщавшіе о выѣздѣ мандариновъ изъ своихъ квартиръ, и вслѣдъ за тѣмъ во дворѣ были замѣтны усиленное движеніе, шумъ и суета. На дальнѣйшія наши просьбы доложить намѣстнику, что мы ждемъ позволенія видѣть его, намъ вдругъ объяснили, что если мы пріѣхали во дворецъ для полученія нашего серебра, то мы ошиблись; что за нимъ мы должны отправиться въ казначейство. А когда мы, не знаю, ужъ въ который разъ, объяснили, что мы пріѣхали не съ какой нибудь просьбой, а имѣемъ цѣлью только, разставаясь съ провинціей, исполнить долгъ вѣжливости къ ея управителю, поблагодарить его и проститься съ нимъ, намъ опять отвѣтили, что намъ нужно немного обождать—намѣстникъ занятъ дѣлами и слушаетъ доклады съѣхавшихся мандариновъ. Потомъ намъ сказали, что намѣстникъ сѣлъ обѣдать, немного погодя, что онъ, пообѣдавъ, легъ отдыхать. Такъ насъ продержали цѣлый часъ даромъ. Нужно было большое терпѣніе, чтобъ не выйдти изъ границъ приличія. Не знаю, за что мы не удостоились пріема намѣстника, того самаго, который лѣтъ пять назадъ принималъ графа Сэчэни. А. Н. Скасси думалъ, что я сдѣлалъ ошибку, не сдѣлавъ визита намѣстнику осенью 1884 года, тотчасъ по прибытіи въ Лань-чжоу и что намѣстникъ былъ этимъ обиженъ. Сантанъ-джимба объяснялъ это неумѣньемъ ламы Сэрэна вести дѣла съ ямынами. Я скорѣе склоненъ думать, что какое-нибудь несоблюденіе этикета сдѣланное Сэрэномъ, выставило насъ передъ дворцомъ намѣстника въ неблагопріятномъ свѣтѣ.

Получивъ серебро, мы расплатились съ добрѣйшими нашими тангутами, Амисалуномъ, Лагу и Гендуномъ, подарили имъ мула подъ багажъ и распростились съ ними; они отправились на свою родину, въ Лабранъ. За тѣмъ часть серебра была передана М. М. Березовскому и онъ съ тѣмъ же Джинбо опять отправился въ Си-гу. Я же съ А. И. Скасси, захвативъ съ собой ящики съ коллекціями 1884 года, стоявшіе на храненіи у одного ланъ-чжоускаго купца, пошли на зимовку въ Гумбумъ, порѣшивъ до Сань-чуани идти вмѣстѣ, а изъ Сань-чуани разными дорогами. Я долженъ былъ идти черезъ города Гу-ша-и, Нянь-бо и Си-нинъ, т. е. по дорогѣ, по которой мы шли весной, а А. И. Скасси черезъ Саларскую землю, черезъ городъ Баянъ-жунъ и монастырь Шя-чунъ, чтобы дополнить пробѣлъ съемки по Желтой рѣкѣ между Сань-чуанью и Гуй-дуемъ.

5 октября я и А. И. Скасси выступили изъ Лань-чжоу, чтобы идти на зимовку, какъ было предположено, въ монастырь Гумбумъ. Мы пошли не по трактовой дорогѣ, а черезъ Сань-чуань, гдѣ мною были оставлены коллекціи 1884 года и куда съ Сантанъ-джимбой была отправлена изъ Сигу часть коллекцій 1885 года. А. И. Скасси уже разъ проѣхалъ изъ Лань-чжоу въ Сань-чуань, но по дорогѣ черезъ селеніе Синъ-ченъ, проходящей сѣвернѣе [1]); теперь же мы рѣшили идти по юж-

[1]) Выше Лань-чжоу и Синъ-чена на Желтой рѣкѣ есть деревни Ма-чжа-ванъ и Шань-сюань, въ которыхъ, какъ освѣдомился А. И. Скасси, живутъ тюрки (салары).

Digitized by Google

ной дорогѣ, чтобы увидѣть устья двухъ рѣкъ: Тао-хэ и Да-ся-хэ или по крайней мѣрѣ получить объ нихъ болѣе точныя свѣдѣнія.

Устье р. Тао-хэ находится близь дер. Ліу-чжа-ся (Лонъ-чжа-ся), которая лежитъ въ 130 ли отъ Ланъ-чжоу-фу. Дорога только первыя 40 ли идетъ по густо населенной, имѣющей до 7 верстъ ширины, долинѣ Хуанъ-хэ, а потомъ она проходитъ лёссовыми горами, то пересѣкая многочисленные овраги, то слѣдуя вдоль ихъ; деревни на этой части пути рѣдки. Устье р. Тао-хэ находится въ 5 ли отъ Ліу-чжа-ся, но водой до него считается болѣе; Хуанъ-хэ, принявъ Тао-хэ, течетъ на сѣверо-западъ до деревни Кунь-чжа-сы, отсюда до устья р. Ши-хо (Тэ-тунгъ-голъ) на сѣверо-востокъ и отъ этой послѣдней до Лань-чжоу на востокъ; около деревни Ліу-чжа-ся рѣка течетъ съ востока на западъ, т. е. противуположно общему своему направленію. Въ этомъ мѣстѣ, которое носитъ особое китайское названіе Юнъ-цзуй [1]), обѣ рѣки и Хуанъ-хэ и Тао-хэ текутъ въ тѣснинахъ; тутъ нѣтъ никакого селенія да и дороги туда нѣтъ подлѣ берега. Чтобы увидѣть точку соединенія рѣкъ, нужно изъ Ліу-чжа-ся подняться на высокую сосѣднюю гору, потомъ проѣхать нѣсколько по ровному пространству и опять подняться на другую гору; съ вершины послѣдней видно дно той части тѣснины Хуанъ-хэ, гдѣ въ нее изливается Тао-хэ. Мы отказались отъ подробнаго осмотра этой мѣстности и ограничились только тѣмъ, что А. И. Скасси съѣздилъ на упомянутую выше гору, съ которой и увидѣлъ устье рѣки Тао-хэ.

Ліу-чжа-ся есть собственно названіе тѣснины; ся по китайски тѣснина; по тѣснинѣ названа и деревня. Вырвавшись изъ тѣснины почти у самой деревни, Хуанъ-хэ сильно разливается. Выше Ліу-чжа-ся лежитъ другое расширеніе долины, но тѣснина Тао-хэ мѣшаетъ попасть туда по южному берегу Хуанъ-хэ. Поэтому, чтобы попасть туда, дорога у дер. Ліу-чжа-ся переходитъ съ праваго берега Хуанъ-хэ на лѣвый, или, какъ здѣсь приходится говорить, съ сѣвернаго на южный. Переправа совершается на паромѣ. Ниже дер. Ліу-чжа-ся въ 5 ли на лѣвомъ берегу Хуанъ-хэ къ западу отъ переправы есть буддійскій монастырь Лу-чжа-тунъ, который по тангутски называется Тэнчжугъ-раншюнъ. Тутъ есть нерукотворная статуя, къ которой издалека приходятъ богомольцы на поклоненіе. Намъ встрѣтился монголъ изъ ордосскаго хошуна Талатъ, который пѣшкомъ съ котомкой за плечами шелъ на поклоненіе этой святынѣ.

Расширеніе выше Ліу-чжа-ся называется Пей-та-чуань. Оно отдѣлено отъ расширенія, въ которомъ стоятъ деревня Ліу-чжа-ся и монастырь Лу-чжа-тунъ, лёссовымъ хребтомъ; къ этому хребту и со стороны Лу-чжа-туна и со стороны Пей-та-чуани прислонены высокія лёссовыя террасы. Со стороны Пей-та-чуани прилегаютъ двѣ террасы, одна верхняя, другая нижняя. Первая мало заселена и на ней очень мало видно деревьевъ; нижняя покрыта болѣе густымъ населеніемъ, и деревни окружены большими рощами цзаора. На этой нижней террасѣ находится маленькій буддійскій монастырь Пей-та-сы, по которому и окрестная мѣстность на-

[1]) На картѣ А. И. Скасси у соединенія на правомъ берегу Хуанъ-хэ гора Янъ-го-цюй.

Digitized by Google

зывается Пей-та-чуань. Въ этой обители мы нашли всего одного монаха, китайца, но одѣтаго монгольскимъ ламою. Вмѣсто обыкновеннаго храма, тутъ есть только субурганъ (башня), вокругъ котораго внизу пристроены помѣщенія для статуй: внутри субургана противъ входа находится изображеніе Гуань-инъ-пусы, сидящей въ скалѣ.

Долина Пей-та-чуань есть главный производитель цзаора (жужубовъ) для здѣшней страны; въ Сань-чуани, лежащей западнѣе, цзаора уже нѣтъ, а въ окрестностяхъ Лань-чжоу поля заняты другими растеніями: табакомъ и хлопчатой бумагой. Хлѣба были уже сняты; отъ Ди-дао мы уже не встрѣчали на поляхъ ничего, кромѣ табаку, который еще оставался не убраннымъ. Табакъ самый главный продуктъ окрестностей Лань-чжоу; отсюда онъ отправляется въ южныя провинціи. Около Лань-чжоу воздѣлывается также хлопчатая бумага; вверхъ по долинѣ Хуанъ-хэ культура ея не поднимается выше городка Синъ-ченъ, въ 70 ли отъ Лань-чжоу; внизъ она распространена до города Цзинь-юаня и можетъ быть ниже.

Ночлегъ свой въ долинѣ Пей-та-чуань мы имѣли въ деревнѣ Хо-чжа-пу, въ 40 ли отъ дер. Ліу-чжа-ся и въ 10 отъ дер. Лянъ-хуа-хо. У послѣдней деревни вливается въ Хуанъ-хэ рѣка Да-ся-хэ [1]), въ вершинахъ которой стоитъ монастырь Лабранъ. Слѣдовательно устье этой рѣки отъ устья Тао-хэ отстоитъ всего только въ 50 ли (25 вер.). А. И. Скасси доѣзжалъ до устья Да-ся-хо и даже дальше, до выхода р. Хуанъ-хэ изъ тѣснины, до дер. Пханъ-чжа, и видѣлъ тутъ двѣ рѣки, впадающія въ Хуанъ-хэ въ разстояніи 6 верстъ одна отъ другой; изъ нихъ нижняя есть Да-ся-хэ; названіе верхней, впадающей у деревни Пханъ-чжа, осталось неизвѣстнымъ. Я увидѣлъ Лянъ-хуа-хо съ горъ, лежащихъ къ сѣверу отъ дер. Хо-чжа-пу, на которыя караванъ долженъ былъ взбираться, потому что выше Хо-чжа-пу Хуанъ-хэ опять течетъ въ тѣснинѣ. Послѣднюю саньчуаньцы называютъ Сомбрани-ся, т. е. сомбрской тѣсниной по мѣстности Сомбра, лежащей у верхняго конца ея.

Поднявшись на горы, дорога приводитъ въ деревню Сунъ-чжа-чыръ (Сяо-лиръ), которая уже лежитъ на главномъ трактѣ, идущемъ изъ Сань-чуани въ Ланъ-чжо-фу черезъ деревню Кунъ-чжа-сы, и по которому обыкновенно изъ Сань-чуани проходятъ въ Лань-чжоу караваны на мулахъ съ масломъ изъ кэйзы (сурѣпицы). По ней же прошелъ и А. И. Скасси весной 1885 года.

Дер. Сунъ-чжа-чыръ населена широнголъ-монголами мусульманами, переселившимися сюда изъ мѣстности Тунъ-сянъ (лежащей къ св. отъ Хо-чжоу) не болѣе какъ лѣтъ 13—15 назадъ.

Отъ Сунъ-чжа-чыра остается одинъ переходъ до дер. Патула, которая называется по горѣ того же имени (Шата-ула), у китайцевъ извѣстной подъ именемъ Ба-тай-шань. Деревня Патула населена широнголъ-монголами ламайскаго исповѣданія; отсюда начинается территорія саньчуаньскихъ широнголъ-монголовъ. Мы пріѣхали въ эту деревню 10 ноября вечеромъ, уже когда наступила ночная темнота.

[1]) Да-ся-хо по китайски «рѣка большой тѣснины».

Digitized by Google

Мы очутились тутъ какъ бы дома; и наши рабочіе были рады, и мѣстные жители встрѣтили насъ, какъ старыхъ знакомыхъ. Деревня Патула стоитъ очень высоко надъ дномъ долины Хуанъ-хэ, т. е. надъ Саньчуанью. Плоская вершина горы Патула, едва выдѣляющаяся изъ поверхности остального плато, считается саньчуаньцами самой высокой точкой къ св. отъ Сань-чуани. На дно долины Сань-чуань дорога изъ дер. Патула спускается по глубокому оврагу съ круто падающимъ дномъ между отвѣсными конгломератовыми скалами. Спускъ приводитъ къ нижнему концу Саньчуаньской котловины, гдѣ въ нее открывается долина рѣчки Сомбра.

Въ тѣснинѣ Желтой рѣки ниже Сомбры, есть двѣ замѣчательныя мѣстности—одна слѣды, оставшіеся на камняхъ отъ сидѣнья Лу-бянъ-шена, другая—развалины монастыря Пи-линъ-сы или Шянба-бумлынъ. Скалистыя горы, образующія тѣсниву, въ серединѣ ея, въ меридіанѣ дер. Сунъ-чжа-чыръ, на южномъ берегу смѣняются мягкими горами; противъ этого мѣста на сѣверномъ берегу находится Пи-линъ-сы, слѣды же Лу-бянъ-шена находятся выше этого мѣста въ настоящей тѣснинѣ.

Именемъ Пи-линъ-сы или Шянба-бумлынъ назывался значительный и вѣроятно богатый монастырь, находившійся въ нижнемъ концѣ одного изъ многочисленныхъ враговъ, которые здѣсь прорѣзываютъ скалистыя горы на сѣверномъ берегу Хуанъ-хэ. Попасть изъ Саньчуани въ Пи-линъ-сы можно или черезъ Сунъ-чжа-чыръ или черезъ деревни Менъ-цзу-гу, Ханъ-чжа-шенъ и Та-ла-пинъ, лежащія ближе къ тѣснинѣ. Послѣдній путь лучше. Отъ Сунъ-чжа-чыра до Пи-линъ-сы всего 10 ли. Половину изъ нихъ проѣзжаешь по плато, на которомъ стоитъ Сунъ-чжа-чыръ, потомъ головоломный спускъ въ оврагъ, на днѣ котораго находится Пи-линъ-сы. Простой мулъ спускается неохотно, а съ вьюкомъ, хотя бы и небольшимъ, спуститься тутъ совсѣмъ невозможно. Въ одномъ мѣстѣ приходится идти по балкончику, который теперь, съ паденіемъ монастыря, плохо поддерживается. Черезъ дер. Менъ-цзу-гу можно проѣхать съ небольшимъ вьюкомъ, но эта дорога очень гориста; приходится пересѣкать четыре глубокихъ скалистыхъ долины или оврага. Эти овраги не идутъ глубоко въ страну, не болѣе 2 верстъ длиной каждое, и потому верхняя дорога изъ Сань-чуани въ Пи-линъ-сы черезъ Сунъ-чжа-чыръ далеко менѣе гориста.

Вся страна отъ Лань-чжоу до Сань-чуани покрыта отложеніями конгломератовъ, которые напластованы горизонтально. Другія породы встрѣчаются рѣдко; на переходѣ отъ Лань-чжоу-фу до Сань-чуани, мы встрѣтили ихъ только въ двухъ мѣстахъ: гранитъ между деревнями Ліу-чжа-ся и Та-ши-пу-ло (Таши-булакъ?; послѣдняя лежитъ въ 30 ли на востокъ отъ первой) и гнейсъ около дер. Та-ла-пинъ, лежащей въ нѣсколькихъ ли къ западу отъ Пи-линъ-сы. Къ в. отъ Ліу-чжа-ся конгломераты образуютъ только пластъ въ 1 саж. толщиной, подстилающій лёссъ и покрывающій мощный слой краснаго, содержащаго гипсъ, песчаника; этотъ пластъ конгломерата часто торчитъ горизонтальными выступами надъ выкрошившимися впадинами въ песчаникѣ; картина, часто наблюдаемая въ горахъ между Лань-чжоу-фу и Цзинь-юанемъ. Въ мѣстностяхъ же Пи-линъ-сы и Сомбра конгломераты образуютъ скалы въ нѣсколько десятковъ саженъ; сверху эти конгломераты покрыты лёс-

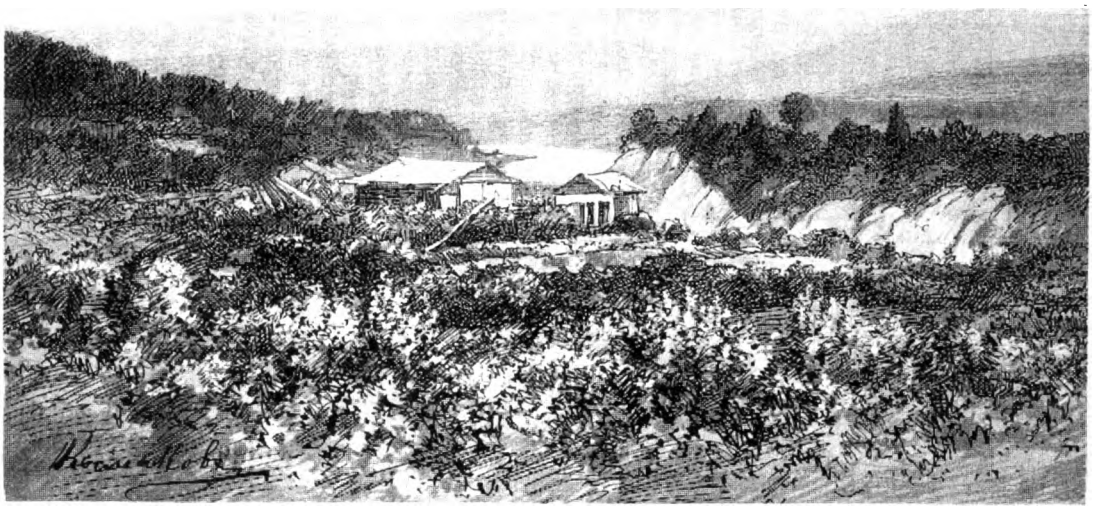
Digitized by Google

сомъ, на которомъ расположены деревни. Населеніе этихъ деревень: Патула, Менъцзу-гу и др. страдаетъ отъ недостатка воды, за которой для себя и скота приходится спускаться низко до нижняго горизонта лёсса; пашни не имѣютъ полива, фруктовыхъ садовъ на этомъ плато нѣтъ, хлѣбъ пекутъ изъ гречихи въ видѣ лепешекъ. Кажется, за то здѣсь развито овцеводство.

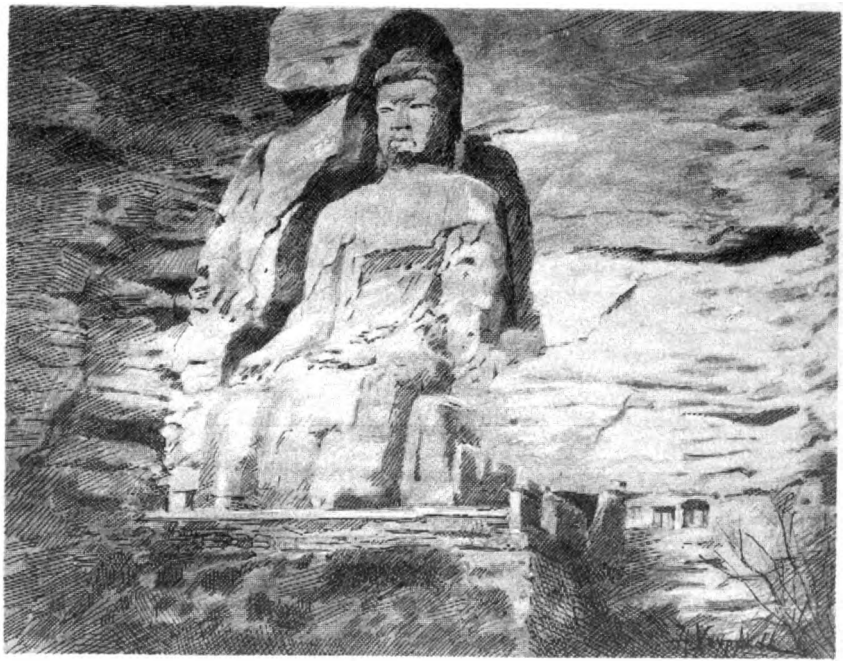
Въ Пи-линъ-сы этотъ конгломератъ имѣетъ особенность. Онъ лежитъ перемежающимися пластами; одни пласты изъ болѣе твердой породы, другіе скорѣе вывѣтривающіеся; въ послѣднихъ образуются ниши; вслѣдствіе этого отвѣсная поверхность скалы покрывается темными отверзстіями, располагающимися горизонтальными рядами; иногда эти ниши болѣе или менѣе выравниваются и въ вертикальномъ направленіи и тогда скала напоминаетъ большое зданіе или городскую стѣну съ бойницами въ нѣсколько рядовъ. Очертанія скалъ странны и разнообразны; однѣ массивны, и когда оканчиваются группой заостренныхъ вершинъ, похожи на соборы; другія тонкія и высокія, точно колокольни или башни. Это сходство не рѣдко усиливается тѣмъ, что на такой башнеподобной скалѣ различаешь иногда нѣсколько граней, выдержанныхъ отъ основанія до вершины, такъ что башня представляется пяти или шестигранною. Овраги или промоины между скалами такъ узки, что если ихъ нельзя сравнивать съ коридорами въ зданіяхъ, то безъ преувеличенія можно сравнивать съ узкими, оставшимися отъ среднихъ вѣковъ улицами старинныхъ городовъ Европы. При самомъ выходѣ изъ ущелья къ берегу Желтой рѣки по бокамъ его стоятъ двѣ отторженныя скалы, точно два обелиска. Этотъ фантастическій видъ ущелья естественно долженъ былъ навести набожныхъ жителей страны на мысль устроить тутъ монастырь. Тутъ было два монастырскихъ селенія, одно выше другого; въ обоихъ вмѣстѣ насчитывалось до 500 монаховъ. Не мало и человѣкъ прибавилъ къ картинности этого мѣста, чему удивляешься даже и теперь, когда монастырь весь лежитъ въ развалинахъ.

Многія изъ естественныхъ углубленій въ скалѣ раздѣланы человѣческой рукой; нѣкоторыя можетъ быть и всецѣло высѣчены человѣкомъ; эти искуственно улучшенныя ниши легко узнаются по ихъ квадратнымъ или четвероугольнымъ отверзстіямъ. Онѣ сосредоточены исключительно въ нижнемъ концѣ ущелья на его правомъ боку, который представляетъ совершенно отвѣсную скалу. Однѣ изъ нихъ находятся у нижняго края утеса, надъ террасой, которая тянется вдоль его и прикрываетъ основаніе утеса; другія протянулись въ два ряда на значительной высотѣ; къ нимъ повидимому поднимались по лѣстницамъ, а между собой онѣ сообщались балконами; какъ свидѣтельство существованія послѣднихъ, подъ нишами были видны ряды мелкихъ углубленій для укрѣпленія балокъ, на которыхъ висѣли балконы. Мы могли осмотрѣть только ниши нижняго этажа. Большая часть изъ нихъ стоятъ пустыя, но въ нѣкоторыхъ есть статуи, изсѣченныя изъ той же скалы; это не полустатуи, а фигуры, стоящія на разстояніи отъ стѣны; отсюда видно, что монахи искусственно расширяли ниши. Въ одной длинной нишѣ изваяна колоссальная лежащая фигура Будды въ нирванѣ (9 метровъ длиной). Но главное изваяніе монастыря, это—статуя Шянбы (Майтари). Она находится на той же скалѣ,

Digitized by Google



Пикетъ Та-ма. стр. 273.



Статуя бога Шянба въ монастырѣ Пи-линъ-сы. стр. 336.

Фототипія В. Класенъ. С. Петербургъ. Бѣдетская лин. № 7 2

Digitized by Google

Digitized by Google

какъ и описываемыя ниши; ею собственно и начинается рядъ нишъ, когда ѣдешь по ущелью отъ вершины его къ выходу на Хуанъ-хэ. Это полустатуя въ искусственно вырубленной нишѣ; высота статуи около 10 саженъ, фигура сидящая; правая рука лежитъ вдоль праваго колѣна ладонью внизъ; лѣвая у нижней части живота ладонью вверхъ.

Тѣло фигуры было очевидно оштукатурено глиной и покрыто красками, но штукатурка облетѣла и уцѣлѣла только мѣстами. На боковыхъ поверхностяхъ ниши въ уровнѣ головы статуи были устроены висячія кумирни, и висячій балконъ обѣгалъ нишу надъ головой бога, а витыя лѣстницы, по разсказамъ, вели съ террасы на эти висячія кумирни. Но все это было сожжено мусульманами и только какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ отрывокъ балкона надъ лѣвымъ ухомъ бога. Послѣ Бамъянскихъ статуй этотъ Шянба можетъ быть занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между другими буддійскими изваяніями этого рода. Кромѣ этихъ изваяній есть еще двѣ статуи небольшія, но все таки въ ростъ человѣка, высѣченныя на высотѣ не менѣе 5 саженъ надъ дномъ ущелья. Можетъ быть въ тѣхъ нишахъ, въ которыя теперь нельзя подняться, также есть статуи. Эта скала со своими нишами была, конечно, главной святыней монастыря; но были несомнѣнно храмы и въ срединѣ монастырскихъ селеній, по крайней мѣрѣ для отправленія богослуженій. Отъ этихъ построекъ однако ничего не осталось, кромѣ груды камней; уцѣлѣла только нижняя часть одного субургана.

Ниже ущелья Пи-линъ-сы Хуанъ-хэ течетъ подлѣ самыхъ скалъ; тутъ нѣтъ дороги. Съ сосѣднихъ горъ видно, что площадь конгломератовъ къ востоку отъ Пи-линъ-сы на протяженіи версты или болѣе размыта на множество овраговъ, подобныхъ тому, въ которомъ находится Пи-линъ-сы; тутъ также видно не мало и колоннообразныхъ или башнеобразныхъ скалъ; эти послѣднія формы являются исключительно внизу; особенно поучительный видъ представляетъ эта мѣстность, когда поднимешься на сосѣднія горы настолько, чтобы стало видно край лессоваго плато; тогда обнаруживается горизонтъ, на которомъ овраги берутъ свое начало; по мѣрѣ того, какъ спускаешь свой глазъ внизъ, толща конгломератовъ все болѣе и болѣе дробится, сначала массивныя формы скалъ уступаютъ мѣсто тонкимъ съ заостренными верхушками, и наконецъ въ самомъ низу появляются колоннообразныя формы Эта мѣстность можетъ по своей типичности стать рядомъ съ тѣми видами, кото. рыхъ иллюстрируются учебники геологіи для изображенія картины размыванія породъ.

Внизъ по ущелью существуетъ узкій проѣздъ подлѣ скалы къ пещерѣ Шуйлянъ-дунъ, передѣланной въ кумирню. Эта пещера находится въ скалѣ на высотѣ 2-хъ или 3-хъ саженъ надъ дномъ небольшого оврага. Передняя часть ея имѣетъ видъ широкой ниши до 5-ти саж. длиной и не болѣе двухъ саженъ глубиной. Передъ нею небольшая терраса, на которую всходятъ по ступенямъ. Входъ въ нишу задѣланъ деревянной стѣнкой, которой снаружи приданъ видъ фасада кумирни съ входной дверью и окнами; послѣднія снабжены изящными рѣшотками съ розетками или звѣздами въ серединѣ, подклеенными розовой бумагой. Войдя въ дверь попа-

Digitized by Google

даешь въ широкую, но не глубокую залу. Въ задней стѣнѣ залы два отверстія, которыя ведутъ въ двѣ пещеры или ниши, раздѣленныя природнымъ простѣнкомъ и идущія въ глубь скалы. Лѣвое отверстіе задѣлано дверью; но эта дверь закрываетъ только нижнюю половину отверстія. Надъ дверью пролетъ, посредствомъ котораго отлично освѣщается пещера. Послѣдняя имѣетъ видъ высокой и свѣтлой залы и вѣроятно будетъ красива, когда будетъ убрана; теперь же въ ней въ безпорядкѣ свалены обломки статуй. Другое отверстіе оставлено въ своемъ естественномъ видѣ; оно ведетъ въ пещеру въ 2 саж. шириной и немного болѣе сажени высотой. Въ переднемъ концѣ пещеры въ стеклянномъ кіотѣ стоитъ статуя Гуань-инъ-пусы; въ заднемъ концѣ самой стѣны бассейнъ воды; по нему-то и кумирня получила свое названіе; шуй значитъ вода; лянъ — холодная. Вода сочится изъ задней стѣны и наполняетъ бассейнъ, который имѣетъ около 1-й саж. въ поперечникѣ и огражденъ съ внѣшней стороны небольшимъ валикомъ въ вершокъ высоты. Черезъ этотъ валикъ вода никогда не переливается, такъ что полъ въ передней части пещеры всегда сухъ. Въ задней стѣнѣ надъ бассейномъ указываютъ утолщеніе, въ которомъ нащупывается стаканообразное углубленіе, всегда наполненное водой.

Объ обрядѣ сань-чуанцевъ, совершаемомъ во время засухи въ храмѣ Шуйлянъ-дунъ, будетъ разсказано въ слѣдующей главѣ.

Я прошелъ по долинѣ Желтой рѣки между городами Лань-чжоу и Сань-чуанью только одинъ разъ и потому мнѣ осталась неизвѣстною дорога по сѣверному берегу рѣки, но по ней прошелъ А. И. Скасси весной 1885 года. Помѣщаю его разсказъ объ этой дорогѣ. Отъ Лань-чжоу до городка Си-гу-чена она идетъ по правому берегу Хуанъ-хэ у подножія лессовыхъ предгорій, почти сплошь распаханныхъ. Здѣсь не мало встрѣчается небольшихъ укрѣпленій со стороною отъ 5 до 10 саж., обнесенныхъ глубокими рвами и построенныхъ для защиты сельскаго населенія во время мусульманскаго возстанія. Си-гу-ченъ небольшой городокъ, обнесенный невысокой стѣной съ воротами изъ жженаго кирпича. Верстахъ въ 4-хъ выше Си-гу-чена и въ 23 вер. отъ Лань-чжоу [1]) лессовыя предгорія, подходящія съ обѣихъ сторонъ къ рѣкѣ, образуютъ тѣснину. Въ этой тѣснинѣ на правомъ берегу Хуанъ-хэ находится нѣсколько громадныхъ водоподъемныхъ колесъ саженъ 5—6 въ діаметрѣ, служащихъ для орошенія полей. Вода, благодаря тѣснинѣ, течетъ въ Хуанъ-хэ очень быстро; подъ каждое колесо проведена вода по особому каналу; передъ самымъ колесомъ водѣ придана еще болѣе сильная быстрота посредствомъ болѣе сильнаго уклона. Въ Туркестанѣ чигирь вращаютъ быки, здѣсь вода, бьющая въ доски. Говорятъ, такое колесо стоитъ до 900 рублей.

Пройдя тѣснину, дорога идетъ вверхъ по рѣкѣ верстъ 5 по лессовымъ предгорьямъ, распаханнымъ и орошаемымъ изъ двухъ маленькихъ рѣчекъ, посредствомъ выведенныхъ изъ нихъ оросительныхъ каналовъ. Дорога доходитъ до большого селеня Синъ-ченъ, въ которомъ живетъ католическій миссіонеръ; онъ имѣетъ церковь и школу.

---

[1]) Вся длина долины, считая отъ кумирни Ло-ѣ-мяо до дер. Лянъ-чжа-ванъ, 35 верстъ. У г. Лань чжоу она прерывается съуженіемъ.

Digitized by Google

Въ 10 ли выше Синъ-чена къ рѣкѣ вновь подходятъ лессовыя горы и образуютъ тѣснину версты три длиною. Затѣмъ долина Хуанъ-хэ хотя нѣсколько и расширяется, но вплоть до деревни Кунъ-чжа-сы ширина ея нигдѣ не превосходитъ двухъ верстъ. Верстахъ въ 12 отъ Синъ-чена выше слѣва въ Хуанъ-хэ впадаетъ р. Ши-хо, т. е. Дай-тунгъ-голъ (Тетунгъ-голъ Пржевальскаго). Версты двѣ выше устья ея дорога переходитъ черезъ каменистый мысокъ и спускается въ густо засаженное деревьями расширеніе долины, въ которомъ расположено селеніе Ма-чжа-ванъ, населенное мусульманами [1]). Въ 2-хъ верстахъ отъ Ма-чжа-вана совершается переправа на паромѣ на сѣверный, т. е. лѣвый берегъ Хуанъ-хэ. Здѣсь долина Хуанъ-хэ имѣетъ до $1^1/_2$ вер. ширины и сплошь покрыта садами и селеніями. Въ 5 верстахъ отъ переправы горы подходятъ къ самой рѣкѣ; часть дороги образуетъ искусственно высѣченную въ песчаникѣ траншею. Тѣснина эта тянется версты двѣ. Затѣмъ дорога выходитъ на не широкую долину, въ верхнемъ концѣ которой стоитъ деревня Во-чжа-чжуанъ. Отъ этой деревни опять начинается тѣснина протяженіемъ версты три. Далѣе долина и лессовыя предгорія сплошь засажены садами и цзаорами на пространствѣ версты $1^1/_2$ длины и ширины; въ верхнемъ концѣ этого участка долины стоитъ дер. Кунъ-чжа-сы, изъ которой дорога круто зигзагами поднимается на лессовыя горы и уходитъ отъ Желтой рѣки вправо, пересѣкая весьма овражистое мѣсто. Слѣва невдалекѣ отъ дороги виденъ очень крутой оврагъ, по дну котораго, по уступамъ темнокраснаго песчаника, каскадами бѣжитъ рѣчка. Въ 5 верстахъ отъ Кунъ-чжа-сы дорога спускается въ дер. Вань-чжа-ко-то, стоящую на вышеописанномъ оврагѣ. Отъ Вань-чжа-ко-то дорога круто и зигзагами поднимается на хребетъ и идетъ по его гребню до дер. Сяо-лиръ. На гребнѣ этого хребта обнажаются красные песчаники, образующіе множество отдѣльныхъ вершинъ большею частью конической формы. На вершинахъ многихъ изъ нихъ поставлены живописныя кумирни, обсаженныя туями. Сяо-лиръ—это Сунъ-чжа-ширъ моего дневника; въ этой деревнѣ на лѣвобережную дорогу выходитъ правобережная, по которой мы шли осенью 1885 года.

Отъ Сань-чуани до Сюнъ-хуа-тина А. И. Скасси шелъ по Дондонской тѣснинѣ, которая уже описана выше (см. стр. 176); далѣе его путь лежалъ по непройденнымъ мѣстамъ. Почти противъ Сюнъ-хуа-тина на лѣвомъ берегу Хуанъ-хэ лежитъ деревня Канту-сухча. Верстахъ въ двухъ отъ дер. Канту-сухча подъ горами виднѣется монастырь Генъ-ду-сы, а на долинѣ рѣки Хуанъ-хэ городокъ Генъ-дучженъ, въ которомъ живетъ какой-то тангутскій князекъ. Тутъ же у Канту-сухча, немного выше ея, впадаетъ въ Хуан-хэ съ сѣвера Ба-янъ-жунская рѣка, вверхъ по которой пошла дорога. Верстахъ въ 8-ми отъ Канту-сухча на Ба-янъ-жунской рѣкѣ начинается тѣснина; дорога не входитъ въ нее, а взбирается зигзагами на довольно высокія съ весьма крутыми оврагами, но мягкія лессовыя горы, по гребню которыхъ извивается на протяженіи 10 верстъ. Затѣмъ она спускается въ долину Ба-янъ-жунской рѣки. При самомъ началѣ спуска находится дер. Ю-лонъ-чжуанъ;

[1]) Другая деревня Шань-сюань лежитъ на томъ же бнрегу, выше Ма-чжа-вана.

Digitized by Google

верстахъ въ 5 отъ нея, все еще на спускѣ, находится другая, называемая Е-лонъ. Спустившись къ самой рѣкѣ, дорога проходитъ черезъ двѣ большія деревни, названія которыхъ узнать не удалось; затѣмъ круто поднимается къ городку Ба-янъ-жунъ, расположенному на лѣвомъ берегу рѣки на высокой террасѣ и обнесенному стѣной. Въ городѣ есть мандаринъ; есть базаръ съ довольно оживленной торговлей, которая ведется преимущественно съ тангутами.

Выйдя изъ города, дорога проходитъ по высокой террасѣ, сплошь распаханной, и спускается къ притоку Ба-янъ-жунъ-хэ, у деревни Хо-чжа-хэ, въ 5-ти верстахъ отъ города. Какъ самая Ба-янъ-жунская рѣка, такъ и впадающіе въ нее слѣва притоки берутъ начало на сѣверѣ изъ хребта, протянувшагося между долинами рѣкъ Хуанъ-хэ и Сининской, верстахъ въ 30—35 отъ Хуанъ-хэ. Хребетъ этотъ на своемъ протяженіи отъ меридіана Ба-янъ-жуна до меридіана Шя-чунъ-сы, представляетъ замѣтное пониженіе, тогда какъ къ востоку отъ перваго и къ западу отъ второго повышается. Значительнѣйшія высоты на немъ находятся на востокѣ у монастыря Гонгрча, на западѣ перевалъ Ла-чи-сань.

Отъ самаго Ба-янъ-жуна дорога идетъ по высокой мѣстности, но плоской, изрѣзанной некрутыми, плоскими и широкими оврагами. Мѣстность довольно густо населена почти исключительно тангутами и сильно распахана. На сѣверѣ виднѣется скалистый хребетъ, о которомъ уже упомянуто, а къ югу всѣ овраги значительно углубляются, становятся очень крутыми и обрываются къ Хуанъ-хэ, текущей въ этомъ мѣстѣ по непроходимому, вслѣдствіе узкости, ущелью. Почва большею частью лессъ, но попадается и черноземъ.

Отъ Хо-чжа-хэ дорога, идя вдоль верхнихъ частей рѣки Ба-янъ-жунъ-хэ, проходитъ черезъ селенія Арчанъ, Шантай, Куатанъ, Сентанъ. Въ 2 верстахъ отъ послѣдняго и въ 10 верстахъ отъ Хо-чжа-хэ она переваливаетъ черезъ небольшой увалъ и спускается къ другому небольшому притоку Хуанъ-хэ, идущему сначала съ востока на западъ и затѣмъ подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ на югъ. Къ западу отсюда дорога пересѣкаетъ еще три подобныхъ же потока, также направляющихся на югъ къ Хуанъ-хэ и раздѣленныхъ гривами. На самомъ западномъ изъ нихъ стоитъ деревня Ушчаи. Отъ этой деревни дорога идетъ вверхъ по рѣкѣ и въ 10 верстахъ отъ нея переваливаетъ черезъ болѣе значительную гриву, съ которой спускается къ деревнѣ Ца-пу.

Китайскія деревни рѣзко отличаются отъ тангутскихъ своими оживленными улицами; въ нихъ всегда людно. Въ тангутскихъ же деревняхъ на улицахъ полное безлюдье. Почти каждый тангутскій домъ—крѣпость; дворъ обнесенъ высокой стѣной, за которой ничего не видно. Не малыхъ трудовъ стоитъ вызвать кого-нибудь за ворота на улицу, чтобъ спросить о дорогѣ; жители переговариваются съ вами черезъ запертыя ворота, а на улицу не выходятъ.

Изъ Ца-пу одна дорога идетъ на югъ въ монастырь Шя-чунъ-сы, другая на западъ въ Гумбумъ (по болѣе плоской мѣстности).

Изъ Ца-пу въ Шя-чунъ дорога идетъ на протяженіи 3 верстъ внизъ по рѣкѣ до деревни Джумурши, лежащей на рѣкѣ того же имени, впадающей въ Хуанъ-хэ

Digitized by Google

ниже Шя-чуна; отъ нея круто поворачиваетъ на западъ, взбирается на высокую гриву и идетъ такъ версты $1^1/_2$. Поднявшись, дорога развѣтвляется; одна дорога уходитъ прямо на западъ, а другая по гребню гривы спускается на югъ къ монастырю Шя-чунъ-сы. Дорога широкая, прекрасно раздѣланная; по ней свободно могутъ ходить телеги. Монастырь Шя-чунъ-сы расположенъ на красноватыхъ обрывахъ, на высотѣ 100—150 саженъ надъ рѣкою Хуанъ-хэ. Противъ монастыря Шя-чунъ-сы долина Хуанъ-хэ имѣетъ отъ 3 до 4 верстъ ширины. Расширеніе это начинается немного выше монастыря и, какъ видно, тянется верстъ на 20 внизъ по рѣкѣ. Выше и ниже этого расширенія Хуанъ-хэ течетъ въ ущельѣ. Дорога изъ Ба-янъ-жуна въ Шя-чунъ-сы проходитъ какъ бы по древней долинѣ между высокимъ сѣвернымъ хребтомъ и менѣе значительной грядой, проходящей подлѣ самой рѣки. Эта древняя долина пересѣчена поперечными долинами, въ которыхъ текутъ рѣчки. Дорога въ Шя-чунъ одна; по ней приходится ѣхать какъ впередъ, такъ и обратно; другой дороги нѣтъ. И вѣроятно въ томъ же условіи находятся и другіе пункты на берегу Хуанъ-хэ; къ нимъ можно попадать только по гребнямъ гривъ. Какъ показывали сами монахи, въ монастырѣ живетъ ихъ до 3000. Нюрба (экономъ) оказался пріятелемъ Пржевальскаго; они встрѣчались въ монастырѣ Чейбсэнъ. А. И. Скасси видѣлъ у него бережно сохраняемые портреты Пржевальскаго и г. Роборовскаго. Монахи въ Шя-чунѣ большею частью тангуты. Множество женщинъ постоянно сновали по монастырю, разнося дрова и рсамбу, принесенныя ими для своихъ родственниковъ монаховъ.

Опредѣливъ здѣсь астрономическій пунктъ, А. И. Скасси долженъ былъ идти семь верстъ обратно той же дорогой по гребню до соединенія съ дорогой, оставшейся вправо у деревни Джумурши. Здѣсь А. И. Скасси повернулъ на западъ и пересѣкая множество овраговъ, прошелъ черезъ деревни Циру, Тэръ, Гоку, Имана, Туппынъ до деревни Шинду-чунчжа, въ которую спустился по весьма крутому спуску. Шинду-чунчжа расположена на правомъ берегу рѣки, текущей съ сѣвера въ Хуанъ-хэ. Отсюда дорога идетъ сначала на сѣверъ, а затѣмъ на сѣверо-западъ вверхъ по рѣкѣ и въ 10 верстахъ отъ деревни выходитъ на перевалъ, ведущій въ верховья рѣки, текущей къ городку Чжаикъ. Съ этого перевала виденъ и тотъ перевалъ, по которому мы прошли по дорогѣ изъ Гумбума въ Гуй-дуй. Различіе между этими перевалами весьма большое. Перевалъ въ вершинахъ Чунчжи пологъ и не высокъ, тогда какъ тотъ, по которому идетъ дорога въ Гуй-дуй, поднимается почти на отвѣсную скалу и при томъ значительно выше Чунчжинскаго. Въ пространствѣ между меридіанами Шя-чунъ-сы и Чунчжа рѣка Хуанъ-хэ протекаетъ ближе къ хребту; тутъ вездѣ разстояніе до рѣки не болѣе 15 верстъ. Рѣка Хуанъ-хэ течетъ здѣсь съ зсз на вюв., а гребень хребта проходитъ прямо съ запада на востокъ.

Digitized by Google

V.

Широнголъ-монголы.

Районъ и численность племени.—Языкъ.—Историческія извѣстія и народныя преданія.—Жилища.—Одежда.—Пища.—Сухія дрожжи.—Земледѣліе.—Ткаческій промыселъ.—Религіи широнголовъ.—Буддизмъ.—Шаманство.—Обрядъ освященія иконы бога Цзу-ши.—Обряды во время грозы и засухи.

Часть монгольскаго племени, о которой мы хотимъ сейчасъ говорить, можно бы лучше всего назвать амдосскими осѣдлыми монголами; амдоскими—въ отличіе отъ монголовъ, обитающихъ на монгольской плоскости; осѣдлыми для того, чтобъ исключить изъ этого опредѣленія хухунорскихъ олётовъ, ведущихъ кочевую жизнь. Но это названіе длинно; и потомъ, какъ имя описательное, можетъ оказаться не вѣрнымъ въ томъ, напримѣръ, случаѣ, еслибъ нашлись отдѣлы этого племени, живущіе на плоскости или между живущими въ Амдо нашлись бы кочевые. Оно не вѣрнымъ оказалось бы еще въ томъ случаѣ, еслибъ нашлись осѣдлые олеты, а такіе дѣйствительно и встрѣчаются и намъ придется даже разсказывать объ нихъ впослѣдствіи. Поэтому приходится обратиться къ именамъ, которыми или это племя само себя называетъ, или которыми его называютъ сосѣди. Но сами эти амдосскіе монголы называютъ себя просто монголами; на вопросъ: какой ты народности? житель напримѣръ мѣстности Сань-чуань отвѣчаетъ: би монгоръ хунь [1]), «я монгольскій человѣкъ». Когда настаиваешь, чтобъ отвѣтили, какъ амдосскіе монголы называютъ себя въ отличіе отъ монголовъ плоскости, иногда получаешь въ отвѣтъ, что они себя называютъ чаганъ-монголъ, «бѣлыми монголами» [2]), по другимъ же показаніямъ чахарами. Вѣрнѣе всего, что у нихъ нѣтъ другого средства отличать себя отъ монголовъ плоскости, кромѣ описательнаго имени.

Китайцы зовутъ ихъ Ту-жень; по народному объясненію это имя составлено изъ двухъ словъ: ту, «земля», «прахъ», помонгольски шороӥ, и жень, «человѣкъ». Монголы плоскости зовутъ ихъ Далда или Долдо; они говорятъ объ нихъ: до-

[1]) Р па концѣ словъ здѣшніе монголы картавятъ, какъ китайцы.

[2]) Мепъ-хунъ говоритъ, что поколѣніе Бѣлыхъ Татаръ, чаганъ-татаръ представляло помѣсь татаръ съ китайцами (Труды Вост. Отд. Археол. Общ., ч. IV, стр. 216).

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

лонъ хэлитей Долдо, «семи язычные Долдо»; намекъ на то, что эти монголы говорятъ на нѣсколькихъ языкахъ разомъ. Это имя Далда усвоено имъ покойнымъ Пржевальскимъ и оно менѣе всего ведетъ къ сбивчивости, и если я предпочитаю ему имя Широнголъ, то только потому, что послѣднее допускаетъ склоненіе въ русскомъ. Имя Широнголъ я услышалъ еще въ Ордосѣ отъ нашего спутника старика Сантанъ-джимбы, который самъ принадлежитъ къ этому племени. Прибывъ въ область обитанія широнголовъ, т. е. въ Сань-чуань, и понявъ, что это то же, что далда Пржевальскаго, я не могъ рѣшиться пріучить себя называть именемъ далда жителей Сань-чуани, потому что не зналъ, распространяютъ ли мѣстные жители это имя далда на всѣхъ осѣдлыхъ амдосскихъ монголовъ, или они это имя ограничиваютъ только западною частью племени, съ которою только и былъ знакомъ Пржевальскій. Такимъ образомъ я привыкъ въ своихъ запискахъ употреблять имя широнголъ для восточныхъ далда. Имя широнголъ также незнакомо самимъ амдосскимъ монголамъ, какъ и имя далда, и я ни отъ кого его не слыхалъ, кромѣ Сантанъ-джимбы, который произносилъ его иногда широнголъ-монголъ, производилъ отъ монгольскаго шорой, «земля» и смѣшивалъ съ именемъ Ширайголъ, встрѣчающимся въ монгольскомъ сказаніи о Гэсэрѣ. Онъ говорилъ, что широнголы составляли особое царство на Желтой рѣкѣ выше изгиба, со столицею въ Лань-чжоу, что это царство управлялось тремя царями, которые были покорены Гэсэромъ, чѣмъ и былъ положенъ конецъ существованію этого царства широнголовъ [1]). Сантанъ джимба однако не выдумалъ самъ это имя; оно очевидно употреблялось нѣкогда и было не безъизвѣстно монгольской литературѣ, хотя и въ другомъ нѣсколько произношеніи. Въ Алтанъ-Тобчи, изданной на русскомъ языкѣ въ Петербургѣ, встрѣчается на стр. 196 слѣдующее мѣсто: «Саинъ-Алтанъ-хаганъ, вооружась мужествомъ, покорилъ Шарэгольцевъ Амдусцевъ, обитавшихъ между Тибетомъ и Тангутомъ». Если это не сами широнголы, то племя, отъ котораго происходитъ имя широнголъ [2]).

Сосѣдніе тангуты зовутъ широнголовъ Чжахоръ или Чжахури; это имя, кажется, составлено изъ двухъ Чжа (Чжаныкъ) китаецъ и Хоръ, имя какого-то кочеваго племени, населяющаго сѣверный Тибетъ, не тибетскаго происхожденія, а можетъ быть монгольскаго; такимъ образомъ Чжахури будетъ значить монголо-китайцы [3]).

Широнголы занимаютъ мѣсто на сѣверномъ и южномъ берегахъ Желтой рѣки выше города Лань-чжоу. На сѣверной сторонѣ этой рѣки имъ принадлежитъ сплошь все расширеніе долины Желтой рѣки отъ нижняго отверзстія Дондонской тѣснины до верхняго начала тѣснины Сомбра, т. е. такъ называемая мѣстность Сань-чуань; отсюда они тянутся узкой полосой на сѣверъ къ рѣкѣ Сининъ-голу, занимаютъ нижнія части этой рѣки и доходятъ до береговъ Дай-тонгъ-гола. Самая верхняя

---

[1]) Онъ также говорилъ, что широнгольскій ханъ, жившій въ Лань-чжоу, назывался Хорбенде.

[2]) Шмидтъ въ примѣчаніяхъ къ Сананъ-Сэцену (Gesch. d. Ost-Mong., S. 359) упоминаетъ какихъ-от Schara Scharaigol Tuluhun, съ которыми ведетъ войну тибетскій царь Сронцзанъ-Гамбо.

[3]) Широнголы тангутовъ зовутъ Тебе, китайцевъ Читай, монголовъ плоскости—доро гадзыренъ монголъ, «монголами нижней земли».

Digitized by Google

деревня по Сининъ-голу Шина, въ 15 верстахъ отъ впаденія въ Сининъ-голъ рѣки Баджу-гола. Отсюда до города Синина вся мѣстность заселена китайцами. Другой участокъ, занимаемый широнголами, лежитъ въ горахъ къ сѣверу отъ Синина; окрестности городовъ У-янъ-бу и Му-байшинту и промежуточное пространство между ними опять занято широнголами. Такимъ образомъ на сѣверъ отъ Желтой рѣки находятся два отдѣльныхъ широнгольскихъ острова.

Точно также другіе два острова лежатъ и на южной сторонѣ Желтой рѣки. Одинъ на срединѣ дороги между городами Лань-чжоу и Хо-чжоу въ мѣстности Тунъ-сянъ; другой участокъ лежитъ около города Боу-нань въ долинѣ рѣки Уруньву. Въ Сань-чуани, какъ мы сказали, вся долина Желтой рѣки на лѣвомъ ея берегу занята широнголами. Сань-чуань, помонгольски Гурбанъ-сала, значитъ «три долины» (подразумѣваются конечно долины сѣверныхъ притоковъ Желтой рѣки). Но если считать всѣ сѣверные притоки Желтой рѣки между восточнымъ концомъ Дондонской тѣснины и западнымъ концомъ тѣснины Сомбра, то ихъ наберется не три, а шесть, а именно, начиная съ запада: Итель-голъ (по тангутски Джанба), Боучжа-аралъ, Гяньгоголъ, Аралъ, Уньчжа-голъ и Сомбра-голъ, который вверху называется Молто-голъ. Подъ Сань-чуанью разумѣется пространство между Гяньго-голомъ (на которомъ деревня Ни-чжа) и Уньчжа-голомъ (на которомъ деревня Чи-чжа). Долина Ительгола отдѣлена отъ Сань-чуани хребтомъ, прикрытымъ толстымъ слоемъ лёсса; хребетъ этотъ упирается въ берегъ Желтой рѣки и образуетъ приторъ изъ конгломератовыхъ обнаженій, у котораго устроена переправа черезъ рѣку на паромѣ. Подлѣ этой скалы проходитъ только узкая тропинка, по которой можетъ пробираться мулъ съ небольшимъ вьюкомъ. Ниже этого притора горы отходятъ отъ рѣки къ сѣверу и около деревни Ни-чжа долина расширяется до 4 верстъ. У деревни Чи-чжа онѣ вновь быстро вдаются на югъ, и отсюда постепенно приближаются къ рѣкѣ и примыкаютъ къ ней, чтобъ образовать начало слѣдующей тѣснины. Участокъ долины ниже деревни Чи-чжа (или ниже рѣки Уньчжа-голъ) носитъ особое названіе Сомбра. Въ долинѣ Итель-гола находится только одна широнгольская деревня Чомчомъ; она расположена въ самой нижней части долины. Средняя и верхняя части этой долины заняты тангутскими деревнями. Ниже переправы у притора все широкое пространство вплоть до Сомбринской тѣснины занято широнгольскими деревнями и ихъ отдѣльными усадьбами. Въ пространствѣ между рѣками Гяньго-голъ и Уньчжа-голъ, т. е. въ настоящей Сань-чуани живутъ фамиліи У-чжа, Вань-чжа, Фу-чжа, Шинъ-чжа, Чу-чжа, Ла-чжа, Чи-чжа, Гань-чжа, Ма-чжа, Ту-чжа. Они живутъ частью смѣшанно, частью группируясь по фамиліямъ, такъ что можно различать селенія, исключительно занятыя одной фамиліей, какъ напр. Чи-чжа на Уньчжа-голѣ. Къ западу отъ Ни-чжи по рѣкѣ Боу-чжа-аралъ лежатъ три деревни въ верхней скалистой части рѣки и одна по имени Боучжа, внизу по выходѣ изъ ущелья. Вверхъ по долинѣ рѣки Сомбра широнгольскія селенія есть на горѣ Патуула, лежащей къ востоку отъ рѣки Сомбры. Это самые восточные поселки широнголовъ по дорогѣ въ Лань-чжоу. Еще восточнѣе ихъ лежитъ деревня Сунъ-чжа-ширъ, заселенная широнголами же, но

Digitized by Google

это недавніе переселенцы изъ мѣстности Тунъ-сянъ. По скалистой вершинѣ рѣки Аралъ, пересѣкающей Сань-чуань въ самой серединѣ, также тянутся широнгольскія деревни. Въ описываемомъ пространствѣ все населеніе сплошь широнгольское; китайцы живутъ только въ одной деревни Ничжѣ, которая служитъ мѣстнымъ торговымъ пунктомъ. И такъ самымъ восточнымъ пунктомъ этого широнгольскаго острова служитъ гора Патуула, самымъ западнымъ деревня Чомчомъ, разстояніе между ними около 20 верстъ. Къ югу отъ Желтой рѣки, противъ Сань-чуани, все населеніе китайское, кромѣ селенія Та-тунъ-пинъ, которое лежитъ противъ деревни Чомчомъ; оно населено широнголами, выселившимся сюда изъ Боу-наня.

Другіе участки широнголовъ мнѣ остались мало извѣстны; Тунъ-сянъ я только пересѣкъ осенью 1884 г. по дорогѣ изъ Лань-чжоу въ Хо-чжоу и видѣлъ всего одну деревню Со-ло-ба. Широнголовъ окрестностей города У-янъ-бу я посѣтилъ зимой 1885—1886 г., но былъ всего только въ одной деревнѣ къ западу отъ этого города и провелъ въ ней всего одну ночь. Боунаньскихъ широнголовъ видѣлъ во время однодневной стоянки въ городѣ Боу-нани въ 1885 г.

Въ Санъ-чуани, т. е. на пространствѣ между Гянь-гоголомъ и Уньчжа-голомъ, считается до 1200 дворовъ; полагая на дворъ по 5 душъ обоего пола, для Сань-чуани получимъ 6000 душъ. Если для населенія по Боу-чжа-аралу, Итель-голу и Сомбрѣ съ Баду-олой, допустить цифру въ 2000 д., то все населеніе этого участка будетъ простираться до 8000 д. Въ Тунъ-сянѣ считаютъ 36 имыковъ, т. е. деревень; считая по 100 дворовъ въ селеніи, въ нихъ слѣдовало бы предположить до 18000 жителей; но, полагая, что цифра 36 преувеличенная, мы сбавимъ населеніе Тунъ-сяна до 10.000 д. Въ 10.000 д. можно принять и широнгольское населеніе въ нижней части Синингъ-гола и по Дай-тонгъ-голу. Въ окрестностяхъ У-янъ-бу и Мубай-шинту никакъ не болѣе 20.000 д. Около Боу-наня вѣроятно не болѣе 2.000 д. Все это въ совокупности даетъ слѣдующій итогъ:

Сань-чуань	8.000
Дай-тонгъ-голъ	10.000
Тунъ-сянъ	10.000
У-янъ-бу	20.000
Боу-нань	2.000
Всего.	50.000

Къ тому же племени широнголовъ вѣроятно принадлежатъ и шира-егуры, которые обитаютъ въ ущельяхъ Нань-шаня къ сѣверу отъ городовъ Гань-чжоу и Су-чжоу. Племя, населяющее эти ущелья, дѣлится на два отдѣла, изъ которыхъ одинъ говоритъ монгольскимъ языкомъ, другой тюркскимъ. Члены перваго отдѣла называются шира-егурами, «желтыми егурами», втораго кара-егурами, «черными егурами». Китайцы зовутъ егуровъ хуань-фань, «желтыми варварами». Су-чжоу-синь-чжи, «Описаніе Су-чжоускаго округа» знаетъ это имя; хуань-фанями называлось въ старину какое-то кочевое племя, жившее въ сѣверныхъ предѣлахъ Амдо; упоминаемые въ книгѣ князья его носятъ монгольскія имена. По словамъ китайской книги, это племя на-

Digitized by Google

зывалось такъ въ память какого-то царства, которое называлось Ши-ла-го, «царство Шира», и за потомковъ котораго эта книга ихъ выдаетъ [1]). Не были ли широнголы тюркское племя (уйгуры?), которое въ самой значительной своей части омонголилось (за исключеніемъ хара-егуровъ), а потомъ подверглось еще второму преобразованію вслѣдствіе китайскаго вліянія?

Языкъ широнголовъ монгольскій. Отличія его отъ языка, которымъ говорятъ на плоскости, заключается:

1) Въ изобиліи чуждыхъ элементовъ. Больше всего примѣси въ широнгольскій языкъ вошло изъ китайскаго. Тутъ трудно разобраться, что отнести къ древнимъ заимствованіямъ, что къ позднѣйшимъ; вѣроятно усвоеніе китайскихъ словъ продолжается и теперь. Встрѣчаются нѣкоторыя слова, по виду китайскія, но которыя, какъ увѣряютъ широнголы, окружающимъ китайцамъ неизвѣстны и употребляются только одними широнголами, какъ будто были областныя слова тѣхъ мѣстныхъ китайцевъ, которые безслѣдно слились съ широнголами. У боунаньскихъ и частью уянбускихъ широнголовъ много употребляется тангутскихъ словъ. Наконецъ встрѣчаются слова тюркскія, какъ напр.: пагъ, «дерево», ташь, «камень», итйме, «хлѣбъ», бадзыръ (тур. базаръ) «городъ», ана, «мать», пылэй, (тюркск. бала), «дитя», самсыхъ (сарымсакъ) «чеснокъ».

2) Въ существованіи словъ, одному широнгольскому свойственныхъ, какъ напр. агуръ «дѣвица», мла «небольшой», хонъ «годъ», нохчинъ «гроза» (небесное явленіе), анджасы «корова», чарбей «берегъ», «граница», шӧшкей «ящерица», каларъ «корзина».

3) Въ особомъ произношеніи монгольскихъ словъ; гортанное х въ широнгольскомъ замѣняется гортаннымъ к (кх): нокхой «собака», кхони «овца» укхуръ, «корова», какхай «свинья», буркханъ «богъ», пыкха (буха) «быкъ», кхуру «палецъ», подокхъ «колѣно»; въ началѣ словъ, начинающихся съ гласной, ставится придыханіе: хуланъ, у нѣкоторыхъ даже слышится фуланъ (уланъ), «красный»; хоту, фоту (одунъ), «звѣзда»; харбике (эрбекэ), «бабочка»; хундегей (унду гунъ) «лисица»; хумугей (умухей) «вонючій».

Въ нѣкоторыхъ словахъ вставлены лишнія согласныя: чихсы (цасунъ) «снѣгъ», джагырсы (дзагасунъ) «рыба», ягсы (ясунъ) «кость», мурсы (мусунъ) «ледъ», чирсы (цасу) «бумага». Нѣкоторыя слова въ нѣсколько иномъ значеніи, наприм. имыкъ, «деревня» (аймакъ, народъ); балгасы, «стѣна«; мананъ, «туманъ»; морь (монг. слѣдъ), «дорога».

Звуки к или х замѣняются въ началѣ словъ звукомъ ч: читого (хутуга) «ножъ», читай (китатъ) «китаецъ». Въ концѣ словъ л произносится картаво: сӧръ, шӧръ (сӧль) «хвостъ», монгоръ (монголъ), барюръ (барюль) «ручка у посуды», чорбонъ (цолмонъ) «зарница», артанъ (алтанъ) «золото».

---

[1]) См. Успенскій, «Страна Кукэноръ» въ Зап. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. V, (Спб., 1880), стр, 165. Замѣтимъ здѣсь кстати, что Шмидтъ въ одномъ своемъ примѣчаніи къ сказанію о Гэсэрѣ пріурочиваетъ широнголовъ этого сказанія къ странѣ оз. Хухуноръ и верхнему теченію Хуанъ-хе (Die Thaten Bogda Gesser chan's, S. 158.

Digitized by Google

Кромѣ того встрѣчаются такія искаженія: угуръ, «зима», убыль; тогчи, «пуговица», тобчи; шуко, «большой», ики; луму, «лукъ стрѣлебный», номунъ; магаша, «завтра», маргаши; мусай, «некрасивый», мухай; кхоръ, «два», хоиръ; мяндакхей, «лягушка», мелехей.

Вмѣсто халхаскаго дз, широнголы ставятъ поордосски дж: джуджанъ, джургонъ, джурки, «толстый», «шесть», «сердце» вмѣсто дзудзанъ, дзурганъ, дзюрху

Окончанія именъ существительныхъ сунъ въ широнгольскомъ превращаются въ сы: ибисы, «трава», турасы, «вино».

Изъ грамматическихъ особенностей мы замѣтили слѣдующія:

Монгольское окончаніе глаголовъ въ прошедшемъ времени сэнъ или ксэнъ у широнголовъ замѣняется окончаніемъ джонъ: ухуджонъ, умеръ; какараджонъ, изломалъ; идиджонъ, ѣлъ.

Въ настоящемъ у широнголовъ глаголы кончаются на лонъ: гелонъ, говоритъ; идилонъ, ѣстъ.

Въ повелительномъ прибавляется ра: ирра, приди!

Въ условномъ приставляется балани: байбалани, если есть; кереглибани, если нужно; яббалани, если пойдешь.

Отрицательныя формы: читаданă невозможно, уданă нельзя пить, яуданă нельзя проѣхать, кучиданă—не хватитъ [1]).

По народному преданію, которое я слышалъ отъ многихъ лицъ изъ туземцевъ и въ разныхъ мѣстахъ, широнголы пришли на Желтую рѣку изъ Ордоса [2]). Это преданіе разсказываетъ, что широнголы были присланы сюда во времена Чингисъ-хана, какъ монгольское войско для охраны границы; по нѣкоторымъ показаніямъ, ихъ привелъ сюда самъ Чингисъ-ханъ. Вопросъ, въ какую эпоху пришли широнголъ-монголы въ Амдо? Историческіе китайскіе памятники, доступные намъ по переводамъ, упоминаютъ три случая крупныхъ переселеній изъ Ордоса или сосѣднихъ странъ въ Амдо. У Сананъ-сэцэна (стр. 392) разсказывается, что братья Хубилая Дорда и Годанъ (это могло случиться въ XIII столѣтіи), по приказанію своей матери со всѣмъ своимъ народомъ перекочевали въ мѣстность Шира-тала, лежащую на сѣверозападъ отъ страны Силинъ и заняли лежащее внутри стѣны мѣсто Lienston, которое теперь называется Lientsu (Лянь-чжоу?). Въ началѣ IV в. совершилось переселеніе тунгусскаго племени Сяньби отъ западныхъ границъ Манджуріи черезъ Ордосъ до Желтой рѣки въ Амдо. Въ XV в. переселяется съ сѣвера (изъ Ордоса) въ страну хуху-норъ какое-то племя Алутусы [3]). Широнголъ-

[1]) Нѣкоторыя особенности тѣхъ монгольскихъ словъ, которыя сохранены армянскимъ лѣтописцемъ, современникомъ монгольскаго нашествія, напоминаютъ особенности широнгольскаго нарѣчія (см. Паткановъ, Исторія монголовъ по армянскимъ источникамъ, Спб., 1873, в. 1, стр. 47).

[2]) Пржевальскій уже указалъ на сходство именъ Далда и Талатъ; послѣднимъ именемъ называется одинъ изъ семи ордосскихъ хошуновъ, лежащій въ сѣверозападномъ углу Ордоса. Ср. также имя Дилѣди, встрѣчающееся между именами западныхъ инородцевъ во времена Киданьской исторіи (В. П. Васильевъ въ Трудахъ Вост. Отд. И. Археолог. Общ., ч. IV, Спб. 1859, стр. 110).

[3]) Успенскій, въ Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по этн., VI, Спб., 1880, стр. 113 и 155.

Digitized by Google

монголы могутъ быть смѣсью этихъ трехъ переселеній, или однимъ которымъ-нибудь изъ двухъ послѣднихъ.

Кромѣ приведеннаго преданія, широнголы знаютъ еще только преданія о своихъ князьяхъ; они приведены нами въ отдѣльномъ томѣ, посвященномъ собранію сказаній. Предкомъ своихъ князей или старѣйшинъ, такъ называемыхъ ту-сы, широнголы считаютъ какого-то Ли-чжинъ-вана. По мѣстному преданію, этотъ Ли-чжинъ-ванъ былъ вельможа при дворѣ Тановъ въ Чанъ-ани (Си-ань-фу); за неприличное поведеніе при дворѣ послѣ пира онъ былъ сосланъ въ пустынное, незаселенное мѣсто, именно въ тотъ уголокъ, гдѣ теперь, при впаденіи Баджу-гола въ Синингъ-голъ, стоитъ китайскій городокъ Чуанъ-коу (по мѣстному произношенію Чуанъ-кў). Это мѣсто до прихода Ли-чжинъ-вана называлось Сань-та-ху и было покрыто одними безплодными песками. Ли-чжинъ-ванъ призвалъ китайцевъ, построилъ городъ, завелъ пашни. Чуань-коу сдѣлалась столицей государства и торговымъ центромъ для всего края. Широнголы считаютъ Чуань-коу древнѣйшимъ городомъ въ краѣ и говорятъ, что нынѣшнее его состояніе не даетъ понятія о его прежнемъ блескѣ. Всѣ широнгольскіе ту-сы происходятъ отъ Ли-чжинъ-вана, но по прямой линіи отъ него ведутъ свой родъ Ли-ту-сы, резиденція которыхъ находится на Дай-тонгъ-голѣ. Могила Ли-чжинъ-вана указывается около деревн Шанъ-данъ, на лѣвомъ берегу Синингъ-гола ниже устья Баджу-гола [1]). Въ честь Ли-чжинъ-вана, какъ мнѣ сообщали, ежегодно устраивается жертвоприношеніе. Деревня Шанъ-данъ обязана для этого праздника поставлять овцу, а городокъ Чуанъ-кў—корову.

Въ китайскихъ историческихъ памятникахъ, переведенныхъ на русскій языкъ, Ли-чжинъ-ванъ не упоминается [2]). По «Исторіи Тибета и Хухунора», переведенной о. Іакинѳомъ (Спб, 1833), о судьбахъ Амдо разсказывается слѣдующее: съ 312 по 663 годъ по Р. Х., т. е. въ теченіи 351 года, здѣсь существуетъ царство Тогонъ, основанное пришедшими сюда изъ Манджуріи Сяньбійцами; это государство было основано Тогономъ, подъ предводительствомъ котораго Сяньби совершили свое переселеніе. Благодарное ему потомство въ честь его переименовало народъ изъ

---

[1]) Около деревни Шанъ-данъ находится большое старинное кладбище. Оно расположено къ западу отъ деревни, при подошвѣ крутой горы, которая поднимается надъ нимъ съ сѣвера. Могила Ли-чжинъ-вана представляетъ холмъ, при которомъ врыта въ землю вертикально стоящая плита съ надписью изъ китайскихъ іероглифовъ. Передъ плитой, обращенной лицомъ къ югу, были помѣщены каменныя изваянія, если вѣрно припоминаю, лежащихъ барановъ. Народъ приписываетъ цѣлебныя свойства камню, поставленному на могилѣ Ли-чжинъ-вана и отламываетъ отъ него кусочки; теперь осталась отъ прежней плиты развѣ только третья часть. На томъ же кладбищѣ есть и другая плита, также снабженная статуями барановъ; она болѣе уцѣлѣла.

[2]) Бабу Саратъ Чандра Дасъ извлекъ изъ тибетскихъ книгъ легенду о владѣніи, Ли (Ли-юль); онъ пріурочилъ это имя къ Хотану (Journal of the Asiatic Society of Bengal, vol. LV, part I, N 111, 1886). Хотанскія легенды, какъ мы показываемъ это въ IV части нашего труда, сходны съ легендами, живущими еще теперь въ сѣверномъ Амдо. Если пріурочиваніе Ли-юля къ Хотану вѣрно, то не слѣдуетъ ли допустить, что имя Ли съ связанными съ ними сказаніями было народной памятью перенесено на окрестности Хуху-нора. Китайская легенда о приносѣ статуи «дзу» также знаетъ тибетское королевство Ли (Muséon, 1883; см. ч. IV нашего труда, стр. 206).

Digitized by Google

Сяньби въ Тогонъ. Вѣроятнѣе, что это позднѣйшая выдумка, что въ дѣйствительности народъ искони назывался этимъ именемъ и что предводитель Тогонъ личность легендарная, стоявшая въ главѣ народной генеалогіи. Царство Тогонъ смѣняется царствомъ Туфань, которое существуетъ въ теченіи 232 лѣтъ съ 634 по 866 годъ. Позже на плоскости образуется царство Тангутъ или Ся-го (999—1227, всего 237 лѣтъ) со столицей въ городѣ Нинъ-ся. Въ это время изъ земель Амдо образуется небольшое княжество Туботъ (сѣверная малая или новая Туфань), которое просуществовало только 116 лѣтъ (1015 по 1131). Послѣднее было основано какимъ-то Госыло (у В. П. Васильева Госрай). Резиденція князя была въ какомъ-то городѣ Цзунъ-гэ; его владѣнія простирались отъ городка Цзунъ-гэ на востокъ до Юнъ-нинъ 915 ли, на с.-в. до Си-лянъ-фу (т. е. Лянь-чжоу) 500, на с.-з. до Ганьчжоу 500, на востокъ до Лань-чжоу 300, на югъ до Хэ-чжоу 415, на западъ до Хухунора 400. Такое центральное между городами Лань-чжоу, Гань-чжоу и Хухуномъ положеніе Цзунъ-гэ совершенно совпадаетъ съ положеніемъ Чуань-коу, легендарной резиденціи Ли-чжинъ-вана.

Это единственное опредѣленное историческое извѣстіе объ Амдо и къ этому княжеству повидимому относятся широнгольскія легенды, но и въ немъ можетъ быть изъ дѣйствительности взятъ только фактъ существованія княжества; на сколько же достовѣрна исторія Госыло, его основателя, трудно судить. Въ исторію объ основателяхъ династій всегда переносятся народныя легенды о миѳическихъ персонажахъ, поэтому возможно и въ Госыло видѣть не вполнѣ историческую личность. Имя его китайскій подлинникъ, переведенный о. Іакинѳомъ, толкуетъ такимъ образомъ: го—«святой», сыло—«сынъ»; такъ будто бы на туфаньскомъ языкѣ въ окрестностяхъ Хэ-чжоу. Это показываетъ, что Госыло не было настоящимъ именемъ основателя, а прозвищемъ. Госыло походитъ на имя Гэсэръ, сказаніе о которомъ распѣвается на свадьбахъ въ Амдо и преданія о которомъ пріурочены къ разнымъ мѣстностямъ этой провинціи отъ Ганьчжоу до Сунъ-пана; широнгольскія преданія, какъ мы видѣли, ему приписываютъ разрушеніе широнгольскаго царства, а ширагуры считаютъ Гэсэра своимъ древнимъ царемъ. Легенда о Госыло въ «Исторіи Тибета и Хухунора» разсказана такъ. Это былъ туфаньскій царевичъ; подлинное его имя было Цинянь-линвынь-кябу; онъ родился въ Гаочанѣ (т. е. Турфанѣ) въ княжескомъ домѣ. Когда ему было 12 лѣтъ, Хэланъ-эсенъ, туфанецъ изъ Хэ-чжоу, путешествовавшій черезъ Гао-чанъ, видя Госыловъ удивительный и мужественный ростъ, увезъ его съ собою и оставилъ въ Гунъ-синъ-ченѣ. Но Сунчанъ-сыгюнь переселилъ его въ И-гунъ-ченъ съ намѣреніемъ возвести его на княженіе Вынь-фу. Послѣ этого Цзунъ-гэскій лама Ли-ли-цзунь и изъ Мяо-чуань главный старшина Вынь-пу-гэ, похитивъ Госыло, уѣхали въ Кхо-чжоу и объявили его главою. Поколѣнія его стали усиливаться и Госыло переселился въ Цзунъ-гэ. Ли-ли-цзунь или просто Ли-цзунь служилъ у него министромъ. Далѣе разсказывается о войнѣ Госыло съ сяскимъ государемъ Тоба-юань-хао; послѣдній вторгся во владѣнія Госыло въ 1035 году; Госыло заперся и укрѣпился въ городѣ Шань-чжоу. Узнавъ черезъ шпіоновъ, что Юань-хао перешелъ рѣку Цзунъ-гэ и въ мелкихъ мѣстахъ

Digitized by Google

наставилъ вѣхи, Госыло приказалъ украдкою переставить вѣхи на глубокія мѣста и напалъ на Юань-хао; сяское войско начало отступать и при переправѣ черезъ р. Цзунъ-гэ перетонуло (т. I, стр. 144). Въ другомъ мѣстѣ (т. II, стр. 25) говорится, что Юань-хао перешелъ черезъ Желтую рѣку и наставилъ вѣхи. На Желтой рѣкѣ, на всемъ протяженіи отъ Гуйдуя до Лань-чжоу нѣтъ бродовъ, поэтому ближе къ дѣйствительности, что гибельная переправа имѣла мѣсто на нынѣшней рѣкѣ Сининъ-голѣ, а Шань-чжоу есть либо Гу-ша-и, либо Ба-янъ-жунъ, скорѣе первый, такъ какъ онъ считается очень древнимъ и о немъ есть народная легенда. Но за то къ Желтой рѣкѣ, именно къ Дондонской тѣснинѣ, пріурочено преданіе о переправѣ Гэсэра и гибели въ рѣкѣ его враговъ, которые вслѣдъ за нимъ также хотѣли перейдти черезъ рѣку; сказаніе объ этомъ см. въ II томѣ, посвященномъ сказкамъ и легендамъ. Можетъ быть былъ какой-то Цинань-линвынь, который основалъ княжество въ Цзунъ-гэ и для приданія себѣ важности наименовалъ себя Гэсэромъ, о которомъ въ народѣ уже существовали легенды. Одна изъ этихъ легендъ о переправѣ черезъ рѣку, прицѣпившись къ этой исторической личности, попала и въ исторію Амдо.

Генеалогія широнгольскихъ ту-сы и преданіе о Ли-чжинъ-ванѣ помѣщены, кажется, въ книгѣ «Сининъ-чжи», географическомъ описаніи Синиской области. Эту книгу мы имѣли случай видѣть въ городѣ Донкырѣ. Мистеръ Паркеръ, бывшій нашъ тогда спутникъ, перелистывая книгу, нашелъ цѣлую главу, посвященную этому предмету. Книгой этой, а также и другой, по имени «Су-чжоу-синь-чжи», пользовался г. Успенскій для своей интересной статьи о Хухунорѣ, но его извлеченія изъ этихъ книгъ относительно широнголовъ, къ сожалѣнію, очень кратки. Кстати здѣсь замѣтимъ, что г. Успенскій напрасно упрекалъ Пржевальскаго въ выдумкѣ какого-то новаго племени Далда; онъ говоритъ, что эти Далда давно извѣстны китайцамъ подъ именемъ хуанъ-фаней, «желтыхъ варваровъ», и что будто они не что иное, какъ просто монголы. Подъ именемъ хуанъ-фаней китайцы разумѣютъ только ёгуровъ, живущихъ на сѣверномъ склонѣ Нань-шаня противъ Гань-чжоу и Су-чжоу и частью на плоскости около Су-чжоу, и всегда отличаютъ отъ инородцевъ, о которыхъ писалъ Пржевальскій и которыхъ они называютъ тужень. Это различеніе тѣмъ для китайцевъ могло быть обязательнымъ, что одни изъ этихъ варваровъ кочевники, другіе осѣдлые земледѣльцы. Но въ болѣе старое время можетъ быть имя хуанъ-фань распространялось на всѣхъ монголовъ, обитавшихъ въ Амдо, и это слово можетъ быть было переводомъ саларскаго шира-монголъ, какъ они называютъ тѣхъ первонасельниковъ Амдо, которыхъ они, по ихъ преданію, будто бы вытѣснили, занимая свои мѣста въ окрестностяхъ Сюнъ-хуа-тина.

Широнголы дѣлятся на фимиліи или поколѣнія: Чи-чжа, Вань-чжа, Фу-чжа, Лучжа, Ли-чжа, и друг. Поколѣнія эти, какъ сказано, живутъ смѣшанно, но иногда семейства одной фамиліи группируются вмѣстѣ. Такъ въ Санъ-чуани Чи-чжа образуютъ селеніе около р. Уньчжа-гола, Боу-чжа—къ з. отъ дер. Ни-чжа на р. Боучжа-аралъ. О нѣкоторыхъ изъ этихъ фамилій сохранились преданія, что онѣ не монгольскаго происхожденія. Такъ наприм. о Боу-чжа говорятъ, что они происходятъ отъ тан-

Digitized by Google

гутовъ, вошедшихъ въ составъ широнгольскаго народа [1]), а о фамиліи Ни (Ни-чжа, по которой и деревня носитъ это имя), что она происходитъ отъ китайцевъ. Нѣкоторыя изъ Сань-чуанскихъ фамилій встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Очень распространена между прочимъ фамилія Чи-чжа, которая встрѣчается и около У-янъ-бу; тутъ они говорятъ по-тангутски; думаютъ, что это монголы, забравшіеся въ среду тангутовъ и забывшіе свой языкъ; сань-чуаньскіе Чичжанары считаютъ ихъ своей родней [2]). Часть городской земли внутри Си-нина составляетъ собственность Чи-ту-сы.

Нѣкоторыя поколѣнія имѣютъ своихъ старѣйшинъ, такъ называемыхъ ту-сы. Такъ есть Чи-ту-сы, Лу-ту-сы, Ли-ту-сы, и др. Званіе это наслѣдственно; по смерти ту-сы оно переходитъ на старшаго изъ его сыновей, а младшіе всѣ становятся въ ряды остального общества (хара-хунь). Имѣли ли прежде всѣ поколѣнія своихъ ту-сы, едва ли народное преданіе можетъ опредѣленно сказать. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, вѣроятно, будетъ зависѣть отъ вкуса отдѣльнаго лица. Нѣкоторыя поколѣнія потеряли ту-сы на памяти живущихъ людей. Такъ разсказываютъ, что фамилія Шинъ-чжа, занимающая мѣста къ з. отъ Чичжанаровъ, имѣла недавно своего ту-сы (Шинъ-ту-сы), но это званіе было уничтожено китайскою властью. Послѣдній Шинъ-ту-сы дѣлалъ съ своихъ подчиненныхъ большіе поборы; Шинъ-чжанары пожаловались китайскому начальству и оно лишило корыстолюбиваго ту-сы его званія, низвело его въ ряды простыхъ подданныхъ императора, а Шинъ-чжанаровъ подчинило прямому завѣдыванію китайскихъ чиновниковъ. Въ старину всѣхъ широнгольскихъ ту-сы насчитывалось 18; сколько теперь ихъ осталось, сами широнголы хорошо не знаютъ. Нѣкоторые ту-сы потеряли званіе тѣмъ же путемъ, какъ Шинъ-ту-сы, другіе, обѣднѣвъ, потеряли свое общественное положеніе; многія фамиліи ту-сы вымерли. Въ настоящее время сохранились: Чи-ту-сы (ихъ даже два), Ли-ту-сы (резиденція его въ городѣ Лянъ-ченъ на Дай-тонъ-голѣ) [3]), Вань-ту-сы и Гань-ту-сы.

Въ Сань-чуани широнголы живутъ частью отдѣльными усадьбами, частью образуя группы усадебъ. Всѣ живутъ осѣдло и никакихъ остатковъ прежняго кочеванія не сохранилось. Дома складываются изъ глиняныхъ кирпичей; такіе дома называются герь; слова байшинъ въ Сань-чуани не употребляется. При каждомъ домѣ дворъ, номтыкъ, обнесенной высокой до 2 — 3 саж. высоты стѣной; такой дворъ снаружи походитъ на маленькую крѣпость или замокъ; внутрь двора ведетъ небольшая калитка, въ которую проходитъ только простой мулъ. Поэтому вьючные мулы развьючиваются внѣ двора; телеги останавливаются также съ наружной стороны.

---

[1]) Не произошла ли здѣсь замѣна древнихъ монгольскихъ именъ поколѣній первыми слогами именъ въ родѣ того, какъ она происходитъ въ настоящее время въ Ордосѣ.

[2]) Вѣроятно о тѣхъ же Чи-чжа у меня записано въ другомъ мѣстѣ слѣдующее: къ с. отъ гор. Нянь-бо есть Чи-чжа-лакка; это тангуты, которые пашни не пашутъ, а занимаются скотоводствомъ и живутъ въ черныхъ палаткахъ. Они состоятъ въ вѣденіи Чи-ту-сы, который живетъ въ г. Нянь-бо. О Чичжанарахъ, живущихъ около У-янъ-бу, тутъ же сказано, что они назыв. Чи-чжа-каксунъ и что они многочисленнѣе сань-чуаньскихъ.

[3]) По «Сининъ-чжи» около Хонъ-гу-чена на сѣверномъ берегу Желтой рѣки ниже устья Сининской рѣки (Дай-тонъ-гола?) есть камень съ надписью, которымъ обозначены предѣлы территоріи Ли-ту-сы.

Digitized by Google

Въ одномъ изъ такихъ широнгольскихъ дворовъ мы провели зиму 1884 — 1885 г. Описаніе этого двора можетъ дать понятіе и объ остальныхъ. Нашъ дворъ имѣлъ квадратное очертаніе; длина его была 9 саженъ. Бока его расположены по странамъ свѣта. Въ южной стѣнѣ двора была калитка; къ сѣверной стѣнѣ примыкала фанза длиной 7 саж.; у западной стѣны зданіе такой же длины, раздѣленное пополамъ; въ одной половинѣ была конюшня, въ другой жилое помѣщеніе. Въ сѣверо-западномъ углу обѣ постройки не доходили до стѣнъ двора и тутъ оставалось пустое квадратное пространство въ 2 саж. въ поперечникѣ. Это мѣсто для сваливанія золы и нечистотъ. Фанзы были высотой до $1^1/_2$ саженъ; стѣны двора возвышались надъ фанзами еще аршина на два. Такимъ образомъ общество, жившее за этими высокими стѣнами, не могло видѣть, что дѣлается внѣ дома, и если на улицахъ селенія поднимался шумъ и слышенъ былъ трескъ петардъ, происходилъ торжественный въѣздъ или проходила по улицамъ процессія, то населеніе двора, чтобъ видѣть уличную толпу, должно было по лѣстницамъ взбираться на кровли фанзъ. Стѣны сложены изъ кирпича и снаружи съ обѣихъ сторонъ обмазаны глиной.

Къ нашему двору съ востока примыкалъ другой совершенно такой же, а къ этому третій. Всѣ три вмѣстѣ съ южной стороны представляли непрерывную высокую стѣну съ тремя калитками. У каждой калитки, нѣсколько въ сторонѣ отъ нея, было присыпано къ стѣнѣ по темной кучѣ, до сажени высоты. Это запасъ удобренія для пашни, о которомъ мы скажемъ, когда будемъ говорить о земледѣліи. Передъ этой линіей было пустое пространство, принадлежавшее этимъ же дворамъ шириною до 10 саженъ, а къ югу отъ него начинались зады слѣдующаго квартала. На подобныхъ площадкахъ впереди дворовъ у инывъ усадебъ устраивается токъ, итерьге.

Такіе же небольшіе дворы и у богатыхъ людей. Если у иного пространство подъ усадьбой большое, онъ разбиваетъ его на отдѣльные дворы, выдѣляетъ отдѣльный дворъ для конюшенъ, въ которыхъ ставятся мулы, или выдѣляетъ отдѣльный дворъ для женатаго сына. Жилой же дворъ отдѣльной семьи всегда небольшой; если человѣкъ богатѣетъ, онъ обноситъ свой дворъ фанзами со всѣхъ четырехъ сторонъ или наконецъ надъ сѣверной фанзой строитъ верхній этажъ.

По срединѣ двора у нѣкоторыхъ набожныхъ хозяевъ сбивается изъ глины тумба въ 2 фута высоты; на ней сжигается въ праздники желтая бумага.

Сѣверная фанза, противуположная калиткѣ, обыкновенно считается парадною; въ ней принимаютъ гостей, ей придаютъ лучшую обстановку. Въ неё ведетъ дверь по срединѣ зданія; по бокамъ двери большія окна, которыми фанза освѣщается. Внутри фанзы перегородокъ нѣтъ и она представляетъ одну комнату, которую въ богатомъ домѣ можно назвать залой, въ бѣдномъ сараемъ. Въ западномъ концѣ подъ окномъ во всю ширину зданія устраивается канъ, который отопляется зимой; дрова подкладываются въ отверзтія, которыя сдѣланы съ наружной стороны фанзы. На канѣ противъ окна обыкновенно ставится большой деревянный шкафъ, у бѣдныхъ некрашенный, у богатыхъ изъ орѣховаго дерева съ хорошей рѣзьбой, покрытый лакомъ; въ немъ хранятся рисъ, фрукты и орѣхи. Противъ двери

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ставится столъ, надъ которымъ на стѣнѣ или вывѣшивается картина, изображающая какое-нибудь буддійское божество, или наклеивается огромный листъ красной бумаги съ іероглифами. Другой конецъ фанзы или пустой, или заставляется, кто не имѣетъ лишняго помѣщенія, раскрашенными ларями и мурованными корчагами или ганами съ зерномъ, соломенными бочками [1]) и другими посудинами съ сельскохозяйственными продуктами.

Стѣны фанзъ такъ тонки, что воры иногда, высмотрѣвъ въ какомъ мѣстѣ стоитъ хозяйскій сундукъ съ серебромъ, въ ночь успѣваютъ разобрать въ стѣнѣ мѣсто противъ сундука и, не влазя въ домъ, выкрасть серебро. Поэтому богатые люди обносятъ свою усадьбу внѣшней оградой и на ночь въ пространс между двумя стѣнами отпускаютъ цѣпныхъ собакъ.

Одежда мужчинъ ни чѣмъ не отличается отъ мѣстной китайской. Въ одеждѣ женщинъ большія особенности, хотя въ прическѣ и въ обуви тоже сильное вліяніе китайщины. Ноги у дѣвочекъ бинтуются, но не такъ сильно, какъ у китаянокъ, и хотя нога широнголки тоже исковеркана, но здѣшнія женщины все таки еще могутъ хорошо ходить и носить даже тяжести. Главное отличіе костюма заключается въ головномъ уборѣ, который различается по мѣстностямъ. Въ Сань-чуани онъ довольно простъ. Волосы на макушкѣ стягиваются вмѣстѣ и обертываются краснымъ шнуркомъ такъ туго и плотно, что образуется торчащій къ верху цилиндрическій красный стержень въ четверть высоты; этотъ стержень приходится немного сзади темени. Остатокъ косы укладывается кольцами вокругъ основанія стержня. На передней части головы впереди этого стержня на волосы накладывается вѣнчикъ, такъ называемый ноударъ. Онъ шьется изъ матеріи въ видѣ полоски въ $1^1/_2$ пальца толщиной и снаружи усаженъ кораллами и крупными круглыми серебряными бляшками въ родѣ розетокъ. Таковъ повседневный головной уборъ замужнихъ женщинъ. Въ праздники женщины къ ноудару подвѣшиваютъ густую бахрому изъ мелкихъ красныхъ коралловъ, которая виситъ и покрываетъ верхнюю часть лба въ родѣ того, какъ у нашихъ вотячекъ серебряная бахрама, также надѣваемая только въ праздники.

Около У-янъ-бу женщины носятъ нѣсколько головныхъ уборовъ. Нѣкоторые изъ нихъ нарисованы въ «Третьемъ Путешествіи» Пржевальскаго, стр. 330. Въ окрестностяхъ самого У-янъ-бу широнголки носятъ кокошникъ, т. е. картонныя покрышки на голову, закрывающія только переднюю часть головы. Эти кокошники на половинѣ высоты надломлены внутрь въ родѣ уланскихъ шапокъ, т. е. діаметръ кокошника отъ лба кверху начинаетъ уменьшаться до половины высоты кокошника, а выше онъ опять расширяется, такъ что уборъ состоитъ изъ двухъ частей; нижняя имѣетъ видъ шапочки, верхняя образуетъ гребень, поставленный поперегъ

[1]) Соломенною бочкой я называю особую утварь для склада зерна; изъ соломы свивается длинный жгутъ или канатъ; конецъ его укладывается на полу фанзы такъ, что образуетъ кольцо въ 2 аршина въ діаметрѣ; остальная часть каната укладывается кольцами, лежащими одно надъ другимъ; получается цилиндръ до $2^1/_2$ аршинъ, пустой внутри и немного съуженный кверху. Подобныя сооруженія замѣняютъ здѣсь лари или сусѣки.

Digitized by Google

головы. Этотъ кокошникъ склеенъ изъ бумаги, обшитъ красной дабой и мѣстами оклеенъ золоченой бумагой, а верхній край гребня обшитъ густой бахромой изъ шелковыхъ кистей, которая совершенно закрываетъ передъ кокошника. Коса пропускается въ круглое отверзстіе, которое находится въ нижней части кокошника сзади; выходъ косы изъ отверзстія прикрывается круглой мѣдной бляхой. Поверхъ кокошника накидывается покрывало изъ синей дабы, которое виситъ сзади до пояса, или ниже; во время полевыхъ работъ широнголки подбираютъ это покрывало на кокошникъ, отчего издали головы ихъ кажутся огромныхъ размѣровъ. Покрывало шьется въ видѣ полумѣшка, т. е. берутъ кусокъ дабы величиной съ полотенце, складываютъ его вдвое поперегъ, какъ для мѣшка, и одинъ бокъ мѣшка сшиваютъ, другой оставляютъ не сшитымъ. Получается родъ башлыка съ прямоугольной вершиной. Другой головной уборъ состоитъ изъ мѣдныхъ пластинокъ болѣе четверти длиной, которыя укрѣпляются вокругъ лица лучеобразно. Этотъ уборъ, какъ и предъидущій, можно видѣть на рисункахъ у Пржевальскаго. Я его не видѣлъ на женщинѣ, но для меня его купили въ У-янъ-бу у старьевщика вмѣстѣ съ двумя кокошниками описаннаго выше типа [1]). Наконецъ третій головной уборъ заключается въ шапкѣ, на вершинѣ которой укрѣпленъ деревянный стержень въ $^1/_2$ аршина высотой, кончающійся желѣзнымъ трезубцемъ. У Пржевальскаго его нѣтъ. Я достать его не могъ, потому что его носятъ гдѣ-то къ сѣверу отъ У-янъ-бу въ глухихъ ущельяхъ. Но я слышалъ подробные разсказы объ этомъ уборѣ и наконецъ видѣлъ одѣтую такимъ образомъ широнголку на улицѣ города Синина. Женщины, носящія этотъ головной уборъ, прибавляютъ къ нему еще широкую стеганную тесьму въ ладонь шириной, которая спускается отъ затылка вдоль спины почти до подола и вышита шелками и усажена мелкими раковинами. На высотѣ пояса къ этой тесьмѣ прикрѣпленъ въ совершенно горизонтальномъ положеніи бѣлый кружокъ въ родѣ тарелочки въ три вершка въ поперечникѣ; онъ вытачивается, повидимому, изъ какой-нибудь крупной морской раковины [2]).

Наконецъ, около Боу-наня мы встрѣтили опять новые головные уборы. Замужнія женщины опускаютъ косу сзади вдоль спины; корень косы покрывается энвелопкой или матерчатой пластиной въ три пальца шириной, концы которой подгибаются подъ косу, притомъ такъ, что нижніе углы подогнуты болѣе, верхніе менѣе; кажется, будто верхній конецъ проходитъ черезъ футляръ, внизу съуживающійся, вверху расширяющійся въ видѣ большого раструба; снаружи эта покрышка косы украшается узорами, вышитыми разноцвѣтными шелками. Ниже этой покрышки сквозь косу продѣта мѣдная стрѣла или пластинка въ гори-

---

[1]) Эти два головныхъ убора хранятся въ музеѣ Восточносибирск. Отдѣла Географич. Общества въ Иркутскѣ. Тангуты (по одному показанію), широнголовъ, у которыхъ въ употребленіи эти громоздкіе головные уборы, называютъ Карлунъ.

[2]) Иногда мнѣ называли тотъ отдѣлъ широнгольскаго племени, женщины котораго носятъ такія шапки со стержнемъ, именемъ Хуари; другіе же говорили, что это имя мѣстности. Объ обычаѣ носить какія-то шапки съ стержнемъ у древнихъ моиголовъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ китаецъ Менъхунъ (Труды Вост. Отд. Археол. Общ., IV, 233).

Digitized by Google

зонтальномъ положеніи. Старыя женщины покрываютъ голову небольшимъ цилиндрическимъ клобукомъ, обшитымъ черною матеріей и сдвинутымъ ближе къ затылку.

Изъ другихъ частей костюма широнгольскихъ женщинъ въ Сань-чуани оригинальностью отличается юбка, корму. Она шьется изъ бязи коричневаго цвѣта; къ верхнему краю юбки пришитъ бѣлый ошкуръ въ 15 cm. шириной; сзади юбка имѣетъ разрѣзъ во всю высоту ея, такъ что юбку эту можно назвать большимъ фартукомъ, который прикрываетъ ноги до башмаковъ; полы этого фартука запахиваются одна на другой сзади, такъ что ноги женщины скрываются въ трубѣ. Боры сдѣланы только подъ концами ошкура и приходятся на поясницѣ; на животѣ и бокахъ юбка гладкая. Спереди отъ подола идетъ разрѣзъ, но только до половины высоты юбки. По подолу идетъ обшивка изъ черной дабы въ $7^1/_2$ cm. шириной, которая идетъ и вдоль обоихъ разрѣзовъ.

Сверхъ юбки повязывается фартукъ, по размѣрамъ совершенно европейскій; онъ шьется по большей части изъ красной матеріи; по бокамъ и подолу онъ обшитъ широкой въ ладонь шириной полосой изъ зеленой матеріи.

Грудь и спину прикрываетъ кофта часто зеленаго цвѣта съ широкими рукавами; она называется энги. Нижняя ея часть дѣлается красной.

Подъ юбкой женщины носятъ широкіе дабовые штаны и набрюшникъ, который въ то же время служитъ и карманомъ.

Башмаки у женщинъ китайскаго фасона, расшиваются шелками самими широнголками. Мужчины ходятъ въ башмакахъ, сшитыхъ ихъ женами. Кожаную обувь въ родѣ поршней, которая у китайцевъ назыв. ло-тей и которую я видѣлъ на ногахъ саларовъ, широнголы, по ихъ показанію, не употребляютъ.

Въ пищѣ широнголовъ мы можемъ отмѣтить только двѣ особенности: это во-первыхъ печеніе особыхъ хлѣбовъ въ чугунныхъ формахъ чингуръ или чингоръ и во-вторыхъ вареніе пива или бузы (нюшинъ). Главное отличіе этихъ хлѣбовъ, по-широнгольски называемыхъ чингуръ-итими, заключается въ томъ, что они кислы. Весь Китай знаетъ только прѣсный хлѣбъ — это булочки величиной съ просфору, которыя пекутся въ пару (въ особомъ снарядѣ, состоящемъ изъ рѣшетъ, въ которыя напускается паръ отъ кипятка). При печеніи чингуръ-итими употребляется особая закваска изъ стараго закисшаго тѣста съ какими-то примѣсями. Эта закваска называется поширингольски кунерге. Она имѣетъ видъ чечевицеобразныхъ колобковъ съ отверзстіями въ серединѣ, которые нанизываются на шнуръ въ родѣ нашихъ баранокъ. Широнголы отчасти сами приготовляютъ кунерге, но лучшій сортъ доставляется изъ окрестностей Ди-дао (или Линъ-тао). Крестьяне изъ подъ Ди-дао расходятся по Амдо, чтобы наниматься ткать какъ въ китайскихъ, такъ и тангутскихъ селеніяхъ; вмѣстѣ съ этимъ они разносятъ кунерге по краю, отдаютъ ихъ въ долгъ, а возвращаясь на родину собираютъ долги. Весной дидаоскіе кунерге продаютъ по 3 чоха за колобокъ, а осенью по шести. Въ тѣсто колобковъ примѣшиваются нѣкоторыя травы, между прочимъ ти-джу, Thymus Serpillum L., но хмѣль не употребляется и свойства его неизвѣстны, хотя

Digitized by Google

въ мѣстныхъ лѣсахъ и есть хмѣль, Humulus lupulus L. (?). Эти же кунерге употребляются и при винокуреніи.

Широнгольскіе кислые хлѣбы имѣютъ форму и величину нашихъ круглыхъ булокъ. Чугунная форма, чингуръ, въ которой они пекутся, состоитъ изъ двухъ чашъ, изъ которыхъ одна служитъ дномъ, другая крышкой [1]). Эти хлѣбы не есть, впрочемъ, исключительная принадлежность широнголовъ; подобные хлѣбы пекутъ и салары, а также и китайцы-мусульмане, но въ китайской средѣ печеніе ихъ мусульманскимъ міромъ только и ограничивается. Вѣроятно этотъ родъ хлѣбопеченія принесенъ сюда тюрками. Въ Хами также извѣстна хлѣбная закваска.

Тѣ же кунерге употребляются и при приготовленіи пива и затираніи хлѣба на вино (турасы). Винокуренный снарядъ состоитъ изъ котла съ крышкой, холодильника и трубы. Котелъ употребляется тотъ же самый, въ которомъ готовится пища, то есть вмазанный въ печь. Онъ покрывается круглой плоской деревянной крышкой, которая называется поширонгольски бергесы. Поперегъ крышки прикрѣпленъ брусокъ, въ которомъ сдѣлана вырѣзка для руки, чтобъ снимать крышку. Слово бергесы, вѣроятно, одного корня съ монгольскимъ бурхель, какъ называется сводообразная крышка, которою покрывается котелъ во время сидѣнья вина изъ молока, но широнголы всякую крышку называютъ бергесы. Въ крышкѣ находится отверзстіе, въ которое вставляется конецъ прямой трубы тунъ-цзы; другой конецъ трубы входитъ въ бокъ высокой корчаги на два вершка ниже ея края. Эта корчага служитъ вмѣсто холодильника и называется кэръ. Она разгорожена перегородкой на двѣ части; въ верхнюю наливается вода. Паръ поступаетъ изъ тунъцзы въ нижнюю половину кэра и сгущается въ немъ въ капли, которыя стекаютъ по короткой трубочкѣ, вставленной въ кэръ съ противуположной стороны немного выше дна. Подъ трубочку подставляется глиняный сосудъ для пріема водки.

Кунерге вѣроятно то же, что бурятское хурунгу; оно отличается отъ него такою же точно перестановкою, какъ широнгольское мерге «армячина» отъ ордосскаго урмеге. Подъ именемъ хурунгу буряты разумѣютъ заквашенное молоко изъ котораго гонится молочная водка, тарасунъ. Вѣроятно въ центральной Азіи винокуреніе изъ молока было открыто ранѣе винокуренія изъ хлѣба, и съ открытіемъ послѣдняго въ него была перенесена терминологія изъ молочнаго хозяйства.

Земли въ Сань-чуани у поколѣній, неимѣющихъ своихъ ту-сы, находятся въ частной собственности и владѣльцы могутъ ихъ передавать въ наслѣдство и продавать по личному произволу. Лица же поколѣній, у которыхъ есть ту-сы, какъ наприм. чичжанары, не имѣютъ права продать свою землю безъ разрѣшенія ту-сы. Чичжанаръ не можетъ продать свою землю ни кому, кромѣ чичжанара; лица другихъ костей, не имѣющихъ ту-сы, могутъ продавать землю и въ чужія фамиліи.

По смерти отца домъ и земля дѣлятся поровну между сыновьми; если домъ тѣсенъ или земля мала, то выдѣляютъ нѣкоторымъ братьямъ, вмѣсто земли и усадьбы,

---

[1]) Чингуръ, вѣроятно, то же самое слово, какъ и монгольское кангаръ, парныя чашки. Буква к въ началѣ слова въ широнгольскомъ иногда переходитъ въ ч, какъ напр. Читай вм. Китай и пр.

Digitized by Google

деньги. Дочери никакого надѣла не получаютъ, а живутъ у братьевъ. Земли сдаются въ аренду и отдаются въ закладъ; такъ племянникъ Сантанъ-джимбы Шянба отдалъ два шена своей земли въ закладъ за долгъ въ 17,500 чоховъ. Точно также отдаются въ закладъ орѣховыя деревья отдѣльными экземплярами.

Богатые въ Сань-чуани владѣютъ по 100 шеновъ земли, бѣдные по 5 — 9 шеновъ, и даже не болѣе 2 шеновъ, то есть такихъ участковъ, на которые на одинъ высѣвается зерна только одинъ шенъ или одно ведро. Шенъ есть мѣра для сыпучихъ тѣлъ, въ разныхъ частяхъ Китая разной величины; въ Санъ-чуани шенъ имѣетъ видъ ящика съ квадратнымъ дномъ; каждый бокъ дна 25 cm., высота ящика 17 cm.

Почва во всей Сань-чуани лёссовая; тѣмъ не менѣе она унавоживается; поля орошаются искусственнымъ образомъ канавами, проведенными изъ притоковъ Желтой рѣки. Осенью поля заливаются и въ теченіи зимы стоятъ подъ тонкимъ слоемъ льда. Жители объясняютъ эту мѣру, какъ предохраненіе полей отъ выдуванія удобреннаго слоя почвы весенними вѣтрами. Жатва снимается два раза въ годъ.

Пахота производится сохой на мулахъ. Сошникъ имѣетъ сердцевидное очертаніе; въ трубку сошника вставляется деревянный стержень; въ верхній конецъ его пропущена поперечина, за концы которой держатся руками при управленіи сохой. Стержень или разсоха назыв. модо анджасы; концы поперечины чикы, «уши». Въ стержень немного выше сошника съ передней стороны врублено дышло, леанъ; оно соединено съ стержнемъ распоркой суму-мото, «стрѣла».

Удобреніе составляется изъ смѣси лёссовой почвы съ навозомъ, золой и всякими нечистотами. Какъ раньше сказано, передъ калиткой каждаго дома находится куча подобнаго запаса. Приготовленіе удобренія составляетъ женскую работу. Женщины въ корзинкахъ на спинѣ приносятъ къ калиткѣ лёссъ съ пашни; затѣмъ зимой переносятъ сюда смерзшіяся нечистоты изъ выгребной ямы, колотушками разбиваютъ и то и другое въ порошокъ и смѣшиваютъ вмѣстѣ; весной въ корзинахъ же женщины относятъ это удобреніе на пашни. У кого есть ослы, тѣ отвозятъ удобреніе на ослахъ, вьюча двѣ корзины на одного. На одинъ шенъ засѣва кладутъ 100 ослиныхъ корзинъ удобренія [1]).

Сѣютъ ячмень (арпа), чинкоу (голый ячмень), пшеницу (бидн), гречиху (ска), но тотъ сортъ ея, который сѣютъ въ чахарской землѣ въ кормъ скоту, въ Саньчуани не сѣютъ. Картофель въ Сань-чуани не садится; саньчуанцы покупаютъ его въ деревняхъ, лежащихъ на окрестныхъ горахъ. Много засѣвается для приготовленія масла растенія кейза Brassica juncea (?); масло изъ нея одинъ изъ главныхъ продуктовъ Сань-чуани вмѣстѣ съ грецкимъ орѣхомъ, который доставляется на рынокъ города Лань-чжоу. Культура риса и хлопчатой бумаги до Саньчуани не поднимается. Конопля неизвѣстна саньчуанцамъ.

---

[1]) Въ мѣстахъ, гдѣ есть болота, какъ наприм. въ Гумбумѣ, рѣжутъ торфъ. поширонгольски допгулъ (въ Ордосѣ и Чахарской землѣ кала), жгутъ его и золой удобряютъ поля.

Digitized by Google

Сначала на полѣ сѣется ячмень, потомъ въ то же лѣто сѣютъ гречиху; или снявъ пшеницу, на томъ же полѣ сѣютъ итальянское просо (хонокъ)[1]).

Масло изъ кейзы идетъ для лампъ, но также идетъ и въ пищу; листья кейзы солятъ и потомъ кладутъ въ супъ.

Засѣянный шенъ ячменя даетъ 40 шеповъ новаго зерна. На семью въ пять человѣкъ считаютъ необходимымъ сто шеновъ хлѣба.

Изъ фруктовыхъ деревьевъ въ Сань-чуани разводятъ персики, груши и грецкій орѣхъ; яблоковъ и цзаоровъ (Zizyphus vulgaris Lam.) въ Сань-чуани нѣтъ. Прежде, по разсказамъ жителей, орѣховыхъ и персиковыхъ деревьевъ въ Сань-чуани было множество, но мусульманскіе мятежники вырубили ихъ. До возстанія вся саньчуаньская долина зеленѣла отъ фруктовыхъ и орѣховыхъ деревьевъ и представляла будто бы непрерывный садъ. Кромѣ фруктовыхъ, въ Сань-чуанѣ разводятъ еще два дерева: хунь-хуа (Wistaria chinensis), дающее масло и краску краснаго цвѣта и чёу-цзы Zantoxylon Bungei Pl., плодики котораго употребляются мѣстными жителями, какъ перецъ.

О пчеловодствѣ могу только засвидѣтельствовать, что оно существуетъ въ Сань-чуани. Такъ какъ намъ приходилось въ Сань-чуани быть только зимой и осенью, то намъ не довелось видѣть выставленныхъ ульевъ. Сань-чуанскій медъ мы часто имѣли у себя. Онъ дурного качества, жидкій и темнаго цвѣта. Бѣлый сахаристый медъ привозятъ въ Лань-чжоу только изъ Сы-чуани.

Изъ скота въ Сань-чуани разводятъ: коровъ[2]), свиней, овецъ съ бѣлой шерстью и небольшимъ хвостомъ,ословъ, лошаковъ и изрѣдка лошадей. Муловъ, сарлыковъ (по-широнгольски хайнэкъ) и помѣсей отъ сарлыковъ съ коровой въ Сань-чуани нѣтъ. Нѣкоторые держатъ жеребцовъ для случки съ ослицами; наблюдаютъ, чтобъ такой жеребецъ не увидѣлъ кобылицы, иначе онъ перестанетъ случаться съ ослицами. Имѣющій ослицу даетъ хозяину жеребца сито гороху за случку; когда ослица принесетъ жеребенка, хозяинъ ослицы даетъ хозяину жеребца 300 чоховъ и большую ковригу хлѣба, а также угощаетъ его водкой. Шерсть съ овецъ снимаютъ два раза въ годъ; тангуты, какъ въ Сань-чуани, такъ и въ остальномъ Амдо, какъ мнѣ говорили въ Сань-чуани, снимаютъ шерсть только разъ въ годъ, весной, а потому тангутская снятая шерсть бываетъ длиннѣе. Изъ птицъ разводятъ куръ и утокъ.

Ткачествомъ въ Сань-чуани занимаются только мужчины и ткутъ только шерстяныя матеріи, одну ткань пошире (по-широнгольски мерге), которая идетъ на шитье штановъ и верхней одежды, другую поуже, употребляемую вмѣсто поясовъ. Ткутъ еще грубую ткань на мѣшки, которая называется ма-пу. Саньчуанцы, подобно крестьянамъ изъ-подъ Ди-дао, расходятся по тангутскимъ кочевымъ стойбищамъ и нанимаются за плату ткать у тангутовъ, которые не занимаются земле-

[1]) Объ урожаѣ саньчуаньцы предугадываютъ по гнѣзду сороки. Если сорока дѣлаетъ весной у своего гнѣзда входное отверзстіе обращеннымъ на юго-западъ, будетъ хорошій годъ, если на сѣверъ—худой; если отверзстіе будетъ немного вверхъ, лѣтомъ не будетъ дождя, будетъ засуха.

[2]) Одинъ восьмилѣтній быкъ былъ смѣренъ мною; высота его была 1 m. 10 cm.

Digitized by Google

дѣліемъ. Разобранные деревянные станки они несутъ на себѣ. За одну вытканную маховую саженъ (алда) они берутъ съ хозяина шерсти 15 чоховъ; въ день искусный ткачъ натчетъ 15 маховыхъ саженъ. Кромѣ платы ткачи берутъ воровски въ свою пользу нитки, негодныя почему либо для тканья и ихъ обрывки. Такихъ обрывковъ каждый ткачъ съ одного хозяйства уноситъ на 100 чоховъ; это называется «доля ткача». Но если хозяинъ найдетъ у него эту «долю», онъ можетъ ёе отобрать [1]). Женщины въ Сань-чуани не ткутъ.

Бердо употребляется только для регулированія продѣванія нитокъ въ нитчанки; продѣвъ нитки въ щели берда, ткачъ продергиваетъ ихъ за тѣмъ въ нитчанки, а затѣмъ выдергиваетъ ихъ изъ берда и оно ему болѣе не нужно. Нитка прибивается не бердомъ, а челнокомъ, который имѣетъ для этого значительную длину и вѣсъ. Нитчанокъ (куцзохъ) четыре и сообразно съ тѣмъ четыре педали (чейгунъ). Челнокъ (суму, «стрѣла») имѣетъ видъ лодки; дно его не прорѣзано, какъ у нашего челнока, и поэтому къ широнгольскому челноку лучше бы шло русское названіе, чѣмъ къ нашему. Внутри челнока вставлена желѣзная игла, которая продѣта въ цѣвку или тростниковую трубку; конецъ намотанной на цѣвку нитки пропущенъ въ отверзстіе, которое находится или въ боку челнока или въ днѣ его. Блокъ, на которомъ подвѣшаны нитчанки, называется ырчагъ; притужальникъ огунъ; задній валъ, на который навита основа, луго; передній, на который навивается готовая ткань, кунь-джу; утокъ называется цуй-цзы; колеско для навивки утка на цѣвку—терге; катушка съ желѣзнымъ стержнемъ (веретеномъ)—терге-игъ.

Широнголы катаютъ войлока и красятъ ихъ иногда красной краской; красные войлока носятъ названіе рчанъ, что потангутски значитъ просто войлокъ и показываетъ, что эта манера заимствована у тангутовъ. Точно также и шерстяную матерію съ бѣлыми кружками, внутри которыхъ коричневые крестики, широнголы зовутъ тангутскимъ именемъ чугъ.

Широнгольскія женщины завалены работой; онѣ разбиваютъ деревянными молотками комковатую землю, которая предназначается на удобреніе, носятъ въ корзинахъ за спиной или возятъ на ослахъ удобреніе на пашню, помогаютъ мужчинамъ пахать, сѣять, ходятъ съ ведрами за водой; обшиваютъ семью, няньчатся съ дѣтьми. Онѣ встаютъ ранѣе мужей съ постелей. Мужъ можетъ уйдти изъ дома или уѣхать въ Гумбумъ смотрѣть на празднество Чоба съ увѣренностью, что жена безъ него уберетъ поле или приготовитъ удобреніе. Это отягощеніе женщинъ полевыми работами, особенно грязною частью ихъ—приготовленіемъ удобренія—ведетъ къ неряшливости женщинъ. Нельзя надивиться на руки широнголокъ и признать въ нихъ часть человѣческаго тѣла; широнголки выгребаютъ золу и угли изъ печей руками вмѣсто кочерги и потому онѣ у нихъ грязны, грубы и черны. Къ этому присоединяется бѣдность края тряпьемъ; небогатыя женщины имѣютъ только по

[1]) Такое же воровство чинятъ китаянки въ Гуанъ-дунѣ, когда прядутъ хлопчатую бумагу; каждая пряха можетъ упрятать въ свои панталоны до 1 фунта хлопка.

Digitized by Google

одному безсмѣнному платью; всякій лоскутокъ ткани цѣнится, и какъ бы худъ ни былъ, его вымоютъ и онъ уйдетъ на подклейку въ башмаки. Грубая даба вродѣ дерюжки, которую у насъ развѣ бы только употребили на обертку почтовой посылки, здѣсь вышивается шелками для подушекъ, которыми декорируется канъ въ парадной комнатѣ. Дѣти содержатся грязно и не удивительно, что между ними часто встрѣчаются съ накожными болѣзнями. И на взрослыхъ часто бываютъ раны на шеѣ и на груди, болѣзнь, которую въ Ордосѣ монголы зовутъ хулугана джара, «крысья рана».

Въ религіозномъ отношеніи широнголы раздѣляются на двѣ группы: мусульманъ и не-мусульманъ. Мусульмане живутъ особыми деревнями, имѣютъ свои мечети (ли-бей-сы) и своихъ ахуновъ и брезгуютъ религіями своихъ сосѣдей. Въ Сань-чуани только одна деревня Ма-чжа занята мусульманами, за то въ Тунъ-сянѣ всѣ широнгольскія деревни мусульманскія. Не мусульмане широнголы всѣ буддисты, но рядомъ съ культомъ буддійскихъ божествъ у нихъ существуетъ еще культъ какихъ-то не буддійскихъ боговъ. У нихъ есть монастыри и храмы тибетской архитектуры съ статуями боговъ, сдѣланными по образцамъ, какіе обыкновенно находятся въ другихъ храмахъ Тибета и Монголіи, и кромѣ того есть кумирни китайской архитектуры съ статуями боговъ китайскихъ образцовъ.

Въ другихъ частяхъ Китая, для немусульманскаго китайскаго населенія существуютъ три рода храмовъ: конфуціанскіе, буддійскіе и даоскіе, но масса не распредѣлена по этимъ вѣроисповѣданіямъ. Одно и то же лицо идетъ молиться и въ даоскій и въ буддійскій храмъ, все равно, какъ у насъ больной человѣкъ то обращается къ врачу аллопату, то къ гомеопату. Конфуціанство, даосизмъ и буддизмъ это философскія ученія, обратившіяся въ вѣроисповѣданія; первое изъ нихъ считается въ Китаѣ государственной доктриной, но конфуціанскіе храмы встрѣчаются только въ городахъ; буддійскіе храмы еще рѣже, но даоскихъ больше и храмы встрѣчаются только въ даоскихъ и буддійскихъ монастыряхъ и поддерживаются случайной милостыней приходящихъ богомольцевъ и нѣкоторые правительственной субсидіей. Но кромѣ этихъ трехъ есть еще четвертый родъ храмовъ или кумирень, которыя устраиваются по почину и соглашенію деревенскихъ и городскихъ обществъ или городскихъ купеческихъ и другихъ корпорацій. При нихъ, какъ и при конфуціанскихъ храмахъ, нѣтъ монаховъ, а сторожа; обряды жертвоприношеній и процессій совершаются членами свѣтской общины, подобно тому, какъ въ конфуціанскихъ храмахъ совершаютъ ихъ полицейскіе чиновники. Этотъ народный культъ въ отношеніи къ тремъ упомянутымъ религіямъ все равно, что народная поэзія по отношенію къ поэзіи и искусству, созданнымъ интеллигенціей.

Изъ этихъ четырехъ культовъ въ Сань-чуани существуютъ только два, буддійскій и народный. Ни конфуціанской кумирни, ни даоскаго монастыря здѣсь нѣтъ. Даоскіе монахи, которыхъ здѣсь зовутъ тао-жень (дао-жень) и которыхъ узнаютъ по ихъ костылямъ съ трезубцами и по ихъ прическѣ, являются сюда только изрѣдка за сборомъ подаяній. Отношеніе сань-чуанцевъ къ буддійской религіи другое, чѣмъ у китайцевъ; они не относятся къ буддійскимъ храмамъ, какъ богомольцы,

Digitized by Google

а составляютъ буддійское общество или, если можно выразиться, буддійскую церковь. Существованіе двухъ культовъ вмѣстѣ въ однихъ и тѣхъ же умахъ дѣлаетъ изъ Сань-чуани примѣръ рѣдкаго двоевѣрія. Нашъ лама Сэрэнъ былъ монахъ изъ монастыря Уньчжа-сюме, имѣлъ въ немъ келью и жилъ постоянно въ немъ; и въ то же время онъ ревностно хлопоталъ объ украшеніи кумирни народнаго культа въ честь небуддійскаго Лунъ-вана и былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ вкладчиковъ этой кумирни.

Въ Сань-чуани на 20 т. жителей есть нѣсколько буддійскихъ монастырей (сюме, по здѣшнему произношенію): Уньчжа-сюме, Каданъ-сюме, Кадигава, Уши-гонпа и др. У каждаго сюме есть свой приходъ, добровольно обязавшійся содержать его. Такъ Уши-гонпа содержатъ, по разсказамъ, 9 имыковъ, Уньчжа-сюме 24 имыка или чжа; числа эти вѣроятно преувеличины тщеславіемъ монаховъ. Монастыри эти наполняются братіей изъ среды широнголовъ; изрѣдка въ широнгольскихъ монастыряхъ встрѣчаются монголы изъ Ордоса и даже мы видѣли одного солона. Людность широнгольскихъ монастырей находится въ связи съ здѣшними земельными порядками. Земли въ Сань-чуани дѣлятся между сыновьями; когда же семья велика и надѣлы выходятъ ничтожны, часть братьевъ поступаетъ въ ламы. До мусульманскаго возстанія, когда населеніе Сань-чуани было многочисленно и земли стало мало, число ламъ стало велико. Изъ четырехъ братьевъ одинъ оставался въ дому и продолжалъ хозяйство, остальные шли въ ламы. Возстаніе мусульманъ и разгромъ Сань-чуани обрѣдилъ населеніе послѣдней; оказалась потребность въ рабочихъ рукахъ для обработки полей и потому пока въ ламы выдѣляется небольшой процентъ населенія. Эти ламы зарабатываютъ деньги чтеніемъ молитвъ по случаю болѣзни или смерти свѣтскихъ лицъ, а также снабженіемъ больныхъ лекарствами, изготовленіемъ бурхановъ и живописью. При умноженіи ламъ въ Сань-чуани, широнгольскіе ламы расходились по Монголіи и Тибету. Многіе и теперь живутъ въ Джони, Гумбумѣ, Лабранѣ, Лассѣ, Долонъ-норѣ, Алашани и др. мѣстахъ. Въ Гумбумѣ и въ настоящее время треть братіи состоитъ изъ широнголовъ.

Если оставшійся въ семьѣ братъ умеръ и не кому его замѣнить, чтобы вести хозяйство, тогда другой братъ, постригшійся въ монахи, оставляетъ монастырь и вновь становится міряниномъ. Я часто встрѣчалъ въ Сань-чуани такихъ лицъ, которые являлись ко мнѣ съ косой на спинѣ, а ранѣе они были монахами. Ламъ, которые жили бы открыто въ супружескомъ союзѣ и занимались бы хозяйствомъ, что часто встрѣчается въ Монголіи и у хухунорскихъ олётовъ, въ Сань-чуани я не замѣтилъ. Здѣсь весь монашескій классъ живетъ въ монастыряхъ, что не мѣшаетъ нѣкоторымъ монахамъ имѣть въ міру подругу сердца, но эти сношенія хранятся въ тайнѣ.

Сань-чуань расположена среди буддійскихъ святынь. Къ востоку отсюда знаменитый Гумбумъ, родина Цзонкавы, реформатора буддизма и основателя ламства; Шячунъ, мѣсто пустынножительства учителя Цзонкавы, гдѣ Цзонкава бралъ первые уроки буддійскаго ученія; около самой Сань-чуани Кади-гава, куда будто бы нѣкогда былъ принесенъ чудотворный образъ Цзонкавы. Кромѣ того въ окрестностяхъ ле-

Digitized by Google

жатъ монастыри Пи-линъ-сы и Марцзанъ, озеро Шинъ-ся-норъ, и другія мѣста съ буддійскими легендами. Все это свидѣтельствуетъ о продолжительномъ вліяніи буддизма на племена, населявшія долину Желтой рѣки, и самое появленіе реформатора въ здѣшней странѣ можетъ быть объяснено только тѣмъ, что Амдо было однимъ изъ умственныхъ центровъ буддійскаго міра. Очень вѣроятно, что умственная культура и искусство давно начали находить пріютъ въ этихъ теплыхъ долинахъ Хуанъ-хэ и Сининъ-гола, загражденныхъ со всѣхъ сторонъ высокими хребтами отъ нашествій непріятельскихъ ордъ. Въ запискахъ миссіонера XVIII вѣка, Orazio della Penna, посѣтившаго Лассу, сохранилось замѣчаніе, что всѣ просвѣщенныя лица въ Лассѣ, ученые и преподаватели, происходятъ изъ Амдо; даже учитель самого Далай-ламы былъ амдосецъ [1]). Можетъ быть на это превосходство въ знаніяхъ и культурѣ намекаетъ и народная легенда о построеніи Лассы, когда она разсказываетъ, что строители, чтобы открыть секретъ, какъ довести постройку до конца, должны были отправиться за совѣтомъ въ Амдо. Справка съ историческими свидѣтельствами говоритъ въ пользу болѣе ранняго просвѣщенія Амдо сравнительно съ долиной Яру-цзампо. Буддизмъ въ долину этой рѣки, гдѣ теперь стоитъ Ласса, Римъ буддійскаго міра, былъ принесенъ въ VII в. при царѣ Сронцзанъ Гамбо или Лунцзанѣ (род. въ 617 г., вступилъ на тронъ въ 629 г.; Köppen, Die Religion des Buddha, B. II, S. 53); между тѣмъ мы знаемъ, что китайскій монахъ Сюань-цань въ томъ же VII вѣкѣ, проѣзжая изъ Китая въ Индію, въ городахъ къ с. отъ Нань-шаня, въ Лянь-чжоу, Хами, Хотанѣ и др., нашелъ уже процвѣтавшій буддизмъ; мало того монахъ Фа-сянь еще ранѣе, въ началѣ V вѣка, слѣдовательно за двѣсти лѣтъ до тибетскаго царя Сронцзанъ-гамбо, нашелъ буддизмъ тамъ же, гдѣ позднѣе видѣлъ его Сюань-цань, т. е. на южной окраинѣ Монголіи. Если въ городахъ, стоявшихъ вдоль подошвы Нань-шаня, буддизмъ уже укрѣпился и господствовалъ, то едва ли долина Желтой рѣки, отдѣленная отъ этихъ городовъ только узкимъ нагорьемъ, оставалась не охваченной вліяніемъ уйгурскаго буддизма. Во время военныхъ погромовъ, которые случались на монгольской плоскости, буддисты, жители уйгурскихъ городовъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Нань-шаня, не могли найдти лучшее убѣжище отъ истребленія, какъ замкнутая въ родѣ естественной крѣпости амдоская часть долины Желтой рѣки. На то, что она служила такимъ убѣжищемъ, указываетъ ея пестрый этнографическій составъ, въ который входятъ и широнголы и салары, кромѣ китайцевъ и тангутовъ. Въ виду того, какъ далеко лежитъ Ласса отъ Амдо и какія непріютныя пустыни и хребты отдѣляютъ её, невольно склоняешься къ мнѣнію, что на родинѣ Цзонкавы буддизмъ воцарился гораздо ранѣе, чѣмъ въ царствѣ Сронцзанъ-Гамбо. Это былъ вѣроятно тотъ буддизмъ, который исповѣдывали уйгуры южной Монголіи; онъ вѣроятно принесенъ былъ сюда изъ Хотана, а въ Хотанъ изъ Кашмира или еще вѣрнѣе изъ Кабула черезъ Баміанъ; вѣроятно также, что принесенный такъ рано въ окрестности Желтой рѣки, онъ отсюда тогда же началъ распространяться по плоскости на сѣверъ въ Ордосъ,

[1]) Markham, Narratives ef the mission of George Bogle to Tibet. London, 1879, p 313.

Digitized by Google

въ Гуй-хуа-ченъ и можетъ быть далѣе, такъ что монголы могли познакомиться съ нимъ раньше, чѣмъ они встрѣтились съ тангутами. И если теперь мы видимъ, что священнымъ письмомъ сѣверной Монголіи стало тибетское письмо, что монгольскимъ Римомъ сдѣлалась Ласса, и монгольскимъ папой первосвященникъ, живущій на южной окраинѣ Тибета, разгадка этого факта вѣроятно скрывается въ исторіи Амдо и Ордоса, гдѣ передъ вѣкомъ Чингисъ-хана столкнулись три народности уйгурская, тангутская и монгольская; роли могли переставиться и тангуты могли занять мѣсто уйгуровъ. Какъ ханская корона могла переходить съ головы уйгура на голову тангута, такъ и шапка первосвященника. Тангуты, живя сначала такъ близко къ уйгурскимъ городамъ, потомъ сдѣлавшись ихъ господами, непремѣнно должны были многое позаимствовать у нихъ, какъ у расы въ умственномъ отношеніи стоявшей значительно выше. И тотъ, кто разыскиваетъ уйгурскія древности, вѣроятно не безполезно займется изученіемъ тангутовъ Амдо. Сказаніе о Гэсэрѣ можетъ быть одно изъ наслѣдствъ, оставшихся тангутамъ отъ уйгуровъ.

Какимъ путемъ широнголы усвоили культъ народныхъ китайскихъ божествъ, можно будетъ сказать только послѣ подробнаго изученія шяронгольской устной старины. Конечно у широнголовъ были какія-нибудь вѣрованія до принятія ими буддизма, но они должны бы походить на тѣ остатки древняго культа, которые теперь еще встрѣчаются у монголовъ плоскости. Теперь же мы наблюдаемъ, что широнголы замѣнили этотъ древній культъ заимствованнымъ у китайцевъ. Усвоеніе китайскихъ божествъ не можетъ быть объяснено расовымъ смѣшеніемъ; въ сосѣдней съ Сань-чуанью долинѣ р. Ителгола въ деревняхъ осѣдлыхъ тангутовъ точно также, кромѣ буддійскихъ монастырей, находятся и китайскія кумирни съ статуями народныхъ китайскихъ боговъ, хотя тангуты съ китайцами браковъ и не заключаютъ.

Въ описываемой области наиболѣе популярны китайскія божества лунъ-ванъ и ньянъ-ньянъ; въ честь лунъ-вана наиболѣе настроено кумирень на востокѣ области нашихъ изслѣдованій, въ окрестностяхъ Хэ-чжоу; ньянъ-ньянъ почитается усерднѣе на западѣ около Си-нина; отсюда и китайская поговорка: «лунъ-ванъ до-де тифанъ Хэ-чжоу, ньянъ-ньянъ до-де тифанъ Си-нинъ». Оба эти имени лунъ-ванъ и ньянъ-ньянъ нарицательныя; лунъ значитъ драконъ, ванъ—царь; лунъ-вановъ, говорятъ, множество и они различаются собственными именами; такъ лунъ-ванъ, въ честь котораго построена кумирня въ восточной половинѣ Сань-чуани около деревни Чичжа, носитъ спеціальное названіе: Сочжи-лунъ-ванъ; иногда его зовутъ также Сочжи-ѣ. Ньянъ-ньянъ значитъ барышня; это имя придается женскому божеству, видоизмѣненія котораго также вѣроятно различаются спеціальными именами.

Кромѣ боговъ буддійскихъ и китайско-народныхъ у широнголовъ встрѣчаются еще шаманскія божества; ихъ, кажется, немного и ихъ чтутъ только нѣкоторыя чжа; такъ Гань-чжа, Тянь-чжа, Хо-чжа, Ши-чжа, Нань-чжа чтутъ божество Цзу-ши (иначе Хэ-ма-Цзу-ши, «Цзу-ши на черной лошади»), а фамиліи Ма-чжа божество Пайма-Тянъ-чжанъ (Тянь-чжанъ на бѣлой лошади)[1]). Эти фамиліи въ то же время

[1]) Кромѣ того, мнѣ говорили, есть еще шаманскій богъ съ овечьей головой; онъ называется Янъ-тоу

Digitized by Google

покланяются и ламайскимъ и китайскимъ божествамъ. Шаманскія божества рисуются на холстѣ и эти картины поклоняющіеся имъ держатъ въ своихъ фанзахъ; онѣ освящаются особыми лицами, которыхъ китайцы называютъ инъ-янъ [1]), а широнголы-бо, т. е. тѣмъ же именемъ, которымъ другіе монголы зовутъ шамановъ. Мнѣ довелось присутствовать при освященіи картины, изображавшей Цзуши, и я прилагаю описаніе мною видѣннаго.

Одинъ житель дер. Гань-чжа заказалъ для своего дома изображеніе Цзу-ши и пригласилъ для освященія его инъ-яна изъ дер. Нань-чжа.

Цзу-ши изображается по одному образцу. Середина картины занята крупной фигурой, представляющей самого Цзу-ши верхомъ на черной лошади, скачущей справа на лѣво. Растянутое тѣло лошади дѣлитъ картину на двѣ части, верхнюю и нижнюю. Въ правой рукѣ Цзу-ши мечь, поднятый въ воздухѣ; надъ головой фигуры зонтъ, который держитъ невидимая изъ-за лошади фигура. Надъ Цзу-ши подъ самымъ верхнимъ краемъ картины изображено шесть фигуръ, которыя представляютъ божества (въ порядкѣ отъ лѣвой руки къ правой): 1) Чіу-тянь-ши-муньянъ-ньянъ (т. е. «девять небесныхъ дѣвъ»; почему одна фигура представляетъ цѣлыхъ девять, объяснявшій картину художникъ сказать не могъ); 2) Линъ-ло-хуанъ-ди; 3) Кванъ-лао-ѣ (Вань-тинъ-шинъ-сянъ); 4) Жи-юѣ-та-ланъ; эта фигура держитъ въ одной рукѣ солнце (жи), въ другой луну (юѣ); 5) Чжонъ-та-тай-цзы; 6) Чинъ-лунъ-тай-цзы. Эти фигуры повидимому изображаютъ небесный міръ; тутъ мы встрѣчаемъ у одной фигуры эпитетъ тянь, «небесный», около другой солнце и луну. Къ этому же міру вѣроятно относятся три фигуры, изображенныя немного ниже, именно: 7) Чоанъ-хуанъ-эрръ-ланъ, сопутствуемый бѣлой собакой, подъ первой фигурой верхняго ряда и надъ головой лошади; 8) Хэй-ху-линъ-гуанъ, сопутствуемый тигромъ, подъ лѣвой крайней или шестой фигурой верхняго ряда; 9) Шонъ-ма-тунъ-цзы подъ Хэй-ху-линомъ; онъ ѣдетъ съ письмомъ на небо, по объясненію художника. Нѣсколько болѣе мелкихъ фигуръ изображены около самаго Цзу-ши; ихъ всего семь, три впереди, четыре сзади. Переднія называются Чянъ-санъ; одинъ изъ нихъ съ листомъ бумаги и съ кистью; онъ записываетъ добрыя и злыя дѣла; слѣдующій несетъ мѣшокъ съ табакомъ, третій трубку. Четыре заднія фигуры называются Хы-сы; одинъ изъ нихъ несетъ зонтъ, тукъ; другой драгоцѣнность, по-монгольски эрдени, покитайски бао-бей; третій письмо съ печатью; сзади ихъ каменная плита (ши-пэй) для надписи. Подъ фигурой Цзу-ши изображены слѣдующія второстепенныя фигуры. Подъ передними ногами человѣческая фигура: 1) Мангушинъ-жень; подъ нею въ четвероугольникѣ двѣ фигуры, стоящія за столомъ, на которомъ поставлены два блюда, повидимому, съ жертвоприношеніями; эти фигуры называются 2) Джинъ-гу-му-дянъ. Это божества, которымъ покланялся Цзу-ши во время своей земной жизни. Подъ ними сцена, представляющая шаманскій обрядъ; тутъ

ху-хуа. Во время войны одному человѣку отрубили голову; второпяхъ онъ схватилъ первую попавшуюся голову, лежавшую на землѣ; попалась овечья; онъ присадилъ ее на свою шею; голова приросла. Послѣ этого онъ и сталъ богомъ.

[1]) Инъ-мужское начало китайской философіи, янъ женское.

Digitized by Google

изображенъ шаманъ съ пѣтухомъ, его ассистентъ съ бубномъ, хозяинъ дома, его хозяйка и обрядная мачта, такъ называемый хонгонъ. Подъ брюхомъ лошади нарисована черепаха, везущая двухъ змѣй, перевитыхъ въ родѣ того, какъ на кадуцеѣ Гермеса; это гуй-ши-эрръ-чжанъ. Такъ называлось чудовище, поѣдавшее людей въ то время, когда Цзу-ши жилъ на землѣ и сидѣлъ въ пещерѣ; Цзу-ши укротилъ его и поставилъ въ невозможность вредить людямъ. Ниже черепахи представлены фигуры: 3) Кэй-лу-чжянь-чжюнь, 4) Хо-лу-чжянь-чжюнь (поширонгольски галъ эдженъ, «хозяинъ огня») и 5) Цуй-лу. Между ними и Мангушинъ-женемъ 6) Шя-ма-линъ-тунъ-цзы, везущій письмо на землю (не въ подземный ли міръ?).

У нижняго края пять фигуръ—У-доу. Это не божества, какъ объяснилъ художникъ, а сильные люди или богатыри; одинъ изъ нихъ, черный, соотвѣтствуетъ сѣверу, другой, красный, югу, третій, синій, востоку, четвертый, бѣлый, западу, пятый, желтый, серединѣ или центру неба; первый изъ нихъ держитъ зеркало, второй варитъ въ котлѣ душу человѣка грѣшника, третій ведетъ душу на поводкѣ, четвертый силачъ, несущій гору на головѣ, пятый силачъ, ворочающій лѣсъ. Фигуры У-доу какъ будто изображаютъ подземное царство, адъ (или ночное небо?); человѣкъ съ зеркаломъ напоминаетъ Ерлика съ зеркаломъ въ аду на буддійской картинѣ «Сансарійнъ курдэ»; двѣ слѣдующія фигуры также напоминаютъ сцены ада на той же картинѣ.

Эта шаманская картина напоминаетъ онгоны сѣверной Монголіи, состоящіе изъ четвероугольнаго лоскута, къ верхнему краю котораго пришито нѣсколько куколъ, изображающихъ небесныхъ дѣвъ; солнце и луна также фигурируютъ въ рисункахъ на шаманскихъ бубнахъ сѣверной Монголіи [1]); впрочемъ эти два свѣтила также часто рисуются и на буддійскихъ иконахъ, а равно на послѣднихъ также иногда можно видѣть у верхняго края и рядъ мелкихъ фигуръ.

О самомъ Цзу-ши я слышалъ въ Сань-чуани такой разсказъ: Онъ молился въ пещерѣ (яо-дунъ) и бросился со скалы: его брюхо при этомъ распоролось и внутренности намотались на древесныя колючки (ургусы); кишки обратились въ змѣю, поѣдающую людей, а сердце и харги (т. е. эльгынъ, селезенка) въ лягушку (мяндакай), поѣдающую людей. Богъ сказалъ Цзу-ши, чтобъ онъ собралъ свои внутренности. Цзу-ши собралъ и онѣ обратились въ гуй-ширъ-эрръ-чжанъ, т. е. въ лягушку, обмотанную змѣей, которая и рисуется на картинѣ, изображающей Цзу-ши. Другая легенда: Это былъ человѣкъ, спасавшійся (молившійся) въ пещерѣ. Арья-Бало, принявъ видъ дѣвицы, спустился къ нему въ пещеру, но Цзу-ши бросился на соблазнительницу съ мечемъ. Дѣвица кинулась изъ пещеры, упала съ горы въ долину и убилась. Цзу-ши въ горѣ самъ бросился со скалы и убился. Душа его поднялась на небо; тамъ небо присудило ему быть богомъ, отъ котораго зависитъ паденіе дождя, чтобъ люди чтили его, жгли ему куджи и покланялись ему.

Дѣйствіе инъ-яна должно было происходить въ небольшомъ дворикѣ, внутри котораго была всего одна фанза съ верандой и входною дверью, обращенными на

[1]) Очерки, IV, таблицы рисунковъ IV—XIII и XXII (рис. 95).

Digitized by Google

югъ. Когда мы втроемъ, я, Сантанъ-джимба и еще одинъ крестьянинъ изъ дер. Чи-чжа, подходили къ этой усадьбѣ, стоявшей уединенно, уже съ дороги мы слышали мѣрные удары нѣсколькихъ бубновъ. Когда мы вошли во дворъ, мы увидѣли въ немъ нѣкоторыя особенности въ обстановкѣ, вызванныя предстоявшей церемоніей.

Посреди двора была вкопана мачта около трехъ саженъ высоты; это по-широнгольски хонгонъ [1]); на вершинѣ ея былъ укрѣпленъ снопъ проса; ниже снопа мачта окружена пучкомъ или бахромой бумаги, изрѣзанной въ видѣ узора, въ родѣ того, какъ у насъ въ небогатыхъ домахъ украшаютъ свѣчи кудреватой бумагой; этотъ пучекъ назыв. шипагуръ; подъ шипагуромъ къ мачтѣ прикрѣпленъ четырехъ-угольный флагъ тянь-чи съ пришитыми къ нему двумя клиньями; подъ тянь-чи длинная тесьма могай чарисы; еще ниже трехъ-угольный флагъ ше-чи. Подъ этимъ флагомъ былъ подвѣшенъ деревянный крестъ, державшійся горизонтально; къ каждому концу креста былъ подвѣшенъ четвероугольникъ изъ лучинокъ; къ каждому изъ послѣднихъ была прекрѣплена бумага, склеенная въ видѣ трубы, какъ это дѣлается для бумажныхъ фонарей; длина такой трубы была не менѣе двухъ аршинъ; вся бумага была изрѣшечена узорчатыми вырѣзами, и нижніе концы этихъ висѣвшихъ бумажныхъ трубъ были также изрѣзаны въ кружево; эта часть сооруженія называется хойгынъ; крестъ, несущій хойгынъ, поднимался и опускался на фалѣ. Подъ мачтой стоялъ столикъ и на немъ были наставлены деревянные доу (гарнцы) съ мукой и зерномъ, фляги съ виномъ, подносы съ пачками вермишеля и т. п., но самое важное, что тутъ было, это кубическій ящикъ въ $1^1/_2$ четверти длины, наполненный просомъ; и не этотъ ящикъ собственно былъ священный, а деревяшка, до половины воткнутая въ просо. Она состоитъ изъ двухъ половинокъ, которыя свободно распадаются, а будучи сложены вмѣстѣ, образуютъ тѣло, похожее на стручекъ краснаго перца, но съ болѣе тупымъ концомъ. Изъ двухъ плоскихъ поверхностей, которыми половинки складываются, на одной есть выпуклости отъ втиснутаго въ дерево олова, на другой впадины для пріема этихъ выпуклостей. Рисунокъ, которой образуютъ эти оловянныя вставки въ дерево, представляютъ одинъ изъ восьми знаковъ, входящихъ въ составъ китайской мистической фигуры «па-гуа». Эта деревяшка поширонгольски называется шюгуръ. Она была воткнута въ просо острымъ концемъ. Рядомъ съ нею на просѣ въ томъ же ящикѣ стояла плошка съ масломъ, которая горѣла; а у краевъ ящика въ просо были воткнуты бумажный желтый флагъ на лучинкѣ, чечеръ или чичиръ и стебель проса, тючъ ибисы, къ которому было прицѣплено бумажное кружево.

Въ глубинѣ дворика былъ устроенъ навѣсъ на столбахъ; кровля его состояла изъ хвороста, прикрытаго сверху глиной; нижняя сторона кровли или потолокъ былъ убранъ бумагой; многочисленныя ленты изъ бѣлой и желтой бумаги висѣли космами съ потолка, какъ длинный мохъ на деревьяхъ въ тайгѣ; края кровли также были украшены бумажнымъ кружевомъ.

На задней стѣнѣ подъ навѣсомъ была растянута холстина, на которой были

[1]) Не въ связи ли съ монгольскимъ онгонъ?

Digitized by Google

подвѣшены двѣ ветхія картины, изображавшія Цзу-ши; онѣ во всѣхъ подробностяхъ повторяли то описаніе, которое было выше сдѣлано нами. На холстинѣ оставалось еще мѣсто для третьей картины той же величины, какъ и выставленныя. Она уже была готова, но выставить ее подъ навѣсъ предполагалось въ серединѣ церемоніи. Выставленныя картины были доставлены изъ постороннихъ домовъ; новый экземпляръ Цзу-ши имѣлъ водвориться въ домѣ подъ руководствомъ двухъ старыхъ. Подъ картинами была примощена длинная полка, на которой стояли доу съ просомъ и съ воткнутыми въ него бумажными флагами и куджи и фонари съ горѣвшими плошками. Въ углу былъ приставленъ къ стѣнѣ шинъджанъ; это желѣзный трезубецъ, насаженный на короткое древко; съ боку къ древку было прикрѣплено мѣдное зеркало (толи), а на нижнемъ его концѣ насажено ромбическое копьецо. Къ шейкѣ трезубца былъ привѣшенъ крупный желѣзный шарообразный ширкунецъ съ массивной связкой лоскутьевъ или платковъ, выкроенныхъ изъ красной, синей и желтой дабы.

Мы застали подъ навѣсомъ трехъ человѣкъ, которые били въ бубны и танцовали, но это были добровольцы; шамана[1]) между ними не было. Вскорѣ послѣ нашего прихода изъ фанзы вышелъ шаманъ. Это былъ сухощавый мужчина лѣтъ тридцати съ длиннымъ лицомъ и смуглой кожей, сквозь которую во все лицо выступалъ румянецъ. Онъ смотрѣлъ очень веселымъ человѣкомъ. Добровольцы сдали бубны. У внѣшняго края площадки, прикрытой навѣсомъ, поставили низенькій столикъ и на немъ кубическій ящикъ съ «шюгуромъ». Передъ этимъ столикомъ постлали бѣлый войлокъ. Шаманъ сѣлъ на войлокъ спиной къ стѣнѣ, на которой висѣли Цзу-ши, лицомъ къ шюгуру; слѣва сѣлъ его ассистентъ, справа посадили одного изъ мѣстныхъ крестьянъ, который, какъ послѣ оказалось, превосходно зналъ всю церемонію наизустъ. Всѣ втроемъ начали бить въ бубенъ и пѣть.

Бубенъ инъяна состоитъ изъ обтянутаго козлиной кожей желѣзнаго обруча, къ которому прикрѣплена желѣзная ручка. Очертаніе бубна почковидное и въ цѣломъ онъ походитъ на нескладной китайскій вѣеръ. На концѣ ручки приковано желѣзное кольцо, на которое нанизано три бѣгающихъ кольца; кромѣ того три кольца продѣты въ скобочку, которая находится на лѣвой сторонѣ ручки, и два съ правой стороны; всего семь колецъ. Бьютъ по бубну палочкой въ $1^1/_2$ четверти длиной, которая называется губя; это или деревянная палка, обшитая дабой, или ремень свернутый вдвое и сшитый. Пластина бубна имѣетъ около 2 четвертей въ поперечникѣ, если мѣрять поперегъ ручки, и немного менѣе, если мѣрять по продолженію ручки.

Побубнивъ, сидя на войлокѣ, бубнившіе встали. Войлокъ былъ убранъ и началась пляска трехъ человѣкъ подъ навѣсомъ. Они то подбѣгали быстро къ богамъ, держась въ рядъ, дѣлали передъ ними книксенъ, и потомъ, бубня и сохраняя тотъ же порядокъ, медленно отступали, пятясь къ внѣшнему краю веранды,

[1]) Я употребляю здѣсь слово шаманъ, потому что сами широнголы китайское слово инъ-янъ замѣняютъ монгольскимъ бо.

Digitized by Google

то продѣлывали тѣ же движеніе, обратившись къ богамъ спиной, или повернувшись къ нимъ лѣвымъ бокомъ или наконецъ правымъ. Они танцовали, выбрасывая впередъ свои ноги въ тактъ ударамъ въ бубенъ и обнаруживая передъ стоявшей на дворѣ публикой подошвы своихъ неуклюжихъ сапоговъ. Иногда они кружились по солнцу или противъ солнца. Знакъ къ переходу отъ одной фигуры къ другой всегда давалъ шаманъ особымъ взмахомъ бубна, который почти одновременно повторялся его товарищами. Всѣ ихъ движенія были подчинены одной дисциплинѣ; взмахи ногъ, положеніе и держаніе бубна въ каждый данный моментъ у всѣхъ было одинаково. По большей части бубенъ они держали передъ собой, какъ держатъ вѣеръ; иногда они обносили бубенъ вокругъ головы быстрымъ едва услѣдимымъ движеніемъ, или ударивъ колотушкой (гу-бя) по краю бубна и держа его горизонтально въ вытянутой рукѣ, заставляли его быстро завертѣться; это производило очень хорошій эффектъ; они всѣ трое при этомъ стоятъ неподвижно съ вытянутыми впередъ руками лицомъ или къ богамъ или къ окружающимъ зрителямъ; пѣсни ихъ смолкли; не слышно топота ногъ; только пластинки бубна мелькаютъ въ воздухѣ да слышенъ шорохъ желѣза, производимый кольцами, нанизанными на ручку; это въ своемъ родѣ трагическій шопотъ, переведенный на языкъ желѣзныхъ погремушекъ. Сначала было занимательно смотрѣть на эту пляску; было забавно видѣть, какъ пожилые крестьяне, имѣвшіе можетъ быть уже взрослыхъ сыновей, съ дѣловитымъ видомъ отплясывали, не замѣчая комическаго оттѣнка, который ихъ пляскѣ придавали тяжелые китайскіе сапоги съ толстыми подошвами. Но потомъ вниманіе утомлялось однообразіемъ, потому что танцующіе повторяли все однѣ и тѣ же фигуры. Конечно, это не былъ балетъ для развлеченія зрителей; это былъ трудъ во имя боговъ и не въ занимательности его для зрителей заключалось его достоинство, а въ продолжительности.

Послѣ этого вступленія началось настоящее дѣйствіе. Какой-то человѣкъ (кажется хозяинъ) поднялъ ящикъ съ шюгуромъ на руки; его посадили подъ навѣсомъ по серединѣ; къ нему посадили спиной человѣка, который взялъ себѣ на лѣвое плечо трезубецъ, стоявшій дотолѣ на полкѣ. Такимъ родомъ усадили пять человѣкъ, трехъ лицемъ къ задней стѣнѣ, на которой висѣли два изображенія Цзу-ши, и трехъ лицомъ къ мачтѣ. Всѣ шестеро были плотно примкнуты другъ къ другу спинами и боками. Одинъ имѣлъ въ рукахъ ящикъ съ шюгуромъ; другой трезубецъ; третій держалъ на головѣ подносъ съ пакетами гуа-мяна (вермишели) и куджи, четвертый также на головѣ подносъ съ четырьмя чашечками съ талканомъ (жареной мукой) и масломъ, пятый подносъ съ разными сортами печеній и наконецъ шестой держалъ въ каждой рукѣ по флягѣ съ виномъ. Словомъ все, что стояло на столикѣ передъ хонгономъ, т. е. мачтой, было снесено теперь сюда. Шаманъ съ товарищами принялись кружиться и бѣгать вокругъ сидѣвшихъ, потрясая бубнами и ударяя въ нихъ. Они внезапно останавливались уставивъ бубны, поставленные на ребро, въ группу сидѣвшихъ и наклонившись къ ней, какъ бы прислушиваясь, одновременно испускали протяжный крикъ: еу! Сидѣвшіе отвѣчали имъ тѣмъ же протяжнымъ: еу! Это было повторено два или три раза въ

Digitized by Google

перемежку съ пляской и круженіемъ. Потомъ сидѣвшіе встали и теперь всѣ девятеро начали кружиться и танцовать подъ навѣсомъ. Носители подносовъ и ящиковъ были повидимому набраны изъ домашнихъ, не имѣли прежде случая практиковаться въ шаманской плескѣ, были не ловки и потому тутъ часто происходила путаница; пляшущіе натыкались другъ на друга, толкались, безъ толку толпились и вызывали въ публикѣ хохотъ и ѣдкія насмѣшки; шаманъ долженъ былъ, прекративъ дѣйствіе, возстановлять порядокъ, послѣ чего круженіе подъ звуки бубновъ вновь начиналось. Были промежутки, когда круженіе прекращалось, шаманъ начиналъ пѣть отдѣльно отъ товарищей, которые въ это время только били въ бубны; послѣ пѣсни шаманъ давалъ своему бубну горизонтальное положеніе; на поверхность бубна клали шюгуръ; шаманъ, слегка наклонивъ передній край бубна и тряся его, заставлялъ шюгуръ скатиться на землю, причемъ онъ распадался на двѣ половинки, ложившіяся или обѣими поверхностями разрѣза къ верху, или одной. Шаманъ спрашивалъ окружающихъ о положеніи шюгура и толпа въ одинъ голосъ отвѣчала ему, что̀ выпало, счастье или несчастье. Очевидно, это было гаданье въ родѣ урянхайскаго торо̀къ и ойго [1]). Къ концу этой пляски люди съ подносами отдѣлились и стали у боковой стѣны подъ навѣсомъ; шаманъ съ товарищами сталъ лицомъ къ богамъ, товарищи били въ бубны, шаманъ пѣлъ. По звуку, который онъ подавалъ своимъ бубномъ, одинъ изъ шести носильщиковъ отдѣлялся отъ своихъ товарищей, начиналъ кружиться вокругъ самого себя и за тѣмъ относилъ свою ношу къ мачтѣ, гдѣ ставилъ ее на стоящій подлѣ нея столъ. Такимъ образомъ сначала былъ отнесенъ ящикъ съ шюгуромъ, потомъ все остальное. Трезубецъ также подвѣсили къ мачтѣ надъ столомъ. Въ это же время изъ фанзы принесли лотокъ съ аляповато сдѣланными булками и поставили на тотъ же столъ; въ булки воткнули маленькіе бумажные флаги, чэчэры. Шаманъ съ товарищами, танцуя, также приблизился къ мачтѣ и сталъ съ западной ея стороны; хозяинъ дома и хозяйка стали на колѣна передъ мачтой. Шаманъ взялъ со стола комокъ масла, разломилъ его на двое и прилѣпилъ по комочку на лобъ хозяина и на лобъ хозяйки; потомъ онъ ноймалъ одинъ изъ четырехъ бумажныхъ концовъ хойгына, которыми игралъ вѣтеръ, и держа его въ лѣвой рукѣ, началъ пѣть длинныя пѣсни, сопровождаемыя ударами въ бубны его товарищей. Въ правой рукѣ онъ держалъ чарку съ виномъ. Пропѣвъ пѣсню, онъ растягивалъ ея конецъ и выливалъ вино на землю. Толпа отвѣчала ему общимъ крикомъ. Послѣ каждой вылитой чарки ему подавали другую. У стола подъ мачтой стояли три человѣка, которые наполняли одну чарку за другой и клали въ вино крошки, которыя они отщипывали со стоявшихъ на столѣ хлѣбовъ и грудокъ масла. Около семи или девяти чарокъ вина вылилъ шаманъ на землю, держась за конецъ бумажнаго кружева, висѣвшаго на сѣверовосточномъ концѣ креста хойгына. Потомъ столько же чарокъ онъ вылилъ, держась за кружево, спускавшееся съ югозападнаго конца. Все это время онъ пѣлъ, товарищи его бубнили, а хозяинъ дома и хозяйка сто-

[1]) См. мои Очерки II, 84, 86; IV стр. 683.

Digitized by Google

яли передъ мачтой съ западной стороны на колѣняхъ. Покончивъ эти пѣсни и возліянія, шаманъ сталъ передъ жертвенникомъ и началъ пѣть вмѣстѣ съ товарищами. Одинъ изъ его ассистентовъ при этомъ сбивался; шаманъ останавливался и дѣлалъ ему замѣчанія, отъ которыхъ тотъ отдѣлывался всякій разъ какими-то энергическими шутками, вызывавшими въ толпѣ восторгъ и смѣхъ. Кончивъ это тріо, шаманъ взялъ въ горсть бѣлаго талкану (жареной муки), подошелъ къ хозяину и, поддерживая его за затылокъ, началъ пѣть; содержаніе его пѣсни, какъ мнѣ передали, вкратцѣ было такое: «у шамана ночью нѣтъ покоя, ногамъ его днемъ нѣтъ отдыха» и затѣмъ подавалъ талканъ въ ротъ хозяина, стараясь протиснуть ему какъ можно болѣе муки, а тотъ, боясь поперхнуться, вертѣлъ головой и всячески старался увернуться. Остатки талкана, оставшіеся въ рукѣ, шаманъ размазалъ по лбу и лицу хозяина, такъ что когда онъ отошелъ, фигура хозяина походила, какъ будто онъ только что вернулся съ мельницы. Дружный хохотъ раздался въ толпѣ. Послѣ того шаманъ подалъ ему чарку водки и кусокъ булки. То же самое онъ продѣлалъ и съ женой хозяина. Когда онъ отошелъ отъ нея, я замѣтилъ, что и лобъ годового ребенка, котораго она держала въ рукахъ, былъ тоже запачканъ бѣлой мукой. Послѣ того хозяинъ и его жена встали и ушли, а шаманъ и его товарищи стали продолжать бить въ бубны и плясать передъ мачтой. Вскорѣ впопыхахъ прибѣжали еще какіе-то два молодыхъ парня, очевидно также принадлежащіе къ семейству и куда-то уходившіе; ихъ усадили на колѣни и шаманъ продѣлалъ съ ними то же самое, то-есть сначала посадилъ на ихъ лбахъ комочки бѣлаго масла, потомъ также съ прибауткой набилъ ихъ рты бѣлой мукой и подалъ вина и куски булки. Послѣ того онъ поставилъ всѣ три бубна въ рядъ подлѣ стола подъ мачтой и удалился отдыхать въ фанзу. Тотчасъ же дѣти, которыхъ тутъ было постоянно довольно, подхватили бубны и начали пробовать подражать шаману. Я хотѣлъ воспользоваться антрактомъ, чтобы зарисовать хонгонъ и другія части обстановки двора. Только я успѣлъ зарисовать трезубецъ и мачту, какъ ко мнѣ подошелъ Сантанъ-джимба, вызвалъ меня изъ двора на улицу и сообщилъ, что шаманъ проситъ меня не срисовывать «шюгуръ»; что это вещь священная, отъ которой зависитъ урожай хлѣбовъ; что моему присутствію уже приписываютъ въ толпѣ неудачное паденіе шюгура и что шаманъ питаетъ ко мнѣ страхъ. Антрактъ продолжался около часу; во все продолженіе его три волонтера бубнили и плясали передъ богами подъ навѣсомъ. Вѣроятно считается за лучшее не давать отдыху ушамъ боговъ. За тѣмъ вновь вышелъ шаманъ, но на этотъ разъ костюмированный. На головѣ его была волосяная сѣтка съ ячеями въ четверть дюйма въ поперечникѣ; на темени сѣтка имѣла отверзтіе, въ которое была пропущена коса, повидимому начинавшаяся на темени. Коса была свита въ нѣсколько колецъ, лежавшихъ одно на другомъ; конецъ косы висѣлъ свободно сзади. На лбу сѣтка была повязана красной дабовой лентой, которая была завязана бантомъ на затылкѣ. Надъ лбомъ за эту ленту былъ заткнутъ гребень изъ бѣлой бумаги, которая была сложена складками, какъ у вѣера, и потомъ распущена. Этотъ гребень называется шипагуръ. Надъ ушами къ сѣткѣ были прикрѣ-

Digitized by Google

плены большіе пучки бѣлаго бумажнаго кружева, висѣвшаго до плечъ; это чики, «уши». Туловище шамана было прикрыто женскимъ платьемъ. Сверху надѣта была безрукавка изъ синей дабы; она имѣла спереди разрѣзъ отъ горла до нижняго края; нижнюю часть тѣла шамана прикрывала женская юбка изъ коричневой дабы. Станъ шамана былъ обхваченъ краснокоричневымъ кушакомъ въ двѣ ладони ширины, поверхъ котораго былъ наложенъ ременный поясъ; къ послѣднему сзади было подвѣшано одинадцать желѣзныхъ шаровидныхъ ширкунцевъ. На спинѣ за поясъ были заткнуты три бумажныхъ чэчэра, которые закрывали спину шамана, а заткнутый тутъ же длинный пукъ кружева изъ бѣлой бумаги опускался ниже колѣнъ, какъ бы хвостъ. На бедрахъ также были прикрѣплены кружева; это шянъ-лянъ.

Вслѣдъ за шаманомъ подъ навѣсъ вышелъ человѣкъ, кажется, самъ хозяинъ дома; онъ несъ въ одной рукѣ свернутую въ трубку новую картину съ изображеніемъ Цзу-ши, въ другой три большихъ чэчэра изъ бѣлой бумаги. Онъ держалъ эти вещи, скрестивъ ихъ на своей груди. Его поставили спиной къ стѣнѣ, на которой уже висѣли старые экземпляры Цзу-ши, лицомъ къ мачтѣ; шаманъ и его два ассистента стали противъ него и начали бить въ бубны. Затѣмъ вся компанія съ присоединеніемъ еще человѣка, взявшаго себѣ на плечо трезубецъ, вышла изъ двора на улицу и отправилась на гумно, которое находилось къ югу отъ двора и примыкало къ его стѣнѣ. На серединѣ гумна процессія остановилась. Здѣсь разостлали на землѣ войлокъ; несшій картину сѣлъ на него. Ему дали въ руки крестьянскія вилы, на вилы вздѣли верхній шнурокъ картины, который назначается для подвѣшиванія картины на гвоздь, и распустили её. Передъ нами раскрылась свѣжая картина, только что написанная однимъ художникомъ за два лана серебра. Она была копіей съ тѣхъ двухъ экземпляровъ, которые уже висѣли подъ навѣсомъ. Голова Цзу-ши была нарисована несоразмѣрно великою сравнительно съ тѣломъ самого бога и съ тѣломъ лошади и богъ казался большеголовымъ ребенкомъ, скачущимъ на жеребенкѣ. Глаза у Цзу-ши были сдѣланы золотые. Возлѣ картины поставили столикъ съ чашкой вина, корзину, въ которой лежали толи (металлическое зеркало) и безменчикъ или вѣски, и другую, въ которой лежали вѣничекъ и поварешка.

Картина была обращена лицомъ на западъ. Шаманъ и его товарищи стали передъ картиной, начали плясать, бить въ бубны и пѣть. Подъ конецъ они стали учащать удары въ бубны; чѣмъ чаще были удары, тѣмъ сильнѣе началъ трястись шаманъ. Наконецъ онъ передалъ бубенъ другому лицу; ему подали кисть и начали натирать тушь. Натираніе совершилось не скоро и шаманъ съ кистью въ рукѣ, съ тоской нетерпѣнія въ глазахъ, смотрѣлъ на натираніе, трясясь въ лихорадкѣ и стоя подъ самымъ носомъ бога. Наконецъ ему подали кисть съ краской на концѣ и онъ поставилъ ею знакъ, какъ мнѣ показалось, на переносьѣ бога. Потомъ ему подали шелковую нитку, на оба конца которой были вдѣты иголки; долго онъ водилъ иголкой по картинѣ, пока не проткнулъ отверзстія въ зрачкахъ у всѣхъ человѣческихъ фигуръ, изображенныхъ на картинѣ, начиная съ самого Цзу-ши; этимъ дѣйствіемъ онъ одарялъ ихъ дѣйствительнымъ зрѣніемъ; въ заключеніе онъ

Digitized by Google

воткнулъ одну иголку въ ротъ Цзу-ши, а другую гдѣ-то вверху картины и такъ оставилъ ихъ. Ему подали двѣ зажженныя свѣчи; онъ водилъ ими сначала предъ лицомъ Цзу-ши, какъ будто желая освѣтить его, потомъ обвелъ по всему тѣлу и по тѣлу лошади до самыхъ копытъ, а также по всѣмъ верхнимъ и нижнимъ фигурамъ картины. Далѣе ему подали пѣтуха; сначала онъ зубами вырвалъ пучекъ перьевъ изъ подъ крыла пѣтуха и прыснулъ ихъ въ лицо Цзу-ши; потомъ взялъ пѣтуха въ лѣвую руку клювомъ къ картинѣ и, хлопая его по спинѣ правой рукой и заставляя кричать, началъ водить имъ по всей картинѣ, какъ прежде водилъ свѣчками и иголками. Наконецъ онъ еще вырвалъ своими зубами пучекъ перьевъ изъ подъ крыла пѣтуха и вторично выплюнулъ ихъ въ лицо Цзу-ши. Пѣтуха смѣнило вино, которое подали въ китайской чашкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ шаману подали гребень и лоскутокъ бѣлой дабы; обмакнувъ уголъ гребня въ вино и поддерживая этотъ омоченный конецъ гребня на близкомъ разстояніи съ лоскутомъ дабы, который онъ держалъ въ другой рукѣ, шаманъ опять началъ водить этими предметами по всей картинѣ. Отдавши гребень, шаманъ въ томъ же порядкѣ обвелъ по всей картинѣ сначала металлическимъ зеркаломъ (толи), потомъ безменчикомъ; послѣ этого ему подали зажженную куджи и пучекъ бумажнаго кружева. Шаманъ сначала покружилъ этими предметами по картинѣ, потомъ, положивъ бумагу передъ нею на землю, сжегъ её. Во все время этого процесса онъ пѣлъ пѣсни. Послѣ сожженія бумаги онъ взялъ въ руки бубенъ и, напѣвая, сталъ подставлять бубенъ подъ шюгуръ. Началось опять гаданье.

Принесли семь фаянсовыхъ чашекъ и разоставили ихъ вдоль всего гумна на протяженіи 25—30 шаговъ. Одну чашку поставили прямо противъ середины картины; остальныя шесть далѣе въ два параллельныхъ ряда, такъ что изъ чашекъ образовалась къ западу отъ картины аллея. Чашки наполнили просомъ изъ ящика, въ который былъ погруженъ конецъ шюгура; въ просо воткнули во всѣ чашки маленькіе бумажные чэчэры; возлѣ чашекъ по поверхности гумна насыпали дорожку изъ отрубей, такъ что она зигзагами обѣгала вокругъ всѣхъ чашекъ; подлѣ каждой чашки поставили зажженную маслянную плошку, сдѣланную изъ тѣста. Когда все было готово, двинулась цѣлая процессія, впереди шаманъ, держа въ лѣвой рукѣ бубенъ съ прижатой къ нему колотушкой, въ правой пѣтуха; за нимъ два его ассистента, бьющихъ въ бубны; далѣе хозяинъ дома, несущій новую картину на вилахъ, потомъ человѣкъ съ тремя бумажными флагами и наконецъ человѣкъ съ трезубцемъ. Процессія начала кружиться вокругъ каждой чашки; начиная съ той, которая стояла одиноко, она переходила къ первой чашкѣ лѣваго ряда, потомъ къ первой чашкѣ праваго ряда, ко второй чашкѣ перваго ряда, ко второй чашкѣ второго ряда и т. д. до послѣдней; здѣсь останавливались; шаманъ затягивалъ отдѣльную пѣсню, потомъ выкусывалъ пачку перьевъ у пѣтуха, выплевывалъ ихъ на картину и опять направлялъ процессію къ чашкѣ, съ которой начали этотъ танецъ. Всего три раза были обойдены чашки и всѣ три раза пѣтухъ терялъ свои перья. Направленіемъ движеній руководилъ, конечно, шаманъ; но это было замѣтно только тогда, когда процессіи приходилось переходить отъ одной чашки къ другой; пока процессія

Digitized by Google

кружилась вокругъ одной чашки, шаманъ какъ будто затеривался внутри ея, но потомъ, какъ электрическая искра, онъ перелеталъ къ другой чашкѣ и за нимъ перемѣщалась туда же и остальная процессія. За тѣмъ чашки и плошки убрали. Процессія составила кругъ; шаманъ и его товарищи стали лицомъ къ картинѣ; шаманъ пѣлъ, бубны били и всѣ участники медленно передвигались, какъ въ хороводѣ, причемъ человѣкъ, носившій картину, старался держать её лицомъ къ шаману, и потому долженъ былъ медленно вращаться вокругъ себя. Такъ процессія вертѣлась почти на одномъ мѣстѣ болѣе часа. Наконецъ она медленно двинулась къ дому, предшествуемая пляшущимъ шаманомъ. Время отъ времени шаманъ дѣлалъ возгласъ, повертывался лицомъ назадъ, и тогда два человѣка, шедшіе подлѣ картины, одинъ съ вѣникомъ, другой съ корзиной, бросались на землю впереди ея; одинъ изъ нихъ вѣникомъ будто заметалъ соръ съ земли въ поварешку спереди назадъ, то есть вѣникъ мелъ отъ дома, а поварешка подставлялась со стороны картины; потомъ онъ это мнимо заметенное высыпалъ изъ поварешки въ корзину, которую подставлялъ его товарищъ. Это душу новаго Цзу-ши залучали въ домъ. У калитки двора процессія остановилась; съ внутренней стороны калитка была загорожена столомъ, на которомъ были уставлены подносы и фляги съ виномъ. Шаманъ сталъ въ самой калиткѣ; остальные вмѣстѣ съ картиной оставались на улицѣ. Шаману стали подавать черезъ калитку чарку за чаркой съ виномъ, въ которое вѣроятно были опущены крошки хлѣба и масла, и онъ, напѣвая пѣсни, выливалъ вино на землю передъ картиной, стоя къ ней лицомъ. Потомъ онъ взялъ со стола масла и всѣмъ членамъ процессіи, что либо несшимъ, налѣпилъ на лбу по комочку; потомъ всѣмъ подалъ горстью прямо въ ротъ талкану и далъ запить виномъ. Столикъ убрали, процессія вошла во дворъ, картину внесли подъ навѣсъ и подвѣсили на гвоздь, на оставленномъ для нея на стѣнѣ мѣстѣ, рядомъ съ двумя старыми экземплярами. Этимъ кончилось освященіе картины; мы оставили деревню Гань-чжа и вернулись въ дер. Чи-чжа съ намѣреніемъ вернуться въ неё, когда начнется окончательное дѣйствіе шамана, кототорое заключается въ ошмыгиваніи бумажнаго кружева съ кровли навѣса и въ сожженіи хойгына.

Въ часъ курицы, какъ говорили широнголы, долженъ былъ совершиться послѣдній актъ—сожженіе хойгына. Мы вновь вошли въ Ганьчжу, когда уже стало темнѣть. Бубны уже гремѣли, но оказалось, что это стучали волюнтеры. Вскорѣ, однако вышелъ самъ шаманъ въ своемъ костюмѣ, въ юбкѣ, съ гребнемъ на головѣ и хвостомъ сзади, и подъ навѣсомъ началось общее пѣніе его съ товарищами и пляска. Это длилось болѣе часа; большую часть времени плясавшіе вертѣлись другъ за другомъ очень быстро, находя возможность въ то же время бить въ тактъ по бубну и взмахивать бубнами надъ головой. Подъ навѣсомъ было освѣщено; толпа стояла вокругъ плотно ряда въ три; трудно было видѣть, что творилось подъ навѣсомъ. Но кажется ничего особеннаго; иногда пляска прерывалась, шаманъ запѣвалъ одинъ и пѣсня по обыкновенію кончалась подаваніемъ на бубенъ шюгура и гаданьемъ. Кончилась пляска тѣмъ, что пляшущіе усѣлись на войлокѣ лицомъ къ тремъ Цзу-ши; пропѣвъ нѣсколько пѣсень подъ бубны, они перемѣстились ближе къ

Digitized by Google

богамъ, усѣлись подъ самыми ихъ носами и еще нѣсколько минутъ пѣли и били въ бубны. Потомъ шаманъ всталъ и распустилъ косу; какъ меня увѣряли, на концѣ косы у него былъ желѣзный крючокъ, но я издали не могъ его видѣть. Шаманъ началъ плясать и такъ неистово мотать головой, что коса стала стегать по потолку навѣса во всѣхъ направленіяхъ и сбивать на землю украшавшее его бумажное кружево. Вскорѣ бумага обрѣдѣла и потолокъ изъ бѣлаго сталъ чернымъ; тогда остатки бумаги соскоблили съ потолка лопатами. Послѣ того шаманъ вышелъ къ мачтѣ, неся въ одной рукѣ бубенъ, а въ другой трезубецъ. Пропѣвъ у мачты пѣсню особеннымъ суровымъ, мужественнымъ, напѣвомъ, онъ отнесъ трезубецъ подъ навѣсъ и вновь вернулся къ мачтѣ и сталъ плясать и пѣть передъ ней, вмѣстѣ съ товарищами. Въ это время принесли лотокъ съ семью бѣлыми хлѣбами и поставили его на землю съ западной стороны мачты; въ булки были воткнуты чэчэры, а къ лотку прикрѣплено семь горѣвшихъ свѣчъ. Сзади шамана появились люди съ лотками и ночевками на головахъ. Соединившись съ этими вновь прибывшими, шаманъ двинулся цѣлой компаніей вокругъ мачты, обходя её слѣва на право, т. е. по солнцу; за нимъ несли лотокъ съ освященными хлѣбами и шли носильщики съ лотками и ночевками на головахъ; между ними я замѣтилъ одну женщину; это была вѣроятно хозяйка дома. Обойдя мачту разъ, носильщики стали съ западной стороны на колѣни. Что тутъ происходило, за тѣснотой и темнотой я не разсмотрѣлъ, но судя по тому, что кто-то поднималъ руку надъ головами носильщиковъ и запускалъ её въ каждый лотокъ и ночевку, я догадывался, что производится сборъ жертвенныхъ крошекъ, и что вѣроятно шаманъ опять кропилъ землю виномъ и вѣроятно также кидалъ шюгуръ.

Принесли скамейку, покрытую бѣлымъ войлокомъ; шаманъ сѣлъ на неё верхомъ, какъ будто на коня, и поскакалъ вокругъ мачты подъ звуки бубенъ, сопровождаемый товарищами, носильщиками съ лотками на головахъ, и двумя человѣками съ горящими свѣчами въ рукахъ. Противъ каждой изъ четырехъ странъ свѣта онъ останавливался и пѣлъ пѣсню опять тѣмъ же суровымъ напѣвомъ, какимъ пѣлъ при выносѣ трезубца. Сошедши съ мнимаго коня, шаманъ сталъ противъ мачты съ западной стороны; рядомъ съ нимъ стали его ассистенты, люди съ лотками на головахъ; всѣ они стали врядъ передъ лотками съ хлѣбами, которые стояли на землѣ подъ мачтой. Шаману подали пѣтуха и широкій кухонный ножъ. Вся компанія начала пѣть и плясать; движенія шамана были энергичнѣе всѣхъ другихъ; пѣсня его раздавалась громче. Онъ сначала вырвалъ зубами клокъ перьевъ у пѣтуха, потомъ началъ размахивать пѣтухомъ и ножемъ въ воздухѣ. Это была энергическая пляска; ноги высоко отдѣлялись отъ земли; на лицахъ играла улыбка; пѣли и плясали всѣ съ увлеченіемъ; нѣсколько постороннихъ лицъ также стали въ рядъ и приняли участье въ пѣніи и пляскѣ, между ними замѣшался даже какой-то старикъ, который тоже двигалъ въ тактъ своими членами. Мнѣ пришлось стоять какъ разъ противъ и видѣть весь рядъ пляшущихъ, освѣщаемыхъ снизу огнями, которые горѣли у хлѣбовъ. Лицо шамана раскраснѣлось болѣе прежняго. Пляшущіе казались счастливыми, какъ будто они глазами видѣли плывущее къ нимъ благо-

Digitized by Google

получіе, о которомъ они молились цѣлый день. Эта картина крестьянъ, пляшущихъ ночью при огнѣ, была бы способна вызвать желаніе и еще разъ увидѣть её, еслибъ въ рукахъ шамана было чучело пѣтуха, а не живое животное, съ которымъ онъ вовсе не думалъ церемониться; онъ металъ имъ въ воздухѣ, какъ платкомъ и ножъ, который онъ имѣлъ въ другой рукѣ, болтался такъ близко отъ головы пѣтуха, что я думалъ, смерть послѣдуетъ случайно. Иногда шаманъ наклонялся къ булкамъ и тыкалъ въ нихъ пѣтухомъ, все это подъ тактъ ударовъ въ бубны и подъ ритмъ пѣсни. Я думалъ, что онъ наклоняется, чтобъ зарубить пѣтуха; однако нѣтъ, онъ снова выпрямлялся и снова плясалъ. Птица сначала кричала, но потомъ вѣроятно закружилась и смолкла. Живая пляска и одушевленная пѣсня напомнила намъ разсказы о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, которыя сопровождались пѣснями, заглушавшими послѣдніе крики жертвы. Послѣдній актъ этого дѣйствія состоялъ въ томъ, что бумагу, висѣвшую на хойгынѣ, сложили въ кучу къ востоку отъ мачты и сожгли. Послѣ этого мы отправились въ Чичжу, не дожидаясь конца. Дорогой мы еще слышали, какъ раздавались звуки бубна, но это были послѣдніе удары. Вскорѣ они замолкли вѣроятно съ послѣдней вспышкой сгорѣвшей бумаги. Насъ начали догонять пѣшеходы, какъ и мы, возвращавшіеся съ представленія по домамъ. Вправо и влѣво отъ насъ слышались голоса идущихъ по разнымъ тропинкамъ; одни громко разговаривали, другіе напѣвали шаманскіе мотивы; одни обгоняли насъ, другіе уходили въ сторону и голоса ихъ медленно замирали.

Обряды для отвращенія бѣдствія отъ грозы и градобитія совершаются въ Сань-чуани особыми выборными чинами, которые называются поширонгольски тереучи [1]). Каждая группа фамилій, образовавшаяся для содержанія кумирни или мяо (народнаго культа), избираетъ своихъ тереучи. Такъ фамиліи Янь-чжа, Чичжа и Вынь-чжа имѣютъ общую мяо и избираютъ 12 тереучи; по преданію, прежде избирали 24 тереучи. Фамиліи Ни-чжа, Шинъ-чжа, Хо-чжа и Чжань-чжа также имѣютъ особую мяо и избираютъ четыре тереучи въ годъ; ихъ избираютъ всѣхъ изъ одной фамиліи на годъ; деревни чередуются; въ годъ нашего пребыванія въ Сань-чуани всѣ тереучи этой группы были изъ фамиліи Хо-чжа. Въ деревнѣ Шяна (на р. Сининъ-голѣ) четыре тереучи, или, какъ они тутъ еще называются, вѣроятно, съ китайскаго, суй-теу. Изъ среды тереучи избираются пай-тоу и цунъ-чжа, которые управляютъ ими. Главная обязанность тереучи совершать обрядъ во время наступленія грозы. Какъ только начинается гроза, старшіе изъ тереучи берутъ палки и начинаютъ стучать ими. Тогда всѣ тереучи бѣгутъ въ общественную мяо, берутъ въ руки бубны, панъ-дей, и лу и бьютъ въ нихъ; при этомъ они держатъ въ рукахъ чичиры (флаги) и кричатъ: чіу лю! сань лю! (что значитъ по-китайски: прошла! разошлась [2])! какъ бы ни мочило ихъ дождемъ, какой бы сильный градъ

[1]) У киргизъ есть поколѣніе Чиреучи (см. Очерки, II, 3 и 6).
[2]) По-широнгольски: ябысэнъ! ырдарасэнъ!

Digitized by Google

ни громилъ ихъ головы, они должны продолжать свою церемонію на открытомъ воздухѣ; для защиты отъ ударовъ града на головы тереучи надѣваютъ зимнія войлочныя шапки. Если гроза не утихаетъ, тереучи идутъ отъ мяо къ ближайшему перекрестку дорогъ; а если и это не дѣйствуетъ, идутъ къ бугру или возвышенію, на которомъ тѣми же тереучи весной поставленъ ча-пей. Если и при этомъ гроза не удаляется, принимаютъ участіе въ церемоніи и «лэу-чжа» (о нихъ см. ниже). Обрядъ этого хожденія съ бубнами называется нокчиръ-каруджонъ (карауленье грозы). Каждый тереучи непремѣнно обязанъ въ немъ участвовать; если тереучи опоздаетъ на перекрестокъ, съ него берется штрафъ—100 чоховъ, а если опоздаетъ къ бугру, 400 чоховъ; поэтому, если тереучи куда-нибудь по своимъ дѣламъ долженъ отлучиться, онъ на время своего отсутствія кого-нибудь нанимаетъ изъ своихъ сосѣдей [1]). На деньги, полученныя съ оштрафованнаго, покупается водка и распивается.

Именемъ ча-пей называются четырехконечные деревянные кресты, которые водружаются на какомъ-нибудь высокомъ мѣстѣ около полей. На верхнемъ концѣ вертикальнаго перекрестья вырѣзывается человѣческое лицо. Концы горизонтальнаго перекрестья почитаются за руки. Высотой эти кресты бываютъ въ ростъ человѣка. Они ставятся въ 4 лунѣ крестьянами подъ руководствомъ тереучи. Сначала приглашается инъ-янъ (шаманъ), который камлаетъ передъ приготовленнымъ чапеемъ; потомъ одинъ изъ тереучи относитъ его на бугоръ и водружаетъ безъ всякихъ рѣчей. При поставленіи чапея тереучи колютъ козла, мясо его варятъ и съѣдаютъ, а шкуру набиваютъ соломой и это чучело привязываютъ къ кресту такъ, что голова козла приходится подъ изображеніемъ человѣческаго лица на крестѣ. Голова козла должна быть обращена на сѣверъ. При основаніи креста вбивается въ землю дощечка съ написанными іероглифами; она назыв. ша-чжонъ. Другая, по имени пей-пыръ, прикрѣпляется въ мѣстѣ соединенія перекрестій. Такихъ крестовъ, говорили мнѣ, ставится по четыре на одномъ бугрѣ; одинъ ставится лицомъ къ сѣверу, другой къ югу, третій къ западу и четвертый къ востоку. Мнѣ самому не удалось видѣть ихъ, потому что осенью они сжигаются, и я въ оба раза приходилъ въ Саньчуань послѣ того, какъ чапеи съ полей были убраны. Полное ихъ названіе ча-пей хура удзиху, т. е. «наблюдающіе надъ дождемъ чапеи». При постановкѣ чапеевъ крестьяне пекутъ хлѣбы трехъ разныхъ величинъ, по 10 штукъ каждаго размѣра; ковриги, которыя пекутся въ Сомбрѣ, отличаются отъ всѣхъ другихъ своей большой величиной и называются чжинъ-бинъ. По увѣренію крестьянъ, чапеи ставятся для того, чтобы градомъ не било поля.

По показанію, записанному мною въ дер. Шяна (на Сининъ-голѣ, въ с. отъ г. Чуань-коу) чапей (по мѣстному шабей) ставятъ хулабыры въ честь Тайванъ-нянъняна или Ухай-лунъ-вана; возлѣ чапея, кромѣ дощечки «ша-чжонъ», выставляютъ черепа лошадей и свиней. Хулабыръ (особое лицо, находящееся при кумирнѣ) предварительно втыкаетъ себѣ въ грудь три стрѣлы и потомъ ставитъ чапей.

[1]) Повидимому важнымъ считается число тереучи, участвующихъ въ обрядѣ, и кажется, придается значеніе числу четыре, отъ котораго получаются комбинаціи восемь, двѣнадцать, шестнадцать и пр.

Digitized by Google

Тѣмъ же тереучи поручается надзоръ за потравами полей. Весной, въ опредѣленный день тереучи обходятъ деревни, ударяя палками, и кричатъ, что будутъ съ этого дня брать штрафы за потраву; осенью, когда хлѣба будутъ убраны, они вновь обходятъ деревни и возвѣщаютъ, что время штрафованія за пойманный скотъ въ полѣ кончилось. Если тереучи случится, въ промежуткѣ между этими сроками, застать въ полѣ скотину, онъ беретъ съ ея хозяина штрафъ. Тереучи также слѣдятъ, чтобъ лѣтомъ никто не жалъ травы на пашенныхъ межахъ [1]). Штрафы за потраву и незаконный выкосъ на межѣ не берутся сейчасъ же, а записываются и собираются потомъ; тереучи ручаются за своихъ знакомыхъ; собранная сумма, за вычетомъ на покупку овцы и бумаги, употребляется на покупку водки.

Во время засухи сань-чуаньцы совершаютъ хожденіе въ кумирню Шуй-лянъ-дунъ (близь Пи-линъ-сы [2]); см. выше стр. 337), которая находится на лѣвомъ берегу Желтой рѣки ниже Сомбры. Кумирня устроена въ пещерѣ, въ которой есть родникъ холодной прѣсной воды. Вода вытекаетъ изъ скалы и наполняетъ бассейнъ; на скалѣ надъ бассейномъ есть небольшое возвышеніе величиною съ кулакъ, въ которомъ находится углубленіе въ родѣ стакана; это углубленіе также всегда бываетъ наполнено водой и изъ него вода сочится въ бассейнъ. Стѣны и потолокъ пещеры расписаны фресками, а передъ бассейномъ въ особомъ кіотѣ стоитъ статуя богини Гуань-инъ-пусы. Когда долго нѣтъ дождя, сань-чуаньцы поднимаютъ на носилкахъ статую своего мѣстнаго лунъ-вана и несутъ его въ Шуй-лянъ-дунъ; вмѣстѣ съ процессіей идутъ также тереучи и хулабыръ той кумирни; они несутъ съ собой фляжку (лонху) и шелковый шнурокъ; придя въ кумирню Шуй-лянъ-дунъ, носилки съ статуей лунъ-вана ставятъ подлѣ богини Гуань-инъ-пусы, фляжку ставятъ на полъ около бассейна, одинъ конецъ шелковаго шнурка опускаютъ во фляжку, а другой въ стаканообразное углубленіе въ скалѣ, изъ котораго сочится вода. Носилки съ лунъ-ваномъ оставляются въ кумирнѣ на ночь. Существуетъ повѣрье, что лунъ-ванъ прежде былъ свирѣпый богъ, но его укротила Гуань-инъ-пуса; и теперь, когда богъ заскучится на воду, чтобъ напомнить ему урокъ, полученный отъ богини, его заставляютъ провести ночь подлѣ нея. Сань-чуаньцы думаютъ, что лунъ-ванъ испугается богини и растворитъ небо. На слѣдующее утро берутъ фляжку съ накопившейся въ ней по шнурку водой, поднимаютъ лунъ-вана, возвращаются въ Сань-чуань и ждутъ дождя; когда дождь выпадетъ, фляжку опять несутъ въ Шуй-лянъ-дунъ и бывшую въ ней воду выливаютъ въ бассейнъ.

Кромѣ буддійскихъ празднествъ, совершаемыхъ въ буддійскихъ монастыряхъ,

---

[1]) У саларовъ также есть родъ тереучи; они смотрятъ за потравой полей и назыв. цэу-ку. Такой цэу-ку имѣетъ право выбрать во всякомъ полѣ участокъ въ обхватъ величиной самаго лучшаго высокаго хлѣба и выжать его въ свою пользу.

[2]) Построеніе монастыря Пи-линъ-сы сань-чуаньское преданіе приписываетъ Лу-бянъ-шену (китайскому богу плотничнаго искусства). Это былъ, говорятъ сань-чуаньцы, искусный плотникъ-бурханъ; онъ несъ стругъ, который обыкновенному человѣку не подъ силу нести. Въ тѣснинѣ Сомбра онъ присѣлъ отдохнуть; тутъ и теперь показываютъ слѣдъ его сидѣнья.

Digitized by Google

на которые съѣзжается всё сань-чуаньское населеніе, сань-чуаньскіе крестьяне устраиваютъ еще свои общественные праздники. Такъ въ одинъ изъ дней седьмой луны совершается праздникъ долонъ сарни надунъ, «игра седьмого мѣсяца». Фамилія Чи-чжа совершаетъ этотъ праздникъ въ 16 день седьмой луны, фамилія Но-чжа въ 13-й жители Сомбры въ 14-й. Члены общины пекутъ къ этому дню огромные хлѣбы изъ пшеничной муки и покупаютъ водки; богатые люди дѣлаютъ хлѣбы немного менѣе аршина въ поперечникѣ и доставляютъ на пиръ полныя корчаги (ганъ) водки. Все это отвозится на избранное мѣсто, гдѣ общество должно собраться. Сюда же приносятъ ящикъ, запертый четырьмя замками; ключи отъ этихъ замковъ находятся у четырехъ ключарей, которые называются лэу-чжа; одинъ изъ нихъ не можетъ отпереть ящика; нужно присутствіе всѣхъ четырехъ. Ящикъ этотъ хранится у одного изъ лэу-чжа, у котораго домъ попросторнѣе и поврѣпче. Лэу-чжа отпираютъ ящикъ, вынимаютъ изъ него платье, бутафорскія вещи и утварь; изъ толпы вызываются охотники одѣться въ это платье для танцевъ; берущіе платье платятъ за это деньги.

Между тѣмъ тереучи осматриваютъ хлѣбы и вино; за дурные припасы требуютъ приплаты деньгами; водку позволяется перемѣнить и тогда хозяинъ водки отъ приплаты деньгами освобождается. За тѣмъ тереучи кричатъ: «Садитесь и не бродите! Угощайтесь и смотрите на игру!» Они обносятъ всѣхъ виномъ и раздаютъ хлѣбы; мелкіе хлѣбцы отдаютъ цѣлыми ламамъ, крупные ломаютъ на двѣ или на четыре части и распредѣляютъ въ остальномъ обществѣ. Въ серединѣ круга, образуемаго сидящими, пляшутъ костюмированные крестьяне. Другіе сань-чуанцы говорили мнѣ, что въ срединѣ лѣта въ Сань-чуани крестьяне устраиваютъ театральное представленіе, и что обыкновенно разъигрываются сцены изъ исторіи похожденій Гэсэръ-хана. Одно ли это и то же съ «играми седьмого мѣсяца» или это особый праздникъ, не знаю. Въ деревнѣ Шяна (на р. Синингъ-голѣ) пляски въ седьмой лунѣ не устраивается, но хлѣбы пекутъ.

Ко дню новаго года (чаганъ-саръ) въ Сань-чуани пекутъ хлѣбы изъ разной муки, бросаютъ собакамъ и по тому, съ жадностью или неохотно возьмется собака за подачку, гадаютъ, какой хлѣбъ будетъ урожаенъ. Въ день новаго года зажигаютъ передъ воротами дворовъ небольшіе костры или даже ряды огней; хозяинъ, взявъ пукъ горящей лучины, обходитъ весь домъ внутри, стараясь освѣтить этимъ огнемъ всѣ его углы.

Какъ и въ остальномъ Китаѣ, сань-чуаньцы справляютъ «пятый день пятой луны» у-юѣ-танъ-ву, и вывѣшиваютъ въ этотъ день древесныя вѣтви у оконъ и дверей [1]), а также внутри домовъ у божницъ. Дѣтямъ въ этотъ день навязываютъ на руки шелковыя нити пяти цвѣтовъ [2]). Въ этотъ же день собираютъ лѣкарственныя травы.

---

[1]) Въ Annales du Musée Guimet, t. XII, p. 333 говорится, будто въ этотъ день вывѣшиваются три растенія: acore (Acorus gramineus?), armoise (Artemisia) и ail. Я не провѣрилъ этого показанія въ Сань-чуани.

[2]) У киданей въ 5 день 5 луны плели изъ разноцвѣтныхъ нитокъ «веревку радости» и обертывали вокругъ плечъ. Васильевъ въ Труд. Вост. Отд. Археол. Общ., IV, 190.

Digitized by Google

Опасеніе остаться безъ дѣтей или вслѣдствіе ихъ смертности, или вслѣдствіе безплодія матери вызвало у сань-чуаньцевъ, какъ и у другихъ монгольскихъ племенъ, рядъ особыхъ обрядовъ и обычаевъ. Когда родится ребенокъ, родители сами не даютъ ему имя, а отецъ украдкой рано утромъ выноситъ дитя на дорогу и, если встрѣтитъ прохожаго, проситъ дать имя, а если собаку, то бросаетъ ей хлѣба и ласкаетъ ее, и въ этомъ случаѣ самъ даетъ ребенку имя коу-выръ. Такихъ Коу-выровъ въ Сань-чуани много. Подразумѣвается, будто бы это имя дала собака. Мальчику навѣшиваютъ на шею желѣзную цѣпочку и замыкаютъ ее замкомъ, чорго; это вѣроятно значитъ, что въ ребенкѣ видятъ щенка. Все это дѣлается съ цѣлью обмануть читкура (нечистаго) и увѣрить его, что тутъ ребенка нѣтъ, а вмѣсто ребенка родился щенокъ. Съ тою же цѣлью въ ухо мальчика вдѣваютъ сережку, какъ бы желая убѣдить, что это не мальчикъ, а дѣвочка. Если дѣти не ведутся, не родятся, ходятъ воровать башмаки у богини Ногонъ-дара-еке въ монастыри Каданъ-сюме и Ло-чжа-тунъ; на мѣсто украденнаго башмака кладутъ деньги. На этотъ случай подъ статуей богини въ особой полости всегда хранится запасъ маленькихъ дѣтскихъ башмаковъ. Если случайно найдутъ на дорогѣ выброшенный дѣтскій башмакъ, прячутъ въ рукавъ и приносятъ домой; это счастливая находка; думаютъ, что послѣ этого родится дитя. Если ребенокъ заболѣетъ, кого-нибудь просятъ «перемѣнить» (солиху) ему имя; перемѣняющій имя беретъ ребенка на руки и придумываетъ ему другую кличку; послѣ этого мать ребенка зоветъ того человѣка аха, а ребенокъ, подросши, зоветъ его аву, «отецъ»; вообще же такой псевдо-отецъ назыв. кянда. Его уважаютъ въ томъ домѣ, угощаютъ во время пріѣзда и даетъ ему подарки. Во время болѣзни ребенка относятъ его въ кумирню подъ чжунъ (большой тазъ для звона), или кладутъ его подъ котелъ; кругомъ котла устраиваютъ огни, а по котлу бьютъ камнемъ и бросаютъ въ него пескомъ. Есть обычай и отдавать дитя на воспитаніе въ чужое семейство.

Свадебный обрядъ у широнголовъ сильно подчинился китайскому вліянію. Задумавъ женить молодого человѣка, родственники его идутъ къ отцу невѣсты съ двумя бутылками, наполненными водкой (иракы), заткнутыми ягодой цзаора (чибыкы) и завязанными пятицвѣтными нитками. Если родители невѣсты выпьютъ водки, это значитъ, что они согласны выдать дочь; не выпьютъ—не согласны. Высватанную невѣсту беретъ въ домъ женихъ, 3 года, 5 и даже 7 лѣтъ спустя послѣ уговора; такъ, высватавъ 15 лѣтнюю дѣвицу, отвозятъ ее изъ родительскаго дома 17 лѣтнею; во все это время, пока она живетъ дома, женихъ не можетъ ее видѣть. Онъ даетъ ей серебра, на которое она шьетъ себѣ платье и дѣлаетъ головной уборъ. Когда наступитъ время отвоза невѣсты въ домъ жениха, невѣстины родственники ѣдутъ къ жениху и живутъ въ его домѣ три дня; потомъ они возвращаются домой. Тогда родственники жениха отправляются за невѣстой.

Женятся широнголы чаще на дѣвицахъ старше годами жениха. Разница доходитъ до трехъ лѣтъ. Такое неравенство въ бракѣ наблюдается и у монголовъ въ Ордосѣ. Женятся непремѣнно на дѣвицахъ другой фамиліи. Наприм. юноша

*

Digitized by Google

фамиліи Чи-чжа не можетъ жениться на дѣвицѣ изъ фамиліи Чи-чжа, а долженъ искать себѣ невѣсту въ фамиліи Гань-чжа, Фу-чжа и т. п.

На одной свадьбѣ (бывшей 8 дек. 1884 г. въ Сань-чуани) мнѣ удалось присутствовать вмѣстѣ съ моей женой и я здѣсь опишу ее. На восходѣ солнца невѣсту провезли мимо нашей квартиры въ домъ, находившійся отъ насъ на сѣверо-востокѣ. Невѣста была изъ другой деревни и этотъ домъ былъ выбранъ мѣстомъ, гдѣ хотѣли невѣсту приготовить для вступленія въ домъ жениха. Невѣста ѣхала верхомъ на мулѣ; лица ея не было видно; на голову ея спереди была наброшена шуба шерстью внутрь. Одинъ мужчина велъ мула подъ уздцы, другой придерживалъ сѣдло, идя рядомъ съ всадницей; человѣкъ десять другихъ мужчинъ окружали невѣсту съ боковъ и сзади. Впереди невѣсты, шагахъ въ 10—15 шла другая толпа мужчинъ; эти пѣли пѣсни. Процессія двигалась по направленію къ костру, который былъ разложенъ впереди дома, куда везли невѣсту, шагахъ во ста отъ его воротъ. У костра невѣсту ждали нарядныя женщины. Подъѣхавъ къ костру, невѣста сошла съ мула; шубу съ нея сняли и приступившія женщины расплели конецъ ея косы и сдѣлали прическу замужней женщины. За тѣмъ невѣсту увели въ домъ; здѣсь она оставалась до 11 часовъ; по разсказамъ, ее одѣвали здѣсь и голову ея покрывали головнымъ уборомъ замужней женщины.

Въ 11 часовъ насъ пригласили въ домъ отца невѣсты; онъ находился въ узкой улицѣ, которая шла отъ нашего дома на югъ и была заселена членами фамиліи Хо-чжа. Лоскуты красной бумаги съ написанными на нихъ іероглифами, расклеенные на косякахъ дверей и на заборѣ, указывали на мѣсто свадебнаго пиршества. Вошедши внутрь двора, мы увидѣли, что въ сѣверной половинѣ его была растянута палатка такъ, что подолъ ея висѣлъ на высотѣ $1^1/_3$ саженъ надъ поверхностью земли. Подъ палаткой были наставлены столы и скамейки; тутъ сидѣли уже гости и закусывали. Въ палаткѣ и подъ навѣсами веранды висѣли красные шаровидные фонари. Насъ ввели въ западный флигель. Здѣсь на канѣ были настланы войлока; стояли сундуки, а на нихъ лежало четыре подушки, оконечности которыхъ были украшены вышитымъ узоромъ; это было рукодѣлье невѣсты, выставленное на показъ. Комната была повидимому убрана заново; вездѣ были расклеены полосы красной бумаги съ іероглифами; на одной изъ нихъ были перечислены болѣе важные подарки, сдѣланные молодымъ родственниками. Свадьба, по разсказамъ, стоила всего 200.000 чоховъ. Передъ дверью былъ приготовленъ столикъ для поклоненія. На немъ стояла табличка, на которой по желтому фону были написаны, какъ намъ пояснили, три іероглифа: небо, императоръ (хуань-ди) и родители. Передъ таблицей стояли двѣ лампочки.

Сантанъ-джимба, сопровождавшій насъ, поднесъ отцу и дѣду жениха кусокъ красной дабы, 500 чоховъ отъ меня съ женой и 250 чоховъ лично отъ себя, невѣстѣ русскій платокъ и однѣ пригоршни русскаго сахара. Кусокъ красной матеріи подносится для того, чтобы имъ перепоясать жениха черезъ плечо, но такъ какъ онъ уже ранѣе насъ получилъ такой же подарокъ и былъ уже украшенъ имъ, то нашъ подарокъ только положили ему на плечо и потомъ унесли.

Digitized by Google

Въ благодарность за наше приношеніе жениха заставили сдѣлать нѣсколько земныхъ поклоновъ передъ столикомъ, стоявшимъ противъ дверей. На женихѣ было намотано уже два лоскута красной матеріи; одинъ былъ перекинутъ черезъ правое плечо и завязанъ бантомъ на лѣвомъ бедрѣ; другой черезъ лѣвое плечо и бантъ былъ на правомъ бедрѣ; на плечахъ также были сдѣланы банты.

За тѣмъ намъ подали чаю. Спустя часъ гости изъ-подъ палатки вышли на дворъ и расположились по краямъ его. По срединѣ двора разостлали войлока, снизу бѣлые, сверху красные, одинъ красный впереди, другой сзади его. Впереди передняго ковра поставили столикъ съ желтой таблицей, вынесенный изъ фанзы, въ которой мы сидѣли. Жениха поставили передъ столикомъ позади передняго краснаго войлока, невѣсту сзади жениха, позади задняго войлока. Двое мужчинъ стали подлѣ угловъ столика; двѣ женщины по сторонамъ невѣсты. Мужчины зажгли лоскутки желтой бумаги и стали на колѣна; женихъ, а слѣдомъ за нимъ невѣста стали дѣлать земные поклоны; раздались выстрѣлы петардъ. За тѣмъ все это убрали. Жениха еще раза два заставили кланяться внутри палатки, всякій разъ подстилая красный войлокъ. Послѣ того мы ушли.

Часа въ три или четыре насъ опять позвали въ тотъ же домъ къ обѣду. Насъ опять помѣстили въ ту же фанзу, гдѣ мы и въ первый разъ сидѣли, и сидя на канѣ, черезъ открытое окно мы видѣли, какъ въ палаткѣ пировали гости. Слуги безпрестанно сновали въ палатку и изъ палатки, внося новыя блюда и унося пустую посуду. Подпившіе гости голосили тоскливыя пѣсни. Спустя часъ начался обрядъ раздаванія даровъ. Самой процедуры намъ не было видно, потому что она происходила въ глубинѣ палатки, а передній планъ подъ приподнятымъ подоломъ ея былъ занятъ толпой гостей, стоявшихъ плотной стѣной. До насъ доносились только отрывки длинной размѣренной рѣчи, состоявшей изъ перечисленія даровъ. Жениха примостили на краешкѣ террасы, на которой стояла толпа; позади самыхъ заднихъ гостей для него разостлали красный войлокъ и заставляли въ нужные моменты отвѣшивать земные поклоны. Мы видѣли только спины широнголовъ и маленькую фигуру жениха, усердно дѣлавшаго передъ этими спинами свои поклоны. Это было провозглашеніе даровъ со стороны невѣсты. Потомъ началась раздача даровъ со стороны жениха невѣстиной сторонѣ. Ей тоже предшествовала рѣчь внутри палатки, но раздача происходила середи двора. Подарки заключались въ кускахъ матеріи и въ расшитыхъ шелкомъ квадратикахъ, нашиваемыхъ на подушки. За тѣмъ начались проводы невѣстиной стороны; дворикъ опустѣлъ; пусто стало и въ палаткѣ; въ ней былъ виденъ только столъ, заваленный грудами сырого бараньяго мяса, — приношеніемъ съ невѣстиной стороны. За уходившей толпой увели двухъословъ съ вьюками, которыхъ нагрузили на томъ же дворѣ; повидимому они тоже назначались въ кортежъ невѣстиныхъ родственниковъ. Женихова родня провожала гостей съ виномъ. Вскорѣ они вернулись съ чашками въ рукахъ. Послѣ того въ палаткѣ появились новые гости; ихъ усадили за столы и начали подавать имъ кушанья. Тогда и намъ подали обѣдъ. Онъ былъ приготовленъ изъ говядины и свинины. Блюда были очень вкусны и имѣли изящный внѣшній

Digitized by Google

видъ; свинина походила на какой-то полупрозрачный сочный плодъ въ родѣ дыни съ продольными дорожками; другое блюдо представляло розетку изъ симметрично расположенныхъ кусочковъ печенки и окрашеннаго въ розовый цвѣтъ свиного сала; изъ центра розетки торчалъ стержень, а на немъ былъ положенъ бѣлый хлѣбецъ.

10 декабря молодые, обходя родственниковъ съ визитомъ, явились и въ нашъ домъ. Для пріема гостей въ нашей фанзѣ было разостлано красное одѣяло на полу передъ красной таблицей; передъ таблицей на карнизѣ были поставлены блюда орѣховъ, грушъ и обсахаренныхъ фруктовъ. Молодые, вошедши въ нашу фанзу, стали предъ таблицей, женихъ впереди, невѣста сзади его; по бокамъ ея женщины. Одинъ молодой человѣкъ изъ провожатыхъ началъ командовать и женихъ и невѣста принялись творить земные поклоны передъ таблицей, сначала за мое здоровье, потомъ за здоровье моей жены. Женихъ дѣлалъ каждый разъ по три поклона, невѣста по одному; вмѣстѣ съ невѣстой дѣлали земные поклоны и женщины, стоявшія подлѣ нея. Потомъ гости пошли къ нашимъ хозяевамъ, гдѣ для нихъ было приготовлено угощеніе. 11 числа невѣсту отвезли въ родительскій домъ.

Она ѣхала на мулѣ съ открытымъ лицомъ; мужъ ея, все еще въ тѣхъ же красныхъ перевязяхъ и бантахъ, велъ за поводъ мула; впереди шагахъ въ десяти, другой мужчина гналъ навьюченнаго осла.

На пирахъ, при разсаживаніи гостей на мѣсто, у широнголовъ строго соблюдается старшинство по родству. Бываютъ случаи, что дядя младше годами племянника, онъ ребенокъ, а его племянникъ старикъ. Все таки на пиру его садятъ выше старика; возрастъ его хотя и не великъ, за то велика его кость, или, какъ выражаются широнголы, бомбей шукò.

Покойниковъ широнголы хоронятъ по китайскому обычаю въ землю среди пахотныхъ полей; надъ могилой насыпается небольшой холмъ; никакихъ памятниковъ на саньчуаньскихъ могилахъ не встрѣчается; только передъ болѣе богатыми покойниками ставятся вытесанные изъ камня кубики въ $^1/_2$ ф. высотой для сожиганія бумаги. Могилы расположены среди полей небольшими группами.

У широнголовъ есть поклоненіе мѣстнымъ духамъ; они называютъ ихъ гадзыренъ лосыту или улусту (гадзыръ—земля, страна); тангуты называютъ этихъ духовъ саптекъ-нептекъ (одинъ ордосскій монголъ произносилъ шептакъ-нептакъ). Имъ приносятъ въ жертву овецъ, но молокомъ не кропятъ.

Когда продаютъ скотъ, берутъ изъ гривы и хвоста скотины шерсть, обтираютъ ею губы скотины и хранятъ эту шерсть, подвѣсивъ въ дому на стѣнѣ; у тангутовъ этотъ обычай также существуетъ и я въ ихъ домахъ видѣлъ цѣлыя связки такихъ пучковъ шерсти. Обрядъ этотъ въ Сань-чуани называется таларга абку; потангутски рьянъ.

Своей письменности широнголы не имѣютъ; монгольскаго письма не изучаютъ. Часть народа, ламы, изучаютъ тибетскую письменность; другіе учатся по-китайски. Въ селеніи Ни-чжа есть китайская школа; учителемъ въ ней при мнѣ былъ уроженецъ города Сюнъ-хуа-тинъ.

Digitized by Google

ЧАСТЬ III.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ МОНГОЛІЯ.

1886.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Гумбумъ.

Наше водвореніе въ Гумбумѣ.—Сѣверная группа амдоскихъ монастырей.—Монашеская братія въ Гумбумѣ.—Гумбумскіе праздники.—О тангутахъ.—Снаряженіе къ походу.

А. И. Скасси пріѣхалъ въ Гумбумъ нѣсколькими днями ранѣе меня; я дорогой замѣшкался, ѣздилъ на могилу Ли-чжинъ-вана, близъ деревни Шянъ-танъ, и нѣсколько дней пробылъ въ Си-нинѣ, гдѣ опять добился свиданія съ синиискимъ амбанемъ, чтобы попросить его дать рекомендательное письмо къ властямъ монастыря Гумбумъ.

Сначала монахи отвели для А. И. Скасси и для всей экспедиціи какой-то заброшенный дворъ съ полуразвалившимися фанзами, но потомъ, услышали ли они, что амбань благосклонно относится къ намъ, или просто ихъ смутилъ энергическій отказъ А. И. Скасси отъ этой квартиры, для экспедиціи очистили одинъ изъ жилыхъ дворовъ въ западномъ концѣ монастыря. Это былъ дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ флигелями, въ которыхъ было шесть или семь отдѣльныхъ помѣщеній. Пріѣхавъ къ отведенному двору, мы еще застали конецъ процедуры очищенія его; на панеляхъ лежали узлы ламскаго имущества, которые были вынесены изъ келій; А. И. Скасси уже занималъ одно изъ боковыхъ помѣщеній, а для насъ онъ выбралъ задній флигель противъ воротъ, въ которомъ было три комнаты; стѣны въ нихъ были обшиты внутри досками; и стѣны и потолокъ были росписаны: тутъ были красками изображены горшки съ цвѣтами и сюжеты изъ китайскихъ сказокъ или свѣтскихъ повѣстей. Не всѣ прежніе обитатели двора были высланы изъ него; въ передней фанзѣ осталось нѣсколько монаховъ; тутъ были Гендунъ, молодой монахъ, монголъ изъ хошуна Кэшиктенъ, славившійся, какъ лучшій художникъ въ Гумбумѣ; Лубсынъ, тоже монголъ изъ Кэшиктена, который потомъ у насъ сдѣлался поваромъ; юноша Ратна Бала, родомъ изъ Ордоса; наконецъ еще одинъ монгольскій лама, пришедшій въ Гумбумъ перезимовать, чтобы со слѣдующей весной отправиться на поклоненіе въ Лассу. Въ одинъ изъ ближайшихъ дней послѣ нашего водворенія отъ управителей монастыря были присланы ламы поздравить насъ съ пріѣздомъ;

Digitized by Google

они принесли ведро рисовой каши съ изюмомъ и джумой и сказали, что это монастырь подноситъ намъ дары мѣстной природы. Какъ шю, «варенецъ» составляетъ мѣстную особенность въ пищѣ въ монастырѣ Лабранѣ, такъ для Гумбума такой особенностью служитъ джума, корешки растенія Potentilla Anserina L. Для нашихъ сношеній съ гумбумскимъ начальствомъ къ намъ былъ приставленъ лама, который намъ назвался Машенъ. Кажется, это было имя деревни, изъ которой онъ родомъ; настоящее свое имя онъ скрылъ отъ насъ, а мы не старались узнать его. Машенъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что годъ или два жилъ въ Забайкальѣ среди бурятъ, видѣлъ, слѣдовательно, русскихъ людей и русскіе порядки, хвалилъ русское населеніе за его богатство и добродушіе и зналъ русское слово: «матушка». На воротахъ нашего двора былъ снаружи приклеенъ листъ съ тибетской надписью, запрещавшей входить въ нашъ дворъ постороннимъ. Монастырское управленіе хотѣло насъ изолировать среди монастырской братіи и первоначально, кажется, было отдано приказаніе, чтобъ всѣ жители выселились изъ нашего двора. Но нѣсколько монаховъ, имена которыхъ приведены выше, какъ-то добились исключенія въ свою пользу, и запрещеніе ходить въ нашъ дворъ имѣло силу только въ первые дни нашего пребыванія здѣсь. Непріятности это распоряженіе намъ не сдѣлало, скорѣе—мы были благодарны за него, потому что оно избавило насъ отъ толпы любопытныхъ, которые вѣроятно осадили бы насъ въ первое время. Заведенію же знакомства и собиранію свѣдѣній оно не помѣшало; впослѣдствіи къ намъ постоянно являлись посѣтители и гости, особенно монголы.

Гумбумъ, который китайцы называютъ Таръ-сы, одинъ изъ важнѣйшихъ монастырей сѣверной группы амдосскихъ монастырей, расположенныхъ на сѣверномъ берегу Желтой рѣки. Къ этой группѣ причисляются, кромѣ Гумбума: 1) Серку, по-китайски Го-манъ-сы, по-монгольски Алтынъ-суме, «Золотой храмъ», 2) Оргольнъ, 3) Чуйцзанъ (у Пржевальскаго Чэйбсэнъ) и 4) Шячунъ. Въ южной группѣ (къ югу отъ Желтой рѣки), болѣе другихъ знамениты: Уруньву, Лабранъ и Джони.

Алтынъ-суме или Серку лежитъ на сѣверо-западѣ отъ города Си-нина. Въ Серку была резиденція гэгэна Самбу-номонъ-хана, который теперь живетъ въ Пекинѣ.

Орголынъ или Голынъ находится въ верхнихъ частяхъ рѣки, которая течетъ съ сѣвера въ Сининъ-голъ и впадаетъ въ него у монастыря Марцзанъ. Въ Орголынѣ, по разсказамъ ламъ, хранится будто бы алтынъ-ганджуръ, пожертвованный монастырю Тайминъ-ханомъ китайскимъ. Подъ алтынъ-ганджуромъ, «золотымъ Ганджуромъ», разумѣется книга Ганджуръ, написанная золотыми буквами. Такихъ золотыхъ Ганджуровъ китайскій ханъ заказалъ написать будто бы три экземпляра и одинъ изъ нихъ подарилъ въ городъ Мукденъ, въ южной Манджуріи, другой экземпляръ въ монастырь Орголынъ, а третій въ селеніе (по видимому тибетское) Нцзому-коръ (по-тибетски нцзому «корова», коръ—«городъ»). Тутъ былъ небольшой монастырь, сожженный потомъ мусульманскими повстанцами; возлѣ есть мусульманская деревня Хунь-хуа-сы, находящаяся въ вѣдѣніи Хэ-чжоускаго мандарина.

Digitized by Google

Въ Орголынѣ находится резиденція двухъ гэгэновъ: Чжанчжа-рембучи и Тоонъ-рембучи; оба въ настоящее время живутъ въ Пекинѣ [1]).

Въ Шячунѣ (см выше стр. 341) считается до 2000 ламъ; здѣсь было мѣсто пребыванія святого Чойджи-тонъ-рембучи, учителя Цзонкавы; его тѣло, обратившееся, въ изваяніе или само собою возникшее изваянное изображеніе его и теперь находится въ монастырѣ, въ такъ называемой «Золотой башнѣ» (алтынъ субурганъ), поверхность которой два раза въ году въ 15 число 2-й луны и въ 15 число 5-й луны потѣетъ; ламы собираютъ выпотѣвшую воду и на ней замѣшиваютъ тѣсто, которое потомъ раздаютъ поклонникамъ. Шячунъ извѣстенъ тѣмъ еще, что въ немъ бываетъ самый многочисленный цамъ; въ немъ участвуетъ 62 человѣка, тогда какъ въ Гумбумѣ только 44 лица.

Наконецъ Гумбумъ, родина Цзонкавы; здѣсь, какъ уже сказано раньше, показываютъ дерево, выросшее на мѣстѣ, гдѣ былъ зарытъ послѣдъ, съ которымъ родился Цзонкава [2]), а также и каблыкъ матери Цзонкавы.

По словамъ Гюка, въ Гумбумѣ насчитывалось до 7000 ламъ; во время мусульманскаго возстанія монастырь былъ совершенно разрушенъ и монахи разсѣяны, но въ настоящее время онъ почти вполнѣ возстановленъ; только по окраинамъ тянутся еще дворы съ разрушенными стѣнами и пустыми монашескими кельями, храмы же всѣ вновь отстроены и ни одного нѣтъ лежащаго въ развалинахъ. Въ настоящее время монаховъ въ Гумбумѣ насчитывается 2500—3000; во времена Гюка вѣроятно ихъ было не многимъ болѣе, и цифра 7000 вѣроятно преувеличенная. Гумбумская община состоитъ изъ трехъ національныхъ отдѣловъ: 1) тангуты, 2) широнголы и 3) южные монголы. Каждая изъ этихъ національностей, мнѣ говорили, составляетъ треть всей общины. Изъ южныхъ монголовъ здѣсь встрѣчаются жители Ордоса, хошуновъ Кэшиктенъ, Барунъ-вана, Дзародъ и даже очень сѣвернаго Учжумучжинъ. Вѣроятно есть здѣсь ламы и изъ другихъ частей Монголіи, т. е. изъ Халхи и друг., но они не бросаются въ глаза и я ихъ не видалъ вовсе; я видѣлъ въ Гумбумѣ много халхасцевъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей, съ р. Селенги, съ Тельгиръ-морина, изъ хошуна Тачжи-урянхай, съ Онгіина, но все это были богомольцы, пришедшіе сюда только на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы затѣмъ двинуться далѣе въ Лассу, но нѣтъ здѣсь сѣверныхъ ламъ такихъ, которые бы явились сюда совершать свой монашескій подвигъ, какъ это въ обычаѣ у ордосскихъ, кэшиктенскихъ и другихъ южныхъ монголовъ.

Гумбумъ служитъ сборнымъ пунктомъ для каравановъ, отправляющихся изъ Монголіи на богомолье въ Лассу. Они приходятъ въ Гумбумъ въ 8 и 9 лунѣ [3]), а въ мартѣ выступаютъ въ дальнѣйшій путь; нѣкоторые можетъ быть приходятъ

---

[1]) Сантанъ-джимба разсказывалъ мнѣ, что въ Орголынѣ есть изображеніе бурхана Непткыкъ (по широнгольски Улусты), который представленъ съ монгольской шапкой на головѣ; по преданію, этотъ Непткыкъ былъ будто бы вельможею при Чингисъ-ханѣ.

[2]) Листья этого дерева женщины употребляютъ, когда не выходитъ послѣдъ.

[3]) Халхасцы изъ Урги привозятъ въ Гумбумъ русскіе товары: красную юфть (болгары), плисъ, сукно, бязь и ситсъ, но не въ большомъ количествѣ; такъ наприм. юфти не болѣе 12—15 головъ.

Digitized by Google

и ранѣе съ осени, по крайней мѣрѣ я, прибывши въ Гумбумъ, уже нашелъ здѣсь монголовъ изъ Халхи, но это можетъ быть отставшіе отъ прошлогодняго весенняго каравана. Если богомолецъ лама, то на время своего пребыванія въ Гумбумѣ онъ снимаетъ съ себя костюмъ, въ которомъ ходятъ ламы въ сѣверномъ суровомъ климатѣ, и надѣваетъ на себя ламскую юбку и оркимджи. Торгоутовъ изъ Тарбагатая и Тянь-шаня и даже съ Едзинъ-гола я не встрѣтилъ, а также не видѣлъ и ламъ чахаровъ. Впрочемъ мои знакомства не были обширны и потому легко я могъ ихъ не замѣтить въ гумбумской толпѣ. Изъ дальнихъ монгольскихъ степей богомольцы являются въ Гумбумъ на верблюдахъ; въ числѣ богомольцевъ встрѣчаются и женщины. Въ Гумбумѣ верблюды продаются и далѣе караваны идутъ на якахъ, т. е. яки везутъ запасъ и лишнее платье богомольцевъ, а сами они идутъ пѣшкомъ. Выбирая Гумбумъ мѣстомъ своей зимовки, мы имѣли въ виду два обстоятельства: во-первыхъ мы разсчитывали встрѣтить здѣсь монголовъ, пришедшихъ изъ Хангая и другихъ мѣстностей, лежащихъ по сѣверную сторону Гоби, отъ нихъ разузнать о дорогѣ внизъ по Едзинъ-голу и оттуда далѣе на сѣверъ, о которой намъ до тѣхъ поръ ничего не было извѣстно. Во-вторыхъ мы надѣялись у богомольцевъ купить верблюдовъ, которыхъ они, казалось намъ, должны дешево продавать. Первый разсчетъ нашъ оправдался, а второй, какъ разскажемъ ниже, нѣтъ.

Какъ управляется духовная братія Гумбума не знаю, для рѣшенія же столкновеній со свѣтскими лицами и для сношеній со свѣтскимъ начальствомъ въ Гумбумѣ есть три чиновника, которые монголамъ извѣстны болѣе подъ китайскими именами: да-лао-ѣ, эрръ-ла-о-ѣ и сань-лао-ѣ, «старшій чиновникъ», «второй чиновникъ» и «третій чиновникъ». И мы свои дѣла обдѣлывали черезъ этотъ тройственный совѣтъ; засѣдаютъ они, повидимому, какъ и гэцкуй, въ зданіи, которое называется рчжива, а можетъ быть тутъ и живутъ. Однажды три эти сановника пригласили меня и А. И. Скасси къ себѣ и угостили насъ обѣдомъ, который состоялъ изъ рисовой каши съ изюмомъ и джумой. Это происходило все въ томъ же зданіи рчжива. Ко мнѣ въ келью иногда заходилъ въ гости только младшій изъ трехъ, сань-лао-ѣ.

Въ отношеніи благочинія Гумбумъ занимаетъ среднее мѣсто между Лабраномъ и Шячуномъ; монахамъ запрещается ходить въ лосэръ (китайскую слободу), тѣмъ не менѣе и днемъ всегда можно видѣть ихъ тамъ; они стараются только не попасть на глаза старшимъ. Женщины въ Гумбумѣ попадаются на глаза рѣже, чѣмъ въ Шячунѣ, но онѣ иногда и ночуютъ внутри монастыря, а нѣкоторыя даже и живутъ; впрочемъ время отъ времени отдается приказаніе выселить ихъ всѣхъ изъ монастыря; тогда монастырь очищается, но только временно; исподволь женщины опять въ него набираются. Продажа мяса въ улицахъ монастыря не преслѣдуется: при насъ внутри монастыря даже была мясная лавка.

Ламу, уличеннаго въ воровствѣ, одѣваютъ въ бѣлое платье и сначала водятъ по монастырю, потомъ выводятъ въ поле и ударами палокъ прогоняютъ прочь.

За благочиніемъ въ монастырѣ наблюдаетъ гецкуй, который иногда, въ мѣсяцъ раза два, обходитъ улицы Гумбума, сопутствуемый ассистентами, имѣющими въ рукахъ четырехгранныя раскрашенныя и расписанныя деревянныя трости. Это очень

Digitized by Google

уважаемое лицо въ Гумбумѣ; молодые монахи боятся его. Когда онъ проходитъ по верхнимъ улицамъ гумбумскаго амфитеатра, онъ можетъ видѣть, что дѣлается внутри дворовъ на нижнихъ улицахъ и потому, какъ только монахи завидятъ гецкуя, въ этихъ дворахъ происходитъ перемѣна; веселыя занятія и праздные разговоры прекращаются; ламы берутся за книжки, садятся подлѣ стѣнъ и сидятъ, углубившись въ чтеніе. Впрочемъ игры не совсѣмъ запрещены въ монастырской жизни; въ праздники молодые монахи играютъ въ особую игру на монастырской площади; игра эта состоитъ въ навѣсномъ киданіи деревяннаго шарика и ловлѣ его лбомъ; для этого на лобъ одѣвается ременный обручикъ, на которомъ дѣлается гнѣздо для пріема шарика; одинъ монахъ бросаетъ шарикъ, другой подставляетъ подъ падающій шарикъ свой лобъ.

На опрятность монастырскихъ улицъ въ Гумбумѣ не обращается такого вниманія, какъ въ Лабранѣ. Стыдливыя отправленія ламы совершаютъ на улицахъ, передъ своими домами и даже передъ храмами, не только ночью, но даже и среди бѣлаго дня. Обрывъ оврага подъ главнымъ храмомъ (цзокчинъ дуганъ), въ теченіе всей зимы бываетъ покрытъ неживописными глетчерами; всякій разъ, какъ богослуженіе кончится и толпа монаховъ начнетъ расходиться изъ храма, край оврага противъ храмовыхъ парадныхъ воротъ бываетъ унизанъ красными рядами прикурнувшихся ламъ. Дезинфекція монастыря исполняется отчасти собаками, но главнымъ образомъ китайцами изъ сосѣднихъ деревень, которые обходятъ улицы, собираютъ нечистоты и въ мѣшкахъ на спинѣ относятъ ихъ въ свои деревни.

Ламы въ Гумбумѣ какъ лѣтомъ, такъ и зимой одѣваются въ установленное для ламъ платье, т. е. носятъ юбки и безрукавки, торсъ облекаютъ такъ называемымъ оркимджи, а голову держатъ непокрытой. Въ монастыряхъ Халхи, гдѣ зимы бываютъ очень суровы, наприм. въ Ургѣ, монахи ходятъ въ шубахъ, и оркимджи носится поверхъ шубы; въ Гумбумѣ этого не допускается. Только когда ламы отправляются изъ монастыря въ болѣе или менѣе отдаленную поѣздку, они одѣваются потеплѣе, и возвратившись въ монастырь снова надѣваютъ юбку.

Ламамъ, оказавшимъ успѣхи въ изученіи писанія и выказавшимъ ихъ на диспутахъ, которые происходятъ на мостовой храма цзокчинъ-дугана, монастырское управленіе даетъ нѣкоторымъ 15, другимъ 12 шенъ зерна въ мѣсяцъ; по перемолѣ изъ этого зерна получается рсамба, монгол. талханъ. На платье и остальные расходы ламы сами добываютъ деньги заработками; одни занимаются шитьемъ, другіе служатъ у богатыхъ ламъ.

Какъ и въ другихъ монастыряхъ, въ Гумбумѣ много дѣтей, посвященныхъ въ ламы и находящихся на обученіи у старыхъ ламъ. Они часто вылазятъ на плоскія крыши домовъ и репетируютъ нараспѣвъ выученныя молитвы.

Сантанъ-джимба отговаривалъ меня отъ зимовки въ Гумбумѣ; онъ говорилъ, что это будетъ дорогая зимовка, такъ какъ отбою не будетъ отъ попрошайничества ламъ. И въ самомъ дѣлѣ въ теченіе зимы ламы не одинъ разъ устраивали походъ противъ нашего кармана. Такъ вскорѣ же послѣ того, какъ мы устроились въ своемъ помѣщеніи, къ намъ стали являться депутаціи отъ разныхъ общинъ или храмовъ

Digitized by Google

для поздравленія съ благополучнымъ пріѣздомъ. Монахи приносили съ собой штукъ пять, шесть бумажныхъ пакетиковъ, раскрывали ихъ и раскладывали передо мной; въ нихъ обыкновенно были положены горсть чернаго сахара, горсть леденца, десятка два цзаоровъ и т. п. Серебро, которымъ мы заплатили за эти поздравленія, какъ будто пошло въ уплату за даровой постой въ стѣнахъ монастыря. Во время зимняго праздника, когда отдѣльныя группы гумбумскихъ монаховъ на складчину лѣпятъ изъ масла рельефныя картины для выставки, къ намъ опять потянулись новыя депутаціи съ предложеніемъ принять участіе въ сборѣ на матеріалы для художниковъ.

Праздники въ Гумбумѣ бываютъ: 1) Въ первой лунѣ, т. е. въ чаганъ-саръ 14—15 числа. Вечеромъ выставляются щиты съ барельефами изъ козьяго масла. Передъ щитами выставляются плошки для освѣщенія. Монахи соединяются въ группы, дѣлаютъ складчину, покупаютъ матеріалъ и вылѣпляютъ фигуры по рисункамъ подъ руководствомъ опытнаго художника. Въ ту зиму, когда мы жили въ Гумбумѣ, такихъ щитовъ было выставлено тринадцать; они были размѣщены вокругъ цзокчинъ-дугана, т. е. главнаго богослужебнаго храма; нѣкоторые изъ щитовъ были длиной болѣе сажени; самые небольшіе болѣе аршина. Въ центрѣ каждаго щита обыкновенно вылѣпляется крупная фигура въ позѣ. На поляхъ вправо и влѣво отъ этой фигуры, разныя сцены въ лѣсу, на водѣ, въ садахъ и пр. Тутъ цѣлая флотилія лодокъ, прикрытыхъ балдахинами и наполненныхъ человѣческими фигурами, мандаринами и китайскими дамами; тамъ нагруженные слоны, прудъ, на которомъ плаваютъ водяныя птицы и т. п. Всѣ эти барельефы выполняются по китайскимъ рисункамъ [1]); какъ декорація и какъ передача простого чернаго рисунка посредствомъ лѣпной работы, эти барельефы обнаруживаютъ большія старательность и трудолюбіе, но желанія художника самостоятельно приблизиться къ природѣ не видно. Самый лучшій щитъ, по отзыву ламъ, былъ тотъ, который былъ выставленъ тангутами, и въ лѣпкѣ котораго принималъ участіе кэшиктенецъ Гендунъ, жившій на одномъ съ нами дворѣ. Эта выставка масляныхъ работъ по тангутски называется чоба, «жертва»; монголы зовутъ её чечекъ, «цвѣтокъ»; повидимому это переводъ съ китайскаго, на которомъ однимъ словомъ хуаръ передаются и «цвѣтокъ» и «картина». Къ этому дню въ Гумбумъ съѣзжается множество тангутовъ и другихъ окрестныхъ жителей; вся эта публика ходитъ вдоль рядовъ щитовъ и любуется ими. Въ отдѣльной палаткѣ играетъ китайская музыка. Въ другой устроена чайная; ламы зазываютъ въ нее почетныхъ гостей и угощаютъ чаемъ.

2) Въ четвертой лунѣ 14 и 15 числа въ честь Томба, Цзонкавы и Чагризи (Арья-Бало). Бываетъ цамъ (религіозная пляска).

3) Въ шестой лунѣ 6 числа бываетъ цамъ.

---

[1]) Нашъ пріятель лама Сэрэнъ, широнголъ изъ дер. Чи-чжа, однажды видѣлъ представленной на одномъ щитѣ исторію женщины Барма. Это была злая старуха, поѣдавшая дѣтей. Одинъ бурханъ взялъ у ней самаго маленькаго сына и заключилъ въ чашу. Старуха Барма стала рыдать и просить бурхана возвратить ея ребенка. Бурханъ сказалъ: «Вотъ я взялъ у тебя одного ребенка и ты жалѣешь и плачешь. Какъ же ты не подумаешь, что и другимъ матерямъ также жалко своихъ дѣтей и ѣшь ихъ?» Барма почувствовала стыдъ и бурханъ возвратилъ ей ребенка, послѣ чего Барма больше не ѣла дѣтей.

Digitized by Google

4) Въ девятой лунѣ 21 числа (по другому показанію 22, по третьему 24) бываетъ цамъ и выставка набсà, т. е. одеждъ далай-ламы, банченъ-эрдэни, Цзонкавы, кромѣ того выставляется телега гэгэна банченъ-эрдэни, шапка Цзонкавы и сѣдло императора, на передней лукѣ котораго прикрѣпленъ трепещущійся драконъ[1]).

5) Въ десятой лунѣ бываетъ цамъ.

6) Въ двѣнадцатой лунѣ 29 числа дѣлаютъ до 5 соровъ[2]) и вечеромъ сжигаютъ ихъ безъ пляски. Вмѣстѣ съ сорами на площадь выводится лошадь подъ сѣдломъ; на сѣдло уложены и прикрѣплены разныя вещи, стрѣлы и проч. принадлежности гурьтуна.

Всего 6 праздниковъ въ году. Кромѣ того въ началѣ зимы чествуется день рожденія Цзонкавы иллюминаціей. Картина бываетъ эффектная; зажженныя плошки выставляются на плоскихъ крышахъ домовъ, а такъ какъ дома расположены амфитеатромъ вокругъ оврага, то оба горные ската и лѣвый и правый представляются прочерченными параллельными огненными линіями одна выше другой.

Лѣтомъ, но въ какой день, я не записалъ, совершается странный обрядъ, о которомъ я впрочемъ слышалъ только отъ одного лица и не провѣрилъ другими показаніями. Ламы выносятъ изъ монастыря на западную гору какую-то необыкновенной длины таблицу, не помню, исписанную молитвами или покрытую изображеніями боговъ; таблица эта свернута въ трубку. Ее развертываютъ, и тогда она однимъ концомъ касается вершины горы, а другимъ достигаетъ до околицы монастыря.

Тангутская легенда связываетъ построеніе Гумбума съ исторіей Цзонкавы и духовное значеніе этого монастыря главнымъ образомъ обязано выдающемуся значенію Цзонкавы въ исторіи сѣвернаго бундизма. И жизнь Цзонкавы и основаніе Гамбума все это событія, совершившіяся среди тангутскаго племени. Но дѣйствительно ли право народное преданіе? Дѣйствительно ли основаніе Гумбума относится къ такому позднему времени, когда здѣсь уже не было другого племени, кромѣ тангутскаго и дѣйствительно ли Цзонкава жилъ въ XIV столѣтіи, а не ранѣе? Нѣкогда Принаншанье имѣло другой племенной составъ; вдоль сѣверной подошвы Наньшаня жило тюркское племя уйгуры; это племя вѣроятно проникало и въ ущелья Наньшаня и даже подымалось на амдоское нагорье; мы и теперь находимъ здѣсь остатки тюркскаго племени: ёгуры въ горахъ около Су-чжоу и салары на Желтой рѣкѣ около Сюнъхуа-тина. Вѣроятно въ болѣе отдаленное время это тюркское племя занимало сплошь пространство между Су-чжоу и Лань-чжоу или по крайней мѣрѣ занимало тѣ участки этого пространства, которые были удобны для хлѣбопашества; иначе сказать, оно сидѣло на тѣхъ мѣстахъ въ Амдо, гдѣ теперь сидятъ китайцы. Не жили ли уже тогда среди уйгуровъ легенды о Цзонкавѣ, не пріурочивались ли къ мѣстности, гдѣ нынѣ стоитъ Гумбумъ, и эта мѣстность не была ли уже тогда народной святыней? Конечно, все это одно предположеніе, не основанное ни на какихъ фактахъ, но съ

---

[1]) Ср. съ выставкой вещей на поминкахъ Чингисъ-хана въ Ордосѣ (см. выше, стр. 123).

[2]) Соръ—символическая фигура въ видѣ трехгранной пирамиды.

[3]) Гурьтунъ—особое лицо изъ среды ламъ, одаренное экстатическими свойствами.

Digitized by Google

другой стороны и признанная исторія Гумбума покоится на одномъ народномъ преданіи. Помочь рѣшенію этого вопроса можетъ сличеніе легенды о Цзонкавѣ съ разными тюркскими сюжетами. Можетъ быть и гумбумскія легенды и культъ Цзонкавы есть только наслѣдіе отъ другого болѣе культурнаго племени, которое исчезло какъ съ Амдоскаго нагорья, такъ и изъ Принаньшанья.

Тангуты провинціи Амдо дѣлятся на осѣдлыхъ и кочевыхъ. Кочевые обитаютъ на нагорьѣ, а осѣдлые въ тѣхъ частяхъ страны, которыя образуютъ переходъ отъ амдоскаго нагорья къ китайскому мелкогорью; они живутъ по долинамъ рѣкъ, которыя берутъ начало на нагорьѣ и разсѣкаютъ восточную окраину его; нижнія болѣе теплыя части долинъ обыкновенно заняты китайцами, а выше, гдѣ китайское населеніе прекращается, начинаются тангутскія деревни. Такимъ образомъ осѣдлые тангуты образуютъ узкую полосу, протянувшуюся по восточной окраинѣ Амдо, и имѣющую съ востока сосѣдями китайцевъ, съ запада кочующихъ по нагорью тангутовъ. На сѣверѣ въ долинѣ Желтой рѣки выше Лань-чжоу осѣдлые тангуты начинаются выше Сань-чуани, именно первые тангуты на лѣвомъ берегу живутъ въ долинѣ Ительгола; лежащій къ з. отсюда городъ Ба-янъ-жунъ окруженъ тангутскимъ населеніемъ, которое отсюда непрерывно тянется по лѣвому берегу вплоть до Гуй-дуя. Къ сѣверу отъ Желтой рѣки лежитъ долина Синин-гола; на ней тангутовъ нѣтъ, кромѣ небольшого селенія близь монастыря Марцзанъ; остальное населеніе китайцы, занимающіе большую часть рѣки; низовья заняты широнголами, а въ вершинахъ появляются осѣдлые олеты. Къ сѣверу отъ Синин-гола въ верхнихъ частяхъ рѣкъ, текущихъ въ эту рѣку, есть тангутское населеніе, но есть ли между ними осѣдлое, мнѣ неизвѣстно.

На правомъ берегу Желтой рѣки восточная граница осѣдлыхъ тангутовъ отодвинута отъ Лань-чжоу далѣе, чѣмъ на лѣвомъ; здѣсь противъ Ба-янъ-жуна живутъ не тангуты, а салары; есть ли на правомъ берегу деревни между саларской территоріей и рѣкой Уруньву, не знаю. Но по рѣкамъ, текущимъ съ юга въ Желтую, онѣ есть; и самыя восточныя находятся въ вершинахъ р. Сэнгыра (см. выше, ч. I, стр. 172). Лежащая восточнѣе долина Лэу-гуань занята китайцами, которые занимаютъ всю мѣстность Сань-гуань, до сѣверныхъ склоновъ хребта, чрезъ который прорывается Лабранская рѣка; этотъ хребетъ, даже и въ той его части, которая тянется къ в. отъ Лабранской рѣки, служитъ границей между китайцами и тангутами; къ с. отъ хребта китайцы, къ ю. тангуты. Тутъ есть и осѣдлые тангуты (какъ наприм. по Лабранской рѣкѣ ниже монастыря Лабрана), и кочевые. Какъ далеко простираются земли, занятыя тангутами, на востокъ отсюда, мнѣ неизвѣстно [1]). Въ слѣдующей долинѣ Тао-хэ тангутское населеніе начинается около Джони. Въ долинѣ рѣки Пэй-шуй самое крайнее тангутское поселеніе выше селенія Танъ-

[1]) Англійскій миссіонеръ г. Паркеръ, котораго мы встрѣтили въ Гумбумѣ, разсказывалъ мнѣ, что онъ, проѣзжая изъ Ди-дао въ Хэ-чжоу, долженъ былъ пересѣчь хребетъ, и между рѣкой Тао-хэ и этимъ хребтомъ проѣхалъ сначала мѣстность Тай-цзы-сы, потомъ деревню Нинъ-хо-чженъ; въ обѣихъ мѣстностяхъ жители мусульмане; о жителяхъ Тай-цзы-сы говорятъ, что они говорятъ какимъ-то особеннымъ языкомъ; ни китайцы, ни тангуты ихъ не понимаютъ.

Digitized by Google

чанъ. Въ долинѣ, въ которой стоитъ городъ Си-гу, тангутскія деревни только выше этого города. По Джорни тангутское населеніе спускается немного ниже дер. Чагонъ. Въ долинѣ По-и-хо самое восточное тангутское селеніе Терьга; въ долинѣ Хэй-хо селеніе Тозанъ; наконецъ въ долинѣ Минъ-цзяна восточная граница тангутовъ проходитъ около Сунъ-пана. Тангутское или тибетское племя встрѣчается и къ юговостоку отсюда въ провинціи Сы-чуани, гдѣ оно разсѣяно между китайцами и сталкивается съ другими инородцами Китая, съ такъ называемыми Лоло.

Жилища у осѣдлыхъ тангутовъ сходны съ китайскими; около Желтой рѣки они обыкновенно состоятъ изъ четвероугольныхъ дворовъ, обнесенныхъ высокими стѣнами до 2—3 саж. высоты; внутри къ этимъ стѣнамъ иногда со всѣхъ четырехъ сторонъ прислонены фанзы или флигеля съ плоскими крышами; высота этихъ фанзъ аршина на два и болѣе иногда ниже стѣнъ; снаружи такой дворъ представляетъ однѣ сплошныя высокія стѣны; только въ южной стѣнѣ находятся большія ворота, по большей части запертыя. Уровень плоскихъ крышъ, находящихся внутри фанзъ, обнаруживается на наружной поверхности стѣнъ рядомъ высовывающихся изъ нихъ водосточныхъ трубъ. Изрѣдка надъ воротами надстраивается постройка для храненія соломы. Около Си-гу типъ тангутскихъ деревенскихъ построекъ другой; онъ описанъ на стр. 261; еще иначе строятся дома около Сунъ-пана (см. стр. 276). Кочевые тангуты живутъ въ черныхъ шерстяныхъ палаткахъ, которыя называются банык̀ъ. Мнѣ не удалось ни разу побывать въ нихъ; я ихъ видѣлъ только издали; единственное описаніе ихъ пока находится у Пржевальскаго.

Мужчины около Джони, Си-гу и Сунъ-пана одѣваются по китайски и трудно замѣтить какую-нибудь особенность въ костюмѣ; на сѣверѣ около Желтой рѣки тангутъ рѣзко отличается отъ китайца по платью; онъ носитъ нагольную шубу, подпоясанную и всегда вытянутую изъ подъ пояса такъ, что она виситъ мѣшкомъ и спереди и сзади; на головѣ баранья мѣхомъ внизъ шапка коническая съ тупо закругленной верхушкой; снаружи она покрыта бѣлой матеріей, а верхушка красной, нижній край мѣха чуть-чуть спереди отворачивается. Оружіе у тангутскихъ милиціонеровъ состоитъ изъ ружей съ сошками, сабель и пикъ. Сабли имѣютъ прямые клинки и носятся заткнутыми за поясъ на животѣ, какъ кинжалы.

Женщины около Желтой рѣки носятъ такія же шубы, какъ и мужчины, и такія же шапки. Особой женской покрышки на голову у здѣшнихъ женщинъ нѣтъ, такъ что женщину спереди можно отличить только по серьгамъ въ ушахъ и по тому еще, что сзади серегъ видны спускающіяся за спину косы. Украшенія, которыя у другихъ племенъ скопляются на головѣ или на груди, у сѣверныхъ тангутокъ находятся на спинѣ.

Дѣвицы у саньчуаньскихъ тангутовъ носятъ нѣсколько косъ, опущенныхъ вдоль спины. Волосы, спускающіеся съ темени и затылка, заплетаются въ мелкія косички числомъ до десяти; эти косички нашиваются на широкую, вверху шире ладони, ленту или полосу изъ матеріи; къ нижнему краю этой ленты на уровнѣ пояса пришитъ щитикъ или трапеціевидный ковр̀икъ съ толстой подкладкой, который кажется подвѣшеннымъ къ концамъ косичекъ; онъ сверху покрытъ красной дабой; на серe-

Digitized by Google

динѣ его пришитъ мелунъ, мѣдный кружокъ. Изъ подъ этого коврика виситъ болѣе узкая лента на такой же толстой подкладкѣ; на ней нашивается рядъ крупныхъ раковинъ. Височные волосы образуютъ двѣ косы, которыя гораздо толще среднихъ косичекъ. Эти двѣ косы также опускаются на спину и висятъ по сторонамъ косичекъ, но отдѣльно отъ нихъ. Онѣ также подшиваются тесьмой, которая длиннѣе косъ и достигаетъ пятъ; нижній конецъ тесьмы, гдѣ коса кончается, покрывается красной матеріей, на которой нашиваются бѣлыя круглыя бляхи, вырѣзанныя изъ морскихъ крупныхъ раковинъ, у другихъ сердолики. Иногда височныхъ косъ четыре, двѣ съ правой стороны головы и двѣ съ лѣвой; тогда двѣ крайнія висятъ отдѣльно, а концы двухъ другихъ соединены цѣпью изъ чоховъ, лежащею поперегъ спины. Такія же украшенія мы встрѣчали и на молодыхъ замужнихъ женщинахъ.

Около Лабрана мы встрѣтили уже другой обычай. Здѣсь мы видѣли убранство волосъ на дѣвицѣ, дочери старика Амисалуна, который потомъ нанялся на службу въ нашъ караванъ. У нея всѣ волосы были также зачесаны назадъ, но заплетены не менѣе, какъ въ тридцать мелкихъ косъ, опущенныхъ внизъ по спинѣ; одна коса, болѣе толстая, спускалась съ темени и лежала по серединѣ спины. На концы мелкихъ косъ былъ подвѣшенъ вѣнокъ, согнутый изъ толстаго разноцвѣтнаго шнура въ видѣ четырехъ-угольной рамки; къ верхней части вѣнка симметрично были прикрѣплены два бѣлыхъ пушистыхъ помпона. На средней толстой косѣ были нашиты три металлическія бляхи, одна ниже другой, приходившіяся между крыльцами; а ниже къ косѣ подвѣшена широкая красная, толсто подложенная, лента, спускающаяся до пятъ и кончающаяся красной шелковой бахромкой. Дѣвица была въ красной рубахѣ и сверху въ синей шубѣ; косы висѣли поверхъ шубы.

Въ томъ же родѣ мы видѣли женское убранство волосъ и въ деревнѣ Анкуръ, къ сѣверу отъ Джони, то есть волосы разбиты на нѣсколько десятковъ мелкихъ косъ и опущены на спину, а одна толстая коса виситъ въ серединѣ между ними. Нижніе концы мелкихъ косъ прикрѣплены къ горизонтальной красной лентѣ, толсто подложенной, покрытой вышивкой и усаженной рядомъ изъ мѣдныхъ мелкихъ бляхъ; къ этой лентѣ пришиты два треугольника, опущенные вершинами внизъ; они также на толстой подкладкѣ, сверху покрыты красной матеріей, по которой вышиты крестики и точки. Къ нижнимъ концамъ треугольниковъ прикрѣплена сложная привѣска, состоящая изъ мѣдныхъ пластинъ, колецъ и репейковъ. Эта привѣска имѣетъ видъ поставленной вверхъ ногами буквы А или Д. Снаружи на пластинахъ иглой нацарапанъ орнаментъ въ видѣ розетокъ, въ центрѣ которыхъ вставлены коралловыя зерна. На нижнемъ концѣ этой привѣски желѣзное кольцо, къ которому прикрѣплена тесьма длиною до двухъ аршинъ; такъ какъ кольцо приходится почти у нижняго подола шубы, то тесьма эта, чтобъ не волоклась по землѣ, подоткнута за поясъ у лѣваго бедра. Средняя толстая коса сверху прикрыта тесьмой, на которой насаженъ рядъ изъ десяти круглыхъ мѣдныхъ бляхъ, а ниже пояса тесьма покрыта только вышивкой.

Въ деревнѣ Шонъ-пынъ, къ в. отъ города Боу-нань, мы замѣтили убранство волосъ у трехъ женщинъ; оно болѣе сходно съ саньчуаньскимъ, то есть десять

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

или около десяти мелкихъ косъ въ серединѣ и двѣ толстыя по бокамъ. Но здѣсь боковыя косы не висятъ отдѣльно, а болѣе или менѣе прочно прикрѣплены къ висящему ниже щитику, который или имѣетъ видъ трапеціи (усѣченнаго и обращеннаго внизъ вершиной треугольника) или квадрата, покрытаго вышитыми крестиками, или узкаго пояса, усаженнаго бляхами.

Замужнія женщины въ сѣверномъ Амдо носятъ сзади толстыя сшитыя изъ матеріи и простеганныя полосы въ ладонь и болѣе шириной; двѣ изъ нихъ укрѣпляются на бедрахъ, и перекрещиваются сзади ниже пояса; другія три прикрѣпляются верхними концами къ волосамъ на шеѣ и висятъ вдоль спины отвѣсно. Всѣ онѣ усажены или кружками, выточенными изъ раковинъ, нашитыми иногда въ три ряда, или цѣльными раковинами, а также репейчатыми розетками. Концы ихъ имѣютъ очертаніе, напоминающее алебарду; дугообразный край снабженъ густой и длинной бахрамой. Такой уборъ я видѣлъ на тангуткахъ около монастыря Марцзана, и образцы его мнѣ удалось купить на рынкѣ въ городѣ У-янъ-бу [1]). На праздникахъ въ Гумбумѣ я видѣлъ много женщинъ съ этимъ уборомъ.

Въ южномъ Амдо, къ югу отъ Джони и Минъ-чжоу, т. е. въ системѣ Голубой рѣки этихъ уборовъ уже не встрѣчается. Даже уже въ Джони женщины носятъ костюмъ китайскій и спинныхъ тангутскихъ украшеній здѣсь не видно. Жена хозяина нашего дома въ Джони имѣла три косы, которыя у нея висѣли за спиной; волосы на головѣ ея были покрыты повязкой въ родѣ шапочки съ вырѣзами надъ ушами и съ отверзстіемъ на затылкѣ, въ которое была пропущена средняя толстая коса. Снаружи вся эта накладка сплошь была усажена красными кораллами.

Около Сунь-пана женщины носятъ одну косу, которая искусственно удлиняется и утолщается посредствомъ чужихъ волосъ; ее носятъ или опущенною сзади или намотанною вѣнцомъ вокругъ темени, иногда даже вокругъ шляпы. Шелковая кисть, которою кончается коса, прикрываетъ одно изъ ушей. Въ косу бываютъ пропущены нитки нанизанныхъ бусъ.

Серьги я видѣлъ двухъ типовъ; одинъ типъ—серьга, состоящая изъ кольца, отъ котораго внизъ идетъ проволока съ нанизанными на нее двумя или тремя бусинами, чаще изъ краснаго коралла; концы проволоки и промежутки между бусами обмотаны той же проволокой. Такого типа серьги изъ серебра или олова самыя обыкновенныя въ Саньчуани у широнголокъ [2]); такія же серьги носятъ и тангутки въ Джони [3]). У тангутскихъ женщинъ въ Лабранѣ и деревнѣ Анкуръ серьга состоитъ изъ большого серебрянаго кольца, иногда изъ серебряной пластинки, согну-

---

[1]) Они находятся въ музеѣ Восточносиб. Отдѣла Геогр. Общества въ Иркутскѣ.

[2]) Передняя дуга кольца иногда обращается въ пластинку съ простѣйшимъ рисункомъ, напр. въ видѣ вѣточки.

[3]) И въ Ордосѣ у монголокъ серьги принадлежатъ къ этому же типу. Ордоская серьга одинъ изъ самыхъ простѣйшихъ типовъ. Серьга состоитъ изъ обрывка проволоки, верхній конецъ которой загнутъ дугой и продѣтъ въ ухо, нижній конецъ продѣтъ черезъ двѣ, три бусины и загнутъ волютой или просто крючкомъ, чтобъ бусы не скатились. Иногда и этого бываетъ проще; бусъ нѣтъ, проволока согнута въ видѣ цифры 8 и вся серьга тутъ.

Digitized by Google

той кольцомъ; привѣски нѣтъ, а на передней сторонѣ кольца помѣщены группами крупныя зерна коралловъ въ широкой оправѣ. Діаметръ кольца достигаетъ иногда до $3^1/_2$ дюймовъ длины.

Хотя выше сказано, что женщины и дѣвицы носятъ такую же шапку, какъ и мужчины, но иногда я замѣчалъ одну небольшую особенность, именно на верхушкѣ шапки небольшой металлическій стержень. Кажется, на этотъ стержень въ болѣе праздничное время надѣвается кружокъ, окруженный бахромой изъ шелковыхъ шнурковъ. Такія шапки мы замѣтили въ Лабранѣ, въ дер. Рчили (на Желтой рѣкѣ ниже Гуй-дуя) и около города Сунъ-пана.

Изъ принадлежностей мужского костюма нужно упомянуть о лядункахъ или сумкахъ для патроновъ, которыя напоминаютъ своей формой киргизскую «кисэ»; онѣ имѣютъ такую же полукруглую форму, шьются изъ кожи, но иногда и изъ войлока; сумка привѣшена къ поясу. Къ поясу прикрѣпленъ также ремень, который надѣвается черезъ плечо; онъ увѣшенъ мѣдными трубками, числомъ до девяти, и напоминаетъ русскую старинную берендейку. Кромѣ лядунки, киргизовъ напоминаетъ еще рожокъ для носового табаку; онъ совершенно такой же формы, какъ киргизскій чакча, дѣлается изъ чернаго рога яка и бываетъ украшенъ рѣзьбой изъ бѣлой кости [1]).

У тангутскихъ замужнихъ женщинъ, какъ на Желтой рѣкѣ, такъ и въ Джони, на поясѣ подвѣшивается мѣдный крючокъ въ видѣ якоря; онъ служитъ для поддерживанія подойника во время доенья коровъ и называется лоузонъ или жоозунъ.

Изъ молока тангуты дѣлаютъ бѣлый разсыпающійся комочками сыръ, по тангутски чура; кромѣ того изъ молока приготовляется родъ варенца, по тангутски шю. Ни кумысъ, ни водка изъ молока тангутамъ неизвѣстны. Хлѣбъ пекутъ въ котлахъ въ видѣ толстыхъ лепешекъ. Широнгольскіе хлѣбы въ формахъ неизвѣстны.

Въ Амдо тангуты держатся трехъ вѣроученій: желтой вѣры или ученія Цзонкавы, вѣры сангаспа или хонь, и вѣры бонбо; кромѣ того есть небольшая часть тангутовъ около Ба-янъ-жуна, которые исповѣдуютъ исламъ (это можетъ быть отангутившіеся салары или тюрки). Изъ трехъ названныхъ вѣръ господствуетъ желтая вѣра.

Сангаспа или хонь разсѣяны повидимому по всему Амдо, но у нихъ нѣтъ такихъ большихъ центровъ, какъ у желтовѣрцевъ, да и немногочисленны ихъ монастыри. Самый сѣверный изъ нихъ Ача-нандзунъ (Ачунъ-нандзунъ см. выше, стр. 217); есть ихъ монастырь въ мѣстности Рнгава, на нагорьѣ къ з. отъ Сунъ-пана (стр. 277 и 278); еще южнѣе приверженцы этой секты, кажется, становятся многочисленнѣе и могущественнѣе. Бонбо сосредоточены главнымъ образомъ въ юговосточномъ Тибетѣ; о нихъ сообщено на стр. 280 — 284. Всѣ эти секты относятся другъ къ другу недружелюбно; ламы т. е. сторонники ученія Цзонкавы выдаютъ сангаспа за людей вредныхъ, которые имѣютъ способность сноситься съ злыми духами и

[1]) Лядунка и два рожка были доставлены мною въ иркутскій музей. На одномъ рожкѣ между прочимъ рѣзьбой представлено колесо между двумя рыбами.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

при помощи ихъ могутъ дѣлать людямъ зло; наши буряты называютъ ихъ по-русски «чернокнижниками». Такія же отношенія существуютъ между сангаспа и бонбо.

Пржевальскій принялъ сангаспа за шамановъ; дѣйствительно они какъ будто замѣняютъ у тангутовъ этихъ властителей надъ тайными силами природы. Имъ приписывается способность отвращать грозу и градобитіе. Съ этою цѣлью хони бросаютъ въ грозовую тучу мѣдныя дорчжи (очиры) или глиняные небольшіе шарики величиною съ бобъ, а также мелкіе въ родѣ маковаго зерна. Дорчжи или очиръ бросается при помощи праща [1]). У тангутовъ въ мѣстности Дуй (къ сѣверу отъ монастыря Лабрана) и другихъ сосѣднихъ во время грозы хонь читаетъ «номъ» (книгу) передъ чашей, на которой положены двѣ палочки крестъ на крестъ, а на нихъ дорчжи; потомъ этотъ дорчжи онъ бросаетъ въ тучу; иногда же посредствомъ праща онъ бросаетъ «урлунъ», зерна. Предполагается, что грозовой драконъ, получивъ ударъ или увидѣвъ кидаемый въ него предметъ, испугается и удалится. Иногда въ сказкахъ и разсказывается о раненомъ хонемъ драконѣ (см. томъ II, стр. 149). По словамъ моего спутника тангута, Самбарчи, на его родинѣ въ долинѣ Итель-гола (къ з. отъ Сань чуани) во время грозы хони бросаютъ въ тучу маленькіе шарики изъ талкана или ячменной муки (рсамба), а не изъ глины [2]). Очиры же бросаются только въ крайнемъ случаѣ, когда идетъ крупный градъ. Очиръ убиваетъ дракона (нчжу) и тогда хоню предстоитъ опасность; рсамбовые же шарики только ранятъ дракона въ ногу или другую часть тѣла.

Хонь, совершающій грозовой обрядъ, не долженъ ѣсть самсыкъ (чеснокъ), сангныкъ (лукъ) и мясо. Въ Лабранѣ во время грозы совершается другой обрядъ. Вырываютъ ямку, кладутъ въ нее изъ тѣста сдѣланную лягушку [3]), дѣлаютъ надъ нею маленькую насыпь, а въ вершину насыпи втыкаютъ вертикальную палку. Этотъ обрядъ всегда совершаетъ гэгэнъ Зая-алыксэнъ.

Тангуты долины Ительгола, подобно широнголамъ Сань-чуани, ставятъ лѣтомъ на пашняхъ чапеи; по тангутски они назыв. сернунъ. Ставятъ ихъ гурьтуны которые по тибетски называются сава (лсава), по-широнгольски холовыръ [4]).

Пять деревень въ долинѣ Итель-гола: Гамака, Чжатунчи, Дамбысыръ, Тумучи и Римынъ покланяются Гэсэру (Гэсэръ-магчжи-чжаву); въ каждой деревнѣ есть кумирня (лсаганъ) и въ ней изображеніе Гэсэра. Гдѣ культъ Гэсэра, тамъ будто бы не нуждаются въ хоняхъ для укрощенія тучъ. На случай грозы въ каждой деревнѣ есть два си-чжан'а; они обязаны при наступленіи грозы бить въ корнга (по-китайски лу).

Въ 4 лунѣ бываетъ собраніе; жители сносятъ хлѣбы и устроивается угощеніе.

---

[1]) Пращъ по-широнгольски хурьби. У бурятъ шаманистовъ харьбо называются шаманскіе жезлы. (Очерки, IV, 54).

[2]) Какъ этотъ обрядъ называется потангутски, я не записалъ; тангутъ Самбарча называлъ его по-широнгольски: нокчиръ каруджи или хура танглана.

[3]) Бэбэръ говоритъ, что китайцы приписываютъ блестящимъ предметамъ способность оказывать вліяніе на грозу; если лягушку положить блестящимъ брюхомъ кверху, это привлечетъ на нее громовой ударъ. (E. Colborne Baber, Travels and researches in western China, Lond., 1882, p. 40).

[4]) Хоней у саньчуаньскихъ тангутовъ меньше, чѣмъ холовыровъ. Хоню нужно платить два шена зерна съ каждаго дома.

Digitized by Google

Сава или холовыръ пляшетъ передъ собраніемъ, имѣя въ лѣвой рукѣ трезубецъ (гань-доу) и въ правой флагъ; кромѣ того черезъ щеки у него въ это время бываетъ продѣта желѣзная проволока.

Въ лсаганѣ деревни Гамака среднее мѣсто занимаетъ изображеніе Гэсэра, направо (если смотрѣть отъ входа) отъ него—Аи-шугму, женщина съ синимъ лицомъ, ѣдущая на лошади; это бурханъ горы Аи-шонгри; налѣво отъ Гэсэра—Аи-цомэкъ, по-китайски Ньянъ-ньянъ, женщина, сидящая на драконѣ (нджукъ); это бурханъ всего хребта, который непрерывно тянется отъ Уй-цзана (южнаго Тибета) до Саньчуани и прерывается только у Дондонской тѣснины.

Сборы наши въ новую дорогу начались съ покупки верблюдовъ. Такъ какъ обратный путь на родину былъ нами избранъ чрезъ центральную Монголію и двѣ трети его намъ предстояло идти по пустынной Гоби, то выборъ вьючнаго животнаго былъ этимъ предрѣшенъ. Къ сожалѣнію, ни я, ни А. И. Скасси, ни нашъ старикъ Сантанъ-джимба, зимовавшій съ нами въ Гумбумѣ, не имѣли никакой опытности въ выборѣ верблюдовъ. Зимой съ нами познакомился одинъ немолодой лама Джамсарай, родомъ изъ хошуна Чокуръ-бэйли, находящагося въ вершинахъ Селенги. Мы наняли его къ себѣ на службу и поручили ему закупку животныхъ, а также изготовленіе верблюжьихъ сѣделъ и всей остальной сбруи. Разсчетъ нашъ на выгодную покупку скота въ Гумбумѣ оказался не вѣрный; правда, цѣна верблюдовъ въ Гумбумѣ была не велика, но за то и выборъ ихъ былъ плохой; богомольцы, разсчитывая дойдти на животныхъ только до Гумбума и потомъ продать ихъ тутъ, конечно выбираютъ изъ своихъ стадъ такихъ верблюдовъ, которые похуже. При томъ это не были верблюды свѣжіе, только что выкормленные въ теченіе лѣта, какъ это обыкновенно дѣлается съ верблюдами, предназначаемыми для караванной службы; гумбумскіе верблюды приходятъ въ 9 лунѣ, уже совершивши походъ иногда очень длинный; поэтому часть жира, нагуляннаго лѣтомъ, они уже потеряли. Послѣ мы намаялись съ этими верблюдами и ни одинъ изъ нихъ не дошелъ до Кяхты.

Не совсѣмъ счастливы мы были и при наемкѣ рабочихъ. Отправляясь въ такой дальній путь, намъ необходимо было нанять такихъ слугъ, которые бы согласились не оставлять насъ до Кяхты. Такъ какъ сань-чуаньцы уже привыкли къ намъ, то мы предложили нашимъ прежнимъ слугамъ изъ Сань-чуани идти съ нами. Старые наши друзья согласились; съ нами шелъ до Кяхты старикъ Сантанъ-джимба, и саньчуаньцы объявили, что куда пойдетъ старикъ, туда и они пойдутъ, хоть на край свѣта. Согласился идти съ нами и лама Сэрэнъ. Уговорились, что весной мы пошлемъ за ними въ Сань-чуань человѣка и они придутъ въ Гумбумъ. Дѣйствительно всѣ, кого мы изъ нихъ выбрали, къ назначенному времени явились къ намъ. Кромѣ Сантанъ-джимбы и Сэрэна изъ Сань-чуани съ нами пошли широнголы Тэндыръ, Хоянъ и Гэрильту и три тангута: Самбарча, его племянникъ Итарчи и Талантаръ. Все это были добрые и преданные люди, но неопытные въ обращеніи съ верблюдами; поэтому намъ нужно было, кромѣ нихъ, нанять еще какихъ-

Digitized by Google

нибудь монголовъ, уроженцевъ монгольской плоскости; послѣдніе могли замѣнить намъ вожаковъ да и для сношенія съ сѣверными монголами лучше было имѣть около себя нѣсколько рабочихъ изъ нихъ же. Джамсарай уже былъ нанятъ; къ нему мы еще присоединили двоихъ. Вотъ въ этихъ-то людяхъ мы и ошиблись. Рабочихъ для караванной службы въ Монголіи слѣдуетъ выбирать изъ того класса, который изъ этой службы сдѣлалъ свой промыселъ; это люди опытные и добросовѣстные, какъ мы убѣдились во время своихъ экспедицій по сѣверо-западной Монголіи. Въ монастыряхъ же такихъ рабочихъ найдти трудно; тутъ приходится набирать ихъ изъ среды тѣхъ тунеядцевъ ламъ, которые проводятъ время въ шатаніи изъ монастыря въ монастырь, или толкутся въ какомъ нибудь монастырѣ, ради дешево достающагося пропитанія. Только одинъ изъ этихъ ламъ дошелъ съ нами до Кяхты; остальные, въ томъ числѣ и Джамсарай, оставили насъ дорогой. Они, за исключеніемъ Джамсарая, оказались и малоопытными и испорченными праздной жизнью въ монастыряхъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Гумбума мы цѣлой компаніей: А. И. Скасси, М. М. Березовскій и я съѣздили въ Си-нинъ проститься съ сининскимъ амбанемъ и поблагодарить его за покровительство, оказанное экспедиціи. Амбань прикомандировалъ къ нашему каравану двухъ своихъ чиновниковъ и поручилъ имъ проводить экспедицію черезъ амдоское нагорье до самаго выхода на монгольскую плоскость. Такимъ образомъ караванъ нашъ увеличился. Кромѣ того англійскій миссіонеръ г. Паркеръ, котораго А. И. Скасси встрѣтилъ въ первый разъ въ г. Ба-янъ-жунѣ, и который потомъ выѣхалъ въ Гумбумъ, также по нашему предложенію примкнулъ къ экспедиціи съ тѣмъ, чтобы выѣхавъ на монгольскую плоскость, вернуться черезъ Гань-чжоу въ Лань-чжоу.

Digitized by Google

II.

Нань-Шань.

Городъ Донкыръ. — Нагорье озера Хухунора.—Перевалъ Бере-хада.—Долина рѣки Да-тунъ-гола.—Перевалъ Бага-рдонсукъ.—Долина восточной вершины Едзина (Ѣ-ма-чуань).—Уединенный монастырь Па-бао-та-сы.—Долина рѣки Бардуна.—Крушеніе нашего каравана.—Перевалъ Галдзинъ-дабанъ.—Долина рѣки Хсана.—Шира-ёгуры.—Выходъ на монгольскую плоскость.

Дорога изъ Гумбума на оз. Хуху-норъ идетъ вверхъ по долинѣ Синиской рѣки (Ши-хо на картѣ А. И. Скасси). Верхняя часть этой долины, лежащая выше города Си-нина, сохраняетъ то же направленіе съ з. на в., которое долина имѣетъ и ниже города; западный конецъ ея отдѣленъ отъ ближайшаго берега оз. Хухунора промежуткомъ всего въ семь верстъ. Изъ сопровождающихъ долину хребтовъ съ ю. и с. направляются къ главной долинѣ побочные; съ сѣвера выше Си-нина въ Синискую рѣку по Пржевальскому впадаютъ рѣчки: Бугукъ и Рако-голъ. Съ юга въ нее также течетъ нѣсколько притоковъ, кажется, менѣе значительныхъ, чѣмъ сѣверные.

10 апрѣля мы оставили Гумбумъ. Нашъ караванъ пошелъ прямо по направленію къ оз. Хуху-норъ, не заходя въ Си-нинъ. Пройдя по плоскимъ горамъ до первой побочной долины, которая имѣетъ вершину на югѣ, а широкое отверзстіе или широкія щеки на сѣверѣ, служащія вѣроятно соединеніемъ ея съ Синиской долиной, нашъ караванъ пересѣкъ ее и рѣчку, въ ней текущую, и вновь поднялся на горы. За ними новая долина и еще новая, обѣ направляющіеся съ с. на ю. Далѣе караванъ шелъ внизъ по послѣдней долинѣ до городка Чжянъ-хай-пу, который стоитъ уже въ долинѣ Синиской рѣки, въ 25 верст. выше Си-нина и въ верстѣ выше города Дуба-ченъ, черезъ который проходилъ Пржевальскій въ 1880 г.

Обѣ пройденныя долины населены китайцами и покрыты пашнями; главнымъ образомъ засѣвается пшеница.

Названіе мѣстечка намъ истолковали такимъ образомъ; чжянъ значитъ торговое мѣсто, портъ, рынокъ; хай «озеро»; пу «земляная крѣпость». Чжянъ-хай-пу будетъ поэтому значить «укрѣпленный озерный рынокъ». Городокъ былъ разоренъ мусульманами; его высокія стѣны совершенно цѣлы, ворота крѣпкія, но вну-

Digitized by Google

три стѣнъ пусто; тутъ только возобновленъ ямынь и двѣ караулки у городскихъ воротъ; остальное городское пространство состоитъ изъ ямъ и пустырей. Все населеніе, въ которомъ насчитываютъ до 300 семействъ, живетъ въ предмѣстьяхъ внѣ городскихъ стѣнъ.

Въ началѣ перехода шелъ небольшой снѣгъ въ видѣ бѣлыхъ сферическихъ комочковъ.

Рѣка Сининъ-голъ составляется изъ двухъ вершинъ, которыя обѣ текутъ съ запада и соединяются у города Дуба-ченъ. Та, которая течетъ южнѣе и на которой стоитъ Чжянъ-хай-пу, называется Цзай-цза-гоу; текущая сѣвернѣе—Пей-хо [1]). Дорога изъ Чжянъ-хай-пу въ городъ Донкыръ идетъ вверхъ по Цзай-цза-гоу, сначала по правому его берегу, а потомъ передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ долина съужи-вается и образуетъ щеки (по китайски ся), переходитъ въ бродъ на лѣвый. Вода была по брюхо лошади; дно рѣки завалено большими валунами. Внутри ущелья при самомъ входѣ въ него находится кумирня Фо-ней съ статуей Гуань-инъ-пусы. Скалы образованы выходами мелкозернистаго гнейса, которые тянутся вдоль всей тѣснины и прекращаются только за 10 ли недоходя Донкыра. Внутри ущелья, не доходя до Донкыра 15 ли, противъ дер. Шянъ-ху на правомъ берегу рѣки виденъ высокій лѣсъ изъ тополей и березъ, покрывающій сѣверный склонъ горы; выше этого мѣста лѣсовъ уже не встрѣчается; начинается безлѣсная область, окружающая оз. Хуху-норъ. За 10 ли до Донкыра долина начинаетъ расширяться и около Донкыра имѣетъ съ версту ширины. Донкыръ окруженъ горами съ мягкими очертаніями; горы состоятъ изъ лёсса, налегающаго на красные песчаники, напластованные горизонтально. Такіе же слои были видны и около Чжянъ-хай-пу.

Я съ первой половиной каравана пришелъ въ Донкыръ 11 апрѣля, А. И. Скасси и г. Паркеръ на день остались въ Чжянъ-хай-пу и пришли въ Донкыръ 12-го. Такъ какъ это былъ послѣдній китайскій городъ, то мы здѣсь сдѣлали дневку. Донкыръ лежитъ на высотѣ 2.656 метровъ надъ уровнемъ моря, т. е. на 406 метровъ выше Синина и только на 550 метровъ ниже оз. Хуху-нора. Городъ небольшой; если бъ онъ былъ русскій, то, судя по величинѣ площади, занятой имъ, мы дали бы ему не болѣе 3.000 жителей; но онъ имѣетъ большое торговое значеніе. Черезъ него идетъ дорога изъ Ганьсу въ Си-цзанъ, т. е. въ южный Тибетъ, по которой идутъ богомольцы въ Лассу и направляются торговые караваны. Такихъ воротъ на восточной окраинѣ Тибета трои: Донкыръ, Сунъ-панъ и Дацзянь-лу. Подобно тому, какъ въ Сунъ-панѣ, и здѣсь жители отдаленнаго сѣвера встрѣчаются съ жителями южнаго Тибета; послѣдніе извѣстны здѣсь подъ именемъ Бопа. Каждая національность имѣетъ свой караванъ-сарай, по здѣшнему с я-чжа; есть Бопа-сячжа, есть Камбу-сячжа, гдѣ останавливаются купцы изъ Кама; монголы также имѣютъ свой сячжа.

Нашъ караванъ помѣщался въ домѣ богатаго тангута, который былъ провод-

[1]) Это вѣроятно Рако-голъ Пржевальскаго; такъ ее вѣроятно зовутъ монголы и тангуты; наши названія записаны отъ крестьянъ-китайцевъ.

Digitized by Google

никомъ Пржевальскаго. Домъ находится въ предмѣстьи; при немъ обширный дворъ, въ которомъ свободно нашелъ себѣ мѣсто весь нашъ скотъ; тутъ же были разбиты палатки для меня и нашихъ слугъ; А. И. Скасси помѣщался въ самомъ домѣ, внутренность котораго была хорошо убрана и обильно меблирована, а стѣны размалеваны.

Здѣсь мы познакомились съ отставнымъ генераломъ Хай-та-женемъ, который въ шестидесятыхъ годахъ, какъ мусульманинъ, принималъ участіе въ возстаніи, но при поворотѣ счастья въ пользу китайцевъ заблаговременно перешелъ на ихъ сторону и потому не только уцѣлѣлъ, но и получилъ шарикъ. Кромѣ того съ нами свелъ знакомство также одинъ мандаринъ съ краснымъ шарикомъ, находившійся не у дѣлъ; онъ считается въ Донкырѣ мѣстнымъ ученымъ (сянъ-шенъ). Оба эти знакомства были полезны намъ, какъ источникъ географическихъ знаній о краѣ, въ который мы шли. Сянъ-шенъ принесъ г. Паркеру книгу: «Сининъ-чжи», въ которой помѣщена карта страны, лежащей къ сѣверу отъ Хуху-нора. Хай-та-жень самъ прошелъ весь край отъ Донкыра до Су-чжоу. Отъ него мы въ первый разъ услышали о мѣстности Па-баоръ-та-сы, которую впослѣдствіи намъ пришлось самимъ увидѣть, и о долинахъ, въ которыхъ текутъ вершины Едзинъ-гола. Благодаря разсказамъ Хай-та-женя, а также тѣхъ двухъ чиновниковъ, которыхъ намъ далъ синиискій амбань и которые также бывали въ Па-баоръ-та-сы и еще западнѣе, мы имѣли большой запасъ названій урочищъ, съ которыми намъ предстояло болѣе или менѣе познакомиться, но какъ все это пріурочить на картѣ и примирить между собою, намъ не помогла и книга Сининъ-чжи, потому что карта, къ ней приложенная, очень не совершенна. Не смотря однако на хаотическое состояніе добытыхъ свѣдѣній, собраніе ихъ все таки для насъ было очень полезно; хотя потомъ, по мѣрѣ того, какъ мы подвигались на западъ, карта, которую мы составили по разсказамъ въ Донкырѣ, оказывалась невѣрною и съ каждымъ переходомъ намъ приходилось передѣлывать ее на основаніи личныхъ наблюденій и новыхъ разсказовъ, которые въ свою очередь подавали поводъ къ невѣрнымъ наброскамъ на картѣ и къ новымъ ея исправленіямъ, но эти разспросныя свѣдѣнія, полученныя отъ Хай-та-женя и другихъ лицъ, встрѣчавшихся по дорогѣ, задавали намъ полезную мозговую работу; стараясь разобраться въ показаніяхъ и встрѣчаясь съ недоразумѣніями, обыкновенно задаешь новые разспросы, а черезъ это матеріалъ копится; часть изъ него потомъ окажется лишнею, но часть останется.

13 апрѣля я и г. Паркеръ ходили въ Бопа-сячжа. Подъ этимъ именемъ разумѣется рядъ дворовъ, образующихъ улицу, одинъ бокъ которой образованъ городской стѣной. Я насчиталъ всего двѣнадцать дворовъ, собственно двѣнадцать воротъ, въ одной линіи. Оконъ на улицу не выходитъ, такъ что фасады этихъ двѣнадцати дворовъ представляютъ одну сплошную однообразную и почти вездѣ одинаковой высоты стѣну. По верхнему краю этой стѣны установленъ рядъ деревянныхъ кольевъ, между которыми протянуты шнуры съ навязанными на нихъ тесьмами или лоскутьями. Всѣ купцы, живущіе въ сячжа, управляются старшиною, который избирается купцами, получаетъ отъ синиискаго амбаня шарикъ на шапку и

Digitized by Google

называется гарпунъ. Купецъ, къ которому мы зашли, былъ тибетскій лама и оказался неразговорчивымъ. Мы пришли къ нему, чтобъ взглянуть на жителя отдаленнаго южнаго Тибета, но ему мы нисколько не казались предметомъ любопытнымъ онъ видѣлъ въ насъ только покупателей. Сантанъ-джимба чувствовалъ это и рѣшился выдать насъ за покупателей; передъ нами были выложены образцы тибетскаго сукна, которое обыкновенно бываетъ свернуто въ трубки, какъ нашъ холстъ. Ширина сукна не бываетъ шире $^1/_2$ аршина; другихъ цвѣтовъ, кромѣ коричневаго, у нашего хозяина не было. Посѣщеніе наше должно было окончиться маленькой комедіей; цѣны, которыя заявилъ купецъ, конечно, показались Сантанъ-джимбѣ не возможными.

Вскорѣ послѣ нашего отъѣзда изъ Синина въ сининскомъ ямынѣ было получено изъ Пекина на наше имя серебро. Это были 2000 р., присланные В. П. Сукачевымъ на продленіе пребыванія М. М. Березовскаго въ Китаѣ еще на годъ. Хотя въ послѣдній свой визитъ сининскому амбаню мы и просили его, въ случаѣ полученія серебра, выдать его Березовскому, но амбань не рѣшился такъ сдѣлать. Онъ прислалъ серебро въ Донкыръ. Пришлось послать немедленно гонца въ Гумбумъ за М. М. Березовскимъ и звать его въ Донкыръ, а въ ожиданіи его пріѣзда намъ пришлось невольно удлиннить наше пребываніе въ этомъ городѣ. М. М. Березовскій пріѣхалъ 16 апрѣля и принялъ серебро. Теперь намъ предстояло проститься съ нашимъ спутникомъ окончательно. Прощаясь въ Гумбумѣ, мы еще не знали, надолго мы разстаемся, или на короткій срокъ; теперь же, когда серебро было получено, участь нашего спутника была рѣшена; онъ былъ еще на годъ прикованъ къ Ганьсу. На этотъ разъ чувство разлуки было глубже. Въ послѣднюю минуту М. М. Березовскій позавидовалъ тому, что мы возвращаемся на родину.

18 апрѣля нашъ караванъ оставилъ Донкыръ. Изъ Донкыра на Хуху-норъ три дороги; одна самая южная идетъ черезъ перевалъ Кодёрго-дабанъ, другая черезъ Уланъ-усу и третья, сѣверная, черезъ перевалъ Кира-дабанъ. Путь черезъ послѣдній идетъ изъ Донкыра въ монастырь Арика-сы на р. Да-тунъ-голъ черезъ мѣстность Ца-цзанъ-сы (Цацынъ-гонпа), Янъ-чжа-танъ (тутъ слѣды стараго города Сань-чяо-ченъ или Барсъ-хото съ каменнымъ изваяніемъ тигра и другими остатками), Кира-дабанъ, Ямынь-пулаги, Кань-цзу-хо (горячія воды) и Арикасы.

Нашъ караванъ выбралъ средній путь черезъ мѣстность Уланъ-усу (красная вода). Отъ Донкыра до восточнаго берега Хуху-нора мы дошли въ четыре перехода. Почти на всемъ пути дорога идетъ вверхъ по той рѣкѣ, на которой стоитъ Донкыръ, сначала по лѣвому ея берегу, а въ серединѣ дороги у мѣстности Моргуцу переходитъ на правый. Первый переходъ отъ Донкыра мы сдѣлали до деревни Баянъ; эта деревенька расположена на правомъ берегу Донкырской рѣки, которую тутъ назвали намъ новымъ именемъ Цэнкугъ или Чаганъ-голъ, состоитъ изъ десятка глиняныхъ фанзъ и населена осѣдлыми монголами, олётами вѣдомства князя Эркэ-та-бэйли. Въ 5 ли ниже этой деревни въ той же долинѣ стоитъ монастырь Цацынъ-гонпа, называемый по-китайски Цза-цзынъ-сы. Кругомъ деревни возвышенности состоятъ изъ лёсса, подъ которымъ видны горизонтальные слои песчаниковъ,

Digitized by Google

а въ узкихъ мѣстахъ выходы слоистыхъ породъ, очень наклоненныхъ, повидимому гнейса. Въ Баянѣ сѣютъ пшеницу, ячмень, горохъ и друг. овощи.

Корма вокругъ деревни были сильно выбиты, такъ что мы не только должны были для своего скота купить горохъ, но даже и траву. Баянскіе жители принесли въ нашъ станъ продавать также корни одного дикаго растенія ѣ-хунъ-лопа, «дикая морковь», повидимому какого-то зонтичнаго; корни этого растенія здѣшніе крестьяне ѣдятъ сырые, а также разваренные; мы ихъ клали въ супъ вмѣсто пастернака. Лѣтомъ корни становятся не съѣдобны; тогда ѣдятъ стебли растенія. Растительность въ окрестностяхъ Баяна подавала признаки пробужденія только подземною дѣятельностью корней; ни въ Донкырѣ, ни въ Баянѣ не было еще ни одного цвѣтущаго растенія. М. М. Березовскій, переваливая самый высокій хребетъ къ къ западу отъ Гумбума, видѣлъ въ цвѣту мелкую генціану, но мы первые цвѣты увидали только переваливъ черезъ двѣ цѣпи Нань-шаня, въ долинѣ рѣки Бардуна, въ послѣдней передъ выходомъ на монгольскую плоскость, то есть мѣсяцъ спустя.

Деревня Баянъ самый послѣдній осѣдлый пунктъ къ западу отъ Донкыра по той долинѣ, по которой мы поднимались. Далѣе начинались земли кочевниковъ.

Выше деревни Баянъ, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, въ той же долинѣ рѣки Цэнкуга находится застава (гуань). Тутъ долина съуживается; у заставы она перегорожена поперегъ стѣной, въ которой оставлены только ворота для прохода каравановъ. Ворота эти такъ низки, что верблюды подъ ними проходить не могутъ. Поэтому, нашъ караванъ поднялся на сосѣднія горы и по нимъ обошелъ съуженную часть долины. Въ этой части ея находится монастырь Шинъ-сы. Гдѣ караванъ вновь спустился въ долину, она имѣетъ уже другой характеръ; она здѣсь шире, чѣмъ у деревни Баянъ; горы стали плоскими; вообще мѣстность носитъ уже черты высокаго нагорья.

Около деревни Баянъ и выше ея по рѣкѣ въ тѣсной части долины лёссъ на горныхъ скатахъ прикрытъ сверху растительнымъ слоемъ чернаго цвѣта; я замѣтилъ, что распаханныя мѣста имѣли всегда черный цвѣтъ, если они лежали на горныхъ скатахъ, и желтый цвѣтъ лёсса, если они находились на днѣ долины. Выше же заставы, гдѣ долина вновь расширяется, почва становится песчаною. Рѣка въ этой части долины имѣетъ до сажени ширины; вода въ ней мутная, но муть темнаго цвѣта, а не желтаго, какъ у рѣкъ, размывающихъ лёссъ. Въ этой высокой части долины мы увидѣли впервые ангировъ (Cazarca rutila), которые въ глубокихъ долинахъ Амдо не встрѣчаются.

На всемъ пространствѣ отъ Гумбума досюда влѣво отъ дороги были видны высокія вершины хребта, который тянется къ югу отъ долины Цэнкуга (или Цзайцза-гоу) и отдѣляетъ её отъ долины Желтой рѣки. Мѣстами онѣ были покрыты снѣгомъ, частью зимнимъ, частью вновь напавшимъ, но не вѣчнымъ.

Выше мѣстности Моргуцу, гдѣ мы имѣли ночлегъ съ 19 на 20 апрѣля, нашъ караванъ, перейдя въ бродъ черезъ Цэнкугъ, на его правый берегъ, оставилъ эту

Digitized by Google

рѣку [1]) и поднялся по ея побочному притоку; въ вершинахъ его, въ мѣстности Уланъ-усу, караванъ нашъ остановился на ночлегъ невдалекѣ отъ ставки монгольскаго князя Эркэ-та-бэйли. Здѣсь мы сдѣлали дневку, которой воспользовались, чтобъ купить у князя стадо барановъ для продовольствія каравана во время дальнѣйшаго пути.

Тангутскій баранъ крупнѣе монгольскаго, имѣетъ такую же бѣлую масть, но отличается болѣе длинной и болѣе нѣжной шерстью, и болѣе пугливымъ характеромъ. Послѣднее намъ пришлось испытать при первомъ же знакомствѣ съ этой породой. Купленные бараны были приведены въ нашъ станъ, привязанные къ одной веревкѣ и въ такомъ положеніи оставались до выступленія каравана; когда ихъ начали отвязывать, четыре барана отшиблись и бросились бѣжать прочь; посланные за ними люди догнали ихъ только верстахъ въ двухъ отъ нашей стоянки; они были присоединены къ стаду, но этотъ лишній моціонъ кончился для нихъ трагически; на переходъ къ озеру Хухуноръ у нихъ не хватило силъ и они какъ только дошли до остановки, такъ свалились и умерли.

На озеро Хухуноръ мы пришли 22-го апрѣля. Не доходя семи верстъ до озера, мы достигли высшей точки перевала. Мѣстами въ низкихъ мѣстахъ былъ виденъ еще не стаявшій снѣгъ. Можно сказать, что вся дорога отъ Донкыра до озера есть почти одинъ только подъемъ, потому что вершина перевала надъ Донкыремъ поднимается на 620 метровъ, тогда какъ высота перевала надъ уровнемъ озера простирается только на 217 метровъ. Подъемъ отъ Донкыра до самой вершины перевала медленный, постепенный; никакихъ крутизнъ нѣтъ. Спускъ также пологій.

На перевалѣ сложено обо или потангутски лакцзи; отсюда открылся видъ на озеро. Оно было покрыто льдомъ; горы на южномъ его берегу были задернуты лёссовой мглою, такъ что видъ на озеро не произвелъ на насъ особеннаго впечатлѣнія.

Степь, по которой проходитъ дорога отъ перевала къ озеру, на сѣверѣ упирается въ подошву горъ, окружающихъ озеро съ сѣверо-востока. Подошва этихъ горъ лежитъ на одинаковой высотѣ надъ озеромъ съ вершиной Уланъ-усинскаго перевала, такъ что еслибъ мы пошли подлѣ горъ на сѣверъ, то мы обогнули бы котловину Хухунора по ея сѣверной окраинѣ, не спускаясь съ высоты, на которой находится вершина перевала.

Спустившись съ перевала, дорога пересѣкаетъ сначала широкій ручей Цзахебулыкъ, текущій съ сѣвера по каменистому ложу; за тѣмъ болѣе широкую рѣку Эндерту-голъ; на ночлегъ нашъ караванъ остановился у впаденія въ озеро рѣчки Арчатенъ-голъ. Вся поверхность степи отъ перевала до озера песчаная, поросшая травой дэрису, сильно вытравленной. Дно озера и берега его также песчаны; песокъ крупный, какъ дресва; встрѣчаются на поверхности почвы налеты солей, но не въ значительномъ количествѣ. Ледъ у береговъ уже отъѣло. Солянковыхъ растеній растущихъ на берегахъ Хухунора, я не замѣтилъ. По берегу озера былъ намытъ

[1]) Горы въ долинѣ Цэнкуга выше Моргуду состоятъ изъ слюдистаго гранита (гранититъ).

Digitized by Google

соръ, состоявшій изъ рыбьихъ костей и даже цѣльныхъ экземпляровъ уснувшей рыбы; тутъ попадались и кустики какихъ-то солянокъ, принесенныхъ съ другихъ береговъ озера.

На восточномъ и южномъ берегу озера видны высокіе песчаные бугры, протянувшіеся непрерывнымъ валомъ или хребтомъ вдоль берега; такіе же бугры были видны и къ западу отъ устья рѣки Арчатенъ-гола. Вдоль сѣвернаго берега озера въ разстояніи 5 верстъ отъ него тянутся безлѣсныя горы, покрытыя повидимому лёссомъ. Южныя горы, какъ выше сказано, не были видны вслѣдствіе стоявшей въ воздухѣ пыли.

Слѣдующій переходъ 23-го апрѣля мы сдѣлали вдоль берега Хухунора, и остановились на ночлегъ на берегу небольшого озера Дере-норъ, отдѣленнаго отъ Хухунора перешейкомъ, засыпаннымъ буграми песку. Озеро Дере-норъ (потангутски Нцо-чонъ-нурву) имѣетъ длины 12 верстъ; песчаные бугры лежатъ на южномъ и западномъ его берегу. Съ востока къ озеру примыкаетъ терраса, состоящая изъ гнейса, сверху имѣющая песчаную почву и къ озеру обрѣзывающаяся не крутымъ склономъ въ 2 сажени высоты. Озеро Дере-норъ было также, какъ и Хухуноръ, покрыто льдомъ; у береговъ ледъ былъ уже уничтоженъ солнечными лучами. Вода въ озерѣ горькосоленая; караванъ бралъ воду изъ колодезей, которые вырыты у самаго берега Дере-нора и имѣютъ прѣсную воду.

Озеро Дере-норъ вѣроятно составляло часть Хухунора; перешеекъ, отдѣляющій Дере-норъ отъ Хухунора совершенно плоскій, и только поднимается выше тамъ, гдѣ на немъ насыпаны бугры летучаго песка. Если не ошибаюсь, баронъ Рихтгофенъ гдѣ-то высказалъ мнѣніе, что озеро Хухуноръ не усыхаетъ, а поднимаетъ уровень своихъ водъ. Озеро Дере-норъ противорѣчитъ такому предположенію; оно указываетъ, что и Хухунорское нагорье подчиняется общему закону усыханія озеръ центральной Азіи. Конечно, можно допустить, что Дере-норъ отдѣлилось отъ Хухунора въ какой-то ранній періодъ, когда и это озеро усыхало, но что потомъ наступилъ новый періодъ, во время котораго вода въ Хухунорѣ начала прибывать и что вскорѣ долженъ наступить моментъ, когда Дере-норъ должно слиться съ Хухуномъ. Но и съ этимъ трудно согласиться. Слишкомъ узкій и низкій перешеекъ указываетъ, что отдѣленіе Дере-нора совершилось недавно.

24-го апрѣля мы оставили Дере-норъ, но прошли всего только 11 верстъ и остановились на рѣчкѣ Ганъ-цзю-хо, которая протекаетъ въ 9 верстахъ восточнѣе другой, болѣе значительной, рѣки Харьги. Послѣдняя беретъ начало въ скалистомъ хребтѣ, отдѣляющемъ хухунорскую равнину отъ долины рѣки Да-тунъ-гола. Рѣчка Гань-цзю-хо беретъ начало на хухунорской равнинѣ въ видѣ ключа въ одномъ днѣ ѣзды отъ нашей стоянки; въ вершинахъ ея есть горячія воды. На равнинѣ были видны баныки (черныя палатки), стада яковъ, лошадей и тибетскихъ длинношерстныхъ овецъ. Жители къ востоку отъ рѣки Харьги подчинены Чаганъ-номоханъ-гэгэну, къ западу отъ Харьги—Кансы-ламѣ, живущему въ уроч. Тале-булыкъ, къ западу отъ Харьгенъ-гола. По разсказу Сантанъ-джимбы, когда онъ съ Гюкомъ въ 1844—1845 году проѣзжалъ по сѣверному берегу Хухунора, здѣсь, кромѣ тан-

Digitized by Google

гутовъ вѣдѣнія Номоханъ-гэгэна, жили также тангутскія поколѣнія Ариги и Юнша; Чи-амбань, чтобы положить конецъ грабительскимъ набѣгамъ этихъ племенъ на олётовъ, вытѣснилъ ихъ съ Хухунора; Юнша теперь удалились подъ Камъ-Дерге; Ариги тоже куда-то откочевали. Мѣста по рѣкѣ Харьги хотя заняты тангутами, но считаются принадлежащими монгольскому князю Харьги-бэйсы. Этотъ князь, кажется, кочуетъ въ урочищѣ Ирагу, къ югу отъ Шалахото и къ сѣверу отъ мѣстности Гоми (то есть западнѣе Гуй-дуя).

На Гань-цзю-хо мы простояли два дня. 25-го апрѣля мы отсюда цѣлой компаніей верхомъ на лошадяхъ совершили поѣздку къ песчанымъ буграмъ, которые лежатъ у западнаго конца Дере-нора. Они имѣютъ видъ валовъ длиною до тысячи шаговъ, направляющихся съ сѣвера на югъ. На гребняхъ ихъ находятся песчаныя осыпи (или пескопады). Одинъ бугоръ замѣченъ луновидной формы; вогнутая сторона и рога обращены на востокъ, выпуклость на западъ; слѣдовательно форма эта указываетъ на господствующее направленіе вѣтровъ съ запада; но песчаная осыпь находится не на вогнутой сторонѣ, какъ бы слѣдовало ожидать, а на выпуклой, т. е. на западной. Длина осыпи 240 шаговъ; уклонъ осыпи 25°; высота осыпи, т. е. отъ гребня бугра, гдѣ начинаетъ сыпаться песокъ до подошвы осыпи, гдѣ песокъ укладывается на покой,—3,77 метра.

Другая измѣренная мною осыпь также простиралась съ сѣвера на югъ, и обращена была лицомъ также на западъ. Длина ея была 830 шаговъ; она образуетъ западный склонъ вала, который протянулся по волнистой поверхности песковъ. Высота осыпи отъ верхняго края до подошвы 4,64 метра. Восточный склонъ вала покрытъ «рябью»; рубцы этой ряби идутъ параллельно гребню вала, т. е. направляются съ сѣвера на югъ; тамъ, гдѣ линія гребня уклоняется отъ общаго направленія и идетъ съ с.-з. на ю.-в., валики ряби упираются въ линію гребня; въ этомъ случаѣ борозды, лежащія между валиками, на концахъ, прилегающихъ къ линіи гребня, расширяются и углубляются въ видѣ ложекъ.

Направленіе осыпей указываетъ, что если въ другое время и господствуютъ здѣсь другіе вѣтры, какъ напримѣръ западные, на что повидимому указываютъ рога одного изъ замѣченныхъ мною бархановъ, то въ періодъ, предшествовавшій нашему посѣщенію, т. е. въ концѣ апрѣля мѣсяца, очевидно здѣсь господствовали восточные вѣтры.

Тщетно я искалъ въ этихъ пескахъ раковинъ Corbicula, которыя, какъ говорилъ одинъ лама въ Лабранѣ, подарившій мнѣ нѣсколько экземпляровъ ея, находятъ на песчаныхъ берегахъ Хухунора. Мѣстные тангуты, которымъ я показывалъ свои экземпляры, подтверждали, что такія раковины дѣйствительно попадаются, но на южномъ берегу озера, днях въ десяти ходу отъ нашей стоянки.

Пересѣкши въ бродъ рѣку Гань-цзю-хо, а затѣмъ и рѣку Харьги, мы въ продолженіи трехъ переходовъ (27, 28 и 29 апрѣля) и даже почти четырехъ, шли вверхъ по долинѣ рѣки Харьги въ направленіи на сѣверъ. Долина эта съ востока ограничена скалистымъ хребтомъ, съ зазубреннымъ гребнемъ, поднимающимся надъ дномъ долины приблизительно на тысячу метровъ; этотъ хребетъ намъ назвали

Digitized by Google

Намчинъ-сорва; на вершинѣ его во впадинахъ были видны пятна снѣга. Съ лѣвой стороны долину ограничиваетъ рядъ невысокихъ возвышенностей, поднимающихся надъ днемъ долины не болѣе, какъ на двѣсти метровъ. Такъ какъ мы шли по лѣвому берегу рѣки, то могли наблюдать только составъ этихъ послѣднихъ возвышенностей.

Первые выходы твердыхъ породъ на лѣвомъ берегу Харьги состоятъ изъ пластовъ плотнаго песчаника или кварцита съ паденіемъ NO 320 подъ угломъ въ 15°; образца изъ этихъ выходовъ въ вывезенной мною коллекціи не оказалось и потому болѣе точно опредѣлить породу мы не можемъ. Эти выходы образуютъ отдѣльную возвышенность, невысоко поднимающуюся среди горизонтальной поверхности дна долины, которая здѣсь сливается еще съ прибрежьемъ Хухунора. Къ сѣверу отсюда начинается другой рядъ тожс невысокихъ возвышенностей, которыя въ южномъ концѣ состоятъ изъ гранита. Нашъ караванъ, обогнувъ кварцитовые холмы слѣва и пройдя въ промежуткѣ между ними и гранитными выступами, остановился на ночлегъ среди долины Харьгенъ-гола, которая здѣсь имѣетъ около 5 верстъ ширины. Съ этой стоянки было еще очень хорошо видно озеро Хухуноръ съ его ледяною поверхностью.

Это широкое и плоское дно долины Харьгенъ-гола у тангутовъ извѣстно подъ особеннымъ именемъ Рцзонки-танъ. Почва его состоитъ изъ черной земли или растительнаго слоя съ большой примѣсью песку; она покрыта густыми злаками, которые составляютъ не преувеличенную славу хухунорскихъ пастбищъ. Въ долинѣ мы видѣли много баныковъ; рядомъ съ многочисленными стадами домашнихъ животныхъ бродятъ здѣсь стада хулановъ (ѣ-ма) и антилопъ. Зелень едва пробивалась, когда мы проходили по этой долинѣ; въ нижней части мы переходили рѣку Харьги въ бродъ, вверху же по льду.

Къ западу отъ самаго высокаго пика на гребнѣ хребта Намчинъ-сорва есть другая вершина, состоящая изъ двухъ зубцовъ; между ними, по разсказамъ тангутовъ, совершилось чудо; тутъ возникло самотворное желѣзное дерево, по тангутски Рчики-донгъ.

Вторая наша стоянка въ долинѣ Харьги находилась немного южнѣе отдѣльно стоящаго на лѣвомъ берегу холма Чшашй-тейгъ; обо, нагроможденное на вершинѣ холма, тангуты называютъ Тейгъ-лабцы (лакцзи?). Противъ Чшаши-тейга отъ долины Харьги отдѣляется на западъ широкая долина; имя текущей въ ней рѣки осталось намъ неизвѣстнымъ. Выше этой мѣстности долина Харьги начинаетъ постепенно съуживаться. Къ концу слѣдующаго перехода гранитныя обнаженія, сопровождавшія лѣвый берегъ рѣки ранѣе, уступаютъ мѣсто зеленымъ сланцамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ горы лѣваго берега становятся болѣе высокими. Здѣсь корма были сильно выбиты скотомъ, и потому ни баныковъ, ни стадъ домашнихъ животныхъ уже болѣе не встрѣчалось, а равно не было видно и хулановъ и антилопъ. Въ этой части долины сѣверные скаты горъ покрываются кустарниками Potentilla fruticosa L. и Caragana jubata Poir. Ночлегъ съ 29 на 30 апрѣля мы имѣли въ верхней части долины Харьги; теперь только одинъ скалистый хребетъ, ограждающій

Digitized by Google

долину справа, отдѣлялъ насъ отъ долины Да-тунъ-гола; этотъ хребетъ, въ представленіи человѣка, проѣхавшаго по долинѣ Харьги, сливается съ названнымъ выше хребтомъ Намчинъ-сорва. Въ долину Да-тунъ-гола изъ долины Харьги ведутъ три перевала; мы остановились на ночлегъ противъ самаго восточнаго, называемаго Цэртэнъ (Цэтэръ); онъ считается неудобнымъ для прохода верблюдовъ; намъ посовѣтовали идти на самый западный, который называется Бере-хада. Послѣдній выводитъ въ долину Да-тунъ-гола выше монастыря Аригъ-гонпа.

30-го апрѣля мы двинулись на перевалъ. Растительность въ этой части долины Харьги была еще мертва; насѣкомыя то же еще не появлялись; мой спутникъ Самбарча напрасно искалъ жуковъ подъ камнями; эти притоны насѣкомыхъ были совершенно пусты; встрѣчались только одна маленькая бабочка да какое-то двукрылое въ родѣ комара съ темными крыльями. Поверхность почвы покрыта здѣсь короткими злаками; растительный слой не болѣе $^1/_2$ вершка толщиной и часто сорванъ вѣтрами; обнаженная на этихъ участкахъ подпочва состоитъ изъ горнаго наноса, т. е. изъ смѣси глины съ неоглаженными неправильной формы обломками камней, средняя величина которыхъ съ грецкій орѣхъ.

Идя по лѣвому берегу Харьгенъ-гола, мы дошли до пункта, гдѣ долина нѣсколько расширяется. Тутъ отъ дороги отдѣляется тропинка на средній перевалъ. Пройдя далѣе, мы поравнялись съ ущельемъ или со входомъ въ узкую побочную долину, по которой идетъ тропинка на перевалъ Бере-хада. Долина Харьгенъ-гола продолжается еще далѣе этого пункта на сѣверо-западъ, удерживая свою прежнюю ширину, какъ можно было видѣть, на протяженіи еще верстъ десяти. Покрайней мѣрѣ съ того пункта, гдѣ мы свернули съ главной долины въ побочную, было видно, что долина Харьгенъ-гола тянется далѣе и горы, которыя замыкаютъ её на сѣверо-западѣ, отъ нашего свертка находились не ближе 10 верстъ.

Узкая долина, въ которую мы вошли, было обставлено горами съ округленными вершинами. Названіе Бере-хада эта мѣстность получила отъ торчащихъ каменныхъ столбовъ изъ кремнистаго сланца на южной сторонѣ перевала, которые выступаютъ изъ земной поверхности на лѣвомъ боку долины. Подъемъ на перевалъ пологій вверхъ по ручью, который былъ покрытъ толстымъ льдомъ. На горахъ былъ виденъ снѣгъ только въ логахъ и впадинахъ. Перевалъ имѣетъ 4152 метра высоты надъ уровнемъ моря. Съ перевала видъ назадъ открывается только на плато Рцзонки-танъ, ограниченное слѣва (съ сѣвера) хребтомъ Намчинъ-сорва; на юго-восточномъ горизонтѣ были видны горы, въ которыхъ находятся перевалы Кира и Уланъ-усу, но Хухунора не было видно; онъ было загороженъ горами праваго бока долины Харьгенъ-гола. На сѣверъ видъ открывался только на верхнюю часть долины, по которой намъ предстояло спускаться. Слѣдя за направленіемъ этой долины, въ нижнемъ концѣ ея глазъ упирается въ два ряда горныхъ высотъ, выступающихъ одинъ изъ-за другого; ближайшій рядъ это горы, лежащія по сю сторону Да-тунъ-гола; дальній—горы, лежащія за Да-тунъ-голомъ.

Горы по сторонамъ сѣдловины, служащей проходомъ черезъ хребетъ, имѣютъ вершины совершенно голыя, лишенныя растительности; онѣ состоятъ изъ кремни-

Digitized by Google

стаго сланца и покрыты розсыпями, которыя не образуютъ, какъ это замѣчается въ нижнихъ частяхъ долинъ, отдѣльныхъ каменныхъ потоковъ, утолщающихся у подошвы горы; здѣсь горные обломки скатываются съ вершины горы по всѣмъ ея скатамъ равномѣрно; самые обломки, покрывающіе скаты этихъ гольцовъ, значительно мельче, чѣмъ въ розсыпяхъ нижнихъ долинъ.

Пржевальскій въ первое свое путешествіе вѣроятно прошелъ съ Да-тунъ-гола на Хуху-норъ черезъ перевалъ Цэртэнъ; спустившись съ него въ долину Харьги, онъ, повидимому, пошелъ по притоку этой рѣки, долину котораго мы видѣли и имя котораго намъ осталось неизвѣстнымъ, и съ него ушелъ на озеро.

Спустившись съ перевала не болѣе, какъ на 200 метровъ, мы остановились на ночлегъ на днѣ долины, по которой протекаетъ ручей, берущій начало на перевалѣ; эта рѣчка называется Хара.

Термометръ на другой день въ 5 часовъ утра показывалъ 3,4° C; minimum—термометръ за ночь показалъ — 9,7° C; наканунѣ, на вершинѣ перевала, т. е. около полудня было неболѣе + 9,0°. Утромъ на зарѣ мы слышали крики уларовъ (Megaloperdix).

Спускъ съ перевала идетъ по долинѣ Хара-лунвы; разсказы тангутовъ, что онъ непроходимъ для верблюдовъ, оказались ложью. Онъ былъ столь же пологій, какъ и подъемъ. Пройдя около ли отъ мѣста ночлега, мы увидѣли широкую долину Да-тунъ-гола. Долина р. Хара-лунвы постепенно книзу расширяется; горы праваго ея бока тянутся вплоть до Да-тунъ-гола и упираются въ правый берегъ этой рѣки, образуя крутой мысъ; у этого мыса Хара-лунва впадаетъ въ Да-тунъ-голъ. Горы лѣваго бока обрываются ранѣе, чрезъ что открывается видъ на западъ на долину р. Няма, которая течетъ въ Да-тунъ-голъ съ юго-запада [1]).

Долина Да-тунъ-гола въ этой ея части имѣетъ до 15 вер. ширины. Это, вѣроятно, мѣстное расширеніе, обусловленное присоединеніемъ долины р. Няма. Ниже впаденія р. Хара долина Да-тунъ-гола съуживается. По сѣверному берегу Да-тунъ-гола тянется хребетъ, вершины котораго покрыты пятнами снѣга. Западное продолженіе этого хребта видно верстъ на 20 благодаря ширинѣ и прямизнѣ долины; между Да-тунъ-голомъ и Няма залегаютъ незначительныя возвышенности.

На самыхъ отдаленныхъ западныхъ горахъ снѣгу было видно гораздо больше, чѣмъ на ближайшихъ. Очень вѣроятно, что онѣ дѣйствительно выше, но такая картина могла представиться также и вслѣдствіе перспективы бѣлаго цвѣта. Внизъ по Да-тунъ-голу на его лѣвомъ берегу были видны горы Усунъ-тала; между Рдонсукомъ и Усунъ-тала видна долина, уходящая на востокъ. Въ концѣ ея были видны побѣлѣвшія отъ снѣга горы Лёто.

Рѣка Да-тунъ-голъ у Пржевальскаго называется Тетунгъ-голъ; то же имя усвоивается ей и на нѣкоторыхъ русскихъ картахъ. Это имя взято съ европейскихъ картъ, гдѣ оно пишется Tetung. Мы пишемъ Да-тунъ-голъ на томъ основаніи, что имя этой рѣкѣ очевидно дается туземцами по городу Да-тунъ, кото-

[1]) Не ручаюсь, вѣрно ли я понялъ показаніе жителей и дѣйствительно ли тутъ есть рѣка.

Digitized by Google

рый на ней стоитъ, подобно тому, какъ р. Си-нинъ-голъ называется такъ потому, что на ней стоитъ городъ Си-нинъ. На нашъ вопросъ, обращенный къ тангутамъ, какъ они называются Да-тунъ-голъ, намъ отвѣтили: Моригъ-чюгъ; плоское дно долины назвали намъ Мöрö-сачжа. Можетъ быть это названіе, присвоенное только той части рѣки, которую мы имѣли передъ глазами.

Дно долины Да-тунъ-гола во всю ширину ея представляетъ непрерывное кочковатое болото, по котому идти, однако, было не особенно трудно, потому что оно было въ это время года совершенно сухо. Кочки поросли осокой; углубленія между кочками покрыты или краснымъ налетомъ (отъ Diatomaceae?), или какимъ-то бѣлымъ войлокомъ, составленнымъ, вѣроятно, изъ волоконъ водорослей. Въ іюнѣ и іюлѣ эти болота, вѣроятно, трудно проходимы; тогда надо держаться подошвы горъ. На ночлегъ нашъ караванъ остановился у устья р. Хара подъ возвышенностями, которыя тутъ упираются въ Да-тунъ-голъ. Сѣверные крутые скаты этихъ возвышенностей сплошь покрыты зарослью Caragana jubata Poir., стволы которой не болѣе 1 ф. высоты. Они были уже сочны и гибки, но почки еще не развернулись. Potentilla fruticosa, растущая тутъ же, но въ меньшемъ количествѣ, а также и по дну долины, имѣла еще стебли ломкіе. Между караганой растетъ въ изобиліи какой-то лишайникъ, образующій пластины до двухъ четвертей въ поперечникѣ, или стелящійся по земной поверхности, или облегающій стебли караганы, какъ кора. Интересенъ также мохъ, который образуетъ рѣзко очерченныя бурыя пятна въ одинъ футъ въ поперечникѣ; стебельки моха такъ крѣпко бываютъ прижаты другъ къ другу, что такая заросль получаетъ видъ чревычайно плотной подушки.

Дно долины Да-тунъ-гола у впаденія рѣкъ Хара и Няма имѣетъ 3550 метровъ абсолютной высоты. Температура воздуха во время нашей стояки здѣсь была утромъ въ 6 часовъ (среднее за четыре наблюденія):—7,7° С, въ 1 ч. пополудни (среднее изъ двухъ наблюденій) + 2,1 и въ 9 ч. вечера (3 наблюд.)—7,6°. Minimum-термометръ показывалъ ночной морозъ отъ—14,7° до—21,0° С. По увѣренію мѣстныхъ жителей, лѣтомъ здѣсь никогда не бываетъ дождей; осадки всегда бываютъ въ видѣ снѣга.

Оживленія природы въ долинѣ еще не было замѣтно, кромѣ того, что летали ангиры, гуси и ястреба; былъ слышенъ также крикъ красноносыхъ галокъ и ворона, и свистъ пищухъ; сухія поверхности горныхъ скатовъ и дно долины были изрыты ихъ норами. За рѣкой было видно до двадцати черныхъ палатокъ; намъ говорили, что человѣческое жилье встрѣчается еще на цѣлый день ѣзды вверхъ по долинѣ Да-тунъ-гола.

О вершинахъ этой рѣки намъ не удалось отъ мѣстныхъ тангутовъ добыть свѣдѣній. Повидимому рѣка длиннѣе, чѣмъ это думалъ Пржевальскій, и вершины ея находятся западнѣе, чѣмъ онъ рисовалъ на своихъ картахъ.

3-го мая мы пошли далѣе. Переправа черезъ Да-тунъ-голъ не представила затрудненій; на мѣстѣ переправы рѣка была чиста отъ льда; пришлось пересѣчь около четырехъ рукавовъ, исключая бродъ черезъ рѣку Хара; самый широкій ру-

Digitized by Google

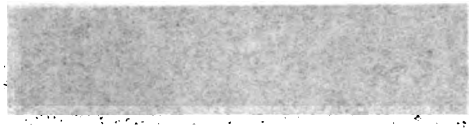
кавъ имѣлъ менѣе 10 саж. ширины и глубиной былъ по колѣно лошади; дно рѣки каменистое, но не очень. За рѣкой опять началось болото, высохшее во время зимы. Ямки между кочками, какъ и на южной сторонѣ рѣки, были или покрыты красноватой ржавчиной, или бѣловатымъ растительнымъ войлокомъ. Болота, повидимому, перемѣщаются по дну долины, потому что встрѣчаются площади, гдѣ подболотная почва совершенно обнажена и отъ кочекъ видны только бѣдные остатки. Ближе къ горамъ Рдонсукъ осоки смѣняются злаками. И здѣсь злаковый дернъ не вездѣ цѣлъ; мѣстами онъ сорванъ вѣтрами и подпочва, состоящая изъ смѣси камней, песку и глины, совершенно обнажена. Эта смѣсь такъ рыхла, что нога вязнетъ въ ней, тогда какъ злаковый дернъ плотенъ и твердъ, какъ мостовая. Въ обнаженныхъ участкахъ этой рыхлой подслойки и располагаются обыкновенно норы пищухъ. На ночлегъ мы остановились при входѣ въ ущелье, ведущее на перевалъ. Тутъ встрѣчается Androsace villosa L., у которой корни стали уже гибки и сочны и начали пробиваться зеленые листики.

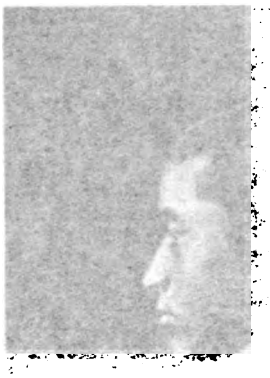
Пока всѣ люди были заняты ставленіемъ палатокъ, наше стадо барановъ ушло въ горы; куда оно ушло, никто не замѣтилъ, а усмотрѣть слѣдъ не было возможности, потому что тотчасъ начался снѣжный буранъ. На поиски было послано пять человѣкъ, но они возвратились безъ барановъ. Буранъ продолжался въ теченіе всей ночи. Утромъ туманъ продолжался, но снѣгъ пересталъ падать. Поиски барановъ были вновь начаты и около 10 часовъ утра Самбарчѣ удалось найдти ихъ въ одной котловинѣ между горами. Къ 11 час. утра пріѣхалъ Торло, тангутъ, обѣщавшійся за плату провести насъ черезъ Рдонсукъ въ долину вершинъ Едзинъ-гола. Такъ какъ прояснѣло только около полудня, то мы рѣшили двинуться дальше только на слѣдующій день.

Горная система, отдѣляющая Амдоское нагорье отъ монгольской плоскости [1]), состоитъ изъ трехъ параллельныхъ горныхъ цѣпей, протянувшихся съ запада на востокъ. Между этими цѣпями лежатъ двѣ параллельныя долины, южная и сѣверная; въ южной протекаетъ рѣка Да-тунъ-голъ, въ сѣверной вершина рѣки Едзинъ-гола. Мы перевалили черезъ одну изъ трехъ цѣпей, самую южную и пересѣкли долину Да-тунъ-гола; теперь намъ предстояло перевалить черезъ вторую среднюю цѣпь, отдѣляющую долину Да-тунъ-гола отъ долины Едзинъ-гола. Мы поднялись на перевалъ по короткому ущелью или оврагу, при входѣ въ который стояли. Вершина перевала была покрыта сплошнымъ снѣгомъ; высота его вычислена въ 4035 метровъ. На перевалѣ дулъ сильный и холодный вѣтеръ, производившій мятель; термометръ упалъ до 9,0° С.; было такъ холодно, что руки мерзли и нельзя было держать инструментъ. На южной сторонѣ перевала встрѣчены выходы порфирита; склонъ сѣверной стороны состоитъ изъ пластовъ кварцита, частью сѣраго цвѣта, но преимущественно краснаго. Подъемъ на перевалъ не былъ крутъ, да и спускъ также. Только начало спуска покруче; на сѣверной сторонѣ перевала снѣгу было

[1]) Употребляемъ здѣсь слово «плоскость» въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употребляется пишущими о сѣверномъ Кавказѣ.

Digitized by Google





Digitized by Google

Digitized by Google

больше; въ началѣ спуска слой его былъ болѣе 2 футовъ глубины. Верблюдовъ спускали по одному; ни одинъ изъ нихъ не упалъ, только съ одного верблюда свалился вьюкъ, да другой верблюдъ порѣзалъ себѣ подошву ноги объ острые камни, которые скрывались подъ снѣгомъ. Ниже снѣгъ сталъ становиться меньше и идти стало удобнѣе; къ концу перехода снѣга было совсѣмъ мало, онъ сталъ и дно долины стало болотистымъ, что болѣе затрудняло верблюдовъ, чѣмъ снѣгъ. Горные скаты въ долинѣ, по которой мы спустились, поросли кустарниками: Potentilla fruticosa, Caragana jubata и какою-то низко-рослою Salix. На ночлегъ остановились на правомъ берегу рѣки Ихе-Рдонсугъ (Большой Рдонсугъ или Тонсукъ), одна изъ вершинъ котораго течетъ съ перевала. Въ мѣстѣ нашей стоянки рѣка течетъ съ юга на сѣверъ. Отъ стоянки внизъ по рѣкѣ было видно, что она входитъ въ тѣснину, поросшую лѣсомъ изъ высокоствольнаго можжевельника. По словамъ туземцевъ внутри тѣснины можжевельникъ растетъ только по лѣвой сторонѣ, бока же тѣснины на правой сторонѣ покрыты елью (Picea Schrenkiana Fisch. et Mey., (по китайски сонъ-шу, по тангутски цомба). Нашъ вожакъ, тангутъ Торло, увѣрялъ насъ, что дорога по этой тѣснинѣ очень трудна по причинѣ густоты лѣса; всаднику приходится нагибаться подъ вѣтвями деревъ, проходъ съ верблюдами былъ бы еще труднѣе. Впрочемъ Торло, можетъ быть, имѣлъ свои виды увѣрить насъ, что по тѣснинѣ Большаго Рдонсуга нѣтъ для насъ дороги; онъ имѣлъ стада овецъ, которыя паслись въ долинѣ р. Бага-Рдонсугъ (Малый Рдонсугъ) и потому, можетъ быть, рекомендовалъ намъ дорогу черезъ эту послѣднюю мѣстность.

Дно долины и узкія террасы вдоль рѣки представляютъ сплошное кочковатое болото; оно было сухо, но тѣмъ не менѣе мы съ трудомъ могли найдти мѣсто для постановки нашихъ палатокъ; нельзя было найдти квадратнаго аршина съ ровной поверхностью. По болоту растутъ выше упомянутые кустарники; Caragana jubata имѣетъ стволы до 1 метра высоты. Въ ста шагахъ ниже нашей стоянки была видна группа можжевельниковыхъ деревьевъ; это были самые верхніе можжевельники въ долинѣ Ихе-Рдонсуга. Наша стоянка находилась у верхней предѣльной линіи лѣсовъ, которая здѣсь находится на высотѣ 3408 метровъ.

Обнаженія въ этой части долины Ихе-Рдонсугъ состоятъ изъ перемежающихся слоевъ красныхъ конгломератовъ и песчаниковъ того же цвѣта. Слои конгломерата имѣютъ толщины 1 cm., слои песчаника 1,5 cm.

На другой день т. е. 6 мая мы, по совѣту нашего вожака Торло, пошли сначала на востокъ, вверхъ по долинѣ Ихе-Рдонсуга, медленно поднимаясь въ то же время на горы, сопровождающія эту долину справа и отдѣляющія ее отъ падей, въ которыхъ беретъ начало одна изъ вершинъ Бага-Рдонсуга. Вершина перевала или, правильнѣе, сѣдловины очень мало поднята надъ дномъ долины Ихе-Рдонсуга. Съ перевала мы увидѣли поперечную долину Бага-Рдонсуга, которая направляется на востокъ и по которой намъ предстояло спускаться; впрочемъ съ перевала, вслѣдствіе кривизны долины, видно только верхнюю часть ея; дальнѣйшее же направленіе ея можно было слѣдить лишь по очертаніямъ горъ, сопровождающихъ ея нижнюю часть. Изъ-за наиболѣе опущенныхъ вершинъ на заднемъ планѣ под-

Digitized by Google

нимается высокій хребетъ; это Нань-шань, т. е. изъ трехъ цѣпей системы самый сѣверный хребетъ, за которымъ начинается уже монгольская плоскость. На востокъ отъ перевала, между Нань-шанемъ и вершинами горъ, ограждающихъ долину Бага-Рдонсуга справа, съ перевала видно дно высокой и широкой долины, протянувшейся съ востока на западъ. Это, по словамъ нашего Торло, долина Ѣ-ма-чуань, «Долина дикихъ лошадей». По ней протекаетъ восточная вершина рѣки Едзинъ-гола. Въ нижней части долина повидимому переходитъ въ тѣснину, или по крайней мѣрѣ становится узкой; объ этомъ приходится догадываться, потому что въ томъ мѣстѣ, гдѣ нужно предполагать соединеніе долинъ Бага-Рдонсуга съ этой вершиной Едзина, глазъ не видитъ съ перевала ничего, кромѣ толпящихся горныхъ вершинъ. Дорога, спускающаяся по долинѣ Бага-Рдонсуга, выводитъ въ нижнюю часть Едзина, гдѣ онъ течетъ уже на высотѣ не болѣе 2780 метровъ надъ уровнемъ моря, тогда какъ высокая Ѣ-ма-чуань остается отъ дороги вправо.

Пики хребта, лежащаго къ сѣверу отъ Ѣ-ма-чуани, были покрыты снѣгомъ. Хребетъ этотъ, отъ вершины Едзина до тѣснины, чрезъ которю Едзинъ вырывается на монгольскую плоскость, называется по монгольски Найманъ-эрдени-ола, по китайски Па-бао-шань; тангутскія имена этого хребта и долины верхняго Едзина не удалось узнать [1]). И монгольское и китайское названіе въ переводѣ одинаково значитъ: «гора восьми драгоцѣнностей». Самую верхнюю часть долины Ѣ-ма-чуань съ сѣдловины не видно; она заслонена сосѣдними профилями. Поэтому тѣхъ горныхъ вершинъ, между которыми находятся истоки Едзинъ-гола, мы съ перевала не видѣли. Вѣроятно въ числѣ этихъ вершинъ находится вѣчно снѣжная гора Конкыръ, которая лежитъ къ сѣверу отъ города Ю-нань-ченъ (на Да-тунъ-голѣ, выше города Да-туна) и которую видѣлъ и упоминаетъ въ своемъ дневникѣ Пржевальскій (Монголія и страна тангутовъ, т. I, стр. 230). Эта гора и другія сосѣднія вѣроятно образуютъ тутъ перемычку, соединяющую хребетъ Па-бао-шань и его восточное продолженіе съ хребтомъ, сопровождающимъ съ сѣвера теченіе рѣки Да-тунъ-гола. Отъ этой перемычки къ западу идетъ продольная долина Едзина, къ востоку продольная долина, въ которой течетъ р. Чагрынъ-голъ (притокъ Да-тунъ-гола).

Продольная долина, въ которой течетъ верхняя часть Едзина, не кончается съ восточнымъ концомъ Па-бао-шаня у тѣснины, то есть въ меридіанѣ Гань-чжоу, но продолжается на западъ и далѣе. Въ этомъ западномъ продолженіи ея течетъ рѣка Бардунъ-чю; въ меридіанѣ Гань-чжоу обѣ рѣки, текущія одна съ запада, другая съ востока, сливаются и общій потокъ направляется на сѣверъ и выходитъ на монгольскую плоскость черезъ тѣснину. Въ мѣстѣ сліянія рѣкъ, выше тѣснины, находится ламайскій монастырь, который носитъ одно имя съ хребтомъ Па-бао-шань; монастырь называется Па-бао-сы или Па-баоръ-сы (сы «монастырь»). Бардунъ китайцы называютъ Хэй-хо, «Черная рѣка» и этимъ же именемъ они называютъ и ту часть Едзина, которая течетъ по монгольской плоскости мимо городовъ Гань-

[1]) Въ этомъ хребтѣ живутъ тангуты племени Арики-Чинху.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

чжоу и Гао-тай. Монголы же имя Едзинъ, какъ они называютъ рѣку на монгольской плоскости, распространяютъ не на западную вершину, а на восточную, т. е. на Ѣ-ма-чуань.

Спускъ [1]) съ сѣдловины въ верхней его части былъ очень болотистый; болото занимаетъ все пространство отъ скалъ праваго бока долины до скалъ лѣваго; оно поросло сплошнымъ густымъ кустарникомъ и было уже наводнено; наши люди съ трудомъ выбирали направленіе, удобное для прохода верблюдовъ. Ниже болото стало суше, но за то кустарники стали выше, что тоже затрудняло проходъ верблюдовъ. Caragana jubata достигаетъ тутъ высоты до $1^1/_2$ метровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ появляется облѣпиха, стволы которой имѣютъ до 2 метровъ высоты при 70 сантим. въ окружности при комлѣ; по каменистому ложу рѣки Myricaria. Кусты облѣпихи имѣютъ крону пинообразную или въ видѣ коримбуса. На горныхъ скатахъ на правой сторонѣ долины въ нижней части ея появляется ель со стволами въ 1,60 метра въ окружности.

На ночлегъ остановились, между скалами, покрытыми еловымъ лѣсомъ, не дошедши до сліянія Бага-Рдонсуга съ рѣкой, текущей съ плоскогорья Ѣ-ма-чуань. Скалы состоятъ изъ бѣловатосѣраго конгломерата или песчаника, въ которомъ разсѣяны гальки величиной съ яблоко. Никакихъ цвѣтущихъ растеній на переходѣ не встрѣчено; даже Chrysosplenium alternifolium, найденный въ цвѣту на переходѣ 5 мая, въ вершинѣ Ихе-Рдонсуга, здѣсь не былъ найденъ. Ожили, или по крайней мѣрѣ сдѣлались гибкими и сочными только мхи да лишаи.

Тангутъ Торло взялся провести насъ и внизъ по долинѣ Едзина до монастыря Па-баоръ-сы. Спускаясь далѣе по Бага-Рдонсугу, мы вышли на долину Едзина. Менѣе, чѣмъ въ ста саженяхъ ниже впаденія Бага-Рдонсуга, въ Едзинъ впадаетъ справа р. Ратунъ-чю; и Едзинъ и Ратунъ выше соединенія текутъ въ узкихъ долинахъ, сѣверныя стороны которыхъ покрыты еловымъ лѣсомъ. Въ мѣстѣ соединенія трехъ рѣкъ долина Едзина имѣетъ до ста саженъ ширины. Отсюда пошла ровная дорога прямо на западъ по плоскому дну долины. Ниже того мѣста, гдѣ въ Едзинъ справа впадаетъ р. Тенгъ, долина еще болѣе расширяется до ширины въ $^1/_2$ версты. Въ двухъ мѣстахъ каравану пришлось переходить Едзинъ въ бродъ, сначала ниже устья Ратуна съ лѣваго берега на правой, потомъ ниже обратно съ праваго на лѣвый; этотъ второй бродъ былъ труднѣе, потому что рѣка течетъ здѣсь въ одномъ руслѣ и глубина ея доходитъ до брюха лошади.

Обнаженія въ долинѣ состоятъ: изъ песчаниковъ и конгломератовъ. Красные пласты этихъ породъ, которые мы увидѣли на правомъ берегу Едзина ниже впаденія Тенга, напомнили намъ обрывы на Сининъ-голѣ у монастыря Марцзана или разрѣзы той же формаціи около города Тао-ванъ-чена къ с. отъ Хэ-чжоу.

Еловые лѣса тянутся по долинѣ Едзинъ-гола вплоть до монастыря Па-баоръ-сы, но растутъ они только на горахъ, спускаются по горнымъ скатамъ до подошвы ихъ, на дно же долины не спускаются даже и въ поперечныхъ долинахъ; подлѣ

[1]) Скалы на сѣверномъ склонѣ этого перевала состоятъ изъ кварцита краснаго цвѣта.

Digitized by Google

береговъ рѣки растутъ ива и облѣпиха (2½ саж. высоты и 70 cm. въ окружности), а ниже Тенга появляется тополь (стволы 4,30 метра въ окружности при основаніи).

Температура въ долинѣ была теплая, вечеромъ въ 9 часовъ было + 14,2°C, въ 6 часовъ утра + 8,0°, minimum-термометръ за ночь + 2°; между тѣмъ по рѣкѣ мѣстами еще лежалъ уцѣлѣвшій ледъ; цвѣтовъ въ долинѣ почти не было; найдено было только три экземпляра цвѣтущей мелкой генціаны. Жителей также по всей долинѣ не встрѣтили.

Ниже Тенга на правой сторонѣ долины видны два пика, вершины которыхъ были осыпаны снѣгомъ; на лѣвой сторонѣ большая остроконечная гора, обращенная къ дорогѣ сѣверной стороной и потому обильно покрытая снѣгомъ; западный бокъ ея образуетъ правый бокъ долины рѣки Ихи-Рдонсугъ, которую мы и пересѣкли, миновавъ эту гору. Рѣка по выходѣ изъ ущелья разбилась на три рукава; вода течетъ по широкому галешнику, не глубокая, по щетку лошади. Немного ниже Ихи-Рдонсуга на лѣвомъ берегу Едзина находится мѣстность, гдѣ много какихъ-то плоскихъ холмиковъ, какъ бы заброшенныхъ и засыпанныхъ землей обо (поклонныхъ каменныхъ кучъ), иногда расположенныхъ въ рядъ; тутъ есть также двѣ или три продолговатыя насыпи, на которыхъ лежали каменныя плиты съ выгравированною молитвою «мани». Это, по словамъ нашего вожака, остатки монастыря Эрръ-фо-сы. Около этихъ слѣдовъ бывшей осѣдлости протекаетъ ручей; направленіе его параллельно рѣкѣ Ихи-Рдонсугъ; онъ омываетъ подошву холмовъ, которые сопровождаютъ намывную площадь Ихи-Рдонсуга съ запада. Берега его приподняты въ видѣ валовъ, какъ будто это оросительная канава, но другихъ слѣдовъ хлѣбопашества я здѣсь не замѣтилъ. Вдоль ручья растутъ кусты облѣпихи и ивы; всѣ ивовыя деревца стоятъ сильно наклоненными (на 30° отъ отвѣсной линіи) на востокъ, что указываетъ на существованіе сильныхъ долинныхъ вѣтровъ съ запада. И дѣйствительно, когда мы здѣсь проходили, дулъ сильный западный вѣтеръ. Пройдя съ версту отъ береговъ Ихи-Рдонсуга, нашъ караванъ остановился на ночлегъ.

Ниже стоянки долина Едзина съуживается. Въ промежуткѣ между двумя профилями долины сѣвернымъ и южнымъ съ нашей стоянки было видно двѣ вершины, выступающія одна изъ-за другой, обѣ на сѣверныхъ сторонахъ покрытыя лѣсомъ. По словамъ нашего вожака, у подошвы дальней изъ нихъ расположенъ монастырь Па-баоръ-та-сы. За этими невысокими горами или мысами возвышается другая, значительно болѣе высокая и безлѣсная—это одна изъ горъ, лежащихъ уже на правомъ берегу Бардуна.

Слѣдующій переходъ т. е. 9 мая былъ небольшой. У стоянки мы должны были перейдти на правый берегъ Едзина; тутъ онъ течетъ двумя рукавами; глубина въ каждомъ была по брюхо лошади.

Монастырь Па-бао-сы (Па-баоръ-сы, Па-баоръ-та-сы) стоитъ на правомъ берегу Едзина, у той его части, гдѣ рѣка течетъ уже съ юга на сѣверъ. Противъ монастыря въ Едзинъ впадаетъ рѣка Бардунъ или Хэй-хо; соединеніе рѣкъ образуетъ котловину до двухъ верстъ шириной. Внизъ по Едзину долину видно только на пять верстъ.

Digitized by Google

Далеко ли отъ монастыря начало тѣснины, мы не узнали. Намъ сказали только, что вдоль тѣснины дороги обыкновенно не бывастъ вслѣдствіе большой воды въ Едзинѣ; при самой малой водѣ тутъ ѣздятъ изъ Па-бао-та-сы въ Гань-чжоу. Обыкновенный же путь изъ монастыря на монгольскую плоскость лежитъ черезъ городокъ Нань-го-ченъ; эта дорога идетъ черезъ горы, вершины которыхъ видны изъ монастыря на востокосѣверовостокѣ; по сю сторону горъ первую остановку дѣлаютъ въ мѣстности Та-ву; за горой дорога идетъ черезъ мѣстность Хуанъ-пинъ-гоу и достигаетъ Нань-го-чена.

Нашъ донкырскій пріятель Хай-та-жень сообщилъ намъ о дорогахъ изъ города Ю-нань-чена (лежащаго на Да-тунъ-голѣ выше г. Да-туна) на сѣверъ и западъ слѣдующее. Дорога изъ Ю-нань-чена въ Гань-чжоу идетъ сначала вверхъ по рѣкѣ Янъ-чянъ-шуй («рѣка баранья кишка»); на слѣдующій день достигаютъ къ перевалу Чжинъ-янъ-линъ (Чжинъ-яо-линъ); на сѣверной сторонѣ перевала есть пикетъ китайскихъ солдатъ. Отсюда дорога идетъ спускомъ до мѣстности Обо-ченъ или Фа-обо. Далѣе дороги расходятся; одна идетъ на Гань-чжоу черезъ перевалъ Бянъ-ду-коу и Юнъ-гу-ченъ; другая идетъ западнѣе, въ Нань-го-ченъ; третья еще западнѣе внизъ по рѣкѣ Ѣ-нью-хо въ Па-бао. Направляясь къ послѣднему пункту, дорога идетъ все внизъ по одной и той же рѣкѣ; на пути сначала минуютъ мѣстность Сань-чжао-ченъ или Сань-го-ченъ, «треугольный городъ», за тѣмъ мѣстность Чжуанъ-фый-ё, гдѣ добывается золото. Изъ разсказа Хай-та-женя слѣдовало заключить, что Обо-ченъ находится гдѣ-то въ вершинахъ долины Ѣ-ма-чуань и что отъ Обо-чена до Па-бао дорога идетъ внизъ по рѣкѣ Едзину (Ѣ-нью-хо?). Чтобы изъ Обо-чена попасть въ Гань-чжоу, нужно переваливать черезъ горный проходъ Бянъ-ду-коу (по мѣстному произношенію Бянъ-дунъ-коу); подъ этимъ именемъ извѣстно собственно тѣсное ущелье, по которому идетъ спускъ съ перевала на сѣверъ. Ущелье выводитъ къ городу Юнъ-гу-чену.

Горы около монастыря состоятъ изъ красныхъ песчаниковъ. Я поднимался на сосѣднюю гору, покрытую еловымъ лѣсомъ, но никакихъ цвѣтущихъ растеній не нашелъ, кромѣ Potentilla biflora Willd., растущей на открытыхъ мѣстахъ. Почва въ еловомъ лѣсу прикрыта мхомъ, который въ это время былъ сухой и хрупкій, такъ что при нажимѣ рукой изъ него поднималась пыль, да хвоей, которая, вслѣдствіе крутизны ската, покрываетъ его мелкими осыпями или, можно сказать, хвойными потоками. Хотя высота горы надъ дномъ долины незначительна, на вершинѣ ея появляется Caragana jubata. Подлѣ рѣки растутъ довольно толстые тополи, но ниже монастыря ихъ не видно. Тутъ видна одна только ива.

Большая часть монастыря лежитъ въ развалинахъ; монаховъ не болѣе тридцати; тутъ есть тангуты и шира-ёгуры. Около монастыря есть небольшое хлѣбопашество; сѣютъ только «таранъ», по китайски чинъ-куй, т. е. голый ячмень, но нѣтъ ни проса, ни пшеницы. Мы купили въ Па-бао 60 джиновъ рсамбы, по 7 коп. джинъ, т. е. значительно дороже, чѣмъ она продается въ Допкырѣ и Гумбумѣ, гдѣ мы покупали ее по 2 коп. джинъ.

Въ Па-бао мы прожили два дня (10 и 11 мая). Утромъ въ 6 часовъ термо-

Digitized by Google

метръ показывалъ около + 3,0° С.; къ полдню температура поднималась до + 11,0° С., а къ 9 часамъ вечера опускалась до + 7,0° С. Высота Па-бао надъ уровнемъ моря, по вычисленію г. Розенталя изъ нашихъ наблюденій, 2734 метра. Это самое глубокое и самое теплое мѣсто въ едзино-бардунской продольной долинѣ. Окруженное высокими малодоступными горами, это мѣсто должно было служить прекраснымъ убѣжищемъ во время политическихъ переворотовъ, происходившихъ на плоскости, и эти его выгоды, надо бы думать, въ самое раннее время должны были бы сдѣлать его осѣдлымъ, но нынѣшній монастырь ни чѣмъ не обнаруживаетъ своей древности; это жалкое скопленіе монашескихъ келій. Въ окрестностяхъ его мы также не замѣтили никакихъ развалинъ, кромѣ упомянутыхъ, впрочемъ также не значительныхъ, Эрръ-фо-сы. Къ сожалѣнію, мы не имѣли времени осмотрѣть долину Едзина ниже монастыря до начала тѣснины.

Дальнѣйшій путь нашъ изъ Па-бао-та-сы шелъ вверхъ по долинѣ р. Бардуна или, иначе сказать, по западному продолженію продольной долины, залегающей между среднимъ и сѣвернымъ хребтами Нань-шаньской системы. Кромѣ того, что намъ другого пути уже и не оставалось, чтобъ выбраться на монгольскую плоскость, принятое нами направленіе имѣло еще то значеніе, что обѣщало познакомить насъ съ орографическимъ строеніемъ Нань-шаньской системы; сверхъ того племя шира-ёгуровъ живетъ только къ западу отъ Па-бао-та-сы, и единственный путь къ нимъ изъ этого монастыря лежалъ по р. Бардуну. Мы разсчитывали, если обстоятельства будутъ благопріятствовать намъ, подняться вверхъ по Бардуну до его вершинъ, перевалить въ долину р. Тулай и по ней выйдти на монгольскую плоскость противъ города Су-чжоу. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, вершины Бардуна и Тулая сходятся; между ними перевалъ Цзо-дабанъ; переваливъ горы въ вершинахъ Тулая или Сюрю-тулая (Суръ-тулай), дорога спускается по нему до монастыря Цзинь-фо-сы, «монастыръ золотого Будды»; отсюда дорога идетъ внизъ по той же рѣкѣ до Су-чжоу. По другому показанію, послѣ четырехдневнаго подъема вверхъ по долинѣ Бардуна, достигаютъ перевала Одосы-дабанъ; переваливъ его, спускаются къ шира-егурскому монастырю Канъ-ло-сы.

10 мая нашъ караванъ оставилъ Па-бао и противъ самыхъ монастырскихъ зданій безъ затрудненія перешелъ черезъ Едзинъ въ бродъ; Бардунъ впадаетъ въ Едзинъ въ ста саженяхъ отъ пересѣченія дорогой этой послѣдней рѣки и потому, перейдя черезъ Едзинъ, мы очутились на правомъ берегу Бардуна. Въ 14 ли отъ Па-бао въ правый берегъ Бардуна упирается скалистая гора и образуетъ бомъ или приторъ; тутъ нашему каравану пришлось перейдти черезъ Бардунъ на его лѣвый берегъ и вслѣдъ затѣмъ опять на правый. Эти броды были глубоки, въ полбока лошади и по брюхо верблюду. Особенно былъ труденъ второй (верхній бродъ); переправа девятнадцати верблюдовъ заняла около двухъ часовъ времени. Каждаго верблюда одинъ человѣкъ велъ, а два всадника или пѣшехода сопровождали по бокамъ, поддерживая вьюкъ. Дно рѣки въ этомъ мѣстѣ завалено крупными камнями. Переправившись, мы не пошли дальше, а остановились саженяхъ въ двухъ стахъ выше верхняго брода; послѣ двухъ трудныхъ переправъ и люди и верблюды

Digitized by Google

требовали отдыха; кромѣ того людямъ надо было дать возможность обсушиться, потому что они нѣсколько часовъ провели въ водѣ и промочили все свое бѣлье.

На другой день былъ продолжительный дождь, вслѣдствіе котораго мы поневолѣ должны были простоять на томъ же мѣстѣ—цѣлыя сутки. Наша стоянка была на зимовищѣ тангутовъ поколѣнія Арикъ, которые живутъ здѣсь только зимой; тутъ, какъ намъ говорили, проходитъ граница между Ариками и шира-ёгурами; земли послѣднихъ тянутся къ западу отсюда.

Горы въ этой части долины Бардуна состоятъ изъ песчаниковъ; общее паденіе пластовъ на сѣверо-востокъ.

12 мая мы сдѣлали небольшой переходъ. Сначала до р. Чжамышка дорога идетъ по правому берегу рѣки, по высокой террасѣ; долина Бардуна здѣсь съ версту шириной; съ обѣихъ сторонъ ее ограничиваютъ горы, вершины которыхъ были въ это время покрыты снѣгомъ; южныя горы значительно выше; онѣ называются Чжамышка, какъ и рѣчка, вытекающая изъ нихъ. Выше этой рѣчки горы опять подходятъ къ рѣкѣ и тутъ опять пришлось перейдти черезъ Бардунъ; бродъ здѣсь былъ не такъ труденъ; камни мельче и глубина незначительнѣе, потому что рѣка разбивается тутъ на рукава. На лѣвомъ берегу дорога проходитъ по террасѣ, имѣющей до 50 саж. ширины и пересѣчена двумя оврагами; одинъ оврагъ (Баинъ-голъ) съ сухимъ русломъ, другой (Эргэлынъ-хронъ или Эргылынъ-хорынъ) съ водой. Оба поросли тополевымъ лѣсомъ, который виденъ и по Бардуну. Выше второго оврага Бардунъ течетъ въ тѣснинѣ; далѣе дороги по лѣвому берегу нѣтъ, и каравану пришлось перейдти на правый берегъ и обходить тѣснину съ юга. Но и здѣсь нѣтъ дороги подлѣ самой рѣки; мѣстность, прилегающая къ рѣкѣ, изрѣзана глубокими оврагами съ отвѣсными скалистыми боками. Дорога жмется къ южному хребту и поднимается на его ребра; тутъ она не встрѣчаетъ такихъ препятствій, какія находятся ближе къ рѣкѣ, но все таки и здѣсь очень гористо, а главное каравану приходится взбираться на такую абсолютную высоту, что переходъ этотъ стоитъ горнаго перевала. На высшей точкѣ перехода дорога приближается къ верхнимъ предѣламъ хвойныхъ лѣсовъ. Хотя въ этотъ день мы сдѣлали не болѣе 30 ли, для верблюдовъ переходъ оказался труднымъ; три верблюда, не дойдя до мѣста остановки, устали и легли, такъ что пришлось ихъ вьюки переложить на другихъ верблюдовъ.

На ночлегъ нашъ караванъ остановился въ мѣстности, которую намъ назвали Уланъ-булыкъ (по монгольски «красный ключъ»). Это было дно побочной долины, бока которой покрыты еловымъ лѣсомъ; вообще сѣверные склоны здѣшнихъ горъ покрыты елью, но это дерево не образуетъ сплошной тайги, а только отдѣльные лѣсные участки. Высота мѣста нашей стоянки около 3040 метровъ.

Стоянка эта осталась памятною для насъ по ночному нападенію волка на наше стадо барановъ. Ночью мы были разбужены тревогой; все наше стадо шарахнулось и бѣжало въ горы; рабочіе пустились за нимъ въ догонку, но разыскать стадо не могли. Пришлось ожидать утренняго свѣта. Утромъ бараны были найдены разсѣянными по сосѣднимъ горамъ; восемь барановъ было зарѣзано

Digitized by Google

волкомъ; изъ нихъ шесть тушекъ оказались цѣлыми, двѣ настолько изорванными, что отъ нихъ людямъ не пришлось ни чѣмъ поживиться. Полдня ушло у нашихъ робочихъ на соединеніе барановъ въ стадо; нѣкоторые бараны такъ были напуганы, что убѣгали отъ людей и забирались на крутыя скалы, съ которыхъ трудно было добывать ихъ. Двухъ барановъ совсѣмъ не нашли. Одинъ изъ тангутовъ, провожавшій насъ изъ Па-бао-та-сы, очень скоро выслѣдилъ волка и убилъ; волкъ оказался тощій и съ такой дурной шерстью, что не стоило снимать съ него шкуру.

Эти тибетскіе бараны не мало хлопотъ доставили нашимъ рабочимъ. Монгольскіе бараны никогда не безпокоили насъ въ такой степени. Повидимому тибетскіе глупѣе и пугливѣе монгольскихъ. Каждый вечеръ намъ не малаго труда стоило вогнать стадо внутрь нашего лагеря. Въ предъидущія экспедиціи мы также всегда имѣли при караванѣ стадо барановъ; загнать ихъ въ лагерь и уложить на ночевку обыкновенно не представляло никакого затрудненія. Съ тибетскими всегда была большая мука; наши рабочіе должны были выработать нѣчто въ родѣ тактическихъ дѣйствій для водворенія ихъ на ночлегъ. Станъ нашъ съ этою цѣлью устраивался всегда въ видѣ кольца; въ составъ этой ограды входили палатки, вьюки и рядъ уложенныхъ на ночлегъ верблюдовъ. Въ одномъ пунктѣ оставлялся промежутокъ, служившій входомъ внутрь кольца. Къ закату солнца пастухъ гонитъ стадо къ лагерю. Завидѣвъ стадо, рабочіе становятся передъ входомъ въ лагерь снаружи, образуя два ряда въ родѣ аллеи; пастухъ осторожно вгоняетъ барановъ между рядами; чѣмъ ближе къ лагерю, тѣмъ бараны движутся неохотнѣе; какъ будто всякій разъ палатки и вьюки, къ которымъ они приближаются, они видятъ впервые. Иногда стадо даже останавливается; люди, стоящіе по сторонамъ, ведутъ себя спокойно, не вмѣшиваются и предоставляютъ пастуху потихоньку вновь направить стадо впередъ. Когда стадо подойдетъ ко входу въ лагерь, оно вновь останавливается; оно пытается поворотить назадъ или въ бокъ, но оно оцѣплено сзади. Тогда передовики, а за ними и все стадо сломя голову бросается внутрь лагеря, какъ будто они боятся, что вьюки, между которыми имъ придется проходить, сомкнутся и раздавятъ ихъ. Въ это время нѣкоторые рабочіе бѣгутъ кругомъ лагеря и занимаютъ промежутки между вьюками; если одинъ промежутокъ останется не занятъ, бѣда; стадо, вбѣжавшее въ лагерь, тѣмъ же махомъ выльется, какъ ртуть, въ оставшееся не занятымъ отверзстіе и безъ отдыха будетъ бѣжать, пока не скроется за какимъ-нибудь мысомъ. Тогда эту длинную и скучную исторію приходится начинать сначала, уже при болѣе невыгодныхъ условіяхъ, потому что тогда сдѣлается темнѣе.

Эта глупость и растерянность тибетскихъ овецъ, можетъ быть, происходитъ отъ той же причины, какъ и у бергамасскихъ овецъ; повидимому, какъ и послѣднія, тибетскія овцы привыкли къ опекѣ большихъ и злыхъ тибетскихъ собакъ; лишенныя собачьяго надзора, онѣ становятся жалкими и безпомощными животными. Можетъ быть, несчастіе съ нашимъ стадомъ потому и случилось, что съ нами не было его обычныхъ охранителей.

Digitized by Google

Разыскиваніе разбѣжавшихся барановъ и оснимываніе тушекъ заняло цѣлыхъ полдня, такъ что мы оставили нашу печальную стоянку на Уланъ-булукѣ только послѣ 12 часовъ. Въ остальную половину дня сдѣлали менѣе 5 верстъ и остановились на ночлегъ въ мѣстности Нагачирь. Рабочіе замучились во время перехода какъ съ верблюдами, такъ и съ баранами.

Дорога шла по гористой мѣстности, заросшей лѣсомъ. Нужно было не давать баранамъ разсыпаться и гнать ихъ грудкой, въ особенности на спускахъ. На одномъ такомъ спускѣ выступъ скалы разрѣзалъ стадо; нѣкоторые бараны очутились по другую сторону скалы и смутились; или оттого, что они растерялись, не видя стада, или отъ неловкаго движенія поторопившагося пастуха, они бросились бѣжать, очертя голову, прочь отъ каравана. Это бѣгство кончилось только тогда, когда они увидѣли себя на краю обрыва; тогда пришлось объѣхать ихъ съ боку и спереди, и крикомъ и бросаніемъ камней заставить обратиться головами въ надлежащую сторону. Можетъ быть эту неурядицу нужно приписать тому, что бараны еще не успокоились послѣ вчерашняго погрома, который они вынесли отъ волка, но можетъ быть это произошло все отъ той же особенности тибетскихъ овецъ—неумѣнья обходиться безъ тщательнаго надзора. Я уже говорилъ, какъ мало безпокойства доставляли нашимъ рабочимъ киргизскіе бараны во время экспедиціи въ сѣверо-западной Монголіи 1876—1877 годовъ. Однажды, припоминаю случай изъ того времени, на перевалѣ паше стадо встрѣтилось съ большимъ гуртомъ овецъ китайскаго купца; обоимъ стадамъ пришлось проходить черезъ одну и ту же узкую сѣдловину между горами; нашъ тогдашній пастухъ Учжа не смутился и вогналъ свое стадо въ идущій на встрѣчу купеческій гуртъ; въ теченіе нѣсколькихъ минутъ въ сѣдловинѣ образовалось два встрѣчныхъ теченія; одни бараны шли на западъ, другіе на востокъ; только средина нашего стада держалась грудкой, боковые бараны должны были прокладывать себѣ отдѣльныя дороги между идущими на встрѣчу чужими баранами. Пастухъ Учжа ѣхалъ только сзади своихъ барановъ и останавливалъ тѣхъ изъ нихъ, которые, попавъ въ большую тѣсноту, увлекались встрѣчнымъ теченіемъ. Черезъ нѣсколько минутъ два стада безъ затрудненія отдѣлились одно отъ другого и одно спускалось по западной сторонѣ перевала, другое по восточной.

Еще болѣе пришлось помучиться на переходѣ съ Уланъ-булука на Нагачирь съ верблюдами. Перевалили всего два небольшихъ перевала, но для нашихъ верблюдовъ они оказались чрезвычайно трудными. Спускали съ горы и поднимали на гору каждаго верблюда отдѣльно, поддерживая вьюки съ боковъ, такъ что при каждомъ верблюдѣ находилось по три и по четыре человѣка помощника; спуски и подъемы были не велики, но круты и каменисты. Впрочемъ не въ трудности пути заключалась главнымъ образомъ причина того, что наши верблюды вдругъ обезсилѣли. Правда, они уже сдѣлали два большихъ перевала (Бере-хада и Рдонсукъ) и нѣсколько трудныхъ переправъ черезъ рѣки, но въ другое время мы были свидѣтелями, что верблюды преодолѣвали гораздо большія трудности, поднимались на горы, падая и продолжая ползти на колѣняхъ, и спускались по очень крутымъ спу-

Digitized by Google

скамъ. Причину упадка силъ у нашихъ верблюдовъ нужно было искать въ другихъ обстоятельствахъ. Самое тяжелое изъ этихъ обстоятельствъ заключалось въ томъ, что наступала пора линянія верблюдовъ, а мы путались въ высотахъ, гдѣ температура въ полдень рѣдко поднималась выше + 12,0° С., а по ночамъ холода доходили до — 5,6° С. (16 мая); нерѣдко падалъ снѣгъ; къ тому же пришлось два раза сряду переправиться черезъ холодную рѣку, а наступившая за тѣмъ погода была вовсе не такого рода, чтобы благотворно и успокоительно подѣйствовать на утомившихся и перемерзшихъ верблюдовъ. Пребываніе на высокихъ горахъ и неблагопріятная погода замедлили линку; это была главная причина, почему наши верблюды стали страдать отъ утомленія. Болѣе слабосильныхъ мы вели безъ ноши, но и простые, съ одними только хомами или подъвьючными подушками на спинѣ, они отказывались идти. Внезапно подкашивались у нихъ ноги, верблюдъ начиналъ дрожать всѣмъ тѣломъ, ложился и тогда никакими поощреніями нельзя было заставить его снова подняться на ноги. Такое загадочное быстрое наступаніе безсилія и дрожь наши монголы объясняли испугомъ; монголы увѣряли насъ, что высокіе гольцы имѣютъ свойство видомъ своимъ вызывать въ этихъ животныхъ особенный психозъ, который, если бъ это была правда, можно бы назвать горнымъ испугомъ. Можно во всякомъ случаѣ повѣрить, что сами люди могутъ испытывать подобный безотчетный страхъ передъ неподвижными и недоступными гольцами.

Другая причина нашего несчастія заключалась въ томъ, что мы принуждены были сформировать свой караванъ изъ гумбумскихъ верблюдовъ. Это были верблюды, на которыхъ пришли въ Гумбумъ богомольцы. Обыкновенно верблюды нагуливаютъ свой жиръ лѣтомъ, а зимой ихъ заставляютъ работать, возятъ на нихъ чаи и другіе товары. Зимой же идутъ на верблюдахъ и богомольцы. Они приходятъ въ Гумбумъ во второй половинѣ зимы и распродаютъ животныхъ, такъ какъ далѣе въ южный Тибетъ они идутъ на якахъ. Нѣкоторые изъ нихъ приходятъ издалека, изъ подъ Керулена и съ верховьевъ Селенги. Одинъ или два мѣсяца недостаточны, чтобъ дать верблюдамъ отдохнуть на столько, чтобъ идти въ новый походъ; кромѣ того вѣроятно приходящіе въ Гумбумъ верблюды не изъ лучшихъ; отправляясь изъ дому съ мыслью продать животное въ Гумбумѣ, едва ли хозяинъ возьметъ съ собой лучшаго верблюда въ стадѣ. Конечно, можно было бы намъ поступить иначе; на время перехода черезъ принаньшаньское нагорье можно было нанять яковъ, выйдти въ Су-чжоу или Гань-чжоу и тамъ купить верблюдовъ, или отправить караванъ съ верблюдами кратчайшимъ путемъ на Гань-чжоу черезъ горный проходъ Бянъ-ду-коу подъ присмотромъ Сантанъ-джимбы, а самимъ идти на Су-чжоу на якахъ съ облегченнымъ вьюкомъ. Но идти безъ верблюдовъ на Гань-чжоу или Су-чжоу мы опасались, потому что намъ не было извѣстно, найдемъ ли мы верблюдовъ въ этихъ городахъ. Впослѣдствіи дѣйствительно въ Гань-чжоу мы искали верблюдовъ и нашли ихъ, но тоже измученныхъ, больныхъ и еще не отдохнувшихъ отъ зимнихъ работъ. Отправить караванъ отдѣльно съ Сантанъ-джимбой тоже было рискованно; въ предъидущее лѣто два раза коллекціи отправлялись отдѣльно отъ каравана, въ первый разъ изъ Си-гу въ Сань-чуань подъ присмо-

Digitized by Google

тромъ Сантанъ-джимбы, во второй изъ Лань-чжоу въ Гумбумъ подъ присмотромъ Тэндыра и каждый разъ это кончалось не совсѣмъ благополучно; въ первомъ случаѣ уронили въ Тао-хэ одинъ изъ ящиковъ съ коллекціями, въ другой въ Сининской рѣкѣ искупали другой ящикъ. Конечно это могло случиться и на нашихъ глазахъ, но въ такомъ случаѣ оставалась возможность сейчасъ же пересушить подмоченное.

Для меня подобное состояніе каравана было новостью, но А. И. Скасси былъ уже знакомъ съ этимъ явленіемъ еще во время своихъ поѣздокъ по Туркестану. Онъ своевременно оцѣнилъ критическое положеніе нашего каравана; онъ былъ свидѣтелемъ случаевъ во время туркестанскихъ походовъ, когда на высокихъ горахъ около половины верблюдовъ въ караванѣ сразу лишались силъ. Приходилось и намъ задуматься о судьбѣ нашего каравана. Во избѣжаніе полнаго крушенія его, мы обратились къ китайскимъ чиновникамъ, прикомандированнымъ къ экспедиціи изъ Си-нина, съ просьбою добыть для нея яковъ отъ шира-ёгуровъ, которые живутъ къ сѣверу отъ Бардуна; ихъ отдѣляетъ отъ долины, по которой мы проходили, одинъ только хребетъ, сопровождающій Бардунъ слѣва. Одинъ изъ чиновниковъ уѣхалъ впередъ къ шира-ёгурамъ, а мы остались на мѣстѣ ждать его.

14-го мая я ходилъ вверхъ по ущелью, поросшему лѣсомъ, и поднялся почти до подошвы гольцовъ; когда я вышелъ за предѣльную линію лѣса, меня отдѣляла отъ этой подошвы площадь не болѣе версты шириной. Въ ущельѣ, по которому я шелъ, на склонѣ, обращенномъ на югъ, растетъ древовидный можжевельникъ (Juniperus communis), на тѣневой сторонѣ ущелья засѣла ель. Стволы можжевельника имѣли въ окружности при основаніи около 2 метровъ; можжевельникъ поднимается по ущелью выше ели. Тамъ, гдѣ кончается еловый лѣсъ, я встрѣтилъ облѣпиху (до двухъ съ половиною метровъ высоты и до 30 сантим. въ окружности ствола). Площадь между верхнимъ предѣломъ лѣсовъ и подошвой гольцовъ покрыта мелкими кустарниками альпійской карликовой ивы, стволами Caragana jubata Poir. и, кажется, кустами какого-то рододендрона. Ближе къ гольцамъ и эти кустарники исчезаютъ; тутъ начали уже попадаться пятна еще не стаявшаго снѣга. Въ цвѣту я на этой стоянкѣ нашелъ только Chrysosplenium nudicaule и Cremanthodium sp.; ниже по долинѣ Бардуна на предъидущихъ переходахъ тоже было мало цвѣтущихъ растеній; помню только, что въ одномъ мѣстѣ найдена была въ изобиліи Aquilegia viridiflora Pall.

Простоявъ въ мѣстности Нагачирь два дня, 16-го мая мы двинулись далѣе. Мы рѣшили исподволь подвигаться на встрѣчу ожидаемымъ якамъ.

Въ теченіи двухъ переходовъ мы шли по правому берегу Бардуна, по гористой высокой террасѣ, прилегающей къ подошвѣ южныхъ бѣлковъ, отдѣляющихъ Бардунъ отъ рѣкъ, текущихъ въ Да-тунъ-голъ или въ Хухуноръ. Рѣка течетъ верстахъ въ 2—3 къ сѣверу отъ дороги въ глубокой рытвинѣ и ее съ дороги не видно ни съ высшихъ точекъ дороги, ни изъ поперечныхъ долинъ, пересѣкаемыхъ дорогой. Въ теченіи этихъ двухъ дней мы пересѣкли три поперечныя долины и вышли на четвертую; между этими долинами дорога пересѣкаетъ четыре перевала

Digitized by Google

черезъ гривы, идущія отъ бѣлковъ или гольцовъ къ Бардуну. На вершинахъ переваловъ приходилось проходить черезъ лѣса. Съ одной изъ самыхъ высокихъ точекъ дороги открывается видъ на верхнюю часть долины Бардуна; долина видна верстъ на сорокъ; мѣстами на ней видны расширенія съ выравненнымъ дномъ. Горы лѣваго берега кажутся ниже правобережныхъ; покрытыя снѣгомъ были видны только на правомъ берегу. И тѣ и другія очень скалисты и зубчаты.

Отсюда же открывается видъ и на горы, окружающія монастырь Па-баоръта-сы; въ числѣ ихъ одна, по разсчету лежащая уже восточнѣе этого монастыря, выше другихъ и по лѣвому своему боку покрыта снѣгомъ; это вѣроятно западный край снѣжной площади, покрывающей сѣверный склонъ горы; бывшіе при насъ шира-ёгуры объяснили, что это гора Па-бао-сань, по монгольски Найманъ-эрдэни-ула (гора восьми драгоцѣнностей).

Самая западная изъ четырехъ поперечныхъ гривъ оказалась сухою и безлѣсною и не представляла трудностей для ея пересѣченія. Переваливъ черезъ нее, дорога спускается къ берегу Бардуна, на которомъ мы и остановились послѣ второго, считая отъ мѣстности Нагачирь, перехода. Тутъ въ Бардунъ впадаетъ побочная рѣчка, текущая изъ южныхъ горъ. Мѣстность у этой рѣчки намъ назвали Соломà или Соломó.

Эти побочныя рѣчки, текущія съ юга (всѣ ли, не знаю, можетъ быть и не всѣ) замѣчательны тѣмъ, что ежедневно, въ опредѣленный часъ, мѣняютъ цвѣтъ своей воды. Ночью и раннимъ утромъ вода въ нихъ прозрачная, темнаго цвѣта; къ 10 час. утра она мутнѣетъ и принимаетъ яркій красный цвѣтъ. Это окрашиваніе воды идетъ отъ верхнихъ частей рѣчки къ ея устью, и распространяется на Бардунъ, но вся вода въ Бардунѣ не окрашивается, а только узкая полоса его вдоль праваго берега внизъ отъ впаденія приносящей муть рѣчки. Распространеніе этого окрашиванія на воды самого Бардуна наступаетъ только въ 2 часа пополудни. Наблюденіе надъ цвѣтомъ воды можетъ здѣсь замѣнить часы. Это окрашиваніе происходитъ отъ размыванія глинистыхъ отложеній, окрашенныхъ окисью желѣза, и залегающихъ при подошвѣ южныхъ гольцовъ. Всѣ эти отложенія находятся южнѣе дороги, то есть выше тѣхъ пунктовъ, при которыхъ дорога пересѣкаетъ поперечныя рѣчки. Только въ одномъ мѣстѣ дорога приблизилась къ подобному отложенію на столько, что я могъ подойти и осмотрѣть его. Размытая и обнаженная отъ растительности поверхность отложенія представляетъ въ этомъ мѣстѣ причудливую картину; части отложенія, уцѣлѣвшія отъ размыванія, имѣютъ очертаніе башенъ, пирамидъ, столбовъ, кеглей и т. п., окрашенныхъ въ разнообразные оттѣнки краснаго цвѣта отъ блѣдножелтаго до густокраснаго цвѣта охры. Между дорогой и рѣкой Бардуномъ такихъ отложеній не видно. Около самой рѣки усматриваются отложенія другого рода. На лѣвомъ берегу рѣки здѣсь находится терраса съ горизонтальной поверхностью; она поднимается иногда до высоты 30 саж. надъ уровнемъ рѣки; обрывы, которыми она срѣзана со стороны рѣки, показываютъ, что она сложена изъ наноса, къ которому обильно примѣшаны обломки камней очень значительныхъ размѣровъ. Этотъ наносъ вѣроятно отлагался въ то

Digitized by Google

время, когда верхняя часть Бардуна представляла альпійское озеро. Вѣроятно остатки этой террасы встрѣчаются и на правомъ берегу, но мы ихъ не видѣли; въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога примкнула къ Бардуну, эти отложенія вѣроятно смыты впадающей тутъ рѣкой. Сверху терраса прикрыта тонкимъ слоемъ бурокраснаго наноса, который ближе къ горамъ, въ уровнѣ, гдѣ проходитъ дорога, не замѣчается; тутъ (т. е. у дороги) земная поверхность прикрыта слоемъ черной земли. Бурый цвѣтъ, конечно, происходитъ отъ примѣси красной глины, снесенной побочными притоками, и свидѣтельствуетъ о томъ, что размываніе красныхъ глинъ и перенесеніе ихъ на дно бардунской долины происходило и въ ранній періодъ, когда описанная терраса находилась еще подъ водой.

О горной породѣ, изъ которой сложены здѣшніе гольцы, мы могли составить мнѣніе только по обломкамъ камней, разсѣяннымъ по земной поверхности въ уровнѣ, по которому проходитъ дорога. Въ долинахъ рѣчекъ, пересѣкаемыхъ дорогой, на всемъ нашемъ пути по правому берегу Бардуна выше переправы нигдѣ выступовъ коренной породы не видно; все покрыто толстымъ наносомъ и разрѣзы разоблачаютъ только составъ этого наноса. Обломки же, валяющіеся на поверхности наноса, состоятъ изъ глинистаго, не вскипающаго съ кислотами песчаника. Такъ какъ другой породы между обломками мы не замѣтили и цвѣтъ горъ, когда мы смотрѣли на нихъ въ бинокль, былъ тотъ же, какъ и у обломковъ, то мы заключаемъ, что песчаникъ же господствуетъ и въ составѣ здѣшнихъ гольцовъ.

Вездѣ на южной сторонѣ Бардуна былъ виденъ на горахъ лѣсъ изъ елей; на лѣвомъ берегу высокоствольный можжевельникъ.

Травы въ этой части долины Бардуна были великолѣпнаго роста, но прошлогднія; молодая зелень только что пробивалась и земной покровъ былъ желтаго цвѣта. Цвѣтущихъ растеній попадалось очень мало; цвѣли только какой-то ирисъ да Pulsatilla, да и тѣхъ я находилъ только по одному, по два экземпляра въ день. Порховки (Lycoperdon) достигаютъ здѣсь большихъ размѣровъ; намъ попался экземпляръ въ 25 сантим. въ горизонтальномъ поперечникѣ и въ 15 сантим. въ отвѣсномъ.

По словамъ шира-ёгуровъ, въ здѣшнихъ лѣсахъ есть медвѣди; о существованіи волковъ мы убѣдились личнымъ опытомъ. Очень много здѣсь водится безхвостыхъ мышей съ большими ушами; въ зонѣ выше предѣльной линіи лѣсовъ онѣ часто показываются изъ своихъ норъ; это пищухи, только другой видъ (Lagomys Roylei Ogilby), очень маленькаго роста. Изъ птицъ здѣсь видѣли красноносую галку.

Жителей въ долинѣ Бардуна не было. На стоянкѣ въ мѣстности Нагачирь мы видѣли слѣды баныковъ (черныхъ палатокъ), а на слѣдующей стоянкѣ были только огнища охотниковъ. Высокія, нестравленныя травы, оставшіяся отъ прошлой осени, свидѣтельствовали также, что здѣсь не кочуютъ. По словамъ шира-ёгуровъ, выше этой стоянки начинаются мѣста, лишенныя дровъ; нѣтъ ни кустарниковъ, ни аргалу. Устье р. Соломо лежитъ на высотѣ 2943 метровъ надъ уровнемъ моря.

Digitized by Google

Вечеромъ 17-го мая на нашу стоянку на Бардунѣ прибылъ туму (старѣйшина) шира-ёгурской общины Ши-у-га-ма-джа. Вмѣстѣ съ нимъ пришло 16 яковъ; четыре были оставлены за горой за усталостью. Нашъ лагерь значительно разросся, потому что, кромѣ нашихъ палатокъ, разбито было нѣсколько палатокъ шира-ёгурскихъ. Всѣхъ палатокъ въ нашемъ лагерѣ теперь стало шесть. Шира-ёгуры, согласно сдѣланному нами съ китайскимъ чиновникомъ заказу, привезли намъ 20 джиновъ муки и 10 шеновъ проса (хуанъ-ми); за послѣднее они съ насъ взяли по 40 чоховъ за шенъ.

Теперь мы получили вновь возможность двигаться впередъ, но выпавшій на слѣдующій день снѣгъ задержалъ насъ на старомъ мѣстѣ. Послѣ яснаго вечера 17-го мая, утромъ на другой день выпалъ глубокій снѣгъ; къ 10 часамъ утра онъ совершенно растаялъ, или, вѣрнѣе, испарился. Платокъ, выброшенный на снѣгъ и закиданный снѣгомъ въ разсчетѣ, что онъ будетъ смоченъ, когда снѣгъ растаетъ, остался совершенно сухъ, хотя снѣгъ, лежавшій на немъ, и исчезъ. Послѣ полудня облака стали расходиться и наши рабочіе принялись было перелаживать вьюки по новому, такъ какъ они были прежде приготовлены для верблюдовъ, а не для яковъ, но только эта работа была окончена, какъ снова пошелъ снѣгъ и мы остались на р. Соломо еще на другую ночь, и только 19-го мая двинулись далѣе.

Пересѣкши рѣчку Соломо почти у стоянки, караванъ долженъ былъ опять подниматься на гору, такъ какъ выше Соломо скалы опять стѣсняютъ Бардунъ; переваливъ черезъ гряду, мы опять спустились на дно Бардунской долины, которая здѣсь имѣетъ около одной версты ширины. Далѣе дорога идетъ по плоской террасѣ праваго берега, и пересѣкаетъ сначала рѣчку Ханъ-булыкъ, а потомъ болѣе значительную Югрукъ; видъ вверхъ по долинѣ Югрука съ дороги открывается версты на три; долина вверху обставлена высокими горами, на которыхъ былъ виденъ еловый лѣсъ. Щеки, чрезъ которыя Бардунъ проходитъ выше р. Соломо, составляютъ предѣлъ, выше котораго въ долинѣ Бардуна уже не встрѣчается ивъ; здѣсь по дну долины видны только густыя заросли облѣпихи.

Перешедши черезъ Югрукъ, вслѣдъ затѣмъ мы пересѣкли и р. Бардунъ; бродъ оказался не затруднительнымъ; воды было только по колѣно лошади. Далѣе дорога идетъ по лѣвому берегу Бардуна; идя вверхъ по нему, мы увидѣли на правомъ берегу еще одну побочную долину, въ которой течетъ р. Тарлунъ; вода въ этой рѣчкѣ не была окрашена въ красный цвѣтъ, какъ въ рѣчкахъ Ханъ-булыкѣ и Югрукѣ, но красныя обнаженія виднѣлись, какъ въ долинѣ Тарлуна, такъ и въ оврагахъ выше Тарлуна.

Выше Тарлуна террасы Бардуна сначала только на лѣвомъ, а потомъ и на правомъ берегу, изрыты золотоискателями [1]); здѣсь, на протяженіи 2—3 верстъ пробито болѣе тысячи шурфовъ; шурфы не глубоки; аршина два идетъ отвѣсный шурфъ, потомъ работа продолжалась штольной. Одинъ шурфъ отъ другого нахо-

[1]) Ямы золотоискателей были намъ указываемы также и на р. Бага-Рдонсукъ и на Бардунѣ, на нашей первой стоянкѣ выше Па-бао.

Digitized by Google

дится въ разстояніи около 10 саженъ. Каждый шурфъ окруженъ отваломъ; отвалы располагаются или въ видѣ квадрата, или въ видѣ круга, облегающаго шурфъ. Нѣкоторые отвалы до 7 ф. высоты, но большею частью менѣе, изъ чего можно заключить, что крыша розсыпей не толста. Спутники наши увѣряли, что золотоискатели добывали только самородки, а не мыли песковъ. На нѣкоторыхъ отвалахъ выросли довольно толстыя деревца облѣпихи. Поисками золота занимались будто бы мусульмане, но послѣ возстанія перестали сюда приходить, боясь грабителей.

Выше Югрука начинаетъ встрѣчаться гуджиръ въ почвѣ; травы были ни сколько не потравлены, такъ же густы, какъ и ниже по Бардуну и мѣстами полегли. Аргалъ встрѣчается рѣдко; очевидно, что это слѣды мимо проѣзжавшихъ людей, а не отложенія на стойбищахъ кочевниковъ; по дорогѣ встрѣчались только огнища, но не слѣды палатокъ.

Къ концу перехода горы опять стѣсняютъ Бардунъ; въ щекахъ обнаженія состоятъ изъ зеленыхъ сланцевъ. Тутъ на скалахъ лѣваго берега появляются шарообразные колючіе кусты астрагалусовъ изъ отряда трагакантовыхъ. Вода въ рѣкѣ здѣсь начинаетъ принимать зеленоватый цвѣтъ. Самбарча добылъ здѣсь вѣтвь жимолости въ цвѣту и накопалъ Potentilla, цвѣтущіе экземпляры которой теперь стали встрѣчаться часто. Все таки разцвѣтъ весны былъ еще медленный; по 20-го мая въ нашъ гербарій поступило только 10 разцвѣтшихъ видовъ: 2 вида Carex, Cryzosplenium, Potentilla, Gentiana, Iris, Salix, Hierochloa, Cremanthodium и Pulsatilla по одному виду.

Мѣстность, гдѣ мы остановились на ночлегъ, намъ назвали Рдоскуй. Отсюда мы шли по лѣвому берегу Бардуна до впаденія въ него р. Цзагынъ-Чаганъ-гола; всѣхъ Чаганъ-головъ три; Цзагынъ-Чаганъ-голъ самый изъ нихъ верхній. Выше его впаденія Бардунъ стѣсняется щеками; поэтому, не доходя до этихъ притоковъ, дорога переходитъ на правый берегъ и идетъ до впаденія въ Бардунъ большой рѣки Шукчжа (Шикча), приходящей съ юга и вырывающейся на долину Бардуна изъ дикаго скалистаго ущелья. Перешедши черезъ р. Шукчжа, караванъ вновь перешелъ на лѣвый берегъ Бардуна, и остановился на террасѣ на ночлегъ въ мѣстности Янъ-коу; это была послѣдняя наша стоянка на берегахъ Бардуна; мѣстность эта находится на высотѣ 3270 метровъ надъ уровнемъ моря. Отсюда мы должны идти на горный проходъ Гальцзинъ-дабанъ, ведущій на сѣверный склонъ Нань-шаня.

Въ этой части Бардуна, какъ и ниже, происходитъ размываніе красноглинистыхъ отложеній. Къ 10 ч. утра всѣ мелкія рѣчки краснѣютъ, а послѣ 2 час. пополудни окраска распространяется и на Бардунъ. Одно изъ красныхъ обнаженій находится на правомъ берегу Бардуна, у стрѣлки при впаденіи р. Шукчжа. Точно также распространяются на эту часть долины и золотоносныя розсыпи; мы видѣли пробитые шурфы по всей дорогѣ вплоть до устья р. Шукчжа, на обоихъ берегахъ Бардуна. У переправы черезъ Бардунъ при устьѣ Чаганъ-гола, на лѣвомъ берегу Бардуна, кромѣ шурфовъ, были видны и искательскіе разрѣзы. Эти

Digitized by Google

работы заложены тутъ на поверхности террасы на высотѣ 10 саженъ надъ уровнемъ Бардуна. Шурфы до 3 арш. глубиной; разрѣзы не болѣе 10 саженъ длиной. Верхній пластъ состоитъ изъ глины въ 3 арш. толщиной; шурфы пробиты до слоя съ обломками камней.

Другое минеральное богатство этой непріютной мѣстности, можетъ быть, состоитъ въ каменномъ углѣ, выходы котораго встрѣчены были нами даже близь дороги. Такъ на правомъ берегу Бардуна у переправы черезъ него около Чаганъгола находится выходъ каменнаго угля, плохого качества; пластъ въ аршинъ толщиной; простираніе NE 25°; паденіе отвѣсное. Уголь былъ виденъ и въ другомъ мѣстѣ, въ полугорѣ на лѣвомъ берегу Бардуна; паденіе пласта повидимому на св.

Послѣдняя стоянка на Бардунѣ ознаменовалась интересной находкой окаменѣлостей. Онѣ были замѣчены моимъ спутникомъ и неутомимымъ товарищемъ по коллектированію, Самбарчей. Къ сожалѣнію, онѣ найдены не въ выходѣ породы, а въ каменной глыбѣ, служившей для устройства походнаго очага. Послѣ обѣда Самбарча съ сачкомъ въ рукахъ пошелъ на охоту за насѣкомыми; увидѣвъ огнище и три классическихъ камня на немъ, составлявшихъ очагъ, онъ нагнулся къ нимъ, въ надеждѣ найдти подъ ними жуковъ. Не помню, нашелъ ли онъ тутъ жуковъ, но странный видъ камня, состоявшаго изъ трубочекъ коралла, не ускользнулъ отъ его наблюдательнаго глаза. Бросивъ охоту, онъ тотчасъ же прибѣжалъ въ лагерь съ обломкомъ камня въ рукахъ за разъясненіемъ, что онъ такое нашелъ. Я отправился вмѣстѣ съ нимъ на мѣсто находки. Удивленіе Самбарчи еще болѣе усилилось, когда каменная глыба распалась подъ ударомъ молотка и высвободились скрывавшіяся въ ней раковины. Вернувшись въ лагерь, я разсказалъ Самбарчѣ, какимъ образомъ раковины попали внутрь камня. Черезъ часъ я слышалъ, какъ въ палаткѣ, занятой рабочими, громко раздавался его голосъ: онъ читалъ своимъ товарищамъ геологическую лекцію. Кромѣ выколоченныхъ раковинъ, я взялъ небольшой кусокъ камня съ кораллами. Матеріалъ этотъ былъ потомъ переданъ въ геологическій кабинетъ С.-Петербургскаго университета и обработанъ П. Н. Венюковымъ. Вывезенный обломокъ былъ разбитъ имъ и въ немъ нашлась еще цѣлая фауна изъ крошечныхъ формъ. Все найденное г. Венюковъ описалъ въ статьѣ: «Нижнекаменноугольныя отложенія рѣки Бардуна въ южной Монголіи».

Вотъ списокъ формъ, находившихся въ глыбѣ: Aviculopecten sp., Productus giganteus Martin, Pr. punctatus Martin, Streptorhynchus crenistria Phill., Spiriferina cristata var. octoplicata Sow., Spirifer glaber Martin, Athyris globularis Phillips, Dielasma sacculus Mart., Terebratula hastata Sow. var., Chaetetes radians Fischer, Syringopora mongolica n. sp., Endothyra crassa Brady, End. Bowmani Phillips., End. globulus Eichw., Bradyina Potanini n. sp., Fusulinella Struvii Möller. Кромѣ того 11 видовъ Ostracoda изъ той же глыбы опредѣлены по просьбѣ г. Венюкова проф. Рупертомъ Джонсомъ, а именно: Leperditia Okeni Münster, var., Bairdia grandis Jones et Kirkby, B. curta M'Coy, B. plebeia Reuss, B. ampla Reuss, B. brevis J. et K., B. subelongata J. et K., B. amputata S. et K., B. Hisin-

Digitized by Google

geri Münster var., Bythocypris bilobata Münster, Byth. cuneola (?) J. et K. (Зап. Имп. Минер. Общ., ч. XXIV).

21-го мая мы тронулись на Гальцзинъ-дабанъ (Камджанъ-дабанъ), т. е. бросили продольную долину, по которой шли отъ сѣверной подошвы перевала Рдонсукъ въ теченіи четырнадцати дней (съ 7-го по 21-е мая). Идти на Гальцзинъ-дабанъ это значило отказаться отъ мысли идти по Бардуну до его вершины, съ намѣреніемъ перевалить черезъ Нань-шань въ меридіанѣ Су-чжоу. До перевала, выводящаго къ Су-чжоу, оставалось вѣроятно болѣе еще 40 верстъ; нельзя было и думать идти по этому пути съ нашими измученными верблюдами, а на наемныхъ якахъ мы могли идти только черезъ Гальцзинъ-дабанъ, за которымъ находятся стойбища шира-ёгуровъ. Конечно мы могли бы подрядить шира-ёгуровъ вести насъ на Су-чжоу, но видъ нашихъ верблюдовъ былъ такой удрученный, что мы думали только объ одномъ, какъ можно скорѣе, какъ можно по болѣе прямой дорогѣ спустить нашъ караванъ на плоскость, чтобы въ горячемъ климатѣ сдѣлать длинную стоянку и дать имъ поправиться и набраться силъ для перехода черезъ центральную Монголію.

Выше нашей стоянки Бардунъ дѣлаетъ излучину, обращенную выгибомъ къ востоку. Терраса лѣваго берега имѣетъ до 10 саженъ высоты или даже болѣе, и поднимается надъ рѣкой обрывами, которые циркомъ окружаютъ излучину рѣки. Полукругъ внутри излучины на правомъ берегу представляетъ тоже террасу, но не болѣе 2—3 саж. высоты; эта терраса вездѣ къ рѣкѣ кончается также обрывами, а съ другой стороны упирается въ подошву крутого склона сосѣднихъ горъ. Тонкій поверхностный слой этой террасы весь изрытъ золотоискателями. Нѣсколько выше этого участка террасы виденъ другой такой же, служащій ея продолженіемъ и оторванный отъ нея размываніемъ; онъ также усѣянъ шурфами.

Дорога идетъ по высокой террасѣ лѣваго берега, верстахъ въ трехъ отъ рѣки. Ширина террасы около 5 верстъ. Поверхность ея сильно пологата отъ горъ къ рѣкѣ, и покрыта дерновымъ слоемъ, образованнымъ злаками. Мѣстами этотъ дернъ разорванъ или прорытъ дождевыми потоками, или можетъ быть дѣйствіемъ вѣтровъ. Кромѣ сухихъ злаковъ здѣсь никакой не было растительности, кромѣ лишайниковъ, которые своими формами и цвѣтомъ вносили нѣкоторое разнообразіе въ эту пустыню. Я различалъ тутъ три вида лишайника; одинъ красивый розовый, другой зеленовато-бѣлый съ зелеными пуговками и наконецъ бѣлый съ черными точками. Зелени еще не было; степь была желта и эти лишайники составляли единственную прелесть здѣшней флоры въ концѣ мая.

Караванъ оставилъ большую торную дорогу и повернулъ вправо къ горамъ. Торная дорога пошла вдоль долины Бардуна, а мы направились къ подошвѣ горнаго прохода Гальцзинъ-дабанъ. Вдоль террасы идти было легко; подъемъ совершенно не замѣтенъ; поперегъ же террасы сильно замѣтно, что дорога идетъ въ гору. Подойдя къ хребту, мы разбили палатки на днѣ одной изъ поперечныхъ его долинъ, сдѣлавъ въ теченіе перехода не болѣе 20 ли. Три верблюда, шедшіе во всю дорогу простыми, не дошли до ночлега и легли. Къ счастью, они не дошли

Digitized by Google

до лагеря не болѣе 200 саженъ—и были видны изъ лагеря, расположеннаго во входѣ въ долину. Они были оставлены на ночь тамъ, гдѣ улеглись. Это еще болѣе укрѣпило въ насъ мысль какъ можно скорѣе выйдти на плоскость, не увлекаясь заманчивымъ планомъ прослѣдить продольную долину Бардуна до конца.

Только что успѣли поставить палатки, начался буранъ изъ мягкаго града, который потомъ смѣнился обыкновеннымъ снѣгомъ. Такая погода продолжалась и ночью. Утромъ мы услышали въ сосѣднихъ скалахъ крикъ уларовъ; онъ утихалъ только тогда, когда буранъ усиливался; какъ только снѣгъ начиналъ падать не такъ густо, крики возобновлялись. Я пообѣщалъ нашимъ спутникамъ шира-ёгурамъ по 200 чоховъ за птицу; сейчасъ же двое изъ нихъ съ ружьями отправились къ ближней скалѣ и принесли двѣ убитыя птицы.

Сосѣднія скалы и склоны хребта, подъ которымъ мы стояли, а также и прилегающая къ нимъ терраса были совершенно лишены кустарной растительности. Издали также нельзя было разсмотрѣть даже и въ бинокль, распространяются ли на долину Бардуна противъ Гальцзинъ-дабана заросли облѣпихи, которыми сплошь была покрыта аллювіальная долина Бардуна у нашей послѣдней на немъ стоянки.

На скалахъ у стоянки, кромѣ выше указанныхъ лишайниковъ, я находилъ еще новый видъ, еще болѣе красивый, въ видѣ бантиковъ изъ сѣраго атласа, покрытыхъ черными бархатистыми пуговками.

Широкая терраса противъ нашей стоянки видна только на лѣвомъ берегу Бардуна; на правомъ то же есть терраса, но значительно уже и при томъ выше. Обѣ онѣ состоятъ изъ пластовъ песчаника, прикрытыхъ наносомъ. Паденіе пластовъ повидимому на SE 120° подъ угломъ 30°.

22-е число мая было днемъ нашего поднятія на перевалъ Гальцзинъ-дабанъ. Начали мы его тѣмъ, что наиболѣе слабые верблюды, которые шли за караваномъ освобожденные отъ всякой ноши, были отправлены впередъ на перевалъ; посланные съ ними люди вывели ихъ на вершину перевала и оставили ихъ тамъ пастись, а сами къ 11 часамъ утра вернулись назадъ въ лагерь. Тогда весь караванъ былъ завьюченъ на 20 яковъ и нѣсколько верблюдовъ и также двинулся на перевалъ. Сначала караванъ началъ подниматься на гриву или контрфорсъ, ограничивающій долину, въ которой мы стояли, съ запада (или справа, если смотрѣть внизъ вдоль паденія дна долины). Главная трудность подъема заключается въ его крутизнѣ; обнаженія коренной породы встрѣчаются только въ видѣ отдѣльныхъ скалъ, которыя сплошь покрыты корой изъ лишайниковъ; какъ мнѣ показалось, онѣ состоятъ изъ известняка.

Какъ только караванъ поднялся на вершину гребешка, сейчасъ же открылся видъ не только на другую поперечную долину, идущую по западную сторону гривы, но и на всю верхнюю часть долины рѣки Бардуна. Долина имѣетъ плоское дно, какъ намъ казалось, шириной до 20 верстъ, длиной до 45; она простирается съ сѣверо-запада на юго-востокъ и ограничена справа и слѣва двумя крутобокими хребтами; въ сѣверо-западномъ концѣ долины она замыкается вѣчноснѣговымъ хребтомъ, который въ серединѣ, противъ оси долины, разорванъ; тутъ глубокая

Digitized by Google

сѣдловина, прорѣзанная въ хребтѣ чуть не до дна долины. Хребетъ, подходящій къ сѣдловинѣ съ юга, кончается пикомъ, который кажется самой высокой вершиной въ этихъ отдаленныхъ горахъ. Пикъ этотъ крутымъ профилемъ поднимается надъ сѣдловиной. Вѣроятно черезъ эту сѣдловину идетъ дорога въ вершину рѣки Сулай-голъ. Дно долины вплоть до подошвы этихъ дальнихъ горъ было покрыто снѣгомъ; окружающія его горы, какъ лежащія на дальнемъ сѣверо-западѣ, такъ и ограничивающія долину съ юга, всѣ были также покрыты снѣгомъ отъ вершинъ до самой ихъ подошвы. Въ нижнемъ концѣ долины, ближе къ устью р. Шукчжа, дно ея имѣло желтый цвѣтъ отъ сухой прошлогодней травы; выше оно было совершенно черное; повидимому, оно лишено тутъ всякой растительности. По дну долины извивается Бардунъ, въ видѣ бѣлой ленты снѣга или льда; въ сѣверо-западномъ концѣ долины видно, что вершина рѣки или одна изъ ея вершинъ какъ будто получаетъ начало въ горахъ на югѣ.

Эта пустынная часть долины Бардуна китайцамъ извѣстна подъ именемъ Ѣ-нью-коу, «долины дикихъ коровъ», подъ именемъ, даннымъ ей конечно за то, что на ней водятся дикіе яки. Названіе это, кажется, распространяется китайцами и на нижнее теченіе Бардуна, покрайней мѣрѣ въ золотоносной части его.

Видъ на Ѣ-нью-коу съ горы напомнилъ намъ видъ на Чуйскую степь въ Алтаѣ съ вершинъ Сайлюгемскаго хребта, съ тою разницей однако, что размѣры картины на Бардунѣ гораздо грандіознѣе. Наша стоянка подъ переваломъ была на высотѣ 3712 метровъ; это даетъ понятіе о высотѣ верхней части долины, которая должна быть еще болѣе.

Поднимаясь по острому гребешку контрфорса, караванъ выбрался наконецъ къ послѣдней вершинѣ хребта; онъ находился теперь на уровнѣ выше начала поперечныхъ долинъ, но еще не на самомъ гребнѣ хребта, а только на южномъ скатѣ его. Отсюда дорога поворачиваетъ на западъ и идетъ вдоль гребня, постепенно приближаясь къ его вершинѣ, пока наконецъ не взберется на вершину перевала; высота перевала 4129 метровъ. Обнаженій на гребнѣ хребта нѣтъ, но вся поверхность его усѣяна большими обломками.

Пунктъ, который я принялъ за высшую точку перевала, и гдѣ выставилъ барометръ для наблюденія, пришелся въ такомъ мѣстѣ, гдѣ неровности почвы уже закрыли видъ на долину Ѣ-нью-коу. Термометръ на воздухѣ упалъ до 1,0° С.; пронзительный вѣтеръ рѣзалъ лицо и руки.

Съ перевала дорога спускается въ долину рѣки Ташиту, соединяющуюся ниже съ рѣкою Хсаномъ. Спускъ пологій и мягкій; камнями не усыпанъ и покрытъ рыхлымъ наносомъ изъ песку и мелкихъ камней, въ который нога пѣшехода вдавливается. Этотъ наносъ нѣкогда былъ покрытъ плотнымъ дерномъ, но дернъ сорванъ, разрушенъ и смытъ; видны только лоскутья его въ видѣ пятенъ въ аршинъ или два въ поперечникѣ, разбросанные на десятки саженъ одинъ отъ другаго. Дернъ представляетъ очень плотный слой въ два дюйма толщиной; онъ состоитъ изъ однихъ только переплетающихся корней; отъ стеблей или верхнихъ частей растеній остались только едва замѣтные слѣды. Было несомнѣнно для насъ, что въ прошломъ

Digitized by Google

году на этомъ дернѣ не было никакой растительности; сколько годовъ тому назадъ, какъ онъ помертвѣлъ, угадать едва ли возможно. Единственный слѣдъ прошлогодней жизни растительности на этой высотѣ представляли сухіе листья и уже налившіеся сокомъ корни ревеня, по шира-ёгурски теменъ-тебикъ, «подошва верблюдьей ноги», которые были разсѣяны на рыхломъ обнаженномъ наносѣ. Это разрушеніе дернового слоя, можетъ быть, произошло отъ временной невзгоды; былъ рядъ худыхъ годовъ, который убилъ здѣсь растительность до появленія вновь благопріятныхъ условій. Но можетъ быть такое представленіе оптимистично и въ исчезновеніи альпійскаго дерна слѣдуетъ видѣть общее явленіе, обусловленное измѣненіемъ климата центральной Азіи, на которое уже указывали путешественники по высокимъ горамъ южной Сибири, видѣвшіе признаки его въ посохшихъ древесныхъ стволахъ, находимыхъ далеко за предѣлами верхней предѣльной линіи лѣсовъ.

Съ перевала дорога спускается по лѣвому берегу рѣки Ташиту, идя по косогору на нѣкоторой высотѣ надъ дномъ долины. Въ падяхъ нижней части долины стали появляться болота, поросшія густой осокой; на менѣе сырыхъ мѣстахъ, хотя все таки грязныхъ, попадался въ цвѣту Oxygraphis glacialis Bunge. Сухіе листья ревеня также спустились до нашего ночлега въ долинѣ Ташиту. Около стоянки только что появились верхнія заросли Potentilla fruticosa L.

Остановились на берегу р. Ташиту, которая вечеромъ была красноватомутною, но на другой день утра стала прозрачною, какъ стекло. Въ горахъ на правомъ берегу рѣчки со стоянки было видно двѣ сѣдловины; на восточной сторонѣ ихъ берутъ начало двѣ вершины Хсана; наша дорога должна идти черезъ нижній Хсанъ. У стоянки выходы породы состояли изъ краснаго песчаника, который сопровождаетъ и берега Хсана, какъ это видно было съ перевала. Выше стоянки ближе къ перевалу конгломератъ съ красноватымъ цементомъ. Пласты песчаника падаютъ на S подъ угломъ 43°.

Стоянка на Ташиту (на высотѣ 3666 метр. надъ у. м.) была только на 40 метровъ ниже стоянки на южной сторонѣ перевала. Гребень хребта поднимается надъ обѣими стоянками на 460 метровъ.

Какъ съ вершины перевала, такъ и съ другихъ точекъ спуска видъ былъ ограниченъ только верхними частями долины Ташиту. Хотя мы теперь находились уже на сѣверной сторонѣ Нань-шаня, но намъ еще оставалось далеко до монгольской плоскости; спуски съ вершинъ Нань-шаня на плоскость въ восточной его части, гдѣ его пересѣкалъ Пржевальскій, значительно короче, чѣмъ въ меридіанахъ къ западу отъ Гань-чжоу. Пржевальскій поднялся съ плоскости на Нань-шань черезъ горный проходъ Да-и-гу (Да-и-гоу?); отъ вершины перевала до плоскости по его показанію только 28 верстъ; подъемъ идетъ по ущелью и съ 5900 ф. поднимается сразу на высоту 8800 ф. Повидимому и перевалъ Бянъ-ду-коу не многимъ длиннѣе.

Въ западномъ Нань-шанѣ дорога не сразу спускается съ хребта на плоскость. Въ меридіанѣ города Гао-тай, противъ котораго мы теперь находились, къ сѣверу отъ Нань-шаня на большое пространство развивается сложная система пред-

Digitized by Google

горій съ запутанной сѣтью горныхъ рѣкъ, такъ что вмѣсто того, чтобы спускаться по одной только поперечной долинѣ и выйдти по ней на плоскость, здѣсь приходится пересѣкать горный лабиринтъ, долго кружить по обходнымъ тропинкамъ, переходя изъ одной долины въ другую. Отъ стоянки въ вершинѣ рѣчки Ташиту до города Ли-юань-ина, то есть до плоскости, мы шли одиннадцать дней.

На нашу стоянку на Ташиту къ намъ выѣхалъ человѣкъ отъ шира-ёгурскаго главнаго старшины, такъ называемаго та-туму и сообщилъ намъ, что въ шира-егуских долинахъ насъ ждутъ уже давно, что та-туму еще 8 числа четвертой луны получилъ отъ своего начальства бумагу о русской экспедиціи, которая идетъ изъ Синина.

Отсюда дорога нейдетъ внизъ по р. Ташиту; рѣка течетъ въ тѣсномъ ущельи, по которому нѣтъ прохода. Изъ Ташиту она направляется въ сѣдловину лѣваго (сѣвернаго) Хсана, который течетъ параллельно съ Ташиту и отдѣленъ отъ этой рѣки только однимъ хребтомъ.

Внизу Хсанъ и Ташиту соединяются и общимъ устьемъ впадаютъ въ р. Едзинъ, или Хара-муренъ, какъ его называютъ егуры. Почти вся дорога идетъ по непрерывному болоту; оно покрываетъ какъ сѣдловину, такъ и дно долины Хсана и только къ концу перехода, не болѣе, какъ за $^1/_2$ версты до ночлега, стало посуше. Болото поросло кустарникомъ, но кромѣ Potentilla fruticosa L., которую шира-ёгуры зовутъ харагана, да изрѣдка Caragana jubata Poir., тутъ нѣтъ другихъ кустарниковъ. Potentilla fruticosa покрываетъ здѣсь сѣверные скаты горъ сплошными зарослями отъ верхушекъ до подошвы, придавая имъ темнобурую окраску, въ отличіе отъ южныхъ желтоватыхъ скатовъ, покрытыхъ травой. Здѣсь царство этого кустарника; десятки тысячъ десятинъ покрыты исключительно однимъ имъ. Въ этихъ зарослях встрѣтилось нѣсколько цвѣтущихъ растеній: Primula sp., Allium sp. и др.

Хотя переходъ съ Ташиту на Хсанъ былъ небольшой, шли всего только два часа, но чтобы дать верблюдамъ отдыхъ послѣ труднаго перевала, мы рѣшились на Хсанѣ сдѣлать дневку.

Стоянка наша здѣсь была на высотѣ 3430 метровъ надъ ур. м., то есть уже на 236 метровъ ниже, чѣмъ на Ташиту. Въ 5 ли отъ нашего стана ниже по ущелью, которое уходитъ отсюда на юго-востокъ, стояли палатки шира-егуровъ, такъ что высоту нашей стоянки въ 3400 метровъ приблизительно можно счесть за высоту человѣческихъ жилищъ, въ шира-егурскихъ долинахъ. Изъ этихъ палатокъ къ намъ наѣхали гости и привезли намъ угощеніе, состоявшее изъ масла и кислаго и прѣснаго молока въ деревянныхъ ведеркахъ. Кромѣ того они привезли на продажу муки и соли, которыя мы заказали имъ, такъ какъ мука у насъ приходила къ концу, а соль уже и вышла и мы одинъ день сидѣли даже безъ соли. Съѣздить въ егурскія палатки мнѣ не удалось; пришлось заняться пересушиваніемъ и переукладкой коллекціи М. М. Березовскаго. На переходѣ по долинѣ Хсана случилось несчастіе. Яки въ походѣ не тянутся гусемъ, какъ верблюды или мулы; они идутъ толпой, то обгоняютъ другъ друга, то тѣснятся на одну тропинку, стал-

Digitized by Google

киваютъ съ нея своихъ товарищей и безпрестанно стукаются вьюками. Одинъ изъ ящиковъ съ коллекціей Березовскаго при одномъ такомъ толчкѣ упалъ съ яка въ болото, раскололся и вода попала внутрь его. Пришлось развязать и раскрыть ящикъ и осмотрѣть коллекцію; 23 птичьихъ шкурки найдены были подмоченными. Пришлось распечатать укупорку ихъ, просушить на открытомъ воздухѣ, потомъ все это опять упаковать и сколотить ящикъ вновь желѣзными гвоздями. На это ушелъ цѣлый день и я не успѣлъ съѣздить къ шира-егурамъ.

Со стоянки на Хсанѣ мы пошли не по дну его долины, а по горамъ, сопровождающимъ его долину слѣва и отдѣляющимъ ее отъ болѣе сѣверной долины Ташиту. Въ то время, какъ долина далѣе все падаетъ, дорога держится приблизительно на одномъ уровнѣ и проходитъ не вдалекѣ отъ гребня хребта, раздѣляющаго эти двѣ долины. Только скалистыя вершины этого гребня отдѣляютъ дорогу отъ покатости въ сосѣднюю долину рѣки Ташиту. Дорога тутъ очень гориста. Она пересѣкаетъ вершины оврагов, берущихъ начало подъ скалистымъ гребнемъ хребта и направляющихся къ Хсану; крутые спуски и крутые подъемы то и дѣло чередуются.

Съ дороги виденъ хребетъ на противуположной сторонѣ Хсана; это тотъ самый хребетъ, который сопровождаетъ Бардунъ съ сѣвера. Съ дороги видна его сѣверная покатость. По Бардуну мы шли подлѣ него въ направленіи съ востока на западъ, теперь мы идемъ опять параллельно ему, но съ запада на востокъ. Намъ указали въ этомъ хребтѣ на горы Рдоскуй, при южной подошвѣ, которыхъ мы имѣли ночлегъ съ 19-го по 20-е мая (см. выше стр. 427). Съ сѣвернаго склона этихъ высотъ бѣжитъ рѣка Рдоскуй и впадаетъ въ Хсанъ. Восточнѣе Рдоскуя изъ того же хребта вытекаютъ рѣчки Пула и Санаки, которыя, соединясь, впадаютъ прямо въ Хара-муренъ (Эдзинъ-голъ).

Дорога на этомъ переходѣ была такъ гориста, что верблюды едва дошли до ночлега. Одного верблюда чуть-чуть было не бросили на дорогѣ, за усталостью. Остановились на ночлегъ въ мѣстности Укиръ-када (Куку-хада) въ вершинѣ одного изъ овраговъ, подобно другимъ, пересѣченнымъ въ этотъ день, нижнимъ концомъ открывающагося въ долину Хсана. Гребень хребта въ вершинѣ оврага образуетъ сѣдловину, которая находилась въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ нашего стана. Съ этой сѣдловины открывается видъ на долину Ташиту; на противуположной сторонѣ сѣдловины начинается такой же оврагъ, идущій на соединеніе съ долиной Ташиту, въ которую намъ слѣдовало спуститься, но удобнаго спуска въ этомъ оврагѣ нѣтъ. Спуститься въ долину Ташиту можно только черезъ сѣдловину, лежащую восточнѣе. Чтобы достичь этой второй сѣдловины, нужно съ юга обогнуть скалистую вершину гребня, лежащую между двумя сѣдловинами. Обходъ этой вершины представлялъ нѣкоторыя затрудненія. Бокъ ея, обращенный къ оврагу, въ которомъ былъ разбитъ нашъ лагерь, былъ очень крутой; тропинка, по которой долженъ былъ идти нашъ караванъ и которая опоясывала этотъ скатъ горы слѣва направо на половинѣ высоты его, была очень узка. Одинъ невѣрный шагъ и верблюдъ могъ свалиться съ узкой тропинки въ глубокую долину. Мало того, что

Digitized by Google

тропинка была узка, мѣстами она была промыта дождевыми потоками; русла этихъ потоковъ спускались съ вершины горы къ ея подошвѣ въ видѣ жолобовъ, дно которыхъ составляла обнаженная скала. Эти жолоба прерывали тропинку въ трехъ мѣстахъ. Въ тотъ же вечеръ, какъ мы пришли на Укиръ-Када, наши люди съ лопатами и молотами отправились чинить дорогу. Въ мѣстахъ, гдѣ выступы скалы стѣсняютъ тропинку, пришлось расширить ее, разбивая скалу молотомъ, въ другихъ мѣстахъ сдѣлать загражденія съ внѣшней стороны изъ камней и дерна, а тамъ, гдѣ тропинка была прервана дождевыми потоками, сдѣлать насыпи изъ обломковъ камней и посыпать ихъ землей. Устроивъ дорогу, верблюдовъ безъ всякой ноши перевели черезъ этотъ косогоръ въ тотъ же вечеръ; всѣ рабочіе были заняты провожаніемъ верблюдовъ, потому что пришлось каждаго верблюда вести отдѣльно и къ каждому приставить поводильщика. Верблюды были выведены на слѣдующую сѣдловину и тамъ уложены на ночлегъ.

Стоянка на Укиръ-када была опять выше, чѣмъ на Хсанѣ; высота ея 3,603 метра, слѣдовательно на 173 метра выше стоянки на Хсанѣ. На сосѣднихъ горахъ здѣсь появился высокоствольный можжевельникъ. Около самаго стана, который былъ разбитъ среди болота, было много лука съ желтыми головками (Allium monadelphum Turcz.?)

На Укиръ-када егуры общины ши-и-га-ма-джа (поегурски харбанъ нигенъ гулма) должны были со своими яками оставить насъ; ихъ смѣнили люди общины ши-у-га-ма-джа (харбанъ табынъ гулма). Весь багажъ былъ навьюченъ на яковъ и вывезенъ на дабанъ, гдѣ ночевали наши верблюды. Здѣсь на сѣдловинѣ между двумя долинами, изъ которыхъ одна идетъ къ Хсану, другая къ Ташиту, часть багажа была снята съ яковъ и навьючена на верблюдовъ. Спускъ съ перевала сначала идетъ по болотистому гребню, а потомъ по дну долины, которая и выводитъ дорогу на р. Ташиту или Шихпачю, какъ она еще иначе называется; послѣднее названіе тангутское и значитъ «можжевельниковая рѣка».

Эта долина Ташиту та же самая, на вершину которой мы спустились съ Гальцзинъ-дабана нѣсколько дней тому назадъ. Здѣсь она имѣетъ видъ тѣснины. Вода въ рѣкѣ прозрачная въ теченіе цѣлаго дня и красной мути, какъ вверху, здѣсь мы не замѣтили. Глубина рѣки въ полколѣна лошади, дно каменистое; ширина рѣки не болѣе 2 саженъ. Вышедши на долину, тутъ же и остановились. Эта вторая стоянка на Ташиту была на высотѣ 2900 метр. падъ у. м., слѣдовательно ниже всѣхъ предъидущихъ и на 766 метр. ниже первой стоянки на Ташиту подъ Гальцзинъ-дабаномъ.

Нижнюю нашу стоянку на Ташиту можно принять за верхнюю предѣльную линію еловыхъ лѣсовъ. Лѣса можжевельниковъ поднимаются выше; мы ихъ видѣли въ долинѣ, по которой спускались въ Ташиту, но стоянка на Укиръ-када была выше предѣла можжевельниковъ. Въ еловомъ лѣсу на Ташиту много Caragana jubata Poir., которая выгоняла уже зеленыя листья; распускались листья и на Potentilla fruticosa; кромѣ того здѣсь цвѣли высокоствольная ива, Hierochloa odorata Fleisch. et Lind., Pedicularis sp., Iris sp. и Isopyrum grandiflorum Fisch.. Въ долинѣ же,

Digitized by Google

по которой мы спустились, ивы и кустарники Potentilla fruticosa и Caragana jubata (по шира-егурски кумьякъ) были еще въ мертвенномъ состояніи.

Въ долинѣ Ташиту, также какъ и на Хсанѣ, въ нашъ лагерь пріѣхали егуры съ приношеніемъ продуктовъ своего хозяйства, кислаго молока и масла. Палатки ихъ стояли въ долинѣ Ташиту выше нашей стоянки, то есть также какъ и на Хсанѣ, въ зонѣ можжевельниковъ.

Внизъ по долинѣ Ташиту дорога идетъ не болѣе семи верстъ. Сейчасъ же ниже стоянки, въ одномъ изъ ближайшихъ изгибовъ долины, появился тополь въ цвѣту, а также барбарисъ (Berberis integerrima Bge?) и кажется рябина. Долина все время одинаковой узкости, то есть не болѣе 50—70 саженъ, изрѣдка расширяется нѣсколько больше; еловые лѣса постепенно отступаютъ отъ дна долины къ вершинамъ горъ и къ концу дороги по Ташиту видны только на значительной высотѣ надъ дномъ долины и то въ видѣ небольшихъ отдѣльныхъ рощъ. Населенія по долинѣ никакого не встрѣтили, кромѣ двухъ шира-егурскихъ палатокъ, которыя стояли на правомъ берегу Ташиту въ мѣстности, которую намъ назвали Уланъ-шюренъ-амы. Отсюда долина становится пустынною; ивняки и тополи становятся рѣдки, дно безлѣсно, цвѣтовъ никакихъ, тогда какъ выше, въ области тополей, попадались въ цвѣту Pulsatilla sp., Taraxacum sp., Isopyrum grandiflorum Fisch., Lloydia serotina Salisb..

Пройдя мѣстность Уланъ-шюрь, мы стали подниматься по крутому дну узкой долины лѣваго притока, который называется Лагй; ущелье это заросло густымъ лѣсомъ тополей и высокихъ ивъ. Дорога тутъ для верблюдовъ неудобная, вслѣдствіе тѣснолежащихъ каменныхъ глыбъ, между которыми ящики, навьюченные на верблюдовъ, не могли пройдти. Нѣкоторыхъ верблюдовъ развьючивали по нѣскольку разъ и ящики проносили люди на рукахъ черезъ тѣсное мѣсто. Къ счастью, трудная дорога не длинна; это крутой подъемъ на верхнюю болѣе плоскую часть дна долины. Въ мѣстѣ, гдѣ уступъ кончается, долина перегорожена стѣнкой, сложенной изъ камней; это была застава Шуй-гуань-чжа-цзы, гдѣ брали пошлину съ шира-егуровъ, ѣздившихъ продавать скотъ въ городъ Гань-чжоу. Застава была разрушена мусульманами и съ тѣхъ поръ сбора пошлинъ нѣтъ. На ночлегъ остановились на правомъ берегу р. Лаги, которая здѣсь имѣетъ 1 арш. ширины, крутое паденіе, каменистое дно и берега, покрытые зарослями Comarum palustre L.

30-го мая мы оставили стоянку на р. Лаги. Дорога сначала поднимается по долинѣ Лаги, бока которой поросли очень рѣдкимъ лѣсомъ можжевельника; потомъ она сворачиваетъ вправо въ оврагъ и въ вершинѣ его по косогору поднимается на перевалъ Лагенъ-дабанъ. На сѣверной сторонѣ перевала пятенъ снѣга было больше и дно долины было болотисто. Повидимому, наканунѣ здѣсь было значительно болѣе снѣга и онъ въ теченіи дня стаялъ; рѣчка, текущая съ перевала, была мутная и сильно играла. Она называется Хараръ-голъ и съ перевала течетъ на сѣверъ. Видъ, открывающійся съ перевала на долину Хараръ-гола, не обширный и упирается въ близь лежащія плоскія горы; дно долины имѣетъ слабое паденіе. Повидимому мы вышли на плато. Въ нижней части долины оба бока ея покрыты

Digitized by Google

лѣсомъ можжевельника, густымъ, какъ только можетъ быть густъ лѣсъ изъ этой породы, т. е. издали все таки были видны промежутки между деревьями, черезъ которые проглядывала поверхность горнаго ската. На сѣверномъ склонѣ перевала мы встрѣтили палевой макъ Cathcarthia integrifolia Max., къ вершинѣ перевала въ бутонахъ, ниже въ цвѣтахъ, но въ видѣ приземистыхъ экземпляровъ, не такихъ рослыхъ, какъ около Сунъ-пана въ Сы-чуани.

Горная порода на перевалѣ Лагенъ-дабанъ глинистый сланецъ; ниже залегаютъ известняки.

На Хараръ-голѣ насъ ожидала большая компанія шира-егуровъ, выѣхавшихъ съ цѣлью встрѣтить насъ. Здѣсь была выставлена большая синяя палатка. Сюда выѣхали ламы изъ монастыря Ртангу-гонпа (по китайски Канъ-лонъ-сы), находящагося въ вершинахъ праваго притока Хараръ-гола, впадающаго въ него ниже нашей стоянки, а также та-туму, самый старшій изъ старѣйшинъ шира-егурскаго народца, старикъ 68 лѣтъ, хотя по годамъ моложе нашего Сантанъ-джимбы, но на видъ казавшійся на десять лѣтъ старѣе и дряхлѣе; при немъ была свита свѣтскихъ людей. Ламы привезли намъ муки, рису, пряженаго на маслѣ хлѣба; та-туму поднесъ намъ изюму, сахару, прѣснаго молока (хусунъ или хсунъ) и ундану (квашенаго молока). Сами мы были тотчасъ же по пріѣздѣ приглашены въ палатку вмѣстѣ со всѣми нашими слугами; здѣсь насъ усадили рядами и угостили чаемъ. Палатка была такъ велика, что легко могла вмѣстить въ себѣ до 50 человѣкъ. Крышу ея поддерживала одна только подпора, которая однимъ концомъ упиралась въ землю, другимъ въ вершину палатки.

Шира-ёгурская интеллигенція старалась выразить намъ свое сочувствіе; только и рѣчей было о томъ, какъ мы много натерпѣлись, какъ долго плелись по высокимъ и холоднымъ горамъ и пр. Слыша, что у насъ вышла провизія, шира-егурское начальство распорядилось вывезти намъ запасы, чтобъ мы могли безъ нужды дойти до ближайшаго китайскаго города.

Здѣсь дѣйствительно кончались наши бѣдствія; мы были теперь на сѣверномъ склонѣ окраины хребта; отсюда намъ оставалось только спускаться, пока не выйдемъ на плоскость.

На Хараръ-голѣ ши-у-га-ма-джа оставили насъ; далѣе повезли нашъ багажъ люди у-га-ма-джа и па-га-ма-джа.

31-го мая мы сдѣлали небольшой переходъ къ мѣстности, на которой беретъ начало р. Иргылъ (Иргылынъ-ики) [1]). Шли всего только три часа. Оставивъ Хараръ-голъ, сейчасъ же у бывшей стоянки мы поднялись на горы лѣваго бока долины; здѣсь на вершинѣ плоскаго перевала между Хараръ-голомъ и рѣчкой Курюмты мы встрѣтили пласты чернаго (угленоснаго?) сланца, налегающаго на другую сѣрую породу (глинистый песчаникъ), въ которой находятся отпечатки Stigmaria ficoides, что относитъ эти пласты къ каменноугольной формаціи. Пересѣкши рѣчку Курюмты, текущую въ плоскихъ болотистыхъ берегахъ, шли болотистымъ плато до стоянки.

[1]) Ргилунъ-иликинъ на картѣ А. И. Скасси.

Digitized by Google

Съ дороги влѣво отъ нея были видны горы, покрытыя снѣгомъ, сопровождающія рѣчку Лаги справа; изъ за нихъ, еще западнѣе, выбѣгалъ высокій снѣжный хребетъ, главный гребень Наньшаня; это былъ тотъ самый хребетъ, черезъ который мы перешли по горному перевалу Гальцзинъ-дабанъ. Вправо отъ дороги, т. е. къ востоку, были видны безснѣжныя каменныя горы; болѣе южныя изъ нихъ намъ назвали Гаркамышъ; лежащія сѣвернѣе—Харнакъ. Вершина р. Иргыла, на которой нашъ караванъ остановился на ночлегъ, лежитъ между невысокими конгломератовыми скалами; конгломератъ состоитъ изъ валуновъ темносѣраго песчаника. Ниже стоянки въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ начинался хвойный лѣсъ.

На слѣдующій день нашъ караванъ сначала шелъ по плоскому гребню хребта, раздѣляющаго двѣ долины: Иргыла и Ргамъ-гола, изъ которыхъ послѣдняя западнѣе. Страна, по которой проходитъ дорога, представляетъ плато, пересѣченное долинами, имѣющими крутые, скалистые бока; вся окрестная страна является состоящею изъ длинныхъ хребтовъ, которые имѣютъ плоскіе гребни. На югѣ это плато примыкаетъ къ сѣверной подошвѣ хребта, состоящаго изъ бѣлковъ, сопровождающихъ р. Бардунъ съ сѣвера; въ этомъ хребтѣ въ одномъ мѣстѣ было видно пониженіе или разрывъ; это выходъ рѣки Лонсыръ (Лансаръ), главнаго потока, собирающаго въ себя воды этаго плато и проходящаго западнѣе дороги; р. Лонсыръ протекаетъ по странѣ съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Плато медленно опускается къ рѣкѣ на сѣверозападъ; по ту сторону долины Лонсыра видно продолженіе плато, поднимающееся на сѣверо-западѣ и упирающееся въ каменистый хребетъ, который проходитъ въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ и представляетъ послѣднія высоты Наньшаньской системы къ плоскости. Восточный конецъ этого хребта намъ назвали Дзургенъ-харгакъ. Къ востоку отъ дороги была видна гористая мѣстность, въ которой прокладываютъ себѣ путь нижнія части теченія рѣкъ Хараръ-гола, Иргылынъ-гола и Лонсыръ-гола. Тутъ изъ среды другихъ скалистыхъ вершинъ особенно выдавались своей высотой и массивностью двѣ: Омнёту-лхамчокъ и Ундуръ-янканъ; послѣдняя лежитъ къ сѣверозападу отъ первой. Въ промежуткѣ между этими хребтами проходитъ Иргылынъ-голъ; Хараръ-голъ повидимому протекаетъ восточнѣе Омнёту-лхамчока; Лонсыръ западнѣе Ундуръ-янкана. Хараръ-голъ и Иргылъ, обойдя горы Омнёту-лхамчокъ, соединяются; общій ихъ потокъ вливается въ Лонсыръ справа ниже города Ли-юаня. Горы Ундуръ-янканъ служатъ мѣстомъ кочевки шира-егурскаго та-туму, выѣзжавшаго къ намъ на уроч. Хукубэлъ (Уку-бэлъ).

Проходя по грядѣ между долинами Ргамъ-гола и Иргыла, мы какъ въ первой долинѣ, такъ и въ оврагахъ, идущихъ въ вторую, видѣли черныя палатки шира-егуровъ. Изъ одной такой палатки старикъ шира-егуръ со своей женой вынесъ на дорогу ведро квашенаго молока и очень радушно угостилъ всѣхъ людей нашего каравана. Этотъ обычай выносить на дорогу проѣзжающимъ утоляющій жажду напитокъ, кислое молоко или свареный чай, существуетъ и въ другихъ частяхъ Амдо.

Дорога направляется къ сѣверной оконечности хребта Ундуръ-янканъ и тутъ спускается въ вершину сухой долины Баянъ-голъ, покитайски Гянь-го. Здѣсь

Digitized by Google

вдругъ появилась цвѣтущая флора; особенно обильно встрѣчалась Androsae sempervivoides; кромѣ того два вида ириса, а ниже появились кусты дэрису (Lasiagrostis splendens Kunth.). Въ 25 вер. отъ предъидущей стоянки (на Иргылѣ) характеръ долины Баянъ-голъ измѣняется; въ вершинѣ Баянъ-гола залегаютъ известняки; здѣсь они смѣняются пластами песчаника, падающими на сѣверъ или сѣверовостокъ; песчаникъ свѣтлосѣрый, но вывѣтрившаяся поверхность обнаженій имѣетъ красный цвѣтъ; порода образуетъ отвѣсныя скалы, большею частью въ видѣ стѣнъ, на поверхности которыхъ плотными прослойками образованы параллельные горизонтальные валики, между тѣмъ какъ отвѣсныя промоины разбиваютъ песчаникъ на столбы. На днѣ долины терраса, иногда двѣ (верхняя и нижняя), сложенныя изъ горизонтальныхъ пластовъ конгломерата, столь плотнаго, что онъ образуетъ совершенно отвѣсные яры сажени въ двѣ высоты. При подошвѣ этихъ обрывовъ замѣчается сырая почва (отъ выступающей воды), но остальное дно долины и выдѣляющееся изъ него русло совершенно сухи. Флора здѣсь также измѣняется; появляются будургана (Kalidium), хармыкъ, Zygophyllum, Clematis orientalis L., и интересный маленькій ревень (Rheum) съ мелкими цвѣточками, плоды которыхъ потомъ необычайно разростаются. Попалось два, три вяза, которые цвѣли, но вообще долина наводитъ унынie своимъ пустыннымъ видомъ. Въ одномъ мѣстѣ съ дороги можно было усмотрѣть какое-то черное обнаженіе, можетъ быть каменный уголь. На днѣ долины выступаетъ соль, бѣлыя накипи которой покрываютъ наносы при подошвѣ песчаниковыхъ скалъ.

Баянъ-голъ вывелъ насъ на долину р. Лонсыръ (или Найманъ-голъ), которая имѣетъ въ этомъ мѣстѣ нѣсколько сотъ сажень ширины; дно долины песчаное и безплодное; ничего нѣтъ, кромѣ кустарниковъ ивы и Berberis; послѣдній образуетъ красивые кусты до 2 сажень высоты, составленные изъ болѣе чѣмъ 20 стволовъ, простирающихъ во всѣ стороны дугообразно согнувшіяся, увѣшанныя желтыми цвѣтами, вѣтви. Хармыкъ здѣсь еще изобильнѣе, чѣмъ въ долинѣ Баянъ-гола. Встрѣчается также и Cynomorium coccineum L.

Въ мѣстности Хэ-ю-дунъ, гдѣ нашъ караванъ остановился на ночлегъ, находится два двора китайскихъ крестьянъ, около которыхъ есть небольшія пашни.

Песчаники, образующіе отвѣсныя скалы по бокамъ долины около Хэ-ю-дуна, прикрыты слоемъ лёсса въ 2 — 3 сажени толщины. Каменный уголь для города Ли-юань-ина добывается въ мѣстности Ма-линъ-коу («долина ирисовъ»), которая находится въ долинѣ Лонсыра выше Хэ-ю-дуна.

Переночевавъ въ мѣстности Хэ-ю-дунъ, мы двинулись дальше внизъ по долинѣ р. Лонсыръ. Отъ Хэ-ю-дуна до города Ли-юань-инъ, стоящаго на лѣвомъ берегу рѣки, десять верстъ. Караванъ три раза перебродилъ рѣку. Дно ея каменистое, ширина 5—6 сажень, глубина выше колѣна лошади, теченіе быстрое.

Городокъ Ли-юань-инъ крошечный; въ немъ не болѣе тысячи жителей. Въ его лавкахъ можно найдти только дабу и водку; лавокъ съ желѣзными издѣліями нѣтъ вовсе. Мусульмане три раза разграбляли этотъ городъ.

Долина около города оживляется немного, но только благодаря человѣческому

Digitized by Google

труду. Въ садахъ Ли-юаня встрѣчаются груши, абрикосы, грецкій орѣхъ, Ailantus, Eleagnus (hortensis?) и изрѣдка пирамидальные тополи. Внѣ города по долинѣ разсѣянно растутъ высокоствольныя ивы. Городъ окруженъ пашнями, на которыхъ засѣвается пшеница.

Добродушный ли-юань-инскій мандаринъ былъ, повидимому, доволенъ тѣмъ, что прибытіе европейцевъ временно могло разогнать провинціальную скуку, на которую онъ обреченъ, живя въ бѣдномъ городкѣ, затерявшемся въ безплодныхъ горахъ Нань-шаня. Онъ давно уже зналъ о томъ, что мы движемся по пути къ Ли-юаню, безпокоился о насъ и три раза выѣзжалъ въ монастырь Канъ-ло-сы, чтобы встрѣтить насъ на дорогѣ; ему мы были обязаны встрѣчей, которую намъ устроили егуры на Хуху-бэлѣ. Мы сдѣлали визитъ мандарину, чтобы лично поблагодарить его за выказанную имъ заботливость о нашей судьбѣ; на другой день мандаринъ пріѣхалъ верхомъ къ нашимъ палаткамъ, стоявшимъ за городомъ. Впереди его несли зонтъ, вѣроятно поднесенный ему мѣстнымъ населеніемъ въ знакъ благодарности за мудрое или справедливое управленіе; такіе зонты замѣняютъ въ Китаѣ наши европейскіе адресы.

Еще раньше своего визита мандаринъ прислалъ намъ рису, муки, свинины, а за тѣмъ готовый обѣдъ; мы подарили ему стереоскопъ, 4 лана серебра и банку съ конфектами; получивъ этотъ подарокъ, мандаринъ еще прислалъ намъ вермишелю (гуа-мянъ) и соленаго имбиря для улучшенія худой монгольской воды въ предстоящемъ пути отсюда на сѣверъ; старику Сантанъ-джимбѣ мандаринъ подарилъ тысячу чоховъ. Жена мандарина прислала намъ рѣдисокъ, капусты и луку гогò; мы послали ей коралловъ, что также не осталось не отдареннымъ; мандаринша подарила нашему старику ланъ серебра. На другой день она прислала спросить у насъ, нѣтъ ли у насъ европейскаго мыла.

Въ Ли-юань-инѣ мы должны были разстаться съ шира-ёгурами, которые на своихъ якахъ перевезли багажъ экспедиціи черезъ Нань-шань. Намъ не пришлось пожить подольше среди шира-егуровъ, даже не удалось побывать въ ихъ палаткахъ, поэтому и свѣдѣнія, собранныя объ нихъ, очень кратки. Отъ тѣхъ шира-ёгуровъ, которые шли съ нами, пользуясь ихъ досугомъ, намъ удалось только составить небольшіе словарики шира-ёгурскаго и хара-ёгурскаго языковъ. Оба словарика помѣщаются въ послѣдней IV части этого изданія.

Кочевья ёгуровъ начинаются отъ лѣваго берега Едзина ниже Па-баоръ-та-сы и простираются до города Карне, лежащаго къ югу отъ Су-чжоу. Другими словами кочевья ихъ заключаются въ сѣверныхъ долинахъ Нань-шаня между меридіанами Гань-чжоу и Су-чжоу. До мусульманскаго возстанія они были многочисленнѣе; во время же возстанія сильно пострадали, теперь числятся въ количествѣ 800 семей и дѣлятся на семь «отоковъ», изъ которыхъ пять восточныхъ называются шира-ёгурами, говорятъ монгольскимъ языкомъ и состоятъ въ вѣдомствѣ Гань-чжоу; два западныхъ отока называются хара-ёгурами, говорятъ тюркскимъ языкомъ и состоятъ въ вѣдомствѣ Су-чжоу. Китайцы всѣхъ ёгуровъ называютъ хуань-фань, т. е. «желтыми варварами». Два западныхъ, т. е. хара-ёгурскихъ отока на-

Digitized by Google

зываются Яглакъ и Хурунгутъ; названій восточныхъ или шира-ёгурскихъ отоковъ не могли мнѣ сказать; древнія имена отоковъ у нихъ замѣнились китайскими именами Па-га-ма-джа, У-га-ма-джа, Сы-га-ма-джа, Ши-и-га-ма-джа и Ши-у-га-ма-джа, которыя по шира-ёгурски переводятся: Найманъ-гулма, Табынъ-гулма, Дурманъ-гулма, Харбанъ-нига-гулма и Харбанъ-табынъ-гулма, что въ переводѣ по русски будетъ значить: восьми лошадные, пяти лошадные, четырехъ лошадные, одиннадцати лошадные и пятнадцати лошадные. Такъ отоки называются по количеству лошадей, которое отокъ обязанъ платить въ дань китайскому императору. Прежде эта дань состояла изъ 82 лошадей со всего народа, но послѣ дунганскаго возстанія она уменьшена.

Объ этомъ ёгуры разсказываютъ такъ. Въ горахъ Нань-шань заблудился какой-то «цзасыкъ-та-лама» (повидимому ургинскій шанцзотба), возвращаясь изъ Лассы въ Халху; ёгуры отправили ему на встрѣчу подводы и вывезли его въ Гаотай. За эту услугу лама исхлопоталъ въ Пекинѣ уменьшеніе податей ёгурскаго народа; вмѣсто 82 лошадей они теперь платятъ только 25 или 26 лошадей. Это было лѣтъ шесть назадъ. Но за то мандарины городовъ Гань-чжоу и Лимбейскій ту-сы (?) наложили на ёгуровъ новый налогъ; они заставляютъ ихъ приносить шкуры ирбисовъ, лисицъ, рысей, оленьи рога, каборожью струю и платятъ за эти предметы половинную цѣну; напримѣръ рога, стоющіе 20.000 чоховъ, берутъ за 10.000. Кромѣ того требуютъ въ ясакъ лошадей хорошихъ, стоющихъ по тридцати тысячъ чоховъ, а такъ какъ у шира-ёгуровъ такихъ лошадей нѣтъ, то имъ приходится приплачивать деньгами, которыя гань-чжоускій мандаринъ опускаетъ въ собственный карманъ.

Кромѣ отоковъ ёгуры дѣлятся еще на кости или поколѣнія, которыя административнаго значенія не имѣютъ, а только бытовое; ёгуры не женятся на женщинахъ своей кости. Намъ назвали слѣдующія имена ёгурскихъ костей: Пегешѝ, Патанъ, Чунсà, Чанбанъ, Ркомджюкъ [1]), Гланъ (Огланъ), Кырхысъ, Темурчинъ, Мнягъ (Mnjah), Уйратъ. Нойонская или княжеская (ту-му) кость называется Анджянъ [2]). На Хухубэлѣ мы наняли одного хара-ёгура въ рабочіе; это былъ лама Лобсанъ, который принадлежалъ къ кости Гланъ. Сначала я нанялъ его только до Гао-тая, чтобъ подольше имѣть около себя ёгура; потомъ онъ привыкъ къ нашему каравану и дошелъ съ нами до Кяхты и можетъ быть это былъ первый ёгуръ, который очутился въ предѣлахъ Россіи.

Всѣ ёгуры, какъ говорящіе помонгольски, такъ и по тюркски, ламаисты; въ хара-ёгурахъ, за исключеніемъ сойотовъ, живущихъ въ сѣверной Монголіи по Хему и на озерѣ Косоголъ, мы находимъ единственныхъ тюрковъ, которые въ настоя-

---

[1]) Егуры очень любятъ къ монгольскимъ или тюркскимъ словамъ приставлять лишній согласный звукъ изъ подражанія тибетскому языку, въ которомъ очень не рѣдки скопленія согласныхъ въ началѣ слова. Настоящее произношеніе имени этой кости вѣроятно будетъ Комджюкъ, которое напоминаетъ Кемчикъ изъ сѣверной Монголіи.

[2]) Для меня осталось неяснымъ это показаніе. Слѣдуетъ ли понимать такъ, что ту-му избираются изъ этой кости, или что они только прежде принадлежали къ ней, о чемъ сохранилась народная память.

Digitized by Google

щее время исповѣдуютъ буддійскую вѣру. Въ каждомъ отокѣ есть монастырь, такъ что всѣхъ монастырей въ ёгурской землѣ семь: Едзиней-хитъ (по китайски Па-баоръ-та-сы, описанный выше, стр. 416), Ртангу (по китайски Канъ-ло-сы), Корэкэ, Найманъ, Пейранъ (монастырь отока Хурунгутъ), Смакчи и Лонгрча (монастырь Яглаковъ). Письменности своей ёгуры не имѣютъ; ламское сословіе изучаетъ ученіе Будды по тангутскимъ книгамъ.

Каждый отокъ управляется старшиной, такъ называемымъ ту-му,—назначаемымъ китайскими властями; ту-му самаго большого отока ши-у-га-ма-джа называется та-ту-му, т. е. «большимъ ту-му».

Большая часть ёгуровъ ведетъ кочевой образъ жизни; только небольшая ихъ часть, спустившаяся съ горъ на плоскость, живетъ осѣдло въ нѣсколькихъ деревняхъ къ югу или къ юго-востоку отъ Су-чжоу. Кочевые ёгуры живутъ въ черныхъ палаткахъ, такихъ же, какъ и тангуты; по хара-ёгурски такія палатки называются ўй. Извнутри палатка поддерживается двѣнадцатью столбами или подпорками, которыя называются по хара-ёгурски сурукъ.

Изъ старинныхъ обрядовъ я записалъ только два: 1) Егуры при продажѣ скота вытираютъ у него слюну шапкой и при этомъ кричатъ: хурай! хурай! 2) Егуры джадалана, т. е. совершаютъ обрядъ, привлекающій съ неба дождь. Для этого они дѣлаютъ изъ снадобьевъ колобокъ, приносятъ изъ ключа въ домъ воду въ ведрѣ, колобокъ опускаютъ въ ведро и читаютъ «номъ». Когда дождь прольется, воду относятъ и выливаютъ въ тотъ же ключъ, изъ котораго она была взята.

На вопросъ, откуда ёгуры пришли въ горы Нань-шань, мнѣ сказали, что старики ёгуры называютъ какую-то мѣстность Сэчжэ-хачжинъ, гдѣ была будто бы прежняя родина этого народа; такъ она называется по шира-ёгурски; китайцы ту же мѣстность называютъ Ши-ла-гу или Ши-ла-гуръ. Иногда шира-ёгуры произносятъ это имя Шираголъ, какъ бы возстановляютъ его изъ неправильнаго китайскаго произношенія, и думаютъ, что она лежитъ въ землѣ Алакшань-вана. На вопросъ, не было ли прежде у егуровъ своего хана, нѣкоторые отвѣчали, что егурскимъ ханомъ въ древности былъ Хоръ-Гусэрь-чжаву [1]); другіе же сказали, что во времена династіи Минъ князь шира-ёгуровъ назывался Батуръ-хунъ-тайджи. Повѣсть о Гэсерѣ, распространенная у монголовъ и тангутовъ, извѣстна и ёгурамъ, но на тангутскомъ языкѣ. Егуры говорили мнѣ, что въ ихъ землѣ, въ низовьяхъ рѣки, на которой стоитъ Ли-юань-инъ (по ёгурски Лимбей [2]), есть слѣды

[1]) Въ тангутской редакціи сказанія о Гэсэрѣ хорами называются враги Гэсэра; одинъ изъ хорскихъ царей называется Хоръ-Кусэрь-чжаву (см. томъ II, стр. 16). Сантанъ-джимба говорилъ намъ, что древній широнгольскій ханъ былъ Хоръ-банди; онъ жилъ въ Лянь-чжоу и былъ покоренъ Кван'омъ—лао-ѣ, т. е. Гэсэромъ. Въ тангутской версіи Гэсэра, записанной мною отъ Самбарчи, упоминается Хоръ-банда-чжи (см. томъ II, стр. 44). Эти примѣры показываютъ, что имя Хоръ-банди очень распространено въ народной памяти. Сходныя имена встрѣчаются и въ литературныхъ памятникахъ, напримѣръ у Рашидъ-эддина, I, 3 и 157: Хэрбэндэ; въ Алтанъ-тобчи, стр. 180: Хара-банди; въ армянской лѣтописи (Паткановъ, Исторія монголовъ по армянскимъ источникамъ, Спб., 1873, в. I, стр. 64 и 97) — Харбанда; такъ называли монголы сына Аргуна, который въ крещеніи носилъ имя Ѳеодосій; имя же Харбанда будто бы означало: «служитель осла».

[2]) Гань-чжоу ёгуры зовутъ Камсў, Су-чжоу—Сукчжу.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Гэсэра; видны лошадиные слѣды (моринонъ турунъ) и собаки (нохой тырмакъ). По другому показанію, эти слѣды находятся около Гань-чжоу, именно около монастыря Ма-ти-сы (ма «лошадь» покитайски, ти «копыто», сы «монастырь»). Тутъ два монастыря или двѣ общины; есть монахи китайцы и есть тангуты. Кромѣ слѣдовъ лошади и собаки Хоръ-Гусэра здѣсь есть еще, по словамъ ёгуровъ, три раншюна: 1) Гуй-джолма-раншюнъ, 2) Турчжи-чомбу-раншюнъ и 3) Шорӧ-ртамчинъ-раншюнъ; это три сидящія человѣческія фигуры.

Имя ёгуровъ или югуровъ изрѣдка уже встрѣчалось въ западныхъ литературахъ. Персидская книга «Тарихи-Рашиди» говоритъ о мѣстности Сарыгъ-уйгуръ, находящейся къ сѣверу и востоку отъ Лобъ-нора (Григорьевъ, Восточный Туркестанъ, стр. 263); Шау пишетъ это имя Sarigh-aighur, «рыжій жеребецъ» (см. Zeitschrift d. Gesell. für Erdkunde zu Berlin, 1882, B. XVII, H. VI, S. 446). До сей поры мѣстности этого имени не встрѣчено и можно думать, что подъ нимъ разумѣется мѣстность, населенная шира-ёгурами.

Пржевальскій въ своей книгѣ «Монголія и страна тангутовъ», т. I, стр. 288 упоминаетъ о ёгурахъ, но какъ о народѣ, только когда-то жившемъ въ Амдо. Нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ,—такую легенду записалъ Пржевальскій отъ монголовъ—на Хухунорѣ жилъ народъ тангутскаго племени, называвшійся егуры; онъ исповѣдывалъ буддизмъ; такъ какъ они грабили караваны богомольцевъ, потому Гуши, ханъ олютовъ, частью истребилъ ихъ, частью прогналъ на сѣверо-западъ нынѣшней Гань-су, гдѣ они смѣшались съ прочимъ населеніемъ. Въ «Третьемъ путешествіи», стр. 330, Пржевальскій говоритъ, что хотя о. Палладій въ одной своей статьѣ приводитъ китайское свидѣтельство о существованіи въ Гань-су хамійскихъ уйгуровъ, но что онъ этого имени въ краѣ не слыхалъ [1]).

Отъ ёгуровъ я собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о рѣкахъ, въ долинахъ которыхъ располагаются шира-ёгуры, а также о дорогѣ на западъ въ городокъ Карнэ. Ниже устья Бардуна въ Едзинъ, или какъ его называютъ ёгуры Хара-муренъ, впадаютъ слѣва рѣки Лсартэ, Гульджа, Чэбэликъ, Чжа-чю, Сыдалынъ; всѣ эти рѣки берутъ начало на сѣверномъ склонѣ тѣхъ горъ, которыя проходятъ по лѣвому берегу Бардуна; низовья всѣхъ этихъ рѣкъ имѣютъ видъ тѣсныхъ и скалистыхъ ущелій и шира-ёгуры живутъ только въ болѣе плоскихъ верхнихъ частяхъ этихъ долинъ. Ниже Сыдалына изъ тѣхъ же горъ въ Хара-мурень текутъ двѣ рѣки Санаки и Пула, соединяющіяся въ одну; еще ниже впадаетъ потокъ, въ которомъ соединяются воды рѣкъ Рдоскуя, Хсана и Ташиту. Наконецъ Хараръ-голъ и Лунсыръ.

О дорогѣ въ Карнэ-хото (покитайски Хунъ-най-цзы) я распросилъ во время

---

[1]) Говорсъ думаетъ, что шара-уйгурами (Shara Uighur) или шара-шарайголами (Shara Sharaigol), назывались уйгуры, жившіе южнѣе, ближе къ тибетцамъ и смѣшивавшіеся съ ними; другіе же уйгуры, жившіе къ сѣверу отъ этихъ, въ отличіе отъ нихъ, у тибетцевъ назывались Бэдэ-хоръ (Bädä Hor). Хотя Шмидтъ, со словъ одной переведенной съ тибетскаго монгольской книги Гархой-тодорхой-толи, и говоритъ, что именемъ Бэдэ-хоръ назывались сѣверные монголы, но послѣ изслѣдованія Hodgson'a стало извѣстно, что подъ именемъ Хоръ или Хоръ-па тибетцы разумѣютъ тюрковъ, монголовъ же называютъ Сокъ или Сокъ-па (Howorth, History of the Mongols, London, 1876, part I, p. 695).

Digitized by Google

стоянки около Лагэнъ-дабана. Мнѣ назвали слѣдующія мѣстности, лежащія на дорогѣ: 1) Переваливъ гору Шэригъ, приходятъ на рѣку Шэригъ-голъ; 2) отъ Шэригъ-гола переваливаютъ гору Хабтагай-дабанъ, пересѣкаютъ долину Гздэмъ-гола [1]), переваливаютъ другую гору Укэбэль (Укувыль, Хухубэлъ); тутъ есть небольшая вода; 3) отсюда по гребню горы Нарынъ-хыргакъ идутъ до мѣстности Исынъ-голма, гдѣ находится сюмэ (кумирня) Корэкэ; тутъ протекаетъ рѣка Лонсыръ. Далѣе живутъ яглаки. Отсюда до Карнэ скорой ѣздой 3—4 дня; обыкновенно тутъ ѣздятъ скоро, потому что мѣста ровныя. Отъ Карнэ по направленію къ Су-чжоу совершенная равнина. Монастырь Найманъ лежитъ также на р. Лонсыръ, выше монастыря Корэкэ. Монастырь Смакчи лежитъ къ западу отъ Корэкэ, на рѣкѣ Рчанъ-чжу; Пейранъ еще западнѣе, а Лонгрча въ одномъ днѣ ѣзды отъ Карнэ-хото; между послѣдними степь, а между Смакчи, Пейраномъ и Лонгрча есть перевалы. Перевалъ между Пейраномъ и Лонгрча называется Янканъ. Щель монастыря Лонгрча, т. е. ущелье въ снѣжномъ Нань-шанѣ, служащее началомъ долины, въ которой стоитъ этотъ монастырь, приходится, по словамъ нанятаго нами ёгура Лобсана, въ меридіанѣ озера Янь-чи, лежащаго на плоскости (объ этомъ озерѣ см. ниже). Въ вершинахъ этого ущелья лежитъ перевалъ Памарганъ [2]).

Г. Паркеръ, сопутствовавшій намъ отъ Гумбума, оставилъ насъ вскорѣ послѣ выхода въ систему Лонсыра и уѣхалъ впередъ въ Ли-юань-инъ. Мы уже не застали его здѣсь; онъ отправился въ Гань-чжоу, чтобы уже оттуда предпринять свою поѣздку на западъ вдоль большого китайскаго тракта (Та-лу).

Нашъ выѣздъ изъ Ли-юань-ина былъ обставленъ такими же церемоніями, какъ въ Боу-нанѣ. Наши палатки стояли южнѣе города, по этому нашему каравану пришлось проходить черезъ него. Мандаринъ верхомъ на лошади встрѣтилъ насъ за нѣсколько шаговъ до городскихъ воротъ; у самыхъ воротъ былъ выстроенъ фронтъ городской милиціи, т. е. человѣкъ пятнадцать китайцевъ въ обыкновенномъ китайскомъ одѣяніи; только мы поравнялись съ ними, какъ раздались выстрѣлы петардъ, а солдаты стали на колѣна и сдѣлали «ку-тоу», т. е. земной поклонъ.

---

[1]) Въ Лунсырѣ, который въ вершинахъ называется Найманъ-голъ, выше Хараръ-гола тянутся овраги или сухія долины: Баянъ-голъ, Ргамъ и Гздэмъ или Гздымъ.

[2]) За переваломъ по словамъ Лобсана протекаетъ рѣка Баздунъ, которая, съ текущею рядомъ рѣкою Тулай, направляется къ Су-чжоу. Если Баздуномъ онъ назвалъ Бардунъ, то онъ напуталъ.

Digitized by Google

III.

Долина нижняго Едзина.

Выходъ на монгольскую плоскость. — Большая китайская дорога. — Продолжительная стоянка близь города Гао-тай. — Городокъ Чжинъ-та-сы. — Долина Едзина или Хэй-хо. — Едзинъ-гольскіе торгоуты. — Озеро Гашіунъ-норъ. — Пустыня. — Урочище Кобдо у входа въ гобійскій Алтай.

Изъ Ли-юань-ина монгольскую плоскость не видно; она загорожена рядами горъ, сопровождающихъ рѣку Лонсыръ въ ея теченіи ниже города. Долина рѣки Лонсыръ, или, какъ зовутъ её здѣшніе китайцы, Ли-юань-хэ (или еще Ли-юань-гоу), пройдя мимо города, расширяется; если смотрѣть изъ города на востокъ, т. е. внизъ по рѣкѣ, то видно, что на лѣвомъ берегу рѣки въ 12 ли отъ города возвышается скалистая гряда съ зубчатымъ гребнемъ, кончающаяся къ рѣкѣ каменнымъ мысомъ; эту гряду китайцы называютъ Ли-юань-хэ-сань; на правомъ берегу противъ нея тоже стоитъ такая же скалистая гора, но меньшей высоты. Между ними виденъ широкій промежутокъ, въ который и уходитъ рѣка Ли-юань-хэ. Черезъ этотъ же промежутокъ слѣдовало бы видѣть и монгольскую плоскость, но онъ представляется перегороженнымъ синѣющимся отъ воздушной перспективы хребтомъ Пей-та-сань. Этотъ хребетъ лежитъ къ сѣверовостоку отъ Гань-чжоу, слѣдовательно уже на плоскости, такъ что высказанную нами выше фразу нужно понимать въ томъ смыслѣ, что изъ Ли-юань-ина не видно горизонта плоскости.

Наша дорога изъ Ли-юань-ина направилась не долиной рѣки, а западнѣе хребта Ли-юань-хэ-сань. Тутъ она переваливаетъ черезъ плоскую сѣдловину и спускается съ нея на плоскость; горы круто обрываются къ плоскости, которая, на пространствѣ между хребтомъ и деревней Ша-хэ (Са-хо), гдѣ мы остановились на ночлегъ, представляетъ пустыню, только въ сѣверной части оживленную садами и жилищами людей, расположенными вдоль арыковъ. Почва состоитъ изъ наноса, прикрытаго отсортированной галькой; мелкіе камни плохо окатаны, крупные имѣютъ видъ хорошихъ валуновъ.

Для нѣкоторыхъ изъ нашихъ рабочихъ, какъ, напримѣръ, для Самбарчи, видъ безграничной равнины, открывшійся съ дороги, былъ никогда невиданной картиной.

Digitized by Google

Впрочемъ намъ не пришлось долго оставаться подъ ея впечатлѣніемъ. Западный вѣтеръ, который началъ дуть во время перехода, вскорѣ наполнилъ воздухъ такой густой пылью, что горы, изъ которыхъ мы только что вышли, совершенно исчезли за нею. Впереди тоже ничего не было видно; только подъ конецъ пути сквозь пыль стали обрисовываться очертанія деревьевъ, растущихъ вдоль арыковъ. Сначала дорога пересѣкаетъ одинъ такой арыкъ; воды въ немъ въ это время не было. Вдоль арыка расположены крестьянскія фанзы, обсаженныя высокоствольными ивами и фруктовыми деревьями. Потомъ, послѣ пустыннаго промежутка, тянется другой рядъ фанзъ, также обсаженныхъ ивами и фруктовыми деревьями, между которыми встрѣчаются и абрикосы; тутъ было много также цзаора. Дойдя до этой линіи фанзъ, дорога идетъ подлѣ нихъ на западъ до самой деревни Ша-хэ. Около этой деревни проходитъ плоское песчаное дно рѣки Ли-юань-хэ или, можетъ быть, выведеннаго изъ нея арыка. По песчаному руслу у этой деревни текли только два небольшихъ ручья; когда вода въ Ли-юань-хэ бываетъ большая, она доходитъ до рѣки Хэй-хо (Едзинъ) при мѣстности Я-цзы-чу, въ 30 ли къ з. отъ Ша-хэ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лѣваго берега этого русла я замѣтилъ валъ, имѣющій до полусажени высоты; онъ тянется параллельно руслу, т. е. съ юга на сѣверъ и повидимому есть естественное образованіе; пространство между валомъ и русломъ, или правильнѣе валомъ и рядомъ деревень и садовъ, протянувшихся вдоль лѣваго берега русла, усѣяно холмиками, изъ которыхъ самые высокіе достигаютъ высоты 1 сажени; они одинаковаго состава съ наносомъ остальной окружающей степи, сверху прикрыты галькой, къ подошвѣ холма мелкой, на гребнѣ въ кулакъ. Форма ихъ удлиненная въ видѣ валика или четырехскатной крыши; концы валика заворачиваются подъ прямымъ угломъ къ оси его, такъ что въ планѣ насыпь имѣетъ видъ буквы П. Эти придатки значительно ниже главнаго валика и имѣютъ видъ косъ. Часто эти косы направлены отъ валиковъ на югъ, а продольная ось самихъ валиковъ протягивается съ з. на в., но это не всегда.

У дер. Ша-хэ мы вышли на большую дорогу, усѣянную деревнями и городами и проходящую изъ Лань-чжоу до Ань-си-чжоу. По этой дорогѣ проѣхала русская экспедиція Сосновскаго въ 1875 г., и австрійская графа Сэчэни въ 1880 г.; въ позднѣйшее время, по ней проѣхалъ также русскій путешественникъ Грумъ-Гржимайло.

Часть этой дороги между городами Гань-чжоу и Гаотай орошается р. Хэйхо или его притоками. Хэй-хо или Едзинъ, вырвавшись изъ тѣснины Наньшаня, пробѣгаетъ по плоскости немного далѣе къ сѣверу, чѣмъ стоитъ Гань-чжоу и потомъ принимаетъ направленіе на западъ. Гдѣ онъ протекаетъ мимо Гань-чжоу, западнѣе ли этого города или восточнѣе, мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Г. Паркеръ, ѣздившій изъ Ли-юань-ина въ Гань-чжоу съ китайскимъ чиновникомъ Чжанъ-лао-ѣ, разсказывалъ мнѣ потомъ, что они переѣзжали черезъ Хэй-хо между деревнями Най-цза и Па-ли-пу, въ 20 ли западнѣе города Гань-чжоу. Чжанъ-лао-ѣ прибавилъ, что крестьяне указывали ему въ хребтѣ и вырѣзку, чрезъ которую Едзинъ изливается на плоскость. Вода въ Хэй-хо, по словамъ г. Паркера, была

Digitized by Google

велика, такъ что доходила до брюха лошади. Но А. И. Скасси, также ѣздившій въ Гань-чжоу нѣсколько дней спустя послѣ г. Паркера, хотя и переправлялся черезъ рѣку, но нашелъ ее незначительной, такъ что усумнился, Хэй-хо ли это; можетъ быть г. Паркеръ и Чжанъ-лао-ѣ приняли за Хэй-хо нижнее теченіе рѣки Лонсыръ. На маршрутной картѣ г. Матусовскаго Хей-хо проходитъ западнѣе Гань-чжоу; такъ же было изображено и на китайской небольшой картѣ, которую мнѣ показывалъ г. Паркеръ. На ней къ западу отъ Гань-чжоу протекаетъ Хей-хо, къ востоку р. Хой-шуй, которая обтекаетъ городъ съ сѣвера и впадаетъ въ Хей-хо справа [1]).

Выйдя на плоскость, мы порѣшили дать здѣсь продолжительный отдыхъ нашимъ верблюдамъ. По наведеннымъ справкамъ удобныя для такой стоянки мѣста нужно было искать ближе къ Гао-таю, поэтому мы и рѣшились не останавливаться въ Ша-хэ, а идти на западъ.

5 іюня мы перешли къ лежащему западнѣе городу Фуй-и-тинъ, а 6 еще далѣе, и остановились на степной мѣстности въ $^1/_2$ верстѣ къ в. отъ деревни Ши-у-ли-пу (Ло-я-тунъ), не дошедши 20 ли до Гао-тая, у самой большой дороги (талу). Во всю дорогу отъ Ша-хэ до этой мѣстности шли заселенными мѣстами, минуя однѣ деревни, переходя черезъ другія. Оросительныя канавы или арыки довольно глубокіе, тянутся вдоль дороги иногда по три въ рядъ; и иногда дорога пересѣкаетъ ихъ. По всей этой линіи виденъ былъ саженый лѣсъ, растущій или подлѣ арыковъ, или по берегу Хэй-хо, которая течетъ параллельно дорогѣ сѣвернѣе ея; деревни окружены фруктовыми садами.

Нашъ станъ возлѣ деревни Ши-у-ли-пу былъ расположенъ въ $^1/_4$ версты къ югу отъ рѣки Хэй-хо, на берегу выведенной изъ нея большой канавы, которая имѣла до 10 саженъ ширины, но мѣстами была не глубже, какъ въ полколѣна верблюду. На южномъ берегу канавы были видны пески, а къ сѣверу отъ нашего стана было болото, или залитое водой пространство, доходившее почти до Хэй-хо. На этой стоянкѣ мы прожили 19 дней (съ 6 по 24 іюня). Такую длинную стоянку мы устроили, чтобъ поправить своихъ верблюдовъ; однако они плохо поправлялись, поэтому мы стали пробовать обмѣнять ихъ на болѣе свѣжихъ. Отъ крестьянъ сосѣднихъ деревень мы узнали, что у купцовъ города Гань-чжоу есть стада верблюовъ; А. И. Скасси поѣхалъ въ Гань-чжоу [2]); тамъ онъ познакомился съ католическимъ епископомъ г. Гаммеромъ и черезъ миссіонеровъ узналъ, что дѣйствительно

---

[1]) На той же карточкѣ восточнѣе Хой-шуя изъ Нань-шаня на монгольскую плоскость вытекаетъ р. Шуй-мо-чуань; въ ея верхнемъ теченіи, т. е. внутри горъ, назначенъ городъ Юнъ-го-ченъ. Выше вершины р. Хой-шуй, слѣдовательно на нагорьѣ, падпись «семь поколѣній сифаней», выше вершины Шуй-мо-чуани другая: «семь поколѣній старыхъ сифаней А-ла-чже». Въ дополненіе къ сказанному выше на стр. 417 о дорогѣ изъ монастыря Па-бао-та-сы въ Гань-чжоу, идущей черезъ городокъ Нань-го-ченъ, можно еще прибавить слѣдующее показаніе мѣстныхъ жителей: первый перевалъ между Па-бао и долиной Хуанъ-пинъ-гоу называется Лю-гю-дабанъ; перевалъ къ сѣверу отъ Хуанъ-пинъ-гоу называется Сью-дабанъ.

[2]) Отъ Ша-хэ до Гань-чжоу, по показанію мѣстныхъ крестьянъ, считается 78 ли; отъ Ша-хэ по дорогѣ въ этотъ городъ лежатъ слѣдующія деревни: Сяо-хо-танъ 10 ли, Са-цзинъ-цза 10 ли, Яо-янъ-дунъ 10 ли, Най-цза (-яръ) 20 ли, Па-ли-пу 20 ли, Гань-чжоу 8 ли.

Digitized by Google

одинъ китайскій купецъ занимается тѣмъ, что скупаетъ у приходящихъ караванов истощенныхъ верблюдовъ, нагуливаетъ и опять продаетъ. Купецъ обѣщалъ прислать партію верблюдовъ въ нашъ станъ и въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько дней по возвращеніи А. И. Скасси изъ Гань-чжоу къ намъ было приведено головъ пятнадцать, но это были или калѣки, или старыя или совершенно изнуренныя животныя, словомъ лазаретъ хуже нашего. Пришлось отказаться отъ сдѣлки съ купцомъ.

Еще до поѣздки А. И. Скасси мы узнали, что въ Гань-чжоу находится русскій купецъ. Оказалось потомъ, что это былъ г. Ерзовскій, прикащикъ купца Котельникова, который съ партіей русскаго товара прибылъ изъ Хобдо сначала въ Су-чжоу, а потомъ переѣхалъ въ Гань-чжоу. Я написалъ ему съ какой-то оказіей письмо и г. Ерзовскій выѣхалъ въ нашъ лагерь. Онъ прошелъ съ своимъ караваномъ изъ Хами въ Су-чжоу по дорогѣ, болѣе восточной, чѣмъ путь экспедиціи Сосновскаго, и до него ни кѣмъ изъ европейцевъ непройденной. Разсказъ его объ этой дорогѣ я помѣстилъ въ своей статьѣ «Разспросныя свѣдѣнія о странѣ между Наньшанемъ, Хангаемъ, Хами и Утайшанемъ» (Извѣстія И. Р. Геогр. Общества, т. XXIII, 1887). Послѣ г. Ерзовскаго годъ спустя частью близко къ его дорогѣ, частью по ней же прошелъ другой русскій человѣкъ, г. Васеневъ, прикащикъ купца Морозова [1]). Это предшественники г. Грумъ-Гржимайло въ горной системѣ Пей-шань.

Кромѣ г. Ерзовскаго насъ посѣтилъ на той же стоянкѣ и еще одинъ европеецъ г. Сплингартъ; онъ ѣхалъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ Гань-чжоу повидаться съ выѣхавшимъ туда епископомъ г. Гаммеромъ, постоянная резиденція котораго находится восточнѣе, въ городѣ Лянь-чжоу. О г. Сплингартѣ я уже говорилъ ранѣе; когда-то онъ занимался торговлей шерстью въ компаніи съ г. Гризелемъ и жилъ въ Гуй-хуа-ченѣ, гдѣ имѣлъ собственный домъ, который принадлежитъ теперь католической миссіи; мы имѣли помѣщеніе въ этомъ домѣ, когда жили въ Гуй-хуа-ченѣ въ 1884 году (см. ч. I, стр. 37). Г. Сплингартъ ѣхалъ въ большой китайской телегѣ, прикрытой сводомъ изъ циновокъ. Съ нимъ была его жена, нѣсколько дочерей, маленькій сынъ и нѣсколько слугъ. Нашъ станъ стоялъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дороги, идущей изъ Гао-тая въ Гань-чжоу, и наши люди издали замѣтили экипажъ г. Сплингарта и его самого, ѣхавшаго верхомъ впереди экипажа. Мы пригласили его остановиться въ нашемъ лагерѣ; онъ разбилъ свою палатку рядомъ съ нашей и провелъ съ нами болѣе сутокъ. Въ это же время проѣзжалъ изъ Гань-чжоу въ Гао-тай нашъ другъ и спутникъ по Наньшаню г. Паркеръ, который тоже заѣхалъ къ намъ въ гости; г. Ерзовскій тогда также былъ съ нами и г. Паркеръ шутилъ, называя собравшуюся компанію европейской конференціей.

Все движеніе между Гао-таемъ и Лань-чжоу проходило въ виду нашихъ па-

[1]) Отчетъ его былъ напечатанъ отдѣльной книжкой въ Томскѣ въ 1889 г. подъ названіемъ: «Отъ Кобдо до Лань-чже-фу»; книжка сос тавляетъ 1 выпускъ I-го тома Трудовъ Томск. Губ. Стат. Комитета.

Digitized by Google

латокъ; на югъ отъ канавы, подлѣ которой былъ нашъ станъ, проходила другая, въ разстояніи полуверсты или болѣе; вдоль ея также тянутся деревни, но главная дорога была та, на которой мы стояли. За второй линіей деревень начинается пустыня въ 20 верстъ шириной, которая упирается въ подошву предгорій Наньшаня; на сѣверѣ предѣломъ осѣдлыхъ поселеній служитъ Хэй-хо; къ сѣверу отъ нея тотчасъ же опять начинается пустыня. По этой же дорогѣ вѣроятно нѣкогда проѣхалъ и Марко Поло, а если не по ней, то вѣроятно въ самомъ не далекомъ отъ нея разстояніи. Онъ упоминаетъ только города Сучжоу (Sukjur) и Гань-чжоу (Kampichi); о лежащемъ въ серединѣ Гао-таѣ онъ не говоритъ [1]).

Продолжительной стоянкой у Ши-у-ли-пу мы воспользовались, чтобы построить боченки для воды, а также новые ящики подъ коллекціи М. М. Березовскаго. Боченки намъ должны понадобиться, когда мы будемъ переходить Гоби между нижнимъ концомъ Едзина и южными окраинными горами алтайской системы, когда въ безводныхъ мѣстахъ придется брать запасъ воды со старой стоянки и вьючить на верблюдовъ. Ящики, въ которыхъ везлась коллекція М. М. Березовскаго до сюда, необходимо было перемѣнить; они были сдѣланы изъ дерева шихпы (Juniperus communis), которое, ссыхаясь, лопалось и давало трещины во всѣхъ направленіяхъ. При нечаянныкъ столкновеніяхъ во время пути ящики ломались, и два уже раза приходилось коллекцію выбирать и ящики, разсыпавшіеся на щепки, сколачивать желѣзными гвоздями. Хотя запасъ гвоздей и былъ съ нами порядочный, но онъ весь вышелъ; да при томъ свойствѣ колоться и распадаться до безконечности, какимъ обладаетъ это дерево, и не напастись гвоздей. Одно оставалось—заказать ящики изъ другого дерева.

Такъ какъ попытка найдти новыхъ верблюдовъ намъ не удалась, а прежніе наши верблюды плохо поправились, то мы рѣшили навьючить на нихъ только не большую часть нашихъ вещей, подъ остальной же багажъ нанять китайскія крестьянскія телеги. Крестьяне взялись доставить насъ на телегахъ до ставки торгоутскаго князя (бэйли), которая находится въ низовьяхъ Едзина. Нашъ планъ былъ спуститься по Едзину до озера, въ которое онъ впадаетъ, пересѣчь Гоби и затѣмъ хребты, составляющіе въ этомъ меридіанѣ восточное продолженіе монгольскаго Алтая и выйти на озеро Орокъ-норъ, лежащее при южной подошвѣ Хангая.

25 іюня мы оставили свою стоянку у дер. Ши-у-ли-пу, къ в. отъ Гао-тая. Въ теченіи двухъ переходовъ наша дорога шла параллельно теченію рѣки Хэй-хо, къ ю. отъ нея. Первый ночлегъ мы имѣли въ деревнѣ Янъ-та-цзы, въ 28 верстахъ отъ предъидущей стоянки; второй у дер. Хэ-ченъ, въ 15 верст. отъ Янъ-та-цзы. Характеръ мѣстности на всемъ пространствѣ отъ дер. Ши-у-ли-пу до д. Хэченъ (Хуа-ченъ-цза) одинаковъ—равнина съ солончаковой поверхностью, мѣстами залитая разливами рѣки, образующими мелководныя лужи, въ которыхъ живутъ кулики [2]);

[1]) Гао-тай находится въ старинномъ атласѣ Мартини. Юль упоминаетъ свѣдѣніе Хаджи Магомета, сообщенное Gior. Batt. Ramusio о Gauta, который находится въ 10 дняхъ отъ Campion и въ 5 отъ Sukkiur (Су-чжоу?) (H. Yule, Cathay and the way thither, vol I, p. CCXVII).

[2]) Разливы эти образуются вѣроятно отъ спуска водъ изъ оросительныхъ канавъ.

Digitized by Google

къ югу отъ рѣки солончаковая почва смѣняется песчаною. На югѣ эта плоская, равнина ограничивается предѣльной линіей, за которой земная поверхность начинаетъ медленно подниматься къ подошвѣ Нань-шаня; это то, что на сѣверѣ Монголіи зовется бэлью хребта. Такая же бэль видна и на сѣверной, т. е. правой сторонѣ рѣки Хэй-хо, но здѣсь она упирается не въ высокій хребетъ, а въ невысокую скалистую гряду; отдѣльныя части этой гряды на востокѣ, напримѣръ противъ Гаотая, имѣютъ болѣе значительную высоту, чѣмъ на западѣ. Самая значительная высота на правомъ берегу Хэй-хо, которую было видно изъ Гао-тая, лежитъ прямо на сѣверъ отъ города Гань-чжоу. Это Бей-та-шань карты г. Большева. Монголы называли ее намъ Алтынъ-тебши («Золотое корыто»), но мы не довѣряемъ этому показанію. Имя Алтынъ-тебши встрѣчается въ ордосскихъ легендахъ; эти легенды говорятъ, что родиною Чингисъ-хана, а вмѣстѣ съ нимъ и ордосскаго народа, была страна Алтай-Хангай-алтынъ-тебши. Въ моемъ дневникѣ не сдѣлано указанія отъ кого записано имя гань-чжоуской горы; если отъ какого-нибудь ордосскаго монгола, то можетъ быть это его собственная выдумка. Въ горахъ Алтанъ-тебши, по разсказамъ, есть кумирня Мармицзадъ.

Вдоль всего теченія рѣки Хэй-хо тянутся заросли тополя (Populus alba L.), но, вѣроятно, узкой полосой. Около Хэ-чэна появились сплошныя заросли Apocynum pictum Schrenk. Отдѣльныя крестьянскія фанзы встрѣчались по всей дорогѣ, но большею частью въ сторонѣ отъ нея; иногда встрѣчались деревни и на дорогѣ, и при томъ съ торговыми лавками.

Отъ дер. Хэ-ченъ рѣка Хэй-хо сильно уклоняется на сѣверъ, поэтому дорога, проходящая вдоль Принаньшанья, сохраняя свое прежнее направленіе, оставляетъ долину этой рѣки. Къ западу отъ Хэ-чена тянется солончакъ въ направленіи съ з. на в. въ видѣ узкой впадины; вдоль него-то и идетъ дорога. Солончакъ этотъ и съ сѣвера и съ юга ограниченъ рядами мелкихъ возвышенностей; длина его отъ р. Хэй-хо до дер. Шуанъ-чжинъ (Суанъ-тинъ-цза) 30 верстъ; но у этой послѣдней деревни онъ не кончается, а тянется еще далѣе къ западу по направленію къ г. Су-чжоу; гдѣ его западный конецъ, мы не распросили. Ширина этой солончановой ложбины отъ 4 до 5 вер. Абсолютная высота надъ ур. м. 1340 метровъ. По срединѣ его, въ 25 вер. отъ Хэ-чэна (Хуа-ченъ-цза) находится соленое озеро Янь-чи. На востокѣ этотъ солончакъ сливается съ долиной р. Хэй-хо ниже дер. Хэ-ченъ.

На этомъ солончакѣ подлѣ дороги находятся деревни Шинъ-гоу или Ты-гымъпу (въ восточномъ его концѣ) и Шуанъ-чжинъ. Шинъ-гоу лежитъ въ 40 ли къ з. отъ Хэ-чена; сначала дорога отъ Хэчена идетъ по низменности р. Хэй-хо; въ 10 ли отъ Хэ-чена она взбирается на террасу и идетъ по ней 20 ли; въ 10 ли недоходя до Шинъ-гоу она спускается съ террасы на солончакъ, и не оставляетъ его до дер. Шуанъ-чжинъ. Упомянутая терраса есть собственно широкій и плоскій мысъ, протянувшійся на сѣверъ отъ подошвы Наньшаня, врѣзывающійся въ низменность солончака, но не пересѣкающій его и недостигающій до холмовъ, находящихся къ сѣверу отъ солончака. Въ этомъ промежуткѣ и происходитъ соединеніе

Digitized by Google

низменности солончака съ низменностью р. Хэй-хо. Вѣроятно этотъ солончакъ нѣкогда былъ дномъ большого озера.

Поверхность террасы состоитъ изъ мелкой гальки и песку. Солончакъ представляетъ рыхлую почву; только дорога, проходящая по нему, утрамбована; чуть шагнешь въ сторону отъ дороги, нога вязнетъ въ пухломъ солончакѣ. Гряда холмовъ къ сѣверу отъ солончака, казалось, состояла изъ каменныхъ обнаженій, засыпаемыхъ летучимъ пескомъ. Озеро Янь-чи имѣетъ двѣ версты длины; оно протянулось съ з. на в. На немъ садится соль.

Господствующее растеніе на солончакѣ Alhagi camelorum, извѣстная въ Туркестанѣ колючка или джантакъ, которою также поросли окрестности Кашгара и нашего Гурьева городка на сѣв. берегу Каспія. Она образуетъ сплошныя заросли, которыя иногда смѣняются зарослями Apocynum pictum. Изрѣдка встрѣчаются холмики песку, образовавшіеся около кустовъ хармыка.

Въ деревняхъ этой бѣдной дарами природы мѣстности крестьяне-китайцы не занимаются хлѣбопашествомъ; изъ скота держатъ только коровъ. Они пропитываются, повидимому, только отъ прохода войскъ и каравановъ, продавая имъ припасы, которые сами покупаютъ въ другихъ мѣстахъ.

1 іюля мы пришли въ дер. Шуанъ-чжинъ-цза или Фань-чжинъ-цза. Немного спустя туда же пріѣхалъ и г. Сплингартъ въ огромной повозкѣ со своимъ многочисленнымъ семействомъ. Мы разбили обширный лагерь у западной околицы деревни, между невысокими буграми песку, чередующимися съ пухлымъ солончакомъ.

Отъ Хэ-чена до Шуанъ-чжина на западъ идутъ двѣ дороги; одна проходитъ къ сѣверу отъ озера Янь-чи, другая къ югу. Мы прошли по южной дорогѣ. Чтобъ попасть въ Чжинъ-та-сы, куда лежалъ нашъ путь, намъ слѣдовало у дер. Шуанъ-чжинъ перейдти на сѣверную сторону солончака. Этотъ переходъ мы и собирались сдѣлать на слѣдующій день, т. е. 2 іюля, такъ какъ заживаться въ такой мѣстности, какъ окрестности Шуанъ-чжинъ, не представляло ни малѣйшаго интереса; подножныхъ кормовъ для скота, кромѣ верблюжьяго, здѣсь нѣтъ никакихъ, такъ что наши лошади пробивались только тѣмъ сухимъ фуражемъ, который можно было купить въ деревнѣ.

Съ вечера же, однако, мы узнали, что переправа черезъ солончакъ дѣло не легкое. Намъ разсказали, что средина солончака топкая и что цѣлый караванъ изъ двадцати китайскихъ телегъ завязъ въ этой трясинѣ, что жители деревни Шуанъ-чжинъ уже два дня заняты освобожденіемъ каравана изъ грязи, что китайскія женщины съ дѣтьми на заднихъ телегахъ каравана ночевали уже двѣ ночи среди солончака и, вѣроятно, имъ еще придется переночевать ночь, и что имъ возятъ туда изъ деревни хлѣбъ и другую провизію. Увѣряли, что намъ низачто не попасть на ту сторону, пока не очистится дорога отъ завязшихъ телегъ.

Утромъ рано мы двинулись впередъ; впереди поѣхалъ экипажъ г. Сплингарта, за нимъ потянулись наши повозки и верблюды. Верстахъ въ $1^1/_2$ къ западу отъ деревни мы прибыли къ окраинѣ террасы, на которой стоитъ деревня и которая возвышается надъ углубленной серединой солончака футовъ на 10. Отсюда мы

Digitized by Google

дѣйствительно увидѣли рядъ неподвижно стоявшихъ телегъ, протянувшійся поперегъ солончака. Отъ ближайшей телеги, находившейся отъ насъ саженяхъ въ сорока, прямо къ намъ тянулась черная полоса размятой грязи; такая же черная дорога виднѣлась и отъ самой задней телеги къ сѣверному краю солончака; телеги стояли въ грязи по ступицу колеса. Отъ передней телеги до бугра, на которомъ мы остановились, двигались люди, частью верхомъ на лошадяхъ, больше же пѣшеходы; и тѣ и другіе были съ ношами. Это были по большей части жители Шуанъ-чжина, нанятые хозяевами телегъ выгружать ихъ. Пѣшеходы брели чуть не попоясъ въ грязи. Выгрузивъ изъ телеги пожитки, въ нее запрягали до десяти лошадей и вывозили ее на берегъ, при чемъ человѣкъ двадцать помогали имъ, ворочая колеса за спицы. Намъ оставалось разбить свой лагерь на окраинѣ солончака и ждать, когда высвободятъ изъ грязи послѣднюю телегу, или вернуться въ деревню и тамъ переждать. Г. Сплингартъ, имѣвшій сначала намѣреніе ѣхать до Чжинъ-та-сы вмѣстѣ съ нами и уже оттуда свернуть въ Су-чжоу, осмотрѣвъ положеніе дѣла, отказался отъ этой дороги и повернулъ свой экипажъ назадъ. Изъ Шуанъ-чжина въ Су-чжоу есть еще другая дорога, южнѣе Чжинъ-та-сы; хотя на ней также бываетъ послѣ дождей затрудненіе отъ образующихся топей, но г. Сплингартъ могъ надѣяться, что на этой другой дорогѣ онъ будетъ счастливѣе, по крайней мѣрѣ не встрѣтится, можетъ быть, съ увязшимъ караваномъ. Мы остались одни. А. И. Скасси пытался было обойдти грязь съ западнаго конца, отправился туда съ одной телегой и послѣ двухъ часовъ поисковъ вернулся назадъ. Два крестьянина изъ деревни Шуанъ-чжинъ, съ двумя телегами, нагруженными жердями, на нашихъ глазахъ начали пытаться пересѣчь топь по другой дорогѣ правѣе засѣвшихъ телегъ, но на серединѣ тоже застряли въ грязи, и мы увидѣли, что они выбрасываютъ жерди изъ телегъ на землю, очевидно за тѣмъ, чтобъ облегчить телеги. Только около двухъ часовъ пополудни вернулся Самбарча изъ поисковъ съ извѣстіемъ, что онъ нашелъ сухой и хорошій путь черезъ солончакъ. Сначала мы отправили по этой дорогѣ на ту сторону верблюдовъ, и когда они перешли благополучно, за ними двинулись и наши телеги. Дорога оказалась дѣйствительно сносною. Ободъ колеса вдавливался сильно въ зыбкій солончакъ, но нигдѣ верхній сухой слой его не проломился и не обнаружилъ грязи. Еще наканунѣ какой-то крестьянинъ изъ Шуань-чжина по секрету передавалъ Сантанъ-джимбѣ, что есть сухая удобная дорога, но дать точныя указанія низачто не согласился. Очевидно, что часть населенія знала это и держала въ секретѣ, чтобы эксплуатировать незнакомыхъ съ мѣстностью проѣзжающихъ. Засѣвшій въ грязи караванъ далъ, вѣроятно, такой заработокъ шуанъ-чжинскимъ хлѣбопекамъ и носильщикамъ, который обезпечилъ ихъ содержаніемъ на цѣлый зимній мѣсяцъ. Если эта топь тянется къ западу отъ Шуанъ-чжина на столько далеко, что и другая дорога въ Су-чжоу непремѣнно должна пересѣкать его, и если тамъ бываютъ такія же затрудненія, то это въ не особенно добромъ свѣтѣ выставляетъ заботливость высшей китайской администраціи о дорогахъ, имѣющихъ государственную важность.

Въ этотъ день мы только и сдѣлали, что перебрались на сѣверную сторону

Digitized by Google

солончака. На ночлегъ остановились саженяхъ во ста отъ небольшого озерка съ прѣсной водой, окруженнаго песчаными холмами, образовавшимися около кустовъ хармыка. Послѣднія телеги пришли на мѣсто, когда солнце уже закатилось.

Песчаные холмы съ хармыкомъ образуютъ кайму вдоль сѣвернаго берега топкаго солончака. Юговосточный бокъ у многихъ изъ этихъ холмовъ былъ разрушенъ; тутъ вѣтви хармыка вымерли, въ поверхности холма въ этомъ мѣстѣ замѣчается выемка, по бокамъ которой видны рубцы, или такъ называемая рябь. Это показываетъ, что холмы подвергались дѣйствію сѣверозападнаго вѣтра. На то же указываютъ наблюденія надъ песками и въ другихъ пунктахъ по дорогѣ между деревнями Хэ-ченъ и Шуанъ-чжинъ. Такъ около Хэ-чена былъ замѣченъ песчаный барханъ, на которомъ осыпь обращена была на юговостокъ. Къ западу отъ Хэ-чена, на террасѣ, о которой сказано выше, вся поверхность земли была усѣяна невысокими кустиками хармыка, и къ каждому кусту былъ присыпанъ съ подвѣтренной стороны продолговатый холмикъ (барханъ-коса); всѣ эти косы были направлены на юговостокъ. Къ югу отъ соленаго озера Янь-чи находится барханная площадь; одна осыпь была смѣрена мною; длина ея была около 150 саженъ, высота около $1^1/_2$ саженъ; осыпь фронтомъ была обращена на юговостокъ; далѣе къ югу было видно еще до десяти такихъ же осыпей и всѣ съ тѣмъ же обращеніемъ фронта. Слѣдовательно движеніе песка съ сѣверозапада на юговостокъ общее явленіе въ мѣстности между дер. Хэ-ченъ и Шуанъ-чжинъ.

Перейдя черезъ солончакъ, мы очутились на той дорогѣ изъ Гао-тая, которая проходитъ сѣвернѣе оз. Янь-чи. Тутъ дорога оставляетъ этотъ солончакъ и входитъ въ холмы, протянувшіеся вдоль его сѣверной окраины. Хотя издали эти холмы казались увѣнчанными каменными обнаженіями, при ближайшемъ ихъ осмотрѣ они оказались сплошь состоящими изъ смѣси песка съ галькой; то же, что глазъ съ дальняго разстоянія принималъ за обнаженія, оказалось отсортированною галькой, прикрывающею эту смѣсь. Вездѣ, гдѣ галька снята или сдвинута, обнажается почва изъ песку съ примѣсью гальки. Только когда мы глубже вошли въ эти холмы и стали переваливать на покатость къ Чжинъ-та-сы, показались обнаженія известняка.

Съ этого перевала мы увидѣли впереди степное пространство или широкую долину, протянувшуюся съ юга на сѣверъ; по серединѣ ея протянулась полоса лѣса; въ этомъ-то лѣсу и расположенъ городокъ Чжинъ-та-сы. По ту сторону лѣса поверхность земли опять медленно поднимается и образуетъ плоскую возвышенность, гребень которой не имѣетъ зубчатаго очертанія, а образуетъ ровный и чрезвычайно далекій горизонтъ; только мѣстами замѣчаются въ немъ неровности.

Городокъ Чжинъ-та-сы ничтожный; онъ окруженъ пашнями и садами; кромѣ хлѣбовъ, здѣсь сѣютъ также ленъ; въ садахъ мы видѣли яблонныя и абрикосовыя деревья. Окрестности города орошаются многочисленными канавами, проведенными изъ рѣки, протекающей по этой широкой долинѣ отъ Су-чжоу. Это рѣка, одна изъ вершинъ которой, находящаяся въ Нань-шанѣ, называется Сулай (или Тулай) и беретъ начало изъ одной точки съ Бардуномъ. Что значитъ названіе этого городка,

Digitized by Google

изъ мѣстныхъ жителей никто сказать намъ не могъ. Если послѣдніе два члена прочитать тха-сы, то это можетъ быть принято въ смыслѣ «монастыря съ башней», но никакой значительной башни мы ни внутри города, ни около него не замѣтили, да и изъ разспросовъ оказалось, что особенно знаменитаго монастыря тутъ нѣтъ. Около городка, верстахъ въ 3 къ юговостоку; мы увидѣли только обрывокъ Великой стѣны, протянувшейся съ з. на в.

Такъ какъ около города всѣ окрестности заняты подъ культуру, то стоянки для нашего каравана вблизи него не нашлось. Мы остановились въ 6 ли къ сѣверу отъ города, на площади, окруженной отовсюду деревьями тополей, вязовъ, ивъ, широколистной джигды (Eleagnus hortensis) и тамарикса.

Зданія въ Чжинъ-та-сы отчасти отопляются каменнымъ углемъ, который добывается въ четырехъ дняхъ пути отсюда въ горахъ Пей-шань, лежащихъ на сѣверо-западъ отъ Чжинъ-та-сы. Отсюда уголь возятъ на продажу и въ Гань-чжоу. Горы, въ которыхъ добывается уголь, называются Нюрусунъ-ола, «Угольная гора». Къ ней ѣздятъ изъ городка Му-минъ (лежащаго на Едзинѣ ниже Чжинъ-та-сы) на западъ черезъ мѣстность Шулюстенъ-булыкъ, оставляя вправо мѣстность Ѣ-ма-ченъ (можетъ быть вѣрнѣе Ѣ-ма-чуань, «долина дикихъ ословъ») и горы Текъ-табхуръ.

Отъ Чжинъ-та-сы наша дорога направляется на сѣверъ, чтобы выйдти на долину Едзинъ-гола. Къ сѣверу отъ Чжинъ-та-сы на Едзинъ-голѣ лежитъ городокъ Му-минъ; мы дошли до него въ три перехода; въ первый день мы сдѣлали остановку у дер. Та-му-лю (Та-ли-лю), на второй въ мѣстности Су-вань-но (или Сиöръ), на третій, т. е. 8 іюля пришли въ Му-минъ.

Характеръ мѣстности до Су-вань-но почти одинъ и тотъ же. Дорода идетъ по рѣчной низменности, пересѣченной арыками, и покрытой частью пашнями, частью травой. Вдоль арыковъ много насажено деревьевъ, вязовъ и ивъ; изрѣдка встрѣчаются тополи, много джигды, такъ что мѣстность представляется значительно облѣсенною; мнѣ картина этой страны напоминала урочище Номъ-тологой къ сѣверу отъ Тянь-шаня, у восточнаго конца этого хребта, гдѣ я проходилъ въ 1877 г. Кромѣ деревьевъ, въ составъ пейзажа входятъ высокіе многолѣтники, растущіе общественно, какъ напримѣръ Apocynum pictum, Glyzirrhyza, Karelinia caspia. Всѣ эти растенія имѣютъ сѣрую или свѣтлую зелень; тонъ окраски не измѣняется, если встрѣчаешь заросли софоры (Sophora alopecuroides L.), Lasiagrostis splendens Kunth., Nitraria Schoberi L. или Alhagi camelorum Fisch. Для болѣе полнаго напоминанія Номъ-тологоя здѣсь не доставало кустарника чингиля (Halimodendron argenteum Dec.).

Къ концу перехода къ Су-вань-но дорога стала труднѣе отъ сыпучихъ песковъ; здѣсь и справа и слѣва появились отдѣльные барханы, а вмѣстѣ съ тѣмъ количество лѣса уменьшилось. Господствующимъ деревомъ здѣсь становится джигда. Невысокія возвышенности, которыя тянутся вдоль дороги слѣва отъ самаго Чжинъ-та-сы, здѣсь приближаются къ дорогѣ. Во всю дорогу отъ Чжинъ-та-сы были видны отдѣльныя китайскія фанзы и пашни; только въ мѣстности Су-вань-но не

Digitized by Google

было фазъ. На пашняхъ повсюду былъ слышенъ крикъ фазана (Phasianus torquatus). Онъ распространенъ по всей этой странѣ; мы слышали его крикъ по всей дорогѣ отъ Гао-тая до Су-вань-но, гдѣ только есть пашни.

Къ сѣверу отъ Су-вань-но страна пріобрѣтаетъ болѣе сухой характеръ. Дорога проходитъ по сѣверному продолженію той же низменности, какъ и ранѣе, но только она здѣсь орошена скуднѣе. Ивы и джигда виднѣются въ рѣдкихъ мѣстахъ, а въ 20 ли отъ Су-вань-но совсѣмъ исчезаютъ. Воды, которыми орошается искусственно эта страна изъ рѣки, текущей отъ Су-чжоу, должно быть или не могутъ достигнуть досюда, изсякая на пути, или онѣ отклоняются на востокъ къ рѣкѣ Едзину. Послѣднія 20 ли до Му-мина проходятъ по совершенно голой безлѣсной и безтравной степи. Почва состоитъ изъ глины, повидимому, озернаго образованія; на этой глинистой поверхности насыпаны небольшіе барханы. Дорога проходитъ между грядой округленныхъ, совершенно безплодныхъ холмовъ, которые вѣроятно были западнымъ берегомъ бывшаго тутъ озера, и барханами съ обширными зарослями Alhagi. Здѣсь мы пересѣкли сухое русло какой-то рѣки, приходящее съ сѣвера, повидимому, изъ горъ Пей-шань въ направленіи къ Едзину; ширина русла до 10 саженъ. Подъ конецъ перехода впереди показалась линія лѣса, растущаго по берегамъ Едзина, и состоящаго изъ ивъ, тополей (Populus euphratica) и джигды (Elaeagnus hortensis M. a Bieb. var angustifolius). Остановились на берегу Едзина противъ города Му-мина, который находится на правомъ берегу Едзина. Берега рѣки здѣсь плоски; дно глинистое, топкое; глубина по грудь человѣку. Моста черезъ рѣку нѣтъ; телеги и всадники переѣзжали рѣку на нашихъ глазахъ въ бродъ. Такъ какъ наши палатки стояли на самомъ берегу, то мы отлично видѣли городскія стѣны изъ дверей своихъ палатокъ. Му-минъ еще менѣе, чѣмъ Чжинъ-та-сы; въ немъ всего только одна торговая лавка. Есть китайскій чиновникъ. Вверхъ и внизъ по Едзину видны отдѣльныя крестьянскія фанзы. Внизъ отъ Му-мина селенія тянутся на 80 ли; далѣе нѣтъ осѣдлыхъ мѣстъ.

Въ Едзинѣ водится рыба, которая заходитъ въ заливы и рукава рѣки. Крестьянскія дѣти наловили по нашей просьбѣ въ одной такой ямѣ руками съ десятокъ экземпляровъ вида Nemachilus yarkandensis Day [1]).

Отношенія, въ которомъ сѣверная окраина тибетскаго нагорья стоитъ къ монгольской плоскости, напоминаютъ отношенія сѣверныхъ склоновъ Тянь-шаня и Кавказскаго хребта къ прилегающимъ къ нимъ плоскостямъ. Особенно приходитъ на память равнина, простирающаяся при подошвѣ Тянь-шаня. Нань-шань поднимается надъ монгольской плоскостью такою же рѣзкой, крутой стѣной, какъ Тянь-шань поднимается надъ равниной р. Или, и рѣзче, чѣмъ Кавказъ поднимается надъ Кумо-Кубанской плоскостью. Когда нашъ станъ былъ разбитъ въ 20 верстахъ отъ подошвы Нань-шаня къ сѣверу, у деревни Ши-у-ли-пу (около Гао-тая), мы видѣли передъ собой высокій хребетъ, гребень котораго по всей линіи, отъ меридіана Гань-

[1]) См. «Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи». Отд. Зоологическій. Т. III, ч. 2. Рыбы. Обработалъ С. Герценштейнъ. Вып. 1 (Спб. 1888), стр. 79. Пржевальскій добылъ этотъ видъ въ Са-чжоу.

Digitized by Google

чжоу до меридіана Су-чжоу, на протяженіи 100 верстъ былъ покрытъ снѣгомъ; только противъ нашей стоянки не было видно бѣлковъ, которые были загорожены выдвинувшимися на сѣверъ предгоріями.

Къ сѣверу отъ Тянь-шаня, въ 15 верстахъ отъ него, параллельно его подошвѣ и теченію рѣки Или, проходитъ полоса пашенъ, орошаемыхъ арыками, выведенными изъ рѣчекъ, берущихъ начало въ Тянь-шанѣ и пересѣкающихъ страну съ сѣвера на югъ. Подобно этому и здѣсь верстахъ въ 20 отъ подошвы Нань-шаня съ запада на востокъ тянется узкая культурная полоса, пересѣкаемая потоками, берущими начало на югѣ въ Нань-шанѣ и текущими на сѣверъ. Это такъ называемая Та-лу, «Большая дорога», усаженная китайскими деревнями. Мы прослѣдили ее только отъ Ша-хэ до Чжинъ-та-сы, т. е. видѣли только ту часть ея, которая приходится на систему р. Хэй-хо, но Та-лу простирается въ обѣ стороны отъ системы Хэй-хо. Въ этой части ея, какъ уже сказано выше, естественная растительность ея напомнила намъ флору Чжунгаріи.

На песчаныхъ участкахъ здѣсь растутъ Alhagi camelorum Fisch., Tournefortia Arguzia R. et Sch., Dodartia orientalis L., Peganum Nigellastrum Bge, Calligonum sp., Inula ammophylla Bge, Apocynum venetum L., Cnicus arvensis Hoffm.; на буграхъ сыпучаго песка Arundo Phragmites L., Artemisia inodora M. a Bieb; на сухой щебневатой почвѣ степи, прилегающей къ сѣверной подошвѣ Нань-шаня, Nonnea lutea Rchb, Convolvulus Ammani Desr. et Gortschakowii Schrenk, Scorzonera divaricata, mongolica Maxim. et parviflora Jacq.

На сухихъ рыхлыхъ солончакахъ: Karelinia caspia Less. въ видѣ невысокихъ кустовъ, не достигающихъ того роскошнаго вида, какъ около Гурьева городка на сѣверномъ берегу Каспійскаго моря, Apocynum pictum Schrenk. большими зарослями, Peganum Harmala L., Kalidium foliatum M.-T.; на глинистыхъ солончакахъ, иногда стоящихъ смоченными, Ranunculus plantaginifolius Murr., Glaux maritima L., Sphaerophyza salsula Dec., Sophora alopecuroides L., Salsola collina Pall., на песчаныхъ солончакахъ Polygonum sibiricum Laxm.

На лугахъ Mulgedium tataricum Dec., Sonchus maritimus L., Calystegia hederacea Wall., Convolvulus arvensis L., Crepis Tourczaninowii C. A. Mey, Calamagrostis sp.

На старыхъ пашняхъ Chenopodium album L., Kochia sp., Avena sp.

Въ стоячихъ водахъ лужъ, заливающихся изъ Хэй-хо: Utricularia sp., Polygonum amphibium L., Myriophyllum verticillatum L., Hippuris vulgaris L., Alisma Plantago L., Sagittaria sagittaefolia L., Triglochin maritimum L., Scirpus maritimus L. и др., Lemna sp. и Chara sp.

Въ спискѣ растеній, помѣщенномъ въ книгѣ Пясецкаго: «Путешествіе въ Китай», и составленномъ на основаніи гербарія этого путешественника К. И. Максимовичемъ, насчитывается не болѣе 90 видовъ, собранныхъ на Та-лу между Ганьчжоу и Су-чжоу. Немногимъ болѣе собрано и мною на томъ участкѣ Та-лу, который пришлось пройти нашей экспедиціи. Цифра свидѣтельствуетъ о бѣдности флоры, которая указываетъ на неплодородіе почвы, тѣмъ не менѣе населеніе жи-

Digitized by Google

ветъ въ достаткѣ, особенно къ востоку отъ Гань-чжоу. Деревни часты и окружены фруктовыми садами и насажденнымъ лѣсомъ изъ ивъ, тополей и ильмовъ. Особенно славятся обиліемъ фруктовъ ближайшія окрестности Гань-чжоу; разные сорты гао-танъ-пи или фруктовой пастилы [1]), выдѣлываемые въ Гань-чжоу, составляютъ предметъ вывоза изъ страны.

Пржевальскій гдѣ-то замѣтилъ, что оазисы южной Монголіи обусловлены намываніемъ ила, сносимаго горными рѣчками изъ ущелій хребтовъ на плоскость. Подобные оазисы тянутся линіями вдоль подошвы хребтовъ; такая линія окружаетъ Тамирскую впадину; двѣ такія линіи облегаютъ восточную часть Тянь-шаня съ сѣверной и съ южной стороны, образуя такъ называемыя Бей-лу и Нань-лу. Культура на этихъ линіяхъ осѣдлости, въ томъ числѣ и въ принаньшаньской плоскости, началась въ отдаленной древности (около Рождества Христова). Если не въ самой первоначальной закладкѣ этой культуры, то по крайней мѣрѣ въ дальнѣйшемъ ея развитіи значительное участіе принимало тюркское племя уйгуры. Въ плоскостномъ Принаньшаньи они иногда составляли политически господствующее племя. Первоначальная родина этихъ южныхъ уйгуровъ вѣроятно находилась на сѣверѣ Монголіи, въ Хангаѣ и можетъ быть въ Дзабхынской впадинѣ. Предположеніе, что сѣверные уйгуры, основавшіе царство уйгуровъ на Орхонѣ, находились на старой своей родинѣ, а не пришли изъ южной Монголіи, представляется совершенно правдоподобнымъ; во время безпокойствъ въ этой сѣверной ордѣ часть ея могла искать спасенія на южной сторонѣ Гоби, могла занять Принаньшанье, изъ кочевого быта перейти въ осѣдлый и заняться хлѣбопашествомъ, огородничествомъ и садоводствомъ. Впослѣдствіи это уйгурское населеніе или замѣнилось китайскимъ, или было обращено въ послѣднее. Въ настоящее время все населеніе на томъ участкѣ Принаньшанья, которое мы видѣли, исключительно состоитъ изъ китайцевъ.

Отъ нашей стоянки противъ городка Му-мина наша дорога должна была пойдти прямо на сѣверъ. Путь отъ Му-мина до ставки торгоутскаго бэйли мы сдѣлали въ восемь переходовъ. На всемъ этомъ протяженіи мы шли по лѣвому берегу рѣки Едзинъ-гола (Хэй-хо), въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, но всѣ остановки на ночлегъ мы дѣлали на берегу рѣки. Дорога проходитъ по холмистой степи, незначительно возвышающейся надъ низменностью рѣки. Почва этой степи состоитъ изъ смѣси камней и песку; этотъ наносъ покрываетъ твердыя породы, выходящія только въ восточныхъ концахъ мысовъ, которыми лежащая отсюда къ западу возвышенная степь обрывается и вдается въ рѣчную низменность; одинъ такой выходъ къ югу отъ дерев. Ту-фынъ (гдѣ мы имѣли ночлегъ и дневали 12 іюля по случаю потери верблюда) состоитъ изъ песчаника, другой къ сѣверу отсюда, между дер. Ту-фынъ и мѣстностью Та-ванъ, изъ известняка. Поверхность этой степи совершенно голая, безтравная. Изрѣдка на ней встрѣчаются кусты Nitraria Schoberi L., Calligonum и Ephedra, такъ засыпанные пескомъ, что каждый кустъ образуетъ отдѣльный песчаный бугоръ. Къ сѣверу ростъ

[1]) Гао—«фруктъ», танъ «сахаръ», пи «кожа».

Digitized by Google

кустарниковъ увеличивается и около урочища Чаганъ-тохой кусты Calligonum'a, хармыка и ефедры достигаютъ высоты $1^1/_2$ метра, а Tamarix'a и еще выше. Тотъ же характеръ, вѣроятно, имѣетъ и степь, возвышающаяся надъ низменностью рѣки на ея правомъ берегу.

Низменное прибрежье рѣки имѣетъ до двухъ верстъ ширины. Растительный покровъ ея богаче, но и здѣсь отъ юга къ сѣверу замѣчается убыль растеній и быстрый переходъ къ пустынѣ. Лѣсъ, растущій по берегамъ рѣки, тянется непрерывной полосой только до мѣстности Эрчжа, лежащей въ 30 ли сѣвернѣе дер. Ту-фынъ. Отъ Эрчжа до мѣстности Та-ванъ на протяженіи 30 ли берега Едзина совершенно голые. Ниже на немъ встрѣчается лѣсъ, но только небольшими и отдѣльными рощицами, разъединенными значительными пустыми промежутками. Ниже мѣстности Эрчжа уже не встрѣчается осѣдлыхъ жилищъ; съ предѣломъ земледѣльческой колонизаціи совпадаетъ и сѣверная граница распространенія фазана.

Лѣсъ по Едзину въ этой степной части его теченія состоитъ только изъ трехъ породъ: разнолистнаго тополя (Populus euphratica), джигды и ивы. По внѣшней окраинѣ лѣса растутъ Tamarix, Nitraria Schoberi, Lycium turcomanicum Fisch. et Mey, Apocynum pictum, Zygophyllum sp. и Alhagi camelorum. На этой узкой полосѣ кустарниковъ и травъ соединено все богатство здѣшней флоры, не отличающееся разнообразіемъ формъ. Луговъ не только въ томъ смыслѣ, какой придается этому слову на нашемъ сѣверѣ, но даже въ смыслѣ ордосскихъ чайдамовъ, здѣсь нѣтъ; вмѣсто луга, рѣку сопровождаетъ песчаное прибрежье, которое мѣстами бываетъ усѣяно кустиками мелкой осоки, не сливающимися въ сплошной зеленый покровъ.

Иногда на рѣчной низменности встрѣчаются бугристые пески; такіе бугры мы видѣли у стоянокъ Чжичжейта (14 іюля) и Нарынъ (15 іюля). На этихъ бугрáхъ самое распространенное растеніе Alhagi camelorum Fisch., а также тутъ растутъ Sphaerophyza salsula Dec., Sophora alopecuroides L., Glycirrhyza sp., Cynanchum sp., Calamagrostis sp. Песокъ этихъ бугровъ кипитъ подъ дѣйствіемъ кислоты.

Рѣка въ этой части теченіи до 20 саж. ширины, дно ея каменистое или песчаное; вода мутная. Притоковъ съ лѣвой стороны мы не встрѣтили, кромѣ одного, который былъ встрѣченъ нами на переходѣ между Му-миномъ и Ту-фыномъ.

На переходѣ 16 іюля между урочищами Нарынъ и Цаганъ-бурюкъ, въ урочищѣ Чаганъ-тохой, состоящемъ изъ зарослей дэрису и высокихъ тамариксовъ, мы увидѣли первыя жилища едзинъ-гольскихъ торгоутовъ. Тутъ было нѣсколько обахаевъ, въ которыхъ живетъ двѣ, три семьи торгоутовъ со стадомъ козловъ и коровъ. На западъ отсюда стали виднѣться горы, поднимающіяся футовъ на 500 надъ остальной степью; сначала онѣ были видны верстахъ въ десяти отъ дороги; противъ урочища Чаганъ-тохой восточная окраина ихъ подошла къ дорогѣ на разстояніе 5 верстъ, а еще сѣвернѣе, около стоянки у Цаганъ-бурюкъ онѣ были еще ближе. Эти горы извѣстны у здѣшнихъ торгоутовъ подъ именемъ Боро-ула, «Сѣрыя горы». Противъ урочища Цаганъ-бурюкъ на правомъ берегу Едзина видна отдѣльная скалистая гора Дзерчжи-ванчикъ. Восточный склонъ горъ, которыя тянутся къ западу отъ дороги, покрытъ сыпучимъ пескомъ; этотъ песокъ преиму-

Digitized by Google

щественно залегаетъ въ логахъ, что указываетъ на западъ, какъ на страну, изъ которой онъ приносится.

Урочище Цаганъ-бурюкъ состоитъ изъ песчаныхъ бугровъ, покрытыхъ густою растительностью изъ тамарикса и хармыка. Кусты тамарикса цвѣли, а хармыки, достигавшіе роста человѣка, были густо увѣшаны спѣлыми ягодами; это очень красило бѣдное урочище; характеръ пустыни здѣсь уже началъ сказываться искалѣченными деревьями, полузасохшими кустарниками; только розовыя вѣтви тамарикса, свободно простертыя въ воздухѣ, и согнувшіяся подъ грузомъ рубиновыхъ ягодъ вѣтви хармыка производили впечатлѣніе жизненной полноты; чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ картины такой полноты будутъ встрѣчаться рѣже. Въ этихъ же буграхъ мы нашли въ первый разъ кустарникъ Nitraria sphaerophyza Maxim., нѣсколько ранѣе впервые открытый Пржевальскимъ; это растеніе замѣчательно тѣмъ, что мякоть его ягодъ всасывается растеніемъ, такъ что въ спѣломъ состояніи ягоды представляютъ пузыри, наполненные воздухомъ. Встрѣчается здѣсь также Cynomorium coccineum L.; самымъ же распространеннымъ растеніемъ является Alhagi camelorum.

Въ песчаныхъ буграхъ этого урочища водится ящерица Teratoscyncus Przewalskii Strauch, которая ведетъ образъ ночного животнаго и днемъ спокойно лежитъ, зарывшись въ пескѣ; глазъ ея имѣетъ вертикальный зрачокъ, какъ у кошки. Возчики китайцы накопали мнѣ съ десятокъ экземпляровъ этой ящерицы.

Къ югу отъ этого урочища въ верстѣ разстоянія находится озерко, поросшее камышомъ, а по окраинѣ камыша густою зарослью Lactuca tatarica; это было первое комарное мѣсто на Едзинѣ, которое мы встрѣтили. Обойдя озерко съ востока, мы пересѣкли какое-то русло, по берегамъ котораго растутъ евфратскіе тополи. Въ этомъ руслѣ вода была только отдѣльными лужами. Рукавъ ли это Едзинъ-гола или притокъ его, не знаю.

Скалистая гора Дзерчжи-ванчикъ поднимается надъ уровнемъ окружающей степи на 700—1000 футовъ; она имѣетъ тупоконическое очертаніе. Торгоуты считаютъ ее хаирханомъ или богдо, т. е. священною; зовутъ ее также Баинъ-богдо; на вершинѣ ея сложено обо. Никакой легенды я объ ней не узналъ, кромѣ того, что она пришла на свое нынѣшнее мѣсто изъ Цзамбулена. Къ сѣверу отъ нея не въ дальнемъ разстояніи находятся три другія отдѣльныя вершины, а верстъ шесть или семь еще сѣвернѣе, расположена другая отдѣльная группа, которая называется Кёкё-ула.

18 іюля мы оставили урочище Цаганъ-бурюкъ и пошли, какъ и прежде, вдоль лѣваго берега Едзинъ-гола. Съ одного пункта дороги открывается видъ на широкую долину, глубоко идущую внутрь Сѣрыхъ горъ (Боро-ула); горныя вершины, виднѣвшіяся въ вершинѣ долины или, по крайней мѣрѣ въ глубинѣ ея казались находящимися отъ дороги въ разстояніи верстъ тридцати[1]). Далѣе дорога подходитъ къ

[1]) Внутри горъ Боро-ула, говорили мнѣ, есть урочище Шяръ-хубъ, очень богатое водой, выступающей изъ почвы. Въ Боро-улѣ водятся дикіе верблюды, аргали, дикіе ослы (хулунъ).

Digitized by Google

самой подошвѣ горъ; мысъ, къ которому она примыкаетъ, состоитъ изъ темнаго плотнаго известняка; между обломками, покрывающими скатъ горы, я нашелъ окатанный обломокъ съ трубочками коралла. Вѣроятно внутри Сѣрыхъ горъ найдутся выходы съ палеонтологическими остатками. И здѣсь горы засыпаны пескомъ, который, какъ и въ урочищѣ Чжи-чже-тай вскипаетъ подъ кислотой.

До этого мыса подошва Сѣрыхъ горъ тянется съ юга на сѣверъ, отъ него она поворачиваетъ на сѣверозападъ, такъ что пройдя мысъ и обернувшись назадъ, мы увидѣли длинный скалистый хребетъ, который окаймляетъ съ юга равнину, простирающуюся къ сѣверу. Отсюда на сѣверъ какъ на лѣвомъ, такъ и на правомъ берегу Едзина ни горъ, ни даже мелкихъ возвышенностей не было видно. Эти Сѣрыя горы, вѣроятно, есть самый восточный отрогъ лежащаго отсюда на западъ хребта Пей-шаня.

Къ сѣверу отъ Сѣрыхъ горъ мы шли по ровной степи; влѣво отъ дороги простирается безконечная пустыня съ голой поверхностью, состоящей изъ наноса (галька съ пескомъ); на ней разсѣяны отдѣльные песчаные бугры, образованные кустами ефедры и Calligonum'a, которые здѣсь многочисленнѣе, чѣмъ на югѣ. Западный конецъ хребта Сѣрыхъ горъ виднѣлся верстахъ въ 30 отъ дороги. На ночлегъ остановились въ мѣстности Хоиръ-тоора («два тополя»), у рощи тамариксовъ, надъ которою поднимаются вершины двухъ евфратскихъ тополей; по этимъ деревьямъ и урочище получило свое названіе. Въ этой же рощѣ стояли двѣ бѣдныя юрты торгоутовъ; двѣ другія мы миновали, не доходя до этого урочища. Вообще торгоутское населеніе на Едзинѣ немноголюдно. Кромѣ едзинъ-гольскихъ торгоутовъ, мы встрѣтили здѣсь торгоутовъ и изъ Тарбагатая; они намъ объяснили, что попали сюда во время мусульманскаго возстанія, бывшаго 30 лѣтъ назадъ; съ тѣхъ поръ среди едзинъ-гольскихъ торгоутовъ живетъ до 30 дымовъ торгоутовъ, бѣжавшихъ изъ мѣстности Кобокъ-Сайри (восточный конецъ Тарбагатая). Они пришли сюда черезъ хребетъ Аджи-богдо. Вотъ имена урочищъ, черезъ которыя они шли отъ Аджи-богдо: Шяра-хулусутай, Булгунъ-хошунъ, Цзахў, Цзармынъ, Ганцы-модонъ («одинокое дерево»), Икинъ-толи (т. е. вершина урочища Толи), Адыкъ-толи (низовья урочища Толи), Цзагинъ-худукъ, Кэрь, Баинъ-булыкъ (отсюда видно на право отъ дороги хребетъ Эдеренгъ-Сэдеренгъ), Цзу модонъ («сто деревъ»), Цзуулгана, Шяра сарй (тутъ нѣтъ воды), Бомбо, Гуютў (Хонгучу-Гуюту), Сябистя, Уланъ-гоби, Тоора шянда, Шолынъ. Эта дорога проходитъ къ сѣверу отъ горы Хата-хаирханъ; урочище Булгунъ находится въ 15 ли отъ хаирхана. Есть другая дорога, южнѣе Хата-хаирхана. Тутъ же есть еще гора Хата-сумунъ.

На слѣдующій день мы шли по такой же ровной степи, большею частью вдали отъ рѣки Едзина, но мѣстами ее было видно съ дороги. Мѣстами дорогу пересѣкали песчаные валы, на гребнѣ которыхъ засѣли кусты тамарикса; тамариксы, помонгол. сухай, разсѣяны, впрочемъ, и по всей степи, но есть пространства и свободныя отъ этого кустарника; на такихъ мѣстахъ встрѣчаются Calligonum, Hololachna soongorica Ehrenb. и ефедра; кусты послѣдней имѣютъ такое очертаніе, что кажутся копнами бураго цвѣта. У всѣхъ кустарниковъ вмѣстѣ съ

Digitized by Google

вѣтвями, еще полными жизни, торчатъ мертвыя вѣтви въ видѣ голыхъ прутьевъ. Alhagi camelorum встрѣчается и здѣсь очень обильно; обильнѣе чѣмъ прежде, даже зарослями попадается Cynanchum acutum L., но Apocynum pictum Schrenk болѣе уже не виденъ. Впадины, встрѣчающіяся ближе къ рѣкѣ, густо поросли камышомъ; на мокрыхъ мѣстахъ растутъ два вида злака (Elymus sp.) и Lactuca tatarica. Около рѣки встрѣчаются деревья тополя и джигды, какъ и на предъидущемъ переходѣ.

На ночлегъ караванъ остановился въ урочищѣ Ганцы-цзакъ, «одинокое саксауловое дерево». Тутъ дѣйствительно есть саксауловое деревцо; палатка наша была поставлена не вдалекѣ отъ него. Деревцо это имѣетъ до 2 саж. высоты; стволъ его прямой, какъ колонна; развѣтвляется только вверху. Это былъ самый роскошный, самый правильный экземпляръ саксаула, какой я когда либо видѣлъ. Стволъ деревца покрытъ сплошной корой, а не представляетъ сухое бревно, по которому сочная кора тянется только въ видѣ узкой полосы, какъ это часто бываетъ. Впрочемъ, хотя это и было, можетъ бытъ, самое красивое саксауловое дерево, отъ него не вѣяло органической жизнью. Бѣлосѣрый цвѣтъ коры напоминалъ цвѣтъ известковой накипи; поверхность ствола, покрытая продольными бороздами и продольными рубцами, еще болѣе дѣлала его похожимъ на сталактитъ, покрытый известковыми потоками. Торгоуты насчитываютъ это деревцу три вѣка жизни (гурбанъ уй); по ихъ словамъ, цзакъ долговѣчнѣе, чѣмъ евфратскій тополь.

20 іюля мы еще подвинулись немного сѣвернѣе и остановились въ мѣстности Елисынъ-хуре, въ 5 вер. отъ ставки торгоутскаго бэйли, которая находилась въ урочищѣ Хара-сухай, также на лѣвомъ берегу Едзина. Здѣсь былъ пунктъ, до котораго были наняты телеги изъ Гао-тая; далѣе нужно было искать новыхъ подрядчиковъ подъ свозъ экспедиціи и для этого намъ нужно было войдти въ сношенія съ торгоутскимъ бэйли. Мы сдѣлали визитъ бэйли, послѣ чего онъ былъ у насъ нѣсколько разъ, иногда съ своимъ братомъ, который занимаетъ должность торгоутскаго цзахирикчи [1]). Бэйли человѣкъ пожилой, 36 лѣтъ отъ роду, и женатый; онъ живетъ бѣднѣе своего брата, у котораго въ юртѣ я также побывалъ, для чего мнѣ пришлось переѣхать на правый берегъ Едзина. Всѣхъ братьевъ трое; младшій служитъ мереномъ. Княжеская фамилія называетъ свой омокъ (кость) Махчинъ-Керетъ (а не Каратъ) [2]).

Торгоуты живутъ вдоль береговъ нижняго Едзина и по его рукавамъ [3]). Они очень бѣдны; мусульманскіе повстанцы, если вѣрить разсказамъ торгоутовъ, восемь разъ приходили въ ихъ кочевья ради грабежа; народъ былъ ими раззоренъ въ

[1]) Нынѣшній князь имѣетъ степень бэйли; его отецъ былъ ванъ; чтобы не обижать нынѣшняго князя, торгоуты зовутъ и его также ваномъ; обыкновенно называютъ его «бэйли-ванъ».

[2]) По разсказу одной халхаской женщины хошуна Ма-цзасыка, монгольскіе князья происходятъ отъ долонъ чжасыкъ, отъ семи чжасыковъ, которые вышли отъ какого-то Бобо-нойона. Тайджи будто бы составляютъ треть халхаскаго народа; если тайджи провинится и съ него снимутъ шарикъ, онъ становится тогда не тайджи, а борджигинъ (показаніе ламы изъ Гурбань-сайхана).

[3]) Китайцевъ торгоуты зовутъ китатъ и маймахунь, «торговый человѣкъ». Халхасцы хошуна Балдынъ-цзасыка въ Гурбань-Сайханѣ будто бы называютъ китайцевъ хасуй.

Digitized by Google

конецъ; скотъ мятежники угнали, юрты сожгли, платье съ людей обобрали. Нѣкоторая часть народа бѣжала въ чахары, другіе въ Алашань, третьи къ егурамъ и въ Са-чжоу, четвертые на сѣверъ въ горы Аджи-богдо. Старухи, не имѣвшія средствъ убѣжать, ходили нагія, и питались ягодами джигды и сѣменами будурганы (Kalidium). Многіе бѣжавшіе остались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нашли новое убѣжище; на старыя кочевья собралась только треть прежняго народа [1]). Въ настоящее время едзинъ-гольскихъ торгоутовъ насчитывается до 300 юртъ; кромѣ того на Едзинѣ живетъ до 30 юртъ торгоутовъ изъ Кобокъ-сайря.

Торгоуты исключительно занимаются скотоводствомъ; ни хлѣбопашества, ни садоводства у нихъ нѣтъ, хотя они занимаютъ теплый край, прорѣзанный рѣкой, въ которой воды достаточно. Они держатъ лошадей, коровъ, козловъ, овецъ иословъ. Овцы породы монгольской; тангутскія овцы, увѣряютъ торгоуты, здѣсь не могутъ жить; головы ихъ паршивѣютъ (хамурана). На ослахъ торгоуты не только ходятъ на югъ въ Чжинъ-та-сы и Гао-тай, но даже на сѣверъ и пересѣкаютъ на нихъ пустынную Гоби. Верблюдовъ мало у торгоутовъ; у бэйли, самаго богатаго ими, ихъ не болѣе десяти. Верблюды держатся для караванной службы; товары торгоуты получаютъ преимущественно изъ Бао-тоу, Хуху-хото и Пекина, а съѣстные припасы, муку, хунык̀ъ (Setaria) и ячмень на талканъ изъ Му-мина. Въ послѣдній городъ ходятъ на ослахъ, а въ первые три на верблюдахъ. Верблюжій караванъ организуется по иниціативѣ бэйли, начальникъ его назначается изъ лицъ, стоящихъ близко къ бэйли, по выбору его же; вывезенный товаръ распредѣляется между владѣльцами верблюдовъ, которые ходили въ караванъ и распродается ими по цѣнамъ, которыя установляются по взаимному соглашенію участниковъ каравана. Одиимъ словомъ торговля съ этими отдаленными рынками составляетъ монополію княжеской семьи и немногихъ богатыхъ лицъ, близко стоящихъ къ этой семьѣ.

Такъ какъ перекочевки на верблюдахъ могутъ дѣлать немногіе, то остальная часть передвигается съ лѣтовокъ на зимовки и обратно на телегахъ, запряженныхъ быками, и на ослахъ. Торгоуты живутъ въ войлочныхъ юртахъ; мазанокъ въ родѣ ордосскихъ я здѣсь не замѣтилъ; бэйли и его братъ для зимы имѣютъ дома китайской архитектуры. Нижнія рѣшетки торгоутскихъ юртъ, называемыя по-торгоутски терме (киргизск. кереге) и стрѣлы, образующія сводъ юрты, по-торгоутски унй (киргизск. уукъ), дѣлаются изъ ивняка, а такъ какъ его въ торгоутской землѣ мало, то его получаютъ съ верхнихъ частей Едзина отъ китайцевъ; кругъ, служащій замкомъ для свода, по-торгоутски карачй (по кирг. чангаракъ) дѣлается изъ джигды; перекрещивающіяся поперечины въ этомъ кругѣ по-торгоутски называются цамхрà. «Карачи» дѣлаются въ родѣ халхаскихъ или киргизскихъ, т. е. представляютъ простой обручь съ просверленными по нему отверзстіями для вты-

[1]) Мятежники, опустошивъ торгоутскую землю, прошли внизъ по Едзину, пересѣкли Гоби и достигли Хангая, гдѣ разграбили монастырь или хитъ Ламэнъ-гэгэна, лежащій въ вершинахъ р. Туй. Торгоуты говорили намъ, что китаецъ, служившій вожакомъ черезъ Гоби, живъ; онъ живетъ въ какой-то деревнѣ къ сѣверу отъ Чжинъ-та-сы.

Digitized by Google

канія верхнихъ концовъ «унй». Складныхъ харачи съ пальцами и шнуромъ, какіе встрѣчаются въ Ордосѣ, здѣсь нѣтъ [1]).

Женщины носятъ круглыя шапочки съ околомъ, набитымъ ватой и красной шишечкой на вершинѣ, состоящей изъ сложнаго узла. Косы закладываются въ чехлы и висятъ на груди. Серьги двухъ видовъ: 1) Серебряное кольцо (эмыкъ) иногда гладкое, иногда спереди со ставками (шигитхà) изъ краснаго коралла (шюръ) и малахита или бирюзы (ю); къ кольцу подвѣска въ видѣ удлиненной сплющенной груши со ставками; такая подвѣска называется сюйкенъ пöри 2). Такое же кольцо, но подвѣска въ видѣ серебряной пластинки, очертаніе которой напоминаетъ форму колокольчика; такая пластинка называется падза; на ея поверхности ставки, а къ нижнему краю подвѣшены три серебряныя сердечка, которыя называются санджилхà. Дѣвушки торгоутки носятъ одну косу и мужское платье безъ разрѣза на груди.

Изъ молока торгоуты приготовляютъ хурусунъ, т. е. сухой сыръ въ плиткахъ, шюрмыкъ, мелкій сыръ, боцзе, àрца, тарыкъ, арикъ, чигè т. е. кумысъ и àрихи, т. е. водку. Пислыху и урюму большинство не дѣлаетъ; жалѣютъ масло, которое продаютъ въ свой мѣстный монастырь и отвозятъ въ Алашань, въ городъ Дынъ-юань-инъ, который извѣстенъ у здѣшнихъ торгоутовъ просто подъ именемъ «ямынъ». Снарядъ для выкуриванія вина изъ чигена называется буркарь. Шлемъ на котелъ дѣлается въ видѣ усѣченной четырехгранной пирамиды.

На Хара-сухаѣ намъ пришлось пригласить въ свой станъ кузнеца-торгоута, и это доставило намъ случай познакомиться съ кочевой кузницей. Коргö, кузнечный мѣхъ состоитъ изъ двухъ мѣшковъ, сшитыхъ изъ козлиныхъ шкуръ шерстью вверхъ; каждый мѣшокъ имѣетъ высоты три четверти и ширины $2^1/_2$ четверти; послѣдняя равна длинѣ отверзстія, которое оправлено двумя деревянными брусками, хапцюръ; снаружи у каждаго бруска петля, въ которую вкладываются пальцы руки; раздвигая пальцы, кузнецъ расширяетъ отверзстіе, сдвигая ихъ, замыкаетъ его; съ растворeніемъ отверзстія верхній хапцюръ поднимается, съ замыканіемъ опускается. Внизу каждый мѣшокъ имѣетъ съуживающееся удлиненіе, въ конецъ котораго вставлена деревянная трубка. Отъ двухъ мѣшковъ двѣ трубки, коргене холо, «горло мѣха», внѣшними концами связаны вмѣстѣ и соприкасающіяся ихъ стѣнки срѣзаны такъ, что образуютъ у двухъ трубокъ общее устье. Поднимая правую руку, кузнецъ опускаетъ лѣвую и наоборотъ. «Хапцюры» извнутри обложены войлокомъ, чтобъ плотнѣе смыкались.

Торгоуты имѣютъ свой мѣстный монастырь; онъ называется Ташчилинъ и находится на правомъ берегу Едзина выше урочища Хара-сухай. По другому показанію, которое, можетъ быть, не представляетъ противорѣчія съ сказаннымъ, торгоутскій монастырь находится на берегу Кунделенъ-гола, самаго восточнаго рукава Едзина, и называется Цаганъ-субурганъ («Бѣлая башня»). Въ монастырѣ есть свой гэгэнъ Дже-лама; во время нашего проѣзда его дома не было; онъ уѣхалъ въ

[1]) Торгоуты говорили, что такіе «харачи» или «тоны» они видѣли только у чахаровъ.

Digitized by Google

мѣстность Кобокъ-сайрь; осенью его ждали назадъ. Святынь въ торгоутской землѣ, кажется, нѣтъ [1]). Разсказываютъ однако, что къ востоку отъ озера Суху-нора есть какая-то каменная рѣка; по земной поверхности движется потокъ изъ камней. Изъ памятниковъ древности упоминаютъ развалины города Эрге-хара-бурюкъ, которыя находятся въ одномъ днѣ ѣзды къ востоку отъ Кунделенъ-гола, т. е. отъ самаго восточнаго рукава Едзина; тутъ, говорятъ, виденъ небольшой керимъ, т. е. стѣны небольшого города, но вокругъ много слѣдовъ домовъ, которые засыпаны пескомъ. Разрывая песокъ, находятъ серебряныя вещи. Въ окрестностяхъ кэрима бо́льшіе сыпучіе пески и воды близко нѣтъ.

Теперь намъ предстояла самая трудная часть пути—переходъ черезъ Гоби. Нужно было обновить нашъ караванъ; мы отобрали всѣхъ худыхъ верблюдовъ и обмѣняли ихъ торгоутамъ на здоровыхъ, уступая двухъ верблюдовъ худыхъ за одного хорошаго или мѣняя верблюда на верблюда съ придачей серебра. Такъ какъ составъ нашего каравана такимъ образомъ значительно сократился и могъ поднять менѣе половины багажа экспедиціи, то подъ перевозку остальнаго нашего имущества мы наняли верблюдовъ у торгоутовъ до монастыря Ламэнъ-гэгэна, находящагося въ Хангаѣ. Переговоры и объ обмѣнѣ и о наемкѣ велись съ торгоутскимъ бэйли и его чиновниками; помимо его не было возможности никакой сдѣлки устроить съ торгоутами, кромѣ покупки небольшого комка масла или горсти соли [2]). Чиновники долго насъ уговаривали, чтобъ мы вмѣсто верблюдовъ взялиословъ; они увѣряли, что въ эту жаркую пору года они, торгоуты, никогда не ходятъ на верблюдахъ и что ослы легче переносятъ переходъ черезъ раскаленную пустыню. Но, кажется, тутъ былъ у бэйли свой разсчетъ, именно поставить подъ экспедицію своихъ мелкихъ должниковъ, у которыхъ нѣтъ верблюдовъ, но есть ослы, и долги которыхъ остаются не собранными за недостаткомъ заработка. Согласиться на эту просьбу было невозможно; многіе ящики были громоздки дляословъ и приспособленіе багажа къ другимъ условіямъ перевозки было затруднительно. Бэйли назначилъ одного изъ своихъ чиновниковъ начальникомъ караванной прислуги; онъ же долженъ былъ служить и нашимъ вожакомъ. Переговоры съ бэйли и торговля верблюдами заставили насъ простоять близь ставки князя на Хара-сухаѣ 15 дней, потому что нужно было дожидаться, когда пригонятъ верблюдовъ; торгоуты не держатъ верблюдовъ на Едзинѣ, а отгоняютъ ихъ въ Гоби на разстояніе нѣсколькихъ дней. Торгоуты увѣряютъ, что верблюды не выносятъ мученій отъ комаровъ, которыми наполнены прибрежья Едзина, безпокоятся и потому не нагуливаются, что будто бы только ослы спокойно переносятъ это неудобство едзинъ-гольскихъ пастбищъ. Мученія отъ комаровъ на Едзинѣ мы достаточно испытали на себѣ; днемъ еще можно было терпѣть, но вечеромъ рои комаровъ поднимались каждый день и нападали на людей и скотъ. Чтобы хоть немного отъ

[1]) Противъ Гао-тая на правомъ берегу Хэй-хо есть гора, въ которой нерукотворная глиняная статуя богини Ногонъ-дарихэ, возлѣ есть китайская кумирня.

[2]) Наша встрѣча съ торгоутскимъ бэйли описана въ статьѣ моей жены: «Встрѣча съ двумя монгольскими ванами» въ журн. «Русское Богатство», 1890 г., январь, стр. 31—34.

Digitized by Google

нихъ избавиться, мы перенесли свои палатки въ степь подальше отъ рѣки и вечеромъ раскладывали курева съ навѣтреной стороны; сооружалась цѣпь болѣе чѣмъ изъ десяти кучъ аргала, который вечеромъ зажигали, такъ что весь нашъ станъ заволакивался стелющимся по землѣ дымомъ. Нужно все таки сказать, что прибрежья Едзина сноснѣе, чѣмъ окрестности китайскаго городка Булунъ-тохоя въ сѣверо-западной Монголіи, гдѣ мы страдали отъ комаровъ лѣтомъ 1876 г. По разсказамъ торгоутовъ, комары на Едзинѣ держатся до 8 луны.

Отчасти на берегахъ Едзина, отчасти не вдалекѣ отъ него, мы провели цѣлый іюль мѣсяцъ. Жары въ это время въ полдень доходили до 38° С. въ тѣни; такая температура была именно записана 30 и 31 іюля. Термометръ, выставленный на солнцѣ (31 іюля въ 2 часа пополудни), показалъ 50,0° С. (въ то же самое время въ тѣни было 37,6°); положенный на раскаленный песокъ, онъ поднялся еще выше—57,0°. Черезъ часъ въ 3 часа поп. въ тѣни было 37,2°, на пескѣ 52,0°. Жара начиналась очень рано; уже утромъ, часовъ около 4 или 5, бывало иногда около 20°; даже въ 2 часа утра наблюдались такія температуры, какъ 18,2° С. Приблизительная средняя мѣсячная по утрамъ (наблюденія записывались въ 4 и 5 часовъ утра, но иногда въ 3 и даже въ 2 часа) 17,1,° С., въ полдень 30,9° и въ 9 часовъ вечера 22,0°. Ночи были теплыя; минимумъ-термометръ былъ выставленъ только разъ (2 іюля) и показалъ 15° тепла.

Въ 3 и 4 лунѣ по словамъ туземцевъ на Едзинѣ бываетъ бездождье; потомъ перепадаютъ дожди, иногда обильные. Въ нашемъ дневникѣ записано въ теченіи іюля 11 дней съ дождемъ, съ сильнымъ дождемъ было только 4 дня; сумма всѣхъ осадковъ въ іюлѣ, по показанію дождемѣра, 11,9 mm. Дожди всегда приносились съ сѣверо-западнымъ вѣтромъ. Грозъ въ іюлѣ было шесть.

Господствовали вѣтры въ теченіе іюля западные (21 запись) и сѣверо-западные (13 записей; въ этомъ числѣ три сѣверо-западныхъ бури). Восточныхъ вѣтровъ было 3, юго-вост. 1, сѣверо-вост. 2, сѣверныхъ 2, южныхъ 6 и юго-западныхъ 2. Одна буря была южная.

Зимой снѣгъ падаетъ, но на другой день обыкновенно испаряется.

Отъ таянія снѣговъ въ Нань-шанѣ вода въ Едзинѣ періодически сильно прибываетъ по утрамъ и иногда такъ сильно, что на бродахъ приходится пережидать, когда она убудетъ. Такъ 22 іюля утромъ вода такъ прибыла, что бэйли долженъ былъ перенести свою ставку въ степь подальше отъ рѣки. На другое утро 23 іюля вода была еще болѣе. На переправахъ черезъ рѣку вода была выше сосцовъ человѣка.

Рисъ не сѣется на нижнемъ Едзинѣ, по хлопчатую бумагу разводятъ какъ въ Чжинъ-та-сы, такъ и въ Му-минѣ.

5 августа мы оставили стоянку близь урочища Хара-сухай. Отсюда мы еще три дня шли подлѣ берега Едзинъ-гола; первый ночлегъ нашъ былъ при урочищѣ Цончжинъ-цзагдулъ, второй у уроч. Шюбугуръ и третій при уроч. Хабтагай-тоора («низкіе тополи»). Въ первый день мы сдѣлали всего только 15 ли, потому что выступили со стоянки послѣ обѣда, передъ сумерками, чтобы только сдви-

Digitized by Google

нуться съ мѣста. Съ урочища Цончжинъ-цзагдулъ мы увидѣли на сѣверѣ горы Тосту, образующія сѣверную окраину Едзинъ-гольской равнины, которую можно также назвать Гашіунъ-норской, по озеру Гашіунъ-норъ, принимающему въ себя воды Едзина.

До уроч. Шюбугура характеръ мѣстности тотъ же, что и около Хара-сухая; то есть узкая полоса растительности, состоящая изъ обширныхъ, чуть не сплошныхъ зарослей Calamagrostis и перелѣсковъ изъ джигды и евфратскаго тополя тянется вдоль рѣки, а рядомъ къ западу на необъятное глазомъ пространство простирается степь, прикрытая галькой и иногда смѣняемая солончакомъ, съ разсѣянными экземплярами цзака (саксаула) и Calligonum'a. На переходѣ между Шюбугуромъ и Хабтагай-тоора песчано-галечной степи не было видно; ее смѣнила глинистая степь съ влипшей въ ея поверхность галькой. Вся степь была въ зелени отъ степныхъ формъ, какъ напримѣръ Alhagi, Tamarix и цзакъ (Haloxylon); Karelinia caspia здѣсь встрѣчается чаще и экземпляры ея роскошнѣе, чѣмъ на югѣ; впервые здѣсь встрѣтили мы кустарникъ Sarcocygium; найдено было также нѣсколько кустовъ Apocynum pictum Bge. Scorzonera divaricata Turcz. достигаетъ здѣсь роста въ $2^1/_2$ ф. и образуетъ кусты съ плотно переплетенными вѣтвями; цѣлыми зарослями растетъ Cnicus arvensis Hoffm. Тополь (Populus euphratica) на урочищѣ Хабтагай-тоора только въ видѣ молодыхъ экземпляровъ, но джигда въ большомъ изобиліи.

На цзакѣ я здѣсь нашелъ золотистозеленаго жука изъ Buprestidae.

Здѣсь же мнѣ случилось наблюдать особый видъ клещей съ пестрыми ногами. На одной изъ экскурсій я подвергся энергическому нападенію этихъ маленькихъ тварей. Я присѣлъ на землю подъ джигдовымъ деревомъ, чтобы приглядѣться, нѣтъ ли тутъ какой мелкой жизни и вскорѣ замѣтилъ клеща, быстро бѣгущаго по голой и горячей земной поверхности прямо по направленію къ моимъ ногамъ. Я отодвинулся въ сторону; клещъ измѣнилъ направленіе своего бѣга сообразно съ моимъ перемѣщеніемъ; нѣсколько продѣланныхъ мною опытовъ въ этомъ родѣ убѣдили меня, что мое тѣло служитъ цѣлью враждебныхъ намѣреній. Черезъ нѣсколько минутъ у клеща появился товарищъ, а къ концу моихъ наблюденій ихъ бѣгало за мной уже трое. Иногда я продѣлывалъ съ ними такой опытъ: подпустивши животныхъ къ себѣ на близкое разстояніе, я перешагивалъ черезъ нихъ и садился въ двухъ шагахъ отъ прежняго мѣста съ совершенно противоположной стороны; маленькія твари сейчасъ же поворачивались назадъ и бѣжали опять прямо на меня.

Что клещи умныя животныя, я въ этомъ убѣдился еще во время своего перваго путешествія по сѣверо-западной Монголіи, при чемъ я также понялъ, отчего у лошадей наиболѣе подвергается нападенію клещей грудь, а не другая часть тѣла. Въ 1877 г. въ долинѣ Уртэнъ-гола, въ гобійской части Алтая [1]) я однажды зашелъ въ заросль дэрису; растеніе было высокое, въ ростъ человѣка. Я замѣтилъ на

[1]) Очерки сѣв.-зап. Монг., I, 190.

Digitized by Google

нѣкоторыхъ стебляхъ какіе-то черные комочки, подвѣшенные къ нимъ снизу. Когда я убѣдился, что это явленіе повторяется, я захотѣлъ узнать, что это такое. Тутъ я увидѣлъ, что это были клещи; уцѣпившись ногами одного бока за стебель растенія, животное всѣмъ остальныхъ тѣломъ висѣло въ воздухѣ, растопыривъ въ немъ всѣ четыре ноги другого бока. Въ этомъ положеніи животное оставалось все время, пока я его наблюдалъ. Хитрое животное выработало себѣ пріемъ; оно взбирается по стеблю дэрисуна на высоту лошадиной груди; стебель на этой высотѣ изъ вертикальнаго направленія переходитъ въ горизонтальное; тутъ клещъ останавливается, подвѣшивается и ждетъ, когда на стебель наткнется лошадь своей грудью; какъ только это случилось, онъ вцѣпляется въ тѣло лошади своими растопыренными въ воздухѣ ногами.

На всемъ протяженіи отъ Хара-сухая до Хабтагай-тоора было много торгоутовъ, несмотря на то, что здѣсь очень комарно; на каждомъ ночлегѣ насъ немилосердно мучили комары. На переходѣ между Цончжинъ-цзагдуломъ и Шюбугуромъ находится тункъ т. е. насыпь изъ глины въ видѣ башни; по словамъ торгоутовъ около нея стоялъ прежде караулъ изъ китайскихъ солдатъ; такія насыпи, по-китайски цончжи, будто бы встрѣчаются и въ многихъ другихъ мѣстахъ торгоутской земли; виденная нами называется Уланъ-цончжи.

Рѣка противъ урочища Хабтагай-тоора разбивается на многіе рукава; въ мелкихъ и широкихъ дно топкое, лошадь проступается въ разжиженное дно.

Къ сѣверу отъ уроч. Хабтагай-тоора дорога отходитъ отъ рѣки Едзина. На дальнѣйшемъ пути она пересѣкаетъ гоби или пустыню, отдѣляющую едзинъ-гольскій оазисъ отъ восточнаго продолженія Алтайскаго хребта. Мы должны были достигнуть послѣдняго у горъ Тосту, скалистыя вершины которыхъ теперь уже ясно обрисовывались впереди на нашемъ пути. Разстояніе отъ уроч. Хабтагай-тоора до Тосту равняется 130 верст. На этомъ пути есть два колодезя, одинъ въ мѣстности Цзахэ-Шари-хулусунъ, другой въ мѣстности Шявыръ-тологой («глиняный холмъ»), но въ послѣднемъ, по соображеніямъ мѣстныхъ жителей, вода, вслѣдствіе стоявшей передъ тѣмъ засухи, должна была засолонѣть и прогоркнуть; она опрѣсняется въ колодезѣ только послѣ большихъ дождей. Такъ какъ раньше стояла сухая погода, то къ нашимъ услугамъ оставался только одинъ колодезь Шари-хулусунъ. Хотя дорога, миновавъ этотъ колодезь, и проходитъ очень близко отъ озера Гашіунъ-нора, но вода послѣдняго не годится для лошадей. Поэтому намъ слѣдовало пересѣчь пустыню въ два перехода; въ первый день мы должны дойдти до уроч. Цзахэ-Шари-хулусунъ, на второй достигнуть до уроч. Кобденъ-оботу, лежащаго въ 15 верст. къ ю. отъ Тосту, гдѣ постоянно бѣжитъ небольшой ручей прѣсной воды. Отъ Хабтагай-тоора до Шари-хулусуна 40 ли и этотъ переходъ не могъ быть труденъ; но на второй день приходилось сдѣлать сто верстъ. Сговорившись и посовѣтовавшись съ нашими возчиками торгоутами, было рѣшено нами, переночевавъ въ Шари-хулусунѣ, идти безъ ночевки до Кобденъ-оботу, сдѣлавши только полдневный отдыхъ около береговъ озера Гашіунъ-нора.

10 августа мы оставили берега Едзинъ-гола и пошли на Цзахэ-Шари-хулу-

Digitized by Google

сунъ. Сначала дорога пересѣкаетъ солончаковую степь, но скоро эта послѣдняя смѣняется песчаной степью, прикрытой отсортированной галькой. Иногда на этой песчаной и голой степи встрѣчались старые песчаные бугры, стоящіе совершенно отдѣльно, увѣнчанные кустами сухая (Tamarix) и такъ отесанные съ боковъ вѣтрами, что бока эти совершенно отвѣсны; одинъ такой бугоръ совершенно съ такими же боками и также съ сухаемъ на вершинѣ встрѣтился намъ и ранѣе, именно на переходѣ 6 августа съ уроч. Цончжинъ-цзагдулъ къ уроч. Шюбугуръ. Эти бугры указываютъ, что здѣсь нѣкогда были барханы, которые дѣйствіемъ вѣтровъ совершенно уничтожены; бугры, которые мы видѣли, есть не что иное, какъ уплотненныя ядра барханов, уцѣлѣвшіе подъ прикрытіемъ кустовъ сухая. Такіе оборванные и отесанные съ боковъ бугры, остатки бывшихъ барханов, описываетъ г. Наливкинъ въ своей книгѣ о пескахъ Ферганской области. Мы нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не замѣтили подобныхъ формъ. Мѣстами на этой степи встрѣчались площади, засыпанныя сыпучимъ пескомъ въ видѣ тонкаго слоя, поверхность котораго была покрыта мелкими неровностями въ родѣ миніатюрныхъ барханов. Эти бугры и наметы песку показываютъ, что пески едзинъ-гольской гоби перемѣщаются; высота бугровъ (до 10 фут.) даетъ поводъ думать, что тутъ нѣкогда была обширная барханная площадь; съ теченіемъ времени матеріалъ этихъ барханов былъ унесенъ вѣтрами въ другое мѣсто, а на мѣстѣ барханов вновь обнажилась галешниковая поверхность степи. Наметы песку въ видѣ тонкаго слоя, можетъ быть, есть начало новаго измѣненія картины степи. Иногда степь, вмѣсто гальки, прикрывается сверху крупнымъ, отсортированнымъ вѣроятно изъ подстилающей почвы, пескомъ, который замѣчателенъ большимъ процентнымъ содержаніемъ зеренъ бѣлаго кварца; количество кварцевыхъ зеренъ иногда доходитъ до 30%. Подъ пескомъ иногда бываетъ солонецъ, такъ что копыто лошади, ступивъ, выбрасываетъ изъ подъ песка бѣлую соль.

Растительность на этой степи скудная. Чаще всего встрѣчается цзакъ, иногда зарослями, въ которыхъ нѣкоторые экземпляры достигаютъ высоты до 1 сажени; евфратскій тополь встрѣчается въ видѣ искалѣченныхъ кустовъ, у которыхъ половина вѣтвей мертвыхъ. Не отличаются здоровымъ видомъ и деревья цзака.

Урочище Шари-хулусунъ состоитъ изъ мелкихъ песчаныхъ бугровъ, на которыхъ раскидано нѣсколько жалкихъ экземпляровъ евфратскаго тополя; на голой поверхности песковъ симметрично, но рѣдко выступили листья Arundo, достигшіе полфута высоты. Этотъ арундовый оазисъ представлялъ площадь не болѣе ста саженъ въ поперечникѣ. Трудно встрѣтить другое такое безотрадное урочище съ такой угнетенной растительностью. Тутъ есть колодезь; глубина его немного болѣе метра. Вода въ немъ оказалась испорченною отъ примѣси солей и газовъ; чтобъ имѣть хорошую воду, пришлось вычерпать стоявшую на днѣ колодезя черную вонючую грязь; когда колодезь былъ приведенъ въ порядокъ, въ немъ начала скопляться сносная вода, но все таки съ солоноватымъ вкусомъ; вполнѣ прѣсной воды въ этомъ колодезѣ никогда не добывается.

Колоды около колодезя не было; чтобы напоить скотъ, наши люди вырыли

Digitized by Google

ровикъ въ земной поверхности и въ него начерпали воды изъ колодезя. Единственнымъ кормомъ для лошадей служатъ здѣсь листья Arundo.

11 августа караванъ нашъ проснулся въ 1½ ч. пополуночи. Начались сборы, ловля и сѣдланье лошадей, вьючка верблюдовъ; все это пришлось дѣлать при свѣтѣ костровъ; выступили только въ 5 часовъ утра. Когда разсвѣтало, мы увидѣли, что идемъ по песчаной степи, покрытой отсортированной галькой или крупнымъ пескомъ. Степь была совершенно безтравна; только мѣстами попадались мелкіе кустики Reaumuria soongorica Maxim. и еще рѣже сухай, образующій отдѣльные по степи песчаные бугры.

Въ 11 часовъ мы были противъ озера Гашіунъ-нора, которое разстилалось на востокъ отъ насъ. Противуположнаго (восточнаго) берега озера не было видно; туземцы говорятъ, что нужно три дня, чтобы объѣхать его на лошади. Тутъ мы остановились на полдневку, пройдя около шести часовъ. Степь въ этомъ мѣстѣ была покрыта крупной мало окатанной галькой. Оставивъ караванъ, я съ однимъ торгоутомъ поѣхалъ отсюда къ озеру, чтобы взять въ бутылку воды и сдѣлать наблюденіе надъ барометромъ на самомъ берегу. Отъ каравана до озера я ѣхалъ цѣлый часъ, такъ что можно опредѣлить это разстояніе въ три версты. Берегъ озера плоскій, мелкій и топкій; чтобы дойдти до воды, нужно было по колѣно брести по соленоглинистой грязи болѣе ста саженъ. Эта грязь пѣнилась и пузырилась; на ней плавала мѣстами зеленоватая слизь, продуктъ разложившихся растеній. На берегу, впрочемъ, намыты были узколинейные листья какого-то вида Potamogeton'a. На поверхности жидкой грязи ходили и стояли миріады мелкихъ мухъ одного какого-то вида. По показанію нашего барометра, озеро лежитъ на высотѣ 1000 метровъ надъ у. м., слѣдовательно на 400 метровъ ниже чѣмъ Ши-у-ли-пу (Лу-я-тунъ) около города Гао-тай. Термометръ въ тѣни показывалъ здѣсь 31,5° С.

Взятая мною проба воды была анализирована въ иркутской золотосплавочной лабораторіи г. Тихомировымъ. Вотъ этотъ анализъ.

Вода оказалась рапою самосадочныхъ озеръ крѣпостью въ 8° по солемѣру Боме при температурѣ 24° С.

Въ 100 частяхъ своихъ содержитъ:

Хлора (Cl)	1,30
Сѣрнаго ангидрита (SO_3)	3,32
Извести (CaO)	0,39
Натра (Na_2O)	2,16
Натрія (Na)	0,80
Магнезіи (MgO)	0,14
$Al_2O_3+Fe_2O_3+SiO_2$	0,20
	8,31

На основаніи этихъ простыхъ элементовъ г. Тихомировъ допускаетъ нижеслѣдующую комбинацію въ химическомъ составѣ разсола:

Digitized by Google

Въ 100 частяхъ:

Гипса ($Ca\ SO_4$)	0,95
Сѣрнокислой магнезіи ($Mg\ SO_4$)	0,42
Глауберовой соли ($Na_2\ SO_4$)	4,64
Хлористаго натрія ($Na\ Cl$)	2,10
Нерастворимыхъ веществъ ($Fe_2O_3+Al_2O_3+SiO_2$)	0,20
	8,31

(Извѣстія Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общества т. XIX, № 1, стр. 18).

Полагаю, что эта проба не можетъ служить для сравненія съ составомъ воды другихъ озеръ Средней Азіи, потому что взята на мелкомъ мѣстѣ, гдѣ вода преувеличенно насыщается солями отъ солончаковаго дна. Чтобы получить пробу съ среднимъ содержаніемъ солей нужно выбирать каменистые берега озера, но съ того пункта, гдѣ мы подошли къ озеру, и вправо и влѣво простирались только плоскіе берега. Все пространство въ три версты шириной отъ берега озера до лагеря нашего каравана было плоское и покрытое мелкими ноздреватыми буграми солончака. По словамъ торгоутовъ, во время половодья, которое бываетъ во второй лунѣ, все это пространство покрывается водой. Этому очень легко повѣрить, потому что на всемъ этомъ пространствѣ нѣтъ ни малѣйшаго признака растительности. Наружный видъ этого прибрежья былъ также въ полномъ согласіи съ показаніемъ торгоутовъ; еслибъ озеро еще отступило на сто саженъ, и еслибъ солончаковая грязь, по которой мнѣ пришлось брести за водой, высохла, то она представила бы совершенно ту же картину, то есть такую же шероховатую поверхность, покрытую кочками или бугорками изъ ноздреватаго солончака. На этомъ высохшемъ солончакѣ мѣстами были видны слѣды зеленоватаго цвѣта, то есть остатки высохшей растительной слизи.

Озеро съ запада сопровождается двумя старыми берегами, которые образуютъ два уступа отъ болѣе возвышенной степи къ береговой низменности. Караванъ нашъ стоялъ на верхнемъ уступѣ, иначе сказать на самой степи; его стоянка была выше уровня озера на 40 метровъ. У самой стоянки степь образуетъ невысокій скатъ къ озеру, далѣе идетъ горизонтальная терраса, которая саженяхъ въ 100 отъ стоянки образуетъ второй такой же скатъ; далѣе идетъ прибрежный солончакъ. На террасѣ, также какъ и на прилегающей степи, намыта галька; если вода дѣйствительно доходитъ до этой террасы, то западный берегъ Гашіунъ-нора можетъ тогда напоминать западный берегъ Киргизъ-нора въ сѣверной Монголіи, у котораго береговой прибой чистой прозрачной воды перекатывается по галькѣ. На террасѣ разсѣяны песчаные бугры иногда въ разстояніи одинъ отъ другого саженъ на 50, иногда чаще, въ разстояніи 5 саженъ; въ послѣднемъ случаѣ они образуютъ правильный рядъ, который тянется параллельно краю террасы. Въ одномъ мѣстѣ подобные бугры образуютъ два или три параллельныхъ ряда, или правильнѣе сказать, образуютъ бугристую полосу песку въ 10 саженъ шириной.

Digitized by Google

Бугры насыпаны почти у того края террасы, который ближе къ озеру; на степи, у стоянки каравана, также по окраинѣ его тянется рядъ невысокихъ песчаныхъ бугровъ. Форма бугровъ круглая; они поросли сухаемъ (Tamarix); около кустиковъ Reaumuria soongorica, которые разсѣяны по каменистой степи, также образуются мелкіе песчаные бугорки. Отъ кустарниковъ большею частью остались только посохшіе стволы. Настоящихъ барахановъ съ осыпями и струйчатой поверхностью нѣтъ. Высота нѣкоторыхъ бугровъ доходитъ до 10 футовъ и болѣе. Песокъ сильно вскипаетъ подъ кислотой.

Озеро Гашіунъ-норъ по показанію торгоутовъ зимой замерзаетъ, но не на всемъ пространствѣ; въ глубокихъ мѣстахъ остаются полыньи [1]).

Растительности на степи, облегающей Гашіунъ-норъ съ запада, очень мало. Изрѣдка видны жалкіе кусты Reaumuria soongorica Maxim., рѣже цзакъ, но такого мѣста, гдѣ бы на всемъ видимомъ пространствѣ до крайняго горизонта была бы одна абсолютно голая поверхность, какъ на гоби, которую я пересѣкалъ въ 1877 г. между Алтаемъ и Тьяньшанемъ (между уроч. Сухайту и дер. Санъ-та-ху), здѣсь нѣтъ; все кустиковъ съ десятокъ можно насчитать въ предѣлахъ горизонта. Кромѣ упомянутыхъ двухъ формъ, попадаются еще низенькіе кусты ефедры. Для лошадей здѣсь абсолютно нѣтъ корму, да и для верблюдовъ его нѣтъ. Поэтому весь скотъ во время стоянки не былъ отпущенъ и стоялъ связанный на одномъ мѣстѣ.

На кустахъ Reaumuria soongorica я нашелъ здѣсь нѣсколько экземпляровъ жука долгоносика; другой долгоносикъ найденъ на какомъ-то солянковомъ. Эти два долгоносика да маленькая муха, сидящая на солончаковой жижѣ, вотъ и всѣ замѣченные нами представители фауны береговъ озера.

Къ сѣверу отъ озера верстахъ въ 70 слишкомъ тянется непрерывный рядъ скалистыхъ горъ, восточный конецъ которыхъ уходитъ за водный горизонтъ озера; ту часть этого хребта, которая была прямо противъ насъ, намъ назвали Тосту (не она ли значится на картѣ Клапрота подъ названіемъ Kortchut?); въ восточномъ концѣ этихъ горъ находится хребетъ Ноинъ-богдо, но проводники сказали, что его намъ было не видно. На западѣ горы также тянутся далеко; отъ дальнихъ западныхъ на югъ видны горы, заслоняющія западный горизонтъ; самыя западныя изъ нихъ, не высокія, Гурбань-сэрбынъ; южнѣе ихъ изъ-за горизонта всплываютъ Унюгюденъ-хара. Между Гурбань-сэрбынъ и западной оконечностью Тосту видно пониженіе; тутъ вѣроятно проходъ къ лощинѣ Уланъ-дакчжюръ; тутъ же вѣроятно и урочище Сэбисте.

На Гашіунъ-норѣ мы простояли пять часовъ, чтобъ выждать самое жаркое время дня. Напившись чаю, свареннаго на привезенной въ баклагахъ водѣ, мы начали готовиться къ дальнѣйшему пути. Напоили коней привезенной водой, дали имъ небольшую порцію привезенной травы, которую мы накосили на урочищѣ Шю-

[1]) Едзинъ около Хара-сухая замерзаетъ въ 10 лунѣ, во 2-й ледъ таетъ. Зимой рѣку пересѣкаютъ по льду пѣшкомъ и на телегахъ.

Digitized by Google

бугуръ, и за тѣмъ стали вьючиться. Въ 4 часа пополудни караванъ былъ готовъ и двинулся далѣе.

До 12 часовъ ночи шли по такой же степи, какъ и до озера. Когда уже было темно, я взялъ на пробу съ поверхности земли горсть верхняго слоя, состоящаго изъ камней; подъ нимъ сейчасъ же обнаружился песокъ, а взятый поверхностный слой при свѣтѣ слѣдующаго дня оказался не галькой, а чернымъ щебнемъ, совершенно однороднымъ. Когда еще было свѣтло, я замѣтилъ на земной поверхности едва выдающіеся изъ нея выходы темной породы въ родѣ кремнистаго сланца; одинъ такой камень былъ виденъ около стоянки у озера; онъ имѣлъ длины 1 метръ; высовывался изъ земли всего только на 80 сантим.; повидимому это не былъ принесенный камень, а мѣстный выходъ породы. Эти выходы, а также незначительная глубина колодезя Шари-хулусунъ заставляютъ предполагать, что пластъ изъ смѣси песку и гальки или щебня, покрывающій степь, не долженъ быть великъ и въ другихъ частяхъ Гашіунъ-норской степи. Этой близостью подстилающей твердой породы можно объяснить и то, что встрѣчающаяся здѣсь галька мало окатана и даже мѣстами смѣняется щебнемъ. Очевидно, щебень принесенъ сюда не издалека, и лежитъ вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ открошился отъ породы.

Ночью поднялась сѣверо-западная буря, но луна свѣтила и дорогу было видно. Часовъ въ двѣнадцать мы стали входить въ холмы, луна въ это время закатилась и дорогу находить стало трудно. Караванъ разбился на части, которыя часто теряли другъ друга; поднимался крикъ, начинались поиски и частямъ, стоящимъ на правильномъ пути, приходилось останавливаться и поджидать присоединенія сбившихся съ дороги. Чтобы не утомлять животныхъ, мы должны были остановиться. Вьюки были сняты съ верблюдовъ и верблюды уложены; лошади связаны; сами мы растянулись, не раздѣваясь, на голой землѣ, подъ открытымъ небомъ. Здѣсь мы простояли съ часу до пяти часовъ утра. Утромъ мы увидѣли себя въ мѣстности съ другимъ уже характеромъ. Мы стояли между двумя рядами холмовъ; плоское дно долины, на которомъ очутился нашъ караванъ, имѣло до 30 саж. ширины; оно имѣло песчаную почву, прикрытую щебнемъ. Холмы прикрыты тѣмъ же наносомъ, но изрѣдка на ихъ вершинахъ видны выходы твердой породы чернаго цвѣта. По дну долины во множествѣ попадались куски слоистаго гипса.

Покормивъ лошадей остатками запаса накошенной на Едзинѣ травы, мы въ 5 часовъ утра пошли далѣе. До 9 часовъ утра шли между этими холмами, все поднимаясь и вышли, наконецъ, на открытую степь, уровень которой значительно выше степи, прилегающей къ озеру. Отсюда мы снова увидѣли озеро Гашіунъ, но уже на югъ отъ насъ. Здѣсь стало ясно, что пройденные холмы образуютъ сѣверную кайму озерной впадины; они облегаютъ озеро широкой полосой и отдѣляютъ его впадину отъ террасы, прилегающей къ подошвѣ хребта Тосту. Эти холмы называются Шюбугуръ-тологой. Среди нихъ есть колодезь, но съ горькой водой, которую не пьютъ даже и животныя; послѣ большихъ только дождей вода опрѣсняется.

У сѣверной окраины холмовъ растительность начала обогащаться; формы тѣ

Digitized by Google

же почти безъ прибавленія: Reaumuria, Haloxylon и Ephedra, но экземпляры стали встрѣчаться чаще. Когда вышли изъ холмовъ на верхнюю открытую степь, растительность стала еще гуще; вся степь казалась покрытою растительностью, но желтаго или сѣраго цвѣта; здѣсь появились и нѣкоторыя другія формы, какъ наприм. Sarcocygium, Artemisia, Calimeris, изрѣдка Ptilotrichum.

Въ два часа пополудни мы вступили въ мѣстность, гдѣ ровная дотолѣ степь превращается въ холмистую; мы вошли въ нее черезъ «амынъ», т. е. черезъ нижнее отверзстіе долины, обставленное обнаженіями песчаника, образующими сначала незначительные по высотѣ выходы; глубже внутрь долины эти скалы повышаются до 200 фут. надъ уровнемъ дна ея. По дну долины проходитъ сухое рѣчное русло.

Пройдя часъ по этой долинѣ, мы очутились въ вершинѣ ея, откуда опять начинается ровная степь, упирающаяся въ подошву хребта Тосту (т. е. другая, верхняя терраса озерной впадины Гашіунъ-нора). Отсюда до этой подошвы осталось всего 15 верстъ. Въ верхнемъ отверзстіи долины по песчаному руслу течетъ ручей прѣсной воды на протяженіи не болѣе 30 саженъ; затѣмъ онъ исчезаетъ; послѣ перерыва ниже по долинѣ пробивается другой ручей, но также незначительный. Нашъ караванъ остановился на верхнемъ ручьѣ (въ 3 часа пополудни); эта мѣстность называется Кобденъ-оботу (Кобденъ-усу).

Переходъ черезъ Гоби оконченъ. Съ момента выхода съ урочища Цзахэ-Шари-хулусунъ до остановки на Кобденъ-оботу прошло 34 часа; отъ Шари-хулусуна до озера Гашіунъ-нора мы шли 6 часовъ, отъ озера до ночной остановки въ холмахъ Шюбугуръ 9 часовъ, отсюда до Кобденъ-оботу 10, всего изъ 34 часовъ мы были на конѣ въ продолженіе 25 часовъ; на стоянкахъ провели 9 часовъ (5 на озерѣ Гашіунъ и 4 въ холмахъ Шюбугуръ). Молчаливо сочащійся по песку ручеекъ и зеленая полянка вдоль него въ полдесятины величиной, ограниченная съ одной стороны совершенно обнаженными песчаниковыми обрывами, а съ другой рощей изъ растрепанныхъ цзаковыхъ деревьевъ — въ другое время не представили бы никакого очарованія, но послѣ утомительнаго десятичасоваго перехода, сдѣланнаго въ самую жаркую часть дня, раемъ показался намъ этотъ крошечный оазисъ.

Китайскіе путешественники, пересѣкавшіе пустыню, иногда разсказываютъ басню о разговорѣ духовъ, который они слышали при этомъ случаѣ. Эти разсказы, кажется, не безосновательны. Когда мы въ полдень, во время сильной жары, проходили пространство между холмами Шюбугуръ и урочищемъ Кобденъ-оботу, я и жена моя испытывали ощущеніе, какъ будто до насъ доносился откуда-то разговоръ людей въ видѣ неясной рѣчи. Можетъ быть, это слуховая галлюцинація, вызываемая утомленіемъ. Сзади насъ людей въ это время не было, а нашъ караванъ находился впереди въ разстояніи четверти версты и при нормальной тонкости слуха, не усиленной необыкновенными условіями, мы не могли слышать разговоръ ѣхавшихъ при караванѣ людей.

Совершонный переходъ черезъ Гоби былъ третій въ моей жизни; первымъ я считаю переходъ 1876 года между Хобдо и Баркулемъ, вторымъ — переходъ въ

Digitized by Google

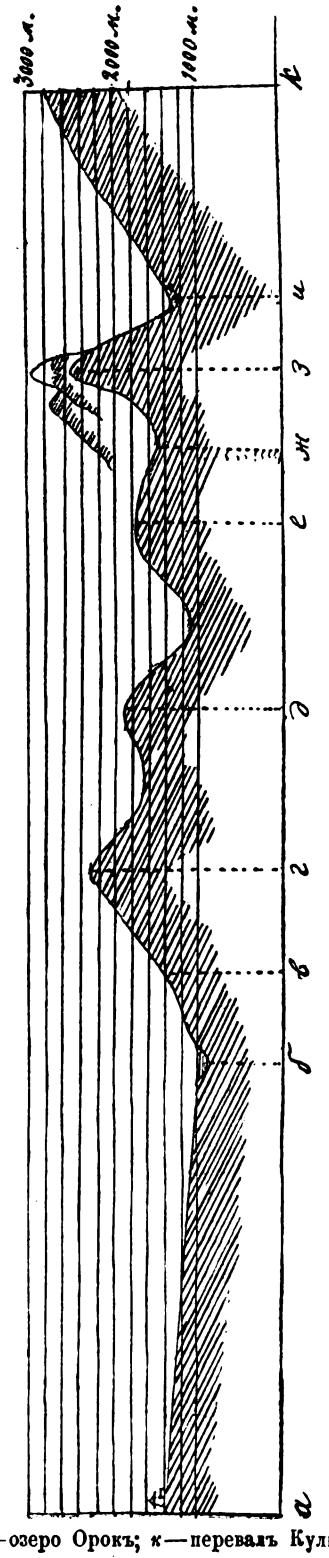


Рис. 27.

и—озеро Орокъ; *к*—перевалъ Кулюсай въ Хангаѣ.

томъ же году на пути изъ Хами въ Улассутай. Особенно тяжелъ былъ первый переходъ; мы тогда съ г. Рафаиловымъ потеряли нѣсколькихъ лошадей.

На этотъ разъ переходъ черезъ пустыню мы сдѣлали благополучно, почти безъ потери. Не дошелъ до стоянки только одинъ баранъ, но и то не вслѣдствіе какой нибудь нашей непредусмотрительности; торгоутъ пастухъ, которому мы поручили гнать наше стадо барановъ, подгоняя ихъ по обычаю бросаніемъ камней, зашибъ ему ногу; онъ захромалъ и не могъ поспѣть за стадомъ. Не дошла еще верстъ пятнадцати до стоянки одна лошадь, но она была спасена; за ней на другой день, во время нашей дневки на Кобденъ-оботу, были посланы люди на верблюдѣ съ запасомъ сѣна и воды.

Успѣшнымъ переходомъ черезъ Гоби экспедиція обязана распорядительности и опытности А. И. Скасси, который принялъ на себя заботы по приготовленію каравана къ переходу. Онъ позаботился на послѣдней стоякѣ на Едзинѣ, чтобы сѣно было накошено, чтобы ѣхавшіе полтора мѣсяца безъ употребленія и разсохшіеся боченки были своевременно замочены и не дали бы течи, а главное, онъ опытною рукою распредѣлилъ время перехода между походомъ и остановками для отдыха.

Кобденъ-оботу лежитъ на высотѣ 1418 метровъ надъ ур. м., слѣдовательно немного больше, чѣмъ на 400 метровъ надъ уровнемъ оз. Гашіунъ-нора и на той же высотѣ надъ этимъ озеромъ, какъ дер. Ши-у-ли-пу (Лу-я-тунъ) около Гао-тая, хотя разница въ разстояніяхъ этихъ двухъ мѣстностей отъ озера очень большая: отъ Ши-у-ли-пу до Гашіунъ-нора 330 верстъ, отъ Кобденъ-оботу до озера 60. См. рис. 27 [1]).

Скатъ отъ подошвы Тосту къ берегамъ озера, какъ видно изъ нашего предъидущаго разсказа, ровный на большей части протяженія, въ двухъ мѣстахъ пре-

[1]) Рисунокъ 27 представляетъ профиль центральной Монголіи между Нань-шанемъ и Хангаемъ; налѣво югъ, направо сѣверъ. Значеніе знаковъ: *а*—городъ Гаотай; *б*—озеро Гашіунъ-норъ; *в*—уроч. Кобденъ- оботу, *г*—перевалъ черезъ хребетъ Тосту; *д*—перевалъ черезъ хребетъ Цомцо-Нэмэгэту; *е*—перевалъ черезъ хребетъ Баинъ-цаганъ *ж*—рѣка Легъ; *з*—Убтенъ-дабанъ, перевалъ черезъ хребетъ Ихи-богдо

Digitized by Google

рванъ появленіемъ холмовъ; въ нижнемъ горизонтѣ это мѣстность Шюбугуръ, въ верхнемъ—мѣстность Кобденъ-оботу; въ обоихъ случаяхъ появленіе холмовъ обусловлено выходомъ твердыхъ горныхъ породъ; мѣстность Шюбугуръ пересѣчена плоскими долинами, которыя направляются поперегъ горизонталей и которыя отличаются отъ другихъ долинъ тѣмъ, что верхніе ихъ концы не замкнуты, а представляютъ такой же свободный выходъ на степь, какъ и нижніе ихъ концы; долина на Кобденъ-оботу, по которой мы прошли, принадлежитъ вполнѣ къ тому же типу. Образованіе долинъ и обнаженіе песчаниковъ произошло здѣсь можетъ быть благодаря тому, что здѣсь пробивается ключъ.

Песчаники на Кобденъ-оботу то рыхлые, то плотные, звенящіе; изрѣдка между слоями песчаника проложенъ слой конгломерата; поверхность песчаника иногда странно вывѣтривается бороздками. На нѣкоторыхъ холмахъ здѣсь лежитъ хорошо окатанная галька; и сами такіе холмы имѣютъ такое очертаніе, какъ будто они стояли на берегу озера и на нихъ накатывалась волна. Видъ этихъ холмовъ внушалъ намъ догадку, что нѣкогда озеро простиралось до этого урочища. Песчаники имѣютъ простираніе съ запада на востокъ, т. е. параллельно оси хребта Тосту; паденіе пластовъ на югъ, къ озеру.

Растительность на этомъ урочищѣ богаче формами, чѣмъ около Хара-сухая на Едзинъ-голѣ. На скалахъ встрѣчаются Zygophyllum xanthoxylum Baill., Orobanche sp., Nonnea lutea Rchb., Lagochilus ilicifolius Bge, Stipa orientalis Trin., Ptilagrostis mongolica Led., Statice sp., Caryopteris mongolica Bge и Incarvillea Potanini Batal.; послѣдніе два растенія напомнили намъ восточный Ордосъ. Очень обильно на скалахъ растетъ багалуръ, Anabasis brevifolia C. A. Mey.

На днѣ долины: Lasiagrostis splendens Kunth., Saussurea laciniata Ledeb., Kalidium foliatum M. T.; на почвѣ, состоящей изъ смѣси песку и крупнаго щебня, Chesnaea mongolica Maxim.; расположенія стелющихся вѣтвей въ одну сторону, какъ я наблюдалъ это на экземплярахъ на Киргизъ-норѣ въ 1879 г., я здѣсь не замѣтилъ, но корень и у здѣшнихъ экземпляровъ скрученный винтообразно [1]).

Кромѣ того деревья евфратскаго тополя, цзака и гребеньщика (Tamarix) образуютъ лѣсокъ къ востоку отъ ручья.

На Кобденъ-оботу мы видѣли много булдуруковъ Syrraptes paradoxus Pall.; они прилетали стадами штукъ по 30 въ каждомъ; убитые экземпляры оказались не вылинявшими. Торгоуты зовутъ ихъ бульдуру, халхасцы ноктру, Сантапъ-джимба называлъ ихъ нитру (можетъ быть, по произношенію чахаровъ); по словамъ Сантанъ-джимбы, ихъ довольно въ землѣ чахаровъ; но въ восточномъ Ордосѣ нѣтъ; по Едзину, какъ удостовѣряютъ торгоуты, его тоже нѣтъ, но въ гоби къ западу отъ Едзина, эта птица водится. Ночью на нашей стоянкѣ кричала птица оли (видъ совы, Athene bactriana?).

На третій день нашей стоянки на Кобденъ-оботу (14-го августа) въ 11 часовъ утра началась гроза при сильномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ; пошелъ дождь и по-

[1]) Такое же скрученіе корня замѣчается здѣсь и у Lagochilus ilicifolius.

Digitized by Google

томъ градъ величиной съ горошину; къ 12 часамъ градъ прекратился, туча ушла на востокъ, западная часть неба очистилась. Дождемѣръ [1]) далъ 7,1 mm. По сухому руслу, возлѣ котораго стояли наши палатки, черезъ полчаса послѣ начала грозы потекла мутная рѣчка, такъ называемый помонгольски уюръ, въ 1 сажень ширины и въ 1 четверть аршина глубиной; къ часу попол. уюръ прекратился. Послѣ грозы я пошелъ внизъ по долинѣ за сборомъ растеній и въ 3¼ часа пополудни внизу нашелъ текущій еще уюръ, хотя противъ стоянки его уже не было. Это значило, что по другимъ сухимъ русламъ, уюры были обильнѣе водой, чѣмъ русло, проходившее подлѣ нашихъ палатокъ. Эта гроза впервые познакомила насъ съ гобійскими уюрами. Тотъ, который мы наблюдали, вѣроятно былъ не изъ особенно многоводныхъ. Бываютъ, вѣроятно, болѣе могущественные и болѣе разрушительные уюры. Сухія русла, по которымъ они протекаютъ, были сдѣланы когда-то болѣе постоянными теченіями, но современные уюры продолжаютъ прежде начатое размываніе земной поверхности. Въ Гоби и въ гобійскихъ горахъ иногда встрѣчаются сухія русла со знаками недавнихъ сильныхъ теченій въ видѣ стволовъ цзака, разметанныхъ по краямъ русла, или въ видѣ кустовъ караганы, пригнетенныхъ намытымъ пескомъ и галькою (см. Очерки сѣв.-зап. Монг., I, 142 и 183). Весенняго половодья въ Гоби не бываетъ; снѣга съ горъ испаряются въ воздушное пространство, знаки же большихъ теченій происходятъ отъ сильныхъ ливней, которые бываютъ среди лѣта [2]).

Путь, пройденный намъ отъ Гао-тая на сѣверъ былъ извѣстенъ уже во времена Марко Поло. Онъ разсказываетъ, что въ двѣнадцати дняхъ пути отъ Ганьчжоу (Campichu) лежитъ городъ Эцзина; отсюда на сѣверъ простирается пустыня на сорокъ дней, пересѣкши которую достигаютъ до города Каракорума. Въ городѣ Эцзина запасаются провизіей на все время перехода черезъ пустыню. Къ сѣверу отъ Каракорума Марко Поло описываетъ страну Баргу, въ которой ѣздятъ на оленяхъ (это, повидимому, Забайкалье); здѣсь водится одна очень быстро летающая птица barguerlak, въ родѣ рябчика, съ ногами, какъ у попугая и съ хвостомъ, какъ у ласточки (Yul, Marco Polo, I, 225—262). Юль думаетъ, что это бульдурукъ. Очевидно, Марко Поло отнесъ слишкомъ на сѣверъ мѣстонахожденіе этой птицы.

Повидимому, самъ Марко Поло не проѣхалъ по этой дорогѣ. Послѣ описанія Баргу у него слѣдуетъ продолженіе описанія Та-лу къ востоку отъ Гань-чжоу. Не вѣроятно, чтобъ онъ, съѣздивъ въ Каракорумъ, вернулся въ Гань-чжоу, такъ какъ въ Камбалыкъ, резиденцію Хубилая, онъ могъ попасть и прямо изъ Каракорума.

---

[1]) Размѣры нашего дождемѣра были тѣ же, какіе имѣютъ дождемѣры Петербургской Физической Обсерваторіи.

[2]) Объ одномъ необыкновенномъ уюрѣ, случившемся въ этихъ горахъ, разсказывали мнѣ торгоуты. Это было въ горахъ Шарьга-мориту, гдѣ-то къ в. отъ Тосту. Уюры потекли по тремъ ущельямъ, залило людскія юрты, погибло сто дымовъ людей, и весь скотъ и дикія животныя, находившіеся въ долинахъ. Никого не осталось изъ людей, кто бы могъ разсказать объ этой катастрофѣ. Видѣлъ это событіе одинъ только гуресу (звѣрь?). Отсюда и названіе горъ Шарьга-мориту (?). Это можетъ быть не память о дѣйствительномъ событіи, а слѣдъ того, что на Гашіунъ-норѣ разсказывалась легенда о разливѣ озера (см. т. II, стр. 213).

Digitized by Google

Разсказъ его о баргерлакѣ также показываетъ, что онъ описываетъ страну по слухамъ; какъ очевидецъ, онъ не помѣстилъ бы этой птицы въ такой отдаленный сѣверъ, хотя бульдурукъ и можетъ встрѣтиться на солончакахъ Забайкалья; въ 1888 или 1889 г. нѣсколько экземпляровъ этой птицы было убито около Кяхты, но подобные случаи рѣдки [1]). Настоящая родина бульдурука Гоби, и очевидецъ замѣтилъ бы ее гораздо южнѣе, чѣмъ Баргу и Каракорумъ.

Китайскія, а за ними и европейскія карты очень бѣдны свѣдѣніями о странѣ, окружающей низовья рѣки Едзина. На картѣ Клапрота къ сѣверу отъ озеръ Собо и Сого, которыя образуются изъ разлива этой рѣки, назначены только горы Noyen khara и Kortchout; затѣмъ отъ нижняго Едзина на сѣверо-востокъ протянутъ какой-то маршрутъ съ именами на немъ: Uneket, Meila boulak, Eche, Edereng sedereng и др. Изъ этихъ именъ нѣкоторыя мы слышали въ краѣ. Uneket конечно тѣ самыя красныя скалистыя горы Унюгутъ или Унюгюденъ-хара, которыя мы видѣли къ западу отъ нашей дороги во все время слѣдованія по ней отъ Хара-сухая до Кобденъ-оботу; только онѣ лежатъ гораздо ближе къ Едзину, чѣмъ на картѣ Клапрота; въ Ноинъ-кара мы узнаемъ Ноинъ-богдо т. е. восточное продолженіе хребта Тосту; а въ Kortchout горы Хуршютъ, которыхъ мы не видали, но имя это слышали; по одному показанію это не горы, а мѣстность среди гоби въ родѣ Кобденъ-оботу съ открытой водой; Едеренгъ мы видѣли сами въ 1877 году съ дороги изъ Хами въ Улассутай (см. Очерки, I, 205). Имени Мейла не слыхали; Собо также никто не зналъ изъ людей, съ которыми мы встрѣчались. Всѣ называли намъ два озера именами Гашіунъ-норъ и Суху (Сугу). Первымъ именемъ называется западное озеро, вторымъ восточное. О Суху-норѣ мнѣ сказали, что оно теперь высохло [2]). По другому показанію, вода въ озерѣ бываетъ, когда вода въ Едзинѣ прибываетъ; въ другое же время озеро осушается. Одинъ ордосскій лама, ѣздившій къ едзинъ-гольекимъ торгоутамъ изъ хошуна Талатъ, разсказывалъ мнѣ что озеро Суху-норъ съ водой; вода чистая; озеро скорой ѣздой можно объѣхать въ день; восточный берегъ голый, на западномъ пески; берега плоски, гуджирны; лѣсу нѣтъ; въ озерѣ есть рыба. Но этотъ разсказъ, можетъ быть, относится къ Гашіунъ-нору. Едзинъ-голъ ниже скалы Дзерьчжи-ваньчикъ раздѣляется на двѣ вѣтви; лѣвая, болѣе полная, идетъ въ оз. Гашіунъ; другая, правая, въ оз. Суху-норъ; эта послѣдняя называется Омöни-голъ, т. е. «передняя», «южная рѣка». Внизу Омöни-голъ развѣтвляется на 5 или на 6 рукавовъ, которые называются Шарь-булунъ, Лунцза, Дзуханъ-голъ, Кунделенъ-голъ, Ташь-обанъ-голъ.

Записанныя нами показанія объ этихъ озерахъ вообще очень сбивчивы. Вотъ еще показаніе одного халхасца: Вода въ Едзинѣ мала, всегда можно переѣхать въ бродъ;

---

[1]) Бульдурукъ залетѣлъ недавно и въ минусинскій округъ Енисейск. губ.; см. Отчетъ Минусинск. публ. музея за 1891 годъ и Протоколы Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общества.

[2]) Прежде, когда озеро было съ водой, въ немъ будто бы водился звѣрь сунъ; теперь онъ вымеръ. По другому показанію, на Суху-норѣ находятъ бѣлыя плоскія кости въ родѣ раковинъ съ концентрической скульптурой или рисункомъ; говорятъ, это были живыя существа, жившія въ озерѣ, когда оно было полно воды.

Digitized by Google

когда съ горъ воды нѣтъ, или рѣку сильно обезсиливаютъ китайцы, живущіе вверху, озера высыхаютъ, и опять прибываютъ, когда вода придетъ съ горъ или когда ее спустятъ съ пашенъ [1]). Едзинъ внизу развѣтвляется; правая вѣтвь впадаетъ въ озеро Боръ-обо-норъ, называющееся такъ потому, что на западномъ его берегу стоитъ обо, носящее названіе Боръ-обо («сѣрый обо»). Этотъ рукавъ называется Кунделенъ-голъ («Поперечная рѣка»); на немъ бродъ Модонъ-гатулъ («Лѣсистый бродъ). Лѣвая вѣтвь идетъ въ озеро Сого-норъ (т. е. въ то, которое наши проводники торгоуты называли Гашіунъ-норомъ) и называется Меренъ-голъ (меренъ, муренъ «рѣка»; голъ также «рѣка»).

По другому показанію: озеро Сугу-норъ (я удерживаю произношеніе каждаго разсказчика) существуетъ, но оно уменьшилось вдвое; прежде его можно было объѣхать въ три дня, нынѣ можно въ одинъ день. Кости рыбъ находятъ далеко отъ береговъ озера [2]).

Кромѣ дороги изъ торгоутскихъ кочевьевъ на сѣверъ, по которой мы прошли, есть еще нѣсколько и другихъ; одна изъ нихъ западнѣе; она идетъ съ Едзинъ-гола черезъ урочище Себистэй; по ней идутъ въ Гань-чжоу изъ Уляссутая и другихъ мѣстъ сѣверо-западной Монголіи; другія дороги восточнѣе нашей, а именно: 1) черезъ Тооранъ-шянды, 2) черезъ Сухомту, 3) черезъ Балбырха и 4) черезъ Цайлимъ; всѣ эти названныя урочища, Себистэй и другія, находятся на сѣверной окраинѣ пустыни, то есть здѣсь караваны, идущіе съ юга, находятъ первую воду по переходѣ черезъ пустыню.

Подробности о дорогахъ изъ торгоутскихъ кочевьевъ на сѣверъ, въ халхаскія кочевья, на западъ въ Хами, на востокъ въ Гуй-хуа-ченъ и на юговостокъ въ Алашань помѣщены нами въ статьѣ, помѣщенной въ XXIII томѣ Извѣстій И. Р. Геогр. Общества подъ заглавіемъ «Разспросныя свѣдѣнія» и пр. Мы не будемъ здѣсь повторять ихъ, а только сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній.

Страна, окружающая озера Гашіунъ-норъ и Суху-норъ, представляетъ равнину, поверхность которой прикрыта наносомъ изъ глинистаго, плотно слежавшагося пе-

---

[1]) Во время нашего пребыванія на Хара-сухаѣ мы слышали, что утромъ черезъ Едзинъ бываетъ у этого урочища переѣзжать легче, чѣмъ въ полдень; это показываетъ, что на высоту воды въ рѣкѣ вліяетъ таяніе снѣговъ въ горахъ; но кромѣ того въ рѣкѣ бываютъ неправильныя поднятія воды; такъ это случилось при насъ; рѣка два дня стояла съ высокой водой, а потомъ вода сбыла, но черезъ день опять прибыла. 29 іюля она была по поясъ человѣку, а 27 числа люди могли попадать за рѣку только вплавь. Эти внезапные разливы вѣроятно обязаны своимъ происхожденіемъ мусонамъ, въ области которыхъ, кажется, находятся вершины этой рѣки.

[2]) Вотъ еще два показанія. 1) Къ юго-востоку отъ Боръ-обо (Суху-нора) или на востокъ отъ уроч. Шари-булына лежатъ двѣ горы: Бага-Хонгорчи и Ихи-Хонгорчи; первую видно съ Боръ-обо. Между Шари-булыномъ и Ихи-Хонгорчи лежитъ небольшая горка, которую попросту зовутъ Хаданъ-хошу («каменный мысъ»), а почетнѣе Ухыръ-чило («коровій камень»). Камни, изъ которыхъ она состоитъ, сами собой движутся, ползутъ. Что за причина, эрдени это или что, неизвѣстно, говорятъ торгоуты. Подлѣ Хаданъ-хошу добываютъ соль. Сверху лежитъ слой въ полъ-аршина толщиной, который ломаютъ кабанами; ниже другой слой около фута толщиной, состоящій изъ разсыпчатыхъ кристалловъ, и прикрытый тонкимъ слоемъ глины и гуджира. Мѣсто принадлежитъ торгоутамъ, но алашанцы воровски добываютъ соль. Гора Ихи-Хонгорчи служитъ границей трехъ земель: алашаньской, уротской и торгоутской. 2) Къ западу отъ Алашани есть три горы вмѣстѣ: Явра, Ярбага и Нюруга; живутъ алашанцы.

Digitized by Google

ску съ примѣсью гальки или щебня, что дѣлаетъ ее похожею на поверхность Дзабхынской впадины въ сѣверо-западной Монголіи. Такъ же, какъ и тамъ, этотъ наносъ покрытъ сверху слоемъ отсортированной вѣтрами изъ того же наноса гальки, въ другихъ мѣстахъ щебнемъ. На нѣкоторыхъ картахъ это пространство изображается покрытымъ сплошными сыпучими песками; такое представленіе о странѣ неправильно; всѣ дороги, о которыхъ я разспросилъ, нигдѣ не пересѣкаютъ значительныхъ барханныхъ площадей. По разсказамъ торгоутовъ, барханные пески лежатъ только въ треугольникѣ, образуемомъ теченіемъ Едзина, линіей Та-лу (Большой дороги) и дорогой, идущей изъ торгоутскихъ кочевьевъ въ Алашань. Внутри этого треугольника находится урочище Баденъ-джиренъ. Объ немъ разсказываютъ, какъ о чрезвычайно жаркой мѣстности, лежащей среди великихъ сыпучихъ песковъ. Мѣстность эта находится къ сѣверу отъ города Сого-хото (по китайски Чжень-фань) [1]) въ трехъ дняхъ пути; на этомъ урочищѣ, равно какъ и на урочищахъ Гойсу, лежащемъ въ 4 дняхъ отъ Сого-хото, и Гурана (Гурнай-цзакъ) живутъ алашаньцы.

Воды въ Гоби, окружающей Гашіунъ-норъ и Суху-норъ очень скудны и встрѣчаются на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Безводная пустыня, иногда облегая какой нибудь орошенный участокъ земли, совершенно изолируетъ его отъ остальной страны; есть мѣстности, какъ напримѣръ горная цѣпь Цаганъ-богдо, лежащая къ западу отъ Гашіунъ-нора, отдѣленныя пустыней, на пересѣченіе которой нужно четыре дня; лѣтомъ въ такіе изолированные участки, говорятъ, попадать никакъ нельзя; попадаютъ туда только зимой, когда лежатъ снѣга. Въ такихъ мѣстностяхъ иногда живутъ артели грабителей; во время мусульманскаго возстанія онѣ служили убѣжищемъ для бѣдныхъ жителей. Водъ въ этой странѣ такъ мало, что жители на перечетъ знаютъ не только всѣ колодези, но даже и мѣста, гдѣ послѣ дождей остаются лужи; они знаютъ приблизительно, сколько дней вода въ какой лужѣ остается годною для питья, или могутъ сказать, сколько дней прошло послѣ послѣдняго дождя, опрѣснившаго воды въ колодезяхъ, и сохранилась ли въ нихъ вода прѣсною, или успѣла отъ засухи снова загоркнуть.

Дикіе верблюды (по-торгоутски хаптагай или теменъ-гурёсу) водятся въ той части этой пустыни, которая лежитъ къ западу отъ Едзина. Они приходятъ на водопой на Гашіунъ-норъ, куда также приходятъ пить воду и дикіе ослы (хулунъ) и дзерены, но только зимой. Нѣкоторые изъ торгоутовъ охотятся на верблюдовъ; съ этой цѣлью они ѣздятъ въ горы Боро-ула и въ урочище Шулунъ въ 10-й лунѣ; животныхъ подкарауливаютъ у водопоя, садясь такъ, чтобъ вѣтеръ не выдалъ присутствія охотника. Иной убиваетъ въ зиму одного или двухъ, иной четырехъ животныхъ; шкуры продаются китайцамъ, которые изъ нихъ дѣлаютъ ремни для сшиванія ящиковъ; мясо торгоуты ѣдятъ. Шкуру дикаго верблюда отличаютъ отъ домашняго по мягкости шерсти; длинныя клочья или косматость у дикихъ вер-

[1]) Чжень-фань, по монгольски Сого-хото, лежитъ, по показаніямъ монголовъ, въ двухъ дняхъ пути отъ Гань-чжоу и въ 4 дняхъ отъ Гой-су. На стоверстной картѣ г. Большева этотъ городъ чуть ли не помѣщенъ вдвойнѣ и возлѣ Гань-чжоу и возлѣ Лянь-чжоу.

Digitized by Google

блюдовъ меньше, но есть и на темени, и на кочкахъ и на переднихъ окорокахъ. Дикіе верблюды бываютъ очень жирны; на ребрахъ бываетъ толстый слой сала [1]).

На урочищѣ Бутулуръ, лежащемъ къ западу отъ хребта Цаганъ-богдо, который находится къ западу отъ Гашіунъ-нора, водится въ камышахъ звѣрь хунъгуресу (тигръ?).

Едзинъ, протекающій по этой пустынѣ, напомнилъ намъ другую рѣку Тугурюкъ, которая вытекаетъ изъ восточнаго конца Тянь-шаня на сѣверъ (Очерки, IV, 178); онъ также проходитъ по пустынѣ, оживляя только небольшую узкую полосу земли вдоль береговъ; размѣры рѣкъ только различны; Тугурюкъ отъ подошвы горъ, изъ которыхъ вытекаетъ, течетъ по плоскости не болѣе 20 верстъ, тогда какъ Едзинъ протекаетъ отъ выхода изъ горъ до озера около 350 верстъ. Безжизненный характеръ пустыни, прилегающей къ Тугурюку рѣзче, чѣмъ на Едзинѣ.

Пересѣченіе пустыни такой большой рѣкою имѣетъ важное значеніе для торговыхъ сношеній между южной и сѣверной Монголіей. Въ меридіанѣ Едзина мы имѣемъ одно изъ самыхъ большихъ съуженій ширины Гоби; съ сѣвера на этомъ меридіанѣ въ Гоби выдвигается хангайская область, хорошо орошенная водами и обильная травами; съ юга подходитъ рѣка Едзинъ, со своей береговой, хотя и скудной растительностью.

Чтобы дать нашимъ животнымъ основательно отдохнуть, мы оставались на Кобденъ-оботу до 16 августа, т. е. простояли здѣсь болѣе трехъ сутокъ.

---

[1]) По разсказу одного торгоута изъ Кобокъ-зайря, дикіе верблюды есть въ мѣстности Хашай-бомъ-бурюкъ, въ 4 дняхъ пути отъ Булгунъ-чингиля, къ западу отъ дороги изъ г. Хобдо въ Гу-ченъ.

Digitized by Google

IV.

Гобійскій Алтай.

Хребетъ Тосту.—Хребетъ Нэмэгэту.—Холаи или продольныя долины гобійскаго Алтая и уюры.—Хабцылъ въ Баинъ-цагавѣ.—Долина р. Легъ.—Бѣлокъ Ихи-богдо и его базальты.—Перевалъ Убтенъ-дабанъ.—Берега озера Орокъ-нора.—Ботанико-географическое значеніе хань-хая.

16 августа мы оставили Кобденъ-оботу; хребетъ Тосту мы пересѣкли въ два перехода; первый ночлегъ мы имѣли внутри хребта, у колодезя Уджюмъ, второй близь сѣверной окраины хребта у кол. Баръ-гунъ.

На протяженіи версты отъ стоянки у ручья дорога пересѣкаетъ урочище Кобденъ-оботу, т. е. идетъ по глинистой степи, поросшей цзакомъ, гребеньщикомъ и Reaumuria'ей; затѣмъ начинается каменистая степь (бэль), какія обыкновенно встрѣчаются при подошвахъ монгольскихъ хребтовъ. Здѣсь цзакъ и сухай исчезли, взамѣнъ ихъ, вдоль дождевыхъ рытвинъ появились карагана и буйлэсъ (Prunus); Prunus чѣмъ ближе къ хребту, тѣмъ является въ большемъ количествѣ и въ болѣе здоровыхъ экземплярахъ. Остальная часть степи покрыта кустарникомъ Potaninia mongolica Maxim., низенькимъ каряжистымъ кустарникомъ съ мелкими бѣленькими цвѣточками.

Тамъ, гдѣ дорога примыкаетъ къ хребту, изъ горы, немного выше ея подошвы на равнину вытекаетъ ключъ прекрасной воды; онъ называется Нарынъ-булакъ; разливаясь по равнинѣ, онъ образуетъ лужайку съ Potentilla Anserina L., Taraxacum officinalis L., Ranunculus sp., но саженяхъ въ 30 ниже эта растительность смѣняется зарослью полыни. 12 августа, когда мы пришли въ Кобденъ-оботу, мы въ бинокль разглядѣли, что на этой лужайкѣ стояла юрта; но утромъ 13 августа ея уже не было. Очевидно, жители увидѣли насъ, испугались и укочевали на другое мѣсто.

Въ горы мы вошли не въ отверзстіе ущелья, а переваливъ черезъ небольшую плоскую гряду, проходящую между Нарынъ-булыкомъ и долиной съ сухимъ русломъ, открывающейся на равнину восточнѣе дороги. Съ горы мы могли въ послѣдній разъ взглянуть на Гашіунъ-норскую равнину, но видъ ея не представилъ намъ

Digitized by Google

ничего особеннаго. Мы опять увидѣли на западѣ отдѣльно стоящія горы Гурбанъ-Сэрбынъ, южнѣе ихъ горы Унегеденъ-хара, а лѣвѣе ихъ, т. е. ближе къ озеру еще горы, названіе которыхъ въ моемъ дневникѣ не уцѣлѣло; осталась записанною только вторая половина имени: адыръ.

Долина, по которой мы пошли внутри горъ, имѣетъ до 30 саж. ширины; по дну ея проходитъ глинистое русло съ примѣсью гальки. Остановились на первый ночлегъ въ той же долинѣ, у колодезя Уджюмъ, въ 50 ли отъ Кобденъ-оботу. Колодезь вырытъ въ сухомъ руслѣ подъ скалою; вода находится на глубинѣ менѣе аршина. Въ этой мѣстности мы нашли маленькое населеніе; тутъ было три юрты, въ которыхъ жили халхасцы хошуна А-гуна (резиденція котораго находится въ горахъ Гурбань-Сайханъ); это халхасскій караулъ, поселенный здѣсь для наблюденія за спокойствіемъ края. Караулъ этотъ называется Алтынъ-хараулъ (золотой караулъ); жители его живутъ здѣсь безсмѣнно; товары получаютъ изъ городовъ Хухухото и Бао-тоу, муку и зерно изъ Му-чена (т. е. Му-мина) и Чжинъ-та-сы. Такихъ карауловъ по южной границѣ Халхи въ этой мѣстности отъ хошуна А-гуна содержится четыре. Другіе три стоятъ въ мѣстностяхъ Хуршіутъ (къ юв. отъ Тосту на равнинѣ), Тацы (на холаѣ между Тосту и Нэмэгэту) и Цзуулгана; въ каждомъ считается пять юртъ.

По словамъ караульныхъ людей, жители этихъ четырехъ карауловъ составляютъ единственное населеніе хребта Тосту.

Дальнѣйшій переходъ былъ не великъ; сначала мы шли вверхъ по долинѣ, въ которой находится колодезь Уджюмъ, потомъ стали подниматься по плоскому гребню между двумя ея развѣтвленіями; этотъ гребень вывелъ насъ на вершину перевала; подъемъ на перевалъ пологій и мягкій. Высота перевала черезъ Тосту 2243 метра. Съ перевала открылся видъ на хребетъ Нэмэгэту, который протянулся впереди насъ параллельно хребту Тосту, т. е. съ запада на востокъ. Его западное продолженіе называется сначала Цомцо, а еще западнѣе (т. е. западный конецъ хребта) Алтынъ-ола (золотая гора) или Огцзумъ-хаирханъ; восточный конецъ хребта носитъ названіе Сяври. Этотъ хребетъ отдѣленъ отъ Тосту продольной долиной. Гребень его ровный; этимъ Нэмэгэту отличается отъ хребта Тосту; гребень послѣдняго усаженъ пиками; самая высокая вершина Тосту, имѣющая трапеціевидное очертаніе, осталась не вдалекѣ влѣво отъ нашей дороги. Ширина хребта Тосту въ мѣстѣ нашего пересѣченія 24 версты.

Южный бокъ хребта сложенъ изъ кремнистыхъ сланцевъ, гребень и сѣверный бокъ изъ гранитовъ. Граниты начинаются южнѣе колодезя Уджюмъ; въ этой мѣстности гранитъ мелкозернистый, не образуетъ нагроможденныхъ глыбъ, а является въ видѣ скалъ съ гладкими блестящими поверхностями чернаго цвѣта. На южной сторонѣ перевала появляются скалы порфирита съ включеніемъ бѣлыхъ кристалловъ. Ниже начинается опять гранитъ, образующій булыжникъ; порфиритъ рѣзкой чертой отдѣляется отъ гранита и въ мѣстѣ прилеганія къ граниту какъ будто слоистъ; простираніе слоевъ NE 60°SO, паденіе NO ∟ 64°; гранитъ налегаетъ на порфиритъ. Рядомъ съ линіей налеганія въ порфиритѣ видна дейка

Digitized by Google

одного цвѣта съ гранитомъ, простираніе и паденіе которой согласное съ напластованіемъ порфирита. Гранитъ сильно вывѣтривается и усыпаетъ поверхность впадинъ дресвой. Колодезь Баръ-гунъ находится среди этихъ гранитныхъ глыбъ. Слово гунъ придается монголами особому виду водовмѣстилищъ, и въ названіяхъ урочищъ внутри системы гобійскаго Алтая оно часто встрѣчается, какъ вторая половина, но мнѣ не удалось выяснить, какія характерныя черты соединяются въ урочищахъ этого имени.

Отъ колодезя Баръ-гуна до выхода на сѣверъ изъ гранитнаго ущелья, въ которомъ онъ находится, остается 6—7 верстъ. Изъ ущелья дорога выходитъ на глубокую продольную долину, простирающуюся съ запада на востокъ; съ юга ее ограничиваютъ горы Тосту и Ноинъ-Богдо, съ сѣвера Цомцо, Нэмэгэту, Гельбинту и Сяври; на западѣ же и востокѣ горъ не видно, такъ что долина является съ раствореніями на обоихъ концахъ. Это напомнило мнѣ широкую долину между хребтами Алтаемъ и Тянь-шанемъ въ меридіанѣ Баркуля, которую я пересѣкъ въ 1876 г., съ тѣмъ однако различіемъ, что тамъ долина шире, хребты величественнѣе и дно долины тамъ плоское, а здѣсь оно состоитъ изъ двухъ покатостей, сѣверной и южной, между которыми въ серединѣ проходитъ русло уюра, по словамъ халхасцевъ, текущаго по направленію къ урочищу Цзуулгана, т. е. на западъ. Горы, проходящія по сѣверной сторонѣ долины, образуютъ непрерывный хребетъ, идущій съ запада на востокъ; прямо противъ ущелья, въ которомъ находится колодезь Баръ-гунъ, въ сѣверномъ хребтѣ лежатъ двѣ длинныя скалистыя массы, раздѣленныя плоской, мягкой и широкой сѣдловиной; западная называется Цомцо, восточная Нэмэгэту. Къ востоку отъ Нэмэгэту на линіи предъидущихъ лежитъ третья возвышенность, очертаніемъ напоминающая опрокинутую лодку; это горы Гельбинту. Онѣ отдѣлены отъ восточной оконечности Нэмэгэту широкимъ и глубокимъ промежуткомъ; еще восточнѣе столь же рѣзко отдѣлена четвертая гора Сяври, которая имѣетъ лѣвый (западный) бокъ пологій, правый (восточный) крутой; отъ восточной оконечности Сяври идетъ на востокъ высокая бэль. Западнѣе Цомцо горъ не видно; по разсказамъ халхасцевъ, это еще не конецъ хребта; къ западу отъ Цомцо еще лежитъ гора Алтынъ-ола. Но съ нашей дороги этой горы было не видно. По другому показанію, Алтынъ-ола небольшая отдѣльная гора, лежащая къ западу отъ Цомцо на степи близь урочища Цзуулгана. Эти показанія объ Алтынъ-олѣ, вѣроятно, слѣдуетъ примирить въ такомъ представленіи: къ западу отъ Цомцо простирается бэль, которая на западѣ понижается; на этой бэли на линіи горъ Цомцо—Сяври и на меридіанѣ урочища Цзуулгана, гдѣ эта бэль понижается до уровня названнаго урочища, поднимается отдѣльная высота подъ именемъ Алтынъ-ола.

Когда мы отошли отъ сѣверной подошвы Тосту, мы могли окинуть взоромъ также и продолженія этого хребта. Къ востоку отъ Тосту видна вершина горы Харгатты; восточнѣе ихъ гора Гокчӧ (Хонгоръ-кокшӧ), подошва которой выдвигается на сѣверъ болѣе, чѣмъ подошва Тосту и которая обращена на сѣверъ болѣе крутымъ профилемъ; изъ-за этого профиля выдвигаются уже на крайнемъ востокѣ

Digitized by Google

сѣверныя предгорія хребта Ноинъ-богдо. Промежутки между Сяври и предгоріями Ноинъ-богдо на востокѣ и между Цомцо и Тосту на западѣ ограничены приподнятыми горизонтами высокихъ бэлей.

Чѣмъ дорога спускается ниже, тѣмъ степь становится пустыннѣе; она покрыта исключительно тремя растеніями: Potaninia mongolica Maxim., багалуромъ Anabasis brevifolia C. A. Mey. и Allium tenuissimum L. (тана по-монгольски); изрѣдка встрѣчаются другія растенія. На днѣ долины появился цзакъ.

Пересѣкши долину, дорога поднимается на хребетъ Нэмэгэту, или правильнѣе, на сѣдловину между Нэмэгэту и Цомцо. На половинѣ подъема она пересѣкаетъ любопытные выходы песчаника, который образуетъ горизонтальный пластъ въ поларшина толщиной, лежащій на рыхлой почвѣ; образцовъ этой послѣдней я, къ сожалѣнію, не взялъ и указаній на составъ ея въ моемъ дневникѣ нѣтъ. Верхняя поверхность песчаниковаго пласта образуетъ террасу, обрѣзанную на югѣ обрывомъ, въ которомъ и наблюдается налеганіе песчаника на рыхлую почву. Песчаникъ часто является разбитымъ на отдѣльные куски, которые продолжаютъ еще лежать на горизонтальной поверхности террасы, хотя и разодвинутые уже. Нѣкоторыя плиты скатились съ террасы и лежатъ или на поверхности обрыва, или при его подошвѣ.

Если смотрѣть на южный склонъ хребта Нэмэгэту отъ подошвы Тосту, то обрывъ этой террасы кажется на половинѣ высоты между днемъ долины и высшей точкой перевала или сѣдловины. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстна высота дна долины надъ уровнемъ моря и мы не можемъ ничего сказать, находятся ли эти отложенія на одномъ уровнѣ съ урочищемъ Кобденъ-оботу, гдѣ мы видѣли намытую на скалы гальку, или нѣтъ. Песчаникъ для нэмэгэтинскихъ отложеній брался, повидимому, исключительно изъ горъ Нэмэгэту и Цомцо, потому что цвѣтомъ и видомъ своимъ онъ напоминаетъ граниты этихъ горъ.

Вершина сѣдловины между Нэмэгэту и Цомцо очень плоская и широкая. Съ сосѣднихъ съ сѣдловиной скалистыхъ вершинъ на сѣверъ, кромѣ ближайшихъ возвышенностей, ничего не видно. Перевалъ этотъ называется Котель-усу (вода перевала); тутъ есть колодезь; глубина отъ земной поверхности до уровня воды одинъ метръ; отъ уровня воды до дна 70 сант. Прилегающія къ сѣдловинѣ скалы хребта Цомцо (онѣ ближе къ колодезю, чѣмъ ближайшія скалистыя вершины Нэмэгэту) состоятъ изъ гранита, къ которому съ юга прислоненъ темно-зеленый порфиритъ со включеніями, имѣющій простираніе съ сѣвера на югъ или, вѣрнѣе, съ сѣверо-запада на юго-востокъ; паденіе на сѣверо-востокъ.

Хребетъ Нэмэгэту совершенно безлюденъ. Люди не живутъ въ немъ ни лѣтомъ, ни зимой.

Урочище Цзуулгана, о которомъ упомянуто выше, лежитъ на западъ отсюда, на продолженіи долины, раздѣляющей хребты Нэмэгэту и Тосту. Всѣ уюры, стекающіе съ сѣвернаго склона Тосту и съ южнаго склона горъ Нэмэгэту и Цомцо, выйдя изъ скалистыхъ ущелій на бэли хребтовъ, постепенно заворачиваютъ на западъ и образуютъ на днѣ долины общій потокъ. Въ сухое время на днѣ долины

Digitized by Google

на пересѣченіи ея дорогой никакой воды нѣтъ. Въ урочищѣ же Цзуулгана есть ручей; кругомъ его пески, на которыхъ растутъ цзакъ и сухай, а подлѣ ручья также камышъ или, вѣрнѣе, Calamagrostis (по-монгол. хулусунъ).

Слѣдующій переходъ былъ почти столь же утомителенъ, какъ и предъидущій; отъ Баръ-гуна до Котель-усу мы шли 13 часовъ, отъ Котель-усу до слѣдующаго ночлега въ мѣстности Хабцылъ или Хабцыленъ-затгай 12 часовъ. Такіе длинные переходы приходилось дѣлать потому, что на серединѣ пути нѣтъ воды. Отъ колодезя Котель-усу пришлось идти нѣсколько верстъ до настоящей точки перевала, который оказался только на 38 метровъ выше колодезя; высота его надъ ур. м. 1836 метровъ. Промежуточное пространство состоитъ изъ плоскихъ увaловъ, раздѣленныхъ плоскими впадинами, въ которыхъ встрѣчаются солончаки съ характерной флорой; по одну сторону дороги скалистыя горы Цомцо, по другую Нэмэгэту; въ тѣхъ и другихъ видны ущелья, которыя открываются на сѣдловину. Самый перевалъ (высшая его точка) также состоитъ изъ плоскихъ холмовъ, покрытыхъ щебнемъ порфирита и почти голыхъ; одинъ багалуръ (Anabasis brevifolia) усѣиваетъ ихъ своими кустиками. Горная порода между Котель-усу и переваломъ одна— гранитъ.

Съ перевала спускъ идетъ ущельемъ между скалами глинистаго сланца; паденіе пластовъ прямо на N подъ угломъ 48°. По дну ущелья проходитъ сухое русло, покрытое пескомъ и галькой. На серединѣ протяженія ущелья есть колодезь, въ нижнемъ концѣ ущелья другой. Съ перевала на сѣверъ видъ загороженъ ближайшими возвышенностями; онъ открывается со дна ущелья немного не доходя до выхода изъ него. Тутъ въ промежуткѣ между разошедшимися профилями ущелья видна только часть той картины, которая вполнѣ развертывается по выходѣ изъ хребта, т. е. только часть тѣхъ горъ, которыя проходятъ по сѣверной сторонѣ продольной долины, залегающей у сѣверной подошвы хребта Нэмэгэту. Мы увидѣли огромную бэль, поднимающуюся по ту сторону долины, или, пожалуй, степь, значительно приподнятую на сѣверѣ; на дальней окраинѣ этой степи протянулся съ запада на востокъ рядъ скалистыхъ высотъ. Двѣ изъ нихъ, болѣе высокіе, раздѣлены вырѣзкой; лѣвая или западная называется Ихи-баинъ, правая восточная Бага-баинъ. Изъ-за вершины Бага-баина, съ ея лѣвой стороны, высовывается плоская, покрытая снѣгомъ вершина, стоящая на другомъ, болѣе отдаленномъ планѣ; это Ихи-богдо, бѣлокъ, стоящій въ самой сѣверной цѣпи гобійско-алтайской системы. Вершина эта до того плоска, что ее нельзя даже куполомъ назвать, тѣмъ болѣе къ ней нейдутъ названія пикъ, рогъ и т. п. Масса снѣга не велика, въ видѣ узкаго бѣлаго вѣнчика. Есть особенная черта въ томъ впечатлѣніи, которое производитъ видъ на эту гору съ юга, изъ Гоби, сравнительно съ видомъ на другіе бѣлки. Обыкновенно привыкаешь смотрѣть на снѣжную вершину, стоя, окруженный зеленью перваго плана, а если и случается смотрѣть на бѣлки съ степной равнины, то подъ снѣжной линіей глазъ всегда различаетъ лѣса. Мы же видѣли подъ горой только обнаженную отъ растительности бэль горъ Баинъ; казалось, будто горячая пустыня

Digitized by Google

вплоть подкатывалась подъ снѣжную линію. Разумѣется, являлось соображеніе, что мы видимъ только верхушку бѣлка, а нижняя часть его и середина загорожены; но мы уже прежде изъ многочисленныхъ разсказовъ знали, что лѣсу на Ихи-богдо нѣтъ и что на ней дѣйствительно, должно быть, пустыня доходитъ до снѣжныхъ полей.

По мѣрѣ того, какъ мы выходили изъ ущелья, видъ расширялся и на бокахъ картины выступали новыя горы и хребты. Выйдя изъ горъ, мы увидѣли себя на такой же продольной, проходной или сквозной долинѣ, какъ и та, которая раздѣляетъ Нэмэгэту отъ Тосту. Такія свозныя продольныя долины здѣшніе монголы называютъ холай, «горло». Иногда при разспросахъ, услыхавъ какое нибудь новое имя урочища, спросишь монгола, что это за мѣстность, гора или рѣка, монголъ отвѣтитъ: холай-гадзыръ, «горло-мѣсто» и этого совершенно достаточно, чтобъ понять физическій характеръ урочища.

По сѣверной сторонѣ долины тянется плоскій хребетъ или, иначе сказать, хребетъ, сплошь состоящій изъ одной бэли; только на оси его насажденъ рядъ скалистыхъ вершинъ въ родѣ того, какъ на гладкомъ хребтѣ осетра насажены костяныя бляшки. Отношенія скалистыхъ гребней къ площади бэлей у трехъ хребтовъ Тосту, Нэмэгету и Баинъ различны; у Тосту, если въ составъ бэли принять все пространство отъ подошвы хребта до озера, отношеніе скалистой массы къ бэли будетъ, какъ 2 къ 1; у Нэмэгэту какъ 1 къ 1; у Баина какъ 1 къ 2.

Кромѣ Ихи-богдо, которую мы увидѣли еще извнутри ущелья, на одномъ съ нею отдаленномъ планѣ, но восточнѣе ея, появился еще хребетъ болѣе длинный, но менѣе высокій, безъ снѣжныхъ пятенъ; намъ его назвали Бага-богдо. На той же линіи, еще восточнѣе, другой, такой же длинный; монголы, спутники наши, не могли его назвать; мы догадываемся, что это Арцы-богдо; наконецъ, какъ самая восточная высота въ томъ же ряду стоитъ короткій хребетъ съ тремя рогами на гребнѣ. Относительно его мы не можемъ высказать никакой догадки. Подошвы всѣхъ этихъ трехъ горъ скрываются за высокимъ горизонтомъ, образованнымъ бэлью Бага-баина и протянувшимся отъ этой горы до горы Сяври. На западѣ такой же высокій горизонтъ, замыкающій долину, соединяетъ, можетъ быть, только видимымъ образомъ, подошвы Цомцо и Ихи-баина; тутъ изъ-за этого горизонта выдается скалистая вершина горы Джинсатай-хаирханъ, около которой, говорятъ, находится ставка князя Чжономъ-бэйсы. Когда мы глубже спустились въ холай, представилась возможность окинуть взглядомъ и все протяженіе только-что пересѣченнаго и оставшагося сзади хребта; всѣ четыре части его: Цомцо, Нэмэгэту, Гельбинту и Сяври были теперь обращены къ намъ сѣверной стороной. Наружный видъ хребта съ этой стороны отличается отъ южнаго склона. Цомцо и Нэмэгэту на сѣверной сторонѣ вовсе не обособлены, а сливаются въ одинъ цѣльный хребетъ; ущелье, изъ котораго мы вышли, едва намѣчаетъ межу между ними. Сѣверный склонъ хребта скалистѣе и изрѣзанъ ущельями, тогда какъ южный до высоты перевала образуетъ бэль, или ровную не размытую покатость. Ширина хребта Нэмэ-

Digitized by Google

гету около 20 верстъ; длина отъ западнаго конца Цомцо до восточнаго Сяври приблизительно 80 верстъ.

Растительность внутри ущелья гораздо разнообразнѣе, чѣмъ на южной сторонѣ хребта. Prunus pedunculata Pall. (буйлэсу) встрѣчается здѣсь по сухимъ русламъ въ видѣ здоровыхъ кустовъ, а не въ видѣ исковерканныхъ карликовъ, какъ при южной подошвѣ Тосту; онъ достигаетъ здѣсь высоты 2,60 метровъ; стволы его имѣютъ въ окружности при основаніи 15 сантим. На пескѣ, намытомъ дождевыми потоками, разсѣяны экземпляры. Erodium tibetanicum, роскошнѣе которыхъ я не видѣлъ. На скалахъ бросаются въ глаза большіе прижатые къ землѣ листья ревеня (Rheum leucorhizum Pall), который въ это время былъ уже въ плодахъ. Здѣшніе жители употребляютъ корни этого растенія въ пищу; мы сами его употребляли, какъ приправу къ супу и нашли его очень вкуснымъ.

На подножіи хребта растительность начала быстро бѣднѣть; здѣсь появился цзакъ и вскорѣ, кромѣ него да еще другого солянковаго кустарника, не осталось ни какой другой растительности. Да и цзакъ былъ въ видѣ низкихъ до 2—3 ф. высоты кустовъ, которые покрывали все видимое пространство, но всѣ были въ полузасохшемъ состояніи. Зеленыхъ вѣтвей было видно мало; вся заросль состояла изъ однихъ мертвыхъ бѣлыхъ прутьевъ.

На днѣ долины (или холая) замѣтно русло отъ дождеваго потока (арыкъ по здѣшнему), покрытое намытой глиной и заросшее цзакомъ; по краямъ русла чуть чуть замѣтны крошечные ярки; поверхность глины имѣетъ видъ, какъ будто вода, когда она тутъ бываетъ, не течетъ, а образуетъ стоячую лужу. Уровень дна долины находится на высотѣ 1135 метровъ надъ ур. м., слѣдовательно, на 265 метровъ ниже Кобденъ-оботу и на 505 м. ниже уровня Таценъ-холая. Послѣ береговъ Гашіунъ-нора это самая глубокая впадина въ земной поверхности на всемъ пространствѣ между Наньшанемъ и Хангаемъ; даже къ сѣверу отъ Хангая такія ничтожныя высоты начинаютъ встрѣчаться только по Орхону ниже Угэй-нора.

Уюръ по холаю течетъ, повидимому, на западъ; заключаемъ это по направленію арыковъ или дождевыхъ рытвинъ, проходящимъ по бэлямъ.

Мы, можетъ быть, не совсѣмъ правильно называемъ хребтомъ ту возвышенность, которая ограничиваетъ долину съ сѣвера. Это плоская возвышенность съ средней высотой 1500 — 1600 метр. надъ м. и съ заложеніемъ въ 50 верстъ; хребтомъ она кажется только, когда на нее смотришь со стороны. Во всякомъ случаѣ отъ дна долины до скалъ Баинъ дорога представляетъ очень замѣтный подъемъ. На половинѣ высоты отъ дна долины до горы Баинъ на южной покатости хребта издали видна какая-то рубчатость, образующая поясъ, проходящій параллельно подошвѣ хребта. Вблизи она оказалась выходомъ гнейса, въ которомъ отъ размыванія образовались глубокія ущелья, или, какъ ихъ монголы называютъ, хабцылы. Въ одномъ такомъ хабцылѣ предполагался нашъ ночлегъ. Хабцылъ—это рытвина, проходящая поперегъ бэли, имѣющая два растворенія (по-монгольски амынъ), одно нижнее, другое верхнее; вверху рытвина не замыкается горловиной, какъ другія долины или овраги, а открывается на болѣе высокую террасу.

Digitized by Google

Гнейсъ, образующій щеки этой рытвины, съ такими же темными пятнами съ поперечникомъ въ 12—15 сантим., какъ и гранитъ въ горахъ Нэмэгэту и Тосту. Внизу рытвина начинается низкими каменными выходами; но внутри ея щеки поднимаются до 10 ф. высоты и имѣютъ видъ отвѣсныхъ стѣнъ. Въ верхнемъ концѣ рытвины изъ подъ скалы пробивается ручей холодной воды и течетъ по ложу изъ гранитной дресвы; въ нижней части рытвины по дну ея проходитъ только сухое русло, которое, по выходѣ изъ самыхъ нижнихъ выходовъ гнейса, заворачивается на юго-западъ, что и дало мнѣ поводъ заключать объ общемъ направленіи паденія дна холая.

Внутри ущелья растительность опять улучшается; подлѣ русла великолѣпные кусты буйлэса (Prunus pedunculata Pall.), Calligonum'a, а также и тамарикса; есть пять деревьевъ ильма, растущихъ въ одиночку; одно дерево имѣетъ 3,60 метра въ окружности; впрочемъ, тутъ, кажется, срослось нѣсколько экземпляровъ; высота ильмовъ до 3 саженъ; по разсказамъ монголовъ, ильмовъ (монг. хайлясу) много въ горахъ, которыя лежатъ отсюда западнѣе. По кустарникамъ вьется Cynanchum, поднимаясь по стволамъ цзака до высоты въ $1^1/_2$ сажени. Подлѣ текущаго въ рытвинѣ ручья зеленая лужайка, поросшая осокой и злаками, въ томъ числѣ и дэрису.

Въ верхнемъ концѣ, какъ сказано выше, щеки раскрываются [1]); скалы расходятся вразсыпную, образуя отдѣльныя вершины, полузасыпанныя гнейсовой дресвой; выходы гнейса только на вершинахъ холмовъ; промежутки между отдѣльными вершинами заполнены гнейсовымъ солончакомъ, т. е. солончакомъ, состоящимъ изъ глины и гнейсовой дресвы, смѣшанныхъ съ солью. На этой почвѣ растетъ великолѣпный цзаковый лѣсъ; деревья достигаютъ значительной высоты и толщины; высота доходитъ до 4 метровъ, толщина при комлѣ 50—70 сантим. въ поперечникѣ; а главное при такой высотѣ этотъ лѣсъ былъ довольно густъ.

Отъ стоянки въ Хабцылѣ мы шли два дня, въ первый въ теченіи 6 часовъ, во второй 8, и все-таки не пересѣкли возвышенность, отдѣляющую пройденный холай отъ лежащей сѣвернѣе долины р. Легъ. Въ первый день дорога шла все время въ гору, между невысокими до 100—200 ф. и менѣе холмами, по дну залегающей между ними долины или даже по проходящему между ними сухому руслу. Русло, вмѣсто песку, занесено гнейсовой дресвой. Кромѣ дресвы, уюры гобійскаго Алтая несутъ по русламъ массу овечьяго помета; поэтому на сухихъ руслахъ часто встрѣчаются отложенныя водой грядки этого оригинальнаго наноса. Такія отложенія встрѣчались намъ и здѣсь, что свидѣтельствовало о присутствіи овечьихъ стадъ, а слѣдовательно и людей въ этихъ горахъ. Мы однако никого въ нихъ не встрѣтили. Уюры, замывая пескомъ и дресвой накопанныя въ ихъ руслахъ колодези, заваливаютъ ихъ также и овечьимъ пометомъ, отчего вода въ колодезяхъ портится.

---

[1]) Не такія же ли ущелья съ двойнымъ растворенiемъ или съ двумя амнами называются по монгольски дзюхэ. Ср. Гашіунъ-дзухэ въ Очеркахъ с. з. Монголіи, вып. I, стр. 184. Къ типу подобныхъ овраговъ принадлежатъ овраги на урочищахъ Шибугуръ (см. выш. стр. 472) и Кобденъ-оботу (стр. 473), а также въ сѣверо-западной Монголіи, кромѣ Гашіунъ-дзюхэ, также и долина Санъ-та-ху у сѣверной подошвы Тянь-шаня (Очерки, I, 146—149).

Digitized by Google

Колодезь Хара-усу, на которомъ наши проводники торгоуты разчитывали остановиться на ночлегъ, оказался испорченнымъ навалившимся на него навозомъ. Поэтому мы пошли дальше по той же долинѣ и остановились въ мѣстности Борошянды, между гранитными холмами. Тутъ два колодезя; одинъ былъ открытый, но въ немъ вода такъ насытилась солями, что не годилась для употребленія; другой колодезь былъ замытъ уюромъ до такой степени, что его присутствіе обозначалось только сыростью, выступавшей на земной поверхности среди заросли дэрисуна. Наши люди расчистили яму и получили хорошую воду.

Хотя названіе сосѣднихъ горъ Баинъ помонгольски значитъ «богатыя», но особеннаго богатства въ подножныхъ кормахъ тутъ нѣтъ; флора на скалахъ и на днѣ долинъ не бѣднѣе, чѣмъ на другихъ здѣшнихъ горахъ, но кормовъ на нашей стоянкѣ вовсе не было; слѣды недавней человѣческой стоянки, найденные у колодезя, показывали, что тутъ былъ кормъ, но онъ былъ до такой степени вытравленъ, что стоянка имѣла видъ полной пустыни.

На слѣдующемъ переходѣ мы пересѣкли скалистыя горы, которыя, въ отличіе отъ болѣе западнаго кряжа, носятъ спеціальное названіе Бага-баинъ, то есть „малыя богатыя“. Онѣ сложены изъ кремнистаго сланца, частью толстослоистаго, частью мелкослоистаго съ простираніемъ NE 48°, и уже издали рѣзко отличаются своимъ темнымъ цвѣтомъ отъ болѣе свѣтлой поверхности гнейсовыхъ обнаженій, господствующихъ на плоской возвышенности къ югу отъ нихъ. Эти горы, какъ и лежащія западнѣе Ихи-баинъ «большія богатыя», издали представляются зубчатымъ кряжемъ, насажденнымъ на гнейсовую плоскую возвышенность.

Вошедши въ одно изъ ущелій горъ Бага-баинъ, дорога продолжаетъ подниматься по пологому дну его на перевалъ; высшая точка перевала находится на высотѣ 1730 метровъ надъ уровнемъ моря. Спуска на сѣверной сторонѣ перевала почти нѣтъ; изъ изголовья ущелья дорога сходитъ въ мелкосопочникъ, состоящій изъ гнейса, прорѣзаннаго жилами темной съ зеленоватымъ оттѣнкомъ породы, дающей при разрушеніи черный щебень. Дно ложбинъ и впадинъ застлано гнейсовой бѣлой, сверкающей на солнцѣ, дресвой; по этому снѣжно бѣлому фону разсыпаны кусочки черной породы изъ жилъ. Благодаря такому виду, эта мѣстность называется Баинъ-цаганъ, «богатая бѣлая». Отъ перевала мы еще шли 4 часа съ половиной и на ночлегъ остановились у колодезя Цаганъ-тологой.

Этотъ колодезь находится въ 18 верстахъ отъ р. Легъ, которая лежала намъ на пути. О существованіи этой рѣки мы слышали еще въ 1877 г., когда собирали разспросныя свѣдѣнія въ Баркулѣ; потомъ подробнѣе объ ней мы узнали изъ разспросовъ, которые дѣлали о дорогахъ черезъ центральную Монголію во время зимовки въ монастырѣ Гумбумѣ. Тогда же мы услышали, что на этомъ урочищѣ производится хлѣбопашество. Земледѣліе среди Гоби, одно уже это обстоятельство дѣлаетъ эту мѣстность чрезвычайно замѣчательной; кромѣ того она интересна и какъ пунктъ пересѣченія караванныхъ путей; черезъ нее направляются ѣдущіе изъ Хангая на Едзинъ-голъ; черезъ нее же идутъ караваны изъ Хобдо и Улясутая въ Хухухото. Во время нашего пребыванія въ городѣ Баркулѣ въ 1877 г. туда пришелъ

Digitized by Google

караванъ изъ Хуху-хото, который шелъ черезъ Легъ. Показаніями людей этого каравана воспользовался П. А. Рафаиловъ, чтобы положить на карту баркульско-хухухотинскій караванный путь. Въ то же время и Легъ впервые появился на русской картѣ.

Отъ стоянки у Цаганъ-тологоя, находившейся на высотѣ 1670 метр. надъ уровнемъ моря, мы пошли по долинѣ, лежащей между невысокими гранитными холмами, и такъ шли до самого выхода изъ горъ на легскую плоскость, незамѣтно спускаясь къ уровню послѣдней. У выхода изъ ущелья гранитъ смѣняется глинистымъ сланцемъ съ простираніемъ NE 40°. Въ этомъ мѣстѣ А. И. Скасси во время съемки замѣтилъ отклоненіе стрѣлки компаса на 8°. Выйдя изъ горъ, мы увидѣли долину р. Лега. Она представляетъ степь въ 20 верстъ шириной, на сѣверной окраинѣ которой возвышаются высокіе хребты, протянувшіеся съ запада на востокъ. Противъ западнаго конца долины Лега въ видѣ крутой стѣны поднимается Ихи-богдо; восточнѣе ея Бага-богдо, Дзюнъ-богдо и Арцы-богдо. Западный горизонтъ замкнутъ возвышенностями, между которыми также есть скалистыя, но названій ихъ я не узналъ. На востокѣ долина болѣе открыта. На самой долинѣ также есть неровности и даже скалистые гребни; такъ къ югу отъ Бага-богдо виденъ скалистый, судя по свѣтлой окраскѣ вѣроятно гранитный, хребетъ Халбынты, далеко выдвинувшійся на югъ, но все-таки лежащій на лѣвомъ берегу Лега. Внизъ по долинѣ Лега—Легъ течетъ съ запада на востокъ—виденъ отдѣльный высокій холмъ или сопка съ крутыми боками; это Хоттунъ-суутылъ.

Пересѣкши песчаную степь, залегающую между горами Баинъ-цаганъ и р. Легомъ и имѣщую очень бѣдную растительность, среди которой господствуетъ багалуръ (Anabasis brevifolia), мы остановились на лѣвомъ берегу самого южнаго изъ арыковъ, выведенныхъ изъ Лега для орошенія пашенъ. Высота этого мѣста надъ уровнемъ моря равняется 1440 метрамъ, слѣдовательно оно лежитъ почти на одной высотѣ съ Кобденъ-оботу, и на 300 метровъ выше впадины, раздѣляющей Баинъ отъ Нэмэгэту, горная же возвышенность, залегающая между этой впадиной и долиной Лега, возвышается надъ долиной Лега только на 200 метровъ; перевалъ черезъ горы Баинъ, поднимающійся надъ южной впадиной на 500 метровъ, надъ легской степью возвышается только на 300 метровъ.

До русла рѣки мы не дошли. Долина Лега въ тѣсномъ смыслѣ имѣетъ 100 саженъ ширины и проходитъ между невысокими гранитными холмами. Встрѣчаются тутъ также и обнаженія изъ глинистаго сланца, богатаго прожилками кварца. Есть цѣлые холмы изъ одного кварца. Одинъ изъ холмовъ на лѣвой сторонѣ долины, ниже нашей стоянки, носитъ названіе Маджи-тологой. Въ долинѣ расположены пашни; на нихъ сѣютъ ячмень и пшеницу. Мы застали здѣсь до десятка юртъ, въ которыхъ жили жнецы, собравшіеся сюда изъ-за Ихи-богдо, вообще изъ владѣній Ламэнъ-гэгэна. По ихъ словамъ, они должны прожить здѣсь еще 20 дней, и затѣмъ вернуться домой. Слѣдовательно по ихъ разсчету жатва должна была кончиться около 20 сентября.

Вода Лега, когда бываютъ многоводные уюры, доходитъ на востокѣ до уроч. Хара-нидунъ-хобыръ.

Digitized by Google

А. И. Скасси убилъ здѣсь саксаульскаго сойку Podoces Hendersoni Hume; здѣсь видѣли мы также и стада бульдуруковъ, которыхъ здѣшніе монголы зовутъ нохтуру.

Мы простояли здѣсь два дня, исключая день прихода (т. е. 27 и 28 августа). Въ одинъ изъ этихъ дней по лѣвой сторонѣ Лега мимо насъ прошелъ караванъ на 60 верблюдахъ въ направленіи на востокъ. Меридіанъ, вдоль котораго мы шли, пересѣкаетъ нѣсколько поперечныхъ дорогъ, соединяющихъ застѣпный Китай съ западомъ. Самая южная Та-лу, соединяющая Лань-чжоу съ Хами. Сѣвернѣе, при Легѣ, онъ пересѣкаетъ дорогу, идущую изъ Хами въ Хуху-хото; по сѣверную сторону горы Ихи-богдо, т. е. по долинѣ озеръ проходитъ третья дорога, тоже ведущая въ Хуху-хото; по этой дорогѣ прошелъ г. Пѣвцовъ въ 1879 г.; она называется почему-то Кэримъ-цзамъ, «стѣпною дорогой»; дорога же черезъ Легъ въ отличіе отъ той зовется Убуръ-цзамъ, «южною», собственно «переднею дорогой». Сѣвернѣе, по южную же сторону Хангая, проходитъ почтовая дорога изъ Улассутая въ Калганъ, а по сѣверной сторонѣ Хангая, другая почтовая изъ Улассутая въ Ургу. Самое важное государственное значеніе имѣетъ Та-лу; по ней Восточный Туркестанъ снабжается войсками, военными снарядами, продовольствіемъ и серебромъ. Когда мятежи прерываютъ это сообщеніе—и государственное снабженіе и торговля направляются по хангайскимъ дорогамъ.

Такъ какъ мы держали нашъ путь на хитъ Ламэнъ-гегена въ Хангаѣ, то нашъ караванъ долженъ былъ идти на озеро Орокъ-норъ, а дорога къ нему съ Лега идетъ черезъ восточное крыло Ихи-богдо; наши подводчики выбрали перевалъ Убтенъ-дабанъ, самый прямой, но за то самый высокій и ближайшій къ бѣлку [1]). И дѣйствительно, снявшись съ мѣста, нашъ караванъ направился къ той части гребня хребта, которая прилегаетъ къ снѣжному полю съ востока. Хребетъ Ихи-богдо съ юга имѣетъ очень крутой скатъ и поднимается надъ долиной Лега, какъ стѣна, почти не выдвигая предгорій, которыя бы заслоняли видъ на его подошву. Такой же крутизны, если не больше, и сѣверный скатъ, какъ мы потомъ увидѣли съ береговъ Орокъ-нора. Ширина хребта 22 версты. Доступъ къ вершинѣ трудный; мы отказались сдѣлать попытку подняться къ снѣжной линіи, потому что караванъ шелъ на наемныхъ верблюдахъ, и задержка ихъ на нѣсколько лишнихъ дней могла вызвать ропотъ подводчиковъ. Лѣсу на хребтѣ не видно, да и по словамъ туземцевъ въ ущельяхъ есть только кустарники. Рѣчекъ изъ хребта не течетъ ни на югъ, ни на сѣверъ; въ ущельяхъ есть только малыя воды, ключи и колодези. Рѣка Легъ по разсказамъ тарачиновъ беретъ начало не въ хребтѣ, а на равнинѣ къ югу отъ его подошвы. Русло Лега мы пересѣкли въ 15 верстахъ не доходя до подошвы хребта; оно имѣло 20 саженъ ширины, но было совершенно сухое. Судя по застругамъ песка, вода сбѣгаетъ по ложу на востокъ. Вся вода рѣки отведена въ арыки, проведенные къ югу отъ этого русла. Мы пересѣкли два такихъ арыка почти у бывшей нашей стоянки и за тѣмъ болѣе не встрѣчали воды до самыхъ

[1]) Впрочемъ есть перевалъ, который еще ближе къ бѣлку; онъ лежитъ къ западу отъ Убтенъ-дабана и называется Хустенъ-дабанъ (или Хусту).

Digitized by Google

горъ. Къ югу отъ сухого русла лежитъ плоское пространство съ глинисто-солончаковой почвой, поросшее разными солянковыми; у самаго русла намъ пришлось пройдти черезъ густую рощу не высокихъ, но здоровыхъ цзаковъ (Haloxylon Ammodendron Bge), которые стояли въ это время въ плодахъ; плоды въ видѣ желтыхъ блюдечекъ усѣивали вѣтви деревьевъ.

Къ сѣверу отъ русла до подошвы горъ дорога пересѣкаетъ каменистую степь со скудной мелкой степной растительностью; на ней очень много попадается халцедоновъ; говорятъ, что попадаются экземпляры въ кулакъ величиною [1]). О нахожденіи здѣсь халцедоновъ упоминаетъ и китаецъ Фань-шао-куйа, который здѣсь проходилъ въ 1721 г. Дневникъ этого китайца въ переводѣ П. С. Попова помѣщенъ въ Запискахъ И. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., т. V; о Легѣ говорится на стр. 185 [2]).

Холмы, которые образуютъ подошву Ихи-богдо, сразу обратили на себя наше вниманіе своимъ необыкновеннымъ очертаніемъ; они имѣютъ ровный горизонтальный гребень, какъ будто это окраина террасы; гребень прерывается рытвинами, или, пожалуй, ущельями, но по другую сторону перерыва опять продолжается такой же горизонтальный гребень. Намъ не случилось побывать на гребнѣ этихъ предгорій, но мы не сомнѣваемся, что дѣйствительно они имѣютъ на верху горизонтальныя площади. Внутри этихъ предгорій, мы и остановились на ночлегъ. Мѣстность ночлега намъ назвали Кяхту.

Холмы оказались состоящими изъ базальта съ сферической отдѣльностью; въ валунахъ встрѣчались ноздреватые образчики, въ обнаженіяхъ же порода съ рѣдкими полостями и совсѣмъ безъ нихъ. Небольшое обнаженіе этой породы съ шаровидною отдѣльностью было и около нашей стоянки на Легѣ. Темная порода, прорѣзывающая гнейсы въ Баинъ-цаганѣ, къ ю. отъ Лега, въ свѣжемъ изломѣ также напоминаетъ эти кяхтинскіе базальты [3]).

На другой день мы разсчитывали быть уже на Орокъ-норѣ, но начавшійся съ утра дождь, промочившій насъ насквозь, заставилъ, не дойдя до вершины перевала, остановиться въ верстѣ отъ колодезя, въ которомъ вода была сильно настояна овечьимъ навозомъ. 31 августа, т. е. на третій день по выходѣ съ Лега, мы шли между тѣми же базальтовыми горами, то имѣвшими видъ обрывовъ столовой площади, то скалистыхъ грядъ. Ближе къ вершинѣ перевала базальты смѣнились гранитами, но и на самой вершинѣ перевала разсыпаны изобильно большіе обломки базальта. Гранитъ крупно зернистый; на нѣкоторыхъ обломкахъ я замѣтилъ, что оси кристалловъ полеваго шпата расположены параллельно; кристаллы имѣютъ до 2 сантим. длины и около 1 сантим. толщины. Высота перевала 2534 метра. Высокогорный

---

[1]) По разсказамъ халцедоны попадаются и на степи прилегающей къ сѣверному склону хребта.

[2]) Пріуроченіе маршрута Фань-шао-куйа я дѣлалъ въ Очеркахъ, I, 197 и въ статьѣ: Разспросныя свѣдѣнія о странѣ между Наньшанемъ, Хангаемъ и пр. въ Извѣстіяхъ Геогр. Общ., т. XXIII, стр. 8 (отд. оттискъ).

[3]) Кяхтинскіе базальты изслѣдованы П. Н. Венюковымъ и описаны въ его статьѣ: «Базальты Монголіи», помѣщенной въ «Записк. Имп. Минер. Общ.», ч. XXV (стр. 18 отд. оттиска).

Digitized by Google

характеръ растительности отмѣтили, по крайней мѣрѣ въ эту пору года, только два растенія Arenaria capillaris Poir. var. glandulosa Fzl. и Dracocephalum sp.

На самомъ перевалѣ мы увидѣли два кэрэксура, расположенные рядомъ. Это были первые кэрэксуры (древнія могилы), встрѣченные нами на этой дорогѣ [1]). Тутъ намъ встрѣтился халха, охотникъ за тарбаганами (сурками), норами которыхъ покрыты плоскія горы Убтенъ-нуру (т. е. горы вокругъ перевала); онъ намъ передалъ преданіе, что кэрэксуры сложилъ народъ Цаганъ-Баргунъ [2]); онъ хоронилъ въ нихъ своихъ покойниковъ. По другому показанію въ этихъ насыпяхъ спрятано зерно войсками Чингисъ-хана. Восточнѣе лежащій кэрэксуръ (см. рис. 28 и 29) [3]) имѣлъ видъ круглой насыпи, обнесенной квадратной оградой или правильнѣе каймой изъ камней; на углахъ квадрата небольшія круглыя насыпи изъ камней. Центральная насыпь, сложенная изъ камней, въ срединѣ осѣла, что выразилось тѣмъ, что тутъ крупныя глыбы или плиты лежатъ въ безпорядкѣ, торчатъ въ воздухѣ однимъ концомъ, угрузли въ насыпь другимъ, и между глыбами видны не заполненные промежутки, идущіе внутрь насыпи въ видѣ норъ. Длина бока квадрата 30 шаговъ; окружность центральной насыпи 50 шаговъ; высота ея 4 фута. Въ 10 шагахъ отъ каймы съ сѣверной сто-

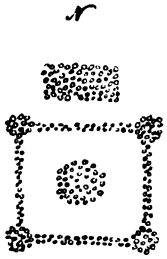


Рис. 28.

Рис. 29.

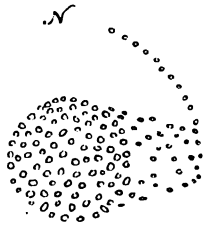


Рис. 30.

роны плоская прямоугольная насыпь изъ камней въ одинъ слой: западный и восточный ея бока по 7 шаговъ, сѣверный и южный около 20.

Спускъ съ перевала идетъ по длинному ущелью, дно котораго каменисто. Бока ущелья состоятъ изъ глинистыхъ сланцевъ чернаго и зеленоватаго; простираніе глинистаго сланца съ с.-з. на ю.-в. Въ вершинахъ ущелья есть выходъ сіенита. На днѣ долины еще встрѣтился кэрэксуръ; онъ имѣлъ видъ (см. рис. 29) круглой насыпи, расположенной на скатѣ горы, обращенномъ на востокъ; отъ насыпи на востокъ внизъ по скату выложена камнями въ одинъ слой площадка, какъ бы мостовая, съужпвающаяся книзу. Отъ конца ея идетъ на сѣверъ выложенная камнями въ одинъ рядъ дугообразная линія, которая можетъ быть есть только остатокъ когда-то бывшаго полнаго круга, облегавшаго насыпь со всѣхъ сторонъ.

Еще извнутри долины открылся видъ на равнину Орокъ-нора; показались часть

---

[1]) На разспросы наши у халхасцевъ, съ которыми мы встрѣчались въ Амдо (въ Гумбумѣ), гдѣ встрѣчаются первые кэрэксуры по дорогѣ съ Едзина въ Хангай, намъ отвѣчали, что къ сѣверу отъ мѣстности Баинъ-цаганъ, но мы ни на Баинъ-цаганѣ, ни при южной подошвѣ Ихи-богдо кэрэксуровъ не замѣтили.

[2]) Во II томѣ, на стр. 311 по ошибкѣ напечатано Цаганъ-баргутъ.

[3]) На рис. 28 представленъ планъ этого кэрэксура; на рис. 29 этотъ же кэрэксуръ въ перспективѣ.

Digitized by Google

озера, степь, окружающая его съ сѣвера и вдали синія горы, то есть Хангай, но разступившіяся было горы вскорѣ вновь сомкнулись. Снова мы увидѣли озерную равнину только, когда совсѣмъ вышли изъ горъ.

Между озеромъ и сѣверной подошвой хребта Ихи-богдо лежитъ узкая, но крутая бэль. Озеро имѣетъ длины 20 верстъ, ширины до 5 верстъ; растянуто съ востока на западъ. Съ сѣвера въ озеро вливается р. Туй или Туинъ-голъ; устье ея находится въ сѣверномъ берегу, какъ разъ на срединѣ между западнымъ и восточнымъ концами озера. Вода въ озерѣ прѣсная. Мѣстные жители передавали намъ, что года три, четыре назадъ озеро высохло такъ, что люди и скотъ бродили черезъ него. Во время этой засухи на обнажившихся берегахъ много осталось уснувшей рыбы, которою питались птицы. Нынѣ въ озерѣ вода была большая.

По южному берегу, который, какъ и другіе берега, плоскій, выступаютъ ключи; отъ нихъ образуется не широкій лугъ вдоль озера, на которомъ растутъ Ranunculus plantaginifolius Murr., Saussurea crassifolia Dec., Falcaria (?), Tripolium vulgare Nees., Inula Britannica L., Taraxacum corniculatum Dec., Veronica Anagallis L., Ver. ciliata Fisch., Polygonum sp. и осоки. На берегахъ озера были многочисленныя стада гусей, ангыровъ (Cazarca rutila), утокъ и куликовъ. На этомъ берегу и остановился нашъ караванъ почти противъ устья Туинъ-гола возлѣ юртъ какихъ-бѣдныхъ монголовъ.

Это былъ четвертый случай пересѣченія системы монгольскаго Алтая, сдѣланный мною. Въ первый разъ я пересѣкъ его вмѣстѣ съ П. А. Рафаиловымъ въ 1876 г. на пути изъ долины Чернаго Иртыша въ гор. Хобдо; во второй въ слѣдующемъ 1877 году по дорогѣ изъ Хобдо въ Баркуль, въ вершинахъ р. Барлукъ; въ третій въ томъ же году осенью по дорогѣ изъ Хами въ Уляссутай. Въ меридіанѣ Едзинъ-гола Алтайская система не представляетъ такой связности, какъ на западѣ; она состоитъ здѣсь изъ четырехъ или, по крайней мѣрѣ, трехъ цѣпей, кажущихся самостоятельными; эти цѣпи раздѣлены другъ отъ друга продольными долинами, такъ называемыми холо или холай, «горлами», не замкнутыми ни на востокѣ, ни на западѣ. Изъ трехъ продольныхъ долинъ самою глубокою оказывается та, которая проходитъ между цѣпями Нэмэгэту и Баинъ-цаганомъ (см. рис. 27); долина же Лега оказывается изъ всѣхъ трехъ наименѣе углубленною, такъ что гранитный Баинъ-цаганъ какъ будто составляетъ одно тѣло съ лежащей сѣвернѣе цѣпью Ихи-богдо. Изъ цѣпей самыми высокими оказываются окраинныя, южная и сѣверная; послѣдняя достигаетъ линіи вѣчныхъ снѣговъ; и въ западныхъ меридіанахъ иногда на сѣверной цѣпи встрѣчаются бѣлки, какъ наприм. Часту-богдо.

Оригинальный видъ здѣшнимъ хребтамъ придаетъ необыкновенное развитіе ихъ подножій, такъ называемыхъ по-монгольски бэлей. Получается такое впечатлѣніе, какъ будто эти хребты были до половины своей высоты погружены въ воды и подъ водой на ихъ подножія отлагались наносы, сглаживаемые водными теченіями. Можетъ быть ровные скаты, окружающіе хребты гобійскаго Алтая, какъ широкія панели, произошли и не подъ водой; я употребилъ это выраженіе только, какъ средство придать болѣе наглядности описанію. Особенно замѣчателенъ видъ

Digitized by Google

на Баинъ-цаганъ съ юга; хребетъ представляетъ собою плоскую возвышенность, протянувшуюся съ запада на востокъ: на ея широкомъ гребнѣ насажденъ рядъ скалистыхъ сравнительно незначительныхъ высотъ. Когда смотришь на Баинъ-цаганъ съ юга, изъ долины хребта Нэмэгэту, то кажется будто скалистыя вершины стоятъ не на Баинъ-цаганѣ, а на заднемъ планѣ и высовываются изъ-за горизонта, который образованъ бэлью.

Водами, какъ видно изъ предъидущаго описанія, гобійскій Алтай крайне бѣденъ; р. Легъ самая большая вода въ немъ; можетъ быть другую такую же слѣдуетъ видѣть въ р. Цзуулгана. Изъ поперечныхъ долинъ выходятъ на дно продольныхъ сухія русла, по которымъ текутъ временные уюры; въ нѣкоторыхъ такихъ руслахъ подъ почвой сочится влага, но она рѣдко выступаетъ на дневную поверхность въ видѣ смоченной лужайки, еще рѣже въ видѣ ничтожнаго ручейка. Чаще ея присутствіе обнаруживается копанями.

Растительность въ гобійскомъ Алтаѣ очень бѣдная. Въ лучшихъ условіяхъ она находится въ ущельяхъ или скалистыхъ оврагахъ хребтовъ; здѣсь на скалахъ, а также на днѣ ущелій встрѣчаются, хотя и крайне рѣдко разсаженныя, растенія, но имѣющіе, хотя и не всегда, здоровый видъ, или, вѣрнѣе сказать, здѣсь чаще всего встрѣчаются здоровыя особи. На скалахъ здѣсь встрѣчаются Lagochilus ilicifolius Bge, Statice sp., Ptilagrostis mongolica Ledeb., Stipa orientalis Trin., Thalictrum foetidum L., Zygophyllum Rosovii Bge, Z. Potanini Maxim., Clematis fruticosa Turcz, Nepeta botryoides Ait., Sisymbrium heteromallum C. A. Mey.; украшеніемъ скалъ служатъ Caryopteris mongolica Bge и Incarvillea Potanini Batal., послѣдняя впрочемъ только, кажется, въ самой южной цѣпи, т. е. въ Тосту. По всему гобійскому Алтаю распространенъ Rheum leucorhizum Pall.; чаще всего онъ встрѣчается на скалахъ, покрывая ихъ поверхность своими широкими стелящимися листьями; но спускается иногда и на бэли. На голой же скалѣ или на каменистой почвѣ на днѣ долинъ обильно растетъ здѣсь Tribulus terrestris L.; ни гдѣ въ Монголіи я не встрѣчалъ этого растенія въ такомъ обиліи и такими разростающимися экземплярами, какъ здѣсь; особенно роскошно оно растетъ при сѣверной подошвѣ Баинъ-цагана; плети разныхъ особей пересѣкаются и напоминаютъ тѣ сѣтки или паутину, которую образуетъ на землѣ своимъ развѣтвленіемъ Lespedeza въ Ордосѣ; тутъ встрѣчаются площади въ 10 и болѣе саженъ, сплошь покрытыя трибулусомъ; нѣкоторыя плети имѣютъ до 1,30 метра длиной. Самыя большія заросли трибулуса, кажется, бываютъ около нижнихъ амыновъ ущелій.

Въ долинѣ Лега на горныхъ скатахъ обильно встрѣчается Güldenstaedtia monophylla Fisch.; въ тѣхъ же условіяхъ въ той же долинѣ, а также на Баинъ-цаганѣ растетъ кажется Cousinia sp.; мнѣ удалось накопать только очень толстыхъ корней этого растенія съ корневыми листьями; ни въ цвѣту, ни въ плодахъ я его не видалъ. По разсказамъ жителей оно цвѣтетъ въ 4-й лунѣ желтыми цвѣтами; корни дѣти ѣдятъ.

По дну долинъ на рыхлыхъ песчаныхъ сухихъ руслахъ: Ptilotrichum canescens Bge, Leonurus lanatus Pers., Erodium tibetanum Edg., Scutellaria orientalis

Digitized by Google

L., Silene mongolica Maxim., Convolvulus Ammani Desr, Hypecoum erectum L., Nonnea lutea Rchb., Sympegma sp. (кустарникъ до 2 ф. высоты). На солончакахъ, встрѣчающихся внутри горныхъ долинъ, стелятся длиныя плети бобоваго Astragalus.

Растительность на бэляхъ отличается однообразіемъ; тутъ господствуютъ только три растенія: багалуръ, Anabasis brevifolia C. A. Mey., ойрукъ (Potaninia mongolica Maxim) и Allium tenuissimum L., по-монгол. танà. Иногда изъ двухъ упомянутыхъ кустарниковъ который нибудь одинъ овладѣваетъ почвой и тогда на всемъ видимомъ пространствѣ ничего не видно кромѣ ойрука или багалура; встрѣчаются также заросли Eurotia ceratoides C. A. Mey.; и изрѣдка Stipa orientalis Trin. Вдоль дождевыхъ рытвинъ, идущихъ поперегъ бэли, изрѣдка сидятъ кусты буйлэса (Prunus pedunculata Pall.) и караганы. Чѣмъ ниже спускаешься по бэли, тѣмъ эта растительность становится рѣже и нездоровѣе.

Дно холаевъ, т. е. продольныхъ долинъ занято зарослями цзака, но побольшей части въ омертвѣломъ состояніи. Лучшія условія цзакъ находитъ въ верхнихъ «амынахъ» или отверзстіяхъ овраговъ, пересѣкающихъ бэли, гдѣ повидимому бываютъ скопленія подпочвенной воды. Самые большіе цзаки по разсказамъ туземцевъ находятся въ урочищахъ Кобдо и Тэхисъ (послѣднее находится среди продольной долины между хребтомъ Сяври и восточнымъ продолженіемъ Тосту). Буйлэсъ (Prunus pedunculata Pall.) также внутри ущелій роскошнѣе, чѣмъ на горячихъ и сухихъ бэляхъ; въ горахъ Нэмэгэту кусты буйлэса, растущіе рядомъ съ зарослью тростника, напомнили намъ совершенно такое же соединеніе, встрѣченное нами въ 1877 году въ долинѣ Тугурюка, въ западной части гобійскаго Алтая.

Кромѣ цзака, въ гобійскомъ Алтаѣ встрѣчаются еще деревья: ефратскій тополь и хайлясу (Ulmus campestris L.). Ивняка и жимолости, по разсказамъ, въ этихъ горахъ нѣтъ.

Интересно нахожденіе въ гобійскомъ Алтаѣ чеснеи (Chesneya mongolica Maxim.); она найдена мною на западномъ берегу Орокъ-нора. Это растеніе впервые открыто Пржевальскимъ въ Алашани; потомъ я встрѣтилъ его на западномъ берегу Киргизъ-нора. Орокъ-норское мѣстонахожденіе находится въ серединѣ между Алашанемъ и Киргизъ-норомъ. Чеснея стоитъ не одиноко. Кустарникъ ойрукъ, какъ и чеснея, найденъ впервые, какъ мнѣ говорилъ покойный К. И. Максимовичъ, Пржевальскимъ въ Алашани; потомъ я вывезъ его изъ западной части гобійскаго Алтая въ 1877 г. Въ гобійскомъ Алтаѣ является родъ Incarvillea; хотя гобійскій видъ выдѣленъ А. Ѳ. Баталинымъ въ особый, но другіе виды распространены только въ сѣверномъ и западномъ Китаѣ. Гашіунская впадина, узкой полосой проходящая по центральной Азіи съ запада на востокъ или съ с-з. на ю-в., часть предполагаемаго древняго средиземнаго моря, такъ называемаго ханьхай, дѣлитъ центральную Монголію на сѣверо-восточную и юго-западную. Мы выше замѣтили, что къ югу отъ хань-хая чжунгарская флора разселяется далеко къ юго-востоку и доходитъ до Гао-тая на Едзинѣ (Хэй-хо); здѣсь мы встрѣтили чжунгарскія растенія Dodartia orientalis L., Alhagi camelorum Fisch. и Karelinia caspia Less. Пржевальскій встрѣтилъ въ Алашани Capparis herbacea Willd., ко-

Digitized by Google

торый я находилъ въ окрестностяхъ Хами [1]). Къ сѣверу отъ хань-хая этихъ растеній нѣтъ; вмѣсто того по сѣверной окраинѣ хань-хая распространяются алашаньскія растенія: Chesnéya mongolica Maxim. до Киргизъ-нора [2]), ойрукъ (Potaninia mongolica Maxim.) до пересѣченія гобійскаго Алтая дорогой изъ Улясутая въ Хами; Caryopteris mongolica Bge до Баинъ-цагана, а можетъ быть и западнѣе. Любопытно, что одинаковое распространеніе съ чеснеей имѣетъ одна птица Podoces Hendersoni. Пржевальскій нашелъ ее въ Алашани; потомъ М. М. Березовскій находилъ ее во множествѣ въ окрестностяхъ Хобдо около озера Хара-усу и сѣвернѣе; птица кажется распространяется до береговъ Киргизъ-нора, т. е. до пункта крайняго распространенія чеснеи. А. И. Скасси застрѣлилъ одинъ экземпляръ на перевалѣ черезъ хребетъ Нэмэгэту. Этотъ послѣдній случай также связываетъ алашаньское мѣстонахожденіе саксаульной сойки съ киргизъ-норскимъ, какъ встрѣча чеснеи на Орокъ-норѣ устанавливаетъ непрерывность распространенія этого растенія отъ Алашани до Киргизъ-нора. Изолированное нахожденіе кольчатаго фазана (Phasianus torquatus) въ долинѣ р. Хобдо, который кромѣ этой долины нигдѣ въ остальныхъ частяхъ сѣверозападной Монголіи не встрѣчается и вновь появляется только въ Ордосѣ, можетъ быть, есть также остатокъ иного распредѣленія животныхъ и растительныхъ формъ [3]).

---

[1]) А. И. Скасси говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ кустъ каперсовъ (Capparis herbacea Willd.) на старомъ и сухомъ песчаномъ руслѣ около дер. Ша-хэ (къ востоку отъ Гао-тая).

[2]) Здѣсь это растеніе близко подходитъ къ сѣверо-восточной границѣ чжунгарскаго растенія Ceratocarpus arenarius L., которое встрѣчается около монастыря Улангомъ.

[3]) Какой фазанъ живетъ на Едзинѣ близъ Гао-тая и ниже, мы не убѣдились наблюденіемъ; птица не была застрѣлена.

Digitized by Google

V.

Хангай.

Долина рѣки Туй.— Хитъ Ламэнъ-гэгэна.— Долина р. Урту-тамира.— Озеро Угэй.— Хошунъ Барунъ-гуна.— Орхонъ; базальты на Орхонѣ.— Ставка Дачинъ-вана. — Монастырь Амуръ-байсахылынъ.— Выходъ на Селенгу.— Нижняя переправа черезъ Орхонъ.— Кяхта.

Хангайскій хребетъ не поднимается надъ равниной озера такой крутой стѣной, какъ Ихи-богдо; гребень его находится отъ озера въ 120 верстахъ; къ озеру онъ высылаетъ мелкія предгорья, которыя и образуютъ сѣверную кайму озерной впадины. На сѣверной сторонѣ озера въ 20 вер. отъ него тянутся съ перерывами въ направленіи съ з. на в. скалистыя, но съ ровными гребнями, гряды; на западѣ двѣ гряды съ промежуткомъ между ними называются однимъ именемъ Хоцу; отъ нихъ къ востоку тянется гряда Боро-обо. Въ промежуткѣ между двумя Хоцу проходитъ Туинъ-голъ; между восточнымъ Хоцу и Боро-обо проходитъ сухая долина; такая же сухая, но болѣе широкая долина проходитъ и къ западу отъ западной Хоцу; по этой долинѣ, говорили монголы, долженъ пройдти нашъ караванъ по дорогѣ къ вершинамъ Туинъ-гола. Западный бокъ этой долины ограниченъ скалистымъ хребтомъ Наринъ-хара почти такой же высоты, какъ и Хоцу или Боро-обо. Прямо на западѣ горизонтъ образованъ высокимъ уровнемъ бэли, идущей отъ Ихи-богдо. Изъ-за этого уровня выглядываютъ скалистыя вершины Таритъ или Бахыръ. На востокъ отъ Орокъ-нора, между грядой Боро-обо на сѣверѣ и Бага-богдо (она же Дзюнъ-богдо) на югѣ видна широкая степь; на ней глазъ различаетъ только бугристые пески, а другихъ неровностей нѣтъ. Въ промежуткѣ между Хоцу и Боро-обо на дальнемъ горизонтѣ виденъ синѣющійся хребетъ; это, говорили намъ, горы Ошкёгъ, лежащія въ хошунѣ князя Сайнъ-нойона. На югъ отъ озера проходитъ хребетъ, черезъ который мы перевалили и который соединяетъ Ихи-богдо съ Бага-богдо; послѣдняя послѣ ненастья, бывшаго 30 августа, также покрылась снѣгомъ.

Впадина, въ которой лежитъ озеро Орокъ-норъ, простирается на западъ до береговъ озера Буунъ-цаганъ-норъ и на востокъ до оз. Уланъ-норъ, которое представляетъ разливъ р. Онгіинъ-гола. Длина ея въ этихъ предѣлахъ простирается

Digitized by Google

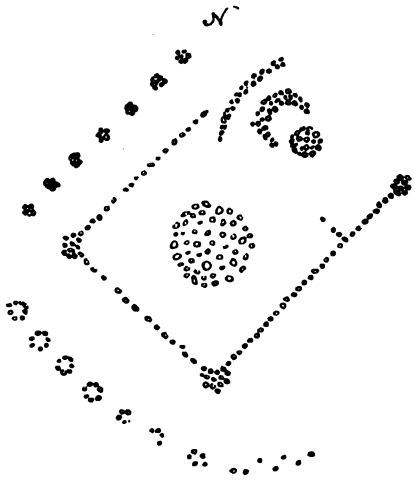
до 330 верстъ; ширина отъ подошвы гобійскаго Алтая до предгорій Хангая въ меридіанѣ Орокъ-нора 20 верстъ; въ другихъ мѣстахъ не извѣстно.

Г. Пѣвцовъ даетъ этой впадинѣ названіе, которое и мы готовы ей усвоить, «долины озеръ», потому что вдоль ея расположенъ рядъ озеръ; къ западу отъ Орокъ-нора лежитъ озеро Буунъ-цаганъ-норъ, въ которое впадаетъ р. Байдарикъ; оно по разсказамъ вдвое болѣе Орокъ-нора; берега его гуджирные, вода соленая. Къ востоку отъ Орокъ-нора находится озеро Шарь-бурдö; это разливъ рѣки Тацы. Между Орокъ-норомъ и Шарь-бурдö есть два небольшихъ соленыхъ озера Хольбольджинъ, съ которыхъ берутъ соль. Еще восточнѣе находится озеро Уланъ-норъ, разливъ р. Онгінъ-гола. Объ этомъ озерѣ я записалъ показаніе, что оно два лѣтнихъ мѣсяца стоитъ безъ воды; сухая поверхность его дна усѣяна ямами или провалами; обвалившіеся въ нихъ верблюды погибаютъ; ихъ заваливаетъ обваливающейся съ боковъ ямы глиной. Травы на высохшемъ днѣ много, вокругъ растутъ хармыкъ, будургана (Kalidium) и сухай (Tamarix).

Высота этой впадины надъ уровнемъ моря опредѣлилась нашей стоянкой на берегу озера Орокъ-норъ; оно лежитъ на высотѣ 1240 метровъ. Высота другихъ озеръ не извѣстна. Г. Пѣвцовъ прошелъ вдоль этой впадины, но въ 30 верстахъ сѣвернѣе озеръ, по южнымъ предгорьямъ Хангая, и поэтому его высоты не даютъ понятія о самыхъ углубленныхъ мѣстахъ «долины озеръ».

2-го сентября мы оставили берега оз. Орокъ-норъ. Кратчайшая дорога, идущая отсюда въ вершины Туинъ-гола, гдѣ находится хитъ Ламэнъ-гэгэна, обходитъ озеро съ запада. Поэтому со стоянки мы пошли сначала на западъ. По бэли хребта Убтенъ-нуру, разстилающейся къ югу или юго-западу отъ озера, разсыпано много кэрэксуровъ; ставъ на одномъ пунктѣ на дорогѣ, я принялся считать ихъ и насчиталъ 43 штуки, опуская тѣ изъ неровностей, которыя издали трудно было навѣрное признать за искусственныя насыпи. При болѣе точномъ обзорѣ и между ними, можетъ быть, нѣкоторыя оказались бы кэрэксурами; кромѣ того другіе вѣроятно, ускользнули отъ глазъ, скрываясь за возвышенностями; они обнаруживались только потомъ, когда дорога пересѣкала углубленія, въ которыхъ они находились. Надо думать, что ихъ тутъ не менѣе ста. Я успѣлъ описать изъ лежавшихъ ближе къ дорогѣ только два болѣе замѣчательные.

Рис. 31.



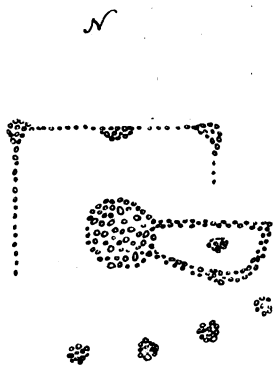
Центральная насыпь одного изъ нихъ (см. рис. 31) окружена каймой въ видѣ квадрата, который къ четыремъ странамъ свѣта обращенъ углами. На западномъ и южномъ углахъ насыпаны кучи камней; такая же куча на сѣверо-восточномъ концѣ юго-восточнаго бока каймы, который длиннѣе другихъ боковъ; сѣверо-восточнаго бока нѣтъ; онъ какъ будто убранъ, чтобъ на его мѣстѣ помѣстить другія сооруженія.

Digitized by Google

Тутъ помѣщена круглая насыпь менѣе той, которая внутри квадрата; передъ нею, на сѣверозападъ отъ нея, находится подковообразный валъ изъ камней, обращенный завороченными концами къ насыпи; впереди его другой валъ, имѣющій видъ менѣе крутой дуги. Длина квадрата (собственно сѣверо-западнаго бока) 35 шаговъ; центральная насыпь имѣетъ высоты до 2 саж.; вершина ея плоская, какъ бы выравненная; круглая площадка на вершинѣ насыпи 12 шаговъ въ поперечникѣ. Передъ сѣверо-западнымъ бокомъ квадрата сложенъ параллельный ему рядъ небольшихъ насыпей въ числѣ семи; противъ юго-западнаго бока такой же рядъ насыпей, но кольцеобразныхъ; то есть тутъ выложены изъ камней кружки или колечки; камни положены въ одинъ только рядъ. Отъ западнаго угла квадрата можно насчитать ясно до семи колецъ; далѣе идутъ кольца попорченныя и разсѣянные камни валяются въ безпорядкѣ; эти кольчатыя фигуры, кажется, окружали кэрэксуръ съ юга, т. е. шли и противъ юго-восточнаго бока.

У другого (см. рис. 32) центральная насыпь также окружена квадратной каймой, но къ странамъ свѣта обращены бока квадрата, а не углы; каждый бокъ квадрата имѣетъ 30 шаговъ длины. Сохранились сѣверный и западный бока; восточнаго и южнаго нѣтъ. Угловыя насыпи видны только на концахъ сѣвернаго бока; на срединѣ его еще третья насыпь, присыпанная только съ внутренней стороны каймы; угловыя же насыпи, какъ у предъидущаго кэрэксура (рис. 31), такъ и у этого (рис. 32) присыпаны къ линіямъ квадрата съ внѣшней стороны. Отъ центральной насыпи на востокъ насыпана полоса камней, продолжающаяся за предѣлы квадрата; отъ внѣшняго ея конца такой же ширины насыпь идетъ на югъ, потомъ дугой заворачивается на западъ и концомъ упирается въ центральную насыпь съ юговостока. Въ огороженномъ полукругомъ пространствѣ насыпана небольшая круглая насыпь. Внѣ квадрата съ южной стороны насыпано четыре небольшихъ насыпи, но не вытянутыхъ въ прямую линію, а образующихъ кривую. Другіе кэрэксуры проще, ограждены или квадратной или круглой каймой.

Рис. 32.



Это былъ самый обширный могильникъ, какой мнѣ когда-либо встрѣчался въ сѣверной Монголіи. Кэрэксуры тянутся густой массой на протяженіи около двухъ верстъ. А можетъ быть и далѣе, но намъ не было возможности въ томъ убѣдиться, такъ какъ наша дорога повернула круто на сѣверъ. Кӧшӧ-чило, т. е. отвѣсно поставленныхъ каменныхъ плитъ на видимомъ съ дороги пространствѣ не было видно.

Къ западному берегу Орокъ-нора прилегаетъ песчаная низменность, далеко уходящая на западъ и раздѣляющая подножіе Ихи-богдо отъ подошвы гряды Наринъ-хара. Отъ подножія Ихи-богдо прямо на сѣверъ тянется валъ и разсѣкаетъ низменность; онъ имѣетъ до 3—4 саженъ высоты; вершина его плоская, какъ у дамбы, и площадка, которая тянется по вершинѣ, имѣетъ до 3 саж. ширины. Длина вала

Digitized by Google

около 1½ верстъ; къ сѣверу отъ его конца разсѣченныя имъ части озерной низменности сливаются въ одну. Поверхность вала покрыта малоокатанными валунами или обломками камней. Почва подъ этимъ покровомъ очень плотная, такъ что нашему каравану было отлично идти по гребню этого вала. Со стороны озера параллельно съ валомъ невдалекѣ тянется узенькій и невысокій валикъ изъ сыпучаго песку, иногда превращающійся въ плоскую розсыпь песку, покрытую зарослью дэрису. Между этимъ песчанымъ валикомъ, или, иначе, между этими зарослями дэрису и берегомъ озера лежатъ луга, усѣянные ключами. Въ зарослях дэрисуна встрѣчается хармыкъ (Nitraria Schoberi L.), а по внѣйшей (западной) ея окраинѣ обильно Peganum Harmala L.; на песчаной низменности, разстилающейся къ з. отъ озера: Hedysarum sp., Chesneya mongolica Maxim., Glycyrrhiza sp., Haplophyllum davuricum Led., Tournefortia Argusia R. et Sh., Pappophorum boreale Led., Artemisia maritima Bess. и др. На каменнистой степи, образующей сѣверную подошву Ихи-богдо, обильно багалуръ (Anabasis brevifolia C. A. Mey) и изрѣдка Reaumuria soongorica Maxim.

Къ западу отъ дороги, верстахъ въ 2 или 3 отъ нея, видны барханы типической серповидной формы, въ видѣ отдѣльныхъ бугровъ, свѣже насыпанныхъ на покрытую растительностью низменность. Но ихъ тутъ немного. Образованіе барханной площади только будто бы начинается. Рога барханов обращены на востокъ, слѣдовательно песокъ наметается съ запада.

Изъ озерной низменности дорога поднимается по подножію гряды Наринъ-хара, направляясь въ широкую падь между этой грядой и грядой Хоцу. При входѣ въ отверстіе пади, имѣющее до 1½ верстъ ширины, находятся два колодезя вмѣстѣ; они называются Гашіунъ. Мы не нашли ихъ, и потому двинулись по пади далѣе на сѣверъ. Внутри пади каменистая почва смѣняется глинистопесчанымъ солончакомъ, выполняющимъ все дно ея. Тутъ появился цзакъ въ плодахъ. Остановились у колодезя Боргусунъ-усу или Ойдулъ, а можетъ быть и Цзагенъ-усу; которое имя вѣрнѣе, не знаю; ранѣе туземные жители говорили, что на нашей дорогѣ будутъ три колодезя съ этими именами; на колодезѣ намъ не у кого было спросить, которое изъ трехъ именъ ему присвоивается. Заросли цзака у этого колодезя кончаются. Тутъ же мы нашли Cynomorium coccineum L.; вѣроятно тутъ сѣверная граница послѣдняго растенія въ этомъ меридіанѣ. Припоминая свои прежнія наблюденія надъ распространеніемъ этого растенія, мы можемъ теперь полярную границу его провести черезъ долину р. Или въ Семирѣчинской области, долину Кызылъ-чиликъ въ Тарбагатаѣ (къ ю. отъ оз. Норъ-зайсана), и черезъ озера Киргизъ-норъ и Орокъ-норъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ мнѣ самому приходилось собирать его.

Съ сосѣднихъ высотъ, какъ съ пункта, достаточно отдаленнаго, можно было лучше разсмотрѣть хребетъ, проходящій къ югу отъ озера Орокъ-норъ. Хребетъ Ихи-богдо имѣетъ гребень, исподволь поднимающійся отъ перевала Убтенъ-нуру къ западу; подъ гребнемъ съ сѣверной стороны видны стѣнообразные обрывы, осыпанные слегка, но не покрытые сплошь, снѣгомъ; ледяныхъ массъ въ бинокль не видно.

Digitized by Google

Гребень ровный, какъ будто онъ не что иное, какъ окраина террасы или горизонтальной площади (см. рис. 33). На западѣ гребень круто обрывается профилемъ, который служитъ бокомъ вырѣзки, съ западной стороны ограниченной остроконечной горой; на вершинѣ этой послѣдней есть крапины снѣга. На восточномъ концѣ гребень тоже отдѣленъ вырѣзкой отъ восточнаго продолженія хребта. Западнѣе этой восточной вырѣзки отъ гребня отдѣляется второстепенный хребетъ, который служитъ, кажется, бокомъ продольной долины. Противъ середины гребня всѣ долины поперечныя, но въ западномъ концѣ хребта, какъ и въ восточномъ, тоже есть одна продольная. На южномъ склонѣ Ихи-богдо я видѣлъ только поперечныя долины, но съ юга гребень казался, въ противуположность сѣверной сторонѣ, не отвѣснымъ, а закругленнымъ, нижнее же основаніе хребта на югѣ круче, чѣмъ на сѣверѣ. Плоской снѣговой покрышки, которая была видна на Ихи-Богдо съ горъ Нэмэгэту и Баинъ-Цаганъ, съ сѣвера не видно. Подаваясь на сѣверъ, мы увидѣли, какъ изъ-за профиля Ихи-богдо выдвинулся сначала крутой хребетъ, состоящій въ связи съ Ихи-богдо. Это, можетъ быть, хребетъ Ноинъ-хэрь [1]). Потомъ западнѣе его еще показались два хребта, раздѣленные глубокимъ промежуткомъ. Съ высотъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Орокъ-нора, видно, что верстъ на 70 на западъ отъ Ихи-богдо тянутся непрерывныя горы.

Рис. 33.

3 сентября мы сдѣлали небольшой, всего въ 15 ли, переходъ къ маленькому озерку Хара-усу, лежащему на той же пади, заросшему камышами и солянками и оглашаемому крикомъ многочисленныхъ стадъ гусей, утокъ и куликовъ. Одновременно съ нами на ночлегъ къ этому озерку пришелъ китайскій караванъ; при немъ было немного лошадей и до семи тысячъ барановъ. По словамъ китайцевъ погонщиковъ, бараны эти были собраны въ хошунѣ Джономъ бэйсы (бывшемъ Джанджинъ-бэйсы) и въ сосѣднихъ съ нимъ. Отъ ставки князя досюда караванъ пришелъ въ четыря дня. Черезъ хребетъ, служащій западнымъ продолженіемъ Ихи-богдо, караванъ перешелъ, вѣроятно, по горному проходу Хуухюнъ-котель. Изъ хошуна Джономъ-бэйсы, лежащаго къ югу отъ Ихи-богдо, прямѣе было бы идти каравану черезъ долину р. Легъ, но съ баранами почему-то путь по «долинѣ озеръ» предпочитается. Вѣроятно, здѣсь же гдѣ-нибудь прошелъ и г. Пѣвцовъ въ 1879 г. Этотъ караванный путь, въ отличіе отъ идущаго по южную сторону горы Ихи-богдо, называется Керимъ-цзамъ (дорога стѣны). Такъ ее называли намъ здѣсь, жители же болѣе западныхъ частей Монголіи дорогу, пройденную г. Пѣвцовымъ, зовутъ

[1]) Изъ нѣкоторыхъ разговоровъ съ монголами я вывелъ заключеніе, что именемъ Ноинъ-херь называется высокая гора гдѣ-то около Ихи-богдо; иногда мнѣ казалось даже, что это имя самой Ихи-богдо; послѣднее имя (въ переводѣ «большая святая») въ самомъ дѣлѣ скорѣе похоже на почетный титулъ, а между тѣмъ высокая гора имѣетъ болѣе, чѣмъ какая другая право на архаическое имя. Одинъ монголъ, однако, увѣрялъ меня, что имя Ноинъ-хэрь прилагается къ маленькой горушкѣ, лежащей впереди Ихи-богдо. Было также показаніе, что Ихи-богдо называется иначе Кари-богдо.

Digitized by Google

Шанхай-цзамъ, потому что она проходитъ черезъ гобійскія горы Шанхай (лежащія къ в. отъ р. Онгіинъ-гола).

На слѣдующій день по той пади, по которой и ранѣе шли, мы вышли къ правому берегу р. Туинъ-голъ, пункту между мѣстностями Ганганъ-обо и Уланъ-эргэ (красный яръ), обойдя слѣдовательно возвышенности Хоцу съ запада. А. И. Скасси прошелъ сюда другой, болѣе восточной дорогой, которую онъ выбралъ, чтобъ имѣть возможность увидѣть нижнее теченіе Туинъ-гола. Онь нашелъ долину рѣки очень оживленною прикочевавшими изъ Хангая халхасцами; по долинѣ было множество аиловъ и стадъ лошадей и верблюдовъ. Среди нихъ тоже стоялъ на отдыхѣ китайскій караванъ.

Рѣка Туинъ-голъ разливается въ этомъ мѣстѣ на пять или на шесть рукавовъ и потому удобна для перехода въ бродъ, что мы и сдѣлали. Но и здѣсь въ нѣкоторыхъ рукавахъ воды было по брюхо лошади. Дно рѣки здѣсь каменистое; лѣсу по берегамъ нѣтъ; да нѣтъ его, кажется, и по всему теченію Туинъ-гола. По крайней мѣрѣ вездѣ, гдѣ мы проходили близь его береговъ, они были безлѣсны.

Отсюда мы шли лѣвымъ берегомъ Туинъ-гола въ теченіе трехъ дней, до пересѣченія большого ургинско-улясутайскаго тракта при почтовой станціи Шоргольджутъ. Первый ночлегъ мы имѣли въ мѣстности Уджюмъ, второй противъ развалинъ какого-то стараго города, на третій день пришли къ ст. Шоргольджутъ. Дорога идетъ примущественно по возвышенностямъ, лежащимъ къ востоку отъ долины Туинъ-гола, и только у ночлеговъ спускается къ рѣкѣ. До урочища Хоиръ-хайлясу, [1]) лежащаго въ нѣсколькихъ верстахъ къ югу отъ нашего ночлега въ мѣстности Уджюмъ, долина ограничена съ боковъ плоскими возвышенностями безъ выходовъ твердыхъ породъ; при ур. Хоиръ-хайлясу страна превращается въ холмистую; тутъ появляются выходы сѣраго гранита; обнаженія выступаютъ изъ-подъ наноснаго покрова отдѣльными холмами, состоящими изъ булочника. По граниту проходятъ жилы черной породы; направленіе жилъ или съ сѣвера на югъ или съ сѣверо-запада на юго-востокъ; толщина жилъ отъ 60 сантим. до 1 метра; иногда пять или шесть жилъ тянутся рядомъ параллельно, съ промежутками между ними въ 4 метра. Къ сѣверу отъ этого урочища есть выходы глинистаго сланца, а еще далѣе на берегу Туинъ-гола сѣраго песчаника съ паденіемъ на югъ подъ угломъ 12°. На второмъ переходѣ, т. е. къ с. отъ Уджюма, дорога пересѣкаетъ котловину, окруженную горами; только западный бокъ ея открытъ въ долину Туинъ-гола. Эта котловина перегорожена посрединѣ базальтовымъ потокомъ, протянувшимся съ в. на з.; въ настоящее время онъ имѣетъ видъ вала въ 15—20 саж. высоты; длина этого вала около 5 верстъ, ширина около 2 верстъ. Съ юга базальтовый потокъ имѣетъ видъ ряда обрывовъ, раздѣленныхъ поперечными оврагами; всѣ эти обрывы имѣютъ ровный горизонтальный гребень, какъ будто на верху вала находятся горизонтальныя площади. Профиль у разрѣзовъ состоитъ изъ двухъ линій; вверху обрывъ или утесъ

[1]) Хоиръ-хайлясу, «два ильма». Тутъ дѣйствительно есть одно ильмовое дерево; другое, говорятъ, погибло.

Digitized by Google

въ 3 сажени высотой, совершенно отвѣсный, потомъ отъ подошвы этого утеса идетъ скатъ въ 20° паденія. Верхніе отвѣсные обрывы состоятъ изъ базальтовыхъ обнаженій; подошва ихъ загромождена глыбами и обломками базальта; ниже по скату тоже разсѣяны обломки, но рѣже. Порода ноздреватая; пустоты до 10 сантим. длиной; въ отвѣсной скалѣ продолговатыя пустоты растянуты въ направленіи съ востока на западъ; паденіе осей пустотъ на западъ подъ угломъ отъ 2° до 30°. Этотъ базальтовый валъ у монголовъ извѣстенъ подъ именемъ Тебши, «корыто». Такое названіе дано, вѣроятно, по сходству съ опрокинутымъ вверхъ дномъ корытомъ [1]).

А. И. Скасси со своей мензулой взбирался на вершину вала; онъ, дѣйствительно, нашелъ ее въ видѣ горизонтальной площади, сплошь засыпанной обломками базальта. Вѣроятно, тотъ же видъ представляетъ и поверхность вершинъ базальтовыхъ горъ Кяхту, при южной подошвѣ Ихи-богдо. Въ томъ же родѣ и хребетъ Шарахада къ западу отъ Калгана, который описалъ Пржевальскій въ своемъ первомъ путешествіи (Монголія и страна тангутовъ, т. I, стр. 97) и въ которомъ баронъ Рихтгофенъ подозрѣваетъ базальтовый потокъ (China, B. II, S. 382). Базальты же, вѣроятно, образуютъ холмы на урочищѣ Дзыргилэ въ восточной Монголіи на пути изъ Нерчинска въ Долонъ-норъ къ сѣверу отъ Малыхъ песковъ; здѣсь среди равнины поднимается рядъ холмовъ въ видѣ усѣченныхъ конусовъ; преданіе разсказываетъ, что Гысыръ-ханъ увезъ съ собою эти холмы, такъ какъ они заключали несмѣтныя богатства, но холмы соскучились на чужбинѣ и возвратились на родину; Гысыръ осердился, нагналъ и снялъ съ нихъ голову (Изв. Сиб. Отд., т. II, № 1 и 2 (1871), стр. 11) [2]).

Такъ какъ базальтовый валъ пересѣкаетъ котловину, то дорога должна, пройдя по южной половинѣ котловины, подняться по одному изъ враговъ чуть не на вершину вала и потомъ спуститься въ сѣверную половину котловины. Къ сѣверной сторонѣ базальтоваго вала прилегаетъ мелкозернистый гнейсъ разсѣченный прожилками кварца. Этимъ гнейсомъ занято и дно сѣверной части котловины. Въ сѣверномъ концѣ ея узкій логъ отдѣляетъ гнейсовую площадь отъ залегающихъ еще сѣвернѣе гранитовъ. Послѣдняя порода господствуетъ на остальномъ пространствѣ до мѣстности Шоргольджутъ, гдѣ появляются сланцы.

Растительность по долинѣ Туинъ-гола до Шоргольджута носитъ степной характеръ. Берега рѣки повсюду безлѣсны.

По всей долинѣ Туинъ-гола отъ озера Орокъ-норъ до Шоргольджута мы видѣли бульдуруковъ; на послѣднемъ переходѣ къ Шоргольджуту попадались стада ихъ во сто штукъ. Дзереновъ мы видѣли только около озерка Хара-усу.

Въ южной части долины, гдѣ господствуютъ мягкіе наносы, кэрэксуровъ нѣтъ; они стали попадаться только съ появленіемъ выходовъ твердыхъ породъ. Первый

---

[1]) Базальты Тебши описаны въ упомянутой уже не разъ статьѣ П. Н. Венюкова въ «Запискахъ» Имп. Минарал. Общ., ч. XXV, стр. 15.

[2]) По словамъ нашего спутника Сантанъ-джимбы на озерѣ Тайха (къ юго-западу отъ хребта Шарахода) есть каменная порода пузыристая и легкая; китайцы зовутъ ее фу-ши и употребляютъ при выдѣлкѣ свиныхъ кожъ.

Digitized by Google

Базальтовая гряда.

Масштабъ

0 5 10 Верс.

Литогр. Д. Рухнева, Новый пер. д. №5 СПБ.

Digitized by Google

вершинѣ его четыре камня, положенные попарно, два на сѣверной сторонѣ вершины, два на южной.

Развалины города находятся на правомъ берегу рѣки; онѣ извѣстны въ народѣ подъ названіемъ Туинъ-хото. Со стоянки были видны только глиняныя стѣны города, хорошо уцѣлѣвшія. Внутри города, по разсказамъ, заросль дэрису. По преданію, городъ былъ разрушенъ торгоутскимъ Галданомъ-бошохту-ханомъ, слѣдовательно въ XVII столѣтіи; кѣмъ и когда построенъ, жители не знаютъ. По разсказамъ ихъ, къ югу отъ этихъ развалинъ въ полуднѣ ѣзды, на правомъ берегу Туинъ-гола ниже уроч. Теменъ-гудзе, есть хунь-кӧшо, то есть камень съ изображеніемъ человѣческаго лица; прежде было два, сохранился одинъ.

Почтовая станція Шоргольджутъ расположена на лѣвомъ берегу рѣки того же имени, впадающей въ Туинъ-голъ съ востока невдалекѣ отъ станціи; тутъ по крайней мѣрѣ застали ее мы. Она состояла изъ 30 юртъ или около того, разсѣянныхъ по долинѣ Шоргольджута. Скота около юртъ почтарей было много всякаго рода: овецъ, коровъ, лошадей и верблюдовъ; повидимому, они живутъ зажиточно. Есть и сарлыки [1]). Мы разбили свои палатки въ серединѣ между юртами почтарей.

Стоянка на Шоргольджутѣ оставила у насъ по себѣ печальную память. Въ первую же ночь нашего здѣсь пребыванія на нашъ табунъ было сдѣлано нападеніе какими-то грабителями.

Весь вечеръ наши палатки были окружены толпой любопытныхъ, въ числѣ которыхъ уже находились повидимому воры, присматривавшіеся къ нашимъ порядкамъ. На ночь всѣ наши лошади были привязаны около палатокъ. Въ полночь мы были разбужены крикомъ нашего караульщика. Два вора, пользуясь темнотой безлунной ночи, незамѣтно подъѣхали къ нашимъ палаткамъ, соскочили съ лошадей, обрѣзали ремни у четырехъ нашихъ лошадей, которыми они были привязаны, снова сѣли на своихъ лошадей и увели съ собой нашихъ. Тотчасъ же мы отправили погоню за ворами подъ начальствомъ ламы Сэрэна, но лама вернулся безъ результатовъ; наши люди могли разглядѣть слѣдъ воровъ только на разсвѣтѣ, а пока воры имѣли достаточно времени уѣхать далеко.

Это былъ первый случай, когда мнѣ пришлось пострадать отъ воровства въ Монголіи. Только въ 1879 г. мой спутникъ, топографскій офицеръ Орловъ, подвергся нападенію воровъ около монастыря Улангома; въ этой послѣдней мѣстности всѣ такіе случаи приписываются урянхайцамъ, отдѣленнымъ отъ монголовъ линіей карауловъ; кажется, это такъ и есть, но дѣлаются эти преступленія чуть ли не свѣдома караульныхъ монголовъ. Вѣроятно, и на Шоргольджутѣ тоже покражей лошадей занимаются люди, можетъ быть, и не станціонные, но извѣстные станціоннымъ властямъ. Намъ слѣдовало обратиться къ послѣднимъ съ жалобой, но ихъ не оказалось въ это время на Шоргольджутѣ; главный завѣдывающій на станціи человѣкъ куда то уѣхалъ, а кого онъ оставилъ вмѣсто себя, почтари говорили,

[1]) Первыхъ сарлыковъ по выходѣ изъ Гоби мы встрѣтили на Убтенъ-дабанѣ (въ Ихи-богдо).

Digitized by Google

они не знаютъ. Объ его отсутствіи мы узнали еще наканунѣ событія; подъѣзжая къ почтовой станціи, мы выслали впередъ старика Сантанъ-джимбу съ нашими паспортами и съ просьбой указать мѣсто для ночевки нашего каравана; старикъ возвратился къ намъ съ извѣстіемъ, что онъ никого не нашелъ, ни завѣдывающаго станціей, ни его помощника. Почтари старались свалить преступленіе на людей вѣдомства Ламэнъ-гэгэна. Вѣдѣнію почтовой станціи принадлежитъ только узкая полоса земли вдоль почтовой дороги, пересѣкающая территорію Ламэнъ-гэгэна, на которой кочуютъ его шабинары. Они совѣтовали ѣхать къ Ламэнъ-гэгэну и обратиться съ нашей жалобой. Гэгэнъ въ это время стоялъ своимъ походнымъ станомъ на берегу Туя, верстахъ въ 4, 5 выше станціи.

10-го сентября мы оставили станцію и перешли на Туй, въ ту мѣстность, гдѣ стояли палатки гэгэна. Мы расположились на томъ же берегу Туя, саженяхъ въ 200 ниже гэгэна. Его юрты и палатки отлично были видны изъ нашего лагеря. Тотчасъ же старикъ Сантанъ-джимба отправился къ святому человѣку съ хадакомъ и просьбой назначить время, когда бы мы могли посѣтить гэгэна. Въ лагерѣ гэгэна не торопились дать отвѣтъ на эту просьбу, какъ будто умышленно оттягивали дѣло, а между тѣмъ гэгэнъ самъ совершенно неожиданно подъѣхалъ къ нашимъ палаткамъ. Мы увидѣли человѣка лѣтъ 28, обезображеннаго тучностью. По обѣимъ сторонамъ его ѣхали всадники, которые поддерживали его подъ руки, чтобъ онъ не потерялъ равновѣсія и не упалъ бы съ лошади. Спѣшившись у палатки А. И. Скасси, онъ отказался войти въ нее; ему было бы въ ней душно, сказалъ онъ; поэтому устроили изъ ящиковъ сѣдалище передъ дверью палатки, и гэгэнъ, сидя на немъ, заглядывалъ въ палатку, высматривалъ тамъ невиданные имъ инструменты, просилъ показать ему, разспрашивалъ объ ихъ употребленіи и при этомъ дѣлалъ свои замѣчанія; кое-что ему было извѣстно уже ранѣе; при видѣ новой европейской вещи, онъ обнаруживалъ и собственную догадливость; взявъ въ руки инструментъ, онъ объяснялъ его своимъ спутникамъ и тѣ смиренно его выслушивали. Отъ палатки А. И. Скасси онъ перешелъ къ моей, передъ дверями которой была также импровизирована кафедра. У меня конечно не нашлось для гэгэна столько диковинокъ, какъ въ палаткѣ моего товарища; я могъ показать ему только барометръ, термометры и небольшой микроскопъ.

На другой день я и А. И. Скасси ѣздили къ палаткамъ гэгэна. Онъ принялъ насъ въ юртѣ, обстановка которой была самая будничная. Юрта была полна народу; гэгэнъ сидѣлъ въ лѣвой сторонѣ отъ входа; рядомъ съ нимъ сидѣла молодая и красивая женщина; гэгэнъ рекомендовалъ намъ ее, какъ свою мать, а одного изъ мужчинъ, какъ своего отца. О гэгэнахъ разсказываютъ, что они иногда держатъ при себѣ наложницъ; для того, чтобъ въ народѣ не было соблазна, отецъ гэгэна женится на наложницѣ и выдаетъ ее за свою младшую жену. Если память не измѣняетъ, женщина, которую мы видѣли, была не родная мать гэгэна, а молодая мачиха. Впрочемъ можно было бы допустить, что это была и родная мать его, хотя по виду она годилась ему въ дочери. Во первыхъ женщина, сынъ которой признанъ гэгэномъ, получаетъ возможность жить въ большомъ довольствѣ и

Digitized by Google

потому долго ея лицо не искажается морщинами, которыя такъ рано обыкновенно появляются у монголокъ, обремененныхъ работой и заботами; во вторыхъ, расплывшееся отъ жира лицо самого гэгена казалось гораздо старѣе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ.

Резиденція гэгэна находится въ вершинахъ Туя, гдѣ у него выстроенъ хитъ; здѣсь же гэгэнъ жилъ временно, чтобы купаться, пить кумысъ и дѣлать ежедневно моціонъ, разъѣзжая верхомъ на лошади. Темпераментъ гэгэна веселый и общительный; онъ откровенно жаловался на свои немощи, на одолѣвавшій его жиръ. Видно было, что его въ дѣтствѣ баловали и онъ привыкъ продѣлывать разныя шутки надъ окружающими его; въ нашемъ обществѣ онъ не стѣснялся иногда незамѣтно подкрасться къ какому нибудь углубленному въ занятіе старичку и крикнуть во все горло надъ его ухомъ, чтобы раскатиться смѣхомъ при видѣ испуганной фигуры. Дома у себя гэгэнъ забавляется надъ простаками монголами, пріѣхавшими изъ захолустья, заставляя ихъ держать цилиндры электрической машинки и наблюдая, какое впечатлѣніе производитъ на нихъ неожиданное разряженіе лейденской банки. Вообще онъ ведетъ себя легкомысленно; очевидно, дурное воспитаніе испортило ему жизнь. Онъ заѣзжалъ къ намъ въ лагерь нѣсколько разъ, но на просьбу посидѣть дольше всегда отказывался; говорилъ, что у него времени мало, нужно каждый день много мѣстъ объѣхать, осматривая табуны; необходимъ свой глазъ, потому что полагаться на своихъ слугъ онъ не можетъ. Все это онъ сочинилъ, такъ какъ никакихъ его табуновъ въ это время тутъ не было, кромѣ небольшого числа кобылицъ; весь скотъ спустился въ гоби къ Орокъ-нору и на Шоргольджутѣ оставались только табуны почтарей. Ламы позволяютъ ему хвастаться, шумѣть, баловаться и продѣлывать шутки, но въ управленіе народомъ не позволяютъ ему вмѣшиваться; онъ играетъ съ ними, обращая ихъ въ шутовъ, не замѣчая, что самъ онъ въ дѣйствительности тоже только игрушка въ ихъ рукахъ [1]). Шабинары обложены разными повинностями въ пользу монаховъ, должны поставлять для нихъ дрова, кумысъ, сыръ, зерно и другіе предметы. Нѣкоторые изъ шабинаровъ намъ жаловались на строгость ламъ, въ особенности при неправильной доставкѣ кумыса. Наружно однако ламы показывали, что все зависитъ отъ рѣшенія гэгэна.

У насъ было два дѣла до гэгэна; во первыхъ, жалоба на покражу лошадей, во вторыхъ, наемка верблюдовъ подъ экспедицію до Кяхты, такъ какъ торгоуты были наняты только до хита Ламэнъ-гэгэна. По первому вопросу мы услышали отвѣтъ, какого и слѣдовало ожидать: преступленіе совершено на территоріи почтовой станціи, поэтому и взыскивать слѣдуетъ съ начальства почтарей. Гэгэнъ не отрицалъ, что воры, можетъ быть, и шабинары, но жаловался, что почтари укрываютъ и помогаютъ имъ; что завѣдывающіе станціями не зависятъ отъ улясутайскаго и

[1]) О томъ, какъ мало значитъ гэгенъ въ управленіи шабинарами, убѣдился лучше нашего г. Воробьевъ, русскій купецъ, заѣхавшій въ хитъ Ламэнъ-гэгэна для торговыхъ цѣлей; см. Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., т. I, в. 1, стр.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ургинскаго начальства, въ немъ находятъ поддержку, и на власть гэгэна не обращаютъ вниманія; благодаря этому много преступленій проходитъ безнаказанно; гэгэнъ жаловался не разъ въ Ургу и Улясутай, но его жалобы не уважаются. Гэгэнъ недоволенъ, что по его территоріи проходитъ полоса, населеніе которой изъято отъ мѣстнаго территоріальнаго суда.

Относительно наемки верблюдовъ намъ отвѣтили, что объ этомъ мы договоримся, когда будемъ въ хитѣ, куда на дняхъ собирается и самъ гэгэнъ. До хита оставался всего одинъ переходъ; онъ находится на незначительной рѣчкѣ, которая составляетъ притокъ р. Шоргольджута.

Не вдалекѣ отъ нашей стоянки на Туѣ находились развалины большой кумирни. Онѣ расположены на южной подошвѣ скалистой горы, совершенно отдѣльно стоящей на долинѣ. Горная гряда, раздѣляющая долины Туя и Шоргольджута, версты двѣ не доходитъ до пункта ихъ сліянія; между южнымъ концомъ этой гряды и точкой сліянія рѣкъ залегаетъ плоское пространство, посреди котораго возвышается отдѣльная гора, протянувшаяся съ в. на з. Южный ея скатъ и былъ выбранъ для постройки кумирни или монастыря. Тутъ находятся двѣ большихъ постройки. Одно зданіе сѣверное; это была, повидимому, главная кумирня; къ югу отъ него находится обширный дворъ, длина котораго съ в. на з. имѣетъ около 120 шаговъ; внутри его двѣ кумирни. Потолки всѣхъ этихъ кумиренъ упали, но стѣны еще стоятъ во всю высоту. Южный дворъ съ востока и запада окруженъ небольшими постройками; къ востоку видны слѣды четырехъ построекъ, къ западу трехъ. Надъ всей этой группой построекъ съ сѣвера возвышается гребень скалы, въ которой какъ разъ сзади сѣверной кумирни находится сѣдловина; отъ гребня и съ востока и съ запада отдѣляются гряды, которыя служатъ боковыми рамками площади, занятой постройками. Въ западной грядѣ есть сѣдловинка, въ которой лежатъ развалины повидимому бывшаго тутъ субургана.

Мѣсто какъ будто самой природой предназначенное для храма; со ступеней его открывается видъ на югъ, на широкую долину, въ которой происходитъ сліяніе Шоргольджута съ Туемъ.

Сѣверное зданіе имѣетъ длины 20 метровъ и ширины 20 метровъ. Оно раздѣлено стѣной на двѣ половины, сѣверную и южную; полъ сѣверной половины образуетъ террасу надъ ноломъ южной въ 2, 40 метра высотой; сѣверная половина представляетъ одну залу во всю длину зданія. Южная часть зданія внутри была раздѣлена на три покоя; изъ нихъ западный освѣщался четырьмя окнами, пробитыми въ западной стѣнѣ; восточный покой имѣлъ три окна въ восточной стѣнѣ; одно изъ нихъ, можетъ быть, служило дверью; средній покой имѣлъ одно отверзстіе на югъ въ 1,30 метра шириной. Кромѣ этого отверзстія въ южной стѣнѣ другихъ оконъ не было. Восточная комната соединялась съ средней дверным отверзстіемъ, которое было пробито у самой южной стѣны и имѣло $2^1/_2$ метра ширины. Другая дверь изъ восточной комнаты вела въ сѣверную залу. Передъ дверью былъ сложенъ контрфорсъ или коротенькая стѣнка, которая не позволяла изъ нижней комнаты видѣть, что дѣлается въ залѣ. Въ залѣ оконъ не было; по

Digitized by Google

видимому она освѣщалась сверху. Сѣверная стѣна залы на срединѣ образуетъ выступъ наружу, который окружаетъ съ трехъ сторонъ четырехугольное пространство въ 2 метра въ поперечникѣ. Это какъ будто алтарь. Къ восточному боку зданія примыкаетъ дворикъ со входомъ съ юга. Толщина стѣнъ 80—90 сантим.; цоколь, сложенный изъ каменныхъ плитъ, высотой мѣстами доходитъ до 2 метровъ. Стѣны надъ цоколемъ сложены изъ бетона, т. е. мелкаго щебня глинистаго сланца, закрѣпленнаго бѣлымъ цементомъ; онѣ даютъ вертикальныя трещины; отдѣленныя трещинами участки стѣны падаютъ на землю въ видѣ кабановъ, которые имѣютъ опредѣленную длину въ 2,30 метра. Такая правильность распаденія стѣны на участки равной длины даетъ поводъ думать, что для возведенія постройки употреблялась какая то форма, въ которую наливали растворъ цемента и въ растворъ сыпали щебень, который ложился въ жидкости плашмя, что и теперь видно. Потомъ ту же форму переносили на другое мѣсто [1]). На цоколѣ и стѣнахъ известковая штукатурка.

Южный дворъ построенъ тамъ, гдѣ горный скатъ переходитъ въ плоскость дна долины. Внутри его два высокихъ зданія по серединѣ и была какая-то еще постройка, примыкавшая къ западной стѣнѣ. Изъ двухъ отдѣльныхъ зданій западное было раздѣлено стѣной на двѣ части, сѣверную и южную, и полъ сѣверной части представлялъ также террасу, какъ и въ сѣверной кумирнѣ, только меньшей высоты. Восточная кумирня южнаго двора сохранилась лучше всѣхъ другихъ; длина ея 20 метровъ, ширина (по меридіану) 14 метровъ. Окна, числомъ шесть, пробиты на высотѣ 3 метровъ; 2 окна въ восточной стѣнѣ, 2 въ западной и 2 въ южной; въ южной же, въ серединѣ между окнами, дверь. Высота стѣнъ 7 метровъ.

Никакихъ лѣпныхъ украшеній, ни черепицъ, ни тесанаго камня мной въ этихъ развалинахъ не найдено. Преданій не сохранилось; старики говорятъ, что и отъ отцовъ ничего не слыхали, кто построилъ этотъ хитъ и тотъ городъ, который лежитъ въ долинѣ Туя южнѣе. Народное названіе этихъ развалинъ Эрхит-тенъ-хитъ.

16-го сентября мы сдѣлали переходъ къ хиту Ламэнъ-гэгэна, который расположенъ въ вершинѣ одного незначительнаго праваго притока Шоргольджута, почти на самомъ гребнѣ того горнаго хребта, который отдѣляютъ долину Шоргольджута отъ долины Туя. Хитъ расположенъ между плоскими горами, состоящими изъ глинистаго и кремнистаго сланцевъ, на днѣ плоскаго лога, занимая его почти во всю ширину. Нижнимъ концомъ логъ открывается въ долину, по которой течетъ бѣдная водой рѣчка; въ этой долинѣ было скучено нѣсколько юртъ, въ которыхъ живутъ семейные монголы, здѣсь и зимующіе. Тутъ можно видѣть и женщинъ и дѣтей, которыя, можетъ быть, не совсѣмъ правильно прижиты. Въ хитѣ насчитывается до 11 ндугановъ; всѣ они новые, потому что старые были разорены мусульманами. Я съ горы насчиталъ только восемь большихъ зданій; всѣ они

[1]) Подобныя же постройки изъ бетона нашелъ г. Ядринцевъ на Толѣ въ 1889 году.

Digitized by Google

занимаютъ центръ монастыря, всѣ стоятъ на одной площади въ двѣ линіи; въ западной (начиная съ сѣвера) находятся храмы: Дуванчинъ, Чойрэ и Тонкыръ; въ восточной Шярлинъ, Сокчинъ (Цзокчинъ) и Мамба; Шярлинъ и Дуванчинъ образуютъ самую сѣверную пару, Сокчинъ и Чойрэ среднюю и Мамба и Тонкыръ южную.

Въ промежуткѣ между линіями, южнѣе сѣверной пары и сѣвернѣе средней, находится Ихи-лабранъ; это дворъ, въ которомъ находятся двѣ кумирни, а также большія бѣлыя юрты; тутъ находится резиденція Ламэнъ-гэгэна. Всѣ эти кумирни тибетской архитектуры. Кругомъ этой площади тянутся дворы, огороженные частоколами; внутри каждаго дворика находятся деревянный баракъ и юрта; это жилища ламъ; бараки служатъ лѣтниками, въ юртахъ ламы зимуютъ.

Хитъ Ламэнъ-гэгэна по тангутски называется по одному показанію Тамбадарчжилинъ, по другому Гандэнъ-дэдилинъ. Братія дѣлится на семь общинъ, или дацановъ, какъ здѣсь зовутъ [1]). О томъ, чье воплощеніе Ламэнъ-гэгэнъ, мнѣ не удалось услышать показанія, которое можно было бы счесть за общепринятое; къ такимъ вѣроятно не относится то, которое Ламэнъ-гэгэна выдаетъ за воплощеніе Джерембучи, т. е. Цзонкавы. Ламы говорятъ, что Ламэнъ-гэгэнъ находится подъ покровительствомъ бога Баинъ-Намсырà. Во время нашествія на монастырь мусульманъ ламы разбѣжались, а гэгэнъ, бывшій тогда мальчикомъ, укрылся въ храмѣ подлѣ своего буржана. Бурханъ взмахнулъ саблей, крикнулъ: хушь! и отрубилъ руку у нападавшаго мусульманина. Мусульмане испугались и сказали, что они не сдѣлаютъ вреда гэгэну, а только возьмутъ его въ плѣнъ. Они нерѣшились взять его за руку, а накинули оркимджи на шею и отвели его.

Въ половинѣ сентября, когда мы были въ хитѣ, окрестности его уже не оживлялись стоянками монголовъ и стадами домашняго скота. Народъ укочевалъ на югъ въ гоби на берега Орокъ-нора. Такія перекочевки совершаются и по всей линіи Хангая, вдоль рѣкъ Байдарика, Онгіинъ-гола и другихъ. Въ остальной извѣстной мнѣ Монголіи такихъ длинныхъ перекочевокъ—отъ вершинъ Туя до Орокънора 180 верстъ—я не знаю; перекочевки народа такимъ длиннымъ фронтомъ совершаются, какъ я знаю, у киргизъ въ долинѣ Чернаго Иртыша, а также въ долинѣ Или; эти сходныя явленія вызваны сходствомъ въ физическихъ условіяхъ страны. Во всѣхъ трехъ случаяхъ мы имѣемъ высокій хребетъ, поднимающійся до верхней предѣльной линіи лѣсовъ (или и выше) и протянувшійся въ направленіи параллельнаго круга (Хангай, Алтай и Алатау) и рядомъ безснѣжную зимой степную равнину съ солончаками («долина озеръ», долина Чернаго Иртыша и долина Или).

Территорія шабинаровъ Ламэнъ-гэгэна, который на оффиціальномъ языкѣ называется Эрдени-пандита-хутухту [2]), имѣетъ длины съ сѣвера на югъ (отъ вер-

[1]) Дацанъ здѣсь то же, что въ Ургѣ аймакъ.

[2]) Въ аймакѣ Сайнъ-нойона считается 5 гэгэновъ: Ламэнъ-гэгэнъ, Ноинъ-хутухта (его землица лежитъ въ Гоби, въ восточномъ продолженіи хребта Ихи-богдо), Нарванчи-гэгэнъ (ставка его находится на р. Дзабхинъ, къ ю. отъ Улясутая; она нанесена на карту экспедиціей Пѣвцова 1879 г.), Чинъ-сучжикту-

Digitized by Google

шинъ Туя до Гоби) 300 верстъ, ширины съ востока на западъ до 100 верстъ. Западная граница территоріи начинается на гребнѣ Хангая въ вершинахъ р. Уртюмту и идетъ на югъ по этой рѣкѣ, потомъ пересѣкаетъ другой лѣвый притокъ Туя, рѣку Курюмту, не вдалекѣ отъ ея устья; тутъ территорія граничитъ съ землями хошуна Дайчинъ-вана (среднее правое знамя?); какъ далѣе на югъ проходитъ граница территоріи, не знаю, но низовья Туя и озеро Орокъ-норъ всецѣло принадлежатъ шабинарамъ; къ з. отъ Орокъ-нора земли шабинаровъ граничатъ съ хошуномъ Буинъ-цзасыка; граница проходитъ черезъ горы Аргалинту. Къ югу отъ Ихи-богдо территорія Ламэнъ-гэгэна смежна съ хошуномъ Джономъ-бэйсы; граница проходитъ черезъ мѣстность Баинъ-кобыръ. На югѣ границей служитъ хребетъ Баинъ-цаганъ, который мы пересѣкли (см. выше, стр. 487—489). На востокѣ территорія шабинцевъ смежна съ землями хошуна Балдынъ-цзасыка (прежде хошунъ А-гуна); половина хребта Нэмэгэту принадлежитъ шабинцамъ, другая половина и хребетъ Сяври находятся уже въ хошунѣ Балдынъ-цзасыка; въ сѣверной половинѣ территоріи на востокѣ территорія примыкаетъ къ хошуну Саинъ-нойона; граница на югѣ начинается у ключей Даланъ-туру при южной подошвѣ Дзюнъ-богдо, проходитъ между Дзюнъ-богдо и Арца-богдо и тянется вдоль теченія р. Таценъ-гола; притоки верхняго Орхона, Тамчинъ и Кохъ-голъ, принадлежатъ шабинцамъ, земли отъ соединенія этихъ рѣкъ къ востоку уже входятъ въ составъ хошуна Саинъ-нойона. На сѣверѣ граница шабинцевъ проходитъ по гребню Хангая, который отдѣляетъ ихъ отъ лежащаго къ сѣверу хошуна То-цзасыка.

Къ югу отъ хита на горѣ есть роща лиственницъ (Larix sibirica); это первый встрѣченный нами лѣсъ этой породы по выходѣ изъ Гоби; высота хита надъ ур. моря, 2280 метровъ, можетъ быть принята за приблизительную высоту нижней окраины здѣшнихъ лѣсовъ. Гербаріевъ изъ Хангая до сихъ поръ почти нѣтъ; я пересѣкъ Хангай въ его западномъ концѣ, въ вершинахъ Дзабхына, осенью 1877 года; въ этотъ разъ мнѣ также пришлось переходить черезъ Хангай во второй половинѣ сентября. Растенія половины лѣта собралъ въ небольшомъ числѣ на Хангаѣ только мой спутникъ по путешествію въ 1877 г., г. Коломійцевъ, именно въ окрестностяхъ бѣлка Отхонъ-хаирхана, лежащаго къ с. отъ Улясутая [1]). Поэтому я старался теперь всячески наверстать этотъ пробѣлъ и составить свою коллекцію полнѣе и бралъ даже посохшіе экземпляры. Стоянка на Орокъ-норѣ была послѣднею нашей стоянкой, на которой флора еще была въ полной лѣтней силѣ; отсюда на сѣверъ съ каждымъ переходомъ замѣчалась убыль въ цвѣтущихъ или спѣющихъ растеніяхъ и въ окрестностяхъ хита была уже полная осень. Скаты здѣшнихъ горъ покрыты сплошной растительностью, отличающею высокія хангайскія мѣстности; около хита

номоханъ-гэгэнъ (на р. Торутъ къ в. отъ Байдарика) и Зан-гэгэнъ или Зан-пандита (о землѣ котораго будетъ говориться ниже). Въ аймакѣ Чжасакту-хана три: Илгусунъ-гэгэнъ, Чжаханьдзе-гэгэнъ и Бэгэрэнъ-гачи-номоханъ-гэгэнъ (послѣдній около солен. озера Бэгэръ). Хошуны это маленькія монархіи, шаби теократическія республики.

[1]) Въ прошломъ 1891 г. по Орхону совершилъ поѣздку г. Левинъ и собралъ гербарій изъ 200 видовъ, который долженъ поступить въ Имп. Ботаническій Садъ.

Digitized by Google

мы встрѣтили въ первый разъ въ этомъ году Leontopodium alpinum Cass., растущій на открытыхъ горныхъ скатахъ; въ лѣсу лиственницъ были собраны Achillea sibirica Led., Artemisia latifolia Led., Senecio campestris Dec., Rumex Acetosa L., Festuca rubra L. (?), Poa serotina Ehrh., Saxifraga Hirculus L., Sanguisorba officinalis L. и др. Здѣсь уже встрѣчается обычай дѣлать запасы мяхира (Polygonum viviparum).

Около хита множество сусликовъ (цзурумъ по халхаски) и сѣноставокъ; послѣднія наставили здѣсь стожки на открытыхъ горныхъ скатахъ изъ вѣтокъ артемизіи [1]), а въ лиственничномъ лѣсу изъ листьевъ злаковъ. Въ главномъ хребтѣ, проходящемъ по сѣверному краю территоріи Ламэнъ-гэгэна, водится маралъ (богу) и кабанъ (дзерликъ гахай), но медвѣдя, по словамъ туземцевъ, нѣтъ. Нѣтъ будто бы и птицы хойлюкъ (Megaloperdix), которая, однако, водится будто бы на Ихи-богдо.

Въ хитѣ мы разстались съ торгоутами, которые провожали насъ отъ Харасухая на Едзинѣ и заключили договоръ съ Ламэнъ-гэгэномъ о доставленіи экспедиціи на верблюдахъ монастырской братіи до Кяхты. Верблюды уже откочевали въ Гоби, а потому намъ пришлось прожить въ хитѣ день, другой лишній, пока ихъ пригонятъ. Пополнивъ въ хитѣ свои продовольственные запасы [2]), истощившіеся за время перехода черезъ Гоби [3]) мы 21-го сентября оставили хитъ, чтобы идти на перевалъ черезъ Хангай въ вершинахъ Туя. Изъ хита караванъ поднялся на перевалъ Юцза, отдѣляющій покатость къ Шаргольджуту отъ покатости къ Тую. Юцза лежитъ къ сѣверу отъ хита; переваливъ черезъ него, мы спустились въ долину ручья, текущаго въ рѣку Курюмту слѣва; съ перевала была видна и самая долина, вершина которой приходилась вправо отъ дороги. Съ Юцза намъ открылся обширный видъ на югъ; видны горы и хребты, стѣсняющіе долины рѣкъ Туй, Шаргольджутъ и Біиръ; на югѣ было видно долину, гдѣ стоитъ почтовая станція Шаргольджутъ, а за горами, окружающими ее съ юга, на горизонтѣ поднимался массивъ Ихи-богдо съ трещиной въ правомъ его концѣ; эту трещину бывшіе съ нами въ это время монголы назвали намъ Хурюнъ-онъ; она отдѣляетъ отъ массива Ихи-богдо отдѣльный пикъ, западнѣе котораго видно пониженіе въ гребнѣ хребта; его намъ назвали переваломъ Хуухенъ-котель (дѣвичій перевалъ); хребту къ западу отъ перевала нашъ теперешній спутникъ далъ названіе Ноинъ-хэрь.

Лѣсу на перевалѣ Юцза не было, кромѣ двухъ, трехъ лиственницъ. Горы покрыты густой, сплошной, но пожелтѣвшей травой. Спустившись въ долину

---

[1]) Около почтовой станціи Шоргольджутъ также встрѣчались стожки сѣноставокъ, но составленные изъ злаковъ.

[2]) Цѣны въ хитѣ: джинъ муки $1^3/_4$ цена (цянь) серебра, джинъ сахара 2 цена. Джинъ худого желѣза 4—5 ценовъ; бритва китайская 3—4 цена. Кусокъ желтаго коленкора, употребляемаго на ламское платье, 2 лана; юфть (болгары) отъ $1^1/_2$ до 3 ланъ, смотря по величинѣ.

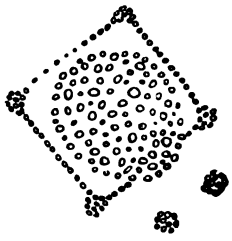
[3]) Марко Поло разсказываетъ, что въ его время ѣхавшіе изъ Су-чжоу или Гань-чжоу въ Каракорумъ (въ Хангаѣ) запасались провизіей въ городѣ Эцзина на 40 дней, на весь путь черезъ пустыню; если Эцзина стоялъ тамъ, гдѣ нынѣ ставка торгоутскаго бэйли или гдѣ указываютъ развалины города Эрке-хара-бурюкъ, то такимъ же образомъ пришлось поступить и намъ.

Digitized by Google

р. Курюмту и пересѣкши ее, мы пошли ея правымъ берегомъ на сѣверозападъ, а потомъ повернули въ долину ея праваго притока, Цаганъ-Манти, и остановились на ночлегъ на правомъ берегу этой послѣдней рѣчки.

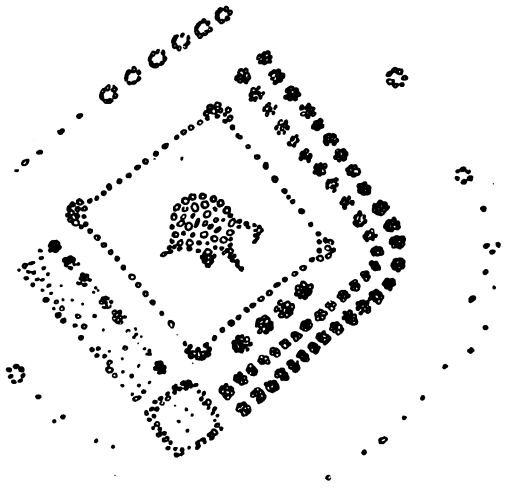
Въ долинѣ р. Курюмту, на ея лѣвомъ берегу, мы миновали группу изъ трехъ кэрэксуровъ. Изъ нихъ я успѣлъ осмотрѣть только одинъ (см. рис. 36). Онъ имѣетъ квадратную однорядную кайму; квадратъ обращенъ на сѣверъ угломъ, а не бокомъ. Длина бока квадрата 20 шаговъ. Кайма едва замѣтна; на углахъ съ внѣшней стороны присыпаны кучки камней. Центральная насыпь окружностью почти прилегаетъ къ бокамъ квадратной каймы, а на юговостокѣ пересыпана черезъ кайму. На этой же сторонѣ внѣ каймы двѣ небольшія насыпи.

Рис. 36.



Въ долинѣ Цаганъ-маниту, въ нижней ея части, влѣво отъ дороги пять большихъ кэрэксуровъ и нѣсколько малыхъ кучъ. Изъ нихъ было осмотрѣно мною три кэрэксура. Самый южный (см. рис 37) имѣетъ центральную насыпь съ окружностью въ 80 шаговъ; высота насыпи около сажени; на вершинѣ четырехугольная площадка, бокъ которой имѣетъ 10 шаговъ длины. Насыпь сложена изъ глыбъ известняка и базальта. У центральной насыпи четыре неправильныхъ отростка, одинъ направляется на югозападъ, два на юговостокъ, и одинъ на востокъ. Насыпь обнесена однорядной квадратной каймой, отстоящей отъ насыпи въ 25 шагахъ. Бокъ каймы 60 шаговъ; на углахъ насыпи камней. Три бока каймы обнесены мелкими насыпями въ два ряда; противъ сѣверовосточнаго бока насчитывается 11 паръ; противъ юговосточнаго счетъ затрудняется: пары насыпаны неправильно; во внутреннемъ ряду я насчиталъ 14 насыпей; еще труднѣе сосчитать насыпи у югозападнаго бока квадрата, гдѣ камни разсыпаны въ безпорядкѣ и повидимому первоначальное расположеніе насыпей разстроено; тутъ во внутреннемъ ряду цѣлыхъ насыпей восемь, но ихъ было навѣрно больше. У южнаго угла квадрата насыпанъ другой небольшой квадратъ, бока котораго состоятъ изъ узкой полосы камней, наваленныхъ въ нѣсколько рядовъ. На юговосточной сторонѣ кэрэксура, между однорядной каймой и рядомъ внѣшнихъ насыпей, четыре болѣе крупныхъ насыпи. Наконецъ въ 22 шагахъ отъ самаго внѣшняго ряда насыпей былъ еще рядъ кольчатыхъ насыпей, но отъ него остались теперь только слѣды.

Рис. 37.



Къ западу отъ этого южнаго кэрэксура находится другой, съ круглой одно-

Digitized by Google

рядной каймой (см. рис. 38); на востокъ отъ каймы насыпано шесть небольшихъ кучъ камней, а еще восточнѣе еще двѣ, болѣе значительныя. Измѣреній этого кэрэкура не сдѣлано.

Къ сѣверу отъ южнаго кэрэкура третій кэрэкуръ, съ квадратной однорядной каймой (см. рис. 39); на углахъ насыпи; къ сѣверу квадратъ обращенъ бокомъ; противъ сѣвернаго бока четыре круглыхъ насыпи; противъ восточнаго двурядная полоса изъ небольшихъ насыпей; кромѣ того, между ней и однорядной каймой четыре небольшія насыпи; на югѣ полоса изъ небольшихъ разстроенныхъ насыпей; въ западномъ концѣ ея болѣе крупная насыпь; около южнаго конца западнаго бока каймы

Рис. 38.

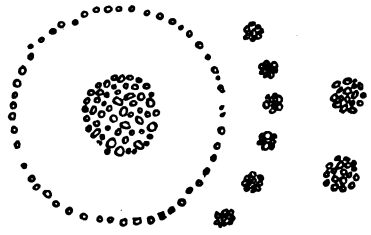


Рис. 39.

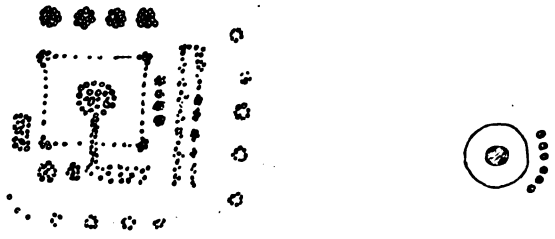
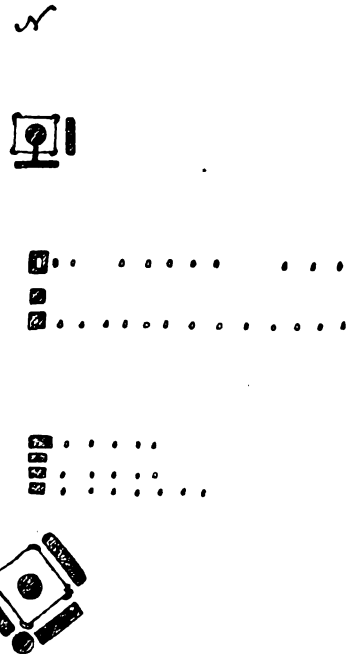


Рис. 40.



четырехугольная насыпь, параллельная боку. Внѣ всего кэрэкура на востокѣ и югѣ замѣтенъ рядъ кольчатыхъ насыпей въ разстояніи 12 шаговъ отъ внѣшняго очертанія кэрэкура. Центральная насыпь, съ четыреугольной площадкой на верху, сложена изъ крупныхъ базальтовыхъ глыбъ. Отъ центральной насыпи на востокъ два короткихъ отростка, а на югъ широкая полоса изъ камней, пересѣкающая однорядную кайму и упирающаяся во внѣшнюю кайму.

Между южнымъ и сѣвернымъ кэрэкурами (см. рис. 40) разстояніе въ 100 сажень; въ этомъ промежуткѣ, въ одномъ меридіанѣ съ кэрэкурами, въ 30 саж. отъ южнаго, четыре плоскія квадратныя насыпи по 5 шаговъ въ поперечникѣ. Отъ трехъ изъ нихъ, отъ южной, отъ второй съ юга и сѣверной, на востокъ тянутся ряды врытыхъ стоймя камней. Еще сѣвернѣе, въ томъ же меридіанѣ, еще три такія же насыпи, но не такъ смежно расположенныя, какъ четыре южныя; тутъ тоже ряды врытыхъ

Digitized by Google

камней, которые тянутся на востокъ, но ихъ только два: одинъ идетъ отъ сѣверной, другой отъ южной насыпи. Врытые каменные столбы до одного фута высоты; въ самомъ сѣверномъ я насчиталъ 9 камней, въ южномъ 21. Отъ насыпи до восточнаго конца ряда около 30 саженей. Эти плоскія насыпи повидимому пустые орнаменты, а не могилы. Самая сѣверная изъ нихъ внутри недосыпана; сдѣлана была только внѣшняя широкая кайма въ видѣ валика изъ камней; оставшееся незасыпаннымъ пространство не представляетъ вдавленія, а есть продолженіе окружающей насыпь цѣльной, неповрежденной земной поверхности. Вѣроятно, сооруженіе начиналось съ того, что намѣчали сначала валиками изъ камней внѣшнее очертаніе будущей насыпи. (Ср. Древности, изд. Моск. Арх. Общ., X, 55).

Еще сѣвернѣе самаго сѣвернаго кэрэксура (рис. 39) былъ еще кэрэксуръ, но онъ разстроенъ; камни, изъ которыхъ онъ былъ сложенъ, разнесены на югъ вдоль долины повидимому какимъ то необычайно большимъ наводненіемъ на сто и болѣе сажень отъ мѣста кэрэксура, гдѣ теперь остались только слѣды его.

Отъ р. Цаганъ-маниту, которая впадаетъ въ р. Мостуръ, дорога поднимается на перевалъ Шари-котель. Подъемъ очень длинный и пологій; съ перевала мы спустились въ логъ, ведущій въ долину р. Уртюмту; внизъ по этой долинѣ вышли въ долину Туя, перешли на его правый берегъ и шли по нему до конца перехода. Передъ самой остановкой прошли мимо ущелья р. Аръ-Ухукъ, «сѣверный Ухукъ», которое открывается на западной сторонѣ долины. Вслѣдствіе прямизны ущелья оно открыто на 5 или на 6 верстъ взорамъ ѣдущаго по долинѣ Туя. Въ вершинахъ Ухука есть перевалъ Кульдзутъ, ведущій въ вершину Урту-Тамира; изъ долины Аръ-Ухука есть также перевалъ въ долину Убуръ-Ухука, «южнаго Ухука», который принадлежитъ къ системѣ Байдарика. Этотъ перевалъ вѣроятно есть тотъ, который на нашихъ картахъ обозначается именемъ Укекъ-дабанъ. Лама который намъ объ этомъ разсказывалъ, не могъ ничего прибавить о нижнемъ теченіи Убуръ-Ухука (или Ухугенъ-гола); онъ сказалъ только, что соединеніе Ухука съ Байдарикомъ находится гдѣ-то далеко на западѣ, вершина же Байдарика сходится съ Хойту-Тамиромъ (сѣвернымъ Тамиромъ). О Донду-Тамирѣ (среднемъ Тамирѣ) онъ сказалъ, что это небольшая рѣчка, соединяющаяся съ Хойту-Тамиромъ далеко выше соединенія послѣдняго съ Урту-Тамиромъ (южнымъ Тамиромъ).

Въ вершинахъ р. Уртюмту находится перевалъ въ вершину Тамчина, текущаго въ Орхонъ. Съ Тамчина переваловъ въ Тамиръ нѣтъ отсюда ближе, какъ въ точкѣ, въ которой стыкаются вершины двухъ рѣчекъ, Убуръ-Кокшöту и Аръ-Кокшöту, изъ которыхъ одна впадаетъ въ Тамиръ, другая въ Тамчинъ.

Обнаженія въ долинахъ Курюмту, Уртюмту и по Тую до устья Аръ-Ухука состоятъ изъ кремнистаго сланца; выше устья Аръ-Ухука та же порода, но въ болѣе вывѣтрѣломъ состояніи. Базальтовыхъ скалъ не замѣчено, хотя въ долинахъ Курюмту и Мостура кэрэксуры сложены изъ базальтовыхъ глыбъ. Выходы базальтовъ, можетъ быть, откроются либо выше, либо ниже пересѣченія этихъ долинъ нашей дорогой.

Digitized by Google

Термометръ по ночамъ падалъ до—5,0° С. По рѣчкамъ утромъ садился иней. Растительность уже увяла; цвѣты встрѣчались преимущественно на мокрыхъ мѣстахъ, гдѣ вода умѣряетъ ночные морозы.

Всѣ долины выше хита мы нашли безлюдными; травы были побиты; очевидно, здѣсь много стояло юртъ лѣтомъ, но народъ выкочевалъ отсюда на зиму въ Гоби.

Отъ Аръ-Ухука дорога идетъ на перевалъ Кулюсай вверхъ по Тую. Не далеко отъ нашего ночлега мы миновали долину р. Яматы (на картахъ Имату, «козлиная»); это лѣвый притокъ Туя. Вверхъ по ней нѣтъ переваловъ въ Тамиръ: нашъ проводникъ отозвался объ этой долинѣ, что она мукуръ, «тупая»; вѣроятно, кончается циркомъ. Въ самой верхней своей части долина Туинъ-гола развѣтвляется на три долины; средняя ведетъ на перевалъ Кулюсай; она имѣетъ направленіе на западъ; намъ назвали ее Убуръ-наре; долину, идущую вправо отъ дороги, назвали Аръ-наре; третьей долинѣ, оставшейся влѣво отъ дороги, нашъ проводникъ не могъ дать имени. Съ дороги видно, что на правомъ боку долины Аръ-наре возвышается высокая гора; отъ Аръ-наре отдѣляются два ущелья, и одно изъ нихъ проходитъ западнѣе этой горы, другое восточнѣе. Въ вершинѣ перваго лежитъ перевалъ Куху-дабанъ (синій перевалъ), въ вершинѣ второго Уланъ-дабанъ (красный перевалъ); оба ведутъ въ долину Тамира. Оба перевала трудные, а Уланъ-дабанъ для верблюдовъ и совсѣмъ непроходимъ; южныя ихъ стороны болѣе доступны, сѣверныя круты.

На мѣстѣ развѣтвленія долинъ мы нашли стоящій обозъ изъ пяти монгольскихъ телѣгъ; это были люди хошуна Дайчинъ-вана, которые собирали лукъ сонгинъ (Allium fistulosum) на Ухукѣ и теперь везли продавать его въ Ургу и Кяхту.

Отсюда долина Туя (Убуръ-наре) болѣе не развѣтвляется. Подъемъ по ней на перевалъ Кулюсай пологій, некаменистый и неболотистый, для прохода телѣгъ совершенно удобный. Самый дабанъ имѣетъ видъ глубокой вырѣзки до 700 футовъ глубины и не болѣе 30 саженъ ширины; на днѣ этой вырѣзки котловинка саженъ въ 50 шириной; плоское ея дно занято озеркомъ или лужей свѣтлой воды; при осеннемъ низкомъ уровнѣ воды каменистые берега озерка сильно обнажились; отъ долины Туя и отъ долины Тамира котловинку отдѣляютъ плоскіе валики; на каждомъ изъ нихъ сложено обо, какъ вообще бываетъ на перевалахъ. Высота перевала Кулюсай 2781 метр. Обнаженія на перевалѣ состоятъ изъ кварцита сѣраго цвѣта.

Въ долинѣ Кулюсай ниже перевала замѣчены мною отложенія, которыя могутъ быть приняты за морены. Вдоль лѣваго, т. е. восточнаго, бока долины, прилегая къ нему, тянутся продолговатые холмы, вытянутые вдоль оси долины; внѣшніе имѣютъ до 10 ф. высоты, прилегающіе къ горѣ вдвое выше. Они образуютъ родъ террасы, но не съ горизонтальной, а очень холмистой поверхностью.

Долина Урту-Тамира [1]) примыкаетъ къ перевалу не вершиной, а болѣе нижней частью теченія, поэтому спускъ въ нее съ перевала значительно короче, чѣмъ

[1]) Урту значитъ «южный».

Digitized by Google

подъемъ вдоль долины Туя, но не менѣе удобный; на всемъ своемъ протяженіи перевалъ Кулюсай проходимъ для телѣгъ, и мы встрѣчали обозы монгольскихъ телѣгъ, двигавшихся по направленію къ нему съ ю. на с. и съ с. на ю. Это самый удобный, кажется, перевалъ черезъ Хангай.

Долина р. Урту-Тамира, проходя мимо перевала Кулюсай, круто заворачивается направо, такъ что видъ съ перевала очень ограниченный, и только незначительная часть горъ праваго бока Тамирской долины видна съ перевала. Долина Урту-Тамира здѣсь узка; дно рѣки каменистое, теченіе въ осеннюю пору года мѣстами прерывается; вода уходитъ въ почву, оставляя галешникъ сухимъ. Окружающія горы мягкія, сплошь покрытыя травянистой растительностью; лѣса начинаютъ встрѣчаться только нѣсколько верстъ ниже спуска съ перевала, такъ что самый перевалъ лежитъ выше верхняго предѣла лѣсовъ.

Въ концѣ сентября по утрамъ термометръ сталъ падать ниже 0; начали выпадать инеи. Но около полудня воздухъ нагрѣвался, и термометръ Цельзія показывалъ около 19,0° тепла. Небо по большей части было ясно. На горахъ уже лежало немного снѣга на сѣверныхъ склонахъ ихъ вершинъ.

24 сентября мы продолжали идти внизъ по долинѣ Урту-Тамира до устья р. Наринъ-Кошюкту. Шли около 7 часовъ. Характеръ долины на всемъ пути одинъ и тотъ же; долина узкая, какъ и противъ перевала Кулюсай, около 70—80 саж. шириной, дно горизонтальное, горы мягкія, съ округленными вершинами, розсыпей нѣтъ, обнаженія рѣдки; большая часть поверхности горныхъ скатовъ и дно долины покрыты сплошной растительностью, преимущественно изъ злаковъ; даже бугры, нагроможденные передъ отверстіями побочныхъ ущелій вытекавшими изъ нихъ водами, покрыты дерномъ, и едва находишь указанія, что они состоятъ изъ валунныхъ отложеній. Горы на правой сторонѣ долины обильно покрыты лѣсомъ изъ Larix sibirica, горы лѣвой стороны, напротивъ, лишены лѣсного покрова. Побочныхъ притоковъ мало; ниже первой стоянки въ долинѣ Тамира миновали притокъ слѣва, въ вершинахъ котораго видна высокая гора; намъ назвали её Хаирханомъ. На верхушкѣ Хаирхана уже лежалъ мелкій снѣгъ.

Упомянутый притокъ есть лѣвая вершина Урту-Тамира; мы же спускались по правой вершинѣ; обѣ вершины, и правая и лѣвая, берутъ начало изъ горы Хаирхана. Еще ниже справа въ долину Тамира открывается соединенный выходъ съ двухъ дабановъ (переваловъ), Куху-дабана и Уланъ-дабана; въ этомъ мѣстѣ мы увидѣли бѣдную монгольскую юрту; это была первая юрта, встрѣченная нами въ долинѣ Урту-Тамира; выше, какъ долина Тамира, такъ и долина Туя на значительномъ протяженіи отъ Кулюсая были безлюдны. Еще немного ниже, противъ устья р. Чондомынъ, впадающей справа, былъ замѣченъ нами кэрэксуръ, т. е. древняя могильная насыпь, подобныя которой разсѣяны по всѣмъ долинамъ Хангая, но только въ области обитанія человѣка. Чондомынскій кэрэксуръ невысокій, около 3 саж. въ поперечникѣ; каймы нѣтъ. Послѣдній кэрэксуръ въ долинѣ Туя былъ замѣченъ на лѣвомъ берегу этой рѣки, противъ устья р. Яматы; этотъ съ обширной квадратной каймой, отставленной отъ центральной насыпи шаговъ на 30—40.

Digitized by Google

Сдѣлавъ 25 сентября дневку у впаденія въ Тамиръ слѣва р. Курмусюкту, подлѣ обнаженій порфирита, на слѣдующій день мы продолжали идти внизъ по Тамиру и дошли до устья р. Богота, впадающей въ Тамиръ справа. Характеръ долины и здѣсь мало измѣняется, мѣстами она расширяется до 200 саж., но потомъ снова суживается. Невдалекѣ отъ предыдущей стоянки на лѣвомъ берегу Тамира находится небольшая ламайская обитель изъ 4—5 деревянныхъ построекъ; ниже ея на правой сторонѣ слѣдуютъ одно за другимъ три ущелья: Ики-Кошюкту, Соготу и Уланъ-халыкъ; далѣе слѣва притокъ Джирентай, имѣющій слѣва притокъ Джирихъ; еще ниже справа — Богота, у устья которой мы и остановились. Въ вершинахъ р. Богота лежитъ гора Субурганъ-ундуръ, которая считается выше Хаирхана, лежащаго въ вершинахъ Тамира; отъ устья Боготы этой горы не видно, потому что долина эта имѣетъ извилистое направленіе. Во время перехода три раза переходили Тамиръ въ бродъ; вода по колѣно лошади, очень свѣтлая; растительный покровъ такъ же густъ, какъ и ранѣе; на сѣверныхъ скатахъ горъ лиственница (Larix sibirica), чѣмъ ниже спускаешься по долинѣ Тамира, тѣмъ болѣе начинаетъ захватывать мѣста подъ свои рощи; въ лѣсу встрѣчаются кустарники смородины нѣсколькихъ видовъ, барбарисъ и жимолость. Подлѣ рѣки появились два вида ивы и тополь. Горы начинаютъ становиться скалистѣе и состоятъ, кажется, изъ той же породы, какъ и горы Кулюсай. Жители и юрты встрѣчались, но все еще изрѣдка.

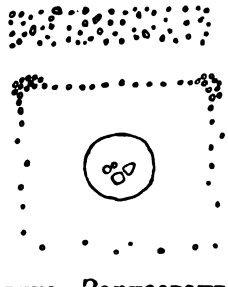
27 сентября сдѣлали еще переходъ внизъ по Урту-Тамиру до мѣстности, лежащей противъ горы Гурбанъ-дабанъ съ одной стороны и ущелья Бага-тели съ другой. Во время этого перехода шли преимущественно по лѣвому берегу Тамира. Въ самомъ началѣ перехода перевалили черезъ мысъ, который упирается въ лѣвый берегъ Тамира и состоитъ изъ крупнозернистаго сильно вывѣтривающагося гранита, и къ сѣверу отъ него, пересѣкши долину р. Тели, которая течетъ въ Тамиръ слѣва, обошли съ востока конецъ отрога, сопровождающаго лѣвый берегъ рѣчки Тели; этотъ конецъ отрога образуетъ отвѣсный утесъ, который за свой красный цвѣтъ называется Уланъ-хада; противъ Уланъ-хада на другой сторонѣ Тамира открывается долина р. Джиргылынту, въ заднемъ концѣ которой виденъ голецъ Субурганъ; долина Джиргылынты такъ пряма, что верхняя половина гольца отлично видна и заслонена горами только его подошва. Горы въ этой долинѣ лѣсисты, но вершина Субургана лишена лѣсного покрова, такъ какъ поднимается выше верхняго предѣла лѣсовъ. Тѣ горы, которыя проходятъ по правому берегу р. Джиргылынту, называются Асхыту-гоя. Подойдя къ отвѣсному утесу Уланъ-хада, намъ пришлось перейдти Тамиръ въ бродъ на правую его сторону и вслѣдъ затѣмъ мы снова перебрели на лѣвый берегъ; броды здѣсь глубже, чѣмъ были выше (выше колѣна лошади). Ниже Уланъ-хада долина Тамира расширяется до двухъ верстъ шириной, благодаря тому, что здѣсь на лѣвой сторонѣ сливается съ нею приходящая съ югозапада широкая долина Дзонъ-модо («сто деревъ»); на правомъ же берегу Тамира ниже Джиргылынту находятся только два незначительныхъ ущелья, Ихи-тели и Бага-тели. Противъ отверзтія перваго, на лѣвомъ берегу Тамира, лежитъ монастырь хошуна какого-то бэйсы, въ которомъ числится до 200 ламъ.

Digitized by Google

Жители, юрты и скотъ на этомъ переходѣ встрѣчались гораздо чаще, чѣмъ на предыдущемъ; часто встрѣчались аилы изъ 5—6 юртъ. Отъ Кулюсая досюда земли принадлежатъ хошуну Цэцэнъ-вана, а ниже пойдутъ земли шабинцевъ Заинъ-гэгэна.

28 сентября мы продолжали идти по Тамиру къ мѣстности Угёту; шли отъ $7^1/_2$ ч. у. до 4 часовъ вечера и сдѣлали около 40 ли. Хотя здѣсь долина Тамира значительно широка и пряма, но съ ночлега нижняя ея часть была невидна, будучи загорожена отдѣльной грядой Сангинъ-тологой, протянувшейся поперегъ долины. Тамиръ течетъ у западнаго конца Сангинъ-тологоя. Обошедши Сангинъ-тологой слѣва, мы увидѣли нижнюю часть долины; она здѣсь опять до 2 верстъ ширины. Теченіе рѣки издали обозначается непрерывной полосой тополеваго лѣса. Ниже Сангинъ-тологоя, налѣво отъ дороги, мы увидѣли сначала малый монастырь вѣдомства Заинъ-гэгэна, расположенный при подошвѣ хребта Булганъ; когда прошли еще немного къ сѣверовостоку, открылся видъ и на большой, или главный, монастырь того же гэгэна, въ которомъ онъ имѣетъ свою резиденцію. Этотъ монастырь также находится влѣво отъ дороги и расположенъ при южной подошвѣ горъ Гурбанъ-кецю, которыя, какъ и горы Булганъ, не что иное, какъ короткіе отроги виднѣющагося за ними болѣе высокаго и лѣсистаго хребта, Тонай. Монастырское селеніе заключаетъ въ себѣ вѣроятно не менѣе 100 дворовъ; внутри его можно было издали насчитать до 7 ндугановъ, то есть большихъ храмовъ; на отвѣсномъ холмѣ сзади монастыря возвышается субурганъ (ступа или башня), а подъ нею вдоль подошвы того же холма рядъ изъ восьми подобныхъ же, но небольшихъ субургановъ (найманъ-субурганъ). За этимъ холмомъ поднимается высокая гора, въ половинѣ высоты которой на скалѣ бѣлѣются какія-то фигуры статуй боговъ, или изсѣченныя въ скалѣ, или вылѣпленныя изъ глины. Нашъ караванъ прошелъ въ разстояніи 2—3 верстъ отъ монастыря. Ниже монастыря или хита Заинъ-гэгэна на лѣвой сторонѣ долины Тамира нѣтъ значительныхъ притоковъ, на правой же видны сначала два незначительныхъ ущелья, Могай и Буртегечъ, а затѣмъ большая долина Цицирликъ. Въ вершинахъ послѣдней намъ указывали высокій хребетъ Хуху-суменай-нуру.

Рис. 41.



Отъ Сангинъ-тологоя характеръ долины измѣняется; горъ, покрытыхъ лиственницей, вблизи болѣе не видно; онѣ видны только въ значительномъ отдаленіи отъ дороги, и исключительно на правой сторонѣ, въ вершинахъ Цицирлика; примыкающія же къ долинѣ горы безлѣсны, скалисты и уже не покрываются сплошнымъ травянистымъ покровомъ, а рѣдко разсаженными растеніями, болѣе степного характера. Кромѣ того на обѣихъ сторонахъ долины, чѣмъ далѣе, тѣмъ горы становятся ниже.

Кэрэксуровъ въ эти два перехода не встрѣчали кромѣ двухъ, замѣченныхъ на лѣвомъ берегу Тамира, противъ долины Цицирлика. Зарисованъ планъ только одного изъ нихъ. Центральная насыпь до 15 шаговъ въ поперечникѣ; она заросла травой и только на вершинѣ пять, шесть круп-

Digitized by Google

ныхъ глыбъ лежатъ открыто. Отъ центральной насыпи до квадратной однорядной каймы 40 шаговъ; кайма лучше замѣтна на сѣверномъ боку, въ другихъ частяхъ разстроена. Длина бока каймы 80 шаговъ; на углахъ насыпи. Противъ сѣвернаго бока полоса изъ камней, въ четыре шага шириной, отстоящая отъ каймы въ 14 шагахъ (см. рис. 41).

Обнаженія на лѣвомъ берегу Тамира противъ Цицирлика состоятъ изъ кремнистаго сланца.

29 сентября мы сдѣлали небольшой переходъ къ мѣстности Джиргылынты, и остановились, чтобъ дать время снарядиться вожаку, котораго мы здѣсь наняли, такъ какъ люди нашего каравана, взятые нами на Туѣ, не знали хорошо дальнѣйшей дороги.

Территорія Заинъ-гэгэна (Цзая-пандита-хутухту) протянулась съ сѣверо-запада на юго-востокъ на 150 верстъ; ширина ея 75 верстъ. Территорію пересѣкаютъ рѣки Хойту-тамиръ, Урту-тамиръ и Джирманты, а Орхонъ протекаетъ по восточной границѣ ея. На югѣ она граничитъ, начиная съ запада, съ хошунами Цэцэнъ-вана (среднее лѣвое послѣднее знамя, расположенное по вершинамъ Хойту-тамира и Урту-тамира), Чагдуръ бэйсы (маленькій хошунъ при сліяніи Цицирлика съ Урту-тамиромъ), То-дзасыка (хошунъ, охватывающій вершины Цицирлика и другихъ правыхъ притоковъ Урту-тамира), Мани-веттыръ-дзасыка (среднее правое знамя праваго крыла, занимающее верхнюю часть долины Джирманты и на востокѣ примыкающее къ теченію р. Ульдзейту). Далѣе граница идетъ отъ впаденія Ульдзейту въ Джирманты до Орхона. Къ югу отъ территоріи Заинъ-гэгэна лежитъ хошунъ Сайнъ-нойона, но соприкасаются ли они, мнѣ не извѣстно. На сѣверѣ къ территоріи Заинъ-гэгэна прилегаетъ небольшой хошунъ Эренъ-гомбогуна, расположенный по обѣимъ сторонамъ нижняго (соединеннаго) Тамира; на сѣверо-востокѣ олетскій хошунъ Агсынъ-бэйсы (Олетъ-Агсынъ-бэйсы), а на востокѣ хошунъ Тушету-хана, отъ котораго территорія отдѣляется рѣкой Орхономъ.

Въ хошунѣ Тушету-хана, на правомъ берегу Орхона, находится знаменитый монастырь Эрдени-цзу, съ которымъ связана легенда о введеніи буддизма въ Монголію. Въ томъ же хошунѣ, именно въ семействѣ самого князя Тушету-хана, родился и Ундуръ-гэгэнъ, то есть первый богдо-гэгэнъ (ургинскій хутухту). Въ послѣднее время богдо-гэгэны возрождались исключительно въ Тибетѣ, но такъ какъ они признаются перерожденіями Ундуръ-гэгэна, то всѣ они, несмотря на свое тибетское происхожденіе, признаютъ себя дѣтьми Тушету-хана. Какъ свидѣтельство этого, ежегодно совершается одинъ обрядъ; именно разъ въ году Тушету-ханъ съ женою пріѣзжаетъ въ Ургу, привозитъ гэгэну мясо баранье и бараньи почки, является въ храмъ Барунъ-суме, высѣкаетъ огнивомъ огонь рано утромъ, когда гэгэнъ еще спитъ, и потомъ, поднося мясо и почки, обращается къ гэгэну съ словами: «Ты лама моего дома! Ты продолжилъ огонь моего очага!» чи мини геринъ лама! чи мини галъ голонду! Этими словами ханъ и ханьша благодарятъ гэгэна за то, что онъ своимъ рожденіемъ не далъ погаснуть огню въ ихъ очагѣ; рожденіе

Digitized by Google

сына въ Монголіи цѣнится, какъ рожденіе будущаго поддерживателя огня на семейномъ очагѣ [1]).

Олётскихъ хошуновъ въ долинѣ Орхона два; одинъ, управляемый княземъ Агсынъ-бэйсы, расположенъ по обоимъ берегамъ Орхона отъ Эрдени-цзу до озера Угэй-норъ; на западѣ онъ граничитъ съ территоріей Заинъ-гэгэна, на востокѣ съ хошуномъ Тушету-хана; другой хошунъ олётовъ управляется княземъ Ча-бэйсы (Ча-вэйсы) и лежитъ къ сѣверу отъ Угэй-нора, между землями Эренъ-гомбо-гуна и Барунъ-гуна. Эти два хошуна представляютъ колонію олётовъ, неизвѣстно какъ попавшую въ эти мѣста. Народное преданіе относитъ появленіе олётовъ въ долинѣ Орхона ко времени нашествія олётскаго хана Галдана въ прошломъ столѣтіи; это будто остатки тѣхъ олётовъ, съ которыми Галданъ нападалъ на монастырь Эрдени-цзу. Тому же олётскому князю Ча-бэйсы подчиненъ небольшой участокъ урянхайскаго народа, именно родъ Тулюшъ, кочующій по р. Аръ-Торхолику (см. Очерки, IV, стр. 12).

Здѣсь долина становится еще просторнѣе и достигаетъ до 4 верстъ ширины, и внизъ отъ хита Заинъ-гэгэна становится еще оживленнѣе. Почти на каждой верстѣ можно было насчитать до 5 или 6 юртъ.

30 сентября, снявшись съ ночлега, мы должны были вскорѣ переходить въ бродъ на правый берегъ Урту-Тамира; рѣка течетъ съ в. на з.; берега отсюда до сліянія ея съ Хойту-Тамиромъ безлѣсны. Дно рѣки, какъ и выше, каменистое. Въ этомъ мѣстѣ Урту-Тамиръ омываетъ южную подошву широкаго мелкосопочника, который есть продолженіе и конецъ горъ, сопровождающихъ правый берегъ рѣки Цицирлика; на западѣ этотъ мелкосопочникъ кончается скалистой грядой Яшильта; между нею и пологимъ мысомъ Тулай, которымъ кончаются горы лѣваго бока Урту-тамирской долины, промежутокъ въ 4—5 верстъ шириной, посредствомъ котораго долина Урту-Тамира соединяется съ долиной Хойту-Тамира [2]). Черезъ эти ворота проходитъ Урту-Тамиръ и, обогнувъ гряду Яшильта съ запада, поворачиваетъ на востокъ и сливаетъ свои воды съ Хойту-Тамиромъ противъ скалистой горы Ширъ, отдѣльно стоящей на сѣверномъ берегу Хойту-Тамира.

Пересѣкши Урту-Тамиръ, нашъ караванъ долженъ былъ вступить въ мелкосопочникъ и, переваливъ черезъ него, у скалистаго холма Сöль-уньдуръ, гдѣ проходитъ граница между землями шабинцевъ Заинъ-гэгэна и хошуна Ирень-гомбу-гуна, спустился въ долину Хойту-Тамира или, правильнѣе, въ долину соединеннаго теченія Урту-Тамира и Хойту-Тамира. Къ сѣверу отъ Сöль-уньдура разстилается широкая долина до 10 верстъ шириной съ ю. на с. и до 60 верстъ длиной съ з. на в. Въ западномъ концѣ ея видна упомянутая гора Ширъ; на востокѣ она кончается возвышенностями, окружающими озеро Угэй-норъ, лежащее на восточ-

---

[1]) Въ аймакѣ Тушету-хана четыре хутухту: 1) Богдо-гэгэнъ (резиденція въ Ургѣ; имѣетъ печать или тамгу); 2) Таши-нойонъ-хутухту (резиденція въ Гоби; имѣетъ тамгу); 3) Нойонъ-хутухту (резиденція въ вершинѣ р. Хангылъ, въ хошунѣ Чинъ-вана; тамги не имѣетъ); 4) Номонъ-ханъ (резиденція въ хошунѣ Дзунъ-дзасыка; безъ тамги).

[2]) Хойту «сѣверный».

Digitized by Google

номъ берегу Орхона; на сѣверѣ она ограничивается теченіемъ Хойту-тамира, за которымъ видны скалистыя гряды, протянувшіяся въ различномъ разстояніи отъ рѣки подъ отдѣльными названіями Ширъ, Хептэ, Сахалтай-хаирханъ и Баинъ-Ула, но пускающія свои низкіе отроги вплоть къ самой рѣкѣ. На югѣ долина ограничена еще болѣе низкими горами, послѣдними отрогами хребтовъ, сопровождающихъ теченіе Урту-Тамира [1]); впрочемъ, за этими передовыми незначительными возвышенностями видны болѣе значительныя горы, а на крайнемъ южномъ горизонтѣ синѣются вершины главнаго хребта, сливающіяся въ одну непрерывную цѣпь. Долина эта общаго имени не имѣетъ, а носитъ частныя названія: Белехеинъ-тала, Тоглохъ-тологоинъ-тала, Шара-усуней-тала и т. п. Дно ея покрыто густой травой; мѣстами почва солончаковая. Пересѣкши ее съ с. на ю., мы остановились на южномъ берегу Тамира, при подошвѣ отдѣльнаго гранититоваго холма Тоглохъ-тологой. По Тамиру здѣсь тянутся тальники, но тополей не видно.

На степи около холма Тоглохъ-тологой я видѣлъ брошенный каменный катокъ (було), какіе употребляются китайцами для молотьбы хлѣба.

1 октября мы шли на востокъ по правому берегу Тамира до впаденія его въ Орхонъ и сдѣлали 30 верстъ. На половинѣ пути миновали мысъ Уланъ-хошу, послѣднюю возвышенность на лѣвомъ берегу соединеннаго Тамира. Къ концу перехода, въ верстѣ выше впаденія Тамира, перешли черезъ Орхонъ, который здѣсь имѣетъ до 20 саженъ ширины и течетъ между глинистыми берегами, но по каменистому дну; берега рѣки въ этомъ мѣстѣ безлѣсны; бродъ по стремя всаднику. На правомъ берегу Орхона, противъ переправы, возвышается гора Боро-уньдуръ, у южной подошвы которой разстилается озеро Угэй-норъ. На южномъ скатѣ горы въ полугорѣ стоитъ хитъ Оромбоинъ-гэгэна, состоящій всего изъ двухъ или трехъ зданій.

30 лѣтъ тому назадъ одинъ тибетскій гэгэнъ былъ приглашенъ переселиться въ Монголію однимъ монгольскимъ княземъ, путешествовавшимъ въ Тибетѣ. Тибетскій лама пріѣхалъ на сѣверъ и на сѣверномъ берегу Угэй-нора построилъ себѣ хитъ; впослѣдствіи онъ умеръ и вновь возродился отъ монголки хошуна Давана; это и есть нынѣшній Оромбоинъ-гэгэнъ; онъ еще молодой, лѣтъ 25-ти, мужчина; около него живетъ небольшой штатъ ламъ, большею частью тангуты частью изъ Лабрана, частью изъ Джони. Оз. Угэй замерзаетъ около 20 ч. 10-й луны; весной ледъ расходится 8—15 ч. 4-й луны. Отъ Угэй-нора на югъ разстилается такая же долина вдоль Орхона, какъ и на западъ вдоль Тамира. По этой долинѣ проходитъ теченіе Орхона съ его лѣвымъ притокомъ, р. Цзирматай, и правымъ притокомъ, который носитъ названіе Кокшинъ-Орхонъ («старый Орхонъ»). Разспросныя свѣдѣнія о вершинахъ Орхона я помѣстилъ въ статьѣ «Разспросныя свѣдѣнія о странѣ между Хангаемъ, Наньшанемъ, Тяньшанемъ и Утайшанемъ», отпечатанной въ «Извѣстіяхъ Географ. Общества», т. XXIII.

---

[1]) Они кончаются къ устью Тамира плоскимъ мысомъ, который намъ назвали Елисынъ-хошу, «Песчанымъ мысомъ». На картѣ, составленной спутникомъ г. Ядринцева и приложенной къ Запискамъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., т. I, в. 1, ему дано имя Уланъ-хошу; наши же проводники давали это имя возвышенностямъ, лежащимъ на лѣвомъ берегу Тамира.

Digitized by Google

Р. Цзирматай (Джирманты) проходитъ черезъ озера Тойтынъ-Цаганъ-норъ [1]); степь, окружающая эти озера или залегающая между ними и рѣкой Орхономъ, извѣстна мѣстнымъ жителямъ подъ именемъ Талахаинъ-тала [2]). Легенда, объясняющая это названіе, помѣщена въ IV части этого изданія, стр. 310.

На этой степи между озерами и Орхономъ г. Падеринымъ найдены слѣды города, въ которыхъ онъ усмотрѣлъ остатки знаменитаго Каракорума. Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Падеринъ приводитъ названія сосѣднихъ урочищъ: Моринъ-тологой («лошадиная голова») и Уланъчикынъ («красное ухо»). На мои разспросы мѣстные жители или отзывались невѣдѣніемъ такихъ урочищъ, или указывали ихъ въ дальнемъ разстояніи отсюда или на востокѣ или на западѣ.

Мы были связаны договоромъ съ нашими возчиками и потому не только не могли направить караванъ къ развалинамъ, открытымъ г. Падеринымъ, но не могли его задержать на Угэй-норѣ на время, которое потребовалось бы для отдѣльной поѣздки къ развалинамъ. Конечно, можно было бы уговорить возчиковъ подождать, но за извѣстную плату, а наши финансы уже истощились, и мы уже предвидѣли, что въ Кяхтѣ намъ прійдется дѣлать заемъ, чтобы расплатиться съ возчиками и слугами. Съ холмовъ, окружающихъ озеро Угэй-норъ, мы видѣли только долину Талахаинъ-тала, въ сѣверномъ концѣ которой, къ западу отъ озера, возвышается посреди ровной степи какая-то четырехугольная насыпь, которую намъ назвали Ташчилинъ; это, вѣроятно, было основаніе кумирни. Отъ посѣщавшихъ насъ монголовъ мы узнали здѣсь также о существованіи мѣстности Кöшöчайдамъ, гдѣ будто бы находится много плитъ, покрытыхъ начертаніями. Впослѣдствіи это извѣстіе подтвердилось изслѣдованіями г. Ядринцева.

Долины Орхона и Тамира, вѣроятно, были мѣстомъ, гдѣ происходили перекочевки ханской ставки съ лѣтнихъ пастбищъ на зимнія и обратно. Можетъ быть, въ названіяхъ урочищъ и откроются впослѣдствіи какія-нибудь памяти о ханскихъ лѣтовкахъ и зимовкахъ. По свидѣтельству китайца Чань-те-хоя, находившагося въ свитѣ монгольскаго хана, осенью ханская ставка двигалась съ запада на востокъ; весною, слѣдовательно, она должна была двигаться обратно, съ востока на западъ. На пути она проходила мимо города Хорина, т. е. Каракорума. Подробнѣе показаніе Чань-те-хоя говоритъ такъ: въ концѣ осени ставка двинулась отъ лѣтней резиденціи на зимовку на востокъ и прибыла къ мѣстности Уланъ-чикынъ. Въ октябрѣ двигалась далѣе; въ ноябрѣ достигла до зимовки. Въ мартѣ опять пришла въ Уланъ-чикынъ и въ мѣстности Моринъ-тологой ждала прохода рѣкъ, а въ маѣ двинулась на лѣтнее стойбище. Слѣдовательно, лѣтняя резиденція находилась гдѣ-то на западѣ отъ Уланъ-чикына, вѣроятно, въ Хангаѣ. Плано-Карпини 22 іюля пріѣхалъ въ Сыра-орду (Желтую ставку), а 22 августа въ Золотую орду, которая отстоитъ отъ первой въ 4 перекочевкахъ. Это были, вѣроятно,

[1]) Объ этихъ озерахъ и развалинахъ города около нихъ упоминается въ моихъ «Очерк. С. З. Монг.», вып. II, стр. 75 (показаніе Чирина-Дорчжи).

[2]) На картѣ Клапрота приблизительно на этомъ мѣстѣ назначены развалины города Талаханъ-таланъ-балгасунъ.

Digitized by Google

лѣтнія стоянки хана въ палаткахъ. «Въ Исторіи четырехъ хановъ» у о. Іакинфа есть указанія о перекочевкахъ хана Мункэ. Лѣтомъ ханъ кочуетъ къ уроч. Хуланъ-илги и посѣщаетъ дворецъ Чингисъ-хана (?); затѣмъ упоминается съѣздъ на р. Гилуръ-голъ, послѣ котораго ханъ идетъ обратно, проходитъ уроч. Ирмэкту, а осенью стоитъ при оз. Чжунь-норъ. Гилуръ, можетъ быть, нынѣшній Кэлгыръ, лѣвый притокъ Цицирлика [1]) Нынѣшнія короткія кочевыя орбиты орхонскихъ жителей, конечно, не могутъ дать понятія о большихъ размахахъ кочеванья древнихъ хановъ.

3 октября мы двинулись дальше; часть перехода сдѣлали на востокъ по большой ургинской дорогѣ, потомъ у колодезя Эрдени-худукъ свернули влѣво. Сначала ургинская дорога проходитъ параллельно съ сѣвернымъ берегомъ оз. Угэй, вдоль подошвы лежащихъ къ сѣверу отъ него возвышенностей Байсыхылынъ и Хэрсынъ; на южномъ склонѣ первой лежитъ хитъ Оромбоинъ-гэгэна, вторая лежитъ восточнѣе; къ сѣверу отъ нихъ лежитъ третья возвышенность, Цанту. Къ в. отъ Угэй-нора находится обширная и глубокая падь, на днѣ которой встрѣчается вода; эта падь называется Ихиней-кобыръ и принадлежитъ уже къ землямъ Тушету-хановскаго аймака, граница котораго съ аймакомъ Сайнъ-нойона проходитъ черезъ колодезь Эрдени-худукъ. По скатамъ пади видно было много раскиданныхъ юртъ и пасущагося скота. Прямо на востокъ отъ пади были видны высокія скалистыя горы Берхе и Кудзюгенъ-бурдо, лежащія къ ю. отъ ургинской дороги. Ургинская дорога не спускается на дно пади, а проходитъ на значительно высокомъ уровнѣ, ближе къ подошвѣ скалистаго гребня, проходящаго къ с. отъ пади. Оставивъ въ правой рукѣ и падь, и ургинскую дорогу, мы, какъ сказано, повернули влѣво, на сѣверъ, миновали Эрдени-худукъ и, переваливъ черезъ скалистый гребень, состоящій изъ песчаниковъ, спустились въ долину, окруженную горами, и остановились въ ея лѣвомъ концѣ, у колодезя Сувэй. Съ перевала мы увидѣли на сѣверѣ высокія скалистыя горы Абцыкъ-хаирханъ; съ сѣвера долина, въ которой мы остановились, ограждена конгломератовыми горами, западное продолженіе которыхъ образуетъ болѣе высокій скалистый хребетъ, Мутулетъ [2]). Эти горы отдѣляютъ долину колодезя Сувэй отъ подошвы Абцыкъ-хаирхана. Подлѣ западной подошвы Абцыкъ-хаирхана проходитъ телѣжная дорога изъ монастыря Эрдени-цзу въ ставку князя Чи-вана (Дацзинь-вана). На днѣ котловины видны разрозненные остатки базальтоваго потока, двигавшагося съ в. на з. (или съ з. на в.). Они имѣютъ видъ отдѣльныхъ столовыхъ вершинъ. Западнѣе лежатъ двѣ отдѣльныхъ горы, раздѣленныя оврагомъ; верхушки ихъ представляютъ горизонтальныя площадки, усѣянныя обломками ба-

[1]) Въ вершинахъ Кэлгыра находятся горячіе и холодные цѣлебные источники, которые посѣщаются больными монголами; здѣсь устраиваются лѣтомъ ванны и для больныхъ выставляются юрты. Другіе минеральные источники въ Хангаѣ находятся въ долинѣ р. Шоргольджутъ, притока Туя; см. о нихъ въ статьѣ г. Воробьева «Поѣздка изъ Урги въ Хангай», помѣщенной въ «Запискахъ» Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., т. I, в. 1, стр. 270. Третій источникъ указанъ въ вершинахъ р. Джирманты на картѣ верхнихъ притоковъ Орхона, приложенной къ тѣмъ же «Запискамъ».

[2]) Му тулету? «имѣющія плохія дрова».

Digitized by Google

зальта; профиль боковъ горы въ верхней части имѣетъ видъ отвѣснаго обрыва, въ нижней пологаго ската. Эти возвышенности у монголовъ получили имя Тошю, «наковальня». А. И Скасси поднимался на вершину одной изъ возвышенностей и нашелъ, что она представляетъ горизонтальную площадь, сплошь усыпанную крупными обломками базальта. Въ восточной части котловины стоитъ другая, болѣе значительная базальтовая гора; она назыв. Ширэ, «престолъ», и имѣетъ видъ двускатной палатки, такъ какъ скалистая вершина, разрушаясь съ боковъ, сохранилась только въ видѣ узкой стѣнки. Еще восточнѣе лежитъ еще болѣе высокая гора Того, «котелъ», но форма ея не имѣетъ такихъ оригинальныхъ формъ, по которымъ можно было бы принять её также за состоящую изъ базальта. Обнаженія около колодезя Сувэй на мѣстѣ нашего ночлега у западной оконечности горы Того состоятъ изъ базальта. Гора, лежащая къ востоку отъ Того, называется Табхыръ.

Отъ Эрдени-худука на сѣверъ начинаются земли Барунъ-гуна или Сономъ-гуна [1]).

Около колодезя Сувэй находится кэрэксуръ. Поперечникъ центральной насыпи 24 шага (см. рис. 42 и 43). Кайма однорядная, круглая; отъ каймы до центральной насыпи 20 шаговъ. На югѣ кайма имѣетъ перерывъ въ одинъ шагъ шириной, очевидно, происхожденія, современнаго постройкѣ кэрэксура. Камни направо и налѣво отъ перерыва особенно плотно поставлены. Отъ центральной насыпи идутъ выложенные камнями лучи: 1) на юговостокъ достигающій до каймы, 2) на югъ короткій. Этотъ послѣдній приходится противъ перерыва въ каймѣ. Первый какъ бы помостъ для входа на насыпь; это плоская мостовая. Ширина этой мостовой

Рис. 42.

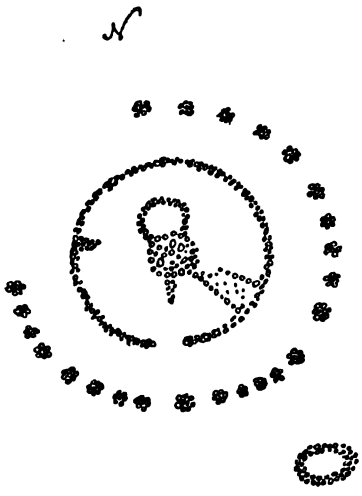
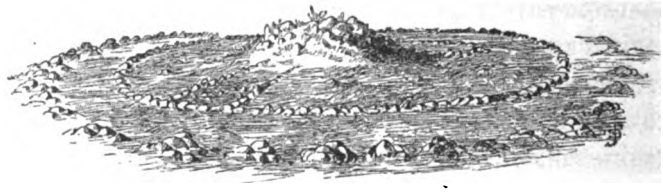


Рис. 43.



къ каймѣ увеличивается; края ея выложены крупными камнями, середина мелкими. На западѣ отъ каймы идетъ широкій въ видѣ валика радіусъ изъ камней, не доходящій до центральной насыпи. На сѣверѣ подлѣ центральной насыпи посредствомъ подковообразнаго валика или, вѣрнѣе, полосы, сложенной изъ камней, отгорожено пространство въ 10 шаговъ въ поперечникѣ. Внѣ однорядной каймы другая, изъ круглыхъ насыпей; каждая насыпь въ 3 шага въ діаметрѣ; этотъ внѣшній кругъ отъ внутренняго въ 6 шагахъ. Въ немъ 24 насыпи; онѣ образуютъ не-

[1]) Сономъ собственное имя князя; барунъ, «западный», прозвище его.

Digitized by Google

полный кругъ; на сѣверозападѣ кругъ не смыкается; одна крайняя насыпь приходится на сѣверѣ, другая на западѣ. Въ 20 шагахъ отъ самаго внѣшняго круга на югѣ (немного восточнѣе меридіана) кольцо въ 6 шаговъ въ поперечникѣ; на востокѣ 4 или болѣе небольшихъ колецъ въ 2 — 3 шага въ поперечникѣ, то же въ разстояніи 20 шаговъ отъ внѣшняго круга (эти четыре насыпи на рисункѣ не обозначены). Камни по большей части базальтовые. Нѣкоторыя глыбы, лежащія на вершинѣ насыпи, имѣютъ до $1^1/_2$ метровъ длины, такъ что могли быть доставлены сюда съ большимъ трудомъ.

4 октября, переваливъ черезъ конгломератовую гряду, соединяющую восточный конецъ хребта Мутулетъ съ горою Того, мы спустились въ другую, болѣе сѣверную долину, и на днѣ ея вышли на телѣжную дорогу, ведущую въ ставку Чи-вана. При самомъ спускѣ въ долину построенъ деревянный хуралъ, при которомъ находится до 6 деревянныхъ келій и до 8 монгольскихъ юртъ. Переваливъ еще одну гряду, мы вышли въ долину р. Урту-Булыкъ, которая непосредственно примыкаетъ къ южной подошвѣ Абцыкъ-хаирхана. Отъ колодезя Сувэй до Урту-булыка около 18 верстъ. Въ широкой долинѣ Урту-булыка мы вновь увидѣли множество юртъ и скота; здѣсь производится небольшое хлѣбопашество; сѣютъ пшеницу и ячмень; слѣдовъ старыхъ пашенъ видно болѣе, чѣмъ свѣжераспаханныхъ участковъ. Жители принадлежатъ къ хошуну Сономъ-гуна, который болѣе извѣстенъ подъ названіемъ хошуна Барунъ-гуна (Тушетухановскаго аймака); на югѣ земли этого хошуна простираются до Эрдени-худука, южнѣе котораго лежатъ земли хошуна самого Тушету-хана.

На южномъ склонѣ Абцыкъ-хаирхана видны головы пластовъ (конгломерата ?), падающіе на сѣверъ. Долина Урту-булыка имѣетъ паденіе на востокъ и, вѣроятно, соединяется съ долиной рѣки Харухи, тогда какъ дно долины съ колодеземъ Сувэй падаетъ на западъ; по моему мнѣнію, эта долина открывается въ долину Орхона.

6 октября мы сдѣлали около 25 верстъ. Дорога отъ Урту-булыка проходитъ черезъ сѣверный конецъ Абцыкъ-хаирхана и спускается въ широкую и плоскую долину, за которой тянется плоскій хребетъ Ули, на востокѣ становящійся скалистымъ. За хребтомъ Ули находится долина, въ которой течетъ на востокъ небольшая рѣчка Асхыту. За ней къ с. еще плоская грива, отдѣляющая третью долину, которая внизу, т. е. на востокѣ, соединяется съ долиной Асхыту. Потомъ новый плоскій подъемъ, съ котораго открывается видъ на четвертую, болѣе другихъ значительную долину, ограниченную на сѣверѣ скалистымъ хребтомъ Кокшёгъ. На южной сторонѣ долины, въ западномъ ея концѣ, возвышается хребетъ Шибиртай или Шибортай. При сѣверной подошвѣ послѣдняго расположенъ западный хурень Барунъ-гуновскаго хошуна. Спустившись почти на дно долины, но не выходя изъ лога, вдоль котораго проходитъ спускъ, мы остановились на ключѣ Цзамынъ-шаньда, въ нѣсколькихъ верстахъ къ в. отъ хуреня.

На сѣверномъ склонѣ хребтовъ Абцыкъ-хаирхана, Ули и Шибиртая виденъ лиственный лѣсъ (береза и какіе-то кустарники), къ югу же отъ Абцыкъ-хаирхана

Digitized by Google

до р. Цицирликъ всѣ горы лишены лѣсного покрова. Всѣ пройденныя гряды состоятъ изъ конгломератовъ и песчаниковъ.

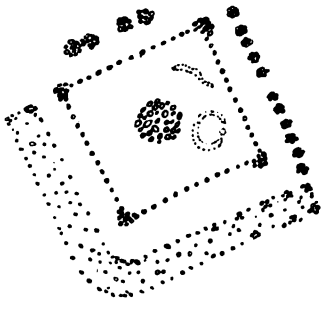
Значительная часть перехода слѣдующаго дня (7 окт.) состояла въ пересѣченіи долины, на которой стоитъ западный хурень Барунъ-гуновскаго хошуна и въ подъемѣ на перевалъ Дзöлингенъ-дабанъ, затѣмъ меньшая—въ спускѣ съ перевала. Въ пути провели болѣе 8-ми часовъ. По сѣверной окраинѣ долины проходитъ застывшій базальтовый потокъ, который на сѣверѣ примыкаетъ къ подошвѣ сѣверныхъ горъ (Кокшёгѣ и Дзöлингенъ-дабанъ), а на югѣ поднимается обрывомъ въ 20 саж. высоты надъ болѣе низкимъ днемъ долины. Въ серединѣ потокъ разорванъ, и черезъ этотъ разрывъ поднимается дорога на Дзöлингенъ-дабанъ. Верхъ потока горизонтальный, такъ что потокъ имѣетъ видъ террасы. Подъ обрывомъ базальта насыпано до полусотни кэрэксуровъ, а съ разсѣянными по дну долины я насчиталъ до 67 насыпей, но вѣроятно ихъ тутъ болѣе. Вообще, гдѣ появляется базальтъ, тамъ и кэрэксуры встрѣчаются обильно и состоятъ преимущественно изъ обломковъ базальта.

Вдоль обрыва базальтовой террасы, идущаго съ восточной стороны дороги, въ оврагахъ и подлѣ подошвы обрыва, я замѣтилъ четыре группы; въ одной 11 кэрэксуровъ, въ другой 10, въ третьей 16 и въ четвертой 15; остальные разсѣяны на днѣ долины вдали отъ обрыва. Влѣво отъ дороги я видѣлъ кöшö, т. е. вертикально поставленную плиту.

Описаны мною были только два кэрэксура.

1) Кэрексуръ, лежащій влѣво отъ дороги, противъ южнаго конца базальтоваго обрыва, идущаго по западной сторонѣ дороги. Онъ лежитъ немного южнѣе кöшö. Кайма однорядная, квадратная; на углахъ бугры изъ камней. Центральная насыпь въ 1 сажень; лучей никакихъ нѣтъ. На востокъ отъ нея подковообразная стѣнка новѣйшаго происхожденія, мѣстами до 1½ аршинъ высоты; это дворъ овечій, сложенный пастухами для ягнятъ; на сѣверовостокъ отъ центральной насыпи обрывокъ такой же стѣны. Эти новѣйшія сооруженія на нашемъ рисункѣ изображены пунктиромъ. Квадратъ обращенъ на сѣверъ угломъ; вдоль сѣверовосточнаго бока рядъ круглыхъ бугровъ въ числѣ около 12; вдоль юговосточнаго и югозападнаго боковъ широкія настилки изъ каменныхъ бугровъ; ширина настилки 15 шаговъ. Длина сѣверовосточнаго и югозападнаго боковъ каймы 60 шаговъ, сѣверозападнаго и юговосточнаго 90. Передъ сѣверозападнымъ бокомъ 4 болѣе значительныхъ бугра, расположенныхъ попарно; два югозападныхъ почти сливаются, два сѣверовосточныхъ тоже смежны, а въ промежуткѣ между парами 5 шаговъ (см. рис. 44).

Рис. 44.

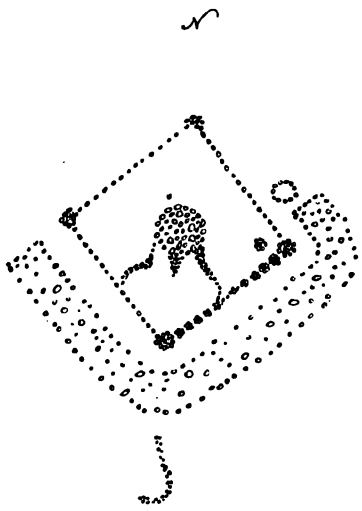


2) Кэрэксуръ, лежащій также влѣво отъ дороги, южнѣе описаннаго выше. Центральная насыпь до 2 саж. высоты. Внутренняя кайма четвероугольная; на

Digitized by Google

углахъ бугры. Къ сѣверу четвероугольникъ обращенъ угломъ. Юговосточный бокъ каймы состоитъ изъ насыпей, числомъ до 15, другіе бока однорядные; только у сѣверовосточнаго бока восточный конецъ начинается буграми. Отъ центральной насыпи два искривленные луча идутъ къ каймѣ и образуютъ родъ скобокъ. Эти лучи имѣютъ видъ валиковъ, которые около центральной насыпи выше и толще, а ближе къ каймѣ превращаются въ простой рядъ камней. Короткій лучъ изъ камней идетъ отъ центральной насыпи прямо на югъ; его длина 12 шаговъ. Окружность центральной насыпи 125 шаговъ. Бока югозападный и юговосточный имѣютъ широкую внѣшнюю кайму изъ бугровъ въ пять рядовъ. Отъ центральной насыпи до южнаго угла внутренней каймы 80 шаговъ, отъ внутренней каймы до южнаго угла внѣшней 60. Противъ южнаго угла на степи рядъ камней, расположенныхъ дугообразно. У восточнаго конца внѣшней каймы, который заворачивается немного къ сѣверу, кольчатая насыпь (см. рис. 45).

Рис. 45.



Барунъ-гуновскій хурень расположенъ между южнымъ обрывомъ базальтовой террасы и подошвой хребта Шибиртай; въ немъ, кромѣ хурала, до 20 дворовъ, въ которыхъ живетъ до 100 ламъ.

Дзöлингенъ-дабанъ есть западное продолженіе хребта Кокшёгъ; сѣверные склоны и Кокшёга, и Дзöлингенъ-дабана покрыты участками хвойнаго лѣса изъ Larix sibirica. За Дзöлингенъ-дабаномъ начинается хошунъ Дзюнъ-гуна. На сѣверной сторонѣ дабана дорога спускается въ узкую скалистую долину рѣчки Уланъ-хадыктай (Красно-каменная), получившей это названіе отъ красныхъ обнаженій роговообманковаго гранита. Гранитъ залегаетъ только на сѣверномъ склонѣ дабана, южный же склонъ его состоитъ изъ сильно вывѣтривающагося крупнозернистаго сѣраго гранита, въ которомъ есть участки въ 2 четв. аршина въ поперечникѣ мелкозернистаго темносѣраго гранита, которые, упорно сопротивляясь вывѣтриванію, имѣютъ видъ валуновъ, включенныхъ въ гранитъ. Уланъ-хадыктай беретъ начало къ в. отъ перевала, не вдалекѣ отъ него, изъ лѣсистой горы Кокшёгъ; въ его долинѣ мы встрѣтили первыя юрты монголовъ хошуна Дзюнъ-гуна. Уланъ-хадыктай на дальнѣйшемъ своемъ теченіи соединяется съ долиной р. Могой (змѣя), которая беретъ начало на востокѣ. Ночлегъ нашъ мы имѣли на Уланъ-хадыктаѣ, выше ея соединенія съ Могоемъ.

Въ слѣдующій день (8 окт.) шли въ теченіе 7 часовъ; сначала путь проходилъ по долинѣ р. Могой; долина имѣетъ широкое растворенie; горы состоятъ изъ того же гранита, какъ и въ ущельѣ Уланъ-хадыктай, судя по цвѣту обнаженій; та же и параллелепипедальная отдѣльность. Горы праваго бока долины называются Ходзугуръ-хаирханъ, горы лѣвой стороны носятъ названіе Сэрбынъ. На горахъ

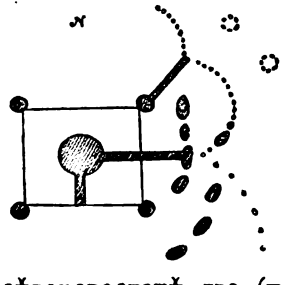
Digitized by Google

лѣсъ изъ Larix sibirica; на днѣ долины нѣтъ лѣса. Долина Могой растворяется въ долину Орхона; хребетъ Сэрбынъ, понизившись въ своемъ сѣверномъ концѣ, снова становится выше и образуетъ острую вершину Ульдзейту, которая, судя по цвѣту обнаженій, состоитъ изъ базальта. Обнаженія образуютъ вершину горы, скалистую на восточной сторонѣ; отъ основанія этихъ скалъ внизъ идутъ пологіе скаты. Изъ долины Могоя мы вышли на долину Орхона; эта послѣдняя имѣетъ здѣсь до 2—3 вер. шириной, но выше и ниже стѣсняется горами; названій тѣхъ горъ, которыя были видны въ верхней части долины, узнать мы не могли; въ той же части, гдѣ мы ее пересѣкали, ее окружаютъ горы Талтенъ-ула, Берхе и Меджь.

Прежде чѣмъ достичь до береговъ Орхона, мы должны были пересѣчь плоскій потокъ базальта, протянувшійся съ з. на в. и возвышавшійся надъ долиной р. Могоя въ видѣ террасы; эта терраса кончается къ низменности, по которой течетъ Могой, рядомъ отвѣсныхъ скалъ, около 20—30 футовъ высоты. Верхняя площадь террасы горизонтальна и слегка холмиста съ выступами обнаженій базальта, имѣющаго здѣсь сферическую отдѣльность. Тутъ опять стали встрѣчаться древнія могильныя насыпи. На западѣ площадь базальта упирается въ отдѣльную выше упомянутую гору Ульдзейту. На горизонтальной поверхности террасы выступаетъ рубецъ въ 1—2 метра шириной, который тянется на западъ до подошвы Ульдзейту. Это какъ будто дейка, выступившая позднѣе, когда остальная лава уже застыла. Направленіе дейки SO 270°. Базальтъ доходитъ до Орхона, и, повидимому, изъ него состоятъ скалы праваго берега Орхона.

Къ югу отъ окраины базальтоваго потока лежитъ кэрэксуръ (см. рис. 46). Кайма квадратная, однорядная; длина бока каймы 34 шага. Между центральной насыпью и каймой 8 шаговъ. На углахъ каймы бугры; квадратъ обращенъ къ сѣверу бокомъ. Отъ центральной насыпи на югъ къ каймѣ идетъ лучъ; другой лучъ идетъ на востокъ, пересѣкаетъ кайму и затѣмъ упирается въ бугоръ, одинъ изъ четырехъ, образующихъ внѣшній рядъ. Отъ сѣверовосточнаго угла квадрата идетъ линія, которая даетъ двѣ дугообразныя вѣтви, одну налѣво, другую направо; правая смыкается съ бугромъ, который насыпанъ на концѣ восточнаго луча. Противъ юговосточнаго угла три бугра. На сѣверовостокѣ два (или болѣе) небольшихъ кольца.

Рис. 46.



Рѣка Орхонъ течетъ въ рытвинѣ между скалъ, образующихъ иногда приторы въ 30—50 ф. высоты. На днѣ этой рытвины рѣка течетъ въ плоскихъ песчаныхъ берегахъ; дно рѣки каменистое. Рѣку переходятъ въ бродъ; глубина ея по брюхо верблюду. Ширина рѣки до 20 саж. Вода свѣтлая; берега безлѣсны; на скалахъ лѣваго берега есть ильмы. Въ половодье глубина бываетъ больше и вода стоитъ на футъ выше, о чемъ свидѣтельствовали вывѣтрѣлыя подножія береговыхъ скалъ.

Какъ въ долинѣ Могоя, такъ и на Орхонѣ встрѣчались пашни небольшими участками; хлѣбъ былъ убранъ и мѣстами жители молотили его быками; здѣсь сѣютъ пшеницу, ячмень и просо 2 сортовъ: желтое и сѣрое; послѣднее отличается

Digitized by Google

тѣмъ, что при обработываніи на крупу ядро съ трудомъ отдѣляется отъ скорлупы. Остановились въ долинѣ Орхона, въ 2—3 верстахъ отъ его лѣваго берега, на ручьѣ Сэрь, гдѣ было до десятка юртъ, окруженныхъ кучами собраннаго хлѣба. Къ ю. отъ нашей стоянки находились два кӧшӧ-чило, т. е. двѣ отвѣсно поставленныя каменныя плиты или два столба; поверхность ихъ покрыта высѣченными рисунками, изображающими оленей. Описаніе этихъ начертаній мною передано въ Московское Археологическое Общество.

9 октября, послѣ 4-хъ часоваго перехода, мы прибыли къ хуреню Чи-вана, расположенному на правомъ берегу р. Ачіуту, текущей въ Орхонъ. Обнаженія, встрѣчавшіяся подлѣ дороги, состояли изъ базальта съ грубой сферической отдѣльностью. Вдоль лѣваго берега рѣки Ачіуту тянется хребетъ Меджь. Хурень расположенъ между двумя мысами на днѣ долины; въ немъ насчитывается нѣсколько ндугановъ и одинъ большой хуралъ; эти храмы окружены большимъ селеніемъ, въ которомъ не менѣе 100 домовъ; къ з. отъ селенія находятся два трехъэтажныхъ дворца хошунскаго князя. Въ хуренѣ насчитывается до 8 китайскихъ лавокъ. Хурень Чи-вана самое торговое мѣсто на Орхонѣ; по дорогѣ изъ хуреня въ Кяхту взадъ и впередъ постоянно движутся небольшіе телѣжные обозы; буряты привозятъ въ хурень бязь, ирбэсъ (киргизинъ?), плисъ, сталь, топоры и взамѣнъ того берутъ у мѣстныхъ жителей шкуры сурка и козули («гура», Cervus capreolus). Солью эта область (хошуны Чи-вана, Барунъ-гуна и друг.) снабжается издалека, именно изъ озера Боро-обо-норъ, которое лежитъ гдѣ-то около низовьевъ р. Байдарика (другія осадки соли въ Гоби находятся: 1) въ мѣстности Техисъ, между хребтами Сяври и Ноинъ-богдо, 2) въ озерахъ Хольбольджинъ, къ в. отъ Орокъ-нора и 3) въ озерѣ Бегеръ-норъ, къ ю. отъ Дзабхына). Въ хуренѣ бываетъ съѣздъ къ процессіи Майдере, которая устраивается 6 числа послѣдней лѣтней (10-й) луны (по ордосски, въ 6 лунѣ).

Настоящій князь хошуна старше 70 лѣтъ, 12 лѣтъ сряду постоянно живетъ въ городѣ Улясутаѣ, состоя предсѣдателемъ управленія монголами улясутайскаго округа [1]). По разсказамъ, онъ человѣкъ очень образованный въ монгольскомъ смыслѣ. Старшій сынъ его умеръ; наслѣдникомъ вана считается внукъ отъ старшаго сына, мальчикъ лѣтъ 14-ти, который имѣетъ при себѣ учителей монгольскаго и манчжурскаго письма.

Хошунъ, извѣстный подъ именемъ хошуна Чи-вана или Да-чинъ-вана, лежитъ между рѣками Орхономъ и Селенгой; Орхонъ служитъ границей хошуна отъ впа-

[1]) Два восточныхъ халхаскихъ аймака (Цэцэнъ-хановскій и Тушету-хановскій) подчинены ургинскому монгольскому амбаню, два западныхъ (Саинъ-нойоновскій и Чжасакту-хановскій) улясутайскому монгольскому амбаню. Въ званіе монгольскаго амбаня избирается китайскимъ правительствомъ одинъ изъ монгольскихъ князей. Въ Ургѣ въ настоящее время монгольскимъ амбанемъ состоитъ Тушету-ханъ, въ Улясутаѣ Да-чинъ-ванъ. Кромѣ монголовъ-амбаней есть еще амбани, назначаемые изъ манчжуровъ. Въ Ургѣ существуютъ одновременно два амбаня: манчжурскій и монгольскій; ни одна бумага не можетъ быть подписана которымъ-нибудь однимъ: всѣ дѣла рѣшаются сообща двумя амбанями. Въ Улясутаѣ также два амбаня, манчжуръ и монголъ, и кромѣ того есть еще высшее лицо, цзянь-цзюнь (генералъ-губернаторъ) Въ Хобдо только одинъ манчжурскій амбань.

Digitized by Google

денія р. Огулдзы на югѣ до впаденія р. Бургултай на сѣверѣ; въ двухъ мѣстахъ владѣнія вана переходятъ на правый берегъ Орхона; именно къ вановскому хошуну принадлежатъ земли вокругъ устья р. Могоя и гора Ульдзейту, а также небольшой участокъ земли на правомъ берегу Орхона при устьѣ р. Толы. Отъ Могоя до Толы хошунъ вана смеженъ съ хошуномъ Дзюнъ-гуна; при устьѣ Могоя вановскій хошунъ соприкасается съ землями Барунъ-гуна. Селенга входитъ въ хошунъ вана при устьѣ р. Хануя, а выходитъ при устьѣ р. Сульхыръ-галтая. Р. Огулдзы отдѣляетъ земли вана отъ хошуна Да-гуна, теченіе же Хануя и Селенги отъ Хануя до устья Тюльбура служитъ границей между ваномъ и Ганьчжуръ-гуномъ. Между устьями Тюльбура и Сульхыръ-галтая земли вановскаго хошуна переходятъ на лѣвый берегъ Селенги и простираются на сѣверо-западъ до земель караульной линіи, именно онѣ граничатъ здѣсь съ землями караула Тарбагатай. Наконецъ на сѣверѣ рѣки Бургултай и Сульхыръ отдѣляютъ хошунъ вана отъ хошуна Дзюнъ-цзасыка (Лубсынъ-хайдына, наслѣдника Урджюмъ-цзасыка).

По срединѣ хошуна проходитъ водораздѣльный хребетъ, съ котораго въ одну сторону текутъ рѣки въ Орхонъ: Огулдзы, Хурюмту, Урюмъ, Биръ, Сэрь, Ачіуту съ притокомъ слѣва Дзюнъ-турю, Дондытъ, Бурдъ, Дзала, Чингиль, Хагасъ и Бургултай; въ другую сторону, въ Селенгу, текутъ два Тюльбура: Ихи-Тюльбуръ и Бага-Тюльбуръ, называемый также Наринъ-Тюльбуромъ, Алтатъ, Улъ, Барту, Боготу, Буха и Сульхыръ-галтай. Ихи-Тюльбуръ въ вершинахъ называется Унташянты и беретъ начало изъ хребта Унтенъ-нуру, съ другой стороны котораго берутъ начало Биръ, Урюмъ и Хурюмту, всѣ три впадающія въ Орхонъ отдѣльными устьями. Бага-Тюльбуръ впадаетъ въ Селенгу ниже Ихи-Тюльбура, подъ именемъ Харагана. Рѣка Алтатъ составляется изъ рѣкъ Галоту, Бурюльджи, Дзюнъ-модо и Адзырга; ниже ихъ соединенія въ Алтатъ слѣва впадаютъ соединенныя воды двухъ рѣчекъ Дондытъ (не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ, выше упомянутымъ Дондытомъ) и Тому, изъ которыхъ послѣдній есть лѣвая вѣтвь, а первый правая. Эти двѣ рѣчки берутъ начало изъ одного хребта съ р. Бага-Тюльбуръ; хребетъ этотъ называется Бавэй-дабанъ. Вершины р. Ачіуту сходятся съ вершиной р. Бурюльджи; перевалъ изъ вершины одной рѣки въ вершину другой называется Намъ-дабанъ. Вершина р. Дзюнъ-турю сближается съ вершиной р. Галоту и р. Улъ; изъ Дзюнъ-турю въ Галоту ведетъ перевалъ Намъ-дабанъ, изъ Галоту въ Улъ—перевалъ Бавэй-дабанъ (такимъ образомъ, въ нашихъ разспросныхъ свѣдѣніяхъ оказывается два Намъ-дабана и два Бавэй-дабана, что, можетъ быть, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи и не подтвердится). Между долинами Галоту и Улъ проходитъ хребетъ Ханъджиргылынту, а между рр. Барту и Боготу хребетъ Кунигенъ-дабанъ. Рѣка Боготу сходится вершиной съ р. Дондутъ, впадающей въ Орхонъ между Ачіуту и Бурдомъ. Наконецъ, вершина р. Буха сближается съ вершиной р. Хагасъ, а вершина Сульхыра съ вершиной Бургултая.

Ниже Боготу въ Селенгу слѣва впадаетъ р. Баинъ-голъ, которая беретъ начало изъ лѣситаго хребта Хантай, лежащаго въ предѣлахъ вановскаго хошуна. По разсказамъ жителей, на Хантаѣ встрѣчаются кедровые лѣса и водится медвѣдь,

Digitized by Google

а гребень его покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ. О томъ, что Хантай снѣжный хребетъ, я слышалъ еще въ 1877 году отъ старика Дорджи, который служилъ мнѣ во время зимовки въ городѣ Хобдо и который хорошо зналъ приселенгинскую страну. Отъ него я записалъ разспросныя свѣдѣнія о ней, помѣщенныя въ моихъ «Очеркахъ», в. III, въ примѣчаніяхъ къ переводамъ изъ Менгу-ю-му-дзи В. П. Васильева и его студентовъ. Имя Хантай, кажется, впервые появилось на русской картѣ г. Пѣвцова, приложенной къ его «Очерку путешествія по Монголіи». Омскъ, 1883.

Объ Орхонѣ между оз. Угэй-норъ и южною границей хошуна Чинъ-вана мы не могли получить никакихъ извѣстій отъ жителей хошуновъ Барунъ-гуна и Чинъ-вана; и потому тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя помѣщены въ «Очеркахъ С. З. Монг.», вып. III, стр. 257 и которыя извлечены В. П. Васильевымъ изъ китайскихъ источниковъ, остались не провѣренными.

Въ предѣлахъ вановскаго хошуна въ долинахъ рр. Дзунъ-модо и Адзырга (притоковъ Алтата) добывается каменный уголь, который монголы частью употребляютъ въ своемъ хозяйствѣ, частью продаютъ китайцамъ. Горячій ключъ Халунъ-усу-хульджъ находится въ хошунѣ Барунъ-гуна, на сз. отъ западнаго хошуннаго хуреня.

Въ хошунѣ Чинъ-вана повсюду жители занимаются хлѣбопашествомъ. Китайцы позавели отдѣльные хутора, при которыхъ они имѣютъ мельницы и огороды; только къ югу отъ хуреня Чинъ-вана вверхъ по Орхону насчитываютъ до 100 китайскихъ мельницъ. На Селенгѣ у устья р. Сульхыръ-галтай монголы сѣютъ гречиху, которую они называютъ сагыкъ.

Отъ хуреня Чинъ-вана мы шли по телѣжной дорогѣ, ведущей въ Кяхту; она слѣдуетъ вдоль лѣваго берега Орхона, въ разстояніи 10 или 15 верстъ отъ него, и проходитъ вблизи водораздѣльнаго гребня хребта, заполняющаго пространство между Орхономъ и Селенгой, по горамъ съ мягкими очертаніями, не представляющими ни крутыхъ и высокихъ перевaловъ, ни глубокихъ, тѣсныхъ и каменистыхъ долинъ; подлѣ самой рѣки дорога хотя и есть, но болѣе гориста; приходится пересѣкать скалистые мысы и кромѣ того она не такъ пряма, какъ верхняя дорога, вдоль водораздѣла. Есть еще и третья дорога изъ хуреня Чинъ-вана въ Кяхту, по правому берегу Орхона; она также болѣе гориста и скалиста, чѣмъ та, по которой мы слѣдовали.

10 октября мы оставили хошунъ Чинъ-вана; пересѣкши рѣку Ачіуту, на правомъ берегу которой былъ разбитъ нашъ станъ, мы вошли въ долину р. Дзюнъ-турю, впадающей въ Ачіуту слѣва и, оставивъ вершину ея въ лѣвой рукѣ, поднялись на перевалъ Таши-мергенъ-дабанъ; за нимъ спустились въ долину Дондыта, который течетъ параллельно рѣкѣ Ачіуту, а изъ этой долины поднялись на перевалъ Харахончинъ, съ котораго открылся видъ на долину р. Бурдъ; напротивъ Меджь и другія горы долины Ачіуту закрылись болѣе сѣверными горами. По сѣверной окраинѣ долины Бурдъ проходятъ хребты Халюнъ и Хитынъ-маниту; эти хребты на западѣ, гдѣ ихъ пересѣкаетъ дорога, имѣютъ мягкіе и пологіе скаты; на востокѣ же они становятся скалистыми и кончаются надъ Орхономъ крутыми мысами. Въ промежуткѣ между восточной оконечностью хребта Хитынъ-маниту и горами праваго

Digitized by Google

бока долины Бурдъ, съ перевала Хара-хончинъ были видны въ разстояніи 10 верстъ отъ дороги горы праваго берега Орхона, — верхушка скалистой горы Сайханъ-тологой, за которой высились болѣе отдаленные гребни, составляющіе удѣлъ князя Дзюнъ-гуна.

Пробывъ въ пути около 7 часовъ, на ночлегъ остановились на р. Бурдъ. Пройденныя горы плоски, долины между ними широки, въ нѣсколько верстъ шириной; скаты горъ покрыты густой травянистой растительностью, по берегамъ рѣкъ болота. Лѣсу подлѣ дороги не было; лѣса были видны только на горахъ. Обнаженія состоятъ изъ породы шоколаднаго цвѣта (порфиритъ?), изъ которой повидимому состоитъ и гора Меджь. На правомъ берегу р. Бурдъ находится около 8 кэрэксуровъ или, какъ здѣсь ихъ мнѣ назвали, кирхисинъ урь или кирхисъ чило. Здѣсь въ первый разъ въ это путешествіе встрѣтился намъ кэрэксуръ со столбами на углахъ, но и эти столбы, однако, утверждены въ небольшихъ насыпяхъ. Большинство кэрэксуровъ имѣютъ очень плоскія центральныя насыпи, окруженныя четерехугольными каймами; на углахъ плоскія же насыпи, но такихъ размѣровъ, какія ранѣе не встрѣчались; именно, у одного они имѣли 10 шаговъ въ поперечникѣ; бокъ же каймы у того же кэрэксура 60 шаговъ длины (см. рис. 47 и 48). Одинъ кэрэксуръ, имѣющій четырехугольную кайму, обращенъ бокомъ (см. рис. 49) къ сѣверу; на углахъ небольшія насыпи; внѣ сѣвернаго бока 6 крупныхъ насыпей; еще сѣвернѣе мостовая изъ камней въ 4 шага шириной, параллельная боку каймы, но короче его; края этой мостовой обложены рядомъ крупныхъ камней, плотно прижатыхъ другъ къ другу; нѣкоторые изъ нихъ торчатъ въ видѣ столбовъ. На каждомъ крылѣ мостовой, на западномъ и восточномъ, большое кольцо изъ камней. Длина мостовой 30 шаговъ. У западнаго бока квадрата двѣ большія круглыя насыпи, больше сѣверныхъ. У боковъ южнаго и восточнаго рядъ насыпей, которыя перемежаются съ отдѣльно врытыми камнями и чрезъ посредство ихъ сливаются, почему счетъ насыпей затрудняется. У южнаго бока можно насчитать 8 или 9 насыпей, въ томъ числѣ 4 ясно кольчатыхъ. Къ восточному боку примыкаетъ подковообразная насыпь, которая однимъ концомъ упирается въ юговосточный уголъ квадрата. Внѣ всего этого кэрэксуръ окруженъ съ юга, запада и сѣвера

Рис. 47.

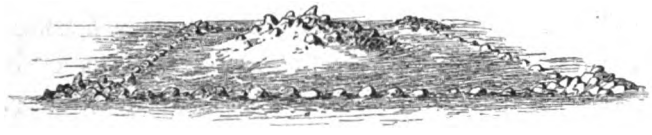


Рис. 48.

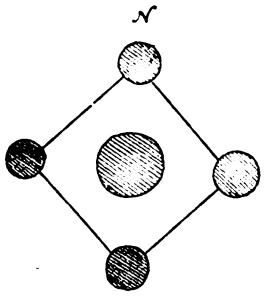
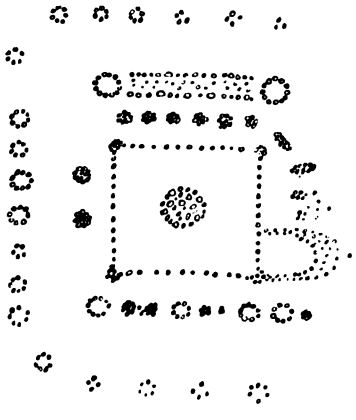


Рис. 49.



Digitized by Google

кольцами въ разстояніи 30 шаговъ. На западѣ насчитывается 8 колецъ, на югѣ около 5, на сѣверѣ около 7. Одно кольцо около юго-западнаго угла внутренней каймы.

11 окт. шли 7½ час. Отъ ночлега на Бурдѣ первыя 6 в. занимаетъ подъемъ на перевалъ Ханенъ-дабанъ, отдѣляющій долину Бурдъ отъ долины р. Дзалу. Обнаженія на перевалѣ состоятъ изъ кварцита. Долина р. Дзалу широкая и прямая; ея нижнее отверстіе заперто лѣсистой горой Бага-меджь, которая и закрываетъ видъ на долину Орхона. Окружающія долину горы того же характера, какъ и наканунѣ: онѣ плоски, валообразны или въ видѣ сосцевъ; ни одной рѣзко очерченной фигуры. Скаты покрыты сплошнымъ ковромъ изъ злаковъ; лѣса (исключительно Larix sibirica) видны только подъ вершинами горъ. Въ вершинахъ р. Дзалу есть перевалъ въ долину Бухенъ-гола (Буха), который беретъ начало изъ одной горы съ р. Хагасъ и течетъ въ Селенгу. Остановились на вершинѣ р. Чингиль, которая отдѣляется отъ долины Дзалу незамѣтнымъ плоскимъ перевальчикомъ.

12 октября шли 8¼ часовъ. Пересѣкли долину Чингиля, правый бокъ которой состоитъ изъ обнаженій порфирита, перевалили черезъ плоскій водораздѣлъ и спустились въ долину р. Соготу ниже дороги въ 1 верстѣ; р. Соготу соединяется съ Чингилемъ. Слѣдуя вверхъ по Соготу, дорога поднимается на лѣсистый перевалъ Соготенъ-дабанъ; здѣсь къ лиственницѣ (Larix sibirica) примѣшивается береза (Betula alba). Съ противоположной стороны перевала течетъ другая Соготу, вдоль которой дорога спускается въ долину р. Хангыла или Хагаса; въ вершинѣ Хагаса видны горы Бухэнъ-шаръ, съ западной стороны которыхъ вытекаетъ р. Буха (Бухэнъ-голъ). Съ перевала Соготенъ-дабана на с. былъ виденъ хребетъ Бурюнъ-ханъ, у сѣвернаго конца котораго лежитъ монастырь Амуръ-байсыхылынъ. Обнаженія на правомъ берегу Хагаса состоятъ изъ порфирита. Въ долинѣ Хагаса, какъ и въ долинѣ Чингиля, было видно нѣсколько юртъ, окруженныхъ скирдами хлѣба. Возлѣ дороги встрѣчались сжатыя нивы; еще болѣе встрѣчалось пустошей съ заброшенными арыками; вся долина Хагаса была въ разное время распахиваема. Пересѣкши Хагасъ, дорога поднимается къ подошвѣ перевала Шиботенъ-дабанъ, съ котораго текутъ двѣ Шиботу, одна на югъ, въ Хагасъ, другая на сѣверъ. Мы остановились, войдя въ ущелье Шиботу, на южной сторонѣ перевала.

Характеръ пройденной въ этотъ день мѣстности тотъ же: плоскія и широкія долины, плоскіе хребты, густой травянистый, преимущественно изъ злаковъ, покровъ горныхъ скатовъ, лѣсные участки на сѣверныхъ сторонахъ горныхъ вершинъ, крайняя рѣдкость обнаженій, незначительная даль, не болѣе, какъ на 7—8 верстъ, перевалы тянигусомъ. Здѣсь на нашу дорогу вышелъ съ запада большой караванъ на верблюдахъ; онъ везъ въ Кяхту шерсть изъ сартольскаго хошуна Чончомынъ туше-гуна; караванъ шелъ черезъ хошуны Дза-гуна, Шитыръ-вана, То-гуна (Хотогойту), Ульдзей-дзасыка, Урджюмъ-гуна, Ганьчжуръ-гуна и Чи-вана; въ дорогѣ находился уже мѣсяцъ. Дорога ихъ прошла сѣвернѣе оз. Сангинъ-далай, сѣвернѣе р. Улакчинъ, и южнѣе оз. Тельменъ-норъ; на пути пересѣкли рѣки Идиръ и Хануй, а Хасуя никакого не пересѣкали.

Digitized by Google

13 окт. шли 8 часовъ. Переваливъ черезъ лѣсистый дабанъ Шиботу, гдѣ къ лиственницѣ примѣшано много высокой кустарной березы (Betula fruticosa?), дорога спускается внизъ по р. Шиботу, долина которой внизу расширяется; здѣсь мы увидѣли до 20 юртъ, окруженныхъ скирдами хлѣба. Оставивъ рѣку въ правой рукѣ, шли черезъ плоскую возвышенность, отдѣляющую Шиботу отъ Бургултая. Остановились на лѣвомъ берегу Бургултая, который здѣсь обиленъ водой и течетъ по каменистому ложу, разбившись на многіе рукава. Характеръ мѣстности тотъ же, что и прежде, съ тѣмъ, однако, отличіемъ, что долины здѣшнихъ рѣкъ шире растворены къ Орхону, чѣмъ болѣе южныя долины.

Рис. 50.

Въ долинѣ Шиботу мы замѣтили четыре кэрэксура. У одного (рис. 50 и 51) кайма квадратная однорядная; на углахъ не насыпи, а столбы, впрочемъ, очень низкіе; длина сѣвернаго бока 50 шаговъ. Къ в. въ 8 шагахъ четыре насыпи въ рядъ; еще восточнѣе въ 8 шагахъ другой меридіанальный рядъ изъ 10 насыпей. (рис. 51).

Рис. 51.

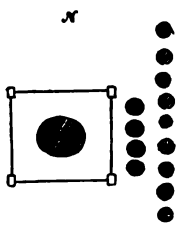


Рис. 52.

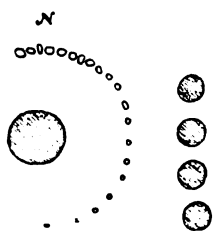


Рис. 53.

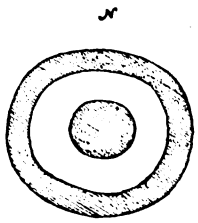
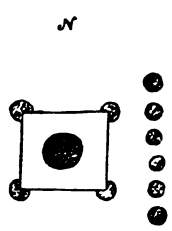


Рис. 54.



Другой кэрэксуръ, лежащій восточнѣе (рис. 52), имѣетъ круглую кайму, но не полную; ея сѣверозападный конецъ состоитъ изъ крупныхъ плотно одинъ къ другому присаженныхъ камней; на востокѣ камни меньше, поставлены просторнѣе, а на югѣ кайма постепенно исчезаетъ. На востокъ отъ каймы четыре насыпи, меньше центральной.

Третій кэрэксуръ лежитъ къ сѣверу отъ перваго; состоитъ изъ центральной насыпи, плоской до того, что она представляется не болѣе, какъ горизонтальной мостовой, не возвышающейся надъ уровнемъ остальной земной поверхности. Такіе плоскія насыпи я потомъ видѣлъ около г. Селенгинска. Вокругъ центральной насыпи вмѣсто однорядной каймы толстое кольцо изъ камней, сложенныхъ въ плотную полосу шириной въ 4 шага. Центральная насыпь 14 шаговъ въ діаметрѣ; кольцо около 50 шаговъ въ діаметрѣ; промежутокъ между кольцомъ и насыпью 15 шаговъ. На югъ отъ кэрэксура проходитъ дорога, надъ которой каменная кладка кольца возвышается въ видѣ стѣнки въ $1^1/_2$—2 фута высоты, потому что центральная насыпь расположена на природномъ бугрѣ этой высоты, скатъ котораго и одѣтъ камнями (рис. 53).

Digitized by Google

14 октября, оставивъ берега Бургултая, шли вверхъ по его притоку Джиргылынту до его вершины; въ долинѣ Джиргылынты замѣчено три кэрэксура; одинъ изъ нихъ (см. рис. 53) имѣетъ четырехугольную кайму; сѣверный бокъ ея имѣетъ 35 шаговъ длины; у восточнаго бока извнѣ 6 насыпей; на углахъ каймы насыпи.

Къ сѣверу отъ вершины Джиргылынты, переваливая черезъ плоскія гряды, идущія поперегъ дороги, мы пересѣкли три долины, въ которыхъ текутъ рѣчки Хурай-цзугубчи, Усутай-цзугубчи, Худжи и за послѣдней грядой рѣка Ибень, на лѣв. берегу которой при подошвѣ лѣсистой горы раскинутъ монастырь Амуръ-байсыхылынъ. Пройдя въ этотъ день около $8^1/_2$ часовъ, остановились на берегу Ибеня, вблизи монастыря.

Монастырь расположенъ правильно; въ серединѣ обширная площадь, на которой построенъ хуралъ, окруженный мелкими кумирнями и обнесенный со всѣхъ сторонъ стѣной; влѣво и вправо отъ хурала по два ряда кварталовъ, состоящихъ изъ монастырскихъ келій, въ ряду которыхъ еще находится 6 большихъ храмовъ. Всѣхъ жилыхъ кварталовъ до 40; въ каждомъ кварталѣ нѣсколько отдѣльныхъ дворовъ. Всего въ монастырѣ насчитывается до 500 банди. Въ монастырѣ есть одна китайская торговая лавка. Къ сѣверу отъ монастыря поднимается лѣсистый Бурюнъ-ханъ, на покатой поверхности котораго, обращенной къ монастырю, выложены двѣ строки изъ бѣлыхъ камней, содержащія нѣсколько разъ повторенную молитву мани. Каждая буква не менѣе сажени длины.

Монастырь Амуръ-байсыхылынъ содержитъ въ себѣ святыню—шарилъ Ундуръ-гэгэна, т. е. изображеніе перваго ургинскаго хутухты, сдѣланное изъ глины съ примѣсью золы отъ сожженнаго тѣла гэгэна, замѣшанной на костномъ мозгѣ. Эта святыня хранится въ небольшой кумирнѣ, находящейся въ сѣверовосточномъ углу двора, окружающаго хуралъ. Процессія Майдери устраивается 29 числа 9-й луны поордосски, т. е. въ іюнѣ.

Монахи монастыря изготовляютъ изображенія Ундуръ-гэгэна для распространенія между вѣрующими. Они или рисуютъ его на бумагѣ или лѣпятъ изъ глины; одни изображаютъ его въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ въ тибетскихъ воплощеніяхъ, другіе въ видѣ монгольскаго воплощенія. Въ первомъ случаѣ гэгэнъ изображается въ колпакѣ Цзонкавы съ темнымъ лицомъ; ноги подогнуты потурецки, руки лежатъ на колѣняхъ и держатъ вазу (бомбу). На заднемъ фонѣ слѣва древесная вѣтвь съ очиромъ на концѣ вмѣсто цвѣтка, справа вѣтвь съ колокольчикомъ вмѣсто цвѣтка. На изображеніяхъ монгольскаго воплощенія лицо Ундуръ-гэгэна бѣлое, полное, румяное; въ правой его рукѣ очиръ, въ лѣвой колокольчикъ. Гэгэнъ сидитъ на престолѣ, прикрытомъ шкурой медвѣдя (ба-абага хара-гурёсу). Передъ гэгэномъ столикъ, на которомъ курительныя свѣчи (куджи), чаша для чайнаго напитка (ча-хійдыкъ-дзавья), блюда съ яствами (тобуктай иденъ), чаша для пріема милостыни (батыръ-аига) и зеркало (толи).

Сантанъ-джимба разсказалъ намъ легенду, которую мы готовы пріурочить къ Ундуръ-гэгэну. Шитыръ-ванъ былъ монгольскій князь, приближенный къ Едженъ-хану (китайскому императору). Князь Лу-гунъ подарилъ ему плеть съ скрытымъ

Digitized by Google

въ черенѣ ножемъ и сказалъ хану, что Шитыръ-ванъ злоумышляетъ свергнуть хана съ престола. Ханъ не повѣрилъ. Лу-гунъ посовѣтовалъ освидѣтельствовать у Шитыръ-вана плеть; совѣтъ исполненъ и въ рукояткѣ плети нашли ножъ. Ханъ велѣлъ казнить вана и голову его вывѣсить въ Пекинѣ на высокомъ мѣстѣ, чтобъ всѣ знали, какая судьба ждетъ подобнаго злоумышлинника. Джибцзунь-тамба [1]) былъ младшій братъ вана; онъ осердился на Еджень-хана и съ войскомъ отправился въ Пекинъ. Онъ велѣлъ всѣмъ ламамъ возстать, снять съ себя ламское желтое платье, вооружиться и одѣться въ свѣтское платье; въ память объ этомъ ламы имѣютъ черные плисовые воротники у своихъ халатовъ. Гэгэнъ дошелъ до города Же-хоръ, гдѣ жилъ Джанджа-гэгэнъ, и тутъ остановился. Монгольскій гэгэнъ спросилъ у Джанджа-гэгэна, какой видъ имѣетъ Пекинъ. Тотъ сказалъ: «Девять воротъ у него; вокругъ него три стѣны». Джибцзунь-тамба сдѣлалъ рисунокъ, соотвѣтственный этому описанію, и сталъ читать тарни. Джанджа-гэгэнъ спросилъ монгольскаго гэгэна, зачѣмъ это онъ дѣлаетъ. «Хочу ниспровергнуть Цекинъ», отвѣчалъ Джибцзунь-тамба. «За что же»? спросилъ Джанджа-гэгэнъ. «Еджень-ханъ убилъ моего брата», сказалъ Джибцзунь-тамба. Джанджа-гэгэнъ сталъ уговаривать его не дѣлать этого. «Этого не слѣдуетъ дѣлать», говорилъ онъ: «вмѣстѣ съ ханомъ погибнетъ и много невиннаго народа. Если погибнетъ ханъ, какъ народъ будетъ жить безъ хана»! Тогда Джибцзунь-тамба сказалъ, что отнынѣ трудно будетъ богдо-гэгэну возрождаться въ Монголіи. И съ этого времени онъ сталъ возрождаться въ Тибетѣ.

Въ монастырѣ мы простояли два дня по случаю ожиданія покрытія звѣзды луною, а 17-го двинулись дальше. Изъ долины Ибеня дорога поднимаетси по ея притоку Баинъ-булыку и достигаетъ вершины перевала; съ сѣверной стороны перевала течетъ р. Тольби, впадающая въ Селенгу. Оба склона перевала лѣсисты, но на сѣверной сторонѣ лѣсу больше; здѣсь, кромѣ березы, обильно примѣшанной къ лиственницѣ, изрѣдка встрѣчается осина. Дорога слѣдуетъ внизъ по Тольби до ея поворота на западъ; здѣсь долина значительно расширяется, появляются юрты и пашни, а на дальнемъ планѣ видны горы лѣваго берега Селенги. При поворотѣ Тольби на западъ, въ нее впадаютъ съ востока двѣ рѣчки; пересѣкши ихъ, мы вошли въ ущелье, въ которомъ и остановились на ночлегъ, прошедши въ теченіе дня около 10 часовъ.

18 октября шли только 5½ часовъ; переваливъ у самаго ночлега Чжинсетей-дабанъ, спустились по сухому логу до долины, которая проходитъ поперегъ дороги, и потомъ шли по западной подошвѣ горъ, которыя тянутся вправо отъ дороги, пересѣкая мысы и лога и постоянно имѣя въ виду на западѣ горы лѣваго берега Селенги, хотя дно рѣки и было отъ нея загорожено мелкими возвышенностями. Какъ сѣверный склонъ Чжинсетей-дабана, такъ и сѣверные склоны горъ къ сѣверу отъ него вмѣсто лиственницъ исключительно поросли березой. Остановились на р. Сючжи.

---

[1]) Джибцзунь-тамба тибетское имя ургинскихъ богдо-гэгэновъ.

Digitized by Google

19 октября шли $8^1/_2$ часовъ. Оставивъ логъ, въ которомъ течетъ р. Сючжи, сначала пересѣкли широкую долину Урту, потомъ перевалили черезъ два хребта, Сагенъ-дабанъ и Бонгенъ-дабанъ, раздѣленные долиной. Съ Бонгенъ-дабана въ первый разъ открылся видъ на широкое дно долины Селенги; здѣсь эта долина имѣетъ до 6 и болѣе верстъ ширины и довольно пряма, такъ что внизъ по рѣкѣ видно верстъ на 30 и не менѣе вверхъ по рѣкѣ. Рѣка разбивается на многіе рукава, между которыми много острововъ, поросшихъ высокими кустарниками. Спустившись съ Бонгенъ-дабана, мы остановились на берегу Селенги въ мѣстности Цаганъ-тохой.

20 октября шли все время вдоль праваго берега Селенги, и послѣ $7^1/_2$ часовъ ходу, пришли къ переправѣ черезъ Орхонъ, которая находится въ 6 верстахъ выше сліянія Орхона съ Селенгой. Горы, идущія по лѣвому берегу Орхона, постепенно понижаются и кончаются плоскимъ мысомъ, верстъ 10 или болѣе недоходя до соединенія Орхона съ Селенгой. Принявъ Орхонъ, Селенга уходитъ въ скалистыя горы на западъ; на сѣверъ же и востокъ отъ переправы видны только мелкія возвышенности, перемежающіяся съ песчаными площадями. Между подобными мелкими возвышенностями проходитъ и дорога отъ переправы на Орхонъ до Кяхты. Здѣсь на пескахъ, залегающихъ въ междугорныхъ падяхъ, мы впервые встрѣтили сосновые лѣса.

Переправа совершается при помощи двухъ лодокъ, поднимающихъ только двѣ телѣги. Скотъ переправляется вплавь, что очень неудобно бываетъ въ такую позднюю пору года, какъ половина октября. По Орхону уже несло ледъ, и вечеромъ перевозчики отказались перевозить насъ, потому что послѣ обѣда ледъ идетъ обыкновенно гуще; поэтому дѣятельная переправа совершалась только по утрамъ. Дурное устройство переправы на Орхонѣ вовсе не соотвѣтствуетъ бойкости дороги, по которой мы шли; мы почти ежедневно встрѣчали на ней обозы изъ 20 — 30 телѣгъ, идущихъ изъ Монголіи въ Кяхту или обратно.

Хотя мы подошли къ самой русской границѣ, но близость русской жизни рѣзко не бросалась намъ въ глаза. Еслибъ мы входили въ Россію черезъ Минусинскъ или черезъ Тунку, мы встрѣтили бы въ предѣлахъ еще Монголіи не только отдѣльныхъ русскихъ людей, но даже цѣлыя заимки. Еслибъ мы приближались къ Кяхтѣ по ургинской дорогѣ, близость русской границы сказалась бы еще сильнѣе. Русскихъ заимокъ хотя и тутъ нѣтъ, но есть постоянное русское движеніе, встрѣчаются русскіе тарантасы, на рѣкахъ попадаются русскіе перевозчики. Здѣсь же, даже въ такомъ торговомъ мѣстечкѣ, какъ хурень Да-чинъ-вана, мы не нашли ни одного русскаго. По дорогѣ мы видѣли много обозовъ, идущихъ въ Кяхту или изъ Кяхты, но между ними русскихъ людей не было. Только во время стоянки у монастыря Амуръ-байсыхылынъ мимо насъ проѣхала партія казаковъ съ р. Джиды, которая направлялась на Орхонъ для рыбной ловли, да на переправѣ черезъ Орхонъ мы видѣли еще мальчика лѣтъ тринадцати, который везъ имъ въ догонку съѣстные припасы.

Впрочемъ признаки близости русской жизни есть и здѣсь, но нужно болѣе

Digitized by Google

короткое знакомство съ краемъ, чтобы ихъ замѣтить. Монголы, живущіе въ нижнихъ частяхъ Орхона и Селенги, занимаются сѣнокошеніемъ и сбываютъ сѣно въ Кяхту; наплывъ возчиковъ, доставляющихъ чай, вызываетъ въ Кяхтѣ большой спросъ на сѣно, и монголы являются главными его поставщиками; въ нѣкоторые годы они поставляютъ сѣна на кяхтинскій базаръ на 50.000 р.; хлѣбопашество по Селенгѣ и Орхону развито болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой части Монголіи. Мы часто, проходя по Селенгѣ, видѣли картину, бросавшуюся въ глаза своей необычайностью — хлѣбныя клади или скирды и при нихъ, вмѣсто осѣдлой избы, юрта кочевника. Въ долинѣ Орхона много заведено китайцами заимокъ, въ которыхъ они живутъ осѣдло [1]). Китайцы занимаются земледѣліемъ, имѣютъ мельницы для перемалыванія монгольскаго хлѣба [2]) и нѣкоторые сѣютъ также макъ для сбора опіума [3]).

На другой сторонѣ Орхона насъ встрѣтилъ монгольскій дзанги, высланный на встрѣчу экспедиціи кяхтинскимъ дзаргучеемъ, съ подводными лошадьми, такъ что я могъ, оставивъ караванъ на Орхонѣ, выѣхать въ Кяхту одинъ, чтобы распорядиться о пріисканіи квартиры для экспедиціи въ Троицкосавскѣ. Впрочемъ все это уже было устроено до моего пріѣзда пограничнымъ комиссаромъ П. Г. Сулковскимъ, въ домѣ котораго я нашелъ самый радушный пріемъ. Подъ экспедицію былъ назначенъ особый дворъ.

22 октября нашъ караванъ вступилъ въ Троицкосавскъ. Для всѣхъ нашихъ спутниковъ монголовъ, кромѣ Сантанъ-джимбы, русскій городъ былъ невиданнымъ зрѣлищемъ; только Сантанъ-джимба ранѣе бывалъ въ Кяхтѣ; съ нами онъ посѣтилъ Кяхту въ третій разъ [4]).

Въ Кяхтѣ у г. Сулковскаго мы уже нашли деньги, предупредительно высланныя на нужды экспедиціи изъ Географическаго Общества. Мы употребили ихъ на расплату съ возчиками, взятыми нами въ хитѣ Ламэнъ-гэгэна, а также на выдачу жалованья за послѣдніе мѣсяцы нашимъ рабочимъ, шедшимъ съ нами отъ

---

[1]) Осенніе возчики чайныхъ каравановъ имѣютъ обыкновеніе, доставивъ чай въ Ургу, уходить въ эти заимки по Орхону, и зимовать въ нихъ.

[2]) Монголы сами мельницъ не имѣютъ. Они или покупаютъ муку у китайцевъ, смолотую изъ монгольскаго же зерна, или сами толкутъ его въ ступахъ. Иногда вмѣсто ступъ дѣлаютъ небольшія ямы въ землѣ, величиной въ ступу; пестъ прикрѣпленъ къ концу очапа, который серединой прикрѣпленъ къ вершинѣ врытаго въ землю столба. Человѣкъ двигаетъ очапъ, и пестъ ходитъ вертикально, какъ веревка съ ведромъ въ колодезѣ, входитъ нижнимъ концомъ въ яму и давитъ зерно. Такія ямы, можетъ быть, выдалбливаются или, по крайней мѣрѣ, выдалбливались прежде и въ твердыхъ каменныхъ породахъ. Въ Иркутской губерніи встрѣчаются такія долбленыя ямы въ скалахъ и принимаются бурятами за ступы, устроенныя китайцами, будто бы жившими здѣсь до бурятъ (см. Изв. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XII, № 4—5, стр. 9). Подобную же чашеобразную яму я видѣлъ въ русскомъ Алтаѣ въ скалѣ на берегу Катуни; см. Древности, изд. Московск. Археолог. обществомъ, т. X, стр. 52.

[3]) Когда я нашелъ плантаціи мака и добываніе опіума въ долинѣ р. Крана, притока Чернаго Иртыша (см. Очерки, I, 28), это извѣстіе возбудило удивленіе у ботаниковъ; но оказывается, что такое сѣверное воздѣлываніе мака для опіума встрѣчается не только на Черномъ Иртышѣ, но и на Орхонѣ. Даже кяхтинскій маймаченъ окруженъ обширными маковыми плантаціями, съ которыхъ китайцами собирается опіумъ.

[4]) Въ первый разъ Сантанъ-джимба былъ въ Кяхтѣ, находясь въ числѣ слугъ французскаго посланника въ Китаѣ, де Бурблона, возвращавшагося въ Европу черезъ Сибирь; въ другой разъ—провожая отъ Калгана до Кяхты какого-то итальяскаго купца.

Digitized by Google

Саньчуани. Затѣмъ, показавши имъ, что, по нашему мнѣнію, было для нихъ интересно въ русской жизни, подаривъ каждому по лошади, а также одного верблюда на всю компанію подъ свозъ ихъ багажа и другого верблюда отдѣльно для Сантанъ-джимбы, мы проводили ихъ изъ Кяхты на родину. Не безъ грустнаго чувства мы разстались съ ними: доведется ли еще разъ побывать въ теплой долинѣ Сань-чуань и еще разъ встрѣтиться съ этими честными людьми, которые дѣлили наши труды въ теченіе двухъ лѣтъ, или даже трехъ, какъ Сантанъ-джимба?

Теперь намъ оставалось только отправить наши коллекціи въ Иркутскъ, чтобы оттуда направить ихъ далѣе, въ Петербургъ. Въ Петербургѣ онѣ были распредѣлены между тѣми же учрежденіями и спеціалистами, какъ и прежніе мои монгольскіе сборы.

Лучшей наградой для коллектора служитъ ласковый пріемъ, съ которымъ встрѣчаются его сборы спеціалистами. Если привезенныя новыя органическія формы возбудили въ спеціалистахъ живой интересъ, или новый картографическій матеріалъ доставилъ радость интересующимся этимъ дѣломъ, для собирателя это истинный праздникъ. Когда я находилъ какую-нибудь новую для меня форму гдѣ-нибудь на вершинѣ горы Чаголы или въ теплой долинѣ Сы-чуана, я почти всегда вспоминалъ о покойномъ К. И. Максимовичѣ и спрашивалъ себя, порадуетъ ли его моя находка. Сознаніе солидарности съ руководителями научнаго изслѣдованія вливаетъ въ коллектора новыя силы и зажигаетъ въ немъ жажду новыхъ открытій.

М. М. Березовскій выѣхалъ въ Кяхту годъ спустя послѣ насъ, въ 1887 году.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Списокъ стоянокъ экспедиціи 1884—1886 годовъ.

* Звѣздочкою означены пункты, опредѣленные г. Скасси астрономически.

1884 годъ.

Пекинская равнина.

*17 мая [1]) Пекинъ. 18—25 мая. Дневки.
26 » Деревня Тацзинъ. Дер. Таодянь.
27 » Дер. Сунъ-линъ.
28 » Дер. Гу-чанъ.
*29 » Городъ Бао-динъ-фу, 30 мая.
31 » Дер. Фань-шунь.
1 іюня. Гор. Тань-сянь.
2 » Дер. Чуу-цзя-юй.

Горная страна, отдѣляющая Пекинскую равнину отъ Ордоса.

3 іюня. Дер. Ванъ-куай.
*4 » Городъ Фоу-пинъ.
5 » Дер. Ванъ-юнъ-пу.
6 » (Селеніе Лунъ-цюань-гуань [2])). Дер. Ши-цуй-цза.
*7 » Дер. и монастырь У-тай. 8—13 іюня дневки.
(10 іюня поѣздка въ дер. Мяо-динъ-ня; 11 іюня восхожденіе на вершину горы Пей-тай).
14 іюня. Дер. Ша-хэ.
15 » Дер. Тунгъ-леу-шу.
*16 » Городъ Тай-чжоу.
*17 » Дер. Фу-дя-пинъ. 18 іюня, дневка.
19 » Ворота Янъ-мынь-гуань. Дер. Ванъ-цзя-чжуанъ.
*20 » Дер. Нгань-инъ-цза. 21—28 іюня, дневки.
29 » Дер. Хуанъ-хуа-линъ.
30 » Дер. Ву-яо-цза.
1 іюля. Дер. Синъ-чжа-сань.
*2 » Гор. Шо-пинъ-фу. 3 іюля.
4 » Дер. Гао-фань-яо-цза.
5 » Дер. Си-коу-мынь.

Кукухотинская равнина.

*6 іюля. Городъ Гуй-хуа-чэнъ (Кукухото). 8—30 іюля въ Гуй-хуа-чэнѣ.
31 » Дер. Хончжимъ.
1 августа. Дер. Саръ-ту.
2 » Дер. Убашиннаръ.
*3 » Городъ Хэ-коу [1]).

---

[1]) Всѣ числа по новому стилю.

[2]) Здѣсь проходитъ Великая стѣна, которая служитъ границей между провинціями Чжили и Шаньси.

[1]) Западная граница провинціи Шаньси.

Digitized by Google

Ордосъ.

*4 августа. Переправа Хотунъ-хошу на Желтой рѣкѣ. 5 — 7 авг., дневки.
8 » Монаст. Цайдеминъ-чжао.
9 » Уроч. Терминъ-башинъ. 10 августа.
*11 » Ставка князя Джунгоръ-бэйли. 12—16 августа.
17 » Мѣстн. Бага-еджинъ-хоро. 18 августа. Дневка.
19 » Рѣчка Харджитай.
20 » Р. Куйтынъ-голъ.
21 » Р. Уланъ-моринъ. 22 — 23 августа.
24 » Р. Саксыгыръ.
*25 » Оз. Чаганъ-норъ, близь ставки князя вана. 26 — 29 августа, дневки.
30 » Ур. Чжасыгенъ-чайдамъ.
31 » Ур. Шарь-бурдю.
1 сентября. Оз. Баинъ-норъ.
*2 » Ставка князя хошуна Ушинъ.
3 » Уроч. Харуха-обо. 4 сент.
5 » Ур. Шибиръ-чайдамъ.
6 » Ур. Гунь-джатагай.
7 » Ур. Цзёкуль-чайдамъ.
8 » Р. Халютенъ-голъ у мон. Халютенъ-суме.
9 » Монаст. Шине-суме.
10 » Р. Наринъ-голъ.
11 » Мѣстность Джодорту.
12 » Р. Бага-голъ. 13 сентября.
*14 » Мѣстность Боро-балгасунъ (станъ католич. миссіи).
15—21 сент. въ Боро-балгасунѣ.
22 сентября. Уроч. Булакъ.
23 » Уроч. Баинъ-тохумъ.
24 » Уроч. Ботоинъ-шили.
25 » Сол. оз. Бага-чикыръ. 26 сентября.
27 сентября. Городъ Хуа-ма-чэнъ [1]).
28 » Постоялый дворъ въ мѣстности Нѣ-чжа-льянъ.
29 » Пост. дворъ въ мѣстн. Гао-са-во.
30 » Деревня То-тха.
1 октября. Деревня Хой-хой-фанъ-цза.
*2 » Городъ Линъ-чжоу. 3 — 5 октября въ Линъ-чжоу.
6 » Селеніе У-чжинъ-пу.
7 » Гор. Цзинъ-цзи-пу.

Горная страна, окружающая выходъ Желтой рѣки на монгольскую плоскость.

8 октября. Мѣстность Ляо-чже-чжао.
9 » Дер. Ши-гу-и.
10 » Дер. Пай-танъ-суй.
*11 » Дер. Ху-янъ-пу. 12 октября.
*13 » Городъ Вэй-чжоу.
*14 » Дер. Пинъ-янъ-ся. 15 окт.
16 » Дер. Хэ-вань-чже-ца.
17 » Дер. Че-лу-гоу.
18 » Дер. Тао-тунъ-цза.
19 » Дер. Цао-чанъ.
20 » Дер. Кванъ-чао-пу.
*21 » Гор. Хай-ченъ. 22 окт.
*23 » Дер. Чхынъ-чже.
24 » Дер. Са-гу-дянь.
25 » Дер. Санъ-пу-цза.
26 » Дер. Сяо-суй-цза.
*27 » Городъ Цзинь-юань. 28 октября, дневка.
29 » Дер. Чунь-чуань-цза.
30 » Пай-вань-цза.
31 » Дер. Си-гоу.
1 ноября. Дер. Цхый-цзя-хо
2 » Дер. Вань-чжа-пу.
*3 » Городъ Лань-чжоу. 4—13 ноября въ Лань-чжоу.

---

[1]) Сѣверная граница провинціи Ганьсу.

Digitized by Google

14 ноября. Дер. Канъ-чжа-инъ.
15 » Дер. Мань-пинъ.
16 » Дер. Со-ло-ба.
17 » Городъ Хэ-чжоу. 18—19 ноября въ Хэ-чжоу.
20 » Дер. Шонъ-чи.
21 » Перев. Па-па-гынъ.
22 » Дер. Пей-чжуонъ.
23 » Дер. Ши-хэ. 24—25 ноября въ Ши-хэ.
26 » Дер. Минта.
27 » Дер. Ни-чжа въ мѣстности Саньчуань.

*Съ 27 ноября 1884 по 14 апрѣля 1885 г. въ Саньчуани.

1885 годъ.

15 апрѣля. Дер. Хуланчиръ.
16 » Городъ Гу-ша-и.
17 » Селеніе Ланъ-ченъ-пу.
18 » Селеніе Шиня.
19 » Городъ Лау-ва-ченъ.
*20 » Городъ Нянь-бо. 21 апрѣля.
22 » Дер. Хань-чуань-цзы. 23 апр.
23 » Монаст. Марцзанъ (по кит. Пей-ма-сы).
*24 » Городъ Си-нинъ. 25 апр. — 1 мая въ Сининѣ.

Амдоское нагорье.

2 мая. Монастырь Гумбумъ.
3 » Селеніе Джаикъ.
4 » Дер. Кажи.
5 » Дер. Арьку.
6 » Городъ Гуй-дуй. 7 мая.
*8 » Дер. Ртыгри. 9 мая.
10 » Мѣстность Чандзанъ-ике.
11 » Р. Нурунъ-Джанба.
*12 » Городъ Боу-нань. 13 мая.
14 » Дер. Шönъ-пынъ. 15 мая.
16 мая. Р. Намынгугъ.
*17 » Монастырь Лабранъ. 18—20 мая въ Лабранѣ.
21 » Дер. Ндàми. 22 мая.
23 » Монастырь Рунвырь-гэрь.
*24 » Монаст. Кадигарь. 25 мая.
26 » Р. Банкынгъ-кугъ.
27 » Дер. Анкуръ-кайянъ.

Переходная область отъ Амдоскаго нагорья къ китайской низменности.

28 мая. Городъ Джіу-ченъ (по танг. Вацикурь).
*29 » Монаст. Джовй. 30 мая—9 іюня въ Джони.
10 іюня. Дер. Ву-чи.
11 » Дер. Ѣ-ху-чао.
*12 » Городъ Минъ чжоу. 13—15 іюня въ Минъ-чжоу.
16 » Дер. Сыръ-гу.
17 » Дер. Ка-та-пу [1]).
18 » Селеніе Танъ-чанъ.
*19 » Дер. Ли-чжа-пу. 20 іюля.
21 » Дер. Кванъ-тинъ.
22 » Дер. Лянъ-чжа-па.
*23 » Городъ Си-гу.

Съ 24 іюня по 1 іюля въ Си-гу. Въ этотъ промежутокъ времени 26—28 іюня поѣздка въ деревню У-пинъ.

2 іюля. Дер. Най-юй-цзѣй.
3 » Высокій перевалъ между деревнями Мöръ-пинъ и У-пинъ.
*4 » Дневка на перевалѣ.
5 » Дер. У-пинъ. 6—8 іюля въ У-пинѣ.
9 » Дер. Чагонъ.
10 » Гора Чагола, стоянка близь предѣльной линіи лѣсовъ.

[1]) Между Сыръ-гу и Ка-та-пу водораздѣльный перевалъ между Голубой и Желтой рѣками.

Digitized by Google

11 іюля Селеніе Терьга. 12 іюля.
13 » Дер. Ше-пу.
14 » Дер. Ха-сы-гу.
15 » Гора И-чжу-шань.
16 » Городъ Нань-пинъ. 17—18 въ Нань-пинѣ.
19 » Дер. Янъ-цзе.
20 » Р. Хей-хо, выше дер. Иджу-танъ.
*21 » Р. Хэй-хо, выше дер. Цзюнка.
22 » Сел. Юнъ-хоа-танъ.
23 » Дер. Хунъ-нэй-ку [1]).
24 » Кит. пикетъ Тама на горѣ Кунгала.
25 » Кит. пикетъ Чачжаку.
26 » Городъ Чжанла.
*27 » Городъ Сунъ-панъ. 28 іюля—8 августа въ Сунъ-нанѣ. Въ этотъ промежутокъ времени, съ 3 по 5 авг., поѣздка въ бонбосскій монастырь Ной и въ мѣстность Ксернцо.
9 августа. Вершина р. Ату-лунва.
10 » Р. Хонтонъ-лунва при уст. р. Ксернцо.
11 » Дневка; восхожденіе къ снѣжной линіи въ долинѣ рѣки Ксернцо.
12 » Р. Хонтонъ (по кит. Саньшуй) выше дер. Цзинь-юань.
13 » Мостъ Чжанъ-чжи-коу. 14 авг.
15 » Дер. Ши-чжа-пу.
*16 » Дер. Сяо-пу. 17 августа.
18 » Дер. И-танъ.
19 » Дер. Шуй-чжинъ-пу.
20 » Дер. Шуй-чжинъ-чжа.
21 » Дер. Ка-та-пу.
22 » Дер. Тхя-лунъ-пу.
*23 » Городъ Лунъ-ань-фу.
Съ 23 по 27 августа въ Лунъ-ань-фу.

[1]) Граница между провинціями Ганьсу и Сычуанъ.

28 августа. Дер. Гу-ченъ.
29 » Дер. Яо-дунъ. 30 авг.
31 » Дер. Чу-ло-баръ.
*1 сентября. Дер. Хао-чи.
2 » Горный перевалъ Хунъ-ту-по [1]). Дер. Му-цзѣ-пинъ.
3 » Дер. Пи-коу. 4 сент.
5 » Дер. Юй-линъ-гуань.
6 » Дер. Цзао-ли-пинъ.
7 » Дер. Шунъ-данъ-сянь.
*8 » Городъ Вэнь-сянь.
9 » Мѣстность Най-ти-ха. 10-го сентября.
11 » Дер. Чунъ-чжа-вань.
12 » Дер. Тао-чи-цза.
13 » Дер. Вэй-ла.
14 » Дер. Тунъ-чжа-па.
15 » Дер. Хэй-юань.
*16 » Гор. Цзѣ-чжеу. 17 сентября, дневка.
18 » Гер. Ѐ-поръ.
19 » Дер. Форъ-ней. 20 сент.
21 » Дер. Ма-туй-ши.
22 » Дер. Пхинъ-ло.
23 » Дер. Та-чонъ-ба.
24 » Дер. Сяо-цхуань-цза.
25 » Дер. Ти-фанъ-чжинъ.
26 » Дер. Ши-чжя-гуань.
27 » Дер. Эрръ-ланъ-ба.
*28 » Городъ Си-хо.
29 » Дер. Ши-бо-ченъ.
*30 » Городъ Ли-сянь. Съ 30 сентября по 4 октября въ гор. Ли-сянѣ.
6 октября. Дер. Му-шу-гуань.
7 » Дер. Си-мынъ-цзе.
*8 » Городъ Нинъ-юань-сянь.
9 » Дер. Чоу-чжа-кыръ.
10 » Городъ Гунъ-чанъ-фу.
11 » Дер. Шу-янъ-ченъ.

[1]) Граница между провинціями Сычуанъ и Ганьсу.

Digitized by Google

12 октября. Дер. Шу-юань-хо, близь города Вэй-сянь. 13 окт., дневка.
14 » Дер. Юу-тянъ.

Горная страна, окружающая выходъ Желтой рѣки на монгольскую плоскость.

15 октября. Городъ Ди-дао-чжао.
16 » Дер. Танъ-чжа-ней.
17 » Дер. Ванъ-фу-чжанъ.
18 » Дер. Шепъ-на-бе.
19 » Дер. Чанъ-ти-ганъ-цзы, въ 20 м. отъ Лань-чжоу.
*20 » Городъ Лань-чжоу. Съ 20 окт. по 4 ноября въ Лань-чжоу.
5 ноября. Дер. Цзуй-чжа-ней.
6 » Дер. Та-гунъ-гу.
7 » Мѣстность Ліу-чжа-ся.
8 » Дер. Хо-чжа-пу.
9 » Дер. Сунъ-чжа-чыръ.
10 » Дер. Па-ту-ла.
*11 » Дер. Ни-чжа въ мѣстности Сань-чуань. Съ 11 по 20 ноября въ Сань-чуани.
21 » Дер. Хуланчиръ.
22 » Дер. Манъ-пинъ.
23 » Дер. Ба-чжу-гэй.
24 » Дер. Ши-ня.
25 » Поѣздка изъ деревни Ши-ня въ деревню Шанъ-данъ и обратно.
26 » Городъ Лау-ва-ченъ.
27 » Городъ Нянь-бо.
28 » Дер. Чжанъ-чжа-цзе.
29 » Дер. Сяо-ся.
30 » Городъ Си-нинъ. Съ 30 ноября по 5 декабря въ Сининѣ.
6 декабря. Дер. Синъ-чжуань.
*7 » Монастырь Гумбумъ.

Съ 7 декабря 1885 по 9 апрѣля 1886 зимовка въ монастырѣ Гумбумѣ.

1886 годъ.

Амдоское нагорье.

10 апрѣля. Селеніе Чжанъ-хай-пу.
11 » Городъ Донкыръ. Съ 11 по 17 апр. въ Донкырѣ.
18 » Дер. Баянъ.
19 » Мѣстность Моргуцу.
20 » Р. Уланъ-усу. 21 апрѣля, дневка.
22 » Оз. Хуху-норъ у устья р. Арчатенъ-голъ.
23 » Уроч. Чилоту на сѣв. берегу оз. Дере-норъ.
*24 » Р. Гань-чжугъ. 25 и 26 апрѣля дневки.
27 » Р. Харьги.
28 » Р. Харьги, выше предыдущей стоянки.
29 » Вершина р. Харьги.
30 » На сѣверномъ склонѣ перевала Бе́ре-хада́.
*1 мая Р. Да-тонгъ-хэ. 2 мая, дневка.
3 » Южный склонъ перевала Рдонсугъ. 4 мая дневка.
5 » Сѣверный склонъ перевала Рдонсугъ.
*6 » Р. Бага Рдонсугъ. 7 мая, дневка.
8 » Р. Ецзинъ.
9 » Монастырь Па-боръ-та-сы.
10 » Р. Бардунъ-чю. 11 мая, дневка.
12 » Р. Уланъ-булакъ, притокъ Бардуна.
*13 » Мѣстность Нагачирь. 14 и 15 мая дневка.
16 » Мѣстность Соломо́.
17 » Р. Бардунъ у устья р. Соломо. 18 мая, дневка.
19 » Мѣстность Рдоскуй.
20 » Р. Бардунъ, немного выше впаденія р. Шукчжа.

Digitized by Google

21 мая. Южная подошва перевала Гальцзинъ-дабанъ.
22 » Р. Ташиту (въ ея вершинѣ).
*23 » Р. Хсанъ. 24 мая, дневка.
25 » Мѣстность Укиръ-када.
26 » Р. Ташиту или Шипачю (въ нижней части ея теченія). 27 мая, дневка.
28 » Мѣстность Шуй-гуань-чжа-цзы. 29 мая, дневка.
30 » Мѣстность Кукэбелъ.
31 » Мѣстность Иргылынъ-икѝ.
1 іюня. Р. Лонсыръ (Хэ-ю-дунъ).

Монгольская плоскость. Южно-гобійская полоса.

*2 іюня. Городъ Ли-юань-инъ. Съ 2 по 3 іюня въ Ли-юань-инѣ.
4 » Дер. Ша-хэ.
5 » Городъ Фуй-и-тинъ.
6 » Дер. Лу-я-тунъ, въ 20 ли, къ в. отъ города Гаотай. Съ 6 по 24 іюня стоянка на р. Хэй-хо (Ецзинъ) близь дер. Лу-я-тунъ.
25 » Дер. Янъ-та-цзы.
26 » Дер. Хуанъ-чэнъ. 27 іюня, дневка.
28 » Дер. Янъ-чи. 29 и 30 іюня, дневки.
*1 іюля. Дер. Шуань-чжинъ. 2 іюля, дневка.
3 » Городъ Чжинъ-та-сы. 4 іюля, дневка.
5 » Мѣстность Та-леу-лю.
6 » Мѣтность Су-вань-но. 7 іюля, дневка.
8 » Р. Ецзинъ. 9 и 10 іюля дневки.
11 » Дер. Ту-фынъ. 12 іюля.
13 » Уроч. Наринъ-тохой (по кит. Таванъ).
14 іюля. Ур. Дэристу (по кит. Чжи-чжетай).
15 » Мѣстность Нарынъ.
16 » Ур. Цаганъ-бурюкъ. 17 іюля.

Средняя гобійская полоса (настоящая Гоби).

18 іюля. Уроч. Хоиръ-тоора.
19 » Ур. Ганцы-дзакъ.
*20 » Уроч. Елисынъ-курэ, близь ставки торгоутскаго князя. Съ 20 іюля по 4 авг. стоянка близь ставки этого князя.
5 августа. Уроч. Цончжинъ-цзагдулъ.
6 » Ур. Шѣбугуръ. 7, 8 и 9 августа, дневки.
10 » Ур. Цзахе-шарь-хулусунъ.
11 » Оз. Гашіунъ-норъ, въ которое впадаетъ р. Ецзинъ.
*12 » Ур. Кобденъ-оботу. 13 и 15 августа дневки.

Сѣверная гобійская полоса (гобійскія горы).

16 августа. Колод. Урджюмъ. 17 августа, дневка.
18 » Колод. Баръ-гунъ.
*19 » Колод. Котель-усу. 20 и 21 августа, дневки.
22 » Уроч. Хабцыленъ-цзатгай. 23 августа.
24 » Колод. Боро-шянды.
*25 » Колод. въ горахъ Баинъ-цаганъ, близь возвышенности Цаганъ-тологой.
*26 » Р. Легъ. 27 и 28 августа, дневки.
29 » Мѣстность Кяхту у южной подошвы хребта Ихи-богдо.
30 » На южномъ склонѣ перевала Убтенъ-котель.

Digitized by Google

31 августа. Озеро Орокъ-норъ. 1 сентября.
2 сентября. Кол. Ойдулъ.
3 » Мѣстность Хара-усу.

Хангайская горная страна.

*4 сентября. Р. Туинъ-голъ. 5 сент.
6 » Мѣстность Уджюмъ на р. Туинъ-голъ.
7 » Р. Туй, противъ развалинъ Боро-хото.
8 » Почтов. станція Шорголь-джутъ (на калганъ-улясутайскомъ трактѣ). 9 сент.
*10 » Лѣтняя временная ставка Ламэнъ-гэгэна на р. Туй. 11—15 сент., дневки.
*16 » Хитъ (монастырь) Ламэнъ-гэгэна. Съ 16 по 20 сент. въ хитѣ.
21 » Р. Цаганъ-манти.
22 » Р. Туй, при устьѣ р. Аръ-Ухукъ.
23 » Вершина р. Урту-Тамира, т. е. южнаго Тамира.
24 » Р. Урту-Тамиръ, около устья р. Наринъ-Кушюкту. 25 сентября, дневка.
26 » Р. Тамиръ ниже устья р. Боготу.
27 сентября Мѣстность Чачинъ-бомъ.
28 » Мѣстность Ургютуй.
29 » Мѣстность Джиргылынты.
30 » Холмъ Тоглохъ-тологой.
*1 октября. Монастырь Оромбоинъ-гэгэна на на оз. Угей. 2 окт.
3 » Колод. Сувэй у хребта Абцыгъ-хаирханъ.
*4 » Мѣстность Урту-булукъ. 5 октября.
6 » Кл. Цзамынъ-шаньда.
7 » Р. Могай.
8 » Мѣстность Сэрь на лѣв. б. Орхона.
9 » Курень князя Чинъ-вана.
10 » Р. Бурдъ.
11 » Р. Чингиль.
12 » Р. Шиботу.
13 » Р. Бургултай.
*14 » Монастырь Амуръ-байсыхылынъ. 15 и 16 въ этомъ монастырѣ.
17 » Южная подошва перевала Чжинсетей-дабанъ.
18 » Р. Сучжи.
19 » Мѣстность Цаганъ-тохой на р. Селенгѣ.
20 » Нижній перевозъ на р. Орхонѣ.
*21 » Русск. слобода Кяхта (городъ Троицкосавскъ).

Кромѣ означенныхъ въ этомъ спискѣ пунктовъ, г. Скасси осенью 1885 г., по пути изъ дер. Ничжи въ мон. Гумбумъ, опредѣлилъ еще два пункта на Желтой рѣкѣ: городъ Баянъ-жунъ и монаст. Шя-чунъ-сы.

Digitized by Google

II.

Астрономическіе пункты, опредѣленные А. И. Скасси въ Китаѣ, Тибетѣ и Монголіи въ 1884, 1885 и 1886 годахъ.

Мѣсто.	Широта.	Долгота.	Способъ опредѣл. долготы по Фритче.
1. Г. Пекинъ (посол. церк.) .	39°54′15″	7h 45m 48.9s	
2. Г. Бао-динъ-фу (кат. мисс.).	38 51 58	7 42 2.9	
3. Г. Фоу-пинъ (сред.) . . .	38 50 5	7 36 55.8	
4. Мон. У-тай (торг. слоб.). .	39 0 1	7 34 32.6	
5. Дай-чжоу (сред.)	39 4 39	7 31 55.7	
6. Дер. Фу-дья-пинъ (сред.). .	39 11 25	7 31 39.8	
7. Дер. Нань-инъ-цза (пост. дв.).	39 27 41	7 31 20.6	
8. Г. Шо-пинъ-фу (сред.) . .	40 9 49	7 29 21.7	
9. Г. Куку-хото (кат. мисс.) .	40 48 30	7 26 34.0	3 закрытія звѣзды.
10. Дер. Хё-коу (средина). . .	40 15 2	7 24 45.6	
11. Переправа (Желт. рѣка). .	40 10 17	7 24 58.5	
12. Ст. Джунгаръ	40 2 35	7 23 24.6	
13. Ст. кн. вана	39 31 15	7 19 5.6	
14. Ст. кн. У-шинъ.	39 4 35	7 16 51.2	
15. Сел. Боробалгасунъ . . .	37 42 40	7 13 17.9	
16. Г. Линъ-чжоу (у вост. вор.).	38 5 37	7 5 19.9	
17. Г. Ху-янъ-пу (у южн.) . .	37 26 58	7 6 40.4	
18. Г. Вэй-чжоу (сред.) . . .	37 17 9	7 6 0.0	закрытіе звѣзды.
19. Г. Пинъ-янъ-ся.	37 7 0	7 5 50.5	
20. Г. Хай-ченъ	36 33 57	7 2 32.5	
21. Дер. Чхынъ-чже-вань . . .	36 38 0	7 1 57.7	I спутн. Юпитера.
22. Г. Цзинь-юань	36 33 46	6 58 34.6	
23. Г. Лань-чжоу (кат. мисс) .	36 2 58	6 55 7	3 закрытія звѣздъ и 3 раза I и II спутн. Юпитера.
24. Д. Ни-чжа	35 52 26	6 51 1.8	
25. Г. Нянь-бо	36 28 51	6 49 36.3	
26. Г. Си-нинъ	36 37 24	6 47 17	3 закрытія звѣзды

Digitized by Google

	Мѣсто.	Широта.	Долгота.	Способъ опредѣл. долготы по Фритче.
27.	Дер. Ртыгри	35 52 19	6 46 20.3	
28.	Г. Боу-нань	35 37 14	6 48 27.2	
29.	Мон. Лабранъ	35 11 59	6 50 15.2	
30.	Мон. Кадигерь	35 5 45	6 51 54.1	
31.	Сел. Джони	34 35 20	6 54 7.7	I спутн. Юпитера.
32.	Г. Минъ-чжоу	34 25 34	6 56 10.9	
33.	Дер. Ли-цзя-пу	33 57 40	6 57 50.0	
34.	Г. Си-гу-ченъ	33 46 56	6 57 13.7	
35.	Перевалъ	33 39 41	6 56 58.8	
36.	На р. Хей-хо	33 17 8	6 55 12.4	
37.	Г. Сунъ-панъ-тинъ. . . .	32 38 44	6 53 41.9	
38.	Д. Сяо-пу.	32 36 14	6 56 2.3	
39.	Г. Лунь-ань-фу	32 23 54	6 57 21.8	
40.	Д. Хао-чи	32 32 19	6 59 18.4	закрытіе и открытіе звѣзды.
41.	Г. Вэнь-сянь.	32 56 48	6 57 41.7	
42.	Г. Цзѣ-чжоу	33 23 46	6 58 46.7	
43.	Г. Си-хо	34 0 33	7 0 21.1	
44.	Г. Ли-сянь	34 11 19	7 0 6.9	
45.	Г. Нинъ-юань-сянь. . . .	34 43 34	6 59 7.7	
46.	Г. Баянъ-жунъ	36 5 47	6 49 3.9	
47.	Мон. Шя-чунъ-сы	36 8 44	6 47 32.5	
48.	Мон. Гумбумъ (лусоръ) . .	36 30 14	6 46 18.0	закрытіе звѣзды и I спутн. Юпитера.
49.	Оз. Хуху-норъ	37 7 44	6 42 32.5	
50.	Р. Дай-тонгъ-голъ	37 52 1	6 41 32.5	
51.	Р. Тонъ-су-чю	38 6 47	6 41 0.4	
52.	Ур. Нагачирь	38 13 45	6 40 32.0	I спутн. Юпитера.
53.	Р. Хсунъ.	38 35 32	6 39 13.7	
54.	Г. Ли-юань-инъ.	38 59 45	6 40 30.3	
55.	Дер. Шуанъ-чжинъ-цза . .	39 45 28	6 36 23.0	
56.	Ур. Си-ёръ	40 14 50	6 36 35.0	закрытіе звѣзды.
57.	Ст. кн. бэйли-вана	41 34 58	6 41 42	закрытіе 3 звѣздъ.
58.	Ключь Кобденъ-оботу . . .	32 57 19	6 42 46.3	
59.	Ключь Боръ-хасынчи . . .	43 58 44	6 42 26.0	
60.	Р. Легенъ-голъ	44 32 10	6 42 52.0	закрытія 3 звѣздъ.
61.	Р. Туинъ-голъ	45 29 7	6 42 20.3	
62.	Р. Туинъ-голъ	46 5 29	6 42 55.3	
63.	М. Ламэнъ-гэгэна	46 18 23	6 43 57.1	закрытія 2 звѣздъ.
64.	Р. Тамиръ-голъ.	47 3 45	6 43 45.8	
65.	Р. Орхонъ (Угей-норъ) . .	47 47 35	6 50 53.8	
66.	Ур. Урту-булыкъ	48 1 53	7 52 14.7	закрытіе звѣзды.
67.	Мон. Амуръ-байсхылынъ .	49 27 41	7 0 7.2	закрытіе звѣзды.
68.	Г. Троицкосавскъ	50 21 4	7 5 41.2	закрытіе 2 звѣздъ.

Digitized by Google

III.

Барометрическія высоты мѣстъ надъ уровнемъ моря.

Вычислены г. Р. Г. Розенталемъ

По наблюденіямъ Г. Потанина.

Нижняя станція. Обсерваторія въ Шанхаѣ.

№№	НАЗВАНІЯ МѢСТЪ.	Число наблюденій.	Высота въ метрахъ.	№№	НАЗВАНІЯ МѢСТЪ.	Число наблюденій.	Высота въ метрахъ.
	1884 г.			17	Вершина горы Пей-тай . .	1	3130.6 [1]
				18	Утайшаньск. перевалъ; первые анемоны передъ переваломъ черезъ Утай-шань Анер. Гольдш. . .	1	1322.3
	Пекинская равнина.						
1	Пекинъ	13	89.4	19	Утай-шань. Появленіе отдѣльныхъ хвойныхъ деревьевъ. Анер. Гольдш. .	1	1508.2
2	Дер. Та-цзинъ	1	69.4				
3	» Тао-дянь	3	62.1				
4	» Сунъ-линъ	4	60.0	20	Самый верхній лёссъ въ долинѣ Утай выше монаст. У-ланъ-сы. Анер. Гольдш.	1	1880.2
5	» Гу-чанъ	2	38.7				
6	Городъ Бао-динъ-фу . . .	10	17.4				
7	Дер. Фань-шунь	3	29.9	21	Первый снѣгъ и послѣдняя пашня на южн. склонѣ перев. черезъ Утай-шань Анер. Гольдш.	1	2187.5
8	Городъ Тань-сянь	2	80.6				
9	Дер. Чуу-цзя-юй	3	201.2				
10	» Ванъ-куай	5	264.9				
11	Гор. Фоу-пинъ	7	307.8	22	Вершина перевала черезъ Утай-шань. Анер. Гольдш. и Питкинъ	2	2680.7
12	Дер. Ванъ-юнъ-пу	2	636.2				
13	» Ши-цуй-цза	2	1297.2				
14	Перевалъ въ вершинѣ рѣки Ша-хэ (т. е. Фоу-пинской рѣки). Анер. Гольдш. . .	1	1618.6	23	Дер. Сы-цзѣ-пинъ	3	1646.6
				24	» Ша-хэ	4	1108.6
				25	» Тунгъ-леу-шу	3	905.1
15	Дер. и монаст. У-тай . . .	29	1708.6	26	Гор. Тай-чжоу	4	963.4
16	Дер. Мяо динъ-ня	3	2064.6 [1]	27	Дер. Фу-дя-пинъ	9	1540.2
	Самыя верхнія пашни овса на Пей-таѣ	1	2322.6 [1]	28	Ворота Янъ-мынь-гуань . .	1	1742.3
				29	Дер. Ванъ-цзя-чжуанъ . .	2	1124.5

[1]) Высота дер. Мяо-динъ-ня и вершины горы Пей-тай по анероидамъ Гольдшмидта и Питкина, а самыхъ верхнихъ пашенъ овса по анероид. Питкина.

Digitized by Google

№№	НАЗВАНІЯ МѢСТЪ.	Число наблюденій.	Высота въ метрахъ.
30	» Нгань-нинъ-цза	34	1056.9
31	» Хуанъ-хуа-линъ . . .	2	1044.9
32	» Ву-яо-цза	3	1292 7
33	» Ма-та-ту между Яо-цза и Синъ-чжа-сань (Анер. Гольдш.)	1	1572.8
34	» Синъ-чжа-сань	3	1508.7
35	Гор. Шо-пинъ-фу	10	1333.1
36	Дер. Гао-фань-яо-цза . . .	2	1290.3
37	» Си-коу-мынь	3	1232.8
	Кукухотинская равнина.		
38	Гор. Гуй-хуа-чэнъ (Хухух.).	144	1079.1
39	Дер. Хончжимъ	4	1076.9
40	» Саръ-ту	5	1062.8
41	» Убашиннаръ	3	998.4
42	Гор. Хэ-коу (западная граница провинціи Шаньси).	5	1022.4
	Ордосъ.		
43	Переправа Хотунъ-хошу на Желтой рѣкѣ	18	987.5
44	Монаст. Цайдеминъ-джао .	3	966.0
45	Уроч. Терминъ-башинъ . .	10	1154.9
46	Ставка кн. Джунгоръ-бэйли.	28	1178.8
47	Мѣстн. Бага-еджинъ-хоро .	8	1315.3
48	Рѣчка Харджитай	2	1378.6
49	» Куйтынъ-голъ . . .	2	1317.9
50	» Уланъ-моринъ . . .	15	1219.5
51	» Саксагыръ	4	1327.4
52	Озеро Чаганъ-норъ, близъ ставки князя вана . . .	16	1296.6
53	Уроч. Тайту-хай	2	1355.8
54	» Джасыгенъ-чайдамъ	4	1292.8
55	» Шаръ-бурдю	4	1441.4
56	Озеро Баинъ-норъ	4	1353.1
57	Ставка кн. хошуна Ушинъ.	4	1311.9
58	Уроч. Харуха-обо	8	1345.3
59	» Шибиръ-чайдамъ . .	4	1292.0
60	» Гунь-джатагай . . .	3	1289.2
61	» Цзёкулъ-чайдамъ . .	5	1302.0
62	Рѣчка Халютенъ-голъ у монаст. Халютенъ-суме .	4	1236.3
63	Монаст. Шине-суме	6	1259.2
64	Долина рѣки Наринъ-голъ.	4	1239.0
65	Мѣстность Джодорту . . .	4	1247.4
66	Рѣчка Бага-голъ	7	1322.2
67	Мѣстность Боро-балгасунъ (ст. католич. миссіи) . .	39	1323.6
68	Уроч. Булакъ	3	1316.3
69	» Баинъ-тохумъ . . .	3	1297.2
70	» Ботоинъ-шили . . .	3	1329.2
71	Сол. оз. Бага-чикыръ . . .	11	1375.3
72	Гор. Хуа-ма-чэнъ (сѣв. гран. провинц. Ганьсу)	5	1416.8
73	Постоялый дворъ въ мѣстн. Нѣ-чжа-льянъ	3	1547.7
74	Постоялый дворъ въ мѣст. Гао-са-во	4	1371.2
75	Дер. То-тха	3	1314.4
76	» Хой-хой-фанъ-цза . .	5	1319.5
77	Гор. Линъ-чжоу	22	1117.9
78	Селен. У-чжинъ-пу	4	1129.0
79	Гор. Цзинъ-цзи пу	3	1161.7
	Горная страна, окружающая выходъ Желтой рѣки на Монгольскую плоскость.		
80	Мѣстн. Ляо-чже-чжао . . .	3	1136.2
81	Дер. Ши-гу-и	3	1250.6
82	» Пай-танъ-суй	3	1338.3
83	» Ху-янъ-пу	8	1269.4
84	Гор. Вэй-чжоу	3	1285.3
85	Дер. Пинъ-янъ-ся	6	1603.8
86	» Хэ-вань-чже-ца . . .	4	1675.8
87	» Че-лу-гоу	5	1729.6
89	» Тао-тунъ-цза	3	1382.0
89	» Цао-чэнъ	4	1375.1
90	» Гуань-чао-пу	3	1420.3
91	Гор. Хай-чэнъ	8	1836.8
92	Дер. Чхынъ-чже	4	1693.3
93	» Са-гу-дянь	3	1914.8
94	» Санъ-пу-цза	3	1984.8
95	» Сяо-суй-цза	4	1768.9
96	Гор. Цзинь-юань	10	1454.0
97	Дер. Чунь-чуань-цза . . .	3	1527.0
98	» Пай-вань-цза	5	1471.1
99	» Си-гоу	3	1585.0
100	Перев. между деревнями Сигоу и Цай-чже-хо (Анер. Гольдш.	1	1875.1
101	Дер. Цхый-цзя-хо	3	1615.4
102	» Вань-чжа-пу	4	1610.1
103	Гор. Лань-чжоу	54	1495.0
104	Дер. Канъ-чжа-пинъ . . .	2	1918.1
105	» Мань-пинъ	3	1982.5
106	» Солоба	2	2359.5
107	Гор. Хэ-чжоу	13	1849.2
108	Дер. Шонъ-чи	2	1924.3
109	Перев. Па-па-гынъ	3	2929.7
110	Дер. Пей-чжуонъ	3	2213.2
111	» Ши-хэ	9	1803.7
112	» Минта	3	1828.1
113	» Ничжа въ мѣстн. Саньчуань	403	1849.9
	1885 г.		
114	Дер. Хуланчиръ	1	1991.9
115	Перев. между дол. Сань-чуань и городомъ Гу-ша-и (перевалъ Най-ва-линъ). (Barom.)	1	2592.4
116	Гор. Гу-ша-и	3	2276.1
117	Дер. Ланъ-ченъ-пу	4	1995.6

Digitized by Google

№№	НАЗВАНІЯ МѢСТЪ.	Число наблюденій.	Высота въ метрахъ.
118	Селеніе Ши-ня	3	1832.5
119	Гор. Лау-ва-ченъ	3	1848.1
120	» Нянь-бо	7	2004.5
121	Дер. Хань-чуань-цзы . . .	3	2120.0
122	Монаст. Марцзанъ	3	2173.2
123	Гор. Сининъ	23	2302.7
	Амдоское нагорье.		
124	Монаст. Гумбумъ	3	2708.9
125	Селен. Джанкъ	2	2691.8
126	Перев. Ла-чи-сань (между Гумбумомъ и Гуй-дуемъ) (Bagom.)	1	3907.9
127	Дер. Кажи	2	2609.9
128	» Арьку	2	2259.8
129	Гор. Гуй-дуй	6	2268.0
130	Дер. Ртыгри	7	2649.0
131	Мѣстн. Чандзанъ-ике . . .	2	3286.2
132	Перев. между дер. Ртыгри и долиной р. Нурынъ-чжанба (Bagom)	1	3342.7
133	Рѣчка Нурынъ-чжанба . .	3	2375.6
134	Гор. Боу-нань	6	2392.7
135	Дер. Шонъ-пынъ	5	2682.8
136	Рѣчка Намынгугъ	2	3394.8
137	Перев. къ зап. отъ Лабрана. (Bagom.)	1	3807.5
138	Монаст. Лабранъ	14	2982.4
139	Дер. Ндами	5	2855.6
140	Перев. Ндами-лыргенъ (между дер. Ндами и монаст. Рунва-гэрь) (Bagom.) . .	1	3651.4
141	Монаст. Рунвыръ-гэрь . .	3	2769.9
142	Монаст. Кадигарь	6	2780.9
143	Рѣчка Банкынгъ-кугъ . .	2	3129.6
144	Перев. Дерда-кика (въ верш. р. Анкуръ, прит. р. Таохэ) (Bagom.)	1	3188.5
145	Перев. Рену-кика (Bagom.).	1	3687.2
146	Дер. Анкуръ-кайянъ . . .	2	3262.1
	Переходная область отъ Амдоскаго нагорья къ китайской низменности.		
147	Гор. Джи-у-ченъ	3	2850.0
148	Монаст. Джони	36	2531.1
149	Дер. Ву-чи [1])	2	2484.0
150	« Ѣ-ху-чяо	2	2466.9
151	Гор. Минъ-чжоу	12	2321.0
152	Дер. Сыръ-гу	2	2343.8
153	Перев. Я-ли-сань (къ югу отъ Минъ-чжоу) (Bagom.).	1	2755.4
154	Дер. Ка-та-пу	3	2242.5
155	Селен. Танъ-чанъ	2	1735.3
156	Дер. Ли-чжа-пу	5	1609.0
157	» Кванъ-тинъ	2	1454.6
158	» Лянъ-чжа-па	2	
159	Гор. Си-гу	27	1364.7
160	Дер. Най-юй-цзѣй	2	1224.3
161	Перевалъ между дер. Моръпинъ и У-пинъ	5	2698.1
162	Дер. У-пинъ	11	2111.7
163	» Чагонъ	2	1993.9
164	Гора Чагола	2	3247.8
165	Перев. Чагола (Bagom.) . .	1	3497.9
166	Селен. Терьга	5	2307.8 ?
167	Дер. Ше-пу	2	1937.8 ?
168	» Хасыгу	2	2004.7 ?
169	Перев. И-чжу-шань (Анер. Гольдш.)	1	3560.8
170	Гора И-чжу-шань	2	2888.7 ?
171	Гор. Нань-пинъ	8	1652.3 ?
172	Дер. Янъ-цзе	2	1738.3 ?
173	Рѣка Хэй-хо выше дер. И-чжу-танъ	2	2113.5 ?
174	Рѣка Хэй-хо выше деревни Цзюнка	2	2221.5 ?
175	Сел. Юнъ-хоа-танъ	2	2435.2 ?
176	Дер. Хунъ-нэй-ку	2	2939.2
177	Кит. пикетъ Та-ма	2	3344.1
178	» » Ча-чжа-ку . .	1	3553.8
179	Гор. Чжанла	4	3378.5
180	» Сунъ-панъ	28	3082.9
181	Подъ перев. въ вершин. рѣки Ату-лунва	3	3897.2
182	Рѣка Хонтонъ-лунва при уст. р. Ксерицо	5	3360.4
183	Кумирня Хуанъ-ло-сы въ долинѣ р. Ксерицо (Анер. Гольдш.)	2	3527.8
184	На верхней части долины выше кумирни (Анер. Гольдш.)	1	3762.1
185	Еще выше по долинѣ первое снѣжное пятно (Анер. Гольдш.)	1	4252.0
186	Р. Хонтонъ (по к. Сань-шуй) выше дер. Цзинь-ханъ .	3	2776.2
187	Мостъ Чжанъ-чжи-коу . .	7	2309.0
188	Дер. Ши-чжа-пу	3	1792.4
189	» Сяо-пу	6	1543.0
190	» И-танъ	3	1302.2
191	» Шуй-чжинъ-пу . . .	2	1212.3
192	» Шуй-чжинъ-чжа . . .	3	1143.7
193	» Ка-та-пу	3	1085.3
194	» Тхя-лунъ-ань-фу . . .	2	994.0
195	Гор. Лунъ-ань-фу	13	898.4

[1]) Отъ 149 до 174 по показаніямъ анероида Гольдш. № 149 до 157 вѣроятно ненадежны, такъ какъ анероидъ повидимому не былъ въ порядкѣ. № 158 остался не вычисленнымъ.

Digitized by Google

№№	НАЗВАНІЯ МѢСТЪ.	Число наблюденій.	Высота въ метрахъ.
	Горная страна, окружающая выходъ Желтой рѣки на монгольскую плоскость.		
196	Дер. Ничжа въ мѣст. Саньчуань	19	1824.1
197	Дер. Хуланчиръ	2	2028.1
198	» Манъ-пинъ	2	2209.9
199	» Бачжугэй	2	2009.5
200	» Ши-ня	5	1735.7
201	Гор. Лау-ва-ченъ	2	1818.6
202	» Нянь-бо	3	1942.8
203	Дер. Чжанъ-чжа-цзѣ	3	2036.0
204	» Сяо-ся	2	2139.7
205	Гор. Сининъ	18	2250.0
206	Дер. Синъ-чжуань	2	2387.0
207	Монаст. Гумбумъ	370	2716.8
	1886 г.		
	Амдоское нагорье.		
208	Селен. Чжанъ-хай-ну	2	2371.2
209	Гор. Донкыръ	20	2656.7
210	Дер. Баянъ	2	2771.5
211	Мѣстн. Моргуцу	3	2997.6
212	Рѣка Уланъ-усу	4	3377.7
213	Озеро Хуху-норъ у устья р. Арчатенъ-голъ	2	3206.6
214	Уроч. Чилоту на сѣв. берегу оз. Дере-норъ	3	3160.4
215	Рѣка Гань-чжугъ	7	3212.3
216	» Харьги	3	3339.8
217	» Харьги выше предъидущей стоянки	3	3410.9
218	Вершина р. Харьги	3	3530.2
219	Между оз. Хухуномъ и г. Гаотайемъ перев. Берехада (Barom.)	1	4152.5
220	На сѣверномъ склонѣ перевала Бѣре-хадà	3	3967.0
221	Рѣка Да-тонъ-хэ	8	3552.0
222	Южный склонъ перевала Рдонсугъ	7	3754.0
223	Перев. Ике-Рдонсугъ между Да-тонъ-голомъ и Едзинъ-голомъ (Barom.)	1	4035.4
224	Нижнія ели въ дол. Рдонсуга (Анер. Гольдш.)	1	2953.0
225	Сѣв. склонъ перевала Рдонсугъ	3	3408.8
226	Рѣка Бага Рдонсугъ	9	3067.5
227	» Едзинъ	3	2784.9
228	Монаст. Па-боръ-та-сы	3	2734.7
229	Рѣка Бардунъ-чю	8	2711.4
230	» Уланъ-булакъ, прит. Бардуна	3	3045.3
231	Мѣстн. Нагачирь	16	3168.9
232	Въ долинѣ р. Бардунъ нижніе экземпляры высокоствольнаго можжевельника (Анер. Гольдш.)	1	3254.3
233	Верхніе экземпляры можжевельника въ той же долинѣ (Анер. Гольдш.)	1	3568.0
234	Верхній предѣлъ елей въ той же долинѣ (Анер. Гольдш.)	1	3420.6
235	Нижній снѣгъ (близъ стоянки Нагачирь и верхній предѣлъ кустарниковъ. (Анер. Гольдш.)	1	3769.8
236	Мѣстн. Соломò	3	3201.0
237	Рѣка Бардунъ у устья рѣки Соломò	8	2943.8
238	Мѣстн. Рдоскуй	2	3122.3
239	Рѣка Бардунъ немного выше впаденія р. Шукчжа	4	3271.1
240	Южн. подошва перев. Гальцзинъ-дабанъ	5	3712.4
241	Перев. Гальцзинъ-дабанъ (Barom.)	1	4129.6
242	Рѣка Ташиту (въ ея верш.).	4	3666.4
243	» Хсанъ	9	3430.0
244	Мѣстн. Укиръ-када	3	3603.3
245	Рѣка Ташиту или Шипачю (въ нижн. части ея теченія)	8	2900.0
246	Мѣстн. Шуй-гуань-чжа-цзы.	8	2890.5
247	» Кукэбэлъ	2	2942.2
248	» Иргылынъ-ики	3	3127.5
249	Рѣка Лонсыръ (Хэ-ю-дунъ)	3	1888.3
	Монгольская плоскость. Южно-гобійская полоса.		
250	Гор. Ли-юань-инъ	4	1785 3
251	Дер. Ща-хэ	3	1498.7
252	Гор. Фуй-и-тинъ	3	1394.6
253	Дер. Лу-я-тунъ	65	1406.2
254	» Янъ-та-цзы	2	1362.6
255	» Хуанъ-чэнъ	6	1296.7
256	» Янь-чи	6	1340.7
257	» Шуань-чжинъ	3	1393.9
258	Гор. Чжинъ-та-сы	6	—
259	Дер. Та-леу-лю	3	—
260	Мѣстн. Су-вань-но	3	—
261	Рѣка Едзинъ	6	—
262	Дер. Ту-орынъ	7	—
263	Уроч. Наринъ-тохой (Таванъ)	3	—
264	Уроч. Чжи-чже-тай (Дэристу)	3	—
265	Мѣст. Нарынъ	4	—
266	Уроч. Цаганъ-бурюкъ	6	—

Digitized by Google

№№	НАЗВАНІЯ МѢСТЪ.	Число наблюденій.	Высота въ метрахъ.
	Средняя гобійская полоса (настоящая Гоби).		
267	Уроч. Хонръ-тоора [1]) . . .	3	—
268	» Ганцы-дзакъ	3	1069.8
269	» Елисынъ-курэ . . .	63	1058.6
270	» Цончжинъ-цзагдулъ .	2	1048.7
271	» Шюбугуръ	5	1066.2
272	Хабтагай-тоора	6	1072.5
273	Ур. Цзахе-шарь-хулусунъ .	3	1036.5
274	Озеро Гашіунъ-норъ (у самой воды)	1	1004.6
275	Зап. берегъ оз. Гашіунъ-нора	1	1040.6
276	Уроч. Кобденъ-оботу . . .	13	1418.0
	Сѣверная гобійская полоса (гобійскія горы).		
277	Колод. Урджюмъ	5	1987.5
278	Перев. черезъ хреб. Тосту. (Вагом.)	1	2243.8
279	Колод. Баръ-гунъ	4	2106.9
280	Долина между хребт. Тосту и Нэмэгэту	2	1641.1
281	Кол. Котель-усу	8	1806.0
282	Перев. черезъ хребетъ Нэмэгэту (Вагом.)	1	1836.0
283	Дно долины межд. Нэмэгэту и Баинъ Цаганомъ (Вагом.)	1	1135.0
284	Ур. Хабцыленъ-цзатгай . .	5	1300.7
285	Кол. Боро-шянды	3	1538.6
286	Перевалъ Баинъ-Цаганъ (Вагом.)	1	1730.0
287	Кол. въ горахъ Баинъ-Цаганъ	3	1670.7
288	Рѣчка Легъ	12	1441.4
289	Мѣстн. Кяхту	3	1873.1
290	Перевалъ Убтэнъ-дабанъ (Вагом.)	1	2534.2
291	На южномъ склонѣ перев. Убтэнъ-котель	3	2261.1
292	Оз. Орокъ-норъ	5	1240.9
293	Кол. Ойдулъ	2	1275.0
294	Мѣстн. Хара-усу	3	1370.0
	Хангайская горная страна.		
295	Р. Туинъ-голъ	7	1446.7
296	Мѣстн. Уджюмъ на р. Туинъ-голъ	3	1552.9
297	Р. Туй противъ развалинъ Борохото	3	1618.1
298	Почт. стан. Шоргольджутъ.	6	1738.4
299	Лѣтняя ставка Ламэнъ-гэгэна	18	1786.3
300	Хитъ (монаст.) Ламэнъ-гэгэна	14	2280.3
301	Р. Цаганъ-маниту	3	2243.2
302	Р. Туй при устьѣ р. Аръухухъ	3	2273.0
303	Перев. Кулюсай въ Хангаѣ (Вагом).	1	2781.4
304	Вершина р. Урту-Тамира .	3	2458.7
305	Рѣка Урту-Тамиръ около устья р. Нарынъ-кушюкту	6	2137.9
306	Рѣка Тамиръ ниже устья Боготу	2	1857.2
307	Мѣстн. Чачинъ-бомъ . . .	2	1687.0
308	Мѣстн. Ургюту	3	1498.5
309	» Джиргылынта . . .	4	1506.2
310	Холмъ Тоглокъ-тологой . .	3	1422.6
311	Монаст. Оромбоинъ-гэгэна	5	1392.6
312	Кол. Сувэй у хребта Абцыгъ-хаирханъ	3	1420.7
313	Мѣстн. Урту-булукъ . . .	8	1513.9
314	Кл. Цзамынъ-шаньда . . .	3	1425.8
315	Рѣка Могай	2	1297.0
316	Мѣстн. Сэрь на лѣв. б. Орхона	3	1113.2
317	Курень князя Чинъ-вана .	3	1103.9
318	Рѣка Бурдъ	2	1137.1
319	» Чингиль	3	1264.7
320	» Шиботу	2	1217.8
321	» Бургултай	2	1067.5
322	Монаст. Амуръ-байсыхылынъ	9	1067.3
323	Южная подошва перевала Чжинсетей-дабанъ . . .	2	807.4
324	Рѣка Сучжи	2	745.6
325	Мѣстн. Цаганъ-тохой на рѣкѣ Селенгѣ	2	550.0
326	Нижній перевозъ на рѣкѣ Орхонѣ	2	601.9

[1]) Въ №№ 258—267 въ дневникѣ оказалась описка въ первой цифрѣ, которая была замѣчена слишкомъ поздно, поэтому вычисленныя г. Розенталемъ высоты мною опущены. На картѣ же они вычислены приблизительно.

Digitized by Google

IV.

Списокъ статей, появившихся въ разныхъ изданіяхъ и содержащихъ въ себѣ или обработку собранныхъ путешествіемъ матеріаловъ, или описаніе отдѣльныхъ его эпизодовъ.

Потанинъ. Предварительный отчетъ объ экспедиціи въ Гань-су; напечатанъ въ Извѣстіяхъ Импер. Русскаго Географическаго Общества, т. XXIII, № 3, стр. 290.

— Разспросныя свѣдѣнія о восточномъ Тибетѣ съ картою провинцій Амдо и Кама; напеч. въ томъ же изданіи, т. XXIII, № 4.

— Разспросныя свѣдѣнія о странѣ между Нань-шанемъ, Хангаемъ, Хами и Утай-шанемъ, съ картою центральной Монголіи; напеч. тамъ же.

— Поминки по Чингисъ-ханѣ, напеч. въ Извѣстіяхъ Импер. Русскаго Географическаго Общества, т. XXI, № 4, стр. 303 [1]).

П. Венюковъ, Базальты Монголіи, напеч.: въ Запискахъ Импер. Минералогическаго Общества, т. XXV.

П. Н. Венюковъ, Каменноугольныя отложенія рѣки Бардуна въ Южной Монголіи (въ Зап. Минер. Общ., ч. XXIV).

---

[1]) Эта статья цѣликомъ вошла въ настоящее изданіе. Кромѣ того въ разныхъ періодическихъ литературныхъ изданіяхъ были помѣщены статьи:

А. Потанина, Гумбумъ, монастырь зонкавистовъ, въ «Вост. Обозрѣніи», 1886, № 27.

— Среди широнголовъ, въ газ. «Русскія Вѣдомости», 1888 г., № 140 и 145.

— Встрѣча съ двумя монгольскими ванами. (Изъ путешествія въ Китай и Монголію), «Русск. Богатство», стр. 19.

— Утай, въ «Вост. Обозр»., 1884, № 45, 46 и 47.

— О китайской женщинѣ, въ «Русскомъ Богатствѣ», 1887 г., стр. 57.

— Религіозная пляска въ монастырѣ Кадигава, въ газ. «Сибирь», 1885, № 29.

Г. Потанинъ, Поѣздка въ Ачунъ-нанцзунъ, монастырь урджянистовъ, въ «Сибирск. Сборн», 1886, кн. 2.

— На гриницѣ Тибета (городъ Сигусянь и деревня Упинъ), въ газ. «Сибирь», изд. въ Иркутскѣ, 1886 г., № 24.

— Долина рѣки Джанбы, «Сибирь» 1885, № 26 и 27.

— Въ лодкѣ по рѣкѣ Байхэ, въ «Вост. Обозр.», 1884, № 35 и 36.

— Два дня въ буддійскомъ монастырѣ Уньчжа-сюмэ, въ «Вост. Обозр.», 1885, № 32.

— Пи-линъ-сы, въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1892, май стр. 390.

— Путешествіе по Китаю (отъ Лань-чжоу до Сань-чуани) въ «В. Обозр.», 1885, № 24, 25, 26, 27, 30 и 31.

— Монгольскій хошунъ Кэшиктенъ, «Сибирь», 1886, № 14.

А. П. Скасси, Съ дороги, «Новости», 1885, № 182 и 184.

— Экспедиція Г. Н. Потанина, «Новости», 1886, № 31 апрѣля и 30 іюля.

Digitized by Google

Eug. Büchner, Die Säugethiere der Ganssu-expedition (1884—1887), въ Mélanges biologiques, t. XIII, livraison 1 (St-Ptb., 1890).

М. Березовскій и В. Біанки, Птицы ганьсуйскаго путешествія 1884—1887. Матеріалы по орнитологіи Китая, главнымъ образомъ южной части провинціи Гань-су. Спб. 1891.

C. I. Maximowicz, Plantae chinensés Potaniniauae nec non Piasezkianae, въ Acta Horti Petropolitani vol. XI, № 1. Въ этой статьѣ описаны растенія, собранныя въ южной Гань-су и сѣверной Сы-чуани; описаніе же растеній, собранныхъ въ Монголіи и Амдо, вошло въ труды К. И. Максимовича 1) Flora Tangutica и 2) Перечень растеній Монголіи и прилегающей части Китайскаго Туркестана, составляющіе 1 вып. I тома и 1 вып. II тома Ботаническаго Отдѣла научныхъ результатовъ путешествій Пржевальскаго [1]).

Karsten, P. S. Mycetes aliquot in Mongolia et China boreali a G. N. Potanin lecti въ Hedwigia, vol XXXI, 1892, № 1—2.

Описаніе рыбъ, собранныхъ экспедиціей, войдетъ въ тѣ выпуски того же изданія, которые будутъ посвящены этому отдѣлу животнаго царства. Рыбы обрабатываются С. М. Герценштейномъ.

Обработкой моллюсковъ, вывезенныхъ экспедиціей, занятъ г. П. П. Шалфеевъ.

Пауки отосланы въ Парижъ, извѣстному арахнологу Eugène Simon'y; работа его, въ которую входитъ и описаніе пауковъ, вывезенныхъ мною изъ сѣверозападной Монголіи, будетъ напечатана въ концѣ 1892 года.

Энтомологическій сборъ обработанъ русскими учеными; описаніе его вошло въ слѣдующія статьи, помѣщенныя въ «Трудахъ Русскаго Энтомологическаго Общества».

Andreas Semenow. Diagnoses coleopterorum novorum ex Asia centrali et orientali, I (въ т. XXIII), II (въ т. XXIV) и III (въ т. XXV).

B. Jakowlew. Genus Sphenoptera (въ т. XXIII).

T. Tschitscherin. Genre Pterostichus (въ т. XXIII).

J. Weise. Chrysomelidae et coccinellidae (въ т. XXIII); Chrysomelidae et coccinellidae, Appendix (въ т. XXIV).

L. v. Heyden, Scarabaeidae, Cantharidae, Cleridae, Lagriidae, Melandryidae, Pedilidae, Anthicidae (въ т. XXIII).

Edm. Reitter. Tenebrionidae (въ т. XXIII).

J. Faust. Curculionidae (въ т. XXIV).

Edm. Reitter. Clavicornia, Hydrophilidae, Bruchidae (въ т. XXIII).

Alexandro Jakowlew. Diagnoses Tenthredinidarum nowarum ex Rossia europaea, Sibiria, Asia media et confinium (въ т. XXVI).

G. Morawitz, Hymenoptera aculeata, (въ томахъ XXIII и XXIV).

---

[1]) Нѣкоторые новые виды семействъ, не вошедшихъ въ вышедшіе выпуски, описаны К. И. Максимовичемъ въ его статьѣ: Diagnoses plantarum novarum asiaticarum. VII въ Mélanges biolgiques tirés du bulletin de l'Acad. Imp. des sciences d. St. Pétersbourg, t. XII, s. 713, а также А. Ѳ. Баталинымъ въ статьѣ: Notae de plantis asiaticis I—XIII, въ Acta Horti Petropolitani vol. XI, № 16, 1891.

Digitized by Google

J. Portschinsky, Diptera europaea et asiatica nova aut minus cognita (Двукрылыя новыя и мало извѣстныя), VI (въ т. XXI).

W. Dokhtouroff, Cicindelidae (въ т. XXII).

Dr. Eppelsheim, Neue Staphylinen (въ т. XXIII).

L. Ganglbauer, Buprestidae, Oedemeridae, Cerambycidae (въ т. XXIV).

B. E. Jakowleff, Coleoptera (Neodorcadion et Compsodorcadion) (въ т. XXIV). Coleoptera (Cymindis, Pseudopelta, Lethrus) (тамъ же).

B. E. Jakowleff, Hemiptera—Heteroptera (въ т. XXIV).

S. Alphéraky, Lèpidoptères rapportés de la Chine et de la Mongolie par G. N. Potanine въ Mémoires sur les Lépidoptères, redigés par N. M. Romanoff, T. V, стр. 90.

Digitized by Google

V.

Дополненія.

Къ стр. 152. На сто-верстной картѣ, приложенной къ нашему труду, мѣстность между Цзинъ-цзи-пу и Цзинь-юанемъ, изображена не вѣрно. П. А. Рафаиловъ, занимающійся составленіемъ сорокаверстной карты Средней Азіи, при сводкѣ данныхъ объ этой мѣстности, убѣдился, что хребетъ, проходящій къ югу отъ Цзинъ-цзи-пу подъ названіями Ло-шань и Нью-тоу-шань, не представляется непрерывнымъ, а къ западу отъ нашей дороги разорванъ долиной рѣки Тяо-цуй. Такъ это и будетъ изображено на сорокаверстной картѣ, приготовляемой Главнымъ Штабомъ къ изданію. Кромѣ Руссе, какъ мнѣ указалъ П. А. Рафаиловъ, путь отъ Си-ань-фу до Лань-чжоу, сдѣлалъ въ 1879—1881 гг. Михаэлисъ; отчетъ объ его поѣздкѣ помѣщенъ въ Petermann's Mitteilungen, Ergänzungsheft № 91 подъ названіемъ: Von Hankau nach Su tschou, Reisen im mittlern und westlichen China 1879—81 (von Hermann Michaelis).

Къ стр. 216. Н. Б. Полѣновъ доставилъ мнѣ слѣдующія опредѣленія горныхъ породъ, подстилающихъ конгломератовыя отложенія въ долинѣ Желтой рѣки и обнаженныя только близь уровня воды.

1) Мѣстность Кусёрь-онга на Желтой рѣкѣ, между Сань-чуанью и Сюнъ-хуа-тиномъ, внутри Дондонской тѣснины — темносѣрый мелкозернистый діоритъ, сильно метаморфизированный, богатый хлоритомъ.

2) Близь деревни Рчили (ниже Гуйдуя) роговообманковый гранитъ, чрезвычайно богатая роговой обманкой мелкозернистая темнозеленая порода.

Кромѣ того въ той же замѣткѣ г. Полѣновъ далъ мнѣ опредѣленія еще двухъ породъ:

3) Горы на южной сторонѣ р. Бардуна противъ тѣснины — плотная зеленовато сѣрая кварцево-хлоритовая порода.

4) Южный склонъ перевала Донсугъ (Рдонсугъ)—фельзитовый порфиръ; темнозеленая основная масса породы заключаетъ порфировидныя выдѣленія ортоклаза, кварца и миндалины хлорита и кальцита.

Къ стр. 219. На одной китайской картѣ, попавшей намъ въ руки во время

Digitized by Google

путешествія, окрестности города Гуй-дуя изображены съ такими подробностями. Желтая рѣка выходитъ на Гуй-дуйское расширеніе изъ тѣснины, которая называется Лунъ-янъ-ся; по выходѣ изъ тѣснины она принимаетъ справа рѣчку, текущую изъ южныхъ горъ; въ вершинахъ этой рѣчки находится горячій источникъ Шяжошуй; къ в. отъ этой рѣчки долина между Желтой рѣкой и подошвой южныхъ горъ перегорожена какой-то стѣной въ родѣ Великой съ воротами для прохода; восточнѣе стѣны течетъ въ Желтую рѣку другой, болѣе значительный притокъ, берущій начало также въ южныхъ горахъ; въ вершинѣ этого притока находятся другія горячія воды Шань-жо-шуй; на лѣвомъ берегу этого притока находятся надписи Хэ-ченъ, «черный городъ» и Ліу-тенъ-чжай. Къ в. отъ этой рѣки расположенъ городъ Гуй-дуй, по другую сторону котораго течетъ другая рѣка; теченіе ея искривленное; она беретъ начало изъ озера Лонъ-ванъ-чи, течетъ сначала на западъ, потомъ поворачиваетъ на сѣверъ; ниже поворота на ея правомъ берегу находятся осѣдлые пункты Чжеу-танъ-чжай и Вонъ-тэнъ-чжай; къ в. отсюда въ отдаленіи отъ рѣки помѣщены на картѣ двѣ кумирни: 1) Шянъ-шя-ба и 2) Ли-га-чжай.

Къ стр. 275. Отъ перевала Кунгала мы шли сначала по правому берегу рѣки, потомъ, ниже деревни Сумпе, перешли на лѣвый; такъ на этой страницѣ у насъ и сказано, но тутъ я забылъ упомянуть, что выше этой деревни мы видѣли въ горахъ праваго берега глубокое ущелье, въ которомъ течетъ, можетъ быть, притокъ той рѣки, по которой мы шли, или другая вершина Суппанской рѣки, которая можетъ оказаться главною и болѣе длинною вѣтвью. Какъ далеко лежитъ начало этой вершины, намъ осталось неизвѣстнымъ; вотъ почему мы не могли принять за главную вершину Суппанской рѣки ту, которая течетъ съ Кунгалы. Это поясненіе необходимо; безъ него для читателя темно, почему мы выражаемся о длинѣ Суппанской рѣки нерѣшительно и судимъ о ней по впечатлѣнію, производимому ея шириной около города Сунъ-пана, а не по длинѣ пройденнаго нами разстоянія отъ Кунгалы до Сунъ-пана.

Къ стр. 315. Ревень, собранный на хребтѣ Фынь-шань-линъ, опредѣленъ К. И. Максимовичемъ, какъ Rheum Pichoni Pierr.

Къ этимъ дополненіямъ прилагаемъ списокъ рыбъ, собранныхъ экспедиціею и опредѣленныхъ С. М. Герценштейномъ:

Cyprinus carpio L. Пей-хо (Тянь-цзинъ) Бао-динъ-фу, Хэкоу на Хуанъ-хэ и р. Турукъ (притокъ Хуанъ-хэ).
Culter brevicauda Gunthr. Пей-хо.
Monopterus javanicus Zac. Тамъ же.
Squaliobarbus curviculus Richard. Тамъ же.
Silurus asotus L. Тамъ же.
Carassius vulgaris Nils. Пей-хо и г. Баодинъ-фу.
Siniperca chua-tsi Basil. Пей-хо и Баодинъ-фу.
Ophiocephalus pekinensis Basil. Пей-хо.
Salanx sp. Пей-хо.
Nemachilus yarkandensis Day. Едзинъ-голъ.
Nemachilus barbatulus L. Урту-Тамиръ.
Schizothorax Potanini Herz. Лунъ-ань-фу.
Schizothorax sinensis Herz. Тамъ же.
Gymnocypris Potanini Herz. Сунъ-панъ.
Acanthogobio Güntheri Herz. Р. Си-нинъ-голъ.
Misgurnus anguillicaudatus Cantor. Пикоу (Пи-куа).

Digitized by Google

VI.

Примѣчанія А. О. Ивановскаго. [1])

Стр. 5. Касательно недоступности для телѣгъ трехъ проходовъ Нань-коу, Гу-бэй-коу и Си-фынъ-коу, надо замѣтить, что въ настоящее время положеніе дѣлъ измѣнилось и, напр., по Гуань-гоускому ущелію (выходъ изъ котораго въ Пекинскую равнину вмѣстѣ съ деревней при немъ извѣстенъ подъ именемъ Нань-коу) проѣзжаютъ даже грузовыя телѣги, запряженныя восемью и болѣе лошадьми и мулами. При мнѣ (въ маѣ 1891 г.) кромѣ легкихъ двухколесокъ по этому проходу шелъ большой транспортъ съ листовымъ желѣзомъ для собора, строящагося въ одной изъ католическихъ резиденцій въ Монголіи (Си-вань-цзы).

Стр. 9. У-ѣ-танъ-ву, по пекински у-юэ-дуань-ву. Этотъ праздникъ (всегда 5-аго числа 5-ой луны) одинъ изъ трехъ общенародныхъ праздниковъ (сань-цзѣ), соблюдаемыхъ по всему Китаю. И въ другихъ мѣстахъ Китая дома въ этотъ праздникъ обыкновенно украшаются зеленью, съ лодокъ въ рѣку бросается рисъ водянымъ духамъ (отчего праздникъ еще называется «праздникомъ драконовой лодки»). На сѣверѣ Маньчжуріи въ этотъ праздникъ приготовляются (и съ нею появляются на базарахъ) такъ называемые цзунъ-цзы (катышки изъ риса съ жужубами, завернутые въ тростниковые листья), считающіеся прохладительными.

Стр. 9. Отъ имени пѣвицъ (хуа-нянъ) и гостинницы называются хуа-дянь (въ противоположность другимъ—лао-дянь).

Стр. 13. Противъ развалинъ стариннаго города Чяу-ченъ... Чяу-ченъ, очевидно, цзю-чэнъ (старый городъ), т. е. нарицательное, а не собственное имя, какъ и гу-чэнъ, другое, болѣе употребительное названіе для развалинъ городовъ.

Стр. 17. Это былъ экономъ (нюрба) монастыря... По лексикону гНьерба.

Стр. 19. Ло-хуа-сы вѣроятно Ло-хань-сы «кумирня (18) архановъ (ло хань)».

Цвѣтокъ мнѣ назвали Хэ-хуа... Хэ-хуа лотусъ, ненюфаръ.

Стр. 21. Хунъ-ву-ѣ—основатель минской династіи Чжу-юань-чжанъ (по годамъ правленія Хунъ-ву 1368—1398). Изъ Нань-кина въ Пекинъ столицу пере-

---

[1]) Часть помѣщеннаго въ 1-омъ томѣ, встрѣчается во 2-мъ и объяснена тамъ.

Digitized by Google

несъ не онъ, а императоръ годовъ правленія Юнъ-ло (1403—1424), отнявшій престолъ у Цзянь-вэнь-ди.

Стр. 23. Относительно 8 братьевъ (юношей) изъ фамиліи Янъ (Янъ-па-ланъ) могу замѣтить, что мною пріобрѣтена въ Маньчжуріи небольшая піеса про четвертаго изъ нихъ (Янъ-сы-ланъ-хуй-линъ). Но этотъ фарсъ (съ охраной прохода, съ любовью, ведущей къ небрежности по службѣ, съ осужденіемъ за это на казнь и съ избавленіемъ отъ нея по милости императрицы Тай-хоу) ничего интереснаго не представляетъ.

Стр. 37. Кумирня Ши-вань-мяо,—это Ши-ванъ-мяо «кумирня 10 царей». Подъ послѣднимъ именемъ извѣстны тѣ девять духовъ (цзю·шэнь), которые указаны въ примѣчаніяхъ ко второму тому (стр. 389), съ прибавленіемъ бога ада (Янь-ванъ или Янь-ло-ванъ). Здѣсь (стр. 37) онъ названъ Инъ-ваномъ, Гуань-ванъ—Гуань-ди (Гуань-юй, Гуань-лао-ѣ), Люнъ-ванъ—Лунъ-ванъ (драконъ), Цяй-шинъ-мяо—Цай-шэнь-мяо (кумирня въ честь бога богатствъ, торговли).

Стр. 38. Ши-чжа-фо—по пекински Ши-цзя-фо—Будда Шакіямуни.

Стр. 39. Дебенгара — санскр. Дипанкара (будда), Майдыръ — монг. Майдари (испорч. санскр. Майтрея, тиб. Чжамба, стр. 235 Шянба), Отучи—оточи (врачъ, тиб. сМань-ба, на стр. 235 мамба). Въ Ургѣ чествуются «8 врачей» (найман-оточи), большія статуи которыхъ помѣщены въ храмѣ Майдари.

Стр. 40. Тунъ-цза-гуань-женъ-инъ, очевидно сунъ-цзы-Гуань-ши-инь,—Гуань-инь-пуса (Хоншимъ-бодисатва, на стр. 54 Хонъ-жимъ—санскр. Авалокитешвара), какъ покровитель дѣтей, изображаемый въ видѣ женщины (для красоты, какъ прочіе бодисатвы [1]). Мнѣ кажется, что это каноническое объясненіе не проникло въ народъ и невѣжественные поклонники буддизма изъ простаго народа, благодаря изображенію, прямо считаютъ Гуань-инь-пу-су за женщину (чѣмъ вводятъ въ заблужденіе и европейцевъ) или за воплощеніе Авалокитешвары въ Китаѣ въ видѣ женщины. Тутъ уже, какъ я сказалъ во 2-омъ томѣ, является предположеніе о смѣшеніи легендъ и отождествленіи мѣстной святой женщины съ Авалокитешварой.

Стр. 48. Кумирня Чэнъ-гуань-мяо. Это кумирня въ честь хранителя города. Въ каждомъ городѣ свой особый хранитель (Чэнъ-хуанъ или Чэнъ-ванъ), обыкновенно это бывшій когда-то администраторъ города, возведенный за какой-либо подвигъ или за свои заслуги послѣ смерти въ санъ покровителя города. Кумирня Лао-мяо, вѣроятно, Лао-ѣ-мяо, т. е., кумирня въ честь Гуань-юй'я.

Стр. 72. Мэрэнъ-Сэрэнъ. Мэрэнъ сокращеніе изъ маньчж. мэйрэн-и чжангинь, что соотвѣтствуетъ кит. фу-ду-тунъ (помощникъ корпуснаго командира). Въ Маньчжуріи эти мэйрэн-и чжангины (или амбани) управляютъ отдѣльными округами (Айгунъ, Мэргэнь, Бэдунэ и др.), въ другихъ мѣстахъ они начальствуютъ гарнизонами знаменныхъ войскъ, въ важныхъ стратегическихъ мѣстахъ (потому фу-ду-туны есть въ Калганѣ, Шань-хай-гуанѣ и др. мѣстахъ). Примѣръ Мэрэна-Сэрэна показываетъ, что въ Монголіи эти мэйрэни чжангины изъ природныхъ

[1]) По словамъ пр. Васильева. См. еще во 2-мъ томѣ.

Digitized by Google

монголовъ уже не имѣютъ такого значенія, тамъ уже это маленькая должность съ большимъ чиномъ.

Эджэнъ титулъ не одного Чингисъ-хана, а всякаго императора. Монгольское эцзэн (Маньчжурское эчжень) значитъ «Государь».

Стр. 82... доходилъ до города Мукдэня и Шибе-Монголовъ... Шибе, точнѣе Сибо, не есть монгольское племя, они считаются чистыми маньчжурами (нечего и говорить, что Мукдэнь столица Маньчжуріи). Теперь всѣ Сибо выселены въ Кульджу и ихъ совершенно нѣтъ въ Маньчжуріи.

Стр. 107, прим. 3. Кирпичный городъ Чжуань-чэнъ.

Стр. 118. Приведенная здѣсь китайская фраза по общепринятой транскрипціи (пекин. нарѣч.) будетъ: ю ма, тунъ ци; юцянь, тунъ сы-хуа «(если) будетъ лошадь, будемъ (на ней) вмѣстѣ ѣздить; будутъ деньги, сообща истратимъ».

Стр. 119. Туганъ, тиб. слово, по лекс. аДу-К'анъ (монг. Хурал-ун-сӳмэ, хурал-ун-гэр).

Стр. 142... изъ двухъ гуло... Въ китайскихъ кумирняхъ полагаются двѣ башни: одна съ барабаномъ (гу-лоу), другая съ колоколомъ (чжунъ-лоу). Такія же башни устраиваются и въ каждомъ городѣ (для отбиванія ночныхъ стражей). Въ малыхъ и бѣдныхъ кумирняхъ бываетъ одна башня (преимущественно съ колоколомъ), иногда колоколъ просто вѣшается подъ навѣсомъ. На этихъ колоколахъ (безъ языка), какъ и у насъ, отливаются надписи, содержащія поводъ и время сооруженія кумирни и колокола, имена жертвователей и т. д. Поэтому они представляютъ извѣстный археологическій интересъ.

Стр. 158. Помѣщенный здѣсь разсказъ М. М. Березовскаго заставляетъ скорѣе предполагать развалины кладбища, а не кумирни. На это указываютъ статуи звѣрей, помѣщенныя попарно по дорогѣ.

Стр. 169. Сюнъ (Сюань)-хуа-тинъ не къ востоку отъ Хэ-чжоу, а къ западу.

Стр. 212. Каблыкъ, черепъ, очевидно испорченное санскритское капāла (черепъ).

Стр. 220. рТыгри по лекс. сТаг-ри «тигровая гора».

Стр. 235. Мѣстное произношеніе тибетскихъ словъ таково, что не позволяетъ безошибочно опредѣлить всѣхъ словъ. Потому привожу только несомнѣнныя. Шянба—по лекс. Чжамба, Миляр-ава—Миларайба, Джолми-ртонку—гРол-ма-сТонъ-сКу «1000 изображеній (богини) Чжолма (санскр. Тара, откуда монг. Дара-экэ)»; Джолкаръ—гРол-ма-дКар «бѣлая Чжолма», Джалва-Сенге—«побѣдоносный левъ», эпитетъ будды; Ртамба (стр. 300 Тамба)—сТонь-ба «учитель», мамба—сМань-ба, врачъ», ндо-ганъ—аДу-К'анъ (ду-ханъ). Цзок-чинъ-ндо-ганъ — Цок (Цогс)-чэнь-аДу-к'анъ «храмъ великаго собранія (толпы)», главный храмъ монастыря (такъ сказать, соборный).

Стр. 236. Джу-рембучи—Чжу (Чжово)-ринь-бо-че, Чжу-Адиша; ла-ганъ—хЛа-к'анъ («домъ боговъ», храмъ). Тугчжи-Шянбу-лаганъ «храмъ милосерднаго (Тʻугс-рЧже) Майтреи». Санджи, Сончжи (Санъ-чжай)—ртонку «1000 изображеній Буддъ»; чортэнъ—мЧод-рТэнь, санскр. чайтья и ступа (кит. та, монг. субурган.).

Стр. 267. Чэнъ-дзунъ (тысяченачальникъ)—по пек. цянь-цзунъ (родъ подпра-

Digitized by Google

порщика), низшій (какъ и ба-цзунъ) военный чинъ у китайцевъ, дается и мелкимъ туземнымъ правителямъ, которые въ такомъ случаѣ называются ту (туземный)-цянь-цзунъ.

Стр. 281. Лачинъ-чжамба—хЛа-чэнь-Чжамба «великій богъ Чжамба (Майтрея).

Стр. 320. Ма-туй значитъ не лошадиная голова, а лошадиная нога.

Стр. 343. Относительно догадки, что Чжахоръ или Чжахури означаетъ «монголо-китайцевъ», надо замѣтить, что Чжа собственно значитъ не китаецъ, а «пространство» (рЧжа). Китай—рЧжа-нăг (черное пространство), Индія—рЧжа-гар (бѣлое пространство), страна Ширайголовъ—рЧжа-хор, Россія—рЧжа-сэр, Уйгуры-рЧжа-сог и т. д. Слова наг, гар и т. д. могутъ имѣть и другое значеніе (чѣмъ имъ приписывается въ лексиконахъ), но слово рЧжа вездѣ остается одно и тоже. Въ сложныхъ словахъ вторая половина (напр. наг) можетъ отпасть (и, напр., рЧжа-шог значитъ китайская бумага), но это выпаденіе (сокращеніе) невозможно въ такихъ, такъ сказать, постоянныхъ, опредѣленныхъ соединеніяхъ, какъ названія извѣстныхъ странъ.

Стр. 363. Приведенная здѣсь китайская пословица по принятой транскрипціи (пекин. нар.) должна писаться: лунъ-ванъ-дò-ды-дй-фанъ—Хэ-чжоу, нянъ-нянъ-дò-ды-ди-фанъ-Си-нинъ и значитъ «мѣстность, гдѣ много (храмовъ) Лунъ-вановъ есть Хэ-чжоу, мѣстность гдѣ много (храмовъ въ честь) Нянъ-нянъ [1])—Сининъ-фу».

Стр. 375. Относительно широнгольскихъ выборныхъ надо замѣтить, что тереучи—монг. тэрӳчи голова, прочія названія китайскія: суй-тоу «годовой голова», т. е. староста выбираемый на годъ, пай-тоу—голова (староста) околодка, цунь-чжанъ (на стр. 375 цунъ-чжа) «деревенскій староста».

Стр. 385. Гендунъ значитъ «духовный» и вѣроятно не собственное имя молодого монаха.

Стр. 397 гурьтуны... по тибетски называются сава́ (лсава). По лекс. хЛа-ба гадатель, шаманъ.

Стр. 558, прим. Джибцзунь-тамба—по лекс. рЧже-бЦзунь-дам-ба. Джанджа гэгэнъ—пекинскій Чжанъ-чжа-хутухту.

---

[1]) См. II-й томъ.

Digitized by Google

VII.

Къ книгѣ приложены два листа картъ; на одномъ помѣщена маршрутная съемка А. И. Скасси въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ: другая карта, на которой красной чертой обозначенъ путь экспедиціи, есть одинъ изъ листовъ карты Сѣверо-восточной Азіи, составленной полковникомъ Большевымъ въ масштабѣ 100 верстъ въ дюймѣ. На ней не всѣ части выправлены по маршрутамъ г. Скасси, такъ какъ исправленія на ней дѣлаются по мѣрѣ составленія новой сорокаверстной карты и до нѣкоторыхъ частей очередь еще не дошла.

Digitized by Google

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ,

ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ I-МЪ ТОМѢ [1]).

Просматривая указатель къ 1-ому тому, я сличилъ приведенныя въ немъ названія географическихъ мѣстъ съ подробнымъ атласомъ китайской имперіи (Хуанъ-чао-чжунъ-вай-и-тунъ-юй-ту). Всѣ отысканныя тамъ названія помѣщены или въ скобкахъ, или отмѣчены разрядкой. Эти поправки сдѣланы съ тою цѣлью, чтобы неспеціалисты не затруднялись въ отождествленіи двухъ мѣстъ. Все-же новое и неотысканное оставлено мною безъ измѣненія. При полной неустановленности въ настоящее время транскрипціи для монгольскаго и тибетскаго языковъ совершенно безполезно и даже невозможно подвести подъ одну форму названія, записанныя въ разныхъ мѣстахъ, да еще неспеціалистомъ.

А. Ивановскій.

Сокращенія: б. богъ, б. ж. божество женское, г. гора, горн. пр. горный проходъ, грд. городъ, д., дер. деревня, дол. долина, дор. дорога, дух. л. духовное лицо, заст. застава, ист. л. историческое лицо, кл. ключъ, кн. князь, кн. тит. княжескій титулъ, кол. колодезь, кум. кумирня, лег. л. легендарное лицо, лег. мѣстн. легендарная мѣстность, мог. могила, мон. монастырь, мѣстн. мѣстность, нар. народъ, отд. нар. отдѣленіе народа, пер. перевалъ, пок. поколѣніе, р. рѣка, разв. развалины, сел. селеніе, ст. ставка князя, ур. урочище, хош. хошунъ, хр. храмъ, хрб. хребетъ.

Абиръ, д. 273.
Абцыкъ-ханрханъ, г. 525, 527.
Агашли, д. 173, 177.
Агашли-узень, р. 176, 177.
Агсынъ-бэйсы хошунъ, 521, 522.
Аджи-богдо, хреб. 460.
Адзырга (Аджирга), р. 532, 533.
Адыкъ-толи (Адак-толи), мѣстн. 460.
Аи-гонри, г. 180, 193.
Аи-цомэкъ, д. 398.
Аи-шонгри, г. 398.
Аи-шугму, б. ж. 398.
Актышинъ, покол. 103.
Ала-куль, оз. 100.
Ала-шань, хр. 141, 158.
Алашань-китъ, мон. 114.
Албатъ, покол. 106.
Алтай - Хангай - Алтынъ - Тебши, мѣстн., 128.
Алтанъ-тугулъ, г. 145.
Алтанъ-унага, 145.
Алтатъ, р. 532.
Алта-тэнгиръ, б. 130.
Алты-ауліе, д. 173.
Алтынъ-керимъ (алтан кэрэм), стѣна 137.
Алтынъ-ола, г. 482, 483.
Алтынъ-суме (Алтан сумэ), мон. 386.
Алтынъ-тебши, г. въ южн. Монг. 450.
Алтынъ-тепши (Алтан-тэбши), лег. мѣсти. 80.
Алтынъ-хараулъ, мѣстн. 482.
Алтынъ-хатасунъ (алтан-хадасун), лег. л. 123.
Алыкъ-ола (алак-ула, ола), мѣстн. 80.
Амасурту, хреб. 213.
Амахай, покол. 105.
Амби, д. 275.
Амдо, страна, 1, 210, 243, 246, 278, 362, 392.
Ами-Тунгры, г. 193.
Амни-джакыръ, хрб. 222.
Амни-нанджи, хрб. 240.
Амни-нанчинъ, хрб. 240.
Амни-Тунгынгъ, хрб. 227.
Амни-тунгри, хрб. 227.
Амуръ-байсыхынынъ (амур баясхуланъ), мон. 535, 537.
Ангара, р. 201.
Анги-гвамба, Анги-гонпа, мон. 172.
Ангули-норъ, оз. 34.
Анджянъ, покол. 441.
Анкуръ, р. 240—242.
Анкуръ-кунса, д. 241, 394.
Ань-су, грд. 6, 8, 9.
Араголъ, р. 213.
Аралъ, р. 179, 181, 344.
Арбусъ, г. 102, 108.
Аргалинту, г. 512.
Ариги, покол. 407.
Арика-сы, мон. 403.
Арикъ, покол. 419.
Аркунъ, д. 209.
Арца-богдо, Арцы-б., г. 486, 490, 512.
Арчанъ, д. 340.
Арчатенъ-голъ, р. 406.
Аръ-Кокшоту, р. 516.
Аръ-наре, р. 517.
Аръ-Сару-Атучинъ, покол. 103.

[1]) Во время печатанія текста я не имѣлъ возможности воспользоваться услугами какого-либо оріенталиста для исправленія китайскихъ именъ; въ замѣнъ того А. О. Ивановскій изъявилъ согласіе просмотрѣть указатель и въ него внести необходимыя поправки.

Digitized by Google

Аръ-Ухукъ, р. 516.
Арьку, д. 209, 213—215, 218.
Арья-Бало, б. 282, 309, 365, 390.
Аякшанъ-голъ, р. 77.
Аса-чжалва, б. 282.
Асхыту, р. 527.
Асхыту-гоя, р. 519.
Ату-лунва, р. 287, 298—300.
Атучинъ, покол. 103.
Ахваръ, д. 173.
Ахъ-колъ, д. 175.
Ача-нандзунъ, мон. 216, 217, 222, 396.
Ачи-лунва, р. 228.
Ачингизъ, д. 173, 177.
Ачіуту, р. 531, 532, 533.
Ачу-надзунъ, мон. 213.
Аяръ-норъ, оз. 100.

Бавэй-дабанъ, хрб. 532.
Бага-баинъ (баян), г. 485, 486, 489.
Бага-богдо, г. 486, 490, 498.
Бага-голъ, р. 79.
Бага-кургбнъ, грд. 108.
Бага-масинъ, грд. 108.
Бага-меджь, г. 535.
Бага-Рдонсугъ, р. 413—415, 426.
Бага-тели, р. 519.
Бага-турукъ, р. 54.
Бага-Тюльбуръ, р. 532.
Бага-хиренгъ, покол. 103.
Бага-Хонгорчи, г. 478.
Бага-чикыръ, оз. 84, 85, 137, 146.
Бага-эдженъ-хоро, мѣстн. 66, 71.
Баденъ-джиренъ, мѣстн. 479.
Баджу, д. 197.
Баджу-голъ, р. 197, 198.
Бадо-ула, г. 180.
Баздунъ, р. 444.
Байдарикъ, р. 516.
Байкалъ, оз. 201.
Баинъ (баян), г. 486, 487, 489.
Баинъ-богдо, г. 459.
Баинъ-булыкъ (баян-булак), мѣстн. въ Гоби 460; Б.-б., притокъ Орхона 538.
Баинъ-голъ, мѣстн. въ Наньшанѣ, 419; Б.-г., р. въ Хангаѣ 532.
Баинъ-кобыръ, мѣсти. 512.
Баинъ-Намсырà, б. 511.
Баинъ-норъ, оз. 75, 78, 91.
Баинъ-ола, г. 79.
Баинъ-тохумъ, ур. 84.
Баинъ-ула, г. 523.
Баинъ-худукъ, кол. 100.
Баинъ-цаганъ, г. 490, 495, 497, 512.
Байсихылынъ (баясхуланъ), г. 525.
Балбырха, мѣстн. 478.
Балдынъ-цзасыкъ, хошунъ, 512.
Балхашъ, оз. 99.
Бандитенъ-суме, Б.—тогонъ, мон. 75, 77.
Банкынгъ-кугъ, мѣстн. 240.
Банкынгъ-лунва, р. 239.
Бао-де-чжоу (Бао-дэ-чжоу), грд. 67.
Бао-динъ-фу, грд. 6, 8, 9, 43.
Бао-тоу, грд. 44, 49, 58, 59.
Бао («градъ»)-хэ, р. 9.
Бао-шинъ-де, дер. 11.
Баргу, страна 476.
Бардунъ, Бардунъ-чю, р. 414, 416—419, 423—427, 429—431, 434, 438.
Барма, лег. л. 390.
Барсъ-хото, грд. 403.
Барту, р. 532.
Барунъ-гунъ, кн. 526.
Барунъ-суме, мон. 37, 41.
Бару-таба-чжао (Б.-даба-ч., «кумирня праваго перевала»), мон. 58.
Баръ-гунъ, кол. 483.
Барынутъ, покол. 103.
Бассонъ-Уйшинъ, покол. 105.
Ба-тай-шань, г. 334.
Бахыръ, г. 498.
Баянъ, д. 403, 404.
Баянъ-голъ, дол. 438, 439.
Баянъ-жунъ (Ба-янь-жунъ-гэ), грд. 173, 203, 213, 332, 340, 392, 396.
Ба-янъ-жунъ-хэ, р. 340.
Баяо, покол. 105.
Бая-чжаны-гонба, мон. 282.
Бегеръ-норъ, оз. 531.
Бей-та-шань, г. 450.
Бей-хо, Бэй-хэ, р. 6, 8.
Белехенинъ-тала, дол. 523.
Бере-хада, пер. 409.
Берхе, г. 525, 530.
Бетекинъ-Халигочинъ, покол. 105.
Богдо-гэгэнъ, дух. л. 522.
Богота, р. 519.
Боготу, р. 532.
Болокчутъ, покол. 103.
Бомбо, мѣстн. 460.
Бонгенъ-дабанъ, г. 539.
Боргусунъ-усу, кол. 501.
Борджигитъ, покол. 104.
Боро-балгасунъ, мѣстн. 49, 79—81, 91, 107, 108, 182, 329.
Боро-обо, г. 498.
Боро-тологой-суме, мон. 119.
Боро-ула, г. 458, 459, 479.
Боро-хото, грд. 108.
Боро-шланда, мѣстн. 489.
Бортай-обо, мѣстн. 70.
Боръ-обо-норъ, оз. 478.
Ботоинъ шили, мѣстн. 84.
Боу-нань (Бао-ань-пу), грд. 221, 222, 224, 225, 227, 228, 344, 345, 354.
Боу-чжа-аралъ, р. 179, 180, 193, 344.
Бо-шуй (Бай-ш.), р. 312—314, 318.
Биръ, р. 532.
Бінъ, р. 513.
Будда, лег. л. 336.
Булакъ, мѣстн. 84.
Булганъ, хрб. 520.
Булгунъ, мѣстн. 460.
Булгунъ хошунъ, мѣстн. 460.
Булеръ, д. 173.
Бургултай, р. 532, 536, 537.
Бурдъ, р. 532—535.
Буртегечъ, р. 520.
Бурюльджи, р. 532.
Бурюнъ-ханъ, хрб. 535.
Бурятъ, покол. 103.
Бутулуръ, уроч. 480.
Буунъ-цаганъ-норъ, оз. 498.
Буха, р. 532, 535.
Бухасъ, покол. 103.
Бухенъ-голъ, р. 535.
Бухэнъ-шаръ, г. 535.
Бэгэрэнъ-гачи-номоханъ-гэгэнъ, дух. л. 512.
Бяинъ-ду-коу (Бянь-ду-коу), пер. 417.

Вай-ву-сьэнъ (сянъ), д. 301.
Валу-гонпа, мон. 282.
Вамыръ, д. 241.
Ванъ-ти-гуань (Ванъ-цзѣй-гуань, «смотрящая на враговъ застава», цзѣй=ди), д. 320.
Ванъ-хунъ-че-цзай-цза (чжай-цза), г. 143.
Ванъ-хунъ-чжа, д. 330, 331.
Ванъ-чо-пу, разв. грд. 329.
Ванъ-шіу (шоу)-сы, кум. 328.
Ванъ-юнъ-пу, д. 12, 13.
Вань-гуай-и, д.. 11, 12.
Вань-гуай-чжень (Ванъ-куай-чжень), д. 10.
Вань-коу-зы (цзы), д. 15.
Вань-лю-коу (Ванъ-лю-коу), д. 12.
Вань-ту-сы, кн. 351.
Вань-чжа, д. 182.
Вань-чжа-ко-то, д. 339.
Вань-чжа-па (В.-цзя-ба), д. 316, 323.
Вань-чжа-пу (В.-цзя-пу), д. 163.
Вань-чжа-тей-цза-сы, д. 323.
Вань-чжа-цай-цза (В.-цзя-чжай-цзы), сел. 163.
Вань-чже-шуй, д. 156.
Вань-ши-дзо, д. 268.
Васи-гонба, б. 281.
Ваци-куарь, грд. 241.
Ва-чжанъ-тунъ-сы, д. 172.
Вей-ченъ (Вэй-чэнъ), д. 49.
Великая стѣна, 13, 14, 29, 32, 84, 137, 138.
Вень-сянь см. Вэнь-сянь.
Во-чжа-чжуанъ (В.-цзя-чжуанъ), д. 339.
Вуйгутъ, покол. 103.
Ву-ту-вей-цза, грд. 108.
Ву-чи (ци), д. 249.
Вынь-шу-сы (Вэнь-шу-сы), кум. 20.
Вэй, р. 317.
Вэй-ву-гунъ, нар. 173.
Вэй-ла, 316.
Вэй-у-гунъ, нар. 216.
Вэйуръ, покол. 105.
Вэй-хо (хэ), р. 188, 189, 325, 326, 328.
Вэй-цзи-хэ, р. 146.
Вэй-чжоу, грд. 146, 147, 152, 159.
Вэнь-сянь, Вень-с., грд. 262, 312—315, 317, 329.

Галданъ, мон. 522.
Галданъ-бошохту-ханъ, ист. л. 506, 522.
Галоту, р. 532.
Гальцзинъ-дабанъ, Камджанъ-д., пер. 429, 430.

Digitized by Google

Гамака, д. 397, 398.
Ганганъ-обо, мѣстн. 503.
Гангы, мѣстн. 282.
Гандэнъ-дэдилинъ, мон. 511.
Ганцы-модонъ, мѣстн. 460.
Ганцы-цзакъ, мѣстн. 461.
Ганчатанъ, мѣстн. 228.
Ганъ-цзю-хо, р. 406, 407.
Гань-ту-сы, кн. 357.
Ганьчжа-луцва, р. 228.
Ганьчжа-танъ, мѣстн. 228, 331.
Гань-чжоу, грд. 49, 447.
Гань-янь-чи-пу («городокъ у высохшаго соленаго озера»), грд. 156.
Гао-пинъ-пу (Гао-пинъ-цзюнь-танъ), крѣп. 138.
Гао-са-во (Гао-ша-во), д. 139.
Гао-тай, грд. 96, 100.
Гао-тхань-суй, кум. 155.
Гао-фань-яо-цза (Гао-фанъ-яо-цза), д. 32.
Гарила, г. 279.
Гаркамышъ, г. 438.
Гарнанъ, мон. 239, 240.
Гарни, мон. 262, 296.
Гархатанъ, покол. 103.
Гарчикъ, д. 241.
Гарынъ-пейтанъ (Гарунъ-Бэйтанъ?), г. 193.
Гахца, д. 240.
Гашіунъ, кол. 501.
Гашіунъ-норъ, оз. 100, 467, 469—472.
Гашіунъ-цвухэ, мѣстн. 96.
Гвансыръ, мон. 221.
Гельбинту, г. 483, 486.
Генъ-ду-сы, мон. 339.
Генъ-ду-чень, грд. 339.
Гэдэмъ-голъ, р. 444.
Гилуръ-голъ, р. 524.
Гланъ, покол. 441.
Гоби-хо, мѣстн. 59.
Гойсу, уроч. 479.
Гоку, д. 341.
Гокчӧ, г. 483.
Голубая рѣка, 260, 317, 250.
Голынъ-чжао («Кумирня рѣки»), мон. 67.
Го-манъ-сы, мон. 386.
Гома-ванъ-шань, мѣстн. 58, 59.
Гомбу-гонба, мон. 283.
Гонба-чжю-зюма, мон. 283.
Гонгрча-гонпа, мон. 180, 194, 195, 340.
Гонпа-лунва, р. 228.
Госыло, ист. л. 349.
Гоуаръ, г. 240.
Гуа-мяоръ, д. 205.
Гуань-ди-цуй, д. 156.
Гуань-инъ (инь)-мяо, кум. 14, 37.
Гуань-инъ (инь)-пуса, б. ж. 309, 334, 377.
Гуань-мынь, заст. 177, 189.
Гуань-сянъ, мѣстн. 282.
Гуань-у-коу (Гуанъ-ву-коу), д. 29.
Гуань чяо (цяо)-пу, д. 153, 154.
Губей-коу (Гу-бэй-коу), горн. пр. 5.
Гуй-дуй (Гуй-дэ-тинъ), грд. 195, 203, 209, 215, 218—220, 282, 285, 392.
Гуйлитенъ-голъ, р. 76, 77.
Гуй-хуа-чень (чэнъ), грд. 33—38, 40, 42—53, 55, 57—59.
Гульджа, р. 443.
Гума-кика, перев. 285, 287, 288, 298.
Гумба, сел. 263.
Гумбумъ (сКу-аБум), мон. 203, 209—212, 215, 232, 243, 278, 340, 357, 361, 386—389, 391.
Гуни-эрикъ, р. 64, 67, 102.
Гунча-тогой, мѣстн. 78.
Гунъ-голъ, р. 75.
Гунъ-чанъ-фу, грд. 51, 317, 325, 328.
Гунъ-эрге, р. 67, 71.
Гунь-джагатай, мѣстн. 78.
Гунь-шань-гуань, д. 311.
Гунь-эрыге, р. 64.
Гурана, мѣстн. 479.
Гурбанъ-дабанъ, г. 519.
Гурбанъ-сала, мѣстн. 344.
Гурбанъ-Сэрбинъ, г. 471, 482.
Гурбань-тала, мѣстн. 176, 177, 179.
Гурнай-цзакъ, мѣстн. 479.
Гутенъ-хото, грд. 113.
Гу-чень (Гу-чэнь), д. 7, 309, 310.
Гу-ченъ, грд. (въ вост. Турк.) 42.
Гучинъ, покол. 105.
Гу-ша-и, грд. 196—198, 332.
Гу-юань-чжоу, грд. 146, 152.
Гуютӱ, мѣстн. 460.
Гэсэръ-ханъ, лег. л. 378, 397, 442, 448.
Гэсэ-чжалву, кн. 282.
Гянъ-піянъ, грд. 108.
Гянь-го, дол. 438.
Гяньго-голъ, р. 179, 344.

Дава-чанцы, б. 281.
Дай-тонгъ-голъ, Д.-тунъ-голъ, см. Да-тунъ-голъ.
Дай-тунъ-фу, грд. 28, 29, 107.
Дай-чжоу, грд. 26—29.
Дайчинъ-вана хошунъ, 512.
Дайчинъ-чжу, мон. 119.
Дай-ю-коу, д. 30, 31.
Даладъ-хангинъ, покол. 105.
Даланъ-туру, ключъ, 512.
Далать, хошунъ, 102, 105, 106.
Далда, далды, нар. 102, 169, 342, 343.
Дамбысныръ, д. 397.
Дао-чжа-хэ, р. 167—170.
Дарь-шиичжугенъ, мон. 283.
Да-ся, тѣснина 199, 202.
Да-ся-хэ, р. 167, 170, 227, 333, 334.
Да-тунъ-голъ, Дай-тонгъ-голъ, Дай-тунъ-голъ, р. 196, 198, 339, 345, 403, 409—411, 414.
Да-тунъ-фу, Да-тунъ, грд. 5, 43, 45.
Да-цзянь-лу, грд. 276, 278, 279, 283, 401.
Да-чинъ-вана хошунъ, 531.
Да-янъ (Да-янъ-дянь), д. 6, 10, 11.
Да-янъ-хэ, р. 10—12.
Дебоутъ, покол. 106.
Деге-чжалву, кн. 283.
Дерге, страна 278.
Дерда-кика, перев. 240.
Дере-норъ, оз. 406.
Джава-нами-чамбу, б. 281.
Джаваръ-гонба, мон. 283.
Джава-чжамцу (рЧжам-цо), б. 282.
Джанкъ, р. 209, 212, 213, 215.
Джалва-сенге-нгару, мон. 235.
Джанга-сы, д. 172.
Джанджинъ-бэйсы хошунъ, 502.
Джанджинъ-чжао, мон. 67, 119.
Джа-нинъ-пу, д. 323.
Джансы, д. 173.
Джаратай-дабасу, оз. 60.
Джаса, р. 227.
Джасыгенъ-чайдамъ (цзасаг-ійн цайдам), мѣстн. 62.
Джатуръ-чжалву, кн. 282.
Джаянъ-джапна-сэнъ, дух. л. 228.
Дженъ-гу, д. 197.
Дже-рембучи (ринь-бо-чэ), ист. л. 281.
Джинса-ахунъ, ист. л. 169.
Джинсатай-ханрханъ, г. 486.
Джинъ-дже-танъ, пикетъ 273, 274.
Джиргиланту (Чжиргаланту), притокъ верхн. Урту-тамира 519; мѣстность на нижн. Тамирѣ 521; притокъ Орхона 537.
Джирентай, р. 519.
Джирихъ, р. 519.
Джиркинъ, покол. 106.
Джирманты, Цзирматай, р. 521, 523, 524.
Джіу-ченъ, грд. 241, 242.
Джолми-ртонку (Чжол-ма-сТонсКу), мон. 235, 236.
Джони, мон. 210, 237, 241, 244—246, 248, 272, 273, 387, 392; пл. 243.
Джони-боньбу, Дж. хомбу, кн. 243, 267.
Джони-гонпа, Дж.-гонченъ, мон. 242.
Джономъ-бэйсы, хошунъ, 502, 512.
Джонтонъ, д. 176, 193.
Джори, р. 296.
Джорни, р. 251, 256, 259, 261, 262, 296; д. 261, 262, 393.
Джорни-коу, р. 261.
Джуконъ, хр. 236.
Джумурши, д. 340, 341.
Джунгаръ, хош. 102.
Джунгоръ, хош. 30, 63, 102; кн. 63.
Джунгоръ-хоро, ст. 66, 67, 70.
Джунгоръ-чжао, мон. 71, 78, 118, 119.
Дзалу, р. 532, 535.
Дзандза-танъ, мѣстн. 222.
Дзерьчжи-ванчикъ, г. 459, 477.
Дзблингенъ-дабанъ, перев. 528, 529.
Дзонъ-модо (Цзунъ-модон), дол. 519.
Дзургe-лунва, р. 240, 241.
Дзургенъ-харгакъ, хреб. 438.
Дзухань-голъ, р. 477.
Дзыргилэ, г. 504.
Дзюнъ-богдо, г. 490, 493, 512.
Дзюнъ-гуна хошунъ, 529, 532,
Дзюнъ-модо, р. 532, 533.
Дзюнъ-турю, р. 532, 533.

Digitized by Google

Дзюнъ-цзасыкъ, хош. 532.
Ди, страна, пл. 243.
Ди-дао (Ди-дао-чжоу), грд. 329, 330, 334, 355.
Дилѣди, покол. 106.
Динъ-синъ-сянь, грд. 6, 7, 8.
Ди-шуй-ней, д. 315.
Долдо, пл. 342, 343.
Долоденъ-шили, хрб. 133.
Долонъ-модо, ур. 67.
Доло-тумэнь, покол., 105.
Дондонъ, д. 173, 175—177, 180, 192, 200.
Дондонская тѣснина 192.
Донду-Тамиръ, р. 516.
Дондытъ, р. 532, 533.
Дони-гонба, мон. 283.
Донкыръ, грд. 243, 277, 401.
Дорчжи (рДо-рЧже), мѣстн. 58.
Дорчжи (рДо-рЧже)-чжао, мон. 37.
Дуа-ярнанъ-мырнанъ, мѣстн. 216.
Дуба-ченъ, грд. 400, 401.
Дуй, мѣстн. 397.
Дунъ-дянь, оз. 6.
Дунъ-тай, г. 15.
Дунъ-ха, покол. 106.
Дунъ-хо-танъ, р. 219.
Дунъ-хуанъ, грд. 96.
Дунъ-хэ-цзянь, р. 219.
Дунытъ, д. 218.
Дурга-норъ, оз. 100.
Дурманъ-гулма, покол. 441.
Дурюмба, р. 67, 68, 71.
Дынъ-коу, грд. 49.
Дынъ-ху, грд. 108.
Дынь-юань, грд. 100.
Дѣла, покол. 106.
Дэ-гургэ, мѣстн. 60.
Дэристенъ-голъ, р. 67, 68, 70.
Дэристу-обо, мѣстн. 64.
Дэристу-хото, грд. 108.
Дюнкуръ-ндоганъ, хр. 235.
Дюрбюты, покол. 104.

Егригайа, мѣстн. 120.
Егуры, нар. 440, 442, 443.
Едеренгъ, г. 477.
Едженъ-хоро, мѣстн. 73, 74, 103.
Едзинней-хитъ («монастырь на р. Эцзинъ»), мон. 442.
Едзинъ-голъ, р. 412, 414—418, 446, 455, 457—461, 465, 467, 477, 478, 480.
Елистенъ-голъ, р. 75, 76.
Елисту, р. 75.
Елисынъ-хошу, г. 523.
Елисынъ-хуре, мѣстн. 461.
Е-лонъ, д. 340.
Ельдутъ, покол. 103.
Ельчи-санъ-хао, д. 49.
Ельши-су-ценъ-ти, сел 49.
Елятъ, покол. 106.
Енъ-то, д. 16.
Е-норъ, д. 318, 319.
Е-пу-гоу, д. 320, 321.
Естынъ, покол. 103.

Жанъ-шуй-хо, д. 317.
Желтая рѣка, 56, 58, 62, 63, 148, 152, 157—159, 161, 163, 164, 169, 171, 173, 175, 177—179, 189, 192, 193, 196—198, 209, 210, 213, 215, 216, 218, 237, 297, 330, 335; см. Хуанъ-хэ.
Жень-минъ-цзы, г. 296.

Зан-гэгэнъ, Заинъ-г., Зан (Цзан) пандита, дух. л. 512; его территорія, 521; его хитъ, 520.
Зайсанъ, оз. 100.
Зугей, покол. 228.
Зугу-гонба, мон. 282.
Зуиканъ, д. 210.

Ибень, р. 537, 538.
Иджу-шань, г. 268, 297.
Ики-Кошюкту, р. 519.
Икинъ (Экин)-толи, мѣстн. 460.
Ики (Ѣкэ, Йекэ)-туркъ, р. 54.
Ики-чайдамъ (Ѣкэ-цайдам), ур. 76.
Илгусунъ-гэгэнъ, дух. л. 512.
Илгысъ, покол. 103.
Или, р. 501.
Имана, д. 341.
Имату, мѣстн. въ южн. Монг., 57; р. въ Хангаѣ, 517.
Инъ-чао-чжуанъ, д. 13.
Инъ-чинъ, д. 32.
Инь-шань, хрб. 33, 57, 62.
Ирагу, ур. 407.
Ира-шима, д. 225.
Иргай, грд. 108.
Ирге, грд. 108.
Иргылъ, р. 437, 438.
Иргылынъ-ики («верховье Иргыла»), р. 437.
Ирей-гынъ, покол. 103.
Ирень-гомбу гуна хошунъ. 522.
Исынъ-голма, мѣстн. 444.
И-танъ, д. 305—307.
Итель-голъ, р. 179, 180, 194, 344, 363, 392, 397.
И-тя-мынъ, д. 320.
Ихе-Рдонсугъ, р. 413.
Ихи (Йекэ)-богдо, хрб. 485, 486, 490—492, 494, 501, 502, 513.
Ихи-Едженъ-хоро, мѣстн. 72, 129.
Ихи-масинъ, грд. 108.
Ихи-Рдонсугъ, р. 416.
Ихи-тели, р. 519.
Ихи-тюльбуръ, 532.
Ихи-хиренгъ, покол. 103.
Ихи-хонгорчй, г. 478.
Ихи-чикыръ, оз. 84.
И-хо-чяо (цяо), д. 272.
И-чжоу, грд. 41.
И-чжуанъ, д. 270.
И-чжу-шань, г. 268, 269, 297.
И-шуй, р. 6, 8.

Іокуншань, г. 268.

Каданъ-сюмэ (Хадан-сӱмэ), мон. 180, 187, 193, 194, 210, 361.
Каджа, д. 214; р. 238, 240.
Кади, р. 238, 239.
Кадигава, Кадикава, мон. 180, 187, 193, 361.
Кади герь, мон. 210, 238—240, 242.
Кадикава, см. Кадигава.
Кажиръ, д. 214.
Кай-джу-хо, д. 312.
Кайянъ, д. 241.
Кай-янь-чи, грд. 156.
Калганъ, грд. 42.
Камджанъ-дабанъ см. Гальцзинъ.
Камъ (К'амс), провинція 280.
Кантонъ (Гуанъ-дунъ), грд. 42.
Канту-сухча, д. 339.
Кансунъ, д. 240.
Канъ-лонъ-сы, Канъ-ло-сы, мон. 418, 437, 442.
Канъ-хо-танъ, р. 177, 180.
Кань-цзу-хо, мѣстн. 403.
Кань-чуань (Гань-цюань), д. 319, 320.
Као-ценъ, д. 310.
Кара-бадзыръ (Хэй-чэнъ), разв. 181.
Кара-егуры, пл. 345.
Каракорумъ, разв. 524.
Кара-нюдугъ, покол. 103.
Кари-богдо, г. 502.
Кари-коу, р. 262.
Карлунъ, нар. 354.
Карнэ-хото, грд. 443, 444.
Каро, р. 214.
Карынъ, р. 213—215, 218.
Кары-чжабу, кн. 283.
Карэ, д. 296.
Ка-та-пу, д. 250—252.
Кашингутъ, покол. 103.
Кванъ-тао-лянъ, д. 312, 313.
Кванъ-тинъ, д. 252, 253, 317.
Ква-цза-коу, д. 263.
Кейкедъ-Шибагочинъ, покол. 105.
Кей-та-пу (Кэ-да-ба), д. 305.
Кемпиръ-гэрь, мон. 228.
Кента-гонба, мон. 283.
Кенъ-ха-ли, д. 14.
Керантъ, покол. 106.
Кереучинъ, покол. 103.
Керимъ-цзамъ, дорога, 502; см. Кэримъ.
Керѣи, покол. 106.
Ке та-пу (Кэ-да-ба), д. 305.
Кива-лунва, р. 219.
Кира-дабанъ, перев., 403, 409.
Киргизъ-норъ, оз. 497, 501.
Кирей, родъ, 106.
Киреиты, покол. 107.
Кишинъ-бату, дер. 70.
Кобденъ-оботу, К.-усу, Кобдэнъ-о., Кобдо, мѣстн. 467, 473—475, 481, 487, 496.
Кобокъ-Сайри, мѣстн. 460.
Кодёрго-дабанъ, перев., 403.
Коджа, р. 177, 214, 238, 240.
Ко-джа-ней, д. 323.
Козыгыщъ, д. 173.
Кӧкӧ-ула, г. 459.
Кокся-голъ, р. 175.
Кокшёгъ, хрб. 527—529.
Кокшинъ (кӱкшин)-Орхонъ, р. 523.
Кольавачинъ, покол. 103.
Корэкэ, мон. 442, 444.
Котель-усу, мѣстн. 485.
Котонъ, нар. 104.

Digitized by Google

Коу-тянъ инъ-цза, д. 49.
Коу-хэ, р. 11, 15.
Коу-чей, р. 204.
Коу-ченъ, д. 310.
Ксерицо (Гсэр-мЦо), мѣстн. 284—295, 299—301, 303, 306.
Куанъ-ву, сел. 158.
Куань-шань, д. 324.
Куа-сы-яо-за, д. 54
Куатанъ, д. 340.
Кува, б. 281.
Кугыръ, грд. 108.
Кудзюгенъ-бурдо, г. 525.
Ку-енъ (Коу-янь), мѣстн. 58.
Кузупчи, пески 91.
Куйтунъ-голъ, р. 67.
Куку-хада, мѣстн. 434.
Ку-ли-ба, д. 267.
Ку-ли-чанъ-бянъ, д. 33.
Кульджа, грд. 49.
Кульдзутъ, перев. 516.
Кулюсай, перев. 517.
Кунгала, г. 270, 271, 274, 280, 284, 298.
Кунделенъ (Кўндэлэн, Кўндўлэн «поперечный»), притокъ Желт. р. 279.
Кунделенъ-голъ, рукавъ Едзина 463, 477, 478.
Кундуленъ, Кундулюнъ, р. въ Инъшанѣ 57—59.
Кунигенъ-дабанъ, хрб. 532.
Кунъ-ку-кенъ, д. 50.
Кунь-бу-линь-ци, мѣстн. 60.
Кунь-чжа сы, д. 333, 334, 339.
Ку-ри-сы, мон. 172.
Курла, грд. 100.
Курмусюкту, р. 519.
Курчютъ, покол. 103.
Курюмту, р. въ Хангаѣ 512—514.
Курюмты, р. въ Наньшанѣ 437.
Кусерь-онга, мѣстн. 176.
Кустей, р. 67.
Кусэрь, лег. л. 175.
Ку-ту-сы, мон. 248.
Куху-дабанъ, перев. 517, 518.
Куча, грд. 100.
Ку-шуй-хо, р. 145.
Ку-янъ-гу, д. 314.
Кызылъ-донъ, д. 173.
Кызылъ-чиликъ, дол. 501.
Кырхысъ, покол. 441.
Кыу-то-ба, д. 317.
Кьѣ-чжоу, грд. 317; см. Цзѣ-ч.
Кэ-джинъ-вай, д. 91.
Кэлгыръ, р. 525.
Кэримъ-цзамъ (Кэрэм цзам), дор. 491.
Кэрія, грд. 100.
Кэрь, мѣстн. 460.
Кэшиктенъ, хош. 133.
Кяхта, слобода 540.
Кяхту, г. 492, 504.

Лабранъ (бЛа-аБранс), мон. 170, 195, 210, 227—232, 234, 237, 238, 277, 299, 315, 331, 334, 386, 388, 389, 394, 396, 397.
Лабранъ-сончу, р. 237.
Лагй, р. 436, 438.
Ла-лунъ, д. 249.
Ла-лу-па, д. 310.
Ла-ма-инъ-цза, д. 55, 56.
Ламнунъ, Ламнынъ, р. 239, 240.
Ламо, б. ж. 181.
Ламутеченъ, мон. 222.
Ламэнъ-гэгэна территорія 511, 513; хитъ 499, 508, 511.
Ламэнъ-гэгэнъ, дух. л 511.
Ланчжа-лунва, р. 224—227.
Ланъ-дзе, дер. 272.
Ланъ цзинь, кн. 251.
Ланъ-ченъ-пу, д. 196, 197.
Ланъ-чжоу-фу (Лань-чжоу-фу), грд. 1, 2, 5, 49, 51, 53, 152, 158—162, 164—169, 317, 330—335, 338, 357.
Ласса (хЛа-са), грд. 181, 194, 228, 278, 283, 362, 363.
Лау-ва-ся, тѣснина 199, 200, 202, 204, 205.
Лау-ва-ченъ (Лао-я-ченъ), грд. 199, 200, 201, 208.
Ла-цзи-па, д. 313.
Ла-чи-сань (шань), хрб. 209, 213, 214, 215, 340.
Ла-ши-чжуонъ (чжуанъ), д. 272.
Легъ, р. 490, 491, 495, 502.
Лё-янъ, грд. 243, 312.
Ли-ли-цзунь, ист. л. 349.
Лимбей, грд. 442.
Лингъ-тао (цзё—старый—Линь-тао-фу), грд. 330.
Линъ-гунъ, ист. л. 144.
Линъ-гунъ-сы-танъ, кум. 142.
Линъ-тао, грд. 355; см. Лингъ-тао.
Линъ-чжанъ (Линь-цзянъ, «близь рѣки»), д. 316.
Линъ-чжоу, грд. 44, 91, 137, 140—142, 152, 167.
Ли-сянь, грд. 318, 321, 324—326.
Ли-тай-пе (Ли-тай-бо), ист. л. 308.
Ли-ту-сы, кн. 351.
Ли-цзунь, ист. л. 349.
Личжа-гонба, мон. 383.
Ли-чжа-пу (Линь-цзянъ-пу?), д. 252, 253, 313, 314.
Ли-чжинъ-ванъ, князь 198, 199, 348, 350.
Ли-юань-гоу, р. 445.
Ли-юань-инъ, грд. 433, 439, 440, 442.
Ли-юань-хэ, р. 445, 446.
Ли-юань-хэ-сань (шань), г. 445.
Ліу-чао-ченъ, грд. 155.
Ліу-чжа-ся, 333—335.
Ліянъ (лянъ)-пу д. 12, 13.
Ло-гуа-мяо, д. 322.
Лоджа (Ло-цзя), дер. 172.
Лоджа-сы, д. 172.
Ло-и-хо, д. 324.
Лонгрча, мон. 442, 444.
Лонсыръ годъ, р. 438, 439, 444, 445.
Лончжу, р. 220, 221.
Лончжу-гонпа, мон. 221.
Лончжу-лунва, р. 219.
Лонъ-инъ, р. 238, 239.
Лонъ-чанъ-пу, д. 196.
Лонъ-чжа-ся (Лунъ-цзя-ся?), д. 333.
Ло сань, Л.-цань, Лоу-с., Лоу-шань, хрб. 147—149.
Лотани, д. 256, 257.
Лоу-ланъ-мяо, кум. 37.
Лоу-сань, Л.-шань см. Ло-с.
Лоу-шу-чуань, д. 252.
Ло-хуа-сы, кум. 19.
Ло-хэ-коу, д. 49.
Ло-чжа-ней, д. 323.
Ло-шань см. Ло-сань.
Ло-ё-мяо, д. 315, 316.
Ло-я-тунъ, д. 447.
Лртому, б. ж. 194.
Лсартэ, р. 443.
Лу-бань-мяо, кум. 142.
Лу-бянъ-сянъ-шенъ (Лу-бань-еднь-шэнь), Л.-б.-шенъ, лег. л. 181, 201, 202, 204, 335, 377.
Лу-гоу-цяо, мостъ 7.
Лу-гу-сянь (шань), хрб. 329, 331.
Луй-чжа-па, д. 324.
Лумбу, р. 267.
Лумбунъ-чимбо (сЛов-дБонь-чэнь-бо), мѣстн. 119.
Луиканъ, д. 271.
Лунсыръ, р. 448.
Луицза, р. 477.
Луицзанъ, ист. л. 362.
Лунъ-ань-фу, грд. 284, 286, 287, 301, 303, 305—310.
Лунъ-ши-ва, грд. 154, 155.
Лунь-ань-сы, д. 311.
Лунь-цюань-гуань (Лунъ-цюань-гуань «застава драконова источника»), грд. 13.
Лу-рю-чу, р. 244.
Лу-са-гу, р. 250.
Лу-чжа-ку-мынь-чжа, д. 322.
Лу-чжа-па (Лу-цзя-ба?), д. 323.
Лу-чжа-тунъ, мон. 333.
Лхамо, б. ж. 194.
Лхо-чжуму-гонба, мон. 283.
Лэцъ-сань-цзай-цза, сел. 143.
Лэу-гуань, р. 170, 171, 245, 392.
Лю-гоу-сѣ, сел. 162.
Лю-гю-дабанъ, перев. 447.
Люй-цу-мяо (Люй-цзу-мяо «кумирня патрона гадателей»), кум. 37.
Лю-ли-хэ («Стеклянная» р.), р. 6, 8.
Люлюнъ-сы, д. 172, 173.
Лю-чжа-хо-ба, д. 323.
Лянъ-ми-ху, кн. 251.
Лянъ-сянъ-сянь, грд. 7, 8.
Лянъ-хо-коу (Лянъ-хэ-коу «устье двухъ рѣкъ»), д. 317,
Лянъ-хуа-сань (Лянь-хуа-шань «Ненюфарная гора»), г. 149, 152, 154, 155.
Лянъ-хуа-тай (Лянь-хуа-тай), мон. 205,
Лянъ (Лянь)-хуа-хо, д. 334.
Лянъ-чжа-па (Л.-цзя-ба), д. 254.
Лянъ-ши-хо, р. 313.
Лянь-чжоу, грд. 49.
Ляо-дже-чяо, Ляо-чяо (цяо), д. 145 147.

Ма-ванъ-мяо, кум. 170.
Ма-ву, Ма-у, д. 325, 326, 327.

Digitized by Google

Маджи-тологой, г. 490.
Маджу-голъ, р. 175.
Майдаръ-чо, Майдаръ-чяо (Майдари-чжао), мѣстн. 58.
Майтари (Майдари), б. 336.
Ма-линъ-коу, мѣстн. 439.
Малта, б. 281.
Маманò, пл. 262.
Мамуше-тагъ, г. 177.
Манглай-дабусунъ, оз. 70, 91.
Манхынъ-хутукъ, грд. 108.
Манъ-ту-шань, хрб. 28, 29, 31.
Манъ-чжя-най, д. 156, 157.
Мань-пинъ, д. 169.
Мао-дай-дахунь, р. 60.
Мапа, покол. 228.
Ма-па-ченъ, д. 324.
Мармицзадъ (Марме-мЦзад, санскр. Дипан-кара, будда), мон. 450.
Марцзанъ, мон. 199, 203, 205, 210, 362, 392.
Маръ-чю (дМар-чу), р. 279, 280.
Ма-та-жень (Ма-да-жень), ист. л. 209.
Ма-та-ту, д. 31.
Ма-ти-сы, мон. 443.
Ма-туй-ши, д. 320, 323.
Ма-ту-сы, кн. 251, 262.
Ма-у, д. 327.
Ма-хуа-хунь, ист. л. 144, 151.
Махчинъ-керетъ, покол. 461.
Ма-ча-тей-цза, д. 324.
Ма-чжа, д. 180, 281, 360.
Ма-чжа-ванъ (Ма-цзя-вань?), д. 332, 339.
Ма-чжа-кей-цза, д. 318, 319, 323.
Ма-чжа-па (Ма-цзя-ба?), д. 317.
Мачжи, б. 281.
Ма-чю, мечеть, 175.
Мбанконъ, мон. 282, 283.
Меджь, г. 530, 531, 533.
Менгу-чжу, мон. 181, 194.
Мендыръ, д. 192.
Меныгъ-мака, д. 216.
Менъ-цзу-гу, д. 335, 336.
Мерге-гонпа, мон. 280, 283.
Мерге-гонпа, мон. 283.
Мергедъ-Баханъ, покол. 105.
Мергенъ-голъ, р. 58, 59.
Меренъ-голъ, р. 478.
Меру, б. 281.
Миджа, д. 221.
Миджа-зутукъ, р. 240.
Мила-коу, Мира-к., р. 200, 205.
Мингадъ, покол. 105.
Минъ-та, д. 175, 177.
Минъ-цзянъ (Минь-цзянъ), р. 270, 273, 276, 279, 284, 299, 303, 393.
Минъ-чжоу (Минь-чжоу), грд. 195. 242, 246, 248—250, 256, 277, 317, 325, 330.
Мира-коу, р. 200; см. Мила-к.
Мицанъ-гонба, мон. 283.
Мнягъ, покол. 441.
Могай, Могой, р. 520, 529, 530, 532.
Модонъ-гатухъ, мѣстн. 478.
Молто-голъ, р. 197, 198, 344.
Моргуцу, мѣстн. 404, 405.
Моринъ-тологой, мѣстн. 524.
Моригъ-чугъ, р. 411.
Мöрö-сачжа, мѣстн. 411.
Мöръ-пинъ, д. 259, 260, 268.
Мостуръ, р. 516.
Мо-хэ-ань, мѣстн. 60.
Муджикъ-хэ, р. 219.
Муджюкъ-чю, р. 222.
Му-минганъ, покол. 104.
Му-минъ, грд. 454, 455, 457, 465.
Мусо-гонба, мон. 283.
Мутулетъ, хрб. 525, 527.
Му-цзѣ-пинъ, д. 311, 312.
Му-чанъ, д. 177.
Му-шу-гуань, д. 325—327.
Минда, д. 173.
Миньчжа-льянъ, перев. 325.
Мѣйлеке, мѣстн. 60.
Мэндыръ, д. 175.
Мяо-динъ-ня, д. 28.

Нагачирь, мѣстн. 421, 423, 425.
Нагынъ-лунва, р. 228.
Най-ва-линъ, г. 197.
Найманъ, мон. 442, 444.
Найманъ-голъ, р. 439.
Найманъ-гулма, отд. нар. 441.
Найманъ-шаргы-мори, лошадь, 123.
Найманъ эрдени-ола, хрб. 414.
На-инъ-цза, д. 259.
Най-цза, д. 446, 447.
Най-ченъ, д. 326.
На-и-чжю-цза, д. 259.
На-и-чжю-цзѣй, д. 259.
Най-юй-цзѣй, д. 252.
На-линъ-коу, мѣстн. 57.
Намба-чжава, б. 281.
Намутечиръ, мон. 222.
Намчинъ-сорва, хр. 408, 409.
Намъ-дабанъ, г. 532.
Намынъ-гыгъ, мѣстн. 228.
Нань-го-ченъ (Нань-гу-чэнъ), грд. 417, 447.
Нань-гу, р. 250.
Нань-и-коу, д. 25.
Нань-инъ-цза, д. 22.
Нань-и-хо, д. 25, 26.
Нань-коу, горн. пр. 5, 25.
Нань-пинъ, грд. 256, 258, 259, 269—271, 312, 314.
Нань-тай, г. 15, 16.
Нань-ченъ (Нань-чэнъ), д. 55.
Нань-чжуанъ, д. 13.
Нань-чуачь, дол. 210.
Нань-чуань-коу, дол. 209, 211, 212.
Нань-шань, хрб. 297, 414.
Нарванчи-гэгэнъ, дух. л. 511.
Наринъ-голъ, р. 62, 79.
Наринъ-Кошюту, р. 518.
Наринъ-Тюльбуръ, р. 532.
Наринъ-хара, г. 500, 501.
Нарынъ, мѣстн. 458.
Нарынъ-булакъ, кл. 481.
Нарынъ-хыргакъ, г. 444.
Нары-чжабу, мон. 283.
На-сы-гу, г. 261, 296.
Нашикъ-гонба, мон. 282.
Нгачжа, д. 214.
Нгварси, р. 225, 226.
Нгварси-гонпа, мон. 227.
Нгью-чю, р. 279.
Ндами, д. 238, 239.
Ндами-лярген, перев. 238, 239.
Ней-цза-хо, д. 315.
Ней-ченъ, д. 326.
Нинъ-ся, грд. 44, 108, 120, 148, 152, 158, 159, 174.
Нинъ-тяо-льянъ, грд. 81, 96, 108, 113.
Нинъ-хо-чженъ, д. 392.
Нинъ-юань, д. 32.
Нинъ-юань-сянь, грд. 325.
Нинъ-юань-ченъ, грд. 328.
Ничжа (Ни-цзя?), д. 178, 185, 194, 195, 344.
Ничжа-голъ, р. 179.
Ни-чжа-лянъ, д. 138.
Ногонъ-дара-экэ, б. ж. 194.
Ногонъ-дарихэ, б. ж. 464.
Ноджа, д. 178.
Ной, мон. 280—282, 284.
Ноинъ-Богдо, г. 471, 477, 483, 484.
Ноинъ-хутухту; Нойонъ-хутухта, дух. л. 511, 522.
Ноинъ-хэрь, хрб. 502, 513.
Ной-ти-ха, д. 315.
Номонъ (Ном-ун)-ханъ, дух. л. 522.
Номочутъ, покол. 103.
Нурынъ-джанба, р. 222—224.
Нцзому-коръ, д. 386.
Нцо-чонъ-нурву, оз. 406.
Ньень-фа (Нянь-фанъ?), мѣстн. 63.
Нью-мао-чинъ-цза, д. 139.
Нью-тоу-шань, хрб. 119, 141, 144, 145, 148, 151, 48.
Нью-цзо, мостъ
Ньянъ-ньянъ (нянъ-нянъ), б. ж. 398.
Ньянъ-ньянъ-тологой, г. 180, 192, 194.
Нѣ-чже-яо, д. 162.
Нэмэгэту, хрб. 482—484, 485, 486, 488, 496, 512.
Нюгэй, мостъ 279.
Нюкутенъ, покол. 103.
Нюругà, г. 478.
Нюрусунъ-ола, г. 454.
Нюрюсенъ-голъ, р. 69.
Нянь-бо (Нянь-бо сянь), грд. 186, 196, 199, 200, 202, 203, 332.

Обонъ-торумъ, оз. 84.
Обонъ-шили, мѣстн. 70.
Обо-ченъ, мѣстн. 417.
Огланъ, покол. 441.
Огулдзы, р. 532.
Огцзумъ-ханрханъ, г. 482.
Одосы-дабанъ, перев. 418.
Ойдулъ, кол. 501.
Ойнутъ, покол. 103.
Ойрдутъ, покол. 103.
Оккинь (Укин)-тэнгри, б. ж. 181, 194.
Окпунги-чортэнъ, хр. 236.
Олаинъ-балгасунъ, мѣстн. 107.
Олгнутъ, покол. 103.
Олетъ-Агсынъ-бэйсы, хош. 521.
Олiятъ, покол. 106.
Олуань, покол. 106.

Digitized by Google

Олютутъ, покол. 103.
О-ми, г. 21, 210.
Омнёту-ихамчокъ, р. 438.
Омбни-голъ (Эмунэ-гол), р. 477.
Онгинъ-голъ, р. 499.
Онгинъ-дабанъ, перев. 60.
Онгонъ-манхынъ, пески 77, 91.
Ондюго-чаганъ-мори (ӱндӱгэн-цаган-мори), лошадь 123.
Онусъ, покол. 103.
Орголынъ, р. 204, 205; мон. 205, 210, 386, 387.
Ориххо, р. 64, 67.
Орокъ-норъ, оз. 491, 492, 494, 498—501.
Оромбоинъ-гэгэнъ, дух. л. 523, 525.
Орхонъ, р. 521, 530, 531, 539.
Орху-норъ, оз. 100.
Отокъ, хош. 78, 81, 102.
Ошкёгъ, г. 498.

Па-баоръ-сы, Па-баоръ-та-сы, Па-бао-сы, Па-бао-та-сы (Па-бао-да-сы), мон. 414—418, 442, 447.
Па-бао-шань, хрб. 414.
Пабу-кагу-чжалву, кн. 283.
Па-га-ма-джа, отд. нар. 441.
Па-гунъ, отд. нар. 173, 174.
Падма-самбава, лег. л. 217.
Пай-вань-цза, д. 161.
Пай-нань, д. 159.
Пай-танъ-суй, д. 146.
Пай-тха (Бай-та), башня 16.
Пай-у-сы, кум. 14, 16, 20, 22.
Па-ли-пу, д. 446, 447.
Па-ли-сы, мон. 170, 171.
Па-ли-чжуанъ, д. 14, 31.
Па-лынъ-коу, р. 143.
Памарганъ, перев. 444.
Па-ма-ся, д. 252, 253.
Панъ-ча-сы, д. 324.
Пань-ю-хо, р. 10, 12.
Па-па-гынъ, перев. 171, 327.
Патанъ, покол. 441.
Пата-ула, г. 334.
Патула, д. 334—336.
Пату-ула, г. 344.
Пачжу, д. 197.
Па-чи-коу, р. 197.
Пегеши, покол. 441.
Пей-ма-мяо (Бай-ма-мяо), д. 316.
Пей-ма-сы (Бай-ма-сы), мон. 203.
Пей-ма-ченъ, д. 273, 275.
Пей-ма-чу, д. 273, 275.
Пей-нань, д. 161, 168.
Пейранъ, мон. 442, 444.
Пей-тай (Бэй-тай), г. 15, 16, 22—24.
Пей-та-сы (Бай-та-сы), мон. 333.
Пей-та-чуань (Бэй-да-чуань), мѣстн. 333, 334.
Пей-тунъ-ганъ, д. 15.
Пей-хо (Бай-хэ), р. (въ Чжи-ли) 8.
Пей-хо, р. (въ Шань-си) 34.
Пей-хо (Бэй-хэ), р. въ Сы-чуани 270, 271, 256.
Пей-хо (Бэй-хэ-дянь), д. 10.
Пей-ченъ (Бэй-чэнъ), д. 55.
Пей-чжуань (Бэй-чжуанъ?), д. 171, 172.
Пей-шань (Бэй-шань), г. 454, 455, 460.
Пей-шуй, р. 251—254.
Пей-шуй-цзянъ (Бай-шуй-цзянъ), р. 312, 318.
Пей-шу-юань, д. 309.
Пей-юнъ-сай (Бай-юнъ-цзай?), мон. 119.
Пекинъ, грд. 3—5.
Пенъ-и, д. 58.
Пень-ге, д. 304.
Пи-коу (Би-гу—лазоревая долина—коу), Пи-куа, д. 311—314, 317.
Пи-линъ-сы, мон. 169, 181, 210, 216, 335—337, 362, 377.
Пи-лунъ-чжуанъ, д. 172.
Пинъ-ло, д. 49.
Пинъ-ю-ся, грд. 108.
Пинъ-фань, грд. 202.
Пинъ-чжу-хай, мѣстн. 58.
Пинъ-шань-сы, кум. 13, 14.
Пинъ-янъ-ся, грд. 147, 148, 152.
Пи-са-сы, кум. 20, 22.
Пи-янъ-сы, д. 321, 322.
По-и-хо, р. 251, 262, 267, 268, 393.
По-хоу-шу, р. 12.
Потуланъ-тооримъ, оз. 84.
Потъ-ула, г. 179.
Поу-най-сы, мон. 309.
По-чжа-ё, д. 321, 322.
Пу-гань (ань)-сы, кум. 14, 20.
Пу-ди-сы, кум. 20.
Пукӧ (Бӧкэ? силачъ), лег. л. 176.
Пула, р. 443.
Пунъ-синъ-чжао, мон. 37.
Пу-са-дянъ (дянь), мон. 22, 23.
Пу-са-сы, мон. 16, 18.
Путо, остр. 21.
Пу-фо-дянь, мон. 16.
Пу-цзянъ (Фоу-цзянъ), р. 284, 301—310.
Пу-чжа-коу, р. 204.
Пу-чжа-лу, д. 319.
Пу-чжа-танъ, д. 204, 205.
Пу-юань, д. 169.
Пханъ-чжа, д. 334.
Пхинъ-ло, д. 318, 320.
Пхынъ-сунъ-чжао (П'унъ-гСум-чжао?), мон. 41.
Пы-лынъ-коу (гоу), р. 170, 171.
Пы-лынъ-хэ, р. 171.
Пы-сы-вей, р. 326.
Пэй-шуй, р. 392.

Раза, д. 220, 267.
Раза-гонпа, мон. 220.
Рако-голъ, р. 401.
Ратунъ-чю, р. 415.
Ргамъ-голъ, р. 438.
Ргациръ, мон. 239.
Рдица, д. 216.
Рдонсукъ, г. 410, 412.
Рдоскуй, р. 434; мѣстн. 427, 443.
Рдо-чю, р. 279, 280.
Реконъ-мон. 217.
Рененъ, р. 239, 240.
Рену-кика, перев. 239, 240.
Рену-лунва, р. 239.
Римнинъ, д. 397.
Ри-тома, мон. 239.
Ри-чю, р. 279.
Рка-чю, р. 279.
Ркомджюкъ, покол. 441.
Ригава, мѣстн. 242, 277, 282, 396.
Рочидъ-Гери, покол. 105.
Ртала-пучи-мабу, б. 281, 282.
Ртангу-гонпа, мон. 437, 442.
Ртоба-нансунъ, б. 286.
Ртомба-ширу, б. 282.
Ртончугъ-лаганъ, хр. 236.
Ртыгри, д. 220, 221, 226.
Рува-гонпа, мон. 287, 299.
Руко-гонпа, мон. 299.
Руквыръ-гонпа, мон. 239, 245.
Руквыръ-лунва, р. 238.
Рдачу-кандзей, б. 281.
рЦза-буми-ргӧнъ, мон. 283.
рЦзамечжи-ргӧнъ, мон. 283.
Рдза-рдзукчинъ, мон. 280.
Рцза-рдзукчинъ-гонпа, мон. 278.
рЦза-санджунъ-юнчжун-линъ, мон. 283.
рЦза-тенчинъ-ргӧнъ, мон. 283.
Рцугӧй, р. 228.
Рцуго-нрденъ-лаганъ, хр. 236.
Рцычжи-гонба, мон. 283.
Рчандза-лунва, р. 224, 225, 227.
Рчандза-танъ, мѣстн. 222.
Рчанъ-лунва, р. 239.
Рчанъ-чжу, р. 444.
Рчигтыгъ-кэргынъ, дор. 216.
Рчили, д. 213, 215—217, 396.
Рчиртунъ-чжасынъ, хр. 235.
Рчисонъ-гонба, мон. 283.
Рчи-цзюй, Рчцзицзуй, р. 237, 279.
Рэсэрь, д. 240.
Рянынъ-гонба, мон. 283.

Саба, д. 271.
Сагенъ-дабанъ, г. 539.
Сагу-дянь, д. 155, 156.
Саджинъ-байсыхылынъ, хр. 51.
Сайнъ-нойона хош. 521.
Сайнъ-туру, грд. 77, 103, 108.
Сайханъ-тологой, г. 535.
Сакіятъ, покол. 106, 107.
Са-коу-дянь, д. 156.
Саксагыръ, р. 67, 70.
Салары, нар. 169, 172—174.
Са-ли-дянь, д. 330.
Салкинъ, д. 55.
Салунъ-дорчжи, лег. л. 176.
Сама-цхуонъ, д. 172.
Самрыгъ-танъ, мѣстн. 227.
Самуръ, р. 241, 242.
Санаки, р. 443.
Сангай, мѣстн. 60.
Сангинъ-тологой, г. 520.
Санленъ-гонба, мон. 283.
Санъ-ганъ-хэ, р. 28—31.
Санъ-гуань-мяо, кум. 37.
Санъ-пу-цза (Синь-пу-цза «Новая деревня»), д. 156.
Санъ-та-ху, д. 49, 50.
Санъ-чанъ-сы, кум. 20.
Санъ-янъ-фу, д. 26.
Сань-бао, б. 309, 324.
Сань-бао-фо-ё, б. 286.

Digitized by Google

Сань-го-ченъ (Сань-гіо-чэнъ), мѣстн. 417.
Сань-го-ши, д. 309, 311.
Сань-гуань, мѣстн. 160, 170, 172, 174, 179.
Сань-и, мѣстн. 141.
Сань-коу (гоу), мѣстн. 219, 319.
Сань-міао (мяо), нар. 251.
Сань-нѣ-шань, мѣстн. 57.
Сань-та-ху, мѣстн. 348.
Сань-тунь, мѣстн. 219.
Сань-чао (чяо)-ченъ, грд. 403.
Сань-чжао-ченъ (Сань-цзѣ-чэнъ), мѣстн. 417.
Сань-чуа-ку, пикетъ 285, 287.
Сань-чуань, мѣстн. 166, 170, 174, 177—181, 188, 190, 193, 194, 196, 198, 332, 334, 335, 344, 345, 392.
Сань-шуй, д. 301.
Сарачи, д. 58, 59.
Сарачинъ, д. 58.
Сарбусы, покол. 280.
Сарту, д. 53—55.
Сарутъ, покол. 103.
Сарчи, д. 76; мѣстн. 58.
Сарыгъ-уйгуръ, мѣстн. 443.
Сатани, р. 251, 262, 263.
Сатанъ-моюгъ, г. 215.
Са-тинъ-цза, грд. 108.
Са-тонъ-чуань (Ша-танъ-чуань), р. 204, 205.
Сахалгай-хаирханъ, г. 523.
Са-хо, д. 445.
Сахытъ, покол. 106.
Са-цзинъ-цза, д. 447.
Са-цзы-чяо, д. 263.
Са-цунъ-го, р. 140, 141.
Са-чжи-коу, д. 326.
Са-чжоу, грд. 100.
Себистэй, уроч. 478; см. Сэбисте, Сэбистя.
Сейсынъ, мон. 242.
Селенга, р. 539.
Сентанъ, д. 340.
Сенъ-гія-цза, д. 49.
Серку, Серкугъ, мон. 210, 386.
Сеца-чжабу, кн. 283.
Си-ань-фу, грд. 159, 199, 263.
Си-ба, мѣстн. 58.
Си-бао-де, д. 10, 11.
Си-ванъ-цзе (Си-вань-цзы), д. 48, 49.
Си-гоу, д. 161, 162.
Си-гу-ченъ, грд. 226, 252, 254—256, 262, 265, 268, 312, 316, 317, 338, 392.
Си-джа-тей-цза-шань, д. 323.
Си-дянь, оз. 6.
Си-дяръ, д. 50.
Си-нинъ-цза, д. 49.
Си-коу-мынь, д. 31, 33.
Си-коу-цзы, дол. 256.
Сикэй, хрб. 200.
Си-нинъ (Си-нинъ-фу), грд. 169, 196, 198, 199, 205, 208, 230, 250, 363.
Сининъ-голъ, Сининъ-муренъ, р. 196—199, 201, 203, 204, 392, 401.
Синъ-са-ли, дол. 12.
Синъ-тинъ-сянь, грд. 15.
Синъ-ченъ (Синь-чэнъ), д. 165, 332, 334, 339.
Синъ-чжа-шань, д. 31.
Синъ-чинъ (Синь-чэнъ-цзы), сел. 252.
Синъ-чинъ-ся, грд. 108.
Синъ-янъ-и, д. 9.
Си-тай, г. 15.
Си-усту-чжао, мон. 50—52.
Си-фынь-коу (Си-фынъ-коу), горн. пр. 5.
Си-хо, дол. 32.
Си-хо, грд. 318, 322—326.
Си-хо-танъ, р. 219.
Си-ю, д. 10.
Си-янъ-чжоу, грд. 155.
Сіенъ-ше-ли, д. 15.
Смакчи, мон. 442, 444.
Собо (на картѣ Цзюй (Гюй)-янь-хай), оз. 477.
Сого-норъ (на картѣ Цзюй (Гюй)-янь-хай), оз. 477, 478.
Соготенъ-дабанъ, перев. 535.
Соготу, р. 519, 535.
Сого-хото, грд. 479.
Соко-саджа, мѣстн. 237.
Со-ло-ба, д. 169.
Со-ло-коу, д. 326.
Солома, Соломо, мѣстн. 424; р. 425, 426.
Солонгосъ, покол. 103, 104.
Солонутъ, покол. 103.
Сбль-уньдуръ, г. 522.
Сомбра-голъ, р. 179, 180, 334, 335, 344.
Сомбрани-ся, мѣстн. 334, 377.
Сомонъ-чжалву, кн. 283.
Сономъ-гунъ, кн. 526, 527.
Сононъ-лочжи, б. 281.
Сончжи-ртонку-лаганъ, хр. 286.
Сончу, р. 228, 230, 237.
Сочжи-лунъ-ванъ, б. 363.
Со-чжи-ё, б. 363.
Сронцзанъ Гамбо, ист. л. 362.
Срю-ванъ, кн. 230, 237.
Суанъ-тынъ-цза, д. 450.
Субурганъ-ундуръ, г. 519.
Су-вань-но, мѣстн. 454.
Сувэй, кол. 525, 526.
Сугу-норъ, оз. 477, 478.
Су-инъ-пу-цза, д. 156.
Сулай-голъ, р. 431, 453.
Сультэ-бурханъ, б. 129.
Сультэ-токъ (Сульдэ тук), б. 130.
Сульхыръ-галтай, р. 532, 533.
Сумпе, д. 275.
Суинъ-линъ, д. 7.
Сунъ-панъ (Сунъ-пань-тинъ), грд. 270, 273, 275, 276, 278, 280, 285—287, 299, 303, 312, 393, 395, 396, 401.
Сунъ-чжа-па (С.-цзя-ба), д. 316.
Сунъ-чжа-ширъ, Сунъ-чжа-чыръ, д. 334, 335, 339.
Сунъ-шу-чжоунъ (Сунъ-шу-чжуанъ), д. 205.
Супа-чжаму, б. 281.
Суръ-тулай, р. 418.
Су-сянъ-сы, кум. 20, 22.
Су-тунъ-пу, д. 177.
Сухай-байшинъ, грд. 96, 108, 113.
Сухомту, мѣстн. 478.
Суху-норъ, оз. 464, 477.
Су-чжа-пу (С.-цзя-пу), д. 203.
Сучжи, д. 173.
Су-чжоу, грд. 96.
Схашеръ, мон. 225.
Сы-га-ма-джа, отд. нар. 441.
Сыдалынъ, р. 443.
Сы-мынъ-цзей (Си-мынь-чжай), д. 325, 326, 328.
Сынъ-ди-танъ, грд. 108.
Сырги-гонба, мон. 283.
Сыръ-гу, д. 250—252.
Сы-цзы-пинъ, д. 26.
Сы-чуань, провинція 185, 193, 194, 301.
Сы-ши-па-ху, мѣстн. 219.
Сью-дабанъ, перев. 447.
Сѣ-чжа-па (С.-цзя-ба), д. 252, 253.
Сэбисте, мѣстн. 471.
Сэдэнъ-гонпа, мон. 230.
Сэнгыръ, р. 171—173, 175, 193, 392.
Сэрбынь, г. 529, 530.
Сэртэнъ-чему, мон. 235.
Сэрчэнъ-лунва, р. 228.
Сэрчэнъ-танъ, дол. 228.
Сэрь, р. 531, 532.
Сэчжэ-хачжинъ, мѣстн. 442.
Сюань-хуа-фу, грд. 57, 96, 195.
Сюкэй, хрб. 200, 203.
Сюнъ-хуа-тинъ (Сюнь-хуа-тинъ), грд. 169, 171, 173—175, 193, 339.
Сюрю-тудай, р. 418.
Сючжи, р. 538, 539.
Сюѣ-шань, г. 284, 287, 294, 297, 299, 300, 306.
Сябистя, мѣстн. 460.
Сяври, хрб. 482—484, 486, 504.
Сянтанрала, мѣстн. 283.
Сяньби, нар. 348.
Сяо-джа-па (С.-цзя-ба), д. 323.
Сяо-динъ-чанъ, д. 323.
Сяо-лиръ, д. 334, 339.
Сяо-пу (Сяо-хэ-инъ), д. 304.
Сяо-суй, д. 157.
Сяо-ся, дол. 199, 204.
Сяо-У-тай-шань, хрб. 15.
Сяо-хо, д. 304.
Сяо-хо-инъ, д. 304, 305.
Сяо-хо-танъ, д. 447.
Сяо-хэ (хэй)-хэ, р. 54, 156.
Сяо-хэ-цза, д. 155.
Сяо-цяо, д. 49.
Сяо-чуанъ-цза, д. 321, 322.
Сяо-чяо, грд. 108.
Сяо-шань-ла, р. 155.
Ся-пу, мѣстн. 57.
Ся-щуй, оз. 45.

Табыкъ, полол. 103.
Табынъ-галха, покол. 103.
Табынъ-гулма, отд. нар. 441.
Табынъ-субурганъ, мон. 41.
Та-ванъ, мѣстн. 457, 458.
Та-ванъ-тху, 169.
Та-ву, мѣстн. 417.
Таганъ, д. 272.
Та-гу-дза, д. 249.

Digitized by Google

Та-гумба, д. 270.
Та-дао-линъ (да-дао-линъ, «перев. на большой дорогѣ»), 312.
Тажи-ритцанъ-гонба, мон. 283.
Тай-вань-шань-коу, р. 10.
Тайга-норъ, оз. 34.
Тай-го-му, д. 58.
Тайджинары, покол. 117.
Тайха, г. 250, 271.
Тай-лу-сы, кум. 14.
Тай-ма-чуань, д. 172.
Тайтухай, мѣстн. 74, 75.
Тайха, оз. 504.
Тай-цзы-сы, мѣстн. 392.
Тай-юань (Тай-юань-фу), грд. 9.
Талагинъ, р. 214.
Таладутъ, покол. 103.
Та-ла-пинъ, д. 335.
Талатъ, покол, 102, 103.
Талаханинъ-тала, дол. 524.
Та-ла-чи (Да-ла-синь-пу «Новая деревня Дала»), д. 157.
Та-ли-лю, д. 454.
Та-ли-чжань, горн. пр. 171.
Та-ло-хэ, д. 56.
Талтенъ-ула, г. 530.
Та-лу, мѣстн. 456, 476, 479, 491.
Талытъ, покол. 103.
Тъ-ма, пикетъ, 273.
Тамба-дарчжи-линъ, мон. 511.
Тамиръ, р. 519—521.
Таму, д. 214.
Та-му-лю, д. 454.
Тамчинъ, р. 516.
Та-мяо-сань (Да-мяо-шань), мон. 170.
Тангу, покол. 106.
Тангудутъ, покол. 103.
Тангуты, нар. 262.
Тангутъ, монг. покол. 103, 105.
Тангытутъ, покол. 103.
Тангытъ, покол. 106.
Тандынкъ-Яндыкъ, г, 171.
Танмыръ-лунва, р. 221, 222.
Танъ-сянь, грд. 6, 10.
Танъ-чанъ, сел. 251—253, 262; покол. 251.
Танъ-чао-цза, д. 324.
Тао-ванъ-ченъ, грд. 169.
Тао-гуй-цзо, д. 320, 323.
Тао-дянь (у Вебера Доу-дянь, Доу-фу-дянь), д. 7.
Тао-сынъ, дол. 32.
Тао-тунъ-цза, д. 96, 149—151.
Тао-хэ, р. 167 — 169, 237 — 239, 241 — 244, 248— 250, 256, 330, 331, 333, 334, 392.
Тао-чи-цза, д. 316.
Тапсучуръ, д. 173.
Таринъ-хото, грд. 113.
Таритъ, г. 498.
Тарлунъ, р. 426.
Тарсандо, грд. 282.
Тарцыричю, мѣстн. 283.
Тарчжилинъ, мон. 282.
Таръ, грд. 108.
Таръ-сы (Та-эрлъ-сы), мон. 210, 386.
Та-сы, мон. 170.
Та-сы-гу-сы, д. 172.
Та-тунъ-пинъ, р. 177.
Та-хе-коу (Да-хэй-гоу), р. 50.
Та-хе-хэ (Да-хэй-хэ), р. 50, 54.
Та-хо (Да-хэ, «Большая рѣка»), р. 324.
Та-хо-чжа, д. 177, 180.
Та-хуй-ши, д. 319.
Таценъ-голъ, Тацы, р. 482, 499, 512.
Тацэнъ-халай, мѣстн. 487.
Та-цзинь, д. 7.
Тацы см. Таценъ-голъ.
Та-чжао (Да-чжао «большой, главный монастырь»), мон. 37.
Та-чинъ-чанъ, сел. 323.
Та-чонъ-ба, д. 321.
Таша, д. 214.
Та-ша-хэ («больш. песчаная рѣка»), р. 10.
Таши-мергенъ-дабанъ, перев. 538.
Ташинахъ, д. 173.
Таши (бКра-Шис)-нойонъ-хутухту, дух. л. 522.
Та-ши-пу-ло, д. 335.
Та-ши-ту, пик. 273, 431—436, 443.
Ташкулъ, д. 171, 173—175.
Ташчилинъ, разв. 524.
Ташь-обанъ-голъ, р. 477.
Та-ю-коу, р. 248, 249.
Та-юнь-ѣ, д. 252, 253.
Та-янъ-ху, грд. 330.
Тебу, пл. 241—244, 246, 256.
Тебши, г. 504.
Тей-хо-дянь, мон. 20.
Текъ-табхуръ, г. 454.
Тели, р. 519.
Теменъ-гудзе, мѣстн. 506.
Теменъ-гунтенъ-урутъ, покол. 103.
Теменъ-хатанъ-норъ (Тэмэн-хадан-нор), оз. 75, 76.
Теменъ-хата, г. 76.
Темету, грд. 77, 108.
Темурчинъ, покол. 441.
Тенгъ, р. 415, 416.
Тендукъ, Тендухъ, мѣстн. 45, 106, 107, 120.
Терге, грд. 108.
Терменъ-голъ, р. 175.
Терминъ-башинъ, мѣстн. 62—65.
Терьга, д. 267, 393.
Теу-тей-коу, д. 304.
Техисъ, мѣстн. 531.
Тешинъ-голъ, р. 67, 69.
Тинзанъ, д. 173.
Тинъ-го, д. 272.
Тинъ-ілянъ, грд. 108.
Тинъ-са, ист. л. 209.
Ти-фанъ-чжинъ, д. 322.
Тоба, покол. 228.
Това, д. 172, 228.
Тоглохъ-тологой, г. 523.
Тоглохъ-тологоинъ-тала, дол. 523.
Того, г. 526, 527.
Тогонай-булыкъ, р. 76.
Тогонъ, нар. 349.
Тогонъ-суме, мон. 56.
Тоготу, мѣстн. 77.
Тогусъ-Чокту, лег. л. 123.
То-дзасыка хош. 521.
Тозанъ, д. 272, 393.
Той-коу, д. 49.
Тойтынъ-Цаганъ-норъ, оз. 524.
Тола, р. 532.
Тольби, р. 538.
Томба, ист. л. 390.
Тому, р. 532.
Тонкгоитъ, покол. 106.
Тончжу-лунва, р. 219, 220.
Тонъ-шанъ, д. 268.
Тоодынъ-Талатъ, покол. 103.
Тоорà-шянда, Тооранъ-шянды, мѣстн. 460, 478.
Тоотоинъ-торумъ, оз. 84.
Торва, д. 228.
Торгоутъ, покол. южныхъ монголовъ, 103.
Торгоуты, пл. 461—463.
Тосту, г. 466, 471, 473, 481, 483, 486, 488.
Тосу-хо, мѣстн. 58.
То-та, д. 139.
Тото-ченъ, грд. 56, 58.
То-тха, д. 139.
Тоусту, д. 70.
Тохтатогай, мѣстн. 74.
Тохто-хото, грд. 56, 108.
Тохча, д. 214.
То-цзасыкъ, хош. 512.
Тошю, г. 526.
Троицкосавскъ, грд. 540.
Тубутутъ, покол. 103.
Тугчжи-Шянбу-лаганъ (Т'угс-рЧже-Чжам-бай-хЛа-К'анъ), хр. 236.
Тугэ-торумъ, грд. 108.
Тудукъ-гонба, мон. 282.
Ту-жень, пл. 342.
Туй, Туинъ-голъ, р. 67, 494, 498, 499, 503, 504, 507—510, 513, 517.
Туинъ-хото, разв. 506.
Туйсунъ-сориччи, б. 286.
Тукулака, д. 216.
Тулай, р. 418, 453.
Тулюшъ, покол. 522.
Туметъ, покол. 106.
Тумоутъ, покол. 106.
Ту-мунъ-гуань, р. 170.
Тумуты, нар. 54, 55, 57, 106.
Тумучи, д. 397.
Тумянь-тубѣгань, покол. 106.
Тунагиръ, д. 240.
Тункаитъ, покол. 106.
Туппынъ, д. 341.
Тунъ-гуань (Дунъ-гуань), сел. 27.
Тунъ-дзе-чуань, д. 249.
Тунъ-коу, мѣстн. 321.
Туинъ-леу-шу, д. 26—28.
Тунъ-пей-коу (Дунъ-бэй-гоу?), д. 252, 253.
Тунъ-сянъ, мѣстн. 169, 334, 344, 345, 360.
Тунъ (Дунъ)- усту-чжао, мон. 52.
Тунъ-хо, р. 309—311.
Тунъ-цзай (чжай), оз. 316.
Тунъ-чжа-па (Т.-цзя-ба), д. 317, 319.
Тунъ-чо, д. 252, 253.
Тунъ-янъ, д. 310, 311.
Тупа, д. 173.
Тургенъ-муренъ, р. 34, 58.
Турукъ, р. 56.
Ту-фынъ, д. 457, 458.

Digitized by Google

Ту-хо, р. 250.
Туцзина, покол. 105.
Ту-ченъ, грд. 55, 60; д. 323.
Ту-чжа-па (Т.-цзя-ба), д. 319.
Тха-юнъ-сы, кум. 19.
Тхей-ши-шань, перев. 320.
Тхо-чанъ-пу, грд. 154.
Тху-хуа-ченъ, грд. 56, 58.
Тхя-лунъ-пу (Тѣ-лунъ-пу), д. 305, 306.
Ты-гымъ-пу, д. 450.
Ты-чинъ (Дай-цинъ, имя династіи), лег. л. 142.
Тэ-га-пу, д. 270.
Тэй-цзы-сань (шань), г. 170.
Тэнгріинъ-усу, р. 199.
Тэнгэ, д. 175.
Тэнгэри, пески. 95.
Тэнчжусъ-раншюнъ, святыня 333.
Тэръ, д. 341.
Тэ-тунгъ-голъ, р. 338; см. Да-тунъ-г.
Тэхисъ, мѣстн. 496.
Тюльбуръ, р. 532.
Тянь-ченъ-чинъ-цза, д. 139.
Тяо-цзы-юань, д. 320, 323.
Тяо-цуй, дол. 149, 151—153.

Убанъ-наръ, Убашинъ-наръ, д. 54.
Убса-норъ, оз. 100.
Убтенъ-дабанъ, Убтенъ-нуру, перев. 491, 493, 501.
Убугунъ-Майдаръ (Эбӱгӱн-Майдари, «Старикъ-Майдари»), мон. 67.
Убуръ-Кокшоту, р. 516.
Убуръ-нэре, р. 517.
Убуръ-Сару-Атучинъ, покол. 103.
Убуръ-Ухукъ, р. 516.
У-га-ма-джя, отд. нар. 441.
Угбту, мѣстн. 520.
Угулунъ, покол. 106.
Угэй-норъ, оз. 522—525.
Уджюмъ, мѣстн. 508, 505; кол. 482.
Удэ, мон. 100, 101.
Уйгурчинъ, покол. 103, 105.
Уйгутъ, покол. 103.
Уйратъ, покол. 441.
Уйшинъ, покол. 105, 106.
Укиръ-када, мѣстн. 434, 435.
Уку-бэлъ, Укувыль, Укубаль, мѣстн. 438, 444.
Укунь-шэнлу, покол. 106.
Укури, покол. 106.
Уланъ-булыкъ, мѣстн. 419, 421.
Уланъ-гоби, мѣстн. 460.
Уланъ-дабанъ, перев. 517, 518.
Уланъ-дакчжюръ, мѣстн. 471.
Уланъ-джаба, р. 75, 76.
Уланъ-муренъ, р. 62, 67, 68, 70, 72.
У-ланъ-мяо, кум. 23.
Уланъ-норъ, оз. 498, 499.
У-ланъ-сы, кум. 20, 25.
Уланъ-усу, мѣстн. 403, 405, 409.
Уланъ-хада, р. 67, 68, 519.
Уланъ-хадыктай, р. 529.
Уланъ-халыкъ, р. 519.
Уланъ-хошу, г. 523.
У-ланъ-чжанъ-чжу, мѣстн. 311.
Уланъ-чикынъ, мѣстн. 524.
Уланъ-шюрь, мѣстн. 436.
Уланъ-эргэ, мѣстн. 503.
Ули, хрб. 527.
У-ли-пу, д. 324.
Улу, покол. 105.
Улъ, р. 532.
Ульдзейту, р. 521, 530, 532.
Улюнгуръ, оз. 100.
Улясутай, грд. 42.
Улятъ, покол. 107.
Ундуръ-гэгэнъ, лег. л. 521, 537.
Ундуръ-янканъ, г. 438.
Унегеденъ-хара, г. 482.
Унтенъ-нуру, г. 532.
Уньчжа-голъ, р. 179, 180, 344.
Уньчжа-сюме, мон. 180, 187, 194, 211, 361.
Унюгутъ, г. 477.
Унюгоденъ-хара, г. 471, 477.
У-пинъ, д. 258—262, 264.
У-пинъ-хо, р. 12, 13, 14.
Ургa, грд. 42, 234.
Урадъ-Тангутъ, покол. 105.
Уранхытъ, покол. 103.
Ураты, покол. 105, 106.
Урджиба, хр. 212.
Урджюба-ндоганъ, хр. 236.
Урджянъ-рембучи, лег. л. 217.
Уроты, нар. 57.
Урту, р. 539.
Урту-Булыкъ, р. 527.
Урту-Тамиръ, р. 517—523.
Уртюмту, р. 512, 516.
Урунку, р. 141.
Уруньву (Лунъ-чи-хэ, р. «Драконово озеро»?), р. 210, 222, 224, 225, 227, 231, 344, 399.
Уруньву, Уруньву-гонча, мон. 222, 227, 386.
Урутъ, покол. 103.
Урюмъ, р. 532.
Усунъ-тала, г. 410.
Усутай-цзугубчи, р. 537.
У-тай, мѣстн. 12, 14, 15, 18—21, 25, 114.
У-тай-шань, хрб. 15, 25—27, 30, 141, 329.
Утанъ-чжао, мон. 58.
У-та-сы, У-тха-сы, мон. 37, 41, 119.
Ухугенъ-голъ, р. 516.
Ухыръ-ола, г. 119, 144.
Ухырь-чило (Укэр-чилагун-чилун), г. 479.
Уцзы-кугъ, р. 239, 240.
У-цзюнъ-пу (У-чжюнъ-пу), сел. 143.
У-чао, мѣстн. 49.
Учжинъ-чжалву, кн. 288.
У-ши-герь, д. 268.
Уши-гонпа, мон. 187, 361.
Ушинъ, хош. 102.
Ушинъ-суме, мон. 78.
Ушинъ-хоро, кн. ст. 74, 75, 77.
Ушинъ-чжао, Ушинъ-чжу, мон. 118, 119.
Ушчаи, д. 340.
Ушэнъ, покол. 105.
У-эинъ-бу (Вэй-юань-пу), грд. 204, 205, 345, 353, 354.
У-яо-цза, д. 30, 31.
Фай-пи-коу (Линь-цзянъ-хэ), р. 252.
Фанъ-де-коу, д. 11.
Фанъ-чжуанъ, д. 10.
Фанъ-шуй-цзя, д. 323.
Фань-ча-сы, кум. 20.
Фань-чжинъ-цза, д. 451.
Фань-чи-сянь, грд. 27.
Фань-шунь (Фанъ-шунь-цзю), д. 9.
Фей-дже-танъ, д. 272.
Форъ-ней, д. 319, 320, 323.
Фоу-пинъ-сянь, грд. 6, 10—12, 14.
Фу-дзя-пинъ, д. 29.
Фунь-дянъ, д. 314.
Фу-са-ѣ (Пу-са-янь?), мон. 170.
Фу-цзѣ-пинъ, д. 326, 327.
Фынъ-чжоу, грд. 44, 45.
Фынь-шань-линъ, перев. 315.

Хабтагай-дабанъ, г. 444.
Хабтагай-тоора, мѣстн. 465—467.
Хабцыленъ-затгай, мѣстн. 485.
Хабцылъ, мѣстн. 488.
Хагясъ, р. 532, 535.
Хаданъ-хошу, г. 478.
Хадамылъ, р. 58, 59.
Хаджирутъ, покол. 103.
Хайлясту, мѣстн. 58.
Хаирханъ, г. 518.
Хай-сунъ-тунъ-пу, д. 176.
Хай-ченъ (Хай-чэнъ, иначе Янь-чатинъ), грд. 152—155.
Ха-ла-зе, грд. 108.
Ха-ла-чжей, д. 314.
Халбинты, гг 490.
Халіучинъ, покол. 103.
Халюнъ, хреб. 533.
Халютенъ-голъ, р. 62, 78, 79.
Халютенъ-суме, мон. 78, 119.
Хами, грд. 42, 100, 356.
Хампа, д. 275.
Хамыренъ-суме, мон. 217.
Хангайскій хребетъ, 498.
Хангинъ, покол. 105, 106.
Хангинъ, хош. 76, 77, 102
Ханганъ-урутъ, покол. 103.
Хангылъ, р. 535.
Хантай, хрб. 532, 533.
Хануй, р. 532.
Ханъ-булыкъ, р. 426.
Ханъ-джи-лянъ, д. 56.
Ханъ-ту-ченъ, мѣстн. 107.
Ханъ-чжа-шенъ, д. 335.
Хань-чжа-чжи (Хань-цзя-цзи-ту-сы), д. 170.
Хань-чжунъ-фу, грд. 1, 243.
Хань-чуань-цза, д. 200, 202.
Ханэнъ-дабанъ, хрб. 535.
Хао-чи (Хао-цзи), д. 311.
Хара, р. 410, 411.
Хара-банди, лег. л. 442.
Хара-лунва, 410.
Хара-манглай-норъ, оз. 76, 77, 102.
Хара-муренъ, р. 434, 443.
Хара-нидунъ-хобиръ, мѣстн. 490.
Хара-норъ, оз. 100.
Харанутъ, покол. 103.
Хараръ-голъ, р. 436—438, 443.
Хара-сухай, мѣстн. 461, 463, 465, 471.

Digitized by Google

Хара-ула, хрб. 169, 170, 175, 177—179, 193, 196, 197, 200, 203, 227, 228.
Хара-усу, кол. 489; р. 60; оз. 497, 502.
Хара-хончинъ, перев. 533, 534.
Хара-хото, грд. 108.
Харачень, д. 34.
Харачинъ, покол. 103.
Харбанда, ист. л. 442.
Харбанъ-нига-гулма, отд. нар. 441, х.-табынъ—г., отд. нар. 441.
Харганай, дол. 119.
Харгантаннъ-суме, мон. 119.
Хар'герютъ, покол. 103.
Харджитай, р. 67, 70, 71.
Хари-ванъ, кн. 230.
Харліутъ, покол. 103.
Харнакъ, г. 438.
Харнутъ, покол. 103.
Хартай, грд. 108.
Хархатанъ, покол. 103.
Харъ-го-ба, д. 261.
Харьги, р. 406—409.
Харятъ, покол. 103.
Хасы-гунъ, мѣстн. 174.
Хатагурутъ, покол. 103.
Хата-сумунъ, г. 460.
Хата-теменъ-норъ, оз. 62.
Хата-хапрханъ, мѣстн. 460.
Хатачинъ, покол. 103.
Ха-тей-цзы, д. 324.
Хаткэй, покол. 103.
Хатыгинэръ, покол. 103, 104.
Хатыгытъ, покол. 104, 117, 132.
Хатычинеръ, покол. 103, 104.
Ха-ши-гу, д. 268, 269.
Ха-ши-тунъ, дер. 268.
Ха-ши-чжанъ, д. 268, 269.
Хентэ, г. 523.
Херентъ, покол. 103, 104.
Херетъ, покол. 103.
Хи-мей-коу, д. 312.
Хиренгъ, покол. 103, 104, 106.
Хиритъ, покол. 104.
Хитынъ-маниту, хрб. 533.
Хобдо, грд. 42; р. 497.
Хогъ-гандзе, страна 283.
Хогъ-чжангу, страна 283.
Ходзугуръ-хапрханъ, г. 529.
Хо-цзя-пу-де-хоу, р. 154, 155.
Хонръ-тоора, мѣстн. 460.
Хонръ-хайласъ, мѣстн. 503, 505.
Хой-сунъ-танъ, д. 272.
Хой-сянь, грд. 49, 325.
Хойту-Тамиръ, р. 516, 521—523.
Хойту-тологой-чжао, мон. 119.
Хой-хой-фанъ-цза, д. 139, 140.
Хой-шуй, р. 447.
Хо-коу, д. 316.
Холэнъ-булыкъ, р. 76.
Хольбольджинъ, оз. 499, 531.
Хо-лянъ-шу, д. 317.
Хонгоръ-кокшѳ, г. 483.
Хонгучу-Гуюту, мѣстн. 460.
Хонжимъ (Хоншим), д. 54.
Хоничутъ, покол. 103.
Хонто-голъ, р. 197.
Хонтонъ, р. 284, 285, 287, 290, 291, 298, 300, 301.
Хонутъ, покол. 103.
Хонъ-ту-по, д. 311, 314.
Хонъ-чжа-пу (Х.-цзя-пу), д. 322, 334.
Хорія, покол. 105.
Хороха-обо, мѣстн. 78.
Хорхо-голъ, мѣстн. 57.
Хорчинъ-Хоинъ, покол. 105.
Хоръ-банда-чжи, лег. л. 442.
Хоръ-банди, лег. л. 442.
Хоръ-Гусеръ-чжаву, лег. л. 442.
Хоръ-кандзе, мѣстн. 283.
Хоръ-Кусэръ-чжаву, лег. л. 442.
Хоръ-чжангу, мѣстн. 283.
Хоръ-чичекъ-чжабу, кн. 283.
Хотанъ, грд. 100.
Хоттунъ-суутылъ, г. 490.
Хотунъ-хошу (Ху-дань-хо-шо), Хутаинъ-хошо, мѣстн. 47, 56—58, 60, 62, 63, 67, 69, 167.
Хо-ту-сы (Хэ-чжоу-вэй-ту-сы), мон. 170.
Хоцу, г. 498, 501.
Хо-чжа-па (Х.-цзя-ба), д. 324.
Хо-чжа-пу (Х.-цзя-пу), д. 334.
Хо-чжа-тунъ, д. 10.
Хо-чжа-хэ, д. 340.
Хо (Хэ)- чжоу, грд. 327, 334.
Хритъ, покол. 104.
Хсанъ, р. 431—435, 443.
Хуа-ма-ченъ, грд. 62, 86, 96, 108, 137, 138, 146.
Хуа-ма-чи, оз. 86, 146.
Хуанъ-лао-сы, мѣстн. 286, 296.
Хуанъ-пинъ-гоу, мѣстн. 417.
Хуанъ-суй-гоу, р. 145.
Хуанъ-ту-лынъ, д. 311.
Хуанъ-фань, нар. 345, 440.
Хуанъ-хуа-лынъ, д. 29, 30.
Хуанъ-хэ, р. 57, 63, 65, 157, 158, 163, 168, 171, 172, 175, 188, 333—335, 338—340.
Хуанъ-ча-яо-цза, д. 32.
Хуанъ-чжа-па (Х.-цзя-ба), д. 324.
Хуари, нар. 354.
Хуа-ченъ-цзя, д. 449, 450.
Ху-ба, д. 49.
Ху-гуа-сы, кум. 20.
Худжи, р. 537.
Хуиндзугъ-лаганъ, хр. 236.
Хуй-шу-гуань, р. 170.
Ху-коу, д. 314.
Хукубэлъ, мѣстн. 438; см. Укубэлъ.
Ху-ланъ-го, р. 201.
Хуланъ-илги, мѣстн. 525.
Ху-ланъ-сы, д. 196.
Ху-ланъ-ти-зы, д. 197.
Ху-ланъ-чиръ, д. 196, 198.
Хуланъ-юнцзунъ, мѣстн. 217.
Ху-ла-чи-коу, р. 204.
Хунъ-лонъ-сы, мѣстн. 284, 286.
Хунъ-най-гуань, заст. 303.
Хунъ-най-цзы, мѣстн. 443.
Хунъ-нэй-ку, д. 272, 273.
Хунъ-хэ (Хунь-хэ), р. 7.
Хунъ-чжо-сы, д. 230.
Хунъ-ченъ, грд. 108.
Хунъ-чу-сы, кум. 20.
Хунъ-шуй-тянъ-цза, д. 201.
Хунъ-янъ-тунъ (Хунъ-янъ-дунь), д. 140.
Хунь-донъ-сы, д. 172, 173.
Хунь-хуа-сы, д. 386.
Хурай-цзугубчи, р. 537.
Хурладыгъ, покол. 103.
Хурунгутъ, покол. 441, 442.
Хуршіутъ, мѣстн. 482.
Хуршютъ, г. 477.
Хурюмту, р. 532.
Хустенъ-дабанъ, 491.
Хутанъ-хошо см. Хотунъ-хошу.
Ху-то-хэ, р. 12, 14, 15, 25—28, 30, 329.
Хуухюнъ-котель, горн. прох. 502, 513.
Хухубэлъ, г. 444; см. Укубэлъ.
Хуху-норъ, оз. 209, 214, 330, 405—408.
Хуху-суменай-нуру, хрб. 520.
Хуху-тохой, р. 71.
Хуху-хото, грд. 36, 46, 107, 119.
Ху-янъ-пу(Хунъ-янъ-пу), д. 146, 147.
Хэ-вань-чже-ца, д. 148, 150.
Хэй-ма-ца, д. 162.
Хэ-инъ, дол. 167.
Хэй-хо, р. 393, 414, 416, 446, 447, 449—451, 457, 464.
Хэй-хо-танъ, д. 270.
Хэй-хэ, р. 60, 256, 270—274, 276, 280, 282.
Хэй-шуй-гоу, р. 256.
Хэй-шуй-цзянъ, р. 312—319.
Хэ-коу, грд. 56—58, 108.
Хэнъ-хэ, р. 10, 11.
Хэрбэндэ, лег. л. 442.
Хэрсынъ, г. 525.
Хэ-суй, д. 49.
Хэ-ченъ, д. 97, 449—450, 453.
Хэ-чжоу, грд. 167, 169—171, 179, 241, 245, 320, 363.
Хэ-ю-дунъ, мѣстн. 439.

Цагадъ, покол. 105.
Цаганъ-Баргунъ, нар. 498.
Цаганъ-богдо, г. 480.
Цаганъ-бурюкъ, мѣстн. 458, 459.
Цаганъ-курень, д 67.
Цаганъ-Манти, р. 514.
Цаганъ-субурганъ, мон. 463.
Цаганъ-тологой, кол. 489, 490.
Цайдеминъ-суме, мон. 119.
Цайдеминъ-чжао, мон. 63, 64.
Цайлимъ, мѣстн. 478.
Цай-чжа-хо, 162, 163.
Цакъ-гонба, мон. 283.
Цамниро, д. 275.
Цани, р. 227.
Цанту, г. 525.
Цанту-гонба, мон. 282.
Цао-ди-гу, р. 314.
Цао-чанъ, д. 151—153.
Цапи, р. 227.
Ца-пу, д. 340.
Ца-фаръ (Ча-фанъ-эрлъ), д. 26.
Ца-цзанъ-сы, мѣстн. 403.
Цацынъ-гонпа, мѣстн. 403.
Цей-сы, грд. 84.
Цзагенъ-усу, кол. 501.

Digitized by Google

Цзагинъ-худукъ, мѣстн. 460.
Цзагынъ-Чаганъ-голъ, р. 427.
Цзай-цза-гоу, р. 401, 404.
Цзамынъ-шаньда, ключъ, 527.
Цзао-ли-пинъ, д. 313.
Цзао-ли-тьенъ, д. 313.
Цзапачуни, б. 281.
Цзармынъ, мѣстн. 460.
Цзаху, мѣстн. 460.
Цзаҳэ-Шари-хулусунъ, мѣстн. 467.
Цзая-пандита-хутухту, дух. л. 521.
Цзинъ-цзи-пу (Цзинь-цзи—собраніе золота—пу), грд. 141, 143—147, 151.
Цзинъ-цзянъ, р. 250.
Цзинь-фо-сы, мон. 418.
Цзинь-юань (Цзинъ-юань-сянь), грд. 152, 157, 159, 160, 162, 167, 169, 334, 335; д. 300, 301.
Цзипу, покол. 106.
Цзирматай, р. 523, 524.
Цзо-дабанъ, перев. 418.
Цзонка, р. 210.
Цзонкава, ист. л. 210 — 212, 280, 281, 361, 387, 390, 391, 396.
Цзохуль-чайдамъ, мѣстн. 78.
Цзу-модонъ, мѣстн. 460.
Цзунъ-гэ, р. 349; грд. 349.
Цзунъ-тай (Чжунъ-тай), г. 15.
Цзуулгана, р. 460, 482—485, 495.
Цзу-цзунъ-танъ, д. 272.
Цзу-ши, б. 363, 364.
Цзѣ-чжоу, грд. 250, 252, 262, 263, 312, 316—318, 321, 322.
Цзюй-ма-хэ, р. 8.
Цзюнка, д. 271, 272.
Цзя-линъ-цзянъ, р. 312, 318.
Цзянъ-цзя-коу (Чжанъ-цзя-коу), грд. 57.
Цинъ-ка-цзо, мостъ 48.
Цинъ-шуй-хэ, р. 14, 15, 25, 152.
Цинь-хо, р. 152.
Цинь-чуань (Цинъ-чуань-со), д. 309, 310.
Циру, д. 341.
Цицирликъ, р. 520—522, 528.
Цомцо, г. 482—486, 489.
Цомцокъ, усыпальница 122.
Цончжинъ-цзагдулъ, мѣстн. 465, 466, 468.
Цоу-вей-сянь (Цза-вэй-сянь), грд. 31.
Цсхаша, мон. 225.
Цу-ли-хо, р. 152.
Цунъ-дянь, мѣстн. 60.
Цунъ-ченъ (Чжунъ-чэнъ), д. 55.
Цунъ-чжуанъ, д. 161.
Цунъ-чжуанъ-цза, д. 159, 160.
Цхай-лоу-чи, д. 64.
Цхей-цзы, д. 322.
Цхый-чжа-хо, д. 162.
Цыкэй, р. 216, 217.
Цѣй-чжа-вань, д. 317.
Цѣ-хо-цза, д. 320.
Цэнкугъ, р. 403—405.
Цэртэнъ, Цэтэръ, пер. 409, 410.
Цэцэнъ-вана хош. 520, 521.
Цяй-шинъ-мяо (Цай-шэнь-мяо), кум. 37.
Чабри, пл. 243.
Чабрыгъ, хрб. 241.
Ча-бэйсы, Ча-вэйсы, кн. тит. 522.
Чага, д. 173.
Чагантасы, д. 173.
Чаганъ-балгасунъ, мѣстн. 107.
Чаганъ-гершгъ, покол. 103.
Чаганъ-голъ, р. 403, 427.
Чаганъ-курень, сел. 59.
Чаганъ-монголъ, пл. 342.
Чаганъ-норъ, оз. 68, 71, 72, 74—76.
Чаганъ-субурга, мѣстн. 133.
Чаганъ-субурганъ, грд. 108.
Чаганъ-торумъ, оз. 84.
Чаганъ-тохой, мѣстн. 458.
Чаганъ-тэтэрь, покол. 103.
Чаганъ-чилоту, г. 77.
Чагдуръ бэйсы, хош. 521.
Чаго, д. 263, 264.
Чагола, г. 264—266, 269, 297.
Чагонъ, д. 262, 264, 315.
Чагрысы, покол. 280.
Чагризи (сЧжань-рей-гЗигс), б. 390.
Чагрынъ-голъ, р. 414.
Чай-мынь-гуань, д. 314.
Чакыръ-гонпа, мон. 228.
Чанбанъ, покол. 441.
Чангилака, д. 226.
Чанъ-ань, грд. 199, 263, 348.
Чанъ-ли-тянъ-цза, д. 205.
Чанъ-ту-гуань, д. 322.
Чанъ-фа-сы, кум. 20.
Чао-джунъ-фынъ, могил. 50, 51.
Чао-ло-баръ, д. 310, 311.
Чао-цзу, д. 267.
Ча-су-чи, д. 58.
Ча-фанъ, д. 26.
Чахары, покол. 106, 107.
Чачанъ-лунва, р. 222.
Ча-чжи-инъ-цза, д. 50.
Че-лу-коу, д. 148—151.
Ченъ-тинъ, грд. 108.
Ченъ-ту, грд. 305.
Ченъ-фи-хо, р. 222.
Ченъ-юань, д. 303, 304.
Чень-чуань, мѣстн. 107, 108.
Чербо-хэ, р. 34.
Черченъ, грд. 100.
Чеу-чи, г. 243.
Чецза, д. 175.
Чжагыръ-пейцзунъ, мѣстн. 217.
Чжаикъ, д. 341.
Чжайсанъ-галчи-норъ, оз. 71.
Чжай-хай-пу, грд. 400, 401.
Чжала-чжалву, кн. 282.
Чжамуну-чю, р. 279, 280.
Чжамхакъ, р. 67, 72, 121.
Чжамышка, р. 419.
Чжанджа, р. 227.
Чжа-ни-коу, мѣстн. 301, 303.
Чжанла, грд. 273, 275, 279, 280, 284, 285.
Чжанъ-чжа-вань (Цзянъ-цзя-вань), д. 316.
Чжанъ-чжа-сы, д. 197.
Чжанъ-чжа-хо, р. 325.
Чжанъ-чжя-коу, мѣстн. 301, 303.
Чжаргынт-суме, мон. 119.
Чжасыгенъ-чайдамъ, ур. 74.
Чжатунчи, д. 397.
Чжахань-дзе-гэгэнъ, дух. л. 512.
Чжахаръ, покол. 103.
Чжахоръ, пл. 343.
Чжахури, пл. 343.
Чжа-чжа-ку, пикетъ 273—275.
Чжа-чю, р. 443.
Чжаянъ-чжацпа-сэнъ, дух. л. 230, 231.
Чжень-фань, грд. 473.
Чжи-во-вань, горн. пр. 171.
Чжилона-гонба, мон. 282.
Чжинсетей-дабанъ, перев. 538.
Чжинъ-та-сы (Цзинь-та-сы, «кумирня съ золотой башней»—пу) 453, 454, 465.
Чжинъ-янъ-линъ, Чжинъ-яо-линъ, перев. 417.
Чжо-бали, мѣстн. 60.
Чжорджи, мон. 58.
Чжорчжинъ-чжао, мон. 56.
Чжо-чжоу, д. 7, 8.
Чжуанъ-фый-ё, мѣстн. 417.
Чжули, покол. 106.
Чжунъ-вэй, грд. 95, 108, 156, 159.
Чжунъ-тинъ-хэ, р. 6.
Чжунъ-чжа, д. 272.
Чжунъ-чжянъ, р. 250.
Чжунь-норъ, оз. 525.
Чжынъ-нань-сань (Чжэнъ-нань-шань «гора прямо на югъ»), г. 158.
Чжю-цзѣй-цза, д. 259.
Чжянъ-хай-пу (Чжэнь-хай-инъ), д. 400, 401.
Чжя-чжя-коу, сел. 10, 11.
Чи-вана хурень, 531; хош. 531.
рЧика (напечат. Рчика), грд. 219.
Чи-ли-сань (Ци-ли-шань, «гора въ 7 ли»), д. 324.
Чи-ли-сы, д. 197.
Чи-ли-цза, д. 320.
Чи-лу-гоу, д. 161.
Чилунъ-гонба, мон. 282.
Чи-лю-танъ, д. 91.
Чи-мынь-гуань, д. 311, 312.
Чинакъ, д. 223.
Чингиль, р. 532, 535.
Чингисъ-урутъ, покол. 103.
Чингисъ-ханъ, ист. л. 198.
Чинъ-ганъ-пу (Цзинь-ганъ-ку), д. 14.
Чинъ-гыръ, д. 312, 313.
Чинъ-янъ, д. 152.
Чинъ-пинъ (Цинъ-пинъ-и), д. 329, 330.
Чинъ-сучжикту-номохонъ-гэгэнъ, дух. л. 511, 512.
Чинъ-цзуй, д. 320.
Чинъ-чжа-мынъ, д. 326.
Чинъ-чжа-сань, д. 31, 32.
Чинъ-чи-тай, д. 324.
Чинъ-чуань, д. 309.
Чинъ (Цинъ)-шуй, р. 317.
Чинъ-шуй-ня, д. 315.
Чинъ (Цинъ)-шуй-цзянъ, р. 323.
Чи-нья-ли, дер. 11.
Чиру, д. 240.
Чи-тай, р. 171.
Чи-тай-пу (Ци-тай-пу), грд. 172.
Чи-ту-сы, кн. тит. 209, 351.

Digitized by Google

Чи-тха-сы, кум. 142.
Чи-фу (Янъ-тай), грд. 3.
Чиченъ-когъ, мѣстн. 282.
Чи-чжа (цзя), покол. 351; д. 179, 187, 344.
Чи-чжа-лакка, покол. 351.
Чичжалинъ, мон. 282.
Чи-чжа-па (Ч.-цзя-ба), д. 321, 322.
Чичиргана, р. 67, 69, 71.
Чи-янъ-чжа, лег. л. 328.
Чіѣ (Чи?)-шуй-хо, р. 54.
Чойджи-тонъ-рембучи, ист. л. 387.
Чомпынъ-чайдамъ, ур. 84.
Чомчокъ, усыпальница 122.
Чомчомъ, Чомчонъ, д. 178—180, 189, 344.
Чоо-гонба, мон. 283.
Чо-ту, д. 267.
Чоу-то-па, д. 316.
Чо-чжинъ-фынъ, мог. 50.
Чуань-коу, грд. 196, 198—200, 203, 204, 348, 349.
Чу-дза-ю, д. 10.
Чуй-зынъ, Чуйцзанъ, Чэйбсэнъ, мон. 210, 242, 243, 386.
Чука-чжони, б. 281.
Чуксэй-чжалву, кн. тит. 282, 283.
Чумбу, страна 283.
Чунжу, д. 213.
Чунсѣ, покол. 441.
Чунъ-цинъ-фу, грд. 312.
Чунъ-чинъ, грд. 312.
Чуньчжа, р. 213, 215, 216.
Чу-ню-цзянъ (Чи-ню-цзянъ), р. 318—326.
Чу-хо, р. 310, 311.
Чу-чжа, д. 182.
Чхань-нэнъ (Чанъ-ань), грд. 263.
Чхынъ-чже-вань, Чхынь-чже-чэнъ, д. 155, 156.
Чшаши-тейгъ, г. 404.
Чэбэликъ, р. 443.
Чэйбсэнъ см. Чуйзынъ.
Чэнрэзи (сЧжань-рей-гЗигс), б. 282.
Чэнъ-ту-фу (Чэнъ-ду-фу), грд. 282.
Чюнъ-чжа-вань (Цзянъ-цзя-вань), д. 316.
Чяо-мяо-цзы (Цяо-мяо-цзы?), д. 320.
Чяу-ченъ (Да-цзяо-чанъ?), грд. 13.

Ша-го (Ша-хэ?), пески 95.
Шалахото, грд. 407.
Шаманскій камень, 201.
Шансы-гунъ, мѣстн. 174.
Шантай, д. 340.
Шанхай, г. 503.
Шанхай-цзамъ, дор. 503.
Шанъ-данъ, д. 199.
Шанъ-па-ли, д. 323.
Шань, д. 375, 376, 378.
Шань-дай, р. 60.
Шань-ку, д. 320.
Шань-сюань, д. 332, 339.
Шань-тай-цзы, д. 272.
Шао-дянь-танъ, д. 163.
Шара-дзу («Желтый монастырь»), мон. 119.
Шара-нюдугъ, покол. 103.
Шара-усуней-тала, дол. 523.
Шара-хада, хрб. 504.
Шаргольджутъ, Шоргольджутъ, р. 503, 504, 506, 509, 513, 525.
Шарн-котель, перев. 516.
Шари-хулусунъ, кол. 467, 468.
Шарь-булунъ, р. 477.
Шарь-бурдо, оз. въ Ордосѣ 62, 75; оз. въ сѣв. Монг. 499.
Шарьга-мориту, г. 476.
Ша-ху-коу («Проходъ убитаго тигра»), д. 32, 60.
Ша-хэ, р. 10—12; д. въ Шань-си 26—28; въ Принаньшаньѣ 445—447, 497.
Шачжинъ-тохой, мѣстн. 49.
Ше-ма-та, д. 162.
Шенри, г. 221, 222.
Шенъ-мо, грд. 77, 103, 108.
Шенъ-на-бе, д. 330.
Ше-пу, д. 267, 268, 283.
Шибиртай, хрб. 527, 529.
Шибиръ-чайдамъ, мѣстн. 78.
Шибортай, хрб. 527.
Шиботенъ-дабанъ, перев. 535.
Шиботу, р. 535, 536.
Ши-бо-ченъ (Ши-пу-чжэнь), д. 324, 325.
Ши-вань-мяо (Ши-ванъ-мяо), кум. 37, 565.
Ши-гоу-и, д. 138, 145, 146.
Шигьша, р. 239.
Ши-и-га-ма-джа, отд. нар. 441.
Шикча, Шукчжа, р. 427.
Шикча-амни, хрб. 240, 241.
Ши-ла-гу, Ши-ла-гуръ, мѣстн. 442.
Ши-ли-пу, д. 322, 324.
Ши-ли-сы, д. 197.
Шилтынъ-урутъ, покол. 103.
Ши-луръ, д. 197.
Ши-лурь-ся, мѣстн. 222.
Ши-ма-дянъ, д. 320.
Ши-мынъ, д. 317.
Ши-на-чжуань, д. 252, 253.
Шинду-чунчжа, д. 341.
Шине-суме («Новый храмъ, монастырь»), мон. 67, 119.
Шине-чжао, мон. 119.
Шине-чжу, мон. 133.
Шинъ-гоу (Шэнь-гоу), д. 97, 450.
Шинъ-ся-норъ, оз. 177, 362.
Шинъ-ту-сы, кн. 351.
Шинъ-чжа, д. 182.
Шинъ-чжа-вань, д. 320.
Шинъ-чжа-мынъ, Шинъ-чжа-мыръ, д. 326, 327.
Шинъ-чжа-юѣ, д. 252.
Шинъ-чжи-хо, д. 319, 320.
Шинъ-шунъ-сы, кум. 18.
Шинэ-сумэ, мон. 67, 79.
Ши-ня, д. 199.
Шира-байсинъ, грд. 108.
Шираголъ, мѣстн. 442.
Шира-джони-манха, пески 91.
Шира-егуры, нар. 345, 443.
Шира-теме-суме, мон. 119.
Ширету-чжао, мон. 37, 38, 40, 41.
Широнголы, Широнголъ-монголы, нар. 180, 169, 343, 350, 351.
Ширъ, г. 522, 523.
Ширэ, г. 526.
Ши-сань-ли, д. 7.
Ши-ся-коу, дол. 33.
Ши-у-га-ма-джа, отд. нар. 426, 441.
Ши-у-ли-пу, д. 447, 449.
Шихба-ртомба, б. 324.
Ши-хо, р. 333, 339.
Шихпачю, р. 435.
Ши-ху-шань, хрб. 27, 28.
Ши-хэ, д. 171, 173, 178.
Ши-цзуйръ, д. 205.
Ши-цзы-лу, д. 151.
Ши-цуй-цза, грд. въ Ордосѣ 108; д. въ Шань-си 14.
Ши-чжа-пу (Ш.-цзя-пу), д. 301, 303, 304, 307.
Ши-чжи-коу, р. 151, 153—156.
Ши-чжя-гуань (Ши-цзя-гуань) д. 321, 322.
Шоданураъ, покол. 103.
Шодынъ, мѣстн. 460.
Шонъ-пынъ, д. 226, 394.
Шонъ-чи, д. 170, 171.
Шо-пи-нъ-фу, грд. 29, 32.
Шоргольджутъ см. Шаргольджутъ.
Шоръ-голъ, р. 67.
Шо-фанъ, страна 107.
Шо-ху-коу, р. 67.
Шо-цзы-па, д. 321, 322.
Шуанъ-ченъ-цза, д. 152.
Шуанъ-чжинъ-цза (Шуанъ-цзинъ), д. 450—453.
Шуй-гуань-чжа-цзы, заст. 436.
Шуй-лэнъ-дунъ, Шуй-лянъ-дунъ, пещ. 210, 334, 337, 338, 377.
Шуй-мо-гоу, р. 204.
Шуй-мо-гу, р. 205.
Шуй-мо-чуань, р. 447.
Шуй-чжинъ-пу (Шуй-цзинь-пу), д. 305, 306.
Шуй-чжинъ-чжа, д. 305, 306.
Шуй-янъ-ченъ (Шу-янъ—зрѣлый баранъ—чэнъ), д. 328, 329.
Шукчжа, Шикчжа, р. 427.
Шулунъ, мѣстн. 479.
Шулюстенъ-булыкъ, мѣстн. 454.
Шу-нянъ-сы, кум. 20.
Шухэнъ-голъ, р. 69.
Шу-юань-хо, д. 329.
Шэригъ-голъ, р. 444.
Шюа-шуй-хо, д. 322.
Шюбугуръ, мѣстн. 465, 466, 468, 473, 475.
Шюнга-джанкуръ, р. 242.
Шюнцогъ-гонба, мон. 283.
Шюнъ-данъ-сянъ (Сюнъ-дэ-сянъ; близь него Хэнъ-дань-сянъ), д. 313, 314.
Шямучи, мон. 221.
Шямыръ, б. 281.
Шяна, д. 376, 378.
Шянба (Чжамба), б. 336.
Шянба-бумлынъ, мон. 335.
Шянба-лончжа, б. 194.
Шянъ-ху, д. 401.
Шянъ-чжинъ-сы, мон. 170.
Шяпу-гонба, мон. 283.
Шяра-сари, мѣстн. 460.
Шяра-хулусутай, мѣстн. 460.

Digitized by Google

Шяртэнъ-лаганъ, хр. 235.
Шяръ-хубъ, мѣстн. 459.
Шя-чунъ-сы, мон. 193, 210, 213, 216, 231, 332, 340, 341, 361, 386, 387.

Ѣ-ма-чуань, дол. 414, 415, 417, 454.
Ѣ-нью-коу, дол. 431.
Ѣ-нью-хо, р. 417.
Ѣ-ху-линъ, мѣстн. 146.
Ѣ-ху-цяо (Ѣ-ху-цзо «мостъ дикой лисицы»), д. 248, 249, 256.
Ѣ-чжа-па (Ѣ-цзя-ба), д. 320.

Эби-норъ, оз. 100.
Эдереngъ-Седереngъ, г. 460.
Эдзинъ-голъ, р. 434.
Эмельчутъ, покол. 103.
Эрге-хара-бурюкъ, разв. 464.
Эргылынъ-хорынъ, Эргэлынъ-хронъ, мѣстн. 419.
Эрдени-пандита-хутухту, дух. л. 511.
Эрдени-худукъ, кол. 525, 526.
Эрдени-цзу, мон. 521, 522, 525.
Эренъ-гомбо-гуна хош. 521.
Эрке-хара-бурюкъ, разв. грд. 513.
Эркэ-та-бэйли (да-бэйлэ), кн. тит. 403, 405.
Эрръ-ланъ-ба, д. 321, 322.
Эрръ-ли-панъ, д. 28.
Эрръ-фо-сы, разв. 418.
Эрхитенъ-хитъ, разв. 510.
Эрци-гету, мѣстн. 60.
Эрчжа, мѣстн. 458.
Эрши-цзы («Двадцать семействъ»), д. 55, 60.
Эхиней-кобыръ, дол. 525.
Эцзина, грд. 476, 513.

Ювень-гомба, мон. 283.
Югрукъ, р. 426.
Юджагыръ, д. 173, 175, 176.
Юй-линъ, грд. 77, 91, 108.
Юй-линъ-гуань (Юй-лэй-гуань), д. 313, 317.
Юй-шу-хао, д. 70, 71.
Ю-лонъ-чжуанъ, д. 339.
Юлтургай, грд. 108.
Юмагыль, д. 173.
Ю-нань-ченъ (Юнъ-ань-инъ), грд. 414, 417.
Юнгорцуй, мѣстн. 202.
Юнча-ртерка-гомба, мон. 283.
Юнчжунъ-рему-гомба, мон. 283.
Юнчунъ-тарджиль, мон. 274.
Юнша, покол. 407.
Юнъ-гу-ченъ (Юнъ-гу-чэнъ), грд. 417.
Юнъ-хуа-танъ, д. 272.
Юнъ-цзуй, мѣстн. 333.
Юнъ-чжао-сы, кум. 18.
Юнъ-чжунъ, грд. 45.
Юсунъ-сульдэ-тэнгиръ, б. 130.
Ю-хао-сы, кум. 20.
Ю-хуа-мяо, кум. 22.
Юцза, перев. 513.
Ю-чженъ, д. 313.

Явра, г. 478.
Яглакъ, покол. 441, 442.
Язы-базыръ, грд. 173.
Я-ли-сань (шань), перев. 250, 252.
Яматы, р. 517, 518.
Ямбу, мон. 256.
Ямынь-пулаги, мѣстн. 403.
Янгуръ-ченъ, д. 197.
Янгыкъ, покол. 103.
Янканъ, перев. 444.
Янъ, покол. 243.
Янъ-ву-ланъ, лег. л. 172.
Янъ-горъ-тай-цзы, д. 205.
Янъ-го-сянь, д. 330.
Янъ-го-цюй, г. 333.
Янъ-гуань, д. 320.
Янъ-дже-най-вань, д. 152, 153, 156, 157.
Янъ-дзи-ча, д. 270.
Янъ-и, ист. л. 243.
Ян-коу-ванъ, д. 34.
Янъ-коу-яо-цза, д. 33.
Янъ-мао-сэу, ист. л. 243.
Янъ-мынь-гуань (Янь-мынь-гуань), заст. 28, 29.
Янъ-сюань, ист. л. 243.
Янъ-сэръ-пу, д. 157.
Янъ-танъ, д. 268.
Янъ-танъ-мяо, кум. 316.
Янъ-танъ-хо-коу, р. 315, 316.
Янъ-танъ-цзяй, д. 316.
Янъ-танъ-чи, оз. 316.
Янъ-танъ-ѣ, б. 316.
Янъ-та-цзы, д. 449.
Янъ-ту-сы, кн. тит. 243, 244, 250, 267.
Янъ-фуа, д. 11.
Янъ-фэй-лунь, ист. л. 243.
Янъ-цань-вань, ист. л. 243.
Янъ-цзюй, ист. л. 243.
Янъ-ча-тинъ (Янь-ча-тинъ), грд. 155.
Янъ-чжа-танъ, мѣстн. 403.
Янъ-чжя-най-вань, д. 156, 157.
Янъ-чу-хэ, р. 316.
Янъ-чянъ (чанъ)-шуй, р. 417.
Янь-чжа-тай-цзы, мѣстн. 59.
Янь-чи, оз. 450, 451, 453.
Янь-шень-мяо, кум. 161.
Яо-цзе-коу, д. 49.
Яо-янъ-дунъ, 447.
Я-на (ба), д. 252.
Ярбага, г. 478.
Яру-цзампо (гЦзанъ-бо), р. 228, 282.
Я-цзы-чу, мѣстн. 446.
Яшильта, г. 522.
Яютенъ-гомба, мон. 283.

Ara, мѣстн. 243.

Barou-taba-djao, мон. 58.

Cara-palassou, мѣстн. 57.
Chahan-subarghan, мѣстн. 57.
Chanhun-tolohai, 57.
Chara-oussou, мѣстн. 57.
Chen yuan, д. 301.
Chusang, мѣстн. 242.

Eche, мѣстн. 477.
Edereng sedereng, мѣстн. 477.

Hara-hojo, мѣстн. 57.
Hatamel, р. 58.
Hia-pow, мѣстн. 57.
Hincan-dabahan, мѣстн. 57.
Homa-pan-chan, мѣстн. 58.
Hoohou-erghi, мѣстн. 57.
Horhohol, мѣстн. 57.
Houloustou, мѣстн. 57.
Houtan hojo, перевозъ 47, 57.
Hsiao ho ying, д. 304.
Hung ngai kuan, д. 299.

Imatu, мѣстн. 57.

Jarba, мѣстн. 243.
Jeh t'ang, д. 305.

Ka-ta-pa, д. 306.
Khailasté, мѣстн. 58.
Korlung, мѣстн. 243.
Kortchout, г. 471, 477.
Kouendoulen, мѣстн. 57.
Kou-yen, мѣстн. 58.
Kuangyi, д. 310.
Kucheng, д, 310.
Kuentilien, 58.
Kungbung, мѣстн. 242.
Ku-shui-tshvan, мѣстн. 152.

Lotoheye, мѣстн. 57.
Lysou, д. 57.

Maétar-tchiao, мѣстн. 58.
Man-tou, хрб. 27.
Margniu, мѣстн. 243.
Meila boulak, мѣстн. 477.
Merghen-gol, р. 58.
Mohaitou, мѣстн. 57.

Nalin keon, мѣстн. 57.
Ngabe, мѣстн. 242.
Noyenkhara, г. 477.

Ontiin cajan, д. 56, 57.
Orakaikorako, мѣстн. 286.
Oroi-poulac, мѣстн. 57.

Paroncol, мѣстн. 57.
Pindjou-haé, мѣстн. 58.
Pitchitchy, д. 59.
Pitjatje, д. 59.
Pou-rastai, мѣстн. 57.

Samblo, мѣстн. 243.
Sannechan, мѣстн. 57.
Sarigh-aighur, мѣстн. 443.
Schertzie, д. 59.
Shui chin chan, д. 306.

Digitized by Google

Si-pa, мѣстн. 58.
Ssartsi, мѣстн. 59.
Sung fang ho, p. 299.
Sunggiu, мѣстн. 243.

Tapan san, хрб, 96.
Tarhan-cajan, д. 56, 57.
Tariong, мѣстн. 243.
Tchagan kouren, мѣстн. 58, 59.
Tchahan-poulac, мѣстн. 57.
Tchang kouren, 59.
Tchnoha, мѣстн. 57.
Tchortchi, мон. 58.
Tebo, мон. 242.
Temegetu, грд. 108.
Thaé-keun-pou, д. 58.
Thémé-hata-noor, оз. 76.
Thoshou, мѣстн. 59.
Tieh lung kuan, д. 306.
T'i tzu yi, д. 306.
Tongor, мѣстн. 242.
Toto, грд. 57, 58.
Tourghen, p. 55.
Tsjahan khoren, сел. 59.
Tsjakannoi, оз. 76.
Tsou-li-ho, p. 152.
Tzator, мѣстн. 243.

Uneket, мѣстн. 477.

Vaikato, дол. 286.

Wousjen, мѣстн. 77.

Yach erh ngai, д. 303.
Yellowstone Park, мѣстн. 286.

Digitized by Google

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ I-МУ ТОМУ.

Абрикосовое дерево, 453.
аманъ-куджю, 131.
ангиръ, 404.
антилопа, 137, 408.
армячина, 113.
атлантовъ позвонокъ, 131.

Базальтъ, 28, 32, 33, 492, 503, 504, 516, 525—528, 530.
баранъ, 405; б. тибетскій, 420.
барханные пески, 61.
барханы, 63, 67, 75, 78, 87 — 98, 454, 455, 468, 471, 501.
береза, 535, 536.
богомольцы, 278, 387.
болото, 411.
болѣзнь, 134, 360.
бонбо, 280, 282, 283, 396.
борьба, 133.
бубенъ, 369.
буддизмъ, 118, 120, 362.
бульдурукъ, 475—477, 504.
буря, 27.
бытъ, 54, 70.
бѣлокъ, 284, 294, 299, 300, 485.

Валунное отложеніе, 28.
валунный валъ, 255.
валъ, 500.
верблюдъ дикій, 478.
весна, 189.
винокуренный снарядъ, 356, 463.
водопадъ, 181, 259, 288, 290, 292, 300, 303, 304, 315.
водораздѣлъ, 250.
возстаніе дунганское, 48, 144, 157, 159, 167, 180, 322, 325, 328, 427.
войлокъ, 113, 359.
волкъ, 419.
восковое дерево, 309.
вѣрованіе, 396.
вѣтеръ, 188, 465.
вѣчный снѣгъ, 227, 241, 295, 297.
выставка, 391.

Гаданіе, 135.
галка, 137.
галка красноносая, 411.
гипсъ, 138, 149, 153, 335.
глина, 214, 424.
глинистое отложеніе, 424.
гнейсъ, 16, 24, 25, 32, 200, 204, 406, 487, 504.
голецъ, 261, 519.
горныя породы, 11.
городъ старинный (разв.) 56, 80, 141, 154, 181.
горшечное производство, 31.
горшечные черепки, 71.
гранитъ, 14, 33, 171, 213, 240, 408, 482—485, 490, 503, 519, 529.
грецкій орѣхъ, 204, 267, 272, 440.
гроза, 375.
грозовые обряды, 375, 397.
громъ, 132.
гэгэнъ, 40, 46, 230, 233, 234, 237, 507, 508, 523.

Дерево, 157, 176, 198, 205, 218, 220, 238, 255, 454.
дерево шихпа, 449.
дзакъ, 461.
дзерены, 504.
дикій верблюдъ, 479.
діоритъ, 11, 171.
дождь, 142; 269, 287, 322, 465.
долонъ сарни надунъ, праздн. 378.
дорчжи, 397.
древесная растительность, 154, 156, 157, 176, 325, 455.
древняя могила, 50.
дрожжи, 320, 355.
дунганское повстанье, 48; см. возстаніе.
дэрису, 146, 155, 330, 331, 405.

Егуры, 435, 440—442.
еджень-хоро, 121.
ель, 222, 413.

Желѣзный рудникъ, 314.
желѣзныя вещи, 113.
желѣзо, 113.
жертвоприношеніе, 127, 129, 131, 249.
жилище, 108, 276, 352, 393, 462.
жукъ, 466, 471.

Занданъ-модо, 212.
земледѣліе, 12, 22, 32, 54, 109, 110, 143, 151, 156, 357, 535.
земледѣльческій обрядъ, 131.
землетрясеніе, 262, 263.
зима, 157.
знамя, 130, 172.
золото, 156, 202, 426, 427.
золотоискатели, 426, 429.
золотоносная розсыпь, 427.

Известковый туфъ, 286, 288, 291.
известнякъ, 16, 26, 31, 149, 153, 224, 240, 248, 249, 256, 262, 272, 274, 285, 311, 317, 325, 327, 430, 437.
изюбревые рога, 42.
исполиновъ котелъ, 201, 202, 313.

Кабанъ, 513.
каблукъ, 212.
каменная баба, 108.
каменноугольная формація, 437.
каменный уголь, 31, 69, 139, 151, 179, 321, 428, 439, 533.
камень, 478.
караванъ, 205, 502.
католическая миссія, 48, 165.
кварцитъ, 408.
клещи, 466, 467.
климатъ, 188, 204, 219.
конгломератъ, 67, 68, 153, 162, 172, 175, 180, 203, 214, 216, 218, 223, 225, 251, 317, 318, 320, 324, 325, 330, 335, 336, 415, 438, 439, 527.
конь, 123.

Digitized by Google

корень, 404.
корешокъ, 386.
кости рыбъ, 478.
котелъ исполиновъ, 201, 202, 313.
кочевая кузница, 463.
кöшö, 505, 528.
красноглинистое отложеніе, 427.
красноносыя галки, 411.
кукуруза, 268, 270, 272.
культъ, 360.
кумирня, 17 — 19, 23, 25, 37, 39, 142, 161, 337, 509.
кумысъ, 109.
куропатка, 186.
кустарникъ, 238, 413, 519, 408, 411, 416, 481.
кэрэксуры, 108, 493, 499, 500, 505, 514 — 516, 518, 520, 526, 528, 530, 534, 536, 537.

Лава, 32, 33; см. базальтъ.
лаковое дерево, 309, 310.
легенда, 22, 23, 176, 198, 203, 328, 391, 521, 537, 329, 365, 511, 521, 537.
ледоходъ, 177, 189.
ледъ, 405.
лёссъ, 6, 11, 15, 22, 25 — 27, 29, 31 — 33, 64, 65, 109, 146, 148, 149, 152, 153, 156, 157, 159—164, 167, 168, 172, 175, 177, 178, 197, 198, 203, 214, 216, 218, 220, 223, 225, 226, 238, 240, 248, 249, 318—320, 322, 325—329, 333, 335, 339, 401, 404, 406.
лиственница, 273, 512, 535, 536.
лишайникъ, 429, 430.
лошакъ, 191, 192.
лугъ, 87.
лукъ сонгинъ, 517.
лунъ-ванъ, б. 363.
лѣсъ, 14, 26, 29, 141, 176, 222, 226, 239, 242, 249, 261, 262, 264, 265, 266, 270, 273, 310, 311, 316, 326, 329, 415, 417, 419, 426, 438, 453, 455, 458, 513, 518, 519, 535, 538.

Мансовое поле, 306.
мансъ, 303, 309.
макъ, 272, 540.
маралъ 513.
маральи рога, 42.
мачта, 366.
мгла лёссовая, 189.
медвѣдь, 513.
мельница, 540.
мечеть, 174.
милиціонеры тангутскіе, 221.
минеральный источникъ, 525.
миссія, 81, 165.
миссія католическая, 48, 165.
могила древняя, 50.
могильная насыпь, 51.
можжевельникъ, 222, 413, 423, 435, 487.
монастырь, 16, 37, 39, 41, 52, 71, 78, 118, 119, 170, 172, 180, 181, 193, 203, 205, 210, 211, 217, 221, 225, 228, 229, 232, 238, 239, 242, 309, 335, 336, 341, 361, 386, 414, 415, 511, 520, 537, 511, 520, 537.
мусульмане, 144, 145, 147, 155, 157, 169, 173, 174, 177, 209, 228, 339, 360, 427.
мятежъ, 169.

Набса, 391.
наносъ, 15, 22, 31, 69, 424, 425, 457, 472, 494, 504.
насыпь могильная, 51.
нижнекаменноугольная формація, 428.
носильщикъ, 317.
нохой-дэрису, 155.
нохой-иритъ, 74.
ньянъ-ньянъ, 363.

Обвалъ, 223.
обезьяна, 306.
облѣпиха, 430.
обо, 75, 132.
обрядъ, 130, 375, 521; обр. во время засухи, 316; земледѣльческій, 133; отъ грозы, 375; родильный, 114; свадебный, 379.
оглаженная поверхность, 202.
огонь, 131, 133.
одежда, 109, 174, 223, 224, 243, 257, 353, 354, 355, 393.
окаменѣлости, 428.
опіумъ, 540.
орѣхъ грецкій, 204, 267, 440.
отложеніе, 60, 65, 424, 517; отл. раковинъ, 61.
отпечатки, 69, 293, 437.
охота, 112.
охра, 314.

Пальма, 316.
пашня, 25, 70, 87, 168, 224, 270, 272, 303, 329, 336, 453, 456.
перевалъ, 25, 171, 209, 213, 238, 265, 274, 405, 409, 412, 429, 431, 516, 517.
песиглавцы, 74.
пески, 64, 96, 99, 100, 138, 140, 149, 468; барханные, 61; передвижные, 86.
песчаникъ, 52, 67—69, 75, 139, 149, 153, 156, 157, 159, 162, 216, 223, 251, 318, 320, 322, 325, 330, 335, 339, 408, 415, 417, 419, 425, 437, 439, 473, 475, 484, 503.
песчаный бугоръ, 406, 407, 453.
пещера, 150, 155, 163, 290, 292, 293, 337, 377.
писаница, 314.
пища, 355, 386.
пищуха, 411, 425.
пляска заразительная, 263.
поколѣніе, 103—106.
ползучіе камни, 478.
порфиритъ, 482—484, 519.
праздникъ, 9, 378; пр. долонъ-сарни надунъ, 378; чаганъ-сара, 132; у-юѣ-танъ-ву, 378.
преданіе, 44, 46, 51, 80, 104, 107, 128, 142, 174, 199, 231, 493, 506.
прибыль воды, 478.
пчеловодство, 358.
пѣтухъ, 372, 375.

Развалины города, 55, 60, 107, 152, 154, 155, 181, 329, 464, 506, 509, 510, 524.
раковина, 61, 407, 477.
растительность, 85, 147, 155, 214, 307, 475, 487, 495, 496; см. флора.
ревень, 315, 432.
рисовое поле, 145, 253, 310, 319.
рисунокъ, 314.
рисъ, 465.
рога изюбревые (маральи), 42.
родильный обрядъ, 114, 379.
рододендронъ, 265, 288, 295.
рыба, 455.

Садоводство, 143.
садъ, 205, 219, 221, 242, 339, 440, 453.
саксаульная сойка, 497.
самотворное желѣзное дерево, 408.
санаспа, сангаспа, 217, 223, 396, 397.
сарлыкъ, 506.
свадебный обрядъ, 379.
свадьба, 115, 380, 381, 382.
святыня, 174.
серьги, 395, 463.
скотоводство, 109.
скотъ, 358, 451, 462.
сланцы, 14, 25, 162, 200, 223, 238, 240, 250, 272, 313, 316, 317, 320, 326, 409, 437, 482, 489, 493, 503, 516.
снѣгъ, 157, 221, 238, 300, 404, 410, 419, 431, 518; сн. вѣчный, 227, 241, 295, 297.
собака, 241, 378.
сойка саксаульная, 497.
солеварница, 319.
солончакъ, 29, 34, 449—451.
соль, 76, 77, 85, 86, 146, 161, 318, 451, 478.
сорока, 358.
соръ, 391.
статуи, 324.
субурганъ, башня, 19, 236.
судохозяйство, 159.
сусликъ, 513.
сушилы для хлѣба, 226.
сыпучій песокъ, 468.
сыръ, 109, 396.
сѣдло, 128, 129.
сѣноставка, 513.

Табакъ, 272, 334.
танлга, 122.
тамариксъ, 218.
тангуты, 205, 223—225, 238—241, 251, 267, 275, 277, 280, 293, 330, 392, 397, 417.
танъ-гуй, 317.
температура, 187, 410, 411, 416, 418, 431, 465, 517.
тереучи, 375, 376, 378.

Digitized by Google

терраса, 14, 27, 56, 160, 172, 201, 330, 333, 425, 429, 451.
тибетскій баранъ, 420.
тигръ, 480.
ткацкій станокъ, 330.
ткачество, 358.
товаръ, 43.
томулукъ, 182, 329.
тополь пирамидальный, 318, 319, 322, 440.
торговля, 42—44, 209, 278, 401, 402, 531.
торгоуты, 462, 464, 467.
трезубецъ, 130.
туфъ известковый, 286, 238, 291.

Уборъ головной женщинъ, 278, 353, 354, 393, 394, 395, 463.
уголь каменный, 31, 69, 139, 151, 179, 321, 428, 439, 533.
узелъ, 134.
улары, 410, 430.
уюръ, 476.

Фазанъ, 242; кольчатый, 497; ушастый, 186.
фауна, 22.
флагъ, 129.
флора, 8, 12, 24—26, 28—30, 33, 34, 54, 61, 64, 87—90, 139, 140, 145, 146, 151, 162, 204, 215, 218, 224, 226, 239, 240, 244, 253, 260, 261, 265—269, 271, 274, 297, 308, 312, 314, 315, 329, 330, 412, 415, 417, 423, 425, 427, 433, 435, 436, 437, 439, 451, 454, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 466, 471, 474, 481, 484, 485, 488, 490, 493, 494, 497, 501.
фруктовое дерево, 358, 446.
фруктовый садъ, 221, 358, 446, 453.

Халцедонъ, 492.
хармыкъ, 140, 147, 153, 218, 330, 439, 451, 453, 499.
хлопокъ, 322.
хлопчатая бумага, 318, 334, 465.
хлѣбныя растенія, 221, 239, 268, 301, 316, 317, 322, 357, 400, 404, 417, 533.
хлѣбопашество, 139, 417.
хойлюкъ (Megaloperdix) 513.
хонгонъ, 366.
хонь, 396, 397.
хоро, 73.
храмъ, 41, 193, 235, 236, 281, 282, 360.
хулабыръ, 376.
хуланъ, 408.
хуиъ-лянъ, 329.

Цамъ, 391.
цзакъ, 475, 492, 501; см. дзакъ.
цзаоръ, 333.
циркъ, 296, 297.
цѣна, 43, 513, 417.

Чаганъ-саръ, 132, 378, 390.
чайдамъ, 78, 87.
чамъ, 190; см. цамъ.
ча-пей, 376.
чачакъ, 130.
червь дождевой, 326.
черепки горшечные, 71.
черепокъ, 182.
чжао, 41.
чоба, 390.

Шаманъ, 363, 367, 368, 369, 370—374.
шарилъ, 537.
шерсть, 44, 535.
шира-ёгуры, 417, 437.
широнголъ-монголы, 334, 342, 343.
шихпа, дерево 449.
шюгуръ, 366, 368.

Эрръ-ли-цзы, 104.

Яблонное дерево, 453.
языкъ, 174, 224, 346.
ящерица, 459.

Cynomorium coccineum, L. 204, 223, 439, 501.

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ, ЗАМѢЧЕННЫЯ ВЪ I-мъ ТОМѢ.

Страница.	Строка сверху.	Напечатано.	Должно быть.
1	4	гуй	Гуй
—	5	представляетъ	представляютъ
2	13	коллектированіе	коллектированія
2	32	ндмиралъ	адмиралъ
—	41	Памиры	Памиръ
7	25	Гуань-инъ	Гуань-инь
14	33	Гуань-инъ мяо	Гуань-инь мяо
15	39	Дай-джоу	Дай-чжоу
23	4	Пу-сы-дяна	Пу-са-дяна
27	27	Тунгъ-леу-шу	Тунъ-леу-шу.
28	10	Тунъ-лему-шу	Тунъ-леу-шу
—	30	Дай-тупъ-фу	Дай-тунъ-фу
32	24 и д.	Гао-Фань	Гао-фанъ
36	6 и д.	Цзянь-цзюнь	Цзянъ-цзюнь
37	6	Ши-вань-мяо	Ши-ванъ-мяо
—	21	Кань-си	Канъ-си
53	40	тѣста	мѣста
63	20	Хаунъ-хэ	Хуанъ-хэ
72	22	Снасси	Скасси
104	42	оть	отъ
106	37	tivre	livre
108	22	Тира-байсинъ	Шира-байсинъ
138	5	попятно	понятно
—	22	иершинѣ	вершинѣ
148	34	Че-лу-коу	Чэ-лу-коу
149	6	Тяо-цуи	Тяо-цуй
189	10	Гуань-минъ	Гуань-минь
196	39	Тай-тонгъ-гола	Да-тунъ-гола
212	17	Занданъ-мондо	Занданъ-модо
214	32	Когломераты	Конгломераты
228	7	Бу-нання	Боу-нання
252	29	Шипъ-чжа-юѣ	Шинъ-чжа-юѣ
271	20	germamica	germanica
279	22	изъ нихъ	изъ нихъ
300	8	илощади	площади
325	33	мукульманскаго	мусульманскаго
338	38	селеня	селенія
339	41	бирегу	берегу
343	29	китаецъ	китаецъ
345	24 и 29	Дай-тонгъ-голу	Да-тунъ-голу
—	39	хуань-фань	хуанъ-фань
358	5	шеповъ	шеновъ
363	16	шяронгольской	широнгольской
364	4	широнголы-бо	широнголы бо
391	9	гурьтуна	гурьтуна[3])
—	23	Гамбума	Гумбума
465	36	по	но
491	11	стѣпною	стѣнною

На стр. 568 подъ цифрой VII пропущенъ заголовокъ: «Замѣтка о приложенныхъ картахъ».

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ТАНГУТСКО-ТИБЕТСКАЯ

ОКРАИНА КИТАЯ

И

ЦЕНТРАЛЬНАЯ МОНГОЛІЯ

ПУТЕШЕСТВІЕ Г. Н. ПОТАНИНА

1884—1886

Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

ТОМЪ ВТОРОЙ

СЪ ОДНОЙ ФОТОТИПІЕЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1893

Digitized by Google

Печатается по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Вице-предсѣдатель *П. Семеновъ.*

25 сентября 1893 г.

Издано подъ наблюденіемъ *Г. Н. Потанина.*

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе V

I. Сказки.

стр.

1. Гэсэръ. Тангутскіе варіанты 3
Бурятскій варіантъ 44
Примѣчанія 113
2. а. Иринъ-сайнъ-алтынъ-горголтай . . . 131
б. Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара 133
3. Арджи-Борджи 136
4. Аджинтай-мергенъ-ханъ 140
5. Три брата хату-гурбуланъ 143
6. Долонъ-эльбичинъ 145
7. Шесть деревьевъ 147
8. а. Дочь водяного царя 149
б. Шацгай ханъ (царь-сорока) 152
9. Дончжи-молумъ-эрдени 157
10. Хорульдей-мергенъ-богдо 161
11. Уйленъ-ханъ 163
12. Меджитъ 164
13. Балынъ-сенге 166
14. Аку-ртомба 168
15. Боролтай ўбўгўнъ 170
16. Ховатай убугунъ 171
17. Мальчикъ, попадающій въ хвостъ . . . 173
18. Овца совѣтница 175
19. Тенекъ-ху 178
20. Тене-ху 180
21. Три большихъ угодья 181
22. Боролтай-ху 184
23. Ёгъ-таму-нцо 186
24. Больная дочь 192
25. Хромой гусь 193
26. Ковелъ (ухана) 194

II. Легенды.

27. а. Джу-рембучи 197
б. Ногонъ-дарихэ 200
в. Менгу-джу 202
г. Ногонъ-дарихэ 203
Примѣчанія 205
28. Дзанданъ-чжу въ Пекинѣ 219
29. Абатай-саинъ-ханъ 220
30. Джолма-нурму 223
31. Гуань-инь-пуса 225
32. Манджушри 227
33. Арья-бало 229
34. Бурханъ-бакши . . . . . —
35. а. Миляръ-ава и Гомбу-дорчжи 230
б. Миляръ-ава . . . . . —
36. Урджянъ-рембучи или Намунъ-гуре . . 231
37. Джаву-ландеръ 233
38. Шянба 235
39. Цзонкава 236
40. Образъ Цзонкавы 239
41. Чжаянъ-чжанпа-сэнъ . . . . . —
42. Ундуръ-гэгэнъ 242
43. Менгу-чжу 248
44. Монастырь Марцзанъ 249
45. Лумбунъ-чимбо 250
46. Пей-юнъ-сай 251
47. Нью-тоу-шань 252
48. Дерево Галбарсынъ-модо 253
49. Тува на бжю . . . . . —
50. Нью-тоу-ванъ 254
51. Сунъ-ву-кунъ 256
52. Легенда о введеніи мусульманства въ Китаѣ . . . . . —
53. а. Ангуръ-шихъ 257
б. Ангуръ-лончжа 258

Digitized by Google

III. Историческія преданія о лицахъ и мѣстностяхъ.

	стр.
54. Гуань-лао-ѣ	261
55. Пай-чжянь-чжюнь	264
56. а. Чингисъ-ханъ	267
б. Чингисъ	268
Примѣчанія	270
в. Чингисъ-ханъ и Нарэнъ-ханъ	279
57. Дочь Чингисъ-хана	—
58. Бальджинъ-хатунъ	280
59. Амурсана	281
60. Батырь-чонунъ-бэйли	—
61. Нойонъ-хонгоръ	—
62. Огутуръ-уланъ-ванъ	282
63. а. Тамджинъ-ханъ	—
б. Тамчжинъ-ханъ	—
64. Таинъ-терьхе и Арахи бурханъ	283
65. Цоктай-ханъ	284
66. Ли-чжинъ-ванъ	286
67. Ванъ-моръ	290
68. Леу-да-жень	292
69. а. Ельджигенъ-тологойтой-ханъ	293
б. Ельджигенъ-тологойтой-ханъ	294
70. Саларскія преданія и легенды:	
1) Преданіе о переселеніи саларовъ на Желтую рѣку	295
2) Маджу-гумбе	—
3) Народы ахманъ и караманъ	296
71. Пей-тайджи	—

	стр.
72. Легенды о мѣстностяхъ.	
Гора Тайхыръ-чило	296
Горы Ноинъ-богдо, Алтынъ-ола, Гельбинту и Сяври	—
Гора Харшютъ	297
Слѣдъ Лу-бянъ-шена	—
Корчага Лу-бянъ-шена	—
Ключъ Субукъ	298
Онгонъ-манхынъ	—
Шя-чунъ	—
Боро-балгасунъ и Чаганъ-балгасунъ	—
Котелъ Чингиса	299
Легенда о колодезѣ Сангинъ-далай	—
Слѣды Гэсэра.	
1) Около Сунъ-пана	300
2) На Желтой рѣкѣ выше Сань-чуани	—
3) Около Лабрана	301
4) Около Гань-чжоу и въ землѣ ёгуровъ	—
73. Могильная насыпь Чао-чжюнъ-фынъ	302
74. Тохто-хото	303
75. Кара-бадзыръ	304
76. Рѣки Ліу-чуань и Янь-джи-чуань, Сычжа-цзуй	306
77. Рѣка Хара-мурэнъ и гора Алтынъ-бургэ	307
78. Оз. Шинъ-ся-норъ	308
79. Легенды о монастырѣ Эрдени-цзу	310
80. Преданія о древнихъ могилахъ	311
81. Поколѣніе Кэшиктенъ	312

IV. Звѣздный и животный эпосъ.

82. Сотвореніе міра	315
83. Цзаду-рахи и Урджянъ-рембучи	316
84. Раху	—
85. Созвѣздіе Большая Медвѣдица	317
86. Плеяды	322
87. Оріонъ	326
88. Полярная Звѣзда	330
89. Зарница	337
90. Млечный путь	340
91. Не опредѣленныя созвѣздія	—
92. Повѣрья о животныхъ.	
1. Верблюдъ и мышь	342
2. Летучая мышь	343
3. Птица ябылыкъ	—
4. Ольби	344
5. Бурундукъ	—
6. Сурокъ	345
7. Заяцъ	348
8. Почему у зайца хвостъ черный	348
9. Хорекъ (хуринъ)	—
10. Усунъ-буха	—
11. Кукушка (хухэй-шибо)	349
12. Воробей (больджуха)	—
13. Лягушка	—
14. Алтынъ-мелекей	350
15. Черепаха	—
16. Змѣи	—
17. Муравей (шоргольджи)	—
18. Ханъ-гариди	—
19. Нохой-баргасу	351
20. Алмасъ	—
21. Самые большіе въ мірѣ звѣрь, гора, море и дерево	—
22. Камень джада	352
93. Присказка о двѣнадцати годовыхъ звѣряхъ	—

Digitized by Google

Приложенія.

	стр.
I. Исторія спасителя Мила-райбы, или сборникъ пространныхъ и всесовершенныхъ пѣснопѣній (переводъ А. О. Ивановскаго съ тибетскаго).	
Глава о встрѣчѣ духовнаго сына-охотника съ (Мила)—райбой въ сНьишанъ-гур-рТа	360
Перечень главъ повѣсти о Мила-райбѣ	370
II. Монгольскія сказки, записанныя въ Ургѣ въ 1889 году.	
1) Три брата	374
2) Долонъ-бурхынъ (созвѣздіе Б. Медвѣдица)	—
3) Два брата	376
4) Огромная корова (ихэ ухуръ)	378
III. Бурятская сказка	379
IV. Дополненія къ примѣчаніямъ	382
V. Примѣчанія А. О. Ивановскаго	387
VI. а. Списокъ мѣстныхъ названій растеній	395
б. Мѣстныя названія животныхъ.	
1) Звѣри	407
2) Птицы	408
VII. Собраніе словъ широнгольскаго и шира-ёгурскаго нарѣчій	410
VIII. Собраніе словъ саларскаго нарѣчія	426
IX. Собраніе словъ хара-ёгурскаго нарѣчія	435
Указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся во II томѣ.	
(Русской транскрипціей)	I
(Иностранной транскрипціей)	XIV
Предметный указатель къ II тому	XV

Художественное приложеніе.

Портретъ дюрбюта Сарисына, хурчи, т. е. кобзаря, съ хуромъ и смычкомъ въ рукахъ. Отъ него была записана въ монастырѣ Улангомъ (въ сѣверо-западной Монголіи) сказка объ Иринъ-сайнъ-гунынъ-настай-ме-келе, помѣщенная въ Очеркахъ, IV, 429 — 486.

Digitized by Google

Digitized by Google

Сказки записывались мною также, какъ и въ прежніе разы, въ видѣ однихъ конспектовъ въ переводѣ на русскій языкъ; записываніе текстовъ съ подстрочнымъ переводомъ ихъ, при моемъ недостаточномъ знаніи монгольскаго языка, для меня было невозможно; китайскія и тангутскія сказки переводились для меня на монгольскій языкъ. Для лингвистовъ мои записи не имѣютъ интереса, но для фольклористовъ, я полагаю, не безполезны. Конечно, онѣ не удовлетворятъ и послѣднихъ; фольклористы также пожелаютъ, чтобы сказки сохранили бы больше мѣстнаго колорита, чѣмъ они имѣютъ въ моей записи, но я надѣюсь, что мои собранія до нѣкоторой степени удовлетворятъ первое любопытство тѣхъ лицъ, которыя пожелаютъ ознакомиться съ сюжетами, живущими въ Монголіи, и дадутъ понятіе, чего можно ожидать отъ дальнѣйшаго собиранія. Можетъ быть, съ ростомъ оріенталистики въ Россіи явится болѣе сильный интересъ къ этому народному богатству Монголіи и за составленіе сборниковъ сказокъ въ интересахъ фольклористики возьмутся оріенталисты. Собранія, которыя были сдѣланы до настоящаго времени, обыкновенно не имѣли задачей удовлетворить потребности занимающихся фольклоромъ; они составлялись скорѣе въ качествѣ хрестоматій, пособій для изученія языка; цѣлью были грамматическія формы и лексическій матеріалъ, поэтому подобные сборники, не исчерпывая всего разнообразія сюжетовъ и богатства варіантовъ,—чего можно было бы ожидать отъ ихъ составителей, благодаря ихъ подготовкѣ,—не давали понятія объ этомъ богатствѣ. Нужно желать, чтобъ въ Среднюю Азію для собиранія устныхъ памятниковъ народнаго творчества отправился какой-нибудь оріенталистъ, который въ то же время соединялъ бы въ себѣ и званіе изслѣдователя фольклора.

Къ своему нынѣшнему собранію я приложилъ примѣчанія, какъ я это дѣлалъ и въ прежнихъ описаніяхъ своихъ путешествій. Началъ я дѣлать эти примѣчанія въ своихъ личныхъ интересахъ. Коллекторъ чувствуетъ себя бодрѣе, когда его сборы не залеживаются въ музеяхъ и библіотекахъ, а вскорѣ же и получаютъ освѣщеніе или оцѣнку. Коллекціи натуралистическія имѣютъ то преимущество, что перваго же взгляда опытнаго спеціалиста бываетъ часто достаточно, чтобы сдѣлать

Digitized by Google

предварительное освѣщеніе вывезеннаго; онѣ легко сразу обозрѣваются. Не то съ записями сказокъ; нужно время, чтобы ихъ прочесть: простого обозрѣнія недостаточно и для одного первоначальнаго ознакомленія съ ними. Собирателю приходится отъ фольклориста, которому онъ передаетъ свой сборъ, несравненно дольше ждать отзыва объ немъ, чѣмъ отъ натуралиста о ботанической или энтомологической коллекціи. Къ тому же, оріенталиста, который бы занимался фольклоромъ и отъ котораго можно было ждать, какъ перваго отзыва, такъ и дальнѣйшей обработки собраннаго, не было, когда я выѣхалъ изъ первой поѣздки въ Монголію, да и теперь нѣтъ. Поэтому я принялся самъ за сопоставленіе найденныхъ въ степяхъ Азіи сюжетовъ съ западными собраніями, чтобы поддержать въ себѣ энергію при дальнѣйшемъ сборѣ фольклора. Иначе, я потерялъ бы вкусъ къ собиранію подобнаго матеріала.

По свойству своихъ занятій я долженъ былъ примкнуть къ той группѣ занимающихся фольклоромъ, которая обращается за матеріаломъ и къ степному востоку и стать сторонникомъ того направленія, которое не прочь искать на востокѣ объясненія нѣкоторыхъ явленій въ западномъ фольклорѣ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и сдѣлана большая часть моихъ примѣчаній. Они не представляютъ систематическаго руководства для разработки предлежащихъ сюжетовъ: для этого я не имѣю ученой подготовки. Это замѣчанія любителя объ отдѣльныхъ деталяхъ, которыя показались ему любопытными и случайно остановили на себѣ его вниманіе.

Имѣетъ ли наше направленіе — склоняющееся въ пользу ордынскаго происхожденія нѣкоторыхъ памятниковъ старины—фактическую опору, объ этомъ читатель можетъ судить по тѣмъ сопоставленіямъ, которыя нами дѣлаются въ примѣчаніяхъ. Здѣсь, въ предисловіи, я считаю необходимымъ привести нѣкоторыя только соображенія общаго свойства для оправданія даннаго направленія. Сказать иначе, я чувствую необходимость сдѣлать возраженіе противъ апріористической недопустимости значительнаго восточнаго вліянія на западные памятники старины. Я не нахожусь на высотѣ этой задачи, но думаю, что нѣсколько замѣчаній я долженъ высказать, чтобъ оправдать свою личную склонность къ этому направленію.

Первое обращеніе къ восточнымъ источникамъ для объясненія памятниковъ русскаго народнаго творчества сдѣлалъ, какъ извѣстно, В. В. Стасовъ; онъ призналъ въ русскомъ былинномъ эпосѣ отголоски тюркскаго. Позднѣе, А. Н. Веселовскій, работая надъ дуалистической легендой о сотвореніи міра, прослѣдилъ разселеніе ея отъ Байкала и Саяновъ; наконецъ, В. Ѳ. Миллеръ вновь обратился къ вопросу о восточномъ происхожденіи русскихъ былинъ и ведетъ ихъ изъ иранскихъ источниковъ, но черезъ посредство тюркскаго міра. Г. Стасовъ и г. Миллеръ, слѣдовательно, оба ведутъ русскій былинный эпосъ съ востока (г. Миллеръ, по крайней мѣрѣ, часть его), но послѣдній изъ иранскаго міра, и тюркамъ приписываетъ только усвоеніе иранскихъ сюжетовъ и передачу славянамъ, г. Стасовъ же видѣлъ прямое отношеніе русскаго эпоса къ тюркскому; географическій путь, который онъ намѣчалъ для него, слѣдовательно, тотъ самый, который г. Веселовскій даетъ для дуалистической инородческой легенды о сотвореніи міра. Но изъ работъ г. Веселовскаго только

Digitized by Google

одна объ этой легендѣ примыкаетъ къ этому направленію, въ работахъ же своихъ о былинахъ онъ степному фольклору пока мѣста не отводилъ. Путь, намѣченный г. Веселовскимъ для легенды и г. Стасовымъ для русскихъ былинъ, проходитъ по сѣверную сторону Каспійскаго моря; это путь, по которому совершалось главнымъ образомъ переселеніе народовъ изъ Азіи въ Европу. Какую дорогу даетъ г. Миллеръ иранскимъ сюжетамъ, изъ книги его не видно, но выводить ихъ непремѣнно изъ-за Кавказа его книга повода не даетъ. Тюрки, по мнѣнію г. Миллера, усвоили не Шахъ-наме, а народные сюжеты, которые потомъ послужили автору Шахъ-наме для созданія его поэмы. Эти сюжеты—доскажемъ мы отъ себя—могли жить въ иранскомъ племени, когда оно еще жило на своей древней родинѣ, которую г. Миллеръ предполагаетъ въ центральной Азіи; здѣсь они жили, можетъ быть, совмѣстно съ тюрками, и, можетъ быть, оба племени вмѣстѣ понесли этотъ багажъ съ собой на западъ. Кому принадлежитъ первенство въ творчествѣ ихъ, рѣшеніе этого вопроса теперь, пожалуй, еще преждевременно.

Дѣйствительность пересадки сюжетовъ по этому народному пути можно засвидѣтельствовать примѣрами. Кромѣ установленнаго г. Веселовскимъ пути переселенія легенды о сотвореніи міра, мы можемъ указать на другія легенды, которыя несомнѣнно были занесены на западъ изъ отдаленныхъ степей Азіи. Такъ, напримѣръ, легенда астраханскихъ калмыковъ о горѣ Богдо, на которую мы указываемъ ниже, на стр. 214, была очевидно принесена калмыками съ береговъ Зайсана, вмѣстѣ съ ихъ переселеніемъ въ XVII в. на Волгу; она и теперь еще извѣстна около Зайсана и пріурочена къ горѣ Калмы-тологой. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 284) мы указываемъ на разсказъ армянскаго лѣтописца, современный Чингисъ-хану; мы видимъ въ немъ монгольскую легенду о нечестивомъ царѣ, лѣчащемся отъ болѣзни посредствомъ избіенія младенцевъ; самъ лѣтописецъ пріурочиваетъ разсказъ къ монголамъ, вторгшимся въ Арменію; это говоритъ въ пользу того, что разсказъ зашелъ въ Арменію вмѣстѣ съ монголами. Подобно тому, какъ калмыки въ XVII и монголы въ XIII ст. принесли эти двѣ легенды къ подошвѣ Кавказа, болѣе древніе кочевники, совершавшіе нашествія на степи Европы, могли также занести легенды и пріурочить ихъ. Эти кочевники заходили далеко западнѣе Кавказа; поэтому и легенды могли быть занесены ими не только на Кавказъ, но и въ Крымъ и на Балканскій полуостровъ. Мы прослѣдили на стр. 211—214 распространеніе по поверхности средней Азіи легенды о разливѣ озера; самые западные пункты разселенія ея озеро Зайсанъ и оз. Иссыкъ-куль; но та же тема пріурочена къ Константинополю въ разсказѣ Андрея юродиваго, которому житіе даетъ скиѳское происхожденіе. Собраніе легендъ въ промежуточномъ пространствѣ, т. е. въ киргизской и въ прикаспійской степяхъ, можетъ связать эти пункты, и тогда трудно будетъ оспаривать разселеніе этой легенды по сѣверную сторону Каспія. Вмѣстѣ съ набѣгами варваровъ изъ южной Россіи и съ Кавказа на югъ и съ водвореніемъ ихъ тамъ, степныя легенды могли попадать въ Мессопотамію, Сирію и Палестину. Какая странная судьба иногда постигаетъ сюжеты, показываетъ примѣръ, приведенный нами на стр. 121. Сказка сибирскихъ татаръ о борьбѣ Акъ-

Digitized by Google

Кобока и Кодонъ-пи попала въ лѣтопись араба, который жилъ въ Египтѣ. Она была занесена туда половцами, изъ которыхъ набиралась гвардія египетскихъ султановъ. Это, конечно, рѣдкіе счастливые случаи, когда сохранились указанія или намеки на происхожденіе разсказа. Въ большинствѣ случаевъ такіе намеки не могли сохраниться, и многое изъ того, о чемъ мы не знаемъ, откуда оно взялось, можетъ быть, слѣдовало бы приписать кочевникамъ изъ средней Азіи. Культурный контрастъ между населеніемъ степей юговосточной Европы и пришлыми изъ Азіи кочевниками въ вѣкъ переселенія гунновъ и аваровъ былъ меньше, чѣмъ позднѣе, во времена нашествія монголовъ или прихода на Волгу калмыковъ, и ассимиляція чужеземныхъ сюжетовъ должна была обнаруживаться сильнѣе. Поэтому по скудости усвоеній отъ монголовъ и калмыковъ нельзя заключать о степени усвоенія въ болѣе древнее время.

Напрашивается вопросъ, что это за духовный багажъ былъ, который приносили въ южную Россію кочевники изъ глубины Азіи. Конечно, въ позднѣйшее время, въ эпоху монголовъ и нѣсколько ранѣе, изъ Азіи орды приходили съ буддизмомъ. Въ одной изъ своихъ статей я, указывая на раннее существованіе буддизма въ южной Монголіи и восточномъ Туркестанѣ, относительно сѣверной Монголіи, откуда, можетъ быть, выходили орды, долженъ былъ только ограничиться догадкой, что и здѣсь буддизмъ существовалъ ранѣе монголовъ, т. е. ранѣе XIII ст. Въ прошедшую зиму я имѣлъ случай слышать въ Восточномъ отдѣленіи Археологическаго Общества докладъ академика В. В. Радлова о результатахъ орхонской экспедиціи; въ числѣ ея находокъ есть уйгурская надпись, относящаяся къ VII ст., о присылкѣ къ уйгурамъ изъ Китая четырехъ буддійскихъ монаховъ. Положимъ, что это были не послы для исправленія книгъ, а первые проповѣдники. Все таки, значитъ, буддизмъ уже появился въ сѣверной Монголіи за два вѣка до основанія русскаго государства.

Въ орхонской долинѣ найдены кромѣ уйгурскихъ надписей еще другія руноподобныя письмена, которыя распространяются отсюда на западъ до долины верхняго Енисея. Академикъ Радловъ считаетъ ихъ за болѣе древнее, чѣмъ уйгурское, письмо. Послѣднее по его мнѣнію было принесено съ запада, руноподобное же письмо было туземнаго происхожденія; академикъ приписываетъ его племени Тугю, господствовавшему въ Монголіи въ VII столѣтіи. Если были письмена, значитъ, была уже сложная общественная жизнь, былъ культъ, для потребностей котораго, конечно, и было изобрѣтено письмо [1]); можетъ быть, было и жреческое сословіе; конечно были и легенды. Чтобы все это развилось, требовалось время, и разумѣется, духовно-культурная жизнь началась въ этихъ мѣстностяхъ задолго до VII столѣтія. Что это былъ за культъ? Можетъ быть, это былъ тотъ же буддизмъ; тогда, значитъ, буддійскія легенды могли быть заносимы въ Европу сѣвернымъ путемъ, по

[1]) Если жители сѣверной Монголіи гравировали свои надписи на камняхъ, то навѣрно имѣли и книги, и потому едва ли слѣдуетъ по тому, что средневѣковые кочевники южной Россіи не оставили послѣ себя никакихъ письменныхъ памятниковъ, дѣлать заключенія объ низкомъ уровнѣ ихъ духовной жизни.

Digitized by Google

сѣверную сторону Каспійскаго моря и гораздо ранѣе VII вѣка. Если же буддизма въ сѣверной Монголіи до VII вѣка не было, то руноподобныя орхонскія письмена принадлежатъ другому, туземному культу, но развившемуся также до нѣкоторой сложности, конечно, изъ элементовъ мѣстнаго шаманства. Гдѣ же искать слѣды этого древняго культа? Съ введеніемъ буддизма въ Монголію этотъ старый культъ не могъ исчезнуть; онъ былъ включенъ въ новый и обратилъ его въ видоизмѣненіе буддизма. Монголо-тибетскій буддизмъ дѣйствительно отличается отъ южнаго. Особенности его, насколько намъ извѣстно, заключаются въ вѣрованіи въ хубильгановъ, «перерожденцевъ», въ культѣ бодисатвы Арья-Бало, котораго южный буддизмъ не знаетъ, и, можетъ быть, въ цамѣ, т. е. въ религіозныхъ пляскахъ. Вотъ эти-то особенности—въ глазахъ свѣдущихъ людей ихъ, вѣроятно, окажется гораздо болѣе—и слѣдуетъ поставить на счетъ древняго буддійскаго культа.

При такомъ взглядѣ на исторію культа въ сѣверной Монголіи, въ гипотезѣ объясненія русскаго народнаго эпоса посредствомъ восточныхъ источниковъ придется ввести только такое видоизмѣненіе—вмѣсто того, чтобъ говорить о заносѣ на югъ Россіи буддійскихъ легендъ, придется говорить о легендахъ до-буддійскаго сѣверо-монгольскаго культа [1]). Сравненіемъ легендъ, живущихъ въ южной Россіи, съ тѣми особенностями, которыми монголо-тибетскій буддизмъ отличается отъ южнаго, можно будетъ возстановить этотъ гадательный добуддійскій ордынскій культъ.

Если въ лѣсистой Сибири съ ея неудобопроходимыми путями мы находимъ много общаго, какъ въ шаманскихъ вѣрованіяхъ и обрядахъ, такъ и въ легендахъ на обширномъ пространствѣ отъ Алтая до Верхоянскаго хребта въ Якутской области, то въ степяхъ, гдѣ передвиженія племенъ совершаются легче, нужно ожидать, что отъ Корсуня въ Крыму до Эрдени-цзу на Орхонѣ еще было болѣе общаго. Мы думаемъ, что на всемъ этомъ пространствѣ господствовали общіе культы и жили однѣ и тѣ же легенды. Иногда сношенія между западной и восточной оконечностью этого міра прерывались неурядицей на серединѣ; тогда на востокѣ могли образоваться новыя редакціи легендъ; но послѣ какого-нибудь промежутка времени народная волна опять перекатывалась черезъ такъ называемыя Каспійскія ворота въ южную Россію, и новыя редакціи присоединялись здѣсь къ старымъ.

Русло этихъ народныхъ теченій на западѣ распадалось на рукава. Одна вѣтвь шла черезъ Туркменію въ Иранъ и Арменію, и отсюда народная волна могла доходить до Палестины и Сиріи; по этой дорогѣ прошли турки Сельджуки, а также часть арміи Чингисъ-хана; но главное русло проходило по сѣверную сторону Каспійскаго моря, примкнувъ къ Кавказу съ сѣвера. Оно могло дать вѣтвь на югъ, черезъ Кавказъ, въ Грузію и Арменію, откуда легенды опять могли разселяться до Палестины. Еще западнѣе отдѣлялись отъ главнаго русла другіе рукава, въ Крымъ, на Балканскій полуостровъ. Могла также быть вѣтвь и на сѣверо-западъ, вверхъ по Волгѣ.

---

[1]) Называемъ его монгольскимъ по мѣсту его нахожденія въ Монголіи, а не по принадлежности монгольской расѣ; онъ былъ, можетъ быть, созданіемъ тюркской расы.

Digitized by Google

Не по всѣмъ русламъ народы двигались одновременно; по одному въ эту эпоху, по другому въ другую; каждой эпохѣ соотвѣтствовала особая редакція легенды, да и комплексъ легендъ былъ не одинаковъ; поэтому одинъ и тотъ же сюжетъ по одному направленію являлся въ такой-то обработкѣ, по другому — въ другой. Не тутъ ли рѣшится споръ между сторонниками сѣвернаго и южнаго происхожденія Ильи-Муромца? Въ Кіевъ сказанія объ этомъ богатырѣ были занесены съ востока только въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ находимъ здѣсь и теперь, въ сѣверную же Россію въ видѣ былинъ, и не нужно придумывать объясненія, какимъ образомъ сѣверный богатырь пріурочился къ южному городу, или искать катастрофу, которая смела съ лица южной Россіи цѣлый циклъ народнаго творчества.

Что было культурное движеніе въ сѣверо-западномъ направленіи, объ этомъ говорятъ раскопки. Въ то время, какъ главное русло народныхъ передвиженій, проходящее по южной Россіи, отмѣчено каменными бабами, линія распространенія которыхъ начинается, какъ это теперь прослѣжено, на берегахъ Орхона, по центральной Россіи проходитъ полоса кладовъ восточныхъ монетъ, чеканеныхъ преимущественно въ области, лежащей между Евфратомъ и Сыръ-Дарьей; она начинается на Волгѣ, у древнихъ Болгаръ, идетъ черезъ среднюю Россію по направленію къ Финскому заливу, и потомъ переходитъ въ Швецію и Померанію. Монеты этихъ кладовъ относятся къ періоду съ исхода VII по начало XI столѣтія; послѣдняя монета 1012 г. [1]). Археологи предполагаютъ, что по этому пути во время, предшествовавшее основанію русскаго государства, совершались торговыя сношенія, и клады своимъ происхожденіемъ обязаны этому торговому движенію (но не переселенческому). Если это и не была племенная колонизація, если это въ самомъ дѣлѣ было только торговое движеніе, все таки купцы, заѣзжавшіе въ край, вѣроятно, заживались здѣсь, вносили свои привычки, свои знанія въ мѣстную жизнь. Тутъ непремѣнно нужно рядомъ съ отложеніемъ кладовъ предположить параллельное отложеніе легендъ и сюжетовъ, и, если принять мнѣніе археологовъ о происхожденіи кладовъ, то надо допустить особенности въ составѣ легендарнаго наноса. Разница въ способахъ разселенія легенды и проводникахъ ея тоже должна сказаться въ ея мѣстныхъ отложеніяхъ; по югу Россіи легенды разносило племя, переселяющееся цѣлыми семьями со скотомъ, съ кочевыми жилищами, съ божницами и, можетъ быть, съ такими же кочевыми храмами, храмами въ палаткахъ, иногда даже соборами въ палаткахъ, какъ это и теперь еще можно видѣть въ сѣверо-западной Монголіи; по Волгѣ же и ея сѣвернымъ притокамъ разносили легенду торговые люди; они могли занести только книги, или рядомъ съ ними могли зайдти сюда только отдѣльные пѣвцы былинъ.

Первыя передвиженія народовъ изъ Азіи въ Европу, записанныя въ исторію,

---

[1]) Савельевъ, Мухамеданская нумизматика, Спб. 1846, стр. XXII. На югѣ граница этихъ кладовъ проходитъ черезъ губерніи Рязанскую, Тульскую, Смоленскую, Минскую, Могилевскую, Псковскую и Курляндскую. Позднѣйшія монеты, какъ въ кладахъ Россіи, такъ и въ кладахъ Швеціи и Помераніи, относятся къ одному времени. Какая-то политическая катастрофа на востокѣ оборвала торговыя сношенія; такъ думали оріенталисты Савельевъ и Григорьевъ;—какая, они не рѣшались сказать.

Digitized by Google

относятся къ V вѣку по Р. Х. Но не ускользнули ли отъ исторіи другія, болѣе древнія передвиженія? А если ихъ не было, то восточное богатство легендъ могло передаваться отъ племени къ племени маятнымъ порядкомъ, и скиѳы могли многое получать отъ своихъ восточныхъ сосѣдей, которыми были либо тюрки, либо финны. Пусть сами скиѳы были арійцы или иранцы, это не мѣшаетъ имъ имѣть общія вѣрованія, обряды и легенды съ сосѣдними иноплеменниками. Вѣдь видимъ же мы, что различіе въ языкѣ не мѣшаетъ кочевникамъ средней Азіи имѣть общія вѣрованія и легенды, какъ, напримѣръ, бурятамъ монгольскаго племени съ якутами, тюрками, или монголамъ халхасцамъ съ тюрками алтайцами.

До настоящаго времени всѣ арійскія заимствованія, какія замѣчались у монголовъ, относились къ вліянію буддизма. Арійское вліяніе до этой эпохи не предполагалось или, по крайней мѣрѣ, на него не указывалось. Но предполагается, что арійское племя жило въ западной части азіатскихъ степей или примыкало къ ихъ западной окраинѣ; если тюркское племя примыкало къ этому арійскому міру, то едва ли можно допустить, чтобъ на рубежѣ этихъ племенъ не происходило обмѣна вѣрованій и легендъ [1]). Съ одной стороны, при изученіи монголо-тюркской старины необходимо имѣть въ виду, что часть изъ того, что теперь выводится изъ Индіи, можно отнести къ сношеніямъ съ арійцами, происходившими еще въ то время, когда арійцы населяли сосѣднія степи и еще не спустились въ индійскую низменность, и до того времени, когда буддизмъ проникъ на равнины средней Азіи. Съ другой, можетъ быть не все то изъ запаса кельтскихъ легендъ, чему приписывается такой путь—изъ индійско-буддійскаго міра въ Палестину, вмѣстѣ съ талмудическими легендами, какъ спутниками христіанства изъ Палестины въ Византію и далѣе на западъ,—дѣйствительно совершило этотъ путь. Часть того, что приписывается талмудическимъ вліяніямъ, принадлежитъ къ багажу, который кельты могли вынести со своей древней родины, гдѣ они могли имѣть общій культъ съ другимъ, хотя бы и чужеземнымъ племенемъ, населявшимъ среднюю Азію. Элементы этого культа были занесены кельтами съ ихъ разселеніемъ на западъ Европы, а другими племенами въ Палестину. Могутъ быть и такъ объяснены сходства между кельтскими и талмудическими легендами. Часть христіанскихъ апокрифовъ, можетъ быть, пріурочится къ сѣверной дорогѣ, по сѣверную сторону Каспія, т. е. будетъ отнесена къ прямому воздѣйствію добуддійскаго культа арійско-тюркскаго или, вѣрнѣе, арійскаго и неарійскаго населенія средней Азіи, помимо палестинскихъ легендъ.

Эти размышленія имѣли цѣлью выяснить только, что нѣтъ логическихъ препятствій поставить вопросъ о гипотезѣ широкихъ заимствованій изъ степного или ордынскаго фольклора; фактическое подкрѣпленіе ея будетъ зависѣть отъ дальнѣйшаго сбора тюрко-монгольскихъ легендъ и ихъ критической разработки.

---

[1]) Наша рѣчь идетъ объ обмѣнѣ не на первобытной роднѣ арійцевъ, а въ болѣе позднее время, именно въ ближайшее доисторическое время юга восточной Европы.

Digitized by Google

Въ примѣчаніяхъ нѣкоторыя книги, на которыя дѣлаются ссылки, указаны подъ сокращенными или неполными именами, поэтому здѣсь прилагаются полные ихъ заголовки.

Агапитовъ и Хангаловъ. Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири. Помѣщено въ Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русскаго Географич. Общества, т. XIV. № 1 и 2.

Алтанъ-Тобчи, краткая исторія о происхожденіи царей. Монгольская лѣтопись, переведенная ламою Галсанъ-Гомбоевымъ. Напечатана въ Трудахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Археолог. Общества, ч. VI, Спб. 1858.

Рашидъ-Эддинъ. Сборникъ лѣтописей. Исторія монголовъ. Переводъ И. Н. Березина. Помѣщено въ Трудахъ Восточнаго Отдѣленія Импер. Археолог. Общества. Переводъ состоитъ изъ трехъ частей: 1) Введеніе: о турецкихъ и монгольскихъ племенахъ въ V части Трудовъ (Спб., 1858); 2) Исторія Чингисъ-хана до восшествія его на престолъ, въ XIII ч. Трудовъ (Спб., 1868) и 3) Исторія Чингисъ-хана отъ восшествія его на престолъ до кончины, въ XV ч. Трудовъ (Спб., 1888).

Васильевъ, В. П. Исторія и древности восточной части Средней Азіи отъ X до XIII вѣка въ Трудахъ Вост. Отд. И. Археол. Общества, ч. IV (Спб., 1859).

Юань-чао-ми-ши, сказаніе о Чингисъ-ханѣ, переводъ о. Палладія съ китайскаго, въ Трудахъ Пекинской духовной миссіи, т. IV.

Подъ сокращеніемъ Оч. вездѣ разумѣются мои Очерки сѣверо-западной Монголіи, 4 выпуска, Спб. 1881—1883.

Digitized by Google

I.

СКАЗКИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

1. ГЭСЭРЪ.

Тангутскіе варіанты.

ВАРІАНТЪ А.

Въ странѣ Лы*нг*ъ [1]) царствовалъ Чагэнъ-чжаву. Онъ наложилъ дань на муравьевъ (бу-чжугма) въ день доставлять по 10.000 ша*нг*ъ (ланъ) золота, на рѣку наложилъ дань по 10.000 деревъ въ день, на вѣтеръ по 10.000 вьюковъ травы и на птицу ргуръ-тэнкэръ по 10.000 перьевъ въ день. Отъ этой дани народъ богатѣлъ и благоденствовалъ подъ управленіемъ царя Чагэна. Царь Чагэнъ состарѣлся и удалился въ пещеру. Послѣ него воцарился Чотонъ-чжаву. Это былъ плохой царь; не только муравьи, рѣка, вѣтеръ и ргуръ-тэнкэръ перестали при немъ давать дань но и онъ самъ, Чотонъ-чжаву, попалъ въ данники. Гома-чжаву (т. е. китайскій императоръ) наложилъ на него дань лошадьми; Хоръ-кэркэръ-чжаву наложилъ на него дань ячменемъ (нэй), изъ котораго дѣлается водка; девятирогій царь Дырь (рдырь-тура-рцыйгу), который поѣдалъ людей, наложилъ дань людьми. Дырь [2]) имѣлъ 18 сажень росту, и не 18 просто, а 18 сажень нашихъ да одну дырьскую сажень ротъ у него 18 четвертей, да не 18, а 18 нашихъ и 1 четверть дырьская; глазъ у него былъ 18-ти казанковъ или вершковъ, да не 18-ти, а 18 нашихъ да 1 дырьскій. На головѣ у Дыря 9 роговъ. Если Дырь ляжетъ на землю, земля подъ нимъ колеблется; дотронется рогомъ до неба, небо колеблется. Отъ такихъ даней земля Лы*нг*ъ обѣднѣла; въ ней стало холодно.

Въ это время тридцать сильныхъ мужей собрались обсудить положеніе дѣлъ. Въ числѣ ихъ были: Чжарсэй (рчжарсэй) шякыръ-мбумэ, Саянъ (цаянъ) данчинъ-шюгмыръ, Ку*нг*ый-уаца (ваца) тарва и Глынга-джунрэ-нохо. Чжарсэй-чжаву держитъ такую рѣчь: «Надо бы Хоръ-куркеръ-чжаву царя убить; найдти бы такого человѣка, который могъ бы это сдѣлать; надо бы Чжаныкъ (рчжаныкъ) чжаву царю

[1]) Разсказчикъ произносилъ обыкновенно Глы*нг*ъ. Напечатанныя курсивомъ литеры *нг* передаютъ носовой звукъ.

[2]) Разсказчикъ постоянно произносилъ Рдырь.

*

холодной воды влить въ котелъ, когда для него варятъ рисъ; царю Дырю надѣть на ротъ ослиный намордникъ. Народъ въ Лынгѣ скудается; нужно съѣздить въ нижній Пекинъ (ма-Чжаныкъ), въ верхній Гуйцынъ (рто-Гуйцынъ) [1]) и въ Оргацунра, купить тамъ катыговъ (хадаковъ) и поднести Чагэну, чтобъ онъ вернулся въ Лынгъ и поправилъ дѣла.

Тарва поѣхалъ за катыгами въ рто-Гуйцынъ (Лассу), Саянъ въ Пекинъ, Глынга въ Оргу. Добывъ катыги, они отправились къ пещерѣ, гдѣ пребывалъ Чагэнъ-чжаву и стали звать его въ Лынгъ. Въ землѣ находилась лошадь рта-бунгу, Чагэнъ сѣлъ на нее и отправился на небо. Смотритъ, на встрѣчу ему идетъ множество людей; онъ испугался; онъ думалъ, что это высланъ народъ противъ него и сталъ кричать ему, что онъ вооруженъ, что у него есть сабля. Народъ объявилъ ему, что онъ вышелъ привѣтствовать его, какъ своего царя. Чагэнъ явился къ богу Хлачжѝнъ-цонвà-гарву и его женѣ Анэ-гома-чжаму, у которыхъ было три сына: Аву-тончжинъ, Аву-тончжанъ и Аву-тончжунъ. Чагэнъ-чжаву говоритъ богамъ, что при его преемникѣ Чотонѣ народъ Лынгъ обѣднѣлъ, погибаетъ отъ тяжелыхъ даней и сократился; Хоръ-Керкеру платитъ ячменемъ, Чжаныку скотомъ, Дырю даетъ людей на съѣденіе. Чагэнъ проситъ боговъ дать ему одного изъ своихъ сыновей. Боги говорятъ, что первый сынъ для нихъ все равно, что глазъ; второй все равно, что сердце, а третій, какъ правая рука. Осердился Чагэнъ, поѣхалъ далѣе къ богу Нанчжянъ-Кунгванъ, у котораго было два сына; тотъ тоже не далъ. Чагэнъ поѣхалъ къ богу Улу-Гсыгла-рэнчэнъ, у котораго былъ одинъ сынъ. Этотъ говоритъ: «У меня всѐго одинъ сынъ. Какъ я останусь, если лишусь его?» Чагэнъ спустился въ Лынгъ и сдѣлалъ санъ. Онъ свезъ восемнадцать тысячъ лошадиныхъ вьюковъ можжевельника (шихпа) и восемнадцать вьюковъ талкана (рсамба), сложилъ костеръ и зажегъ. Весь народъ Лынга собрался вокругъ сана; скачутъ на коняхъ, рыскаютъ, стрѣляютъ и шумятъ. Дымъ сана достигъ до боговъ Хлачжина и Анэ-гомы; они испугались и говорятъ: «Это Чагэнъ дѣлаетъ санъ. Что это значитъ? Они хотятъ съ отчаянія перебить другъ друга». Богъ Нанчжянъ говоритъ: «Надо дать имъ сына. Я отдамъ имъ своего сына».

«Нѣтъ, говоритъ Хлачжинъ. Ты не отдавай, я отдамъ. Если ты отдашь, тебѣ нужно будетъ принести клятву, что ты отдашь. А мнѣ не нужно».

Боги (Хлачжинъ и Ане-гома) посылаютъ старшаго сына осмотрѣть народъ Лынгъ. Аву-Тончжинъ сѣлъ на лошадь, поѣхалъ. Лошадь его шарахнулась и понесла въ горы, въ воду, въ лѣса, а хорошей дорогой не пошла; вернулся онъ, ничего не увидѣвъ. Боги посылаютъ второго сына. Аву-Тончжанъ поѣхалъ; и его конь шарахнулся, пошелъ въ воду, въ горы, въ лѣса и онъ, ничего не увидѣвъ, вернулся. Ане-гома заплакала. Какъ теперь быть? Два старшихъ сына не смогли осмотрѣть Лынгъ, а третій сынъ еще грудной ребенокъ. Слеза покатилась по лицу и по груди и попала въ ротъ ребенку, который былъ у груди. Онъ спрашиваетъ мать: «Ты что плачешь?» Мать отвѣчаетъ: «Насталъ день посылать сына, а два

[1]) Т. е. Уй-цзанъ, тибетская провинція, въ которой находится Ласса.

Digitized by Google

твоихъ старшихъ брата не могли осмотрѣть Лынгъ». Ребенокъ спрашиваетъ: «Можно ли мнѣ попробовать надѣть на себя отцовскій шлемъ и отцовскую кольчугу?» «Можно», говоритъ мать.

Онъ надѣлъ отцовскіе шлемъ и кольчугу, сѣлъ на лошадь и объѣхалъ Лынгъ. Потомъ говоритъ матери: «Теперь мнѣ нужно пращъ съ камнемъ (ватыгъ луму рдо) и красный молотокъ (рчжарта-марву-ртари). Мать дала ему эти вещи. Аву-Тончжунъ поѣхалъ къ скалѣ, въ трещинѣ которой сидѣлъ гадатель, ворожея, умѣвшій смотрѣть шюкуръ (мо) [1]); имя этому ворожеѣ было Мова-Кушинъ-Тему [2]). Подъѣхавъ къ скалѣ, Аву-Тончжунъ проситъ ворожею выйдти изъ трещины и посмотрѣть шюкуръ. Кушинъ-Тему говоритъ, что онъ не можетъ къ нему выйдти, а пусть Аву-Тончжунъ самъ войдетъ къ нему въ трещину. Аву-Тончжунъ замахнулся молоткомъ, хочетъ разбить скалу; отъ одного взмаха скала разсыпалась на мелкіе куски; гадатель очутился наружѣ и подошелъ къ Аву-Тончжуну. Онъ бросилъ шюкуръ и сказалъ Тончжуну, что онъ, подобно Шянбѣ, убивающему овецъ, будетъ въ силѣ убивать людей и, подобно Бурхану, будетъ въ силѣ отсылать человѣческія души на небо. Потомъ Аву-Тончжунъ спросилъ, что ему ѣсть, когда онъ вернется къ матери. Аву-Тончжунъ былъ ребенокъ, смысла не хватало еще спросить о чемъ нибудь серьезномъ. Гадатель говоритъ: «Молоко твоей матери ни въ ротъ, ни въ ноздри тебѣ не попадетъ!»

Аву-Тончжунъ пріѣхалъ домой. Мать указала ему ведро кислаго молока (шю), стоявшее въ шкафу; онъ отворилъ дверцу шкафа, взялъ ведро, понесъ, задѣлъ краемъ ведра и все молоко пролилъ. Правдивы слова ворожеи! сказалъ онъ.

Послѣ этого Аву-Тончжунъ поѣхалъ въ Лынгъ. Дорогой онъ ужаснулся. «Въ какую страну ѣду! Рано пріѣду, лошадь продать нужно будетъ, чтобъ поѣсть; поздно пріѣду, молотокъ нужно будетъ продать, чтобъ поѣсть. Утромъ въ Лынгѣ доятъ коровъ и молоко ѣдятъ; вечеромъ эту корову убиваютъ и мясо ея ѣдятъ!» Старшая жена Чотона Ама-донзама увидѣла, что будто тѣнь птицы мелькнула. Аву-Тончжунъ спускался въ Лынгъ, обратившись въ бѣлую птицу (шя-гарву). Она догадалась и говоритъ мужу, что эта тѣнь не къ добру; должно быть Гэсэръ нараждается въ Лынгѣ. Вторая жена Чотона Ама-нгыгза-хламу доила въ это время коровъ; она вдругъ заснула, упала на землю и увидѣла сонъ; когда она проснулась, Чотонъ спрашиваетъ ее, отчего она упала. Она говоритъ, что не знаетъ, что съ ней случилось; заснула, упала на землю и увидѣла сонъ, будто бы на небѣ собралось множество народа, бьютъ въ бубны и стрѣляютъ, какъ будто привѣтствуютъ прибытіе царя. Чотонъ осердился на нее, далъ ей старую лошадь, старую собаку, старую овцу, худую изорванную палатку и прогналъ жить въ степь. Когда Гзынга поселилась отдѣльно, Аву-Тончжунъ вошелъ въ ея утробу.

Гэсэръ говоритъ изъ утробы своей матери: «Мать! я выйду черезъ голову!» Мать отвѣчаетъ ему: «Нѣтъ, выходи естественнымъ порядкомъ». И Гэсэръ, или

---

[1]) Шюкуръ—деревянный брусокъ со знаками, по паденію котораго на землю гадаютъ.

[2]) Тему—большой палецъ по-тангутски. Онъ былъ величиной только съ большой палецъ человѣка.

Digitized by Google

какъ онъ назывался въ Лынгѣ, Мынгы-нгыги-чжори, родился по обыкновенному. Въ одинъ день съ нимъ родились: Хоръ-кэркэръ-чжаву, Чжа (рчжа) мэзыкъ-кабдэй, Дырге (рдырге) лама-нгуре, Лынгэ (глынгэ) лынза-чжигэ, а также отъ тѣхъ старыхъ лошади, собаки и овцы, которыя были даны матери Гэсэра Чотономъ, родились лошадь Рта-рчунву [1]), собака Чи-танла и черная овца Маму-чуму.

Родившись, Гэсэръ говоритъ матери: «Придетъ моя ачжа [2]) съ мясомъ и подарками; ты въ это время возьми ножъ и точи его о котелъ. Если тетка спроситъ, что ты дѣлаешь? ты скажи: Ѣсть нечего, такъ вотъ хочу зарѣзать ребенка, котораго родила, и съѣсть». Когда тетка пришла, мать Гэсэра такъ и сдѣлала, какъ её училъ сынъ. Тетка говоритъ: «Не рѣжь ребенка. Вотъ я принесла мяса, масла и дабу, обвернуть ребенка». Гесэръ мясо сразу цѣликомъ съѣлъ, масло тоже цѣликомъ съѣлъ, а дабу всю навернулъ на одинъ палецъ. Тетка подивилась, пошла прочь и всѣмъ встрѣчнымъ разсказывала: «Вотъ такъ ребенокъ родился! цѣликомъ съѣлъ все мясо и масло, которыя я принесла родильницѣ, а дабы, которую я принесла, хватило только обвернуть одинъ палецъ». Слухъ объ этомъ дошелъ и до Чотона.

Какъ только Гэсэръ родился, Чотонъ сейчасъ же далъ знать Дырю и велѣлъ передать ему, что если онъ не хочетъ лишиться своей дани, то новорожденнаго ребенка надо убить теперь же, пока онъ малъ, что послѣ будетъ поздно. Чотонъ просилъ Дыря прислать собаку Чика-арасу [3]). Гэсэръ говоритъ своей матери: «Отъ Дыря придетъ собака Чика-арасу, чтобы съѣсть меня. Ты вымой меня, одѣнь хорошо; когда придетъ Чика-арасу, подай ему меня и скажи: Вотъ тебѣ мой ребенокъ! Съѣшь его! Только не кусай и не жуй его, а проглоти сразу!» Такъ мать Гэсэра и сдѣлала, вымыла ребенка, подала собакѣ и говоритъ: «Вотъ съѣшь моего ребенка, только не кусай и не жуй его, а проглоти цѣликомъ!» Чика-арасу говоритъ: «Онъ такъ малъ, что я могу легко проглотить его цѣликомъ!» Собака проглотила Гэсэра. Гэсэръ остановился въ горлѣ, уперся руками и ногами и не двигается. Собакѣ стало неловко; она то выпрямится, то сгорбится, не можетъ проглотить. «Ты не стой на мѣстѣ», говоритъ она проглоченному Гэсэру, «а выходи или вверхъ или внизъ. Зачѣмъ ты сгорбился? Ты выпрямись!» Гэсэръ выпрямился въ горлѣ и Чика-арасу, задохшись, умерла.

Гэсэръ привалилъ тѣло собаки къ дверямъ Чотонова дома. Не можетъ Чотонъ выйдти изъ дома. Собрался народъ, тащутъ собаку, не могутъ оттащить. Тогда Чотонъ взмолился Гэсэру, чтобъ онъ немного отодвинулъ собаку. Гэсэръ отодвинулъ и Чотонъ вышелъ.

Потомъ Чотонъ проситъ Дыря прислать птицу Дырки (рдырки) шянигъ-шюгрынъ. Летитъ птица большая, какъ гора; солнце закрыла, наступилъ мракъ. Прилетѣла и сѣла на гору. Гэсэръ точитъ стрѣлу. Мать спрашиваетъ его: «Что ты дѣлаешь?» «Точу стрѣлу, чтобы убить птицу!» Онъ пустилъ стрѣлу, убилъ

[1]) Рта по-тангутски «лошадь».

[2]) Ачжа—широнгольское слово, значитъ тетка по матери. Это была дѣвица, жившая при Чотонѣ.

[3]) Чика по-тангутски значитъ «собака».

Digitized by Google

птицу и предложилъ народу дергать изъ нея перья. Никто не въ состоянiи одного пера выдернуть. Тогда Гэсэръ самъ надергалъ перьевъ; большiя перья роздалъ большимъ вельможамъ, малыя малымъ, остальныя перья роздалъ всему народу, а тѣло птицы привалилъ къ дверямъ Чотона. Не можетъ Чотонъ выйдти изъ дома. Собрался народъ, тащутъ птицу, не могутъ оттащить. Тогда Чотонъ взмолился Гэсэру, чтобъ онъ немного отодвинулъ птицу, Гэсэръ отодвинулъ и Чотонъ вышелъ.

Теперь Чотонъ проситъ Дыря прислать семь человѣкоядцевъ Шянба-нибдынъ. Гэсэръ опечалился. Какъ быть? Этихъ не легко убить; одного убьешь, еще шесть останется. Онъ учитъ мать: «Когда Чотонъ будетъ угощать Шянба-нибдынъ, ты внеси меня въ домъ къ Чотону и скажи имъ: «Не дѣлайте зла Чотону, а вотъ вамъ мой ребенокъ! Ѣшьте!» и брось меня передъ ними». Нгыгза-лхаму такъ и сдѣлала, бросила ребенка Гэсэра передъ семью Шянба. Гесэръ обратился въ круглый камень. Стали Шянба грызть камень; грызли, грызли, ничего подѣлать не могутъ, зубы не берутъ; ножами рѣзали, ножи приломали. Покатили камень къ себѣ домой. Прикатили; Гэсэръ спрашиваетъ ихъ: «Есть ли мѣсто три шага сдѣлать?» Отвѣчаютъ ему: «Нѣту». «Есть ли время сказать три слова?» «Слово скажи», сказали ему. Тогда онъ обратился къ небеснымъ отцу и матери и говоритъ: «У меня нѣтъ силъ убить ихъ. Убейте ихъ своею силою!» Ане-гома-чжаму сдѣлала грозу, пустила небесную стрѣлу (тогъ) и убила всѣхъ семерыхъ.

Послѣ этого Гэсэръ обратился въ бурхана, приснился Чотону и велѣлъ ему ѣхать въ страну Тунва-ахырсынъ [1]) и добыть сиваго мула (чюй ржунъ). Чотонъ, проснувшись, разсказываетъ сонъ женѣ Ама-донзамѣ. Та говоритъ: «А мнѣ сдается то не богъ былъ, а Магай-чжори». Подъ этимъ браннымъ именемъ она разумѣла Гэсэра. «Ты женщина», сказалъ Чотонъ, «и ничего не знаешь». И поѣхалъ добывать сиваго мула. Пріѣхалъ къ Дунъ (рдунъ) ахорсыну, сталъ просить продать мула; тотъ говоритъ: «Мой мулъ не продажный. Но ты царь и я не могу не отдать тебѣ». «Скажи же цѣну?» спрашиваетъ Чотонъ. «Ему цѣны нѣтъ, а ты сколько хочешь, столько и дай!» Чотонъ далъ за четыре ноги мула четыре тарелки серебра, за два глаза двѣ тарелки золота, сколько шерсти было на мулѣ, столько овецъ, сколько въ гривѣ волосъ, столько коровъ, сколько въ хвостѣ волосъ, столько лошадей.

Чотонъ, предвидя, что ему удастся взять Нчжуму за сына, сдѣлалъ пиръ; чтобы угостить гостей мясомъ, онъ убилъ корову Шипо-уачинъ-чаму. Гэсэръ говоритъ ему: «Ака! большую долю мяса отдай народу, а мнѣ дай маленькій худой кусокъ!» Чотонъ далъ ему худой кусокъ; Гэсэръ спряталъ его въ свой мѣшокъ. Все остальное мясо перешло въ его мѣшокъ за этимъ худымъ кускомъ. Чотонъ началъ упрекать Гэсэра, что онъ взялъ все мясо, не чѣмъ угощать гостей, но Гэсэръ показалъ гостямъ свой мѣшокъ; тамъ былъ одинъ только худой кусокъ. Чотону стало стыдно.

Послѣ этого Гэсэръ отправился на небо къ своей матери Ане-гома-чжаму.

---

[1]) Въ другой разъ разсказчикъ назвалъ страну Дунъ (рдунъ) ахорсынъ.

Digitized by Google

Она дала ему для его лошади Рта-рчунву сѣдло по имени Серга-нима-рэншэрь, а для него самого шлемъ Чанытъ-ксыри-тыгдытъ и ножъ Чичонъ-шекъ-игэръ. Сверхъ того небесная мать дала ему еще мѣшокъ, въ который онъ могъ прятать эти вещи.

Въ странѣ Санъ-енчинъ жили отецъ и мать дѣвицы Нчжугму. Это была невѣста Гэсэра и онъ долженъ ѣхать доставать ее. Гэсэръ спрашиваетъ свою мать, гдѣ же его конь. Мать не говоритъ ему; она не хочетъ, чтобъ дитя уѣхало. Когда она жарила ячмень на рсамбу [1]), Гэсэръ прижалъ ея руку къ горячему ячменю, находившемуся на днѣ котла, и сказалъ, что не отпуститъ руки, пока она не скажетъ тайны. Мать Гэсэра не могла вытерпѣть боли отъ обжога и указала ему въ ту сторону, куда онъ долженъ пойдти искать коня. «Тамъ, она сказала, есть двѣ горы; между ними ключъ. На этотъ ключъ приходятъ на водопой табунъ лошадей и кобылица съ жеребенкомъ. Ты засядь за камнемъ и подожди. Сначала прибѣжитъ табунъ; изъ этого табуна ты не выбирай коня; тутъ твоего коня нѣтъ. Потомъ табунъ уйдетъ, а прибѣжитъ кобылица съ жеребенкомъ. Этотъ жеребенокъ и есть твой конь». Гэсэръ свилъ веревку и пошелъ къ указанному мѣсту, засѣлъ за камень. Пришелъ табунъ, напился и ушелъ. Пришла кобылица съ жеребенкомъ. Гэсэръ накинулъ на него петлю; жеребенокъ бросился бѣжать и натянулъ веревку; она порвалась. Гэсэръ вынулъ лукъ, выстрѣлилъ и отстрѣлилъ жеребенку хвостъ и гриву. Жеребенокъ убѣжалъ на вершину горы. Гэсэръ ушелъ домой, ничего не говоритъ матери. Мать вышла въ степь, увидѣла жеребенка на горѣ и стала просить его спуститься и отдаться Гэсэру. Жеребенокъ говоритъ, что ему стыдно спуститься. Какъ онъ будетъ ходить рядомъ съ другими конями безъ гривы и хвоста? Мать Гэсэра говоритъ, что это не бѣда, что грива и хвостъ отростутъ, а чтобъ ему теперь не было стыдно, у всѣхъ жеребятъ будутъ отрѣзаны хвосты и гривы.

Гэсэръ осѣдлалъ жеребенка и поѣхалъ въ Санъ-енчинъ за невѣстой Нчжугму. Чотонъ-чжаву тоже хочетъ взять ее за себя; онъ тоже поѣхалъ. Увидѣла ихъ Нчжугму и запѣла: «Что это за два красивыхъ всадника ѣдутъ? Лица ихъ, какъ два солнца, горятъ?» Небесная мать Гэсэра, небесные и земные боги всѣ смотрятъ и желаютъ, чтобы Гэсэръ пріѣхалъ въ Санъ-енчинъ прежде, но конь Гэсэра и сивый мулъ Чотона были одинаковой силы; они были братья. Никто изъ нихъ не можетъ обогнать. Чжарсэй-чжаву запѣлъ: «Какъ жаль, что Гэсэръ не можетъ обогнать противника!» Гэсэръ имѣлъ въ своемъ мѣшкѣ желѣзную колючку; онъ подбросилъ ее мулу; мулъ накололъ ногу и отсталъ. Гэсэръ прибылъ въ Санъ-енчинъ прежде Чотона.

Чотонъ говоритъ Гэсэру: «Хотя ты и впередъ пріѣхалъ, а все-таки я не отдамъ тебѣ Нчжугму сразу; побори напередъ моего сына. Поборешь, возьми Нчжугму!»

Усѣлся народъ рядами, какъ ламы въ хуралѣ. Во главѣ ряда мужчинъ сидитъ Хоръ-чагэнъ-чжаву, во главѣ женщинъ Ай-бамза-бомбчиръ, во главѣ ряда молодыхъ ребятъ сидитъ Кунгый-вацà-тарва. Вышелъ старшій сынъ Чотона, Ты-

[1]) Рсамба по-тангутски, талханъ по-монгольски «жареная ячменная мука».

Digitized by Google

григъ (ртыгригъ)-земпыръ, бороться съ Гэсэромъ. Гэсэръ схватилъ Земпыра и бросилъ его въ небо. Тамъ небесные боги окружили его, спрашиваютъ: «Кто тебя сюда забросилъ?» Гэсэръ, отвѣчаетъ онъ. «А, Гэсэръ! это хорошо!» Каждый богъ хлопнулъ Земпыра по головѣ и ущипнулъ его тѣло. Затѣмъ боги столкнули Земпыра на землю. Земные боги спросили его: «Кто тебя сюда забросилъ?» Гэсэръ, отвѣчаетъ Земпыръ. «А, Гэсэръ, говорятъ земные боги,—это хорошо!» И каждый изъ нихъ хлопнулъ Земпыра по головѣ и ущипнулъ его тѣло. Гэсэръ снова забросилъ его на небо. Опять боги спрашиваютъ, кто его забросилъ, опять хлопаютъ его по головѣ и щиплютъ его тѣло; столкнули его на землю; земные боги хлопаютъ по головѣ и щиплютъ его тѣло. Гэсэръ въ третій разъ забросилъ Земпыра на небо; и въ третій разъ боги пощипали. Наконецъ на Земпырѣ не осталось мяса нисколько; небесные и земные боги все мясо съ него сощипали; остались однѣ кости. Тогда Гэсэръ схватилъ его и вдавилъ его кости въ землю.

Чотонъ говоритъ Гэсэру: «Нѣтъ, и теперь еще не уступлю тебѣ Нчжугму! А вотъ пусть тотъ ее получитъ, кто застрѣлитъ птицу Чунъ и принесетъ ея перо». Птица Чунъ сидитъ большая, какъ гора. Четыре вельможи (лумбу) поѣхали стрѣлять ее: Чотонъ-чжаву, Чагэнъ-чжаву, Чжарсэй (рчжарсэй)-чжаву и Тарва. Выстрѣлилъ Чотонъ; стрѣла попала въ гору; отъ горы отвалился камень, разсыпался въ щебень, щебень завалилъ рѣку и прекратилъ ея теченіе. Выстрѣлилъ Чагэнъ-чжаву; стрѣла попала въ гору и отколола камень; камень разсыпался въ щебень, который завалилъ рѣку и прекратилъ ея теченіе. Выстрѣлилъ Чжарсэй-чжаву; стрѣла попала въ гору и отколола камень; камень разсыпался въ щебень, который завалилъ рѣку и прекратилъ ея теченіе. Выстрѣлилъ Тарва, и онъ тоже только откололъ отъ горы обломокъ, которымъ завалило рѣку. Выѣхалъ стрѣлять Гэсэръ. Онъ говоритъ птицѣ Чунъ, которая высунула изъ гнѣзда голову и смотритъ на стрѣлковъ. «Какое красивое перо у тебя на головѣ! А еслибъ ты высунулась побольше, чтобъ увидѣть твою грудь! Я думаю, грудь твоя должна быть еще лучше!» Чунъ думаетъ: «въ самомъ дѣлѣ должно быть мое перо ему понравилось». Высунулась по грудь. Гэсэръ выстрѣлилъ, убилъ птицу Чунъ и принесъ ея перо. Тогда Чотону нечего было больше сказать. Нчжугму осталась за Гэсэромъ.

По обычаю, молодая жена должна поднести мужу вино. Нчжугму налила вина въ чашу и понесла Гэсэру; Гэсэръ принялъ захудалый видъ, всѣ свои хорошія вещи спряталъ въ мѣшокъ, лицо себѣ сдѣлалъ нехорошее, сопли висятъ ниже губъ. Не узнала его Нчжугму и поднесла вино сыну Чотона. Сынъ Чотона не можетъ взять вино; силъ у него не хватаетъ взять. Онъ передалъ вино Гэсэру, а самъ покраснѣлъ отъ стыда. Нчжугму обидѣлась, что досталась такому уроду, какъ Гэсэръ. Небесная мать Ане-гома говоритъ Гэсэру: «Когда будешь пить вино, будетъ летать около тебя пчела и стараться попасть тебѣ въ носъ. Не пускай ее въ носъ. Это будетъ Нчжугму, обратившаяся въ пчелу. Если она заберется въ тебя, она убьетъ тебя. И ты самъ не убивай пчелы, а то убьешь свою жену!» Пчела летаетъ и норовитъ попасть въ носъ Гэсэру; Гэсэръ поймалъ ее, навязалъ на нее нитку и говоритъ: «Ты поднесла вино не мнѣ, а Чотонову сыну». Тутъ все со-

Digitized by Google

браніе, весь народъ закричалъ ему: «Не убивай пчелу! Это Нчжугму, твоя жена! Ее нужно отвезти въ Санъ-ёнчинъ къ ея родителямъ!»

Съѣхались со всего народа женщины смотрѣть жениха. Нчжугму развѣсила по стѣнамъ его оружіе, а самого спрятала за ящики, надавала ему всякихъ лакомыхъ кусковъ и говоритъ: «Ты сиди тутъ и смотри же, не выходи къ гостямъ.» Вошли гости. Нчжугму говоритъ имъ: «Гэсэръ уѣхалъ на небо, а здѣсь осталось только его оружіе». Женщины усѣлись на свои мѣста; Нчжугму угощаетъ ихъ, а онѣ любуются на блестящее оружіе. Вдругъ спрятанный Гэсэръ выходитъ изъ за ящиковъ къ гостямъ и говоритъ: «А, всѣ собрались!» Платье на немъ изодранное, худое; самъ грязный, сопли висятъ ниже губъ; кругомъ губъ крошки хлѣба и сметаны, которыя онъ ѣлъ. Нчжугму уткнула лицо въ чашку, изъ которой пила и не смѣетъ отъ стыда глазъ поднять. «Такъ вотъ какой дурной и сопливый мужъ у Нчжугму?» говорятъ женщины. Онѣ соскочили съ своихъ мѣстъ, сѣли на лошадей и ускакали.

Послѣ этого Гэсэръ исчезъ. Съ горя, что женихъ исчезъ куда-то и бросилъ невѣсту, Нчжугму рѣшилась утопиться. Она сѣла на свою лошадь и поѣхала къ скалѣ, которая стояла надъ водой. Дорогой она встрѣчаетъ множество людей; сидятъ и дѣлаютъ стрѣлы. Это Гэсэръ обратился въ этихъ людей. «Не видѣли ли моего человѣка?» спрашиваетъ ихъ Нчжугму. «Досугъ намъ смотрѣть за твоимъ мужемъ! отвѣчаютъ ей люди,—мы торопимся дѣлать стрѣлы!» Нчжугму думаетъ, «это лынгское войско, которое хочетъ придти въ ея домъ и потребовать отъ нея отвѣта, куда дѣвался Гэсэръ». Ѣдетъ далѣе; сидятъ люди и дѣлаютъ сѣдла. Она спрашиваетъ ихъ: «Не видали ли моего человѣка?» «Досугъ ли намъ смотрѣть за твоимъ мужемъ! отвѣчаютъ люди. Лынгскіе солдаты совсѣмъ уже готовы къ походу, намъ нужно торопиться». Нчжугму еще болѣе запечалилась. Лынгскіе солдаты, думаетъ она, придутъ въ мой домъ и будутъ требовать Гэсэра; они скажутъ: куда ты его отъ насъ заслала?

Взъѣхавъ на вершину скалы, стоявшей надъ водой, она назвала свою лошадь Рта-нго-уну, «съ корявой головой лошадь». Лошадь говоритъ себѣ: «Если меня обзываютъ лошадью съ корявой головой, мнѣ остается только утопиться!» Въ это время явился Гэсэръ и схватилъ лошадь за хвостъ. Нчжугму спрашиваетъ лошадь: «Ты хотѣла утопиться? Что же ты не топишься?» Кто-то держитъ меня за хвостъ, отвѣчаетъ лошадь. Оглянулась Нчжугму; это Гэсэръ. Она обрадовалась, посадила его сзади себя и поѣхала домой. Подъ тяжестью Гэсэра у лошади изломалась спина. Нчжугму заплакала: «На чемъ я теперь пріѣду домой! Ты изломалъ моему коню спину!» Гэсэръ сѣлъ на кончикъ травы; трава стоитъ прямо, не гнется подъ нимъ. Онъ сѣлъ на овечій шарикъ, шарикъ держитъ его на себѣ, не сплющивается. Гэсэръ говоритъ женѣ: «Смотри, подо мной осталась трава не согнувшейся и шарикъ не раздавленнымъ, какъ же могла изломаться спина коня! Это ты сама изломала ему спину!» Нчжугму покраснѣла отъ стыда. Гэсэръ исцѣлилъ спину коня, сѣлъ впереди, жену посадилъ сзади и поѣхали.

Въ Санъ-ёнчинѣ живутъ старикъ со старухой Чунцэй-гаму, люди бѣдные. Каждый день къ нимъ ѣздитъ Нчжугму, плачетъ и жалуется, что у нея мужъ съ

Digitized by Google

дурнымъ лицомъ. «Не печалься, утѣшаютъ ее старики, откинь кручину! У твоего мужа есть хорошее лицо, но ему нельзя его принять на себя. Пока у него худое лицо, онъ можетъ дома сидѣть. Какъ только онъ приметъ хорошее лицо, ему придется ѣхать къ Дырю (рдырю)».—«Мнѣ нужно видѣть его съ хорошимъ лицомъ!» говоритъ Нчжугму. Старики научили ее отправиться на небо къ его матери Анегома, оттуда она можетъ увидѣть его съ хорошимъ лицомъ. Нчжугму поднялась на небо и видитъ, Гэсэръ сидитъ въ хорошемъ одѣяніи и лицо у него красивое, а худое его платье лежитъ въ сторонѣ. Она поскорѣе спустилась на землю и бросила его худое платье въ огонь; оно сгорѣло.

Гэсэръ сказалъ женѣ, что она поторопилась и что ему нужно теперь ѣхать къ Дырю.

Гэсэръ началъ строить городъ. Проѣзжалъ мимо большой купецъ Цонхынънима-мбынъ; у него подъ вьюками шло нѣсколько сотъ скотинъ; слугъ было множество. Гэсэръ говоритъ ему: «Не пропущу тебя, если ты не дашь мнѣ подарокъ». Купецъ отказался дать подарокъ и хочетъ застрѣлить Гэсэра изъ лука, но по молитвѣ Гэсэра къ небесной матери и богамъ явился змѣй Гсыла-рэнченъ, окружилъ купца со всѣмъ его скотомъ и народомъ и свился въ три кольца; эти кольца легли одно на другое, какъ три этажа, точно городская стѣна, нѣтъ выхода купцу. Змѣй разинулъ пасть и началъ глотать людей; чередъ дошелъ и до купца. Купецъ взмолился Гэсэру, обѣщаетъ дать ему, что онъ попроситъ, только бы спасъ ему жизнь. Гэсэръ говоритъ ему: «Твоего добра мнѣ не надо, а дай только твой скотъ и народъ построить мой городъ». Купецъ согласился и змѣй выпустилъ его. Съ этимъ народомъ и при помощи боговъ, Гэсэръ построилъ городъ. Люди набили раны на плечахъ, скотъ набилъ раны на спинахъ и исхудалъ, таская землю и камни.

Нчжугму соскучилась безъ мужа. Она поднялась на небо къ матери Гэсэра и оттуда въ окно видитъ, Гэсэръ читаетъ номъ, а двѣ женщины служатъ ему, варятъ чай и подаютъ ему пищу. Нчжугму не утерпѣла, толкнула дверь и вошла къ мужу. Двѣ женщины исчезли. Послѣ этого Гэсэръ уже не въ состояніи былъ читать номъ. Три раза являлись послы съ неба сказать, что Гэсэру время ѣхать къ Дырю, но Нчжугму скрывала это отъ Гэсэра и, ничего не говоря ему, отсылала пословъ; наконецъ сама Ане-гома, небесная мать, спустилась на землю и говоритъ Гэсэру: «Наступило время ѣхать тебѣ къ Дырю! Поѣзжай теперь же, не откладывая. Потому что если теперь поѣдешь, то твое сердце будетъ, какъ желѣзное, а у Дыря, какъ деревянное; желѣзо же рѣжетъ дерево. Если же поѣдешь послѣ, то у тебя будетъ сердце деревянное, а у Дыря желѣзное. Если теперь поѣдешь, то у тебя будетъ сердце, какъ вода, а у Дыря, какъ огонь; а вода тушитъ огонь. Если же опоздншься, то у Дыря будетъ сердце какъ вода, а твое, какъ огонь». Гэсэръ плачетъ и говоритъ, какъ онъ одинъ осилитъ Дыря и его народъ. Мать Ане-гома говоритъ ему: «Ты не будешь одинъ; Чжарсэй-чжаву, Тарва и Саянъ поѣдутъ съ тобой и всѣ боги небесные и земные и всѣ ламы будутъ помогать тебѣ и будутъ твоими товарищами».

Digitized by Google

Передъ отъѣздомъ Гэсэръ велѣлъ сдѣлать пиръ. «Не варите много, сказалъ онъ, а сварите только три чашки чая и три куска мяса!» Одну чашку онъ выплеснулъ въ небо, другую выпилъ самъ, а третьей напоилъ все собраніе гостей; одинъ кусокъ мяса бросилъ въ небо, одинъ съѣлъ самъ, одинъ раздѣлилъ собранію и всѣ были сыты.

Затѣмъ онъ сталъ чистить свое оружіе и платье; пыль сметалъ съ каждой вещи три раза; въ первый разъ сметалъ въ землю Дырь [1]), во второй въ землю Хоръ, въ третій въ землю Чжаныкъ (рчжаныкъ).

У Гэсэра было двѣ жены. Старшая спрашиваетъ младшую: «Нѣтъ ли средства удержать Гэсэра отъ поѣздки къ Дырю?» Младшая говоритъ: «Ты ходишь въ шелковомъ платьѣ и ѣшь сладкое, ты больше знаешь, чѣмъ я». Сказавъ это, она, однако, прибавила: «Если спрятать лошадь и сѣдло, то какъ онъ безъ нихъ поѣдетъ къ Дырю?» Жены спрятали лошадь и сѣдло Гэсэра. Но Гэсэръ пошелъ пѣшкомъ къ Дырю и пошелъ одинъ, всѣхъ своихъ товарищей уговорилъ остаться, не могъ отдѣлаться только отъ Чотона. Чотонъ говорилъ: «Какъ Гэсэръ поѣдетъ одинъ? Я долженъ поѣхать вмѣстѣ съ нимъ, я долженъ взять большой запасъ, чтобы кормить Гэсэра дорогой». Поѣхали они вмѣстѣ. На одной стоянкѣ Гэсэръ сдѣлалъ большой снѣгъ, потомъ всѣ хлѣбы изъ мѣшка Чотона поломалъ и куски побросалъ въ снѣгъ. Чотонъ остался съ пустымъ мѣшкомъ, голодаетъ. Гэсэръ добылъ козла и козлинымъ мясомъ покормилъ голоднаго Чотона. Наѣвшись, Чотонъ упрекнулъ Гэсэра: «Накормилъ меня воровскимъ мясомъ». На другомъ ночлегѣ Гэсэръ изломалъ стрѣлу, сдѣлалъ изъ нея огонь, сложилъ руки въ пригоршни, взялъ въ нихъ воды и держитъ ихъ надъ огнемъ. Сварилъ себѣ такимъ образомъ пищу и поѣлъ. Чотонъ тоже изломалъ свою стрѣлу, разжегъ огонь, надставилъ пригоршни съ водой, обжегъ руки и выплеснулъ воду. Отъ голоду Чотонъ началъ думать о возвращеніи домой, но закручинился, какъ быть? Ѣхать впередъ, умереть съ голоду; ѣхать назадъ, дороги не знаешь, заблудишься. Гэсэръ говоритъ ему: «Вотъ тебѣ стрѣла; держи ее прямо передъ собою и она выведетъ тебя. Только не ломай стрѣлу, а пріѣдешь домой, воткни ее въ обо». Поѣхалъ Чотонъ домой и все плутаетъ; заѣзжаетъ въ горы непроходимыя, въ лѣса густые, въ болота. Онъ осердился и о колѣно переломилъ стрѣлу. Отлетѣла одна щепка къ дереву и попала въ зайца, лежавшаго подъ деревомъ. Чотонъ поймалъ зайца и выѣхалъ домой. Приходитъ къ Чжарсэю, а самъ держитъ зайца обѣими руками. Чжарсэй спрашиваетъ: «Гдѣ Гэсэръ?» Чотонъ говоритъ: «Гэсэра я не видалъ, а я вотъ поймалъ Дыря и держу его». «Какой это Дырь? говоритъ Чжарсэй. Такихъ Дырей много. Это заяцъ». «Ты поймай-ка самъ, если ихъ много!» говоритъ Чотонъ. Чжарсэй пустилъ стрѣлу и въ одинъ выстрѣлъ на стрѣлу нанизалъ трехъ зайцевъ. «Твои мертвые», говоритъ Чотонъ, «а мой живой». Чжарсэй снялъ зайцевъ со стрѣлы и они побѣжали живые. Чотону стало стыдно.

Нчжугму стала печалиться, что отпустила Гэсэра безъ лошади и повела ее

[1]) Въ этомъ случаѣ Дырь (рдырь) понято, какъ имя страны.

Digitized by Google

къ нему. Дорогой она приходитъ къ рѣкѣ и спрашиваетъ у пастуховъ, пасшихъ овецъ, есть ли переѣздъ? Пастухи говорятъ, что вершина рѣки уходитъ выше Лассы, устье ниже Пекина, а середина такъ глубока, что два большихъ быка побрели черезъ нее и ихъ теперь не видать, торчатъ изъ воды только ихъ рога; два большихъ волка хотѣли перейдти рѣку, ихъ самихъ не видать, видно только ихъ хвосты. «Не видѣли ли вы человѣка, спрашиваетъ пастуховъ Гэсэрова жена, если спереди на него посмотришь, онъ покажется, какъ гэгэнъ, а сзади посмотришь, покажется, какъ будто князь (хомбу)»?

Нчжугму сѣла на свою лошадь, лошадь Гэсэра ведетъ въ поводу, и поѣхала черезъ рѣку. Лошадь Гэсэра только копыта замочила, а ея лошадь по сѣдло ушла въ воду. Переѣхала Нчжугму воду и догнала Гэсэра. Земные боги собрались вокругъ него, читаютъ ему номъ и моютъ ему тѣло. Гэсэръ обрадовался женѣ и говоритъ, что она можетъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ Дырю, что онъ повезетъ ее въ своемъ мѣшкѣ, если только она согласится жить въ номѣ [1]). Но Нчжугму сказала, что она не хочетъ держать номъ, а желаетъ, чтобъ онъ вдвоемъ съ нею вернулся жить въ Лынгъ. Когда она отказалась жить въ номѣ, боги исчезли. Гэсэръ, чтобы заставить жену возвратиться домой, обратился въ тигра. Онъ думаетъ, испугаю ее и она уѣдетъ. Она говоритъ тигру: «Ты хочешь съѣсть меня? ѣшь! Гэсэръ меня оставилъ, не хочетъ возвращаться въ Лынгъ, такъ я готова умереть!» Тогда Гэсэръ обратился въ волка, но она узнала его. «Э, это не волкъ, говоритъ, а мой Гэсэръ! Поймаю его!» Она поймала волка и волкъ сталъ опять Гэсэромъ. Тогда Гэсэръ согласился вернуться въ Лынгъ. Когда они прибыли домой, Нчжугму посадила Гэсэра въ домъ и заперла, собрала народъ и говоритъ: «Пусть всѣ Лынгцы отъ мала до велика идутъ на войну съ Дыремъ подъ предводительствомъ четырехъ вельможъ (лумбу), Чжарсэя, Тарвы и другихъ, а Гэсэра я не отпущу!» Одна санъ-ёнчинская женщина на это сказала ей: «Посмотри, тутъ-ли онъ? Не ушелъ ли въ окно!» Нчжугму посмотрѣла въ дому, Гэсэра уже нѣтъ; онъ выскочилъ въ окно и ускакалъ.

Гэсэръ подъѣхалъ къ высокой горѣ Рэмисыръ-сарй-рухў; гора была такая высокая, что если человѣкъ станетъ на ея вершинѣ, головой упрется въ небо. Гэсэръ остановился и задумался. Лошадь спрашиваетъ его: «Ты что задумался?» — Думаю, что не перевалить мнѣ черезъ эту гору. «Это не твое дѣло», говоритъ лошадь, «а мое. Ты только смотри, чтобъ у тебя не было за пазухой камней; и мы проѣдемъ». Лошадь покаталась по землѣ и у нея подъ передними ногами выросли крылья. Гэсэръ позвалъ мать, собралъ всѣхъ боговъ небесныхъ и земныхъ и отправился. Конь полетѣлъ. Вдругъ конь вмѣстѣ съ Гэсэромъ упалъ на землю; Гэсэръ осмотрѣлъ себя и нашелъ за пазухой кремень и брусокъ, которые онъ забылъ выбросить. Лошадь отъ этого полета устала и проголодалась и не могла вновь подняться. Гэсэръ срѣзалъ съ своихъ колѣнъ кости и вложилъ ей въ ротъ. Она опять стала сыта. Вновь поѣхали и поднялись на гору. Когда поднялись, ло-

[1]) То есть сохраняя цѣломудріе.

Digitized by Google

шадь спрашиваетъ Гэсэра: «Ты что мнѣ положилъ въ ротъ»? Кость съ своего колѣна, отвѣчаетъ Гэсэръ. Лошадь выплюнула кость и приложила къ колѣну Гэсэра; кость снова приросла.

Съ горы Гэсэръ увидѣлъ всѣ земли, какія есть на свѣтѣ, и сталъ разспрашивать коня. — Это какая земля? спрашиваетъ онъ. «Это, говоритъ конь, Саларская земля, Кугэ-цэрка-рэкшэрь». А это? «Это Ласская (Гуйцынская) Чжачжукъ-марву-цонге-тончжау».—А то что за три монастыря? «Это Гуйга-сэнчже-гэксынъ» (т. е. три монастыря Галданъ, Сэра и Брибынъ).—А то что за три горы? «То три горы братья Лугэ-рпынхсунъ-санчжау, лежащія въ странѣ Монголовъ», сказалъ ему конь.

Въ странѣ царя Хоръ-кэркэръ-чжаву выросло на престолѣ дерево красный зандынъ (зандынъ-марву); на его вершинѣ сорока свила гнѣздо (занцзынъ-тонвурчага-цынъ). Сорока, собирая матеріалъ для гнѣзда, нашла волосъ длиною въ одну сажень цвѣта зеленаго камня ю [1]). Она говоритъ: «Есть три красавицы въ свѣтѣ; одна въ низахъ; это Рчже-чжаза-кунчю [2]), жена китайскаго царя; другая вверху; это Гуйгэ-гуйза-учюкъ, жена тибетскаго царя въ Лассѣ; третья красавица въ Лынгѣ, это Глынга-глынза-чжигэ, жена Гэсэра [3]). Этотъ волосъ упалъ съ головы Гэсэровой жены».

Царь Хоръ-кэркэръ-чжаву кормилъ три рода птицъ; первый родъ нгрва-серьву [4]); потомъ онъ кормилъ двухъ птицъ породы хорыгъ-нагчюнъ [5]); наконецъ еще птицу нэйцу. Кэркэръ-чжаву послалъ хорыговъ въ Лынгъ, нгрва въ Лассу, а нэйцу въ Чжаныкъ посмотрѣть, дѣйствительно ли вѣрны слова сороки.

Нчжугму, жена Гэсэра, видитъ сонъ, будто вода въ морѣ закипѣла, поднялась и заливаетъ Лынгъ; гора развалилась и камни засыпаютъ Лынгъ. Она разсказала сонъ Чотону и говоритъ: либо Гэсэръ погибъ, либо Хоръ-кэркэрово войско идетъ на Лынгъ. Чотонъ отвѣтилъ ей: «Что Гэсэръ погибъ, дѣло возможное; вѣроятно его съѣлъ Дырь. А чтобъ Хоръ-кэркэрово войско пришло на Лынгъ, это дѣло не статочное».

Въ это время прилетѣли двѣ птицы хорыгъ и смотрятъ на Нчжугму. Видятъ, сидитъ прекрасивая женщина; другой такой на свѣтѣ нѣтъ. И волосы ея цвѣта камня ю. Полетѣли хорыгъ въ Кэркэрово царство. Дорогой они увидѣли птицу нгрва; сидитъ на берегу моря. «Видѣла ли жену тибетскаго царя?» спрашиваютъ ее птицы хорыгъ. Птица нгрва отвѣчаетъ: «Не полетѣла я въ тибетское царство. Я нашла здѣсь хорошее мѣсто для житья и не хочу возвращаться въ Хоръ». Летятъ хорыгъ далѣе; прилетаютъ къ лѣсу; тутъ сидитъ птица нэйцу. Птицы хорыгъ спрашиваютъ ее: «Видѣла ли жену царя чжаныковъ?» Та отвѣчаетъ: «Не полетѣла я

---

[1]) Такъ камень называется по-тангутски; по-китайски этотъ камень называется су-эръ-ши. Примѣчаніе разсказчика.

[2]) Гуньчжу по-китайски царевна.

[3]) Тутъ, кажется, разсказчикъ ошибся и привелъ имя матери Гэсэра, вмѣсто имени его жены.

[4]) По-широнгольски эта птица называется лама-мургусы.

[5]) По-широнгольски лаува; это воронъ.

Digitized by Google

въ Чжаныкъ; я нашла здѣсь мѣсто хорошее для житья и не вернусь болѣе въ Хоръ». Птицы хорыгъ сами полетѣли въ Лассу; увидѣли царицу: жирная, чашками пьетъ вино и не пьянѣетъ. Полетѣли въ Чжаныкъ, увидѣли китайскую царицу: жирная, чашками пьетъ вино и не пьянѣетъ. Прилетѣли хорыгъ въ Хоръ, не садятся на землю, кружатся въ воздухѣ. Кэркэръ сказалъ пастуху овецъ, чтобъ убилъ овцу и мясо выложилъ въ полѣ; пастуху коровъ сказалъ, чтобъ убилъ корову и табунщику, чтобъ убилъ лошадь. Пастухи исполнили приказъ царя, но хорыги все таки не спускаются; они сердятся на царя, что онъ отборной пищей кормилъ птицъ *нг*рва и нэйцу, а имъ давалъ худые куски. Царь осердился, натянулъ лукъ, хочетъ стрѣлять по птицѣ; тогда хорыги испугались, спустились на мясо худой собаки и разсказали, что видѣли всѣхъ трехъ красавицъ. Что жена китайскаго царя жирная, пьетъ вино чашками и не пьянѣетъ; можетъ быть, тебѣ она придется по вкусу, а намъ не нравится. Что видѣли царицу тибетскую; жирная, пьетъ вино чашками и не пьянѣетъ; можетъ быть, тебѣ она придется по вкусу, но намъ не нравится. Жена же Гэсэра лучше всѣхъ; красивѣе нѣтъ женщины на свѣтѣ; волосы на ея головѣ цвѣта камня ю.

Кэркэръ-чжаву сейчасъ же отдалъ приказъ, чтобы всѣ, старики, молодые люди, дѣти, женщины, ламы, чтобы всѣ стали солдатами и шли въ Лы*нг*ъ добывать Гэсэрову жену.

Въ Хорской землѣ была птица Хоргисэ-гарву. Она прилетѣла въ Лы*нг*ъ; кто-то изъ слугъ Гэсэра выстрѣлилъ по ней и только перо изъ нея вышибъ. Перо упало на землю. Чжарсэй-чжаву увидѣлъ перо и говоритъ: «Это значитъ, что Хорское войско идетъ. Нужно всему народу собраться».

Дочь хорскаго царя Кунигъ-чжаву, по имени Гари-оло-чючжуръ, говоритъ: «Не годится, что на войну собрали и стариковъ, и дѣтей, и женщинъ; они испугаются и побѣгутъ, за ними побѣгутъ и молодые. На войну нужно брать однихъ молодыхъ». Тогда стариковъ и другой лишній народъ вернули съ дороги; на войну поѣхали одни молодые.

Чагэнъ-чжаву говоритъ: «Не нужно сразу всему войску ѣхать на встрѣчу; нужно прежде послать немногихъ людей посмотрѣть на хорское войско». Совѣтъ этотъ приняли и поѣхали въ эту поѣздку Чагэнъ-чжаву, Чжарчсэй-жаву, Чотонъ-чжаву, старикъ Чими (рчими) ами-кургэль, Тарва, Саянъ и Чагэ-мунго-мончугъ, сынъ Чагэна.

Нчжугму, жена Гэсэра, говоритъ отправляющимся: «Есть гора Содишюма; на ней пасется табунъ (рчинъ); эту гору нужно хорошенько осмотрѣть. Если кони лежатъ, значитъ хорскихъ солдатъ на горѣ нѣтъ; если кони шарахнулись и побѣжали, значитъ хорское войско пришло. Есть гора Соди-вама; на вершинѣ ея пасутся коровы; эту гору нужно хорошенько осмотрѣть; если коровы лежатъ, значитъ хорскаго войска близко нѣтъ; если коровы бѣгутъ, значитъ хорское войско пришло. Есть гора Соди-ку*нг*ма; на ней живетъ тигръ (ртыгъ); эту гору нужно хорошенько осмотрѣть; если тигръ лежитъ, Хоровъ нѣтъ; если тигръ убѣжалъ, значитъ Хоры пришли. Есть мѣсто, гдѣ коней пускаютъ въ бѣгъ (ртачжю танъ);

Digitized by Google

проѣзжайте его, не пуская лошадей въ бѣгъ, а то лошади лишатся силы вскачь бѣжать. Есть мѣсто, гдѣ играютъ на деньги (шорчжигъ-танъ); его проѣзжайте мимо, играть не садитесь».

Пріѣхали товарищи къ мѣсту, гдѣ коней пускаютъ въ бѣгъ. Чжарсэй не хочетъ пускать своего коня, проѣзжаетъ мимо. Чотонъ сказалъ ему: «Ты женскаго приказа послушался!» и пустилъ своего коня въ бѣгъ. Потомъ товарищи пріѣхали въ мѣсто, гдѣ на деньги играютъ. Тарва, Ами-кургэль, Саянъ и Чагэ-мунго, не игравъ, проѣхали мимо, а Чжарсэй, Чагэнъ и Чотонъ сѣли играть.

Хорскіе солдаты пустили первую стрѣлу. Семеро лы*нг*скихъ вельможъ (лумбу) подъѣзжаютъ къ горѣ Содишюма; табунъ убѣжалъ. Они подъѣзжаютъ къ горѣ Содивама; смотрятъ семеро товарищей, коровы убѣжали. Подъѣзжаютъ къ горѣ Содикун*г*ма; тигръ убѣжалъ. Увидѣли изъ этого лумбу, что хорское войско пришло.

Смотрятъ семеро съ горы въ даль, видятъ войско, но хорское ли это или свое лы*нг*ское, ни какъ не могутъ разглядѣть. Старый Ами-кургэль говоритъ: «Ну-ка я посмотрю! Поднимите-ка мои вѣки!» Подняли его вѣки, посмотрѣлъ онъ и такъ испугался того, что увидѣлъ, что не могъ сказать слова, повернулъ лошадь и ускакалъ. Трое товарищей догнали его и говорятъ: «Что же ты не сказалъ, что увидѣлъ?» Старикъ говоритъ: «Я увидѣлъ хорское войско. Нужно намъ скорѣе убираться во свояси!» Остальные лумбу говорятъ старику: «Ты поѣзжай въ Лы*нг*ъ, сиди тамъ въ своемъ домѣ, не выходи и не сказывай, что видѣлъ Хоровъ и что мы поѣхали за ними». Лумбу отпустили старика, а сами поѣхали въ хорское войско.

У Хоровъ было три царя: Куркэръ-чжаву, Кусэрь-чжаву и Куныгъ-чжаву. Трое лумбу Тарва, Саянъ и Мунго поѣхали въ Хорамъ. Ихъ встрѣтила дѣвица и спросила, что они за люди. Лумбу говорятъ: «Мы лы*нг*скіе люди, пастухи, лошадей ищемъ!» Дѣвица позвала ихъ въ ставку царя Куркэра. Тутъ ихъ угостили мясомъ; они мясо съѣли, кости переломали. Пошли далѣе. Ихъ увидѣла дѣвица, прислужница царя Кусэря и спросила, что они за люди. Они опять говорятъ: «Мы лы*нг*скіе люди, пастухи, лошадей ищемъ». Она позвала ихъ къ царю Кусэрю. Здѣсь имъ также дали мяса. Они мясо съѣли, кости переломали, пошли далѣе. Увидѣла ихъ дѣвица, прислужница царя Куныга, спрашиваетъ: «что вы за люди?» Они назвались лы*нг*скими пастухами. Ихъ позвали къ царю и дали мяса; они мясо съѣли, кости переломали, идутъ далѣе. Хорскіе солдаты тѣшатся; положили на землю свои шапки и стрѣляютъ въ цѣль изъ луковъ. Лы*нг*скіе лумбу посмѣялись надъ тѣмъ, что Хоры стрѣляютъ въ шапки. Хоры спрашиваютъ ихъ: «А у васъ въ Лы*нг*ѣ какъ же стрѣляютъ?» «У насъ кладутъ камень, на камень панцырь [1]). Стрѣла разноситъ панцырь на части и камень разбиваетъ въ мелкіе куски». Хорскіе солдаты положили камень, на камень панцырь и попросили лы*нг*скихъ лумбу показать, какъ стрѣляютъ въ Лы*нг*ѣ. Саянъ натянулъ лукъ, призвалъ на помощь небесную мать и всѣхъ боговъ, и выстрѣлилъ; стрѣла его разбила панцырь и расколола камень подъ нимъ на двое. Выстрѣлилъ Тарва и раскололъ ка-

[1]) Переводчикъ широнголъ употребилъ тутъ широнгольское слово чжакуй.

Digitized by Google

мень на четыре куска. Выстрѣлилъ Мунго и раскрошилъ камень въ песокъ. Хорскіе солдаты говорятъ: «Если бѣдные пастухи въ Лынгѣ такіе мѣткіе стрѣлки, то какіе же у нихъ солдаты!» И хорскіе солдаты пустились бѣжать. Трое лумбу поѣхали за ними слѣдомъ и кричатъ имъ: «Наши лошади, должно быть, совсѣмъ потерялись! Безъ лошадей намъ домой возвратиться неловко; мы не вернемся домой, а поѣдемъ съ вами!» Хоры приняли ихъ и Саяну поручили пасти лошадей Куркэра, Тарвѣ лошадей Кусэря и Чагэ-мунго лошадей Куныга. Пропасли товарищи день, пріѣхали поздно вечеромъ. Ихъ спрашиваютъ: «Что вы такъ поздно!» Лумбу говорятъ: «Траву нашли хорошую; мы съ умысломъ замедлили, чтобъ лошади лучше наѣлись». На другой день ночью они совсѣмъ не пріѣхали, пріѣхали утромъ слѣдующаго дня. Ихъ спрашиваютъ, отчего они такъ долго не пріѣзжали. Лынгскіе лумбу говорятъ, траву нашли хорошую, поэтому рѣшили пропасти лошадей въ степи всю ночь. Хоры говорятъ: «Это хорошіе пастухи!»

На слѣдующій разъ лынгскіе лумбу вовсе не пріѣхали; они угнали всѣхъ хорскихъ лошадей въ Лынгъ. Одна хорская лошадь нейдетъ, притворилась усталою; изъ носу худыя сопли текутъ. Тарва осердился на нее и говоритъ: «Я разсѣку эту лошадь пополамъ! половину на небо заброшу, половину на землѣ оставлю!» Но Чагэ-Мунго отговорилъ его: «Это худая лошадь! не стоитъ убивать ее. Оставимъ ее на травѣ». Между тѣмъ это была лучшая изъ всѣхъ хорскихъ лошадей; она называлась Сэрву ксерндугъ [1]) и принадлежала царю Кусэрь-чжаву. По совѣту Мунго, лумбу оставили ее и она убѣжала въ хорскую землю. Сынъ царя Кусэря, поименн Вэйгчжа-сынгэ, сѣлъ на нее и догналъ лынгскихъ лумбу. Тарва застрѣлилъ Кусэрева сына и хочетъ застрѣлить и коня. Мунго говоритъ: «Ты убилъ человѣка, а зачѣмъ еще убивать лошадь!» Потомъ Мунго разрубилъ тѣло Вэйгчжа-сынге на части, два куска навьючилъ на лошадь и отпустилъ ее. На той же лошади догоняетъ ихъ Шянба-мэри. Тарва и Саянъ говорятъ: «Здѣсь насъ догоняетъ уже вторая погоня. Нужно уѣхать отсюда въ горы». И они уѣхали, а Мунго остался одинъ въ долинѣ. Мэри выстрѣлилъ и весь лѣсъ повалилъ на дорогѣ, по которой ѣхалъ Мунго. Не стало проѣзду лынгскому лумбу. Мунго отвязалъ отъ сѣдла мѣшокъ и этимъ мѣшкомъ смелъ весь поваленный лѣсъ въ сторону отъ дороги. Мэри опять выстрѣлилъ и разбилъ гору; камни засыпали дорогу. Чагэ-мунго собралъ всѣ камни въ свой мѣшокъ. Мэри сдѣлалъ море на пути Чагэ-мунго; конь Нигча-глырыгъ, на которомъ ѣхалъ Мунго, выпилъ море. Тогда Шянба-мэри пустилъ двѣ стрѣлы; одна попала въ спину Чагэ-мунго и вышла въ брюхо. Мунго тоже пустилъ стрѣлу; она попала Шянбѣ-мэри въ брюхо и вышла въ черепъ. Шянба упалъ. Конь совѣтуетъ Чагэ-мунго убить Шянбу-мэри, но Мунго вытянулъ свою стрѣлу изъ тѣла Шянбы-мэри и посыпалъ рану землей. Шянба-мэри вернулся въ хорскую землю.

На той же лошади Сэрву-ксерндугъ ѣдетъ изъ хорской земли Тугла-сэргуръ, сынъ царя Кунигъ-чжаву. Чагэ-мунго ѣдетъ со стрѣлой въ животѣ и качается въ

[1]) Золотисто-желтая.

Digitized by Google

сѣдлѣ во всѣ стороны. Тугла-сэргуръ спрашиваетъ у Чагэ-мунго: «Что ты вверхъ посматриваешь?» Чагэ-мунго отвѣчаетъ ему: «Смотрю время, высоко ли солнце?» «Что ты впередъ посматриваешь?» спрашиваетъ Тугла-сургэръ. «Смотрю, гдѣ мои лошади?» «Что ты назадъ посматриваешь?» «Смотрю, не ѣдетъ ли кто».

Подъѣхалъ Тугла-сургэръ поближе, увидѣлъ стрѣлу въ животѣ у Чагэ-мунго, испугался, что прострѣленный насквозь человѣкъ живъ и не падаетъ, и убѣжалъ въ хорскую землю.

Чагэ-мунго проситъ лисицу сбѣгать къ его отцу Чагэну, который остался сзади и сѣлъ играть на деньги, и сказать ему, что сынъ его истомился и умираетъ. «Нѣтъ, говоритъ лисица,—не побѣгу я къ твоему отцу. Ты стрѣлялъ лисицъ и снималъ съ нихъ шкуры на шапки». Чагэ-мунго проситъ бѣлую птицу ргуръ слетать къ отцу его и сказать ему, что сынъ его умираетъ. «Нѣтъ, говоритъ бѣлая птица ргуръ, — гдѣ бы я ни была, ты убивалъ меня, и выщипывалъ мои перья на стрѣлы». Ударила его крыломъ и сказала: «Не полечу къ твоему отцу!» Чагэ-мунго проситъ сороку. Сорока согласилась отнести вѣсть его отцу. Чагэ-мунго надѣлъ ей на шею четки (мани), а къ хвосту привязалъ письмо. Сорока прилетѣла въ то мѣсто, гдѣ Чагенъ игралъ на деньги и уронила передъ нимъ четки. Чагэнъ посмотрѣлъ вверхъ, увидѣлъ сороку, увидѣлъ у ней на хвостѣ письмо, прочелъ его и поѣхалъ къ Чагэ-мунго, а Чжарсэя поставилъ на дорогѣ съ наказомъ: «Поѣдетъ Чотонъ, убей его. Это онъ призвалъ Хоровъ въ Лы*нгъ*!»

Чагэнъ нашелъ лекаря (мамба), который взялся вынуть стрѣлу изъ тѣла Чагэ-мунго. Когда лекарь вынималъ стрѣлу, хорское войско опять пришло. Чагэнъ сталъ стрѣлять и множество народу убилъ. Но у Хоровъ была старуха Аи-дурсы; она окропитъ убитыхъ водою, убитые опять всѣ встанутъ живыми. Хоры убили Чагэна, Чагэ-мунго и мамбу.

Пріѣхалъ Чжарсэй и убилъ множество хоровъ; Аи-дурсы опять окропила водой убитыхъ, всѣ опять встали. Чжарсэй выстрѣлилъ въ Шянбу-мэри; у Шянбы-мэри голова отлетѣла въ небо, вернулась на шею и снова приросла. Шянба-мэри выстрѣлилъ, отшибъ Чжарсэю туловище по поясъ, оно взлетѣло до неба, вернулось къ ногамъ и снова приросло. Не могутъ они убить другъ друга. Ане-гома говоритъ Чжарсэю: «Проглоти иголку». Онъ не разслышалъ и спрашиваетъ у Чотона: «Что говоритъ мать?» Чотонъ подсказалъ ему: «Мать говоритъ—проглоти земли!» Чжарсэй проглотилъ земли и умеръ.

Тогда Хоры подъѣхали къ Лы*нгу*, но въ теченіи цѣлыхъ семи дней не могутъ войдти въ него. Гэсэръ, отъѣзжая, оставилъ въ лхагынѣ семь стрѣлъ; каждый день изъ лхагына вылетала стрѣла и множество Хоровъ убивала. Наконецъ всѣ семь стрѣлъ вылетѣли изъ лхагына. Чотонъ говоритъ Хорамъ: «Что вы не входите въ Лы*нгъ*? Чего боитесь? Гэсэра нѣтъ, въ домѣ осталась одна его жена. Вы женщины боитесь!» Хоры вошли, взяли Нчжугму, все Гэсэрово имущество, скотъ и слугъ и хотятъ поѣхать въ Хорскую землю.

Нчжугму говоритъ хорскимъ царямъ: «Теперь не доброе время, чтобы ѣхать въ Хорскую землю. Если теперь поѣдемъ, наступятъ болѣзни, моръ, голодъ и дру-

Digitized by Google

гія бѣды. Нужно немного обождать». Хорскіе цари послушались, согласились переждать дурное время. Но какъ только приступятъ къ Нчжугму съ словами, что пора ѣхать, она опять говоритъ имъ, что не время, что нужно еще подождать. И такимъ образомъ оттянула отъѣздъ на цѣлый годъ. Она все ждетъ, не пріѣдетъ ли тѣмъ временемъ Гэсэръ. Шянба говоритъ: «Не годится дольше оставаться здѣсь. Нужно во что бы то ни стало ѣхать». Нчжугму говоритъ: «Хорошо, теперь я поѣду. Только прежде, чѣмъ отправиться, нужно сдѣлать большой санъ [1]) и посмотрѣть, будетъ ли благополучна дорога. А чтобы сдѣлать санъ, соберите всѣ луки и стрѣлы, наложите сверху шихпы (можжевельника) и зажгите!» Хоры сложили въ одну кучу луки и стрѣлы, сверху навалили шихпы и зажгли; огромное зарево сдѣлали. Вышла Нчжугму, посмотрѣла на санъ и говоритъ: «Нѣтъ, санъ показываетъ, что еще не время ѣхать. У меня есть ачжа [2]); мнѣ нужно къ ней съѣздить. Она все знаетъ и скажетъ, въ какое время слѣдуетъ выѣхать». Ни какой тетки у ней не было, а на самомъ дѣлѣ въ мысляхъ у Нчжугму было съѣздить на высокую гору и посмотрѣть, не видать ли возвращающагося Гэсэра. Отпустили ее, только не одну, а дали двухъ человѣкъ провожатыхъ. Подъѣхала она къ горѣ и говоритъ: «Вамъ не зачѣмъ ѣхать до моей тетки. Если она увидитъ васъ, испугается; вы останьтесь здѣсь. А чтобъ я не убѣжала, привяжите къ моимъ ногамъ желѣзныя цѣпи».

Взъѣхала она на гору и видитъ, Гэсэръ разбилъ палатку на степи, настрѣлялъ яковъ и сушитъ ихъ мясо. Нчжугму привязала къ сорокѣ письмо. Сорока прилетѣла на мясо, сѣла и кричитъ: «чикъ, чикъ!» Гэсэръ осердился на сороку. «Ты мое мясо клевать прилетѣла», говоритъ. И убилъ сороку, а письма не замѣтилъ.

Вернулась Нчжугму домой. Шянба опять торопитъ ѣхать. Нчжугму говоритъ, что ей хотѣлось бы прежде отправленія еще одного человѣка увидѣть. Опять ее отпустили. Опять она взъѣхала на гору и видитъ, Гэсэръ сушитъ мясо. Она дала браслетъ (ксерлыгъ) въ зубы лисицѣ. Лисица прибѣжала къ Гэсэрову мясу. Гэсэръ хочетъ застрѣлить ее; лисица оскалила зубы, браслетъ и упалъ на землю. Гэсэръ узналъ браслетъ жены, поднялъ его и прочелъ на немъ письмо: «Скорѣе пріѣзжай! Хоры убили всѣхъ лумбу, хотятъ увезти меня, а стрѣлы ихъ всѣ прижжены».

Гэсэръ началъ собираться въ Лы*нг*ъ, но скоро забылъ объ этомъ. Онъ жилъ въ это время съ другой женой Ама-ниму, взятой имъ у Дыря. Подъѣхалъ Гэсэръ однажды къ какой-то рѣчкѣ; стоитъ на берегу лисица, ѣстъ глину и снова ее отрыгаетъ. Тутъ онъ вспомнилъ браслетъ, который отрыгнула лисица, и вспомнилъ, что ему нужно ѣхать въ Лы*нг*ъ. Подъ видомъ этой лисицы являлась ему его небесная мать Ане-гома-чжаму.

Гэсэръ снова начинаетъ собираться въ Лы*нг*ъ, но замѣчаетъ, что конь его

---

[1]) Курево изъ можжевельника.

[2]) Ачжа—широнгольское слово, значитъ «тетка по матери».

Digitized by Google

не въ состояніи ходить. По всей его кожѣ Ама-ниму наколотила гвоздей; она это сдѣлала, чтобы заставить Гэсэра не ѣздить въ Лынгъ, а возвратиться въ землю Дыря. Лошадь плачетъ и говоритъ Гэсэру: «Когда мы жили въ Лынгѣ, лынгская твоя жена кормила меня и холила, а эта, новая жена, взятая у Дыря, во всю дорогу старается какъ бы только испортить меня!» Лошадь совѣтуетъ Гэсэру: «Заколи меня!» Гэсэръ хочетъ заколоть лошадь, но не можетъ. Лошадь говоритъ: «Держи ножъ торчма, я сама напорюсь. Потомъ ты сними мою шкуру, оснимай мясо и выложи на степи. Я перерожусь въ другую лошадь». Гэсэръ поставилъ ножъ торчма и держитъ; лошадь бросилась на ножъ, разрѣзала себѣ животъ повдоль и умерла. Гэсэръ выложилъ ея мясо на степи, а самъ легъ спать. Сквозь сонъ онъ услышалъ ржаніе, проснулся и видитъ, вмѣсто мяса убитой лошади, стоитъ другая прекрасная лошадь.

Гэсэръ стоитъ на горѣ [1]) и видитъ вдали множество какихъ-то людей. Онъ спрашиваетъ у лошади: «Что это за люди?» Лошадь говоритъ: «А ты съѣшь прежде чжу, что не поѣдешь въ Лынгъ, тогда скажу». Гэсэръ съѣлъ чжу (поклялся?). Лошадь говоритъ: «Это Хоры, которые убили всѣхъ лынгскихъ лумбу». «Ойя! [2]) вскричалъ Гэсэръ. Я поѣду сейчасъ въ Лынгъ!» «А ты забылъ, что съѣлъ чжу?» «Ну такъ я пущу въ Хоровъ стрѣлу!» «А чѣмъ будешь стрѣлять въ Дыря?» Въ такомъ случаѣ я брошу камень.» «Камень можешь бросить», сказала лошадь. Гэсэръ схватилъ огромную гору, бросилъ её и перебилъ множество Хоровъ, но Хоровъ много и однимъ ударомъ ихъ не перебьешь.

У Гэсэра былъ младшій братъ Кала-мэмбыръ; отецъ у нихъ былъ общій Санда-рачѝ, мать у Кала-мэмбыра другая,—Дамзà. Кала-мэмбыръ сидѣлъ въ многоэтажномъ домѣ, который вокругъ былъ окованъ желѣзомъ, и молился. Самъ онъ былъ обвязанъ желѣзными цѣпями вокругъ пояса, а четыре конца этихъ цѣпей были натянуты и укрѣплены въ четыре стѣны зданія; выйдти изъ этого дома ему не было никакой возможности. Въ этотъ домъ онъ былъ посаженъ Гэсэромъ для того, чтобы тѣло его сдѣлалось желѣзнымъ и способнымъ на борьбу съ Чигныгъ (рчигныгъ) Асыномъ, желѣзнымъ человѣкомъ хорской земли. Въ семь лѣтъ желѣзо должно было замѣнить мясо; Кала-мэмбыръ просидѣлъ семь мѣсяцевъ и у него выросли только желѣзные когти въ сажень длиной и желѣзные клыки въ сажень длиной.

Старики Чунцэй-гаму [3]) смотрятъ въ окно и видятъ, Кала-мэмбыръ дѣлаетъ стрѣлу. Кала-мэмбыръ замѣтилъ, что на него смотрятъ и сдѣлалъ движеніе, какъ будто хочетъ бросить стрѣлу въ стариковъ. Чунцэй-гаму говорятъ: «Не пугай насъ, а есть люди, которыхъ слѣдуетъ попугать! Хоры увезли жену Гэсэра. Если хочешь бросить стрѣлу, такъ бросай въ Хоровъ».

Кала-мэмбыръ закричалъ въ Санъ-ёнчинъ: «Дайте ключъ отъ моего дома и

---

[1]) Это та самая гора, на которую съ такимъ трудомъ вознесъ Гэсэра его крылатый конь и на которой случился эпизодъ съ кремнемъ и брусомъ.

[2]) Ойя—тангутское междометіе, означающее ужасъ или удивленіе.

[3]) Старикъ и старуха, которые жили въ домѣ Гэсэра.

Digitized by Google

отворите мнѣ двери». Въ Санъ-ёнчинѣ говорятъ: «Что ты одинъ сдѣлаешь? Вотъ подожди, пріѣдетъ Гэсэръ. Вдвоемъ вы вѣрнѣе погубите враговъ». Кала-мэмбыръ призвалъ небесную мать Ане-гома и всѣхъ небесныхъ и земныхъ боговъ и ситъ ихъ изломать домъ, въ которомъ онъ заключенъ. «Если время пришло мнѣ выйдти», говоритъ онъ, «то пусть сѣдло упадетъ прямо на спину лошади, а не на землю; а если время еще не пришло, то пусть упадетъ на землю, а не на спину лошади». Сѣдло упало на спину лошади; небесная мать, боги земные и небесные собрались и разрушили желѣзный домъ.

Вышелъ Кала-мэмбыръ, сѣлъ на коня и закричалъ. Голосъ его загремѣлъ, какъ небесный громъ. «Это что за громъ?» спросилъ Гэсэръ своего коня. «Поклянись, что не пойдешь въ Лынгъ?» говоритъ конь. Гэсэръ поклялся и конь сказалъ ему: «Это Кала-мэмбыръ изломалъ желѣзный домъ и поѣхалъ воевать противъ Хоровъ».

Хоры, увидѣвъ Кала-мэмбыра, обратились въ камни и глину, а три ихъ царя обратились въ птицъ и улетѣли. Нчжугму осталась одна среди степи. Кала-мэмбыръ говоритъ ей: «Ты теперь возвращайся въ Лынгъ!» «Нѣтъ, не поѣду!» говоритъ Нчжугму. «Все равно они снова меня увезутъ, а тебѣ одному съ ними не справиться. А вотъ подожди, когда Гэсэръ пріѣдетъ, тогда вдвоемъ вы одолѣете Хоровъ и отнимете меня». Тогда Кала-мэмбыръ сказалъ ей: «А, вѣрно тебѣ самой хочется остаться у Хоровъ! Я разрублю тебя, если ты не поѣдешь въ Лынгъ». Нчжугму испугалась и вернулась въ Лынгъ, а Кала-мэмбыръ поѣхалъ впередъ. Онъ прирубилъ всѣ камни и всю глину, въ которые обратились Хоры и взъѣхалъ на перевалъ. Идетъ китаецъ и несетъ за плечами желѣзный ящикъ. Въ этомъ ящикѣ сидѣлъ желѣзный человѣкъ Чигнытъ-асынъ [1]). Кала-мэмбыръ убилъ китайца. Мать Ане-гома кричитъ ему съ неба: «Не открывай ящика, а брось его въ море!» Кала-мэмбыръ не разслышалъ и спрашиваетъ Чотона: «Что говоритъ мать?» Чотонъ говоритъ ему: «Она учитъ тебя: пни ящикъ ногой!» Кала-мэмбыръ пнулъ ящикъ, ящикъ раскололся. Желѣзный человѣкъ Чигнытъ-асынъ вышелъ и сталъ бороться съ Кала-мэмбыромъ. Не можетъ одолѣть Кала-мэмбыръ; Асыново тѣло все сплошь желѣзное, а Кала-мэмбырово мясное. Кала-мэмбыръ взглянулъ на небо. «Ты что смотришь вверхъ?» спросилъ его Асынъ. «Смотрю, какъ ѣдетъ сюда Гэсэръ». Асынъ тоже закинулъ голову вверхъ; горло его обнаружилось, а на немъ было небольшое мѣсто изъ мяса. Кала-мэмбыръ укусилъ его въ это мѣсто; два верхнихъ клыка ушло въ животъ, два нижнихъ въ черепъ. Чигнытъ-асынъ умеръ. Ане-гома съ неба кричитъ Кала-мэмбыру: «Сначала вынь твои зубы, потомъ брось Чигнытъ-асына въ море!» Кала-мэмбыръ не разслышалъ ея словъ и спрашиваетъ Чотона: «Что говоритъ мать Ане-гома?» Чотонъ говоритъ ему: «Она учитъ тебя: пни Чигнытъ-асына внизъ! Вотъ какой совѣтъ даетъ Ане-гома». Кала-мэмбыръ, не вынувъ зубовъ, пнулъ Чигнытъ-асына; Чигнытъ-асынъ полетѣлъ въ море и утащилъ за собой Кала-мэмбыра; оба упали въ ядовитое море.

[1]) Разскащикъ постоянно произносилъ Рчигнытъ-асынъ.

Digitized by Google

Мясо свалилось съ костей Кала-мэмбыра. Ане-гома выудила изъ моря все мясо столовыми палочками (турма) и говоритъ Кала-мэмбыру: «Я наложу твое мясо на твои кости и спрысну ихъ животворящей водой (дурцы) и ты снова будешь живъ. Тогда ты снова можешь возвратиться въ Лы*нг*ъ». Но Кала-мэмбыръ говоритъ ей: «Нѣтъ, я не долженъ вовратиться въ Лы*нг*ъ; я долженъ остаться здѣсь на берегу этого моря. Если я уйду, море закипитъ, вода поднимется, зальетъ Лы*нг*ъ и потопитъ людей. Я останусь здѣсь и буду держать море». Послѣ этихъ словъ онъ обратился въ скалу, стоящую на берегу моря. Ходившіе въ Лассу богомольцы разсказываютъ, что на дорогѣ туда можно видѣть эту скалу; она виситъ надъ морскимъ берегомъ; тутъ же можно видѣть и другую скалу, выступающую изъ воды середи моря (озера?); эта послѣдняя есть Чигныгъ-асынъ.

Гэсэръ спустился съ горы. На дорогѣ сидитъ гадатель (мова камлы), гадаетъ и держитъ подъ мышкой фазана. Какъ только увидитъ онъ, что Гэсэръ ѣдетъ, онъ выпуститъ фазана, и фазанъ принесетъ эту вѣсть Дырю. Гэсэръ заѣхалъ съ противуположной стороны и приближается къ гадателю. Узнать истину гадателю мѣшаетъ Ане-гома; она переворачиваетъ шюкуръ [1]). Наконецъ гадателю выпадаетъ: «Гэсэръ пріѣхалъ; фазану не летѣть къ Дырю, шюкера не кидать на землю». Гадатель не можетъ понять, что значатъ эти слова. Въ это время Гэсэръ убилъ сначала фазана, а потомъ и гадателя.

Отъѣхалъ Гэсэръ далѣе и легъ спать. Сидитъ на дорогѣ Ны*нг*са *Нг*азунъ [1]). Онъ посадилъ спящаго Гэсэра въ бубенъ, самъ сѣлъ въ него и понесся къ Дырю. Во снѣ Гэсэръ слышитъ, какъ гремитъ несущійся бубенъ, но не понимаетъ, что съ нимъ дѣлается. Ане-гома разбудила Гэсэра и напомнила ему, что у него въ мѣшкѣ есть гвоздь; посовѣтовала дунуть на него. Гэсэръ дунулъ; гвоздь сталъ ножомъ; тѣмъ ножемъ Гэсэръ разрѣзалъ бубенъ и оба, Гэсэръ и *Нг*азунъ упали на землю. Здѣсь Гэсэръ убилъ *Нг*азуна.

Гэсэръ взъѣхалъ на гору. Стоитъ на горѣ и хочетъ выстрѣлить въ Дыря. Сталъ класть стрѣлу на тетиву, поднялъ стрѣлу отвѣсно; она не вмѣщается подъ небомъ, упирается въ него. Такъ была высока гора, на которой онъ стоялъ. Онъ собралъ всѣхъ боговъ небесныхъ и земныхъ; небесные боги приподняли небо, земные опустили гору. Тогда Гэсэръ натянулъ стрѣлу. Стрѣла спрашиваетъ у Гэсэра: «Убить ли тигра въ степи или пролетѣть мимо? Убить ли яка въ степи или пролетѣть мимо? Убить ли рыбу въ водѣ или пролетѣть мимо? Убить ли выдру (шяма) въ водѣ или пролетѣть мимо? Я хочу ѣсть мяса!» Гэсэръ говоритъ стрѣлѣ: «Не убивай тигра, а лети мимо! не убивай яка, а лети мимо! ие убивай рыбу, а лети мимо! не убивай выдру, а лети мимо! Боги дадутъ тебѣ мясо!» Съ этими словами Гэсэръ пустилъ стрѣлу.

У Дыря было три человѣка; одинъ имѣлъ такія длинныя руки, что могъ доставать ими до неба и хватать подъ нимъ; другой могъ въ даль далеко смотрѣть;

---

[1]) См. подстрочное примѣчаніе на стр. 5.

[2]) *Нг*а по тангутски «бубенъ»; *нг*азунъ «держащій бубенъ».

Digitized by Google

третій могъ слышать, что дѣлается далеко. Летитъ стрѣла Гэсэра и гремитъ, какъ громъ. Дырь говоритъ своимъ людямъ: «Смотрите! что это летитъ?» Тотъ человѣкъ, который могъ въ дали различать предметы, говоритъ ему: «Это воронъ (хорыгъ) несетъ дерево!» То, что показалось этому человѣку, было не воронъ, а обратившаяся въ ворона мать Ане-гома, которая несла стрѣлу Гэсэра. Тогда Дырь закричалъ длиннорукому: «Лови!» Длиннорукій протянулъ руки, но стрѣла обрѣзала ихъ ему; потомъ она видящему въ дали вырѣзала глаза, слышащему далеко отрѣзала уши, самому Дырю срѣзала девять роговъ съ головы и вошла ему въ тѣло.

Тянули стрѣлу изъ Дыря, тянули, не могли вытянуть; призвали плотниковъ; тѣ пилили, пилили, не могли перепилить; призвали кузнецовъ; тѣ плавили стрѣлу, не могли расплавить. Спрашиваютъ у Ама-ниму, жены Дыря, которую онъ похитилъ у Гэсэра [1]): «Есть ли средство вынуть стрѣлу изъ Дыря?» «Не знаю», говоритъ Ама-ниму. «Подумаю!» Она вымыла руки дочиста молокомъ и водой; отерла ихъ можжевельникомъ (шихпа), обернула дабой и начала тянуть стрѣлу. Тянула 10 дней, не могла вытянуть. Тянула мѣсяцъ, не могла вытянуть. Тянула два мѣсяца и 10 дней, вытянула. Взяла въ одну руку чашку съ молокомъ, въ другую стрѣлу; выплеснула молоко въ небо и въ небо же бросила стрѣлу; стрѣла вернулась къ Гэсэру.

Прилетѣла стрѣла и разсказываетъ Гэсэру, что когда она летѣла къ Дырю, помѣшалъ ей лѣсъ; она разрѣзала лѣсъ; помѣшала ей вода, она разрѣзала воду; помѣшала ей гора, она разрѣзала гору; что прилетѣвъ къ Дырю, она срѣзала ему девять роговъ и вошла ему въ утробу; сильные люди тянули стрѣлу, не вытянули; сильные люди ломали ее, не могли изломать, плотники пилили, не перепилили, кузнецы расплавляли, но не расплавили. Ама-ниму вымыла руки молокомъ, вытерла ихъ можжевельникомъ, обернула ихъ дабою и своими чистыми руками вытянула стрѣлу изъ тѣла Дыря. Стрѣла жаловалась, что ей не удалось убить Дыря. Гэсэръ сказалъ ей: «Если бы ты убила Дыря, что же мнѣ осталось бы тогда дѣлать?» И Гэсэръ сдѣлалъ пиръ въ честь стрѣлы.

Дырь ожилъ. У него была корова изъ породы яковъ, Нчжу-рамыръ. Гэсэръ легъ спать, а шубой одѣлся; воротомъ надѣлъ ее на бедра, подоломъ на голову. Пришла корова и навалилась ему на бедра, думая, что легла на голову; еслибь она легла на голову Гэсэра, она раздавила бы ее. Придавленный Гэсэръ не можетъ встать и говоритъ коровѣ: «Если ты царь животныхъ, то я царь Лынга; приди ко мнѣ». Корова не подходитъ къ нему. Гэсэръ опять говоритъ ей: «Если ты хомбу [2]) среди животныхъ, то я хомбу въ Лынгѣ; приди ко мнѣ». Корова не подходитъ къ нему. Гэсэръ опять говоритъ: «Если ты сирота (тула) среди животныхъ, то я лынгскій сирота. Приди ко мнѣ». Корова подошла къ нему и спрашиваетъ: «Ты чего во мнѣ боишься?» Гэсэръ говоритъ: «Я боюсь двухъ твоихъ роговъ». Корова изло-

[1]) Эпизода о томъ, какъ Дырь похитилъ Ама-ниму у Гэсэра, въ тангутскомъ разсказѣ нѣтъ. Выше помѣщенный разсказъ о томъ, какъ Гэсэръ живетъ съ Ама-ниму, по времени долженъ быть поставленъ самимъ читателемъ въ его умѣ послѣ борьбы Гэсэра съ Дыремъ.

[2]) Хомбу по тангутски «князь», «господинъ».

Digitized by Google

мала рога о камень. «А ты чего во мнѣ боишься?» спрашиваетъ Гэсэръ. Корова говоритъ: «Я боюсь шерсти твоей лошади!» Гэсэръ снялъ съ своего коня коверъ и бросилъ его въ сторону, «Еще ты чего во мнѣ боишься?» спрашиваетъ корова. Гэсэръ говоритъ: «Я боюсь твоихъ четырехъ копытъ». Корова сбила о камни свои копыта. «Теперь, думаетъ Гэсэръ, я смогу убить ее!» Корова лизнула его языкомъ и положила себѣ въ ротъ. Гэсэръ закричалъ: «Нѣтъ, это я шутя такъ подумалъ, не взаправду!» Корова положила его обратно на землю. Гэсэръ спрашиваетъ корову: «Ты чего во мнѣ боишься?» Корова отвѣчаетъ: «Я боюсь шкуры на стрѣлахъ» (колчана)! Гэсэръ вынулъ стрѣлы изъ колчана и колчанъ бросилъ въ сторону. «А ты чего боишься во мнѣ?» спрашиваетъ корова. Гэсэръ отвѣчаетъ: «Я боюсь твоего языка!» Корова истерла свой языкъ о камень. Говорить больше и не можетъ; тутъ Гэсэръ и убилъ ее. Мяса навалилъ цѣлую гору, живетъ и ѣстъ мясо. Ане-гома кричитъ ему съ неба: «Поѣзжай къ Дырю!» Гэсэръ не слышитъ, живетъ себѣ и ѣстъ мясо. Тогда Ане-гома сдѣлала вихорь. Вихорь набѣжалъ на Гэсэра и разметалъ его мясо по всей степи; не у чего стало жить Гэсэру и онъ поѣхалъ къ Дырю.

На дорогѣ Гэсэръ встрѣтилъ пастуховъ; это были лы*нг*скіе пастухи, уведенные Дыремъ, но они не узнали Гэсэра. Пастухи говорятъ Гэсэру: «Не ѣзди дальше! Намъ велѣно стрѣлять въ того, кто поѣдетъ!» Гэсэръ спрашиваетъ ихъ: «А ваша стрѣла какъ бьетъ?» «Наша стрѣла семь горъ пробиваетъ!» говорятъ пастухи. Гэсэръ не послушался пастуховъ, поѣхалъ далѣе. Пастухи пустили стрѣлу; стрѣла попала въ гору и разбила ее. Гэсэръ присѣлъ подъ гору и просидѣлъ подъ ней благополучно, только осколкомъ горы разбило ногу его коню. Гэсэръ пустилъ свою стрѣлу и говоритъ ей: «Ты не убивай пастуховъ!» Стрѣла попала въ камень, расколола его надвое и легла возлѣ. Пастухи подошли посмотрѣть и узнали Гэсэрову стрѣлу. Они заплакали и говорятъ ему: «Прости насъ! мы тебя не узнали!»

Гэсэръ вылечилъ ногу своему коню и спрашиваетъ, дома ли Дырь. Пастухи говорятъ, что завтра Дырь поѣдетъ на обо [1]) и велѣлъ приготовить овцу на убой. Гэсэръ велѣлъ зарѣзать назначенную овцу. Зарѣзали ее; Гэсэръ велѣлъ сварить мясо. Пастухи сварили мясо. Тогда Гэсэръ велѣлъ ѣсть его. Когда мясо было съѣдено, Гэсэръ велѣлъ кости сложить вмѣстѣ и прикрыть шкурой. Когда пастухи все сдѣлали, какъ приказалъ Гэсэръ, овца вновь стала жива.

Гэсэръ принялъ видъ ламы-странника и пошелъ въ домъ Дыря. Дырь ѣдетъ на лошади Томбу (ртомбу) рэнчинъ, которая питалась человѣческимъ мясомъ. Дырь сказалъ: ххакъ [2]). Но не могъ сглотить Гэсэра. Дырь схватилъ Гэсэра рукой, но ухватилъ только кусокъ шубы съ его плеча. Послѣ этого Дырь поѣхалъ на обо.

Гэсэръ пришелъ въ домъ Дыря, когда его не было дома. Жена Дыря не узнала Гэсэра. Гэсэръ видитъ, она ткетъ оро (шерстяную матерію); налѣво лежатъ черныя нитки, направо бѣлыя нитки; по правую ея сторону стоитъ чашка съ мо-

[1]) Обо—поклонная куча камней.

[2]) Это междометіе изображаетъ сглатываніе въ родѣ русскаго: хамъ!

Digitized by Google

локомъ, по лѣвую съ водой; волосы на правомъ ея вискѣ заплетены, на лѣвомъ расплетены. Гэсэръ спрашиваетъ жену Дыря, что значитъ, что на лѣвой сторонѣ у нея лежатъ черныя нитки и стоитъ чашка съ водой и на лѣвомъ вискѣ у нея волосы расплетены, а на правой сторонѣ лежатъ бѣлыя нитки и чашка съ молокомъ, и волосы на правомъ вискѣ заплетены? Жена Дыря говоритъ, что молоко, бѣлыя нитки и заплетенные волосы это Гэсэрова доля, а вода, черныя нитки и расплетенные волосы это Дырева доля.

Тогда Гэсэръ принялъ свой настоящій видъ. Жена Дыря говоритъ ему: «Сможешь ли ты убить Дыря?» «Думаю, что смогу», отвѣчаетъ Гэсэръ. «А подними-ка крышку съ этого котла?» проситъ его жена Дыря. Гэсэръ попробовалъ и немного сдвинуть съ мѣста не могъ. «Натяни-ка этотъ лукъ!» проситъ жена Дыря. Гэсэръ и пошевелить лукъ не можетъ. «Выпей-ка эту Дыреву чашку!» предлагаетъ Гэсэру Дырева жена. Гэсэръ былъ въ состояніи втянуть въ себя только одинъ глотокъ; болѣе не можетъ. «Ну, говоритъ жена Дыря, тебѣ не убить Дыря, а онъ тебя скорѣе съѣстъ! Скорѣе уходи отсюда! Дырь скоро долженъ вернуться. Какъ только вернется, такъ и съѣстъ тебя!» «Нѣтъ не пойду!» говоритъ Гэсэръ. «Я здѣсь немного отдохну! можетъ быть потомъ я и подниму крышку котла и натяну лукъ.» Когда Гэсэръ отдохнулъ, онъ попробовалъ поднять крышку. Поднялъ, хочетъ бросить ее на котелъ и говоритъ женѣ Дыря: «Разобью котелъ?» «Нѣтъ», говоритъ та: «Не разбивай! Дырю нуженъ цѣлый котелъ». Гэсэръ взялъ въ руки лукъ Дыря, натянулъ его и говоритъ: «Не порвать ли тетиву?» «Не рви», говоритъ жена Дыря. «Дырю нуженъ цѣлый лукъ». Потомъ Гэсэръ взялъ чашку Дыря и всю разомъ выпилъ. Жена Дыря выкопала возлѣ очага яму и спрятала туда Гэсэра; сверху на яму навалила камень, а сверхъ камня насыпала земли и сравняла такъ, что ямы было не замѣтно.

Пріѣхалъ Дырь и прежде, чѣмъ войдти въ свой домъ, заѣхалъ въ домъ своей матери. Та сидитъ съ голой грудью, спустила передъ шубы на колѣни и ищетъ вшей. Дырь говоритъ ей: «Встрѣтилъ я сегодня нищаго ламу. Погадай, настоящій ли это лама?» Старуха погадала и говоритъ: «Нѣтъ, это не настоящій лама! Не Гэсэръ ли это?» Дырь подалъ матери клочокъ отъ шубы, который онъ оторвалъ съ плеча Гэсэра, и спрашиваетъ: «А вотъ понюхай, чѣмъ эта шерсть пахнетъ? не китайцемъ ли?» Старуха понюхала и вскрикнула: «Э, это Гэсэровъ запахъ!» Дырь поѣхалъ домой. Конь бросился къ очагу и роетъ копытомъ. Жена Дыря Аманиму говоритъ коню: «Ты ѣшь человѣческое мясо! Не хочешь-ли меня съѣсть, что возлѣ меня роешь землю?» И надѣла ему намордникъ.

Дырь говоритъ своей женѣ: «Моя мать гадала мнѣ и у нея выпало, будто Гэсэръ пріѣхалъ». Жена говоритъ Дырю: «Твоя мать стара стала. Это не правда. Спи себѣ спокойно!» «Я самъ погадаю!» говоритъ Дырь. Началъ гадать. Ему выпало: «Осмотри хорошенько у огня!» Дырь сталъ рыть около очага и дорылся до камня. Жена говоритъ ему: «Дорылся до камня, что еще хочешь рыть! Съ умомъ ли ты! Подъ камнемъ что кромѣ камня можетъ быть!» «И то правда!» сказалъ Дырь и легъ спать.

Digitized by Google

Видитъ Дырь во снѣ, будто вышли у него изъ одного уха бѣлая змѣя, изъ другого черная и начали передъ нимъ бороться. Ни та, ни другая не сможетъ осилить; обѣ имѣютъ равныя силы. Черная змѣя это была душа Дыря, бѣлая змѣя это душа Гэсэра. Въ это время Гэсэръ пустилъ стрѣлу. Дырь проснулся и спрашиваетъ у жены: «Это что за громъ?» Жена ему отвѣчаетъ: «Это я золотымъ ковшомъ задѣла за серебряное ведро!» Дырь снова заснулъ. Гэсэръ пустилъ другую стрѣлу, на этотъ разъ съ перомъ совы (уша); такая стрѣла вѣрнѣе бьетъ ночью, чѣмъ другія. Она попала черной змѣѣ въ голову и убила ее. Теперь Дырь убѣдился, что Гэсэръ пріѣхалъ. Онъ выскочилъ изъ дома и сталъ бороться съ Гэсэромъ. Подъ ними земля качается; не могутъ побороть другъ друга. Жена Дыря подала своему мужу шелковый платокъ, а Гэсэру дабовый; Дырь вытеръ платкомъ потъ, шелкъ прилипъ къ его лицу, онъ ничего не видитъ. Жена подсыпала подъ ноги Дыря гороху, а подъ ноги Гэсэра золы. Дырь поскользнулся и упалъ.

Гэсэръ не можетъ связать Дыря ни ремнями, ни арканами. Дырь говоритъ женѣ: «Не связать ему меня, потому что связать меня можно только человѣческими жилами». Въ мѣшкѣ (кунку) на груди Дыря была спрятана человѣческая жила; Дырь припасъ её, чтобы связать ею Гэсэра. Гэсэръ нашелъ эту жилу и связалъ ею Дыря. Жена Дыря пошла за водой и говоритъ Гэсэру: «Будутъ безъ меня приходить многіе люди и твари смотрѣть на Дыря, никого не пускай!»

Приходили многіе люди и Гэсэръ ни кого не впустилъ въ домъ. Прилетѣла птица шиди-шяра («кривая птица») и спустила пометъ въ ротъ Дыря. Это была ачжа[1]) Дыря. Пометъ птицы превратился въ желѣзо, которое съ громомъ начало распространяться по утробѣ Дыря. Пришла жена Дыря, замѣтила пометъ на лицѣ Дыря, спрашиваетъ: «Кто былъ?» «Никого не было», отвѣчаетъ Гэсэръ. «Прилетала только одна птица, которая пустила пометъ Дырю въ ротъ». «Я не велѣла тебѣ никого впускать», сказала Ама-ниму, «а ты впустилъ. Это была его ачжа. Теперь онъ сдѣлается весь желѣзный. Убивай его скорѣе, пока онъ не весь еще превратился въ желѣзо!» Гэсэръ хочетъ зарѣзать Дыря, но не можетъ. Онъ пробовалъ разрѣзать его сверху внизъ, и не могъ; горло уже стало желѣзное; попробовалъ разрѣзать снизу, гдѣ еще тѣло не успѣло стать желѣзнымъ и разрѣзалъ животъ и грудь. Жена Дыря говоритъ Гэсэру: «Выпей этотъ желѣзный сокъ, наполняющій утробу Дыря! Не будешь терпѣть отъ мороза». Но у Гэсэра не хватило силы это сдѣлать. Жена Дыря помазала Гэсэру желѣзнымъ сокомъ только темя и подошвы ногъ.

У Дыря былъ лама по имени Ламангурю. Гэсэръ снялъ съ Дыря шкуру и надѣлъ на себя; убилъ Дырева коня, снялъ съ него шкуру и одѣлъ въ нее своего коня. Поѣхалъ къ Ламангурю будто бы на поклоненіе. Ламангурю принялъ его за Дыря; Гэсэръ убилъ ламу. Потомъ Гэсэръ забралъ все имущество Дыря, весь его скотъ и весь народъ, и пошелъ въ Лынгъ. Въ это-то время онъ остановился подъ горой, съ которой Нчжугму увидѣла его сушащимъ яково мясо.

---

[1]) Ачжа широнгольское слово; значитъ тетка по матери.

Digitized by Google

Золото, серебро и все имущество, скотъ и народъ Гэсэръ оставилъ сзади, а самъ поѣхалъ впередъ. Встрѣчаетъ онъ туловище яка безъ головы; это было тѣло Чагэна, который обратился въ корову, чтобы Хоры не нашли и не убили его. «Ты что за корова?» вскричалъ Гэсэръ. Корова убѣжала въ горы и кричитъ оттуда: «Я Чагэнъ. Мою голову увезли Хоры и прибили на городскихъ воротахъ». Гэсэръ говоритъ ему: «Не бойся меня! Я Гэсэръ!» Корова говоритъ: «Закричи и пусть твой конь заржетъ. Я голосъ Гэсэра и его коня узнаю». Гэсэръ закричалъ; потомъ его конь заржалъ. Тогда якъ спустился къ Гэсэру и говоритъ: «Нужно убить трехъ царей и Шянбу-мэри и вырѣзать изъ ихъ спинъ 808 ремней, которыми связываютъ сѣдла и вырѣзать изъ ихъ губъ 808 ремней на тетивы къ лукамъ. Ты это сдѣлай, а я пойду на небо и тамъ буду ждать».

Ѣдетъ Гэсэръ далѣе. Тарва, убитый Хорами, стрѣляетъ птицъ; онъ уже настрѣлялъ ихъ великое множество, убилъ яка нчжунъ-рэмыръ, мясо его навьючилъ на свою лошадь (собственно на душу лошади) и везетъ. Гэсэръ надѣлъ на себя Дыреву шкуру, на коня надѣлъ шкуру Дырева коня и въѣхалъ на перевалъ. Тарва увидѣлъ его и думаетъ. «Нѣтъ, это не Гэсэръ. Это Дырь. Не буду стрѣлять по нему, а доѣду и ножомъ зарѣжу». Конь говоритъ Тарвѣ: «Нѣтъ, лучше пусти стрѣлу и испытай, не Гэсэръ ли это?» Пустилъ Тарва стрѣлу; Ане-гома спустилась и отклонила стрѣлу. Тарва догадался, что это Гэсэръ и началъ выговаривать ему, зачѣмъ онъ нарядился въ чужую шкуру. «Закричи!» проситъ онъ Гэсэра. «По голосу я повѣрю, что ты Гэсэръ». Гэсэръ закричалъ. Тарва началъ прислушиваться. Во второй разъ закричалъ Гэсэръ. Тарва узналъ его голосъ и подъѣхалъ къ Гэсэру. Ѣдутъ они рядомъ, Тарва и говоритъ Гэсэру: «Я не живой; я одна только душа. Меня убили Хоры». Онъ потрясъ чжакуй[1]) и изъ него посыпалось множество стрѣлъ; онъ снялъ съ коня коверъ, потрясъ его и изъ ковра посыпалось множество стрѣлъ. Гэсэръ далъ ему свою шубу и сказалъ: «Поѣзжай въ Лынгъ, отвези туда мою шубу и тамъ сожги ее, а мясо нчжунъ-рэмыра оставь здѣсь». Тарва взялъ Гэсэрову шубу и поѣхалъ въ Лынгъ. Пріѣхавъ туда, онъ сжегъ шубу. Запахъ отъ Гэсэровой шубы бросился въ носы лынгскихъ людей; они обрадовались, сдѣлались вдругъ сыты и веселы, заслышавъ запахъ Гэсэра. А до того были скучны, голодны, едва двигались. Мать Гэсэра отъ тоски все плакала и лежала, спала девять лѣтъ сряду; подъ конецъ у ней ухо прилипло (приросло) къ землѣ. Запахъ Гэсэровой шубы дошелъ и до ея носа; и она вскочила на ноги, начала ходить. Мясо быка нчжунъ-рэмыра Гэсэръ, при помощи небесныхъ и земныхъ боговъ, отправилъ въ Лынгъ за тѣмъ, чтобы Тарва раздѣлилъ его народу. Тарва раскрошилъ мясо и раздѣлилъ всему народу; недостало только старикамъ Чунцэй-гаму; Тарва отрѣзалъ подошвы своихъ ногъ и далъ имъ. Гэсэръ съ неба увидѣлъ это и сказалъ: «Такихъ мученій, какъ тѣло Тарвы, мое тѣло никогда не испытывало».

Ѣдетъ Гэсэръ далѣе и видитъ, Чжарсэй стрѣляетъ птицъ; множество ихъ онъ

[1]) Чжакуй широнгольское слово: «кольчуга».

Digitized by Google

уже истребилъ. Изъ костей кладетъ престолъ (чы), крови наточилъ цѣлое море. Это были не птицы, а Хоры, обратившіеся въ птицъ. Гэсэръ спрашиваетъ его: «Ты кто?» Тотъ отвѣчаетъ: «Я Чжарсэй; я мертвецъ, потому что Хоры убили меня; у меня нѣтъ головы. А ты кто?» «Я Гэсэръ!» «Закричи! Если ты закричишь, я узнаю тебя». Гэсэръ закричалъ. Чжарсэй узналъ Гэсэра по его голосу и поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ. Чжарсэй говоритъ Гэсэру: «Нужно убить трехъ хорскихъ царей, изъ спинъ ихъ вырѣзать 808 ремней для связыванія сѣделъ, изъ губъ ихъ вырѣзать 808 ремней на тетивы для луковъ. Чотону наложить на ротъ удила, на спину сѣдло, на сѣдло наложить вьюкъ; и ѣздить на немъ такъ долго, чтобъ у него испортилась спина и стала въ язвахъ. Нужно выкопать яму въ землѣ въ 9 саженъ глубиной и зарыть Чотона въ эту яму. Ты это исполни, а я пойду на небо и тамъ буду ждать, когда все это тобой совершится!»

Гэсэръ пришелъ въ Лынгъ. Его отецъ Санда-рачи пасетъ овецъ у Чотона; Чотонъ далъ ему худую шубу одѣваться, а на ѣду каждый день отпускалъ самый маленькій кусокъ мяса. Старикъ положилъ мясо на камень, снялъ съ себя шубу и ищетъ вшей. Гэсэръ обратился въ птицу и унесъ мясо въ пещеру. Старикъ думаетъ: Какъ же я теперь проживу день безъ мяса? Посмотрѣлъ на пещеру, нельзя ли воротить мясо, а въ пещерѣ сидитъ самбава и читаетъ номъ. Это былъ Гэсэръ, обратившійся въ самбаву. Сандарачи пришелъ въ пещеру и спрашиваетъ: «Лама! не видѣлъ ли ты мясо, которое у меня унесла птица и занесла въ твою пещеру?» «Нѣтъ», отвѣчаетъ лама. «Гдѣ же мнѣ видѣть! Я все читаю номъ, гляжу въ книгу, а не по сторонамъ. Если хочешь чаю, то садись, я поднесу?» Гэсэръ поднесъ Сандарачи чашку чаю и блюдо рсамбы [1]), на рсамбу положилъ комокъ масла, ложку и ножикъ. Сандарачи взялъ въ руки чашку чаю, выпилъ и засмѣялся; посмотрѣлъ на чашку, заплакалъ; поѣлъ рсамбы, засмѣялся; посмотрѣлъ на ложку, заплакалъ; поѣлъ масла, засмѣялся; посмотрѣлъ на ножикъ, заплакалъ. «Что ты старикъ», спрашиваетъ его самбава, «то засмѣешься, то заплачешь?» Сандарачи отвѣчаетъ: «Я проголодался; начну ѣсть, радъ сдѣлаюсь и засмѣюсь. Увижу эти вещи, взгляну на чашку, на ложку, на ножикъ, заплачу. Это Гэсэровы вещи! Не пришелъ ли Гэсэръ?» «Гдѣ ужъ теперь Гэсэру придти!» говоритъ самбава. «Дырь съѣлъ Гэсэра! А эти вещи дѣйствительно Гэсэровы; мнѣ подарилъ ихъ Дырь за то, что я читалъ ему номъ».

Старикъ опечалился и говоритъ: «Теперь я пойду домой!» «Погоди старикъ!» остановилъ его самбава. «Кто-то кусаетъ мнѣ шею! посмотри пожалуста за моимъ воротникомъ!» «Какъ же я буду смотрѣть у тебя! Ты вѣдь большой лама!» «Ничего, посмотри». Самбава нагнулъ голову и раскрылъ воротъ. Сандарачи посмотрѣлъ и увидѣлъ у самбавы ниже затылка бѣлое пятнышко; обрадовался и вскрикнулъ: «Ты мой Гэсэръ!»

Гэсэръ говоритъ отцу: «Ты пока паси овецъ попрежнему, ходи пока въ этой худой шубѣ и ни кому не открывай, что я пришелъ. Особенно берегись, чтобъ

---

[1]) Рсамба—жареная ячменная мука.

Digitized by Google

Чотонъ не узналъ». Старикъ ушелъ и отъ радости забылъ наставленіе сына. Онъ переодѣлся въ хорошую шубу, подъ мышку взялъ стрѣлы, плечо продѣлъ въ лукъ и ходитъ. Чотонъ спрашиваетъ его: «Чему ты обрадовался, что такъ разодѣлся?» Сандарачѝ отвѣчаетъ: «Какъ мнѣ не радоваться! Пришелъ человѣкъ, мнѣ пріятный, а тебѣ врагъ». «Кто же это?» «Гэсэръ пришелъ!» Чотонъ далъ старику Сандарачѝ хорошую новую шубу, посадилъ его въ почетное мѣсто и началъ угощать его отборной ѣдой. Проходитъ два дня, Чотонъ угощаетъ старика Сандарачѝ; проходитъ и третій день. Чотонъ говоритъ: «Вотъ уже три дня прошло, а твой Гэсэръ не приходитъ. Ты все это навралъ». Чотонъ проткнулъ старику носъ, продѣлъ въ носъ веревку и привязалъ къ дверямъ. Въ этотъ самый часъ приходитъ Гэсэръ подъ видомъ нищаго ламы и проситъ подать ему милостыню, немножко рсамбы. Чотонъ кричитъ слугамъ: «Дайте нищему рсамбы и отошлите его поскорѣе прочь». Лама видитъ, три собаки привязаны на цѣпи у дверей и спрашиваетъ у слугъ, что это значитъ, что на каждой изъ нихъ повѣшено по три колокольца и по три красныя кисти. Слуги говорятъ, что одна кисть повѣшена въ знакъ того, что Чотонъ богатый человѣкъ, другая въ знакъ того, что лы*н*скій народъ усмиренъ и удрученъ. «А третью кисть пришло время снять съ собакъ и бросить!» говоритъ лама. Чотонъ изъ дома кричитъ слугамъ: «Что тамъ этотъ нищій лама много лишняго болтаетъ! Спустите на него собакъ, пусть его заѣдятъ!» Слуги спустили собакъ, лама схватилъ собакъ за рты и разорвалъ ихъ. Собаки умерли. Чотонъ испугался и велитъ себя положить въ тулунъ [1]) и подвѣсить къ потолку.

Гэсэръ вошелъ въ домъ Чотона; его посадили въ почетное мѣсто; жена Чотона угощаетъ его; подносятъ ему въ даръ дорогія шубы и серебряные уборы съ женскихъ волосъ. Гэсэръ говоритъ: «Ничего мнѣ этого не нужно! мнѣ нужно только вотъ тотъ тулунъ, что подвѣшенъ къ потолку. Дайте его мнѣ!» Жена стала говорить, что его нельзя дать, но потомъ подала тулунъ Гэсэру. Гэсэръ оперся на тулунъ, вынулъ шило и кольнулъ тулунъ. Шило оказалось коротко. Гэсэръ вынулъ ножъ и ножемъ кольнулъ тулунъ. Чотонъ не вытерпѣлъ, обратился въ голубя и вылетѣлъ изъ тулуна. Гэсэръ обратился въ птицу ча и погнался за нимъ. Чотонъ обратился въ рыбу, Гэсэръ въ звѣря шямъ, который ѣстъ рыбъ (выдру?) и поймалъ Чотона. Гэсэръ надѣлъ на Чотона узду, положилъ на него сѣдло, сѣлъ на него и поѣхалъ; собралъ весь народъ, половину народа пустилъ съ правой стороны, половину народа съ лѣвой стороны. У Чотона отъ тяжелаго вьюка сдѣлалась рана на спинѣ; ротъ отъ узды разодрался до ушей. Гэсэръ забралъ Чотоново серебро, весь его народъ и скотъ. Потомъ выкопалъ яму въ 9 саженъ глубиной и на днѣ ея привязалъ Чотона. Надъ ямой Гэсэръ сдѣлалъ надпись: «Ѣдущіе внизъ и ѣдущіе вверхъ! Здѣсь подъ камнемъ привязанъ Чотонъ. Что бы онъ вамъ ни обѣщалъ, не поднимайте камня и не выпускайте Чотона». Чотонъ кричитъ изъ ямы: «Кто откроетъ камень и выпуститъ меня, тому я дамъ золота и серебра». Ѣдущіе услышатъ крикъ, подъѣдутъ къ камню, но прочитаютъ надпись и отъѣдутъ прочь.

[1]) Тулунъ широнгольское слово, означаетъ шкуру, снятую мѣшкомъ.

Digitized by Google

Одна монахиня (чжома) погналась за богатствомъ, которое обѣщаетъ Чотонъ, отвалила камень и подала ему веревку отъ своего странническаго мѣшка. Чотонъ вылѣзъ, схватилъ женщину, столкнулъ въ яму на свое мѣсто и прикрылъ камнемъ.

Теперь Гэсэръ поѣхалъ къ Хорамъ. Хорскій царь Кэркэръ наставилъ по дорогѣ заставы, чтобъ не пропускать ѣдущаго Гэсэра. На дорогѣ росъ лѣсъ ланма гожудуй (ива); Кэркэръ-чжаву велѣлъ этому лѣсу, когда будетъ проѣзжать Гэсэръ, сойтись вмѣстѣ и раздавить его. Гэсэръ ѣдетъ; лѣсъ начинаетъ сходиться, промежутокъ между деревьями все болѣе и болѣе съуживается, осталось только коню проѣхать. Гэсэръ ударилъ коня плетью и проскочилъ; лѣсъ прижалъ только хвостъ коню. Гэсеръ вынулъ ножъ и махнулъ имъ позади себя; онъ обрѣзалъ листья съ деревъ и отрѣзалъ конецъ хвоста коню.

Ѣдетъ Гэсэръ далѣе. Сидятъ семь дѣвицъ хорьги ому рпындунъ; онѣ поѣдаютъ людей, которые проигрываются у нихъ въ игру шӧ шӧрденъ. Подъѣхалъ къ нимъ Гэсэръ; дѣвицы предлагаютъ ему сѣсть и поиграть въ кости. Началъ Гэсэръ играть и проигралъ съ себя всё: шубу, все платье, коня, все что было съ нимъ. «Играй еще!» уговариваютъ его дѣвицы. «У меня больше ничего нѣтъ!» говоритъ имъ Гэсэръ. «Играй на твою душу! Можетъ быть отыграешься!» Гэсэръ спросилъ у Ане-гома, что ему дѣлать. Ане-гома говоритъ: «Дома ты позабылъ плеть. Её поставь на ставку и скажи дѣвицамъ: до сихъ поръ вы бросали нчжи шӧ ноху, т. е. «черныя чертовкины кости», а теперь, скажи, я буду бросать лха шӧ гарьву, т. е. «бѣлыя божьи кости». Гэсэръ поставилъ плеть на ставку и сказалъ дѣвицамъ, что прежде онѣ бросали черныя чертовкины кости, а что теперь онъ будетъ бросать бѣлыя божьи кости. Дѣвицы согласились. Гэсэръ вынулъ изъ своего мѣшка бѣлыя кости, началъ играть, отъигралъ все свое проигранное, выигралъ все, что было у дѣвицъ и играетъ на ихъ души. Выигралъ душу у старшей дѣвицы и отрубилъ ей голову; выигралъ душу у второй дѣвицы и тоже отрубилъ ей голову. Играя далѣе, онъ поочередно отрубилъ головы шести дѣвицамъ; осталась седьмая дѣвица, по имени барчигъ самби тончжу. Она была красавица; Гэсэръ оставилъ её и хочетъ увезти съ собой. Ане-гома говоритъ: «Это нчжи, «чертовка». Подними у ней волосы и посмотри!» Гэсэръ поднялъ волосы; подъ волосами весь черепъ былъ покрытъ глазами и ртами. Она ѣла людей. Гэсэръ пробуетъ убить её ножомъ, но не можетъ. Онъ выслалъ ея душу изъ ея тѣла и она умерла.

Гэсэръ ѣдетъ далѣе. Тутъ были два камня палунъ нготугъ (нготугъ—«толкучіе»). Они сходились и расходились; сходясь, они раздавливали проходящихъ между ними людей. Подъѣхалъ Гэсэръ и видитъ, изъ подъ камней ручей крови течетъ. Гэсэръ говоритъ камнямъ: «Съ малаго разстоянія вамъ не раздавить меня. Разойдитесь какъ можно далѣе и оттуда пуститесь другъ къ другу. Тогда съ большаго разбѣга ударъ будетъ сильнѣе и вы расшибете меня». «И правда вѣдь!» сказали камни. Они разошлись далеко, далеко. Гэсэръ разогналъ коня и проскочилъ между камнями; камни ударились другъ о друга и разбились въ мелкіе осколки.

Digitized by Google

Далѣе Гэсэръ подъѣзжаетъ къ топи нямбыгъ шянцзынъ. Не знаетъ, какъ проѣхать, и призвалъ на помощь Ане-гома. Та говоритъ ему: «Помолись хозяину земли Улу-ксыгла-рэнчин'у и попроси его на одинъ день просушить тропу по серединѣ топи». Гэсэръ помолился Улу-ксыгла-рэнчину; высохла середи топи полоса земли и Гэсэръ проѣхалъ.

Городъ царя Кэркэръ-чжаву былъ обнесенъ тремя стѣнами; подъ первой стѣной была вода непроходимая; подъ второй стѣной лѣсъ густой, въ которомъ бродятъ тигры; третья стѣна была выше всѣхъ, въ 1500 саженъ высотой. На ея вершинѣ сидѣла Нчжугму и пряла шелковую нитку. Гэсэръ перевалилъ черезъ три перевала и увидѣлъ Кэркэровъ городъ и Нчжугму, сидящую на вершинѣ городской стѣны; нить, которую она прядетъ, спускается до самой земли. Анегома обратилась въ невидимую сороку, принесла въ клювѣ огонь и прикоснулась къ шелковой нити; нить перегорѣла. Нчжугму не видѣла сороки и кричитъ Гэсэру, который въ это время, принявъ видъ нищаго ламы, проходилъ мимо города: «Лама! лама! моя нитка порвалась и упала. Подай её мнѣ!» Гэсэръ поднялъ нитку, но прежде, чѣмъ подать её Нчжугму, онъ смѣрялъ нитку. Нитка вышла длиной 1500 саженъ; такимъ способомъ онъ узналъ высоту городской стѣны. Смѣрявъ нитку, онъ подалъ её на вершину стѣны. Нчжугму спрашиваетъ его: «Лама! откуда ты идешь?» Лама отвѣчаетъ: «Я иду отъ Дыря въ Лассу». «Не слыхалъ ли чего о Гэсэрѣ? Онъ ли убилъ Дыря, Дырь ли убилъ Гэсэра?» Лама говоритъ, что слышалъ, будто Дырь съѣлъ Гэсэра. Нчжугму говоритъ ламѣ: «Прими-ка лама! вотъ у меня есть серебро и деньги. Отнеси ихъ въ Лассу; пускай ламы почитаютъ номъ. У меня умеръ отецъ». Не сказала, чтобъ по Гэсэрѣ читали номъ. Гэсэръ взялъ серебро и деньги и сталъ камнемъ мельчить серебро. «Зачѣмъ ты это дѣлаешь?» спрашиваетъ Нчжугму. Лама отвѣчаетъ ей: «Въ Лассѣ ламъ много. Чтобы раздѣлить между ними поровну, нужно серебро разбить на самые мелкіе куски!» «Твоя правда», сказала Нчжугму.

Гэсэръ легъ на дорогѣ спать. Идетъ по дорогѣ дочь Кэркэра за водой. Подошла къ Гэсэру и говоритъ: «Лама, лама! встань! У насъ воды нѣтъ въ домѣ; мнѣ нужно за водой пройдти». Гэсэръ отвѣчаетъ ей на это: «Я человѣкъ, который семь лѣтъ уставалъ, я человѣкъ, который одинъ мѣсяцъ голодалъ. У меня силъ нѣтъ встать. Если ты не считаешься важностью, обойди кругомъ, а не то перешагивай черезъ меня, если хочешь». Дочь Кэркэра перешагнула черезъ Гэсэра. Идетъ за водой дочь царя Куныга и говоритъ Гэсэру: «Лама, лама! встань! у насъ въ домѣ нѣтъ воды, мнѣ нужно пройдти за водой». Гэсэръ отвѣчаетъ ей: «Я семь лѣтъ уставалъ, проводя все время въ дорогѣ; я цѣлый мѣсяцъ голодалъ. Я не въ силахъ встать. Если не считаешься родомъ, то обойди кругомъ; а считаешься родомъ, то перешагни черезъ меня». Дѣвица говоритъ: «Если моя мать прядетъ, да нитка оборвется и упадетъ на землю, я и черезъ ту не смѣю перешагнуть; а ты большой лама. Какъ я рѣшусь перешагнуть черезъ тебя!» И она обошла его кругомъ. Пришла къ водѣ; смотритъ въ воду; тамъ лежитъ половина золотой серьги (ксерке налунъ). Хочетъ взять серьгу и не можетъ. Это было отраженіе въ водѣ. Въ ея

Digitized by Google

ухѣ тоже была не цѣлая серьга, а половина; она вынула изъ уха этотъ обломокъ и приложила къ той серьгѣ, которая лежала въ водѣ. Вышло, что это были двѣ половинки одной серьги. Она взглянула вверхъ на дерево, которое стояло надъ водой. Тамъ въ вѣтвяхъ сидѣлъ Гэсэръ. Дѣвица замѣтила въ его ухѣ половину серьги; ея-то отраженіе и было въ водѣ. Пошла она домой. Гэсэръ опять сидитъ на дорогѣ, принявши видъ бѣднаго ламы. Дѣвица говоритъ ему: «Лама! не придешь ли въ домъ моего отца почитать номъ?» Гэсэръ говоритъ: «Приду!» «Если ты согласенъ придти», говоритъ дѣвица, «то подожди здѣсь, а я напередъ спрошу отца и мать, и если они велятъ, то я приду за тобой и приведу подъ тебя лошадь». Гэсэръ думаетъ: «Нѣтъ, подъ видомъ ламы тутъ нельзя оставаться». И какъ только она ушла, онъ обратился въ мальчика, варившаго для народа ѣду и стоящаго передъ пустыми котлами, подъ которыми еще тлѣлись не погасшіе угли. Нгарэ-олу-чючжуръ, дочь царя Куныга, опять пришла и спрашиваетъ: «Мальчикъ! не видѣлъ ли ты ламу? Куда онъ дѣвался?» Мальчикъ отвѣчаетъ ей: «О, этотъ лама, о которомъ ты спрашиваешь, великій хобильганъ; онъ былъ здѣсь подъ видомъ множества народа, котораго я угощалъ; теперь этотъ народъ весь ушелъ». «Что же мнѣ теперь дѣлать?» думаетъ дѣвица. «Я обманула отца и мать, сказавши, что я нашла ламу. Не пойдешь ли ты, мальчикъ, къ намъ въ пастухи!» Пойду, говоритъ мальчикъ. Она думаетъ: «Этого нужно взять теперь же съ собой, чтобы вновь не обмануться. Садись на лошадь сзади меня!» говоритъ она мальчику. Гэсэръ сѣлъ сзади дѣвицы; спина у лошади изломалась. Какъ теперь быть? думаетъ дѣвица. И отца съ матерью обманула, что ламу нашла, и лошадь съ изломанной спиной приведу! Она плачетъ и упрекаетъ мальчика. Мальчикъ увѣряетъ ее, что это она сама изломала спину у лошади, а что онъ легкій. Онъ сѣлъ на травинку и травинка подъ нимъ не погнулась. Онъ сѣлъ на овечій шарикъ, и шарикъ подъ нимъ не расплюснулся, остался цѣлый. Дѣвицѣ стало стыдно. Тогда мальчикъ говоритъ ей: «Не печалься! спина у коня будетъ цѣла». Только онъ сказалъ это, спина у коня выздоровѣла и они поѣхали въ домъ царя Куныга, Гэсэръ сѣлъ впереди, а царевна сзади. Царь Куныгъ принялъ Гэсэра въ пастухи и далъ ему имя Нгари-сынгы-тангниръ, т. е. «внѣ найденный человѣкъ».

Днемъ Гэсэръ пасетъ овецъ на степи, а на ночь пригоняетъ ихъ въ городъ и ложится спать между ними. Дочери Куныга приснился сонъ, будто бы въ Хорскую землю изъ Лынга пришелъ волкъ съ открытой пастью и поѣлъ хорскихъ коровъ. Она говоритъ: «Что это за мальчикъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ, мнѣ снится волкъ, пришедшій изъ Лынга. Не кладите его на слѣдующую ночь спать между овцами, а положите между лошадьми». Приказъ ея исполнили. На слѣдующую ночь ей приснился звѣрь томъ [1]) съ открытой пастью, пришедшій, изъ Лынга и поѣвшій Хоровъ. Она говоритъ: «Что это за мальчикъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ, мнѣ снится звѣрь томъ, пришедшій изъ Лынга. Положите

[1]) Переводчикъ перевелъ это слово широнгольскимъ кыушинъ и пояснилъ, что это звѣрь въ родѣ чернаго волка. Кыу-шинъ по китайски медвѣдь.

Digitized by Google

его на слѣдующую ночь не между лошадьми, а въ нашъ домъ». Приказъ ея опять исполнили. Тогда ей приснился тигръ (ртыгъ), пришедшій изъ Лыѓа и поѣвшій Хоровъ. Дѣвица, дочь царя Куныга, опять говоритъ: «Что это за мальчикъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ, мнѣ началъ сниться тигръ, пришедшій изъ Лыѓа? Положите его на слѣдующую ночь подлѣ меня».

Нчжугму отъ царя Кэркэра родила мальчика, верхняя половина золотая, нижняя серебряная. Кэркэръ по этому случаю устроилъ восемнадцатидневный пиръ (ртому). На пиру устроена была скачка. Чжарсэй думаетъ: «Не хватитъ у Гэсэра силъ на бѣгъ».

Гэсэръ въ это время ловилъ яковъ; вырылъ яму, наложилъ на нее петлю и ловилъ яковъ (нчжунъ). Чжарсэй увидѣлъ это съ горы и хочетъ подъѣхать, но прямо по дорогѣ подъѣхать нельзя, Гэсэръ перекопалъ ее своей ямой. Чжарсэй хотѣлъ справа по горѣ объѣхать и спуститься къ Гэсэру, но Гэсэръ закричалъ ему: «Не ѣзди тамъ! Тамъ вся земля перекопана мною и усѣяна ямами на яковъ». Тогда Чжарсэй объѣхалъ по горамъ съ лѣвой стороны и подъѣхалъ къ Гэсэру. Одинъ якъ попалъ ногой въ петлю; Гэсэръ тащитъ его въ одну сторону, быкъ тянетъ въ другую; Гэсэръ не можетъ осилить быка. Чжарсэю быкъ кажется мышью хата. Онъ удивляется, что Гэсэръ не можетъ справиться съ мышью. Онъ помогъ Гэсэру оттащить быка отъ ямы и убить его. «Какъ повеземъ его?» спрашиваетъ Гэсэръ. Чжарсэй говоритъ: «Не хитро свезти; положимъ на спину моей лошади да и все тутъ». Положили; спина у лошади переломилась. Чжарсэй заплакалъ. «Какъ я теперь безъ коня буду?» говоритъ. «Дни мои кончились!» Не бѣда, говоритъ Гэсэръ. Конь твой будетъ цѣлъ. Гэсэръ вылечилъ коня Чжарсэя. Раздѣлили мясо пополамъ; половину навьючили на Чжарсэева коня, половину на Гэсэрова, и пріѣхали въ мѣстность Лунва-ксындо. Гэсэръ поклалъ мясо въ котелъ и началъ варить. Чжарсэй думаетъ: «Неужели онъ будетъ ѣсть мясо мыши?» Сваривъ мясо, Гэсэръ сталъ угощать Чжарсэя, тотъ сначала не ѣстъ. Потомъ взялъ одно ребро попробовать, началъ ѣсть, наѣлся до сыта, а ребра не могъ докончить и говоритъ: «Однако ребра не могъ докончить, а сытъ. Должно быть это не мышь, а якъ. Если это такъ, то Гэсэръ въ состояніи пустить своего коня въ бѣгъ!»

Чжарсэй говоритъ Гэсэру: «Я видѣлъ здѣсь гору, на которой лежитъ множество перьевъ. Хорошо бы этими перьями окрылить наши стрѣлы!» Гэсэръ говоритъ: «Это правда, что есть такая гора; но при подошвѣ горы перьевъ не такъ еще много, а вотъ на вершинѣ ея такъ дѣйствительно много». Поѣхалъ Чжарсэй къ горѣ; ѣдетъ, ни какъ ни доѣдетъ. Уже день къ концу приходитъ, а онъ все еще до горы не доѣхалъ. Онъ началъ безпокоиться; въ это время поднялся сильный вѣтеръ, подхватилъ его и занесъ въ пещеру. Чжарсэй осмотрѣлся; пещера въ отвѣсной скалѣ; и надъ входомъ въ пещеру отвѣсная скала, вскарабкаться нельзя; и подъ входомъ отвѣсная скала; спуститься нельзя. Чжарсэй заплакалъ. Видно, мнѣ здѣсь умереть придется, думаетъ онъ. Внизъ отъ пещеры спуску нѣтъ и ни одинъ человѣкъ никогда не поднимался въ эту пещеру. Гэсэръ стоитъ внизу у подошвы горы и тоже плачетъ. Наконецъ Гэсэръ говоритъ: «У меня есть средство спустить

Digitized by Google

тебя изъ пещеры, но дашь ли мнѣ слово (кэлынъ, условіе), что дашь мнѣ два комка глины, одинъ бѣлый, другой черный?» Чжарсэй подумалъ: «Отчего не согласиться на такое условіе. Бѣлую и черную глину вездѣ достать можно!» Онъ далъ Гэсэру слово, что дастъ ему два комка глины, одинъ бѣлой, другой черной. Поднялся снова вѣтеръ, выдернулъ Чжарсэя изъ пещеры и поставилъ на равнинѣ. Чжарсэй спрашиваетъ у Гэсэра: «Что ты разумѣлъ подъ бѣлой и черной глиной?» Гэсэръ отвѣчаетъ: «Ганьчжуръ и Танчжуръ». «О, это сверхъ моихъ силъ дать тебѣ!» сказалъ Чжарсэй. Гэсэръ сказалъ ему: «Ты не печалься. Я могу тебѣ это дѣло сдѣлать. Ты только доставь восемь вьюковъ бумаги». Гэсэръ собралъ всѣхъ боговъ небесныхъ и земныхъ. Навезли бумаги и золота, которымъ пишутъ. Боги начали писать. Поднялся отъ писанья такой шумъ, что въ Лынгѣ услышали. Спрашиваютъ: «Что это за шумъ въ мѣстности Лунва-ксындо?» Жители Лынга послали ночью на быкахъ двухъ женщинъ, дочь Чагена и дочь Чотона и велѣли имъ взъѣхать на гору и посмотрѣть. Женщины взъѣхали на гору и видятъ на Лунва-ксындо [1]) зажжено множество свѣчъ, земля, какъ цвѣтокъ, горитъ, но людей не видятъ. Боги, какъ только женщины взглянули на Лунва-ксындо, сейчасъ же оставили работу и улетѣли. Еслибъ женщины не выѣзжали на гору, Ганьчжуръ-Танчжуръ былъ бы докончень богами; теперь же у него немного не достаетъ до конца.

Когда начали пускать въ бѣгъ лошадей на праздникѣ, который сдѣлалъ царь Кэркэръ, видятъ, скачетъ какой-то молодецъ на черной лошади въ черной шубѣ; обогналъ всѣхъ и ускакалъ; всѣ дивуются, что это за молодецъ. Дочь царя Куныга спрашиваетъ отца, кто проскакалъ? Кунигъ говоритъ: «Не знаю! Такой дорогой шубы я еще никогда не видалъ, такого лихого коня тоже никогда не видалъ, да и такого удалаго мальчика въ Хорахъ никогда не бывало». На другой день опять обогналъ всѣхъ кто-то въ бѣлой шубѣ на бѣломъ конѣ. «Кто это, отецъ?» спрашиваетъ Нгари-оло-чючжуръ, дочь царя Куныга. Кунигъ говоритъ: «Не знаю. Такой дорогой шубы еще никогда не видалъ, такого лихого коня тоже не видывалъ, да и такого красиваго мальчика въ Хорахъ прежде никогда не было».

Когда Кунигъ сталъ собираться на праздникъ къ царю Кэркэру, пастушокъ Нгари-сынгы-тангниръ проситъ и его взять съ собою. «Куда тебѣ на такой богатый праздникъ!» говоритъ царь. «Ты вонъ какой худой! Сопли у тебя по губамъ висятъ!» Мальчикъ твердитъ свое: возьми да возьми! Кунигъ говоритъ ему: «У царя Кэркэра есть сильный человѣкъ Чжакэ-нигу-сыгтунъ; онъ стоитъ въ дверяхъ, руками держится за косяки, а ноги разставилъ. Князья, ламы, богатые люди проходятъ у него между ногами. Онъ не пропуститъ тебя и убьетъ!» «А ты спрячь меня въ полу твоей шубы?» проситъ пастушокъ. Дочь тоже стала просить отца, чтобы онъ взялъ пастушка. Кунигъ взялъ его, завернулъ въ уголъ шубы и повезъ. Когда Кунигъ сталъ проходить въ дверяхъ, пастушокъ высунулъ го-

[1]) Ксунъ «три»; ндо «устье»; лунва «рѣка»; лунва ксундо «устье трехъ рѣкъ».

Digitized by Google

лову изъ подъ шубы, завернулъ её къ верху и смотритъ на Чжакэ. Тотъ увидѣлъ его и схватилъ, чтобы начать бороться съ нимъ. Гэсэръ сразу забросилъ его на небо, и такъ это сдѣлалъ быстро, что народъ не разглядѣлъ, куда Чжакэ дѣвался. Одни говорятъ: на небо пролетѣлъ! Другіе говорятъ: въ землю провалился! Прилетѣлъ Чжакэ-нигу-сытунъ на небо; небесные боги спрашиваютъ: «Кто тебя сюда закинулъ?» Тотъ отвѣчаетъ: «Гэсэръ». «А, Гэсэръ!» говорятъ боги. «Это хорошо». Каждый богъ ударилъ его по головѣ и отщипнулъ кусочекъ его тѣла. Потомъ боги столкнули его на землю. Здѣсь встрѣтили его земные боги, спрашиваютъ: «Откуда ты?» Чжакэ говоритъ: «Гэсэръ забросилъ меня на небо, а небесные боги столкнули меня сюда». «А, Гэсэръ тебя забросилъ! Это хорошо!» Каждый богъ ударилъ его по головѣ и отщипнулъ кусочекъ тѣла. Ощипали съ него все мясо, оставили голыя кости. Кэркэръ и всѣ Хоры радуются, говорятъ: У насъ теперь есть сильный человѣкъ! Теперь пусть-ка придетъ Гэсэръ! Есть кого выслать ему на встрѣчу! Нечего его теперь бояться!

Гэсэръ жалуется царю Куныгу, что къ нему во время пастьбы овецъ каждый день приходятъ пастухи Кэркэра и Кусэра, сковываютъ его цѣпями и бьютъ молотомъ, что и ему самому нужно запастись цѣпью и молотомъ, а не то Кэркэровы и Кусэровы пастухи убьютъ его. Нужно имѣть цѣпь въ 1500 саженъ длиной и 1500 стремянъ (юченъ), каждое въ одну сажень высотой. Куныгъ говоритъ Гэсэру: «Ты не ходи сегодня пасти овецъ; я самъ пойду вмѣсто тебя». Царь надѣлъ на себя худое платье и пошелъ со стадомъ въ степь. Гэсэръ, оставшись дома, превратился въ толпу Кэркэровыхъ и Кусэровыхъ пастуховъ. Эти пастухи догнали Куныга, сковали его и начали бить его молотами. Пришелъ домой Куныгъ и говоритъ: «Ты правду разсказывалъ! Неужели они такимъ же образомъ били тебя каждый день?» «Каждый день такъ били», говоритъ Гэсэръ. «Но у меня нѣтъ столько желѣза, сколько ты просишь». Гэсэръ говоритъ Куныгу: «У твоихъ дверей лежитъ большой камень; внутри его все желѣзо; нужно только разбить его. Ты дай мнѣ только одну сажень цѣпи и одно стремя, да позволь мнѣ взять этотъ камень, остальное я самъ сдѣлаю». Куныгъ далъ ему сажень цѣпи, одно стремя и позволеніе взять камень. Гэсэръ собралъ всѣхъ боговъ небесныхъ и земныхъ, сталъ ковать съ ними желѣзо и говоритъ: «Какъ быть? Скованный молотъ полетитъ въ небо. Какъ бы Тугла-сургеръ не испугался, чтобъ молотъ его не убилъ?» Тугла-сургеръ говоритъ: «Ничего, я спрячусь въ домъ». Тугла-Сургеръ спрятался, но не вытерпѣлъ долго сидѣть, высунулъ голову посмотрѣть. Въ это время молотъ летѣлъ съ неба назадъ на землю, угодилъ ему въ щеку и убилъ его.

Гэсэръ взвалилъ тѣло Тугла-сургера себѣ на спину, отнесъ въ степь и распялъ его на перекресткѣ дорогъ, руки и ноги приколотилъ вдоль дорогъ гвоздями, въ ротъ положилъ ему навозъ, въ руки далъ метлы, на грудь положилъ камень. Люди, проходившіе по дорогамъ, видѣли распятаго Тугла-сургера и разсказали объ этомъ въ народѣ. Дошелъ слухъ и до царя Куныга. Куныгъ спрашиваетъ Гэсэра: «Ты убилъ моего сына? Зачѣмъ его такъ положилъ? зачѣмъ

Digitized by Google

распялъ на перекресткѣ дорогъ, въ руки вставилъ метлы, въ ротъ положилъ навозъ, на грудь навалилъ камень?» Гэсэръ говоритъ: «Руки и ноги его я растянулъ по дорогамъ за тѣмъ, чтобы дурныя повѣтрія не приходили съ четырехъ сторонъ; навозъ въ родъ положилъ, чтобы твой народъ и ты всегда хорошую ѣду имѣли; метлы вставилъ въ его руки, чтобы травы и корма въ твоемъ царствѣ всегда были хороши; камень на груди значитъ, чтобъ у Хоровъ были желѣзныя сердца». Царь остался доволенъ отвѣтомъ. Гэсэръ сковалъ себѣ молотъ, 1500 саженъ цѣпи и 1500 стремянъ, каждое стремя въ одну сажень высотой.

Гэсэръ приснился Кэркэру въ видѣ бога и учитъ его сходить погадать къ дочери Куныга, приснился богомъ и дочери Куныга и научилъ ее сказать царю Кэркэру, чтобы онъ въ пятнадцатую ночь не затворялъ дверей и зажегъ бы по всему дому свѣчи, потому что въ эту ночь къ нему придетъ богъ.

Въ пятнадцатую ночь Гэсэръ пришелъ къ дому Кэркэра съ цѣпью и молотомъ. Богъ Чагена бросилъ цѣпь на городскую стѣну; цѣпь не зацѣпилась крюкомъ за стѣну и упала назадъ. Богъ Чжарсэя бросилъ цѣпь; крюкъ опять не зацѣпилъ за стѣну и цѣпь опять упала. Богъ Чотона бросилъ цѣпь и она зацѣпилась; богъ Чотона былъ очень сильный. Гэсэръ полѣзъ по цѣпи на стѣну. Подулъ вѣтеръ; Гэсэръ остановился въ раздумьи, не смѣетъ лѣзть дальше. Въ это время явились Ане-гома и боги небесные и земные и подсадили Гэсэра. Взлѣзъ Гэсэръ на стѣну. Здѣсь онъ поймалъ женщину-чертовку нчжиму-рчики-нацырженъ (чертовка съ желѣзной серьгой) и спрашиваетъ ее: «Твоя душа что-такое?» «Моя душа иголка», отвѣчаетъ женщина. «А твоя?» «А моя душа стебелекъ травы», отвѣчаетъ Гэсэръ. «Помѣняемся душами!» предлагаетъ Гэсэръ. Женщина согласилась. Гэсэръ далъ ей стебелекъ травы; женщина изломала его. Гэсэръ взялъ иголку отъ женщины; въ которую сторону погнетъ ее, въ ту сторону женщина и отходитъ. Видитъ Гэсэръ внизу зеленая черепица настлана. Это что такое? спрашиваетъ онъ у женщины. «Черепичная крыша», говоритъ женщина. «Такъ ли это?» спрашиваетъ Гэсэръ. «Будто это вода, а черепицей только кажется. Если это не вода, то брось свое запястье». Старуха бросила запястье; оно застучало, ударившись о черепицу. Гэсэръ увѣрился, что это не кажущаяся вода и спустился на черепицу. Это была крыша дома Кэркэра. Гэсэръ вошелъ въ домъ, такъ какъ онъ былъ отворенъ по совѣту дочери Куныга, и началъ давить Кэркэра. Кэркэръ спросилъ его: «Ты намти или ргети? Если ты намти, я поставлю тебѣ чжулы [1]), только оставь давить меня!» «Я ргети!» сказалъ Гэсэръ. «Если ты ргети, то возьми мой домъ и все мое богатство, но не убивай меня! Я уйду отсюда въ другое мѣсто». «Нѣтъ», говоритъ Гэсэръ. «Я долженъ убить тебя!» Гэсэръ кольнулъ его шиломъ; шило оказадось коротким. Онъ вынулъ ножъ, но и ножемъ ничего не могъ сдѣлать. Гэсэръ вырѣзалъ тысячу восемь ремней изъ спины Кэркэра для связыванія сѣделъ, Кэркэръ промолчалъ. Гэсэръ вырѣзалъ тысячу восемь ремней изъ губъ Кэркэра на тетивы къ лукамъ, Кэркэръ промолчалъ. Гэсэръ ткнулъ ножомъ въ бокъ Кэркэра. Кэркэръ

[1]) Чжула—курительная свѣча, сожигаемая передъ статуями боговъ.

Digitized by Google

крикнулъ: «Больно» (аса)! Только послѣ этого крика Гэсэръ сталъ въ состояніи убить Кэркэра.

То же сдѣлалъ Гэсэръ и съ Кусэремъ, а Куныга не убилъ, а только выслалъ его душу изъ его тѣла. Головы Кэркэра, Кэсэря и Куныга положилъ въ ящикъ и поставилъ въ домъ Нчжугму, когда она уходила въ небо. Головы Куныга и Кусэря говорятъ головѣ Кэркэра: «Мы говорили тебѣ, не увози Нчжугму! Не совладать тебѣ съ Гэсэромъ. Вотъ теперь и ты погибъ и насъ погубилъ вмѣстѣ съ собою». Нчжугму услышала разговоръ головъ. Ея сердце теперь повернулось къ Кэркэру. Она осердилась на Гэсэра и хотѣла убить его. Она бросилась на него съ ножомъ. Гэсэръ спрятался за столбъ, къ которому вяжутъ лошадей. Нчжугму срѣзала только верхушку дерева. Гэсэръ связалъ Нчжугму, забралъ все имущество Кэркэра, Кусэря и Куныга и поѣхалъ въ Лынгъ. Дорогой онъ вспомнилъ, что у Нчжугму былъ сынъ и что онъ оставилъ его не убитымъ. Нчжугму оставила сыну два колоба изъ рсамбы (ячменной муки), одинъ замѣшанный на маслѣ, другой на крови Кэркэра, и оставляя ихъ, сказала сыну: «Если быть тебѣ живымъ, ты схватишь и съѣшь колобъ на маслѣ; если быть тебѣ убитымъ, ты съѣшь колобъ, замѣшанный на крови твоего отца!»

Мальчикъ съѣлъ колобъ, замѣшанный на крови Кэркэра. Увидѣвъ подъѣзжающаго Гэсэра, мальчикъ выдернулъ изъ потолка матицу и согнулъ ее вмѣсто лука, тонкую перекладину изъ крыши положилъ вмѣсто стрѣлы и хочетъ убить Гэсэра. Гэсэръ схватилъ его и придавилъ къ землѣ. Когда въ первый разъ давнулъ, сынъ Нчжугму вскричалъ: Шого-лоло! не бей, знакомецъ! Когда во второй разъ давнулъ, ребенокъ вскричалъ: Аку-лоло! не бей, дядя! Когда Гэсэръ придавилъ его въ третій разъ, ребенокъ вскричалъ: Ава-лоло! не бей отецъ. Послѣ этого Гэсэръ убилъ его. Если бъ мальчикъ началъ съ рѣчи: «не бей отецъ!» Гэсэру не убить бы его.

Когда Гэсэръ вернулся къ Нчжугму, она сказала: «У меня что-то заныла грудь. Должно быть ты убилъ моего сына?» Гэсэръ отвѣтилъ ей: «Не убивалъ твоего сына, не маралъ руки!» (чю-шилику-масыръ-ку-лыгъ-мазуръ).

Поѣхалъ Гэсэръ въ Лынгъ. Вьюки съ хорскимъ богатствомъ остались сзади, Гэсэръ ѣдетъ вдвоемъ съ Нчжугму. За то, что онъ много народу убилъ, у него выболѣли оба глаза; онъ ослѣпъ. Ѣда у нихъ вышла; Нчжугму проголодалась и плачетъ. Гэсэръ натянулъ лукъ и говоритъ: «Если въ степи бѣгаетъ животное, направь на него мою стрѣлу». Въ степи былъ якъ (нчжу). Нчжугму направила стрѣлу на яка, Гэсэръ отпустилъ ее и убилъ яка. Мясомъ его они стали сыты.

Нчжугму сдѣлала большой рсанъ; сложила огромный костеръ изъ можжевельника (шихпа) и багульника (суркурь), зажгла его и велѣла Гэсэру надъ дымомъ рсана протирать глаза, а сама просила Ане-гому возвратить Гэсэру зрѣніе. Анегома спустилась въ преисподнюю (нялвый), принесла оттуда глаза и вставила Гэсэру. Послѣ того подошли вьюки съ богатствомъ хорской земли. Теперь богатство Дыря и богатство хорскихъ царей соединились въ Лынгѣ и Лынгъ разбогатѣлъ.

Digitized by Google

Гэсэръ дожилъ до глубокой старости. Страна, гдѣ родился Кала-мэмбыръ и гдѣ жила его мать, называлась Ндамь. Одинъ ндамскій овечій пастухъ пустилъ стрѣлу въ Гэсэра и убилъ его.

Ами-салунъ [1]).

ВАРІАНТЪ Б.

Первый отрывокъ. Мать Гэсэра звали Манчжаму. Прежде чѣмъ Гэсэру родиться, отецъ его умеръ, оставивъ беременную вдову. Дядя Гэсэра, младшій братъ его отца, по имени Ака-Чотонъ, захватилъ все имущество и скотъ своего брата, а беременную вдову сослалъ на островъ, окруженный съ трехъ сторонъ рѣкой, давъ ей кобылу, корову и собаку, тоже беременныхъ. Онъ разсчитывалъ, что пойдетъ большой дождь, вода въ рѣкѣ прибудетъ и вдову вмѣстѣ съ ея скотомъ унесетъ и она потонетъ. Но этого не случилось; въ другомъ мѣстѣ вездѣ идетъ дождь, а надъ островомъ свѣтитъ солнце; въ другомъ мѣстѣ выпадаетъ снѣгъ, а надъ островомъ свѣтитъ солнце. Вдова однажды пошла собирать дрова и нашла копьеце отъ стрѣлы (джебе). Здѣсь въ одиночествѣ она стала родить; родила семьдесятъ двухъ ребенковъ; родится ребенокъ и улетитъ на небо; подъ конецъ родила гудзе [2]) и положила его въ скрытное мѣсто. Въ это же время и кобыла ожеребилась, корова отелилась и собака ощенилась. Жеребенокъ не беретъ сосцевъ матери, теленокъ не сосетъ и щенокъ не сосетъ. У вдовы была эгичъ (старшая сестра); она видитъ, что солнце взошло. Что бы такое это значило? Она отправилась къ сестрѣ и спрашиваетъ: не родила ли ты? Нѣтъ, не родила, отпирается та. Да правда ли? Не скрывай, признайся. Родила, отвѣчаетъ вдова; семьдесятъ двухъ родила, но всѣ улетѣли на небо. Послѣ того родила баранье гудзе. Эгичъ говоритъ ей: дай, я разорву! Нѣтъ! говоритъ мать. Нужно осторожно разрѣзать его найденной мною стрѣлой. Разрѣзали, а внутри гудзе лежитъ прелестный ребенокъ. Какъ только ребенокъ взялъ въ ротъ грудь матери, тотчасъ и жеребенокъ припалъ къ вымени кобылы, теленокъ къ вымени коровы и щенокъ къ вымени суки.

Дядя Ака-Чотонъ увидѣлъ во снѣ, что солнце взошло, догадался, что Гэсэръ-чжаву родился. Онъ перенесъ его на колючій кустарникъ и прикрылъ колючками. Ребенокъ самъ (на третій день) разворочалъ колючки и пришелъ къ матери. На третій день по рожденіи онъ могъ уже говорить. Когда онъ подросъ, Ака-Чотонъ говоритъ ему, что онъ раздѣлитъ съ нимъ наслѣдство. Гэсэръ взялъ гору, лодку и дымъ отъ всѣхъ домовъ. Мать говоритъ Гэсэру: Что ты будешь дѣлать съ этимъ? Гэсэръ отвѣчаетъ: Безъ дыму какъ они будутъ варить, а лодка, подожди, тоже

---

[1]) Ами-салунъ, тангутъ, родомъ изъ мѣстности Ду-и (къ с. отъ монастыря Лабрана, на южномъ склонѣ горы Хара-улы), старикъ лѣтъ 60-ти. Онъ разсказывалъ сказку по тангутски; лама Сэрэнъ, широнголецъ, переводилъ ее на монгольскій языкъ. Ами-Салунъ многія мѣста ея пѣлъ. Тангуты говорили намъ, что стихи изъ Гэсэра поются во время свадебныхъ пировъ.

[2]) Гудзе по монгол. «желудокъ».

Digitized by Google

пригодится. Пришли къ рѣкѣ три дѣвицы и просятъ перевезти ихъ на лодкѣ. Гэсэръ проситъ за перевозъ права жениться на перевезенной. Младшая, самая красивая, согласилась стать его женой. Имя ея было Мзабонъ-ичй.

Самбуренъ-ханъ вздумалъ жениться. Онъ послалъ пословъ узнать, гдѣ есть красивыя женщины, и они принесли ему извѣстіе, что нѣтъ краше жены Гэсэръ-хана ни въ странѣ тэнгри, ни въ странѣ Лосунай-хана. Самбуренъ-ханъ посылаетъ ворону; она, полетавъ, возвращается къ хану и поетъ: «Крылья мои отъ летанья отрепались, кулунъ, кулунъ! клювъ отъ добыванія пищи обкрошился, кулунъ, кулунъ! ногти отъ выкапыванія пищи притупились, кулунъ, кулунъ!» Самбуренъ-ханъ говоритъ: «Я заколю тебѣ барана. Ѣшь!» Самбуренъ-ханъ посылаетъ сороку. Сорока возвращается съ припѣвомъ: «Крылья мои отъ летанья отрепались, чакъ, чакъ! клювъ мой отъ добыванія пищи обкрошился, чакъ, чакъ!» и т. д. И ей Самбуренъ-ханъ велитъ заколоть барана. Горлица (кугушкѣ) возвращается съ припѣвомъ: «Крылья мои отъ летанья отрепались, гӯггу-угӯ, гӯггу-угӯ!» и пр. Ханъ и ей велѣлъ заколоть барана. Наконецъ былъ посланъ журавль (тогурюнъ) и онъ возвратился съ тою же жалобой. Самбуренъ-ханъ даетъ ему бѣлое пятно на лобъ и косичку на затылокъ.

Другой отрывокъ. Кэсэръ-чжаву отправляется возвращать свою жену Мзабынъ-ичи, увезенную чудовищемъ, которое питалось человѣческимъ мясомъ. Когда онъ пришелъ къ дому чудовища, послѣднее отсутствовало. Дома была только его жена. Она вырыла яму, посадила въ нее Гэсэра, сверху прикрыла доской, на ней изъ тѣста сдѣлала семь горъ, семь долинъ и семь рѣкъ. Пришло чудовище и говоритъ: «Я слышу запахъ человѣка!» Жена говоритъ: «Какъ не быть человѣческому мясу, когда ты имъ питаешься!» Тогда чудовище опять говоритъ: «Нѣтъ, это запахъ Гэсэра». Онъ призвалъ ворожею; тотъ погадалъ и сказалъ: «Гэсэръ близко. Онъ за семью горами, за семью долинами и за семью рѣками». Чудовище поѣхало искать Гэсэра; проѣхало семь горъ, семь долинъ и семь рѣкъ и не нашло его. Вернулось чудовище и легло спать. Въ это время Гэсэръ натянулъ лукъ и выстрѣлилъ, но стрѣла его не могла долетѣть до чудовища. Чудовище услышало и спрашиваетъ жену: «Что это такое зазвенѣло?» Жена говоритъ: «Это я мою котелъ». Успокоилось чудовище и снова заснуло. Тогда Гэсэръ выстрѣлилъ во второй разъ; стрѣла пролетѣла далѣе, но все таки не достигла до чудовища. «Что такое?» опять спрашиваетъ чудовище. «Это я пряду, говоритъ жена, и мое веретено жужжитъ». Опять успокоилось чудовище и вновь заснуло. Тогда Гэсэръ въ третій разъ выстрѣлилъ и стрѣла попала въ сердце чудовищу, но не убила его. Чудовище заболѣло. Жена допрашиваетъ его, гдѣ его смерть. Чудовище говоритъ: Есть три дерева (дальнѣйшая часть отвѣта чудовища осталась не записанною). Женщина сообщаетъ эту тайну Гэсэру, но въ это время сердце ея измѣняетъ Гэсэру и она говоритъ чудовищу, что Гэсэръ здѣсь.

Дзундуй [1]).

[1]) Дзундуй, лама, родомъ изъ Сань-чуани, разсказывалъ по-широнгольски, но варіантъ, вѣроятно, тангутскій. Дзундуй не знаетъ монгольскаго письма, но знаетъ тибетскую грамоту.

Digitized by Google

ВАРІАНТЪ В.

Были Аяни Самба-гарву и Маяни Бурчжанъ-чжаму. У нихъ было три сына; старшій назывался Тончженъ, второй Тончжонъ, а младшій Тончжу-гарву. Отецъ Самба-гарву на разсвѣтѣ пустилъ стрѣлу, чтобъ узнать, которому изъ трехъ братьевъ спуститься на землю и стать Гэсэромъ. Стрѣла упала противъ младшаго сына. Въ полдень отецъ бросилъ камень; и камень упалъ противъ младшаго сына; въ третій разъ отецъ Самба-гарву на закатѣ солнца бросилъ кости (по-тангутски шӧ); и въ третій разъ на костяхъ выпало младшему сыну. Самба-гарву говоритъ сыну Тончжу: «Ты долженъ идти на землю и стать Гэсэромъ». Тончжу говоритъ: «Нѣтъ земли положить ламскую шапку; нѣтъ земли положить верхнее одѣяніе ламы; нѣтъ земли положить ламскіе сапоги». Отецъ говоритъ: «Ламское платье сними съ себя и иди на землю». Тогда Тончжу въ видѣ птицы, у которой передъ золотой, задъ серебряный и цвѣта раковины, съ желѣзными когтями, съ глазами, какъ джула [1]), спустился въ Ланъ на верхушку юрты (курь), въ которой жила Ане-чжаму. Анечжаму увидѣла птицу и сказала: «Это добрый знакъ, что бѣлая птица спустилась. Худо, когда черная птица спускается». И поднесла ей мясо цѣлаго барана. Потомъ Тончжу въ томъ же видѣ спустился на верхушку юрты, въ которой жилъ Аку-Чотонъ. Тотъ, увидѣвъ ее, сказалъ: «Это дурно, что бѣлая птица спустилась. Хорошо, если черная птица спускается. А эта птица дурная вещь. Нужно на нее бросить пескомъ, нужно чѣмъ-нибудь дурнымъ бросить въ нее; нужно застрѣлить ее!» Онъ взялъ лукъ и стрѣлу. Тончжу-гарву возвратился къ отцу и говоритъ, что онъ не пойдетъ на землю. Тогда отецъ Самба-гарву погнался за нимъ; Тончжу убѣжалъ на небо, но и отецъ поднялся на небо; Тончжу спустился на землю, но и на землѣ нашелъ его отецъ; Тончжу бросился въ воду, и Самба-гарву бросился въ воду. Теперь Тончжу нѣтъ болѣе мѣста скрыться; онъ обратился въ маленькій камешекъ, лежащій на берегу. Отецъ Самба-гарву въ сердцахъ проглотилъ этотъ камень. Теперь нѣтъ Гэсэра. Самба-гарву сѣлъ на высокую гору; долго онъ сидѣлъ. На мѣсто, гдѣ онъ мочился, пришелъ олень (по-тангутски имӯ) и началъ пить мочу; цѣлый годъ пилъ онъ ее. Камешекъ вошелъ въ его утробу. Самба-гарву говоритъ своему слугѣ: «Иди слѣдомъ за оленемъ; онъ родитъ желудокъ; ты разрѣжь его ножомъ снизу вверхъ, а не сверху внизъ» (т. е. лезвіемъ вверхъ, а не внизъ). Слуга разрѣзалъ лезвіемъ внизъ и вынулъ изъ желудка дѣвочку. Если бъ онъ выпоролъ желудокъ иначе, вышелъ бы Гэсэръ. Самба-гарву сталъ кормить дѣвицу и далъ ей имя Томба-цаму-герь. Когда она достигла возраста невѣсты, къ Самбѣ-гарву пріѣхалъ гость Рачи-Самба, привезъ мяса и сталъ угощать Самба-гарву. Самба-гарву съѣлъ все мясо. Тогда Рачи-Самба говоритъ: «У тебя есть дѣвица, а у меня нѣтъ жены. Отдай дѣвицу за меня. За этимъ я и привезъ мясо, за этимъ я и угощалъ тебя». Самба-гарву отказывается выдать за него дѣвицу.

[1]) Курительная свѣча.

Digitized by Google

Тогда Рачи-Самба говоритъ: «Въ такомъ случаѣ подай мое мясо!» Самба-гарву отвѣчаетъ ему: «Теперь у меня мяса нѣтъ; подожди, пригонятъ скотъ, зарѣжу барана и отдамъ». «Нѣтъ, говоритъ Рачи-Самба, теперь же подай!»

Рачи-Самба легъ на дорогѣ и спитъ. Томба-цаму-герь поѣхала по дорогѣ къ стадамъ овецъ, увидѣла лежащаго Рачи-Самба и говоритъ ему: «Встань, дай проѣхать!» Рачи говоритъ: «Если ты не торопишься, то объѣзжай кругомъ; если торопишься, то переѣзжай черезъ меня». Томба объѣхала его. Ѣдетъ она обратно. Рачи-Самба опять лежитъ и спитъ. Дѣвица опять говоритъ ему: «Встань, дай проѣхать». Рачи-Самба снова предлагаетъ ей или объѣхать или переѣхать черезъ него. Томба-цаму-герь осердилась и переѣхала черезъ него. Тогда Рачи-Самба схватилъ ея коня и говоритъ ея отцу Самбѣ-гарву: «Теперь ты долженъ отдать мнѣ твою Томба-цаму-герь!»

Самба-гарву отдалъ дѣвицу Томба-цаму-герь. Отпуская жениха и невѣсту, Самба-гарву послалъ повара проводить ихъ. Поваръ, вернувшись, сказалъ Самбѣ-гарву: «Твоя дочь, взъѣхавъ на перевалъ, не оглянулась и не оплакала свою разлуку съ тобой». Самба-гарву спросилъ дѣвицу, правда ли это. Томба-цаму-герь говоритъ, что она трижды взглянула назадъ и оплакала разлуку съ роднымъ домомъ, но Самба-гарву не повѣрилъ и проклялъ ее, велѣлъ ей съ ея мужемъ поселиться при соединеніи трехъ рѣкъ и далъ имъ только ветхій баныкъ [1]), старую кобылу, старую корову и старую собаку.

Томба-цаму-герь родила Гэсэра; кобыла родила жеребенка по имени Чжиланъ; корова родила теленка по имени Чюнкырь и собака родила щенка по имени Тонджюгъ. Аку-Чотонъ узналъ, что у Томба-цаму-герь родился ребенокъ и пошелъ посмотрѣть, не Гэсэръ ли это. Увидѣлъ, что родился крошечный ребенокъ и говоритъ: «Какой это Гэсэръ! Это вовсе не Гэсэръ». Аку-Чотонъ сказалъ объ этомъ Рдурю, но посовѣтовалъ ему все таки убить ребенка. Рдурь послалъ на Гэсэра крутящееся огненное колесо Рдурги-чжугу-рыгчжа (въ родѣ того, на которомъ китайцы сучатъ нитки). Гэсэръ предвидѣлъ это и говоритъ матери: «Завтра ко мнѣ придетъ гость. Ты разложи на его дорогѣ огонь». Колесо Чжугу-рыгчжа прикатилось въ огонь и сгорѣло. Посмотрѣлъ Аку-Чотонъ, Гэсэръ живъ. Послѣ того Рдурь наслалъ большой снѣгъ въ ростъ человѣка, но при соединеніи трехъ рѣкъ, гдѣ стоялъ баныкъ Томбы, смотритъ Аку-Чотонъ: свѣтлое солнце; снѣгъ растаялъ. Рдурь послалъ тогда птицу Чунъ-ченъ-гарву. Гэсэръ говоритъ матери: «Завтра придетъ ко мнѣ гость. Ты вымой руки водой и бѣлой водой (т. е. смѣсью воды съ молокомъ), положи меня на чистое блюдо, поднеси ему и посовѣтуй прямо проглотить, не разжевавъ». Чунъ-ченъ-гарву прилетѣла; мать все такъ сдѣлала, какъ сказалъ Гэсэръ и проситъ птицу не жевать, а прямо проглотить ребенка. «Да что тутъ и жевать-то? говоритъ Чунъ-ченъ-гарву. Такая маленькая вещь легко пройдетъ черезъ мое горло и не разжеванная». Птица проглотила Гэсэра. Гэсэръ, очутившись внутри птицы, схватилъ ея сердце и убилъ ее. Тогда Рдурь посылаетъ

[1]) Баныкъ, черная палатка, обыкновенное жилище кочевыхъ тангутовъ.

Digitized by Google

на Гэсэра собаку Рдурги-чимы-камбыръ. Гэсэръ говоритъ матери: «Ну, теперь съѣстъ меня собака! Не знаю средства избѣжать гибели. Положи меня на землю». Онъ сдѣлалъ изъ травы дэрису лукъ и стрѣлу, изъ конскаго волоса тетиву, выстрѣлилъ и убилъ собаку.

Теперь, Гэсэръ думаетъ, надо жениться. Онъ посылаетъ трехъ птицъ порухъ (ворона), пыхти (голубя) и чига (сороку) искать невѣсту. Чига и пыхти не нашли невѣсты, а воронъ нашелъ дѣвицу Нчжигму, у которой каждый волосъ состоялъ изъ трехъ суставовъ: первый суставъ золотой, второй серебряный, а третій изъ камня ою [1]). Воронъ прилетѣлъ къ Гэсэру, но не спускается на землю. Гэсэръ спрашиваетъ: «Что не спускаешься, воронъ?» Воронъ отвѣчаетъ: «Я много леталъ, усталъ, хочу ѣсть мяса, гулынъ, гулынъ!» Гэсэръ убилъ барана, положилъ мясо на степи; воронъ все таки не спускается. Гэсэръ убилъ корову и всю тушу выложилъ на степи, но и тогда воронъ не спустился. «Чего же тебѣ надо?» спрашиваетъ Гэсэръ. Воронъ отвѣчаетъ: «Спущусь, если ты убьешь лошадь Чжиланъ, гулынъ, гулынъ!» Нѣтъ, говоритъ Гэсэръ. Этого сдѣлать нельзя. Другой такой лошади нѣтъ на свѣтѣ. «Ну, такъ я не спущусь», говоритъ воронъ. Тогда Гэсэръ взялъ лукъ и хочетъ застрѣлить ворона. Воронъ испугался и спустился.

Гэсэръ поѣхалъ къ невѣстѣ. На немъ была худая, изорванная шуба. Нчжигму спрашиваетъ: «Который мой женихъ?» Ей указываютъ на одѣтаго въ худую шубу: «Вотъ твой женихъ Мангнай Шилö» (такое было прежнее имя Гэсэра). Нчжигму посмотрѣла на его худую шубу и говоритъ: «Нѣтъ, это не мой женихъ! Я за такого худого не пойду!»

У Гэсэра было двѣ жены. Одну увезъ Рдурь. Гэсэръ ѣдетъ возвращать жену. На пути онъ встрѣчаетъ два камня Палынъ-котыгъ, которые сходятся и расходятся. Онъ говоритъ имъ: «Вы мало расходитесь; на моей родинѣ есть Палынъ-котыгъ; тѣ хорошіе Палынъ-котыгъ; они далеко расходятся». Камни послушались Гэсэра и далеко разошлись и когда ударились, то только хвостъ отсѣкли у лошади проѣзжавшаго между нимя Гэсэра. Гэсэръ ѣдетъ далѣе и встрѣчаетъ гору изъ семи ступеней; она называется Рдурги-Ларгу. Гэсэръ думаетъ, что невозможно переѣхать черезъ эту гору. Но конь говоритъ ему: «Я могу перескочить черезъ эту гору, ты только по разу ударь меня на каждой ступени да не бери съ собой никакого камня». Стегнулъ Гэсэръ коня, конь на одну ступень взлетѣлъ; еще стегнулъ разъ, конь еще на одну ступень взлетѣлъ. Въ седьмой разъ Гэсэръ ударилъ коня и конь взлетѣлъ на самую верхушку горы, но тутъ вдругъ началъ умирать. «Не взялъ ли ты какой-нибудь камень?» спрашиваетъ конь Гэсэра. Гэсэръ говоритъ, что дѣйствительно взялъ только брусокъ ножъ поточить. Конь умеръ. Гэсэръ снялъ кожу, оснималъ кости и сложилъ ихъ, на нихъ сложилъ мясо, прикрылъ все это шкурой и легъ спать, прикрывшись шубой, воротъ на ноги, подолъ на голову. Во снѣ онъ услышалъ, будто конь заржалъ; потомъ будто конь скребетъ копытомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствуетъ, какъ будто что-то тяжелое по-

[1]) Ою—бирюза.

Digitized by Google

валилось на ноги. Гэсэръ пробудился, смотритъ, конь стоитъ и говоритъ ему: «Это я билъ копытомъ. Что ты не пробуждался. Прибѣгала Рдурева корова Рдурги-Лхайгъ и навалила тебѣ на ноги; если бъ воротъ шубы былъ на головѣ, она навалила бы тебѣ на голову и ты задохся бы». Гэсэръ хотѣлъ сбросить наваленное съ шубы, но у него силы не хватило и онъ отрѣзалъ воротъ шубы ножомъ. По этому-то китайцы носятъ платье безъ ворота.

Гэсэръ подъѣзжаетъ къ Рдуреву царству. Пастухъ пасетъ скотъ; Гэсэръ убилъ его, одѣлся въ его платье и пошелъ въ домъ Рдуря. На дорогѣ стоитъ маленькая женщина; онъ спросилъ у ней, какъ загоняютъ скотъ у Рдуря. Та говоритъ: «Пастухъ только крикнетъ: демба и пр. и каждая скотина сама заходитъ въ тотъ дворъ, въ который нужно». Такъ Гэсэръ и сдѣлалъ, и пришелъ въ домъ Рдуря. Въ домѣ Рдуря на потолкѣ висѣли кости четырехъ человѣкъ и одной лошади.

Жена Гэсэра, увезенная Рдуремъ, выкопала девятиэтажную яму, спустила въ нее Гэсэра, сверху положила рѣшето; поверхъ рѣшета положила перья, собранныя ею со всѣхъ птицъ. Пріѣхалъ Рдурь и говоритъ, что онъ носомъ слышитъ запахъ человѣка. Жена отвѣчаетъ, что она сама человѣкъ и что это онъ слышитъ ея запахъ. Рдурь не вѣритъ и бросаетъ кости. На костяхъ выпадаетъ, что пріѣхалъ человѣкъ и находится за десятью горами, и что онъ остановился на многоглазой горѣ, на которой живутъ всякія птицы. Далеко, сказалъ Рдурь и легъ спать. Жена говоритъ Гэсэру: «Когда Рдурь ляжетъ спать, изъ верхушки его сердца будетъ выходить огонь; около огня будетъ летать пчела; это будетъ значить, что Рдурь еще не заснулъ. Когда пчела перестанетъ летать, это будетъ значить, что Рдурь спитъ. Въ это время пускай стрѣлу!» Гэсэръ пустилъ первую стрѣлу, оперенную перьями птицы шихчжа; стрѣла не попала въ Рдуря, а только ударилась въ стѣну. Отъ звона ея Рдурь проснулся и спрашиваетъ жену: «Что это за звонъ?» Жена отвѣчаетъ: «Это я уронила ковшъ въ золотое ведро». «А ну, говоритъ Рдурь, брось еще разъ ковшъ въ золотое ведро». Жена бросила. Раздался звонъ; Рдурь сказалъ: «Похожій звукъ!» успокоился и снова заснулъ. Гэсэръ пустилъ вторую стрѣлу, оперенную перьями птицы лыхчжа. Стрѣла опять ударилась только въ стѣну. Рдурь проснулся и спрашиваетъ: «Что это за звонъ?» Жена говоритъ: «Это я уронила ковшъ въ серебряное ведро». «А ну, брось еще разъ ковшъ въ серебряное ведро!» Жена бросила, раздался звонъ. «Дѣйствительно, похоже!» сказалъ Рдурь, успокоился и вновь заснулъ. Въ третій разъ Гэсэръ пустилъ стрѣлу, оперенную перьями птицы угпа (совы). Эта стрѣла попала въ Рдуря. Рдурь говоритъ: «Пріѣхалъ человѣкъ». Жена отвѣчаетъ: «Дѣйствительно пріѣхалъ, но садитесь прежде чай пить, а потомъ будете бороться». Напились они чаю и стали готовиться къ борьбѣ. Жена подъ Рдуря подсыпала гороху, а подъ Гэсэра золы; Рдурю на ноги надѣла желѣзныя путы, а Гэсэру путы изъ травы дэрису. Рдурь спрашиваетъ, почему она такъ сдѣлала и она объяснила: «Если подуетъ вѣтеръ, то горохъ будетъ только перекатываться съ мѣста на мѣсто и весело бываетъ смотрѣть, какъ пестрый горохъ катается. А если вѣтеръ дунетъ на золу, онъ унесетъ её всю прочь;

Digitized by Google

зола вещь не прочная; пусть и Гэсэръ будетъ такъ же не проченъ. Желѣзо на твоихъ ногахъ это значитъ, пусть ты будешь крѣпокъ, какъ желѣзо; а трава на ногахъ Гэсэра значитъ, пусть Гэсэръ будетъ слабъ, какъ трава». Потомъ Рдурь и Гэсэръ стали бороться—Гэсэръ поднялъ Рдуря подъ небо; здѣсь они увидѣли журавля; Гэсэръ говоритъ Рдурю: «Посмотри на горло журавля» (караку)! Потомъ Гэсэръ опустился съ Рдуремъ подъ землю; здѣсь они увидѣли крота (шило нигмѣ); Гэсэръ говоритъ Рдурю: «Посмотри на глаза крота!» Потомъ они вернулись на землю въ Рдуревъ домъ и здѣсь продолжали бороться. Горохъ раскатился подъ ногами Рдуря и онъ упалъ. Гэсэръ убилъ его. Тогда прилетѣла ворона (гата) и говоритъ: «Взрѣжь животъ! Въ немъ еще есть другая голова; если её не убьешь, Рдурь снова оживетъ».

Послѣ этого Гэсэръ отправляется въ Лангъ. Жена варитъ вино, выпивъ котораго, Гэсэръ забываетъ, что долженъ ѣхать въ Лангъ. Въ это время три царя Хоръ-Банда-чжи-чжаву, Хоръ-Куркэръ-чжи-чжаву и Хоръ-Курныгъ-чжи-чжаву пошли съ войскомъ на Лангъ. Три брата Гэсэра Хамами-Чжачи-Чикыръ, Ану-Гали-Гванчѣнъ и Санй-угӧ-Тарй увидѣли три горы: желтую, бѣлую и черную. Хамами-Чжачи-Чикыръ спрашиваетъ: «Что это за горы?» Санй-угӧ-тари отвѣчаетъ: Это войско трехъ хорскихъ царей. Хамами-Чжачи-Чикыръ и Ану-Гали-Гванченъ испугались и говорятъ: «Надо возвратиться домой!» Но Тарй говоритъ: «Нѣтъ, нужно встрѣтить войско и вступить съ нимъ въ бой». Тогда другіе два брата согласились, втроемъ поѣхали на встрѣчу хорскому войску и отогнали ихъ табуны.

Самбарча [1]).

Бурятскій варіантъ.

(Абай Гэхэръ Богдо ханъ).

Западные тэнгэри—пятьдесятъ пять тэнгэри [2]); старшій изъ нихъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, который имѣетъ три сына. Старшій сынъ Хабата-Хасаръ-Моргонъ [3]),

---

[1]) Неграмотный тангутъ изъ деревни Гамака въ долинѣ Ительголъ.—По словамъ Самбарчи, пять тангутскихъ деревень Гамакà, Чжатунчи, Дамбысыръ, Тумучи и Римынъ, расположенныя въ долинѣ р. Ительголъ (къ з. отъ Саньчуани), поклоняются Гэсэру-Магчжичжаву; въ каждой изъ этихъ деревень есть ясаганъ (кумирня) и въ ней изображеніе Гэсэра. Гдѣ культъ Гэсэра, тамъ не нуждаются въ содѣйствіи хоней (санаспа) для укрощенія грозовыхъ тучъ. Въ ясаганѣ деревни Гамакà въ серединѣ изображенъ Гэсэръ; направо отъ него, если смотрѣть отъ входа, Ан-Шугму, женщина съ синимъ лицомъ, сидящая на лошади; это бурханъ горы Ан-Шонгри; налѣво отъ Гэсэра Ан-Цомэнъ, по китайски Ньянъ-ньянъ, женщина, сидящая на драконѣ (нчжугъ); это бурханъ всего хребта, который тянется отъ Уй-цзана до Сань-чуани и прерывается у переправы близъ деревни Чомчомъ. Едва ли эта идея о горахъ, которыя непрерывно идутъ отъ Лассы до Желтой рѣки и тутъ прерываются, не находится во внутреннемъ отношеніи съ представленіемъ о погонѣ, гнавшейся изъ Лассы за убійцей царя Ландармы и остановленной Желтой рѣкой. Что одухотвореніе горъ въ Тибетѣ существуетъ, на это указываютъ и другіе факты; напр. высокимъ пикамъ придается названіе амуни, «старецъ». Вѣроятно, есть легенды о битвахъ горъ, о женитьбѣ ихъ и пр., какъ въ нашемъ Алтаѣ. Повѣрье объ озерѣ Дангра и горѣ около него напоминаетъ сѣверное о Косоголѣ (Эджь, «мать») и Мунко-сардыкѣ (Шоно-ноинъ, предокъ—волкъ).

[2]) То-есть такъ называемые Табинъ-табынъ-тэнгэри (55 тэнгэри) считаются западными тэнгэринами.

[3]) Другіе говорятъ старшій сынъ Ханъ-Тюрмаса Ами-Сахидакъ; третьи говорятъ Заса-Шухэръ-Аха.—

Digitized by Google

средній Бöхö-Бэлгэтэ [1]) и младшій Шингисъ-Шерэтэ-Богдо [2]). Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри имѣетъ 1003 бѣлыхъ бурхановъ [3]); старшую надъ 1003 бѣлыми бурханами, какъ мать сидящую надъ 55 тэнгэринами на верхнемъ небѣ (т. е. живущую), на млечномъ пути (на «швѣ неба») бабушку Манзанъ-Гöрмö [4]); на вершинѣ горы Алтанъ-Ула [5]), золотую мельницу, которая, стоя, вертится; на вершинѣ горы Саганъ-Мöнгöнъ-Ула [6]) бѣлую серебрянную козулю, съ бѣлою серебрянною цѣпью, которая вокругъ верхушки горы Саганъ-Мöнгöнъ-Ула, ходя, пасется или пощипливаетъ (траву); на верхушкѣ горы Гули-Мöнгöнъ-Ула [7]) желто-мѣдно-серебрянную лисицу, съ желто-мѣдно-серебрянною цѣпью, которая вокругъ верхушки горы Гули-Мöнгöнъ-Ула, ходя, понюхиваетъ; на вершинѣ — Зэтъ-Мöнгöнъ-Ула [8]) красно-мѣдно-серебрянную собаку, съ красно-мѣдно-серебрянною цѣпью, которая, ходя вокругъ верхушки горы Зэтъ-Мöнгöнъ-Ула, полаиваетъ; бурхана Шибэгэни-Сагана [9]), Эсэгэ-маланъ-тэнгэри, Таянши-Тарха-Ламу [10]), 33 Болуръ-Саганъ тэнгэриновъ [11]), трехъ Алтанъ-тэнгэри [12]), трехъ сестеръ Хонуръ-Бурханъ, трехъ Халхинъ-тэнгэри [13]), трехъ Эмэршинъ-тэнгэри [14]), трехъ Дöлöнъ-тэнгэри [15]), Писонъ-Саганъ-тэнгэри. Кромѣ этого Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри еще имѣетъ бѣлый камень Эрдэни, смѣшивающій 1000 вѣковъ, темно-гнѣдаго коня, величиною съ гору, острое копье съ чернемъ изъ чернаго дерева, чисто-серебрянный колчанъ съ стрѣлами и желтый лукъ Бухаръ съ серебряннымъ футляромъ, съ тринадцатью узлами петлю Торь-Саганъ, и три доспѣха; наружный доспѣхъ Дэглэдши-Хара; подъ этимъ второй доспѣхъ, какъ уголь черный; если его скинуть и поставить, то сколько бы тысячь войскъ ни было на ногахъ, истребляетъ всѣхъ до конца; въ ненастье, продолжающееся семьдесятъ лѣтъ, не промокаетъ насквозь; оконечники семидесяти стрѣлъ

Говорятъ также, что Заса-Шухэръ-Аха есть старшій сынъ Саганъ-эхэ-*ханата* Саргалъ-Ноенъ-Хана. Въ бурятскомъ языкѣ два звука х; одинъ изъ нихъ, который въ нарѣчіяхъ переходитъ въ с, мы будемъ обозначать курсивомъ. Такимъ образомъ *ханата* въ другомъ нарѣчіи будетъ саната.

[1]) Въ другомъ варіантѣ Улэ-Бутэдэкъ; онъ былъ законодатель и судья.

[2]) Другой разсказчикъ говоритъ Тогосъ-Сокто, а иные говорятъ еще Эрхэ-Билектэ, который написалъ законъ, какъ управлять народами. Биликтэ—знающій, свѣдущій, имѣющій способность. Эрхэлхэ «баловать». Эрхэ-биликтэ говорятъ про человѣка нѣжнаго воспитанія.

[3]) Иные говорятъ 1000 бѣлыхъ бурхановъ, Минганъ-саганъ-бурханъ.

[4]) Обыкновенно называютъ ее Манзанъ-Гöрмö-öтöдö.

[5]) Алтанъ-Ула—Золотая Ула или просто золотая гора. Ула высокая гора.

[6]) Саганъ-Мöнгöнъ-Ула—бѣло-серебряная гора; иногда называютъ просто Мöнгöтö-Ула.

[7]) Гули-Мöнгöнъ-Ула—желто-мѣдная серебряная гора. Гули—желтая мѣдь.

[8]) Зэтъ-Мöнгöнъ-Ула—красно-мѣдно-серебряная гора. Красная мѣдь—зэтъ.

[9]) Иные говорятъ, что Шибэгэни-Саганъ-бурхановъ было три, а нѣкоторые говорятъ Шибэгэни-Саганъ-Бурхана вовсе не было, а Ханъ-Тюрмасъ имѣлъ Голто-Саганъ-Бурхана.

[10]) Этого ламы вовсе не встрѣчается въ другихъ сказаніяхъ, а иные говорятъ были три Соржи-Ламы.

[11]) Слово болуръ происходитъ отъ слова болохо—шаманить; саганъ—бѣлый.

[12]) Алтанъ—золото; слѣдовательно Ханъ-Тюрмасъ имѣетъ трехъ золотыхъ тэнгэри, а другой разсказчикъ говоритъ, что Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри еще имѣетъ одного Гунанъ-Саганъ-тэнгэри (гунанъ—трехъ годичный) и Дононъ-Саганъ-тэнгэри (дононъ—четырехъ годичный).

[13]) Халхинъ—вѣтеръ; три Халькинъ-тэнгэри—три вѣтреныхъ тэнгэрина.

[14]) Эмэршинъ—южный вѣтеръ; три эмэршинъ-тэнгэри—три южныхъ вѣтреныхъ тэнгэрина.

[15]) Дöлöнъ—пламя, слѣдовательно три пламенные тэнгэрина.

Digitized by Google

не могутъ прошибить его насквозь; самый нижній доспѣхъ съ 87 пуговицами, съ солнечными красивыми лучами, доспѣхъ по имени Наринъ-Уланъ. На голову надѣвать Ханъ-Тюрмасъ имѣетъ какъ звѣзда, спускающая лучи, бѣлую шапку; кромѣ того онъ имѣетъ верховой кнутъ съ 88 узлами и 99 пуговицами.

Восточные тэнгэри—сорокъ четыре тэнгэри; самый старшій изъ нихъ Ата-Уланъ-тэнгэри, который имѣетъ трехъ красивыхъ сыновей: самый старшій и большой сынъ, имѣющій бѣлую книгу дорликъ, Саганъ-Зурха-Моргонъ [1]); средній большой сынъ, имѣющій желтую книгу дорликъ, Шара-Зурха-Моргонъ [2]); самый младшій сынъ, имѣющій черную книгу дорликъ, Хара-Зурха-Моргонъ [3]). Ата-Уланъ-тэнгэри имѣетъ: семь черныхъ тэнгэриновъ, трехъ Бурьтакъ-тэнгэриновъ [4]), трехъ Бурэнъ-тэнгэриновъ [5]), трехъ Мананъ-тэнгэриновъ [6]) и трехъ Хиру-тэнгэри [7]).

Срединное небо Сэгэнъ-сэбдэкъ-тэнгэри [8]) не подчиняется ни западнымъ 55 тэнгэринамъ, ни восточнымъ 44 тэнгэринамъ. Оно находится между ними и служитъ границею между ними. По словамъ нѣкоторыхъ бурятъ, Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри имѣетъ одну дочь, которую зовутъ Сэсэкъ-Ногонъ-Абаха [9]).

Одинъ изъ западныхъ пятидесяти пяти тэнгэриновъ, Писонъ-Саганъ-тэнгэри, имѣетъ одну дочь Наранъ-Гохонъ-Абаха [10]), у которой заболѣла голова, отчего она легла на постель, положивъ высокія подушки и постлавъ широкія перины.

Писонъ-Саганъ-тэнгэри поѣхалъ къ Таянши-ламѣ, который находится подъ вѣдѣніемъ Эсэгэ-маланъ-тэнгэри. По пріѣздѣ къ Таянши-ламѣ, Тисонъ-саганъ-тэнгэри остановился у серебрянаго столба, привязалъ къ нему своего коня и входитъ въ серебряный дворецъ; отворивъ перламутрово-серебряную дверь, перешагнувъ серебряный порогъ безъ сора [11]), вошедши во внутренность дворца, какъ пуговкой, кивая головой кланяется, ногу въ колѣнѣ сгибая, кланяется (т. е. кланяется, ставъ на колѣни). Таянши-Лама сидитъ на серебряномъ престолѣ, который не трясется, и читаетъ бѣлыя священныя книги. Онъ спрашиваетъ у Писонъ-саганъ-тэнгэрина: «Что тебѣ нужно? зачѣмъ ко мнѣ пріѣхалъ, Писонъ-саганъ-тэнгэри? ты не сидишь-ли голодный [12]) и спина твоя не замерзла-ли»? Такъ спрашиваетъ Таянши-лама Писонъ-са-

---

[1]) Саганъ—бѣлый, моргонъ—мѣткій. Другой разсказчикъ сказалъ, что старшій сынъ Ата-Ула-тэнгэри имѣющій черное облако дорогу и черную книгу дорликъ, Хара-Гэрэлтэ.

[2]) Шара—желтый. Другой разсказчикъ сказалъ: средній сынъ, имѣющій синее облако дорогу, синюю книгу дорликъ, Хөхө-Гэрэлтэ.

[3]) По другому разсказчику младшій сынъ, имѣющій желтое облако дорогу, желтую книгу дорликъ, Шара-Гэрэлтэ.

[4]) Бурьтакъ—нечистый.

[5]) Бурэнъ—осенній и зимній туманъ; слѣдовательно онъ имѣетъ трехъ тэнгэриновъ осеннихъ и зимнихъ тумановъ.

[6]) Мананъ—лѣтній туманъ, слѣдовательно трехъ тэнгэриновъ лѣтнихъ тумановъ.

[7]) Хиру—иней.

[8]) Сэгэнъ—свѣтло-голубой, сэбдэкъ—твердый, аккуратный. Напримѣръ, буряты говорятъ сэбдэкъ-хунь—твердый и аккуратный человѣкъ.

[9]) Сэсэкъ—цвѣтокъ, ногонъ—трава.

[10]) Наранъ—солнце, гохонъ—красота необыкновенная, абаха—дѣвица высокаго происхожденія.

[11]) Бок-угэй алхахо, перешагнувъ, не насоривши.

[12]) Обыкновенно говорятъ: «ротъ твой не голоденъ-ли?»

Digitized by Google

ганъ-тэнгэрина. Писонъ-саганъ-тэнгэри отвѣчаетъ: «Ротъ мой не голоденъ и спина моя не замерзла. У единственной моей, на колѣняхъ воспитанной, дочери Наранъ-Гохонъ-Абахай заболѣла голова; она легла на высокія подушки, на широкія перины и лежитъ больная. Я пріѣхалъ просить васъ посмотрѣть въ старшей, бѣлой священной книгѣ, что нужно сдѣлать, чтобы она выздоровѣла».

Тогда Таянши-лама [1]) открываетъ старѣйшую, бѣлую священную книгу, смотритъ въ нее, читаетъ и говоритъ: «Съ долины обширной земли, въ то время, когда раздѣляется ночь и утро, какъ горностай бѣлый, жаворонокъ подымется вверхъ, напѣвая пѣсню; онъ подымется подъ самое синѣющее небо, далеко выше бѣло-синихъ облаковъ; въ это время онъ будетъ пѣть пѣсню; серебряный клювъ сжимая, будетъ пѣть; загнутыми серебряными крыльями махая, будетъ пѣть; материнское бѣлое священное писаніе притягивая къ груди, будетъ пѣть; старшее бѣлое священное писаніе притягивая на спину, будетъ пѣть; когда чуть виденъ будетъ, какъ вошь величиною, еле, еле виденъ будетъ, какъ маленькая вошь, въ это время надо прострѣлить три первыя маховыя пера праваго крыла; тогда жаворонокъ снова спустится на землю, напѣвая пѣсню; его нужно поймать (не допустивъ) до земли и обвернуть въ бѣлую матерію, унести и приложить къ головѣ Наранъ-гохонъ-абахай; если ей суждено выздоровѣть, то жаворонокъ къ головѣ ея приложится грудью, растопыривъ крылья и будетъ лежать; а если не суждено выздоровѣть, то жаворонокъ, прискакивая, будетъ пѣть». Такъ говорилъ Таянши-лама.

Писонъ-Саганъ-тэнгэри спрашиваетъ у Таянши-ламы: «Чей сынъ и чей потомокъ можетъ попасть и прострѣлить три первыя маховыя пера у такой прекрасной птички?» Тогда Таянши-лама говоритъ: «Можетъ попасть въ этого жаворонка только одинъ средній сынъ Ханъ-тюрмасъ-тэнгэрина Бохо-бэлгэтэ; другой никто не можетъ».

Писонъ-Саганъ-тэнгэри съ поклонами выходитъ на улицу; по выходѣ отъ Таянши-ламы, сѣвъ на коня, онъ поѣхалъ къ среднему сыну Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, къ Бохо-Бэлгэтэ; пріѣхавъ къ бѣло-серебрянному дворцу Бохо-Бэлгэтэя, онъ остановился у серебрянаго столба, привязалъ къ нему шелковые повода своего коня и входитъ во дворецъ; перламутрово-серебрянную дверь отворилъ складно—хорошо, серебрянный порогъ перешагнулъ безъ сора, войдя во внутренность дворца, стоитъ, какъ пуговкой, головою кивая, кланяется. Тогда средній сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина Бохо-Бэлгэтэ, сидя на бѣло-серебрянномъ престолѣ, спрашиваетъ у Писонъ-Саганъ-тэнгэри: «За какимъ дѣломъ пріѣхалъ ко мнѣ, Писонъ-Саганъ-тэнгэри?» Писонъ-Саганъ-тэнгэри говоритъ: «У единственной моей дочери Наранъ-Гохонъ-Абаха заболѣла голова; она легла на высокія подушки, на широкія перины и лежитъ больна. Тогда я обратился къ Таяншиламѣ и просилъ его открыть старшую бѣлую священную книгу и посмотрѣть въ ней; Таянши-лама, открывши старшую бѣлую священную книгу, прочи-

[1]) Иные говорятъ, что Писонъ-саганъ-тэнгэри поѣхалъ къ тремъ Голто-саганъ-бурханамъ.

Digitized by Google

талъ: когда съ долины обширной земли, въ то время, когда раздѣлится ночь и утро (т. е. между ночью и утромъ), какъ горностай бѣлый, жаворонокъ подымется вверхъ, напѣвая пѣсню; когда подымется подъ самое синѣющее небо, далеко выше бѣло-синихъ облаковъ и въ это время будетъ пѣть, серебрянный клювъ сжимая, будетъ пѣть, загнутыми серебрянными крыльями махая, будетъ пѣть; материнское бѣлое и священное писаніе притягивая къ груди, будетъ пѣть, старшее, бѣлое и священное писаніе притягивая на спину, будетъ пѣть; когда чуть виденъ будетъ, какъ вошь, величиною; еле, еле виденъ будетъ, какъ маленькая вошь,—въ это время нужно прострѣлить три первыя маховыя пера праваго крыла; тогда жаворонокъ снова спустится на землю, напѣвая пѣсню; его нужно поймать (не допустивъ) до земли и завернуть въ бѣлую матерію, унести и приложить къ головѣ Наранъ-Гохонъ-Абахай. Если ей суждено выздоровѣть, то жаворонокъ къ головѣ ея приложится грудью и будетъ лежать, растопыривъ крылья, а если не суждено выздоровѣть, то жаворонокъ, прискакивая, будетъ пѣть. Я спросилъ, чей сынъ и чей потомокъ можетъ попасть и прострѣлить три первыя маховыя пера у такой красивой птички, тогда Таянгши-лама сказалъ, что только вы можете попасть и прострѣлить, а другой никто не можетъ».

Тогда средній сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри Бохо-Бэлгэтэ говоритъ Писонъ-Саганъ-тэнгэрину. «Нѣтъ, я не могу попасть въ этого жаворонка стрѣлою. Выше меня есть старшій братъ Хабата-Хасаръ-Моргонъ; тотъ съумѣетъ попасть и прострѣлить три первыя маховыя пера праваго крыла». Эти слова говоря, молвилъ онъ.

Писонъ-Саганъ-тэнгэри поѣхалъ къ старшему сыну Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри Хабата-Хасаръ-Моргону, согласно словамъ Бохо-Бэлгэтэ; пріѣхавъ къ бѣло-серебрянному дворцу, привязавъ коня къ серебрянному столбу, входитъ во дворецъ, въ которомъ на бѣло-серебрянномъ престолѣ сидитъ старшій сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина Хабата-Хасаръ-Моргонъ. Кланяется ему Писонъ-Саганъ-тэнгэри. Тогда Хабата-Хасаръ-Моргонъ, сидя на престолѣ, спрашиваетъ его: «По какому дѣлу пріѣхалъ ко мнѣ, Писонъ-Саганъ-тэнгэри?» Писонъ-Саганъ-тэнгэри разсказалъ слова Таянши-ламы. Тогда Хабата-Хасаръ-Моргонъ говоритъ ему: «Нѣтъ, я не съумѣю; въ этого жаворонка можетъ попасть только средній братъ Бохо-Бэлгэтэ». Писонъ-Саганъ-тэнгэри говоритъ ему, что онъ былъ у Бохо-Бэлгэтэ и Бохо Бэлгэтэ сказалъ, что онъ не можетъ попасть въ этого жаворонка. «Если кто съумѣетъ попасть, то это только вы можете». Тогда Хабата-Хасаръ-Моргонъ говоритъ: Самый младшій братъ мой Шингисъ-Ширетэ-Богдо можетъ быть съумѣетъ попасть въ этого жаворонка.

Писонъ-Саганъ-тэнгэри съ поклонами вышелъ изъ дворца Хабата-Хасаръ-Моргона и поѣхалъ къ самому младшему сыну Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина, къ Шингисъ-Ширетэ-Богдо; пріѣхавши къ бѣло-серебрянному дворцу, привязалъ своего коня къ серебрянному столбу, а самъ входитъ во дворецъ и кланяется Шингисъ-Ширетэ-Богдо. Младшій сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина сидитъ на бѣло-серебрянномъ престолѣ и спрашиваетъ Писонъ-Саганъ-тэнгэрина: «По какому дѣлу пріѣхалъ ко мнѣ, Писонъ-Саганъ-тэнгэри?» Тогда Писонъ-Саганъ-тэнгэри говоритъ слова

Digitized by Google

Таянгши-ламы и что оба старшіе брата отказались, а старшій братъ Хабата-Хасаръ-Моргонъ сказалъ, что въ этого жаворонка можетъ попасть только младшій братъ. Тогда Шингисъ-Ширетэ-Богдо говоритъ: «Нѣтъ, я не могу попасть въ этого жаворонка; если кто можетъ попасть, то это средній братъ мой Бохо-Бэлгэтэ».

Писонъ-Саганъ-тэнгэри послѣ этого обратно пріѣхалъ къ Бохо-Бэлгэтэ и говоритъ ему: «Всѣ говорятъ, одинъ только вы можете попасть въ этого жаворонка, а другой никто».

Тогда Бохо-Бэлгэтэ опять говоритъ: «Нѣтъ, я не могу попасть въ этого жаворонка; если старшій братъ и младшій братъ не могутъ попасть, то я какъ могу попасть?»

Писонъ-Саганъ-тэнгэри пріѣхалъ обратно домой; отворивъ золотой подвалъ, выкатилъ изъ него три бочки вина; это вино привезъ къ Бохо-Бэлгэтэ. Пріѣхавъ къ Бохо-Бэлгэтэ и входя во дворецъ, кланяется ему; послѣ этого выпоилъ ему одну бочку вина; когда Бохо-Бэлгэтэ выпилъ одну бочку вина, то это едва замѣтно стало на его глазахъ; послѣ этого Писонъ-Саганъ-тэнгэри выпоилъ ему вторую бочку вина; когда Бохо-Бэлгэтэ выпилъ вторую бочку, едва замѣтно стало на устахъ; послѣ этого Писонъ-Саганъ-тэнгэри выпоилъ ему третью бочку вина; когда онъ выпилъ третью бочку, то сдѣлался порядочно пьянымъ; спереди посмотрѣть, былъ похожъ на красную гору; на губы и ротъ посмотрѣть, точно былъ похожъ на человѣка; сзади посмотрѣть, былъ похожъ на высокую гору; въ такомъ видѣ онъ сидѣлъ, смѣялся раскатисто наравнѣ съ десятью человѣками и также говорилъ наравнѣ съ двадцатью человѣками. Послѣ этого Бохо-Бэлгэтэ говоритъ: «Ну, теперь поѣзжай домой; завтра утромъ буду стрѣлять въ этого жаворонка и привезу тебѣ».

Писонъ-Саганъ тэнгэри послѣ этого уѣхалъ домой. На другое утро, т. е. между ночью и утромъ, Бохо-Бэлгэтэ пробудился и, вставъ съ постели безъ кушака на распашку въ одной шубѣ, взявъ стрѣлу и лукъ, выходитъ на улицу; большую и золотую землю постепенно кругомъ разсматривалъ, обширную большую землю вокругъ осматривалъ, чтобы увидѣть жаворонка. Въ это время съ долины обширной земли, какъ горностай, бѣлый жаворонокъ поднялся вверхъ, махая загнутыми серебряными крыльями и запѣлъ. Этотъ красивый жаворонокъ постепенно поднимался все выше и выше подъ самое синѣющее небо и поднялся далеко выше бѣло-синихъ облаковъ; серебряный клювъ сжимая, пѣлъ; двумя большими и красивыми крыльями махая, пѣлъ, материнское бѣлое священное писаніе [1]) къ груди притягивая, пѣлъ, старшее бѣлое священное писаніе [2]) на спину притягивая, пѣлъ; когда чуть видно его стало, какъ съ вошь величиною, и еле-еле видно стало, какъ маленькую вошь, тогда средній сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина Бохо-Бэлгэтэ, говоря: «Настало самое подходящее время стрѣлять мущинѣ-человѣку!» Сквозь дверь пролетающую громадную черную стрѣлу приложилъ къ тетивѣ лука, сильно натянулъ лукъ до спины и остановился; когда дотянулъ тетиву до оконеч-

[1]) Эхэ-саганъ-номъ.

[2]) Аха-саганъ-номъ.

Digitized by Google

ника стрѣлы. Потомъ говоритъ: «Если присуждено выздоровѣть дочери Писонъ-Саганъ-тэнгэри, Наранъ-Гохонъ-Абахай, то въ этого красиваго жаворонка попади, отъ праваго красиваго крыла три маховыя пера отрѣзавъ, уходи; если не присуждено ей выздоровѣть, то безъ извѣстія иди!» Сказавъ эти слова, Бохо-Бэлгэтэ выстрѣлилъ изъ лука [1]); стрѣла полетѣла вверхъ со свистомъ и пѣніемъ, отъ которыхъ тряслась земля и дрожало небо. Этотъ жаворонокъ, не зная, продолжалъ свое пѣніе; въ это время прилетѣла стрѣла и попала въ правое красивое крыло, отрѣзала три первыя маховыя пера и пролетѣла далѣе. Этотъ жаворонокъ безъ трехъ первыхъ маховыхъ перьевъ праваго крыла не могъ продолжать пѣніе, почему постепенно спустился внизъ, продолжая пѣть. Бохо-Бэлгэтэ не допустилъ жаворонка до земли, поймалъ его на ладони и завернулъ въ бѣлую матерію. Послѣ этого онъ пришелъ домой; потомъ поѣхалъ къ Писонъ-Саганъ-тэнгэри и отвезъ къ нему обѣщаннаго жаворонка.

Бохо-Бэлгэтэ, пріѣхавъ къ Писонъ-Саганъ-тэнгэри, привезеннаго жаворонка положилъ на голову дѣвицы Наранъ-Гохонъ-Абахай; прекрасный жаворонокъ распростеръ свои крылья и приложился грудью къ головѣ дѣвицы; она выздоровѣла, встаетъ съ постели и говоритъ, что долго лежала больною. Она попрежнему стала здоровою и красивою.

Когда Наранъ-Гохонъ-Абаха выздоровѣла, она начала ходить плавно-степенно, отчего выростали тоненькія травы; она гибко-плавно ходила, отчего овцы и ягнята кричали. Она поставила золотой столъ, на него поставила превкусную пищу; поставила серебряный столъ, на него поставила настоящую вкусную пищу и потомъ подносила крѣпкое вино; такимъ образомъ она угощала Бохо-Бэлгэтэ, который поѣдалъ превкусную пищу и выпивалъ крѣпкое вино.

Писонъ-Саганъ-тэнгэри сильно обрадовался; онъ, не помня, садится и не помня, встаетъ; потомъ говоритъ: «Бохо-Бэлгэтэ, дѣйствительно ты мѣтокъ и быстръ; съ этого времени будешь называться не Бохо-Бэлгэтэ, а Моргонъ-Тӧгӧлторъ» [2]).

Моргонъ-Тӧгӧлторъ, выпивши вино, сдѣлался немного пьянымъ; тогда онъ разговорился; о прежнемъ времени онъ разсказывалъ краснорѣчиво и, изъ прошлаго времени собирая, разсказывалъ.

Писонъ-Саганъ-тэнгэри говоритъ Моргонъ-Тӧгӧлтору: «Что хочешь, того проси и возьми съ собою: половину золота и серебра моего и половину разнаго скота».

Тогда Моргонъ-Тӧгӧлторъ говоритъ: «Мнѣ ничего не нужно теперь, а впослѣдствіи пусть вы выполните мою просьбу, которую попрошу сдѣлать».

Послѣ этого Моргонъ-Тӧгӧлторъ уѣхалъ домой.

---

[1]) Нѣкоторые буряты говорятъ, что Бохо-Бэлгэтэ этого жаворонка стрѣлялъ на землѣ во время талгана «Лусудуй», на который пріѣхалъ со своимъ отцомъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэриномъ, и также во время этого талгана поборолъ силача земного «Газари-Ганикъ-бохо».

[2]) Тӧгӧлторъ отъ тӧгӧт, «близнецъ».

Digitized by Google

Послѣ этого Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри всѣмъ подчиненнымъ пятидесяти пяти западнымъ тэнгэринамъ далъ приказаніе пріѣхать; всѣ западные тэнгэрины собрались у Ханъ-Тюрмаса-тэнгэри. Онъ говоритъ собравшимся тэнгэринамъ: «Такъ какъ дней очень много и годъ длинный (т. е. продолжительный), то будемте у меня пировать и веселиться для препровожденіи времени!» Всѣ пятьдесятъ пять западныхъ тэнгэриновъ согласились. Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сдѣлалъ большой пиръ; всѣ собравшіеся тэнгэри начали пировать и веселиться. Во время этого пира и веселья Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ прочимъ тэнгэринамъ: «На такой прекрасный пиръ и веселье пригласимте Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри и пошлемте за нимъ трехъ быстрыхъ пословъ».

Западные пятьдесятъ пять тэнгэри сказали: «Сказанное вѣрно и задуманное подходяще! нужно послать трехъ быстрыхъ посланниковъ пригласить Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри».

Тогда въ черную желѣзную повозку запрягли трехъ карихъ иноходцевъ и на нихъ послали трехъ быстрыхъ пословъ пригласить Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри на пиръ Ханъ-Тюрмаса-тэнгэри.

Три быстрые посла на трехъ карихъ иноходцахъ въ желѣзной повозкѣ поѣхали къ Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри; когда они ѣхали по дорогѣ, самый старшій изъ восточныхъ сорока четырехъ тэнгэриновъ, Ата-Уланъ-тэнгэри, узнавъ, что западные пятьдесятъ пять тэнгэрина съ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгериномъ прислали трехъ быстрыхъ пословъ за Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри приглашать его къ себѣ на пиръ и взять въ свое подчиненіе,—говоритъ: «Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри имѣетъ 55 тэнгэриновъ, и еще хочетъ взять Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри, а я имѣю только 44 тэнгэри; поэтому Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэрина долженъ взять я, а не Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, у котораго 11-ю тэнгэринами и такъ больше, чѣмъ у меня». Съ этими словами Ата-Уланъ-тэнгэри поскорѣе приготовилъ тоже трехъ быстрыхъ пословъ, для которыхъ запрягли въ черную желѣзную повозку трехъ карихъ иноходцевъ; и тоже послалъ ихъ пригласить къ себѣ Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри. Три быстрые посла Ата-Уланъ-тэнгэри тоже поѣхали.

По три посланника западныхъ и восточныхъ тэнгэриновъ въ одинъ разъ поѣхали къ бѣло-серебряному дворцу Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри, они одновременно вылѣзли изъ повозокъ и вошли во дворецъ; посланники западныхъ тэнгэриновъ остановились на правой сторонѣ двери, а посланники восточныхъ тэнгэриновъ остановились на лѣвой сторонѣ двери.

Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри сидитъ на серебряномъ престолѣ и спрашиваетъ: «Откуда и зачѣмъ пріѣхали?»

Тогда три быстрые посла отъ западныхъ тэнгэриновъ говорятъ: «Насъ послали западные пятьдесятъ пять тэнгэрина, которые пируютъ у Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, пригласить васъ на этотъ пиръ!»

Потомъ три быстрые посла отъ восточныхъ тэнгэриновъ говорятъ: «Насъ тоже послали пригласить васъ къ Ата-Уланъ-тэнгэрину!»

Тогда Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри сильно разсердился и говоритъ посламъ западныхъ и восточныхъ тэнгэриновъ: «Я ни къ кому не поѣду; я бабочкѣ никогда

Digitized by Google

не дѣлалъ зла и червяка не обижалъ, живу, никому не дѣлая зла и никого не обижая; если хотятъ взять меня, то пусть возметъ тотъ, который побѣдитъ другого; я пойду къ побѣдителю!» Съ этими словами отправилъ быстрыхъ пословъ западныхъ и восточныхъ тэнгэриновъ.

Три быстрые посла западныхъ тэнгэриновъ уѣхали обратно, къ западнымъ тэнгэринамъ и сказали слова Сэгэнъ-Сэбдэнъ-тэнгери.

Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сказалъ западнымъ пятидесяти пяти тэнгэринамъ, что нужно изъ-за Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри [1]) воевать съ восточными тэнгеринами. Послѣ этого западные тэнгэрины разъѣхались съ пира. Другіе три быстрые посла сказали тѣ же слова Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэрина и восточнымъ тэнгэринамъ; Ата-Ула-тэнгэри тоже рѣшился воевать съ западными тэнгэринами изъ-за Сэгэнъ-Себдэкъ-тэнгэри, которымъ долженъ владѣть побѣдитель.

Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, когда кончился пиръ, началъ приготовляться къ войнѣ съ восточнымъ старшимъ тэнгэриномъ Ата-Уланомъ; онъ приказалъ приготовиться къ войнѣ своимъ тремъ сыновьямъ, которые и начали собираться; Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри приказалъ также приготовиться къ войнѣ тремъ Халхинъ-тэнгэринамъ, тремъ Эмершинъ-тэнгэринамъ и тремъ Дöлöнъ-тэнгэринамъ. Всѣ они вполнѣ приготовились къ войнѣ.

Самый старшій тэнгэри надъ восточными тэнгэринами, Ата-Уланъ-тэнгэри, тоже началъ приготовляться къ войнѣ съ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэриномъ. Ата-Уланъ-тэнгэри приказалъ приготовиться къ войнѣ своимъ тремъ сынамъ и также тремъ Бöрöнъ-тэнгэри, тремъ Мананъ-тэнгэринамъ и тремъ Хиру-тэнгэри,—всѣ они тоже вполнѣ приготовились къ войнѣ.

Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сѣлъ на своего темно-гнѣдого коня, величиною съ гору и поѣхалъ къ востоку; онъ ѣхалъ впереди, а за нимъ поѣхали три сына его, три Халхинъ-тэнгэри, три Эмершинъ-тэнгэри и три Дöлöнъ-тэнгэри.

Ата-Уланъ-тэнгэри тоже сѣлъ на своего коня и поѣхалъ къ западу впереди, а за нимъ три сына его, три Бöрöнъ-тэнгэри, три Мананъ-тэнгэри и три Хиру-тэнгэри.

Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и Ата-Уланъ-тэнгэри съѣхались около дворца Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри на половинномъ разстояніи; къ мѣсту пріѣхали въ одно и то же время,—никто никого не опередилъ.

Восточный тэнгэри, Ата-Уланъ, говоритъ западному Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри: «Ты имѣешь 55 тэнгэриновъ и такъ уже у тебя много ихъ, а у меня только 44 тэнгэрина, болѣе нѣтъ; у тебя одинадцатью тэнгэринами болѣе, чѣмъ у меня; Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэрина долженъ взять я, такъ какъ у меня меньше». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «Будемъ воевать; кто выйдетъ побѣдителемъ, тотъ возьметъ къ себѣ Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри».

---

[1]) Иные говорятъ, что война между западными и восточными тэнгэринами произошла изъ-за дочери Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэрина, Сэсэкъ-ногонъ-абаха, которою хотѣли владѣть и западные 55 тэнгэрина и восточные 44 тэнгэрина.

Digitized by Google

И такъ они согласились воевать между собою изъ-за Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри; его возьметъ побѣдитель.

Восточный Ата-Уланъ-тэнгэри и западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри вырѣшили, чтобы сначала воевали три Халхинъ-тэнгэри съ тремя Бӧрӧнъ-тэнгэри.

Три Бӧрӧнъ-тэнгэри сдѣлали такой густой туманъ, что всѣ живыя существа стали на небѣ блуждать; жеребята отъ матерей терялись и птицы отъ гнѣзда терялись.—Тогда три Халхинъ-тэнгэри начали дуть.

Три Халхинъ-тэнгэрина и три Бӧрӧнъ-тэнгэрина воевали въ продолженіи трехъ сутокъ, но никто никого не могъ побѣдить; послѣ третьихъ сутокъ три Халхинъ-тэнгэрина начали побѣждать своихъ противниковъ трехъ Боронъ-тэнгэриновъ и наконецъ окончательно побѣдили; три Халхинъ-тэнгэрина съ неба выдули въ нижнюю землю трехъ Бӧрӧнъ-тэнгэриновъ, говоря: «На нижней землѣ будете на вершинѣ высокихъ горъ и на поверхности широкаго моря». Три Бӧрӧнъ-тэнгэри, побѣжденные и выдутые съ неба, спустились на нижнюю землю, остановились на вершинахъ высокихъ горъ и на поверхности широкаго моря [1]).

Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сильно обрадовался и говоритъ: «Первая побѣда за нами».

Потомъ три Эмершинъ-тэнгэри съ тремя Мананъ-тэнгэринами начали воевать.—Три Мананъ-тэнгэри сдѣлали такой густой туманъ, что всѣ живыя существа стали на небѣ блуждать: жеребята теряли матерей и птицы отъ гнѣзда терялись. Тогда три Эмершинъ-тэнгэри начали дуть.

Три Эмершинъ-тэнгэрина съ тремя Мананъ-тэнгэринами воевали въ продолженіи трехъ сутокъ, но никто никого не могъ побѣдить; послѣ третьихъ сутокъ три Эмершинъ-тэнгэрина начали побѣждать своихъ противниковъ, трехъ Мананъ-тэнгэриновъ и наконецъ окончательно побѣдили. Три Эмершинъ-тэнгэрина съ неба выдули своихъ противниковъ въ нижнюю землю, говоря: «На нижней землѣ будете туманить вдоль долгой и большой пади и на подошвахъ высокихъ горъ». Три Мананъ-тэнгэри, побѣжденные и выдутые съ неба, спустились на нижнюю землю, остановились вдоль долгой и широкой пади на подошвахъ высокихъ горъ [2]).

Тогда западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сильно обрадовался и говоритъ: «Вторая побѣда наша! мои тэнгэрины побѣдили!»

Потомъ три Дӧлӧнъ-тэнгэрина съ тремя Хиру-тэнгэринами начали воевать. Три Хиру-тэнгэри сдѣлали такой сильный иней, что всѣ растенія на небѣ замерли и также животныя стали мерзнуть. Тогда три Дӧлӧнъ-тэнгэрина впустили пламя и начали таять иней. Три Дӧлӧнъ-тэнгэрина съ тремя Хиру-тэнгэринами воевали впродолженіи трехъ сутокъ, но никто никого не могъ побѣдить; послѣ третьихъ сутокъ три Дӧлӧнъ-тэнгэрина начали побѣждать своихъ противниковъ, трехъ Хиру-

---

[1]) По словамъ бурятъ, на землѣ съ этого времени появился зимній туманъ на поверхности воды и на вершинѣ высокихъ горъ; прежде не было; это потому, что три Бӧрӧнъ-тэнгэрина были съ неба выдуты на землю.

[2]) Съ этого времени на землѣ появился лѣтній туманъ, а прежде до этого времени не было. Земные люди не знали ни лѣтнихъ, ни зимнихъ тумановъ.

Digitized by Google

тэнгэриновъ, и наконецъ, окончательно побѣдили и всѣ инеи растаяли. Три Дёлёнъ-тэнгэрина съ неба выбросили Хиру-тэнгэриновъ на нижнюю землю, говоря: «На нижней землѣ будете инеями передъ восходомъ солнца, отъ котораго растаете».—Три Хиру-тэнгэри, побѣжденные и выброшенные съ неба на землю, спустились на нижнюю землю, гдѣ и остановились; передъ восходомъ солнца на землю падали инеями, послѣ восхода солнца таяли. Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сильно обрадовался и говоритъ: «Третья побѣда за нами».

Послѣ тэнгэриновъ настала очередь трехъ сыновъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и трехъ сыновъ Ата-Уланъ-тэнгэри. Три сына Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри начали воевать съ тремя сыновьями Ата-Уланъ-тэнгэри; старшій сынъ Ханъ-Тюрмаса-тэнгэри началъ воевать съ старшимъ сыномъ Ата-Уланъ-тэнгэри, средній сынъ съ среднимъ сыномъ, и младшій сынъ съ младшимъ сыномъ; они воевали впродолженіи трехъ сутокъ; впередъ упираясь ногами, дѣлали красныя горы, и назадъ упираясь ногами, дѣлали большія горы, но никто не могъ побѣдить; если къ верблюду бросить, равнымъ-равно воюютъ, если къ лошади бросить, дѣйствительно равно воюютъ; впродолженіи шести сутокъ воюютъ, по прошествіи шести сутокъ три сына Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри начали побѣждать трехъ сыновъ Ата-Уланъ-тэнгэри и наконецъ окончательно побѣдили трехъ сыновъ Ата-Уланъ-тэнгэри.

Три сына Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри своими острыми копьями съ чернемъ изъ чернаго дерева закололи трехъ сыновей Ата-Уланъ-тэнгэри и сбросили ихъ съ неба на нижнюю землю. Тогда три сына Ата-Уланъ-тэнгэри, сброшенные съ неба на землю, спустились на южной сторонѣ, откуда восходитъ солнце; когда падали на землю, то они говорили: «Будемъ преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока отверстіе желѣзнаго стремени не прорвется и до тѣхъ поръ, пока родившіяся дѣти начнутъ носить колчаны».—Когда они упали на землю, то сдѣлались тремя царями Шарабуловыхъ: старшій царь Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ [1]), средній Шара-Гэрэлтэ-ханъ [2]) и младшій Хара-Гэрэлтэ-ханъ [3]); эти цари имѣли много тысячъ подданныхъ, какъ земля, многочисленныхъ.

Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сильно обрадовался и говоритъ: «Четвертая побѣда за нами».

Потомъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ къ Ата-Уланъ-тэнгэрину: «Теперь воевать будемъ мы сами!» и спрашиваетъ: «Какъ будемъ воевать, силою плеча [4]) или силою большого пальца?» [5]).

Ата-Уланъ-тэнгэри говоритъ: «Будемъ воевать силою плеча».

Послѣ этого западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри съ восточнымъ Ата-Уланъ-тэн-

---

[1]) Саган-Гэрэлтэ-ханъ—бѣлый свѣтлый царь.

[2]) Шара-Гэрэлтэ-ханъ—желтый свѣтлый царь.

[3]) Хара-Гэрэлтэ-ханъ—черный свѣтлый царь.—Стекло—гэрэлъ, слѣдовательно: бѣлый стеклянный царь, желто стеклянный царь и черно-стеклянный царь. Или слово гэрэл происходитъ отъ слова гэрэлхэн—прозрачный, тогда можно перевести: прозрачно-бѣлый царь, прозрачно желтый царь и прозрачно-черный царь.

[4]) Силою плеча—значитъ бороться.

[5]) Силою большого пальца, т. е. стрѣлять другъ въ друга стрѣлою.

Digitized by Google

гэриномъ начали воевать силою плеча; они воевали впродолженіи трехъ сутокъ, никто никого не можетъ побѣдить; впередъ упирались ногами, дѣлали красную гору, назадъ упирались ногами, большія горы дѣлали; продолжали воевать шесть сутокъ, никто никого не можетъ побѣдить; если къ верблюду сбросить, равнымъ равно воевали, а если къ лошади сбросить, дѣйствительно равно воевали; еще продолжали воевать девять сутокъ; послѣ девяти сутокъ западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри началъ побѣждать своего противника Ата-Уланъ-тэнгэри; притягивая его впередъ, нагибалъ, какъ сырое дерево гнулъ, и отталкивая назадъ, какъ сухое дерево, ломалъ,—и наконецъ окончательно побѣдилъ. Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри свалилъ на землю своего противника Ата-Уланъ-тэнгэри и выдернулъ съ праваго бока изъ ноженъ серебромъ оправленный мечъ, который въ крови человѣка не дѣлается мягкимъ, въ костяхъ не тупится и скованъ изъ чистаго и крѣпкаго булата. Этимъ мечемъ онъ ударилъ восточнаго Ата-Уланъ-тэнгэри и разрубилъ пополамъ; потомъ острымъ копьемъ съ чернемъ изъ чернаго дерева прокололъ нижнюю часть тѣла и сбросилъ съ неба на нижнюю землю.

Нижняя часть тѣла восточнаго Ата-Уланъ-тэнгэри, сброшенная съ неба внизъ, направилась прямо въ сѣверо-западную сторону и на пути сдѣлалась человѣкомъ, если колоть острыми орудіями, то безъ крови, и если стрѣлять стрѣлами, то безъ жизни; обратившись въ такое чудовище мангатхай, которое звали Лобсоголдой [1]), она упала на землю.—Лобсоголдой, падая, на пути говорилъ: «Буду преслѣдовать всѣхъ потомковъ, происшедшихъ отъ западнаго Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина, до тѣхъ поръ, пока ушко не прорвется у желѣзнаго стремени!» Такъ грозя, упалъ на землю.

Потомъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри острымъ копьемъ съ чернемъ изъ чернаго дерева прокололъ верхнюю часть тѣла Ата-Уланъ-тэнгэри и тоже сбросилъ съ неба внизъ на землю.

Верхняя часть тѣла восточнаго Ата-Уланъ-тэнгэри, сброшенная съ неба внизъ, на пути между небомъ и землею начала заставлять десять большихъ волшебствъ на ладони бѣгать, двадцать большихъ волшебствъ заставила бѣгать на пальцахъ; въ это время на спинѣ сдѣлала десять тысячъ глазъ изъ десяти тысячь звѣздъ ночного неба, на передней сторонѣ сдѣлала четыре тысячи глазъ [2]) изъ четырехъ тысячъ звѣздъ ночного неба; направилась прямо на восточную сторону, гдѣ хотѣла спуститься на землю, называемую Хонинъ-Хотонъ [3]); придавивъ ее, спустилась и сдѣлалась царемъ Галъ-Дөлмө-ханомъ съ 1003 большими волшебствами [4]).

Западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «Непобѣдимыхъ враговъ побѣдили и годового жеребенка закололи!» Такъ какъ западный Хахъ-Тюрмасъ-тэнгэри побѣдилъ восточнаго Ата-Уланъ-тэнгэри, то взялъ себѣ Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри. Потомъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри возвратился обратно домой съ тремя сыновьями, тремя алхинъ-тэнгэринами, тремя Эмэршинъ-тэнгэринами, и тремя Дөлөнъ-тэнгэ-

[1]) Обыкновенно буряты называютъ Лобсоголдой-хара-мангатха, или просто Лобсоголдой.

[2]) Другіе говорятъ: на передней сторонѣ сдѣлала множество тысячь-тысячь глазъ.

[3]) Хонинъ—овца, хотонъ—желудочный;—«овечье—желудочная».

[4]) Галъ—огонь, Дөлмө—происходитъ отъ дөлөн—пламя, слѣдовательно—огонь пламенный ханъ.

Digitized by Google

ринами. По пріѣздѣ домой Хадъ-Тюрмасъ-тэнгэри собралъ всѣхъ западныхъ 55 тэнгэриновъ и Сэгэнъ-Сэбдэкъ-тэнгэри и вмѣстѣ съ ними устроилъ большой пиръ и веселье, продолжавшееся девять дней и девять ночей; на десятый день едва разошлись.

Такимъ образомъ самый старшій восточный Ата-Уланъ-тэнгэри съ тремя сыновьями, тремя Бӧрӧнъ-тэнгэринами, тремя Мананъ-тэнгэринами и тремя Хирутэнгэринами съ неба сброшены на землю. Съ тысяча тремя большими волшебствами Галъ-Дӧлмӧ-ханъ сталъ жить въ странѣ Хонинъ-Хотонъ и сдѣлался могущественнымъ царемъ. Галъ-Дӧлмӧ-Ханъ подружился съ альбинскими альбинами, сдѣлалъ ихъ своими друзьями. Потомъ Галъ-Дӧлмӧ-Ханъ говоритъ: «На землѣ есть люди, которыхъ сотворили западные 55 тэнгэрина; они имъ покровительствуютъ. Этимъ людямъ нужно вредить и посылать на нихъ разныя болѣзни, чтобы они сильно умирали».

На землѣ были люди, сотворенные западными пятидесятью пятью тэнгэринами. На землѣ были три царства Тугушинскія [1]) (Тугушин-гурбан-хадут); старшій царь былъ, имѣющій соловаго коня, съ просѣдью голову, бѣлую шелковую шубу и добродѣтельный нравъ, Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ [2]); средній царь былъ скрытое отгадывающій, трудное достигающій и бѣлое отъ чернаго раздѣляющій (т. е. правое отъ неправаго раздѣляющій), Затъ-Шухэръ-ханъ; младшій царь былъ, имѣющій сиваго жеребца, царь съ черными думами (т. е. завистливый) Сута-Ноёнъ-ханъ [3]); они имѣли многочисленныхъ подданныхъ, и управляли ими благополучно. Земные люли жили хорошо, дружно и не знали никакихъ болѣзней.

Галъ-Дӧлмӧ-ханъ послалъ подданнымъ Тугушинскихъ трехъ царей разныхъ альбиновъ, чтобы они вредили имъ и причиняли разныя болѣзни, отъ которыхъ помирали бы подданные Тугушинскихъ трехъ царей. Галъ-Дӧлмӧ-ханъ подданнымъ Тугушинскихъ трехъ царей послалъ 100 бѣлыхъ альбиновъ, 100 желтыхъ альбиновъ, 100 синихъ альбиновъ и 100 черныхъ альбиновъ [4]). 100 бѣлыхъ альбиновъ въ бѣлыхъ одеждахъ остановились на бѣломъ морѣ (саганъ-дала); они имѣли сто бѣлыхъ лошадей, на которыхъ ѣздили по бѣлому морю, имѣли сто бѣлыхъ котловъ, въ которыхъ варили бѣлыхъ вшей [5]) и ѣли; 100 желтыхъ альбиновъ въ желтыхъ одеждахъ остановились на желтомъ морѣ (шара-дала); они имѣли сто соловыхъ лошадей, на которыхъ ѣздили по желтому морю, имѣли сто желтыхъ котловъ, въ которыхъ варили желтыхъ вшей [6]) и ѣли; 100 синихъ альбиновъ въ синихъ одеждахъ остановились на синемъ морѣ (хӧхӧ-дала); эти альбины имѣли сто синихъ

---

[1]) Другіе говорятъ Тӧгӧшинскіе три царя (Тӧгӧшин гурбан-хан). Иные говорятъ Дӧгӧхи-гурбан-хадуд (Тӧгӧтскіе три царя).

[2]) Обыкновенно буряты говорятъ саган-ехэ-*ханата* Сарагал-Ноен-абага.

[3]) Обыкновенно буряты говорятъ «хара ехэ *ханата* Хара-Сутан-абага».

[4]) Другой сказалъ: 700 альбиновъ, а большинство говоритъ, девять альбиновъ.

[5]) Бѣлый деготь—пища.

[6]) Желтый деготь—пища.

Digitized by Google

лошадей, на которыхъ ѣздили по синему морю, имѣли сто синихъ котловъ, въ которыхъ варили синихъ вшей [1]) и ѣли. 100 черныхъ альбиновъ остановились на черномъ морѣ (хара-дала); они имѣли сто черныхъ лошадей, на которыхъ ѣздили по черному морю; имѣли сто черныхъ котловъ, въ которыхъ варили черныхъ вшей [2]) и ѣли. Всѣ эти бѣлые, желтые, синіе и черные альбины стали дѣлать зло: текущія рѣки изъ источниковъ стали высыхать и текли отравою и разными червями [3]); растущія травы съ корня засохли и растущія деревья съ вершины стали засыхать; въ маленькихъ чашкахъ вода стала по 5, а въ большихъ по 10 (?).

Съ этого времени разныя болѣзни сильно распространялись на людей, умирало каждый день по 100 человѣкъ и по 100 лошадей. Тогда Тугушинскіе три царя сильно удивились и сильно опечалились. Говорятъ между собою: «Что такое случилось? прежде не было такого несчастія, а нынѣ откуда взялось? отъ высокаго неба такъ присуждено, или отъ обширной земли?» Такъ говорили между собою Тугушинскіе три царя и долго совѣтовались, какъ прекратить это несчастіе и разныя болѣзни, отъ которыхъ люди сильно умираютъ; если такъ будутъ умирать, то и всѣ вымрутъ. Наконецъ, старшій царь Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ и средній царь Затъ-Шухэръ-ханъ, скрытое отгадывающій и трудное достигающій, говорятъ: «Восточные тэнтэрины спустились на землю и посылаютъ эти разныя болѣзни. Чтобы прекратить ихъ, нужно дать знать западнымъ пятидесяти пяти тэнгэринамъ и Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрину; они наши создавшіе создатели и творившіе творцы».

Послѣ этого Тугушинскіе три царя приказали собрать отъ подданныхъ слюни и слезы. Начали отъ лежащихъ людей слюни и слезы собирать половинными поваренками; отъ стоящихъ людей собирали разбитыми поваренками [4]); когда собрали достаточное количество слюнъ и слезъ, то пригласили шаманку Шарханъ, которая безошибочно узнаетъ жареное мясо. Шаманка Шарханъ съ помощью этихъ собранныхъ слюнъ и слезъ совершила обрядъ сасали барьха [5]); при этомъ шаманка Шарханъ говорила: «Западные пятьдесятъ пять тэнгэриновъ и самый старшій Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, вы, которые на землѣ создали людей! Насъ создавшіе создатели и творившіе творцы! смотрите на насъ и исцѣлите насъ отъ болѣзней; пусть эти слюни и слезы подымутся на небо и прильнутъ къ дворцу Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри!» Съ этими словами собранныя слюни и слезы бросили вверхъ. Этимъ кончилось сасали барьха. Брошенныя слюни и слезы поднялись на небо и попали въ юго-западный уголъ бѣло-серебрянаго дворца Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, отчего уголъ бѣло-серебряного дворца раскололся и дворецъ пошатнулся къ юго-западу.

---

[1]) Синій деготь—пища.

[2]) Черный деготь—пища.

[3]) До этого въ рѣкахъ не было разныхъ водяныхъ насѣкомыхъ.

[4]) Нѣкоторые говорятъ, что когда безмужнюю вдову бабу Билэхэнъ и безъ родителей мальчика начали бить жестоко, то они плакали и кашляли; тогда ихъ слюни и слезы собрали въ разбитой поваренкѣ. Нынѣ буряты говорятъ, что слезы безмужней вдовы и сиротъ ядовиты, т. е. что ихъ безвинно заставлять плакать и обижать очень грѣшно.

[5]) Религіозный обрядъ сасали барьха, по словамъ нѣкоторыхъ бурятъ, заимствованъ отсюда и съ сего времени наблюдается бурятами.

Digitized by Google

Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, выйдя изъ бѣло-серебряного дворца, смотритъ, отчего раскололся уголъ его бѣло-серебряного дворца и пошатнулся къ юго-западу. Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри видитъ, что на углу его дворца прилипли очень отвратительныя слюни и слезы и что отъ нихъ раскололся уголъ и пошатнулся дворецъ. Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сильно удивился и говоритъ: «Что за чудо и откуда взялись такія отвратительныя слюни и слезы?»

Послѣ этого Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри осѣдлалъ своего темно-гнѣдого коня, величиною съ гору, чисто серебрянымъ сѣдломъ и, положивъ шелковый потникъ, серебряною уздою обуздалъ коня и шелковыми поводьями привязалъ къ серебряному столбу; потомъ вошелъ во дворецъ, одѣлся какъ слѣдуетъ и вновь вышелъ изъ дворца.

Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, сѣвъ на темно-гнѣдого коня, поѣхалъ къ бабушкѣ Манзанъ-Гёрмё [1]); пріѣхавши, остановился около серебряного столба, слѣзъ съ коня, шелковымъ поводомъ привязалъ его къ серебряному столбу, снялъ, какъ звѣзда бѣлую, шапку и съ низкими поклонами приблизился къ бѣло-серебряному дворцу; перламутрово-серебряную дверь ея отворилъ осторожно и складно, серебряный порогъ перешагнулъ безъ сора, входя во дворецъ онъ какъ пуговкой, головой кивая, кланяется, въ колѣнѣ ногу согнувъ, кланяется. Тогда бабушка Манзанъ-Гёрмё, сидящая на бѣло-серебряномъ престолѣ, говоритъ: «Откуда и зачѣмъ пріѣхалъ ко мнѣ? ротъ твой не голоденъ ли и спина твоя не мерзнетъ ли?»

Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «Ротъ мой не голоденъ и спина моя не мерзнетъ; я пріѣхалъ спросить у васъ совѣта. Сегодня утромъ юго-западный уголъ моего бѣло-серебряного дворца вдругъ раскололся и дворецъ пошатнулся къ юго-западу; когда я вышелъ изъ дворца и посмотрѣлъ, то увидѣлъ очень отвратительныя слюни и слезы, которыя прилипли къ юго-западному углу моего дворца». Тогда бабушка Манзанъ-Гёрмё говоритъ: «Ты воевалъ съ восточнымъ тэнгэриномъ Ата-Уланъ-тэнгэриномъ и съ тремя его сыновьями, побѣдилъ ихъ и сбросилъ съ неба на нижнюю землю. Верхняя часть тѣла Ата-Уланъ-тэнгэри на землѣ сдѣлалась Галъ-Дёлмё-ханомъ, съ 1003 волшебствами; онъ вредитъ и посылаетъ разныя болѣзни на земныхъ людей, которыхъ создали западные тэнгэрины и которымъ они покровительствуютъ; земные люди, прося помощи, бросили наверхъ собранныя слюни и слезы отъ больныхъ людей, которые сильно помираютъ». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри спросилъ, какъ помочь земнымъ людямъ, чтобы они не болѣли и не умирали сильно. Тогда бабушка Манзанъ-Гёрмё говоритъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрину: «Ты имѣешь трехъ сыновей, изъ нихъ одного сына долженъ послать на землю, тогда только моръ прекратится». Послѣ этого Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри съ поклонами вышелъ изъ дворца и, сѣвъ на коня, пріѣхалъ домой обратно.

По пріѣздѣ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри собралъ всѣхъ западныхъ пятьдесятъ-пять

---

[1]) Здѣсь разсказчики разно говорятъ; одни, что Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри поѣхалъ узнавать о случившейся къ тремъ Голто-Саганъ-бурханамъ, и они разсказали ему, отчего это случилось, а другіе говорятъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри поѣхалъ къ Шибогэни-саганъ-бурхану, и отъ этого бурхана узналъ настоящую причину о случившемся обстоятельствѣ; еще говорятъ, что Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри поѣхалъ къ тремъ Соржи-ламамъ ворожить о случившемся; а иные говорятъ, что Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри ворожить поѣхалъ къ Таяши-ламѣ.

Digitized by Google

тэнгэриновъ и говоритъ имъ: «Внизу на землѣ созданные нами люди сильно умираютъ отъ разныхъ болѣзней, насылаемыхъ восточнымъ тэнгэриномъ Ата-Уланъ-тэнгэри, сброшеннымъ мною на землю, и бабушка Манзанъ-Гёрмё сказала мнѣ, что нужно на землю послать одного моего сына, изъ трехъ моихъ сыновей. Котораго изъ нихъ послать на землю на выручку земныхъ людей?»

Тогда прочіе западные тэнгэрины говорятъ: «Сказанное подходяще и дума правдоподобная; одного вашего сына нужно послать на землю; тогда прекратятся разныя болѣзни, и люди перестанутъ сильно помирать». Потомъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ старшему сыну Хабата-Хасаръ-моргону: «Ты спустись на землю». Старшій сынъ Хабата-Хасаръ-моргонъ говоритъ: «Нѣтъ, я не могу, отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри! я твое имя опозорю на землѣ, моложе меня есть два младшіе брата; пусть изъ нихъ кто нибудь спустится на землю». Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ среднему сыну Моргонъ-Тёгёлтору: «Ты спустись на землю». Средній сынъ Моргонъ-Тёгёлторъ говоритъ: «Нѣтъ, я не могу, отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри! выше меня есть старшій братъ и моложе меня есть младшій братъ; пусть они спустятся на землю». Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ младшему сыну Шингисъ-Ширэтэ-Богдо: «Ты спустись на землю». Младшій сынъ Шингисъ-Ширэтэ-Богдо говоритъ: «Нѣтъ, я не могу, отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри! выше меня есть два старшіе брата, пусть они спустятся на землю».

Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри опять поѣхалъ къ бабушкѣ Манзанъ-Гёрмё [1]), кланяется и спрашиваетъ ее: «Котораго сына послать на землю? всѣ трое отказались спуститься на землю». Бабушка Манзанъ-Гёрмё сказала: «На землю можетъ спуститься только средній твой сынъ Моргонъ-Тёгёлторъ, который долженъ будто родиться на землѣ, потому что небесный человѣкъ на землѣ долго не можетъ жить и сила его сильно убавится; тогда онъ не будетъ въ состояніи воевать съ восточными тэнгэринами на землѣ». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри пріѣхалъ домой.

По пріѣздѣ домой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри сказалъ западнымъ тэнгэринамъ, что бабушка Манзанъ-Гёрмё сказала, на землю можетъ спуститься только средній сынъ Моргонъ-Тёгёлторъ, который на землѣ долженъ родиться, какъ земной человѣкъ. Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри съ прочими западными тэнгэринами начали принуждать спуститься на землю Моргонъ-Тёгёлтора, по приказанію бабушки Манзанъ-Гёрмё.

Средній сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, Моргонъ-Тёгёлторъ, говоритъ: «На нижней землѣ тринадцать сѣверныхъ царей, они очень сильные цари; и южные двадцать три тоже очень сильные; войны на землѣ бываютъ очень сильныя и большія и при томъ мстительныя; внизу летающія птицы большія ловятъ маленькихъ и ѣдятъ, а маленькія ѣдятъ большихъ; рыбы въ водахъ большія ѣдятъ маленькихъ и въ лѣсахъ звѣри большіе ѣдятъ маленькихъ. Въ такую трудную страну я не

[1]) Нѣкоторые говорятъ, что Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, когда поѣхалъ къ бабушкѣ Манзанъ-Гёрмё, то на пути заѣхалъ къ Писонъ-Саганъ-тэнгэри, у котораго напился до пьяна вина и ночевалъ. На другое утро поѣхалъ къ бабушкѣ Манзанъ-Гёрмё, побоялся заходить, думалъ она будетъ сердиться—спросилъ черезъ стряпку: «Котораго сына послать на землю?» Тогда бабушка Манзанъ-Гёрмё сказала: «Послать средняго сына Моргонъ-Тёгёлтора».

Digitized by Google

могу спуститься, отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри! твое имя я опозорю тамъ. Западные пятьдесятъ пять тэнгэриновъ! и ваше имя я опозорю тамъ!»

Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри съ прочими западными тэнгэринами говоритъ: «Кромѣ тебя некому спуститься на землю, другого человѣка нѣтъ, а потому непремѣнно ты долженъ спуститься на землю». Моргонъ-Тӧгӧлторъ говоритъ отцу своему Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и прочимъ западнымъ тэнгэринамъ: «Если вы все дадите то, что я попрошу, тогда я спущусь на землю». Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и прочіе западные тэнгэрины говорятъ: «Все дадимъ то, что попросишь». Моргонъ-Тӧгӧлторъ говоритъ: «Отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, дай мнѣ все оружіе и три доспѣха, которые носишь!» Тогда Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «дамъ»! Моргонъ-Тӧгӧлторъ говоритъ: «Отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, дай мнѣ тысячу вѣковъ смѣшивающій бѣлый камень Эрдэни и волшебное черное дерево, которыя носите при себѣ». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «дамъ». Моргонъ-Тӧгӧлторъ говоритъ: «Отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, дай мнѣ съ тринадцатью узлами петлю Торь-Саганъ и верховой кнутъ съ 88 узлами и 99 пуговицами, которые у тебя есть». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «дамъ». Моргонъ-Тӧгӧлторъ говоритъ: «Отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, дай мнѣ своего темно-гнѣдого коня со всѣми сбруями, которыя имѣешь». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри говоритъ: «дамъ». Моргонъ-Тӧгӧлторъ говоритъ: «Все прошу отъ моего отца Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри; теперь пусть тридцать три Балуръ-Саганъ-тэнгэрина дадутъ мнѣ по одному старшему сыну, изъ которыхъ я сдѣлаю себѣ тридцать три батара и триста передовыхъ войскъ». Тогда тридцать три Балуръ-Саганъ-тэнгэрина говорятъ: «дадимъ». Моргонъ-Тӧгӧлторъ говоритъ: «Отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и западные пятьдесятъ пять тэнгэриновъ, дайте мнѣ моихъ трехъ старшихъ сестеръ тетокъ Хӧнӱръ-Бурханъ; можетъ быть во время войны буду побѣжденъ непріятелями и годовалымъ жеребенкомъ буду убитъ; тогда за мной будутъ смотрѣть и выручать отъ опасности». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и прочіе западные тэнгэрины говорятъ: «дадимъ». Моргонъ-Тӧгӧлторъ говоритъ: «Отецъ мой Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и западные пятьдесятъ пять тэнгэрина, дадите ли мнѣ моего старшаго брата Хабата-Хасаръ-Моргона? можетъ быть во время войны буду побѣжденъ непріятелями и годовалымъ жеребенкомъ буду убитъ; тогда онъ за мной будетъ смотрѣть и выручать меня отъ опасности». Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и прочіе западные тэнгэрины говорятъ «дадимъ». Такимъ образомъ Моргонъ-Тӧгӧлторъ получилъ все то, что просилъ.

Когда средній сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина, Моргонъ-Тӧгӧлторъ, получилъ все то, началъ собираться спуститься съ неба на землю. Западные тридцать три Болуръ-Саганъ-тэнгэри дали ему по одному старшему сыну, которые сдѣлались тридцатью тремя батарами; имена ихъ:

Самый старшій батаръ, сынъ Бомборинъ-Саганъ-тэнгэрина, имѣющій сѣраго коня, Буди-Уланъ батаръ [1]). За этимъ сынъ Бамбада-Саганъ-тэнгэрина, имѣющій

[1]) Другой сказалъ: старшій батаръ сынъ Боролгонъ-Саганъ-тэнгэрина Буданъ-шумаръ-батаръ; третій сказалъ: Буданъ-шумаръ-батаръ, сынъ Луса-тэнгэрина.

Digitized by Google

совсѣмъ чернаго коня, Бахи-Хара-батаръ [1]). За этимъ сынъ Зурулгу-Саганъ-тэнгэрина, имѣющій на всѣхъ шести сторонахъ большіе пальцы, одною стрѣлою убивающій 6000 человѣкъ въ одинъ разъ, Жорголжихо-батаръ. За этимъ имѣющій бѣлымъ-бѣлаго коня, съ бѣлымъ доспѣхомъ дукту и острое остріе, Эржинъ-шумаръ-батаръ. За этимъ громко кричащій, какъ крикъ тысячи изюбрей въ одинъ разъ, вдругъ громко кричащій, какъ крикъ 50 лосудуевъ въ одинъ разъ; если одинъ разъ крикнетъ, то люди въ обморокъ падаютъ, если во второй разъ крикнетъ, то совсѣмъ умираютъ и если крикнетъ третій разъ, то все въ пухъ и прахъ разлетается; сынъ Лосана, Лосанъ-Шумаръ-батаръ [2]). За этимъ, на мѣстности Наянта ростущихъ восемьдесятъ разныхъ цвѣтовъ безошибочно знающій, указательнымъ пальцемъ исцѣляющій и на мѣстности Ерентэ ростущихъ девяносто разныхъ цвѣтовъ безошибочно знающій, большимъ пальцемъ вылѣчивающій, оживляющій мертвыхъ и бѣдныхъ дѣлающій богатыми, Хугэнъ-Эмшинъ-батаръ [3]). За этимъ тринадцати-лѣтній Анзанъ-Шумаръ-батаръ [4]). За этимъ имѣющій красный камень—питье и красно-чалаго коня, Улгу-Уланъ-батаръ. За этимъ имѣющій черный камень—умѣнье и темно-гнѣдого коня, Харасага-Хара-батаръ. За этимъ идутъ девять кузнечныхъ батаровъ [5]) которые занимаются кузнечнымъ искусствомъ; старшій изъ нихъ большой мѣховой батаръ. За этимъ малый мѣховой батаръ. За этимъ Сулмарши-батаръ [6]). За этимъ Хинсаши-батаръ [7]). За этимъ большой молотобойный батаръ. За этимъ малый молотобойный батаръ. За этимъ большой клещевый батаръ. За этимъ малый клещевый батаръ. За этимъ подпилочный батаръ. За этимъ Эрхэ-Анзанъ батаръ, пятнадцати лѣтъ, сынъ неба. За этимъ Ехонъ Уленши батаръ [8]), которые занимаются кроеніемъ и шитьемъ [9]).

Потомъ Моргонъ-Тöгöлторъ получилъ 300 передовыхъ войскъ.

Послѣ этого средній сынъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина началъ собираться спуститься на землю; тридцать три батара и триста передовыхъ войскъ тоже стали собираться; когда все было готово, Моргонъ-Тöгöлторъ съ тридцатью тремя батарами и съ тремя стами передовыхъ войскъ сѣли на коней и стали спускаться съ неба на землю.

---

[1]) Другой сказалъ просто сынъ Бамбахинъ-Бахи-Хара-батаръ.

[2]) Другой сказалъ, что у него былъ одинъ батаръ Галъ-Бадаргата, который кричалъ огнемъ и палилъ.

[3]) Другой сказалъ Хугэнъ-Эмши-батаръ.

[4]) Другой сказалъ Эрхэ-Анзанъ-батаръ,—а другіе говорятъ Анзанъ-Бэрхэ-батаръ.

[5]) Разсказчикъ не могъ сказать имена всѣхъ кузнечныхъ батаровъ (ехон дархаши-батаръ) и только поименовалъ ихъ такъ: большой мѣховой батаръ, малый мѣховой батаръ и т. д.

[6]) Сулмаръ—это инструментъ для дѣланія отверзстій.

[7]) Хинса кузнечный инструментъ, которымъ изъ огня достаютъ раскаленное желѣзо.

[8]) Ехонъ Уленши батаръ—занимаются кроеніемъ, шитьемъ, сученіемъ нитокъ и пр.; по словамъ бурятъ есть батаръ, который спеціально занимается сученіемъ волосяныхъ нитокъ и волосяныхъ веревокъ и проч.; также есть батары, которые занимаются разными столярными искуствами; есть батары, которые занимаются дѣланіемъ стрѣлъ и луковъ, но разсказчики не могли разсказать подробно о нихъ, хотя удтверждали о существованіи такихъ батаровъ.

[9]) Имена остальныхъ батаровъ разсказчикъ не могъ вспомнить и отказался назвать ихъ.

Digitized by Google

Когда Мöргöнъ-Тöгöлтöръ, спускаясь съ неба, остановился между небомъ и землей, тутъ онъ вынулъ изъ-за пазухи желтый шелковый платокъ и три раза махнулъ имъ по солнцу; тогда между небомъ и землею таинственнымъ образомъ явилась золотая земля Шатакъ. На этой золотой землѣ онъ оставилъ своихъ тридцать трехъ батаровъ, триста передовыхъ войскъ, темно-гнѣдого коня и прочіе предметы изъ оружія и доспѣховъ.

Самъ Мöргöнъ-Тöгöлтöръ спустился на землю. Спустившись, пришелъ къ бѣлому морю и на берегу его остановился; здѣсь онъ изъ коры дерева сдѣлалъ бѣлаго годовалаго жеребенка. Этого жеребенка онъ оживилъ, а самъ сдѣлался бѣлымъ альбиномъ съ бѣлою одеждою и съ бѣлымъ котломъ и, сѣвъ на бѣлаго жеребенка, поѣхалъ по бѣлому морю. Мöргöнъ-Тöгöлтöръ въ видѣ бѣлаго альбина встрѣтился со ста бѣлыми альбинами и, остановившись, говоритъ имъ: «здравствуйте, братья»[1]). Тогда сто бѣлыхъ альбиновъ спрашиваютъ: «Кто ты такой и откуда пріѣхалъ?»

Мöргöнъ-Тöгöлтöръ отвѣчаетъ: «Меня послалъ съ 1003 волшебствами Галъ-Дöлмö-Ханъ и приказалъ мнѣ присоединиться къ вамъ и сдѣлаться вашими друзьями; кромѣ того ускорить распространеніе болѣзней на людей. Скоро спустится съ неба на землю средній сынъ западнаго Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина, Мöргöнъ-Тöгöлтöръ». Тогда сто бѣлыхъ альбиновъ говорятъ: «Если ты долженъ присоединиться и подружиться съ нами, то по этому морю въ одинъ мигъ объѣдешь иноходью и возвратишься на это мѣсто». Мöргöнъ-Тöгöлтöръ съ помощію своихъ волшебныхъ силъ повернулъ глаза ста бѣлымъ альбинамъ и въ это время въ одинъ мигъ повернулъ жеребенка и говоритъ имъ: «Я объѣхалъ по бѣлому морю и теперь ваша очередь, братья!» Тогда сто бѣлыхъ альбиновъ поѣхали иноходью по бѣлому морю, какъ вѣтеръ быстро и легко понеслись. Мöргöнъ-Тöгöлтöръ немного отсталъ отъ нихъ, потомъ взялъ смѣшивающій тысячи вѣковъ бѣлый камень Эрдэни, ударилъ имъ бѣлое море, и разсѣкъ его до дна; сто бѣлыхъ альбиновъ упали на дно моря; тогда онъ волшебнымъ чернымъ деревомъ погладилъ по бѣлому морю надъ ста бѣлыми альбинами и сказалъ: «Никогда не выходите изъ бѣлаго моря и живите въ морѣ, сдѣлавшись водяными духами»[2]).

Послѣ этого Мöргöнъ-Тöгöлтöръ пріѣхалъ къ желтому морю, на берегу котораго изъ коры дерева сдѣлалъ соловаго годового жеребенка. Этого жеребенка оживилъ, а самъ обратился въ желтаго альбина, съ желтою одеждою и съ желтымъ котломъ и, сѣвъ на жеребенка, поѣхалъ по желтому морю на встрѣчу ста желтымъ альбинамъ, и поступилъ съ ними такъ же, какъ съ бѣлыми альбинами.

Послѣ этого Мöргöнъ-Тöгöлтöръ пріѣхалъ къ синему морю, на берегу его

---

[1]) Вар. Мöргöнъ-Тöгöлтöръ на берегу бѣлаго моря, обратившись въ бѣлаго альбина на бѣломъ годовалом жеребенкѣ, со ста бѣлыми вшами, поджидалъ семьсотъ бѣлыхъ альбиновъ; когда альбины пріѣхали къ нему, онъ сказалъ имъ: «Галъ-Дöлмö-Ханъ послалъ меня присоединиться къ вамъ; онъ послалъ семь сотъ бѣлыхъ вшей». Послѣ этого сварили вшей и, наѣвшись, поѣхали по бѣлому морю. Другіе говорятъ, что Мöргöнъ-Тöгöлтöръ поджидалъ девять бѣлыхъ альбиновъ.

[2]) По словамъ бурятъ, съ этого времени появились въ водѣ водяные; прежде не было ихъ въ водахъ. Сто бѣлыхъ альбиновъ съ этого времени живутъ въ водѣ и топятъ людей; души утопленниковъ тоже дѣлаются водяными.

Digitized by Google

изъ коры дерева сдѣлалъ сиваго годового жеребенка, этого жеребенка оживилъ, а самъ сдѣлался синимъ альбиномъ съ синею одеждою и съ синимъ котломъ и, сѣвъ на жеребенка, поѣхалъ по синему морю на встрѣчу ста синимъ альбинамъ; встрѣтивъ ихъ, сдѣлалъ то же самое, что съ бѣлыми и желтыми альбинами.

Потомъ Мӧргӧнъ-Тӧгӧлтӧръ пріѣхалъ къ черному морю, на берегу его изъ коры дерева сдѣлалъ чернаго годового жеребенка; этого жеребенка оживилъ, и самъ сдѣлался чернымъ альбиномъ съ черною одеждою и съ чернымъ котломъ и, сѣвъ на жеребенка, поѣхалъ по черному морю на встрѣчу ста чернымъ альбинамъ; встрѣтивъ ихъ, сдѣлалъ то же самое, что съ бѣлыми альбинами, желтыми альбинами и синими альбинами.

Послѣ этого Мӧргӧнъ-Тӧгӧлтӧръ обратно поднялся на золотую землю Шатакъ и остановился на ней.

На землѣ Тугушинскіе три царя узнали, что несчастія и разныя болѣзни могутъ прекратиться, но для этого нужно поймать очень красивую дѣвицу, сломать ей одну ногу, одну руку и выколоть одинъ глазъ; потомъ нужно посадить ее на разстани трехъ дорогъ къ злу и несчастію, въ шалашѣ, сдѣланномъ изъ травы, дать ей черную корову, съ чернымъ чаемъ [1]) и съ чернымъ сломаннымъ котломъ, приставить къ ней худого и стараго старика Сӧнгӧлӧна, который бы варилъ ей пищу. Тогда только настанетъ доброе и старое время.

Тугушинскіе три царя начали искать очень красивую дѣвицу и нашли ее; дочь Собонъ-Саганъ-Ноёна оказалась очень красивою; её называли Угинъ-Саганъ-Абахай. Дѣвицу Угинъ-Саганъ-Абахай поймали и насильно привели, чтобы посадить на разстани трехъ дорогъ къ злу и несчастію.

Средній сынъ западнаго Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина, Мӧргӧнъ-Тӧгӧлтӧръ, одну дочь Писонъ-Саганъ-тэнгэрина, Наранъ-Гохонъ-Абахай, спустилъ на землю на вершинѣ горы Оргилъ-Ула въ бѣлосеребряномъ дворцѣ; она спустилась на землю и жила въ этомъ дворцѣ.

Когда пойманную дѣвицу Угинъ-Саганъ-Абахай, дочь Собонъ-Саганъ-Ноёна привели, то она говоритъ: «На вершинѣ горы Оргилъ-Ула живетъ дочь тэнгэрина дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абаха [2]), очень красивая; она далеко красивѣе меня; моя красота противъ дочери тэнгэрина ничтожна; приведите эту красивую дѣвицу Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай!» Тогда Сута Ноёнъ-ханъ говоритъ: «Нужно посмотрѣть, дѣйствительно-ли на вершинѣ горы Оргилъ-Ула живетъ такая красивая дѣвица». Онъ выдернулъ свою стрѣлу три раза подъ черною сукою, которая должна была щениться и, поймавъ сиваго своего жеребца, поѣхалъ на немъ на гору Оргилъ-Ула; когда Сута-Ноёнъ-Ханъ, поднявшись на гору, подъѣзжалъ къ бѣло-серебря-

---

[1]) Т. е. чай безъ молока.

[2]) Дѣвицу Наранъ-Гохонъ-Абахай на землѣ начали называть Тэбэкъ-Ногонъ-Абаха; другой сказалъ Тобоно-Гохонъ-Абаха.

Digitized by Google

ному дворцу, Тэбэкъ-Ногонъ-Абаха узнала это и, обратившись въ сѣро-пестраго жаворонка, поднялась на верхъ.

Тогда Сута-Ноёнъ-ханъ, увидѣвши это, нечистою стрѣлою выстрѣлилъ выше сѣро-пестраго жаворонка; нечистая стрѣла полетѣла надъ сѣро-пестрымъ жаворонкомъ; жаворонокъ, сдѣлавшись нечистымъ, упалъ на землю; упавъ, онъ обратился въ красивую дѣвицу [1]); Сута-Ноёнъ-ханъ поймалъ ее и привезъ домой.

Когда привезли дѣвицу Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай, то начали сравнивать, поставивъ ее рядомъ съ Угинъ-Гохонъ-Абахай, которая изъ нихъ красивѣе; обѣ онѣ оказались равной красоты, нельзя было выбрать и сказать, что одна изъ нихъ красивѣе другой.

Тогда Угинъ-Гохонъ-Абахай говоритъ: «Ай, собаки! это небесный человѣкъ; онъ сдѣлался нечистымъ. Возьмите воды изъ источниковъ девяти ключей и возьмите въ большой тайгѣ верескъ [2]) и ими вымойте ее до чиста; тогда она по прежнему будетъ очень красивая дѣвица; теперь она сдѣлалась нечистою, а потому красота ея уменьшилась». Послѣ этого привезли воды изъ источниковъ девяти ключей и вереску изъ большой тайги, и вымыли ими дѣвицу Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай; она сдѣлалась тогда по прежнему чистою и очень красивою дѣвицею; несравненно красивѣе стала, чѣмъ дѣвица Угинъ-Гохонъ-Абахай, которую послѣ этого отпустили домой.

Эту небесную дѣвицу Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай привели къ разстани трехъ дорогъ, гдѣ ей сломали одну ногу, одну руку и выкололи одинъ глазъ; послѣ этого сдѣлали изъ травъ шалашикъ, въ который ее и посадили къ злу и несчатью; ей дали одну черную корову, чернаго чая и черный разбитый котелъ; оставили при ней худого и стараго старика Сöнгöлöна для приготовленія пищи. Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай лежитъ въ шалашикѣ, а худой и старый старикъ Сöнгöлöнъ приготовляетъ ей пищу.

Однажды Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай ночью спитъ; въ это время ей будто показалось, что одѣяло раза два и три кто-то поднялъ и дверь шалашика скрипнула. Она разбудилась отъ этого, открыла глаза и смотритъ; выколотый глазъ совсѣмъ выздоровѣлъ по прежнему; она сломанную руку пошевелила, рука тоже совсѣмъ выздоровѣла по прежнему; тогда она пошевелила сломанную ногу, нога тоже совсѣмъ выздоровѣла. Тогда дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай встала съ постели, одѣвшись, выбѣжала на улицу, гдѣ въ это время выпалъ такой небольшой снѣгъ, что на немъ будутъ замѣтны слѣды сороки. На снѣгу она видитъ человѣческій слѣдъ длиною въ аршинъ; разстояніе каждаго шага въ сажень; она побѣжала по этому слѣду и прибѣжала на вершину горы Оргилъ-Ула къ бѣло-серебряному дворцу; смотритъ въ щель надъ дверью и видитъ во дворцѣ этомъ стоящаго и

---

[1]) Другой сказалъ, что на вершинѣ горы Оргилъ-Ула въ живой водѣ (мöнхöнъ-хара-уханъ) купались три дочери Эсэгэ-Маланъ-тэнгэри; время ихъ купанія подкараулили и выстрѣлили нечистою стрѣлою надъ одною дочерью Эсэгэ-Маланъ-тэнгэрина; двѣ поднялись на небо обратно, а одна средняя дочь, сдѣлавшись нечистою, осталась на землѣ; ее поймали, привели и посадили на разстани трехъ дорогъ къ злу и несчастію.

[2]) Верескомъ въ Сибири зовутъ можжевельникъ (Juniperus).

Digitized by Google

стряхивающаго съ ноги прилипшій снѣгъ Шибэгэни-Саганъ-Бурхана. Онъ говоритъ: «Въ не особенно важномъ мѣстѣ ноги свои промочилъ» [1]).

Дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай, увидѣвъ это, обратно спустилась съ вершины горы Оргилъ-Ула, пришла въ свой шалашикъ, и сидитъ; въ это время внутри ея живота что-то шумитъ и бурчитъ; потомъ извнутри ея сталъ слышенъ говоръ многихъ людей. Кто-то изнутри ея сказалъ: «Мать, мать! подыми свою шапку!» Тогда Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай подняла свою шапку; въ это время одна дѣвица съ золотою грудью и серебряною задницею съ головы ея поднялась на верхъ; дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай никакъ не могла поймать ее; она поднялась на верхъ. Опять кто-то изнутри ея сказалъ: «Мать, мать! подыми правую руку!» Тогда дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай подняла правую руку; въ это время изъ подъ мышки поднялась на верхъ одна дѣвица съ золотою грудью и серебряною задницею [2]), и эту она никакъ не могла поймать; эта дѣвица также поднялась на верхъ. Опять кто-то изнутри ея сказалъ: «Мама, мама! подними лѣвую руку!» Тогда дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай подняла лѣвую руку; въ это время изъ подъ мышки поднялась на верхъ дѣвица съ золотою грудью и серебряною задницею, которую она опять никакъ не могла поймать; и эта дѣвица поднялась на верхъ, какъ первыя двѣ.

Потомъ опять извнутри слышится голосъ: «Мама, мама! роди меня!» Послѣ этого дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай родила мальчика, который однимъ глазомъ смотрѣлъ, одинъ глазъ защурилъ; въ одной рукѣ держалъ петлю Торъ-Саганъ-урха съ тринадцатью узлами, а въ другой рукѣ бѣлый камень Эрдэни, смѣшивающій сто вѣковъ. Мальчикъ родился ужасно сопливый и притомъ началъ сильно дристать и марать свою мать; въ шалашикѣ сдѣлалась ужасная вонь; мальчикъ этотъ началъ сильно плакать и ревѣть.

Дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай никакъ не можетъ убрать изверженія ребенка; не можетъ сидѣть въ страшной вони и никакъ не сможетъ унять, чтобы ребенокъ не плакалъ. Родившійся мальчикъ пуще прежняго мараетъ свою мать соплями и сильно дрищетъ; нѣтъ никакой возможности терпѣть вонь; плачетъ такъ громко, что небо трясется и земля дрожитъ; мать никакъ не можетъ управиться съ мальчикомъ и унять его. Наконецъ, выведенная изъ терпѣнія, она вынесла мальчика на улицу и положила около шалашика, а сама ушла въ шалашикъ и говоритъ: «Остался самый худой и сопливый». Съ этими словами она вычистила всѣ изверженія ребенка.

Новорожденный ребенокъ, лежа на улицѣ, плачетъ и говоритъ: «Я не видывалъ, чтобы худого сына бросали, а бросаютъ худую кожу». Тогда дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абахай опять выходитъ на улицу, беретъ ребенка и приноситъ его въ шалашикъ. Ребенокъ опять мараетъ свою мать соплями, дрищетъ пуще прежняго и въ шалашикѣ опять сдѣлалъ такую вонь, что сидѣть невозможно; по прежнему пла-

[1]) Иные говорятъ: «За пустое дѣло промочилъ свою обувь».

[2]) Алтан сэжитэ, мöнгöн бöхöтö.

Digitized by Google

четъ и кричитъ, ни какъ она не могла унять его. Тогда она опять вынесла ребенка на улицу и положила около шалашика, а сама ушла въ шалашикъ и сидитъ тамъ; ребенокъ по прежнему громко плачетъ, лежа на улицѣ.

Въ это время съ 1003 волшебствами Галъ-Дöлмö-ханъ знаніемъ своимъ большимъ узналъ и разумомъ своимъ большимъ уразумѣлъ, что на землѣ родился средній сынъ западнаго Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрина Мöргöнъ-Тöгöлтöръ, который еще ребенкомъ лежитъ и плачетъ. Галъ-Дöлмö-ханъ посылаетъ пчелу, величиною съ трехъ-годового бычка и говоритъ: «Въ тѣлѣ мясо еще мягко и кости въ тѣлѣ съ хрящами; иди, высоси изъ головы мозгъ!»

Новорожденный этотъ ребенокъ знаніемъ своимъ большимъ узналъ и разумомъ своимъ большимъ уразумѣлъ, что къ нему послана пчела, величиною съ трехгодового бычка; онъ съ тринадцатью узлами петлю Торъ-Саганъ натянулъ выше себя и лежитъ. Около полуночи посланная пчела прилетаетъ къ лежащему ребенку, чтобы высосать мозгъ изъ его головы; она хотѣла сѣсть на ребенка, но запуталась въ петлѣ Торъ-Саганъ. Тогда этотъ ребенокъ, вскочивъ на ноги, говоритъ: «Если ты такою большою будешь летать, то на этой землѣ ничего не оставишь!» Сказавъ эти слова, бѣлымъ камнемъ Эрдэни разрубилъ эту пчелу на маленькіе куски; эти куски полетѣли пчелами [1]). Потомъ этотъ ребенокъ опять легъ; лежитъ, плачетъ и говоритъ: «Одну ночь ночевалъ, одного врага побѣдилъ!»

Въ другую ночь Галъ-Дöлмö-ханъ посылаетъ змѣю Абарга, величиною съ бочку, чтобы она высосала мозгъ у новорожденнаго ребенка, пока онъ не выросъ большой. Около полуночи приходитъ змѣя Абарга; подойдя къ ребенку, и она также запутались въ петлю Торъ-Саганъ, никакъ не можетъ распутаться. Тогда этотъ ребенокъ, вскочивъ на ноги, говоритъ: «Если ты такою большою будешь ходить, то на этой землѣ ничего не оставишь!» Сказавъ эти слова, бѣлымъ камнемъ Эрдэни эту змѣю разрубилъ на маленькіе куски; эти куски поползли на разныя стороны маленькими змѣями [2]). Послѣ этого ребенокъ опять легъ на прежнее мѣсто, плачетъ и говоритъ: «Двѣ ночи ночевалъ, двухъ враговъ побѣдилъ».

Въ третью ночь Галъ-Дöлмö-ханъ послалъ осу [3]), величиною съ трех-годового бычка, чтобы она высосала мозгъ у новорожденнаго ребенка, пока онъ не выросъ большой. Около полуночи прилетаетъ оса, величиною съ трехгодового бычка, чтобы высосать новорожденному ребенку мозгъ, но запуталась въ петлю Торъ-Саганъ и не можетъ распутаться. Тогда этотъ ребенокъ вскочилъ на ноги и говоритъ: «Если ты такимъ большимъ будешь летать, то на этой землѣ ничего не оставишь!» Сказавъ эти слова, бѣлымъ камнемъ Эрдэни онъ разрубилъ эту осу на маленькіе куски; эти разрубленные куски улетѣли въ разныя стороны маленькими осами.

---

[1]) По словамъ бурятъ, прежде пчелы были большія, величиною съ трехъ-годового бычка, но Абай-Гэхэръ-Богдо-Ханъ ихъ разрубилъ на маленькіе куски, отчего нынѣшнія пчелы такія маленькія и сдѣлались.

[2]) По словамъ бурятъ, прежде змѣи были большія, но Абай-Гэсэръ-Богдо-ханъ уменьшилъ ихъ; съ этого времени змѣи стали маленькія.

[3]) Другіе говорятъ, посланъ былъ комаръ величиною съ трехъ-годового бычка.

Digitized by Google

Послѣ этого ребенокъ опять легъ на прежнее мѣсто, плачетъ и говоритъ: «Три ночи ночевалъ, трехъ враговъ побѣдилъ!»

Такъ плача, лежалъ новорожденный мальчикъ. На другой день Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ верхомъ на конѣ осматривалъ табуны лошадей; въ это время онъ увидѣлъ плачущаго ребенка около шалашика; онъ слѣзъ съ коня и взялъ ребенка, положилъ въ пазуху и обратно поѣхалъ домой [1]). Этотъ ребенокъ на пути началъ марать Сарагалъ-Ноёнъ-хана своими соплями и сильно началъ плакать; потомъ началъ дристать въ пазухѣ его и всего его замаралъ своимъ жидкимъ изверженіемъ; сдѣлалась страшная вонь; тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ вынулъ найденнаго ребенка изъ пазухи и сталъ держать его сзади себя; въ это время задулъ южный вѣтеръ сзади его и сдѣлалась страшная вонь; царь не могъ далѣе ѣхать; тогда онъ этого ребенка сталъ держать впереди, но ребенокъ по прежнему сталъ дристать и марать его; въ это время задулъ сѣверный вѣтеръ, тоже сдѣлалась нестерпимая вонь. Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ едва, едва доѣхалъ до дома, держа этого сопливаго и дристливаго ребенка то спереди, то сзади. Царь довезъ ребенка до своего дома. Ребенокъ сталъ скоро выростать; ему дали имя Нюхата-Зургай; онъ сталъ ходить и бѣгать на улицу и обратно въ юрту.

Однажды Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ пригласилъ къ себѣ другихъ двухъ царей и подчиненныхъ чиновниковъ на пиръ, и мальчика Нюхата-Зургай, хорошенько накормивъ, спряталъ въ юртѣ за баранами [2]), чтобы онъ оттуда не выходилъ. Когда всѣ приглашенные гости собрались на пиръ и начали пировать, въ это время за баранами поднялся сильный гулъ; Нюхата-Зургай началъ дристать; жидкость потекла къ двери какъ рѣка, поднялась страшная вонь; собравшіеся гости отъ этой вони, кто схвативши носъ, кто схвативши ротъ, бѣгутъ къ двери; около двери поскользнувшись отъ грязи, сдѣланной Нюхата-Зургаемъ, всѣ попадали, замарались въ ней и выбѣжали на улицу. Здѣсь они всю одежду сняли съ себя, бросили на землю, а сами ушли домой безъ одежды. Нюхата-Зургай выходитъ изъ-за барановъ; Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ говоритъ ему: «Я тебѣ велѣлъ сидѣть смирно и не дристать. Зачѣмъ задристалъ? всѣхъ гостей выгналъ и замаралъ!» Нюхата-Зургай говоритъ «Что буду дѣлать, когда не могу удержаться». Потомъ Нюхата-Зургай выходитъ на улицу, начинаетъ чистить брошенныя одежды и говоритъ: «Теперь я имѣю много одеждъ!» Послѣ этого Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ посылаетъ своихъ двухъ сыновей съ Нюхата-Зургаемъ пасти семьдесятъ красныхъ телятъ на степи; эти три мальчика угнали на степь семьдесятъ красныхъ телятъ и пасутъ ихъ. Нюхата-Зурга говоритъ двумъ мальчикамъ: «Давайте, заколемте одного теленка, и будемте ѣсть его мясо». Эти два мальчика говорятъ: «Нѣтъ, отецъ будетъ сердиться. Мы боимся колоть теленка!» Нюхата-Зургай говоритъ: «Я устрою такъ, что не будетъ знать

---

[1]) Дѣвица Тэбэкъ-Ногонъ-Абаха далѣе вовсе не упоминается, какъ мать ребенка; нѣкоторые буряты говорили, что она поднялась обратно на небо; а другіе говорили, что они вовсе не знаютъ, куда она дѣвалась.—Большинство говоритъ, что она дочь тэнгэрина, и потому обратно поднялась на небо, потому что Мöргöнъ-Тöгöлтöру она болѣе не нужна была.

[2]) Бараны—деревянныя подставки подъ сундуками.

Digitized by Google

нашъ отецъ». Тогда эти два мальчика спрашиваютъ Нюхата-Зургая: «Какъ ты устроишь, чтобы отецъ не узналъ?» Нюхата-Зургай говоритъ: «Я такъ сдѣлаю, что отецъ нашъ ничего не узнаетъ». Послѣ этого Нюхата-Зурга поймалъ одного теленка за хвостъ, ударилъ объ землю, потомъ изъ кожи выдернулъ мясо; а въ кожу теленка запихалъ травы и свиснулъ: теленокъ всталъ и убѣжалъ къ другимъ телятамъ; потомъ всѣ трое развели огонь, изжарили на немъ мясо теленка и все съѣли, а бабки раздѣлили между собою и играютъ ими. Вечеромъ телятъ пригнали домой. Съ этого времени каждый день они выгоняли семьдесятъ красныхъ телятъ на степь пасти и каждый день кололи по одному теленку; мясо его ѣли, а бабками всѣ трое играли; вечеромъ телятъ пригоняли домой. Семьдесятъ дней они пасли телятъ и каждый разъ кололи по одному теленку; такимъ образомъ закололи всѣхъ семьдесятъ красныхъ телятъ. Когда закололи послѣдняго теленка и мясо его съѣли, то Нюхата-Зурга говоритъ тѣмъ двумъ мальчикамъ: «Мнѣ болѣе не нужны бабки, и вы возмите ихъ себѣ и раздѣлите между собою поровну». Тѣ два мальчика взяли бабки и раздѣлили между собою поровну и положили въ пазуху. Послѣ этого семьдесятъ красныхъ телятъ пригнали домой. Когда мальчики пришли домой, ихъ стали кормить; Нюхата-Зурга началъ ѣсть, а тѣ два мальчика не ѣдятъ, сидятъ такъ. Тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ спрашиваетъ у своихъ двухъ сыновей: «Отчего не ѣдите, что тамъ на степи ѣли?» Нюхата-Зурга говоритъ: «Отецъ, отецъ! они каждый день по одному теленку колятъ и ѣдятъ мясо, а мнѣ не даютъ; сегодня послѣдняго теленка закололи и съѣли, а бабками играютъ». Тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ выходитъ на улицу и смотритъ телятъ, которые всѣ стоятъ живые; онъ подошелъ къ одному теленку и ударилъ его тростью; тогда всѣ теленки упали и оказалось, что шкуры ихъ набиты травою. Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ сильно удивился и говоритъ тремъ мальчикамъ: «Кто изъ васъ дѣлаетъ это?» Три мальчика указываютъ другъ на друга. Ничего онъ не можетъ добиться.

На другое утро Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ хочетъ испытать этихъ трехъ мальчиковъ; для этого онъ посадилъ старшаго своего сына съ собою вмѣстѣ; они поѣхали на красномъ порозѣ безъ повода; вотъ они ѣдутъ по краямъ пашни, на которой посѣянъ хлѣбъ. Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ говоритъ своему старшему сыну: «Это пашни китайцевъ, которые пашутъ на нашей землѣ». Въ это время изъ хлѣба вылетѣла тетеря; тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ краснаго пороза прокололъ шиломъ, которое было привязано къ ногѣ. Красный порозъ испугался и, бросивъ обоихъ сѣдоковъ, убѣжалъ; Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ притворился мертвымъ, а старшій его сынъ, подумавъ, что его отецъ дѣйствительно умеръ, началъ надъ нимъ плакать; поплакавъ нѣкоторое время, ушелъ домой. Тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ встаетъ и говоритъ: «Этотъ сынъ ничего не можетъ сдѣлать». Послѣ этого онъ приходитъ вслѣдъ за сыномъ домой.

На другое утро Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ опять поѣхалъ на красномъ порозѣ безъ повода и за собою посадилъ младшаго сына; они поѣхали по краямъ пашни, на которой былъ посѣянъ хлѣбъ. Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ говоритъ своему младшему сыну: «Эти пашни китайскія; эти китайцы пашутъ на нашей землѣ». Въ это время изъ хлѣба вылетѣла тетеря; тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ прокололъ краснаго пороза

Digitized by Google

шиломъ, которое, какъ и въ первый разъ, было привязано къ ногѣ. Красный порозъ испугался и, сбросивъ обоихъ сѣдоковъ, убѣжалъ; Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ притворился мертвымъ; а младшій сынъ, какъ и старшій его братъ, подумалъ, что его отецъ дѣйствительно умеръ, началъ надъ нимъ плакать и, поплакавъ нѣкоторое время, ушелъ домой. Тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ встаетъ и говоритъ: «Этотъ сынъ тоже ничего не можетъ сдѣлать, какъ и старшій его братъ». Послѣ этого онъ приходитъ домой вслѣдъ за сыномъ.

На другое утро Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ опять поѣхалъ на красномъ порозѣ безъ повода, посадивъ съ собою Нюхата-Зура [1]); они поѣхали по краямъ пашни, на которой былъ посѣянъ хлѣбъ. Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ говоритъ Нюхата-Зура: «Это пашни китайцевъ, которые пашутъ на нашей землѣ». Въ это время изъ хлѣба вылетѣла тетеря; тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ прокололъ шиломъ краснаго пороза; красный порозъ испугался и, сбросивъ обоихъ сѣдоковъ, убѣжалъ; Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ притворился мертвымъ.

Тогда Нюхата-Зура, немного поплакавъ, говоритъ: «Отецъ мой умеръ. Что говорилъ отецъ мой? если-бы китайцы на нашей землѣ не пахали, то откуда-бы выросли хлѣба; если-бы хлѣба не было, то откуда-бы вылетѣла тетеря; если-бы тетеря не вылетѣла, то красный порозъ не испугался-бы; если-бы красный порозъ не испугался, то отецъ мой не упалъ-бы; если-бы отецъ мой не упалъ, то не умеръ-бы. Всему этому виноваты китайцы, которые на нашей землѣ посѣяли хлѣбъ; я пойду къ китайцамъ, и буду требовать отъ нихъ, чтобы они оживили моего отца». Послѣ этого Нюхата-Зура побѣжалъ въ китайскій городъ и потягался съ китайцами. Китайцы остались виновными; судъ приказалъ имъ оживить отца Нюхата-Зура. Тогда виновные китайцы предложили Нюхата-Зура золота и серебра на семидесяти верблюдахъ, Нюхата-Зура согласился и, взявъ золото и серебро на семидесяти верблюдахъ, приходитъ на то мѣсто, гдѣ лежитъ Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ; Нюхата-Зура хочетъ сжечь тѣло отца; для этого онъ, собравъ сухія березовыя деревья, положилъ ихъ вокругъ Сарагалъ-Ноёнъ-хана и поджогъ. Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ вскочилъ на ноги и хочетъ выйдти изъ огня. Нюхата-Зура говоритъ: «Отецъ, отецъ! что ты дѣлаешь? когда умершіе воскресаютъ? это считается худымъ предзнаменованіемъ, большимъ грѣхомъ и отъ этого потомству бываетъ жутко». Говоря эти слова, Нюхата-Зура обратно толкаетъ въ огонь Сарагалъ-Ноёнъ-хана. Потомъ онъ выпустилъ его изъ огня. Тогда Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ сказалъ Нюхата-Зура, что онъ вовсе не умеръ, а шутилъ съ нимъ.

Послѣ этого Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ съ Нюхата-Зура пригналъ домой семьдесятъ верблюдовъ, навьюченныхъ золотомъ и серебромъ; дорогой Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ думаетъ, что всѣхъ телятъ закололъ этотъ Нюхата-Зура, а не другіе его два сына. Когда пріѣхали домой, то по прежнему стали жить.

Послѣ этого подданные Сарагалъ-Ноёнъ-хана собрались на зэгэтэ-аба [2]) въ

---

[1]) Въ рукописи г. Хангалова мѣстами стоитъ Зурга, или Зургай, мѣстами Зура. *Ред.*

[2]) Зэгэтэ-аба—облава на звѣрей.

Digitized by Google

числѣ трехъ сотъ человѣкъ; и Нюхата-Зура просится съ ними на зэгэтэ-аба и началъ также собираться. Собрался совсѣмъ и поѣхалъ съ тремя стами человѣкъ на зэгэтэ-аба по обширной степи; Нюхата-Зура ѣхалъ позади другихъ. Когда они ѣхали, то на пути Нюхата-Зура, сидя на конѣ, началъ дристать, а потомъ сдѣлалъ сѣверный вѣтеръ, который дуетъ сзади; впереди ѣхавшіе триста зэгэтэ-облавщиковъ никакъ не могли ѣхать далѣе отъ страшной вони, и пустили Нюхата-Зура ѣхать впереди. Нюхата-Зура поѣхалъ впереди зэгэтэ-облавщиковъ и опять началъ дристать, и заставилъ дуть южный вѣтеръ; опять триста зэгэтэ-облавщиковъ не могли ѣхать отъ страшной вони и вовсе прогнали отъ себя Нюхата-Зура.

Тогда Нюхата-Зура поѣхалъ отдѣльно отъ трехсотъ зэгэтэ-облавщиковъ; когда уѣхалъ на нѣкоторое разстояніе, то взялъ смѣшивающій тысячу вѣковъ бѣлый камень Эрдэни, и началъ грызть его на лѣвыхъ коренныхъ зубахъ; тогда вдругъ состояніе погоды измѣнилось, небо покрылось облаками, пошелъ кровавый дождь, каменный градъ, послѣ этого пошелъ большой снѣгъ, который упалъ до нижнихъ сучковъ деревьевъ. Эти триста зэгэтэ-облавщиковъ сильно замерали отъ снѣга и не могутъ придумать, что дѣлать; въ это время вспомнили о Нюхата-Зура, послали за нимъ одного человѣка посмотрѣть его, чтобы онъ не замерзъ. Посланный пріѣхалъ посмотрѣть Нюхата-Зура и видитъ, что онъ, разобравъ сѣдло, разжигаетъ огонь; потомъ онъ сломалъ стрѣлы и лукъ, и ими тоже подтапливаетъ; развелъ большой костеръ, грѣется около него и поговариваетъ: «Когда поѣду въ сѣдловую падь, то найду сѣдло, когда поѣду въ луковую падь, то найду лукъ, а когда поѣду въ стрѣлочную падь, то найду стрѣлы». Посланный, увидѣвъ разведенный огонь и услышавъ слова Нюхата-Зура, поѣхалъ обратно къ тремъ-стамъ зэгэтэ-облавщикамъ и разсказываетъ имъ, что Нюхата-Зура, сломавъ сѣдло, лукъ и стрѣлы, развелъ большой огонь и самъ грѣется, приговаривая: «Когда поѣду въ сѣдловую падь, то найду сѣдло, когда поѣду въ луковую падь, то найду лукъ и когда поѣду въ стрѣлочную падь, то найду стрѣлы».

Тогда триста зэгэтэ-облавщиковъ опять послали одного человѣка, который бы выпросилъ огня у Нюхата-Зура и привезъ имъ; посланный пріѣхалъ и проситъ огня у Нюхата-Зура; онъ не даетъ огня и говоритъ: «Вы меня прогнали, я вамъ не дамъ огня!» Когда посланный сильно началъ просить, тогда Нюхата-Зура далъ огня посланному, и тотъ привезъ огонь и отдалъ тремъ-стамъ зэгэтэ-облавщикамъ. Триста зэгэтэ-облавщиковъ сломали всѣ сѣдла, луки и стрѣлы, и начали ими топить и развели огонь; всѣ они грѣются около огня. Нюхата-Зура, узнавъ, что триста зэгэтэ-облавщиковъ сожгли всѣ свои сѣдла, луки и стрѣлы, взялъ бѣлый камень Эрдэни и началъ грызть его на правыхъ коренныхъ зубахъ; тогда небо вдругъ очистилось отъ облаковъ и стало очень жарко; снѣгъ скоро весь растаялъ, по прежнему стало тепло.

Тогда Нюхата-Зура пріѣхалъ къ тремъ-стамъ зэгэтэ-облавщикамъ, и поѣхалъ съ ними далѣе; когда Нюхата-Зура пріѣхалъ къ одной пади, то на конѣ перескочилъ черезъ эту падь и сдѣлался съ сѣдломъ, которымъ осѣдлалъ коня и поѣхалъ далѣе. Триста-зэгэтэ-облавщиковъ скакали, скакали черезъ эту падь, не могли

Digitized by Google

найти сѣдла, а потому поѣхали далѣе (безъ сѣделъ). Нюхата-Зура пріѣхалъ къ второй пади, перескочилъ черезъ нее и сдѣлался съ лукомъ; взявъ его, поѣхалъ далѣе. Триста зэгэтэ-облавщиковъ скакали, скакали черезъ эту падь, но не могли найти лукъ, а потому поѣхали далѣе (безъ луковъ). Нюхата-Зура пріѣхалъ къ третьей пади, перескочилъ черезъ нее, сдѣлался со стрѣлами и поѣхалъ далѣе охотиться на звѣрей. Триста зэгэтэ-облавщиковъ скакали, скакали черезъ эту падь, но не могли найти стрѣлъ, а потому, перемучившись, поѣхали обратно домой безъ сѣделъ, луковъ и стрѣлъ; домой пріѣхали голодные и усталые. Въ колодезѣ родившійся съ волшебствами Нюхата-Зура забавляется надъ этими зэгэтэ-облавщиками. Нюхата-Зура, поохотившись на звѣрей и настрѣлявъ ихъ множество, обратно пріѣхалъ домой.

Сута-Ноёнъ-ханъ началъ собираться и приготовляться ѣхать искать себѣ жену; онъ поймалъ своего сиваго жеребца, осѣдлалъ его серебрянымъ сѣдломъ и обуздалъ серебряною уздою, шелковыми поводьями привязалъ къ серебряному столбу, а самъ ушелъ одѣваться. Тогда Нюхата-Зура говоритъ: «Я тоже поѣду съ тобою искать себѣ жену!» Сута-Ноёнъ-ханъ говоритъ: «Я одинъ поѣду; ты гдѣ со мною будешь ѣхать? только будешь мѣшать по дорогѣ». Сута-Ноёнъ-ханъ поѣхалъ одинъ. Нюхата-Зургай по дорогѣ догналъ Сута-Ноёнъ-хана; оба они поѣхали прямо къ сѣверу;—ѣхали, ѣхали и выѣхали на такое разстояніе, на какое нужно ѣхать сто годовъ; оба они пріѣхали къ дворцу Тумэ-Уланъ-хана, остановились и слѣзли съ коней, а поводья привязали къ серебряному столбу; сами вошли въ бѣло-серебряный дворецъ; входя, Сута-Ноёнъ-ханъ здоровается съ Тумэ-Уланъ-ханомъ по-царски и садится на правой сторонѣ, а Нюхата-Зура остановился около двери и, поздорововавшись, садится около двери.

Тогда Тумэ-Уланъ-ханъ спрашиваетъ у Сута-Ноёнъ-хана: «Откуда и куда ѣдете?». Сута-Ноёнъ-ханъ говоритъ: «Я съ южной стороны; живу на разстояніи ѣзды ста годовъ, я одинъ изъ трехъ царей Тугушинскихъ Сута-Ноёнъ-ханъ; я пріѣхалъ свататься на вашей дочери Тёмёнъ-Жаргаланъ-Абахай. Нюхата-Зура говоритъ, сидя около двери: «Я тоже пріѣхалъ свататься на вашей дочери». Тумэ-Уланъ-ханъ говоритъ: «Завтра утромъ узнаемъ, за кого выдать мою дочь».

На другое утро рано царь Тумэ-Уланъ-ханъ приказалъ бить въ золотой барабанъ, собирать сѣверныхъ подданныхъ и бить въ серебряный барабанъ, собирать южныхъ подданныхъ. По приказанію царя, били въ золотой барабанъ, собрали сѣверныхъ подданныхъ и били въ серебряный барабанъ, собрали южныхъ подданныхъ; когда всѣ подданные собрались, Тумэ-Уланъ-ханъ приказалъ поставить мѣты: первая мѣта будетъ семьдесятъ возовъ дровъ, вторая черный камень величиною съ быка и третья золотая кругленькая пластинка съ отверстіемъ въ серединѣ. Когда всѣ эти мѣты были поставлены, Тумэ-Уланъ-ханъ говоритъ: «Кто попадетъ сразу одною стрѣлою во всѣ эти три мѣты, за того отдамъ свою дочь замужъ».

Многіе пробовали стрѣлять, но ихъ стрѣлы не долетали. Тогда Сута-Ноёнъ-ханъ выстрѣлилъ въ мѣту; стрѣла разбросала семьдесятъ возовъ дровъ и осталась

Digitized by Google

тамъ.Сута-Ноёнъ-хану очень стало стыдно, что стрѣла его упала у первой мѣты. Нюхата-Зура протолкался между людьми, марая ихъ своими соплями; всѣ люди надъ нимъ смѣются. Нюхата-Зура говоритъ царю Тумэ-Уланъ-хану. «Кто бы то ни былъ, всякій ли можетъ стрѣлять въ эту мѣту? и если онъ попадетъ, то отдадите ли свою дочь замужъ за того, кто бы онъ ни былъ?» Тумэ-Уланъ-ханъ говоритъ: «Можно; отдамъ!» Нюхата-Зура взялъ свой лукъ и стрѣлу и выстрѣлилъ въ мѣту; стрѣла попала въ первую мѣту въ семьдесятъ возовъ дровъ, и такъ разбила ихъ, что трудно было найти щепку, чтобы поколупать между зубами; стрѣла попала и во вторую мѣту, и раздробила ее на маленькіе куски, такъ что трудно было найти камень для кремня; наконецъ стрѣла попала и въ третью мѣту; прорвавъ отверстіе въ ней, она вылетѣла. Нюхата-Зура отъ радости бѣгаетъ взадъ и впередъ, марая людей своими соплями и говоритъ: «Побѣда за мной!»

Тогда Тумэ-Уланъ-ханъ говоритъ Сута-Ноёнъ-хану: «Ты, какъ старикъ, будешь сватомъ, а этотъ молодой человѣкъ будетъ зятемъ». Послѣ этого Тумэ-Уланъ-ханъ устроилъ большой пиръ на девять сутокъ и веселый пиръ на восемь сутокъ, на девятыя сутки едва, едва гости разъѣхались.

Нюхата-Зура женили на дѣвицѣ Тёмёнъ-Жаргаланъ-Абахай. Нюхата-Зура со своею женою Тёмёнъ-Жаргаланъ-Абахай пріѣхали домой; на пути онъ все дристалъ и маралъ свою жену; она едва могла выносить страшную вонь. Онъ постоянно маралъ свою жену своими соплями и когда ложился спать съ нею и дристалъ на постели, Тёмёнъ-Жаргаланъ-Абахай должна была безпрестанно чистить ее. Нѣкоторое время спустя по пріѣздѣ, Сута-Ноёнъ-ханъ опять собирается ѣхать искать себѣ жену; Нюхата-Зура тоже собирается ѣхать съ нимъ. Сута-Ноёнъ-ханъ никакъ не могъ оставить Нюхата-Зуры; поѣхали оба къ тремъ ламамъ Соржи, у которыхъ была необыкновенно красивая дѣвица, Урма-Гохонъ-Абаха. Пріѣхавъ къ горѣ Мёнгётё-Ула, они поднялись на вершину ея и тамъ пріѣхали къ бѣлосеребряному дворцу; на улицѣ къ серебряному столбу привязали своихъ лошадей, а сами вошли во дворецъ къ тремъ ламамъ Соржи. Сута-Ноёнъ-ханъ поздоровался съ ними по царски, поклонился имъ, какъ царица, и садится на правую сторону дворца. Нюхата-Зура остановился около двери и, поздоровавшись съ ними, садится около двери.

Три ламы Соржи спрашиваютъ у Сута-Ноёнъ-Хана: «По какому дѣлу пріѣхалъ?» Сута-Ноёнъ-ханъ говоритъ: «Я пріѣхалъ свататься на вашей дочери Урма-Гохонъ-Абаха». Нюхата-Зура сидя около двери, тоже говоритъ: «Я тоже пріѣхалъ свататься на вашей дочери Урма-Гохонъ-Абаха». Тогда три ламы Соржи говорятъ Сута-Ноёнъ-хану: «Ты человѣкъ старый, ты будешь сватомъ, а этотъ молодой человѣкъ пусть будетъ нашимъ зятемъ; за него отдадимъ нашу дочь Урма-Гохонъ-Абахай». Нюхата-Зура высваталъ за себя дѣвицу Урма-Гохонъ-Абахай, на которой тутъ же и женился.

Послѣ женитьбы Нюхата-Зура пріѣхалъ домой со своею женою Урма-Гохонъ-Абахай; по дорогѣ онъ маралъ ее своими соплями и началъ дристать, дѣлая страш-

Digitized by Google

ную вонь; такимъ образомъ Нюхата-Зура пріѣхалъ домой и началъ жить съ двумя женами. Сута-Ноёнъ-ханъ пріѣхалъ домой одинъ, какъ уѣхалъ одинъ.

Нюхата-Зура имѣлъ теперь двухъ прекрасныхъ женъ, съ которыми спалъ вмѣстѣ и ночью постоянно ихъ маралъ своими соплями и дристалъ подъ ними; онѣ принуждены были постоянно чистить нечистоты своего мужа.

Потомъ Нюхата-Зура каждую ночь сталъ теряться; когда двѣ жены спали, онъ вставалъ и уходилъ куда-то неизвѣстно. Эти двѣ жены Нюхата-Зуры сильно дивились, куда уходитъ онъ каждую ночь; а потомъ стали прясть шерсть и напряли клубокъ величиною съ человѣческую голову. На слѣдующую ночь, когда ложились спать, онѣ незамѣтнымъ образомъ одинъ конецъ шерсти пришили къ шубѣ Нюхата-Зура, а потомъ легли спать. Когда двѣ жены заснули, Нюхата-Зура всталъ потихоньку и, надѣвъ шубу, ушелъ изъ дома. Эти двѣ жены ночью разбудились; Нюхата-Зура уже не было въ постели; тогда онѣ встали, вышли изъ дома и пошли по слѣдамъ Нюхата-Зура по шерсти, которую пришили къ подолу его. Онѣ пришли къ горѣ Оргилъ-Ула, поднялись на вершину ея и видятъ бѣло-серебряный дворецъ; пришли къ дворцу и видятъ щель надъ дверью; посмотрѣли въ щель и видятъ во дворцѣ около двери на колѣняхъ кланяется и молится большой человѣкъ, величиною съ гору, а къ подолу его пришита шерсть; тогда онѣ узнали въ этомъ человѣкѣ своего мужа Нюхата-Зура; далѣе онѣ видятъ на бѣло-серебряномъ престолѣ сидятъ три Шибэгэни-бурхана [1]), которые читаютъ бѣлое священное писаніе. Послѣ этого эти двѣ жены Нюхата-Зурга пришли обратно домой.

Послѣ этого, величиною съ гору, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ получилъ благословеніе отъ трехъ Шибэгэни-бурхановъ и имя Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и пріѣхалъ домой; но пріѣздѣ онъ говоритъ своимъ двумъ прекраснымъ женамъ, что благодаря имъ, его силы немного уменьшились; потому что, когда онѣ глядѣли въ щель надъ дверью, то онъ немного на нихъ взглянулъ. И говоритъ имъ: «Зачѣмъ вы пришли туда? Не нужно было приходить и мѣшать моимъ молитвамъ».

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ вошелъ въ настоящее тѣло и принялъ настоящую свою наружность. Потомъ онъ на устьѣ большой пади Хатанъ съ помощью тринадцати волшебствъ сдѣлалъ бѣло-серебряный дворецъ вышиною до ночного неба; въ серединѣ большой пади Хатанъ сдѣлалъ тоже бѣло-серебряный дворецъ вышиною до ночного неба.

Въ дворцѣ на устьѣ большой пади Хатанъ стала жить старшая жена Абай-Гэхэръ-Богдо-хана Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанъ, дочь царя Тумэ-Уланъ-хана; въ дворцѣ въ серединѣ пади Хатанъ стала жить младшая жена Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Урма-Гохонъ-хатанъ, дочь трехъ Соржи-ламъ.

Тугушинскіе три царя Сарагалъ-Ноёнъ-ханъ, Затъ-Шухэръ-ханъ и завистливый Сута-Ноёнъ-ханъ сдѣлались тремя дядями Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и стали называться: дядя Сарагалъ-Ноёнъ, дядя Затъ-Шухэръ и завистливый дядя Сута-Ноёнъ [2]). Они стали такъ жить.

---

[1]) Нѣкоторые говорятъ, что сидѣли три ламы Соржи.

[2]) Обыкновенно называютъ Хара-Сутанъ.

Digitized by Google

Оставленныхъ между небомъ и землею на золотой землѣ Шатакъ тридцать трехъ батаровъ, триста передовыхъ войскъ и прочихъ съ этой земли Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спустилъ на землю; тридцать трехъ батаровъ оставилъ у старшей жены Тёмёнъ-Жаргаланъ, которая должна была кормить этихъ батаровъ, а триста передовыхъ войскъ оставилъ у младшей жены Урма-Гохонъ-хатуны; этихъ она должна была кормить.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сдѣлался на сѣверной сторонѣ старшимъ царемъ надъ тринадцатью царями и на южной сторонѣ старшимъ царемъ надъ двадцатью тремя царями. Какъ ножикъ, опасныхъ враговъ побѣждая, онъ родился; десять опаснѣйшихъ враговъ Атагатуйскихъ побѣждая, онъ родился; приходящихъ враговъ встрѣчая, родился и выходящихъ враговъ провожая, родился. Большую падь Хатанъ сдѣлавши мѣстомъ жительства, родился; большую падь Нажинъ скотскимъ выпускомъ сдѣлавши, родился; въ большой мѣстности Мёрёнъ, на берегу моря Мёнко, на подошвѣ горы Ханъ-Ула и въ большой пади Хатанъ счастливо сталъ жить.

Послѣ этого однажды Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своимъ двумъ прекраснымъ женамъ: «Надоѣло ѣсть скотское мясо, которое въ зубахъ воняетъ, а мясо звѣрей припомнилось!» Сказавъ, онъ началъ собираться на охоту,—поймалъ темно-гнѣдого коня, величиною съ гору; темно-гнѣдого коня поймалъ серебряной уздою, какъ ребро сдѣланною; осѣдлалъ чисто серебянымъ сѣдломъ, подложилъ шелковый потникъ и шелковые повода привязалъ къ серебряному столбу; потомъ онъ входитъ во дворецъ, одѣвается въ шелковыя шубы; сверху онъ надѣлъ доспѣхи, потомъ навѣсилъ себѣ на правую сторону изъ чистаго булата сдѣланную саблю, потомъ надѣлъ на себя колчанъ со стрѣлами и лукъ съ футляромъ; когда совсѣмъ приготовился, то вышелъ на улицу и, сѣвъ на коня, уѣхалъ на охоту. Пріѣхавши на мѣсто охоты, онъ охотился на звѣрей; въ это время ему попался другой охотникъ, который ѣхалъ на рыжемъ конѣ, какъ кровь краснымъ; этотъ неизвѣстный охотникъ былъ молодой и очень красивый человѣкъ, былъ такой красный, что нельзя было на него смотрѣть прямо въ лицо; зубы были величиною съ лопаты, щеки были алыя, глаза были большіе пѣгіе, коса была черная и въ обхватъ толщиною.

Этотъ охотникъ, пріѣхавши, началъ стрѣлять звѣрей прежде, нежели успѣвалъ стрѣлять Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ; убивъ звѣрей, онъ привязывалъ ихъ къ сѣдлу и уѣзжалъ далѣе отъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сильно удивился и думаетъ: «Это что за чудеса и что это за хитрость? на этой землѣ не было такого человѣка, который бы лучше меня стрѣлялъ».

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ погнался за этимъ охотникомъ: за нимъ гонится кругомъ трехъгодичнаго міра три раза, кругомъ четырехъгодичнаго міра четыре раза, не можетъ догнать. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сдѣлалъ такой сильный морозъ, что отъ мороза растрескивались рога быковъ; этотъ охотникъ говоритъ: «Въ самый разъ сдѣлалась прохлада!» Надѣвъ на себя лѣтнюю шелковую шубу

Digitized by Google

и немного вспотѣвъ, ѣдетъ. Видя это, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сдѣлалъ такой сильный жаръ, что конскій навозъ кипѣлъ. Этотъ охотникъ опять говоритъ: «Въ самый разъ сдѣлался холодъ!» Надѣвъ на себя зимнюю шелковую шубу и немного покуражившись, ѣдетъ на конѣ; Аба-Гэхэръ-Богдо-ханъ никакъ не можетъ помѣшать ему. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ этого охотника гонитъ кругомъ восьми сторонъ ночного неба и кругомъ четырехъ сторонъ всего міра и не можетъ догнать; наконецъ, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ догонять этого охотника, но охотникъ прибѣжалъ къ желтому морю, вскочилъ въ него съ конемъ и потерялся.

Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ слѣзъ съ коня, привязалъ его къ бояркѣ [1]), а самъ вскочилъ въ желтое море вслѣдъ за этимъ охотникомъ.

Вскочивъ въ воду, онъ видитъ дверь; поймавшись за ручку двери, онъ отворилъ ее и входитъ; за этою дверью оказалась тоже земля, которая ни чѣмъ не отличалась отъ верхней. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спустился внизъ на вершину одной высокой горы; съ этой высокой горы видитъ, что внизу на подошвѣ этой высокой горы стоитъ бѣло-серебряный дворецъ вышиною до неба. На дворѣ этого дворца, онъ видитъ, стоитъ привязанный рыжій конь, какъ кровь красный; тогда онъ спустился съ горы, подходитъ къ дворцу и смотритъ въ щель надъ дверью; внутри дворца на правой сторонѣ на бѣло-серебряномъ престолѣ сидитъ съ совершенно бѣлыми волосами старикъ, который въ рукѣ держитъ тростниково-серебряную трость; рядомъ съ другой стороны, тоже на престолѣ, сидитъ съ совершенно бѣлыми волосами старуха, тоже въ рукѣ держитъ тростниково-серебряную трость; на лѣвой сторонѣ дворца стоитъ необыкновенно красивая дѣвица, которая сортируетъ убитыхъ звѣрей: что подлежитъ къ выдѣлкѣ, то бросаетъ въ одну сторону для выдѣлки, а что подлежитъ къ пищѣ, то бросаетъ въ другую сторону для пищи; такъ стоя, она говоритъ: «Отецъ, отецъ! я была на верхней землѣ, гдѣ охотилась на звѣрей, которыхъ тамъ очень много и лучше нашихъ». А потомъ она разсказываетъ все случившееся во время охоты, какъ гонялся за нею на темно-гнѣдомъ конѣ другой охотникъ, какъ гора большой человѣкъ и какъ она вскочила въ желтое море и спустилась на свою землю. Потомъ она спрашиваетъ у отца: «Какъ ты говорилъ мнѣ, что на нашей землѣ и на верхней землѣ нѣтъ коня, который догналъ бы моего рыжаго коня, а этотъ темно-гнѣдой конь въ концѣ началъ догонять меня?»

Тогда Уха-Лобсонъ-ханъ говоритъ своей дочери: «Зачѣмъ ты поднялась на верхнюю землю, она чужая, а чужія земли опасны. Достаточно тебѣ охотиться на своей землѣ. Твоего рыжаго коня можетъ догнать только темно-гнѣдой конь западнаго Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, а другіе не могутъ; лучше тебя можетъ стрѣлять только средній сынъ западнаго Тюрмасъ-тэнгэри Мӧргӧнъ-Тӧгӧлтӧръ. Развѣ онъ спустился на верхнюю землю и съ нимъ ты встрѣтилась на охотѣ? Прежде, когда я былъ молодымъ, то встрѣтился съ западнымъ Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэриномъ

[1]) Другіе говорятъ, что Абай-Гэхаръ-Богдо-ханъ воткнулъ въ землю свою стрѣлу и къ ней привязалъ свою лошадь. Боярка сиб. областное—боярышникъ.

Digitized by Google

на зэгэтэ-аба; тогда я съ нимъ просваталъ тебя за средняго его сына и мы смѣнились бѣло-серебряными ганзами [1]) другъ съ другомъ и кромѣ того по рожну мяса, смѣнивъ, съѣли. Должно полагать, это твой женихъ».

Единственная дочь Уха-Лобсонъ-хана, Алма-Моргонъ-Абахай разсердилась на своего отца и выбѣжала изъ дворца. Тогда стоявшій снаружи около двери Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ схватилъ ее за правую руку и удержалъ ее; она отбивалась отъ него, но не могла. Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ входитъ во дворецъ съ Алма-Моргонъ-Абахай; она перестала сердиться; входя въ дверь, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ здоровается съ царемъ Уханъ-Лобсонъ-ханомъ по-царски и кланяется, какъ царица.

Царь Уха-Лобсонъ говоритъ: «Сюда, сюда садитесь!» и указалъ имъ на правой сторонѣ дворца. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ садится на правой сторонѣ дворца. Царь Уха-Лобсонъ говоритъ своей дочери: «Дорожному человѣку нужно подать пить». Тогда Алма-Мӧргӧнъ-хатанъ въ чашкѣ подала питье Абай-Гэхэръ-Богдо-хану; онъ взялъ и выпилъ. Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-хана начали угощать, поставили золотой столъ, на которомъ поставили превкусную пищу и потомъ поставили серебряный столъ, на которомъ поставили настоящую пищу; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ ѣстъ эту пищу; потомъ подавали крѣпкое вино.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ разговаривать съ царемъ Уха-Лобсонъ-ханомъ о настоящемъ и прошломъ. Онъ говоритъ Уха-Лобсонъ-хану: «Я пріѣхалъ свататься на вашей дочери». Уха-Лобсонъ-ханъ соглашается выдать свою дочь за Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и говоритъ: «Сказано правда и задумано вѣрно».

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ женился на дочери Уха-Лобсонъ-хана и жилъ у него; въ это время Алма-Мӧргӧнъ-хатунъ накормила своего мужа одуряющею пищею; съѣвъ ее, Абай-Гэхэръ-ханъ одурѣлъ и забылъ уѣхать домой, а жилъ у Уха-Лобсонъ-хана со своею женою Алма-Мӧргӧнъ-хатаной. У нея отъ него родился сынъ [2]).

Хӧнуръ-Бурханъ, три старшія сестры Абай-Гэхэръ-Богдо-хана на небѣ, говорятъ другъ другу: «Что-то не слышно топота темно-гнѣдого коня и не слышно кряканья Абай-Гэхэръ-Богдо-хана?» Эти три сестры Хӧнуръ-Бурханъ спустились на землю въ большой пади Хатанъ и нашли въ ней теплый слѣдъ его; по этому слѣду начали слѣдить, напали на холодный слѣдъ, по которому тоже начали искать Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Искали кругомъ трехъ-годичной земли три раза и кругомъ четырехъ-годичной земли четыре раза; вокругъ ночного неба восемь разъ и по четыремъ сторонамъ обширной земли и, наконецъ, пришли къ желтому морю [3]); на берегу этого моря нашли темно-гнѣдого коня, привязаннаго за боярку. Темно-гнѣдой конь сдѣлался величиною съ годового жеребенка и стоитъ, уперши морду въ землю. Три сестры Хӧнуръ-Бурханъ темно-гнѣдого коня отпустили, чтобы онъ поправился; потомъ сами вошли въ желтое море, отворивъ дверь, спусти-

[1]) Ганза—трубка для куренія табаку.

[2]) Другіе говорятъ, что у Алма-Моргонъ-хатунъ родилась дочь.

[3]) По другому разсказу, къ черному морю.

Digitized by Google

лись на нижнюю землю, тамъ обратились въ три прекрасныя птички и прилетѣли къ дворцу царя Уха-Лобсонъ-хана; въ это время сынъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана игралъ на улицѣ; онъ, увидѣвъ этихъ прекрасныхъ птичекъ, хотѣлъ поймать ихъ, но не могъ; тогда онъ крикнулъ: «Отецъ, отецъ! выходи и поймай мнѣ этихъ трехъ прекрасныхъ птичекъ».

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ выходитъ на улицу, хочетъ поймать этихъ трехъ прекрасныхъ птичекъ, но никакъ не можетъ поймать; эти птички улетали недалеко и садились снова, а Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, желая поймать ихъ и гоняясь за ними, ушелъ далеко въ степь; эти птички заманили его на разстояніе трехъ-дневнаго хода; а потомъ обратились въ трехъ сестеръ Хӧнуръ-Бурханъ, и ударили его въ правую щеку; тогда онъ началъ блевать чернымъ-черно; послѣ этого онѣ ударили его въ лѣвую щеку; тогда онъ тоже началъ блевать разнообразными веществами. Потомъ пришелъ въ прежнее состояніе и поправился совсѣмъ отъ помраченія.

Тогда три сестры Хӧнуръ-Бурханъ говорятъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Зачѣмъ ты позабылъ о своихъ домашнихъ, которые тебя совсѣмъ потеряли и не могутъ дождаться? поскорѣе возвращайся домой!» Послѣ этихъ словъ онѣ поднялись на небо обратно.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ какъ будто-бы проснулся отъ долгаго сна и все забытое вспомнилъ; онъ учитъ своего маленькаго сына, по приходѣ домой плакать и говорить: «Чужому человѣку въ чужбинѣ нѣтъ житья и лытка изюбря [1]) не можетъ помѣститься въ котлѣ!» Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ со своимъ маленькимъ сыномъ приходитъ домой; тогда мальчикъ началъ плакать и говорить: «Чужому человѣку въ чужбинѣ нѣтъ житья и лытка изюбря не можетъ помѣститься въ котлѣ».

Тогда царь Уха-Лобсонъ-ханъ говоритъ: «Нашъ зять Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ хочетъ ѣхать домой. Человѣкъ, имѣющій родину, хочетъ возвратиться на родину и человѣкъ, имѣющій воду, хочетъ возвратиться къ своимъ водамъ!» Потомъ царь Уха-Лобсонъ-ханъ зятю своему далъ половину своего скота и половину золота и серебра и проводилъ его на родину.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, взявъ свою жену Алма-Моргонъ-хатанъ, сына и половину разнаго скота, золота и серебра, отданныхъ ему царемъ Уха-Лобсонъ-ханомъ, поднялся на верхнюю землю и пріѣхалъ на свою родину, въ большую падь Хатанъ и на вершинѣ ея выстроилъ бѣло-серебрянный дворецъ. Въ этомъ дворцѣ начала жить младшая жена Абай-Гэхэръ-Богдо-хана Алма-Моргонъ-хатанъ.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сталъ жить съ тремя женами, бывая у нихъ по очереди; старшая жена Тѳмѳнъ-Жаргаланъ-хатанъ стала жить въ устьѣ большой пади Хатанъ, средняя жена Урма-Гохонъ-хатанъ жила въ срединѣ пади Хатанъ, а младшая жена Алма-Моргонъ-хатанъ жила на вершинѣ пади Хатанъ. Такъ жили счастливо.

---

[1]) Изюбрь—областное русское слово: «олень».

Digitized by Google

На сѣверной сторонѣ въ лѣсахъ появился лѣсной пестрый левъ Октор[1]) такой громадной величины, что большою верхнею челюстью онъ хваталъ до высокаго неба и бороздилъ его верхнею челюстью, а нижнею большою челюстью бороздилъ обширную землю; этотъ громадной величины пестрый левъ, ходя, проглатывалъ все, что встрѣчалось на пути; большія таежныя деревья проглатывалъ съ вершиною и большія лѣсныя деревья проглатывалъ съ корнями. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сильно удивился и говоритъ: «Это чье чудовище и откуда появилось на этихъ мѣстахъ?»[2])

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ приготовляться съ тридцатью тремя батарами противъ пестраго льва Октора; кончивъ свои приготовленія, они, сѣвъ на коней, поѣхали на сѣверную сторону, гдѣ появился пестрый левъ Октор и проглатывалъ все, что встрѣчалось ему на пути. По дорогѣ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ тридцатью тремя батарами поднялись на вершину одной высокой горы и посматривали съ нея кругомъ въ даль; въ это время они увидѣли, что пестрый левъ Октор идетъ по направленію къ югу и прямо къ нимъ; верхняя челюсть его хватаетъ до высокаго неба и бороздитъ его, а нижняя челюсть бороздитъ обширную землю; такъ идя, левъ проглатывалъ въ себя множество людей, разнаго скота, звѣрей и деревьевъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-Ханъ, смотря съ вершины высокой горы, сильно удивился и говоритъ: «Это чье чудовище? отъ высокаго неба чудовище или отъ обширной земли чудовище? на этой мѣстности не было такого чудовища!» Такъ онъ говорилъ своимъ тридцати тремъ батарамъ.

Пестрый левъ Октор въ это время все приближался къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану и его тридцати тремъ батарамъ, которые стояли на вершинѣ высокой горы; когда пестрый левъ приблизился къ нимъ, то началъ ихъ втягивать въ себя; они съ трудомъ удерживались на своихъ мѣстахъ; чтобъ удержаться, они къ переднимъ подоламъ привязали камни величиною съ жеребенка, а къ заднимъ подоламъ привязали камни величиною съ овцу; такъ едва, едва держались на мѣстахъ; но не смотря на это, они отдѣлились отъ земли и полетѣли по воздуху въ ротъ пестраго льва Октора.

Сынъ Бомборинъ-саганъ-тэнгэрія, Буда-Уланъ-батаръ, прицѣпился къ одной сторонѣ рта, а имѣющій бѣлымъ-бѣлаго коня и бѣлый доспѣхъ дукту Эржинъ-Шумаръ-батаръ прицѣпился къ другой сторонѣ рта; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ влетѣлъ прямо въ ротъ и внутрь пестраго льва Октора. Влетая внутрь чудовища, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ на пути воткнулъ острое черное копье съ чернемъ изъ чернаго дерева однимъ концомъ въ гортань, а другимъ концомъ уперся въ нижнюю челюсть; отъ этого пестрый левъ Октор не могъ разжевать его и остался съ разинутымъ ртомъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, влетѣвъ внутрь льва, началъ тамъ искать сердце;

---

[1]) По бурятски «Ойю-Октор-эрэнъ-баръ». А другіе говорятъ таежный пестрый левъ Тахигаръ («Тагинъ-тахигаръ-эрэнъ-баръ»).

[2]) Разказчикъ Пѣшковъ-Тучимировъ объяснилъ мнѣ, что этого льва послали западные тэнгэрины, чтобы испробовать силы и умѣнье Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, побѣдитъ онъ этого льва или нѣтъ.

Digitized by Google

наше лъ и разрубилъ его саблей изъ чистаго булата. Тогда пестрый левъ Октоpъ пропалъ съ разинутымъ ртомъ.

Когда пропалъ пестрый левъ Октоpъ, то Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ 33 батарами вышли изъ внутри этого льва, а за ними вышли всѣ проглоченные люди, разный скотъ и звѣри, которые ушли, восхваляя Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, говоря: «Во вѣки вѣковъ до окончаніи міра побѣждай своихъ враговъ и коли годовалыхъ жеребенковъ!»

Потомъ 33 батара начали снимать шкуру съ пестраго льва Октора; изъ снятой шкуры вышло 33 батарамъ на шубы, изъ кожи головы пестраго льва вышло на шапки 33 батарамъ и изъ кожи съ четырехъ ногъ пестраго льва вышло на унты 33 батарамъ. Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сказалъ: «Непобѣдимаго врага побѣдили и годовалаго жеребенка закололи!» Потомъ пріѣхали обратно домой и живутъ по прежнему.

У Абай-Гэхэръ-Богдо-хана на мѣстности, въ такъ называемой большой пади Найжинъ, паслись восемь тысячъ конныхъ табуновъ, въ которыхъ одна большая пѣгая кобыла, въ продолженіи восьми лѣтъ, не жеребилась, и сдѣлалась такою жирною, что на брюхѣ образовался жиръ (арбинъ), толщиною въ восемь пальцевъ. Эта большая пѣгая кобыла отъ жира пропала; тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ пріѣхалъ въ большую падь Найжинъ и разрѣзалъ брюхо большой пѣгой кобылы, въ восемь пальцевъ толщиною жиръ на брюхѣ разостлалъ на обѣ стороны, а потомъ на этотъ жиръ поставилъ съ тринадцатью узлами петлю Торъ-Саганъ. На вершинѣ большой пади Найжинъ имѣли гнѣздо съ птенцами птицы отецъ харабсаръ и мать харабсаръ. Около полуночи, съ помощію своихъ тринадцати волшебствъ, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ посылаетъ сновидѣніе находящейся на вершинѣ большой пади Найжинъ птицѣ отцу харабсару; видитъ харабсаръ сонъ—въ большой пади Найжинъ у Абай-Гэхэръ-Богдо-хана большая пѣгая кобыла восемь годовъ не жеребилась, сдѣлалась такою жирною, что на брюхѣ образовался жиръ толщиною въ восемь пальцевъ; эта большая пѣгая кобыла отъ жира пропала; толщиною въ восемь пальцевъ жиръ этой кобылы разостланъ на обѣ стороны и бѣлѣетъ. И будто онъ, птица отецъ харабсаръ прилетѣлъ, сѣлъ на концѣ малыхъ реберъ и клюнулъ одинъ разъ. И отъ этого птица отецъ харабсаръ разбудилась.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, пославъ птицѣ отцу харабсару такое сновидѣніе, самъ обратился въ конскій пометъ и лежитъ подъ трехгодичными старыми и сухими травами (гурбан-жили-хурхагдан). Птица отецъ харабсаръ разбудилась послѣ полуночи и говоритъ матери харабсару. «Я видѣлъ сонъ; въ большой пади Найжинъ у Абай-Гэхэръ-Богдо-хана большая пѣгая кобыла восемь годовъ не жеребилась, сдѣлалась такою жирною, что на брюхѣ образовался жиръ толщиною въ восемь пальцевъ; эта большая пѣгая кобыла отъ жира пропала; толщиною въ восемь пальцевъ жиръ этой кобылы разостланъ на обѣ стороны и бѣлѣетъ; я прилетѣлъ и, сѣвъ на концѣ малыхъ реберъ, одинъ разъ клюнулъ и разбудился».

Digitized by Google

Тогда птица мать харабсаръ говоритъ отцу харабсару: «Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ имѣетъ тринадцать разныхъ волшебствъ; не знаешь, которое изъ его волшебствъ. Лучше перестань и не лети туда». Тогда птица отецъ харабсаръ говоритъ: «Нѣтъ, не перестану. Увидѣвъ такой прекрасный сонъ, оставить нельзя; нужно полетѣть и посмотрѣть». Между ночью и утромъ отецъ харабсаръ полетѣлъ внизъ по большой пади Найжинъ, въ которой дѣйствительно видитъ изъ далека, что большая пѣгая кобыла лежитъ съ распоротымъ брюхомъ, и жиръ бѣлѣетъ издалека; увидѣвъ это, онъ говоритъ: «Ахъ, кончай мозгъ! какое ядовитое сновидѣніе!» Сказавъ эти слова, онъ полетѣлъ поскорѣе; прилетѣвши, сѣлъ на концѣ коротких реберъ, одинъ разъ клюнулъ бѣлый жиръ и въ это время запутался въ петлю Торъ-Саганъ съ тринадцатью узлами; никакъ не можетъ вырваться.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, лежавшій подъ трех-годичными старыми травами, обратившись въ конскій пометъ, выскочилъ оттуда и говоритъ: «Безрогаго воришку, тебя, наконецъ я поймалъ въ руки и привязалъ за сѣдломъ; съ прежняго времени пропадали кобылы жирнѣе и суше этой, но никакого не оставалось остатка, и все пропадало; все ты поѣдалъ, ничего не оставляя!» Съ этими словами Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ взялъ верховой кнутъ съ 88 узлами и 99 пуговицами, и началъ имъ бить птицу отца харабсара, которая отъ боли начала плакать, какъ козелъ и кричать, какъ маленькая козуля. Этотъ крикъ и плачъ услышала птица мать харабсаръ и прилетѣла посмотрѣть. Прилетѣвъ, она видитъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ бьетъ отца харабсара и тотъ плачетъ и кричитъ; мать харабсаръ говоритъ: «Я тебѣ говорила, не летай сюда; пусть тебя хорошенько побьетъ». Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ бить сильнѣе прежняго; отецъ харабсаръ пуще прежняго началъ плакать и кричать. Птица мать харабсаръ, пожалѣвъ отца харабсара, говоритъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Отпусти отца харабсара!» Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ матери харабсару: «Мнѣ нужно одну ложку молока отъ твоего праваго сосца и по одной ложкѣ слезы изъ правыхъ глазъ двухъ птенцовъ харабсаровъ. Когда дашь это, тогда только отпущу отца харабсара.»

Птица мать Харабсаръ улетѣла къ гнѣзду, гдѣ начала бить двухъ птенцовъ харабсаровъ; они начали плакать; она едва, едва собрала по одной ложкѣ слезъ изъ правыхъ глазъ двухъ птенцовъ харабсаровъ, а потомъ подоила свой правый сосецъ и выдоила одну ложку молока, полетѣла и отдала все это Абай-Гэхэръ-Богдо-хану. Получивъ отъ птицы матери харабсаръ одну ложку молока и двѣ ложки слезы, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ распоролъ правый носъ птицѣ отцу харабсару и взялъ одну ложку крови; послѣ чего отпустилъ отца харабсара на свободу, сказавши ему: «Теперь эту кобылу можешь поѣсть!» а самъ пріѣхалъ домой обратно.

У китайскаго царя Гумэнъ-хана умерла жена Гомо-Сэсэкъ-хатанъ; китайскій царь Гумэнъ-ханъ сильно оплакивалъ ее и всѣмъ подданнымъ своимъ сдѣлалъ строгое приказаніе, чтобы они наравнѣ съ нимъ оплакивали свою покойную царицу Гомо-Сэсэкъ-хатанъ; дома сидящіе люди должны были оплакивать сидя

Digitized by Google

дома, а на степи бывшіе люди должны были оплакивать, стоя на степи. Тогда всѣ подданные у китайскаго царя Гумэнъ-хана начали оплакивать свою умершую царицу; кто сидѣлъ дома, тѣ сидя оплакивали, и кто ходилъ по степи, тѣ стоя оплакивали; такимъ образомъ всѣ подданные у китайскаго царя Гумэнъ-хана все хозяйство и работы оставили, оплакивая свою покойную царицу. Самъ же китайскій царь Гумэнъ-ханъ день и ночь оплакивалъ свою покойную жену, лежа и обнявши ее и не вставалъ. Всѣ подданные китайскаго царя сильно убыточились и разорялись постепенно; тогда всѣ они потихоньку украдкою отъ своего царя начали совѣтоваться между собою, что сдѣлать съ своимъ царемъ, чтобы онъ отмѣнилъ свое распоряженіе; нѣкоторые подданные говорятъ, нужно послать къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану и у него просить совѣта, просить чтобы онъ выручилъ ихъ отъ этой бѣды, другіе согласились съ ними; тогда подданные китайскаго царя начали изъ своей среды выбирать, кто-бы могъ доѣхать къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану и попросить его защиты и выручки изъ этой бѣды. Они выбрали изъ семи сыновей чернаго кузнеца Хожира, которые всѣ семеро были черными кузнецами[1]), младшаго сына кузнеца Хатализа-Хара. Онъ началъ собираться въ путь, и собравшись, поѣхалъ къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану. Черный кузнецъ Хатализа-Хара долго ѣхалъ и наконецъ едва, едва доѣхалъ до бѣло-серебрянаго дворца на вершинѣ большой пади Хатанъ, гдѣ находился Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ; когда онъ вошелъ во дворецъ, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сидѣлъ на бѣло-серебряномъ престолѣ; входя, черный кузнецъ Хатализа-Хара началъ кланяться; какъ пуговицею, головою кивая, кланяется; въ колѣнѣ ногу нагибая, кланяется.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спрашиваетъ: «Откуда ѣхавши человѣкъ ты и по какому дѣлу пріѣхалъ ко мнѣ?» Черный кузнецъ Хатализа-Хара говоритъ: «Меня послали къ вамъ подданные китайскаго царя Гумэнъ-хана, просить вашей помощи и совѣта, что нужно дѣлать, чтобы избавиться отъ бѣды, которая у насъ случилась; у нашего царя Гумэнъ-хана умерла его жена Гомо-Сэсэкъ-хатанъ; нашъ царь оплакиваетъ ее сильно и сдѣлалъ строгое приказаніе всѣмъ подданнымъ, чтобы они тоже оплакивали свою царицу; сидящіе люди дома, тѣ должны оплакивать свою царицу, сидя дома, и на степи бывшіе люди должны оплакивать свою царицу, стоя на степи; всѣ подданные бросили свои хозяйства и работы и оплакиваютъ свою царицу, Гомо-Сэсэкъ-хатану; всѣ подданные нашего царя сильно изубытились и раззорились; вотъ почему меня послали къ вамъ просить помощи».

Тогда Абай-Гехэръ-Богдо-ханъ говоритъ: «Мнѣ нужны отъ сыновей Хожира, отъ семи братьевъ черныхъ кузнецовъ отрубленныя головы; тогда только поѣду на помощь къ китайскимъ подданнымъ въ ихъ бѣдѣ».

Черный кузнецъ Хатализа-Хара, услышавъ слова Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, сильно испугался. Пріѣхавъ обратно домой, онъ сказалъ подданнымъ китайскаго царя, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ не хочетъ пріѣхать къ нимъ. Потомъ однажды ночью онъ говоритъ своей женѣ: «Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сказалъ мнѣ, что нужны

[1]) О черныхъ кузнецахъ см. Записки Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. по этногр., т. II, в. 1, стр. 41.

Digitized by Google

отрубленныя головы нашихъ семи братьевъ черныхъ кузнецовъ; если наши головы отрубятъ и пошлютъ къ нему, то онъ пріѣдетъ помогать». Выдавъ тайну своей женѣ, онъ наказалъ ей, чтобы она никому не разсказывала это. Жена чернаго кузнеца Хаталза-Хара сказала одной женѣ старшаго брата своего мужа и просила ее не говорить никому; а эта послѣдняя сказала другой; такимъ образомъ всѣ жены семи черныхъ кузнецовъ Хожира узнали тайну; послѣдняя, по секрету, передала одной своей хорошей пріятельницѣ, та тоже въ свою очередь передала своей хорошей знакомой пріятельницѣ; такимъ образомъ этотъ секретъ узнали подданные и чиновники китайскаго царя Гумэнъ-хана. Они собрались и поймали всѣхъ семь братьевъ черныхъ кузнецовъ, сыновей чернаго кузнеца Хожира; всѣмъ имъ отрубили головы и послали ихъ къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану съ Зудакъ-Шара-батаромъ, ѣдущимъ на ста коняхъ.

Ѣдущій на ста коняхъ Зудакъ-Шара-батаръ, взявши семь отрубленныхъ головъ отъ семи братьевъ черныхъ кузнецовъ, поѣхалъ къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану; онъ ѣхалъ очень долго; по дорогѣ всѣ сто коней устали и пропали отъ долгой ѣзды; когда всѣ сто коней пропали, Зудакъ-Шара-батаръ далѣе пошелъ пѣшкомъ; отъ долгой ходьбы износились на его ногахъ унты; онъ продолжаетъ далѣе свой путь босикомъ; отъ долгой ходьбы у него на ногахъ стирается мясо; онъ идетъ далѣе кровавыми шагами; наконецъ, на ногахъ стерлось все мясо; онъ идетъ, ступая голыми и бѣлыми костями; едва, едва доходитъ онъ на вершину большой пади Найжинъ; тутъ онъ остановился у пропавшей кобылы, и ѣстъ ея мясо, лежа. Въ это время къ Зудакъ-Шара-батару подъѣзжаетъ одинъ изъ 33 батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и спрашиваетъ у лежащаго человѣка: «Кто ты такой и откуда идешь?» Зудакъ-Шара-батаръ разсказалъ о себѣ все, что съ нимъ случилось и что подданные китайскаго царя Гумэнъ-хана послали отрубленныя головы отъ семи братьевъ черныхъ кузнецовъ, сыновей чернаго кузнеца Хожира. Батаръ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана тутъ же вылѣчилъ Зудакъ-Шара-батара и привелъ его къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану; Зудакъ-Шара-батаръ отдалъ ему семь отрубленныхъ головъ отъ семи черныхъ кузнецовъ Хожира. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ посланныя семь отрубленныхъ головъ отъ семи черныхъ кузнецовъ Хожира получилъ и говоритъ Зудакъ-Шара-батару: «Ты поѣзжай домой, а я за тобой пріѣду».

Полученныя семь головъ отъ семи черныхъ кузнецовъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ варить въ семи мѣдныхъ котлахъ, чтобы вычистить ихъ хорошенько; вычистивъ ихъ, онъ сдѣлалъ изъ нихъ чашки, оправилъ эти чашки золотомъ и серебромъ; изъ этихъ семи головъ образовалось семь очень красивыхъ чашекъ; онъ налилъ въ нихъ крѣпкое вино.

Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ [1]) эти семь вызолоченныхъ и высеребреныхъ

[1]) Другіе говорятъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ эти чашки съ виномъ съ земли бросилъ на небо со словами: «Упадите на крыльцо у бабушки Манзанъ-Гэрмѳ!» Эти брошенныя чашки упали на крыльцо у бабушки Манзанъ-Гэрмѳ; выйдя на улицу, она увидѣла эти чашки, взяла ихъ въ руки, начала разсматривать, потомъ начала пробовать вино и выпила все вино изъ семи чашекъ; сдѣлалась пьяною; въ это время Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поднялся на небо и вошелъ къ бабушкѣ Манзанъ-Гэрмѳ.

Digitized by Google

чашекъ съ крѣпкимъ виномъ положилъ въ пазуху и поднялся на небо къ бабушкѣ Манзанъ-Гёрмё. Поднявшись на небо, входитъ въ бѣлосеребряный дворецъ, въ которомъ живетъ бабушка Манзанъ-Гёрмё; она сидитъ на бѣло-серебряномъ престолѣ; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ кланяется ей, какъ пуговкой головой кивая, и въ колѣнѣ ногу нагибая. Бабушка Манзанъ-Гёрмё спрашиваетъ у него: «Земной внукъ мой, зачѣмъ пріѣхалъ ко мнѣ и что тебѣ нужно?». Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своей бабушкѣ Манзанъ-Гёрмё: «Я поднялся на небо къ вамъ, чтобы угостить васъ крѣпкимъ виномъ, приготовленнымъ вашими внучатными невѣстками». Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ изъ пазухи вынимаетъ семь вызолоченныхъ и высеребреныхъ чашекъ съ крѣпкимъ виномъ и угощаетъ свою бабушку, Манзанъ-Гёрмё. Она, выпивши крѣпкое вино изъ семи чашекъ, сдѣлалась пьяною.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своей бабушкѣ Манзанъ-Гёрмё: «Китайскій царь Гумэнъ-ханъ сказалъ мнѣ, что у него есть на вершинѣ Алтанъ-Ула золотая мельница (алтанъ-терьме), которая, стоя, вертится; на вершинѣ Саганъ-Мёнгёнъ-Ула бѣлая серебряная козуля съ бѣло-серебряною цѣпью, вокругъ верхушки Саганъ-Мёнгёнъ-Ула ходя, пасется или пощипливаетъ травку; на вершинѣ Гули-Мёнгёнъ-Ула желто-мѣдно-серебряная лисица съ желто-мѣдно-серебряною цѣпью, вокругъ верхушки Гули-Мёнгёнъ-Ула ходя, понюхиваетъ и на вершинѣ Зэтъ-Мёнгёнъ-Ула красно-мѣдная-серебряная собака, съ красно-мѣдно-серебряною цѣпью, ходя вокругъ верхушки Зэтъ-Мёнгёнъ-Ула полаиваетъ».

Бабушка Манзанъ-Гёрмё говоритъ: «Этихъ эрдэни у китайскаго царя Гумэнъ-хана вовсе нѣтъ, и откуда у него они будутъ? а они находятся у меня!» Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спрашиваетъ: «Гдѣ у васъ находятся эти эрдэни, которыхъ я не видывалъ?» Бабушка Манзанъ-Гёрмё говоритъ, что эти эрдэни у ней находятся въ сундукѣ. Потомъ она, немного опьянѣвъ, легла спать; тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ потихоньку, во время сна бабушки Манзанъ-Гёрмё, укралъ у нея ключи отъ сундука, украденнымъ ключомъ отворилъ сундукъ и взялъ изъ него эрдэни [1]); взявъ эрдэни, началъ спускаться на землю.

Бабушка Манзанъ-Гёрмё пробудилась отъ сна, встала и говоритъ: «Тотъ молодчина мой, что сдѣлавши, спустился на землю?» Говоря эти слова, она отворила свой сундукъ и видитъ, что эрдэни уже украдены Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ; тогда бабушка Манзанъ-Гёрмё выходитъ на улицу и видитъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спускается на землю и находится между небомъ и землею. Она сильно разсердилась, что онъ у ней укралъ эрдэни и прокляла его, говоря: «Если ты меня обокралъ, то безъ доли богатства и безъ дѣтей погибни! прямо къ востоку лети въ страну альбиновъ, во дворъ провалища Альбинъ-тама, гдѣ, споткнувшись, пади!» Послѣ этого бабушка Манзанъ-Гёрмё семь чашекъ изъ семи головъ черныхъ кузнецовъ бросила, говоря: «На небѣ показывайте время года и ночи». Эти брошенныя чашки на небѣ образовали созвѣздіе Большую Медвѣдицу (Долонъ-Обёгёдъ).

---

[1]) Иные говорятъ, что въ числѣ эрдэни были жилы вшей «бохёни шёрмёхёнъ».

Digitized by Google

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ непреодолимо и безъ удержу улетѣлъ прямо къ востоку по направленію въ страну альбиновъ. Тогда бабушка Манзанъ-Гёрмё, смотрѣвшая вслѣдъ за Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ, пожалѣла его и говоритъ: «Глупенькаго и худенькаго внука своего я черезчуръ сильно прокляла». Она подоила молоко отъ правой груди и бросила вслѣдъ за нимъ; тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, опомнившись отъ помраченія, возвратился къ своему дому; а брошенное бабушкою Манзанъ-Гёрмё молоко на небѣ сдѣлалось Млечнымъ путемъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ пріѣхалъ домой и попрежнему сталъ жить и думать. Послѣ этого онъ собрался ѣхать къ китайскому царю Гумэнъ-хану и взялъ съ собою всѣ свои эрдэни.

Китайскій царь по прежнему оплакивалъ свою умершую жену Гомо-Сэсэкъ-хатунъ, а также оплакивали ее и всѣ подданные китайскаго царя. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ помощью своихъ волшебствъ, когда Гумэнъ-ханъ спалъ, обнявши свою умершую жену, укралъ ее и велѣлъ похоронить, а на мѣсто Гомо-Сэсэкъ-хатуны положилъ черную суку, которая должна была щениться. Китайскій царь Гумэнъ-ханъ, пробудился и видитъ: лежитъ, обнявши черную суку, которая ощенилась; онъ сильно испугался и съ отвращеніемъ оттолкнулъ отъ себя суку со щенятами и началъ выбрасывать ихъ на улицу. Онъ говорилъ: «Умершій человѣкъ, если долго лежитъ, то дѣлается такимъ отвратительнымъ». Такъ, стоя, разсуждалъ онъ.

Въ это время Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ входитъ во дворецъ къ китайскому царю Гумэнъ-хану; ханъ разсказываетъ ему о случившемся, что у него умерла жена Гомо-Сэсэкъ-хатунъ, которую онъ долго оплакивалъ, а теперь, когда онъ пробудился, то увидѣлъ себя лежащимъ, обнявши ощенившуюся черную суку. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ китайскому царю Гумэнъ-хану: «Умершаго человѣка долго оплакивать бываетъ грѣхъ и впослѣдствіи не счастливо».

Китайскій царь Гумэнъ-ханъ сильно разсердился на Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и говоритъ ему: «Ты пріѣхалъ ко мнѣ меня учить и надо мной распоряжаться». Послѣ этого онъ приказалъ своимъ подданнымъ бросить Абай-Гэхэръ-Богдо-хана въ одну тама [1]); такихъ тама у китайскаго царя были девять: 1) вшивый тама [2]), 2) тама маленькихъ вшей [3]), 3) змѣиный тама [4]), 4) лягушечій тама [5]), 5) червячій тама [6]), 6) огненный тама [7]), 7) морозный тама [8]), 8) дегтярный тама [9]) и 9) жучій тама [10]).

Подданные китайскаго царя увели Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и бросили его во вшивый тама; онъ упалъ въ него. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ помощію одного эрдэни [11]) наполнилъ вшивый тама и волшебнымъ чернымъ деревомъ погладилъ сверху;

---

[1]) Тама—адъ.
[2]) Бӧхӧни-тама.
[3]) Хюрхани-тама.
[4]) Могонъ-тама.
[5]) Баханъ-тама.
[6]) Хорхонъ-тама.
[7]) Галъ-тама (или говорятъ Галъ-нурма-тама).
[8]) Хӱ-тӱни-тама.
[9]) Дабирханъ-тама.
[10]) Сохонъ-тама.
[11]) Съ помощію вшивыхъ жилъ.

Digitized by Google

тогда вшиваго тама китайскаго царя вовсе не стало. Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ опять приходитъ къ китайскому царю Гумэнъ-хану; ханъ опять приказалъ бросить его въ другой тама; тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-хана повели и бросили въ другой тама; съ помощію эрдэни онъ тоже наполнилъ и этотъ тама и сверху погладилъ волшебнымъ чернымъ деревомъ; потомъ опять приходитъ къ Гумэнъ-хану. Ханъ сильно разсердился на Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, и опять приказалъ бросить его въ слѣдующій тама; такимъ образомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана бросали во всѣ девять тама, и онъ съ помощію эрдэни наполнялъ всѣ ихъ и сверху гладилъ волшебнымъ чернымъ деревомъ; теперь у китайскаго царя Гумэнъ-хана не стало ни одного тама. Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ опять приходитъ къ китайскому царю Гумэнъ-хану.

Тогда китайскій царь Гумэнъ-ханъ говоритъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Возьми мою дочь Ногонъ-Гохонъ-Абахай замужъ за себя». Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ согласился жениться на Ногонъ-Гохонъ-Абахай и сдѣлался зятемъ китайскаго царя Гумэнъ-хана. Сдѣлали свадьбу и большой пиръ; послѣ пира Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ собирался ѣхать домой; поѣхавъ домой, взялъ свою жену Ногонъ-Гохонъ-Абахай съ собою; доѣхавши до половины пути, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ остановился ночевать. Ложась спать, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своей женѣ Ногонъ-Гохонъ-Абахай: «Если мы суженные и предназначены жить вмѣстѣ, то наши лошади будутъ пастись вмѣстѣ въ направленіи къ моему дому, а мы, пробудясь утромъ, будемъ лежать обнявшись другъ съ другомъ; если не суженые, то наши лошади будутъ пастись отдѣльно, каждая по направленію къ своему дому и мы будетъ лежать лицомъ каждый къ своему дому, когда пробудимся утромъ». Такъ они легли спать; ночью Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ разбудился и видитъ, они лежатъ, обнявши другъ друга, а лошади ихъ пасутся вмѣстѣ по направленію къ дому Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; тогда онъ, съ помощію своихъ тридцати волшебствъ, сдѣлалъ такъ, чтобы лошади паслись каждая по направленію къ своему дому, сами они обратились лицами къ своимъ домамъ и спиною другъ къ другу; потомъ онъ легъ спать. Когда утромъ разбудились, то они лежатъ лицами къ своимъ домамъ, а спиною другъ къ другу и лошади пасутся отдѣльно по направленію къ своимъ домамъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ Ногонъ-Гохонъ-Абахай: «Мы не суженые жениться и жить вмѣстѣ. Послѣ этого дочь китайскаго царя Ногонъ-Гохонъ-Абахай уѣхала обратно домой къ отцу своему Гумэнъ-хану, а Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ тоже пріѣхалъ домой.

Живущій на сѣверо-западной сторонѣ Лобсогой поднялся на небо, гдѣ обратился въ звѣзду и въ продолженіи трехъ годовъ слѣдилъ за Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ и изучалъ его волшебства. Изучивъ нравъ, характеръ и волшебства Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Лобсогой спустился обратно на землю и изъ нечистыхъ штановъ старшей своей сестры Енхобо сдѣлалъ материнское большое бѣлое священное писаніе, а самъ обратился въ трехъ ламъ Соржи. Три ламы поднялись на вершину Оргиль-Ула, сидятъ въ бѣло-серебрянномъ дворцѣ, на бѣло-серебрянныхъ престолахъ и чи-

Digitized by Google

таютъ материнское большое бѣлое священное писаніе. Эти три ламы Соржи послали за Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ быстраго посла, чтобы онъ пріѣхалъ поклониться имъ и получить благословеніе отъ нихъ. Быстрый посолъ отъ трехъ ламъ Соржи пріѣхалъ къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану и сказалъ ему, что на вершину Оргилъ-Ула спустились съ неба три ламы Соржи; они его просятъ пріѣхать къ нимъ поклониться и получить благословеніе. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ впередъ себя послалъ человѣка, который бы поднялся на вершину Оргилъ-Ула, вошелъ бы въ бѣлосеребрянный дворецъ и, ставъ во дворцѣ, смотрѣлъ бы на трехъ ламъ Соржи, пока не пріѣдетъ самъ Абай-Гэхэръ-Богдо; когда самъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ пріѣдетъ ко дворцу и крикнетъ громко, то, если дѣйствительно они три ламы Соржи, они по прежнему будутъ читать священное писаніе, а если это не они, то, когда онъ крикнетъ громко, они упадутъ съ престола. Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поѣхалъ самъ; поднявшись на вершину Оргилъ-Ула и подъѣхавъ къ бѣло-серебрянному дворцу, крикнулъ громко; тогда три мнимые ламы Соржи упали съ престола, опять сѣли на престолъ и читаютъ по прежнему священное писаніе. Посланный Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ человѣкъ, увидѣвъ это, выходитъ изъ дворца сказать ему; но когда онъ говорилъ, то ошибся, и вмѣсто того, чтобъ сказать «упали», сказалъ «не упали»; потому что Лобсогой черезъ свои волшебства повернулъ языкъ этому человѣку. Тогда Аба-Гэхэръ-Богдо-ханъ входитъ въ бѣло-серебрянный дворецъ и начинаетъ кланяться тремъ ламамъ Соржи, читающимъ священное писаніе; послѣ поклоненія Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ подходитъ къ тремъ ламамъ Соржи получить ихъ благословеніе; мнимые три ламы Соржи своими священными писаніями дотронулись до головы Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; вслѣдствіе этого онъ сдѣлался нечистымъ; тогда они обратили его въ неустающаго осла. Послѣ того Лобсогой снова сдѣлался Лобсогоемъ, громко смѣялся и рѣчисто говорилъ: «Наконецъ-то я тебя поймалъ въ руки мои и за сѣдломъ привязалъ». Послѣ этого Лобсогой обратившемуся въ неустающаго осла Абай-Гэхэръ-Богдо-хану желѣзнымъ треногомъ стреножилъ ноги и желѣзной уздой обуздалъ этого осла, и повелъ домой. По пріѣздѣ домой, Лобсогой на этомъ ослѣ каждый день пахалъ сорокъ десятинъ земли и билъ его желѣзнымъ молотомъ; а ночью запиралъ его въ желѣзный амбаръ.

Домашніе Абай-Гэхэръ-Богдо-хана узнали о случившемся несчастіи, что онъ черезъ обманъ обращенъ Лобсогоемъ въ неустающаго осла и уведенъ. Тогда три прекрасныя жены Абай-Гэхэръ-Богдо-хана послали быстраго посла къ тремъ ламамъ Соржи [1]) просить у нихъ совѣта и извѣстить ихъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ обращенъ въ осла и уведенъ Лобсогоемъ. Три ламы Соржи, почитавъ священное писаніе, сказали посланному, что Абай-Гэхэръ-Богдо-хана можетъ освободить только одна Алма-Моргонъ-хатанъ, а другіе ни кто не можетъ. Посланный посолъ пріѣхалъ и сказалъ, что три ламы Соржи сказали, что Абай-Гэхэръ-Богдо-хана можетъ освободить отъ Лобсогоя только одна Алма-Моргонъ-хатанъ, а другіе ни кто.

[1]) Иные говорятъ къ тремъ Голто-Саганъ-Бурханамъ.

Digitized by Google

Тогда Алма-Моргонъ-хатанъ начала собираться въ путь-дорогу до Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Она сѣла на тоненькаго рыжаго коня и поѣхала къ сѣверо-западу въ сторону Лобсогоя. Алма-Моргонъ-хатанъ сперва поѣхала къ Енхобой, къ тремъ старшимъ сестрамъ Лобсогоя; обратившись въ черную муху, она прилетѣла къ дому старшей сестры Лобсогоя Енхобой и старалась выслѣдить ея привычки, характеръ и волшебства; когда все узнала, она улетѣла на трехдневное разстояніе и тамъ съ помощію своихъ волшебствъ сдѣлала черную и желѣзную телегу, точь въ точь, какъ у старшей сестры Лобсогоя, потомъ сдѣлала трехъ черныхъ иноходцевъ, точь въ точь какъ у старшей сестры Лобсогоя и сама обратилась въ старшую сестру Лобсогоя, Енхобой; поѣхала на этой телегѣ и на этихъ черныхъ иноходцахъ къ Лобсогою.

Когда Алма-Моргонъ-хатанъ, обратившись въ старшую сестру Енхобой, пріѣхала къ Лобсогою, онъ встрѣтилъ свою сестру на улицѣ и ввелъ въ домъ. Сестра Лобсогоя говоритъ ему: «Дитя мое, ты непобѣдимаго врага побѣдилъ и годовалаго жеребенка закололъ; наконецъ-то Абай-Гэхэръ-Богдо-хана поймали въ руки наши и привязали за сѣдломъ». Она хвалила своего младшаго брата Лобсогоя, а потомъ стала просить его, чтобы онъ отдалъ ей этого неутомимаго осла; она хочетъ на немъ пахать землю.

Тогда Лобсогой говоритъ своей статршей сестрѣ Енхобой: «Нѣтъ, не дамъ тебѣ осла; ты не съумѣешь его держать и отпустишь». Старшая сестра Енхобой сильно разсердилась и говоритъ: «Если-бы я не дала тебѣ свои нечистые штаны, то ты не поймалъ-бы Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, а теперь ты его не даешь мнѣ. Съ этого времени будь ты безъ моей помощи!» Съ этими словами она выбѣжала на улицу и захлопнула дверь.

Тогда Лобсогой думаетъ, что старшую сестру Енхобой нельзя гнѣвить, надо отдать ей осла; онъ выходитъ на улицу и говоритъ сестрѣ: «Возми неутомимаго осла, паши на немъ землю, но только не отпускай!» Лобсогой отдалъ старшей сестрѣ неутомимаго осла; старшая сестра Енхобой крѣпко привязала неутомимаго осла за желѣзною телегою и поѣхала домой.

Тогда Лобсогой чернаго ворона Хонъ послалъ за сестрой слѣдить: если она дѣйствительно его старшая сестра Енхобой, то она прямо поѣдетъ домой, а если это кто-нибудь другой, то поѣдетъ по другому направленію; Алма-Моргонъ-хатанъ, узнавъ о посланномъ черномъ воронѣ Хонъ, съ помощью волшебства повернула оба глаза черному ворону Хонъ, а также и языкъ; черный воронъ Хонъ прилетѣлъ къ Лобсогою обратно и говоритъ, что Енхобой уѣхала прямо домой. Лобсогой послалъ другого чернаго ворона Хонъ слѣдить за ней, но Алма-Моргонъ-хатанъ съ этимъ чернымъ ворономъ Хонъ сдѣлала то же, какъ и съ первымъ. Лобсогой въ третій разъ послалъ еще одного чернаго ворона Хонъ, съ которымъ Алма-Моргонъ-хатанъ сдѣлала то же, что съ первымъ и вторымъ; тогда Лобсогой успокоился, думая, что она дѣйствительно его старшая сестра Енхобой.

Алма-Моргонъ-хатанъ, отъѣхавъ на трехдневное разстояніе, снова обратилась въ Алма-Моргонъ-хатану и ударила въ правую щеку Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; тогда

Digitized by Google

онъ началъ блевать чернымъ-черно; потомъ она ударила его въ лѣвую щеку; онъ началъ блевать разнообразными веществами; послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ изъ осла обратился снова въ человѣка; тогда Алма-Моргонъ-хатанъ взяла воды изъ источниковъ девяти ключей и взяла изъ большой тайги вересъ и ими начала мыть Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; тогда только онъ пришелъ вполнѣ въ прежнее состояніе, принялъ настоящій свой видъ и вошелъ въ настоящее тѣло.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной пріѣхали домой. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ 33 батарами и 300 передовыми войсками сдѣлалъ большой пиръ и веселье; въ первые дни гуляли и веселились у младшей жены Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, у Алма-Моргонъ-хатаны; потомъ ихъ пригласила къ себѣ средняя жена Абай-Гэхэра, Урма-Гохонъ-хатанъ, у которой тоже гуляли и веселились, а потомъ ихъ пригласила старшая жена Абай-Гэхэра, Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ, у которой тоже гуляли и веселились; на девятый день едва, едва разошлись.

Послѣ этого гулянья и веселья къ Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанѣ приходитъ завистливый дядя Сута-Ноёнъ и говоритъ ей: «Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ тебя отдалъ мнѣ». Тогда Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ крикнула одного батара и сказала ему: «Дядя Сута-Ноёнъ опьянѣлъ, уложите его спать». Одинъ изъ батаровъ увелъ Сута-Ноёна и уложилъ спать. Черезъ нѣкоторое время Сута-Ноёнъ опять приходитъ и говоритъ то же самое; Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ опять велѣла уложить его спать. Немного погодя Сута-Ноёнъ въ третій разъ приходитъ и говоритъ то же самое. Тогда Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ сильно разсердилась на Сута-Ноёна; призвала батаровъ и велѣла имъ побить его хорошенько и выбросить его на улицу. Пришедшіе батары хорошенько побили Сута-Ноёна и выбросили его на улицу, чтобы онъ впередъ не дѣлалъ этого. Сута-Ноёнъ сильно разсердился на Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатану и хотѣлъ отомстить ей.

(Война съ Лобсогоемъ) [1]).

Когда Алма-Моргонъ-хатанъ привезла домой Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и начала его мыть водою, взятою изъ источниковъ девяти ключей, и пихтовою корою, взятою изъ девяти таёгъ, тогда онъ пришелъ въ прежнее состояніе и обратился въ человѣка; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сильно исхудалъ и истощился и поправился только по истеченіи трехъ мѣсяцевъ. Тогда онъ началъ собираться. Вышелъ на вершину горы Мӧрӧнъ-Ула, сдѣлалъ тутъ жертвоприношеніе западнымъ пятидесяти пяти тэнгэринамъ и старшему тэнгэрину Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри; въ продолженіи девяти дней и ночей молился. Послѣ девяти дней и ночей Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спустился съ вершины горы Мӧрӧнъ-Ула и пришелъ домой. Здѣсь онъ пригласилъ своихъ 33 батаровъ, 300 передовыхъ войскъ и дядю Сарагалъ-Ноёна, и началъ съ

---

[1]) Нѣкоторые буряты разсказываютъ о войнѣ съ Лобсогоемъ вслѣдъ за разсказомъ объ обращеніи Гэхэра въ осла; другіе же говорятъ, что эта война была послѣ.

Digitized by Google

ними пировать; пировалъ въ продолженіи девяти сутокъ. Послѣ девяти сутокъ разошлись по домамъ. Передъ этимъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своимъ 33 батарамъ, чтобъ они собирались въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ ѣхать войною воевать съ Лобсогоемъ. 33 батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, услыхавъ это, сильно обрадовались. Когда прошли три мѣсяца, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ собираться на войну съ Лобсогоемъ; всѣ 33 батара собрались и были готовы. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ, что ему, кромѣ 33 батаровъ, никто не нуженъ; остальные только въ дорогѣ будутъ мѣшать ему. Когда всѣ собрались въ дорогу, Алма-Моргонъ-хатанъ говоритъ: «Я тоже поѣду; вы съ Лобсогоемъ будете воевать, а не знаете всѣхъ волшебствъ и хитростей у трехъ старшихъ Лобсогоевыхъ сестеръ, Енхобой». Алма-Моргонъ-хатанъ осѣдлала своего рыжаго коня, привязала его къ серебряному столбу краснымъ шелковымъ поводомъ и вошла во дворецъ; сплела въ обхватъ черную и длинную косу и приняла прежній дѣвичій видъ; одѣвшись, надѣла на себя колчанъ со стрѣлами и лукъ съ футляромъ; потомъ поѣхала съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ и 33 батарами; всѣ они поѣхали прямо въ сѣверо-западную сторону, гдѣ живетъ Лобсогой. Они ѣхали, ѣхали и пріѣхали въ страну Бирдиктынъ, по которой поѣхали далѣе и разсѣкли одну изъ трехъ падей Дибэнъ; когда они поѣхали поперегъ самой правой пади Дибэнъ, передъ ними поперегъ дороги пробѣжали три дикіе быка. Тогда Алма-Моргонъ-хатанъ говоритъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Эти три дикіе быка, три сестры Лобсогоя; онѣ васъ обманулибы безъ меня; этихъ трехъ быковъ непремѣнно нужно убить и догонять ихъ». Сказавъ это, Алма-Моргонъ-хатанъ выстрѣлила и убила одного дикаго быка, а Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ выстрѣлилъ и убилъ другого дикаго быка, а за третьимъ дикимъ быкомъ погнались вверхъ по пади Дибэнъ; не могши догнать, погнались до вершины пади Дибэнъ. Прибѣжавъ на вершину пади Дибэнъ, дикій быкъ вбѣжалъ въ одинъ дворецъ и сдѣлался сестрою Лобсогоя, Енхобой; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ слѣзъ съ коня и входитъ во дворецъ; только онъ вошелъ во дворецъ, какъ старшая сестра Лобсогоя, Енхобой, проглотила его.

Проглоченный Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, входя внутрь Енхобой, старшей сестры Лобсогоя, взялъ маленькій желтенькій ножикъ, дающій подъ большимъ пальцемъ (эрхэ доро дарама шара хумаша) и этимъ ножомъ распоролъ желудокъ у Енхобой и вышелъ изъ ея желудка; потомъ началъ пилить тѣмъ же ножомъ сердце Енхобой. Она начала кричать, стонать и говорить: «Не убей меня, отпусти живой», и давать клятву. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ ей: «Укажи жизнь и душу Лобсогоя какъ его убить, тогда отпущу тебя живою».

Старшая сестра Лобсогоя, Енхобой, говоритъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Братъ мой Лобсогой неумертвимъ и безъ жизни; если раздѣлишь его по кусочку по ртамъ пестрой сороки, тогда онъ не умретъ, и если раздѣлишь по кусочкамъ по клювамъ черной вороны Хонъ, тогда онъ не умретъ, и будетъ живымъ; развѣ только побѣдишь, тогда удержишь его». Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ выпилилъ сердце у Енхобой и, распоровъ ея брюхо, вышелъ изъ ея утробы. Тогда вмѣстѣ съ Алма-Моргонъ-хатаной они убили старшую сестру Лобсогоя, Енхобой, и тѣло

Digitized by Google

ея сожгли на кострѣ, оставшіяся кости разбросали на всѣ четыре стороны. Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной пріѣхалъ обратно къ 33 батарамъ; пріѣхавъ, видятъ, что 33 батара двухъ убитыхъ дикихъ быковъ сжигаютъ на огнѣ. Кости этихъ быковъ и оставшійся пепелъ разбросали на всѣ четыре стороны.

Поѣхали они далѣе и разсѣкли три пади Дибэнъ; ѣдутъ по странѣ Бирдиктынъ; въ это время Лобсогой узналъ, что къ нему съ войною пріѣхалъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной и 33 батарами. Онъ не медля и торопливо собрался и поѣхалъ на встрѣчу Абай-Гэхэръ-Богдо-хану. На дорогѣ Лобсогой встрѣтился съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ; онъ спрашиваетъ его: «Старше тринадцати хановъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ куда ѣдешь?» Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: «Къ тринадцати ханамъ вредящему, мучителю Абай-Гэхэръ-Богдо-хана ѣду, живущему въ странѣ Бирдиктынъ, старшему мангатхаю Лобсогою, котораго хочу убить». Тогда Лобсогой говоритъ: «Называемый Лобсогоемъ это я; ты меня не убьешь; если раздѣлишь меня по кусочку по ртамъ пестрой сороки, тогда я не умру; если раздѣлишь по кусочку по клювамъ черной вороны Хонъ, тогда я не умру. Я неумертвимъ и безъ жизни, никогда меня не убьешь». Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ Лобсогою: «Какъ будемъ воевать, силою большого пальца или силою плеча?» Лобсогой говоритъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Силою большого пальца не убьемъ другъ друга, а будемъ воевать силою плеча».

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ и Лобсогой слѣзли съ коней и начали бороться между собою; когда они боролись и воевали силою плеча, они воевали ровно, никто никого не могъ побѣдить; они впередъ упирались ногами, дѣлали красную гору и назадъ упирались (пиналась) ногами и дѣлали большія горы; если бросить къ верблюду, то равнымъ равно воевали, а если бросить къ коню, то дѣйствительно равно воевали. Тогда 33 батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана взяли въ тысячу обхватовъ бѣлую хлопчато-бумажную веревку, сдѣлали изъ нея петлю и бросили къ ногамъ Лобсогоя; когда въ этой петлѣ запутались ноги Лобсогоя, 33 батара потянули веревку; веревка на нѣсколько частей разорвалась. Тогда Алма-Моргонъ-хатанъ говоритъ 33 батарамъ: «Этою веревкою ничего не поможете, оставьте!» Потомъ Алма-Моргонъ-хатанъ начинаетъ читать свою книгу, «заяни шара худар» и говоритъ: «Я буду стрѣлять изъ лука стрѣлою въ самыя жизненныя мѣста, тогда у Лобсогоя убудетъ его волшебства и силы». Алма-Моргонъ-хатанъ начала изъ лука стрѣлять стрѣлою въ самыя жизненныя мѣста у Лобсогоя; силы у него постепенно начали убывать и ослабѣвать.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ неумертвимаго Лобсогоя свалилъ на землю и давитъ его, но никакъ не можетъ убить. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ тащить Лобсогоя по землѣ къ готовой каменной тамѣ въ странѣ Бирдиктынъ; одну ногу Лобсогоя привязалъ къ хвосту своего темно-гнѣдого коня, величиною съ гору, а за другую ногу тащилъ самъ; Алма-Моргонъ-хатанъ въ это время все стрѣляла изъ лука стрѣлою въ Лобсогоя. Такъ Лобсогоя приволокли по землѣ къ каменному тамъ, бросили его въ него. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ волшебнымъ чернымъ деревомъ

Digitized by Google

погладилъ сверху и сказалъ: «До окончанія тысячи вѣковъ отсюда не выходи» (минган галаби мултара сара эндэхэн бу гара). Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ помощію своихъ тринадцати волшебствъ сдѣлалъ каменнаго батара (шулун батар) и приказалъ ему: «До окончанія тысячи вѣковъ этого Лобсогоя не выпускай изъ этой каменнаго тамы, а если будетъ выходить, то сверху бей его по головѣ желѣзнымъ молотомъ!» Онъ далъ этому каменному батару большой желѣзный молотъ, чтобы бить по головѣ Лобсогоя.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной и 33 батарами поѣхали къ дворцу Лобсогоя; изъ дворца взяли золото и серебро, и дворецъ сожгли; потомъ весь скотъ Лобсогоя угнали; обратно на пути были во дворцахъ у трехъ старшихъ сестеръ Лобсогоя, Енхобой; изъ дворцовъ сестеръ тоже взяли золото и серебро, а дворцы сожгли. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной и 33 батарами пріѣхали домой и устроили большой пиръ, продолжавшійся девять дней и ночей.

(Варіантъ о войнѣ съ Лобсогоемъ).

Когда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ приносилъ жертвоприношеніе пятидесяти пяти тэнгэринамъ и старшему тэнгэрину Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрину, въ то время западные тэнгэрины научили Абай-Гэхэръ-Богдо-хана какъ воевать съ Лобсогоемъ и побѣдить его многочисленное войско. Они научили его слѣдующимъ образомъ: «Когда пріѣдешь въ страну Лобсогоя, то на встрѣчу тебѣ выйдетъ многочисленное войско Лобсогоя; это войско никакъ нельзя побѣдить; всѣ убитые снова встаютъ и воюютъ. Войска Лобсогоя сдѣланы изъ семидесяти разныхъ цвѣтовъ; потому они непобѣдимы. Встрѣтившись съ нимъ, нужно передъ нимъ сдѣлать свое каменное изображеніе, стрѣляющее изъ лука стрѣлою. Войско Лобсогоя, пріѣхавъ, начнетъ стрѣлять въ это твое каменное изображеніе; въ это время нужно зайти сзади и тамъ оторвать цвѣтокъ (разскащикъ не зналъ названія цвѣтка и также подробностей этого разсказа), тогда это войско Лобсогоя вдругъ исчезнетъ и будетъ такимъ образомъ побѣждено. Послѣ этого пріѣдетъ самъ Лобсогой и будетъ бороться съ твоимъ каменнымъ изображеніемъ и устанетъ». Такъ научили западные тэнгэрины Абай-Гэхэръ-Богдо-хана.

Послѣ жертвоприношенія Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной и 33 батарами поѣхалъ къ Лобсогою; когда они пріѣхали въ страну Лобсогоя, многочисленное войско Лобсогоя выѣхало на встрѣчу Абай-Гэхэръ-Богдо-хану и хотѣло воевать съ нимъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ и Алма-Моргонъ-хатана, съ помощью своихъ волшебствъ, сдѣлали свои каменныя изображенія, сидящія на лошадяхъ и стрѣляющія стрѣлами изъ лука. Когда пріѣхало многочисленное войско Лобсогоя, то оно начало стрѣлять изъ лука стрѣлами и рубить каменныя изображенія Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и Алма-Моргонъ-хатаны; въ это самое время Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ подъѣхалъ сзади этого многочисленнаго войска и оторвалъ ука-

Digitized by Google

занный цвѣтокъ; въ это время все многочисленное войско Лобсогоя исчезло. Послѣ этого пріѣхалъ самъ Лобсогой, который тоже, не зная, началъ стрѣлять и рубить каменное изображеніе Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и Алма-Моргонъ-хатаны и наконецъ началъ бороться; въ этой борьбѣ Лобсогой сильно утомился; въ это время Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ вышелъ и побѣдилъ Лобсогоя [1]).

Завистливый дядя Сута-Ноёнъ во чтобы то ни стало хотѣлъ отомстить Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанѣ; для этого онъ обратился къ восточнымъ альбинамъ. Завистливый дядя Сута-Ноёнъ закололъ чернаго барана, кровь и немного мяса отъ него взялъ съ собою и поѣхалъ въ страну альбиновъ просить совѣта у нихъ, какъ отомстить Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанѣ, которая не согласилась на его предложеніе и велѣла поколотить его и выбросить на улицу. Когда завистливый дядя Сута-Ноёнъ пріѣхалъ въ страну альбиновъ, на альбинскую степь, гдѣ находится альбинъ-тама, около отверстія этого тама онъ остановился и началъ призывать альбиновъ, бросая привезенное мясо въ альбинъ-тама. Онъ призывалъ ихъ въ продолженіи трехъ сутокъ, но альбины къ нему не приходили; тогда онъ призывалъ еще въ продолженіе трехъ сутокъ, но альбины и тогда не явились; онъ еще призывалъ въ продолженіе трехъ сутокъ, но альбины, какъ и прежде, не явились ему; тогда завистливый Сута-Ноёнъ разсердился на альбиновъ; оставшееся мясо выбросилъ въ альбина-тама и говоритъ: «Развѣ присуждено альбинскимъ альбинамъ погибнуть и альбинъ-тамѣ наполниться!»

Тогда изъ альбинъ-тама выскочили четыре альбина, которые хотѣли завистливаго Сута-Ноёна разорвать на четыре части. Завистливый Сута-Ноёнъ говоритъ четыремъ альбинамъ: «Постойте, у колотаго животнаго кровь пускаютъ и у умирающаго человѣка спрашиваютъ слова его!» Альбинскіе альбины спрашиваютъ: «Что тебѣ нужно и зачѣмъ сюда пріѣхалъ?» Завистливый дядя Сута-Ноёнъ разсказываетъ причину своего пріѣзда, и проситъ совѣта отъ четырехъ альбиновъ, какъ отомстить старшей женѣ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанѣ. Тогда четыре альбина дали завистливому Сута-Ноёну три щепотки черной земли и говорятъ: «Когда пріѣдешь домой, то заколи три черныхъ барана, въ кровь ихъ положи эту черную землю, а кровь налей въ желудки барановъ; послѣ этого три желудка, налитые кровью, положи въ унты, а одинъ желудокъ привяжи къ шубѣ; когда Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанъ второпяхъ надѣнетъ унты и шубу, то кровь выльется на землю и потечетъ въ очагъ; тогда ты отомстишь Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанѣ».

Завистливый Сута-Ноёнъ, взявши три щепотки черной земли отъ четырехъ альбиновъ, пріѣхалъ обратно домой; по пріѣздѣ закололъ трехъ черныхъ барановъ и взялъ отъ нихъ кровь, во взятую кровь высыпалъ три щепотки черной земли; потомъ кровь влилъ въ три желудка; послѣ этого ночью, когда Тёмёнъ-Жаргаланъ-

---

[1]) По словамъ бурятъ, это каменное изображеніе есть въ Тибетѣ.

Digitized by Google

хатана легла спать, завистливый Сута-Ноёнъ потихоньку вошелъ въ бѣло-серебряный дворецъ и два желудка крови положилъ въ унты, а одинъ желудокъ съ кровью привязалъ къ воротнику шубы и самъ вышелъ на улицу. Потомъ Сута-Ноёнъ нарочно отпустилъ сто красныхъ телятъ къ матерямъ и кричитъ, проходя мимо дворца: «Сто красныхъ коровъ сосутъ телята. Вставайте!» Тогда Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатана разбудилась и говоритъ: «Не стоитъ трудовъ, чтобы выйдти и разнимать». И опять легла спать и заснула. Завистливый Сута-Ноёнъ опять отпустилъ еще сто красныхъ телятъ къ матерямъ и кричитъ, проходя около дворца: «Двѣсти красныхъ коровъ сосутъ телята. Вставайте!» Тогда Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатана пробудилась и говоритъ то же, что не стоитъ трудовъ, чтобы выйдти и разнимать. И опять легла спать и заснула. Завистливый Сута-Ноёнъ опять отпустилъ еще сто красныхъ телятъ къ матерямъ и кричитъ, проходя около дворца: «Триста красныхъ коровъ сосутъ телята. Вставайте!» Тогда Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанъ пробудилась и встаетъ; она беретъ свои унты, надѣваетъ на ноги и беретъ шубу, надѣваетъ на себя; въ это время пролилась кровь изъ трехъ желудковъ и течетъ въ очагъ; кровь, попавши въ очагъ, сгорѣла въ огнѣ, а паръ и запахъ отъ крови выходитъ черезъ отверстіе дворца на улицу; образовался желтый туманъ и пошелъ по направленію къ вершинѣ большой пади Хатанъ.

Этотъ желтый туманъ достигъ до вершины большой пади Хатанъ, черезъ отверстія бѣло-серебрянаго дворца, вошелъ во дворецъ и Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ во время сна вдохнулъ этотъ желтый туманъ въ себя черезъ носъ; желтый туманъ, обратившись въ желтую болѣзнь, втянулся въ мозгъ его. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ утромъ всталъ съ сильной головною болью; захворалъ и легъ на постель. Сильно заболѣвъ, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ послалъ къ тремъ ламамъ Соржи спросить, отчего онъ заболѣлъ. Посланный пріѣхалъ къ тремъ ламамъ Соржи [1]) и спросилъ, отчего заболѣлъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ. Три ламы Соржи открыли большое и бѣлое священное писаніе, и видятъ въ немъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ заболѣлъ отъ своей старшей прекрасной жены Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанъ; если не выгнать ее къ злу и несчастію, то не выздоровѣетъ, а умретъ. Посланный пріѣхалъ и передалъ слова трехъ ламъ Соржи Абай-Гэхэръ-Богдо-хану, а тотъ сказалъ: «Съ малолѣтства сдружившагося друга не прогоню къ злу и несчастію и лучше умру!»

Эти слова Абай-Гэхэръ-Богдо-хана донеслись до Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатаны; услышавъ ихъ, она сказала: «Чѣмъ погубить съ гору большого Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, лучше уйду я. И въ чужбинѣ много дѣвицъ!» Съ этими словами украдкой начала собираться Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанъ; она нарочно напоила до пьяна 33 батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, чтобы они не замѣтили ея поѣздки. Напоивъ ихъ, она уѣхала прямо къ востоку; 33 батара, узнавши что она поѣхала, жалѣя и любя ее, поѣхали за ней. Тогда Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанъ начала упрашивать 33 батаровъ возвратиться домой. Тридцать три батара отвѣтили ей: «Куда поѣдешь

[1]) Иные говорятъ, что Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ послалъ спрашивать на небо.

Digitized by Google

ты, мы поѣдемъ туда и гдѣ будешь жить и мы будемъ жить тамъ». Тогда Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ оторвала и разбросала маржаны съ одного ожерелья и сказала: «Наполните одинъ лугъ!» Маржаны съ этого ожерелья наполнили одинъ лугъ; потомъ она оторвала и разбросала маржаны съ другого ожерелья, эти маржаны тоже наполнили одинъ лугъ; тогда Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ попросила 33 батаровъ собрать эти разбросанные маржаны. Тридцать три батара, всѣ пьяные, начали собирать эти разбросанные маржаны на двухъ лугахъ. Въ это время, пока 33 батара собирали разбросанные маржаны, Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ незамѣтно уѣхала далѣе; она ѣхала, ѣхала и пріѣхала на Шажагатыйскую степь; проѣхавъ ее, она пріѣхала на Хэрэтуйскую степь; проѣхавъ и эту, наконецъ пріѣхала въ страну мангатхаевъ, гдѣ ее встрѣтилъ пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай; встрѣтивши ее, говоритъ ей: «Хорошій человѣкъ по желанію и сама пріѣхала?»

Тогда Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ говоритъ пятнадцатиголовому Абарга-Сэсэнъ-мангатхаю: «Абай-Гэхэръ-Богдо-хана считая еще малымъ и глупымъ, а пятнадцатиголоваго Абарга-Сэсэнъ-мангатхая считая красивымъ и умнымъ, сама пріѣхала къ тебѣ».

Пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай, услышавъ слова Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатаны, сильно обрадовался; нѣкоторыя головы его начали смѣяться, другія говорили, прочія начали пѣть пѣсни и разсказывать сказки.

Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ, смотря на пятнадцатиголоваго Абарга-Сэсэнъ-мангатхая, улыбалась, а отвернувшись плакала. Пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай съ Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатаной пріѣхалъ домой и сталъ съ ней жить.

Послѣ того какъ Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ уѣхала въ страну мангатхаевъ, черезъ нѣкоторое время Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ выздоровѣлъ совсѣмъ отъ болѣзни; послѣ выздоровленія онъ началъ собираться ѣхать за Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатаной, чтобы привезти ее обратно домой. Онъ говорилъ: «Съ малолѣтства сдружившагося друга Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатану привезу обратно домой». Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сѣлъ на коня, поѣхалъ прямо къ востоку въ страну мангатхаевъ; онъ долго ѣхалъ, ѣхалъ и наконецъ пріѣхалъ въ страну мангатхаевъ. Здѣсь онъ сдѣлалъ такой сильный жаръ, что конскій пометъ сталъ кипѣть, а самъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ обратился въ двухъ маленькихъ мальчиковъ, которые стрѣляли въ мѣту.

Тогда пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай говоритъ своей женѣ Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанѣ: «Это жаръ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; онъ скоро пріѣдетъ; я теперь пойду купаться въ желтое море». Онъ ушелъ къ желтому морю, и купается въ немъ; въ это время къ желтому морю приходятъ два мальчика и между собою спорятъ; одинъ говоритъ: «я буду впередъ стрѣлять въ мѣту», а другой говоритъ: «нѣтъ я». А купавшійся пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай, услышавъ ихъ споры и говоритъ имъ: «Попадайте въ мой указательный палецъ! кто попадетъ, тотъ будетъ хорошій мальчикъ!» Эти два мальчика говорятъ ему: «Наши стрѣлы не вѣрно летаютъ; мы боимся, что попадемъ въ ваши головы». Тогда пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-Мангатхай поднялъ вверхъ указательный палецъ и говоритъ мальчикамъ: «Стрѣляйте».

Digitized by Google

Одинъ изъ мальчиковъ прямо намѣтился въ самый серединный бѣлый глазъ и выстрѣлилъ; стрѣла Абай-Гэхэръ-Богдо-хана прямо попала въ самый серединный и бѣлый глазъ пятнадцатиголоваго Абарга-Сэсэнъ-мангатхая; онъ схватился за средній глазъ, выбѣжалъ изъ воды и хотѣлъ поймать этихъ двухъ мальчиковъ, но они разбѣжались; никакъ не могъ поймать этихъ двухъ мальчиковъ. Послѣ этого пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай прибѣжалъ домой и говоритъ Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанѣ: «Жена, жена! смотри-ка въ самый средній и бѣлый глазъ, въ который выстрѣлили стрѣлою два мальчика; достань-ка ихъ стрѣлу! она тамъ сидитъ». Тогда Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ посмотрѣла въ самый средній и бѣлый глазъ и видитъ стрѣлу Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; она эту стрѣлу еще задвинула далѣе. Пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай пуще прежняго началъ охать и кричать; боль не даетъ дотрогиваться до глаза. Тогда Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ говоритъ пятнадцатиголовому Абарга-Сэсэнъ-мангатхаю: «Трудно достать стрѣлу, которая далеко ушла; нужно твои руки и ноги привязать бѣлою хлопчато-бумажною веревкою въ тысячу обхватовъ; тогда только можно достать». Пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай согласился, чтобы его привязали бѣлою хлопчато-бумажною веревкою въ тысячу обхватовъ. Тогда Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ взяла бѣлую хлопчато-бумажную веревку въ тысячу обхватовъ, крѣпко привязала ею ноги и руки пятнадцатиголоваго Абарга-Сэсэнъ-мангатхая, а потомъ призываетъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; онъ входитъ въ домъ мангатхая и вырубаетъ ему всѣ пятнадцать головъ; пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэнъ-мангатхай умеръ; его вытащили на улицу и сожгли на кострѣ; оставшійся пепелъ и кости разбросали на всѣ стороны.

Послѣ этого Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатанъ своего мужа Абай-Гэхэръ-Богдо-хана накормила одуряющею пищею; съѣвъ ее, онъ одурѣлъ; съ нимъ сдѣлалось умопомраченіе и онъ позабылъ ѣхать обратно домой; и жилъ въ домѣ пятнадцатиголоваго Абарга-Сэсэнъ-мангатхая съ своею Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатаною долгое время.

Въ то время, когда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ находился въ странѣ мангатхаевъ съ Тӧмӧнъ-Жаргаланъ-хатаной, которая кормила его одуряющею пищею, на южной сторонѣ живущіе три царя Шарабуловы, старшій царь Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ, средній царь Шара-Гэрэлтэ-ханъ и младшій Хара-Гэрэлтэ-ханъ, имѣющіе многотысячныхъ какъ земля, многочисленныхъ, подданныхъ, задумали женить своего младшаго царя Хара-Гэрэлтэ-хана, который не былъ женатъ. Для этого послали посломъ чернаго ворона Хонъ, облетать всю землю и разыскать самую красивую женщину на свѣтѣ, на которой бы могъ жениться Хара-Гэрэлтэ-ханъ.

Посланный тремя царями Шарабуловыми черный воронъ Хонъ, облетая всю землю и разыскивая самую красивую женщину, прилетѣлъ въ царство царя Шажага-Номонъ-хана, у котораго была очень красивая дочь Шара-Сэсэкъ-Абаха; она играла съ маленькимъ желтенькимъ щенкомъ; увидѣлъ это, посланный черный воронъ Хонъ и полетѣлъ въ царство Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; прилетѣвъ сюда, онъ началъ

Digitized by Google

поправляться отъ сильной усталости; въ это время увидѣлъ среднюю прекрасную жену Абай-Гэхэръ-Богдо-хана Урма-Гохонъ-Абахай, которая выходила изъ бѣло-серебрянаго дворца и опять обратно входила во дворецъ. Этого посланнаго чернаго ворона Хонъ увидѣлъ дядя Сарагалъ-Ноёнъ; онъ приходитъ къ тридцати тремъ батарамъ и говоритъ имъ: «У насъ летаетъ черный воронъ Хонъ, у котораго ногти отъ ходьбы притупились и крылья отъ летанія износились; этотъ воронъ посланная птица, ее нужно убить». Черный воронъ Хонъ, узнавъ объ этомъ, поскорѣе улетѣлъ въ царство трехъ царей Шарабуловыхъ; а 33 батара не могли разыскать этого ворона, чтобы убить его.

Посланный черный воронъ Хонъ прилетѣлъ къ тремъ царямъ Шарабуловымъ и говоритъ имъ: «Я облетѣлъ всю землю и видѣлъ всѣхъ красивыхъ женщинъ; дочь царя Шажага-Номонъ-хана, Шара-сэсэкъ-Абаха очень красива собою, но только играетъ съ маленькимъ желтенькимъ щенкомъ, что не хорошо для царской дочери; кромѣ того видѣлъ среднюю прекрасную жену Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Урма-Гохонъ-Абахай, красивѣе которой не видалъ женщинъ; когда она ходитъ, то тѣло просвѣчивается сквозь платья и сквозь мясо просвѣчиваются кости; такой красивой женщины не видалъ на этой землѣ. А самъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ находится въ странѣ мангатхаевъ съ Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатаной, которая окормила его одуряющею пищею и онъ позабылъ возвратиться домой». Тогда три царя Шарабуловы не повѣрили словамъ чернаго ворона Хонъ, а послали другого посла, черную птицу Дибэнъ-хара, которой поручили облетать всю землю и высмотрѣть очень красивыхъ женщинъ, нѣтъ ли такой, на которой бы могъ жениться младшій царь Хара-Гэрэлтэ-ханъ.

Посланная птица Дибэнъ-хара полетѣла вокругъ земли и долго летала съ одного мѣста на другое, прилетѣла въ царство царя Шажага-Номонъ-хана, у котораго увидѣла его дочь Шара-Сэсэкъ-Абаха, которая опять играла съ маленькимъ желтенькимъ щенкомъ. Послѣ этого птица Дибэнъ-хара полетѣла въ царство Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; когда прилетѣла въ большую падь Хатанъ, то сѣла на бѣло-серебрянный дворецъ жены Урма-Гохонъ-Абахай. Когда эта птица Дибэнъ-хара сѣла на дворецъ, то концы обоихъ крыльевъ хватали до земли. Урма-Гохонъ-Абахай сильно удивилась, откуда могла прилетѣть такая большая и черная птица; когда узнали 33 батара, они прибѣжали стрѣлять эту неизвѣстную птицу. Птица Дибэнъ-хара полетѣла по направленію къ царству трехъ царей Шарабуловыхъ. Одинъ изъ тридцати трехъ батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана вслѣдъ за птицей Дибэнъ-хара выстрѣлилъ стрѣлою, которая будто попала въ эту птицу, но ничего не было видно; тогда поѣхали посмотрѣть; видятъ, что стрѣла попала въ одно перо въ крылѣ и отсѣкла его. Это перо едва, едва привезли домой на телегѣ на трехъ лошадяхъ.

Птица Дибэнъ-хара прилетѣла въ царство трехъ царей Шарабуловыхъ, начала кружиться надъ царскими дворцами и не садится. Тогда три царя Шарабуловы закололи домашнихъ животныхъ, и мясо ихъ выбросили на улицу, чтобы цтица Дибэнъ-хара спустилась и поѣла мяса; но птица Дибэнъ-хара не спустилась, а все кружилась вверху. Тогда три царя Шарабуловы опять закололи раз-

Digitized by Google

ныхъ звѣрей и мясо ихъ выбросили на улицу для птицы Дибэнъ-хара; но птица все-таки не спускается внизъ, и все кружится вверху. Наконецъ три царя Шарабуловы, видя, что птица Дибэнъ-хара не спускается внизъ, убили человѣка и мясо его выбросили на улицу; птица Дибэнъ-хара спустилась внизъ, сѣла на человѣческое мясо и начала его ѣсть. Когда птица Дибэнъ-хара наѣлась до сыта, она говоритъ тремъ царямъ Шарабуловымъ: «Я облетѣла всю землю и сильно устала; кромѣ того меня чуть-чуть не убили 33 батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Дочь царя Шажага-Номонъ-хана, Шара-Сэсэкъ-Абаха, очень красива, но только играетъ съ маленькимъ желтенькимъ щенкомъ, что для царской дочери не хорошо; кромѣ того я видѣла среднюю прекрасную жену Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Урма-Гохонъ-Абахай; красивѣе ея я не видала женщинъ на этой землѣ, а самого Абай-Гэхэръ-Богдо-хана дома нѣтъ, онъ находится въ странѣ мангатхаевъ съ Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатаной.

Послѣ этого два царя Шара-Гэрэлтэ-ханъ и Хара-Гэрэлтэ-ханъ начали собираться идти съ войскомъ за Урма-Гохонъ-Абахай, чтобы привести ее и женить на ней Хара-Гэрэлтэ-хана. Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ не согласился идти съ войскомъ на Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, боясь, что онъ всѣхъ троихъ ихъ побѣдитъ и убьетъ; онъ говорилъ своимъ братьямъ: «Идти войной на Абай-Гэхэръ-Богдо-хана очень опасно и онъ непобѣдимъ на этой землѣ». Не смотря на это, два брата Шара-Гэрэлтэ-ханъ и Хара-Гэрэлтэ-ханъ, каждый изъ нихъ, собрали по десяти тысячъ войска и поѣхали за Урма-Гохонъ-Абахай. Этими войсками предводительствовалъ Хурэ-Хара-батаръ, имѣющій человѣческую кровь питьемъ. Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ не послалъ войска. Передъ отъѣздомъ Хара-Гэрэлтэ-ханъ три раза противъ солнца махнулъ верховымъ [1]) на подданныхъ Саганъ-Гэрэлтэ-хана, говоря: «Пусть каждый день умираетъ по сту человѣкъ и по сту коней». Съ этого времени подданные Саганъ-Гэрэлтэ-хана начали умирать по сту человѣкъ и по сту коней каждый день. Тогда Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ собралъ десять тысячъ войска и послалъ подъ предводительствомъ Ута-Мангила-батара вслѣдъ за своими братьями, которые поѣхали отбивать Урма-Гохонъ-Абахай. Съ этого времени у Саганъ-Гэрэлтэ-хана перестали умирать каждый день по сту человѣкъ и по сту коней.

Два царя Шарабуловы, Шара-Гэрэлтэ-ханъ и Хара-Гэрэлтэ-ханъ, съ тремя стами тысячъ войска, подъ предводительствомъ Хурэ-Хара-батара и Ута-Мангила-батара, ѣхали, ѣхали и доѣхали до царства Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Въ это время пятнадцатилѣтній Эрхэ-Анзанъ-батаръ игралъ, перескакивая съ горы на гору и увидалъ трехсотътысячное войско двухъ царей Шарабуловыхъ. Увидавши такое множество войскъ, Эрхэ-Анзанъ-батаръ сильно удивился и думаетъ, откуда могло придти такое множество войска. Потомъ онъ смотритъ черезъ верховой кнутъ, войско въ кнутъ не помѣщается; тогда вынулъ лукъ и смотритъ въ лукъ, но войско и въ лукѣ не помѣщается. Эрхэ-Анзанъ-батаръ говоритъ: «Приходящее войско надо встрѣчать и уходящее надо провожать». Съ этими словами Эрхэ-Анзанъ-батаръ спустился съ

[1]) Кнутомъ? Въ рукописи г. Хангалова повидимому тутъ пропускъ. *Г. П.*

Digitized by Google

горы, подъѣхалъ къ войскамъ трехъ царей Шарабуловыхъ и началъ въ нихъ стрѣлять стрѣлою: одинъ разъ выстрѣлилъ—повалилъ сто человѣкъ, два раза выстрѣлилъ—повалилъ двѣсти человѣкъ. Въ это время къ нему подъѣзжаетъ Ута-Мангила-батаръ и говоритъ: «Мы поѣхали войною не къ вамъ, а къ Шажага-Номонъ-хану. Ты зачѣмъ насъ убиваешь? Лучше стрѣляй, вонъ за тобой летаютъ пять лебедей».

Тогда Эрхэ-Анзанъ-батаръ повернулся посмотрѣть на этихъ пять лебедей; въ это время Ута-Мангила-батаръ насквозь пострѣлилъ стрѣлою Эрхэ-Анзанъ-батара. Падая съ коня, онъ схватилъ прилетѣвшую стрѣлу и говоритъ: «Имѣющіе остріе не знаютъ своихъ хозяевъ!» Съ этими словами онъ выстрѣлилъ въ Ута-Мангила-батара; батаръ на конѣ побѣжалъ отъ стрѣлы; онъ прятался отъ стрѣлы въ разныхъ мѣстахъ и за горами, стрѣла гналась за нимъ и начала догонять; тогда онъ въѣхалъ въ средину своего многочисленнаго войска, обратился въ древесный пень, засохшій семьдесятъ лѣтъ назадъ; стрѣла начала кружиться надъ многочисленнымъ войскомъ и наконецъ нашла Ута-Мангила-батара, обратившагося древеснымъ пнемъ; она упала на него и раздробила на мелкіе куски, такъ что нельзя было сдѣлать лучины. Такимъ образомъ Ута-Мангилай-батаръ умеръ.

Эрхэ-Анзанъ-батаръ, упавши съ коня, лежалъ въ продолженіи трехъ сутокъ едва живой на степи; въ это время около него пролетѣла пестрая сорока, которую онъ просилъ слетать къ прочимъ батарамъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и сказать имъ, что къ нимъ пришло многочисленное войско, а онъ лежитъ на степи пострѣленный насквозь. Пестрая сорока говоритъ, что ей некогда слетать, она летитъ въ гнѣздо нести яйца. Эрхэ-Анзанъ-батаръ проклялъ пеструю сороку, говоря: «Всегда гнѣздись на кустахъ и гнѣздо твое пусть постоянно разворяютъ маленькія дѣти и птицы» [1]). Потомъ около Эрхэ-Анзанъ-батара леталъ черный воронъ; батаръ просилъ ворона сказать прочимъ батарамъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, что къ нимъ пришло многочисленное войско, а онъ лежитъ на степи пострѣленный насквозь. Черный воронъ, по словамъ его, прилетѣлъ къ прочимъ батарамъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана и сказалъ: „Къ вамъ пришло множество войска, а Эрхе-Анзанъ-батаръ лежитъ на степи пострѣленный, чуть живой.“ Когда отъ чернаго ворона услышали это всѣ остальные батары Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, они поскорѣе собрались и пріѣхали на мѣсто войны, гдѣ и нашли лежащаго Эрхэ-Анзанъ-батара; онъ былъ еще живой. По пріѣздѣ Хугэлъ-Эмши-батаръ большимъ пальцемъ вылѣчилъ, а мизинцемъ излѣчилъ Эрхэ-Анзанъ-батара; онъ совсѣмъ выздоровѣлъ.

Послѣ этого всѣ тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана взошли на одну высокую гору и остановились на вершинѣ ея противъ многочисленнаго войска трехъ царей Шарабуловыхъ; оттуда они поочередно спускались къ непріятельскимъ войскамъ, одинъ разъ выстрѣливъ, валили по сту человѣкъ, два раза выстрѣливъ, валили по двѣсти человѣкъ; послѣ этого изъ непріятельскаго стана они угнали сто лучшихъ ло-

[1]) Вслѣдствіе этого проклятія нынѣ сороки гнѣздятся на кустахъ, и гнѣзда ихъ разворяютъ и дѣти и птицы.

Digitized by Google

шадей; пригнавъ ихъ на вершину горы, кололи ихъ, мясо дѣлили между собою и ѣли, а завистивый Сута-Ноёнъ свой пай спряталъ подъ ногой и говоритъ, что ему не достало; впослѣдствіи это обнаружилось. Такимъ образомъ каждый разъ батары спускались съ горы на непріятелей, убивали ихъ и угоняли по сту лучшихъ лошадей, кололи ихъ и мясо между собой дѣлили. Наконецъ пришла очередь завистливаго Сута-Ноёна; онъ спустился, укралъ у непріятеля сто лошадей тощихъ и хромыхъ и гонитъ ихъ; непріятели, узнавши, погнались за завистливымъ Сута-Ноёномъ и начали догонять его; тогда Сута-Ноёнъ спрятался въ нору барсука; оттуда его выгнали и погнались за нимъ, опять начали догонять; тогда Сута-Ноёнъ спрятался въ нору тарбагана [1]); его поймали непріятели и начали жестоко бить. Сута-Ноёнъ говоритъ имъ: «Не бейте меня, я укажу вамъ, какъ побѣдить тридцать трехъ батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; иначе вы ихъ не побѣдите, они всѣхъ васъ убьютъ; они никогда не устаютъ; кромѣ того, если будете колоть, то они безъ крови и если будете стрѣлять стрѣлою, то они безъ жизни; такихъ людей не побѣдите, хотя Абай-Гэхэръ-Богдо-хана дома нѣтъ; если вы мнѣ дадите сто лошадей сухихъ и хромыхъ, то я ихъ погоню и скажу имъ, что вы испугались ихъ и ушли домой; тогда они возвратятся домой, будутъ гулять и веселиться и напьются пьянми; тогда вы придете, пьяныхъ убьете и возьмете съ собой Урма-Гохонъ-хатану, а теперь спрячтесь куда нибудь».

Тогда непріятели отпустили завистливаго Сута-Ноёна, дали ему сто сухихъ и хромыхъ лошадей. Сута-Ноёнъ этихъ сто сухихъ и хромыхъ лошадей пригналъ на вершину горы къ тридцати тремъ батарамъ и говоритъ имъ, что онъ пригналъ свой пай; всѣ непріятели, испугавшись ихъ, ушли, а онъ собралъ оставленныхъ непріятелями сухихъ и хромыхъ сто лошадей.

Тогда тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана повѣрили словамъ завистливаго Сута-Ноёна и пріѣхали домой, начали гулять и веселиться съ радости, что они прогнали непріятельскія войска, и напились пьяными. Когда тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана напились пьяными, въ это время многочисленное войско трехъ царей Шарабуловыхъ пришло и окружило три раза бѣло-серебряный дворецъ Урмай-Гохонъ-Абахай; тридцать три пьяные батара сѣли на коней и начали воевать съ непріятелями. Когда стрѣляли изъ лука стрѣлою, то дѣлали дорогу и когда, сильно натянувши, стрѣляли, то дѣлали просторно, а нѣкоторые саблями рубили на обѣ стороны; въ одну сторону махали, сто человѣкъ валили, въ другую сторону махали, другихъ двѣсти человѣкъ валили; такимъ образомъ убивали множество людей, кровь текла ручьемъ и изъ мяса образовались бугры; во время этой войны тридцати тремъ батарамъ захотѣлось пить воды, но такъ какъ они были пьяны, то по ошибкѣ выпили кровь убитыхъ людей и, сдѣлавшись нечистыми, упали, обратясь въ большіе черные камни. Тогда младшая прекрасная жена Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Алма-Моргонъ-хатанъ, начала стрѣлять въ непріятелей; когда она стрѣляла изъ лука стрѣлою, то дѣлала большую дорогу, и когда,

[1]) Сурка.

Digitized by Google

сильно натянувши лукъ, стрѣляла, то дѣлала большой просторъ; Алма-Моргонъ-хатанъ долго стрѣляла и убила множество непріятельскихъ войскъ, кровь людей текла ручьями и изъ мяса людей образовались бугры. Алма-Моргонъ-хатанъ не могла прикончить многочисленное войско непріятелей и наконецъ сѣла на тонкаго рыжаго коня и убѣжала отъ непріятелей, вскочила въ желтое море и ушла къ своему отцу Уха-Лобсонъ-хану.

Послѣ этого непріятельское войско окружило дворецъ Урма-Гохонъ-Абахай, которая вооружилась саблею и стала около двери; всѣхъ входившихъ разрубала пополамъ; никакъ не могли поймать ее; въ это время приходитъ завистливый Сута-Ноёнъ и говоритъ непріятелямъ: «Вы сразу бросайтесь помногу людей во дворецъ, не успѣетъ всѣхъ васъ разрубить пополамъ, а если такъ будете, то она всѣхъ васъ вырубитъ». Тогда непріятели сразу бросились во дворецъ толпой, Урма-Гохонъ-Абахай не успѣла всѣхъ разрубить пополамъ; тогда её поймали. Когда поймали Урма-Гохонъ-Абахай, посадили ее въ желѣзную телегу, запряженную тремя черными иноходцами и увезли. Изъ тридцати трехъ батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Эрхэ-Анзанъ-батаръ, напившись человѣческой крови и сдѣлавшись нечистымъ, поползъ къ желтому морю пить воду; въ это время ему отрубили голову, и взяли ее съ собою. Когда непріятели ѣхали обратно домой, то голову Эрхэ-Анзанъ-батара воткнули на копье и играли ею. На пути Урма-Гохонъ-Абахай проситъ голову Эрхэ-Анзанъ-батара посмотрѣть; она сказала имъ: «Одной сидѣть на долгомъ пути скучно; отъ скуки я буду играть головою Эрхэ-Анзанъ-батара». Тогда ей отдали голову Эрхэ-Анзанъ-батара. Урма-Гохонъ-Абахай, взявши голову Эрхэ-Анзанъ-батара, говоритъ: «Подымись на верхъ къ западнымъ пятидесяти пяти тэнгэринамъ, къ старшему Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрину и упади на крыльцо у бабушки Манзанъ-Гёрмё». Съ этими словами она бросила вверхъ голову пятнадцатилѣтняго Эрхэ-Анзанъ-батара; голова поднялась вверхъ къ западнымъ пятидесяти пяти тэнгэринамъ къ старшему тэнгэрину Ханъ-Тюрмасу, и упала на крыльцо у бабушки Манзанъ-Гёрмё.

Когда два царя Шарабуловы, Шара-Гэрэлтэ- и Хара-Гэрэлтэ-ханы съ своими многочисленными войсками увезли Урма-Гохонъ-Абахай, дядя Сарагалъ-Ноёнъ пѣлъ пѣсню:

	По русски.
Гэхэр Богдо Хани	Гэхэръ-Богдо-хана
Гэртэ угэгин яхаби,	Дома не было—что подѣлаешь?—
Мангатхани уранда орожи	Уѣхавши въ страну мангатхаевъ,
Эрью тэнэк болхон	Сдѣлался дуракомъ и глупцомъ,
Иде идехэши яхаби.	Съѣвши пищу—что подѣлаешь?—
Гушан гурбан батари	Тридцать три батара
Хоктуражи унаха яхаби,	Упали пьяными—что подѣлаешь?
Алма-Моргон Хатани	Алма-Моргонъ-хатана
Алба угэгин яхаби,	Не податная—что подѣлаешь?
Шарабали гурбан хадуги	У трехъ царей Шарабуловыхъ
Унэр багин яхаби.	Множество богатства—что подѣлаешь?
Урма-Гохон хатани	Урма-Гоховъ-хатана
Хайн хахон яхаби,	Хороша и красива—что подѣлаешь?

Digitized by Google

Сута Ноён абаган	Сута-Ноёна дяди
Хара ханагин	Съ черною завистью,
Шабар доторин яхаби,	Съ грязною внутренностью—что подѣлаешь?
Эрхэ Анзан батари	Эрхэ-Анзанъ-батара
Гэнэн баган яхаби,	Съ неопытною молодостью—что подѣлаешь?
Ута Мангила батари	Ута-Мангила-батара
Эрхэн шанга яхаби.	Съ силою большого пальца—что подѣлаешь?

Бабушка Манзанъ-Гёрмё, выходя на улицу, увидѣла на крыльцѣ лежащую голову пятнадцатилѣтнято Эрхэ-Анзанъ-батара; она узнала ее, протяжно крикнула и ударила руками колѣни; взяла голову Эрхэ-Анзанъ-батара и стоя говоритъ: «На нижней землѣ свѣтопреставленіе дѣлается; на нижней землѣ живущій глупенькій и худенькій внукъ мой непріятелемъ побѣжденъ и годовалымъ жеребенкомъ убитъ»! Бабушка Манзанъ-Гёрмё быстро послала трехъ сестеръ Хёнўръ-бурханъ на нижнюю землю съ головою Эрхэ-Анзанъ-батара, чтобы онѣ помогли и спасли Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, если онъ побѣжденъ непріятелями.

Тогда три старшія сестры Хёнўръ-бурханъ поскорѣе спустились на нижнюю землю въ большую падь Хатанъ, въ которой нашли всѣхъ 33 батара и 300 передовыхъ войскъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, обратившихся въ камни, сдѣлавшихся нечистыми. Три сестры Хёнўръ-бурханъ, взявши вереску изъ большой тайги и воды изъ девяти ключей, обмыли ихъ и воскресили всѣхъ 33 батаровъ и привели ихъ въ прежнее состояніе, а также и 300 передовыхъ войскъ. Послѣ этого три сестры Хёнўръ-бурханъ въ большой пади Хатанъ нашли холодный слѣдъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; по этому слѣду начали слѣдить и пошли прямо къ востоку по направленію къ странѣ мангатхаевъ; пришли въ страну мангатхаевъ, нашли здѣсь теплый слѣдъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; по этому слѣду тоже начали слѣдить и пришли къ дому пятнадцати-головаго Абарга-Сэсэнъ-мангатхая; здѣсь три старшія сестры Хёнўръ-бурханъ нашли Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, который ходилъ съ помраченнымъ умомъ и позабывши о возвращеніи домой. Онѣ ударили его въ щеку; онъ началъ блевать чернымъ-черно; потомъ онѣ ударили его въ лѣвую щеку, онъ началъ блевать разнообразными веществами; послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ пришелъ въ прежнее состояніе и совсѣмъ поправился отъ помраченія ума и принялъ прежній видъ. Тогда три старшія сестры Хёнўръ-бурханъ говорятъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Твоихъ домашнихъ раззорили три царя Шарабуловы, которые пришли съ многочисленнымъ войскомъ и увезли твою жену Урма-Гохонъ-Абахай, а Алма-Моргонъ-хатанъ ушла къ своему отцу; тридцать три батара твои, сдѣлавшись нечистыми, обратились въ камни, а Эрхэ-Анзанъ-батару отрубили голову».— Потомъ онѣ сказали ему, чтобы онъ поскорѣе возвратился домой. Послѣ этого три старшія сестры Хёнўръ-бурханъ поднялись обратно на небо.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поскорѣе собрался домой и поѣхалъ вмѣстѣ съ Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатаной, и весь скотъ мангатхая угналъ домой. Пріѣхавъ домой, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ Тёмёнъ-Жаргаланъ помѣстилъ въ прежнемъ ея бѣлосеребренномъ дворцѣ. Приведя все въ порядокъ, онъ поѣхалъ за Алма-Моргонъ-хатаной къ Уха-Лобсонъ-хану; онъ съ конемъ вскочилъ въ желтое море и спустился на

Digitized by Google

нижнюю землю; подъѣзжаетъ къ бѣло-серебрянному дворцу Ухай-Лобсонъ-хана; на улицу изъ дворца выходитъ его маленькій сынъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спрашиваетъ его: «Что дѣлаетъ твоя мать?» Мальчикъ отвѣтилъ своему отцу, что мать его борется съ какимъ-то чернымъ и кривымъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своему сыну: «Если твоя мать выйдетъ и спроситъ, куда я поѣхалъ, покажи къ югу, и если еще спроситъ, то покажи къ востоку». Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ во весь махъ помчался къ сѣверу. Немного погодя изъ дворца выбѣгаетъ Алма-Моргонъ-хатанъ съ лукомъ и стрѣлою и спрашиваетъ у своего сына: «Куда уѣхалъ твой отецъ?» Мальчикъ указываетъ къ югу. Алма-Моргонъ-хатанъ смотритъ къ югу, не видно Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Тогда она второй разъ спрашиваетъ у своего сына: «Куда уѣхалъ твой отецъ?» Мальчикъ указываетъ къ востоку; Алма-Моргонъ-хатанъ смотритъ къ востоку; тоже не видно Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Тогда она смотритъ къ западу; тамъ тоже не видно его и наконецъ она смотритъ къ сѣверу, и видитъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ перескочилъ черезъ одну высокую гору; въ это время Алма-Моргонъ-хатанъ выстрѣлила въ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; стрѣла ея попала въ красную кисть на его шапкѣ и отсѣкла ее. Тогда она разсердилась пуще прежняго и говоритъ: «Если не попала въ величиною съ гору Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, то пусть всѣ женщины съ этого времени не стрѣляютъ изъ лука стрѣлою; которая будетъ стрѣлять, у той пусть отсѣчется большой палецъ и плечи [1])». Потомъ она разломала лукъ и стрѣлы и бросила, а своего сына за то, что онъ показалъ не вѣрно, разорвавъ пополамъ на двѣ части, бросила привязаннымъ льву и медвѣдю, которые его и съѣли.

Когда у Алмы-Моргонъ-хатаны прошелъ гнѣвъ, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ возвратился къ ней и они помирились; но сына уже не могли воскресить, такъ какъ левъ и медвѣдь съѣли его. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Алма-Моргонъ-хатаной поднялись на верхнюю землю и пріѣхали домой. Алма-Моргонъ-хатана стала жить въ своемъ бѣло-серебрянномъ дворцѣ на вершинѣ большой пади Хатанъ.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: «Чей сынъ чужое похищаетъ и уводитъ? какой человѣкъ долженъ терпѣть похищеніе и уводъ и сидитъ дома?» Такъ говоря, собирался въ путь Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ; онъ надѣлъ на себя три доспѣха, все нужное оружіе навѣсилъ на себя; съ гору величиною темно-гнѣдого коня осѣдлалъ чисто серебрянымъ сѣдломъ, подложивъ шелковый потникъ. Потомъ, сѣвъ на коня, поѣхалъ къ дядѣ Сута-Ноёну. Пріѣхавъ къ дядѣ, онъ, стоя на улицѣ, крикнулъ: «Выходи сюда!»

Тогда дядя Сута-Ноёнъ, испугавшись Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, спрятался подъ кроватью. Стряпка его кричитъ: «Дядя ушелъ въ падь кровати, совсѣмъ его не видно». Дядя Сута-Ноёнъ выскочилъ изъ подъ кровати и стряпку свою ударилъ одинъ разъ, а потомъ спрятался за баранами [2]). Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ опять зоветъ

---

[1]) Вслѣдствіе этого нынѣ, по словамъ бурятъ, женщины изъ лука не стрѣляютъ; а прежде стрѣляли изъ лука наравнѣ съ мущинами.

[2]) Баранами у нынѣшнихъ балаганскихъ бурятъ называются деревянныя подстановки, на которыхъ кладутъ ящики и сундуки.

Digitized by Google

дядю Сута-Ноёна: «Выходи сюда!» Стряпка Сута-Ноёна кричитъ: «Дядя ушелъ въ падь баранную и совсѣмъ его не видать». Дядя Сута-Ноёнъ выскочилъ изъ барановъ; опять стряпку свою ударилъ одинъ разъ и спрятался въ башалакъ [1]).

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ слѣзъ съ коня, привязалъ его и входитъ въ юрту, подходитъ къ башалаку, садится на немъ. Дядя Сута-Ноёнъ не могъ выдержать; ему стало больно; онъ началъ шевелиться и кряхтѣть. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ какъ будто испугался, вскочилъ на ноги и говоритъ «Не зналъ! не найдя на чемъ садиться, сѣлъ на своего дядю!» Дядя Сута-Ноёнъ вышелъ изъ башалака.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своему дядѣ Сута-Ноёну: «Ѣду воевать съ тремя царями Шарабуловыми, пріѣхалъ за тобою, дядя!»

Дядя Сута-Ноёнъ говоритъ: «сказанное правда, вздумано подходящее». Съ этими словами дядя Сута-Ноёнъ началъ собираться; повѣсилъ на себя свой ножикъ, съ глухариными перьями стрѣлы воткнулъ въ хадакъ [2]) и надѣлъ на себя; изъ шкуръ козульихъ доху надѣлъ на себя; сѣвъ на сиваго жеребца, поѣхалъ за Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поѣхалъ на южную сторону къ тремъ царямъ Шарабуловымъ, а дядя Сута-Ноёнъ ѣдетъ за нимъ. Они ѣхали и ѣхали; потихоньку ѣхали, величиною съ чашки землю выбрасывали назадъ копытами лошадей; скоро, скоро ѣхали, величиною съ корзины землю выбрасывали назадъ копытами. Поѣхали далѣе по одной большой пади; во время этой ѣзды Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ тринадцать своихъ волшебствъ заставилъ на ладони бѣгать и двадцать три волшебства заставилъ бѣгать на пальцахъ; съ помощію этихъ волшебствъ величиною съ быка черный камень обратилъ въ козулье мясо и бросилъ на дорогѣ впереди; мимо этого мяса Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ проѣхалъ, какъ будто не видя. Сзади ѣхавши, дядя Сута-Ноёнъ увидѣлъ мясо и кричитъ: «На дорогѣ лежитъ козулье мясо!» Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ ему: «Возьми! на долгій путь пригодится тебѣ поѣсть, хорошій харчъ нашелся». Дядя Сута-Ноёнъ, соскочивъ съ коня, поднялъ козулье мясо, и привязалъ къ сѣдлу; сильно обрадовался и поѣхалъ далѣе. Когда проѣхали трехъдневное разстояніе, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ помощію своихъ волшебствъ величиною съ овцу черный камень обратилъ въ заячье мясо и бросилъ впереди на дорогѣ: опять проѣхалъ, какъ будто не видя. Сзади ѣхавшій дядя Сута-Ноёнъ, увидѣвши это мясо, кричитъ: «На дорогѣ лежитъ заячье мясо!» Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: «Возьми, на дальній путь пригодится тебѣ поѣсть! хорошій харчъ нашелся!». Дядя Сута-Ноёнъ, сильно обрадовавшись, соскочилъ съ коня, взялъ мясо и привязалъ къ сѣдлу; послѣ этого, сѣвъ на коня, поѣхалъ далѣе. Когда проѣхали трехъдневное разстояніе, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ помощію своихъ волшебствъ величиною съ жеребенка черный камень обратилъ въ кисть, которую носила на шеѣ лошадь Урма-Гохонъ-хатаны и бросилъ впереди на дорогѣ; опять онъ проѣхалъ, какъ будто не видя. Сзади ѣхавшій дядя Сута-Ноёнъ, увидѣвши эту кисть, кричитъ: «На дорогѣ лежитъ кисть съ коня Урма-Гохонъ-

---

[1]) Башалакъ—кожанный мѣшокъ.

[2]) Хадакъ побурятени калчанъ.

Digitized by Google

хатаны». Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: «Прежде ѣхавши, потеряла ее; возьми эту кисть, отнесешь ей!» Дядя Сута-Ноёнъ, обрадовавшись, соскочилъ съ коня, взялъ эту кисть и привязалъ къ сѣдлу.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ дядѣ Сута-Ноёну: «Эту кисть отвези обратно невѣсткѣ своей, Тёмёнъ-Жаргаланъ-хатанѣ». Онъ слѣзъ съ коня, подходитъ къ коню дяди Сута-Ноёну и говоритъ дядѣ: «Всѣ эти вещи ты по дорогѣ потеряешь, я привяжу ихъ къ тебѣ крѣпче; тогда не потеряешь». Съ этими словами Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ къ дядѣ Сута-Ноёну спереди крѣпко на крѣпко привязалъ козулье мясо, а сзади (т. е. на спинѣ) привязалъ ему заячье мясо, и найденную кисть привязалъ къ сѣдлу. Потомъ говоритъ ему: «Теперь благополучно поѣзжай обратно домой». Дядя Сута-Ноёнъ поѣхалъ обратно домой, а Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поѣхалъ далѣе. Когда дяди Сута-Ноёна не видно стало, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, съ помощью своихъ волшебствъ, козулье и заячье мясо и кисть снова обратилъ въ камни; спереди привязанное козулье мясо обратилось въ черный камень величиною съ быка, который началъ давить дядю Сута-Ноёна спереди; сзади привязанное заячье мясо обратилось въ черный камень величиною съ овцу, который началъ давить сзади, а кисть, привязанная къ сѣдлу, обратилась въ черный камень величиною съ жеребенка, который началъ давить коня. Эти камни такъ сильно давили завистливаго дядю Сута-Ноёна, такъ до крови давили его тѣло, что онъ измучился дорогой и выбился изъ силъ; Сута-Ноёнъ никакъ не могъ скоро ѣхать, всю дорогу ѣхалъ медленно; послѣ долгаго мученія и страданія едва, едва живой онъ доѣхалъ до дому; когда дядя Сута-Ноёнъ вошелъ въ свою юрту и легъ, эти камни исчезли.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поѣхалъ далѣе; ѣхалъ и ѣхалъ прямо на южную сторону, откуда восходитъ солнце, по направленію къ царству трехъ царей Шарабуловыхъ, которые имѣютъ какъ земля многочисленное множество подданныхъ. По дорогѣ думаетъ: «Спинные мои мстители и ртовые мои непріятели!» Такъ онъ говорилъ. Во время ѣзды тринадцать своихъ волшебствъ онъ на ладони заставилъ бѣгать и двадцать три свои волшебства на пальцахъ заставилъ бѣгать; съ помощію своихъ волшебствъ величиною съ гору темно-гнѣдого коня обратилъ въ кремень и положилъ въ огниво, а самъ сдѣлался маленькимъ ребенкомъ въ желѣзной люлькѣ (тёмёръ ёргё), перенесся по воздуху и лежитъ подъ окномъ Хара-Гэрэлтэ-хана.

На другое утро, когда всталъ Хара-Гэрэлтэ-ханъ, подъ окномъ его бѣло-серебряннаго дворца плачетъ маленькій ребенокъ въ желѣзной люлькѣ. Хара-Гэрэлтэ-ханъ выходитъ на улицу и беретъ лежащаго подъ окномъ маленькаго ребенка въ желѣзной люлькѣ и говоритъ: «Наши создатели, восточные сорокъ четыре тэнгэрина, послали намъ ребенка, воевать съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ!» Такъ говоря, сильно радовался и благодарилъ своихъ создателей.

Хара-Гэрэлтэ-ханъ этого ребенка въ желѣзной люлькѣ хорошо воспитывалъ, ребенокъ съ каждымъ днемъ выросталъ все болѣе и болѣе; послѣ каждой проходившей ночи онъ дѣлался толще, послѣ трехъ ночей ребенокъ этотъ не можетъ помѣститься въ кожѣ трехгодовалаго барана, а послѣ четырехъ ночей не можетъ помѣститься въ кожѣ четырехгодовалаго барана. Три царя Шарабуловы радуются, что послан-

Digitized by Google

ный ихъ бурханами создателями ребенокъ по волѣ бурхановъ ростетъ такъ скоро, чтобы воевать съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ.

Ребенку дали имя «найденный находка Олзомохонъ». Подданные трехъ царей Шарабуловыхъ собрались и начали стрѣлять изъ лука стрѣлами въ мѣту (хўр харбаха); въ это время сдѣлали большой пиръ и веселье. Тогда мальчикъ Олзомохонъ смотритъ на эту стрѣльбу и на большой пиръ; на этой стрѣльбѣ силою, ловкостью и мѣткостью отличается отъ всѣхъ Ута-Манжилай-батаръ [1]). Олзомохонъ говоритъ, стоя, Ута-Манжилай-батару: »Сильнѣе тебя тутъ нѣтъ человѣка, будемъ пробовать свои силы, возьмемъ сразу три лука Манзанъ и будемъ тянуть, кто изъ насъ болѣе потянетъ». Ута-Манжилай-батаръ говоритъ: «Вздумалъ надо мной пошутить мальчикъ Олзомохонъ; ты что, я даже одному батару Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, пятьнадцатилѣтнему Эрхэ-Анзанъ-батару, отсѣкъ голову, когда выстрѣлилъ въ него стрѣлою». Послѣ этого Ута-Манжилай-батаръ взялъ три лука Манзанъ, началъ тянуть ихъ, но никакъ не можетъ натянуть. Тогда мальчикъ Олзомохонъ взялъ эти три лука Манзанъ и сразу всѣ натянулъ и сломалъ пополамъ. Ута-Манжилайбатару передъ всѣмъ собравшимся народомъ сильно стало стыдно, что онъ не могъ натянуть три лука Манзанъ и сломать ихъ; тогда онъ сильно разсердился на мальчика Олзомохона и говоритъ: «Возьму мальчика Олзомохона за волосы и брошу на землю, такъ что онъ пойдетъ въ землю и не видать его будетъ!» Съ этими словами Ута-Манжилай-батаръ схватилъ за волосы мальчика Олзомохона и хотѣлъ бросить на землю. Мальчикъ Олзомохонъ тоже схватилъ за волосы Ута-Манжилайбатара и бросилъ его на землю такъ сильно, что онъ ушелъ въ землю, уши вытянулись вверхъ и мизинецъ едва, едва видно было изъ земли. Множество народа, бывшаго здѣсь, начали выкапывать изъ земли Ута-Манжилай-батара, кто топоромъ, кто большимъ ножомъ. Потомъ всѣ подданные трехъ царей Шарабуловыхъ разошлись по домамъ.

Хара Гэрэлтэ-Ханъ приведенную жену Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, Урма-Гохонъ-хатану, заперъ въ желѣзный амбаръ и кормилъ ее тамъ черезъ жолобъ, проведенный въ амбаръ. Урмай-Гохонъ-хатанъ не согласилась выходить замужъ за Хара-Гэрэлтэ-Хана; вотъ почему онъ ее заперъ въ желѣзный амбаръ и держалъ ее тамъ. Однажды Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ (т. е. Олзомохонъ) свой золотой перстень, расписанный кругомъ, опустилъ въ жолобъ; этотъ перстень покатился въ желѣзный амбаръ. Урма-Гохонъ-хатанъ взяла этотъ перстень и, узнавши его, сильно обрадовалась, что пріѣхалъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, чтобы освободить ее.

Мальчикъ Олзомохонъ выросъ большой и говоритъ тремъ царямъ Шарабуловымъ, что онъ выросъ большой и можетъ воевать съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ, онъ проситъ, чтобы ему собрали войско. Хара-Гэрэлтэ-ханъ, Шара-Гэрэлтэ-ханъ и Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ собрали многочисленное войско и отдали Олзомохону, онъ поѣхалъ съ этимъ войскомъ воевать съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ. Когда Олзомохонъ пріѣхалъ съ многочисленнымъ войскомъ на просторную и бѣлую степь, на

[1]) Тотъ самый, конечно, который выше былъ подъ именемъ Ута-Мангила-батара. *Г. П.*

Digitized by Google

поляну между бѣлыми березами, то все многочисленное войско трехъ царей Шарабуловыхъ уничтожилъ (т. е. убилъ). Послѣ этого опять пріѣхалъ къ тремъ царямъ Шарабуловымъ и говоритъ: «Дѣйствительно,—мозгъ возьми его!—Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ силенъ и могучъ, всѣ мои войска уничтожилъ, я едва, едва остался одинъ и пріѣхалъ домой; соберите еще войско, я поѣду съ нимъ воевать».—Такъ говорилъ Олзомохонъ.

Три царя Шарабуловы опять собрали многочисленное войско и отдали Олзомохону. Олзомохонъ опять поѣхалъ съ многочисленнымъ войскомъ; пріѣхалъ на прежнее мѣсто, все войско опять уничтожилъ, а самъ пріѣхалъ обратно и говоритъ тремъ царямъ Шарабуловымъ: «Едва, едва остался цѣлъ и пріѣхалъ домой; опять соберите мнѣ войско, я поѣду воевать съ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ». Такъ говорилъ онъ. Три царя Шарабуловы опять собрали многочисленное войско, но на этотъ разъ собрали моложе 70 лѣтъ и постарше 7 лѣтъ, и это войско отдали Олзомохону. Олзомохонъ съ этимъ многочисленнымъ войскомъ поѣхалъ на прежнее мѣсто, гдѣ его все опять уничтожилъ.

Послѣ этого Олзомохонъ обратился въ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; обратившись въ прежнее состояніе, изъ огнива взялъ кремень и бросилъ на землю; тогда изъ кремня образовался величиною съ гору темно-гнѣдой конь. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сѣлъ на своего темно-гнѣдого коня, пріѣхалъ къ Хара-Гэрэлтэ-хану и говоритъ: «Желавшій чужого, кромѣ своего, глодавшій шейные позвонки свои, непріятель мой!» Взявши его за сѣдые волосы, началъ бить кнутомъ и добилъ его до смерти.

Убивъ Хара-Гэрэлтэ-хана, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поѣхалъ къ Шара-Гэрэлтэ-хану; его тоже началъ бить кнутомъ, билъ, билъ, и до смерти добилъ.

Убивъ Шара-Гэрэлтэ-Хана, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ поѣхалъ къ старшему Саганъ-Гэрэлтэ-хану. Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ началъ кланяться и просить Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, чтобы онъ его оставилъ живымъ. Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ, какъ пуговкой, головою кивая, кланялся и въ колѣнѣ ногу нагибая кланялся, и въ это время говорилъ: «Ай, собаки! хозяинъ Богдо, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ! Я передъ вами не виновенъ, я говорилъ своимъ братьямъ: не найдя (другого мѣста) ѣхать, ѣдете противъ съ гору величиною Абай-Гэхэръ-Богдо-хана! вздумали воевать противъ съ гору величиною Абай-Гэхэръ-Богдо-хана! я даже отказался отправить свое войско противъ тебя; тогда два младшіе брата сильно разсердились на меня и поѣхали; передъ отъѣздомъ прокляли моихъ подданныхъ, которые сильно стали умирать; тогда только послалъ и я свое войско». Такъ говоря, кланялся Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ оставилъ живымъ Саганъ-Гэрэлтэ-хана.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ разломалъ желѣзный анбаръ, выпустилъ изъ него свою жену Урма-Гохонъ-хатану, и привелъ ее въ прежнее тѣло и въ прежнюю красоту. Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ всѣхъ оставшихся подданныхъ и весь скотъ Шара-Гэрэлтэ-хана и Хара-Гэрэлтэ-хана взялъ съ собою домой. Когда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ пріѣхалъ домой, всѣхъ приведенныхъ подданныхъ и скотъ Шара-Гэрэлтэ-хана и Хара-Гэрэлтэ-хана помѣстилъ по мѣстамъ, а Урма-Гохонъ-

Digitized by Google

хатану поселилъ попрежнему въ своемъ бѣло-серебрянномъ дворцѣ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ по прежнему сталъ жить счастливо у своихъ трехъ прекрасныхъ женъ поочередно; такъ жили и наслаждались счастьемъ.

Живущихъ на серединѣ земли восьми хановъ Ганга-Заданъ и семи начальниковъ бугра [1]) крайніе на восточной сторонѣ города проглатывающій и передніе города берущій въ ротъ, еще далѣе къ востоку живущій въ странѣ Альбатынъ и на мѣстности Хонинъ-хотонъ, если колоть то безъ крови, а если стрѣлять стрѣлами, то безъ жизни, создавшійся съ тысячью тремя большими волшебствами, на спинной сторонѣ имѣющій десять тысячъ глазъ и на передней сторонѣ четыре тысячи глазъ, Галъ-Дöлмöнъ-ханъ,—такъ проглатывалъ подданныхъ восьми хановъ Ганга-Заданъ и семи начальниковъ бугра, что противъ такого его нашествія ничего не могли предпринять и остановить его.

Въ серединѣ земли живущіе восемь хановъ Ганга-Заданъ и семь начальниковъ бугра начали совѣтоваться между собою; били въ золотой барабанъ, собирали подданныхъ, живущихъ на сѣверной сторонѣ и били въ серебряный барабанъ, собирали подданныхъ на южной сторонѣ живущихъ. Когда всѣ подданные собрались и стояли, эти ханы и начальники говорятъ имъ: «Этакъ сидя будемъ всѣ проглочены Галъ-Дöлмöнъ-ханомъ. Надо искать помощи и спасенія отъ него, иначе всѣхъ насъ проглотитъ; прямо на западной сторонѣ и на стогодовое разстояніе ѣзды въ странѣ называемой Моронъ, на берегу моря Мöнхö, на подошвѣ горы Ханъ-Ула въ большой пади Хатанъ живетъ на сѣверной сторонѣ старше тринадцати хановъ, побѣждающій непобѣдимыхъ враговъ и на южной старше двадцати трехъ хановъ, какъ ножикъ ядовитыхъ враговъ побѣждающій, создавшійся Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ; нужно послать человѣка и попробовать просить его о помощи». Такъ говорили своимъ подданнымъ восемь хановъ Ганга-Заданъ и семь начальниковъ бугра. Изъ ста человѣкъ выбирали и выбрали Зодо-Шара-батара; изъ ста лошадей выбирали и выбрали трехъ черныхъ иноходцевъ. Выбранныхъ трехъ черныхъ иноходцевъ запрягли въ желѣзную телегу, посадили Зодо-Шара-батара и отправили прямо на западъ къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану.

Зодо-Шара-батаръ поѣхалъ прямо на западную сторону; онъ все ѣхалъ и ѣхалъ и доѣхалъ до половины разстоянія стогодовой ѣзды; тогда три черные иноходца устали; Зодо-Шара-батаръ бросилъ ихъ и далѣе пошелъ пѣшкомъ, передніе подолы заткнулъ назади, а задніе подолы заткнулъ на бедрахъ и пошелъ пѣшкомъ; онъ шелъ и шелъ; едва, едва шелъ, сильно усталъ и проголодался и дошелъ до высокой горы Оргилъ-Ула, на которую едва поднялся, стоитъ на вершинѣ горы Оргилъ-Ула, смотритъ оттуда на всѣ стороны и видитъ въ большой пади Хатанъ стоятъ три бѣло-серебрянные дворца, вышиною до высокаго ночного неба, четыреугольные высокіе до денного неба; эти три дворца стоятъ и блестятъ; въ нихъ живутъ три

---

[1]) Бугоръ „добунъ“: Добуни долонъ ханъ.

Digitized by Google

прекрасныя жены Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Когда увидѣлъ эти дворцы Зодо-Шара-батаръ, онъ, стоя, сильно испугался; въ это время подъѣзжаетъ къ нему не мужчина, а чудовище; одинъ изъ прекрасныхъ батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, съ горы на гору перескакивая, пріѣхалъ; подъѣхавъ къ Зодо-Шара-батару, онъ оказался ужасно большимъ и сильнымъ, однимъ глазомъ смотритъ на небо, а другимъ глазомъ смотритъ на землю; онъ крикнулъ на Зодо-Шара-батара, стоя на лошади: «Изъ какихъ падей человѣкъ? питая вода гдѣ? и въ какой странѣ живешь?» Такъ онъ спрашивалъ.

Зодо-Шара-батаръ говоритъ: «Прямо изъ восточной стороны, въ срединѣ земли живущихъ восьми хановъ Ганга-Заданъ и семи чиновниковъ бугра, выбранный изъ ста человѣкъ; зовутъ меня Зодо-Шара-батаръ. Крайніе наши города проглатываетъ и передніе наши города беретъ въ ротъ Галъ-Дöлмöнъ-ханъ; меня послали восемь хановъ Ганга-Заданъ и семь чиновниковъ бугра къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану просить его помощи и покровительства».

Тогда этотъ батаръ говоритъ: «ну, поѣдемъ!» Они пріѣхали на вершину большой пади Хатанъ къ бѣло-серебрянному дворцу Алма-Моргонъ-хатаны, гдѣ былъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ. Когда пріѣхали къ бѣло-серебрянному дворцу, батаръ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана говоритъ: «Нашъ хозяинъ тутъ!»

Зодо-Шара-батаръ входитъ во дворъ, гдѣ стоятъ два прекрасные батара; они спрашиваютъ его: «Изъ какихъ ты странъ и откуда и куда ѣдешь?» Зодо-Шара-батаръ говоритъ свое дѣло; два прекрасные батара впустили его во дворецъ. Зодо-Шара-батаръ входитъ во дворецъ, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сидитъ на бѣло-серебрянномъ престолѣ; Зодо-Шара-батаръ кланяется Абай-Гэхэръ-Богдо-хану, стоя около двери. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ спрашиваетъ: «Откуда, изъ какихъ странъ и зачѣмъ сюда пріѣхалъ?»

Зодо-Шара-батаръ говоритъ: «Прямо изъ восточной стороны; въ срединѣ земли живущихъ восьми хановъ Ганга-Заданъ и семи чиновниковъ бугра выбранный изъ ста человѣкъ; зовутъ меня Зодо-Шара-батаръ; крайніе наши города проглатываетъ и передніе наши города беретъ въ ротъ Галъ-Дöлмöнъ-ханъ; меня послали восемь хановъ Ганга-Заданъ и семь чиновниковъ бугра просить вашей помощи и покровительства». Такъ говоря, онъ кланялся.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: «Я къ нему ѣхать войной не могу! Галъ-Дöлмöнъ-ханъ, если колоть, то безъ крови, если стрѣлять стрѣлою, то безъ жизни. Кромѣ того онъ имѣетъ тысячу три волшебства; а я имѣю только тринадцать волшебствъ». Такъ сказавъ, отпустилъ его. Потомъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ беретъ книгу «заяни шара хударъ» и читаетъ, сидя на бѣло-серебрянномъ престолѣ; въ этой книгѣ говорится, что онъ будетъ побѣжденъ Галъ-Дöлмöнъ-ханомъ, а въ другомъ мѣстѣ говорится, что онъ побѣдитъ Галъ-Дöлмöнъ-хана. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сильно удивился тому, что въ этой книгѣ написано: то что будетъ побѣжденъ, то что самъ побѣдитъ.

Зодо-Шара-батаръ вышелъ изъ дворца на дворъ, гдѣ его встрѣтили два батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, сынъ Бомборинъ-Саганъ-тэнгерина, Буда-Уланъ-батаръ и

Digitized by Google

Эржинъ-Шумаръ-батаръ, и спрашиваютъ его: «Что сказалъ хозяинъ нашъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ»? Зодо-Шара-батаръ говоритъ: «Гэхэръ-Богдо-ханъ сказалъ, что не можетъ ѣхать къ Галъ-Дöлмöнъ-хану войною». Эти два прекрасные батара сильно разсердились, входятъ во дворецъ и говорятъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану: «Мы спустились на землю съ тѣмъ, чтобы сѣверные тринадцать хановъ подчинились намъ; непобѣдимыхъ враговъ мы должны побѣдить и южные двадцать три хана должны подчиниться намъ; какъ ножикъ ядовитыхъ враговъ мы должны побѣдить; эти дни многи и годъ длиненъ; силу большого пальца гдѣ выкажемъ и силу плеча гдѣ попробуемъ? такое прекрасное веселье и препровожденіе времени зачѣмъ отказалъ?» Такъ говоря, держали рѣчь.

Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ этимъ двумъ прекраснымъ батарамъ говоритъ: «Приготовьтесь къ войнѣ!» Эти батары сильно обрадовались и выходятъ изъ дворца; они сказали и прочимъ батарамъ; всѣ они начали приготовляться: оторванное приставляли и разорванное зашивали. На другое утро тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана взяли все оружіе, сѣли на коней и выѣхали на чистое поле, и начали стрѣлять тамъ изъ лука стрѣлами, говоря: «У Галъ-Дöлмöнъ-хана такого-то батара такъ будемъ стрѣлять и убьемъ, и этого батара этакъ будемъ стрѣлять и убьемъ!» Такъ они, стрѣляя, скакали на лошадяхъ; отъ этого гора Ханъ-Ула звенѣла, въ большой пади Хатанъ раздавалось эхо, съ песчаной горы (Элхэтэ-Ула) поднялась пыль, гора Öлöстö-Ула тряслась и на морѣ Мöнхö поднялись волны. Дома сидящій Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, испугавшись, говоритъ: «Ко мнѣ такъ сидящему Галъ-Дöлмöнъ-ханъ пріѣхалъ съ войскомъ!» Скорѣе взявши оружіе, выходитъ на улицу, садится на темно-гнѣдого, величиною съ гору, коня и выѣзжаетъ. На подошвѣ горы Öлöстö-Ула промелькнулъ верхомъ на конѣ Эржинъ-Шумаръ-батаръ; Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, подумавъ, что Эржинъ-Шумаръ-батаръ увидѣлъ что нибудь, за нимъ поскакалъ на гору Öлöстö-Ула; когда онъ поднялся на гору, то видитъ, что Эржинъ-Шумаръ-батаръ стряхиваетъ землю съ зэн'а стрѣлы [1]).

Эржинъ-Шумаръ-батаръ отрывисто смѣется и рѣчисто говоритъ: «Хозяинъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, что дѣлаешь? ужели это твои умъ и мысли?» Такъ говоря, онъ спрашиваетъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-хану за свою ошибку стыдно стало. Онъ возвратился домой. Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ приказалъ въ продолженіи трехъ дней приготовиться къ дальнему пути; когда прошли три дня, Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ одѣлся, сверхъ одежды надѣлъ на себя всѣ три доспѣха и навѣсилъ на себя все нужное къ войнѣ оружіе; всѣ тридцать три батара точно такъ же приготовились къ поѣздкѣ; тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ выходитъ на улицу, садится на темно-гнѣдого, величиною съ гору, коня и ѣдетъ; тридцать три батара тоже поѣхали за Абай-Гэхэръ-Богдо-ханомъ. Они поѣхали прямо къ востоку; ѣхали, ѣхали и доѣхали до восьми хановъ Ганга-Заданъ и семи начальниковъ бугра, живущихъ въ срединѣ земли; пріѣхали и видятъ, что въ царствѣ восьми хановъ Ганга-Заданъ и семи начальниковъ бугра ничего не осталось; Галъ-Дöлмöнъ-

[1]) Зэнъ—косточка на концѣ стрѣлы.

Digitized by Google

ханъ окончилъ все; въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они жили, выросъ пырей до доски сѣдла, черный воронъ покрикиваетъ и желтая лисица понюхиваетъ.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ своимъ тридцати тремъ батарамъ: «Къ сѣренькому слѣду пріѣхали». Послѣ этого они поѣхали далѣе. Ѣхали, ѣхали и доѣхали до одной высокой горы, поднялись на вершину ея и смотрятъ на всѣ стороны, не видно-ли издали чего-нибудь. Вдали виднѣется царство Галъ-Дöлмö-хана на ровной мѣстности; дворцы его виднѣются и блестятъ издали; поближе сюда виднѣются его чубарые табуны, до тысячи головъ на одномъ лугу пасутся. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ посылаетъ двухъ своихъ быстрыхъ батаровъ пригнать табуны. Два быстрые батара спустились съ этой высокой горы, поѣхали къ табунамъ, и пригнали два или три табуна къ горѣ, но за ними погнались два батара Галъ-Дöлмö-хана; они догнали ихъ; тогда два быстрые батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана двухъ батаровъ Галъ-Дöлмö-хана сдернули съ коней, привязали къ сѣдламъ внизъ головой на правой сторонѣ коней и на коней крикнули: «Побѣгите къ воротамъ Галъ-Дöлмö-хана и станьте тамъ!» а сами табуны пригнали на вершину высокой горы. Они закололи пригнанныхъ лошадей и ѣли мясо ихъ. Эти два коня съ батарами, привязанными внизъ головою, прибѣжали къ воротамъ Галъ-Дöлмö-хана и остановились. Галъ-Дöлмö-ханъ выходитъ изъ дворца и видитъ своихъ двухъ батаровъ, привязанныхъ внизъ головою; онъ сильно разсердился на нихъ, взялъ ихъ съ сѣдла, оторвалъ имъ головы, бросилъ и сказалъ: «Безъ васъ буду жить!» Потомъ Галъ-Дöлмö-ханъ говоритъ: «Живущій на западной сторонѣ съ тринадцатью волшебствами Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ пріѣхалъ ко мнѣ воевать!» Послѣ этого Галъ-Дöлмö-ханъ, кончивъ приготовленія, поѣхалъ, взявъ съ собою сорокъ два батара; они поднялись на вершину высокой горы и подъѣхали къ Абай-Гэхэръ-Богдо-хану, поздорововались съ нимъ.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ и Галъ-Дöлмö-ханъ вырѣшили впередъ заставить воевать по два ихъ батара.

Два быстрые батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана говорятъ двумъ батарамъ Галъ-Дöлмö-хана: «Вы на своей землѣ, впередъ начинайте!» Такъ говоря, стояли. Тогда два батара Галъ-Дöлмö-хана говорятъ: «Сказанное правда и дума вѣрна!» Они отъѣхали; взявши лукъ и стрѣлы, выстрѣлили въ двухъ батаровъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; стрѣлы попали въ нихъ, но отскочили назадъ и упали на землю. Тогда два быстрые батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана говорятъ: «Теперь наша очередь стрѣлять въ васъ». Съ этими словами они взяли свои стрѣлы и луки и выстрѣлили въ двухъ батаровъ Галъ-Дöлмö-хана; стрѣлы ихъ попали въ двухъ батаровъ Галъ-Дöлмö-хана и разсѣкли ихъ пополамъ; эти два батара свалились на землю съ коней и умерли. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ Галъ-Дöлмö-хану: «Первая побѣда за нами!» Послѣ этого тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо хана начали воевать съ остальными сорока батарами Галъ-Дöлмö-хана. Тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана въ теченіи менѣе дня времени истребили всѣхъ сорокъ батаровъ Галъ-Дöлмö-хана. Тогда Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ Галъ-Дöлмö-хану: «Вторая побѣда за нами!»

Digitized by Google

Послѣ этого тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана начали воевать съ несмѣтно-многочисленными войсками Галъ-Дöлмö-хана, которымъ конца и краю не было видно; тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана въ одну сторону рубили саблями, одну сотню людей убивали; въ обѣ стороны рубили, двѣ сотни людей убивали; такимъ образомъ они сдѣлали костяные бугры изъ человѣческихъ костей и сдѣлали кровяное море изъ человѣческой крови; такъ продолжали воевать тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана.

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ и Галъ-Дöлмö-ханъ вдвоемъ другъ у друга спрашиваютъ: «Какъ намъ воевать, силою-ли большого пальца или силою плеча?» и вырѣшили воевать силою плеча и попробовать силы. Такъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Галъ-Дöлмö-ханомъ начали воевать силою плеча; они боролись другъ съ другомъ въ продолженіи трехъ сутокъ, но никто никого не могъ побѣдить; впередъ упираясь ногами, дѣлали красную гору и назадъ упираясь ногами, дѣлали большія горы; продолжали воевать шесть сутокъ, никто никого не могъ побѣдить; если ихъ сбросить къ верблюду, равнымъ равно воевали, а если сбросить къ лошади, то дѣйствительно равно воевали; еще продолжали воевать девять сутокъ; послѣ девяти сутокъ Галъ-Дöлмö-ханъ началъ побѣждать своего противника Абай-Гэхэръ-Богдо-хана; онъ притягивалъ его впередъ, нагибалъ, какъ сырое дерево гнулъ, и отталкивалъ назадъ, какъ сухое дерево ломалъ; у Абай-Гэхэръ-Богдо-хана всѣ тринадцать волшебствъ кончились, а у Галъ-Дöлмö-хана только что начинаютъ тысяча три волшебства кипѣть и онъ дѣлается сильнѣе прежняго. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ началъ кричать, какъ козелъ и плакать, какъ маленькая козуля.

Тридцать три батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана на голову истребили все многочисленное войско Галъ-Дöлмö-хана; послѣ этого тридцать два батара поѣхали къ дворцу Галъ-Дöлмö-хана, а Эржинъ-Шумаръ-батаръ поднялся на высокую гору, на которой воевали Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Галъ-Дöлмö-ханомъ. Онъ былъ весь въ крови, сѣдло его сдѣлалось краснымъ отъ крови и бѣлая лошадь его сдѣлалась отъ крови рыжею; когда Эржинъ-Шумаръ-батаръ подъѣхалъ къ борющимся, то видитъ, что хозяинъ его Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ совсѣмъ обезсилѣлъ, кричитъ, какъ козелъ и плачетъ, какъ маленькая козуля. Эржинъ-Шумаръ-батаръ соскочилъ съ коня, подбѣжалъ съ одной стороны и ничего не можетъ помочь; подбѣжалъ съ другой стороны, тоже ничего не можетъ помочь; когда ничего не могъ сдѣлать, то началъ звать на помощь, громко крича: «Творившіе насъ творцы наши! создавшіе насъ, создатели наши, западные тэнгэрины, пятьдесятъ пять тэнгэриновъ, старшій и большой тэнгэри, Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри, отецъ нашъ, выручи! бабушка Манзанъ-Гöрмö наша, выручи» [1])! Такъ звалъ и кричалъ Эржинъ-Шумаръ-батаръ. Этотъ крикъ и зовъ Эржинъ-Шумаръ-батара услышали западный Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и бабушка Манзанъ-Гöрмö. Послѣ этого Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэри и бабушка Манзанъ-Гöрмö поскорѣе на землю послали старшаго брата Хабата-Хасаръ-Моргона на выручку Абай-Гэхэръ-Богдо-хана. Хабата-Хасаръ-Моргонъ поскорѣе спустился

[1]) Другіе говорятъ, что это призываніе дѣлалъ самъ Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ.

Digitized by Google

съ неба на землю; остановившись между землею и небомъ, онъ беретъ книгу «заяншара-хударъ» и читаетъ ее; въ этой книгѣ пишется, что до смерти Абай-Гэхэръ-Богдо-хана осталось только три часа; когда эти три часа пройдутъ, то онъ умретъ. Хабата-Хасаръ-Моргонъ читаетъ далѣе, гдѣ находится душа Галъ-Дöлмö-хана. Въ этой книгѣ пишется, что душа Галъ-Дöлмö-хана находится на спинѣ въ самомъ большомъ бѣломъ глазу, который находится въ самой серединѣ между десятью тысячами глазъ.

Тогда Хабата-Хасаръ-Моргонъ беретъ свою стрѣлу и лукъ; стрѣлу прикладываетъ къ луку и натягиваетъ лукъ, въ это время говоритъ: «У Галъ-Дöлмö-хана въ самый средній бѣлый глазъ попади и совсѣмъ выколи съ душою!» Такъ сказавъ, онъ выстрѣлилъ; стрѣла полетѣла внизъ на землю со свистомъ и пѣніемъ, отъ чего высокое небо тряслось и земля дрожала. Галъ-Дöлмö-ханъ большимъ знаніемъ узналъ и разумомъ уразумѣлъ; тогда, бросивъ Абай-Гэхэръ-Богдо-хана, убѣжалъ по направленію къ горѣ Хиралжинъ; если Галъ-Дöлмö-ханъ убѣжитъ за гору Хиралжинъ, то бываетъ ни кѣмъ непобѣдимъ и безсмертенъ. Галъ-Дöлмö-ханъ еще не добѣжалъ до горы Хиралжинъ, а стрѣла Хабата-Хасаръ-Моргона догнала его и попала въ самый средній бѣлый глазъ, проколола его и вылетѣла насквозь.

Тогда Галъ-Дöлмö-ханъ падаетъ на землю распростертый и умираетъ; мизинецъ одной руки попалъ за гору Хиралжинъ; остался живымъ и шевелится. Хабата-Хасаръ-Моргонъ говоритъ: «Непобѣдимаго врага побѣдилъ и годовалаго жеребенка закололъ». Послѣ этого Хабата-Хасаръ-Моргонъ спустился на землю и Абай-Гэхэръ-Богдо-хана большимъ пальцемъ вылѣчилъ и указательнымъ пальцемъ уврачевалъ; привелъ въ прежнее состояніе и тѣло. Потомъ Хабата-Хасаръ-Моргонъ говоритъ: «Я, небесный человѣкъ, поднимусь на небо, а вы земные люди оставайтесь на землѣ счастливо». Съ этими словами онъ поднялся на небо.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ съ Эржинъ-Шумаръ-батаромъ пріѣхали на то мѣсто, гдѣ умеръ Галъ-Дöлмö-ханъ. Тѣло Галъ-Дöлмö-хана сожгли на кострѣ; оставшійся пепелъ березовою лопатою бросили къ сѣверу по южному вѣтру и осиновою лопатою бросили къ югу по сѣверному вѣтру. Потомъ пріѣхали къ дворцу Галъ-Дöлмö-хана, входятъ во дворецъ; тамъ 32 батара Абай-Гэхэръ-Богдо-хана ссорятся между собою изъ-за жены Галъ-Дöлмö-хана; каждому изъ нихъ хочется на ней жениться. Жена Галъ-Дöлмö-хана, Наринъ-Гохонъ-хатанъ, была необыкновенно красивая. Она ходила тихо-плавно, отъ чего выростали тоненькія травы; а гибко плавно ходила, овцы и ягняты кричали. Она угощала ихъ [1]), въ это время говорила: «Непобѣдимаго врага моего побѣдили и неумертвимаго умертвили!» Такъ говоря, она сильно радовалась.

Въ это время у Абай-Гэхэръ-Богдо-хана лѣвое бедро давящая, въ крови недѣлающаяся мягкою и, рубить не тупящаяся изъ чистой стали сабля сама выскочила изъ ноженъ и воткнулась въ землю острымъ концомъ на далекомъ разстояніи. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ ѣдетъ, беретъ свою саблю и думаетъ, что такое узнала моя сабля,

[1]) Т. е. Гэсэра и его батаровъ. *Г. П.*

Digitized by Google

что выскочила изъ ноженъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ жену Галъ-Дöлмö-хана, Наринъ-Гохонъ-хатану, съ головы до ногъ разсѣкъ пополамъ; тогда Наринъ-Гохонъ-хатана упала на обѣ стороны разсѣченная; изнутри ея выходитъ семимѣсячный мальчикъ и мѣдно серебрянную стрѣлу третъ подпилкомъ, а стрѣла звенитъ. Въ это время онъ говоритъ: «Послѣ семи мѣсяцевъ пріѣхавшій Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ погибни (кончайся)! трехъ мѣсяцевъ не докончившій отецъ и мать погибни (кончайся)!» Такъ говоря, сидѣлъ семимѣсячный мальчикъ и продолжалъ дѣлать стрѣлу свою. Тогда его начали рубить саблями, но сабли его не брали; начали стрѣлять въ него стрѣлами, но и стрѣлы его тоже не брали его; мальчикъ сидѣлъ и звенѣлъ. Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ сдѣлалъ желѣзный анбаръ, посадилъ въ него этого семимѣсячнаго ребенка и призвалъ четырехъ кузнецовъ; эти кузнецы съ четырехъ сторонъ начали дуть мѣхами на желѣзный анбаръ. Желѣзный анбаръ началъ калиться съ четырехъ сторонъ и совсѣмъ накалился до красна. Тогда этотъ семимѣсячный мальчикъ говоритъ: «Ай, мозгъ побери! здѣсь тепло и прохладно сидѣть, какъ въ золотой утробѣ матери! пусть Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ, такъ стоя, окончитъ три мои мѣсяца». Такъ говоря, сидѣлъ и продолжалъ дѣлать свою стрѣлу. Тогда пуще прежняго начали калить и дуть на желѣзный анбаръ; желѣзо перекалилось, начало расплавляться и потекло на всѣ стороны; тогда только этотъ мальчикъ раскалился до красна и началъ таять; растаявши, обратился въ свинецъ и ушелъ въ землю.

Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ говоритъ: «Непобѣдимаго врага побѣдили и годовалаго жеребенка закололи»!

Послѣ этого Абай-Гэхэръ-Богдо-ханъ всѣхъ подданныхъ и разный скотъ Галъ-Дöлмö-хана взялъ съ собой и пріѣхалъ домой съ своими тридцатью тремя батарами; по пріѣздѣ домой устроили большой пиръ, продолжавшійся девять дней и девять ночей и на десятый день едва, едва разошлись по домамъ.

Они живутъ счастливо, наслаждаясь счастіемъ [1]).

Я помѣстилъ здѣсь свои записи тангутской версіи Гэсэра, слышанныя мною въ Амдо и запись бурятской версіи, сдѣланную г. Хангаловымъ въ Балаганскомъ округѣ Иркутской губерніи. Жители Амдо, тангуты, какъ мнѣ передавали, поютъ Гэсэра на свадьбахъ, подъ акомпаниментъ струннаго инструмента. Старикъ Ами-Салунъ, отъ котораго записана моя первая тангутская версія, тоже нѣкоторыя мѣста пѣлъ. Кажется, часть его излагается всегда прозой и поются только нѣкоторые отрывки. Ами-Салунъ передавалъ сказку по тангутски, лама Сэрэнъ пересказывалъ ее мнѣ помонгольски.

Кромѣ тангутской версіи, я слышалъ также одну передачу монгольскую и одну олётскую (съ оз. Хухунора). Монгольскаго Гэсэра разсказывалъ мнѣ Пунцукъ, родомъ изъ Ордоса (хошуна Ушинъ); онъ былъ грамотный, читывалъ Гэсэра по печатанному экземпляру. Разсказъ его почти не отличался отъ того Гэсэра, котораго перевелъ Шмидтъ. Отмѣчу только слѣдующее. Кузнецъ, который получилъ роковое порученіе идти посломъ къ Гэсэру, у Пунцука титуловался: саба угэй саргылъ сабдыкъ хўцзюгуръ тарханъ. Конь, который спустился къ Гэсэру съ неба и на ко-

[1]) Обыкновенно буряты, доканчивая сказку, говорятъ: «ан хужи ашта бурханда тушибэ»!

Digitized by Google

торомъ онъ совершаетъ свои дѣла, у Пунцука назывался: Билигинъ гэрь мори; у Шмидта magisches braunes Pferd; гэрь значитъ гнѣдой, а не бурый; бурый по монгольски курюнъ. У Радлова (Proben, I, 427) въ отрывкѣ, записанномъ у сойотовъ на р. Караколѣ, въ китайскихъ предѣлахъ, спускающійся съ неба конь героя Пагай-Джуру (т. е. Гэсэра) названъ Piliging chăr das Pferd. Въ алтайскихъ сказаніяхъ упоминается Тюрунъ-Музыкай-бурканъ; онъ убилъ морское чудовище Андалма, которое можетъ быть то же, что бурятское Галъ-Дöлмö-ханъ, которое было убито Гэсэромъ. Эпитетъ Тюрунъ-музыкая: Бильгыйинъ-кере-атту, т. е. «съ лошадью Бильгыйинъ-кере»; см. Вербицкаго: «О происхожденіи Эрлика» въ Томск. губ. вѣдом., 1859 г., № 14, стр. 116. Вмѣсто клятвы въ Шмидтовскомъ варіантѣ Гэсэръ заставляетъ побѣжденныхъ имъ лизать кровь, выступающую изъ укола, который онъ дѣлаетъ на своемъ мизинцѣ; у Пунцука клянущіеся лижутъ саблю Гэсэра (ср. съ клятвой посредствомъ лизанія стрѣлы; см. Фишеръ, Сибирск. Истор., 421; Галстунскій, Ойратскіе законы, 143). Вмѣсто Рогмо-гоа (Rogmo Goa) Пунцукъ произноситъ Ругъ-могой.

Хухунорскіе олеты и ёгуры около Ганьчжоу и Су-чжоу разсказываютъ Гэсэра въ тангутской редакціи. Въ Гумбумѣ я слышалъ Гэсэра отъ одной олётки. Разсказъ ея отъ тибетскаго отличался только въ мелочахъ. Вмѣсто Рдуря она ставила двѣнадцатиголоваго (арбанъ хоиръ тологойтой) Аттыръ-Хара-Мууса. По ея разсказу, Гэсэръ, вернувъ жену отъ Аттыра, не ослѣпъ а вѣки его разрослись и спустились на глаза. Когда они въ степи заголодали, Гэсэрова жена должна была деревянными столбами подпирать вѣки, пока онъ натягивалъ лукъ, чтобъ убить дзöрь (козулю).

Кромѣ записей, лично мною сдѣланныхъ въ видѣ конспектовъ, я пріобрѣлъ въ Амдо тибетскую рукопись, содержащую сказаніе о Гэсэрѣ. Зимуя въ Сань-чуани, я принялся хлопотать чтобъ для меня былъ переписанъ тибетскій Гэсэръ, но эти хлопоты не удались; только въ концѣ зимы мнѣ предложили старую готовую рукопись; я купилъ ее, но такъ какъ въ ней недоставало нѣсколькихъ листовъ, то былъ нанятъ лама дополнить ее. Хотя недостающіе листы были написаны, но не всѣ. Рукопись эта пріобрѣтена въ тангутскомъ монастырѣ Гонгрча, лежащемъ въ долинѣ Итель-голъ къ з. отъ Сань-чуани. Она передана мною въ Имнер. Публичную библіотеку въ Петербургѣ. Этотъ экземпляръ Гэсэра, если не ошибаюсь, второй въ Европѣ. Первый былъ вывезенъ въ Европу г. Шлагинтвейтомъ, но тоже не полный. Покойный академикъ Шифнеръ хлопоталъ о пріобрѣтеніи Гэсэра для нашей Академіи Наукъ; съ этою цѣлью онъ переписывался съ Яшке, выселившимся вмѣстѣ съ другими меннонитами изъ нашей Новороссіи въ Кашмиръ изучившимъ тибетскій языкъ и составившимъ тибетскій словарь; долго хлопоты Яшке не имѣли ни какого результата, но наконецъ ему удалось найдти и купить рукопись у тангутскаго монаха вѣры бонбо. Рукопись была отправлена въ Петербургъ, но Шифнеръ ее не получилъ; она затерялась въ дорогѣ. Переписка между Шифнеромъ и Яшке напечатана въ Bulletin'ѣ Академіи Наукъ; нашлась ли рукопись, мнѣ неизвѣстно.

Г. Хангаловъ къ своей рукописи присоединилъ вступленіе, которое помѣщается ниже:

У балаганскихъ бурятъ съ незапамятныхъ временъ устно передается изъ поколѣнія въ поколѣніе сказка объ Абай-Гэхэръ-богдо-ханѣ. Обыкновенно буряты называютъ эту сказку «Гэхэръ-ханъ» или «Богдо-Гэхэръ-ханъ», но большею частію говорятъ «Абай-Гэхэри тужи» (исторія Абай-Гэхэра), иногда говорятъ «Абай-Гэхэръ-хани тужи»; а полное названіе будетъ «Абай Гэхэръ-богдо-ханъ». Сказка «Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ» между другими бурятскими сказками занимаетъ первое мѣсто; знающіе ее бурятскіе разсказчики пользуются между бурятами почетомъ. При всякомъ удобномъ случаѣ буряты въ зимнія долгія ночи стараются послушать или сказку про Абай-Гэхэръ-богдо-хана, или же другую какую нибудь. Бурятскій разсказчикъ разсказываетъ, а все семейство бурятъ и собравшіеся сосѣди слушаютъ сказку съ большимъ вниманіемъ. Сказки у бурятъ говорятся нараспѣвъ съ рифмами; кто не можетъ пѣть, тотъ говоритъ словами безъ пѣнія. До чего достигаетъ уваженіе бурятъ къ разсказчикамъ сказокъ, можно видѣть изъ народной поговорки: онтхоши хунъ олбокъ пудушка дэрэ; души хунъ, дубунъ дэрэ, «говорящій сказки человѣкъ (разсказчикъ) на перинѣ и подушкѣ, а поющій (пѣвецъ человѣкъ) на бугрѣ». Буряты говорятъ, что въ «твердые годы» (тяжелые годы) хату жилдэ, въ тѣ годы, когда свирѣпствуютъ болѣзни, разсказывать сказку про Абай-Гэхэръ-богдо-хана считаютъ очень полезнымъ, потому что нечистые духи, насылающіе на людей разныя болѣзни, будто бы боятся сказки объ Абай-Гэхэръ-богдо-ханѣ. Иногда буряту, ѣдущему въ темную ночь по безлюдной степи, становится жутко; тогда онъ начинаетъ, для отогнанія нечистыхъ духовъ, на распѣвъ мурлыкать

Digitized by Google

сказку про Абай-Гэхэръ-богдо-хана. Если, собираясь въ дальній путь, придется слушать сказку про Абай-Гэхэръ-богдо-хана, это считается хорошимъ признакомъ; дорога будетъ благополучная и дѣла будутъ успѣшны. Въ прежнія времена зимнія долгія ночи часто проводили за слушаніемъ сказокъ, что составляло развлеченіе бурятъ; нынѣ сказки оставлены; вмѣсто нихъ появились другіе роды препровожденія времени, карты, пьянство и пустое балагурство.

По словамъ бурятъ, если хорошій разсказчикъ говоритъ сказку про Абай-Гэхэръ-богдо-хана, то онъ кончаетъ ее въ 9 дней и ночей, т. е. въ 9 сутокъ. Если разсказчикъ не пропуститъ ничего, то въ награду ему спускается съ неба верховая лошадь въ полной сбруѣ для верховой ѣзды; передаютъ, что какъ-то разъ одинъ бурятъ разсказывалъ сказку про Абай-Гэхэръ-богдо-хана въ продолженіи 9 сутокъ; въ концѣ сказки съ неба спустился уже верховой конь въ полной сбруѣ для верховой ѣзды, но къ несчастію разсказчикъ пропустилъ сказать, что Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ на пень дерева положилъ верховой кнутъ; какой-то невидимый человѣкъ сказалъ тогда: «хорошо сказана сказка, но только пропущенъ верховой кнутъ, положенный Абай-Гэхэръ-богдо-ханомъ на пень дерева». Тотчасъ же конь, спустившійся съ неба, поднялся обратно вверхъ.

Буряты говорятъ, что сказка про Абай-Гэхэръ-богдо-хана имѣетъ девять вѣтвей (ехонъ хала). 1 вѣтвь: борьба западныхъ и восточныхъ тэнгэриновъ, побѣда западнаго тэнгэри, сошествіе на землю Абай-Гэхэръ-богдо-хана, рожденіе его на землѣ, малолѣтство его на землѣ и женитьба его на Тӧмӧнъ-Жарголанъ-хатанъ и на Урма-Гохонъ-хатанъ. 2 вѣтвь: охота на звѣрей и женитьба на Алма-Моргонъ-хатанъ. 3 вѣтвь: лѣсной пестрый левъ Окторъ. 4 вѣтвь: китайскій ханъ Гумэнъ. 5 вѣтвь: Лобсогой, который черезъ обманъ и хитрость обратилъ Абай-Гэхэръ-богдо-хана въ осла; освобожденіе его Алма-Моргонъ-хатаною отъ Лобсогоя. 6 вѣтвь: козни завистливаго дяди Хара-Сута-ноёна, болѣзнь Абай-Гэхэръ-богдо-хана, выздоровленіе, поѣздка Абай-Гэхэръ-богдо-хана къ пятнадцатиголовому Абарга-Сэсэнъ-Мангатхаю, и убіеніе послѣдняго. 7 вѣтвь: возвращеніе Абай-Гэхэръ-богдо-хана изъ страны Мангатхая домой; поѣздка за Алма-Моргонъ-хатаною, воскресеніе тридцати трехъ батаровъ, поѣздка къ тремъ царямъ Шарабуловымъ, война, побѣда и возвращеніе. 8 вѣтвь: война съ Галъ-Дӧлмӧ-ханомъ и 9 вѣтвь: будто бы послѣдняя война съ Лобсогоемъ и побѣда надъ нимъ; эту послѣднюю вѣтвь, разсказъ о войнѣ Абай-Гэхэръ-богдо-хана съ Лобсогоемъ, мой разсказчикъ Пѣтковъ-Тушимиловъ не знаетъ. Другіе же буряты говорятъ, что все выше перечисленное только три вѣтви, слѣдовательно тутъ еще шести не достаетъ; вообще говорятъ очень разно; остальныя вѣтви будто бы состоятъ изъ разсказовъ о богатыряхъ и ханахъ, которые въ то время жили на землѣ. Обыкновенно разсказчикъ, сказавъ какую нибудь болѣе или менѣе длинную сказку объ одномъ такомъ богатырѣ, прибавитъ, что эта сказка есть одна изъ вѣтвей «Абай-Гэхэръ-богдо-хана»; такимъ образомъ вѣтвей у «Абай-Гэхэръ-богдо-хана» будетъ не девять, а десятки и сотни, если собрать все. Нѣкоторые буряты говорятъ, что девять вѣтвей «Абай-Гэхэръ-богдо-хана» произошли слѣдующимъ образомъ: сперва началъ воевать одинъ какой-то батаръ или ханъ съ Мангатхаемъ. Этотъ сказочный богатырь или ханъ началъ побѣждать своего противника Мангатхая; послѣдній будто бы началъ звать своего покровителя Лобсогоя и Лобсогой, на зовъ Мангатхая, пріѣхалъ; обратившись въ большого сѣраго волка, онъ началъ гнать богатыря или батара, побѣдившаго Мангатхая, вокругъ одной высокой горы; тогда батаръ или ханъ въ свою очередь зоветъ своего покровителя, другого болѣе сильнаго батара, который, пріѣхавъ, обращаетъ своего любимца въ шагай (кость бабку), и, положивъ, въ карманъ, самъ начинаетъ воевать съ большимъ сѣрымъ волкомъ; но онъ не можетъ побѣдить и наконецъ обращается въ бѣгство, начинаетъ скакать вокругъ горы, какъ и первый батаръ, а волкъ гонится за нимъ; въ это время второй батаръ начинаетъ звать на помощь третьяго батара или хана, тотъ тоже пріѣзжаетъ; также обративъ предъидущаго батара въ шагай и положилъ его въ карманъ, онъ воюетъ съ большимъ сѣрымъ волкомъ, но волкъ начинаетъ побѣждать и этого вновь пріѣхавшаго батара. Этотъ послѣдній тоже начинаетъ скакать вокругъ горы, а волкъ гоняться за нимъ. Тогда этотъ батаръ начинаетъ звать новаго батара или хана посильнѣе себя на помощь; новый батаръ или ханъ тоже пріѣзжаетъ, но съ нимъ происходитъ то же самое, что и съ первыми; такимъ образомъ эти батары и ханы звали другъ друга на помощь и наконецъ послѣдній девятый батаръ или ханъ вступаетъ въ битву, но и онъ оказывается слабосильнымъ въ борьбѣ съ большимъ сѣрымъ волкомъ; онъ также начинаетъ звать себѣ на помощь другого батара, но на этотъ разъ призывается уже самъ Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ. Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ пріѣхалъ на зовъ, звавшаго на помощь батара обратилъ въ шагай, положилъ его въ карманъ, и поскакалъ во

Digitized by Google

кругъ горы. Потомъ Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ, поймавъ большого сѣраго волка за уши, бросилъ его на землю; волкъ опять сдѣлался Лобсогоемъ. Абай Гэхэръ-богдо-ханъ съ Лобсогоемъ начали воевать. Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ, побѣдивъ Лобсогоя, вынулъ изъ кармана шагай и бросилъ на землю; шагай вновь обратился въ богатыря; этотъ богатырь въ свою очередь изъ своего кармана вынулъ шагай и бросилъ, и другой богатырь принялъ свой настоящій видъ. Такимъ образомъ всѣ девять шагаевъ были обращены вновь въ богатырей.

По словамъ бурятъ, Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ побѣдилъ Лобсогоя, но никакъ не могъ убить его. Одни говорятъ, что Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ бросилъ Лобсогоя въ каменный тама, изъ камня сдѣлалъ большого батара, далъ ему большой желѣзный молотъ, и наказалъ, когда Лобсогой покажется изъ тама, бить его по головѣ; другіе буряты говорятъ, будто бы Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ бросилъ Лобсогоя въ глубокую яму, на отверстіе ямы поставилъ двухъ своихъ батаровъ съ большими желѣзными молотами; когда Лобсогой показывается изъ ямы, то два батара Абай-Гэхэръ-богдо-хана бьютъ по головѣ Лобсогоя желѣзными молотами; тогда Лобсогой опять падаетъ въ яму; отъ этого происходитъ землетрясеніе и глухой гулъ подъ землей. Нѣкоторые буряты говорятъ, что будто Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ, съ помощію своихъ тринадцати волшебствъ, сдѣлалъ нѣсколько маленькихъ мальчиковъ (число мальчиковъ неизвѣстно), которые изъ лука стрѣлами постоянно стрѣляютъ въ Лобсогоя, когда онъ показывается изъ ямы; такимъ образомъ они обезсиливаютъ Лобсогоя и онъ обратно уходитъ въ яму, т. е. падаетъ. Еще варіантъ: говорятъ, что Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ побѣдилъ Лобсогоя, но не могъ убить и вслѣдствіе этого придавилъ его тремя горами, а потомъ, чтобы Лобсогой не свалилъ съ себя эти три горы и не вышелъ изъ подъ нихъ, эти три горы съ Лобсогоемъ воткнулъ въ землю, т. е. пригвоздилъ своимъ копьемъ, отчего Лобсогой не можетъ выйти изъ подъ этихъ горъ. Къ этому разсказу нѣкоторые прибавляютъ, что Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ создалъ одного сильнаго батара, который будто бы приколачиваетъ копье въ землю желѣзнымъ молотомъ. Варіанты разсказовъ о Абай-Гэхэръ-богдо-ханѣ неисчерпаемы. По словамъ бурятъ, когда кончится міръ и будетъ галабъ, Лобсогой опять встанетъ и будетъ воевать съ Абай-Гэхэръ-богдо-ханомъ; на этотъ разъ Лобсогой побѣдитъ Абай-Гэхэръ-богдо-хана.

Буряты говорятъ и спорятъ убѣжденно, что въ прежнее время Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ дѣйствительно жилъ на землѣ; въ подтвержденіе этого указываютъ на слѣды его земной жизни Когда Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ воевалъ съ Лобсогоемъ и стрѣлялъ въ него стрѣлами, будто бы одна стрѣла Абай-Гэхэръ-богдо-хана попала въ гору Ехонъ-Тӧрӧнъ и разсѣкла ее; это мѣсто буряты обыкновенно называютъ Тӧрӧни аманъ или Тӧрӧни хӧтӧлъ (ротъ Тӧрӧна или проходъ Тӧрӧна). Когда Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ поднялъ стрѣлу съ земли и стряхнулъ съ нея землю, то земля, упавшая изъ косточки стрѣлы (зэнъ) образовала гору Оксогоръ. Въ Бильширскомъ инородческомъ вѣдомствѣ тоже есть двѣ горы, будто бы прострѣленныя Абай-Гэхэръ-богдо-ханомъ, который, по словамъ бурятъ, выстрѣлилъ съ южной стороны; первая прострѣленная гора называется Мухуръ-Уланъ (или Хара-хушунъ), а вторая Удактай; когда Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ прострѣлилъ стрѣлою эти двѣ горы, то образовались проходы (хӧтӧлъ) и изъ вынутой стрѣлою изъ этихъ горъ земли образовалась новая гора въ Улейскомъ инородческомъ вѣдомствѣ, тоже подъ названіемъ Оксогоръ.

Кромѣ того буряты говорятъ, что Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ, сваливши Лобсогоя на землю и взявши его за ноги, волокъ по землѣ; вслѣдствіе этого образовалось одиннадцать падей; самая средняя падь большая, по краямъ по пяти небольшихъ падей. Средняя большая падь образовалась отъ тѣла Лобсогоя, а по краямъ по пяти небольшихъ падей образовались отъ пальцевъ Лобсогоя; будто бы своими пальцами Лобсогой выбороздилъ землю.

Въ Тункѣ есть остатки отъ сожженнаго дворца Галъ-Дӧлмӧ-хана; тутъ Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ съ помощію девяти небесныхъ кузнецовъ (тэнгэрни ехонъ дархадъ) раскаливалъ сына Галъ-Дӧлмӧ-хана, отчего дворецъ Галъ-Дӧлмӧ-хана расплавился и образовалась груда камней и желѣзныхъ шлаковъ [1]). Буряты говорятъ, что Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ жилъ въ теплой странѣ (дуланъ газаръ) Тибетъ, а Галъ-Дӧлмӧ-ханъ и Лобсогой жили на этихъ мѣстахъ, т. е. въ Иркутской губерніи.

Бурятская сказка Абай-Гэхэръ-богдо-ханъ мною записана со словъ разсказчиковъ Пѣткова Тушимилова и моего отца Николая Хангалова; разсказывая, они оговаривались, что давно не

[1]) Вѣроятно тункинскіе базальты. *Г. П.*

Digitized by Google

говорили эту сказку; отъ другихъ бурятъ, напримѣръ отъ Онгой Чушкинова, Хабхуная и прочихъ, я воспользовался только отрывочными дополненіями и именами дѣйствующихъ лицъ.

М. Хангаловъ.

Нѣкоторыя черты Гэсэра сходны съ халхаскимъ сказаніемъ объ Абутаѣ или Абутай-сайнъ-ханѣ (Очерки сѣв. зап. Монг. IV, 332—341).

1) На Абутая Далай-лама высылаетъ собакъ.—На Гэсэра Чотонъ высылаетъ собакъ.

2) Абутай саблей раскрываетъ парныя чашки, въ которыя спрятался Далай-лама.—Гэсэръ вскрываетъ тулунъ, въ которомъ скрывается Аку-Чотонъ.

3) Абутай прячетъ помогающую ему женщину въ яму. Гаданье даетъ извращенныя показанія объ обстановкѣ сидящаго въ ямѣ.—Жена прячетъ Гэсэра въ яму. Гаданье даетъ извращенныя показанія.

4) Абутай добываетъ Дзу-Эрдени.—Гэсэръ похищаетъ у матери эрдени.

5) Остановленное движеніе на перевалѣ; отсѣченіе зада у статуи бога.—Задержанное движеніе на перевалѣ (стр. 13, 42); отсѣченіе ворота у шубы (стр. 43).

Гэсэру соотвѣтствуетъ въ халхаскомъ сказаніи Абутай, Чотону—Далай-лама. Судя по эпизоду на перевалѣ, часть былины о Гэсэрѣ была первоначально разсказомъ о добываніи «драгоцѣнности» (эрдени), приносящей благосостояніе. Пріостановленное движеніе встрѣчается въ сказаніяхъ о Колду-бурханѣ (конь по колѣна вязнетъ въ землю; Оч., IV, 424), о живомъ богѣ (ibid., 333, 335, 339, 340), о Джу-рембучи (см. ниже № 27), о Шантиварманѣ и Авалокитешварѣ (Васильевъ, Буддизмъ, III, Дараната, стр. 147 и 160), о Бормѣ-ярыжкѣ (Садовниковъ, Сказки и преданія Самарск. края, 26), о шаманѣ Уріерѣ (Этн. Сборн., IV, 298), о хотанской статуѣ (Abel Remusat, Hist. de la ville de Khotan, Paris, 1820, p. 45), о Чингисовой погребальной колесницѣ (Санангъ-Сэцэнъ, Gesch. d. Ost. Mong., 107; Алтанъ Тобчи, стр. 146; см. также ниже, № 55), о тріумфальной колесницѣ Урджянъ-рембучи (№ 36); о трупѣ Батираза (Сборн. свѣд. о кавказск. горцахъ, в. V, стр. 27—35). Ср. также Оч., IV, 804, 883.

Къ нѣкоторымъ изъ этихъ сказаній привязано начало культа, прибытіе въ край божественнаго изображенія и построеніе перваго монастыря.

Разсказъ Даранаты о поѣздкѣ Шантивармана за богомъ Авалокитешварой переданъ такимъ образомъ: Царь Шубасара увидѣлъ во снѣ, что если онъ пошлетъ упасаку Шантивармана, отшельничествующаго въ горахъ Пундавардань, въ Поталу съ приглашеніемъ Авалокитешвары и если богъ придетъ, то моръ отъ дракона прекратится и наступитъ благоденствіе. Шантиварманъ получаетъ отъ царя письмо къ богу и ожерелье или четки въ подарокъ и отправляется въ Поталу. Прежде въ Поталу былъ подземный ходъ, по которому Шантиварманъ и прошелъ. Въ настоящее время это мѣсто занято моремъ и путь прекратился (не отступало ли море только на то время, пока проходилъ Шантиварманъ?). На пути Шантиварманъ встрѣчаетъ препятствія, но преодолѣваетъ ихъ вслѣдствіе молитвъ богинямъ Тарѣ и Брикурти. Наконецъ онъ достигаетъ горы Поталы и видитъ храмъ. Тутъ онъ живетъ цѣлый мѣсяцъ, проводя время въ молитвѣ. Наконецъ является какая-то женщина и проводитъ его черезъ многочисленныя залы храма. Въ концѣ храма онъ видитъ пять боговъ, передаетъ четки [1]) и письмо царя и приглашаетъ ихъ придти на Джампудвину. Богъ Авалокитешвара даетъ ему пана, т. е. денегъ и говоритъ, что съ ними онъ можетъ возвратиться домой и гдѣ деньги выйдутъ, тамъ богъ и явится. Пошелъ упасака домой, но увидѣвъ горы Пундувардань, такъ обрадовался, что не поберегъ денегъ и издержалъ ихъ тутъ всѣ. Авалокитешвара или пять боговъ явились ему на деревѣ, подъ которымъ онъ спалъ, но не пошелъ далѣе въ глубь страны. На мѣстѣ появленія бога Шантиварманъ построилъ храмъ Касарпана. Это слово, говоритъ Дараната, переводятъ двояко: 1) ходящій по воздуху и 2) деньги, издержанныя на пищу. Халхаское сказаніе объ Абутаѣ, намъ кажется, есть варіантъ сказанія о Шантиварманѣ и та же тема введена и въ повѣсть о Гэсэрѣ.

Сходныя черты въ Гэсэрѣ съ сказаніями о Чингисѣ или Темучинѣ:

1) Угонъ лошадей (Алтанъ Тобчи, 128; Санангъ-Сэцэнъ, 69).

2) Проживаніе послѣ похода въ полѣ съ женщиной и забвеніе оставленной дома жены (Алтанъ Тобчи, 135; Санангъ-Сэцэнъ, 77).

---

[1]) Четки фигурируютъ также въ сказаніяхъ объ Абатаѣ (Оч., IV, 334).

Digitized by Google

3) По народнымъ разсказамъ Чингисъ сынъ Хормусты; Гэсэръ также сынъ Хормусты (въ бурятск. Ханъ-Тэрмаса).

Эти эпизоды, можетъ быть, указываютъ на то, что въ древности Чингисъ и Гэсэръ были синонимы, что существовали сказанія, въ которыхъ употреблялось парное Чингисъ-Гэсэръ, которое и теперь еще можно слышать отъ урянхайцевъ на Улу-хемѣ (Чингисъ-Кэзэръ-кайраканъ: Оч., IV, 819; ср. также Чингисъ-Хаджиръ-бо, Учен. Зап. Казанск. унив., 1846, III, 69; Березинъ, Библ. восточ. историковъ, т. I, стр. 19 татарск. цифрами).

Разсказъ о продолжительномъ отсутствіи Чингиса изъ дома и о забвеніи старой жены помѣщенъ въ Алтанъ-Тобчи (стр. 135; Чингисъ названъ въ разсказѣ Богдо-Эдзэномъ); угонъ лошадей тамъ же (стр. 128; восемь соловыхъ мериновъ), у Сананъ-Сэцэна (восемь соловыхъ), стр. 69 и въ Юань-чао-ми-ши (стр. 45; восемь сивыхъ мериновъ). Ср. также въ Оч., IV, 406: Сенгенъ-хунъ-тайджи угоняетъ семь буланыхъ лошадей у своего отца. На связи Гэсэра съ Чингисомъ указываетъ и появленіе въ сказаніяхъ о томъ и другомъ лицѣ эпизодовъ о Тарханѣ и его головѣ (см. примѣчанія къ № 54 и Оч., IV, 290 и слѣд.). Лѣтописи называютъ одного изъ братьевъ Чингиса Хасаромъ; по Рашидъ-Эддину Хасаръ имѣлъ прозвище Хабуту, «искусный стрѣлокъ». По свидѣтельству г. Позднѣева, одна изъ монгольскихъ лѣтописей (йэхэ монголъ ундусунъ алтанъ тобчи) то, что изъ другихъ лѣтописей извѣстно о Темучинѣ-Чингисѣ, приписываетъ Хасару (Монгольская лѣтопись Эрдэнійнъ Эрихэ, 1883, Спб., стр. XXVIII). Рашидъ Эддинъ говоритъ, что Хасаръ значитъ «левъ»; почему-то г. Березинъ дѣлаетъ изъ этого выводъ, что Рашидъ-Эддинъ отожествлялъ имена Хасаръ и Гэсэръ. (Труды Вост. Отд. Имп. Археол. Общ., ч. XIII, стр. 197). Въ восточныхъ лѣтописяхъ, переведенныхъ на русскій языкъ, мы находимъ слѣдующіе эпизоды, которые какъ будто напоминаютъ Гэсэра: 1) Хасаръ стрѣляетъ въ сороку, что вызываетъ неудовольствіе со стороны Чингиса; Гэсэръ стрѣляетъ въ рябчика (Schmidt, Die Thaten, 33), послѣ чего Зотынъ-нойонъ падаетъ съ испугавшагося быка; въ Оч., IV, 250, выстрѣлъ, связанный съ именемъ Гэсэра и съ темой паденія съ лошади, сдѣланъ по сорокѣ. 2) Въ разсказѣ о Чингисѣ Хасаръ убиваетъ старуху, которая сидѣла на городской стѣнѣ и наводила моръ на солдатъ Чингиса (Алтанъ-Тобчи, 142; Сананъ-Сэцэнъ, 101). Ср. съ разсказомъ о старухѣ ан-дурсы (стр. 18), а также съ старухой на стѣнѣ (стр. 36) въ тангутскомъ варіантѣ А.

О Хасарѣ у Рашидъ-Эддина (l. c., стр. 54) сказано: «Сила его была такова, что взявши человѣка обѣими руками, переламывалъ пополамъ подобно деревянной стрѣлѣ». Но то же самое сказано и о Хутула-каанѣ (стр. 40), который обрисованъ еще болѣе былинными чертами: «Монгольскіе стихотворцы сложили въ похвалу его много пѣснопѣній. Крикъ его былъ слышенъ за семь холмовъ. Пятерня его похожа на лапу медвѣдя; онъ безъ труда переламывалъ человѣка на двое, какъ деревянную стрѣлу. Ночью онъ спалъ у костра нагой; горячіе угли падали на него и жгли, онъ не обращалъ на то вниманія, а проснувшись, думалъ, что кусаетъ вошь. Заразъ съѣдалъ барана и выпивалъ котелъ кумыса». Вѣроятно разсказъ, помѣщенный Рашидъ-Эддиномъ далѣе, есть забытая теперь былина (одно изъ «пѣснопѣній»). Равнодушіе Хутула-хана къ обжогамъ напоминаетъ записанное нами преданіе о Сартактаѣ (въ алтайскихъ сказаніяхъ это имя спаривается: Сартактай-Кэзэръ Radloff, Proben, I, 188; Оч., IV, 286), который волковъ, грызшихъ его ноги во время сна, принималъ за комаровъ (Оч., IV, 287). Не былъ ли этотъ Хутула-ханъ синонимъ Гэсэра (Хасара?).

Обзоръ темъ, связанныхъ съ именами Гэсэръ и Хасаръ, заставляетъ подозрѣвать тожество этихъ персонажей, но возможно ли допустить фонетическую связь между двумя именами, не знаемъ.

Въ монгольскихъ и тюркскихъ сказкахъ встрѣчается пара собакъ, которая упоминается также и въ толкованіяхъ къ созвѣздію Оріонъ. Вотъ версіи именъ этихъ собакъ: Асыръ и Басыръ (Оч., IV, 399, 670), Хасыръ и Басыръ (ib., 284, 505, 514), Казаръ и Пазаръ (Radloff, Prob., II, 394—396 и 410). Въ бурятскихъ сказкахъ эти собаки называются Агыръ и Вагыръ. Важность того обстоятельства, что эти имена введены въ легенды о созвѣздіи Оріонъ, почувствуется въ томъ случаѣ, если окажется, что въ основѣ сказанія о Гэсэрѣ лежитъ звѣздный миѳъ. Въ записанномъ мною въ Ордосѣ монгольскомъ варіантѣ Гэсэръ во время службы у широнгольскихъ царей скрывается подъ именемъ Кусуръ олоксонъ Ольджебай. По объясненію разсказчика Пунцука это значило: «на степи или въ полѣ найденный Ольджебай». Какъ въ монгольскомъ напечатанномъ текстѣ читается это имя, не знаю. У Шмидта: (Die Thaten Bogda Gesser Chan's, 1839, S. Ptb., S. 253): «auf Erde aufgerafte Oldschibai». Ерде, «земля» по монгольски «гадзаръ». Можетъ

Digitized by Google

быть сложное: Гадзаръ-олоксонъ-ольджебай было составлено изъ именъ Гэсэра: третье олоксонъ («найденный») можетъ быть Олекчинъ, Улакчинъ, форма, которая также встрѣчается въ тюркскихъ сказкахъ. См. «Бурятскія сказки», въ Запискахъ Вост. Сиб. Отдѣла Им. Рус. Геогр. Общ., Ирк., 1889 г., т. I, в. 1, стр. 140.

Тюркскія параллели:

а) Гэсэръ и киргизскій Козу-курпешъ (Radloff, Prob., III, 263; исторія происходитъ во времена какого-то Ormön-bet'я):

1) Гэсэръ является къ царю служить подъ видомъ пастуха, спитъ сначала между овцами, а потомъ въ одномъ покоѣ съ дочерью царя.—Козу-курпешъ является къ Сарыбаю служить подъ видомъ овечьяго пастуха; дочь Сарыбая на ночь беретъ его въ свою юрту.

2) Гэсэръ заставляетъ открыть тайну, гдѣ найдти коня, прижавъ руку матери къ горячему ячменю.—Козу-курпешъ заставляетъ мать сказать, гдѣ найдти суженую невѣсту Баянъ-сулу прижавъ руку матери къ горячему ячменю.

3) Въ отсутствіе Гэсэра его имѣніе захватываетъ Чотонъ; Гэсэръ бросаетъ врага въ яму и освобождаетъ родителей.—Въ отсутствіе Козу-курпеша его имѣніемъ овладѣваетъ Джеды-бай [1]),

4) Сорока носитъ письма.—Жаворонокъ носитъ письма.

Уравненіе именъ будетъ такое: Гэсэръ = Козу-курпешъ, Нгаре-олу = Баянъ-сулу, Чотонъ-ака = Джедыбай. Нгаре-олу ср. съ Наранъ-Сулу, у Радлова, Proben, III, 321.

У Кульджинскихъ таранчей есть сказка Bosy körpäsch (Radloff, Prob., VI, 211). Начало: выстрѣлъ по воронѣ; кровь на снѣгу; сходно съ разсказомъ о Чингисѣ на охотѣ (см. № 55). Бозы-кюрпешъ ѣдетъ искать дѣвицу; встрѣча съ паршивоголовымъ, котораго онъ убиваетъ, воткнувъ въ яму головой и одѣвается въ его платье; это единственная черта, сходная съ Козу-курпешемъ, Далѣе не сходно; дѣвица оказывается умной, какъ въ тюркскихъ сказкахъ о Джиренъ-шешенѣ, Настоящій Козу-курпешъ у таранчей это сказка о Täji-pascha и Sora-chenim (Proben, VI, 236). Отцы дѣтей Акъ-ханъ и Кара-ханъ (вмѣсто киргизскихъ Сары-бая и Карабая); кончается сказка тѣмъ, что кяфиръ (вмѣсто Кодара киргизскихъ варіантовъ) убиваетъ Тэджи, послѣ чего Сора, разсыпая перлы по степи, увлекаетъ соаульныхъ дѣвушекъ къ могилѣ Тэджи, оплакиваетъ его и умираетъ. На могилѣ Тэджи выростаетъ тополь, на могилѣ Соры розовый кустъ; кяфиръ велѣлъ себя похоронить между ними; тутъ выросла колючка, которая мѣшаетъ и колется, когда тополь и кустъ хотятъ привѣтствовать другъ друга. Въ Извѣстіяхъ Имп. Р. Археолог. Общ., т. VIII, 1877, стр. 138, въ ст. И. Н. Березина: «Н. Ѳ. Костылецкій» передается содержаніе былины Козу-кюрпечъ, вѣроятно варіантъ изъ подъ Кокчетава; конецъ былины: на могилѣ Козу и Баянъ-сулу выросло два тополя, а между ними поросло терніемъ; «Кодаръ (это онъ въ видѣ тернія) и по смерти явился разлучникомъ нашихъ любовниковъ» (стр. 145). Параллель эпизоду съ пастухомъ находится въ сказкѣ о Бовѣ королевичѣ. Онъ убиваетъ пилигрима, одѣвается въ его платье приходитъ на свадьбу царя Маркобруна съ Дружневной и проситъ милостыню во здравіе Бовы подобно Гэсэру, просящему милостыню у Рогмо-гоа [2]). Киргизская сказка о Тайирѣ и Сёрё (Radloff, Prob., IV, 341) также есть варіантъ Козу-курпеша: обѣтъ отцевъ породниться, преждевременная смерть отца жениха-мальчика, игра въ бабки, горячій ячмень, смерть отъ соперника (Карабатыра), оплакиваніе невѣстой, разбрасываніе перловъ, смерть на трупѣ жениха, паденіе на ножъ; обнимающіеся тополи на могилѣ. Но вставленъ эпизодъ: отецъ невѣсты заключаетъ Тайира въ ящикъ и бросаетъ въ море; ящикъ ловятъ три царскія дочери. Другой Тайиръ (въ томъ же томѣ) имѣетъ совершенно другой сюжетъ, но онъ также брошенъ въ воду.

б) Киргизская сказка Ерь-гокчу (Radloff, Proben. III, 112): У Уака сынъ Камбаръ, у Камбара Ерь-гокчу. Онъ убитъ въ войнѣ съ Джангбыршы. (Это случилось послѣ смерти какого-то Ormön-bet'я). У него остался сынъ Козай. Козай поднимается на высокую лѣстницу, осматриваетъ съ нея положеніе дѣлъ, идетъ къ матери, говоритъ, что отецъ его убитъ и что онъ долженъ ѣхать. Мать отговариваетъ, ссылаясь на его малолѣтство. Козай силой заставляетъ пастуха

[1]) Такъ въ рукописномъ варіантѣ, доставленномъ изъ Омска на съѣздъ оріенталистовъ, бывшій въ Петербургѣ. Рукопись хранится въ архивѣ Имп. Русск. Геогр. Общества.

[2]) Въ урянхайской сказкѣ богатырь Ерь-Сару убиваетъ пастуха Бузыкай-таракая и самъ принимаетъ видъ убитаго. Выше было уже приведено имя Тюрунъ-музыкай, конь и противникъ котораго носятъ тѣже имена, какъ конь и противникъ Гэсэра. Въ тангутской Гэсэръ убиваетъ пастуха, когда идетъ въ домъ Рдуря (см. стр. 43).

Digitized by Google

Джепекъ-бая сказать, гдѣ ему найдти годнаго коня и посредствомъ хитрости ловить его. Въ городѣ Джангбыршы'я желѣзный домъ изъ семи желѣзныхъ стѣнъ; внутри его скованный конь и мальчикъ, котораго выкармливаютъ молокомъ сорока коровъ. Конь Ковая съ разбѣгу разбиваетъ желѣзныя стѣны, и Козай убиваетъ коня; Козаевъ конь настаиваетъ, чтобъ онъ убилъ и мальчика, Козай убиваетъ и мальчика; за тѣмъ Козай возвращается домой и женится на дѣвицѣ Бота-кызъ. Наѣзжаетъ сынъ Джангбыршы'я Темиръ-бай и ранитъ копьемъ Козая. Козай умеръ, но Бота-кызъ воскрешаетъ его. Конь учитъ его, какъ убить Темиръ-бая; онъ весь стальной, кромѣ горла; его можно убить только ночью, перерѣзавъ горло, что и дѣлаетъ Козай.

Тутъ отголоски сказаній объ Иринъ-сайнѣ и Гэсэрѣ. Высматриваніе враговъ съ вершины лѣстницы есть въ Иринъ-сайнѣ (Оч., IV, 446; ср. также въ греческой поэмѣ объ Армури; А. Н. Веселовскій, Южн. Былины, III, стр. 4); ловля коня въ Иринъ-сайнѣ (Оч., IV, 438) и Гэсэрѣ; вынужденіе пастуха сказать, гдѣ найдти коня—въ Гэсэрѣ. Конь Джанбыршы'я въ желѣзномъ домѣ это Кала-мэмбыръ тангутскаго варіанта Гэсэра; Темиръ-бай это желѣзный Асынъ, у котораго также только одно горло уязвимо. Убиваніе мальчика въ Гэсэрѣ перенесено въ конецъ хорской (ширайгольской) войны; это сынъ Рогмо-гоа. Можно дополнить киргизскую сказку; вѣроятно въ полной редакціи описывалось, какъ Козай съ копьемъ Темиръ-бая въ тѣлѣ разъѣзжалъ по степи—тема, въ Иринъ-сайнѣ отнесенная къ нему самому, въ Гэсэрѣ къ богатырю Мунко.

Имя Ерь-Гокчи (Aghola Oergöktschi Büke) встрѣчается въ монгольскомъ Гэсэрѣ (Schmidt, Die Thaten, 258); это противникъ Гэсэра, вступающій съ нимъ въ борьбу. Ерь-гокчу встрѣчается въ генеалогическихъ преданіяхъ киргизъ; поколѣніе Уакъ считаетъ Ерь-гокчу своимъ предкомъ (Оч., II, 158). У туркменъ есть и поколѣнія, которыя называются Еръ-кюкча, Акъ-кюкча и Каракюкча (Галкинъ, Этнограф. и истор. матеріалы по Средней Азіи, Спб. 1868, стр. 8) [1]). У урянхайцевъ на Улухемѣ Гокчу-ашякъ, т. е. «старикъ Гокчу» есть тотъ миѳическій стрѣлокъ, который преслѣдуетъ трехъ маралухъ, учь-мыйгакъ, т. е. созвѣздіе Ріонъ (слѣдовательно то же, что въ другихъ тюрко-монгольскихъ варіантахъ Коготай, Когульдэй, Коголь-найманъ, Хододой и Сагатай). Въ монгольскихъ же преданіяхъ мы не встрѣчали имени Ерь-гокчу, кромѣ книжныхъ сказаній (въ Гэсэрѣ и въ Юань-чао-ми-ши; въ послѣдней Кокочу; Труды Пек. дух. мисс., IV, 134; Зап. И. Арх. Общ., XIV, 158; ср. Оч., IV, 789) и народныхъ бурятскихъ (Кохоце, Хохосо; Оч., IV, 206; Записки Вост. Сиб. Отд. по этн., т. I, в. 1, стр. 126). Ни въ халхаскихъ, ни въ южномонгольскихъ сказаніяхъ мнѣ этой формы не встрѣчалось.

Здѣсь мы натыкаемся на факты, которые трудно примирить съ принятымъ мнѣніемъ о происхожденіи Гэсэра изъ Тибета. Нахожденіе Гэсэровскихъ темъ у киргизъ, конечно, можетъ быть примирено съ этимъ мнѣніемъ двумя предположеніями или 1) предположеніемъ, что киргизы заимствовали эти темы отъ монголовъ, изъ вторыхъ рукъ или 2) предположеніемъ, что киргизы получили ихъ прямо изъ Тибета, т. е. помимо монголовъ. Нахожденіе темы о Джангбыршы'евомъ конѣ и о желѣзномъ Темиръ-баѣ, при отсутствіи этой темы у монголовъ, заставляетъ остановиться на второмъ предположеніи. Появленіе въ связи съ Гэсэромъ имени Ерь-Гокчу въ киргизской сказкѣ также не колеблетъ эту гипотезу; тюрки могли вставить въ тибетскую сказку свое излюбленное имя. Но появленіе Ерь-Гокчу и въ монгольской версіи вызываетъ недоумѣніе; мало распространенное и никогда не встрѣчающееся у монголовъ вполнѣ въ этомъ видѣ, это имя не могло быть внесено въ сказаніе самими монголами. Очевидно, оно пришло къ монголамъ извнѣ вмѣстѣ съ древнѣйшей чуждой редакціей.

Легче эти факты объяснятся, если мы примемъ, что Гэсэръ первоначально принадлежалъ тюркамъ, напримѣръ уйгурамъ. Уйгуры могли передать сказку и монголамъ и тангутамъ; къ тангутамъ дошла редакція съ Кала-мэмбыромъ, но безъ Ерь-Гокчу; къ монголамъ съ Ерь-Гокчу, но безъ Кала-мэмбыра. Тюркскія племена, родственныя уйгурамъ, также имѣли свои версіи, и въ нихъ сохранились оба имени и Ерь-Гокчу и Кала-мэмбыръ. Ниже будутъ еще указаны факты, способные поддержать мнѣніе о тюркскомъ (уйгурскомъ?) происхожденіи Гэсэра.

в) Параллели между Гэсэромъ и тюркской сказкой Акъ-Кобокъ (Radloff, Proben, IV, 61).

1) Гэсэръ хочетъ выйдти изъ утробы матери черезъ ея темя, но мать указываетъ ему

[1]) Подобно этому, у селенгинскихъ бурятъ есть поколѣніе Бурте-чино; имя предка всего монгольскаго народа, извѣстное намъ изъ книжнаго сказанія, здѣсь является именемъ небольшаго поколѣнія (см. Памятн. кн. Ирк. губ. на 1881 г.).

Digitized by Google

естественный путь.—Акъ-кобокъ не хочетъ рождаться обыкновеннымъ порядкомъ, а хочетъ выйдти изъ бока матери; мать уговариваетъ его родиться естественнымъ образомъ.

2) Гэсэръ можетъ связать Дыря только человѣческой жилой.—Акъ-кобокъ можетъ связать Мангуша только ремнемъ изъ человѣческой кожи.

3) Гэсэръ у Дыря находитъ свою жену, увезенную имъ; жена помогаетъ Гэсэру убить Дыря.—Акъ-кобокъ находитъ у Мангуша свою сестру (Кынъ-сылу), которая помогаетъ Кобоку убить Мангуша.

4) Въ тѣлѣ Дыря разливается желѣзный сокъ.—Тѣло Мангуша отъ ударовъ о камень даетъ искры (желѣзное?).

Другой противникъ Акъ-кобока называется Киданъ-ханъ; это отецъ Мангуша. Другой противникъ Гэсэра—Чотонъ-ака. Въ широнгольскомъ языкѣ *к* и *х* переходитъ въ ч: хутуга, «ножъ», читого, Китай—Читай.

Въ той же тюркской сказкѣ является и форма Кызыръ; это Кызыръ-пейгамбаръ, покровитель Акъ-кобока [1]).

Эта сибирская сказка попала въ мусульманскій памятникъ Египта; у г. Тизенгаузена, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, т. I, Спб., 1884, стр. 541, въ выпискѣ изъ энциклопедіи Эннувейри о событіяхъ въ Кипчакѣ лѣтописцемъ выдается за историческій фактъ слѣдующее: Однажды человѣкъ племени Дурутъ, по имени Мангушъ, сынъ Котяна, вышелъ охотиться; встрѣтилъ его человѣкъ изъ племени Токсоба по имени Акъ-кубуль—между ними было старинное соперничество—и убилъ его. Отецъ Мангуша послалъ Джамгара (или Джалангара) развѣдать и тотъ принесъ извѣстіе объ умерщвленіи Акъ-кубуля. Тогда Мангушъ напалъ со своими людьми на Акъ-кубуля; Акъ-кубуль былъ раненъ и рать его разбрелась. Тогда онъ послалъ своего брата Ансара (или Унсура) къ Души-хану, сыну Чингисъ-ханову, просить помощи. Это приглашеніе и подало поводъ къ завоеванію кипчакской земли монголами. Тотъ же разсказъ находится и у Ибнъ-хальдуна. Мангушъ, сынъ Котяна, у него названъ Манкушемъ, сыномъ Китмира; противникъ его Акъ-кибякомъ, Джамгаръ—Джаланкаромъ, Ансаръ—Аксаромъ. «Ходъ разсказа, говоритъ онъ, указываетъ, что племя Дурутъ изъ Кипчаковъ, а Токсоба изъ татаръ». Дурутъ и Токсоба два поколѣнія Кипчаковъ. Если эти сказки жили у Половцевъ въ южной Россіи, гдѣ ихъ подслушалъ египтянинъ, то онѣ легко могли отъ Половцевъ зайдти и къ другимъ сосѣдямъ иноплеменникамъ.

Параллели для сказки Акъ-кобокъ можно указать въ сѣверокавказскихъ и русскихъ сказаніяхъ.

Противникъ Акъ-кобока Самаръ-казанъ глотаетъ раскаленное желѣзо, катаетъ въ гору камень и замерзаетъ въ озерѣ (Radloff, Prob., IV, 61). Противникъ кавказскаго нарта Сосрыко (Сборн. свѣд. о кавказ. горцахъ, в. V, стр. 53), великанъ глотаетъ раскаленное желѣзо, катаетъ камень въ гору и замерзаетъ въ озерѣ.

Этимъ ограничиваются параллели между Сосрыко и Акъ-кобокомъ, но у Сосрыко есть параллели съ другими сказаніями изъ стеннаго фольклора, которыя мы привлекаемъ къ сравненію съ Гэсэромъ, какъ напримѣръ съ сказаніемъ объ Абатаѣ (Оч., IV, 338), и съ самимъ Гэсэромъ. Нарты выѣхали на охоту; случился морозъ и они мерзнутъ. Сосрыко добываетъ для нихъ огонь (Сборн. св. о кавк. горц., V, 53; Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстн. и плем. Кавказа вып. XII, стр. 16 — 19). Ср. этотъ эпизодъ съ бурятскимъ разсказомъ о зэгэтэ-облавщикахъ; они начали безъ огня мерзнуть на охотѣ и были спасены Гэсэромъ, который добылъ имъ огонь (стр. 70) [2]). Нарту Сосрыко (Сборн. о кавказск. горцахъ, V, 5—9) предстоитъ задача выбирать Цэрэковъ панцырь изъ кучи другихъ панцырей, какъ Абатаю приходилось выбирать живого бога. Абатай и тѣмъ еще сходенъ съ Сосрыко, что онъ состязается съ другимъ могущественнымъ персонажемъ (съ Далай-ламой) въ чудодѣйствіяхъ. Сосрыко (Сборникъ о кавк. горцахъ, V, 53; Сборн. матеріал

[1]) Мы замѣтили, не знаю вѣрно ли, что имя пейгамбара Кызыра или Кадыра является всегда въ тѣхъ тюркскихъ сказкахъ, въ которыхъ есть какія-нибудь темы изъ Гэсэра.

[2]) У о. Іакинеа, Собр. свѣд. о нар. средн. Азіи, ч. I, стр. 258: исторія о началѣ государства Тугю. Старѣйшина Апанбу съ 70 глупыми сыновьями жилъ на горахъ, гдѣ были холодныя росы; старшій сынъ Надулуше произвелъ теплоту и всѣхъ спасъ, и за это былъ сдѣланъ государемъ. Одинъ изъ его сыновей былъ Ашина, котораго Говорсъ (Howorth, Hist. of Mong.) сближаетъ съ Буртечино, «волкомъ», предкомъ монголовъ.

Digitized by Google

для опис. мѣстн. и пл. Кавк., XII, 17). получаетъ отъ великана огонь; Абатай получаетъ отъ Далай-ламы изображеніе бога, которое было зарыто (спрятано) въ пещеръ (огонь?).

Сосрыко и Тотырешъ (Сборн., V, 53) должны выѣхать на состязаніе. Сатана, мать Сосрыко, навязываетъ на хвостъ коню сына колокольцы; конь подъ Тотырешемъ взбѣсился, разнесъ и убилъ Тотыреша. Ср. съ эпизодомъ о испуганномъ быкѣ въ Гэсэрѣ, сбросившемъ съ себя Сарагалъ-ноёнъ-хана (ср. Die Thaten, 33; Очерки, VI, 250). Въ одномъ изъ сказаній о Сосрыко является имя Сартакъ (Ахсартагъ; Сборникъ св. о кавк. горц., V, 2), форма, которая во внутренней Азіи спаривается съ формой Кэзэръ (Сартактай-Кэзэръ). См. Оч., IV, 286, 840.

Святогоръ примѣриваетъ гробъ по своему тѣлу, ложится въ него, и гробъ запечатывается на вѣки. Святогоръ совѣтуетъ Ильѣ муромцу прислонить голову къ гробу, но еслибъ Илья послушался, онъ умеръ бы. Акъ-кобокъ наѣзжаетъ на вырытую могилу, кидаетъ въ нее свой панцырь и, убѣдившись, что могила приготовлена для него, ложится въ нее. Его погребаютъ [1]). Коварный совѣтъ противника также есть, но онъ приведенъ отдѣльно, ранѣе. Умирающій Мангушъ совѣтуетъ Акъ-кобоку наклониться, но тотъ не послушался, а то бы умеръ. Этой озирисовской темы нѣтъ въ Гэсэрѣ, но что она могла быть въ прежнихъ редакціяхъ, факты, располагающіе вѣрить въ это, есть. Черты миѳа объ Озирисѣ въ раздробленномъ видѣ и въ цѣломъ встрѣчаются въ нынѣшнихъ сказкахъ Монголіи и Сибири; ср. Очерки, IV, стр. 583, сказка качинскихъ татаръ о Хангаваѣ; въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по эти., т. I, в. 1, сказка «Алтанъ-сэсэкъ и его сестра» (гробъ съ покойникомъ, врубленный въ рогъ оленя, стр. 59). Въ Гэсэрѣ есть эпизодъ о Кала-мэмбырѣ, который упалъ въ море (не брошенъ ли Желѣзнымъ Асыномъ?); мясо съ его костей свалилось, но его мать, Ане-гома, собираетъ свалившееся мясо, подобно тому, какъ Чечинъ-кызъ собираетъ кости Хангавая. Передъ своей борьбой съ Асыномъ Каламэмбыръ встрѣтилъ человѣка [2]) съ ношей, съ желѣзнымъ ящикомъ, въ которомъ былъ скрытъ Желѣзный Асынъ; этотъ эпизодъ однако не развился ни въ разсказъ о земной тягѣ, ни въ примѣриваніе гроба. Мутилизація въ сказкѣ о Хангаваѣ передана въ видѣ того, что Чечинъ-кызъ не находитъ одного сустава, потерявшагося въ морѣ. Ср. въ сказаніи о Ельбекъ-ханѣ; у него отстрѣленъ мизинецъ (Алт. Тобчи, 157; Сананъ-Сэцэнъ, 143); но надъ Чингисомъ было совершено оскопленіе [3]); эта черта въ Чингисѣ дополняется опущеніемъ въ море; онъ или его мать, беременная имъ, въ бочкѣ брошены въ море (Radloff, Proben, III, 83). Другой разсказъ о Чингисѣ: онъ самъ прячется въ водѣ; но и этотъ эпизодъ, повидимому, принималъ видъ насильственнаго погруженія въ воду; ср. киргизское преданіе о Есекенѣ (Оч., II, 149). Впрочемъ сидѣніе Чингиса въ водѣ не влечетъ за собой смерти.

Кодонъ протыкаетъ копьемъ тѣло Акъ-Кобока насквозь. Израненный и продырявленный копьевыми ранами, Кобокъ напоминаетъ Мунго въ Гэсэрѣ и Иринъ-сайна (Оч., IV, 449), которые со стрѣлой или копьемъ въ груди разъѣзжаютъ по степи. (Жалобы и обращенія Мунго къ животнымъ ср. съ картиной умирающаго Сосрыко, Сборн. о кавказск. горцахъ, V, 9). У Рашидъ-эддина, II, 39: Хаданъ-бахадуръ и Моторъ-бахадуръ устроили поединокъ на мѣстѣ Беранъ-сенгданъ; Хаданъ прокололъ Мотора. Моторъ долго страдалъ; потомъ еще сразились въ мѣстѣ Юла-илакъ и Керъ-илакъ. У Радлова, Prob., IV, 66 въ сказкѣ объ Акъ-кобокѣ упоминаются мѣста «большая вода Kürlak» и «большая вода Scharlak».

Эти формы: Хаданъ, Кодонъ, Кидэнъ (у Радлова Ködön kan, IV, 69; Ködön pi, I, 226; Kidän chan, IV, 182), Котянъ можно еще умножить; въ Монголіи я записалъ былину о Хадынъ-дзогэ и Ховугу (Оч., II, 386), которая можетъ быть принята за варіантъ тюркской объ Акъ-кобокѣ; въ Алтаѣ г. Радловъ записалъ еще одинъ варіантъ ея же, въ которомъ герой называется Адынъ-торо-алактай (Radl., Proben, I, 286). Сюжетъ ихъ тотъ же, что въ русской былинѣ о

---

[1]) Я думаю, что были редакціи, которыя заставляли ложиться въ гробъ не Кобока, а Кидана. Это на томъ основаніи, что тобольскіе татары древнія чудскія могилы и другіе остатки древности приписываютъ народу киданъ, а объ этихъ могилахъ самое распространенное повѣрье, что онѣ сложены людьми, которые сами себя зарыли въ землю. О приведенномъ татарскомъ преданіи см. у Миллера, Опис. Сибирск. царства, стр. 11 и 12. Легенда о заранѣе приготовленной могилѣ у киргизъ отнесена къ Хорхуту; см. Труды Вост. Отд. И. Археол. Общ., ч. IV (Спб., 1859); стр. 283; ср. Очерки, IV, 847. По одному показанію это святой, по другому первый шаманъ.

[2]) Человѣкъ этотъ названъ китайцемъ. Не потому ли, что въ тюркской редакціи стояло Киданъ?

[3]) О сближеніи Чингиса съ Ельбекъ-ханомъ см. ниже въ примѣчаніяхъ къ № 56.

Digitized by Google

Иванѣ Годиновичѣ—измѣнница сестра; только роли Ивана Годиновича соотвѣтствуетъ не Кидэнъ или Кодонъ, а Кобокъ, за исключеніемъ алтайской, въ которой роль Адына совпадаетъ съ Иваномъ Годиновичемъ.

Киргизы по одному показанію (Оч. IV, 14) своимъ предкомъ считаютъ Котана. Не есть ли эта форма эпонимъ народа Киданей?

Угонъ лошадей—часто встрѣчающаяся тема въ азіатскихъ сказаніяхъ. Она находится въ сказаніи о Чингисъ-ханѣ или Темучинѣ. Изъ дома Темучина Тайджіуты угнали восемь лошадей. Темучинъ отправился возвращать ихъ; дорогой къ нему называется въ товарищи Богорчи (Боорчи), сынъ Лаху-Баяна; когда они возвратились съ отнятымъ табуномъ, Лаху-баянъ, глядя на Темучина, смѣялся, а обратившись въ сторону плакалъ. Эта послѣдняя черта встрѣчается въ сказкахъ (Оч., IV, 397; Radloff, Prob., I, 93; Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 35; А. Н. Веселовскій, Южнорусск. былины. III, 4; Die Thaten, 89; см. также выше, въ тангутской версіи объ отцѣ Гэсэра, Сандарачи, стр. 28), и иногда означаетъ, что въ семействѣ того лица, которое смѣется и плачетъ, есть обреченный на смерть. Такъ въ помѣщенной въ Оч., IV, № 115 (стр. 397) проходящій мальчикъ берется заступить мѣсто обреченнаго на съѣденіе Оролынъ-мангысу, надѣваетъ платье обреченнаго и убиваетъ чудовище. Угона лошадей въ этой сказкѣ нѣтъ, но есть эпизодъ о томъ, какъ мальчикъ убиваетъ Ирея, который повадился ходить въ табунъ и пожирать скотъ. Въ сказкѣ у Радлова (Prob., I, 93; тутъ же соединеніе смѣха и слезъ) герой Алтаинъ-сайнъ-сумэ съ товарищемъ Анä-солымъ ѣдетъ воровать 7 жеребятъ; Анä-солымъ, подобно Богорчжи, самъ называется въ товарищи. Имена этой сказки также приводятъ насъ къ Чингису; Самучинъ лошадь у Чингисъ-хана по Алтанъ-тобчи, 133; у Сананъ-сэцэна, 75, она названа Сайнъ-самучинъ; см. Рашидъ-эддинъ, примѣч. Березина, 282. Эти связи сказанія о Темучинѣ съ указанными сказками даютъ поводъ думать, что о Чингисѣ былъ разсказъ, въ которомъ или онъ самъ замѣщалъ обреченнаго на гибель или кто-то его замѣстилъ. Миллеръ приводитъ слѣдующій разсказъ одного монгольскаго ламы: Ханъ Бадарингой-Цаганъ-тынгыри [1]) (или Галданъ-дугэръ-хаганъ) разболѣлся; Шигемуни явился въ видѣ ламы и объяснилъ, что болѣзнь наслана за незнаніе закона и прекратится, если ханъ посвятитъ въ духовное знаніе своего сына съ девятью знатными служителями. Но тѣ бѣжали изъ государства, покорили встрѣченный ими народъ и царевича избрали ханомъ. Нужно было по обычаю дать имя новому хану; прилетѣла птица и стала кричать: чингисъ! чингисъ! Поэтому и дали ему имя. А прежде его имя было Суту-богдо. (Описаніе сиб. царства, Спб., 1750, стр. 5).

Въ Юань-чао-ми-ши можетъ быть искаженіе той же легенды: разсказывается о Толуѣ, замѣстившемъ собою заболѣвшаго Огодая (стр. 154) [2]). Если подобный разсказъ былъ редактированъ такъ, что самому Чингису угрожала опасность, тогда нужно искать, кто его замѣстилъ? Можетъ быть Богорчи? Потомки Богорчи за заслуги своего предка получили право оберегать гробницу Чингисъ-хана (Позднѣевъ, Монг. лѣт. Эрд. эрихэ, стр. XXIX). Въ Ордосѣ гробницу Чингисъ-хана оберегаютъ тархаты, а слово тарханъ (множ. ч. тархатъ) часто соединяется съ сказаніемъ о человѣкѣ, исцѣлившемъ хана или пожертвовавшемъ собою вмѣсто него (см. ниже прим. къ ст. Пай-джянь-джюнь, № 55). По Абульгази тарханомъ называется человѣкъ, свободный отъ податей; онъ имѣетъ доступъ къ хану и не подвергается наказанію, пока не совершитъ десять винъ (Hist. des Mogols et des Tatars, par Aboul-ghazi, trad. par Desmaisons, 1874, p. 58); сходнымъ правомъ по народному повѣрью пользуются тайджи; тайджи'ямъ одна вина прощается и карается только вторая (Оч., II, 25). Всѣ тайджи считаютъ себя Борджигитами; не значитъ ли это, что Богорчи (Боорчи) предокъ Борджигитовъ?

Угонъ лошадей составляетъ содержаніе калмыцкаго сказанія о Джангарѣ (Вѣстн. И. Р. Г. Общ., 1854, кн. 12; переводъ Бобровникова; B. Bergmann, Nomad. Streifereien). Семь богатырей Замбалъ-хана угнали табунъ Джангаръ-хана; пастухъ Аксагалъ-бадай, прокараулившій табунъ, прокололъ себя стягомъ изъ таволги и умеръ (пастухъ и въ Иринъ-сайнѣ назыв. Ахъ-сагалъ, что

---

[1]) Ср. Будургу-саганъ-тэнгэри (Атанитовъ и Хангаловъ, «Матеріалы», стр. 8); будургу «мелкій снѣгъ». Въ Алт. Тобчи, стр. 120: Бадай-Цаганъ отецъ Тему-чина (не Чингиса, а его предка).

[2]) Но есть также разсказъ о болѣзни самого Толуя; нѣкто по имени Сэлигисы излѣчилъ его и получилъ за это отъ Чингисъ-хана званіе тархана. См. Восточн. Сборникъ, Спб., 1877 г., т. I, стр. 9.

Digitized by Google

по тюркски значитъ «бѣлая борода»; Оч., IV, 435; см. также ibid., стр. 416). Два богатыря Сабаръ и Уланъ-хонгоръ на конѣ Аранзула заворачиваютъ табунъ въ то время, какъ онъ переплывалъ море; они убиваютъ семь богатырей Замбалъ-хана, отрубаютъ имъ головы и привязываютъ къ ихъ конямъ, и этихъ коней направляютъ за море.

Угонъ лошадей включенъ также въ легенду о Чжумынѣ (о. Іакинѳъ, Собр. свѣд. о народ. Средн. Азіи, II, 55). Но ближе всего къ редакціи Гэсэра угонъ описанъ въ дюрбютской былинѣ объ Иринъ-сайнѣ (Оч., IV, 444); тутъ разсказывается (какъ и въ тангутскомъ сказаніи, стр. 17) и то, что одна лошадь притворяется слабой, отстаетъ отъ табуна и старается возвратиться домой.

Ср. также кавказское сказаніе объ угонѣ лошадей у Тлебицы (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, в. XII (Тифлисъ, 1891), стр. 51). Нарты подъ предводительствомъ князя Несренжаке (въ другихъ варіантахъ Насранжаке) пришли къ Идылю, чтобы отогнать табуны Тлебицы, пасущіеся за рѣкой, но не знаютъ брода. Мальчикъ Ашемезъ узнаетъ во время игры въ бабки, что отецъ его убитъ; онъ открываетъ имя убійцы, заставляя мать сказать тайну, зажавъ ея руки съ горячимъ ячменемъ; это Тлебица. Ашемезъ указываетъ нартамъ бродъ и принимаетъ участіе въ угонѣ лошадей. Одинъ конь успѣваетъ вырваться и тщетны усилія нартовъ завернуть его. Конь убѣгаетъ къ Тлебицѣ, который садится на него и выѣзжаетъ на встрѣчу Ашемезу. Происходитъ поединокъ. У Тлебицы жена Бэдуху, отъ дыханія которой заживаютъ раны какъ у Тлебицы, такъ и у коня. Ср. съ тангутской аи-дурсы.

Муравьи (стр. 2); см. № 92; о царѣ муравьевъ см. Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 36, 42, 119. Царь муравьевъ въ сборникѣ Рыбникова (IV, 245) отмѣченъ Л. Н. Майковымъ (Журн. Мин. Нар. Пр., 1868, май, стр. 630).

Шулмусъ въ качествѣ повивальной бабки (Die Thaten, S. 18; Очерки, IV, 252). Мой ордосскій разсказчикъ называлъ этого шулмуса: Ямаганъ-шолмо. Ямаганъ не эмэгэнъ ли, «старуха»? Мѣсяцъ и солнце во время затменія поглощаетъ злой духъ, по повѣрью аларскихъ бурятъ Раха-шолмо (Вост. Об., 1887, № 50, стр. 13). Не приписывалось ли той же Раха-шолмо и исчезаніе мѣсяца во время новолунія, которое въ сказаніяхъ представляется въ видѣ родовъ?

Гэсэръ въ горлѣ Чика-арасу (стр. 6). Въ киргизской сказкѣ въ горлѣ у чудовища ежъ, керпекъ-шешенъ (Оч., II, 146); въ бурятской также ежъ, заря—азарга (Агапитовъ и Хангаловъ. Матеріалы о шаманствѣ въ Извѣст. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., т. XIV, №№ 1—2 стр. 21, 22). Ср. также №№ 11 и 51 (Уйленъ ханъ и Суу-хунъ-ву). Въ другой киргизской сказкѣ байгусъ (сова) спасаетъ птицъ предложеніемъ свить веревку изъ масла и поймать лучъ, тема, находящаяся и въ бурятскомъ сказаніи о Заря-азарга (ежѣ). Уйленъ-ханъ ср. съ монгольскимъ уйль, «сова». Въ бурятской сказкѣ разсказывается: идетъ Заря-азарга (ср. Джоро-Гэсэръ-ханъ) между быками и быки разбѣжались, увидѣвъ ежа; за это онъ осудилъ ихъ вѣчно носить тяжести и быть подъ ярмомъ; подходитъ Заря-азарга къ табуну лошадей и лошади, испугавшись, разбѣжались; Заря-азара осуждаетъ ихъ носить на головѣ узду, на шеѣ хомутъ, на спинѣ сѣдло и на ногахъ путы и возить человѣка и тяжести (Агапитовъ и Хангаловъ, ibid., 58). Это, очевидно, легенда о первомъ укрощеніи домашнихъ животныхъ; въ Оч., II, 167: укрощеніе верблюда (теменъ) приписано безъимянному хану, ставшему потомъ гэгэномъ, который первый продѣлъ ему въ носъ буйль. Ср. № 29: верблюда укрощаетъ Абатай.

У о. Іакинѳа (Собр. свѣд. о народ. Средн. Азіи, II, 55, 98) исторія о Чжумынѣ: Фуюйскій государь женился на дочери божества Хэ-бо (бога рѣки) и заперъ ее въ комнатѣ, но отъ солнечнаго луча она зачала и родила яицо, которое бросили собакамъ и свиньямъ, но онѣ его не тронули; яицо бросили на дорогу, но лошади его обходили; бросили яицо въ поле, птицы его прикрывали пухомъ. Царь отдалъ яицо матери; изъ него вылупился мальчикъ Чжумынъ. См. о немъ выше на этой же страницѣ и ниже примѣчанія къ № 72; ср. также съ № 23 (Егъ-Таму-нцо), въ Оч. IV, № 181 (Хэрэкъ-Кирвэсъ, стр. 602) и въ настоящемъ изданіи, въ тангутскомъ варіантѣ Гэсэра, 38 и 48. Можетъ быть танецъ двухъ масокъ азара во время цама [1]), изображающій, какъ намъ говорили въ Амдо, вьючку животнаго, находится въ связи съ легендой о первомъ укрощеніи животныхъ, которое древній человѣкъ вѣроятно приписывалъ божеству.

Добываніе богатырскаго коня Гэсэромъ (стр. 8) имѣетъ свои параллели въ сказкахъ о

---

[1]) Цамъ—буддійская религіозная пляска.

Digitized by Google

Иринъ-сайнѣ (Оч., IV, 438), въ русской объ Урусланѣ Зальзаровичѣ и въ бурятской о Ханъ-Гужирѣ (Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 63). Конь Уруслана Зальзаровича назывался «вѣщій Арашъ», «отъ водяныхъ коней прирожденіе»... Во внутренней Азіи жили повѣрья объ особой породѣ лошадей; объ этомъ см. у о. Іакинѳа, Собр. свѣд. о народ Средн. Азіи, II, стр. 4 и 22. Въ государствѣ Давань въ городѣ Эрши были прекрасныя лошади, назыв. аргамаки. Эти лошади имѣли кровавый потъ и происходили отъ породы небесныхъ лошадей. Въ Хань-шу-инь-и сказано: Въ Давани высокія горы. На этихъ горахъ водятся лошади, которыхъ невозможно достать; почему выбираютъ пятишерстныхъ кобылицъ и пускаютъ при подошвѣ горъ для случки съ горными. Отъ этихъ кобылицъ родятся жеребята съ кровавымъ потомъ и потому называются жеребятами породы небесныхъ лошадей. Даваньскій государь не далъ китайскому императору этихъ лошадей и потому былъ посланъ генералъ Ли-гуанъ-ли съ большимъ войскомъ потребовать небесныхъ лошадей; генералу было дано имя Эрши-гянь-гунь (Эршыскій); т. е. онъ долженъ былъ дойдти до города Эрши и взять лошадей. Ли-гуань-ли достигъ до столицы Даваньскаго царя, осадилъ ее и отвелъ воду отъ города. Даваньцы выдали ему лошадей небесной породы. Во время отсутствія Ли-гуань-ли его жена была обвинена въ колдовствѣ и его семейство было посажено въ темницу. Ли-гуань-ли или, какъ пишетъ о. Іакинѳъ, Эршыскій остался въ Монголіи, гдѣ хуннускій шаньюй Хулугу женилъ его на своей дочери и оставилъ при себѣ; прежній любимецъ хана Вэй-люй долженъ былъ уступить ему свое мѣсто, но потомъ ему удалось подорвать благосклонность хана къ Эршы. Случилось, что заболѣла мать царицы; волхвъ, подученный Вэй-люемъ, сказалъ, будто бы по вдохновенію прежнихъ шаньюевъ, что взявъ Эршы въ плѣнъ, слѣдовало принести ему жертву. Вслѣдствіе этого «закололи Эршыскаго, чтобъ принести жертву ему». Сряду нѣсколько мѣсяцевъ шелъ снѣгъ, произошли вслѣдствіе этого падежъ скота и болѣзни между людьми и хлѣбъ не созрѣвалъ. «Шаньюй пришелъ въ страхъ и построилъ храмъ для жертвоприношенія Эршыскому» (стр. 55).

О тѣхъ же коняхъ, повидимому, говорится по поводу царства Тухоло (ibid., стр. 255): На сѣверѣ есть гора Поли. Въ пещерѣ на южной ея сторонѣ есть божественный конь. Жители пригоняютъ къ горѣ пасти кобылицъ и отъ этихъ кобылицъ происходятъ потокровныя лошади.

Въ позднѣйшее время подобное повѣрье связывается съ оз. Хуху-норъ: Въ древности озеро славилось превосходными пестрыми лошадьми драконовой породы, разводомъ которой спеціально занимались Тогонцы, по свѣдѣніямъ исторіи Вэй; однако порода эта прекратилась еще при Суйской династіи. Тогда сдѣлали попытку пустить кобылицъ на острова озера, но приплода не получилось. Успенскій, «Страна Кукэноръ» въ Зап. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. VI (Спб., 1880), стр. 64. Потье, въ примѣчаніяхъ къ Марко-поло, приводитъ китайское извѣстіе о чудесахъ западныхъ странъ, доставленное въ Монголію вѣстникомъ царевича Гулагу послѣ завоеванія Персіи: «Есть родъ лошади-дракона (loûng-tchoûng-mà); ее производитъ западное море; она имѣетъ чешую и рога. Когда кобыла имѣетъ жеребенка, ее не пускаютъ вмѣстѣ съ морскими лошадьми, потому что послѣднія уводятъ ихъ въ море». Pauthier, Le Livre Marco Polo, I, introduction, CXLVIII.

Эти разсказы относятся, можетъ быть, къ настоящимъ аргамакамъ, но къ нимъ примѣшаны повѣрья о свойствахъ сказочныхъ богатырскихъ лошадей въ родѣ той огненной Янь-чжи-ма, на которой могъ ѣздить только китайскій герой Гуань-инъ (Гуань-лао-ѣ).

Гэсэръ подбросилъ колючку подъ ноги коня Чотона (стр. 8); конь охромѣлъ и Чотонъ отсталъ. Ср. въ Очеркахъ, IV, 421: Эртене-мергенъ портитъ ногу коня своего брата Атучи-Аксага-ашяка. Атучи принужденъ отстать. Въ башкирской сказкѣ шестьдесятъ товарищей вколачиваютъ 60 гвоздей въ ноги коню богатыря Туляка (Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ., 1858 г., ч. XXIV, смѣсь, стр. 66).

Употребленіе стрѣлъ вмѣсто дровъ (стр. 12, 70; Die Thaten, 74) разсказывается также въ сказаніи о Шуно (Записки Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 36; Оч., IV, 309).

Гэсэръ въ ямѣ у очага въ домѣ Дыря (стр. 25, 39 и 43); ср. со сказкой о хитромъ Тарданакѣ у Радлова, Proben, I, 28 и другими сходными.

Противникъ, обманомъ принужденный оглянуться и убитый въ это время (эпизодъ о Каламэмбырѣ и Желѣзномъ Асынѣ, стр. 21), встрѣчается въ разсказѣ о Гуань-лао-ѣ, см. № 54 и въ бурятск. сказкахъ (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 34).

Эпизодъ съ коровой и вопросы: ты чего боишься? (стр. 23) ср. съ сказкой о Балынъ-сенге, Оч., IV, 241 и 243.

Digitized by Google

Гэсэръ накормилъ Чжарсея однимъ ребромъ мыши (стр. 33): Въ Шмидтовскомъ Гэсэрѣ (Die Thaten, стран. 58) и въ сказкѣ Булотъ-хурс, Оч., IV, № 114, та же тема получила иной видъ.

Гэсэръ въ концѣ сказки слѣпнетъ (стр. 37); слѣпота въ соединеніи съ оскопленіемъ часто является въ сказаніяхъ о кровосмѣшеніи. Встрѣча съ дочерью Кунигъ-джаву и разломанная серьга не указываютъ ли на то, что Гэсэръ и эта царевна были братъ и сестра? Впрочемъ проще предположить, что дочь Куныга была жена Гэсэра, которую онъ отыскивалъ.

Смерть Гэсэра отъ пастуха Кала-мэмбыра (стр. 38) не мотивирована. Можетъ быть этотъ эпизодъ былъ прежде ближе къ разсказу о смерти Козая отъ Темиръ-бая (Radloff, Proben, III, 128).

Подобно тому, какъ рядомъ съ Чингисъ-ханомъ-Темучиномъ встрѣчается форма Урусъ, Барсъ, въ монгольскихъ варіантахъ Гэсэра (такъ наприм. въ варіантѣ, который я слышалъ въ Ордосѣ) упоминается богатырь Барсъ. Въ Шиддикурѣ глава XXIII содержитъ разсказъ о матери Гэсэра; сказка кончается заявленіемъ, что она родила четырехъ сыновей; одинъ изъ нихъ Гэсэръ, другой Барсъ-Ирбисъ (Эти. Сб., VI, стр. 102).

Одна изъ женъ Гэсэра въ монгольскомъ варіантѣ называется Туменъ-джиргаланъ; Туменъ встрѣчается и въ новѣйшихъ сказкахъ; въ тюркской сказкѣ небесная дѣва Тэмэнъ-ногонъ жена богатыря Кэрвэса (Оч., IV, 613); въ бурятскихъ космогоническихъ преданіяхъ небожитель (тэнгиръ) Гужиръ имѣетъ женою небесную дѣву Тумэ-Ногонъ-духэ (Агапитовъ и Хангаловъ, Матеріалы о шаманствѣ, Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XIV, № 1—2, стр. 3). Сказку о Гужирѣ я сближалъ съ Гэсэромъ въ своей статьѣ о Гэсэрѣ, помѣщенной въ «Вѣсти. Европ.», сент. 1890 г.

Въ тангутскомъ варіантѣ упоминается Желѣзный Асынъ; по нашему мнѣнію, это Темиръ-бай киргизской сказки (Radloff, Prob., III, 128). Темиръ-бай убиваетъ Козая; если выправить тангутскій текстъ по киргизскому, т. е. если въ Гэсэрѣ видѣть Козая, а враждебныя Козаю силы, Джангбыршы'я и Темиръ-бая, представить замѣненными Кэла-мэмбыромъ, то слѣдовало бы сказать, что Кала-мэмбыръ убилъ Гэсэра. Можетъ быть Кала-мэмбыръ и Желѣзный Асынъ есть раздвоеніе одного и того же персонажа.

Кала-мэмбыръ есть одинъ изъ трехъ братьевъ Гэсэра. Въ тюркскихъ сказкахъ упоминаются три брата: Амурсана, Темирсана (Тамурсана) и Шуно (Radloff, Prob., I, 206; Оч., IV, 667); въ сказкѣ объ этихъ братьяхъ содержится тема о богатырѣ, посаженномъ въ погребъ или яму; это заточеніе богатыря мотивировано яснѣе, чѣмъ въ эпизодѣ о Кала-мэмбырѣ.

Тема о уязвимости одного только небольшого пятна на тѣлѣ связана съ именами: Темиръ-могусъ (Оч., IV, 378; уязвимое мѣсто пупъ; тутъ же рядомъ другая форма: Амырга-могусъ); Галданъ-бошко, ibid., 410; Анъ-Аджырга (въ якутской сказкѣ; уязвимо мѣсто противъ сердца; (см. Живая Старина, II, стр. 176). Ср. также въ Очеркахъ, IV, 607: Хэрэкъ-кирвэсъ убиваетъ желѣзнаго оленя (темиръ-сынъ), у котораго уязвимы только два пятна, одно на лбу, другое между стегнами. Повидимому этотъ-то Темиръ-сынъ и явился въ тангутской версіи подъ именемъ Желѣзнаго Асына. Это свидѣтельствуетъ о тюркскомъ происхожденіи тангутскаго Гэсэра. Полярная звѣзда у хухунорскихъ олётовъ называется Алтынъ-хасынъ, у волжскихъ калмыковъ алтынъ-гасунъ, «золотой колъ»; но у другихъ степныхъ народовъ та же звѣзда называется «желѣзный колъ», что по олетски будетъ темуръ-хасынъ. Вѣроятно Желѣзный Асынъ, обратившійся въ камень посреди моря, есть не что иное, какъ Полярная звѣзда, Темуръ-хасынъ.

Въ имени Мэмбыръ *б* можетъ быть вставное. Широнголъ-монголы слово амыраху, «отдохнуть», произносятъ амбыраху; буряты и халхасцы гору Сумеру назыв. Сумбуръ; киргизы монгольское суме, «храмъ» произносятъ сумбе. Если сообразно съ этимъ исправить имя Кала-мэмбыръ, мы получимъ Кала-мэмыръ. Въ киргизскихъ преданіяхъ есть форма Мамыръ-ханъ; мы сближали ее съ алтайской бобыргаиъ (Оч., IV, 802), «летяга»; въ киргизскомъ преданіи, Мамыръ-ханъ бросаетъ въ воду своего врага Есекеня. Не было-ли въ тюркскихъ сказкахъ темы: Есекень бросаетъ въ воду Мамыръ-хана? Въ тангутскомъ Гэсэрѣ Кала-мэмбыръ превращается въ скалу, которая стоитъ на берегу моря (океана?) и караулитъ, чтобъ оно не вышло изъ береговъ. Въ другихъ сказаніяхъ эта черта находится въ связи съ представленіями о летучей мыши, которая поддерживаетъ міръ (См. Liebrecht, Zur Volkskunde, S. 103; Очерки, IV, 763). Мой разсказчикъ Гэсэра, тангутъ Ами-Салунъ, говорилъ, что эту скалу указываютъ на дорогѣ изъ Амдо въ Лассу. Это несомнѣнно та гора, которая указывается со словъ одного китайскаго географическаго сочи-

Digitized by Google

нія о. Іакинѳомъ (Исторія Тибета и Хухунора, Спб., 1833, ч. II, стр. 181) около озеръ, дающихъ начало Желтой рѣкѣ и которая называется Алтань-гасу-цилу; китайскій авторъ переводитъ: гасу значитъ Полярная звѣзда, цилу «камень». Желѣзный Асынъ, по словамъ Ами-Салуна, теперь виденъ подъ образомъ скалы въ серединѣ озера. Очевидно, тутъ имѣемъ тему въ родѣ бурятской о Шаманскомъ камнѣ въ истокѣ Ангары (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по эти., т. I, в. 1, стр. 109) и тангутской объ островѣ на озерѣ Хухуноръ; въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ скала служитъ затычкой, удерживающей изліяніе воды изъ нѣдръ земли. Полярная звѣзда въ осетинскомъ называется Аксакъ-Темуръ, въ киргизскомъ Темиръ-казыкъ «желѣзный колъ». Объ Аксакъ-Темурѣ есть осетинскія, о Темуръ-ленгѣ восточныя сказанія: это сынъ (царя), котораго отецъ въ дѣтствѣ увѣчитъ, чтобъ убавить его необыкновенную быстроту въ бѣгѣ, или по другой причинѣ (см. Сбори. свѣд. о кавк. горц., в. VIII, ст. «Ингуши», стр. 20; Radloff, Proben, IV, 307; Гакстгаузенъ, Закавказскій край, I, 158). Подобная тема и о Шуно (Padloff, Prob., I, 206; Оч. IV, 309), братѣ Темиръ-саны. Повидимому Шуно и Темиръ-сана раздвоеніе одного и того же имени. Если второй членъ сана есть не что иное, какъ шуно, то все парное (темиръ-шуно) въ переводѣ будетъ значить «желѣзный волкъ».

Эпизодъ о черепичной крышѣ (стр. 81) ср. съ разсказомъ въ Бодиморѣ, переведеннымъ Шмидтомъ (Gesch. d. Ost-Mongolen, S.-Pb., 1829, стр. 342). Дара-экэ приглашаетъ тибетскаго царя Сронцзанъ-Гомбо войдти въ дверь ея дворца, но царь видитъ передъ собой разлившуюся воду и не смѣетъ двинуться впередъ. Дара бросаетъ на мнимую поверхность кольцо; оно покатилось, какъ по льду. Оказалось, что земля передъ дверями дворца была обращена въ хрусталь.

Вставленный въ тангутскій варіантъ В (стр. 40) разсказъ о Гэсэрѣ, проглоченномъ и проходящемъ изъ утробы Самба-гарву въ утробу оленя, явился вѣроятно подъ вліяніемъ сказки о мальчикѣ съ пальчикъ (монгольскій варіантъ ея помѣщенъ въ Очеркахъ, IV, 923). О параллеляхъ этой сказки съ миѳомъ о Гермесѣ и о пріуроченіи ея героя къ одной изъ звѣздъ Большой Медвѣдицы см. въ статьѣ Гастона Париса (Gaston Paris, Le Petit Poucet) въ Memoires de la société de linguistique de Paris, T. I, fascicule 4 (Paris, 1871), стр. 372. Темы Гермеса въ Гэсэрѣ: 1) Гэсэръ ребенокъ дѣлаетъ лукъ и стрѣлу изъ несоотвѣтственнаго матеріала (см. выше стр. 42); это можно приравнять къ дѣланію струннаго музыкальнаго инструмента; 2) циническое поведеніе на рукахъ царя (въ бурятскомъ варіантѣ).

Purûravas и Urvaci (см. Pischel u. Geldner, Vedische Studien, Stuttgart, 1889): Viçvâvasu и гандарвы хотятъ разлучить Пуруравса и Урваши; съ этою цѣлью они воруютъ ночью ягненка, привязаннаго у ложа Урваши; жена слышитъ шумъ, будитъ мужа, но онъ боится встать, потому что Урваши не разлучается съ нимъ только подъ условіемъ, чтобъ онъ не показывался ей нагимъ. Гандарвы воруютъ другого ягненка; Пуруравасъ встаетъ съ ложа, гандарвы производятъ молнію и освѣщаютъ нагое тѣло Пуруравса. Урваши исчезаетъ. Въ монгольской версіи: Гэсэръ посѣщаетъ своихъ женъ (изъ которыхъ одна назыв. Тюменъ-Джиргаланъ) только ночью. Чотонъ хочетъ разлучить ихъ; совѣтъ, что для этого сдѣлать, онъ получаетъ отъ духа пещеры. Чотонъ подговариваетъ одного пастуха и тотъ подвѣшиваетъ сначала къ дверямъ три посудины съ кровью, виномъ и кислымъ молокомъ, затѣмъ ночью, когда были потушены лампы, кричитъ: «госпожа! телята сосутъ!» Сколько? спрашиваетъ Тюменъ-Джиргаланъ. На отвѣты пастуха сначала «сто», потомъ «тысяча», она не встаетъ. Но когда онъ говоритъ: «всѣ», она бросается въ двери. Жидкости проливаются и она должна оставить Гэсэра (Die Thaten, 115—119). Въ народныхъ монгольскихъ разсказахъ тема о ночныхъ посѣщеніяхъ стоитъ въ связи съ летучей мышью (Оч., IV, 174, 175).

Имена летучей мыши ни въ тюркскихъ, ни въ монгольскихъ нарѣчіяхъ не даютъ формы, очень близкой къ имени жены Гэсэра Теменъ-джиргаланъ или къ его собственному имени. На Енисеѣ встрѣчается тюркское джергашъ; западнѣе въ Алтаѣ джерганатъ; это послѣднее распространяется на з. до Волги (ярганатъ у каз. татаръ). По бурятски летучая мышь урмушѣ или хурмушѣ; у якутовъ urumichi. Въ тангутскомъ сказаніи (см. ниже, № 87) ночной посѣтитель Оріонъ, посѣщаемая женщина Плеяды (ск. съ примѣчаніемъ къ этому №). Джерканатъ по алтайскому сказанію (повидимому первый) шаманъ (Оч., IV, 169); по якутскому первый шаманъ Аргыхъ (Изв. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., т. XV, № 3—4, стр. 64); распаденіе Аргыла на гады сближаетъ эту фигуру съ Плеядами (по якутски Юргялъ), о которыхъ подобное разсказывается въ монгольскихъ сказаніяхъ (Очерки, IV, 203). По бурятски аргаланъ «левъ» и «слонъ» (Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., по эти., т. I, в. 1, стр. 119; в. 2, стр. 72).

Digitized by Google

Еще въ своихъ Очеркахъ, IV, я указалъ на вставку въ сказаніи о Гэсэрѣ изъ животнаго эпоса о летучей мыши; именно жены Гэсэра, желая узнать, куда онъ удаляется ежедневно, находятъ его въ обществѣ боговъ по ниткѣ, привязанной къ его одеждѣ; такимъ же образомъ жена летучей мыши, посѣщающей свою подругу только по ночамъ, по привязанной ниткѣ узнаетъ ее въ собраніи птицъ. Можетъ быть въ связи съ этой вставкой стоятъ нѣкоторыя имена, встрѣчающіяся въ Гэсэрѣ: Мандзанъ-Гёрмё, Ханъ-Тюрмасъ. Именемъ Мандзанъ-Гёрмё называется бабушка Гэсэра; оно похоже на Андзынъ-Хурумчи (Очерки, IV, 244), имя хитраго обманщика въ бурятскихъ сказкахъ, второй членъ котораго близокъ къ бурятскому имени летучей мыши: хурмуше [1]). Ханъ-Тюрмасъ повидимому то же, что монгольское Хормусту, являющееся у южносибирскихъ тюрковъ въ видѣ Гурбустенъ-ханъ, Курбустанъ или Учь-Курбустанъ. Тюркское учь, «три» явилось тутъ можетъ быть подъ вліяніемъ гурбу, «три» по монгольски [2]). Не назывался ли самъ Гэсэръ именемъ, подобнымъ Хурмуше? Въ тюркскихъ сказкахъ встрѣчаются сложныя: Козу-Курпешъ, Хэрэкъ-Кирвесъ; и то и другое имя въ связи съ темами, имѣющими отношеніе къ Гэсэру. Относительно Кэрэкъ-Кирвеса см. мою статью: «Монгольскія параллели» въ Этн. Обозр., кн. VIII (1891), стр. 163.

Богдо-Гэсэръ и сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ (см. статью А. Н. Веселовскаго: «Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ», Славянскій Сборникъ, III, Спб, 1876, стр. 122). Параллели: 1) Змѣя, свернувшагося кольцомъ вокругъ каравана (стр. 11) ср. съ городской стѣной Вавилона въ видѣ змѣя. 2) Мечу-самосѣку соотвѣтствуетъ колчанъ съ семью стрѣлами, оставленный Богдо-Гэсэромъ для защиты жены (стр. 18); еще ближе къ этому мечу будетъ сабля кулеме-селиме, которую для защиты жены оставляетъ Эртене-мергенъ въ урянхайской сказкѣ (Очерки, IV, 424); ср. также съ саблей Богдо-Гэсэра, которая сама вылетаетъ изъ ноженъ во время его войны съ Дёлмё-ханомъ (стр. 112). 3) Пустой, вымершій Вавилонъ; замершее царство Гуменъ-хана. 4) Послы достаютъ изъ мертваго Вавилона сердоликову крабицу и знаменіе; для этого приходится лѣзть по лѣстницѣ; при возвращеніи происходитъ приключеніе; послы падаютъ отъ испуга въ безпамятствѣ. Богдо Гэсэръ поднимается по лѣстницѣ на небо, чтобы добыть драгоцѣнности. Онъ закинутъ въ страну альбиновъ [3]) осердившейся владѣтельницей похищенныхъ эрдени. 5) Рогъ съ опьяняющимъ напиткомъ. Семь чашъ съ виномъ, поднесенныя Гэсэромъ обладательницѣ драгоцѣнностей.—Въ сказаніи о Вавилонскомъ царствѣ можно различить три эпизода: 1) дѣтство Находъ-Осора, 2) хожденіе за драгоцѣнностями и 3) войну Находъ-Осора съ Траклинскими или Долматинскими царями. 2-й эпизодъ будетъ соотвѣтствовать главѣ Гэсэра о Гумэнъ-ханѣ. 3-й—война съ Траклинскими царями—войнѣ съ тремя ширайгольскими или хорскими царями, или войнѣ съ царемъ Дёлмё. Дѣтство Гэсэра не представляетъ сходства съ дѣтствомъ Находъ-Осора, но одна сходная черта отыскивается въ бурятскомъ варіантѣ. Онъ найденышъ. Мать выбрасываетъ ребенка Гэсэра на степь и сама удаляется; его находитъ Сарагалъ-ханъ. Нѣтъ дерева (сосны), совы и козы около найденнаго ребенка. Повѣсть, давая этимологію Находъ-Осора, говоритъ, что осоръ значитъ сова. Ср. хаджиръ, большая и сильная птица изъ рода коршуновъ; Ванзаровъ, Черная вѣра въ Учен.Зап. Каз. унив., 1846, III, стр. 69. У Будагова, стр. 7: качыръ, родъ орла, баснослов. птица, живущая болѣе тысячи лѣтъ. Въ Очеркахъ, IV, 162; II, 143: орелъ по урянхайски: эсыръ. Ванзаровъ думалъ, что эта птица считалась символомъ Чингисъ-хана на основаніи одной рукописи, въ которой Чингисъ названъ: Хаджиръ-Чингисъ-тэнгри (см. Березинъ, Библ. вост. истор., Шейбаніада, стр. 19 тат. цифр.). О Чингисѣ, найденномъ младенцемъ подъ деревомъ, см. Очерки, IV, 229.

Эпизода о борьбѣ Гэсэра съ Галъ-Дёлмё-ханомъ въ Thaten нѣтъ, но онъ есть у Бергмана (Benjam. Bergmann, Nomadische Streifereien unter d. Kalmüken, Riga, 1804, Th., III, S. 252—279). Вмѣсто Галъ-Дёлмё у Бергмана Angdulmanchan; у него сто рукъ и сто глазъ. Убиваетъ его Sässä Schikär, выстрѣливъ ему въ глазъ, въ которомъ заключалась его душа. Алтайцы знаютъ Анъ-

[1]) Въ книжномъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ и Талинъ-ханѣ является женскій персонажъ Гурбесу. Сказаніе заставляетъ своихъ героевъ называть ее «мать Гурбесу». Мать по монгольски эджи.

[2]) Съ монгольскимъ Хормусту нѣкоторые оріенталисты сближаютъ алтайское курмось. Въ алтайскихъ сказаніяхъ есть Камъ-Курмосъ (Оч., IV, 328).

[3]) Альбины какіе-то злыя существа; ср. выше стр. 56 и 62; у Шмидта въ Die Thaten, 37, это Alwins; о «семи альбинахъ» говоритъ Гомбоевъ въ примѣчаніи къ Шиддикуру (Этн. Сб., VI, 87). Душа готовящагося сдѣлаться чернымъ шаманомъ, обучается у Эрлэнъ-хана въ альбани-сулганѣ (Агапитовъ и Хангаловъ, Матеріалы, стр. 45).

Digitized by Google

далма, морское чудовище, которое было убито Тюрунъ-Музыкаемъ (Вербицкій, Словарь алтайск. и аладаг. нарѣчій, Казань, 1884, стр. 21 и 103); Тюрунъ-Музыкай или Юрунъ-Музыкай, для борьбы съ Анъ-далма-моосомъ, сошелъ на землю и родился отъ дѣвицы Ерке-Шӱдӱнъ. Галъ-Дӧлмо уязвимъ только въ одинъ глазъ; Галданъ, въ сказаніи о монастырѣ Эрдэни-дзу (Оч., IV, 410), уязвимъ только въ одно мѣсто на животѣ; какъ будто въ прежнихъ редакціяхъ на мѣстѣ Галдана стоялъ Галъ-Дӧлмӧ. Сказаніе о монастырѣ Эрдэни-дзу, кажется, есть сказаніе о похищеніи или добываніи эрдэни. Въ русскихъ сказкахъ человѣкъ, похитившій изъ мертваго города скипетръ, державу и панахиду, попадаетъ потомъ къ одноглазому великану (Садовниковъ, Сказки и пред. Самарск. края, стр. 26; Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, в. 3 (Витебскъ 1887), стр. 205; Добровольскій, Смоленскій сборникъ, ч. I, (Спб. 1891), стр. 150), который называется лихо одноглазое, Дѣдъ Шкуропѣтъ, Козьма Кривой.

Дӧлмӧ ср. съ тюркомонгольскими именами Зарницы (Венеры): Цолмонъ, Солмонъ, Солбонъ. Бурятское сказаніе приписываетъ Солбону увозъ чужой невѣсты (Агап. и Ханг., Матеріалы, стр. 3). Не было ли той же темы и въ разсказѣ о Дӧлмӧ?

Смерть отъ выстрѣла, сдѣланнаго по глазамъ, разсказывается также въ бурятской сказкѣ. Тасъ-хара стрѣляетъ въ глаза старухи, находившіеся у ней на колѣнахъ. Содержаніе разсказа слѣдующее: Чингисъ-ханъ, по случаю пролившейся на землю крови у подстрѣленной лисицы, узнаетъ о существованіи красавицы жены Шудурмана и идетъ отобрать ее. Но у Шудурмана есть ворчунья черная старуха (харалши хара хамага), отъ ворчанья которой отваливаются отъ скалъ каменныя глыбы. Она замѣняетъ царю войско. Убить ее можетъ Тасъ-хара, но его нѣтъ при Чингисъ-ханѣ; онъ брошенъ ханомъ въ восьмидесятисаженную яму за то, что убилъ сороку вмѣсто павлина. Тасъ-хара освобожденъ, стрѣляетъ въ старуху, попадаетъ въ глаза на колѣнахъ и убиваетъ ее (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 113).

Въ книжныхъ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ, вмѣсто Шудурмана, тибетскій царь Шудургу, вмѣсто Тасъ-Хара Хасаръ. Хасаръ также не въ милости за то, что вмѣсто совы убилъ сороку; по приказанію хана онъ привязанъ къ оградѣ. На встрѣчу Чингисова войска отъ Шудургу-хана выходитъ старуха ракша и умерщвляетъ людей и лошадей посредствомъ заклинаній. Хасаръ освобожденъ, стрѣляетъ въ колѣно старухи и убиваетъ ее (Алт. Тобчи, стр. 140—143). У Сананъ Сэцэна эта старая волшебница названа Chara Chang и сказано, что она стояла на городской стѣнѣ (стр. 101).

Убіеніе старухи находится въ бурятскихъ сказаніяхъ о походѣ Чингиса къ Солнечному царю и о Шуно. Въ первомъ, помѣщенномъ въ Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 130—132, у Солнечнаго царя (соотвѣтствующаго Наранъ-хану № 56 нашего собранія), дочь котораго хочетъ полонить Чингисъ, есть старуха, которая на разстояніи девяноста девяти ночей поражаетъ смертью, однимъ своимъ словомъ. У Чингиса есть стрѣлокъ, который имѣетъ силу кидать стрѣлу на разстояніе ста ночей. Но онъ прогнѣвилъ хана, убилъ орла, парившаго надъ войскомъ и покровительствовавшаго ему; такъ доложено было царю врагами стрѣлка, и ханъ приказалъ закопать стрѣлка въ землю по горло. Вспомнили объ немъ, выгребли его изъ земли. Стрѣлокъ убилъ старуху. О глазахъ не говорится, имени стрѣлка не приведено, но по всѣмъ чертамъ, это тотъ же эпизодъ, что и предъидущій.

Въ разсказѣ о Шоно нѣтъ ни Чингиса, ни добыванія женщины. Шоно сынъ Хунъ-тайжи; братья по зависти клевещутъ на Шоно; отецъ велитъ посадить Шоно въ тюрьму. Во время одного затруднительнаго обстоятельства вспомнили о Шоно и освободили изъ тюрьмы. Шоно удаляется на службу къ Арынъ-Саганъ-хану, который ведетъ войну съ Аржэ-Буржэ-ханомъ; у послѣдняго есть старуха колдовка, отъ колдовства которой глыбы отъ скалъ откалываются. Шоно убиваетъ ее выстрѣломъ по колѣнамъ (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. 1, в. 2, стр. 36—49 и 135). Въ одномъ изъ варіантовъ, вмѣсто старухи, царица вражескаго войска (ibid., стр. 136).

Очевидно, всѣ четыре стрѣлка: Тасъ-Хара, Хасаръ, Шоно и безъимянный стрѣлокъ одинъ и тотъ же персонажъ. Всѣ они навлекаютъ гнѣвъ царя и попадаютъ за это подъ наказаніе; почти во всѣхъ они терпятъ несправедливо, потому что оклеветаны; Шоно оклеветанъ братьями; Тасъ-хара недоброжелателями; въ разсказѣ о Хасарѣ тоже проглядываетъ эта черта; о поведеніи Хасара докладываетъ хану въ искаженномъ видѣ какой-то рабъ [1]). Всѣ четверо наказаны;

[1]) Алт. Тобчи, 141: Боголъ-Мечинъ (Мечинъ, созв. Плеяды), донесъ Чингису на Хасара, что онъ

Digitized by Google

Хасаръ привязанъ къ оградѣ, какъ разсказываетъ Алтанъ-Тобчи, или просто скованъ, какъ у Сананъ-Сэцэна; оба источника говорятъ, что къ нему приставлено четыре караульщика; Тасъхара брошенъ въ глубокую яму, Шуно посаженъ въ тюрьму, а безъименный стрѣлокъ закопанъ въ землю по горло (какъ Алтынъ-хатысынъ, см. ч. I, стр. 123, или какъ въ русской былинѣ старшина сорока каликъ).

Къ этимъ четыремъ тожественнымъ стрѣлкамъ присоединяется и пятый, Гэсэръ, поразившій Дöлмö-хана въ глазъ. Въ разсказахъ объ этихъ стрѣлкахъ старуха волшебница насылаетъ смерть на своихъ противниковъ издали, посредствомъ однихъ заклинаній. Въ тибетскомъ Гэсэрѣ такой насылающей смерть издали старухи нѣтъ; вмѣсто нея старуха ан-дурсы, которая кропленіемъ водой оживляетъ своихъ убитыхъ воиновъ (см. выше стр. 18); ея войско не убываетъ и бой становится не ровный [1]). Въ преданіи о городѣ Кара-бадзырѣ смерть издали насылаетъ сама царица осажденнаго города (см. № 75); она вращаетъ какое-то смертоносное знамя [2]). Отсюда слѣдуетъ, что волшебница есть та самая женщина, которую добываетъ осаждающій царь. Въ разсказѣ о Шудургу она раздвоилась на жену Шудургу и на старуху; въ Гэсэрѣ тоже: Нчжугму и ан-дурсы. Или можетъ быть даже и на три: Нчжугму, ан-дурсы и ту женщину, которую Гэсэръ встрѣчаетъ на городской стѣнѣ. На то, что эта женщина понималась какъ одно лицо съ главнымъ женскимъ персонажемъ сказанія, указываетъ разсказъ о запястьѣ, который мы выше уже сблизили съ разсказомъ о Цаганъ-дара-экэ изъ Бодимора (см. выше, стр. 127). Жена Чингиса, утонувшая въ Хатунъ-голѣ. т. е. бывшая жена царя Шудургу, была воплощеніе Цаганъ-дары, какъ думаетъ ордосскій народъ. Это народное мнѣніе подкрѣпляется сравненіемъ разсказа о женѣ Шудургу съ сказаніемъ объ Окинь-тэнгри, грознымъ видоизмѣненіи Цаганъ-дары (см. примѣчанія къ № 56).

Гэсэръ не сидитъ въ ямѣ, подобно другимъ стрѣлкамъ. Въ сказаніи о Гэсэрѣ заточникомъ является другое лицо: Кала-мэмбыръ. Здѣсь двѣ темы: заточенье и бой съ волшебницей разъединились и раздѣлены между двумя лицами. Къ Кала-мэмбыру отнесена одна только тема заточенія, но при немъ изъ второй темы осталось окаменѣніе. Шоно проклятъ умирающей старухой и превращается въ черный камень (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 49 и 136); Кала-мэмбыръ также обращается въ камень.

Г. Стасовъ сближалъ Шуно съ Ильей Муромцемъ; но онъ ограничивался одной темой—сидѣнья въ ямѣ. Можно прибавить другую—смерть Соловья, который издали убивалъ людей однимъ своимъ свистомъ. Пораженіе въ глазъ также присвоивается разсказу о Соловьѣ, хотя смерть его послѣдовала по другому случаю.

Эпизодъ объ Ильѣ вставленъ въ былину о набѣгѣ на Кіевъ царя Калина, подобно тому, какъ разсказъ о Кала-мэмбырѣ вставленъ въ разсказъ о нашествіи хорскихъ царей на вотчину Гэсэра. Эти двѣ войны могутъ быть сближены: битва русскихъ богатырей съ татарами и битва богатырей Гэсэра съ ширай-голами (хорами тангутскаго варіанта); обѣ кончаются тѣмъ, что богатыри окаменѣваютъ (стр. 99).

Братья Шуно въ нѣкоторыхъ варіантахъ разсказа о немъ называются Темирсана и Амурсана (Очерки, IV, 298; ср. также 224 и 898). Темирсана можетъ быть то же, что темиръ-сынъ, «желѣзный олень», о которомъ сказано выше (стр. 126) и вмѣстѣ съ тѣмъ Темиръ-гасунъ, «желѣзный колъ»; то есть Полярная звѣзда, потому что можно подозрѣвать, что она называлась такимъ образомъ. Въ такомъ случаѣ разсказъ о Шуно въ ямѣ или, еще лучше, о стрѣлкѣ, закопанномъ въ землю по горло, есть миѳъ о Полярной звѣздѣ (см. примѣч. къ № 88).

Къ стр. 94: Дочь Самба-гарву не оглянулась, когда женихъ повезъ ее изъ родительскаго дома. Здѣсь указаніе на обычай, требующій оглянуться. Въ другихъ случаяхъ запрещается оглядываться. Г. Батаровъ, замѣтки котораго помѣщены въ Зап. Вост. Сиб. Отдѣла Геогр. Общ. по этн., т. II, в. 2, сообщилъ мнѣ въ письмѣ, что у бурятъ существуетъ обычай: невѣста не должна

будучи навеселѣ, держалъ за руки жену Чингиса, Хулану. Этотъ разсказъ не стоитъ въ связи съ эпизодомъ о постигшей Хасара карѣ, но не вслѣдствіе ли этой клеветы Хасаръ былъ привязанъ къ стѣнѣ?

[1]) Ср. съ кавказскимъ разсказомъ о Бэдуху, женѣ Тлебицы, которая своимъ дыханіемъ исцѣляетъ раны своихъ приверженцевъ (Сборн. матер. для оп. мѣстн. и плем. Кавказа, в. XII, стр. 55 и 56).

[2]) Въ преданіи о раззореніи Эрдэни-дзу (Очерки, IV, 410) также соединены двѣ темы: единственная уязвимая точка (на животѣ Галдана) и орудіе, отъ вращенія котораго въ лагерѣ противниковъ происходитъ смертность.

Digitized by Google

оглядываться назадъ, когда ее отвозятъ изъ родительскаго дома. Ср. Radloff, Proben, IV, 449; Записки Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. 1, в. 2, стр. 142. Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ., 1858, ч. XXIV, смѣсь, стр. 71.

---

2. a. ИРИНЪ-САЙНЪ-АЛТЫНЪ-ГОРГОЛТАЙ.

(Монгольскій разсказъ).

Въ старое время былъ одинъ славный витязь (сайнъ ери) Иринъ-сайнъ-алтынъ-горголтай. Однажды онъ отправился на Алтай, чтобы возжечь тринадцать сановъ [1]). (Ѣдучи), въ переднихъ звѣрей онъ, крича, впереди стрѣлялъ, въ заднихъ, крича, сзади стрѣлялъ. (Въ это время) въ табунѣ одна сѣрая лошадь (борокчинъ гу) родила славнаго жеребенка пестрой масти съ ушами, по девяти вершковъ длиной (иринто бiитей юсунъ-тӧ чикитей). Великiй, великiй крикъ издавая, онъ вернулся домой. Мать спрашиваетъ: Что за причина, что ты такъ кричишь? «Ай!» говоритъ Иринъ-сайнъ матери: «сѣрая кобыла родила славнаго жеребенка пестрой масти съ ушами по девяти вершковъ. Обрадовавшись, я сильно кричалъ». (Мать говоритъ:) «Это для моего сына долженъ былъ родиться такой жеребенокъ. Бережно ѣзди на немъ!»

Однажды Иринъ-сайнъ на охотѣ настрѣлялъ разныхъ звѣрей, сдѣлалъ изъ нихъ правильный четвероугольный вьюкъ, навьючилъ (на своего коня) ровнѣхонько на обѣ стороны (тебъ текши тӧбъ тӧрбельджинъ ачигадъ), вернулся домой. «Эй, снимите звѣрей съ коня на землю!» закричалъ онъ. Изъ дома никто на его крикъ не вышелъ. Тогда онъ и съ правой и съ лѣвой стороны коня вьюки сбросилъ на землю, раскидалъ и такъ ихъ оставилъ, самъ вошелъ въ юрту. Черноглазая (хара нюдунту) говоритъ: «Я хотѣла выйдти, снять вьюки, но прекрасная «хатуна», мать твоя заболѣла». Утирая ротъ соболинымъ рукавомъ, широкимъ какъ дебиръ [2]), онъ сказалъ: «Сегодня ли рано или завтра поздно, мать моя должна умереть! Нѣтъ ли какого средства помочь (аргатай тосатай ягунъ би)?» Мать говоритъ: «Въ сторонѣ, гдѣ восходитъ солнце, живутъ три брата Атхаръ-хара-мангыс'ы. Нужно девяносто девять лѣтъ, чтобы до нихъ доѣхать. Внутреннее сердце (голто дзюрку) младшаго изъ нихъ (отхонъ хара мангысъ) имѣетъ цѣлебное свойство. Если мать твоя поѣстъ его, она выздоровѣетъ». Поѣхалъ Иринъ-сайнъ. Годичное пространство ѣзды сокращая въ мѣсячное, мѣсячное сокращая въ дневное, онъ ѣхалъ. Густой лѣсъ загородилъ ему дорогу. Онъ спрашиваетъ у коня, какъ имъ проѣхать. «Стрѣляй изъ лука!» сказалъ конь. Иринъ-сайнъ пустилъ стрѣлу; въ лѣсу образовалась дорога шириной, чтобы завьюченный верблюдъ могъ пройдти; по этой до-

---

[1]) Санъ—курево изъ можжевельника въ честь боговъ.

[2]) Дебиръ—войлокъ, которымъ покрывается верхъ юрты.

Digitized by Google

рогѣ Иринъ-сайнъ проѣхалъ далѣе. Великое море загородило имъ путь. «Тутъ какимъ средствомъ проѣдемъ?» спрашиваетъ Иринъ-сайнъ у своего коня. Конь говоритъ: «Выдерни изъ моего хвоста одинъ волосъ, положи его на воду и скажи: будь мостомъ!» Иринъ-сайнъ выдернулъ изъ хвоста лошади волосъ, положилъ его на воду и сказалъ: будь мостомъ! Волосъ сдѣлался мостомъ и Иринъ-сайнъ переѣхалъ на другую сторону моря. За моремъ, тамъ, гдѣ небо достигаетъ предѣла, стояли три большія бѣлыя юрты. Иринъ-сайнъ вошелъ въ одну изъ этихъ юртъ. Тамъ была прекрасная женщина. Иринъ-сайнъ спросилъ ее: «Твой мужъ куда отправился?» Она не отвѣтила. На западномъ ханѣ [1]) было веретено. Онъ ткнулъ ее веретеномъ въ задъ. Женщина сказала: «Я жена старшаго хара-мангыса!» Рано утромъ, по выходѣ солнца, Иринъ-сайнъ достигъ средней юрты; въ ней также была прекрасная женщина. Онъ спросилъ ее: «Твой мужъ куда отправился?» Она ему не сказала. Онъ взялъ веретено и ткнулъ её въ задъ. Она сказала ему: «Я жена средняго хара-мангыса! Онъ въ полдень домой придетъ!» Иринъ-сайнъ доѣхалъ до передней юрты; и въ ней также красивая женщина. Иринъ-сайнъ спросилъ: «Твой мужъ куда отправился?» Она ему не отвѣтила. Но когда онъ и её ткнулъ веретеномъ, она отвѣчала: «Я жена младшаго хара-мангыса! Вечеромъ онъ пріѣдетъ, съ дождемъ и свистомъ вѣтра, съ громомъ, какъ отъ тысячи драконовъ, верхней губой обнимая небесную ширь, нижней губой обнимая земную ширь и проглатывая завьюченныхъ верблюдовъ съ юртами и людьми вмѣстѣ» (боро боро боргонъ урусаръ сэрь сэрь салкисыгаръ мингынъ лунъ дагу гарысыгаръ дэдъ урулъ тэнгріинъ кырысу хомурсыгаръ додъ урулъ гаджирэнъ кырысу хомурсыгаръ айляръ кумунъ ачагаръ темеге цзальгисгаръ). Въѣхавъ на гору Болдзотэнъ-ула [2]), Иринъ-сайнъ убилъ старшаго хара-мангыса (ики хара мангысъ). Когда пріѣхалъ средній хара-мангысъ (донду хара мангысъ), Иринъ-сайнъ убилъ и его. Когда пріѣхалъ младшій хара-мангысъ (бага хара мангысъ), Иринъ-сайнъ выстрѣлилъ по нему, но не могъ убить. Десять сутокъ они, схватившись, боролись, безъ перевѣса на чьей-либо сторонѣ; двадцать сутокъ они, схватившись, боролись, но перевѣса ни на чьей сторонѣ нѣтъ. Тогда лошадь Иринъ-сайна прибѣжала къ нему и говоритъ: «Твоя сила ослабла! сила мангыса прибыла!» Иринъ-сайнъ говоритъ коню: «Скорѣе, какъ можно, укажи, что дѣлать?» Конь говоритъ: «Если ты просунешь руку за спину мангыса, тамъ найдешь поперегъ (лежащую) тетиву (конделенъ хобчи). Если перервешь её, тогда убьешь мангыса!» Иринъ-сайнъ такъ и сдѣлалъ; перервалъ шерсть мангыса (мангысэнъ ногусыгъ), разрубилъ ребра и раскрылъ утробу мангыса, въ которой мучились люди, проглоченные съ верблюдами, съ вьюками и съ юртами. Ихъ мученія прекратились.

Взявъ сердце мангыса, Иринъ-сайнъ поѣхалъ домой. Пріѣхавъ къ тремъ женщинамъ, онъ велѣлъ имъ ѣхать вслѣдъ за собой. Гдѣ будетъ кривая дорога, тамъ велѣлъ имъ останавливаться на ночлегъ, гдѣ прямая дорога, тамъ ѣхать впередъ.

---

[1]) Ханъ—юрточная рѣшетка, по киргизски кереге.

[2]) Болдзо—сборное мѣсто, сборище.

Digitized by Google

Проѣхавъ густой лѣсъ, пріѣхали къ морю. Лошадь говоритъ: «Я проѣду, но ты крѣпче стисни» (твои колѣна). Когда конь бѣжалъ по водѣ, четыре копыта его отгнили въ морской водѣ. Иринъ-сайнъ привязалъ ихъ къ ногамъ лошади шелкомъ, но проѣхалъ еще годъ и лошадь умерла. Взваливъ сердце мангыса на спину, Иринъ-сайнъ пошелъ домой пѣшкомъ. Пришедши въ землю своей матери, онъ отдалъ ей сердце. Мать отдала серце мангыса Гучжигэнъ-гомбу, зятю Дзамбу-дзерликъ-хана (Дзамбу дзерликъ ханай кургунъ гучжигенъ гомбу). Гучжигенъ-гомбу, съѣвъ сердце, сдѣлался очень сильнымъ. Онъ схватился бороться съ Иринъ-сайномъ. Десять сутокъ боролись, двадцать сутокъ боролись, остались равными въ борьбѣ. «Ай, черноглазая (ай хара нидунту)! подо мной насыпь муки, подъ врагомъ насыпь желѣзнаго гороху». Она насыпала муки подъ Гучжигенъ-гомбу и желѣзнаго гороху подъ Иринъ-сайна. Иринъ-сайнъ-алтынъ-горголтай, поскользнувшись, упалъ. Тотчасъ Гучжигенъ-гомбу придавилъ его и убилъ; выкопалъ яму въ семьдесятъ саженъ глубиной и въ ней придавилъ Иринъ-сайна.

Пріѣхали три небесныхъ дагине (тэнгріинъ гурбунъ дагине абагай). Одна изъ нихъ перешагнула черезъ Иринъ-сайна и сказала: «кости и мясо будьте цѣлы!» другая перешагнула и сказала: «кости и кожа будьте цѣлы!» третья перешагнула и сказала: «душа и тѣло будьте цѣлы!» Иринъ-сайнъ проснулся и говоритъ: «Какъ я долго спалъ» (би ямыръ ики нойрисэксэнъ билэ)! Дагине сказали: «Твоя мать и твой младшій братъ Гучжигенъ-гомбу выкопали яму, глубиною въ семьдесятъ саженъ, бросили тебя въ нее и придавили!» Пошелъ Иринъ-сайнъ къ табунамъ, спрашиваетъ: «Чьи эти табуны?» Ему отвѣчаютъ: «Прежде это были табуны Иринъ-сайнъ-алтынъ-горголтая, а теперь стали Гучжигенъ-гомбу, зятя Дзамбу-дзерликъ-хана». Иринъ-сайнъ убилъ Гучжигенъ-гомбу, взялъ свою мать, черноглазую хатуну, забралъ имущество и вернулся въ свой домъ.

Монголъ-халха изъ хошуна Тачжи-урянхай въ восточномъ Алтаѣ.

---

6. ИРИНЪ-САЙНЪ-ГУНЫНЪ-ХАРА.

(Монгольскій разсказъ).

Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара, сынъ завѣдующаго серединой запада Боду-тюбъ-хана, имѣлъ сивую лошадь Уйлинъ [1]), три золотыхъ родника, три сандальныхъ дерева, младшаго брата Явей-чагана, мачиху, тринадцать горъ и пеструю саврасую кобылу (барунъ тубигъ ечжилекчи Боду тюбъ ханай ху Иринъ сайнъ гунынъ хара уйлинъ хуху моритай гурбынъ алтынъ булыктай гурбынъ зандынъ модотай Явей чаганъ дуутей ниге хойту еджитей арбанъ гурбынъ олытай тарлунъ хулакчи гуутей).

[1]) Уйлинъ—облачную.

Digitized by Google

Рано, рано (по утрамъ) онъ выѣзжалъ къ тринадцати горамъ дѣлать санъ. Однажды онъ выѣхалъ дѣлать санъ, его увидѣла перебродившая черезъ воду царевна, дочь Уртай-шара-хана (Уртай-шара ханай гуньчжа) и сказала отцу: «Сынъ Боду-тюбъ-хана Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара на тринадцати горахъ разложилъ санъ и поетъ духовныя пѣсни». Уртай-шара-ханъ пріѣхалъ къ Иринъ-сайну и говоритъ: «Поѣдемъ завтра вдвоемъ на сборный сѣрый холмъ (больчжотэнъ боро тологой) и поиграемъ!» Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара вернулся домой. На завтра рано онъ отправился къ тринадцати горамъ, сдѣлалъ санъ, пропѣлъ духовныя пѣсни и сидитъ; гуньчжа Уртай-шара-хана увидѣла его. Когда Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара поѣхалъ къ сборному сѣрому холму и Уртай-шара-ханъ также пріѣхалъ туда. Во время игры (борьбы?) Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара убилъ Уртай-шара-хана. Убивши, онъ вырылъ яму въ девять саженъ (юсунъ алда худукъ), бросилъ въ нее Уртай-шара-хана и скалой придавилъ отверзтіе ямы, а пестро-саврасой кобылѣ (тарлунъ хулакчи гу) заказалъ, если Уртай-шара-ханъ вылѣзетъ изъ ямы, дать объ этомъ знать топотомъ копытъ. Тогда, думаетъ, я убью мать. Послѣ этого Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара вернулся домой, а на завтра опять поѣхалъ къ тринадцати горамъ дѣлать санъ. Его мачиха пошла сзади его, дошла до сборнаго сѣраго холма, смотритъ и видитъ въ одной горной впадинѣ (нигенъ тухумду) стоитъ пестрая саврасая кобыла. Зачѣмъ она здѣсь? думаетъ она. Въ это время изъ ямы послышался человѣческій голосъ: «Накорми душу» (ами ассыра)! Мачиха сняла съ ямы камень, вынула Уртай-шара-хана, привела домой и спрятала въ ящикъ. Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара пришелъ домой. Мачиха обыкновенно зажаривала кусокъ мяса и давала ему (когда онъ возвращался. На этотъ разъ) она не зажарила для него мяса. Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара говоритъ ей: «Мать, мать! ты жарила для меня кусокъ мяса. А теперь что же?» Мачиха говоритъ: «Не нужно жарить кусокъ мяса. Я умираю!»

Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара говоритъ: «Мать, мать! Откуда можно достать лекарство, какой лекарь можетъ помочь? если пригласимъ лекаря, да у него нѣтъ хорошаго лекарства, или если найдетъ лекарство, да отъ него не будетъ пользы, то гдѣ найдти пользу?» Мать говоритъ: «Въ девяносто девяти мѣсяцахъ ѣзды отсюда есть земля; тамъ есть Индерь-хара-мангусъ; его легкія и печень помогутъ мнѣ». Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара взялъ лукъ Тартагай, сдѣланный изъ семидесяти коровьихъ шкуръ, сѣлъ на гнѣдую лошадь Кебысъ [1]) и, землю въ девять мѣсяцевъ ѣзды въ девять дней проѣзжая, землю въ девять дней въ девять часовъ проѣзжая, доѣхалъ до Индерь-хара-мангыса, убилъ его, добылъ его легкія и печень и сидитъ. Прилетѣла одна птица и прокричала: возьми большой палецъ! возьми большой палецъ! (ерх' бчи! ерх' бчи!). Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара думаетъ, что значатъ эти слова. Онъ отрѣзалъ у мангыса одинъ большой палецъ, изъ него вышла дѣвица; отрѣзалъ другой большой палецъ, изъ него вышла другая дѣвица. Взявъ съ собою тѣхъ двухъ женщинъ, а также легкія и печень мангыса, онъ вернулся домой и передалъ

[1]) Въ бурятскомъ кибынъ, «быстрый». Есть бурятская пѣсня, въ которой поется: кибынъ, кибынъ джоро, «быстрый, быстрый иноходецъ».

Digitized by Google

мангысовы легкія и печень матери. Мать Иринъ-сайна солгала, что она заболѣла, и украдкой отъ него передала печень и легкія Уртай-шара-хану, который отъ нихъ выздоровѣлъ. Въ намѣреніи погубить Иринъ-сайна, мать послала его къ океану (хата далай) привести оттуда оленя самца (ерь богу). Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара пріѣхалъ къ берегу океана; когда онъ готовился убить оленя, оленуха (емь богу) прибѣжала и убила самого Иринъ-сайна. Двѣ дѣвицы увидѣли во снѣ, что Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара умеръ и отправились на берегъ океана. Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара лежитъ мертвый на берегу моря. Двѣ дѣвицы положили на него печень мангыса, Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара всталъ живой. Убивши одного оленя, онъ вмѣстѣ съ двумя женщинами съѣлъ его; потомъ убилъ Уртай-шара-хана, взялъ весь его народъ и вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ Явей-чаганомъ и двумя женщинами зажилъ счастливо.

Лама Ратна-бала, родомъ изъ Ордоса, хошуна вана.

Теперь мы имѣемъ пять варіантовъ сказки объ Иринъ-сайнѣ: алтайскій (Оч. с. з. Монг., IV, 427), дюрбютскій (Оч., II, 429), два халхаскихъ, одинъ изъ Заинъ-шабинской земли (Оч., II, 178), другой изъ хошуна Тайчжи-урянхай, и одинъ ордосскій. Два вновь записанные варіанта содержатъ тему, которой въ прежде записанныхъ не встрѣчалось; такъ какъ мѣстности, въ которыхъ они записаны, очень удалены одна отъ другой (не менѣе тысячи верстъ), то соединеніе съ этой темой имени Иринъ-сайна не можетъ быть вмѣнено произволу разсказчика; варіанты съ такимъ содержаніемъ, надо полагать, древни.

Въ Оч., IV, 916 я сопоставилъ имя Иринъ съ Эртэне или Эртэ. Въ алтайскомъ варіантѣ Иринъ-шайнъ ѣдетъ къ Ерлику за джиракы, въ залогъ оставляетъ Ерлику своего коня, но конь убѣгаетъ и догоняетъ хозяина, везущаго джиракы; въ урянхайской сказкѣ (Очерки, IV, 421) Эртэне-мергенъ ѣдетъ къ Сорчжи-бакши за Колду-бурханомъ, оставляетъ въ залогъ своего коня, но конь убѣгаетъ и догоняетъ своего хозяина, везущаго бурхана. Въ генеалогическихъ преданіяхъ племени Хото-гайту замѣщаются формы: Иринъ-сайнъ-уланъ-хунъ-тайджи и Эртэ-сайнъ-хунъ-тайджи; мы сопоставили эти формы съ Рашидъ-эддиновскимъ: Джерке Линъ-гунъ, и такимъ образомъ свели форму Иринъ съ формами Эртэ и Джерке. Въ монгольскихъ книжныхъ сказаніяхъ встрѣчается также форма Эркэ (Эркэ-хара, братъ Вана киреитскаго; Эркэ, по мнѣнію о. Палладія, центральное лицо въ культѣ религіозной секты въ Монголіи въ средніе вѣка, извѣстной подъ именемъ Эркэунъ или Архаунъ). Въ живомъ монгольскомъ фольклорѣ форма Эркэ не встрѣчена въ соединеніи съ членомъ сайнъ взамѣнъ Эртэ или Иринъ, но она въ одной легендѣ поставлена въ связь съ темой о зарытіи въ землю, а именно въ легендѣ о суркѣ (см. № 92); Эркэ-мергенъ зарывается въ землю. Въ киргизской сказкѣ (Radloff, Proben, III, 321) съ именемъ Алдаръ-Эркэмъ соединена тема о измѣнницѣ сестрѣ и опущенномъ въ яму братѣ.

Тема бросанія богатыря въ яму есть въ сказкахъ, помѣщенныхъ въ Очеркахъ, IV, №№ 146 и 147; обѣ сходны между собой и въ нѣкоторыхъ чертахъ представляютъ сходство съ Иринъ-сайномъ (№ 137): 1) Смерть Хоролдай-мергена въ родѣ смерти Мангыса; Дзалута [1]) дѣлаетъ дзаду (грозу, непогоду), какъ и Иринъ-сайнъ. 2) Иринъ-сайнъ возвращаетъ увезенную Мангысомъ мать, потомъ ѣдетъ за своей невѣстой; Дзалута возвращаетъ увезенную Мангысомъ жену и достаетъ невѣсту своему сыну. 3) Въ обѣихъ сказкахъ упоминаются письма, оставленныя на мѣстѣ разоренной родины. 4) Въ Иринъ-сайнѣ одинъ изъ соискателей невѣсты называется Тэнгріинъ-хутемиръ-бӧсь [2]); въ Дзалута-мергенѣ это два лица, два отдѣльныхъ соискателя: Тэнгріинъ-ху-

---

[1]) Дзала—кисть на шапкѣ; дзалатай—имѣющій кисть на шапкѣ.

[2]) Тэнгріинъ-ху, «сынъ неба».

Digitized by Google

тебикъ-уланъ-дзалута и Темиръ-бёсь. 5) Иринъ-сайнъ (Оч., IV, 467) достаетъ невѣсту Толи-зандань-тайгне; Дзалута-мергенъ привозитъ Абахай-зандынъ [1]).

Въ Урусланѣ Ундольскаго и у Садовникова, Сказки и пред. Самарск. края, въ № 4, сходномъ съ Урусланомъ, есть эпизодъ о царевнѣ, обреченной змѣю; въ Иринъ-сайнѣ, на связь котораго съ нашимъ Урусланомъ указано мною въ Очеркахъ, IV, стр. 912 и въ Запискахъ Вост. Сиб. Отдѣла Геогр. Общ. по эти., т. I, в. 1, стр. 149, этого эпизода нѣтъ. Въ Дзалута-мергенѣ, можетъ быть какъ слѣдъ этого эпизода, остались сонъ богатыря и обращенная къ женщинѣ просьба разбудить при пріѣздѣ Мангыса уколомъ булавки.

Въ № 146 къ трупу убитаго Дзалута-мергена конь привозитъ съ неба Тэнгріинъ-ху; это повидимому мужской персонажъ. Въ № 147 конь привозитъ дочь Ириттэ-обёгона, «старика Ириттэ'я» (не одно ли съ Иринтей-убугуномъ, «старикомъ Иринтеемъ» въ Оч., II, 173?). Въ другихъ сходныхъ сказкахъ, какъ наприм. о Хангаваѣ (Оч., IV, 587) богатыря изъ ямы вынимаетъ сестра; поэтому Ириттэ-обёгонъ не былъ ли отецъ и Дзалута-мергена. О Дзалутамергенѣ разсказывается два эпизода: 1) спасеніе дѣвицы, обреченной змѣю; слеза, пробуждающая отъ богатырскаго сна; 2) яма.

Въ дюрбютскомъ сказаніи Иринъ-сайнъ на пути къ царю Тотурхаю Илгысэну встрѣчаетъ брата Арслана, который сторожитъ владѣнія царя неба, своего отца; Иринъ-сайнъ, не зная ничего о родствѣ съ нимъ, вступаетъ съ нимъ въ борьбу.

У Шмидта (Gesch. d. Ost-Mong., 317) есть сложное Itegel Arsslan chaghan. Онъ былъ сынъ Gassalan ügei Nomuhn chan'a и братъ Soon Tsericta'я; братья сильно дрались изъ за трона и наконецъ одинъ изъ трехъ сыновей Зонъ-цзериктуя бѣжалъ и сталъ царемъ Тибета, пятымъ послѣ Todorchoi Ilaguskan'a. И такъ здѣсь 1) борьба двухъ братьевъ и 2) два сходныхъ имени: Арсланъ и Тотурхай-Илгысэнъ (Оч., IV, 467 и 470). Объ Итегелѣ или Itel'ѣ см. Kastren, Finn. Myth., введ., стр. 2. Въ нѣмецкомъ текстѣ Itegel; монгольскими буквами написано итель. Илгысэнъ есть народная форма книжнаго илагускэнъ.

---

3. АРДЖИ-БОРДЖИ.

(Монгольскій разсказъ).

Былъ царь Арджи-борджи. Около города, въ которомъ онъ жилъ, дѣти играли,— кто взбѣжитъ на холмъ, тотъ становился царемъ въ этотъ день.

Одинъ человѣкъ, по имени Дзу, ушелъ на поиски въ дальнія страны и нашелъ драгоцѣнность молоръ-эрдени; возвращаясь, встрѣтился съ землякомъ Ли и попросилъ отнести эрдени домой и передать женѣ. Ли, пришедши домой, уговорился съ двумя вельможами раздѣлить съ ними молоръ-эрдени, если они согласятся на судѣ съ Дзу поддержать его. Вельможи дали слово и молоръ-эрдени было раздѣлено. Между тѣмъ Дзу нашелъ еще другую драгоцѣнность чиндамани-эрдени и вернулся домой. На его требованіе отдать молоръ-эрдени Ли отвѣчалъ ему, что онъ передалъ драгоцѣнность его женѣ. Дзу пожаловался на Ли царю Арджи-борджи. Ли продолжалъ увѣрять, что онъ передалъ драгоцѣнность женѣ Дзу при двухъ свидѣтеляхъ, двухъ вельможахъ; царь призвалъ вельможъ и тѣ подтвердили слова

---

[1]) Толи, «зеркало»; зандань, «сандальное дерево»; абахай —дѣвица въ сказкахъ; тайгне то же, что дагине, дакини, небесная дѣва.

Digitized by Google

Ли. Арджи-борджи призналъ Ли правымъ. Дзу пошелъ отъ царя и дорогой плакалъ. Дѣтскій царь увидѣлъ его, подозвалъ и спросилъ о причинѣ его слезъ. Дзу разсказалъ о своей бѣдѣ. «Хочешь, я, дѣтскій царь, разсужу тебя?» спрашиваетъ мальчикъ. Дзу изъявилъ согласіе. Мальчикъ призвалъ Ли и вельможъ свидѣтелей, посадилъ ихъ всѣхъ отдѣльно другъ отъ друга и велѣлъ имъ всѣмъ сдѣлать изъ глины форму молоръ-эрдени. Одинъ изъ вельможъ сдѣлалъ её въ родѣ овечьей головы, другой въ родѣ свиной, только формы Дзу и Ли вышли похожи на молоръ-эрдени. Тогда дѣтскій царь посылаетъ сказать царю Арджи-борджи: «Дзу и Ли сдѣлали свои модели вѣрно потому, что видѣли молоръ-эрдени; вельможи слѣлали ихъ невѣрно потому, что не видали. Они приглашены похитителемъ драгоцѣнности для ложнаго свидѣтельства. Поэтому настоящій владѣлецъ драгоцѣнности есть Дзу. Какъ же ты не умѣлъ разсудить и отдалъ драгоцѣнность вору? Ты долженъ уступить свой престолъ мнѣ!»

Одинъ человѣкъ отлучился изъ дому, оставивъ жену съ мальчикомъ. Безъ него у жены явился другой мальчикъ, точь въ точь такой-же. Когда отецъ вернулся, онъ не зналъ, котораго изъ двухъ своихъ мальчиковъ признавать за своего настоящаго сына. Онъ пошелъ судиться къ Арджи-борджи. Царь сказалъ: «Настоящій сынъ долженъ помнить девять предковъ». Сынъ бѣднаго человѣка не могъ пересчитать столько предковъ, а читкуръ (чортъ), принявшій одинаковый съ нимъ видъ, пересчиталъ всѣхъ девять. Арджи-борджи передалъ читкура отцу, а настоящаго сына прогналъ. Тотъ пошелъ прочь и заплакалъ. Увидалъ его слезы дѣтскій царь и говоритъ: «Хочешь, я, дѣтскій царь, разсужу тебя?» Онъ призвалъ читкура и говоритъ обоимъ: «Тотъ, который изъ васъ настоящій, влѣзетъ вотъ въ эту лонху (бутылку), а принявшій чужой видъ не влѣзетъ». Читкуръ влѣзъ въ бутулку; дѣтскій царь тотчасъ закупорилъ бутылку и отослалъ её къ Арджи-борджи съ словами: «Какъ это ты разсудилъ невѣрно! Читкура оставилъ въ семьѣ, а человѣка прогналъ. Ты долженъ уступить престолъ мнѣ!»

Тогда Арджи-борджи взялъ солдатъ и раскопалъ холмъ, на которомъ играли дѣти. Обнажился престолъ на деревянныхъ солдатикахъ. Арджи-борджи хотѣлъ сѣсть на престолъ, но одинъ солдатикъ остановилъ его словами: «Если ты считаешь себя столь же мудрымъ, каковъ былъ царь, сидѣвшій на этомъ престолѣ, то садись!» И онъ вслѣдъ за тѣмъ разсказалъ слѣдующее:

Былъ царь Байрмагастэ; у него было двѣ жены, старшая Чечекъ-бучюкчи имѣла ребенка; младшая была бездѣтна. Царь днемъ правилъ народомъ, а ночью оставлялъ человѣческую оболочку и отправлялся на небо и тамъ чинилъ судъ или службу. Однажды младшая жена со злымъ умысломъ противъ своего мужа сожгла его человѣческую оболочку. Царь Байрмагастэ, вернувшись съ неба и не найдя своей земной оболочки, сказалъ старшей женѣ, что онъ не можетъ болѣе оставаться на землѣ, что сюда придутъ 500 шолмо и возьмутъ его царство и что она съ своимъ ребенкомъ должна бѣжать въ царство Ли-хагана. Дорогой одна изъ семи провожавшихъ её дѣвицъ забеременѣла и, боясь наказанія, положила ребенка въ волчью нору. Ли-хаганъ принялъ вдову и далъ ей домъ.

Digitized by Google

Шли купцы и нашли въ степи мальчика, играющаго у волчьей норы съ 4 волчатами. Спросили его, кто онъ. Онъ сказалъ, что эти четыре волченка его братья, а его отецъ и мать, волкъ и волчица, ушли на добычу. Глава купцовъ взялъ мальчика и далъ ему имя Шялъ. Купцы расположились на ночлегъ у одной рѣчки. По этой рѣчкѣ въ это время охотился Амагасадэкчи, сынъ царицы Чечекъ-бучюкчи. Онъ подъѣхалъ къ каравану. Въ это время два волка бѣгаютъ кругомъ каравана и воютъ. Глава каравана говоритъ: «Шялъ! ты знаешь по волчьи. Что говорятъ волки?» Шялъ говоритъ: «Это мои родители. Они говорятъ, что ночью по рѣкѣ поплыветъ мертвое тѣло и что въ его бедрѣ заключается молоръ-эрдени». Амагасадэкчи, подслушавъ эти слова, поймалъ мертвое тѣло и вырѣзалъ изъ него эрдени. На другой день караванъ сдѣлалъ переходъ и вновь ночевалъ на рѣкѣ. Опять волки сообщаютъ Шялу, что въ рѣкѣ прибудетъ вода и затопитъ то мѣсто, гдѣ стоитъ караванъ. Люди встали, навьючили половину товаровъ и перенесли ихъ на высокое мѣсто, потомъ отправились за остальными товарами. Въ это время Амагасадэкчи подошелъ къ мѣсту, гдѣ лежали перенесенные товары и на всѣхъ нихъ наложилъ печати своего отца, потомъ пошелъ къ Ли-хагану и сказалъ, что эти купцы разграбили домъ его отца. Царь велѣлъ посадить ихъ въ тюрьму и потомъ казнить. Но Амагасадэкчи уговорилъ его отпустить ихъ и только взялъ Шяла.

Амагасадэкчи и Шялъ вдвоемъ отправляются въ бывшее царство Байрмагастэ. Входятъ въ одинъ домъ, живущіе въ немъ плачутъ. Они разспрашиваютъ, о чемъ плачутъ люди; тѣ говорятъ, что шолмо въ числѣ 500 съѣдаютъ ежедневно по 500 человѣкъ; сегодня назначено идти на съѣденіе единственному сыну той семьи, въ домъ которой вошли Амагасадэкчи и Шялъ. Амагасадэкчи берется заступить мѣсто этого человѣка, велитъ приготовить 500 лонху вина и ставитъ ихъ во дворцѣ отца. Приходятъ 500 шолмо, набрасываются на вино, напиваются пьяными и Амагасадэкчи убиваетъ ихъ.

Пунсукъ-нема, ордосскій лама.

По сравненію съ другими народными сказками можно предположить, что первоначальная редакція заставляла младшую жену сдѣлать уговоръ съ богатыремъ Шюлмо (т. е. Шолмономъ), что она лишитъ мужа земной оболочки и вступитъ въ бракъ съ Шолмо. Спаиванія мужа виномъ, какъ въ другихъ сказкахъ, здѣсь нѣтъ; оно перенесено въ конецъ сказки. Въ сказкѣ, помѣщенной въ Оч., IV, 237 тоже что-то сжигается, послѣ чего мужъ умираетъ, а жена отдается другому. Лишеніе земной оболочки ср. съ разсказомъ о Гэсэрѣ, который по хитростямъ жены обращается въ осла, т. е. земная его жизнь прекращается. Конецъ сказки (Амагасадэкчи предлагаетъ себя вмѣсто обреченнаго въ жертву) ср. съ № 115 въ Оч., IV, 395, гдѣ мальчикъ обреченъ Оролынъ-читкуру, и съ повѣрьями о замѣщеніи жертвы. См. ниже примѣч. къ № 8. Жена Гэсэра, Тюменъ-джиргаланъ идетъ добровольно къ Мангысу, чтобъ избавить мужа отъ чаръ (Schmidt, Die Thaten, 119). Въ алтайской сказкѣ (Оч., IV, 169) шаманъ Джерканатъ долженъ совершить путешествіе въ царство тѣней и тамъ остаться вмѣсто заболѣвшаго ханскаго сына. Этого Джерканата мы сближали съ шаманомъ Джиркыломъ (Оч., IV, 761).

Въ Очеркахъ, II, 154 вм. Вэгэръ-Меджитъ стоитъ Гыгэръ-Меджитъ. Ср. съ бурятскимъ Гэхэръ-ханъ вм. Гэсэръ-ханъ и съ именами собакъ (стр. 118), въ которыхъ инніалы *г*, *к*, *х* замѣщаются инніаломъ *б*.

Digitized by Google

Слѣды сказки Арджи-борджи въ Александріи (см. изслѣдованіе А. Н. Веселовскаго: «Изъ исторіи романа и повѣсти», Спб., 1886).

1) Олимбіада бездѣтна, чѣмъ Филипъ недоволенъ. Она обращается къ жрецу Нектанебу; жрецъ принимаетъ видъ Аммона, бога съ рогами; отъ него она получаетъ зачатіе. Филипъ подозрѣваетъ жену въ связи съ жрецомъ. Въ Арджи-борджи бездѣтная царица обращается къ ламѣ; лама даетъ снадобье; ханьша родитъ сына. Ханскихъ подозрѣній нѣтъ, но ханьша должна отправиться въ изгнаніе вслѣдствіе смерти мужа и нашествія непріятеля. Ханскія подозрѣнія съ ихъ послѣдствіями встрѣчаемъ въ другихъ сказкахъ (Оч. II, 173; IV, 275 и 277); по одному варіанту (Оч. IV, 277) сынъ жены есть Гэсэръ. Въ Шиддикурѣ въ сказкѣ о рожденіи Гэсэра есть тема замѣщенія обреченнаго въ жертву, но она перенесена на начало сказки и примѣняется къ отцу Гэсэра (Этн. Сб., изд. Геогр. Общ., VI, 102).

Эта послѣдняя сказка ставитъ Гэсэра въ связь съ сказкой о двухъ братьяхъ, изъ которыхъ одинъ живетъ въ долинѣ [1]) съ женщиной и потомъ лишается ея; сосѣдній ханъ присылаетъ войска и уводитъ ее. Сэнглунъ, сожитель матери Гэсэра = Bitiou египетской сказки; царь, отнимающій жену (Чилунъ-ташюръ, Оч., IV, 275; Шарисынъ-ханъ, ib., 240) = фараонъ. Въ сказкѣ № 56 сынъ царицы называется Гэсэръ; въ № 57 сына нѣтъ, но царица удаляется въ Русь и становится русскимъ царемъ; ср. у Пржевальскаго, Изв. И. Р. Геогр. Общ., 1885, т. XXI, стр. 237; не слѣдуетъ ли понять это такъ, что сынъ царицы назывался также Орусъ или Урусъ?

2) Александръ идетъ къ Дарію переодѣтый; на царскомъ пиру онъ прячетъ чаши изъ подъ вина подъ свое платье, убѣгаетъ съ пира невидимо, благодаря чудесному камню и переходитъ благополучно рѣку по льду; передъ погоней ледъ растаиваетъ. Въ Арджи-борджи Бикаръ-Мадзиди идетъ воровать въ купеческій караванъ, стоящій за рѣкой; тайно подкидываетъ въ товары свои царскія печати; прибывающая рѣка есть, но стоитъ не въ связи.

3) Александръ дитя избранъ дѣтьми дѣтскимъ царемъ (Веселовскій «Изъ исторіи», 150).

4) Александръ учится многимъ наукамъ и успѣваетъ въ нихъ. То же и Бикаръ-Мадзиди.

5) Камень самоцвѣтъ (Александръ) вырѣзываетъ изъ рыбы (Веселовскій, l. c., с. 231); Бикаръ-Мадзиди вырѣзываетъ эрдэни изъ трупа, плывущаго по рѣкѣ.

6) Разбитый Дарій убѣгаетъ въ пустыню; его убиваютъ два вельможи Кандрахсъ и Арзиваржъ. Въ варіантѣ сказки Арджи-борджи, помѣщенномъ въ Оч., II, стр. 154, Бама-ханъ убитъ двумя убійцами Бэгэръ-Меджитомъ и Шяломъ. О сближеніяхъ этихъ персонажей съ убійцами китайскаго Ванъ-хана (Хорису-Баджу и Тунгъ-шяломъ) см. въ Оч., IV, 834 [2]).

Съ сказаніемъ о Чингисѣ Александрія имѣетъ слѣдующія сходныя черты: Александръ осуждаетъ поступокъ убійцъ—«проклетъ бо есть, иже господьского оубицоу хранить и градьскаго изавчию хранить» (Весел., 250); Таянъ-ханъ осуждаетъ убійцъ Ванъ-хана; тѣ же взгляды сказаніе навязываетъ и Чингису (Юань-чао-ми-ши, стр. 124) и они вновь встрѣчаются въ преданіи о ногайскомъ ханѣ Тохтѣ (см. прим. къ № 65).

Александръ беретъ Вавилонъ, отведши воду изъ водопровода (Весел., 241); въ томъ же родѣ разсказывается и о Чингисѣ по поводу развалинъ города (Кара-бадзыръ) на Желтой рѣкѣ (см. ниже легенду о Кара-бадзырѣ, № 75).

Въ Александріи есть посланіе Дарія, упрекающее Александра въ высокомѣріи. Въ сказаніи о Чингисѣ есть письмо Вана въ томъ же духѣ. Александръ женится на дочери побѣжденнаго царя (Роксанѣ); Чингисъ женится на дочери побѣжденнаго Вана Ибаху.

Дарій подсылаетъ къ Александру убійцу, обѣщая сдѣлать его царемъ и выдать за него дочь. Ванъ китайскій по Малья дѣлаетъ подобное же коварное предложеніе Чингису.

А. Н. Веселовскій, l. c., 451. Въ землѣ мрака ходитъ дѣвица Горгонія; кто на нее взглянетъ, даже птица, умираетъ. Она зоветъ къ себѣ Александра, но онъ посылаетъ вмѣсто себя волхва, одѣвъ его въ свои царскія ризы и корону и давъ ему свой мечъ. Волхвъ убиваетъ Горгонію и приноситъ ея голову Александру. Ср. съ монгольскими повѣрьями о замѣщеніи жертвы (Оч., IV, 397 и 398; Позднѣевъ, Ургинск. Кутухты, Спб., 36) и съ исторіей матери Гэсэра въ Шиддикурѣ (Этногр. Сб., VI, 102; см. выше, стр. 138 о женѣ Гэсэра и ниже, прим. къ № 27).

---

[1]) См. ниже легенду о счастливой долинѣ или о деревѣ, приносящемъ счастье, №№ 48 и 49.

[2]) Въ переводѣ Саблукова: Хурій и Сумаджутъ-Таника; у Демезона (Desmaisons, Hist. des Mongols par Aboul-ghasi, SPb., 1874, 40): Qouri-Soumâdjou et Tanikân. У Березина въ его переводѣ Рашидъ-Эддина въ I части: Хори-Сумаджу и Тунгъ-Шялъ; во II: Хорису-Маджу и Тунгъ-шялъ.

Digitized by Google

Въ тибетской провинціи Амдо, не смотря на постоянные распросы, я не могъ отыскать тибетскаго варіанта сказки Арджи-борджи; ламы тангуты, бывавшіе въ Халхѣ, увѣряли меня, что эта сказка имѣетъ распространеніе только въ сѣверной Монголіи и что они только тамъ о ней впервые услышали; тѣ тангуты, которые не бывали въ Монголіи, отзывались невѣдѣніемъ объ этой сказкѣ. Слѣдовательно, если эта сказка не сѣвернаго происхожденія, а индѣйскаго, то она пришла въ Монголію не черезъ Тибетъ и тибетскую письменность, а путемъ западнымъ. Или тибетская письменность утратила ее?

4. АДЖИНТАЙ-МЕРГЕНЪ-ХАНЪ.

(Монгольскій разсказъ).

Въ старое время (ичжуръ-чакту) былъ одинъ ханъ по имени Аджинтай-мергенъ-ханъ. У него былъ черный верблюдъ жеребецъ (хара-буура), саврасый конь (хула-моринъ), черное ружье (хара-бо), жена, сынъ и дочь. Онъ жилъ въ трехъ юртахъ.

У Боролтай-хана было два тушемюля [1]), которые ежедневно были обязаны убивать для него двухъ будене (по мнѣнію разсказчика, зайцевъ), которыхъ онъ и съѣдалъ зажаренными. Однажды тушемюли убили двухъ будене [2]) и вышли къ тремъ юртамъ; они зашли въ одну изъ нихъ, чтобы зажарить будене. Аджинтая въ это время не случилось дома; въ юртѣ оставалась только его жена. Она была такая красавица, что охотники, сидя у огня, не сводили съ нея глазъ и сожгли жареное. Замѣтивъ это, они заплакали. Женщина спрашиваетъ ихъ, что значатъ ихъ слезы. Они отвѣчаютъ, что они, заглядѣвшись на нее, сожгли жаркое и теперь боятся, что Боролтай-ханъ велитъ казнить ихъ. Она говоритъ имъ, что она поправитъ дѣло. Она взяла талкану съ правой стороны юрты и желтаго масла (шира тосу) съ лѣвой и слѣпила два будене; стали ихъ жарить и вышли настоящіе будене. Тушемюли подали жаркое Боролтай-хану; ханъ ѣлъ, ѣлъ, сытъ сталъ, а не съѣлъ будене; отдалъ тушемюлямъ, тѣ ѣли и тоже не доѣли, отдали другимъ; 500 чириковъ ѣли будене и всѣ насытились. Боролтай-ханъ спрашиваетъ: «Что это за будене такія? Прежде двухъ будене мнѣ одному едва хватало, теперь сколько народу насытилось?» Тушемюли разсказали, какъ было дѣло.

Боролтай-ханъ поѣхалъ самъ посмотрѣть красавицу. Увидѣвъ ее, онъ захотѣлъ присвоить красавицу себѣ и предложилъ Аджинтай-мергенъ-хану побороться съ условіемъ, что кто выйдетъ побѣдителемъ, тотъ и станетъ обладателемъ красивой жены Аджинтай-мергенъ-хана. Стали бороться. Жена Аджинтая подсыпала подъ ноги мужа гороху, подъ ноги Боролтай-хана золы. Аджинтай-мергенъ-ханъ упалъ, Боролтай-ханъ схватилъ его и заперъ въ ящикъ. Поймалъ чернаго верблюда, на

[1]) Тушемюль—сановникъ.
[2]) Будене—перевелка.

Digitized by Google

одинъ бокъ его завьючилъ ящикъ съ Аджинтаемъ и его чернымъ ружьемъ, на другой ящикъ съ глиной, и выгналъ верблюда вмѣстѣ съ саврасой лошадью въ барханы по имени Аджинай-хара-балыръ, гдѣ было мѣсто охоты Аджинтая.

У Аджинтай-мергенъ-хана были дѣти, сынъ и дочь. Мальчика Боролтай-ханъ заставилъ пасти бывшій отцовскій скотъ: триста сѣрыхъ лошадей и триста сѣрыхъ овецъ (гурбанъ джонъ хара аду гурбанъ джонъ боро хони). Однажды, когда мальчику минуло 9 лѣтъ, ему явился бѣлоголовый старикъ и сказалъ, что Боролтай-ханъ не есть его настоящій родитель, что настоящій отецъ его Аджинтай-мергенъ-ханъ, котораго Боролтай-ханъ заширилъ [1]) и завьючилъ на верблюда, и верблюда угналъ въ пустыню. Мальчикъ сталъ спрашивать у аильныхъ [2]) обитателей, правда ли, что воспитатель его Боролтай-ханъ не есть его настоящій родитель. «Правда», говорятъ ему. «Твой отецъ Аджинтай-мергенъ-ханъ; онъ запертъ въ ящикъ и на верблюдѣ вывезенъ въ степь». Мальчикъ рѣшился пойдти искать своего отца. Шелъ, шелъ, и зашелъ въ барханы (балыръ); тутъ застигла его ночь и онъ расположился тутъ ночевать. На утро пробудился и видитъ, вся степь покрыта множествомъ старыхъ слѣдовъ скотскихъ и всякихъ звѣрей. Идетъ дальше, опять ночуетъ въ пескахъ; утромъ опять то же самое видитъ, только слѣды болѣе свѣжіе. Еще глубже входитъ въ пески; послѣ третьей ночи проснувшись, онъ услышалъ за барханомъ ревъ верблюда; вышелъ на вершину холма и увидѣлъ верблюда, завьюченнаго ящикомъ. Онъ говоритъ верблюду: «Если ты не мой верблюдъ, то съѣшь меня; если ты мой, то не тронь меня!» Верблюдъ заплакалъ; саврасая лошадь, ходившая тутъ же, стояла, повѣсивъ уши и опустивъ голову. Мальчикъ подошелъ къ верблюду, счёкалъ [3]), положилъ его, снялъ ящики и сбилъ съ нихъ крышки. Въ одномъ ящикѣ онъ нашелъ глину, въ другомъ лежитъ сѣдой и полуживой старикъ; девять лѣтъ Аджинтай пролежалъ въ ящикѣ. Старикъ едва слышнымъ голосомъ проговорилъ: «Ты кто такой?» Мальчикъ сказалъ, что онъ сынъ его. Потомъ онъ взялъ черное ружье (хара-бо), застрѣлилъ будене; сталъ пинать ногой кусты, наворочалъ дровъ, разложилъ огонь, зажарилъ будене и далъ Аджинтаю. Тотъ съѣлъ небольшой кусочекъ мяса будене и всталъ изъ ящика, какъ ни въ чемъ не бывало, совершенно крѣпкимъ и здоровымъ.

Аджинтай поѣхалъ искать свою жену. Дорогой онъ встрѣчаетъ человѣка, который догоняетъ дикую козу (джерь). Аджинтай спрашиваетъ его: «Ты что умѣешь дѣлать?» «Я умѣю дикихъ козъ догонять!» отвѣчаетъ тотъ. «Будь моимъ товарищемъ!» говоритъ Аджинтай. «У меня нѣтъ лошади». Аджинтай вырвалъ часть хвоста у своей лошади, бросилъ, стала лошадь; отломилъ частицу отъ своего сѣдла, бросилъ, стало цѣлое сѣдло. Взялъ того человѣка въ товарищи; ѣдутъ далѣе вдвоемъ и встрѣчаютъ человѣка, который за одинъ духъ выпивалъ море, такъ что дно становится совсѣмъ сухое. Аджинтай спрашиваетъ его: «Ты что умѣешь дѣлать?» «Я умѣю море выпивать до дна». «Будь моимъ товарищемъ!» «У меня нѣтъ лошади».

[1]) Т. е. зашилъ въ кожу на-глухо.

[2]) Аилъ—юрта и группа юртъ.

[3]) Т. е. словами: «чекъ! чекъ!» пригласилъ лечь.

Digitized by Google

Аджинтай вырвалъ часть хвоста у своей лошади, бросилъ, стала цѣлая лошадь; отщипнулъ отъ своего сѣдла, бросилъ, стало цѣлое сѣдло. Взялъ того человѣка въ товарищи, ѣдутъ втроемъ и встрѣчаютъ человѣка, который горы переставляетъ: которыя на западѣ, тѣ ставитъ на востокѣ, которыя на востокѣ, тѣ ставитъ на западѣ. «Ты что умѣешь дѣлать?» спрашиваетъ Аджинтай. «Я умѣю горы переставлять», отвѣчаетъ тотъ. Аджинтай создаетъ ему лошадь и сѣдло, какъ и предъидущимъ, беретъ его въ товарищи и ѣдетъ далѣе вчетверомъ. Встрѣчаютъ человѣка, который пинкомъ скалы сшибаетъ. Аджинтай дѣлаетъ ему лошадь и сѣдло и тоже беретъ въ товарищи. Ѣдутъ теперь впятеромъ и встрѣчаютъ человѣка, который слушаетъ, что дѣлается подъ землей и на небѣ. Аджинтай спрашиваетъ его: «Ты что умѣешь дѣлать?» Тотъ отвѣчаетъ, что онъ можетъ слышать, что дѣлается подъ землей и на небѣ. Аджинтай и этому далъ лошадь и сѣдло. Ѣдутъ вшестеромъ и встрѣчаютъ человѣка, который держитъ гору подъ мышкой. «Ты что умѣешь дѣлать?» спрашиваетъ его Аджинтай. «Я умѣю класть горы подъ мышку». Аджинтай даетъ ему лошадь и сѣдло, беретъ въ товарищи и ѣдетъ далѣе всемеромъ.

Пріѣхалъ Аджинтай-мергенъ-ханъ къ Боролтай-хану всемеромъ и предлагаетъ ему объ закладъ побиться. Боролтай-ханъ соглашается и говоритъ, что на завтра можно на первый разъ устроить бѣгъ. «Я, говоритъ Боролтай-ханъ, пущу тысячу лошадей; а ты сколько?» «А я одного человѣка», говоритъ Аджинтай-ханъ, и выставилъ человѣка, догоняющаго дикую козу. Лошади Боролтай-хана побѣжали, а тотъ человѣкъ еще остался на мѣстѣ. Лошади возвращаются къ ханской ставкѣ, смотрятъ, а человѣкъ Аджинтай-хана давно уже прибѣжалъ и сидитъ на мѣстѣ. Одинъ закладъ (морь) выигралъ Аджинтай.

На другой день назначили бороться. Боролтай-ханъ выставилъ борца, влѣво изъ его рта течетъ бѣлая слюна, вправо красная кровь. Аджинтай выставилъ человѣка, который пинкомъ ноги сковыриваетъ скалы. Начали бороться и человѣкъ Аджинтая зашибъ борца, выставленнаго Боролтай-ханомъ.

Послѣ того Боролтай-ханъ говоритъ Аджинтай-хану: «Ну теперь присядь; станемъ пировать!» Вошли въ пятиэтажный домъ; тамъ налѣво поставлены ядовитыя кушанья, направо неядовитыя. Человѣкъ, который умѣлъ слушать, что дѣлается подъ землею и на небѣ, говоритъ Аджинтай-мергенъ-хану, что тѣ яства, передъ которыми его посадили, ядовитыя, а передъ которыми сѣлъ Боролтай-ханъ здоровыя. Тогда человѣкъ, умѣющій переставлять горы, переставилъ яства; ядовитыя поставилъ противъ Боролтай-хана, неядовитыя противъ Аджинтая. Боролтай, видя, что онъ не могъ отравить Аджинтая, велѣлъ чирикамъ окружить домъ, въ которомъ сидѣлъ Аджинтай и поджечь его снизу. Домъ загорѣлся. Человѣкъ, выпивавшій море, сидѣлъ все время съ полнымъ ртомъ и когда ему предлагали пить чай или ѣсть, онъ притворялся, будто у него болятъ зубы. Когда начался пожаръ, онъ открылъ ротъ и вылилъ на него цѣлое море воды; огонь потухъ. Тогда человѣкъ, державшій гору подъ мышкой, бросилъ её и задавилъ ею всѣхъ чириковъ Боролтай-хана и его самого.

Digitized by Google

Семь звѣздъ Большой Медвѣдицы (долонъ бурхынъ)—это шесть искусныхъ товарищей Аджинтай-мергенъ-хана (дзурганъ шильбитей хунь) и жена его, возвратить которую они ему помогали; три звѣзды Оріона—это самъ Аджинтай-мергенъ-ханъ съ сыномъ, дочерью и двумя собаками Адзыромъ и Бадзыромъ (Аджинтай-мергенъ-ханъ хутей хуухетей адзыръ бадзыръ нохойтой).

Ратна-Вала, лама въ Гумбумѣ, монголъ родомъ изъ Ордоса.

Эпизодъ о неудачно зажаренной дичи см. въ сказкѣ «Дочь Лусай-хана» въ Оч., IV, № 154, стр. 521 и въ сказкѣ «Алтанъ-Сэсэкъ», въ Записк. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по Этн., т. I, в. 1, стр. 60.

Вылитое море воды, которое заключалось во рту одного изъ семи товарищей и затѣмъ брошенный камень не отголосокъ ли представленій о наводненіи, прекращенномъ брошеннымъ камнемъ? См. ниже, прим. къ № 27.

Вторую половину сказки о шести товарищахъ ср. съ бурятской сказкой «Долонъ Эбугутъ» въ Очеркахъ, IV, стр. 200 и съ татарской сказкой «Иръ-Тӱшлюкъ (Radloff, Prob., IV, 443). Въ послѣдней добываемая дѣвица называется Кюнеръ-Сулу; она дочь какого-то Барса-Кильмэса, сидитъ подъ шестью слоями земли: Это послѣднее имя Барса-Кильмэсъ значитъ «пойдешь, не придешь», т. е. не вернешься. Такъ называется одинъ островъ на Аральскомъ морѣ, о которомъ есть киргизское повѣрье, что всякій человѣкъ, поднявшійся на него, убѣгаетъ внутрь острова и не возвращается. Въ выше упомянутой бурятской сказкѣ «Долонъ-Эбугутъ» герой ея, юноша, во время сна подвергается операціи; какой-то старикъ дѣлаетъ 70 наколовъ на его языкѣ, вслѣдствіе чего онъ начинаетъ понимать языкъ птицъ и подслушиваетъ разговоръ двухъ воронов. Въ Записк. Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ., II, 43 помѣщенъ разсказъ объ одномъ курганѣ на Иртышѣ: одинъ бѣглый, поѣвъ съ голоду мяса бѣлой змѣи, получаетъ даръ понимать языкъ животныхъ и подслушиваетъ, какъ воронъ ворону разсказываетъ преданіе о курганѣ. Ханъ похоронилъ въ немъ свою дочь, окруживъ сокровищами. Она такъ прекрасна, что увидѣвшій ее не можетъ ее не поцѣловать, и потомъ уже не можетъ выйдти изъ подземелья.

---

5. ТРИ БРАТА ХАТУ-ГУРБУЛАНЪ.

(Монгольскій разсказъ).

Были три брата; они ухаживали за тремя деревьями зандынъ[1]); у нихъ былъ одинъ сивый быкъ (хуху-буха). Однажды этотъ быкъ потерялся; братья порѣшили идти на поиски въ разныя стороны и, отправляясь, сдѣлали такой уговоръ: «Если мы не найдемъ, то вернемся къ этимъ тремъ деревьямъ зандынъ ровно черезъ три года въ часъ тигра (баръ); если мы будемъ единомысленны, то эти три дерева сблизятся; если мы будемъ думать врознь, то три дерева такъ и останутся, какъ теперь, далеко другъ отъ друга». Происками братья три года, не нашли быка и ровно черезъ три года въ часъ тигра вернулись къ тремъ деревьямъ зандынъ (зандынъ-модо). Видятъ, деревья сблизились. Братья влѣзли на эти деревья. Смотрятъ, подходитъ человѣкъ. Старшій братъ говоритъ: «Мнѣ мнится, что этотъ-то человѣкъ

---

[1]) Сандальное дерево.

Digitized by Google

и укралъ нашего быка! Нужно его схватить и допытать!» Братья слѣзли, схватили человѣка и начали его бить, допрашивая, не онъ ли укралъ быка. Сначала тотъ увѣрялъ, что онъ знать не знаетъ сиваго быка, но потомъ, боясь, что его прибьютъ до смерти, сказалъ, что онъ угналъ быка, что онъ имъ за одного быка отдастъ двадцать одного быка, только бы его отпустили. Братья отпустили его. Тогда тотъ человѣкъ повелъ ихъ судиться къ нойону или къ хану. Ханъ спросилъ истца: уводилъ ли онъ быка. Тотъ отвѣчалъ, что нѣтъ и что принялъ на себя этотъ грѣхъ только изъ боязни, что его убьютъ. Ханъ спросилъ отвѣтчиковъ, видѣли ли они своими глазами, какъ тотъ уводилъ быка. Братья отвѣчали: «Нѣтъ, не видали, но думаемъ, что это онъ сдѣлалъ». Тогда ханъ повелъ ихъ въ поле, что-то взялъ въ горсть и, укрывая вещь между ладонями, спросилъ братьевъ: «Что у меня за вещь въ рукахъ?» Старшій братъ отвѣчалъ ему: «Что-то красное». Средній отвѣчалъ, «Красное и цѣпкое» (уланъ болодъ синджетей байна). Младшій сказалъ: «Красный цѣпкій жужубъ» (уланъ болодъ синджетей болбыло чибыгы байна). Ханъ раскрылъ горсть; въ ней дѣйствительно былъ жужубъ. Ханъ снова пошелъ въ степь, вернулся съ закрытой горстью и вновь спросилъ братьевъ: «Что у меня въ рукѣ?» Старшій сказалъ: «Что-то живое!» Средній сказалъ: «Что-то многоногое» (амитай болодъ олонъ кёльтей байна)! Младшій сказалъ: «Живой многоногій черный вонючій червякъ» (амитай болодъ олонъ кёльтей болбыло хараунгетей умухэй хорхо)! Ханъ снова сходилъ въ степь, вернулся съ закрытой горстью и вновь спросилъ: «Что у меня въ рукѣ?» Старшій сказалъ: «Что-то коричневое!» Средній сказалъ: «Что-то вогнутое» (улабыръ унгетей болодъ хонгюртей байна)! А младшій сказалъ: «Ковшъ изъ сандальнаго дерева» (улабыръ болодъ хонгюртей болони зандынъмодо хуръ шинага). Тогда ханъ присудилъ, чтобы истецъ заплатилъ отвѣтчикамъ восемьдесятъ одного быка (юсунъ юса наинъ нигъ). Братья ушли. Тогда ханъ послалъ тушюмилей (вельможъ) подслушать, что братья будутъ говорить. Тушюмили подошли къ жилищу братьевъ и слушаютъ. Тѣ говорятъ: «Ханъ, сидящій на престолѣ, не настоящій ханъ, не царской крови! Злой ханъ!» Послѣ того того хана убили, на его мѣсто посадили старшаго брата изъ трехъ, а двухъ младшихъ сдѣлали большими тушюмилями.

Очиръ, монголъ изъ Ордоса, хошуна дзасыка.

Судъ изъ-за быка; ср. Lassen, Indische Alterthumskunde, Leipzig, 1867, Buch II, S. 623; см. также Записки Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 103 (бурятская сказка Гургулдаинъ-гурбунъ-сысинъ) и т. II, в. 2, стр. 20. Число: юсунъ юса наинъ нигъ см. въ сказкѣ о Мани-Ветыръ-ханѣ (Оч., IV, 525). Начало сказки (уговоръ братьевъ относительно деревьевъ) ср. съ началомъ перваго разсказа въ Шиддикурѣ (Этн. Сб., VI, стр. 11), а также съ № 7 настоящаго собранія, но въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ не три, а шесть деревьевъ.

Digitized by Google

6. ДОЛОНЪ-ЭЛЬБИЧИНЪ [1].

(Монгольскій разсказъ).

Было семь молодыхъ людей (кубюнъ); одинъ былъ сынъ кузнеца, другой сынъ плотника, третій сынъ художника, четвертый шиншичи'я, пятый сынъ разбивателя камней; шестой лекаря (емчи), а седьмой не зналъ никакого искусства. Они посадили семь деревъ и сказали: «Разойдемся въ разныя стороны; если чье-нибудь дерево посохнетъ, это будетъ значить, что посадившій его убитъ. Дадимъ другъ другу обѣщаніе, что костей товарища не бросимъ». Сказавъ эти слова, они разошлись. Незнавшій никакого искусства пришелъ къ рѣкѣ и увидѣлъ въ ней красивую дѣвицу; дѣвица шла въ водѣ по дну рѣки, молодой человѣкъ шелъ съ ней рядомъ по берегу; такимъ образомъ они пришли къ жилищу этой дѣвицы; молодой человѣкъ вошелъ въ ея домъ и сдѣлался ея другомъ (нюкуръ). Дѣвица заставила его пасти скотъ, а такъ какъ онъ хотѣлъ все смотрѣть на нее и не шелъ къ стаду, то дѣвица дала ему свой портретъ и сказала, чтобъ онъ берегъ этотъ портретъ отъ вѣтра. Молодой человѣкъ ходилъ въ степь, садился на землю и смотрѣлъ на портретъ, положивъ его въ шапку. Однажды вѣтеръ схватилъ портретъ, унесъ и опустилъ его у дверей хана; ханская служанка подала портретъ хану. Ханъ, собравъ войско, пошелъ искать красивую женщину; схвативъ обоихъ молодыхъ людей, ханъ хотѣлъ убить юношу; женщина стала просить хана оставить ея товарища въ живыхъ; но ханъ велѣлъ опустить его живымъ въ глубокую яму и завалить камнемъ. Молодой человѣкъ умеръ въ ямѣ.

Шестеро товарищей пришли къ семи посаженнымъ деревьямъ; видятъ, одно дерево посохло. Они пошли искать кости своего товарища. Сначала шиншичи посредствомъ своего искусства узналъ, гдѣ онѣ лежатъ. Пришли къ этому мѣсту. Раздробитель камней раздробилъ камень, который былъ наваленъ на отверзтіе ямы. Лекарь (емчи) оживилъ кости и погнившее тѣло молодого человѣка. Шестеро товарищей стали разспрашивать седьмого, отчего онъ умеръ и кто его убилъ. Молодой человѣкъ разсказалъ, какъ онъ встрѣтилъ красивую женщину и началъ жить съ ней, какъ объ ней узналъ сосѣдній ханъ, пришелъ съ войскомъ, женщину отнялъ у него, а его самого бросилъ въ яму и завалилъ камнемъ. Тогда товарищи рѣшились разыскать красавицу и воротить ее. Товарищъ плотникъ сдѣлалъ домъ, съ наружной стороны имѣвшій видъ птицы Ханъ-гариди; художникъ разрисовалъ эту птицу. Лекарь (емчи) оживилъ ее. Внутрь птицы посадили воскрешеннаго товарища; птица полетѣла въ ханскій городъ и сѣла на ханскій дворецъ. Ханъ увидѣлъ птицу и захотѣлъ поймать ее. Разсыпали кормъ птицѣ; птица спустилась клевать. Но какъ только станутъ къ ней приближаться люди, она сейчасъ же по-

[1]) «Семь чудодѣйственныхъ художниковъ».

Digitized by Google

днимается и опускается безъ боязни только около того мѣста, гдѣ сидитъ ханьша. Тогда ханъ велѣлъ всѣмъ отойдти въ сторону и идти за птицей одной ханьшѣ. Ханьша подошла къ птицѣ; тогда молодой человѣкъ, сидѣвшій въ птицѣ, бывшій мужъ ханьши, отворилъ окно и пригласилъ ханьшу войдти въ его домъ. Какъ только ханьша вошла въ окно, птица поднялась и полетѣла, и опустилась только тамъ, гдѣ оставались шесть товарищей. Красивая женщина вышла изъ птицы. Увидѣвъ красавицу, всякому изъ шести товарищей хотѣлось сдѣлать ее своей женой. Всякій сталъ доказывать свое право присвоить ее. Плотникъ говорилъ: «Кабы я не сдѣлалъ птицы, не добыть бы красавицы отъ хана!» Художникъ говорилъ: «Кабы я не раскрасилъ птицы, ханъ не захотѣлъ бы ее поймать и не послалъ бы за ней ханьшу!» Молодой человѣкъ, бывшій ея мужъ, говорилъ: «Кабы я ее не нашелъ, вы бы ничего объ ней не знали и не слыхали!» Раздробитель камней говорилъ: «Если бы не я, то камень и до сихъ поръ лежалъ бы надъ ямой!» Лекарь говорилъ: «Не я бы, то не воскресъ бы нашъ умершій товарищъ, и птица не умѣла бы летать». Такъ споря между собою, они стали тянуть женщину каждый въ свою сторону и разорвали ее на части. Тогда женщина сказала имъ: «Не ссорьтесь! Я удалюсь на луну, а вы станьте звѣздами!» Пятна на лунѣ это и есть дѣвица; шесть звѣздъ Мечинъ (Плеяды) — шесть эльбичиновъ. Каждый годъ Плеяды шесть разъ съ луной встрѣчаются (такона). Долонъ-бурханъ (Б. Медвѣдица) укралъ одну звѣзду у Мечина; эта украденная звѣзда находится теперь въ хвостѣ Долонъ-бурхына; это и есть тотъ молодой человѣкъ, который былъ убитъ ханомъ и потомъ воскрешенъ.

Записано отъ хухунорской олётки, хошуна чинъ-хай-вана.

Поѣздка на деревянной Гаруди составляетъ содержаніе пятаго разсказа Панчатантры «Ткачъ подъ видомъ Вишну» (Benfey, Pantschatantra, Leipzig, 1859, Th. II, 48 и Th. I, 159). Ткачъ влюбляется въ проѣхавшую мимо царевну; его другъ плотникъ доставляетъ ему возможность посѣщать ее; онъ дѣлаетъ деревянную Гаруду, и садитъ на нее ткача, придавъ ему знаки шестирукаго бога Вишну. Имя Вишну встрѣчается и въ вступительномъ разсказѣ Панчатантры; сборникъ начинается разсказомъ о царѣ, имѣвшемъ трехъ глупыхъ сыновей, которыхъ берется научить мудрости мудрецъ Вишнусарманъ; во вступительномъ разсказѣ Шиддикура царскій сынъ отданъ въ обученіе семи чародѣямъ; устный разсказъ, который мы слышали въ Монголіи, кончается указаніемъ на Б. Медвѣдицу (Оч. IV, 198): Амынъ-цаганъ-бюрю разбить на семь кусковъ, которые стали звѣздами этого созвѣздія; въ напечатанномъ Гомбоевымъ переводѣ Шиддикура (Этн. Сб., VI, 144) это семь буддъ (по монгольски долонъ будда, по тюркски джеты будда).—Покровителемъ гонимаго отрока въ кавказскихъ сказаніяхъ (Оч., IV, 714, 735) является созвѣздіе Б. Медвѣдица, а не Плеяды (монг. Мечинъ, Мышинъ).—Бенфей (Pantsch., I, 31) сближаетъ Вишнусармана съ Вишнугуптой, министромъ царя Чандрагупты, образцомъ государственнаго человѣка; если, говоритъ онъ, Вишнусарманъ и не есть синонимъ съ Вишнугуптой, то все таки это имя выбрано разсказчикомъ, чтобы напомнить о великомъ мастерѣ въ политикѣ. Въ тюркскихъ преданіяхъ у Рашидъ-эддина такимъ представленіямъ соотвѣтствуетъ Джиркылъ (см. примѣчанія къ № 86 о Плеядахъ). Ср. также тюркскіе разсказы о Джиренъ-шешенѣ и его глупомъ сынѣ (Radloff, Prob., I, 197; IV, 201; Оч., II, 158; IV, 362 и 364). Джиренъ-шешенъ, министръ Асъ-Джанибекъ-хана (Оч., II, 158); въ сказаніи Иссыкъ-кульскихъ Киргизъ Джанибекъ-ханъ царь съ ослиными ушами. Джиркылъ былъ министръ Огузъ-хана, т. е. Быка-хана; не было ли объ Огузъ-ханѣ сказанія въ родѣ тибетскаго о Ландармѣ? Сборникъ Радлова знаетъ Осъ-Джанибекъ-хана (Radloff, Prob., III, 89); сл. съ примѣч. къ № 27.

Digitized by Google

7. ШЕСТЬ ДЕРЕВЬЕВЪ.

(Монгольскій разсказъ).

Было шесть братьевъ. Однажды они вздумали разойтись въ разныя стороны искать счастья, посадили шесть деревьевъ и сказали: «Кто будетъ въ дорогѣ имѣть успѣхъ и кто не погибнетъ, у того и дерево, имъ посаженное, не погибнетъ; кто же изъ насъ въ дорогѣ умретъ, того дерево посохнетъ». Съ этими словами они разошлись; пятеро пошли въ одну сторону вверхъ по рѣкѣ, одинъ пошелъ въ другую сторону по другой рѣкѣ. Этотъ послѣдній шелъ, шелъ и дошелъ до селенія, гдѣ жила одна красавица. Онъ поселился около нея и она сдѣлала его своимъ мужемъ. Живетъ онъ у нея, но ничего не дѣлаетъ; все сидитъ подлѣ нея и любуется на неё. Она его уговаривала что нибудь дѣлать, пасти скотъ, пахать пашню, но молодой человѣкъ ничего не хочетъ дѣлать, хочетъ только смотрѣть на неё. Вотъ однажды она нарисовала свой портретъ, поставила его въ концѣ полосы и велѣла ему пахать. Ведетъ онъ борозду къ портрету, гонитъ быка, чтобъ скорѣе дойдти до портрета; поведетъ борозду прочь отъ портрета, едва, едва подвигается, все оглядывается назадъ. Тогда красавица сама сѣла на другомъ концѣ поля. Молодой человѣкъ началъ гнать быка, когда къ ней шелъ, на портретъ ужь не хочетъ и смотрѣть, а пойдетъ прочь отъ красавицы, все на нее оглядывается, едва, едва двигается. Вдругъ поднялся вихорь, выхватилъ портретъ, носилъ, носилъ его и уронилъ въ городѣ, гдѣ ханъ жилъ. Портретъ доставили хану; ханъ спросилъ: «Гдѣ живетъ такая красавица?» Одинъ вельможа сказалъ: . . . . . [1]). Другой вельможа сказалъ: «Вверхъ по этой рѣкѣ есть селеніе; въ немъ живетъ эта красавица». Ханъ послалъ войско взять красавицу. Войско схватило молодого человѣка (сайханъ-ху), выкопало колодезь, бросило его на дно, а сверху прикрыло огромнымъ камнемъ, чтобъ люди не могли приподнять, а красавицу взяли и отвели къ хану.

Пятеро братьевъ вернулись къ посаженнымъ деревьямъ, пять деревьевъ разрослись, а дерево младшаго брата посохло. Тогда они всѣ пятеро пошли вверхъ по рѣкѣ, по которой ушелъ ихъ братъ; пришли въ то селеніе, спрашиваютъ, не былъ ли здѣсь ихъ братъ. Имъ говорятъ, что былъ, но что пришло царское войско и бросило его въ глубокій колодезь, а сверху привалило камнемъ. Братья во время своего странствованія выучились разнымъ мастерствамъ; одинъ сталъ плотникомъ, другой кузнецомъ, третій живописцемъ, четвертый изучилъ номъ (писаніе или знаніе), пятый научился камни разбивать. Братъ, выучившійся кузнечному искусству, сковалъ желѣзный шестъ (гадусъ) и заострилъ его; другой этимъ шестомъ разбилъ наваленный камень; изучившій номъ, читая его, вынулъ младшаго брата изъ ямы.

[1]) Что сказалъ, осталось не записаннымъ.

Digitized by Google

Спрашиваютъ его братья, за что ханъ велѣлъ бросить его въ яму. Младшій братъ разсказалъ, что онъ нашелъ здѣсь красавицу, которая приняла его къ себѣ въ мужья, что объ ней узналъ ханъ и захотѣлъ её отнять у него; посланное ханомъ войско бросило его въ яму, а красавицу увело. Тогда братья порѣшили возвратить жену своему младшему брату.

Братъ, научившійся плотничному мастерству, сдѣлалъ птицу изъ дерева; живописецъ окрасилъ ее; изучившій номъ, читая его, оживилъ ее. Внутрь птицы посадили младшаго брата и птица полетѣла въ царскій городъ. Царь увидѣлъ, что какая-то птица вьется надъ дворцомъ, крикнулъ царицу; смотрятъ, но поймать не могутъ. Выслали войско ловить птицу; за войскомъ пошли царь и царица. Птица не даетъ себя поймать, а все старается подлетѣть поближе къ царицѣ. Замѣтивъ это, одинъ придворный говоритъ: «Не умѣючи ловимъ! Этакъ намъ никогда ее не поймать! А нужно войско совсѣмъ не посылать, послать же одну царицу въ поле. Видите, птица все старается ближе къ ней сѣсть». Такъ и сдѣлали, войско отослали въ городъ, а въ поле отправили одну царицу. Станетъ царица подходить къ сидящей птицѣ, птица снимется, отлетитъ подальше и опять сядетъ. Увела царицу далеко отъ города и сѣла. Изъ птицы высунулся прежній мужъ царицы и спрашиваетъ ее, хочетъ ли она вернуться къ нему. Царица говоритъ ему, что она все время, пока жила у царя, тосковала объ немъ и рада вернуться къ нему. Тогда молодой человѣкъ подпустилъ царицу къ себѣ и предложилъ ей сѣсть въ птицу. Царица сѣла и птица полетѣла. Когда птица опустилась на землю, гдѣ находились пятеро братьевъ, царица вышла изъ нея. Только она вышла, какъ всѣ пятеро братьевъ стали спорить изъ-за нея. Одинъ говоритъ: я возьму! другой говоритъ: я возьму! Плотникъ говоритъ: «Если бъ я не сдѣлалъ птицы, не добыть бы царицы, и потому ее слѣдуетъ отдать мнѣ!» Живописецъ говоритъ: «Если бъ я не раскрасилъ ее, царь и войско не признали бы ее за птицу!» Изучившій номъ говоритъ: «Если бъ я не оживилъ ее, птица не могла бы летать!» Младшій братъ говоритъ: «Если бъ я не нашелъ ее, вы бы вовсе о ней не знали!» Раздробитель говоритъ: «Если бъ я не раздробилъ камень, то ты бы и до сихъ поръ лежалъ въ ямѣ». Кузнецъ говоритъ: «А если бъ я не сковалъ желѣзный шестъ, тебѣ не раздробить бы камень!» Стали спорить, схватили ее, стали тащить и разорвали на части.

Пунсукъ, ордосскій монголъ хошуна Ушинъ.

Вторая половина этой сказки, также какъ и № 6 (Долонъ эльбичинъ), представляетъ сходство съ египетской сказкой о двухъ братьяхъ (Maspéro, Contes égyptiens, Paris, 1882): уединенная жизнь съ дѣвицей, унесенный вѣтромъ портретъ (вмѣсто волосъ, унесенныхъ рѣкой, какъ въ египетской сказкѣ, а также въ Шиддикурѣ и Оч., IV, 240), плѣненіе дѣвицы царемъ, гибель ея друга и спасеніе его братьями (вмѣсто одного брата). Герой сказки «Шесть деревьевъ» соотвѣтствуетъ Bitiou египетской сказки (въ прежнихъ чтеніяхъ Batou или Satu; Husson, La chaine traditionnelle, Paris, 1874; Wolf's Zeitschrift für Deutsche Mythologie, IV, 232). Уносимые рѣкой волосы и навлекаемое этимъ обстоятельствомъ нашествіе царя въ вершины рѣки сводитъ этотъ циклъ сказокъ съ разсказомъ № 49 (Туванабжю). Долина, въ которой жилъ Bitiou съ своей подругой, названа «долиной акацій»; душа его была скрыта въ цвѣткѣ дерева акаціи. Египто-

Digitized by Google

логи сближаютъ Bitiou съ Озирисомъ (см. у Масперо и Гюссона въ вышеприведенныхъ сочиненіяхъ). На многихъ памятникахъ, говоритъ Гюссонъ, встрѣчаются изображенія Озирисова дерева. Одно изъ нихъ имѣетъ на своихъ вѣтвяхъ птицу Vennou (фениксъ), а надъ деревомъ надписано Ba-en-Asar, «душа Озириса» (Husson, La chaine, p. 90).

Въ №№ 6 и 7 настоящаго собранія «дѣва рѣчной долины» не содѣйствуетъ гибели своего друга и послѣ увоза продолжаетъ относиться къ нему дружески. Въ послѣдней главѣ Шиддикура, перев. Гомбоева, (Этн. Сб., VI) она даже учитъ своего друга, какъ поступать, чтобъ имъ вновь соединиться. Въ Оч., IV, 240, враждебнаго отношенія также нѣтъ, но тайна, какимъ средствомъ можетъ быть погубленъ юноша, вывѣдывается отъ его подруги черезъ него самого; нужно бросить въ огонь черный четвероугольникъ, висѣвшій у дымника. Этотъ четвероугольникъ соотвѣтствуетъ цвѣтку акаціи, въ который была заключена душа Битью въ египетскомъ романѣ; въ послѣднемъ женщина по увозѣ становится враждебною своему прежнему другу.

8. а. ДОЧЬ ВОДЯНАГО ЦАРЯ.

(Тангутскій).

Жили старикъ со старухой; у нихъ былъ одинъ сынъ, который рубилъ дрова, продавалъ и на вырученныя деньги кормилъ родителей. Но этихъ денегъ не хватало. Онъ говоритъ себѣ: «Нѣтъ, такъ жить нельзя! Пойду искать, не добуду ли больше». Оставивъ родителямъ денегъ, онъ отправился по дорогѣ. На встрѣчу ему бѣжитъ вихорь; молодой человѣкъ ударилъ по вихрю своимъ посохомъ, на землѣ остался башмакъ, а вихорь убѣжалъ въ горы и ушелъ въ нору. Молодой человѣкъ надѣлъ башмакъ на посохъ, вошелъ въ городъ и кричитъ: «Башмакъ продаю»! Уличный народъ разглядѣлъ башмакъ, доложили царю. Царь призвалъ молодого человѣка во дворецъ, спрашиваетъ: гдѣ взялъ башмакъ? Молодой человѣкъ разсказалъ, какъ онъ ударилъ посохомъ по вихрю, какъ вихорь убѣжалъ въ горы, а на землѣ остался башмакъ. Куда ушелъ вихорь? спрашиваетъ царь. Молодой человѣкъ отвѣчаетъ: «Я видѣлъ, какъ онъ ушелъ въ нору». Царь говоритъ: «Это моя дочь, похищенная у меня. Не хватитъ ли у тебя силъ и умѣнья возвратить ее мнѣ?» Молодой человѣкъ думаетъ: «Не знаю, съумѣю ли это сдѣлать». Однако онъ былъ человѣкъ бѣдный, рѣшился попробовать.

Онъ взялъ съ собой ратниковъ съ веревкой и отправился къ норѣ. На веревкѣ его спустили въ нору; онъ видитъ, лежитъ гза (чудовище, покрытое ртами и глазами по всему тѣлу) и спитъ. Подлѣ него находится дѣвица красавица. Онъ привязалъ дѣвицу къ веревкѣ; ратники вытянули ее изъ норы; потомъ ратники думаютъ, если вынуть изъ норы и молодого человѣка, то пожалуй гза погонится за нимъ и тоже вылѣзетъ изъ норы; они оставили молодого человѣка въ норѣ и заткнули ее камнемъ. Оставшись на днѣ норы, молодой человѣкъ пошелъ вдоль ея и нашелъ лежащаго дракона (иджунъ). Драконъ говоритъ ему: «Побудь при мнѣ, пока выздоровѣетъ моя изломанная рука [1]); питайся тѣмъ, что будетъ выходить

[1]) Разсказчикъ объяснилъ, что изломалъ руку дракону бонбоцзы, шаманъ, бросивъ въ воздушное пространство дорчжи или пращей, когда драконъ дѣлалъ грозу. Тангутскіе шаманы для укрощенія грозы бросаютъ въ тучу или очиры или особо приготовленныя пилюли.

Digitized by Google

изъ моего рта; а когда выздоровѣю, я вынесу тебя изъ норы». Молодой человѣкъ послушался; когда драконъ выздоровѣлъ, онъ положилъ молодого человѣка себѣ на спину, вынесъ изъ норы и отнесъ къ Водяному царю Улы-гсыгла-рэнчину. Царь говоритъ молодому человѣку: «Ты спасъ мою дочь! Проси чего хочешь». По совѣту дракона,—а это и была сама дочь Водяного царя,—молодой человѣкъ сказалъ царю: «Мнѣ ничего не надо, ни серебра, ни золота, а дай мнѣ вонъ тотъ кусокъ дерева и чернаго осла». Пожалѣлъ царь кусокъ дерева,—потому что отдать его, значило отдать дочь,—но все таки отдалъ. Поѣхалъ молодой человѣкъ и думаетъ дорогой: «Не глупо ли я сдѣлалъ! Кабы попросилъ золота и серебра, могъ бы купить хлѣба и мяса; теперь я проголодался, а за этотъ кусокъ дерева кто что дастъ». Съ горя онъ легъ спать. Проснулся, видитъ, лежитъ онъ въ прекрасномъ домѣ; въ домѣ отличное убранство, на столахъ стоитъ всякая вкусная ѣда. «Ѣсть или нѣтъ?» спрашиваетъ себя молодой человѣкъ. «Ну, если умереть, пусть умру!» сказалъ онъ и поѣлъ. Снова легъ спать.

Поѣхалъ молодой человѣкъ дальше и во всю дорогу каждый день съ нимъ совершается такое превращеніе. Пріѣхалъ къ матери, разсказалъ ей, что съ нимъ случилось; какъ онъ попалъ въ нору, какъ драконъ вынесъ его изъ норы, какъ Водяной царь предложилъ ему просить, чего онъ хочетъ и какъ онъ выпросилъ кусокъ дерева и чернаго осла. «Не глупый ли ты?» говоритъ ему мать. «Что съ этимъ деревомъ дѣлать?» Легли спать. Встаютъ, всякая ѣда готова. Сынъ спрашиваетъ у матери: «Будешь ли ты это ѣсть?» Мать говоритъ: «Умереть, такъ пусть умру! поѣмъ». Поѣла. И такъ каждый день стало случаться; проснутся утромъ, всякая ѣда уже готова. Сынъ говоритъ матери: «Надо посмотрѣть, откуда это все берется». Онъ притворился спящимъ. Изъ дерева вышла прекрасная женщина и начала стряпать и убирать въ домѣ, потомъ снова ушла въ ящикъ. Молодой человѣкъ въ другой разъ притворился, и когда женщина вышла изъ дерева, онъ схватилъ это дерево и бросилъ въ огонь. Сталъ онъ жить послѣ этого съ красавицей; всего у нихъ вдоволь.

Мужъ говоритъ женѣ: «Приглашу царя къ себѣ въ гости? Теперь у насъ найдется, съ чѣмъ принять царя!» Не приглашай! говоритъ жена. Но мужъ не послушалъ, поѣхалъ къ царю, зоветъ его къ себѣ въ гости. Царь говоритъ: «Поѣду, если ты устроишь мостъ отъ моего дома до твоего». Мужъ возвращается къ женѣ, передаетъ ей царскія слова. Жена говоритъ, это еще не бѣда. Дала ему пачку иголокъ и учитъ: «Поѣзжай и разсыпь вдоль дороги, а подъѣхавъ къ царской ставкѣ, взгляни назадъ». Мужъ такъ и сдѣлалъ, разсыпалъ иголки, оглянулся,—во всю дорогу готовый мостъ. Приходитъ къ царю и говоритъ: «Я мостъ сдѣлалъ. Теперь поѣзжай ко мнѣ!» «Нѣтъ», говоритъ царь. «Сначала разсади по всей дорогѣ фруктовыя деревья и пусть они цвѣтутъ и несутъ зрѣлые плоды. Тогда я къ тебѣ пріѣду». Мужъ возвращается домой, передаетъ женѣ новое приказаніе царя. Жена говоритъ: это не бѣда! Дала мужу косточки изъ фруктовъ и велитъ разсадить вдоль дороги, а дошедши до царской ставки, оглянуться. Онъ разсадилъ косточки, оглянулся,—по всей дорогѣ стоятъ деревья въ зелени, цвѣтутъ и увѣ-

Digitized by Google

шаны плодами. Входитъ къ царю и говоритъ, что онъ разсадилъ деревья по всей дорогѣ, деревья стоятъ въ цвѣту и въ плодахъ, опять зоветъ царя въ гости. Но царь не ѣдетъ, а еще задаетъ задачу: «разстели по всей дорогѣ войлока поочередно красные и бѣлые». Мужъ передаетъ царскій приказъ женѣ. Жена даетъ ему два пучка шерсти, одинъ бѣлый, другой красный и велитъ разбросать вдоль дороги и оглянуться. Мужъ исполнилъ совѣтъ жены, оглянулся—дорога готова, устлана поочередно красными и бѣлыми войлоками. Когда онъ сказалъ объ этомъ царю, царь думаетъ: «У него въ домѣ есть какая-то хитрая вещь. Теперь надо къ нему ѣхать».

Жена совѣтуетъ мужу: «Долго не задерживай царя! угости и отпусти скорѣе». Потомъ она сняла съ себя свое красивое лицо, положила подъ подошву своей ноги, придавила башмакомъ. Царь вошелъ въ юрту къ молодому человѣку, указываетъ на женщину и спрашиваетъ: «Это кто у тебя?» «Это моя жена», отвѣчаетъ тотъ. Сталъ онъ угощать царя, пустился въ разговоры, не отпускаетъ царя. Чай весь уже выпили, не чѣмъ угощать царя. Мужъ говоритъ женѣ: «Вари новый чай!» Та будто не слышитъ. Онъ въ другой разъ уже не такъ спокойно сказалъ, а закричалъ, чтобъ она варила. Но она притворилась, будто опять не слыхала. Тогда онъ въ третій разъ съ сердцемъ крикнулъ: «Дочь Водяного, вари чай!» Она тоже осердилась и вскочила съ мѣста; лицо изъ подъ башмака и выскочило. «Это что за красавица?» спрашиваетъ царь. «Это моя жена», говоритъ молодой человѣкъ. «Нѣтъ!» говоритъ царь; «это не твоя жена, а моя. Выпустимъ собакъ твою и мою другъ на друга, и если твоя мою съѣстъ, жена твоей останется, если же моя твою съѣстъ, я уведу твою жену къ себѣ». Жена говоритъ мужу: «У моей матери есть небольшая собачка. Иди къ матери и скажи: твоя дочь проситъ у тебя маленькую собачку». Мужъ пошелъ къ матери своей жены и та дала ему собачку. Несетъ онъ ее и думаетъ, у царя собака большая, гдѣ этой загрызть ту. Жена опять велитъ ему: «Иди на перевалъ и сядь тамъ; когда ханская собака прибѣжитъ къ тебѣ, выпусти собачку и скажи: съѣшь большую ханскую собаку!» Мужъ сдѣлалъ по совѣту жены; когда ханская собака прибѣжала, онъ выпустилъ маленькую собачку и сказалъ: «Съѣшь большую ханскую собаку!» Собачка бросилась на горло большой собакѣ и сразу загрызла ее. Ханъ говоритъ мужу красавицы: «Пусть твои ратники срываютъ гору; и мои ратники будутъ срывать такую же, равную ей. Чьи ратники скорѣе сроютъ гору, того и будетъ жена». Жена учитъ мужа: «Иди къ моей матери и скажи, что я зову мою тетку и мою младшую сестру». Мужъ пошелъ къ матери своей жены и привелъ тетку жены и младшую сестру жены. Ханъ выставилъ цѣлое войско, у мужа красавицы всего два помощника. Ханъ говоритъ ему: «Ну гдѣ же тебѣ тягаться со мною? Теперь я уведу твою жену, а тебя велю казнить». Гора у ханскихъ ратниковъ уже замѣтно убавилась; мужъ красавицы копаетъ одинъ и только небольшое мѣсто скопалъ; товарищи не торопятся ему помогать. Онъ кричитъ имъ: «Помогайте скорѣе! Смотрите, у хана гора уже убыла, а я одинъ что сдѣлаю». Тетка жены его и младшая ея сестра подошли, подсунули двѣ лопаты съ двухъ сторонъ, сковырнули гору и бросили въ сторону. Ханскіе ратники разинули ротъ. А! кричатъ.

Digitized by Google

Ханъ опять говоритъ: «Пусть твои ратники и мои сойдутся и подерутся; если мои твоихъ перебьютъ, жена моя; если твои моихъ перебьютъ, останется твоею». Жена учитъ мужа: «Пойди къ моей матери и попроси ящикъ съ войскомъ». Мужъ пришелъ къ матери своей жены и говоритъ, что дочь проситъ у ней ящикъ съ войскомъ. Мать говоритъ: «Въ худое мѣсто моя дочь попала, коли требуетъ ящикъ. Возьми и дорогой не открывай». Взялъ онъ ящикъ и пошелъ домой. Дорогой сѣлъ подъ большой камень отдохнуть и думаетъ: дай открою, посмотрю! Пріоткрылъ, изъ ящика лѣзутъ ножи и кричатъ: кого убить? кого убить? Человѣкъ говоритъ: «Этотъ камень!» Ножи бросились на камень, искрошили его въ песокъ и улетѣли назадъ къ матери его жены. Принесъ онъ ящикъ къ женѣ; та взяла ящикъ въ руки и говоритъ: «Да онъ пустой! Ты вѣрно открылъ его дорогой?» Открылъ, признается мужъ. Всѣ ратники изъ ящика возвратились домой. «Ступай опять къ матери, велитъ жена, и скажи, что ящикъ пустой». Пришелъ онъ къ матери своей жены, проситъ вновь наполнить ящикъ. «А ты на кого напустилъ ножи?» спрашиваетъ она. На камень, отвѣчаетъ онъ. «То-то они тупы!» Она вновь наточила ножи, уложила ихъ въ ящикъ и подала ему. Идетъ онъ домой и радуется; теперь царскому войску не справиться. Жена ему совѣтуетъ: «Иди на перевалъ, сядь и жди. Когда ханское войско подойдетъ, ты отвори ящикъ. Ножи закричатъ: кого бить? Ты скажи: Царское войско и хана убейте!» Сѣлъ онъ на перевалѣ и ждетъ. Царь идетъ съ войскомъ и говоритъ: «Теперь-то я убью тебя и заберу твою жену! Смотри, сколько у меня войска! а у тебя и оружія никакого нѣтъ!» Войско идетъ на перевалъ, трубачи трубятъ. Только подошли къ мужу красавицу, онъ открылъ ящикъ. Ножи выскочили, кричатъ: кого бить? кого бить? Онъ говоритъ: Царское войско и царя убейте! Ножи бросились на войско, всѣхъ ратныхъ людей перебили и самого царя убили. Мужъ красавицы сѣлъ на царскій престолъ и сталъ царствовать.

Ами-Салунъ, тангутъ изъ Дуи.

---

6. ШАЦГАЙ-ХАНЪ (ЦАРЬ-СОРОКА).

(Монгольскій).

Одинъ царь имѣлъ единственнаго сына. Однажды отецъ сказалъ своему сыну: «Ты бы пошелъ изъ дому и научился бы какому-нибудь полезному дѣлу». Сынъ пошелъ и выучился играть на хурѣ [1]). Когда онъ вернулся, отецъ спросилъ его, чему онъ выучился. Сынъ сказалъ, что онъ научился играть на хурѣ. Отецъ осердился на сына. «Дѣти другихъ отцовъ выучиваются читать книги, ковать желѣзо,

[1]) Струнный инструментъ со смычкомъ, въ родѣ скрипки.

Digitized by Google

а ты выучился играть на хурѣ. Къ чему полезно это занятіе!» Съ этими словами отецъ прогналъ сына изъ дому. Мальчикъ (хубунъ) дошелъ до морского берега, сѣлъ тутъ и началъ играть на хурѣ. Игралъ, игралъ и задремалъ. Вдругъ слышитъ голосъ: «Вставай! вставай!» Мальчикъ открылъ глаза. Передъ нимъ стоитъ старикъ, съ бѣлой бородой, въ бѣломъ одѣяніи и говоритъ: «Меня послалъ за тобой Чаганъ-лосунъ-ханъ; онъ выдаетъ дочь замужъ, услышалъ твою игру на хурѣ и хочетъ, чтобъ ты къ нему спустился въ море и поигралъ на свадьбѣ». «Какъ же я войду въ море? Я умру!» говоритъ мальчикъ. «Ничего, не бойся!» говоритъ старикъ. «Зажмурь глаза и я тебя проведу!» Мальчикъ зажмурилъ глаза, а старикъ повелъ его. Когда старикъ сказалъ ему: «Открой глаза!» онъ открылъ и увидѣлъ передъ собой прекрасный стеклянный городъ. Старикъ говоритъ ему: «Чаганъ-лосунъ-ханъ заставитъ тебя играть на хурѣ девять (sic) сутокъ и потомъ станетъ давать тебѣ золото, эрдени, ты этого не бери; скажи, что тебѣ ничего не надо, кромѣ желтаго щенка (шара нохой хабасы) и дверной запорки» (ӧдӱнъ шонъ). Семь (sic) дней игралъ мальчикъ на свадьбѣ дочери Чаганъ-лосунъ-хана; по прошествіи ихъ ханъ даетъ ему гору золота и эрдени; мальчикъ отказывается и проситъ только желтаго щенка и дверную запорку. Получивъ, что просилъ, мальчикъ вышелъ изъ моря. Сѣлъ и думаетъ: «Надобно было бы взять золото и эрдени и были бы у меня и ѣда и платье, а то взялъ я какія-то ненужныя вещи—щенка да запорку, а ѣсть нечего, голоденъ и юртъ вблизи не видно. Не надо бы вѣрить старику». Сѣлъ и началъ играть на хурѣ. Игралъ, игралъ и заснулъ. Проснулся; нѣтъ возлѣ ни щенка, ни дверной запорки. «Ну, думаетъ, старикъ обманулъ! взялъ я ненужныя вещи, щенка да худую деревяшку и тѣ исчезли!» Рѣшился идти далѣе. Смотритъ, впереди на степи множество юртъ стоитъ и кругомъ ходитъ скотъ. «Пойду, думаетъ, въ этотъ народъ, попрошу ѣсть!» Подходитъ. Среди другихъ юртъ стоитъ одна большая и богатая. Онъ вошелъ въ неё. Желтый щенокъ и дверная задвижка лежатъ возлѣ стѣны. «Э! думаетъ онъ. Эти плохія вещи какъ здѣсь очутились?» Подождалъ, не придетъ ли хозяинъ, осмотрѣлся—никого нѣтъ, и рѣшился воровски поѣсть изъ котловъ, которые стояли по срединѣ юрты, одинъ съ чаемъ, другой съ варевомъ (бута). Попилъ, поѣлъ и сталъ играть на хурѣ. Игралъ, игралъ и заснулъ. Проснулся, опять никого нѣтъ; вышелъ изъ юрты, стоятъ кони въ сѣдлахъ, но людей нѣтъ. Онъ вновь вошелъ въ юрту, поѣлъ, попилъ, снова заигралъ на хурѣ и заснулъ. Еще разъ проснулся, опять никого нѣтъ. Теперь онъ сталъ уже смѣлѣе; видитъ, что хозяина у этого богатства нѣтъ. Онъ опять поѣлъ, попилъ, заигралъ на хурѣ и притворился спящимъ, прищурилъ глаза и смотритъ. Въ это время щенокъ всталъ, распахнулъ свою собачью шкурку на груди и скинулъ её; вышла прекрасная дѣвица, подошла къ котламъ, подложила дровъ, налила котлы водой, сварила чай и буту, и одѣвшись опять въ собачью шкуру, легла у стѣны. «Э, думаетъ мальчикъ. Вотъ что!» Онъ всталъ, походилъ, поѣлъ, попилъ, заигралъ на хурѣ и опять притворился спящимъ. Только дѣвица сняла свою собачью шкуру и отошла отъ нея, онъ схватилъ эту шкуру и сунулъ въ огонь; шкура сгорѣла. «Э!» вскричала дѣвица. «Зачѣмъ ты это сдѣлалъ? Ты раньше вре-

Digitized by Google

мени сжегъ мою шкуру! Не вышло еще мнѣ время оставить её! Теперь станетъ отнимать меня у тебя Шацгай-ханъ.»

Къ югу отъ юрты, въ которой жилъ мальчикъ, былъ колодезь. Къ этому колодезю наѣхалъ Шацгай-ханъ, охотясь за звѣрями. Застрѣлили всего только двухъ будене-оготонъ [1]) и ханъ послалъ въ сосѣднюю юрту зажарить ихъ. Два человѣка изъ его свиты вошли въ юрту, гдѣ жилъ мальчикъ съ дѣвицей и положили въ огонь дичь, да заглядѣлись на красивую дѣвицу и сожгли мясо. «Что теперь дѣлать? говорятъ. Ханъ отрубитъ намъ голову, когда увидитъ, что мы, вмѣсто мяса, принесли уголь!» Дѣвица говоритъ имъ: «Не тужите! У меня есть двѣ будене-оготона; я зажарю ихъ, вмѣсто сгорѣвшихъ. Вы выйдите изъ юрты и ходите вокругъ нея; когда вы три раза обойдете её кругомъ, войдите—мясо будетъ готово.» Люди вышли и, обойдя юрту три раза, вновь вошли. Мясо было готово. Взяли они его и отправились къ хану. Ханъ и тысяча человѣкъ его свиты цѣлый день ѣли двухъ будене-оготона и не съѣли всего. Ханъ призвалъ двухъ человѣкъ, ходившихъ жарить мясо, и говоритъ имъ: «Это не тѣ будене-оготона, которыя я далъ вамъ. Это мясо необыкновенно вкусно и сколько его ни ѣдятъ, все не могутъ кончить. Вы мнѣ не сказали правду. Если не скажете правду теперь, откуда взяли это мясо, я отрублю вамъ головы!» Тогда тѣ два человѣка разсказали, что они вошли съ оготона въ сосѣднюю юрту, въ которой живетъ мальчикъ съ дѣвицей; они такъ засмотрѣлись на красивую дѣвицу, когда жарили мясо, что не замѣтили, какъ мясо сгорѣло; они испугались ханскаго гнѣва и не знали что дѣлать; тогда дѣвица сжалилась надъ ними и изжарила, вмѣсто сгорѣвшихъ, двѣ свои будене-оготона и вотъ это-то мясо ханъ теперь и ѣлъ. Тогда ханъ послалъ ихъ позвать мальчика, который живетъ въ юртѣ. Дѣвица говоритъ мальчику: «Шацгай-ханъ пришлетъ людей звать тебя; ты иди къ нему. Когда ханъ спроситъ тебя, что за женщина съ тобой живетъ, ты отвѣчай ему: это моя жена! Потомъ ханъ будетъ требовать, чтобъ ты отдалъ меня ему. Ты согласись, но подъ условіемъ сдѣлать три заклада (мӧрь табиху). А когда ханъ спроситъ, какіе заклады, ты скажи, что сначала ты спрячешься, пусть ханъ тебя ищетъ, потомъ пусть ханъ спрячется, ты будешь искать хана. Если ты проиграешь заклады, ты отдашь меня хану; если ханъ проиграетъ, онъ долженъ отдать тебѣ свой престолъ (шире) и тамгу!» Мальчикъ отправился къ хану съ присланными за нимъ людьми. Ханъ спросилъ его: «Что это за женщина, которая съ тобой живетъ?» «Это моя жена!» говоритъ мальчикъ. «Отдай ее мнѣ!» говоритъ ханъ. Мальчикъ говоритъ, что онъ согласенъ отдать подъ три заклада. «Если я буду прятаться, говоритъ мальчикъ, и ты меня отыщешь, а ты будешь прятаться, а я не отыщу, тогда моя жена будетъ твоей, ханъ. А если ты меня не отыщешь, а я тебя отыщу, тогда ты долженъ отдать мнѣ твой престолъ и твою тамгу. Согласенъ ли ты на это, ханъ?» Ханъ согласился и послалъ мальчика домой прятаться. Жена мальчика обратила его въ наперстокъ (урупчи), надѣла себѣ на руку и шьетъ. Пріѣхалъ ханъ, искалъ, искалъ, не на-

[1]) Будене—перепелка; оготона—сѣноставка, Lagomys.

Digitized by Google

шелъ и говоритъ: «Я не могъ найдти тебя! Теперь ты ищи меня!» Жена учитъ мальчика: «Къ югу отъ колодезя будутъ стоять три дерева; среднее изъ нихъ, самое прямое (шитуру, чибъ-чикы) и будетъ ханъ. Ты пойди къ нему и скажи: вотъ хорошее дерево, чтобы вырубить черенъ для нагайки!» Мальчикъ пошелъ къ колодезю; стоятъ три дерева и среднее изъ нихъ такое хорошее, прямое. Мальчикъ схватилъ одной рукой вѣтвь, другой вынулъ свой ножъ и говоритъ: «Вотъ будетъ славный черенъ для нагайки.» Въ это время дерево закричало: «Ой, не руби! я ханъ!» «Отдашь ли мнѣ твой престолъ?» спрашиваетъ мальчикъ. «Нѣтъ, иди, еще спрячься!» говоритъ ханъ. Мальчикъ пошелъ къ женѣ; та его обратила въ муху (батагана). Ханъ пришелъ въ юрту, ищетъ, нигдѣ не можетъ найдти; ханъ въ одну сторону кинется, а муха полетитъ въ другую. Опять ханъ говоритъ: «Я не могъ найдти тебя! Теперь ты иди, ищи меня!» Жена учитъ мальчика: «Впереди колодезя есть озеро. Иди къ нему, сядь и жди; придетъ тысяча овецъ, сзади ихъ будетъ идти желтый лысый баранъ (шара халджанъ ерь-хони). Ты схвати его! Это и будетъ ханъ.» Мальчикъ вышелъ къ озеру, ждетъ. Около полудня къ озеру пришло стадо изъ тысячи барановъ, а сзади всѣхъ идетъ желтолысый баранъ. Мальчикъ схватилъ его, хочетъ заколоть и говоритъ: «Вотъ это ханъ! Онъ хочетъ отнять у меня жену! Теперь я заколю его!» Баранъ закричалъ: «Ой, не коли! я ханъ!» «Отдашь ли теперь мнѣ свой престолъ?» спрашиваетъ мальчикъ. «Нѣтъ, погоди!» говоритъ ханъ. «Сначала пустимъ въ бѣгъ жеребцовъ, которые пробѣгаютъ трехмѣсячное пространство въ одинъ мѣсяцъ, трехдневное въ одинъ день и трехчасовое въ одинъ часъ. Если мой жеребецъ напередъ выбѣжитъ, ты долженъ отдать мнѣ свою жену, если твой выбѣжитъ впередъ, я отдамъ тебѣ мои престолъ и тамгу.» «Сначала я схожу въ свою юрту», сказалъ мальчикъ и дорогой думаетъ, какъ быть. У хана тысяча человѣкъ и тысяча жеребцовъ, а у него и жеребенка нѣтъ. Сказалъ своей женѣ, какое условіе ханъ сдѣлалъ съ нимъ. Жена сказала ему: «Иди на берегъ моря, разскажи морю, что ханъ два заклада пробилъ и не отдаетъ престолъ и требуетъ пустить въ бѣгъ жеребца, который бы въ мѣсяцъ пробѣгалъ трехмѣсячное пространство, въ день трехдневное и въ часъ трехчасовое и попроси восьминогаго коня (найманъ-кӧльтей-мори) и четырехногаго льва (дурбанъ-кӧльтей-арсланъ). Мальчикъ пришелъ къ морскому берегу, крикнулъ: «Ей, Чаганъ-лосунъ-ханъ!» разсказалъ ему все, какъ велѣла жена и попросилъ дать ему восьминогаго коня и четырехногаго льва. Вышелъ изъ моря старикъ, вывелъ восьминогаго коня и четырехногаго льва. Конь нейдетъ, восемь ногъ его заплетаются. Съ трудомъ привелъ его мальчикъ домой и жалуется женѣ, что конь его въ бѣгъ не годится, что лишнія ноги мѣшаютъ ему ходить. «Ничего», говоритъ жена, «поѣзжай на немъ и жди хана». Выѣхалъ мальчикъ. Ѣдетъ ханъ, а за нимъ тысяча людей. Ханъ говоритъ мальчику: «Поѣзжай впередъ!» Мальчикъ говоритъ: «Нѣтъ, ты, ханъ, поѣзжай впередъ, а я поѣду за тобой!» Тронулся ханъ и исчезъ изъ виду. Ударилъ мальчикъ коня, чтобъ поспѣть за ханомъ; ничего не взвидѣлъ, какъ очутился на мѣстѣ. Конь пролетѣлъ, какъ птица. Ждалъ до полудня, пока ханъ съ своею тысячей подъѣхалъ. «Отдашь ли теперь твой престолъ и твою тамгу?»

*

Digitized by Google

опять спрашиваетъ мальчикъ хана. «Нѣтъ, еще погоди! Вотъ здѣсь есть токумъ [1]), наполненный водой. Вскипяти въ немъ воду и тогда я отдамъ тебѣ мои престолъ и тамгу». «Схожу сначала въ свою юрту!» сказалъ мальчикъ. Жена учитъ его: «Возьми два хомылына [2]), разломи каждый пополамъ, зажги ихъ концы и положи эти четыре куска на четырехъ сторонахъ токума. Когда вода закипитъ, ханъ велитъ тебѣ пройдти взадъ и впередъ черезъ кипящую воду. Когда ты будешь идти въ водѣ, говори: хошуай! Когда выйдешь изъ воды, скажи хану: я два раза прошелъ по водѣ; теперь ты пройди хоть разъ!» Мальчикъ нашелъ два хомылына, разломилъ ихъ пополамъ, зажегъ ихъ концы и одинъ кусокъ положилъ на западномъ концѣ озера, другой на востокѣ, третій на сѣверѣ и четвертый на югѣ. Вдругъ середина озера закипѣла. Ханъ говоритъ мальчику: «Если правда на твоей сторонѣ, то ты пройдешь черезъ озеро и вернешься опять сюда!» Мальчикъ вошелъ въ воду, произнесъ: хошуай! и перешелъ озеро. Потомъ опять вошелъ въ воду, произнесъ: хошуай! и вышелъ назадъ. И говоритъ хану: «Я перешелъ черезъ озеро два раза; теперь ты перейди черезъ него хоть одинъ разъ!» Ханъ подумалъ: «Онъ простой человѣкъ и перешелъ два раза. Я ханъ. Неужели у меня не хватитъ силы перейдти одинъ разъ!» Онъ вошелъ въ воду, дошелъ до середины озера и тутъ развалился (урӯсчи). Послѣ этого нойонъ, начальствовавшій надъ тысячью чириковъ [3]), стоявшихъ вокругъ озера, говоритъ мальчику: «Что это за вещь хошуай, которую ты поминалъ, проходя по озеру! Благодаря ей, ты не сварился въ водѣ. Дай, я посмотрю её!» Мальчикъ говоритъ: «Эта вещь у меня дома; сейчасъ принесу!» Самъ пошелъ домой къ женѣ и говоритъ: «Нойонъ проситъ показать ему хошуай, а я не знаю, гдѣ ее взять». Жена дала ему красный бобъ и говоритъ: «Положи его на раскрытую ладонь и каждому чирику покажи его, и скажи: вотъ хошуай! вотъ хошуай! (хошуай ене! хошуай ене!) Потомъ ладонь подними вверхъ и скажи: вонъ—гдѣ хошуай!» (хошуай тере!) Мальчикъ вышелъ изъ юрты, держа на ладони красный бобъ, подошелъ къ нойону, поднесъ къ нему свою ладонь и говоритъ: «Вотъ хошуай!» Потомъ подошелъ поочередно къ каждому чирику, неся на открытой ладони бобъ и передъ каждымъ сказалъ: «Вотъ хошуай!» Потомъ поднялъ ладонь въ воздухъ и крикнулъ: «Вонъ онъ хошуай!» Красный бобъ поднялся въ воздухъ и оттуда посыпался желѣзный градъ (темуръ мендуръ), который перебилъ всѣхъ чириковъ, убилъ и нойона. Мальчикъ сѣлъ на престолъ Шацгай-хана и сталъ жить со своей женой весело и наслаждаясь.

Пунсукъ, ордосскій монголъ изъ хошуна Ушинъ.

Ср. съ содержаніемъ сказокъ въ Очеркахъ, IV, №№ 131 и 154 (стр. 412 и 519). Въ первой, сойотской, герой называется Ульберге или Ольберге; мудрая жена—дочь Пори-хана (царя волка); противникъ героя, отнимающій жену, сынъ Карабты-хана. Въ монгольской (№ 154) мудрая жена дочь Лусай-хана, какъ и въ новомъ варіантѣ. Ср. также съ №№ 95, *a* и 160. Въ этихъ обоихъ

[1]) Токумъ—впадина въ земной поверхности.

[2]) Хомылынъ—шарообразный конскій пометъ.

[3]) Чирикъ—солдатъ.

Digitized by Google

благодѣтельные подарки герой получаетъ отъ Шацгай-хана. Въ Шиддикурѣ въ гл. V (Эти. Сб., VI, стр. 35—40) герой былъ брошенъ въ море въ жертву царю драконовъ; послѣдній относится къ нему благосклонно и высаживаетъ его на берегъ; женится герой однако на дочери земного царя, а не царя драконовъ. Въ гл. XXIII герой получаетъ невѣсту отъ живущаго въ водѣ царя драконовъ Цаганъ-Лабай-тэткукчи; она сначала скрывается подъ видомъ суки; онъ сжигаетъ ея шкуру и дѣлаетъ это напрасно; теперь она должна удалиться; когда она купалась, волосы ея упали въ воду и были отнесены внизъ по рѣкѣ; царь, жившій въ низовьѣ рѣки, узналъ объ ея существованіи и увезъ ее. По совѣту жены, другъ ея одѣлся въ сорочій яргакъ, пришелъ въ царскую резиденцію и началъ плясать въ народѣ. Царица, при видѣ плясуна, улыбнулась; царь высказываетъ ей упрекъ, что ранѣе, сколько она ни жила съ царемъ, она не улыбалась; она говоритъ, что если-бъ царь одѣлся въ то же сорочье платье и принялся плясать, она тоже улыбалась бы. Царь позвалъ плясуна, надѣлъ его сорочье платье, спустился внизъ къ народу и сталъ плясать. Тогда царица отдала приказаніе убить царя, а прежняго мужа посадила на престолъ. У нихъ родилось четыре сына; одинъ изъ нихъ Гэсэръ-ханъ. Сказка съ самаго начала заговариваетъ о пляскѣ и пѣніи; вельможа спасаетъ одного присужденнаго къ смерти совѣтомъ царю не казнить: «если мы казнимъ этого человѣка, то къ намъ не придутъ ни плясуны, ни пѣвцы». Причиной бѣгства героя изъ царскаго дворца и дальнѣйшихъ его приключеній было появленіе предъ царемъ сначала плясуна, потомъ пѣвца.

Въ ордосской сказкѣ Шацгай это царь, отбирающій жену у человѣка; въ халхаскихъ (Оч., IV, № 95 и 160)—царь, дающій волшебные подарки. Въ XXIII гл. Шиддикура плясунъ одѣтъ въ сорочье платье—не самъ ли Шацгай-ханъ?

Шацгай по монгол. «сорока». Не замѣнилось ли этимъ именемъ какое-нибудь другое тюркское? Въ тюркскомъ фольклорѣ Сибири есть имена Садагай (Литер. Сборн., изд. «Вост. Об.», Спб., 1885, стр. 343), Джетыганъ (созв. Больш. Медвѣдица) и друг. Банзаровъ упоминаетъ Дзетку-хана которому монголы поклонялись (Банзаровъ, Черн. вѣра и др. ст., Спб., 1891, стр. 21). Джатаганъ—родъ гуслей у тюрковъ южной Сибири; у калмыковъ ятга (Нефедьевъ, Подр. свѣд. о волжск калм., Спб., 1834, стр. 219).

---

9. ДОНЧЖИ-МОЛУМЪ-ЭРДЕНИ.

(Монгольскій разсказъ).

Былъ Дончжи-молумъ-эрдени; онъ былъ семьсотъ двадцати одного года отъ роду. Съ нимъ жили жена его Тунъ-могай-хара-нюдунъ [1]) и ея младшая сестра Цасунъ-цаганъ [2]); онъ пасъ семьсотъ лошадей. Въ низахъ же жилъ длинный, длиною семь саженъ, Шяра-бокѳ [3]); онъ пасъ семьсотъ желтыхъ верблюдовъ. Дончжи-молумъ-эрдени сидѣлъ (однажды) на холмѣ Болдзотенъ-боро-тологоѣ. Верблюжій жеребецъ изъ стада Уту-шяра-бокѳ боролся съ гнѣдымъ жеребцомъ Дончжи-молума. На лучахъ вечерняго солнца жеребецъ изломалъ у верблюда бедро передней лопатки (атхымылъ чумугъ) и, изувѣчивъ атлантовъ позвонокъ (амынъ кудзю), потащилъ его. На завтра Уту-шяра-бокѳ и Дончжи-молумъ вдвоемъ начали бороться.

---

[1]) Могай — «змѣя»; хара-нюдунъ — «черный глазъ».

[2]) Цасунъ цаганъ — «снѣжнобѣлая».

[3]) Въ текстѣ: доро доро гадзырэнъ долонъ алда уту шяра бокѳ. Подъ именемъ доро гадзыръ «низкой земли» хухонорскіе олёты разумѣютъ монгольскую плоскость къ сѣв. отъ Нань-шаня. Шяра—желтый, бокѳ — силачъ.

Digitized by Google

На вечернихъ лучахъ солнца Дончжи-молумъ изломалъ плечевую кость (атхамылъ чумугъ) у Шяра-бокб, изувѣчилъ у него шейный позвонокъ и потащилъ его. Выкопалъ яму въ девять сажень глубиной и бросилъ его туда. Содравъ съ верблюда шкуру, заткнулъ ею отверзстіе ямы; возвратился домой. Говоритъ женщинамъ: «На Болдзотенъ-боро-тологой не ходите! вокругъ юрты три раза не обходите!» И самъ отправился. Младшая сестра его Цасунъ-цаганъ обошла три раза вокругъ юрты и пошла на Болдзотенъ-боро-тологой; какой-то человѣкъ кричитъ. Бѣгомъ прибѣжала, въ ямѣ (видитъ) Уту-шяра-бокб сидитъ. Она сѣверныя дрова (арюнъ тулѣ) на спинѣ наносила, южныя деревья (блькони модо) на спинѣ наносила, зажгла огонь, топтала его. Не могла добыть. Вырвавъ волосы, положила. Добыла (богатыря?), возвратилась въ свой домъ и довольная сидитъ (сайханъ сучжи). Въ это время пріѣхалъ Дончжи-молумъ. Сѣверныхъ звѣрей на сѣверѣ набилъ, южныхъ звѣрей на югѣ набилъ, изъ мяса обонъ [1]) сложилъ, крови море стоитъ. Домой пріѣхалъ, говоритъ: «Цасунъ-цаганъ, сестра моя! мясо сложи на землю!» «До твоего ли мяса! моя старшая сестра заболѣла и умираетъ!» Дончжи-молумъ заплакалъ. Ахая и охая, онъ отправился къ одному большому ламѣ и просилъ у него наставленія. (Тотъ сказалъ:) «Иди и убей небеснаго сиваго быка (тэнгріинъ коку буху)! Нужно достать кровь его сердца». Сѣвши на Молочно-бѣлую лошадь, Ягненко-бѣлую лошадь ведя въ поводу, ѣдетъ онъ, сопутствуемый двумя птицами Харидыкъ и Нестыкъ, сопутствуемый двумя собаками Харчинъ и Барчинъ; ѣдетъ онъ до того, что желѣзныя стремена износилися, родимое тѣло состарѣлось (хбнъ цаганъ моринъ унучжи хургунъ цаганъ моринъ хошилычжи харидыкъ нестыкъ хоиръ шибоганъ дахуульчжи харчинъ барчинъ хоиръ нохогонъ дахуульчжи ябучжи тюмуръ дбрб сэтыртыль ябучжи тбрбсунъ біи кокшюртунъ ябучжи). Черезъ сорокъ дней доѣхалъ до сиваго быка (коку буху). «Тебѣ эти большіе рога не годятся; мнѣ эта большая шапка не годится. Снимемъ!» [2]) говоритъ (Дончжи-молумъ быку). Молодецъ (кубюнъ), снявъ свою шапку, положилъ. Корова (укуръ) рогами своими въ горячей водѣ поболтала, потомъ объ камень сбила ихъ. «Тебѣ этотъ большой хвостъ не годится; мнѣ эта подвязка къ косѣ не годится. Снимемъ!» Корова хвостомъ своимъ поболтала въ горячей водѣ и взмахомъ о камень отбила его. «Тебѣ этотъ большой языкъ не годится, мнѣ это орудіе (джибсыкъ; разсказчикъ пояснилъ: «ножъ») не годится. Снимемъ!» Корова поболтала своимъ языкомъ въ горячей водѣ и стала лизать камень. «Тебѣ эти большіе четыре копыта не годятся; мнѣ эти сапоги изъ чудной юфти не годятся (нада эне ике дзектэ булгаринъ кутусу мухай). Снимемъ!» Корова потоптала горячій огонь, стрѣлу изъ колчана воткнула и сняла копыта. Молодецъ снялъ сапоги и положилъ. На завтра онъ взялъ свою шапку и надѣлъ; корова хочетъ надѣть свои рога; они не стоятъ. Молодецъ заплелъ свои подвязки въ косу; корова хочетъ привѣсить свой хвостъ, онъ не держится. Молодецъ взялъ ножъ и вложилъ въ ножны; корова положила въ ротъ языкъ; не держится. Моло-

[1]) Обонъ — куча камней.

[2]) Танда эне ике убюръ мухай нада эне ике малахай мухай; абчикія!

Digitized by Google

децъ надѣлъ сапоги; корова подвѣсила свои копыта; они не держатся. На завтра молодецъ убилъ быка и взялъ сердце съ кровью. Три мѣсяца кочевали явившіяся (изъ утробы быка) животныя. Такое преступное животное было этотъ быкъ. Сѣвъ на Солнце-бѣломолочную лошадь (нара хӧнъ цаганъ моринъ), Ягненко-бѣлую лошадь ведя въ поводу, поѣхалъ онъ, сопутствуемый двумя птицами Харидыкъ и Нестыкъ, сопутствуемый двумя собаками Харчинъ и Барчинъ; ѣхалъ до того, что скалы сошлись въ тѣснину, ѣхалъ до того, что трава буту [1]) потемнѣла (или потускнѣла); ѣхалъ до того, что львиныя стремена стерлись (хада хада хабцылтыль ябучжи буту буту бурыгӱльтыль ябучжи арслынъ дӧрӧ сэтыртыль ябучжи). Пріѣхалъ къ ящерице-бѣлымъ юртамъ [2]). Двѣ дѣвицы сварили чай и подали ему. Одна дѣвица связала мѣшокъ, вынула изъ него сердце съ кровью, положила въ него овечье сердце съ кровью. Дончжи-молумъ пріѣхалъ домой и говоритъ своимъ женщинамъ: «Сварите бѣлый чай и постелите бѣлый войлокъ». Женщины сварили бѣлый ядовитый чай и постлали бѣлый ядовитый войлокъ. Дончжи-молумъ выпилъ три чашки и упалъ. Потомъ пришелъ Уту-шяра-бокӧ и убилъ его [3]). Взялъ обѣихъ женщинъ и отправился. Онъ хотѣлъ взять также Бѣломолочную лошадь и Ягненко-бѣлую лошадь, но не могъ поймать ихъ. Онѣ сказали: «Кости добраго хозяина бросать не слѣдуетъ!» Уту-шяра-бокӧ хотѣлъ поймать двухъ птицъ Харидыкъ и Нестыкъ, но не могъ ихъ поймать; хотѣлъ взять собакъ Харчинъ и Барчинъ, но не могъ поймать. Хотѣлъ увезти колчанъ Алтынъ-аргуй, но силы не хватило. «Кости добраго хозяина бросать не слѣдуетъ!» Двѣ лошади Молочно-бѣлая и Ягненко-бѣлая въ солнечные дни въ тѣни стояли, въ вѣтряные дни за защитой стояли. Птицы Харидыкъ и Нестыкъ, летая подъ небомъ, ни одного пера не сронили; двѣ собаки Харчинъ и Барчинъ, бѣгая по землѣ, когтистымъ [4]) ни одна не послужила пищей. Двѣ лошади Молочно-бѣлая и Ягненко-бѣлая побѣжали къ двумъ видѣннымъ дѣвицамъ; прибѣжавши, стали ржать и кататься по землѣ, давая знать дѣвицамъ! что для нихъ наступилъ часъ ѣхать. Дѣвицы сѣли на лошадей, поѣхали и пріѣхали къ хозяину лошадей. Двѣ дѣвицы сердце, внутренности (цзурюкъ гэдисенъ) разбили, кровь изъ сердца взяли, выбросили; сердце и кровь небеснаго сиваго быка положили. Одна была хубулганъ богини Ногонъ-дареке, другая была хубулганъ богини Цаганъ-дареке [5]). Хубулганъ богини Ногонъ-дареке, произнося: встань! взмахнула правымъ рукавомъ три раза, взмахнула лѣвымъ рукавомъ три раза. Хубулганъ богини Цаганъ-дареке лѣвымъ рукавомъ взмахнула два раза, правымъ рукавомъ взмахнула два раза. Махая, онѣ говорили: «Семьсотъ двадцати одного году отъ роду Дончжи-молумъ-эрдени встань!» Послѣ этого онѣ уѣхали. Дончжи-молумъ

[1]) Буту — «кипецъ» (Festuca ovina).

[2]) Въ текстѣ: гурбылъ цаганъ герьте иричжи. Гурбылъ — «ящерица». Но въ другихъ сказкахъ гурбанъ цаганъ герь, т. е. «три бѣлыхъ юрты». Гурбула—«трое».

[3]) Послѣ этого въ текстѣ находится еще мѣсто, которое я не могъ перевести: Тунъ могой хатунни цзурюкинъ хагыльчжи цасунъ цаганъ дююни цӧсунъ хагыльчжи амини Гэсыръ-богдо-ханъ бостыкъ гилэ.

[4]) Хумустай — «когтистый», т. е. хищный звѣрь.

[5]) Тутъ опущена не переведенная фраза: Ногонъ дарекенъ хубулганъ амини Гэсыръ-богдо-ханъ мӧнъ больчжи.

Digitized by Google

всталъ и говоритъ: «Какъ я заснулъ!» «Какое спалъ! Тебя Уту-шяра-бокö и двѣ женщины убили и уѣхали. Мы вшестеромъ сидѣли и тебя берегли. Двѣ дѣвицы, пріѣхавъ, вложили въ тебя жизнь и уѣхали». Послѣ того вставъ, онъ сѣлъ на Молочно-бѣлую лошадь, и ведя въ поводу Ягненко-бѣлую лошадь, поѣхалъ. Пріѣхалъ въ землю Уту-шяра-бокö. Садакъ Алтынъ-аргуй спряталъ въ мѣшокъ, Молочно-бѣлую лошадь и Ягненко-бѣлую лошадь спряталъ въ мѣшокъ, двухъ птицъ Харидыкъ и Нестыкъ въ огнивную сумочку (кэтэ) положилъ, двухъ собакъ Харчинъ и Барчинъ въ огнивную сумочку положилъ, вошелъ въ юрту Уту-шяра-бокö и говоритъ новость женщинамъ: «Я пришелъ черезъ родину семьсотъ двадцатиоднолѣтняго Дончжи-молумъ-эрдени; въ костяхъ Дончжи-молума глазныя ямы земля заполнила; черезъ отверзстія въ костяхъ сючжи [1]) трава проросла!» Женщины обрадовались; угощаютъ его ханскимъ кушаньемъ, подаютъ ему кумысу. Вечеромъ ханъ пріѣхалъ. Женщины говорятъ ему: «Этотъ молодецъ хорошія вѣсти тебѣ привезъ!» Ханъ очень обрадовался. Ханъ говоритъ ему: «Молодецъ въ безрукавомъ плащѣ безъ пріятныхъ словъ въ рѣчи (ха уга тагатай ганцы уга кемиликтай кубюнъ [2])! Завтра пойдемъ стрѣлять сквозь бокъ золотого верблюда» (тэменинъ сюбэ сэтэ). Молодецъ пошелъ и зашелъ къ одной старухѣ: «Ты прежде ли, во время Дончжи-молума, наслаждалась, или теперь наслаждаешься?» «Теперь наслажденія нѣту и прежде его не знала!» Пошелъ дальше, зашелъ къ старику: «Ты прежде ли, во времена Дончжи-молума, наслаждался, или теперь наслаждаешься?» «Прежняго наслажденія нѣтъ, какъ будешь теперь наслаждаться!» Пошелъ далѣе, зашелъ къ одной дѣвицѣ: «Ты прежде ли, во времена Дончжи-молума, наслаждалась или теперь наслаждаешься?» «Теперь не наслаждаюсь, откуда въ прежнее время возьмется наслажденіе!» Пошелъ далѣе, встрѣтилъ юношу: «Ты прежде ли, во времена Дончжи-молума наслаждался, или теперь наслаждаешься?» «Прежняго наслажденія нѣтъ, теперь откуда возьмется наслажденіе?» Дончжи-молумъ пошелъ и прострѣлилъ насквозь бокъ золотого верблюда (алтынъ тэменъ). Послѣ того нойонъ говоритъ ему: «Мы сядемъ вмѣстѣ на красномъ мысѣ (уланъ хамырту). Ты стрѣляй сквозь бисеръ моей сережки!» Этотъ юноша выстрѣлилъ и перешибъ ему всю шею. Потомъ онъ ту старуху убилъ и взвалилъ себѣ на плечи, того старика взялъ съ собой, ту дѣвицу убилъ, того юношу взялъ и пошелъ. Пришелъ въ домъ Уту-шяра-бокö; двѣ женщины плачутъ. Разрубивъ двухъ женщинъ на семьдесятъ частей, привязалъ ихъ къ хвостамъ семидесяти жеребятъ. И послѣ того наслаждался, пребывая вмѣстѣ съ двумя хубулганами богинь Ногонъ-дареке и Цаганъ-дареке

Записано въ Гумбумѣ отъ хухунорской олётки.

Ср. въ Очеркахъ, II, съ халхаской сказкой «Ховугу и Хадынъ-дзюгу» (стр. 175). Братъ, погибающій отъ коварства сестры, Ховугу. Его оживляютъ три дѣвицы, которыя и халхаскимъ сказочникомъ крайняго сѣвера Монголіи (съ караульной линіи) названы: Цаганъ-дариху, Ногонъ-

[1]) Тазовая кость.

[2]) Въ бурятскомъ языкѣ есть выраженіе хага яга «изрѣдка»; тагатай «пріятное». Кемиликъ — такъ называются въ Ордосѣ и на Хухунорѣ войлочные бѣлые плащи, надѣваемые въ дождливую погоду.

Digitized by Google

дариху и Наръ-ханджитъ. Въ бурятской сказкѣ, впрочемъ съ другимъ сюжетомъ, воскресительницами убитаго богатыря называются три дочери Эсэгэ-малана (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 32 и 49); въ алтайской (Radloff, Prob., I, 12), по содержанію сходной съ бурятской,—двѣ дѣвицы, одна дочь солнца, другая дочь мѣсяца; въ якутской подобнаго же содержанія (тѣ же «Записки», т. I, в. 3, стр. 77 и 78) три дѣвицы: дочери солнца, мѣсяца и Плеядъ. Въ халхасской сказкѣ добывается сердце змѣи Абрыкъ могай; въ олётской сердце коровы. Шмидтъ къ своему переводу Сананъ-сэцэна (Gesch. d. Ost-Mong., S. 447) приложилъ переводъ сказки о Эрдэни-хараликѣ (воплощеніи бога Арья-Бало); этотъ Эрдени ѣдетъ за сердцемъ быка Куринъ-Ракша; но коварной сестры (или матери) нѣтъ; вѣроятно эта подробность выпала при буддійской обработкѣ сюжета.

Эпизодъ съ коровой ср. съ сходнымъ эпизодомъ въ тангутскомъ Гэсэрѣ, стр. 24.

---

10. ХОРУЛЬДЕЙ-МЕРГЕНЪ-БОГДО.

(Монгольскій).

За тринадцатью восточными горами былъ Хорульдей-мергенъ-богдо. У него были сивая лошадь Облако и изъ семидесяти коровьихъ шкуръ сдѣланный лукъ Тартагай (ölинъ хуху моритей талынъ ухуринъ тартагай номутай). Онъ высваталъ на западѣ трехлѣтнюю дочь Падма-хана и, сѣвши на свою сивую лошадь Облако, и взявши лукъ Тартагай, сдѣланный изъ семидесяти коровьихъ шкуръ, поѣхалъ за ней. Ему встрѣтился черный человѣкъ, ѣхавшій на черномъ верблюдѣ жеребцѣ, одѣтый въ черную пречерную шубу и имѣвшій черное пречерное лицо. Этотъ человѣкъ спросилъ у Хорульдея-богдо: «Юноша съ пламенемъ въ лицѣ, съ огнемъ въ глазахъ (нюртенъ чжокто нюдунденъ галтай ху), куда ты поѣхалъ?» Богдо отвѣчалъ: «Я Хорульдей-богдо, живущій за тринадцатью восточными горами. Я высваталъ на западѣ трехлѣтнюю дочь Падма-хана и теперь за ней ѣду». Чернолицый человѣкъ говоритъ ему: «Въ западной сторонѣ отъ враждебныхъ силъ и хищныхъ звѣрей [1]) очень опасно. Тебѣ туда ѣхать невозможно». Хорульдей-мергенъ-богдо на это сказалъ ему: «Враговъ врагамъ не отдаютъ, хищныхъ звѣрей хищнымъ звѣрямъ не отдаютъ» [2]). Сказавъ это, Хорульдей-богдо поѣхалъ далѣе. Встрѣчается ему желтолицый человѣкъ, ѣдущій на желтомъ верблюдѣ самцѣ, и одѣтый въ желтую шубу и спрашиваетъ: «Ты изъ какой стороны человѣкъ, куда ѣдешь?» Хорульдей-богдо отвѣчаетъ: «Я Хорульдей-богдо, живущій за тринадцатью восточными горами; я высваталъ на западѣ трехлѣтнюю дочь Падма-хана и теперь ѣду взять её». Желтолицый человѣкъ говоритъ: «Въ западной сторонѣ враги опасны, хищные звѣри люты. Тебѣ ѣхать туда невозможно! «Хорульдей-богдо говоритъ: «Враговъ врагамъ не отдаютъ! звѣрей звѣрямъ не отдаютъ!» Сказавши такъ, повернулся и поѣхалъ. Ѣдетъ, а возлѣ одной юрты два человѣка борятся. Подъѣхавъ, Хорульдей-

[1]) Барунта дзюкту дайсунъ тахулъ аратунъ соётунъ кечу байна; аратунъ соётунъ «хищные звѣри», собственно значитъ «съ коренными зубами и клыками», «зубастые—клыкастые».

[2]) Дайсунъ тахулигъ дайсунъ абдыкъуга, аратынъ соётунигъ аратынъ соётунъда абдыкъ уга.

Digitized by Google

богдо спрашиваетъ ихъ: «Вы, двое, зачѣмъ боретесь?» Тѣ два человѣка говорятъ: «Про насъ говорятъ: сильные, пресильные! теперь мы хотимъ узнать свою силу». Хорульдей-богдо говоритъ имъ: «Если вы очень сильные, поборемтесь!» Хорульдей-богдо сталъ бороться съ тѣми двумя людьми и одного изъ нихъ, ударивъ, вогналъ въ землю по уши, другого всадилъ въ землю, только голова высунулась. Тѣ два человѣка говорятъ: «Мы двое будемъ тебѣ товарищами, вытяни насъ обоихъ изъ земли!» Хорульдей-богдо сказалъ: «Если вы двое хотите быть моими товарищами, пусть будетъ такъ!» Сказавъ это, онъ вытянулъ тѣхъ двоихъ людей, взялъ ихъ къ себѣ и поѣхалъ. Ѣхали, ѣхали и пріѣхали къ колодезю Падма-хана. Пріѣхавши, Хорульдей-богдо убилъ одного оленя. Убивъ, говоритъ тѣмъ двоимъ: «Сварите мясо этого оленя! Я лягу спать! Когда мясо сварится, позовите меня! Я пробужусь и поѣмъ!» Сказавши такъ, заснулъ. Тѣ два человѣка сварили то мясо, взяли наваръ (шулю) и вылили на пупъ Хорульдею-богдо. Хорульдей-богдо умеръ. Тѣ два человѣка хотѣли поймать сивую лошадь Облако, и не могли поймать; хотѣли взять лукъ Тартагай, сдѣланный изъ семидесяти коровьихъ шкуръ и у нихъ силъ не хватило. Хотѣли взять мясо оленя, и тоже силъ не хватило. Отправились тѣ два человѣка къ Падма-хану. Пришедши, говорятъ ему: «Мы твои зятья! мы твою трехлѣтнюю дочь высватали, и теперь пришли взять её». Падма-ханъ сказалъ: «Нѣтъ, вы не зятья мои! Если вы зятья, то ложитесь спать на семь слоевъ желтыхъ подушекъ (долонъ табхуръ шара талбыкдаръ) и закройтесь семью слоями желтыхъ шелковыхъ одѣялъ. Если вы завтра рано будете живы, вы мои зятья! Если вы будете мертвы, вы не зятья мои!» Назавтра рано вставши, посмотрѣли, (тѣ два человѣка) умерли. Ихъ выбросили.

Сивая лошадь Облако, взявъ съ неба арикшанъ, принесла и вылила на Хорульдея-богдо. Хорульдей-богдо ожилъ. Оживъ, сѣвъ на сивую лошадь Облако, взявъ лукъ Тартагай, сдѣланный изъ семидесяти коровьихъ шкуръ, пріѣхалъ къ Падма-хану. Падма-ханъ сказалъ: «Пока ты ѣхалъ, мою дочь Индэръ-хара-мангысъ унесъ. Теперь нѣтъ возможности» (возвратить её). Хорульдей-богдо говоритъ: «Я поѣду и привезу!» Падма-ханъ говоритъ: «Невозможно! Если ты поѣдешь, тебя убьютъ! Тебѣ теперь ѣхать нельзя!» Хорульдей-богдо говоритъ: «Нужды нѣтъ, я поѣду. Отецъ мой! взойди на ту большую гору и сядь на ней. Я сражусь съ Индэръ-хара-мангысомъ. Если я буду мертвъ, у тебя, сидящаго на этой горѣ, по ребрамъ выступитъ и потечетъ красная кровь; если я убью Индэръ-хара-мангыса, по ребрамъ потечетъ черная кровь. Ты тутъ сиди, а я привезу женщину!» Хорульдей-богдо поѣхалъ. Пріѣхалъ и говоритъ Индеръ-хара-мангысу: «Теперь я женщину возьму! Чѣмъ ты хочешь состязаться: силой ли мужа или остріемъ стрѣлы?» [1]). Индэръ-хара-мангысъ сказалъ: «Остріемъ стрѣлы!» Индэръ-хара-мангысъ взялъ мечъ, началъ рубить Хорульдея-богдо, мечъ изломался. Сколько ни повторялъ удары меча, всѣ мечи изломались. Тогда Индэръ-хара-мангысъ сказалъ: «Моя

[1]) Чжерь чжебинъ сайнаръ дайлалчху байну, еринъ сайнаръ дайлалчху байну? Джеби, цзебэ—наконечникъ стрѣлы; джерь, дзерь—частица усиленія, въ родѣ хабъ-хара, чернѣхонько. Сайнаръ—«добротою», «достоинствомъ».

Digitized by Google

битва теперь окончилась. Теперь ты сражайся!» Хорульдей-богдо взялъ лукъ Тартагай, сдѣланный изъ семидесяти коровьихъ шкуръ, пустилъ стрѣлу и разрѣзалъ тѣло мангыса, взялъ женщину и пріѣхалъ къ Падма-хану. Сѣлъ на престолъ Падма-хана и наслаждался спокойствіемъ.

Ратна-бала, лама изъ Ордоса.

---

11. УЙЛЕНЪ-ХАНЪ [1]).

(Монгольскій).

Нѣкогда былъ Уйленъ-ханъ, у котораго ворота были изъ дерева шинъ-ши (или шанъ-ши), верхнія ворота изъ золота шиджиръ, привратникъ у воротъ былъ съ тинсой (шарикомъ на шапкѣ)..... позади его дома у него былъ тоганъ (храмъ), въ которомъ были сильные боги (хорме шуусэнъ, «поднявшіе подолъ», т. е. докшиты). У хана была супруга Наранъ-гериль. Ночью ханьша увидѣла сонъ, будто подушка на престолѣ подвинулась; какой-то вредъ хану предвѣщаетъ. (Ханьша) говоритъ Уйленъ-хану: «Я видѣла во снѣ, что подушка двинулась на ханскомъ престолѣ; какой-то вредъ предвѣщаетъ. Я такой сонъ о тебѣ видѣла!» Уйленъ-ханъ говоритъ: «Жена! принеси книгу о моей душѣ. Я посмотрю». Въ этой душевной книгѣ онъ увидѣлъ: «Есть лошадь Едзинъ-хола».

Поймавши лошадь, привязали ее къ дереву зданъ, положили на нее потники. Ханъ надѣлъ шапку. Лошадь говоритъ (хану): «Есть тридцатидвухголовый Гуна-хара мангысъ. Взявъ пятьсотъ чириковъ съ джянь-джюномъ, иди на него». Уйленъ-ханъ-взялъ пятьсотъ чириковъ и отправился. Сколько дней проѣхалъ, доѣхалъ до вершины Боро-тологой. Туда прибѣжалъ тигръ, у котораго грудь была изъ золотого серебра, нижняя часть тѣла изъ серебра бори. Отъ роду джянь-джюнъ не видывалъ такого тигра; хороша ли, худа ли эта вещь, не знаетъ и вернулся. Этотъ тигръ три раза оглянулъ горы, натянулъ пятицвѣтную радугу и убѣжалъ. Уйленъ-ханъ заплакалъ: «Есть ли средство убить этого тигра? Вы куда хотите, ступайте, а я одиночкой пойду». Когда онъ сидѣлъ на высокой горѣ, пришелъ какой-то хара-хунь (простой человѣкъ); туловище (его) богатырское, сидитъ, точно птица беркутъ, огниво (у него) булатное, по имени Лютъ-хара-хунь-абагай. «Здоровъ ли?» Уйленъ-ханъ: «Сижу здоровъ!» Тотъ хара-хунь спрашиваетъ Уйленъ-хана: «Ты куда поѣхалъ?» Уйленъ-ханъ говоритъ: «Я поѣхалъ воевать съ тридцатидвухголовымъ Гуна-хара-мангысомъ». Тотъ хара-хунь спрашиваетъ Уйленъ-хана «Ты сколько шиди имѣешь? сколько хубильгановъ имѣешь?» Уйленъ-ханъ говоритъ: «Я не имѣю ни шиди, ни хубильгановъ». Уйленъ-ханъ спрашиваетъ хара-

---

[1]) Уйленъ-ханъ—Облачный ханъ.

Digitized by Google

хуня: «Ты сколько имѣешь шиди и хубильгановъ?» Тотъ хара-хунь говоритъ: «Тридцатидвухголовый Гуна-хара-мангысъ мой старшій братъ. Мое имя Хараиленъ. Мой старшій братъ горой, такъ горой можетъ сдѣлаться, облакомъ, такъ облакомъ, утесомъ, такъ утесомъ. Мы (съ братомъ) имѣемъ пыль темъ чириковъ и туманъ темъ китайцевъ» [1]). Уйленъ-ханъ говоритъ: «Ты поѣзжай, скажи своему брату: завтра рано до восхода солнца пусть придетъ побороться!» Хара-иленъ (говоритъ): «Хорошо! Я скажу брату». Хара-иленъ пошелъ, говоритъ брату: «Есть могучій Уйленъ-ханъ. Я боюсь его!» Старшій братъ говоритъ: «Хорошо! поборемся!» На завтра утромъ до восхода солнца тридцатидвухголовый Гуна-хара-мангысъ и Хара-иленъ и съ ними пыль темъ чириковъ и туманъ темъ китайцевъ всѣ разомъ пришли. На юговосточной сторонѣ не то облако, не то гора! что такое заслонило долину?

Хара-иленъ говоритъ: «У Уйленъ-хана есть старшая сестра!» Хара-иленъ ея испугался. Уйленъ-ханъ спрашиваетъ: «Я ли издалека пришедшій начну сраженье, ты ли изъ недалека пришедшій начнешь?» Тридцатидвухголовый Гуна-хара-мангысъ говоритъ: «Я, изъ недалека пришедшій, напередъ стану сражаться!» Съ утра натягивалъ лукъ, въ полдень спустилъ стрѣлу. Стрѣла прямо въ сердце Уйленъ-хана угадала. Кровь бросилась ключомъ. Круглый камень взялъ и заткнулъ (рану), плоскимъ камнемъ прикрылъ. Уйленъ-ханъ, вставши, натянулъ лукъ; съ полдня къ вечеру выстрѣлилъ; мангысъ пригнулся и сдѣлался каменной горой. Уйленъ-ханъ прибилъ всѣхъ чириковъ и китайцевъ. Мангысъ говоритъ: «Уйленъ-ханъ! Я въ тебя дуну»! Уйленъ-ханъ говоритъ: дунь. Гуна-хара-мангысъ открылъ ротъ. Уйленъ-ханъ вскочилъ (ему) въ ротъ и сѣлъ, сложивши руки, сзади зубовъ, спереди горла. Ни проглотить его не можетъ, ни выплюнуть не можетъ. Гуна-хара-мангысъ покорился Уйленъ-хану. Уйленъ-ханъ изъ нутра (мангыса) говоритъ: «Предсказаніе матери сбылось (собственно: увидѣлъ) — не истребленъ! Отцовское гаданье сбылось (увидѣлъ)—не убитъ!» Вышедши, убилъ (мангыса), одну душу Ерликъ-хану отдалъ, другую Бурхану-бакши. Вернулся домой и зажилъ счастливо.

Омолонъ, ордосскій монголъ хошуна Ушинъ; сынъ китаянки.

---

12. МЕДЖИТЪ.

(Монгольскій).

Въ хошунѣ Ушинъ (въ Ордосѣ) былъ Ушинъ-да. Въ то же время въ хошунѣ былъ воръ Меджитъ. Люди ушинскаго да поймали Меджита и привели передъ да. Да сказалъ ему: «У китайскаго хана въ Пекинѣ есть два мула; одинъ пробѣгаетъ въ день 800 ли, другой 1000 ли. Если ты украдешь ихъ, то я прощу тебѣ всѣ

[1]) Въ текстѣ: шоронъ туменъ чирикъ бутанъ туменъ китатъ.

Digitized by Google

твои вины». Меджитъ сказалъ: «Хорошо, сдѣлаю!» Да велѣлъ отпустить его на волю и Меджитъ уѣхалъ въ Пекинъ. Онъ прожилъ тамъ три года, стараясь перезнакомиться какъ можно съ бо́льшимъ числомъ людей. Вызнавъ, что нужно, онъ сѣлъ на мула, пробѣгавшаго 800 ли и убѣжалъ изъ Пекина. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ была пашня, онъ остановился на ночлегъ, а мула привязалъ къ колу. За нимъ была послана погоня. Меджитъ увидѣлъ большую пыль; онъ подумалъ: «Какая большая пыль! это навѣрно бѣжитъ мулъ, пробѣгающій 1000 ли въ день». Онъ взялъ въ руки мотыгу, которою воздѣлываютъ пашню, и брусокъ, на голову надѣлъ крестьянскую соломенную шляпу съ огромными полями, сѣлъ на землю и точитъ мотыгу. Человѣкъ на мулѣ, пробѣгающемъ 1000 ли въ день, подбѣжалъ къ нему и узналъ мула, пробѣгающаго 800 ли въ день, привязаннаго къ колу. Онъ, не узнавъ Меджита, говоритъ: «Это ханскій мулъ, пробѣгающій 800 ли въ день; онъ былъ украденъ изъ ханской конюшни и я посланъ отыскать вора. Не знаешь ли ты, кто на немъ пріѣхалъ и куда ушелъ»? Меджитъ отвѣчалъ: «Не знаю, что за человѣкъ пріѣхалъ на мулѣ, но видѣлъ, что онъ ушелъ въ домъ позади меня». Человѣкъ, пріѣхавшій въ погоню, привязалъ мула, пробѣгающаго въ день 1000 ли, на которомъ пріѣхалъ, къ тому же колу, къ которому былъ привязанъ мулъ, украденный Меджитомъ, и пѣшкомъ пошелъ въ указанный домъ. Въ это время Меджитъ бросилъ на землю мотыгу, брусокъ и шляпу, сѣлъ на одного изъ муловъ, другого взялъ въ поводъ и убѣжалъ. Прибывъ въ хошунъ Ушинъ, онъ передалъ украденныхъ муловъ ушинскому да. Да говоритъ: «Какъ же я буду ѣздить на нихъ? Какъ только я на такомъ мулѣ куда-нибудь выѣду, сейчасъ же узнаютъ, что это выкраденный у Еджень-хана мулъ». Меджитъ говоритъ: «Есть у меня средство». Онъ взялъ овечьей шерсти, обвилъ ею подпругу, свернулъ послѣднюю въ бунтъ, положилъ въ котелъ, наполненный водой и сталъ кипятить воду. Потомъ этотъ горячій комъ приложилъ ко лбу мула; на вызженномъ мѣстѣ шерсть выпала и на мѣстѣ старой черной шерсти выросла бѣлая. Потомъ онъ обмоталъ туго, претуго ноги мула выше копыта; и тутъ шерсть вывалилась и выросла новая, бѣлая. Послѣ этого Ушинъ-да поѣхалъ въ Пекинъ. Ханскіе люди смотрятъ и говорятъ: «Какъ будто ханскіе мулы, но у тѣхъ не было бѣлыхъ лысинъ на лбу и бѣлыхъ ногъ». И не рѣшились отнять муловъ. Послѣ этого Ушинъ-да сказалъ Меджиту: «Даю тебѣ полную свободу воровать, только воруй въ дальней сторонѣ и не воруй въ Ордосѣ».

Очиръ, монголъ изъ Ордоса.

Ср. Гыгэръ-Меджитъ (Бэгэръ-меджидъ, Бикаръ-Мадзиди) въ Очерк., II, 54; Мечи-хуаръ, воръ (Очерки, IV, 361). О созвѣздіи Мечинъ или Мэчитъ (Плеяды) разсказывается, что одна изъ его звѣздъ украдена (Оч., II, 125; IV, 193, 194, 200).

Digitized by Google

13. БАЛЫНЪ-СЕНГЕ.

(Монгольскіе).

а. Одинъ лама сдѣлалъ бурхана и понесъ его въ Менгу-чжу въ мѣшкѣ за плечами, чтобы попросить Далай-ламу освятить его. Дорогой онъ видитъ въ сторонѣ сидитъ человѣкъ. Это былъ Палынъ-сенге [1]). «Куда идешь?» спрашиваетъ Палынъ-сенге ламу. «Въ Менгу-чжу». «Что несешь?» «Бурхана». «Зачѣмъ?» «Хочу просить Далай-ламу освятить его». «Дай, я освящу». Взялъ бурхана у ламы, помочился, омоченную землю началъ брать въ горсть и бросать въ полость, которая внутри бурхана, и приговаривалъ: Далай-лама талага тайяръ хамту нійляга. Лама снова положилъ бурхана въ мѣшокъ и пошелъ далѣе. Приходитъ въ Менгу-чжу, поклонился Далай-ламѣ. Далай-лама спрашиваетъ: «Что у тебя въ мѣшкѣ за плечами?» «Бурханъ, котораго я сдѣлалъ и хотѣлъ просить тебя освятить». «Дай его сюда!» Лама подалъ бурхана. Далай-лама посмотрѣлъ ему въ полость, поковырялъ и говоритъ: «Да онъ уже освященъ! Кто тебѣ его освятилъ?» «Какой-то неизвѣстный человѣкъ, котораго я встрѣтилъ на дорогѣ». «А какъ онъ его освящалъ?» «Помочился, сталъ кидать омоченную землю въ бурхана и приговаривалъ: далай-лама талага тайяръ хамту нійляга». «О, это хорошо, хорошо!» сказалъ Далай-лама. «Этотъ лама великій лама, повыше меня!»

Пунсукъ изъ Ордоса.

б. Однажды Балынъ-са шелъ по дорогѣ и несъ на головѣ котелъ. Ему встрѣтился человѣкъ и спрашиваетъ: «Ты кто такой?» «Мое имя Балынъ-са», отвѣтилъ Балынъ-са. «А, это ты, знаменитый враль! Соври-ка мнѣ что нибудь!» А самъ думаетъ, не обмануть меня Балынъ-сѣ. Балынъ-са говоритъ: «Некогда мнѣ шутить. Собирается гроза! Хочетъ быть градъ». Тотъ забылъ, что не нужно вѣрить Балынъ-сѣ и взглянулъ на небо. Небо чисто.

Пунсукъ, монголъ изъ Ордоса.

в. Одна женщина съ корзиной за спиной ходила по степи и собирала сабуромъ аргалъ [2]). Встрѣтился ей Балынъ-са и говоритъ: «Ходишь и не посмотришь назадъ! Сзади у тебя подолъ шубы горитъ!» Женщина схватилась за подолъ; шуба цѣла.

Пунсукъ изъ Ордоса.

---

[1]) По словамъ разсказчика, это тибетское имя; помонгольски онъ называется Ухуни хара-балданъ.

[2]) Аргалъ — коровій пометъ. Сабуръ пятипалая деревянная вилка, употребляемая собирательницами аргала для подхватыванія его съ земли, чтобы положить его въ корзину.

Digitized by Google

г. Балынъ-сенге проходилъ мимо человѣка, сѣявшаго хлѣбъ, и спросилъ его: «Что ты дѣлаешь?» Тотъ въ насмѣшку отвѣтилъ: «Сѣю чутусы!» «Ну пусть же у тебя уродятся чутусы!» сказалъ Балынъ-сенге. И въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто хлѣба, на всемъ полѣ уродились чутусы. Бѣдный пахарь, оставшись безъ пропитанія, заплакалъ, пошелъ за Балынъ-сенге и, догнавъ его, говоритъ: «Я согрѣшилъ, сказалъ тебѣ худо! Прости! Скажи, не знаешь ли какого средства поправить мое положеніе!» Балынъ-сенге говоритъ: «Иди въ монастырь (хитъ) чаугунцзей [1]) и продай имъ чутусы!» Тотъ такъ и сдѣлалъ, продалъ. Одна изъ чаугунцзей, державшая чутусъ въ ящикѣ, была позвана въ какую-то юрту читать номъ; окончивъ чтеніе, вечеромъ чаугунцза стала собираться въ монастырь; её стали упрашивать остаться ночевать. «Нельзя!» говоритъ она. «Я оставила въ своей кельѣ номъ въ ящикѣ». Хозяева юрты говорятъ ей, что пошлютъ за ящикомъ свою дочь. Чаугунцза говоритъ дѣвицѣ: «Когда будешь нести, не открывай ящика!» Дѣвушка не утерпѣла, дорогой открыла ящикъ, увидѣла чутусъ и вскрикнула: «ахъ!» Чутусъ выскочилъ изъ ящика и упалъ къ ней въ подолъ. Дѣвушка испугалась и пустилась бѣжать. Бѣжала, бѣжала, наконецъ отъ усталости упала и вздохнула: «охъ!» Чутусъ выпалъ изъ ея подола, она схватила палку, принялась бить его; разбила его на части. Вернулась домой, разсказала, что у чаугунцзей въ ящикахъ, вмѣсто нома, хранятся чутусы. Ханъ велѣлъ всѣмъ чаугунцзамъ этого хита отрубить головы.

Ратна-бала.

д. Балынъ-сенге пришелъ на одну свадьбу. Ему дали бѣлую лошадь и говорятъ: «Сходи и пригласи бакши, пусть пріѣдетъ на свадьбу на этой лошади». Балынъ-сенге пригласилъ бакши, посадилъ его на лошадь, а самъ идетъ сзади. Дорогой бакши сошелъ съ лошади помочиться и сѣлъ на валявшейся на степи кости сучжи. Балынъ-сенге проговорилъ: боксенъ налдасо! Кость прилипла къ задницѣ бакши; не можетъ онъ её оторвать отъ себя и спрашиваетъ у Балынъ-сенге: «Не знаешь ли средства отдѣлить кость отъ моего тѣла?» Балынъ-сенге говоритъ: «Понюхай у хвоста лошади?» Бакши сталъ нюхать. Балынъ-сенге проговорилъ: боксенъ налдасо! И бакши носомъ прилипъ къ хвосту лошади. Идутъ такъ: впереди лошадь, за ней бакши, за нимъ кость сучжи. Когда пришли въ юрту, гдѣ была свадьба, народъ озлился на Балынъ-сенге и сталъ его бить. Кто примется его бить, Балынъ-сенге скажетъ: гадзаръ налдасо! У того подошвы ногъ и прилипнутъ къ землѣ. Всѣ такимъ родомъ прилипли, не могутъ сдвинуться съ мѣста. Тогда они взмолились Балыну-сенге и поднесли ему большой серебряный мандалъ. Онъ отлѣпилъ ихъ всѣхъ.

Онъ же.

---

[1]) Чаугунцза, собственно убасанца — монахиня.

Digitized by Google

О Балынъ-сенге см. Очерки, IV, 241—243. Ср. также въ Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по этн., т. I, в. 2, стр. 58 (сказка о Анагуй-ухарѣ). Въ одномъ варіантѣ (Оч., IV, 242) Балынъ-сенге похищаетъ душу, уже вынутую Ерликомъ изъ тѣла человѣка; въ бурятской легендѣ (Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., т. XI, № 1—2, стр. 87) Моргонъ хара похищаетъ душу, которая была уже вынута изъ тѣла Эсэгэ-малаюмъ. Тамъ же (Оч., IV, 242) Балынъ-сенге вымѣниваетъ у Ерлика быка; ср. съ разсказомъ о томъ, какъ Молонтей или Молонтой вымѣниваетъ быка у Ерлика (Оч., IV, 266; Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. II, в. 1, стр. 20; ср. также Извѣстія того же Отдѣла, XII, № 4—5, стр. 65: вм. Молонтоя Уланъ-Хурхынъ, а вмѣсто Ерлика—Буха-ноинъ). Но въ разсказѣ о старикѣ Хоредоѣ (тѣ же Записки, т. I, в. 1, стр. 4) обманутымъ опять является Эсэгэ-Маланъ. Можетъ быть въ монгольскихъ варіантахъ имя съ обманываемаго персонажа было перенесено на обманщика, при чемъ Маланъ превратилось въ Балынъ, а Эсэгэ въ Сенге (ср. версіи имени отца Чингисъ-хана: Эсугей и Исунке).

Балынъ-сенге смѣщаетъ Ерлика (изображаемаго съ бычьей головой; Оч., IV, 242). Ср. этотъ разсказъ съ окончаніемъ XXIII гл. Шиддикура въ переводѣ Гомбоева и съ окончаніемъ тангутской легенды о царѣ съ бычьей головой Лангъ-дармѣ (см. ниже №№ 27 и 37), котораго убиваетъ плясунъ Балъ-Дорчжи или Лалунъ-Балъ-Дорчжи. Въ сказкѣ, переведенной Шмидтомъ съ монгольскаго на нѣмецкій (Gesch. d. Ost. Mong., S. 451) быка убиваетъ Эрдени-Хараликъ; ср. въ нашемъ № 9: Эрдени убиваетъ корову. Эрдени-Хараликъ есть воплощеніе бога Арья-Бало. Не слѣдуетъ ли видѣть того же Арья-Бало и въ Балъ-Дорчжи и въ Балынъ-сенге. Сказаніе о Лангъ-дармѣ пріурочено къ Поталѣ (въ Лассѣ), гдѣ находится резиденція Далай-ламы, почитаемаго воплощеніемъ бодисатвы Арья-Бало; гора названа такъ въ параллель другой настоящей (мнѳической или небесной) Поталы, которая есть дѣйствительная резиденція Арья-Бало. Если ласская Потала есть видимая резиденція бодисатвы Арья-Бало, то не естественно ли будетъ предположить, что содержаніемъ легенды объ этой мѣстности должны быть славные подвиги пребывающаго на горѣ бога Арья-Бало? Другими словами: не слѣдуетъ ли легенду о Лангъ-дармѣ отнести къ числу легендъ объ Арья-Бало, въ подвигѣ плясуна монаха видѣть дѣйствіе самого бога, сокрушающаго мѣстнаго пиѳона, и въ имени монаха испорченное имя Арья-Бало? Бодисатва Арья-Бало изображается обыкновенно съ лукомъ и стрѣлами.

---

14. АКУ-РТОМБА.

(Тангутскій).

Аку-ртомба родился въ странѣ Гуйцынъ [1]). Однажды онъ одѣлся въ платье монахини и пришелъ въ женскій монастырь. Одна монахиня родила. Гебкуй думаетъ: «Нужно осмотрѣть монахинь; между ними есть кто-то отецъ ребенка. Но какъ это сдѣлать? Раздѣть всѣхъ, выйдетъ соблазнъ». Гебкуй велѣла сестрамъ вырыть яму, легла въ неё и велѣла сестрамъ перешагивать черезъ яму. Аку-ртомба посредствомъ петли съумѣлъ замаскировать свой полъ. Всѣ монахини прошли мимо гебкуя, но отецъ ребенка не былъ открытъ. Аку-ртомба притворно горячится и говоритъ, что еще разъ нужно заставить всѣхъ перешагивать черезъ яму. На этотъ разъ петля измѣнила и обманщикъ былъ открытъ. Монахини сначала принялись бить Аку-ртомбу, потомъ спрашиваютъ: какой смертью его убить, хорошей или худой. Гебкуй говоритъ: «Конечно худой! онъ внесъ развратъ въ монастырь и

[1]) Т. е. Уй-цзанъ.

Digitized by Google

одну монахиню сдѣлалъ матерью!» Гебкуй присудила оскопить его; къ тѣлу Аку-ртомбы прикрѣпили ремни и монахини, раздѣлившись на двѣ партіи, стали тянуть за ремни, однѣ въ одну сторону, другія въ другую. Но Аку-ртомба обмазался масломъ, выскользнулъ изъ ремня и побѣжалъ; его схватили было за платье, но онъ оставилъ платье въ рукахъ монахинь и убѣжалъ нагой.

Дорогой онъ увидѣлъ мальчика, который держалъ лошадь. «Что ты нагой?» спрашиваетъ мальчикъ Аку-ртомбу. «Въ женскомъ монастырѣ бьютъ и раздѣваютъ до нага всѣхъ, кто придетъ», солгалъ Аку-ртомба. «Не правда!» говоритъ мальчикъ. «Испытай на себѣ, коли не вѣришь». «Пойду, испытаю, а ты пока подержи мою лошадь». Хорошо, подержу, говоритъ Аку-ртомба. Мальчикъ ушелъ въ монастырь, а Аку-ртомба сѣлъ на его лошадь и поѣхалъ. Вернулся мальчикъ, ни лошади, ни караульщика нѣтъ. Пустился онъ догонять обманщика. Аку-ртомба стоитъ около тарчука [1]) близъ мужскаго монастыря, держитъ топоръ въ рукѣ, а самъ смотритъ на вершину тарчука. «Ты что?» спрашиваетъ мальчикъ. «Ламы велѣли караулить, не пошевелится ли верхушка; если тронется, велѣли срубить тарчукъ». А моя лошадь? «Она цѣла». Возврати, коли цѣла. «Да нельзя отойти! Развѣ ты постоишь вмѣсто меня, пока я бѣгаю за лошадью?» Хорошо, бѣги! говоритъ мальчикъ, взялъ топоръ и сталъ подъ тарчукомъ, а Аку-ртомба ушелъ. Дунулъ вѣтеръ, верхушка тарчука качнулась; мальчикъ началъ рубить его и срубилъ, тарчукъ упалъ на землю. Прибѣжали ламы, давай его бить.

Аку-ртомба пришелъ въ городъ, промѣнялъ лошадь на коралловыя чётки. Приходитъ къ одной женщинѣ, у которой была дочь, и говоритъ ей: «Позволь ночевать съ твоей дочерью, за это я отдамъ тебѣ коралловое мани». «Хорошо», говоритъ мать дѣвицы; «ночуй!» «Только съ условіемъ», говоритъ Аку-ртомба: «если твоя дочь сдѣлаетъ неприличіе, я кораллы не отдамъ». Старуха жарила ячмень и все караулила спавшую дочь. Когда та пошевелилась, старуха подумала: «Вотъ грѣхъ случится! пропадутъ кораллы!» И прижала къ тѣлу дочери пучкомъ шерсти, которымъ обтираютъ внутри котла. Шерсть была горячая и обожгла тѣло дѣвицы. Дѣвица съ испугу согрѣшила. Аку-ртомба ушелъ, не отдавши кораллы. Приходитъ къ другой женщинѣ, которая жила со снохой, и обѣщаетъ отдать ей кораллы, если она позволитъ ему переночевать со снохой. Женщина соглашается, но съ условіемъ, чтобы онъ кораллы отдалъ впередъ. Аку-ртомба отдалъ кораллы, и его положили со снохой во дворѣ. Ночью пріѣхалъ сынъ женщины. Она говоритъ Аку-ртомбѣ: «Уходи, пріѣхалъ мужъ моей снохи!» «Ну да какъ же!» говоритъ Аку-ртомба. «Я кораллы отдалъ не даромъ. Я здѣсь намѣренъ прожить дня три или четыре». Старуха упрашиваетъ его взять кораллы назадъ, только уйдти. Аку-ртомба взялъ кораллы и ушелъ.

Встрѣчаетъ онъ въ полѣ пахаря и говоритъ ему: «Я твой младшій братъ!» «Не слыхалъ, говоритъ пахарь, что у меня есть братъ. А коли братъ, такъ иди въ мой домъ; узнаешь его по черной лошади, привязанной на дворѣ. Если заста-

[1]) Тарчукъ—мачта съ привѣшенными къ ней флагами, исписанными молитвами.

Digitized by Google

нешь мою жену, вели напоить тебя чаемъ; а не будетъ ея дома, такъ самъ свари; въ правомъ углу стоитъ ящикъ съ рсамбой [1]), въ лѣвомъ съ масломъ». Аку-ртомба пришелъ въ домъ пахаря и говоритъ его женѣ: «Я младшій братъ твоего мужа, видѣлъ его въ полѣ; онъ велѣлъ тебѣ напоить меня чаемъ, а на случай, если тебя не застану, научилъ въ какомъ ящикѣ найдти масло, въ какомъ рсамбу». Жена пахаря сварила чай и напоила Аку-ртомбу. Напившись, онъ говоритъ ей: «Твой мужъ велѣлъ дать мнѣ вашу лошадь съѣздить въ одно мѣсто». Она дала лошадь дала и сѣдло. Аку-ртомба сѣлъ на лошадь, выпросилъ на дорогу еще колобокъ масла и уѣхалъ. Пріѣхалъ мужъ, спрашиваетъ: «Былъ братъ?» «Былъ и уѣхалъ; я напоила его чаемъ и дала ему лошадь съ сѣдломъ, какъ ты велѣлъ». Тутъ онъ догадался, что обманутъ, собралъ родственниковъ и всю свою деревню и пустился въ погоню. Спрашиваетъ по дорогѣ: «Проѣзжалъ здѣсь человѣкъ на черной лошади?» «Проѣзжалъ, да на не совсѣмъ черной, а на черной съ бѣлой головой». Аку-ртомба вымазалъ лобъ лошади масломъ, которое ему дала на дорогу женщина. Хозяинъ лошади думаетъ: «Это не онъ! лошадь не моя!» не поѣхалъ дальше и вернулся домой.

Ами-салунъ, тангутъ изъ Лабрана.

Стояніе Аку-ртомбы у тарчука ср. съ мѣстомъ въ Очеркахъ, IV, стр. 236: Ганци-Ментышъ, привязанный къ дереву, обманываетъ горбатаго старика, гнавшаго тысячу барановъ и мѣняется съ нимъ мѣстомъ. Порученіе караулить, не будетъ ли двигаться мачта, ср. съ обязанностями летучей мыши, которая держитъ скалу, чтобъ она не сдвинулась съ мѣста и не перегубила бы народъ (Оч., IV, 175, вар. з). Ср. съ примѣчаніями ниже къ № 88, т. е. къ Полярной звѣздѣ. Тема объ окраскѣ лошади облегчаетъ сближеніе Аку-ртомбу (= Балынъ-сенге) съ Балъ-дорчжи, убійцей царя Лангъ-дармы. См. примѣчанія къ № 27.

---

15. БОРОЛТАЙ ӲБӲГӲНЪ.

(Монгольскій).

Былъ Боролтай ӱбӱгӱнъ (старикъ Боролтай); у него было семь буросѣрыхъ овецъ (долонъ борлокъ хони). Однажды приходитъ къ нему волчица (чхоно) и говоритъ: «Я съѣмъ твоихъ овецъ!» Но въ это время она увидѣла, что изъ верхняго отверзтія юрты, въ которой жилъ Боролтай-ӱбӱгӱнъ, вышелъ большой дымъ. Волчица спросила его: «Что это у тебя за дымъ?» Боролтай ӱбӱгӱнъ отвѣчалъ: «У меня ночуетъ большой нойонъ, который пріѣхалъ сюда стрѣлять лукавыхъ рыжихъ лисицъ (джёльбынъ шари унюге) и волковъ (чхоно). Волчица говоритъ: «Я приведу тебѣ семьсотъ буросѣрыхъ овецъ, только не говори нойону обо мнѣ. И

---

[1]) Рсамба — ячменная мука.

Digitized by Google

когда я пригоню овецъ, не сказывай своей женѣ, откуда досталъ скотъ». Волчица пригнала семьсотъ буросѣрыхъ овецъ. Жена спрашиваетъ Боролтай-ўбўгўна: «Откуда ты добылъ такое множество овецъ? Вѣрно ты гдѣ-нибудь ихъ укралъ?» Боролтай-ўбўгўнъ день крѣпился, не сказывалъ; другой крѣпился, не сказывалъ, на третій сказалъ, что овецъ пригналъ ему волкъ. Волчица пришла со своими волчатами и говоритъ: «Я тебѣ заказывала, чтобъ ты не говорилъ своей женѣ, что я пригнала овецъ, а ты не утерпѣлъ и разсказалъ. Теперь я всѣхъ твоихъ овецъ съѣмъ!» Боролтай-ўбўгўнъ говоритъ, что онъ не сказывалъ женѣ. «Я знаю, что сказалъ!» говоритъ волчица. Въ это время волчица увидѣла тайгу-собаку и спрашиваетъ у Боролтай-ўбўгўна, что это за звѣрь. Боролтай-ўбўгўнъ говоритъ, что это собака пріѣхавшаго нойона, которая ловитъ волковъ и лисицъ. Волчица проситъ, чтобъ Боролтай-ўбўгўнъ не разсказывалъ нойону объ ней, имѣющей многочисленныхъ волчатъ, и что за это она не тронетъ его овецъ. И сама побѣжала прочь.

Дорогой ей встрѣчается лисица и спрашиваетъ. «Куда ты такъ скоро бѣжишь»? Волчица отвѣчаетъ: «Къ Боролтай-ўбўгўну пріѣхалъ нойонъ, который стрѣляетъ лисицъ и волковъ и есть у него собака тайгу, которая ловитъ лисицъ и волковъ. Вотъ я теперь бѣгу, чтобы спрятаться». «И я боюсь!» говоритъ лисица. «И я побѣгу!» Добѣжали они до лисьей норы; лисица говоритъ: «Спрячемся въ мою нору; если будемъ еще бѣжать, то, пожалуй, насъ догонятъ». Волчица проситъ лисицу лѣзть въ нору первой, но лисица уговариваетъ волчицу идти впередъ. Долго онѣ уговаривали другъ друга, чтобы соблюсти церемоніи, которыя обычай велитъ исполнять хозяину дома при входѣ въ его домъ гостя. Наконецъ лисица спустилась въ нору первая; за ней полѣзла волчица; лисья нора для нея оказалась узкою и она завязла; ни впередъ не можетъ податься, ни назадъ вылѣзти. Между тѣмъ лисица заднимъ ходомъ вылѣзла изъ норы, обѣжала кругомъ и изнасиловала волчицу. Потомъ отбѣжала въ степь и говоритъ: ергу чонытъ ергинъ догуръ бухурлачхила [1]).

Очиръ, ордосскій монголъ хошуна дзасыка.

---

16. ХОВАТАЙ УБУГУНЪ.

Въ давнее время былъ старикъ Ховатай. Ему было сорокъ шесть лѣтъ уже отъ роду, а онъ, не смотря на такой возрастъ, никуда не выходилъ изъ дому. Въ домѣ и сорилъ и мочился. Однажды старуха говоритъ ему: «Вышелъ бы ты въ полдень и посмотрѣлъ бы, что за люди и что за скотъ ходитъ внѣ дома! Какъ было бы это прекрасно!» Старикъ сказалъ: «Какъ-нибудь выйду! Въ хорошій день

[1]) Ордосскій монголъ Пунсукъ (хошуна Ушинъ) не могъ разсказать сказку о Боролтаѣ, но сказалъ, что слыхалъ сказку о старикѣ Боролтаѣ въ войлочномъ плащѣ, имѣвшемъ сто сѣрыхъ овецъ: джонъ боро хонитай эсигэ кемиликтой боролтай ўбўгўнъ.

Digitized by Google

спокойнаго мѣсяца выйду»! Старуха ушла отъ него. Одинъ хорошій день выждавъ, вновь пришла. Ховатай-убугунъ въ этотъ хорошій день спокойнаго мѣсяца вышелъ и на высокомъ мѣстѣ сдѣлалъ уръ-санъ (воскуреніе). Мангусъ-эмегенъ пришла; Ховатай-убугуна спрашиваетъ: «Какъ тебя зовутъ?» Мое имя Ховатай. «Чѣмъ ты занимаешься?» Я старикъ, поѣдающій мангысовъ. Мангысъ говоритъ: «Завтра рано, раньше восхода солнца, мы двое на этомъ хребтѣ устроимъ мѣсто и испытаемъ, кто сильнѣе. Сильный пусть съѣстъ слабаго!» Хорошо! сказалъ Ховатай-убугунъ и вернулся домой. Дома убилъ козла, мясо съѣлъ, а гудже (желудокъ) закопалъ подъ горой. Назавтра рано, ранѣе восхода солнца, Ховатай-убугунъ и мангысъ-эмегенъ пришли (на хребетъ). Мангысъ-эмегенъ готовитъ мѣсто. Ховатай-убугунъ выдавилъ изъ козьяго желудка басъ (содержимое) и говоритъ: «Я выдавилъ изъ горы басъ. Теперь я тебя съѣмъ!» Мангысъ-эмегенъ испугалась (побѣжала); Ховатай-убугунъ погнался за ней сзади. Гонясь, дошелъ до дома мангысъ-эмегены. Мангысъ-эмегенъ, боясь (Ховатай-убугуна), говоритъ: «Я тебѣ пищу сварю! Ты какую пищу ѣшь?» Я съѣдаю мясо семидесяти коровъ.—Мангысъ-эмегенъ гдѣ, гдѣ ни собрала семьдесятъ коровъ, сварила мясо. Мангысъ-эмегенъ спрашиваетъ: «Дядя Ховатай! ты гдѣ будешь кушать?» Я на берегу Хатунъ-гола покушаю! — Мангысъ-эмегенъ все мясо семидесяти коровъ подняла и отнесла на берегъ Хатунъ-гола. Ховатай-убугунъ одинъ кусокъ попробовалъ: безъ соли. Говоритъ: «Мясо не солоно. Я тебя (буквально: твое мясо) съѣмъ!» Мангысъ-эмегенъ пошла за солью. Когда она ушла, Ховатай-убугунъ все мясо семидесяти коровъ побросалъ въ Хатунъ-голъ. Одно плечо (оставилъ и) грызетъ. Мангысъ-эмегенъ принесла мѣшокъ соли. Ховатай-убугунъ (говоритъ): «Я мясо семидесяти коровъ на степь бросилъ. Ты теперь принесла соль. (Ты опоздала и я)теперь тебя самоё съѣмъ!» Мангысъ-эмегенъ опять покорилась и говоритъ: «Сколько у меня въ домѣ есть серебра, денегъ, все тебѣ отдамъ!» «Если ты дѣйствительно хочешь отдать (свое серебро), то, поднявъ на спину, принеси въ мой домъ!» говоритъ Ховатай-убугунъ. Мангысъ-эмегенъ подняла на плечи серебра, сколько можно вмѣстить въ три дома, и пошла впереди. Ховатай-убугунъ сзади идетъ. Дорогой, идя въ гору, мангысъ-эмегенъ (не вытерпѣла, и) выпустила звукъ. Духъ ударилъ въ (носъ) Ховатай-убугуна и онъ упалъ въ оврагъ между двумя ярами. Ховатай-убугунъ былъ хитеръ, ухватился за кустъ полыни (шябыкъ). Мангысъ-эмегенъ оглянулась, видитъ: Ховатай-убугунъ держится за кустъ шябыка. «Дядя! ты что держишься за шябыкъ?» Я хочу заткнуть твой задъ!—Мангысъ-эмегенъ опять покорилась и говоритъ: «Съ этого времени не буду выпускать духъ!» Ховатай-убугунъ говоритъ: «Если не будешь, то вытяни меня изъ оврага!» Мангысъ-эмегенъ вытянула его вновь на гору. Ховатай-убугунъ, пришедши домой, говоритъ старухѣ: «Мангысову голову ты сваришь потомъ, а теперь свари мангысово сердце! Я эту мангысъ-эмегенъ покормлю!» Испугавшись этихъ словъ, мангысъ-эмегенъ убѣжала. Сколько земли пробѣжала, встрѣтила лисицу. Лисица спрашиваетъ: «Ты чего испугалась?» «Ховатай-убугунъ чуть-чуть было не съѣлъ меня; сколько дней (эта опасность угрожала мнѣ)». Лисица говоритъ: «Ховатай-убугунъ никогда не выходилъ изъ дому. Я не допущу

Digitized by Google

тебя съѣсть. Ты теперь ссучи длинную веревку, я тебя на поводу поведу!» Одинъ конецъ привязала къ тѣлу мангысъ-эмегены, другой къ своей шеѣ; лисица впереди пошла, повела (мангысъ-эмегену). Мангысъ эмегенъ сзади идетъ. Ховатай-убугунъ вышелъ изъ дому. Онъ посмотрѣлъ и говоритъ (лисицѣ): «Я давно ждалъ, что ты приведешь хорошаго мангыса, а ты теперь какого худого бросоваго мангыса привела? Я теперь васъ обѣихъ съѣмъ!» Мангысъ-эмегенъ испугалась этого (подумала): «Эта лисица хотѣла меня скормить Ховатай-убугуну!» Мангысъ-эмегенъ побѣжала. Сколько земель, горъ и хребтовъ пробѣжала. На одну гору выбѣжала, ту хорошую лисицу, ударивъ ногой, зашибла. Лисица, оскаливъ зубы, умерла. Мангысъ-эмегенъ говоритъ лисицѣ: «Ты что смѣешься?» И, ударивъ ногой, убила её. Ховатай-убугунъ съ того времени зажилъ богато.

Омолонъ, монголъ изъ Ордоса, хошуна Ушинъ.

---

17. МАЛЬЧИКЪ, ПОПАДАЮЩІЙ ВЪ ХВОСТЪ.

(Бöксенъ харбаднкъ ху).

(Китайская сказка, разсказанная помонгольски).

Одинъ отецъ имѣлъ единственнаго сына. Этотъ сынъ ничего не дѣлалъ; отецъ послалъ его изъ дому поучиться какому-нибудь полезному дѣлу. Сынъ походилъ въ народѣ и, вернувшись, сказалъ отцу, что онъ выучился стрѣлять изъ лука. Отецъ сказалъ ему: «У другихъ нойоновъ дѣти выучиваются читать и писать и разбирать номъ, а ты выучился только стрѣлять; къ чему это?» И выгналъ сына, давъ ему худой лукъ и худую стрѣлу. Мальчикъ шелъ, шелъ и дошелъ до двора богатаго человѣка, у котораго была дочь. Онъ узналъ, что этотъ богатый человѣкъ объявилъ, будто онъ отдастъ свою дочь только за того, кто хорошо стрѣляетъ. Мальчикъ думаетъ: «Я не мастеръ стрѣлять! какое бы средство найдти, чтобы получить эту дѣвицу?» Онъ нашелъ мертвую птицу дрофу (тоодыкъ), воткнулъ ей въ хвостъ стрѣлу и бросилъ на дворъ богатаго человѣка. Богатый человѣкъ увидѣлъ упавшую птицу и говоритъ: «Что это такое? на дворъ упала птица со стрѣлой въ хвостѣ! Подайте ее мнѣ!» Въ это время входитъ мальчикъ и говоритъ: «Я подстрѣлилъ птицу дрофу; она упала на вашемъ дворѣ. Отдайте мнѣ ее!» «Ты что за человѣкъ, въ чемъ ты искусенъ?» спрашиваетъ богатый человѣкъ. «Я мальчикъ, стрѣляющій въ хвостъ» (би бöксенъ харбадыкъ ху). Богатый человѣкъ говоритъ: «Недалеко отъ меня есть деревья; въ нихъ живутъ дрофы. Если ты застрѣлишь ихъ, я отдамъ за тебя свою дочь!» Ху (мальчикъ) сказалъ, что онъ застрѣлилъ бы, но что у него плохой лукъ. Богатый человѣкъ далъ ему хорошій лукъ и хорошую стрѣлу. Ху пошелъ къ деревьямъ, спрятался за камышъ, натянулъ лукъ, не рѣшается выстрѣлить. Только прицѣлится, птица и перемѣстится.

Digitized by Google

Дочь богатаго человѣка пришла потихоньку посмотрѣть, какъ онъ стрѣляетъ, присѣла незамѣтно сзади и ждетъ. Ху всё прицѣливается, а стрѣлу не спускаетъ. Наконецъ дѣвица не вытерпѣла и, толкнувъ его въ локоть, спросила: «Что жъ ты не стрѣляешь?» Стрѣла сорвалась, полетѣла и попала въ задъ одной дрофѣ; птица упала и умерла. «Э! вскричалъ ху. Если-бъ ты не толкнула, я бы трехъ, четырехъ сразу убилъ!» Богатый человѣкъ отдалъ свою дочь за ху. Былъ тутъ нойонъ. Онъ услышалъ о ху и позвалъ его къ себѣ. Спрашиваетъ его: «Ты что за человѣкъ, въ чемъ ты искусенъ?» «Я мальчикъ, стрѣляющій въ хвостъ», отвѣчалъ тотъ. Нойонъ говоритъ: «Недалеко отсюда есть тигръ (баръ), который поѣдаетъ скотъ и людей. Не возьмешься ли убить его?» «Возьмусь!» говоритъ ху. «Сколько тебѣ дать чириковъ?» Ху попросилъ пятьдесятъ. «Иди! сказалъ ему нойонъ. Если убьешь, отдамъ тебѣ свой престолъ и тамгу». Дали ему пятьдесятъ чириковъ и ху пошелъ на тигра. Тигръ жилъ надъ яромъ, на которомъ росло дерево. Подойдя къ этому дереву, ху оставилъ чириковъ сзади и сказалъ имъ: «Когда убью тигра, я позову васъ!» Подошелъ ху къ дереву и спрятался подъ его комлемъ. Тигръ увидѣлъ его и, намѣреваясь съѣсть его, подошелъ и изъ подъ яра хотѣлъ ударить его лапой, но попалъ по дереву и завязилъ лапу между вѣтвями, не можетъ выдернутъ ее. Ху одну за другою всѣ девять стрѣлъ всадилъ ему въ хвостъ и закричалъ чирикамъ. Прибѣжали чирики; видятъ, тигръ завязилъ лапу въ дерево. Убили тигра, сняли шкуру и отнесли ее нойону. Нойонъ сдѣлалъ изъ нея коверъ, а ху передалъ свой престолъ и тамгу. Ханъ услышалъ о ху и велѣлъ позвать его. Онъ сказалъ ему: «У меня есть мятежный народъ (дайсунъ, хулахай улусъ). Можешь ли побѣдить его? Если побѣдишь, сдѣлаю тебя большимъ нойономъ съ блестящимъ шарикомъ изъ камня бадмаракъ». «Могу!» говоритъ ху. «Сколько тебѣ нужно чириковъ?» спрашиваетъ ханъ. «Тысячу!» говоритъ ху. Дали ему тысячу чириковъ; вышелъ онъ въ поле и остановился противъ вражескаго войска. Вражескій ханъ спрашиваетъ его: «Когда назначимъ часъ драться?» «Завтра въ часъ лошади!» говоритъ ху. «Хорошо!» говоритъ ханъ и на другой день говоритъ своимъ чирикамъ: «Противъ насъ высланъ сильный человѣкъ, но онъ поражаетъ только хвосты (бӧкси), а потому прикройте свои зады (бӧкси) чѣмъ-нибудь, а остальное тѣло можетъ остаться безъ прикрытія». «Чѣмъ же мы прикроемъ свои зады?» спрашиваютъ чирики. «Прикройте ихъ толями» [1]), посовѣтовалъ ханъ. Набрали толи, на каждаго человѣка по толи, прикрыли ими свои зады и выѣхали на встрѣчу ху. Онъ выстрѣлилъ и попалъ въ одно толи. Транъ! толи зазвенѣло. Чирикъ испугался и побѣжалъ. И у другихъ чириковъ лошади испугались и побѣжали; толи полетѣли на землю и зазвенѣли: транъ! Все войско убѣжало. Ханъ сдѣлалъ ху большимъ нойономъ и пожаловалъ ему бадмаракъ на шапку.

Пунсукъ, ордосскій монголъ хошуна Ушинъ.

---

[1]) Толи металлическое круглое зеркало или металлическій кружокъ.

Digitized by Google

18. ОВЦА СОВѢТНИЦА.

Въ старое время (иджурту) были старикъ и старуха; у нихъ былъ мальчикъ, который пасъ у нихъ овецъ. У этого мальчика былъ войлочный мѣшокъ, въ который онъ собиралъ овечій пометъ (хорголъ); отогнавъ стадо въ степь, всякій разъ, какъ только мальчикъ достигалъ до колодезя, онъ бросалъ въ этотъ колодезь хорголы, приговаривая къ каждому брошенному хорголу: омъ мани падме хомъ! Черезъ три года колодезь наполнился вровень съ краемъ. Тогда одна старая овца говоритъ мальчику: «Сегодня, когда ты вернешься въ аилъ [1]), старикъ будетъ тебѣ приказывать зарѣзать меня. Ты скажи ему въ отвѣтъ, что ты не будешь рѣзать. Тогда онъ тебѣ скажетъ: Если такъ, то уходи отсюда и уведи эту овцу. Ты тогда возьми меня и уходи изъ аила». Когда мальчикъ пригналъ овецъ въ аилъ, старикъ крикнулъ: «Зарѣжь эту старую овцу! съѣдимъ её!» Мальчикъ ему сказалъ: «Я не буду рѣзать эту овцу!» «Ну если такъ, то уходи отсюда и уведи эту овцу!» сказалъ старикъ. Мальчикъ взялъ овцу и пошелъ изъ аила прочь. Къ ночи овца, шедшая впереди, привела мальчика въ одинъ аилъ. Сталъ мальчикъ проситься ночевать; хозяинъ юрты говоритъ: «У меня нельзя тебѣ ночевать; у меня въ юртѣ расплодилось много мышей. Ночью онѣ тебѣ отгрызутъ уши». Овца учитъ мальчика сказать, что сегодня мыши не придутъ и что завтра ты всѣхъ мышей соберешь и избавишь отъ нихъ хозяина. Когда мальчикъ легъ спать, обнявъ овцу, хозяинъ спросилъ его: «Что это у тебя за овца?» Тогда овца сказала мальчику: «Скажи ему, что ты служилъ пастухомъ нѣсколько лѣтъ и получилъ овцу въ уплату за это». Утромъ мальчикъ переловилъ всѣхъ мышей, положилъ ихъ себѣ въ подолъ и пошелъ далѣе вмѣстѣ съ овцой. Когда ушли въ степь, овца говоритъ мальчику: «Теперь ты выпусти этихъ мышей на десять сторонъ». Мальчикъ выпустилъ ихъ. Потомъ они пошли далѣе. Овца спрашиваетъ его: «Не проголодался ли ты?» «Проголодался!» отвѣчаетъ мальчикъ. Овца говоритъ: «Пососи мое вымя!» Мальчикъ пососалъ и сдѣлался совершенно сытъ. Идутъ далѣе и приходятъ къ двумъ горамъ, на которыхъ лежитъ змѣя Абырга-могой. Овца учитъ мальчика: «Ты ощипли съ меня всю шерсть и навяжи мнѣ на голову». Когда мальчикъ все это сдѣлалъ, овца говоритъ ему: «Теперь ты садись на меня». Мальчикъ сѣлъ. Овца скакнула и перешибла пополамъ змѣю Абырга-могой. Мальчикъ оглянулся, змѣя лежитъ пополамъ разбитая, мертвая, а вся шерсть, которая была намотана на головѣ овцы, во рту у змѣи. Идутъ далѣе. Опять овца спрашиваетъ у мальчика: «Не проголодался ли ты?» «Проголодался!» говоритъ мальчикъ. Овца говоритъ ему: «Отрѣжь кусокъ отъ моего курдюка (сѣль) и съѣшь!» Мальчикъ говоритъ: «Какъ же я буду рѣзать твой хвостъ, когда ты живая!» «Ничего! маленькій кусочекъ отрѣжь!» Мальчикъ маленькій, премаленькій кусочекъ отрѣзалъ,

[1]) Аилъ — юрта, собраніе юртъ.

Digitized by Google

съѣлъ и сталъ сытёхонекъ. Идутъ опять дальше и приходятъ къ двумъ горамъ, которыя сходятся и расходятся. Опять овца велитъ мальчику сѣсть на нее и проскочила между горами въ то время, какъ онѣ разошлись. Идутъ далѣе. Опять овца спрашиваетъ, не проголодался ли мальчикъ и опять велитъ ему отрѣзать маленькій кусокъ отъ ея хвоста. Затѣмъ они приходятъ къ городу, въ которомъ было пятьсотъ щенковъ (табынъ джонъ каба). Овца говоритъ: «Здѣсь есть пятьсотъ злыхъ собакъ, поэтому прямо въ городъ войдти нельзя. Остановимся на горкѣ и ты покричи!» Взошли на небольшую горку и мальчикъ началъ кричать. На его крикъ пришли пятьсотъ человѣкъ, у каждаго по желѣзному шесту на плечѣ. Спрашиваютъ мальчика: «Ты что кричишь?» Мальчикъ отвѣчаетъ: «Боюсь пройдти мимо собакъ. Покараульте ихъ!» Каждый изъ этихъ пятисотъ человѣкъ поймалъ по собакѣ и привязалъ къ желѣзному шесту. Мальчикъ прошелъ съ овцой благополучно. Когда собакъ отпустили, онѣ были уже такъ далеко, что собаки ихъ не догнали.

Далѣе они пришли въ городъ, въ которомъ жилъ ханъ. Овца говоритъ: «Мы не будемъ входить въ городъ, а сначала поживемъ дня два или три у одной старухи шибгунцзы (монахини), которая пасетъ ханскихъ овецъ». Овца учитъ мальчика: «Вырви три волоса изъ меня и иди въ городъ, держа ихъ передъ собой. Если будутъ покупать, не продавай менѣе, какъ за три лана серебра». Мальчикъ вырвалъ три волоса и пошелъ въ городъ; подходитъ китаецъ, спрашиваетъ, что стоятъ волосы. Мальчикъ говоритъ: «Менѣе, чѣмъ за три лана не продамъ!» Китаецъ немедленно вынимаетъ три лана, отдаетъ мальчику и беретъ волосы. Мальчикъ вернулся къ овцѣ; овца говоритъ: «Теперь ты иди въ городъ, зайди въ дянъ и тамъ потребуй себѣ ѣды, чаю и вина, наѣшься и напейся!» «А ты сама чѣмъ будешь сыта?» спрашиваетъ мальчикъ. «А мнѣ купи немного травы и брось!» Мальчикъ купилъ травы, бросилъ овцѣ, а самъ пошелъ въ городъ и тамъ наѣлся и напился. На другой день овца велитъ снова вырвать изъ нея нѣсколько волосъ и продать въ городѣ за пять ланъ. Опять мальчику встрѣтился китаецъ, который далъ ему за волосы пять ланъ. Опять овца посылаетъ его въ дянъ и учитъ: «Мимо тебя будутъ проходить сто дѣвицъ; каждая будетъ махать зеленымъ платкомъ; самая задняя царевна (гуньчжу), переднія простыя дѣвицы. Когда самая задняя будетъ проходить мимо тебя, ты вырви у нея платокъ». Мальчикъ пошелъ въ дянъ и спросилъ себѣ ѣсть. Въ это время мимо него стали проходить сто дѣвицъ; каждая изъ нихъ имѣла въ рукѣ зеленый платокъ и помахивала имъ. Когда самая задняя стала проходить мимо мальчика, она взмахнула платкомъ и задѣла имъ по головѣ мальчика. Онъ схватилъ платокъ и вырвалъ. Царевна оглянулась и прошла далѣе. Послѣ этого она заболѣла. Царь призывалъ разныхъ лекарей, но никто не можетъ вылечить царевну. Тогда овца говоритъ мальчику: «Купи книгу, надѣнь ламское платье и вмѣстѣ пойдемъ вслѣдъ за ханскими баранами подъ городскую стѣну». Царь, грустя по больной дочери, вышелъ на городскую стѣну и увидѣлъ оттуда мальчика съ книгой. Онъ говоритъ вельможамъ: «Вотъ еще какой-то человѣкъ! Не можетъ ли онъ вылечить моей дочери? Позовите его!» Вельможи говорятъ: «Это шатающійся худой

Digitized by Google

лама, собирающій милостыню. Не стоитъ его звать!» Но царь велѣлъ позвать его. Тогда овца говоритъ мальчику: «За тобой царь посылаетъ пословъ. Если царь тебя спроситъ: ты не емчи (лекарь) ли? отвѣчай: емчи! Если спроситъ: ты не домчи ли (свѣдующій въ домѣ [1])? отвѣчай: домчи! Если спроситъ: не умѣешь ли брать тульху? отвѣчай: умѣю!» Когда царь спросилъ мальчика: «Ты не емчи ли?» Мальчикъ отвѣтилъ: «Емчи!» Когда царь спросилъ его: «Ты не домчи ли?» Мальчикъ отвѣтилъ: «Домчи». «Ты не умѣешь ли брать тульху» (чи тульху баридыкъ хунь ю)? «Умѣю!» отвѣчаетъ мальчикъ. Тогда царь сказалъ ему, чтобъ онъ посмотрѣлъ въ своей книгѣ, чѣмъ больна царевна и велѣлъ отвести его въ кухню (тогони герь). Мальчикъ, по совѣту овцы, сѣлъ, раскрылъ книгу и смотритъ въ нее. А онъ ничего не понималъ въ ней, обманывалъ. Будто бы почиталъ въ книгѣ и говоритъ вельможамъ: «Теперь я посмотрю у царевны жилу» (сутулъ, т. е. пульсъ). «Какъ же ты будешь смотрѣть?» спрашиваютъ его. «Дайте мнѣ, говоритъ, шелковую нитку въ десять саженъ длиной. Одинъ конецъ я буду держать, а другой конецъ передайте въ руки царевны». Дали ему нитку; онъ къ тому концу, который нужно было передать въ руки царевны, привязалъ нѣсколько шелчинокъ, выдернутыхъ изъ царевнина платка. Когда царевна увидѣла шелчинки изъ своего платка, обрадовалась; она угадала, что человѣкъ, вырвавшій у нея платокъ, пришелъ, и начала выздоравливать. Потомъ, по совѣту овцы, мальчикъ истолокъ овечій пометъ, положилъ его въ чашку, налилъ водой, велѣлъ снести царевнѣ и сказалъ: «Пусть выпьетъ! Это лекарство!» Царевна посмотрѣла въ чашку, догадалась, что мальчикъ съ умысломъ употребилъ пометъ, чтобъ показать, что пить не нужно; она сдѣлала видъ, будто выпила. Когда царевна совсѣмъ выздоровѣла, царь сталъ звать мальчика къ себѣ. Овца говоритъ мальчику: «Не ходи!» Мальчикъ отвѣчаетъ царскимъ посламъ: «Не пойду!» По три утра царь посылалъ за нимъ и онъ все отказывался. Тогда царь сказалъ, что онъ самъ завтра придетъ къ мальчику. Овца говоритъ мальчику: «Теперь ты потряси мой хвостъ!» Началъ мальчикъ трясти его, начали изъ него сыпаться новая шапка, новая шуба, новые сапоги и другія части одежды. «Надѣнь на себя все это; говоритъ овца, и сегодня ночью молись небу!» Началъ мальчикъ молиться. Спустились съ неба восемь лу (драконовъ) и построили престолъ (шире); потомъ съ неба упала на голову мальчика тинса [2]). Овца говоритъ: «Садись на этотъ престолъ и когда придетъ царь, ты не шевелись. Онъ тебѣ будетъ покланяться, а ты сиди, не двигаясь!» Чтобы мальчикъ не испугался, когда царь будетъ покланяться, овца стала сзади престола и стала держать мальчика. Пришелъ царь, увидѣлъ его на престолѣ съ небесной тинсой на головѣ и поклонился. «Чжа, ханъ, сказалъ онъ мальчику, морильчжи су! Возьми мою дочь и садись на мой престолъ?» Мальчикъ женился на царевнѣ и сѣлъ на царскій престолъ, а царь удалился въ другія страны. Овца сильно устарѣла и говоритъ мальчику: «Я стара стала, время умирать! Когда я умру, ты сними съ меня шкуру и мясо по-

[1]) Домъ—волшебное лекарство. Подробнѣе см. въ Трудахъ Вост. Отд. И. Археол. Общ., ч. VI (1858), стр. 181.

[2]) Тинса—шарикъ на шапкѣ, означающій чинъ.

Digitized by Google

ложи въ ящикъ, въ которомъ лежатъ бурханы». Овца умерла; царь снялъ съ нея шкуру и мясо положилъ въ ящикъ вмѣстѣ съ бурханами. Ночью пришло множество мышей; слышно было, какъ онѣ бѣгаютъ и грызутъ. Царь поймалъ главную изъ нихъ и спрашиваетъ: «Вы зачѣмъ пришли грызть ящикъ, въ который я положилъ мясо овцы?» Мыши говорятъ: «Мы тѣ самыя мыши, которыхъ ты переловилъ въ юртѣ, когда однажды ночевалъ въ ней. Вмѣсто того, чтобъ убить насъ, ты насъ отпустилъ на волю. Теперь мы тебѣ построимъ стеклянный дворецъ!» Онѣ построили стеклянный дворецъ и царь переселился въ него со своей молодой царицей.

Ратна-бала, 17 лѣтній лама монголъ
изъ Ордоса, хошуна вана.

---

19. ТЕНЕКЪ-ХУ.

(Монгольскій).

У одного богатаго человѣка былъ глупый сынъ, у котораго была очень умная жена. Сынъ богатаго человѣка былъ до такой степени глупъ, что не зналъ мѣры ни ѣдѣ, ни сну. Ѣсть начнетъ, ѣстъ до тѣхъ поръ, пока жена не укажетъ, что онъ наѣлся и пора блюдо съ ѣдой отставить. Ляжетъ спать, спитъ и не встаетъ съ постели, пока жена не скажетъ, что нужно вставать. Однажды отецъ говоритъ ему: «Пойди въ степь и спроси у хамхака [1]), куда онъ катится?» Тенекъ-ху пошелъ вслѣдъ за хамхакомъ. Спрашиваетъ у хамхака, куда онъ катится; тотъ не отвѣчаетъ, а катится впередъ. Ходилъ, ходилъ за нимъ Тенекъ-ху [2]), наконецъ схватилъ его руками; сухой хамхакъ раскрошился въ его рукахъ. Пошелъ Тенекъ-ху домой; на пути выходитъ къ нему его жена и спрашиваетъ, куда онъ ходилъ. Тенекъ-ху говоритъ, что отецъ посылалъ его спросить у хамхака, куда хамхакъ катится, но хамхакъ катился впередъ безъ отвѣта, а когда онъ схватилъ его руками, хамхакъ раскрошился. Жена сказала ему: «Скажи отцу: ару гадзаръ ургула унтэсумодо кислä тала гадзаръ танкэглыя токумъ гадзаръ нотуглыя гечжи ябуджи байна», т. е. (я) выросъ на сѣверной сторонѣ (горы?), (мои) корни вырвались (изъ земли); иду въ равнинѣ улечься, въ котловинѣ поселиться!» Тенекъ-ху приходитъ къ отцу и приноситъ отвѣтъ. Отецъ спрашиваетъ его: «Кто тебя научилъ такъ отвѣтить?» «Жена», говоритъ Тенекъ-ху. Въ другой разъ отецъ опять посылаетъ Тенекъ-ху спросить у вороны (хирэ), куда она летаетъ. Пошелъ Тенекъ-ху ходить за вороной, ходилъ за ней цѣлый день, много мѣста выходилъ, спрашивая ее много разъ, куда она летаетъ, ворона отвѣта не дала. Уставши, пошелъ онъ домой. Встрѣчаетъ его жена и спрашиваетъ: «Куда ходилъ?»

---

[1]) Schanginia или другое растеніе изъ сем. солянковыхъ.
[2]) Тенекъ — глупый; ху — сынъ.

Digitized by Google

Тенекъ-ху отвѣчаетъ, что ходилъ по приказанію отца узнать отъ вороны, куда она летаетъ; ходилъ, ходилъ за ней, усталъ, а отвѣта не получилъ. Жена опять говоритъ ему: «Скажи отцу: тонъ тонгунъ тонъ хосунъ тологой убудёна, улай байбылъ тонкыя ухархай байбыла эргулія гечжи ябучжи байна, долбила, долбила клювомъ, голова заболѣла; иду теперь съ мыслію, не встрѣтится ли мясо, такъ подолблю! не встрѣтится ли глазное яблоко, такъ выковыряю!» Приходитъ Тенекъ-ху къ отцу, разсказываетъ. «Кто тебя научилъ?» спрашиваетъ отецъ. «Жена». Отецъ увидѣлъ, что жена у Тенекъ-ху умная и говоритъ ей, чтобъ она не говорила съ нимъ обыкновеннымъ языкомъ, а всегда бы иносказательно (ондан яндзоръ). Однажды жена пошла смотрѣть овецъ, которыя паслись въ лѣсу на берегу рѣки, и видитъ, что волкъ схватилъ одну овцу. Тенекъ-ху шелъ за ней; она говоритъ ему: «Иди къ отцу и скажи ему: ургумуленъ ичжодоръ орусхуленъ чжахадоръ улымай майла-майгыгъ идичкима; авыйгъ, чи дельтигенъ унадъ, делимемъ барадъ, шонъ шумай догуладъ ото хуртунъ ири!» т. е. внутри растущаго, на берегу текущей улымай майламая ѣстъ; ты, отецъ, осѣдлай гривастую, возьми делимемъ, покличь шонъшумай и скорѣе, скорѣе пріѣзжай! Тенекъ-ху передалъ слова жены своему отцу и тотъ понялъ, что жена Тенекъ-ху хотѣла сказать: «Внутри лѣса на берегу рѣки волкъ съѣлъ овцу; осѣдлавъ коня, взявъ лукъ и покликавъ собаку, пріѣзжай скорѣе!» [1]).

Въ сосѣдней мѣстности была свадьба и Тенекъ-ху съ женой были приглашены на нее. Жена, отправляясь на свадьбу, говоритъ своему мужу: «Въ гостяхъ за столомъ ты сядь такъ, чтобъ за твоей спиной пришлось окно и въ оконное отверзтіе просунь свою косу. Когда подадутъ тебѣ ѣду, ты ѣшь, пока я не дерну тебя за косу; когда дерну, ты тогда перестань ѣсть и отставь блюдо отъ себя подальше». Тенекъ-ху такъ и сдѣлалъ. Вернувшись со свадьбы, Тенекъ-ху не нашелъ своего отца дома, а вмѣсто того пришли шесть человѣкъ и принесли ему отъ отца письмо. Въ письмѣ было написано: дзурганъ суму огусэнъ байна; мини герьту хоиренъ хугулъ, джамту хоиренъ хугулъ, мини нюдунэ ӧмёне хоиренъ хугулъ; тундугуръ чаганъ кучà донданъ абъ, терисъ дюрбуленъ намайгъ абхуаръ ири, т. е. изъ шести данныхъ стрѣлъ двѣ въ моемъ домѣ переломи, двѣ въ дорогѣ переломи и двѣ передъ моими глазами переломи; бѣлаго барана взявъ въ середину, вчетверомъ ко мнѣ придите! Тенекъ-ху читалъ, но ничего не понялъ; передалъ письмо женѣ. Та растолковала это письмо такимъ образомъ: «Твоего отца схватили и увели; онъ теперь велитъ, чтобы ты изъ посланныхъ къ тебѣ съ письмомъ двоихъ убилъ въ своемъ домѣ, двоихъ въ дорогѣ, а двоихъ передъ его глазами; чтобы ты, взявъ меня и двухъ пословъ, вчетверомъ пришелъ къ нему». Тенекъ-ху сдѣлалъ, какъ жена растолковала, освободилъ отца и вернулся домой. Потомъ онъ сталъ управлять пятью стами чириковъ и сдѣлался царемъ.

Очиръ, ордосскій монголъ хошуна дзасыка.

---

[1]) Почему делимемъ лукъ и шонъ-шумай собака, разсказчикъ не умѣлъ объяснить.

Digitized by Google

20. ТЕНЕ-ХУ.

(Китайскій).

Былъ когда-то Тене-ханъ (глупый царь). А сзади его дома жилъ Тене-ху (глупый парень), который заснетъ, такъ спитъ цѣлый мѣсяцъ, вздумаетъ поѣсть, такъ ведро каши съѣдаетъ. Вотъ такой парень былъ. Мать этого Тене-ху говоритъ ему: «Сынъ мой! я тебѣ сварю одно ведро каши. Ты сходи, принеси мнѣ одну вязанку дровъ». Сынъ говоритъ: «Поѣвши, я принесу вязанку».

На берегу (рѣки) Хатуна одинъ человѣкъ изловилъ большую въ 30 джиновъ рыбу. Тотъ Тене-ху тому человѣку говоритъ: «Ты эту рыбу опусти въ этотъ Хатунъ. Я тебѣ двадцать вязанокъ дровъ наношу!» Тотъ человѣкъ: «Если ты мнѣ двадцать вязанокъ дровъ принесешь, я эту рыбу отпущу». Тотъ Тене-ху отпустилъ рыбу и легъ спать.

Та рыба была третья дочь Лосунъ-хана. (Она) говоритъ Лосунъ-хану: «Въ то время, какъ я подъ видомъ большой рыбы ходила въ Хатунѣ, одинъ человѣкъ изловилъ меня. Тене-ху, живущій сзади дома Тене-хана, купилъ меня за двадцать вязанокъ дровъ и отпустилъ меня въ Хатунъ. Милостью того Тене-ху я жива осталась. Чѣмъ я поблагодарю того Тене-ху?» Лосунъ-ханъ отецъ послалъ нѣсколько человѣкъ привести того Тене-ху. Лосунъ-ханъ говоритъ: «Ты моей дочери жизнь спасъ. Я тебѣ серебра и золота хочу дать!» Тене-ху говоритъ: «Я ни серебра, ни золота не возьму. Я желалъ бы только получить увеличеніе силы! Получить такую силу, чтобы могъ поднять вязанку дровъ, которая наполнила бы домъ изъ пяти покоевъ!» Лосунъ-ханъ сказалъ: «Ты теперь можешь идти! На берегу Хатуна лежитъ вязанка дровъ, которая можетъ наполнить домъ изъ пяти покоевъ. Ты подними и отнеси!»

Тене-ху, вышедши (отъ Лосунъ-хана), поднялъ ту вязанку и пошелъ. Тене-ханъ вышелъ изъ дверей (своего дома). Жена Тене-хана была на улицѣ; тотъ Тене-ху несетъ огромную вязанку дровъ. (Жена Тене-хана) пришла и говоритъ хану: «Сзади дома живущій Тене-ху поднялъ вязанку дровъ, способную наполнить домъ изъ пяти покоевъ». Тене-ханъ, услышавъ (эти слова), говоритъ ханьшѣ: «Вы съ Тене-ху вдвоемъ сошлись! Я васъ завяжу въ синюю шкуру»[1]). Завязалъ ханьшу и Тене-ху въ синюю шкуру, бросилъ въ пески. Когда шкура засохла, брошенный въ песчаные бугры Тене-ху говоритъ: «Синяя шкура! Будь домомъ въ пять покоевъ!» Домъ изъ пяти покоевъ сдѣлался. Живетъ (онъ) въ домѣ трои сутки.

Тене-ханъ говоритъ двумъ нойонамъ: «Тене-ху и ханьша умерли уже или нѣтъ? Идите, посмотрите!» Два нойона пошли посмотрѣть, синяя шкура превра-

---

[1]) Разсказчикъ употребилъ слово «синяя» вмѣсто китайскаго выраженія «зеленая шкура», т. е. сырая. По китайски словомъ «зеленый» передаютъ понятіе о сыромъ.

Digitized by Google

лась въ домъ изъ пяти покоевъ. Такого дома у самого хана никогда не бывало. Посмотрѣвъ, вернулись два нойона, говорятъ Тене-хану: «Синяя шкура превратилась въ домъ изъ пяти покоевъ! Такого дома у самого хана нѣтъ! Въ немъ Тене-ху вдвоемъ съ ханьшей живутъ». Тене-ханъ сейчасъ же даетъ двумъ нойонамъ пятьсотъ чириковъ и посылаетъ ихъ убить Тене-ху и ханьшу. Пошли нойоны. Тене-ху увидѣлъ, что два нойона съ пятью стами чириковъ пришли. Тене-ху говоритъ: «Пять сотъ чириковъ станьте козлами! ханъ стань козлухой!» Стали пятьсотъ чириковъ козлами, ханъ сдѣлался козлухой, побѣжали. Два нойона поклонились головой Тене-ху и говорятъ: «Возстанови хана! Ханъ, вновь ставши живымъ, отдастъ тебѣ престолъ.» Тене-ху сказалъ: «Пятьсотъ козловъ станьте чириками, козлуха стань ханомъ!» Сказалъ и чирики стали чириками, ханъ сталъ ханомъ. Тене-ханъ говоритъ: «Я передаю тебѣ престолъ! Отдаю тебѣ тамгу! Ты садись ханомъ! Я твоимъ подданнымъ буду!» Тене-ху сталъ ханомъ, а жена Тене-хана стала его женой. Тене-ху и ханьша стали вдвоемъ жить и наслаждаться.

Омолонъ, ордосскій монголъ хошуна
Ушинъ, сынъ монгола и китаянки.

---

21. ТРИ БОЛЬШИХЪ УГОДЬЯ.

(Гурба ихитей тосà [1]).

(Монгольскій).

Былъ въ старину старикъ со старухой; у нихъ былъ сынъ. Старикъ началъ высылать сына изъ дому. Сынъ спрашиваетъ: «Ава, ава! куда же я пойду?» «Иди, говоритъ отецъ, въ сторону, гдѣ солнце всходитъ». Мальчикъ сдѣлалъ семь шаговъ по направленію, гдѣ солнце всходитъ, и вернулся, спрашиваетъ у матери: «Еджи, еджи! куда мнѣ идти?» «Иди, говоритъ мать, въ сторону, гдѣ солнце заходитъ». Пошелъ мальчикъ въ сторону, гдѣ солнце заходитъ. Шелъ до полденъ, дошелъ до богатаго аила, зашелъ въ юрту. Тутъ его напоили чаемъ. Пошелъ далѣе, стало смеркаться; онъ вышелъ въ тухумъ [2]), гдѣ много ходило коровъ. Сайханъ-ху (прекрасный мальчикъ) думаетъ: «Дай пойду туда, куда коровы пойдутъ. Навѣрно онѣ выведутъ меня въ какой-нибудь аилъ. Тамъ и заночую». Идетъ за коровами; коровы вывели его опять къ тому же аилу, въ которомъ онъ уже пилъ чай въ полдень. Онъ думаетъ: «Во второй разъ не пойду въ этотъ аилъ, а ночую между коровами; а ночью украду одну изъ коровъ, сяду на нее верхомъ и уѣду!» Когда стемнѣлось, онъ усмотрѣлъ пеструю корову и вскочилъ на неё; испуганная корова понеслась, Сайханъ-ху едва держится. Скакалъ онъ цѣлую ночь; когда стало свѣ-

---

[1]) Тоса—польза, угодье.

[2]) Тухумъ—впадина въ земной поверхности.

Digitized by Google

тать, онъ осмотрѣлся и видитъ, что подъ нимъ не корова, а тигръ (баръ). Испугался Сайханъ-ху. Видитъ, впереди два дерева вѣтвями сходятся; думаетъ, когда тигръ будетъ пробѣгать подъ деревьями, ухвачусь за вѣтви и отстану отъ него. Началъ Сайханъ-ху погонять этимъ сукомъ тигра. Скакалъ, скакалъ и прискакалъ къ городу, въ которомъ цари не держались; выберутъ сегодня царя, а назавтра онъ умретъ, на его мѣсто выберутъ другого, а черезъ день и этотъ умретъ. Тогда народъ обратился къ одному большому ламѣ съ вопросомъ, гдѣ имъ найдти царя, который бы удержался въ живыхъ. Лама говоритъ: «Тотъ вамъ будетъ царемъ, который пріѣдетъ съ востока на тигрѣ, погоняя его головой змѣи Абырга-могай!» Сайханъ-ху не замѣтилъ, что онъ оторвалъ не вѣтвь, а голову змѣи Абырга-могай, сидѣвшей на деревѣ. «Да есть ли средство его поймать?» спрашиваютъ люди. Лама говоритъ: «Сдѣлайте петлю и накиньте на него, когда онъ будетъ пробѣгать мимо!» Люди сдѣлали петлю и накинули на скакавшаго на тигрѣ Сайханъ-ху; петля угодила ему на шею. Сдернули они Сайханъ-ху съ тигра на землю; падая, онъ схватился за хвостъ тигра, хотѣлъ удержаться, но хвостъ оторвался и тигръ убѣжалъ. Посадили Сайханъ-ху на царство и говорятъ ему: «У насъ кто-то хлѣбъ на пашнѣ поѣдаетъ; не приходится намъ самимъ имъ пользоваться». Царь говоритъ: «Ведите меня, я посмотрю!» Вывели его въ степь; тамъ стоитъ высокое дерево. Смотритъ царь и видитъ: нѣсколько тигровъ стали одинъ на другого; верхній пришелся противъ вѣтвей и ѣстъ яблоки. Самый же нижній тигръ былъ безъ хвоста; царь узналъ въ немъ тигра, на которомъ пріѣхалъ и закричалъ: «Ты куцый! ты что тутъ дѣлаешь!» Тигръ узналъ его голосъ, испугался и выскочилъ; всѣ тигры попадали и ушиблись до смерти, а безхвостый тигръ убѣжалъ. Послѣ этого никто не сталъ поѣдать хлѣбъ на пашнѣ.

Отецъ этого Сайханъ-ху за это время обѣднѣлъ; нечѣмъ ему стало кормить свою старуху. Однажды онъ подстрѣлилъ гуся, изломалъ ему ногу и поймалъ его. Гусь говоритъ: «Ты меня не убивай! Я за то дамъ тебѣ три угодья» (гурба ихитей тосу хія). Старикъ, держа гуся на своей груди, идетъ къ старухѣ и кричитъ: «Что тебѣ лучше, три разныхъ угодья или гусь»? Старуха отвѣчаетъ: «Три угодья лучше». Старикъ отпустилъ гуся; гусь, хромая, пошелъ прочь, старикъ за нимъ. Дошелъ гусь до берега моря, нырнулъ въ воду и скрылся. Заплакалъ старикъ, пришелъ къ старухѣ, ругаетъ ее и говоритъ: «Вотъ ты сказала, три угодья лучше! А теперь ни трехъ угодій нѣтъ, ни гуся! Лучше бы не слушалъ тебя, такъ были бы мы съ ѣдой». Старуха говоритъ: «Не горюй! иди снова къ морю и проси угодья»! Пришелъ старикъ къ морскому берегу, плачетъ. Изъ воды вышелъ бородатый старикъ, спрашиваетъ: «О чемъ плачешь»? Старикъ разсказалъ, что онъ, бѣдный человѣкъ, не имѣющій ѣды, зашибъ гуся; гусь просилъ отпустить его, обѣщая дать три угодья, и обманулъ, ушелъ въ воду. Бородатый старикъ говоритъ: «Это не гусь, а Лосунъ-ханъ. Садись ко мнѣ на загривокъ, я снесу тебя къ нему. Когда ты придешь къ нему, онъ тебя спроситъ: что тебѣ дать, серебра или золота? ты скажи, не надо мнѣ ни серебра, ни золота, а дай мнѣ только чернаго паршиваго осла, хамуту хара ельджигъ». Сѣлъ старикъ на бородатаго старика и поѣхалъ въ

Digitized by Google

море. Когда онъ прибылъ во дворецъ, Лосунъ-ханъ спрашиваетъ его: «Что тебѣ дать, серебра или золота»? Старикъ говоритъ; Не нужно мнѣ ни серебра, ни золота, а дай мнѣ только чернаго паршиваго осла». Лосунъ-ханъ далъ ему осла. Ведетъ старикъ осла и жалѣетъ, что не взялъ вмѣсто него серебра либо золота. Сталъ старикъ съ досады палкой толкать осла въ задъ, оселъ началъ сорить и сорить не какъ другіе ослы, а золотомъ. Обрадовался старикъ, собралъ золото и вошелъ въ дянъ [1]), потребовалъ себѣ ѣсть и водки, опьянѣлъ и разболталъ, что его оселъ соритъ золотомъ. Китаецъ, хозяинъ дяна, напоилъ старика еще сильнѣе и выбросилъ на улицу, а осла подмѣнилъ. Проснулся старикъ, взялъ подмѣненнаго осла и пошелъ домой; кричитъ старухѣ издали: «Старуха! веду тебѣ хорошаго осла! Только станешь его толкать въ задъ, онъ начнетъ сорить золотомъ». Старуха вышла изъ юрты, начала толкать въ задъ осла, оселъ не соритъ золотомъ; соритъ попросту. «Ты грязными руками его толкаешь»? говоритъ старикъ. «Пойди, вымой ихъ хорошенько»! Старуха вымыла руки, начала толкать възадъ осла; все таки оселъ соритъ простымъ пометомъ, а не золотомъ. Догадался старикъ, что ему въ дянѣ подмѣнили другого осла. Старуха говоритъ ему: «Иди теперь къ морю за вторымъ угодьемъ»! Пришелъ старикъ къ морю. Опять вышелъ бородатый старикъ и спрашиваетъ: «Что тебѣ нужно»? Старикъ говоритъ: «Гусь, котораго я подшибъ, обѣщалъ мнѣ три угодья. Я одно взялъ; теперь пришелъ за вторымъ»! Бородатый старикъ говоритъ ему: «Садись мнѣ на загривокъ! Если Лосунъ-ханъ спроситъ тебя: что тебѣ, золота или серебра? скажи: ни серебра, ни золота мнѣ не нужно, а дай мнѣ изломанный чайникъ, балбырхай цаху». Далъ ханъ старику изломанный чайникъ, вышелъ съ нимъ старикъ изъ моря и жалѣетъ, зачѣмъ, дескать, я попросилъ такую негодную вещь. Идетъ старикъ, проголодался, поставилъ изломанный чайникъ на землю; онъ закипѣлъ и въ немъ очутилась бута (варево). Обрадовался старикъ, поѣлъ и принесъ чайникъ домой. Стали они теперь со старухой съ ѣдой, заправились и побогатѣли. Старикъ говоритъ старухѣ: «Позову къ себѣ въ гости хана»! Позвалъ, угощаетъ хана. При разставаньи старикъ спрашиваетъ хана, какой ему сдѣлать подарокъ. Ханъ говоритъ: «Ничего не нужно, кромѣ изломаннаго чайника». Долженъ былъ старикъ отдать чайникъ, а самъ пошелъ въ третій разъ къ морю. Вышелъ бородатый старикъ и совѣтуетъ просить пай (кости). Получивъ пай, старикъ вышелъ изъ моря; пришелъ въ дянъ, въ которомъ ему подмѣнили осла и думаетъ, поиграю здѣсь въ кости. Бросилъ кости и сказалъ: «ша!» Выскочили изъ костей люди и спрашиваютъ: «Кого бить» (ю шану)? Старикъ говоритъ: «Кромѣ чернаго паршиваго осла, всѣхъ бейте»! Принялись люди бить, перебили всѣхъ до смерти. Взялъ старикъ осла, привелъ домой. Потомъ думаетъ, «Пойду, накажу хана»! Пришелъ къ хану, сказалъ: «ша»! и бросилъ кости. Кого бить? спрашиваютъ выскочившіе изъ костей люди. «Кромѣ изломаннаго чайника, бейте все»! Перебили люди хана и всѣхъ его людей. Взялъ старикъ изломанный чайникъ и вернулся домой.

---

[1]) Дянъ—гостинница.

Digitized by Google

Сынъ его, ставшій царемъ, пришелъ навѣдаться о родителяхъ. Старикъ былъ коварный (му саналтай); онъ говоритъ сыну: «Давай, поиграемъ въ кости»! Сынъ согласился. Когда старикъ вышелъ изъ юрты, старуха говоритъ сыну: «Напрасно ты согласился играть! У него хитрыя кости»! Старуха подмѣнила кости, сыновнины кости подложила старику, а стариковы сыну. Бросилъ старикъ кости и сказалъ: «ша»! Кости не трогаются. Онъ собралъ ихъ и вновь бросилъ. «Ша»! кости не трогаются. Онъ въ третій разъ: «Ша»! То же самое. Старикъ осердился, вышелъ изъ юрты и съ горя повѣсился на деревѣ. Сынъ взялъ свою мать, чернаго паршиваго осла и изломанный чайникъ и возвратился въ свой ханскій городъ.

Пунсукъ, ордосскій монголъ хошуна Ушинъ.

---

22. БОРОЛТАЙ-ХУ.

(Монгольскій).

Въ старину былъ Боролтай-ху; у него было десять тысячъ сѣрыхъ овецъ, одна сѣрая юрта, быстрая сѣрая лошадь и быстрая бѣлая лошадь [1]). Однажды онъ пасъ своихъ десять тысячъ сѣрыхъ овецъ; въ это время родился бѣлый ягненокъ. Боролтай-ху вернулся домой, чтобы завернуть ягненка въ бѣлый войлокъ и положить. Тогда Ханъ-хурмустенъ-тэнгиръ послалъ двухъ птицъ тасъ, чтобы онѣ взяли у ягненка два его глаза. Тасы взяли два глаза у ягненка и пошли. Боролтай-ху догадался, сѣлъ на быструю сѣрую лошадь, какъ вѣтеръ, погнался за тасами, схватилъ ихъ, сбилъ у нихъ ихъ мѣдные клювы, надѣлъ на нихъ роговые клювы и отпустилъ. Тогда Ханъ-хурмустенъ-ханъ послалъ двухъ собакъ: Азыръ и Базыръ и сказалъ имъ: «У Боролтая-ху есть двѣ лошади, онѣ спятъ, быстрая сѣрая, привязанная за голову, быстрая бѣлая, привязанная за ноги. Вы идите и съѣшьте быструю сѣрую лошадь!» Боролтай-ху угадалъ желаніе Ханъ-хурмустенъ-хана, сѣрую быструю лошадь привязалъ за ноги, бѣлую быструю лошадь привязалъ за голову и лежитъ, спитъ. Двѣ собаки Азыръ и Базыръ пришли, съѣли бѣлую быструю лошадь, привязанную за голову и побѣжали. Боролтай-ху проснулся, сѣлъ на быструю сѣрую лошадь, какъ вѣтеръ погнался за собаками Азыромъ и Базыромъ, снялъ съ нихъ шкуры отъ носа до сухожилья въ пяткахъ [2]) и отпустилъ. Ханъ-хурмустенъ ханъ сказалъ семи птицамъ попугаямъ (долонъ тоту шубуганъ): «Идите къ Боролтаю-ху и черезъ верхнее отверзстіе юрты (тоноръ) спустите ему ядъ!» Боролтай-ху

---

[1]) Въ текстѣ: «кэйскуръ боро мори» и «кэйскуръ чаганъ мори». Кэй—«вѣтеръ». Кэйску доптолиху—«скакать во весь опоръ».

[2]) Въ текстѣ: «сарисынъ хамырасынъ сарисынъ борьбо хурьтыль шуладъ»; сарисынъ-хамыръ—кожа на носу собаки, не покрытая шерстью; борьбо—сухожилье въ пяткѣ; сарисынъ борьбо—мѣсто надъ пяткой, у собаки скудно покрытое шерстью.

Digitized by Google

угадалъ это; угадавъ, онъ закупорилъ верхнее отверзстіе юрты, закупорилъ дверь, въ котелъ налилъ растительнаго масла (хара тосу, «чернаго масла»), и сидитъ, кипятитъ его. Семь птицъ попугаевъ пришли, не могли найдти входа въ юрту. Они продырявили войлока юрты и смотрятъ въ прорѣхи. Боролтай-ху взялъ олифы (маджинъ тосунъ), плеснулъ имъ въ лица и сожегъ ихъ; семь птицъ попугаевъ бѣгомъ вернулись домой. Хурмустенъ-ханъ-тенгиръ соизволилъ послать еще одного золотого попугая (ниге алтынъ тоту) и велѣлъ ему черезъ верхнее отверзстіе юрты пустить въ Боролтая-ху молнію (аингъ). Боролтай-ху, угадавъ приказаніе Хурмустенъ-хана, приготовилъ очу—шюсы [1]), отнесъ на холмъ Больчжотенъ-боро-тологой и сидитъ. Птица золотой попугай прилетѣла, пустила молнію въ очу-шюсы и полетѣла. Боролтай-ху сѣлъ на быструю сѣрую лошадь, какъ вѣтеръ, погнался за птицей и подстрѣлилъ ей одну ногу. Прекрасная птица (сайханъ шибо), хромая, возвратилась домой. Ханъ-хурмустенъ-тенгиръ говоритъ: «Ха! Боролтай-ху моей птицѣ ногу переломилъ! у моихъ тасовъ мѣдные клювы отобралъ! съ моихъ собакъ Азыра и Базыра шкуры содралъ отъ носа и до сухожилья въ пяткахъ! Нѣтъ, этого больше не будетъ! Теперь я пойду и убью Боролтая-ху!» Хурмустенъ-ханъ пришелъ къ Боролтаю-ху. Спрашиваетъ Боролтая-ху: «Ты зачѣмъ снялъ съ моихъ тасовъ мѣдные клювы и далъ имъ роговые?» Боролтай-ху отвѣчаетъ: «Они у моего бѣлаго ягненка выклевали глаза. Сказавши: «за изъянъ изъянъ» [2]), я взялъ у нихъ мѣдные клювы и отпустилъ». Ханъ-хурмустенъ-ханъ соизволилъ (сказать): «Ты зачѣмъ съ моихъ двухъ собакъ Азыра и Базыра снялъ шкуры отъ носа до сухожильевъ на пяткахъ?» Боролтай-ху спросилъ хана: «Ты приказалъ имъ мою сѣрую лошадь или мою бѣлую лошадь съѣсть?» Ханъ говоритъ: «Я велѣлъ сѣрую лошадь съѣсть!» «А! а онѣ съѣли бѣлую лошадь и я за то, сказавши имъ: за изъянъ изъянъ! содралъ съ нихъ шкуры отъ носовъ до сухожилій въ пяткахъ и отпустилъ». Ханъ-хурмустенъ-ханъ снова соизволилъ спросить: «Джа! ты зачѣмъ испортилъ лица моимъ семи птицамъ попугаямъ?» Боролтай-ху спрашиваетъ: «Вы какимъ образомъ велѣли имъ спустить мнѣ ядъ, черезъ верхнее отверзстіе юрты или сквозь стѣну моего дома» (геринъ джабсыраръ)? Ханъ сказалъ: «Я велѣлъ спустить ядъ черезъ верхнее отверзстіе юрты!» «А они сквозь стѣну прошли и я, сказавши: за изъянъ изъянъ! обварилъ имъ лица!» Ханъ-хурмустенъ-ханъ соизволилъ сказать: «Джа! Ты зачѣмъ переломилъ ногу моей птицѣ золотому попугаю?» Боролтай-ху спрашиваетъ хана: «Вы велѣли ей пустить молнію черезъ верхнее отверзстіе моей юрты. Развѣ вы велѣли ей пустить молнію въ Больчжотенъ-боро-тологой?» Ханъ сказалъ: «Я велѣлъ черезъ верхнее отверзстіе юрты пустить молнію.» «А она въ Больчжотенъ-боро-тологой пустила молнію, и я, сказавши: за изъянъ изъянъ! переломилъ ей одну ногу и отпустилъ». Ханъ-хурмустенъ-ханъ сошелъ съ престола, а Боролтай-ху, сѣвши на его престолъ, сталъ жить спокойно и наслаждаясь.

Ратна-бала, лама изъ Ордоса, изъ хошуна вана.

---

[1]) Очу—«эссенція», шюсы—«сокъ», «жидкость».

[2]) Словами «за изъянъ изъянъ» мы перевели выраженіе: бурутенъ буру. Буру — вина, ошибка, проступокъ.

Digitized by Google

Въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по Этн., т I, в. 1, стр. 4: вмѣсто Боролтая, старикъ Хоредой; вм. Ханъ-хурмустенъ-хана Эсэгэ-маланъ; послы Эсэгэ-малана: двѣ вороны, девять волковъ, девять шулма. Въ Очеркахъ, IV, № 153, стр. 517: Боролдзой-обогонъ и Ханъ-Хормусты; вмѣсто девяти попугаевъ, семь чертей (долонъ читкуръ). Въ книжныхъ сказаніяхъ Харитай (Хоридой?) отецъ женщины Аланъ-гоа; въ бурятскихъ преданіяхъ Хоридой сынъ Аланъ-гоа; такое сопоставленіе именъ намекаетъ на отношенія бурятскаго Хоридоя къ книжному. Въ книжномъ сказаніи сынъ Аланъ-гоа, вмѣсто Хоридоя, названъ Бодончаромъ, который также обдѣленъ братьями, удаляется и ведетъ одинокую жизнь охотника, какъ и бурятскій Хоридой. По-видимому въ сказкахъ имена Боролдай, Хоридой и Бодончаръ замѣщались. О Боролдаѣ, кромѣ сюжета о хитромъ его поведеніи съ Хормустой, есть еще разсказъ о томъ, какъ лисица женитъ его на ханской дочери. Въ этой сказкѣ также герой является одинокимъ сиротой, промышляющимъ охотой; въ ней также является Хормусту-ханъ. Въ русскихъ варіантахъ этой сказки сирота называется Бухтанъ Бухтановичъ, вмѣсто Хормусты или Эсэгэ-малана царь Громъ и царица Моланья. Въ болгарскомъ варіантѣ сирота называется Водяничарь (См. Оч., II, прим., стр. 53; Зап. Вост. Сиб. Отд., l. c., стр. 143 и слѣд.). Монгольской версіи этой сказки съ именемъ Бодончара не записано; можно только усматривать намеки на ея существованіе. Нѣкоторыя книжныя сказанія смѣшиваютъ Бодончара съ Темучиномъ, котораго преданіе называетъ сыномъ Хормусты; наприм., грузинскій царевичъ Вакухтъ о Thingiz'ѣ (Чингисъ-ханѣ?), предкѣ Тамерлана, разсказываетъ исторію Бодонджара (Brosset, Hist. de la Georgie, P. I, l, II, p. 650). Подъ видомъ лисицы въ сказкѣ является, вѣроятно, высшее покровительствующее существо. Гэсэру мать его также является въ видѣ лисицы (см. выше, стр. 19).

Бурятскія легенды связываютъ имя Хоридоя съ темой о стрѣляніи въ трехъ дѣвъ-лебедей (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 114 и слѣд.). Въ бурятскомъ сказаніи мать Гэсэра небесная дѣва (см. выше, стр. 63); въ одномъ варіантѣ она повидимому лебедь-дѣва (стр. 64, подстроч. примѣч.); не будетъ ли поэтому Бодон-чаръ (Бодон-джаръ, Бодонцаръ) версіей имени Богдо-Гэсэръ? Родивъ Гэсэра, мать бросаетъ его; ребенка находитъ Сарагалъ-ханъ. Не достаетъ дерева и сидящей на немъ совы, чтобы отожествить этотъ эпизодъ съ сказаніемъ о найденышѣ (Чингисѣ, Цоросѣ, Одунѣ-Бодунѣ; см. Очерки, II, 161; 173; IV, 229, 325, 326).

23. ЁГЪ-ТАМУ-НЦО.

(Тангутскій).

У царя было двѣ дочери Нгулыггунъ (серебряная царевна) и Ксэрлыггунъ (золотая царевна) и служанка Ёгъ-тамуу-нцо. У серебряной царевны были серебрянное ведро и серебряный ковшъ, у золотой царевны золотое ведро и золотой ковшъ, у Егъ-тамунцо деревянное ведро и деревянный ковшъ. Служанка говоритъ царевнамъ: «Давайте играть! бросимъ наши ведра и ковши на воду и посмотримъ чья посуда будетъ сверху». Царевны согласились и всѣ трое бросили свою посуду на воду. Золотые и серебряные ведра и ковши утонули, одни деревянные сверху плаваютъ. Царевны говорятъ служанкѣ: «Иди къ отцу и спроси, что тебѣ нужнѣе: Ксэрлыггунъ и Нгулыггунъ или золотыя и серебряныя ведра и ковши?» Служанка пошла къ царю и царь сказалъ ей: «Ведра и ковши я могу опять приказать сковать, но другихъ дѣтей не наживу. Возьми рсамбы [1]) и масла, навьючь на лошадь, отправляйся къ моимъ дочерямъ и скажи имъ, чтобъ скорѣе возвращались въ родительскій домъ». Служанка дорогой рсамбу и масло съѣла, пріѣхала къ

[1]) Рсамба — ячменная мука.

Digitized by Google

царевнамъ и говоритъ имъ: «Царь осердился на васъ и сказалъ: «мнѣ ведра и ковши золотые нужнѣе». Онъ далъ мнѣ лошадь, немного рсамбы безъ масла и велѣлъ передать вамъ приказъ уѣзжать изъ его царства». Служанка сказала царевнамъ, что теперь она старше ихъ и приказала имъ отдать ей свое богатое платье. Переодѣлись, служанка надѣла платье царевенъ, царевны надѣли платье служанки, сѣли всѣ трое на одну лошадь, впереди Ёгъ-тамунцо, въ серединѣ Нгулыггунъ, сзади Ксэрлыггунъ и поѣхали. Дорогой встрѣчаетъ ихъ царскій сынъ. Ёгъ-тамунцо спрашиваетъ его: яга яга кангъ якка шӧра шӧра кангъ шӧрка рчжаву чжама кангъ янги, т. е. . . . . [1]), которой варить пищу для царя? Царскій сынъ отвѣчаетъ: . . . . . передняя, красивая средняя, а варить пищу для царя задней. Тогда Ёгъ-тамунцо приказала дѣвицамъ пересѣсть; Ксэрлыггунъ посадила на переднее мѣсто, а сама сѣла на заднее, и опять спрашиваетъ царскаго сына: которая красивая? которая . . . . . .? которой варить пищу для царя? Царскій сынъ говоритъ: « . . . . . задняя, красивѣе середняя, а варить царю пищу передней«. Потомъ царскій сынъ говоритъ: «Я пущу стрѣлу и на которую изъ васъ трехъ стрѣла упадетъ, той и варить пищу». Выстрѣлилъ, стрѣла легла передъ царевной Ксэрлыггунъ. Ёгъ-тамунцо перехватила стрѣлу и положила подлѣ себя. Подходитъ царскій сынъ, видитъ, стрѣла лежитъ передъ Ёгъ-тамунцо и говоритъ: «Нечего дѣлать! если стрѣла указала на тебя, то ты вари пищу!» Продолжая путь далѣе, они подъѣхали къ царской ставкѣ. Тутъ было озеро. Ёгъ-тамунцо схватила Ксэрлыгъ и бросила въ озеро, сама сдѣлалась царицей, а Нгулыгъ заставила пасти овецъ. Нгулыгъ каждый день, прогоняя стадо, подходила къ озеру и пѣла:

Нгулыггунъ рарцза ре
Ксэрлыггунъ нцоня ре
Ёгъ-тамунцо хомджи ре [2]).

Утопленная Ксэрлыггунъ въ озерѣ нашла дворецъ Улыгсыгла-рэнчина и стала жить въ довольствѣ. Когда пѣнье сестры доходило до ея ушей, она выходила изъ воды, выносила сестрѣ хлѣба и мяса и приговаривала: «Все здѣсь въ полѣ съѣдай! Во дворецъ ничего не уноси!» Однажды Нгулыггунъ положила кусокъ за пазуху и забыла. Когда стала во дворцѣ раздѣваться, кусокъ упалъ на полъ; Нгулыггунъ не замѣтила этого. Ёгъ-тамунцо нашла кусокъ и спрашиваетъ Нгулыггунъ: «Откуда взяла кусокъ?» Нгулыггунъ сказала, что ей дали товарищи пастухи. Царица опросила всѣхъ пастуховъ; тѣ говорятъ, что никто не давалъ. Снова царица спрашиваетъ Нгулыггунъ, откуда у нея взялся кусокъ и та призналась, что она ходитъ каждый день на берегъ озера, поетъ:

Нгулыггунъ рарцза ре
Ксэрлыггунъ нцоня ре
Ёгъ-тамунцо хомджи ре.

Сестра выходитъ изъ воды и даетъ ей куски хлѣба и мяса.

[1]) Точки означаютъ мѣста, которыя мой переводчикъ, лама Сэрэнъ, оставилъ безъ перевода.

[2]) Смыслъ стиховъ кажется такой: Нгулыггунъ пастушкой стала, Ксэрлыггунъ въ озерѣ находится, Ёгъ-тамунцо царицей стала.

Digitized by Google

Ёгъ-тамунцо на слѣдующій день оставила Нгулыггунъ сидѣть дома, а сама пошла пасти овецъ съ товаркой, взяла сошникъ (тонгрчигъ), развела огонь на аргалѣ и накалила сошникъ, потомъ подошла къ берегу и говоритъ:

Нгулыггунъ рарцза ре
Кеэрлыггунъ нцоня ре
Егъ-тамунцо хомджи ва.

Ксэрлыггунъ вышла изъ воды съ мясомъ и хлѣбомъ. Егъ-тамунцо разсѣкла ей голову накаленнымъ сошникомъ; Ксэрлыггунъ ушла въ воду; вся вода въ озерѣ покраснѣла отъ крови. На другой день Нгулыггунъ приходитъ къ озеру, зоветъ сестру; сестра не показывается, семь дней напрасно звала ее Нгулыггунъ, наконецъ она вышла изъ воды съ завязанной головой и говоритъ: «Садись на меня, я унесу тебя къ себѣ!» Нгулыггунъ не рѣшается идти въ воду. Тогда Ксэрлыггунъ сказала ей: «Я боюсь къ тебѣ выходить! ты хочешь убить меня. Если ты не хочешь идти въ воду, то тебѣ больше меня не видать».

Нгулыггунъ родила полузолотого, полусеребрянаго ребенка. Ёгъ-тамунцо велѣла подбросить его подъ овецъ; всѣ овцы разбѣжались, испугавшись ребенка; тогда Егъ-тамунцо велѣла подбросить ребенка подъ лошадей, и лошади разбѣжались; подбросили ребенка подъ коровъ и коровы разбѣжались. Ёгъ-тамунцо приказала въ овечьемъ дворѣ вырыть яму и завалить ребенка живого аргаломъ, а Нгулыггунъ, вмѣсто ребенка, подбросить щенка и сказала царю: «Нгулыггунъ родила щенка!» На могилѣ законнаго ребенка выросъ цвѣтокъ (метыкъ бама). Овца съѣла цвѣтокъ и родила пѣгаго ягненка. Ягненокъ говоритъ Нгулыггунъ: «Мать! Ты не ходи въ степь; я буду пасти овецъ вмѣсто тебя». Нгулыггунъ перестала ходить въ степь; овцы ходятъ за пѣгимъ ягненкомъ, сами пасутся и сами возвращаются домой. Ягненокъ опять говоритъ Нгулыггунъ: «Мать! скажи про меня Ёгъ-тамунцо, что этого ягненка нужно зарѣзать. Онъ все уводитъ стадо то въ гору, то въ воду. Когда мясо мое съѣдятъ, всѣ кости цѣлыя и поломанныя собери и положи въ пещерѣ». Нгулыггунъ сказала Ёгъ-тамунцо: «Этого пѣгаго ягненка нужно зарѣзать! Онъ уводитъ овецъ то въ гору, то въ воду?» «Ты лжешь! вѣрно ты мяса поѣсть захотѣла!» сказала Егъ-тамунцо и пошла сама пасти овецъ. Ягненокъ увелъ стадо сначала въ горы, а потомъ завелъ ихъ въ воду. Замучилась Егъ-тамунцо, возвращая стадо и говоритъ Нгулыггунъ: «Правду ты говорила! надо этого ягненка зарѣзать». Зарѣзали ягненка; Нгулыггунъ собрала всѣ его кости цѣлыя и поломанныя и положила въ пещерѣ. Черезъ семь дней въ пещерѣ появился маленькій лама. Нгулыггунъ стала ловить мальчика, поймала, но онъ развалился; опять стали однѣ кости. Черезъ семь дней опять въ пещерѣ появился лама уже постарше. Нгулыггунъ вновь стала ловить его и онъ опять развалился на кости. Черезъ третьи семь дней въ пещерѣ появился молодой взрослый лама. Стала ловить Нгулыггунъ и поймала. Лама говоритъ Нгулыггунъ: «Мать! иди къ царю и скажи, что въ пещерѣ народился лама!» Царь пошелъ въ пещеру и взялъ съ собой царицу Егъ-тамунцо. Царица сѣла подлѣ ламы, а Нгулыггунъ при входѣ въ пещеру у порога. Лама сказалъ ей: «Мать! сядь подлѣ меня!» Нгулыггунъ встала

Digitized by Google

и пошла впередъ, но царица закричала: «Не пускай ее садиться близко! Вшей напуститъ!» Лама сказалъ Нгулыггунъ: «Мать! плюнь на мою руку!» Нгулыггунъ плюнула. Лама съѣлъ слюну, остатки ея вытеръ о темя, щеки и бороду, и сказалъ: «Слюна эта вкусна, какъ молоко моей матери!» «Попробуй-ка моей слюны», говоритъ ламѣ Ёгъ-тамунцо, «моя будетъ вкуснѣе, чѣмъ слюна служанки». «Нѣтъ», говоритъ Егъ-тамунцо, «твоей не хочу».

Потомъ лама бросилъ тарелку вверхъ и спросилъ ее: «Когда вы ѣхали въ царскую ставку, кто бросилъ Ксэрлыггунъ въ озеро?» Ёгъ-тамунцо, отвѣчала тарелка. «Когда Ксэрлыггунъ вышла къ сестрѣ съ хлѣбомъ и мясомъ, кто тебѣ разрубилъ голову?» Егъ-тамунцо. «Когда у Нгулыггунъ родился полузолотой, полусеребряный сынъ, не велѣла-ли его Егъ-тамунцо закопать въ землю и завалить аргаломъ?» Велѣла. «Когда на этой могилѣ выросъ цвѣтокъ, не съѣла ли его овца?» Съѣла. «Не родила ли овца пѣгаго ягненка?» Родила. «Не приказала ли Егъ-тамунцо зарѣзать этого ягненка?» Приказала. «Не собрала ли Нгулыггунъ кости этого ягненка?» Собрала. «Не положила ли ихъ въ пещеру?» Положила. «Не народился ли изъ этихъ костей лама, который сидитъ рядомъ съ царицей?» Народился.

Царь понялъ, что лама его сынъ, погубленный царицей. Онъ велѣлъ привязать её къ семи лошадямъ и размыкать.

Ами-салунъ.

Это тангутскій варіантъ сказки объ Ердени-Хараликѣ, переведенной Шмидтомъ съ монгольскаго и помѣщенной имъ при переводѣ лѣтописи Сананъ-сэцэна (Gesch. d. Ost-Mong., S. 425—488; Оч., IV, 886). Въ монгольскомъ варіантѣ царевна и двѣ служанки; сходство кончается послѣ выхода царевны замужъ за встрѣченнаго принца. Монгольская редакція дѣлаетъ разъясненіе, что Ердени-Хараликъ былъ воплощеніе бога Арья-бало; поэтому и тангутскій варіантъ представляется возможнымъ принять за разсказъ о явленіи на землѣ бога Арья-бало. Лама, чудесно явившійся въ пещерѣ, и есть богъ Арья-бало. Китайцы отожествляютъ съ монгольскимъ Арья-бало свое божество Гуань-инъ-пусу, которому они присваиваютъ женскій полъ. Женскія фигуры Гуань-инъ-пусы монголы отожествляютъ не съ Арья-бало, а съ богиней Цаганъ-дарихе, о которой въ Оч., IV, 319 помѣщена легенда, представляющая ее оговоренной женой.

А. Н. Веселовскій (Южно-русск. былины, 385) занимался темой объ оговоренной сестрѣ или женѣ, встрѣчающейся въ былинахъ, пѣсняхъ и сказкахъ (оговорщикомъ между прочимъ является Алёша поповичъ, поповичъ Раковичъ); сказку объ оговоренной женѣ, которая продается купцамъ и на чужбинѣ дѣлается царемъ, онъ сближаетъ съ сказкой о Данилѣ безчастномъ и Лебеди-птицѣ, красной дѣвицѣ. Сказка кончается тѣмъ, что Лебедь строитъ пышный дворецъ для пріема царя гостя, угощаетъ его, но утромъ царь пробуждается и видитъ себя среди болота въ пустынѣ. Въ Шиддикурѣ (Этн. Сб., VI, гл. XI, стр. 55) эта же тема развита нѣсколько иначе и стоитъ въ связи съ статуей бога Арья-бало. Монголы имѣютъ сказку о женѣ, выручающей мужа своими искусными работами въ родѣ жены Данилы безчастнаго; монгольская редакція дѣлаетъ разъясненіе, что жена эта не кто иной, какъ Цаганъ-ханъ, персонажъ, въ умахъ монголовъ сливающійся съ Цаганъ-дарихе (Оч., II, 174).

Бросаніе ведеръ въ воду, чтобы узнать, кому быть старшимъ, ср. съ темой пинанія кочекъ съ рѣчного берега въ сказаніи о Темучинѣ (см. Зап. Вост.-сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 145). Въ этомъ послѣднемъ сказаніи пинаніе кочекъ имѣетъ видъ клятвы, въ тангутской бросаніе ведеръ имѣетъ видъ гаданія; главенство выпадаетъ Тамунцо. Лама въ тангутской сказкѣ даетъ себя поймать въ пещерѣ только послѣ 3-го раза; Темучинъ, спрятавшійся въ тѣснину

Digitized by Google

или въ лѣсъ отъ преслѣдователей, выходитъ только послѣ 3-й попытки выйдти изъ нея (Алт. Тобчи, стр. 10; Юань-чао-ми-ши, 41). Тамунцо бросаетъ дѣвушку въ воду; её, выходящую изъ воды, посѣщаетъ сестра; въ сказкѣ о Ерьсару на берегъ озера, въ которое брошенъ ребенокъ, ходитъ мать его. Есть сказанія о Шингисѣ (т. е. Темучинѣ), брошенномъ въ воду (Radloff, Proben, III, 82); въ книжномъ сказаніи Темучинъ самъ прячется въ воду; его находитъ тамъ Сурганъ (Алт. Тобчи, стр. 127; Сананъ-Сэцэнъ, стр. 67).

Тамунцо велитъ ребенка преслѣдуемой царевны подбросить подъ овецъ, подъ лошадей, подъ коровъ, но животныя разбѣгаются, оставляя ребенка невредимымъ; ср. подобный разсказъ съ корейскимъ разсказомъ о Чжумынѣ (О. Іакинѳъ, Собраніе свѣд. о народахъ Средн. Азіи, ч. II, стр. 55) и съ бурятской легендой о ежѣ Заря-азарга (Агапитовъ и Хангаловъ: «Матеріалы о шаманствѣ», стр. 21, 22).

Егъ-тамунцо и. сказка о Хангаваѣ или Хангамаѣ (Оч., IV, 583): 1) въ обѣихъ сказкахъ есть брошенные въ воду; 2) въ Хангаваѣ сестра собираетъ кости убитаго брата и онъ воскресаетъ; въ тангутской сказкѣ мать собираетъ кости ягненка, въ которомъ воплощалась душа ея сына, и онъ воскресаетъ; 3) въ тангутской сказкѣ мать два раза ловитъ ребенка неудачно и только въ третій изловляетъ; этого въ Хангаваѣ нѣтъ, но есть въ урянхайской о Ерьсару (Оч., IV, 341), которая имѣетъ нѣкоторыя сходныя черты съ Хангаваемъ; врагъ Хангавая называется Иръсару.

Появленіе ламы въ пещерѣ (первое проявленіе божества на землѣ?) ср. съ Хотанской легендой о раганѣ, явившемся близъ города Хотана. Вотъ этотъ разсказъ по Абель Ремюза (Abel Remusat, Histoire de la ville de Khotan, Paris, 1820, p. 23): Прежде король Ютяна (т. е. Хотана) не былъ приверженцемъ Будды. Купецъ привелъ нищаго по имени Би-лу-женя (Pi-lou-tchen; по догадкѣ оріенталистовъ, Вайрочана или Бирюцзана) или, какъ исторія его называетъ, Lou-tchen. Онъ остановился къ ю. отъ города подъ миндальнымъ деревомъ, а купецъ пошелъ искать короля. Король не безъ гнѣва узналъ объ этомъ, но все таки пожелалъ самъ увидѣть Билужена. Послѣдній, увидѣвъ его, сказалъ: «Юлай (т. е. Татагата) повелѣлъ мнѣ идти къ тебѣ и возвѣстить его волю; ты долженъ построить зданіе въ честь Fou-pen Feou-thou. Если ты это сдѣлаешь, насладишься вѣчнымъ блаженствомъ». Король пожелалъ увидѣть Будду, Би-лу-жень позвонилъ, чтобы извѣстить бога. Будда послалъ своего сына Lo-heou-lo и тотъ явился въ воздухѣ. Король простерся и въ память того построилъ храмъ, гдѣ былъ изображенъ Ло-хеу-ло. Въ зданіи есть сандалія Pi tchi fo, не измѣнившаяся доселѣ. Она не изъ кожи и не изъ шелку; неизвѣстно, изъ чего.

Другой варіантъ (ibid., p. 41): Къ ю. отъ города (Хотана) находится цзяланъ, который построенъ королемъ въ честь архана (arahan) Pi lou tchena. Прежде буддизма здѣсь не было. Арханъ пришелъ изъ Кашмира, поселился въ лѣсу и пребывалъ тамъ сидя. Нѣкто, пораженный его видомъ и платьемъ, доложилъ царю и тотъ пошелъ увидѣть его. По совѣту архана король построилъ цзяланъ и сказалъ: «Вотъ монастырь готовъ, а гдѣ же Будда?» «Будда близко», отвѣчалъ арханъ. И король увидѣлъ Будду въ воздухѣ; онъ спустился и вручилъ королю молотъ, какъ знакъ власти (le marteau, destiné à servir de signal).

Третій (ib., p. 50): Къ з. отъ города (Хотана) лежитъ монастырь So ma jo. Тутъ виденъ источникъ, который струится на высотѣ болѣе 100 чи. Есть много драгоцѣнныхъ каменныхъ дщицъ и реликвій, бросающихъ божественный свѣтъ. Нѣкогда раганъ пришелъ изъ отдаленныхъ странъ и поселился въ лѣсу, который прежде тутъ былъ. Его божественныя качества свидѣтельствовались свѣтомъ, который онъ распространялъ. Король увидѣлъ изъ своего павильона этотъ свѣтъ и отправился посмотрѣть его. Раганъ посовѣтовалъ построить монастырь; сюда перенесли шели (кости Будды). Ихъ нужно было помѣстить подъ источникомъ. Когда ихъ доставили въ драгоцѣнныхъ вазахъ, раганъ принялъ источникъ въ горсть своей правой руки и задержалъ струю; вырыли яму, уложили шели и раганъ отпустилъ струю; ни одна капля не пролилась.

Можетъ быть о томъ же раганѣ разсказываетъ и другая хотанская легенда (ib., p. 61): Жители города Ho lao lo kia были богаты, преданы удовольствіямъ и дурнымъ наклонностямъ и не думали почитать бога, находившагося среди нихъ. Пришелъ одинъ раганъ и поклонился статуѣ. Жители, удивленные странностью и костюмомъ пришельца, побѣжали сказать о томъ королю, который велѣлъ закопать рагана въ песокъ. Покрыли тѣло рагана пескомъ до высоты рта и не давали ему ни пить, ни ѣсть. Нашелся человѣкъ, который всегда оказывалъ глубокое уваженіе статуѣ; увидя рагана въ его положеніи, онъ тайно принесъ ему пищу. Раганъ, прежде чѣмъ уйдти, сказалъ ему: «Семь дней будетъ падать дождь изъ камней и песку, который покроетъ го-

Digitized by Google

родъ и никто не убѣжитъ въ наказаніе за то, что меня закопали». Раганъ, сказавъ это, внезапно скрылся. Человѣкъ побѣжалъ извѣстить свою родню, но никто его не послушалъ. На другой день поднялся вѣтеръ и выпалъ каменный дождь, наполнившій улицы. Спасся только одинъ этотъ человѣкъ, укрывшись въ пещерѣ внѣ города. На 7-й день выпалъ песокъ, сравнявшій пустыню надъ городомъ. Человѣкъ вышелъ изъ пещеры, пошелъ на востокъ и прибылъ въ городъ Бима.

Три разсказа: о ламѣ, явившемся въ пещерѣ изъ костей ягненка, о хотанскомъ раганѣ и о Цзонкавѣ (см. ниже) имѣютъ одну общую черту: появленіе святого внѣ города въ уединенномъ мѣстѣ, куда идетъ посѣтить его царь города, въ легендѣ о Цзонкавѣ ласскій первосвященникъ. Послѣдній идетъ съ цѣлью устроить съ «большеносымъ» Цзонкавой пренія, надѣясь торжествовать надъ нимъ (см. № 39); но Цзонкава посрамилъ гордость первосвященника. Въ тангутской сказкѣ посрамленною выведена царица. Въ хотанской легендѣ тоже сказано, что царь идетъ къ отшельнику не безъ гнѣва.

Отголосокъ той же легенды какъ будто бы замѣчается и въ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ. Именно послѣднія упоминаютъ о шаманѣ Бутъ-тэнгри, Тубутъ-тангри или Тѣбъ-тэнгэри, который возвѣщаетъ Темучину, что по волѣ Вѣчнаго неба онъ долженъ управлять вселенной; вмѣстѣ съ тѣмъ шаманъ даетъ Темучину другое имя Чингисъ-ханъ (Раш.-эдд., Введ., стр. 159; Юань-чао-ми-ши, стр. 135). Разсказъ Гайтона: Семь родовъ татаръ жили въ подчиненіи своихъ сосѣдей; случилось, что одинъ бѣдный старикъ, по профессіи слесарь, увидѣлъ во снѣ воина въ бѣломъ одѣяніи и на бѣломъ конѣ; онъ назвалъ его по имени и сказалъ: Changius, воля безсмертнаго, чтобы ты сталъ предводителемъ татаръ; пусть твои вожди освободятъ твой народъ отъ сосѣдей и пусть они платятъ вамъ дань, какъ вы имъ платили (Histoire orientale de Haiton y Bergeron'a, p. 27; Oppert, Presbiter Iohann, S. 59). У Абульфараджа этотъ эпизодъ переданъ такъ: По покореніи Ункъ-кана предъ Темучиномъ предсталъ вдохновенный мужъ, который пришелъ къ хану чрезъ пустыни и горы зимой, плохо отдѣтый и босой. Онъ сказалъ Темучину: «Богъ мнѣ сказалъ: я отдаю Темучину всю землю и называю его Чингисъ-ханомъ!» Этого мужа называли Тубутъ-тангри; Оппертъ говоритъ впрочемъ, что текстъ изложенъ такъ не ясно, что имя это можно отнести и къ самому Чингисъ-хану. У Мирхонда: При этомъ празднествѣ явился монахъ But Tyngry; онъ далъ имя Чингисъ-хану. У Абульгази: Ce qu'il y eut de particulier en cette solemnité, c'est qu'un certain Cokza surnommé l'Image de Dieu, fils du premier lit de Menglik—Iskâ issu de la tribu des Cunachmars beau père de Zingis-Chan, vint trouver ce prime appelé jusque la Tamuzin et lui declara etc (Oppert, Presb. Joh., 66).

Въ грузинской исторіи царевича Вакухта: Когда Темурчи соединилъ татаръ подъ своей рукой, явился необыкновенный человѣкъ изъ фамиліи Theghthoun, который пришелъ къ хану и сказалъ ему: «Я ходилъ на гору Baliq, гдѣ услышалъ голосъ божій, который говорилъ: «Я отдамъ Темурчи и его войскамъ всю землю; онъ долженъ называться Чингисъ-ханъ!» Говорятъ также, что принцъ самъ ходилъ на высокую гору, гдѣ Господь І. Х. предсталъ предъ нимъ, научилъ его правдѣ, истинной религіи, чистотѣ нравственной, правотѣ, страху предъ ложью, воровствомъ и всякими преступленіями и прибавилъ: «Если ты соблюдешь эти правила, я отдамъ тебѣ и твоей расѣ всю землю; иди и подчини всѣ страны». Впослѣдствіи, ставъ ханомъ, Чингисъ пошелъ въ Китай, гдѣ изъ любопытства вошелъ въ христіанскую церковь. Увидѣвъ образъ Спасителя, онъ тотчасъ же поклонился ему и сказалъ: Вотъ человѣкъ, котораго я видѣлъ на горѣ Tchin! такія же черты! это онъ, который научилъ меня всему тому, что прилично дѣлать» (Histoire de la Georgie, par M. Brosset, p. I и II, p. 448).

Въ армянской исторіи инока Магакіи XIII в. переданъ этотъ эпизодъ такъ: Монголы пребывали въ бѣдности, не имѣли богослуженія, имѣли только войлочныхъ идоловъ для гаданія, но ихъ осѣнила здравая мысль, они пожелали жить по заповѣдямъ Творца. Тогда имъ явился ангелъ въ видѣ орла златокрылаго, и призвалъ ихъ начальника, который назывался Чангызъ. Этотъ сталъ передъ орломъ на разстояніи брошенной стрѣлы. Тогда ангелъ въ видѣ орла передалъ Чангызу заповѣди Бога на словахъ: любить другъ друга; не прелюбодѣйствовать; не красть; не лжесвидѣтельствовать; не предавать; уважать старшихъ и нищихъ. Давъ эти наставленія, ангелъ назвалъ начальника кааномъ и съ тѣхъ поръ онъ началъ называться Чангызъ-кааномъ. И повелѣлъ ему ангелъ господствовать надъ многими областями и странами (Паткановъ, Исторія инока Магакіи, Спб., стр. 4).

Ср. также разсказъ Сананъ-сэцэна о пріѣздѣ хутукты Sodnam rGjamtso въ Ордосъ къ Алтанъ-хану туметскому. Алтанъ-ханъ обомлѣлъ, когда увидѣлъ хутукту; на вопросъ хутукты о

Digitized by Google

причинѣ его удивленія Алтанъ-ханъ разсказалъ, что въ прежнее время онъ былъ боленъ болѣзнью ногъ, которая называется толай; какъ средство унимать боль, ему рекомендовали класть ноги въ разрѣзанный животъ свѣжеубитой лошади. Когда ханъ сдѣлалъ этотъ опытъ, боль усилилась, онъ невольно взглянулъ вверхъ и увидѣлъ на небѣ бѣлаго человѣка, который ему сказалъ: «ханъ какъ ты сильно грѣшишь!» и исчезъ. Теперь ханъ убѣдился, что этотъ бѣлый человѣкъ былъ не кто иной, какъ хутухта Соднамъ Джямцо (Gesch. d. Ost. Mong., 229).

Шаманъ Бутъ-тэнгри или Тѣбъ-тэнгэри и у Рашидъ-эддина и въ Юань-чао-ми-ши принадлежитъ къ поколѣнію Ханъ-хотанъ; Рашидъ-эддинъ (I, 158) объясняетъ это имя преданіемъ, что предокъ этого поколѣнія былъ большеносый. Но это объясненіе не совпадаетъ съ лексическими данными; г. Березинъ поэтому догадывался, что такое объясненіе намекало на монгольское слово хоттунъ, «пеликанъ» (Труды Вост. Отд. И. Арх. Общ., ч. V. стр. 284). У Абульгази (Histoire des Mogols et des tatares par Aboul-ghazi, trad. Desmaisons, Spb., 1874, p. 54) вмѣсто Рашидъ-эддиновскихъ хонъ-хотановъ стоитъ Qong qomâr; Абульгази даетъ слѣдующую этимологію: qong значитъ «большой»; теперь большая ворона назыв. qong-qarga. Qomâr значитъ «носъ». Предокъ Конгкомаровъ имѣлъ большой носъ и ему дали прозвище Конгъ-комаръ.—«Большой» на языкѣ хамійскихъ тюрковъ—чонъ; «носъ» по монгольски хамаръ, на языкѣ широнголовъ кабаръ (въ Саньчуани) или хаваръ (въ округѣ города У-янъ-бу).

Хотанскій раганъ, засыпанный пескомъ, можетъ быть есть вѣстникъ объ угрожающемъ истребленіи, пришедшій спасти одного благочестиваго. Это можетъ быть самъ тотъ богъ, статуя котораго стояла въ городѣ и пользовалась уваженіемъ только одного спасеннаго раганомъ. Въ южной Сибири гибель аринскаго племени предупреждается змѣей (Миллеръ, Сибир. Ист., стр. 40). Змѣя учитъ аринца, которому она благоволитъ, обложить свой домъ золой; это и спасаетъ его отъ избіенія. Въ сказаніи о Рахѣ у Садовникова (Сам. ск. и пред., № 99, вар. б) сатана сообщаетъ Раху, что черти боятся богородской травы. Рахъ обкладываетъ свой домъ богородской травой и избѣгаетъ погибели. Ср. Гулагу, чтобы спасти аргуновъ отъ гибели при взятіи Багдада, научаетъ ихъ выставить у своихъ домовъ знаки (Marco Polo, by colonel Youl, vol. I, p. 280). О китайскомъ праздникѣ у-ѣ-танъ-ву см. ч. I, стр. 9; Annales du Musée Guimet, Paris, T. XII, p. 333. О празднованіи юрюсъ-сара (въ концѣ мая или началѣ іюня) у волжскихъ калмыковъ см. у Нефедьева, Подробн. свѣд. о волжск. калм., Спб., 1834 стр. 164; хурулы и кибитки украшаются зеленью изъ травы и древесныхъ вѣтвей. У Кеппена: ürüs ssara (Koeppen, Die Religion des Buddha. Berlin, 1857, Band I, S. 577); у Банзарова: урусъ-сара (Черная вѣра. Спб. 1891, 38).

Въ сказкѣ объ Эрдени-Хараликѣ, переведенной Шмидтомъ и упомянутой выше, отецъ несчастной царевны называется Tegus Tsoktu; у Сананъ-Сэцэна (Gesch. d. Ost. Mong., S. 15) упоминается царь Tsoktsassun-Dschiruken, у котораго сынъ Erdeni-ssara. Въ Ордосѣ одинъ монголъ именемъ Тогусъ-чокту назвалъ мнѣ того вора, который укралъ у Чингисъ-хана золотой приколъ (см. ч. I, стр. 123, и ниже, № 56); имя Тогусъ-цзокту встрѣчается и въ гимнѣ въ честь Чингиса, который я слышалъ въ Ордосѣ и который вѣроятно шаманскаго происхожденія. Въ монгольскомъ варіантѣ Гэсэра (Die Thaten, 3—6) Tegüs Tsoctu младшій сынъ Хормусты, братъ средняго, спустившагося на землю подъ именемъ Гэсэра. Дорджи Банзаровъ (Черная вѣра, Спб, 1891, стр. 21), указываетъ на существованіе книги, въ которой описывается жертвоприношеніе въ честь горы: Тегусъ-цзокту Монахана (т. е. Муни-улы, къ сѣверу отъ Ордоса).

---

24. БОЛЬНАЯ ДОЧЬ.

(Монгольскій).

Два бѣдныхъ человѣка шли съ котомками на плечахъ собирать милостыню. Они остановились въ одномъ пустомъ суме (храмѣ) ночевать. Къ этому суме собрались тигръ, лисица, волкъ и ворона (хире). Тигръ спрашиваетъ лисицу: «Ты куда завтра побѣжишь?» Лисица говоритъ: «У одного бѣднаго человѣка заболѣла дочь.

Digitized by Google

Множество ламъ приглашено и дѣлаютъ четыре балина [1]), на каждую сторону свѣта по балину. Тамъ много будетъ заколото жирнаго скота на угощеніе ламъ и я туда побѣгу». Волкъ спрашиваетъ у вороны: «Отчего заболѣла дѣвица и есть ли какое средство вылечить ее?» Ворона говоритъ: «Два читкура сидятъ въ землѣ около дома богатаго человѣка. Одинъ сидитъ къ западу отъ дома. Тутъ есть дерево, подлѣ него камень. Если поднять этотъ камень, то потечетъ чистая вода, которую можно пить; а люди богатаго человѣка ходятъ теперь далеко за водой. Къ сѣверу отъ дома есть другое дерево, а подлѣ него ростокъ молодого дерева; если этотъ ростокъ (соё) выкопать, то въ землѣ откроется зеленая пунце (ногонъ пунце). Это и есть другой читкуръ. Тогда болѣзнь дѣвицы прекратится». Выслушавъ этотъ разговоръ, двое нищихъ пошли утромъ къ богатому человѣку. Богатый человѣкъ увидѣлъ ихъ издали, велѣлъ ихъ пригласить и угостить. Нищіе спрашиваютъ: по какому случаю у него такое большое собраніе. «У меня больна дочь, говоритъ онъ, и никакія средства не помогаютъ. Не знаете ли вы средства?» «Знаемъ», говорятъ они. «Отошли только ламъ!» Богатый человѣкъ велѣлъ ламамъ уйдти. Собраніе ламъ пошло прочь, сердясь и ругая нищихъ. Нищіе велѣли копать сначала камень подъ деревомъ на сѣверозападѣ; большой ключъ побѣжалъ изъ-подъ камня. «Какіе сильные (кичу) люди!» вскричали подданные богатаго человѣка. Потомъ нищіе велѣли выкопать ростокъ на сѣверѣ. Какъ только выкопали зеленую пунце, такъ болѣзнь дѣвицы и прекратилась. Богатый человѣкъ далъ нищимъ тысячу ланъ и подарилъ имъ всякихъ вещей.

Очиръ, ордосскій монголъ хошуна дзасыка.

---

25. ХРОМОЙ ГУСЬ.

(Монгольскій).

Жили свекровь со снохой. Свекровь увидѣла гуся съ подшибленной ногой; стоитъ гусь на одной ногѣ. Она взяла его и стала кормить. Выкормила гуся и больная нога у него выздоровѣла. Женщина выпустила гуся на волю. Гусь закричалъ: куаръ! куаръ! «Что онъ кричитъ?» думаетъ свекровь. «Вѣрно онъ боится въ дорогѣ голоду». Она навязала ему на шею узелокъ съ зерномъ. Гусь улетѣлъ. Черезъ три года онъ возвратился и закричалъ: куаръ! куаръ! Свекровь говоритъ: «А, это наша птица кричитъ!» Впустила птицу. Гусь вошелъ и положилъ на столъ узелокъ. Развернула свекровь узелокъ, а въ немъ золото. Сноха думаетъ: «Гусь за то, что свекровь кормила его, принесъ ей золота. Дай, я покормлю его! онъ и мнѣ принесетъ.» Но ея мысли были дурныя. Она зашибла ногу гусю и поймала его; стала кормить и выкормила; нога зажила. Гусь закричалъ: куаръ! куаръ! Она привязала ему на

[1]) Балинъ — лѣпная фигура изъ тѣста, подносимая буддистами въ жертву богамъ.

Digitized by Google

шею узелокъ съ зерномъ и отпустила. Черезъ три года гусь вернулся и закричалъ: куаръ! куаръ! Сноха открыла узелокъ, висѣвшій у него на шеѣ. Въ немъ одна зола.

Лама-гебкуй изъ монастыря Лачжа-суме въ Сань-чуани; родомъ Барга-солонъ [1]).

26. КОЗЕЛЪ (УХАНА).

(Монгольскій).

Нѣкогда былъ богатый человѣкъ. Повадился къ нему тигръ; верблюдовъ, лошадей, коровъ, овецъ, всѣхъ ѣстъ. Хозяинъ отправилъ на дорогу, по которой приходилъ тигръ, одного верблюда самца, одного жеребца, одного пороза, одного барана и заказалъ имъ, какъ говорить съ тигромъ. Верблюду сказалъ: «Если къ тебѣ придетъ тигръ и спроситъ: ты кто? ты отвѣчай: я ханъ верблюжій!» Жеребцу сказалъ: «Если къ тебѣ придетъ тигръ и спроситъ: ты кто? ты отвѣчай: я лошадиный ханъ!» Коровѣ сказалъ: «Если тебя спроситъ тигръ: ты кто? ты отвѣчай: я коровій ханъ!» И барану сказалъ: «Если тебя спроситъ тигръ: ты кто? ты отвѣчай: я овечій ханъ!» Потомъ богатый человѣкъ спрашиваетъ козла: «Ты гдѣ станешь?» Козелъ говоритъ: «Я самъ найду мѣсто стать! Ты не безпокойся!»

Тигръ подошелъ къ верблюду и спрашиваетъ: «Ты кто?» Тотъ (испугавшись) отвѣчаетъ: «Я верблюжій верблюженокъ!» Тигръ съѣлъ его. Подошелъ къ лошади и спрашиваетъ ее: «Ты кто?» Лошадь (испугавшись) отвѣчаетъ: «Я лошадиный жеребенокъ!» Тигръ съѣлъ ее. Подошелъ къ порозу и спрашиваетъ: «Ты кто такой?» Порозъ, испугавшись, отвѣчаетъ: «Я коровій теленокъ». Съѣвши его, тигръ подошелъ къ барану и спрашиваетъ: «Ты кто такой?» Баранъ, испугавшись, отвѣчаетъ: «Я овечій ягненокъ!» Тигръ съѣлъ его.

Затѣмъ тигръ пришелъ къ козлу. Спрашиваетъ: «Ты кто такой?» Козелъ не испугался и отвѣчаетъ: «Я небесное ружье, земная пушка!» Тигръ опять спрашиваетъ: «У тебя что на головѣ торчитъ?» Козелъ говоритъ: «Это у меня два ножа, которыми я убиваю тигровъ!» Тигръ опять спрашиваетъ: «А это что у тебя за мѣшокъ, болтающійся подъ брюхомъ?» Козелъ говоритъ: «А это мѣшокъ съ солью, которою я солю тигрово мясо, когда ѣмъ его!» Услышавъ эти слова, тигръ испугался. Поднявшись, тигръ пустился бѣжать. Козелъ за нимъ сзади погнался. Тигръ забѣжалъ на ледъ; козелъ на льду поскользнулся и упалъ. Его тазовая кость изломалась; подняться не можетъ. Посыпались изъ него хорголы [2]). Козелъ говоритъ: «Эхъ, мои четки разсыпались! Если бъ не это (несчастье), поймалъ бы я тигра и съѣлъ его!» Тигръ убѣжалъ, а козелъ сталъ жить счастливо.

Пунсукъ, ордосскій монголъ хошуна Ушинъ.

---

[1]) Изъ окрестностей г. Хайлара въ сѣверной Монголіи.
[2]) Хорголъ—овечій и козій пометъ.

Digitized by Google

II.

ЛЕГЕНДЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

27. а. ДЖУ-РЕМБУЧИ.

(Тангутскій).

Въ Лассѣ былъ царь (джаву) Сунсэръ-гамбу [1]); у него былъ совѣтникъ Оки-гари-тамба. Въ то время у китайскаго царя была дочь. Оки-гари-тамба говоритъ Сунсэру: «Нужно взять дочь китайскаго царя за тебя замужъ». Сунсэръ согласился и Оки-гари-тамба поѣхалъ въ китайскую землю. Китайскій царь не хочетъ разстаться со своей дочерью и говоритъ совѣтнику тибетскаго царя, что у него нѣтъ дочери. Оки-гари-тамба не знаетъ, какъ найдти спрятанную царевну. Подъ городской стѣной жила старуха; она поставила на стѣну чашку съ водой, надѣла на лицо рѣшето, взяла въ губы длинную мѣдную трубу и сказала Оки-гари-тамбѣ: «У царя во дворцѣ тысяча прекрасно одѣтыхъ дѣвицъ, но все это дочери вельможъ; одна изъ нихъ въ старой черной шелковой одеждѣ съ цвѣтами по шелку; отъ нея выходитъ ароматъ. Это и есть истинная дочь царя». Оки-гари-тамба говоритъ китайскому царю: «Ты собери всѣхъ дѣвицъ и если я среди ихъ узнаю царевну, то ты долженъ отдать ее мнѣ; если не узнаю, не отдавай!» Царь согласился и собралъ дѣвицъ; Оки-гари-тамба указалъ на дѣвицу въ черномъ шелковомъ платьѣ, какъ на настоящую царевну. Царь говоритъ: «Нѣтъ, не отдамъ тебѣ дочь! ты не самъ узналъ ее, а кто-то тебя научилъ!» Царь собралъ ученыхъ людей; тѣ подумали, посудили и сказали: «Выдалъ тайну человѣкъ съ мѣднымъ ртомъ, съ тысячью глазъ, сидѣвшій подъ горой, на которой есть озеро». «Гдѣ же бываютъ люди съ мѣдными ртами и тысячью глазами!» воскликнулъ осердившійся царь и велѣлъ казнить ученыхъ людей. Царь собралъ другихъ ученыхъ людей и велѣлъ имъ опять разыскивать выдавшаго тайну. Тѣ поискали въ своихъ книгахъ и повторили слова казненныхъ: «Сказалъ человѣкъ съ мѣднымъ ртомъ съ 1000 глазъ, сидѣвшій подъ горой, на которой есть озеро». Царь подумалъ: «Должно быть это правда; если бъ

---

[1]) Къ этому началу разсказчикъ сдѣлалъ небольшое разъясненіе: Сунсэръ-гамбу былъ царемъ въ Уй-цзанѣ (долина Яру-цзампо), а страною и народомъ Эмдо, которые простирались на сѣверъ до Утай-шаня, правилъ гэгэнъ Цадуръ-рембучи или Цадуръ-намугэнъ, который жилъ въ нынѣшнемъ Джони (на р. Тао-хэ). Имя Намугэнъ считается неприличнымъ, и потому чаще зовутъ этого гэгэна именемъ Цадуръ-рембучи. Въ настоящее время въ Джони воплощенія этого гэгэна нѣтъ.

Digitized by Google

это была выдумка, то вторые, зная, что ихъ предшественники казнены, не сталибы повторять ихъ слова». Онъ позвалъ Оки-гари-тамбу и объявилъ ему, что отдаетъ за тибетскаго царя свою дочь. Собирая её замужъ, царь спросилъ, что она желаетъ получить въ приданое. Дочери не хотѣлось ѣхать въ тибетскую землю. Она отвѣчала отцу: «Ни золота, ни серебра, ни драгоцѣнностей я не желаю; дай мнѣ только солнце, луну и звѣзды съ неба и весь шелкъ, который хранится въ твоей казнѣ». Царь призвалъ Оки-гари-тамбу и говоритъ: «Моя дочь проситъ въ приданое невозможнаго; она проситъ солнце, луну и звѣзды съ неба и весь шелкъ, какой есть въ моей казнѣ. Шелкъ я могу отдать; это въ моей власти; но какъ я могу достать солнце, луну и звѣзды съ неба? А дочь моя безъ этого подарка не ѣдетъ изъ моего царства». Оки-гари-тамба говоритъ царю: «Я придумалъ средство, какъ это устроить. Сдѣлай золотое солнце, похожее на настоящее солнце; сдѣлай серебряный мѣсяцъ, похожій на настоящій мѣсяцъ и уложи ихъ въ красные ящики; сожги шелкъ и золу тоже ссыпь въ красный ящикъ и все это отдай дочери и скажи, что тутъ по пріѣздѣ въ землю тибетскаго царя она все найдетъ: и солнце и луну и шелкъ». Такъ царь и сдѣлалъ. Оки-гари-тамба получилъ царскую дочь и повезъ её въ Тибетъ. Къ сѣверу отъ Шира-хото (мѣстность не далеко отъ Синина и Донкыра) есть мѣстность Рдо-нирда; тутъ есть перевалъ. Когда поднялись на перевалъ, царевна объявила, что она не хочетъ ѣхать далѣе и намѣрена вернуться домой къ родителямъ. Тогда Оки-гари-тамба сказалъ ей: «Что скучаешь о родителяхъ? Знаешь ли ты, какъ они мало о тебѣ думаютъ и заботятся? Посмотри въ своихъ ящикахъ, съ какими фальшивыми подарками они тебя отпустили»! Она раскрыла ящики и увидѣла поддѣльныя свѣтила и золу вмѣсто шелку. «Дурно же они обо мнѣ думали!» сказала царевна и согласилась ѣхать далѣе. Дорогой Оки-гари-тамбѣ пришла мысль не отдавать царевну тибетскому царю, а взять её замужъ за своего сына. Онъ придумалъ хитрость; онъ увѣрилъ царевну, что при дворѣ тибетскаго царя сильно воняетъ и совѣтовалъ ей въ присутствіи тибетскаго царя прикрывать носъ. А прибывъ въ Лассу, сказалъ царю, что привезъ царевну, но что она съ порокомъ, что у нея нѣтъ носа, отчего она постоянно прикрывается рукавомъ. Когда царевну ввели къ царю, она прикрыла носъ, и царь повѣрилъ словамъ Оки-гари-тамбы. Но потомъ царь узналъ, что онъ обманутъ и велѣлъ вырвать глаза у Оки-гари-тамбы.

Когда путники прибыли въ мѣстность Ксэрмыгъ-танъ, недалеко отъ Лассы, Джу-рембучи [1]) вышла встрѣтить богиня Амыръ-тамыръ (которую изображаютъ съ чашей львинаго молока); Джаву-рембучи (такъ тангуты называютъ Далай-ламу) вышелъ на встрѣчу босой и устлалъ путь Джу-рембучи травой кушà; богъ Шихпадорчжи вышелъ также босой и вынесъ чжачу (жидкость для умыванія тѣла).

Послѣ того джаву [2]) Сунсэръ-гамбу задумалъ строить Лассу; тугъ прежде было озеро; на немъ хотѣли утвердить постройку; на поверхность воды клали камни, на

[1]) Рембучи — драгоцѣнность, сокровище.

[2]) Джаву — царь.

Digitized by Google

нихъ песокъ и дерево, и все это тонуло въ озерѣ. Тогда вспомнили объ умномъ человѣкѣ Оки-гари-тамбѣ и два лумбу (вельможи) отправились добывать отъ него совѣтъ. Когда лумбу пришли къ Оки-гари-тамбѣ и объяснили причину, по которой они его разыскали, онъ прежде всего потребовалъ, чтобъ отдали ему его глаза. Лумбу отдали глаза. Тогда онъ спросилъ: «Вы какъ строили до сихъ поръ?» Тѣ сказали: «Сначала клали на воду камни, чтобы на нихъ положить дерево, но вся постройка тонула». Оки-гари-тамба былъ смышленый человѣкъ; онъ говоритъ имъ: «Такъ вамъ никогда не построить! Напередъ нужно насыпать на воду древесный уголь; на него настлать деревьевъ, сверху насыпать песку и камней. Угли будутъ плавать на озерѣ и поддерживать на себѣ камни!» Лумбу ушли въ Лассу и передали слова Оки-гари-тамбы тибетскому царю. Царь велѣлъ дѣлать такъ, какъ научилъ Оки-гари-тамба. Всѣ роды животныхъ, какіе только есть на свѣтѣ, собрались и возили матеріалъ для постройки: песокъ, глину, дерево. Когда постройка была кончена, на стѣнахъ ея, въ благодарность за труды, были нарисованы изображенія всѣхъ содѣйствовавшихъ постройкѣ животныхъ, но забыли изобразить быка. Быкъ обидѣлся и, чтобы отмстить эту обиду, возродился въ видѣ царя (джаву) Ландэра. У этого царя были бычьи рога, но онъ скрывалъ ихъ и никто не зналъ объ этомъ. А тѣхъ, кто приходилъ брить волосы на головѣ царя, царь приказывалъ казнить. Очередь брить досталась одному мальчику, единственному сыну у матери. Отправляясь къ царю, мальчикъ попросилъ мать сдѣлать ему булку, замѣшанную на ея молокѣ. Брея царя, мальчикъ вынулъ изъ за пазухи свою булку и закусилъ. Джаву-Ландэръ спросилъ его: «Что ты ѣшь?» «Ѣмъ сладкую булку, замѣшанную на сахарѣ!» отвѣчалъ мальчикъ. «Дай, я отвѣдаю!» сказалъ царь. Мальчикъ далъ булку царю. Царь отвѣдалъ и говоритъ: «Да это вовсе не вкусно! Что это такое?» «Это булка, сказалъ мальчикъ, замѣшанная на молокѣ моей матери». «Ойя!» вскричалъ царь. «Я ѣлъ молоко твоей матери! Теперь ты мнѣ братъ. Я не могу тебя казнить. Я не убью тебя, но ты никому не сказывай, что видѣлъ на моей головѣ бычьи рога». Мальчикъ пошелъ отъ царя прочь. И такая разбираетъ его охота разсказать, что у царя Ландэра на головѣ есть бычьи рога, что терпѣть не можетъ. Онъ вырылъ яму въ землѣ, нагнулся и сказалъ въ яму: «У царя Ландэра бычьи рога на головѣ». Пахнулъ вѣтеръ и подхватилъ слова: «У царя Ландэра бычьи рога на головѣ». Отъ вѣтра заколебалось дерево и листья его залепетали: «У царя Ландэра бычьи рога на головѣ». Скоро всѣ звѣри и всѣ люди узнали объ этомъ. Народъ собрался, чтобъ обсудить, какъ быть, какъ извести царя. Къ народу вышелъ гешю (лама) Салунъ-хоръ-дорчжи и сказалъ: «Сколько бы вы ни посылали противъ царя Ландэра войска, вамъ не извести его. Пустите меня, можетъ быть я одинъ его убью. А если онъ меня убьетъ, не жалѣйте меня!» Гешю надѣлъ на себя шелковое платье съ большими рукавами, какія надѣваютъ въ чамъ [1]), въ рукава спряталъ лукъ и стрѣлу и, наплясывая, пошелъ во дворецъ. Царь увидѣлъ плясуна; онъ ему понравился и царь велѣлъ позвать плясуна внутрь дворца. Гешю сталъ

[1]) Чамъ — религіозная пляска, совершаемая буддійскими монахами.

Digitized by Google

плясать передъ царемъ и вдругъ вынулъ изъ рукава лукъ, пустилъ въ царя стрѣлу и убилъ его, а самъ бѣжалъ изъ дворца. За нимъ въ погоню бросились два царскіе лумбу. Салунъ-хоръ-дорчжи бѣжалъ въ нынѣшнюю саларскую землю; здѣсь, между деревнями Цзонтонъ (Дондонъ) и Та-са-пу, на берегу Желтой рѣки, есть слѣдъ, гдѣ сидѣлъ Салунъ-хоръ-дорчжи [1]). Здѣсь его догнали тибетскіе лумбу, но онъ бѣжалъ на озеро Шинъ-ся-норъ [2]). Около этого озера есть пещера. Гешю спрятался въ ней. Когда лумбу подошли къ пещерѣ, они увидѣли, что входъ въ неё затканъ паутиной паука. Они сказали: «Очевидно его нѣтъ въ этой пещерѣ; если бъ онъ вошелъ въ неё, то паутина не была бы цѣлою». И они отправились искать его въ другомъ мѣстѣ. А Салунъ-хоръ-дорчжи обратился въ бурхана, который и теперь находится въ пещерѣ.

Ами-Салунъ, тангутъ изъ мѣстности Дуй.

---

6. НОГОНЪ-ДАРИХЭ.

(Монгольскій).

Тибетскій царь Юнло-донжу узналъ, что у китайскаго хана есть красивая дочь Ногонъ-дарихэ и послалъ своего вельможу (лумбу) Гвардамбу привезти ее. Лумбу Гвардамба отправился въ китайскую землю; пріѣзжаетъ въ столицу китайскаго хана и проситъ его отдать дочь за тибетскаго царя. Ханъ согласился, вывелъ передъ Гвардамбой Ногонъ-дарихэ вмѣстѣ съ 20 ея подругами (смджи), всего 21 дѣвицу и предложилъ ему узнать, которая изъ этихъ дѣвицъ царевна. «Если узнаешь», говоритъ ханъ, «отдамъ тебѣ свою дочь, а не узнаешь, не отдамъ». Гвардамба не можетъ узнать. У Ногонъ-дарихэ была служанка (болъ кухунъ); она была жадная до серебра. Лумбу Гвардамба сталъ просить ее разсказать, какъ узнать Ногонъ-дарихэ, обѣщая за это наградить ее серебромъ. Служанка говоритъ ему, что она сказала бы, но боится, потому что у китайскаго хана есть такія ворожеи (джурхайчи), что сейчасъ откроютъ, кто указалъ Ногонъ-дарихэ. Лумбу Гвардамба сказалъ ей, что бояться нечего, что онъ придумалъ хитрость, посредствомъ которой можно обмануть джурхайчіевъ. Онъ посовѣтовалъ ей спуститься въ яму, въ которой обыкновенно хранятъ зимой овощи, на голову надѣть желѣзный шлемъ (толга), на ноги желѣзные сошники, въ ротъ взять мѣдную бурй (трубу), на плеча накинуть шкуру птицы съ крыльями и въ этомъ видѣ черезъ трубу выдать тайну о царевнѣ. Служанка все такъ и сдѣлала, и черезъ трубу разсказала лумбу Гвардамбѣ, въ какомъ платьѣ Ногонъ-дарихэ, какое у ней лицо, волосы,

[1]) Другое преданіе этотъ же слѣдъ приписываетъ богатырю Кусэрю; см. ниже № 72, а также I часть этого изданія, стр. 176.

[2]) Озеро лежитъ къ югу отъ Дондонской тѣснины на Желтой рѣкѣ; см. I часть, стр. 177.

Digitized by Google

глаза и пр. Тогда лумбу Гвардамба указалъ хану, которую изъ 21 дѣвицъ онъ желаетъ взять. Ханъ осердился и велѣлъ созвать всѣхъ джурхайчи, чтобъ они посмотрѣли въ свои книги. Тѣ посмотрѣли и говорятъ: «Сказалъ о Ногонъ-дарихэ человѣкъ, имѣющій желѣзную голову, птичье туловище, желѣзные башмаки и мѣдный клювъ и живущій въ ямѣ» (тумуръ тулогойтей джесь хоншуутей шибо біитей тумуръ шяхатай). «Гдѣ же бываютъ люди такого вида»? сказалъ ханъ. «Все лгутъ ваши книги! Сожгите ихъ въ огнѣ»! Книги бросили въ огонь и сожгли. Ханъ отдалъ Ногонъ-дарихэ лумбу Гвардамбѣ и тотъ повезъ ее къ тибетскому царю (тубутенъ-ханъ). Дорогой лумбу Гвардамба говоритъ китайской принцессѣ: «Тибетскій царь, его вельможи и народъ ѣдятъ много мяса и сала и потому всѣ воняютъ; когда войдешь къ царю, закрывай носъ»! А пріѣхавъ въ столицу тибетскаго царя, сказалъ ему, что царевну привезъ, но она съ изъяномъ; китайскій ханъ и его народъ ѣдятъ много овощей и овощной червь (ногонъ хоргай) отъѣлъ у царевны носъ. Гвардамба думалъ, что царь откажется взять безносую царевну; онъ захотѣлъ взять царевну замужъ за своего сына. Привели Ногонъ-дарихэ къ царю; та закрываетъ носъ рукавомъ. Царь, оставшись наединѣ съ царевной, спрашиваетъ ее, отчего у ней нѣтъ носа. Царевна говоритъ, что у нея есть носъ. Царь попросилъ показать и она отняла рукавъ отъ лица. Тогда царь увидѣлъ передъ собой удивительную красавицу. Онъ осердился на лумбу Гвардамбу за то, что тотъ хотѣлъ обмануть его, велѣлъ натереть ему глаза солью и сослать въ ссылку съ отцомъ, матерью и всей семьей въ тѣ мѣста, гдѣ нынѣ Хуху-норъ.

Женившись на Ногонъ-дарихэ, тибетскій царь задумалъ построить Менгу-джу въ странѣ Уй-сынъ [1]); три года возводили зданіе, но оно упало; не могли придумать средства, какъ укрѣпить стѣны. Тогда умные ламы (ихи эрдемтай лама) подумали: «Въ странѣ Амдо вѣроятно найдется художникъ (мергенъ), который съумѣетъ построить Менгу-джу». Они пошли въ Амдо молиться амдосскимъ богамъ; но сколько ни молились, не могли ничего узнать. Тогда они вспомнили, что въ Амдо былъ сосланъ хитрый лумбу Гвардамба. Они пошли къ нему; онъ жилъ въ одиночествѣ и бѣдности. Вошли ламы въ палатку лумбу Гвардамбы и обмѣнялись трубками. Лумбу Гвардамба спрашиваетъ ихъ: «Куда ходили»? «Ходили въ Амдо молиться богамъ», отвѣчаютъ ламы. «Что, не слыхали ли, построили или нѣтъ Менгу-джу»? опять спрашиваетъ лумбу Гвардамба. «Нѣтъ», отвѣчаютъ ламы. «Три года строили стѣны и онѣ упали». «Да и не построить», говоритъ Гвардамба, «потому что на этомъ мѣстѣ находится пупъ моря» (далаинъ куйсынъ). «А есть ли какое-нибудь средство построить Менгу-джу»? спрашиваютъ ламы. «Есть. Нужно возить камень, глину и лѣсъ на сивомъ быкѣ и покропить молокомъ бѣлой козы». Ламы пошли прочь. Дорогой они увидѣли брошеную худую бычью подпругу (олынъ); они были бѣдные люди, подобрали подпругу и сдѣлали изъ нея перевязь черезъ плечо, чтобы легче нести свой запасъ. Когда они ушли, лумбу Гвардамба спохва-

[1]) Монголы именемъ Менгу-джу, «вѣчнымъ джу» зовутъ Лассу или Поталу; Уй-сынъ, правильнѣе Уй-цзанъ, та тибетская провинція, къ которой находится Ласса.

Digitized by Google

тился, что онъ выдалъ тайну, которую не слѣдовало бы выдавать. Онъ говоритъ своему сыну, который пасъ отцовскій скотъ: «Бѣги скорѣе и догони ламъ, которые были у меня въ гостяхъ. Они вынули изъ меня мой умъ и унесли его. Убей ихъ и возврати мой умъ (олу)!» Юноша догналъ ламъ и говоритъ: «Вы украли нашу подпругу» (олынъ). Ламы говорятъ ему: «Мы не украли; а увидѣвъ её на степи, подумали, что она брошена, какъ негодная, и подобрали. Возьми, если она тебѣ нужна». Сынъ лумбу Гвардамбы вернулся съ подпругой къ отцу. Тотъ спрашиваетъ: «Что, видѣлъ ламъ?» Видѣлъ. «Убилъ ихъ?» Нѣтъ. «Ахъ, зачѣмъ же ты не убилъ ихъ?» Молодой человѣкъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ ихъ убивать? Они бѣдные и несчастные люди, при томъ же подпругу отдали назадъ. Да и что стоитъ подпруга? простая веревка! серебра вѣдь на ней нѣтъ!» И самъ при этомъ подумалъ: «Что сталось съ моимъ отцомъ? онъ старъ, глазъ нѣтъ, а дума у него злая!» Лумбу Гвардамба говоритъ сыну: «Ты ничего не знаешь! Они вынули изъ меня мой умъ; теперь они построятъ Менгу-джу. Собирай скорѣе скотъ, коровъ, овецъ, лошадей и погонимъ отсюда прочь. Теперь здѣсь нельзя жить; здѣсь выступитъ вода». Они собрали скотъ и погнали; между тѣмъ начала выступать вода. На мѣстѣ, гдѣ жилъ лумбу Гвардамба, образовалось озеро; оно теперь называется Хуху-норъ. Тибетскому царю удалось наконецъ построить Менгу-джу, благодаря открытію средства. Покропили молокомъ бѣлой козы и начали возить камни, глину и лѣсъ на сивомъ быкѣ. Построивъ Менгу-джу, сказали ёроль бѣлой козѣ, молокомъ которой кропили, а сивому быку ёроль сказать забыли. Сивый быкъ (хуху-буха) осердился и упрекнулъ ламъ: «Я возилъ камни, возилъ глину, возилъ лѣсъ, шерсть съ меня свалилась, спина моя стерлась, а вы забыли меня. Смотрите же, я отомщу за себя; возрожусь сыномъ тибетскаго царя и перебью всѣхъ ламъ.» И дѣйствительно впослѣдствіи душа быка возродилась въ царѣ Ландармѣ, который гналъ и убивалъ ламъ.

Санданъ-джимба, родомъ широнголъ изъ Сань-чуани [1]).

в. МЕНГУ-ДЖУ.

(Монгольскій).

Построили Менгу-джу, но она упала. До трехъ разъ её строили и она все падала. Наконецъ кто-то сказалъ, что только одинъ Ха-тамба-лама знаетъ, какъ построить Менгу-джу. Пошли два человѣка искать Ха-тамбу, пришли къ нему. Хатамба спрашиваетъ: «Куда идете?» «Идемъ домой; ходили на поклоненіе въ Менгу-джу». «Да развѣ построили Менгу-джу?» «Построили». «Э, врете. Менгу-

---

[1]) Старикъ 70 лѣтъ, неграмотный; варіантъ Санданъ-джимбы, суди потому, что каламбуръ составленъ изъ слова «подпруга», заимствованъ имъ у тангутовъ.

Digitized by Google

джу нельзя построить. Только я одинъ знаю секретъ, какъ ее построить». «А въ чемъ этотъ секретъ заключается», спрашиваютъ тѣ два человѣка. «Нужно, говоритъ Ха-тамба, сдѣлать сэтэромъ [1]) бѣлаго козла и на сивомъ быкѣ навозить земли на поверхность моря» (далай). Два человѣка, выслушавъ секретъ, ушли. Послѣ того легко было выстроить Менгу-джу. Выстроили, сдѣлали пиръ (хоринъ), а сиваго быка (хуху буха) на пиру и забыли. Быкъ тогда сказалъ: «Я, возивши песокъ на озеро, испортилъ себѣ спину, а вы меня забыли. За это я три вѣка (уй) буду вредить вамъ и разрушать желтую вѣру» (шара шаджинъ). И онъ возродился въ видѣ Ландармы, который началъ гнать ламъ и разрушилъ Менгу-джу. Далай-лама и Банченъ-эрдени вновь построили Менгу-джу на горѣ Будала. На вершинѣ Менгу-джу было водружено знамя въ видѣ зонта, окрашенное снизу въ красный цвѣтъ, а сверху въ желтый. Когда Менгу-джу угрожалъ непріятель, знамя такъ выворачивалось или опрокидывалось, что красный цвѣтъ являлся снаружи; тогда народъ заблаговременно узнавалъ, что наступило время войны. Однажды знамя опрокинулось и стало краснымъ; явился гонитель Нинъ-гу-ѣ. Потомъ опять желтая вѣра восторжествовала, но явился Далай-батырь; это было третье воплощеніе сиваго быка. Три раза Менгу-джу было разрушено и три раза возстановлено. Далай-батырь былъ убитъ и кости его похоронены. То мѣсто, гдѣ лежатъ его кости, ежегодно начинаетъ возростать, вспучивается и образуетъ холмъ или скалу; скала движется на Менгу-джу, угрожая погребсти её подъ собою; но каждый годъ въ 29 число 12 луны ламы устраиваютъ балинъ и выросшая скала понижается и мѣстность выравнивается.

Онъ же.

г. НОГОНЪ-ДАРИХЕ.

(Широнгольскій).

У китайскаго Танъ-вана [2]) была дочь Ногонъ-дарихе; свататься за нее пріѣхали пять царей: Гэсэръ-мыгджи-джаву, Тыгзы-норджи-джаву, Пенда-хорджи-джаву и двое другихъ, имена которыхъ разсказчикъ забылъ. Отъ тибетскаго царя сватомъ явился ламба Гвардамба. Царевна не хочетъ идти ни за одного изъ нихъ. Танъ-ванъ, по совѣту лу-гуна (евнуха), чтобы покончить дѣло съ женихами, объявилъ имъ, что онъ за того выдастъ дочь, кто пронижетъ нитку чрезъ отверзтіе въ камнѣ ою (огою, «бирюза»). Отверзтіе или каналъ въ камнѣ былъ просверленъ не прямо, а криво. Всѣ пять царей трудились продѣть нитку въ ою, но никто не могъ. Ламба Гвардамба посадилъ въ отверзтіе паука и началъ на него дуть. Паукъ улѣзъ въ каналъ и вышелъ изъ другого его отверзтія, протащивъ за собою паутину. Танъ-

---

[1]) Сэтэръ—животное, которое посвящается богамъ.

[2]) Т. е. императора династіи Танъ.

Digitized by Google

ванъ удивился уму ламбы Гвардамбы, но все таки не отдалъ ему своей дочери, а вывелъ передъ нимъ двадцать одну дѣвицу, похожихъ одна на другую и велѣлъ угадать, которая изъ нихъ Ногонъ-дарихе. Ламба Гвардамба не зналъ, какъ быть; не можетъ угадать. Служанка царевны говоритъ ему, что она указала бы признаки, по которымъ можно открыть царевну въ толпѣ ея подругъ, но боится; у царя такіе хитрые цзурхайчи, что откроютъ, кто выдалъ тайну. Ламба Гвардамба говоритъ, что онъ знаетъ хитрость, какъ обмануть цзурхайчіевъ. Онъ велѣлъ ей сѣсть въ корчагу (канъ) съ водой, врытую въ землю; у краевъ корчаги расположилъ три камня; въ ротъ ей далъ бишкурь (мѣдную трубу), на ноги надѣлъ сошники, и женщина, черезъ мѣдную трубу, сказала ему: «Въ рукахъ Ногонъ-дарихе всегда есть цвѣтокъ, но онъ невидимъ для людей. Но надъ цвѣткомъ будетъ летать пчела». Тогда ламба Гвардамба пошелъ во дворецъ и показалъ на ту дѣвицу, надъ которой летала пчела. Царь догадался, что кто-то выдалъ тайну, созвалъ цзурхайчи и велѣлъ имъ открыть измѣнника. Цзурхайчи почитали въ своихъ книгахъ и объявили Танъ-вану, что тайну выдала тысячеглазая женщина [1]), имѣющая желѣзныя ноги и мѣдный носъ и сидящая въ морѣ (далай), лежащемъ между трехъ скалъ. Танъ-ванъ сказалъ: «Такихъ людей нѣтъ!» И велѣлъ всѣ цзурхайчіевы книги сжечь. Послѣ этого онъ долженъ былъ отдать царевну ламбѣ Гвардамбѣ, который повезъ её въ Тибетъ. Дорогой онъ задумалъ не отдавать царевну тибетскому царю, а сдѣлать её женой своего сына. Онъ увѣрилъ царевну, что тибетскій царь вонючій, что ей не вытерпѣть его вони, если въ присутствіи его она не будетъ закрывать свой носъ, а царя увѣрилъ, что царевна безносая. Царь увидѣлъ, что царевна закрывается, повѣрилъ Гвардамбѣ и отказался отъ нея. Однажды царь, осматривая строющійся храмъ, увидѣлъ въ зеркало лицо царевны и убѣдился, что его обманули, будто у царевны нѣтъ носа. Онъ осердился на ламбу Гвардамбу и велѣлъ ослѣпить его, заставивъ смотрѣть на отраженіе солнца въ зеркалѣ и сослалъ его въ мѣстность, гдѣ нынѣ озеро Хуху-норъ. Прежде тамъ этого озера еще не было; былъ только колодезь. При ламбѣ Гвардамбѣ былъ одинъ шаби [2]), который ежедневно ходилъ къ колодцу за водой и по совѣту ламбы Гвардамбы, взявъ утромъ воды, каждый разъ прикрывалъ отверстіе камнемъ; въ противномъ случаѣ вода пошла бы черезъ край.

Тибетскій царь началъ строить Менгу-джу и не можетъ докончить постройку. Что ни построятъ, вновь падаетъ. Тутъ вспомнили о великомъ умѣ ламбы Гвардамбы и послали къ нему двухъ вельможъ, переодѣтыхъ нищими ламами, будто бы отправившимися на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Эти вельможи были родомъ изъ Амдо. Мнимые странники обошли всю страну, прошли черезъ Амдо, обошли и всѣ страны, лежащія за предѣлами Амдо, но не нашли ламбы Гвардамбы и грустные возвращались въ Тибетъ. На обратномъ пути они опять проходили черезъ Амдо. Однажды они утомились и, увидѣвъ въ долинѣ палатку, вошли въ неё; въ палаткѣ

[1]) Очевидно въ совѣтѣ Гвардамбы прокинуто рѣшето, которымъ женщина должна была прикрыть свое лицо.

[2]) Шаби—ученикъ.

Digitized by Google

они нашли слѣпого старика (сокуръ ӧбӧгӧнъ); это былъ ламба Гвардамба. Онъ предложилъ имъ чаю и спросилъ, куда они ходили. Они сказали, что они ходили въ разныя мѣста на поклоненіе, были въ Менгу-джу и теперь возвращаются на свою родину въ Амдо. «Развѣ Менгу-джу построили?» Построили, отвѣчали ламы. «Вы говорите неправду. Ее нельзя построить». Ламы однако утверждали, что собственными глазами видѣли Менгу-джу, съ ея золотыми кровлями, и простирались передъ ея золотыми богами. «Нѣтъ, все это не правда, потому что нужно знать хитрость, чтобъ построить Менгу-джу, хитрость, которую я только знаю. Построить ее можно только тогда, если покропить молокомъ бѣлой козы и возить матеріалъ для постройки на сивомъ быкѣ. А развѣ строители все это выполнили?» Напившись чаю, странствующіе ламы ушли. Когда они ушли, только тогда ламба Гвардамба догадался, что это были переодѣтые выспрашиватели, понялъ, что онъ погорячился въ спорѣ и приказалъ своему шаби догнать ламъ и убить ихъ. «Догони и убей ихъ, потому что они унесли мой олу» (умъ)! Шаби догналъ ламъ и говоритъ имъ: «Вы ли были въ палаткѣ моего отца, слѣпого старика и пили чай?» Мы. «Отецъ мой осердился на васъ и послалъ меня съ приказаніемъ убить васъ, потому что вы унесли у него олу». Ламы говорятъ ему: «Мы дѣйствительно, оставивъ палатку, подняли на степи олу (коровью подпругу), и думая, что она брошена за негодностью, взяли её; у насъ износилась веревка, которая служитъ перевязью у ноши и требуетъ замѣны. Но если нужно её, то вотъ возьми её». И отдали подпругу. Шаби отпустилъ ламъ и думаетъ: «какой злой мой бакши! изъ-за старой веревки хотѣлъ убить двухъ людей!» «Убилъ ли ламъ?» спросилъ ламба Гвардамба шаби, когда тотъ вернулся. «Нѣтъ, потому что они возвратили твою подпругу». Въ это время колодезь, изъ котораго шаби бралъ воду, ототкнулся, вода начала заливать долину и ламба Гвардамба бѣжалъ. На этомъ мѣстѣ образовалось озеро, которое теперь называется Хухуноръ. Островъ по срединѣ Хухунора потангутски называется Нсонникъ, т. е. «сердце озера».

Лама Понсокъ, широнголъ, родомъ изъ Саньчуани[1]).

См. ниже разсказъ о Цзонкавѣ и о построеніи монастыря Галдана (№ 39), а также у Сананъ-Сэцэна (Gesch. d. Ost-Mongol., 33 и 39) о построеніи башни въ Scharong-Gassur. Послѣдній разсказъ я записалъ отъ одного хоринскаго бурята Самтана Ирдынеева, вѣроятно вычитанный имъ изъ той же книги, откуда заимствовалъ и Сананъ-Сэцэнъ. Вотъ разсказъ С. Ирдынеева. Въ Непалѣ три субургана: Джарунъ-хашаръ (это же можетъ быть и Гома-сала), Пагвашинъ гунъ и Дагмалуйжинъ. Послѣдній построенъ въ память передачи Буддою своего тѣла тигру. О Джарунъ-хашарѣ такая легенда: Жила одна женщина, у которой было три сына; одинъ сынъ пасъ собаку, другой птицу, третій свинью. Они жили въ достаткѣ. Однажды женщина говоритъ, что она желала бы построить на свой счетъ высокій субурганъ. Ламы доложили о томъ царю Непала (Балбэ); вельможи сказали, что неудобно будетъ позволить простой женщинѣ построить башню, когда царь ие построилъ еще; будутъ говорить въ народѣ, что царь менѣе богомоленъ, чѣмъ простая женщина. Началось преніе по этому предмету между сторонниками царскаго престижа и жен-

---

[1]) Старикъ 68 лѣтъ, живетъ въ монастырѣ Уньчжа-суме; 13 лѣтъ прожилъ въ южномъ Тибетѣ въ монастырѣ Сера, грамотный.

Digitized by Google

щиной и она одержала верхъ. Получивъ разрѣшеніе, она принялась строить субурганъ. Она купила слона и осла; на ослѣ ѣздили, куда было нужно, на слонѣ возили камень и глину. Когда субурганъ былъ возведенъ, спустился богъ Осрунъ-бурханъ, чтобы сдѣлать освященіе. Собрались ламы, начали святить субурганъ; самъ Осрунъ-бурханъ сказалъ благословеніе. При этомъ «тысяча бурхановъ», миниганъ-бурханъ вошли въ субурганъ и вселились въ него. Три сына во время молитвы испросили каждый исполненіе своихъ желаній; одинъ пожелалъ быть царемъ, другой святымъ, третій обладателемъ людей. Первый потомъ родился царемъ Сронцзанъ-Гамбо, второй далай-ламой, о третьемъ разсказчикъ забылъ. Слона и осла не упомянули въ благословеніи; слонъ пригрозилъ потомъ вредить вѣрѣ, а оселъ хотѣлъ помогать ему. И это исполнилось.

Легенда о Джу распадается на двѣ части; одна—разсказъ о привозѣ Джу въ Тибетъ; другая—разсказъ о построеніи Лассы (точнѣе о построеніи монастыря Лабрана [1]) въ Лассѣ) Каждая часть имѣетъ свои варіанты, которые развиваются въ отдѣльныя сказки.

Сначала остановимся на первой части легенды.

Подъ именемъ джу, дзу или цзу у сѣверныхъ буддистовъ извѣстна статуя Будды, сдѣланная изъ сандальнаго дерева во время жизни Будды на землѣ. Сѣверные буддисты насчитываютъ три такихъ дзу; по крайней мѣрѣ столько джу мы можемъ насчитать по книгѣ г. Поздѣева (Очерки быта будд. монаст., Спб., 1887, стр. 45); одна находится въ Пекинѣ, двѣ въ Тибетѣ, въ окрестностяхъ Лассы. О пекинской дзу лѣтъ семь тому назадъ А. О. Ивановскій сообщилъ новыя свѣдѣнія, извлеченныя имъ изъ одной монгольской рукописи (Legende de la statue de Buddha, fait en bois de tchandana, extrait du Muséon, Louvain, 1883).

Китайская легенда о происхожденіи джу разсказываетъ слѣдующее: Когда у Будды умерла мать и возродилась въ странѣ 33 тэгріевъ, Будда послѣдовалъ за нею. Утіяна, король Варанаси, скучая долгимъ отсутствіемъ Будды, просилъ Мутгальвани съ 32 художниками отправиться въ страну тэгріевъ и изготовить статую Будды. Художники сдѣлали статую изъ гоширша, т. е. изъ высшаго сорта сандальнаго дерева. Впослѣдствіи Будда, спустившись на землю своеручно благословилъ статую. Спустя много лѣтъ, статуя была перенесена изъ Индіи въ королевство Ли или Khio-ki (Tcheu-tchi) въ Тибетѣ. Во время китайской династіи Цинъ, китайскій генералъ, завоевавшій нѣкоторыя мелкія королевства въ Индіи, овладѣлъ статуей Будды и отвезъ ее въ Сычуань, заставивъ за статуей слѣдовать пандита Ghoumara-chri. Въ Сы-чуани генералъ узналъ, что императоръ умеръ и въ государствѣ начались смуты. Тогда онъ, по совѣту пандита, перевезъ статую въ городъ Лянъ-чжоу (на р. Ша-хэ). Впослѣдствіи она была перенесена въ Чань-ань (Сиань-фу) и другіе города и наконецъ въ Пекинъ, гдѣ находится и понынѣ.

Разсказъ о тибетскихъ дзу находимъ у Кеппена (Keppen, Die Religion Buddha, II B., Berlin, 1859, S. 62—64). Тибетскій царь Сронцзанъ высваталъ двухъ женъ, китайскую и непальскую царевенъ, «Зеленую и Бѣлую Дара-экз». Послѣдняя согласилась поѣхать въ страну, не просвѣщенную религіей, только подъ условіемъ, если ей позволятъ взять съ собой какой-нибудь чудотворный образъ Будды. Ей это было позволено и она взяла фигуры боговъ и книги. Когда она ѣхала черезъ горы, въ опасныхъ мѣстахъ боги сходили съ вьючныхъ животныхъ и шли пѣшкомъ. Китайская царевна также привезла фигуры боговъ и книги. Для сохраненія святынь двухъ царицъ были выстроены два первыхъ монастыря въ Лассѣ: Лабранъ и Рамоче. Тщетно демоны мѣшали постройкѣ, поднимали воду озера и смывали плоды дневныхъ трудовъ. Статуя Авалокитешвары, возникшая сама собою, испустила лучъ изъ сердца и указала тѣмъ мѣсто для монастыря, а лучъ изъ глаза одного изъ изображеній Будды сожегъ ядовитое дерево, въ которомъ хотѣлись демоны и прогналъ ихъ. Воды также должны были принять другое направленіе и образовали озеро Хухуноръ. Статуи, привезенныя царевнами, называются по тибетски tsch'o, по монгольски dschû. Монастырь Лабранъ китайцы называютъ Ta schao szu (Та-чжао-сы), «храмъ великаго джу»; монголы называютъ его Джу-Эрдэни (S. 334).

И китайская и тибетская легенды связываютъ съ привозомъ статуи исторію введенія буддизма въ странѣ. Монгольская легенда о введеніи буддизма въ Монголіи сложена также сходно съ легендой о привозѣ Джу въ Тибетъ. Абатай-ханъ привозитъ изъ Лассы въ Халху статую бога Гомбугура (Очерки, IV, 332); сходныя черты: узнаваніе подлиннаго лица или предмета въ ряду другихъ съ тожественнымъ внѣшнимъ видомъ, выдача тайны женщиной, мѣры, принятыя къ

[1]) Лабранъ или лабринъ—дворецъ, въ которомъ живетъ гэгэнъ. См. у г. Поздѣева, Очерки быта буддійск. монастырей, Спб., 1887, стр. 484.

Digitized by Google

тому, чтобы вѣщуны не могли открыть виновницу раскрытія тайны, остановка на перевалѣ. По возвращеніи въ Халху, Абатай построилъ для привезенной статуи монастырь, который называется Эрдэни-дзу (Эрдэни-цзао), а въ одномъ изъ записанныхъ нами варіантовъ привезенная статуя называется Эрдэни-дзу. Этихъ чертъ достаточно для доказательства, что одинъ и тотъ же сюжетъ послужилъ основаніемъ для легенды о введеніи буддизма какъ въ Тибетѣ, такъ и въ Монголіи.

Въ лѣтописи Сананъ-Сэцэна (Gesch. d. Ost. Mongol., 253) Галдзаго-Абатай вывезъ отъ Далай-ламы образъ не Гомбугура, а Ваджрапани [1]). О Галдзу-Абуте у Пржевальскаго «Третье Путеш.», стр. 281.

Эрдэни. Эрдэни по монгольски значитъ «драгоцѣнность», то же, что по тангутски рембучи [2]). Кромѣ сказанія объ Абатаѣ, добывающемъ Эрдэни (собственно Эрдэни-дзо или живого бога Гомбугура), тема о добываніи драгоцѣнности (эрдэни) находится еще въ слѣдующихъ монгольскихъ сказаніяхъ. Гыгэръ-Меджитъ вырѣзываетъ эрдэни изъ трупа, который плыветъ по рѣкѣ; обладатель этого эрдэни долженъ стать царемъ (Очерки, II, 156). Въ бурятской сказкѣ объ Анъ-Богдорѣ два мальчика вырѣзываютъ эрдэни изъ плывущаго по рѣкѣ младенца (Очерки, IV, 282). Галданъ, ханъ олетскій, выколупываетъ эрдэни изъ статуи Гомбугура въ монастырѣ Эрдэни-дзу, основанномъ Абатаемъ (Очерки, IV, 410). Въ Очеркахъ же, IV, 401, въ сказкѣ № 118 герой ея добываетъ отъ Оролынъ-читкура цаганъ-эрдэни, вещество, залечивающее раны, и палочку, отъ повертыванія которой падаютъ мертвыми звѣри и люди [3]). Нѣкоторыя подробности этой сказки повидимому вліяли на легенду о монастырѣ Эрдэни-дзу. Такъ въ одной изъ легендъ объ этомъ монастырѣ говорится, что у Галдана, осаждавшаго монастырь, было такое орудіе, отъ повертыванія котораго противники валились мертвыми (Очерки, IV, 410). Другую подробность находимъ въ разсказѣ Жербильона о Галданѣ (Du Halde, Description de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise, tome IV, p. 47—49); Жербильонъ разсказываетъ о ханѣ, который во время похода заболѣлъ оспой и былъ оставленъ въ степи, войско же снялось и ушло. Въ сказкѣ № 118 мальчикъ, герой ея, также оставленъ одинъ на съѣденіе тигру, а остальное войско также уходитъ. Брошенный въ степи, ханъ Жербильона есть Онгонъ, братъ Галдана. Смерть этого-то Онгона, по одному изъ варіантовъ легенды, и послужила причиной нашествія Галдана на монастырь Эрдэни-дзу. Повидимому Жербильонъ записалъ разсказъ, въ которомъ на историческое событіе наносились черты изъ сказки [4]).

Есть сказки, въ которыхъ имя Эрдэни придается не добываемому предмету, а самому герою. Въ сказкѣ № 132 (Очерки, IV, стр. 416) Эртнемергенъ добываетъ, подобно Абатаю, «живого бога», который тутъ названъ Колду-бурханомъ. Въ монхъ «Очеркахъ» въ сказкѣ № 113 (стр. 387) Эртенъ-эргэ образовался изъ нечаянно отрѣзаннаго человѣческаго пальца, завернутаго въ заячью шкурку и положеннаго на мѣстѣ, гдѣ находится цаганъ-онгонъ (Эргэ ср. съ Эркэ-мергеномъ (см. ниже легенду о суркѣ, № 92), который отрѣзываетъ себѣ палецъ). Эртенъ-эргэ добываетъ золотыя крылья птицы Канъ-Кереде. Есть монгольскій разсказъ о самой птицѣ Ханъ-Гариде (Очерки, IV, 182), что она приноситъ дерево дзанданъ (сюжетъ въ родѣ нашего объ орлахъ, приносящихъ камень іакинеъ [5]).

---

[1]) Передавая его, лама сказалъ: «Этотъ образъ божественнаго скиптроносца находился въ одномъ домѣ со многими другими изображеніями Будды; вспыхнулъ огонь и все сжегъ, за исключеніемъ этой иконы, почему она считается очень благословенною».

[2]) Буддійскій терминъ «три драгоцѣнности». по санскритски tri ratna, въ монгольскомъ будетъ гурбанъ эрдэни, въ китайскомъ сань-бао.

[3]) Оролынъ вѣроятно то же, что бурятское Эрлэнъ-ханъ (т. е. Эрликъ-ханъ). Ср. также хорло, «колесо вѣры». Не повліяло ли представленіе вращающагося хорло на созданіе сказочнаго орудія смерти?

[4]) Въ сказкѣ № 95, помѣщенной въ Очеркахъ (IV, 357) отъ Шацгай-хана добывается атбашь-эрдэни, которое все даетъ: вино, молоко, лошадь и пр. Слово атбашь, по тюркски «лошадиная голова», указываетъ на тюркское происхожденіе сказки. Въ сказкѣ № 160 (Очерки, IV, 535) съѣденное крылышко дѣлаетъ двухъ братьевъ счастливыми; одинъ изъ братьевъ получаетъ отъ Шацгай-хана дабу, которая, развертываясь, доставляетъ обѣдъ. Въ сказкѣ № 142 (Очерки, IV, 499) герой добываетъ гурбы-эрдэни, «три драгоцѣнности». Членъ гурбы, гурбанъ не есть ли архаизмъ, который только позднѣе обратился въ числительное «три»? гурбанъ эрдэни не понималось ли, какъ «драгоцѣнность Гурбанъ?».

[5]) Литературу этой темы см. у Youl'я, Marco Polo by Youl, 1874, V. II, p. 349. Разсказы большею частью о діамантѣ или іакинеѣ, у Геродота о cinnamomum. Ср. съ алтайскимъ сказаніемъ о томъ, какъ

Digitized by Google

Шмидтъ перевелъ монгольскую легенду объ Эрдэни-Хараликѣ [1]) (Schmidt, Gesch. d. Ost. Mong., 425—487), который привозитъ послѣ многихъ приключеній дѣвицу D'âkinîs Dschnâna-Goschja, приносящую счастіе странѣ, въ которой она находится. По комментарію самой редакціи, эта сказка есть исторія воплощенія бодисатвы Арья-Бало, т. е. Авалокитешвары, разсказъ о которомъ и о Шантиварманѣ мы привели выше на стр. 117.

Въ другихъ сказкахъ Эрдэни женское имя. Въ сказкѣ Го-Чикиту (Bergmann, Streifereien, IV, стр. 20) именемъ Эрдэне-цэцэкъ [2]) называется царевна, которая вмѣстѣ съ братомъ своимъ терпитъ гоненіе отъ мачихи [3]). Братъ ея называется Го-Чикиту или Ойо-Чикиту. Въ записанныхъ мною варіантахъ (№ 60 въ Очеркахъ, IV, 283) гоненію подвергаются два брата царевичи Эрдэне-абахай-цэцэкъ и Ако-чикты или (№ 60, вар. б, стр. 285) Абахай-цэцэкъ и Шоно-доитъ [4]). Имя абахай чаще всего придается въ сказкахъ дѣвицамъ; такъ въ бурятскихъ и ордосскихъ сказкахъ; цэцэкъ также приличнѣе женщинѣ.

Форма Абахай, кромѣ сказки № 60, встрѣчается еще въ Очеркахъ, IV, въ №№ 114 и 146; въ № 114 Булотъ-хуре стрѣляетъ въ козулю и ранитъ ее, но она обращается въ лебедя и улетаетъ. Это была Абахай-дагине, т. е. небесная дѣва Абахай. Булотъ-хуре ѣдетъ искать ее и находитъ. Начало сказки напоминаетъ урянхайскую о Тунгъ-Каратты-ханѣ, отыскивающемъ улетѣвшую Самбай-дагине (Очерки, IV, 373), дархатскую о Мани-ветыръ-ханѣ, отыскивающемъ улетѣвшую небесную дѣву (ibid., 523) и тибетскую о Суданѣ; послѣднюю можно сближать съ классическимъ миѳомъ объ Ифигеніи (см. Очерки, IV, 921). Въ тибетской сказкѣ упоминается лань; но она не отожествляется съ женщиной, которая и здѣсь, какъ и въ классическомъ миѳѣ, обречена на закланіе. Сказка о Булотъ-хуре ближе къ классическому миѳу тѣмъ, что исчезающая дѣва Абахай является въ видѣ козули и вслѣдъ за выстрѣломъ стрѣлка исчезаетъ. Имя Абахай встрѣчается еще въ сказкѣ № 146 (Оч., IV, 503); это Булгунъ-Абахай-цицинъ, коварная сестра Дзалута-мергена; конецъ сказки похожъ на конецъ сказки № 114. Дочь Вана киреискаго, за которую сватался Чингисъ-ханъ, или которую Ванъ самъ за него хотѣлъ отдать, называлась Ибаху (Юань-чао-ми-ши, 98); у Рашидъ Эддина (I, 100 и 193) Абга-биге или Абага-биге племянница Вана. Не разсказывалось ли о Чингисъ-ханѣ сказки, въ которой онъ игралъ роль Дзалута-мергена, а Ибаху роль женщины Абахай?

Въ монгольской грамматикѣ Бобровникова (Грамм. монг.-калм. языка, 1849, Казань, стр. 352) жена Чингисъ-хана названа Бурте-эртени. Форма Буртэ, Буртӧ встрѣчается также въ разныхъ бурятскихъ преданіяхъ. По однимъ изъ нихъ, Хортонъ, сынъ Хоридоя, принесъ изъ Монголіи въ бурятскую землю онгонъ Буртӧ (Извѣстія Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., т. XIV, № 1—2, стр. 28; Записки того же Отдѣла по этн., т. I, в. 2, стр. 125; Очерки с. з. Монгол., IV, стр. 120; въ послѣднемъ случаѣ Бурытинъ вм. Буртӧ). Въ другомъ бурятскомъ преданіи у Буртэ-убугуна (т. е. у старика Буртэ) было два сына: Хоредой и Хортонъ; оба они бѣжали изъ Монголіи на сѣверъ; затрудняясь взять съ собой дряхлаго отца и жалѣя оставить его въ Монголіи, они отрубили ему голову, повѣсили себѣ за спину и молились ему въ пути, какъ онгону. Этого онгона и теперь дѣлаютъ буряты, рода Хангинъ, ведущіе свой родъ отъ лебедя (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 125). Мы сближаемъ это преданіе съ лѣтописными разсказами о меркитскомъ царѣ Тохта-бики и о татарскомъ ханѣ Тохту; см. ниже примѣчанія къ сказанію о Цок-

---

мѣсяцъ уноситъ Джельбегеня вмѣстѣ съ деревомъ. Алтайское джельбегень ср. съ киргизскимъ джалмаусъ (см. Очерки, IV, 766; не отсюда ли алмысъ, «злой духъ?»).

[1]) Хараликъ ср. съ бурятскимъ хара, «луна».

[2]) Цэцэкъ цвѣтокъ по монгольски.

[3]) Въ варіантѣ сказки о гонимыхъ братьяхъ въ Шиддикурѣ (Этногр. Сб., VI, стр. 35) одинъ братъ названъ лучомъ солнца (Наранъ-Гэрэлъ), а другой лучомъ луны (Саранъ-Гэрэлъ); то же самое повидимому и въ киргизской сказкѣ о царѣ Гарыкулѣ (Очерки, IV, 813), потому что царевичъ названъ Ширинъ, а въ эпизодѣ монгольской сказки Арджи-Борджи, который можно сближать съ киргизской сказкой, Ширину соотвѣтствуетъ Саранъ, что по монгольски значитъ луна.

[4]) Въ бурятской сказкѣ (Очерки, IV, 279, сказка № 59) гонимый царевичъ называется Ойо-ондохонъ Олотъ, т. е. «въ лѣсу найденный Олотъ». Ойо-ондохонъ можетъ быть припоминаніе формы Ой-хапчагай, которая встрѣчается въ Алтанъ-Тобчи, стр. 70. Хоптыгъ-эмегенъ, «вечерняя заряица» по урянхайски. Бергманъ говоритъ, что сказка объ Ойо-Чикиту есть разсказъ о воплощеніи бодисатвы Ходжима т. е., Авалокитешвары, или Арья-Бало.

Digitized by Google

тай-ханѣ, № 65. Можетъ быть эту форму Тохту мы находимъ теперь въ бурятскомъ Догёдой; это миѳическій пастухъ, пасущій стада у Солбона (Солбонъ звѣзда Венера). Не даромъ при немъ собака Бурто (ibid., стр. 123). И совпаденіе темы съ лѣтописнымъ сказаніемъ о Тухта-бики, современникѣ Чингисъ-хана, и имя Хоридоя, который, по лѣтописи Сананъ-Сэцэна, былъ отецъ Алань-гоа, жены одного изъ предковъ Чингисъ-хана, и наконецъ имя Буртӧ—все это заставляетъ видѣть связь между Буртӧ бурятскихъ легендъ и лѣтописной Бурте, женой Чингисъ-хана. Мы думаемъ, что лѣтописные разсказы о Бурте основаны на народныхъ легендахъ объ онгонѣ Буртӧ.

Въ сѣверной Монголіи я записалъ преданіе о шаманѣ Таинъ-Тирхинѣ (или Таинъ Тэнгирѣ), который увезъ жену Чингисъ-хана. Чингисъ находитъ долину, гдѣ скрылся шаманъ и наноситъ ему ударъ саблей (Очерки, II, 157). Это преданіе, намъ кажется, относится къ Бурте, женѣ Чингиса. Мы думаемъ, что Таинъ-Тэнгиръ является въ Алтанъ-Тобчи (стр. 15) подъ именемъ Джингиръ-бухэ; бухэ можетъ быть искаженное бугэ, т. е. шаманъ, чѣмъ и былъ Таинъ-Тэнгиръ; Джингиръ вмѣсто Тэнгиръ. Джингиръ-бухэ врагъ Чингиса, какъ и Таинъ-Тэнгиръ; онъ приглашаетъ къ себѣ Чингиса въ гости, но въ юртѣ устраиваетъ засаду, копаетъ яму и прикрываетъ ее; однако коварство угадано, начинается сѣча и Чингисъ счастливо убѣгаетъ. О женѣ Чингиса ничего не говорится. У Сананъ-Сэцэна (Schmidt, Gesch. d. Ost. Mong., 81) вмѣсто Джингиръ-бухэ стоитъ Buke-Tschilger. Въ Юань-чао-ми-ши (49—57) упоминается силачъ Чилгэръ (силачъ по монгольски бӧкӧ); очевидно, это тотъ же Buke-Tschilger. Есукэй, отецъ Чингиса, отнялъ у Экэ-Чилету, брата меркитскаго царя, его жену Олунъ эхэ; теперь меркиты, чтобы отмстить за эту несправедливость, напали на станъ Чингисъ-хана; увели его жену Бурте въ плѣнъ и отдали ее силачу Чилгэру, брату Чилету. Очевидно, это тотъ же Сананъ-сэцэновскій Бӧке-Чилгэръ, Джингиръ-бухэ Алтанъ-Тобчи и Таинъ-Тэнгиръ записаннаго мною преданія. Мы уже имѣли случай сближать Таинъ-Тирхина съ алтайскимъ шаманомъ Даинъ-Тере-Тарханъ-бо, который увезъ царскую дочь (Очерки, IV, 290); царскіе слуги догнали его, отрубили ему голову и привезли ее царю. У бурятъ есть преданіе о бѣгствѣ Бохака изъ Монголіи (Зап. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Географ. Общества по этн., т. I, в. 2, стр. 111); посланная за нимъ погоня его не находитъ, но отрубаетъ голову какому-то шаману Гурте; тѣло шамана было брошено въ рѣку и поплыло вверхъ по ней. Полагаемъ, что конецъ преданія исказился; оно разсказывалось иначе; шаманъ Гурте и былъ бѣглецъ и голова его была цѣлью царской погони. Можетъ быть вѣрнѣе было бы возстановить легенду такъ: Бохакъ увезъ Гурте (Буртӧ?), жену Чингисъ-хана; за нимъ была послана погоня. На связь этого преданія съ сказаніями о Чингисъ-ханѣ указываетъ и то, что тема о плывущемъ вверхъ по рѣкѣ мертвомъ тѣлѣ встрѣчается также и въ послѣднихъ; такъ плыло тѣло утонувшей жены Чингисъ-хана, которую онъ отобралъ у Шидургу (Алтанъ-Тобчи, 22). О Гурте говорится, что онъ сдѣлался ижиномъ мѣстности, гдѣ былъ убитъ, т. е. духомъ-покровителемъ ея. Жена Чингисъ-хана называется Бурте-фучжинь; фучжинь считается китайскимъ словомъ, но не есть ли это только осмысленіе книжныхъ людей. У Рашидъ-эддина въ одномъ мѣстѣ (Труды Вост. Отд. И. Археол. Общ., ч. XIII, стр. 75) старшая жена Чингисъ-хана названа Бурте-чино.

Преданіе о Хортонѣ, сынѣ Хоридоя, привозящемъ онгонъ Буртӧ (или Бурьтынъ) можетъ быть только отголоскомъ большой сказки о Эртене-мергенѣ, привозящемъ «живого бога» (Очерки, IV, 416). И парное Бурте-эрдени можетъ быть редупликація.

Книжныя сказанія знаютъ Бурте только женой Чингиса; но не было ли сказанія, которое выдавало ее за жену Хоридоя? И не разсказывалось ли о Хоридоѣ, что онъ ее потерялъ и потомъ снова нашелъ? Бурятскія легенды знаютъ только, что жена Хоридоя, дѣва лебедь, оставила его (Записки Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 144; в. 2, стр. 112 и др.); о возвращеніи же ея ничего не говорится. Эпизодъ о дѣвахъ-лебедяхъ, прилетающихъ на озеро купаться, кромѣ легенды о Хоридоѣ, содержится также въ сказкѣ о Тунгъ-Каратты ханѣ (Очерки, IV, 373—379); жена Каратты-хана, подобно женѣ Хоридоя, надѣвъ лебединую одежду, улетаетъ. Это сближаетъ Каратты-хана съ Хоридоемъ. Но разсказъ о Каратты-ханѣ на этомъ не останавливается; онъ ѣдетъ искать исчезнувшую жену и находитъ ее возвратившеюся къ отцу. Каратты-ханъ получаетъ ее назадъ и увозитъ у тестя солнце и луну; эти свѣтила входятъ въ составъ также и приданаго невѣсты тибетскаго царя.

Эртене-мергенъ, привезшій «живого бога», вмѣстѣ съ тѣмъ привезъ и невѣсту для себя. Абатай также привозитъ «живого бога», но о привозѣ невѣсты въ монгольской легендѣ не говорится. Надо, однако, думать, что невѣста была и въ монгольской легендѣ. На это указываетъ то

Digitized by Google

обстоятельство, что къ орхонской долинѣ, къ которой пріурочена легенда объ Абатаѣ, пріурочена также и другая, о невѣстѣ монголкѣ, просватанной за китайскаго императора. За то, что эта легенда есть отрывокъ изъ легенды о привозѣ «живого бога», говоритъ то, что съ отъѣздомъ невѣсты уносится изъ страны и все счастье, подобно тому, какъ съ отвозомъ живого бога Эртене-мергеномъ за нимъ уходитъ весь скотъ изъ прежняго мѣстопребыванія бога. Повидимому имя невѣсты было Эрдени, потому что легенда о ней пріурочена къ горѣ Эрдени-ула. Отсутствіе этой темы въ сказаніи объ Абатаѣ понятно; когда легенда получила буддійскую окраску, эта черта должна была выпасть. Вмѣсто дѣвицы, Абатай доставляетъ въ Монголію ламу; см. Живая Старина, 1891, кн. III, стр. 239).

Буса и паукъ (стр. 203). Въ тюркск. сказкѣ у г. Радлова (Prob., IV, 261) удодъ приноситъ пророку Саломо извѣстіе о красивой Balchija и затѣмъ отправляется сватать ее. Она даетъ ему запечатанный ящикъ, наполненный просверленными кораллами. Пророку Саломо предстоитъ задача навздѣвать бусы на шнуръ, не распечатывая ящика. Эту задачу исполняетъ червь, который протачиваетъ отверзстіе и входитъ внутрь ящика. Ср. въ былинѣ о Волхѣ Сеславьичѣ: «Въ подворотнѣ мудрены вырѣзы вырѣзано, а и только въ вырѣзу мурашу пройдти».

Въ тангутскомъ сказаніи угадывается среди сходныхъ дѣвицъ царевна-невѣста; въ монгольскомъ, при сходныхъ условіяхъ, «живой богъ». Отсюда вытекаетъ тожество дѣвицы и божества; въ монгольскомъ сказаніи мы подозрѣваемъ, что подъ статуей Эрдэни-дзу слѣдуетъ разумѣть дѣвицу невѣсту. Нашъ тангутскій разсказчикъ также какъ будто китайской царевнѣ придавалъ имя Джу-рембучи. Теперь подъ именемъ дзу извѣстны статуи Будды, т. е. мужская фигура, но можетъ быть Будда занялъ мѣсто Арья-Бало, который у китайцевъ является чаще въ видѣ женской фигуры.

Китайская царевна была Дара-экэ. Старуха привратница не была ли также она сама, временно принимавшая этотъ видъ, чтобы содѣйствовать своему отъѣзду въ Тибетъ, подобно тому, какъ дакини, за которою ѣдетъ Эртене-мергенъ (Очерки, IV, 418), является ему сначала также въ видѣ безобразной старухи? то же самое кажется и въ сказкѣ о Эрдени-хараликѣ у Шмидта (Gesch. d. Ost. Mongol., 425—488). Шантиварману у Даранаты проникнуть въ храмъ на горѣ Поталѣ помогаетъ богиня Тара—эпизодъ, повидимому соотвѣтствующій затруднительному положенію тибетскаго вельможи въ китайскомъ дворцѣ. Жена Рдуря сама помогаетъ Гэсэру освободить ее отъ Рдуря; разсказъ о томъ, какъ она укрываетъ Гэсэра отъ Рдуря. своими подробностями напоминаетъ разсказъ о старухѣ, выдавшей тайну китайскаго дворца. Тѣ же черты (объясненіе гудѣнія стрѣлы паденіемъ веретена) встрѣчаются въ преданіи о женѣ Лутусы, которое въ свою очередь напоминаетъ легенду о богинѣ Оккинь-тэнгри, суровомъ воплощеніи Цаганъ-дара-экэ.

Китайская царевна остановилась на перевалѣ и оглянулась на родину. Случаи пріостановленнаго движенія перечислены выше на стр. 117 Въ монгольскомъ сказаніи провозимая статуя на перевалѣ остановилась и далѣе не идетъ; Абатай отсѣкаетъ часть и ѣдетъ далѣе; монастырь строится не на мѣстѣ остановки бога. Но въ легендѣ о Шантиварманѣ (у Даранаты) храмъ строится тамъ, гдѣ остановился богъ (Авалокитешвара т. е. Арья Бало). Также и въ хотанской легендѣ, и у Шмидта въ легендѣ о Дара-экэ (Gesch. d. Ost. Mong., 341); колесница съ богами остановилась въ мѣстности Рамоче; тутъ и былъ построенъ въ честь ихъ храмъ. О запрещеніи оглядываться назадъ см. въ Записк. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 142. Я обращался къ г. Баторову, природному буряту, съ вопросомъ, не становится ли въ обязанность невѣстѣ, когда ее везутъ въ домъ жениха, не оглядываться назадъ и получилъ отвѣтъ, что такой обычай дѣйствительно существуетъ у бурятъ,—невѣста не должна оглядываться. Въ тюркской сказкѣ у Радлова (Proben, IV, 449) князь выдалъ дочь замужъ; она проситъ въ приданое коня Цзалъ-куйрука, который стоялъ подъ семью слоями земли въ желѣзномъ стойлѣ. За Цзалъ-куйрукомъ уходитъ весь скотъ отца. Князь догоняетъ дочь и проситъ ее оглянуться; дочь оглядывается и часть скота возвращается; еще разъ оглядывается по просьбѣ отца и еще часть скота возвращается. И только треть скота ушла за ней, потому что на третій призывъ отца она не оглянулась. Ср. также сходную тему въ башкирской сказкѣ о Тулякѣ (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1858 г., ч. XXIV, въ смѣси ст. Льва Суходольскаго «Легенда о Тулякѣ», стр. 65—71).

Въ тибетскомъ варіантѣ Гэсэра (см. выше стр. 41) отецъ упрекаетъ дочь за то, что она, отъѣзжая, не обернулась назадъ.

Ордосскій католическій миссіонеръ г. Стейнакерсъ разсказывалъ намъ, что во время засухи

Digitized by Google

китайцы обращаются съ молитвой о дождѣ къ Лунъ-вану, втыкаютъ въ этотъ день зеленыя вѣтви въ дверяхъ домовъ, надѣваютъ вѣнки на голову себѣ и носятъ статую Лунъ-вана, украшенную зеленью. Увѣряютъ, что иногда богъ вдругъ во время процессіи отяжелѣетъ и не двигается дальше; бонзы удваиваютъ усилія, чтобъ удержать его на вѣсу, но богъ становится все тяжеле и тяжеле, такъ что бонзы сгибаются подъ носилками, колѣни ихъ дрожатъ и они ставятъ бога на землю. Это чаще всего случается противъ домовъ богатыхъ людей. Тогда публика догадывается, что хозяинъ дома, противъ котораго богъ остановился, согрѣшилъ или не угодилъ богу и изъ-за него-то богъ и караетъ засухой. Виновникъ выноситъ деньги. Бонзы пробуютъ поднять бога и если онъ и теперь еще не отдѣляется отъ земли, жертва увеличивается.

Зола въ ящикѣ, которую везетъ съ собой китайская невѣста, напоминаетъ вотяцкій обрядъ заведенія куалы, совершаемый основателями новаго поселка. См. объ этомъ въ ст. г. Богаевскаго «Религіозныя представленія вотяковъ» (Этн. Обозр., кн. (1890 г., № 2), стр. 79—81). Выселенцы похищаютъ изъ куалы старой деревни золу изъ очага и пускаются въ бѣгство. Во время пира, который устраивается передъ этимъ и во время самого бѣгства поются пѣсни «свадебнымъ напѣвомъ». Не запрещается ли во время бѣгства оглядываться?

У Шмидта (Gesch. d. Ost-Mong., 341) китайская невѣста везетъ въ Тибетъ не золу сожженаго шелка, а яица шелковичныхъ червей. На сходство съ этой легендой хотанской легенды о царевнѣ, украдкой привезшей въ Хотанъ шелковичныхъ червей, указалъ уже Риттеръ (Asien, B. III, 232) Ср. у Rokhill'я, The life of the Buddha, Lond., 1884, p. 215.

Тема о безносой невѣстѣ есть у о. Іакинѳа, Истор. Тибета и Хухунора, стр. 14—15.

Перехожу ко второй части легенды, расказывающей о построеніи Лассы.

Эпизодъ объ озерѣ Хухунорѣ и о недоразумѣніи, вслѣдствіе котораго похищеніе тайны осталось не отмщеннымъ, записано Гюкомъ (Souvenir, VII, p. 193—198), Пржевальскимъ (Монголія, т. I, 279—281; Третье Путеш., 317), Крейтнеромъ (Im fernen Osten, 1881, стр. 717 — 719) и Rokhill'емъ (въ журналѣ The Century, издав. въ Нью-Іоркѣ, 1891, январь; vol. XLI, № 3, стр. 350). Пржевальскій, мы думаемъ, слышалъ его отъ монголовъ, потому что недоразумѣніе основано на монгольскихъ синонимахъ: кыле, «языкъ» и кыле, «пряжка».

Сходная легенда объ оз. Тере-норъ въ вершинахъ Енисея; отъ разливающейся воды убѣгаетъ Ельджигенъ-джигитъ-ханъ («оселъ-ханъ»; Оч., IV, 296).

Кара-киргизское преданіе объ оз. Иссыкъ-кулѣ: У невѣрнаго народа былъ бездѣтный ханъ; онъ долго молился о дарованіи ему дѣтей и молитва была услышана. Ханьша во время прогулки встрѣтила осла, который обнаружилъ къ ней расположеніе; она родила сына Джанибекъ-хана съ ослиными ушами. Джанибекъ скрывалъ свои уши и казнилъ всѣхъ цирюльниковъ. Одинъ юноша, брившій по жребію, понравился хану; ханъ оставилъ его при себѣ постояннымъ цирюльникомъ, сдѣлалъ его визиремъ, но заказалъ говорить объ ушахъ. Однажды на охотѣ визирь не вытерпѣлъ; когда его соколъ опередилъ ханскаго, визирь закричалъ въ восторгѣ: «Мой соколъ лучше сокола Джанибекъ-хана, ослиной головы!» Опомнясь, онъ бѣжалъ въ горы; онъ долго скитался и только по ночамъ входилъ въ ханскій городъ, гдѣ у колодезя, въ негодованіи на возобновленіе казней, молилъ Бога о ниспосланіи всѣхъ бѣдъ хану и его развратному народу. Молитвы дошли до неба; изъ колодезя стала бить вода въ такомъ изобиліи, что залила городъ и образовала оз. Иссыкъ-куль (Зап. Геогр. Общ., 1861, кн. III, ст. Голубева «Отрывокъ изъ путешествія въ Средн. Азію, Заилійскій край». Стр. 113—114). У всѣхъ трехъ упомянутыхъ озеръ съ сходной легендой есть Киргизы; у Иссыкъ-куля живутъ Кара-киргизы, у Тере-нора урянхайское поколѣніе Кирхисъ и у Хухунора небольшой отрывокъ турецкаго племени, уже омонголившійся и называющій себя Киргизами. Джанибекъ=Ельджигенъ=Ландарма. Джанибекъ и Ландарма видоизмѣненіе темы о жестокомъ ханѣ, отраженія которой мы, очевидно, имѣемъ также въ сказаніяхъ объ Амбагаѣ, Чжань-мохе (см. примѣчанія къ № 56) и тангутскомъ человѣкоядцѣ Шянбѣ (см. примѣчанія къ № 38).

Въ русскомъ мірѣ тема скрыванія тѣлеснаго порока и убиваніе узнающихъ его отразилась въ легендѣ о Бонякѣ Шелудивомъ или Шолудькѣ Буняченкѣ (Костомаровъ, «Богданъ Хмѣльницкій», I. 180; Драгомановъ, Малор. нар. преданія и разсказы, 224—225; Данилевскій, Собр. сочиненій, Спб., 1877, III, стр. 354). Украинское преданіе сближено съ монгольскимъ г. Кузьмичевскимъ въ статьѣ «Шолудивый Буняка», помѣщенной въ «Кіевской Старинѣ», 1887 г., октябр., кн. 253.

Digitized by Google

Кромѣ Хуху-нора, Тере-нора и Иссыкъ-куля тема о разливѣ пріурочивалась повидимому и ко многимъ другимъ озерамъ; о Байкалѣ, кромѣ неяснаго намека въ одной легендѣ (см. въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 94—106: воды озера бросаются отнимать похищаемое у него дитя), въ другой есть и прямое указаніе на разливъ; см. Записки же, тотъ же томъ, в. 1, стр. 109: сынъ-неба ударилъ по скалѣ плетью; изъ образовавшейся щели потекла вода, которая начинаетъ заливать долину; сынъ неба удаляется на вершину горы Сымыръ, бросаетъ оттуда камень и попадаетъ въ отверзтіе, изъ котораго изливалась вода; наводненіе прекратилось; брошенный сыномъ неба камень это теперешній Шаманскій камень въ Ангарскихъ воротахъ.

Намеки на разливъ озера мы находимъ также и въ легендахъ, пріуроченныхъ къ окрестностямъ озера Зайсана. Къ з. отъ озера находится гора Калмы-тологой; объ ней киргизская легенда въ двухъ редакціяхъ; отецъ съ сыномъ, давши обѣтъ не прикасаться къ женамъ, подняли эту гору и понесли ее, чтобъ «запрудить Иртышъ и затопить всю долину»; но сынъ нарушилъ обѣтъ; по одной редакціи на другой день они не могли уже болѣе поднять гору, по другой подняли, но она опустилась и покрыла ихъ на вѣки (см. Сибирскій Вѣстникъ, газета, изд. въ Томскѣ, 1890, № 40; кромѣ того мои Очерки, IV, 893 и Очерки, II, прим. 86 къ гл. V). Тема о брошенномъ камнѣ пріурочена къ другой горѣ. А. А. Ивановскій сообщилъ мнѣ нѣсколько записей этой легенды, сдѣланныхъ для него среди зайсанскихъ киргизъ. Вотъ одна изъ нихъ. Не далеко отъ города Кокбектовъ Зайсанск. уѣзда находится гора Уртень-тагъ; къ югозападу отъ этой горы до рѣчекъ Базаръ и Богасъ простирается ровная степь, въ центрѣ которой стоитъ конусообразная, одинокая сопка, называемая киргизами Кендыкъ-тюбе [1]), или Урчукъ-тюбе. Киргизы говорятъ, что эта сопка веретено (урчукъ) старухи. Великанша-старуха имѣла пять козъ, которыхъ она пасла всегда сама. Однажды, пася своихъ козъ, старуха усѣлась на гору Тарбагатай, а ноги положила на Алтай. Въ это время на одну изъ ея козъ, бродившихъ по степи, напалъ волкъ. Чтобы спасти свою козу, старуха бросила въ волка веретено, которое она держала въ рукахъ, прядя пряжу. Веретено это упало на то самое мѣсто, гдѣ теперь стоитъ сопка. Эта-то сопка и есть веретено великанши. Со старухой великаншей преданіе связываетъ Айдагула. По мнѣнію однихъ, великанша была женою Айдагула, а по мнѣнію другихъ просто нечистой женщиной. До сихъ поръ между двумя киргизскими родами Наймано-муруновцами и Тусла-токмакцами идетъ горячій споръ о томъ, какой версіи легенды отдать предпочтеніе. Объ Айдагулѣ киргизы разсказываютъ слѣдующее. Одна изъ вершинъ Тарбагатая носитъ названіе Тазъ-тагъ, что означаетъ въ переводѣ «лысая гора» или «голая вершина». Тазъ-тагъ выдается изъ ряда прочихъ своею высотой и красивой конусообразной формой. На самой верхушкѣ Тазъ-тага виднѣется издали шапкообразная скала, въ которой, по легендѣ, находится домъ одного богатыря, живущаго, по убѣжденію киргизовъ, еще и теперь. Когда-то на этой вершинѣ жилъ богатырь Айдагулъ въ своемъ теремѣ, построенномъ изъ камня въ отвѣсной скалѣ. Айдагулъ не ходилъ, а леталъ. Ему все было доступно; богатства его были неисчерпаемы. Каждый годъ весною въ честь этого богатыря киргизы приносятъ и понынѣ жертву, ставшую даже обязательною. Обязательность жертвы киргизы объясняютъ такъ: однажды случилась на скотѣ повальная болѣзнь, отъ которой пало много скота. Въ это время одному изъ аксакаловъ (почтенныхъ стариковъ) явился во снѣ Айдагулъ и сказалъ, чтобы старикъ завтра рано утромъ, собравъ старыхъ и малыхъ, пошелъ съ ними къ подошвѣ Тазъ-тага, гдѣ и принесъ бы по барану отъ каждаго въ жертву. Вставъ утромъ, старикъ собралъ всѣхъ и, взявъ съ собою по барану отъ каждаго, отправился къ тому мѣсту, которое ему указалъ богатырь Айдагулъ. Съ утра у подошвы Тазъ-тага стояло въ этотъ день шумное пиршество, кончившееся вечеромъ байгой (бѣгомъ). Послѣ принесенія жертвы скотская болѣзнь прекратилась и съ того дня принесеніе жертвы въ честь богатыря Айдагула обязательно совершается киргизами каждый годъ у подошвы Тазъ-тага. Киргизы вѣрятъ, что казна Айдагула и самъ онъ до сихъ поръ тамъ, въ скалѣ. Они говорятъ, что проѣзжающіе мимо Тазъ-тага и живущіе вблизи этой вершины слышатъ ночью глухой человѣческій стонъ, исходящій изъ-подъ горы: это Айдагулъ молится за благополучіе киргизовъ. Эти легенды записаны были для г. Ивановскаго отъ киргизъ Терсъ-айрыковской волости (въ Тарбагатаѣ). Слѣдующую легенду о горѣ Сауръ (восточное продолженіе Тарбагатая) сообщилъ мнѣ г. Корниловъ, слышавшій ее также отъ зайсанскихъ киргизъ. Былъ какой-то алыпъ (великанъ), который хотѣлъ запрудить Иртышъ

[1]) Кэндыкъ—по киргизски «пупъ», а также затычка въ посудѣ. Кэндыкъ-шеше повивальная бабка.

Digitized by Google

и сдѣлать такъ, чтобъ воды озера Зайсана, черезъ которое протекаетъ эта рѣка, залили землю и погубили бы на ней все живущее. Но Мухамедъ-пейгамбаръ завалилъ этого алына горою Сауръ, а на гору, для большей тяжести, навалилъ снѣгу. Тамъ будетъ алынъ лежать до скончанія міра. Придетъ время, когда снѣгъ растаетъ; тогда алынъ стряхнетъ съ себя гору, выйдетъ изъ заточенія, запрудитъ Иртышъ и воды Зайсана зальютъ всю землю. Тогда наступитъ кончина міра.

Очевидно богатырь, заложенный подъ горой Сауръ, тотъ же, что и погребенный подъ горой Калмы-тологой. По Уньковскому (Посольство къ зюнгарскому хунъ-тайчжи Цэванъ-Рабтану. Спб., 1887, стр. 19, 197), это Саптартай или Сактартай, т. е. Сартактай-кэзэръ алтайскихъ легендъ (см. Очерки, II, 80, 170; IV, 285); «кэзэръ» алтайскихъ легендъ не то ли же, что Гэсэръ монгольскихъ? И заложенный подъ горой Сауръ богатырь не есть ли Гэсэръ? Гора Сауръ, къ которой привязана эсхатологическая легенда, вѣроятно есть то же, что монгольская гора Сумбуръ, Субуръ, бурятская Сымыръ.

На то, что озеро Джаринъ-норъ въ вершинахъ Желтой рѣки, имѣло такую же легенду, указываетъ во первыхъ свидѣтельство китайской географіи, что около него находится гора Алтынъ-гасу, т. е. золотой колъ (о. Іакинѳъ, Ист. Тибета и Хухунора, II, 181); «золотымъ коломъ» называется Полярная звѣзда, съ которою, по нашему предположенію, соединялись эсхатологическія темы; во вторыхъ тибетская версія Гэсэра указываетъ на скалу, стоящую среди озера, какъ на окаменѣвшаго желѣзнаго Асына, а на другую, какъ на окаменѣвшаго Кала-мэмбыра, наблюдающаго, чтобы море не вышло изъ береговъ. (См. выше, стр. 22). Дорожники по Тибету (Успенскій, «Страна Кукэноръ», стр. 82) упоминаютъ невдалекѣ отъ озера Джаринъ гору, которая называется Лама-тологой, т. е. «голова ламы». Можетъ быть гора названа этимъ именемъ за то, что голая. Или это повтореніе зайсанской формы: Калмы-тологой? Калмы, лама не будутъ ли искаженія отъ тибетскаго Лхамо (Хламо), какъ называется докшитское воплощеніе богини Цаганъ-дара-экэ. Ордосскіе монголы говорятъ, что жена Чингисъ-хана, отнятая имъ у Шидургу, была воплощеніе Цаганъ-дара-экэ; объ этой женѣ разсказывается, что она бросилась въ воду и утонула.

Къ оз. Гашіунъ-норъ пріурочена тема о брошенномъ камнѣ въ чудовище, выходившее изъ озера. См. ниже № 72. О разливѣ ничего нѣтъ. На восточномъ берегу Едзинъ-гола, впадающаго въ Гашіунъ, стоитъ отдѣльная гора Дверджи-Ваньчикъ; это имя напоминаетъ. Сананъ-Сэцэновскаго Ванчука, хагана Джурджитовъ (Schmidt Gesch. d. Ost. — Mong., 75; въ Алтанъ-Тобчи: Дзанчунъ, ханъ дзурчутскій, стр. 133); тутъ есть разказъ о переправѣ черезъ рѣку, не имѣвшую брода.

О Гусиномъ озерѣ сохранились преданія и записи, что воды озера иногда поднимались и заливали окрестную степь, но это, въ значительной степени, дѣйствительно совершавшіяся мѣстныя катастрофы, можетъ, быть вслѣдствіе опусканія почвы. Легендарное изъ этихъ преданій не выдѣляется. Есть однако одна легенда, въ которой можно замѣтить признаки темы о эсхатологическомъ разливѣ. Близъ озера жилъ самовластный, но глупый царь, имѣвшій семь женъ; не довольствуясь этимъ числомъ, онъ хотѣлъ отобрать еще жену у своего брата; онъ казнилъ его безвинно, а жену взялъ насильно. Угнетаемая тоской, она ежедневно ходила къ одной горѣ молиться, била своимъ золотымъ перстнемъ о камень и пробила въ немъ дыру (камень этотъ и теперь указываютъ буряты). Небо услышало молитву и послало огонь; пожаръ на землѣ горѣлъ девять лѣтъ и истребилъ весь народъ и его царя (Изв. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., 1870, т. I, № 1, стр. 18). Огонь повидимому устранилъ изъ легенды воду, которая должна была излиться изъ отверзтія въ камнѣ.

Объ оз. Угей-норъ не разсказывается легенды о разливѣ, но такая легенда связана съ рѣкой Орхономъ, протекающимъ мимо озера; см. ниже, № 29; Живая Старина, III. 238. Какъ на отпавшую часть этой легенды, можно смотрѣть на разсказъ о Буху-биликтуѣ, заложившемъ отверзтіе, изъ котораго выходило чудовище; см. ниже № 72.

Объ озерахъ Косоголѣ и Ачитъ-норѣ подобныхъ легендъ не записано, но островъ среди Косогола называется Далай-куйса, «морской пупъ» (Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ., ч. XXIV, 1858 г., стр. 711 ст. Пермикина «Озеро Косоголъ»; островъ среди оз. Хухунора также называется у монголовъ Куйсунъ-тологой «пупъ—холмъ»; Успенскій, «Страна Кукэноръ», стр. 64), а близъ Ачитъ-нора есть отдѣльная скала Алтынъ-хатысынъ, «золотой колъ».

Въ числѣ сѣверныхъ предгорій русскаго Алтая есть гора Бобырганъ; все, что разсказывается объ ней, не имѣетъ никакого отношенія къ вышеприведеннымъ легендамъ, но имя горы

Digitized by Google

въ переводѣ будетъ значить «летяга»; о летягѣ же записаны легенды на тему о наложеніи на нее оковъ (Оч., IV, 233). Не разсказывалось ли и здѣсь о заложенномъ подъ горой богатырѣ, какъ о горѣ Сауръ? Подлѣ горы протекаетъ рѣка Катунь; Обь (соединенный потокъ Катуни и Біи) и вообще большую рѣку алтайцы зовутъ Уймаръ-джумаръ, Уймаръ-ыймаръ (Вербицкій, Словарь алт. яз. Казань, 1884, стр. 402). Мы подозрѣваемъ, что съ Бобырганомъ была связана эсхатологическая легенда въ родѣ той, какая разсказана выше о горѣ Сауръ и что это послѣднее имя (Сауръ, Субуръ, Сымыръ) здѣсь, можетъ быть, явилось именемъ рѣки: Умаръ, Джумаръ. Къ верхней части долины Катуни дѣйствительно пріурочена легенда о богатырѣ Сартактаѣ, собиравшемся мостить черезъ нее мостъ (Очерки, IV, 286).

Мы прослѣдили распространеніе легенды по поверхности Средней Азіи; она частью разсказывается и теперь, частью повидимому разсказывалась въ прежнее время объ озерѣ Хухунорѣ (и городѣ Лассѣ), о рѣкѣ Орхонѣ, объ озерахъ Байкалѣ, Тере-норѣ, Зайсанѣ, Иссыкъ-кулѣ, объ окрестностяхъ города Хотана. На сѣверномъ пути разселенія легенды самымъ западнымъ пунктомъ ея пріуроченія оказывается Зайсанъ; западнѣе, изъ киргизской степи и изъ южной Россіи мы не имѣемъ подобной легенды и только встрѣчаемся съ нею на Босфорѣ, гдѣ тема разлива пріурочена къ Константинополю въ эсхатологическомъ разсказѣ Андрея юродиваго.

Хотя между Зайсаномъ и Босфоромъ промежутокъ большой, но дальнѣйшее собираніе мѣстныхъ преданій и сличеніе собраннаго можетъ быть и здѣсь укажутъ вѣхи разселенія этой легенды. Въ киргизской степи на данномъ пути находится множество озеръ, но легенды объ нихъ не были еще записываемы. Западнѣе около Каспія находимъ зайсанскую легенду пріуроченною къ горѣ Богдо, лежащей около Баскунчатскаго озера. Вотъ что разсказываютъ волжскіе калмыки: два праведника несли эту гору изъ Чжунгаріи съ намѣреніемъ положить у самой Волги, но не донесли; одинъ изъ несшихъ прогнѣвилъ боговъ какимъ-то предосудительнымъ помышленіемъ и гора опустилась, подавивъ нечестиваго и обагрившись его кровью.[1]) Вотъ отчего одинъ бокъ горы красный (красная глина); другой же бокъ, который несъ другой праведникъ, остался бѣлымъ (гипсъ и алебастръ; см. Нефедьевъ, Подробн. Свѣдѣнія о волжск. калмыкахъ, Спб., 1834, стр. 34). Это очевидно зайсанская легенда о Сартактаѣ или о богатырѣ, заключенномъ въ гору Сауръ. Она принесена сюда калмыками съ береговъ Зайсана въ позднѣйшее время, то есть въ XVII ст. Но вѣроятно и предшествующія разселенія среднеазіатскихъ ордъ, совершавшіяся отъ V до XIII вѣка, такимъ же образомъ могли приносить сюда среднеазіатскія легенды и отлагать ихъ на мѣстной почвѣ. Въ самомъ дѣлѣ къ югу отъ Астрахани, въ горахъ Кавказа мы встрѣчаемъ легенду о богатырѣ Амиранѣ, заключенномъ въ гору и стоящемъ въ связи съ эсхатологическими сюжетами, подобно тому богатырю, который заключенъ въ горѣ Сауръ. Не отраженіе ли этой же легенды малорусское преданіе о могилѣ Савуръ (Драгомановъ и Антоновичъ, Малорусск. нар. пред. и разсказы, стр. 232); сюжетъ ея: проходившіе чумаки выдернули ратовище, которое было воткнуто около могилы; появляется рѣка въ томъ мѣстѣ, гдѣ ея не было, и при томъ такая глубокая, что люди не находятъ брода черезъ нее; впрочемъ появленіе рѣки не поставлено въ прямую связь съ отверзтіемъ, въ которомъ сидѣлъ конецъ ратовища, и кромѣ того это была рѣка не настоящая, а призрачная. Въ южной Россіи, именно въ Донскомъ войскѣ есть и другая могила съ сходнымъ именемъ, именно Саура (Труды VI археол. съѣзда въ Одессѣ, Од., 1887; т. IV, стр. 73), но объ ней легенды не сообщается.

Легенда о гибели Константинополя изложена въ житіи Андрея юродиваго (Макаріевскія Четьи-минеи, Спб. 1870, стр. 209—216) въ такомъ видѣ. Константинополю до кончины міра бояться нечего, никто не сдѣлаетъ ему зла, потому что онъ «вданъ бо есть даромъ Богородицы, да никто же не можетъ отняти его отъ честныхъ рукъ ея». Передъ концомъ міра Господь посадитъ царя отъ нищеты. Время будетъ блаженное, бѣдныхъ не будетъ, господствовать будутъ правда и миръ, мечи и стрѣлы перекуются на серпы и косы. Этотъ царь процарствуетъ 32 года. Послѣ него будетъ царь нечестивый, затѣмъ третій царь будетъ «оселъ лютъ и отмѣтникъ Іисусъ Христовъ», который обратится въ языческую вѣру, подниметъ гоненіе на святыхъ, пожжетъ церкви и т. п. Послѣ него будетъ съ годъ царствовать одинъ добрый царь, потомъ «три бестудни уноши» будутъ владѣть вкупѣ, устроятъ сѣчу между собою и убьютъ другъ друга. Послѣ этой распри будетъ такое запустѣніе, что семь женъ будутъ искать одного мужа и не найдутъ, уцѣлѣвшія

[1]) Ср. съ разсказами объ Абатаѣ и о недонесенной имъ до мѣста статуѣ бога, о Шантиварманѣ, не донесшемъ до мѣста Авалокитешвару, и пр. См. выше стр. 117 и ниже, № 29.

Digitized by Google

дѣти выростутъ безъ надзора, какъ звѣри; тогда блаженны будутъ, «иже на горахъ и въ дуплехъ Господу служаще». Тогда вступитъ на престолъ жена Модана (Μόνδιον), развратница, которая осквернитъ алтари, разрушитъ церкви, будетъ надсмѣхаться надъ безсиліемъ Бога и начнетъ въ гордости своей грозить небу и бросать въ него камни. Тогда Богъ разгнѣвается и «серпомъ силы своея посѣчетъ персть сущу исподи подъ градомъ и повелитъ водамъ, на нихъ же стоитъ городъ отъ вѣка, потопити его». На вопросъ, ложно или нѣтъ мнѣніе, будто св. Софія не будетъ потоплена, а повиснетъ на воздухѣ, Андрей сказалъ, что останется не затопленнымъ одинъ только столпъ, стоящій на торгу, «яко имѣетъ честныя гвозды»; за него проходящіе морскіе корабли будутъ вязать свои канаты. Вѣроятно это тотъ самый столбъ, о которомъ далѣе (стр. 202) разсказано: столпъ на торгу, «его же святый царь Константинъ, гордяся, постави, въ ней же честныя гвозды, иміже пригвождено было есть животворящее тѣло Христово, на стоящемъ верху болванѣ вложени суть въ славу Божію и въ покровъ и въ соблюденіе Цареву граду».

Въ лѣтописномъ разсказѣ о Ландармѣ разлива водъ нѣтъ. Вотъ разсказъ тибетскихъ лѣтописей. За нѣсколько поколѣній до Ландармы тибетскимъ царемъ былъ Сронцзанъ Гамбо, при которомъ главнымъ образомъ распространился и разцвѣлъ буддизмъ въ Тибетѣ; ему же Тибетъ обязанъ заведеніемъ прочнаго гражданскаго порядка; былъ учрежденъ совѣтъ, который удерживалъ знать отъ высокомѣрія и покровительствовалъ бѣднотѣ; драки, убійства находили достойную кару, распутники были изгоняемы въ ссылку. Этотъ государь царствовалъ 37 лѣтъ. Двѣсти лѣтъ спустя на тибетскій престолъ всходитъ Ландарма, «человѣкъ распутный, сластолюбивый, жестокій и деспотическій». Онъ былъ убитъ ламой Dpal-gyi rdo-rje изъ Lha-lung'a (W. Woodville Rockhill, The life of the Buddha, Lond., 1884, p. 211—226).

Дальнѣйшая судьба Тибета въ книгѣ Бодиморъ разсказана такъ. Послѣ смерти Ландармы, одна изъ его женъ осталась беременной; ожидавшагося ребенка разсчитывали сдѣлать царемъ; старшая жена царя, не желая потерять свое значеніе, придала себѣ ложный видъ беременности, и когда у дѣйствительно беременной родился сынъ, она взяла у одной нищей женщины ея новорожденнаго и выдала за своего сына. Впослѣдствіи эти два принца начали распрю, которая продолжалась сорокъ семь лѣтъ. Во время этой распри многое изъ того, что было возстановлено во время дѣтства царевичей, вновь было уничтожено (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., 365). Ниже въ той же Бодиморъ разсказывается, что сынъ нищей женщины, попавшій незаконно на тронъ, воевалъ и съ двумя внуками законнаго наслѣдника, и заставилъ ихъ убѣжать въ страну Нгари. Шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Ландармы буддизмъ былъ такъ разворенъ въ краѣ, что въ немъ не осталось ни одного архата; немногіе только спаслись бѣгствомъ въ страну Камъ и здѣсь скрывались въ горахъ. Чтобъ показать, до какой степени религія была истреблена, лѣтопись разсказываетъ о юношѣ, который случайно нашелъ въ разрушенномъ храмѣ статую святого, и не знаетъ что это такое; онъ спрашиваетъ о томъ какую-то старую женщину; та объясняетъ ему; а на вопросъ: «есть ли еще теперь святые?» она отвѣчаетъ, что когда она была дѣвочкой, были, но Ландарма истребилъ ихъ всѣхъ, и только немногіе скрылись въ Камъ (ib. 367).

Распря двухъ принцевъ пріурочена и къ другому быку царю, именно къ Бука-хану уйгурскому. Рашидъ-эддинъ въ переводѣ г. Березина (стр. 112) упоминаетъ Туко-хана; это вѣроятно Бука-ханъ, во первыхъ потому, что, какъ видно изъ подстрочнаго примѣчанія въ одной рукописи, первый слогъ не ту, а бу, а въ другихъ, за отсутствіемъ точекъ, неизвѣстно, какъ слѣдуетъ читать; во вторыхъ объ этомъ Туко-ханѣ говорится, что онъ родился отъ дерева, то есть говорится то же, что объ уйгурскомъ Бука-ханѣ (D'Osson, Hist. des Mongoles, t. I, p. 431; Radloff, Das Kudatku Bilik, St. P., 1891, Th. I, S. XLII). Далѣе Рашидъ-Эддинъ разсказываетъ, что у этого Туко-хана было два сына, которые послѣ смерти отца жили въ постоянной распрѣ. Это Таянъ-ханъ и Буйрукъ-ханъ. Рашидъ-эддинъ, слѣдуя монгольскимъ и китайскимъ лѣтописямъ, сдѣлалъ ихъ современниками Чингисъ-хана и заставилъ обоихъ погибнуть отъ руки послѣдняго. Г. Березинъ указалъ, что разсказъ объ этихъ двухъ принцахъ есть эпизодъ изъ исторіи царства Тукю (Труд. Вост. Отд. Арх. Общ., ч. V, стр. 265). Если изъ всѣхъ подробностей этой исторіи до Рашидъ-эддина дошелъ только одинъ этотъ эпизодъ, это значитъ, что этотъ эпизодъ былъ народной легендой; можетъ быть эта тема о братьяхъ соперникахъ попала не только къ Рашидъ-эддину, но даже и въ китайскую лѣтопись царства Тукю изъ народнаго эпоса.

Въ тангутской легендѣ потопъ не выдается за наказаніе за нечестіе царя и его народа; но съ такимъ значеніемъ онъ трактуется въ урянхайской легендѣ объ озерѣ Тере-норѣ и царѣ Ельд-

Digitized by Google

жигенъ-чикту (ельджигенъ монг. «оселъ»; чикту можетъ быть цокту «бѣшенный», «лютый»; см. Очерки, IV, 296) и особенно въ киргизской легендѣ объ озерѣ Иссыкъ-кулѣ и царѣ Джанибекѣ.

Легендъ о построеніи храма или дворца изъ Средней Азіи мы имѣемъ четыре: 1) о построеніи Менгу-цзу, 2) о построеніи Гэсэромъ Энгирэхэинъ-джу (Die Thaten, 46); 3) бурятскую о построеніи Бэджинъ-сулгана (Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XIX, в. 3 (1888, стр. 22) и 4) о построеніи башни въ Scharung Gassur (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., S. 33 и 39). Во всѣхъ четырехъ нѣтъ намека на камень шамиръ или его суррогаты. Не послужитъ ли это указаніемъ, что западныя версіи легендъ съ этой темой, но съ отсутствіемъ этой подробности, нужно отнести на счетъ сѣверной дороги (т. е. по сѣверную сторону Каспія), а отъ талмудической легенды производитъ только версіи съ шамиромъ?

Черты сходства Ласской легенды съ дуалистической легендой о сотвореніи міра:

1) Построеніе храма производится на водѣ («пупъ моря»).—Построеніе земли производится на водѣ.

2) Требуется искусство укрѣпить поверхность жидкой стихіи.—Нужно сгустить воду или настлать на ней твердую кору (Манджушри съ этой цѣлью превращается въ черепаху).

3) Царь не можетъ построить; требуется помощь или совѣтъ хитраго человѣка.—Богъ не можетъ построить; требуется помощь ловкаго дьявола.

4) Матеріалъ, который настилается на поверхность воды, доставляется пестрымъ быкомъ.—Матеріалъ (земля), который настилается на воду, доставляется въ алтайской сказкѣ (Оч., IV, 218) Ерликомъ; Ерликъ представляется ѣздящимъ на быкѣ, id. 71, 245; на статуяхъ онъ изображается съ бычьей головой [1]).

5) По окончаніи постройки участникъ ея, доставившій строительный матеріалъ (т. е. быкъ), обиженъ и заявляетъ объ этомъ.—По окончаніи строенія земли участникъ въ этомъ дѣлѣ, доставившій строительный матеріалъ (т. е. Ерликъ), вступаетъ въ споръ (Оч., IV, 219; Восточн. Обозр., 1882, № 7). У Шашкова («Шаманство въ Сибири» въ Запискахъ И. Русск. Геогр. Общ., 1864, кн. 2, стр. 32) разсказана повидимому тунгусская легенда о Бугѣ (буга потунгусски «богъ»), создавшемъ міръ, заимствованная изъ Сибирск. Вѣстника 1822 г., (ч. XIX, стр. 33). Все было покрыто водою. Буга послалъ на эту воду огонь, который сожегъ часть ея. Послѣ этого образовалась твердая земля. Сошедши на землю, Буга встрѣтился съ Буниикою (сатаною) и тотъ сталъ присвоивать твореніе міра себѣ. Буниика испортилъ у Буги 12 струнныя гусли. Буга предложилъ Буниикѣ вырастить сосну; у Буги изъ озера выросла прямая сосна, Буниикина же сосна не могла стоять прямо. Буниика призналъ превосходство Буги. Ср. съ монгольскими сказаніями о богахъ братьяхъ, спорящихъ изъ-за обладанія міромъ (Оч., IV, 269, 330; Восточн. Обозр., 1882, № 21 въ статьѣ г. Адріанова).

6) Быкъ обѣщаетъ отмстить; онъ возрождается царемъ и воздвигаетъ гоненіе на людей и преслѣдуетъ ихъ казнями.—Ерликъ становится подземнымъ царемъ; онъ насылаетъ смерть на людей. У Шашкова (въ Зап. И. Р. Геогр. Общ., 1864, кн. 2), Ерликъ дѣлаетъ это за то, что Чингисъ пустилъ въ него смертельную стрѣлу. По Шашкову Ерликъ былъ сынъ Чингиса, по Радлову (Вост. Об., 1882, № 7) онъ сынъ Ульгеня, творца земли.

7) Колодезь въ долинѣ, въ которой жилъ грѣшный лумбу Гвардамба, ототкнулся и изъ него повалила вода.—Ерликъ ткнулъ въ землю посохомъ и когда вынулъ его, полѣзли гады и змѣи и распространились по всей землѣ.

8) Наводненіе остановлено; богъ, принявъ видъ вороны, принесъ камень, и положилъ на отверзтіе. Это теперь островъ на оз. Хухуноръ (Пржевальскій, Трет. Путеш., 317; Rokhill въ Century, 1891, январь, 350) [2]).—Въ черемисской легендѣ кереметъ прогрызъ отверзтіе въ Новомъ ковчегѣ, но ужъ заткнулъ его своею головою.

---

[1]) Т. е. буддійскія изображенія Чой-чжала съ бычьей головой принимаются монголами за Ерлика.

[2]) По Пржевальскому два острова; одинъ принесенъ богомъ, другой брошенъ злымъ духомъ. Рокгиль приводитъ только китайское названіе острова: Lung-ch'ü tao, «островъ драконовыхъ жеребятъ». Это названіе основано на преданіи, что въ прежнія времена обитатели береговъ озера загоняли на островъ по первому льду своихъ кобылъ, а передъ таяніемъ льда кобылы возвращались съ жеребятами, которые, пришедши въ возрастъ, пробѣгали триста миль въ день. The Century, january 1891, p. 350.

Digitized by Google

Сказаніе объ Абатаѣ, представляя варіантъ первой части тангутской легенды, заключаетъ въ себѣ одну черту и изъ второй; именно Абатай, подобно Сронцзану, строитъ монастырь. Это могло случиться оттого, что редакторъ легенды объ Абатаѣ уже имѣлъ передъ собою сказаніе въ которомъ поѣздка за дзу и построеніе дворца уже были соединены. Въ сказаніи объ оз. Иссыкъ-кулѣ, которое соотвѣтствуетъ второй части тангутской сказки, эпизодъ о разливающемся озерѣ заимствованъ изъ первой части.

Повидимому въ такой же связности легенда эта разсказывалась уже въ Хотанѣ, гдѣ китайскій монахъ Сюань-цанъ въ VII в. нашелъ какъ будто отрывки тангутской лѣгенды. Сынъ царя Дань-ша-си-но былъ ослѣпленъ однимъ изъ князей; царь сослалъ этого князя на сѣверъ за снѣжныя горы; потомки сосланнаго были завоеваны сосѣднимъ восточнымъ владѣльцемъ, который повелъ покоренный народъ внутрь страны, гдѣ задумалъ строить городъ, но не зналъ, какъ приступить къ постройкѣ. Явился какой-то странникъ съ тыквой за спиной; онъ, проливая воду изъ тыквы, сдѣлалъ кругъ и исчезъ. На этомъ мѣстѣ начали строить и воздвигли дворецъ царю. Выливаніе воды напоминаетъ кропленіе молокомъ козы въ тангутской легендѣ, а обведеніе круга карѳагенскую легенду, которую въ примѣненіи къ Лассѣ слышалъ Пржевальскій (Трет. Путеш., 333). Другая хотанская легенда разсказываетъ о китайской царевнѣ, которая, будучи просватана за хотанскаго князя, украдкой привезла съ собой шелковичнаго червя. Тема объ остановившемся среди пути богѣ также была примѣнена къ окрестностямъ Хотана (см. Abel Rémusat Histoire de la ville de Khotan, Paris, 1820, pp. 34, 37, 53). И такъ здѣсь соединены черты: сватаніе за китайскую царевну, похищеніе источника благоденствія у тестя, остановка на пути, по нежеланію статуи бога двигаться дальше, постройка дворца, которая не удается, пока не является искусный совѣтникъ; наконецъ въ смутной связи ослѣпленіе и изгнаніе. Вѣроятно въ Хотанѣ находилась своя дзу, съ которой были связаны тѣ же легенды, что разсказываются теперь о ласскихъ дзу. Хотанскій разсказъ о соскѣ земли, выросшемъ, чтобы кормить ребенка, ставшаго потомъ первымъ царемъ Хотана, въ тангутской легендѣ можно приравнять къ той горѣ, которая ежегодно выростаетъ въ Лассѣ [1]), а хотанскій разсказъ о барабанѣ, который звенитъ, предсказывая войну, къ тому знамени, которое оказывало ту же услугу, измѣняя свой цвѣтъ. Въ монгольскомъ Эрдени-дзу на Орхонѣ сходное свойство приписывается изваяннымъ собакамъ [2]).

Наконецъ тему о разлившемся озерѣ находимъ въ тѣхъ хотанскихъ легендахъ, которыя недавно обнародованы въ журналѣ Бенгальскаго азіатскаго общества (Journal of the Asiatic Society of Bengal, vol. LV, part I, № 111, 1886, статья Buddhist and other legends about Khoten by Babu Sarat Chandra Das) по индійскимъ и тибетскимъ источникамъ. Эти источники даютъ Хотану имя Ли-юль; ли значитъ колокольный металлъ по тибетски, юль—страна. Индійцамъ Хотанъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Chandana, которое было потомъ распространено на весь Китай. Въ древности здѣсь сильно была распространена святая вѣра (буддизмъ) и святые пребывали на горѣ Ли-юля, но потомъ, когда невѣрные стали преслѣдовать ихъ, они возлетѣли на воздухъ и удалились, а Ли-юль сталъ озеромъ. Впослѣдствіи Сакіамуни посѣтилъ Ли-юль; онъ приказалъ Shariputra'ѣ проткнуть гору своимъ трезубцемъ, а Vaisramana'ѣ кинуть въ нее своимъ коньемъ, и воды ушли изъ долины. Ср. съ легендой у Даранаты о построеніи храма Сомапури, стр. 205: брошенный предметъ на серединy озера, высыханіе озера и построеніе храма на днѣ его.

---

[1]) Сл. Nouveau journ. asiat,, 1829, t. IV. 27 числа первой луны бываетъ праздникъ «изгнаніе царя демоновъ». Одинъ лама одѣвается дьяволомъ, споритъ съ Далай-ламой и убѣгаетъ въ степь, гдѣ остается, пока не истребитъ приготовленнаго для него на нѣсколько мѣсяцевъ запаса. За нимъ гонятся ламы, стрѣляя изъ лука и пушекъ. Царь демоновъ называется (по китайски?) Nieou to vang.

[2]) Въ книжномъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ у Шудургу рыжая черномордая собака—вѣщунья лаемъ предсказываетъ нашествіе непріятеля (Алт. Тобчи, 140). Въ разсказѣ Сананъ-Сэцэна однорогая лань ssaru предчувствуетъ нашествіе Чингисъ-хана на Индію, выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу на перевалъ Dschadanaringun dabagha, троекратно преклоняетъ колѣни и предотвращаетъ нашествіе (Gesch. d. Ost-Mong., 90—91). О животныхъ, изображаемыхъ надъ воротами ламайскихъ храмовъ, по сторонамъ колеса вѣры (хорло легенда, что они выбѣжали изъ лѣсу, когда Будда началъ проповѣдь (пустилъ въ обращеніе колесо вѣры) и, преклонивъ колѣни, слушали его (Позднѣевъ, Очерки быта будд. монаст., 88). Я слышалъ въ Ордосѣ только, что это добрыя животныя, которыя, заслышавъ ссору, выбѣгаютъ и умиротворяютъ ссорящихся. Въ нашихъ былинахъ нашествіе предчувствуетъ дѣвица, которая ходитъ по городской стѣнѣ и плачетъ и которую видятъ молодые туры.

Digitized by Google

Послѣдній эпизодъ—объ убіеніи царя съ бычьей головой—ср. съ сказкой о Балынъ-сенге (Оч., IV, 242), съ послѣдней главой Шиддикура (Эти. Сб., VI, изд. Геогр. Общ.), и съ египетской сказкой о двухъ братьяхъ. Ослѣпленіе лумбу Гвардамбы можно принять за слѣдъ темы кровосмѣшенія, исчезнувшей изъ сказанія (ср. Едипъ, Кунала, сынъ Асоки). Не былъ ли Гвардамба младшій братъ Сронцзана, несправедливо заподозрѣнный въ связи съ женой царя или въ желаніи присвоить его невѣсту, или оклеветанный самой царицей и ослѣпленный по ея навѣту, въ родѣ нашего калики Касъяна? Темы ослѣпленія въ египетской сказкѣ нѣтъ; въ ней есть, вмѣсто того, оскопленіе, которое совершаетъ надъ собою младшій братъ послѣ того, какъ бѣжалъ отъ старшаго. По словамъ Масперо, гораздо естественнѣе разсказывается въ исторіи о Combabos (Les contes populaires de l'Egipte ancienne, par G. Maspero, Paris, 1882, p. XVIII), гдѣ младшій братъ оскопляется ранѣе оклеветанія, такъ что удостовѣреніе оскопленія служитъ ему поводомъ къ оправданію въ клеветѣ. У Сюань-цаня есть разсказъ объ оскопленіи въ связи съ подозрѣніемъ въ кровосмѣшеніи, хотя и отнесенный не къ Хотану, а къ другому городу (St. Julien, Memoire sur les contrées occident., t. I, p. 8). Сопоставляя тангутскую и египетскую сказки, лумбу Гвардамбу придется приравнять къ Bitiou, Сронцзана къ Анпу, а Ландарму къ царю, отнявшему жену у Bitiou; при сопоставленіи же съ варіантомъ, записаннымъ нами (Оч., IV, 242), Гвардамба будетъ соотвѣтствовать дзулдзуку или Балынъ-сенге, Сронцзанъ—Бамба-шиту, а Ландарма — царю, отнявшему жену у дзулдзука[1]). Въ тангутской сказкѣ для убіенія царя введенъ новый персонажъ; не развивалась ли сказка въ такомъ видѣ: Сронцзанъ и Ландарма было одно и то же лицо, а Гвардамба былъ младшій братъ Сронцзана, оклеветанный и ослѣпленный; онъ мститъ своему злому старшему брату и убиваетъ его? Такое предположеніе могло бы объяснить, почему связь между двумя частями тангутской легенды, въ настоящей редакціи совершенно внѣшняя, удерживается въ самостоятельно разсказываемыхъ варіантахъ о поѣздкѣ за дзу съ одной стороны и о постройкѣ царскаго дворца съ другой.

Бурятскій разсказъ о постройкѣ дворца Бэжинъ сулганъ (Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О., т. XIX, № 3 (1888), стр. 22) ставитъ эту тему въ связь съ разсказомъ объ обычаѣ умерщвлять стариковъ. Въ Александріи тема о старикѣ, обреченномъ смерти, находится въ связи съ поѣздкой для отысканія животворной воды; и здѣсь та же связь между разсказомъ о постройкѣ дворца и поѣздкой за источникомъ благоденствія.

Тибетское сказаніе и классическій миѳъ о Минотаврѣ. Аѳины должны ежегодно поставлять въ жертву Минотавру семь юношей и семь дѣвицъ; Ландармѣ по очереди поставлялись юноши и дѣвицы для бритья его головы, послѣ чего онъ приказывалъ казнить ихъ. Тезей, убійца быка Минотавра, соотвѣтствуетъ убійцѣ Ландармы, Балъ-дорчжи. Дѣвица Аріадна стоитъ на мѣстѣ невѣсты тибетскаго царя. Аріадна не доѣхала до Аѳинъ; на островѣ Наксосѣ она заснула и Тезей оставляетъ ее тутъ, подобно тому, какъ Абатай, въ монгольскомъ сказаніи оставляетъ, половину статуи (Эрдэни-дзу?) на перевалѣ; въ тибетскомъ варіантѣ эта тема ослаблена и является въ видѣ кратковременной пріостановки на перевалѣ. Нить Аріадны можно видѣть въ той шелковой ниткѣ, которую тибетскій вельможа Гвардамбо долженъ продѣть черезъ лабиринтъ внутри бусины.

Постройка лабиринта имѣетъ себѣ параллель въ постройкѣ Ласскаго лабрана; для первой потребовалась мудрость Дедала, для второй мудрость Гвардамбы: и въ классическомъ и въ тибетскомъ разсказѣ участвуетъ скалистый островъ, одиноко поднимающійся изъ водъ, но исторія появленія острова различна. И здѣсь, то есть въ классическомъ миѳѣ, мы имѣемъ смѣшеніе темъ изъ первой и второй половины тибетскаго сказанія; постройка лабиринта, истребитель людей Минотавръ, герой, убивающій его—это темы изъ второй половины. Увозъ Аріадны, нить Аріадны—темы изъ первой половины. Отецъ Тезея Эгей, отпуская сына, велѣлъ ему поднять на кораблѣ черные паруса, и, возвращаясь, въ случаѣ благопріятнаго исхода предпріятія, перемѣнить черные паруса на бѣлые. Въ нашемъ варіантѣ тибетскаго сказанія полнаго соотвѣтствія съ этой подробностью нѣтъ; но перемѣна цвѣта въ связи съ возвращеніемъ побѣдителя зла стоитъ въ легендѣ—лошадь мѣняетъ масть, черную на бѣлую.

Въ нашемъ варіантѣ убійца Ландармы избавляется отъ дальнѣйшаго преслѣдованія благодаря пауку (см. выше стр. 200); но у Шмидта (Gesch d. Ost-Mong., 364) и у насъ въ разсказѣ № 44 убійцѣ Ландармы приписывается та же хитрость: окрашеніе бѣлаго коня въ черный цвѣтъ,

[1]) Ландарма не гандарва ли, измѣненное домышленіемъ подъ вліяніемъ образа быка —царя? гЛангъ «быкъ» по-тибетски.

Digitized by Google

который во время переправы черезъ рѣку омылся. Тибетское сказаніе изъ классическаго удержало одну только общую идею: смѣну черной окраски бѣлою.

Смѣна цвѣта лошади находится въ кельтскомъ сказаніи о смерти Кухулина. Сообщеніемъ этого эпизода мы обязаны Е. В. Балобановой; вотъ онъ: Въ Ульстерѣ въ долинѣ Муртемни (maig—долина) каждый годъ собирались на праздникъ, длившійся три дня до и три дня послѣ samfuin'a, т. е. лѣтняго солнцестоянія. На этотъ праздникъ обыкновенно привозили богиню войны Mor-serne: mòr «великая», serne, sern «война». Но на этотъ разъ богиня не хотѣла ѣхать, и сломала колесницу, которую приготовилъ Кухулинъ для нея, потому что знала, что Кухулинъ погибнетъ послѣ samfuin'a въ maig la Ultu, т. е. въ долинѣ Ульстера. «Сѣрый изъ Маха», конь Кухулина не далъ себя запрячь, потому что зналъ, что Кухулинъ погибнетъ и т. д. Такимъ образомъ все предостерегало Кухулина, но онъ, разсердясь, оставилъ богиню на мѣстѣ, въ Эмайкѣ, вскочилъ на «Сѣраго изъ Маха», и поѣхалъ къ югу воевать съ людьми Конда или Конна. Опять слѣдуетъ цѣлый рядъ предостереженій и угрожающихъ встрѣчъ и, наконецъ, переплывая рѣку въ виду непріятеля, «Сѣрый изъ Маха» обратился въ бѣлаго, какъ снѣгъ, коня, такъ что люди Конда узнали его и всадника только тогда, когда Кухулинъ бросилъ рукояткой впередъ свой мечъ, пронзившій девять череповъ стражей и убилъ девять человѣкъ, стоявшихъ позади нихъ. За тѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе смерти сначала управляющаго колесницей Кухулина, откуда-то явившагося тутъ, потомъ коня, а затѣмъ и Кухулина. Этотъ варіантъ еще никѣмъ не переведенъ и переданъ здѣсь только въ пересказѣ г-жи Балобановой. Существуетъ нѣсколько варіантовъ о смерти Кухулина; одинъ изъ нихъ переведенъ Скене на англійскій языкъ (Revue Celtique, t. V); г-жа Балобанова пересказала эпизодъ по книгѣ Ленстера въ «Пантеонѣ Литературы» за май 1890, но въ немъ нѣтъ этой подробности. Варіантъ Скене, и помѣщенный въ «Пантеонѣ» оба гораздо короче и несомнѣнно христіанскаго времени, потому что убитый Кухулинъ является предвозвѣстникомъ Христа и поетъ о «днѣ судномъ».

См. ниже № 37.

---

28. ДЗАНДАНЪ-ЧЖУ ВЪ ПЕКИНѢ.

(Китайскій).

Китайскій ханъ увидѣлъ однажды во снѣ ночью, будто онъ выстрѣлилъ изъ лука на западъ. Утромъ онъ собралъ свѣдущихъ людей и спросилъ, что этотъ сонъ значитъ. Тѣ ему отвѣчали, что на западѣ родился богъ. Тогда ханъ послалъ на западъ двухъ своихъ вельможъ Ми-омоктай и То-омоктай[1]). Тѣ поѣхали на западъ въ Индію къ Алтанъ-хану; прибывъ туда, они объявили, что ихъ китайскій ханъ видѣлъ сонъ, который означаетъ, что на западѣ родился богъ, и что вотъ они присланы просить этого бога. Алтанъ-ханъ говоритъ имъ: «Богъ Шикчжи-муни уже умеръ; мясо спало съ костей, остались однѣ голыя кости». Послы попросили позволенія взять кости. Получивъ ихъ, они отвезли ихъ въ Пекинъ. Китайскій ханъ велѣлъ смолоть ихъ, смѣшать съ глиной и слѣпить статую въ томъ видѣ, какой богъ имѣлъ во время жизни. Когда статуя была готова, ханъ велѣлъ поклоняться ей. Вельможи отказались, сказали, что имъ недосугъ, вѣдаемъ уголовныя дѣла, судимъ гражданскія тяжбы, бумаги пишемъ. Ханъ велѣлъ крестьянамъ поклоняться статуѣ; тѣмъ тоже недосугъ; пашню надо пахать. Кто же будетъ поклоняться богу? воскликнулъ ханъ. Тогда одинъ вельможа сказалъ: «Въ тюрьмѣ

---

[1]) Омокъ—поколѣніе, родъ; одинъ вельможа изъ фамиліи Ми, другой изъ фамиліи То.

Digitized by Google

сидитъ одинъ преступникъ, убившій человѣка. Онъ долженъ быть казненъ. Ханъ! ты не казни его, а отпусти на волю и прикажи ему, пусть онъ покланяется богу, а чтобъ люди знали его, вели ему обрить голову, перекинуть черезъ плечо оркимджи [1]) и пусть онъ по звону колокола приходитъ въ суме [2]) молиться и живетъ милостыней». Ханъ одобрилъ совѣтъ, велѣлъ отпустить изъ тюрьмы убійцу, велѣлъ обрить ему голову и далъ ему имя: хэшанъ [3]).

Сантанъ-джимба.

Дзанданъ по монгольски сандальное дерево. Исторія пекинской джу изъ сандальнаго дерева передана по статьѣ А. О. Ивановскаго въ примѣчаніи къ предъидущей статьѣ (см. выше стр. 206).

---

29. АБАТАЙ-САИНЪ-ХАНЪ.

(Монгольскій).

Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ велъ войну съ тибетскимъ царемъ (Тубутъ онгуренъ ханъ); тибетскій царь сталъ просить мира и спрашиваетъ Абатай-саинъ-ноинъ-хана, что онъ потребуетъ, чтобъ заключить миръ. Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ сказалъ: «Отъ Банчень-эрдени я желаю взять амит'-дзо [4]), а отъ Далай-ламы его голову». И Баньчень-эрдени и Далай-лама согласились дать то, что просилъ Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ. Когда Абатай пришелъ къ Баньчень-эрдени просить амит'-дзо, Баньчень-эрдени указалъ ему на рядъ боговъ и сказалъ, чтобъ онъ самъ отыскалъ, который изъ нихъ амит'-дзо. Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ не знаетъ, какъ отличить амит'-дзо. Къ кому ни обратится съ распросами, всѣ отказываются, изъ боязни, что тибетскій царь отрубитъ голову. Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ спрашиваетъ одну шибукчи (служанку), не знаетъ ли она. «Знаю», говоритъ шибукчи, «но боюсь сказать. У хана есть такіе люди, которые сейчасъ узнаютъ, кто сказалъ». Абатай говоритъ: «Я придумаю средство обмануть ихъ. Ты сядь въ котелъ, наполненный водой; я прикрою тебя бурхеремъ [5]), сверхъ его поставлю чашку съ водой; ты просунь въ устье бурхеря мѣдную трубу и черезъ неё передай секретъ!» Такъ и сдѣлали. Шибукчи сказала: «Прикладывай руку къ груди каждой статуи; у амит'-дзо будетъ слышно, какъ стучитъ сердце». Когда Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ узналъ амит'-дзо, тибетскій ханъ сказалъ: «Это кто-нибудь выдалъ тайну!» Онъ призвалъ шарь-цзурхайчи и велѣлъ ему гадать. Шарь-цзурхайчи отвѣчалъ: «Выдала тайну женщина шибукчи съ бронзовой задницей, съ молочными внутренностями, съ деревяннымъ туловищемъ,

---

[1]) Оркимджи—кусокъ сукна, въ которое драпируютъ свой торсъ буддійскіе монахи.
[2]) Суме—храмъ.
[3]) Хэшанъ—китайское имя буддійскихъ монаховъ.
[4]) Амиту—живой, одухотворенный.
[5]) Колпакъ на винокуренный котелъ.

Digitized by Google

съ мозгомъ изъ растопленной бронзы и съ мѣднымъ носомъ» (ширмынъ [1]) боксётай сюнъ гедистай модонъ бiитей ширмынъ усунъ тарихтай дзесь хошутай шибукченъ емь хельчигобо). Ханъ осердился на вздорный отвѣтъ и велѣлъ шарь-цзурхайчи'я разорвать на части и бросить въ воду. За тѣмъ онъ призвалъ ламъ и имъ велѣлъ посмотрѣть въ книгахъ. Ламы повторили слова ворожеи: «Выдала тайну женщина шибукчи съ бронзовымъ задомъ, съ молочными внутренностями, съ деревяннымъ туловищемъ, съ мозгомъ изъ растопленной бронзы и съ мѣднымъ носомъ» [2]). Тогда царь подумалъ, что шарь-цзурхайчи былъ правъ. Онъ отдалъ амит'-дзо, но не хотѣлъ отдать голову Далай-ламы. Онъ окружилъ Далай-ламу солдатами. Въ это время Далай-лама умеръ. Тѣло его положили на костеръ и зажгли. Черепъ Далай-ламы отлетѣлъ и упалъ въ колѣни Абатай-саинъ-ноинъ-хана. Ханъ быстро схватилъ его и тайкомъ передалъ назадъ себя своимъ слугамъ. Тѣ разрѣзали у верблюда кочку, заложили въ нее черепъ Далай-ламы, прикрыли кожей и зашили. Тибетскій царь велѣлъ обыскать караванъ Абатай-хана; осмотрѣли всѣ мѣшки, но черепа Далай-ламы не нашли. Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ отправился домой. Дорогой въ горахъ онъ увидѣлъ сарлыка; онъ поймалъ его и привелъ съ собой въ Халху. Съ этого времени стали въ Халхѣ разводить сарлыковъ. Тибетскіе ламы, недовольные тѣмъ, что Абатай-саинъ-ноинъ-ханъ увезъ амит'-дзо и черепъ Далай-ламы, слѣпили изъ муки животное, въ которомъ одномъ вмѣстили свойства двѣнадцати животныхъ двѣнадцатилѣтняго цикла; они дали ему туловище дракона, хвостъ змѣи, гриву лошади, губу зайца, задъ обезьяны, хохолъ курицы, животъ свиньи, копыто коровы, глазъ тигра, ухо мыши и когти собаки (лунъ бiитей могоисте сультей мористе дельтей тулаисте урултай мечисте бохотой хонисте носутай тахесте урбюлюктей гахаисте гедистей ухуристе торутай баристе нюдутей хулугунаисте чикитей нохоисте хомустей). Звѣрь вышелъ страшный; ламы пустили его въ погоню за Абатай-саинъ-ноинъ-ханомъ, но Абатай велѣлъ своимъ ламамъ читать номъ; этимъ чтеніемъ они укротили верблюда и сдѣлали изъ него смирное вьючное животное.

Талай-чокуръ-ванъ есть потомокъ Абатай-саинъ-хана, а о трехъ гэгэнахъ Заинъ-гэгэнъ, Ламынъ-гэгэнъ и Ширету-гэгэнъ говорятъ, что это Шареголынъ гурбанъ ханъ, «три хана шарегольскихъ».

Джамсэрэнъ, лама, изъ халхаскаго хошуна Талай-чукуръ-вана на Едерѣ.

См. Очерки, IV, 332—341; Живая Старина, 1891, кн. III, стр. 238, У г. Позднѣева въ книгѣ «Монгольская лѣтопись», Спб., 1883, стр. 90. Если Абутай или Абатай дѣйствительно существовалъ, то значитъ народная легенда перенесена на историческое лицо. Почему легенда о введеніи буддизма приклеилась къ этому имени, объ этомъ должны сказать занимающіеся монгольской исторіей? Обыкновенно преданію дается такое толкованіе, что послѣ Чингисъ-хана буддизмъ въ

[1]) Ширама—потибетски бронза. Сообщ. А. А. Ивановскій.

[2]) Это повидимому загадка о винокуренномъ снарядѣ. Ср. съ монгольской загадкой: дурбунъ эмегенъ ельгинъ еджи, нигенъ эмэгенъ боксенъ еджи, «четыре старухи грудь грѣютъ, одна старуха задницу грѣетъ». Таганъ и котелъ.

Digitized by Google

Монголіи палъ и что при Абатаѣ онъ вновь сталъ процвѣтать. Банзарову не нравилось такое объясненіе; онъ считалъ невѣроятнымъ, чтобъ народъ могъ забыть религію, если онъ ее уже исповѣдывалъ; чтобы не отвергнуть легенды о новомъ введеніи буддизма, Банзаровъ полагалъ, что при Чингисъ-ханѣ буддизмъ имѣлъ успѣхи болѣе при дворѣ и между знатью, нежели въ самомъ народѣ.

Вопросъ объ имени Абатай рѣшается такъ: если Абатай историческое лицо, то значитъ въ легендѣ прежде стояло другое имя, Абатай вошло въ легенду случайно и этимологія его ни какого значенія для исторіи легенды не имѣетъ; если же имя Абатай составляетъ неотдѣлимую принадлежность легенды, тогда историческое значеніе преданія объ Абатаѣ становится сомнительнымъ.

Монгольское преданіе объ Абатаѣ есть повтореніе легенды о Шантиварманѣ, разсказанной Даранатой; она уже указана нами выше на стр. 17-й. Сходныя черты: 1) отдаленное странствованіе для приглашенія бога придти въ страну; 2) женщина выручаетъ Шантивармана изъ затрудненія, когда онъ достигъ мѣстопребыванія бога; (она указываетъ ему входъ въ жилище бога, который Шантиварманъ тщетно ищетъ; въ преданіи объ Абатаѣ выручающая его женщина названа привратницею; не представляетъ ли легенда о Шантиварманѣ переходъ отъ тангутскаго разсказа о сватаньѣ китайской царевны и о бусинѣ съ кривымъ каналомъ внутри къ классическому мину о лабиринтѣ?); 3) остановка бога на полупути, не дошедши до страны. Въ монгольской легендѣ богъ остановился на перевалѣ: идея высокаго мѣстоположенія есть и въ сказаніи о Шантиварманѣ; богъ помѣстился на деревѣ. Четки (или ожерелье) въ монгольской легендѣ также упоминаются; см. Очерки, IV, 334 [1]).

Шантиварманъ доставилъ въ свою страну бога Авалокитешвару, т. е. Арья-Вало; поэтому можно думать, что и въ монгольскомъ разсказѣ первоначально стоялъ Арья-Бало вмѣсто Гомбогура или Эрдэни-цзу. Арья-Бало, главный покровитель буддизма, болѣе, чѣмъ другая фигура, соотвѣтствуетъ мѣсту въ легендѣ о введеніи буддизма въ страну. Это ведетъ къ другому предположенію: Галданъ, напавшій на монастырь Эрдэни-цзу (см. Очерки, IV, 410) выковыриваетъ драгоцѣнность (эрдэни) изъ чела Арья-Вало, а не какого-либо другого бога [2]).

Въ рукахъ у Галдана какое-то вращающееся орудіе (Оч., l. c.); не стоитъ ли оно въ связи съ хорло, «колесомъ вѣры», которое соединено съ идеей о исповѣданіи буддизма? Первая проповѣдь Будды символизируется первыми оборотами вращающагося тысячерадіуснаго колеса. Хорло изображается на крышѣ каждаго буддійскаго храма, на переднемъ, т. е. на южномъ фасадѣ зданія, надъ входомъ въ храмъ. По сторонамъ хорло всегда находятся изображенія двухъ животныхъ въ родѣ ланей. Въ легендахъ о монастырѣ Эрдэни-цзу упоминаются какія-то двѣ собаки, которыя лаютъ во время опасности, угрожающей монастырю (см. Очерки, IV, 410; въ Лассѣ то же свойство приписывается какому-то вонту; см. выше стр. 203). О лани, своимъ появленіемъ и колѣнопреклоненіемъ отвратившей нашествіе Чингисъ-хана на Индію, см. у Сананъ-Сэцэна (Gesch. d. Ost-Mong., 89).

Ниже будетъ указано на темы, соединенныя съ именемъ Ончонъ; такъ назывался братъ Галдана. Въ передачѣ Гэсэра, которую я слышалъ отъ ордосскаго монгола Пунцука, упоминался Анчинъ; это Андзанъ варіанта, записаннаго Хангаловымъ (см. выше, стр. 98) и Nandson въ Thaten у Шмидта; ср. картину, какъ этотъ богатырь одиноко въ степи лежитъ раненый и ждетъ кончины, съ эпизодомъ о больномъ оспою, брошенномъ въ степи и оставшемся одинокимъ Ончономъ. Въ Алтанъ-Тобчи Анчи-анду-шира и Галдзагу-чингъ-тайши, во время похода Чингисъ-хана на Ваньчика дзурчитскаго, спрудили воду въ рѣкѣ, чтобъ облегчить войску переправу (стр. 17); у Сананъ-Сэцэна (стр. 75) это сдѣлалъ Andun-Tsching-Taidschi. О. Палладій сообщаетъ, что Хасаръ, братъ Чингиса и Анчинъ, братъ Бортѣ-(фучжинъ) получили въ удѣлъ урочище Кулѣръ-Ундургинь (Труд. пек. дух. мисс., IV, стр. 236, прим. 507).

О другихъ отношеніяхъ Галдана къ сказанію о Гэсэрѣ см. выше, стр. 129. Эпизодъ объ Андзанѣ находится въ главѣ о ширайгольской или хорской войнѣ, которой въ русскомъ былинномъ эпосѣ, по нашему мнѣнію, соотвѣтствуетъ татарскій наѣздъ на Кіевъ. Андзану или Анчину соотвѣтствуетъ Ермакъ или Михайло Даниловичъ; Данило Игнатьевичъ будетъ соотвѣтствовать Галдану. Галданъ былъ монахъ, но узнавъ о насильственной смерти своего брата Ончона, оставляетъ монастырь и беретъ въ руки мечъ. Въ тангутскомъ варіантѣ это кажется Кала-мэмбыръ.

---

[1]) На китайскихъ картинахъ, изображающихъ Гуань-инъ-пусу (Арья-Бало), голубь несетъ богинѣ четки.

[2]) У Даранаты (Schiefner, Târanâtha's Gesch. des Buddhismus, 1869, S. 157) богиня Дара сама вынимаетъ украшенія изъ своего изображенія и отдаетъ бѣдной невѣстѣ.

Digitized by Google

Преданіе объ Абатаѣ должно быть дополнено изъ параллельныхъ легендъ: 1) о Джу-Рембучи 2) о Эртэне-мергенѣ (Оч., IV. 416) и о Шантиварманѣ, а также о Эрдэни-Хараликѣ (Schmidt, Gesch. d. Ost.-Mong., 425—488). Вѣроятно первоначальный видъ сказанія былъ такой. Герой сказанія привозилъ изъ какого-то отдаленнаго края дѣвицу, имѣвшую свойство приносить счастье народу, среди котораго она жила (Эрдэни-Хараликъ). Позднѣе явилось двѣ версіи: о привозѣ невѣсты и о привозѣ бога, приносящаго счастье. Затѣмъ обѣ темы сводятся и образуютъ версіи 1) герой привозитъ невѣсту и вмѣстѣ съ тѣмъ приносящаго богатство бога (Эртэне-мергенъ); 2) герой привозитъ невѣсту, которая старается захватить съ собой бога, приносящаго счастье (Ласская легенда, нашъ № 27).

Женщина привратница можетъ быть была та самая женщина, которая составляла цѣль поѣздки (ср. въ сказкахъ о Эрдэни-Хараликѣ у Шмидта и о Эртэне-мергенѣ). Она сама помогала пріѣхавшему за ней совѣтами, являясь ему въ обращенномъ видѣ. Не сама ли невѣста также открыла амдосцу Гвардамбо секретъ, какъ вдѣть въ бусину нитку? Такая женщина, сноровляющая похитителю, бываетъ обыкновенно или старой его женой, увезенной противникомъ, или женой, улетѣвшей подъ видомъ лебедя. Не разсказывалось ли и объ Абатаѣ, что онъ ѣздилъ возвращать удалившуюся въ видѣ лебедя жену подобно Тунгъ-Каратты-хану (Оч. IV, 373), или Мани-Ветыръ-хану (Оч., IV, 523)?

Укрощеніе верблюда (теменъ) вѣроятно приписывалось самому Абатаю. Ср. съ разсказомъ объ укрощеніи верблюда въ Очеркахъ, II, 167. Этотъ послѣдній разсказъ о верблюдѣ и пронятомъ его носѣ не относится ли къ Большой Медвѣдицѣ, которая движется какъ будто на привязи у Полярной Звѣзды?

Абатай не могъ привезти въ Монголію цѣлую статую; онъ долженъ былъ отрубить задъ и вывезъ только одинъ торсъ (Очерки, IV, 333 и слѣд., Жив. Ст., l. c.). Ср. дѣти Бурте-убугуна не могли вывезти цѣлое тѣло своего отца, отрубили ему голову и только голову вывезли. См. прим. къ № 65.

30. ДЖОЛМА-НУРМУ.

(Тангутскій).

Было два монастыря, въ которыхъ жили сангаспа [1]). Тогда ламъ еще не было и всѣ монастыри были наполнены сангаспами. Западный монастырь былъ богатый; воды было много, горы были покрыты лѣсомъ и зеленью, скотъ плодился. Въ восточномъ жили бѣдно; воды не было, горы были голыя, скотъ не плодился. Монахи восточнаго монастыря узнали, что въ озерѣ около западнаго монастыря есть эрдени, отъ котораго и происходитъ обиліе всякихъ благъ. Они послали одного сангаспа украсть эрдени. Жила около западнаго монастыря одна бѣдная женщина съ сыномъ, сынъ рубилъ дрова и тѣмъ питалъ мать. Его встрѣтилъ одинъ старикъ и говоритъ: «Придетъ сангаспа съ цѣлью украсть эрдени; разоставитъ по берегу сто иголокъ и тогда озеро закипитъ. Въ это время ты схвати его». Тотъ такъ и сдѣлалъ. Сангаспѣ не удалось украсть эрдени. За это старикъ сыну бѣдной женщины далъ орудіе для ловли. Сынъ пришелъ къ матери и говоритъ, что онъ будетъ жениться. Онъ пошелъ къ діянчи [2]), сидѣвшему въ пещерѣ и

[1]) Особая секта буддистовъ.

[2]) Діянчи—отшельникъ.

Digitized by Google

спросилъ его, гдѣ бы ему найдти невѣсту. Діянчи говоритъ, что сюда на озеро приходитъ дѣвица, что её можно изловить только тѣмъ орудіемъ, которое онъ получилъ отъ старика на озерѣ, и поставилъ его за дерево. Этотъ человѣкъ увидѣлъ дѣвицу сквозь листья и, накинувъ на неё свою ловушку, поймалъ её за золотой браслетъ (алтынъ багы). Онъ привелъ ее къ матери; та говоритъ: «Это небесная дѣва! Гдѣ тебѣ на ней жениться!» Юноша говоритъ матери: «Я слышалъ, что царевичъ Ямантака (по тибетски Джибджи) ищетъ жену, я отдамъ её ему». И онъ отвелъ дѣвицу къ Ямантакѣ. У хана, отца Ямантаки, былъ вельможа. Онъ говоритъ хану: «Ямантака женился на красавицѣ. Приличнѣе было бы эту дѣвицу тебѣ взять въ свои жены». Ханъ велѣлъ убить сына, чтобы присвоить его жену. Но дѣвица надѣла на свою голову золотой вѣнецъ съ цвѣтами, въ которомъ она была найдена на озерѣ и, взявъ царевича подъ мышку, поднялась съ нимъ; спустившись на озеро, она поставила царевича на землю, а сама улетѣла на небо, оставивъ царевичу золотой браслетъ. Царевичъ отправился искать её. Подошелъ къ двумъ бодающимся скаламъ; за ними источникъ, къ которому пришла съ золотымъ кувшиномъ младшая сестра (оркюнъ-дю) жены царевича. Онъ говоритъ ей: «Оглянись назадъ!» и когда дѣвушка отвернулась, онъ опустилъ ей въ кувшинъ золотой браслетъ. Дѣвушка ушла. Поливая сестрѣ на руки, она приговаривала: «Мойся еще!» «Довольно, довольно!» говоритъ та, а эта все свое: «Еще, еще мойся!» И, обернувъ кувшинъ вверхъ дномъ, вылила остатки; браслетъ упалъ въ руки старшей царевны. Она говоритъ: «Мой мужъ пришелъ!» Послѣ этого она пошла къ отцу и сказала ему, что она спускалась на землю, гдѣ у нея былъ другъ, что этотъ другъ теперь пришелъ къ ней. Отецъ пожелалъ его видѣть и отдалъ за него свою дочь. Изъ двадцати дарихе это настоящая Ногонъ-дарихе (по тибетски Джолма нурму).

Дзундуй, широнголъ, лама изъ Сань-чуани.

Посредствомъ накидыванія петли ловится также Самбай-дагина въ урянхайской сказкѣ о Тунгъ-Каратты-ханѣ (Очерки, IV, 373). Самбай [1]) улетаетъ, Каратты-ханъ ѣдетъ отыскивать ее и возвращаетъ. Имя Каратты-ханъ ср. съ вторымъ членомъ парнаго Алтанъ-Гартай, какъ въ одномъ варіантѣ названъ добыватель Гомбо-гуру, въ другихъ варіантахъ называемый Абатаемъ. Въ № 30 (Очерки, IV, 188) птица Гариде (Гаруда) приноситъ дерево зандынъ, т. е. сандалъ. Ср. съ греческ. именами дерева: сандалъ и замбалъ; въ Туркестанѣ сумбуль, Eringiam.

---

[1]) Самбай ср. съ китайскимъ сань-бао, «три драгоцѣнности», то же, что помонгольски гурбанъ-эрдэни.

Digitized by Google

31. ГУАНЬ-ИНЪ-ПУСА [1].

(Китайскій, разсказанный по-монгольски).

Въ провинціи Ху-нань былъ царь Чжуанъ-ванъ; четырьмя воротами его столицы управлялъ Шинъ-чжя-шянъ-нойонъ; у этого нойона была дочь красавица, большая мастерица на всѣ руки, и между прочимъ рисовать, особенно цвѣты, которые и разводить она умѣла. Отецъ ея умеръ, оставивъ ей много серебра. Чжуанъ-ванъ прислалъ ей письмо, въ которомъ приглашалъ её выйдти за него замужъ. Она отвѣтила ему: «Ты царь, у тебя много серебра и всякаго имущества и безъ того; къ чему тебѣ мое серебро? Ты шестидесятилѣтній старикъ, я же дѣвица, которой не болѣе восемнадцати лѣтъ; развѣ есть законъ, допускающій такіе неравные браки?» Въ томъ же городѣ въ монастырѣ былъ хэшанъ [2]) Инъ-хай; онъ велъ жизнь свѣтскую, не монашескую. Инъ-хай говоритъ Чжуанъ-вану: «Не гонись за красотой дѣвицы Шинъ-чжяръ. Она дѣвушка дурного поведенія!» Монахъ имѣлъ въ мысляхъ самъ жениться на дѣвушкѣ. У Инъ-хая былъ шаби [3]). Шаби говоритъ своему отцу-наставнику: «Твое поведеніе худое; ты хочешь жениться на дѣвушкѣ, за которую сватается царь. Узнаетъ царь, отрубитъ тебѣ голову, а монастырь велитъ сжечь. Я тебя научу какъ нужно сдѣлать! Вдвоемъ съ Шинъ-чжяръ вы убѣгите отсюда; отецъ ея былъ мандаринъ, у нея должно быть много серебра; у тебя тоже есть серебро; на дорогу и чтобы прожить на чужбинѣ, вамъ этого серебра достаточно. А я, если спроситъ меня царь, скажу, что ты убѣжалъ, а куда, не знаю!» Такъ Инъ-хай и сдѣлалъ. Прибѣжали бѣглецы къ берегу моря; среди моря островъ. Они просятъ перевозчиковъ перевезти ихъ на островъ. Перевозчики перевезли. Инъ-хай далъ имъ много серебра и говоритъ: «За мной прибѣжитъ въ погоню Чжуанъ-ванъ; если онъ спроситъ васъ, не видѣли ли бѣглыхъ Инъ-хая и дѣвицу, скажите, что меня не видали, а прибѣжала одна дѣвица и та на цвѣткѣ улетѣла на небо». Чжуанъ-ванъ прибѣжалъ къ берегу, спрашиваетъ перевозчиковъ, не видѣли ли они бѣглаго Инъ-хая съ дѣвицей. Перевозчики были добрые люди; они говорятъ Чжуанъ-вану: «Инъ-хая не видали, а видѣли только одну дѣвицу; она прибѣжала къ морскому берегу и стала плакать; изъ воды вышелъ цвѣтокъ лянъ-хуа; она сѣла на цвѣтокъ и цвѣтокъ вмѣстѣ съ нею поднялся къ небу». Чжуанъ-ванъ повѣрилъ и сказалъ: «Эта дѣвица съ неба на землю спустилась. Это была моя дже» (т. е. дочь старшей сестры). И приказалъ по всему государству дѣлать ея статуи и покланятъся имъ. Вотъ почему Гуань-инъ-пуса рисуется съ цвѣткомъ въ рукѣ, выходящимъ изъ подъ пальцевъ ея ноги.

Сантанъ-джимба.

---

[1]) Разсказчикъ пояснилъ, что Гуань-инъ-пуса у монголовъ называется Арья-Пало и что этотъ богъ разъ являлся на землю въ видѣ дѣвицы.

[2]) Хэшанъ—буддійскій монахъ.

[3]) Шаби—ученикъ.

Digitized by Google

Въ Annales du Musée Guimet, t. II, p. 188, помѣщена слѣдующая китайская легенда о Гуань-инъ-пусѣ. Въ 2587 г. до Р. Х. жилъ на западѣ царь Miao-Tchoang; онъ отличался разумомъ и добродѣтелями; жена его называлась Pao Teh. Сорокъ лѣтъ онъ занималъ престолъ, а дѣтей не имѣлъ. Печалилась вмѣстѣ съ царемъ и царица и позвала его однажды пойдти къ Горѣ Цвѣтовъ, гдѣ былъ образъ божества, одаренный такимъ могуществомъ, что прибѣганіе къ нему никогда не оставалось безъ послѣдствій. Царь поднесъ въ монастырь, гдѣ стоялъ образъ божества, большіе подарки и послѣ того царица три раза зачинала и родила трехъ дѣвицъ; младшая, которой дали имя Miao Chen, «Прекрасная Добродѣтель», потомъ и сдѣлалась Гуань-инъ-пусой. Между тѣмъ царь сталъ становиться старымъ и, не имѣя сына наслѣдника, рѣшилъ выдать дочерей замужъ и одного изъ зятьевъ объявить наслѣдникомъ. Первыя двѣ дочери безпрекословно вышли замужъ, младшая отказалась; она хотѣла вести жизнь въ уединеніи, чтобы усовершенствоваться въ размышленіяхъ и достичь состоянія боди. Царь не хотѣлъ слышать объ этомъ и даже вошелъ въ ярость. Онъ велѣлъ сорвать съ царевны одежды и бичами прогнать ее въ лѣсъ и запереть тамъ, чтобъ она умерла отъ голода. Тщетно придворныя дамы уговаривали ее вернуться во дворецъ. Она рѣшилась удалиться въ монастырь бѣлыхъ монаховъ. Царь не препятствовалъ, думая, что скучная монастырская жизнь образумитъ ее. Въ монастырѣ её обременяли трудными работами, но ей помогали духи всякаго рода, даже тигры и птицы. Тогда царь приказалъ поджечь монастырь; монахини бросились спасаться, но Мяо-шенъ обратилась къ духу горъ съ молитвой и тотчасъ тучи и дождь потушили ножаръ. На царя это чудо не подѣйствовало. Онъ приказалъ привести ее во дворецъ и устроилъ праздникъ, чтобъ увлечь царевну прелестями жизни. Но когда и это не измѣнило намѣреній царевны, отецъ рѣшилъ обезглавить ее. Тогда духъ страны получилъ приказаніе отъ Неба наблюсти, чтобъ тѣлу царевны не было сдѣлано никакого вреда и доставить ее въ адъ. Царевна была передана палачу, но когда онъ обнажилъ саблю, сабля внезапно изломалась; палачъ хотѣлъ проколоть тѣло царевны копьемъ, но невидимая рука разсѣкла его пополамъ. Палачу оставалось одно: удушить царевну. Во время исполненія этой послѣдней казни буря помрачила небо, и духъ, покровитель мѣста, принявъ видъ тигра, показался изъ лѣса; палачъ и люди разбѣжались. Тигръ положилъ трупъ на спину и унесъ его. Царь истолковалъ это чудо желаніемъ Неба показать, что оно само хотѣло наказать царевну за недостатокъ любви къ родителямъ.

Тѣло царевны осталось цѣло. Она очнулась въ области, гдѣ ни солнца, ни луны, ни звѣздъ, ни горъ, ни людей. Передъ ней явился юноша, окруженный сіяніемъ; онъ былъ посланъ Ямой, богомъ ада, и пригласилъ ее послѣдовать за нимъ въ адъ, чтобы видѣть муки грѣшниковъ. Повсюду, гдѣ она являлась, обнаруживалась сила ея милосердія и души, находившіяся въ мученіяхъ, толпами выходили на землю силою ея молитвъ. Царь ада тоже хотѣлъ слышать ея молитвы. Она согласилась произнести ихъ, но съ условіемъ, что всѣ души будутъ освобождены изъ ада. Яма, видя, что она разрушила его царство, поспѣшилъ отказаться отъ права на ея душу и велѣлъ, не теряя минуты, отвести ее на землю.

Проснувшись, она не знала, куда идти. Явился Сакіямуни, указалъ ей идти на гору Путо, и далъ ей персикъ, который долженъ предохранить ее отъ голода и жажды. Планета Венера велѣла мѣстному духу обратиться въ тигра и идти ей на встрѣчу; богъ повиновался и доставилъ царевну въ Путо. Здѣсь боги и богини возвели ее на тронъ. Сироту Hoan Chen Тваї'я избрали ей въ ученики; Мяо-шенъ приняла его только послѣ испытанія. Она приказала духамъ острова принять видъ разбойниковъ, которые будто бы окружили ее съ злымъ намѣреніемъ, сама притворилась испугавшеюся и бросилась со скалы въ пропасть. Шенъ-цай не задумался броситься вслѣдъ за ней, но она спасла ему жизнь своей чудотворной силой. Мяо-шенъ пріобрѣла и ученицу, дочь царя дракона морей. Третій сынъ дракона плавалъ подъ видомъ рыбы, попалъ въ сѣти и былъ проданъ на базарѣ. Мяо-шенъ приказала Шенъ-цаю принять видъ человѣка и освободить плѣнника. За это царь драконовъ подарилъ Мяо-шенъ перлъ, который свѣтилъ ночью, чтобъ она могла читать священныя книги, когда темно. Съ этой вѣстью онъ отправилъ къ ней свою дочь; Мяо-шенъ соединила ее съ Шенъ-цаемъ такъ, что они стали какъ бы братъ и сестра.

Небо въ наказаніе послало на Мяо-чжоана, отца царевны, ужасную болѣзнь. Его тѣло подверглось гніенію и покрылось прыщами и язвами. Мяо-шенъ узнала объ этомъ, не оставляя острова. Больной царь издалъ указъ призвать лучшихъ лѣкарей. Мяо-шенъ приняла видъ стараго жреца, пришла во дворецъ отца и объявила, что единственное лѣкарство, отъ котораго встанетъ царь, рука и глазъ одного изъ его близкихъ. Оба предмета находятся на островѣ. Путо Тотчасъ

Digitized by Google

послали двухъ министровъ искать странные медикаменты, но два зятя царя рѣшили убить жреца и отравить тестя, чтобы самимъ сѣсть на тронъ. Мяо-шенъ разоблачила козни; убійца проникъ въ покой жреца, но тотчасъ же потерялъ употребленіе членовъ. Два царскихъ зятя кончили самоубійствомъ.

Когда послы царя прибыли въ Путо, Мяо-шенъ отдала имъ свой лѣвый глазъ и лѣвую руку. Царица, мать царевны, была поражена, потому что тотчасъ признала руку своей дочери. Жрецъ успокоилъ ее, смѣшалъ это мясо съ снадобьями и этой мазью исцѣлилъ лѣвый бокъ царя. Такъ какъ другой бокъ царя остался въ прежнемъ состояніи, послы, по совѣту жреца, вновь пошли на островъ Путо просить правую руку и правый глазъ. Жрецъ кончилъ исцѣленіе, поднялся на облакѣ и исчезъ.

Никто при дворѣ не сомнѣвался, что это было собственное тѣло Мяо-шенъ, потому что царица замѣтила пятнышко на лѣвой рукѣ. Поэтому царская чета рѣшилась отправиться къ божественной дочери. Придя въ Путо, они увидѣли ее безъ рукъ и безъ глазъ сидящею на тронѣ. Они признали ее съ перваго взгляда; глубоко тронутый, царь выразилъ горячее желаніе видѣть свою дочь съ руками и глазами. Едва онъ сказалъ это, какъ Мяо-шенъ явилась передъ нимъ здоровою и со всѣми своими членами.

Подъ именемъ Гуань-инъ-пусы у китайцевъ извѣстенъ бодисатва Арья-Бало (Авалокитешвара). Нѣкоторые европейскіе писатели видятъ въ ней подражаніе христіанской Дѣвѣ Маріи. Другіе думаютъ, что культъ ея не вышелъ изъ буддизма и уже существовалъ въ этой странѣ прежде, чѣмъ буддизмъ въ ней появился.

Моряки молятся ей о прекращеніи бури, женщины о дарованіи дѣтей. Тѣ виды ея, у которыхъ просятъ дѣтей, призываются подъ именемъ: «Великая Госпожа въ бѣломъ платьѣ». Именно потому, что она благодѣтельствуетъ бездѣтнымъ, ее представляютъ часто съ ребенкомъ на рукахъ, что дѣлаетъ ее похожею на Дѣву Марію съ младенцемъ Іисусомъ. Она называется также «Скорбящею» (Compatissante) и «Милосерднѣйшею». Китайскіе крестьяне просятъ ее о дарованіи дождя; ее представляютъ укротительницей бога Лунъ-вана, завѣдывающаго дождемъ; повидимому была китайская легенда, которая разсказывала, какъ богиня усмирила злого бога; съ той поры онъ ей сталъ послушенъ и она почитается, какъ вододательница. Въ концѣ II части этого изданія, въ описаніи быта широнголовъ мы помѣщаемъ описаніе обряда, совершаемое предъ изображеніемъ Гуань-инъ-пусы во время засухи.

На картинахъ она представляется иногда сидящею на морскомъ берегу подъ сѣнью бамбука или стоящею на цвѣткѣ среди морскихъ волнъ; изображается въ видѣ китайской дамы, или ей дается совершенно тотъ видъ, который въ Тибетѣ и Монголіи придается бодисатвѣ Арья-Бало, т. е. съ восемью руками, съ одиннадцатью головами, съ лукомъ и стрѣлами въ рукахъ; и другіе аттрибуты тѣ же. Можно прослѣдить между тѣмъ и другимъ изображеніями полнѣйшій переходъ.

Младенецъ изображается иногда на рукахъ богини, иногда онъ стоитъ на цвѣтахъ или листьяхъ водяного растенія среди морскихъ волнъ. Можетъ быть подобныя изображенія ведутъ начало отъ легенды, которая могла разсказываться о Гуань-инъ-пусѣ, какъ о матери, ищущей своего ребенка, брошеннаго въ воду и найденнаго ею. Подобная тема, рядомъ съ отрубленными руками, встрѣчается въ нѣкоторыхъ восточныхъ сказкахъ, какъ наприм. въ сказкѣ Ерь-Сару (Очерки, IV, 341); о сходныхъ чертахъ этой сказки съ тангутской Егъ-таму-нцо и съ монгольской о Ердени-Хараликѣ, который былъ воплощеніемъ Арья-Бало, см. выше стр. 189.

---

32. МАНДЖУШРИ.

(Монгольскій).

Нингунэ [1]), сычуанскій цзунъ-ду [2]), хотѣлъ убѣдиться, дѣйствительно ли Манджушри есть живой богъ. Онъ пустилъ въ него стрѣлу; стрѣла воткнулась въ правое плечо бога; богъ подернулъ плечо кверху и закричалъ: ё, ё, ё! «Въ самомъ дѣлѣ

[1]) Правильнѣе Нянь-гэнъ-яо; см. Успенскій, «Страна Кукэ-норъ» въ Зап. И. Р. Геогр .Общ. по этн. т. VI, стр. 178 и слѣд.

[2]) Цзунъ-ду — намѣстникъ, вице-король.

живой богъ!» сказалъ Нингунэ. Послѣ того тотъ бурханъ такъ и остался со стрѣлой въ плечѣ.

Сантанъ-джимба.

Можетъ быть и съ приподнятымъ плечомъ? Случаи движенія бога, застывшаго въ моментъ, когда оно было застигнуто человѣческимъ вниманіемъ: 1) Манджушри, слушая рѣчь Чандра-гомина, повернулъ лицо въ сторону и, когда замѣтившіе это люди удивились, остался въ такомъ видѣ подъ именемъ «кривошеяго арья» (Васильевъ, Дараната, 157). 2) Авалокитешвара поучалъ Чандра-гомина; Чандра-кирти отворилъ дверь, чтобъ взглянуть на бога; палецъ статуи остался вытянутымъ (ibid.).

Манджушри попросилъ у Еджень-хана земли величиной съ одну ама [1]) дабы [2]); Еженъ-ханъ далъ согласіе. Манджушри разостлалъ аму и она покрыла всѣ пять вершинъ у-тайскихъ горъ.

Онъ же.

Пржевальскій слышалъ въ Тибетѣ въ городѣ Сининѣ разсказъ: Во времена давнія, въ Тибетъ пришелъ какой-то иностранецъ и просилъ, чтобъ ему продали кусокъ земли, равный бычачьей шкурѣ. Тибетцы согласились на это, заключили условіе и взяли деньги. Иностранецъ разрѣзалъ шкуру на тонкіе ремни, обложилъ ими порядочное пространство и объявилъ эту землю своею собственностью. Съ той поры тибетцы боятся пускать къ себѣ иностранцевъ (Третье путеш., 333). Поэтому, будто бы, они не пропустили Пржевальскаго въ Лассу. Разсказъ этотъ записанъ тамъ же, гдѣ Гюкъ, Пржевальскій, Крейтнеръ и я слышали легенду о построеніи Лассы; вѣроятно онъ находится въ связи съ этой легендой. Разсказъ о бычьей кожѣ давно уже былъ записанъ у якутовъ (см. Миддендорфъ, Путеш. по Сибири, рус. изд., ч. II, отд. VI, в. 7, стр. 763; Очерки с. з. Монг. IV, 625; Худяковъ, Верхоянскій Сборн., Ирк., 1890, стр. 54; Извѣст. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XVIII, стр. 11); хитрымъ покупателемъ земли якутское преданіе выставило русскаго; вѣроятно это позднѣйшее измѣненіе. Въ якутскомъ преданіи въ связи съ этой темой стоитъ имя Тыгынъ или Тызынъ: онъ обманутъ при покупкѣ земли. Въ Амдо нѣкогда существовало государство Тогонъ; оно было основано тунгусскимъ племенемъ Сянь-би, пришедшимъ сюда изъ Маньчжуріи; именемъ Тогонъ это тунгусское племя будто бы было названо впослѣдствіи однимъ изъ его владѣльцевъ въ честь Тогона, основателя династіи; вѣроятнѣе Тогонъ былъ легендарный предокъ этого племени. Не эти ли Тогоны принесли съ собой въ Амдо легенду о бычьей кожѣ?

Разсказъ о бычьей кожѣ пріуроченъ и къ Тобольску. Вмѣсто Тызына Kötsüm-kan, т. е. Кучумъ (Padloff, Prob., IV, 11). Къ Тобольску же пріурочена и тема о коварномъ спаиваніи виномъ мѣстнаго князя; вмѣсто якутскаго Тызына здѣсь татарскій князь Сейдякъ.

Разсказъ о бычьей кожѣ принадлежитъ къ группѣ легендъ о захватѣ и дѣлежѣ земли. Ср. легенды о трехъ братьяхъ-первонасельникахъ (рѣшеніе спора киданіемъ комка земли черезъ рѣку и обманъ при этомъ; извѣстную мнѣ русскую литературу я указалъ въ Зап.-Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 145) и о спорѣ боговъ изъ-за обладанія міромъ. Въ послѣдней въ числѣ трехъ боговъ существенны собственно два: Майдари (Шянба) и Бурханъ-бакши; послѣдній выигрываетъ обманомъ (см. Очерки, IV, 269). Разсказъ этотъ входитъ въ составъ космогонической легенды, разобранной А. Н. Веселовскимъ (Разысканіе въ обл. русск. дух. стиховъ, гл. XI—XVII, 1889). Въ алтайской версіи этой легенды Ерликъ проситъ у творца земли уступить ему только то пространство, которое покрыто нижнимъ концомъ его посоха. Творецъ даетъ; Ерликъ отнимаетъ посохъ и изъ отверстія, которое было покрыто его концомъ, полѣзли гады, распространившіеся по всей землѣ.

---

[1]) Квадратъ, оторванный отъ куска матеріи.

[2]) Даба—*бязь, бумажная ткань.*

Digitized by Google

Въ легендѣ, приведенной у о. Нила (Буддизмъ, Спб. 1858, стр. 30—35 и 301), смѣшеніе Манджушри съ Арья-Бало. Мандзу-шара-бычинъ помѣщается въ горѣ Утей-сангунъ-агула (т. е. У-тай?); это родоначальникъ, вступившій въ бракъ съ ракшасой; отъ этого брака родилось шесть звѣроподобныхъ сыновей. Ср. съ тибетской легендой объ Арья Бало, который, чтобъ стать родоначальникомъ, принялъ видъ обезьяны (мечинъ помонгол.) и вступилъ въ связь съ ракшасой (Koeppen, Die Religion des Buddha, B. II, S. 44). Ракшаса легенды о. Нила воплощеніе Ногонъ-дары. Легенды о Ногонъ-дарѣ (Ногонъ-дарихэ) см. выше, стр. 200 и 203.

---

33. АРЬЯ-БАЛО.

(Широнгольскій).

Арья-Бало принялъ видъ обезьяны (мечинъ) и соединился съ мангысомъ женскаго пола. Отъ мангысихи родилось шестеро дѣтей. Мѣстность, гдѣ эти мечинята проводили дѣтство и играли, теперь называется Рсытанъ; въ этой мѣстности выдѣлываются шерстяныя ткани чамбу и терме. Отъ этихъ мечинятъ произошли тибетцы.

Лама Понсохъ, въ Уньчжа-суме.

---

34. БУРХАНЪ-БАКШИ.

(Монгольскій).

Бурханъ бакши, сидя въ своемъ суме, однажды сказалъ: «Кто, окруживъ мой суме, придетъ ко мнѣ напередъ, тому я дамъ пять искусствъ (эртенъ): плотничье, живописное, каменотесное, кузнечное и искуство ворожбы (мучжянъ хуачжянъ шичжянъ тѣчжянъ цзурахай татаху). Монголъ пошелъ слѣва на право (джубуръ), китаецъ справа на лѣво (баругаръ). Монголъ опоздалъ и поэтому у монголовъ теперь ровно ничего нѣту; китаецъ же напередъ поспѣлъ и теперь онъ на всѣ лады мастеръ (уранъ). По той же причинѣ монголы пишутъ слѣва на право, а китайцы наоборотъ.

Пунсукъ, монголъ изъ Ордоса.

Бурханъ бакши училъ народъ. Вокругъ него собралось множество слушателей; всѣ народы, всѣ животныя были тутъ. Волкъ пришелъ послѣ всѣхъ; ему пришлось стать сзади. Бурханъ-бакши училъ: номъ суръ, эртемъ суръ, читалъ суръ (слушай ученіе, изучай добродѣтель и искусство!) Слушалъ, слушалъ волкъ, видитъ, что рѣчь будетъ длинна и говоритъ: «Я послѣ пришелъ, запоздалъ, а словъ у ламы много! Пойду!» (э, мини хойно холоточжи ламаинъ уге олоточжи! ябуя!). И ушелъ, не дослушавъ поученія. Потому онъ и не узналъ, что грѣхъ умерщвлять овецъ. Увидѣвъ,

Digitized by Google

что волкъ послѣ поученія началъ гоняться за овцами, Бурханъ-бакши сказалъ объ немъ: «Онъ тугоухій» (хата чикту)! Волка и теперь въ Ордосѣ зовутъ двумя именами: чоно и хата-чикту.

Пунцукъ, монголъ изъ Ордоса.

---

35. а. МИЛЯРЪ АВА И ГОМБУ ДОРЧЖИ.

(Монгольскій).

Гомбу-дорчжи имѣлъ двухъ сыновей Нуи и Нунджу и собаку. Втроемъ они поѣхали на охоту и выгнали оленя. Олень выбѣжалъ къ пещерѣ, въ которой сидѣлъ Миляръ-ава, и легъ передъ нимъ. Миляръ-ава сталъ сидѣть неподвижно. Собака добѣжала до Миляръ-авы и также легла. Гомбу-дорчжи говоритъ: «Что это значитъ! Моя собака всегда бросалась и хватала оленя, а теперь онъ лежитъ и она лежитъ. Ты что за могучій человѣкъ?» спросилъ Гомбу-дорчжи у Миляръ-авы и при этомъ похвастался, что его стрѣла достигаетъ и неба и океана. Дѣти стали поддерживать отца подъ локти; Гомбу-дорчжи натянулъ лукъ и направилъ стрѣлу въ небо. «Ниже!» сказали дѣти. Онъ направилъ стрѣлу въ землю. «Выше!» сказали дѣти. Гомбу-дорчжи направилъ стрѣлу въ середину и стрѣла пошла прямо къ Миляръ-авѣ, но возвратилась въ грудь Гомбу-дорчжи.

Пунсукъ, монголъ изъ Ордоса.

Escairac, Mem. sur la Chine, p. 77: Xwei-tsan былъ стрѣлокъ и гнался за оленемъ; животное укрылось въ храмѣ и духовное лицо остановило охотника словами, что онъ долженъ, вмѣсто животнаго, себя убить. Стрѣлокъ сломалъ свой лукъ, обрилъ голову и сталъ монахомъ.

Ср. съ повѣстью о св. Власіи, который отшельничалъ въ горѣ Араче и исцѣлялъ звѣрей (Барсовъ, Слово о полку Игоревѣ, т. I, 356).

---

6. МИЛЯРЪ-АВА.

(Монгольскій).

Были два старика Гомбу-лочжу, по монгольски Хара-öбугюнъ (черный старикъ), и Сэрынъ-намджу, по монгольски Чаганъ-öбугюнъ (бѣлый старикъ); оба они не знали нома, подобно джерлику [1]); они не знали земледѣлія и питались листьями крапивы (халгый). Однажды, охотясь съ собаками за оленями, они наткнулись на мѣсто, гдѣ отшельничалъ Миляръ-ава. Миляръ-ава пытается убѣдить ихъ поклониться

[1]) Джерликъ — чортъ.

Digitized by Google

богамъ, признать (ученіе) номъ и прекратить истребленіе звѣрей. Сэрынъ-намджу имѣлъ болѣе мягкое сердце и склонился на увѣщаніе Миляръ-авы, но Гомбу былъ упрямый и жестокій; онъ не хочетъ и слышать объ измѣненіи образа жизни. Сэрынъ уговариваетъ его, но Гомбу упорствуетъ. Тогда Сэрынъ придумываетъ средство. Онъ говоритъ: «Я принялъ ученіе отшельника и останусь здѣсь, чтобы сдѣлаться ламой. Ты возвратишься въ міръ. У меня дома останется молодая красивая жена. Если ты поклонишься бурхану, то я дамъ тебѣ письмо домой, чтобъ тебѣ отдали мою жену». Гомбу обрадовался и, немедля нисколько, поклонился богу. Но во время поклоненія въ душѣ его произошла перемѣна. «Какое великое и пріятное чувство!» воскликнулъ онъ. «И я останусь здѣсь». И онъ также сдѣлался ламой.

Сантанъ-джимба.

Сантанъ-джимба разсказывалъ мнѣ, что въ Амдо и Алашани при кумирняхъ совершается чамъ (пляска) въ честь Миляръ-авы, Миляръ-авани-чамъ. Два монаха изображаютъ двухъ стариковъ Гомбу и Сэрына; оба старика вооружены луками. Кромѣ того два монаха маскируются оленями, два собаками; еще одинъ изображаетъ бога Миляръ-аву, другой бога Чжучинба. Этотъ чамъ бываетъ съ рѣчами; въ Амдо актеры говорятъ по тангутски, въ Алашани по монгольски.

Въ халхасскомъ разсказѣ (Оч., IV, 205) вм. Миляръ-авы Меле-бурхынъ; охотникъ одинъ и названъ Когульдей-мергеномъ, а также Комбу-дорчжи. Оленей три; это три звѣзды Ориона. Мелебурхынъ не будетъ ли Плеяды? Олень является и въ другихъ легендахъ съ темой о умилостивленіи; такъ олень ssaru встрѣчаетъ Чингисъ-хана на перевалѣ на пути въ Индію и своимъ колѣнопреклоненіемъ убѣждаетъ хана возвратиться (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., 89); ср. также у Бенфея, Pantschatantra, Leipz., 1859, Th. 1, S 61. На нѣкоторыхъ каменныхъ бабахъ въ сѣверной Монголіи встрѣчается изображеніе оленей; иногда ихъ три, одинъ подъ другимъ; у праваго края фигуры приподняты, у лѣваго опущены; вверху кружокъ. Иногда встрѣчается такое сочетаніе: кружокъ и подъ нимъ только три параллельныхъ черты, приподнятыя съ правой стороны. Число три и паденіе фигуръ намекаютъ на три звѣзды Ориона. Не находятся ли въ связи съ этими изображеніями фигуры, которыя ставятся надъ храмами ламайскихъ монастырей, состоящія изъ хорло, «колеса вѣры», поставленнаго отвѣсно между двумя животными боди?

Миляръ-ава Сантанъ-Джимбы есть тибетскій Миларайба, о которомъ есть цѣлая книга на тибетскомъ языкѣ. Отрывокъ изъ нея о спасенныхъ оленяхъ переведенъ для нашего изданія А. О. Ивановскимъ и помѣщенъ въ видѣ приложенія въ концѣ этой части.

---

36. УРДЖЯНЪ-РЕМБУЧИ ИЛИ НАМУНЪ-ГУРЕ.

(Тангутскій).

Гора, на которой пребывалъ Урджянъ-рембучи, называлась Сандыгъ-хуатъ-чжириву; почетнѣе она еще называлась Баманъ-дабчжа. Въ этой горѣ находились раншюны [1]) левъ, слонъ и божество Лха-лхаму. Трава, дерево, вода, все на этой горѣ были ароматично и цѣлебно. Человѣку на этой горѣ было хорошо; глядѣть ли станетъ, ѣсть ли станетъ, все ему во благо. Цвѣты на этой горѣ были такіе

[1]) Раншюнъ—нерукотворное изображеніе, само собою возникшее.

Digitized by Google

большіе, что подъ лепесткомъ любого изъ нихъ могли отъ дождя укрыться 500 человѣкъ. Здѣсь же было озеро Нцу-памàли. Матери и отца у Урджянъ-рембучи не было; онъ спустился съ неба на вершину горы Сандыгъ. На вершинѣ горы лежалъ камень Папаву-раншюнъ; это былъ его отецъ; озеро Нцу-памали было матерью Урджяна. Камень Папаву спустился съ горы въ воду; вода закипѣла въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ вошелъ въ нее и изъ водоворота вышелъ бутонъ, въ которомъ сидѣлъ Урджянъ-рембучи. У этого цвѣтка было 19 лепестковъ. Урджянъ-рембучи вышелъ изъ цвѣтка, какъ изъ утробы матери. Имя этому цвѣтку во время рожденія Урджяна было Цорки-дорчжи.

Въ то время былъ царь Сахуръ-джалву; онъ схватилъ Урджяна и хотѣлъ его убить. По приказанію царя привезли на 3000 яковъ дерева зданъ, сложили изъ него костеръ въ видѣ пустого въ серединѣ четвероугольника, на дрова положили масла; внутрь костра положили Урджянъ-рембучи, связаннаго по рукамъ и ногамъ. Зажгли огонь, онъ горѣлъ одинъ годъ семь мѣсяцевъ; съ неба пошелъ въ середину костра дождь, дрова горятъ, а Урджяну-рембучи никакого вреда отъ огня нѣтъ. Внѣ костра тоже шелъ большой дождь и кругомъ костра образовалось море. Сахуръ-джалву пришелъ посмотрѣть; видитъ, на небѣ появилась радуга. Внутри горящаго костра образовалось озеро, изъ центра котораго вышелъ цвѣтокъ и поднялъ на себѣ Урджяна; сидитъ онъ въ видѣ прекраснаго шестнадцатилѣтняго юноши. «Это что за мальчикъ? изъ какого такого народа?» спрашиваетъ царь, издали вглядываясь удивленными глазами. Царь думаетъ: «Цѣлый годъ горѣлъ огонь, а этотъ человѣкъ не сгорѣлъ въ немъ! опять же отъ него пріятный ароматъ идетъ! Это бурханъ! я не зналъ этого ранѣе!» Онъ преклонился передъ богомъ, собралъ весь свой народъ и приказалъ ему тоже преклониться. Посадили Урджянъ-рембучи въ телегу, чтобы везти его съ почетомъ въ домъ царя; 500 человѣкъ не могутъ сдвинуть телегу. Сахуръ-джалву и всѣ его вельможи поклонились Урджяну; бурханъ не движется. Тогда бурханъ Ртомба-Шихча-тоба сказалъ: «Вамъ нужно обмыться и прочесть номъ; тогда бурханъ двинется!» Народъ омылся, прочитали номъ и бурханъ сошелъ съ мѣста; его привезли во дворецъ.

Узналъ объ этомъ царь Мертеки-джалву; онъ пришелъ съ большимъ войскомъ, чтобы отнять Урджяна у Сахура; отнялъ, навязалъ Урджяну на шею камень въ 500 фунтовъ и бросилъ его въ озеро. Водяные хозяева (по саньчуаньски улусы, по тангутски улу-чжалву) унесли его внизъ, узнали въ немъ Урджяна и дали ему двадцать пять рембучи [1]); взялъ ихъ Урджянъ-рембучи, вышелъ изъ воды и достигъ страны Самьи (Самьжи). Тутъ не было лѣсу ни ивы, ни другого дерева; былъ только одинъ столбъ. Изъ него онъ сдѣлалъ 108 суме по имени Учжа-дабчжалъ. Подъ столбомъ положилъ камень чернаго золота. Въ это время существовали хланджи; они дѣлали вредъ людямъ, наводили на нихъ моръ, причиняли неурожаи. 1500 хланджей задумали ниспровергнуть всѣ монастыри и омбу. Царь Чжакыръ-чжалву задумалъ взять Урджяна; онъ привязалъ Урджяна къ дереву, поднимавше-

[1]) Рембучи—сокровище, драгоцѣнность.

Digitized by Google

муся вершиной до неба; привязалъ такимъ образомъ, что дерево приходилось между ногами. Двадцать одинъ день провисѣлъ Урджянъ-рембучи на деревѣ, но нисколько не повредился. Царь, увидѣвъ безвредность казненнаго, велѣлъ порѣзать связи, снялъ Урджяна съ дерева и привелъ въ свой домъ. Всѣ санаспа [1]) изъ множества омбу сошлись преклониться передъ Урджяномъ; царь тоже преклонился и извинился, что онъ не узналъ въ немъ истиннаго бога. Послѣ того Урджянъ-рембучи прибылъ въ монастырь Таши-хлумбу. Какъ только онъ прибылъ, люди перестали умирать, скотъ пересталъ валиться, настало полное благополучіе. Ламы заблаго-денствовали. Въ Лассѣ въ то время былъ Дже-рембучи [2]); Урджянъ-рембучи сказалъ ему: «Ты будь здѣсь, а я пойду въ страну, гдѣ есть еще много злыхъ тварей и всякаго другого зла!» Онъ пошелъ въ страну Сому-срмбуй. Тамъ онъ сѣлъ на престолъ; Ланъ-Гэсэръ-ханъ сдѣлался его подручнымъ вельможей (лумбу). До прибытія Урджяна въ этой странѣ были междуусобія и вражда; съ воцареніемъ Урджяна настали миръ и тишина и въ этой странѣ. Тамъ онъ находится и въ настоящее время. Большіе гэгэны видятъ его и Гэсэра, простой же людъ только слышитъ о немъ, но увидѣть не можетъ.

Джува тунмасэнъ, гэгэнъ,
тангутъ въ городѣ Сунъ-панѣ.

Урджянъ-рембучи (Падма-самбава) особенно почитается сектой санаспа или хонь (красношапочниковъ). Легенды объ немъ собраны въ тибетской книгѣ Бама-катунъ. См. т. I, стр. 217. Въ Гумбумѣ я встрѣтилъ одного ламу, родомъ изъ Саньчуани, который ходилъ на поклоненіе къ вершинамъ Инда и Яру-Цзампо; по его словамъ, тутъ находится озеро Мапунъ-нцо, по срединѣ котораго есть скала; на этой скалѣ, по преданію, явился учитель Урджянъ-рембучи (по другимъ Миляръ-ава), См. мою статью: «Разспросныя свѣдѣнія о восточномъ Тибетѣ», въ Изв. И. Р. Геогр. Общ., 1887 г., стр. 32. Markham, Narratives of the mission of George Bogle to Tibet, Lond. 1870, стр. 305: въ письмѣ отца Ипп. Дезидери сообщается, что тибетцы почитаютъ существо, назыв. Urghien, который, говорятъ они, родился 700 лѣтъ назадъ. На вопросъ, былъ ли онъ человѣкъ или богъ, они отвѣчаютъ, что это былъ и богъ и человѣкъ въ одно время, что онъ не имѣлъ ни отца, ни матери и родился изъ цвѣтка. Тѣмъ не менѣе они имѣютъ статуи женщины съ цвѣткомъ въ рукѣ [3]) и называютъ ее матерью Урджяна.

---

37. ДЖАВУ-ЛАНДЕРЪ [4]).

(Тангутскій).

Былъ тибетскій царь въ Менгу-чжу по имени Ландэръ, имѣвшій бычьи рога. Брить его поочередно призывали дѣвицъ: по окончаніи бритья царь тотчасъ же казнилъ дѣвицу, чтобы она не разсказала, что видѣла на его головѣ рога, кото-

[1]) Монахи особой секты.
[2]) Т. е. Цзонкава.
[3]) Т. е. Дара-экэ?
[4]) Чжаву по тангутски «царь».

Digitized by Google

рые онъ обыкновенно скрывалъ. Досталось идти дѣвушкѣ, единственной дочери одной женщины. Дѣвушка плачетъ и учитъ мать скатать ей колобокъ, замѣсивъ на своемъ молокѣ. Мать замѣсила на своемъ молокѣ рсамбу [1]), скатала изъ нея колобокъ и дала дочери. Когда дѣвушка стала брить царя, она вынула колобокъ и закусила его. Царь Ландеръ попросилъ у нея колобка. Она дала. Когда Ландеръ тоже поѣлъ колобка, дѣвушка начала плакать. «О чемъ ты плачешь?» спрашиваетъ её царь. Она говоритъ: «Ты меня убьешь, а мнѣ тебя жалко; ты мнѣ теперь все равно, какъ братъ, потому что ты съѣлъ колобокъ, замѣшанный на молокѣ моей матери». Царь сказалъ, что онъ не убьетъ её, но приказалъ ей молчать и сохранить въ тайнѣ, что у него на головѣ есть рога. Дѣвушка старалась хранить тайну и заболѣла. Призвали ламу, свѣдущаго въ леченьи болѣзней. Лама говоритъ, что болѣзнь произошла оттого, что дѣвушка скрываетъ какую-то тайну. Пусть выскажетъ и все пройдетъ, посовѣтовалъ лама. Дѣвушка говоритъ, что она не можетъ высказать свою тайну, потому что и въ этомъ случаѣ ей угрожаетъ смерть (т. е. казнь отъ царя Ландера). Тогда ей посовѣтовали сказать свою тайну въ разщелину городской стѣны. Такъ дѣвушка и сдѣлала; она нашла разщелину въ городской стѣнѣ, примкнула къ ней губами и сказала: «У царя Ландера на головѣ есть рога». Въ разщелинѣ выросъ тростникъ. Одинъ молодой человѣкъ срѣзалъ тростинку и сдѣлалъ изъ нея дудку; выйдя на вершину горы, онъ заигралъ въ дудку. Дудка спѣла: «У царя Ландера на головѣ рога!» Услышалъ эти слова Цагдуръ [2]), который былъ въ это время на горѣ. Онъ подумалъ: «Этого рогатаго царя нужно убить!» Онъ надѣлъ на себя платье, которое ламы надѣваютъ во время чама [3]), и маску съ бычьими рогами; въ широкіе рукава платья спряталъ лукъ и стрѣлы и началъ плясать передъ дворцомъ. Царь вышелъ изъ дворца посмотрѣть на плясуна. Цагдуръ пустилъ стрѣлу и убилъ Ландера въ лобъ, а самъ обратился въ бѣгство. За нимъ послали погоню. Цагдуръ прибѣжалъ сначала въ Тендыкъ, но здѣсь его стали догонять; онъ побѣжалъ въ Яндыкъ, но и здѣсь его стали догонять. Оттого эти мѣста и зовутся Тендыкъ-Яндыкъ [4]). Тогда онъ бѣжалъ за Желтую рѣку; гдѣ онъ сидѣлъ на берегу, противъ деревни Джонтонъ [5]), тамъ и теперь указываютъ слѣды его сидѣнья [6]). Переправившись за рѣку, онъ достигъ озера Лхалунъ-нцо [7]) и здѣсь скрылся въ пещерѣ. Паукъ заткалъ паутиной входъ въ пещеру; люди, гнавшіеся за Цагдуромъ, подошли къ пещерѣ, увидѣли паутину во входѣ, подумали, что никто въ пещеру не входилъ, и прекратили свои поиски. Сердце его въ это время стучало.

(Тангутъ?).

---

[1]) Рсамба—ячменная мука.

[2]) Цагдуръ тибетское имя бога, который помонгол. назыв. Очирвани.

[3]) Чамъ—религіозная пляска.

[4]) Горы на сѣв. берегу Желтой рѣки, къ з. отъ Саньчуани.

[5]) Саларская деревня Дондонъ.

[6]) Эти же углубленія въ скалѣ салары приписываются сидѣнью Кусэря.

[7]) Это же озеро саньчуаньскіе широнголы называютъ Шинъ-ся-норъ, салары зовутъ просто «озеромъ». Оно лежитъ на ю. отъ деревни Дондонъ. См. ч. I, стр. 177.

Digitized by Google

По манджурскому преданію, вороны разъ спасли основателя царствующаго дома (тай-цзу) отъ неминуемой опасности быть убитымъ въ бѣгствѣ отъ преслѣдовавшихъ его непріятелей, прикрывъ его въ травѣ; въ память этого событія въ манджурскихъ домахъ ставятъ вѣху съ сосудомъ на верху, въ который кладутъ мясо для воронъ. Записки И. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., т. IV. (1871), статья о. Палладія «Дорожн. замѣтки отъ Пекина до Благовѣщенска черезъ Манджурію въ 1870 году», стр. 360. См. также ниже № 55 и примѣчанія къ нему.

38. ШЯНБА.

(Тангутскій).

Въ одной пещерѣ спасался самбава (отшельникъ); около жилъ шянба (мясникъ), ежедневно занятый убиваніемъ барановъ. Однажды шянба хотѣлъ зарѣзать барана; онъ связалъ его и только потомъ замѣтилъ, что забылъ принести изъ дому посудину саба, въ которую цѣдятъ кровь. Онъ положилъ ножъ подлѣ барана и побѣжалъ за сабой. Принесши посудину, не находитъ ножа. Поискавши его напрасно, онъ развязалъ барана; когда баранъ всталъ, оказалось, что ножъ лежалъ подъ нимъ. Баранъ подползъ и прикрылъ его своимъ тѣломъ. Тронутый тѣмъ, что животное также боится смерти, какъ и человѣкъ, шянба пришелъ въ отчаяніе, когда припомнилъ, сколькихъ животныхъ онъ заставилъ пережить тяжелыя минуты; онъ подошелъ къ скалѣ, стоявшей надъ рѣкой, бросился съ нея въ рѣку и утонулъ. Боги спустились въ воду, подняли его тѣло и вынесли на противуположный берегъ. Все это самбава видѣлъ изъ своей пещеры и говоритъ про себя: «Простой шянба сколько перерѣзалъ барановъ и, когда утопился, боги подняли его и перенесли на другой берегъ. Я, который такъ долго молился въ уединеніи, не буду ли выше его, если утоплюсь подобнымъ же образомъ?» Онъ тоже бросился со скалы, но убился и ушелъ на рѣчное дно. Онъ много молился, много перебиралъ четки, но не въ этомъ заслуга передъ богами; нужно имѣть хорошее сердце.

Лама Сэрэнъ, родомъ широнголъ изъ Сань-чуани.

Ср. Очерки, IV, 274: на небо поднимаются три прощенные людоѣда (махачи); не слѣдуетъ ли поэтому въ Май-дари видѣть созвѣздіе Ріонъ? ibid., 260: кающійся махачи обращается въ Май-дари; Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2 стр. 61 (семеро кающихся превращаются въ семь звѣздъ Б. Медвѣдицы); тѣ же «Записки» т. I, в. 1, стр. 123.

Въ двухъ легендахъ Майдари (Шянба) представляется раскаявшимся людоѣдомъ, разбойникомъ или мясникомъ. Въ тангутскомъ варіантѣ Гэсэра шянба также людоѣдъ; см. выше, стр. 7: «семь человѣкоядцевъ Шянба».

У Даранаты (Васильевъ, Буддизмъ, III, 116) есть разсказъ объ отшельникѣ, который девять лѣтъ напрасно трудился, чтобъ удостоиться увидѣть бога Май-трея, и когда уже отчаялся и бросилъ трудъ, послѣ одного дѣла милосердія Май-трея явился ему.

Digitized by Google

39. ЦЗОНКАВА.

(Тангутскій).

а. Сначала сходилъ на землю Майдере или Шянба и люди ему покланялись, потомъ пришелъ Бурханъ-бакши или Томба-Шигпа-тува и наконецъ Цзонкава.

Прежде на мѣстѣ монастыря Гумбума никакихъ строеній не было; всѣ горы были покрыты лѣсомъ; мѣсто называлось Гарчикъ. Гдѣ нынѣ Алтынъ-суме (храмъ съ позолоченой кровлей), жили отецъ и мать Цзонкавы. Когда Цзонкава родился, послѣдъ зарыли въ землю около дома; на этомъ мѣстѣ выросло дерево зандынъ. Собравъ кровь отъ родовъ и землю, ею орошенную, выбросили подальше; тутъ выросло другое зандынъ, которое стоитъ въ нижнемъ концѣ монастыря. Когда ребенку минуло семь лѣтъ, ему постригли волосы и бросили; на этомъ мѣстѣ выросло третье зандынъ, которое стоитъ въ верхнемъ концѣ монастыря. Всего въ Гумбумѣ три зандына; вслѣдствіе этой легенды о Гумбумѣ говорятъ, что у него «мясные корни». Пришедши въ возрастъ, Цзонкава ушелъ жить въ монастырь Шячунъ, а изъ Шячуна ушелъ въ Галданъ (близь Лассы). Онъ отличался большимъ носомъ, его звали поэтому амдо навучи, «большеносый амдосецъ». Двое лассскихъ ламъ пожелали испытать, дѣйствительно ли Цзонкава знаетъ номъ и пошли къ нему; дверь, въ которую пришлось входить, была низенькая; лама, шедшій впереди, задѣлъ шапкой за верхній косякъ двери; шапка упала; лама наклонился, чтобы поднять шапку. Сзади шедшій лама говоритъ про себя: «Мой товарищъ поклонился Цзонкавѣ; нужно и мнѣ поклониться». И онъ поклонился. Цзонкава захотѣлъ помочиться и вышелъ вонъ, не снявъ орхимджи. Ламы думаютъ: «Э, Цзонкава вовсе не знаетъ закона! Кто же, не снявъ орхимджи и не положивъ его въ приличное мѣсто, ходитъ мочиться!» Они выглянули въ двери; Цзонкава мочится безъ орхимджи, а орхимджи виситъ на рогахъ бурхана, который находился внѣ дома.

(Запис. въ Гумбумѣ отъ тангутск. ламы Вайди Намцяла, род. изъ деревни Машинъ, близь Гумбума).

б. Цзонкава родился на мѣстѣ, гдѣ нынѣ суме съ золотой крышей. Тутъ прежде былъ ключъ.

Подросши, Цзонкава отправился учиться въ обитель Шячунъ; тамъ его наставникомъ (бакши) былъ Чжочжутò-рембучи. Когда Цзонкава отсюда отправился въ Лассу изучать номъ, бакши приказалъ ему, взошедши на высокую гору, взглянуть назадъ. Цзонкава не исполнилъ приказанія и прошелъ въ Лассу весь путь, держа лицо впередъ. Бакши Чжочжутò-рембучи осердился и въ досадѣ началъ бить по стѣнамъ дома, въ которомъ жилъ Цзонкава. Всѣ деревянныя доски полетѣли въ небо черезъ отверзстіе, которое было въ потолкѣ. Въ испугѣ Чжочжутò-рембучи

Digitized by Google

успѣлъ ухватиться только за одну балку, которая и осталась въ его рукѣ. Говорятъ, эта балка и теперь хранится въ Шячунѣ.

Однажды, живя въ Лассѣ, Цзонкава сдѣлалъ рогатую маску и сталъ примѣривать ее на себѣ; его ученикъ Чочжа говоритъ ему: «Позволь и мнѣ примѣрить»? «Нѣтъ, говоритъ Цзонкава, не дамъ; тебѣ нельзя!» Потомъ Цзонкава сдѣлалъ тронъ и сѣлъ на него въ рогатой маскѣ. Чочжа говоритъ: «Позволь мнѣ сѣсть на тронъ». Цзонкава передалъ ему маску и пустилъ на тронъ. Чочжа въ рогатой маскѣ усѣлся на тронъ. Цзонкава дунулъ и Чочжа въ этомъ видѣ остался на вѣки сидящимъ на тронѣ. Его нетлѣнное тѣло, говорятъ, такъ и теперь стоитъ въ Лассѣ съ раскоряченными ногами и съ рогами на головѣ.

Въ Лассѣ къ Цзонкавѣ пришли два ламы Чжасырчжи и Кедючжи; передъ входомъ въ его келью они дали другъ другу слово не кланяться Цзонкавѣ. Когда вошелъ одинъ изъ нихъ, Чочжа, ученикъ Цзонкавы, помѣстившійся на верхнемъ косякѣ двери, спихнулъ шапку съ вошедшаго; тотъ подумалъ, что шапка сама упала и нагнулся, чтобы поднять ее. Лама, шедшій сзади, думаетъ: «Вотъ уговаривалъ меня не кланяться, а самъ поклонился! Поклониться, видно, и мнѣ?» И поклонился. Шедшій спереди, поднимая шапку, увидѣлъ, что задній товарищъ его кланяется, подумалъ: «Вотъ говорилъ, что не будетъ кланяться, а поклонился. Поклониться, видно, и мнѣ». Поклонился и этотъ. Когда ламы Чжасырчжи и Кедючжи сидѣли у Цзонкавы, Цзонкава вышелъ въ орхимджи вонъ, чтобы помочиться. Ламы говорятъ между собой: «Цзонкава нома не знаетъ; не снявъ орхимджи, пошелъ мочиться». Вышли слѣдомъ посмотрѣть, а Цзонкавино орхимджи виситъ на рогахъ Чочжи. Изображенія Чжасырчжи и Кедючжи и теперь ставятся передъ Цзонкавой; они тоже бурханы.

Тангутск. лама въ Гумбумѣ.

(Широнгольскій).

в. Джицзункава пришелъ къ горѣ, гдѣ теперь монастырь Галданъ (тогда Менгучжу еще не было) и поселился въ пещерѣ. Шли два ламы изъ Чжагыръ-дорджитана, увидѣли женщину, доящую корову и спрашиваютъ ее: «Гдѣ намъ найдти большеносаго ламу?» Она сказала: «Погодите! я дою корову!» Кончивъ доенье, она умыла руки, поставила три куджи, поклонилась на западъ и сказала: « Я поклоняюсь Джицзункавѣ, который живетъ въ той сторонѣ, а большеносаго ламы я не знаю». Ламы пошли далѣе на западъ и опять встрѣтили женщину, собирающую аргалъ. Они спросили ее: «Гдѣ тутъ живетъ большеносый лама?» Она, указавъ имъ на коровью лепешку, спросила: «Вотъ корова положила эту вещь; гдѣ у этой вещи голова, сверху или снизу?» Ламы не знали, что отвѣтить. Она зажгла три куджи, поклонилась и сказала: «Впереди меня въ пещерѣ живетъ Джилама, большеносаго же ламы я не знаю!» Ламы подходятъ къ пещерѣ и думаютъ: «Не будемъ поклоняться Джиламѣ!» Стали входить въ пещеру и задѣли шапками за двери; шапки упали и они наклонились поднять ихъ.

Digitized by Google

Оба ламы стали шаби Джиламы. Джилама задумалъ построить монастырь на горѣ, на которой жилъ и говоритъ шаби: «Нужно прежде узнать средство, какъ построить суме, а узнать его можно только въ Дорчжитанѣ. Тамъ есть одинъ 80-ти лѣтній старикъ лама, живущій въ пещерѣ. Идите къ нему и спросите». Два шаби пришли къ тому ламѣ. Онъ спрашиваетъ ихъ: «Что, построили ли Галданъ?» «Построили», отвѣчаютъ шаби. «Не правду говорите!» говоритъ старикъ. «Что же, развѣ доили молоко у львицы!» «Доили», лгутъ шаби. «Неправду говорите! И землю возили на рыжемъ быкѣ» (шира буха)? «Возили», увѣряютъ шаби. «Все неправда!» Шаби ушли. По ихъ уходѣ старый лама говоритъ своему шаби: «Что я сдѣлалъ? Эти люди взяли у меня мой умъ! Иди и отними у нихъ его назадъ! Убей ихъ!» Шаби догналъ ламъ и говоритъ: «Вы взяли у моего ламы умъ (ло)! Возвратите!» Тѣ сняли съ себя сдѣланную изъ бычьей шкуры подпругу (гло), которую они нашли дорогой и употребили вмѣсто пояса, и отдали ее посланцу. Шаби вернулся домой; лама спрашиваетъ: «Ну что, убилъ ихъ?» «Нѣтъ, говоритъ шаби, они возвратили украденную подпругу». Тутъ лама понялъ, что его шаби, вмѣсто слова «умъ», ло, понялъ «подпруга», гло и говоритъ: «Ахъ! теперь для красной вѣры пришелъ конецъ. Въ Галданѣ появился проповѣдникъ и теперь желтая вѣра распространится». Когда шаби принесли секретъ ламы, начали строить Галданъ. Отъ кропленія львинымъ молокомъ вода въ озерѣ, окружавшемъ Галданъ, заледенѣла и по льду стали возить землю и другіе матеріалы на рыжемъ быкѣ. Когда постройку кончили, Джилама собралъ всѣхъ плотниковъ, каменьщиковъ и разныхъ мастеровъ, участвовавшихъ въ постройкѣ, и устроилъ имъ пиръ, благодарилъ ихъ и сказалъ: «Большія хлопоты вамъ были!» А рыжаго быка пригласить на пиръ и забыли. Быкъ сказалъ, что онъ три вѣка будетъ разрушать желтую вѣру. Сначала быкъ возродился въ видѣ царя Ландармы, потомъ въ видѣ сининскаго амбаня Нингуѣ [1]), потомъ въ видѣ китайскаго генерала Хо-чжунъ-тана.

Во времена послѣдняго, китайскій императоръ пригласилъ къ себѣ въ Пекинъ гэгэна Джанджа-руви-дорчжи. Во время угощенія гэгэну подали чашку буты, гэгэнъ выбросилъ буту на землю. Ханъ осердился и спросилъ, что это значитъ; гэгэнъ объяснилъ ему, что недалеко отъ Пекина въ городкѣ Ша-хай пожаръ и что онъ бросилъ буту на огонь, чтобъ потушить его. Ханъ велѣлъ узнать, такъ ли это, и если окажется вѣрно, то обѣщалъ оставить Джанджа-гэгэна въ Пекинѣ. Оказалось, что гэгэнъ сказалъ правду. Когда гэгэнъ умеръ, генералъ Хо-чжунъ-танъ говоритъ хану: «Это былъ великій гэгэнъ! нужно для него построить субурганъ въ Утаѣ». Ханъ разрѣшилъ ему и генералъ поѣхалъ приводить приказаніе хана въ исполненіе. Онъ построилъ субурганъ [2]) и похоронилъ въ немъ гэгэна головой внизъ, ногами вверхъ. При этомъ онъ сказалъ: «При жизни я тебѣ ничего не могъ сдѣлать; по крайней мѣрѣ послѣ смерти сдѣлаю зло». На этомъ мѣстѣ образовалась курдэ (молитвенная мельница).

Лама Дзундуй, широнголъ изъ Саньчуани.

[1]) Нянъ-гэнъ-яо. См. выше, стр. 227.
[2]) Субурганъ—башня, ступа.

Digitized by Google

У Гюка исторія Цзонкавы (Tsong-kaba) разсказана такъ. Отецъ его Lombo-Moke былъ пастухъ, жившій въ черной палаткѣ; онъ владѣлъ немногимъ; двадцать козловъ и нѣсколько яковъ было все его богатство. Онъ и жена его жили одни; дѣтей не было. Онъ пасъ скотъ въ окрестностяхъ, а жена его Chintsa—tsio оставалась дома заниматься молочнымъ хозяйствомъ и тканьемъ шерстяныхъ матерій. Однажды она спустилась на дно оврага за водой, съ ней случилось головокруженіе и она упала въ безпамятствѣ на камень, на которомъ были вырѣзаны слова въ честь Будды Шакджа-муни. Она зачала. Въ 1357 году родился мальчикъ; Ломбо-Моке далъ ему имя Цзонкава по имени горы, у которой пасся его скотъ. На третьемъ году Цзонкава пожелалъ идти въ духовные. Мать сама обрила ему волосы и бросила ихъ при входѣ въ палатку; тутъ выросло дерево. Въ это время пришелъ какой-то лама, былъ принятъ ласково въ палаткѣ и остался учителемъ Цзонкавы. Научивъ Цзонкаву, онъ поднялся на вершину горы, заснулъ и болѣе не пробуждался. Оставшись безъ учителя, Цзонкава идетъ въ Лассу и поселяется въ одномъ изъ глухихъ мѣстъ города. Около него собирается партія сторонниковъ его нововведеній. Шакджа, живой будда, идетъ посрамить его; при входѣ въ убогую келью онъ задѣлъ за косякъ и его красная шапка упала на землю; это было истолковано, какъ предзнаменованіе торжества желтой шапки. Цзонкава молчалъ и продолжалъ сидѣть, скрестивъ ноги и не вставая. Шакджа обратился къ нему съ обличительной рѣчью. Вдругъ Цзонкава прерываетъ его: «Жестокій! отпусти вошь, которую ты катаешь между пальцами... Я слышу стоны несчастной и сердце мое разрывается отъ жалости»! Шакджа призналъ себя побѣжденнымъ и простерся передъ Цзонкавой (Huc, Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine pendant les années 1844, 1845 et 1846, Paris, 1850, t. II, p. 104—108).

Исторія зачатія въ разсказѣ Гюка сходна съ сказаніемъ о Гэсэрѣ; см. выше стр. 5 и 64, а также у Шмидта въ Thaten, S. 11.

Наказъ учителя не оглядываться назадъ ср. съ мѣстомъ въ тангутскомъ сказаніи о Гэсэрѣ (см. выше, стр. 41), въ которомъ отецъ упрекаетъ дочь, выданную замужъ, за то, что она, уѣзжая изъ родительскаго дома, не оглянулась. Эпизодъ съ досками напоминаетъ намъ разсказъ о дѣвѣ лебеди, оставляющей мужа, который напрасно ловитъ ее за ноги; см. Очерки, IV, 24; Записки Вост.-Сиб. Отд. Императ. Русск. Географ. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 144; в. 2. стр. 146. Въ одномъ варіантѣ мужъ этой жены-лебеди (лебедь по монгол. хонгъ, поякутски хуба) называется Одюгэ-хогоръ-бо, въ другихъ Хоридой. Объ отношеніяхъ этого имени къ книжному Аланьгоа или Алань-гова см. въ Запискахъ Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.. т. I, ibid. О сверхъестественномъ зачатіи Алань-говы см. Алтанъ-Тобчи, стр. 5; у Сананъ-Сэцэна, стр. 59; Юань-чаоми-ши, стр. 26.

Рогатаго Чочжа не слѣдуетъ ли отожествить съ тѣмъ лицомъ, которое состязалось съ Цзонкавой въ вѣроученіи? Рога, являющіеся на головѣ Чоджи, не даны ли ему Цзонкавой въ наказаніе за самоувѣренность въ родѣ того, какъ Аполлонъ даетъ ослиныя уши Мидасу? У Даранаты есть разсказъ о глупомъ и упрямомъ ученикѣ одного святого, Шинкибѣ, у котораго на головѣ вырастаютъ рога (Васильевъ, Буддизмъ III, 96).

Вынужденный поклонъ при входѣ въ двери въ нашихъ народныхъ разсказахъ приписанъ Соломону (Драгомановъ, Малор. пред., 103.). При входѣ въ языческій храмъ онъ не хочетъ поклониться, но особо приспособленныя двери ударили его по головѣ и заставили нагнуться.

Разсказъ о построеніи Галдана ср. съ № 27. Кропленіе молокомъ львицы ср. съ хотанской легендой о построеніи города, которому предшествуетъ обливаніе будущихъ границъ города водой изъ тыквы.

Замурованіе гэгэна вверхъ ногами ср. съ темой о прикованномъ вверхъ ногами; см. Очерки, IV, 763.

Параллели къ разсказу о явившемся проповѣдникѣ новаго ученія собраны нами въ примѣч. къ № 23.

Digitized by Google

40. ОБРАЗЪ ЦЗОНКАВЫ.

(Широнгольскій).

Цзонкава, построивъ монастырь Галданъ, остался тамъ жить. Думая, что мать его скучаетъ безъ него, онъ взялъ листъ бумаги и кровью изъ своихъ дёсенъ нарисовалъ свой портретъ и послалъ его съ однимъ человѣкомъ къ матери, которая продолжала жить на его родинѣ (т. е. въ вершинѣ р. Силинъ-голъ, на которой стоитъ городъ Силинъ или Сининъ). Посолъ дорогой посмотрѣлъ на портретъ; ему онъ понравился. Онъ сдѣлалъ съ него копію, и копію вручилъ матери, а подлинникъ оставилъ у себя въ монастырѣ Кадигава[1]). Когда мать развернула картину передъ собой, изображеніе, бывшее на ней, признесло: ама! «мать!» Подлинникъ остался въ монастырѣ Кадигава, гдѣ онъ и теперь находится.

Лама широнголъ изъ монастыря Уньчжа-суме.

Въ монастырѣ Катигава жилъ одинъ лама; онъ занималъ должность нонсу[2]). Однажды онъ отправился въ Менгу-чжу и зашелъ къ Зонкавѣ. Зонкава сказалъ ему: «Лѣта мои теперь большія; предпринять путешествіе на свиданіе съ матерью я не въ состояніи. Отвези ей мое изображеніе». И онъ нарисовалъ свой портретъ своей кровью и передалъ ламѣ. Лама Катигава-нонсу, прибывъ на родину, не отдалъ изображенія Зонкавы его матери, а оставилъ его въ своемъ монастырѣ. Матери же передалъ копію, которую самъ сдѣлалъ. Эта копія, сдѣланная рукою Катигава-нонсы, очутившись въ рукахъ матери Зонкавы, произнесла: «Мать! каково живешь?» Рисунокъ могъ только эти три слова сказать. Настоящій же, если бы очутился въ рукахъ матери, говорилъ бы съ нею три дня.

Лама Дзундуй, широнголъ.

---

41. ЧЖАЯНЪ-ЧЖАППА-СЭНЪ.

Три гэгэна Чжаянъ-чжаппа-сэнъ, Шаргарданъ-чжамцу-сэнъ и Кубчюгъ-сэйчергенъ-сэнъ были сыны одной матери, которую называли Маюла-чжолма. Къ нимъ присоединился четвертый товарищъ Алыкъ-дева-сэнъ. Вчетверомъ они оставили свою родину Чжагыръ-дорчжитанъ и отправились на сѣверъ. Шаргарданъ-чжамцу-сэнъ поселился тамъ, гдѣ нынѣ монастырь Рунву-гонченъ[3]); остальные три това-

---

[1]) Кадигава находится въ Сань-чуани на Желтой рѣкѣ. См. указатель къ I тому.

[2]) Казначея.

[3]) Рунву—вѣроятно то же, что и Уруньву; см. т. I, ч. II, стр. 227.

Digitized by Google

рища пришли въ мѣстность, гдѣ нынѣ стоитъ монастырь Лабранъ. Здѣсь они встрѣтили двухъ женщинъ. Одна женщина спросила у другой: «Не видѣла ли быка, котораго я потеряла?» Другая сказала: «Твой быкъ въ мѣстности Чжашинъ-чи». Такъ тогда называлось мѣсто, гдѣ нынѣ Лабранъ. Гэгэнъ, отдыхавшій возлѣ со своей нищенской сумой, услышалъ эти слова и подумалъ: «Какое хорошее это имя!» Одинъ тутошній житель поднесъ гэгэну молока и простокваши (шю); когда гэгэнъ принималъ дары, капля простокваши упала на землю. Гэгэнъ сказалъ: «Это хорошій знакъ, что капля дара упала на землю». Онъ рѣшился тутъ поселиться; это была земля Хари-вана монгольскаго. Вся долина, гдѣ стоитъ теперь Лабранъ, была залита водой; выше Лабрана въ мѣстности Лютэнъ-цангу жилъ духъ, который напускалъ воду; ниже монастыря въ мѣстности Лучжерма жилъ другой, который не пускалъ воду далѣе; гэгэнъ Чжаянъ-чжаппа-сэнъ укротилъ ихъ и всю воду отослалъ вверхъ. На освобожденномъ отъ воды днѣ долины онъ построилъ монастырь; Хари-ванъ сталъ давать ему матеріалы для постройки и пищу для братій.

Потомъ Чжаянъ-чжаппа-сэнъ отправился въ Мэнгу-чжу и тамъ устроилъ себѣ обитель. Одинъ богатый купецъ началъ снабжать его молокомъ и пищей. Этому богатому человѣку нужно было отправиться съ караваномъ; онъ попросилъ гэгэна дать ему слугу изъ своей братьи. Гэгэнъ далъ ему Тамчинъ-чойчжала[1]). Дорогой на одномъ ночлегѣ мальчикъ, бывшій при купцѣ, сѣлъ починять свой башмакъ. Тамчинъ-чойчжалъ засмѣялся. «Надъ чѣмъ ты смѣешься?» спросилъ купецъ. «Этотъ мальчикъ, сказалъ Тамчинъ-чойчжалъ, завтра умретъ, а сегодня усѣлся чинить башмакъ!» Дѣйствительно въ ночь тотъ мальчикъ умеръ. Когда поѣхали дальше, увидѣли человѣка, который, собирая дрова, пытался вырвать кустъ съ корнями. Тамчинъ-чойчжалъ опять засмѣялся. Далѣе увидѣли человѣка, который, желая добыть камень для очага, напрасно пытался выворотить одинъ камень, сидѣвшій въ землѣ. Тамчинъ-чойчжалъ въ третій разъ засмѣялся. По возвращеніи изъ путешествія купецъ спросилъ Чжаянъ-чжаппа-сэна, что означаетъ этотъ смѣхъ. И тотъ объяснилъ: «Кустъ это были волосы хозяина земли, а камень—верхушка «чончона» земли»[2]). Потомъ купецъ, полагая, что бывшій его слуга не простой человѣкъ, просилъ показать его въ настоящемъ видѣ. И передъ нимъ явился Тамчинъ-чойчжалъ съ бычьей головой.

Послѣ того Чжаянъ-чжаппа-сэнъ удалился въ другую страну, гдѣ не было еще духовнаго просвѣщенія. Мѣстность, гдѣ стоитъ Лабранъ, стала достояніемъ олётскаго Срю-вана. Срю-ванъ отыскалъ Чжаянъ-чжаппа-сэна, пригласилъ его возвратиться, обѣщалъ построить монастырь, снабдить его всѣмъ нужнымъ и пропитывать братію. Гэгэнъ вернулся. Вся земля, принадлежащая теперь Чжаянъ-чжаппа-сэну, прежде была Срю-ванова.

Ами-салунъ, тангутъ изъ подъ Лабрана.

---

[1]) Чойчжалъ у монголовъ извѣстенъ подъ именемъ Ерликъ-ханъ.

[2]) Чончонъ—деревянная жердь или ось внутри глиняныхъ статуй боговъ.

Digitized by Google

Тамджинъ—богъ, изображенія котораго встрѣчаются въ буддійскихъ монастыряхъ Монголіи и Тибета. По одному показанію, записанному мною въ Ордосѣ, Тамчановъ (т. е. ихъ изображеній) пять, Тамчанъ-шконъ-нга: 1) Тамчанъ-дорчжи-легпа; онъ представляется ѣдущимъ на львѣ (танг. сэнгэ); это самый важный; 2) Тамчанъ-гварныръ: представленъ ѣдущимъ на козлѣ; 3) Тамчанъ-норчжу; онъ ѣдетъ на верблюдѣ; 4) Тамчанъ-норлыръ на птицѣ Галчжи (по тангут. чунъ); 5) Тамчанъ-рчживу-чембу на медвѣдѣ (медвѣдь по тангут. чи или чирдонъ).

Въ Сань-чуани, въ кумирнѣ монастыря Уньчжа-сюме я видѣлъ изображеніе Тамджина, ѣдущаго на козлѣ; мнѣ передавали, что ему покланяются гурьтуны, родъ шамановъ, которые имѣются по одному при монастырѣ. Тамджинъ какъ бы патронъ гурьтуновъ. Силою молитвъ, обращенныхъ къ этому богу, можно привести человѣка въ особое гипнотическое состояніе. Молитвы можетъ читать всякій, лама или свѣтскій человѣкъ, лишь бы зналъ ихъ. Читающій бьетъ въ бубенъ. Противъ него сидитъ человѣкъ на колѣнахъ, и держитъ въ рукѣ пурьву или простую палку. Пурьву называется особое орудіе; это деревянный стержень или жезлъ, у котораго одинъ конецъ имѣетъ видъ очира, а другой видъ трехграннаго наконечника стрѣлы. Отъ чтенія молитвъ пурьву начинаетъ двигаться въ рукахъ держащаго его; движеніе постепенно усиливается и кончается тѣмъ, что пурьву трясется неистово и трясетъ самого человѣка. Впрочемъ есть люди, у которыхъ не удается вызвать тряски.

У Шлагинтвейта (Emil Schlagintweit, Buddhism in Tibet, London, 1863, p. 257) о пурьву сказано, что это слово значитъ буквально «гвоздь», «игла» и что это орудіе предотвращаетъ навожденіе злыхъ духовъ. Богъ Тамдинъ, защитникъ отъ злыхъ духовъ, изображается иногда въ видѣ одной головы, коронованной очиромъ; по сторонамъ головы два пурьву остріями внизъ; всѣ три фигуры, голова бога и два пурьву стоятъ на основаніи треугольника, вершина котораго обращена внизъ [1]). На стр. 289 пурьву (phurbu) выдается за имя Юпитера и переводится «три гвоздя». Такое названіе приличнѣе Оріону, чѣмъ Юпитеру; три фигуры—голова и два пурьву—соотвѣтствуютъ тремъ звѣздамъ пояса, треугольникъ подъ ними тремъ нижнимъ звѣздамъ Оріона, расположеннымъ въ видѣ треугольника (вершиной впрочемъ кверху).

Отъ одного тангута, вѣры бонбо, ходившаго на поклоненіе въ Лассу, я записалъ показаніе, что въ южномъ Тибетѣ, на перевалѣ къ озеру Джарунъ лежитъ камень, который народомъ принимается за наковальню бога Тамджина (Разспросн. свѣд. о вост. Тибетѣ въ Извѣст. И. Р. Геогр. Общ. за 1887 г. (т. XXIII), кн. 4, стр. 13). Въ Монголіи отдѣльные камни иногда признаются за наковальню Чингисъ-хана (т. е. Темучина). См. Очерки, IV, 803.

О Тамджинъ-ханѣ см. ниже, № 63.

Относительно имени Тамчанъ А. О. Ивановскій сообщилъ мнѣ слѣдующую замѣтку: Это Хаянкирва или Хаягрива (санскр. слово), по тибетски рТа-мГринь, что можно читать Там-динь, Там-чжинь, Дам-динь, Дам-цзинь и т. д. Jäschke читаетъ Ta-din. Первый видъ его Тамчанъ-дорчжи -легпа; дорчже—алмазъ; легспа хорошій. Второй: Т. гварныръ; наг? черный; ср. Гвардамба (см. выше, стр. 200 — дамба храбрый, благородный, святой); гарнаг, имя лекарства. Третій: Т. норчжу; норъ — рГью (чжу)? нор «драгоцѣнность», «богатство»; рГью — «источникъ»; источникъ богатства? есть имя богини Норчжуньма, «безпрерывное богатство». Четвертый: Т. норлыгъ; нор—лаг? т. е. «драгоцѣнность въ рукѣ», «драгоцѣнная рука». Для послѣдняго Тамчанъ-рчживу-чембу предлагаю: рЧжеу (рЧжево, рЧжеву) чэньбо «великій господинъ», «великій князь».

42. УНДУРЪ ГЭГЭНЪ.

(Бурятскій).

Ундуръ-гэгэнъ зналъ, что наступаетъ часъ смерти Банченъ-эрдени. Онъ отправился въ Тибетъ и въ семь дней достигъ резиденціи святого. Когда послѣ захотѣли узнать, какимъ образомъ онъ успѣлъ такъ быстро совершить этотъ путь и

[1]) Ср. съ сказочной темой бурятъ: чтобъ напугать медвѣдя, на плечи человѣка прикрѣпляются два мотка шерстяныхъ нитокъ; см. въ Записк. Вост. сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 87; в. 2, стр. 54.

Digitized by Google

стали разспрашивать жителей по дорогѣ, то оказалось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ придорожные жители видѣли семь ѣдущихъ ламъ (Ундуръ-гэгэнъ отправился со свитой изъ шести человѣкъ), въ другихъ же мѣстахъ людей не видали, а видѣли семь летящихъ ангировъ [1]). Прибывъ въ Тибетъ, Ундуръ-гэгэнъ не засталъ уже святого въ живыхъ; три дня уже прошло, какъ онъ умеръ. Ундуръ-гэгэнъ сталъ его звать и просить возвратиться къ земной жизни. Банченъ-эрдени возвратился въ свое тѣло и спросилъ гэгэна, зачѣмъ онъ его зоветъ. Ундуръ-гэгэнъ сказалъ ему, что онъ пріѣхалъ получить совѣтъ, что ему дѣлать съ Халхаскимъ народомъ, который погрязаетъ въ грѣхахъ. Банченъ-эрдени сочинилъ ему особую молитву и вновь перешелъ въ нирвану. Эту молитву теперь читаютъ; она способствуетъ тому, чтобъ душа при смерти изъ тѣла выходила черезъ темя, а не чрезъ какую-нибудь другую часть тѣла. Въ послѣднемъ случаѣ душа можетъ затеряться въ здѣшнемъ мірѣ, выйдя же изъ темени, она направляется въ верхнія сферы, въ рай. Обыкновенно чтеніе устраивается такъ: одинъ лама читаетъ, а другіе слушаютъ, преклонивъ голову къ землѣ. Отъ чтенія молитвы душа слушающаго направляется къ темени. Когда же человѣкъ будетъ умирать впослѣдствіи, душа такого человѣка также направится къ темени, такъ какъ она привыкла уже къ этому пути.

Жигжидъ Галсановъ, бурятъ хоринскаго вѣдомства (дацанъ Шолоту).

Подъ именемъ Ундуръ-гэгэна у монголовъ теперь извѣстенъ первый ургинскій хутукта, иначе первый богдо-гэгэнъ. Г. Позднѣевъ говоритъ, что ургинскихъ гэгэновъ до 1635 г. не было, что въ этомъ году въ семействѣ Тушету-хана родился мальчикъ, которому потомъ было суждено стать первымъ богдо-гэгэномъ; за тѣмъ г. Позднѣевъ говоритъ, что утвержденіе, будто линія богдо-гэгэновъ не возникла самостоятельно въ сѣверной Монголіи, будто рядъ этихъ хубильгановъ прежде являлся въ южной Монголіи и потомъ только одинъ изъ нихъ перенесъ свою резиденцію на сѣверъ и тѣмъ положилъ начало ряду сѣверно-монгольскихъ гэгэновъ, есть будто-бы вымыселъ европейскихъ ученыхъ. Какихъ именно, г. Позднѣевъ не упомянулъ (см. Позднѣевъ, Ургинскіе хутухты, Спб., 1879 г., стр. 5). Мы дѣйствительно нашли у Гюка разсказъ о томъ, что гуй-хуа-ченскій хубильганъ, послѣ одного политическаго инцидента, возродился на сѣверѣ Монголіи подъ именемъ Guison Tamba [2]) (Huc, Souvenir d'un voyage dans la Tartarie, t. I, Paris, 1850, p. 186). Гюкъ конечно не выдумалъ этого извѣстія, а слышалъ его отъ монголовъ. Мнѣ кажется, слѣдуетъ отличать Ундуръ-гэгэна отъ перваго ургинскаго богдо-гэгэна. Рядъ ургинскихъ богдо-гэгэновъ дѣйствительно начинается съ хубильгана, родившагося въ семействѣ Тушету-хана въ 1635 году, но имя Ундуръ-гэгэнъ могло существовать въ Монголіи и ранѣе. Можетъ быть оно придавалось иногда и гуй-хуа-ченскому гэгэну, а впослѣдствіи было перенесено на ургинскаго богдо-гэгэна вмѣстѣ съ связанными съ нимъ легендами.

Въ существующихъ записанныхъ сказаніяхъ находятся три темы, связанныя съ именемъ Ундуръ-гэгэна.

1) Болѣзнь Ундуръ-гэгэна и избавленіе его отъ болѣзни замѣною живымъ человѣкомъ. Легенда записана г. Позднѣевымъ (Ургинскіе хутухты, стр. 36). Ундуръ-гэгэнъ заболѣлъ; никакія лѣкарства не помогали ему; тогда ламы поняли, что болѣзнь наслана Ерликъ-ханомъ, который намѣтилъ взять душу Ундуръ-гэгэна; бѣдствіе могло быть предотвращено только принесеніемъ въ жертву Ерлику живого человѣка; это шаманское вѣрованіе; можетъ быть въ древности приносились дѣйствительныя человѣческія жертвы, въ позднѣйшее время онѣ замѣнились

---

[1]) Ангиръ—красная утка.

[2]) Guison Tamba есть конечно Джибцзунъ Дамба, какъ называется по тангутски богдо-гэгэнъ.

Digitized by Google

менѣе жестокимъ обрядомъ: назначеннаго въ жертву Ерлику человѣка взамѣнъ больного одѣвали въ платье больного и изгоняли изъ человѣческаго общества или покрайней мѣрѣ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ живетъ больной [1]). Во время болѣзни Ундуръ-гэгэна многіе князья стали жертвовать Ерлику взамѣнъ больного, своихъ людей; ихъ одѣвали въ платье, какое носилъ гэгэнъ, и за тѣмъ имъ было велѣно уйдти въ лѣсистыя мѣста, и пока не умретъ гэгэнъ, не показываться. Когда гэгэнъ выздоровѣлъ, имъ было позволено возвратиться въ стойбища. Изъ нихъ образовалось племя дархатъ, которое составляетъ родъ крѣпостныхъ ургинскаго богдо-гэгэна. Объ этомъ обычаѣ см. выше, ч. I, стр. 134. Кромѣ дархатъ такое же происхожденіе отъ изгнаннаго въ степь въ жертву Ерлику приписывается кажется и урянхайцамъ и народу Урусъ (т. е. русскому); къ сожалѣнію, показанія объ этомъ были мною плохо записаны (Очерки, IV, 356).

Историкъ Миллеръ въ своей книгѣ «Описаніе Сибирск. царства», Спб., 1750, стр. 4—5 помѣстилъ такой разсказъ о Чингисъ-ханѣ: Былъ тангутскій ханъ Галданъ дугеръ-ханъ, по монгольски Бадарингой-Цаганъ-тынгири. Онъ заболѣлъ; богъ явился ему въ видѣ ламы и сказалъ, что болѣзнь послана ему за невѣріе. Ханъ велѣлъ своему сыну и девяти своимъ знатнымъ слугамъ принять духовное званіе, но тѣ не захотѣли, бѣжали въ степь и овладѣли народомъ, а царевича, который прежде назывался Соту-богдо, сдѣлали ханомъ. При этомъ небольшая птица кричала: чингисъ! чингисъ! Поэтому и дали ему имя Чингисъ-ханъ. Это какъ бы версія легенды о царѣ, обреченномъ смерти и о замѣнѣ его человѣческой жертвой. Можетъ быть преданіе о Чингисѣ разсказывалось и ближе къ легендѣ объ Ундуръ-гэгэнѣ. По распространенному въ Халхѣ преданію, Чингисъ былъ найденъ младенцемъ, лежащимъ подъ деревомъ, на которомъ сидѣла сова. Въ славянской повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ, будущій вавилонскій царь Навуходоносоръ, найденъ младенцемъ подъ деревомъ, на которомъ сидѣла сова; этотъ разсказъ находится въ связи съ исторіей мора въ Вавилонѣ и изгнанія въ лѣсъ всѣхъ зараженныхъ. Алтайское сказаніе (Очерки, IV, 169): ханъ, у котораго заболѣлъ сынъ, недоволенъ шаманомъ Джерканатомъ, не захотѣвшимъ замѣнить собою больного и пойдти вмѣсто него въ царство мертвыхъ. Мы сближали Джерканата съ другимъ шаманомъ Тарханомъ, а этого съ шаманомъ Тѣбъ-тэнгэри, соперникомъ Чингисъ-хана. Тема объ усѣченной и проявляющей жизнь головѣ, связанная съ именемъ шамана Тархана, также отсылаетъ насъ къ Чингисъ-хановскимъ легендамъ (см. Очерки IV, 841). Джерканатъ въ другомъ алтайскомъ варіантѣ участвуетъ въ освобожденіи какого-то Темиръ-боко, прикованнаго въ царствѣ мертвыхъ (ibid., 173); чуть ли это не есть сынъ хана, ради котораго Джерканатъ спускается въ царство Ерлика. Имя Темиръ напоминаетъ первоначальное имя Чингисъ-хана Темучинъ, которое у мусульманскихъ историковъ является въ формѣ Темурчинъ. Кажется въ такомъ видѣ оно употреблялось и въ самой Монголіи. См. ниже. примѣч. къ № 56. Въ Юань-чао-ми-ши царевичъ Толуй идетъ въ замѣнъ больного Оготая, сына Чингисъ-хана; можетъ быть на Толуя разсказъ перенесенъ съ Чингисъ-хана.

Сказаніе о другѣ Чингиса Борчжи, Боорчи или Богорчи, повидимому, также способно поддержать предположеніе, что о Чингисѣ говорилось то же, что объ Ундуръ-гэгэнѣ. Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 129) разсказывается: Тайджигуты угнали изъ дома Темучина восемь соловыхъ меринovъ; Темучинъ погнался слѣдомъ и встрѣтилъ Кулукъ-Богурчія, сына Лаху-Баянова; Кулукъ-Богурчи вызвался быть товарищемъ. Когда они прибыли къ Тайджигутамъ и замѣтили около восьми соловыхъ лошадей, Темучинъ хотѣлъ одинъ войдти въ кругъ, но Богурчи не согласился оставить его одного и они вдвоемъ отогнали темучиновыхъ лошадей. Когда они возвращались домой, Лаху-Баянъ встрѣтилъ ихъ на дорогѣ; «глядя на нихъ, онъ смѣялся, а обратившись въ сторону, плакалъ». Въ Очеркахъ (IV, 395—398) помѣщенъ разсказъ о мальчикѣ, который служилъ въ одномъ домѣ пастухомъ и укротилъ повадившагося конокрада, какого-то «ирея». За тѣмъ онъ входитъ въ одну юрту; при входѣ въ нее онъ замѣтилъ, что сидѣвшая въ юртѣ молодая женщина «взглянетъ на него, улыбнется; отвернется—плачетъ». Оказалось, что мужъ этой женщины, молодой вельможа, долженъ въ этотъ день идти на съѣденіе какому-то чудовищу Оролынъ-читкуру [2]). Мальчикъ вызвался идти вмѣсто обреченной жертвы; онъ былъ одѣтъ въ платье молодого вельможи и отведенъ къ чудовищу, которое, однако, само погибло отъ руки мальчика. За это мальчикъ

---

[1]) У калмыковъ такіе изгнанники называются андынъ (Нефедьевъ, Подробн. свѣд. о волжск. калмыкахъ, Спб., 1834, стр. 131).

[2]) Т. е. Ерлику? Оролынъ ср. съ Эрлэнъ-ханъ, бурятскимъ именемъ Ерлика.

Digitized by Google

получилъ званіе таргыла. Не потому ли и Лаху-Баянъ плакалъ, что Темучина ожидало какое-то несчастіе въ родѣ обреченія смерти и Богорчи не былъ ли его замѣстителемъ?

Г. Позднѣевъ («Монгольская лѣтопись Эрденіинъ эрихэ», стр. XXIX) говоритъ, что въ книгѣ Хуху-дэбтеръ есть постановленіе монголовъ о храненіи гробницы Чингисъ-хана потомками Богорчу. Мы знаемъ, что ордосская усыпальница охраняется дархатами; извѣстіе Хуху-дэбтера такимъ родомъ отожествляетъ дархатовъ съ потомками Богорчи [1]).

Имя дарханъ или тарханъ (множ. ч. дархатъ, тархатъ) въ сказаніяхъ часто связано или съ излѣченіемъ царевича или съ спасеніемъ его.

1) Шаманъ Тарханъ-бо излѣчаетъ отъ болѣзни царскаго сына и получаетъ имя Абысъ-камъ (Очерки, IV, 291).

2) Христіанинъ Сэ-ли-ги-сы исцѣляетъ Толуя, сына Чингисъ-хана и получаетъ званіе талахань, т. е. тарханъ (Восточн. Сборн., Спб., 1872, стр. 39).

3) Адай-дархаты (живущіе въ долинѣ Шишкита) получили званіе дарханъ, по одному сказанію, за выдачу измѣнника Шидырвана (Шишмаревъ въ Извѣстіяхъ Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. II, № 3), по другому, за выкупъ у Ерлика души больного Ундуръ-гэгэна [2]).

4) Человѣкъ, посланный искать врача для исцѣлѣнія заболѣвшаго Годана, носитъ имя Дорда-дарханъ (Сананъ-Сэцэнъ, 111).

5) Бодай и Кишликъ получаютъ отъ Чингиса тарханство за выдачу заговора Вана (у Рашидъ-эддина: Килунгутъ-тарханъ, стр. 165).

6) Семь старѣйшинъ получаютъ имя Дай-тарханъ за спасеніе сына Даянъ-хана отъ смерти во время битвы съ Барагунъ-туметами (Сананъ-Сэцэнъ, 189).

7) Тохтогаху хорчинскій получаетъ тарханство за то, что на его лошади ускакалъ и спасся отъ смерти Чингисъ во время сѣчи (Алтанъ-Тобчи, 132).

8) Человѣкъ, спасшій Чингиса отъ преслѣдованій Тайджіутовъ въ то время, какъ онъ сидѣлъ, спрятавшись въ водѣ, въ Алтанъ-Тобчи названъ Торгонъ-шара (127) [3]).

2) Отлетъ въ видѣ птицы. Въ Очеркахъ, IV, 308, мотивъ отлета другой; богдо-гэгэнъ былъ недоволенъ китайскимъ императоромъ за казнь Шидырвана. Батыръ-бэли отправляетя въ страну, куда удалился святой, отыскивать его. Онъ нашелъ его возродившимся въ видѣ играющаго мальчика; ср. съ классическимъ повѣрьемъ, что Ахиллъ живъ и играетъ съ героями гдѣ-то въ отдаленныхъ мѣстахъ (Meyer, Indogerm. Mythen. II. Achilleis. Berl. 1887); вообще возродившихся гэгэновъ отыскиваютъ, показывая имъ вещи, которыя были у нихъ въ употребленіи въ ихъ прежнемъ перерожденіи; гэгэнъ узнаетъ свою вещь и ухватится за нее, а поддѣльную отвергнетъ. Та же тема связана и съ Чингисъ-ханомъ; пришествіе его ожидается, и онъ будетъ открытъ тѣмъ же способомъ, какимъ открываются гэгэны. По мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ уже народился, но мать скрываетъ его отъ тархатовъ, которые разъѣзжаютъ по Монголіи, отыскивая родившагося Чингиса и имѣя при себѣ коллекцію его старыхъ вещей и поддѣлки подъ нихъ. См. ч. I, стр. 129.

Семь ангировъ [4]) встрѣчаются также въ халхасской легендѣ о бѣднякѣ, поднесшемъ козьяго молока къ чаю путешествовавшимъ семи ламамъ (Очерки, II, 166); имя этого бѣдняка Хунъ-тайджи [5]). Семь ламъ улетѣли подъ видомъ семи ангировъ. Въ Записк. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 116 помѣщена легенда о Илгысынъ—гэгэнѣ; мать будущаго гэгэна, по его совѣту, угощаетъ проходящихъ ламъ-странниковъ чаемъ съ козьимъ молокомъ; улетаетъ въ видѣ ангира угощавшій гэгэнъ, а не ламы странники. О мальчикѣ гэгэнѣ сказано, что онъ отъ рожденія до семи лѣтъ не говорилъ; молчаніе въ теченіи семи лѣтъ по рожденіи Дараната приписываетъ буддійскому святому Чандрагомину (Васильевъ, Буддизмъ, III, 153). Ордосское преданіе также смѣшиваетъ Илгысынъ-гэгэна съ Ундуръ-гэгэномъ; см. примѣч. къ № 55.

---

[1]) Не находится ли въ связи съ Богорчи имя Борджигитъ, какъ назывался самъ Чингисъ? У Сананъ-сэцена Külük Bogordschi поставленъ начальникомъ девяти урлюковъ.

[2]) Ордосскіе дархаты также называются иногда Дай-дархатами; см. ч. I, стр. 122.

[3]) Отецъ Цзонкавы въ его біографіи на монгольскомъ языкѣ названъ дарханомъ, при чемъ пояснено, что это значитъ «свободный отъ податей».

[4]) Объ ангирѣ (турпанѣ) см. Труды Пекинск. духовн. миссіи, IV, 40.

[5]) Въ одномъ бурятскомъ преданіи Хонъ-тайджа имя дѣвы-лебеди, жены Хоридоя, которая, съ двумя подругами, слетѣла отъ Хонъ-Хормуста-тынгырея на озеро Сайдамто (Иркутск. эпарх. вѣдом., 1889, № 47).

Digitized by Google

Въ тѣхъ же Запискахъ В. С. Отдѣла, стр. 123, другой разсказъ объ ангирѣ; это буддійская легенда о кающемся разбойникѣ (человѣкоядцѣ, мясникѣ; см. выше № 38, а также Очерки, IV, 273); кающійся становится богомъ — это Майдари или Шянба[1]); лама отшельникъ, въ наказаніе за гордость своею святостью, улетаетъ подъ видомъ ангира. Въ южносибирскихъ легендахъ о сотвореніи міра ангиръ также противупоставляется богу Майдари; см. Зап. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 139.

3) Сидѣнье въ скутанной юртѣ. Эта тема мнѣ встрѣтилась въ связи съ именемъ Нойонъ-хутухты, а не Ундуръ-гэгэна, но ее можно отнести и къ Ундуръ-гэгэну, или по крайней мѣрѣ къ богдо-гэгэну. Эпизодъ о Нойонъ-хутухту вставленъ въ разсказъ о Шидырванѣ (Очерки, II, 169); узнавъ, что Шидырванъ казненъ, Нойонъ-хутухту, принимавшій участіе въ заговорѣ Шидырвана, велѣлъ закрыть у своей юрты дымовое отверзстіе и дверь, одѣлся съ ногъ до головы въ черное и сталъ читать молитвы. Когда онъ кончилъ, платье его пожелтѣло, только на шеѣ осталось черное; ср. съ № 63 ниже. Въ другихъ варіантахъ сказанія о Шидырванѣ союзникомъ его называется не Нойонъ-хутухту, а богдо-гэгэнъ (см. Очерки, IV, 304). Сказочныя темы, отнесенныя къ богдо-гэгэнамъ, къ личностямъ историческимъ, весьма вѣроятно первоначально были связаны съ именемъ миѳическаго Ундуръ-гэгэна и перешли на богдо-гэгэновъ потому, что народъ смѣшалъ перваго богдо-гэгэна съ Ундуръ-гэгэномъ.

Легенда о Тамджинѣ выдаетъ сидѣнье въ темной юртѣ за искупленіе грѣха братоубійства. См. ниже, № 63. Уединеніе послѣ подобнаго преступленія индійскія сказанія приписываютъ Индрѣ (цитаты заимствуемъ изъ Revue de l'histoire des religions, 1886, t. XIV, № 3). Разсказъ Mahâbhârata'ы, стр. 294—297: Tvachtri, врагъ Индры, создалъ трехголоваго Viçvarooûpa'у, который числился въ ряду брамановъ. Индра своей молніей убилъ чудовище. Тогда Tvachtri насылаетъ на Индру Вритру; Индра не можетъ побѣдить Вритру. По совѣту Вишну, онъ прибѣгаетъ къ хитрости; онъ договаривается съ Вритрой объ условіяхъ битвы и самъ нарушаетъ ихъ и убиваетъ противника. Подавляемый сознаніемъ въ двухъ преступленіяхъ, браноубійствѣ и клятвопреступничествѣ, Индра погружается на дно моря и остается тамъ въ теченіи тысячи лѣтъ.

Разсказъ Bhâgavata-Pourâna'ы, стр. 298: Висварупа, сынъ Tvachtri, трехголовый, заботливый о своихъ предкахъ со стороны матери, далъ имъ участіе въ жертвахъ; это было причиною его ссоры съ Индрой. Индра отрубилъ ему три головы. Tvachtri, чтобъ отмстить за сына, посылаетъ Вритру. Вритра проглотилъ Индру съ его слономъ, но Индра молніей разорвалъ ему брюхо и раздробилъ голову. Но это торжество не потушило въ немъ угрызеній совѣсти, что онъ убилъ брамана, и онъ погрузился въ озеро Mânasa и пробылъ въ немъ тысячу лѣтъ.

Изъ Mârkandeya—Pourâna, 302: Сынъ Tvachtri былъ нѣкогда убитъ молніей Индры. Индра, виновный въ убійствѣ брамана, былъ въ крайней печали. Онъ предпринялъ очищеніе грѣховъ, сложивъ съ себя блескъ чакры (çakra). Такимъ образомъ Чакра сталъ безъ блеска; его блескъ исчезъ въ покаяніи.

У Даранаты есть слѣдующій разсказъ: При царѣ Шилѣ тиртикъ Локаята не вѣритъ въ возможность перерожденій; нѣкто Чандрагоминъ, чтобъ убѣдить его, сказалъ, что онъ на дѣлѣ докажетъ это собственнымъ возрожденіемъ. Онъ сдѣлалъ себѣ знакъ на лбу, взялъ въ ротъ жемчужину и умеръ. Въ чьемъ семействѣ онъ долженъ переродиться, онъ предварительно указалъ. Царскіе послы пошли въ семейство Вишешака и нашли тамъ новорожденнаго съ тѣмъ же знакомъ на лбу и съ жемчужиной во рту. На трупѣ же знакъ на лбу и жемчужина исчезли. Мальчикъ сразу заговорилъ; испуганная мать прикрикнула на него и онъ замолчалъ на цѣлыхъ семь лѣтъ. Только когда отцу пришлось рѣшать какую-то мудрую задачу, онъ вновь заговорилъ. Онъ женился на Дара, но такъ какъ это было имя богини, которая ему покровительствовала, то онъ оставилъ жену. Тогда тесть велѣлъ положить его въ ящикъ и бросить въ Гангъ. Богиня Дара спасла его; она воздвигла среди рѣки островъ (Чандра-двипа), куда и причалилъ ящикъ. Имя Чандра-гомина сначала было просто Чандра, «луна», а потомъ, когда онъ сдѣлался упасакой или гоминомъ, его стали звать Чандра-гоминъ (Васильевъ, Буддизмъ, III, 153). Первый эпизодъ о перерожденіи соотвѣтствуетъ разсказу объ удаленіи Ундуръ-гэгэна изъ страны; знакъ на лбу и жем-

[1]) Въ русскихъ сказаніяхъ это Рахъ—разбойникъ, который обвиняется и въ кровосмѣшеніи (Садовниковъ, «Сказки Самарск. края, № 99). Въ легендѣ объ Асафѣ (Безсоновъ, «Калики Перехожія», стр. 238) повидимому грѣхъ кровосмѣшенія замѣненъ оскорбленіемъ покойницы въ гробу. Не отголосокъ ли этой же темы разсказъ о татѣ гробномъ въ легендѣ объ Андреѣ юродивомъ?

Digitized by Google

чужина замѣняютъ тѣ признаки, по которымъ Батыръ-бэли узналъ переродившагося Ундуръ-гэгэна. Опущеніе въ ящикѣ въ воду напоминаетъ исторію Чингиса (см. Radloff, Proben, III, 82. Очерки, IV, 231). Странный поступокъ Чандра-гомина съ женой заставляетъ насъ подозрѣвать въ разсказѣ тему о кровосмѣшеніи: Чандра-гоминъ сынъ Дары; по незнанію онъ женится на ней, узнаетъ въ ней свою мать и оставляетъ ее; въ легендахъ о кровосмѣсителѣ часто является тема объ опущеніи въ воду: мать опускаетъ ребенка въ воду; мать сама кидается въ воду, чтобы утонуть.

Совпаденія темъ о Чингисѣ и Ундуръ-гэгэнѣ:

1) У Ундуръ-гэгэна есть дархаты. При Чингисъ-хановой усыпальницѣ также состоитъ сословіе тархатовъ (см. ч. I, стр. 121).

2) Къ Ундуръ-гэгэну относится разсказъ о болѣзни и о замѣнѣ больного живыми людьми. Съ именемъ Чингисъ-хана, новидимому, были связаны подобные же разсказы.

3) Ундуръ-гэгэнъ (собственно богдо-гэгэнъ), удалившійся изъ родной страны, узнается по старымъ симпатіямъ (онъ играетъ, вылѣпивъ изъ глины верблюдовъ и изображая, какъ по Монголіи ходятъ караваны). Чингисъ-ханъ узнается по его старымъ вещамъ, къ которымъ онъ привыкъ во время прежней своей жизни.

4) Ундуръ-гэгэнъ (собственно Нойонъ-хутухту) запирается въ темную юрту. Тамджинъ-ханъ запирается въ темную юрту. Подъ Тамджиномъ можетъ быть скрывается Темучинъ, съ именемъ котораго связана тема о братоубійствѣ. Онъ убилъ брата Бектера. Кромѣ того онъ убилъ шамана Тѣбъ-тэнгэри, сына Мунлика. Когда Есугай, отецъ Чингиса, умеръ, вдова его вошла въ домъ Мунлика и Мунликъ замѣнилъ Чингису отца, почему вѣроятно лѣтопись и называетъ его Мунликъ-эчигэ, «отецъ Мунликъ» (Рашидъ-эддинъ, II, 137). Такимъ образомъ Тѣбъ-тэнгэри приходится Чингису въ родѣ своднаго брата. Тѣло убитаго шамана было положено въ юрту, двери и дымовое отверзстіе которой были закрыты; снаружи приставлена стража. Но на третій день тѣло шамана исчезло черезъ верхнее отверзстіе юрты; это послѣднее чудо не есть ли замѣна чуда съ гэгэномъ, состоявшаго въ замѣнѣ чернаго (покаяннаго?) цвѣта платья желтымъ, т. е. свѣтлымъ? О самомъ Темучинѣ разсказывается, что онъ укрывался въ ущельи, заваленномъ камнемъ и пр.; см. примѣчанія къ № 63.

Жена Чингисъ-хана, по ордосскому повѣрью, была воплощеніемъ богини Дары. Такъ какъ есть поводъ догадываться, что о Чингисѣ разсказывалась кровосмѣсительная легенда въ родѣ легенды объ Андреѣ Критскомъ, то жена Дара можетъ быть была и его матерью. Въ разсказѣ Сананъ-Сэцэна о томъ далай-ламѣ, который возродился въ Монголіи, сказано, что мать его называлась Дара (Gesch. d. Ost-Mong., 257); легенда объ этомъ далай-ламѣ, жившемъ въ Монголіи, не есть ли отголосокъ легенды объ Ундуръ-гэгэнѣ?

Сдается, что легенда объ Ундуръ-гэгэнѣ жила въ Монголіи задолго до перваго ургинскаго богдо-гэгэна; она жила уже около эпохи Чингисъ-хана и его соперника Вана киреитскаго (поколѣніе хиреитъ—произносится также и хритъ—и теперь еще многочисленно въ Ордосѣ); да вѣроятно и еще ранѣе.

Не слѣдуетъ ли къ этому древнему Ундуръ-гэгэну отнести то сообщеніе монгольской лѣтописи объ отношеніи перваго богдо-гэгэна къ Цэцэнъ-хану [1]), на которое указываетъ г. Позднѣевъ (Ургинскіе хутухты, стр. 6): «Біографія Ундуръ-гэгэна почему-то ставитъ Сэцэнъ-хана въ самыя покровительственныя и вмѣстѣ съ тѣмъ дружественныя отношенія къ ребенку съ самыхъ первыхъ дней его рожденія: такимъ образомъ Сэцэнъ-ханъ въ первый же годъ рожденія ребенка даетъ ему свой титулъ гэгэна, даритъ подарки и выражаетъ ему чисто отеческую заботливость и любовь». Въ сказаніи о Чингисъ-ханѣ встрѣчается Дай-сэцэнъ; Эсугай передъ своей смертью отвозитъ къ нему малолѣтняго Темучина, изъ опасенія козней дала. Правда, мотивировано это тѣмъ, что Есугай женитъ сына на дочери Дай-сэцэна. Но есть такія параллели: въ калмыцкой сказкѣ царевичъ Го-Чикиту (воплощеніе Арья-Бало), гонимый мачихой, убѣгаетъ и находитъ убѣжище у кутухты, гдѣ онъ и женится (Bergmann, Nomad. Streifereien, Riga, 1805). Въ Алтанъ-Тобчи мальчикъ Болхо спасенъ отъ смерти и отвезенъ къ Шигустей-кутухту, на дочери котораго и женится (Алт. Тобчи, 178). Не были ли эти легенды эпической передачей народнаго обычая приставлять

---

[1]) Цэцэнъ или сэцэнъ «мудрецъ»; въ этомъ же значеніи это слово и у киргизъ и произносится шешенъ. Буряты произносятъ сысынъ.

Digitized by Google

къ ребенку для отвращенія отъ него несчастія особаго покровителя? Такой обычай существуетъ у бурятъ; такими покровителями бываютъ шаманы, которые въ подобныхъ случаяхъ называются найджи, «друзьями дома». Объ нихъ см. Зап. Вост. Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ. по этн., т. II в. 2, стр. 24. Есть ли обыкновеніе отвозить ребенка, которому, думаютъ, что нибудь угрожаетъ дурное, къ другу-шаману, мнѣ разузнать не случилось [1]).

О далай-ламѣ, возродившемся вмѣсто Тибета въ Монголіи, у Санань-Сэцэна разсказывается такъ. Въ Монголіи тумюдами правилъ Алтанъ-хаганъ. Онъ узналъ о воплощеніи на землѣ бодисатвы Хоншима (Арья-Бало) въ лицѣ далай-ламы и отправилъ къ нему пословъ; далай-лама своимъ сверхъестественнымъ вѣденіемъ узналъ объ этомъ и отправился самъ въ Монголію. Когда Алтанъ-хаганъ увидѣлъ его, онъ узналъ въ немъ божественнаго посланника, котораго онъ уже ранѣе видѣлъ и который явился ему, чтобы прекратить звѣрскій способъ лѣченія больныхъ ногъ хана; съ этою цѣлью былъ разрѣзанъ животъ у лошади и больныя ноги вложены въ горячую утробу (Gesch. d. Ost-Mong., 229). Ср. съ разсказомъ о Цоктай-ханѣ, ниже, № 65. Повидимому разсказъ о поѣздкѣ далай-ламы первоначально имѣлъ видъ разсказа о поѣздкѣ для укрощенія царя человѣкоядца. Можетъ быть эти-то разсказы о далай-ламѣ въ Монголіи и есть легенда объ Ундуръ-гэгэнѣ.

Санань-Сэцэновскій разсказъ объ Алтанъ-хаганѣ и далай-ламѣ пріуроченъ къ Гуй-хуа-чену. Къ этому же городу Юль пріурочивалъ резиденцію Вана-киреитскаго [2]). Отсѣченная голова Вана также показываетъ признаки жизни, какъ и голова Цоктая; см. ниже, № 65. Далай-лама Санань-сэцэна соотвѣтствуетъ Батыръ-моосу этого номера, который убилъ Цоктая и привезъ его голову. Въ разсказѣ о Ванѣ киреитскомъ, вмѣсто одного убійцы, два; они убиваютъ его въ то время, когда онъ сошелъ съ лошади утолить жажду. Ср. съ смертью Тохтамыша въ сказкѣ барабинскихъ татаръ (Radloff, Proben, III, 53).

Если имя Индэрь, встрѣчающееся въ сложномъ Индэрь-хара-мангысъ (въ сказкѣ № 10, стр. 162) одного корня съ Ундуръ, то это значитъ, что съ послѣднимъ иногда соединялось понятіе о зломъ, вредномъ [3]). Въ Монголіи встрѣчаются названія горъ Баинь-ундуръ, Индыръ-хаирханъ, Ундюръ-байсыхылынъ (Очерки, I, 187, 364; IV, 232); ундуръ по монгольски «высокій». Но на стоверстной картѣ Сѣверной Азіи, составленной г. Большевымъ, въ Алашаньскомъ хребтѣ, вѣроятно по даннымъ Пржевальскаго, назначена гора Баинъ-Цундуръ; на картѣ же, приложенной къ книгѣ Пржевальскаго: «Монголія и страна тангутовъ», изд. 1875 г., та же гора значится подъ названіемъ Баянъ-цумбуръ. Цумбуръ вѣроятно то же, что Сумбуръ, Сумеръ-ола, т. е. гора Сумеру. Алашань (шань по китайски «гора») въ древнихъ памятникахъ называется Калашань; сопоставленіе формъ Кала и Цумбуръ ср. съ парнымъ въ тангутскомъ Гэсэрѣ: Кала-мэмбыръ (см. выше, стр. 21).

---

43. МЕНГУ-ЧЖУ.

(Широнгольскій).

Далай-лама-гэгэнъ строилъ на горѣ Потала монастырь Лабранъ. Одинъ изъ плотниковъ, строившихъ зданіе, не вѣрилъ, что Далай-лама-гэгэнъ заплатитъ за работу; всѣ работавшіе были подданные гэгэна и ихъ работа, думалъ плотникъ, будетъ принята за натуральную повинность. Онъ поставилъ главную подпорку, на

---

[1]) Въ тюркской сказкѣ, записанной г. Адріановымъ (Оч., IV, 587) дѣвица Чечинъ собираетъ въ морѣ кости Хангавая и потомъ оживляетъ его. Въ финскомъ эпосѣ мать Лемминкайнена ищетъ потеряннаго сына, брошеннаго въ воду; обращается съ мольбой къ солнцу; собираетъ изъ воды кости сына и оживляетъ его. Св. Сисиній ищетъ потеряннаго младенца; вопрошаетъ солнце и луну (А. Н. Веселовскій, Разысканія).

[2]) Отыскивая эту резиденцію нужно также имѣть въ виду, что къ югу отъ Гуй-хуа-чена находятся развалины города Тохто-хото (см. ч. I, стр. 56).

[3]) О значеніи орочонскаго Андури или Эндури см. у В. П. Маргаритова въ брошюрѣ: «Объ орочахъ Императорской гавани», Спб., 1888, стр. 25.

Digitized by Google

которой держалась вся кровля, комлемъ вверхъ, вершиной внизъ, и снизу подъ нее подложилъ подставку, которую можно было бы, когда захочется, выдернуть. Онъ думалъ: «если Далай-лама-гэгэнъ ничего не дастъ, я выдерну подложку и весь Лабранъ упадетъ». Далай-лама-гэгэнъ, когда кончилась постройка, говоритъ: «Ваши хлопоты и труды были велики!» и далъ всѣмъ работникамъ, каменьщикамъ и плотникамъ, множество серебра. Роздавъ серебро, гэгэнъ спросилъ: «Прочно ли зданіе? нѣтъ ли грѣха» (гемъ байну угею)? Плотникъ не ожидалъ такого конца, ему стало совѣстно и онъ повинился. «Грѣхъ есть!» говоритъ. «Я думалъ, что гэгэнъ нашу работу зачтетъ за повинность, не дастъ намъ платы и заставитъ проработать даромъ, поставилъ столбъ вверхъ ногами и подложилъ подложку, такъ, чтобъ её можно было выдернуть. Если её вынуть изъ подъ колонны, все зданіе разрушится». Тогда Далай-лама-гэгэнъ сказалъ: «Ты поставилъ дерево вверхъ ногами. За это ты, а когда ты умрешь, то твои потомки пусть въ первое число первой луны каждаго года летаютъ съ Поталы внизъ головой». И вотъ съ того времени существуетъ обрядъ: потомокъ того плотника одѣвается въ платье птицы Ханъ-гариди, на голову надѣваетъ маску въ видѣ птичьей головы и къ плечамъ прикрѣпляетъ расправленныя къ полету крылья. Съ вершины Лабрана, стоящаго на вершинѣ Поталы, ко дну долины протягиваютъ канатъ; человѣка, одѣтаго птицей, кладутъ на шкуру коровы и спускаютъ по веревкѣ на дно долины головою внизъ. Если убьется, объ этомъ не плачутъ. Если уцѣлѣетъ человѣкъ, даютъ ему 50 ланъ серебра.

Сантанъ-джимба [1]).

О церемоніи хожденія по канату въ Лассѣ см. Nouveau Journ. asiat., 1829, t. IV; онъ исполняется въ 3-й день второй луны. Тему о колоннѣ ср. съ № 47 (см. ниже).

---

44. МОНАСТЫРЬ МАРЦЗАНЪ [2]).

(Широнгольскій).

Былъ въ Менгу-чжу царь Ландеръ; онъ гналъ ламъ. Одинъ человѣкъ, родомъ изъ Тендыка, ставъ ламой, очень былъ въ славѣ. Онъ отправился въ Менгу-чжу и тамъ молился. Но когда утѣсненіе отъ царя Ландера возрасло до крайней степени, онъ сказалъ, что при такомъ нечестивомъ царѣ онъ не можетъ оставаться въ Менгу-чжу и намѣренъ возвратиться на родину. Онъ окрасилъ черной краской бѣлую лошадь, сѣлъ на неё и бѣжалъ на родину. За нимъ послали погоню. Когда онъ добѣгалъ до Желтой рѣки, погоня стала догонять его. Лама переплылъ рѣку; во время переправы краска съ лошади смылась. Погоня, увидѣвъ человѣка,

---

[1]) Сантанъ-джимба во время этого праздника сидѣлъ въ Ласской тюрьмѣ со связанными руками и обряда не видѣлъ, но видѣлъ множество народа, шедшаго смотрѣть обрядъ.

[2]) Марцзанъ (т. е. «Красная скала» по тангутски) монастырь на лѣв. берегу Силинъ-гола ниже города Синина; китайцы зовутъ этотъ монастырь Пай-ма-сы, т. е. «Храмъ бѣлой лошади».

Digitized by Google

ѣдущаго по противуположному берегу на бѣлой лошади, сказала: «Это не тотъ, за которымъ мы гнались! тотъ былъ на черной лошади, а этотъ на бѣлой». И вернулись. Лама укрылся въ пещерѣ; здѣсь тѣло его замерло, но сердце его продолжало биться. Горлица (кугушкѣ) насорила ему на лицо. Погоня вошла въ пещеру и увидѣвъ, что тѣло его неподвижно и что лицо даже покрыто птичьимъ пометомъ, сказала: «Онъ давно уже умеръ!» и удалилась.

Сантанъ-джимба.

Въ пещерѣ при монастырѣ Марцзанъ Лта-чинбу сидитъ одинокій бурханъ. Это былъ лама, бѣжавшій отъ тибетскаго царя Ландармы. Онъ бѣжалъ на бѣлой лошади, которую предварительно окрасилъ въ черный цвѣтъ. Переплывъ рѣку, лошадь вновь стала бѣлою. Люди, гнавшіеся за ламой, говорятъ: «Мы гнались за ламой на карей лошади, а этотъ лама ѣдетъ на бѣлой!» и не погнались за нимъ. Продолжая поиски, они нашли пещеру, въ которую скрылся лама и обмеръ въ сидячемъ положеніи; хуху шибо (голубь), летая въ пещерѣ, насорилъ на его лицо много пыли. Погоня говоритъ: «Много пыли на этомъ покойникѣ. Должно быть давно умеръ». И не тронули его. Этотъ бурханъ имѣетъ мясное тѣло (маха біитай), но его мясо покрыто сверху глиной. Живущіе около монастыря тангуты приходятъ изъ страны Джуглунва, лежащей около Лассы, самъ же лама бурханъ былъ родомъ изъ горы Тандыкъ, къ западу отъ Сань-чуани.

Лама широнголъ.

---

45. ЛУМБУНЪ-ЧИМБО.

(Монгольскій).

Въ землѣ Уратовъ, въ западной части Иньшаня, противъ сѣверозападнаго загиба Желтой рѣки, находится мѣстность Лумбунъ-чимбо. Подъ этимъ именемъ разумѣютъ мѣстность въ сухой долинѣ Харганай, гдѣ находятся три пещеры. Внутри пещеры есть почитаемыя народомъ изображенія боговъ, на поклоненіе къ которымъ приходитъ много богомольцевъ. Самая большая пещера называется Икенъ-агуй; въ ней бываетъ хуралъ (богослуженіе); до 500 ламъ вмѣщается въ пещеру. Входъ въ пещеру обдѣланъ, какъ ворота храма. Внутри много статуй. Другая пещера называется Ердени-дзо; она лежитъ въ высокой горѣ; войдя въ отверзстіе, идутъ сначала по горизонтальному полу, потомъ спускаются въ отвѣсный колодезь по деревянной лѣстницѣ, затѣмъ опять идутъ горизонтально. Въ этой нижней галлереѣ находится само собою явившееся (нерукотворное) изображеніе бога Лумбунъ-чимбо, сидящаго на престолѣ; правый кулакъ бога, держащій отвѣсно стоящій мечъ, покоится на правомъ колѣнѣ. Въ этой же галлереѣ указываютъ отверзстіе, въ которое спускаютъ веревку до 5 саженъ длиной и не мо-

Digitized by Google

гутъ достать дна. Въ эту дыру спустился шулмусъ, котораго преслѣдовалъ и убилъ Лумбунъ-чимбо. Въ пещерѣ Ердени-дзо темно, ходятъ съ огнемъ; изъ пяти спустившихся человѣкъ двумъ привязываютъ фонари къ шеѣ. Третья пещера называется Дареке; она имѣетъ просторный входъ; въ ней находится арашанъ (цѣлебный источникъ); воду его пьютъ и вѣрятъ, что это полезно отъ внутреннихъ болѣзней; въ этой же пещерѣ есть слѣды Чингисъ-богдо (т. е. Чингисъ-хана). У выхода долины Харганай на равнину Желтой рѣки лежитъ монастырь Нарынгенъ-агуй.

Записано отъ эдзинъ-гольскаго торгоута.

---

46. ПЕЙ-ЮНЪ-САЙ.

(Монгольскій).

На правомъ берегу Желтой рѣки противъ города Чжя-чжоу лежитъ буддійскій монастырь Пей-юнъ-сай, по монгольски Чаганъ-абита. По дорогѣ туда изъ Ордоса приходится переходить черезъ рѣку Шарусенъ-голъ по естественному каменному мосту; рѣка входитъ въ пещеру въ скалѣ и течетъ подъ нею около 20 саж., потомъ выходитъ изъ скалы тремя отверзстіями и мчится далѣе съ большой стремительностью и шумомъ. Китайцы говорятъ, что это мостъ, который построилъ Манджушри.

Монастырь Пей-юнъ-сай находится на горѣ, которая возвышается надъ мѣстомъ соединенія Шарусенъ-гола съ Хуанъ-хэ. Выше этого соединенія на правомъ берегу Хуанъ-хэ лежитъ китайскій городъ Чжя-чжоу; онъ виденъ изъ монастыря. Монголы Ордоса усердно ходятъ на поклоненіе святому, особенно бездѣтныя женщины. За день не доходя до Пей-юнъ-сая не говорятъ худыхъ словъ, не пьютъ водки, не курятъ не только опіума, но даже и табаку; вѣрятъ, что не исполнившій этого правила, пришедши въ монастырь, умретъ. Вѣрятъ, что всѣ китайцы, живущіе вокругъ монастыря на день ѣзды кругомъ, постоянно соблюдаютъ это правило. Святыня скрывается въ башнѣ (субурга), стоящей среди монастырскаго двора. Это останки святого Чаганъ-абиты; уши свои, по словамъ хэшановъ (монаховъ), святой заткнулъ желѣзными «ширмэ», чтобы не слышать дурныхъ словъ. Поклонники не видятъ святыхъ останковъ. Въ Пей-юнъ-саѣ насчитывается 35 обителей и отдѣльныхъ храмовъ, т. е. гораздо больше, чѣмъ въ Гумбумѣ.

Пунсукъ, ордосскій монголъ.

Digitized by Google

47. НЬЮ-ТОУ-ШАНЬ.

(Монгольскій).

Южнѣе Нинъ-ся на Желтой рѣкѣ, на ея правомъ берегу лежитъ гора Нью-тоу-шань, «гора Коровья Голова»; монголы зовутъ ее Ухыръ-ола, «Коровья гора». Тамъ, гдѣ эта гора примыкаетъ къ самой Желтой рѣкѣ, есть группа болѣе чѣмъ изъ десяти монастырей. Всѣ они разрушены давно, до послѣдняго возстанія мусульманъ. Живущіе около китайскіе крестьяне въ развалинахъ монастырей держатъ телятъ и овецъ и хранятъ траву. Группа монастырей, находящихся на вершинѣ горы, называется Та-ши-тянь; отсюда идетъ дорога внизъ къ рѣкѣ. На вершинѣ горы находится холмъ, который называется Алтанъ-тугулъ, «Золотой теленокъ»; другой холмъ находится внизу на берегу рѣки и называется Алтанъ-унага, «Золотой жеребенокъ». Дорога приводитъ къ суме (монастырю), въ которомъ стоитъ субурга (башня); здѣсь есть хэшаны (монахи). Монголы изъ Ордоса и Алашаня приходятъ покланяться этой субургѣ въ 29 число бѣлаго мѣсяца (чаганъ сара). Монголы называютъ эту субургу Гума-сала—субурга. Войдя въ ворота суме, поклонники обходятъ субургу вокругъ; внутрь субурги не входятъ. Хэшаны разсказываютъ, что внутри ея есть другая субурга, которая виситъ на воздухѣ; основаніе ея не прикасается къ земной поверхности; эта внутренняя субурга спустилась съ неба. Когда она опустится и сядетъ на землю, Менгу-чжу (резиденція Далай-ламы) будетъ перенесена на здѣшнее мѣсто. Разрушеніе монастырей приписывается не военному разгрому, а тому, что гора, на которой стояли монастыри, перевернулась или, по крайней мѣрѣ растрескалась и перековеркалась (балбараджи). Поклонившись Гума-сала-субургѣ, монголы-паломники идутъ въ Алашань-китъ, гдѣ около этого времени устраивается чамъ (религіозная пляска) въ честь божества Меленъ-гуру.

Пунсукъ, ордосскій монголъ.

Къ юго-западу отъ Хотана въ древности указывали гору Цзюй-ши-линъ-цзя, которая называлась «Бычьи рога», по двумъ отвѣснымъ скаламъ, между которыми былъ построенъ монастырь (Риттеръ, Землевѣдѣніе, Восточн. Туркестанъ, перев. Григорьева, в. 1, стр. 68). Другая древняя хотанская легенда разсказывала о городѣ Хо-лао-ло-цзя, развратные жители котораго были наказаны за неуваженіе священной статуи Будды (ibid., 21); началась буря, потоки дождя паводнили страну и изрыли всю почву, городъ былъ засыпанъ песчанымъ дождемъ. Хотанскіе жители вѣрили, что удалившаяся тогда изъ города статуя перенесется въ храмъ драконовъ, когда «исполнится законъ Шакіевъ», т. е. по разрушеніи настоящаго порядка вселенной (ibid., LI, примѣчаніе Григорьева, стр. 305). Третья хотанская легенда разсказываетъ объ арханѣ, который поднялъ ступу на ладони и опустилъ, не повредивъ сооруженія (Григорьевъ, Вост. Туркестанъ, 179). Висящую на воздухѣ башню ср. съ разсказомъ Марко-Поло о колоннѣ въ храмѣ, чудесно оставшейся висящею въ воздухѣ, хотя основаніе изъ подъ нея было вынуто (Joul, Marco Polo, vol. I, p. 192), а также см. выше, № 43. Въ числѣ вѣрованій алтайцевъ (Правосл. Соб., 1886, мартъ, ст. о Ландышева «Космогонія алтайцевъ», стр. 7) есть одно о горѣ Алтынъ-ту (Золотая гора), которая съ неба виситъ надъ землею и только на четверть не достигаетъ до земли.

Digitized by Google

48. ДЕРЕВО ГАЛБАРСЫНЪ-МОДО.

Дерево это выросло въ Джагыръ-дорчжитанѣ [1]). Только оно пустило первый ростокъ (джалхынъ соё), какъ сейчасъ же притетѣла ворона (хире), потомъ прибѣжалъ заяцъ (тулай), потомъ пришла обезьяна (шарь-мечинъ), послѣ нея слонъ (чжанъ). По мѣрѣ того, какъ они приходили, дерево все больше и больше вырастало. Эти четыре животныхъ стали аха-дю [2]) по имени Тунбашй.

Пунсукъ изъ Ордоса.

49. ТУВА НА БЖЮ [3]).

На одной равнинѣ стояло одинокое дерево, около котораго протекала рѣка. Тутъ жили четыре животныя — слонъ, обезьяна, заяцъ и птица «инъ». Они жили въ такой дружбѣ, какъ братья. Заяцъ говоритъ друзьямъ: «Что-жъ мы живемъ, какъ братья, а не знаемъ кто изъ насъ старшій братъ, кто младшій. Нужно разобраться и узнать, кто изъ насъ старшій». Слонъ говоритъ: «Да, конечно, я старшій, потому что я всѣхъ больше и старѣе». «А вонъ у этого дерева, какъ ты думаешь, что выросло напередъ — вершина или комель?» спрашиваетъ заяцъ. «Вершина». «Значитъ вершина старше комля. Смотри же — вершина выше комля; она на немъ сидитъ. Такъ и намъ слѣдуетъ сѣсть. Ты старше меня, слѣдовательно, тебѣ надо стать на меня. Становись-ка, попробуй!» Слонъ сталъ надъ зайцемъ, заяцъ пришелся у него между ногами; встать на его спину четырьмя ногами никакъ не можетъ. «Теперь я попробую», говоритъ заяцъ. Онъ залѣзъ на спину слону и говоритъ: «Вотъ выходитъ, я тебя старше!» Примѣрялись животныя и размѣстились такъ: внизу слонъ, на немъ обезьяна, на ней заяцъ, на зайцѣ птица инъ. Стоятъ они такимъ образомъ и живутъ въ большой дружбѣ; отъ ихъ пребыванія во всей той странѣ великое благоденствіе. Былъ тамъ народъ и у него ханъ. Ханъ и его совѣтники думаютъ: «Откуда такое благоденствіе распространяется на нашу страну?» Несетъ по рѣкѣ душистыя яблоки и драгоцѣнности; кто яблоко съѣстъ, становится мудрымъ. Ханъ говоритъ: «Надо узнать, что въ вершинѣ рѣки есть. Тамъ, вѣроятно, есть что-то, отчего происходитъ наше благоденствіе». Пошли и увидали — прекрасная долина, среди ея дерево, на деревѣ сюмѣ [4]), а подлѣ четыре животныхъ другъ на другѣ, живущихъ въ большой дружбѣ.

Сэрэнъ, лама широнголъ изъ Саньчуани.

---

[1]) Т. е. въ Индіи.

[2]) Т. е. братьями.

[3]) Тува на бжю (Тумба на бжю)—такъ называются лубочныя картинки, которыя встрѣчаются у ламъ въ тибетской провинціи Амдо. На нихъ бываетъ изображено дерево, подъ которымъ стоитъ слонъ, на слонѣ сидитъ обезьяна, на обезьянѣ заяцъ, а на деревѣ птица. Кто имѣетъ подобное изображеніе въ своемъ дому, вѣритъ, что въ томъ домѣ будетъ благоденствіе. Экземпляръ подобной лубочной картинки, напечатанный въ Гумбумѣ, мною доставленъ въ Импер. Публ. Библіотеку, другой въ музей Восточно-сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общества въ Иркутскѣ.

[4]) Сюмѣ—монастырь.

Digitized by Google

Китайское повѣрье: Въ началѣ калпы (періода) лисица, обезьяна и заяцъ жили въ дружбѣ, не смотря на свою породу. Царь неба Чакра (Индра) подъ видомъ старца отправился къ тремъ животнымъ просить пищи. Лисица поймала для него карпа, обезьяна собрала фрукты; заяцъ, въ отчаяніи, что онъ слабъ силами, бросился въ огонь. Старецъ взялъ сгорѣвшаго зайца и помѣстилъ на лунѣ, чтобы его великодушіе сохранить въ памяти людей. Annales du Musée Guimet, t. XI, Paris, 1886, p. 497.

Очерки, IV, 223: на вершинѣ горы Сумеръ три суме, тридцать три тэнгира и дерево замбы-дзандынъ [1]), плодами котораго питались тэнгиры.

Объ одинокомъ, колоссальномъ деревѣ Оронъ-ганцханъ-модо (Урунъ-модонъ) см. въ Очеркахъ, II, 161; IV, 187, 326; Pautier, Le livre Marco Polo, I, 95.

Въ Очеркахъ, дерево Оронъ стоитъ въ связи съ легендой о мальчикѣ, найденномъ подъ деревомъ; тутъ мальчикъ названъ Бодунтай; но при такихъ же условіяхъ найденъ и Чингисъ-ханъ, во времени котораго народная вѣра видитъ золотой вѣкъ. Старѣйшины, ищущіе младенца, въ которомъ, повидимому, воплощено счастье (кэшикъ), идутъ вверхъ по рѣкѣ. Душистые яблоки, сносимыя рѣчнымъ теченіемъ, ср. съ волосами, сносимыми рѣкой, въ XXIII гл. Шиддикура (въ египетской сказкѣ о двухъ братьяхъ волоса душистые).

50. НЬЮ-ТОУ-ВАНЪ.

(Саньчуаньск. сказка).

Въ одномъ царствѣ былъ бурханъ Нью-тоу-ванъ [2]), который наложилъ на царство дань, чтобы каждый годъ ему доставляли на съѣденіе мальчика и дѣвочку. Такъ и дѣлалось въ этомъ царствѣ; каждый годъ выбирали мальчика и дѣвочку, одѣвали ихъ въ хорошее платье, садили на престолъ, установленный разными вкусными печеньями и относили въ одну загородную кумирню. Тогда поднимались вѣтры, являлся Нью-тоу-ванъ, богъ съ бычьей головой, въ сопровожденіи многочисленныхъ ратниковъ, входилъ въ кумирню и пребывалъ тамъ. На другой день ходили осматривать кумирню и не находили отнесенныхъ дѣтей. Однажды въ ту страну приходятъ четыре бога: Сунъ-ву-кунъ, Тансынъ-лама, Са-ху-шанъ и Чуба-чже (послѣдній съ свиной головой) и останавливаются въ одномъ домѣ на ночь. Сунъ-ву-кунъ замѣчаетъ, что хозяйка дома плачетъ. «О чемъ ты плачешь»? спрашиваетъ Сунъ-ву-кунъ. Женщина объясняетъ, что у нея одинъ только сынъ и тотъ завтра долженъ идти на съѣденіе бурхану Нью-тоу-вану; что, потерявъ единственнаго сына, она принуждена будетъ оставить свой домъ и выселиться, ища себѣ пропитанія въ другомъ мѣстѣ. «Не плачь!» сказалъ ей Сунъ-ву-кунъ. «Я пойду на мѣсто твоего сына на съѣденіе Нью-тоу-вану».

Назавтра мальчика, сына этой женщины, и дѣвочку изъ другого дома одѣли въ новое хорошее платье, посадили на столъ и отнесли въ кумирню. Поднялся вѣтеръ и явился Нью-тоу-ванъ. Спрашиваетъ: «Что мнѣ тутъ приготовлено ѣсть?»

[1]) Дзандынъ—сандальное дерево; замбы—Eugenia Jambu.

[2]) Китайскія слова: нью—«корова», тоу—«голова», ванъ—«царь».

Digitized by Google

Сунъ-ву-кунъ между тѣмъ занялъ мѣсто дѣтей, обратился въ нихъ, а ихъ самихъ отпустилъ. Сунъ-ву-кунъ говоритъ: «Сегодня меня принесли тебѣ на съѣденіе. Только ты, когда будешь ѣсть меня, не кусай зубами, а проглоти цѣликомъ». «Зачѣмъ тебя раскусывать!» говоритъ Нью-тоу-ванъ. «Ты такой маленькій, что тебя легко и цѣлымъ проглотить». И онъ проглотилъ Сунъ-ву-куна. Проглоченный Сунъ-ву-кунъ схватилъ сердце Нью-тоу-вана, сжалъ его и спрашиваетъ: «Ну что, теперь будешь ѣсть меня?» Нью-тоу-ванъ просилъ не убивать его, отпустить сердце, и обѣщалъ не ѣсть Сунъ-ву-куна, когда тотъ снова вылѣзетъ на волю. Сунъ-ву-кунъ взялъ съ Нью-тоу-вана клятву, что онъ уйдетъ изъ этихъ мѣстъ и не будетъ требовать людей на съѣденіе. Тогда Сунъ-ву-кунъ вылѣзъ черезъ ноздри Нью-тоу-вана; Нью-тоу-ванъ убѣжалъ прочь, а Сунъ-ву-кунъ возвратился въ домъ женщины и засталъ её угощающей двухъ его товарищей. Сунъ-ву-кунъ собралъ весь народъ и сказалъ: «Отнынѣ не покланяйтесь тому бурхану и не приносите ему въ жертву дѣтей. То былъ ложный бурханъ!».

Лама Сэрэнъ, широнголъ изъ Сань-чуани.

Нью-тоу-вана, «царя съ бычьей головой» ср. съ тибетскимъ Ландармой, который имѣлъ бычьи рога на головѣ, а также съ Ерликомъ, царемъ смерти, который изображается съ бычьей головой. Въ монгольскихъ сказаніяхъ царь съ бычьей головой замѣненъ царемъ съ ослиной головой.

У Рашидъ-эддина разсказывается объ Огузъ-ханѣ (огузъ-ханъ—быкъ царь; въ монгольскомъ было бы буха-ханъ). Огузъ-ханъ по рожденіи три дня не принимаетъ молока матери (Рашидъ-эддинъ, I, 13; ср. Radloff, Das Kudatku Bilik, S.-Ptb., 1891, S. X); младенецъ, родоначальникъ царей Хотана, родившійся изъ головы бога, не беретъ молока; его кладутъ къ ногамъ бога; изъ земли выростаетъ сосокъ, который и выкармливаетъ ребенка (Abel Remusat, Histoire de la ville de Khotan, Paris, 1820, p. 37). Въ бурятскомъ сказаніи Булганъ-хара положенъ передъ Буха-нойономъ (названіе скалы въ долинѣ рѣки Тунки) и Буха-нойонъ (быкъ—князь) поитъ его своимъ сокомъ. Другіе мальчики вскормлены сокомъ дерева: Чингисъ (Очерки, IV, 229), Торосъ-Бодунъ (Очерки, IV, 326; Pallas, Samml., I, 32), Одунъ-Бодунъ (Очерки, II, 161; IV, 326).

У Рашидъ-Эддина (стр. 112) упоминается еще Екэ-Туко-ханъ (въ Юань-чао-ми-ши Инаньча бильгэ, у Абульгази Jnandj Belgeh Buka chan). Бука, кажется, вѣрнѣе, чѣмъ Туко (см. выше, стр. 215). У Туко-хана по Рашидъ-эддину было два сына; одинъ называется Бай-бука; у Абульгази тоже два: Тай-бука и Буй-рукъ. Тай-бука также, кажется, вѣрнѣе, чѣмъ Бай-бука. Въ книжныхъ разсказахъ, которые мы сближали въ Очеркахъ, IV, 853, встрѣчаются три имени: Тайбуцинъ [1]), Буха и Болго.

Буга-ноинъ встрѣчается также въ сложномъ бурятскомъ Ергилъ-буга-ноинъ (Агапитовъ и Хангаловъ, Матеріалы, стр. 50). При посвященіи въ шаманы сначала призываютъ Ергилъ-буга-ноина, а потомъ умершихъ родственниковъ. Ергилъ-буга-ноинъ какъ будто самый старшій родственникъ; это какъ будто предокъ всѣхъ шамановъ.

О бурятской легендѣ о Буха-ноинѣ см. Памятн. книжка Иркутск. губ. на 1881 г., Ирк., стр. 165, 173, 181 и слѣд.; Записки Вост.-сибирск. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 115, 148; в. 2, стр. 94—106 и 145—148; Извѣстія Вост.-сиб. Отдѣла, т. XII, № 4—5, стр. 65; т. XIV, № 1—2, стр. 2 и 3; Записки Имп. Р. Геогр. Общ., 1864, кн. 2, стр. 34 и 43; Позднѣевъ' Образцы народн. литературы монгол. племенъ, в. 1, Спб., 1880, стр. 265; мои Очерки сѣверозап. Монголіи, IV, стр. 264—268 и 821—826.

---

[1]) Женщина Харакчи-Тайбучинъ спасаетъ мальчика, котораго преслѣдуютъ. Въ другомъ мѣстѣ Алтанъ-Тобчи (стр. 195) Харакчи-Тайбуцинъ мужчина, а не женщина.

Digitized by Google

51. СУНЪ-ВУ-КУНЪ.

(Широнгольскій).

Сунъ-ву-кунъ [1]) былъ прежде докшинъ; его усмирилъ Со-чжи-ѣ или иначе Чи-чжа-лао-ѣ, а также Со-чжи-лунъ-ванъ. Послѣдній сидѣлъ въ цвѣткѣ. Сунъ-ву-кунъ подошелъ и сказалъ: «Какой прекрасный цвѣтокъ?» «Если прекрасный, сказалъ Со-чжи-ѣ, то садись въ него». Цвѣтокъ раскрылся, Со-чжи-ѣ вышелъ и Сунъ-ву-кунъ сѣлъ на его мѣсто. Тотчасъ же цвѣтокъ сомкнулъ свои лепестки и Сунъ-ву-кунъ не могъ изъ него выйдти. Со-чжи-ѣ согласился растворить цвѣтокъ подъ условіемъ, если Сунъ-ву-кунъ перестанетъ быть докшиномъ [2]). Они пошли вдвоемъ и встрѣтили старуху, у которой была единственная дочь. Эта дѣвушка была обречена на съѣденіе чудовищу Чу-ба-дже [3]). Сунъ-ву-кунъ говоритъ, что онъ пойдетъ на съѣденіе Чу-ба-дже вмѣсто дѣвушки; одѣлся въ ея платье и отправился. Чу-ба-дже проглотилъ Сунъ-ву-куна; Сунъ-ву-кунъ, очутившись внутри чудовища, схватилъ его сердце и горло въ горсть и сжалъ. Чу-ба-дже взмолился, но Сунъ-ву-кунъ согласился отпустить сердце только подъ условіемъ, если Чу-ба-дже приметъ буддійскую вѣру.

Прежде въ Сань-чуани горы были голы; травы не было. Народъ молился о дождѣ, который могъ бы вызвать растительность. Сунъ-ву-кунъ сказалъ: «Я самъ буду богомъ». Сѣлъ, какъ изображаются обыкновенно боги, и старается сохранить неподвижное положеніе. Ему захотѣлось помочиться. Народъ подставилъ чаши, говоря: «нашъ богъ льетъ аршанъ!» Попробовали жидкость на вкусъ и сказали: «Э, не вкусно» (э мухай)! Сунъ-ву-кунъ расхохотался. Тогда Ю-хуанъ-ѣ [4]) опрокинулъ свой сосудъ и пролилъ дождь на землю.

Лама широнголъ изъ Саньчуани.

---

52. ЛЕГЕНДА О ВВЕДЕНІИ МУСУЛЬМАНСТВА ВЪ КИТАѢ.

(Саларскій).

Три товарища Анкàсы-баба, Шисы-баба и Вейсы-баба отправились въ Китай съ цѣлью проповѣдывать мусульманскую вѣру. Дорогой двое умерли; въ Китай дошелъ одинъ Анкàсы. Танъ-вану [5]) понравился новый законъ; онъ обмѣнялъ три тысячи китайцевъ-язычниковъ на тысячу хойху. Отъ этихъ послѣднихъ и про-

---

[1]) Монголы переводятъ это имя Мечинъ-бакши (обезьяна — учитель).

[2]) Докшинъ — свирѣпый.

[3]) Монголы переводятъ Гахай-бакши (свинья — учитель).

[4]) По-монгольски боронъ ечженъ, «хозяинъ дождя».

[5]) Т. е. императору династіи Танъ.

Digitized by Google

исходятъ нынѣшніе хойху; они всѣ носятъ фамилію Ма. Они пришли безъ женъ и потому должны были жениться на китаянкахъ; другія мусульманскія фамиліи произошли отъ этихъ китаянокъ.

Хойху, старикъ, въ дер. Ни-чжа.

Законъ мусульманскій въ Китай принесенъ изъ Менке-Медина-карба тремя лицами: Хаси, Вейси и Шиси; дорогой двое умерли, дошелъ до мѣста только Хаси. Хойху (или кы-чжао) не китайцы, а пришлый народъ изъ страны Си-юй.

Ахунъ (китаецъ) изъ города Линъ-чжоу.

Коранъ въ Китай принесли три человѣка изъ государства Виляли; ихъ имена Кейсы, Вейсы и Кàсы. Двое умерли дорогой, дошелъ только Кàсы. Прежде, чѣмъ онъ прибылъ въ Китай, императоръ Танъ-ванъ (или Танъ-чао-ванъ) увидѣлъ во снѣ человѣка въ бѣлой чалмѣ и въ синемъ халатѣ; это былъ пророкъ Мухамедъ; пророкъ сказалъ ему, что въ его царство идутъ три человѣка проповѣдывать ученіе, которое учитъ добру. Танъ-ванъ, проснувшись утромъ, повелѣлъ дозволить тремъ странникамъ проповѣдывать новый законъ въ царствѣ. Кàсы-баба былъ первымъ проповѣдникомъ мусульманства въ Китаѣ; могила его находится въ городѣ Кантонѣ.

Молодой хойху, уроженецъ города Си-нина, учившійся въ Нинъ-ся.

Пржевальскій слышалъ преданіе, что Хой-ху пришли на Хуху-норъ съ имамомъ Раббанэ. (Третье путеш., 326). Ср. Алобэнь, первый проповѣдникъ христіанства въ Китаѣ (см. статью о. Палладія: «Старинные слѣды христіанства въ Китаѣ» въ Вост. Сборн., Спб., 1872, т. I, стр. 13). Сл. съ разсказомъ одной армянской лѣтописи о сирійцѣ Рабанъ-ата, который былъ при монгольскомъ ханѣ защитникомъ и распространителемъ христіанской вѣры (Паткановъ, Истор. монголовъ по армянск. источникамъ, Спб., 1873, в. I, стр. 49). У Сананъ-Сэцэна (229) въ легендѣ о введеніи буддизма Алтынъ-хаганъ имѣлъ видѣніе — явился «бѣлый человѣкъ»; потомъ оказалось, что это былъ далай-лама. См. также выше, на стр. 191, о шаманѣ Тубутъ-тэнгри. Ср. разсказъ о Девадаттѣ, соперникѣ Будды (Koeppen, Die Religion des Buddha. I, 106).

---

53 а. АНГУРЪ-ШИХЪ.

Въ Саларской землѣ почитается мусульманскій святой Ангуръ-шихъ. Онъ пришелъ сюда раньше саларовъ, поселился на скалѣ, молился и умеръ; потомъ пришли салары и построили часовню, подвѣшанную къ скалѣ на желѣзныхъ цѣпяхъ; входить по лѣстницѣ можно съ трудомъ; грѣшный человѣкъ падаетъ прямо въ Желтую рѣку, только праведные поднимаются до часовни; въ часовнѣ мѣста

Digitized by Google

только для трехъ человѣкъ сѣсть. Во время мусульманскаго возстанія тангуты сожгли часовню; теперь она вновь сдѣлана. Она находится выше деревень саларской Чагандасы и тангутской Гурчинъ. Салары клянутся именемъ Ангуръ-шиха; какъ тангуты произносятъ: кубжюгъ! такъ салары: Ангуръ-шихъ!

Саларъ Хэйсы.

6. АНГУРЪ-ЛОНЧЖА.

Выше саларской деревни Чаганъ-тасы въ горѣ надъ Желтой рѣкой есть изображеніе (?) бога Ангуръ-лончжа, по-тангутски Амитаба. Ему покланяются и салары и тангуты. Этотъ Ангуръ-лончжа имѣетъ способность перелетать по воздуху отсюда въ Самаркандъ и обратно.

Салары имѣютъ преданіе, что ихъ предки переселились сюда изъ Самарканда; когда ихъ высылали изъ этого города, имъ было приказано идти впередъ до тѣхъ поръ, пока будетъ идти верблюдъ, завьюченный ихъ пожитками и только тамъ остановиться, гдѣ онъ остановится. Верблюдъ остановился въ нынѣшней саларской территоріи; тутъ салары и поселились. Ангуръ-шихъ не былъ ли однимъ изъ этихъ первонасельниковъ саларовъ? Ср. съ туркестанской легендой о святомъ Хакимъ-ата, который похороненъ въ мѣстности Бакырганъ-ата (Вельяминовъ-Зерновъ, Изслѣдов. о касим. царяхъ, Спб., 1864, ч. II, стр. 127); мѣсто названо было Бакырганомъ потому, что тутъ, если вѣрить преданію, самъ отъ себя остановился и заревѣлъ (бакырды) верблюдъ, который везъ Хакимъ-ату селиться. О выселеніи уйгуровъ на новую родину, преслѣдуемыхъ криками домашнихъ животныхъ: кочуй! кочуй! см. D'Osson, Hist. d. Mongols. t. I, 435; Radloff, Das Kudatku Bilik, S. Pb., 1891, S. XLIII; о титулахъ уйгурскихъ хановъ: Bukra—chan, Bugra-chan, ibid., XVIII.

Digitized by Google

III.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПРЕДАНІЯ

О ЛИЦАХЪ И МѢСТНОСТЯХЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

54. ГУАНЬ-ЛАО-Ѣ.

(Китайскій).

Кванъ-ло-Ѣ[1]) былъ на службѣ у царя Соо-со, у котораго была чудесная лошадь Янь-дже-ма[2]); у нея изъ рта огонь шелъ, изъ задняго отверзстія дымъ; она стояла въ желѣзномъ домѣ, поѣдала людей. Кванъ-ло-Ѣ сталъ просить царя Соо-со, чтобы онъ уволилъ его отъ службы и позволилъ возвратиться на родину. Соо-со спросилъ его, что онъ желаетъ получить въ награду за службу, серебра или шелку. Кванъ-ло-Ѣ сказалъ, что ему ничего не нужно, кромѣ лошади Янь-дже-ма. Народъ, видя Кванъ-ло-Ѣ разъѣзжающимъ спокойно на Янь-дже-ма, говорилъ: «Кто можетъ такого могущественнаго героя побѣдить?» На это Санъ-янъ, также бывшій въ услуженіи у царя Соо-со, сказалъ, что онъ побѣдитъ Кванъ-ло-Ѣ. И Санъ-янъ погнался за Кванъ-ло-Ѣ. Увидѣвъ его, Кванъ-ло-Ѣ вскричалъ: «Ахъ, за мной гонятся два Санъ-яна!» На это Санъ-янъ сказалъ ему: «Санъ-янъ только одинъ я!» «Посмотри, за тобой еще человѣкъ ѣдетъ». «Никого нѣтъ», отвѣчалъ Санъ-янъ. Но въ это время нѣкто, по имени Чанъ-хой, названый братъ Кванъ-ло-Ѣ, будучи въ городѣ, ударилъ три раза въ бубенъ. Санъ-янъ обернулся и въ это время Кванъ-ло-Ѣ отрубилъ ему голову.

Сантанъ-джимба.

Кванъ-ло-Ѣ, или по-монгольски Кэсыръ, былъ сынъ дурныхъ родителей. Мать его была китайская монахиня (шибагунцза) вольнаго поведенія. Связавшись съ какимъ-то неизвѣстнымъ, она родила ребенка и отъ стыда спрятала его въ древесное дупло. Китаецъ Чанъ-омоктай[3]), не имѣвшій дѣтей, нашелъ его и подумалъ: «Это сынъ неба (тенгріинъ ху); его родило дерево». И взялъ его къ себѣ на воспитаніе, вмѣсто сына. Кэсыръ, пришедши въ возрастъ, подрался съ кѣмъ-то и убилъ своего противника; послѣ этого онъ бѣжалъ изъ города. Когда онъ проходилъ ворота, стража спросила его, какой онъ фамиліи? Кэсыръ отъ страху не

---

[1]) Въ текстѣ удержано мѣстное произношеніе.

[2]) Янь по-китайски «дымъ», ма «лошадь».

[3]) Омокъ—родъ, поколѣніе. Чанъ-омоктай «изъ поколѣнія Чанъ».

Digitized by Google

рѣшился сказать своего имени и вмѣсто того, чтобъ сказать Чанъ-омоктай, какъ бы слѣдовало, сказалъ: Кванъ-омоктай. Дѣло происходило лѣтомъ и лицо Кэсыра отъ быстраго движенія раскраснѣлось. За нимъ были посланы два человѣка въ погоню; когда они спросили у приворотной стражи, не проходилъ ли здѣсь Чанъ-омоктай, тѣ отвѣчали, что нѣтъ, а проходилъ только краснолицый Кванъ-омоктай. Погоня вернулась. Родина Кэсыра въ Сы-чуанѣ, въ городѣ Пу-чжоу. Ему китайцы покланяются подъ именемъ Кванъ-ло-ѣ и рисуютъ его съ краснымъ лицомъ и черной бородой. У Кванъ-ло-ѣ было два названыхъ брата Лю-пей (который былъ царемъ въ Ченъ-ду-фу) и Чанъ-хой. Нѣкогда было особое широнгольское царство; имъ управляли три широнгольскихъ хана. Кэсыръ убилъ этихъ хановъ и разрушилъ ихъ царство.

Сантанъ-джимба.

Когда Кванъ-ло-ѣ былъ убитъ, ханъ заболѣлъ и въ народѣ начался моръ. Этотъ моръ прекратился только послѣ того, какъ начали покланяться Кванъ-ло-ѣ.

Старикъ Чай-и, широнголъ
изъ дер. Чи-чжа.

Кашгарцы начали бунтоваться противъ Еджень-хана и избрали себѣ своего хана, по имени Джангеръ. Китайцы старались усмирить мятежниковъ, но никакъ не могли; у нихъ не хватало силы. Тогда императоръ поклонился статуѣ Кванъ-ло-ѣ, которая стоитъ въ кумирнѣ у однихъ изъ пекинскихъ воротъ. Джангеръ, кашгарскій ханъ, во время битвы увидѣлъ Кванъ-ло-ѣ на небѣ съ грознымъ краснымъ лицомъ, ужаснулся и обратился въ бѣгство; за нимъ устремилось его войско и китайцы побѣдили. Въ тотъ самый день замѣтили, что у пекинской статуи Кванъ-ло-ѣ выступилъ потъ на лицѣ.

Сантанъ-джимба.

Смертельный ударъ во время поворота головы назадъ: Записки Вост. сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по эти., т. I, в. I, стр. 33, 34: «мангатхай» заставляетъ своего противника, Гарьюлая обернуться назадъ и въ это время проглатываетъ его; сестра Гарьюлая такимъ же образомъ обманываетъ мангатхая. Просто отвороченная въ сторону голова во время борьбы: Очерки, IV, 265; гэгэнъ Хуухунъ-хутухту (дѣвица-хутухту), отвернувъ голову, боролся съ шульмусомъ (злымъ духомъ); этотъ гэгэнъ и на иконахъ изображается «съ загнутой къ верху головой». Мечинъ (Плеяды) гонятся за Идыганомъ (Большой Медвѣдицей), похитившимъ у нихъ звѣзду; Идыганъ убѣгаетъ, заворотивъ голову (Очерки, IV, 194). Верблюдъ на водопоѣ поворачиваетъ голову то направо, то налѣво; смотритъ, нейдетъ ли олень, который похитилъ у него рога (Оч., II, 168). Когда китайское посольство прибыло въ Индію за святою статуею и ему отказывали подъ разными предлогами, статуя, имѣвшая прежде лицо къ югу, обратилась къ востоку, по направленію къ Китаю какъ бы требуя, чтобъ ее отвезли туда (Nouveau Journal Asiatique, t. VII (1831), p. 171). Тема о застывшемъ движеніи: о Манджушри, обернувшемъ голову, чтобы разслушать слова Чандрагомина (Schiefner, Târanâtha's Gechichte des Buddhismus, S. Pb., 1869, S. 153); объ Авалокитешварѣ,

Digitized by Google

который застылъ въ позѣ съ протянутымъ указательнымъ пальцемъ, когда Чандракирти увидѣлъ его проповѣдывающимъ (Schiefner, Târanâtha, 154). О Буддѣ у Кеппена (Die Religion des Buddha, B. II, S. 449).

Подъ именемъ Гуань-лао-цзы китайцы простолюдины разумѣютъ героя китайскаго историческаго сказанія Гуань-ина. Лао-цзы по китайски «господинъ»; съ этимъ словомъ китаецъ обращается къ каждому выше себя по общественному положенію. Въ честь Гуань-лао-цзы строятся китайцами кумирни; въ деревнѣ Ничжѣ, гдѣ я провелъ зиму 1884—1885 годовъ, изъ двухъ кумирень главная построена въ честь Гуань-лао-цзы. Саньчуаньцы и вообще монголы отожествляютъ Гуань-лао-цзы съ монгольскимъ Гэсэръ-ханомъ. Разсказы свои о Гуань-лао-цзы саньчуанцы заимствуютъ изъ книги Сань-го-ши, «Исторія трехъ царствъ».

Оріенталисты принимаютъ Гуань-ина за историческую личность, которую народное преданіе одѣло сказочнымъ плащемъ. Могила его указывается въ Сычуаньской провинціи [1]). Я не имѣлъ возможности ни по европейскимъ литературнымъ источникамъ, ни чрезъ знакомства съ оріенталистами ближе познакомиться съ содержаніемъ Сань-го-ши; во время же моего пребыванія въ Сань-чуани одинъ деревенскій грамотѣй (сянъ-шенъ) переводилъ для меня первыя страницы этой книги, именно тѣ ея мѣста, которыя относятся къ Гуань-лао-цзы. По его словамъ, книга начинается извѣщеніемъ о династіи Хань. Разсказывается о томъ, что царь умеръ, оставивъ двѣнадцатилѣтняго мальчика; когда ребенокъ сидѣлъ на престолѣ, окруженный вельможами, вдругъ съ неба спустилась синяя змѣя и окружила престолъ кольцомъ; юный царь и его вельможи отъ испуга попадали. Змѣя вновь поднялась на небо. Потомъ идетъ разсказъ объ игрѣ дѣтей, выбиравшихъ изъ своей среды царя; родители запретили имъ это дѣлать. Далѣе разсказывается, какъ Лю-бей встрѣчаетъ сначала Чжанъ-хоя ,потомъ Гуань-лао-цзы, который занимался продажей мяса. Всѣ трое порѣшили сдѣлаться друзьями въ родѣ братьевъ. Чжанъ-хой предложилъ принести клятву предъ деревомъ таоръ (персиковое), находившимся въ цвѣту. Они закололи бѣлую лошадь въ жертву небу и черную корову въ жертву землѣ и поклялись, что и смерть у нихъ будетъ общая и радости общія. Потомъ друзья разошлись. Затѣмъ описывается, какъ Гуань-лао-цзы препровождалъ двухъ женъ Любея въ резиденцію послѣдняго, въ городъ Гу-ченъ. Ему пришлось проѣзжать пять заставъ. Въ каждой его спрашиваютъ, имѣетъ ли онъ пропускную граммоту отъ царя Со-со. Гуань-лао-цзы отвѣчаетъ, что не имѣетъ. Его не пускаютъ, но онъ убиваетъ начальника заставы и ѣдетъ далѣе. Третья застава называется Чи-шуй-гуань; здѣсь начальникъ заставы Пинъ-си хочетъ хитростью погубить Гуань-лао-цзы; онъ прячетъ въ монастырѣ, который былъ подлѣ заставы, двѣсти солдатъ. Одинъ изъ монаховъ (хо-шанъ) выходитъ на встрѣчу къ Гуань-лао-цзы и приглашаетъ его къ себѣ въ келью. Оказалось, что хо-шанъ землякъ Гуань-лао-цзы; онъ жилъ на одномъ берегу рѣки, Гуань-лао-цзы на другомъ. Хо-шанъ предупредилъ Гуань-лао-цзы о засадѣ, зазвалъ его къ себѣ въ келью и угостилъ чаемъ. Когда засада должна была броситься на Гуань-лао-цзы, хошанъ, знавшій заговоръ, далъ о томъ знать Гуань-лао-цзы не рѣчью, а показавъ ему ладонь, на которой была сдѣлана надпись. Гуань-лао-цзы выскочилъ и убѣжалъ. На четвертой заставѣ Гуань-лао-цзы хотятъ сжечь; солдаты вооружены горящими фитилями и должны по данному сигналу приткнуть ихъ къ дому, въ которомъ находится Гуань-лао-цзы. Но Гуань-лао-цзы въ надлежащій моментъ убѣгаетъ. На пятой заставѣ ему предстоитъ переправа черезъ рѣку; ни ниже, ни выше нѣтъ переправы, а паромщики требуютъ пропускной граммоты. «Безъ нея же», говорятъ, «развѣ умѣешь по птичьи летать, то будешь на другой сторонѣ!» Но Гуань-лао-цзы разгоняетъ перевозчиковъ, выдергиваетъ изъ земли якорь, къ которому прикрѣпленъ паромъ и переѣзжаетъ рѣку. Онъ достигаетъ города Гучена; онъ видитъ его, хотя до него еще 20 ли остается, и радуется, что увидитъ своихъ названыхъ братьевъ. Чжанъ-хой, увидѣвъ, что кто-то ѣдетъ черезъ поле, выѣхалъ съ тысячью чириковъ на встрѣчу и напускается на Гуань-лао-цзы, намѣреваясь убить его. Гуань-лао-цзы закричалъ ему: «Или ты, Чжанъ-цзы, забылъ клятву подъ персиковымъ деревомъ въ цвѣту, или не узналъ меня!» Тогда Чжанъ-цзы обрадовался и сказалъ, что онъ не узналъ его, думалъ, ѣдетъ какой-то врагъ и выѣхалъ сразиться съ нимъ. Гуань-лао-цзы сказалъ ему, что сзади ѣдетъ Санъ-янъ въ погоню за нимъ отъ царя Со-со и попросилъ Чжана ударить три раза въ бубенъ. Дѣйствительно Санъ-янъ настигаетъ; Гуань-лао-цзы вскричалъ: «Сколько Санъ-яновъ гонится за мной!» Санъ-янъ отвѣтилъ: «Санъ-янъ только я одинъ!» «А оглянись!»

[1]) Беберъ (Baber, Travels and researches in western China, Lond., 1882, p. 27) говоритъ только о могилѣ Chu-ко, друга Ли-бея, находящейся въ Ченъ-ду-фу.

Digitized by Google

сказалъ ему Гуань-лао-ѣ. Тотъ оглянулся и Гуань-лао-ѣ отрубилъ ему голову. Три названые брата соединились въ городѣ и много пировали.

Послѣ того они втроемъ выѣзжаютъ изъ Гу-чена. Дорогой имъ встрѣчается богатырь; они приглашаютъ его съ собой. Затѣмъ встрѣчаютъ другого, затѣмъ третьяго. Такимъ родомъ составляется компанія изъ шести богатырей.

Есть еще замѣчательный эпизодъ въ Сань-го-ши: Гуань-лао-ѣ ѣдетъ вдвоемъ съ Чигсаномъ, Гуанъ-лао-ѣ впереди, Чигсанъ сзади. Чигсанъ замахивается на Гуань-лао-ѣ; Гуань-лао-ѣ видитъ это и упрекаетъ товарища. Удивленный, Чигсанъ спрашиваетъ: «Какъ ты видишь, когда я ѣду сзади?» Гуань-лао-ѣ говоритъ: «Кромѣ глазъ спереди, у меня есть еще два глаза сзади».

---

55. ПАЙ-ЧЖЯНЬ-ЧЖЮНЬ.

(Монгольскій).

Когда китайскій императоръ пріѣхалъ въ Гуй-хуа-ченъ, здѣсь не было никакого города, была гладкая степь. Стояла на мѣстѣ города одна только кумирня Пхынъ-сунъ; въ ней жилъ хо-фо (гэгэнъ), котораго монголы почитали, какъ бога. Императоръ вошелъ въ обитель; при входѣ его гэгэнъ не всталъ съ престола, а остался въ сидячемъ положеніи. Бывшій съ императоромъ генералъ Пай-чжянь-чжюнь былъ смущенъ этимъ обстоятельствомъ. И хотя императоръ говорилъ ему, что такое поведеніе гэгэну извинительно, потому что онъ не знаетъ, что передъ нимъ стоитъ императоръ, Пай-чжянь-чжюнь все-таки не могъ сдержать своего негодованія, выхватилъ длинный кинжалъ и убилъ гэгэна. Оказалось, что подъ сѣдалищемъ гэгэна сидѣла большая черная лягушка, въ которой скрывался нечистый духъ. Послѣ этого началась война между китайцами и монголами и императоръ, испугавшись, переодѣтый въ платье ламы, бѣжалъ изъ Гуй-хуа-чена. Пай-чжянь-чжюнь, замѣтивъ отсутствіе императора и полагая, что онъ погибъ въ схваткѣ, отрубилъ себѣ голову большимъ баодяномъ [1]). Императоръ тѣло генерала увезъ въ Китай, а на мѣстѣ его смерти поставилъ его статую, которая и теперь стоитъ въ кумирнѣ сы-танъ въ Гуй-хуа-ченѣ. Этой статуѣ покланяются только мандарины; они въ честь ея на свои деньги иногда устраиваютъ театральныя представленія.

Сантанъ-джимба.

Пай-чжянь-чжюнь былъ современникъ императора Кань-си. Пріѣхавъ въ Гуй-хуа-ченъ, императоръ пошелъ по всѣмъ кумирнямъ города поклоняться богамъ, зашелъ и въ монастырь Пхынъ-сунъ-чжао, гдѣ на престолѣ сидѣлъ гэгэнъ Пхынъ-сунъ; императоръ преклонился передъ нимъ, но Пхынъ-сунъ остался въ прежнемъ положеніи; тогда Пай-чжянь-чжюнь, обиженный тѣмъ, что подданный не отдалъ императору должной чести, отрубилъ гэгэну голову. Послѣ этого гэгэнъ сталъ

[1]) Бао-дянъ большой кинжалъ съ тремя остріями.

Digitized by Google

возрождаться въ другомъ мѣстѣ и всегда со знакомъ на шеѣ; прежде у новорожденнаго всегда находили рану во всю шею; потомъ эта рана стала уменьшаться; теперь гэгэнъ Пхынъ-сунъ возрождается только съ небольшимъ отверзстіемъ на шеѣ, почему онъ носитъ на шеѣ желтую ленточку. Гэгэнъ этотъ живетъ нынѣ около города Нинъ-ся; монголы звали и ждали его въ Гуй-хуа-ченъ, но гэгэнъ боится пріѣхать. Когда Пай-чжянь-чжюнь убилъ гэгэна, императоръ сказалъ ему: «Зачѣмъ ты убилъ гэгэна? Пхынъ-сунъ не простой человѣкъ, это былъ гэгэнъ, который зналъ за 500 лѣтъ впередъ и за 500 лѣтъ назадъ». Пай-чжянь-чжюнь отвѣтилъ императору: «Если бы онъ былъ гэгэнъ и зналъ за 500 лѣтъ впередъ, онъ зналъ бы и то, что я ему отрублю голову. Но онъ этого не предвидѣлъ, какой же онъ всевѣдущій гэгэнъ! онъ злой духъ!» Послѣ этого событія началась война между китайцами и монголами; императоръ Кань-си испугался, убилъ одного ламу, переодѣлся въ его платье и убѣжалъ. Пай-чжянь-чжюнь долго дрался съ монголами, но, наконецъ, видя, что императора нѣтъ, подумалъ, что императоръ погибъ въ дракѣ и въ отчаяніи отрубилъ себѣ голову. Тѣло его, послѣ того, какъ голова его отдѣлилась, осталось въ стоячемъ положеніи. Исторія о Пай-чжянь-чжюнѣ разыгрывается въ театрахъ.

Чжо-чжинъ-хоу, китаецъ
въ Гуй-хуа-ченѣ.

Когда началась схватка между монголами и китайцами, императоръ бѣжалъ въ лѣсъ; ламы обступили лѣсъ и думаютъ: «Бѣлыя утки, которыя гнѣздятся въ лѣсу, кричали бы, если-бъ императоръ спрятался тутъ. Но онѣ молчатъ; вѣрно его тутъ нѣтъ». И они ушли.

Запис. отъ тумутовъ дер. Хончжимъ
къ юз. отъ Гуй-хуа-чена.

Несомнѣнно, что исторія о Пай-чжянь-чжюнѣ гораздо древнѣе императора Кань-си; Жербильонъ сопутствовалъ Кань-си въ его поѣздкѣ въ Хухо-хото и въ его реляціи нѣтъ ни малѣйшаго намека на что-либо похожее на эту легенду. Вѣроятно это монгольская легенда, имѣющая начало въ отдаленномъ времени. Сама легенда указываетъ на эту отдаленность; она относитъ событіе ко времени, когда еще не существовало города, а между тѣмъ Хуху-хото существовалъ уже во времена Чингиса.

Легенда эта записана Гюкомъ, но короче, чѣмъ у насъ, и отнесена къ монастырю У-та-сы, а не Пхынъ-сунъ-чжао. У-та-сы по словамъ Гюка былъ нѣкогда резиденціей ламы Guison-tamba. Подъ этимъ именемъ Гюкъ разумѣетъ всегда ургинскаго хутухту. Императоръ Кань-си во время похода противъ Олетовъ, проходя черезъ Хуху-хото, захотѣлъ посѣтить Guison-Tamba'у, который былъ тогда великимъ ламой въ У-та-сы. Послѣдній принялъ императора, не поднявшись съ своего трона и не оказавши знаковъ почтенія[1]). Въ тотъ моментъ, когда Кань-си приблизился, чтобы поговорить съ ламой, одинъ цзянь-цзюнь (kian kun), раздраженный неуваженіемъ къ своему властителю, извлекъ саблю, бросился на Гизонъ-дамбу и тотъ повалился мертвый на ступени своего трона. Весь монастырь взволновался: движеніе сообщилось всему ламскому населенію Хуху-хото.

[1]) Ср. съ поведеніемъ Цзонкавы (см. выше, стр. 236).

Digitized by Google

Повсюду народъ бросился къ оружію и жизнь императора, который имѣлъ при себѣ немногочисленную свиту, очутилась въ опасности. Чтобы успокоить возбужденныхъ ламъ, императоръ обратился съ упрекомъ къ цзянь-цзюню и т. д.

Далѣе Гюкъ продолжаетъ: Монголы искали извлечь пользу изъ этого событія. Вскорѣ разнесся слухъ, что Гизонъ-дамба вновь явился, что онъ воплотился въ Халхѣ; халхасцы приняли его подъ свое покровительство и рѣшились отмстить. Ламы Да-куреня стали организоваться; они сняли съ себя красныя и желтыя одежды, надѣли черное платье въ память печальнаго событія въ Хуху-хото; въ знакъ траура перестали брить голову и запустили бороды и усы; все предвѣщало великое волненіе монгольскаго племени. Не малыхъ трудовъ стоило Кань-си остановить движеніе. Онъ завелъ переговоры съ далай-ламой, который употребилъ свое вліяніе на успокоеніе ламъ, а Кань-си подѣйствовалъ на халхасскихъ князей внушительнымъ могуществомъ своихъ войскъ. Мало-помалу миръ возстановился. Ламы вновь одѣлись въ красное и желтое, но чтобы сохранить память о коалиціи въ честь Гизона, они сохранили черную каёмку шириной въ палецъ на воротникѣ. Ламы Халхи одни носятъ теперь этотъ особенный знакъ. Съ этой эпохи Гизоны пребываютъ въ Большомъ-куренѣ (Да-курень), а въ Хуху-хото ихъ мѣсто занимаетъ хубильганъ (Souvenir, t. I, 187—188).

И такъ Гюкъ связываетъ хуху-хотинскую легенду съ исторіей основанія ургинскаго святого трона. О черномъ платьѣ, измѣнившемъ цвѣтъ на желтый [1]), см. Очерки, II, 169, въ легендѣ объ ургинскомъ гэгэнѣ, принимавшемъ участіе въ заговорѣ Шидырвана. Подобные разсказы можетъ быть не что иное, какъ варіанты легенды о какомъ-то миѳическомъ существѣ, которое могло называться Ундуръ-гэгэномъ. Въ хуху-хотинской легендѣ это лицо является злымъ; Пай-чжянь-чжюнь укрощаетъ его.

Укрощеніе злого существа содержится также въ легендѣ о гэгэнѣ Наръ-банджинѣ; какой-то нойонъ (князь) хочетъ присвоить саврасую лошадь (шаргы-мори), принадлежащую гэгэну; разсерженный гэгэнъ ударилъ трубкой по столу, вслѣдствіе чего его противникъ, бывшій шаманомъ, потерялъ всѣ свои чары (Очерки, IV, 258). Въ хотанской легендѣ китайскій генералъ Баньчао «умирилъ» хотанскаго царя, который былъ «грубъ и слушался демоновъ»; демоны хотѣли, чтобы царь принесъ въ жертву коней китайскаго генерала, которые были свѣтло-гнѣдой масти (bai clair); Abel Remusat, Hist. de la ville de Khotan, p. 5; Риттеръ, Землевѣд. Азіи въ переводѣ Григорьева, IV. 56). Ордосская легенда представляетъ Чингиса докшиномъ, «свирѣпымъ», «злымъ» высшимъ существомъ; его укрощаетъ Баньчень-эрдэни (см. ч. I, стр. 128).

Прекращеніе поисковъ вслѣдствіе покровительства птицъ у Бержерона отнесено къ Чингисъ-хану. Il (Чингисъ) conquit en suite des Naymans, les royaumes de Camul, Agrigaia, Barcu ou Bargu et Cambalu, siege du Prestre-Jan du Cathay. Or ayant esté un jour battu en un rencontre, il fut poursuivy et contrainct de se savuer et cacher en des buissons et halliers, ou estant cherché par ses ennemis, il ne peut estre descouvert, par le moyen d'un hibou, qui en sortit alors et qui leur fit croire qu'iln'yavoit personne et eschappa de la sorte; dont depuis cet oyseau fut en estime et honneur entr'eux et se parent de ses plumes pour panaches (Pierre Bergeron, Relation des voyages en Tartarie, Paris, 1534, Traicté des Tartares, p. 34. О. Палладій разсказываетъ сходную манчжурскую легенду о воронахъ, которыя спасли жизнь маньчжурскаго тай-цзу; см. выше стр. 235.

Ср. также съ голубями, покрывающими соромъ тѣло бѣглеца (см. выше, стр. 250), съ паутиной (стр. 200 и 234).

Тѣло Пай-чжянь-чжюня, продолжающее стоять послѣ отсѣченія головы, напоминаетъ разсказъ о Тарханъ-бо, туловище котораго ходило, какъ живое (Очерки, IV, 291). Знаки на шеѣ гэгэна ср. съ знаками на шеѣ у возродившагося Шидырвана (Очерки, II, 170). Упреки, которые императоръ дѣлаетъ убійцѣ гэгэна, ср. съ упреками далай-ламы убійцѣ Цоктая (см. ниже, № 65).

Повидимому преданіе о Пай-чжянь-чжюнѣ есть одна изъ легендъ объ укрощеніи злой силы; существо, убитое имъ, было, надо полагать, злое въ родѣ царя съ бычьей или ослиной головой другихъ легендъ; это монгольскій Ельджигенъ-ханъ, китайскій Нью-тоу-ванъ, тангутскій Ландеръ (Ландарма). Къ этому же кругу легендъ, вѣроятно, относились и легенды о Чингисѣ. То онъ являлся свѣтлымъ существомъ, укрощавшимъ злыхъ; тогда злыми являются его противники: Шидургу, шаманъ Таинъ-тирхинъ и можетъ быть Ванъ хиреитскій; то Чингисъ самъ является злымъ,

[1]) Эту тему ср. съ темой о перемѣнѣ цвѣта лошади подъ убійцей быка-царя Ландера; см. выше стр. 218 и 249.

Digitized by Google

и тогда укротительницей его является Гурбельджинъ-гоа (жена Шидургу), Чао-джюнъ или гэгэнъ Банченъ-эрдэни (см. ч. I, стр. 128).

Злой характеръ, конечно, нейдетъ къ званію гэгэна; при томъ къ самому Пай-чжянь-чжюню отнесены такія свойства (признаки жизни послѣ отсѣченія головы), которыя приписываются въ Азіи злымъ существамъ (Тарханъ-бо, Цоктай); поэтому не слѣдуетъ ли видѣть тутъ перестановку; т. е. не Пай-чжянь-чжюнь убилъ гэгэна, а гэгэнъ (Ундуръ-гэгэнъ?) сокрушилъ злого Пай-чжянь-чжюна (или злое существо, которое называлось какъ-нибудь иначе)?

Преданіе о Пай-чжянь-чжюнѣ пріурочено къ гуй-хуа-ченской почвѣ, къ которой, какъ выше было уже указано, Юль пріурочиваетъ столицу Вана хиреитскаго. Не имѣемъ ли мы въ легендѣ о Пай-чжянь-чжюнѣ отголосокъ сказанія о Ванѣ, который былъ убитъ, когда сошелъ съ лошади, чтобъ утолить свою жажду (подобно Тохтомышу)?

---

56 а. ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

(Монгольскій).

Чингисъ-ханъ оставилъ послѣ себя шесть сыновей, отъ которыхъ и произошло шесть ордосскихъ джасыковъ. Родина Чингисъ-хана, откуда онъ вывелъ ордосскій народъ, есть страна: Алыкъ-ола Алтынъ-тебши аръ Хангай (т. е. Пестрая гора и Золотое корыто на задней или сѣверной сторонѣ Хангая). Старшая жена Чингисъ-хана называлась Хуланъ-хатунъ, младшая, утонувшая въ Хатунъ-голѣ и похороненная въ холмѣ Темуръ-олху, называлась Алтынъ-чечекъ. Кабутукасыръ былъ отличный стрѣлокъ при Чингисъ-ханѣ; онъ убилъ злую женщину Арбальчжи, жившую въ горѣ Муни-олѣ. Онъ не оставилъ по себѣ никакого потомства.

Лама-мамба изъ ордосскаго хошуна Талатъ.

(Монгольскій).

Чингисъ-ханъ былъ докшинъ-бурхынъ; ни птица не могла пролетать мимо него, ни человѣкъ проѣхать на лошади: падали мертвыми. Чжанчжа-хутухта, надѣвъ красный кушакъ, началъ читать книгу Гени-мачакъ и укротилъ бурхана.

Весь Ордосъ былъ наполненъ шолмо; ихъ уничтожилъ Гэсыръ. Потомъ Тансынъ-лама ввелъ желтую вѣру (шира шаджинъ), построилъ 73 города, а Чингисъ разрушилъ ихъ.

Записано въ Ордосѣ отъ монгола.

(Монгольскій).

Чингисъ-богдо былъ докшинъ-бурханъ; птица, пролетавшая надъ Еджень-хоро[1]), падала мертвою, у человѣка близко проѣзжавшаго мимо и у его лошади

[1]) Надъ усыпальницей Чингисъ-хана.

Digitized by Google

шла кровь изъ носу и рта и онъ умиралъ. Однажды Банченъ-эрдэни проѣзжалъ мимо на обратномъ пути изъ Пекина и тархаты обратились къ нему съ просьбой, не можетъ ли онъ смягчить бурхана. Банченъ-эрдэни отослалъ тархатовъ и остался наединѣ съ бурханомъ; онъ отворилъ ящикъ, взялъ оркимджи и перевязалъ тѣло хана (мясо у него присохло къ костямъ), перепоясалъ его краснымъ кушакомъ, далъ бурхану мачакъ и сказалъ: «отнынѣ ты долженъ быть милосердымъ и не убивать живой твари! въ жертву тебѣ должны колоть лошадей, а не людей!» Затѣмъ онъ заперъ ящикъ тремя замками, висящими и теперь на трехъ бокахъ ящика, и ключи увезъ съ собой. Никто изъ тархатовъ не знаетъ, что внутри ящика содержится. Если воръ приступитъ къ ящику, у него выпадутъ глаза. Во время мусульманскаго возстанія шайка воровъ хотѣла расхитить Едженъ-хоро, но у перваго приблизившагося къ святынѣ глаза вылетѣли изъ орбитъ [1]).

Пунсукъ изъ хошуна Ушинъ.

---

6. ЧИНГИСЪ.

(Монгольскій).

Чингисъ-ханъ отправился на охоту за дикими звѣрями (гурёсу) и приблизился на дневное разстояніе къ городу Шютӯргу-Тюльгенъ-хану. При немъ былъ большой вельможа Мергенъ-Касаръ. Только что выпалъ снѣгъ. Ханъ убилъ зайца; заяцъ упалъ и кровью его окрасился свѣжій снѣгъ. Подъѣхавъ къ зайцу, ханъ спросилъ: «Есть ли женщина съ лицомъ такого цвѣта?» Мергэнъ-Касаръ сказалъ: «Есть; жена Шитӯргу-Тюльгенъ-хана или Сронцзанъ-Гамбо». «Я и ты вдвоемъ пойдемъ и возьмемъ её», сказалъ Чингисъ. Они приблизились къ городу. Шитӯргу-Тюльгенъ сказалъ Чингису: «Ты пришелъ взять мою жену; возьми, но не убивай меня. Только когда возьмешь жёну, хорошенько её осмотри. Моя жена имѣетъ злое сердце (дзюрку харатай байна). Осмотри всю, сними съ нея все платье, ничего не оставивъ». Чингисъ не согласился оставить его въ живыхъ. Тогда Шитӯргу-Тюльгенъ сказалъ: «Своимъ мечемъ тебѣ не убить меня! твой мечъ безсиленъ надо мной! Только моимъ ножемъ ты въ состояніи будешь убить меня. Если у меня были противъ тебя злыя мысли, то изъ моей раны потечетъ кровь, если были мои мысли добрыя, то потечетъ вода». Чингисъ взялъ ножъ и разрубилъ Шитӯргу-Тюльгуну голову. Потекла вода. Тогда Чингисъ сказалъ: «Э, напрасно я убилъ человѣка!» Чингисъ взялъ жену Шитӯргу-Тюльгена и отправился домой.

---

[1]) О. Палладій въ примѣчаніяхъ къ IV т. Трудовъ Пекинской миссіи сообщаетъ о существованіи въ восточной Монголіи кумирень, въ которыхъ хранятся книги церемоній, установленныхъ Чингисъ-ханомъ (Чингисъ-ханова яса, «законъ»?). Но тархаты положительно говорятъ, что въ ордосскомъ Едженъ-хоро хранится не законъ Чингиса, а его кости (ясунъ).

Digitized by Google

Дорогой въ одномъ мѣстѣ Чингисъ ночевалъ; рядомъ съ нимъ легла Шитȳргу-Тюльгенова жена. Ночью она отрѣзала у Чингиса половыя части ножницами, которыми обрѣзаютъ ногти, а сама бѣжала и утопилась въ рѣкѣ, которую съ того времени и зовутъ Хатунъ-голъ [1]). Тѣло ея не нашли; нашли только ея платье на берегу. Это платье хранится теперь въ Бага-едженъ-хоро въ хошунѣ Джунгоръ; ему покланяются въ 21 число 6-й луны. Оскопленный Чингисъ-ханъ заболѣлъ и все-таки продолжалъ путь. Доѣхавъ до долины р. Чжамхакъ, онъ сказалъ:

Обȫнъ кумунъ ȳтȳклельтей
Елю богу бельчирлельтей гаджаръ!

«Вотъ мѣсто отдохнуть старому человѣку, попастись оленю!» И съ этими словами онъ умеръ. На этомъ мѣстѣ и поставили Ихи-едженъ-хоро.

У Чингиса было двѣ жены; старшая была монголка родомъ изъ нынѣшняго хошуна Далатъ (въ Ордосѣ); имя ея было Ишигѐ-хатунъ [2]); ея кости хранятся въ Бага-едженъ-хоро, которое находится въ хошунѣ вана, близь Ихи-едженъ-хоро. Имени жены Шитȳргу-Тюльгена разскащикъ не помнитъ; старые люди говорятъ, что она была хубильганъ богини Чаганъ-дарихе.

Пунсукъ, ордоскій монголъ.

(Монгольскіе).

Шидургу-тюлгучи-ханъ имѣлъ жену Ругъ-могай. Чингисъ-богдо пришелъ къ нему съ цѣлью отобрать у него жену. Шидургу самъ вышелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ: «Отруби мнѣ голову! если потечетъ кровь, то значитъ у меня было злое намѣреніе, если мои намѣренія были добрыя, то потечетъ молоко». Чингисъ отрубилъ ему голову; потекло молоко. Чингисъ пожалѣлъ Шидургу, взялъ свой шлемъ и наковалъ изъ него гвоздей, прибилъ ими голову Шидургу къ его тѣлу и похоронилъ его. Кости жены Шидургу-хана лежатъ въ Бага-едженъ-хоро въ Джунгорскомъ хошунѣ.

Омолонъ, старикъ 53 л., омока
Солонгосъ, въ Ордосѣ.

Чингисъ-богдо разрушилъ въ Ордосѣ тридцать три города.

Записано въ Боробалгасунѣ
отъ монголовъ.

Родиной Чингиса-богдо была мѣстность Алтанъ-хангай-алтанъ-тебши.

Записано тамъ же.

---

[1]) Царицына рѣка.

[2]) Въ Юань-чао-ми-ши (Труд. П. д. м., IV, 79) упоминается жена Чингиса Ѣсугань, дочь Ѣкэ-чжэряня.

Digitized by Google

Чингисъ-ханъ взялъ въ плѣнъ тубутскаго хана, жившаго въ городѣ Чжунъ вэй (Дэрисунъ-хото); плѣнный ханъ говоритъ ему: «у моей жены дурная дума». Чингисъ убилъ его и взялъ его жену за себя. Ночью она бритвой (тонгура) оскопила Чингиса и онъ умеръ, а сама бросилась въ рѣку Хатунъ-голъ; ее отнесло по рѣкѣ ниже Дэрисунъ-хото и высадило на берегъ. Тутъ надъ ея тѣломъ насыпали холмъ.

Сантанъ-джимба.

Чингисъ былъ единственный сынъ Хормусты: Хурмустанъ Галто ганц' ху.

Понцокъ, халха хошуна Туше-гуна поколѣнія Кіятъ-Борджигитъ.

Варіантъ легенды о Чингисѣ напечатанъ въ Оч., IV, 229; онъ разсказанъ также въ Алтанъ-Тобчи (стр. 144) и у Сананъ-Сэцэна (Gesch. d. Ost-Mong., 97), но въ этихъ книжныхъ разсказахъ не упоминается объ оскопленіи Чингиса (у Сананъ-Сэцэна сказано темно: сдѣлала зло его тѣлу) и нѣтъ эпизода о крови на снѣгу. Послѣдняя тема перенесена обоими вышеупомянутыми памятниками въ разсказъ о Ельбекъ-ханѣ (Алт. тобчи, стр. 156); вмѣсто оскопленія, у Ельбека отрѣзанъ мизинецъ.

Ельбекъ выѣзжаетъ на охоту и видитъ пятно крови убитаго зайца на снѣгу. Разговоръ объ этой крови приводитъ хана къ намѣренію отнять жену у своего сына; дѣлается это по совѣту вельможи Тафу. Сынъ убитъ. Невѣстка призвала виновника смерти своего мужа, Тафу и угостила его виномъ изъ кожаной посуды, которая была раздѣлена на двѣ половины; въ одной была вода, въ другой ардзанъ; сама пила воду, а Тафу подавала вино; потомъ разостлала ковры и подушки въ своей спальнѣ, положила на нихъ опьянѣвшаго Тафу, и растрепавъ волосы и исцарапавъ лицо, послала за ханомъ. Тафу бѣжалъ; ханъ пустился за нимъ въ погоню. Въ схваткѣ у хана былъ отстрѣленъ мизинецъ, а Тафу убитъ и у него вырѣзанъ ремень изъ спины. Невѣстка, облизывая кровь хана, смѣшанную съ жиромъ Тафу говорила: «Вотъ успѣхъ мщенія женщины»! Имя этой женщины Ульдзэту-гуа или Хунгъ-Бэгэдэи (Алт. Тобчи, 157).

Если мы эти два сказанія о Ельбекѣ и Чингисъ-ханѣ и женѣ тибетскаго царя Шидургутюльгунъ-хана дополнимъ одно другимъ, мы получимъ остовъ нѣмецкаго сказанія объ Атиллѣ [1]). Атли Эдды беретъ за себя овдовѣвшую жену Сигурда, Гудруну. Гудруна мститъ Атли за смерть своихъ братьевъ Gunnar и Högni (Гунтера и Гагена); она убиваетъ своего ребенка, прижитаго съ Атли, дѣлаетъ изъ его черепа чашу, наполняетъ её смѣсью изъ крови сына и вина, жаритъ сердце сына и этимъ угощаетъ Атли, а вечеромъ убиваетъ его самого, за тѣмъ бросается въ море, но не можетъ утонуть: волны выносятъ её на островъ. Въ монгольскихъ сказаніяхъ месть производится за смерть мужа; Гудруна мститъ не за мужа (Сигурда), а за братьевъ; но мужъ ея тоже убитъ, и при томъ причина смерти Сигурда та же, что и смерти Гунтера и Гагена—желаніе отнять сокровище Фафнира.

Имя мстящей жены въ разсказѣ объ Ельбекъ-ханѣ въ Алтанъ-Тобчи Бөгөдэи, у Сананъ-Сэцэна Oldjeitu-chung-goa-beidji. Въ лѣтописномъ сказаніи о Чингисѣ жена тибетскаго царя называется Гурбельджинъ-гоа (Сананъ-Сэцэнъ, 103). Въ народныхъ же разсказахъ о Чингисѣ ей не дается никакого имени; говорится только, что она хубильганъ Цаганъ-дара еке.

Есть двѣ Цаганъ-дара-еке: милостивая и злая; послѣдняя по-тибетски называется Lhamo (Emil Schlagintweit, Buddhism in Tibet, Lond., 1863, s. 112) или Lhamu (Pallas, Mong. Völkersch., vol. II, s. 98), по-монгольски Okkin-tängri (ibid). Шлагинтвейтъ помѣстилъ въ своемъ «Буддизмѣ» слѣдующую легенду о Lhamo (санскр. Käladevï): Богиня Лаио вышла за Shinja, царя Dudpo,

---

[1]) Чингисъ также выдавалъ себя за бичъ Божій. По взятіи Бухары Чингисъ держитъ рѣчь къ плѣнникамъ: «О, народъ! Вѣдайте, что вы учинили великіе грѣхи.... Я есмь казнь Господня»! (Рашидъ-эддинъ, III, стр. 54).

Digitized by Google

который былъ воспитанъ царемъ Цейлона. Богиня дала обѣтъ или укротить свирѣпость царя и расположить его въ пользу буддизма, или, если это не удастся, искоренить царское сѣмя, убивъ своихъ дѣтей, прижитыхъ отъ царя. Первое ей не удалось и вотъ она убиваетъ своего сына, котораго очень любилъ царь; во время его отсутствія она сняла съ живого сына кожу, выпила кровь изъ его черепа и съѣла его мясо. Потомъ покрыла кожей убитаго сына лошадь, сѣла на нее верхомъ и оставила дворецъ. Отецъ, вернувшись домой, схватилъ лукъ и пустилъ ядовитую стрѣлу вслѣдъ за своей ужасной женой; стрѣла вонзилась въ задъ лошади, но богиня произнесла надъ нею заклятіе и продолжала ѣхать. Она проѣхала Индію, Тибетъ, Монголію, часть Китая и поселилась въ горахъ Oikhan въ области Olgon въ восточной Сибири.

Въ разсказѣ о женѣ Лу-тусы (см. ниже № 67) коварство женщины имѣетъ цѣлью освобожденіе людей отъ злого разбойника. Вѣроятно о Чингисѣ были разсказы, составленные по образцу сказанія о Ванъ-морѣ и женѣ Лу-тусы, т. е. Чингисъ представлялся докшиномъ (злымъ божествомъ), а жена тибетскаго царя представлялась укротительницей этого докшина. Укротитель Чингиса ордосской легенды, Бань-чень-эрдени, поставленъ на мѣсто жены тибетскаго царя только въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ буддійскихъ воззрѣній. Жена Лу-тусы спаиваетъ Ванъ-мора виномъ и бросаетъ въ яму; сходный эпизодъ въ былинѣ южносибирскихъ тюрковъ: Едженъ-ко спаиваетъ Сёдей-мергена (Radloff, Proben, II, 624). Этой темы, ясно проведенной, въ сказаніяхъ о Чингисѣ нѣтъ, но намекъ на существованіе въ прежнее время былинъ о Чингисѣ съ этою темой можно видѣть въ эпизодѣ объ увозѣ меркитами жены Чингиса, Бортэ-фуджинъ. Переводчикъ Рашидъ-эддина, г. Березинъ говоритъ (Ист. Монг., II, 259): вмѣсто описанія битвы Чингиса съ Чжамухой, сдѣланнаго Рашидъ-эддиномъ, у Сананъ- сэцэна и въ Алтанъ Тобчи разсказанъ эпизодъ о Джингиръ-бухэ или Бикэ-чилгэрѣ, который пригласилъ Чингиса въ гости, предварительно вырывъ въ срединѣ своей юрты яму и закрывъ ее войлокомъ (Алт. Тоб., 131—132; S.—s. 81). Тутъ только приготовленіе для спаиванія виномъ и опущенія въ яму, кончившееся неудачно; кромѣ того нѣтъ тутъ женщины. Но можетъ быть она и была. У Рашидъ-эддина же въ другомъ мѣстѣ разсказано, что меркиты захватили Бортэ, жену Чингиса въ отмщеніе за Олунъ-эхэ, отобранную Есугеемъ у Чилету, брата Тухтай-бики'я и отдали ее силачу Чилгэру, брату Чилету'еву. Этотъ Чилгэръ, вѣроятно, есть одно лицо съ Сананъ-сэцэновскимъ Бикэ-чилгэромъ. Чингисъ отправляется возвращать свою увезенную жену; во время нападенія ночью на меркитовъ Бортэ сама прибѣжала къ нему изъ вражескаго стана (см. выше, стр. 209). Имя жены Чингиса Бортэ принимается за историческое, но было ли дѣйствительно такое имя у жены Чингиса? Именемъ Бортэ называется одинъ онгонъ у бурятъ (Агапитовъ и Хангаловъ, «Матеріалы», стр. 8), о которомъ говорится, что его принесъ сынъ Хоридая; а Хоридая или Хоритая монгольская лѣтопись вводитъ въ разсказъ о предкахъ Чингисъ-хана, и по всей вѣроятности имя это попало туда изъ народныхъ былинъ, а не изъ дѣйствительной жизни.

Имени утонувшей жены Чингиса, какъ сказано выше, народная память не сохранила. Могила, насыпанная надъ нею на берегу Желтой рѣки, называется по-монгольски Темиръ-олху; китайцы называютъ ее Чао-чжинъ-фынъ, т. е. могила какой-то Чжао-чжинъ. Въ Чжао-чжинъ можно видѣть джуджинъ, испорченное китайское фу-чжинь, «царица», какъ называлась жена Чингиса (ср. у Рашидъ-эддина въ переводѣ Березина, I, 149); въ словарѣ Будагова юджинъ—дочь ханскаго или княжескаго происхожденія; Будаговъ указываетъ также формы: фу-джинъ, «госпожа», у мусульманскихъ писателей куджинъ, у Сананъ-сэцэна: джюшинъ [1]).

Могильныхъ насыпей, къ которымъ пріурочивается легенда объ утонувшей женѣ Чингисъ-хана, три; одна около города Бауту, ее видѣлъ Пржевальскій (Монголія, I, 139); другая около города Гуй-хуа-чена, видѣнная и описанная нами выше (см. ч. I, стр. 50); третья около города Чжунъ-вэй (Дэристу-хото). Всѣ три города лежатъ вблизи отъ Желтой рѣки.

О той насыпи, которая около Гуй-хуа-чена, упоминаетъ китаецъ Фань-шао-куйя, дневникъ котораго переведенъ г. Поповымъ (Записки И. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., т. V, стр. 143). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту г. Поповъ говоритъ: «Подъ именемъ Цинъ-чжунъ (такъ Фань-шао-куйя назвалъ насыпь, которую онъ увидѣлъ, подходя къ Гуй-хуа-чену) разумѣется могила одной изъ благородныхъ дѣвицъ западной Ханьской династіи, замѣчательной своей красотой и извѣстной въ народѣ подъ именемъ Чжао-цзюнь-нянъ-нянъ. Во время выбора невѣсты для императора пор-

[1]) См. также у Вельяминова-Зернова, Изслѣдов. о Касимовскихъ царяхъ, ч. I, Спб., 1863, стр. 503 — 507.

Digitized by Google

третъ ея вмѣстѣ съ другими 9-ю избранницами, представленный императору, былъ изображенъ въ искаженномъ видѣ; это было сдѣлано съ намѣреніемъ, потому что она, гордясь своей красотой, не дала взятки министру. Потомъ, когда надобно было найдти одному изъ сѣверныхъ сосѣднихъ князей жену, выборъ палъ на нее. Передъ отправленіемъ императоръ пожелалъ ее видѣть и, пораженный ея красотой, въ досадѣ приказалъ казнить коварнаго министра (стр. 155).

У о. Іакинѳа, Собр. свѣд. о нар. Сред. Азіи, ч. I, стр. 114, вѣроятно описывается эта же исторія нѣсколько иначе. Княгиня Чжао-гюнь, при выборѣ благородныхъ дѣвицъ, была принята въ императорскій дворецъ; не будучи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ представлена государю, она въ досадѣ просила перевести ее въ загородный дворецъ. Когда ко двору пріѣхалъ хуннускій шаньюй Хуханье, императоръ приказалъ подарить ему пять дѣвицъ. Во время прощальнаго отпуска степного гостя императоръ призвалъ пять дѣвицъ для показа. Чжао-гюнь явилась въ числѣ ихъ въ пышномъ нарядѣ и поразила своею красотою. Императоръ изумился и хотѣлъ было оставить ее, но посовѣстился нарушить данное слово. По смерти Хуханье на престолъ вступилъ сынъ его отъ старшей жены шаньюя и хотѣлъ жениться на Чжао-гюнь; китайская царевна просила у государя дозволенія вернуться въ Китай, но государь предписалъ ей сообразоваться съ обычаями народа, почему она сдѣлалась женой слѣдующаго шаньюя.

Въ исторіи Усуней (ib., ч. III, с. 66—67) та же повидимому исторія повторяется въ примѣненіи къ Усуньскому гуньмо. Онъ женился на китайской царевнѣ. Гуньмо былъ старъ и не зналъ китайскаго языка. Царевна въ скукѣ и тоскѣ сочинила пѣсню, въ которой она оплакиваетъ свою судьбу, жалуется, что выдали ее за хана, живущаго въ войлочной палаткѣ и питающагося мясомъ и молокомъ, и высказываетъ желаніе обратиться въ дикаго гуся и улетѣть на родину. Гуньмо, будучи старъ, хотѣлъ выдать царевну за своего внука Сэньцзу; царевна не послушала его и жаловалась Двору, но сынъ неба совѣтывалъ ей сообразоваться съ обыкновеніями народа. Въ разсказѣ о Чжао-гюнь не говорится, чтобъ она пѣла тоскливую пѣсню о себѣ. Но въ томъ же сборникѣ о. Іакинѳа, ч. I, стр. 284, приводится пѣсня другой царевны о превратностяхъ судьбы, кончающаяся словами: «Не я одна примѣръ такой превратности; о томъ свидѣтельствуетъ пѣсня Чжао-гюнъ». Ср. съ женой Лу-тусы, которая, въ интересахъ родного населенія, выходитъ замужъ за Ванъ-мора и поётъ пѣсню (см. ниже, № 67), а также съ сходнымъ эпизодомъ въ сказаніи о Гэсэрѣ (см. выше стр. 26, 39 и 43). Вѣроятно, образъ Чжао-гюнь и преданіе о ней заимствованы лѣтописью изъ степныхъ сказаній, тѣхъ самыхъ, варіанты которыхъ представляютъ нынѣшнія сказанія о женѣ Лу-тусы и женѣ Гэсэра.

Объ усуньскомъ гуньмо была слѣдующая легенда (ibid., ч. III, стр. 12): отецъ его былъ убитъ хуннами; сынъ его, только что родившійся, былъ брошенъ въ полѣ. Птицы склёвывали насѣкомыхъ съ его тѣла; волчица приходила кормить его своимъ молокомъ. Шаньюй былъ изумленъ; онъ взялъ ребенка къ себѣ и воспиталъ, а потомъ сдѣлалъ его предводителемъ своихъ войскъ; когда же гуньмо отличился въ походахъ, шаньюй возвратилъ ему владѣнія его отца. Эта легенда сближаетъ усуньскаго гуньмо съ тукюэскимъ Ашиной или Асеной и съ Лисунъ-сяо (см. ниже № 66). О Чингисѣ также есть разсказы, какъ о найденышѣ въ полѣ, находящемся подъ покровительствомъ самой природы (Оч., IV, 229). Пріуроченіе къ гуй-хуаченской насыпи одновременно сказанія о ханьской царевнѣ Чжао-цзюнь или Чжао-гюнъ и сказанія о Чингисъ-хановой женѣ (Чжао-чжинъ, Джу-джинъ, фу-женъ?) можетъ быть объяснено тѣмъ, что оба эти преданія есть одно и то же сказаніе, о женщинѣ, рѣшившейся, во благо народу, пожертвовать собою и выйдти замужъ за тирана, съ цѣлью погубить его. Спаивающая мужа Еджень-ко (Radl., Prob., II, 624) можетъ быть отголоскомъ того же сказанія, но благодѣтельный мотивъ спаиванія не удержанъ.

Вопросъ: формы ли Еджень, Джу-джинъ суть искаженія китайскаго Чао-джюнъ (Чжао-цзюнь) или, на оборотъ, китайскія формы есть испорченное монгольское еджень, должны рѣшить оріенталисты.

Въ нѣкоторыхъ памятникахъ Чингисъ-ханъ называется Содо-богдо или Суду-богдо (Алт. тобчи, стр. 130, 170). Содо есть также сынъ Сургана, который спасъ Темучина, когда тотъ сидѣлъ въ водѣ. Можетъ быть это сидѣнье въ водѣ есть не что иное какъ иначе разсказанная исторія о младенцѣ, брошенномъ въ воду; въ нѣкоторыхъ же варіантахъ этой исторіи женщина, находящая дитя, есть мать самаго дитяти, какъ наприм. въ сказкахъ о Ерь-сару и Кирвэсѣ (Оч., IV, 343—604); редакція этого эпизода въ упомянутыхъ сказкахъ очень сходна съ бурятскимъ

Digitized by Google

сказаніемъ о Буха-ноинѣ и шаманкѣ Хусыкэнъ или Асухэнъ (Оч., IV, 267; Позднѣевъ, Образцы, стр. 17; Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн. т. I, в. 2, стр. 95—99).

Разсказъ о Чингисѣ и Сурганѣ можетъ быть отрывокъ изъ сказки въ родѣ Ерь-сару и лицо, которое названо Сурганомъ, не спасало ли собственнаго сына Содо?

Есть парное Хото-гайду или Хото-гойту. Такъ называются: 1) одно племя въ сѣверозападной Монголіи (около оз. Сангинъ-далай; см. Оч., II, 23); 2) гора Худа-хайту или Хуту-гайту въ Забайкальѣ (Риттеръ, Землевѣдѣніе, Забайкалье, русск. переводъ П. П. Семенова, в. I, стр. 96); 3) во главѣ родословной джунгарскихъ хановъ у Палласа стоитъ какой-то Хото-гайту, который будто бы былъ прозванъ Кара-кулой за то, что убилъ звѣря каракулу.

Второй членъ Хайду встрѣчается и въ другомъ соединеніи: Хайлу-ханъ.. Хайду-ханъ упоминается въ числѣ монгольскихъ предковъ. Голодные Джелаиры въ числѣ 70 семей вошли во владѣнія Мунулуны, вдовы Дутумъ-менена и стали рыть корень судусунъ (Sanguisorba officinalis L., суть, сӧди, суду, худунъ; Оч., II, 135; IV, 152; худугунъ у бурятъ Ирк. губ.). Сыновья Мунулуны вступили съ ними въ драку, но были убиты вмѣстѣ съ матерью; изъ семи сыновей Мунулуны избѣжали смерти только одинъ младшій сынъ Начинъ и Хайду, внукъ Мунулуны отъ старшаго сына, унесенный его дядькой въ связкѣ хвороста къ дядѣ Начину. Начинъ отмстилъ Джелаирамъ и племянника Хайду объявилъ ханомъ.

Имя Джелаиръ является и личнымъ. Предокъ нынѣшнихъ халхасскихъ князей былъ Харасандза или Гэрэсэндзэ Джелаиръ-хунъ-тайджи; онъ былъ младшій 11-й сынъ Даянъ-хана, а самъ имѣлъ семь сыновей, между которыми будто бы и была раздѣлена Монголія на семь хошуновъ. У Даянъ-хана (Алт. тобчи, 190) одинъ изъ сыновей былъ спасенъ во время побоища съ Барагунъ-туметами (Сананъ-сэцэнъ, 189). Не былъ ли это Гэрэсандза? Гэрэсандза названъ хунъ-тайджи; сынъ Хайду-хана назывался Джерке-линъ-гунъ и былъ предокъ Тайджіутовъ (Рашидъ-эддинъ, I, 183) мы сближали его съ Ерте-уланъ-хунъ-тайджи или Иринъ-сайномъ, предкомъ племени Хото-гойту по современнымъ преданіямъ и героемъ дюрбютской большой былины (Очер., II, прим. стр. 24; IV, 916).

Въ Оч., IV, № 4, ж. перечисляются семь сыновей бара; въ алтайскихъ варіантахъ этого сказанія мать семи сыновей — маны, звѣрь, который называется манулъ. У упомянутой выше Мунулуны также семь сыновей. Въ халхасскомъ варіантѣ о семи сыновьяхъ бара (№ 4 ж.) младшій названъ хара-халу. Можетъ быть, джунгарскій Хото-гайду-карагула есть одно лицо съ Хайду-ханомъ, однимъ изъ сыновей Мунулуны. Джунгарскій Хото-хайду, убившій звѣря хара-гулу, есть не кто иной, повидимому, какъ былинный богатырь Монголіи Иринъ-сайнъ, который въ одномъ алтайскомъ варіантѣ дѣйствительно плѣнилъ чудовище Карагулу (Оч., IV, 427). Въ калмыцкомъ разсказѣ о походѣ Убаши (Труды Вост. Отд. И. Археол. Общ., ч. VI (1858), стр. 218) стоитъ имя племени Хата-гайту-хара-халу; и здѣсь тѣ же члены спариваются.

Эти сопоставленія приводятъ насъ къ предположенію, что во-первыхъ Гэрэсандза новыхъ преданій есть Хайду-ханъ древнихъ лѣтописей. Въ преданіе объ обоихъ входитъ имя Джелаиръ; въ преданіи о Хайду-ханѣ Джелаировъ 70 куреней, въ преданіи о Гэрэсандзѣ семь хошуновъ, на которые раздѣлена Монголія между его сыновьями. Тему избіенія братьевъ Хайду-хана можно видѣть въ глухомъ извѣстіи о спасеніи одного изъ сыновей Даянъ-хана; и въ томъ и другомъ преданіи является племя баргутъ (барагунъ-туметы). Въ одномъ случаѣ враждебнымъ племенемъ герою преданія является джелаиры, въ другомъ баргуты; это можно объяснить тѣмъ, что это преданіе разсказывали и баргуты и джелаиры, что новѣйшая редакція записана отъ джелаировъ, которые сдѣлали героя своимъ предкомъ, а потому баргутовъ выставили врагами мальчика, древнѣйшая же была записана у баргутовъ или другого племени.

Во-вторыхъ мы готовы видѣть въ Хайду-ханѣ также и предка племени Хото-гайту, а также къ нему отнести преданіе о джунгарскомъ Хото-хайду Карагулѣ.

Не имѣемъ ли мы въ разсказѣ о Хайду ханѣ ботаническій миѳъ о корнѣ суду? Не потому ли въ древнѣйшей редакціи членъ Хайду явился безъ приставки хото, что эта послѣдняя форма уже есть въ сказаніи и скрывается въ имени корня суду? Судусунъ, худусунъ ср. съ Алтынъ-хатасынъ, воромъ, который былъ зарытъ въ землю Чингисъ-ханомъ.

Порча полей въ киргизскомъ преданіи (Оч., II, 149): Уралтай-мамырхановы кони попортили

Digitized by Google

пашню, которую пахалъ Есекень для богатаго человѣка Кара-буты [1]); хара-бута монгольское названіе проса (Panicum millium) въ Ордосѣ. Мы сближали Есекеня, брошеннаго съ колодкой на ногахъ въ воду, съ Чингисъ-ханомъ, а имя его съ Есугай, именемъ отца Чингиса (Оч., II, прим. стр. 34). Чингисъ-ханъ былъ брошенъ въ воду Таргутай-Харалтукомъ, царемъ Тайджіутовъ (Рашидъ-Эддинъ, I, 168; въ Алтанъ-Тобчи, стр. 127: тайджиутами).

Въ современныхъ тюркскихъ сказкахъ формы Цöдей или Сöдей также встрѣчаются въ связи съ темами, приближающимися къ легендѣ о Чингисѣ. Въ Радловскихъ Proben (IV 307) Цöдей-ханъ, чтобы помѣшать рожденію Аксакъ-Тимура, велитъ избить всѣхъ младенцевъ; но исполнитель воли хана только нажалъ животъ беременной матери и Аксакъ-тимуръ родился вслѣдствіе этого хромымъ. По всей вѣроятности, этотъ разсказъ относится къ Темучину (Темурчину), съ которымъ сказанія иногда смѣшиваютъ Тамерлана. Въ южносибирской тюркской сказкѣ (Proben, II, 624) Сöдей-мергенъ имѣетъ коварную жену, которая опаиваетъ мужа съ цѣлью погубить его. Имя жены Едженъ-ко.

Въ одномъ записанномъ для меня ордосскомъ брелѣ въ честь Чингиса, вмѣсто Содо-богдо, поставлено Согдо-богдо; это, кажется, не случайное искаженіе.

Рядомъ съ именемъ Чингисъ иногда встрѣчается «русскій». «Русскій» охотникъ убиваетъ трехсаженнаго волка и получаетъ за это отъ Чингиса дѣвицу и бѣлое знамя (Пржевальскій, Монголія, I, 140); дочь Чингиса Цаганъ-ханъ уноситъ въ «русскую» землю Чингисово знамя и становится «русскимъ» царемъ (Оч., IV, 324). Въ барабинской сказкѣ о Идыгэ (Radloff., Prob., IV, 35), которую мы сближали съ сказаніемъ о Чингисъ-ханѣ (Оч., IV, 856) является «русскій» богатырь Анисимъ. Появленіе формы: «русскій» рядомъ съ Чингисомъ можетъ значить, что въ древнихъ былинахъ о Чингисѣ одному изъ персонажей давалось имя Урусъ или Оросъ. Калмыцкое сказаніе разсказываетъ о предкѣ Цоросъ, какъ о младенцѣ, найденномъ въ степи и вскормленномъ деревомъ (Очерки, IV, 326; Позднѣевъ, Образцы народн. литер. монг. плем., Спб., 1880, стр. 135; Pallas, Samml., I, 32) т. е. то же самое, что халхасское сказаніе разсказываетъ о Чингисѣ. Можетъ быть, о Цоросѣ разсказывалось не одно только начало легенды о Чингисѣ, но и другія ея части, т. е. что Цоросъ и Чингисъ были имена одного и того же легендарнаго лица; Оросъ же можетъ быть только версія формы Цоросъ.

Русскіе у бурятъ, по словамъ Кастрена (Versuch einer burjatisch. Sprachlehre, Petersb., 1857) называются именами Oros, Orot, Manhat. Не было ли эпическаго парнаго Оросъ-мангатъ или Оротъ-мангатъ? Въ монгольскихъ лѣтописяхъ поколѣнія Урутъ и Мангутъ нерѣдко стоятъ вмѣстѣ. Въ Юань-чао-ми-ши, 31: «У Начинь баатура два сына Уруудай и Манхутай, которые составили два рода: Уруутъ и Манхутъ»; ср. также стр. 87. У Рашидъ-эддина, 186: «Племена Урутъ и Манкутъ, начальники ихъ Одотъ и Бодотъ». Эти Одотъ и Бодотъ ср. съ Одунъ-Бодунъ, предкомъ дюрбютовъ (Оч., IV, 229, 325), который есть несомнѣнно то же, что Бодунъ-цоросъ калмыцкаго сказанія (Палласъ, Samml., I, 32) и Чингисъ халхаскаго [2]). Въ другихъ мѣстахъ этихъ же двухъ памятниковъ (Рашидъ-эддинъ и Юань-чао-ми-ши) связь формъ Чингисъ и Оротъ еще ближе.

У Рашидъ-эддина, стр. 189: Племена Манкутъ и Урутъ, которыя происходили отъ Начина, были на сторонѣ Тайджіутовъ; между Манхутами было три брата; младшій принялъ сторону Чингиса, старшіе убили его и домъ расхитили. Жена убитаго, родомъ баргутка, имѣла грудного ребенка; родственники ея спрятали ребенка въ шерсть; дяди искали его, кололи дротиками шерсть, но Богъ спасъ ребенка; во время вторыхъ поисковъ ребенокъ былъ спрятанъ подъ котелъ. Впослѣдствіи ребенокъ былъ отнесенъ къ Чингису; ему дали имя Джида-нойонъ; Чингисъ отдалъ племена Урутъ и Манкутъ въ рабство Джида-нойону. О Чингисѣ въ Юань-чао-ми-ши, 87, говорится: «Два рода Урутъ и Манхутъ у него добрые ратники; они не разстраиваются въ нестройномъ бою и отъ малолѣтства навыкли къ копьямъ и мечамъ». Эти отрывки наводятъ на мысль,

---

[1]) Мамырханъ теряетъ княжеское достоинство. Ср. съ кабардинскимъ преданіемъ Кайтухо Тохтамышевѣ (Ногмовъ, Исторія Адыгейск. народа, въ Кавк. календарѣ на 1862 г., стр. 96).

[2]) Въ Алтанъ-Тобчи и Юань-чао-ми-ши анахронизмъ: Бэктэръ и Белгетей являются современниками Чингиса, между тѣмъ они братья Бодончара, т. е. жили покрайней мѣрѣ за 160 лѣтъ ранѣе. Не значитъ ли это, что о Чингисѣ разсказывалось то же, что о Бодончарѣ (т. е. то же, что объ Одунъ-Бодунѣ)?

Digitized by Google

что Джида-нойонъ и Чингисъ-ханъ одно и то же лицо. У Джида-нойна дружина изъ Урутовъ и Манхутовъ; и у Чингиса то же. Джида-нойона ребенкомъ прятали въ шерсть, и Чингиса тоже. (Рашидъ-эддинъ, Введ., стр. 169, 170; 190) [1]).

У Рашидъ-эдина Уруты и Мангуты упоминаются еще рядомъ съ именемъ Кейтей-нойонъ.

По Юань-чао-ми-ши поколѣнія Урутъ и Манхутъ происходитъ отъ Начинь-баатура, старшаго сына Тумбинай-хана. По Рашидъ-эддину они происходятъ отъ Чаксу, старшаго изъ 9 сыновей Тумена-хана. Чаксу есть конечно Начинъ, потому что Тумена-ханъ персидскаго историка (II, 29) соотвѣтствуетъ Тумбинай-хану китайской лѣтописи; въ одномъ мѣстѣ у Рашидъ-эддина Начинъ является вторымъ сыномъ Дутумъ-Менена (Раш. Эдд., I, 183). Чаксу не описка ли вмѣсто наксу, т. е. нагасу, дядя по матери?

Въ Алтанъ-тобчи Нагацу и Кагорцокъ должны были бѣжать отъ избіенія и удалиться на гору; Нагацу играетъ при этомъ роль покровителя (стр. 166). У Рашидъ-эддина Нукузъ и Кыянъ (подъ Кыяномъ иногда разумѣлся Чингисъ [2]) бѣжали отъ избіенія и также поднялись на гору по узкой тропинкѣ, проложенной оленями (ibid., I, стр. 135). Эти сказанія не намеки ли на покровительство, которое дяди со стороны матери (нагачинаръ) должны оказывать племянникамъ? Когда дѣти въ семействѣ не ведутся, мрутъ, вновь родившагося родственники стараются тайно отъ матери унести, послѣ чего ребенка нѣкоторое время скрываютъ подъ котломъ. Гонимаго мальчика Джида-нойона у Рашидъ-эддина спасаютъ родственники матери, т. е. нагачн. Хайду-хана спасаетъ Начинъ; это его дядя по отцу, но это можетъ быть невѣрность. Начинъ живетъ во время избіенія дѣтей Мунулуны въ баргутахъ; сказаніе объясняетъ это тѣмъ, что онъ былъ женатъ на баргуткѣ и жилъ у тестя; но не было ли иначе, не былъ ли онъ баргутъ, братъ матери Хайду-хана, и не былъ ли Хайду-ханъ сыномъ баргутки, подобно Джида-нойону?

Сходныя черты мифа о Чингисѣ съ классическимъ о Персеѣ:

1) Персей брошенъ въ воду. Беременная Шингысомъ мать брошена въ воду (Radloff, Proben, III, 86; Оч., IV, 232) [3]).

2) Персея подбираютъ братья Диктъ и Полидектъ. Шингысову мать добываютъ изъ воды братья Тохтагулъ и Дондугулъ.

3) Персей добываетъ голову Горгоны.—Такой темы въ легендахъ о Чингисѣ нѣтъ; но тема о головѣ находится въ сказаніяхъ о Гэсэрѣ и Цоктай-ханѣ; Гэсэръ добываетъ головы семи тархановъ для того, чтобы отдѣлить Г'ума-хана отъ его жены, которую онъ держитъ въ объятіяхъ и не можетъ съ нею разстаться. Съ этимъ связана идея о замершемъ состояніи подданныхъ хана. Алтайская легенда о Даинъ-тере-тарханѣ, первомъ шаманѣ, также связана съ темой объ отрубленной головѣ. Эта легенда также еще не упоминаетъ о Чингисѣ; но сѣверномонгольская легенда о Таинъ-тирхинѣ (Оч., II, 74) первомъ шаманѣ, который вѣроятно одинъ и тотъ же персонажъ съ алтайскимъ Даинъ-тере-тарханомъ (см. Оч., IV, 290), уже стоитъ въ связи съ Чингисомъ; Та-

---

[1]) Не служитъ ли это поддержкой сближенія Чингиса съ барабинскимъ Идыге (Иды-ганъ, Джеды-ганъ?). Темы о Идыге: онъ найденышъ въ степи; онъ служитъ арфистомъ у хана Тохтомыша; ханъ хочетъ коварно убить его; его предупреждаетъ объ опасности его другъ Цаннай (въ киргизскомъ можетъ быть Джанбай). См. «Живая Старина», 1891, IV, стр. 161.

[2]) Библіотека восточн. историк., изд. Березина, I, стр. 35.

[3]) Въ Очеркахъ, IV, приведено начало бурятскаго разсказа о Чингисѣ. Не мать его, а онъ самъ заключенъ въ бочку и брошенъ въ воду. Къ сожалѣнію, я не могъ добыть полнаго варіанта. У Патканова (Исторія монголовъ по армянск. источникамъ, Спб., 1873, стр. 47): грузинская царица Русуданъ велѣла посадить Давида въ ящикъ и бросить въ море. Давидъ былъ спасенъ, бѣжалъ къ Мангу-хану и женился на княжнѣ Есуганъ. Извѣстно, что западные писатели, современники эпохи нашествія монголовъ, называли Чингисъ-хана rex David (Oppert, Presbyter Iohannes, Berlin, 1864 стр. 66); одна изъ женъ Чингисъ-хана, называлась Ѣсугань (см. выше, стр. 269). Не монгольская ли легенда этотъ разсказъ армянской лѣтописи? Указаніе на Мангу-хана намекаетъ на монгольское вліяніе. Въ другомъ мѣстѣ у Патканова (стр. 37) въ разсказѣ о Давидѣ упоминается Тангре-кулъ съ переводомъ «рабъ божій», т. е. это имя принято за тюркскія слова. Повидимому эти легенды о Давидѣ ордынскаго происхожденія. Откуда взялось сопоставленіе именъ Давидъ и Чингисъ-ханъ? Не вліяло ли имя Тубутъ-тэнгри?

Digitized by Google

инъ-Тирхинъ увезъ у Чингиса жену и заложилъ ее въ пещерѣ; Чингисъ ѣдетъ освобождать ее [1]). Сверхъестественныя явленія, совершающіяся съ головой Тархана, еще болѣе сближаютъ эти легенды съ сказаніемъ о Чингисъ-ханѣ; подобное же разсказывается о головѣ Ванъ-хана кирейскаго и можетъ быть Таинъ или Даинъ нынѣшнихъ легендъ не что иное, какъ Таянъ сказанія о Чингисъ-ханѣ; такъ назывался будто бы найманскій ханъ.

Въ бурятскихъ сказаніяхъ первый шаманъ называется Моргонъ-хара (Агапитовъ и Хангаловъ, Матеріалы, стр. 87) и Хара-гыргэнъ (Шашковъ, въ журналѣ «Живописное Обозрѣніе», 1879, № 19), но темы объ отрубленной его головѣ нѣтъ. У якутовъ первый шаманъ Аргылъ [2]); легенда о немъ сходна съ легендами о Плеядахъ (по якутски Ургялъ); см. ниже № 86. Не ставилъ-ли первобытный дикарь сѣверной Азіи перваго шамана въ какія нибудь отношенія къ Плеядамъ?

Эпитетъ тарханъ, т. е. кузнецъ, какъ извѣстно, придавался и самому Чингису. Очень интересно указаніе Агапитова и Хангалова («Матеріалы», стр. 32) на существованіе у сѣверныхъ бурятъ онгона, который называется Сэжэнъ-барсенъ-тымыршей; это онгонъ кузнецовъ, тархановъ; онъ дѣлается въ видѣ модели шаманскаго бубна, слѣдовательно онъ то же, что тункинскій Баръ-убугунъ. На стр. 15 «Матеріаловъ» говорится о жертвахъ «Желѣзному богу» Тӧмӧрши, вѣроятно тому же самому. Гомбоевъ также упоминаетъ о бурятскомъ онгонѣ: барасъ-эбугенъ, т. е. «старикъ Барасъ» (Гомбоевъ, Обычаи монголовъ въ Записк. И. Археол. Общ., т. XIII, стр. 247) [3]). Имя этого онгона показываетъ, что западные писатели не самовольно имя Темучина иногда писали Тимуръ-чинъ, что Чингисъ-ханъ и на родинѣ назывался Тӧмӧршей, и что онъ былъ божествомъ кузнецовъ [4]). Далѣе, что онъ имѣлъ еще другое имя: Барасъ, Барсенъ, Баръ, которое спаривалось съ Тӧмӧршей. Въ честь этого онгона совершается обрядъ кованія желѣза; Чингисъ-ханъ ежегодно совершалъ обрядъ, билъ молотомъ по наковальнѣ.

Параллели съ классическимъ миѳомъ о Діонисіи:

1) Чингисъ изобрѣтатель вина (Очерки, IV, 211); ср. также Протоколы Петровскаго Общества въ Астрахани, 1888 г., ст. Ир. Житецкаго: «Арька», стр. 91—99.

2) Чингисъ во хмѣлю принимаетъ деревянную подпорку юрты за женщину и обнимаетъ ее (въ классическомъ наоборотъ; опьянѣвшій Ликургъ своего сына принимаетъ за виноградную лозу).

3) Трехдневному смертному пребыванію соотвѣтствуютъ темы о пребываніи Темучина въ пещерѣ или въ горахъ, въ которыхъ онъ укрывался отъ тайджіутовъ. Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 126) онъ скрылся въ «недоступномъ мѣстѣ»; по прошествіи трехъ сутокъ онъ выходитъ, но получая предостереженіе свыше, возвращается въ свое убѣжище; пробывъ еще трое сутокъ въ своемъ убѣжищѣ, онъ вновь хотѣлъ выйдти, но нашелъ входъ крѣпко заложеннымъ бѣлымъ камнемъ. «Тенгри, отецъ мой, запрещаетъ мнѣ выходить», подумалъ Темучинъ и еще пробылъ трое сутокъ. По истеченіи девяти сутокъ онъ вышелъ, но былъ схваченъ и закованъ тайджіутами. У Сананъ-Сэцэна сходно, но убѣжище названо «geräumige Hohle» (стр. 67). Въ Юань-чао-ми-ши противникъ Темучина (Тѣбъ-тэнгэри) убитъ, заключенъ въ юрту, но на третій день воскресаетъ и возносится черезъ дымовое отверзтіе. Ср. съ разсказомъ о Тамджинъ-ханѣ (см. ниже, № 63).

4) Съ именемъ шамана Тархана, который повидимому стоитъ въ связи съ Чингисъ-ханомъ, соединена тема объ отрубленной головѣ и обезглавленномъ тѣлѣ, идущемъ вслѣдъ за увозимой головой. Въ классическомъ миѳѣ о Діонисіи подобной темы нѣтъ, но не слѣдуетъ ли ее предполагать. Парижское предмѣстье St. Denis, какъ извѣстно, основано на мѣстѣ, гдѣ происходили языческія празднества въ честь Діонисія. Католическая легенда разсказываетъ, что St. Denis шелъ съ усѣченною головой въ рукахъ.

Въ Оч., IV, 803 мы высказали догадку, что разсказъ монгольской лѣтописи объ отвозѣ

---

[1]) Въ иркутскихъ архивахъ Сельскій нашелъ извѣстіе о эгской каменной бабѣ, къ которой пріурочена монгольская легенда о Таинъ-тирхинѣ; упоминается и о (сабельномъ?) рубцѣ на лицѣ (см. Вѣстникъ И. Р. Геогр. Общ., XXIV, ст. Сельскаго: «Озеро Косоголъ», стр. 45).

[2]) Ср. съ Ергилъ-буга-ноенъ у Агапитова и Хангалова, «Матеріалы», стр. 22).

[3]) Марсъ по алтайски «левъ», «тигръ»; «рукоятка шаманскаго бубна». Вербицкій, Словарь алтайск.

[4]) Темирчи кузнецъ потюркски. Помонгольски кузнецъ дарханъ или тарханъ. Вѣроятно это имя было однимъ изъ синонимовъ миѳическаго Чингиса и къ послѣднему относились многія изъ тѣхъ легендъ, которыя связаны съ именемъ Тарханъ.

Digitized by Google

Есугаемъ своего сына Темучина къ тестю есть слѣдъ древняго когда-то существовавшаго въ Средней Азіи свадебнаго обычая. Догадка наша находитъ подтвержденіе въ источникахъ монгольской исторіи. У В. П. Васильева (Ист. и древн., стр. 203 и 204) разсказывается, что у Киданей зять послѣ свадьбы остается въ домѣ невѣсты слугой и работникомъ и только по прошествіи трехъ лѣтъ уводитъ жену въ свой домъ. Тотъ же обычай былъ и у Ухуаней (о. Іакинѳъ, Собр. свѣдѣн. о народ. Средн. Азіи, ч. I, стр. 152): женихъ въ женинômъ домѣ долженъ былъ проработать годъ или два и потомъ, одаренный тестемъ, возвращается съ женой домой.

У бурятъ также сохранилось преданіе о существованіи этого обычая (Агапитовъ и Хангаловъ, Матеріалы, стр. 58). Эсэгэ-маланъ-тэнгери хотѣлъ женить своего сына; онъ отвезъ его къ его невѣстѣ; таковъ былъ обычай. Но женихъ убѣжалъ отъ невѣсты. И сколько разъ ни отвозилъ его отецъ, сынъ все убѣгалъ. Дѣло улаживается только послѣ совѣта мудраго ежа, который въ этой бурятской легендѣ носитъ названіе Заря-азарга (заря по бурятски, цзара по-халхасски ежъ). Въ тюркскихъ сказкахъ (Radloff, Proben, I, 197; IV, 201): Джиренше-шешенъ или Джирень-шешенъ ѣдетъ искать жену для своего недалекаго умомъ сына; интересъ сказки заключается въ мудрости, которую обнаруживаетъ невѣстка, а Джирень-шешенъ только умѣетъ оцѣнить эту мудрость, и потому имя Джирень-шешенъ приличнѣе бы отнести къ невѣсткѣ. Шешенъ по-тюркски значитъ «мудрецъ»; джирень можетъ быть то же, что монгольское цзара или заря. Буряты знаютъ Юрюнь-хатунъ-иби или Шеше-хатунъ-иби (Агапитовъ и Хангаловъ, Мат., 11); это жена Буха-ноина и невѣстка Эсеге-малана. Не относятся ли эти тюркскія сказки къ этой Юрюнь-хатунъ или Шеше-хатунъ (шеше по-тюркски «мать»)? А также разсказъ объ Есугаѣ, ѣдущемъ сватать невѣсту за Темучена и оставляющемъ его въ домѣ тестя Дай-сэчэна, не есть ли разсказъ о Эсэгэ малаиѣ? Далѣе: случайна ли связь, которую можно провести между бурятскимъ сказаніемъ о Буха-ноинѣ и монгольскимъ о Чингисѣ чрезъ посредство калмыцкаго о Бо-ноинѣ (Оч., IV, 872)?

Для сопоставленія отрывка изъ сказанія о Джингиръ-бухэ и о ямѣ, вырытой имъ для Чингиса, приводимъ записанныя восточныя сказки съ подобнымъ содержаніемъ:

1) Батыра Чонунъ-бэля убиваетъ Темиръ-цохуръ; вынимаетъ изъ ямы Санхони-цэцэнъ (Оч., IV, 386).

2) Ерь-Сару вынимаетъ изъ ямы Менгу-кызъ (Оч., IV, 347).

3) Сöдей-мергена вынимаетъ изъ ямы Пулай-арыгъ (Radloff, Proben, III, 261).

Сюда же, вѣроятно, слѣдуетъ отнести и слѣдующія три сказки:

4) Демичи-ерена убиваетъ Чахыръ-саянъ; спасаетъ привезенная съ неба сестра Чахыръ-саяна (Оч., IV, 370).

5) Хангавая убиваетъ Иръ-сары; вынимаетъ изъ моря Чечинъ-кызъ (Оч., IV, 587).

6) Комдей-мергена освобождаетъ изъ ада и оживляетъ его сестра Кубай-хо (Kastren, Ethnologische Vorlesungen, 1857, S. 239—257).

Сказка о Хангаваѣ есть миѳъ объ Озирисѣ. Двѣ черты изъ нея есть и въ сказаніи о Чингисѣ: оскопленіе и опущеніе въ воду, но эти темы получили другое выраженіе.

Въ одной изъ приведенныхъ сейчасъ сказокъ сестра спасительница называется Чечинъ-кызъ. Въ сказкѣ о Сöдей-мергенѣ Еджень-ко стоитъ на мѣстѣ сестры спасительницы, а это жена, спаивающая мужа. Въ сказкѣ о Кубай-ко есть форма Yzyt-khan; это подземный царь, живущій рядомъ съ Талай-ханомъ, ниже девяти Ирльхановъ. Есть сойотскія поколѣнія, которыя ничего не знаютъ объ Ирль-ханахъ, но почитаютъ подъ именемъ Yzyt бога подземнаго міра, который насылаетъ на людей болѣзни и смерть (Kastren, Finn. Myth., 154).

У алтайцевъ ӱзӱтъ—душа умершаго (Вербицкій, Словарь, стр. 416). У Кастрена (Versuch ein. Koib. und Karag. Sprachlehre, Pet., 1857, 90): üsüt — служебные духи шамановъ; души умершихъ; злые духи. У волжскихъ калмыковъ эзёдъ, злыя существа съ козлиными, змѣиными и т. п. головами, завѣдующія отдѣленіями Эрликова ада (Нефедьевъ, Подробн. свѣдѣнія о волжск. калмыкахъ, Спб., 1834, стр. 161).

Едзетъ въ Ордосѣ называются покровители мѣстностей; это повидимому множественное отъ едзенъ, которое въ Ордосѣ въ данномъ примѣненіи употребляется только въ множественномъ; но у бурятъ духи мѣстностей называются и въ единственномъ: ижинъ. Совпаденіе двухъ понятій: о душѣ умершаго и о духѣ мѣстности объясняется шаманскими повѣрьями о томъ, что души

Digitized by Google

умершихъ шамановъ становятся ижинами тѣхъ мѣстностей, гдѣ они жили. (См. у Банзарова, Черная Вѣра, Спб., 1891, стр. 16: богиня Этугэнъ (т. е. мать земля) называется у монголовъ также дэлэхэйнъ эдзэнъ. Имя Этугэнъ (у Плано-Карпини Итога) ср. съ Идыгэ, героемъ тюркскихъ сказокъ (Radloff, Proben, IV, 35); параллели этихъ сказокъ съ темами въ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ указаны въ Очеркахъ, II, 50; IV, 857.

Тема объ утонувшей женщинѣ находится въ сказаніи о Гэльгенъ-пи (Оч., II, 162): такъ какъ это такой-же необыкновенный найденышъ, какъ и Чингисъ, то не разсказывалось ли того же и о матери Чингиса? т. е. утонувшая въ Хатунъ-голѣ жена Чингиса не была ли также и его матерью?

Изъ другихъ легендъ объ утонувшей женщинѣ приведемъ только тѣ, которыя записаны на ближайшемъ къ Монголіи западѣ. На Алгинскомъ мысѣ, гдѣ нынѣ городъ Кургавъ, жилъ ханъ; у него умерла молодая дочь и онъ насыпалъ надъ нею курганъ. Когда кладо-искатели разрыли курганъ, царевна въ серебряной каретѣ промчалась на западъ и со всѣмъ кладомъ утонула въ Чухломскомъ озерѣ (Тоб. Вѣд., 1858, № 48, стр. 694—695).

Въ сѣверной части Тобольск. губ. легенда о женщинѣ, бросившейся въ Обь, пріурочивается къ селу Бѣлогорскому, ниже Самарова.

Въ Казанской губ. записана чувашская легенда: чувашская дѣвушка не хочетъ идти замужъ за черемисина и бросается въ Волгу; на днѣ рѣки и теперь видно ея серебряное грудное украшеніе (Магнитскій, «Матер. къ объясн. стар. чувашск. вѣры», стр. 64).

На сходство тюркскаго имени Волги, Адиль или Атиль (калмыцкаго Еджюль) съ именемъ гуннскаго царя Атиллы указывалось уже давно. Ам. Тьерри думалъ, не потому ли Аттила получилъ это имя, что родина его была на берегахъ Волги. Но можетъ быть это объясняется иначе, тѣмъ, что сказаніе о женщинѣ, бросившейся въ воду, было уже на Востокѣ соединено съ именемъ Атиль и было пріурочено къ Волгѣ. Только въ этомъ случаѣ нужно предположить, что женщина называлась Атиль [1]).

Въ финнскомъ миѳѣ Вейнемейненъ хочетъ взять сестру Юкагайнена, но она предпочитаетъ браку со старымъ броситься въ рѣку и стать сестрой рыбъ (Kastren, Finn. Myth., 247). У Вейнемейнена есть еще другая сходная черта съ Чингисомъ: онъ плаваетъ по морю въ утробѣ матери. Вейнемейненъ арфистъ; Идыге (=Чингисъ?) играетъ на джатаганѣ для Тохтомыша.

Тема о крови отъ убитой дичи находится въ таранчинской сказкѣ Bosy Körgäsch: выстрѣлъ по воронѣ; кровь на снѣгу (Radloff, Proben, VI, 210).

Такъ какъ обычныя темы изъ легенды о кровосмѣшеніи: опущеніе ребенка въ воду, оскопленіе, мать, тонущая въ водѣ, неоднократно обнаруживаются въ сказаніяхъ о Чингисѣ-ханѣ, то нельзя ли возстановить преданіе о Чингисъ-ханѣ (или Тимучинѣ) въ видѣ легенды о кровосмѣсителѣ. Шидургу-тюльгунъ-ханъ [2]) это отецъ Чингисъ-хана, а Гурбельджинъ-гоа его мать. Онъ брошенъ въ воду или въ степь (ср. съ калмыцкимъ преданіемъ о Цоросѣ), найденъ, воспитанъ вдали отъ родины и сталъ царемъ; онъ идетъ войной противъ Шидургу и отнимаетъ у него жену (свою мать); отца убиваетъ, на матери женится. Но мать узнаетъ его, оскопляетъ и сама топится въ рѣкѣ. Напечатанное разрядкой содержится въ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ.

У якутовъ есть сказаніе объ Эръ-Эльяѣ или Эръ-Элляѣ, варіанты котораго записаны гг. Миддендорфомъ и Приклонскимъ. Въ варіантѣ послѣдняго Эрт-Элляй сватается за дочь Онохой-бая

---

[1]) Въ низовьяхъ Волги жила легенда о 500 христіанскихъ дѣвахъ, которыхъ везли къ хагану (хазарскому) и которыя по своей волѣ утопились въ Ателѣ (Труды Вост. Отд. И Археол. Общ., ч. XIV, Спб., 1869, ст. Патканьяна: «Хронограф. исторія Мехитара Айриванскаго», стр. 397.

[2]) Бурятскія сказанія смѣшиваютъ его съ Шидыръ-ваномъ (см. Записки Вост. сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 113).

Digitized by Google

(у Миддендорфа у Огонома), но Онохой отказываетъ; онъ говоритъ: «Не могу отдать дочь за пришельца!» Ср. разсказъ о тукюескомъ Или-ханѣ, который неудачно сватается за дочь жуань-жуанскаго хана Ана-хуаня. Ана-хуань обижается предложеніемъ Или-хана и отвѣчаетъ ему: «Ты мой желѣзоплавильщикъ (тӧмӧрши?)! Какъ же осмѣлился сдѣлать такое предложеніе?» (О. Іакинѳъ, Собран. свѣд. о нар. Средн Азіи, ч. I, отд. 2, стр. 266). Такое же неудачное сватовство разсказывается и о Чингисѣ; Ванъ-ханъ отказывается отдать за него дочь. У Марко-поло (Le livre de Marco Polo par M. G. Pauthier, Paris, 1865, partie I, p. 176) отказъ мотивированъ тѣмъ, что Чингисъ рабъ Ванъ-хана. Послѣдствіемъ отказа война, въ которой Ванъ-ханъ погибаетъ подобно тому, какъ Ана-хуань погибаетъ въ войнѣ съ Или-ханомъ. Въ якутской сказкѣ есть тема приколачиванія гвоздями шубы или подстилки Онохоя къ землѣ (Приклонскій въ Извѣст. Вочт. сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XVIII, (1887), стр. 6 и 11; Middendorff's Reise, B. IV, S. 1542; русск. изд., ч. II, отд. IV, в. 7, стр. 763; Приклонскій въ «Живой Старинѣ»); ср. сходную тему въ барабинской сказкѣ о Идыге и Тохтамышѣ (Radloff, Proben, IV, 40) Сл. съ обрядомъ очищенія жилища отъ осквернения уриной (Очерки, II, 97).

в. ЧИНГИСЪ-ХАНЪ И НАРЭНЪ-ХАНЪ

(Бурятскій).

Чингисъ-ханъ просваталъ свою дочь за сына Нарэнъ-хана (Солнечнаго царя); нужно было везти дочь въ домъ жениха. И теперь у бурятъ соблюдается обычай до окончанія брачнаго обряда не показывать невѣсту ни жениху, ни его отцу. Этотъ обычай существовалъ и тогда. Чтобы не дать Царю-Солнцу увидѣть отвозимую дѣвицу, Чингисъ-ханъ приказалъ вырыть ровъ отъ своей ставки до жилища Царя-Солнца (Нарэнъ-хана) и невѣсту провезли по дну этого рва. Ровъ этотъ и теперь виденъ на югѣ Забайкалья.

Жигжидъ Галсановъ, бурятъ (Шолоту въ Верхнеудинск. округѣ).

У г. Логиновскаго (Записки Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 130) Чингисъ-ханъ высваталъ за себя дочь Солнечнаго царя. Эпизодъ о стрѣлкѣ въ варіантѣ г. Логиновскаго напоминаетъ книжный разсказъ Хасарѣ, вставленный у Сананъ-Сэцэна и въ Алтанъ-Тобчи въ исторію войны Чингисъ-хана съ Шидургу-ханомъ; но въ этомъ случаѣ Чингисъ-ханъ хочетъ отнять чужую жену; сватовство же разсказывается въ другомъ мѣстѣ, именно при описаніи похода Чингиса противъ народа Солонгосъ. Не окажутся ли при дальнѣйшемъ собираніи бурятскихъ сказаній тежественными Солонгосъ и Солнечный царь (Нарэнъ-ханъ)? Чингисъ, женившись на дочери Солонгосскаго царя, зажился на чужбинѣ и забылъ свою прежнюю жену, въ родѣ того, какъ Еруслань зажился въ Солнечномъ царствѣ.

57. ДОЧЬ ЧИНГИСЪ-ХАНА.

(Халхасскій).

Чингисъ-ханъ за какую-то вину прогналъ свою дочь, давши ей людей, множество всякаго скота, золотой кокуръ (посудина) съ чигеномъ (кумысомъ) и ведро изъ дерева зандынъ (сандалъ) съ айрикомъ (кислымъ молокомъ). Дочь ушла въ

Digitized by Google

западную сторону; отъ нея и ея слугъ произошелъ народъ Хасыкъ, у котораго поэтому множество скота и обиліе молока и чигена.

Джамсэрэнъ, лама, старикъ, халхасецъ изъ хошуна Талай-чокуръ-вана на р. Едерѣ.

О дочери Чингисъ-хана см. Очерки, IV, 324 и 325. Киргизская сказка о Шингысѣ у В. В. Радлова (Proben, III, 82) также дочь Чингисъ-хана Акъ-бибе обращаетъ въ русскую царицу. Другія преданія говорятъ о сынѣ Чингисъ-хана, удалившемся или изгнанномъ на западъ за то, что раздѣлилъ ложе съ матерью (ср. Очерки, IV, 232: Цаганъ-ханъ сынъ Чингиса). Пріуроченіе этой легенды къ русскому народу можетъ быть произошло оттого, что сынъ легендарнаго Чингисъ-хана назывался Орусъ, именемъ, которое, кажется, жило въ ордѣ до русскихъ завоеваній въ Азіи[1]). Убѣгающая въ Русъ дочь Чингисъ-хана напоминаетъ стрѣлка Шуно, который, недовольный отцомъ, также уходитъ въ Русь; имя этого стрѣлка тожественно со вторымъ членомъ парнаго Бурте-чоно; шуно, чоно, «волкъ». Первый членъ Бурте есть имя жены Чингисъ-хана.

Въ Очеркахъ, IV, 856 мы сближали Чингиса съ Идыге, а также, вслѣдъ за г. Березинымъ, съ Чингіемъ сибирскихъ лѣтописей, а русскаго богатыря Анисима (Орусъ-Онисимъ?) съ Онъ-сомомъ сибирскихъ лѣтописей, въ которомъ г. Березинъ видитъ Вана киреитскаго. Идыге найденъ брошеннымъ въ степи младенцемъ. Не былъ ли онъ сынъ жены Онисима, который былъ выброшенъ въ степь, найденъ, воспитался при Тохтомышѣ и убиваетъ своего отца (Онисима-Оруса)? Тема ослѣпленія сказалась, можетъ быть, въ разсказѣ о томъ, что сынъ жены Онисима выбиваетъ Идыге глазъ.

---

58. БАЛЬДЖИНЪ-ХАТУНЪ.

(Бурятскій).

Барга-баторъ отдалъ свою дочь Бальджинъ замужъ за Дай-тайджи, сына монгольскаго князя Бубэй-бэйлэ и въ приданое за ней отдалъ Хоринцевъ (т. е. хоринскіе роды бурятъ). Бубэй-бэйлэ былъ женатъ на второй женѣ, которая имѣла связь съ своимъ пасынкомъ Дай-тайджи. Когда Дай-тайджи женился на Бальджинъ-хатунѣ, онъ оставилъ мачиху. Мачиха за это стала преслѣдовать невѣстку и стараться какъ-нибудь её выжить; Бальджинъ-хатунъ рѣшилась бѣжать изъ Монголіи и уговорила слѣдовать за собой своего мужа. Посланной за ними погонѣ удалось захватить и отвезти назадъ одного только Дай-тайджи, а Бальджинъ-хатунъ ушла въ Забайкалье, гдѣ нынѣ озеро Бальджина-нуръ. Мачиха настояла, чтобъ Бубэй-бэйлэ послалъ за ней новыхъ пословъ; этимъ посламъ было приказано, чтобъ они непремѣнно ее привезли или чтобъ убили её, а если они вернутся не исполнивъ этого приказанія, имъ угрожали казнью. Бальджинъ-хатунъ спряталась въ озеро и не выходила оттуда; пришедшіе люди Бубэй-бэйлэ не смѣли войдти въ озеро и, боясь вернуться домой, не исполнивъ приказанія, стали просить хатуну, чтобы она вышла изъ воды и позволила имъ убить себя, а если она ихъ не по-

---

[1]) У киргизъ есть поколѣніе Орусъ. См. также у Рашидъ-эддина: имя Орусъ-иналъ (I, стр. 130).

Digitized by Google

жалѣетъ, то имъ грозитъ смерть отъ Бубэй-бэйлэ. Бальджинъ-хатунъ пожалѣла ихъ и вышла изъ воды, но какъ и чѣмъ они ни старались убить ее, не могли. Тогда она приподняла одну свою грудь, показала на тѣлѣ черное пятно и велѣла проколоть въ него. Такимъ только родомъ она была убита. Послы вернулись къ Бубэй-бэйлэ, а трупъ убитой оставили лежащимъ на берегу озера. Изъ грудей ея потекло молоко и стало вливаться въ озеро; прежде въ озерѣ вода была черная; послѣ этого она сдѣлалась молочно-бѣлою. Умирая, Бальджинъ завѣщала хоринцамъ всегда кочевать въ этихъ мѣстахъ, между Селенгой и Байкаломъ и не переходить за Селенгу. Бубэй-бэйлэ приказалъ разрубить тѣло хатуны на части и голову положить на мѣстѣ, похожемъ на голову, ноги на мѣстѣ, похожемъ на ноги, а сѣдло ея на мѣстѣ, похожемъ на сѣдло. И теперь, говорятъ, есть мѣстности, которыя называются: «Голова», «Ноги», «Сѣдло».

Жигжидъ Галсановъ.

59. АМУРСАНА[1]).

(Торгоутскій).

Амурсана бросилъ свою соболиную шубу и ургà (укрюкъ для ловли лошадей) въ рѣку Ерцисъ; вотъ отчего у народа Хасыкъ[2]) большое богатство вообще и обиліе (отъ укрюка) въ скотѣ.

Показаніе торгоута, родомъ изъ урочища Кобокъ-сайри, встрѣтившагося съ нами на р. Едзинъ-голѣ.

60. БАТЫРЬ-ЧОНУНЪ-БЭЙЛИ.

Въ Богдо-хурэ[3]) хранится сѣдло Батыра-Чонунъ-бэйли.

Халхасецъ хошуна Талай-Чокуръ-вана на Едерѣ.

61. НОЙОНЪ-ХОНГОРЪ.

Олетскіе князья происходятъ отъ Гуши-хана, а Гуши-ханъ не отъ Чингиса а отъ Нойонъ-Хонгора.

Олетъ хошуна Чинъ-хай-вана.

[1]) Амурсана послѣдній чжунгарскій ханъ, умершій въ Россіи.

[2]) Киргизы (или киргизъ-казаки).

[3]) Т. е. въ Ургѣ.

Digitized by Google

62. ОГУТУРЪ-УЛАНЪ-ВАНЪ.

Огутуръ-уланъ-ванъ жилъ въ хошунѣ Отокъ. Когда онъ заболѣлъ ногами, онъ велѣлъ одной беременной женщинѣ разрѣзать животъ и положилъ въ него свои ноги. Онъ былъ злой и глоталъ иголки.

Пунсукъ, ордосецъ хошуна Ушинъ.

---

63. а. ТАМДЖИНЪ-ХАНЪ.

Прежде у монголовъ не было ни хановъ, ни нойоновъ. Въ то время жилъ тангутскій ханъ; у него было два сына. Одинъ изъ тушемилей (вельможъ) убилъ хана и старшаго мальчика увезъ на Хухуноръ и здѣсь заставилъ пасти овецъ. Монголы нашли мальчика, пасущаго овецъ и читающаго книгу; они удивляются и спрашиваютъ его: почему это онъ такой хорошій мальчикъ и пасетъ овецъ? кто онъ? Мальчикъ отвѣчаетъ, что онъ сынъ тангутскаго царя. «Какъ же ты, будучи царскимъ сыномъ, пасешь теперь овецъ?» «Моего отца, говоритъ мальчикъ, убилъ одинъ вельможа и меня заставилъ пасти овецъ». Монголы говорятъ ему: «У насъ нѣтъ хана; иди къ намъ въ ханы»! Мальчикъ, котораго имя было Тамджинъ, согласился. У него не было печати; птица мори-больджумуръ сѣла на четвероугольный бѣлый камень, на которомъ прежде любилъ сидѣть пастухъ Тамджинъ; на этомъ камнѣ явились буквы; этотъ камень и сталъ печатью Тамджина. Впослѣдствіи, когда Тамджинъ былъ ханомъ, онъ за что-то убилъ своего младшаго брата. Царя казнить нельзя; Тамджинъ велѣлъ посадить себя въ юрту, запереть ее, на руки и на ноги надѣть желѣза и три года просидѣлъ въ этой юртѣ. По прошествіи этого времени онъ вышелъ изъ юрты, собралъ со всего народа воровъ и съ ними отправился воевать западныя страны. У него былъ сынъ Чингисъ-богдо.

Сантанъ-джимба.

---

63. б. ТАМЧЖИНЪ-ХАНЪ.

Тамчжинъ-ханъ былъ сынъ тангутскаго принца, который бѣжалъ съ родины и жилъ въ пастухахъ. Монголы нашли этого пастуха, сдѣлали его своимъ ханомъ, и потомъ сказали: «Нужно женить его на сильной женщинѣ. А какъ узнать, которая женщина сильная? Нужно примѣчать, какая женщина, когда мочится, пробиваетъ въ землѣ яму». У пастуха, сдѣланнаго ханомъ, родилось два сына: Тамчжинъ-ханъ и его братъ. У Тамчжинъ-хана родился сынъ Чингисъ-ханъ, который пошелъ войной на тангутскаго хана, чтобъ отмстить за смерть своего прадѣда и взялъ въ плѣнъ его жену.

Сантанъ-джимба.

Digitized by Google

Сантанъ-джимба увѣрялъ, что это сказаніе находится въ какой-то монгольской исторіи, что онъ слышалъ ее отъ европейскаго миссіонера, въ рукахъ котораго эта книга была. Можетъ быть Сантанъ-джимба перепуталъ и какую-нибудь апокрифическую христіанскую легенду, которую онъ услышалъ отъ католическаго священника, онъ перенесъ на родную почву. Впрочемъ есть основаніе допустить существованіе подобнаго преданія и въ Монголіи. Сидѣнье въ замкнутой темной юртѣ записано нами о Ѣойонъ-хутухтѣ (Оч., II, 169).

У Сананъ-Сэцэна (Gesch. d. Ost. Mong., 249): Далай-лама пробылъ три мѣсяца затворникомъ на р. Мангрукъ въ Ордосѣ и затѣмъ явился людямъ въ образѣ Chajanggiriwa (Хаягрива, т. е. Тамдинъ; см. выше стр. 242). Въ Гумбумѣ отъ монгольскихъ ламъ мною записано: Чоджи-джабу или Тамчанъ-джабу былъ ученикъ (шаби) Цзонкавы; изображается двурогимъ. Тамчанъ-джабу или Тамджанъ-чуджа съ быкомъ подъ ногами. Ява-ясыръ-рхсынъ и Тамчжинъ-чуджа два шаби Цзонкавы.

Отъ Ирд. В. Вамбоцэрэнова я записалъ слѣдующее: Дамжинъ или Дамдинъ изображается, вмѣсто человѣческой головы, съ двумя лошадиными головами зеленаго цвѣта, обращенными направо и налѣво. Въ Тибетѣ при монастыряхъ встрѣчаются особые ламы, называемые чойжинами; это нѣчто въ родѣ перерожденцевъ; не всякій можетъ быть способенъ къ этому состоянію; когда чойжинъ умретъ, на мѣсто его отыскиваютъ другого въ родѣ того, какъ открываютъ новое воплощеніе гэгэна. Чойжинъ имѣетъ способность отъ чтенія молитвъ, которое производится собраніемъ ламъ, приходить въ особое состояніе; тѣло и руки ихъ трясутся; говорятъ, что въ чойжина въ это время входитъ одинъ изъ пяти боговъ, которые по-монгольски называются Табынъ-ханъ, «пять царей». Отъ чойжина исходитъ также пламя, какъ и отъ этихъ боговъ, какъ это видно на ихъ изображеніяхъ; желѣзная кумирня накаляется и другія подобныя чудеса совершаются. Табынъ-ханы причисляются къ докшитамъ, но имѣютъ ли отношеніе къ Дамжину, г. Вамбоцэ-рэновъ не знаетъ. Среди бурятъ чойжиновъ нѣтъ.

64. ТАИНЪ-ТЕРЬХЕ И АРАХИ-БУРХАНЪ.

Таинъ-терьхе и Арахи-бурханъ явились передъ Хурмусту и сдѣлали клятву (тонгуракъ): отрубить другъ у друга нижнюю часть тѣла (боксё). Таинъ-терьхе отрубилъ нижнюю часть у Арахи, почему онъ теперь и безъ нижней части (могой-боксётай, «съ змѣиной задней частью тѣла»), а когда Арахи взялъ саблю и хотѣлъ отрубить нижнюю часть тѣла у Таинъ-терьхе, Таинъ-терьхе обратился въ камень.

Разсказъ старика халхасца Лубсына,
шабинца вѣдомства Заинъ-гегена.

Легенда о шаманѣ Таинъ-терьхе (Таинъ-Тирхинъ) помѣщена въ моихъ Очеркахъ, II, 157; см. также Очерки, IV, 293, 841. Сабельный ударъ шаману нанесъ Чингисъ-ханъ. Въ Иркутскѣ были найдены архивныя свѣдѣнія о каменной бабѣ, въ которую обратился шаманъ; см. выше на стр. 276 указаніе на статью Сельскаго «Оз. Косоголъ» въ Вѣстн. Геогр. Общ., XXIV, стр. 45; упоминается рубецъ (отъ сабли). Темы о состязаніи и окаменѣніи и также, какъ въ преданіи о Таинъ-Тирхинѣ, въ связи съ темой объ увозѣ женщины, пріурочены къ скалѣ, которая бурятами принимается за окаменѣвшаго Буха-ноина (литература о Буха-ноинѣ указана выше на стр. 255).

Digitized by Google

65. ЦОКТАЙ-ХАНЪ.

Цоктай-ханъ (икэ балдагтай) поклонился Далай-ламѣ; Далай-лама подарилъ ему шапку; Цоктай-ханъ сѣлъ на нее. Послѣ этого у него сдѣлался запоръ (боксёнъ битечжи); что ни ѣстъ, ни пьетъ, все остается въ желудкѣ, вонъ не выходитъ. Цоктай-ханъ сталъ хворать. Ему прислуживала одна женщина, у которой былъ трехлѣтній ребенокъ. Однажды она варила для хана чай. Когда она мѣшала чай, держа за пазухой шубы трехлѣтняго своего ребенка, ханъ крикнулъ: «Скорѣе давай чаю»! Женщина заторопилась и, сунувшись къ котлу почерпнуть чай, уронила ребенка въ кипятокъ. Ребенокъ сварился и умеръ. Женщина подала чай хану. Выпивъ его, ханъ почувствовалъ улучшеніе въ своемъ здоровьѣ и спросилъ женщину, что она прибавила къ чаю. Женщина сказала, что ничего не прибавила, но потомъ созналась, что уронила въ чай нечаянно своего ребенка и онъ въ чаю сварился. Тогда ханъ приказалъ брать трехлѣтнихъ дѣтей у матерей и варить ихъ въ чаю, разсчитывая отъ этого питья выздоровѣть. Гегенъ-ханъ, услышавъ о такомъ звѣрствѣ, послалъ противъ Цоктай-хана Батыръ-мууса; когда Батыръ-муусъ пришелъ къ Цоктай-хану, ханъ сталъ просить не убивать его, а доставить живымъ къ Гегенъ-хану, обѣщаясь научить: землю застегивать, солнце и луну ловить (ургалаху), въ безводной пустынѣ находить воду, въ день достигать до Менгу-цзу, но Батыръ-муусъ отъ всего отказался. Тогда Цоктай-ханъ обѣщалъ научить добывать огонь. Батыръ-муусъ пожелалъ узнать это искусство и Цоктай-ханъ высѣкъ огонь изъ камня. Но не смотря на то, Батыръ-муусъ все-таки убилъ Цоктай-хана, отрубилъ ему голову и привезъ ее къ Гегенъ-хану. Гегенъ-ханъ сказалъ Батыръ-муусу: «Напрасно ты убилъ Цоктай-хана; нужно было бы его доставить живымъ. Онъ зналъ много средствъ, которыя мы могли бы узнать отъ него». Послѣ того Гегенъ-ханъ велѣлъ положить голову Цоктай-хана на престолъ и зажечь передъ нею дзула [1]). Голова три раза покачнулась. Вотъ только со временъ Цоктай-хана люди научились высѣкать огонь изъ камня.

Записано отъ хухунорской олётки
хошуна чинъ-хай-вана.

Сходная болѣзнь въ Очерк., IV, 279, у Сенге-хана.

Разсказъ о ханѣ, для излѣченія котораго требовалась смерть живыхъ существъ, ср. съ разсказомъ объ Алтанъ-хаганѣ, лѣчившемся вкладываніемъ больныхъ ногъ въ разрѣзанный животъ свѣжеубитой лошади у Сананъ-Сэцэна (Schmidt, Gesch d. Ost—Mong., стр. 229). Повидимому этотъ же самый разсказъ вошелъ въ одинъ армянскій памятникъ XIII вѣка (Паткановъ, «Исторія монголовъ инока Магакіи», Спб., 1871, стр. 24); на монгольское происхожденіе указываетъ пріуроченіе разсказа къ монгольскому нашествію. Монгольскій принцъ Хули, называвшій себя «подобіемъ и братомъ божіимъ» заболѣлъ болѣзнью печени; врачъ жидъ посовѣтывалъ ему разрѣзать животъ русаго мальчика и класть ноги въ его животъ. Рядомъ разсказанъ эпизодъ о нападеніи отряда принца Хули на монастырь Геретинъ; начальникъ отряда былъ принятъ настоятелемъ

[1]) Дзула—курительная свѣча.

Digitized by Google

монастыря старцемъ Стефаномъ съ честью и угощеніемъ, но на другой день заболѣлъ. Болѣзнь приписали отравленію и старецъ былъ сожженъ, но и монголъ умеръ въ страданіяхъ. Не занесена ли въ Арменію легенда о нападеніи олетскаго хана Галдана на монастырь Эртене (см. въ «Живой Старинѣ», 1891 г., кн. III стр. 238)? Не было ли такихъ варіантовъ этой легенды, въ которыхъ была введена тема о болѣзни хана? Разсказъ о болѣзни Чингисъ-хана, послѣдовавшей послѣ ограбленія Пекина и о исцѣленіи его однимъ плѣннымъ см. въ Зап. Вост. сиб. Отд. И. Р. Геор. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 131.

Разсказъ объ отсѣченной головѣ: въ «Сказаніяхъ бурятъ» (Зап. Вост. сиб. Отд. И. Р. Геор. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 27 и 134) богатырь Баторъ-Сокто-мэргонъ убиваетъ бабу Мойсъ-харá, отрубленную ея голову привозитъ Гэсэру. Мойсъ, муусъ, вѣроятно, то же, что на языкѣ южносибирскихъ тюрковъ моосъ=монгольск. мангысъ, сказочный «змѣй»; обыкновенная змѣя по-монгольски могай. Въ преданіяхъ орды южной Россіи жилъ разсказъ о борьбѣ хана Тохту съ Ногаемъ. Ногай былъ старъ и вѣки его опустились на глаза (что дѣлаетъ его похожимъ на Гэсэра; см. выше, стр. 37 и 114; ср. также съ старикомъ Ами-Кургэль въ хорской войнѣ, стр. 16) Какой-то «русскій» убилъ Ногая и голову привезъ хану Тухтѣ; ханъ велитъ казнить «русскаго» за то, что онъ поднялъ руку на ханскую голову (Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, Спб., 1884, т. I, стр. 113) [1]). Въ книжномъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ однимъ изъ враговъ его былъ ханъ меркитскій Тухта-бики или Тохтоа (Рашидъ-эддинъ, II. 9; Юань-чао-ми-ши, 110); онъ находитъ смерть въ битвахъ съ Чингисомъ; сыновья Тухты не могли увезти тѣло отца съ поля битвы, отрубили ему голову и увезли. Ср. съ буряткимъ сказаніемъ о томъ, какъ поколѣніе Хангинъ (Ханъянъ) во время бѣгства своего изъ Монголіи, не будучи въ состояніи увезти съ собой своего престарѣлаго отца Бурте, отрубили ему голову и привезли ее на новую родину; эта голова стала ихъ племеннымъ онгономъ (Зап. Вост. сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 125). Другому врагу Чингисъ-хана, Вану, хану киреитскому, также была отрублена голова; убійцы принесли ее къ Таяну, хану найманскому; Таянъ выговорилъ убійцамъ: «такого великаго старика-государя зачѣмъ убили вы? Слѣдовало привести живымъ» (Рашидъ-эддинъ, II, 146), положилъ голову на престолъ и отдалъ ей почести; голова улыбнулась. Рашидъ-эддинъ говоритъ, что Таянъ-ханъ велѣлъ оправить голову Ванъ-хана въ серебро.

Имя Тохта не одинъ только этотъ разъ (въ разсказѣ о меркитскомъ ханѣ) встрѣчается рядомъ съ Чингисъ-ханомъ. Киргизское преданіе о Шингисѣ (Радловъ, Prob., III, 86) упоминаетъ о Тохтугулѣ; это одинъ изъ братьевъ, выловившихъ въ морѣ ящикъ съ беременной матерью Шингыса. Эти случаи говорятъ за то, что появленіе въ барабинской сказкѣ (Radloff, Proben, IV, 35) имени Тохтомышъ служитъ поддержкой сдѣланнаго нами предположенія (Оч., IV, 856) о единствѣ источника сказаній о Чингисѣ и Идыге. На мусульманской лѣтописи объ историческихъ Тохтомышѣ и Идыге (Тизенгаузенъ, Сборн. матеріаловъ, относящихся къ ист. Золотой Орды, Спб., 1884, т. I, стр. 457) видно вліяніе народнаго сказанія, записаннаго В. В. Радловымъ. Въ киргизской сказкѣ, записанной нами около Семипалатинска (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., I, 526), также рядомъ стоятъ Итыгиль и Тохтомышъ; Итыгиль долженъ для шайтана добывать дочь Тохтомыша.

Имя Цоктай ср. съ Тогусъ-Чокту, именемъ похитителя золотого прикола у Чингисъ-хана; см. ч. I, стр. 123. А также съ формами чикту, чикиту въ сложномъ Ельджигенъ-чикту-ханъ, которому также приписывается истребленіе людей.

Въ якутскомъ преданіи убитъ Тыгынъ; голова его отнесена къ русскому царю; царь пожалѣлъ, что богатыря убили (Зап. Вост. сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 3, стр. 53).

Обѣщанія Цоктая передать свое вѣщее знаніе ср. съ разсказомъ Алтанъ-тобчи о Шидургу, который обѣщается доставить Чингису звѣзды Цолмонъ и Мечитъ и научить добывать огонь (Алт. Тобчи, 143; Очерки, IV, 229).

---

[1]) По Пахимеру, Ногая схватили и бросили въ тюрьму, гдѣ онъ былъ удавленъ палачами жидами (Журн. Мин. Нар. Пр., 1878, дек., стр. 233).

Digitized by Google

66. ЛИ-ЧЖИНЪ-ВАНЪ.

(Широгнольскій).

Въ Чанъ-ани [1]) былъ царь Танъ-ванъ [2]); у него былъ былъ дядя съ отцовской стороны (по монгол. абагай-эчигэ) Ли-чжинъ-ванъ [3]). Однажды у Танъ-вана было собраніе вельможъ, на которомъ Ли-чжинъ-ванъ напился пьянъ, перебилъ посуду, переколотилъ гостей. Танъ-ванъ осердился. «Ты, говоритъ, заставилъ краснѣть мое лицо; въ моемъ присутствіи выказалъ свое неумѣніе соблюдать приличіе, велъ себя вовсе не такъ, какъ слѣдуетъ вану и дядѣ императора»! И сослалъ его въ монгольскую землю. Здѣсь Ли-чжинъ-ванъ женился на дочери монгольскаго хана и имѣлъ двѣнадцать сыновей и трехъ дочерей. Противъ Танъ-вана пошелъ войной какой-то враждебный царь; силы у Танъ-вана побороть мятежника не хватило и онъ началъ упрекать себя, что онъ сослалъ Ли-чжинъ-вана. Танъ-ванъ послалъ къ дядѣ посла звать его. Когда посолъ явился къ Ли-чжинъ-вану и сказалъ ему, что Танъ-ванъ коритъ себя за ссылку дяди и проситъ простить вину и придти на помощь, Ли-чжинъ-ванъ отказался идти въ Чанъ-ань. Онъ сказалъ послу, что сердце его все еще не успокоилось и онъ продолжаетъ сердиться на племянника. Царскую рѣчь услышала царица и спрашиваетъ мужа: «О чемъ идетъ рѣчь»? Царь сказалъ: «Женщина, молчи! это не женское дѣло». Царица возразила царю, что она не простая женщина, что она царица и царская дочь. Тогда Ли-чжинъ-ванъ сказалъ ей, что племянникъ проситъ защиты отъ мятежника, что онъ отказался подать ему помощь, помня его немилосердіе. Жена стала уговаривать его пойдти на помощь и сказала: «Если ты не пойдешь, я, женщина, пойду»! Тогда Ли-чжинъ-ванъ пошелъ въ Чанъ-ань, но не успѣлъ дойти до нея, какъ Танъ-ванъ съ своимъ войскомъ оставилъ столицу и ушелъ въ городъ Нянь-бо. Такимъ образомъ они разошлись. Танъ-ванъ потерялъ царство; на его мѣсто сѣлъ другой. Вотъ откуда городъ Нянь-бо получилъ свое имя; нянь значитъ «пустой», бо «задній»; т. е. царь пришелъ безъ царства.

Три дочери Ли-чжинъ-вана не любили сидѣть дома, были вольницы. Онѣ пошли въ поле съ корзинами (кайларъ) на рукахъ собирать дикія съѣдобныя травы. Въ полѣ была могила, на которой стоялъ изваянный изъ камня человѣкъ (ташихунь); дѣвицы стали играть съ изваяніемъ, бросая зелень на его голову и приговаривая: «Ты будь моимъ мужемъ, а я буду твоей женой». Корзина одной дѣвицы вырвалась изъ ея рукъ и надѣлась на голову каменнаго человѣка. Ночью во снѣ этой дѣвицѣ приснилось, будто этотъ каменный человѣкъ пришелъ на постель къ ней и переночевалъ съ ней. На завтра она зачала и стала беременною. Когда е

[1]) Чань-ань древнее имя нынѣшняго города Си-ань-фу.

[2]) Т. е. царь династіи Танъ.

[3]) Ванъ «царь»; чжинъ можетъ быть чжинь, «золото».

Digitized by Google

беременность стала замѣтною, Ли-чжинъ-ванъ осердился на нее. Думаетъ: «Друга у нея не было, замужъ не выдана, а забеременѣла»! и велѣлъ ее убить. Мать, жалѣючи, дала ей узелокъ съ пищей, посохъ и велѣла идти въ гору Ирагу [1]), которая тогда была покрыта густымъ лѣсомъ, и тамъ родить въ пещерѣ вдали отъ человѣческихъ глазъ. Дѣвушка поселилась въ горѣ Ирагу и родила мальчика, которому дала имя Ли-сунъ-сяо. Тигръ и волкъ, охотясь въ сосѣднихъ стадахъ, добывали баранье мясо, приносили въ пещеру и кормили мать и ребенка. Когда мальчикъ достигъ двѣнадцатилѣтняго возраста, онъ нанялся къ богатому человѣку пасти скотъ, и небольшія деньги, которыя получалъ отъ него въ плату, отдавалъ матери, которая тѣмъ и кормилась. Однажды Ли-чжинъ-ванъ выѣхалъ на охоту и увидѣлъ мальчика Ли-сунъ-сяо на другомъ берегу рѣки Дайтонгъ-гола, пасущаго овецъ. Въ стадо прибѣжалъ тигръ и задавилъ одного ягненка. Ли-сунъ-сяо схватилъ тигра за шею, прижалъ къ землѣ и убилъ. Ли-чжинъ-ванъ закричалъ ему: «Зачѣмъ ты убилъ тигра? Это былъ мой тигръ, мною вскормленный! Подай его мнѣ»! Ли-сунъ-сяо взялъ тѣло тигра и перебросилъ его на другой берегъ. Ли-чжинъ-ванъ подумалъ: «Какой сильный мальчикъ»! и спросилъ у окружавшихъ его вельможъ, чей онъ сынъ. Тѣ сказали ему, что это его внукъ, по имени Ли-сунъ-сяо, родившійся въ пещерѣ горы Ирагу отъ изгнанной имъ дочери. Тогда Ли-чжинъ-ванъ взялъ мальчика и увезъ съ собой. Его мать осталась безъ кормильца. Думаетъ: «Какъ буду теперь жить! пищу добывать не кому! А если Ли-чжинъ-ванъ узнаетъ, что я жива, пришлетъ людей убить меня»! Она пошла къ каменной статуѣ и, дѣлая поклонъ ей, такъ ударилась о камень, что убилась. Ли-сунъ-сяо вырылъ яму, положилъ въ нее статую и тѣло своей матери и похоронилъ.

Нѣсколько дней Ли-сунъ-сяо не приходилъ къ Ли-чжинъ-вану. Ли-чжинъ-ванъ послалъ за нимъ человѣка; тотъ увидѣлъ, что Ли-сунъ-сяо ходитъ взадъ и впередъ по рѣкѣ, заложивъ руки, а изъ воды раздается такой гулъ, будто большая толпа разомъ кричитъ; посланный человѣкъ испугался и бѣжалъ; пришелъ къ Ли-чжинъ-вану и разсказалъ, что видѣлъ. Ли-чжинъ-ванъ самъ пришелъ къ рѣкѣ посмотрѣть; видитъ, Ли-сунъ-сяо ходитъ вдоль рѣки взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину, а изъ воды слышенъ гулъ. Ли-чжинъ-ванъ крикнулъ; Ли-сунъ-сяо отозвался: «Что тебѣ нужно»! Ли-чжинъ-ванъ говоритъ: «Отчего ты ко мнѣ не приходишь»? Ли-сунъ-сяо отвѣчаетъ: «Теперь не время; дней черезъ семь приду». «Почему же теперь нельзя? Что ты дѣлаешь»? «Я дѣлаю каменныхъ людей и каменныхъ лошадей». «Могу ли я ихъ увидѣть»? «Можешь»! отвѣчалъ ему Ли-сунъ-сяо. Онъ привелъ Ли-чжинъ-вана въ пещеру, гдѣ тотъ дѣйствительно увидѣлъ пять каменныхъ людей и пять такихъ же лошадей; они уже немного двигали членами, но ѣздить на лошадяхъ еще было нельзя. «Черезъ семь дней лошади будутъ совсѣмъ, какъ живыя», сказалъ Ли-сунъ-сяо, «и тогда я къ тебѣ приду»! Ли-чжинъ-ванъ подумалъ: «Этотъ мальчикъ хитрый и опасный»! И задумалъ убить его. Онъ послалъ своихъ двѣнадцать сыновей схватить Ли-сунъ-сяо и разорвать на части, привязавъ къ

[1]) Гора Ирагу на стрѣлкѣ между рѣками Дай-тонгъ-голъ и Си-нинъ-голъ.

Digitized by Google

хвостамъ лошадей. Сыновья Ли-чжинъ-вана поймали Ли-сунъ-сяо, привязали къ его рукамъ, ногамъ и къ шеѣ по веревкѣ, концы этихъ веревокъ привязали къ хвостамъ пяти лошадей и стали гнать лошадей. Тогда Ли-сунъ-сяо прижалъ руки и ноги къ своему туловищу и лошади не могли двинуться. Ли-чжинъ-ванъ велѣлъ нагрузить пять телегъ камнями, велѣлъ привязать Ли-сунъ-сяо къ телегамъ и опять попробовать разорвать его. И тогда не могли разорвать его; Ли-сунъ-сяо притянулъ телеги къ себѣ. Послѣ этого раздался на небѣ громъ и Ли-сунъ-сяо поднялся на небо.

Спустя нѣкоторое время на Ли-чжинъ-вана напалъ мятежникъ Ванъ-янь-чжанъ. Силы у Ли-чжинъ-вана отразить мятежника не хватило. Онъ сказалъ: «Какъ жаль, что Ли-сунъ-сяо теперь нѣтъ здѣсь и что онъ вознесся на небо»! Въ это время Ли-сунъ-сяо показался на небѣ и сказалъ: «Я здѣсь»! И въ это время головы у воиновъ Ванъ-янь-чжана сами стали отваливаться и падать на землю.

Старикъ Чай-й, широнголъ
изъ дер. Чи-чжа.

У Ли-чжинъ-вана былъ сынъ, который ничего не дѣлалъ. Ли-чжинъ-ванъ прогналъ его изъ дома съ цѣлью, чтобъ онъ пошелъ учиться какому-нибудь полезному дѣлу. Ли-сунъ-сяо пошелъ на рѣку, которая течетъ у деревни Шянъ-танъ и тамъ началъ дѣлать изъ глины людей и лошадей. На Ли-чжинъ-вана пришелъ войной какой-то Ванъ-янь-чжанъ; Ли-чжинъ-ванъ не имѣлъ достаточно силъ встрѣтить его. Онъ сказалъ: «Какъ жаль, что я прогналъ Ли-сунъ-сяо». Въ это время душа Ли-сунъ-сяо явилась въ поле; за нею глиняные всадники, которые вступили тотчасъ въ сраженіе и войско Ванъ-янь-чжана было перебито.

Старикъ Янь-яръ, широнголъ
изъ д. Янь-чжа.

Въ широнгольской землѣ есть городокъ Чуань-ку; тутъ же по близости гора Ирагу-ула; между ними протекаетъ р. Дайтонгъ-голъ. Прежде Чуань-ку было очень торговое мѣсто; тутъ было много купцовъ, былъ большой рынокъ; въ городѣ жилъ широнгольскій ванъ, по имени Ли-чжинъ-ванъ. Въ то время Си-ань-фу была столицей династіи Танъ и называлась Чанъ-ань. Государь, жившій въ Чанъ-ани, иногда собиралъ къ своему двору всѣхъ вановъ; однажды Ли-чжинъ-ванъ не пріѣхалъ по приглашенію; на ту пору онъ напился пьянъ, перебилъ многихъ мелкихъ сановниковъ, переколотилъ посуду. Государевъ посланецъ такъ и донесъ царю. Царь осердился, сказалъ, что Ли-чжинъ-ванъ не настоящій ванъ и сослалъ его. Ли-чжинъ-вана отвезли въ мѣстность, гдѣ нынѣ Чуань-ку. На сѣверѣ же, въ провинціи Чжи-ли говорятъ, что онъ былъ сосланъ въ мѣстность, лежащую къ ю. отъ Калгана, гдѣ теперь городъ Сюань-хуа-фу (въ 40 ли отъ Калгана и въ 360 ли отъ Пекина) или по монгольски Баянъ-суме. Тутъ была страна худая, пески и барханы;

Digitized by Google

хлѣбъ воздѣлывать было нельзя. По переселеніи туда Ли-чжинъ-вана съ сыномъ пошелъ сильный дождь, который наводнилъ страну; сбѣгающая дождевая вода нанесла илу и покрыла имъ поверхность земли. Съ той поры стало возможно сѣять тутъ хлѣбъ. Приселились сюда китайцы и у Ли-чжинъ-вана образовалось сословіе подданныхъ. Ли-чжинъ-ванъ имѣлъ 13 сыновей; одинъ былъ родной, остальные вскормленные. Однажды Ли-чжинъ-ванъ поѣхалъ на охоту и достигъ города Линъ-чу къ з. отъ Пекина. Подъѣхавъ къ рѣкѣ, онъ увидѣлъ на другомъ берегу двѣнадцатилѣтняго мальчика, который пасъ овецъ. Въ его стадо прибѣжалъ тигръ и задавилъ одного ягненка. Мальчикъ схватилъ тигра за загривокъ, прижалъ къ землѣ и удавилъ. Ли-чжинъ-ванъ крикнулъ: «Ей, мальчикъ! зачѣмъ ты убилъ тигра? это былъ мой тигръ! Я его выкормилъ»! Мальчикъ Ли-сунъ-сяо отвѣтилъ: «А зачѣмъ выкормленный тобою тигръ съѣлъ выкормленнаго мною ягненка? развѣ это законъ»? Ли-чжинъ-ванъ приказываетъ Ли-сунъ-сяо: «Принеси моего тигра на мою сторону». Мальчикъ спрашиваетъ вана: «Какъ тебѣ передать тигра, скоро или не торопясь»! «Конечно скорѣе»! говоритъ Ли-чжинъ-ванъ. Тогда мальчикъ взялъ тигра въ руки и перекинулъ черезъ рѣку. Ванъ спросилъ мальчика: «Есть ли у тебя родители»? Мальчикъ сказалъ, что у него есть только мать, но отца нѣтъ. Тогда Ли-чжинъ-ванъ сказалъ ему: «Будь же ты моимъ сыномъ»! И Ли-сунъ-сяо сталъ его двѣнадцатымъ пріемышемъ. Его сила равнялась силѣ двухъ тигровъ и девяти быковъ.

Сантанъ-джимба.

Отъ Ли-чжинъ-вана до настоящаго времени прошло 13 вѣковъ. Сила Ли-сунъ-сяо, его пріемыша, равнялась силѣ двухъ тигровъ и девяти быковъ.

Широнголъ изъ дер. Шяна.

Ср. съ легендой о предкѣ народа Тугю у о. Іакинѳа (Собр. свѣд. о нар. Сред. Азіи, ч. I, стр. 257): десятилѣтній мальчикъ, уцѣлѣвшій отъ всеобщаго избіенія поколѣнія Ашина, былъ брошенъ съ обрубленными руками и ногами въ озеро; волчица переноситъ его въ пещеру и кормитъ мясомъ. Здѣсь волчица родила 10 сыновей; одинъ изъ нихъ назывался Ашина, имѣлъ необыкновенныя способности и былъ признанъ государемъ. Въ южносибирскихъ сказаніяхъ Шуно, царскій сынъ, опущенъ въ яму; его тайно кормитъ сестра (Radloff, Proben, I, 206; II, 380). Въ Очеркахъ, IV, 866 я сближалъ Шуно съ Буртечоно и съ Ашена. Ли-сунъ-сяо имѣетъ съ Шуно сходную черту: убіеніе тигра, съ Ашена—жизнь въ пещерѣ; на сказанія о Шуно, Бурте-чоно и Ли-сунъ-сяо можно смотрѣть, какъ на матеріалъ для возстановленія сказанія объ Ашинѣ.

Та же тема—укрощеніе разбойника чрезъ женскую любовь, кажется, скрывается и въ эпизодѣ о женѣ Гэсэра, очутившейся въ домѣ Рдуря (см. выше, стр. 26), а также въ разсказѣ о женѣ Шидургу, умертвившей Чингисъ-хана (см. выше, стр. 268); Чингисъ представлялся докшитомъ, злымъ существомъ; жена Шидургу прекратила это свирѣпое существованіе. Она называлась Чао-чжинъ, судя по названію ея могилы близь Гуй-хуа-чена (см. ч. I, стр. 50); это отожествляетъ ее съ женой хуннускаго шаньюя Гэху-ушень-хуханье, а также и съ женой усуньскаго гунь-мо (см. выше, стр. 273). О послѣдней сказано, что она пѣла пѣсню; гунь-мо былъ старъ и не понималъ китайскаго языка (о. Іакинѳъ, Собр. свѣд. о народ. Средн. Азіи, ч. I, стр. 68); не отголосокъ ли сказанія о Ванъ-морѣ или Ванъ-манѣ (см. ниже)? Лѣтописныя сказанія о китайской царевнѣ, выданной замужъ въ орду и поющей тоскливую пѣсню, вѣроятно не что иное, какъ отго-

Digitized by Google

лоски народныхъ сказаній о женщинѣ, рѣшившейся цѣной своего цѣломудрія избавить свой народъ отъ свирѣпаго насильника.

Имя Гэху-ушень ср. съ Гэхусенъ, какъ названъ въ одномъ китайскомъ памятникѣ монгольскій князь Харасандза-Джелаиръ-хунъ тайджи (см. мои Очерки, III, 319), отъ семи сыновей котораго произошли семь первоначальныхъ халхаскихъ хошуновъ. По другимъ версіямъ, семь хошуновъ произошли отъ семи сыновей Чингиса; такъ я въ хошунѣ Тачжи-урянхай (въ западной части монгольскаго Алтая) слышалъ слѣдующее показаніе: у Чингисъ-хана было семь сыновей; одинъ изъ нихъ остался бездѣтнымъ; отъ шести сыновей Чингиса и отъ него самого образовалось семь хошуновъ. Младшій сынъ Чингиса назывался Отханъ-Толоръ-хунъ тайджи. Бурятское сказаніе какого-то Удзонъ-Залайра ставитъ въ родство съ Чингисомъ. Позднѣйшее Гэхусенъ можетъ быть припоминаніе древняго Гэху-ушеня, подъ вліяніемъ родства сказаній о Чжао-гюнъ и гуйхуаченской Чжао-чжюнъ.

Новѣйшими изслѣдователями русскаго эпоса отвергнуто сближеніе Соловья Будимировича съ Соловьемъ разбойникомъ; наѣздъ Соловья ко дворцу Владиміра кіевскаго представляется миролюбивымъ сватаньемъ, а не попыткой насильственно увезти царевну. Но можетъ быть въ былинѣ уцѣлѣлъ только обломокъ болѣе сложнаго разсказа, который передавался на тему о насильникѣ, укрощенномъ женщиной. Соловей подъѣзжаетъ къ Кіеву въ родѣ того, какъ Чингисъ, охотящійся по снѣгу за зайцами, подъѣзжаетъ къ городу царя Шидургу (въ Алтанъ-Тобчи охотится за зайцами Елбекъ-ханъ, котораго, можетъ быть, слѣдуетъ сблизить съ тюркскими сказочными Джельбегень, Джелбага, Джалбагай [1]). Запава идетъ въ станъ Соловья въ родѣ того, какъ жена Лу-ту-сы идетъ въ пещеру Ванъ-мора. Если это не такъ, то поведеніе Запавы странное; такимъ оно и кажется Соловью; моральное оправданіе поступка Запавы вѣроятно заключалось въ утерявшемся концѣ былины.

Джельбегень является въ тюркскихъ варіантахъ сказки о хитромъ мальчикѣ, перехитряющемъ людоѣда (Radloff, Proben., I, 28); въ бѣлорусской сказкѣ людоѣдъ названъ Чаволай (Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ, вып. 3, стр. 73); можетъ быть слѣдовало Чаловай? Сходная форма Чалубей, встрѣчена въ смоленскомъ фольклорѣ; упоминается мечъ какого-то царя Чалубея (Добровольскій, Смоленскій Сборникъ, ч. I, стр. 505).

---

67. ВАНЪ-МОРЪ.

(Широнгольскій).

Были два бѣдныхъ брата, которые собирали дрова и продавали въ городѣ Чуань-ку. Однажды лама, купившій у нихъ дрова, далъ имъ яблоко. Они съѣли и сдѣлались необыкновенно сильными; одинъ пошелъ въ Лань-чжоу, другой въ Джонлонъ [2]). Имя первому было Ванъ-моръ; онъ много народу ограбилъ и перебилъ. Изъ Пекина высылали войско съ генералами, но войско не могло его взять. Онъ сидѣлъ въ пещерѣ, которая была въ полугорѣ надъ рѣкой Да-тунъ-голомъ. Снизу подойдутъ, Ванъ-моръ изъ пещеры бросаетъ камнями; сверху попробуютъ спускаться — падаютъ со скалы и расшибаются. Въ то время у одного широнгольскаго ту-сы [3]), по имени Лу-ту-сы была, хитрая жена. Она объявила, что она захватитъ Ванъ-мора. Она начала пѣть. Ванъ-моръ услышалъ пѣнье и говоритъ: «Какъ хорошо

---

[1]) У Радлова Джалбагай (Prob., II, 508) птица.

[2]) Джонлонъ городъ къ сѣверу отъ Лань-чжоу, по-китайски назыв. Пинъ-фань-сянь.

[3]) Ту-сы — старѣйшина, князь.

Digitized by Google

поетъ какая-то женщина! Пойду, посмотрю!» Онъ спустился съ своей горы, пришелъ къ ней и спрашиваетъ, имѣетъ ли она мужа. Женщина обманула его и сказала, что нѣсколько уже лѣтъ, какъ она вдовѣетъ. Ванъ-моръ предложилъ ей выйдти за него замужъ. Жена Лу-ту-сы назначила день, когда ему придти къ ней. Къ назначенному дню она вырыла въ своемъ домѣ яму и наполнила ее горячими углями; огонь отвела въ сторону, а верхнее отверзтіе ямы прикрыла войлоками и столомъ, на который поставила вино и угощенье. Полъ устлала бѣлыми войлоками, сверхъ которыхъ положила красные. Эту середину дома огородила со всѣхъ четырехъ сторонъ занавѣсками, за которыми поставила чириковъ. Ванъ-моръ пришелъ и жена Лу-ту-сы стала потчивать его водкой; когда онъ сталъ пьянъ, она приказываетъ чирикамъ приблизиться. Ванъ-моръ не зналъ монгольскаго языка и не понялъ, что она сказала. Она приказала убрать войлокъ и Ванъ-моръ упалъ въ яму на угли; чирики хотѣли отрубить ему голову, но не могли; отрубили только руки. Отрубленныя руки Ванъ-мора и теперь хранятся въ ямынѣ. О гибели Ванъ-мора донесли въ Пекинъ; императоръ пожелалъ видѣть хитрую женщину и лично её распросить, какимъ средствомъ она погубила врага. Ему казалось это невѣроятнымъ и онъ спросилъ, гдѣ свидѣтельство, что Ванъ-моръ погибъ. Жена Лу-ту-сы предъявила тогда отрубленныя руки Ванъ-мора. Потомъ пожелала её видѣть и императрица. Увидѣвъ её, императрица сказала: «Какое некрасивое у нея лицо?» Жена Лу-ту-сы возразила: «Если-бъ я надѣла такія же платья и шапку, какія носитъ императрица, я тоже стала бы красивой»! Императрица дала ей свое платье, приказала одѣться и должна была признаться, что въ другомъ платьѣ жена Лу-ту-сы стала красавицей. Затѣмъ императрица велитъ гостьѣ снова переодѣться въ ея старое платье Тогда жена Лу-ту-сы сказала императрицѣ: «Ты императрица, я раба; въ обычаѣ ли это, чтобъ императрица, надѣвъ на рабу платье, вновь снимала его!» Императрица устыдилась и подарила платье хитрой женщинѣ.

И теперь существуетъ такой обычай въ семьѣ Лу-ту-сы: въ первый день новаго года жена Лу-ту-сы надѣваетъ на себя платье императрицы, садится на высокое кресло своего мужа, а мужъ творитъ передъ нею земной поклонъ. Это онъ покланяется платью императрицы.

Сантанъ-джимба.

Ванъ-манъ жилъ въ пещерѣ въ долинѣ Да-тунгъ-гола; никто не могъ убить его. Тогда вдова старѣйшины Лу-ту-сы пришла къ нему въ пещеру и прожила съ нимъ цѣлый мѣсяцъ, ставши его женой. Сдѣлавъ предварительный уговоръ съ чириками, она напоила Ванъ-мана виномъ и запѣла: «халей!» Чирики, стоявшіе на горѣ, стали сдускаться по тропинкѣ внизъ. Ванъ-манъ очнулся отъ похмѣлья, спросилъ: «Что ты поешь?» и началъ прислушиваться и всматриваться. Женщина пропѣла тогда: «чжехой!» И чирики пріостановились. Женщина говоритъ Ванъ-ману: «Сгрустнулось и я запѣла пѣсню». Ванъ-манъ успокоился и снова началъ пить. Когда онъ еще болѣе опьянѣлъ и наконецъ заснулъ, вдова Лу-ту-сы вновь

Digitized by Google

запѣла: «халэй!» Чирики вновь стали приближаться, вошли въ пещеру и схватили Ванъ-мана. Пьяный, онъ не понималъ, что съ нимъ дѣлаютъ. Стали рубить ему голову, но никакъ не могли мечомъ отрубить; удавили мѣдной проволокой и отрубили ему руки, которыя и теперь хранятся въ городѣ Линъ-ченъ въ монастырѣ Та-сы. Вдова Лу-ту-сы забеременѣла отъ Ванъ-мана и родила мальчика, такъ что у нея теперь стало два сына, одинъ отъ стараго мужа, Лу-ту-сы и одинъ отъ Ванъ-мана. Она вскрыла жилу на рукѣ новорожденнаго и замѣтила, что жила его была необыкновенной крѣпости и что мальчикъ обѣщаетъ пойдти въ отца. Она убила его.

Чихба-дончжа, широнголъ
изъ дер. Чи-чжа.

Ванъ-манъ рубилъ дрова, продавалъ ихъ и тѣмъ кормился. Однажды онъ несъ вязанку дровъ на продажу, захотѣлъ напиться и спустился къ ключу. Въ ямѣ, на днѣ которой изливался ключъ, сидѣлъ лусу; надъ нимъ на поверхности воды образовалась льдина. Ванъ-манъ проглотилъ льдину и отъ этого вдругъ въ его тѣло вошла необыкновенная сила. Онъ присѣлъ на камень отдохнуть и скала подъ нимъ заколебалась. Почувствовавъ себя сильнымъ, Ванъ-манъ оставилъ промыселъ дровосѣка, поселился въ мѣстности Чуань-ку, гдѣ тогда была гоби, т. е. пустыня и сталъ грабить проходившихъ людей. У ноёна этихъ мѣстъ была жена; Ванъ-манъ напалъ на него и жену его увелъ къ себѣ. У нихъ родился сынъ. Жена говоритъ: «Нужно устроить пиръ (хоринъ) и позвать моихъ родственниковъ». Когда гости собрались, жена Ванъ-мана стала подносить ему вино, а гостямъ воду. Ванъ-манъ опьянѣлъ и заснулъ, а родственники остались трезвы и будто пошли домой. Она ихъ научила, чтобъ они подходили къ ея дому, когда она будетъ пѣть: халей! и чтобъ отходили, когда она запоетъ: чжахой! Когда Ванъ-манъ просыпался, она пѣла: чжахой! Когда крѣпко засыпалъ, она пѣла: халэй! Постепенно они подходили все ближе и ближе и наконецъ, войдя въ домъ, зарѣзали Ванъ-мана при помощи соломорѣзки.

Записано отъ широнголовъ въ Саньчуани.

---

68. ЛЕУ ДА-ЖЕНЬ.

(Китайскій).

При императорѣ Цунъ-линѣ былъ министръ Леу-да-жень [1]). Это былъ честный министръ, который, истребляя взяточничество, многихъ казнилъ. Въ горахъ Дайчинъ-сань, т. е. въ хребтѣ, лежащемъ къ с. отъ Гуй-хуа-чена, находятся запретныя монгольскія рощи, въ которыхъ безъ разрѣшенія цзянь-цзюня (генералъ-гу-

[1]) Леу собств. имя; да-жень-сановникъ.

Digitized by Google

бернатора) никто не смѣетъ рубить. У цзянь-цзюня было двѣ жены; младшая имѣла брата; она задумала украсть печать цзянь-цзюня для брата и научила своего маленькаго сына плакать; цзянь-цзюнь очень любилъ его и хотѣлъ унять ребенка. Мать говоритъ отцу: «Нельзя ли ему дать поиграть твоей печатью?» Отецъ далъ; тогда ребенокъ пересталъ плакать. Игралъ, игралъ и выбросилъ печать въ окно, а тамъ ее подхватилъ братъ жены цзянь-цзюня. Онъ написалъ письмо о разрѣшеніи рубить лѣсъ въ запретной рощѣ, приложилъ печать и продалъ лѣсъ купцамъ. Тогда монголы пожаловались императору. Императоръ прислалъ Леу-да-женя. Леу-да-жень сталъ разъѣзжать по Шань-си подъ видомъ купца. Цзянь-цзюнь выслалъ изъ Гуй-хуа-чена чиновниковъ за 100 ли во всѣ стороны встрѣчать его, но Леу-да-жень тайкомъ пробрался въ городъ Бау-ту и уже оттуда, проживъ тамъ мѣсяцъ, явился въ Гуй-хуа-ченъ. Онъ остановился въ одномъ дянѣ, гдѣ былъ купленный лѣсъ. На его вопросъ, откуда этотъ лѣсъ, купецъ сказалъ, что онъ купилъ его отъ брата цзянь-цзюневой жены и купилъ очень выгодно. Потомъ купецъ увидѣлъ у Леу-да-женя мандаринскую шапку, догадался и началъ просить прощенія. Леу-да-жень велѣлъ ему спрятать лѣсъ. За тѣмъ онъ открылъ предъ гуй-хуа-ченскимъ амыномъ свое званіе, показалъ грамоту императора и отсѣкъ цзянь-цзюню голову. Но тѣло цзянь-цзюня не тотчасъ упало на землю; продолжая стоять, цзянь-цзюнь спросилъ, за что его лишили жизни. Когда Леу-да-жень сказалъ, что онъ виноватъ въ продажѣ запретнаго лѣса, тѣло цзянь-цзюня упало. Онъ потому не сразу упалъ, что не былъ виноватъ.

Чочжинъ-хоу, китаецъ-купецъ
въ Гуй-хуа-ченѣ.

Ср. о. Іакинѳъ, Собр. свѣд. о народ. Средн. Азіи, ч. I, стр. 88—96.

69. а. ЕЛЬДЖИГЕНЪ-ТОЛОГОЙТОЙ-ХАНЪ.

(Монгольскій).

Въ Боро-балгасунѣ [1]) жилъ Ельджигенъ-тологойтой-ханъ [2]); китайцы зовутъ его Лю-тоу [3]). Подданные его были китайцы (ергинъ). Ханъ былъ глупецъ (тенекъ-ху). У хана была старшая сестра, жившая въ городѣ, развалины котораго теперь зовутся Чаганъ-балгасунъ (тутъ и теперь есть китайскій городъ). Она дала брату золотую трубу (алтынъ бишкуръ) и сказала ему, чтобы онъ эту трубу спряталъ и въ спокойное время въ нее не трубилъ, а затрубилъ бы тогда, когда придутъ какіе нибудь враги (тай-сунгъ); по звуку золотой трубы сестра обѣщалась придти на помощь. Глупый ханъ не вытерпѣлъ и затрубилъ зря. Сестра собрала свое

[1]) Боро-балгасуномъ называются теперь развалины города на южной окраинѣ Ордоса. См. ч. I, стр. 80
[2]) Т. е. ханъ съ ослиной головой.
[3]) Лю по-кит. «оселъ», тоу «голова».

Digitized by Google

войско и пришла къ нему. Видитъ, никакого непріятеля нѣтъ. «Зачѣмъ ты затрубилъ?» спрашиваетъ сестра. «Я хотѣлъ испытать, дѣйствительно ли ты придешь», говоритъ Ельджигенъ-тологойтой-ханъ. Сестра еще разъ сдѣлала ему наставленіе, чтобъ онъ спряталъ золотую трубу и трубилъ бы въ нее только въ случаѣ дѣйствительной опасности. Но спустя нѣкоторое время ханъ опять не вытерпѣлъ и опять затрубилъ. Сестра опять пришла съ войскомъ, опять ничего не нашла и снова возвратилась въ Чаганъ-балгасунъ. Когда она ушла, пришло чужеземное войско (вар. пришелъ Чингисъ-ханъ) и начало осаждать городъ. Ельджигенъ-тологойтой-ханъ затрубилъ въ золотую трубу. Сестра его говоритъ: вѣроятно, глупый мальчикъ (тенекъ-ху) опять зря трубитъ. И не пошла съ войскомъ на выручку брата. Непріятель (вар. Чингисъ-ханъ) взялъ городъ, порубилъ жителей и самому Ельджигенъ-тологойтой-хану отсѣкъ голову.

Ратна Вала, монголъ изъ Ордоса.

---

69. б. ЕЛЬДЖИГЕНЪ-ТОЛОГОЙТОЙ-ХАНЪ.

Двѣнадцатымъ ханомъ была дѣвица. Эта дѣвица-ханъ сошлась съ осломъ и прижила съ нимъ ребенка, у котораго голова была ослиная. Впослѣдствіи сынъ ея сталъ ханомъ. Онъ взялъ за себя трехъ женъ; одна изъ нихъ опять родила ослиноголоваго мальчика, другая родила мальчика съ головой собаки, а третья настоящаго мальчика. Эта третья жена была Дара-еке. Когда Дара-еке родила, когда ея сынъ показался на свѣтъ, весь домъ освѣтился свѣтомъ. Двѣ другія царицы позавидовали Дара-еке и наклеветали хану, будто она питаетъ противъ него какой-то злой умыселъ. Ханъ говоритъ, что онъ не замѣтилъ этого. Тогда царицы совѣтуютъ царю открыть канъ [1]) у обвиняемой ханьши; онъ тамъ найдетъ сдѣланное изъ глины свое изображеніе, вся поверхность котораго покрыта воткнутыми иголками; это все сдѣлала третья царица съ цѣлью погубить хана. Ханъ пошелъ къ своей третьей женѣ и спрашиваетъ ее, дѣйствительно ли она сдѣлала изъ глины его изображеніе и утыкала его иглами, съ цѣлью погубить своего мужа. Ханьша отвергла обвиненіе. Ханъ открылъ канъ и нашелъ тамъ свое изображеніе, покрытое иглами. Оно было подкинуто двумя соперницами ханьши. Ханъ изгналъ невинную ханьшу съ ея сыномъ въ степь; здѣсь ханьша выкормила своего ребенка. Когда сынъ ея достигъ 16 лѣтняго возраста, онъ отправился къ Маньчжу-вану, разсказалъ ему свою исторію и просилъ войска противъ Ельджигенъ-тологойтой-хана, который былъ ханомъ надъ хойху, т. е. мусульманами. Маньчжу-ванъ отказалъ ему, но одинъ лама посмотрѣлъ тюльку [2]) и сказалъ Маньчжу-вану: «Дай войско! Отъ этого тебѣ будетъ польза». Маньчжу-ванъ далъ войско и шестнадцатилѣт-

[1]) Канъ—лежанка, иногда имѣющая сверху настилку изъ деревянныхъ досокъ, которыя могутъ быть выбраны.

[2]) Смотрѣть тюльку значитъ гадать по внутренностямъ убитаго животнаго.

Digitized by Google

ній юноша, имѣя 49 туменей людей свыше пятнадцатилѣтняго возраста и 49 туменей людей ниже пятидесятилѣтняго возраста (дючинъ юсунъ тюменъ арбанъ табынъ насунасъ тешанъ дючинъ юсунъ тюменъ табинъ насунасъ тошонъ), всего 98 туменей [1]), явился къ городу Ельджигенъ-тологойтой-хана, захватилъ его престолъ и прогналъ его въ степь. Когда городъ былъ взятъ, Маньчжу-ванъ хотѣлъ сѣсть на ханскій престолъ, но упалъ съ него. У Маньчжу-вана было девять сыновей настоящихъ и одинъ вскормленникъ. Когда послѣдняго посадили на престолъ, онъ усидѣлъ и сдѣлался ханомъ. Шестнадцатилѣтнему сыну Дара-еке дали въ управленіе восемь областей (муджи); просидѣвъ на этой должности нѣсколько лѣтъ и пришедши въ болѣе глубокій возрастъ, онъ задумалъ самъ сдѣлаться ханомъ; онъ собралъ войско и пошелъ противъ хана. Но во время похода пошелъ дождь, дороги испортились, порохъ подмокъ, мечи заржавѣли и не вынимались изъ ноженъ. Войско Маньчжу-вана напало на него; войско сына Дара-еке было разбито и самъ предводитель былъ убитъ.

Ратна Вала, лама, ордосскій монголъ.

---

70. САЛАРСКІЯ ПРЕДАНІЯ И ЛЕГЕНДЫ.

1) Преданіе о переселеніи саларовъ на Желтую рѣку.

Предки саларовъ пришли на Хатунъ-голъ, въ царствованіе Таймингъ-хунъ-ву, 500 лѣтъ назадъ. Ихъ было три; они были сосланы изъ Самарканда за то, что украли коровъ. Прежде въ саларской землѣ жили сары-мугалъ [2]); они не имѣли осѣдлости, жили въ юртахъ и переходили со скотомъ изъ одного мѣста въ другое и потомъ выкочевали изъ края.

Записано въ саларской деревнѣ Минта.

---

2) Маджу-гумбе.

На вершинѣ горы Маджу есть гумбе, т. е. могильный памятникъ. Тутъ похороненъ одинъ изъ сорока шейховъ (кырыхъ шехъ). Было сорокъ шейховъ, изъ которыхъ двадцать держали вѣру саларовъ, другіе 20 были другихъ вѣръ. Перемерли они въ разныхъ мѣстахъ; души ихъ являлись потомъ къ разнымъ благочестивымъ людямъ и говорили, что ихъ кости лежатъ тамъ-то, прося похоронить ихъ. Шейхъ шелъ по горѣ Маджу; въ это время на него напалъ разбойникъ и убилъ его. Шейхъ несъ съ собой собаку. Эта собака прибѣжала въ деревню Минта и стала лаять передъ мечетью. Ахунъ догадался; пошли за собакой, нашли покойника, похоронили его и на этомъ мѣстѣ построили гумбэ.

Саларъ Хэйсы.

---

[1]) Тумень равенъ 10.000; 49 туменей = 490.000.

[2]) Сары-мугалъ—желтые мугалы.

Digitized by Google

3) Народы ахманъ и караманъ.

Есть два народа ахманъ и караманъ. Ахманы люди нашей породы; караманы имѣютъ хвостъ. Они ведутъ постоянную войну между собой.

Записана въ саларск. дер. Минта.

---

71. ПЕЙ-ТАДЖИ.

(Монгольскій).

Пей-таджи, «сѣверный царевичъ», удалился изъ Ордоса на сѣверъ.

Записано въ Ордосѣ.

Меня часто допрашивали въ Ордосѣ (особенно въ хошунѣ вана), не знаю ли я, гдѣ теперь находится Пей-таджи. Подробностей о немъ мнѣ никакихъ не удалось узнать. Когда же я самъ разспрашивалъ въ Боро-балгасунѣ, какъ Пей-таджія звали по-монгольски, одни мнѣ отвѣчали Орусъ, другіе: Ары-богдо, «сѣверный святой»; этимъ послѣднимъ именемъ зовутъ на югѣ Монголіи ургинскаго хутухту; третьи Ары-тайджи, «сѣверный царевичъ»; наконецъ четвертое показаніе—это Эджинъ-Чингисъ.

---

72. ЛЕГЕНДЫ О МѢСТНОСТЯХЪ.

ГОРА ТАЙХЫРЪ-ЧИЛО.

(Монгольскій).

Въ 100 слишкомъ ли къ з. отъ мѣстности Уланъ-Чики на р. Тамирѣ находится высокая гора Тайхыръ-чило; на вершинѣ ея лежитъ громадный камень, положенный Буху-Беликтуемъ во времена Чингисъ-богдо надъ отверзстіемъ, чрезъ которое изъ земли выходила змѣя Абырганъ (абырганъ-могай).

Халха родомъ съ р. Урту-Тамиръ.

Беликтуй ср. съ Белгетей, братъ Бодонджара (Сананъ-Сэцэнъ, стр. 59; Алтанъ-Тобчи, стр 121), Бѣлгутай, братъ Чингисъ-хана (Труды Пек. дух. миссіи, IV, 45). Кромѣ Белгетея Бодонджаръ имѣлъ еще двухъ братьевъ Бугу-хатаги и Бугу-Сальчжи (Алт. Тобчи, 121; Сананъ-сэцэнъ, 59)

ГОРЫ НОИНЪ-БОГДО, АЛТЫНЪ-ОЛА, ГЕЛЬБИНТУ И СЯВРЙ.

(Торгоутскій).

Гора Ноинъ-богдо есть бэрэ (невѣста), Алтынъ-ола, Гельбинту и Сяври [1]) хатуны, т. е. женщины; эти послѣднія три сестры. Гора Ханай-хэрь есть уланъ-кокшюнъ, т. е. занавѣсъ, посредствомъ котораго во время свадьбы два всадника скры-

---

[1]) Всѣ эти горы находятся въ Гоби, къ с. отъ р. Едзинъ.

Digitized by Google

ваютъ невѣсту отъ свекра и деверей. Гора Ноинъ-богдо постоянно загорожена то той, то другой горой. То гора Дэнгъ, то гора Нэмэгету её загораживаетъ.

Торгоутъ съ р. Едзина.

ГОРА ХАРШЮТЪ.

(Торгоутскій).

У горы Харшюта, лежащей гдѣ-то къ сѣверу отъ оз. Гашіунъ-норъ [1]), двѣ вершины; одна изъ нихъ ниже; это Чингисъ-Богдо сломилъ её. Прежде въ Гашіунъ-норѣ жилъ шулмусъ; онъ пустилъ въ озеро яду, чтобы скотъ и люди умирали. Это увидѣлъ Чингисъ-Богдо, жившій на Харшютѣ, отломилъ одну изъ вершинъ Харшюта, бросилъ её въ шулмуса и убилъ его. Озеро отравилось только отчасти; животъ болитъ отъ питья его воды, но животное не умираетъ. Камень брошенный Чингисомъ-Богдо и теперь лежитъ на степи къ с. отъ озера и называется Ухырь-чило, «Корова-камень».

Торгоутъ съ р. Едзина.

Брошенный камень: Шаманскій камень въ истокѣ Ангары изъ Байкала, островъ на Хухуноръ, гора Урчукъ-тюбе около Зайсана, Темиръ-Асынъ въ вершинахъ Желтой рѣки (см. выше стр. 212 и 213) и камень Лу-бянъ-шена въ тѣснинѣ Ла-уа-ся (ч. I, стр. 201).

СЛѢДЪ ЛУ-БЯНЪ-ШЕНА.

(Широнгольскій).

Лу-бянъ-шенъ оставилъ слѣдъ ногъ, ягодицъ, шулятъ и локтей въ мѣстности Сомбра-хахыръ, т. е. въ Сомбринскихъ щекахъ на Желтой рѣкѣ, выше устья р. Сомбра, ниже Ширалтай-гола.

Чихбадончжи, широнголъ изъ д. Чичжа.

КОРЧАГА ЛУ-БЯНЪ-ШЕНА.

(Широнгольскій).

Въ долинѣ Силинъ-гола, къ в. отъ города Ла-уа-чена въ скалѣ есть родъ колодезя [2]); прежде, говорятъ, въ водѣ на днѣ его видѣли «золотую ворону», алтанъ-кирѣ [3]); теперь ея нѣтъ. Колодезь этотъ выточилъ въ скалѣ Лу-бянъ-шенъ; это былъ его ганъ [4]), въ которомъ онъ держалъ воду.

Лама широнголъ изъ Сань-чуани.

[1]) Такъ называется озеро, въ которое впадаетъ р. Едзинъ.

[2]) Это такъ называемый исполинскій горшокъ.

[3]) Ла-уа, ла-ва по-китайски «ворона».

[4]) Ганъ по-китайски корчага.

Digitized by Google

КЛЮЧЪ СУБУКЪ.

(Монгольскій).

Въ южномъ Ордосѣ есть ключъ Субукъ или Субугенъ-булыкъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ этой мѣстности стали родиться только коровы; быковъ совсѣмъ не стало. Стали коровы родить изъ трехъ, четырехъ одна; скотъ сталъ уменьшаться въ числѣ. Тогда одинъ мудрый человѣкъ сказалъ, что онъ знаетъ хитрость (арга), какъ пособить горю. Онъ сдѣлалъ на берегу Субука, куда коровы приходили на водопой, сиваго быка (хуху буха) изъ глины. Послѣ того стали отъ коровъ рождаться и бычки.

Очиръ, монголъ изъ Ордоса.

ОНГОНЪ-МАНХЫНЪ.

(Монгольскій).

Въ хошунѣ ордосскаго джасака есть мѣстность Онгонъ-манхынъ, высокіе превысокіе пески. Двадцать ли на западъ, 20 ли на востокъ, 20 ли на сѣверъ и 20 ли на югъ все пески. Говорятъ, что среди нихъ вѣтры выдуваютъ части какой-то юрты, остовъ которой былъ сдѣланъ изъ серебра; кто возьметъ обломокъ такого серебрянаго кереге или тона, тотъ умретъ.

Очиръ монголъ изъ Ордоса.

ШЯ-ЧУНЪ.

(Тангутскій).

Около монастыря Шя-чунъ есть пещера или трещина. Птица Чунъ (то же, что у монголовъ Ханъ-гаруди) нѣкогда спустилась на землю и сѣла на скалу, гдѣ нынѣ монастырь Шя-чунъ; скала треснула. Чунъ сказала: «Какая земля не крѣпкая! не держитъ меня!» И вновь поднялась. Съ той поры Чунъ болѣе не садится на землю.

Лама тангутъ.

БОРО-БАЛГАСУНЪ И ЧАГАНЪ-БАЛГАСУНЪ [1]).

(Монгольскій).

Въ Боро-балгасунѣ былъ большой бубенъ, въ Чаганъ-балгасунѣ большой колоколъ. Когда ударятъ въ бубенъ, въ Чаганъ-балгасунѣ слышно, когда ударятъ въ колоколъ, въ Боро-балгасунѣ слышно. Если врагъ придетъ къ Боро-балгасуну,

---

[1]) Это развалины двухъ городовъ въ южномъ Ордосѣ. (См. ч. I, стр. 80 и 107.

Digitized by Google

на звуки бубна шли къ нему на помощь изъ Чаганъ-балгасуна; когда врагъ приходилъ къ Чаганъ-балгасуну, боро-балгасунцы спѣшили туда, заслышавъ колоколъ. Когда колоколъ упалъ и лежалъ на землѣ, внутри его помѣщалось три лошади. Ханомъ въ городѣ Чаганъ-балгасунѣ (Чаганъ-балгасунай едженъ) былъ Жуань-жуань-лю-ванъ [1]). Когда Чингисъ-богдо подступилъ къ городу, Лю-ванъ бѣжалъ изъ него черезъ брешь, которая и теперь видна въ городской стѣнѣ. Прежде, говорятъ, подлѣ этой бреши съ внѣшней стороны на степи были видны слѣды китайцевъ, манджуръ и другихъ народовъ, осаждавшихъ городъ подъ начальствомъ Чингисъ-богдо.

Пунсукъ-нема, монголъ хошуна
Ушинъ, омока Борджигитъ.

Около Чаганъ-балгасуна указываютъ нору въ землѣ. Прежде, говорятъ, отверзстіе этой норы было больше. Въ норѣ жила Абаргà-могай; она выходила изъ норы и много поѣдала скота. Отверзстіе заклали камнями и похищеніе скота прекратилось. Нора, говорятъ, идетъ къ Пекину и другимъ концомъ открывается у столицы.

Запис. отъ монголовъ въ Ордосѣ.

КОТЕЛЪ ЧИНГИСА.

Около Барунъ-кита въ Алашанѣ есть гора съ тремя вершинами на гребнѣ; при ея подошвѣ, говорятъ, есть «котелъ Чингиса» (чингисенъ того). Въ китѣ живетъ Джасыръ-гегенъ.

Лама, солонъ изъ Хайлара.

ЛЕГЕНДА О КОЛОДЕЗѢ САНГИНЪ-ДАЛАЙ [2]).

(Монгольскій).

Ѣздилъ въ окрестностяхъ этого колодезя одинъ охотникъ и началъ тутъ копать землю; изъ земли вышли два ящика; въ одномъ изъ нихъ былъ золотой колъ (алтынъ хатасы), въ другомъ серебряный колъ (менгунъ хатасы), а также много золота и серебра. Какой-то былъ въ то время нойонъ; узнавъ, что у этого охотника появились вещи, онъ сказалъ ему: «Ты воръ! Ты укралъ эти вещи!» и велѣлъ два ящика съ золотымъ и серебрянымъ колами вмѣстѣ зарыть опять въ

---

[1]) Лю по-китайски «оселъ», ванъ «царь».

[2]) Колодезь Сангинъ-далай находится между р. Туннъ-голъ и Таценъ-голъ подъ 46° с. ш. на дорогѣ изъ Улясутая въ Хухухото (см. Пѣвцовъ, Очеркъ путешествія по Монголіи, Омскъ, 1883).

Digitized by Google

землю, а вмѣстѣ съ нимъ былъ зарытъ по повелѣнію того нойона и охотникъ, похитившій этотъ кладъ.

Записано на р. Туѣ отъ старика ламы халхасца, шаби Ламэнъ-гегеновскаго вѣдомства.

Ср. съ легендой о похитителѣ золотого прикола у Чингисъ-хана, зарытомъ въ землю; см. ч. I. стр. 123.

СЛѢДЫ ГЭСЭРА.

1) Около Сунъпана.

(Тангутскій).

Къ с.-з. отъ города Сунъ-пана, въ 2 дняхъ пути отъ него, есть мѣстность Рмартутъ; здѣсь есть гора, гдѣ сидѣлъ Гланъ-Гэсэръ; она называется Рсэрь гӧ чжунъ ри. Тутъ видны слѣды: Гэсэровой лошади, стрѣлы и лука, лежавшей собаки и ея цѣпи, а также слѣдъ лежавшей кольчуги (чжакуй илп куйджа). Кромѣ того тутъ указываютъ палатку, въ которой сидѣла жена Гэсэра, и черныя и бѣлыя кишки убитаго Гэсэромъ чудовища Рдучава.

2) На Желтой рѣкѣ выше Сань-чуани.

(Саларскій).

Три брата Пулиръ-пукӧ, Кусэрь и Лошанбу пришли въ саларскую землю; отъ нихъ и пошли салары. Кусэрь былъ средній братъ, Лошанбу младшій. Они были такъ сильны, что играя, бросали въ воздухъ огромной величины камни. Прійдя на Муренъ (т. е. на Желтую рѣку), имъ захотѣлось перейдти на другую сторону; два брата Пукӧ и Кусэрь сѣли на берегу рѣки на камень и, натянувъ лукъ, пустили стрѣлу черезъ рѣку; стрѣла попала въ противуположный берегъ; скала на берегу разсѣлась, вода излилась въ сдѣланную трещину и дно рѣки стало сухо. Братья выѣхали на другой берегъ въ телегѣ. Эта мѣстность называется по-саларски Кумджухъ-палунъ. Слѣдъ сидѣнья богатырей называется по-саларски кӧсэръ онга, т. е. «Кусэрова нора» или «Кусэрово гнѣздо».

Хэйсы, саларъ.

Дѣйствительно, тутъ на правомъ берегу рѣки указываютъ темнаго цвѣта камень, на южной сторонѣ котораго при основаніи два выглаженныя углубленія рядомъ какъ-бы отъ сидѣнья двухъ человѣкъ. Есть и третье, но его поверхность шероховата. Правыя же два имѣютъ нѣкоторую полировку. Они-то и считаются за отпечатки двухъ сидѣвшихъ человѣкъ. Положеніе, въ которомъ находился стрѣлокъ, неособенно было удобно; онъ сидѣлъ задомъ къ рѣкѣ; да и съ какой стати они хлопотали о переправѣ, когда они уже были на саларской сторонѣ рѣки, когда стрѣляли? На лѣвомъ берегу саженяхъ въ 15 указываютъ въ черной породѣ красную полосу, или

Digitized by Google

жилу, разсѣкающую породу подъ угломъ въ 20° съ паденіемъ на востокъ; въ это мѣсто попала стрѣла и по этому мѣсту выѣхали братья въ телегѣ на другомъ берегу. Еще ниже на лѣвомъ берегу верхняя поверхность каменнаго обнаженія имѣетъ вертикальную трещину шириной въ 1/4 арш. и длиной сажени двѣ; эта трещина образовалась отъ удара Кусэровой стрѣлы. Въ Си-нинъ-фу-чжи есть указаніе, что въ 1603 году въ 3-й лунѣ въ округѣ Гуй-дэ и до округа Хэ-чжоу Хуанъ-хэ пересохла на 27 дней (Успенскій, «Страна Хухуноръ» въ Зап. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. VI, стр. 77.

---

3) Около Лабрана.

(Тангутскій).

Около Лабрана выше монастыря по рѣкѣ есть мѣстность Гэсэръ-дортыхъ; тутъ слѣдъ копытъ коня Гэсэра. Въ той же мѣстности есть на верху горы пещера, недоступная для людей; въ ней, говорятъ, лежитъ лукъ Гэсэра. Гэгэнъ Чжаянъ-чжаппа-сэнъ есть хубильганъ Чотона, а его компаньонъ гэгэнъ Алыгласэнъ есть хубильганъ Гэсэра; у Алыгласэна хранится ножъ Гэсэра.

Записано отъ тангутовъ въ Лабранѣ.

---

4) Около Ганьчжоу и въ землѣ ёгуровъ.

(Егурскій).

Слѣды Гэсэра находятся въ мѣстности Ма-ти («конское копыто») около Ганьчжоу у горы Хоръ-Бандэра (Хоръ-Банди-ри?); рѣка, протекающая у этой горы, называется Бянъ-ду-коу. Въ землѣ Хара-ёгуровъ также есть слѣды у ключа Хара-Багинъ около монастыря Пейранъ; тутъ слѣды сапоговъ, копытъ лошади и сарлыка (чукчу).

Показаніе ёгура Лоцзана.

Какъ въ Амдо пріурочено къ мѣстностямъ имя Гэсэра, такъ въ сѣверо-западной Монголіи имя Сартактая, которое въ русскомъ Алтаѣ у алтайцевъ является парнымъ: Сартактай-кэзэръ. Къ рѣкѣ Катуни пріуроченъ разсказъ о томъ, какъ Сартактай хотѣлъ перекинуть мостъ черезъ Катунь, а на Чуѣ есть разсѣченная имъ скала (Radloff, Proben I, 188). Слѣдовательно, имя Кусэръ-Кэзэръ и въ Амдо, и въ сѣверо-западной Монголіи связано съ рѣкой имени Хатунъ-Катунь. На Катуни нѣтъ преданія о бросившейся въ нее женщинѣ, но такое преданіе разсказывается на сосѣдней рѣкѣ Кондомѣ о скалѣ Катунъ (Литерат. Сборн., изд. Н. Ядринцевымъ, Спб., 1885, стр. 346).

Въ эпосѣ о Гэсэрѣ эпизода о переправѣ съ подобными деталями нѣтъ, но сама переправа есть см. выше, стр. 31. Въ Thaten у Шмидта (стр. 38) есть разсказъ о тростяхъ, данныхъ Гэсэромъ семи альвинамъ для проѣзда черезъ море, которыя, при вступленіи въ море, обращаются въ рыбъ и альвины тонутъ. Не разсказывалось ли, что альвины гнались за Гесэромъ, чудесно возникшій мостъ существовалъ только пока по нему ѣхалъ Гэсэръ, и исчезъ, когда на него въѣхала погоня. Ср. съ Джельбага, гонящимся за дѣтьми въ урянхайской сказкѣ (Очерки, IV, 342).

Чудесная переправа есть въ преданіи о Чжумынѣ: убѣгая отъ преслѣдованія и достигши берега рѣки, Чжумынъ, по одному варіанту, обращается къ ней съ рѣчью, что онъ сынъ солнца и дочери рѣчного бога, по другому пускаетъ стрѣлу; рыбы и черепахи образуютъ мостъ, но къ

Digitized by Google

прибытію погони мостъ разсѣялся (о. Іакинѳъ, Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи, стр. 55, 71, 98 и 108). Есть и другія совпаденія сказаній о Чжумынѣ и Гэсэрѣ (см. выше, стр. 124).

Въ хотанской легендѣ богъ Вайсрамана пускаетъ стрѣлу и вода, залившая страну, уходитъ въ образовавшееся отверстіе (Journal of the Asiatic society of Bengal, vol. LV, part. I, № III, 1886, статья: Buddhist and other legends about Khoten by Babu Sarat Chandra Das).

Въ восточной Монголіи: 1) въ окрестностяхъ оз. Далай-норъ (Талъ-норъ) четырехугольная гора Тошю-ола, «Гора наковальня» принимается за наковальню Гэсэра (Изв. И. Р. Геогр. Общ., XXIII, 48); 2) къ с. отъ Малыхъ Песковъ холмы Дзыргилэ съ усѣченными вершинами по народному вѣрованію обезглавлены Гэсэромъ (Изв. Спб. Отдѣла, т. II, № 1 и 2 (1871), стр. 11).

---

73. МОГИЛЬНАЯ НАСЫПЬ ЧАО-ЧЖЮНЪ-ФЫНЪ.

Царевна Чао-чжюнъ имѣла брата; когда она утонула въ рѣкѣ, халатъ ея поплылъ по водѣ. Увидѣли халатъ, поймали и принесли царю. Царь сказалъ, что это платье не человѣка, а фо (бога). Отъискали трупъ царевны и погребли.

Записано отъ китайца.

Чао-чжюнъ была императрица династіи Хань. Одинъ императоръ этой династіи имѣлъ очень красивую жену и воевалъ съ монголами; китайцы проиграли сраженіе и монголы, при заключеніи мира, потребовали красивую царицу. Китайцы отдали. Царица умерла на чужбинѣ около Гуй-хуа-чена.

Китаецъ Ли.

Чо-джинъ-фынъ есть могила дѣвицы Чоджинъ, дочери Шитыръ-тюльгуна, которая имѣла уже жениха. Чингисъ-богдо однажды увидѣлъ кровь, которая пала на снѣгъ изъ ноги зайца и спросилъ: «Есть ли такой красивый человѣкъ?» Ему сказали, что есть: дочь Шитыръ-тюльгуна. Чингисъ-богдо захотѣлъ ее взять; онъ осадилъ городъ отца ея и захватилъ ее, но захилѣлъ и умеръ, а она бѣжала и утонула въ рѣкѣ.

Лама въ монастырѣ Си-усту-чжао,
родомъ тумутъ.

Могила Чао-чжюнъ показывается различно въ теченіи одного дня, то кажется круглой, то квадратной, то продолговатой.

Китаецъ, крестьянинъ изъ деревни,
сосѣдней съ насыпью.

Могила Чао-чжюнъ утромъ кажется какъ чаша, въ полдень какъ юрта (монгу-бао), вечеромъ нижняя часть ея исчезаетъ, а верхняя, какъ будто виситъ

Digitized by Google

въ воздухѣ. Въ могилѣ погребены одни только башмаки царевны Чао-чжюнъ; самже она взошла на высокую гору и исчезла, по словамъ другихъ бросилась со скалы или вознеслась на небо, только сколько ни искали ея тѣла, не могли найдти. Чао-чжюнъ была женщина, которую во время войны одинъ изъ воюющихъ царей потребовалъ у другого и она была отдана.

Другой крестьянинъ оттуда-же.

Всѣ наши записи о могилѣ Чао-чжюнъ-фынъ относятся къ насыпи, находящейся около Гуй-хуа-чена (см. выше, ч. I, стр. 50). Ордосскіе монголы этой насыпи даютъ имя Темуръ-олху. какъ и той, которую видѣлъ Пржевальскій около города Бао-тоу. Въ Алтанъ-Тобчи она названа Олхо (стр. 144), у Сананъ-Сэцэна Temur Olcho (Gesch. Ost-Mong., 103). Имя жены Шудургу, которая бросилась въ воду, въ Алт. Тобчи (156—158) Хунгъ-Вэгэдэи, а также Ульдзэту-гоа (страшная красавица?); у Сананъ-Сэцэна Öldscheitu Chung Beidschi (139). У Шлагинтвейта богиня Lhamo убѣгаетъ на сѣверъ, въ восточную Сибирь въ область Olgon (см. выше, стр. 271). По словамъ Клапрота (см. Риттеръ, Землевѣд. Азіи, пер. Семенова, Забайкалье, в. 1 стр. 6; Клапротъ Not. въ Discription du lac Baikal, I, p. 291) бурятскіе ламы считаютъ островъ Ольхонъ (на Байкалѣ) мѣстопребываніемъ адскаго божества Бегдози, которое господствуетъ надъ душами онготъ, т. е. злыхъ. Озеро, чрезъ которое протекаетъ р. Чилоту (вершина Селенги), носитъ на старыхъ картахъ имя Ольджайту-норъ, на современныхъ Цаганъ-тирхинъ-норъ (озеро Цаганъ-дара-экэ?).

Миллеръ (Опис. Сиб. царства, Спб., 1750, стр. 6) къ разсказу о кончинѣ жены Чингисъ-хана прибавляетъ: «Для сей причины оная рѣка въ память ея по-мунгальски названа Хатунъ-голъ, т. е. рѣка женская. Тамошняя степь при Хатунъ-голѣ, въ которой сей великій татарскій владѣлецъ (т. е. Чингисъ-ханъ) погребенъ, на мунгальскомъ языкѣ называется Нулунъ-тала». Это записано Миллеромъ отъ одного ученаго ламы. Нулунъ-тала въ Thaten Bogda Gesser chan's, стр. 264; Nilom-Tala у Сананъ-Сэцэна (Gesch. d. Ost-Mong., 237).

Ордосскій народъ отожествляетъ эту жену Чингисъ-хана съ Цаганъ-дара-экэ (а эту послѣднюю отожествляетъ съ китайской Гуань-инъ-пусой, которая есть Арья-Вало); одно показаніе говоритъ, что въ гуй-хуаченскомъ холмѣ зарыты одни башмаки; въ Ордосѣ говорятъ, что въ Багаеджень-хоро однѣ одежды. Ср. въ Алтанъ-Тобчи (стр. 148): распространенъ ложный слухъ въ народѣ, будто на томъ мѣстѣ, гдѣ колесница съ останками Чингисъ-хана завязла и остановилась, похороненъ Чингисъ-ханъ; между тѣмъ здѣсь похоронены только его рубашка, юрта и онучи, тѣло же его похоронено на Бурханъ-Галдунѣ. а по другому на Екэ-Утукѣ (можетъ быть на небѣ?).

---

74. ТОХТО-ХОТО.

(Монгольскій).

Въ городѣ Тохто-хото жилъ Тохто-тайджи-ханъ. Тумутскія преданія соединяютъ его съ преданіемъ о китайскомъ императорѣ Чуу-хунъ-ву (первомъ императорѣ династіи Минъ). Китайцы Тохто-тайджи-хана называютъ Тото-чинъ-сянъ; это былъ вельможа при Чуу-хунъ-ву. Монголы имя этого императора переводятъ: Гахай-омокъ. О немъ разсказываютъ, что это былъ бѣднякъ, у котораго башмаки были изъ травы и шапка была изъ травы. Онъ нанялся къ одному богатому человѣку пасти скотъ, но вмѣсто того съѣлъ пятнадцать коровъ, а хвосты ихъ воткнулъ въ стѣну. Хозяинъ потащилъ за хвосты и вытащилъ только хвосты. Онъ

Digitized by Google

готовъ прогнать пастуха, но дочь хозяина угадываетъ умъ у пастуха и выходитъ за него замужъ. Кромѣ Гахай-омока былъ также Хони-омокъ или Лоу-линъ-гунъ; у него было семь сыновей; одинъ изъ нихъ назывался Янъ-ву-ланъ.

У какого-то царя былъ совѣтникъ Леу-бао-вэнь. Звѣздовѣдцы сказали, что въ утробѣ одной женщины зачатъ и растетъ Чуу-хунъ-ву. Царь велѣлъ убить его, но женщина вышла изъ города. Люди не видали ее уходящую, они какъ будто спали.

Токто-хото былъ резиденціей ноена, который по-китайски назывался Санъ-ху, по-монгольски Токто-тайджи. Улусъ его былъ ходжугуръ, т. е. плѣшивый отъ паршивости (по-китайски туу-за).

---

75. КАРА-БАДЗЫРЪ [1].

(Широнгольскій).

а. Въ нынѣшнемъ городѣ Гу-ша-й жила ханьша Шуань-гунь-чжу [2]), въ Кара-бадзырѣ—Тай-янъ-гунь-чжу. Это были двѣ жены китайскаго хана (Читай-хана) Пришелъ монгольскій ханъ и осадилъ Кара-бадзыръ, оба города взялъ, хана убилъ, а женъ его увелъ въ плѣнъ. Одна изъ нихъ ночью разрѣзала половыя части у монгольскаго хана и онъ умеръ, а ханьша утопилась въ Муренѣ (т. е. въ Желтой рѣкѣ).

Широнголъ родомъ изъ дер. Чи-чжа.

б. Въ городѣ Кара-бадзырѣ жила Шо-янъ-гунь-чжу. Пришло какое-то войско подъ предводительствомъ хана и хотѣло взять гунь-чжу, но она имѣла черное знамя и, повертывая его, убивала множество непріятельскихъ солдатъ. Войско ничего не могло подѣлать и удалилось. Послѣ того осаждавшій ханъ подослалъ къ гунь-чжу своего вельможу (нойонъ-бичечи); тотъ явился къ гунь-чжу, будто самъ пришелъ проситься къ ней на службу. Гунь-чжу повѣрила и приняла его. Онъ вошелъ къ ней въ большую довѣренность и унесъ ея знамя, послѣ чего городъ былъ взятъ ханомъ безъ труда.

Широнголъ изъ дер. Ни-чжа.

---

[1]) Развалины Кара-бадзыръ, «Черный городъ» находятся на лѣвомъ берегу Желтой рѣки, выше города Лань-чжоу, въ мѣстности Сань-чуань (см. ч. I, ст. 181).

[2]) Гунь-чжу по-китайски «царевна».

Digitized by Google

в. Въ Кара-бадзырѣ жилъ ханъ, у котораго было двѣ жены, одна китаянка, другая монголка. Жены ссорились между собой и монголка призвала монгольское войско, но оно ничего не могло сдѣлать съ городомъ. Чирики (солдаты) насыпали кругомъ города большіе холмы изъ глины, чтобъ устрашить жителей, будто это кучи муки, дескать, войско пришло съ большимъ хлѣбнымъ запасомъ и будетъ стоять долго. Но это не устрашило городскихъ жителей. Воду жители доставали изъ ключа, который былъ около нынѣшней деревни Шинъ-чжа, внѣ города; отъ города къ ключу былъ сдѣланъ подземный ходъ (нора); по этому ходу жители ходили къ водѣ незамѣтно для осаждавшаго войска. Однажды людей, ходившихъ по воду, сопровождала собака и когда водоносы возвратились подземнымъ ходомъ въ городъ, она осталась у ключа. Чирики догадались, что эта собака отстала отъ городскихъ жителей, бравшихъ воду изъ ключа, стали искать водопроводъ около мѣста, гдѣ увидѣли собаку, нашли и заткнули отверзтіе ключа. Тогда городъ долженъ былъ сдаться.

г. Въ городѣ Кара-бадзырѣ жила Шу-ань-гунь-чжу. Пришли па-ганъ-чинъ и взяли городъ. Часть этихъ па-ганъ-чинъ ушла, другая часть осталась въ краѣ; отъ нихъ-то и произошли нынѣшніе широнголы.

Житель деревни Чи-чжа.

д. Въ городѣ Кара-бадзырѣ жила царица Шо-янъ-гунь-чжу, въ Гу-ша-и—Тайлянъ-гунь-чжу. Монгольскій ханъ Чингисъ пришелъ съ монгольскимъ войскомъ брать городъ, но не могъ взять его. При немъ былъ китаецъ Ти-чинъ (Ти-чинъ-да-бо); онъ тайно пришелъ въ городъ, вошелъ въ любовь къ царицѣ и женился на ней. Отъ этого брака родилось два мальчика; одному дали имя тигръ, другому драконъ (лу). Ти-чинъ бросилъ царицу, бѣжалъ изъ города и снесъ знамя (далба), изъ котораго при вращеніи исходитъ огонь. Съ лишеніемъ этого знамени царица не могла противустоять непріятелю. Она гналась за похитителемъ, но о послѣдствіяхъ погони разскачикъ не знаетъ. Къ востоку отъ Кара-бадзыра есть ключъ Шинъ-чжа. Изъ него осажденные брали воду подземнымъ ходомъ, но собака выдала ходъ и непріятели заткнули отверзтіе. Когда городъ былъ взятъ, произошло кровопролитіе; кровь убитыхъ текла въ Муренъ (Желтую рѣку) и наполнила собою слѣды коровъ.

Старикъ изъ дерев. Шинъ-чжа.

Въ западномъ Туркестанѣ подобная легенда тоже связывается съ именемъ Чингиса. Городъ Гуль-гулѐ, развалины котораго находятся въ Бамьянской долинѣ, снабженный подземными водохранилищами, упорно выдерживалъ осаду Чингисъ-хана, но дочь царя города Гуль-гулѐ полюбила одного изъ сыновей Чингисъ-хана, открыла ему тайну о водопроводахъ и городъ былъ взятъ и разрушенъ (См. Яворскій, Путеш. русск. посольства по Афганистану и бухарскому ханству въ 1878—1879 гг., Спб., 1882, т. I, стр. 261). Литература западныхъ варіантовъ (на Кавказѣ и на Балканскомъ полуостровѣ) указана въ Очеркахъ, IV, 883; у Теплякова (Письма изъ Болгаріи, 169—170) сходная легенда пріурочена къ городу Правадія и селу (или монастырю) Дивъ-Даркіой.

Digitized by Google

Знамя, отъ повертыванія котораго падаютъ люди, ср. съ предметомъ такого же свойства въ легендѣ объ Эрдени-дзу и въ сказкѣ, помѣщенной въ Очеркахъ (Оч., IV, 401 и 410). Другія легенды разсказываютъ о похищеніи знамени (вар. мутовки) у самого Чингиса (Очерки, II, 164, IV, 324).

Вар. а сходенъ съ ордосскимъ преданіемъ о женѣ Чингиса, утонувшей въ Желтой рѣкѣ. И такъ это преданіе разсказывается въ Гуй-хуа-ченѣ, Бау-тоу, въ Чжунъ-веѣ (Дерисунъ-хото) и въ Саньчуани.

---

76. РѢКИ ЛІУ-ЧУАНЬ И ЯНЬ-ДЖИ-ЧУАНЬ. СЫ-ЧЖА-ЦЗУЙ.

(Китайскій).

Противъ города Ди-дао, который въ древности назывался Тай-янъ-ху, немного ниже города въ р. Тао-хэ впадаетъ р. Сань-ча-хо. Она составляется изъ двухъ рѣкъ: Ліу-чуань и Янь-чжи-чуань. По Ліу-чуани спустилась изъ города Хочжоу красавица Тяо-шань-нюръ, по Янь-чжи-чуани пришла лошадь Янь-чжи-ма, на которой совершалъ свои геройскія поѣздки Куанъ-ло-ѣ. Между двумя рѣками гора, на которой есть кумирня; гора эта, не доходя до стрѣлки, образуемой рѣками, кончается мысомъ; плоское пространство между горой и рѣками, образующими стрѣлку, имѣетъ четырехъ-угольную форму и назыв. Ху-ланъ-чуань [1]); тутъ было мѣстопребываніе Ли-бу, названнаго брата Куанъ-ло-ѣ. Съ тѣхъ поръ въ Хэ-чжоу не стало красивыхъ женщинъ, на Янь-чжи-чуани хорошихъ лошадей, въ Ди-дао хорошихъ молодыхъ людей.

Китаецъ, житель города Ди-дао.

Въ 15 ли отъ города Хо-чжоу есть мѣстность Сы-чжа-цзуй. Нѣкогда здѣсь былъ одинъ человѣкъ, который, умирая, велѣлъ своему сыну похоронить его въ мѣстности Сы-чжа-цзуй, а надъ могилой поставить рогатками стрѣлу и лукъ; потомъ, выждавъ сорокъ девять дней, сынъ долженъ былъ выстрѣлить изъ этого лука. Если онъ выждетъ означенный срокъ, онъ убьетъ китайскаго императора и сядетъ на его мѣсто. Прошло уже сорокъ восемь дней. Нетерпѣливая жена сына стала говорить мужу: «Что значитъ одинъ день!» Мужъ выстрѣлилъ и попалъ въ императорскую башню, но не въ императора; императоръ по стрѣлѣ узналъ, откуда она и велѣлъ осмотрѣть мѣстность Сы-чжа-цзуй. Раскопали землю и нашли въ ней два гана (корчаги) и въ нихъ луна (дракона), котораго и убили.

Онъ же.

Въ другихъ преданіяхъ, пріуроченныхъ къ соединенію рѣкъ, вмѣсто лошади приходитъ женихъ, какъ наприм., въ преданіи о рѣкахъ Тесинъ-голѣ и Асхытту (Очерки, II, 181), о рѣкахъ Шира-муренѣ и Чаганъ-муренѣ въ хошунѣ Кэшиктенъ (Изв. И. Р. Г. Общ., т. XXIII, стр. 48) и въ киданьской легендѣ о предкахъ киданьскаго народа. Послѣдняя разсказываетъ: Въ ихъ странѣ

[1]) Черезъ мѣстность Ху-ланъ-гуань проходитъ дорога изъ Ди-дао въ г. Хэ-чжоу.

Digitized by Google

находятся двѣ рѣки: Ди-мѣ-ли мо-ли (мурэнъ), называемая также Тао-вэй-сы мо-ли; она вытекаетъ изъ горы Маюй и течетъ на сѣверо-востокъ. Другая называется Нго-ло-гу мо-ли (мурэнъ), иначе Нюй-гу, вытекаетъ изъ сосноваго лѣса и течетъ прямо на востокъ; по-китайски она называется Хуанъ-хэ (По мнѣнію г. Васильева, это рѣки Лоха и Шира-муренъ, текущія въ юго-восточной Монголіи). Обѣ рѣки сооединяются у горы Му-ѣ. Одинъ молодой человѣкъ, сѣвши на бѣлаго коня и плывя внизъ по теченію р. Тухэ, встрѣтился у горы Му-ѣ съ дѣвицей, которая приплыла по рѣкѣ Хуанъ-хэ на пѣгой коровѣ, женился на ней и сдѣлался праотцемъ Киданей. На горѣ Му-ѣ былъ поставленъ кумиръ, гдѣ потомки приносили въ жертву въ честь предковъ бѣлую лошадь и пѣгую корову (Васильевъ, Ист. и древ. вост. части Средн. Азіи, стр. 171). Не разсказывалось ли подобной легенды и о рѣкахъ Тамирѣ и Орхонѣ? Димели-моли (мурень) это можетъ быть Тамиръ, а Нгологу-моли Орхонъ (ср. горхонъ, бурятск. «рѣчка»; одна изъ вершинъ Орхона называется Горохенъ-голъ; Изв. И. Р. Г. Общ., XXIII, 27). Разсказъ о сватовствѣ невѣсты пріурочивался повидимому, къ мѣстности, находящейся около мѣста сліянія Орхона съ Тамиромъ (см. ниже, стр. 310) Киданьская легенда могла разсказываться не въ одномъ, а въ двухъ и болѣе мѣстахъ.

Такая же легенда повидимому разсказывалась и о р. Байдарикъ. Рашидъ-эддинъ (Истор. монг., II, 113) говоритъ по поводу мѣстности Байбарахъ-бельчиръ, гдѣ будто произошло сраженіе Чингисъ-хана и Ванъ-хана съ найманами: «Причина, по которой ту мѣстность называютъ Байбараха-белчира, есть та, что въ старое время поняли дочь отъ государя Онгутскаго для государя найманскаго; имя ея Бай-барахъ, дошли до того мѣста съ ней и устроили свадебный пиръ. Белчира же значитъ пастбище.... Монголы же не понимали хорошо смыслъ того названія и Бай-барахъ говорятъ Бадъ-барахъ». Теперь Байдарикомъ называется рѣка, берущая начало въ Хангаѣ къ в. отъ Улясутая и текущая на югъ. Бельчиръ значитъ не только пастбище, но также соединеніе двухъ или нѣсколькихъ рѣкъ. Не пріурочивалась ли сюда легенда о дара-экэ, которая въ легендахъ иногда представляется отвозимой на чужбину невѣстой. Ср. также представленіе о Тесѣ, какъ о жеребенкѣ, а о рѣкѣ Терхинъ-голѣ, впадающемъ въ оз. Терхіинъ-норъ, какъ о дѣвицѣ (Оч., II, 181). Кромѣ киданьской легенды о встрѣчѣ предка съ ѣхавшей невѣстой была подобная же легенда о предкахъ ельджигеновъ Мисеръ-улюкѣ и китаянкѣ Бабудакъ-таукай, ѣхавшей на ослѣ (Рашидъ-эддинъ I, 156). О встрѣчѣ и связи ханьши съ осломъ въ иссыкъ-кульской легендѣ см. въ Зап. Геогр. Общ., 1861, III, 128.

На Байдарикѣ есть урочище Хуренъ-бельчиръ; объ немъ см. у Позднѣева, Монгол. лѣтоп., стр. 100, 184 и въ ст. Шишмарева: «Свѣдѣнія о халхаскихъ владѣніяхъ, помѣщ. въ Записк. Спб. Отд. И. Р. Г. Общ., кн. VII, Ирк., 1864, стр. 66. По преданію, сообщаемому Шишмаревымъ, это урочище будто было мѣстомъ сборища всѣхъ семи халхаскихъ хошуновъ; сообщаемое далѣе тѣмъ же преданіемъ о соглядатаѣ, подосланномъ высмотрѣть состояніе монгольскаго войска, не отголосокъ ли разсказа Рашидъ-эддина и Юань-чао-ми-ши о войнѣ съ найманами?

Разсказъ Ирд. В. Вамбоцеренова (хоринскаго бурята, родомъ изъ мѣстности Тугнуй): Лхама (по-монгольски Укинь-тэнгри, укинь —«дѣвица», тэнгри —«небо») встрѣтилась съ Чойчжаломъ (монг. Ерликъ); она ѣхала на быкѣ, онъ ѣхалъ на конѣ. Лхама спрашиваетъ Чойчжала: «Какова быстрота твоего коня?» Чойчжалъ отвѣчаетъ: «Мой конь въ одинъ мигъ обѣгаетъ вокругъ земли». Затѣмъ Чойчжалъ спрашиваетъ: «А у твоего быка какая быстрота?» Лхама отвѣчаетъ: «Мой быкъ быстрѣе; онъ въ одинъ мигъ три раза обѣгаетъ землю». Помѣняемся! предлагаетъ Чойчжалъ. Лхама уступила и они помѣнялись. Лхама сѣла на лошадь и уѣхала; Чойчжалъ на быкѣ не поспѣлъ за нею; быкъ нейдетъ. Чойчжалъ пустилъ въ догонку за Лхамой стрѣлу и опалъ въ задъ лошади; Лхама вынула стрѣлу изъ раны и на этомъ мѣстѣ образовался глазъ.

77. РѢКА ХАРА-МУРЭНЪ И ГОРА АЛТЫНЪ-БУРГЭ.

(Бурятскій).

Во время проведенія государственной границы русскій чиновникъ взялъ въ проводники Шодо-зайсана; Шодо сказалъ ему, что онъ проводитъ только до извѣстнаго пункта, что далѣе мѣстъ онъ не знаетъ, а знаетъ ихъ Шильдэ-дзанги,

Digitized by Google

который и вообще болѣе свѣдущій человѣкъ. Приближаясь къ этому пункту, Шодо послалъ людей къ Шильдэ-дзанги съ просьбой указать мѣста. Шильдэ сказалъ посламъ: если русскій чиновникъ хочетъ меня притѣснить и получить отъ меня взятку, то пусть возьметъ каряго коня (хара моринъ) и сѣдло съ золотой лукой (алтынъ бургэ). Русскій чиновникъ не понялъ и отъ взятки отказался. Послѣ догадались, что Шильдэ-дзанги намекалъ провести границу по рѣкѣ Хара-мурэнъ, на которой есть гора Алтынъ-Бургэ. Говорятъ, на Хара-муренѣ есть много золота.

Жигжидъ Галсановъ, хоринскій
бурятъ изъ дацана Шолоту.

---

78. ОЗЕРО ШИНЪ-СЯ-НОРЪ [1].

(Широнгольскій).

Озеро окружено горами, покрытыми хвойнымъ лѣсомъ. Вода въ озерѣ всегда чиста. Древесные листья, падая осенью, никогда не засоряютъ поверхности озера; поверхность его всегда чистехонька (чибъ-чибыръ). Цвѣтъ воды голубой.

(Тангутскій).

На озеро Шинъ-ся-норъ былъ сосланъ сынъ джагырскаго, т. е. индѣйскаго царя Сронцзанъ-гамбы (джаву джими гунданъ, по монгол. ханъ кубугунъ). Онъ былъ сосланъ за то, что роздалъ народу богатство отца. Серебро, золото, драгоцѣнности, все что хранилось въ отцовской казнѣ, принцъ раздѣлилъ народу; наконецъ у отца хана осталась всего одна эрдени, онъ и ее отдалъ. Отецъ порѣшилъ сослать его въ мѣстность, гдѣ теперь находится озеро Шинъ-ся-норъ. Идя въ ссылку, онъ роздалъ бѣднымъ всѣ телеги, на которыхъ ѣхалъ; наконецъ, когда кто-то попросилъ у него жену, онъ уступилъ жену, когда кто-то попросилъ у него глазъ, онъ вырвалъ свой глазъ и отдалъ, и сдѣлался кривымъ (сокуръ). Здѣсь на мѣстѣ ссылки онъ прожилъ 25 лѣтъ, сильно страдалъ и плакалъ; изъ его слезъ образовалось озеро Шинъ-ся-норъ. Проживъ 25 лѣтъ, безъ глазъ и безъ средствъ, онъ рѣшился возвратиться къ отцу; всѣ животныя и птицы собрались къ нему и стали просить его не оставлять край. «До твоего прибытія», говорили они, «шолмо ѣли насъ; когда же ты съ нами жилъ, было спокойно и безопасно жить». Царскій сынъ все таки потомъ вернулся къ отцу.

Въ 8-е число 12-го мѣсяца, когда китайцы празднуютъ ла-и-ла-ба, т. е. варятъ кашу съ жужубами, широнголы и китайцы отправляются на поклоненіе озеру. Посѣтители смотрятъ сквозь ледъ и видятъ во льду разные узоры; находятъ

---

[1]) Озеро Шинъ-ся-норъ находится на правомъ берегу Желтой рѣки, выше города Лань-чжоу, къ югу отъ Дондонской тѣснины (см. ч. I, стр. 177).

Digitized by Google

въ нихъ сходство съ храмами, башнями, деревьями и пр. Увѣряютъ, что въ каждыя девять сутокъ образуется во льду отверзстіе; такимъ образомъ впослѣдствіи весь ледъ покрывается полыньями. Въ эти полыньи или продушины слышенъ шумъ.

Лама широнголъ изъ Уньчжа-суме.

(Тангутскій).

Царевичъ (джалбу джиме гунданъ) спросилъ у отца: «У насъ много бѣдныхъ, не позволитъ ли царь раздать эрдени, хранящіяся въ казнохранилищѣ?» Царь сказалъ: «Раздай, за исключеніемъ одной эрдени, которая называется нурму гуйндо бунджунъ». Царевичъ объявилъ повсемѣстно черезъ глашатаевъ и письма, что онъ будетъ раздавать всѣмъ эрдени. Въ сосѣдствѣ былъ другой царь по имени Джалбушинчиръ-цзампу; въ его царствѣ былъ неурожай, люди мерли, скотъ не плодился много лѣтъ. Онъ спросилъ у своихъ приближенныхъ, не найдется ли между ними человѣка, который добылъ бы отъ Гундана драгоцѣнность гуйндо-эрдени. Вызвался нѣкто Джамбцзы-лочжуй. Онъ пришелъ къ Гундану и попросилъ гуйндо-эрдени. Тотъ сказалъ: «Всякія эрдени тебѣ дамъ, но эту нельзя. Отецъ заказалъ отдавать эту эрдени». Лочжуй началъ громко говорить: «Все ты налгалъ въ своихъ письмахъ, что ты будешь раздавать людямъ все, въ чемъ они нуждаются и что бы ни попросили». Царевичъ вновь позвалъ его въ свою комнату, тайно вручилъ ему гуйндо-эрдени и сказалъ: «Не разглашай, что получилъ. Иначе царь отецъ сниметъ съ меня голову». Когда гуйндо-эрдени было доставлено въ сосѣднее царство, дѣла въ немъ поправились, а въ царствѣ Гунданова отца начались неурожаи и сократилась плодливость скота. Царь сталъ печалиться; одинъ вельможа говоритъ ему: «Твой сынъ худой! онъ навѣрно отдалъ гуйндо-эрдени». Царь велѣлъ осмотрѣть казнохранилище; гуйндо-эрдени не оказалось. Царь созвалъ собраніе вельможъ и велѣлъ имъ судить сына. Кто говорилъ: «нужно его утопить!» кто: «повѣсить». Одинъ вельможа уговорилъ собраніе постановить приговоръ—сослать царевича. Снабдили его скотомъ, имуществомъ, телегами и отправили. Дорогой царевичъ роздалъ бѣднымъ все, что ему дали. Тотъ же Лочжуй явился къ нему и попросилъ у него глазъ. Царевичъ вырвалъ свои глаза и отдалъ. Лочжуй вставилъ его глаза себѣ и пришелъ домой зрячимъ. Его спрашиваютъ: «Это какъ? Ты былъ слѣпой, откуда у тебя взялись глаза?» Царевичъ далъ, отвѣчаетъ Лочжуй. Кто-то попросилъ у царевича ребенка; онъ отдалъ единственнаго своего сына. Жена царевича плакала по ребенкѣ и наплакала слезъ цѣлое озеро. Это и есть теперь озеро Шинъ-шянъ-норъ.

Лама Понсохъ, 68 л., родомъ изъ Сань-чуани
(прожилъ 13-ть лѣтъ въ монастырѣ Сера).

Начало о царевичѣ сходно съ русской сказкой о Пилигримѣ (Верхоянскій Сборн., Ирк., 1890, стр. 268 и слѣд.). Царевичъ выпускаетъ на свободу золотого человѣка, котораго его отецъ царь держалъ въ темницѣ за замкомъ. Царь велитъ повѣсить царевича, но одинъ изъ гостей посовѣтовалъ сослать его изъ царства.

Digitized by Google

79. ЛЕГЕНДЫ О МОНАСТЫРѢ ЭРДЕНИ-ЦЗУ.

1) Олёты пришли изъ-за Орхона съ войной въ Эрдени-цзу. Тогда чернолицый богъ Гомбугуръ на каре-лысой лошади (баранъ нюртай хара халдзанъ моритай), съ саблей въ одной рукѣ и пикой въ другой, бросился на олётовъ, загородилъ имъ путь и погналъ вновь за Орхонъ; въ это время Орхонъ поднялъ свои воды и все олетское войско потонуло. За это Орхонъ прозывается Орхонъ-тушегунъ. При Гомбогурѣ двѣ собаки и два льва.

Санджи, халхасскій лама, шаби вѣдомства Ламэнъ-гегена.

---

2) Въ халхасскомъ хошунѣ Дайчинъ-вана [1]), въ хуренѣ хранятся огромныхъ размѣровъ сѣдло, шлемъ, кольчуга (куякъ), ружье, трубка и чашка Батыръ-вана. Батыръ-ванъ былъ предокъ Дайчинъ-вана; онъ поразилъ олётскаго Галданъ-бошохту-хана.

Онъ же.

---

3) Орхонъ передъ войной течетъ кровью. За то и называется туше-гуномъ.

Показаніе одного халхасца на оз. Угей-норъ.

На равнинѣ Талахаинъ-тала (къ з. отъ монастыря Эрдени-цзу между рѣками Орхономъ и Цзирматаемъ) прежде была гора Эрдени-ула, которую китайцы скопали и перенесли въ Пекинъ, гдѣ она и теперь находится; они разрѣзали ее на куски и отвезли на восьмидесяти телегахъ. Послѣ того одна старуха (эмегенъ) призывала богатство назадъ; она съ мясомъ овцы въ рукахъ восклицала: хурай! хурай! И послѣ того у монгольскаго народа стало много скота и ѣды, но золото, серебро и эрдени все таки остались за Пекиномъ. По этому моленію эмегены и равнина называется Талахаинъ-тала [2]).

Халхасецъ шабинскаго вѣдомства гэгэна Заинъ.

Это повидимому отголосокъ легенды временъ династіи Танъ, сохранившейся въ китайской лѣтописи. Ургурскій владѣтель Joulun-Tieghin высваталъ за своего сына Gali-tieghin'a танскую царевну Kin-lian. Въ странѣ уйгуровъ была гора Tengeri-yu-takh, т. е. «гора небеснаго разума», а къ югу отъ нея Khouli-takh, «гора счастья». Когда танскій посланникъ прибылъ на границу страны, ему сказали, что могущество и процвѣтаніе уйгуровъ связано съ этой горой и если ее

[1]) Хошунъ находится къ з. отъ вершинъ Туинъ-гола, въ Хангаѣ.

[2]) Талалху—совершать обрядъ съ молитвой, призывающей счастье и довольство.

Digitized by Google

уничтожить, то уйгурское государство разрушится. Китаецъ обратился съ слѣдующими хитрыми словами къ царю: «Такъ какъ ты есть отецъ невѣсты, я имѣю право обратиться къ тебѣ съ требованіемъ, на которое ты долженъ согласиться. Скала, называемая «горой счастья», никакой пользы не приноситъ твоему государству. Китайцы очень желаютъ ее имѣть и они просятъ ее, какъ цѣну невѣсты». Ханъ согласился на это требованіе, но такъ какъ скала была велика, то не было возможности увезти ее цѣликомъ. Тогда зажгли вокругъ нея огонь, который раскалилъ ее, потомъ оросили ее уксусомъ, отчего она распалась на куски; послѣдніе были нагружены на телеги для отвоза. Послѣ отбытія «горы счастья» птицы и животныя потеряли способность двигаться и подняли крикъ, возвѣщавшій великое несчастіе. Царь Juolun-tieghin умеръ черезъ семь дней; безчисленныя несчастія и внутреннія смуты обрушились на страну и послѣ нѣсколькихъ генерацій эти бѣдствія, все возрастая, принудили обитателей выселиться (D'Ohsson Histoire des Mongoles, t. I, p. 440).

80. ПРЕДАНІЯ О ДРЕВНИХЪ МОГИЛАХЪ.

1) Кирхисинъ-урь (древнія могилы) насыпаны народомъ Кирхисъ. Мѣстность Кобокъ-сайрь [1]) была нотукомъ (родиной) трехъ улусовъ (народовъ); прежде тутъ жили Дурбенъ-ойродъ, послѣ нихъ Кирхисы, потомъ пришли съ р. Иджиля (Волги) Торгоуты, которые имя свое получили отъ слова торокъ, «сильный». Одна дѣвица жила въ пещерѣ и родила безъ мужа; поэтому о ея сынѣ говорятъ: «сынъ камня», чило ецигтай. Это былъ предокъ Кирхисовъ. Вотъ въ память объ этомъ-то происхожденіи отъ камня они и хоронили своихъ покойниковъ, засыпая ихъ камнями.

Запис. отъ торгоута, родомъ изъ Кобокъ-сайри, встрѣченнаго на р. Едзинъ-голѣ.

2) Въ хошунѣ Талай-чокуръ-вана, на сз. берегу оз. Цаганъ-нора и къ в. отъ Худу-нора стоитъ высокая каменная баба съ чашей въ рукѣ, съ ножомъ и огнивомъ (хѣте) на поясѣ; она въ народѣ называется Тадыкъ-тологой-хӧшӧ-чило или Тадыгенъ-хӧшӧ-чило. Люди кладутъ въ чашу масло и льютъ молоко, но не покланяются этому камню. Есть же два хӧшӧ-чило, которымъ народъ покланяется; это Тайнъ-Дерхе къ с. отъ Селенги и Талха-вандытъ въ Ганчжуръ-гуновскомъ хошунѣ къ востоку отъ Тарбы-бандида-гэгэну-сумуна. Хӧшӧчило и кэрэксуры наставилъ и насыпалъ народъ Урусъ.

Одинъ халхасецъ, встрѣченный мною при перевалѣ черезъ хребетъ Ихи-богдо (въ центральной Монголіи къ ю. отъ оз. Орокъ-норъ), на мой вопросъ отвѣтилъ, что кэрэксуры (могилы изъ камней) сложены народомъ Цаганъ-баргутъ. Отъ бурятъ близъ Курбинскаго дацана изъ улуса Асагатъ (Верхнеуд. окр.) я записалъ, что остатки (фаянсовые черепки, втулки колесныя, сошники), находимые около дацана и въ друг. сосѣднихъ мѣстахъ, принадлежатъ народу Кергитъ. Жители селенія Торги (въ Забайк. обл.) могильники приписываютъ великанамъ, которые были

[1]) Къ в. отъ хребтовъ Тарбагатая и Саура.

Digitized by Google

до 2 саж. ростомъ и назывались оконты (газета «Сибирь», изд. въ Иркутскѣ, 1886, № 5). Мессершмидтъ записалъ въ Сибири: чудскія могилы назыв. ильгенъ-сёкъ; ихъ сложили іелбиги, т. е. великаны (Радловъ, Сибирск. древн., 1888, т. I, в. 1, стр. 16).

81. ПОКОЛѢНІЕ КЭШИКТЕНЪ.

Богдо-еджень (т. е. Чингисъ-ханъ) однажды охотился съ 11 князьями. На охотѣ было убито много звѣрей; мясо сварили, Богдо-еджень поѣлъ его и сталъ дѣлить мясо между участниками охоты. Всѣ князья принимали мясо на руки, одинъ кэшиктенскій князь принялъ на полу своего дорогого шелковаго платья. Богдо-еджень сказалъ: «Кэшиктенъ богатъ? не жалѣетъ шелковаго платья!» Съ той поры Кэшиктенъ сталъ богатѣть и жить счастливо. Названіе хошуна происходитъ отъ слова кэшикъ, «счастье».

Лубсынъ, монголъ хошуна Кэшиктенъ,
живущій въ Гумбумѣ.

Какія-то народныя представленія связали слово кэшикъ, «счастье», съ именемъ Чингисъ-хана. По нѣкоторымъ показаніямъ, время Чингисъ-хана было временемъ всеобщаго благоденствія (см. Очерки, IV, 230). Куски мяса, которые раздаются на ордосскомъ таилганѣ, называются «счастьемъ Чингисъ-хана», Чингисенъ кэшикъ (см. ч. I, стр. 127). Въ одномъ памятникѣ Чингисъ-ханъ бесѣдуетъ съ своими братьями о томъ, въ чемъ состоитъ счастье (Д. Банзаровъ, «Черная вѣра», Спб., 1891, стр. 10). Гвардія Чингисъ-хана называлась кэшиканъ, keshican (Marco Polo, by Youl, v. I, p. 366); въ армянской лѣтописи кесикданкъ (см. у Патканова въ Труд. Вост. Отд. Археолог. Общ., XIV, Спб., 1889, стр. 416).

Чингисъ, по нѣкоторымъ сказаніямъ, найденышъ, младенцемъ найденъ въ степи подъ деревомъ (Очерки, IV, 229); въ нѣкоторыхъ варіантахъ о найденышѣ, который потомъ становится царемъ, находятъ его люди, идущіе вверхъ по рѣкѣ (Очерки, II, 325). Ср. выше, № 49, стр. 253 сказаніе о деревѣ, плоды котораго приносятъ довольство; отыскивая причину довольства, царь идетъ вверхъ по рѣкѣ. Въ разсказахъ о найденышѣ дерево питаетъ его своимъ сокомъ (Очерки, II, 325; IV, 229, 326). Въ якутскихъ сказкахъ упоминается дерево, изъ котораго точится сюлюгяя или юрюнгъ сюлюгяй (бѣлая божественная жидкость; ср. тюркск. сілегей, слюна); глотая её, голодные полнѣютъ, уставшіе жирѣютъ (Верхоянскій Сборникъ, Иркутскъ. 1890 г., стр. 113, 195, 202). У киргизъ и монголовъ, при продажѣ скота, продавецъ вытираетъ слюну изъ рта проданнаго животнаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ не ушло и все счастье, кэшикъ. По-монгольски этотъ обрядъ называется «взять счастье скота» (Очерки, II, 94). Въ киргизской сказкѣ у В. В. Радлова съ именемъ Шингысъ также соединена идея о счастьѣ или, точнѣе сказать, о сбываемости всѣхъ желаній. Подобно тому, какъ въ русской сказкѣ, что ни скажетъ богатырь Сбудъ-царевичъ, то все сейчасъ и сбудется (см. Этн. Об., кн. VIII въ моей статьѣ: Восточн. параллели къ нѣкот. русскимъ сказкамъ, стр. 150), такъ и въ киргизской. Братья Шингыса пошли искать его вверхъ по рѣкѣ, нашли и спрятались въ пуху. Приходитъ Шингысъ и говоритъ: Отворитесь двери! И двери дома сами отворяются. Онъ говоритъ: Разстелите войлокъ. Войлокъ самъ разстилается. Онъ приказываетъ: Постелите постель! Принесите хану пищу! И все дѣлается само собой (Radloff, Proben, III, 86).

Мы уже высказывали догадку, что Чингисъ монгольскихъ и тюркскихъ легендъ было лицо особое отъ историческаго Чингиса; этотъ легендарный Чингисъ, можетъ быть, былъ живымъ фетишемъ древняго населенія Монголіи въ родѣ волжскаго Хазаръ-хагана или въ родѣ нынѣшняго ургинскаго богдо-гэгэна. Этимъ, можетъ быть, и слѣдуетъ объяснить невыясненныя еще вполнѣ отношенія легенды о Чингисѣ къ легендѣ объ Ундуръ-гэгэнѣ.

Digitized by Google

IV.

ЗВѢЗДНЫЙ И ЖИВОТНЫЙ ЭПОСЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

82. СОТВОРЕНІЕ МІРА.

(Тангутскій).

Богиня Ане-гома-чжаму, задумавъ создать міръ, позвала богиню Нчжигму, дала ей подолъ земли и сказала: «Нужно создать землю, животныхъ и людей; землю нужно сдѣлать ровною и гладкой, чтобъ не было на ней горъ; людей всѣхъ надо сдѣлать равными, чтобъ не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Иди, разсѣй эту землю, приговаривая: гдѣ горамъ быть, чтобъ не было горъ! кому богатому быть, не быть богатымъ! кому бѣднымъ быть, не быть бѣднымъ!» Нчжигму обрадовалась, что ей поручили создавать землю и людей и такъ заторопилась, что приговоры перепутала. Она сказала: «Гдѣ горамъ быть, будьте горы! кому богатымъ быть, будь богатымъ! кому бѣднымъ быть, будь бѣднымъ!» Вслѣдствіе этого земля изъ рукъ Нчжигму вышла гористая, а люди не равны, одни богаты, другіе бѣдны.

Ами Салунъ, тангутъ изъ Лабрана.

(Монгольскій).

Прежде поверхность земли (алтынъ дельхе, гадзаръ дельхе) была гладкая людей на ней не было. Были только солнце и луна, эгичъ-дю, т. е. двѣ сестры солнце старшая, мѣсяцъ младшая. Солнце говоритъ мѣсяцу: «Ты ходи днемъ, я буду ночью». Мѣсяцъ ей на это: «Нѣтъ! днемъ будетъ много людей; мнѣ будетъ стыдно ходить». «Ну», сказало солнце, «коли такъ, я буду ходить днемъ, а ты ходи ночью». Они печалились, что земля гладкая, что она залита водой и нѣтъ кочки (добынъ), гдѣ бы можно было поселиться человѣку. Богъ Шакдчжитоба сотворилъ двухъ человѣкъ, мужчину и женщину. Женщина родила гудзё [1]); Шакджитоба разрѣзалъ гудзё и выпустилъ оттуда множество маленькихъ, маленькихъ дѣтей и повелѣлъ однимъ идти въ одну сторону, другимъ въ другую. «Вы идите жить въ такой-то хошунъ, а вы въ такой-то», говорилъ онъ; и всѣхъ распредѣлилъ такимъ образомъ по разнымъ частямъ земли. Потомъ Шакджитоба и Май-

---

[1]) Гудзе—желудокъ.

Digitized by Google

дари сѣли гадать, у кого въ чашкѣ выростетъ цвѣтокъ. Цвѣтокъ выросъ у Шакджитобы; Майдари раскрылъ глаза и видитъ цвѣтокъ у товарища. Онъ вырвалъ его и перемѣстилъ въ свою чашку и потомъ крикнулъ: «Эй, Шакджитоба! Смотри, у меня цвѣтокъ выросъ». Шакджитоба былъ богъ съ доброй думой; онъ сказалъ: «Хорошо, пусть будетъ твой вѣкъ? Но люди твоего вѣка будутъ лгать и воровать!» Вотъ почему въ нашемъ мірѣ много лжи и воровства.

Очиръ, монголъ изъ Ордоса.

Ане-гома тангутскаго варіанта ср. съ Агъ-ене, божествомъ алтайцевъ, научившимъ Ульгеня, какъ сотворить міръ. См. Вербицкій, Словарь алт. и аладаг. нарѣчій, Казань, 1887 г.

---

83. ЦЗАДУ РАХИ И УРДЖЯНЪ-РЕМБУЧИ.

(Тангутскій).

Когда Урджянъ-рембучи приготовилъ себѣ напитокъ, Цзаду-рахи помочился въ его чашку и убѣжалъ. Урджянъ-рембучи выпилъ напитокъ и сдѣлался боленъ. Онъ погнался за убѣжавшимъ Цзаду-рахи и дорогой спрашивалъ солнце и луну, гдѣ искать бѣглеца. Солнце не сказало словами, а только губами показало въ ту сторону, куда бѣжалъ Цзаду-рахи, мѣсяцъ же сказалъ словами. Догнавъ бѣглеца, Урджянъ-рембучи бросилъ въ него дорчжи; отъ удара дорчжи Цзаду-рахи распался на тысячу кусковъ; послѣ этого солнце и луна не взошли надъ горизонтомъ. Тогда Урджянъ-рембучи подумалъ: «Не хорошо, что свѣтила не выходятъ! Нужно снова Цзаду-рахи сдѣлать цѣлымъ!» И онъ снова сдѣлалъ его цѣлымъ. Рахи сказалъ свѣтиламъ: «Вы выдали меня; за это я буду васъ пожирать?» Рахи пожираетъ ихъ и потомъ извергаетъ изъ себя чрезъ заднее отверзтіе.

Ами Салунъ, тангутъ изъ Лабрана.

Bergmann, Nomad. Streifereien, Th. III, S. 40—41 (Aracho); Очерки, IV, 191—193. Тимковскій, Путешествіе въ Китай, III, 372 (Арахалунъ); Нилъ, Буддизмъ, Спб., 1858, стр. 63. (Арахола, Арахалунъ); Schlagintweit, Buddhism, p. 114 (Раху; его поражаетъ Chakdor) (Vajrapani).

---

84. РАХУ.

(Монгольскій).

Затменіе солнца происходитъ оттого, что къ нему приближается чудовище Рахў, которое имѣетъ девять головъ, отвратительное туловище, десять тысячъ глазъ и змѣиный хвостъ (юсунъ тологойтой муханъ бiитей тумунъ минганъ нюдутей куни бiитей могой сультей Рахў). На солнцѣ есть стеклянный городъ съ 18 воротами

Digitized by Google

(арбанъ найманъ халгатай шиль хото). Вонь отъ туловища Рахў входитъ въ ворота; жители стекляннаго города запираютъ ихъ одни за другими и тогда на землѣ наступаетъ мракъ. Когда же чудовище пройдетъ мимо, ворота постепенно отпираются и день вновь начинаетъ блистать.

Пунцукъ, монголъ изъ Ордоса.

Арахъ завѣдуетъ небесной стрѣлой; онъ ее пускаетъ (тэнгріинъ сумыгъ арахъ медычжи буулгана). Арахъ—это имя звѣзды, одной изъ семи гарикъ [1]).

Джамсэрэнъ, халхасецъ изъ хошуна Чокуръ-бэйли.

Въ старину былъ Арга-чаганъ-туулай [2]), который поѣдалъ скотъ, животныхъ и людей; такой сильный звѣрь былъ. Очирвани-бурханъ бросилъ въ него своимъ очиромъ и разбилъ его тѣло на-двое и верхнюю половину укрѣпилъ на солнцѣ, нижнюю на лунѣ (чеджи наранту бөкси саранду хатаджи). Вотъ эти-то части чудовища и видны намъ теперь въ видѣ черныхъ пятенъ на этихъ свѣтилахъ. Солнце старшая сестра, мѣсяцъ младшая сестра.

Пунцукъ, монголъ изъ Ордоса.

Затменіе по-солонски сара айджи, «луна испугалась». Думаютъ, что въ это время на мѣсяцъ нападаетъ Араху. О пятнахъ на лунѣ солоны думаютъ, что это дѣвица.

Пятна на лунѣ ордосскіе монголы принимаютъ за чеджи (бюстъ) Саръ-мачина, пятна на солнцѣ за бокси (нижнюю часть туловища) Саръ-мачина. Мы не можемъ, говорятъ они, смотрѣть на солнце, слеза течетъ—все равно, какъ намъ не хорошо смотрѣть на человѣка съ обнаженною нижнею частью тѣла.

---

85. СОЗВѢЗДІЕ БОЛЬШАЯ МЕДВѢДИЦА.

Мѣстныя названія созвѣздія:

Халхасцы хошуна А-гуна (въ Гурбанъ-сайханѣ): Долонъ бурхынъ.

Халхасцы хошуна Чокуръ-вана (на Терхинъ-цаганъ-норѣ): Долонъ-бурхынъ.

Халхасцы хошуна Туше-гуна (на Онгіинѣ): Долонъ-бурхынъ.

---

[1]) Въ перечнѣ звѣздъ гарикъ, сообщенномъ тѣмъ же разсказчикомъ, такого имени нѣтъ. Вотъ имена этихъ семи звѣздъ (долонъ гарикъ одо): Бэмбо, Адыя, Сумыя, Негмыръ, Лхагу, Пурбу, Паасынъ. Одна изъ этихъ семи называется Цзальгидыкъ-эмегенъ. Другое показаніе восемь гарыкъ: солнце, луна, Мигмыръ, Лхагву, Пурву, Басынъ, Бэмбу, Раху. Этотъ-то Раху и причиняетъ затменіе.

[2]) Туулай — заяцъ, чаганъ — бѣлый.

Digitized by Google

Южные монголы хошуновъ Найманъ-вана и Кэшиктенъ: Долонъ-бурхынъ; хошуна Баря-вана: Долонъ-нохой (семь собакъ).

Кухунорскіе олёты въ хошунѣ Чинъхайвана: Долонъ-бурхынъ.

Кобокъзайрскіе торгоуты (Цокуръ-торгоуты): Долонъ-бурхынъ.

Солоны около Хайлара: Долонъ-бурхынъ.

Широнголы въ Сань-чуани: Долонъ-хотӯ, «семь звѣздъ».

Широнголы около У-янъ-бу: Долонъ фотӯ (семь звѣздъ), Долонъ хэрьгэ.

Широнголы въ Боунани: Долонъ мыганъ.

Шара-ёгуры: Долонъ бурканъ.

Салары: Ули эджигенъ (т. е. Большой Эджигенъ, въ отличіе отъ другого созвѣздія, которое называется Кичи-эджигенъ, «Малый Эджигенъ»); Эджигенъ, Эдигенъ, Эдзигенъ.

Хара-ёгуры: Этыкенъ.

Тангуты около Гумбума: Медӯнгъ.

Если во время болѣзни осыпетъ губы, хухунорскіе олёты говорятъ: «Большая Медвѣдица лизнула», долонъ-бурхынъ долонà.

Въ Ордосѣ монголы говорятъ: Долонъ-бурхынъ вѣчно кружитъ по небу (оркеджи); одна звѣзда не движется; это «золотой стягъ горы Сумеру», Сумбери улани алтынъ токъ.

Солоны покланяются Большой Медвѣдицѣ; при этомъ совершается семь урсановъ [1]), становится семь джулà [2]) и семь шюсу (овечьихъ тушекъ). Въ Ордосѣ этотъ обрядъ также есть, но ставятъ только одну тушку.

Въ широнгольскомъ языкѣ замѣчается любовь къ придыханію передъ гласной въ началѣ слова, наприм. хуланъ, харбанъ, ходунъ, вмѣсто уланъ, арбанъ, одунъ, «красный», «десять», «звѣзда». Поэтому Долонъ-херьге въ устахъ другихъ монголовъ было бы Долонъ-ерьге. Сѣверные халхасцы самца медвѣдя называютъ эрьхе. Долонъ значитъ «семь».

Въ изданномъ въ 1887 г. въ Казани «Словарѣ алтайскихъ и аладагскихъ нарѣчій», составленномъ о. Вербицкимъ, приведены названія Большой Медвѣдицы: теленгитское Іетти-ганъ, «семь царей» (стр. 92 и 411), нижнекондомское Ӱлгенъ и верхнекондомское Ӱлгеръ (стр. 410). Ӱлгенъ въ то же время есть названіе высшаго добраго божества, противуположнаго Ерлику и занимающаго самое выдающееся мѣсто въ миѳологіи алтайцевъ. У другихъ тюрковъ Улгеръ является именемъ Плеядъ; такимъ образомъ имена Большой Медвѣдицы и Плеядъ смѣшиваются.

У карагасовъ Большая Медвѣдица Четты-канъ, Чеды-ханъ, «семь царей». Катановъ, «Поѣздка къ карагасамъ», Спб., 1891, стр. 11 и 51.

---

[1]) Урсанъ — курево (изъ можжевельника).

[2]) Джула — курительная свѣчка.

Digitized by Google

У волжскихъ калмыковъ Долонъ-бурхутъ (Нефедьевъ, Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ, Спб. 1834, стр. 244).

У ингушей на Кавказѣ Уоръ-вдше вяджерй, «семь родныхъ братьевъ». Они оставили свою мать и ушли на войну (на разбой?). Мать ждетъ ихъ (тоскуетъ). (Показаніе ингуша, сосланнаго въ Иркутскъ).

Въ Саратовской губ. Вольскаго у., въ Архангельской губ. Шенкурскаго у. и въ Симбирской губ. Алатырскаго у.: Лось (записано мною отъ матросовъ на фрегатѣ «Мининъ»). Въ Ярославской губ. Моложскаго у. въ дер. Залужье: Лось, Стожары (отъ матроса изъ Залужья). Харьк. губ. (?): Вовъ (Собр. сочин. Г. Данилевскаго, 1877, Спб.. т. II, 312).

Г. Бигловъ сообщилъ намъ, что есть киргизская легенда, которую онъ слышалъ около города Петропавловска. Одинъ богатый человѣкъ имѣлъ дочь, имѣлъ также отличнаго коня; многіе старались купить этого коня, но владѣлецъ ни за какія суммы, какъ онѣ ни были велики, не продавалъ коня. Онъ держалъ его постоянно прикованнымъ на желѣзной цѣпи къ Темиръ-казыку (Полярной звѣздѣ) и день и ночь караулилъ его, чередуясь съ своей дочерью. Такъ какъ купить коня у него оказалось невозможно, то семь человѣкъ сговорились украсть коня. Эти семь и есть Джеты-каракъ («семь воровъ»), т. е. Большая Медвѣдица.

Поводъ къ легендамъ о привязанномъ къ столбу (Полярной звѣздѣ) могли подать наблюденія надъ движеніемъ Б. Медвѣдицы по небу. Сюда же вѣроятно относятся и разсказы о мангысѣ, которому въ носъ продѣтъ поводокъ (Очерки, IV, 795), о верблюдѣ, нѣкогда дикомъ животномъ, но укрощенномъ послѣ того какъ ему былъ продѣтъ поводокъ въ носъ (Очерки, II, 167), а также легенды, въ которыхъ является круговращательное движеніе, наприм. о Гэсэрѣ, обращенномъ въ осла (ельджигенъ), вращающаго мельницу или молотильный катокъ.

Сближеніе верблюда (теменъ) съ Б. Медвѣдицей можно видѣть и въ разсказахъ объ отвороченной головѣ; Джиты-ганъ (Б. Медвѣдица) похитилъ у Плеядъ одну звѣзду и убѣгаетъ отъ него, отвернувъ свою голову въ сторону (Очерки, IV, 194) [1]); верблюдъ, послѣ того, какъ олень похитилъ у него рога, приходя на водопой, всякій разъ поворачиваетъ свою голову то въ ту, то въ другую сторону, желая разглядѣть, не идетъ ли олень (Очерки, II, 168). Б. Медвѣдица въ народныхъ (осетинскомъ и малорусскомъ) сказаніяхъ также связана съ темой о водопоѣ (В. Ѳ. Миллеръ, Осетинск. этюды, II, 300; Афанасьевъ, Поэтич. воззрѣнія, II, 762) [2]).

Можно отсюда заключить, что Б. Медвѣдица называлась именемъ Теменъ и что это имя подавало поводъ къ перенесенію темъ съ созвѣздія на верблюда. Такимъ предположеніемъ можетъ объясниться происхожденіе легенды о томъ, что при наименованіи годовъ двѣнадцатиричнаго цикла верблюдъ не удостоился чести, чтобы по его имени былъ названъ годъ. Имена годовъ цикла произошли вѣроятно отъ именъ зодіакальныхъ созвѣздій, слѣдовательно только такихъ созвѣздій, которыя закатываются за горизонтъ. Б. Медвѣдица никогда не закатывается; она въ сѣверномъ полушаріи вѣчно видна на небѣ и кружится, какъ бы привязанная къ Полярной звѣздѣ. Поэтому она дать свое имя какому-нибудь году цикла не могла. Если мы предположимъ, что она носила имя Теменъ, то поймемъ, какимъ образомъ легенда, объясняющая отсутствіе имени въ честь Б. Медвѣдицы, пріурочилась къ верблюду.

Не къ этому ли же созвѣздію относятся имена нѣкоторыхъ женскихъ лицъ, напримѣръ въ бурятскомъ сказаніи имя небесной дѣвы Тумэ-ногонъ-духэ [3]), на которой женился тэнгиръ (небожитель) Гужиръ, основатель кузнечнаго дѣла (Агапитовъ и Хангаловъ, Матеріалы въ Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О., т. XIV, № 1—2, стр. 3). Въ сказкѣ минусинскихъ татаръ Хэрэкъ-кирвэсъ

---

[1]) Тибетскія легенды: 1) Манджушри, слушая рѣчь Чандрагомина, повернулъ свое лицо въ сторону и остался въ такомъ видѣ подъ именемъ кривошеяго Арья. В. П. Васильевъ, Дарананата, 157. 2) Семь большихъ кумировъ Будды съ отворотившимся лицомъ поставлены для отвращенія поврежденія храма отъ разлитія воды; ibid., 78. Ср. въ Очеркахъ, IV, 263: Хухенъ-хутухта, отвернувъ свою голову, борется съ шулмусомъ, принявшимъ видъ женщины.

[2]) У Радлова (Proben, IV, 109): душа Ташкана въ семи перепелахъ, которые въ ящикѣ въ одномъ изъ семи мараловъ, приходящихъ пить изъ колодезя подъ семью тополями.

[3]) Духэ не то ли же, что въ монгольскихъ и урянхайскихъ сказкахъ дагине, тайгине, «небесная дѣва»? Не отсюда ли имена: Шихэръ-тайху, матери Бату-менко Даянъ-хана, какъ въ Алтанъ-тобчи, стр. 179 и 187, или Шикэръ-тайго, какъ у Сананъ-Сэцэна, стр. 177, и Бабудакъ-таухуа, или какъ въ персидскомъ текстѣ даукай, жены Мисеръ-улюка у Рашидъ-эддина, I, стр. 156?

Digitized by Google

женится на небесной дѣвѣ Тэмэнъ-ногонъ, дочери Убиртыхъ-хормозда (Очерки, IV, 611). У Гэсэра одна изъ женъ называется Туменъ-джиргаланъ. Въ бурятскомъ пересказѣ, помѣщенномъ въ Очеркахъ, IV, 255, она называется Тумуръ-жиргылынъ, но это можетъ быть по забвенію. Названіе могилы жены Чингисъ-хана Темуръ-олху, однако, можетъ быть оправдываетъ бурятскую форму; не было ли Темуръ-олху именемъ жены Чингисъ-хана? Въ Очеркахъ, IV, 689, по поводу алтайской миѳической «Желѣзной горы», Темиръ-тайга была высказана догадка, не существовало ли монгольское парное: Темуръ-уланъ. Догадка оправдалась; у бурятъ есть сказочная гора Тамири-уланъ, на которой живетъ тайша (старшина) змѣй (Агапит. и Хангал., Матеріалы, стр. 22).

Легенда, составленная въ объясненіе отсутствія имени года въ честь верблюда или, какъ мы предположили, въ честь Б. Медвѣдицы, изображаетъ враждебныя отношенія верблюда и мыши. Другая легенда объясняетъ враждебное отношеніе летучей мыши къ солнцу. Казанскіе татары говорятъ, что солнце однажды отъ усталости остановилось во время обхода земли и летучая мышь напомнила ему его обязанности. «Не стой; иди, какъ тебѣ повелѣно Богомъ», сказала мышь. «Иначе, тамъ, куда ты опоздаешь придти, не успѣетъ трава высохнуть отъ дождя, и сгніетъ, а тамъ, гдѣ ты замедлилось, трава посохнетъ». Солнце осердилось на мышь и поклялось, что оно сожжетъ крылья у мыши, если увидитъ ее летающею днемъ. Съ той поры летучая мышь (ярканатъ, джерканатъ) боится летать днемъ и летаетъ только ночью. Не относится ли эта легенда также къ созвѣздію Б. Медвѣдицы (Жидигянъ на нарѣчіи казанскихъ татаръ), которое тоже ходитъ по небу только ночью?

Имена Б. Медвѣдицы Жиди-гянъ, Чеды-ганъ, Джиты-ганъ ср. съ Джедай-ханъ, именемъ одного богатыря въ сказкѣ минусинскихъ татаръ, записанной Кастреномъ (Castrén, Ethnologische Vorlesungen, St. Ptb.. 1857, стр. 199). Джедай-ханъ, говоритъ сказка, былъ раньше всего, ранѣе всѣхъ людей (онъ родился одновременно, какъ свѣтъ родился); смерть надъ нимъ не властна [1]). Подобно тому, какъ мѣсячный дискъ мѣняется, и Джедай-ханъ измѣняется въ своемъ возрастѣ. Онъ молодѣетъ съ мѣсяцемъ и старѣетъ съ мѣсяцемъ. Связь Джедай-хана съ числомъ семь указывается именемъ коня, на которомъ Джедай-ханъ ѣздитъ; конь называется Djït kules bözerag at (краснобѣлый семисаженный конь). У остяковъ также есть представленіе о человѣкѣ, который вмѣстѣ съ мѣсяцемъ полнѣетъ, и вмѣстѣ съ нимъ уменьшается въ объемѣ и умираетъ. Онъ называется Тункъ-похъ; по-русски, объясняютъ остяки, онъ называется Папа римскій (сообщен. С. К. Паткановымъ).

Въ Очеркахъ, IV, 778 помѣщена остяцкая легенда о Б. Медвѣдицѣ, записанная покойнымъ Григоровскимъ. Такая же легенда есть у индѣйцевъ сѣверной Америки. По разсказу старыхъ миссіонеровъ Lafitau и Charlevoix, американскіе индѣйцы думаютъ, что «четыре звѣзды въ тѣлѣ Б. Медвѣдицы есть медвѣдь (въ остяцкой легендѣ это лось); звѣзды хвоста — охотники, которые его преслѣдуютъ; маленькая звѣзда около нихъ есть горшокъ, въ которомъ они намѣрены варить медвѣдя». A. Lang, Custom and mith, p. 126.

О происхожденіи Б. Медвѣдицы см. въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по эт., т. I. в. 2, стр. 61. Это семь головъ семи кузнецовъ или тархановъ (долонъ тарханъ). По хакасскому варіанту Шиддикура созвѣздіе Долонъ-бурханъ (Б. Медвѣдица) образовалась изъ семи частей, на которыя былъ разрубленъ герой сказанія, имѣвшій бычью голову (Очерки, IV, 194, 198).

Число семь въ бурятскомъ сказаніи соединяется съ формой тоблокъ; семь тоблок'овыхъ, три обогон'овыхъ; Очерки, IV, 33. Въ Юаньчаомиши, стр. 80: Ѣди-тублухъ; семь потюркски еди. Въ сказаніяхъ о Темучинѣ упоминается мѣстность Ede Kiurghan (Howorth, History of the Mongols, L., 1878, P. 1, 56) [2]).

Въ рукописи г. Дубровы, которая находится въ Московскомъ Обществѣ любителей естествознанія и этнографіи, находятся двѣ бурятскія загадки о созвѣздіи Одо-мышинъ, т. е. по мнѣнію г. Дубровы, о Б. Медвѣдицѣ.

1) Далай дере долонъ хани бышикъ, «на морѣ семи царей письмо».

2) Жорго море алдашкі саганъ шандаганъ моритей хобунъ би, хобунъ неренъ мургунъ топшо. Моринин неренъ шандаганъ саганъ. Тере море уна. Жорго море урбунъ сара бедерне, туни алари оло. «Шесть лошадей отпущено. Бѣлый заяцъ съ конемъ

[1]) Жодо, по бурятски пихта. Она вѣчно зелена, потому что облита была водой безсмертія.

[2]) Въ Алтанъ-тобчи одинъ изъ миѳическихъ тибетскихъ царей назывался Эркинъ-дологанъ-кумунъ-сандалиту-хаганъ (стр. 119).

Digitized by Google

остался. Тамъ дитя. Дитяти имя Мургунъ-топпо, а лошади (имя) Бѣлый заяцъ. Эта лошадь потерялась. Шесть лошадей три мѣсяца ее искали и нашли въ Аларской сторонѣ».

А. А. Ивановскій доставилъ мнѣ слѣдующую киргизскую сказку, записанную для него въ Тарбагатаѣ.

Давнымъ давно жилъ одинъ богатый человѣкъ, по имени Нарзунъ-заркумъ, который владѣлъ несмѣтнымъ числомъ лошадей. Между этими лошадьми была одна вороная кобыла, которая что ни день, то по одному жеребенку приносила. Къ несчастью, каждый разъ жеребенокъ терялся въ ту же ночь, такъ что владѣльцу не приходилось увидѣть хоть одного жеребенка отъ этой кобылы. Маленькій сынъ Нарзунъ-заркума къ тому времени уже подросъ; ему минуло шесть лѣтъ, наступилъ седьмой; отецъ послалъ своего сына въ ночной караулъ. Маленькій Гали караулилъ табунъ всю ночь, но передъ разсвѣтомъ и не замѣтилъ, какъ задремалъ; очнувшись, онъ сталъ считать лошадей и оказалось, что нѣтъ жеребенка отъ этой кобылы. Со слезами онъ пригналъ табунъ домой и разсказалъ о случившемъ несчастіи; отецъ ничего не сказалъ ему. Когда наступилъ другой день караула, Гали взялъ съ собою лукъ со стрѣлой и опять поѣхалъ въ ночной караулъ. Въ эту ночь онъ замѣтилъ: когда жеребенокъ игралъ около своей матери, предъ разсвѣтомъ, появилась какая-то чудовищная птица необыкновенной величины, схватила жеребенка и полетѣла прочь. Когда взошло солнце, Гали опять погналъ своихъ лошадей домой и разсказалъ своему отцу о всемъ видѣнномъ. На третій день караула Гали снарядилъ нѣсколько стрѣлъ и опять поѣхалъ караулить лошадей. Пріѣхавъ опять въ назначенное мѣсто, Гали слѣзъ съ коня и сѣлъ недалеко, спрятавшись. Предъ разсвѣтомъ опять явилась эта птица и направилась было къ жеребенку; въ это время Гали и пустилъ стрѣлу прямо ей подъ крыло, потомъ другую, такъ что она, обезсилѣвъ, должна была упасть на землю; Гали пустилъ въ нее еще одну стрѣлу и окончательно убилъ ее. Привязавши за хвостъ эту птицу, онъ привезъ ее домой и показалъ своему отцу; отецъ похвалилъ своего сына. Отъ этой кобылы остался одинъ жеребенокъ, а кобыла пропала. Гали по прежнему игралъ съ товарищами и однажды побилъ одного изъ нихъ: тотъ пожаловался своему отцу; отецъ товарища, призвавши Галія, далъ ему большой выговоръ и сказалъ ему: «Чѣмъ драться и обижать товарищей, тебѣ пора жениться и заняться хозяйствомъ!» Гали, прибѣжавши домой, сталъ плакать, а отецъ сталъ его унимать и распрашивать, о чемъ онъ плачетъ. Гали разсказалъ своему отцу о совѣтѣ, данномъ ему сосѣдомъ; Нарзунъ-заркумъ тотчасъ же засваталъ дочь одного богатаго человѣка и послалъ сына Галія провѣдать ее; Гали сѣлъ на своего любимаго жеребенка и поѣхалъ въ дальній путь. Пріѣхавши въ назначенное мѣсто, привязалъ своего коня въ чистомъ полѣ къ желѣзному колу (тэмиръ казыкъ) и наставилъ вокругъ него семь пугалъ (джэти каракчи), а самъ пошелъ въ аулъ къ невѣстѣ. Онъ еще не дошелъ до аула, какъ по киргизскому обычаю жениха встрѣтили приближенные родственники невѣсты и повели его въ аулъ. Каждый день Гали провѣдывалъ своего коня и находилъ его въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его оставилъ, и въ томъ же видѣ. Когда же посылалъ Гали какихъ-нибудь людей изъ аула, то тѣ ничего не могли видѣть, кромѣ желѣзнаго кола и семи пугалъ, и пришедши, говорили Галію, что они коня не видѣли, а видѣли только семь пугалъ и желѣзный колъ; чтобы удостовѣриться, Гали въ сопровожденіи другихъ лицъ ходилъ смотрѣть коня и находилъ его въ томъ же мѣстѣ. Многіе дивились такому странному явленію. Семь человѣкъ захотѣли украсть этого коня, но кромѣ кола и семи пугалъ ничего не находили; тогда они обратились къ одному ученому человѣку, чтобы онъ заколдовалъ (сыйхръ) этого коня. Ученый человѣкъ сказалъ имъ, что этотъ конь обладаетъ способностію говорить по человѣчески и никакія средства не помогутъ украсть его. Когда Гали пришелъ къ своему коню, конь разсказалъ ему про замыслы семи человѣкъ, которые хотятъ отдѣлить его отъ хозяина. Тогда Гали воротился обратно въ аулъ, чтобы собраться опять къ дальней дорогѣ; вернувшись изъ аула; не нашелъ коня, а также нѣтъ и тэмиръ казыка (кола) и джэти каракчи (семи пугалъ). Со слезами воротился онъ въ аулъ и разсказалъ своей невѣстѣ о случившемся горѣ; невѣста сказала ему, что онъ коня лишился навѣки, что злодѣи посредствомъ молитвы утвердили его на небѣ: «въ каждую ясную ночь будешь ты видѣть своего коня на небѣ съ семью яркими звѣздами (Малой Медвѣдицы) и желѣзнымъ коломъ, тэмиръ-казыкъ (Полярная звѣзда), а конь твой вѣчно будетъ стоять на привязи». Съ тѣхъ поръ у киргизъ есть повѣрье, что Малая Медвѣдица это есть джэты каракши, а Полярная звѣзда—тэмиръ-казыкъ, «желѣзный колъ», который вбитъ въ землю, и стоитъ неподвижно на небѣ. Конь ждетъ хозяина, когда онъ придетъ за нимъ и возьметъ его; тогда будетъ конецъ свѣта.

Digitized by Google

Качинскіе татары видятъ въ Большой Медвѣдицѣ семь лисицъ, загнанныхъ на небо охотникомъ (Извѣстія И. Р. Г. Общ., т. XX, в. 6 (1884 г.), ст. Попова: Повѣрья и нѣк. обыч. качинскихъ татаръ, стр. 646).

86. ПЛЕЯДЫ.

Мѣстныя названія созвѣздія:

Халхасцы хошуна А-гуна (въ Гурбань-сайханѣ): Мечитъ.

Халхасцы хошуна Туше-гуна (на Онгіинѣ): Мечитъ.

Халхасцы хошуна Чокуръ-вана (на Терхинъ-цаганъ-норѣ)—Дзурганъ-мечитъ.

Южные монголы хошуна Найманъ-вана: Мечитъ.

Хухунорскіе олёты хош. Чинъ-хай-вана: Дзурганъ-одунъ, Дзурганъ-мечинъ (также Долонъ-мечинъ?)

Кобокъзайрьскіе торгоуты (Цокуръ-торгоуты): Мучинъ.

Солоны около Хайлара: Мешй.

Широнголы въ Сань-чуани: Цогцогъ.

Широнголы около У-янъ-бу: Согсогъ-фотў.

Широнголы въ Тунъ-сянѣ: Мечй-хоту.

Широнголы изъ Боу-нани: Менджугъ (съ тангут.).

Шира-ёгуры: Мечитъ.

Салары: Чохчохъ.

Хара-ёгуры: Улыкэръ.

Тангуты около Гумбума: Менджугъ.

По повѣрью хухунорскихъ олётовъ, Плеяды—это шесть или семь художниковъ, нѣкогда жившихъ; олётка, сообщившая это повѣрье, могла назвать только пять: кузнеца, мастера сокращать земное пространство, мастера разбивать камень, плотника, врача. Долонъ эльбичи кубунъ байчжи: темурчи, шиншичи, хлабцзанъ чило эбдедывъ кунъ, модочи, емчи.

Въ другой разъ она же же показала: Эти шесть эльбичи (художниковъ мастеровъ) теперь и есть Дзурганъ-мечинъ (Плеяды); луна — красавица жена, сара сайка катунъ; одна изъ звѣздъ Большой Медвѣдицы—украденный безхитростный мальчикъ, арга угэй кубунъ.

По ея же показанію, Плеяды шесть разъ въ году сближаются съ мѣсяцемъ, долонъ мечинъ сараду токöнä дзурганъ такши.

Въ этихъ показаніяхъ Плеяды называются то Дзурганъ-мечинъ, то Долонъ-мечинъ, т. е. то «шесть обезьянъ», то «семь обезьянъ».

Digitized by Google

(Халхасское преданіе).

Въ Плеядахъ прежде было семь звѣздъ; всѣ онѣ были люди на землѣ и всѣ были очень искусные люди (ихи шидильтей хунь). Одинъ изъ нихъ былъ мѣткій стрѣлокъ; онъ, побившись объ закладъ, натянулъ лукъ и началъ стрѣлять въ солнце и луну, но промахнулся. Тогда онъ отрубилъ себѣ большой палецъ и сказалъ:

хара усу ухунань цацычь ухыя
хахду усу идихиненъ хахычь ухыя

умеръ и возродился суркомъ (тарбаганомъ). А шесть другихъ братьевъ поднялись на небо и стали шестью звѣздами Плеядъ, Дзурганъ мечинъ. Всѣ они семеро (т. е. шесть мечиновъ и седьмой сурокъ) дѣти Хобульдей-мергена (хобулдей мергени долонъ хубунъ). Когда созвѣздіе Плеяды сходятся съ мѣсяцемъ, идетъ снѣгъ: сара мечитъ хоиръ тохеху цахту цасу ородугъ шорхъ шоордыгъ.

Джамсэрэнъ, грамотный лама халхасецъ,
хошуна Далай-чокуръ-бэйли въ Хангаѣ.

Солоны около Хайлара разсказываютъ, что нѣкогда Плеяды украли одну звѣзду у Б. Медвѣдицы.

Весной Мечинъ скрывается, Мечинъ-джилиня; это время называется Мечинъ джилиху цакъ. Въ это время лошади тощаютъ, теряютъ тѣло; овцы тощаютъ, теряютъ жиръ; въ это время мѣшки съ запасомъ нужно крѣпко завязывать, иначе пища станетъ ядовитою, холо хорò болына; посуду нельзя оставлять открытою, иначе въ пищу ядъ войдетъ; въ это время цвѣтъ лица у людей портится, у дѣвицъ хлопотъ прибываетъ [1]), кюнь öнгö чиря мууданя, куукюнъ ӱлѣ икидиня. Краску съ лица людей, талханъ (муку) изъ мѣшковъ, масло изъ посуды, тѣло и жиръ изъ скота, все это уноситъ исчезающая Мечинъ.

Хухунорская олетка въ Гумбумѣ.

По карагасски Плеяды Улюгеръ (Катановъ, Поѣздка къ карагасамъ, Спб., 1891, стр. 11 въ другомъ мѣстѣ, стр. 51, упоминается, безъ пріуроченія къ Плеядамъ, созвѣздіе Угеръ «Корова», состоящее изъ 9 звѣздъ).

Въ изданномъ въ Казани «Словарѣ алтайскаго и аладагскаго нарѣчій» о. Вербицкаго (Казань, 1887) помѣщены слѣдующія тюркскія названія Плеядъ: Ӱлкеръ и Меечінъ (оба на теленгитскомъ нарѣчіи). Объ Ӱлкерѣ разсказана легенда, что у семи царей, jетти-ганъ (т. е. у Б. Медвѣдицы) не было кашевара; они украли у Ӱлкера одного человѣка, который и теперь виденъ въ хвостѣ созвѣздія. Послѣ этого Ӱлкеръ и Jетти-ганъ сторонятся другъ друга (стр. 411). На стр. 487 приведены наблюденія алтайцевъ надъ прохожденіемъ луны мимо Меечіна въ теченіи десяти мѣсяцевъ за исключеніемъ іюля и августа, когда Меечіна не видно. Алтайцы знаютъ, въ который день мѣсяца послѣ новолунія луна проходитъ мимо Меечіна; по ихъ понятіямъ это

[1]) Онѣ должны въ это время траву собирать для мелкаго скота, воду носить, чтобы поить скотъ цзобосонъ ики болына.

Digitized by Google

бываетъ каждый мѣсяцъ съ сентября по іюнь, т. е. десять разъ въ году, а не шесть, какъ по показанію хухунорской олётки, записанному нами.

Въ якутской загадкѣ Плеяды Божій олень съ семью глазами (Верхоянск. Сборникъ, Иркутскъ, 1890, стр. 21).

У ингушей (на Кавказѣ) Чугэйгэрь. Отъ этого созвѣздія происходитъ холодъ на землѣ; если-бъ его не было, не было бы ни зимы, ни снѣга (показаніе ингуша Михайлы, сосланнаго въ Сибирь; записано въ Иркутскѣ).

Въ небольшомъ словарикѣ нарѣчія казанскихъ татаръ, изданномъ въ Казани миссіонерскимъ обществомъ, Илекъ жондовъ переведено «Малая Медвѣдица». Вѣрно ли это? илекъ по татарски сито; на многихъ нарѣчіяхъ этимъ именемъ зовутся Плеяды.

У татаръ Елизавет. губ. (Закавказье) Уркяръ.

Въ Симб. губ. Алатыр. у. Стожаръ, Стоявѣзникъ; Арханг. губ. Шенкур. у. Осиново гнѣздо; Яросл. губ. Моложск. у. дер. Залужье Семикъ (записано мною отъ матросовъ изъ этихъ уѣздовъ). Отъ г. Павловскаго я записалъ, что на Волгѣ около Саратова Плеяды зовутъ Рѣшето; ближе къ Астрахани Куриное гнѣздо или «курица съ цыплятами».—Въ Харьков. губ. (?) Стожаръ, Волосожаръ (Данилевскій, Собр. соч., 1877, Спб., ч. II, стр. 311).

По Левшину (Опис. киргизъ-кайс. ордъ, ч. III, стр. 147) Киргизы даютъ Плеядамъ названіе «дикій баранъ», Аркаръ или Укаръ. И такъ какъ весною «сіе небесное животное» нѣкоторое время не видно, то Киргизы думаютъ, что оно «нисходитъ въ землю и выгоняетъ изъ оной траву нужную для питанія подобныхъ ему земныхъ барановъ и овецъ». Ср. съ русскимъ повѣрьемъ о Семикѣ и Семичихѣ (Очерки, IV, 769).

Въ Алтанъ-Тобчи приведено монгольское имя Плеядъ Мечитъ (переведено Утиное гнѣздо; Труды Вост. Отд. Археол. Общ, VI, 143).

По якутски Плеяды назыв. Юргяль. Въ бурятскомъ эпосѣ упоминается гора Оргилъ (см. выше, стр. 107; а также въ Записк. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. II, в. 1, стр. 45; на вершинѣ горы Оргилъ-ула бѣлый орелъ Саксага). Въ Забайкальи къ ю. отъ р. Джиды есть мѣстность Уркилъ-шолонъ, иначе Хулдатскій караулъ; шолонъ «камень»; Риттеръ, Землевѣд. Азіи», Забайкалье, русск. перев., стр. 97.

Въ якутскомъ сказаніи первый шаманъ на землѣ назывался Анъ-аргылъ-оюнъ (Изв. Вост. Сиб. Отдѣла Геогр. Общ., т. XV, №№ 3—4, стр. 64); за его гордость Ан-тоенъ велѣлъ сжечь его, но шаманъ состоялъ изъ многихъ гадовъ и одна лягушка убѣжала и поселилась на вершинѣ горъ; ср. съ киргизскимъ и сѣверномонгольск. о Плеядахъ, Уркöръ или Мечинъ (Оч., II, 125; IV, 203), какъ о змѣѣ или чудовищѣ, которое, распавшись, ускользаетъ изъ подъ давящаго копыта коровы и превращается въ созвѣздіе. У Рашидъ-эддина Будуй-джиркылъ шаманъ (Зап. Ист. Археол. Общества, т. XIV, стр. 52); Игитъ-иркылъ-ходжа первый уставщикъ церемоній, раздаватель тамговыхъ знаковъ и частей мяса (ibid., 23). У бурятъ есть преданіе о древнемъ шаманѣ Эргилѣ; его мать, семилѣтняя дѣвочка, проглотила градину и зачала. Его имя поминается при посвященіи въ шаманы; повидимому это родоначальникъ шамановъ въ родѣ алтайскаго Тостогоша (Оч., IV, 290). При подниманіи шамана на войлокѣ призывается Хэлгэнъ-саганъ-заянъ (Изв. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIV, № 1—2, Агап. и Ханг., Матер.. стр. 50); ср. съ Галгэнъ-ни, который тоже сынъ дѣвицы, зачавшей отъ проглоченной какой-то красной струи (Оч., II, 162). Полное имя бурятскаго Эргила: Эргилъ-буга-нонинъ. Послѣдніе два члена напоминаютъ бурятскаго Буха-нонина, сказаніе о которомъ имѣетъ двѣ сходныя черты съ алтайскимъ сказаніемъ о первомъ шаманѣ Тарханъ-бо: 1) похищеніе женщины (дѣвицы въ одномъ случаѣ, жены въ другомъ), 2) окаменѣніе (Оч., IV, 290). Въ бурятскихъ сказаніяхъ о первомъ шаманѣ этихъ чертъ нѣтъ; шаманъ же называется Моргонъ-хара, Бохоли-хара и Хара-гыргенъ. Моргонъ-хара есть сынъ орла, беркута (Агапитовъ и Хангаловъ, «Матеріалы», стр. 41).

У финновъ колдунъ называется сыномъ Укко, Ukon poika (Castren, Finn. Myth., 35). Въ Укко, который назыв. «пупомъ неба», скорѣе можно видѣть Полярную Звѣзду, но съ Плеядами иногда соединяются темы общія съ Полярной Звѣздой.

Широнгольское названіе Плеядъ Цогцогъ, саларское Чохчохъ ср. съ названіями козодоя: у Пржевальскаго цогцогъ; по урянхайски въ запад. Алтаѣ: чокчхо; танну-урянх.: чокчога (Очерки, II, 143): по дархатски: чекчегѐ, чекчогъ (Оч., IV, 162); потунгусски по Ралде: чогчоггенъ (Reise nach Ost. Sibirien). По якутски чокчонго, Schnepfe (Böhtlingk, Jakut. deutsch. Wörterb.). Въ Оч., IV, 175: птица Кохъ-цехце есть ночной посѣтитель; въ другихъ же соотвѣтствующихъ

Digitized by Google

сказаніяхъ это летучая мышь (Оч., IV, 174). Въ Алтанъ-Тобчи, стр. 22 упоминается какая-то «семидесятиголосая птица цакцагай». Въ варіантѣ Гэсэръ-хана, который я записалъ въ Ордосѣ, коварная жена Гэсэра Ругъ-могай превращается въ птицу онгонъ-чекчегей. Въ Словарѣ о. Вербицкаго главная изъ семи подземныхъ вѣдьмъ (куу-катъ) называется Чекчекей (стр. 149) [1]).

Къ Плеядамъ пріурочена тема раздробленія змѣинаго тѣла на части. Въ якутской сказкѣ Эрэндахъ-Бурэндахъ убиваетъ Буру; кусокъ сердца Буры, разсѣченнаго на мелкія части, превратился въ чернаго ворона, объявившаго, что онъ будетъ вѣчнымъ врагомъ людей (Middendorff, Reise, B. III, Th. I, S. 94). Въ другой якутской сказкѣ Мангусъ (вар. Агамъ-огусъ) разбиваетъ большую птицу Чичагъ на мелкія части, которыя превращаются въ мелкихъ пташекъ (Верхоянск. Сборникъ, Ирк., 1890, стр. 239; Живая Старина, III, 176).

Чувашскій Кереметь сынъ бога, котораго люди схватили и убили, трупъ его сожгли и золу развѣяли, но убитый превратился въ многочисленныхъ кереметей, которые теперь мстятъ людямъ (Melanges russes, tirée du Bull. hist. philol. de l'Acad. Imp. des sciences, t. III, livrais. 3 (1857), стр. 275). Ср. также въ Revue de l'histoire des religions, T. XIV, № 3, 1886, p. 295 et 299. У А. Н. Веселовскаго въ статьѣ: «Мелкія замѣтки къ былинамъ» (Ж. М. Н. Пр., 1890, май, стр. 67): Егорій раскрошилъ змѣя на мелкія части; румынское преданіе досказываетъ, что изъ головы змѣя зародились черви и мухи. Тутъ же сходныя темы о змѣѣ, убитомъ Кирилой Кожемякой и о Соловьѣ разбойникѣ. Сходныя темы въ бурятскомъ сказаніи о Гэсэрѣ см. выше, стр. 66 (раздробленіе на мелкія части колоссальной пчелы, колоссальной осы и змѣи). Въ алтайскомъ сказаніи Тюрунъ-музыкай убилъ Андалму (вѣроятно то же, что бурятскій Анъ-Дёлмёнъ, см. выше, стр. 128 и 129) и изстругалъ его тѣло; стружки обратились въ гадовъ (О. Ландышевъ, «Космогонія и теогонія алтайск. язычниковъ», Правосл. Соб., 1886, мартъ, 23). Подъ Тюрунъ-музыкаемъ слѣдуетъ, кажется, разумѣть Гэсэра. Анъ-Дёлмёнъ въ бурятской сказкѣ изображается многоглазымъ; такое представленіе, можетъ быть, находится въ связи съ видомъ Плеядъ, состоящихъ изъ скученнаго собранія звѣздъ. Многоглазымъ же (или тысячеглазымъ) изображается и Арья-Бало; другая легенда (о происхожденіи тибетскаго народа) заставляетъ Арья-Бало принять видъ обезьяны (см. выше, стр. 229), монгольское имя которой мечинъ (у бурятъ бычинъ) носитъ у монголовъ и созвѣздіе Плеяды (Мечинъ). Въ русской сказкѣ является многоглазая Пучина (Аѳан., Народ. русск. сказ. 1858, вып. 1, стр. 52: «морская пучина вокругомъ глаза»). Василій Буслаевъ находитъ около нея свою смерть въ наказаніе за гордость; Добрыня за тотъ же порокъ находитъ смерть въ Пучай рѣкѣ; къ рѣчкѣ Почайнѣ близъ Нижняго Новгорода пріурочена эсхатологическая тема; передъ концомъ свѣта она разольется и зальетъ Нижній (Храмцовскій, Кратк. оч. ист. Нижн. Новгорода, т. II, стр. 13); вѣроятно и Почай-рѣка, разливающаяся въ былинѣ о Добрынѣ, имѣетъ такой же болѣе широкій смыслъ. Можетъ быть эсхатологическія темы на Востокѣ связывались съ созвѣздіемъ Плеяды. По якутскому повѣрью, Плеяды представляются заткнутымъ отверстіямъ въ небѣ. Когда оно оттыкается, бываетъ (гибельный?) вѣтеръ. Богатырь Бѣлый Юджіянь хочетъ заткнуть это отверстіе (Записки Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 3, стр. 138, 201; см. также Извѣстія того же Отдѣла, т. XIII, № 3, стр. 36). Впрочемъ представленія о заткнутомъ отверстіи, съ которымъ связана судьба міра, болѣе пріурочены, повидимому, къ Полярной звѣздѣ (см. ниже).

У осетинъ Плеяды есть собраніе пирующихъ нартовъ (Оч., IV, 730); въ бурятскомъ сказаніи боги дѣлаютъ на Плеядахъ совѣщаніе (мэшэнъ дэрэ моргонъ суглаху) о мѣрахъ къ отвращенію смертности у людей (Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XIV, № 1—2, стр. 41). Собраніе боговъ есть въ разсказѣ о заячи (Оч., IV, 360), въ разсказѣ о Гэсэрѣ (Оч., IV, 254; Thaten, 80); собраніе птицъ въ разсказѣ о летучей мыши (Оч., IV, 175). Резиденція хакасскаго хана (О. Іакинѳъ, Собр. св. о нар. ср. Азіи, I, 445) называлась Меджитъ (Мечитъ?); резиденція Огузъ-хана горы Уръ и Керъ (Уркёръ, Плеяды?) (Раш.-эдд., I, 22).

Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 170) упоминается Найманъ-чаганъ-герь. Это было мѣсто, гдѣ повидимому возводились на престолъ монгольскіе ханы. См. Банзаровъ, Черная вѣра, Спб., 1891, стр. 33. Было ли это только имя урочища, или тутъ дѣйствительно находилось «восемь бѣлыхъ юртъ», изъ сказаній не видно. Абульгази говоритъ, что Чингисъ возведенъ въ мѣстности Nauman

[1]) Чохчо, цохцо, цугуцу—мѣдныя чашечки съ масломъ и свѣтильной, которыя ставятся передъ бурханами въ числѣ семи, а иногда восьми. Въ Словарѣ Будагова алт. чокчо, чокчомъ «куча», «ворохъ»; монгол. цукча, «куча», «зданіе», «масса». Въ русскомъ областномъ Плеяды—Кучки.

Digitized by Google

cura; Катрмеръ (Hist. d. Mongols, t. I, p. 117), кажется, ошибается, видя тутъ испорченное Ононъ-Керуленъ. Это Найманъ-горь.

У Рашидъ-эддина (I, 95) восемь братьевъ Киреевъ (найманъ кирей), отъ которыхъ будто бы произошелъ народъ Кирен. У Киданей считалось восемь поколѣній (В. Васильевъ, Ист. и древн. вост. части Ср. Азіи, 8, 9, 172) [1]).

Въ Очеркахъ, IV, 208 знамя Шидырвана «восьминожное», найманъ кольтей. Чингисово знамя называется или «девятиножнымъ», юсунъ-кольтей (бѣлое девятиножное у Рашидъ-эддина, I, 101, III, 112; бѣлое девятиножное въ Алтанъ-Тобчи, 130; юсунъ кольту, neunzipfliche у Санангсэцэна, 71 и 97) или «девяти бунчужнымъ», юсунъ-сольтей (бѣлое о девяти хвостахъ у Мэнъхуна, В. Васильевъ, въ Труд. Вост. Отд. Археол. Общ., IV, 231; у Банзарова о девяти бунчукахъ, «Черн. вѣра», Спб., 1891, стр. 12; въ китайскомъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ, помѣщенномъ въ Вост. Сборн., т. I, Спб., 1877, стр. 180: Чингисъ водрузилъ на Ононѣ знамя о девяти флагахъ, цзю-ю). Знамя Чингисъ-хана фигурируетъ въ народныхъ преданіяхъ, какъ похищаемый предметъ (Очерки, IV, 324). Можетъ быть и самъ Чингисъ изображался похитителемъ знамени. Онъ добываетъ для Алтанъ-хана какого-то Муджинъ-салту, подъ чѣмъ, впрочемъ, сказаніе разумѣетъ человѣка (Рашидъ-эддинъ, I, 55); въ другомъ эпизодѣ осажденный Чингисомъ ханъ предлагаетъ ему созвѣздіе Мечинъ (Алтанъ-Тобчи, 143).

О формѣ Найманъ или Майманъ см. Оч., IV, 725. Олетская сказка о Плеядахъ помѣщена выше, стр. 145. Ср. съ нею славянскія сказки о Плеядахъ, помѣщенныя у Ягича (Archiv für slavische Philologie, V, S. 34, 46).

87. ОРІОНЪ.

Мѣстныя названія созвѣздія:

Халхасцы хошуна А-гуна (въ Гурбанъ-сайханѣ): Гурбанъ-марылъ (три самки благороднаго оленя).

Халхасцы хошуна Чокуръ-вана (на Терхинъ-цаганъ-норѣ): Гурбу-маралъ.

Халхасцы хош. Туше-гуна на Онгіинѣ: Гурбанъ-марылъ.

Южные монголы хош. Найманъ-вана: Гурба-нохой, «три собаки»; Гурба-мышй; хошуна Баря-вана: Гурба-нохой; хошуна Кэшиктенъ: Гурба-марылъ.

Кобокъ-зайрьскіе торгоуты: Гурбанъ-марылъ.

Солоны около Хайлара: Гурбанъ-нохой.

Широнголы въ Сань-чуани: Анчжясы-хоту (анчжясы — «плугъ»; хоту — «звѣзда») [2]).

Широнголы около Боу-нани: Анджюсонъ-хотунъ.

Широнголы въ Тунъ-сянѣ: Анджасы-хоту.

Широнголы около У-янъ-бу: Чжасы-фоту.

Шира-ёгуры: Ртальджинъ.

Хара-ёгуры: Альтальджинъ.

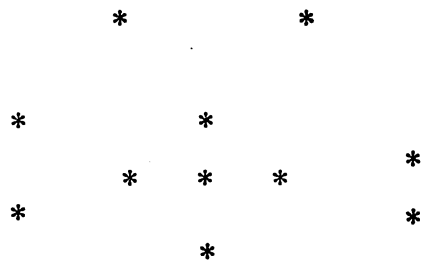
Тангуты около Гумбума: Мендасунъ; около Лабрана: Рпонву-Кенчугъ.

[1]) Лѣтъ тридцать назадъ Банзаровъ указалъ на происхожденіе нѣкоторыхъ именъ поколѣній отъ чиселъ (см. Банзаровъ, Черная вѣра и друг. ст., Спб., 1891, стр. 86). Можно прибавить къ этому, что нѣкоторыя имена поколѣній въ народной памяти сопровождаются какъ бы излюбленными числами. У Уйратовъ, а также у Уратовъ насчитывается четыре поколѣнія; у Мерки три племени; у Киданей восемь (найманъ); у Уйгуровъ девять (юсунъ); у Джелаировъ вѣроятно семь (у враговъ Мунулуны Джелаировъ было 70 куреней, народъ Джелаиръ-хунъ-тайжія раздѣлился на семь хошуновъ).

[2]) Анчжасы также и корова.

Digitized by Google

Одна хухунорская олётка, которую я нашелъ въ Гумбумѣ, нарисовала мнѣ это созвѣздіе въ слѣдующемъ видѣ:



По ея объясненію, три звѣзды, расположенныя рядомъ въ серединѣ группы, это три оленухи, гурбунъ маралъ; одна звѣзда помѣщается надъ этимъ рядомъ, другая подъ нимъ; это стрѣла, прошедшая черезъ середину Гурбунъ-марала; двѣ звѣзды на самомъ верху, это два человѣка, стрѣляющіе въ оленухъ; лѣвый называется Бэмбэ, правый Басынъ; двѣ звѣзды въ лѣвой рукѣ отъ Гурбунъ-марала— двѣ охотничьи собаки; двѣ звѣзды на правой рукѣ — двѣ охотничьи птицы. Такъ толкуется созвѣздіе Оріонъ хухунорскими олётами. У нихъ объ Оріонѣ есть присловье: Хасыръ-басыръ нохойта, харидыкъ-несытыкъ хоиръ шиботай гурбунъ-маралъ садыкенъ-сумунъ дондукенъ хачжи, «имѣющій собакъ Асыра и Басыра и двухъ птицъ, прострѣлилъ по срединѣ Гурбанъ-марала стрѣлою изъ колчана».

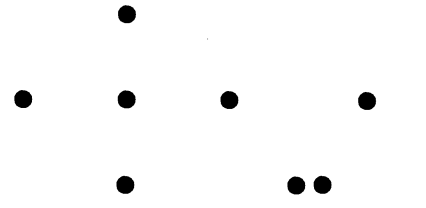
По показанію одного Кобокъ-зайрьскаго торгоута, въ трехъ оленухъ, Гурбанъ-марылъ, стрѣлялъ Тогулунъ-мергенъ (хромой стрѣлокъ); онъ виденъ лѣвѣе созвѣздія; правѣе же созвѣздія видна его стрѣла. Тогулунъ-мергену молятся во время войны.

(Тангутское преданіе).

Красная звѣзда Гачари имѣлъ жену Менчжугъ (Плеяды). Худая звѣзда Рпонву-кенчугъ (Оріонъ) пришелъ на постель къ Менчжугъ; Гачари увидѣлъ и спустилъ (съ горы) камень, который попалъ въ спину Рпонву-кенчуга и изломалъ её. Оттого это созвѣздіе теперь по серединѣ надломлено.

Ами-салунъ, старикъ, тангутъ
изъ окрестностей Лабрана.

Въ рукописи г. Дубровы, хранящейся въ Московскомъ Обществѣ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, содержится помѣщаемое ниже изображеніе созвѣздія.



Digitized by Google

Къ чертежу приложена слѣдующая легенда. Кичиги побурятски называются Одо-мышинъ-сокъ-мышинъ. Рядомъ стоящія три звѣзды называются гурбунъ-маралъ, «три изюбря»[1]). Вдали отъ нихъ самая свѣтлая называется Хухулзенъ хухшинъ саганъ моринъ (Хухулзея старый бѣлый конь)[2]). Нижняя звѣзда называется Хухулзей мыргынъ (мѣткій стрѣлокъ)[3]). Верхняя звѣзда называется Хухулзейнъ годоли (стрѣла Хухулзея)[4]). Съ боку Хухулзейнъ хухшинъ саганъ морина есть двѣ звѣзды; онѣ называются Хухулзей хоиръ нохой (Хухулзеевы двѣ собаки)[5]). Хухулзей велъ войну съ мараломъ и прострѣлилъ среднюю звѣзду, почему она и ярче боковыхъ.

И. В. Вамбоцереновъ, хоринскій бурятъ, сообщилъ мнѣ, что хоринцы именемъ Одо-мышинъ сокъ мышинъ[6]) называютъ то созвѣздіе, которое русскіе крестьяне зовутъ Кучками (Плеяды), а Оріону они даютъ имя Гурбынъ бого хогонъ, «три оленя»[7]). Вправо отъ этихъ трехъ звѣздъ свѣтлая звѣзда называется Сайлынъ-убугунъ; это бѣлый старикъ, который гонится за оленями и хочетъ въ нихъ стрѣлять. Ниже оленей три звѣзды это три охотничьи собаки старика, гурбанъ нохой.

Въ «Словарѣ алтайскаго и аладагск. нарѣчій» о. Вербицкаго (Казань, 1887) приведено теленгитское названіе Оріона: Учъ мыйгакъ; при этомъ сообщена легенда: три самки марала отъ погони богатыря Кёгульдея заскочили на небо и остались тамъ; послѣ этого и земныя ихъ сестры не умираютъ на землѣ, а пришедши въ старость, переселяются на небо; поэтому люди не видятъ ни костей, ни труповъ самокъ марала (стр. 417). Въ другомъ мѣстѣ того же словаря (на стр. 304) дана другая легенда объ Оріонѣ: Во время всемірнаго потопа Соозунъ, старшій сынъ Намы (Ноя) распоряжался, вмѣсто слабаго зрѣніемъ отца, постройкою корабля; по отшествіи отца на небо Соозунъ исчезъ, оставивъ свою одежду въ томъ положеніи, въ какомъ она была на немъ—съ завязаннымъ поясомъ и завязками. Нама (впослѣдствіи Джаячи) поставилъ Соозуна созвѣздіемъ Оріонъ. Легенда о старцѣ, спасающемся на плоту отъ наводненія и имѣвшемъ трехъ сыновей, записана была мною отъ урянхайца; третій сынъ старика былъ хамъ, т. е. шаманъ; отъ него пошли и остальные шаманы (Очерки, IV, 207); можно было подумать, что эта легенда русскаго происхожденія, потому что урянхаецъ прожилъ годъ въ Минусинскѣ. Но алтайскій варіантъ также связываетъ легенду о потопѣ съ идеей о первомъ шаманѣ. Третій сынъ Янкъ-хана Балыкса заболѣлъ и призвалъ человѣка Тянгару; это и былъ первый камъ (Ландышевъ, Космогонія алтайск. язычниковъ, Правосл. Соб., 1886, мартъ, 27).

У Карагасовъ Оріонъ назыв. Ушъ мыйгакъ (три изюбря); одна изъ звѣздъ человѣкъ, другая изюбрь и третья стрѣла (Катановъ, Поѣздка къ карагасамъ, Спб., 1891, стр. 51).

Въ Иркутскѣ отъ одного ингуша, сосланнаго въ Сибирь, я записалъ ингушское названіе Оріона, собственно трехъ звѣздъ его пояса: Со́лцана цàмца, «костыль Солцана». Одна звѣзда красная; это тотъ конецъ костыля, которымъ Со́лцанъ убивалъ людей; средняя бѣлая, за это мѣсто Солцанъ держалъ костыль рукой; третья темная; это конецъ, которымъ онъ упирался въ землю. Вѣроятно къ Оріону же относится и ингушское названіе Богски; такъ называются какія-то три звѣзды, расположенныя треугольникомъ; это чурекъ (хлѣбъ) трехъугольнаго очертанія, который испекла женщина Сàта; одна звѣзда темнѣе; это пригорѣлый край чурека.

Русскія областныя: въ арханг. губ. шенкурск. у. Кичиги; саратовск. губ. вольск. у. три звѣзды пояса, треугольникъ и еще одна звѣзда, слѣдов. семь звѣздъ: Петровъ крестъ (записано отъ матросовъ изъ этихъ уѣздовъ).

Полопарски Оріонъ Kalla parneh, сильный охотникъ, лукъ котораго Б. Медвѣдица, а звѣзды, принадлежащія къ созвѣздію Кассіопея, это лось, котораго онъ гналъ, сопровождаемый своей собакой. У финновъ Оріонъ называется Wäinämöisen's wikate, «тетива Вейнемейнена» или Wäinämöisen meikka, «мечъ Вейнемейнена» (Castren, Finn. Myth., 320).

---

[1]) На чертежѣ три звѣзды въ рядъ, образующія горизонтальную линію.

[2]) Отдѣльно на рисункѣ стоящая вправо отъ трехъ предъидущихъ.

[3]) Внизу отъ трехъ звѣздъ, противъ средней изъ нихъ.

[4]) Самая верхняя на рисункѣ.

[5]) Въ правомъ углу рисунка между нижней звѣздой созвѣздія и самой правой, отдѣльно стоящей звѣздой.

[6]) Одо «свѣтило»; сокъ «вмѣстѣ»; мышинъ—«обезьяна».

[7]) Бого—олень самецъ; хогонъ—олениха.

Digitized by Google

Въ Записк. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. II, в. 2, на таблицѣ I къ ст. г. Клеменца «Нѣсколько образцовъ бубновъ минусинск. инородцевъ» представленъ бубенъ съ начертаніями; въ верхнемъ полукругѣ изображенъ охотникъ съ лукомъ и стрѣлой, впереди его бѣгутъ два черныхъ животныхъ, надъ нимъ летятъ двѣ черныя птицы. Этой группѣ можно было бы дать такое толкованіе; охотникъ—это Кобундей мэргэнъ, охотникъ за оленями (Оріонъ); двѣ птицы его ловчіе ястребы; два бѣгущихъ животныхъ—его охотничьи собаки Асыръ и Басыръ. Шаманъ далъ г. Клеменцу иное объясненіе.

Ночныя посѣщенія въ другихъ сказаніяхъ приписываются летучей мыши; въ одной легендѣ летучая мышь посѣщаетъ беркутиху (беркута самку) (Оч., IV, 174). Слѣдовательно Менчугъ—беркутиха. На языкѣ саньчуаньскихъ широнголовъ беркутъ называется хара-боргонъ; у бурятъ имя Моргонъ-хара носилъ первый шаманъ (Изв. Восточно-сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XI. №№ 1—2, стр. 87). По другой бурятской легендѣ (Извѣстія того же Отдѣла, т. XIV, в. 1—2, стр. 41) первымъ шаманомъ былъ Моргонъ-хара, сынъ орла, который спустился на землю и вступилъ въ бракъ съ женщиною. Этотъ орелъ былъ сынъ женщины Самсагай. Не существуетъ ли у бурятъ варіантовъ, въ которыхъ Самсагай является не матерью, а его женой? Тогда форму «моргонъ», придерживаясь къ тангутской легендѣ, можно было бы отнести къ Оріону, а Самсагай къ Плеядамъ; ср. Цогцогъ, Плеяды поширонгольски. Форма «мергенъ» встрѣчается въ разсказѣ о Гэсэрѣ; одна изъ его женъ называется Ана-мергенъ (Оч., IV, 256), Аджу-мергенъ (Thaten des Bogda Gesser chan's, 28 и 273). О соприкосновеніяхъ разсказа о Гэсэрѣ съ разсказами о ночныхъ посѣщеніяхъ летучей мыши см. выше стр. 127 и Оч., IV, 820. Не было ли разсказа объ Ана-мергенъ, посѣщаемой по ночамъ Гэсэромъ? Тогда Гэсэръ—Оріонъ, Ана-мергенъ—Плеяды.

Въ бурятскихъ легендахъ Уха-солбонъ (звѣзда Зарница) посѣщаетъ чужую жену Малганъ; слѣдовательно, примѣняясь къ тангутской легендѣ, Малганъ—Плеяды, а ея мужъ Ханъ-бата, преслѣдующій невѣрную жену, есть красный Гачари. Въ греческомъ миѳѣ невѣрная жена это Венера; противникъ ея мужа Марсъ. О красной звѣздѣ см. Оч., IV, 789. Въ статьѣ Агапитова и Хангалова (Изв. Вост. сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIV, № 1—2, стр. 3) одинъ изъ тэнгировъ называется Галта-уланъ-тэнгиръ, «огненно-красный тэнгиръ» (или «красный тэнгиръ Галта?»).

У Гачари жену отнимаетъ Оріонъ; у Гэсэра жену увозятъ три царя. Жена Гачаріева—Плеяды; Ругъ-могой, увезенная жена Гэсэра, превращается впослѣдствіи въ птицу онгонъ-чокчогой (т. е. въ Цокцогъ, Плеяды?)

У Шлагинтвейта (Buddhism, 289) приведена таблица тибетскихъ именъ планетъ, соотвѣтствующихъ днямъ недѣли, и ихъ символическихъ знаковъ; приводимъ ее ниже, дополнивъ изъ Палласа (Sammlung., Th. II, S. 220).

	Палласъ.		Шлагинтвейтъ.	
	Монгольскія.	Тибетскія.		
1) Солнце	naran	nima	nyima	солнце
2) Луна	ssara	dava	dava	луна въ ущербѣ
3) Марсъ	ulan nidun	mikmar	migmar	глазъ
4) Меркурій	ulemschin [4])	chlakba	lhagpa	рука
5) Юпитеръ	cadasun	purbu	phurbu	три гвоздя
6) Венера	bassang	selmenn	pasang	подвязка (garter)
7) Сатурнъ	bämbä	zalussa	penpa	связка (bundle)

Монгольское уланъ-нидунъ, названіе Марса, въ переводѣ будетъ «красный глазъ»; тоже значеніе имѣетъ и тибетское мигмаръ (мигъ, «глазъ», маръ «красный»). Басангъ у Бергмана (Streifereien, IV, 65) значитъ Venus. Въ Шиддикурѣ (Этн. Сп., VI, 144) именемъ Масангъ называется человѣкъ съ бычьей головой; онъ разбитъ на семь частей, которыя по варіанту, записанному мной (Очерки, IV, 198, 203), образуютъ созвѣздіе Б. Медвѣдицу. Палласовское Selmenn можетъ быть по ошибкѣ, поставлено въ ряду тибетскихъ названій; это вѣроятно монгольское Цолмоаъ. Монгольское «кадазунъ» (Юпитеръ), у Бергмана Gaddasun (Streifereien, IV, 65), значитъ «гвоздь»; это имя въ народномъ монгольскомъ придается обыкновенно Полярной звѣздѣ. «Три гвоздя» скорѣе напоминаютъ Оріонъ, чѣмъ Юпитера. Символическое орудіе пурьву, употребляемое буддистами, имѣетъ видъ наконечника стрѣлы, обращенной остріемъ внизъ; на тупомъ концѣ ея утверждена

[4]) Ulämtshi у Бермана, Streifereien, IV, 65.

Digitized by Google

головка очира. Иногда на рисункахъ встрѣчается такое изображеніе: треугольникъ обращенъ вершиной внизъ; на его основаніи посажена голова бога Тамдина и по сторонамъ ея двѣ головки очира; третьей головкой очира увѣнчана голова бога (см. у Шлагинтвейта, Buddhism, 257). Тамдинъ есть защитникъ людей противъ злыхъ духовъ; см. выше стр. 242 и 283. Тибетское пурьву Шлагинтвейтъ переводитъ словами «гвоздь», «игла».

Число три употреблялось уже въ символистикѣ того азіатскаго народа, который ставилъ каменныя бабы въ сѣверной Монголіи (см. Очерки, II, 69, 70, 71 и Древности, изд. Московск. Археол. Общ., т. X, стр. 52 и 53); въ «Древностяхъ» мною сопоставлено паденіе, придаваемое символическимъ тремъ чертамъ съ паденіемъ линіи пояса Ріона. Въ современной практикѣ сибирскихъ народностей три параллельныя черты живутъ еще у киргизъ (см. Очерки, II, прим., стр. 20) и можетъ быть у остяковъ (Историческій Вѣстникъ, 1889, октябрь, ст. г. Оглоблина: «Остяцкія знамена XVII вѣка», стр. 147); у послѣднихъ они употреблялись въ XVII вѣкѣ и назывались: «шайтанова рожа» и «болванъ».

---

89. ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА.

Мѣстныя названія звѣзды:
Халхасцы хошуна Чокуръ-вана (на Тирхинъ-Цаганъ-норѣ) Алтынъ-гатысъ.
Халхасцы хошуна Туше-гуна на Онгіинѣ: Алтынъ-хатасынъ.
Халхасцы хошуна А-гуна въ Гурбанъ-Сайханѣ: Алтынъ-хатысъ.
Кобокъ-зайрьскіе торгоуты: Алтынъ-хасынъ, Алтынъ-одунъ.
Солоны около Хайлара: Алтынъ-гадасы.
Салары: Купя-юлтусъ.
Широнголы: Кани-хоту (китайцы зовутъ ее цу-вый-шинъ).

Полярная звѣзда есть сумунъ-ганьчжуръ, «Золотая маковка» монастыря Намчжиль-хансынъ, который стоитъ на вершинѣ горы Сумбуръ-олы.

Халхасецъ хошуна Чокуръ-бэйли.

Купя-юлтусъ, говорятъ салары, стоитъ надъ Самаркандомъ.

Волжскіе калмыки зовутъ полярную звѣзду Алтанъ Гасунъ (Нефедьевъ, Подробн. свѣд. о волжск. калм., Спб., 1834, стр. 244). По Бергману (Streifereien III, 42) Altan Gassunn; въ Очеркахъ IV, 734 невѣрно Алтанъ-Гадасунъ.

Киргизское названіе ея Темиръ-казыкъ, «желѣзный колъ», приведено у Левшина (Опис. киргизскихъ ордъ, ч. III, стр. 146), съ указаніемъ на мѣсто у Герберштейна, который тоже сообщаетъ названіе этой звѣзды: Selesnicoll.

Отъ осетина записанное мною названіе этой звѣзды: Кабатаръ-сталъ; сталъ «звѣзда»; кабатаръ перестановка отъ бакатаръ, т. е. богатырь (см. В. Ѳ. Миллеръ, Экскурсы въ область русск. былин. эпоса, М., 189 стр. 222); слѣдовательно «Богатырь-звѣзда». Осетинъ истолковалъ: «храбрая звѣзда».

У лопарей, эстовъ и др., Полярная звѣзда назыв. «колъ», «гвоздь сѣвера». Мордовское названіе Полярной звѣзды неизвѣстно. По-мордовски у Альквиста «гвоздь» salmoks, у Видемана «колючка» salmoks. Не называли ли они этимъ же именемъ и Полярную звѣзду?

Digitized by Google

Финны называютъ ее «звѣзда сѣвера», Pohjan tähti; Kastren, Finn. Myth., 59. Не она ли нѣкогда разумѣлась подъ именемъ Ukko, который въ финскихъ рунахъ называется «пупъ неба», «носитель всего воздуха»? Вѣроятно вѣрили, говоритъ Кастренъ, что онъ, покоясь въ пространствѣ, держитъ на своихъ сильныхъ плечахъ всю твердь небесную. Ibid., 33.

По-бурятски «колъ» gatahan, gatahun, gadaso; по-саларски «гвоздь» кадахъ. Въ Ордосѣ есть поколѣніе Хатагинъ; Qatagan упоминается путешественникомъ Шау среди поколѣній узбековъ въ Кундузѣ (Zeitschrift d. Gesell. für Erdkunde zu Berlin, 1882, B. XVII, H. VI, стр. 446). Ср. съ формами Катай-ханъ, Киденъ ханъ и Кёдёнъ-пи, которыя являются въ сказкахъ сибирскихъ татаръ (Radloff Prob., I, 226; IV, 69, 182). У Рашидъ-эддина съ формою «китайскій ханъ» связана тема о пригвожденіи. Полная форма «Алтынъ ханъ китайскій» (Рашидъ-эддинъ, I, 53, 54, 184 [1]). Не образовалась ли эта форма изъ монгольской: алтынъ катаганъ, «золотой колъ», т. е. Полярная звѣзда (черезъ форму Алтынъ-кёдёнъ-ханъ)?

Именемъ алтынъ-хатасынъ, «золотой колъ» иногда называются предметы и на землѣ. Алтынъ-хатасынъ—отдѣльная скала въ долинѣ р. Букони, уединенно стоящая на ровномъ мѣстѣ; Оч. III, 15. Алтань-гасу-цилу, «Золотой колъ», гора въ вершинахъ Желтой рѣки, близь равнины Одонъ-тала, «Звѣздная равнина» по-монгольски, Синъ-су-хай, «Звѣздное море» по-китайски; о. Іакинѳъ, Истор. Тибета и Хухунора, II, стр. 181. У Успенскаго въ статьѣ «Страна Кукэноръ», стр. 81, эта же гора, вѣроятно, подъ именемъ Хадасы-чоло.

Тѣмъ же именемъ алтынъ хатасынъ, «Золотымъ коломъ» называется въ Ордосѣ человѣкъ, который долженъ неподвижно стоять съ зарытыми въ песокъ ступнями ногъ во время поминокъ въ память Чингисъ-хана; см. выше, ч. I, стр. 123. Онъ изображаетъ человѣка, укравшаго золотой приколъ у Чингисъ-хана, къ которому послѣдній привязывалъ свою бѣлую, спустившуюся съ неба лошадь.

Не подобный ли ордосскому таилгану праздникъ разумѣетъ китайская лѣтопись, разсказывающая, что у киданей былъ праздникъ «гвоздя» въ 1-й день 1-й луны (ВасильевъИстор. и древности восточн. части средн. Азіи, въ Трудахъ Восточн. Отд. Археол. Общ., ч. IV, стр. 187); въ этотъ день гоняли мышей, думая, что изгоняютъ чертей; выбрасывали изъ палатки 49 хлѣбныхъ колобковъ; потомъ не выходили изъ палатки въ теченіе 7 дней.

О закопанномъ въ землю человѣкѣ разсказывалось въ Хотанѣ. Жители города О-лао-ло-цзя не почтили принесенную статую бога и рагана, поклонившагося ей, закопали въ землю по горло. Раганъ предсказалъ имъ, что городъ черезъ 7 дней будетъ погребенъ подъ песчанымъ дождемъ, и исчезъ. И городъ былъ засыпанъ пескомъ (см. выше, стр. 191).

Въ одной армянской лѣтописи есть указаніе, что удачливымъ въ битвахъ людямъ давалось прозвище «золотой столбъ» (Паткановъ, Истор. монгол., инока Магакія «Истор. народа стрѣлковъ», (Спб., стр. 20). Ср. съ мѣстомъ Рашидъ-эддина объ Алтанъ-ходого, «золотой горшокъ», который былъ въ это званіе произведенъ за свой умъ (I, стр. 147 и 154).

У Мессершмидта: Schemata poporum, an Gurban-yrdaenaèh (i. e. Triplicitatis sacrae) et Aldang-Gadassu i. e. Aureae Lacertae vel Serpentis (В. В. Радловъ, Сибирск. древности, т. I, в. 1, стр. 7).

Въ Очеркахъ, IV, 736 я уже останавливался на мысли, что неподвижность Полярной звѣзды, которая не могла не быть не замѣченною кочевниками и звѣроловами, должна была неизбѣжно отразиться въ сказаніяхъ сѣверной Азіи. Къ ней, повидимому, относятся темы о неподвижномъ положеніи въ родѣ дюрбютскаго сказанія о верблюдѣ (теменъ), который былъ положенъ, когда земля и небо еще не были раздѣлены, и никакой богатырь не можетъ сдвинуть его съ мѣста (Очерки, IV, 479). Тамъ же я говорилъ и о пріуроченіи къ этой звѣздѣ эсхатологическихъ темъ. Это или столбъ (колъ) вбитый, отъ прочнаго стоянія котораго зависитъ правильность мірового кругообращенія, или камень, которымъ заложено отверстіе; если онъ будетъ вынутъ, въ отверстіе польется вода, которая зальетъ землю. Къ сказанному тамъ можно прибавить тибетское сказаніе

---

[1]) Въ сказаніи о Гэсэрѣ царь Гума, въ царствѣ котораго жизненное движеніе остановилось, также имѣетъ эпитетъ «китайскій» (китатенъ-ханъ; китатъ множ. ч., китанъ ед. ч. въ монгольскомъ: китайцы, китаецъ).

Digitized by Google

о Кала-мэмбырѣ и Желѣзномъ Асынѣ (Темиръ-асынѣ), см. выше, стр. 21, 120, 126 [1]). О камняхъ, которыми заткнуты отверстія, угрожающія разливомъ воды, см. на стр. 211, 214 [2]). Въ орхонской легендѣ это вотбо (бородавка) во лбу статуи бога или драгоцѣнный камень, вставленный на мѣсто вотбо; когда ханъ оютскій вынулъ камень [3]), Орхонъ разлился и потопилъ людей (Живая Старина, 1891, III, 240). Ср. о Чеботкѣ, который закопалъ себя въ пещерѣ по плечи и не выйдетъ, пока земля не обновится къ судному дню (А. Н. Веселовскій, въ Ж. М. Н. Пр., 1890, май, «Мелкія замѣтки къ былинамъ», стр. 65; архим. Леонидъ въ Кіевск. Старинѣ, 1890, февраль); о птицѣ Страфилѣ, которая міръ держитъ подъ правымъ крыломъ; когда она встрепенется, будетъ послѣднее время (А. Н. Веселовскій, Славянск. сказ. о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 216); о столбѣ въ кавказскомъ сказаніи, который старается раскачать женщина Рокапи, но на вершину столба садится пташка; Рокапи хочетъ убить ее молотомъ, и только сильнѣе вгоняетъ столбъ въ землю (Сборникъ матер. для описанія Кавказа, т. IX; у Вс. Ѳ. Миллера, въ Ж. М. Н. Пр., 1890, іюнь). Въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ запустѣніе послѣдняго произошло отъ извлеченія заложеннаго въ стѣну меча (А. Н. Веселовскій, «Повѣсть о Вавилонск. царствѣ» въ Славянскомъ Сборникѣ, III, 132). Въ алтайскомъ сказаніи Ерликъ вынимаетъ изъ земли конецъ посоха и изъ отверстія выходятъ гады, наполняющіе землю (Очерки, IV, 223) [4]).

О колоннѣ, поддерживающей потолокъ храма въ Менгу-цзу см. на стр. 249 и 252 (сближено съ горой Алтынъ-ту [5]) алтайскаго сказанія, которая виситъ съ неба и на колѣно не достигаетъ до земли; о. Вербицкій, Алтайцы, 104). Тамъ же и о висящей на воздухѣ башнѣ (субурганѣ).

Нѣкоторые одинокіе камни среди равнины носятъ названіе, общее съ Полярной звѣздой, Алтынъ хатасынъ, Алтань гасу (см. выше, стр. 331); иногда мѣстность называется «пупомъ»; въ Алтаѣ указывается «пупъ Алтая»; это озеро, находящееся въ Саянскомъ хребтѣ, въ вершинахъ р. Каракола; по-тюркски оно назыв. Алтайдынъ-кіпдічі (газета «Сибирск. Вѣсти.», изд. въ Томскѣ, 1887 г., № 27). Замѣчательно, что тутъ же мѣстность съ группой изъ 22 озеръ, которая называется Djildiz-col, Джилдизъ-коль, «Звѣздное озеро» (Чихачевъ, Voyage dans l'Altai, Paris, 1845, p. 134). Чихачеву это имя невольно напоминаетъ «Звѣздное море», которое находится въ вершинахъ Желтой рѣки и также состоитъ изъ множества озеръ (и около котораго указывается выше упомянутая гора Алтань-гасу).

Пупы земли. Въ якутскихъ сказаніяхъ, см. Верхоянскій сборникъ, Ирк., 1890, стр. 12: желтый пупъ (арагасъ [6]) книгирь) матери вселенной; стр. 132: пупъ земли (сирь киня); 144: пупъ земли, гдѣ постоянное счастіе и широкое богатство; 152: пупъ земли, тихое мѣсто. Въ призываніяхъ алтайскихъ шамановъ упоминаются «пупъ неба» и «пупъ земли», Radloff, Das Schamanenthum und seine Kultus, s. abdr. aus: «Aus Sibirien», Leipz., 1885, S. 8. Въ тибетскомъ сказаніи пупъ океана тамъ, гдѣ была построена Менгу-цзу; см. выше, стр. 201. О финскомъ пупѣ неба выше, стр. 324 и 321. Шмидтъ (Schmidt, Gesch d. Ost-Mong., s. 317) сообщаетъ о тибетскомъ представленіи (по книгѣ Бодиморъ) о восьми пупахъ земли, по-монгольски: ghasarihn naiman kuissun.

Въ киргизской легендѣ о Хорхутѣ (Труды Вост. Отд. И. Археол. Общ., т. IV, (1859) ст. Вельяминова-Зернова, «Памятники съ арабск.-тат. надписью», стр. 283; тутъ онъ ауліе, святой; у Валиханова—это былъ киргизскій шаманъ; Очерки, IV, 847), могила котораго находится на Сыръ-Дарьѣ, разсказывается, что жилъ онъ прежде на краю свѣта и разъ увидѣлъ ночью во снѣ, что люди роютъ могилу. «Для кого вы роете?» спросилъ святой. «Для святого Хорхута»,

---

[1]) Кала-мэмбыръ и Темиръ-асынъ можетъ быть раздвоившійся персонажъ; Темиръ-асынъ весь желѣзный, за исключеніемъ одного мѣста на горлѣ. Кала-мэмбыръ былъ помѣщенъ въ желѣзный домъ, чтобъ закалить или оруденить его тѣло.

[2]) Въ числѣ варіантовъ легенды о разливѣ воды на этой страницѣ опущенъ записанный г. Корольковымъ (Восточн. Обозр., изд. въ Иркутскѣ, 1890 г. № 6), интересный указаніемъ, что ослиныя уши, приписываемыя царю, киргизскими разсказчиками замѣняются иногда бычьими рогами.

[3]) Въ Очеркахъ, IV, 607: Кирвесъ убиваетъ желѣзнаго оленя (темиръ-сынъ) въ единственное уязвимое мѣсто на лбу.

[4]) О происхожденіи гадовъ см. Изв. Вост. Сиб. Отд, И. Р. Геогр. Общ., т. XV, №№ 3—4, стр. 64 (изъ тѣла шамана Аргыла). См. также выше, стр. 325 и о. Вербицкаго, Алтайцы, Томскъ, 1870, стр. 120.

[5]) Ту по алт. гора. Алтынъ-тугъ, «золотой стягъ».

[6]) Арагасъ—«желтый». По Щукину якуты называютъ Б. Медвѣдицу Аргасъ—сулусъ (Н. Щукинъ, Поѣздка въ Якутскъ, Спб., 1844, стр. 287); у другихъ авторовъ Арангасъ-сулусъ.

Digitized by Google

былъ отвѣтъ. Встревоженный Хорхутъ, желая избѣжать смерти, на другой же день переѣхалъ жить на второй край свѣта. Тутъ онъ увидѣлъ тотъ же сонъ. Опять съ разсвѣтомъ пустился онъ въ дорогу. Такимъ образомъ обошелъ всѣ четыре угла земли и съ отчаянія, не зная куда дѣться, рѣшилъ переселиться въ центръ земли. Центромъ оказался берегъ Сыръ-Дарьи, гдѣ теперь его могила. Но и здѣсь онъ увидѣлъ тотъ же сонъ. Тогда, желая перехитрить судьбу, онъ перебрался жить на воду, разостлалъ свое одѣяло по Сыру и тутъ прожилъ сто лѣтъ, постоянно играя на домбрѣ.

Въ тюрко-сибирской сказкѣ тема о богатырѣ, наѣхавшемъ на приготовляемую для него могилу, пріурочена къ Акъ-Кобоку (Radloff, Proben, IV, 71). Я думаю, что этотъ сюжетъ чаще разсказывался о соперникѣ Акъ-Кобока, Киданъ-ханѣ [1]), и вотъ почему. Богатырь, нашедши гробницу, примѣривается и (въ тюркской сказкѣ добровольно) погребается въ ней. Въ Сибири распространено повѣрье о чуди, которая сама закопалась въ землю. Въ Тобольск. губ. татары называютъ первонасельниковъ своей родины **китанами**; вѣроятно объ этихъ китанахъ передавалась, и можетъ быть и теперь разсказывается сказка о закопавшихся людяхъ.

Въ русскихъ былинахъ, вмѣсто Акъ-Кобока, Святогоръ; [2]) онъ наѣзжаетъ на каменную, гробницу и ложится въ нее. Святогоръ погрязъ въ землѣ, поднимая сумку съ земной тягой; «тутъ ему было и конченіе»; Рыбн., I, № 7. [3]) Эту земную тягу и «земляную тяготу» ср. съ высунувшимся концомъ оси земной въ тангутскомъ сказаніи; см. выше стр. 241. Святогоръ сближается съ Аникой; Аника наѣзжаетъ на сумку, не можетъ поднять, потомъ на Чудо и умираетъ; въ другомъ мѣстѣ, вмѣсто Чуда, Смерть. А. Н. Веселовскій говоритъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ предположенія, что въ сумкѣ Смерть [4]), которая потомъ выскакиваетъ изъ сумки (въ Ж. М. Н. Пр., ч. CCXXXI, въ статьѣ о книгѣ Жданова: «Къ литерат. исторіи русск. былевой поэзіи», стр. 363). Въ тангутскомъ сказаніи Кала-мэмбыръ достигаетъ китайца, поднимающагося въ гору съ ящикомъ на спинѣ; ящикъ падаетъ, разбивается и изъ него выскакиваетъ желѣзный Асынъ (темиръ-асынъ); слѣдуетъ окаменѣніе; см. выше, стр. 21.

Желѣзный столбъ или сходный образъ въ русскихъ заговорахъ и апокрифахъ

Въ донскомъ заговорѣ: на морѣ-окіянѣ столбъ, высота его отъ земли до неба; на столбѣ царь, (Жив. Старина, кн. III (1891), стр. 136). Въ вологодскомъ: «желѣзное море», «желѣзный столбъ», «желѣзный мужъ», подпирающійся посохомъ отъ земли до неба; Н. А. Иваницкій, Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи, М., 1890, стр. 137 и 138. Въ бѣлорусскомъ: дубъ на бѣломъ камнѣ (Романовъ, Бѣлорусск. Сборн., вып. V, Витебскъ, 1891, стр. 6, 25, 41, 130); царь дубъ (82), столбъ (51). У В. Мочульскаго (Историко-литерат. анализъ стиха о Голубиной книгѣ, Варш. 1887. стр. 69 и 79): «доубь желѣзный», который поддерживаетъ міръ; «семь желѣзныхъ столповъ»; (стр. 65): «небо ходитъ на гвоздіяхъ». Кромѣ столбовъ въ составъ міровой опоры входятъ киты или рыбы. Г. Мочульскій приводитъ изъ Якушкина: «когда Совръ рыба поворотится, всѣ синія моря восколыхнутся» [5]).

Объ одинокомъ деревѣ необыкновеннаго роста Оронъ-ганцхавъ модо—см. Очерки, II, 162; IV, 187, 298; о деревѣ, приносящемъ довольство, см. выше стр. 253; о якутскомъ деревѣ, изъ котораго сочится сюлюгяй, сказано на стр. 312; нужно еще указать на якутскій **ардукъ-масъ**, въ Записк. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 149; (это дерево, вершина котораго проросла три неба; изъ него сочится жидкость **джилликей**, которая даетъ питающимся ею благоденствіе). Ср. также у Миддендорфа, Sibirische Reise, B. III, Th. 1, S. 79.

---

[1]) О Киданъ-ханѣ см. у В. В. Радлова: Proben, I, 226; IV, 69, 182. Желѣзный асынъ въ тибетской сказкѣ (см. выше, стр. 21) находился въ ящикѣ, который несъ китаецъ (не вмѣсто ли Киданъ-хана?)

[2]) Въ смоленской сказкѣ могила приготовляется для богатыря Аль-Кадима (В. Н. Добровольскій; Смоленск. Сборн., Спб., 1891, ч. I, стр. 402).

[3]) Эсхатологическая тема пріурочена народной памятью къ храму на Святыхъ горахъ (см. въ статьѣ г. Сумцова: «Очеркъ исторіи южно-русск. апокриф. сказаній» въ Кіевск. Старинѣ, 1887, ноябрь, стр. 404).

[4]) Не находится ли эта форма въ связи съ былинными: рѣка Смородина, Самородовичъ?

[5]) Въ стихѣ о Егоріи Севръ-рыбу держитъ птица, сидящая на городской стѣнѣ, къ которой онъ подъѣзжаетъ, миновавъ заставы; Гэсэръ, миновавъ заставы, видитъ городскую стѣну и на стѣнѣ Рогмо-гоа (см. выше, стр. 31).

Digitized by Google

Бурятское сказаніе (см. выше, стр. 107, 129) на днѣ моря помѣщаетъ морское чудовище Дöлмö. У него все тѣло покрыто глазами; глазъ находящійся на серединѣ тѣла, единственное уязвимое мѣсто. Въ алтайскомъ сказаніи богатырь Торонъ-музыкай выпиваетъ море, чтобы осушить чудовище Андалму и убить; см. у. о. Вербицкаго, Алтайцы, Томскъ, 2870, стр. 120. Ср. донской заговоръ: «и рече Г'осподь еретникамъ: сходитесь на кіянъ море, выпійте море кіянъ, осушите латырь-камень» (Живая Старина, кн. III (1891), стр. 135).

Темиръ, «желѣзо» встрѣчается еще въ слѣдующихъ парныхъ: 1) Темиръ-цорго, рѣка въ сѣв. Монголіи; Темиръ-черга, рѣка въ котловинѣ оз. Зайсана; цорго—кривая труба, употребляемая при винокуреніи; съ этимъ словомъ калмыцкая легенда ставитъ въ связь имя Цороса, предка калмыковъ. Иркутскій монголистъ Стуковъ говоритъ, что цорогъ—кривой сукъ (Памятн. кн. Ирк. губ., 1881 г., стр. 187). 2) Темиръ-тайга; см. Очерки, IV, 64; тайга по-алтайски бѣлокъ, высокая гора. Ср. у бурятъ Тамиря-уланъ, гора, на которой живетъ тайша змѣй (Изв. Вост. сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIV, №№ 1—2, стр. 22). Если въ тюркомонгольскомъ носовой звукъ переходилъ въ м, какъ въ славянскомъ, то форма темиръ могла произойти отъ тенгиръ, тенгри, «небо». Ханъ-тэнгри или Тэнгри-ола называется высшій пикъ въ Тяньшаньскомъ хребтѣ.[1])

Тема о скованномъ или прикованномъ въ связи съ формой темиръ: 1) Сынъ неба Темиръ боко (въ другихъ сказаніяхъ сынъ неба назыв. Темиръ-бось, «желѣзный бось») прикованъ за руки и за ноги (Очерки, IV, 172). 2) Темучинъ (Темурчинъ) въ оковахъ сидитъ въ водѣ (Рашидъ-эддинъ, I, 169; Алтанъ-тобчи, 127); киргизское преданіе объ Есекенѣ мы принимаемъ за отголосокъ монгольскаго; въ Есекенѣ мы узнаемъ Есугая, Исуге, отца Чингиса; но въ киргизскомъ преданіи Есекень не самъ спрятался въ воду; онъ брошенъ въ нее Мамырханомъ, скованный по ногамъ и съ колодкой на шеѣ (Очерки, II, 149). 3) Кала-мэмбыръ, противникъ Желѣзнаго Асына, сидитъ скованный цѣпями въ желѣзномъ домѣ; выше, стр. 126, было уже высказано предположеніе, что формы мэмбыръ и мамыръ можетъ быть родственны. Въ алтайскихъ повѣріяхъ встрѣчается бобырганъ[2]) «летяга», Pteromys volans, скованный на небѣ (Очерки, IV, 233). Это имя перешло на одну гору, на берегу Катуни; повѣрья объ этой горѣ Бобырганѣ собраны о. Вербицкимъ.

Олетская легенда отожествляетъ Полярную звѣзду съ горой Сумеру; звѣзда эта стягъ, утвержденный на горѣ Сумеру, вокругъ котораго движутся остальныя звѣзды (см. выше, стр. 318).

Имя этой горы въ устахъ народа и въ книжныхъ памятникахъ очень варьируетъ; варіаціи собраны мною въ статьѣ: О происхожденіи географическаго имени Сибирь, напечатанной въ «Сибирск. Сборникѣ», 1890 г. вып I. О. Ковалевскій даетъ такія монгольскія версіи: Сумиръ, Сумэръ, Сумбэръ, Сумбуръ (Монг. хрест., т. I, стр. 267 и 337). По книжнымъ монголо-буддійскимъ сказаніямъ гора Сумэру находится въ центрѣ вселенной (ibid., 265 — 267; мы понимаемъ это такъ: это Полярная звѣзда въ центрѣ мірового круговорота). То же и въ народныхъ представленіяхъ, при чемъ гора Сумеру ставится въ отношеніи къ Полярной звѣздѣ (см. Сказанія бурятъ, въ Зап. Вост. Сиб. Отд. Р. Географ. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 140). Въ монгольскихъ сказкахъ эта гора встрѣчается не рѣдко и иногда рядомъ съ формой Сумъ-далай, «Молочное море»; у бурятъ вмѣсто Сумеръ-ола—Хöмöръ-ула; вм. Сумъ-далай—Хумъ-далай. Въ тюркосибирскихъ она также встрѣчается. Въ Proben В. В. Радлова повидимому она подъ видомъ горы Sübür (II, 604 и 617); рядомъ съ нею упоминается и Молочное озеро, Сють-коль. Также и въ урянхайскомъ

---

[1]) Канъ-тегиръ рѣка въ Саянск. хребтѣ; тюркомонгольское тэнгри, тэнгиръ переходитъ въ тэгри, тэгиръ, а также въ тэре. Въ урянхайскомъ фольклорѣ есть форма тэнгрэдынъ-улы (Очерки, IV, 140); можетъ быть отъ улъ, «сынъ», т. е. «сынъ неба» (легенды о сынѣ неба въ Очеркахъ, IV, 238 и 806), или это монгольское тэнгиръ-ула, «небесная гора», или тэнгріннъ лу, «небесный драконъ». У якутовъ имя тангара-уолъ, «сынъ неба» дается волкамъ.

[2]) Версіи: пабырганъ, абарганъ, афырганъ, абхырганъ (Очерки, II, 140; IV, 160). Ср. Абырганъ, названіе мифическаго змѣя (см. выше, стр. 296; ср. также стр. 251), заключеннаго въ подземной пропасти. Звукъ г въ окончаніи «ганъ» есть придыханіе, иногда едва слышенъ и можетъ быть даже ощущенъ; такъ Аргаганъ, имя одного бурятскаго поколѣнія, произносится Арга'анъ; тюркское сыгынъ, олень самецъ произносится сыннъ, сынъ (О. Вербицкій, Словарь алт. яз., стр. 317); параллельно съ этимъ можно ожидать форму «абыр'анъ», а съ перемѣной б на м: «амыранъ». И въ самомъ дѣлѣ есть тюркское имя для суслика: емуранъ (см. Грамматика алтайск. яз., Казань, 1869). См. Очерки, II, прим. 31; IV, 161.

Digitized by Google

обрядѣ весной рядомъ призываются имена: Сумеръ-уланъ-тайга [1]) и Суть-коль (Очерки, IV, 372). Подобно тому, какъ имя Алтынъ-хатысынъ прилагается къ земнымъ скаламъ, и имя миѳической Сумбуръ пріурочено къ земнымъ горамъ. Въ указанной выше статьѣ я привелъ два случая: 1) Сумбуръ, гора около оз. Косогола, 2) Баянъ цумбуръ, гора въ Алашанѣ, указываемая Пржевальскимъ. Къ этимъ случаямъ я присоединилъ третій: Субуръ-хаирханъ или Субурганъ-хаирханъ въ вершинахъ Орхона. Субурганъ встрѣчается у монголовъ и какъ нарицательное; субурганами (у Шмидта ssuwurgan, Gesch. d. Ost-Mong., стр. 316) называются башнеподобныя постройки, встрѣчающіяся около буддійскихъ монастырей.[2]) Въ монгольскомъ б между двумя гласными иногда произносится, какъ в, наприм. шиво вмѣсто шибо, птица; поэтому у Шмидта иногда сувурганъ вмѣсто субурганъ, альвинъ вмѣсто альбинъ.

Г. Катановъ сблизилъ форму Sübür, находящуюся въ Proben В. В. Радлова съ Рашидъ-эддиновскимъ Ибиръ-сибиръ, т. е. съ названіемъ Сибири [3]). Въ своей статьѣ: «О происхожденіи имени Сибирь» я привелъ изъ Катрмера другія мусульманскія версіи этого парнаго: Ibir-Sibir, Abir-Sibir, Sibir-Abar, Abar-Sabir и высказалъ свое мнѣніе, что имя Сибири происходитъ отъ этого восточнаго термина, которымъ первоначально, можетъ быть, называлась Полярная звѣзда, а потомъ подъ этимъ именемъ ордынскій, степной фольклоръ сталъ разумѣть и ту страну, которая лежитъ въ томъ же направленіи, какъ и звѣзда—т. е. страну, лежащую отъ степей на сѣверѣ. Оспаривая мнѣніе г. Флоринскаго, производившаго имя Сибирь отъ славянскаго «сѣверъ» [4]) я видѣлъ свою опору между прочимъ въ отсутствіи этой или подобной формы въ живой памяти тюркскихъ и другихъ племенъ западной Сибири. Теперь я долженъ отказаться отъ этого довода. Г. Паткановъ сообщилъ мнѣ слѣдующую замѣтку: У татаръ Тобол. губ. распространены преданія о народѣ сывыръ или сыбыръ, занимавшемъ мѣста по среднему Иртышу раньше ихъ. Этому народу татары приписываютъ большую часть всѣхъ находящихся въ ихъ областяхъ древнихъ памятниковъ, каковы городища, курганы, и т. д. Первыя у нихъ весьма часто именуются сывыръ-кала; вторые сывыръ-туба. Такимъ образомъ оказывается, что названіе Кучумова городища «Сибирь» не есть имя собственное, а скорѣе нарицательное. О сывырахъ разсказывается то же, что русскіе разсказываютъ о чуди; что, увидѣвъ свою родину наводненною пришельцами, они вырыли ямы, спрятались въ нихъ, затѣмъ подрубили подпорки, поддерживавшія крыши, и погибли

---

[1]) Уланъ повидимому монгольское слово и означаетъ: гора (иначе ула, ола); тайга по-алтайски бѣлокъ, снѣжный пикъ.

[2]) Субурганъ состоитъ изъ трехъ частей, нижней—пьедестала, средней—вазы (бомбу) и верхней колонны. Средняя имѣетъ тѣло, съуживающееся книзу; это конусъ, обращенный внизъ вершиной. Еслибъ она была не круглая въ поперечномъ разрѣзѣ, а четырехугольная, она была бы похожа на китайскую мѣру зерна, такъ назыв. доу. Мачты, которыя ставятся попарно передъ китайскими ямынями, обыкновенно несутъ на своей вершинѣ ящикъ въ видѣ доу; мачта прободаетъ дно доу; эти ящики такъ и называются доу, а самая мачта вэй-канъ. Тѣмъ же именемъ доу называются и четыре звѣзды въ Б. Медвѣдицѣ; само созвѣздіе назыв. Пей-доу, «сѣверное доу»; три остальныя звѣзды—рукоятка доу. Держаться за рукоятку этого созвѣздія значитъ по-китайски «управлять». Ямынскія мачты съ субурганами сближаетъ Веберъ (Baber, Travels and reserches in west China. Lond,, 1882, p. 19). Конусъ или треугольникъ, обращенный внизъ вершиной, очень часто встрѣчается въ тибетской орнаментикѣ; тангутскія женщины привѣшиваютъ къ концу косъ щитикъ въ формѣ треугольника, обращеннаго внизъ усѣченной вершиной. Простѣнкамъ между окнами зданій дается та же форма. Богъ Тамдинъ изображается въ видѣ человѣческой головы, посаженной на основаніе треугольника, обращеннаго внизъ вершиной; я видѣлъ статуэтку богини Лхамо, туловище которой было представлено въ видѣ конуса, вершиной обращеннаго внизъ и воткнутаго въ туловище повергнутаго человѣка.

[3]) Въ якутскомъ словарѣ Бетлингка: самыръ—дождь, ібіръ-самыръ—мелкій дождь.

[4]) Въ былинахъ встрѣчаются формы Сиверная гора, баба Сиверьянишна (она же Латыгорка; ср. латырь-камень; Владимірка). А также Сибирскій городъ (иногда Себежъ); см. Эти. Обозр., кн. VIII, стр. 29. Сибирскій городъ стоитъ на мѣстѣ Кидоша другихъ былинъ. Кутузово, гдѣ хранится казна Соловья, можетъ быть тотъ же Кидошъ. Кидошъ напоминаетъ Китежъ, городъ скрытый подъ водой. Выше приведена хотанская легенда, въ которой замураваніе человѣка въ землѣ соединено съ темой о погибшемъ городѣ отъ каменнаго дождя. Не замѣнило ли китайское О-лао-ло-цзя какое нибудь другое имя въ родѣ Сумуръ, Сибыръ, Хоморъ и пр.?

Digitized by Google

подъ упавшими крышами [1]). Послѣ сывыровъ, по словамъ татаръ, пришли китаны или катаны остяки же именемъ хатань зовутъ нынѣшнихъ татаръ. Не нужно конечно, думать, что въ этихъ преданіяхъ сохраняется память объ исторической смѣнѣ племенъ; и сывыры и китаны, вѣроятно, созданія народнаго воображенія въ родѣ классическихъ титановъ, на сибирской почвѣ вызванныя, можетъ быть, наблюденіемъ надъ погребенными мамонтовыми костями. Буряты въ Иркутск. губерніи древніе памятники также приписываютъ китайцамъ. Ср. также о китайцахъ (китанахъ), первонасельникахъ въ Алтаѣ, и о Китанъ-ханѣ на верхнемъ Енисеѣ въ Очеркахъ, IV, 10 и 296. О китайцахъ, населявшихъ нѣкогда Сибирь, испугавшихся начавшагося проростанія лѣсовъ въ этой странѣ, прежде бывшей безлѣсною, и выселившихся на югъ см. у Миллера, Сиб. ист., стр. 9.

Подобно тому, какъ легендѣ о народѣ китанахъ (похоронившихся добровольно въ землю?) соотвѣтствовала повидимому другая о богатырѣ Киданъ-ханѣ, заживо закопавшемъ себя въ могилѣ, такъ и для другой формы сывыръ также была соотвѣтственная легенда о богатырѣ; это богатырь, хвастливый охотникъ, который послѣ неудачнаго выстрѣла, зарылся въ землю и обратился въ сурка (Очерки. II, 151 IV, 179, а также см. ниже, № 92 о суркѣ); сурокъ по-киргизски сууръ; въ словарѣ Вудагова: соввуръ (I, 714) [2]).

Фактъ, свидѣтельствуемый г. Паткановымъ, не колеблетъ вѣры въ восточное происхожденіе имени Сибирь и мы продолжаемъ думать, что оно въ родствѣ съ формами Сумбуръ, Субуръ, Цумбуръ (или Цунлуръ? см. выше, стр. 248), Sübür, Хомбръ (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. I, в. 2, стр. 134), Сымыръ (ibid., в. 1, стр. 109; см. также выше, стр. 214), которыя можетъ быть прилагались первоначально къ Полярной звѣздѣ [3]). Калмыцкая легенда видитъ въ горѣ Сумеру мутовку, которою боги пахтали океанъ (Протоколы Петровск. общества изслѣдов. астраханск. края, Астрах., 1888, стр. 91—99 [5]). Въ Ордосѣ разсказываютъ, что у Чингиса былъ похищенъ золотой приколъ для лошади, алтынъ-хатасынъ (это имя Полярной звѣзды); по халхаской легендѣ у Чингиса похищается не приколъ, а мутовка для пахтанья кумыса (белюръ), съ которой связано счастье, какъ и съ якутскимъ деревомъ.

Въ статьѣ «О происх. имени Сибирь» я указалъ на бурятскую форму Сибэръ (чудовищная собака, выходящая изъ воды и убиваемая богатыремъ) и на названіе альпійскаго волка: цомбръ, чобръ, сёбръ, сибръ, субръ, шобори, шонгбори, шойбори, чопору (Очерки, IV, 156); къ этимъ послѣднимъ можно еще прибавить дзубери-чино [5]), по-китайски чай-ланъ; см. о. Паладія, Юань-чао-ми-ши, стр. 179.

Волкъ является не рѣдко въ тюрко-монгольскихъ сказкахъ, а именно: 1) Шуно (по-монгольски шуно, шоно, чоно, «волкъ») въ Очеркахъ, IV, 187, 309; Радловъ, Proben, I, 206; II, 308; Сказанія бурятъ, Ирк., 1890, стр. 36. 2) Бурте-чоно, предокъ монгольскаго народа по книжнымъ сказаніямъ; 3) Пёри-ханъ (Бури-ханъ, Бури-боко) по-тюркски царь-волкъ; Очерки, IV, 177, 413, 866. Богатырь Шуно, по деталямъ сказанія можетъ быть сближаемъ со стрѣлкомъ въ войскѣ Чингисъ-хана, который не угодилъ хану и за это или привязанъ къ стѣнѣ, или закопанъ въ землю. (Сказанія бурятъ, Ирк., 1890, стр. 132); послѣдній родъ кары напоминаетъ Алтынъ-хатысына. Въ книжномъ сказаніи стрѣлокъ, привязанный къ стѣнѣ, называется Хасаръ. Шуно одинъ изъ трехъ братьевъ; два другихъ называются Амуръ-сана и Тамиръ-сана. Не редупликація ли одного и того же имени? Ср. монгольскія формы: Темурчинъ (первоначальное имя Чингиса), Тө-

---

[1]) Легенда приближается къ темѣ о колоннѣ, которую строитель имѣетъ намѣреніе вынуть, чтобы потолокъ обрушился; см. выше стр. 249.

[2]) Ср. съ монгольскими именами суслика: сумурьа, цзуммурэ, цзумрэ (Очерки, II, прим. 31; IV, 161), телентитскимъ тибранъ (Оч., IV, 160), алт. јубуранъ (о. Вербицкій, Словарь, стр. 101).

[3]) Съ прибавкой монгольскаго одо, одунъ, «звѣзда» мы должны бы имѣть: Сумбуръ-одо, Цумбуръ-одо, Хомбръ-одо, Сымыръ-одо или Сымыръ-одунъ и т. д. Въ числѣ варіантовъ имени горы въ Голубиной книгѣ, сообщаемыхъ Бѣлорусск. Сборникомъ г. Романова (в. V, стр. 293) Хамуръ вм. Ѳаворъ.

[4]) Барельефъ храма Bâdâmi въ Индіи изображаетъ, какъ боги, чтобы добыть amrita'y, пахтали молочное море, вращая въ немъ гору Mandara'y (The Indian Antiquary, vol. VI (decemb.. 1877), «Rock-cut temples at Bâdâmi», стр. 365.

[5]) Тюркское дз имѣетъ свойство распадаться на д и з (Ильминскій въ статьѣ: Zut tatarischen Lautlehre, въ Mélanges asiat. de l'Acad. Imp. de sciences de St. Pétersbourg, T. III, livr 4 (1859), p. 478); слѣдовательно можно ожидать формы дубери и зубери.

Digitized by Google

мёрше (см. выше, стр. 276), Чинъ-Тимуръ (Рашидъ-эддинъ, I, 117) [1]). Желѣзный волкъ было бы по-монгольски: темуръ чоно, темуръ шоно.

Кромѣ темы о постоянной неподвижности, въ сказаніяхъ Азіи встрѣчается тема о временной остановкѣ движенія; см. выше, стр. 117 и 210. Повѣрье требуетъ, чтобъ отвозимая невѣста не оглядывалась назадъ; въ другихъ случаяхъ высказывается упрекъ за то, что уѣхавшій не оглянулся назадъ (выше, стр. 41 и 213); впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ упрекъ идетъ отъ того лица, которое осталось на старомъ мѣстѣ жительства отъѣхавшаго; это и натурально. Оглядка невѣсты назадъ наказывается тѣмъ, что часть приданаго возвращается [2]). Этотъ поступокъ обыкновенно пріурочивается къ перевалу черезъ хребетъ. Абатай везетъ изъ Тибета статую; на перевалѣ она приросла къ скалѣ (см. Очерки, IV, 332—341; Живая Старина, 1891, кн. III, стр. 238). Абатай отрубаетъ верхнюю половину статуи и увозитъ; нижняя остается на перевалѣ. Сказаніе не говоритъ, что случилось это въ наказаніе за несоблюденіе какого нибудь обязательства. Перевалъ получилъ названіе Бурханъ-боксивъ-дабанъ, «перевала божьяго зада». Парное Бурханъ-бокси ср. съ Бурханъ-бакши; такъ вѣроятно называлось какое-то добуддійское монгольское божество [3]), теперь же это имя перенесено на Будду. Не называлась ли такъ Полярная звѣзда?

О Бурханъ-бакши монголы говорятъ, что это правитель современной вселенной (чакравартинъ, «вращатель колеса»). Отношенія Бурханъ-бакши къ волкамъ, кажется, тѣ же, какъ у нашего Егорья (см. Очерки, IV, 275, а также выше, стр. 229).

89. ЗАРНИЦА.

Мѣстныя названія звѣзды:

Халхасцы хошуна А-гуна въ Гурбанъ-сайханѣ: Цолмунъ.

Халхасцы хошуна Чокуръ-вана: утренняя уріинъ Цолмонъ; вечерняя, Цзальгидыкъ емегенъ. По мнѣнію ламы Джамсэрэна, сообщившаго эти названія, оба они относятся къ одной и той же звѣздѣ.

Халхасцы хошуна Туше-гуна на Онгіинѣ: утренняя Цолмонъ, вечерняя Менгмыръ.

Южные монголы въ хошунѣ Найманъ-вана: утренняя Чолмонъ.

Кобокъ-зайрскіе торгоуты: Цолбонъ.

Солоны около Хайлара: Чолбонъ.

Широнголы въ Сань-чуани: Гегенъ-хоту, «свѣтлая звѣзда»; Чолбонъ-хоту (произносятъ Чорбонъ-хоту).

---

[1]) Ср. съ парнымъ Ганъ-тимуръ. Въ Забайкальѣ есть фамилія Гантимуровыхъ между обурятившимися тунгусами. Кантемуровы есть и на Кавказѣ. Одному изъ Кантемуровыхъ народное преданіе приписываетъ побѣду надъ змѣемъ (калмъ), который, свернувшись кольцомъ, облегалъ людей (В. Ѳ. Миллеръ, Экскурсы въ область русск. эпоса, М., 1892, стр. 52).

[2]) Въ разсказѣ воронежскихъ крестьянъ, записанномъ И. С. Поляковымъ (Записки Академіи Наукъ, т. XXXVII, кн. I, 1888, стр. 18) индеръ, чудовище, переходилъ черезъ рѣку Донъ, для чего онъ осушилъ его, выпилъ; оглянулся на дѣтей и лопнулъ. Кости его—кости мамонта. О формахъ индеръ и ундуръ см. въ Очеркахъ, IV, 901. Въ числѣ загадокъ, въ которыхъ является имя Андронъ или Дронъ, приведенныхъ тамъ, опущена одна, которая разгадывается: ужъ (Садовниковъ, Загадки русск. народа, № 1610).

[3]) У якутовъ именемъ Кыдай-бахсы называется кузнечный духъ (Изв. Вост. Сиб. Отд И. Р. Геогр. Общ., т. XV, № 3—4, стр. 62). Кыдай стоитъ на мѣстѣ монгольскаго бурханъ и напоминаетъ тюркское кудай, «богъ». Но въ этомъ значеніи кудай, кыдай якутамъ неизвѣстно. Едва ли персидское худа могло забраться къ якутамъ. У Агапитова встрѣчается Обöръ-боксо, мѣсто на землѣ, куда спустились съ неба сыновья Заянъ-сагана (Изв. того же Отдѣла, т. XIV. №№ 1—2, стр. 2).

Digitized by Google

Широнголы въ г. Боу-нань: Гегенъ-хоту.
Широнголы около г. У-янъ-бу: Гарчинъ.
Широнголы въ Тунъ-сянѣ: Гегенъ-хотунъ.
Шира-ёгуры: Чолбонъ.
Салары: Чолманъ, Чоллянъ.
Хара-ёгуры: Чолбонъ.
Тангуты около Гумбума: Гарчинъ.

Хухунорскіе олёты говорятъ: Цолмынъ оду гархани уріинъ тушикъ цова кубюнъ гархани торёнъ тушикъ, т. е. восхожденіе звѣзды Цолмынъ краса зари, рожденіе крикуна ребенка краса для торё. Что такое торё, олётка, сообщившая выраженіе, не могла разъяснить; она сказала только, что у Едзенъ-хана есть шаджинъ и мѣдное (хули) торё.

По словамъ одного торгоута изъ Кобокъ-зайря Цолбону молятся (цзалбирна) женщины о дѣтяхъ. О немъ есть большой разсказъ, но разсказчикъ забылъ его.

Есть монгольская загадка: бурханъ чолмонъ нюдутей, т. е. «съ глазами Зарницы» (собственно съ глазами бога Чолмона). Разгадывается: «волкъ».

Въ Очеркахъ, II, 127 приведено монгольское выраженіе о звѣздѣ Цолманъ, записанное около г. Хобдо: цохуръ моритай цохшикъ цохтай авынь балдыкшикъ, т. е. «подобна челкѣ чубарой лошади, подобна доспѣхамъ отца Цохтая». Въ преданіи хухунорскихъ олетовъ (см. выше, стр. 284) Цоктай имѣетъ эпитетъ икэ балдагтай, но балдагъ мнѣ перевели въ этомъ случаѣ: фаллусъ, а не доспѣхъ [1]).

У Агапитова и Хангалова (Матеріалы, стр. 3) Зарница по-бурятски Уха-солбонъ. Одинъ бекъ временъ Чингисъ-хана по Рашидъ-эддину назывался Джалма-оха (I, 143); Рашидъ-эддинъ поясняетъ: «значеніе оха есть хищный, промышляющій на дорогахъ, храбрый». По Шашкову («Народы Россіи» въ «Живописн. Обозр.» 1879, № 19, стр. 411) по-бурятскому сказанію у Эцэгэ-маланъ-тэнгри есть пастухъ божественный Хуа-солбонъ (Зарница), который имѣетъ большое вліяніе на скотъ.

Въ Словарѣ о. Вербицкаго тюркскія имена Зарницы: Солбанъ (абаканск.), Чолмонъ (теленгит.), Чолпонъ (нижнебійск.), Шолбанъ (кондомск.), стр. 303, 431 и 449.

На языкѣ ингушей (на Кавказѣ) Зарница Кулбу сэтгэ. Это звѣзда, на которую долженъ смотрѣть мусульманинъ во время вечерней молитвы (показаніе ингуша Михайлы, находившагося въ ссылкѣ въ Иркутскѣ). Въ Очеркахъ, IV, 735 не вѣрно это имя отнесено къ Полярной звѣздѣ.

Объ Уха-Солбонѣ см. въ Запискахъ Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. II, в. 1. стр. 5, 7. Уха-Солбонъ похитилъ земную дѣвицу, которая была просватана за человѣка; это онъ совершилъ, когда свадебный поѣздъ велъ невѣсту къ жениху. Ср. съ алтайскимъ разсказомъ о скалѣ Абымъ-бомъ (Очерки, IV, 214).

Солбанъ изображается на шаманскихъ бубнахъ. См. въ Записк. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. II, в. 2, въ статьѣ Д. Клеменца: «Нѣсколько образцовъ бубновъ минусинскихъ татаръ», стр. 26. На приложенномъ къ тексту рисункѣ, который на означенной страницѣ истолковывается со словъ шамана, изображены двѣ звѣзды, каждая въ видѣ кружка съ зубчиками по окружности; одна объяснена шаманомъ, какъ Солбанъ-иръ (переведено «заря»); другая объяснена солнцемъ (на рисункѣ пропущена цифра 2, которую очевидно слѣдовало поставить

[1]) Форма сокто спаривается иногда съ Сумбыръ; такъ въ бурятской сказкѣ гора Сокто-Сумбыръ (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. по этн., т. I, вып. 2, стр. 9, 23 и 25.

Digitized by Google

подлѣ звѣзды). Кругъ бубна раздѣленъ горизонтальной полосой на двѣ половины; нижняя половина представляетъ царство Иль-хана (т. е. Ирль-хана, Ерлика?), т. е. подземное царство; верхняя, соотвѣтственно такому объясненію, должна изображать наземный міръ, въ которомъ мы живемъ. Но можно видѣть въ этомъ дѣленіи представленіе о двухъ небахъ, ночномъ и дневномъ. Въ верхней половинѣ, т. е. на дневномъ небѣ изображены солнце и звѣзда Венера (Солбанъ), которая послѣднею изъ звѣздъ потухаетъ передъ восходомъ солнца; мѣсяца, какъ ночного свѣтила, шаманъ въ этой половинѣ не указываетъ. Въ нижней же половинѣ, т. е. на ночномъ небѣ представлены, можетъ быть, созвѣздія, видимыя ночью, «семь дѣвъ» и «семь усовъ» (чжиты усъ); это можетъ быть два созвѣздія Б. Медвѣдица и Плеяды; имя Ульгере, приданное шаманомъ изображенію какого-то звѣря, напоминаетъ тюркское имя Плеядъ: Ульгяръ. Однако распредѣленіе фигуръ не вполнѣ соотвѣтствуетъ и этому объясненію раздѣленія бубна. Мѣсяца нѣтъ и на нижней половинѣ бубна, т. е. на ночномъ небѣ; съ другой стороны изображеніе охоты, по моему мнѣнію, также естественнѣе было бы видѣть въ нижней половинѣ бубна, такъ какъ легенда объ охотѣ связана или съ созвѣздіемъ Оріонъ, или съ созвѣздіемъ Б. Медвѣдица.

Въ книжномъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ и Шидургу послѣдній, прося пощады, обѣщаетъ отдать Чингисъ-хану звѣзды Мечитъ и Чолмонъ. Не составляла ли Чолмонъ цѣли нашествія Чингиса на Шидургу, т. е. не называлась ли этимъ именемъ жена Шидургу, завладѣть которой былъ намѣренъ Чингисъ-ханъ и которая, по ордосскому народному толкованію, была воплощеніемъ одной изъ Даръ (по-тангутски Джолма), именно Цаганъ-дары? На сходство одного изъ мотивовъ сказанія о Цаганъ-дарѣ, именно того, въ которомъ она, подъ именемъ Лхамо (или Хламо) является укротительницей злого царя, съ мотивами сказанія о Чингисѣ, было указано выше, стр. 271.

Варіанты имени жены Шидургу, утопившейся въ рѣкѣ, приведены выше на стр. 270. Могила ея теперь называется Темиръ-олху. Не было ли это ея именемъ? У Шлагинтвейта, въ легендѣ о Lhamo или Цаганъ-дарѣ, этотъ персонажъ пріуроченъ къ мѣстности Olgon, къ острову Ойхонъ; можетъ быть легенда была записана въ Забайкальѣ и въ ней кроются намеки на островъ Ольхонъ на Байкалѣ. Одна изъ женъ Чингиса, пріобрѣтенная имъ посредствомъ нашествія на иностраннаго хана (Солонгосъ), называется Салихай или Балахай (Алтанъ-тобчи, 134).[1])

Если имя Полярной звѣзды (Алтынъ-хатасунъ, Алтань-гасу) мы встрѣчаемъ пріуроченнымъ къ земнымъ урочищамъ, то мы можемъ разсчитывать найдти и подобныя же пріуроченія именъ другихъ звѣздъ. Напримѣръ не скрывается ли имени Зарницы (Чолмонъ) въ имени острова Барса-Кильмесъ, находящагося на Аральскомъ морѣ? къ этому острову пріурочена легенда о раѣ (Энциклоп. лексиконъ Плюшара, Спб., 1836, т. VI, стр. 35); у Радлова (Proben, IV, 443) Барса-кильмесъ отецъ дѣвицы, которую добываетъ Джиртушлюкъ. Въ другомъ мѣстѣ мы сближаемъ эту сказку съ эпизодомъ калмыцкаго сказанія о Гэсэрѣ и Анъ-дулманъ-ханѣ. Послѣдній то же, что Дöлмö бурятскаго сказанія и Андалма алтайскаго. Торонъ-музыкай выпиваетъ море, чтобъ обнажить скрывающагося въ немъ Дöлмö; въ киргизской сказкѣ товарищъ Джиртушлюка также выпиваетъ море. Позволяемъ себѣ выставить гипотезу, что былъ разсказъ о богатырѣ, который совершалъ поѣздку для добыванія какого-то сверхъестественною силой одареннаго предмета, въ имени котораго заключалась форма: чолбонъ, чолмонъ, кильм(есъ), дöлмö, и можетъ быть также калмы (ср. Калмы-тологой; см. выше, стр. 112). Это или благодѣтельный предметъ, приносящій довольство, или чудовище съ разбойническимъ характеромъ (Джалма-оха, Джалма-разбойникъ?).

---

[1]) «Олху» въ бурятскомъ сказаніи то чудовище, которое во время затменія сглатываетъ свѣтило (то же, что въ халхаскомъ Арахо); у южносибирскихъ тюрковъ въ такомъ отношеніи къ мѣсяцу стоялъ повидимому Джельбегень или Чельбегень (см. Очерки, IV, 190 и 774). Джельбегень съ одной стороны напоминаетъ имя Зарницы: Джильбы-хуньякъ (Оч. II, 127), съ другой халхаское ольби, имя «звѣрька летяги», Pteromys volans. Другіе варіанты этого имени: олюбъ-хулугана («хулугана» мышь, грызунъ вообще), олбо, олбынъ, ольбогò (Очерки, IV, 160). Въ киргизскомъ чжалмаусъ вм. чельбегень. У таранчей въ Кульджѣ (Radloff, Proben, VI, S. 221) Jälmungus, семиголовый и слѣпой, сосетъ кровь у людей. Маусъ, вторая половина киргизскаго слова, вѣроятно произошла изъ mungus, т. е. изъ монгольскаго мангусъ; отсюда же алтайскія: моосъ, мосъ, а также олетское Батыръ-муусъ (см. выше, стр. 284), бурятское Мойсъ-хара (Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 26).

Digitized by Google

90. МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ.

Мѣстныя названія:

Халхасцы хошуна Чокуръ-вана: тэнгріинъ цзатылъ.

Южные монголы хошуна Найманъ-вана: тэнгріинъ джатылъ, тэнгріинъ ойтылъ.

Хухунорскіе олеты хош. Чинъ-хай-вана: тэнгріинъ цзакъ.

Халхасцы хошуна А-гуна въ Гурбань-сайханѣ: тэнгріинъ ойтылъ.

Солоны около Хайлара: тэнгріинъ колъ, «нога неба».

Салары: юлтусъ ухациганъ.

Тунъ-сянскіе широнголы: усу̀ мэрэнь, «водяная рѣка» [1]).

У волжскихъ калмыковъ: Ойдулъ (Нефедьевъ, Подробн. свѣд. о волжск. калм., Спб., 1834, стр. 244).

У ингушей на Кавказѣ: Сила сата. Это слѣдъ, оставшійся отъ медвѣдя, который тащилъ женщину Сату (показаніе ингуша Михайлы въ Иркутскѣ).

О происхожденіи Млечнаго пути см. В. П. Маргаритова, Объ орочахъ Императорской гавани, Спб. 1888, стр. 28 (слѣдъ отъ лыжи); въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн. т. I, в. 1, стр. 127; въ послѣднемъ случаѣ это молоко бабушки Мандзанъ Гёрмё, розлитое ею въ гнѣвѣ. Эта бурятская легенда свидѣтельствуетъ, что и на Востокѣ было повѣрье о Млечномъ пути, какъ о Halaxi. Въ тюрко-монгольскихъ сказкахъ рядомъ съ горою Сумбуръ (Сумеру) часто стоитъ и «Молочное море», Сумъ-далай по-халхасски, Хумъ-далай по-бурятски, или «Молочное озеро», Суть-куль по-алтайски и сойотски (см. Очерки, IV, 70, 314, 372, 429).

Въ ряду именъ урочищъ въ Монголіи встрѣчается Усюнъ-джюль, Усунъ-цзуйль, Узунъ-жулъ (Очерки, IV, 209, 323, 618). Первый членъ (усюнъ, усунъ) не происходитъ ли отъ сю, «молоко» и цѣлое парное не состоитъ ли изъ перевода перваго члена тюркскаго суть «молоко» и искаженнаго второго: вм. куль—цзюль? [2]) Рѣка Усюнъ-дзюль упоминается въ сказаніи объ Абатай-ханѣ (Очерки, IV, 334); тутъ же рядомъ и собака, обильная молокомъ. Урянхайцы во время грома, дѣлая возліянie молокомъ, произносятъ: «Эдзенъ-сульде»!

---

91. НЕ ОПРЕДѢЛЕННЫЯ СОЗВѢЗДІЯ.

Хухунорскіе олеты говорятъ, что есть созвѣздіе Арбанъ-хоиръ оду, «Двѣнадцать звѣздъ».

Одинъ лама халхаскаго хошуна Чокуръ-вана сказалъ, что есть созвѣздіе Хунгъ-табынъ-одунъ, «пять лебединыхъ звѣздъ», которое находится въ серединѣ Млечнаго пути. По словамъ того же ламы, въ Халхѣ осенью покланяются огню,

---

[1]) Можетъ быть сю-мэрэнь, «молочная рѣка»?

[2]) Божество, дающее молоко коровамъ, по черемисскому повѣрью, есть шиперъ яръ кого юмо (шиперъ яръ — «молочное море»), Знаменскій, Горн. черемисы Казанск. губ., Вѣстн. Евр., 1867, декабрь, стр. 44. «Молочное озеро» въ аварской сказкѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, в. II, отд. 2, стр. 9—16). Въ немъ купается конь.

Digitized by Google

Большой Медвѣдицѣ, созвѣздію Хунгъ-табынъ-одунъ, и кромѣ того призываютъ кэшикъ, «счастье». Обрядъ призыванія «счастья» въ родѣ поклоненія огню; при немъ также кричатъ: хурей! При этомъ покланяются божеству Баянъ-Намсрынъ; думаютъ, что у этого божества безчисленное количество эрдени. Кто покланяется созвѣздію Хунгъ-табынъ-одунъ, тому будетъ удача въ четырехъ вещахъ: 1) воровать, 2) буху барилдаху, бороться, 3) мѣтко стрѣлять и 4) ? Въ этомъ созвѣздіи четыре животныхъ: верблюдъ, корова, лошадь и овца.

Въ Ордосѣ знаютъ созвѣздіе Чжанъ-тешь бакшіинъ яманъ хоро [1]). Другое называется Чононъ хоиръ нюту, «пара волчьихъ глазъ»; у Баргу-солоновъ есть созвѣздіе Чононъ-гурбанъ-нюдунъ, «три волчьихъ глаза». Судя по числу глазъ, это должно быть два различныхъ созвѣздія [2]).

Широнголы знаютъ еще звѣзды: 1) Шонгъ-гуршинъ, двѣ звѣзды, восходящія на югѣ; 2) Джургонъ-хотӯ, «шесть звѣздъ»; они говорятъ, что это то же созвѣздіе, которое китайцы называютъ Леу-ланъ. Китайцамъ еще извѣстна звѣзда Нью-тоу-синъ, «звѣзда съ коровьей головой».

О кличѣ «хурей» см. Очерки, IV, 699. Монголы намъ толковали его русскимъ: «приди»! Банзаровъ (Черная вѣра, Спб., 1891, стр. 25) переводитъ: «покланяемся»! Порядинъ въ своемъ рукописномъ якутскомъ словарѣ (хранящемся въ Геогр. Обществѣ) якутскій кличъ: Уруй! переводитъ «подай»! Гороховъ въ своей статьѣ «Слѣды шаманства у якутовъ» (Изв. Вост. Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ., т. XIII, в. № 3 (1882), стр. 38) сообщаетъ, что якуты кличутъ «уруй»! во время охоты на звѣрей. У хоринскихъ бурятъ подъ именемъ ура извѣстны особые клички, которые были у каждаго рода для того, чтобы, перекликаясь въ темнотѣ во время охоты, сородичи могли узнавать другъ о другѣ (см. ст. г. Вамбоцэрэнова «Аба-хайдакъ» въ Извѣст. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XXI, кн. 2, стр. 31). У киргизъ такіе клички есть у каждаго рода на случай войны или родовыхъ ссоръ; они называются уранъ.

Въ «Очеркахъ» приведены произношенія: монгольское хурэй! или хура! (II, 91) и урянхайское (сойотское): куруй! (IV, 90) [3]). Въ виду неустойчиваго толкованія этого слова не слѣдуетъ ли искать его объясненія гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, напримѣръ въ именахъ созвѣздій? Плеяды на нѣкоторыхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ называются: Угеръ (см. выше, стр. 323), Укаръ (324), Угарь, Ухэръ (Очерки, II, 125; IV, 137), Ухырь (Очерки, II, 125). Народное повѣрье приписываетъ созвѣздію періодическое исчезаніе, съ чѣмъ вмѣстѣ съ земной поверхности уносится и довольство, полнота жизни (см. выше, стр. 323); сказанія говорятъ о похищеніи Плеядъ или одной изъ звѣздъ созвѣздія. Обрядъ кликать «хура» или «куруй» не имѣлъ ли значенія призыва божества, которое воплощалось въ созвѣздіи, къ возвращенію на землю?

Въ алтайской сказкѣ Ерень-чечень попалъ въ плѣнъ или тюрьму и пишетъ сыну, женатому на мудрой женѣ иносказательное письмо, будто онъ пьетъ арайанъ-коройонъ [4]), считаетъ

---

[1]) «Чжанъ-тешь» съ китайскаго; по объясненію разсказчика значитъ что-то въ родѣ астронома, то же что по монгольски «тэнгріинъ бакши». Названіе созвѣздія будетъ значить «козій хлѣвъ астронома».

[2]) Въ рукописномъ сборникѣ г. Дубровы находится бурятская загадка: зунъ вуги дербунъ убугунъ, «на востокѣ четыре старика»; отгадывается: Шононъ дербунъ нюдынъ, (созвѣздіе) «Четыре волчьихъ глаза».

[3]) Сойты весной, когда разцвѣтаютъ цвѣты, призываютъ Джеты-гуре («семь гуре»), Сумеръ-олу и Молочное озеро (Очерки, IV, 70). У якутовъ упоминаются семь боговъ братьевъ Сятта кюре жясагай-ай (Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. т. XVII, № 1 — 2, стр. 125). Первый изъ братьевъ богъ грома, второй — молніи.

[4]) Ср. съ монгольскимъ арцза-хорцза, самая сильная водка (Очерки, IV, 836), съ киргизскимъ арабъ-сарабъ (Живая Старина, 1891, кн. IV, стр. 161), съ якутскимъ юряйба-сарайба (см. т. I этого изданія, стр. 122).

Digitized by Google

сводъ небесный, покрывается одѣялами изъ бѣлаго шелка въ шесть рядовъ; въ заключеніе письма просить прислать Мудрый Оселокъ, Керсӱ-пілӱ. Мудрая невѣстка толкуетъ письмо: арайанъ-коройонъ—слезы, бѣлыя шелковыя одѣяла снѣгъ; счетъ на небесномъ сводѣ значитъ, что онъ ничего не видитъ, кромѣ небесныхъ звѣздъ (сидитъ въ заточеніи). Мудрый Оселокъ, это сама мудрая невѣстка (Вербицкій, Словарь алт. и аладаг. нарѣчій, Казань, 1884 г., стр. 85). Иносказаніе должно содержать какой нибудь намекъ на предметъ, который оно подразумѣваетъ; въ бѣломъ одѣялѣ есть такой намекъ на снѣгъ; въ оселкѣ мы не видимъ ключа къ отгадкѣ, поэтому думаемъ, что Керсӱ пілӱ было собственнымъ именемъ мудрой жены. Это можетъ быть Арья-бало; мудрая невѣстка Ерень-чененя была сравниваема съ Февроніей муромской легенды (А. Н. Веселовскій въ статьѣ: Новыя отношенія мур. легенды о Петрѣ и Февр. и сага о Рагнарѣ Лодброкѣ); эпизодъ исцѣленія князя Петра можетъ быть сближаемъ съ исторіей китайской богини Гуань-инъ-пусы, которая врачуетъ своего прокаженнаго отца и которая была воплощеніемъ Арья-бало. См. выше, стр. 226.

Въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 152, я пытался установить связь между сказками о Ерень-чененѣ и бурятскими сказаніями о Эсэгэ маланѣ и его невѣсткѣ Юрюнь-хатунѣ или Шеше-хатунѣ, при чемъ отмѣтилъ сходство въ именахъ: 1) Эрень-чечень и 2) Юрюнь и шеше. Повидимому это имя являлось и женскимъ, и можетъ быть разсказъ о Ерень-чененѣ принималъ видъ призыва дочери матерью, страдавшей отъ снѣговъ и мрака заточенія.

---

92. ПОВѢРЬЯ О ЖИВОТНЫХЪ.

1. Верблюдъ и мышь.

(Монгольскій).

Верблюдъ и мышь побились когда-то объ закладъ (теме хулагана хоиръ урту чакта моричисенъ), кто изъ нихъ увидитъ напередъ восходящее солнце. Верблюдъ смотрѣлъ на востокъ, мышь сѣла на голову верблюда и смотрѣла на западъ и увидѣла напередъ солнечные лучи на западныхъ горахъ. Такимъ образомъ верблюдъ прозѣвалъ право на первый годъ въ циклѣ двѣнадцати лѣтъ (теме арбанъ хоиръ джиль гуджеджи байна). И теперь верблюдъ любитъ поднимать голову и осматриваться.

Верблюдъ имѣетъ уши мышиныя, глаза змѣиные, губы зайчьи, грудь тигра, задъ обезьяны, шею дракона, кочки овечьи, копыта коровьи, хвостъ свиньи, бедра собачьи, хохолокъ курицы и гриву лошади (хулуганенъ чиктей могонъ нюдутей тулай урултай баръ чеджитай мечинъ боксётей лунъ куджютей хонинъ бӧхӧтей укуръ туратай гахай сӱльтей нохонъ гуитей таха убӱктей моринъ дельтей).

Омолонъ, монголъ изъ Ордоса.

(Олётскій).

Шея у верблюда дракопова, хвостъ змѣи, хребетъ лошади, волосъ (цзокдуръ) [1]) овцы, бровь обезьяны, чолка (сангма) курицы, колѣно (ободӱкъ) собаки, копыто свиньи, ухо мышиное, брюхо коровье, глазъ тигра и губа заячья.

Олетка хухунорская.

---

[1]) О цзокдуръ см. ниже стр. 355.

Digitized by Google

Въ «Особомъ прибавленіи» къ «Акмолл. областн. вѣдом.», 1889, № 7, помѣщена ст. г. С. Г-на «Киргизская легенда» о двѣнадцатилѣтнемъ циклѣ (мучель). Имена годовъ: мышь, тышканъ; корова, сыиръ; тигръ, барсъ; заяцъ, коянъ; крокодилъ, улу; змѣя, джиланъ; лошадь, чжилкы; баранъ, кой; мизгиръ, мэчинъ; курица, таукъ; свинья итъ; обезьяна, донгузъ. Тутъ перепутано; донгузъ слѣдовало перевести «свинья», итъ—«собака» и мэчинъ—«обезьяна». Киргизы забыли, что такое мэчинъ и переводятъ: мизгиръ, т. е. паукъ. Далѣе сообщается разсказъ о спорѣ между животными; каждое животное выставляетъ свои заслуги. Мышь предлагаетъ передать первенство тому, кто первый увидитъ свѣтъ восходящаго солнца. Отсюда пословица: «Не смотря на ростъ, верблюдъ не удержалъ за собой ни одного года», тюѣ буюне сызыбъ кулъ калды.

О подобномъ же спорѣ см. Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 77; Очерки, IV, 143.

2. Летучая мышь.

(Монгольскій).

Летучая мышь имѣетъ сходство съ тремя родами животныхъ: съ имѣющими клыки (аратай), съ имѣющими когти (хумустай) и имѣющими крылья (талабчитай). Когда царь крылатыхъ станетъ требовать дань съ летучей мыши, она говоритъ ему, что она аратай; когда царь звѣрей, владѣющими клыками, потребуетъ отъ нея дани, она говоритъ, что она талабчитай. Отъ всѣхъ трехъ вѣдомствъ такимъ образомъ отбилась. Ханъ-хурмустенъ-ханъ, живущій на небѣ, имѣлъ дочь; онъ объявилъ: какая птица выше всѣхъ поднимется, которой пѣсню онъ прежде всѣхъ услышитъ, за ту онъ и отдастъ свою дочь. Летучая мышь (шарисынъ баабагай) сѣла на плечи коршуна (тасъ); коршунъ поднялся выше всѣхъ. Ханъ-хурмустенъ спрашиваетъ: »Кто ко мнѣ ближе всѣхъ»? Летучая мышь отвѣчаетъ: «Мое худенькое тѣло» (мини му біинъ). Тасъ, не знавшій, что на немъ сидитъ мышь, услышавъ ея голосъ, потрясъ плечами и сбросилъ ее съ себя. Летучая мышь, падая на землю, кричала: «Мягкая земля! мягкая земля!»! (дзöлинъ хадзаръ дзöлинъ хадзаръ).

Джамсэрэнъ, халхасецъ изъ Хангая.

Въ Ордосѣ монголы думаютъ, что если обыкновенная мышь поѣстъ соли, она становится летучей мышью (бакбагай).

3. Птица ябылыкъ.

(Монгольскій).

Жена Ханъ-гариди, бывшаго хана птицъ, стала жаловаться мужу, что ей жестко спать, что ей нужна мягкая постеля, что для этого ханъ долженъ собрать всѣхъ птицъ и отъ нихъ собрать пухъ. Царь собралъ всѣхъ птицъ и проткнулъ имъ носы, чтобъ держать на привязи. Одинъ ябылыкъ не явился въ это собраніе.

Потомъ и онъ является. Кельбиръ кельбиръ ямындарчедъ ялбыръ ялбыръ кебидерчедъ. Ямындаръ ю гечжи байна[1])?

[1]) За неумѣніемъ перевести, оставлено безъ перевода.

Digitized by Google

Ханъ-гариди спрашиваетъ у ябылыка: «Чего больше, ночи или дня?» Ябылыкъ отвѣчаетъ: Ямындаръ сюни олонъ байна. «Ночи больше».

Кебидеръ ю байна [1])?

Ябылыкъ отвѣчаетъ: Бюркукъ удури сюни эртуачадъ будыгеръ ери эмэ эртуачадъ, сюни эмэ хоиръ олонъ. «Если къ ночамъ отнести пасмурные дни, къ женамъ отнести женоподобныхъ мужчинъ, то ночей и женщинъ больше».

Гарчинъ яхунъ сары боосынъ би? «Отчего твои лапки залоснились грязью?»

Ихэ тосунъ бара удзисынъ угэй. («Оттого, что) не трогалъ большаго масла».

Нютучинъ яхунъ шарàласынъ би? «Отчего у тебя глаза зажелтѣли?»

Икэ тосунъ икэтесенй («Оттого, что) большое масло съѣлъ» (?)

Чикычинъ яхунъ долдойсынъ би? «Отчего твое ухо отвисло?»

Номинъ-до соноссынъ угэй. «Не слыхалъ священнаго писанія».

Тологойчинъ яхунъ каптайсынъ би? «Отчего твоя голова приплюснута»?

Шоторъ табичи каптайла ябылыкъ шибо. «Потому что я, птица ябылыкъ, клала ее подъ шо» (?).

Унинень уртенъ уксыкъ угэй ябылыкъ шибо ябучи ба. И безродная (не имѣющая исконнаго древняго происхожденія) птица ябылыкъ отбыла.

Омолонъ, ордосскій монголъ.

Ябалакъ, чжапалакъ тюркск. «сова». Хара-ябалакъ, «летучая мышь» у хамійскихъ тюрковъ (Очерки, II, 139). Въ западномъ Туркестанѣ шаполакъ, бабочка шелковичнаго червя; Федченко. Путеш. въ Туркестанъ, т. I, ч. II, «Въ Коканскомъ царствѣ», тетр. I, стр. 26.

---

4. Ольби.

(Монгольскій).

Ольби, «летяга», превозносится передъ небомъ и помѣстившись подъ деревомъ, надувается и становится съ корову. Если громовая стрѣла поражаетъ дерево, это значитъ, что подъ нимъ находился ольби.

Джамсэрэнъ, монголъ-халха изъ Хангая,
хош. Чокуръ-бейли.

---

5. Бурундукъ.

(Монгольскій).

Бурундука, солонго, хорошо держать въ домѣ, по повѣрью у ордосскихъ монголовъ; во время непогоды онъ оберегаетъ домъ.

---

[1]) Не переведено.

Digitized by Google

6. Сурокъ.

(Монгольскій).

1. Былъ Эрхе-мергенъ. Онъ задумалъ стрѣлять по солнцу и лунѣ. Въ это время около случился какой-то бурхонъ (sic). Этотъ бурхонъ украдкой отъ Эрхе-мергена взялъ одну изъ звѣздъ Мечита (Плеядъ), а Мечитъ тогда состояло не изъ шести, а изъ семи звѣздъ, и говоритъ Эрхе-мергену: «Если ты съумѣешь, зажмуривъ глаза, попасть въ одну изъ звѣздъ Мечита, то и въ солнце и луну попадешь, а если не попадешь въ Мечита, то и въ солнце и луну не попадешь»! Эрхе-мергенъ натянулъ лукъ, зажмурилъ глаза и отпустилъ стрѣлу; стрѣла попала въ одну изъ звѣздъ Мечита и уничтожила ее, но бурхонъ успѣлъ въ это время прежде украдкой взятую поставить на мѣсто убитой звѣзды. Эрхе-мергенъ смотритъ: когда начиналъ стрѣлять, было шесть звѣздъ въ Мечитѣ и теперь тоже шесть; значитъ промахнулся. Послѣ этого онъ сказалъ: хоро убусунту хагачжи ухуя, хара усунту цацачжи ухуя, «если сухую траву поѣмъ, умру, если ключевую воду попью, умру!» и обратился въ сурка (тарбагана). Поэтому сурокъ не ѣстъ сухой травы, а только зеленую, и не любитъ сырого мѣста, всегда селится на сухомъ.

Пунсукъ, лама халхаскаго хошуна
Туше-гуна на Онгіннѣ.

---

2. Тарбаганъ (сурокъ) прежде ходилъ по земной поверхности, а не жилъ подъ землей и былъ вреднымъ для людей существомъ. Эрхе-мергенъ далъ клятву убить тарбагана, выстрѣлилъ изъ лука и отстрѣлилъ ему большой палецъ. Въ испугѣ тарбаганъ зарылся въ землю и сказалъ: «Буду отнынѣ ѣдой для всякихъ тварей»! И теперь его беретъ птица тасъ, бюргутъ, сорока, ловитъ волкъ и стрѣляетъ человѣкъ.

Запис. отъ старика Лубсына, халхасца,
шаби вѣдомства Заинъ-гегена.

---

3) Тарбаганъ былъ прежде человѣкомъ. Это былъ сильный и искусный Эрхи-мергенъ. Неизвѣстно почему-то онъ обратился въ сурка (тарбагана), не сталъ ѣсть сухой травы (хякъ-убюсу), не сталъ пить воды и сталъ на зиму ложиться въ землю; въ 15 число средняго весенняго мѣсяца онъ пробуждается, а въ 15 число средняго осенняго мѣсяца опять ложится—всегда въ одно время; столь умный Эрхи-мергенъ. Подъ мышками у сурка и теперь есть человѣческое мясо, которое, когда ѣдятъ сурочину, выбрасываютъ.

Молонъ-тайджи, халхасецъ хошуна Чинъ-вана.

Digitized by Google

(Солонскій).

4. Сурокъ (тарбага) былъ великій мергенъ (стрѣлокъ); какой-то нойонъ отрубилъ ему палецъ и велѣлъ закопать его въ землю.

Записано отъ солона изъ Хайлара.

О Эрхи-Мергенѣ см. въ Зап. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 79. О суркѣ Очерки, IV, 179.

Въ книжномъ сказаніи о Чингисъ-ханѣ имя Эрке-хара носитъ братъ Ванъ-хана киреитскаго (хиритскаго?); онъ изгоняетъ брата изъ его царства, но потомъ онъ самъ былъ побѣжденъ. Въ «Вост. Сборникѣ» Спб., 1872, стр. 159: Ѣлике-хала, братъ Ванъ-хана предался Инаньчи-кэханю, рода Наймань и Инань-чи отнялъ у Вана улусъ Кэлѣ (Кирей?) и отдалъ Ѣликэ-халѣ. De Mailla говоритъ, что Jeliku было родовое имя Ванъ-хана. Говорсъ прибавляетъ: это кажется китайская транскрипція знаменитаго торгоутскаго родового имени Еркетъ: History of the Mongols, I, 558. У о. Іакинѳа (Собр. свѣд. о народ. Средн. Азіи, ч. I, стр. 305 и 427) Инань, предводитель поколѣнія Илихи, измѣнилъ своему хану Хэли и передался китайскому императору. Въ Очеркахъ, II, прим. стр. 51 я сближалъ этотъ эпизодъ, относящійся къ VII вѣку, съ исторіей Ванъ-хана кирейскаго (XIII вѣка).

Въ честь Экэри, предка поколѣнія экэритовъ (ихиритовъ), сѣверные буряты сложили фразу гутаръ эхэтэй эркги эсэкгэтэй эркгитъ солотой т. е. «налимъ (рыба) былъ его матерью, берегъ (эркги) отцомъ, а почетное названіе его было Эркгитъ». (Памятн. кн. Иркутск. губ. за 1881 г., стр. 187, Зап. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, стр. 147; Очерки, IV, 825). Подъ «берегомъ», можетъ быть, слѣдуетъ разумѣть собственное имя Эркги. Другая эпическая фраза о томъ же предкѣ: эрихэ ондохонъ экиритъ, т. е. «въ яру найденный Экиритъ». Это былъ мальчикъ, выходившій на берегъ изъ озера Байкала; онъ былъ найденъ и изловленъ шаманкой Асухэнъ (Очерки, IV, 325). Разсказъ объ этой ловлѣ мы сближали съ исторіями: 1) ловли Ерь-Сару и 2) ловли народившагося въ пещерѣ ламы въ тангутской сказкѣ Егъ-таму-нцо (см. выше, стр. 186, а также Этн. Обозр., кн. VIII, стр. 143); послѣдній персонажъ мы принимаемъ за Арья-бало.

Агапитовъ и Хангаловъ упоминаютъ онгонъ ирихэ, очень распространенный у бурятъ (Матеріалы, стр. 33). Дархатская легенда разсказываетъ о дарьхе и другихъ старыхъ богахъ, которые были утрачены и опять найдены; ихъ подлинность открывается изъ того, что брошенные въ воду, они плывутъ вверхъ по рѣкѣ (Очерки, IV, 407). То же чудо разсказывается о винокуренномъ снарядѣ, изобрѣтенномъ Чингисомъ (ibid., 211). Винокуренная труба, по-алтайски джиракы [1]), составляетъ цѣль богатырской поѣздки Иринъ-сайна въ алтайской сказкѣ (ibid., 429). Я уже сближалъ эту сказку съ урянхайской о Эртене-мергенѣ, который добываетъ не винокуренную трубу, а живого бога Колду-бурхана (ibid., 916). Эртене-мергенъ на пути домой отрубаетъ у Колду бурхана палецъ; Абатай также привозитъ живого бога, но дорогой отрубаетъ не палецъ, а всю верхнюю половину тѣла, иначе сказать разрубаетъ его пополамъ (ibid 333). Разрубаніе пополамъ пріурочивается также къ имени Арахи, Араху и пр. и опять рядомъ съ темой о изобрѣтеніи напитка (Очерки, IV, 209; см. также выше, стр. 283). Подобно тому, какъ въ сказаніи объ Абатаѣ разрубаніе пополамъ есть усиленіе темы объ отрубленномъ пальцѣ сказки объ Эртене-мергенѣ, такъ и во второмъ случаѣ разрубаніе пополамъ Арахы есть усиленіе темы объ отрубленномъ пальцѣ сказки объ Эрхэ-мергенѣ. [2])

Въ тюркской фонетикѣ форма Эрхэ является въ видѣ Эркэ. У Вербицкаго (Словарь алт. яз. стр. 51) ерке—«милый», «любимецъ» (матушкинъ сынокъ). У якутовъ встрѣчается парное Эрякя-жярякя, его мать — матерь земли Анъ-алай-хотунъ; она покровительствуетъ произрастанію травъ и деревьевъ (но не дѣторождію). Растенія зеленѣютъ отъ дыханія ея дѣтей Эрякя-жярякя. Эти божества обитаютъ въ старыхъ красивыхъ деревьяхъ, у большихъ озеръ и пр. (Слѣпцовъ въ Изв. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ., XVII, № 1—2 стр. 126).

---

[1]) По-монгольски цорго; въ словарѣ о. Вербицкаго (стр. 450) шорга, шорка.

[2]) Эрхэ-билекте см. выше, стр. 45 (въ подстрочн. примѣчаніи) въ бурятскомъ варіантѣ Гэсэра; ср. Буху Беликтуй, стр. 296.

Digitized by Google

Въ книжныхъ памятникахъ о времени Чингисъ-хана упоминается Джерке-линъ-гунъ, предокъ тайджіутовъ, котораго я сближаю съ Эрте-уланъ-хунъ-тайджи нынѣшнихъ устныхъ преданій о предкахъ (см. выше, стр. 135).

Эркэ вошло въ составъ имени, которымъ назывались христіане въ древней Монголіи. О. Палладій въ своей статьѣ: «Старинные слѣды христіанства въ Китаѣ» (Вост. Сб. Спб. 1872, т. I, стр. 27) говоритъ: Христіане въ Китаѣ при монголахъ были извѣстны подъ загадочнымъ именемъ ѣликэунь. Въ монгольскихъ текстахъ оно является въ формѣ множ. числа эркэгутъ. Несомнѣнно, что настоящее правописаніе ѣликэунь есть эркэгутъ, въ ед. числѣ эркэунъ. Что это имя означало христіанъ, въ томъ согласны и монголо-китайскіе документы и армянскія и монгольскія сказанія. У Вардана они названы архаунами, у Степаноса аркаунъ, въ исторіи Орпеліановъ архаюнъ (ark'ha-ioun). Д'Оссонъ приводитъ извѣстіе книги Тарикъ джиганъ кушай, что христіане назывались у монголовъ архаунъ. Какъ послѣдніе звуки унъ и утъ, говоритъ далѣе о. Палладій, прилагаются къ общимъ наименованіямъ для участненія ихъ, то вся сила въ словѣ эркэ. Если это слово монгольское, то значеніе его надобно искать въ малоизвѣстныхъ архагумахъ этого языка. Но такъ какъ въ одномъ новооткрытомъ памятникѣ основателемъ вѣры ѣликэунъ по китайской транскрипціи названъ Ѣли я [1]) и какъ это названіе соотвѣтствуетъ монгольскому Эркэ, то послѣднее должно отнести къ лицу Іисуса Христа; о. Палладій думаетъ, что «монголы передѣлали имя Христа въ Эркэ» и что подъ именами эркэунъ и эркэгутъ слѣдуетъ разумѣть «людей Христа». Фразу можно понять такъ, какъ будто о. Палладій хотѣлъ сказать, что имя Христа не было подставлено другимъ, уже имѣвшимся въ оборотѣ, а передѣлано изъ иностраннаго имени; однако онъ зналъ о существованіи этого имени въ Монголіи (Эркэ-хара), но не зналъ только тѣхъ подробностей, которыми мы выше обставили это имя. Эти подробности даютъ поводъ предполагать, что Эрхэ (ирихэ, Арахы?) былъ центромъ особаго, можетъ быть добуддійскаго культа и героемъ нѣкоторыхъ легендъ [2]).

У Марко Поло архуаны являются въ формѣ аргунъ [3]). Потье думаетъ, что Марко Поло принимаетъ аргуновъ за дворянъ въ Тандукѣ, т. е. въ царствѣ Вана киреитскаго. Et pour ce ont il la seigneurie et sont bons marchans. Они родятся отъ двухъ расъ de la lengnée des celz Argon Tenduc et des celz redue et des celz que aurent, Maomet. Въ эдиктѣ, переведенномъ Wilie, это слово, сообщаетъ Потье, встрѣчается въ формѣ ierk'ekhun, въ китайскомъ ye-li-kho'wan или yerkowan (Pauthier, Le livre Marco Polo, I, p. 213—217). Въ переводѣ Юля: «И тутъ есть классъ людей, назыв. Argons, которые то же, что французское guasmul, или другими словами помѣсь отъ двухъ расъ, т. е. изъ расы идолопоклонниковъ Тендука и расы поклонниковъ Магомета. Они самые красивые люди изъ туземцевъ и, какъ наиболѣе искусные, они достигаютъ власти. И они же главные купцы» (Youl Marco Polo, I, 245). На стр. 280—281 въ примѣчаніи Юль говоритъ, что Клапротъ первый указалъ, что Аргоны это архауны, т. е. восточные христіане, но что Поло вполнѣ ясно выражается, что разумѣетъ не христіанъ, а расовую помѣсь; затѣмъ Юль приводитъ свидѣтельства о томъ, что слово это (argans, ar'goon, arghun) и до сей поры употребляется въ Туркестанѣ и въ западномъ Тибетѣ. Тутъ же Юль сообщаетъ, что Гулагу, приступивъ къ Багдаду, послалъ письмо къ судьямъ, шейхамъ, ученымъ и архаунамъ города, обѣщая пощадить тѣхъ, кто сохранитъ миръ; и дома архауновъ были пощажены. Не опущена ли тутъ примѣта на домахъ, которые подлежали пощадѣ? Не слѣдуетъ ли этотъ разсказъ признать источникомъ обряда у-юѣ-танъ-ву, который соблюдается во всемъ сѣверномъ Китаѣ и состоитъ въ выставленіи зеленыхъ вѣтвей у дверей и оконъ въ 5 день пятой луны (см. т. I, стр. 9 и 378)? Ср. хотанскій разсказъ о статуѣ бога, которая предупреждаетъ рагана о предстоящей гибели города (см. выше стр. 190), и русскій разсказъ о Рахѣ-разбойникѣ (Садовниковъ, Сказки и преданія самарскаго края, № 99, вар. б).

---

[1]) Ѣли-я можетъ быть слѣдуетъ возстановить Ѣрья, т. е. Арья-бало.

[2]) Г. Боннель въ своей книгѣ о скиѳахъ принимаетъ Геродотовыхъ Аргиппеевъ за калмыковъ; они лысые, питаются только сокомъ древесныхъ плодовъ и служатъ судьями въ ссорахъ между другими народами. Не доходили ли уже тогда до грековъ слухи о предполагаемыхъ нами поклонникахъ добуддійскаго божества Эркэ?

[3]) У бурятъ есть родъ Арга'анъ, у киргизъ Аргынъ.

Digitized by Google

7. Заяцъ.

(Монгольскій).

Нѣкоторые ламы говорятъ, что у зайца есть рога, но намъ они не видны. Это эрдени-убуръ [1]).

Сантанъ-джимба.

8. Почему у зайца хвостъ черный.

(Торгоутскій).

Одна женщина овдовѣла; однажды она заказала своей дочери, чтобъ та не ѣла безъ нея какой-то вкусной ѣды и ушла; дочь не вытерпѣла и усѣлась безъ нея за ѣду. Умершій отецъ всталъ изъ могилы, принялъ видъ зайца, вошелъ въ домъ и осудилъ дѣвицу. Дѣвица въ сердцахъ ударила зайца «шевелиромъ» (палкой, которой мѣшаютъ въ огнѣ) и разсѣкла ему губу, а концомъ палки попала по хвосту и запачкала его копотью. Оттого у зайца разсѣченная губа и черный хвостъ. Послѣ того люди не стали воскресать, а прежде, умерши, вновь вставали.

Разсказъ торгоута, родомъ изъ урочища Кобокъ-зайри, проживающаго на р. Едзинъ-голѣ.

См. Очерки, II, 167; IV, 708 [2]). Чубинскій, Труды этногр.-стат. экспед. въ Западно-русскій край, т. I, в. 1 (Спб., 1872), стр. 66 (скупая дѣвица обращена въ черепаху).

9. Хорекъ (хуринъ).

(Монгольскій).

Зимой хуринъ роетъ много норъ. Одну начнетъ рыть; роетъ, роетъ,—«какое вонючее мѣсто»! скажетъ, броситъ это мѣсто и начнетъ рыть въ другомъ. А вонь-то своя собственная.

Очиръ, монголъ изъ Ордоса.

10. Усунъ-буха.

По ночамъ въ озерахъ раздается крикъ или гулъ. Не знаютъ хорошо, то ли это птица, то ли усунъ буха, «водяной быкъ».

Пунсукъ изъ Ордоса.

[1]) Эрдени—«драгоцѣнность»; убуръ—«рогъ».

[2]) Въ «Очеркахъ» тутъ недосмотръ; напечатано: «царство Майтере наступитъ, когда хвостъ у зайца почернѣетъ»; слѣдуетъ: «когда побѣлѣетъ»; ср. съ сказаннымъ въ Очеркахъ, IV, на стр. 133.

Digitized by Google

11. Кукушка (хухэй шибо).

(Монгольскій).

Бурханъ-бакши каждое лѣто посылаетъ кукушку узнавать, каковы хлѣба, каковъ урожай. Кукушка относитъ къ Бурханъ-бакши сѣмена (эдэ) травы гушй-ибюсу, которая поспѣваетъ къ отлету кукушки. Назадъ кукушка возвращается по головамъ сорокъ, которыя для этого становятся рядомъ и образуютъ мостъ. Въ этомъ заключается служба (алба) сорокъ. Оттого-то въ 7-й лунѣ у сорокъ выщипываются перья на темени.

Сантанъ-джимба.

Кökö-шибо (кукушка), говорятъ, есть птичій царь, шибонай ханъ.

Пунсукъ изъ Ордоса.

---

12. Воробей (больджуха).

(Монгольскій).

Зимой, ночь наступитъ, станетъ примораживать, больджуха думаетъ: «Завтра непремѣнно начну строить гнѣздо! Ужъ очень холодно!» На завтра солнце взойдетъ, больджуха и забудетъ о вчерашнемъ.

Очиръ, монголъ изъ Ордоса.

---

13. Лягушка.

(Монгольскій).

Въ Ордосѣ монголы думаютъ, что градъ (мендуръ) дѣлаетъ лягушка. Она пьетъ воду и вода въ ея нутрѣ превращается въ градъ; образовавшіяся градинки она выкладываетъ въ ключи; надъ этими градинами бываетъ обыкновенно земляной бугорокъ. Стоитъ разрыть такой бугорокъ, чтобъ найдти градинки, положенныя лягушкой. Въ этомъ, говорятъ, состоитъ служба (алба) лягушки.

Очиръ, монголъ изъ Ордоса.

Китайцы думаютъ, что лягушки и всякій гадъ прячутся въ день праздника ву-юѣ-ву, т. е. въ 5 день 5-й луны; въ этотъ день не бываетъ ихъ видно, и не бываетъ слышно ихъ крйка.

Записано въ Гуй-хуа-ченѣ.

Китайцы думаютъ, что гладкія и широкія поверхности привлекаютъ молнію, что, поэтому, лягушки, имѣющія блестящее брюхо, поворачиваются во время грозы на спину, движимыя къ къ тому чѣмъ-то въ родѣ сродства, и тѣмъ привлекаютъ громовую стрѣлу (Baber, A journey of exploration in western Ssŭ ch'uan, Lond., p. 40) У кавказскихъ ингушей я записалъ повѣрье: тучи лежатъ въ морѣ; ангелъ, малаки, выгоняетъ ихъ. Громъ гремитъ, по-ингушски мелейкъ. Салары въ Сюнъ-хуа-тинѣ называютъ радугу мелекé (Солоны около Хайлара называютъ её канъ).

Digitized by Google

14. Алтынъ-мелекей.

(Монгольскій).

Алтынъ-мелекей, «Золотая лягушка» лежитъ на спинѣ и держитъ Сумеру своими четырьмя лапами; если пошевелитъ одной лапой, подуетъ теплый вѣтеръ, другой—пойдетъ дождь, третьей—станетъ тепло.

Сантанъ-джимба.

15. Черепаха.

Китайцы думаютъ, что черепаха не пьетъ воду и не мочится.

Пржевальскій слышалъ повѣрье, что черепаха впивается въ тѣло и только, когда увидитъ ее бѣлый верблюдъ, или бѣлый козелъ и закричитъ, она отстаетъ (Монголія. I, 138).

16. Змѣи.

(Монгольскій).

Есть чаганъ сумунъ могай, змѣи бѣлыя стрѣлы. Такая змѣя бросается въ воздухъ; попавъ въ идущую мимо корову, она прошибаетъ ей бокъ и входитъ въ ея нутро. И корова и змѣя при этомъ умираютъ.

Пунсукъ изъ Ордоса.

17. Муравей (шоргольджи).

(Монгольскій).

Золотоносную землю (алтанъ гарадыкъ гадзаръ) указываетъ муравей. Тѣ муравьи, которые имѣютъ крылья, въ состояніи подняться до неба; другіе, которые безъ крыльевъ, роясь, проникаютъ въ самую глубь земли.

Пунсукъ изъ Ордоса.

18. Ханъ-гариди.

(Монгольскій).

Ханъ-гариди никогда не летаетъ; вѣчно сидитъ, не шевелясь, на одномъ мѣстѣ.

Пунсукъ изъ Ордоса.

Юль: Garuda индусовъ, Simurgh древнихъ персовъ, 'Angka арабовъ, Bar Juchre раввинскихъ легендъ, Grips грековъ было то же, что Rukh (Youl, Marco Polo, II, 408).

Одна записанная мною калмыцкая сказка заставляетъ Ханъ гариде, царя птицъ, жить на горѣ Сумеру (Очерки, IV, 758).

Digitized by Google

19. Нохой-баргасу.

(Монгольскій).

Въ сѣверовосточной (джюнъ-хойно) сторонѣ есть народъ нохой-баргасу; у этого народа женщины, какъ женщины и при томъ красивыя, а мужчины имѣютъ видъ настоящихъ собакъ; это большія черныя, косматыя собаки. Народъ богатъ овцами и козами; ѣдятъ только мясо и кромѣ него ничего. Одинъ лама батырчи, странствуя по землѣ много лѣтъ, случайно зашелъ къ нимъ.

Очиръ, ордоскій монголъ, хошун. джасыка.

Есть люди съ собачьей головой и одной ногой; они ходятъ, обнявшись по двое.

Запис. отъ широнгола въ Саньчуани.

---

20. Алмасъ.

(Монгольскій).

Есть существа, имѣющія одинъ глазъ, одинъ сосокъ, одну руку и одну ногу. Единственную грудь это существо носитъ, забросивъ за плечо. Онъ называется алмасъ.

Пунцукъ, монголъ изъ Ордоса.

---

21. Самые большіе въ мірѣ звѣрь, гора, море и дерево.

(Монгольскій).

Между звѣрями самый большой звѣрь подё (боди), между горами самая большая гора Сумберъ, между деревьями самое большое дерево тростникъ, между морями самое большое Сумъ. Гуресунду подё-гурёсу ики, оланду Сумберъ-ола ики, модонду хулусу-модо ики, далайду Сумъ-далай ики.

Ордосскій монголъ Пунсукъ.

Этотъ отрывокъ, а также помѣщенный выше (№ 18) о птицѣ Ханъ-гариде даютъ поводъ подозрѣвать, что у монголовъ была книга въ родѣ нашей Голубиной книги. Въ монгольской, вмѣсто нашей Ѳаворъ-горы, стояла какъ будто Сумберъ-ола, вмѣсто Ильмень-озера—Сумъ-далай, вмѣсто Страфиль-птицы—столь же неподвижно сидящая Ханъ-гариде. Ики, «большой» можетъ быть понято вмѣсто экэ, «мать». Если темы нашей Голубиной книги откроются въ монгольскомъ фольклорѣ во всей своей полнотѣ, то названіе книги можно было бы объяснить монгольскимъ галапъ, «міровданный потопъ».

Digitized by Google

22. Камень джада.

(Монгольскій).

Есть два рода джада: змѣиный (могоинъ джада) и ослиный (ельджигенъ джада). Первый находится въ пазухѣ между двумя развилками хвоста змѣи, имѣющей раздвоенный, какъ у ласточки, хвостъ. Другой родъ джада находится въ груди (убче) чернаго осла (хара ельджигенъ). Этотъ послѣдній очень сильный. Если его подержать надъ родникомъ, пойдетъ дождь.

Пунсукъ, монголъ изъ Ордоса.

Литература о камнѣ джида указана у Юля (Youl, Marco Polo, v. I, 300—302; у Березина Библіот. восточн. историковъ, Шейбани-наме, Казань, 1849, стр. 5; у Григорьева, Восточный Туркестанъ (Землевѣд. Азіи Риттера), вып. I-й (перев. и примѣч.), стр. 459—462; см. также у о. Палладія въ Трудахъ Пекинск. дух. миссіи, IV, 176, Vámbéry. Die primitive Cultur des turco-tatarischen Volkes auf grund-sprachischen Forschungen, Leipz., 1879, S. 249; въ моихъ Очеркахъ сѣв. зап. Монголіи, IV, 189, 773; у Д'Оссона, Hist. d. Mongols, t. II, p. 615—618 (извлеченіе изъ Бергмановскихъ Streifer., Th. III, S. 183, изъ Палласа, Samml., th. II, 350 и Рашидъ-эддина); въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн.. т. II, в. I, стр. 6.

Повѣрье это извѣстно и егурамъ, обитающимъ въ горахъ къ ю. отъ Гань-чжоу и Су-чжоу (см. т. I, стр. 442). Егурскій обрядъ ср. съ широнгольскимъ, совершаемымъ во время засухи (см. т. I, стр. 377) и китайскимъ въ Сы-чуани (ibid., 316).

---

91. ПРИСКАЗКА О ДВѢНАДЦАТИ ГОДОВЫХЪ ЗВѢРЯХЪ.

(Олетскій).

Хатынъ деренъ байхада хара цохуръ луту болсынъ
Хадынасынъ буухуду шяра цохуръ луту болсынъ
Арбанъ хоиръ джильданъ бактысынъ баръ негинъ эрденѝ маньчжу мергенъ цзе.

Бутунъ деренъ байхада букдунъ боро юдя̀ болсынъ
Бутанасынъ буухуду дельдынъ боро юдя̀ болсынъ
Арбанъ хоиръ джильданъ бактысынъ тулай негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Тенгріинъ деренъ байхада текши цохуръ лую̀ болсынъ
Тенгиринъ дересынъ буухуду коку цохуръ лую̀ болсынъ
Арбанъ хоиръ джильданъ бактысынъ лу негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Сулу оркусунъ суръ шингѐ
Теми оркусунъ тѐсе шингѐ
Арбанъ хоиръ джильданъ бактысынъ могой негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Digitized by Google

Унугу больчжи тюричжи улуснитянъ унду больчжи
Тага больчжи тюричжи тясынъ бюгуденъ коль больчжи
Арбанъ хоиръ джильданъ бактасынъ мори негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Хургу больчжи тюричжи хурусуннитенъ унду больчжи
Тӧлюго больчжи тюричжи тӧрёсынъ бюгуденъ тичжаль больчжи
Арбанъ хоиръ джильданъ бактасынъ хо негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Чжибыртай сюданъ джиргынъ гарсынъ
Джирынъ негинъ дзулдзуга дахуулсынъ
Арбанъ хоиръ джильданъ бактасынъ мӧчинъ негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Унтусынъ кюниги оркоролунъ серюульдыкъ
Кебтесынъ кюниги келинъ серыгяльдыкъ
Арбанъ хоиръ джильданъ бактасынъ така негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Якъ якъ хуцучжи ясы юганъ кемилядъ
Хонгъ хонгъ хуцучжи хото юганъ манадъ
Арбанъ хоиръ джильданъ бактасынъ нохой негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Баряхы деренъ баркырсынъ
Баркырысыннанъ хойне чишкисынъ
Арбанъ хоиръ джильданъ бактасынъ чахай негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Хумыръ хумыръ идычжи хулӯй талляринъ таргыльчжи
Кӯбыръ кӯбуръ идычжи кюбей талляринъ таргыльчжи
Арбанъ хоиръ джильданъ бактасынъ хулугуна негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

Хату хацзыриги хагылынъ эбдесянъ
Хамыкъ амитани тичжаль болсынъ
Арбанъ хоиръ джильданъ бактасынъ укурь негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе

Элисьта гадзыранъ эрбинъ эрбинъ гэсинъ
Дэриста гадзыранъ дэрбинъ дэрбинъ гэсинъ
Арбанъ хоиръ джильданъ куцюсынъ темя негинъ эрдени маньчжу мергенъ цзе.

ПЕРЕВОДЪ:

Во время пребыванія на горѣ (скалѣ) чернопестрымъ Луту бывшій, спустившись съ горы, желтопестрымъ Луту ставшій, въ число двѣнадцати годовъ входящій баръ (тигръ)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Сидѣвшій на кустикѣ кипца [1]), прикурнувшійся сѣрый Юдя, спустившись съ

[1]) Буту, «кипецъ», Festuca ovina, злакъ, растущій низенькими пучками. Побурятски кажется бутула.

Digitized by Google

кипца, вислоухимъ [1]) сѣрымъ Юдей ставшій, въ число двѣнадцати годовъ входящій тулай (заяцъ)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Бывшій на небѣ равномѣрно [2]) пестрымъ Лую, спустившись съ неба ставшій сине-пестрымъ Лую, въ число двѣнадцати годовъ входящій лу (драконъ)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Подобная слабо опущенному (не натянутому) ремню, подобная брошенной на произволъ веревкѣ [3]), въ число двѣнадцати годовъ входящая могай (змѣя)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Родивши одногодовалаго жеребенка, (дающая) напитокъ народу, родивши двухъ-годовалаго жеребенка [4]), покланяющемуся народу дающая ноги, въ число двѣнадцати годовъ входящая мори (лошадь)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Родивши одно-годовалаго ягненка, дающая народу напитокъ, родивши двухъ-годовалаго ягненка [5]), въ число двѣнадцати годовъ входящая хо (овца)—должно быть это драгоцѣнностъ Маньчжу-мергенъ.

Въ вѣтряную ночь издающая щебетанье [6]), сопровождаемая шестьдесятъ однимъ дѣтенышемъ, въ число двѣнадцати годовъ входящая мочинъ (обезьяна)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ [7]).

Спящій (ночью) народъ крикомъ [8]) разбужающій, лежащему народу подающій сигналъ вставать, въ число двѣнадцати годовъ входящій така (пѣтухъ)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Съ лаемъ: якъ! якъ! грызущая свою кость, съ лаемъ: хонгъ! хонгъ! стерегущая дворъ, въ число двѣнадцати годовъ входящая нохой (собака)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Будучи пойманною кричащая, послѣ крика визжащая, въ число двѣнадцати годовъ входящая гахай (свинья)—должно быть драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Грызущая и (оттого) жирѣющая около горла, грызущая [9]) и тѣмъ нагуливающая жиръ на брюхѣ [10]), въ число двѣнадцати годовъ входящая хулугуна (мышь)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Раздробившая на осколки крѣпкую землю, всему народу дающая пищу, въ

---

[1]) Дельдинъ «широкій», «отвисшій»; здѣсь относится повидимому къ ушамъ зайца и переведено словомъ «вислоухій».

[2]) Текши «равномѣрно»; фраза хочетъ, повидимому, сказать, что пятна или пестрины расположены равномѣрно, симметрично.

[3]) Теси—волосяная веревка.

[4]) Тага—двухъ-годовалый жеребенокъ.

[5]) Тёлюго—двухъ-годовалый ягненокъ.

[6]) Джиргинъ «чириканье»; бокширге джиргинѣ, «воробей чирикаетъ».

[7]) Когда Мечинъ (Плеяды) появляются на небѣ осенью, бываетъ вѣтрено, пояснила сама разсказчица. олетка. По бурятски джабыръ, холодные утренники съ вѣтромъ; во время «джабыра» вѣютъ хлѣбъ; съ поднятіемъ солнца «джабыръ» прекращается.

[8]) Оркирху кричать съ переливами.

[9]) Хумыръ-хумыръ! кобыръ-кобыръ!—звукоподражанія.

[10]) Кюбэй, хубэ, субэ—мѣсто надъ бедромъ, простирающееся и на брюхо, но не на спину.

Digitized by Google

число двѣнадцати годовъ входящая укурь (корова)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Колыхающійся по песчаной странѣ, кивающій [1]) въ странѣ, поросшей дэрисуномъ [2]), двѣнадцать годовъ (въ себѣ) вмѣстившій (исполнившій, заключившій) темя̀ (верблюдъ)—должно быть это драгоцѣнность Маньчжу-мергенъ.

Хухунорская олетка изъ хошуна
Чинъ-хай-вана (зап. въ Гумбумѣ).

Верблюдъ соединяетъ въ себѣ двѣнадцать ста̀тей животныхъ, входящихъ въ двѣнадцатиричный циклъ. По формѣ шеи онъ драконъ, по хвосту—змѣя, по хребту—лошадь, по руну [3])—овца, по брови (комускö)—обезьяна, по челкѣ (сангма)—пѣтухъ, по колѣну—собака, по копыту—свинья, по уху—мышь, по брюху—корова, по глазамъ—тигръ, по губѣ—заяцъ.

Она же.

---

[1]) Т. е. наклоняющійся для скусыванія верхушекъ травъ, по объясненію разсказчицы. Парное: дербинъ дербинъ выражаетъ, что предметъ качается сверху внизъ. Если доска будетъ однимъ концомъ всажена въ пазъ, и если другой ея конецъ, свободно висящій въ воздухѣ, будучи пригнутъ внизъ и отпущенъ, станетъ качаться сверху внизъ, объ этомъ движеніи можно будетъ сказать: дербинъ-дербинъ. Если вмѣсто доски будетъ вставленъ тонкій прутъ, у котораго подобныя качанія будутъ едва замѣтны для глаза, это будетъ: ербинъ-ербинъ; но этихъ выраженій нельзя примѣнить къ маятнику стѣнныхъ часовъ; о предметѣ подвѣшенномъ и качающемся, какъ маятникъ, говорится ханджикъ-сэрбыкъ. О подобномъ же качаніи предмета, водруженнаго нижнимъ концомъ въ землю, напримѣръ о качаніи дерева, стоящаго на корню, говорится найгыкъ найгыкъ.

[2]) Дэрисунъ, Lasiagrostis splendens.

[3]) Цзокдуръ—особенно хорошая шерсть на кочкахъ и особенно подъ шеей. Можетъ быть, вмѣсто «рупо» слѣдовало бы перевести «ость».

*

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЯ

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Исторія спасителя Мила-райбы или сборникъ пространныхъ и всесовершенныхъ пѣснопѣній.

Глава о встрѣчѣ духовнаго сына-охотника съ (Мила)-райбой въ сНьи-шанъ-гур-рТа [1]).

(Переводъ съ тибетскаго [2]) А. О. Ивановскаго).

Спаситель Миларайба, посадивши своихъ учениковъ—духовныхъ дѣтей, каждаго въ отдѣльной пещерѣ, по совершеніи чествованія сонма добрыхъ духовъ (букв. духовъ «не людей», санскр. Амануша) бѣлой стороны [3]), самъ погрузился въ самад'и «теченія воды» въ пещерѣ, называемой Ка-тія, пустынномъ мѣстѣ, при своей уединенности веселомъ и обладающемъ всѣми необходимыми условіями (для созерцанія). Въ передней части этой пещеры сланцевая, снѣговая и родниковая (?) вода падала постоянно и безъ перерыва, издавая пріятные, звенящіе въ ушахъ звуки. (Она была) на находящейся въ пустынномъ мѣстѣ сНьи-шанъ-гур-рТа, между Тибетомъ и Непаломъ, высокой крутой горѣ, на которой постоянно разстилаются облака и туманы и (оттого) безпрерывно идутъ большіе дожди и снѣга. На правой (-западной) сторонѣ этой горы, на высокой, съ отвѣсными скалами вершинѣ (? букв. горѣ) шумятъ дикіе звѣри и летаютъ цари птицъ—грифы; на лѣвой (-восточной) сторонѣ на покрытой зеленой травой и мягкой (sic) вершинѣ (?) мирно играютъ по своимъ склонностямъ изюбри, козули и сохатые, а на передней сторонѣ, внутри прекраснаго сада, украшеннаго различными цвѣтами, пробуютъ свою силу и ловкость орангъ-утанги и забавляются пляской, при помощи своихъ крыльевъ, павлины, индѣйки и другія различныя красивыя птицы, распѣвая своими прекрасными голосами

Впослѣдствіи въ началѣ пещеры однажды громко залаяла собака, и сзади раздался большой шумъ.

---

[1]) Это заглавіе въ текстѣ стоитъ въ концѣ главы, какъ во всѣхъ тибетскихъ сочиненіяхъ.

[2]) При переводѣ я имѣлъ подъ руками два текста: тибетскій (обозначенъ сокращенно тибет.) и монгольскій (обозначенъ—монг.), но держался преимущественно перваго.

[3]) Бѣлая сторона—сторона боговъ—боги; черная сторона—сторона злыхъ духовъ, злые духи.

Digitized by Google

(Тогда) Миларайба [1]) подумалъ: «Прежде это мое мѣсто весьма способствовало созерцанію, теперь есть (какое-то) препятствіе». Вышелъ изъ пещеры и сталъ сидѣть на верху большого валуна въ состояніи «великаго невообразимаго милосердія». Въ это время къ нему подбѣжалъ покрытый сильнымъ потомъ [2]) черный изюбрь, (видимо) пораженный сильнымъ страхомъ. При видѣ его въ душѣ Миларайбы пробудилось глубокое состраданіе, и онъ подумалъ: «Въ силу прежнихъ дѣлъ (т. е. грѣховъ, сдѣланныхъ въ предъидущихъ перерожденіяхъ) получивши такое тѣло, (этотъ изюбрь) въ настоящей своей жизни, не совершивши никакого грѣха, долженъ терпѣть подобныя невыносимыя мученія. Ахъ бѣдный! Надо преподать ему ученіе Махāяны и (тѣмъ) приготовить къ вѣчному блаженству». (Поэтому) онъ сказалъ изюбрю слѣдующіе стихи:

Преклоняюсь передъ [3]) святымъ Марба-ламой!
Благослови (меня) прекратить мученія живого существа.
(А) ты живое существо, имѣющее тѣло изюбря и голову краснаго звѣря,
Послушай пѣніе Миларайбы, также имѣющаго тѣло изюбря и голову краснаго звѣря.

* * *

Сколько бы ты ни убѣгалъ отъ внѣшнихъ видимыхъ предметовъ,
(Но) прежде наступленія (букв. безъ) времени избавиться отъ невѣжества, ошибочно смотрящаго,
Не въ состояніи бросить (эти твои) внѣшнія тѣло и душу.
(Теперь) настало время отвергнуть невѣжество, ошибочно смотрящее.

* * *

Отъ весьма быстраго созрѣванія дѣлъ (и воздаяній за нихъ)
«Внѣшнее» тѣло куда можетъ убѣжать?
Когда оно убѣгаетъ отъ (воздаянія дѣлъ), то убѣгаетъ «внутреняя» душа,
А душа прибѣгаетъ къ святости (высшему совершенству, санскр. бод'и).

* * *

Если пожелаешь избавиться (отъ воздаянія за дѣла) посредствомъ другихъ отверженій, то произойдетъ ошибка.
По уничтоженіи ошибочной мысли, посиди здѣсь.
(О изюбрь), теперь въ своемъ представленіи
Нестерпимо боясь смерти,—

* * *

---

[1]) Въ тибетскомъ текстѣ собственно стоитъ рЧжеб-Цзунь—достопочтенный, божественный; въ монгольскомъ богда Мила «святой Миларайба». Но я вездѣ для ясности проставилъ одно собственое имя.

[2]) Тибет. букв. съ каждаго волоска котораго капали капли пота.

[3]) Букв. падаю въ ноги. Относительно Марба-ламы надо замѣтить, что среди переводчиковъ сочиненій Чандрагомина упоминается (см. Зап. В. Отд. И. Р. А. О. т. IV, стр. 255) Мар-ба-Чойцзи-Ванъ-чуг (Марба—владыка вѣры). Не одно ли это и то же лицо? Тогда приблизительно опредѣлится время перевода одного изъ сочиненій, приписываемыхъ Чандрагомину. Если Мила-райба жилъ около половины XI вѣка, то Марба жилъ въ концѣ X или въ началѣ XI в., такъ какъ ниже Мила-райба называетъ его своимъ учителемъ.

Digitized by Google

Надѣешься спастись на горѣ, находящейся на той сторонѣ,
Боишься, какъ бы не былъ схваченъ на горѣ по эту сторону,
И (такимъ образомъ) въ состояніи надежды и страха бѣгаешь кругомъ (т. е. монг. переносно: вращаешься въ кругу перерожденій этого міра).
Давши тебѣ наставленіе касательно шести предметовъ ученія Нāро [1]),

* * *

Я покажу тебѣ созерцаніе «великой печати» (санскр. Махāмудра).

Когда Миларайба произнесъ эти стихи голосомъ подобнымъ голосу Брахмы [2]), чрезвычайно пріятнымъ для слуха и плѣняющимъ сердца тѣхъ живыхъ существъ, которыя услышатъ его, то вслѣдствіе его состраданія мученія страха у изюбря утихли, и послѣдній, проливая слезы, лежалъ по лѣвой сторонѣ, безъ всякаго страха лижа его одежду.

Затѣмъ Миларайба подумалъ: «Передъ этимъ лаявшая собака дѣйствительно была та, которая имѣла цѣлью повредить оленю! Какова-то она?» Въ это время появилась, отыскивая слѣдъ изюбря и громко лая отъ сильнаго гнѣва и ярости, красная сука, съ ошейникомъ изъ чернаго хвоста яка, исцарапавшая всѣ свои лапы о скалы, высунувшая въ сторону свой языкъ и быстрая, какъ молнія въ воздухѣ. «Ахъ, преслѣдующая изюбря собака очевидно эта; эта собака, какіе бы внѣшніе, видимые предметы ни увидала, смотритъ на нихъ, какъ на враговъ и не избавлена отъ гнѣва и ярости; надо только укротить ея гнѣвъ», подумалъ Миларайба и, сильно тронутый, сказалъ сукѣ слѣдующіе стихи, выказавшіе его милосердіе:

Преклоняюсь предъ святымъ Марба-ламой,
Благослови укротить гнѣвъ живого существа!
(А) ты живое существо съ тѣломъ собаки и головою волка,
Выслушай пѣніе Миларайбы, (также) съ тѣломъ собаки и головою волка.

* * *

Такъ какъ ты всѣ видимые предметы, какіе бы не являлись, принимала за враговъ.
(То) гнѣвъ и дурныя мысли возмущали (твою) душу,
И (ты) переродилась въ тѣлѣ (такой) грѣховной собаки.
Теперь упражняйся здѣсь въ перенесеніи голода [3]).

* * *

(Тебѣ) нѣтъ времени успокоиться (отдохнуть) въ мученіяхъ мірскихъ суетностей,
Если ты еще не понялъ (букв. не схватилъ) своей собственной «души»,
(То) какая польза, если схватишь другого (букв. другое «тѣло»).
Если ужъ понимать (букв. схватывать), такъ настало время понять собственную душу.

* * *

[1]) См. ниже. Имя учителя Миларайбы.
[2]) Букв. благозвучію Брахмы; такъ называется и одинъ Будда (Брахмагоша).
[3]) Тиб. букв.: сидя въ состояніи мучительнаго голода.

Digitized by Google

Оставивши свой гнѣвъ, побудь здѣсь (у меня).
Теперь въ своемъ представленіи,
Вслѣдствіе страсти нестерпимаго гнѣва,
Съ горы по эту сторону (ты) боишься, какъ бы не убѣжалъ (изюбрь);

* * *

На горѣ по ту сторону надѣешься схватить (послѣдняго)
И (такимъ образомъ) со страхомъ и надеждою бѣгаешь вокругъ (т. е. монг. переносно: вращаешься въ кругу перерожденій этого міра).
Давши тебѣ наставленіе о шести предметахъ ученія Нāро,
Я покажу тебѣ созерцаніе «великой печати» (Махāмудра).

Когда Миларайба отъ великаго милосердія преподалъ (такое) наставленіе мелодичнымъ голосомъ, гнѣвъ собаки укротился, и она, издавая жалобные звуки, виляя предъ Миларайбой хвостомъ, облизывая его одежду и оказывая ему прочіе знаки благоговѣнія, сидѣла по правую сторону его, положивши кончикъ морды между двухъ рукъ (лапъ?) и лежа съ изюбремъ на подобіе матери и сына.

Затѣмъ Миларайба подумалъ: «Сзади этихъ двухъ живыхъ существъ безъ сомнѣнія находится грѣшный человѣкъ. Когда-то онъ придетъ сюда»? Въ это время вдругъ подошелъ человѣкъ съ совершенно чернымъ лицомъ, (въ такомъ видѣ:) глаза его налились кровью, волоса были связаны на макушкѣ, обѣ полы были заткнуты за поясъ; на себѣ онъ несъ шубу (изъ козлиной шерсти), увязанную въ силки, въ рукахъ держалъ лукъ и стрѣлу, (повидимому) былъ не въ состояніи перевести духъ и съ обильно капавшимъ страшнымъ потомъ. Такъ какъ сука и изюбрь дружно (букв. на подобіе матери и сына) сидѣли около Мила-райбы, (то явившійся человѣкъ) подумалъ, что Мила-райба [1]) сдѣлалъ съ послѣдними что-либо дурное [2]), и, сильно разсердившись, сказалъ: «Эти одѣтые въ бумажныя матеріи (райба по тиб.) и великіе созерцатели совсѣмъ не далеки (безтолковы). Въ высокихъ мѣстахъ, такъ приходятъ въ ущелья горъ во время (монг., тиб.: въ мѣста) убиванія дикихъ звѣрей; въ низкихъ мѣстахъ, такъ являются на берегъ моря во время (въ мѣста) убиванія рыбъ и бобровъ; въ прочихъ [3]) же мѣстахъ являются въ населенныхъ мѣстахъ въ пункты торговли и (являющихся отъ нея) ссоръ. Хотя бы они умерли по одному или по два, ничего не значитъ. (А) ты [4]) смогъ остановить моихъ изюбря и собаку. Посмотрю, сможетъ ли моя стрѣла пронизать твою одежду». Сказавши такъ, онъ (охотникъ) положилъ стрѣлу на тетиву и совсѣмъ натянулъ лукъ. Тогда Мила-райба подумалъ: «(Даже), когда я преподалъ ученіе животнымъ по своей природѣ не свѣдущимъ, (то) они поняли; (подавно), если преподамъ ученіе этому человѣку, онъ пойметъ его», и сказалъ (охотнику): «Ахъ, человѣкъ! ты подожди стрѣлять и затѣмъ послушай мое пѣніе (монг. послѣ этой стрѣляй)». (Затѣмъ

---

[1]) Собственно, въ тиб. текстѣ—великій созерцатель, въ монг.—лама.
[2]) Монг.: употребилъ противъ собаки и изюбря дурное средство.
[3]) Букв. промежуточныхъ.
[4]) Обращаясь къ Мила-райбѣ.

Digitized by Google

онъ) произнесъ голосомъ Брахмы слѣдующіе стихи охотнику мГоньбо-Дорчже изъ глубины души, одаренной знаніемъ, состраданіемъ и умѣніемъ:

Прошу божественныхъ мудрецовъ:
Благословите уничтожить пять «ядовъ»[1])!
(А ты) живое существо, съ тѣломъ человѣка и головою ракшаса,
Послушай пѣніе Мила (-райбы, также) съ тѣломъ человѣка и головою ракшаса!

* * *

Драгоцѣнное человѣческое тѣло трудно получить,
(А), какъ посмотришь на подобныхъ тебѣ, то въ немъ нѣтъ ничего рѣдкаго (замѣчательнаго).
(Ты), съ грѣхами тѣла ракшаса[2]),
Ненавидя мученья этого дурнаго перерожденія,

* * *

Хотя бы и удовлетворялъ желанія этой жизни[3]),
Но (тиб. вслѣдствіе грѣховъ) неудовлетворишь этихъ желаній (монг. вполнѣ).
Если (монг. понявши) оборотишь (въ другую сторону, тиб. внутреннія) вожделѣнія, то получишь сверхъестественную силу (сидд'и).
Если же будешь стараться совладать[4]) (только) съ внѣшними представленіями, то не совладаешь (съ ними).

* * *

Для тебя настало время укротить (подчинить себѣ) свою душу:
Ты, убивши изюбря, не насытишься (монг. на вѣки).
Если (же) истребишь «пять внутреннихъ ядовъ», исполнишь, что̀ бы ни задумалъ,
И побѣды[5]) надъ внѣшними врагами будутъ возрастать въ количествѣ.

* * *

[Если совладаешь со своимъ «внутреннимъ» характеромъ, то не будетъ (внѣшнихъ) враговъ[6])]
Если, не совершая грѣховъ въ (этой) жизни (въ тѣлѣ) человѣка,
Будешь исполнять ученіе превосходныхъ (тиб.) святыхъ, то будетъ хорошо.
Преподавши тебѣ наставленіе касательно шести предметовъ ученія Нāро,
Я покажу тебѣ созерцаніе «великой печати».

Услышавши эти слова (Мила-райбы), охотникъ подождалъ (стрѣлять) и такъ подумалъ: «Эти слова его въ своей сущности не вполнѣ достовѣрны (т. е. понятны); (однако) прежде у этихъ собаки и изюбря ярость и страхъ были очевидны[7]), а те-

[1]) Тиб.: дуг; мон.: хоора.
[2]) Тиб.; по-монг.: харши магуй ѣхэ нигулту кумун чи.
[3]) Т. е. желанія, являющіеся во время жизни въ этомъ мірѣ.
[4]) Букв. укрощать.
[5]) Бук. укрощеніе.
[6]) Этого полустиха нѣтъ въ монгольскомъ текстѣ.
[7]) Тиб., монг. страшно велики.

Digitized by Google

перь они сидятъ справа и слѣва, по обѣимъ сторонамъ его подобно матери и сыну; да и я зимою даже въ ущельяхъ снѣжныхъ горъ не испыталъ (того, чтобы) уронить на землю стрѣлу, а на этотъ разъ самъ невольно уронилъ. Поэтому это, или знатокъ дурныхъ заклинаній (тарни), или замѣчательный лама. Необходимо изслѣдовать его поведеніе».

Подумавши такъ, охотникъ вошелъ внутрь пещеры, въ которой сидѣлъ Мила-райба, и посмотрѣлъ. Такъ какъ тамъ не было ничего, кромѣ стеблей крапивы и горькихъ листьевъ, (то) онъ возымѣлъ сильную вѣру и сталъ спрашивать: «Ахъ, лама! какъ называется твой лама, твое ученіе и какъ выражается твой «памятный стихъ»[1])? Каковы твое мѣстопребываніе, товарищи и достатки (состояніе)? Если они соотвѣтственны, то я подарю тебѣ жизнь этого изюбря и послѣдую за тобой».

Тогда Мила-райба, сказавши: «Мое мѣстопребываніе и товарищи именно таковы; поэтому, если ты можешь слѣдовать за мной, то приходи (добропожаловать)» сказалъ (этому) охотнику мГоньбо-Дорчже слѣдующіе стихи:

Три ламы: Тēло, Нāро и Марба —
Вотъ три учителя Мила-(райбы).
Если существуютъ эти три ламы,
(То) слѣдуй за Мила(-райбой)[2]).

* * *

Лама, идамъ (духъ-покровитель) и Дакини —
Эти три—предметы поклоненія Мила-(райбы).
Если эти три предмета поклоненія существуютъ,
(То) слѣдуй за Мила(-райбой).

* * *

Воззрѣніе (теорія), созерцаніе и дѣйствіе (поведеніе)—
Эти три (и есть)—пункты запоминанія Мила-райбы.
Если эти и т. д.

* * *

Сланцевыя горы, снѣжныя горы и шиферныя (?монг. съ проваломъ т. е. вулканы?)
Эти три—мѣста упражненія Мила-(райбы). горы—
Если эти и т. д.

* * *

Изюбри, козули и сохатые —
Эти три—домашній скотъ Мила(-райбы).
Если эти и т. д.

* * *

---

[1]) Или «твои пункты запоминанія», т. е. главная сущность ученія, для лучшаго запоминанія изложеннаго въ формѣ коротенькаго стиха.

[2]) Въ тибетскомъ собственно три полустиха, какъ и вездѣ ниже, но я раздѣлилъ согласно монгольскому тексту.

Digitized by Google

Рыси, шакалы и волки —
Эти три—домашнія собаки Мила(-райбы).
Если эти и т. д.

* * *

Индѣйки, тетерева и грифы —
Эти три—домашнія птицы Мила(-райбы).
Если эти и т. д.

* * *

Солнце, луна и звѣзды —
Эти три—свѣточи Мила(-райбы).
Если эти и т. д.

* * *

Боги, черти и рйши—
Эти три—сосѣди Мила(-райбы).
Если эти и т. д.

* * *

Орангъ-утанги, обезьяны и медвѣди [1]) —
Эти три—товарищи веселія для Мила(-райбы).
Если эти и т. д.

* * *

Спокойствіе, ясность и отвлеченность [2])—
Эти три—товарищи въ печали для Мила(-райбы).
Если эти и т. д.

* * *

Крапива, потато и яица —
Эти три—пища Мила(-райбы).
Если эти и т. д.

* * *

Сланцевая вода, снѣговая вода и шиферная (?) (монг. родниковая?) вода —
Эти три—напитки Мила(-райбы).
Если эти и т. д.

* * *

Жилы, воздухъ и мужское сѣмя —
Эти три—одежда Мила(-райбы).
Если эти т. д.

Когда Мила-райба сказалъ это, охотникъ подумалъ: «(Его) дѣйствія (=поведеніе), слова и метода соотвѣтственны». (Отъ этого) его благоговѣніе еще болѣе увеличилось, и онъ, проливая слезы, поклонился, принялъ благословеніе но-

---

[1]) Тибет. по Jäschke, по-монг. (Ковал.) гіены.
[2]) Т. е. полная свобода отъ тяжести матеріи.

Digitized by Google

гой [1]) и сказалъ [2]): «Великій святой! (монг. просто: о лама!) изюбря, суку, стрѣлу и лукъ, шубу и силки—всѣ эти предметы я поднесу тебѣ (букв. ламѣ). Я и сука оба прежде сдѣлали много грѣховъ, (но), такъ какъ на будущее время не будемъ дѣлать ихъ, то умоляю эту суку гЛог-сЧжад-дМар-мо ввести въ страну боговъ и блаженныхъ (монг. руководить по пути спасенія); этого чернаго изюбря прошу вести по пути великаго блаженства; меня охотника мГоньбо-Дорчже также прошу вести по пути спасенія (на почвѣ ученія). Эту просьбу онъ изложилъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Мой находящійся на правой сторонѣ (отъ тебя) черный изюбрь, украшенный бѣло-
снѣжными рогами,
Если бы (я) убилъ его, служилъ бы для утоленія голода въ теченіи семи дней;
(Но) онъ мнѣ [3]) не нуженъ, и я подношу его тебѣ, ламѣ.

* * *

Прошу чернаго изюбря вести по пути великаго блаженства,
Прошу (суку) гЛог-сЧжад-Мар-мо (монг. красную суку) вести по пути бод'и,
Прошу (меня) мГоньбо-Дорчже направить къ спасенію [4]).

* * *

Эта находящаяся на лѣвой сторонѣ сука гЛог-сЧжад-Мар-мо,
Когда (бывало) отпустишь ее, хватала даже летящихъ птицъ;
(Теперь) она мнѣ не нужна, и я подношу ее тебѣ.
Прошу чернаго изюбря и т. д.[5]).

* * *

Эти украшенные кольцами силки,
Когда (бывало) опутывалъ (ими) изюбрей и дикихъ звѣрей, не шевелились;
(Теперь) они мнѣ не нужны, и я подношу ихъ тебѣ.
Прошу чернаго изюбря и т. д.

* * *

Мою шубу, украшенную козлиной шкурой [6]),
Когда я одѣвалъ, то согрѣвался (монг. не зябъ) даже въ ущельяхъ снѣжныхъ горъ;
Теперь она мнѣ и т. д.

* * *

Моя тонкая стрѣла, которую держу въ правой рукѣ,
Украшенная киноварью (монг. съ киноварными ушками) и четырьмя перьями,—
Когда я пускалъ ее, пронизывала (все), куда я ни попадалъ;
Теперь она мнѣ и т. д.

* * *

---

[1]) Т. е. коснулся лбомъ ноги.
[2]) Дальше по порядку тибетскаго текста.
[3]) Въ тибет. мнѣ—человѣку, какъ не просто тебѣ, а тебѣ—ламѣ.
[4]) Монг. по пути спасенія.
[5]) Повторяются всѣ три полустиха.
[6]) Такъ объясняетъ слово тим-па Jäschke; монг. текстъ не согласенъ, но одно слово въ немъ неизвѣстно мнѣ; общій смыслъ (по догадкѣ): украшенную каймой изъ шелковой матеріи.

Digitized by Google

Лукъ съ бѣлыми концами, который держу въ лѣвой рукѣ,
Украшенный березовой корой [1]),
Когда (я) спускалъ тетиву, звучалъ подобно грому;
Теперь онъ мнѣ и т. д.

Излагая эти просьбы, онъ подарилъ (Мила-райбѣ) жизнь изюбря и поднесъ въ даръ суку и пр. и сказалъ: «О, лама! я послѣдую за тобою; (для этого) принесу провіантъ изъ рукъ семейства (монг. изъ дому). Посидишь ты на этомъ мѣстѣ, или будешь сидѣть въ другомъ мѣстѣ, прошу ясно указать?» Тогда Мила-райба, обрадовавшись тому, что охотникъ подарилъ жизнь изюбря и самъ обратился къ вѣрѣ, сказалъ ему: «Сынъ (мой), то, что ты, оставивши грѣхи, будешь (т. е. монг. желаешь) упражняться въ добродѣтели, весьма достопримѣчательно. (Однако, хотя) впослѣдствіи возможно (тебѣ) быть въ той странѣ, гдѣ (я) буду находиться, но трудно (будетъ) исполнить задуманное; (да и если) возможно (будетъ) исполнить, (то) при неопредѣленности моего мѣстопребыванія, (тебѣ) трудно будетъ найти его. Поэтому, если ты желаешь исполнять ученіе (жить по ученію), то лучше всего, если (ты), пресѣкши привязанность къ семьѣ, теперь послѣдуешь за мной для ученія (вѣры). Побужденіе (причина) моего скитанія безъ опредѣленнаго мѣстопребыванія таково»! сказалъ онъ и произнесъ слѣдующіе стихи:

Удивительный мущина, горный отшельникъ—я
Три лѣтніе мѣсяца занимаюсь созерцаніемъ среди снѣговъ горныхъ цѣпей.
(Тамъ) прохлада, освѣжающая лѣность тѣла.
Три осенніе мѣсяца я занимаюсь выпрашиваніемъ милостыни.

* * *

(Отъ этого) получается въ изобиліи мука для пропитанія тѣла [1]).
Три зимніе мѣсяца я занимаюсь созерцаніемъ въ чащахъ лѣсовъ;
(Они) служатъ защитой отъ порывовъ пронзительнаго вѣтра.
Три весенніе мѣсяца я сижу (нахожусь) въ сланцахъ и зеленой травѣ.
(Это) мѣсто очищенія перемѣшавшихся мокротъ.

* * *

(Мое) неуклонное прилежаніе въ созерцаніи, не разбирая ни лѣта, ни зимы,
Есть стараніе объ разрушеніи этого тѣла [2]).
(Мое) неуклонное соблюденіе всегда осторожности
Есть средство преодолѣть пять ядовъ мірскихъ суетностей [3]).

* * *

---

[1]) Въ тибет. еще два слова рГья-рГьюд, значеніе которыхъ въ данномъ мѣстѣ не вполнѣ понятно,—«съ широкими жилками»?

[2]) Тиб. букв.: четырехъ стихій тѣла.

[3]) Тиб.; монг. на оборотъ: суетности (прирожденные грѣхи) пяти ядовъ.

Digitized by Google

То, что я ѣмъ всякое попавшееся пропитаніе,
Есть знакъ счастливаго состоянія (въ зависимости) отъ неимѣнія [1]) страстей.
Постоянное прилежаніе къ ученію
Есть великое рвеніе къ Іога.

На эти его слова охотникъ сказалъ: «Ахъ, лама! если такъ, то ты весьма замѣчателенъ. Я отъ (чистаго) сердца буду упражняться въ ученіи (исполнять религіозныя обязанности) и потому, передавши (твое) наставленіе семейству и захвативши «пропитаніе вѣры» [2]), быстро приду. (Ты) посиди здѣсь». На эту его просьбу Мила-райба сказалъ: «Если ты отъ (чистаго) сердца будешь упражняться въ ученіи (исполнять религіозныя обязанности), то (тебѣ) нѣтъ смысла встрѣчаться съ семействомъ. Упражняющемуся, перенося страданія, въ ученіи отдѣльное «духовное пропитаніе» не требуется. (Вѣдь есть) достаточное количество древесныхъ плодовъ и ягодъ. Такъ какъ опасно, что при неизвѣстности, въ жизни человѣка, времени смерти (букв. когда умрешь), эта (твоя) прекрасная мысль перемѣнится, то теперь посиди здѣсь. Прежде чѣмъ ты передашь наставленіе семейству, я тебѣ самому дамъ наставленіе. Выслушай его»! Затѣмъ онъ произнесъ слѣдующіе стихи:

Поэтому слушай и вникай, охотникъ!
Звукъ грома, хотя и силенъ, есть пустой звукъ.
Цвѣты радуги, хотя и прекрасны, быстро исчезаютъ (обращаются въ ничто).
Міръ, хотя и веселъ, подобенъ сновидѣнію.

* * *

Страсти, хотя и упоительны,—причина грѣховъ.
Все составное, хотя какъ будто и вѣчно, быстро уничтожается.
Благосостояніе, бывшее на дняхъ (вчера), не продолжительно.
Человѣкъ, бывшій въ прошедшемъ году, умираетъ въ этомъ году.

* * *

Другъ, бывшій хорошимъ, дѣлается врагомъ.
Пища, которую ѣли съ пользою, обращается въ ядъ.
Тѣ, которыхъ поддерживали благодѣяніями, (становятся) очень наглы.
Грѣхъ, сдѣланный самимъ (тобою, тебѣ) самому и вредитъ.

* * *

Ты изъ сотни (множества) головъ дорожишь своей головой;
Который ты ни отрѣзалъ бы изъ десяти пальцевъ, все равно является жгучая боль.
Изъ множества людей ты дорожишь самимъ.
Настало время тебѣ быть самостоятельнымъ.

* * *

Эта (твоя) жизнь не вѣчна и быстро умрешь.
Въ дѣлѣ вѣры нельзя отступать.

---

[1]) Тибет. малости.
[2]) Т. е. провіантъ, данный изъ религіозныхъ побужденій духовному.

Digitized by Google

Друзья бросаютъ въ море перерожденій.
(Тебѣ) настало время довѣриться ламѣ.

* * *

Настало время упражняться въ святой вѣрѣ,
Доставляющей блаженство послѣ этой жизни.

Когда (Мила-райба) такъ сказалъ, у охотника мГоньбо-Дорчже умъ искренне обратился къ святой вѣрѣ, и онъ сказалъ: «Не возвращаясь къ семейству, преподношу Божественному небольшія мысли, родившіяся отъ созерцанія ученія святыхъ, и прошу теперь великодушно сообщить наставленіе о методѣ запечатлѣнія въ памяти (изученія)». Мила-райба обрадовался и, сказавши: «Начало добродѣтелей возродилось (въ тебѣ) [1]); метода запечатлѣнія въ памяти (ученія) вотъ такова»! произнесъ слѣдующіе стихи:

Когда довѣришься благородному (святому) ламѣ,
Отъ чистаго сердца все молись и молись.
Во время созерцанія идама и дакини,
Все уясняй и уясняй порядокъ начинанія (возрожденія) [2]).

* * *

Во время созерцанія невѣчности умирающаго,
Все думай и думай о неизвѣстности времени смерти.
Во время созерцанія великой печати (Махāмудра)
Все созерцай и созерцай. . . . [3]).

* * *

Во время созерцанія «батюшки и матушки» живыхъ существъ
Все вспоминай и вспоминай воздаяніе за благодѣянія.
Во время созерцанія «глубокаго источника уха»
Развивай энергію въ сердцѣ.

* * *

Во время достиженія высшей степени вѣры
Защищай, не разбирая ни высокаго, ни низкаго.
Во время разсматриванія согласнаго и несогласнаго съ ученіемъ
Не спѣша подводи къ одному.

* * *

Во время воздѣлыванія нивы божественнаго ученія
Оставь всѣ мірскія хлопоты.
Когда боги доставляютъ пропитаніе,
То не нужно дѣлать запасовъ.

* * *

---

[1]) Этихъ словъ нѣтъ въ монг. текстѣ.
[2]) сКьед (Чжед)-рим—родъ созерцанія (См. Jäschke).
[3]) Монг.; тибет. текстъ не совсѣмъ ясенъ—К'рид-жус-нес (букв. по испрошеніи руководства).

Digitized by Google

Собранное со скупостью не умножается
И вообще есть клятва (обѣтъ) Дакини.
Поэтому отбрось мысль (заботы) о пищѣ и одеждѣ,
Поэтому сознательно отвергни эту жизнь.

Когда онъ такъ сказалъ, охотникъ, достигшій высшей степени пониманія вслѣдствіе того, что (Мила-райба) далъ ему возможность созерцать всѣ посвященія и наставленія, сдѣлался однимъ изъ его духовныхъ дѣтей, называемыхъ Райба. Сука же и изюбрь отнынѣ впредь избавились отъ страданій дурныхъ перерожденій. Сдѣлалось извѣстнымъ, что въ той пещерѣ (гдѣ сидѣлъ Мила-райба) и въ настоящее время находятся стрѣла и лукъ, поднесенные (ему) охотникомъ.

Перечень главъ повѣсти о Мила-райбѣ [1]).

1) Глава съ тремя заглавіями, означающими одно и то же: а) шесть бесѣдъ ламы по поводу царя демоновъ Бхинаяка или в) . . . . . (монг. чуанглунъ) съ красной скалой, или с) собираніе топлива Мила-райбой.

2) . . . . . .

3) Снѣжная гора.

4) Обращеніе святымъ Мила-райбой жадничающей женщины Ракшаса на скалѣ Линъва.

5) О живущихъ въ (царствѣ) Рагма, каждый отдѣльно вернувшихся домой (первая глава).

6) Небесный замокъ (рЦзонъ) рКьянъ-П'ань (Чанъ-пань).

7) Снѣжная гора Іол-мо.

8) Небесныя дѣвы, обратившіяся въ горлицъ; отюда и выше вообще «введеніе въ таинство «не-людей» (Амануша)».

9) Алмазный замокъ Браг-сКья (Чжаг-ча, Дак-ча), первая глава.

10) Встрѣча съ Мила-райбой (духовнаго сына).

11) Встрѣча съ (сдѣлавшимся ученикокъ) рЦза-П'у-райбой.

12) Встрѣча съ духовнымъ сыномъ Санс-рГьяс (Санъчжай)-сКьявс (Чав).

13) Оказаніе состраданія духовному Ша-гі-я (тиб. Шаг-гу) въ пещерѣ, (находящейся) въ гНья-нам'ѣ.

14) Встрѣча въ пещерѣ гЧжунъ-ги-ганъ-ба-сЛе-гСум съ дѣвицей дБал-дараБум изъ числа 4-хъ сестеръ—ученицъ Мила-райбы.

15) Встрѣча съ Се-бань-райбой въ сѣверной гостинницѣ Га-ра-к'а-че.

16) Встрѣча съ аБри-бсГом-райбой на горѣ рГьял-цзи-Шри.

17) Встрѣча съ успокоившимся (отдыхающимъ) Райбой вблизи серебрянаго субургапа.

---

[1]) По черновому перечню, составленному наскоро, безъ ознакомленія съ содержаніемъ главъ. Оставшіяся неразобранными мѣста означены точками.

Digitized by Google

18) Тростниковый посохъ въ лЧжи-ма-лунѣ, или встрѣча съ учителемъ (жившимъ) въ худомъ замкѣ.

19) Встрѣча съ Дамба-рГьягс (Чжаг)-П'ува.

20) Встрѣча[1]) на перевалѣ сГор-ра съ мК'ар-чунъ-райбой.

21) Встрѣча съ Райба-Дарма-дВан-чуг'омъ въ Бу-рангс (Ву-ранъ).

22) Обращеніе На-ро-бонь-чуна на горахъ Ганс-ди-се (Гандесъ).

23) (22) Встрѣча съ Ронъ-чунъ-райбой во время позднѣйшаго прибытія въ алмазный замокъ Браг-сКья (Даг-ча, Чжакча)—(рЦзонъ).

24) (23) Встрѣча въ укрѣпленіи (пещерѣ), въ которомъ укрылись овцы, и въ укрѣпленіи Лап'уг-падма съ райбой-овчаремъ, главнѣйшимъ изъ разрѣшившихъ свои сомнѣнія и съ близкимъ ученикомъ гШень-сГом-райбой.

25) (24) Встрѣча у пяти маленькихъ озеръ Чжо-ро-аБриг (Чжиг, Диг)-аЦамс съ Рас-чунъ-ма изъ числа четырехъ сестеръ-учениць Мила-райбы.

26) (25) Переведена.

27) (26) Въ царствѣ Монь-юль царь К'о-К'ом (Хохом, Коком), принеся жертву, приходитъ искать удобнаго случая (доступа) къ Цэ-ринъ-ма (долгоденствіе).

28) (27) Жемчужные четки—поэма, записанная по твердой памяти (нѣкимъ) Бодхи-рāчжā, учителемъ изъ дурнаго укрѣпленія.

29) (28) Четки—свѣтъ амврозіи (напитка безсмертія).

30) Съ очень большимъ заглавіемъ.

31) Удивительное ученіе, скрѣпленное тройными печатями, давши (ми) твердую клятву, Ачарія-Бодхи рāчжā и Райба-жи-ва-од'омъ.

32) Райба-Дорчже-дВанъ-чуг.

33) Встрѣча съ Дхарма-бодхи.

34) Отпроверженіе возражавшимъ отъ зависти.

35) Встрѣча съ Рас-чун-тип'уба-ламой.

36) Мес-сГом (созерцаніе огня)—райба.

37) Дѣвица Са-ле-одъ.

38) Встрѣча съ Рас-чуномъ.

39) Примѣръ изъ свойства (субстанціи) рога (яка).

40) Конецъ рога яка.

41) Дикій оселъ (чигитай).

42) Встрѣча съ близкимъ ученикомъ гЛань-сГом'омъ.

43) Верховный святой сГомпо-па (Гомбоба, созерцатель), духовный сынъ великаго святаго Мила-райбы.

44) Ученики учителя Лō.

45) Учитель аДре-сТонь (монг. Дристун-бакши).

46) Ли-сКор-П'ью-ру-ва или оказанія состраданія своимъ великимъ ученикамъ, счастливымъ и воспитаннымъ.

47) Отвѣты учениковъ и женъ.

---

[1]) Въ монг. эта не считается и слѣдующая счит. 20-ой.

Digitized by Google

48) Гора Бонь-бо.

49) Посвященіе и успокоеніе.

50) гШень-рДор-мо и Легс-сеу-аБум (двѣ женщины).

51) Исправленіе теченія (постепеннаго наступленія) смерти.

52) Пещера укрощенія шимнусовъ и, отправившись освѣжиться, воспѣваніе вина.

53) Пещера Рам-сДингс (Динъ)-гНам.

54) Рас-чунъ отправляется въ дВуй (Средній Тибетъ).

55) Перевалъ Т'онъ-ла.

56) Выпрямленіе духа (секты) Боньбо крюкомъ милосердія и утвержденіе дѣвицы Бета въ бодхи (святости).

57) Наставленіе гНьянамскимъ хозяйкамъ относительно хвоста (нижней части туловища).

58) Медикъ гЯнъ-нге.

59) Вторичное отправленіе Рас-чуна въ дВуй.

60) бКра-шис (Чжа-шій)-рЦзэгс.

61) мЦзэс-се, Кью-бьюг (Чю-чжюг) и прочія Бриньскія хозяйки.

62) Отвѣты тарниста (изучающаго тарни).

63) Ученики показали чудесное пріобрѣтеніе тѣла, порождающаго блаженство (т. е. дающаго состояніе постояннаго блаженства), или различ. . . . .

Въ монгольскомъ перенумеровано 52 главы, остальныя вновь переведены и включены послѣ.

Мы помѣстили здѣсь переведенную А. О. Ивановскимъ одну главу изъ повѣсти о Мила-райбѣ, чтобъ доставить читателю возможность сравнить ее съ записанными нами разсказами монголовъ о Меле-бурханѣ. Отъ Сантанъ-джимбы я слышалъ, что въ тибетской литературѣ существуетъ разсказъ о томъ, какъ Мила-райба строилъ городъ или храмъ. Въ повѣсти, изъ которой переведена для насъ А. О. Ивановскимъ помѣщенная выше глава, повидимому этого эпизода нѣтъ; по крайней мѣрѣ въ приложенномъ къ переводу перечнѣ главъ повѣсти нѣтъ ни одного заглавія, въ которомъ можно было бы увидѣть указаніе на подобную тему. Но такой разсказъ существуетъ и переданъ намъ въ слѣдующемъ свободномъ пересказѣ бурятомъ И. В. Вамбоцэреновымъ.

Кто-то подмѣнилъ у Мила-райбы его книги другими, книгами чернокнижниковъ. Мила-райба началъ читать эти книги и самъ сдѣлался чернокнижникомъ. Онъ сталъ посредствомъ вычитанныхъ чаръ навлекать на хлѣбныя поля грозу и очень вредилъ людямъ. Однажды онъ зашелъ къ бѣдной старухѣ и засталъ ее плачущею. На разспросы, почему она плачетъ, она сказала, что боится Мила-райбы, какъ бы онъ не истребилъ ея посѣвъ; тогда она останется безъ хлѣба. Мила-райба попросилъ ее начертить очертаніе ея поля; она начертила треугольникъ; Мила-райба прикрылъ чертежъ чашкой; чашка оказалась не достаточно великой и углы треугольника остались открытыми. Послѣ этого Мила-райба призвалъ грозу и градъ избилъ поля, но участокъ старухи уцѣлѣлъ, побиты были только углы поля, соотвѣтствовавшіе не покрытымъ чашкою угламъ начерченнаго треугольника.

Потомъ Мила-райба попалъ къ учителю, который, хотя былъ женатъ, но велъ строгую жизнь. Учитель, не приступивъ къ обученію и не показывая ему ничего, сразу наложилъ на него задачу выстроить храмъ, при чемъ Мила-райба долженъ работать безъ помощниковъ, самъ долженъ на себѣ носить весь нужный матеріалъ. Мила-райба принялся строить; собралъ камни,

Digitized by Google

снесъ ихъ на мѣсто постройки и сталъ складывать стѣны; выведши стѣны, онъ призвалъ учителя осмотрѣть работу. Учитель пришелъ, взглянулъ и нашелъ постройку невѣрной; онъ велѣлъ ее всю разрушить до основанія и отнести всѣ камни до одного назадъ, на то мѣсто, гдѣ они были взяты. Мила-райба разобралъ стѣны и снесъ матеріалы на прежнія мѣста. Учитель велитъ снова строить храмъ. Опять Мила-райба вывелъ стѣны и опять учитель велѣлъ разобрать ихъ. Въ третій разъ Мила-райба вывелъ стѣны и на этотъ разъ учитель нашелъ работу негодной и велѣлъ разобрать. Мила-райба въ отчаяніи и хочетъ удавиться. Онъ сдѣлалъ петлю и готовится надѣть ее на себя. Это увидѣла жена учителя, проходившая мимо, остановила его, отговорила накладывать на себя руки, пошла къ мужу и стала просить его, чтобъ онъ не мучилъ бы своего ученика, а далъ бы ему наставленіе, какъ слѣдуетъ. Тогда учитель далъ Мила-райбѣ нѣсколько писемъ и научилъ, чтобъ онъ раскрывалъ ихъ и читалъ по очередно, и прочитавъ одно, не прежде приступалъ къ чтенію другого, какъ исполнивъ приказъ, содержащійся въ прочитанномъ письмѣ. Взявъ письма, Мила-райба удалился въ пещеру и раскрылъ первое письмо. Въ немъ было сказано, чтобъ онъ сидѣлъ три года, питаясь самой скромной пищей. Просидѣвъ три года, Мила-райба раскрываетъ другое письмо. То ему приказываетъ еще сидѣть три года и питаться отваромъ крапивы. Онъ прожилъ три года въ пещерѣ, питался только крапивой и сдѣлался зеленый. Раскрываетъ третье письмо; въ немъ заключается приказаніе еще сидѣть три года голодомъ, не принимая пищи. И это исполняетъ Мила-райба и раскрываетъ четвертое письмо. Въ немъ было сказано, чтобъ онъ шелъ къ такому-то храму, чтобъ поднялся на его вершину и оттуда бы бросился на землю. Мила-райба поднялся на вершину высокаго храма и бросился оттуда внизъ; сначала онъ летѣлъ внизъ, но, пролетѣвъ половину разстоянія до земли, какимъ-то чудомъ началъ подниматься кверху на небо. Такъ совершилось его обученіе и онъ достигъ совершенства.

Разсказъ въ Шиддикурѣ о построеніи дома на небѣ: Красильщикъ и плотникъ жили въ ссорѣ; желая погубить своего врага, красильщикъ написалъ царю письмо будто бы отъ умершаго отца царя; въ письмѣ отецъ проситъ прислать къ нему на небо плотника, который построилъ бы ему домъ. Красильщикъ указалъ и средство, какъ доставить плотника на небо; нужно устроить костеръ, посадить на него плотника, обложить его ватой, облить масломъ и зажечь. Плотникъ узналъ, гдѣ будетъ устроенъ костеръ, сдѣлалъ подземный ходъ и по нему, въ удобный моментъ, убѣгаетъ изъ огня. Потомъ плотникъ сочиняетъ письмо тоже будто бы отъ умершаго отца царя: отецъ благодаритъ за постройку дома и проситъ прислать красильщика. Красильщикъ сожженъ (Шиддикуръ, гл. VIII; въ Эти. Сборн., VI, стр. 46—49).

Digitized by Google

II.

Монгольскія сказки, записанныя въ Ургѣ въ 1889 году[1]).

1. Три брата.

Въ древнее время были три брата. Однажды одинъ изъ этихъ братьевъ укралъ изъ чужого табуна сорокъ головъ лошадей и принесъ ихъ въ сжатомъ кулакѣ. Другой братъ волосами своей бороды прокормилъ этихъ лошадей одинъ мѣсяцъ. Наконецъ, когда явился хозяинъ этихъ лошадей, то третій братъ, закрывъ этихъ лошадей своей шапкой, укрылъ ихъ отъ глазъ хозяина.

Кто скажетъ, кулакъ больше всѣхъ, тотъ счастливъ на добычу; кто скажетъ борода больше всѣхъ, у того ротъ счастливъ, а кто скажетъ шапка больше всѣхъ, тотъ счастливъ на одежду.

2. Долонъ бурхыиъ (созвѣздіе Б. Медвѣдица).

Въ древнее время въ одномъ семействѣ родился сынъ, у котораго впослѣдствіи выросли на головѣ два рога и сдѣлался онъ человѣкомъ, обладающимъ необыкновенной силой, за что отецъ и мать его прогнали. Онъ, прогнанный родителями, идетъ куда глядятъ его глаза. Однажды въ лѣсу встрѣчаетъ онъ чернаго по цвѣту кожи человѣка и спрашиваетъ: «Ты кто такой»? Тотъ отвѣчаетъ: «Я тарба, родившійся отъ лѣсу». «Ты пойдешь вмѣстѣ со мною?» продолжаетъ спрашивать человѣкъ съ рогами. «Пойду», отвѣчаетъ тотъ и идутъ оба дальше. Находится гора и на этой горѣ опять встрѣчается человѣкъ. «Ты кто такой?» спрашиваетъ человѣкъ съ рогами. «Я тарба, родившійся отъ горы», отвѣчаетъ тотъ. «Ты съ нами пойдешь?» продолжаетъ спрашивать человѣкъ съ рогами. «Пойду», отвѣчаетъ тотъ и идутъ дальше всѣ трое вмѣстѣ. Стоитъ гора и около горы находится жилище людское. Забравшись въ это жилище, они рѣшили на время остановится тутъ.

---

[1]) Эти сказки были записаны для меня въ Ургѣ однимъ грамотнымъ монголомъ помонгольски. Переводъ сдѣланъ г. Вамбоцэрэновымъ.

Digitized by Google

Во дворѣ этого жилища были мулы, яки и разныя другія животныя, и были съѣстные продукты, не было только мяса. Поэтому двое изъ нихъ ушли поохотиться за звѣрями, а тарба родившійся отъ горы остался домовничать. Въ то время, когда оставшійся дома тарба приготовлялъ пищу въ ожиданіи своихъ товарищей, приходитъ къ нему въ жилище старушка-шабаганца (монахиня) вышиною ростомъ съ четверть и говоритъ: «Дай, голубчикъ, отвѣдать, вкусную ли пищу ты готовишь!» И какъ только далъ ей тарба немножко изъ той трапезы, вся трапеза моментально исчезаетъ. На другой день остается домовничать тарба, родившійся отъ лѣсу. Приходитъ та же старушка-шабаганца, проситъ дать отвѣдать пищу и пища вдругъ исчезаетъ. Тарба, боясь двухъ своихъ товарищей, беретъ скотское копыто и съ помощью его покрываетъ всю площадь двора скотскими слѣдами. Когда возвратились товарищи съ охоты, онъ имъ облыжно говоритъ, что пріѣзжало множество людей, всѣ на быкахъ, и, угрозами заставивъ его отстраниться, съѣли всю приготовленную имъ пищу. На третій день остается дома человѣкъ съ рогами. Приходитъ та же старушка-шабаганца и просить дать отвѣдать пищу. Человѣкъ съ рогами, просверливъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ дно ведра, даетъ ей это ведро и говоритъ: «Ступай, принеси одно ведро воды, потомъ дамъ тебѣ отвѣдать пищу». Шабаганца, взявъ ведро, уходитъ на рѣчку. Пользуясь случаемъ, человѣкъ съ рогами развязываетъ сумочку старухи, вынимаетъ оттуда оказавшіеся тамъ желѣзный молотокъ, желѣзныя клещи и веревку изъ жилы и кладетъ туда деревянный молотокъ, деревянныя клещи и волосяную веревку. Шабаганца возвращается сердитая, и говоритъ: «Ты напрасно только помучилъ меня, давъ ведро съ просверленнымъ дномъ! ты даешь мнѣ пищу или нѣтъ? если нѣтъ, то я съ тобой поборюсь». Человѣкъ съ рогами говоритъ: «Ладно, будемъ бороться!» Далѣе спрашиваетъ онъ: «Чѣмъ будемъ бороться?» Шабаганца говоритъ: «Давай бороться молоткомъ». «Ладно», говоритъ человѣкъ съ рогами и, раздѣвшись, ждетъ. Шабаганца, вынувъ деревянный молотокъ, ударяетъ имъ по-головѣ человѣка съ рогами, а тотъ даже и не подумалъ объ ударѣ. Шабаганца говоритъ: «Давай бороться клещами». «Давай», говоритъ тотъ. Шабаганца, доставъ деревянныя клещи, щиплетъ ими человѣка съ рогами, а тотъ и не чувствуетъ. Затѣмъ человѣкъ съ рогами говоритъ: «Теперь кажется настала моя очередь». «Да, настала», говоритъ шабаганца. Человѣкъ съ рогами, доставъ желѣзный молотокъ, бьетъ имъ разъ по головѣ шабаганцы, та падаетъ въ обморокъ. Потомъ, очнувшись, убѣгаетъ отъ него, покрывая слѣдъ пятнами своей крови. Позже возвращаются съ охоты товарищи и спрашиваютъ: «Ну, рогатая голова! хорошо ли подомовничалъ?» «О, какіе вы очень нехорошіе люди!» говоритъ тотъ въ отвѣтъ. «Отчего вы не могли побиться съ одной шабаганцой, имѣвшей небольше четверти росту?» Тѣ сильно застыдились. Затѣмъ отправились всѣ трое по слѣдамъ шабаганцы, усѣяннымъ пятнами крови; слѣды ушли черезъ отверзстіе въ подземелье, находившееся у одной горы. Человѣкъ съ рогами спускается туда внизъ по веревкѣ и находитъ шабаганцу уже мертвою. Около шабаганцы находятся различныя драгоцѣнности, которыя онъ подаетъ по веревкѣ на верхъ своимъ товарищамъ; потомъ, когда кончились драгоцѣнности, онъ проситъ

Digitized by Google

спустить веревку и вытащить оттуда его самого, но товарищамъ, соблазнившимся драгоцѣнностями, приходитъ въ голову худая мысль и они оставляютъ его (т. е. человѣка съ рогами) на днѣ подземельной глубины. Человѣкъ съ тялячьей головой сидитъ тамъ одинъ. Между тѣмъ спускаются сверху къ нему въ отверзстіе лукъ и стрѣла. Онъ осмотрѣлъ ихъ; оказывается, что это лукъ и стрѣла Хормусты-Тэнгри. Обрадовавшись этому, человѣкъ съ рогами начинаетъ молиться. Узнавъ это и желая спасти его, Хормуста-хаганъ спускаетъ къ нему внизъ желѣзную лѣстницу и по ней достаетъ его на верхъ. Коровья голова, поднявшись на небо, славится тамъ за человѣка съ необыкновенной силой. Между тѣмъ черный и бѣлый порозы тэнгріевъ Эсрунъ, поссорившись между собою, вступаютъ въ борьбу. Не находится ни одного человѣка, который бы могъ ихъ разнять. Тогда Хормуста-тэнгри говоритъ человѣку съ коровьей головой: «Уйми чернаго пороза». Человѣкъ съ коровьей головой, ставъ передъ чернымъ порозомъ, стрѣляетъ изъ лука ему въ лобъ и голова пороза распадается на двѣ части. Хормуста-хаганъ весьма обрадовался и говоритъ: «Ну, ты великій человѣкъ! отправляйся внизъ въ страну шимнусовъ; тамъ на головѣ царя-шимнуса торчитъ наша одна стрѣла; ты посмотри и втолкай ее поглубже; я тебя щедро вознагражу». Человѣкъ съ коровьей головой, спустившись внизъ, подходитъ къ воротамъ царя-шимнуса и стучится. Выходитъ за ворота женщина съ пылающимъ изъ рта ея огнемъ и спрашиваетъ: чего надо? Коровья голова отвѣчаетъ: «я врачъ». «Въ такомъ случаѣ войди!» говоритъ женщина. Коровья голова входитъ. Царь шимнусовъ лежитъ, а на головѣ его торчитъ стрѣла Хормусты-хагана. Человѣкъ съ коровьей головой пробуетъ вынуть стрѣлу. Царь шимнусовъ говоритъ: «Ахъ, какъ хорошо!» Тогда коровья голова, помолившись въ душѣ Хормуста-хагану, вталкиваетъ стрѣлу въ голову царя-шимнуса и самъ поскорѣе поднимается вверхъ. Но жена шимнуса кидаетъ вслѣдъ ему желѣзную колотушку, которая, попавъ въ него, раздробляетъ его на семь частей. Царь Хормуста, изъ вниманія къ заслугамъ его, изъ этихъ семи его частей образовалъ «Семь Бурхановъ» (долонъ бурхынъ).

3. Два брата.

Въ глубокой древности въ одно время былъ одинъ богатый человѣкъ. Имѣлъ онъ двухъ сыновей. Однажд ыстарикъ этотъ, призвавъ къ себѣ двухъ своихъ сыновей, говоритъ: «Я вамъ хочу слово сказать, года мои уходятъ, приближается уже смерть, я долженъ раздѣлить вамъ наслѣдство. Одинъ изъ васъ пусть возьметъ домъ, скотъ и все тому подобное, а одинъ пусть возьметъ мой обдисъ» (таинственную силу). Тогда старшій сынъ говоритъ: «Я возьму домъ, скотъ и прочее», а другой младшій сынъ говоритъ: «я возьму обдисъ». Потомъ черезъ нѣкоторое время старикъ умираетъ. Старшій сынъ беретъ себѣ все имущество старика, домъ, скотъ и проч. Младшему сыну старикъ при жизни говорилъ слѣдующее: «Сынъ мой! прежде чѣмъ дѣлать что нибудь, каждый разъ предварительно спрашивай самаго стараго человѣка». И больше ничего не говорилъ. И вотъ младшій сынъ, которому старшій

Digitized by Google

ничего не далъ, кромѣ одежды, которая была на немъ, отправляется искать столѣтняго старца. Находитъ старца и говоритъ ему о себѣ подробно. Старецъ этотъ говоритъ ему: «Я ничего не знаю; вонъ тамъ на западѣ есть старецъ старше меня, ста десяти лѣтъ, ты спроси у него». Младшій сынъ отправляется дальше и, отыскавъ указаннаго старца, говоритъ ему о себѣ. Старецъ этотъ отвѣчаетъ ему: «Я ничего не знаю; вотъ на западѣ есть постарше меня, старикъ ста двадцати лѣтъ; ты ступай къ нему и спроси у него». Младшій сынъ отправляется дальше къ ста двадцати лѣтнему старцу и, отыскавъ его, разсказываетъ ему о себѣ подробно. Старецъ говоритъ ему: «О, ты! царь этого нашего города долѣе трехъ сутокъ не живетъ. Въ данное время царскую печать держитъ царица; ступай къ царицѣ. Царица увидѣвъ тебя, будетъ удивляться и спроситъ: «Что это за красивый молодой человѣкъ? откуда онъ идетъ и съ какою цѣлью»? Тогда ты скажи: «Я прибылъ изъ Индіи; я знаю, что тутъ царь долго не живетъ, и вотъ я пришелъ занять царское мѣсто». Младшій сынъ согласно указанію старца приходитъ во дворецъ и представляется царицѣ. Царица говоритъ: «Какой красивый молодой человѣкъ! гдѣ твоя родина, какъ тебя зовутъ, куда идешь?» Младшій сынъ говоритъ: «Родина моя въ Индіи. Услыхавъ, что царь здѣшней страны долго не живетъ, пришелъ быть царемъ». Тогда царица говоритъ: «О! если такъ, то вотъ на юговостокъ отсюда есть одинъ большой городъ подъ названіемъ Шингъ, ты ступай туда и принеси оттуда одни мѣдные сапоги. Когда принесешь, мы посадимъ тебя на царскій престолъ». И даетъ ему тридцать ланъ серебра на дорогу. Младшій сынъ возвращается обратно къ старцу и разсказываетъ ему все. Старецъ говоритъ: «Ступай въ городъ Шингъ; тамъ есть старецъ, тоже ста двадцати лѣтъ; ты обратись къ нему и спроси, что тебѣ дѣлать». Младшій сынъ приходитъ въ городъ Шингъ и разыскиваетъ старца, имѣющаго сто двадцать лѣтъ. Въ это время встрѣчается съ нимъ одинъ человѣкъ и говоритъ ему: «Ты что за человѣкъ? твой отецъ мнѣ былъ долженъ одинъ глазъ, я возьму у тебя одинъ глазъ»! и, пообѣщавшись взять у него глазъ потомъ, проходитъ дальше. Младшій сынъ идетъ дальше, находитъ наконецъ старца и разсказываетъ ему все. Старецъ говоритъ ему: «О, молодой человѣкъ! на южной сторонѣ этой горы есть высокое дерево; ты отправляйся въ эту ночь туда, залѣзь въ дупло того дерева и, не шевелясь, сиди; какой нибудь признакъ узнаешь». Какъ только наступила ночь, младшій сынъ отправляется къ указанному дереву, влѣзаетъ въ его дупло и, притаивъ дыханіе, сидитъ. Вскорѣ за тѣмъ къ тому дереву собирается множество людей и разговариваютъ о смерти царя и о томъ, какъ его погребали днемъ. Въ это время тотъ самый человѣкъ, который угрожалъ взять у младшаго сына глазъ, разсказываетъ царю, что онъ сегодня встрѣтился съ однимъ человѣкомъ изъ дальней страны и что обѣщался взять у него одинъ глазъ. Царь ему говоритъ: «Ахъ! ты это очень неправильно поступилъ. Онъ завтра, уступивъ тебѣ свой глазъ, будетъ требовать, чтобы ты тоже уступилъ ему свой глазъ Тогда ты что бы сдѣлалъ?» Тотъ человѣкъ говоритъ: «Что же мнѣ теперь дѣлать?» Царь говоритъ: «Ты дай тому человѣку все, чего бы онъ ни попросилъ». Затѣмъ, когда царь съ народомъ разъѣхались, младшій сынъ, возвратившись къ старцу, раз-

Digitized by Google

сказываетъ ему все. Старецъ говоритъ: «Ну, ты завтра утромъ отправляйся къ тому человѣку и заставь его найти и доставить тебѣ сапоги». Младшій сынъ, разыскавъ того человѣка, достаетъ черезъ него сапоги и вмѣстѣ съ ними является къ старику. Старикъ говоритъ: «Ты, взявъ эти сапоги, отправляйся къ царицѣ». Младшій сынъ доставляетъ царицѣ сапоги и дѣлается царемъ. Сдѣлавшись царемъ, онъ долгое время жилъ въ блаженствѣ, между тѣмъ отъ одной изъ его супругъ родился сынъ съ золотымъ передомъ и серебрянымъ задомъ (съ золотою грудью и серебряною задницею). Сынъ этотъ въ настоящее время носитъ названіе Гэри-тэнгри-сайнъ-цаганъ-нойонъ и обитаетъ на сѣверо-западѣ вмѣстѣ съ Бисманъ-тэнгріемъ. Сила и могущество его, говорятъ, были невыразимыя.

4. Огромная корова (ихэ ухуръ).

Въ древнее время былъ нѣкій большой городъ подъ названіемъ Варанаса [1]). Въ томъ городѣ была одна огромнѣйшая корова; на головѣ ея было одно стойбище, обитатели котораго постоянно слышали, какъ дышала корова. На спинѣ ея противъ почекъ было другое стойбище. Отъ одного стойбища до другого разстояніе равнялось двадцати днямъ ѣзды на лошади. Было еще одно стойбище на спинѣ около хвоста этой коровы, обитатели котораго слѣдили за ея испражненіемъ. Въ одно время корова эта издохла. Одинъ старикъ изъ того улуса (хотона), пасшій козловъ (ямановъ), лежалъ въ степи на спинѣ. Въ это время одна птица, несшая въ своемъ клювѣ лопатку издохшей коровы, какъ-то выронила ее изъ клюва. Лопатка попала въ глазъ старика. Старикъ, вытащивъ кость, положилъ на землю и ушелъ. Потомъ одно войско въ тысячу человѣкъ, слѣдовавшее черезъ эту кость, остановилось на ней обѣдать. Въ это время подходитъ лисица и уноситъ кость вмѣстѣ съ находившимся на ней войскомъ. Теперь нужно разгадать, что больше: кость коровы или глазъ старика, или лисица?

Кто скажетъ корова больше всѣхъ, того надо причислить къ глупымъ, кто скажетъ глазъ старика больше всѣхъ, того надо считать человѣкомъ степеннымъ. Кто скажетъ сила лисицы больше всѣхъ, тотъ долженъ считаться человѣкомъ, умѣющимъ искусно обдѣлывать свои дѣла.

---

[1]) Бенаресъ.

Digitized by Google

III.

Бурятская сказка.

Въ глубокой древности жили три брата — охотника. Однажды, отправляясь на охоту, они позабыли взять съ собою огниво, и вотъ они стали толковать, какъ и откуда добыть огня. Толковали, толковали и рѣшили такъ: идти старшему брату къ владыкѣ земли (Дэлэхэйнъ эдзэнъ) и просить у него огня. Старшій братъ отправляется, но долго не возвращается. Отправляется за нимъ средній братъ, но и онъ тоже не возвращается. Наконецъ, когда не могъ дождаться ни того, ни другого брата, отправляется за ними младшій братъ. Приходитъ къ Эдзэну и видитъ: Эдзэнъ старый, сѣдобородый старикъ, лежитъ бокомъ около костра и грѣетъ свою спину, а ушедшіе ранѣе братья его стоятъ привязанные къ деревьямъ; на спинахъ у нихъ замѣтны слѣды снятой кожи на чумбуры (ремни). Эдзэнъ спрашиваетъ младшаго брата зачѣмъ онъ пришелъ; младшій братъ отвѣчаетъ, что пришелъ просить огня. Эдзэнъ говоритъ: «Если скажешь мнѣ сказку, дамъ огня, а если не знаешь сказки, то, снявъ съ твоей спины кожу для трехъ ремешковъ, привяжу тебя къ дереву». Младшій братъ говоритъ: «Ладно, скажу сказку, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты отнюдь не возражалъ; если будешь возражать, то я сниму съ твоей спины кожу для ремешковъ, привяжу тебя къ дереву, возьму огня и уйду». Эдзэнъ соглашается на условіе и вотъ младшій братъ начинаетъ разсказывать: «Родился я раньше отца, пасъ верблюдовъ своего дѣда. Однажды потерялъ одного верблюда-самца. Для того, чтобы посмотрѣть, не находится-ли гдѣ мой верблюдъ, поднялся я на гору; гора немогши меня поднять, разрушается; тогда я сталъ на стебель сараны [1]); этотъ стебель поднялъ меня такъ хорошо и такъ высоко, что я могъ осмотрѣть кругомъ всю мѣстность и увидѣлъ моего верблюда за моремъ, гдѣ, оверблюдившись, ходилъ онъ съ верблюженкомъ. Побѣжалъ я къ морю, сѣлъ на лодку, чтобы переплыть на ту сторону моря; лодка не поднимаетъ; тогда я изъ сосновой коры сдѣлалъ себѣ лодку и на ней переплылъ черезъ море лучше, чѣмъ на большой лодкѣ. Перебравшись такимъ образомъ на ту сторону моря, я поймалъ верблюда, взвалилъ

[1]) Лилія, Lilium Martagon.

Digitized by Google

на него верблюженка и потомъ, сѣвъ на него же и самъ, хотѣлъ пуститься въ море, чтобы перебрести обратно на эту сторону, но верблюдъ не поднимаетъ; тогда я взвалилъ верблюда на верблюженка и сѣлъ на него самъ. Такимъ образомъ переплылъ я черезъ море на верблюженкѣ лучше, чѣмъ на верблюдѣ. Пріѣзжаю къ остальнымъ верблюдамъ, ихъ не оказывается. Опять поднимаюсь на гору, гора не поднимаетъ, разрушается; сталъ тогда опять на стебель сараны, стебель поднимаетъ хорошо и высоко, такъ что я безъ затрудненія увидалъ своихъ верблюдовъ, но увидалъ ихъ на небѣ. Думаю себѣ, какъ бы подняться на небо, и вдругъ смотрю, изъ одной юрты идетъ прямо на небо дымъ. Я побѣжалъ и, подпарившись къ дыму, поднялся на небо. На небѣ шло большое пиршество; я напился вина до пьяна и свалился. Когда пробудился, оказалось, что верблюдовъ моихъ съѣли тамошнія мухи. Мухи тамъ громадныя, далеко больше нашихъ верблюдовъ. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ только спуститься обратно, но какъ спуститься, это представилось для меня трудной задачей. Тѣмъ не менѣе я не сталъ долго думать, убилъ нѣсколько мухъ, содралъ съ нихъ шкуры, разрѣзалъ шкуры на ремешки, сплелъ изъ ремешковъ веревку, привязалъ одинъ конецъ веревки за дерево и затѣмъ по веревкѣ сталъ спускаться. Спустился какъ разъ до половины разстоянія отъ неба до земли и тутъ къ горю моему веревка моя кончилась. Подняться обратно не могу, спуститься внизъ боюсь. Дунетъ вѣтеръ съ сѣвера, увлекаетъ меня на югъ, дунетъ съ юга, увлекаетъ меня на сѣверъ, дунетъ съ запада, увлекаетъ на востокъ, дунетъ съ востока, увлекаетъ на западъ; и такимъ образомъ провелъ я тамъ три года. Наконецъ мнѣ надоѣло, рѣшилъ выпустить изъ рукъ веревку и спуститься, куда судьба укажетъ. Веревку выпустилъ, лечу внизъ и ушелъ въ землю какъ разъ по уши. Вылѣзти нѣтъ никакой возможности; проходитъ годъ, другой и идетъ третій, все стою. Въ первый годъ птицы стали вить гнѣздо на моей головѣ въ основаніи косы, нанесли яйца и,—вывелись птенцовъ, улетаютъ. На другой годъ въ правомъ ухѣ моемъ ощенилась лисица и,—вывелись своихъ лисинятъ, уходитъ. Въ то время какъ ей идти, я едва высунувшимися руками хватаю ее за хвостъ; она какъ дернетъ, я отпустилъ хвостъ, но тѣмъ не менѣе немного высунулся изъ земли. На третій годъ приходитъ волчица и щенится въ лѣвомъ моемъ ухѣ. Въ то время какъ ей идти съ волчатами, я взялъ ее за хвостъ; она стала кидаться въ сторону отъ меня, но я хвоста ея не выпускаю изъ рукъ. Волкъ тянулъ, тянулъ и наконецъ вытащилъ меня изъ земли. Въ этотъ самый моментъ съ хвоста волка сдернулась шкура мѣшечкомъ и въ этомъ мѣшечкѣ оказалась росписка, данная тобою отцу моему, что ты ему долженъ 300 рублей. Вотъ я и пришелъ предъявить тебѣ эту росписку и потребовать уплаты денегъ». Когда онъ это сказалъ, старикъ не вытерпѣлъ, сказалъ: «Врешь!» Тогда младшій братъ сдираетъ со спины старика кожу на три ремешка, привязываетъ къ дереву, а потомъ, развязавъ братьевъ и взявъ огня, уходятъ въ свой таборъ.

Записалъ по памяти П. В. Вамбоцэрэновъ.

Digitized by Google

Для сравненія съ этой сказкой хоринскихъ бурятъ я помѣщаю здѣсь киргизскую, записанную г. Бигловымъ со словъ киргиза, пріѣхавшаго въ Петербургъ съ г. Ибрагимовымъ повидимому изъ Туркестана. Сказка называется: «Тридцать словъ вранья», отусъ аузъ утрыкъ.

У одного хана была красавица дочь. Онъ обѣщалъ выдать ее замужъ за того, кто сумѣетъ искусно соврать тридцать разъ; а кто, взявшись за это, не сумѣетъ соврать тридцать разъ, тому будетъ отрублена голова.

Много охотниковъ до ханской дочери поплатились своими головами. Однажды пришелъ къ хану купеческій сынъ и заявилъ, что онъ можетъ соврать тридцать разъ, и началъ такъ.

«Когда я былъ еще во чревѣ своей матери, я пасъ стада своего прадѣда; разъ, повѣряя стада, я замѣтилъ, что нѣтъ одной пѣгой кобылы. Осмотрѣвшись кругомъ, я нигдѣ ея не увидѣлъ. Я поднялся на гору, но и тогда нигдѣ ея не увидѣлъ. Я сѣлъ на лошадь, но и съ лошади ничего не увидѣлъ. Тогда я поставилъ на сѣдло «курукъ» (укручину), влѣзъ на него; все-таки ничего не увидѣлъ. Я воткнулъ въ конецъ «курука» ножъ и взобрался на него, и тогда я увидѣлъ свою пѣгую кобылу на берегу безбрежнаго моря; она собиралась ожеребиться. Я сѣлъ на свою лошадь и поплылъ черезъ море. На срединѣ моря моя лошадь устала; тогда я пересѣлъ на «курукъ», а лошадь взвалилъ себѣ на спину; такимъ образомъ я переплылъ черезъ море. Смотрю, жеребенокъ уже прыгаетъ черезъ свою мать; при мнѣ онъ перепрыгнулъ черезъ нее три раза въ одну сторону и три раза въ другую. Сѣлъ я на этого жеребенка и погналъ лошадей передъ собой. На дорогѣ я встрѣтилъ холостую зайчиху, которая только что родила зайченка. Этого маленькаго зайченка я убилъ и изъ его внутренностей вышло девять пудовъ сала; съѣлъ я его мясо, а саломъ запилъ. Поѣвши, я захотѣлъ немного соснуть. Ложась спать, я одинъ сапогъ положилъ около себя съ боку, а другой подъ голову. Просыпаюсь, хочу надѣть сапоги, но того сапога, что сбоку лежалъ, нѣтъ; ищу, нигдѣ найти не могу. Спрашиваю у оставшагося сапога: «гдѣ твой товарищъ?» Онъ мнѣ отвѣчаетъ: «Когда ты поѣлъ заячьяго мяса и попилъ сала, то сальныя руки вытеръ объ меня; а когда руки уже вымылъ, то мокрыя руки обтеръ объ моего товарища; онъ на тебя за это разсердился и убѣжалъ». Я одѣлъ оставшійся сапогъ и погнался за убѣжавшимъ. На дорогѣ мнѣ захотѣлось пить; подошелъ къ колодезю; не чѣмъ было достать воды. Тогда я отрубилъ голову и бросилъ ее въ колодезь, чтобы она сама тамъ напилась. Иду дальше; вижу—впереди аулъ; въ немъ пиръ и много народу. Слышу—смѣются и говорятъ, указывая на меня: «Смотрите, вотъ человѣкъ безъ головы и въ одномъ сапогѣ на обѣ ноги!» Тутъ я вспомнилъ, что голову то я забылъ въ колодезѣ. Побѣжалъ обратно къ колодезю, досталъ голову, поставилъ ее на ея мѣсто и снова пришелъ въ аулъ. Въ аулѣ мой сапогъ ходитъ между гостями и разноситъ блюда. Увидѣвъ меня, онъ испугался, уронилъ блюдо, разбилъ его и убѣжалъ къ хозяину. Я пошелъ за нимъ и объяснилъ хозяину, что это мой сапогъ, убѣжавшій отъ меня; хозяинъ возвратилъ мнѣ мой сапогъ и я возвратился къ своему табуну».

За этотъ разсказъ ханъ выдалъ за купеческаго сына свою дочь, потому что послѣдній сумѣлъ искусно соврать тридцать разъ.

Digitized by Google

IV.

Дополненія къ примѣчаніямъ.

I. Къ стр. 112. Легенда о горѣ-веретенѣ разсказана была П. Золотовымъ въ «Иллюстраціи» 1846 г., № 25, стр. 330. Горная гряда Кушъ-мурунъ отдѣляется отъ Тарбагатайскаго хребта на сѣверъ; одна изъ отдѣльныхъ сопокъ этой гряды стоитъ отдѣльно на берегу р. Бугаса; туземцы называютъ ее Бюръ-тастаганъ, «воткнутое веретено» [1]). Легенда: на Тарбагатаѣ жила молодая волшебница Билючи; какъ весеннее солнце блещетъ на вершинѣ *Снѣжнаго хребта* (курсивъ въ подлинникѣ) [2]), такъ она сіяла красотой. Многочисленныя стада ея паслись вокругъ; ихъ не тревожили ни волки, ни воры. Но однажды появился волкъ и испугалъ стадо. Билючи увидѣла его; она въ это время пряла. Она бросила въ волка веретеномъ, которое поразило хищника, хотя до Бугаса отъ Тарбагатая день доброй ѣзды, и окаменѣло, глубоко воткнутое въ песчаный берегъ Бугаса.

II. Къ стр. 116. Одинъ изъ эпизодовъ бурятскаго сказанія о Гэсэрѣ, не вошедшій въ это изданіе, именно о борьбѣ Гэсэра съ Лобсогоемъ и съ женщиной Моисъ-хара, записанъ с. Затопляевымъ и помѣщенъ въ Запискахъ Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, вып. 2, стр. 20 и слѣд.

III. Къ стр. 123. Къ приведеннымъ примѣрамъ двойнаго одновременнаго настроенія можно присоединить еще одинъ изъ Алтайск. Словаря Вербицкаго (Казань, 1884, стр. 225): «въ тотъ день мы утромъ пѣли, а вечеромъ плакали».

IV. Къ стр. 178, къ сказкѣ: «Тенекъ-ху». Киргизскій разсказъ о перекати-полѣ, по-киргизски камбакъ (вм. монгольскаго хамхакъ), сообщенный мнѣ студентомъ-киргизомъ г. Саматовымъ: Джанибекъ-ханъ имѣлъ при себѣ мудреца Джиренше-шешена; онъ посылалъ его узнать, куда катится камбакъ. Джиренше-шешенъ съѣздилъ и привезъ отвѣтъ хану:

Кушеримди жел блсен
Куларымди сай блсен
Сауарга бiим жок
Кушерге тюем. жок

«Про то вѣтеръ знаетъ, куда я кочую, про то оврагъ знаетъ, гдѣ я ночую; доить молоко—у меня кобылъ нѣтъ, перекочевывать,—у меня верблюдовъ нѣтъ». Конечно у него никакого разговора съ камбакомъ не было; Джиренше-шешенъ самъ придумалъ этотъ отвѣтъ; онъ мудрый былъ.

V. Къ стр. 210. Въ моемъ примѣчаніи недосмотръ; сравненія гудѣнія стрѣлы съ паденіемъ веретена въ разсказѣ о женѣ (Лутусы № 67, Ванъ-моръ) нѣтъ, но разсказъ сходенъ въ томъ, что мужъ начинаетъ подозрѣвать опасность и жена успокоиваетъ его лживыми словами. Вере-

---

[1]) Веретено по-киргизски нкъ. Тастаганъ причастіе отъ киргизскаго глагола таста, кидать, метать; бюръ не понятно.

[2]) Вѣроятно Мусъ-тау (или Сауръ). Эта подробность, кажется, должна быть вмѣнена киргизскому подлиннику.

Digitized by Google

тено играетъ роль въ разсказѣ о херсонской Гикіѣ, дочери Ламаха, сохраненномъ для потомства Константиномъ Порфирородным.

VI. Къ стр. 211. Кромѣ варіанта сказанія объ озерѣ Иссыкъ-кулѣ, записанномъ Голубевымъ, та же легенда была записана и г. Венюковымъ; см. его статью: «Очерки заилійскаго края» въ Запискахъ Геогр. Общества, 1861, кн. IV, стр. 104. Варіантъ, записанный г. Корольковымъ, помѣщенъ въ газетѣ «Вост. Обозр.,» 1890 г., № 6.

Г. Саматовъ, студентъ-киргизъ, сообщилъ мнѣ, что на его родинѣ, въ окрестностяхъ Илецкой защиты, киргизамъ извѣстно преданіе о рогатомъ царѣ Искендерѣ. Онъ казнитъ тѣхъ, кто ему брѣетъ голову. Одинъ юноша, который былъ призванъ къ хану, не былъ казненъ, но съ условіемъ, чтобъ онъ не разглашалъ тайны. Скрывать эту тайну ему было невыносимо и онъ сообщилъ ее колодезю. Нагнувшись надъ отверстіемъ колодезя, онъ произнесъ Искендердунгъ міюзы баръ, «Искендеръ имѣетъ рога». У колодезя, какъ это часто случается, росло растеніе чубузга, растеніе, изъ котораго киргизы дѣлаютъ свирѣли, по-киргизски чубузга. Чубузга слышала слова этого человѣка и черезъ нее тайна распространилась въ народѣ.

Въ иссыкъ-кульской легендѣ (см. выше, стр. 211) царь съ бычьими рогами или съ ослиными ушами носитъ имя Джанибекъ. Въ другихъ киргизскихъ разсказахъ, можетъ быть, относящихся къ тому же самому лицу, къ этому имени приставляется еще членъ Ösъ: Ösъ-Джанибекъ или Асъ-Джанибекъ (Очерки, II, 129, 158, прим. 39, который спаривается и съ другими формами: Ösъ-Темиръ, Асъ-тарханъ (имя города Астрахани), въ осетинскомъ Осъ-бакатаръ. Въ виду этихъ парныхъ не слѣдуетъ ли Искендеръ разложить такъ: Ис-кендеръ?

VII. Къ стр. 243, къ сказанію объ .Ундуръ-гэгэнѣ. Отъ ламы въ монастырѣ Амуръ байсхылынъ записанъ слѣдующій разсказъ: Богдо-гэгэнъ возродился въ утробѣ одной русской женщины; два гэгэна, одинъ Номонъ-ханъ, и еще другой, пришли къ ней, объявили волю неба и сказали, что они подождутъ рожденія ребенка и возьмутъ его, чтобы воспитать для святого престола. Но мужъ женщины говоритъ: «Все это вздоръ»! Онъ не признавалъ желтой вѣры. Сказавъ свои слова, онъ пнулъ беременную женщину въ животъ. Женщина родила недоноска. Съ той поры Джебзунъ-тамба (т. е. богдо-гэгэнъ) пересталъ рождаться на сѣверѣ, а возрождается въ Литанѣ (въ восточномъ Тибетѣ).

Въ томъ же монастырѣ другой лама старикъ разсказалъ: Богдо-гэгэнъ съ шестью шаби, обратившись въ семь ангировъ, [1]) въ осеннее время вмѣстѣ съ ними прилетѣлъ на одно озеро. Одинъ старикъ увидѣлъ ихъ, велѣлъ женѣ варить чай и пошелъ пригласить ангировъ; смотритъ они превратились въ семь ламъ. Попивши чаю, ламы положили старику въ мѣшокъ изъ его же муки слѣпленнаго коня. Съ той поры старикъ разбогатѣлъ; у него размножились лошади. Потомство его находится въ хошунѣ Сайнъ-нойона.

VIII. Къ стр. 250, къ № 45. По другому показанію, записанному мною, въ хребтѣ Гурбань-сайханъ есть пещера Лавунъ-чимбо-агуй. Можетъ быть, этотъ разсказчикъ имѣлъ въ виду ту же пещеру, которая находится въ Инъ-шани и ошибся пріуроченіемъ. Инъ-шаньскую также называли мнѣ иногда Лавунъ-чимбо-агуй.

IX. Къ стр. 262. Хитрое приглашеніе врага оглянуться и посмотрѣть, кто идетъ сзади, и нанесеніе вслѣдъ за этимъ смертельнаго удара въ остяцкой сказкѣ (см. въ статьѣ г. Гондатти: «Слѣды языческихъ вѣрованій у Маньзовъ», помѣщенной въ «Трудахъ этногр. отдѣла И. Общ. любителей естествознанія, антр. и эти. при моск. универс., кн. VIII (Изв. того же общества, т. XLVIII, в. 2), 1888, стр. 58): богатырь Тахытъ-котль-торумъ идетъ на бой съ пришедшимъ съ моря дьяволомъ мэнквъ; онъ кричитъ ему: «посмотри, кто идетъ за тобой»! Мэнквъ повернулъ голову и сталъ смотрѣть назадъ. Стрѣла противника вонзилась въ него, по всей вѣроятности въ грудь подъ шеей, гдѣ у мэнква была часть человѣческаго тѣла, потому что противникъ мэнква получаетъ объ этомъ свѣдѣніе передъ битвой очевидно въ качествѣ наставленія, куда мѣтить. Этотъ участокъ человѣческаго тѣла вѣроятно было единственное уязвимое мѣсто. Отъ крика умирающаго мэнква развергалась земля, изъ отверзтія потекла вода и образовала рѣку Охуръ-я.

X. Къ стр. 278. Указаніе на преданіе о Бѣлогорскомъ селѣ сдѣлано неправильно. Въ «Сиб. Исторіи» Фишера разсказано только, что здѣсь на берегу стоялъ идолъ, изображавшій нагую богиню. Во время нашествія русскихъ богиня просила остяковъ скрыть ее (Сиб. Ист., Спб., 1774 г., стр. 149).

[1]) Ангиръ—красная утка.

Digitized by Google

XI. Къ стр. 278. Кеппенъ говоритъ, что монголы имя знаменитаго тибетскаго царя Сронцзонъ-гамбо, что значитъ: «прямой (открытый) мудрый князь», переводятъ Berke Schidurgho taelgen khan (Köppen, Die Religion des Buddha, B. II, S. 53).

XII. Къ стр. 283, къ сказанію о Даинъ-терьхе. Разсказъ старика ламы въ монастырѣ Амуръ-байсхылынъ: Даинъ-терьхе былъ гадзыренъ-сандыкъ (духъ мѣстности) въ западной землѣ и очень вредилъ людямъ; одинъ богдо погналъ его; достигнувъ до караульной линіи (проходящей вдоль хребта Танну-ола), Даинъ-терьхе обратился въ камень. Онъ знаетъ всѣ думы людей.

XIII. Къ стр. 298, къ преданію о развалинахъ города Боро-балгасуна. Монголы, живущіе около этихъ развалинъ, разсказываютъ, что въ нихъ находятъ кувшины и жернова, или круподерные камни, всегда опрокинутыми; нижній жерновъ сверху, верхній снизу; кувшинъ дномъ кверху. Много выкапываютъ человѣческихъ костей. Однажды выкопали черепъ, который на видъ былъ—не человѣческій и не лошадиный и не коровій; рѣшили, что это черепъ самого осла-царя, посмотрѣли и бросили.

XIV. Къ стр. 299. Близъ Си-ванъ-цзе, резиденціи католическихъ миссіонеровъ около Калгана, по разсказу Сантанъ-джимбы, есть развалины города, который китайцы называютъ Эрръланъ-чэнъ; объ этомъ городѣ разсказываютъ, что въ немъ жилъ Ельджигенъ-ханъ, «оселъ-царь».

XV. Къ стр. 307. Чойчжалъ, монг. Ерликъ, изображается часто держащимъ въ объятіяхъ женщину. Откровенность, съ которою представлены эти фигуры, не оставляютъ сомнѣнія, что художникъ имѣлъ въ виду сцену въ родѣ эпизода изъ жизни ханьши, матери Джанибека, встрѣтившейся съ осломъ (по иссыкъ кульской легендѣ).

XVI. Къ стр. 311. Въ примѣчаніи къ № 80 опечатка; сказано что кэрэксуры, по показанію одного халхасца, сложилъ народъ Цаганъ-баргутъ; слѣдовало напечатать: Цаганъ-баргунъ.

XVII. Къ стр. 311. Г. Дуброва, описавшій свою поѣздку въ сѣверозападную Монголію въ Изв. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общества (т. XV, № 1—2, стр. 11), говоритъ, что остатки древности монголы называютъ кергесе чило, «камни (народа) кергесъ», и что у бурятъ они извѣстны подъ именемъ хатяшъ хуре, «китайскихъ дворовъ» (тутъ, кажется, опечатка). Они по народному преданію принадлежатъ невѣдомому народу кергесъ, который былъ богатъ серебромъ и золотомъ. Пришелъ народъ съ сѣвера малаго роста, но съ ушами до земли, прогналъ кергесовъ и овладѣлъ ихъ серебромъ. Эти ушастые жили на сѣверѣ и были заключены какимъ-то ханомъ, по однимъ Чингисъ-ханомъ, по другимъ Делгиръ-ханомъ, между скалъ Алтанъ-мундурга (т. е. Саянскаго хребта по объясненію г. Дубровы, вѣроятно заимствованному у разсказчика) и завалены камнями; но ушастые не погибли; они пролизали камни, вышли и начали опустошеніе земли кергесовъ. Какой-то богатырь (потомокъ Гэсэръ-хана) спасъ людей отъ конечнаго истребленія и вновь заключилъ ушастый народъ въ пещерахъ горъ. Но, можетъ быть, придетъ пора, когда ушастый народъ вновь пролижетъ стѣны своей темницы и нападетъ на людей.

О горѣ Мундурганъ есть слѣдующія замѣтки г. Черскаго (Изв. Вост. Сиб. Отд., т. XII, № 4—5, стр. 65). На картѣ Гумбольдта гора Mondorgon-oola помѣщена на мѣстѣ бѣлка Мунко-сардыка. Г. Черскому пришлось слышать о горѣ Мундурганъ, «очень высокой», даже «самой высокой» горѣ, которая будто бы находится въ Тункинскомъ краѣ, но сами тункинскіе буряты этого не знаютъ. Черскій слышалъ о ней отъ онгуренскихъ бурятъ. Далѣе онъ узналъ, что Мундурганъ принадлежитъ къ священнымъ мѣстамъ бурятъ, упоминаемымъ въ шаманскихъ рѣчахъ, какъ мѣстность, связанная съ похожденіями Буха-ноина; рядомъ упоминается и Хухэй (спаривается Мундурганъ-хухэй). Хухэй, русское Кукой, находится въ Торской долинѣ (въ Тункѣ); въ предѣлахъ же Кукойскаго улуса находится священное мѣсто Саганъ-шулунъ, мѣсто окаменѣнія Буха-ноина. По мнѣнію г. Черскаго, это и есть Мундурганъ.

Въ Очеркахъ, IV, 126, записано одинокое показаніе, что бѣлокъ Мунко-сардыкъ въ старину назывался Долонъ-Мундурго, «семь мундурго». Въ сказаніи аларскихъ бурятъ о Буха-ноинѣ, записанномъ о. Затопляевымъ (Зап. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. I, стр. 115) тэнгріевъ сынъ, «сынъ неба», послѣ похожденій на землѣ, ушелъ на гору Мундурга; вмѣстѣ съ нимъ на девяти холмахъ горы Мундурга поселился и порозъ Бухо-ноенъ-бабай.

Пріуроченіе имени Мундурганъ къ бѣлку въ вершинахъ Иркута, можетъ быть, параллельно тому, какъ на землѣ указываются Алтынъ-хатасыны (см. выше, стр. 331). Тема о (добровольномъ) окаменѣніи приводитъ насъ къ темамъ о Кала-мэмбырѣ (выше, стр. 126) и о добровольно улегшемся въ могилу Акъ-кобокѣ, который долженъ бы воскреснуть по истеченіи срока, но

Digitized by Google

не воскресъ, преждевременно потревоженный въ могилѣ; Чандрагоминъ (см. выше, стр. 246), также добровольно похоронившійся, былъ счастливѣе.

Городища въ иркутск. губ. буряты приписываютъ китайцамъ и называютъ ихъ «китайскими дворами» [1]), а горшковидныя углубленія въ скалѣ въ мѣстности Каргой «китайскими ступками», въ которыхъ китайцы будто бы толки просо; Агапитовъ, «Прибайкальск. древности» (въ Изв. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., т. XII, № 4—5, стр. 9). Въ Забайкальи такъ называемые «маяки», т. е. древнія могилы, обставленныя торчмя стоящими плитами, буряты агинскіе и въ долинѣ Уды называютъ косӧ или когö.

XVIII. Къ стр. 317. Г. Логиновскимъ доставлена мнѣ слѣдующая замѣтка о воззрѣніяхъ тунгусовъ нерчинскаго округа на природу. Предѣломъ плоской поверхности земли служитъ море; солнце и луна скрываются, первое въ ночное время, вторая днемъ, за предѣлами земли, т. е. въ морѣ. Оттого ночью, когда солнце находится погруженнымъ въ море, вода бываетъ теплѣе, а земля холоднѣе; днемъ же бываетъ наоборотъ. Когда-то давно на берегу моря стояла хижина, въ которой жила вдова съ своей дочерью. Однажды мать передъ солнцезакатомъ отправили свою дочь къ морю за водой. Дѣвица взяла ведро и деревянный ковшъ и пошла. Прійдя къ морю, она залюбовалась на него и забыла, зачѣмъ пришла. Мать, прождавши дочь долго, вышла изъ терпѣнія, выбѣжала изъ хижины и стала ругать дочь и говорить: «Что, чортъ тебя забралъ, что ли»? И крикнула дочь по имени. Водяной царь, услыхавъ имя дочери, схватилъ ее и поволокъ въ воду. Ведро осталось на берегу, а ковшъ у дѣвицы въ рукахъ. Между водянымъ и дѣвицей началась борьба. Мѣсяцъ въ это время уже поднимался изъ воды, чтобы совершить свой путь по небу. Когда онъ подплылъ къ дѣвицѣ, она схватилась свободной рукой за кустъ, который растетъ на мѣсяцѣ. Мѣсяцъ продолжалъ подниматься все выше и выше, а дѣвица не выпускала изъ руки куста; такимъ образомъ мѣсяцъ поднялъ ее. Тунгусы говорятъ, что и теперь на мѣсяцѣ стоитъ кустъ, а за кустъ держится дѣвица съ ковшомъ, которую онъ поднялъ. Помня этотъ несчастный случай, тунгусы запрещаютъ кликать по имени дѣвицъ, ушедшихъ по воду.

XIX. Къ стр. 319. Г. Гонддати приводитъ вогуличскую легенду о Б. Медвѣдицѣ. Сперва лось жилъ на небѣ и у него было шесть ногъ, почему его никто не могъ догнать. Онъ этимъ возгордился и сталъ хвастаться; тогда богъ Нуми послалъ одного богатыря наказать его. Богатырь Мось-хумъ погналъ его по всему небу, догналъ, отрубилъ ему двѣ заднія ноги и бросилъ на землю; съ тѣхъ поръ у него стало четыре ноги, и онъ сдѣлался добычей человѣка; воспоминаніе же о шестиногомъ лосѣ осталось въ видѣ созвѣздія Большой Медвѣдицы, а путь, по которому Мось-хумъ гналъ лося, называется мось хумъ ӧва лонгха и есть не что иное, какъ Млечный путь (Труды Эти. Отд. И. Общ., люб. ест., антр. и этн. при моск. унив., кн. VIII, въ Изв. того же Общества, т. XLVIII, в. 2 (1888 г.), стр. 71).

XX. Къ стра. 324. Плеяды по осетински Чугэйгэрь; въ Очеркахъ, IV, 730: Чехгэръ. Ср. о звѣздѣ Чигирь у Востокова въ Описаніи рукописей Румянц. музея: «Сія бо звѣзда Чигирь есть межь всѣми звѣздами; еще кому ѣхати или ити куда или селитися смотри на которую сторону та звѣзда стоитъ» (стр. 15).

XXI. Къ стр. 32.. Собраніе на Плеядахъ. На горѣ Делгиръ-ханъ духи собираются въ извѣстное время, «точно наши кіевскія вѣдьмы на Лысой горѣ» (въ ст. Дубровы въ Изв. Вост. Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ., т. XV, № 5—6 (1885), стр. 40).

XXII. Къ стр. 333. Міровое дерево у якутъ. Въ якутской сказкѣ «Юрюнгъ-уоланъ», начало которой переведено г. Гороховымъ (Извѣстія Вост. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., т. XV, № 5—6, стр. 43) дерево улу аръ кудукъ масъ стоитъ на холмѣ, который, судя по контексту, находится на «пупѣ земли», на «тихомъ мѣстѣ»; вершина его проросла сквозь семислойное небо и служитъ здѣсь коновязью для Юрюнгъ-ая-тоена (высшаго якутскаго бога, имѣющаго сѣдалищемъ «молочный камень», ють-тасъ); корни дерева проникаютъ преисподнюю, гдѣ они служатъ столбами жилища существъ, имѣющихъ ротъ подъ кадыкомъ. Г. Гороховъ догадывается,

[1]) Г. Хангаловъ сообщилъ мнѣ, что городища балаганскіе буряты называютъ хитэй хуре, «Китайскими дворами». Одно изъ нихъ находится на горѣ Удактай; тутъ лѣтъ 20 назадъ была найдена серебряная пластинка; другое на горѣ Зугэй-уланъ; тутъ лѣтъ 15 назадъ найденъ лоскутокъ сгнившей шелковой матеріи; третье на горѣ Тальхини-уланъ; тутъ будто бы временно стоялъ Зугэй-нойонъ, который угналъ жившихъ тутъ жителей въ Китай; жители, покидая родину, свои серебряныя вещи, завернувъ въ бересту, заложили въ ущелья.

Digitized by Google

что аръ значитъ вѣтвистый, потому что есть якутское слово арбагаръ, «растрепанный»; кудукъ г. Горохову совсѣмъ не понятно. Кудукъ ср. съ формами катаганъ, кодахъ, «колъ» «гвоздь», приведенными выше на стр. 331; Полярная звѣзда, у агинскихъ бурятъ Алтанъ-гатыхъ или Алтанъ-гатысъ. Если кудукъ есть второй членъ этого парнаго, то аръ стоитъ на мѣстѣ алтанъ, «золото».

Сюлюгяй по Горохову (ibid., стр. 59) въ родѣ живой воды, хотя «живая вода», эльбеть менгю ута, особо упоминается. По объясненію якута-сказочника сюлюгяй «сокъ»; въ обыкновенной рѣчи не употребляется. Сюлюгяй Юрюнгъ-аи-тоена, величиной съ утиное яйцо, былъ спрятанъ въ ухѣ коня; богатырь и его конь поѣли его и помазались имъ и оправились отъ безсилія (ib., стр. 60); сестра умершаго брата испрашиваетъ у Юрюнгъ-аи-тоена сюллюгяй, мажетъ имъ трупъ и оживляетъ брата (ibid.).

XXIII. Къ стр. 335. Кромѣ указанныхъ на этой страницѣ горъ въ Монголіи я слышалъ еще о двухъ: 1) о горѣ Баинъ-Сумбуръ въ хребтѣ Гурбань-Сайханъ, къ ю. отъ р. Онгінъ-гола (см. Изв. И. Р Геогр. Общ., т. XXIII, стр. 20 отд. оттиска); 2) о горѣ Сюнбурь, лежащей на дорогѣ съ Едзина на уроч. Борцзонъ-цзергеле (см. тамъ же). Можетъ быть, то же имя слѣдуетъ видѣть и въ имени горы Сяври-богдо, которое произносится также Сябрѣ или Севиренъ-богдо. Эта гора находится въ гобійскомъ Алтаѣ къ западу отъ Гурбань-Сайхана. Второй членъ богдо показываетъ, что это одна изъ поклонныхъ горъ. О Сяври-богдо см. въ III части этого изданія.

XXIV. Къ стр. 336. Въ киргизской легендѣ, записанной г. Венюковымъ на Иссыкъ-кулѣ, покража мутовки приписана Кыргызбаю, предку иссыкъ-кульскихъ киргизъ. Кыргызбай былъ изгнанъ братьями изъ своего улуса, упрекавшими его неизвѣстнымъ происхожденіемъ (ср. о Бодончарѣ, предкѣ Чингисъ-хана), но онъ восторжествовалъ надъ ними, когда ему удалось украсть изъ юрты матери колотушку для кумыса и узду, символы первенства (Венюковъ, «Очерки Заилійскаго края», въ Запискахъ Геогр. Общ., 1861, кн. IV, стр. 104). Начало этой легенды ср. съ преданіемъ о предкѣ хотонскихъ хановъ Гэльгенъ-пи (Очерки, II, 162). Въ преданіи зайсанскихъ киргизъ о Есекень-батырѣ, которое мы сближаемъ съ однимъ эпизодомъ изъ жизни Чингисъ-хана, также является имя Кыргызъ (см. Очерки, II, 149; прим., стр. 34; IV, 802).

XXV. Къ стр. 341. Арайанъ-коройонъ. У бурятъ употребляется выраженіе: арьялын хоьялын, посредствомъ котораго изображается кипѣніе, наприм., булык арьялын хорьялын байна, «ключъ кипитъ, бурлитъ». Отъ того же глагола, арьялху хорьялху, можетъ быть об; разовано выраженіе арьян хорьян, которое не употребляется, но, будучи сказано, будетъ понято бурятами въ томъ же значеніи. (Сообщено хоринскими бурятами).

XXVI. Въ числѣ историческихъ преданій одно по ошибкѣ не помѣщено въ своемъ мѣстѣ. Въ то время какъ манджурскій князь усиливался, одинъ лама родомъ изъ Баджоу (въ Саньчуани) «посмотрѣлъ тюльку» (погадалъ по внутренностямъ) и сказалъ ему: «Часъ стать тебѣ ханомъ пришелъ! Спѣши!» И манджурскій князь сѣлъ на пекинскій престолъ подъ именемъ ...Чжасакчи. Ламѣ же этому далъ удѣлъ и сдѣлалъ его ваномъ. Этотъ лама-ванъ есть и теперь; онъ живетъ въ своемъ куренѣ къ сѣверовостоку отъ хошуна Карачинъ, въ провинціи Кванъ-дунъ [1]). его подчиненные называются куренъ-монголъ. Надъ прахомъ перваго ламы — вана въ Пекинѣ, поставленъ бѣлый субурганъ; онъ и теперь есть и извѣстенъ подъ именемъ Баджоу-ламани-субурга. Согласно постановленію ...Чжасакчія, когда лама-ванъ умретъ, на его мѣсто садятъ другого, непремѣнно родомъ изъ деревни Баджоу т. е. изъ Сань-чуани (Разсказъ Сантанъ-джимбы).

XXVII. Другое не попавшее въ этотъ томъ преданіе — разсказъ объ Ундуръ-гэгэнѣ (собственно о Джибцзунь-тамбѣ) помѣщенъ въ первомъ томѣ, въ III части, въ V главѣ при описаніи монастыря Амуръ-байсыхылынъ.

---

[1]) Гуань-дунъ (т. е. земля на востокъ отъ Шань-хай-гуаня). одно изъ китайскихъ названій Маньчжурін. *А. О. И.*

Digitized by Google

V.

Примѣчанія А. О. Ивановскаго [1]).

Извѣстно, какое важное значеніе имѣетъ произведеніе подъ заглавіемъ «Подвиги Богдо-гэсэръ-хана» въ письменной монгольской литературѣ, за исключеніемъ переведенныхъ съ тибетскаго буддійскихъ сочиненій, состоящей изъ самаго ничтожнаго количества сочиненій. Въ настоящее время, когда письменный монгольскій языкъ настолько отдѣлился отъ разговорнаго, что вся эта литература, очевидно, дѣлается вымирающей, если не мертвой [2]), чрезвычайно важно опредѣлить, существуютъ ли въ народѣ какія либо устныя произведенія, не взяты ли они изъ письменной литературы или на оборотъ, не воспользовалась ли письменная литература устными произведеніями своего или другого народа. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важно собрать различныя сказки, легенды и т. п., существующія у монголовъ Затѣмъ, такъ какъ, въ виду того, что вся почти монгольская (буддійская) литература есть сколокъ (переводъ) съ тибетской, является предположеніе, что и произведенія, подобныя Гэсэръ-хану, заимствованы у тибетцевъ, то важно собрать подобныя же сказки, легенды, преданія и у тибетцевъ, важно наконецъ собрать у нихъ существующія варіанты произведеній, попавшихъ и въ письменную монгольскую литературу. Эти сказки, легенды, преданія и варіанты важно собрать не только въ переводѣ, но еще лучше на туземныхъ языкахъ, хотя бы въ транскрипціи русскими буквами, такъ какъ текстъ не менѣе важенъ при опредѣленіи вопроса о заимствованіи, чѣмъ сличеніе содержанія различныхъ варіантовъ.

Переходя въ частности къ Гэсэръ-хану, надо замѣтить, что мы имѣемъ монгольскій текстъ его по пекинскому изданію временъ императора Канъ-си (1716 г.).

---

[1]) Во время печатанія книги, безъ руководства оріенталиста въ ней неизбѣжно должны были явиться неисправности и недомышленія. Когда вернулся въ Петербургъ А. О. Ивановскій изъ своего путешествія въ Манчжурію, я обратился къ нему съ просьбой просмотрѣть мою книгу; онъ сдѣлалъ это и я очень цѣню его дружескую услугу. Его филологическія замѣтки помѣщаются здѣсь, а поправки правописанія собственныхъ именъ и восточныхъ словъ сдѣланы въ индексахъ. Г. П.

[2]) Непонятные уже теперь обороты и формы письменнаго монгольскаго языка монголы признаютъ за маньчжурскіе—манчжурскіе потому, что нѣтъ другого подходящаго языка,—а въ сущности значитъ, чуждыми, не своими.

Digitized by Google

Кромѣ того, что во всѣхъ пекинскихъ изданіяхъ монгольскій текстъ отличается постоянными опечатками и искаженіями текста [1]), это изданіе очень позднее, и текстъ его, прежде чѣмъ былъ увѣковѣченъ печатью, очевидно, подвергался большимъ перемѣнамъ и вставкамъ въ устахъ народа. Затѣмъ мы не знаемъ, какъ и съ какого оригинала было сдѣлано это изданіе. Понятно, что въ выясненіи вопроса о происхожденіи этого произведенія чрезвычайно важное значеніе пріобрѣтаютъ варіанты, записанные въ различныхъ мѣстахъ, а, если еще есть и тексты этихъ варіантовъ, то мы можемъ дѣлать различныя коньектуры и догадки относительно темныхъ, двусмысленныхъ и различно переданныхъ (въ отдѣльныхъ варіантахъ) мѣстъ [2]). Матеріалы для текстовъ также вывезены Г. Н. Потанинымъ, такъ что можно надѣяться, что и они будутъ современемъ изданы.

Теперь же займемся этими варіантами, сказками и легендами только въ передачѣ на русскій языкъ.

Китайцы, а за ними и европейскіе ученые принимаютъ Гэсэръ-хана за одно лицо съ Гуань-юйемъ, однимъ изъ главныхъ героевъ Сань-го-чжи [3]). Это несомнѣнно историческая личность, онъ выдавался среди своихъ современниковъ своею наружностью [4]) и военными талантами и былъ личнымъ другомъ Лю-бэй'я, основателя царства Шу-Хань (или Шу, въ Сычуани, частью въ Хубэй), которому онъ служилъ вѣрою и правдою, несмотря на всѣ старанія владѣтелей другихъ царствъ (Вэй и У) переманить и удержать его у себя (когда онъ попадался въ плѣнъ). Конецъ его описывается такъ: въ 219 г. [5]) онъ въ городѣ Май-чэнѣ былъ окруженъ войсками царства У и, выманенный въ засаду изъ города по плану министра (царства У) Люй-мэна, захваченъ въ плѣнъ въ Линь-цзюй. Сунь-цюань, владѣтель царства У, склонялъ Гуань-юй'я перейти на свою сторону, но послѣдній съ бранью отказался, и ему вмѣстѣ съ сыномъ, Гуань-пиномъ, была отрублена голова.

По преданію [6]) онъ явился (уже духомъ) на горѣ Юй-цюань-шань въ уѣздѣ Данъ-янъ-сянь области Цзинъ-мынь-чжоу монаху Пу-цзину (носившему титулъ ставиры—Чжанъ-лао) вмѣстѣ съ сыномъ и вѣрнымъ генераломъ Чжоу-цаномъ [7]) и выслушалъ отъ Пу-цзина ученіе Будды. Мѣстные жители на вершинѣ горы поставили въ честь его кумирню (мяо) и въ каждое изъ четырехъ временъ года прино-

---

[1]) По винѣ переписчиковъ текста для печати и рѣзчиковъ досокъ.

[2]) Помимо того еще, что нельзя быть увѣрену, что переводъ текста черезъ посредство нѣсколькихъ переводчиковъ всегда былъ точенъ.

[3]) Кстати исправляемъ неточность: на стр. 263 сказано: Гуань-инъ вм. Гуань-юй, Сань-го шн вм. Сань-го-чжи, Ли-бэй вм. Лю-бэй, Chn-ко-Чжу-гэ-лянъ (или Кунъ-минъ, первый министръ Лю-бэй'я, образецъ искусныхъ министровъ по признанію китайцевъ и главный герой этого періода).

[4]) Между прочимъ красотою усовъ и бороды, отчего его статуи всегда дѣлаются съ длинными усами и бородой изъ настоящихъ черныхъ волосъ.

[5]) Т. е. въ томъ году, въ которомъ кончилась вост. династія Хань и съ котораго собственно начался періодъ Троецарствія ($220—^{265}_{279}$).

[6]) Очевидно составленному послѣ канонизаціи, для объясненія того, что онъ попалъ и въ буддійскіе храмы.

[7]) Оттого статуи двухъ этихъ лицъ ставятся справа и слѣва передъ статуей Гуань-юй'я (одинъ съ мечемъ, другомъ съ коньемъ, или одинъ съ печатью, другой съ мечомъ).

Digitized by Google

сили жертву. При дин. Хоу-Сунъ, когда Гуань-гунъ (графъ Гуань—такъ уже онъ титуловался тогда) проявилъ свою святость, ему въ года правленія Чунъ-нинъ (1102—1106 по Р. Х.) былъ пожалованъ титулъ Чунъ-нинъ-чжэнь-цзюнь (истинный владыка годовъ правленія Чунъ-нинъ); послѣдующія династіи прибавили ему царскій титулъ И-юнъ-ву-ань-ванъ (справедливо-храбрый воинственно-спокойный царь).

Нынѣшняя династія признала его своимъ геніемъ хранителемъ потому, что, когда къ Нурхаци (основателю этой династіи) прислали его кумиръ, то нашли, что онъ очень похожъ на Нурхаци (или его отца [1]). Теперь онъ пользуется всеобщимъ почтеніемъ и извѣстностью въ Китаѣ подъ именемъ Гуань-ди (императоръ Гуань), Гуань-лаоѣ (господинъ [2]) по фамиліи—Гуань) или просто Лао-ѣ. Кумирни въ честь его (Лаоѣ-мяо) строятся не только въ горахъ, но и по дорогамъ, на перевалахъ [3]). Въ городахъ Маньчжуріи (особенно сѣверной) его кумирня считается обыкновенно главной (да-мяо), хотя бы и находилась за городомъ; въ нее является амбань 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца для совершенія положеннаго моленія. Особенностью кумиренъ въ честь Гуань-лаоѣ служитъ особое воротное зданіе съ двумя такъ называемыми ма-тунами (конюхами), въ платьяхъ разнаго цвѣта, ведущими въ поводу двухъ осѣдланныхъ лошадей разной масти (лицомъ на улицу, очень рѣдко другъ къ другу); иногда еще между этимъ воротнымъ зданіемъ и самой кумирней устраивается среднее, гдѣ помѣщаются различныя принадлежности свиты китайскаго знатнаго лица: флаги, зонты, копья, аллебарды и т. п. Изображается Гуань-лаоѣ въ царскомъ одѣяніи, обыкновенно въ зеленомъ шелковомъ халатѣ или мантіи, накинутой на статую. Иногда передъ нимъ или особо (внѣ кумирни въ особой нишѣ, на перевалахъ) помѣщаются небольшія конныя статуи его.

Въ Маньчжуріи онъ считается главнымъ изъ девяти духовъ, кумирни въ честь которыхъ наиболѣе часты въ деревняхъ. Въ нихъ Гуань-лаоѣ занимаетъ всегда (какъ и на рисункахъ) среднее, главное мѣсто, оттого и кумирня называется или Цзю-шэнь-мяо (Кумирня девяти духовъ) или Лао-ѣ-мяо.

Считаю нелишнимъ перечислить этихъ духовъ: 1) Лао-ѣ; 2) чернолицый Лунъ-ванъ (драконъ, богъ водъ и дождя); 3) краснолицый Хо-шэнь (духъ огня); 4) четверорукій или шестирукій Ма-ванъ (или Ма-шэнь, т. е. богъ лошадей); 5) Ню-ванъ (богъ коровъ); 6) Яо-ванъ (царь лекарствъ, богъ врачебнаго искусства); 7) Чунъ-ванъ (богъ насѣкомыхъ, червей); 8) Мяо-ванъ (богъ хлѣбовъ) и 9) Цай-шэнь (духъ богатствъ), настоящій богъ китайцевъ, первенствующій среди этихъ духовъ (какъ иногда и Лунъ-ванъ), если нѣтъ Гуань-лао-ѣ. Иногда къ этимъ духамъ прибавляется еще 4 и получается 13 духовъ (ши-сань шэнь); это: 1) Гуань-инь-пу-са; 2) Ту-ди (сѣдовласый старикъ, подобно монгольскому цаганъ-эбугэну—богъ плодородія земли); 3) постоянный его спутникъ темнолицый Шань-шэнь, изображаемый въ полномъ воору-

[1]) То же разсказывается и про статую Маньчжушри.

[2]) Въ Маньчжуріи теперь даже различаютъ: Лао-ѣ означаетъ Гуань-юй'я, а лоѣ прибавляютъ къ фамиліи или первому слогу ея, въ смыслѣ нашего Г-нъ, наприм. Энь-лоѣ, И-лоѣ, О-лоѣ и т. д.

[3]) Отчего наприм. въ Манчжуріи многіе хребты и перевалы носятъ его имя—Лаоѣ-ланъ.

Digitized by Google

женіи, въ латахъ и шишакѣ; 4) Ву-дáо (временъ династіи Танъ) въ такомъ же вооруженіи, какъ Шань-шэнь, но бѣлолицый [1]).

Что же теперь сказать насчетъ отождествленія Гуань-юй'я съ Гэсэръ-ханомъ? По моему оно допустимо, но не неоспоримо. Если, съ одной стороны, мы имѣемъ примѣры, какъ въ легендахъ измѣняются до неузнаваемости историческія личности, такъ что историческій генералъ Гуань-юй могъ измѣниться [2]) въ буддійскаго Гэсэра, сына Хормузды или вообще небеснаго владыки, то съ другой стороны между Гуань-юй'емъ въ Сань-го-чжи и Гэсэръ-ханомъ монгольскихъ и тибетскихъ версій поэмы громадная пропасть, ничѣмъ еще не заполненная хотя отчасти. Нѣсколько сходныхъ эпизодовъ ничего не значатъ: въ разныхъ мѣстахъ различныя лица могутъ быть въ одинаковыхъ положеніяхъ, и потому сходныя ситуаціи въ нѣкоторыхъ случаяхъ двухъ героевъ не означаютъ ихъ тождества.

Гуань-юй, несмотря на чудесныя приключенія, разсказываемыя про него въ Сань-го-чжи [3]), все-таки остается лицомъ историческимъ. Если онъ теперь и сдѣлался богомъ (подобно другимъ китайскимъ историческимъ личностямъ), то это совершенно въ духѣ конфуціанства, и никто ему божественнаго происхожденія не приписываетъ. Лицъ, удостоенныхъ почитанія, въ Китаѣ очень много. Возвысился Гуань-юй въ почитаніи китайцевъ (изъ гуновъ въ императоры), благодаря честолюбію династіи: возвышая Гуань-юй'я, династія возвышала себя въ лицѣ своего основателя (Нурхаци), похожаго на Гуань-лаоѣ. Такихъ примѣровъ въ китайской исторіи много, начиная съ самого—Кунъ-фу-цзы (Конфуцій).

Далѣе, хотя Гуань-юй и относится къ періоду Троецарствія, но только къ самому начальному періоду его, который еще относится къ концу восточной ханьской династіи. Самый же періодъ, т. е., окончательное сформированіе 3-хъ царствъ: Вэй на сѣверѣ, У на югѣ и Шу (Шу-Хань, Хань) на западѣ, начинается съ 220 г. (а онъ казненъ въ 219 г.). «Подвиги Гэсэръ-хана», правда, относятъ появленіе послѣдняго ко времени борьбы 3-хъ царствъ (народовъ): Туса, Дунсаръ и Ликъ, но, хотя слово Ликъ, благодаря свойству монгольской письменности, могло легко образоваться изъ встрѣчаемаго въ тангутской версіи Лингъ (Лангъ), то все-таки для сближенія этихъ именъ съ 3-мя китайскими царствами мы ничего не имѣемъ кромѣ числа (3). Вѣдь мы знаемъ только ихъ названіе въ китайской исторіи, а имѣли ли они отдѣльное названіе въ Сы-чуани и у тибетцевъ, ничего неизвѣстно [4]).

Далѣе, имѣя въ виду разсказъ, что Кэсыръ разрушилъ широнгольское царство, управляемое 3-мя царями, можно заключить, что въ Гэсэръ-ханѣ разумѣются не три китайскія царства, а свои, мѣстныя.

---

[1]) Въ такомъ же вооруженіи изображается еще Вэй-тоу-пуса, но онъ всегда помѣщается отдѣльно, въ заднемъ отдѣленіи входнаго или средняго зданія, лицомъ къ главному зданію.

[2]) Тѣмъ болѣе, что съ его смерти прошло много вѣковъ до начала письменности у тибетцовъ, тѣмъ болѣе у монголовъ. Затѣмъ появившійся буддизмъ, по своему обыкновенію, сталъ пользоваться существовавшими уже до него въ народѣ легендами для своихъ цѣлей.

[3]) Чудесныя приключенія героевъ общи всѣмъ китайскимъ произведеніямъ подобнаго рода.

[4]) Можно допустить, что настоящія имена забылись и были даны выдуманныя, но вѣдь это гадательно.

Digitized by Google

Затѣмъ сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, дополненій и поправокъ по порядку страницъ.

Стр. 32. прим. Кыу-шинъ по-китайски медвѣдь. Медвѣдь по-пекински сюнъ или жень (человѣкообразный)-сюнъ, но здѣсь вѣрно прибавлено гоу—собака. Томъ, вѣроятно то же, что по-китайски т'о, баснословное животное, на которомъ ѣздятъ боги; по звуку оно напоминаетъ верблюда (ло-то), но изображается такъ, что не похоже ни на одно существующее животное (между прочимъ, раздвоенныя копыта).

Стр. 34. Лунва-ксындо. По лексикону Лунь [1])-ва (рѣчная долина, а гЛун-ма рѣка)—гСум (три),-мДо (устье).

Стр. 44. Лсаганъ—по лексикону хЛа-к̇ань (божій домъ). Магчжи-чжаву по лексикону дМаг-ги-рЧжал-бо (или Чжо-во) — Владыка (богъ) войны. Драконъ (нчжугъ), это по лексикону аБруг (чит. Чжуг)—громъ; драконъ, которому приписывается громъ (голосъ дракона).

Стр. 50. «Тӧгӧлтӧр отъ тӧгӧт» близнецъ». Въ монг. языкѣ есть прямо это слово тэгултэр (разгов. тӧгӧлтӧр), совершенный, въ совершенствѣ владѣющій чѣмъ-либо, такъ что Моргонъ-тӧгӧлтӧръ значитъ искусный стрѣлокъ.

Стр. 54. Слово гэрэл значитъ свѣтъ, сіяніе; гэрэлтэ, гэрэлтэй — имѣющій свѣтъ, свѣтлый.

Стр. 167. Чаугунцза искажено изъ чибаганца, шибаганца (шимакца) монахиня.

Стр. 177. Тѝнса, по Ковал. Чжинсе (отъ кит. цзинь-цзы).

Стр. 190. Би-лу-женя испр. Би-лу-чжэня, Ю-лай испр. Жу-лай. Feou-thou—Фоу-ту, древнѣйшая транскрипція слова будд'а (теперь Фо или Фѳ̀-ѣ), ясно показывающая, что слово никоимъ образомъ нельзя производить отъ греческаго Θεός, какъ хотѣлось нѣкоторымъ. Lo-heou-lo—Ло-хоу-ло (Рахула), сынъ Çакьямуни. Pi-tchi-fo—Би-чжи-фо—Пратіека-будда (Тиб. Ран-сан-чжай) т. е. прозрѣвшій, достигшій святости самъ собой, безъ участія Буддъ, созерцаніемъ ниданъ. Пратіека-будды считаются выше архановъ. Pi-lou-tchena—Вайрочана. Цзялань-санскр. санг'арама—монастырь. Раганъ—арханъ.

Прим. Часто встрѣчающееся въ легендахъ (напр., стр. 250) слово лумбунъ, вѣроятно тиб. сЛов-дБонь (Ловбон, Лувбун)—учитель, наставникъ, въ легендахъ въ смыслѣ совѣтника царя.

Стр. 194. Барга-Солонъ. Собственно Баргу въ сѣверной Маньчжуріи считаются монголами (что доказывается и ихъ языкомъ). Солономъ же онъ назывался себя, вѣроятно, потому, что родомъ изъ Хайлара, въ которомъ живетъ одинъ главноуправляющій Солонами (другой живетъ въ Бутха). Такимъ образомъ, слово Солонъ является здѣсь какъ бы собирательнымъ, какъ въ Бутха это послѣднее слово (Бутха-Дахуръ, Бутха-Солонъ).

Стр. 206. Осрунъ-бурханъ. Это Эсруа, Эсрун (тиб. Цанъ-ба) — Брахма.

---

[1]) Носовое н.

Digitized by Google

Прибавка слова бурханъ (хотя Брахма не будда) встрѣчается и въ другихъ именахъ, напр., бодисатва Майтрея называется Меле-бурханъ (кит. Ми-лѣ-фо).

Стр. 209. Насчетъ догадки, что бухэ искажено изъ бугэ, надо замѣтить, что оба слова въ письменности не различаются и переводчикъ, вѣроятно, прочиталъ бухэ, не рѣшаясь признать за бугэ (бӧ) шаманъ. Точно также насчетъ догадки о словѣ фучжинь (въ имени Бурте-фучжинь) надо замѣтить, что это китайское слово фу-жень—почетное названіе женъ знатныхъ лицъ, поэтому приложено и въ имени (или первой части его, по китайскому обыкновенію) жены Чингиса.

Стр. 221, прим. Исправить такъ: Ширама—(по тибетски аКро или Кро), по Ков. сплавъ металловъ, бронза (также и тибет. у Шмидта); въ Монголо-бурятскомъ же переводчикѣ (Спб. 1891, стр. 10) есть слово ширэм—чугунъ. Ширмынъ усунъ должно соотвѣтствовать тибет. аКро-чу—растопленная бронза (еще колокольная мѣдь, по Шмидту).

Стр. 225. Относительно двухъ видовъ Гуань-инь-пусы замѣчу, что въ Маньчжуріи и сѣв. Китаѣ (гдѣ я былъ) она изображается или въ видѣ женщины (молодой), что встрѣчается гораздо чаще, или очень рѣдко въ видѣ мужчины (старика). Хэшанъ того храма въ Маньчжуріи, гдѣ я впервые увидалъ Гуань-инь-пусу въ видѣ мужчины (старика), объяснилъ мнѣ, что этотъ бодисатва мужчина, но чтобы ему могли молиться и женщины, его стали изображать и въ видѣ женщины. Принимая во вниманіе легенды про Гуань-инь-пусу въ Китаѣ, дѣйствительно, надо думать, что буддисты въ Китаѣ, чтобы привлечь къ себѣ женщинъ, воспользовались культомъ какой-либо женщины (а такой культъ въ духѣ китайцевъ: канонизація возможна за подвиги любви и преданности къ родителямъ и т. п.) и отождествили послѣднюю съ Авалокитешварой, который по приписываемому ему милосердію казался имъ болѣе подходящимъ. Теперь Гуань-инь-пуса пользуется громаднымъ почитаніемъ со стороны женщинъ. Праздники въ честь ея—(уже не *его*) чисто женскіе праздники; къ ней обращаются съ молитвами о дѣтяхъ. Тогда она называется супъ-цзы «посылающей дѣтей» или цзы-сунь («дѣти-внуки», потомство, т. е. дающая потомство). Въ этомъ случаѣ она сходна съ Цзы-сунь-нянъ-нянъ, одной изъ трехъ особо-чтимыхъ нянъ-нянъ (букв. барышенъ). тоже считающейся покровительницей дѣтей [1]). Дже—цзѣ? старшая сестра.

Стр. 228. Майдари (Шянба) по лекс. Чжамъ (Вьямс)-ба.

Стр. 229. Мандзу-шара-бычинъ. По монг. обезьяна мечин и бечин.

Пять искусствъ (эртэнъ). По Ков. эрдэм. Изъ нихъ первыя четыре названы по кит. (по пекин. му-цзянъ, хуа-цзянъ, тѣ-цзянъ, ши-цзянъ), послѣднее по монгольски цзурахай, по Лек. чжирухай.

Стр. 231. Раншюнъ, по лек. ран-чжюн, саморожденный, самъ собою происшедшій (монг. убэр-йен-гаруксан), употребляется и какъ эпитетъ Брахмы (Эсруа), санскр. swayabhu. (см. Ков. 503).

---

[1]) Двѣ другія: одна помогаетъ въ глазныхъ болѣзняхъ (Янь-гунъ-нянъ-нянъ); другой молятся объ избавленіи отъ оспы (Доу-чжэнь-нянъ-нянъ).

Digitized by Google

Урджянъ-рембучи (букв. Урджанская драгоцѣнность, драгоцѣнный Урджянецъ) одно изъ тибет. названій Падма-Самбавы, знаменитаго пандиты, жившаго, какъ считаютъ, въ Тибетѣ въ VIII и IX ст. Другія его названія (см. лекс. Шмидта) Урчжянь [1])-падма (Ур.—скій лотосъ ледвенецъ), и Падма-аЧжун-гНай (переводъ санскр. Падмасямб'ава [2]). Легенды о немъ въ сочин. Падмагатанъ (стр. 233 Бамакатунъ).

Стр. 232. Ртомба-Шихча-тоба (а на стр. 236 Томба-Шигба-тува), по лекс. сТонь-ба-Шакья (калм. Шакчжа)-тув-ба—Учитель Сакьямуни (тиб. тув-ба=сан. муни «отшельникъ»).

Хланджи—по лекс. хЛа-аДре (чит. хЛан-чже) злой духъ, чертъ.

Стр. 234. Рсамба. По лекс. рЦзам-ба, приготовляется изъ ячменя (тиб. нас, чит. ней, hordeum bulbosum).

Прим. 2) Цаг-дур, по лек. Чаг (Пьяг)-рДор или полнѣе чаг-на (или Лаг-на) дорже—«(держащій) драгоцѣнность въ рукахъ», переводъ санскр. Вачжрапани (въ монг. испорчено въ Очирвани, одно изъ названій Авалокитешвары).

Стр. 235. Шянба мясникъ, по лекс. бШань-ба, Шань-ба.

Стр. 237. Джи-цзункава, Джи-лама. Здѣсь Джи вм. рЧже «достопочтенный» (титулъ высшихъ духовныхъ особъ, еще рЧже-бЦзунь) [3]).

Умъ по тиб. бЛо.

Стр. 239. Шакджа по лек. Сас-кья (Шакья).

Стр. 240. Ма-юла-чжолма не Ман-юлъ-чжолма ли (т. Чжиронская Чжолма—Тара, Дара-экэ)?

Стр. 250. См. выше прим. Такимъ образомъ здѣсь Лумбунъ-чимбо можетъ значить «великій учитель» или совѣтникъ (сЛов-дБонь-чень-бо).

Стр. 251. Кит. Пей-юнъ-сай, сообразно монг. Чаганъ-Абита (Бѣлый Абида, санскр. Амитаб'а) должно по пек. быть Бай (бѣлый)-юнъ-цзай (вѣчно существующій). Но Амитаб'а чаще по кит. переводится У-лянъ-гуанъ (фо—Будда), монг. Цаклаши угэй гэрэлту (имѣющій) «неизмѣримый свѣтъ» (Будда), еще чаще оно остается безъ перевода въ формѣ О-ми-то-фо. Имя его самое популярное въ Китаѣ изъ всѣхъ будд. боговъ, и обращеніе къ нему такъ же въ ходу среди китайскихъ буддистовъ, какъ среди монголовъ и тибетцевъ извѣстная формула: «Омъ-мани-падме-хумъ!» Постоянное призываніе имени О-ми-то-фо есть одно изъ средствъ попасть въ буддійскій рай Сукавати (по кит. Цзинъ-ту, находится на западѣ), описанію котораго посвящена между прочимъ отдѣльная сутра О-ми-то-фо-цзинъ. Но описаніе этого рая куда блѣднѣе и безсодержательнѣе, чѣмъ описаніе буддійскихъ адовъ.

Стр. 253. «Инъ» обыкновенно (безъ прибавленія другихъ словъ) означаетъ одну изъ соколиныхъ породъ (соколъ, кречетъ, иногда коршунъ).

Стр. 260. Соо-со—это Цао-цао, герой начала періода Троецарствія, министръ династіи Хань, положившій начало удѣлу Вэй. Про него разсказывается, что онъ

---

[1]) Санскр. Удіяна, область въ Индіи.

[2]) Самбава рожденіе, происхожденіе.

[3]) Напр., Чжебцзунъ дамба хутухту.

Digitized by Google

пытался удержать у себя Гуань-юйя, но тотъ, исполнивши его порученіе, бѣжалъ къ Любэй'ю, и Цао-цао не велѣлъ его преслѣдовать. Чжанъ-хой, вѣроятно, Чжанъ-фэй, участникъ клятвы побратимства.

Стр. 271 и 272. Въ Чжао-чжинъ надо скорѣе всего видѣть искаженіе кит. Чжао-цзюнь (гюнь), подобно тому какъ кит. цзянъ-цзюнь (цзянъ-гюнь) перешло въ монгольскомъ въ чжанчжунь.

Стр. 292. Подъ упоминаемымъ въ легендѣ о Леу-да-женѣ императоромъ Цунъ-линомъ, вѣроятно, нужно разумѣть года правл. Чунъ-нинъ (1102—1106 по Р. Х.) сунскаго императора Хуй-цзуна. Леу-да-жень по пек. Лю-да-жень.

Стр. 296. Караманы, имѣющіе хвостъ, очевидно отголосокъ китайскихъ повѣрій, что среди инородцевъ есть имѣющіе хвостъ.

Стр. 297. Ла-уа, ла-ва ворона, по пекински лао-гуа.

Упоминаемый на стр. 297 Лу-бянъ-шэнъ, по пек. Лу-бань-шэнь, духъ покровитель архитекторовъ и плотниковъ.

Стр. 303. Въ легендѣ о Тохто-хото первый императоръ династіи Минъ Хунъ-ву (по годамъ правленія $\frac{1368}{1398}$ или Чжу-юань-чжанъ—первоначальныя его фамилія и имя) названъ Чуу (т. е. Чжу, фамилія) хунъ-ву съ добавленіемъ, что монголы переводятъ его имя Гахай-омокъ. Точно также отецъ Янъ-ву-лана названъ Хони-омокъ. Оба эти монгольскіе перевода основаны на смѣшеніи (умышленномъ?) сходныхъ по звуку китайскихъ словъ. Именно, фамилія минскихъ государей пишется не черезъ гіероглифъ чжу—свинья (монг. гахай), а черезъ другое чжу (красный), а фамилія Янъ-ву-лана не янъ—баранъ (монг. хони), а янъ—тополь. Однако и въ названіи растеній (см. ниже) китайское названіе тополя (янъ-шу) передано по монгольски «овечья шерсть», очевидно на основаніи народнаго объясненія.

Стр. 306. Подъ Ли-бу, названнымъ братомъ Куанъ-лоѣ, надо разумѣть Лю-бэй'я, владѣтеля царства Шу-ханъ (см. выше).

Стр. 309. Царевичъ (чжалву джимегунданъ)... Царевичъ по тибетски чжал-ву (сынъ царя; не надо смѣшивать чжо-во или чжа-ву господинъ, князь), а Чжи-ме гунданъ, вѣроятно, его имя.

Стр. 317. Приведенная здѣсь солонская фраза—сара айджи «луна испугалась»—есть чисто монгольская и подтверждаетъ мое предположеніе о происхожденіи слова Барга-Солонъ. Затѣмъ, надо имѣть въ виду, что Солонами называются иногда и Дахуры (или, какъ ихъ въ такомъ случаѣ называютъ, Дахуръ-Солоны), говорящіе тоже монгольскимъ языкомъ (съ примѣсью маньчжурскихъ словъ). Поэтому и здѣсь подъ солонами можетъ быть надо разумѣть дахуровъ, тѣмъ болѣе что названія Большой Медвѣдицы и др. созвѣздій тождественны съ дахурскими. По солонски же Большая Медвѣдица называется Надан ошиктэ (тоже «7 звѣздъ»).

Стр. 322. Менджуцъ..... Плеяды по тибетски сМинь-Друг (чит. Минъ-чжуг).

Стр. 376. Монг. убадис есть искаженіе санскр. upadêça—совѣтъ; колдовство, волшебство.

Digitized by Google

VI.

a. Списокъ мѣстныхъ названій растеній [1]).

(Сокращенія: кит. китайцы; монг. монголы; широнг. широнголы; торг. торгоуты; танг. тангуты; х. е. хара-егуры; ш. е. шира-егуры; сал. салары).

Aconitum Anthora L. танг. (Сань-чуань) бонвà.

Aconitum Lycoctonum L. танг. (Ксерцо) усёкъ.

Agriophyllum монг. въ Ордосѣ чульгиръ.

Ailanthus glandulosus Des. кит. въ Шань-си сунь-шу, сянь-чунъ-шу; кит. въ Гань-су чу-му, чунъ-шу; широнг. чоу-чей. (По Perny чоу-чунь-шу; чоу «вонючій»; сянъ «пахучій»).

Aleurites кит. ку-цза (у Perny ю-лай, ши-ли).

Allium senescens L. монг. мангинъ.

Allium tenuissimum L. var. typicum монг. танъ.

Allium sp. монг. въ Ордосѣ сориссу.

All. sp. монг. въ Ордосѣ когытъ, когутъ.

Allium sp. кит. чіу-цхей; широнг. гого. (Perny цзю-цзай All. angulosum).

All. sp. танг. въ Сунъ-панѣ чжонгргòгъ.

All. sp. широнг. сангныкъ. Allium sp. широнг. самсыхъ.

Amaranthus кит. въ Гуй-хуа-ченѣ юй-гу-ми.

Anabasis brevifolia C. A. Mey. монг. въ горахъ Тосту багалуръ; монг. въ Ордосѣ баглуръ.

Androsace elongata L. танг. иму.

Anemone japonica Sieb. танг. въ Сань-чуани палыгъ; изъ листьевъ тангуты дѣлаютъ трутъ.

Aralia chinensis L. танг. въ Сань-чуани гяндà; широнг. улэнту.

Artemisia annua L. монг. въ Ордосѣ и въ горахъ Тосту моринъ-шарильджи, «лошадиная полынь».

Artem. campestris L. монг. въ Ордосѣ: шабакъ, шябыкъ, шявыкъ.

---

[1]) Этотъ списокъ просмотрѣнъ А. О. Ивановскимъ и снабженъ имъ примѣчаніями и ссылками на словари Perny, Iäschke, Ковалевскаго и Попова.

Digitized by Google

Artem. sp. монг. въ Ордосѣ тосунъ-торлыкъ, «масляный торлыкъ». (У Ковалевскаго торлокъ, Calligonum).

Artem. glauca Pall. монг. въ Ордосѣ эрмэ. (У Ковалевскаго подъ этимъ именемъ Art. Abrotanum).

Artem. maritima Bess. монг. въ Ордосѣ и въ горахъ Тосту агэ.

Artem. sacrorum Led. монг. (Ордосъ) теньгрà-убюсу; кит. ха-у-за (хао-цза)? Дѣлаютъ шнурки, которыми курятъ, чтобъ прогнать комаровъ; золу отъ этого растенія кладутъ въ курительный табакъ.

Astragalus sp. танг. въ Сань-чуани шюларигъ.

Beckmannia eruciformis Host. кит. въ Чжи-ли (Ань-су) ѣ-пай-цза.

Berberis integerrima Bge? танг. въ Сань-чуани камбу, чигыръ; широнг. шира ургосы, «желтая колючка».

Berb. kaschgarica Rupr. танг. (Гуй-дуй) цермандунъ.

Berb. sinensis Desf. монг. шара-мото, «желтое дерево».

Berberis sp. широнг. ширачукъ, танг. ширачукъ, цзоманынъ.

Betula alba L. кит. въ Шань-си (У-тай) гуа-жу (Perni: хуа-пи-шу или хуа-шу); танг. ртыгпà, пый; листья употребляютъ вмѣсто чая.

Brassica oleracea L. монг. въ Ордосѣ гэда пейсей (Perni: пао-нао-цай. Въ Гуй-хуа-ченѣ китайцы вилочную капусту называютъ хуй-цзы-бэй (т. е. уйгурскою капустой?). Широнг. въ Санъ-чуани кэта.

Brassica rapa L. широнг. въ Сань-чуани сормыгъ.

Buxus кит. хуанъ-янъ.

Calimeris altaica Nees. танг. люгмыкъ (запис. въ Ордосѣ отъ монголовъ); Calimeris разныхъ видовъ монг. въ Ордосѣ боро-терме.

Calligonum халха кöтыръ.

Cannabis sativa L. кит. ма-цза.

Caragana frutescens Dec. танг. (Гуй-дуй) джамà; (Сань-чуань) имў; широнг. (Сань-чуань) меджо-ургосы, теме-ургосы, лоту-ургосы.

Caragana jubata Poir. кит. въ Шань-си (У-тай) куй-чженъ-цхо; (у Perni гуй чжень цао, чертова игла трава, Bidens parviflora); шира-егуры кумьякъ.

Carduus leucophyllus Turcz. монг. (Ордосъ) улà, т. е. «трутъ». (У Ковалевскаго улà «подошва», ўла «трутъ»).

Caryopteris mongolica Bge монг. (Ордосъ) агури-шявыкъ.

Cephalotaxus Fortunei Hook. кит. (Сы-чуань) ма-и-су.

Clematis sp. широнг. муръ-чичекъ.

Cnicus arvensis. Hoffm. танг. люта; торгоуты (Едзинъ-голъ) халха (этимъ же именемъ монголы въ другихъ мѣстахъ зовутъ крапиву).

Cn. japonicus Maxim. монг. (Ордосъ) хонгорчукъ. (У Ковалевскаго: «гроздъ», «кисть», «почка цвѣтка», «шелуха»).

Cn. segetum Maxim. кит. (Гуй-хуа-ченъ) цы.

Codonopsis viridiflora Maxim. кит. въ Минъ-чжоу танъ-шинъ; корни ѣдятъ; кладутъ въ супъ.

Digitized by Google

Comarum palustre L. шира-егуры ѣойтуръ-харагана, т. е. харагана, вызывающая чиханіе.

Convolvulus arvensis L. кит. въ Ордосѣ цу-цао, «свинячья трава» (свинья по пекинск. нарѣчію чжу); въ Тянь-цзинѣ ла-ба-хуаръ, «труба-цвѣтокъ».

Corispermum sp. халха въ горахъ Тосту харалда.

Cotoneaster sp. танг. цалиръ.

Cotyledon fimbriata Turcz. монг. въ Ордосѣ ботогонъ-холэй, «горло верблюженка».

Cotyledon sp. халха на Орокъ-норѣ ухуринъ нюдунъ, «коровій глазъ».

Cousinia sp.? монг. на р. Легъ шари талынъ.

Crataegus танг. уасы, васы.

Cynanchum acutum L. торг. (Едзинъ-голъ) хуцо.

Cyn. pubescens кит. (Тянь-цзинъ) ху-лю-пяо, (на Едзинъ-голѣ) ху-лу-пяо.

Cynomorium coccineum L. кит. около Си-нина со-янь; кладутъ въ чай; на Желтой рѣкѣ (ур. Шачжинъ-тохой) со-чжинъ. Хара-егуры со-енъ, торгоуты на Едзинѣ со-цзунъ; халха въ горахъ Тосту гое, гоеха; халхасцы ѣдятъ корни сваренными съ масломъ или съ мясомъ, а также сушатъ ихъ, толкутъ, мѣшаютъ съ мукой и дѣлаютъ лепешки на маслѣ. Олеты на Хухунорѣ зовутъ растеніе со-цзунъ, варятъ его въ молокѣ и увѣряютъ, что вкусно. По ихъ мнѣнію, оно полезно при мужской болѣзни (кöль бöри обўдўна); тогда варятъ въ молокѣ и ѣдятъ. Употребляется также при боляхъ поясницы и при опухоляхъ въ пахахъ. Торгоуты на Едзинъ-голѣ ѣдятъ гаеху сваренною въ маслѣ, какъ мяхиръ, и въ этомъ видѣ заготовляютъ на зиму.

Cynosurus sp.? монг. (Ордосъ) юзе.

Daphne tangutica Maxim. танг. токшинъ.

Daucus Carota L. широнг. въ Сань-чуани шира-турма.

Delphinium cheilanthum Maxim. танг. около Сунъ-пана пешитъ хлунбу.

Dicentra spectabilis Miq. танг. (Боу-нань) рца-бама.

Diospyros Kaki L. дерево: кит. сы-цзы-шу; плоды: кит. сы-піянъ-цзы; монголы хошуна Кэшиктенъ (Талъ-норъ) шептылъ; въ Ордосѣ ельджигенъ-чикынъ, «ослиное ухо».

Diospyros Lotus L. кит. въ Шань-си хэ-цзаоръ, «черный жужубъ».

Dysophylla janthina Maxim. танг. около Лабрана гомочи, въ долинѣ Дзурге нгавулюле.

Echinops Gmelini Led. монг. въ Ордосѣ ула-убюсунъ, «трутъ-трава»; листья мнутъ и изъ волоконъ приготовляютъ трутъ для добыванія огня.

Ech. Turczaninovii Led. монг. въ Ордосѣ хонгоръ-убюсунъ.

Echinops sp. халха въ горахъ Тосту хонгоръ-цзула.

Eleagnus hortensis M. a Bieb. торг. на Едзинѣ дзегде.

Eleagnus umbellata Thbrg кит. (Гуй-дуй) са-цзоръ, «жужубъ песковъ»; танг. нгусянъ, нгушюнъ, «серебряное дерево» (дНгул-шинъ).

Elymus sp. торг. на Едзинѣ сули.

Digitized by Google

Ephedra sp. танг. панцей; широнг. (Сань-чуань) чорго.

Eragrostis pilosa P. de Beauv. монг. въ Ордосѣ бутюну убюсу.

Euphorbia sp. танг. въ Сань-чуани джангў-тарчигъ.

Eurotia ceratoides C. A. Mey. монг. въ Ордосѣ тэскэ.

Evonimus sp. танг. (Лабранъ) кюймынъ; широнг. (Сань-чуань) мянгамодо.

Fagopirum кит. въ Гуй-дуѣ хуанъ-ёу-цзы, въ Гуй-хуа-чёнѣ чоу-май (цяомай). Монг. въ Ордосѣ, Кэшиктенѣ и Карачинѣ сагатъ, сагытъ; гуй-хуа-ченскіе тумуты сáгда; широнг. въ Сань-чуани ска, въ У-янъ-бу сха, сыха; въ Тунъ-сянѣ сага; шира-егуры сыгды, сыгдъ. Халхасцы на рѣкѣ Селенгѣ сагыкъ. На сѣверѣ отъ Калгана по словамъ туземцевъ, когда три года не сѣютъ, падалка на полѣ, прежде засѣвавшемся гречихой, перерождается въ растеніе нохонъ хошу, «собачій носъ», у котораго стебель красный, цвѣты, какъ у гречихи, но сѣмя горькое. Тогда сѣмя скармливаютъ лошадямъ, траву свиньямъ. Въ Ордосѣ встрѣчается много четырехгранной гречихи [1]). Сал. сага; х. ег. сака.

Forsythia кит. въ Тянь-цзинѣ сшоу-дань.

Galium boreale L? танг. цзуль; корнями его красятъ шерстяныя матеріи въ красный цвѣтъ.

Galium sp. танг. цзòто (запис. въ Ордосѣ отъ монголовъ).

Geranium sibiricum L. танг. бандзы тобо.

Glycyrrhiza glandulifera Waldst. et Kit.? монг. въ Ордосѣ чикыръ-убюсу- «сахарная трава»; кит. чянъ-цао-мяо; около Гуй-хуа-чена кя-цао. (Perny: гань. цао, «сухая трава»).

Gypsophyla Gmelini Bge? монг. въ Ордосѣ бўдурганакъ.

Haloxylon Ammodendron Bge монг. цзакъ. Самое большое дерево цзака мы встрѣтили на Едзинъ-голѣ; это Ганцы-цзакъ, какъ его зовутъ торгоуты; описаніе его см. въ I томѣ стр. 461; ему насчитываютъ три вѣка жизни. Вообще монголы считаютъ цзакъ болѣе долговѣчнымъ, чѣмъ евфратскій тополь.

Hedysarum fruticosum L. var. mongolicum Turcz. монг. въ Ордосѣ торлокъ

Hedys. multijugum? широнг. карá.

Hedysarum sp. танг. (Сань-чуань) ани гугуръ.

Helianthus annuus L. широнг. наръ-чичекъ, «солнце цвѣтокъ».

Hibiscus Trionum L. кит. хуа-жянъ-мяо-цао.

Hippophaë rhamnoides L. монг. въ Ордосѣ чичирганакъ; широнг. въ Сань-чуани хара ургосу, «черная колючка»; шира-ёгуры цициргана.

Hordeum vulgare L. кит. въ Чжи-ли та-май-цза, «большая май-цза»; халха на р. Легѣ арбай; широнг. въ Сань-чуани арпа (голый чинъ-куй, чинъ-ко); въ У-янъ-бу ирпэй; въ Боунани арпа; ш.-ёг. арпай, ирпей; сал. арфà; х. ег. харба.

Humulus Lupulus L. монг. въ Ордосѣ унюгынъ-герь, „лисицынъ домъ“.

Hyosciamus niger L. кит. въ Шань-си (У-тай) лянъ-инъ-тоу-цзы, въ Ордосѣ

[1]) Въ Кэшиктенѣ другой родъ гречихи, назыв. манчу.

Digitized by Google

но-ланъ-танъ (Perni: ванъ-ю-цао, „забудь печаль трава“ или сюань цао). Монг. въ Ордосѣ янда, яндыкъ; танг. въ долинѣ Тао-хэ хонки чжацыкъ.

Incarvillea sinensis Lamm. монг. въ Ордосѣ нарáну-чечекъ, „солнечный цвѣтокъ“, широнг. могайнъ-ибисы, „змѣиная трава“.

Inula Britannica танг. аджикъ серджонъ (запис. отъ монголовъ въ Ордосѣ).

Iris Bungei Maxim. танг. (Сань-чуань) мама гендей.

Iris dichrotoma Pall. монг. въ Ордосѣ буреньякъ.

Iris ensata Thunb. танг. (Сань-чуань) джирма; широнг. (Сань-чуань) чичирма. Вѣроятно, этотъ же видъ монголами въ Ордосѣ называется чичарма, чжерхемыкъ, чихырмыкъ, а сѣвернѣе Ордоса: чакилтай [1]). (Ковалевскій, цакилдакъ, Iris sibirica).

Iris tenuifolia Pall тангут. (Сань-чуань) балынъ каджу, мама гентей; широнг. (тамъ же) чичирмà, цицирмà.

Iris Tigridia Bge танг. (Сань-чуань) мама гендей.

Iris разн. видовъ кит. въ Шань-си (У-тай) ма-линъ, ма-лиръ.

Juglans regia L. кит. (Гань-су) хэ-тоу.

Juniperus chinensis L. монг. въ Ордосѣ арчà; кит. въ Шань-си сунъ-шу- (Perny: цзы-сунъ или лохань-сунъ, „сосна архата“).

Juniperus communis L. танг. въ Амдо шихпа, чихбà; шира-ёгуры сайнъ-арча.

Jun. Pseudo-Sabina Fisch. et Mey. танг. въ Нань-шанѣ чэрчугъ, цирачугъ „колючее дерево“; шира-ёгуры ургюсту арча, „колючій можжевельникъ“.

Juniperus sp. танг. рашюгъ; широнг. (Сань-чуань) имà-арчигъ, „козлиный можжевельникъ“.

Kalidium foliatum M-T. монг. будургана. Какое-то Salsolaceae торгоуты на Едзинѣ называютъ кöрюкъ, хурюкъ, халха въ горахъ Тосту шара-бутургана. Сѣмена этого растенія высушиваютъ, молотятъ, вымываютъ, варятъ съ масломъ и ѣдятъ также, какъ и сульхиръ (Agriophillum). (У Ковалевскаго будургана, Artemisia absinthium). У Пржевальскаго будургана Kallidium; равно и я никогда не слыхалъ, чтобъ будурганой монголы называли полынь.

Kochia scoparia Schrad. монг. въ Ордосѣ лóули.

Lactuca tatarica C. A. Mey. кит. въ Гуй-хуа-ченѣ ку-цхей, „собачья овощь“ (гоу-цай).

Lact. versicolor Benth. танг. въ Амдо шиты метукъ; монг. въ Ордосѣ съ тангутскаго самчи; употребляется въ лѣкарство.

Lagochilus ilicifolius Bge. монг. въ горахъ Тосту ангылъ-цзоръ.

Lasiagrostis splendens Kunth. кит. на Едзинѣ чжи-чже; широнг. въ Сань-чуани турусы.

---

[1]) Чихырмыкъ ср. съ хамійскнмъ чакыртмакъ, Iris (Очерки, II, 133); у хамійскихъ тюрковъ чакыр., «высѣкать огонь». Дюрбютское названіе ириса цахильдыкъ (Очерки, IV, 149) сходно съ монгольскимъ цахильганъ, «молнія». Tsakirmak hogôltu—мѣстность, упоминаемая въ сказаніи о Гэсэрѣ (Die Thaten Bogda Gesser chan's, übers v. Schmidt, S. Pt., 1839, S. 44).

Digitized by Google

Монголы зовутъ это растеніе дэрисунъ или дэрису, а заросли его тункэ; киргизы какъ отдѣльныя особи, такъ и заросли изъ дэрисуна зовутъ чій. Дэрисунъ растетъ обширными зарослями на низкихъ мѣстахъ съ песчаноглинистой почвой, содержащей примѣсь соли; такія мѣста служатъ убѣжищемъ для мелкаго скота въ зимніе бураны и избираются для зимовки съ баранами; тункэ замѣняютъ кочевникамъ теплые хлѣвы и конюшни. Тонкіе, ровные и крѣпкіе, какъ проволока, стебли растенія идутъ у киргизовъ на приготовленіе циновокъ; они выдергиваются осенью, въ августѣ; въ засохшемъ состояніи получаютъ соломенный цвѣтъ; вырванные стебли укладываются на землѣ одинъ подлѣ другого и переплетается поперегъ цвѣтной шерстяной ниткой въ узоръ. Получается золотистаго цвѣта циновка, ширина которой зависитъ отъ длины стеблей, иначе сказать, отъ высоты растеній; въ сѣверныхъ частяхъ киргизской степи эти циновки, которыя киргизы тоже не зовутъ иначе, какъ «чій», уже; на югѣ степи шире. Такими циновками одѣвается обыкновенная нижняя цилиндрическая часть киргизской юрты, состоящая изъ деревянной рѣшетки или кереге; чій приставляется къ кереге снаружи и потомъ уже юрта покрывается войлокомъ. Эти же циновки употребляются при катаніи войлоковъ; на разостланныя циновки накладывается слой шерсти, циновка свертывается въ трубку, которую послѣ того женщины катаютъ по землѣ до тѣхъ поръ, пока шерсть не сваляется въ войлокъ. Ширина войлока зависитъ отъ ширины циновки; поэтому въ южной части киргизской степи войлока шире, чѣмъ въ сѣверной. Китайцы изъ дэрисуна плетутъ ковши, уполовники и другую утварь.

Leontopodium sibiricum Cass. монг. въ Хангаѣ цаганъ-турю.

Lespedeza trichocarpa Pers. монг. въ Ордосѣ харганыкъ-чай, т. е. «караганный чай»; вмѣсто чая однако не употребляется.

Lilium speciosum Thbrg. кит. въ Гуй-дуѣ фуй-динъ. (Perny: чжу-динъ-хуа, Lil. concolor).

Lil. tenuifolium Fisch. монг. въ Ордосѣ саранык, кит. тинъ-сянъ-мій. Солоны туму. Люди выкапываютъ луковицы, а также грабятъ запасы мышей; грабленый запасъ назыв. ургунъ.

Linum usitatissimum L. кит. ху-ма.

Lonicera sp. широнг. (Сань-чуань) худза.

Lycium chinense Mill. кит. въ Гуй-хуа-ченѣ кы-ченъ (ченъ «колючка»); въ Ордосѣ: гоу-чы, гоу-чыръ, «собачья снѣдь». (У Perny: гоу-ци, у Попова ку-ци). Монг. въ Ордосѣ хэрэинъ ургюсу, «воронья колючка».

Lycium turcomanicum Fisch. et Mey. танг. въ Гуй-дуѣ цирмà, въ Сань-чуани хамурудухъ; широнг. въ Сань-чуани хамарыкъ (не перестановка ли отъ «хармыкъ», монгольскаго имени кустарника Nitraria Schoberi L.).

Lycoperdon Bovista L.? танг. въ Амдо па-го-дзѣй [1]).

---

[1]) По якутски дождевикъ назыв. тангара сага, «божій калъ»; сообщ. якутъ Николаевъ. По алтайски сыга перезимовавшій внутри медвѣдя отвердѣвшій калъ; апшакъ сыгазы—Thalictrum; апчакъ «старикъ», «медвѣдь». Вербицкій, Словарь алтайск. и аладагск. нарѣчій, Казань, 1884, стр. 317 и 23.

Digitized by Google

Malva verticillata L. кит. сяо-чу-чи-цза (чи-цза маленькой свиньи или малая свинячья чицза). (Perny: дунъ-куй-цзы).

Melica scabiosa Trin. кит. Шань-си синъ-синъ.

Myricaria germanica Desv. танг. (Гуй-дуй) онгыръ; широнг. (Сань-чуань) джа-сукóй.

Nicotiana rustica L. монг. тамхи; широнг. въ Сань-чуани янь; въ У-янъ-бу тамакэ; въ Боу-нани йянь; шира-егуры тамакъ.

Nonnea lutea Rchb. торг. на Едзинѣ кичихинѐ; изъ растенія дѣлаютъ трутъ. Халхасцы: могуцзѐ; потибетски по показанію монгольскаго ламы (значитъ книжное тибетское) беземыкъ. Изъ корней получается краска. Халхаское другое названіе: тэмыкъ, дэмыкъ.

Oplismenus frumentarius Kth. (воздѣл.) кит. въ Гуй-хуа-ченѣ ку-цза, широнг. въ Тунъ-сянѣ конўу; сал. кунахъ.

Oplism. Crus galli монг. въ южн. Ордосѣ харà таранъ, «черное жито».

Orobanche sp. монг. въ Ордосѣ шябыгэнъ шоджòнъ; шябыкъ одинъ изъ видовъ Artemisia; шоджонъ можетъ быть Cynomorium coccineum; этотъ Orobanche такъ названъ потому, что растетъ въ кустахъ шявыка.

Oryza sativa L. кит. пай-ми (пекинск. бай-ми); монг. въ Ордосѣ тутурга; широнг. въ Сань-чуани и Боу-нани тутурга, х. и ш. егуры тутурханъ, турханъ; сал. тутурганъ.

Oxytropis sp. (aff. tragacanthoides, колючіе ежикообразные кустики) монг. въ Ордосѣ чаганъ-ортутъ. У Пржевальскаго дзара (что по монгольски значитъ ежъ), отнесено къ колючему вьюнку; въ скобкахъ рядомъ поставлено Convolvulus tragacanthoides (Монг. и страна тангутовъ, I, 158); слѣдовало вѣроятно: Oxytropis tragacanthoides. Колючій вьюнокъ, растущій въ Монголіи, извѣстенъ ботаникамъ подъ именемъ Convolvulus Gortschakovii. См. Очерки, IV, 148. Сал. седжемыхъ.

Oxytropis sp. танг. (Гуй-дуй) пашюгъ; корни ѣдятъ.

Paeonia albiflora Pall. кит. въ Минъ-чжоу со-ё; въ Гуй-дуѣ шо-ю.

Paeonia anomala L. танг. въ Гуй-дуѣ дзорэ, томбў-тугланъ.

Paeonia Moutan Sims. кит. въ Гуй-дуѣ моудянъ (Perny: му-дань); танг. (тамъ же) метукъ памà.

Panax Ginseng Mey. кит. жень-шенъ, монг. въ Кэшиктенѣ: орхòту.

Panicum miliaceum L. монг. въ Ордосѣ хàра бутà; широнголы въ Тунъсянѣ и шира-егуры амунъ, амынъ. Х. ег. сокпа.

Pedicularis lapponica L. кит. въ Шань-си (У-тай) куй-чуаръ-цхай.

Peganum Nigellastrum Bge монг. мухай убюсунъ, умухэй убюсу, «вонючая трава». Сал. узелихъ.

Periploca sepium Bge монг. въ Ордосѣ усютай балгунъ, «молочный балгунъ» (въ сѣверо-западн. Монголіи «балгуномъ» назыв. Myricaria).

Persica vulgaris Mill. кит. тхаоръ.

Peucedanum sp. монг. въ Ордосѣ съ тангутскаго конотà.

Phragmites communis Trin. торг. хàна.

Digitized by Google

Physalis Alkekengi L. кит. въ Минъ-чжоу чанъ-чи-цза. (Perny: суань-цзянъ или тунъ-гу-нянъ, «мальчикъ-барышня»).

Picea Schrenkiana Fisch. et Mey. танг. въ Амдо цомба̀, рсумба̀; широнг. (Сань-чуань) кыджура̀; шира-ёгуры нагъ, каргай.

Pinus leucosperma Maxim. танг. танди̇̀.

Piptantus mongolicus Maxim. монг. мунко-харагана, «вѣчная харагана».

Pisum sativum L. кит. вань-доу, широнг. въ У-янъ-бу бирчагъ; въ Боунани пичыгъ; шира-егуры бурчакъ. Х. ег. бурчакъ; сал. пирчахъ.

Plantago кит. около Бао-дина: чянь-чуанъ-цза, «мотоузъ для нанизыванія чоховъ». (У Perny: чэ (телѣга)-цянь (передъ)-цзы-цао, ма-ти, «лошадиное копыто», данъ-дао, «на дорогѣ», цянь-чуань-цао, «связка денегъ трава»).

Poa cynosuroides, санскритск. kuça или darbha, ведическое священное растеніе наряду съ durva или dûrbâ (по Вильсону Agrostis linearis, по Карею Panicum dactylon); нѣкоторые ученые смѣшиваютъ эти термины. Монголы и тангуты въ храмахъ употребляютъ кропила для освященной воды, связанныя изъ стеблей злака гуши и нѣсколькихъ павлиньихъ перьевъ. Гуши доставляется изъ Индіи черезъ Тибетъ и доходитъ до забайкальскихъ бурятъ.

Polygonatum officinale All. кит. въ Шань-си (У-тай) линъ-тхай-цай (линъ-тай-цай).

Polygonatum roseum Led. танг. кади-джума̀.

Polygonatum sibiricum Redouté. Одинъ монголъ въ Ордосѣ назвалъ, повидимому по ошибкѣ, сараныкъ; корни его орхото (?). Варятъ въ овечьемъ молокѣ и ѣдятъ.

Polygonum aviculare L. кит. въ Чжи-ли (Бао-динъ) чуу-цзу-цао, «паукъ-трава». Сѣмена ѣдятъ. (Паукъ у Попова: чжу-чжу).

Polygonum Bistorta L. танг. въ Джони рамбу; корни варятъ вм. чая.

Polygonum viviparum L. солоны мянгиръ; корни солоны ѣдятъ. Олеты на Хухунорѣ мелютъ изъ сѣмянъ муку, мѣсятъ ее въ сыромъ видѣ съ масломъ и ѣдятъ; мука имѣетъ красный цвѣтъ; цѣлебно отъ болѣзни въ желудкѣ. Сѣмена и наземную часть растенія олеты зовутъ ю̣юрген̣е; корень (ююргененай унгу̀) зовутъ мяхиръ. Въ Хангаѣ шабинары Ламенъ-гэгэна собираютъ корни Pol. viviparum; корни они называютъ мяхэръ, сѣмена буургене; и изъ тѣхъ, и изъ другихъ дѣлаютъ муку. Особенно хвалятъ муку изъ буургене.

Populus Przewalskii Maxim. кит. въ Гань-су пей-янъ, пай-янъ-шу. (Янъ-шу, «тополь»; бай-янъ-шу, «бѣлый тополь», Pop. alba).

Populus euphratica Oliv. торг. на Едзинѣ: тоора̀.

Populus suaveolens Fisch. кит. въ Ордосѣ янъ-шу, «баранье дерево», по объясненію китайца переводчика, потому, что пухъ въ плодахъ. Шира-ёгуры туракъ.

Populus sp кит. въ Шань-си (Бао-динъ) янъ-шу, «баранье дерево».

Potaninia mongolica Maxim. халха въ горахъ Тосту ойрукъ.

Potentilla Anserina L. широнг. въ Сань-чуани джума̀

Digitized by Google

Potentilla biflora Willd. шира-ёгуры таргунъ тырмакъ.

Pot. bifurca L. танг. въ Амдо бамбыръ [1]).

Pot. fruticosa шира-ёгуры харагана.

Pot. glabra Loddig. танг. въ Амдо пей-ма, пьямѣ.

Potentilla sp. танг. нейшюгъ.

Primula Maximowitzii Regel танг. метыкъ-ишй, кит. янь-шань-хуаръ.

Primula sp. танг. въ Сунъ-панѣ семджиръ-рнгава.

Prunus Armeniaca L. кит. въ Гань-су синъ-шу, въ Гуй-дуѣ хынъ-шу. Тангуты въ Гуй-дуѣ сьедунъ; широнг. въ Сань-чуани торъ.

Pr. tomentosa Thbrg кит. въ Гуй-дуѣ инъ-тоу; танг. (Си-гу) джадынъ.

Pr. triloba Lindl. кит. въ Тянь-цзинѣ ланъ-цза.

Pteris aquilina L. танг. въ Амдо шялыгъ, аильлага. Тангуты варятъ вайи и ѣдятъ съ масломъ или кладутъ въ супъ. Китайцы варятъ и подаютъ съ уксусомъ къ мясу. Съѣдобны весной, пока экземпляры не выше четверти аршина.

Pugionium cornutum Gärtn. монг. на Хуанъ-хэ въ сѣв. Ордосѣ елисынъ-лобынъ, «рѣдька песковъ»; монг. въ южн. Ордосѣ сагай.

Pyrus betulifolia Bge кит. въ Шань-си ту-ру-суань (суань «кисло», «уксусъ»).

Pyrus Malus. L. кит. ша-горъ; въ Гуй-дуѣ хуа-чинъ.

Pyr. sinensis Linde кит. ли-шу; въ Гуй-дуѣ суань-лиръ.

Quercus aliena Blume (по кит. у Perny: цинъ-ганъ-шу); танг. цинганъ, чинганъ.

Raphanus Raphanistrum L. широнг. торма.

Reaumuria soongorica Maxim. монг. въ Ордосѣ уланъ-будургана.

Raphanus sativus L. широнг. (Сань-чуань) чикканъ турма.

Rhamnus erythroxylon Pall. монг. въ Ордосѣ хàра-бутà.

Rheum Pichoni Pierre, кит. та-хуанъ; танг. рчжимпца, чжимпца.

Rheum palmatum L. хара-ёгуры ширачи. Показаніе хара-ёгура: растеніе не всякій годъ выгоняетъ стебли; когда много стеблей, ихъ издали видно, тогда по многу добываютъ корней; когда стеблей нѣтъ, трудно находить корни. Копаютъ ихъ бѣдные люди; скупаютъ или егуры, имѣющіе скотъ, или китайцы, наѣзжающіе въ кочевья егуровъ за покупкой ревеня, маральихъ роговъ и каборожьей струи. Одинъ дымъ накапываетъ до 400—500 чжиновъ въ лѣто. Копатели ставятъ палатки и живутъ въ это время на высокихъ горахъ; сушатъ въ палаткахъ; стараются избѣгать солнца и мокра; дождь можетъ испортить корни. За ценъ свѣжаго ревеня платятъ только 10 чоховъ, за пролежавшій въ сушкѣ годъ даютъ 30 чоховъ. Разведеніемъ ревеня занимаются только ламы въ монастыряхъ, въ небольшомъ количествѣ и не отъ сѣмянъ, а пересаживая корни изъ горъ. Нѣкоторые экземпляры даютъ до 15—20 чжиновъ корней.

[1]) Названіе бамбыръ извѣстно для этого растенія и монгольскимъ ламамъ. Не къ этому ли имени относятся старинныя извѣстія, собранныя Юлемъ (Cathay and the way thither vol. I, p. CCXVI) о корешкѣ Mambroni Cini или Mámíràn-i-Chíni, который росъ около Су-чжоу, доставлялся изъ Китая въ Кашмиръ вмѣстѣ съ ревенемъ и считался превосходнымъ лѣкарствомъ отъ глазныхъ болѣзней.

Digitized by Google

Rhododendron capitatum Maxim. танг. въ сѣв. Амдо сюкыръ, суркеръ; танг. около Сунъ-пана сюрныгъ.

Rhod. sp. широнг. въ Сань-чуани тунъ-чинъ.

Ribes pulchellum Turcz. монг. въ Ордосѣ ухунай сутуръ, «жила козла самца».

Rib. stenocarpum Maxim. танг. въ Гуй-дуѣ цзуманыръ.

Ricinus communis L. кит. около Пекина та-ма-цзы.

Rosa microphylla Rokb. танг. сылакуръ.

Rosa sp. широнг. (Сань-чуань) ноккой-кошу, «собачій носъ». Сал. итъ пуруни, «собачій носъ».

Rosa sp. кит. въ Шань-си (У-тай) ю-піенъ-цзы.

Salix babylonica L. танг. ирчанмà, рчанмà; широнг. кучосы.

Salix affinis japonica кит. леу-шу; монг. въ Ордосѣ удà.

Salix sp. монг. въ Ордосѣ бургасунъ; широнг. учосы. Сал. отынъ.

Salix sp. танг. лангма (у Jäschke лЧжанъ-ма).

Salix sp. шира-ёгуры рчесунъ.

Salsola clavifolia Pall. торг. на Едзинѣ хушь.

Salsola collina Pall. торг. на Едзинѣ нохонъ аранъ, «коренной зубъ собаки».

Salsola Soda L. монг. въ Ордосѣ уланъ хамкыкъ; хамкакъ.

Saussurea sp. кит. около Гуй-хуа-чена янъ-эрръ-тоу, «баранье ухо» (эрръ-дао, эрръ-до).

Scirpus maritimus L. кит. въ Чжи-ли сань-лынъ-цзы.

Scopolia tangutica Maxim. танг. въ долинѣ Тао-хэ домбу тòочжонъ.

Scorzonera sp. кит. въ Шань-си ё-ма-мà.

Serratula centauroides L. ? кит. хэ-шанъ-тоу, «голова буддійскаго монаха».

Serratula coronata Fisch. et Mey.? монг. въ Ордосѣ хонгоръ-джулà.

Serratula sp. танг. въ Лабранѣ агà-титукъ.

Setaria широнг. нарамŷ (по монгол. хуныкъ).

Sibiraea laevigata Maxim. кит. въ Гуй-дуѣ шуй-пу-тао, «водяной виноградъ»; танг. гунджунъ.

Silene repens Patrin. танг. башигà.

Silene tenuis Kar. et Kir. монг. въ Ордосѣ съ тангутскаго башигà, чаганъ башигà, «бѣлая башигà».

Smilax sp. танг. въ Джони джодорчи.

Solanum tuberosum L. кит. въ Тянь-цзинѣ сай-яо-тоу-цза (Perny: S. tuberosum янъ-юй; S. sinense юй-тоу).

Sol. septemlobum Bnge монг. въ Ордосѣ хиреинъ нюдунъ, «вороній глазъ».

Sophora alopecuroides L. монг. въ Ордосѣ буяу.

Soph. japonica L. кит. хуай-шу.

Sorgum кит. гао-лянъ.

Sphaerophyza salsula Dec. монг. въ Ордосѣ хоръ-чжигинуръ.

Spiraea sp. широнг. (Сань-чуань) джунджугей, сал. джемджегышъ.

Statice sp. монг. въ Ордосѣ джугей.

Digitized by Google

Stellera Chamaejasme L. монг. въ Ордосѣ хонинъ таланъ турю; танг. въ Амдо лама ричюгъ; кит. кыу-ту-хуаръ, «цвѣтокъ собачья голова»; широнг. мантунъ-чичекъ; изъ корня китайцы дѣлаютъ бумагу.

Stipa inebrians Hance кит. въ сѣв. Гань-су чжи-ма-цао. Монг. въ южн. Ордосѣ нохой-дэрису, т. е. «собачій дэрисунъ» (дэрисунъ Lasiagrostis splendens).

Stipa sp. монг. въ Ордосѣ хилагана.

Sympegma sp. торг. на Едзинѣ цзакцзамылъ.

Syringa sp. танг. агсы.

Tamarix Pallasii Desv. танг. (Гуй-дуй) джарта; монг. сухай.

Tanacetum sp. танг. въ Сань-чуани камбангосыръ.

Taraxacum sp. монг. въ Ордосѣ дзулгеней чечекъ; кит. въ Гуй-хуа-ченѣ хуанъ-чю-цай, лао-гу-цзинъ. (Perny: пу-гунъ-инъ, пу-гунъ-цао). Танг. въ Гуйдуѣ алу-гага; широнг. меменгу, гугусэй.

Thalictrum petaloideum L. танг. тигда.

Thermopsis lanceolata R. Br. кит. кыу-доуръ, «собачій горохъ»; монг. въ Ордосѣ хони буя; «буя» или «буяу» Sophora alopecuroides; хони буя будетъ значить «баранья софора». Танг. радга, радуга; широнг. нокой бирчигъ, «собачій горохъ».

Thladiantha dubia Bge танг. улмусе (запис. отъ монголовъ въ Ордосѣ).

Thymus Serpillum L. монг. въ Ордосѣ коккуръ-убюсунъ; широнг. ти-чжу.

Tragopyrum lanceolatum M. a Bieb. монг. въ Ордосѣ торлокъ.

Trapa sp. монг. въ Ордосѣ: укуръ джангу; широнг. въ Сань-чуани толунгуръ.

Triticum vulgare Vill. кит. май-цза; широнг. бидй. Сал. бугджи; хара-ег. тарыкъ.

Tussilago Farfara L. ? широнг. въ Сань-чуани нань-синъ-хуаръ (Perny: куань-дунъ-хуа), танг. медунъ галахчи.

Typha mongolica шира-ег. хулусунъ.

Ulmus campestris L. монг. хайласу, халясунъ; широнг. кыйласы, кайласы; шира-ёгуры зынканъ, танг. юмбугъ, имбугъ. Кит. въ Тянь-цзинѣ юй-шу, въ Ордосѣ и-су.

Urtica sp. широнг. въ Сань-чуани: халахай, лялагуръ; въ У-янъ-бу лялагэй. Сал. кечжигенъ.

Viburnum davuricum Pall. кит. въ Шань-си (У-тай) лэу-тэнъ-шу.

Vib. fragrans Bge кит. въ Гуй-дуѣ танъ-чунъ-хуаръ, линъ-бей.

Vincetoxicum mongolicum Maxim. монг. въ Ордосѣ хара таланъ турю; танг. около Гуй-дуя джугмуни, въ Сань-чуани нань-чинъ.

Vincet. sibiricum Decaisn. монг. въ Ордосѣ теменъ-кёкё, «верблюжій сосокъ».

Wistaria chinensis Dc. кит. въ Чжи-ли тынъ-ло (Perny: цзы-тэнъ-хуа; у Попова: тэнъ-ло «ратанъ»).

Xanthoceras salicifolia Bge кит. чжанъ-чжу-мэй.

Zantoxylon Bungei PC. кит. хуай-шу; хуа-чжао-шу; широнг. въ Сань-чуани чёу-цзы; плоды кладутъ въ супъ. Танг. (Сань-чуань) ирма.

Zelkowa sp. кит. въ Сы-чуани: пао-му-шу.

Digitized by Google

Zizyphus vulgaris Lam. var. inermis кит. цзаоръ, цзоръ.

Ziz. vulgaris, var. spinosus монг. чибыгы.

Корни какого-то Umbelliferae въ деревнѣ Баянъ къ з. отъ Си-нина китайскіе крестьяне ѣдятъ сырые весной, а также варятъ ихъ съ мясомъ. Китайцы зовутъ ихъ ѣ-хунъ-ло-пу (ѣ «дикій»; хунъ ло́бо «морковь»); танг. гамбиръ, кампиръ.

Кромѣ того записаны названія растеній, оставшихся безъ опредѣленія.

Тау-шанъ, широнгольское названіе растенія въ родѣ Setaria.

Ла-ла, такъ широнголы называютъ какое-то невысокое растеніе съ четвертъ ростомъ; листья прилегаютъ къ землѣ; растетъ подлѣ заборовъ по деревнямъ. Весной выкапываютъ его корни и ѣдятъ сырыми, особенно дѣти. Позднѣе, когда растеніе станетъ выше, корень становится несъѣдобнымъ.

Мохъ по широнгольски шяцгай янь, «сорочій табакъ».

Въ хошунѣ Кэшиктенъ монголы роютъ корни растенія хуанъ-чжу, который они продаютъ китайцамъ; отправляется въ южный Китай.

Въ Сань-чуани собираютъ растущій на земной поверхности лишайникъ, который монголы въ Ордосѣ называютъ гадзыренъ усюнъ, «волосы земли», а въ другихъ мѣстахъ гадзыренъ курэсу. Китайцы употребляютъ это растеніе въ пищу. Въ низовьяхъ р. Едзина около озера Гашіунъ-норъ также есть это растеніе; его ѣли въ голодные годы во время мятежа, но торгоуты говорятъ, что оно вредное и люди отъ него умираютъ. Торгоуты зовутъ его тостай кэрэсу.

Хара-ёгуры, живущіе на плоскости въ пескахъ около озера Хай-цзы къ з. отъ Гао-тая собираютъ растеніе джураканъ (это кажется, Agriophyllum) [1]).

Въ Ордосѣ растетъ трава ханъ-темуръ-убюсу (царская желѣзная) въ видѣ шарообразныхъ кустовъ около 1 фута высоты, сильно вѣтвящихся; мелкіе желтые цвѣты; сразу срубленная, выпускаетъ молочный сокъ (Euphorbia?).

Въ Ордосѣ есть двѣ травы: моринъ-буяу и чикыръ-буяу (солодковый корень); выкопавъ ихъ корни, соединяютъ ихъ и даютъ больнымъ горячкой.

Головню на пшеницѣ монголы въ Ордосѣ назыв. чакилтай урй.

Отъ одной хухунорской олетки записаны названія растеній:

1) Табынъ хур'гу, «пять пальцевъ»; употребляется въ молокѣ отъ болѣзни кій. Стебель растенія до аршина высоты, вѣтвистый, цвѣты вродѣ, какъ у ячменя; цвѣты и плоды называются другимъ именемъ: корнюютъ; ихъ лѣтомъ собираютъ, молотятъ, толкутъ, варятъ съ мясомъ и ѣдятъ отъ болѣзни орӧцюнъ убучинъ.

2) Мухуръ-ямà, «комолый козелъ». Наземная часть не велика, круглой формы; сидячій пучекъ зеленыхъ цвѣтовъ; длинныя подземныя корни, идущіе горизонтально, несутъ съѣдобные, вкусные шарики, прикрѣпленные на питяхъ.

---

[1]) Джураканъ ср. съ халхаскими названіями Plantago у ургунъ, бо юргунъ; въ городѣ Хобдо мнѣ говорили, что изъ сѣмянъ бо-юргуна монголы дѣлаютъ муку. У бурятъ ургене названіе какого-то растенія, и тѣмъ же именемъ называются запасы полевокъ, которые люди иногда обобираютъ у мышей (Алтанъ тобчи, стр. 78). Запасы эти состоятъ изъ корней мяхира (Polygonum viviparum) и саранн (Lilium tenuifolium et Martagon), но я не встрѣчалъ, чтобъ гдѣ-нибудь было записано имя ургене, какъ имя котораго-либо изъ этихъ растеній.

Digitized by Google

3) Сонгонык̆ъ (какой-то лукъ). Ѣдятъ луковицы (боксы).

4) Та́ны, мелкій лукъ; ѣдятъ въ супѣ.

5) Кумю́ли; растетъ на скалахъ; повидимому зонтичное; стеблей много; на нихъ красное зерно. Варятъ въ водѣ; сливъ воду, наливаютъ молокомъ, и снова варятъ. Полученную кашу ѣдятъ съ масломъ.

6) Сармисык̆ъ; растеніе имѣетъ два листа; луковицы ѣдятъ.

Несъѣдобныя растенія:

7) Шянымъ; имѣетъ желтые цвѣты.

8) Хонхо-цецик̆ъ, «колокольчик̆ъ цвѣтокъ»; имѣетъ синіе цвѣты.

9) Гечжиги, «коса»; съ черносиними цвѣтами.

10) Танхык̆ъ, «мѣшокъ»; цвѣты большіе, пунцовые; дѣвицы вплетаютъ ихъ въ волосы. Корни длинные, бѣлые; врачебные.

11) Цакильдык̆ъ, Iris. Кажется, содержимое молодыхъ плодовъ ѣдятъ, для чего ихъ варятъ. Считается врачебнымъ отъ куйтунъ убучинъ (болѣзнь мужского полового органа).

12) Халхай, крапива. Отъ той же болѣзни употребляютъ; сѣмена толкутъ, варятъ съ мукой и овечьимъ саломъ и разводятъ чаемъ.

Дерево, которое салары у Сюнъ-хуа-тина зовутъ карамухъ, сань-чуаньскіе широнголы назыв. коргосы. У саларовъ, кромѣ помѣщенныхъ выше, записаны еще названія: тоскунъ, какой-то кустарникъ; юшанъ, какая-то полынь и чик-сыганъ, ядовитый злакъ, которымъ отравляется скотъ (Lolium sp.).

---

6. Мѣстныя названія животныхъ.

1. Звѣри.

Aegoceros монг. въ Ордосѣ куку яма, янгиръ ямà.

Arctomys монг. тарбагà.

Camelus дикій торг. на Едзинѣ хаптагай, теменъ-гурёсу.

Домашній верблюдъ на алтайскихъ нарѣчіяхъ тебе, тебеге (о. Вербицкій, Словарь алт. и алад. нарѣчій, Казань, 1884 г., стр. 343). Алтайское сказаніе о верблюдѣ: Народъ тебетъ-танатъ [1]) былъ необыкновенный, почти ничего не ѣлъ, кромѣ древесныхъ почекъ, ничего не дѣлалъ, а устремлялъ взоръ на небо, только стоялъ и молился. Никто не могъ проникнуть къ нимъ; ихъ страна была окружена змѣями окъ-диланъ или нокоинъ-шарба-диланъ, которыя прострѣливали человѣка. Одинъ китаецъ взялся пройти къ нимъ и провести одного ихняго человѣка, что и исполнилъ. Тибетцы послали противъ Китая гору проклятій; китайцы выставили съ своей стороны гору проклятій. Тибетская гора превратилась въ верблюда (тея),

[1]) Танатъ вѣроятно тангутъ.

Digitized by Google

китайская въ осла (ельдигянь). (О. Вербицкій, Алтайцы, Томскъ, 1870 г., стр. 159; Томск. губ. вѣд., 1861 г., № 32). Тибетцы явились вѣроятно по сходству имени верблюда тебе съ именемъ Тебе, какъ тангутовъ зовутъ саньчуаньскіе широнголы.

Canis lupus солоны: чоно, кери-нохой (въ Ордосѣ также зовутъ волка кери-нохой, «степная собака»).

Canis vulpes солоны: унюгу̀.

Cervus maral солоны: ♂ богу̀, ♀ согу̀.

Dipus монг. въ Ордосѣ: ельджигенъ-ялмынъ.

Elephas primigenius. Буряты кости мамонта принимаютъ за кости животнаго аргалынъ-занъ. Ср. съ именемъ перваго шамана у якутовъ Анъ-аргылъ, которое представляетъ какъ будто только перестановку бурятскаго парнаго.

Hiroptera монг. въ Ордосѣ бакбагай; широнг. въ Сань-чуани: урмёнъ сара; хухунорскіе олеты хошуна Чинъ-хай-вана: цецѝнъ-бакбагай; солоны: харà-эрбэкэ. Торгоуты на Едзинъ-голѣ: сарисынъ бакбагай. На Едзинѣ летучія мыши живутъ въ рощахъ евфратскаго тополя. Торгоуты сказали мнѣ фразу: кудзенъ теме кептій, «садится на шеи верблюдовъ». Можетъ быть, краткая схема легенды о спорѣ верблюда о старшинствѣ.

Mustela putorius монг. въ Ордосѣ хурене (въ Ордосѣ его много). Солоны хорюнъ.

Tamias striatus, монг. въ Ордосѣ: солонго; солоны: кэримъ; кит. въ Шаньси: ки-линъ.

Taxus монг. въ Ордосѣ: торго, мангысу, каджаръ-гахай.

Ursus arctos, солоны хара гурёсу̀.

Монголамъ въ Ордосѣ извѣстны имена мелкихъ звѣрковъ: сокуръ номунъ (кротъ?) и оро цсусакъ, орочи цсусакъ.

2. Птицы.

Athene bactriana (?) широнг. куку-мяо[1])

Hirundo у ордосскихъ монголовъ хотунъ-харачай.

Casarca rutila широнг. (Сань-чуань) лама мургусы.

Caccabis hukar широнг. въ Сань-чуани кычилй, широнг. въ У-янъ-бу чоргольчинъ; въ Тунъ-сянѣ кыккэлю; монг. въ Ордосѣ хахали.

Grossoptilon auritus, ушастый фазанъ, широнг. ма-чжи.

Otis tarda? монг. въ Ордосѣ буха дуудыкъ; водится въ Ордосѣ по лугамъ (чайдамъ), гдѣ много хамхака (Solsoda Soda?); передъ птицы бѣлый; спина сѣрая; величиной больше гуся; мясо вкусное; лѣтомъ не видать, зимой бываетъ много. Стрѣляютъ съ лошади.

---

[1]) Сова поалбански χουχουβάϊχεα; см. Hahn, Albanesische Studien, S. 175.

Digitized by Google

Fregilus graculus широнг. (Сань-чуань) няръ.

Phasianus torquatus монг. въ Ордосѣ ♂ соно хургулъ; ♀ борокчинъ.

Phasianus sp. танг. въ Амдо теу.

Syrraptes paradoxus Pall. торг. на Едзинѣ бульдурў, халха въ гобійскомъ Алтаѣ ноктрў, нохтуру; Сантанъ-джимба звалъ птицу нитрў (можетъ быть, по произношенію чахаровъ).

Китайская горлица широнг. кунгунъ-шуй.

У монголовъ въ Ордосѣ я записалъ еще слѣдующія имена птицъ:

1) Таланъ келиту (семидесяти голосая); птичка больше воробья, брюхо бѣлое, спина сѣрая, концы крыльевъ черные, хвостъ бѣлый; поетъ на разные лады.

2) Алыкъ-тунха; верхъ сѣрый, передъ брюшка бѣлый; когда кричитъ, качаетъ хвостомъ.

3) Тэгили въ родѣ журавля; лобъ бѣлый? Различаютъ хуху тэгили и хальджанъ-тэгили (голубой т. и лысый т.).

4) Ольджинъ-шибо. Кричитъ: пуут-тс! пуут-тс!

Ящерицу, очень быстро бѣгающую (Podarces?), монголы въ Ордосѣ называютъ могочукъ; они вѣрятъ, что она поѣдаетъ фриноцефаловъ.

Digitized by Google

VII.

Собраніе словъ широнгольскаго и шира-ёгурскаго нарѣчій.

Слова этого собранія записаны въ пяти мѣстахъ 1) въ Сань-чуани, на мѣстѣ нашей зимовки 1884—1885 г.; 2) въ деревнѣ около г. У-янъ-бу, къ с. отъ Синина; 3) въ дер. Сунъ-чжя-чыръ, которая населена переселенцами изъ мѣстности Тунъ-сянъ, лежащей между гг. Лань-чжоу и Хэ-чжоу; 4) въ г. Боу-нань и 5) въ долинахъ Нань-шаня, къ югу отъ Ганьчжоу (отъ кочевыхъ шира-егуровъ). Широнголы въ окрестностяхъ г. У-янъ-бу сами себя зовутъ тани-кунь (т. е. свой, нашъ народъ, точнѣе «знакомые люди»); монголовъ плоскости, то, что иначе называется доро-монголъ, «низовскіе», они зовутъ хара-монголъ, «черными монголами», а въ отличіе отъ нихъ желторѣченскихъ, амдосскихъ монголовъ (широнголовъ)—чиханъ монголъ, «бѣлыми монголами». Тунъ-сянцы сами себя зовутъ саньта, а сань-чуаньцевъ—ту-жень [1]). Боу-наньцы сами себя называютъ монголъ-кунь, кочжани-кунь (послѣднее то же, что эджени-кунь). Шира-егуры себя называютъ эджени-монголъ [2]).

Сокращенія: *Сч.* Сань-чуань, *У.* У-янъ-бу, *Тс.* Тунъ-сянъ, *Бн.* Боу-нань, *ш. ег.* шира-егуры, монг.—по монгольски (по принятому у насъ чтенію), кит.—по китайски, тиб.—по тибетски, дах.—по дахурски, ман.—по маньчжурски.

k—означаетъ гортанное к; *нг*—носовой н; χ—придыханіе.

---

[1]) Китайское слово («туземецъ»), имъ обозначаются и инородцы, и коренные жители какой либо мѣстности. *А. О. И.*

[2]) Дополненія и сличенія съ словарями китайскимъ, тибетскимъ, дахурскимъ и манчжурскимъ сдѣланы А. О. Ивановскимъ. *Г. П.*

Чтобы нагляднѣе показать лексическій составъ такъ-называемаго широнгольскаго языка въ этомъ спискѣ, соотвѣтствующія имъ монгольскія, тибетскія, китайскія и др. слова вынесены въ особыя строки. Если передъ примѣчаніемъ стоитъ сокращеніе, напр. *Бн.*, это значитъ, что примѣчаніе относится къ одному только Боунаньскому говору.

Эти добавленія дѣлались уже въ набранный списокъ, поэтому они кратки и часть словъ за спѣшностью осталась неопредѣленной. Примѣчанія въ выноскахъ и въ скобкахъ принадлежатъ Г. Н. Потанину. Относительно состава широнгольскаго языка надо сказать, что онъ монгольскій, въ фонетическомъ отношеніи очень напоминаетъ дахурскій, причемъ нѣкоторыя слова, сохранившіяся только въ дахурскомъ языкѣ, существуютъ и въ немъ; затѣмъ въ него входятъ слова тибетскія, китайскія и тюркскія, очевидно заимствованныя уже впослѣдствіи. *А. О. И.*

Digitized by Google

Адъ *Сч.* тамуг.
монг. тамӯ.
армячина *Сч.* мэргэ [1]); *ш. ег.* ургумѐ.

Бабка со стороны матери *Сч.* вый нинѝ.
бабка со стороны отца *Сч.* нинѝ.
бабушка *У.* нинѐ; *Тс.* нэный.
баранъ самецъ *Сч.* кучѝ.
монг. хуца.
барсукъ *Сч.* торгу; *Бн.* джимба.
тиб. гРрум-ба, Чжумба.
башмакъ *Сч.* хэй; *Бн.* хэй.
кит. хяй.
безрукавка *Сч.* каньджар.
кит. кань-цзяр.
бёрдо [2]) *Сч.* сам.
берегъ *Сч.* чэрбэ; *У.* чэрбэй; *Тс.* морэн кычжа; *ш. ег.* мереэи гаджар.
монг. мурэн-рѣка, гацзар земля.
беркутъ *У.* ин.
кит. инъ.
блевать *Сч.* борчжиху.
монг. бӯгелчжикӯ.
близко *Сч.* тадѝ: *Бн.* чятан.
монг. дӯтэ, дӯтӯ.
блоха *Сч.* берге; *Бн.* бэргэ.
бляшки серебряныя на ноударѣ *Сч.* мійхѝр.
богатый *Сч.* баѝн кун; *Бн.* баян кунь.
монг.
богъ *Сч.* бурkан.
монг.
большой *Сч.* шукӧ, шукони; *Тс.* фукэ; *Бн.* уко; *ш. ег.* ишкэ.
монг. јекэ, дах. шигэ.
борода *Сч.* сакал; *У.* сыкал; *Тс.* саган (sic); *Бн.* капсы.
монг. сахал.
борона *Сч.* моцза.
кит.
бороться *Сч.* боко бариху.
монг. бӯкэ борецъ и бариху.
младшій братъ *Сч.* дю; *Тс.* джу; *Бн.* ду; *ш. ег.* тю.
монг. дӯ.
старшій братъ *Сч.* гагѝ; *У.* кокӧ, агӯ; *Тс.* каѝ; *Бн.* гага; *ш. ег.* ага.
кит. гэгэ, монг. аха.
старшій братъ отца *Сч.* шукӧ аба.
шукӧ большой, монг. абага дядя.
младшій братъ отца *Сч.* авӯ.
монг. аба, абагай, абугай.

[1]) У ордосскихъ монголовъ урмэгэ.
[2]) Зубья дѣлаются изъ бамбука.

братъ матери *Сч.* ачжу.
монг. нагачу.
бровь *Сч.* ханискѝ; *У.* ханиска; *Тс.* мимо; *Бн.* симсон; *ш. ег.* кэрбыг.
тиб. сМинь-ма; монг. кӯмӯскэ.
бросать, кидать (напр. игральн. кости) *Сч.* кырлаху.
бубенъ *Сч.* пандэй; *Бн.* кэнгриг.
монг. кэнгэргэ.
буква, письмо *Тс.* ужѝг.
монг. ӯцзӯг.
бумага *У.* чальдзы.
монг. цасун, дах. чаза (оба съ кит.)
быкъ *Сч.* пыкѫ; *У.* анчжасы укур; *Бн.* эрэ укур, *Бн.* монг.
бѣдный *Сч.* хуйтанъ кун; *Бн.* угэй кунь.
Бн. монг.
бѣлый *Сч.* чиkан; *У.* чихан; *Тс.* чикаиг; *Бн.* цхан.
монг. чиган, цаган.
бязь, даба *У.* бос.
монг. бӧс.

Вверху *У.* дере; *Бн.* дэгуи.
У. монг.
вдвоемъ *Сч.* kорло.
монг. хоюлāран.
ведро *Сч.* сорго.
монг. сулга.
верблюдъ *У.* темен; *Тс.* лото.
У. монг. *Тс.* кит.
веревка *У.* подӧк.
веретено *Сч.* йяχ.
монг. ик.
вертѣть веретено *Сч.* йяχ томиху.
верхъ *Сч.* дере.
монг.
вершина рѣки *Сч.* голни ишчи.
монг. голыйн экин.
весло *Сч.* шуй-чжанъ.
кит.
весна *Сч.* кабыр.
монг. хабур.
вести въ поводу *Сч.* лакаху.
вечеръ *Сч.* орей, шулен; *У.* орэй; *Бн.* шилэн.
дах. орёкóнъ къ вечеру.
вилка *Сч.* чачыр.
вмѣстѣ *Сч.* ханту; *ш. ег.* хантар.
монг. хамту.
внизу *У.* доро; *Бн.* дорѝ.
монг. доро.
внукъ *Сч.* сунцза; *Бн.* сунцза.
кит. сунь-цзя.
внутри *Сч.* тоотур; *Бн.* хторӧ.
монг. дотора.

Digitized by Google

внѣ *Сч.* хата.
монг. гада.
вода *Сч.* усу; *Бн.* усу; *ш. ев.* хсун.
монг. усун.
водка *Сч.* турасы; *Бн.* турасы.
монг. тарасун.
войлокъ *У.* рсямѣ.
кит. чжань, тиб. чжинъ-ва.
волкъ *Сч.* чунà; *Тс.* чжиранкэ̀й; *Бн.* чина; *ш. ев.* чина, уладаги, улàдгай.
Сч. монг. чино, чоно.
волосы *Сч.* усӯ; *У.* усу; *Тс.* усун; *Бн.* рава; *ш. ев.* усун.
монг. ӱсӯн.
воробей *У.* амичкай; *ш. ев.* бокширге.
монг. бокширга.
ворона *Сч.* лаувà; *У.* крэ; *Тс.* лаува.
кит. лао-гуа, монг. кэріѣ.
воротникъ *ш. ев.* энгэр.
монг.
востокъ *Сч.* дунбанги; *Бн.* мар чуг.
Сч. отъ кит. дунъ-бянь, ги частица притяженія.
Бн. съ тиб.
вошь *Сч.* босы; *Бн.* босун.
монг. бӯгэсӯн, бӯсӯн.
впереди *Сч.* мешѐ.
вскачь на лошади [1]) *Сч.* холго.
встрѣчать *Сч.* учжараху.
монг. учираху.
встрѣчать, присутствовать *Сч.* чжиличжи.
вчера *Сч.* нигудур.
монг. нигэ-ӱдӱр одинъ день—тому назадъ.
высокій *Сч., ш. ев., Бн.* ундур.
монг.
вѣнчикъ на головахъ женщинъ, *Сч., У.* ноудàр.
вѣтвь дерева *Сч.* пах сарбѝни.
вѣтеръ дуетъ *Сч.* кэй туджи; *Бн.* кій фійлина.
вѣять *Сч.* кишигеху.
монг. кэйскэкӯ.

Глазъ *Сч.* нютӯ; *У.* нюду; *Тс.* нутуни; *Бн.* нидуни; *ш. ев.* нютун.
монг. нидун, нӱдӱн.
глубокій *Сч., Бн.* гуни.
монг. гун.
глупый *Сч.* тэндун kун, лоуду kун.
монг. тэнэк кун.
глухой, *Сч., Бн.* тулэй
монг. дӱлэй.
гнаться *Сч.* чжураху.
говори *Тс.* кэли.
монг. кэлэ.

[1]) Монг. въ Ордосѣ урулдуху.

годъ *Сч.* хон; *У.* фуань; *Тс.* хуан; *Бн.* хон.
монг. он; дах. хон, хуан.
голень *У.* шикей.
голова *Сч.* толгай; *У.* толгой; *Тс.* чорун; *Бн.* торон; *ш. ев.* тологой.
монг. тологой.
голубой *У.* куко; *Тс.* кукэ.
монг. кӱкэ.
голубь *Сч.* кугушкэй; *Тс.* кугочин.
монг. кэкӱрчжэгэнэ.
гора *Сч., Тс., ш. ев.*, улà; *У.* ӱля; *Бн.* улѐ.
монг. ула.
горить *Сч.* унгурчи.
горлица *Сч.* кугушкэй; *У.* унгускей; *Тс.* панджю, пандю.
Тс. кит. цзю, бань-цяо.
горло пищепріемное *Сч.* хулан холо; *Бн.* фулан голи.
монг. улāн хōлай.
горло дыхательное *Сч.* могурсы холо; *Бн.* нитыг.
монг. мӱгэрсун хōлай.
городъ *Сч.* бадзыр; *Тс.* базà; *Бн.* бадзыр.
горсть *Сч.* аткò.
монг. атху.
гость *Сч.* гэчин.
монг. гэйчи.
градъ *Бн.* джарма.
монг. цзарма мелкая крупа.
граница, рѣчной берегъ *Сч.* чэрбэ.
градъ, *Тс.* чикан гура, мендур.
монг. цаган хура «бѣлый дождь»; мэндур.
грива, *ш. ев.* дель.
монг.
гроза *Сч.* нохчин; *У.* нохчир.
громъ гремитъ *Сч.* тэнгри пангнани, нохчин ирина; *Бн.* джигдун хорчжива; *ш. ев.* улӱ ду гарчи.
Сч. «гроза приходитъ», монг. ирэнэ; *Бн.* съ тиб.; *ш. ев.* монг. луйн ду гарчжи «явился голосъ дракона».
грудь *Сч.* ишчӯ, ичӯ *У.* ичуу; *Тс.* эчэни.
монг. ӱбчӱн.
грудь женская *У.* кокò; *Тс.* кукэ; *ш. ев.* кукэн.
монг. кӱкӱн.
губа *ш. ев.* ирын.
монг. урӯл?
гумно *Сч.* итерге; *Бн.* терьгани.
монг. ӱтэрмэ?
густо *У.* утюгэн.
монг. ӱтгэн.

Далеко *Сч.* колò; *Бн.* холо.
монг.
дверь *Сч.* идй; *У.* удэ; *Тс.* выйтэн; *Бн.* ртан; *ш. ев.* юдэн.
монг. ӱдэн.

Digitized by Google

дворъ *Сч.* номтык; *Тс.* хоронг; *Бн.* има; *ш. ег.* кэрим.
ш. ег. монг. ограда.
день *Сч., У., Бн.* удур., *Тс.* уту.
монг, ӱдур.
деньги, *Бн.* джосу.
монг.
деревня *Сч.* имык; *У.* аиль; *Тс.* агын; *Бн.* дева.
монг. аймак, аиль.
дерево, *У.* паχ; *Тс.* мотун; *Бн.* шу (кит.).
монг. модон.
дзеренъ (Antilopa) *Сч.* джерь имà.
монг. цзэрэн.
дикій *Сч.* чигилѝ.
монг. чикилэ упругій.
дитя *Сч., У.* пылэй; *ш. ег.* мла.
длинный, *Сч., У.* утур; *Бн.* уту.
монг. урту.
дно *Сч.* очжор; *Бн.* гурѝль (?)
довольно [1]) *Сч.* борне.
дождь (идетъ) *Сч.* курà боонà, кура бооджи; *У.* корà боона, кора орона; *Тс.* кура бууна; *Бн.* бора асхаджи; *ш. ег.* борон орона.
монг. хора асхачжи орона, хора орона, борога (борō) орона.
долина *Сч.* талà; *Бн.* танг (танг.).
Сч. монг.; *Бн.* кит.
долина рѣчная (?) *Сч.* арыр (арал).
домъ *Сч.* мазы̀н, тяньшѝ; *ш. ег.* бэйшин.
монг. байшинъ.
домъ кирпичный *Сч., У., Бн.* герь; *Тс.* кэ.
Сч. монг.
дорога *Сч.* мор; *Тс.* мо; *Бн.* морь; *ш. ег.* мӧрь.
монг. мӱр.
дорога большая *Сч.* шукӧ мор.
доскà *Сч.* бамбыр.
дочь *Сч.* учин; *У.* агур.
монг. укин.
драконъ *Сч.* лу.
монг. отъ кит. лунъ.
другой *Сч.* корѝ.
дупло *Сч.* куантѐй.
дымъ *У.* фунѝ.
отъ кит. фынь, фунь жечь?
дыханіе *Сч.* ор; *У.* ур.
монг. агур.
дѣвица *Сч.* агур; *У.* агур; *Бн.* агу; *ш. ег.* укун.
дѣвочка звател. *Сч.* аѝ.
дѣвица дурного поведенія *Сч.* хочѝ.
отъ монг. хуяли, хойги и др?
дѣдъ *У.* дидӧ *Тс.* чжетый.
дѣдъ со стороны матери *Сч.* вый дидѝ.

[1]) Монг. болынò.

дѣдъ со стороны отца *Сч.* дидѝ.
дѣлать въ долгъ *Сч.* чжилиху.
съ монг. отъ кит. чжай, цзѣ съ глагольной частицей ла?
дядя со стороны матери *ш. ег.* тагà.
дядя со стороны отца *ш. ег.* абгà.
монг. абага.

Ежъ, *Тс.* цсывэй.
ель, *Сч.* кычорà.
есть *Сч.* бонг; *У.* вӓн; *Тс.* вэйне; *Бн.* ва.
монг. буй, байна.

Жарко; *ш. ег.* халун.
монг.
жаровня *Сч.* хо-бынъ.
кит. хо-пынъ.
жать *Сч.* кадуку.
монг.
ждать *Сч.* кулиху.
монг. кӱлекӱ.
Желтая рѣка (Хуанъ-хэ) *Сч.* шукò мурэн.
«большая рѣка» переводъ кит. да-цзянъ.
желтый *Сч., У., Тс., Бн.* шира.
монг.
желудокъ *Сч.* гедис; *У., ш. ег.* гедисы; *Тс.* кэли *Бн.* гедисун.
дах. кэли, ман. хэфэли.
монг. гэдэсун, гэдэсу кишки, внутренности.
желѣзо *Сч.* тэмур; *ш.* ег. тэмыр.
монг. тэмур.
жена *Сч.* пэры; *У.* бэрӱ; *Тс.* пэрѝ; *ш. ег.* бисегуй.
монг. бэри невѣстка.
жена младшаго брата *Сч.* дю пэры.
жена старшаго брата *Сч.* шиначжа; *Бн.* вериган.
женск. половые органы *Сч.* кутугу.
ср. монг. хутугуту желудокъ.
женщина *Сч.* 1 учин kун, 2 экэнэр kун; *У.* учун кунь, *Тс.* уачин кунь; *Бн.* хтун кун; *ш. ег.* бисегу-кун.
см. дѣвица. 2 *Сч.* монг. женщины. *Бн.* монг. хатун жена князя, супруга; *ш. ег.* изъ бисегуй и кун человѣкъ.
жеребенокъ (лошади и осла), *Сч.* тагыр.
монг. тобор.
жеребецъ *Сч.* аджирга; *У.* ер ма; *Бн.* гома мори.
Сч. монг; *У.* кит. *Бн.* кит. кэ-ма кобыла.
животное *Тс.* амиту.
монг.
жидко *У.* шингэн.
монг.
жила кровеносная *Сч.* сутасы; *Тс.* сутасун.
монг. судасун.
журавль *Тс.* тогурӱ.
монг.

Digitized by Google

Завтра *Сч.* магаши (sic); *У.* маргаши; *Тс.* магаши.
монг. маргада, част. ши и въ дах. яз.
завязки на башмакѣ *Сч.* тейцзы, хайни тейцзы.
съ кит.
задница *Сч.* кунджёсы.
испорч. монг.
западъ *Сч.* си банги; *Бн.* яр чуг.
кит. сибянь; тиб. шар-чог востокъ?
запахъ *Сч.* хунир.
монг. ўнўр.
заплетать волосы *Сч.* куриху.
монг. гўрўкў.
заря *Тс.* асман шончжу.
затменіе луны *Тс.* сара каралыва.
въ монг. сара кўрелэбэ луна въ свѣтломъ кругу.
затоплять печь *Сч.* чикеху.
заяцъ *Тс.* туулэй.
монг. таолай, тулай.
звать, кликать *Сч.* доудалачху.
съ монг.
звѣзда *Сч.* хоту; *У.* фотў; *Тс.* хотун; *Бн.* хотун; *ш. ев.* ходун.
монг. одон.
здѣшній *Сч.* эндекуни.
монг. эндэ здѣсь, кун человѣкъ.
зеленый *У.* ногон; *Тс.* ногон; *ш. ев.* ногон.
монг.
земля (прахъ), *Тс.* шура, тура.
монг. широй,
земля (страна) *Сч.* каджир; *Тс.* качжа; *Бн.* хаджир; *ш. ев.* гаджар.
монг. гацзар.
зима *Сч.* угуль; *Тс.* куйтэн ча; *Бн.* уль.
монг. ўбўл.
монг. куйтун цак «холодное время».
змѣя *Сч.* могай: *У.* могой; *Тс.* могый.
Сч. монг.
зола *Сч.* хунисы; *У.* фунисы.
монг. ўнесўн.
золовка *Сч.* катун талани учин дю.
монг. хатун супруга, укин дў младшая сестра.
золото *Сч.* алтан; *У.* хальдан; *ш. ев.* алтан.
Сч. монг.
зубъ *Сч.* шюту; *У.* шитў; *Тс.* шитун; *Бн.* ртун; *ш. ев.* шидын.
Бн. изъ шитун, какъ изъ сТонь—рТонь?
монг. шидўн, шўдўн.
зубья въ бёрдѣ *Сч.* шюту.

Избирать *Сч.* солиху.
манчж. солимби, а въ монг. солиху смѣшивать.

имя *Тс.* нэрэ.
монг.
ирбисъ, *ш. ев.* ирбис.

Кабарга *Сч.* шянцзы́ има; *Бн.* хла.
Сч. тянцзы съ кит; има монг. козелъ. *Бн.* тиб. гЛа-ва.
камень *Сч.*, *Тс.* ташь; *Бн.* таши; *ш. ев.* чило.
монг. чилагун, чилун.
канава оросительная *Сч.* тутол (произн. тутор).
кастрированный мулъ *Сч.* кунгелесын лусы.
Сч. монг. легченый; лусы съ кит. лоцза.
клещъ *ш. ев.* алтага [1]).
кипятить *Сч.* бичилгаху (произн. бичиргаху).
монг. буцалгаху.
китаецъ *Сч.* читай кун; *Тс.* нанкка; *Бн.* хитэй кун; *ш. ев.* хытат.
монг. китат.
кишки *Сч.* нарин гедис нарин.
нарин монг. тонкій, см. желудокъ.
клей шубный *Сч.* чжульсы.
клопъ [2]) *Сч.* пи-шз (съ кит.).
ключъ *У.* пылыг.
монг. булак.
книга *Сч.* шу.
кит.
кобыла *Сч.* гу мори; *У.* годма; *ш. ев.* гуюн.
Сч. монг; *У.* кит. кэ-ма.
когти *Сч.* чюмисы.
монг. кумусун, кимусун.
коза самка *Сч.* сэркй.
козелъ *Сч.* кунегъ, соохур; *У.* има; *Тс.* иман; *Бн.* яма; *ш. ев.* има.
монг. има, иман.
козленокъ *Сч.* унюгур; *Бн.* хурган.
Бн. монг. ягненокъ.
козуля *Сч.* има.
монг.
колесо *У.* терге гурў.
монг. тэргэйн кўрдў.
колодезь *Сч.* чжир; *Тс.* кытўу.
монг. худук.
колоколецъ *Сч.* ковго.
монг. хонхо.
колотушка *Сч.* домбу.
колоть, кольнуть *Сч.* чокуху.
монг. цокиху.
колѣно *Сч.* подок; *У.* битёг; *Тс.* уату; *Бн.* вдыг.
монг. эбўдўн.
кольцо *Сч.*, *У.* кэйджур.
кольцо деревянное въ носу ѣздового быка *Сч.* торы.
монг. дўрў палочка въ ноздряхъ вола.

---

[1]) Монг. шальчжа.
[2]) Въ Ордосѣ монг. уланъ-хорхой.

Digitized by Google

кольчуга *Сч.* чжакуй.
съ кит. съ перестановкой вм. куйцзя.
копна *Сч.* цзонцзон.
см. толстый, монг. цзуцзан.
копыто *Сч.* чимсы; *Бн.* урджен; *ш. ег.* турӱн.
монг. туру.
копыто двухкопытныхъ *Сч.* чимсы; *У.* чюмисы.
см. ноготь.
копыто лошади *Сч.* чжанцзы.
кит.
кора *Тс.* мотун арасӱн.
«кожа дерева», монг.
корень дерева *Сч.* пах унгани; *У.* чӱре; *Тс.* унтусун; *ш. ег.* ильдыс (?)
Сч. унгани: монг. иругар? *Тс.* мон. ӱндӱсун.
корвина *Сч.* калар.
кормить, угощать *Сч.* идиргачи.
отъ монг. идэкӱ ѣсть.
кормить грудью *Сч.* кёкёчжи.
мон. кӱкӱкӱ сосать.
корова *Сч.* укур; *У.*, *Бн.*, *ш. ег.* укур; *Тс.* укэр.
монг.
корова самка *Сч.* анджасы; *У.* уне; *Бн.* уне укур.
монг. анчжису плугъ, соха; корова унiѣ, унѣ.
коромысло для ведеръ *Сч.* шидан.
кит.?
короткій *Сч.* хукур; *У.* укур; *Бн.* хур.
мон. охор.
коса (волосъ) *Сч.* зомыр; *У.* куколь; *ш. ег.* 1 гэджигэ, 2 кукӱль.
1 *ш. ег.* монг; монг. кӱкӱл длинные волосы.
кость *Сч.* ягсы; *У.* ясы; *Тс.* ясун; *Бн.* ясун.
Тс. монг.
котелъ *Сч.* тогò; *Тс.* токоя.
монг. тогон, того.
кошель, мѣшокъ *Сч.* чючур.
монг. арчул, арчигур.
кошка *У.* моушо.
съ кит.
красивый *Сч.* туйтан, сайхан; *Бн.* сайхан.
монг. дуйтей способный. *Бн.* монг.
красный *Сч.* хулан; *У.* фылан; *Тс.* хулани; *Бн.* фулян.
монг. улāн, дах. хулан.
кривой (глаз.) *Сч.* сукор; *Бн.* сохур.
монг. сохор.
кричать *Сч.* кайлаху; *У.* кыйлаху.
монг. хайлаху ревѣть, плакать.
кровь *Сч.* чюсу; *Тс.* чсун; *Бн.* чюсун.
монг. чисун.
кротъ *ш. ег.* манан сокур
монг. сохор.
кружокъ на веретенѣ [1]) *Сч.* арчак.
крупа *Сч.* ушiк.
крыло *Сч.* чжур, учжюр.
монг. чжигур, чжӱр.
крышка на посуду *Сч.* бэргэсы; *Тс.* когый.
кувшинъ чугунный *Сч.* тангун.
кулакъ *Сч.* чуй; *Бн.* нутӱрга.
Сч. съ кит; *Бн.* монг. нидурга.
курица *Сч.* токò; *Тс.* тыка.
монг. такя.
кусай *Сч.* чжачжур.
монг. цзагуху.
кухня *Сч.* соуха гэр.
отъ кит. чу (чоу) фанъ кухня и монг. гэр домъ; см. печь.

Ладонь; *Тс.* ka чжандзы.
отъ кит. бāчжанъ или чжанъ-цза.
ласточка *Сч.* караджягай.
левъ *Сч.* эрслан; *Тс.* шицзы.
монг. арсалан, кит. ши-цзы.
легкія *Сч.* òшки; *Бн.* ошкю.
Бн. монг.
ледъ *Сч.* мурсы; *Тс.* мянсун; *ш. ег.* мӧсун.
монг. мӱсун.
лежи *Тс.* кыче.
по монг. хэбтэ.
летучая мышь *Сч.* урмэн сара; *У.* сурусу бильдуу; *Тс.* сарысун; *Бн.* шинсон бенджир; *ш. ег.* сарсын ханат.
лисица *Сч.* хундегей; *Тс.* фунэгэи; *Бн.* га (танг.); *ш. ег.* энеген.
монг. ӱнэгэн.
листъ *Сч.* лыгчи; *У.* лапчи; *Тс.* лачин; *Бн.* лапчои *ш. ег.* лапчик.
мон. набчи.
лицо *Сч.* тама; *Тс.* вангэ; *Бн.* нюрь; *ш. ег.* нюр.
ш. ег. монг.
лобъ *Сч.* мэнгилэй; *У.* мангни; *Тс.* малый; *Бн.* лапа.
монг. манглай, мангнай.
лодка *Сч.* чуань.
кит.
ложка; *У.* хуулга; *Тс.* чачуку.
Тс. ? дах. чашка, ложка по монг. ухара, ухур.
локоть *Сч.* токой; *У.* токой; *Бн.* тухэй.
Сч. монг.
ломаться *Сч.* какараху.
монг. кокираху.
лоскутъ, нашиваемый на башмакѣ надъ пяткой *Сч.* панджин.
лошадь *Сч.*, *У.*, *Тс.*, *Бн.*, *ш. ег.* морiи.
монг.
лужа, *У.* лампын.
лукъ (Allium) *Сч.* сангыныг.
съ монг.

[1]) Въ Ордосѣ у монголовъ *тологой*.

Digitized by Google

лукъ стрѣлебный *Сч.* луму; *ш. ег.* номын.
монг. нумун.
лѣсъ *Сч.* хой; *Тс.* хой; *Бн.* фый.
монг. ой.
лѣто *Сч.* наджыр; *Тс.* калун ча; *Бн.* яр.
дах. нацзир лѣто; монг. халун цак «теплое время», *Бн.* тиб. дЧжар лѣто.
лягушка *Сч.* мендегей, мянтакей; *У.* палӯг; *Тс.* бага; *Бн.* мынгей.
монг. мэнэкэй, мэлэкей.

Маленькій *Сч.* мла, млани; итегер; *У.* мла; *Тс.* мила; *Бн.* ичиган; *ш. ег.* атай, баґа.
ср. дах. ицикэн малый; монг. бага, уцухэи.
мальчикъ, *У.* ку пылэй; *Бн.* аву; *ш. ег.* кукюн (sic).
маралъ (Cervus) *Сч.* богу.
монг. бугу.
маска *Сч.* мёнгусы.
масло *Тс.* тосӯ; *Бн.* тосу.
монг.
масло желтое, *Тс.* кыйма.
мать *Сч., Бн.* ана; *У.* ама; *Тс.* аный; *ш. ег.* экэ.
ман. энэ мать, ама отецъ; *ш. ег.* монг.
медвѣдь *ш. ег.* хара гуресун, тулкара.
ш. ег. «черный звѣрь», монг. кара гӯрӯгсӯн (гӧрӧсӧн).
медъ *Тс.* шимей (кит.).
межа (пашни) *Сч.* лунган.
мелко *Сч.* чжя.
мельница *Сч., У.* терьмѐ; *Бн.* терман.
монг. терме.
мечеть (мусул.) *Тс.* мэчы.
мизинецъ см. палецъ.
млечный путь *У.* намчю [1]).
могильная (?) древняя насыпь *Сч.* томлӯк.
можжевельникъ *Сч.* шихпа.
тиб.?
мозгъ, *Тс.* нуусэй.
кит. нао-суй.
мой *Бн.* мини.
монг.
молнія *Тс.* шанчжян.
отъ кит. шань-дянь?
молодица *Сч.* шинагур.
шинэ новый, агур дѣвица, дочь.
молоко, *У., Тс.* най-цзы; *ш. ег.* хсун.
У. кит; *ш. ег.* монг. сӯн.
молоко забродившее, съ котораго снято масло, *ш. ег.* ундан.
монг. унда напитокъ.

молоко кислое, съ котораго не снято масло, *ш. ег.* тарак.
монг.
молотить *Сч.* чжанчжиху.
монг. цзанчиху бить.
молоть *Сч.* чжураху.
см. гнаться.
монастырь *Сч.* сюмѐ.
монг.
морда (лошади, коровы, собаки) *Сч.* кошу.
монг. хошун.
моча *Сч.* шесы.
монг. шигэсун, шэсун.
мужск. половой органъ *Сч.* чучӯ.
ман. чочо.
мужчина *Сч.* нун kун; *У.* ку кунь; *Бн.* эрэ куи; *ш. ег.* бисету кун.
всѣ 3 монг; *ш. ег.* «женатый человѣкъ».
мужъ *Сч.* курген.
монг. ку + иргэн.
мука *Сч.* гурю, гурюр; *Бн.* гурӯль.
монг. гулир.
мулъ *У., Бн.* лоса.
кит. лоцза.
муравей *У.* шоргольджин; *Тс.* па бэ цзу.
У. монг; *Тс.* мѣстн. кит.?
мутная вода *Сч.* 1 хулан усу, 2 палэнкур усу.
1 *Сч.* «красная вода». 2 *Сч.* монг. булангир усу.
муха *Сч.* шумул.
мышь *Тс.* гсыган.
мѣдь желтая *Сч.* теушѝ; *У.* чес (?); *ш. ег.* голо.
монг. гаоли, гӧли.
мѣдь красная *Сч.* джес; *У.* цзонмар (?).
монг. цзэс; тиб. занъ мѣдь, дМар красный.
мѣсить тѣсто *Сч.* нукуху.
монг. растирать.
мѣсяцъ *Сч., У., Тс., Бн., ш. ег.* сара.
монг.
мѣхъ кузнечный *Сч.* хунь ся.
отъ кит. фынъ-сянъ.
мѣшать въ чашкѣ *Сч.* котогаху.
монг. кӯтхуху смѣшивать.
мѣшокъ большой *Сч.* ута.
мѣшокъ небольшой дабовый *Сч.* тобуру.
мясо *Сч.* маха; *Тс.* мига; *Бн.* мага.
монг. мэха, маха.

Набрюшникъ въ видѣ кармана *Сч.* уйдыр.
наконечникъ стрѣлы *Сч.* джебе.
монг.
намордникъ на мула *Сч.* уор.
наперстокъ *Сч.* теньджур.
можетъ быть съ тиб.; но тиб. мЦзув-рТень.
небо *Сч., У., Бн.* тэнгрѝ; *Тс.* асман; *ш. ег.* тэнгэри.
Сч., ш. ег. монг.

---

[1]) Это переводъ китайскаго «небесная рѣка» на тибетскій.

Digitized by Google

невѣстка *Сч.* ку бэрӣ; *Бн.* вери.
монг. бэри.
недоставать *Сч.* тутураху.
монг. дотараху.
некрасивый *Сч.* мусай (sic).
монг. мӯ, магу, магуй.
нижняя часть туловища *Сч.* конджёсы.
см. задница.
низкій *Сч.* бугулӣ; *Бн.* бухули.
монг. богони.
низъ *Сч.* доро.
монг.
нитчанка (при тканьѣ) *Сч.* самджо́х.
новолуніе *Сч.* катур сара.
1-ая четверть луны? по монг. кадур серпъ.
новый *Сч.* шинӣ; *Бн.* шине.
Бн. монг.
нога (ступня) *Сч.* кор; *У.* коль; *Тс.* шикара; *Бн.*, *ш. ег.* кёль.
монг. кӯл
ноготь *Сч.* чюмисы, чимсы; *У.* чумисы; *Тс.* kый мусун; *Бн.* гонцон; *ш. ег.* хамысын.
монг. кимусун, кумусун.
ножъ *Сч.*, *Тс.* читого́; *У.* читохо; *Бн.* шитого; *ш. ег.* хутага.
монг. кутага, хутуга и т. д.
нойонъ, *Тс.* новн; *ш. ег.* нойон.
ш. ег. монг.
носъ *Сч.* хабыр; *У.* хавар; *Тс.* кава; *Бн.* хорь. *ш. ег.* камыр.
монг. хамар, хабар.
ночевка (утварь) *Сч.* кочи.
ночь *Сч.* сони; *У.* сюни; *Тс.* сени; *Бн.* сӧни.
монг. сӯни.
нѣмой *Сч.* яба; *Бн.* гулу.
Сч. кит.
нѣту *Сч.* угӯ бонн, угонн; *Тс.* выйвэ; *Бн.* гейна.
Сч., *Бн.* монг. угэй съ оконч. наст. вр.

Обезьяна *Сч.* мечин; *Тс.* пячин.
монг. мэчин, бэчин.
облако *Сч.* уле; *У.* олон; *Тс.* улэн; *Бн.* олӯн; *ш. ег.* бытан.
монг. ӯлэн.
обручь *Сч.* майдан.
овца *Сч.*, *Тс.*, kони; *У.*, *Бн.* хони; *ш. ег.* хоно.
Бн. монг.
овца самка *Сч.* эргэ.
огонь, *Сч.*, *Тс.*, *Бн.*, *ш. ег.* гал; *У.* кам.
Сч. монг.
одинокій *Сч.* ганчкар; *ш. ег.* гакчар.
ш. ег. монг.
одѣвать *Сч.* умусӯргаху.
монг. эмӯсгэкӯ.
одѣваться *Сч.* умӧскӯху.
монг. эмӯску, ӯмӯскӯ.
озеро, *У.* талій; *Тс.* но; *ш. ег.* талай, нур.
монг. далай, нур.
окно *Сч.* чонкон; *У.* чунгум; *Тс.* чуангун; *Бн.* чжама.
Сч., *Тс.* монг. отъ кит. чуанъ-ху. *Бн.* тиб.?
олово *Сч.* толгай.
монг. тугулга, тулга.
опіумъ *Сч.* я-піенъ.
кит. я-пянь.
орелъ *Сч.* хара боргон; *ш. ег.* бюргутъ.
ш. ег. монг. и татар.
оса *Тс.* бамбын.
оселъ *Сч.* ельджигӣ; *У.* ельджигы; *Тс.* енджиге; *Бн.* ельджиге.
Бн. монг.
осень *Сч.* намыр.
монг. намур.
основа ткани *Сч.* утасы.
оспа *Сч.* чэчэк.
монг.
оставаться *Сч.* хулиху.
монг. кӯлijеку ожидать.
отдыхать *Сч.* хамбыраху.
монг. амараху, амураху.
отецъ *Сч.* апа, адӣ; *У.* ада, аба; *Тс.* авый; *Бн.* ава, *ш. ег.* чиге.
монг. аба, эцигэ.
отклонять *Сч.* танглаху.
отъ кит. данъ препятствовать.

Пазуха *Сч.* бэн.
палецъ *Сч.*, *Тс.*, куру; *У.* хурю; *Бн.* курӯ.
мон. хуругу, хуру.
п. большой *Сч.* шукӧ kуру; *У.* шики хурю; *Тс.* фукэ kуру; *Бн.* тему гуру; *ш. ег.* шике хурун, хэрмэкче, хэрмэнчу.
п. указательный *Сч.* хумугей kуру; *У.* или хурю *Тс.* иман kуру; *ш. ег.* толко.
п. средній *Сч.* дунда kуру; *У.* тунда хурю; *Тс.* тундату kуру; *ш. ег.* дундатун хурун.
монг. думдату хуру.
п. безымянный *Сч.* идана kуру; У. скыума хурю; *Тс.* унэчин kуру; *ш. ег.* нере угей.
ш. ег. монг.
мизинецъ *Сч.* чучжукарь kуру; *У.* кага хурю; *Тс.* мила kуру; *Бн.* ичиган гуру; *ш. ег.* зынгычек.
У. монг. бага маленькій. *Тс.* «маленькій».
палочки для ѣды *Сч.* шӧр; *Тс.* чуку.
паукъ *Сч.* хахэй; *Тс.* чыу чжу (кит.).
кит. чжу-чжу.
паутина, *Тс.* чыучжу ванъ.
кит. чжучжу ванъ «сѣть паука».

Digitized by Google

пахарь *Сч.* хулучи.
пашня *Сч.* таран; *Тс.* чжончжа.
Сч. монг.
пей *Тс.* учы.
монг. уху пить.
перо *Сч.* чиндага.
монг. чиндага бѣлый заяцъ.
печень *Сч.* харьгѝ; *У.* ельгѐ; *Бм.* ильгэ.
монг. элигэ.
печь *Сч.* соуха.
см. кухня.
пещера *Сч.* ёдун (кит. яо-дунъ).
пила *Сч.* чиру.
монг. кирӱгэ, киру.
пиръ *Сч.* ныръ, куруи.
монг. найр, хорим.
письмо *У.* бичик; *Тс.* ужиг; *ш. ег.* бучик.
монг. бичик; а ӱсӱк буква.
плачь *Тс.* выйла.
монг. уйла.
племянникъ *Сч.* чы; *Бм.* цу.
кит. чжи.
плеть, бичъ *Сч., У.* рчу.
отъ тиб. лЧжаг?
подкова *ш. ег.* така.
монг.
подлѣ бокъ, въ сторонѣ *Сч.* хачжиду.
мон. хачжуда, хачжигуда.
подошва башмака *Сч.* улà.
монг.
поздно *У.* орой.
монг.
покраснѣть отъ стыда *Сч.* ичечжи.
монг.
полнолуніе *Сч.* путунъ сара.
монг. будунгуй темный.
половина *Сч.* чжярым.
монг. чжарāм ярмо для двухъ быковъ.
полярная звѣзда *Сч.* кани хоту; *Тс.* цзывэй-синъ.
Сч. «царская звѣзда», монг хани одон.
Тс. кит.
пометъ лошадей и коровъ *Сч.* харгал; *Бм.* харга.
монг. аргал.
пометъ бараній *Сч.* хоргосы.
монг. хоргосун.
твердыя отложенія человѣческія и животныхъ *Сч.* бас.
монг. бāсун.
поперекъ *Сч.* хонделян.
монг. кӱндӱлэн.
поросенокъ *Сч.* какай чульджигар (произн. чурджигар).
монг. гахай, цаулцзага.
потъ *Тс.* кулесун.
монг. кӱлӱсӱн.

послѣзавтра *Тс.* чинаджи.
отъ монг., чинакши далѣе.
почки *Сч.* пòри; *У.* борӧ.
У. монг.
пращъ *Сч.* хурбӥ.
по монг. хајагабчи, гӱйбур.
пригоршни *Сч.* битӧ.
монг. битӱгӱ, битӱ.
принеси *Тс.* ачирэ.
изъ монг. абчи ирэ.
пробудиться *Сч.* ширгэху.
монг. сэргэкӱ отрезвиться.
прятать *Сч.* июху.
монг. нигуху, нӱху.
прятать *Сч.* хураху.
монг. хурӣjаху, хурāху собирать.
пташка *Сч.* амицкай.
птица *Сч.* шипо; *У.* шиво; *Тс.* шивам; *Бм* амичи (домашняя); *ш. ег.* шовун.
монг. шибун, шӱбу, амичи—живность (отъ монг. амин).
пугаться (испугался, шарахнулся) (о мулѣ) *Сч* кургана.
пуговица *Сч.* тогчи; *У.* табчю.
монг. тобчи.
пуля *Сч.* суму.
монг. стрѣла.
пупъ *Сч.* куйсы.
монг. кӱйсу.
пустельга? (монг. ительге) *Сч.* терьгѐ.
пухъ *Сч.* бурбур.
пчела *Тс.* чжинъ бамбынъ.
по тиб. пчела вунъ-ва, бунъ-ба.
пшеница *Сч.* бидѐй; *У.* будѐ; *Тс.* будэй; *Бм.* бугдэй; *ш. ег.* богдӱй.
монг. бугудай.
пѣтухъ *Сч.* кунъ-дже.
кит. гунъ-цзи.
пятка *ш. ег.* зонай.

Радуга *Сч.* солонгу; *У.* солонго; *Тс.* лун сулани *Бм.* джа (танг.); *ш. ег.* солонго.
ш. ег. монг.
разрушать *Сч.* бэтэрху.
монг. эбдэкӱ, эбдэрэкӱ.
рано *У.* иртэ; *Тс.* чэвэ; *Бм.* иртэ.
монг. эртэ.
расплетать косу *Сч.* ырдырху.
? разрушать, отъ эбдэрэку, какъ и въ дах.
рваться *Сч.* цысараху.
монг. тасулаху.
ребро *Сч.* капсы; *Тс.* каруга; *Бм.* харга.
монг. хабису.
ровный *Сч.* тебшин.
монг. тэкши, а тебши блюдо.

Digitized by Google

рогъ *Сч.* убӯр, обӧр; *У.* вэр; *Бн.* вэрь; *ш. ег.* эвэр.
Сч. монг.
родить *Сч.* тургаху.
монг. тӯрӯкӯ.
ротъ *Сч.* амà; *У.* ама; *Тс.* амам; *Бн.* аман; *ш. ег.* ама.
Сч. монг.
ругается *Сч.* сукуна.
ружье *ш. ег.* пу.
кит. пао, поу.
рука (кисть) *Сч., У., ш. ег.* гар; *Тс.* ка; *Бн.* харь.
монг. гар.
рука (отъ кисти до плеча) *Сч.* чимекѐ.
рукавъ *У.* хамчи; *ш. ег.* канджуун
монг. ханчу, ханчуй.
ручаться *Сч.* даку.
монг.
ручка у ведра [1]) *Сч.* парюрь.
рыба *Сч.* джагарсы; *У.* чжигасы; *Тс.* чжагасун.
Тс. монг.
рысью *Сч.* кульгй̀.
рѣка *Сч.* гол, мурэн; *У.* морӧн; *Бн.* голь, арѐль; *ш. ег.* мерэн.
Сч. оба монг.

Саларъ (народность) *Сч.* сартур; *Тс.* салар; *Бн.* сантыр.
сапогъ *У.* кутусы; *Бн.* кутусун; *ш. ег.* гутусун.
т. ег. монг.
сахаръ *Сч.* пиньтанъ; *Тс.* пиньтанъ (леден.), шатанъ (пес.).
всѣ кит.
свекоръ *Сч.* кадун аба [2]).
«отецъ для жены».
свекровь *Сч.* катун ана [3]).
«мать для жены».
свинецъ *Сч.* чиkан тэмур.
«бѣлое желѣзо», монг.
свинья *Сч.* каkай; *Тс.* кыkэй.
монг. гахай.
свѣтло *У.* гэгэн.
монг.
свѣтлая вода *Сч.* гэгэн усу.
монг.
сегодня *Сч.* ноудур; *Бн.* энэ ду.
монг. энэдур.
семь *Сч.* долон.
монг.
сердце *У.* джерке; *Тс.* джугэ (sic); *Бн.* джирке *ш. ег.* джургэн.
монг. чжирукэн.

серебро *Сч., У. ш. ег.* менгу.
монг. мӯнгӯн.
серпъ *Сч.* кадур.
монг. хадур.
серьга *ш. ег.* чиkан дӧгӧ.
сестра старшая *Сч.* ачжа; *У.* ачжа.
сестра младшая *Сч.* хучин дю, учин дю.
монг. ухндӯ.
сестра отца *Сч.* агу.
сестра матери *Сч.* ай̀.
сзади *Сч.* хонò; *У.* хоно.
монг. хойна, хойно.
скакать (о лошади) *Сч.* хоргоху.
монг. оргоху.
скать тѣсто *Сч.* дельгеху (произн. терьгеху).
монг. дэлгэкӯ растянуть.
скорпіонъ *Сч.* тэнгучур; *Сч.* шэцзы; *Бн.* тэкэрачжу.
кит. сѣ-цзы.
скотъ *Сч., Бн.* асы̀; *Тс.* асун.
монг. адусун.
скудаться *Сч.* танкиху.
слеза *Тс.* нигусун.
монг. нилбусун.
слово *Сч.* угй̀; *ш. ег.* лар.
монг. угэ.
слѣдъ *Сч.* орон.
монг. ором.
слѣдъ ноги *Сч.* корни орон.
монг. кӯл-ун ором.
слюна *Сч.* лимбу, лимпсы; *Тс.* нигусун; *Бн.* нимесун.
монг. нилмусун, нилбусун.
смиреный *Сч.* ондан; *Бн.* чянму.
снаружи *Бн.* хата.
монг. гада.
сновидѣніе *Сч.* чжаодунъ.
монг. цэвэгудун.
снѣгъ *Сч., Тс.. Бн., ш. ег.* часун; *У.* часы.
монг. цасун.
собака *Сч.* нokой; *У.* нохой; *Тс.* нохэй; *Бн.* ногой; *ш. ег.* нокой.
монг. нохой.
собираться *Сч.* чонглаху, кураху.
монг. цуглаху, хурāху.
сова *Тс.* шира шивам.
монг. шира шибун.
солнце *Сч., У., Тс., Бн., ш. ег.* нара.
монг.
соль *Сч.* табысы; *Тс.* дабасун; *Бн.* дабсун; *ш. ег* дабсын.
Бн. монг.
сопли *Тс.* кавар усу чю.
монг. хабар носъ, усу вода; тиб. чу вода.
сорока *У.* шячгай; *Тс.* сачгый.
монг. шагацзагай, шакцагай.

[1]) Монг. въ Ордосѣ соолгони хамаръ.
[2]) Невѣстка зоветъ его просто аба.
[3]) Невѣстка зоветъ ее просто ана.

Digitized by Google

спереди *У.* меше.
спать *Сч.* унтаджи бои (спитъ); *Тс.* хунтура (спи); *Бн.* 'трана (спитъ).
монг. унтаху, унтачжи байна.
спрашивать *ш. ег.* сурку.
монг.
ткацкій станокъ *Сч.* ходжан, мэргэнэ чжэцзы.
старикъ *Сч.* лоудигэр [1]); *Бн.* (зват.) дэдэ.
Сч. съ кит.? *Бн.* отъ кит. дѣ?
старуха (звател.) *Сч.* нини; *Бн.* нэнэ.
ср. монг. эмэгэн, ман. энѣ.
старуха *Сч.* нининҳэр.
старый *Сч.* коучѝн; *Бн.* кокушюн, хойчен.
монг. хагучин, хучин.
стволъ дерева *Сч.* паҳ шулӳн.
стогъ *Сч.* толò.
столъ *У.* шире; *Тс.* шире.
монг.
стремя *Сч.* тын; *ш. ег.* дорö.
монг. дуругэ, дöрö.
струя каборожья *Бн.* ларси.
стрѣла *Сч.* суму; *ш. ег.* сумын.
Сч. монг.
стрѣлять *Сч.* кармуху.
монг. харбуху.
стѣна дома *Сч. У.* балгасы; *Бн.* ртам; *ш. ег.* кэрим.
монг. балгасу городъ. *Бн.* тиб. аГрам, чит. Дам.
Бн. монг. кэрэм, ман. кэрэму.
сурокъ *Сч.* тарбага; *Бн.* ша.
монг. тарбага. тиб. чи-ва.
сухожилье *Сч.* шюрпусы.
монг. ширбусу.
сухой *ш. ег.* курѝ.
монг. хурай.
суставъ пальца *Тс.* гуру уэ.
монг. хуру, ӳйэ.
счастье *Сч.* таларга.
отъ монг. далалга стрѣла при жертвоприношеніи?
счетъ *Сч.* то.
монг.
считать (о деньгахъ) *Сч.* толоху.
монг.
сынъ *Сч.* ку; *Тс.* кывэи.
монг. кӳбӳн, кӳ.
сынъ, мальчикъ *Сч.* кукэр.
монг. хӳхэн.
сырой *ш. ег.* чиктэ.
монг. чиктэй.
сыръ *ш. ег.* чурмэ, идэк.
мон. эцзэгэй; монг. ӳрӳмэ пѣнки сливокъ?

[1]) Почтительно къ старикамъ обращаются съ словомъ итигӳ кунъ. *Г. П.*
дах. этеһу старикъ,—уха. *А. И.*

сѣверъ *Сч.* пей банги; *Бн.* шян.
Сч. кит. бэй бянь. *Бн.* тиб. чжанъ.
сѣдло *Сч.* имель (произн. имер.); *Бн., ш. ег.* емель
Бн. монг.
сѣмя *Тс.* уасун фурэ.
монг. ӳрэ сѣмя.
сѣноставка (Lagomys) каталюр; *Бн.* шира нюк; *ш. ег.* сарык теге.
сѣрый *Бн.* боро.
монг.
сѣть для ловли *Сч.* тор.
монг.
сѣялка *Сч.* лу.
отъ кит. лоу-доу?

Тамошній *Сч.* тэндэкуни.
монг. тэндэ тамъ, кун человѣкъ, тэндэки тамошній?
тангутъ *Сч.* тэбэ кун; *Тс.* сифань; *Бн.* тангул. *ш. ег.* тангыт.
Тс. кит. *Бн., Сч.* монг. тангут, тӳбэт.
твой *Бн.* чини.
монг.
телега *Сч.* терге; *Бн.* шянгрта (танг.).
Сч. монг.
теленокъ *Сч.* пирӳ.
темно *Сч.* карангу; *У.* харангу.
монг. харангуй.
темя (черепъ?) *Сч.* каблык.
испорч. санскр. капāла.
тесть *Сч.* кадун орук.
тесьма *Сч.* тсма.
? съ рус.?
тетива *Сч.* лумуне утасы.
монг. нумун-у, утасу.
тигръ *Сч.* барс; *Тс.* басы; *Бн.* пас; *ш. ег.* барѝс.
Сч. монг.
ткать [1]) *Сч.* никэху.
монг. нигэткӳ соединить,—ся, нигикӳ выжимать.
быть товарищами *Сч.* нюкюргеху.
монг. нӳкӳрлэкӳ.
толочь *Сч.* нидуху.
монг. нидӳкӳ.
толстый *Сч.* чжучжан; *Бн.* дзидзян.
монг. цзуцзāн.
толстый, большой *Сч.* пэтун; *Бн.* пэтун.
монг. бӳдун.
тонкій *Сч.* мэнгэ; *Бн.* нингам.
монг. нимэгэн, нимгэн.
топиться въ водѣ *Сч.* дююльху.
монг. дэгӳлдкӳ.
топоръ *Тс.* сюкэ.
монг. сӳкэ.

[1]) Монг. въ Ордосѣ дэлэдиху.

Digitized by Google

торфъ *Сч.* донгул.
трава *Сч.* эбисы; *У.* ибисы; *Тс.* уасун; *ш. ег.* вейсун.
монг. эбэсӱн, ӱӱсӱн.
третья четверть (фаза луны) *Сч.* чжантху тулà.
тропа *Сч.* хуйтан мор.
см. бѣдный.
трубка для куренія табаку *Сч.* ямпыр, канза; *У.* ямпир, ханса; *Бн.* ямпӯнг; *ш. ег.* каньса.
Сч. испорч. китайск. янь-пынъ-эрлъ, янь-пынрт.
ш. ег. кит. гань-цза.
трясти *Сч.* кубиху.
монг. гӱбикӱ стучать, хлопать.
туман *Сч.* манан; *У.* манан.
Сч. монг.
ты *Сч.* чи; *Бн.* чи.
монг.

Угождать *Сч.* тусалаху.
монг. приносить пользу.
уголь *У.* касык.
узда *ш. ег.* кадыр.
монг. хацэ̄р.
узкій *Сч.* нарын; *Бн.* нарын.
монг. нарин.
украдкой *Сч.* нюту угэя.
«безъ глазъ», монг. нӱдӱ угэйја.
умный *Сч.* шичэнь кун.
монг. сэцэн кун.
умъ *Сч.* саныл чичэн; *Бн.* ирекпа (танг.).
Сч. монг. санал, сэцэн.
уничтожился *Сч.* угейдачжи.
съ монг.
устраивать свиданье *Сч.* олчжалгаху.
монг. учирагулху.
устье *Сч.* голни амà.
монг.
утесъ *Бн.* гада (гата).
монг. хада.
утка *Тс.* шу яцза.
кит.
утокъ ткани *Сч.* акар.
монг. агар сфера, объемъ?
утро *Сч. У.* иртэ; *Тс.* чэвэ.
монг. эртэ рано.
ухо *Сч.* чикѝ; *У.* чикы; *Тс.* чикыи; *Бн.* чикан; *ш. ег.* чикын.
монг. чикин.
ученикъ, банди *Сч.* панджи.
монг. банди.

Филинъ *Сч.* шира шипо.
монгольск. шира шӱбӱн (шибагун) желтая птица.

флагъ, стягъ [1]) *Сч.* чичир, чечер.
форма для печенія хлѣба *Сч.* чингур, чонгур; *Бн.* чонгур.
отъ монг. цонхор?

Хайнякъ, помѣсь яка и коровы *Сч.* мусӱн.
тиб. мЦяо.
хвостъ *Сч.* сӧль (произн. сӧр); *У., ш. ег.* сюль; *Тс* шяи; *Бн.* санчӣг.
монг. сэгӱл, сӱл.
хлопчатая бумага *Сч.* мянъ-куа *Тс.* мянъ-хуа.
кит.
хлѣбъ *Сч.* итимѝ; *Тс.* ичимэ [2]); *Бн.* ртемѐ (*ш. ег.* на корню: таран).
дах. утумо, утум.
хлѣбъ, испеченный въ формѣ *Сч.* чингур итимѝ.
хлѣбъ сдобный (на раст. маслѣ) *Сч.* борсок.
монг. богорсак, борсок.
холодно *ш. ег.* куйтэн.
монг. куйтун.
хорошо *Сч., ш. ег.* сайн.
монг.
хромой [3]) *Сч., Бн.* доголан.
монг.
худо *Сч., Бн., ш ег.* му.
монг.

Царь *Тс.* чаочин; *ш. ег.* кан [4]).
Тс. кит. чао-тинъ. *ш. ег.* монг. хан.
цвѣтокъ *У.* чичек; *Тс.* чичѐ; *Бн.* чичик.
монг. цэцэк.
цыпленокъ *Сч.* токо чульджигар.
монг. такіја, (такя) цзулцзага.
цѣвка *Сч.* акар хороку хулусы.
цѣлый *Сч.* пукуле.
монг. бӱкӱли.

Чашка *У.* 'нгà, *Бн.* аяга; *ш. ег.* аига.
Бн. монг.
челнокъ ткацкій *Сч.* ульдӯ.
человѣкъ *Сч.* кун; *У, Тс, ш. ег.* кунь.
монг.
червь *У.* хоргэй; *Тс.* кугый, кургый.
монг. хорохай.
черный *Сч., У., Бн.* хара; *Тс.* кара.
монг.
чеснокъ *Сч.* самсых.
монг. сарамсак.
четверть первая (фаза луны) *Сч.* чжанту сара.
см. третья четверть.

---

[1]) Въ Ордосѣ монг. гегеръ
[2]) На корню ямa.
[3]) Въ Ордосѣ монг. хаджигыр.
[4]) Кит. императоръ едженъ-ханъ.

Digitized by Google

чистый *Сч.* арун.
монг. арӯн.
чортъ *Сч.* дугули; *Бм.* чихтыр.
монг. чихтур.

Шагомъ (ѣхать) *Сч.* ёлго.
монг. энхэ, ман. элхэй спокойно?
шадровитый, рябой *Сч.* мàзы.
кит. ма-цзы.
шаманъ *Сч.* бо.
монг. бӧ.
шапка *Сч.* марга; *У.* малга; *Бм.* сэмун; *ш. ев.* малгый.
монг. малагай.
шапка женская съ металлическимъ трезубцемъ на вершинѣ *У.* борбольчжин поудар.
шелкъ *Сч.* торго.
монг.
шерсть *У.* унгасы; *Тс.* ногусун; *Бм.* ногусун.
монг. ангасун.
шея *У.* кучю; *Тс.* кучжин.
монг. кӯцэӯн.
шкирдъ *Сч.* бачикэ.
шкура *Сч.* арасы; *Бм.* арасун.
Бм. монг.
шляпа *ш. ев.* малгай.
см. шапка.
штаны *Сч.* мутуг; *ш. ев.* мӯдун.
монг. ӯмӯдӯ.
шуба *Сч.* нэкэй [1]); *У.* толь; *Бм.* дэль; *ш. ев.* тиль.
монг. дэбэл. дэгэл, дэл.
шуринъ *Сч.* катун талани гага (или дю).
«братъ жены», гага монг. аха.
шулята *Сч.* пурдук.
монг. буртак грязь?

Щека *Сч.* кычà; *Бм.* джамба (танг.).
щенокъ *Сч.* кульгэр, *Сч.* кулгар; *Бм.* хаба.
монг. гӯлигэ.

Ѣшь *Тс.* ичжѐ.
монг. идэ, ман. чжэмби.

Югъ *Сч.* наньбанги; *Бм.* лто.
кит. нань бянь; по тиб. лХо.

Я *Сч., Бм.* би.
монг.
яблоко *Сч.* амла, алима.
монг. алима.
ягненокъ *Сч.* курга; *ш. ев.* хурган.
монг. хурага, хураган.
ядро (?) *Сч.* сангрык.
языкъ *Тс.* калэн.
монг.
яйцо *Сч.* ендигѐ; *Тс.* эндыгэй.
монг. ӯндӯгэн, ӯндэгэн.
якъ, сарлыкъ *Сч.* кайнэг; *У.* хайнэк; *Бм.* хайнык
монг. хайнук, сарлук.
якъ самка *У.* рто нью.
кит. нюкорова.
помѣсь яка *У.* мусун.
см. хайнякъ.
ярмо *Сч.* таньчжа.
яръ *Сч.* ерге.
монг.
яръ, скала *Сч.* кадан.
монг. хадэ.
ястребъ *ш. ев.* карчигей.
ящикъ *У.* пангуй; *ш. ев.* ргам.
У. съ кит.
ящерица *Сч.* шӧшкѐй; *У.* шашилю; *Тс.* шошоуцц

Счетъ.

	Монгол.	Сань-чуань.	У-янъ-бу.	Боу-нань.	Шира-егуры.
1	нигэн	нигэ	никэ̀	нигэ	нигэ
2	хояр	кор	кор	гар	кур
3	гурбан	гурбань	гуран (sic)	гурбон	гурбан
4	дӯрбэн	дӧрбянь	дэрэн	дурбен	дурбен
5	табун	табын	тавын	та'н	табын
6	цзурган (чжиргуган)	джургон	джургон	джиргон	джюргон
7	долон	долон	толон	толун	долон
8	найман	найман	нэйман	нийман	найман
9	йисун	юсун	рсын	есун	исун
10	арбан(дах.харбын)	харбан	харван	харвон	харбан
11	арбан нигэ	—	хран никэ	—	—
12	арбан хояр	—	хран кор	—	—
20	хорин	—	хорин	хорун	хорин
30	гучин	—	хочин	хубаран	гучӧн

[1]) Нагольная.

Digitized by Google

	Монгол.	Сань-чуань.	У-янъ-бу.	Боу-нань.	Шира-егуры.
40	дӯчин	—	тючин	дерирап	дючон
50	табин	—	таин	та'ирап	табын
60	чжиран	—	джирэн	джиргонран	джирэн
70	далан	—	талян	толунран	талан
80	наян	—	наян	нйманран	наян
90	йирэн	—	ирын	есунран	ирэн
100	цзун	—	джон	нигэ джон	джуун
1000	минган	—	минхан	ртунсу (съ тиб.) нигэ	мынган
10,000	тӯмэн	—	—	—	тэмэн

Ф р а з ы.

Моя лошадь мини мори. Сч.
Этотъ годъ нэ (ср. ман. нэ теперь, монг. энэ этотъ) хуан. Тс.
Въ этомъ мѣсяцу нэ сара. Тс.
Слѣдъ ноги лошади морни корни орон. Сч.
Во время моей молодости мини младу. Сч.
Ножикомъ читогò голò. Сч. рукой кар голо. Сч.
Сдѣланъ изъ бумаги чирсы голò хійсын. Сч.
Что хотите изъ этого сдѣлать? энe голò яна? Сч.
По этой причинѣ, поэтому терь голò. Сч.
Этотъ человѣкъ хуже того энe кун тэн кунса му. Сч.
Ѣдущіе вверхъ и ѣдущіе внизъ доро ябучин дере ябучин. Сч.
Вари пищу кутан чина Бн. (вмѣсто саньчуаньскаго: бута чина).
Кушайте! шіуткэр чинла! (кит. цинъ, цинъ-лё прошу) Сч.
Не плачь бо уйла. Сч.
Не скачи бу хорго. Сч.
Щипай мясо махани чак. Сч.
Привяжи за ноги кӧрса уй. Сч.
Откинь кручину, перестань думать битэкэн санар кій. Сч.
Если бросать (стрѣлу), такъ бросай! чокибани чоко! Сч.
А сахаръ пусть въ бумагѣ лежитъ пейтан чирсытай сугй. Сч.
Ударяетъ по головѣ книгой (благословляетъ) багна. Сч.
Принесъ ачирэвэ, ачирэчжун. Тс. не принесъ сачирэвэ Тс.
Всталъ осна. Бн.
Ѣлъ идисами. Сч.
Сварили пычалувэ. Тс.
Умеръ укучжовэ. Тс. ухуджон. Сч.
Изорвался цысарасэн. Сч.
Выросло (?) эдигесын. Сч.
Пришли ладить ясагад иричжи. Ш. ег.
Выздоровѣлъ эдигесын. Сч.
Изломался какарабà, какараджон. Сч.
Спрятано хураджон. Сч.
Укусилъ качжасын. Сч.
Убилъ аладжон. Сч.
Пробудился ширгэсэн. Сч.
Подбросилъ кырласын. Сч.
Радовался баяссын. Сч.
Осталось хулисын. Сч.
Поѣхалъ дорогой мор яуна. Сч.
Уѣхалъ въ деревню Наньчжа—Наньчжату очпà. Сч.
Сильно мучился думой шуко санар чжобочи. Сч.

Digitized by Google

Наѣлся, сталъ сытъ чжотосын. Сч.
Вставши, убѣжалъ босоду тутачжи яунѣ. Сч.
Не вскипѣла бу бичирджон. Сч. (вода) сы пычалучживэ. Тс.
Не вытерпѣлъ тэссэн уга. Сч.
Не марался чійлихуга. Сч.
Разсѣялъ (тучи) ырдырасын. Сч.
Поручился дасын. Сч.
Опоздалъ утавэ. Тс.
Солнце взошло нара гарва. У. наран кычирва. Тс. нара карлà. Сч.
Солнце закатилось нара батава. У. наран пытава. Тс. нара бакталà. Сч.
Луна пополнѣла сара юндавà. Тс.
Мѣсяцъ умеръ (новолуніе) сара ули учигнй. Сч.
Луна затмилась (затменіе) сара баралылà, сара кердила. Сч.
Помолился, поклонился чорон моргучжува (или могучжува). Тс.
Небо очистилось, ведро арульчжи. У.
Заненастило тэнгри бороточжи. У.
Окованъ чорголосын. Сч.
Ледъ образовался мурсы кульдеджон. Сч. мянсун кванчжи. Тс.
Затуманилось маран битечжи. Сч.
Камни покатились ташь (тюрк.) хонгурчи. Сч.
(Гэсэръ) обнаружилъ, показалъ дурное лицо му чиры гаргасын. Сч.
Схваченая за хвостъ стояла сёрса бариду суусын. Сч.
(Гэсэръ) заставилъ снѣгъ выпасть чирсы богорсын. Сч.
Хлѣбъ побросалъ въ снѣгъ бобо чирсынду унаргасын. Сч.
Свѣча отаяла ла (кит.) шингэрэсэн. Сч.
Ледъ растаялъ мянсун шимичирэ. Тс.
Градъ побилъ хлѣбъ мендур тара багни. Сч.
Увеличилъ противъ заказа шукодаджон. Сч.
Обмалилъ, сдѣлалъ меньше противъ заказа млададжон. Сч.
Насталъ полдень удур соко болба. Сч.
Дерево искривилось пах мерджи. Сч.
Дерево развѣтвилось пах салаладжи. Сч.
Мою лицо тама угани. Сч.
Идетъ, приближается ирячжува. Тс.
Кричитъ варатанà. Тс.
Спитъ унтачжи бом. Сч.
Дождь идетъ тэнгир хура оручживa. Тс.
Пирожки прягутся поуцзы (кит. бао-цзы) чинасэр байнà. Сч.
Ѣстъ идилон. Сч. лама ѣстъ лама идисэр байнà. Сч.
Зоветъ, кличетъ доудолон. Сч.
Говоритъ: «положи!» таби гелон. Сч.
Гдѣ, говоритъ, остановился? анджй сува гелон. Сч.
Идетъ за водой усургала ябучи. Сч.
Пасетъ лошадь мори танглачи. Сч.
Снѣгъ идетъ часы орона. У.
Сучитъ (нитку) дельгенè. Сч.
Ткетъ некена. Ш. ег.
Вѣетъ кишигенè. Сч.
Блюетъ борчжичжи. Сч.
Приноситъ клятву чжу идичжи. Сч.
Не знаю ли—мединэ. Ш. ег.
Это письмо слѣдуетъ доставить въ ямынъ города Хойсянь эне бичик хойсяни ямыну тушачжи угуху. Сч.
Пользы нѣтъ туса угу бом. Сч.
(Они) дружатъ, состоятъ товарищами нюкергена. Сч.

Digitized by Google

Либо Гэсэръ погибъ, либо войско хорскаго царя Кэркэра идетъ нигэ боло Гэсэр угейдачи нигэ боло Хор Кэркэр чжавуни чирик иричжи бои. Сч.

Затворю хайчжи кій. Сч.

Я принесу би абалачжи. Сч. ачирээ. Тс.

Вскипячу бичилга'й. Сч.

Посодѣйствую нюкергій. Сч.

Разочту, подумаю боодой. Сч.

Испугаю аиргай. Сч.

Поручусь дай. Сч.

(Привѣтствіе при встрѣчѣ: амур сайн чикер менду. Бн.).

Сколько тебѣ лѣтъ? насун кэтун болына? Тс.

Какъ тебя зовутъ? чини нэрэни яи генѣ. Тс.

Что онъ говоритъ ю гелон? Сч.

Куда поѣхалъ? анджи шкунѣ? Сч. кала ичине? Тс.

Стала ли рѣка? гол барджу? Сч.

Пошла ли рѣка? гол тайббу? Сч.

Ты во мнѣ чего боишься? чи манайду юса айчжи бäйнä. Сч.

Сколько этого серебра тутъ окажется, столько пусть и запишется эне менгу кеду лан айбалани джуриги. Сч.

Между тѣмъ, тѣмъ временемъ терь чжапсырту. Сч.

Невозможно читадана. Сч.

Нельзя пить удана. Сч.

Нельзя проѣхать яудана. Сч.

Не хватитъ кучидана. Сч.

Если нужно кереглибани. Сч.

На ходу согрѣешься яббалани халана. Сч.

Нужно кэрэуна. Тс. ненужно улэ кэрэуна. Тс.

Примѣчаніе. Всѣ фразы чисто монгольскія съ небольшими фонетическими отличіями; слова въ нихъ тоже монгольскія (за исключеніемъ нѣсколькихъ), потому я считалъ лишнимъ отдѣльно приводить соотвѣтствующія монгольскія слова и фразы. Только въ спискѣ числительныхъ привелъ монгольскія для сличенія. *А. О. И.*

Digitized by Google

VIII.

Собраніе словъ саларскаго нарѣчія [1]).

(Записано въ деревнѣ Ташкулъ на р. Сэнгиръ).

Адамъ Адэм [2]).
арыкъ, канава оросительная арух.

Бабочка кенделих.
балахонъ однорядный на женщинахъ чамджа̀.
балки, лежащія на тергехахъ (см. подпорка) ляи.
баранъ кой.
барсукъ борсуг.
башмакъ хай.
беременная (о женщинѣ и о скотѣ) буягыр.
благовонный талѝ искилир.
близко яхын.
бляха мѣдная хелли.
блюдо тавах.
богатый бар кши.
Богъ худа̀.
больной агрыг.
большой уллѐ.
борода сагал.
братъ младшій ине; старшій кага (ага)?
бровь кулюх, курлюх (?).
брусъ пилю.
брюхо кусах.
бубенъ джанганах.
бубеньчикъ, ширкунецъ комыры.
бумага хàги (хагит).
бусы малу.

бѣдный йок кши.
бѣлый ах.
босой ялам-адах.
браслетъ панджир (?)
бѣжать юкуруб юрь.

Варить аш кайнатур.
вверхъ олани.
ведро (посуда) сапчах.
верблюдъ тӱвэ.
веревка урхан.
веретено их.
вершина горы таг паши.
вершина рѣки гол ишѝ.
весло сам.
вечеръ кэшлюгу (кэшлик?).
видѣвшій сонъ тиш курмишь.
видѣть ушерь (?).
вилы ювà.
виноградъ путò (съ кит. пу-тао); сушеный ӧзюм.
внизъ иншяни.
внукъ сундзы (съ кит.).
внутри ишинде.
внѣ ташинда.
вода су.
водка сормà.
волкъ чинà.
волосы сашь.
вонючій яман искилир.
воробей ӱй сечже.
воротникъ яха.
воръ угрѝ.
востокъ кӱнь чикkан яни.
востокъ мешриб.

---

[1]) Академикъ В. В. Радловъ имѣлъ любезность просмотрѣть по нашей просьбѣ этотъ списокъ саларскихъ словъ, а также и слѣдующій списокъ хара-ёгурскихъ, и сдѣлать въ нихъ свои отмѣтки въ сомнительныхъ случаяхъ.

[2]) Самый младшій изъ семидесяти двухъ сыновей Адэма назывался Ши-цзы.

Digitized by Google

вчера тюнь.
выздоровѣть ольду (?)
вѣникъ сипсэ.
вѣсы нин.
вѣтеръ ель пырямъ.
вѣтеръ дуетъ пырямъ пар.
вязать (чулки) люмъа.

Гвоздь кадах.
глазъ кӧзь.
глина пальчиг.
глухой сагыр.
гнѣздо онъа (омъа) (ова?).
говорить келяму кухти (?).
голень инджих.
голова пашь.
голосъ (монг. аян) ӱн?
голубь кӱргенджӱх, кӱргӱнджӱх.
голый яламъашь.
гора таг.
горло дыхательное хакырдах.
горло пищепроводное эмерджих.
городъ базыр, чын.
горькій, кислый хушан, хушаннар (?).
горячая вода иси су.
готово пэлен дуру.
грабить чуха урпамишь (?).
градъ танзы ягдзы.
громъ пуганык, пуганыг.
грудь (молочная) емджих.
груша армут.
грушевое дерево армут тал.
губа тотах.
губа верхняя ичи тотах; нижняя джіи тотах.
гусь каз.

Далеко ирах.
дверь кӓу.
дворъ аят.
день кундюси.
дерево агашь.
дитя пала.
дождь ягмыр.
домъ ӱй.
дорога йолъ.
дрова отзун (?), отун.
другъ яхши улали (?).
дубъ сингамъ.
дуракъ хуту кши, ахмах, телле кши.
дуть фыр.
дымъ чичин.
дыханіе сулух.
дѣвица, дочь кыс пала.
дѣдъ хари баба.
дѣлать нан укури (?).
дядя по отцу тата.
дядя по брату бабӓ.
дядя по матери акӱ.

Ева Хэува.
есть вар.

Жарко иссара (исси?), сагпа.
жаровня хобын; скобки у нея кулах, «уши».
жевать кӱше.
желтый сари.
желудокъ карын.
желѣзо темыр.
женщина катун кши.
живой хулун (?).
жила кровеносная тамыр.
жирный семиз.

Завтра этэ (вм. эртэ).
замокъ соцзы (съ кит.).
западъ мегриб, кунь патkан яни.
запахъ талй (=хорошій, ср. благовонный).
затменіе мѣсяца ай цуцельджи.
звать чала (?).
звѣзда юлдуз.
земля ерь, джемин.
зима кышь.
злой человѣкъ ирэх арахсари (?).
змѣя илян.
знамя чи (съ кит.).
зола кӱль.
золото алтунь.
соска [1]) тӧх (кит. чохъ, т. е. цянь?).
зрачокъ кӧзнимъ карасы.
зубъ тишь.
зѣвать эснэ.

Игла игнэ.
идти юрь.
ирбис ирбис.

Кабарга юхер.
кадка деревянная для воды сапчах.
Каинъ и Авель Харуни Гаруни (мог.: хабиль кабиль) [2]).
камень ташь.
канъ (лежанка) окан, уйкан.
караулить вах (монг. юмо киче) (бах?).

---

[1]) Дѣтская игрушка въ родѣ волана; пинаютъ ногой; состоитъ изъ кусочка овчинки, на которую пришита для груза китайск. монета (по кит. цянь, по монгол. дзосу). Зоской звали эту игрушку во время моего дѣтства въ Омскѣ.

[2]) Харуни убилъ Гаруни.

Digitized by Google

кипятокъ кайнар сух. (ср. вода су? сух?)
кисть руки эль.
кишки багарцзух (монг. нарин гедису)
клѣтка птичья лунцзы.
клювъ агзы (=ротъ, вѣр.=куш агзы).
ключь, родникъ юль.
ключь къ замку келит.
книга китаб.
князь (монг. нойонъ) пеχ.
кобыла хысырах.
коготь тырнаг (ср. ноготь).
козелъ ишки.
колесо коскур.
колодезь гуй.
колпакъ бѣлый въ родѣ башлыка кэтӯ.
колчанъ садых.
кольцо кэнджир, кэджир.
колѣно тизин.
комета куйрух юлтус (ср. свѣзда юл дузъ).
копать казы.
кора древесная тал гох (?).
корень древесный тал узех (?).
корзина чеден, сюумур.
корзинка для муки пола.
корзинка ручная кала.
корова кулиχ.
корчага (такъ назыв. по китайски ганъ) сіи-тан.
кость, синэх (симэх?).
косякъ яныг, ко-яныг (ср. дверь кау).
котелъ казын.
кочка у верблюда эдкета (монг. боко).
кошка мёших.
краска чуджех.
красный кызыль.
кремень чихмыг.
кривой (глазомъ) кыя.
кричать сыкара.
кровля лян.
кровь кан.
круглый коскур.
кружка глиняная сюезе.
крыло канат.
крышка тох; крышка на котелъ казын товах.
кувшинъ или сосудъ для воды въ видѣ низкой бутылки съ ручкой атыма.
кузнецъ темирджи.
кулакъ джугурдух, эль (ср. рука, ладонь).
купецъ сачихчари (?) (садихчи?).
курица тох (таухъ?).
куропатка горная кегелих.
кусать каджа (?).

Лагунъ для воды сучах.
ладонь эль (?).
лампочка чинчжян.
лапша ашь (по широнгольски лахса).
левъ аслан.
легкій юмыл.
легкое ухэн.
ледъ муз.
леввее агсы.
лизать яла.
лисица тюльго.
листъ ярвах.
лицо юз.
лобъ мынгэй.
ловить рыбу тамна.
лодка кеме.
ложиться ятмишь (причастіе).
ложка джог.
локоть пилыгы.
лопата курэх.
лопатка (кость) ягрын.
лошадь ат.
лукъ стрѣлебный я.
лѣкарство емь.
лѣкарь отаджи(=уйгурск.), бахумджи.
лѣстница озенго (?).
лѣто ий (=яй?).
лягушка пага.

Малый кичи.
мальчикъ, сынъ огул пала.
масло яг.
масло ленное хума яг; масло сурѣпное кэзы яг
мать иджа.
медвѣдь ачих (ач'х) (=уйг. адык).
медъ пал, паль.
мельница термен.
мерзнуть сухарй (?).
мечеть мишт, мист.
много коб, купари (?).
могила турбеть.
мозгъ мынс (мымыс?).
молиться (?) панкеннне (?); молиться Богу башіури (?).
молнія илдырджан.
молодой человѣкъ игит кши.
молоко сӯть.
молотить тогмах туйпар.
молоть тохмах.
молоть теским пар (?).
молчать ачих кіймыш (?) (отвѣтъ на вопросъ какъ посаларски перевести монгольское урла джи, «сердится»).
монголъ—могол.
мость кумыр.
мужчина ерь кши (?).
мука унь.

Digitized by Google

мулъ лосà.
мышь кеме.
мышь летучая ярасань.
мѣдь желтая сари чышь.
мѣдь красная кызылъ чышь.
мѣсяцъ ай; четверть мѣсяца ярумтуг ай; полный мѣсяцъ хулун ай; мѣсяцъ въ ущербѣ ай кичиленджи.
мѣшокъ хап.
мягкій юмшах.
мясо эт.
мячъ мудан.

Накатъ изъ жердочекъ на балкахъ, поддерживающихъ потолокъ талим.
накидка верхняя у женщинъ моулан.
наперстокъ чэнджир.
народъ агыль (в. аулъ).
небо осман.
невѣстка, молодуха кэнь (=келинъ).
нитка ишпэхэ, ипэх, иб.
нога инджиг (?)
ноготь тырнах.
ножницы синза, чяндзы.
ножъ большой для мяса сейту.
ноздря тышах (тешіх?).
Ной Нух [1]).
нора онга.
носъ бурун.
нынѣшній годъ пиль иль (пійл=пу-иль).
нѣмой тюхха.
нѣту йох тур.
нюхать илин.

Облако булут.
обрывъ, яръ (глиняный, лёссовый) торах кая.
обухъ инсѧ̀.
обычай, законъ тёре пилехари (?).
огонь от.
одѣяло юргын.
озеро кӧль.
окно тередже.
олово кара кэн (вѣр. ошиб. вмѣсто ах кэн).
орѣхъ хос.
оселъ энджигэ.
островъ тань.
острый пичаг иглар̓и (=остріе ножа).
отецъ аба.

па-гунъ (см. ч. I, стр. 174) сыкыз гун (?).
палатка чадыр.
палецъ бармаχ, бирмаχ.

[1]) У Нуха три сына: Яфизъ, Аджи и Уджи.

палецъ большой башь пирмаχ, имам бирмаχ (взятъ пармах).
палецъ указательный ӧмэн бирмаχ.
палецъ средній оту бирмаχ.
палецъ безъимянный мазы̀ бирмаχ.
мизинецъ чеджи бирмаγ.
парусъ чи.
пастухъ барановъ куй кӱткӱджи паст. лошадей ат кӱткӱджи.
паукъ пый.
пахать эх.
пашня̓ас, асыть (?).
перо, пухъ тюх.
перо для письма келем.
перья мемелих.
песокъ гум.
пестрый ала.
петля àнку.
печень багры (пагыр) (монг. ильгы).
печь очаг.
печь (точнѣе верхъ печи) казымаш.
пика джидà.
пить ишв.
плакать иглà.
платокъ, повязываемый на головѣ (иногда просто бѣлая тряпица) шукюн.
платье пекарых (?).
плевать чюхур.
плести ургурѝ (ӧр?)
плечо бады̀нгу.
плотникъ ӱинчи (?).
поварешка шинага.
подносъ талар.
подошва аяг чуѝ (аях=адах ср. босой).
подпорки подъ потолокъ тергех.
полдень ӱлэ.
половина ярымтух.
полынь юшанъ.
понимать танигу.
порогъ оциг, ӱтӱг.
порохъ пу емь (пу эми).
послѣзавтра баса гунь.
постель када якур (?).
потъ терь.
почка бугурих (=пӱгрих?).
поясъ пулгах.
прошлый годъ ишки́ иль.
пуговица тугмѧ̀.
пуля тянцзы.
пупъ гендых.
пчела джіин.
пыль торах.
пѣтухъ кӱньгу.
пятна аяг сун (аяг=адих).

Digitized by Google

Рабъ джарыкчи, джарган кши.
радуга мелекѐ, мекe.
развалины города, древній необитаемый городъ исар.
раковина пузу аш (?).
ребро кохкà.
рогъ монгус.
роса чихсу.
ротъ агсы.
рубáха хантар.
ружье пу.
рука голь; задъ ручной кисти аржи.
рука правая сах эль; лѣвая сол эль.
рукавъ имэ.
ручка (у чайника) сап.
рыба палиχ.
рыть могилу турбетъ азар (казар?).
рѣка гол, мурень, узень.
рѣсница су кўрлюх.

Сабля килиш.
сажа, копоть карà.
сахаръ бѣлый ах шатан; сахаръ черный хара шатан.
свадьба, той.
свинецъ ах кэн (вѣр. ошибка, вмѣсто кара кэн).
свинья тонгус.
свѣтильня чиралых.
свѣтло, ясно яруχ.
свѣча ла.
сегодня бўгўнь.
сердце ирэх.
серебро кўмышь.
серпъ орах.
серьга сыргà.
сестра младшая сингне; старшая аджа.
сильный кўшлўг, кучи улар пар.
синій кöх.
сирота ечим кши (монг. унечин).
сито илэх.
скала ташь-кая.
скалка кальчан.
скорлупа орѣховая хос кох (когы?).
скорлупа яичная юмыта кох (когы?).
скоро линген.
скотъ малъ.
скрипка (кит. шяндзы) козы (кобузы?).
слабосильный кўчи юхар.
сладкій талляру (?).
слева яшкузö (кöз яшы ср. глазъ).
слово сўсь.
слѣпой мень кўрмири (я не вижу?)
слюна кохсу.
смѣяться кўле.
сноха янгу.
снѣгъ карь.
собака ит.
сова пія-гушь.
солнце кўнь.
соль туз.
сопля пурнй су (сугы?).
сосать (грудь) емджих емпирари (=амп+пер).
соха сован.
спать ухлà.
спина арха.
спроси сор.
станокъ ткацкій тахша.
старикъ кари кши (ср. дѣдъ).
старуха кари катун кши (ср. дѣдъ).
степь тысь (тўсь).
столик ширà.
столъ для стряпни (большой) хоонà, кона.
стремя тин.
стрѣла ох.
стрѣлять вур (слѣд. прибав. ох).
ступня аях (ср. босой).
стѣна чидàры.
сука чи, ганчихой.
сурокъ схур (=сур?).
сухой гури (?).
сырой уши.
сѣдло имэр; сѣдло вьючное, 'ынгырчах [1]).
сѣдой ах сашь.
сѣноставка (широнгол. хаталюръ) тушан геме, чулох геме.
сѣть рыболовная тор.
сѣять сэр урпар (?).

Твердый хатй.
телега камри.
теленокъ пызў.
темно карангу.
темя пашь отасы.
тенета пый тор.
теперь нингян (?)
тетива килиджа.
тигръ барс.
тихо асан.
толстый халун.
тонкій, узкій нэшкэ.
топоръ палта.
тощій аруг.

[1]) Тѣмъ же именемъ ангирчакъ вьючное сѣдло зовутъ и монголы сѣверной Монголіи. Это слово встрѣчается у Рашидъ-Эддина (рус. перев., т. I, стр. 122); русскій переводчикъ напрасно перевелъ его словомъ «повинность». Оно стоитъ рядомъ съ словами: подвода, веревки (аргамджи), т. е. въ числѣ предметовъ, необходимыхъ при вьючкѣ, которые собирались съ народа въ случаѣ похода.

Digitized by Google

трава чӧб.
тростникъ камыш.
труба пӱрѐ.
трупъ синэх (кости?)
тупой игли имэсари (?).
тушить от сӧнмишь.
тѣнь илянкут.
тяжелый агыр.

Уголь гӱмыр; уголь въ раскаленномъ состояніи кос.
умъ юмыль (?).
уполовникъ шинага.
устье (рѣки) узень адаги (ср. босой, ступня).
утесъ (каменный) шибан кая.
утка пат, су-пат.
утомиться ятà, ятамиш.
утро этесѝ (вм. эртэси).
ухо кулах.

Фазанъ сюхӱлюн.

Ханъ падишах.
ха-сы гунъ (см. ч. I, стр. 174) иншедед гун.
хлопчатая бумага мамху бадам (?).
хлѣбà ашлых.
хлѣбъ печеный эммех.
хозяинъ хаванджи.
хозяинъ дома ӱй баши.
холодно суххара (?).
холодная вода сок су.
хорошо якши.
хромой ахсах.
Хуанъ-хэ Мурэн.
худо хачжан (?), яман.

Цвѣтокъ чичжек.

Чайникъ мѣдный тангын.
чайникъ или кружка для воды тангын.
чалма тастар.
чашка большая фарфоровая сандзы.
чашка чайная джунрэ.
чело печи, гдѣ огонь горитъ очаг, очакѝ.
человѣкъ киши.
челюсть янах (ямах).
червь гут.
черный кара.
четки тесьпигà.
чистый арѝ; не чистый ари имес.
Читай-коу (рѣчка) Моголъ-голъ.
читать уху.
чортъ шитан, иблис.
чохъ, пришитый на шубѣ ребенка[1]) хали.
чулки, сшитые изъ дабы ленга.
чулки шерстяные мууары (?).

Шанъ-сы гунъ (см. ч. I, стр. 174) уредед гун.
шаровидный кулюлух (?).
шапка цворах (зорах?).
шелкъ товар.
шерсть юн.
шея пуйни.
шить (шубу) тон чихкурѝ (?).
шишечка на шапкѣ сигмэ, тигмэ.
шкура тере.
штаны иштан.
шуба тон.

Щека ӱзи (ср. лицо).
щенокъ инчхолà (?).
щипцы желѣзныя для углей темир ходжу.

Ѣсть дже.

Яблоко алима.
ягненокъ кòзы.
ядъ агу.
языкъ тиль.
яицо юмыта.
яръ (скала) кая.
ящерица илян кенделих.
ящикъ сандуχ.

Счетъ.

1 пир
2 ишки (икки?)
3 ӱш
4 тӧрт
5 пи
6 алчи
7 иди (йиди?)
8 сэкиз
9 токуз
10 он
20 джигирме
30 отуз
40 кырых
50 илэ
60 алмышь
70 итмышь (йитмишь)
80 сэксэн
90 токсан
100 юз
1000 мин

[1]) Вмѣсто амулета.

Digitized by Google

Фразы.

Приди вагур (=вар+?); не приходи вамас (=вармас?)
Садись отур
Не будетъ больмайдур
Моя жена мени кени (=менинг келінім).
Моя шапка больше твоей менинг сурах (зорагымъ) сяниге сурахка (сенинг зорагынга) бакша уллари (бакса (?) уллурах)
Читайпу меньше чѣмъ Сюнъхуатинъ? Читайпу Языбазар вохса (бакса?) кичидур.
Сюнъхуатинъ больше. Языбазар джадых дур
Желтая рѣка больше рѣки Читайкоу. Мурен узене агса уллари (бакса уллурак?)
Довольно ли? огар му ому гар? (?)
Эта лошадь моя. Ву ат миниги дур.
Это что? пу нан дур (не дур?)
Это что за вещь? пу нан во дур?
Какого цвѣта? нанъ янши дур?
Какого поколѣнія? сень нань дур?
У тебя сколько сыновей? санга огул (н) эчи бар?
Сколько лѣтъ? (н?) эчи яш олмышь?
Въ году двѣнадцать мѣсяцевъ пиръ илъ он ики ай.
Десять деревень он агыл
Ты саларъ ли? сень салыр дуру?
Если у тебя есть деньги, дай мнѣ. Сениги хелли воса (боса=болса?) манга учьлета (?) верь.
Дай мнѣ желѣза сянь манга темыр (биджи) вер.
Выйди (н уходи) сянь чикта вар.
Войди сянь гердэ гель!
Огонь зажги от калагур!
Вари аш кайнакур!
Жарь мясо эт лоулагур!
Пляши соджахла (?)
Пой пѣсни ирла.
Играй уйна!
Скажи сказку пифан кой! (?)
Продай мнѣ манга сату берь
Скажи! сянь бирь яйша (янша?)
Скажи по-китайски! хаджу сӧзь яйша (янша?)
Здравствуй (здоровъ ли?) сянь яхши му?
Прощай энкечи (?)
Мой, вымывай! ю!
Зарой (въ землю покойника)! кӱм!
Ты много не говори! сень кӧб яншама (яйшама?).
Вставай хоб
Отвори дверь коони аш ср. дверь.
Затвори дверь коони яб.
Возьми твою (мою?) шапку сянь зорах мала гуре (ен зорагым ала+?).
Дай мнѣ еще одну чашку воды сянь манга йене пирь санзу су верь.
Дай мнѣ три свѣчи сянь манга ӱш ла верь.
Еще дай одну йене бирь верь седет (?).
Иди, напой лошадь ат суарма вагур.
Корми курицу тох асрагур.
Скорѣе! ниган! ниган!
Тише поѣзжай! асаган юри.
Знаетъ или нѣтъ? билерму билмесму?

Digitized by Google

Ты что сказалъ? сень нан яиша (яйца?) дур?
Ты мои слова къ чему записываешь? Сень муни уркени (ты этому учился?) нан иткури?
Здоровъ ли онъ или боленъ? агрыджи му агырмаджиму.
Это не твоя ли шапка? бу сень зорагыни му емесму.
Знаешь ли по китайски? сянь хачжу сёзь билер (синму) бильмес (синму).
Вы гдѣ живете? сянь кайссы агылда пейджи (?).
Ты слышалъ ли? сянь ишиттинимму?
Дождь идетъ ягмур ягджи.
Снѣгъ идетъ кар ягджи.
Ледъ таетъ мус ириджи.
Вода (ледъ) смерзается мус томджи.
Разсвѣтаетъ (заря занимается) этеси асманъ шуулан парари.
Смеркается (заря потухаетъ) кишлих асман туулан парари.
Я сплю мень ячих пар (?).
Мы пашню не пашемъ писер джунге (?) ихмес.
Другой человѣкъ караулитъ пашка кши кула кулих (?) кўткўджи.
Жаждетъ усаду [монг. ондасчи)
Я думаю этотъ человѣкъ богатъ, дастъ тебѣ серебра. Мянь сеньохса (?) бар кши ара (?). Санга кўмышь вериръ.
Я боюсь мянь хоргура.
Солнце всходитъ кўнь чик кельджи.
Солнце закатается кўнь патти.
Въ этой землѣ нѣтъ змѣй бу тифанда илян йохтур.
Солнце высоко кўнь запари (?).
(Городъ) Сюнъ хуатинъ (стоитъ) на этой сторонѣ Желтой рѣки Языбазыр Мурен бей янде бар.
Баянъ жунъ стоитъ на той сторонѣ Бенн базыр Мурен ол янда бар.
Моя родина лѣсиста, Мини тифанда тал кёпбар (?).
На моей родинѣ есть вязъ. Мини тифанда каргашь тал бар.
Я сытъ (я напился?) мянь ишиб тойджи.
Я покупаю мянь алгы.
Ты правду говоришь сянь сэй (?) яишаджи (яйшаджи?).
Ты дорого просишь, я не возьму сениге пу купари (?) мянь алмас.
Если дешево, возьму, если дорого, не возьму аз воса (боса?) алгури, кыпос (кёп боса) алмас.
Мнѣ надо лошадь мангга аттур келигари (мангга ат керекъ).
Ты когда пріѣхалъ? сянь качан кельджи?
Я вчера пріѣхалъ. Кедже кельджи.
Ты откуда пріѣхалъ? сянь кадан кельджи?
Я пріѣхалъ изъ Ланьчжоу. Мянь Ланьчжоудань кельджи.
Куда поѣхалъ? кала вагуре?
Я ѣду въ салары салар вахури.
Положи эту книгу на столъ курени ширгаькой.
Я положилъ мянь койджи.
Ты спишь или нѣтъ? сянь ячиму ямачиму?
Огня надо или нѣтъ? от келивур му келивермес? (?)
Веревку надо или нѣтъ? урхан келивур му келимес?
Какъ тебя зовутъ? сени адини нан дур?
Меня зовутъ Яхія, минини адимъ Яхія дур.
Живъ ли твой отецъ? сени аба варму?
Мой отецъ умеръ. Мени аба ўльджи.
Усталъ ли? ядаджи му?
Этотъ домъ чей? бу ўй кемниги дур?
Тебѣ на что желѣзо? темыр сангга нан юлла пер?
Влезетъ или нѣтъ? отыл гар му отыл ма гар.
Есть ли досугъ? Бошагари му бошамагари.

Digitized by Google

Прежде что было? эча ин боумишь (?).
Эта вещь въ какой цѣнѣ? муни эчэ келигуре?
Я тебѣ сколько долженъ? мянь сяниданту камурарн (?).
Куда ѣдешь када варари?
Вспотѣлъ терь чикти.
Написалъ бичиджи.
Отвѣтилъ джуаб берьди.
Мою ногу собака укусила Мин (менин?) аягын (адагым?) ист каджагар.
Проголодался ачихчи (монг. олусчи).
Человѣкъ умеръ, мясо сгнило, остались кости. Кѣши ўлер, этти ўхўлер синэх чиккилер.
Я пахалъ пашню мянь яхпар (?):
Ты ошибся, сказалъ. Сянь эйшаган туйля мара (?).
Ты правду сказалъ. Сянь джингача яша (яйша, янша?).
Я въ эту ночь спалъ (пребывалъ) въ твоемъ домѣ. Сяннге ўйэнгде мянь берь уторе.
Эта женщина родила шесть дѣтей бу катын кши алчи тугмышь.
Женщина овдовѣла катын-кши гуисы ўльмишь.
Женился кени альджи.
Я зажегъ огонь мянь от калагур.
Всѣ дрова сгорѣли отын калаб тосчи.
Ты совралъ сянь ялган чачиб парари.
Если буду живъ, снова сюда пріѣду бугус вэймэс арджи кэз вегуре (?).
Принеси чайникъ. Я попью чаю. Чаху алдыгель. Мянь чай ишикуре.
Я въ вашу землю возвращусь. Мянь сениге тифанга вагуре.
Въ будущемъ году вы будете ли пахать? нтса гунь (?) чунге икур му ихмес.

Ямынскіе люди возвратились въ деревню Ничжа; мандаринъ города Нянъбо не далъ имъ письма; онъ желаетъ, чтобъ я пріѣхалъ въ городъ Нянь-бо, но я имѣю дѣло въ Сань-чуани и буду зимовать здѣсь, а въ городъ Нянь-бо не поѣду. Поэтому прошу ямынскихъ людей не обвинять.

Ямын кши Ничжага ингаманшки ян (?) кельджи; Мембе-лоѣ джола кельджи; уишу туладжи; Мембе-лоѣ, мени курмей, хуйун уймеджи. Мянь Ушь-чжуань-да кышь уджей ухкуре. Мембе-базырга уамас. Бу ишки кшиня урўхкума, нэмэ эйшама.

Это письмо на саларскомъ языкѣ я писалъ подъ диктовку сюнъ-хуатинскаго я-и, родомъ салара. Писано оно изъ деревни Ничжа въ городъ Сюнъ-хуа-тинъ къ тамошнему мандарину. Проводивъ меня до дер. Ничжи, сюнъ-хуатинскіе я-и прошли далѣе въ городъ Нянь-бо, чтобы отъ мандарина этого города получить оправдательный документъ въ томъ, что они благополучно меня доставили въ вѣдомство нянь-боскаго мандарина. Но послѣдній отказался дать имъ такой документъ; онъ требовалъ, чтобъ я-и доставили меня непремѣнно въ городъ Нянь-бо, чтобы онъ собственными глазами могъ убѣдиться въ моемъ существованіи. Я-и вернулись въ Ничжу и стали упрашивать меня ѣхать въ Нянь-бо и представиться мандарину, иначе имъ придется вернуться въ Сюнъ-хуа-тинъ безъ письма и мандаринъ этого города взыщетъ съ нихъ. Для меня не было разсчета расходовать на эту поѣздку ни денегъ, ни времени, ни физическихъ силъ, съ единственною цѣлью, удовлетворить желаніе одного изъ китайскихъ мандариновъ увидѣть западнаго человѣка, котораго онъ, повидимому, ранѣе не видѣлъ. Я уговорилъ я-и ограничиться тѣмъ, что я имъ дамъ письмо къ сюнъ-хуа-тинскому мандарину, оправдывающее ихъ.

Digitized by Google

IX.

Собраніе словъ нарѣчія хара-ёгуровъ.

Армякъ ўрюм.

Бабочка кевели.
берегъ каѧ.
большой бöвюк.
братъ младшій дюгэ.
братъ старшій гогò.
бумага (писчая) кегде.
бѣлый ак.

Верблюдъ тіѐ.
вода су.
войлокъ кигис.
волкъ тэрдыѧ.
волосы сашь.
воробей ютчу кышкаш.
востокъ уньдун.
вѣтеръ ель.

Гань-чжоу (городъ) Гамсы.
глаза кöз.
годъ джил.
голова пашь.
голубой кöк.
гора таг.
городъ чын.
грива лошади яль.
грудь женская хэмык.
губа агсыѧ яка.

Деревня чжонза.
дерево ягашь.
дорога йолъ.
дитя мала.
домъ (постоянный, не палатка) хомэй.
дѣвица кыз.
дядя по отцу абга.
дядя по матери дагай.

Жарко исик.
желтый сарык.
желудокъ гчег (ичег?).
желѣзо тэмір.
женщина саждык.

Западъ арт.
звѣзда юлтус.
зеленый ясыл.
земля, ерь.
земля, пыль торвакъ.
золото алтын.
зубъ тись.

Императоръ китайскій еджен кан.
ирбисъ эсыр.

Камень тас.
китаецъ кытай.
князь, господинъ пэг, пэк.
кобыла пи.
козелъ шуко.
копыто тюяк.
корова öкўз.
корень ильдис.
коса чок.
красный кызыл.
кротъ манан сокур.
крыло ханат.

Ледъ бось.
лисица тўлькў.
лицо юз.

Digitized by Google

лошадь ат.
лукъ стрѣлебный я.

Маленькій кичик.
мальчикъ уган (углан?).
мать ана́.
медвѣдь джитпын.
мужчина ерень.
мышь шышкан.
мышь водяная сочугус.
мышь летучая сарсын ханат.
мѣдь желтая гола́.
мѣсяцъ ай.

Небо тэнгри.
нога пут.
ноготь тырнгак.
ножикъ пчак.
носъ кангрык, тонграк.

Облако пулут.
овца кой.
озеро нур.
орелъ, беркутъ га̀йрэ.
отецъ аджа.
очагъ аджагыс (?).

Палецъ тырмак (?); большой бас эрмэк; указательный сукулык (сук-кол?); средній урсамык (уртамык?); безымянный аджокэлык (ады-йок-кол?); мизинецъ хетагамак.
песокъ кум.
подошва ноги азактынг табакы.
пометъ (кизякъ) овечій джил, коровій харгал, конскій ендак.
птица кус.
пятка зонай.

Рогъ муус.
рубаха ялма́.
ружье пу.
рука кол; кисть руки элык.
рукавъ енгь.
ротъ агс.
рѣка ггол [1]).

Сапогъ кутул.
сердце юрэк.
серебро кӱмӱс.
слово сӧзь.
снѣгъ хар.
собака эшт.
солнце кӱнь.

[1]) Два гг вмѣсто гортаннаго г.

соль туз.
стрѣла ок.
ступня ноги азак.
сухой kак.
Су-чжоу (городъ) Сукчю.
сырой ульдуру (öl дуру).
сѣверъ говӱ.
сѣноставка (Lagomys) тас иртканá.

Табакъ тамак.
тангутъ тат.
теленокъ ярма, шят.
тигръ барс.
товарищъ нэкэр.
трава от.
турпанъ (Casarka rutila) галӱ.

Удодъ (Upupa epops) кукугат («лошадь кукушки»).
ухо гулак.

Хвостъ кудругъ.
холодно тонг.
хорошо якши.
худо юз (йуув? йауз?).

Царь кан.

Чашка аяк.
человѣкъ кси.
черный кара.

Шапка пӧрӱк.
шелковая матерія тавар.
штаны ӧмь.
шуба дон.

Югъ юрӱ.
юрта ӱй.

Ягненокъ кӧза.
ястребъ карчигай.
ящикъ харчак.

Счетъ.

1 пирь.
2 шикэ.
3 ӱшъ.
4 тюрт.
5 пэс.
6 алты.
7 еты.
3 сакыз (секиз?).
9 токуз.
10 он.

Digitized by Google

11 пэре герме (?).	40 кчон (?).
12 шике герме (?).	50 бесон.
13 уче герме (?).	60 алтон.
18 сакше герме (?).	70 едон.
19 токси герме (?).	80 саксон.
20 егерме.	90 токсон.
21 пэрь отуз (?).	100 юз.
22 шике отуз (?).	1000 пэрь мын.
30 отуз.	10,000 пэрь ак.

Фразы.

Двѣнадцать годовъ цикла: барсъ, тусканъ, улу, иланъ, атъ, кой, педжинъ, така, ишть, тонгусъ, шышканъ, бгўзъ.

Есть или нѣтъ? пар ма йок па?
Знаешь ли? билдыр ма?
Не знаю пилмэс туру.
Приди гель.
Принеси кэгирь.
Куда пошелъ? кайга мандуру.
Стемнѣлось тюнно олуб туру.
Дождь идетъ тэнгри янгкытуру.
Громъ гремитъ улу куркерене.
Радуга явилась солонго тусубтуру.
Солнце сѣло кўнь иргады.
Куда поѣхалъ? кага мангды?
Вода глубока хсун (?) бувўк тур.
Запри дверь ишыкты соло (?).
Отвори дверь ишыкты ашь.
Завяжи пог.
Развяжи язь.
Пей чай ча аша.
Ѣшь (кушанье) сумен аша.
Ножикомъ пчак биле.
Бумагой кегде биле.

Digitized by Google

Digitized by Google

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ,

ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВО II-МЪ ТОМѢ.

Сокращенія: б. богъ, б. ж. божество женское, г. гора, грд. городъ, дер. деревня, ж. п. женскій персонажъ, зв. звѣда, зм. змѣя, кам. камень, кн. книга, лош. лошадь, м. п. мужской персонажъ, мог., мог. нас. могила, могильная насыпь, мон. монастырь, мѣстн. мѣстность, нар. народъ, оз. озеро, онг. онгонъ, остр. островъ, пт. птица, пл. племя, покол. поколѣніе, р. рѣка, соб. собака, созв. созвѣздіе, хош. хошунъ, хр. храмъ, чуд чудовище.

Абага-биге, Абга-биге, ж. п. 208.
Абай-Гэхэръ-Богдоханъ, м. п. 66, 73—93, 95, 97—116.
Абарга-могай, зм. 66, 299.
Абарга-Сэсэнъ-мангатхай, чуд., 94, 95, 101, 115.
Абатай-саинъ-нонинъ-ханъ, Абутай-с.-х., м. п. 117, 121, 122, 124, 206, 207, 209, 210, 214, 221—224, 337, 340, 346.
Абахай-дагине, ж. п. 208.
Абахай-зандынъ, ж. п. 136.
Абахай-цэцэкъ, м. п. 208.
Абга-биге, ж. п. 208.
Абрыкъ-могай, зм. 161.
Абутай, см. Абатай.
Абымъ-бомъ, мѣстн. 338.
Абырга-могай, Абырга-могой, зм. 175, 182.
Абырганъ, зм. 296, 334.
Авалокитешвара, б. 117, 206, 208, 210, 214, 222, 227, 228, 262.
Аву-тончжанъ, м. п. 4.
Аву-тончжинъ, м. п. 4.
Аву-тончжунъ, м. п. 4, 5.
Агамъ-огусъ, 325.
Агъ-ене, б. 317.
Агыръ, соб. 118.
Адай-дархаты, пл. 245.
Аджинай-хара-балыръ, мѣстн. 141.
Аджинтай-мергенъ-ханъ, м. п. 140—143.
Адзыръ, соб. 143.
Адиль, р. 278.
Адынъ-горо-алактай, м. п. 122.
Адыя, зв. 317.
Азыръ, соб. 184, 185.
Ан-бамза-бомбчиръ, ж. п. 8.
Айдагулъ, м. п. 212.
Ан-дурсы, ж. п. 18.
Ан-тоенъ, м. п. 324.
Ан-Цомэнъ, ж. п. 44.
Ан-Шонгри, г. 44.
Ан-шугму, ж. п. 44.
Ака-Чотонъ, Аку Чотонъ, м. п. 38, 40, 41, 117; см. Чотонъ-чжаву.
Аксага-ашякъ см. Атучи—А.—а.
Аксагалъ-бадай, м. п. 123.
Аксакъ-Темуръ, Акс.-Тимуръ, м. п. 127, 274.
Аксаръ, м. п. 121.
Аку-ртомба, м. п. 168—170.
Аку-Чотонъ, см. Ака-Ч.
Акъ-бибе, ж. п. 280.
Акъ-кибякъ, м. п. 121.
Акъ-кобокъ, м. п. 120—122, 333, 384.
Акъ-кубуль, м. п. 121.
Акъ-кюкча, покол. 120.
Акъ-ханъ, м. п. 119.
Алань-гоа, Алань-гова, ж. п. 186, 239.
Алашань, г. 248, 299.
Алгинскій мысъ, 278.
Алдаръ-Эркэмъ, м. п. 135.
Александръ, м. п. 139.
Алёша-поповичъ, м. п. 189.
Алма-Моргонъ-Абахай, А.-М.-хатанъ, ж. п. 76, 77, 86—92, 100—102, 108, 115.
Алмасъ, чуд. 351.
Алобэнь, м. п. 257.
Алтай, г. 131, 212.
Алтайдынъ-кіндічі, оз. 332.
Алтаинъ-сайнъ-сумэ, м. п. 123.
Алтанъ-гадасунъ, зв. 330.
Алтанъ-Гартай, м. п. 224.
Алтанъ Гасунъ, зв. 330.
Алтанъ-гатысъ, А.-гатыхъ, зв. 386.
Алтанъ-мундурга, г. 384.
Алтанъ-сэсэкъ, ж. п. 122, 148.
Алтанъ-тебши см. Алтанъ-хангай.
Алтанъ-тугулъ, г. 252.
Алтанъ-тэнгэри, м. п. 45.
Алтанъ-Ула, г. 45, 83.
Алтанъ-унага, г. 252.
Алтанъ-хаганъ, м. п. 248, 284.
Алтанъ-хангай-алтанъ-тебши, мѣстность, 269.
Алтанъ-ханъ, м. п. 219, 326.
Алтанъ-ханъ туметскій 191, 192.
Алтанъ-ходого, м. п. 331.
Алтань-гасу-цилу, г. 127, 331, 332, 339.
Алтынъ-аргуй, колчанъ, 160.
Алтынъ-бургэ, г. 307, 308.
Алтынъ-гадасы, зв. 330.
Алтынъ-гасу, г. 213.
Алтынъ-гатысъ, зв. 330.
Алтынъ-мелекей 350.
Алтынъ-одунъ, зв. 330.
Алтынъ-ола, г. 296.
Алтынъ-суме, кум. 236.
Алтынъ-тебши, мѣстн. 267.
Алтынъ-ту, г. 332, 252.
Алтынъ-хаганъ, м. п. 257.
Алтынъ ханъ китайскій, м. п. 331.
Алтынъ-хасынъ, зв. 126, 330.
Алтынъ-хатасунъ, А.-хатасынъ, А.-хатысынъ, А.-хатысъ, зв., г. 130, 213, 273, 330—332, 335, 336, 339, 384.
Алтынъ-чечекъ, ж. п. 267.
Алыгла-сэнъ, м. п. 301.
Алыкъ-дева-сэнъ, м. п. 240.

Digitized by Google

Алыкъ-ола, г. 267, 296.
Альбатынъ, страна 107.
Аль-Кадимъ, м. п. 333.
Альтальджинъ, созв. 326.
Амагасадэкчи, м. п. 138.
Ама-донзама, ж. п. 5.
Ама-нгыгза-хламу, ж. п. 5, 7.
Ама-ниму, ж. п. 19, 20, 23.
Амбагай, м. п. 211.
Амдо, страна 204.
Ами-кургэль, м. п. 16, 285; см. Чими-ами.
Амиранъ, м. п. 214.
Ами-Сахидакъ, м. п. 44.
Амитаба, б. 258.
Аммонъ, б. 139.
Амурсана, м. п. 126, 130, 281, 336.
Амынъ-цаганъ-бюрю, м. п. 146.
Амырга-могусъ, чуд. 126.
Амыръ-тамыръ, б. ж. 198.
Анагуй ухаръ, м. п. 168.
Ана-мергенъ, ж. п. 329.
Анӑ солымъ, ж. п. 123.
Ана-хуань, м. п. 279.
Ангуръ-лончжа, м. п. 258.
Ангуръ-шихъ, м. п. 257, 258.
Андалма, чуд. 325, 334, 339.
Анджасы-хоту, созв. 326.
Анджюсонъ-хотунъ, созв. 326.
Андзалъ. м. п. 222.
Андзынъ-хурумчи, м. п. 128.
Андрей Критскій, м. п. 247.
Андрей юродивый, 214, 215, 246.
Андронъ, м. п. 337.
Андури, б. 248.
Ане-гома-чжаму, б. ж. 4, 7, 9. 11, 18, 21, 22, 24, 27, 30, 31, 36, 37, 122, 315, 316.
Ане-чжаму, м. п. 40.
Анзанъ-Бэрхэ-батаръ, м. п. 61.
Анзанъ-Шумаръ-батаръ, м. п. 61.
Аника, м. п. 333.
Анисимъ, м. п. 274, 280.
Анкӑсы-баба̀, м. п. 256.
Аппу, м. п. 218.
Ансаръ, м. п. 121.
Ану-Гали-Гванченъ, м. п. 44.
Анчжясы-хоту, созв. 326.
Анчи анду-шира, м. п. 222.
Анчинъ, м. п. 222.
Анъ-Аджырга, м. п. 126.
Анъ-алай хотунъ, ж. п. 346.
Анъ-аргылъ-оюнъ, м. п. 324.
Анъ-Богдоръ, м. п. 207.
Анъ-далма-моосъ, чуд. 129.
Анъ-Дӧлмӧнъ, м. п. 325.
Анъ-дулманъ-ханъ, м. п. 339.
Апанбу, м. п. 121.
Аполлонъ, б. 239.
Арангасъ-сулусъ, созв. 332.
Аранзула, лош. 124.
Араха, м. п. 346.
Арахалунъ, м. п. 316.
Арахи-бурханъ, м. п. 283, 346.
Арахо, чуд. 339.
Арахола, м. п. 316.
Араху, чуд. 317, 346.
Арахъ, зв. 317.
Арахъ, Арахы, чуд. 346.
Араче, г. 230.
Арашъ, лош. 125.
Арбальчжи, ж. п. 267.
Арбанъ-хоиръ оду, созв. 340.
Арга'анъ, Аргаганъ, покол. 334, 347.
Аргасъ-сулусъ, созв. 332.
Арга-чаганъ-туулай, м. п. 317.
Аргипеи, нар. 347.
Аргоны, нар. 347.
Аргылъ, м. п. 127, 276, 332; см. Анъ-А.
Аргынъ, покол. 347.
Арджи-борджи, м. п. 136, 137, 139, 140, 208.
Ардукъ-масъ, дерево 333.
Аржэ-Буржэ-ханъ, м. п. 129.
Ариадна, ж п. 218.
Аркаръ, созв. 324.
Аркаунъ, нар. 347.
Армури, м. п. 120.
Арсланъ, м. п. 136.
Архаунъ, Архаюнъ, нар. 135, 347,
Ары-богдо, м. п. 296.
Арынъ-Саганъ-ханъ, м. п. 129.
Ары-тайджи, м. п. 296.
Арья-Бало, Арья-Пало, б. 161, 168, 189, 208, 210, 222, 225, 227, 229, 247, 248, 303, 325, 342, 346, 347.
Асафъ, м. п. 246.
Асена, м. п. 272.
Асока, м. п. 218.
Асухэнъ, ж. п. 273, 346.
Асхытту, р. 306.
Асъ-Джанибекъ-ханъ, м.п. 146, 383.
Асынъ, м. п. 120, 122, 125—127, 213, 332 — 334; см. Чигныгъ-Асынъ.
Асыръ, соб. 118, 327, 329.
Атагатуйскіе враги Гэхэра 74.
Ата-Уланъ-тэнгэри, 46, 51 – 56, 58, 59.
Атгыръ-Хара-Муусъ, чуд. 114.
Атель, р. 278.
Атилла, м. п. 270, 278.
Атиль, р. 278.
Атли, м. п. 270.
Атучи-Аксага-ашякъ, м. п. 125.
Атхаръ-хара-мангысъ, чуд. 131.
Ахиллъ, м. п. 245.
Ахсартаг, м. п. 122.
Ахъ-сагалъ, м. п. 123.
Ачитъ-норъ, оз. 213.
Ашемезъ, м. п. 124.
Ашена, Ашина, м. п. 121, 272, 289.
Аю-чикты, м. п. 208.
Аяни-Самба-гарву, м. п. 40.

Бабудакъ-таукай, Б.-тауха; ж. п. 307, 319.
Бага-сдженъ-хоро, ставка 269, 303.
Багдадъ, грд. 192,
Багыръ, соб. 118,
Бадан-Цаганъ, м. п. 123.
Бадаргата см. Галъ-б.
Бадарингой-Цаганъ-тынгыри, м. п. 123, 244.
Баджоу, мѣстн. 386.
Баджоу-ламани-субурга, башня 386.
Бадзыръ, соб. 143.
Бадъ-барахъ, мѣстн. 307.
Базаръ, р. 212.
Базыръ, соб. 184, 185.
Байбарахъ-бельчиръ, мѣстн. 307.
Бай-бука, м. п. 255.
Байдарикъ, р. 307.
Байкалъ, оз. 212, 214, 297.
Банинъ-Сумбуръ, г. 386.
Банинъ-Цундуръ, г. 248.
Банинъ-ундуръ, г. 248,
Байрмагастэ, м. п. 137, 138,
Бакырганъ-ата, мѣстн. 258.
Балахай, ж. п. 339.
Балбэ (Непалъ), страна 205.
Балуръ-саганъ-тэнгэри, м. п. 60; см. Болуръ.
Балъ-Дорчжи, м. п. 168, 170, 218.
Балыкса, м. п. 328.
Балынъ-са, м. п. 166.
Балынъ-сенге, м. п. 125, 166—168, 170, 218.
Бальджина-нуръ, оз. 280.
Бальджинъ-Хатунъ, ж. п. 280, 281.
Бама-катунъ, кн. 233.
Бама-ханъ, м. п. 139.
Бамбада-Саганъ, м. п. 60.
Бамбахинъ-Бахи-хара, м. п. 61.
Бамба-шиту, м. п. 218.
Банченъ-эрдени, Банчень-э., м. п. 220, 242, 243, 266—268, 271.
Бань-чао, м. п. 266.
Барагунъ-туметы, пл. 245, 273.
Барасъ, онг. 276.
Барга-баторъ, м. п. 280.
Барса—Кильмэсъ, м. п. 143; остр. 339.
Барсъ, м. п. 126.
Барсъ-Ирбисъ, м. п. 126.
Барунъ-китъ, мон. 299.
Барчинъ, соб. 158—160.
Баръ-убугунъ, онг. 276.
Басангъ, Басынъ, зв. 317, 327.
Баскунчатское оз. 214.
Басынъ см. Басангъ.
Басыръ, соб. 118, 327, 329.
Батиразъ, м. п. 117.
Баторъ-Сокто-моргонъ, м. п. 285.
Бату-менко, м. п. 319.
Батыръ ванъ, м. п. 310.
Батыръ-бэли, м. п. 245, 247.
Батыръ-моосъ, Батыръ-муусъ, м. п. 248, 284, 339.
Батыръ-Чонунъ-бэйли, м. п. 281.
Бахи-Хара-батаръ, м. п. 61.
Баянъ-Намсрынъ, б. 341.
Баянъ-сулу, ж. п. 119.
Баянъ-суме, грд. 288.
Баянъ-цумбуръ, г. 248, 335.
Бегдози, б. 303.
Бектеръ, м. п. 247.
Белгетей, м. п. 274, 296.
Беликтуй, м. п. 296.
Беранъ-сенгданъ, мѣстн. 122.
Бикаръ-Мадзиди, м. п. 139, 165.
Бикэ чилгэръ, м. п. 271.
Биплигинъ гэрь, лош. 114.
Би-лу-жень, м. п. 190.
Бильгыйинъ-кере, лош. 114.

Digitized by Google

Билючи, ж. п. 382.
Бима, грд. 191.
Бирдиктынъ, страна 89, 90.
Бирюцзана, б. 190.
Битью, м. п. 149.
Вія р. 214.
Бобырганъ, г. 213, 214, 334.
Бова-королевичъ, м. п. 119.
Богасъ, р. 212.
Богдо, г. 214.
Богдо-Гэсэръ, м. п. 128, 186; см. Гэсэръ.
Богдо-еджень, м. п. 312.
Богдо хурэ, мон. 281.
Богдо-Эдзэнъ, м. п. 118.
Бӧгбдзи, ж. п. 270.
Боголъ-Мечинъ, м. п. 129.
Богорчжи, Богорчу, Богорчи, м. п. 123, 244, 245; см. Кулукъ-Б., Боорчи.
Богски, созв. 328,
Богурчжи, Богурчи, м. п. 123, 244, 245.
Бодай, м. п. 245.
Бодонджаръ, Бодонцаръ, Бодончаръ, м. п. 186, 274, 296, 386.
Бодотъ, м. п. 274.
Бодунтай, м. п. 254.
Бодунъ см. Одунъ.
Бодунъ-цоросъ, м. п. 274.
Боду-тюбъ-ханъ, м. п. 133, 134.
Бӧке-Чилгэръ, м. п. 209.
Болго, м. п. 255.
Болдзотенъ - боро - тологай, холмъ 157, 158.
Болдзотэнъ-ула, г. 132.
Болуръ-Саганъ, м. п. 45. См. Балуръ.
Болхо, м. п. 247.
Больчжотенъ-боро-тологой, г. 134, 185.
Большая Медвѣдица, см. Медвѣдица.
Бомборинъ-Саганъ-тэнгэринъ, м. п 60, 78, 108.
Бо-ноинъ, м. п. 277.
Бонякъ Шелудивый, м. п. 211,
Боорчи, м. п. 123, 244.
Борджигиты, покол. 123, 245.
Борма-ярыжка, м. п. 117.
Боро-балгасунъ, мѣстн. 293, 296, 298, 384.
Боролгонъ-Саганъ, м. п. 60.
Боролдзой-обогонъ, м. п. 186.
Боролтай-ӱбӱгӱнъ, м. п. 170, 171.
Боролтай-ханъ, м. п. 140—142.
Боролтай-ху, м. п. 184—186.
Бӧрӧнъ-тэнгэри, 52, 53, 56,
Боро-тологой, г. 163.
Бортѣ-(фучжинь), ж. п. 222.
Бортэ-фуджинь, ж. п. 271.
Борчжи, м. п. 244.
Ботакызъ, ж. п. 120.
Бохакъ, м. п. 209.
Бӧхӧ-Бэлгэтэ, м. п. 45, 47—50.
Бохоли-хара, м. п. 324.
Брибинъ, мон. 14.
Брикурти; б. ж. 117.
Бубэй-бэйлэ, м. п. 280, 281.
Буга, б. 216.
Буга-ноинъ, м. п. 255.
Бугасъ, р. 382.
Бугу-Сальчжи, м. п. 296.
Бугу-хатаги, м. п. 296.
Будакъ шумаръ-батаръ, м. п 60.
Будала, г. 203.
Буда-Уланъ-батаръ, м. п. 78, 108,
Будда, м. п. 190, 206, 207, 210. 217, 222, 239, 252, 319, 337.
Буди-Уланъ-батаръ, м. п. 60.
Будуй-джиркылъ, м. п. 324.
Будургу-саганъ тэнгэри, 123.
Бузыкай—таракай, м. п. 119.
Буйрукъ-ханъ, м. п. 215, 255.
Бука-ханъ, м. п. 215.
Булганъ-хара, м. п. 255.
Булгунъ-Абахай-цицинъ, ж. п. 208.
Булотъ-хуре, м. п. 126, 208.
Буннинка, м. п. 216.
Буня ка Шолудивый, м. п. 211.
Бура, м. п. 325.
Бури-боко, м. п. 336.
Бури-ханъ, м. п. 336.
Бурте, Буртэ, ж. п. 209, 271, 885.
Бурте-фучжинь, ж. п. 209.
Бурте-чино (жена Чингиса), 209.
Бурте-чино, покол. 120.
Буртечино, Бурте-чоно (предокъ монголовъ), м. п. 121, 280, 289, 336.
Бурте-эртени, ж. п. 208.
Бурто, соб. 209.
Бурто, онгонъ, 208, 209.
Буртэ-убугунъ, м. п. 208, 223.
Бурханъ-бакши, б. 164, 228, 229, 236, 255, 337, 349.
Бурханъ-боксинъ-дабанъ, г. 337.
Бурханъ-Галдунъ, мѣстн. 303.
Бурытакъ-тэнгэринъ, 46.
Бурытинъ, онг. 208, 209.
Бурэнъ-тэнгэринъ, 46; см. Бӧрӧнъ.
Бутъ-тэнгри, м. п. 191, 192.
Буха, м. п. 255.
Буха-ноинъ, Б.-нойонъ, м. п. 168, 255, 273, 277, 283, 324, 384.
Бухаръ, лукъ 45.
Бухо-ноенъ-бабай, м. п. 384.
Бухтанъ-Бухтановичъ, м. п. 186.
Буху Беликтуй, Б.-биликтуй, м. п. 213, 296, 346.
Бѣлая Дара-экэ, б. ж. 206.
Бѣлгутай, м. п. 296.
Бѣлогорское село, 278, 383.
Бѣлый Юджінь, м. п. 325.
Бэгэръ-Меджитъ, м. п. 138, 193, 165.
Бэджинъ-сулганъ, см. Бэжинъ.
Бэдуху, ж. п. 124, 130.
Бэжинъ сулганъ, дворецъ, 216, 218.
Бэктэръ, м. п. 274.
Бэмбо, Бэмбу, Бэмбэ, зв. 317, 327.
Бэрхэ см. Авзанъ-б.
Бюръ-тастаганъ, г. 382.
Бянъ-ду-коу, р. 301.

Вавилонъ, грд. 128, 139, 244, 332.
Ваджрапани, б. 207.
Вайрочана, б. 190.
Вайсрамана, б. 302.
Ванчукъ, м. п. 213.
Ванъ кирейскій, В. киреитскій, м. п. 135, 208, 245, 248, 280, 285, 347; см. Ванъ-ханъ.
Ванъ-манъ, м. п. 289, 291, 292.
Ванъ-моръ, м п. 271, 289—291, 382.
Ванъ-ханъ (кирейскій, киреитскій, хиреитскій), м. п. 139, 266, 267, 276, 279, 285, 307, 346.
Ванъ-янъ-чжанъ, м. п. 287.
Ваньчикъ дзурчитскій, м. п. 222.
Варанаса, Варанаси, грд. 206, 378.
Вейнемейненъ, м. п. 278, 328.
Вейси, Вейсы-баба, м. п. 256, 257.
Венера, зв. 129, 209, 329.
Вилляли, госуд. 257.
Висварупа, м. п. 246.
Вишешака, м. п. 246.
Вишну, б. 146, 246.
Вишнугупта, м. п. 146.
Вишнусарманъ, м. п. 146.
Владимірка, ж. п. 335.
Владиміръ, м. п. 290.
Власій, м. п. 230.
Воденичарь, м. п. 186,
Возъ, созв. 319.
Волга, р. 214, 278.
Волосожаръ, созв. 324.
Волхъ-Сеславьичъ, м. п. 210.
Вритра, м. п. 246.
Вэйгчжа-сынгэ, м. п. 17.
Вэй-люй, м. п. 125,

Гагенъ, м. п. 270.
Газари-Ганикъ-бохо, м. п. 50.
Галбарсынъ-модо, дерево 253.
Галданъ, мон. 14, 205, 236—240.
Галданъ, ханъ олетскій, 129, 130, 207, 222, 285.
Галданъ бошко, м. п. 126.
Галданъ-бошохту-ханъ, м. п. 310.
Галданъ-дугэръ-хаганъ, м. п. 123, 244.
Галдзаго-Абатай, м. п. 207.
Галдзагу-чингъ-тайши, м. п. 222.
Галдзу-Абуте, м. п. 207.
Гали, м. п. 321.
Галта-уланъ тэнгиръ, б. 329.
Галто, см. Хурмустанъ.
Галчжи, пт. 242.
Галъ-Бадаргата, м. п. 61.
Галъ-Дӧлмӧ-ханъ, м. п. 55, 56, 58, 62, 66, 107—113, 115, 116, 129.
Ганга-Заданъ, м. п. 107—109.
Гантъ, р. 246.
Ганикъ см. Газари.
Ганци-Ментишъ, м. п. 170.
Ганъ-тимуръ, м. п. 337.
Ганьчжуръ-Танчжуръ, кн. 34.
Гариде, пт. 224.
Гариди см. Ханъ-Гариди.
Гари-оло-чючжуръ, ж. п. 15; см. Нгари-оло.
Гаруда, Гаруди, пт. 146, 224.
Гарчикъ, мѣстн. 236.
Гарчинъ, зв. 338.
Гарыкулъ, м. п. 208.
Гарьюлай, м. п. 262.

Digitized by Google

Гахай-бакши, м. п. 256.
Гахай-омокъ, м. п. 303, 304.
Гачари, зв. 327, 329.
Гашіунъ-норъ, оз. 213, 219.
Гвардамба, м. п. 200—205, 216, 217, 242.
Гегенъ-ханъ, м. п. 284.
Гегенъ-хотунъ, зв. 338.
Гельбинту, г. 296.
Гени-мачакъ, кн. 267.
Геретинъ, мон. 284.
Гермесъ, б. 127.
Гизонъ-дамба, м. п. 265, 266.
Гикія, ж. п. 383.
Гланъ-Гэсэръ, м. п. 300.
Глынга-глынза-чжигэ, ж. п. 14.
Глынга-джунрэ-нохо, м. п. 3.
Гокчу см. Ерь-Гокчу.
Гокчу-ашякъ, м. п. 120.
Голто-Саганъ-бурханъ, м. п. 45, 58, 86.
Голубиная книга, 351.
Гома-сала, башня, 205; см. Гума-с.
Гомбо-гуру, Гомбогуръ, б. 206, 207, 222, 224, 310.
Гомбу-дорчжи, м. п. 230, 231.
Гомбу-лочжу, м. п. 230.
Гомо-Сэсэкъ-хатанъ, ж. п. 80, 81, 84.
Гоньбо-дорчже, м. п. 364, 369.
Горгона, ж. п. 275.
Горгонія, ж. п. 139.
Горохенъ-голъ, р. 307.
Го-Чикиту, м. п. 208, 247.
Громъ, царь. 186.
Гсыла-рэнченъ, чуд. 11 (ср. Улугсыгла).
Гуань-инъ, м. п. 125, 263.
Гуань-инъ-пуса, б. ж. 189, 222, 225—227, 303, 342.
Гуань-лао-ё, м. п. 125, 261, 263, 264.
Гудруна, ж. п. 270.
Гужиръ, м. п. 126, 319; см. Ханъ-Гужиръ.
Гуйга-сэнчжэ-гэксынъ, мон. 14.
Гуйгэ-гуйза-учюкъ, ж. п. 14.
Гуй-хуа-ченъ, грд. 248, 264, 265, 271, 289, 292, 293, 302, 303, 306.
Гуйцынъ, страна, 4, 168,
Гулагу, м. п. 192, 347.
Гули-Мёнгёнъ-Ула, г. 45, 83.
Гуль-гуле, грд. 305.
Гума-сала-субурга, башня 252; см. Гома-сала.
Гума-ханъ, м. п. 275, 331.
Гумбумъ, мон. 236, 251.
Гуменъ-ханъ, Гумэнъ-х., м. п. 80—85, 115, 128.
Гунанъ-Саганъ-тэнгэри, м. п. 45.
Гуна-хара-мангысъ, чуд. 163, 164.
Гундань, м. п. 309.
Гунтеръ, м. п. 270.
Гурба-марылъ, созв. 326.
Гурба-мыши, созв. 326.
Гурба-нохой, созв. 326.
Гурбанъ-марылъ, созв. 326, 327.
Гурбанъ-нохой, созв. 328.
Гурбань-саихань, г. 383.
Гурбельджинъ-гоа, ж. п. 267, 270, 278.
Гурбесу, ж. п. 128.
Гурбу-маралъ, Гурбунъ—м., созв. 326—328.
Гурбустенъ-ханъ, б. 128.
Гурбынъ бого хогонъ, созв. 328.
Гургулдаинъ-гурбунъ-сысынъ, м. п. 144.
Гурте, м. п. 209.
Гурьба-марылъ, созвёзд. 326.
Гусиное оз., 213.
Гу-ченъ, грд. 263, 264.
Гучжигэнъ-гомбу, м. п. 133.
Гу-ша-н, грд. 304, 305.
Гуши-ханъ, м. п. 281.
Гыгэръ-Меджитъ, м. п. 138, 165, 207.
Гэлгенъ-пи, Гэлъгенъ-пи, Гэльгэнъ-пи м. п. 278, 324, 386.
Гэрэлту см. Саганъ-Гэрэлту, Хара-Г., Шара-Г., Хөхө-Г.
Гэрэсандза, Гэрэсэндзэ Джелаиръ-хунъ-тайджи, м. п. 273.
Гэсыръ, м. п. 267.
Гэсэръ дортыхъ, мѣстн. 301.
Гэсэръ, Гэсэръ-ханъ, м. п. 2, 5, 6—15, 18—44, 113, 114, 117—122, 124—128, 130, 138, 139, 159, 161, 186, 192, 210, 213, 216, 222, 239, 263, 272, 275, 285, 289, 300—302, 319, 325, 329, 331, 333, 339, 346, 382, 384.
Гэсэръ-мыгджи-джаву, м. п. 203.
Гэхусенъ, м. п. 290.
Гэху-ушень-хуханье, м. п. 289, 290.
Гэхэръ см. Абай-Гэхэръ.
Гэхэръ-ханъ, м. п. 114, 138.

Давань, государство. 125.
Давидъ, м. п. 275.
Дагмалуйжинъ, башня, 205,
Даинъ-Тере-Тарханъ-бо, м п. 209, 275.
Даинъ-терьхе, м. п. 384.
Дай-сэцэнъ, м. п. 247.
Дай-тарханъ, м. п. 245.
Дайтонгъ-голъ, см. Да-тонгъ-голъ.
Дай-чинъ-сань, г. 292.
Да-курень, мон. 266.
Далай-батырь, м. п. 203.
Далай-куйса, остр. 213.
Далай-лама, м. п. 121, 122, 166, 198, 203, 207, 220, 221, 248, 249, 252, 283, 284.
Далатъ, хош. 269.
Дамбысыръ, дер. 44.
Дамдинъ, м. п. 283.
Дамжинъ, м. п. 283.
Дамза, ж. п. 20.
Дангра, оз. 44.
Данило-безсчастный, м. п. 189.
Данило Игнатьевичъ, м. п. 222.
Дань-ша-си-ло, царство 217.
Дара, б. ж. 222, 246, 247, 339.
Дара-экэ, б. ж. 127, 206, 210, 233, 294.
Дарекe, пещера. 251.
Дарій, м. п. 139.
Да-тонгъ-голъ, р. 287, 288, 290, 291.
Да-тунъ-голъ, см. Да-тонъ-голъ.
Даянъ-ханъ, м. п. 245, 273, 319.
Девадатта, м. п. 257.
Дедалъ, м. п. 218.
Делгиръ-ханъ, г. 384, 385.
Демичи-еренъ, м. п. 277.
Дерисунъ-хото, см. Дэристу-х.
Джаву-ландеръ, м. п. 233; см. Ландеръ.
Джаву-рембучи, м. п. 198.
Джагыръ-дорчжитанъ, страна 252.
Джалангаръ, м. п. 121.
Джаланкаръ, м. п. 121.
Джалбагай, чуд. пт. 290.
Джалма-оха, м. п. 338, 339.
Джамбцзы-лочжуй, м. п. 309.
Джамгаръ, м. п. 121.
Джампудвипа, земля 117.
Джанбай, м. п. 275.
Джангаръ-ханъ, м. п. 123.
Джангбышы, м. п. 119, 120, 126.
Джангеръ, м. п. 262.
Джанджа-гэгэнъ, м. п. 238.
Джанджа-руви-дорчжи, м. п. 238.
Джанибекъ-ханъ, м. п. 146, 211 216, 382—384.
Джаринъ-норъ, оз. 213.
Джарунъ, оз. 242.
Джарунъ-хашаръ, башня. 205.
Джасыръ-гэгэнъ, м. п. 299.
Джалчи, м. п. 328.
Джебцзунъ см. Джибцзунъ.
Джедай-ханъ, м. п. 320.
Джедыбай, м. п. 119.
Джеды ганъ, созв. 275.
Джеланръ см. Харасандза.
Джеланръ-хунъ-тайжи, м. п. 326.
Джелавры, покол. 273, 326.
Джелбага, Джельбага, чуд. 290, 301.
Джельбегень, чуд. 208, 291, 339.
Джепекъ-бай, м. п. 120.
Дже-рембучи, м. п. 233.
Джерканатъ, м. п. 127, 138, 244.
Джерке-линъ-гунъ, м. п. 135, 273, 347.
Джетыганъ, созв. 157.
Джеты-гуре, б. 341.
Джеты каракши, созв. 321.
Джеты-каракъ, созв. 319.
Джибцзунъ Дамба, Джибцзунъ-тамба, м. п. 243, 383, 386.
Джида-нойонъ, м. п. 274, 275.
Джилама, м. п. 237, 238.
Джилдизъ-коль, оз. 332.
Джильбы-хуньякъ, зв. 339.
Джиме-гунданъ, м. п. 309.
Джингиръ-бухэ, м. п. 209, 271, 277.
Джиренше-шешенъ, м. п. 277, 382.
Джиренъ-шешенъ, м. п. 119, 146, 277.
Джиркылъ, м. п. 138, 146.
Джиртушлюкъ, м. п. 339.
Джиты-ганъ, созв. 319, 320.
Джицзункава, м. п. 237.
Джолма нурму, ж. п. 223, 224, 339.
Джонтонъ, дер. 234; см. Дондонъ.
Джоро-Гэсэръ-ханъ, м. п. 124.

Digitized by Google

Джу, б. 206.
Джуглунва, страна, 250.
Джургонъ-хоту, зв. 341.
Джурджиты, народъ, 213.
Джу-рембучи, ж. п. 117, 198, 210, 223.
Джу-Эрдэни, мон. (въ Тибетѣ) 206.
Дзалута-мергенъ, м. п. 135, 136, 208.
Дзамбу-дзерликъ-ханъ, м. п. 133.
Дзанчунъ, м. п. 213.
Дзерджи-Ваньчикъ, г. 213.
Дзетку-ханъ, м. п. 157.
Дзу, м. п. 136, 137.
Дзурганъ-мечинъ, Д.-мечитъ, созв. 322, 323.
Дзурганъ-одунъ, созв. 322.
Дзу-эрдени, б. 117.
Дзыргилэ, г. 302.
Дибэнъ, падь, 89, 90.
Дибэнъ-хара, пт. 96, 97.
Дн-дао, грд. 306.
Диз-Даркіой, мон. 305.
Диктъ, м. п. 275.
Ди-мѣ-ли мо-ли, р. 307.
Діонисій, м. п. 276.
Догедой, м. п. 209.
Долматинскіе цари, 128.
Дёлмё-ханъ, м. п. 128, 130, 334, 339; см. Галъ-Д.-х.
Долонъ-бурканъ, Д.-бурханъ, Д.-бурхутъ, Д.-бурхынъ, созв. 146, 317, 318, 320, 374.
Долонъ-мечинъ, созв. 322.
Долонъ-Мундурго, г. 384.
Долонъ мыганъ, созв. 318.
Долонъ-нохой, созв. 318.
Долонъ-Обёгёдъ, созв. 83.
Дёлбнъ-тэнгэри, 45, 52, 53, 55.
Долонъ-фоту, созв. 318.
Долонъ-хоту, созв. 318.
Долонъ хэрьгэ, созв. 318.
Долонъ-Эбугутъ, созв. 143.
Доидонъ, дер. 200, 234.
Дондонская тѣснина, 308.
Дондугулъ, м. п. 275.
Доюнъ-саганъ-тэнгэри, 45.
Дончжи-молумъ-эрдени, м. п. 157—160.
Дорда-дарханъ, м. п. 245.
Дорчжитанъ, страна 238; см. Чжагыръ-Д.
Дронъ, м. п. 337.
Дружневна, ж. п. 119.
Дунъ-ахорсынъ, см. Тунва-ахырсынъ.
Дурбенъ-ойродъ, нар. 311.
Дурутъ, пл. 121.
Дутумъ-мененъ, м. п. 273, 275.
Души-ханъ, м. п. 121.
Дырь, чуд. 3, 4, 6, 7, 10—14, 19, 20, 22—27, 121, 125.
Дырь, страна. 12.
Дѣдъ Шкуропѣтъ, м. п. 129.
Дэгэдши-Хара, доспѣхъ 45.
Дэлэхэйнъ-эдзэнъ, м. п. 379.
Дэнгъ, г. 297.
Дэристу-хото, Дэрисунъ-хото, грд. 270, 271, 306.

Егорій, м. п. 325, 333, 337.
Егъ-Таму-нцо, ж. п. 124, 186—190, 227, 346.
Едженъ-ко, ж. п. 271, 272, 274, 277.
Едженъ-ханъ, м. п. 165, 228, 262.
Едженъ-хоро, ставка 267, 268.
Еджюль, р. 278.
Едзенъ-ханъ, м. п. 338.
Едзинъ-хола, лош. 163.
Едипъ, м. п. 218.
Екэ-Туко-ханъ, м. п. 255.
Екэ-Утукъ, мѣсти. 303.
Елбекъ-ханъ, Ельбекъ-ханъ, м. п. 122, 290.
Ельджигенъ-джигитъ-ханъ, м.п. 211.
Ельджигенъ-тологойтой-ханъ, м. п. 293—295.
Ельджигенъ-ханъ, м. п. 266, 384.
Ельджигенъ-чикту, м. п. 215, 216, 285.
Енхобо, Енхобой, ж. п. 85, 87, 89, 91.
Ергилъ-буга-нонинъ, м. п. 255, 276.
Ердени-дзо, пещера 250, 251.
Ердени-Хараликъ, м. п. 189; см. Эрдени-х.
Ереите, мѣсти. 61.
Ерень-чечень, м. п. 341, 342.
Еркетъ, покол. 346.
Ерке-Шудунъ, ж. п. 129.
Ерликъ-ханъ, б. 135, 164, 168, 216, 228, 241, 243—245, 255, 307, 332, 339, 384; см. Эрликъ.
Ермакъ, м. п. 222.
Ерте-уланъ-хунъ-тайджи, м. п. 273.
Еруслапъ, м. п. 279.
Ерцисъ, р. 281.
Еръ-кюкча, покол. 120.
Ерь-гокчи, м. п. 120.
Ерь-Гокчу, м. п. 119, 120.
Ерьсару, м. п. 119, 190, 227, 272, 273, 277, 346.
Есекень, м. п. 122, 126, 274, 334, 386.
Есугай, Есугей, Есукей, м. п. 247, 271, 274, 277, 334.
Есуганъ, ж. п. 275.
Ехонъ-Тёрёнъ, г. 116.
Ехонъ-Уленши-батаръ, м. п. 61.

Желтая р., 249, 257, 258, 271, 300, 304, 305.
Жидигянъ, созв. 320.
Жорголжихо-батаръ, м. п. 61.
Жуань-жуань-лю-ванъ, м. п. 299.

Зайсанъ, оз. 212—214.
Замбалъ-ханъ, м. п. 123, 124.
Запава, ж. п. 290.
Зарница, зв. 129, 208, 337—339.
Заря азарга, м. п. 124, 190, 277.
Заса-Шухеръ-Аха, м. п. 44, 45.
Затъ-Шухеръ-ханъ, м. п. 56, 57, 73.
Заянъ-саганъ, б. 337.
Зеленая Дара экэ, б. ж. 206.
Земпыръ, Тыгрыгъ-Земпыръ, м. п. 9.
Зодо Шара-батаръ, м. п. 107—109.
Зонкава, м. п. 240; см. Цзонкава.
Зонъ-зериктуй, м. п. 136.
Зотынъ-нойонъ, м. п. 118; см. Чотонъ.
Зугэй-нойонъ, м. п. 385.
Зугэй-уланъ, г. 385.
Зудакъ-Шара-батаръ, м. п. 82.
Зэтъ-Мёнгёнъ-Ула, г. 45, 83.

Ибаху, ж. п. 139, 208.
Ибиръ-сибиръ, страна 335.
Иванъ Годиновичъ, м. п. 123.
Игитъ-иркылъ-ходжа, м. п. 324.
Иджиль, р. 311.
Идыганъ, созв., 262, 275.
Идыге, м. п. 274, 275, 278—280, 285.
Идыль, р. 124.
Илгысынъ-гэгэнъ, м. п. 245.
Илекъ-жондозъ, созв. 324.
Или-ханъ, м. п. 279.
Илихи, м. п. 346.
Ильмень, озеро, 351.
Иль ханъ, м. п. 339.
Илья-Муромецъ, м. п. 122, 130.
Инань см. Инаньчи.
Инаньча-бильгэ, м. п. 255.
Инаньчи-кэхань, м. п. 346.
Индерь-хара-мангысъ, Индэръ-х.-м., чуд. 134, 162
Индра, б. 246, 254.
Индыръ-ханрханъ, г. 248.
Индэрь-хара-мангысъ, м. п. 248.
Инъ-хай, м. п. 225.
Ирагу, г. 287.
Ирей, чуд. 123.
Иринтей-убугунъ, м. п. 136.
Иринъ-сайнъ, м. п. 120, 122—125, 136, 273, 346.
Иринъ-сайнъ-алтынъ-горголтай, м. п. 131—133.
Иринъ-сайнъ-гунынъ-хара, м. п. 133—135.
Иринъ-сайнъ-уланъ-хунъ-тайджи, м. п. 135.
Ириттэ-обёгонъ, м. п. 136.
Иркутъ, р. 384.
Ирль-ханъ, б. 277, 339.
Иртышъ, р. 212, 213, 335.
Иръ-сару, Иръ-сары, м. п. 190, 277.
Иръ-Тушлюкъ, м. п. 143.
Искендеръ, м. п. 383.
Иссыкъ-куль, оз. 211, 212, 214, 216, 217, 383.
Исуге, м. п. 334.
Исунке, м. п. 168.
Итегель, м. п. 136.
Итыгиль, м. п. 285.
Ифигенія, ж. п. 208.
Ихи-едженъ-хоро, ставка, 269.
Ишигё-хатунъ, ж. п. 269.

Іетти-ганъ, созв. 318, 323.

Кабатаръ-сталъ, зв. 330.
Кабуту-касыръ, м. п. 267.
Кагорцокъ, м. п. 275.
Кадигава, мон. 240.
Кадыръ, м. п. 121.
Казаръ, соб. 118.
Кайтухо-Тохтамышевъ, м. п. 274.

Digitized by Google

Кала-мэмбыръ, м. п. 20—22, 120, 122, 125, 126, 130, 213, 222, 248, 332—334, 384.
Калашань, г. 248.
Калинъ-царь, м. п. 130.
Калмы-тологой, г. 212, 213, 339.
Камбаръ, м. п. 119.
Камъ, страна 215.
Камъ-Курмёсъ, м. п. 128.
Кани-хоту, зв. 330.
Кантемуровы, фамилія 337.
Канъ-Кереде, пт. 207.
Канъ-тегиръ, р. 334.
Кань-си, м. п. 264, 265.
Кара-бадзыръ, грд. 130, 139, 304, 305.
Карабай, м. п. 119.
Карабатыръ, м. п. 119.
Карабты-ханъ, м. п. 156.
Кара-бута, м. п. 274.
Карагула, см. Каракула.
Кара-кула, м. п. 273; см. Хото-гайду.
Кара-кюкча, покол. 120.
Каратты-ханъ; см. Тунгъ-К.-х.
Кара-ханъ, м. п. 119.
Каргой, мѣстн. 385.
Касарпана, хр. 117.
Кассіопея, созв. 328.
Касы-баба, м. п. 257.
Касьянъ, м. п. 218.
Катай-ханъ, м. п. 331.
Катигава монг. 240.
Ка-тія, мѣстн. 359.
Катунъ, скала, 301.
Катунь, р. 214, 301.
Кашмиръ, страна, 190.
Кванъ-ло-ё, м. п. 261, 262.
Кванъ-омоктай, м. п. 262.
Кебысъ, лош. 134.
Кедючжи, м. п. 237.
Кейсы, м. п. 257.
Кейтей-нойонъ, м. п. 274.
Кендыкъ-тюбе, г. 212.
Кергитъ, нар. 311.
Кереметь, ж. п. 325.
Керсу-пілу, м. п. 342.
Керъ, г. 325.
Керъ-илакъ, мѣстн. 122.
Киданн, нар. 277, 307, 326.
Киданъ-ханъ, м. п. 121, 333, 336.
Киденъ-ханъ, м. п. 331, 333.
Кидошъ, г. 335.
Кидэнъ, м. п. 122, 123.
Килунгутъ-тарханъ, м. п. 245.
Кипчаки, пл. 121.
Кирвесъ, Кирвэсъ, м. п. 272, 332; см. Хэрэкъ-К.
Кирен, нар. 326, 346.
Кирило Кожемяка, м. п. 325.
Кирхисъ, покол. 211, 311.
Китайцы, нар. 69.
Китанъ-ханъ, м. п. 336.
Китежъ, г. 335.
Китминъ, м. п. 121.
Кичиги, созв. 328.
Кичиликъ, м. п. 245.
Кичи-эджигенъ, созв. 318.
Кобокъ, м. п. 123; см. Акъ-К.
Коголь-найманъ, м. п. 120.
Коготай, м. п. 120.
Когульдей-мергенъ, м. п. 120, 231, 328.
Кодаръ, м. п. 119.
Кодонъ, м. п. 122, 123.
Кодонъ-пи, м. п. 331.
Козай, м. п. 119, 120; 126.
Козу-курпешъ, м. п. 119, 128.
Козу-кюрпэчъ, м. п. 119.
Козьма кривой, м. п. 129.
Кокочу, м. п. 120.
Колду-бурханъ, б. 117, 135, 207 346.
Комбу-дорчжи, м. п. 231.
Комдей-мергенъ, м. п. 277.
Конгкомаръ, покол. 192.
Конда, народъ 219.
Конна, народъ 219.
Константинополь, грд. 214.
Константинъ, царь 215.
Косоголъ, оз. 213, 335.
Кёсэръ онга, мѣстн. 300.
Котанъ, м. п. 123.
Котянъ, м. п. 121, 122.
Кохоце, м. п. 120.
Кохъ-цехце, пт. 324.
Ксэрлыгунъ, ж. п. 186—189.
Ксэрмыгъ-танъ, мѣстн. 198.
Куанъ-ло-ё, м. п. 306.
Кубай-ко, ж. п. 277.
Кубчюгъ-сэйчергенъ-сэнъ, м. п. 240.
Кугэ-цэрка-рэкшэрь, мѣстн. 14.
Куйсунъ-тологой, остр. 213.
Кукой, мѣстн. 384.
Кулбу сэтгэ, зв. 338.
Кулукъ-Богурчи, м. п. 244; см. Богорчи.
Кулёръ-Ундургинь, ур. 222.
Кумджухъ-палунъ, мѣстн. 300.
Кунала, м. п. 218.
Кунгый-уаца-тарва, м. п. 3, 8.
Кунигъ-чжаву, м. п. 15—17, 32—37, 126.
Купя-юлтусъ, зв. 330.
Курбустанъ, б. 128.
Куриное гнѣздо, созв. 324.
Куринъ-Ракша, быкъ, 161.
Куркэръ-чжаву, м. п. 16, 17; см. Кэркэръ.
Кусуръ-олоксонъ-Ольджебай, м. п. 118.
Кусэрь, м. п. 200, 234, 300, 301.
Кусэрь-чжаву, м. п. 16, 17, 35, 37; см. Кэсэръ-чжаву.
Кутузово, мѣстн. 335.
Кухулинъ, м. п. 219.
Кушъ-мурунъ, г. 382.
Кучки, созв. 325, 328.
Кучумово городище, 335.
Кучумъ, м. п. 228.
Кыдай бахсы, б. 337.
Кызыръ-пейгамбаръ, м. п. 121.
Кынъ-сылу, ж. п. 121.
Кыргызбай, м. п. 386.
Кыргызъ, м. п. 386.
Кынъ, м. п. 275.
Кэзэръ, м. п. 122; см. Чингисъ-Кэз.
Кэлѣ, нар. 346.
Кэрвэсъ, м. п. 126; см. Хэрэкъ-Кэрвэсъ.
Кэркэръ-чжаву, м. п. 14, 15, 30, 31, 33, 35—37; см. Хоръ-кэркэръ.
Кэсэръ-чжаву, м. п. 39; см. Кусэрь-чжаву.
Кэсыръ, м. п. 261, 262.
Кэшиктенъ, хош. 306, 312.
Кюнеръ-сулу, ж. п. 143.

Лабранъ, мон. 38, 206, 241, 248, 249, 301.
Лавунъ-чимбо-агуй, мѣстн. 383.
Лалунъ-Балъ-Дорчжи, м. п. 168.
Ламангурю, м. п. 26.
Лама-тологой, г. 213.
Ламахъ, м. п. 383.
Ламо, б. ж. 270.
Лангъ, страна 40, 44; см. Лынгъ.
Лангъ-дарма, Ландарма, м. п. 146, 168, 170, 202, 211, 215, 218, 238, 250, 255, 266.
Ландеръ, Ландэръ, м. п. 199, 233, 234, 249, 266.
Ланъ-Гэсэръ-ханъ, м. п. 233.
Ласса, грд. 13, 14, 22, 44, 168, 197—199, 201, 206, 211, 214, 217, 233, 236, 237, 239, 242, 249, 250.
Латыгорка, ж. п. 335.
Ла-уа-ся, тѣснина, 297.
Лаху-Баянъ, м. п. 123, 245.
Лебедь-птица, ж. п. 189.
Лемминкайненъ, м. п. 248.
Леу-бао-вэнь, м. п. 304.
Леу-да-жень, м. п. 292, 293.
Ли, м. п. 136, 137.
Ли, страна, 206.
Ли-бей, м. п. 263.
Ли-бу, м. п. 306.
Ли-гуанъ-ли, м. п. 125.
Ликургъ, м. п. 276.
Линъ-ченъ, грд. 292.
Ли-сунъ-сяо, м. п. 272, 287—289.
Ли-хаганъ, м. п. 137, 138.
Ли-чжинъ-ванъ, м. п. 286—289.
Ли-юль, страна 217.
Ліу-чуань, р. 306.
Лобсогой, м. п. 85 — 92, 115, 116, 382.
Лобсоголдой, м. п. 55.
Локалта, м. п. 246.
Ломбо-Моке, м. п. 239.
Лосанъ-Шумаръ-батаръ, м. п. 61.
Лосунай-ханъ, м. п. 39.
Лосунъ-ханъ, м. п. 180, 182, 183.
Лось, созв. 319.
Лоу-линъ-гунъ, м. п. 304.
Лоха, р. 307.
Ло-хеу-ло, м. п. 190.
Лочжуй, м. п. 309.
Лошанбу, м. п. 300.
Лта-чинбу; см. Марцзанъ.
Лу-бинъ-шенъ, м. п., его слѣды 297.
Лумбунъ-чимбо, мѣстн. 250, 251.
Лунва-ксындо, мѣстн. 84.
Лунъ-ванъ, б. 211, 227.
Лусай-ханъ, м. п. 143, 156.

Digitized by Google

Луса-тэнгэринъ, 60.
Луту, 353.
Лу-ту-сы, м. п. 210, 271, 272, 290—292, 382.
Лхагву, Лхагу, зв. 317.
Лхалунъ-нцо, оз. 234.
Лха-лхаму, б. 231.
Лхама, Лхамо, б. ж. 213, 307, 335, 339.
Лынгъ, страна 3—5, 13—23, 26—28, 32—34, 37; см. Лангъ.
Лысая гора 385.
Лю-бей, м п. 263.
Лю-ванъ, м. п. 299.
Лю-пей, м. п. 262.
Лю-тоу, м. п. 293.
Лютъ-хара-хунь-абагай, м. п. 163.
Лютэнъ-цангу, мѣстн. 241.
Лянъ-чжоу, грд. 206.

Ма, фамилія 257.
Магай-джори, м. п. 7.
Магчжи-чжаву, м. п. 44.
Маджу, г. 295.
Майдари, м. п. 228, 235, 236, 246, 315, 316.
Майманъ, 326.
Майтере, б. 348.
Май-трея, б. 235.
Малганъ, ж. п. 329.
Маму-чуму, овца, 6.
Мамырханъ, м. п. 126, 274, 334; см. Уралтай.
Мананъ-тэнгэринъ, 46, 52, 53, 56.
Мангатхай, чуд. 115; см. Абарга-Сэсэнъ-М.
Мангнай Шилö, м. п. 42.
Мангрукъ, р. 283.
Мангусъ, м. п. 325.
Мангутъ, Мангуты, пл. 274.
Мангу-ханъ, м. п. 275.
Мангушъ, м. п. 121, 122.
Мангысъ, чуд., 135, 136, 138; см. Оролынъ-м.
Мангысъ-эмегенъ, ж. п. 172, 173.
Манджушри, м. п. 216, 227—229, 251, 262, 319.
Мандзанъ-Гöрмö, Манзанъ-Гöрмö, ж. п. 45, 58, 59, 82—84, 100, 101, 111, 128, 340.
Мандзу-шара-бычинъ, м. п. 229.
Манзанъ, лукъ 105.
Манзанъ-Гöрмö; см. Мандзанъ.
Мани-Ветыръ-ханъ, м. п. 144, 208, 223.
Манкутъ, покол. 274.
Манкушъ, м. п. 121.
Манхутай, м. п. 274.
Манхутъ, покол. 274, 275.
Манчжаму, ж. п. 38.
Маньчжу-ванъ, м. п. 294, 295.
Мапунъ-нцо, оз. 233.
Марба-лама, м. п. 360, 364.
Маркобрунъ, м. п. 119.
Марсъ, м. п. 329.
Марцзанъ-Лта-чинбу, мон. 249, 250.
Масангъ, м. п. 329.
Ма-ти, мѣстн. 301.
Маюй, г. 307.
Маяки-Бурчжанъ-чжаму, ж. п. 40.
МГоньбо-Дорчже; см. Гоньбо-Д.
Медвѣдица (Большая), созв. 83, 127, 146, 235, 262, 317—320, 322, 323, 328, 329, 332, 335, 339, 341. 374, 385.
Медвѣдица (Малая), созв. 321, 324.
Меджитъ, грд. 325.
Меджитъ, м. п. 164, 165.
Медунгъ, созв. 318.
Меечінъ, созв. 323.
Меле-бурхынъ, м. п. 231, 372.
Меленъ-гуру, б. 252.
Менгмыръ, зв. 337.
Менгу-кызъ, ж. п. 277.
Менгу-чжу, Менгу-цзу, мон. 166, 201—205, 216, 233, 237, 240, 248, 249, 252, 332.
Мендасунъ, созв. 326.
Менджугъ, Менчжугъ, Менчугъ, созв. 322, 327, 328
Менке-Медина-карба, грд. 257.
Менчугъ; см. Менджугъ.
Мергенъ-Касаръ, м. п. 268.
Мерки, поколѣн. 326.
Мертеки-джалву, м. п. 232.
Мечинъ, созв. 129, 146, 165, 262, 323—326.
Мечинъ-бакши, м. п. 256.
Мечитъ, созв. 285, 322, 324, 339, 345.
Мечи-хоту, созв. 322.
Мечи-хуаръ, м. п. 165.
Меши, созв. 322.
Мзабонъ-ичи, ж. п. 39.
Мигмыръ, зв. 317.
Мидасъ, м. п. 239.
Мила-райба, м. п. 231, 359—370, 372, 373.
Миляръ-ава, м. п. 230, 231, 233.
Минганъ-саганъ-бурханъ, б. 45.
Минотавръ, чуд. 218.
Ми-омоктай, м. п. 219.
Мисеръ-улюкъ, м. п. 307, 319.
Михайло Даниловичъ, м. п. 222.
Млечный путь, 84, 340, 385.
Мова-Кушинъ-Тему, м. п. 5.
Мойсъ-хара, ж. п. 285, 339.
Могусъ см. Амырга-м., Темиръ-м.
Модана, ж. п. 215.
Моисъ-хара, ж. п. 382.
Моланья царица, ж. п. 186.
Молонтей, м. п. 168.
Молонтой, м. п. 168.
Мона-ханъ, г. 192; см. Тегусъ-Цзокту-М.—х.
Мöнгöтö-Ула, г. 45, 72.
Мöнхö, море, 74, 107, 109.
Моосъ см. Анъ-далма-м.
Моргонъ-Тöгöлторъ, м. п. 50, 59, 63, 66, 67, 75.
Моргонъ-хара, м. п. 168, 276, 324, 329.
Мöрöнъ, мѣстн. 74, 107.
Мöрöнъ-Ула, г. 88.
Мось-хумъ, м. п. 385.
Моторъ-бахадуръ, м. п. 122.
Муджинъ-салту, м. п. 326.
Мунго, Мунко, м. п. 16, 17, 122; см. Чагэ-мунго.
Мундурга, Мундурганъ, г. 384.
Мундурганъ-хухэй, г. 384.
Муни-ола, М.-ула, г. 192, 267.
Мунко-сардыкъ, г. 44, 384.
Мунликъ-эчигэ, м. п. 247.
Мунулуна, ж. п. 273, 275, 326.
Мургунъ-топшо, м. п. 321.
Муренъ, р. 300, 304, 305.
Муртемни, долина 219.
Мусъ-тау, г. 382.
Мутгальвани, м. п. 206.
Муусъ см. Атгыръ-хара-м.
Мухамедъ-пейгамбаръ, м. п. 213.
Мухуръ-Уланъ, г. 116.
Мучинъ, созв. 322.
Му-ѣ, г. 307.
Мынгы-игыги-чжори, м. п. 6.
Мышинъ, созв. 146.
Мэмбыръ, м. п. 126; см. Кала-мэмбыръ.
Мэри (Шянба-мэри), м. п. 17.
Мэчитъ, созв. 165.
Мяо-чжоанъ, м. п. 226.
Мяо-шенъ, ж. п. 226, 227.

Навуходоносоръ, м. п. 244.
Нагацу, м. п. 275.
Надулуше, м. п 121.
Нажинъ, Найжинъ, падь 74, 79, 80, 82.
Найманъ, покол. 346.
Найманъ-герь, Найманъ-чаганъ-герь, мѣстн. 325, 326.
Наксосъ, остр., 218.
Нама, м. п. 328.
Намугэнъ см. Цадуръ-н.
Намунъ-гуре, м. п. 231.
Намчжиль-хансынъ, мон. 330.
Нанчжянъ-кунгванъ, б. 4.
Наранъ-гериль, ж. п. 163.
Наранъ-Гохонъ-абаха, ж. п. 46—48, 50, 63.
Наранъ-Гэрэлъ, м. п. 208.
Наранъ-Сулу, ж. п. 119.
Наранъ-ханъ, м. п. 129.
Нарзунъ-заркумъ, м. п. 321.
Наринъ-Гохонъ-хатанъ, ж. п. 112, 113.
Наринъ-Уланъ, доспѣхъ, 46.
Наро, м. п. 361, 362, 364.
Наръ-банджинъ, м. п. 266.
Наръ-ханджитъ, ж. п. 161.
Нарынгенъ-агуй, мон. 251.
Нарэнъ-ханъ, м. п. 279.
Находъ-Осоръ, м. п. 128.
Начинъ, м. п. 273—275.
Начинь-баатуръ, м. п. 274, 275.
Наянта, мѣстн. 61.
Нгаре-олу, ж. п. 119.
Нгари, страна 215.
Нгари-оло-чючжуръ, ж. п. 34.
Нгари-сынгы-тангниръ, м. п. 32.
Нго-ло-гу-моли, р. 307.
Нгулыгунъ, ж. п. 186—189.
Ндамь, мѣстн. 38.
Негмыръ, зв. 317.
Нектанебъ, м. п. 139.

Digitized by Google

Несреняжаке, м. п. 124.
Нестыкъ, пт. 158—160.
Нигча-гырыгъ, лош. 17.
Нингунэ, м. п. 227, 228.
Нинъ-гу-ё, м. п. 203, 238.
Нинъ-ся, грд. 252.
Ногай, м. п. 285.
Ногонъ-Гохонъ-Абахай, ж. п. 85.
Ногонъ-дара, б. ж. 229.
Ногонъ-дареке, Ногонъ дарихе, б. ж. 159, 160, 229.
Ногонъ-дариху, Н.-дарихэ, б. ж. 160, 161, 200, 201, 203, 204.
Ноинъ-богдо, г. 296, 297.
Нойонъ-Хонгоръ, м. п. 281.
Нойонъ-хутухту, м. п. 246, 247, 282.
Номонъ-ханъ, м. п. 383.
Норчжуньма, б. ж. 242.
Нохой-баргасу, нар. 351.
Нсонникъ, остр. 204,
Нун, м. п. 230.
Нукузъ, м. п. 275.
Нулунъ-тала, мѣстн. 303.
Нундау, ж. п. 230.
Нцу-памали, оз. 332.
Нчжигму, ж. п. 42, 315; см. Нчжугму.
Нчжугму, ж. п. 130.
Нчжуму, ж. п. 7—11, 13—15, 18, 19, 21, 31, 37; см. Нчжигму.
Нчжу-рамыръ, корова 23.
Нынгса Нгазунъ, м. п. 22.
Нью-тоу-ванъ, м. п. 254, 255, 266.
Нью-тоу-синъ, зв. 341.
Нью-тоу-шань, г. 252.
Ньянъ-ньянъ, ж. п. 44.
Нэмэгету, г. 297.
Нюй-гу, р. 307.
Нюхата-Зура, м. п. 69—73.
Нюхата-Зурга, Нюхата-Зургай, м. п. 67, 68.
Нянь-бо, грд. 286.
Нянь-гэнъ-яо, м. п. 227, 238.

Обöръ боксо, мѣстн. 337.
Огодай, м. п. 123.
Огономъ, м. п. 279.
Оготай, м. п. 244.
Огузъ-ханъ, м. п. 146, 255, 325.
Огутуръ-уланъ-ванъ, м. п. 282.
Одо-мышинъ-сокъ-мышинъ, созв. 320, 327.
Одонъ-тала, мѣстн. 331.
Одотъ, м. п. 274.
Одунъ-Бодунъ, м. п. 186, 255, 274.
Одюгэ-хогоръ-бо, м. п. 239.
Озирисъ, б. 122, 149, 277.
Ойдулъ, созв. 340.
Ойо-ондохонъ, м. п. 208.
Ойо-Чикиту, м. п. 208.
Ой-хаптагай, м. п. 208.
Ойхонъ, остр. 339.
Ойю-Окторъ-эрэнъ-баръ, левъ 78.
Оки-гари-тамба, м. п. 197—199.
Окинь-тэнгри, ж. п. 130.
Оксогоръ, г. 116.
Октор, левъ 78, 79, 115.
О-лао-ло-цзя, грд. 331, 335.
Олгонъ, мѣст. 339.
Олекчинъ, м. п. 119.
Олёты, пл. 310.
Олзомохонъ, м. п. 105, 106.
Олимбіада, ж. п. 139.
Олоксонъ см. Кўсўръ-ол.
Олöстö-Ула, г. 109.
Олотъ, м. п. 208.
Олунъ-эхэ, ж. п. 207, 271.
Олхо, мог. 303.
Ольберге, м. п. 156.
Ольджайту-норъ, оз. 303.
Ольджебай, м. п. 118.
Ольхонъ, остр. 303.
Онгонъ-манхынъ, мѣстн. 298.
Ононъ, Ононъ-Керуленъ, мѣсти. 326.
Онохой бай, м. п. 278, 279.
Ончонъ, м. п. 207, 222.
Онъ-сомъ, м. п. 280.
Оргилъ-Ула, г. 63—65, 73, 85, 86, 107, 324.
Оргу, мѣстн. 4.
Оріонъ, созв. 118, 120, 127, 231, 235, 242, 326—330, 339.
Оролынъ-мангысъ, чуд. 123.
Оролынъ-читкуръ, чуд. 138, 207, 244.
Оронъ-ганцханъ-модо, дерево 254, 333.
Оросъ, 274.
Орусъ, м. п. 280, 296.
Орусъ, поколѣніе 280.
Орусъ-иналъ, м. п. 280.
Орхонъ, р. 213, 214, 307, 310, 332.
Орхонъ-туше-гунъ, р. 310.
Осиново гнѣздо, созв. 324.
Осрунъ-бурханъ, б. 206.
Осъ-бакатаръ, м. п. 383.
Осъ-Джаннбекъ-ханъ, м. п. 146, 383.
Осъ-Темиръ, м. п. 383.
Отокъ, хошунъ 282.
Отханъ Толоръ-хунъ-тайджи, м. п. 290.
Охуръ-я, р. 383.
Очирвани-бурханъ, б. 234, 317.

Паасынъ, зв. 317.
Пагай-Джуру, м. п. 114.
Пагвашинъ-гунъ, башня 205.
Падма-самбава, м. п. 233.
Падма-ханъ, м. п. 161—163.
Пазаръ, соб. 118.
Пай-джянь-джюнь, Пай-чжань-чжунь, Пай-чжянь-чжюнь, м. п. 123, 264, 265, 267.
Пай-ма-сы, мон. 249.
Пай-чжань-чжунь, см. Пай-джянь-джюнь.
Палынъ котыгъ, камни 42.
Палынъ-сенге, м. п. 166; см. Балынъ.
Папаву-раншюнъ, кам. 232.
Папа римскій, м. п. 320.
Пей-доу, созв. 335.
Пейранъ, мон. 301.
Пей-таджи, м. п. 296.
Пей-юнъ-сай, мон. 251.
Пекинъ, грд. 164, 165, 219, 238, 268, 285, 299, 310.
Пендо-хорджи-джаву, м. п. 203.
Персей, м. п. 275.
Петровъ крестъ, созв. 328.
Пилигримъ, м. п. 309.
Пинъ-си, м. п. 263.
Писонъ-Саганъ-тэнгэри, 45—50, 59, 63.
Плеяды, созв. 127, 129, 146, 165, 262, 276, 318, 319, 322—327, 329, 339, 341, 345, 385.
Полн, г. 125.
Полидектъ, м. п. 275.
Полярная звѣзда 126, 127, 130, 170, 319, 321, 324, 325, 330, 331, 334—339, 386.
Поповичъ Раковичъ, м. п. 189.
Пори-ханъ, м. п. 156, 336.
Потала, г. 117, 166, 201, 210, 248, 249.
Почай, Почайна, р. 325.
Правдія, грд. 305.
Пукö, м. п. 300.
Пулай-арыгъ, ж. п. 277.
Пулиръ-пукö, м. п. 300.
Пурбу, Пурву, зв. 317.
Пундавардань, г. 117.
Пуруравасъ, м. п. 127.
Путо, г. 226, 227.
Пучай рѣка, 325.
Пу-чжоу, грд. 262.
Пучина, чуд. 325.
Пхынь-сунъ-чжао, мон. 264, 265.

Рабанъ-ата, м. п. 257.
Раббане, м. п. 257.
Рагнаръ Лодброкъ, м. п. 342.
Раковичъ (поповичъ), м. п. 189.
Рамоче, мѣстн. 206, 210.
Раха-шолмо, чуд. 124.
Раху, м. п. 316, 317.
Раху, зв. 317.
Рахъ-разбойникъ, м. п. 192, 246, 347.
Рачи-Самба, м. п. 40, 41.
Рдо-нирда, горный перевалъ, 198.
Рдурги-Ларгу, г. 42.
Рдурги-чжугу-рыгчжа, колесо, 41.
Рдурги-чжиы-камбыръ, соб. 42.
Рдурь, чуд. 41—44, 114, 119, 210, 289. См. Дырь.
Рдучава, чуд. 300.
Римынъ, дер. 44.
Рмартутъ, мѣстн. 300.
Рогмо-гоа, ж. п. 119, 120, 333.
Рокапи, ж. п. 332.
Рпонву-Кенчугъ, созв. 326, 327.
Рсытанъ, мѣстн. 229.
Рсэрыгö чжунъ-ри, г. 300.
Ртальджинъ, созв. 326.
Рта-нго-уиу, лош. 10.
Рта-рчунву, лош. 6, 8.
Ртомба-Шихча-тоба, б. 232.
Ругъ-могай, Р.-могой, ж. п. 114, 269, 325, 329.
Руиву-гончень, мон. 240.
Русуданъ, ж. п. 275.
Рчже-чжаза-кунчю, ж. п. 14.
Рѣшето, созв. 324.
Рэмисыръ-сари-руху, г. 13.

Сабаръ, м. п. 124.
Савуръ, могила 214.

Digitized by Google

Саганъ-Гэрэлтэ-ханъ, м. п. 54, 95, 97, 105, 106.
Саганъ-Зурха-Моргонъ, м. п. 46.
Саганъ-Мӧнгӧнъ-Ула, г. 45, 83.
Саганъ-шулунъ, мѣстн. 384
Сагатай, м. п. 120.
Садагай, м. п. 157.
Сайдамто, оз. 245.
Сайлынъ-убугунъ, зв. 328.
Сайнъ-самучинъ, лош. 123.
Сайханъ-ху, м. п. 181, 182.
Сакіамуни, м. п. 217, 226.
Сактартай, м. п. 213.
Салихай, ж. п. 339.
Саломо, м. п. 210.
Салунъ-хоръ-дорчжи, м. п. 199, 200.
Самаркандъ, грд. 258, 295, 330.
Самаръ-казанъ, м. п. 121.
Самба см. Аяни.
Самба-гарву, м. п. 40, 41, 127, 130.
Самбай-дагине, ж. п. 208, 224.
Самбуренъ-ханъ, м. п. 39.
Самородовичъ, м. п. 333.
Самсагай, ж. п. 328.
Самучинъ, лош. 123.
Самьжи, страна 232.
Самьи, страна 232.
Сангинъ-далай, кол. 299.
Санда-рачи, м. п. 20, 28, 29, 123.
Сандыгъ-хуатъ-чжириву, г. 231, 232.
Сани-угӧ-Тарӥ, м. п. 44.
Санъ-енчинъ, мѣстн. 8, 10, 20, 21.
Санъ-янъ, м. п. 261, 263.
Сань-ча-хо, р. 306.
Сань-чуань, мѣстн. 256.
Саптартай, м. п. 213.
Сарагалъ-ноенъ-ханъ, Саргалъ-ноенъ-ханъ, м. п. 45, 56, 57, 67—69, 73, 88, 96, 100, 122, 128.
Сарагалъ-ханъ, м. п. 186.
Саранъ-Гэгэнъ, м. п. 208.
Сартактай-Кэзэръ, м. п. 118, 122, 213, 214, 301.
Сартакъ, м. п. 122.
Саръ-мачинъ, чуд. 317.
Сары-бай, м. п. 119.
Сата, ж. п. 328.
Сатана, ж. п. 122.
Саура, могила, 214.
Сауръ, г. 212—214, 382.
Сахуръ-джалву, м. п. 232.
Са-ху-шанъ, м. п. 254.
Саянъ-данчинъ-шюгмыръ, м. п. 8, 11, 15—17.
Святогоръ, м. п. 122, 333.
Святыя горы 333.
Себежъ, грд. 335.
Севръ—рыба, 333.
Севиренъ-богдо, г. 386.
Семикъ, созв. 324.
Семичиха, ж. п. 324.
Сенгенъ-хунъ-тайджи, м. п. 118.
Сенге-ханъ, м. п. 284.
Си-ань-фу, грд. 206, 286, 288.
Сибирскій городъ 335.
Сибирь, страна 334, 335.
Сибэръ, соб. 336.
Си-ванъ-цзе, дер. 384.
Сиверная гора, 335.
Сиверьянишна, ж. п. 335.
Сигурдъ, м. п. 270.
Сила сата, созв. 340.
Синъ-су-хай, мѣстн. 331.
Сисиній, м. п. 248.
Си-юй, страна 257.
Смерть, 333.
Смородина, р. 333.
Собонъ саганъ-ноенъ, м. п. 63.
Совръ, рыба 333.
Согдо-богдо, м. п. 274.
Согсогъ-фоту, созв. 322.
Содей-мергенъ, м. п. 271, 274, 277.
Соди вама, г. 15, 16.
Соди-кунгма, г. 15, 16.
Содишюма, г. 15, 16.
Соднамъ-Джямцо, м. п. 192.
Содо, м. п. 273.
Содо-богдо, м. п. 272, 274.
Сокто-Сумбыръ, г. 338.
Солбанъ, зв. 338, 339.
Солбанъ-иръ, зв. 338.
Солбонъ, Солмонъ, зв. 129, 209.
Солнечное царство, 279.
Солнечный царь 129, 279.
Соловей, м. п. 130, 335.
Соловей Будимировичъ, м. п. 290.
Соловей разбойникъ, м. п. 290, 325.
Соломонъ, м. п. 239.
Солонгосъ, нар. 279, 339.
Солцанъ, м. п. 328.
Сомапури, хр. 217.
Сомбра-хахыръ, мѣстн. 297.
Сому-срмбуй, страна 233.
Сӧнгӧлӧнъ, м. п. 63, 64.
Соозунъ, м. п. 328.
Соо-со, м. п. 261.
Сора, ж. п. 119.
Соржи, Соржи-лама, три ламы, 58, 72, 73, 85, 86, 93.
Сӧрӧ, ж. п. 119.
Сорчжи-бакши, м. п. 135,
Со-со, м. п. 263.
Сосрыко, м. п. 121, 122.
Со-чжи-лунъ-ванъ, м. п. 256.
Со-чжи-ё, м. п. 256.
Сронцзанъ-Гамбо, Ср.-Гомбо, Сронцзонъ-Г., м. п. 127, 206, 215, 217, 218, 268, 308, 384.
Срю-ванъ, м. п. 241.
Стефанъ, м. п. 285.
Стожары, созв. 319, 324.
Стозвѣздникъ, созв. 324.
Страфиль, пт. 332, 351.
Субугенъ-булыкъ, Субукъ, ключъ, 298.
Субурганъ-хаирханъ, г. 335.
Субуръ, г. 213, 214, 336.
Субуръ-хаирханъ, г. 335.
Судана, м. п. 208.
Судо-богдо, м. п. 272.
Сулмарши-батаръ, м. п. 61.
Сумаджутъ-Таника, м. п. 139.
Сумбери, г. 318.
Сумберъ-ола, г. 351.
Сумбуръ-ола, г. 126, 213, 248, 330, 334—336, 340.
Сумбыръ, 338.
Сумбэръ, г. 334.
Сумеру, г. 126, 248, 318, 334, 336, 340, 350.
Сумеръ-ола, г. 254, 248, 254, 334, 341.
Сумеръ-уланъ-тайга, г. 335.
Сумиръ, г. 334.
Сумуръ, г. 335.
Сумъ-далай, море 334, 340, 351.
Сумыя, зв. 317.
Сумэру, Сумэръ, г. 334.
Сунсэръ-гамбу, м. п. 197, 198.
Сунъ-ву-кунъ, м. п. 254, 255, 256.
Сурганъ, м. п. 272, 273.
Сута-Ноенъ-ханъ, м. п. 56, 63, 64, 71—73, 88, 92, 93, 99—104.
Суту-богдо, м. п. 123.
Сугь-коль, Суть-куль, оз. 335, 340.
Суу-хунъ-ву, м. п. 124.
Сыбыръ, г. 335.
Сымыръ, г. 212—214, 336.
Сы-чжа-цзуй, мѣстн. 306.
Сэгэнъ-сэбдэкъ-тэнгэри, б. 45, 51—56.
Сэженъ-бярсэнъ-тымыршей, онг. 276.
Сэлигисы, м. п. 123, 245.
Сэнглунъ, м. п. 139; см. Сӧнгӧлӧнъ.
Сэньцзу, м. п. 272.
Сэрву-ксерндугъ, лош. 17.
Сэрынъ-намджу, м. п. 230, 231.
Сэсэкъ-Ногонъ-Абаха, ж. п. 46.
Сэцэнъ-ханъ, м. п. 247.
Сюань-хуа-фу, грд. 288.
Сюнбурь, г. 386.
Сють-коль, оз. 334.
Сябре, г. 386.
Сяври, г. 296, 386.
Сяйдякъ, м. п. 228.
Сянь-би, народъ 228.
Сятта кюре жясагай-ай, б. 341.

Табинъ-табынъ-тэнгри, б. 44.
Табынъ-ханъ, б. 283.
Тадыгенъ-хӧшӧ-чило, камень 311.
Тадыкъ-тологой-хошо-чило, камень 311.
Тазъ-тагъ, г. 212.
Тай-бука, м. п. 255.
Тайбуцинъ, м. п. 255.
Тайджигуты, Тайджіуты, пл. 123, 244, 273, 274.
Тайиръ, м. п. 119.
Таймингъ-хунъ-ву, м. п. 295.
Таинъ-Дерхе, кам. баба 311.
Таинъ-терьхе, м. п. 283.
Таинъ-Тирхинъ, м. п. 209, 275, 276, 283.
Таинъ-Тэнгиръ, м. п. 209,
Тайхыръ-чило, мѣстн. 296.
Тай-янъ-гунь-чжу, ж. п. 304, 305.
Тай-янъ-ху, грд. 306.
Талай-ханъ, м. п. 277.
Талахаинъ-тала, мѣстн. 310.
Талха-вандыръ, кам. баба 311.
Тальхини-уланъ, г. 385.
Тамджанъ-чуджа, м. п. 283.
Тамджинъ-ханъ, м. п. 242, 246, 247, 276, 282.
Тамдинъ, м. п. 242, 283, 330, 335.

Digitized by Google

Тамерланъ, м. п. 186, 274.
Тамири-уланъ, г. 320, 334.
Тамиръ, р. 296, 307.
Тамиръ-сана, м. п. 336.
Тамунцо, ж. п. 189, 190.
Тамурсана, м. п. 126.
Тамчанъ, м. п. 242.
Тамчанъ-джабу, м. п. 283.
Тамчинъ-ханъ, м. п. 282.
Тамчинъ-чуджа, м. п. 283.
Тамчинъ-чойчжалъ, м. п. 241.
Тангре-кулъ, м. п. 275.
Тандукъ, мѣстн. 347.
Тандыкъ, г. 250; см. Тендыкъ.
Таисынъ-лама, м. п. 254, 267.
Танъ-ванъ, м. п. 203, 204, 256, 257, 286.
Танъ-чао-ванъ, м. п. 257.
Тао-вэй-сы мо ли, р. 307.
Тара, б. ж. 117, 210; см. Дара.
Тарбагатай, г. 212.
Тарва, м. п. 9, 11, 13, 15—17, 27.
Таргутай-Харалтукъ, м. п. 274.
Тарданакъ, м. п. 125.
Тартагай, лукъ 134, 161, 163.
Тарханъ-бо, м. п. 118, 244, 245, 266, 267, 276, 324.
Та-са-пу, дер. 200.
Тасъ-хара, м. п. 129, 130.
Татагата, м. п. 190.
Тафу, м. п. 270.
Тахигаръ, левъ 78.
Тахитъ-котль торумъ, м. п. 383.
Та-чжао-сы, мон. 206.
Тачжи-урянхай, хош. 290.
Та-ши-тянь, мон. 252.
Таши-хлумбу, мон. 283.
Ташканъ, м. п. 319.
Таяши-лама, м. п. 46—49, 58.
Таяши-Тарха-лама, м. п. 45.
Талнъ-ханъ, м. п. 128, 139, 215, 276, 285.
Тегусъ-цзокту-Монаханъ, г. 192.
Тезей, м. п. 218.
Тѐло, м. п. 364.
Темирсана, Темиръ-сана, м. п. 126, 127, 130.
Темиръ-Асынъ, м. п. 297.
Темиръ-бай, м. п. 120, 126.
Темиръ-боко, м. п. 244, 334.
Темиръ-бо́сь, м. п. 136, 336; см. Тэнгрiинъ-ху.
Темиръ-казыкъ, зв. 127, 319 330.
Темиръ-могусъ, м. п. 126.
Темиръ-олху, мог. 271, 339.
Темиръ-тайга, г. 320, 334.
Темиръ-цорго, р. 334.
Темиръ-цохуръ, м. п. 277.
Темиръ-черга, р. 334.
Темурчи, м. п. 191.
Темурчинъ, м. п. 244, 274, 334, 336.
Темуръ-ленгъ, м. п. 127.
Темуръ-олху, могила 267, 271, 303, 320.
Темучинъ, м. п. 117, 118, 123, 126, 186, 189—191, 242, 244, 247, 272, 274, 276, 277, 320, 334.
Тенгрiинъ-ху см. Тэнгрiинъ.
Тендукъ, мѣстн. 347.
Тендыкъ-Яндыкъ, г. 234, 249.
Тенекъ-ху, м. п. 178, 179.
Тене-ханъ, м. п. 180, 181.
Тене-ху, м. п. 180, 181.
Тере-норъ, оз. 211, 212, 214, 215.
Терхинъ-голъ, р. 307.
Терхiинъ-норъ, оз. 307.
Тесинъ-голъ, р. 306.
Тесъ, р. 307.
Тимучинъ, м. п. 278.
Ти-чинъ, м. п. 305.
Ти-чинъ-да-бо, м. п. 305.
Тлебица, м. п. 124, 130.
Тобоно-Гохонъ-Абаха, ж. п. 64.
Тогонцы, народъ 125.
Тогонъ, м. п. 228.
Тогосъ-Сокто, м. п. 45.
Тогулунъ-мергенъ, м. п. 327.
Тогусъ-цзокту, Т.-чокту, м. п. 192, 285.
Токто-тайджи, м. п. 304.
Токто-хото, грд. 304.
Токсоба, пл. 121.
Толи-зайданъ-тайгне, ж. п. 136.
Толуй, м. п. 123, 244, 245.
Томба-цаму-герь, ж. п. 40, 41.
Томба-Шигпа-тува, м. п. 236.
Томбу рэнчинъ, лош. 21.
Тёмбинъ-Жаргаланъ-Абахай, ж. п. 71, 72, 74, 101.
Т.-ж.-хатанъ, ж. п. 71—74, 77, 88, 92—97, 101, 104, 115.
Тёмбрше, Тёмбршн, м. п. 276, 336, 337.
Тонджюгъ, щенокъ 41.
Тончженъ, м. п. 40.
Тончжонъ, м. п. 40.
Тончжу-гарву, м. п. 40.
То-омоктай, м. п. 219.
Торгонъ-шара, м. п. 245.
Торгоуты, нар. 311.
Тёрбни-аманъ, мѣст. 116.
Тёрбни-хётёлъ, мѣстн. 116.
Торонъ-музыкай, м. п. 334, 339.
Торху, м. п. 285.
Торъ-Саганъ, Торь-Саганъ, сѣть, 45, 60, 65, 66, 80.
Тостогошъ, м. п. 324.
Тото-чинъ-сянъ, м. п. 303.
Тотурхай-Илгысэнъ, м. п. 136.
Тотырешъ, м. п. 122.
Тохта, м. п. 139.
Тохта-бики, м. п. 208; см. Тухта.
Тохтагулъ, м. п. 275.
Тохтамыжевъ, м. п. 274.
Тохтамышъ, см. Тохтомышъ.
Тохтоа, м. п. 285.
Тохтогаху, м. п. 245.
Тохтомышъ, м. п. 248, 267, 278—280, 285.
Тохто-тайджи-ханъ, м. п. 303.
Тохто-хото, грд. 303.
Тохту, м. п. 208, 209; см. Тухта.
Тохтугулъ, м. п. 285.
Тошю-ола, г. 302.
Траклинскіе цари 128.
Тубутъ-тангри, Т.-тэнгри, м. п. 257, 275.
Тугла-сэргуръ, Тугла сургэръ, м. п. 17, 18, 35.
Тугушинскіе цари и царства, 56, 57, 63, 71, 73.
Тугю, нар. 121, 289.
Туко-ханъ, м. п. 215, 255.
Тукю, нар. 215; см. Тугю.
Тулякъ, м. п. 125, 210.
Тумбинай-ханъ, м. п. 275.
Тумена-ханъ, м. п. 275.
Туменъ-джиргаланъ, ж. п. 126, 320.
Туметы, см. Барагунъ-Т., Тумоды.
Тумуръ-жиргылынъ, ж. п. 320.
Тумучи, дер. 44.
Тумэ-Ногонъ-духэ, ж. п. 126, 319.
Тумэ-Уланъ-ханъ, м. п. 71—73.
Тумюды, пл. 248.
Тунбаши, 253.
Тунва-ахырсынъ или Дунъ-ахорсынъ, страна 7.
Тунгъ-каратты-ханъ, м. п. 208, 209, 223, 224.
Тунгъ-шялъ, м. п. 139.
Тункъ-похъ, м. п. 320.
Тунъ-могай-хара-нюдунъ, ж. п. 157.
Тухоло, царство 125.
Тухта, м. п. 285.
Тухта-бики, Тухтай-б., м. п. 209, 271, 285.
Тухэ, р. 307.
Тушету-ханъ, м. п. 243.
Тыгзы-норджи-джаву, м. п. 203.
Тыгынъ, м. п. 228, 285.
Тызынъ, м. п. 228.
Тѣбъ-тэнгэри, м. п. 191, 192, 244, 247, 276.
Тэбэкъ-Ногонъ-Абаха (Абахай), ж. п. 63—65, 67.
Тэджи, м. п. 119.
Тэмэнъ-ногонъ, ж. п. 126, 320.
Тэмиръ-казыкъ, зв. 321.
Тэнгри-ола, г. 334.
Тэнгрiинъ-ху-тебикъ-уланъ-дзалута, м. п. 135.
Тэнгрiинъ-ху-темиръ-бо́сь, м. п. 135, 136.
Тюменъ-Джиргаланъ, ж. п. 127, 138; см. Туменъ-Дж.
Тюрунъ-Музыкай, Т.-М.-бурканъ, м. п. 114, 119, 129, 325.
Тянгара, м. п. 328.

Уакъ, м. п. 119.
Уакъ, покол. 120.
Убаши, м. п. 273.
Убиртыхъ-хормозды, м. п. 320.
Угарь, созв. 341.
Угей-норъ, оз. 213.
Угеръ, созв. 323, 341.
Угинъ-Саганъ-Абахай, ж. п. 63, 64.
Удактай, г. 116.
Удзонъ-Залайръ, м. п. 290.
Узунъ-жулъ, мѣстн. 340.
Уйгуры, нар. 326.
Уйленъ-ханъ, м. п. 124, 163, 164.
Уйлинъ, лош. 133.
Уймаръ-джумаръ, У.-ймаръ, р. 214.

Digitized by Google

Уйраты, поколѣн. 326.
Укаръ, созв. 324, 341.
Укинь-тэнгри, ж.п. 307.
Укко, м. п. 324.
Улакчинъ, м. п. 119.
Уланъ см. Ата-у., Буда-у., Буди-у.
Уланъ-нидунъ, зв. 329.
Уланъ-хонгоръ, м. п. 124.
Уланъ-хурхынъ, м. п. 168.
Уланъ-чики, мѣстн. 296.
Улгенъ, созв. 318.
Улгеръ, созв. 318.
Улгу-Уланъ-батаръ, м. п. 61.
Ули эджигенъ, созв. 318.
Улкеръ, созв. 323.
Улу-гсыгла-рэнчэнъ, чуд. 4, 31; (ср. Гсыла-рэнчэнъ).
Улы-гсыгла-рэнчинъ, чуд. 150.
Улыкэръ, созв. 322.
Ульберге, м. п. 156.
Ульгень, б. 216, 316.
Ульгере, 339.
Ульгяръ, созв. 339.
Ульдзэту-гоа, У.-гуа, ж. п. 270, 303.
Ульстеръ, страна 219.
Улэ-Бутэдэкъ, м. п. 45.
Улюгеръ, созв. 323.
Ундуръ-гэгэнъ, м. п. 242—248, 266, 267, 312, 383, 386.
Ундюръ-байсыхылынъ, г. 248.
Ункъ-ханъ, м. п. 191.
Унсуръ, м. п. 121.
Уоръ-вдше вяджери, созв. 319.
Уралтай-мамырханъ, м. п. 273.
Ураты, пл. 250, 326.
Урваши, ж. п. 127.
Ургялъ, созв. 276.
Урджлынъ-рембучи, м. п. 117, 231—233, 316.
Уріеръ, м. п. 117.
Уркилъ-Шолонъ, мѣстн. 321.
Уркёръ, созв. 324, 325.
Уркяръ, созв. 324.
Урма-Гохонъ-Абахай, Урмай-Г.-Аб., Урма-Г.-хатанъ, ж. п. 72—74, 77, 88, 96 — 101, 103, 105, 106, 115.
Уртай-шара-ханъ, м. п. 134, 135.
Уртень-тагъ, г. 212.
Урунъ-модонъ, дерево 254.
Уруньву, мон. 240.
Урусланъ-Зальазаровичъ, м. п. 125, 136.
Урусъ, 274.
Урусъ, нар. 126, 244, 311.
Урутъ, покол. 274, 275.
Уруудай, м. п. 274.
Уруутъ, покол. 274.
Урчукъ-тюбе, г. 212, 297.
Уръ, г. 325.
Усуни, нар. 272.
Усунъ-цзуйль, мѣстн. 340.
Усюнъ-джюль, У.-дзюль, мѣстн. 340.
Утай, мон. 229, 238.
Ута-Мангила-батаръ, м. п. 97, 98, 101, 105.
Ута-Манжилай-батаръ, м. п. 105.
У-та-сы, мон. 265.
Утей-сангунъ-агула, г. 229.
Утиное гнѣздо, созв. 324.
Утіана, м. п. 206.
Уту-шяра-бокб, м. п. 157, 159, 160.
Уха-Лобсонъ-ханъ, м. п. 75—77, 100—102.
Уха солбонъ, зв. 329, 338.
Ухуани, нар. 277.
Ухыръ-ола, г. 252.
Ухырь, созв. 341.
Ухырь-чило, г. 297.
Ухэръ, созв. 341.
Учжа-дабчжалъ, хр. 232.
Учъ мыйгакъ, созв. 328.
Учь-Курбустанъ, б. 128.
Ушинъ да, м. п. 164, 165.
Ушъ мыйгакъ, созв. 327.

Фафниръ, м. п. 270.
Февронія, ж. п. 342.
Филипъ, м. п. 139.
Фуюйскій государь, 124.

Хабата-Хасаръ-Моргонъ, м. п. 44, 48, 49, 59, 60, 111, 112.
Хабуту, м. п. 118.
Хаданъ-бахадуръ, м. п. 122.
Хадасы-чоло, г. 331.
Хаджиръ-Чингисъ-тэнгри, м. п. 128.
Хадынъ-дзюгэ, м. п. 122, 160.
Хазаръ-хаганъ, м. п. 312.
Хайду-ханъ, м. п. 273, 275.
Ханнкирва, б. 242.
Хакимъ-ата, м. п. 258.
Халхинъ-тэнгэри, б. 45, 52, 53, 55.
Хамами-Чжачи-Чикыръ, м. п. 44.
Хамуръ, г. 336.
Ханай-хэрь, г. 296.
Хангавай, Хангамай, м. п. 122, 136, 145, 190, 248, 277.
Хангай, страна 267; см. Алтанъ-х.
Хангинъ, покол. 208, 285.
Ханъ-бата, м. п. 329.
Ханъ-Гариде, Х.-гариди, Х.-гаруди, пт. 145, 207, 249, 293, 343, 344, 350, 351.
Ханъ-Гужиръ, м. п. 125.
Ханъ-тэнгри, г. 334.
Ханъ-Тюрмасъ-тэнгэрнинъ, б. 44—46, 51—63, 66, 75, 88, 91, 100, 111, 118, 128.
Ханъ-Ула, г. 74, 107, 109.
Ханъ-Хормусты, б. 186.
Ханъ-хотанъ, покол. 192.
Ханъ-хурмустенъ-ханъ, б. 184—186, 343; см. Хурмустенъ.
Ханъ-янъ, покол. 285.
Хара-Багинъ, ключь 301.
Харабсаръ, пт. 80.
Хара-гыргенъ, м. п. 276, 324.
Хара-Гэрэлтэ, книга, 46.
Хара-Гэрэлтэ-ханъ, м. п. 54, 95—97, 100, 104—106.
Хара-Зурха-моргонъ, м. п. 46.
Хара-иленъ, м. п. 164.
Харакчи-Тайбуцинъ, Х.-Тайбучинъ, м. п. 255.
Хара-Мурэнъ, р. 307, 308.
Хара-өбугюнъ, м. п. 230.
Харасага-Хара-батаръ, м. п. 61.
Харасандза-Джелаиръ-хунъ-тайджи, м. п. 273, 290.
Хара-Сута-ноенъ, м. п. 115.
Хара-Сутанъ, м. п. 73.
Хара-хушунъ, г. 116.
Хари-ванъ, м. п. 241.
Харидыкъ, пт. 158—160.
Харитай, м. п. 186.
Харчинъ, соб. 158—160.
Харшютъ, г. 297.
Хасаръ, м. п. 118, 129, 130, 222, 279, 336.
Хаси, м. п. 257.
Хасыкъ, нар. 281.
Хасыръ-басыръ, соб. 118, 327.
Хата-гайту-хара-халу, пл. 273.
Хатагинъ, покол. 331.
Хатализа-хара, м. п. 81, 82.
Хатамба, м. п. 202, 203.
Хатанъ, падь 73, 74, 77, 93, 96, 101, 102, 107—109.
Хатунъ-голъ, р. 130, 180, 267, 269, 278, 295, 303.
Хаягрива, б. 242, 283.
Хинсаши-батаръ, м. п. 61.
Хиралжинъ, г. 112.
Хиру-тэнгэри, 45, 52—54, 56.
Хламо, ж. п. 213, 339.
Хлачжинъ-цонва-гарву, б. 4.
Хобульдей-мергенъ, м. п. 323.
Ховатай-убугунъ, м. п. 171—173.
Ховугу, м. п. 122, 160.
Хожиръ, м. п. 81, 82.
Хо-лао-ло-цзя, грд. 252.
Хёмёръ-ула, г. 334, 335.
Хонджинъ, б. 208.
Хонинъ-Хотонъ, мѣстн. 55, 56, 107.
Хони-омокъ, м. п. 304.
Хонуръ-Бурханъ, ж. п. 45, 60, 76, 77, 101.
Хоншинъ, б. 248.
Хонъ, пт. 87, 89, 90, 95, 96.
Хонъ-тайджа, ж. п. 245.
Хонъ-Хормуста-тынгырей, м. п. 245.
Хоптыгъ-эмегенъ, зв. 208.
Хоргисэ-гарву, пт. 15.
Хоредой, м. п. 168, 186, 208.
Хоридай, Хоридой, м. п. 186, 208, 209, 239, 245, 271.
Хорису-Баджу, Хорису-Маджу, Хори-Сумаджу, м. п. 139.
Хоритай, м. п. 271.
Хормуста, б. 118, 128, 192, 270.
Хормуста-тэнгри, Хормуста-хаганъ, б. 376.
Хормусту-ханъ, м. п. 186.
Хородай-мергенъ, м. п. 135.
Хорхутъ, м. п. 122, 332, 333.
Хортонъ, м. п. 208, 209.
Хорульдей-богдо, Хорульдей-мергенъ, б., м. п. 161—163.
Хоръ, страна и народъ, 12, 14—21, 27, 28, 30, 32—36.
Хоръ-Банда-чжи-чжаву, м. п. 44.
Хоръ-Бандэра, г. 301.
Хоръ-Куркэръ-чжи-чжаву, м. п. 44.
Хоръ-Курныгъ-чжи-чжаву, м. п. 44.
Хоръ-кэркэръ-чжаву, м. п. 3, 4, 14; см. Кэркэръ-чжаву.

Digitized by Google

Хоръ-Чагэнъ-чжаву см. Чагэнъ-чж.
Хотанъ, грд. 190, 211, 214, 217, 218, 252.
Хото-гайду, Х.-гайту, пл. 135, 273.
Хото-гайду-карагула, Х.-гайту-к., м. п. 273.
Хото-гойту, пл. 273.
Хохо-Гэрэлтэ, книга 46.
Хоходой, м. п. 120.
Хохосо, м. п. 120.
Хо-чжоу, грд. 306.
Хо-чжунъ-танъ, м. п. 238.
Хуанъ-хэ, р. въ киданьскомъ царствѣ, 307.
Хуа-солбонъ, зв. 338.
Хугэлъ-Эмши-батаръ, м. п. 98.
Хугэнъ-Эмшинъ-батаръ, м. п. 61.
Худа-хайту, г. 273.
Хулана, ж. п. 130.
Хуланъ-хатунъ, ж. п. 267.
Ху-ланъ-чуань, мѣстн. 306.
Хули, м. п. 284.
Хулугу, м. п. 125.
Хумъ-далай, м. 334, 340.
Ху-нань, провинція 225.
Хунгъ-Бэгэджи, ж. п. 270.
Хунгъ-Бэгэдзи, ж. п. 270, 302.
Хунгъ-табынъ-одунъ, созв. 340, 341.
Хунъ-тайджи, м. п. 245.
Хунъ-тайджи см. Отханъ, Харасандза, Сенгенъ.
Хунъ-тайжи, м. п. 129.
Хуренъ-бельчиръ, мѣстн. 307.
Хурій, м. п. 139.
Хурмустанъ Галто, м. п. 270.
Хурмустенъ-ханъ-тенгиръ, б. 185; см. Ханъ-хурмустенъ-х.
Хурмусту, б. 283.
Хурмуше, м. п. 128; см. Андзынъ-х.
Хурэ-хара-батаръ, м. п. 97.
Хусыкэнъ, ж. п. 273.
Хуту-гайту, г. 273.
Хутула-каанъ, м. п. 118.
Хуухунъ-хутухту, м. п. 261.
Хуханье, м. п. 272.
Хухенъ-хутухта, м. п. 319.
Хухулэй мыргынъ, зв. 328.
Хухулэй хонръ нохай, зв. 328.
Хухулэйнъ годоли, зв. 328.
Хухулэнъ хухшинъ саганъ-моринъ, зв. 328.
Хуху-норъ, оз. 125, 127, 202—206, 211—214, 216, 257, 282, 297.
Хуху-хото, грд. 264—266.
Хухэй, мѣстн. 384.
Хэ-бо, б. 124.
Хэлгэнъ-саганъ-заянъ, м. п. 324.
Хэли, м. п. 346.
Хэрэкъ-кирвэсъ, м. п. 124, 126, 128, 319.
Хэрэтуйская степь 94.
Хэ-чжоу, грд. 306.

Цаганъ-баргунъ, нар. 311, 384.
Цаганъ-дара, Ц.-д.-еке, Ц.-д.-экэ, Ц.-дареке, Ц.-дарихе, Ц.-дариху, б. ж. 130, 159, 160, 189, 210, 213, 270, 303, 339.
Цаганъ-Лабай-гэткукчи, м. п. 157.
Цаганъ-тирхинъ-норъ, оз. 303.
Цаганъ-ханъ, ж. п. 189, 274, 280.
Цагдуръ, м. п. 234.
Цадуръ-намугэнъ, м. п. 197.
Цадуръ-рембучи, м. п. 197.
Цаннай, м. п. 275.
Цасунъ-цаганъ, ж. п. 157, 158.
Цзаду-рахи, м. п. 316.
Цзалъ-куйрукъ, лош. 210.
Цзальгидыкъ емегенъ, зв. 317, 337.
Цзонкава, м. п. 191, 205, 233, 236, 237, 239, 240, 245, 265, 283; см. Зонкава.
Цзюй-ши-линъ-цзя, г. 252.
Цинъ-чжунъ, мог. 271.
Цогцогъ, созв. 322, 324, 329.
Цёдей-ханъ, м. п. 274.
Цоктай, м. п. 266, 267, 285, 338.
Цоктай-ханъ, м. п. 208, 209, 248, 275, 284.
Цокцогъ, созв. 329.
Цолбонъ, Цолманъ, Цолмонъ, Цолмунъ, Цолмынъ, зв. 129, 285, 329, 337, 338.
Цонхынъ-нима-мбынъ, м. п. 11.
Цорки-дорчжи, цвѣтокъ 232.
Цоросъ-Бодунъ, м. п. 186, 255, 274, 278, 334; см. Бодунъ.
Цохтай, м. п. 338.
Цумбуръ, г. 248, 336; см. Баянъ.
Цундуръ, г. 336.
Цунъ-линъ, м. п. 292.
Цэрэковъ панцырь 121.
Цэцэнъ-ханъ, м. п. 247.

Чаволай, м. п. 290.
Чаганъ-абита, мон. 251.
Чаганъ-балгасунъ, мѣстн. 293, 294, 298, 299.
Чаганъ-дарихе, б. ж. 269.
Чаганъ-досунъ-ханъ, м. п. 153.
Чаганъ-муренъ, р. 306.
Чаганъ-обугюнъ, м. п. 230.
Чагэ-мунго-мончугъ, м. п. 15—18; см. Мунго.
Чагэнъ-чжаву, Хоръ-чагэнъ-чж., м. п. 3, 4, 8, 9, 15, 16, 18, 36.
Чакра, б. 246, 254.
Чаксу, м. п. 275.
Чалубей, м. п. 290.
Чангывъ, м. п. 191.
Чандрагоминъ, м. п. 228, 245—247, 262, 319, 368, 385.
Чандрагупта, м. п. 146.
Чандра-двипа, остр. 246.
Чандракирти, м. п. 228, 263.
Чанъ-омоктай, м. п. 261, 262.
Чанъ-хой, м. п. 261, 262.
Чань-ань, грд. 206, 286, 288.
Чао-джюнъ, ж. п. 266, 302, 303.
Чао-чжинъ, Чао-чжюнъ-фынъ, мог. насыпь 289, 302, 303.
Чахыръ-салнъ, м. п. 277.
Чеботокъ, м. п. 332.
Чеды-ганъ, созв. 320.
Чеды-ханъ, созв. 318.
Чекчекей, ж. п. 325.
Чельбегень, чуд. 339.
Четы-канъ, созв. 318.
Чехгэръ, созв. 385.
Чечекъ-бучюкчи, ж. п. 137, 138.
Чечинъ-кызъ, ж. п. 122, 248, 277.
Чжагыръ-дорджитанъ, страна 237, 240.
Чжакыръ-чжалву, м. п. 232.
Чжакэ-нигу-сытунъ, м. п. 34, 35.
Чжамуха, м. п. 271.
Чжамхакъ, р. 269.
Чжанчжа-хутухта, м. п. 267.
Чжанъ-тешь бакшінъ яманъ-хоро, созв. 341.
Чжанъ-хой, м. п. 263.
Чжанъ-ё, м. п. 263.
Чжанык, страна 12, 14, 15.
Чжань-мохе, м. п. 211.
Чжао-гюнъ, Ч.-гюнь, Ч.-цзюнь-нянъ-нянъ, Ч.-чжинъ, Ч.-чжюнъ, ж. п. 271, 272, 290.
Чжарсэй-чжаву, м. п. 9, 11, 13, 15, 16, 18, 27, 33, 34, 36, 126.
Чжарсэй-шякыръ-мбумэ, м. п. 3.
Чжасырчжи, м. п. 237.
Чжасы-фоту, созв. 326.
Чжачжукъ-марву-цонге-тончжау, мѣстн. 14.
Чжашинъ-чи, мѣстн. 241.
Чжаянъ-чжанпа-сэнъ, м. п. 240, 241.
Чжиланъ, лош. 41.
Чжочжуто-рембучи, м. п. 236.
Чжуанъ-ванъ, м. п. 225.
Чжумынъ, м. п. 124, 190, 301, 302.
Чжучинба, б. 230.
Чигирь, зв. 385.
Чигныгъ-Асынъ, м. п. 20—22; см. Асынъ.
Чигсанъ, м. п. 264.
Чика-арасу, соб. 6, 124.
Чикиту см. Го-Ч., Ойо-Ч.
Чикты см. Аю-ч.
Чилгэръ, м. п. 209, 271.
Чилету, м. п. 209, 271.
Чилоту, р. 303.
Чилунъ-ташюръ, м. п. 139.
Чими-ами-кургэль, м. п. 15; см. Аму-кургэль.
Чингисъ-богдо, м. п. 251, 267, 269, 282, 296, 297, 299.
Чингисъ-ханъ, м. п. 117—119, 122, 123, 126, 128, 129, 139, 168, 191, 208, 209, 213, 215, 216, 221, 222, 231, 242, 244, 245, 247, 251, 252, 254, 255, 266—280, 282, 284, 285, 289, 290, 294, 296, 299, 300, 303, 305—307, 312, 320, 325, 326, 330, 334, 336, 338, 339, 346, 347, 384, 386.
Чингисъ-Кэзэръ-кайраканъ, м. п. 118.
Чингисъ-Хаджиръ-бо, м. п. 118.
Чингисы, м. п. 305.
Чингій, м. п. 280.
Чинъ-Тимуръ, м. п. 337.
Чи-танла, соб. 6.
Чичагъ, пт, 325.
Чи-чжа-лао-ё, м. п. 256.
Чи-шуй-гуань, застава 263.
Чоджи-джабу, м. п. 283.

Digitized by Google

Чоджинъ, ж. п. 302.
Чой-чжалъ, б. 216, 307, 384.
Чолбонъ, Чолбонъ-хоту, зв. 337.
Чолляцъ, зв. 338.
Чолманъ, Чолмонъ, Чолпонъ, зв. 337—339.
Чононъ-гурбанъ-нюдунъ, созв. 341.
Чононъ хоиръ нюту, созв. 341.
Чонунъ-бэль, м. п. 277.
Чотонъ, Чотонъ-ака, м. п. 117, 119, 121, 125, 127, 303.
Чотонъ-чжаву, м. п. 3, 6, 7, 9, 12, 14—16, 18, 28—30, 36; см. Ака-Чотонъ.
Чохчогъ, созв. 322, 324.
Чочжа, м. п. 237, 239.
Чуань-ку, грд. 288, 290, 292.
Чу-ба-чже, м. п. 254, 256.
Чугэйгэрь, созв. 324, 385.
Чунцэй-гаму, ж. п. 10, 20, 27.
Чунъ, пт. 9, 298.
Чунъ-ченъ-гарву, пт. 41.
Чуу-хунъ-ву, м. п. 303, 304.
Чухломское озеро 278.
Чюнкырь, теленокъ 41.

Шажага-номонъ-ханъ, м. п, 95—98.
Шажагатыйская степь 94.
Шакджа, Шакджа-мунн, м. п. 239.
Шакчжитоба, б. 315, 316.
Шаманскій камень, 127, 212, 297.
Шантиварманъ, м. п. 117, 208, 210, 214, 222, 223.
Шарабуловы цари, 54, 95—101, 103—106, 115.
Шара-Гэрэлтэ книга, 46.
Шара-Гэрэлтэ-ханъ, м. п. 54, 95, 97, 100, 105, 106.
Шара-Зурха-моргонъ, м. п. 46.
Шара-Сэсэкъ-Абаха, ж. п. 95—97.
Шаргарданъ-чжамцу-сэнъ, м. п. 240.
Шареголынъ гурбанъ-ханъ, м. п. 221.
Шарисынъ-ханъ, м. п. 139.
Шарусепъ-голъ, р. 251.
Шарханъ, ж. п. 57.
Шатакъ, земля 62, 74.
Ша-хай, грд. 238.
Шацгай-ханъ, м. п. 152, 154, 157, 207.
Шенъ-цай, м. п. 226.
Шеше-хатунъ-ибн, ж. п. 277, 342.
Шибогэни, Шибэгэни-бурханъ, б. 73.
Шибэгэни-Сагань, Шибогэни-сагань, м. п. 45, 58, 65, 73.
Шигемуни, б. 123.
Шигустей-кутухту, м. п. 247.
Шидургу, м. п. 209, 213, 217, 267, 278, 285, 289, 290, 303, 330; см. Шудургу.
Шидургу-тюлгунъ-ханъ, м. п. 270, 278.
Шидургу-тюлгучи-ханъ, м. п. 269.
Шидургу-ханъ, м. п. 279.
Шидырванъ, м. п. 245, 246, 266, 278, 326.
Шикчжи-мунн, б. 219.
Шикэръ-тайго, 319.
Шилъ, м. п. 246.
Шильдэ-дзанги, м. п. 307, 308.
Шингисъ, м. п. 190, 285.
Шингисъ-шерэтэ-богдо, м. п. 45, 48, 49, 59.
Шингъ, грд. 377.
Шингысъ, м. п. 275, 280, 312.
Шинкиба, м. п. 239.
Шинъ-ся-норъ, оз. 200, 234, 308.
Шинъ-чжяръ, ж. п. 225.
Шинъ-чжи-шанъ-нойонъ, м. п. 225.
Шира-муренъ, р. 306, 307.
Шира-хото, грд. 198.
Ширинъ, м. п. 208.
Шисы-баба, м. п. 256.
Шитургу-Тюльгенъ, м. п. 269.
Шитыръ-тюльгунъ, м. п. 302.
Шиси, м. п. 257.
Шихпадорчжи, б. 198.
Шихэръ-тайху, ж. п. 319.
Шкуропётъ, м. п. 129.
Шодо-зайсанъ, м. п. 307, 308.
Шолбанъ, зв. 338.
Шолмо, Шолмонъ, чуд. 138.
Шолудивый Буняка, Шолудько-Буняченко, м. п. 211.
Шонгъ-гуршинъ, зв. 341
Шоно, м. п. 129, 130.
Шоно-доитъ. м. п. 208.
Шоно-нонинъ, м. п. 44.
Шононъ дербунъ нюдынъ, созв. 341.
Шо-янъ-гунь-чжу, ж. п. 304, 305.
Шу-анъ-гунь-чжу. ж. п. 304, 305.
Шубасара, м. п. 117.
Шудургу, м. п. 129, 130, 217, 266, 285, 303; см. Шидургу.
Шудурманъ, м. п. 129.
Шумаръ см. Анзанъ-ш., Буданъ-ш.
Шуно, м. п. 125—127, 129, 130, 280, 289, 336.
Шютургу-Тюльгенъ-ханъ, м. п. 268.
Шялъ, м. п. 138, 139.
Шянба, м. п. 211, 228, 235, 236, 246.
Шянба-мэри, м. п. 17—19, 27.
Шянба-нибдынъ, чуд. 7.
Шянъ-танъ, деревня, 288.
Шяра-бокё, м. п. 157, 158.
Шя-чунъ, мон. 236, 237, 298.

Ѣди-тублухъ, м. п. 320.
Ѣкэ-чжэрянь, м. п. 269.
Ѣлике-хала, м. п. 346.
Ѣсугань, ж. п. 269, 275.

Эгей, м. п. 218.
Эджигенъ, созв. 318.
Эджинъ-Чингисъ, м. п. 296.
Эдзенъ-сульде, б. 340.
Эдзигенъ, созв. 318.
Эдигенъ, созв. 318.
Экиритъ, м. п. 346.
Экэри, м. п. 346.
Экэ-Чилету, м. п. 209.
Элбэкъ-ханъ, м. п. 270, 290.
Элхэгэ-ула, г 109.
Эмайка, мѣстн. 219.
Эмдо, страна, 197.
Эмэршинъ-тэнгэри, б. 45, 52, 53, 55.
Энгирэхэнъ-джу, хр. 216.
Эндури, б. 248.
Эргилъ-буга-ноинъ, м. п. 324.
Эрдени, камень 60, 62, 65, 70.
Эрдени-дзу, б. 210, 218.
Эрдени-дзу, мон. въ Халхѣ 217, 222, 306, 310.
Эрдени-хараликъ, см. Эрдэни-Х.
Эрдени-ула, г. 210, 310.
Эрдэне-абахай-цэцэкъ, м. п. 208.
Эрдэне-цэцэкъ, ж. п. 208.
Эрдэни-цзао, мон. 207; см. Эрд.-Дзу.
Эрдэни-дзу, мон. (въ Халхѣ) 129 130, 207, 210, 217, 218, 222; см Эрд.-цзао.
Эрдэни-хараликъ, м. п. 161, 168, 192, 208, 210, 223, 227.
Эржинъ-Шумаръ-батаръ, м. п. 61, 78, 109, 111, 112.
Эркигитъ, м. п. 346.
Эрке-хара, м. п. 346, 347.
Эркинъ-дологонъ-кумунъ-сандалиту-хаганъ, м. п. 320.
Эркэ, м. п. 347.
Эркэгутъ, нар. 347.
Эркэ-мергенъ, м. п. 207.
Эркэунъ, нар. 135, 346.
Эркэ-хара, м. п. 135.
Эрликъ-ханъ, б. 114, 207, 277; см. Ерликъ.
Эрлэнъ-ханъ, б. 207, 244; см. Ерликъ, Эрликъ.
Эрръ-ланъ-ченъ, мѣстн. 384.
Эртене, мон. 285.
Эртене-мергенъ, м. п. 125, 123, 135, 207, 209, 210, 223, 346.
Эрте-уланъ-хунъ-тайджи, м. п. 347.
Эртэ, м. п. 135.
Эртэне, м. п. 135.
Эртэнъ-эргэ, м. п. 207.
Эртэнэ-мергенъ, см. Эртене-м.
Эртэ-сайнъ-хунъ-тайджи, м. п. 135.
Эрхе-мергенъ, м. п. 345.
Эрхи-мергенъ, м. п. 345, 346.
Эрхэ-Анзанъ-батаръ, м. п. 61, 97, 98, 100, 101.
Эрхэ-Билектэ, м. п. 45, 346.
Эрши, грд. 125.
Эрши-гянь-гунь, Эршы, Эршыскій, м. п. 125.
Эръ-Элляй, Эръ-Эльяй, м. п. 278.
Эрэндахъ-Бурэндахъ, м. п. 325.
Эрякя-жярякя, б. 346.
Эсеге-маланъ, м. п. 277.
Эсугай, Эсугей, м. п. 168, 247; см. Есугай.
Эсэгэ-маланъ-тэнгэри, м. п. 46, 64, 161, 168, 186, 277, 342.
Этугэнъ, б. ж. 278.
Этыкенъ, созв. 318.

Юджіянь (Бѣлый), м. п. 325.
Юдя, м. п. 354.
Юкагайненъ, м. п. 278.
Юлай, м. п. 190.
Юла-илакъ, мѣстн. 122.
Юнло-донжу, м. п. 200.
Юпитеръ, зв. 242, 329.

Digitized by Google

Юргялъ, Юргяль, созв. 127, 324.
Юрунъ-Музыкай, м. п. 129.
Юрюнгъ-ан-тоенъ, м. п. 386.
Юрюнгъ-уоланъ, м. п. 386.
Юрюнь-хатунъ-иби, ж. п. 277, 342.
Ютянъ, грд. 190.
Ю-хуанъ-ѣ, б. 256.

Ява-яныръ-рхсынъ, м. п. 283.
Явей-чаганъ, м. п. 133, 135.
Якъ-ханъ, м. п. 328.
Ямаганъ-шолмо, чуд. 124.
Ямантака, м. п. 224.
Яндыкъ, г. 234; см. Тендыкъ.
Янъ-ву-ланъ, м. п. 304.

Янь-дже-ма, Янь-чжи-ма, лош. 125 261, 306.
Янь-чжи-чуань, р. 306.
Яру-Цзампо, р. 233.

Оаворъ, г. 336, 351.

Abar-Sabir, Abir-Sibir, страна 335.
Aghola Oergöktschi Büke, м. п. 120.
Aldang-Gadassu, 331.
Andun Tsching Taidschi, м. п. 222.
Angdulmanchan, чуд. 128.
'Angka, пт. 350.
Aracho, м. п. 316.
Argon, нар. 347.

Bâdâmi, хр. 336.
Balchija, ж. п. 210.
Baliq, г. 191.
Bar juchre, пт. 350.
Berke Schidurgho taelgen khan, м. п. 384.
Bitiou, м. п. 139, 148, 149, 218.
Bosy Körpäsch, м. п. 119, 278.
Bugra-chan, м. п. 258.
Buke-Tschilger, м. п. 209.
Bukra-chan, м. п. 258.
But Tyngry, м. п. 191.

Chajanggiriwa, б. 283.
Chakdor, б. 316.
Changius, м. п. 191.
Chara-chang, ж. п. 129.
Chintsa-tsio, ж. п. 239.
Chu-ko, м. п. 263.
Cokza, м. п. 191.
Cunachmar, покол. 191.

D'âkinis Dschnâna-Goschja, б. ж. 208.
David, м. п. 275.
Denis, м. п. 276.
Djildiz-col, оз. 332.
Djit kules bözerag at, лош. 320.
Dschadanaringun dabagha, перевалъ 217.
Dudpo, страна 270.

Ede Kiurghan, мѣстн. 320.
Erdeni-Ssara, м. п. 192.

Fou-pen Feou-thou, б. 190.

Gaddasun, зв. 328.
Gali-tieghin, м. п. 310.
Garuda, пт. 350.
Gassalan ügei Nomuhn chan, м. п. 136.
Ghoumara-chri, м. п. 206.
Grips, пт. 350.
Gunnar, м. п. 270.
Gurban-yrdaenaéh, 331.
Gvison Tamba, м. п. 243, 265.

Halaxi, 340.
Hoan Chen Tsaï, м. п. 226.
Högni, м. п. 270.
Ho lao lo kia, грд. 190.

Ibir-Sibir, страна 335.
Inandj Belgeh Buka chan, м. п. 255.
Itegel, 136.
Itegel Arsslan chaghan, м. п. 136.
Itel, 136.

Jeliku, м. п. 346.
Juolun-tieghin, м. п. 310, 311.

Kalla parneh, созв. 328.
Khio-ki (Tcheu-tchi), страна 206.
Khouli-takh, г. 310.
Kidân chan, м. п. 122.
Kin-lian, ж. п. 310.
Ködon kan, м. п. 122.
Ködön-pi, м. п. 122.
Kötsün-kan, м. п. 228.
Külük Bogordschi, м. п. 215.
Kürlak, мѣстн. 122.

Lhamo, Lhamu, б. ж. 270, 303, 339.
Lo-heou-lo, м. п. 190.
Lombo-Moke, м. п. 239.
Lou-tcheu, б. 190.
Lung-ch'ü tao, остр. 216.

Mânasa, оз. 246.
Mandara, г. 336.
Mauhat, нар. 274.
Menglik-Iska, м. п. 191.
Miao Chen, ж. п. 226.
Miao-Tchoang, м. п. 226.
Mondorgon-oola, г. 384.

Nandson, м. п. 222.
Nauman cura, мѣстн. 326.
Naymans, пл. 266.
Nieou to vang, м. п. 217.
Nilom-Tala, мѣстн. 303.

Oikhan, г. 271.
Okkin-tängri, б. ж. 270.
Oldscheitu Chung Beidschi, Oldjeitu-chung-goa-beidji, ж. п. 270, 303.
Oldschibai, м. п. 118.
Olgon, мѣстн. 271, 303, 339.
Ormön-bet, м. п. 119.
Oros, нар. 274.
Orot, нар. 274.

Pao Teh, м. п. 226.
Piliging chär, лош. 114.
Pi lou tchena, м. п. 190.
Pi tchi fo, м. п. 190.
Pohjan tähti, зв. 331.
Prestre-Jan, м. п. 266.

Qatagan, покол. 331.
Qong qomâr, покол. 192.
Qouri Soumâdjou, м. п. 139.

Rukh, пт. 350.

Sässâ Schikâr, м. п. 128.
Scharlak, мѣстн. 122.
Scharong-Gassur, башня 205, 216.
Shariputra, б. 217.
Shinja, м. п. 270.
Selesni coll, зв. 330.
Selmenn, зв. 329.
Sibir-Abar, страна 335.
Simurgh, пт. 350.
Sodnam rGjamtso, м. п. 191.
So ma jo, мон. 190.
Soon Tserictu, м. п. 136.
Sora-chenim, ж. п. 119.
Sübür, г. 334, 335, 336.

Täji-pascha, м. п. 119.
Tamuzin, м. п. 191.
Tanikân, м. п. 139.
Ta scharo szu, мон. 206.
Tcheu-tchi, страна, 206.
Tegus Tsoktu, Tegüs Tsoctu, м. п. 192.
Temur Olcho, мог. пас. 303.
Tenduc, мѣстн. 347.
Tengeri-yu-takh, г. 310.
Theghthoum, покол. 191.
Thingiz, м. п. 186.
Todorchoi Ilaguskan, м. п. 136.
Tsoktsassun-Dschiruken, м. п. 192.
Tsong-kaba, м. п. 239.
Tvachtri, м. п. 246.

Ukko, м. п. 331.
Ukon poika, м. п. 324.
Ulâmtshi, зв. 329.
Urghien, м. п. 233.

Wâinämöisen meikka, созв. 328.
Wâinämöisen's wikate, созв. 328.

Vaisramana, б. 217.
Vajrapani, б. 316.
Vennou, пт. 149.
Venus, зв. 329.
Viçvarotipa, м. п. 246.

Xwei-tsan, м. п. 230.

Yzyt-khan, м. п. 277.

Zingis-Chan, м. п. 191.

Digitized by Google

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ II-МУ ТОМУ.

Алмасъ, 351.
алтынъ дельхе, 315.
альбинъ, 56, 62, 84; восточный, 92.
альбинъ-тама, 92.
амбаръ желѣзный, 105, 106, 113.
ангиръ, 243, 245, 246, 383.
арайанъ-коройонъ, 341.
арашанъ, 251.
арикшанъ, 162.
аршанъ, 256.
ахманъ, 296.

Баба каменная, 311.
бабка (кость) 115.
бабочка, 344.
багульникъ, 37.
бадмаракъ камень, 174.
бамбукъ, 227.
барабанъ, 217; золотой, 71, 107; серебряный, 71, 107.
баранъ, 194, 235, 324, 343; желтолысый, 155; черный, 92.
баргутъ, 273.
батаръ каменный, 91.
башмакъ, 149, 241, 303.
башня (субурганъ), 332.
береза бѣлая, 106.
березовая лопата, 112.
беркутиха, 329.
беркутъ, 324, 329.
бобъ красный, 156.
богатыри, 123, 124.
боди, 350.
большой палецъ, 345.
бородавка, 332.
браслетъ, 19; золотой, 224.
брусъ точильный, 13, 42.
бубенъ, 22, 298, 329, 338, 339.
будене-оготонъ, 154.
булавка, 136.
бунчукъ, 326.
бурундукъ, 344.
бутылка, 137.
бухерь, 220.
быкъ, 13, 89, 144, 168, 199, 215, 241, 283, 307; сивый, 143, 158, 159, 201—203, 205; рыжій, 238.
бычьи рога, 199, 255; бычья голова, 255, 329; б. шкура, 228.
бѣлая, ое, ый: альбинъ, 56, 62; береза, 106; волосы, 75; вошь, 56; глазъ, 95, 112; глина, 34; гора, 44; жаворонокъ, 49; жеребенокъ, 62; заяцъ, 321; змѣя, 26, 143; знамя, 274; камень, 45, 60, 62, 65, 66, 70, 282; книга, 46; коза, 202, 205; козелъ, 203; козуля, 45; конь, 34, 61, 219, 328; лошадь, 249, 250, 307; море, 56, 62; нитки, 24, 25; орелъ, 324; парусъ, 218; птица, 5, 18, 40; старикъ, 328; цѣпь, 45; шуба, 34; юрта, 325; ягненокъ, 184.
бѣлоголовый старикъ, 141.
бѣло-серебряный дворецъ, 57, 58, 63, 64, 71—73, 75, 81, 85, 86, 93, 96, 101, 102, 107, 108.
бѣлымъ-бѣлый конь, 78.

Ведро, 43, 279, 385; в. золотое и серебряное, 156.
верблюдъ, 69, 124, 140, 141, 158, 194, 221, 223, 242, 247, 319, 331, 342, 343, 355; в. золотой, 160; черный, 161.
вересъ, 64, 88.
веретено, 39, 132, 212, 382.
вино, 9, 44, 49, 82, 83, 138, 276, 291, 292.
винокуренная труба, 346.
вихорь, 147, 149.
вода, 18; животворная, 22, 218; кипящая, 156.
водяной царь, 150.
войлокъ, 151.
волкъ, 13, 32, 115, 116, 127, 138, 171, 179, 186, 229, 274, 280, 287, 336—338, 382; в. сѣрый, 115.
волосъ, 14, 132, 176, 241; волосы, 148, 157, 158, 176, 254.
волчица, 170, 289.
волчій глазъ, 341.
волчья нора, 137, 138.
волшебство, 56, 85, 103, 104, 108, 111, 116.
воробей, 349.
ворожея, 5, 39.
ворона, 39, 42, 178, 186, 216, 235, 253, 278; в. золотая, 297; черная, 89, 90.
вороная кобыла, 321.
воронъ, 14, 23, 42, 235; черный, 87, 95, 96, 325.
воръ, 164, 319.
восемнадцать, 3, 26.
восемь: братьевъ, 326; бѣлыхъ юртъ, 325; вьюковъ, 34; годовъ, 79; лошадей, 123; лу (драконовъ), 177; пуповъ, 332; разъ, 76; соловыхъ мериновъ, 244; сторонъ, 75; хановъ, 107—109.
восемьдесятъ: телегъ, 310; цвѣтовъ, 61.
восемьдесятъ восемь узловъ, 46, 60, 80.
восемьдесятъ одинъ быкъ, 144.
восемьдесятъ семь пуговицъ, 46.
восемьсотъ восемь, 27, 28.
восточные: тэнгерины, 51; альбинъ, 92.
восьминогій конь, 155.
восьминожное знамя, 326.
вошь, 56, 57.
вшивый тамъ, 84, 85.
вымя, 175.
вѣдьма, 325.
вѣнецъ золотой, 224.

Гадатель, 22.
гвоздь, 20, 22, 329, 330.
гза (чуд.), 149.
глазъ, 55, 129, 184, 227, 309, 324, 334; г. бѣлый, 95, 112; волчій, 341, красный, 329.
глухариное перо, 103.

Digitized by Google

гнѣдая лошадь, 134; темно-гн. 58, 60, 61, 74—76.
голова, 101, 102, 208, 244, 246, 284, 320; бычья, 329; коровья, 255, 341; отрубленная, 81, 82, 209, 244, 248, 275, 276, 285.
голубь, 29, 42, 250.
гора, 13, 15, 22, 38, 42, 73, 74, 88, 107, 109, 111, 115, 117, 142, 161—167, 176, 231, 232, 239, 275, 310, 315, 324, 334, 351; г. желѣзная, 320; горы толкучія, 176.
горлица, 39, 250.
горло, 21.
городъ, 11, 31; г. стеклянный, 153, 317.
горохъ, 26, 43, 44, 104, 133, 140; г. желѣзный, 133.
горшокъ, 320; г. золотой, 331.
горячій ячмень, 8.
гошира, 206.
градъ, 324, 349; желѣзный, 156.
гробъ, 122.
гроза, 7.
громъ, 21, 26.
гуйндо эрдени, 309.
гусли, 216.
гусь, 182, 193.

Дагине, 133.
дада, 247.
далай-лама, 248.
дарихе, 224.
дарханъ, 245.
дархатъ, 244, 245.
два, 13, 310; два: быка, 13; будене, 140; волка, 13.
двадцать дѣвицъ, 200; дарихе, 224; козловъ, 239.
двадцать одинъ, 144, 157.
двадцать одна дѣвица, 204.
двадцать три, 74, 103, 104.
дворецъ, 217.
дворецъ бѣло-серебряный, 57, 58, 63, 64, 71—73, 75, 81, 85, 86, 93, 96, 101, 102, 107, 108; стеклянный, 178.
двѣнадцатиголовый, 114.
двѣ собаки, 310, 328.
девяносто, 61.
девяносто девять пуговицъ, 46, 60, 80.
девятиножное знамя, 326.
девятирогій, 3.
девятиэтажная яма, 43.
девять, 244.
девять: альбиновъ, 56, 62; бунчуковъ, 326; вѣтвей (главъ), 115; дней, 88; ключей, 64, 88; кузнецовъ, 116; кузнечныхъ батаровъ, 61; лѣтъ, 27, 213, 235; попугаевъ, 186; роговъ, 3, 23; саженъ, 28, 29. 134, 158; слугъ, 244; стрѣлъ, 174; сутокъ, 55, 89, 111, 115; таёгъ, 88; тамовъ, 84.
дегтярный тамъ, 84.
дерево, 14, 39, 147, 149, 150, 155, 182, 193, 199, 222, 232, 233, 239, 244, 253—255, 312, 333, 351, 385; д. дзанданъ, зандапъ, замбы-дзанданъ, 163, 207, 224, 232, 236, 254, 279; д. сандальное, 220; черное, 60, 62, 85, 90.
десять: горъ, 43; дней, 23.
джада камень, 352.
джилликей, 333.
джиракы, 136, 346.
джунъ, 149.
джурхайчи, 200.
дзанданъ, 207, 220.
доенье, 237.
дождь, 256; песчаный, 252, 331.
домъ желѣзный, 120.
дорликъ, 46.
дорчжи, 316.
дочь мѣсяца, солнца, Плеядъ, 161.
драгоцѣнность, 136, 137, 207, 222, 309.
драконъ, 149, 150, 177, 221, 305, 306, 342, 354, 355.
дрофа, 173.
дубъ, 333.
дурцы, 22.
духъ кузнечный, 337.
дымъ, 38.
дѣвицы, 39, 160, 161, 226, 324, 329, 385.
дѣвы-лебеди, 209.

Ежъ, 124, 277.

Жаворонокъ, 47—50, 119; бѣлый 49; сѣро-пестрый, 64.
жаръ, 75, 94.
желтая, ое, ый: 247; альбинъ, 56; вошь, 56; гора, 44; книга, 46; лукъ, 45; море, 56, 62, 75, 97, 100, 101; туманъ, 93; щенокъ, 95—97, 153.
желтолицый человѣкъ, 161.
желтолысый баранъ, 155.
желто-мѣдно-серебряная лисица, 83.
желудокъ, 38, 40.
желѣзная, ое, ый: амбаръ, 105, 106, 113; гора, 320; горохъ, 133; градъ, 156; домъ, 120; колъ, 321, 330; люлька, 104; молотъ, 86, 87, 91, 116; море, 333; мужъ, 333; повозка, 51; сошникъ, 200; стойло, 210; столбъ, 333; телега, 100, 107; треногъ, 86; цѣпь, 319; человѣкъ, 21; шестъ, 147, 176; шлемъ, 200; ящикъ, 21, 122.
желѣзо, 20, 26, 35, 44, 113, 121, 334.
жемчужина, 246.
жеребенокъ бѣлый, 62; золотой, 252; сивый, 63; соловой, 62; черный, 63.
жеребецъ, 155; сивый, 56, 63, 71.
жеребята, 160.
животворная вода, 22, 218.
жилы человѣческія, 26.
жужубъ, 144.
журавль, 39, 44.
жучій тамъ, 84.

Замбы-дзанданъ, зандапъ, зандынъ, дзанданъ см. дерево.
зандынъ красный, 14.
западные тэнгерины, 51, 52, 56—58, 88, 111.
запахъ, 25, 27, 39.
заяцъ, 221, 253, 254, 302, 343, 348, 354, 355; з. бѣлый, 321.
заячья губа, 342.
звѣзда, 55, 85, 198, 327; зв. красная, 327.
зеленая, ый: платокъ, 176; пуще, 193.
земля, 18; золотая, 62, 63, 74; черная, 92.
зеркало, 174, 204.
змѣй, змѣя, 26, 66, 128, 136, 161, 175, 182, 212, 221, 296, 320, 324, 325, 337, 343, 350, 354, 355.
змѣиный: глазъ, 342; тамъ, 84.
знамя, 203, 305, 326; бѣлое, 274.
зола, 26, 43, 140, 192, 211, 325.
золотая, ое, ой: барабанъ, 71, 107; браслетъ, 224; ведро, 43, 186; верблюдъ, 160; ворона, 297; вѣнецъ, 224; горшокъ, 331; жеребенокъ, 252; земля, 62, 63, 74; ковшъ, 26, 186; кокуръ, 279; колъ, 213, 299, 331; кувшинъ, 224; лука, 308; лукъ. 308; лягушка, 350; мельница, 45, 83; перстень, 213; попугай, 185; приколъ, 336; серьга, 31; столбъ, 331; столъ, 76; теленокъ, 252; труба, 293, 294.
золото, 3.
зотбо (бородавка), 332.
зэгэтэ-аба, 69.

Игла, 18, 36, 150, 223, 294, 330.
изваяніе, 286.
изломанный чайникъ, 183.
изюбрь, 328.
индеръ (чуд.), 337.
ней, 53.
иноходецъ, 51, 100, 107.
ирей, 244.

Камбакъ, 382.
каменная, ое, ый: баба, 311; изображеніе, 91, 92; батаръ, 91; тамъ, 90, 91, 116; человѣкъ, 286.
камень, 17, 30, 40, 42, 193, 232, 297, 384; к. бадмаракъ, 174; бѣлый, 45, 60, 62, 65, 66, 70, 282; джада, 352; красный, 61; ок, 203; черный, 71, 99, 103, 104, 130; шамиръ, 216.
караванъ, 11, 241.
караманъ, 296.
каре-лысая лошадь, 310.
карій конь, 51, 308.
карпъ, 254.
катаны, 336.
кергесъ, 384.
кипящая вода, 156.
китаецъ, 21, 25, 68, 69, 176, 183, 229.
китаны, 336.
клубокъ, 73.
ключъ (родникъ) 88, 193.
кнутъ, 46, 60, 80.

Digitized by Google

кобыла, 38, 41; вороная, 321; пѣгая, 79, 80; саврасая, 133.
ковшъ, 26, 43, 144, 385; золотой, серебряный, 186.
коза, 141; бѣлая. 202, 205.
козелъ, 194, 239, 242; бѣлый, 203.
козлуха, 181.
козодой, 324.
козуля, 208; бѣлая, серебряная, 45, 83.
коку буху, 158.
колесница, 210, 219.
колесо, 222, 337; огненное, 41.
колодезь, 147, 155, 162, 175, 204, 205, 211, 383.
колоколъ, 298.
колонна, 249, 252, 332.
колчанъ, 45.
колыбель см. люлька.
колъ желѣзный, 321, 330; золотой, 213, 299, 331; серебряный, 299.
колючка, 38, 119.
комаръ, 66.
конь, 8, 19, 21, 34, 42, 45, 109, 113, 114, 120, 125, 132, 135, 219, 319; бѣлый, 61, 219, 328; бѣлымъ-бѣлый, 78; восьминогій, 155; карій, 308; красночалый, 61; рыжій, 75; соловой, 56; сѣрый, 60; темно-гнѣдой, 58, 60, 74—76, 102, 104, 106; черный, 61; см. лошадь.
копыто, 133, 158, 301; коровье, 342.
копье, 116, 217, 226; черное, 78.
копьеце, 38.
кора пихтовая, 88.
корабль, 328.
корень судусунъ, 273.
корова, 7, 23, 38, 41, 43, 172, 181, 194, 221, 237, 295, 298, 324, 343, 355; пѣгая, 307; черная, 63, 64.
коровье копыто, 342.
коровья голова, 341.
коршунъ (тасъ), 343.
костеръ, 90, 95, 232.
косточки изъ фруктовъ, 150.
костыль, 328.
кость, 30, 40, 43, 183, 184, 188, 190, 219; кость бабка 115; плечевая, 158.
котелъ, 164, 275, 299; черный, 63, 64.
крапива, 230.
красная, ое, ый: 74; бобъ, 156; глазъ, 329; зандынъ, 14; звѣзда, 327; камень, 61; молотокъ, 5; мысъ, 160; нить, 29; порозъ, 68, 69; струя, 324; теленокъ, 67; цвѣтъ, 208.
красно-мѣдная-серебряная-собака, 83.
красно-чалый конь, 61.
кремень, 13, 104, 106.
кровь, 114.
крокодилъ, 343.
кротъ, 44.
кувшинъ золотой, 224.
куджи, 237.
кузнецъ, 81, 82, 83, 113, 116, 276, 320.
кузнечный батаръ, 61.
кузнечный духъ, 337.
кукушка, 349.
купецъ, 11.
курдэ, 238.
курица, 221, 324, 342, 343.

Лама, 26, 32, 85, 86, 93, 182, 188, 243, 290.
лань, 222.
лебедь, 98, 208, 209, 239.
левъ, 78, 102, 115, 118, 231, 242, 310; четырехногій, 155.
легкія, 134, 135.
ледъ, 139.
летучая мышь, 127, 128, 170, 320, 325, 329, 343, 344.
летяга, 344.
лизаніе стрѣлы, 114.
лисица, 18, 19, 45, 170—173, 186, 254, 322; л. жёлто-мѣдно-серебряная, 83.
лодка, 38.
лопата березовая, 112.
лось, 328, 385.
лошадь, 4, 10, 17, 24, 34, 123, 163, 194, 221, 305, 321, 342, 343, 354, 355; бѣлая, 249, 250, 307; гнѣдая, 134; карелысая, 310; сивая, 133, 161, 162, чубарая, 338; см. конь.
лу, 177.
лука золотая, 308.
лукъ, 70, 102, 105, 134, 161, 162, 163, 306; желтый, 45.
лумбу, 16.
луна, 198, 246, 306, 315, 317, 323, 345.
львиное молоко, 238.
львица, 238.
льдина, 292.
лѣсъ, 17, 30.
людоѣдъ, 235.
люлька желѣзная, 104.
лягушка, 324, 349; золотая, 350.
лягушечій тамъ, 84.

Мангатхай, 94, 101.
мангусъ, 325.
мангысъ, 131, 134, 135, 164, 172, 229, 319.
маралуха, 120, 328.
маржанъ, 94.
матица въ потолкѣ, 37.
махачи, 235.
мачта, 169, 335.
медвѣдь, 102, 242, 320, 340.
мельница золотая, 45, 83.
мельница молитвенная, 238.
мечь, 328, 332.
мизгирь, 343.
мизинецъ, 105, 112, 122.
могила, 332, 333.
можжевельникъ, 4, 19, 23, 37, 64.
молитвенная мельница, 238.
молнія, 185.
молоко, 5, 23, 25, 80, 84, 199, 202, 205, 233, 234, 238, 241, 245, 255, 281, 340.
молоръ-эрдени, 136, 137.
молотокъ красный, 5.
молотъ, 35, 36, 332; желѣзный, 86, 91, 116.
молочное море, м. озеро, 340.
монахиня, 30.
море, 17, 21, 22, 74, 76, 109, 117, 122, 132, 133, 135, 141—143, 157, 182, 203, 204, 213, 225, 246, 277, 278, 301, 339, 331—334, 351; бѣлое, 56, 62; желтое, 56, 62, 75, 76, 94, 100, 101; желѣзное, 333; молочное, 340; синее, 56, 62; черное, 57, 63.
мори-больджумуръ, 282.
морозный тамъ, 84.
морозъ, 74, 121.
морской пупъ, 213.
морское чудовище, 114, 334.
мостъ, 150, 214, 301, 302.
мужъ желѣзный, 333.
мулъ, 164, 165; сивый, 7.
муравей, 3, 124, 350.
мутовка, 336, 386.
муха, 155; черная, 87.
мышь, 33, 175, 178, 221, 342, 343, 354, 355.
мышь летучая, 127, 128, 170, 320, 325, 329, 343.
мѣсяцъ, 316, 320, 323, 385.
мэнкивъ (чуд.), 383.
мясо, 27, 40.

Наковальня, 242, 302.
налимъ, 346.
наперстокъ, 154.
нгрва, пт. 14.
небесная стрѣла, 7.
нитки, 24, 25, 31.
ножъ, 8, 20, 152.
нора волчья, 137, 138.
нохой-баргасу, 351.
нчжунъ (драконъ), 149; нчжунъ-рэмыръ, якъ, 27.
нэйцу, пт. 14.
нямбыгъ шянцзынъ, 31.

Облава, 69.
обезьяна, 221, 229, 253, 254, 325. 342, 343, 354, 355.
овечій пометъ, 175, 177.
овца, 170, 175, 354, 355.
огненное, ый: колесо, 41; тамъ, 84.
огнивная сумочка, 160.
огниво, 104.
огонь, 43, 70, 121, 122, 158, 213, 216, 232, 238, 254.
озеро, 155, 156, 187, 189, 198, 200, 202, 205, 206, 209, 211—214, 216, 217, 223, 224, 232, 238, 246, 281, 289, 308, 309; молочное, 340.
оленуха, 135, 327.
олень, 40, 135, 162, 230, 231, 275, 324.
онгонъ-чекчегей, пт. 325, 329.
орелъ, 324, 329; бѣлый, 324.
оса, 66.
оселокъ, 342.
оселъ, 86, 87, 115, 206, 211, 214,

Digitized by Google

294, 319, 384; черный, 150; паршивый, 182, 183.
оскопленіе, 122, 218.
островъ, 225.
ось земная, 241.
отрубленная голова, 81, 82, 208, 209, 244, 248, 275, 276, 284, 285.
отшельникъ, 235, 246.
охота, 115.
очиръ, 317, 330.
ою камень, 203.

Палецъ, 346.
палецъ большой, 345.
палунъ-нготугъ, палынъ-котыгъ, камень, 30, 42.
панцырь, 121, 122.
парусъ бѣлый, черный, 218.
паршивоголовый, 119.
пастухъ, 209, 244, 282.
паукъ, 200, 203, 234, 343; см. мизгирь.
паутина, 200, 203, 234.
перевалъ, 337.
перо, 33, 47, 48, 96; перья, 103.
перстень золотой, 213.
песчаный дождь, 252, 331.
петля, 45, 60, 65, 66, 79, 80, 224.
печень, 134, 135.
пещера, 188, 190, 200, 223, 234, 235, 237, 238, 250, 287, 289, 290—292, 298, 311, 384.
письмо, 18, 135, 179.
пихтовая кора, 88.
пища одуряющая, 76.
повозка, 51.
подё (боди), 351.
подпруга, 201, 205, 238.
пожаръ, 142, 213, 238.
попугай, 184, 185.
порозъ, 194; красный, 68, 69.
портретъ, 240.
послѣдъ, 236.
посолъ, 95.
посохъ, 228, 332.
потопъ, 215, 328.
пращъ, 5.
приколъ золотой, 336.
пряжка, 211.
птица, 3, 5, 6, 9, 15, 18, 26, 29, 40, 41, 79, 80, 96, 97, 145, 148, 158—160, 205, 207, 224, 244, 321, 327; бѣлая, 5; инъ, 253; мори-больджумуръ, 282; оигонъ-чекчегей, 325, 329; тасъ, 184; цакцагай, 325.
пугало, 320.
пуговица, 46, 60, 80.
пунце, 193.
пупъ, 126, 162; Алтая, 332; земли, 332, 385; морской, 213; неба, 324, 332.
пурьву, 242.
пчела, 9, 43, 66.
пѣгая, ій; кобыла, 79, 80; корова, 307; ягненокъ, 188, 189.
пѣтухъ, 354, 355.
пятнадцатиголовый, 94, 95
пятно родимое, 28.
пять боговъ, 117; лебедей, 98.
пятьдесятъ пять тэнгэриновъ, 46, 51, 52, 56—59, 68, 91, 111.

Радуга, 163.
ракшаса, 229.
ратовище, 214.
ргуръ-тэнкэръ, пт. 3.
ребро, 33.
ремень, 27.
рога, 13, 139, 158, 199, 233, 236, 237, 255, 348, 383.
рука, 227.
рсанъ, 37; см. санъ.
рта-бунгу, 4.
рыба, 29, 180, 226.
рыжій: быкъ, 238; конь, 75.
рѣка, 13, 41, 138, 139, 209, 213, 214, 222, 278.
рѣшето, 43, 197.
рябчикъ, 118.

Сабля, 112, 128, 226.
саврасая кобыла, 133.
садакъ, 160.
самбава, 235.
сандальное дерево, 206, 220.
санъ, 4, 19, 134; см. рсанъ.
сборный сѣрый холмъ, 134.
свинья, 205, 221, 342, 343, 354, 355.
семилѣтняя дѣвочка, 324.
семимѣсячный, 113.
семислойное небо, 385.
семь, 83, 120, 145, 170, 185, 243, 290; ангировъ, 243, 245, 383; богатырей, 123, 124; братьевъ, 82; воровъ, 319; вѣдьмъ, 325; глазъ, 324; головъ, 82, 83, 320; горъ, 24, 39; деревъ, 145; долинъ, 39; дѣвицъ, 30, 218, 339; женъ, 213; кузнецовъ, 81, 82, 320; ламъ, 243, 245; лисицъ, 322; лумбу, 16; лѣтъ, 20, 31, 245, 246; начальниковъ бугра, 107, 109; овецъ, 170; птицъ, 184; пугалъ, 321; рѣкъ, 39; саженъ, 157; слоевъ, 162; желѣзныхъ столповъ, 333; стрѣлъ, 18; ступеней, 42; стѣнъ, 120; сыновей, 81, 273, 290; тэнгэриновъ, 46; усовъ, 339; хошуновъ, 290; чашекъ, 83; человѣкоядцевъ, 7; человѣкъ, 321; чертей, 186; чиновниковъ бугра, 108; шаговъ, 181; юношей, 218.
семьдесятъ: верблюдовъ, 69; возовъ, 71, 72; дней, 68; жеребятъ, 160; коровъ, 172; лѣтъ, 45; семей, 273; стрѣлъ, 45; телятъ красныхъ, 67; цвѣтовъ, 91; шкуръ коровьихъ, 134, 161.
семьдесятъ два, 38.
семьсотъ альбиновъ, 56.
сердце, 132, 133, 158, 159, 161, 205, 234, 250, 256, 325; с. быка, змѣи, коровы, 161.
серебряная, ое, ый: барабанъ, 71, 107; ведро, 43, 186; ковшъ, 186, козуля, 45, 83; колъ, 299; столбъ, 46—48, 58, 71, 72, 74; столъ, 76; стрѣла, 113; цѣпь, 45.
сестры, 45, 60, 76, 77, 87, 101.
серьга, 31.
сивая, ый: быкъ, 143, 158, 159, 201—203, 205; жеребенокъ, 63; жеребецъ, 56, 63, 71; лошадь, 133, 161, 162; мулъ, 7.
синее, ій, яя: альбинъ, 56; вошь, 57; море, 56, 62; шкура, 180, 181.
сито, 324.
скала, 22.
слеза, 57, 80, 136, 309, 317, 342.
слонъ, 206, 231, 253.
слѣдъ, 64, 76, 101, 141, 300, 301, 340.
слюна, 57, 189, 312.
снѣгъ, 12, 41, 64, 65, 70, 342.
собака, 6, 29, 38, 41, 42, 45, 118, 151, 158—160, 176, 184, 205, 221, 230, 284, 294, 305, 310, 327, 328, 340, 351, 354; красно-мѣдная-серебряная, 83.
собака-тайга, 171.
собачья шкура, 153.
сова, 128, 244, 344.
солнце, 198, 315—317, 320, 339, 345.
соловой жеребенокъ, 62; конь, 56; меринъ, 244.
сорока, 14, 18, 31, 39, 42, 64, 89, 98, 118, 129, 349.
сорокъ: батаровъ, 110; шейховъ, 295.
сорокъ девять дней, 306.
сорокъ четыре тэнгари, 46.
сорочье платье, 157.
сосна, 216.
сосокъ, 255; с. земли, 217.
сошникъ желѣзный, 200.
старикъ: бѣлоголовый, 141; бѣлый, 328.
стеклянный городъ, 153, 317; дворецъ, 178.
сто альбиновъ, 56, 62.
сто восемь суме, 232.
стойло желѣзное, 210.
столбъ, 232, 332; желѣзный, 333; золотой, 76, 331; серебряный, 46—48, 58, 71, 72, 74, 76.
струя красная, 324.
стрѣла, 12, 18, 22, 23, 39, 40, 43, 49, 50, 63, 64, 70, 98, 102, 112, 116, 174, 179, 227, 230, 234, 300, 306, 307, 317, 321, 327, 345; небесная, 7; серебряная, 113; черная, 49; лизаніе стрѣлы, 114.
субурга, субурганъ, 205, 238, 252, 332, 335.
судусунъ корень, 273.
сука, 157; черная, 63, 84.
сумка, 333; огнивная, 160.
сурокъ, 207, 345, 346.
сыбыръ, 335.
сывыръ, 335.
сынъ, 229, 328.
сѣверные цари, 59.
сѣдло, 8, 21, 70.
сѣро-пестрый жаворонокъ, 64.
сѣрый: волкъ, 115; конь, 60.
сюлюгай, 386.

Digitized by Google

Тайга (лѣсъ), 88.
тайга-собака, 171.
тама, тамъ (адъ), 84, 90, 91;—альбиновъ, 92; вшивый, 85, каменный, 90, 91, 116.
тарханъ, 245, 276, 320.
тарчукъ, 169.
тасъ, пт., 184.
ташихунь, 286.
телега, 232, 310; желѣзная, 100, 107.
теленокъ золотой, 252.
телята, 66.
темно-гнѣдой конь, 58. 60, 61, 74—76, 102, 104, 106, 109.
тетеря, 68, 69.
тетива, 132—328.
тигръ, 13, 15, 16, 33, 163, 174, 182, 194, 207, 221, 226, 287, 289, 305, 342, 343, 353, 355.
толи, 174.
томъ, звѣрь, 32.
тополь, 119.
топь, 31.
трезубецъ, 217.
треногъ желѣзный, 86.
трехголовый, 246.
три, 46—48, 51, 76, 101, 133, 235, 341 ,328; барана, 92; бочки, 49; брата, 44, 131, 274, 300; бурхана, 73; быка, 89; бѣлосеребряныхъ дворца, 107; взгляда, 41; волоса, 176; гвоздя, 329; головы, 246; горы, 14, 15, 16, 44, 116; дагине, 133; дерева, 39, 143, 155; дороги, 63, 64; доспѣха, 45, 109; дочери, 161, 286; дѣвицы, 39, 160, 161, 226; дяди, 73; желудка, 92; женщины, 132; зайца, 12; заклада, 154; зандына, 236; извобря, 328; иноходца, 51, 100, 107; кисти, 29; колокольца, 2 9; коровы, 295; красавицы, 14, 15; куджи, 237; ламы, 72, 73, 85, 86, 93; лука, 105; лумбу, 16; людоѣда, 235; мальчика, 68; маралухи, 120, 328; монастыря, 14; неба, 333; нити, 29; оленухи, 327; оленя, 328; пера, 47; 48; пещеры, 250; посла, 51, 52; птицы, 14; раза, 12, 63, 74, 76, 158, 159; родника, 133; рѣки, 41; сандальныхъ дерева, 133; сестры, 45, 60, 76, 77, 87, 89, 101, 296; скалы, 204; собаки, 29, 328; стѣны, 31; суме, 254; сутокъ, 53, 92, 276; сына, 44, 46, 52, 56, 58, 59, 205, 206, 328; тэнгэрина, 46; угодья, 182; хана, 221; царства, 56; царя, 16, 21, 28, 44, 54, 57, 63, 71, 95—99, 103—106; чашки, 12; человѣка, 22; щепотки земли, 92; юрты, 140.
тридцатидвухголовый, 163, 164.
тридцать волшебствъ, 85.
тридцать три батара, 60, 61, 74, 78, 79, 82, 89, 90, 91, 93, 96, 98, 99, 101, 109, 111; тэнгэрина, 60, 254.
тринадцать волшебствъ, 73, 79, 80, 103, 104, 108, 111; горъ, 133, 134, 161; сѣверныхъ царей, 59; узловъ, 60, 65, 66, 79, 80; царей, 74.
триста человѣкъ, 70.
тростникъ, 234, 351.
труба винокуренная, 346; золотая, 293, 294.
тулунъ, 29.
тульху, 177.
туманъ, 53; желтый, 93.
тыква, 217.
тысяча восемь, 36.
тысяча три, 55, 56, 58, 66.
тяга земли, 333.

Ужъ, 337.
узелъ, 46, 60, 65, 66, 79. 80.
укрюкъ, 281.
усунъ-буха, 348.
усъ, 339.
усѣченная голова см. отрубленная.
ушастый народъ, 384.

Фазанъ, 22.

Хамхакъ, 178.
харабсаръ, пт. 79, 80.
харà-маҥысъ, 132.
хата, мышь, 33.
ходжугуръ, 304.
хортолъ, 194.
хорекъ; 348.
хорыгъ, пт. 14, 15.
хуръ (муз. инстр.), 152, 153.

Цаганъ эрдэни, 207.
цагцагай, пт. 325.
цвѣтокъ, 225, 256, 316.
центръ земли, 333,
цзурхайчи, 204.
цѣпь, 35; жилѣзная, 319; серебряная, 45.

Ча, пт., 29.
чаугунцза (монахиня), 167.
чашка, 83.
червь, 144, 210; шелковичный, 217.
червячій тамъ, 84.
черепаха, 350.
черепъ, 221.
черная. ое, ый, 246; альбинъ, 56; баранъ, 92; верблюдъ, 161; ворона, 89, 90; воронъ, 87, 95, 96, 325; вошь, 57; глина, 34; гора, 44, 51; дерево, 60, 62, 85, 90; желѣзная повозка, 51; жеребенокъ, 63; земля, 92; змѣя, 26; иноходецъ, 100, 107; камень, 61, 71, 99, 103, 104, 130; книга, 46; конь, 61; копье, 78; корова, 63, 64; котелъ, 63, 64; кузнецы, 81, 82, 83; лошадь, 34; море, 57, 63; муха, 87; нитки, 24, 25; оселъ, 150, 182, 183; парусъ, 218; стрѣла, 49; сука, 63, 64; тэнгэрины, 46; человѣкъ, 161; цвѣтъ, 247; шуба, 34.
чернолицый человѣкъ, 161, 310.
четки, 18, 117, 169, 194, 222.
четыре, 113; альбина, 92; стороны свѣта, 75.
четырехногій левъ, 155.
читкуръ, 137, 193.
чончонъ, 241.
чубарая лошадь, 338.
чубузга, 383.
чудовище, 149, 244, 246, 256, 316, 324; ч. индеръ, 337; ч. морское 114, 334.

Шагай (кость), 115, 116.
шамиръ камень, 216.
шарь-цзурхайчи, 220.
шелковая нить, 31.
шелковичный червь, 417.
шелкъ, 211.
шерсть, 73, 151, 229, 274, 275.
шестъ желѣзный, 147, 176.
шесть, 179, 229; братьевъ, 147; деревьевъ, 147; лошадей, 321; ногъ, 385; товарищей, 145; человѣкъ, 179; эльбичи, 392.
шиди-шяра, пт. 26.
шкура: верблюжья, 158; коровья, 161, 228; синяя, 180, 181; собачья, 153.
шлемъ 8; желѣзный, 200.
шолмо, 138.
шуба, 27, 34.
шулма, шулмусъ, 186, 251, 297.
шямъ, звѣрь 29.

Щенокъ желтый, 95—97, 153.

Эльбичи, 322.
эрдэни, 83—85, 129, 207, 222, 223, 341.

Юрта, 325.

Яблоко, 253, 290.
ягненокъ, 184, 188, 189.
якъ, 27, 33, 37.
яма, 43, 158, 209, 277, 289, 291.
ячмень, 3; горячій, 8, 119, 124.
ящикъ желѣзный, 21, 122.
яйцо, 124.

Digitized by Google

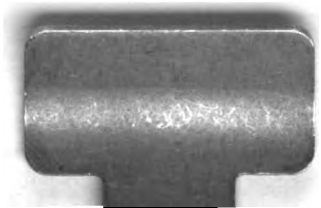
ОПЕЧАТКИ, ЗАМѢЧЕННЫЯ ВО II-мъ ТОМѢ.

Страница.	Строка сверху.	Напечатано.	Должно быть.
5	14	Шянбѣ	шянбѣ
15	32	Чжарчсэй	Чжарсэй
18	3 и 5	Тугла-сургэръ	Тугла-сэргуръ.
22	17	шюкеръ	шюкуръ
46	20	Тисонъ-	Писонъ-
52	6	Сэгэнъ-Сэбдэнъ-	Сэгэнъ-Сэбдэкъ-
55	38	алхинъ-тэнгэринами	Халхинъ-тэнгэринами
56	1	Хадъ-Тюрмасъ-	Ханъ-Тюрмасъ
81	21	кузнепъ	кузнецъ
90	42	тамъ	
114	31, 32 и 35	Яшке	Іешке
117	40	Джампудвину	Джампудвипу
139	3	обращзется	обращается
149	37	иджунъ	иджунъ
159	26	дѣвицамъ!	дѣвицамъ,
198	14	золу тоже	золу, тоже
228	11	Еженъ-ханъ	Еджснъ-ханъ
229	2	Мандзу-шара-бычинъ	Мандзу-шара бычинъ.
270	2	Дэрисунъ-	Дэрисунъ-
280	11	Русъ	Русь
287	11 и 41	Дайтонгъ-гола	Да-тунъ-гола
291	32	Дайтунгъ-гола	Да-тунъ-гола
317	32	Басинъ	Басынъ

4272 X
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google

PENN STATE UNIVERSITY LIBRARIES
A0000323865908
Digitized by Google